

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ СХІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХІ.

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1908

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
ЯНВАРЬ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1908 г.

СТРАЧ.

I. Екатерининскій колоссъ. Историческій романъ. I — IX. Н. А. Энгельгардта	7
II. Записки сенатора К. И. Фишера . I—II.	43
III. Поиски протодіакона. Разсказъ изъ духовнаго быта. И. Н. Потапенко	71
IV. Былые дни и годы. I—III. С. И. Васюкова	109
V. Убийство графа Милорадовича. Разсказъ его адъютанта А. П. Башудцаго	132
VI. Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. А. В. Жиркевича	165
VII. Литературные объѣды. (Изъ моего литературнаго архива). П. И. Вейнберга	177
VIII. На вольныхъ митингахъ. (Изъ провинціальныхъ настроеній). Н. Н. Оглоблина	186
IX. Новая народная сказка о «Крамолѣ». Сообщилъ Д. К. Зеленинъ	209
X. Эпоха реформъ. (Историческіе очерки). I—VII. Б. В. Глинскаго	214
иллюстрація: 1) Перо, которымъ Александръ II подписалъ указъ объ освобожденіи крестьянъ.	
XI. Юбилей К. К. Арсеньева . В. Е. Рудакова	243
иллюстрація: 1) К. К. Арсеньевъ .	
XII. Звенигородъ и Саввинъ монастырь. (1407 — 1907). П. А. Россіева	258
иллюстраціи: 1) Видъ Звенигорода. — 2) Верхній посадь въ Звенигородѣ. — 3) Соборъ на «Городкѣ» въ Звенигородѣ. — 4) Красная башня съ церковью св. Алексѣя. — 5) Саввинъ-Сторожевскій монастырь. — 6) Соборъ въ Саввинъ-Сторожевскомъ монастырѣ. — 7) Скитъ въ Саввинъ монастырѣ.	
XIII. Въ свободной землѣ. (Отъ Ванкувера до Нью-Йорка). I — XVII. Н. Д. Федорова	274
иллюстраціи: 1) Зданіе правительственныхъ учрежденій въ Викторіи (на островѣ Ванкуверѣ). — 2) Деревья великаны въ Ванкуверскомъ паркѣ. — 3) Прибрежная дорожка въ Ванкуверскомъ паркѣ. — 4) Алскія ворота (ущелье рѣки Фразеръ). — 5) Подъемъ къ станціи Ледникъ. — 6) Уголокъ Изумруднаго озера (Аметистовая гора). — 7) Станція Ледникъ. — 8) Главная улица въ Виннипегѣ. — 9) «Скала грома» на Верхнемъ озерѣ.	
XIV. Критика и библіографія	309
1) Великій князь Николай Михайловичъ . Московскій Некрополь. Томъ первый. (А—I). Спб. 1907. В. Рудакова . — 2) В. В. Глинскій . Борьба за конституцію (1812—1861 гг.). Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908. м. к—ва. — 3) Т. Соколовская . Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія (XVIII и первая четверть XIX столѣтія). Спб. 1907. А. Миронова . — 4) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича . Т. III, вып. 4-й. Спб. 1907. с. ш. — 5) И. С. Вѣляевъ . Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій. Со снимками устава и полуустава, азбуки, отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ рукописей, заставокъ и заглавныхъ цвѣтныхъ буквъ, вязи бѣлорусскаго письма. М. 1907. А. и Яцимирскаго . — 6) М. М. Пришвинъ . Въ краю неугаженныхъ птицъ. Очерки (См. слѣд. стран.).	

Выговскаго края. Изд. Девриена. Спб. 1907. Дм. Зеленина.—7) Павель Сижони. Памятники стариннаго русскаго языка и словесности. XV — XVIII ст. Выпускъ Н. Спб. 1907.—8) В. Сиповскій. Пушкинь. Жизнь и творчество. Спб. 1907. Н. Лернера.—9) В. Покровскій. А. П. Чеховъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1907. А. Фомина.—10) А. Н. Пышинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изданіе второе. Спб. 1907. Л.—11) Н. Гутьяръ. И. С. Тургеневъ. Юрьевъ. 1907. А. Ф.—12) Г. Г. Савичъ. Новый государственный строй Россіи. Спб. 1907. в. г.—13) А. И. Логоцкій. На поворотъ. Спб. 1907. И. Ал—рова.—14) В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. Спб. 1907. и. г.—15) В. А. Апушкинь. Мищенко. Изъ воспоминаній о русско-японской воjnѣ. Спб. 1908. л. н.—16) Слободзанинь, М. На культурной работѣ. Очерки и воспоминанія. Спб. 1908. В. Кузнецова.

- XV. Заграничныя историческія новости (и мелочи) 335
 1) Францискъ I —2) Лэссингъ.—3) Жина Мирабо. — 4) Золотая посредственность на тронѣ.—5) Новооткрытыя неизданныя письма королевы Гортензии въ императору Александру I.
- XVI. Смѣсь 361
 1) Семидесятилѣтній юбилей И. Е. Забѣлина.—2) Юбилей Г. К. Градовскаго. — 3) Юбилей Н. Н. Златовратскаго. — 4) 50-тилѣтній юбилей прот. Д. Н. Соколова. — 5) Юбилей Николаевской академіи генеральнаго штаба.—6) Чествованіе К. Ф. Хартуляри. — 7) Императорское военно-историческое общество.—8) Открытіе Аксаковскаго общества.—9) Въ обществѣ любителей древней письменности. — 10) Въ лигѣ образованія. — 11) Академическая библиотека русскаихъ писателей.—12) Артиллерійскій музей. — 13) Исторія ордена св. Георгія.—14) Извѣщеніе о созывѣ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей обществъ народныхъ университетовъ и другихъ просвѣдительныхъ учрежденій частной инициативы.
- XVII. Некрологи 375
 1) Вертъ, Э. А.—2) Гескетъ, С. Д.—3) Жуковскій, Ю. Г.—4) Илинскій, П. А. — 5) Ильяшевичъ, В. Я. — 6) Марковъ, С. В. — 7) Мердеръ, И. К.—8) Орловъ, В. С.—9) Петровскій, И. А.—10) Ружковскій, М. Г.—11) Философевъ, Д. А.
- XVIII. Замѣтки и поправки 382
 1) По поводу статьи «Хищеніе башкирскихъ земель». Владимира Константиновича Боборыкина. — 2) По поводу статьи «Малайина свадьба». Степана Ефремова.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Михаила Андреевича Милорадовича.—2) Въ вихрѣ великой революціи. Историческій романъ Андре Терье. Переводъ съ французскаго А. М. Бѣлова. I—IV.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей
 Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе Чтеній состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 25 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные строки. Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древнерусской письменности. Подписная цѣна за годъ 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно приобрести изданія Общества за прошлые годы, значащіеся въ каталогѣ, бесплатно доставляемомъ желающимъ.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1908 году

(ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1908 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать восемь лѣтъ (1880—1907).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“, и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ГРАФЪ МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ МИЛОРАДОВИЧЪ
(Съ миниатюры, принадлежащей великому князю Николаю Михайловичу).

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ.

Историческій романъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Моць Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознестъ твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?

Державинъ.

ГРОМНАЯ, исполненная разительныхъ противорѣчій личность великолѣпнаго князя Таврическаго, несомнѣнно, занимаетъ центральное положеніе въ двойственномъ, внѣшне блестящемъ и счастливомъ царствованіи Екатерины Великой. Среди фаворитовъ гениальной и самолюбивой женщины Потемкинъ, самъ человекъ гениальный и безумно честолюбивый, являлся какъ бы на особомъ положеніи, какъ бы «сверхъ-фаворитомъ», хотя и этого Голіаа въ концѣ концовъ легко повалилъ камень клеветы изъ пращи придворной интриги вовсе не гениальный Платонъ Зубовъ.

Мнѣнія современниковъ о Потемкинѣ крайне противорѣчивы. Кн. М. М. Щербатовъ, въ извѣстной его запискѣ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», выдѣляетъ Потемкина изъ числа другихъ фаворитовъ единственно по обилію въ немъ пороковъ. «Можно сказать,—пишетъ Щербатовъ:—что каждый любимецъ, хотя уже и коротко ихъ время было, какимъ-нибудь порокомъ, за взятые милліоны, одолжилъ Россію (кромѣ Василь-

чикова, который ни худа, ни добра не сдѣлалъ). Зоричъ ввелъ въ обычай непомерно великую игру; Потемкинъ—властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и, слѣдственно, роскошь въ столѣ, лести, сребролюбіе, захватчивость и, можно сказать, всѣ другіе, знаемые въ свѣтѣ пороки, которыми и самъ преисполненъ и преисполняетъ окружающихъ его, и тако далъ въ имперіи. Завадовскій ввелъ въ чины подлыхъ малороссіянь; Корсаковъ приумножилъ безстыдство любострастія въ женахъ; Ланской жестокосердіе поставилъ быть въ чести; Ермоловъ не успѣлъ сдѣлать ничего, а Мамоновъ вводитъ деспотичество въ раздаяніи чиновъ и пристрастіе къ своимъ родственникамъ». Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ находился «въ случаѣ» съ 4 мая 1788 г. до 1 іюля 1789 года. Князь Щербатовъ пишетъ характеристику фаворитовъ Екатерины именно между этими датами, когда послѣдній любимецъ Семирамиды Сѣвера, Платонъ Зубовъ, не выступилъ еще на «паркетахъ придворныхъ». Этимъ временемъ открывается и нашъ романъ.

Подводя итогъ мнѣніямъ современниковъ о Потемкинѣ, А. Г. Брикнеръ говоритъ: «Баловень счастья, болѣе авантюристъ, чѣмъ патріотъ, болѣе царедворецъ, чѣмъ государственный человѣкъ, болѣе азартный игрокъ, чѣмъ герой... Въ характерѣ Потемкина соединены были совершенно противоположныя качества—добро и зло, добродѣтель и пороки, замѣчательныя умственныя способности и большіе нравственные недостатки. Онъ былъ въ одно и то же время замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ и легкомысленнымъ сибаритомъ; представителемъ всеобъемлющихъ проектовъ Екатерины и своенравнымъ, корыстолюбивымъ аферистомъ. Въ немъ были соединены геніальность и сила и слабость, героизмъ и фанфаронство, идеализмъ и цинизмъ, культурная утонченность и тупое варварство, гуманность и кичливое самолюбіе, умъ и сумасбродство».

Сегюръ писалъ о Потемкинѣ: «Иногда онъ обнаруживалъ геній орла, иногда легкомысліе ребенка». «Въ немъ есть много исполинскаго, романтическаго и варварскаго», сказалъ о немъ принцъ де-Линь. Во время осады Очакова принцъ де-Линь сравнивалъ Потемкина то съ Терситомъ, то съ Ахилломъ. Такая пестрота качествъ Потемкина, смѣшеніе грандіозныхъ чертъ великаго и низкаго даютъ самый благодарный матеріалъ контрастовъ для кисти художника. И уже въ могучей самобытной поэзіи Державина великолѣпный князь Таврическій—екатерининскій колоссъ—изваянъ разительными ударами рѣзца. Олицетворивъ счастье Потемкина, его сказочно-пышную жизнь, шумную славою, роскошью празднествъ въ образѣ «алмазной горы» водопада, которая сыплется— «съ высотъ четырехъ скалами», а «жемчугу бездна и серебра кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми», «отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,

далече ревъ въ лѣсу гремитъ», Державинъ развиваетъ истинно романтическую картину всесокрушающей мощи временщика въ разгонѣ удачи:

Сѣдыя пѣна по брегамъ
 Лежитъ клубами въ дербиxъ темныхъ;
 Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
 Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ;
 О, водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
 Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Всесокрушающая сила водопада ломаетъ въ куски сосны, стираетъ камни въ пески, а «сковать ли воду льды держаютъ, какъ пыль стеклянна испадаютъ».

Нѣмцы именно прозвали Потемкина—«der Furst der Finsterniss», т. е. «князь тьмы», но тьма въ жерлѣ могущественнѣйшаго екатерининскаго водопада это тьма творческаго хаоса бродящихъ силъ самого народа, который «въ Европѣ грады бралъ, трясъ троны, ломалъ мечи, давалъ короны, могущею своей душой», народа, театромъ подвиговъ котораго былъ Понтъ Эвксина, народа въ историческомъ движеніи его на Востокъ; къ свободному морю. Потемкинъ былъ вдохновленъ и вынесенъ этимъ народнымъ стремленіемъ. Огромны, какъ сама его натура, пространства, которыя онъ приобрѣлъ Россіи. Но это потребовало неисчислимыхъ затратъ жизнями и милліонами. Народъ изнемогъ къ концу этихъ подвиговъ и вмѣстѣ съ запавшимъ приливомъ — низринулся и Потемкинъ. Онъ «палъ среди степей», и Державинъ изображаетъ съ гениальной силой это трагическое паденіе колосса, къ которому «счастье оборотило вдругъ хребетъ съ свирѣпымъ смѣхомъ» (выраженіе изъ другой оды Державина).

Но, кромѣ изнеможенія народа, замѣченнаго наконецъ Екатериной, по исчисленію правителемъ дѣлъ свѣтлѣйшаго Поновымъ дефицита въ пятьдесятъ пять милліоновъ (дефицитъ этой цифрой равный заявленному Неккеромъ въ 1789 г. французскимъ генеральнымъ штатамъ), бывшаго слѣдствіемъ грандіозной карьеры Потемкина, кромѣ интриги Платона Зубова, можно подозревать и таинственную, иностранную руку. Потемкинъ какъ бы открываетъ собою рядъ роковыхъ личностей, посягавшихъ на *dominium magis* и колоніи Альбіона и, непостижимо счастливо для послѣдняго, погибавшихъ. Потемкинъ, Людовикъ XVI, Павелъ I, Наполеонъ Бонапартъ... Это сопоставленіе покажется необыкновеннымъ. Но, вчитавшись въ обстоятельства ихъ дѣятельности и гибели, приходишь къ убѣжденію, что такое сопоставленіе имѣетъ несомнѣнныя основанія. Читателей, которые пожелали бы болѣе обстоятельно познакомиться съ покушеніями Людовика XVI, Наполеона Бонапарта и императора Павла I на *dominium magis* и на индійскія колоніи Англій, въ связи съ общей политикой этихъ

государей, отсылаемъ къ нашему «предисловію» къ книгѣ «Царевубійство 11 марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ» (Изданіе второе, дополненное еще и нашимъ «послѣсловіемъ», Спб. 1908).

Узнавъ о кончинѣ Потемкина, Я. Сиверсъ, бывший новгородскій губернаторъ, проживавшій тогда въ своемъ имѣніи въ Лифляндіи, писалъ къ одному родственнику: «Такъ его нѣтъ болѣе въ живыхъ, этого ужаснаго человѣка, который шутилъ когда-то, что станетъ монахомъ или архіепископомъ. Онъ умеръ; но какимъ образомъ? естественною ли смертью? или, быть можетъ, Провидѣніе нашло орудіе мести? или это была молдавнская горячка? — даръ страны, которую онъ повергъ въ несчастіе и надъ которою онъ хотѣлъ царствовать?» Уже то характерно, что Сиверсъ ставитъ такіе вопросы.

За два вѣка петербургскаго періода русской исторіи геніальнымъ русскимъ людямъ вообще никогда не проходили даромъ услуги, оказанныя родиной расширеніемъ ея сухопутныхъ и морскихъ границъ. Не прошло, быть можетъ, это даромъ и Потемкину.

Если не ядъ, то интрига хуже яда окончила его, пережившій рядъ фаворитовъ, «случай» у престарѣлой и усталой монархини... Скажемъ кратко: Потемкинъ палъ отъ соединенія четырехъ причинъ — отъ старческаго расслабленія Екатерины, отъ пятидесятипятимилліоннаго дефицита, отъ Платона Зубова и отъ недовольства Англіи и боязни ея дипломатовъ, что рано или поздно Потемкинъ завладѣетъ Константинополемъ и проливами. Какой при этомъ употребленъ былъ ядъ — духовный или матеріальный, конечно, выяснить нельзя, да и не все ли равно? Потемкинъ понималъ значеніе соглашенія съ Англіей въ вопросахъ восточной политики Россіи и движенія ея къ Черному морю. Въ письмѣ къ Безбородкѣ 30 іюля 1783 г. Потемкинъ совѣтовалъ: «Союзъ съ Англіей, который чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ полезнѣе Россіи... намъ нужна морская держава... нужно намъ снабдиться флотомъ». Въ 1790 г. Потемкинъ совѣтовалъ императрицѣ сблизиться съ Англіей посредствомъ торговаго договора. Онъ понималъ отлично, что Россія не въ силахъ воевать съ Англіей. Но вѣдь именно потому онъ стремился къ морю и заводилъ флотъ. Англіискіе дипломаты это отлично понимали.

Если ходили одно время слухи о громадныхъ суммахъ денегъ, истраченныхъ лондонскимъ кабинетомъ, чтобы подкупить князя или имѣющихъ на него вліяніе приближенныхъ, то, съ другой стороны, говорили, что самъ Потемкинъ предоставилъ значительную сумму денегъ русскому посланнику въ Парижѣ, чтобы подкупить краснорѣчіе графа Мирабо и заставить его содѣйствовать разрыву между Франціей и Англіей. А это значило пытаться склонить революцію, сначала начатую въ пользу Филиппа Орлеанскаго, въ сторону интересовъ графа Прованскаго (будущаго Людовика XVIII)

и заставить послѣдняго противодѣйствовать Орлеанамъ и стоявшей за ними Англии. Послѣдней было о чемъ беспокоиться. Дипломатъ Гаррисъ еще въ 1779 г. доносилъ, что Потемкинъ «заразилъ» Екатерину «греческимъ проектомъ» возстановленія Византійской имперіи. Осенью 1783 года Грейгъ составилъ записку о нападеніи на Дарданеллы; къ ней Потемкинъ прибавилъ нѣкоторыя замѣчанія. Не только крымскія дѣла, но и всѣ части турецкой монархіи обращали на себя вниманіе Потемкина. Онъ зналъ обо всемъ, что происходило въ дунайскихъ княжествахъ и на Кавказѣ. Всеюду онъ имѣлъ своихъ агентовъ. Герцогъ Рипелъ писалъ въ 1790 году: «Положеніе Потемкина превосходитъ все, что можно вообразить себѣ въ отношеніи къ могуществу безусловному. Онъ царствуетъ во всемъ пространствѣ между горами Кавказа и Дунаемъ и раздѣляетъ власть императрицы въ остальной части государства».

Но штурмъ Измаила, открывшій предъ Россіей ворота къ Царьграду, очевидно, показалъ англійской дипломатіи размѣры опасности. «Нѣтъ возможности найти человѣка болѣе лѣниваго, небрежнаго, болѣе равнодушно относящагося къ дѣламъ», доносилъ лордъ Уитвортъ (Whitwort) герцогу Лидсу (Leeds) о Потемкинѣ въ 1791 году... Отношенія между Россіей и Англійей были натянутыя, а Потемкинъ, прибывъ послѣ взятія Измаила въ Петербургъ, «озадачилъ» Уитворта «безцеремонностью». Эта безцеремонность дорого стоила Потемкину. Значеніе его вдругъ упало. Онъ былъ почти сосланъ — «незапно палъ среди степей» присоединенной имъ къ Россіи области; умеръ, и смерть его сопровождало злорадство враговъ и почти моментальное забвеніе дѣлъ его. Графъ Эстергази писалъ: «Многіе, какъ слышно, весьма довольны разрушеніемъ этого колосса». А столь же язвительный, сколь и мелочный, Ростопчинъ: «Смерть совершила свой удачный ударъ. Великій мужъ исчезъ; объ немъ сожалеютъ, кромѣ разочарованныхъ лицъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ, развѣ только гренадеры его полка, которые, лишаясь его, лишились привилегіи воровать безнаказанно. Что касается меня, то я восхищаюсь тѣмъ, что день его смерти положительно извѣстенъ, тогда какъ никто не знаетъ времени паденія Родосскаго колосса».

Въ нашемъ романѣ, захватывающемъ событія 1789—1791 гг., мы старались отразить личность великолѣпнаго князя Таврическаго и пеструю фарандолу лицъ и событій, которая вилась вслѣдъ за нимъ и около него и державной его покровительницы. Екатерининскій колоссъ—мѣрило величія арены, на которой свершаетъ свое историческое дѣло русскій народъ. Такой колоссъ, какъ Потемкинъ, могъ быть и не въ одни Екатериныны дни. Но, кажется, только въ Россіи, протянувшейся на двѣ части свѣга, связавшей собою Западъ и Востокъ, только въ Россіи, при самодержавіи ея властелиновъ, возможна карьера, подобная карьерѣ Потемкина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ долину Днѣпра.

Было ясное утро въ началѣ мая мѣсяца 1789 года. Гвардіи секундъ-майоръ Павелъ Корнильевичъ Радожицкій, числившійся въ Бѣлорусскомъ драгунскомъ полку, ѣхалъ на ворономъ жеребцѣ поемной днѣпровской долиной. Его сопровождалъ вѣрный пожилой слуга и берейторъ Митрофанъ.

Время стояло чудное. Въ сверкающей небесной лазури лишь легкими волокнами плыли испаренія. Распудренный, тщательно одѣтый въ общедворянскій мундирный кафтанъ, въ кружевныхъ манжетахъ и жабо, въ трехрогой плоской шляпѣ, украшенной бѣлымъ плюмажемъ, съ драгоценной по отдѣлкѣ рукояти шпагой на боку, молодой человекъ шагомъ пробирался по узкой дорожкѣ, любясь цвѣтущимъ лугомъ, слушая птичьи посвисты и съ наслажденіемъ вдыхая бурное, но теплое и ароматное весеннее волненіе воздуха.

Радожицкій ѣхалъ въ Великіе Холмы — имѣніе сосѣда, графа Мелина. Старый вдовецъ проживалъ чрезвычайно уединенно съ прелестной своей дочерью, графиней Анной. Его огромный домъ-дворецъ издали темнѣлъ крышами и сверкалъ окнами за вершинами парка, надъ Днѣпромъ.

Масонъ, членъ московскаго «благотворительнаго рыцарства», погруженный въ ученія изысканія, графъ почти безвыходно пребывалъ въ богатѣйшемъ своемъ книгохранилищѣ и химическомъ кабинетѣ, предаваясь нѣкоторымъ важнымъ опытамъ.

Дворяне Могилевскаго намѣстничества толковали, что онъ тамъ снимаетъ съ дождевой воды радугу и кипятитъ ее въ надеждѣ отыскать философскій камень.

Впрочемъ, трудно было имъ судить о занятіяхъ графа, когда тотъ и самъ ни къ кому не ѣзжалъ, и никого изъ сосѣдей не пускалъ и на порогъ.

Исключеніе составлялъ отецъ молодого гвардейца, отставной полковникъ, старый боевой товарищъ графа. Съ нимъ Мелинъ вмѣстѣ нѣкогда служилъ подъ знаменами Румянцева-Задунайскаго.

Живое урочище, Днѣпръ отдѣлялъ помѣстье полковника Радожицкаго Хорошенки отъ огромныхъ маетностей стараго графа Мелина. По отцу же была и сыну честь. Проживая подъ отчей кровлей въ отпуску, молодой человекъ отцомъ своимъ былъ представленъ

графу, и масонъ принялъ въ немъ особенное участіе. Павелъ Корнильевичъ сталъ постоянно бывать въ Великихъ Холмахъ, терпѣливо выслушивая наставительныя рѣчи старца. Рѣчи были нѣсколько темны, продолжительны и скучноваты; многое оставалось непонятнымъ молодому секундъ-майору, но все же онѣ произвели глубокое впечатлѣніе на него важностью разъясняемыхъ истинъ и основныхъ вопросовъ жизни. Графъ давалъ молодому человѣку книги для прочтенія на французскомъ и русскомъ языкѣ. И книги были скучноваты и темноваты. Тѣмъ не менѣе онъ усердно читалъ ихъ.

До тѣхъ поръ Павелъ Корнильевичъ, проходя гвардейское поприще въ Петербургѣ, вращался преимущественно въ средѣ блестящей придворной молодежи, легкомысленныхъ преторьянцевъ, искателей случая и фортуны, поклонниковъ удачи и благъ земныхъ. Въ этомъ кругу принято было поверхностное насмѣшливое вольтерьянство. Щеголяли кощунствомъ.

Правда, узда приличія, условная честь мундира и принятія въ порядочномъ кругу нѣкоторыя правила предостерегали ихъ отъ многого, но въ виду лучшаго достиженія успѣха на ристалищѣ честолюбія показная сторона ихъ жизни не мѣшала безнравственности пускаемыхъ тайно въ ходъ пружинъ. Хотя они читали Плутарха, но подражали древнимъ героямъ болѣе въ ихъ порокахъ. Считая себя отъ рожденія отмѣченными для счастья и всякихъ льготъ, ждали отъ жизни вѣчнаго праздника. И подлинно, вѣчный праздникъ, язвическій, безпутный, чудовишно роскошный, находили они въ открытыхъ для званыхъ и незваныхъ домахъ фаворитовъ и вельможъ Екатерины. Символомъ вѣры приняли они строфы вышедшей тогда оды Державина «На счастье» и постоянно ихъ твердили, не замѣчая сарказма и презрѣнія къ современникамъ, въ нихъ скрытаго:

О ты, великомощно Счастье!
 Источникъ нашихъ бѣдъ, угѣхъ...
 ...Сынъ время, случая, судьбины,
 Иль недовѣдомой причины,
 Богъ сильный, рѣзвый, добрый, злой!
 На шаровидной колесницѣ,
 Хрустальной, скользкой, роковой!..
 Слети ко мнѣ, мое драгое,
 Серебряное, золотое,
 Сокровище и божество!
 Слети, причти къ твоимъ любимцамъ!
 Я храмъ тебѣ и торжество
 Устрою, и вездѣ по крыльцамъ
 Твоимъ разсыплю я цѣфты;
 Возжгу куренья благовоны
 И буду ѣздить на поклоны,
 Гдѣ только обитаешь ты.

По скромности поведенія, по сохраненной съ дѣтскихъ лѣтъ религіозности, Павелъ Корнильевичъ могъ почитаться рѣдкимъ исключеніемъ среди сверстниковъ-гвардейцевъ. Однако все, что онъ услышалъ отъ стараго графа Мелина, было ново для него. А дочь масона, графиня Анна, была прелестна, какъ нѣжнѣйшая, лучшая роза его сада, въ блескѣ перваго весенняго расцвѣта.

Всадникъ подъѣхалъ къ мосту, приходившемуся противъ нижняго парка графскаго дворца. Каменный, узкій, старинный мостикъ тремя смѣлыми арками на столбахъ выгибался надъ сверкавшими водами.

Миновавъ мостъ, Павелъ Корнильевичъ пришпорилъ добраго жеребца и, въѣхавъ въ боковую проѣзжую аллею парка, черезъ распахнутыя чугунныя ворота, проскакалъ подъ трепетнымъ сводомъ кленовъ, цвѣтущихъ каштановъ и серебристыхъ тополей, съ которыхъ летѣлъ нѣжный пухъ, словно снѣгомъ устилаая аллею. Въ глубинѣ парка, среди куртинъ и боскетовъ, мелькнуло бѣлое платье.

Онъ зналъ, что то графиня Анна, что она видитъ его и слѣдитъ за нимъ издали, а потому пустилъ въ дѣло все свое наѣздничье искусство, чтобы истымъ рыцаремъ проѣхать мимо красавицы.

II.

Старый розенкрейцеръ.

Графъ принялъ молодого человѣка сейчасъ же по докладѣ лакея въ пудреномъ парикѣ, чулкахъ и башмакахъ. Но самое хожденіе лакея съ докладомъ черезъ рядъ залъ и гостиныхъ въ отдаленный кабинетъ графа и возвращеніе оттуда потребовало добрыхъ двадцать минутъ. Потомъ пришлось проходить всѣ эти пустынные безмолвные и великолѣпные покои.

Очевидно, дворецъ строился въ расчетѣ на совершенно иную жизнь, чѣмъ та, которую велъ теперь вдовый графъ-мистикъ. Дворецъ и видѣлъ иные дни и иную жизнь, когда жива была супруга графа, извѣстная красавица. Портреты ея и по поясъ, и во весь ростъ, писанные лучшими живописцами Европы и представлявшіе ее то въ видѣ пастушки среди сельскаго пейзажа, то богиней красоты, среди рѣзвющихся амуровъ, то задумчиво склонившейся надъ арфой, висѣли повсюду.

Графъ былъ вдвое старше своей красавицы-жены, и внезапная кончина ея, въ расцвѣтѣ жизни, именно и была причиной погруженія его въ мистическія таинства розенкрейцерства. Еще десять лѣтъ тому назадъ эти покои оглашались звуками менуэта, залы наполнялись толпами разодѣтыхъ гостей, на обширномъ дворѣ

трубили рога доѣзжачихъ, устраивались охоты, катанья по Днѣпру, увеселительныя прогулки. Графъ съ супругою былъ частымъ гостемъ фаворита Зорича, проживавшаго въ мѣстечкѣ своемъ Шкловѣ и проводившаго дни въ непрестанныхъ пирахъ и праздникахъ. Теперь меланхолическое молчаніе царило въ покояхъ графскаго дворца, и даже присутствіе подростшей и расцвѣтшей дочери не нарушало монашескаго въ немъ обихода. Графъ воспитывалъ дочь въ правилахъ своего ордена. Онъ много съ ней путешествовалъ, когда еще графиня Анна была подросткомъ. Они посѣтили Англію, Голландію, Швейцарію, Парижъ. Но вездѣ предметомъ ихъ вниманія были одни музеи, книгохранилища, красоты природы. И общество, въ которомъ графиня Анна, одѣтая мальчикомъ, появлялась съ отцомъ, состояло изъ ученыхъ, почтенныхъ, краснорѣчивыхъ, изящныхъ, добродѣтельныхъ, но томительно скучныхъ благотворительныхъ старцевъ...

Павель Корнильевичъ достигъ, наконецъ, сумрачнаго, огромнаго кабинета розенкрейцера. Стѣны его были увѣшаны большими аллегорическими картинами мистическаго и теософическаго содержанія. Двѣ арки, полузанавѣшенныя тяжелыми бархатными драпировками, вели изъ глубины кабинета въ библіотеку, гдѣ на шкапахъ высились бюсты великихъ людей и на полкахъ громоздились ряды фоліантовъ, и въ лабораторію со сводами, химической печью, перегоннымъ кубомъ, колбами и ретортами на столахъ. Ъдкій запахъ кислотъ съ запахомъ книжной пыли фоліантовъ проникалъ въ кабинетъ, и эту затхлую атмосферу не могло одолѣть вѣяніе весны изъ открытаго въ цвѣтники окна, у котораго сидѣлъ старый графъ.

Длинные сѣдые волосы лежали на его плечахъ. Характерныя, крупныя черты лица исполнены были важности и глубокомыслія. Онъ былъ закутанъ въ широкихъ складкахъ чернаго одѣянія, напоминавшаго мантию средневѣковыхъ алхимиковъ. За окномъ благоухали безчисленные разнообразныя цвѣты роскошнаго партера. Но на столикѣ около графа стоялъ только бокалъ и въ немъ цвѣтущая вѣтка акаціи.

Возлѣ лежалъ золотообрѣзный волюмъ Сенъ-Мартена «О заблужденіи и истинѣ».

— А, милый юноша! Вы съ собою вносите въ сумрачную келью старца улыбку сіяющаго солнца!—сказалъ графъ въ то время, какъ Радожицкій, придерживая шпагу, отвѣчивалъ ему еще у дверей низкій поклонъ.—Но и въ груди старца горитъ лучъ весны божественной! И надъ нимъ сіяетъ безсмертное солнце предвѣчнаго ума!

— Графъ, я пріѣхалъ откланяться вамъ,—сказалъ Павель Корнильевичъ:—полкъ мой выступаетъ въ походъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ разсѣянно старикъ, указывая ему на золоченый стулъ противъ вольтеровскихъ своихъ кресель.

Я, впрочемъ, уже подумалъ о васъ и давно приготовилъ письма, могущія оказать вамъ пользу.

Павелъ Корнильевичъ принялся благодарить графа.

— *Passons!*!—сказалъ старикъ.— Воспользуемся послѣдними минутами предъ отбытіемъ вашимъ въ армію для краткаго повторенія нѣкоторыхъ важныхъ истинъ, мною вамъ преподанныхъ. Вотъ удивительное твореніе,—продолжалъ графъ, указывая на Сень-Мартена.—Но многіе ли его уразумѣли?

Павелъ Корнильевичъ, тщетно пытавшійся уже уразумѣть удивительное твореніе, сокрушенно вздохнулъ.

— Справедлива сія пословица: *legere et non intelligere est negligere* (читать и не разумѣть есть небреженіе),—продолжалъ старый розенкрейцеръ.—Удивительно, что и между нами большая часть не видятъ того, что могли бы они видѣть, если бы имѣли ясныя очи. Не видятъ ли всѣ люди, исключая слѣпыхъ, безпрестанно предъ очами своими Богомъ сотворенную натуру? Но что жъ большая часть изъ нихъ въ ней видятъ?

— Ничего или очень мало,—осмѣлился отвѣтить Радужицкій.

— Да... Нѣтъ... Какъ вы сказали?—переспросилъ графъ, любившій самъ отвѣчать на свои вопросы и прерванный въ теченіи мыслей.—Да... да... очень мало или совсѣмъ ничего. Что видитъ,—строго воззрившись въ юношу и поднимая большую, желтоватую, съ перстнями на тонкихъ, иссохшихъ пальцахъ руку, продолжалъ масонъ,—что видитъ большая часть людей во всеобщемъ питіи воздуха, безъ коего ни единое тѣло не можетъ пребыть? Что видитъ большая часть людей въ праматери всѣхъ вещей, водѣ, которую и самъ Духъ Святый въ первоначалии ко осѣненію себя избралъ? Что видятъ въ ея дѣвственной дочери, въ матери нашей землѣ, которая толь многія вещи произвела и понынѣ внизу все носитъ, питаетъ, пріемлетъ, обрабатываетъ и даетъ?

— Да, питіе воздуха, это... это...—пробормоталъ гвардеецъ.

Но старый розенкрейцеръ уже не слышалъ его, разгораясь. Сѣдые волосы его нимбомъ стали вокругъ изборожденнаго морщинами чела, глаза сіяли вдохновеніемъ во впадинахъ подъ косматыми бровями и, казалось, созерцали философическое солнце, плывущее передъ ними на волнахъ міроваго эюра.

— Многіе ли познаютъ непостижимое всемогущество Всевышняго чрезъ дѣла Его?—воскличалъ старецъ.—Многіе ли примѣчаютъ мужескій и женскій образъ вышняго и нижняго, наружнаго и внутренняго, содержимый челоуѣкомъ въ себѣ и на себѣ? О, чудное твореніе! О, Создатель сего чуднаго творенія, великій Архитекторъ вселенной! И люди искажаютъ въ себѣ и на себѣ чертежъ отраженія твоего!

Павелъ Корнильевичъ видѣлъ вдали, въ глубинѣ парка, за цвѣтниками вѣющее бѣлое платье. Ему хотѣлось поскорѣ полу-

чить рекомендательныя письма и пойти къ юной красавицѣ. Но рѣчь старика текла неудержимымъ потокомъ.

Наконецъ онъ утомился и умолкъ, закрывъ глаза. Но на зарумянившемся лицѣ старца и изрытомъ лбу его еще играло отраженіе продолжавшейся внутренней работы мысли и чувства.

— О, премудрое, преблагое, всевысочайшее, безначальное существо!—прошептали уста старца, и выраженіе свѣтлаго, тихаго покоя разлилось въ чертахъ его.

Протекло нѣсколько мгновений молчанія. Только изъ сада неслось птичье щебетаніе, да шмель гудѣлъ, влетѣвъ въ окно и сердито перебирая цвѣты акаціи.

Розенкрейцеръ открылъ глаза и, замѣтивъ на лицѣ Радужицкаго застывшее выраженіе ожиданія, проницательно улыкнулся.

— Да, милый юноша, мнѣ должно снабдить васъ кое-чѣмъ. .

Онъ всталъ и, подойдя къ пузатому шкапчику на ножкахъ съ инкрустаціями и живописью дверецъ, нажалъ пружинку и вынулъ изъ выскочившаго ящика письма.

— Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій назначается командующимъ всѣхъ войскъ русскіихъ. Сіе еще не состоялось, но состоится. Я же дамъ вамъ письмо къ графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому. Вы еще застанете его въ Жижѣ. Посѣтите сего великаго мужа и это письмо передайте. Въ томъ сыщете себѣ великую пользу, хотя изъ подлости и раболѣпства нынѣ всѣ его и оставили, жужжа въ переднихъ у Потемкина. А вы тому не подражайте. Вотъ это письмо отдадите вы въ Яссахъ мастеру ложи «Марса», артиллеріи генералъ-майору Петру Ивановичу Мелессино. Достойнѣйшій братъ! А это вручите въ Могилевѣ правителю канцеляріи намѣстника, достопочтенному Семену Ивановичу Гамалѣ. Высокій, въ таинства природы глубоко погруженный умъ! Ну, довольно съ васъ!— улыбаясь, заключилъ старикъ.

— Графъ, вы мой благодѣтель,—сказалъ гвардеецъ, впрочемъ, совершенно равнодушно, запрягывая письма за широкій обшлагъ кафтана:—я обязанъ вамъ вѣчною признательностью.

— Я отецъ вашъ, дорогой юноша, —сказалъ графъ, принимая его въ объятія.—Я духовно родилъ васъ!

И онъ подставилъ ему щеку, по которой катилась слезинка, для поцѣлуя.

Юношѣ стало совѣстно этого великодушнаго и благороднаго старика, такъ мало чувствовалъ онъ себя проникнутымъ его духовными наставленіями. Онъ попросилъ позволенія откланяться графинѣ Аннѣ.

— Хорошо! хорошо! ступайте къ ней въ садъ!—указывая въ окно на бѣлое платье, все рѣявшее среди боскетовъ, сказалъ старикъ.

И онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ сталъ напѣвать старую масонскую, столовую пѣсню «апрентивовъ»:

Frères et compagnons
De la Maçonnerie,
Sans chagrin jouissons
Des plaisirs de la vie!¹⁾

III.

Новая Элоиза.

Едва Павелъ Корнильевичъ вышелъ въ благоухающіе цвѣтники, бѣлое платье скрылось среди зеленыхъ боскетовъ парка. Пестрый цвѣточный коверъ, подобранный съ необычайнымъ вкусомъ французомъ-садовникомъ, нѣжился, осыпанный солнечнымъ блескомъ. Рои бабочекъ трепетали надъ партеромъ. Струя фонтана посрединѣ поднималась изъ пасти тритона, на спинѣ котораго сидѣла мраморная nereida; образуя въ воздухѣ прозрачную водяную полусферу, струя безчисленными брызгами падала въ бассейнъ. Радуга играла на водяной пыли; теплый вѣтеръ налеталъ и относилъ ее облакомъ на цвѣты. Тысячи брызгъ загорались брильянтами, осѣдая на нѣжныхъ лепесткахъ. Драгоценныя южныя, цвѣтущія деревья въ большихъ кадкахъ, съ высокими штаблами и кроной, подрѣзанной въ видѣ шара, куба, треугольника, вынесенныя изъ оранжерей, стояли симметрично между клумбами.

Молодой гвардеецъ миновалъ цвѣтники и вступилъ въ лабиринтъ цвѣтущихъ куртинъ и прохладныхъ боскетовъ. Но среди ихъ зеленыхъ стѣнъ онъ не нашелъ той, которую искалъ. И весь паркъ съ аллеями старыхъ липъ и кленовъ былъ пустыненъ. Павелъ Корнильевичъ догадался, что найдетъ графиню въ Розовомъ Храмѣ Любви. То была бесѣдка въ концѣ парка. Она помѣщалась на вершинѣ искусственнаго холма, и дорожка къ ней вела среди дикихъ камней и колючихъ кустарниковъ. Но сама бесѣдка съ куполомъ на колоннахъ вся обсажена была цвѣтущими розами, посрединѣ на пьедесталѣ два мраморныхъ амура. Одинъ высоко держалъ надъ головой пламенникъ. Другой опустилъ, и факелъ потухалъ въ клубахъ дыма. То было изображеніе любви и смерти. Изъ бесѣдки открывался прекрасный видъ на всю днѣпровскую долину. И виденъ былъ на противоположной ея сторонѣ домъ Радожицкихъ въ Хорошенкахъ.

¹⁾ Братья и товарищи по каменщичеству, будемъ пользоваться безъ угрызевій наслажденіями жизни.

Въ самомъ дѣлѣ красавица сидѣла здѣсь. Бѣлое легкое платье воздушно облегалo ея стройный станъ. На дѣвственно круглившейся груди накинута была косынка. Въ бѣлокурыхъ волосахъ ея, рассыпавшихся каскадомъ локоновъ, приколата была бѣлая роза. На шеѣ былъ золотой крестикъ. Она читала маленькую книжку. Когда раздалися шаги молодого человѣка, нѣжный пурпуръ окрасилъ ея щеки, грудь всколебалъ невольный вздохъ, и она медленно обратила къ нему полуприкрытыя длинными рѣсницами глаза. Гвардеецъ на мгновеніе остановился, прижимая къ сердцу треугольную свою шляпу, и отвѣсилъ низкій поклонъ. Краска ярче залила ея лицо. Она улыбнулась. Павелъ Корнильевичъ вошелъ въ бесѣдку. Графиня Анна указала ему мѣсто на противоположномъ концѣ мраморной скамьи.

— Будучи въ кабинетѣ почтеннаго батюшки вашего,—скромно началъ гвардеецъ,—издали видѣлъ я васъ, графиня, въ боскетахъ. Пошелъ по слѣдамъ вашимъ. Все пустынно. Наконецъ, здѣсь васъ вижу среди розъ. Вы простите смѣлость мою, что нарушилъ ваше уединеніе!

— Я здѣсь читала,—въ замѣшательствѣ сказала графиня Анна. Голосъ ея прозвучалъ сладостной гармоніей для юноши. Никогда, кажется, не видѣлъ онъ дѣвушку столь прелестной, какъ въ это ясное, весеннее, ароматное утро.

Вѣтеръ мягко налетѣлъ на бесѣдку и всклубилъ кудри графини, легкую ткань ея воздушнаго платья, заколебалъ листьями и, сорвавъ нѣсколько лепестковъ розъ, бросилъ ихъ къ ногамъ красавицы.

— Что же вы читали, графиня?—спросилъ Павелъ Корнильевичъ, нѣсколько придвигаясь ближе къ дѣвушкѣ.

Она молча протянула ему томикъ.

— «Julie ou la nouvelle Héloïse, lettres de deux amants!»—прочиталъ заглавіе Радужицкій.—«Юлія или новая Элоиза, переписка двухъ любящихъ»,—повторилъ онъ по-русски. Славный романъ Жанъ-Жака Руссо.—Что же вы читали, графиня?

— То письмо, когда Сень-Прё уѣзжаетъ въ плаваніе кругомъ свѣта,—отвѣчала дѣвушка.

— Ахъ, знаю! Je pars, chère et charmante cousine, pour faire le tour du globe... Позвольте прочесть сей образцовый морсо?

Дѣвушка кивнула головкой. Блѣдность вдругъ разлилась на ея щекахъ, и глаза затуманились. Она подперла прекрасной рукою голову и мечтательно смотрѣла вдаль.

«Я ѣду, дорогая и прелестная кузина, кругомъ свѣта,—читалъ полнымъ чувства голосомъ Павелъ Корнильевичъ.— Я поѣду отыскивать въ другомъ полушаріи миръ, который не могъ вкусить на этомъ. О я безчувственный! буду блуждать во вселенной, не находя мѣста, чтобы успокоить мое сердце; пойду

отыскивать убѣжища въ мірѣ, вдали отъ васъ... Не имѣя надежды излечиться, нужно тѣмъ не менѣе того желать, потому что это повелеваютъ... Юлія и добродѣтель. Черезъ три часа я предамся волнамъ; черезъ три дня не увижу болѣе Европы; черезъ три мѣсяца я буду въ незнакомыхъ моряхъ, гдѣ царствуютъ вѣчныя бури...»

По мѣрѣ чтенія, лицо графини Анны все болѣе блѣднѣло и глаза, упорно устремленные вдаль, становились все печальнѣе. А голосъ молодого человѣка звучалъ все смѣлѣе. Онъ еще придвинулся къ ней и читалъ, обращаясь прямо къ красавицѣ, стараясь перелить всѣ волновавшія его чувства въ слова романа.

«Adieu, charmante!—страстно произнесъ юноша.—Adieu, beauté incomparable! Adieu, pure et céleste âme! Adieu, tendre et inséparable amie, femme unique sur la terre!»¹⁾

Онъ умолкъ. И графиня Анна медленно обратила къ нему полныя печали и любви прекрасныя голубыя очи. Юноша осмѣлился осторожно взять тонкіе пальчики ея руки.

Она ихъ не отнимала.

— Какъ все это близко ко мнѣ... смѣю ли сказать—къ намъ?—проговорилъ Павелъ Корнильевичъ.—Я уѣзжаю въ полкъ, графиня, который на дняхъ выступаетъ на соединеніе съ храбрыми ея величества войсками. Я уѣзжаю, и явился проститься съ вами. Громы битвъ, кровь и смерть ожидаютъ меня или слава. Но смерть не устраситъ меня, если я только буду знать, что вѣсть о ней затуманитъ взоръ вашъ такъ, какъ его опечалила эта чувствительная страница Руссо. И слава меня не обрадуетъ, если буду знать, что съ моимъ удаленіемъ не останется въ вашемъ сердцѣ памяти о бѣдномъ смертномъ, имѣвшемъ небесное счастье созерцать всѣ ваши совершенства. Графиня Анна! въ вашемъ домѣ обитаютъ мудрость и красота. Вашъ почтенный отецъ напоилъ меня изъ кладезя высшихъ познаній. Онъ открылъ мнѣ высокія истины. Но осмѣлюсь ли повѣдать вамъ о тѣхъ чувствахъ, которыя меня сейчасъ наполняютъ? Графиня Анна, осмѣлюсь ли открыть вамъ мое сердце?...

Графиня Анна молча взяла изъ рукъ молодого человѣка томикъ Руссо. Она была блѣдна, какъ мраморъ. Дрожащими, остывшими пальцами перелистала она романъ и, подчеркнувъ розовымъ ноготкомъ нѣсколько строкъ, рѣшительно поднесла книгу къ глазамъ его и отвернулась. Павелъ Корнильевичъ прочелъ:

«Il faut donc l'avouer enfin, ce fatal secret trop mal déguisé! Combien de fois j'ai juré qu'il ne sortirait de mon coeur qu'avec la

---

¹⁾ Прости, прелестная! Прости, несравненная красота! Прости, чистая и небесная душа! Прости, нѣжная и неразлучная подруга, женщина единственная на землѣ!

vie!... Homme artificieux! c'est bien plus mon amour que le tien qui fait ton audace» ¹⁾). Прочитавъ эти строки, Павелъ Корнильевичъ поцѣловалъ страницу Руссо.

— Графиня Анна, я не смѣю вѣрить моему счастью!—сказалъ онъ.

— Его нужно еще заслужить постоянствомъ и вѣрностью!—отвѣчала графиня.

— Какъ эта рѣка,—сказалъ Радожицкій, указывая на сверкавшій среди изумрудныхъ луговъ извилистый Днѣпръ,—неуклонно стремится на югъ и не измѣняетъ теченія, такъ неизмѣненъ въ моихъ чувствахъ къ вамъ останусь и я.

Улыбка счастья озарила черты молодой дѣвушки.

— Я часто буду приходить сюда,—сказала она:—буду смотрѣть на усадьбу вашихъ добрыхъ родителей и на Днѣпръ. Я буду вспоминать все, о чемъ мы говорили здѣсь съ вами, и эти минуты, и ваше обѣщаніе. Я буду посылать съ быстрыми водами рѣки привѣтъ мой вамъ, туда, на побережье Чернаго моря, гдѣ вы будете сражаться за отечество. Сколько разъ я буду завидовать рѣчной струѣ, капли которой приближаются къ тѣмъ далекимъ областямъ! Буду желать превратиться въ такую капелку, чтобы докатиться до васъ! Когда же станутъ приходить реляціи о нашихъ побѣдахъ, буду радостно искать васъ въ спискахъ награжденныхъ государыней храбрыхъ.

— Кто знаетъ,—вздохнувъ, сказалъ молодой гвардеецъ съ невольнымъ кокетствомъ грусти и опасности,—кто знаетъ, вы, быть можетъ, въ первой же реляціи найдете меня въ спискахъ павшихъ.

— Не говорите такъ!—блѣднѣя, воскликнула графиня Анна.— Нѣтъ, вы не погибнете. Мои молитвы, моя любовь васъ охраняютъ. Будьте только неизмѣнны и всегда носите на себѣ вотъ это!..

Она достала изъ-за косынки маленькій медальонъ на лентѣ — свой миниатюрный портретъ и, надѣвъ на молодого человѣка, взяла его голову обѣими руками и поцѣловала его въ лобъ.

— Прощайте! — сказала она, поднимаясь. — Возвратитесь отличившимся и неизмѣннымъ въ своихъ чувствахъ, и тогда...

Она не договорила и, знакомъ запрещая молодому человѣку слѣдовать за собой, быстро пошла изъ бесѣдки внизъ по скалистой дорожкѣ, неся въ обѣихъ рукахъ томикъ Руссо и, словно то была большая тяжесть, склоняясь впередъ гибкимъ станомъ, причемъ золотые кудри набѣгали на ея блѣдное, прекрасное лицо.

---

¹⁾ Нужно же наконецъ признать эту роковую и слишкомъ худо скрытую тайну! (Сколько разъ я клялась, что она выйдетъ изъ моей груди только вмѣстѣ съ моею жизнью!.. Лукавый человѣкъ! Смѣлость тебѣ внушена болѣе моею любовью, нежели твою!

Проводивъ графиню Анну тоскующимъ взоромъ, мужественно перенося рѣзкую боль разлуки въ то самое мгновеніе, когда убѣдился въ своемъ счастьѣ, Павелъ Корнильевичъ, лишь только бѣлое платье въ послѣдній разъ провѣяло въ глубинѣ парка, спряталъ полученный талисманъ на груди и рѣшительно пошелъ изъ бѣсѣдки, окинувъ ее послѣднимъ взглядомъ, чтобы запечатлѣть въ сердцѣ прекраснѣйшій въ мірѣ для него уголокъ.

Опытный Митрофанъ ждалъ съ лошадьми у калитки боковой аллеи.

Взлетѣвъ, какъ перышко, въ сѣдло своего вороного жеребца Макромегаса, Радожицкій шагомъ тронулъ подъ зыбкимъ листовнымъ сводомъ аллеи. Съ серебристаго тополя летѣли хлопья сѣменныхъ пуховокъ и устилали землю словно снѣжнымъ налетомъ. Вѣяніе воздуха колебало и перегоняло нѣжный пухъ съ мѣста на мѣсто и скатывало въ легкіе, серебристые шары, бѣжавшіе подъ копыта коня. Выѣхавъ къ мосту черезъ Днѣпръ, гвардеецъ обернулся и посмотрѣлъ на зеленыя чащи парка, на крыши и окна графскаго дворца и, кольнувъ шпорой Макромегаса, поскакалъ по звонкимъ аркамъ моста и во весь духъ среди безбрежнаго простора луговъ. Онъ жадно, всей грудью пилъ бурный, теплый, ароматный и крѣпительный вѣтеръ родной долины. Въ груди его хоромъ пѣли ангелы. Въ ушахъ точно отдаленные колокола гудѣли.

IV.

Шляхетское воспитаніе.

Павелъ Корнильевичъ Радожицкій до двѣнадцати лѣтъ воспитывался у богатой бабки своей по матери. Она, кромѣ замужнихъ дочерей, имѣла еще трехъ сыновей. И всѣ они погибли въ Семилѣтнюю войну. Одинъ убитъ былъ наповаль шальной пулею, двое умерли отъ свирѣпствовавшей въ арміи заразной болѣзни, обычной спутницы тогдашнихъ войнъ. Поэтому старуха для утѣшенія старости своей взяла внучка, обѣщая сдѣлать его наследникомъ огромнаго великороссійскаго имѣнія, что свсвременно и исполнила. Она души не чаяла въ маленькомъ Павлушѣ и предоставляла полную свободу проявленію всѣхъ сторонъ его природы, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ.

Старуха была старозавѣтная, и въ домѣ ея сохранялся бытъ допетровскихъ усадебъ. И деревянное строеніе изъ матерого дуба представляло образчикъ стариннаго плотничьяго искусства, пощаженный пожарами и перемѣнами вкусовъ. Кубовидныя гонтовыя крыши, жилые чердаки, пристройки, переходы, перильца, наружныя крытыя лѣстницы съ пузатыми колонками, въ большинствѣ оконъ

еще слюда—въ цѣломъ составляли самую прихотливую картину. Внутри тоже все дышало стариной. Всюду множество образовъ древняго письма въ богатыхъ окладахъ, сверкавшихъ камнями. Потолки и стѣны расписаны сказочными цвѣтами. Огромныя изразцовыя печи въ пѣтушкахъ и грифахъ. Сундуки, деревянные кресла, тяжелые столы. Въмѣстѣ съ обстановкой сохранялись въ домѣ и старинные люди, старинныя повѣрья, сказки и преданія и воспоминанія временъ императрицъ Анны и Елизаветы.

У бабушки проживали бѣдные родственники и родственницы, были двѣ дуры, множество дѣвокъ всѣхъ возрастовъ, отъ семи до семидесятилѣтняго, собаки, ученая сорока, клесты въ клѣткахъ. Въ этомъ удивительномъ мірѣ мальчикъ жилъ полновластнымъ деспотомъ. Всѣ капризы его удовлетворялись. Онъ объѣдался пряниками съ сусальнымъ золотомъ. Онъ переболѣлъ всѣми дѣтскими болѣзнями, при чѣмъ надъ нимъ и монахи молились, и колдуны и вѣщія старухи ворожили. Воображеніе его разстроили фантастическими разсказами. Онъ вѣрилъ въ домового и видѣлъ его не разъ. За печью пищали кикиморы. Изъ лѣсу грозился Верлюка. Съ туманомъ изъ сада тянулись бѣлотѣлыя, зеленоволосыя русалки. Держали его въ душныхъ, жарко натопленныхъ, низкихъ комнатахъ, а по ночамъ зимою бабушка покрывала его мѣхомъ чернубурой лисицы, такъ что потъ крупными каплями текъ по лбу мальчика. Въ то же время физическое воспитаніе сходствовало съ системою Руссо, хотя бабка не только не читала этого краснорѣчиваго сумасброда, но едва ли знала хорошо російскую грамоту. Зимомъ иногда онъ выбѣгалъ босикомъ и въ одной рубашкѣ на дворъ рѣзвиться съ ребятами и, заоченѣвъ весь отъ стужи, забирался потомъ отогрѣваться къ бабушкѣ на жаркую лежанку; еженедѣльно его мыли и парили въ банѣ въ самомъ жаркомъ, еле сносномъ пару и оттуда въ открытыхъ саняхъ по метели возили домой съ версту. Кромѣ разныхъ примитивныхъ лакомствъ, пряниковъ печатныхъ, варенаго съ медомъ маку, груши мореной, питался онъ самой простой русской пищею, соблюдая строжайше всѣ посты, лѣтомъ объѣдаясь ботвиньей, скоромное поглощаль жирное и тяжковаримое. Но всѣ эти контрасты организмъ мальчика счастливо перенесъ, хотя, пожалуй, для него въ домѣ бабушки не менѣе представлялось опасностей, чѣмъ ея сыновьямъ на прусскихъ пескахъ и болотахъ. Къ десяти годамъ былъ онъ подросткомъ удивительно крѣпкаго сложенія, переноса, безъ вреда здоровью, жаръ, холодъ и всякую пищу; вовсе не учился; отлично лазилъ по крышамъ, деревьямъ, голубятнямъ; при малѣйшемъ противорѣчii ревѣлъ, дрался и швырялъ всякую попавшуюся подъ руки вещь объ полъ.

Бабушка наконецъ умерла. Родители взяли къ себѣ воспитаннаго ею Павлущу. Онъ оказался самыхъ дурныхъ склонностей.

Какъ скоро вставали изъ-за стола, тотчасъ обѣгалъ столъ и все, что оставалось въ рюмкахъ, выпивалъ съ жадностью; таскалъ лакомства и все похищенное клалъ подъ печку; сверхъ того былъ совершенно невѣжественъ, неловокъ, неопрятенъ, сугуловать.

Родители по совѣту знакомыхъ свезли мальчика въ Оршу, въ іезуитскій монастырь, въ конвиктъ, куда и поляки, и русскіе помѣщики наперерывъ отдавали своихъ сыновей. Конвиктомъ управляли два отца—іезуитъ Вольфортъ да іезуитъ Кацаврикъ, и оба единодушно принялись выбивать изъ бабушкина внука своеволие, лѣнь и тупоуміе, всякую недѣлю угощая его «дисциплиною»—короткой и претолстой плеткой. Въ то же время они примѣнили къ нему все методы своего искусства выворачиванія чужой души на изнанку и старались внѣдрить въ него презрѣніе къ темной вѣрѣ, или, лучше сказать, греко-россійскому суевѣрію, и благоговѣніе къ единой спасающей католической церкви и святѣйшему ея отцу.

Въ классахъ ученики раздѣлялись на двѣ части — почетную, *pars romana*, гдѣ сидѣли мальчики католики и униаты, и малоуспѣшную, *pars graeca*, гдѣ ютились православные, при чемъ съ этой части на первую переводили за прилежаніе, послушаніе и успѣхи въ видѣ награды. Все ученики, однако, безъ различія вѣроисповѣданія присутствовали на ежедневныхъ утреннихъ и вечернихъ латинскихъ службахъ, а въ кельяхъ ихъ, гдѣ помѣщались они по трое,—католикъ, считавшійся старшимъ, униатъ и православный,—весьма чисто содержимыхъ и убранныхъ съ изящной простотой, стояли статуи Мадонны и висѣли картины, изображавшія различныя сцены изъ жизни Игнатія Лойолы и святого ордена. Курсъ наукъ конвикта состоялъ изъ средневѣковаго *trivium*'а и *quadrivium*'а. Начатки французскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ, міеологии, геральдики и географіи вбивала въ Павлушу Раджицкаго усердная «дисциплина». Но лѣнь его оказалась непреодолимой для этого орудія, и онъ торжественно засѣлъ въ задней, третьей, позорной части класса — именовавшейся *terra incognita*. Благочестивыя бесѣды и прониканіе въ душу отцовъ-іезуитовъ тоже не дали плодовъ. Изъ дома бабушки Павлуша вынесъ одно положительное качество—фанатическую приверженность къ православному обряду, постамъ, стараго письма иконамъ. Лакомства онъ кралъ, но въ постный день оскоромиться никакія силы не могли бы его заставить. Къ латинству выражалъ онъ отвращеніе. Молился своему образу — Спасу Нерукотворному, благословенію бабушки на смертномъ одрѣ.

Въ конвиктѣ достаточно имѣлось натуръ, обѣщавшихъ во всехъ отношеніяхъ богатѣйшую жатву *ad majorem ordinis gloriam*, къ тому же дѣтей слали сюда наперерывъ, и Раджицкій по особой протекціи былъ принятъ сверхъ комплекта. Поэтому отцы сочли бесполезнымъ далѣе тратить благородныя труды на обработку почвы

каменистой и безплодной, и къ концу года возвратили мальчика родителямъ.

Послѣ новыхъ совѣщаній съ друзьями и знакомыми Павлушу отвезли тогда въ Смоленскъ, въ пансіонъ къ содержателю-нѣмцу Эллерту. Правду сказать, хотя нѣмецъ, въ отечествѣ своемъ бывшій сперва простымъ барабанщикомъ, а потомъ преподавателемъ искусства драться на широкихъ палахахъ, касательно наукъ, даже и на глазъ тогдашняго, неприхотливаго общества, былъ ясно мало-свѣдующъ, и вся учебная дѣятельность его учителей состояла въ «сокращенномъ», какъ онъ выражался, преподаваніи «всѣхъ наукъ» и въ принужденіи учениковъ затверживать французскія вокабулы, но зато строгостью содержалъ пансіонъ въ порядкѣ, на совершенно военной дисциплинѣ: билъ безъ всякой пощады за малѣйшія вины ферулами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сбѣкалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на три и четыре часа. Это была уже не іезуитская «дисциплина». Но російскіе родители находили, что для ихъ сыновей таковой воспитатель и потребенъ, чтобы перемѣнить злую ихъ нравственность.

Изъ учениковъ отъ такого барабанно-палашнаго воспитанія много было изуродовано, однакожъ никто не жаловался, и пансіонъ былъ всегда полонъ. Платили родители сто рублей въ годъ, на всемъ содержаніи Эллера, кромѣ платья. По тогдашней цѣнѣ денегъ это была не малая сумма. Два раза въ недѣлю былъ «танцъ-боденъ». Дѣвицы лучшихъ фамилій пріѣзжали учиться танцевать и за выучку платили по тридцати рублей. Пріѣзжали даже и взрослые, цвѣтуція невѣсты. Однакожъ и имъ спуску не было. Непонятливымъ дѣвицамъ нѣмецъ отколачивалъ пальцы о спинку стула при многолюдномъ собраніи. Такимъ образомъ танцовали съ самыми печальными лицами, при военныхъ выкрикахъ Эллера, нѣмецкихъ лающихъ замѣчаніяхъ свирѣпой его супруги, сидѣвшей въ чепцѣ съ огненными лентами, при плачевныхъ звукахъ одной скрипки, флейты и жиденъкаго клавирина, приводимыхъ въ согласіе самыми карикатурными музыкантами въ лапсердакахъ и крутыхъ пейсахъ, и при непрестанныхъ эволюціяхъ танцевальнаго учителя-француза. Хотя у многихъ дѣвицъ пальцы синѣли и распухали, но до совершеннаго изученія мѣнуэта и контраданса ни одна не прекращала посѣщенія изящнаго «танцъ-бодена». У Эллера Павлуша Радожицкій пробылъ три года. Родители его были въ полномъ восхищеніи, когда онъ вернулся къ нимъ выправленный, поправившійся, отъ вѣшнихъ по крайней мѣрѣ, пороковъ, изрядно фехтующій и танцующій, говорящій по-французски достаточно и изъясняющійся о всѣхъ наукахъ, хотя онъ говорилъ, какъ попугай, ничего не понимая, и потому вскорѣ все забылъ.

V.

Гвардейская карьера.

Тогда бѣлорусскимъ намѣстникомъ былъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, и супруга его, графиня Анна Родіоновна, урожденная Ведель, статсъ-дама государыни и фрейлина императрицы Елизаветы, покровительствовала женѣ полковника Радожицкаго. Кромѣ Кричева, который пожалованъ былъ свѣтлѣйшему, чего никакъ ему не могъ простить послѣдній фаворитъ сѣверной Семирамиды Платонъ Зубовъ, въ 1778 г. переселился въ пожалованное ему мѣстечко Шкловъ съ тридцатью тысячами душъ выбывшій изъ кратковременнаго случая генераль-майоръ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, а вслѣдъ затѣмъ, столь же недолго пользовавшійся при дворѣ успѣхомъ, Иванъ Николаевичъ Корсаковъ пріѣхалъ въ деревню Желивлъ, верстахъ въ тридцати отъ Могилева. Уступая Зоричу въ богатствѣ, онъ однако однихъ брильянтовъ и жемчуговъ имѣлъ, какъ тогда цѣнили, на 400.000 р. Въ Желивлъ стекались всѣ смоленскіе родственники его, а какъ смоленскія фамиліи всѣ между собой въ родствѣ, то съѣзжалась вся губернія. Ъзжалъ къ нему и Радожицкій, съ женою и сыномъ, съ тою цѣлю, чтобы мальчикъ началъ пользоваться обществомъ, учился нравиться обоюга пола людямъ и заслуживать къ себѣ вниманіе. Какъ ни огроменъ былъ въ Желивлѣ домъ, и какъ ни много было при немъ флигелей, но тѣснота была ужасная. Въ одной комнатѣ помѣщалось фамиліи по двѣ. Ежедневно одни пріѣзжали, другіе уѣзжали, но менѣе восьмидесяти человекъ никогда не бывало. Непрестанныя шли увеселенія, и Павлуша Радожицкій здѣсь получилъ первую обтеску.

Между тѣмъ генераль-майоръ Зоричъ въ Шкловѣ учредилъ знаменитое свое благородное училище. Радожицкимъ удалось помѣстить туда своего сына, для окончанія образованія. Здѣсь-то онъ познакомился со всею безумной роскошью вельможъ своего времени. Въ блестящей формѣ, онъ участвовалъ на торжествахъ, балахъ и обѣдахъ, на которые съѣзжались вся Бѣлоруссія, Литва, и даже польскіе магнаты и курляндскіе бароны. Жизнь проходила какъ сонъ, какъ блестящая галлюцинація. Какъ отличившійся на карусели въ Екатерининъ день, Павлуша Радожицкій привлекъ особое сочувствіе Зорича и отосланъ въ Петербургъ, въ Преображенскій полкъ; впрочемъ, онъ въ этотъ полкъ былъ по обычаю записанъ, еще находясь въ утробѣ матери, такъ что и въ паспортѣ оставался нарочный пробѣлъ, дабы помѣстить имя грядущаго преображенца. Командиръ полка, старый пріятель его отца, генераль-майоръ Николай Алексѣевичъ Татищевъ, отыскалъ Павлушу

въ спискахъ служащихъ. Оказалось, что онъ уже состоитъ въ третьей сотнѣ и числится въ первой мушкатерской ротѣ. Сейчас же произведенъ онъ былъ въ гвардіи сержанты. Будучи при ротѣ, раза два онъ дежурилъ и наконецъ записанъ въ уборные сержанты передъ Кавалергардской залой. Должность эта требовала лишь высокаго роста, красиваго лица, ловкости, а, впрочемъ, не отличалась особенною трудностью. Каждое воскресенье и большой праздникъ на выходахъ императрицы въ церковь, уборные сержанты въ римскомъ шпакѣ съ богатою серебряною арматурою и панашемъ изъ страусовыхъ перьевъ, въ панцырѣ, съ палашиами въ рукахъ стояли на часахъ у залы, куда впускали въ дворянскомъ мундирѣ всѣхъ, а въ военномъ до капитана. Между тѣмъ анфилады великолѣпно-убранныхъ залъ и гостиныхъ дворца наполнялись придворными, вельможами, высшими чинами; все это проходило мимо уборныхъ сержантовъ; за ними же располагались прочіе всѣ, какъ по должности, такъ и просто желающіе увидѣть царицу. Мундиры, шарфы, французскіе кафтаны и башмаки, букли, пудра, русскія, особеннаго покроя, платья дамъ— въ общемъ составляли блестящую картину. Гофмаршалы осматривали толпу. Ровно въ одиннадцать часовъ отворялись двери, выходили оберъ-гофмаршалы съ жезлами, шли пажи, камергеры, кавалеры, а передъ самою императрицею залитый брильянтами свѣтлѣйшій князь Потемкинъ. Государыня всегда имѣла милый, привлекательный и веселый, небесный взглядъ. И уборные сержанты замирали у дверей, зная, что мимо нихъ проходитъ «случай». Одинъ благосклонный взглядъ голубыхъ очей властительницы могъ cadaго изъ нихъ вознести на недосягаемую высоту. Но эти постоянно переживаемыя ими чувства надежды развращали ихъ юныя сердца честолюбіемъ и возбуждали въ нихъ взаимную зависть и опасенія. Къ тому же среди безчисленныхъ интригъ и «шканствъ» придворныхъ каждую минуту для нихъ представлялись всевозможныя опасности. Но юность безопасно скользитъ надъ бездною, убранной для нея цвѣтами. Можно сказать, что изъ уборныхъ сержантовъ Раджицкій отличался наиболѣе чистой и безкорыстной душой, и мысль о «случаѣ» не останавливала на себѣ его вниманія. Онъ благоговѣлъ передъ великою монархиней, но мечталъ болѣе о военной славѣ. Онъ имѣлъ въ столицѣ покровителя, руководившаго первыми его шагами при дворѣ и свѣтѣ. То былъ старый оберъ-церемоніймейстеръ Матвѣй Федоровичъ Кашталинскій, милостивецъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Петербургъ смолянъ. У него былъ одинъ изъ самыхъ лакомыхъ столовъ въ столицѣ и съѣзжались знатнѣйшіе карточные игроки. Ёзжалъ къ нему и самъ свѣтлѣйшій, ставившій всегда на карту одни брильянты. Усердныя посѣщенія дома Кашталинскаго имѣли важныя послѣдствія для уборнаго гвардіи

сержанта. По службѣ онъ успѣлъ, былъ представленъ свѣтлѣйшему, назначенъ затѣмъ съ четырьмя другими сержантами на ординарцы къ князю и наконецъ произведенъ въ секундъ-майоры. Впереди уже мелькало осуществленіе завѣтной мечты всякаго юнаго гвардейца того времени—попасть въ адъютанты къ свѣтлѣйшему. И было изъ-за чего добиваться! Вѣдь адъютанты свѣтлѣйшаго имѣли право носить всѣ армейскіе мундиры, кромѣ артиллерійскаго.

Но Павелъ Корнильевичъ не попалъ въ адъютанты свѣтлѣйшаго и даже оставилъ столицу, дворъ и дворцовую службу. Причиной была перемѣна образа мыслей его о путяхъ достиженія воинской славы.

Павелъ Корнильевичъ отправился на побывку въ свое великороссійское имѣніе, полученное имъ отъ бабушки и обезпечивавшее ему дорогую жизнь въ столицѣ съ ея необходимостью имѣть разнообразный, богатый гардеробъ, лошадей, экипажи, слугъ, угощать пріятелей и спускать время отъ времени горсть червонцевъ въ модный тогда ломберъ.

Имѣніемъ управлялъ дядя Павлуши и содержалъ его въ отличномъ порядкѣ, но въ побывку молодого секундъ-майора представилъ ему, что два года подъ рядъ бывшій неурожай и моровое повѣтріе, какъ на скотѣ, такъ и на людяхъ, сократило доходы, а потому слѣдовало бы Павлу Корнильевичу посжаться. Изъ своего имѣнія Радожицкій отправился къ родителямъ въ Могилевскую губернію, въ Хорошенки.

Отецъ его, отставной полковникъ Корнилій Петровичъ Радожицкій не выносилъ даже имени Потемкина, и въ этомъ отношеніи совершенно расходился съ супругой своей Прасковей Платоновной, тайно отъ мужа только и молившей Смоленскую Одигитрію о томъ, чтобы видѣть сына адъютантомъ свѣтлѣйшаго, что, по словамъ всѣхъ знакомыхъ ея матушекъ, являлось верхомъ благополучія и открывало прямой путь ко всѣмъ почестямъ. Но особое впечатлѣніе произвели на молодого Радожицкаго доводы бригадира Шептунова, мужа его сестры, Олимпіады Корнильевны, командовавшаго пѣхотнымъ полкомъ въ Могилевѣ.

— Что изъ того, что ты въ 20 лѣтъ секундъ-майоръ?—говорилъ бригадиръ, старшій питухъ и служака, сиповатымъ своимъ голосомъ. — Что изъ того будетъ, что поступишь въ адъютанты къ свѣтлѣйшему. Станешь ты кормить собачекъ его племянницъ да разносить записки его возлюбленнымъ! Будешь торчать на праздникахъ и балахъ! Въ лагерѣ при арміи дежурить будешь въ толпѣ другихъ адъютантовъ и шаркать ногами! Службы ты совершенно не знаешь, да такъ и не узнаешь. Разоришься только на мундиры. Будешь въ нихъ щеголять и воображать, что великій воинъ. А какой будетъ изъ тебя командиръ? Какой полково-

децъ? Порода твоя честная. Духъ въ тебѣ прямой. Въ игольное ухо ты лазить не сумѣешь. Найдутся тебя подлѣе—тѣ и ототрутъ тебя и обгонятъ. Что же ты приобрѣтешь? Разоришь только свое имѣніе. Положимъ, опредѣлишься ты въ полкъ. Но и начальниками не будешь уваженъ, и, что хуже всего, подчиненными презираемъ. Поступай лучше ко мнѣ. Учись, пока есть время, службѣ!

Родитель Павла Корнильевича всемѣрно поддерживалъ доводы честнаго бригадира.

Матушка вздыхала, но не противилась. Самъ молодой Радожицкій не могъ не сознать всей правды словъ бригадира. Онъ поступилъ въ полкъ его за прапорщика сверхъ комплекта и сталъ нести всю службу простого офицера, ходилъ въ караулы, дежурить, училъ солдатъ, мокъ на дождѣ, пекся на солнцѣ. Бригадиръ нарочно опредѣлилъ его подъ начало капитана Дрейбера, строжайшаго нѣмца, неумолимо преслѣдовавшаго малѣйшую оплошность или небрежность прапорщика сверхъ комплекта.

Открывавшаяся теперь рѣшительная кампанія противъ турокъ, потерявшихъ уже Очаковъ, застала Павла Корнильевича достаточно подготовленнымъ для прямой воинской службы. Между тѣмъ во время лѣтняго отпуска познакомился онъ съ графомъ Мелиномъ. При его содѣйствіи и по настоянію матушки перевелся онъ тогда въ драгунскій полкъ, вмѣстѣ съ прочими новыми бѣлорусскими полками въ первую голову выступавшій на соединеніе съ побѣдоносной арміей російской, уже со всѣхъ сторонъ начавшей шествіе къ театру военныхъ дѣйствій.

VI.

Бабій наборъ.

Павель Корнильевичъ, вернувшись изъ Великихъ Холмовъ, засталъ въ отцовской усадьбѣ только что приѣхавшаго изъ Могилева бригадира съ женой, Олимпіадой Корнильевной, чернобровой и румяной сестрой молодого человѣка.

Когда онъ входилъ въ гостиную, бригадиръ громкимъ, сиповатымъ голосомъ своимъ сообщалъ послѣднія новости родителю и матушкѣ.

— По вѣроятномъ отозваніи по преклонности лѣтъ фельдмаршала графа Румянцова,—говорилъ онъ,—командованіе коръ д'арме вручится генераль-аншефу князю Николаю Васильевичу Репнину; войска, дѣйствующія противъ турокъ, корпуса праваго фланга поведетъ генераль-аншефъ и кавалеръ графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, а корпусъ лѣваго фланга—генераль-аншефъ и кавалеръ Иванъ Ивановичъ баронъ Меллеръ-Закомельскій!

Корнилій Петровичъ Раджицкій, сухой, остролицый старичокъ, съ орлинымъ носомъ и пронзительными глазами, въ старомъ покроя мундирномъ кафтанѣ елизаветинскихъ временъ, съ повязкой на контуженной при взятіи города Берлина головѣ, увидя входящаго сына, крикнулъ:

— Слышишь, новости какія? Румянцовъ отзывается!

Привѣтствуя бригадира почтительнымъ поклономъ и цѣлуя руку сестры Олимпіады, Павелъ Корнильевичъ подтвердилъ, что слышалъ это отъ стараго графа Мелина только что, и что все русскія войска, чаятельно, поступаютъ подъ верховное командованіе свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго.

— Графъ Румянцовъ, лаврами увѣнчанный, по преклонности лѣтъ отзывается!—повторилъ старый полковникъ.—Возможно ли это! Какая несправедливость! Это все дворскія штуки, интриганство и пролазничество низвергло сего мужа, который такъ честенъ, какъ древній Аристидъ!

— А свѣтлѣйшаго князя Потемкина нынѣшніе остроумцы съ аинейскимъ Алыцибиадомъ сравниваютъ, батюшка,—возразилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Сравни лучше съ Циклопомъ одноглазымъ,—сказалъ полковникъ.—Отозваніе графа Петра Александровича будетъ дѣломъ его искусства, если только еще состоится, потому что государыня заслуги умѣетъ цѣнить. А Потемкинъ въ стратеги великіе попалъ! Какъ же, Очаковъ взялъ, переморивъ въ землянкахъ половину войска отъ гнилой лихорадки!

— Князь Григорій Александровичъ,—опять возразилъ сынъ,—отличился еще въ первую турецкую кампанію подъ Хотинымъ. Да онъ же отличился въ сраженіяхъ при Фокшанахъ, при Браиловѣ, при Ларгѣ и Кагулѣ, поразилъ турокъ у рѣки Ольты, сожегъ городъ Цибры, взявъ множество судовъ.

— Сожегъ! Поразил! Отличился!—сердито сказалъ полковникъ.—Все вы, молодежь, отъ Потемкина съ ума сошли. Я это знаю. Онъ вашъ герой и образецъ нынѣшнихъ ристателей за фортуной. Сія богиня слѣпа, такъ подъ стать и выбрала себѣ въ любимцы одноглазаго. Но вы, молодые люди, неопытны въ колорващеніи свѣта и фейерверкъ горящій за небесное видѣніе почитаете. А я Потемкина знаю. Нашъ, вѣдь, смоленскій, шляхтичъ мелкопомѣстный. И при живой женѣ отцомъ-двоемцемъ блудно рожденъ.

Прасковья Платоновна, полная, цвѣтущая и въ осень лѣтъ сохранившая слѣды замѣчательной красоты, поспѣшила вмѣшаться въ бесѣду.

— Что было, то прошло. А нынѣ князю подарено государыней воеводство Кричевское. Это не мало, не много — пятнадцать тысячъ душъ.

— Что ему подарено, то при немъ и остается. Жалуется государыня ея воля. Да какъ и не жаловать, когда онъ, вахмистромъ гвардіи Коннаго полку, въ 1762 году на часахъ въ Ропшѣ стоялъ.

— Молчать бы объ этомъ надо, Корнилій Петровичъ!— сильно поблѣднѣвъ и опасно озираясь, сказала Прасковья Платоновна.

Старый полковникъ умолкъ, чувствуя, что въ самомъ дѣлѣ далеко зашелъ.

Онъ крикнулъ, вооружилъ носъ круглыми очками и, взявъ пакетъ съ большой красной печатью, лежавшій передъ нимъ на ломберномъ столѣ, сказалъ сыну:

— А слышь ты, сударь, Павелъ Корнильевичъ! моголевскій губернаторъ Николай Богдановичъ Энгельгардтъ письмо прислалъ. Послушай, что придумываетъ вашъ Альцибиадъ!

Онъ принялся читать письмо.

Вотъ что писалъ моголевскій губернаторъ:

«Милостивый государь мой

«Корнилій Петровичъ!

«Податель письма моего, достойный зять вашъ, будетъ, должно мнѣ думать, лучшимъ свидѣтелемъ моего къ вамъ усердія, но я не могу однакожь отказать себѣ того удовольствія, чтобы особливо не пожелать вамъ и всему почтенному семейству вашему всякаго самобысленнѣйшаго добра, а съ тѣмъ вмѣстѣ присовокупить нижеслѣдующее:

«Какъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій въ сихъ числахъ маія мѣсяца имѣетъ прослѣдовать изъ Санктпетербурха къ театру военныхъ дѣйствій на Смоленскъ, Шкловъ, Кричевъ, Моголевъ и далѣе, то имѣетъ быть въ Моголевѣ представленіе свѣтлѣйшему отъ всѣхъ сословій депутацій, въ коихъ надѣюсь я и ваше высокородіе увидать; а кромѣ сего, угодно есть генераль-фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому съ высокомонаршаго ея императорскаго величества разрѣшенія въ матернемъ попеченіи о размноженіи народа, которое и въ «Духѣ Законовъ» славнаго онаго философа господина Монтекиу почитается первѣйшею заботою мудраго правленія, предложить по всей имперіи помѣщикамъ, кои пожелаютъ воспользоваться пустопорожними въ Крыму и Новороссійскомъ намѣстничествѣ землями, на коихъ разныхъ племенъ поселятся колонисты, высылать въ жены имъ молодыхъ вдовъ и дѣвокъ.

«Во исполненіе какового распоряженія имѣете вы немедленно, буде пожелаете, слѣдующихъ по раскладкѣ губернскаго правленія трехъ душъ молодыхъ вдовъ или дѣвокъ, безъ особливаго утѣшенія подданныхъ, но по возможности вызывая бабъ и дѣвокъ до новизны охочихъ, здоровыхъ, безъ особливыхъ на тѣлѣ отмѣтинъ

и пороковъ, коихъ мѣръ выставитъ жребіемъ или какъ еще крестьяне ваши оную натуральную повинность по тягламъ разложить, представить въ Могилевъ съ понятыми и содкимъ въ восполненіе числа женска пола со всего Бѣлорусскаго намѣстничества призываемыхъ; помѣщеніе же симъ дѣвкамъ, до отправленія ихъ въ Крымъ и Новороссію отведено, за тѣснотою прочихъ казенныхъ помѣщеній, въ губернскомъ острогѣ, на полномъ и изрядномъ отъ казны довольствіи.

«Впрочемъ съ чувствомъ отми́ннаго благожеланія и искреннѣйшимъ почтеніемъ что я имѣю честь быть

«вашего высокородія

«всепокорнѣйшій и всегдашнѣйшій слуга могилевскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ

«Николай Богдановъ сынъ Энгельгардтъ».

«Послѣ пишемое: всеконечно увѣренъ, что къ прїѣзду свѣтлѣйшаго въ Могилевъ и почтенная ваша супруга, коей свидѣтельству лучшія благопожеланія, прибудеть для принятія участія въ веселостяхъ и представленіи вельможъ, милостями монархини безсчетно осыпанному, губернскихъ нашихъ дамъ; а что касается достойнаго вашего сына, то и онъ съ полкомъ dospѣеть, а дочь моя, какъ на отличнаго танцора въ разсужденіи контраданцевъ и менуэтовъ, особливую надежду на него имѣеть».

«Есмь вамъ благожелатель всегда».

Корнилій Петровичъ кончилъ чтеніе письма, сложилъ его, помѣстилъ опять въ кувертъ и, вмѣстѣ съ очками положивъ на столъ, обвелъ вопросительнымъ взглядомъ молчаливыхъ внимательныхъ слушателей.

— Кушать подано-съ!—доложилъ въ эту минуту дворецкій.

Старый полковникъ поднялся. Прасковья Платоновна взяла подъ руку бригадира, и всѣ вышли въ столовую, въ то время какъ съ противоположнаго конца ея появились прочіе домочадцы изъ бѣдныхъ родственниковъ и родственницъ.

VII.

Старое венгерское.

За ѣдою бригадиръ болтать не любилъ. Сперва, перекрестясь, выпилъ онъ помѣстительную серебряную чарку особливо имъ любимой травяной настойки отъ двѣнадцати лихорадокъ. Секретомъ составленія ея обладала Прасковья Платоновна; она передала этотъ секретъ и дочери, Олимпіадѣ Корнильевнѣ, такъ что въ домѣ бригадира въ Могилевѣ всегда имѣлся въ достаточномъ количествѣ

запасъ сего цѣлительнаго и бальзамическаго препарата. Настойка къ тому же помогала не только отъ лихорадокъ, но и отъ ушибовъ и порѣзовъ... Огненный въ ней «спиритусъ», какъ съ удовольствіемъ всегда замѣчалъ бригадиръ,—инда духъ захватывалъ и слезу прошибалъ. Въ походѣ солдату незамѣнимо!

Выпивъ, бригадиръ принялся за простыя деревенскія, но вкусно приготовленныя и изобильно поданныя снѣди.

Черная, довольно хмельная, домашняя брага и пѣнистый, шипучій напитокъ, приготовленный изъ весенняго березоваго сладкаго сока утоляли жажду, особливо возбужденную бараньимъ жирнымъ бокомъ съ кашей. Этого блюда бригадиръ попросилъ вторично.

Но по утоленіи аппетита началась бесѣда.

— Что думаешь ты, зятекъ,—спросилъ старый полковникъ,—о письмѣ Николая Богдановича? Приказъ это или иное что-либо?

— Писано хитро,—отвѣчалъ бригадиръ.

— Предложено по всей имперіи помѣщикамъ, кои пожелаютъ воспользоваться пустопорожными землями въ Крыму и Новороссійскомъ намѣстничествѣ высылать вдовъ и дѣвокъ въ жены колонистамъ... А которые не пожелаютъ?

— Думать должно, тѣ могутъ и не посылать.

— Я не желаю,—рѣшительно сказалъ полковникъ.—Что это за земли? Какія съ нихъ будутъ итти въ казну повинности? Какіе доходы? И что же—эти колонисты приписаны будутъ къ тѣмъ пустошамъ въ крѣпость? Нѣтъ, я на далекое не зарюсь. По милости предковъ моихъ и россійскихъ государей имѣю довольно около себя. То и берегу. Новороссійскія пустоши! А что тамъ есть, кромѣ лихорадокъ? Поселенныхъ надо отъ басурманъ защитить. Нѣтъ, я не желаю!

— Можетъ быть, отъ этихъ земель получится великая польза,—сказала Прасковья Платоновна:—разсказывали, что свѣтлѣйшіи степи въ цвѣтушіе сады превратилъ, города построилъ, флоты, завелъ мастерства, заселилъ, обѣменилъ!

— Обѣменилъ! заселилъ! построилъ!—сердито сказалъ полковникъ, по обычаю раздражаясь при упоминаніи о Потемкинѣ.—Въ своемъ воображеніи да на бумагахъ! Степь была—степью и осталась!

— Но сама государыня, путешествуя, видѣла! — попробовала возразить Прасковья Платоновна.

— Видѣла государыня то, что Потемкинъ ей показывалъ! Онъ—морочка, обаятель! Онъ на голой ладони дворецъ покажетъ. Да не о томъ, слышь, рѣчь! Я знать хочу—приказъ это отъ Таврическаго или такъ, разглагольствіе? Николай Богданъ на двое пишетъ: Во исполненіе распоряженія имѣете вы немедленно, буде пожелаете, представить... А если я не желаю и не представляю? Что тогда?

— Не иначе, какъ въ вѣдомости о бабьемъ по всей имперіи наборѣ отмѣчено будетъ, что вотъ такой-то, отставной полковникъ

Раджицкій, представить слѣдующихъ съ него по раскладкѣ губернскаго правленія трехъ женска пола душъ не пожелалъ,—сказалъ бригадиръ.

— А вѣдомость куда пойдетъ?

— Да, надо думать, къ правителю дѣлъ свѣтлѣйшаго, господину Попову. А онъ уже съ своей стороны князю Григорію Александровичу представить.

— Гм... гм...—размышлялъ старый полковникъ.—Можетъ быть, не я одинъ новыхъ этихъ рекрутовъ не представляю?

— Можетъ быть. Но полагаю, что такихъ окажется немного?

— Бабій наборъ! Слышанное ли это дѣло!—говорилъ раздражительно полковникъ.—Я во всей округѣ извѣстенъ, какъ справедливый помѣщикъ. Я поданныхъ своихъ не притѣсняю. А теперь ради прихоти Потемкина долженъ бѣдныхъ женщинъ и дѣвушекъ посылать въ Могилевъ. Тамъ онѣ съ воровками будутъ сидѣть, дожидаться отправки въ Новороссію и, съ позволенія сказать, осторожныхъ вшей кормить! А потомъ погонять ихъ на край свѣта, въ степи! Да онѣ и до мѣста не достигнутъ! Ихъ въ армію живо разберутъ по рукамъ.

— И разберутъ!—подтвердилъ бригадиръ.

— Что жъ Потемкинъ смотрѣть будетъ въ Новороссіи этимъ новымъ рекрутамъ дѣлать? Потѣха?

— Да, вѣдь я полагаю, Корнилій Петровичъ, помѣщики таковыхъ и бабъ и дѣвокъ выставляютъ!—замѣтила Прасковья Платоновна.—Самыхъ послѣднихъ, пьяныхъ да гулящихъ, сдадутъ. Вѣдь и въ рекруты поставляютъ парней похуже, воровъ да пьяницъ.

— У меня этого въ заводѣ нѣтъ, — сурово отвѣтилъ полковникъ.—У меня въ очередь идутъ. Я не стану ту армію, въ которой выслужилъ чинъ, дурными людьми портить.

— Да вѣдь тутъ женщины требуются! Бабій наборъ! Кто же можетъ усмотрѣть за бабой-вдовой или же дѣвкой? А если свѣтлѣйшему доложено будетъ о твоёмъ неусердіи, это Павлушѣ очень можетъ повредить,—сказала Прасковья Платоновна.

Старый полковникъ ничего не сказалъ, только сердито крикнулъ.

— Всего лучше съ Николаемъ Богдановичемъ лично посоветоваться, когда въ Могилевъ для встрѣчи свѣтлѣйшаго приѣдете,—сказала Олимпіада Корнильевна.

— Для встрѣчи свѣтлѣйшаго! Все встрѣчи да рѣчи, приѣзды да отъѣзды,—проворчалъ полковникъ.—А еще доживемъ, какъ сей Родосскій колоссъ обрушится и слава его погибнетъ съ шумомъ. И не вспомнятъ о немъ. Но полно объ этомъ. Мы съ зятюшкой еще на досугѣ подумаемъ. Скажи лучше, Павелъ Корнильевичъ, чѣмъ тебя графъ Мелинъ обрадовалъ?

— Обрадовалъ рекомендательными письмами, батюшка,—весело отвѣчалъ сынъ.

— Ой ли? покажи!

Павелъ Корнильевичъ досталъ изъ-за обшлага письма и передалъ отцу.

Перечитавъ адреса, старый полковникъ просіялъ и передалъ письма бригадиру. Отъ него онѣ пошли дальше и обошли весь столъ, побывавъ въ рукахъ всѣхъ бѣдныхъ родственниковъ и родственницъ, безмолвно до тѣхъ поръ слѣдившихъ и лишь усердно пившихъ и жевавшихъ. Всѣ качали головами и разнообразно выражали удивленіе и поздравляли молодого счастливица.

— Да благословитъ Богъ графа за милость къ намъ!—съ радостными слезами, крестясь, сказала Прасковья Платоновна.

— Да, отъ такого мужа и помощь принять лестно! Θεоктистъ!—крикнулъ весело полковникъ дворецкому, —принеси изъ погреба бутылку венгерскаго, изъ тѣхъ, что мнѣ генералъ Зоричъ прислалъ въ презентъ. Выпью за здоровье моего сына и да пошлетъ ему Богъ въ службѣ государынѣ и въ баталіяхъ счастья и удачи!

— Это славно придумано, —подтвердилъ бригадиръ. —И я за Павлушино здоровье выпью. Онъ славно у меня въ полку трудился. Въ ротѣ самъ капитанъ Дрейеръ имъ остался доволенъ. А ужъ кѣмъ Дрейеръ доволенъ, тотъ службу постигъ.

Принесена была пыльная, заплѣсневѣлая бутылка. Венгерское Зорича было еще изъ запасовъ погреба прежнихъ владѣльцевъ мѣстечка, польскихъ магнатовъ Хоткевичей, графовъ на Шкловѣ и Мыши. Густая, какъ смола, ароматическая струя полилась въ кубки.

Старый полковникъ всталъ, поднялъ кубокъ и, обращаясь къ сыну, сказалъ:

— Увѣренъ, что ты не обезчестишь родъ нашъ недостойнымъ поступкомъ. И лучше я хочу услышать, что ты убить, нежели бы себя осрамилъ; а притомъ приказываю тебѣ: ни на что не напрашиваться, а чего требовать будетъ долгъ службы, исполняй ревностно, усердно, точно и храбро. Пью этотъ кубокъ за твое здоровье и за воинскіе твои успѣхи!

— А я, любезный другъ,—сказалъ бригадиръ,—поднимаю этотъ кубокъ и пью за избранницу твоего сердца, кто бы она ни была, ибо увѣренъ,—тутъ онъ лукаво подмигнулъ Настасьѣ Платоновнѣ и женѣ своей,—что твой выборъ въ отношеніи красоты и породы и всѣхъ качествъ предмета твоего будетъ преизящентъ и преизрядентъ! Вивать!

При этомъ тостѣ Павелъ Корнильевичъ покраснѣлъ, какъ дѣвица. Матушка и сестра съ двухъ сторонъ поднялись къ нему и обняли, одна сына, единственнаго, любимаго, отъѣзжающаго въ армію подъ пули и ядра, другая любимаго брата, и цѣловали его, роняя слезы и радости объ его успѣхахъ, и скорби—о разлукѣ.

— Вивать!—повторилъ бригадиръ.

— Вивать!—подхватилъ отецъ и всѣ бѣдные родственники, хотя въ ихъ кубки не попало венгерскаго, а шипѣла тамъ домашняя бражка да игристое вино россійскихъ древъ березовыхъ. Но на венгерское они и не зарились, предпочитая запустить въ лобъ простую родную хмелину, не меньше венгерской пьяную.

А полковникъ, бригадиръ и секундъ-майоръ состукнули кубки и медленно ихъ осушили, смакуя и наслаждаясь вкусомъ и ароматомъ стараго польскаго нектара графовъ на Шкловѣ и Мыши.

VIII.

На столбовой дорогѣ.

Дня черезъ три Павелъ Корнильевичъ былъ совершенно снаряженъ къ отбытію въ полкъ. Прибывшій изъ села батюшка съ причтомъ отслужилъ молебенъ въ путь шествующему. Родитель и матушка благословили сына. Бригадиръ и сестрица, а за ними всѣ родственницы, родственники и всѣ почетные дворовые троекратно облобызались съ нимъ. Прасковья Платоновна разливалась-плакала. Старый полковникъ бодрился, кричалъ, подымалъ плечи, покрикивалъ на слугъ, но украдкой смахнулъ-таки двѣ-ри слезинки изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Походные пожитки заранѣе послали подводой въ лагерь при большой дорогѣ между Шкловомъ и Могилевомъ, гдѣ въ данное время находился драгунскій полкъ. Къ парадному крыльцу усадьбы подвели осѣдланнаго Макромегаса. Павелъ Корнильевичъ вскочилъ въ сѣдло, махнулъ треугольной плоской шляпой, въ послѣдній разъ окинулъ прощальнымъ взглядомъ родную усадьбу, домъ, службы, дубовую рощу, вишневый заросли плодоваго сада и шагомъ выѣхалъ съ широкаго «краснаго двора», сопровождаемый вѣрнымъ Митрофаномъ. Въ воротахъ еще разъ обернулся онъ, кивая остающимся. Матушка и сестра махали платками. Шагомъ двинулся онъ къ околицѣ, а затѣмъ пришпорилъ коня и поскакалъ среди безбрежнаго раздолья благословенной днѣпровской долины. Вдали показался дворецъ графа Мелина. Образъ любимой дѣвушки прорѣялъ передъ нимъ. Онъ поскакалъ быстрѣе. Скоро дворецъ остался вправо позади. Онъ мчался узкой, вьющейся въ лугахъ дорожкой. Печаль разлуки смѣнилась восторженными мечтами о будущей воинской славѣ.

Ему представлялись картины баталій, осадъ, штурмовъ. Въ ушахъ гремѣли выстрѣлы. Онъ видѣлъ себя со знаменемъ въ рукахъ впереди полка бросающимся впередъ. Видѣлъ себя награжденнымъ. Видѣлъ уже и возвращающимся съ лаврами и слагающимъ золотое оружіе къ ногамъ графини Анны. Однимъ словомъ, строилъ свойственные юности воздушные замки.

Верстѣ пять скакалъ онѣ, пока бока жеребца не залоснились отъ пота и пѣна клубами стала падать съ жаркой морды. А сзади онѣ слышалъ громкое вѣрчаніе разсудительнаго слуги, что коли этакъ скакать, то никакого коня не хватитъ. Онѣ пошелъ тише, тише и слѣдующія пять верстѣ они проѣхали почти шагомъ. Наконецъ достигли большого бѣлорусскаго тракта, великолѣпно сооруженнаго въ намѣстничество графа Захара Григорьевича Чернышева, какъ и прочія дороги края. Тѣмъ дорогамъ во всей имперіи не было подобныхъ: широкія, прямыя, ведены онѣ были черезъ лѣса, горы и буераки, съ канавами по сторонамъ, обсаженныя дубами, липами, плакучими березами. Тысячи согнаннаго народа скапывали горы и клали гати по непроѣзднымъ доламъ зыбямъ и болотамъ; мосты надѣланы прочныя, переправы безопасныя; почтовые дома обставлены были простыми, но удобными мебелями, а почталыоны были пристойно одѣты по прусскому образцу. Тяжела была дорожная повинность! Но паны роптали не на одно дѣланіе дорогъ. Подъ короной польской привыкли они къ полному своему волю. А графъ Чернышевъ принялся круто, распоряжался самовластно. Онѣ вознамѣрился привести свое намѣстничество въ образцовый порядокъ, въ чемъ, наружно по крайней мѣрѣ, и успѣлъ. Онѣ состязался съ малороссійскимъ намѣстникомъ, графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ, что было и не трудно, такъ какъ послѣдній не дѣлалъ у себя ровно ничего. Кромѣ того, графъ Чернышевъ хотѣлъ показать себя передъ Потемкинымъ, что было весьма трудно, такъ какъ свѣтлѣйшій обладалъ замыслами исполненными и фантазіей неисчерпаемой и среди голыхъ степей своего Новороссійскаго намѣстничества созидалъ цѣлую фата-моргану цивилизаціи и культуры.

Графъ Чернышевъ былъ скромнѣе.

— Хочу, чтобы мое намѣстничество уподобилось Голландіи!— говаривалъ государынинъ намѣстникъ, сидя въ залѣ присутственныхъ мѣстъ въ Могилевѣ, подъ балдахиномъ, на особыхъ креслахъ—подобіи трона, что подало поводъ ядовитому Державину сказать:

На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурныя цари!

Когда Радожицкій повернулъ съ проселка на столбовую дорогу, слухъ его поразилъ плачевный бабій вой и причитанья.

— Что бы это было? — подумалъ онѣ. — Покойника, что ли, везутъ?

Выѣхавъ на дорогу, онѣ увидѣлъ необыкновенный поѣздъ. Шагомъ, скрипя колесами, тянулось нѣсколько крестьянскихъ навозныхъ телѣжонокъ, запряженныхъ мохнатыми, замороженными, рабочими клячками. Въ каждой телѣжонкѣ сидѣло по бабѣ или

дѣвкѣ. Руки ихъ, хотя и слабо, но скручены были веревкой за спиной. Свѣсивъ ноги, рядомъ сидѣло по мужику, правившихъ коньками, поминутно чмокая и передергивая веревочныя, оборванныя и во многихъ мѣстахъ надвязанныя вожжи. Впереди поѣзда шель брюхатый благообразный старикъ съ огромной сѣдой бородой, въ грешневикѣ, въ синемъ кафтанѣ и съ высокимъ, хитро изрѣзаннымъ зарубками межевымъ жезломъ. По всѣмъ признакамъ то былъ бурмистръ. Три губернскихъ драгуна на коняхъ конвоировали поѣздъ. Толпа мужиковъ, бабъ, парней, подростковъ обоего пола провожали. Бабы-то и выли и причитали. Сзади ѣхала тройка прекрасныхъ лошадей, запряженныхъ въ крѣпкій экипажъ съ кучеромъ и рябымъ господиномъ въ картузѣ, съ кошелькомъ сзади, куда упрятаны были волосы его парика, въ кафтанѣ и ботфортахъ и съ черешневой тростью, украшенной янтарнымъ набалдашникомъ, въ рукахъ, напоминавшей нѣсколько трубочный чубукъ. Господинъ вдругъ закричалъ:

— Стой!

Поѣздъ остановился.

— Провожающіе назадъ!—крикнулъ господинъ съ тростью.

Вой, плачь и причитаніе удвоились. Провожающіе лѣзли на колеса, обнимая сидѣвшихъ въ телѣжкахъ особъ женскаго пола.

— Позвольте спросить васъ, милостивый государь,—обратился удивленный Павелъ Корнильевичъ къ рябому господину:—куда это везете вы женщинъ? Откуда онѣ и за что имъ связали руки?

Господинъ съ тростью недовольно окинулъ взоромъ вопрошавшаго и проговорилъ, отворачивая рябое свое лицо:

— А кто вы такой, государь мой, чтобы мнѣ давать вамъ отвѣты на всѣ вопросы ваши?

— Секундъ-майоръ Радожицкій!—вспыхивая отвѣтилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Господинъ Радожицкій!—вскричалъ рябой, поспѣшно поднимая картузъ надъ парикомъ и раздвигая въ улыбку лягушечій свой ротъ.

— Прошу извинить мое недоумѣніе, ибо лично, при посѣщеніяхъ вашихъ его сіятельства графа, не случилось мнѣ видѣть васъ, а любопытство вопрошающихъ на большой дорогѣ незнакомцевъ не долженъ я и даже не смѣю въ тонкомъ дѣлѣ освѣдомлять. Я главноуправляющій маестностями графа Мелина. А сін дѣвки и женщины отправляются мною въ Могилевъ во исполненіе приказа свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго о наборѣ по всей имперіи женъ колонистамъ, кои поселены въ Крыму и Новороссійскомъ намѣстничествѣ.

— Но почему же у нихъ связаны руки, какъ у преступницъ?—воскликнулъ Павелъ Корнильевичъ.— Ужели это графъ приказалъ?

— Хе-хе-хе! — фистулою захихикалъ главноуправляющій.— Графъ въ дѣла по огромнымъ имѣніямъ своимъ входитъ мало и такой мелочью можно ли было его утруждать? Я самъ распорядился связать на всякій случай. Все же рекрутки, казенное уже почти имущество. Хоть и бабій, а все же наборъ. Рекрутъ мы въ кандалахъ отправляемъ.

— Знаетъ ли графъ о томъ, что эти несчастныя отправляются въ Новороссію?

— Какъ же! При мнѣ и приказъ отъ главной конторы за подписью его сіятельства. Но вы ихъ напрасно несчастными называете. Отправляются онѣ больше по собственной охотѣ и по мірскому приговору... А коли правду вамъ сказать,—понижая тонъ и хитро прищуря свиные глазки, продолжалъ главноуправляющій,— то отправлены мною самыя что ни есть непотребныя да гулящія, солдатки и дѣвки! Имъ море по колѣно. Хоть въ Китай ихъ гони!

— Почему же провожающіе такъ вопятъ и причитаютъ?

— Обычай ихъ мужицкій!—пожимая плечами, сказалъ управитель.

IX.

Носы желѣзные.

Вглядѣвшись въ лица рекрутокъ, Павелъ Корнильевичъ удостовѣрился, что всѣ онѣ если и хныкали, то изъ приличія. Все это были лупоглазья, красныя, гулящія фізіономіи, при отъѣздѣ сильно хватившія браги. Но та, что сидѣла на послѣдней телѣжкѣ, обратила особое его вниманіе. Это была блѣдная-исхудалая, испитая дѣвушка, но съ тонкимъ, благороднымъ очеркомъ нѣжнаго личика, съ большими темными глазами. Она не плакала, но скорбь ея была неопикуема. Около телѣжки стояли: старикъ-крестьянинъ въ бѣлой свиткѣ, уныло потупившій сѣдую голову, толстая, курносая, въ яркой, рогатой повязкѣ на головѣ баба и парень.

Парень былъ безъ шапки. Русые кудри его безпорядочно вздохматились и лѣзли на глаза. Павла Корнильевича поразило мертвенно-блѣдное лицо его, блуждающій взоръ и что-то шептавшія, посинѣлыя губы.

Онъ шатался, уцѣпясь за край телѣжки, и голова его безсильно качалась на дюжей, загорѣлой шеѣ.

— Ужели и эта дѣвушка добровольно ѣдетъ?—спросилъ Раджицкій главноуправляющаго.

Тотъ нахмурился.

— По мірскому приговору и съ согласіемъ родителей!—пробормоталъ онъ и закричалъ:

— Провожающіе назадъ! Трогай!

Возницы хлестнули лошадей. Но тутъ вдругъ парень неистово закричалъ: «Стой!» и, бросившись къ телѣжкѣ, въ которой сидѣла дѣвушка, уцѣпился за поводъ. Она остановилась. Остановились и прочіе возницы, оборачиваясь на крикъ.

— Взять дурака! Оттащить его!—закричалъ управитель.

Двое мужиковъ взяли было парня за локти, но онъ оттолкнулъ ихъ и подбѣжалъ къ экипажу управителя.

— Ваше благородіе! Панокъ!—закричалъ онъ.—Ваше... Пощадите! Отпустите ее! Ваше... ваше...

— Взять его! Оттащить дурака!—свирѣпо крикнулъ управитель.

Но Павелъ Корнильевичъ положилъ ему руку на плечо.

— Человѣколюбіе графа мнѣ извѣстно,—сказалъ онъ,—и я совершенно увѣренъ, что графъ ни въ какомъ случаѣ не допустилъ бы такого явнаго притѣсненія! Очевидно, дѣвушка и этотъ парень любятъ другъ друга! И я, какъ близкій знакомый графа, не могу оставить дѣло безъ разслѣдованія?

— Да сдѣлайте милость!—осклабяясь, слащавымъ тономъ сказалъ управитель,—разслѣдуйте! А только я при себѣ имѣю мірской приговоръ и согласіе родителей!

Услышавъ заступничество незнакомаго офицера, парень уцѣпился за его стремя.

— Паничъ, заступись!—отчаянно крикнулъ онъ.—Дѣвушку берутъ! Машу берутъ! Увозятъ въ острогъ, въ чужу дальню сторону, на позоръ, на гибель! Заступись, паночку милый! Сироту обижаютъ! Заступись! Разлучаютъ! Маша! ахъ, Маша!

Слезы бѣжали изъ глазъ парня одна за другой и сверкали на солнцѣ. Онъ не помнилъ себя отъ отчаянія и горя. Макромегасъ косился на него, фыркалъ, грызъ удила, переступалъ копытами, но точно понималъ несчастнаго и сочувствовалъ ему.

Всякаго другого чужого благородный конь хватилъ бы копытомъ, если бы кто осмѣлился схватить господина за стремя.

Молодое сердце гвардейца перевернулось. Подъ впечатлѣніемъ своего счастья, объясненія съ красавицей-графиней передъ отъѣздомъ, подъ впечатлѣніемъ человѣколюбивыхъ рѣчей стараго графа, онъ вдвойнѣ почувствовалъ безчеловѣчіе совершавшейся на его глазахъ вопіющей несправедливости. Онъ долженъ заступиться за несчастныхъ, разлучаемыхъ сельскихъ любовниковъ!

Между тѣмъ бабы и мужики обступили его и парня. Поспѣшилъ на помощь главноуправляющему и бурмистръ. Одни драгуны равнодушно смотрѣли на сцену, ожидая окончанія ея.

— Допрежь сего такого закона не слыхано, чтобы женское сословіе въ рекруты брать!—послышался глухой голосъ изъ заднихъ рядовъ.

— Сиротка она,—объяснила звонко какая-то бабенка.—Ну, мачеха съ глазъ долой и сбываетъ, чтобы ея дочерямъ не мѣшала.

— А ты что знаешь? Что ты не въ свое дѣло встречаешь!—закричала мачеха дѣвушки. Она стояла, кулакомъ подпершись въ бокъ, а другой рукой то и дѣло дергала за полу бѣлой свитки старика-мужа. Видимо, онъ и жалѣлъ всею душою дочку, но только вздыхалъ и бессильно разводилъ руками.

— По царицыну указу! По княжескому приказу! По графскому желанію! По мірскому приговору! По родительскому согласію!—запѣлъ бурмистръ.

— Съ согласія, ваше благородіе, съ согласія!—звонко заговорила мачеха.—И я согласна. И старикъ мой согласенъ. Ты согласенъ, старикъ?

Старикъ только безнадежно разводилъ руками и вздыхалъ.

— Но государыня именно выражаетъ матернее свое желаніе,—сказалъ Павелъ Корнильевичъ:—чтобы наборъ колонистокъ происходилъ безъ всякаго притѣсненія, вызывая желающихъ. И графъ, добрый господинъ вашъ, конечно, не хочетъ слезъ несчастныхъ! А бѣдную дѣвушку разлучаютъ съ ея женихомъ и...

— Какой женихъ!—звонко перебила мачеха.—Какой женихъ, паночку, какой?! Нѣтъ у ней никакого жениха и не было. Кто ее возьметъ? Должна быть благодарна, что мы ее въ люди отправляемъ. Отъ царицы дѣвушкамъ и женихи будутъ, и дома, и земля, и всякое обзаведеніе. Чего же ей, сироткѣ, еще надо? А этого парня мы не знаемъ! Развѣ полюбовникъ ея? И я не знаю! И старикъ мой не знаетъ! Вѣдь ты не знаешь, старикъ? Не знаешь?—опять дергая за свитку мужа, спрашивала злая баба.

Старикъ вздыхалъ сокрушенно и разводилъ бессильно руками.

— Да надо дѣвушку спросить, охотой она ѣдетъ или неволей!—сказалъ Павелъ Корнильевичъ.

— И-и-и, паночекъ! Что еще придумалъ! Дѣвку спрашивать!—залилась мачеха.—До она Бога должна денно и ночью...

— Молчи, старая вѣдьма!—раздался изъ толпы глухой голосъ.—Стакнулась съ бурмистромъ! Да и управитель извѣстно почему сироту ссылаетъ! Къ нему на постелю не пошла!

Услышавъ это, главноуправляющій побагровѣлъ.

— Господинъ Радожицкій!—злбно сказалъ онъ молодому чловѣку.—Имѣя личный графа приказъ о доставленіи сей дѣвки въ Могилевъ, долженъ я его въ точности исполнить. А потому, хотя вы и графскій знакомый, прошу мнѣ не мѣшать и не подстрекать холоповъ къ неповиновенію. Можете сдѣлать со своей стороны представленіе графу, какое вамъ угодно, а теперь... трогай!—крикнулъ рябой.

— Стой!—опять завопилъ парень,

— Оттащить его! Связать дураку руки и отвезти въ контору! Запереть тамъ до моего приѣзда въ пустой амбаръ! — приказаль управитель.

Парня схватили опять за локти.

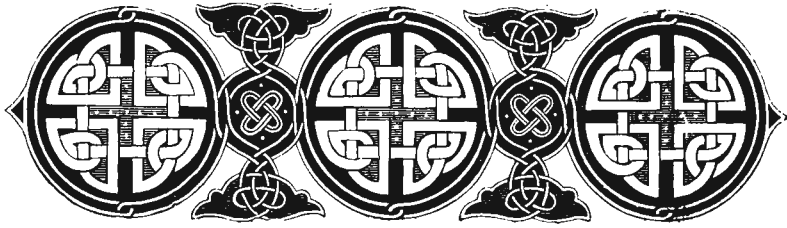
— Будь же ты проклять, Иродъ-мучитель!—закричалъ онъ неистово.—И ты, и панъ твой, и всѣ паны на свѣтъ! Будьте вы прокляты! Вы, носы желѣзные, насъ заклевали! Но погодите! Придетъ время! Отольются вамъ наши сиротскія слезы!

Но поѣздъ двинулся. Бурмистръ по приказанію багроваго управителя, прокричавшаго ему, уѣзжая: «Въ солдаты не въ очередь! Беречь бунтовщика!»—велѣлъ связать веревками рвавшагося и бившагося парня. Между тѣмъ телѣжки, драгуны, бричка рябого управителя понеслись вскачь, гремя и треща, и облако пыли скрыло ихъ.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА.

I.

Мое дѣтство.—Отецъ и мать.—Наши предки.—Смерть отца.—(Тѣсное положение матери. — Графиня Мусина-Пушкина. — Графиня Каменская, — Уварова.— Кончина матери.—Мое отрочество.—Въ гимназiи.—Тогдашнiе преподаватели.— Гоненiе философи. — Плисовъ. — Экзаменъ и его послѣдствiя. — Моя родня. — Шубертъ.

КАТЕРИНА Великая начала свои записки положенiемъ, что жизнь человѣка зависитъ отъ него самого, и то, что называютъ счастьемъ, есть послѣдствiе собственныхъ нашихъ дѣйствiй. Я прибавилъ бы къ этому, что наши собственные дѣйствiя зависятъ отъ обстановки нашего младенчества и отрочества; какова была эта обстановка—это уже дѣло счастья.

Съ тѣхъ поръ, что я себя помню, отецъ мой, образованный, умный, благородный, но въ высшей степени безхарактерный человѣкъ, никуда не выѣзжалъ, видѣлся съ весьма малымъ числомъ своихъ прежнихъ прiятелей, много хлопоталъ о разныхъ незначительныхъ бѣдныхъ людяхъ, его кліентахъ, но говорилъ о людяхъ знатныхъ и о дворѣ, какъ о предметахъ, близко ему извѣстныхъ, безъ того обаянiя, которое въ тогдашнее время внушали толпѣ особы высокаго рода или высокаго званiя. Моя мать, женщина необыкновенно твердаго характера, незнакома лично съ велико-свѣтскою жизнью, но съ большимъ духовнымъ образованiемъ, сосредоточивалась въ обязанностяхъ матери семейства. Въ то время (1805 — 1818) не было еще въ модѣ разглагольствованiе идей

либеральныхъ. «Эмилъ» Ж. Ж. Руссо читался съ восторгомъ легкомысленными великосвѣтскими дамами, а въ кружкахъ практическаго средняго сословія считался бреднями стараго холостяка. Естественно было, что мы, дѣти, воспитывались не такъ, какъ нынѣшнія, не были съ родителями на ты, не учились азбукѣ и географіи по картинкамъ и не гуляли съ голыми икрами. Мать одѣвала насъ тепло, кормила просто, что, впрочемъ, и не могло быть иначе, и поила бузиннымъ чаемъ, когда мы простужались. Духовное воспитаніе наше заключалось въ подчиненіи нашемъ порядку, долгу и, въ особенности, смиреніи передъ старшими. Находясь въ стѣсненномъ положеніи, видя, что дѣтямъ ея суждено жить безъ покровителей, мать старалась вкоренить въ насъ такія свойства, которыя, по ея убѣжденію, могли одни пособить намъ въ честной борьбѣ съ житейскими нуждами. Я не понималъ тогда смысла нашего воспитанія; видѣлъ только уваженіе къ знатнымъ, питаемое гордою нашею матерью, и пріучался признавать всѣхъ знатныхъ за людей такого ума, передъ которымъ нашъ скромный умъ долженъ былъ безмолвствовать. Отецъ говорилъ иначе о великихъ міра сего, но мы вѣрили въ слова матери, какъ въ Евангеліе, а разсужденія отца пропускали мимо ушей и, слѣдовательно, невесело смотрѣли на положеніе, въ которомъ суждено было жить намъ. Часто я былъ свидѣтелемъ рыданій матери передъ взбѣшеннымъ отцемъ, рыданій, которыя мгновенно были задушаемы при появленіи посторонняго, и хотя это объяснялъ я себѣ въ то время виновностью матери моей (иначе она жаловалась бы, думалъ я), но все-таки мнѣ было жаль ея и досадно на отца; впоследствии, уже въ отрочествѣ, узналъ я, что сцены происходили отъ ревности; отецъ мой ревнивъ былъ до сумасбродства, и добродѣтельнѣйшая мать моя была страдальцей; узнавъ это, я съ нетерпѣніемъ ждалъ счастья быть опорой матери и ея утѣшеніемъ въ старости. Грустно вспомнить, какъ неудовлетворительно выполнилъ я эту благородную цѣль отрока. Родители моей матери, постоянно боровшіеся съ бѣдностью, но жившіе, какъ Филемонъ и Бавкида, смотрѣли также съ благоговѣніемъ на знать и богатство и въ своемъ простодушіи считали богатымъ всякаго, кто не такъ бѣденъ, какъ они сами. Я невѣрно выражаюсь, говоря, что они боролись съ бѣдностью; они вовсе не боролись; жили очень, очень скромно, однакожь аккуратно и еще приберегали копеечку, т. е. изъ 1000—1500 р. дохода бабушка откладывала рублей 100—300. Но и у этихъ стариковъ было свое горе. Обѣ ихъ дочери, моя мать и тетка, овдовѣли, безъ средствъ содержать малолѣтнихъ дѣтей; изъ троихъ сыновей—двое были въ арміи еще до кампаніи 1811 и 1812 года; младшаго опредѣлилъ отецъ мой въ свою канцелярію, и когда онъ черезъ полгода получилъ чинъ 14-го класса, перешелъ тотчасъ въ военную службу, въ кирасирскій полкъ

корнетомъ, 16-ти лѣтъ отъ роду. Старшій сынъ, уже въ капитанскомъ чинѣ, изволилъ самовольно отлучиться отъ полка и остаться за границую. Разумѣется, русскому армейскому офицеру не велико было поприще въ образованной и трудолюбивой Германіи; скоро голодъ погналъ его опять въ Россію, но тамъ ожидало его разстрѣляніе. Отецъ мой, прервавшій уже всѣ прежнія свои связи, бросился однако къ военному министру, его прежнему пріятелю (кажется, Вязмитинову), и этотъ умѣлъ въ добрую минуту рассказать государю случай такъ комически, что государь много смѣялся и разрѣшилъ принять дезертира унтеръ-офицеромъ въ Грузію. Черезъ годъ такую же шутку сочинилъ и второй сынъ. Какимъ образомъ отецъ мой уладилъ и это дѣло—не знаю, но знаю, что явился къ намъ дядя Августъ, котораго намъ приказано было называть дядею Карломъ, что этотъ дядя опредѣленъ былъ въ армію, какъ недоросль Карлъ. Сколько было слезъ и отчаянія въ семействѣ, пока оба эти случая уладились, и все это западало безотчетно въ впечатлительное младенческое сердце мое! Младшій сынъ пошелъ лучше: черезъ годъ за отличную верховую ѣзду онъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардію; черезъ полгода онъ перешелъ опять въ армію поручикомъ, потому что не могъ содержать себя въ гвардіи, но при первомъ смотрѣ великаго князя Константина Павловича (кажется, менѣе, чѣмъ черезъ годъ) опять переведенъ въ гвардію тѣмъ же чиномъ. Родители его сжались еще болѣе, чтобы доставить удавшемуся сыну способы остаться въ гвардіи и быть масономъ, что въ то время составляло почти необходимую принадлежность гвардейскаго офицера. Тогда быть офицеромъ гвардіи стоило и дороже и дешевле; дороже потому, что были предрасудки; нельзя было ни ѣздить на извозчикѣ, ни итти пѣшкомъ по дѣлу; бывало, шутили много надъ дядею, что онъ отправлялся на службу пѣшкомъ, самымъ небрежнымъ шагомъ, и останавливаясь передъ окнами магазиновъ, чтобы имѣть видъ прогуливающагося; дешевле было потому, что не было подписокъ на разныя фантазіи, какъ это дѣлается теперь, и что полковые командиры не барышничали лошадьми, а, напротивъ, помогали офицерамъ; такъ, Чичеринъ, командовавшій лейбъ-уланами, гдѣ служилъ дядя, узнавъ, что ему не на что купить хорошую лошадь, просилъ его «сдѣлать ему одолженіе» купить у него верховую лошадь за 200 р. ассигнаціями, потому, будто, что она не чисто-рыжей масти, и продалъ ему превосходную лошадь за эту баснословно малую цѣну.

Когда я началъ понимать, что вокругъ меня происходило, родители мои приходили уже въ стѣсненное положеніе. Когда дѣтей было двое, два мальчика, и даже при рожденіи первой дѣвочки, ѣздили мы въ каретѣ; отецъ держалъ трехъ лошадей, къ нему приходилъ парикмахеръ завивать и шудрить его; лакей нашъ ходилъ

въ гербовой ливреѣ; живописецъ писалъ съ насъ, мальчиковъ, портреты. Помню живо картину, висѣвшую надъ диваномъ, изображавшую брата и меня въ натуральную величину, въ красныхъ курткахъ, гоняющимися въ саду за голубемъ. Куда дѣвалась эта картина? Потомъ продали карету и одну лошадь, однакоже отецъ продолжалъ щеголять пристяжную лошадью и, по тогдашней модѣ, самъ держалъ вожжу; лакея стали одѣвать въ сѣрое ливрейное платье, наконецъ не стало вовсе экипажа, и слугу одѣвали уже въ обноски отца моего; между тѣмъ брата моего, а потомъ и меня, семилѣтняго мальчика, отдали въ пансіонъ, изъ котораго только по праздникамъ приходили мы домой; бѣдность проникла во всѣ поры. Мы, дѣти, не понимали причины лишеній, но плакали, то о каретѣ, то объ лошади. Дома становилось мрачнѣе; прежде бывали посѣтители почетнѣе, между ними самые короткіе: Ланской и графиня Мусина-Пушкина, крестившіе старшаго брата моего; потомъ состоявшій нѣкогда при фельдмаршалѣ Суворовѣ Фуксъ, мой крестный отецъ, Кащевичъ, глупый генераль, Тургеневъ, Горголи, потомъ и ихъ не стало; одна графиня Пушкина осталась вѣрнымъ другомъ нашего дома, да приходилъ поздравлять съ праздникомъ толстѣйшій квартальный надзиратель Галяминъ, съ молоденькимъ, хорошенькимъ сыномъ. Странныя совершаются въ Россіи сословныя метаморфозы: былъ банковый сторожъ, отставной солдатъ, покровительствуемый моимъ отцомъ; отецъ мой вывелъ какъ-то сына этого сторожа въ квартальные надзиратели, а когда у этого квартальнаго надзирателя подросъ сынокъ, очень бойкій мальчикъ, опредѣлилъ этого юношу въ институтъ путей сообщенія. Лѣтъ 16-ти, этотъ мальчикъ, при содѣйствіи моего отца, переведенъ въ колонновожатые, а въ 1822 году онъ былъ блестящимъ полковникомъ генеральнаго штаба, любимцемъ князя Волконскаго и великосвѣтскимъ человѣкомъ: это былъ Галяминъ. Его замѣшали въ исторію 14-го декабря, и съ тѣхъ поръ звѣзда его закатилась.

Въ 1816 году отдали меня въ гимназію 10-ти лѣтъ отъ роду, гдѣ мнѣ очень не понравилось. Мало-по-малу доходили до меня свѣдѣнія, что и нашъ родъ былъ нѣкогда въ хорошемъ положеніи. Родъ мой по отцу принадлежитъ къ вюртембергскому дворянству, котораго происхожденія не знаю, но думаю, что не къ коренному дворянству, судя по родовому имени, означающему ремесло; однако во время французскаго регентства Фишеры имѣли уже гербъ: щитъ, въ верхней половинѣ котораго дубъ въ серебряномъ полѣ, а въ нижней золотая рыба въ синемъ полѣ. Во время регентства Фишеръ былъ генераломъ корпуса своего имени, имъ сформированнаго, съ которымъ онъ вторгнулся въ предѣлы Франціи, былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Братъ его, мой прапрадѣдъ, былъ Staatsrath и Ober-Baudirector ¹⁾; старшій сынъ его шталмейстеромъ при вюр-

¹⁾ Статскій совѣтникъ и оберъ-директоръ надъ строеніями.

тембергскомъ дворѣ, а младшій мой прадѣдъ, Regierungsrath¹⁾). У него было два сына: Конрадъ, мой дѣдъ, и другой, котораго имени не знаю. Дѣдъ мой долженъ былъ наследовать послѣ богатаго бездѣтнаго дяди, но для этого принуждали его быть военнымъ, а онъ ходилъ слушать химическія лекціи; старикъ-дядя требовалъ, чтобы племянникъ оставилъ эти, по тогдашнимъ понятіямъ, неприличныя дворянину занятія, и, не успѣвъ въ этомъ, отнялъ у племянника средства существованія. Тогда дѣдъ мой занялъ мѣсто профессора химіи, что рассорило его окончательно съ дядею. Имя химика Фишера получило извѣстность; графъ Мусинъ-Пушкинъ, президентъ бергъ-коллегіи, большой любитель химіи, познакомился и подружился съ нимъ въ Штутгартѣ, или въ Тюбингенѣ, не знаю, и, воротясь въ Россію, пригласилъ его именемъ императрицы въ русскую службу. Такъ родъ мой попалъ въ Россію. Въ Петербургѣ дѣдъ мой и жена его, рожденная баронесса Муфль, сдѣлались жертвою науки; бабка моя выпила какой-то химическій препаратъ, стоявшій въ стаканѣ на столѣ у мужа, принявъ за воду, а дѣдъ задохся въ лабораторіи при взрывѣ газа. Дѣдъ мой, по словамъ отца, училъ Мелиссино и былъ изобрѣтателемъ зеленаго огня, который назывался въ Россіи мелиссицкимъ огнемъ, потому что Мелиссино присвоилъ себѣ изобрѣтеніе моего дѣда.

Отецъ мой остался сиротой 4-хъ лѣтъ отъ роду. Графъ Пушкинъ взялъ его къ себѣ и воспитывалъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, какъ родного сына. Въ 1783 г. отецъ мой опредѣленъ въ службу «трехъ коллегій переводчикомъ», 17-ти лѣтъ; въ 1790 г. поступилъ секретаремъ къ генераль-губернатору Архарову, а въ 1793 г. взялъ его къ себѣ генераль-фельдцейхмейстеръ, князь Зубовъ, «секретаремъ отъ артиллеріи, съ чиномъ капитана». Надобно полагать, что отецъ мой былъ тогда не безъ состоянія, потому что свита князя Зубова жила очень широко, а отецъ мой былъ и по природѣ порядочный мотъ. Щедрость и страсть тратить деньги на пустяки сохранились за нимъ, когда онъ былъ уже постоянно боленъ и когда каждая гривна нужна была для пропитанія семейства, но, впрочемъ, какая же была тогда и дешевица: я видѣлъ еще домъ трехъ этажный, въ 3 окна по фасаду, въ Кадетской линіи, вошедшій въ составъ главнаго зданія перваго кадетскаго корпуса при его перестройкѣ; въ этомъ домѣ, при Екатеринѣ, занималъ отецъ мой бельэтажъ въ три комнаты, и платилъ 4 р. въ мѣсяцъ съ отопленіемъ. Другіе порядки были и въ службѣ. Зубовъ нашель, что такъ какъ отецъ мой при немъ, то онъ имѣетъ право быть капитаномъ отъ артиллеріи и носить артиллерійскій военный мундиръ. Такъ отецъ мой попалъ въ воен-

---

¹⁾ Совѣтникъ правленія.

ные, и чуть ли не командовалъ батареею, которая, впрочемъ, состояла, кажется, изъ пушки безъ лошадей, а можетъ быть и безъ канонировъ.

Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, вывелъ на смотръ всѣ списочныя батареи. Набрали подъ орудія батареи, наскоро импровизированной, городскихъ лошадей; отецъ мой сѣлъ на лошадь, такъ же мало знавшую службу, какъ и онъ самъ, и потянулись на смотръ. По первому выстрѣлу, и капитанъ и передки бросились полнымъ карьеромъ бѣжать съ поля, и—къ счастью—послѣдствіемъ была не Сибирь, а крѣпость. Многіе сидѣли въ крѣпости съ отцомъ моимъ, высидѣли и опять стали служить, а отецъ вышелъ въ отставку, опять съ чиномъ титулярнаго совѣтника; съ тѣхъ поръ не было ни одной свѣтлой минуты въ его жизни. Нужда заставила его принять мѣсто исправника въ какомъ-то уѣздѣ Западнаго края; тамъ онъ обольстилъ какую-то хорошенькую польку, на которой долженъ былъ жениться. Овдовѣвъ, онъ женился на моей матери, въ 1802 году, имѣя не болѣе 36 лѣтъ отъ роду, но уже изношенный, удрученный и убитый переворотомъ въ карьерѣ.

Пріѣхавъ въ 1803 г. въ Петербургъ, онъ съ трудомъ добился мѣста секретаря въ комитетѣ правленія академіи наукъ. Въ этомъ скромномъ званіи онъ оставался до самой смерти въ 1818 году, но былъ трактуемъ академиками, какъ товарищъ и другъ. Впрочемъ, эти друзья были незavidны для семейнаго быта. Кромѣ Фуса, Шуберта и другихъ нѣмцевъ, всѣ были пьяницы и отъявленные кутилы. Они сѣзжались иногда у отца, но компанія была, вѣроятно, не очень назидательна, потому что матушка отправляла дѣтей къ бабушкѣ всякій разъ, что у отца былъ вечеръ. По окончаніи пира отецъ разсылалъ «великихъ мужей» въ своей каретѣ по домамъ, какъ театральная дирекція отсылаетъ домой артистовъ. Я помню одинъ случай: отправили вмѣстѣ Севастьянова, Озерецковскаго (математика) и Севергина (минералог); на другое утро присылаетъ жена Севергина узнать, куда дѣвали ея мужа, не явившагося домой; кучеръ увѣрялъ, что онъ всѣхъ развезъ; другіе сопутешественники тоже ничего о немъ не знали; дѣло приняло оборотъ серьезный. Около полудня кучеръ сталъ выдвигать карету изъ сарая, чтобы мыть ее, и замѣтилъ, что она тяжелѣе обыкновеннаго; заглянулъ внутрь и узрѣлъ великаго мужа, снащаго подъ сидѣньемъ безмятежнымъ сномъ пьянаго!

Дворянскій родъ матери моей обѣднѣлъ еще прежде рода отца моего. Изъ разсказовъ дѣда моего (отца моей матери) знаю я, что отецъ его, мой прадѣдъ, Parrenguth былъ представителемъ одной отрасли дворянскаго ганноверскаго рода Parrenguth-Parrenheim, и уже въ бѣдности; дѣдъ мой былъ лейбъ-медикомъ курляндскаго герцога, имѣлъ огромную практику, жилъ весело, велъ большую

игру, выигрывалъ или проигрывалъ груды червонцевъ, къ отчаяннѣе своей добродѣтельной и благоразумной супруги-красавицы. Когда герцогство Курляндское было упразднено, и Паппенгутъ дошелъ до отчаяннаго положенія, въ которомъ онъ покушался даже на жизнь свою, вѣрная жена успокоила его и показала ему сотни три или четыре червонцевъ въ то время, когда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ въ домѣ едва кусокъ хлѣба. По условію, каждый разъ, когда мужъ выигрывалъ, онъ отдавалъ женѣ сколько-то % на ея карманные расходы, а она шивала эти червонцы въ ватный капотъ, съ намѣреніемъ не трогать ихъ до той минуты, когда придется выбирать одно изъ двухъ: распоротъ себѣ горло или распоротъ капотъ; когда мужъ ея рѣшился было на первое, она приступила къ послѣднему. Дѣдъ мой расплатился съ кредиторами, отправился въ Петербургъ, опредѣлился въ морской госпиталь медикомъ и устроился въ одномъ изъ тѣхъ деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ на Выборгской сторонѣ жили патриархально врачи тогдашняго времени, благодаря хозяйственному устройству этихъ скромныхъ жилищъ. Бабушка устроила понемногу изъ огорода кое-какой садъ; дворъ былъ просторный, принадлежалъ одному жильцу и давалъ ему средство держать свою корову, своихъ куръ и гусей, и прокармливать семейство здоровѣе и честнѣе, чѣмъ въ нынѣшнихъ каварменныхъ каменныхъ палатахъ, гдѣ казенныя деньги и казенныя нравы перепутываются съ благопріобрѣтеннымъ достояніемъ и съ живою теплотою семейнаго быта,—не въ пользу его, разумѣется.

До кончины отца моего были уже пристроены: старшій братъ мой во второмъ кадетскомъ корпусѣ, я въ гимназій, пенсіонеромъ академіи наукъ. По смерти отца, матушка осталась еще, кромѣ насъ двоихъ, съ пятерыми непристроенными дѣтьми, двумя мальчиками и тремя дѣвочками, въ возрастѣ отъ 9 до 3 лѣтъ. Похоронивъ мужа и расплатившись съ долгами, она осталась при 30 рубляхъ. Пенсіоннаго устава еще не было. Президентъ академіи наукъ, Уваровъ, назначилъ вдовѣ шестинедѣльный срокъ для очищенія казенной квартиры, прибавя свою любимую фразу: «ни 24 часа долѣе», и приказавъ немедленно прекратить отпускъ казеннаго топлива, а это было 18 января. Уваровъ, grand seigneur, особенное имѣлъ вниманіе къ дровамъ. Много лѣтъ позже Пушкинъ написалъ стихи по случаю тяжелой болѣзни графа Шереметева, котораго ближайшею наслѣдницею считалась тогда жена Уварова; въ этомъ посланіи къ Лукуллу (Шереметеву) знаменитый поэтъ описывалъ радость наслѣдника при извѣстіи, что графъ безнадеженъ, и обѣты, даваемые имъ при этомъ случаѣ, между которыми:

«Жену обкрадывать забуду,
«И воровать уже не буду
«Казенныя дрова».

Разсказывали, будто Уваровъ жаловался на Пушкина графу Бенкендорфу, шефу жандармовъ, будто графъ позвалъ Пушкина и выговаривалъ ему за пасквиль на Уварова, и будто Пушкинъ отвѣчалъ: «Этотъ пасквиль написанъ не на Уварова, а на васъ». — «На меня! не можетъ быть; тамъ нѣтъ ничего похожаго на меня! — «Чѣмъ же я виноватъ, что графъ Уваровъ нашелъ самъ сходство съ собою въ героѣ моего пасквиля». *Se non e vero, e ben trovato!*

Срокъ, данный Уваровымъ на выѣздъ изъ квартиры, истекалъ въ февралѣ, среди зимняго холода, а у моей трехлѣтней сестры была корь. Матушкѣ предлагали исходатайствовать отсрочку, но она, непреклонно гордаго характера и полная вѣры въ Божій промыслъ, рѣшилась очистить квартиру въ срокъ, — и вышла изъ нея, какъ Эней изъ стѣнъ разрушенной Трои. Купила лубочныя салазочки, въ какихъ развозили тогда охтянки молоко, укутала въ нихъ пятилѣтнюю дѣвочку, сама взяла на руки больную трехлѣтнюю малютку, дѣвушка повезла салазочки и повела за руку девятилѣтнюю старшую дѣвочку; крѣпостной лакей повелъ за руки восьми и семилѣтнихъ мальчиковъ, и такъ семейство отправилось пѣшкомъ съ Васильевского острова на Выборгскую сторону къ родителямъ несчастной вдовы.

Въ такихъ обстоятельствахъ прошло мое младенчество; чѣмъ слабѣе разсужденія этого возраста, тѣмъ глубже его впечатлѣнія; они не изслѣдываются разсудкомъ, не приводятся въ систему; они только чувствуются, и когда чувство кажется уже прошлымъ и забытымъ, его печать остается на сердцѣ навсегда, хотя и выражается наружу какъ видоизмѣненіе изъ того же корня. Вся моя натура покрылась меланхолическимъ оттѣнкомъ и какую-то лѣнивою мечтательностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофы, начинающія или оканчивающія загадку жизни, вложили въ меня вѣру въ Провидѣніе и укрѣпили мои внутреннія силы на борьбу съ превратностями. Такія катастрофы дошли рано до моего свѣдѣнія. Еще до кончины отца моего свѣжее мое воображеніе поражалось ими. Графиня Мусина-Пушкина, родная тетка князя А. С. Меншикова и жена того Пушкина, съ которымъ былъ отецъ мой воспитанъ, любила отца моего, какъ спутника ея молодости, какъ красиваго кавалера и какъ вѣтреника, — и сохранила чувство привязанности къ нему до самой смерти; она любила и моего старшаго брата за то, что онъ похожъ былъ на отца. Она говорила мнѣ уже по смерти отца моего: «разъ только онъ обидѣлъ меня; я сдѣлала ему сюрпризъ, сшила ему наволочки, — но вообрази, мой милый, когда на горничной, когда она одѣвала меня, я увидѣла кружева отъ наволочекъ, мое удивленіе: *fi, quelle horreur!*» ¹⁾ Дѣлать сюрпризы было страстью графини и ея мужа. Пушкинъ былъ

¹⁾ Фу, какая мерзость!

довольно богатъ, жена его еще богаче, но они дѣлали одинъ другому сюрпризы, стараясь превзойти другъ друга, и наконецъ сдѣлали другъ другу величайшій сюрпризъ, узнавъ, что они разорились. По смерти графа осталось у графини душъ 600, да и къ тѣмъ привязался какой-то нелѣпый процессъ. Ея *homme d'affaires*¹⁾ увѣрилъ ее, что удобнѣе всего было бы совершить купчую крѣпость на отчужденіе ему спорнаго имѣнія, а когда процессъ окончится, онъ отдастъ ей имѣніе назадъ, «если вы не считаете меня безчестнымъ», прибавилъ онъ. Графиня, невинная и безпечная, какъ дитя, обидѣлась предположеніемъ и совершила купчую; процессъ кончился, но имѣніе не воротилось. Потомъ поправился ей одинъ такой же продувной господинъ, отставной частный приставъ, бывший ея комиссіонеромъ: онъ обобралъ у нея и движимость. Затѣмъ остался у нея только пенсіонъ, 3.600 р. въ годъ (ассигнаціями), но для графини это была капля въ морѣ. Постепенно она дошла до крайней нищеты; жила въ Солдатской Слободкѣ, въ домишкѣ изъ трехъ комнатъ, однакожь держала нарумяненную компаньонку и вдову какого-то героя кавонира, сбросившаго съ заряднаго ящика упавшую на него бомбу, двухъ мосекъ и воспитанницу, рекомендованную этою же солдаткою, выѣзжала въ извозчичьей коляскѣ, но часто не ѣвши. Одинъ разъ сдѣлалось ей дурно во время ея визита матери моей: оказалось, что это происходило отъ голода! Матушка просила ее пріѣзжать къ ней завтракать, и съ тѣхъ поръ она частенько бывала часу во 2-мъ выпить чашку кофе. Родные племянники ея, князья Николай и Сергій Гагарины и князь Меншиковъ, никогда о ней не поминали (но первые давали ей какую-то пенсію,—не тѣ ли 3.600 р., которые она получала!). Когда полиція извѣстила ихъ о смерти графини, князь Меншиковъ (я былъ уже на службѣ) просилъ меня быть за него на похоронахъ и стараться выручить фамиліные портреты, если у нея были,—и въ самомъ дѣлѣ, въ бѣдной хижинѣ, надъ старымъ рыночнымъ столомъ красовался рядъ прекрасныхъ миниатюръ, изображавшихъ прекрасныя лица въ богатыхъ уборахъ. За гробомъ старушки шли двое: княгиня Изабелла Гагарина и я. Жизнь эта—тоже русская сословная метаморфоза, но съ галяминскою составляетъ обратный полюсъ.

Говоря о метаморфозахъ, вспоминаю о другой, еще болѣе разительной, подробности которой слышалъ уже не въ дѣтствѣ,—о графинѣ Каменской—(если память не измѣнила мнѣ) матери фельд-маршала. Графиня Каменская была знакома съ моимъ вюртембергскимъ прадедомъ. Еще при Екатеринѣ она хлопотала о примиреніи отца моего съ его дѣдомъ, и успѣла настолько, что дѣдъ позволилъ написать къ нему письмо. Отецъ мой написалъ его такимъ

¹⁾ Повѣренный.

ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ, что старикъ взбѣсился. *Er hat seine Muttertrache vergessen!*¹⁾ и не хотѣлъ ничего болѣе о немъ слышать. Имѣніе свое, не знаю какимъ путемъ, передалъ онъ какой-то г-жѣ Гоферъ (Hofer). Послѣ того Каменская хлопотала о возстановленіи родовыхъ документовъ отца моего, сгорѣвшихъ со всѣмъ домомъ графа Пушкина; но отецъ, какъ современникъ Екатерины, такъ гордился быть русскимъ, что не хотѣлъ хлопотать объ иностранномъ дворянствѣ, предпочитая стяжать службою дворянство русское—*rauche homme!*²⁾ Оттого я нашелъ только отрывочные документы, или, вѣрнѣе, свѣдѣнія, и то благодаря матери, ихъ припрятавшей. Затѣмъ графиня Каменская пропала изъ виду, и уже около 1812 года графиня Пушкина повезла матушку мою къ Каменской, уже слѣпой и никого не принимавшей. Старушка очень полюбила матушку. «Подойди ко мнѣ, голубушка, дай на себя посмотрѣть», говорила она, обводя ея лицо руками, и иногда прибавляла: «ты похудѣла, моя милая». Въ тридцатыхъ годахъ Я. А. Дружининъ (тайн. сов.) разсказалъ мнѣ ужасную исторію. Вотъ она. При императорѣ Александрѣ I дошелъ до княгини Лопухиной слухъ, будто мать фельдмаршала Каменскаго находится въ крайней нищетѣ. Этотъ слухъ не могъ считаться а priori недостовернымъ, потому что графиня передала все свое имѣніе дѣтямъ; а изъ сыновей ея—фельдмаршалъ померъ, другой же продалъ все и уѣхалъ навсегда за границу; съ дворомъ она была не въ ладахъ. Разоренная и не въ милости—два условія вмѣстѣ, достаточныя, чтобы быть всѣми забытой. Лопухина просила Дружинина узнать, жива ли Каменская и гдѣ она. Послѣ долгихъ разспросовъ удалось Дружинину узнать, что Каменская живетъ на Пескахъ. Переходя изъ дома въ домъ, Дружининъ напалъ наконецъ на тотъ, въ которомъ жила графиня, но и тутъ не вдругъ отыскалъ ее. На вопросъ, здѣсь ли живетъ графиня Каменская, дворникъ отвѣчалъ: «такой графини нѣтъ, а есть старуха Каменчиха, посмотрите въ пристройкѣ». Дружининъ вошелъ въ избушку (зимой) въ одну комнату, съ прихожей; пусто, холодно, на стѣнахъ сырость, на подоконникѣ снѣгъ; въ углу у русской печки кровать, на которую брошена комомъ старая шубенка. Онъ хотѣлъ уже выйти, какъ замѣтилъ, что шубенка дрожитъ; подошелъ къ кровати, приподнял тулупъ и увидѣлъ подъ нимъ скорченную, дрожащую старушку: это была графиня Каменская! Тутъ поднялся шумъ, графинѣ дали пенсію, но въ свѣтъ она не показывалась, — и свѣтъ, въ полномъ смыслѣ слова, ей не показывался. «Не хочу быть дочерью Сципіона,—хочу быть матерью Гракховъ!» сказала Корнелія. Хорошо, что Корнелія жила въ Римѣ. Каменская была матерью Сципіона,—и чуть не умерла съ голоду. Неизвѣстность, въ

¹⁾ Онъ забылъ свой природный языкъ!

²⁾ Бѣдняжка!

какой оставалась Каменская, может теперь показаться невѣроятною, но тогда она была возможна. Адреснаго стола не было, а может быть и былъ, да дѣлалъ лишь то, что въ состояніи сдѣлать столъ безъ людей. Паспорты не предъявлялись, особенно въ захолустьяхъ; дворники были—только дворниками, а не полицейскою инстанціею, какъ теперь. Теперь полиція знаетъ мѣсто жительства не только людей порядочныхъ, но и мошенниковъ, съ которыми находится даже въ официальныхъ сношеніяхъ, для открытія другихъ воровъ, какъ видно изъ «Вѣдомостей Спб. полиціи»¹⁾; теперь, стало быть, и воры составляютъ полицейскую инстанцію. Зло общественное лечится гомеопатически: *similia similibus*. При видѣ вдовы, странствующей съ дѣтьми по улицамъ Петербурга, такъ какъ бѣдная мать моя шла зимою 1818 г. на Выборгскую сторону,—какой умъ человѣческій могъ бы указать ей способы выйти изъ этого положенія? какое воображеніе сумѣло бы нарисовать не слишкомъ мрачными красками будущность этой матери семейства? Но Провидѣніе уладило все такими простыми средствами, которыми оно одно обладаетъ. Въ томъ же году старшая изъ сестеръ моихъ выбаллотирована къ приему въ Смольный монастырь, и оба мальчика попали въ комплектъ перваго кадетскаго корпуса; изъ пятерыхъ непристроенныхъ дѣтей осталось двое, и тѣ слишкомъ малыя, чтобы думать о пристройствѣ. Года черезъ три вотъ что случилось. Въ каникулы отправились мы, братъ старшій, лѣтъ 15-ти, и я, 13-ти лѣтъ, гулять на Каменный островъ, къ великому изъятію изъ правилъ матушки, никогда не позволявшей намъ ходить далеко безъ себя. Не доходя нѣсколько сотъ сажень до Строгановой дачи; встрѣтили мы молодую благовидную даму съ хорошенькимъ мальчикомъ лѣтъ 8-ми, который залюбовался кадетскимъ мундиромъ брата, на румяныя щеки котораго и дама смотрѣла съ благосклоннымъ любопытствомъ. Когда мы поравнялись съ ней, она спросила у насъ, куда мы идемъ, гдѣ живемъ, и, услышавъ, что на Выборгской сторонѣ, спросила, не знаемъ ли мы, гдѣ живетъ полковникъ Ваговуть. На отрицательный отвѣтъ, она было удалилась, но, замѣтя, что сынку нравится кадетъ, пошла съ нами и узнала, что мы Финеры. «Какъ зовутъ вашу маман?»—Ольга Ивановна.—«*Mon Dieu!*—вскричала дама,—*c'est le doigt de Dieu!*»²⁾ Я иду Ольгу Ивановну Финеръ давно; мнѣ сказали, что она живетъ у отца своего, полковника Ваговута, близъ сухопутнаго госпиталя (читай: у коллежскаго совѣтника Папенгута въ зданіяхъ морского госпиталя). Мы повели даму къ матушкѣ; оказалось, что это была Екат. Серг. Уварова, жена камергера, добрейшая, просвѣщенная женщина, но просвѣщенная односторонне французскою литерату-

¹⁾ Это писано въ 1864 году.

²⁾ Боже мой! это переть Вожій!

рою XVIII вѣка, поклонница Руссо и г-жи Сталь,—и въ высшей степени энтузіастка. Она разсудила, что гувернеры не годятся для маленькихъ дѣтей, что гувернантки—еще менѣе годны, какъ старыя дѣвки, не знающія свѣта и жизни, что правильное воспитаніе можетъ дать мать, сама испытывшая и добро и зло жизни, прежде наступленія старости успѣвшая наскучить свѣтскою жизнью и не скучающая въ отсутствіи шумныхъ удовольствій. Такую даму искала Уварова—и вотъ сказали ей, что точно такая есть, указавъ на матушку. Напрасно матушка увѣряла ее, что она не подходитъ подъ примѣты, что она не знаетъ свѣтской жизни, что она считаетъ Ж. Ж. Руссо за сумасброда, что, во всякомъ случаѣ, главное въ обстановкѣ дѣтей, и что совѣты наставника, даваемые по утрамъ, не помогутъ, если вечерніе товарищи другого мнѣнія. Чѣмъ болѣе спорили, тѣмъ сильнѣе настаивала Уварова,—и матушка принесла намъ себя въ жертву; скрѣпя сердце, благословя малютокъ, она поручила ихъ старушкѣ-бабушкѣ и переѣхала, для пробы, къ Уваровымъ. Она была у нихъ около года: проба не удалась,—но Уварова сохранила къ ней навсегда дружбу и уваженіе и, съ свойственною ей энергіею, принялась хлопотать о пристройствѣ моихъ младшихъ сестеръ: обѣ были приняты въ Смольный монастырь пенсіонерками царской фамиліи; вскорѣ за тѣмъ дочери астронома Шуберта, сохранившія дружбу къ матушкѣ, добились чрезъ комиссію прошеній пенсіи ей въ 800 р. Матушка, содержащая прежде большое семейство 2000 рублей, сочла себя богатою, имѣя всѣхъ дѣтей пристроенными и получая 800 руб.,—и на 76-мъ году жизни скончалась, уважаемая всѣми, кто зналъ ее.

Такіе перевороты не остались безъ вліянія на жизнь мою. Я признаю мнѣніе Екатерины II, что счастье есть послѣдствіе нашихъ дѣйствій, но остаюсь и при своемъ, что дѣйствія наши зависятъ отъ обстановки нашей колыбели. Притомъ, попадаются въ жизни моменты благоприятные, одному чаще, другому рѣже; одному, пренебрегающему ими, — безпрестанно, другому, разъ упустившему счастливый случай, — никогда болѣе; одинъ былъ бы счастливѣе, если бы родился ранѣе; другой—если бы родился позже: здѣсь рѣшается вопросы счастье. Моя жизнь, напримѣръ, сложилась бы совершенно иначе, если бы я родился десятью годами прежде; она была бы совершенно иная и тогда, когда бы я явился на свѣтъ при Екатеринѣ, когда все расцвѣтало, а не теперь жилъ, когда все распадается. Сама Екатерина, при томъ же умѣ, при тѣхъ же политическихъ обстоятельствахъ, дѣйствовала бы, можетъ быть, съ меньшею сосредоточенностью воли, если бы выросла въ русскомъ боярскомъ дворцѣ, а не въ казенной квартирѣ штеттинскаго коменданта, и если бы выходила замужъ не съ полудюжиною сорочекъ, какъ она рассказываетъ, а съ 30 пудами столоваго и мебельнаго серебра, какъ графиня Мусина-Пушкина.

10-ти лѣтъ отъ роду я считалъ себя уже не ребенкомъ, потому что былъ въ 3-мъ классѣ гимназіи, но страдалъ, какъ ребенокъ. Передъ гимназіею пансіонъ показался мнѣ расмъ; въ пансіонѣ начальница была женщина; будили насъ въ 7 часовъ звонкомъ маленькаго колокольчика, и въ случаѣ надобности, легкимъ прикосновеніемъ къ плечу, да и кровать моя стояла рядомъ съ кроватью брата. Въ гимназіи, въ 5^{1/2} часовъ бѣгалъ по спальнямъ инвалидъ и хриплымъ басомъ кричалъ: вставать! Кто не проснулся отъ крика, съ того срывалъ одѣяло, а въ комнатѣ было холодно. Въ пансіонѣ давали каждому полотенце на нѣсколько дней; въ гимназіи клали у домоушниковъ каждый день кучу полотенецъ, одно на нѣсколько человѣкъ, но большіе воспитанники отряжали одного, чтобы забрать всѣ и клали ихъ себѣ подъ подушку; мы же, маленькіе, встававшіе раньше, чтобы не быть отгѣсненными отъ воды, утирались рукавомъ рубашки; своего полотенца нельзя было имѣть, оттого что его въ тотъ же день украли бы. При моемъ маломъ ростѣ и слабосиліи, я не могъ принимать участіе въ играхъ; ничто не помогало мнѣ развлечься, забыть тоску о домѣ и то грустное, что дома происходило. Множество тетрадей я не успѣвалъ переписывать, а въ низшихъ классахъ гимназіи требовали чистыхъ тетрадей, не заботясь о томъ, знали ли то, что въ тетрадяхъ заключалось. Благодаря инспектору классовъ, Фед. Ив. Миддендорфу, такому инспектору, какого не бывало въ Россіи до него и, вѣроятно, не скоро будетъ,—меня освободили отъ тетрадей; я учился по чужимъ, заблаговременно, когда владѣльцы ихъ учились наканунѣ спроса, и платилъ за эти услуги позволеніемъ списывать мои латинскіе переводы; шріателямъ я дѣлалъ даже небольшія измѣненія редакціи, чтобы нельзя было изобличить, что это—копіи. Въ какой степени шли успѣхи въ языкахъ въ первыхъ четырехъ классахъ, выражается въ слѣдующемъ случаѣ. Кукольникъ постоянно списывалъ все у другихъ и товарищи приготовили особый экземпляръ, чтобы дать ему списать сочиненіе. Надобно было отвѣчать по-нѣмецки на вопросъ:

«Was hat Moses Grosses gethan?» Написали: «Moses hat ein Schwein geschlachtet, in einen Strumpf gesch. . . . . und daraus eine Wurst gemacht, die die Juden aufgefressen haben» ¹⁾. Кукольникъ это и скопировалъ и съ торжествомъ прочиталъ въ классѣ.

Но съ пятого класса преподаваніе было несравненно лучше, а въ высшихъ, 7-мъ и 8-мъ, когда гимназія преобразовалась въ высшее училище, даже превосходно, пока былъ инспекторомъ Миддендорфъ.

¹⁾ Что сдѣлалъ Моисей великаго?

Моисей закололъ свинью, въ чулокъ по. . . . . и изъ того сдѣлалъ колбасу, которую евреи съѣли.

Нынѣшнія гимназін стоятъ несравненно выше тогдашней единственной въ матеріальномъ отношеніи, но нельзя сказать того же о преподаваніи. Наши прежніе, т. е. мои, средніе и высшіе преподаватели были зрѣлыхъ лѣтъ, съ большою педагогическою опытностію, не скороспѣлки, не заносчивые, не алчные; самая система преподаванія была серьезнѣе; мы не хлебали ложками человѣческой мудрости, не были въ 18 лѣтъ юристами, не мѣтили въ 20 лѣтъ въ преобразователи. Наши наставники были подчасъ оригиналы, но оригиналы почтенные, и это лучше, чѣмъ нынѣшнія неудачныя копіи. Миддендорфъ считалъ, что мальчикъ, который не любитъ молоко, долженъ быть негодяй; когда онъ считалъ кого-либо виновнымъ, то подходилъ къ нему и дѣлая указательнымъ пальцемъ кружки въ воздухѣ противъ его лба, спрашивалъ ломаннымъ русскимъ выговоромъ: «Скажи мнѣ, что у тебя въ головѣ?» и повторялъ вопросъ громче и громче до тѣхъ поръ, пока вопрошаемый открывалъ ротъ, чтобы отвѣчать. Тогда онъ торопливо объявлялъ: «Твое дѣло молчать!»—При всемъ томъ онъ заботился, какъ добрый и честный отецъ, о дѣтяхъ, ему ввѣренныхъ. По мѣрѣ того, какъ пишу эти строки, выходятъ передо мной, какъ тѣни, лики моихъ почтенныхъ профессоровъ. Tillot, проэкзаменовавъ насъ при вступленіи въ 5-й классъ, говорилъ намъ: «Messieurs! je vous donne deux mois pour oublier tout ce que vous avez appris jusqu'à ce jour, car ce n'est qu'alors que je pourrai commencer à vous enseigner la langue française»¹⁾. Гедике зналъ всѣ школьныя продѣлки, зналъ, что воспитанники держатъ тетради на колѣняхъ, чтобы съ ними совѣтоваться, или пишутъ на ладони то, чего не заучили, что вмѣсто переводовъ перефразируютъ готовые напечатанные переводы латинскихъ писателей, и, чтобы не быть жертвою обмана, принялъ странные обряды: садился на столъ каедры, свѣся ноги, приказывалъ всѣмъ опустить руки подъ столъ и прислониться грудью къ столу; все это по смѣшной командѣ, дурнымъ русскимъ выговоромъ: Книги въ столъ! Руки подъ столъ! Тѣло къ столу! съ промежутками между каждою командою. Когда наружные обряды были исполнены, онъ приказывалъ переводить: Сло-во въ слово!—Подлинникъ: «Certatum fuit secunda re»; смыслъ: сраженіе было счастливо, а мы должны были перевести: сражено было второю вещью, т. е. удерживая слова и формы подлинника. Онъ не допускалъ перевода Manlius Torquatus словами Манлій Торкватъ, или Манлій, украшенный золотою цѣпью, но требовалъ, чтобы переводчикъ непременно прискалъ русское прилагательное. Я изъ шалости

---

¹⁾ Господа! даю вамъ два мѣсяца, чтобы забыть все то, чему вы до сихъ поръ научились, потому что только тогда я могу начать преподавать вамъ французскій языкъ.

сказалъ: Манлій Золотоцѣпной. «Такъ есть!» съ восторгомъ повторилъ Гедике. Когда всѣ засмѣялись, объяснивъ ему, что цѣпными называютъ только собакъ, то онъ прехладнокровно отвѣчалъ: «Пусть лучше Манлій будетъ собака, чѣмъ учитель—осель». Онъ имѣлъ въ виду, что учить насъ не русскому краснорѣчю, а формамъ латинскаго языка, и потому прежде всего хотѣлъ знать, такъ ли мы понимаемъ эти формы. Зато отъ него выходили очень дѣльные лингвисты; я самъ былъ большой латинистъ, и дѣлалъ сочиненія на латинскомъ языкѣ. Бутырскій, профессоръ пѣтики и эстетики, очень начитанный, знавшій наизусть лучшія стихотворенія русскія, нѣмецкія, французскія, англійскія итальянскія и испанскія, съ выработаннымъ критическимъ взглядомъ, смѣшилъ насъ разсѣянностью и приемами. Объясняя намъ, что значить изящное, онъ вдругъ остановился, запустилъ палецъ въ носъ, вытащилъ кусочекъ засохшей мокроты и, катая его передъ собою между двумя пальцами, заключилъ: «вотъ что называется изящное!» Всѣ въ одно мгновение разразились хохотомъ; профессоръ обомлѣлъ и самъ смѣялся, когда объявили ему причину хохота. Онъ многому научилъ насъ,—не искусству создавать хорошее, но знанью, что хорошо. Плисовъ, профессоръ правовѣдѣнія, или, лучше, права, ученикъ Лейбница и Гейнзуса, сбивался отъ всякой мелочи. Когда окна (на дворъ) были открыты и пѣтухъ предвѣщалъ дождь, Плисовъ останавливался всякій разъ передъ кикирику и снова начиналъ свою фразу, которая на томъ же мѣстѣ прерывалась новымъ кикирику. Въ оправданіе свое онъ говорилъ намъ, что Лейбницъ привыкъ, читая лекціи, устанавливать взоры на граненныя стальныя пуговицы, бывшія на одеждѣ одного изъ слушателей. Когда это замѣтили, слушатель тотъ спорилъ одну или двѣ пуговицы. Профессоръ нѣсколько разъ смущался, однако оправился. Тогда тотъ же студентъ спорилъ всѣ пуговицы и явился съ суконными. Лейбницъ сталъ заикаться, и вдругъ, вскочивъ съ каѳедры, закричалъ студенту: «Mein Herr! Setzen Sie die Knöpfe an, oder ich lese nicht!»¹⁾

Грефе, профессоръ греческаго языка, европейскій авторитетъ, академикъ, другъ министра, былъ вспыльчивъ до изступленія. Въ его высшемъ классѣ было только три слушателя, потому что онъ говорилъ только по-нѣмецки, а изъ насъ только трое понимали этотъ языкъ. Разъ случилось, что въ классъ явился я одинъ. Стали мы переводить «Одиссею»; я сказалъ *der Schiff*.—«Was? Sie Deutscher?»²⁾ и бросился ко мнѣ съ каѳедры, какъ сорвавшаяся съ цѣпи собака; я второпяхъ закричалъ: *die Schiff, die Schiff!* Грефе замахнулся на меня; я вскочилъ на столъ—онъ туда же; столовъ

¹⁾ «Сударь! Пришейте пуговицы, или—я не читаю!»

²⁾ «Что-о? Вы—нѣмецъ?»

было 5 рядовъ, я бѣгалъ по столамъ, 15-тилѣтній мальчишка; онъ 60-тилѣтній, беззубый, съ Владимиромъ на шеѣ—за мной. Наконецъ, передъ дверьми я соскочилъ со стола, нырнулъ въ двери и остановился въ коридорѣ, готовый бѣжать далѣе. Старикъ, не въ состояніи произнести трехъ словъ отъ одышки и чувствуя комическое положеніе профессора безъ слушателей, сталъ на порогѣ и, задыхаясь, звалъ меня. «Na, kommen sie doch!»¹⁾ Я съ нимъ въ переговоры; мы заключили изустный трактатъ, и я воротился. Старикъ, славный, почтенный, умный, переконфузился и былъ тише воды. На слѣдующую лекцію, гдѣ насъ было уже трое, онъ, войдя въ классъ, тотчасъ подошелъ ко мнѣ, вынулъ изъ кармана два апельсина (или бергамота—не помню), положилъ передо мною на столъ: «Na, da esssu Sie! erzdummer Mensch!»²⁾.

Я распространился объ этихъ личностяхъ, потому что пишу для одного себя, чтобы припоминать минувшее, когда память станетъ измѣнять мнѣ, а въ моемъ прошедшемъ это—любезныя мнѣ лица: я люблю ихъ до сихъ поръ и до сихъ поръ имъ благодаренъ. Они объяснили мнѣ главное: объяснили мнѣ, что я—невѣжда! Бывъ хвалимъ за географію, когда семи лѣтъ отъ роду я, какъ попугай, лепеталъ города и рѣки, я вообразилъ себя географомъ и потому до 30 лѣтъ не зналъ географіи; отличаемый въ 5-мъ классѣ за математику и исторію, я почелъ себя преученымъ мужемъ (13 лѣтъ), въ 7-мъ классѣ я сталъ сомнѣваться въ своей мудрости, а въ 8-мъ убѣдился, что ничего не знаю, и это убѣжденіе есть лучшее ручательство, что мои учителя были дѣльные и почтенные люди.

Не безъ декораций было и тогда въ гимназіи, да и не безъ лицемѣрія. При экзаменѣ въ 7-й классъ, 15 лѣтъ, меня въ первый разъ заставили прибѣгнуть къ лицемѣрію. Я во всемъ порядочно приготовился, кромѣ одного вопроса: о французской революціи; такія исключенія никогда не проходили для меня безнаказанно; билетъ былъ вынуть воспитанникомъ, стоявшимъ въ спискѣ тремя нумерами выше меня; казалось, бѣда прошла мимо. Но ни одинъ изъ моихъ предшественниковъ не отвѣчалъ удовлетворительно и, такимъ образомъ, тотъ же билетъ перешелъ ко мнѣ. Сначала я сказалъ откровенно, что эту эпоху не успѣлъ повторить и прошу дать мнѣ какой угодно другой вопросъ, но когда ректоръ (Зябловскій) заревѣлъ, какъ я смѣлъ сознаваться въ лѣности, то я изъ чувства самосохраненія объявилъ лицемѣрно, что съ намѣреніемъ не учился, по непреодолимому отвращенію къ революціямъ. Это было въ 1820 году, когда у насъ боялись карбонарства и безбожія. Мой отвѣтъ а fait fureur³⁾, и,

¹⁾ «Ну, идите же!»

²⁾ «Ну, вотъ, кушайте! Вы архиглупый человекъ!»

³⁾ Произвелъ фуроръ.

два года спустя, министр князь Голицынъ, давая мнѣ вмѣстѣ съ выпускнымъ дипломомъ Библию, рекомендовалъ мнѣ сохранить мои добрыя правила. На слѣдующемъ экзаменѣ, въ 1821 году, плохо заплатилъ я бѣдному моему профессору Плисову: это было въ разгарѣ пѣтизма въ высшемъ кругу. Князь А. Н. Голицынъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія; Руничъ попечителемъ учебнаго округа; Кавелинъ ректоромъ, кажется, и Магницкій былъ тутъ же чѣмъ-то, этотъ извѣстный іезуитъ. Изъ университета изгнаны лучшіе таланты; профессору эстетики Галичу грозили отставкою за либерализмъ его понятій. Галичъ, человѣкъ ограниченный, бѣдный, обремененный семействомъ, струсилъ и рѣшился объявить Руничу, что онъ постигъ свое заблужденіе и сознаетъ, что все ученіе эстетики—вздоръ. Руничъ объявилъ это на конференціи и вздумалъ предложить тутъ же благодареніе Господу, что сподобилъ возвратить заблудшую овцу на путь истины. При этомъ случаѣ выдумали, будто Галичъ подошелъ къ Руничу и поправилъ его рѣчь вполголоса: «Ваше превосходительство! я—баранъ!» Въ это-то странное время я держалъ экзаменъ изъ естественнаго права. Добирались до Плисова. Мнѣ только что минуло 16 лѣтъ, но я былъ малъ ростомъ съ дѣтскимъ лицомъ и звонкимъ дѣтскимъ голосомъ, меня и выбрали за оселокъ ученія Плисова. Экзаменъ происходилъ въ большомъ залѣ; насъ было только 16 человѣкъ; экзаменаторы: попечитель, ректоръ, директоръ (да, Кавелинъ былъ директоромъ училищъ, а Магницкій—ректоромъ университета), потомъ разные sub, всѣхъ человѣкъ семь, сидѣвшихъ за столомъ, сажень пять отъ нашего. Позвали меня къ столу и спросили, какъ я объясню по естественному праву, что государь можетъ награждать, наказывать, рубить головы своимъ судомъ, а онъ, Руничъ, такой же человѣкъ, этого права не имѣетъ. Товарищи шипѣли мнѣ издали: «помазанникъ»,—но я не дослыхивалъ и потерялся. Между тѣмъ Плисовъ замѣтилъ попечителю, что онъ не имѣетъ права дѣлать такіе вопросы и что они могутъ только навести юношей на мысли, какія имъ не пришли бы въ голову. Руничъ смѣшался. «Ну, пожалуй,—сказалъ онъ:—я васъ спрашиваю не объ Александрѣ I, а о Францѣ II». Я между тѣмъ понадумался и, въ убѣжденіи, что сдѣлаю отлично, объяснилъ конференціи, что Францъ имѣетъ власть по праву наслѣдства.—«А какъ же приобрѣлъ первый монархъ такое право?»—Я сталъ объяснять, что сначала люди избирали себѣ сами главу только на время войны съ сосѣдями, но избранные укрѣпили за собою власть съ помощію войска. Руничъ слушалъ меня съ удовольствіемъ; тѣмъ болѣе удивился я, когда Плисовъ дрожащимъ голосомъ прервалъ меня, увѣряя, что онъ никогда подобнаго не говорилъ своимъ слушателямъ. Руничъ же доказывалъ, что ребенокъ не можетъ.

самъ выдумать подобныя вещи. Завязался споръ о томъ, ребенокъ ли я, или нѣтъ. Инспекторъ докладывалъ, что мнѣ 16 лѣтъ; Руничъ и Магницкій утверждали, что мнѣ не можетъ быть болѣе 13-ти лѣтъ; инспекторъ побѣждалъ за метрическимъ моимъ свидѣтельствомъ. Профессоръ просилъ разрѣшенія выйти, а я, изумленный, раздосадованный на самого себя, стою передъ этими фарисеями! Когда я увидѣлъ, что профессоръ мой собирается выйти, я возмущенъ и тономъ негодованія объявилъ, что профессоръ никогда не говорилъ того, что я сказалъ; что я читалъ это въ сочиненіяхъ историческихъ, и между прочимъ— въ исторіи Галетти, которая была нашимъ учебникомъ официальнымъ. Потребовали исторію Галетти, велѣли мнѣ отыскать то мѣсто, въ которомъ выражена мысль, мною высказанная. Я нашелъ фразу, выражавшую, *à peu près* ¹⁾ то же; однакоже Плисовъ вышелъ въ отставку и потомъ опредѣлился въ комиссію составленія законовъ. Исторія Галетти отобрана у всѣхъ и запрещена. По выходѣ Плисова изъ залы Руничъ подошелъ къ намъ и сказалъ, что мы учились прекрасно, но что намъ внушались понятія превратныя; что естественное право мы знаемъ безъ профессора, если знаемъ десять заповѣдей и символъ вѣры, потому что въ этомъ заключается все естественное право, и другого права нѣтъ. Затѣмъ сталъ спрашивать насъ заповѣди. На бѣду—никто не зналъ твердо второй заповѣди; мы перетрусили, но попечитель увѣрилъ насъ, что всѣ будемъ переведены въ 8-й классъ, и что онъ дастъ намъ профессора умнѣе Плисова. И въ самомъ дѣлѣ, перешли мы всѣ въ 8-й классъ, и явился къ намъ на кафедрѣ молодой человекъ, какой-то Сергѣевъ. Мы приняли его очень дурно, и когда онъ сталъ читать намъ что-то изъ священнаго писанія, мы закашляли, зачихали, захаркали,—такъ что бѣдный Сергѣевъ совершенно потерялся. На слѣдующей лекціи Сергѣевъ объяснился съ нами откровенно; онъ понималъ, что намъ непріятно видѣть его послѣ Плисова; онъ сознавалъ, что его лекціи не могутъ быть нами одобрены,—но что же дѣлать, говорилъ онъ,—если не онъ, то другой будетъ намъ читать такой же вздоръ, по приказанію невѣждъ-начальниковъ; что посему онъ проситъ насъ провести какъ-нибудь часть его лекцій, и если мы желаемъ докончить настоящій курсъ естественнаго права, то онъ приглашаетъ насъ къ себѣ на квартиру, разъ въ недѣлю, и тамъ, въ дружеской бесѣдѣ, онъ будетъ развивать ученіе Канта и Лейбница. Мы и собирались у него раза три, но вскорѣ кафедре естественнаго права была уничтожена, и мы перешли къ римскому. Какъ все это умно!

---

¹⁾ Почти.

Наука успокоила меня нравственно; на Выборгской сторонѣ, у стариковъ, нашелъ я пріютъ безмятежный; мать моя съ дѣтьми и тетка-вдова со своими жили у родителей; по праздникамъ и въ каникулы насъ собиралось много: Фишеровъ четверо и Жлобцкихъ трое, братъ мой старше другихъ всѣхъ, я почти однихъ лѣтъ съ моимъ cousin Казимиромъ и года 3—4 старше кузины Эльвиры, а до отдачи сестеръ въ Смольный всѣхъ дѣтей было тамъ 9 человекъ, и они жили какъ родные, безъ всякаго сознанія разницы отъ двоюродныхъ; ссоръ не было никогда; я давалъ уроки моей кузинѣ—учитель 14—17 лѣтъ, ученица 10—13 лѣтъ, и былъ въ этомъ отношеніи взыскателемъ; строгая, серьезная матушка моя направляла насъ на пути нравственномъ, и никто не помышлялъ даже о пренебреженіи ея наставленій, а тѣмъ менѣе о сопротивленіи; кроткая, какъ ангель, и услужливая, какъ сестра милосердія, красавица-тетушка заботилась о нашихъ развлеченіяхъ; ее мы любили, но за совѣтами къ ней не ходили; обѣ сестры-вдовы были воплощеніемъ полезнаго и пріятнаго. Дѣдъ нашъ, 70 лѣтъ отъ роду въ годъ смерти отца моего, выходилъ каждое утро въ 7 часовъ въ палаты, а оттуда на свою вольную практику, пѣшкомъ, до 3 или 4 часовъ, заходя къ пациентамъ и у Каменнаго моста, и въ Ямской, когда бывали, все пѣшкомъ и всегда въ мундирѣ. Онъ померъ на 79 году, исполняя до самой смерти, т. е. въ теченіе около 30 лѣтъ, практику пѣшкомъ, безъ всякаго исключенія. Бабка моя пережила мужа своего лѣтъ 10; она умерла въ 1833 году, 78 лѣтъ, и до 70 лѣтъ сама хозяйничала, сама готовила и разливала чай и кофе семьѣ, въ которой бывало до 14 человекъ. У нея была оригинальная философія: въ приготовленіи, иногда въ одно время, и чая и кофе случалось, что она брала тою же ложкою то и другое, отчего попадали крупинки молотаго кофе въ чашку съ чаемъ, плававшія на сливкахъ въ видѣ черныхъ зернышекъ. Когда кто-либо изъ дѣтей старался вылавливать этихъ незванныхъ пришельцевъ, она находила это прихотью. «Was schadet es? Du liebst doch Kaffe!» ¹⁾ Уморительно было, что у нея передъ постелью висѣлъ литографированный портретъ генераль-штабъ-доктора Гассинга, который былъ сдѣланъ по подпискѣ подчиненныхъ ему врачей, къ величайшей досадѣ бабки, что недостаточныхъ отцовъ семействъ заставляютъ тратить деньги на пустяки. «(Gros Mutter!—спросилъ я одинъ разъ ее,—wofür sind Sie so zärtlich gegen Hassing, das Sie sein Portrait vor ihren Bette aufgehängt hatten?»—«Der Hallunke hat mir 10 rub. gekostet» ²⁾,

¹⁾ Что за бѣда? Вѣдь ты любишь кофе!

²⁾ Бабушка! за что вы такъ нѣжны къ Гассингу, что повѣсили его портретъ передъ вашею постелью?—Бездѣльникъ стоилъ мнѣ 10 рублей.

отвѣчала она съ досадою. Старушка видѣла, стало быть, подъ этою ненавистною ей фигурою свою любезную десятирублевую ассигнацію; портретъ представлялся ей какъ мавзолей надъ могилою ассигнаціи. Кромѣ насъ, былъ еще въ семействѣ нѣкто Шубертъ. Въ 1808 году отецъ мой, извѣстный уже своею благотворительностью, получилъ письмо отъ совершенно незнакомаго ему 18-лѣтняго юноши, воспитанника гимназіи, который писалъ ему, что, захворавъ ревматизмомъ въ ногахъ и пролежавъ въ гимназическомъ лазаретѣ 3 или 4 года, онъ объявленъ неизлечимымъ, навсегда лишеннымъ употребленія ногъ, что начальство положило отправить его въ солдатскій госпиталь и что онъ, не имѣя ни родственниковъ, ни знакомыхъ, обращается къ челоуколюбію отца съ просьбою о спасеніи его отъ ужасной будущности. Отецъ выхлопоталъ для Шуберта изъ академіи наукъ 300 р. ассигнаціями въ годъ, рассчитывая, что за эти деньги можно найти семейство, готовое содержать его, но такого семейства не отыскалось. Тогда онъ уговорилъ своего тестя, или, вѣрнѣе, свою тещу, взять Шуберта къ себѣ; въ то время старики были одни въ своей просторной квартирѣ.

II.

Начало моеи службы въ канцеляріи министра финансовъ. — Типы тогдашнихъ чиновниковъ. — Неожиданная встрѣча съ бывшимъ моимъ учителемъ Куршинымъ. — Министръ финансовъ Канкринъ. — Его образъ жизни и обращеніе съ подчиненными. — Сравненіе его съ преемниками. — Маленькая драма со мною. — Я дѣлаюсь извѣстнымъ министру. — Переходъ на службу въ департаментъ мануфактуръ. — 14 декабря 1825 года. — Исторія Галямина. — Нѣсколько словъ о себѣ. — Секретарство при членѣ театральнор дирекціи князѣ Гагаринѣ. — Уроки его дочерямъ.

Выросшій среди лишеній, налитанный понятіями о превосходствѣ людей, выше меня стоящихъ, я вышелъ изъ училища робкій передъ другими и передъ собою, не дерзающій предполагать въ себѣ умственную силу, могущую замѣнить преимущества наслѣдственныхныя. Напрасно ссылался я на примѣры лицъ историческихъ; разсудокъ говорилъ одно, а привычка — дѣлала другое. Во мнѣ было два челоука, одинъ, духовный, — независимый, другой, практическій, — робкій, и оба были въ постоянной ссорѣ.

Начало службы моеи не было назидательно. 17-ти лѣтъ опредѣлили меня въ канцелярію министра финансовъ. Тамъ я увидѣлъ два совершенно различные разряда чиновниковъ. Одни, знакомые съ директоромъ или съ его начальникомъ, развязные, расфранченные, расхаживали передъ директорскимъ кабинетомъ, декламировали тирады изъ вчерашней трагедіи угрюмымъ басомъ въ подраженіе Каратыгину, или напѣвали куплеты изъ водевилей;

другой разрядъ трудился надъ засыпанными пескомъ столами, поглядывая украдкою на болѣе счастливыхъ сверстниковъ. Работа была преглупая, — а не давалась мнѣ. Естественное право, эстетика, дифференціальныя исчисленія, ни Тацитъ или Гораций не являлись ко мнѣ на помощь для написанія простыхъ бумагъ, которыя писались моими полуграмотными сослуживцами, такъ сказать, спустя рукава. Что за чортъ?—думаль я.

Самыя личности выступали передо мной въ уродливыхъ видахъ, какъ призраки разгоряченнаго воображенія. «За мѣстомъ», по чиновническому выраженію, ходилъ я болѣе мѣсяца, каждый день являясь въ пріемную. Въ этой пріемной было много чиновниковъ въ звѣздахъ, съ Владимиромъ на шеѣ, которые, казалось мнѣ, такъ умны, что дай Богъ услышать ихъ разговоры, — и услышалъ. Маленькій сухенькій господинъ съ Владимиромъ на шеѣ (Взметневъ) произнесъ: «Легче Вронченкѣ пройти черезъ ушко иглиное, чѣмъ богатому попасть въ царство небесное». — На это возразилъ верзила, тоже съ Владимиромъ на шеѣ: «Верблюду!» — а маленький прибавилъ, «А ты развѣ не верблюдь?» — «Что за дьяволь?» — подумаль я.

Впослѣдствіи я привыкъ къ этому, потому что Вронченко былъ ежедневнымъ предметомъ грубыхъ насмѣшекъ, и не только не обижался ими, но самъ кривлялся и гримасничалъ.

Другое явленіе поразило меня болѣе глубоко. Перевели меня въ регистраторскій столъ; когда я подошелъ къ столу, то увидѣлъ передъ собою моего бывшаго учителя въ пансіонѣ Куршина, но въ какомъ превратномъ видѣ. Куршинъ былъ очень серьезенъ и внушалъ намъ, дѣтямъ, какое-то чувство полустраха и полууваженія; 8 лѣтъ я не видалъ его, но въ моемъ воображеніи остался образъ величавый и грозный. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ его, бѣднаго, убогаго, робкаго, сидящимъ за однимъ со мною столомъ, — даже ниже, потому что мнѣ отдавали бумаги французскія и нѣмецкія, а онъ записывалъ въ журналъ общія бумаги. Видъ этого старика, который показался мнѣ и ниже ростомъ и хуже одѣтымъ, навелъ на меня грустныя мысли; онъ указалъ на возможную будущность юноши, вступающаго въ государственную службу безъ покровителей. Этотъ добрый старикъ встрѣтился мнѣ лѣтъ черезъ 20, когда я былъ директоромъ департамента. Онъ пришелъ ко мнѣ просить «мѣстечка»; пришелъ онъ, бѣдный, въ рубищѣ, къ своему прежнему ученику, смиренный, молящій! Я былъ совершенно счастливъ, что могъ дать ему мѣсто, которое вполне удовлетворило его желаніе.

Если бы дни моей службы текли такъ однообразно, какъ у моихъ сослуживцевъ, я, вѣроятно, зачерствѣлъ бы, какъ они, но судьба насылала мнѣ маленькія катастрофы, которыя поджигали вновь угасающую энергію. Первая случилась на дежурствѣ у министра финансовъ.

Попавъ въ число 8-ми лицъ, смѣнявшихся на дежурствѣ, и имѣлъ случай видѣть униженность сановниковъ, гордо выступавшихъ передъ подчиненными, въ томъ числѣ и Уварова, столь грознаго и величественнаго въ гимназіи и такъ скромно игравшаго здѣсь съ министерскими дѣтками, но всего болѣе поразила меня личность министра. Канкринъ вступилъ въ управленіе министерствомъ въ то время, когда я вступилъ въ службу; дѣйствія его были еще впереди; наружность его—непривлекательна, но простота и скромность жизни были поразительны въ русскомъ министрѣ. Онъ и канцелярія помѣщались въ небольшомъ домѣ графини Шуваловой, на набережной, у гагаринской пристани, черезъ домъ отъ углового съ банями. Комнаты меблированы были очень скромно; въ семействѣ его жила *m-lle Pohl*, дочь полковника, умершаго или убитаго, съ которымъ Канкринъ былъ друженъ. *M-lle Pohl* ходила четыре раза въ день черезъ дворъ, съ большимъ ключомъ въ одной рукѣ и съ сливочникомъ въ другой, на ледникъ, два раза за сливками и два раза, чтобы отнести оставшіяся сливки. Не надо забывать, что Канкринъ былъ женатъ на Муравьевой, а извѣстно, что русскую дворянку трудно заставить экономничать въ виду свѣта. Вставалъ онъ рано и тотчасъ принимался за работу, обыкновенно за редакцію своихъ соображеній или плана распоряженій; писалъ онъ своей рукой, въ халатѣ, держа въ лѣвой рукѣ курительную деревянную трубку, и только мизинцемъ придерживая край бумаги. Писалъ онъ по-русски бѣгло, грамматически и синтаксически вѣрно, но вмѣсто *з* ставилъ почти всегда *с*, т. е. перо его подражало его произношенію (савтра, сабыль). Въ 9 часовъ ставили передъ нимъ большую чашку кофе, который онъ прихлебывалъ; иногда въ пылу работы забывалъ про него, и потомъ выпивалъ холодный въ одинъ приемъ; въ это же время тянулась къ нему вереница дѣтей здороваться: это была забавная сцена. Онъ протягивалъ руку, закусивъ трубку; не глядя на здоровающагося, продолжалъ писать; почувствовавъ поцѣлуй, клалъ руку на плечо привѣтствующаго, поворачивалъ его, и давалъ легкій толчокъ въ спину, не говоря ни слова. Работа его продолжалась до 10 или 11 часовъ; затѣмъ онъ надѣвалъ форменный сюртукъ, и если не выѣзжалъ въ государственный совѣтъ или комитетъ министровъ, то принималъ директоровъ для экстренныхъ объясненій или просителей. Доклады департаментовъ происходили вечеромъ. Каждый вечеръ докладывалъ одинъ департаментъ съ 8 часовъ до 11, 12, 1, а иногда и до 2 часовъ ночи. Только директоръ канцеляріи и департаментъ казначейства и банковъ докладывали по утрамъ. При императорѣ Александрѣ I министръ, за два дня передъ докладнымъ днемъ, ѣздилъ въ Грузино къ Аракчееву, однако не каждую недѣлю. Въ 5-мъ часу онъ обѣдалъ, отпуская дежурнаго до 7 часовъ вечера; послѣ обѣда

читалъ газеты и иногда засыпалъ въ большихъ креслахъ, и съ 7 часовъ принимался опять за работу. Всѣ приемы его были особенныя. Онъ никогда не употреблялъ обычнаго способа отказывать въ приемѣ отзывомъ, что его дома нѣтъ, а говорилъ просто, что занятъ; если это относилось къ важному лицу, то онъ просилъ дежурнаго сойти къ каретѣ и доложить, что министръ никакъ не можетъ отложить свою работу, и что онъ самъ приѣдетъ. Звонокъ его гремѣлъ или одинъ разъ, или два, или три раза сряду; одинъ разъ значило: Ивана Максимовича Ореуса, сидѣвшаго съ утра до вечера въ передней за перегородкой; два раза — дежурнаго; три раза — курьера. «Это, батюшка, тля тово, что Ифанъ Максимичъ мнѣ нушенъ чаще, а курьеръ—рѣше тругихъ». Здоровья своего онъ не берегъ вовсе, къ вѣчному безпокойству семейства; кушая разъ въ сутки, онъ часто обременялъ черезъ мѣру желудокъ; чувствуя жаръ, обыкновенно въ поздній вечеръ, онъ разстегивался, отворялъ форточку и становился передъ нею, даже зимою. Такъ длилось многіе годы; потомъ, когда зрѣніе его ослабѣло, читалъ ему газеты П. П. Гець; потомъ Гець отмѣчалъ карандашомъ заслуживающее вниманіе, а Кюзель это прочитывалъ. По утрамъ онъ уже не писалъ своеручно, но прогуливался (лѣтомъ) въ Лѣтнемъ саду, или, если не жилъ въ Лѣсномъ институтѣ, имъ созданномъ, переправлялся на гласисъ Петропавловской крѣпости, который, можно сказать, собственными руками засадилъ деревьями и обратилъ въ нынѣшній Александровскій паркъ. Какъ грубъ и придирчивъ былъ съ дежурными Ореусъ, такъ ласковъ и невзыскателенъ былъ министръ. Одна исторія, кажется, всѣми забытая, вполне обрисовываетъ сердце Е. Ф. Канкринъ: въ канцеляріи служилъ писцомъ очень молодой мальчикъ, отличный каллиграфъ, который на дежурствѣ утаилъ пакетъ съ деньгами, 100 рублей. Когда это открылось, подняли шумъ, кто кого строже считалъ нужнымъ быть съ похитителемъ, но скрыть этотъ случай отъ министра не смѣли. Канкринъ прехладнокровно спросилъ, кто этотъ чиновникъ, какого чина и давно ли въ службѣ, и когда услышалъ, что онъ очень молодъ, пожелалъ его видѣть. Мальчику было лѣтъ 12, и оказалось, что отецъ его служилъ въ министерствѣ финансовъ. Канкринъ позвалъ отца, разругалъ его въ пухъ и грозилъ выгнать изъ службы за то, что онъ эксплуатируетъ сына прежде, чѣмъ дать ему воспитаніе. Чиновникъ оправдывался тѣмъ, что не имѣлъ средствъ учить сына дома, а въ казенныя заведенія отдать не могъ за неимѣніемъ вакансій. Канкринъ пополнилъ кассу изъ своихъ денегъ, преступника велѣлъ высѣчь розгами и потомъ опредѣлилъ его въ какое-то учебное заведеніе. Много ли другихъ начальниковъ,—не говорю уже о министрахъ — поступили бы такъ чело-вѣколюбиво.

Какая разница между этою личностью и его преемниками во всемъ, даже въ простотѣ жизни! Не говорю о Вронченкѣ: это былъ мужикъ, но Брокъ!—Брокъ, который перебивался жалованіемъ,—въ чемъ, впрочемъ, нѣтъ ничего дурного,—употребилъ казенныхъ денегъ 90 тысячъ рублей на отдѣлку и переустройство дома, въ которомъ нѣкогда жилъ графъ Литта, вельможа патриціи, въ гербѣ котораго красовались великія буквы Римской республики: S. P. Q. R. (Senatus populusque romanus). Канкрину, у котораго бывали въ командѣ цѣлыя отряды, курьеръ подавалъ пакеты изъ рукъ въ руки, а Броку, у котораго долго не было и камердинера, подносилъ пакеты лакей въ ливреѣ на серебряномъ подносѣ. Канкринъ нажилъ себѣ состояніе, бывъ 25 лѣтъ министромъ, имѣвъ аннексу, приносящую 25 тысячъ рублей годового дохода, и получивъ нѣсколько огромныхъ подарковъ отъ государя. Брокъ разбогатѣлъ въ 4 года, надѣлавъ проказъ на 40 лѣтъ.

Прекрасная вещь — портретная галерея, если всматриваться въ нее глубже. Передъ рядомъ портретовъ министровъ финансовъ, помѣщенныхъ въ официальномъ кабинетѣ министра, взоръ невольно останавливается на серьезной и грустной фізіономіи Канкринна: она выдвигается какъ массивный рельефъ надъ плоскими изображеніями. Рядъ этихъ портретовъ представляетъ два отдѣла, среди которыхъ Канкринъ одинъ, «какъ грозный часовой»; передъ нимъ Гурьевъ, графъ Васильевъ, Голубцовъ—вельможи. На лицахъ не видно большого ума, видно самодовольство барское. За Канкриннымъ: Вронченко, Брокъ, Княжевичъ—чиновники. Въ нихъ тоже нѣтъ ума, но видно самодовольство чиновничье, за исключеніемъ развѣ Княжевича, на лицѣ котораго замѣтно не самодовольство, а простое удовольствіе. Эти два типа, первый блѣднѣетъ, второй краснѣетъ передъ ликомъ умнаго, задумчиваго Канкринна. Такъ сенатская портретная галерея императоровъ рассказываетъ мнѣ политическую исторію сената. Портретъ Петра Великаго прекрасный, и другой его же, мозаика, сдѣланная собственноручно Ломоносовымъ; Анны Иоанновны—плохой; Елизаветы Петровны—лучше; Екатерины II—великолѣпный; Павла I—дурень; Александра I—приличенъ; Николая I—дурень; Александра II еще хуже. Стало быть, при Петрѣ и Екатеринѣ считали сенатъ достойнымъ отличныхъ художественныхъ произведеній; при Аннѣ и Елизаветѣ не заботились о томъ, что въ сенатѣ; при Александрѣ I хотѣли *sauver les apparences*¹⁾; при остальныхъ—жалъ было тратить деньги для украшенія такого ничтожнаго учрежденія, какъ сенатъ. Вотъ его вся исторія.

Я аккуратно являлся на дежурство вечеромъ, хотя министръ никогда не спрашивалъ въ это время дежурнаго; но разъ я

¹⁾ Соблюсти приличія.

опоздалъ, провожая брата, отправлявшагося въ полкъ, и, какъ нарочно, случилось, что министръ меня требовалъ. Не найдя дежурнаго, онъ положилъ на его столъ записку своей руки слѣдующаго содержания: «Савтра въ 12^{1/2} часовъ И. И. Розенбергъ, въ 11^{1/2} часовъ С. С. Уваровъ». Нашедъ на столѣ эту записку, я написалъ къ обоимъ директорамъ повѣстки, что министръ ожидаетъ ихъ завтра въ такомъ-то часу. На другой день, въ 9 часовъ утра, сдалъ я дежурство другому, какъ вдругъ около 2 часу поднялась въ канцеляріи суета; произносилось мое имя, и наконецъ директоръ Я. А. Дружининъ позвалъ меня къ себѣ. «Что вы надѣлали,—говорилъ онъ:—васъ приказано смѣнить, да и мнѣ до-сталось». Узнавъ, въ чемъ дѣло, я представилъ ему собственноручную записку. Драма была порядочная. Около 11 часовъ выбѣжалъ министръ къ дежурному, со всѣмъ стукомъ своихъ толстыхъ сапоговъ, и закричалъ: «Когда пріѣдетъ Уваровъ, скажите ему, что я самъ буду ѣздить къ нему съ таклатомъ (докладомъ)». Уваровъ пріѣхалъ и дежурный пересказалъ ему, что велѣно. Уваровъ приказалъ доложить министру, что онъ желаетъ сказать два слова, но Егоръ Франзовичъ отвѣчалъ: «Пускай онъ идетъ фонъ!» Затѣмъ пріѣхалъ и Розенбергъ, котораго Канкринъ сталъ бранить, что онъ опоздалъ цѣлымъ часомъ. Розенбергъ показалъ повѣстку, а Уваровъ между тѣмъ прислалъ и свою, и весь ураганъ обратился на меня, 18-лѣтняго юношу. Дружининъ показалъ Егору Франзовичу собственноручную его записку. «Попросите извиненія у дежурнаго, я самъ напуталъ». Въ слѣдующую очередь, Канкринъ вышелъ ко мнѣ и спросилъ мое имя. «Lesen Sie deutsche Zeitungen?»—«Ich habe dazu keine Gelegenheit, Excellenz». ¹⁾ Помель опять въ кабинетъ и вынесъ мнѣ «Allgemeine Zeitung». ²⁾ Съ тѣхъ поръ я сталъ знакомъ съ министромъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ раздавали канцеляріи денежные награды; я ничего не получилъ, да и не ожидалъ. Мой начальникъ отдѣленія вздумалъ ставить мнѣ въ упрекъ, что я не просилъ начальника 1 отдѣленія, мнѣ посторонняго, и когда я отозвался, что это его дѣло было просить обо мнѣ, онъ отвѣчалъ: «Да-съ, я радъ, что мнѣ самому дали!»—«Если у васъ такія правила, то я не хочу служить у васъ», замѣтилъ я ему, и подалъ въ отставку. Разумѣется, никто объ этомъ не тужилъ, и меня уволили. Къ счастью, эта выходка прошла безнаказанно: я вскорѣ получилъ мѣсто въ департаментѣ мануфактуръ, и еще лучшее. Служа въ этомъ департаментѣ, я, со всѣми другими, присягалъ на вѣрность Константину Павловичу, и, благодаря райскому спокойствію Сергіевской улицы, гдѣ былъ департаментъ,

¹⁾ «Вы читаете нѣмецкія газеты?»—«Не представляется къ тому случая, ваше превосходительство».

²⁾ «Всеобщая Газета».

и Выборгской стороны, гдѣ я жилъ, 15 декабря 1825 г. я не зналъ, что наканунѣ была революція, ни того, что государя моего зовутъ не Константиномъ, а Николаемъ. 15 декабря утромъ матушка предложила мнѣ итти съ нею къ М. И. Галяминой, жившей у сына, въ зданіи главнаго штаба. Первый предметъ, насъ поразившій, встрѣтили на томъ мѣстѣ, гдѣ Большая Миліонная входитъ въ Дворцовую площадь: тутъ стояли орудія, и около догорающихъ костровъ грѣлись канониры; подвигаясь по площади, видѣли мы изрытый снѣгъ, изрѣдка мѣста, покрытыя свѣжимъ снѣгомъ, далѣе отряды войскъ; спрашиваемъ у прохожихъ, что это значитъ: намъ никто не отвѣчаетъ. Передъ зданіемъ главнаго штаба стоялъ строй, кажется, Измайловскаго полка; передъ нимъ верхомъ Николай Павловичъ, блѣдный, какъ полотно. На вопросъ сторожу, стоявшему у дверей подъѣзда, что это все значитъ, онъ отвѣчалъ лаконически: «присягаютъ!» — и болѣе ничего. Такъ вошли мы къ Галямину; въ передней стоялъ солдатъ и офицеръ; пока мы снимали шубы, вышелъ Галяминъ и отдалъ офицеру шпагу, а намъ сказалъ второпяхъ: «не говорите маменькѣ». Только отъ старушки Галяминой узнали мы, что было. Она рассказывала съ трепетомъ за обожаемаго сына, что онъ получилъ ночью повѣстку явиться во дворецъ для принесенія присяги государю Николаю, что сынъ не поѣхалъ, отзвываясь, что въ толпѣ ничего не значитъ одинъ полковникъ,—но когда начался бунтъ, то заперли ворота, и, вѣроятно, станутъ считать, кого во дворцѣ нѣтъ. Такъ это и было. Галямина не досчитывались, и потому онъ былъ арестованъ. Между тѣмъ черезъ Ростовцева знали уже наканунѣ имена нѣкоторыхъ заговорщиковъ, въ числѣ которыхъ былъ и полковникъ генеральнаго штаба Искрицкій. Его арестовали, лакеевъ взяли къ допросу, и одинъ изъ нихъ показалъ, что въ минуту ареста или нѣсколько ранѣе баринъ посылалъ его съ запиской къ Галямину. Галяминъ показалъ, что записку сжегъ; о содержаніи записки его показанія не сошлись съ показаніемъ Искрицкаго, и дѣло приняло оборотъ серьезный. Слѣдственная комиссія не изобличила Галямина, но на немъ осталось подозрѣніе, и онъ переведенъ въ Нейшлотскій полкъ, стоявшій на Аландѣ. Когда прошли первыя впечатлѣнія, о Галяминѣ стали намекать государю его доброжелатели, но онъ и слышать не хотѣлъ о немъ. Черезъ многіе годы графъ Нессельроде поручилъ Галямину разграниченіе Финляндіи съ Норвегією,—и по окончаніи имъ (очень дурномъ) этого порученія снова просили о прощеніи его; однако всѣ эти просьбы окончились брильянтовымъ перстнемъ; между тѣмъ Галяминъ, отличный офицеръ, замѣчательный пейзажистъ, сталъ пить отъ скуки. Прошли еще годы. Разъ государь жаловался на недостатокъ въ русскихъ патріотизма; повсюду видѣлъ онъ выставки заграничныхъ пейзажей, а русскаго—ни

одного! Князь Волконскій замѣтилъ, что это происходило не отъ недостатка патріотизма, а отъ недостатка поощренія. Тотчасъ отправили къ Галямину курьера за его знаменитымъ акварельнымъ альбомомъ. Князь Волконскій представилъ альбомъ государю, который былъ отъ него въ восхищеніи. «Кто это рисовалъ?»— «Галяминъ».— Но все-таки государь не согласился перевести его въ генеральный штабъ. Изъ альбома государь выбралъ нѣкоторые пейзажи и заказалъ для императрицы фарфоръ съ ихъ изображеніями, а Галямина назначили директоромъ фарфороваго завода. Странная судьба: сторожъ, квартальный, математикъ, геодезъ, придворный кавалеръ и—начальникъ фарфороваго завода. Точно видоизмѣненія насѣкомаго: жукъ, червякъ, стрекоза, бабочка, куколка!

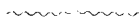
Вступивъ въ службу, я налегъ на чтеніе, чтобы восполнить тѣ пробѣлы, на которые указало мнѣ преподаваніе моихъ почтенныхъ профессоровъ. Читалъ Плутарха, Гиббона, Герена, Боссюэта, Монтескьё, Адама Смита, Сисмонди и пр., потомъ Вольтера, Кондильяка, т. е. философовъ, потомъ Скотта, Коцебу и, наконецъ, съѣхалъ на Редклифъ и Августа Лафонтена. Романы Лафонтена, оказавшіеся впоследствии глупыми, дѣйствовали сильно на мою нервическую натуру. Плаксивые герои ненадолго плѣнили мое воображеніе, но зато рыцари оставили во мнѣ какую-то драпировку отъ которой я во всю жизнь мою не могъ отдѣлаться; безпрестанно я совался защищать угнетаемаго безъ его просьбъ, или унижать, или изобличать интригу; съ людьми неуважительными велъ себя съ намѣреніемъ обнаружить имъ свои чувства неуваженія, — и всегда портилъ этимъ себѣ карьеру. Впрочемъ, объ этомъ я не сожалею. Духовная работа моей натуры довершилась встрѣчею моею на 21 году съ женщиной, которой очаровательная наружность изображала небесную чистоту ея сердца; хотя холодная по чувствамъ, она обладала воспламенительнымъ воображеніемъ, проникавшимъ во всю ея женственность. Эта особа, принадлежавшая уже другому, слушала меня охотно, любила мой разговоръ — о любви не было ни слова — и возбудила во мнѣ восторги выше прочихъ моихъ ощущеній, вмѣстѣ взятыхъ. Неудовлетворенное чувство отняло у меня всю прелесть жизни; впоследствии оно изгладилось, но вмѣстѣ съ нимъ я потерялъ способность быть счастливымъ; всѣ новыя впечатлѣнія были вялы и безцвѣтны въ сравненіи съ тѣмъ, которое впервые пробѣжало, какъ электрическая искра, по всей моей нервной системѣ.

Въ 1826 году совершился новыи переворотъ въ моей жизни. Князь Гагаринъ, шталмейстеръ и членъ театральной дирекціи, искалъ секретаря. Дирекція состояла изъ трехъ членовъ: князя В. В. Долгорукова, графа Кутайсова и князя А. П. Гагарина. Общія дѣла рѣшались этою коллегіею, которая имѣла свою канцелярію, но, сверхъ того, каждому члену поручено было ближай-

шее наблюдение за каждою спеціальною сценою. Долгоруковъ завѣдывалъ драмою; Кутайсовъ—оперою; Гагаринъ—балетомъ, и для этой-то переписки нуженъ былъ Гагарину секретарь партикулярный. Я принялъ это мѣсто, чтобы выйти изъ семейной скорлупы въ другую средину; для занятій моихъ опредѣлены были часы, отъ 8—10 утра, и за это мнѣ предложили 600 руб. и жизнь въ семействѣ князя. Прошло мѣсяца три; занятій не было никакихъ. Иногда приходилось писать: «Le pr. Gagarin prie m-r Didelot de vouloir bien passer chez lui a telle heure» ¹⁾, и чаще: «Le pr. Gagarin a l'honneur de transmettre, ci-près à m-r N. N. les roubles, qu'il lui est resté devoir» ²⁾—т. е. вчерашній проигрышъ. Гагарина, родная сестра князя Меншикова, просила меня, когда я не занятъ у мужа, потрудиться давать уроки русскаго языка и ариѳметики княжнамъ. Этому я очень обрадовался, потому что со мною обращались необыкновенно привѣтливо, и мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь вознаградить за ласки. Притомъ княжны были миленькія, старшая 15 лѣтъ, вторая — 13, младшая — 11, а мнѣ неполные 21 годъ. Я чувствовалъ себя здѣсь на мѣстѣ, гораздо болѣе, чѣмъ при матушкѣ, которая трактовала меня, какъ маленькаго Костю, не замѣчая, что во мнѣ было уже 2 арш. 7¹/₂ вершковъ и что меня вездѣ звали Константиномъ Ивановичемъ. Жизнь въ домѣ князя изгладила то огромное различіе, которое я предполагалъ между нашимъ семействомъ и семействами высокихъ лицъ, окруженныхъ роскошью; тѣ же мелочныя заботы, тѣ же мелочныя досады, только масштабъ другой да приемы иные. Что ни говори демократы, а любовь изящнаго присуща человѣку. Г. Заблоцкій хвасталъ тѣмъ, что онъ сохранилъ мужицкія манеры; зачѣмъ же онъ садится у себя на золоченый стулъ, а не на сосновый чурбанъ. Лжетъ онъ, г. Заблоцкій,—онъ не сохранялъ мужицкихъ манеръ, а только не умѣлъ отъ нихъ освободиться. Онъ могъ на казенныя деньги заказать себѣ золоченую мебель, но не нашелъ лавки, гдѣ продаются мягкость движеній, приличіе тона и небрежное щегольство—предметы, которыми владѣлъ, на примѣръ, князь Меншиковъ, съ которымъ я познакомился въ домѣ Гагарина.

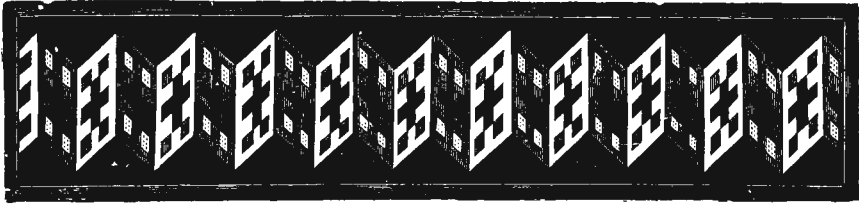
К. И. Фишеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Князь Гагаринъ проситъ г. Дидло пожаловать къ нему въ такомъ-то часу.

²⁾ Князь Гагаринъ имѣетъ честь вручить при семъ господину N. N. столько-то рублей, которые онъ ему остался долженъ.

ПОИСКИ ПРОТОДІАКОНА.

Разсказъ изъ духовнаго быта.

I.

РЕВНІЙ соборъ стоялъ неизблемо, всѣмъ своимъ видомъ непрестанно напоминая Москвѣ, что она, несмотря на множество настроенныхъ въ ней новыхъ, многоэтажныхъ зданій въ заморскомъ стилѣ, все-таки древній и все-таки русскій городъ.

Окрашенный въ какую-то смутную краску съ кирпичнымъ оттѣнкомъ, безформенный, съ множествомъ золоченыхъ куполовъ, похожихъ на большіе мячи и какъ-то безпричинно и безцѣльно столпившихся на длинной крышѣ, съ приземистой колокольной, изъ которой, однако, выглядывалъ, а, когда это требовалось обстоятельствами, ревѣлъ огромный колоколъ,—соборъ тѣсно былъ соединенъ съ рядомъ одноэтажныхъ домовъ, которые занимали цѣлый кварталъ и всѣ принадлежали ему, собору, да, кромѣ того, его именемъ были названы: улица, куда выходилъ его фасадъ, и переулокъ, ее пересѣкавшій.

Что онъ стоялъ неизблемо въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго. Но что на немъ не потускнѣла кирпичная окраска, не свалился на бокъ ни одинъ изъ многочисленныхъ куполовъ, что въ стѣнахъ его нигдѣ не показалось трещины — теперь, въ эти послѣдніе дни, этому надо было удивляться, потому что въ нѣдрахъ принадлежавшихъ къ нему владѣній произошло событіе самаго трагическаго свойства.

Прихожане узнали объ этомъ, когда однажды съ колокольной раздался медленный, протяжный, печальный погребальный звонъ. Умеръ протодіаконъ, отецъ Ксенофонтъ, котораго знала вся купеческая Москва.

Хотя съ точки зрѣнія законовъ природы эта смерть представлялась вполне естественнымъ явленіемъ, такъ какъ отцу Ксенофонту было уже за 60 лѣтъ, тѣмъ не менѣе событіе это потрясло сердца не только причта собора и вѣрныхъ прихожанъ, но и всѣхъ мало-мальски цѣнящихся церковное благолѣпіе.

Однакожь, нельзя сказать, чтобы это случилось такъ ужъ, безъ всякаго предупрежденія. Было всего только одно, но крайне зловѣщее, и прежде, чѣмъ приступить къ изложенію обстоятельствъ, явившихся слѣдствіемъ смерти отца Ксенофонта, о немъ необходимо разсказать подробно.

Отецъ Ксенофонтъ началъ свою протодіаконскую службу съ 20-тилѣтняго возраста. Учился онъ тогда въ семинаріи и былъ еще далекъ отъ окончанія курса, но Богъ далъ ему такую необыкновенную глотку, что не было никакой надобности кончать курса. Тогдашній инспекторъ семинаріи, любившій остроумныя сопоставленія, говорилъ, что Ксенофонтъ Явленскій представляетъ собою, въ одномъ своемъ лицѣ, возрожденныхъ—царь-колоколъ и царь-пушку, и что его даже небезопасно держать въ семинаріи, ибо однажды, когда онъ, оставивъ свою кротость, во гнѣвѣ испустить нѣкое рычаніе во всю силу своей глотки, произойдетъ такое сотрясеніе воздуха, что падутъ стѣны семинарскія.

Какъ разъ въ это время смерть освободила вакансію протодіакона въ древнемъ соборѣ, и Ксенофонта Явленскаго, несмотря на его молодость, женили и поставили на протодіаконское мѣсто. Съ тѣхъ поръ невысокіе своды храма въ теченіе болѣе чѣмъ 40 лѣтъ оглашались его поразительнымъ рычаніемъ. Звукъ его голоса, казалось, впитался въ самыя стѣны храма. Когда онъ раскрывалъ ротъ и оттуда медленно, спокойно выливалась густая, тяжеловѣсная лава звуковъ, то казалось, что эту массу звуковъ никоимъ образомъ не можетъ производить глотка одного человѣка, и было такое впечатлѣніе, что звучало все: и стѣны, и потолки, и полы, и иконы, и подсвѣчники, и прихожане, наполнявшіе храмъ, уста же отца Ксенофонта были только трубой, черезъ которую проходили эти звуки. Безъ всякихъ усилій, безъ возвышенія голоса, только лѣнивымъ движеніемъ губъ онъ производилъ тягучій, продолжительный громъ, и всѣ другіе голоса, раздававшіеся во время службы въ храмѣ, казались безпомощнымъ щебетаніемъ маленькихъ птичекъ.

Когда онъ въ первый разъ появился въ древнемъ соборѣ во время архіерейскаго служенія и въ первый разъ раскрылъ ротъ въ качествѣ протодіакона, вся церковь дрогнула, не только отъ

силы его голоса, но и отъ изумленія, что въ такомъ тщедушномъ тѣлѣ можетъ заключаться такая необыкновенная сила.

И въ самомъ дѣлѣ отецъ Ксенофонтъ тогда былъ длиненъ и худъ, какъ жердь. Щеки у него были впалыя, скулы острыя, шея длинная и тонкая и вообще видно было, что онъ только что отъ семинарскихъ хлѣбовъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ пускалъ корни въ своемъ новомъ званіи и усваивалъ приличествующіе этому званію обычаи, тѣло его округлялось, раздавалось вширь, щеки полнѣли и краснѣли, въ то же время обрастая сочными, обильными рыжеватыми волосами, а когда прошло лѣтъ 15, фигура его сдѣлалась колоссальной. Онъ представлялъ собою тяжесть непомѣрную, отъ которой, когда онъ съ кадиломъ въ рукахъ носилъ ее по церкви, медленно и тяжело ступая, гнулся полъ, дрожали подсвѣчники, иконы и люди.

И только теперь прихожане перестали изумляться его голосу, потому что ему вполне соответствовали размѣры и вѣсъ его тѣла. Но надо сказать, что только съ этого времени началось настоящее протодіаконское житье-бытье отца Ксенофонта. До сихъ поръ, такъ какъ онъ представлялъ собою несовершенный, незаконченный видъ протодіакона, прихожане, являясь въ соборъ, слушали его голосъ, хвалили, восхищались, упивались, но это было только наслажденіе уха. Сердца же ихъ не растворялись и отношенія ихъ къ отцу Ксенофонту не переходили грани простого почтенія.

Когда женился богатый купеческій сынъ на столь же богатой купеческой дочкѣ, отецъ Ксенофонтъ громоносно выносилъ апостола; за что, разумѣется, получалъ особую мзду. Когда умиралъ прихожанинъ, отецъ Ксенофонтъ, искусно модулируя въ минорныхъ тонахъ, солидно мурлыкалъ «Вѣчную память», но это мурлыканье было такое могучее, что его навѣрно слышали и ангелы на небесахъ.

Но прихожане воздерживались привлекать отца Ксенофонта къ своей частной жизни. Для этого онъ еще недостаточно «взошелъ», какъ всходитъ тѣсто, когда его бываетъ пора сажать въ печь.

Когда же исполнилось 15 лѣтъ его службы въ санѣ протодіакона и событіе это было отпраздновано надлежащимъ образомъ, то у прихожанъ вдругъ точно повязка спала съ глазъ. Они увидѣли, что ихъ соборъ обладаетъ такимъ совершеннымъ протодіакономъ, какого навѣрно не сыщешь нигдѣ во всей православной Руси. Роста трехаршиннаго, а полтора въ спинѣ, онъ несъ передъ собою столь почтенныхъ размѣровъ животъ, что его хватало бы на пятерыхъ. А изъ могучей груди его, не только въ службѣ, но и въ простомъ разговорѣ, какъ будто вылетали бомбы, которыя тутъ же ежеминутно разрывались.

Но на пиршествѣ, устроенномъ въ его честь, обнаружились его еще болѣе трогательныя протодіаконскія свойства. Пища въ

него входила колоссальными количествами, а въ питьѣ съ нимъ могъ сравниться развѣ только сказочный Илья Муромецъ. И дѣлалъ онъ это безъ всякой жадности, спокойно, неторопливо, величественно, и тутъ-то прихожане увидѣли, что владѣютъ настоящимъ кладомъ, восхитились, и сердца ихъ растаяли. Придя на пиршество съ холодными лицами людей, явившихся отдать честь по обязанности, большинство купцовъ съ пиршества ушли закадычными друзьями отца Ксенофонта. Всѣ перецѣловались съ нимъ и были на «ты».

Съ этого и началась настоящая карьера отца Ксенофонта. Пить онъ дѣйствительно могъ много, его бездонная утроба могла вмѣщать въ себѣ цѣлый погребъ, но онъ почти никогда этого не дѣлалъ, потому что не имѣлъ случая. Теперь же купцы стали приглашать его на свадьбы, именины, тризны и всякія другія пиршества и уже не проходило недѣли, чтобы отца Ксенофонта раза два не привезли домой недвижимымъ, послѣ чего на другой день у него болѣла голова, а голосъ, обыкновенно мягкій, бархатистый и сочный, напоминалъ рычаніе дикаго звѣря въ пустынь.

Мать-протодіаконица, принимая недвижимое тѣло своего повелителя, съ сокрушеніемъ качала головой, но скорбь ея была неглубока и непродолжительна, ибо она тотчасъ же находила для себя великое утѣшеніе. Она запускала руку въ одинъ глубочайшій карманъ его кафтана, потомъ въ другой и вынимала оттуда цѣлую кучу скомканныхъ кредитокъ, среди которыхъ не было ни одной менѣе 10-тирублеваго достоинства, а на другой день, когда отецъ Ксенофонтъ окончательно приходилъ въ чувство, они вмѣстѣ отправлялись въ нѣкій банкъ и вносили въ него вчерашній доходъ.

Нельзя сказать, чтобы эти кредитки доставались отцу Ксенофонту такъ ужъ легко и безъ вреда здоровью. Свадьба ли, именины ли, или какой другой праздникъ въ купеческомъ домѣ, иногда даже поминки по только что опущенномъ въ могилу дорогомъ покойникѣ,—все равно отецъ Ксенофонтъ былъ тамъ, такъ какъ имѣть его среди своихъ гостей сдѣлалось уже вопросомъ тщеславія. И само собою разумѣется, онъ являлся центральной фигурой.

Еще, пока время проводили въ гостиной и въ другихъ комнатахъ, роль его была скромная, когда же переходили въ столовую, его сажали на самомъ видномъ мѣстѣ и онъ становился предметомъ особыхъ заботъ. Сперва ему давали хорошенько наѣсться и напиться, а затѣмъ онъ начиналъ функционировать.

Въ то время, какъ передъ другими гостями стояли обыкновенныя рюмки большихъ и малыхъ размѣровъ, передъ отцомъ Ксенофонтомъ стоялъ серебряный кубокъ, который не былъ ничьей собственностью и переходилъ изъ дома въ домъ, гдѣ было

пиршество. Кубокъ этотъ вмѣщаль въ себѣ добрыхъ полбутылки и ближайшіе сосѣди отца Ксенофонта ревностно заботились о томъ, чтобы кубокъ всегда былъ полонъ.

Вставалъ отецъ Ксенофонтъ и громовымъ голосомъ выносилъ многолѣтіе хозяину, хозяйкѣ и ближайшимъ родственникамъ. Гости, изрядно уже подвыпившіе, подхватывали, и нестройный хоръ заканчивалъ начатое имъ дѣло. Это была, такъ сказать, официальная часть.

Но по мѣрѣ того, какъ головы туманились, а глаза разгорались, веселье принимало болѣе интимный характеръ. Начало полагалъ этому какой-нибудь изъ наиболѣе почтенныхъ, а потому и ближе къ отцу Ксенофонту сидящихъ гостей. Онъ стыдливо вынималъ изъ кармана толстый бумажникъ и, незамѣтно для сосѣдей, подъ столомъ, вытаскивалъ изъ него бумажку такого достоинства, какое соотвѣтствовало его собственному достоинству. Обыкновенно это бывала четвертная, но бывали случаи, когда изъ-подъ стола блестѣла и радуга.

— Вотъ, отецъ Ксенофонтъ... возгласи и на мою долю!

И бумажка изъ его руки переходила на столъ передъ самымъ носомъ отца Ксенофонта. Отецъ Ксенофонтъ громово откашливался, грузно поднимался и провозглашалъ:

«Благоденственное и мирное житіе, здравіе же и спасеніе, во всемъ благое поспѣшеніе... препочтеннѣйшему гражданину и рабу Божію Саввѣ Парменовичу... и сохрани его на мно-о-гая лѣ-э-та-а...»

И когда голосъ его достигалъ такой высоты, что отъ сотрясенія воздуха начинали звенѣть тарелки, всѣ, сидѣвшіе за столомъ, дружнымъ, хотя и нестройнымъ, хоромъ подхватывали и пѣли многолѣтіе Саввѣ Парменовичу.

Но едва замолкалъ хоръ, какъ уже другая пара рукъ возилась съ бумажникомъ и новая кредитка передъ отцомъ Ксенофонтомъ присоединялась къ первой, и нѣкто говорилъ:

— А ну, отецъ Ксенофонтъ, разодолжи!

Отецъ Ксенофонтъ опять откашливался и вновь поднимался.

— Теперь за супругу... Вали за меня, отецъ Ксенофонтъ!.. Хватай-ка и на мою долю!.. Теперь моя очередь!.. За мое семейство!.. За тещу!.. За свояченицу!..

Отецъ Ксенофонтъ каждый разъ поднимался, откашливался и отхватывалъ многолѣтіе, аккуратно называя всѣхъ полными именами. Не было надобности подсказывать ему. Онъ зналъ всю родню своихъ прихожанъ, всѣхъ тещъ и свояченицъ.

И голосъ его гремѣлъ, а подтягивавшій хоръ становился все крикливѣе и нестройнѣе. Но въ то же время куча кредитокъ передъ нимъ возрастала. Однако онъ не обращалъ на нее вниманія, даже какъ будто не видѣлъ.

Но это, разумѣтся, съ его стороны былъ только благородный пріемъ. Онъ очень хорошо видѣлъ не только всю кучу и ея возрастаніе, но точно замѣчалъ, сколько кто положилъ, и голосъ его, уже помимо его воли, для четвертной бумажки звучалъ раскатистѣе и вольнѣй, чѣмъ для красной, а когда къ кучѣ присоединялась радужная, казалось, всѣ его внутренности приходили на помощь его глоткѣ, и тогда нѣкоторые опасались за цѣлость полка въ комнатѣ.

Все это было бы для отца Ксенофонта только пріятнымъ и выгоднымъ занятіемъ, если бы обычай не налагалъ на него вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыхъ обязанностей. Послѣ cadaго провозглашенія къ нему подходилъ виновникъ и прежде, чѣмъ заключить его въ объятія и трижды облобызать, чокался съ нимъ, и отецъ Ксенофонтъ былъ обязанъ всенародно и нелицемерно осушить свой кубокъ до дна. Сосѣдъ тотчасъ же наполнялъ кубокъ новымъ виномъ, которое ожидала такая же судьба.

Благодаря этому, каждое новое многолѣтіе отецъ Ксенофонтъ начиналъ по крайней мѣрѣ на полтона выше предыдущаго, а голосъ его звучалъ все раскатистѣй. Если пиршество было многолюдно, то оно затягивалось чуть не до утра, и подъ конецъ отецъ Ксенофонтъ провозглашалъ многолѣтіе уже сидя, такъ какъ не былъ въ состояніи подняться. Часто перепутывалъ и вмѣсто Феодора кричалъ Сидора, а вмѣсто Аннсы Ларису, а былъ даже такой случай, когда онъ, съ отуманенной головой и съ малопонимающими глазами, раскрывъ свою пасть, вдругъ впалъ въ жалобный тонъ и нѣкому, вполнѣ здравствующему, гражданину провозгласилъ вѣчную память.

Тѣмъ не менѣе кредитки всегда исправно попадали въ его бездонные карманы, а по окончаніи пиршества его торжественно вели подъ руки, одѣвали, закутывали, сажали въ карету и бережно отвозили домой, а тамъ сдавали на руки протодіаконицѣ.

Жизнь отца Ксенофонта была прекрасна. Церковный домъ предоставлялъ въ его распоряженіе большую свѣтлую квартиру и давалъ ему для отопленія ея дрова. Доходъ отъ требъ былъ изрядный. Купеческія кредитки, незамѣтно накапливаясь въ банкѣ, округляли капиталецъ, на который смѣло можно было опереть не только его собственную старость, но и старость его дочери, Варвары Ксенофонтовны, которая была его единственнымъ дѣтищемъ.

Будучи по воспитанію человѣкомъ старыхъ бурсацкихъ традицій для себя, для дочери онъ однако оказывался вполнѣ современнымъ человѣкомъ. Онъ отдалъ ее въ гимназію, нанималъ для нея французенокъ и нѣмокъ, которыя аккуратно приходили къ ней и обучали ее своимъ языкамъ, а когда Варенька кончила гимназію,—такъ какъ у нея обнаружались музыкальныя способ-

ности, — онъ отдалъ ее въ консерваторію, гдѣ она прошла курсъ фортепіанной игры и очень недурно играла.

Обстановка его квартиры способна была изумить неопытнаго наблюдателя. Основной фонъ ея составляли довольно безформенные старинные стулья, кресла и шкапы. Обивка ихъ была сильно потерта и потому всегда была прикрыта сѣрыми холщевыми чехлами.

Но среди нихъ вдругъ выросло роскошное зеркало во всю стѣну, съ блестящей золоченой отдѣлкой въ стилѣ «ампиръ», или колоссальный аквариумъ, стоившій сотни рублей, съ необыкновенными заморскими рыбами, окруженный зеленью, съ бьющимъ по срединѣ его фонтанчикомъ.

Въ кабинетѣ отца Ксенофонта, среди старенькихъ скрипящихъ стульевъ, среди благочестивыхъ грошевыхъ картинокъ, висѣвшихъ на стѣнахъ въ черныхъ рамкахъ, красовался великолѣпный рѣзной письменный столъ, на которомъ стояла драгоценная бронзовая чернильница и всѣ письменныя принадлежности къ ней были разложены въ величайшемъ порядкѣ. Столъ былъ такъ хорошъ, что на немъ отецъ Ксенофонтъ никогда и не писалъ, а когда нужно было, онъ вынималъ изъ шкапа пузырекъ съ чернилами и присаживался къ маленькому круглому столику. И много еще другихъ вещей столь же неожиданно помѣщалось въ квартирѣ отца Ксенофонта.

Изумительныя вещи можно было также иногда увидѣть на его обѣденномъ столѣ. Обычное меню протодіаконской семьи было чрезвычайно скромно. Самъ отецъ Ксенофонтъ, по старой бурсацкой привычкѣ, всякимъ кушаньямъ на свѣтѣ предпочиталъ добрыя щи съ увѣсистымъ жирнымъ кускомъ грудины да гречневую кашу. По воскресеньямъ и праздникамъ онъ требовалъ чтобы непременно былъ пирогъ съ вязигой и уха. Въ качествѣ же усладителя жизни, большею частью фигурировалъ клюквенный кисель съ густыми сливками.

Но случайно пришедшій къ обѣду гость могъ быть изумленъ, когда, въ дополненіе къ шамъ, кашѣ и киселю, вдругъ на столѣ появлялась стерлядь аршина въ полтора длины, или передъ щами подавалась закуска, въ которой были всякіе деликатессы съ разными трюфелями и другими французскими штуками. Если же рядомъ съ ковшомъ, въ которомъ пѣнился неизбѣжный хлѣбный квасъ, появлялась бутылка стараго, дорогого иностраннаго вина, столѣтній коньякъ, ромъ, вывезенный прямо съ Ямайки, а вслѣдъ за киселемъ на столѣ, точно изъ-подъ земли, выростала роскошная корзина съ отборными фруктами, то неопытный гость могъ, пожалуй, Богъ знаетъ, что подумать.

Допустить хоть на минуту, что всѣ подобныя вещи, какъ въ обстановкѣ, такъ и въ обѣдѣ, отецъ Ксенофонтъ пріобрѣталъ на свои «кровныя деньги», даже неопытный наблюдатель не могъ.

И онъ растерялся бы, если бы самъ отецъ Ксенофонтъ не имѣлъ привычки къ каждой вещи прилагать объясненіе.

— Это отъ Роскошева, — говорилъ онъ, тыкая пальцемъ въ трехфунтовую банку съ великолѣбной зернистой икрой, — иду это сегодня мимо его лавки и вижу сквозь оконное стекло, — самъ Роскошевъ тамъ, а мы пріятели, вотъ я и захожу. Поговорили. Смотрю, среди закусокъ у него икра — поглядѣлъ и слюнки потекли. Ахъ, говорю, да какая же у тебя, Антонъ Силантьичъ, икра! Такой еще въ жизни не ѣдалъ. А онъ смѣется: не безпокойся, говоритъ, отецъ Ксенофонтъ, ежели не ѣдалъ, такъ покушаешь; а прихожу домой, уже банка трехфунтовая тутъ.

Такъ это было и въ дѣйствительности. Все, что было и вновь являлось въ квартирѣ и въ обѣдѣ отца Ксенофонта, принадлежало къ добродетельнымъ даяніямъ. Нѣкоторыя вещи, какъ, на примѣръ, письменный столъ, были поднесены ему отъ умиленнаго сердца безъ всякихъ стараній съ его стороны. Такъ, просто хозяинъ мебельной мастерской выстоялъ обѣдню и умилился велегласіемъ отца Ксенофонта и прислалъ ему столъ.

Другія же были послѣдствіемъ обнаруженнаго имъ вкуса.

— Эхъ, — сказалъ онъ какъ-то однажды, будучи въ обществѣ своихъ купеческихъ обожателей. — Вотъ видѣлъ я у Матвѣя Леонидыча такую посудину для рыбы, акваріумъ по-латыни называется. Славная штука и любо глядѣть, какъ живыя рыбки въ немъ плаваютъ!

Этого было достаточно. Купеческіе обожатели выкинули изъ своихъ кошельковъ по четвертной, соорудили на славу акваріумъ, и черезъ нѣсколько дней онъ стоялъ на квартирѣ отца Ксенофонта и въ немъ плавали удивительныя рыбы.

Такъ же было и съ яствами и питіями. Иное само являлось, — такъ вотъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего возьмутъ и пришлютъ изъ погреба ящикъ вина или бутылокъ пять рома. Другое же облюбовывалъ самъ отецъ Ксенофонтъ, случайно зайдя въ лавку. Такъ просто взглянетъ несытымъ окомъ и пробаситъ на самой низкой нотѣ:

— Эхъ, славный у тебя, Семенъ Иванычъ, балычина!

И смотришь, въ тотъ же день на столѣ у него лежитъ балыкъ, да такой, что жиръ изъ него такъ и сочится и разливается по блюду.

Иной купецъ, можетъ, и ругнетъ въ душѣ «поповскіе глаза» и «загребистую руку» протодіакона, но все равно пошлетъ, не можетъ не послать, ибо другой купецъ, его конкурентъ, посылаетъ да и къ тому же отецъ Ксенофонтъ явленіе необыкновенное, онъ одинъ не только на всю Москву, но, должно быть, и на всю Россію, да чуть ли и не на весь свѣтъ.

II.

Случай, который косвеннымъ образомъ могъ бы служить дурнымъ предназнаменованіемъ, былъ дѣйствительно трагическаго характера. Произошло это на именинахъ у фабриканта бумажныхъ тканей, Адриана Михайловича Бородкина, занимавшаго въ приходѣ исключительно почетное положеніе. Такъ какъ Бородкинъ былъ церковный староста въ древнемъ соборѣ, то на именинномъ пиршествѣ у него были и другіе старшіе члены причта — два протоіерея и одинъ іерей, но они удалились тотчасъ по окончаніи обѣда, отецъ же Ксенофонтъ, какъ самое важное украшеніе пиршества, остался.

Сборище было многолюдное. Всѣ именитые люди прихода со своими женами и чадами были налицо. Поэтому, когда начался и продолжался рядъ многолѣтій, то куча кредитокъ передъ отцомъ Ксенофонтомъ выростала неимоვნю быстро. Самъ отецъ Ксенофонтъ просто надрывался, потому что кредитки все поступали солидныхъ цвѣтовъ, а изъ кубка въ его утробу перешло такое количество хмельной влаги, что надо было изумляться помѣстительности этой утробы. Разумѣется, это отразилось и на его головѣ.

Было уже около 3-хъ часовъ ночи, когда всѣ гости получили свою долю славословія. Отецъ Ксенофонтъ хрипѣлъ, но все же какимъ-то чудомъ сила его голоса не только не уменьшалась, а даже становилась больше. Въ немъ исчезали только плавность и бархатистость и онъ походилъ на непрерывный рядъ выстрѣловъ изъ огромной пушки.

И, чтобы закончить достойнымъ образомъ торжество, кто-то изъ гостей предложилъ вторичное многолѣтіе хозяину и всему его роду.

Отецъ Ксенофонтъ взглянулъ на кучу кредитокъ. Она была колоссальная, Кажется, еще никогда за всю его многолѣтнюю практику она не достигала такихъ размѣровъ. Это, разумѣется, глубоко тронуло его, но, кромѣ того, онъ былъ тронутъ и вниманіемъ хозяина, которое въ этотъ вечеръ было оказано ему въ усиленной степени.

И онъ, не взирая на непомѣрный грузъ, покоившійся въ это время въ его утробѣ, борясь изо всѣхъ силъ съ ѣдкимъ туманомъ, стоявшимъ въ его головѣ, осиливая слабость мускуловъ и неустойчивость ногъ, поднялся, громоносно откашлялся и, начавъ многолѣтіе съ довольно значительной ноты, устремился вверхъ.

Люди понимающіе уже въ эту минуту усомнились въ возможности благополучно довести до конца подобное предпріятіе, а отецъ Ксенофонтъ, какъ нарочно, какъ будто утративъ чувство мѣры,

съ каждымъ словомъ безрасчетно повышалъ. Еще не дойдя до конца, онъ уже исчерпалъ предѣлы обычной высоты своего голоса.

Но, должно быть, въ этотъ вечеръ его осѣнило какое-то особенное вдохновеніе. Онъ шелъ все выше и выше и, наконецъ, на словахъ: «мно-о-гая лѣ-э-та-а -а» хватилъ такую сверхъестественную ноту, что многіе изъ присутствовавшихъ не выдержали и заткнули пальцами уши.

Многолѣтіе вышло поразительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно слушавшіе, тѣ, которые не закрывали ушей, въ самой послѣдней нотѣ разслышали что-то странное. Имъ показалось, какъ будто въ глубинѣ раскрытой пасти отца Ксенофонта что-то звякнуло, да и сама нота не протянулась, какъ бы слѣдовало, а какъ-то слюмалась, какъ толстый кусокъ стали.

Эффектъ былъ чрезвычайный, но послѣ этого отецъ Ксенофонтъ, какъ сѣлъ на свой стулъ, такъ уже и не поднимался. Съ его головой произошло что-то необыкновенное. Охмелѣлъ ли онъ сразу, или въ его организмъ произошло какое-нибудь потрясеніе, или, какъ думали нѣкоторые, онъ собственнымъ голосомъ оглушилъ себя, но вѣрно то, что послѣ этого онъ уже не произнесъ ни одного слова.

Даже кучу кредитокъ положилъ въ карманъ его не онъ самъ, а хозяинъ, и скоро послѣ этого его свезли домой.

Протодіаконица приняла его съ видомъ жертвы, но, обыскавъ глубокіе его карманы, убѣдилась, что жертва эта на сей разъ оплачена по-царски. Никогда еще отецъ Ксенофонтъ не привозилъ домой столь обильной лепты.

И она, спрятавъ деньги въ надлежащее мѣсто, бережно уложила въ постель недвижимое, огромное тѣло своего супруга.

На другой день отецъ Ксенофонтъ проснулся гораздо позже самыхъ яркихъ случаевъ, бывшихъ доселѣ. Обѣдня въ соборѣ давно отошла своимъ чередомъ. Въ немъ тамъ не было надобности. Проснулся онъ съ смутною мыслью въ головѣ, а протерши глаза — вспомнилъ о вчерашнемъ событіи. Глотку у него совсѣмъ заложило. Попробовалъ онъ откашляться, но получился одинъ только хрипъ. Это нѣсколько удивило его. До сихъ поръ никакія усилія простуды не могли лишить его глотку громозвучности. И кашель и хрипъ все же заключали въ себѣ столько громового звука, что хватало бы на дюжину басовъ. А на этотъ разъ никакого звука не было.

Попробовалъ онъ позвать жену.

— Э-э-й, протодіаконица!

Но эти слова онъ произнесъ шопотомъ и даже не докончилъ ихъ. «Что это такое? — подумалъ онъ: — ну, и горланилъ же я, должно быть, вчера... Почтилъ, значитъ, Адриана Михайловича...»

Кое-какъ поднялъ онъ съ подушки свою стопудовую голову. Умылся, одѣлся, помолился и вышелъ изъ спальни.

— А, соколь ясный... ночная птица!—встрѣтила его протодіаконица:—хорошъ былъ вчера, нечего сказать-то. Хоть въ гробъ клади... Квасу, что ли, тебѣ?

— Да... квасу...—отвѣтилъ отецъ Ксенофонтъ.—Но, Боже мой! что это были за жалкіе звуки! Въ нихъ почти вовсе не было голоса, такъ только, одно усиіе.

— Вотъ оно что... перекричался!—прибавилъ онъ.

Протодіаконица посмотрѣла на него съ изумленіемъ. «Ты ли это? Ужъ не подмѣнили ли?»—какъ бы спрашивали ея глаза. Никогда еще въ жизни она не слыхивала отъ отца Ксенофонта такого голоса.

Она пошла за квасомъ и вернулась съ объемистой кружкой. Отецъ Ксенофонтъ сидѣлъ у края стола, положивъ голову на руки. Его длинные волосы спускались внизъ, и это придавало ему видъ отчаянія.

Онъ не былъ въ отчаяніи, но все же что-то тревожное шевелилось въ его сердцѣ. «Никогда этого не было, никогда!» — мелькало у него въ головѣ.

Онъ выпилъ квасу и это освѣжило его голову, а трѣвога его отъ этого только увеличилась.

— Что же это, протодіаконица? Голосу нѣтъ. Никакого голосу! Слышишь?

Протодіаконица слышала. Въ самомъ дѣлѣ, голоса никакого не было, одинъ хрипъ. Не то, что басы, ну, хотя бы сотая часть его баса,—а просто никакого человѣческаго голоса.

И ея мысли по этому поводу были гораздо тревожнѣе, чѣмъ мысли самого отца Ксенофонта. «Надорвался, — подумала она.— Перепились и заставили ревѣть по звѣриному».

Но ему она своихъ опасеній не высказала. Можетъ, и такъ себѣ что-нибудь. Бываетъ, что человѣкъ захрипитъ, а потомъ опять человѣческимъ голосомъ заговорить.

— Плохо, должно быть, закутали тебя вчера-то. Провожатые, небось, тоже пьяные были... Ну, вотъ вѣтромъ-то и прохватило. Я тебѣ горчичникъ на спину поставлю. Онъ оттянетъ.

— Ставь горчичникъ...

Отецъ Ксенофонтъ объявился больнымъ. Протодіаконица уложила его въ постель и поставила ему горчичникъ. Жгло ему спину изо всей силы, но онъ терпѣлъ и натерпѣлъ даже себѣ пузырь. Но горчичникъ не помогъ.

Варили какія-то снадобья, полоскали горло настойками, а вечеромъ отецъ Ксенофонтъ пилъ безконечное число стакановъ малиноваго чая; потомъ его закутали въ три одѣяла, а сверху положили еще шубу, и всю ночь онъ обливался потомъ, а на утро всталъ и попробовалъ голосъ.

— Алли-лу-ийя... Алли... Ничего нѣтъ, никакого голоса нѣту! Протодіаконица, нѣту голоса!

И протодіаконица видѣла, что нѣтъ голоса, и еще опредѣленнѣе стали ея опасенія.

— Потерпи... Нельзя же, чтобы сразу. Болѣзнь-то скоро наживается, а проходить не торопится.

Такъ говорила она, но сама мало вѣрила въ свои слова. Еще денька два подождали. Приходили въ эти дни сослуживцы отца Ксенофонта, діаконы и псаломщики, такъ какъ уже стало извѣстно о его болѣзни. Всѣ тревожились. Трудно было даже представить, чтобы отъ такого могучаго голоса какая бы то ни было простуда не оставила ничего.

Наконецъ всѣ стали убѣждать отца Ксенофонта, чтобы онъ пригласилъ доктора. А онъ ужасно упирался. Его желѣзный организмъ мужественно выдерживалъ всѣ напасти. Всю жизнь онъ былъ на ногахъ и никогда не лечился и на призваніе доктора онъ смотрѣлъ, какъ на что-то роковое и страшное, какъ на дурное предзнаменованіе. Дня три не могли уговорить его.

— Не надо... Коли пройдетъ, то и такъ пройдетъ, а нѣтъ, значитъ Богу угодно наказать меня...

Однако въ глубинѣ души онъ вѣрилъ въ первую часть этой фразы и не допускалъ второй. А дѣло нисколько не улучшалось, голосъ не появлялся. Тогда, наконецъ, онъ согласился позвать доктора.

Протодіаконица узнала, который докторъ самый лучшій по этой части, и сама поѣхала къ нему. Она рассказала доктору все, какъ было, и слезно просила его:

— Ужъ вы, ежели что дурное, не пугайте его. Скажите мнѣ, а ему какъ-нибудь потомъ. А то, Богъ его знаетъ, что съ нимъ можетъ случиться.

Докторъ пріѣхалъ съ инструментами. Открылъ ему отецъ Ксенофонтъ свою пасть и полѣзъ онъ туда съ зеркалами. Долго онъ хозяйничалъ въ самой глубинѣ его гортани, а когда осмотрѣлъ все, какъ слѣдуетъ, сказалъ:

— Гм... Нда...

— Простуда?—шопотомъ спросилъ отецъ Ксенофонтъ.

— Вродѣ прѣстуды... Я вамъ пропишу лечение...

И, какъ будто боясь дальнѣйшихъ разспросовъ, онъ вышелъ. Протодіаконица встрѣтила его и повела въ отдаленную комнату. Тутъ ей докторъ сказалъ:

— Дѣло плохо. Перекричался вашъ супругъ. Разговаривать будетъ, а голосъ пропалъ... У него теперь не связки, а тряпки.

— Неужто совсѣмъ-таки, совсѣмъ пропалъ?..— горестно спросила протодіаконица.

— Полагаю, что такъ. Конечно, бываютъ чудеса, но я ужъ тутъ ни при чемъ.

Онъ все-таки назначилъ леченіе. Заплатила ему протодіаконица, отпустила и заплакала. Плакала она горько, потому что горе ея было большое. Дѣло было не въ томъ, что съ потерей голоса кончилась служба отца Ксенофонта, а съ службой, можетъ быть, и квартира, и доходъ, и положеніе; благодареніе Богу и доброхотнымъ купцамъ, у нихъ про старость сбережено и вѣкъ свой дожить они могутъ безбѣдно, да и Варенькѣ, которая уже въ весьма зрѣлый возрастъ пришла, оставятъ достаточно. А въ томъ дѣло, что отецъ Ксенофонтъ казался ей неотдѣлимымъ отъ своего голоса, они составляли одно. Въ голосѣ была его душа. Нѣтъ голоса, нѣтъ и отца Ксенофонта. И перенесетъ ли эту невзгуду самъ онъ, это для нея былъ вопросъ.

Но плакать долго она не имѣла права. Хорошенько вытерши слезы, даже промывъ глаза холодной водой, она пошла къ мужу.

— Ничего такого... — сказала она: — Долго, говоритъ докторъ, лечиться надо, а только такого ничего.

Отецъ Ксенофонтъ сидѣлъ въ креслѣ. Голова его опустилась на грудь, все его огромное тѣло какъ-то подалось книзу, а плечи приподнялись и руки висѣли безпомощно. Онъ покачалъ головой.

— Врешь, протодіаконица...—выразительнымъ шопотомъ произнесъ онъ.—Не то сказалъ докторъ. А что — по лицу его видѣлъ и знаю... Конечно... Больше мнѣ не служить...

Протодіаконицу такъ тронуло это откровеніе, которое было произнесено непоколебимо убѣжденнымъ голосомъ, что она даже ничего не возразила, а тотчасъ же ушла и въ дальней комнатѣ залилась слезами.

И сидѣлъ отецъ Ксенофонтъ у себя въ квартирѣ день, другой, третій, недѣлю. Докторскія полосканія и прижиганія онъ продѣлывалъ довольно усердно, и у него даже явилось что-то вродѣ голоса,—но что это былъ за жалкій голосъ, разбитый, жиденскій, прямо ему передъ самимъ собою стыдно было этого голоса и онъ старался какъ можно рѣже подавать его, а потому молчалъ, и другіе тоже угрюмо молчали, и въ домѣ было уныніе.

Въ церкви служба шла безъ него. Въ воскресенье служилъ архіерей и протодіаконскія обязанности исполнялъ второй дьяконъ. Жиденскій, прежиденскій баритонъ. Прихожане были глубоко разочарованы и огорчены. Всѣ спрашивали, что такое съ отцомъ Ксенофонтомъ, и всѣ скоро узнали, что у него исчезъ голосъ.

Церковный староста Адрианъ Михайловичъ, разумѣется, сейчасъ же навѣстилъ его и убѣдился, что пѣсенка его протодіаконства уже спѣта. Онъ былъ подавленъ, онъ чувствовалъ себя виноватымъ.

Конечно, разрушеніе шло постепенно и незамѣтно. Частыя и слишкомъ основательныя выпиванія, а вмѣстѣ съ ними неистовое дранье горла ради многолѣтій дѣлали свое дѣло. Но послѣдняя-то капля яду была принята отцомъ Ксенофонтомъ у него на именинахъ.

Тяжело ему было смотрѣть на этого гиганта-инвалида, и онъ, посидѣвъ минутъ десять, сталъ прощаться.

— Но ты не безпокойся, отецъ Ксенофонтъ, — сказалъ онъ, пожимая его огромную тяжеловѣсную руку. — Мы тебя всячески поддержимъ. Ты былъ для насъ, ну, такъ и мы для тебя будемъ.

Что разумѣлъ онъ подъ этимъ обѣщаніемъ, отецъ Ксенофонтъ не зналъ, но стало извѣстно, что у церковнаго старосты собирались вечеромъ наиболѣе именитые прихожане древняго собора и совѣщались.

Время шло. Высшіе представители причта древняго собора уже стали между собой поговаривать о разысканіи достойнаго отцу Ксенофонту преемника.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было допустить, чтобы въ столь знаменитомъ своей древностью храмѣ во время торжественнаго служенія съ протодіаконскаго мѣста раздавался жиденкій, разбитый голосокъ, который еле былъ слышенъ прихожанамъ, стоявшимъ у входа. Это было недопустимо. Храмъ, въ теченіе болѣе чѣмъ 40 лѣтъ, привыкъ, чтобы подъ сводами его плавно и величественно разливались волны сочнаго, могучаго голоса. Стѣны привыкли дрожать отъ соприкосновенія съ этими волнами. Какъ-то неуютно чувствовалось теперь въ храмѣ, и самая обѣдня, несмотря на то, что служили ее архіерей и много другихъ духовныхъ лицъ, на то, что горѣли паникадило и всѣ свѣчи и лампы, все же казалась неполной, какъ будто ее урѣзали.

Конечно, разговаривали объ этомъ всѣ тихонько, въ интимной бесѣдѣ. Не хотѣли, чтобы это преждевременно дошло до отца Ксенофонта и огорчило его. Тѣмъ не менѣе это были далеко не пустые разговоры, ибо старый протопопъ, настоятель древняго собора, уже побывалъ у митрополита и ему сдѣлалъ докладъ о несчастіи, постигшемъ древній храмъ.

Къ отцу Ксенофонту закахивали не только сослуживцы, но и прихожане. И всѣ ясно видѣли, что его голосу, а слѣдовательно и протодіаконству, наступилъ конецъ, но никто не говорилъ ему этого. Напротивъ, всѣ старались убѣдить его, что это пройдетъ и голосъ къ нему вернется, и, уходя, обыкновенно совѣтовали:

— Ты поусердиѣ лечись-то!

И отецъ Ксенофонтъ лечился усердно, лихорадочно. Онъ побывалъ уже у десятка врачей и каждый изъ нихъ по новому опредѣлялъ болѣзнь и велъ свое леченіе. Но результатъ былъ одинаковъ. Связки оставались тряпками, и голосъ не появлялся.

III.

Однажды,—это было въ морозный, зимній вечеръ, когда въ квартирѣ отца Ксенофонта было какое-то особенно унылое настроеніе, когда самъ протодіаконъ сидѣлъ въ креслѣ, опершись локтями на столъ и съ видомъ отчаянія положивъ голову на руки, когда даже Варенька, всеобщая баловница, не рѣшалась сѣсть за рояль и играть, такъ какъ отецъ Ксенофонтъ, обыкновенно любившій ея игру, теперь не могъ слышать музыки,—въ переулкѣ, куда выходили ворота церковнаго дома, появилась пара троечныхъ саней, запряженныхъ горячими конями. Тихо звенѣли бубенцы и сказочно блестяли, отражая въ себѣ зеленоватые лучи мѣсяца, серебряныя бляхи упряжи.

Въ саняхъ сидѣли мужчины въ мѣховыхъ шапкахъ, съ поднятыми пышными воротниками богатыхъ мѣховыхъ шубъ.

Тройки не подѣхали къ самымъ воротамъ церковнаго дома, а остановились поодаль. Изъ переднихъ саней вышли двое, отряхнули снѣгъ съ плечъ и воротниковъ и сказали, обращаясь къ остальнымъ:

— Такъ ужъ вы погодите... Мы его живо обрабатываемъ.

И, сказавъ это, они направились къ воротамъ церковнаго дома. Самыя ворота уже были заперты, но калитка была отворена. На скамейкѣ сидѣлъ дворникъ въ длинномъ тулупѣ. Когда двое приблизились къ калиткѣ, дворникъ поднялся съ видимымъ намѣреніемъ опросить входящихъ, потому что въ церковномъ домѣ на этотъ счетъ порядки были строгіе.

Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сказать слово, одинъ изъ двоихъ—высокій, плотный мужчина, опустилъ воротникъ своей шубы и показалъ ему свое лицо и длинную бороду, на половину сѣдую. Тогда дворникъ быстро поднялъ руку къ головѣ и почтительно снялъ шапку.

— Мое почтеніе, Адріанъ Михайловичъ! Пожалуйста-съ!

Онъ распахнулъ передъ ними калитку, и они вошли во дворъ, направились къ крылечку и по досчатымъ, уже изрядно расшатаннымъ ступенькамъ поднялись въ квартиру протодіакона.

Позвонили, узнали, что отецъ Ксенофонтъ дома, и вошли. Протодіаконица, узнавъ въ одномъ изъ гостей церковнаго старосту Адріана Михайловича, а въ другомъ столь же почтеннаго прихожанина, приняла ихъ ласково и, отобравъ у нихъ шубы, проводила ихъ въ кабинетъ, гдѣ отецъ Ксенофонтъ уныло и скучно проводилъ свое время. Нѣсколько удивившись столь позднему посѣщенію, онъ однако обрадовался, застегнулъ воротъ кафтана и принялъ гостей.

— Ну, вотъ мы къ тебѣ, отецъ Ксенофонтъ,—сказалъ Адріанъ Михайловичъ,—только мы, братъ, не сами по себѣ, мы депутаты.

— Что же такъ?—спросилъ отецъ Ксенофонтъ своимъ дряблымъ, слабымъ голосомъ.

— А вотъ что: тамъ, въ переулкѣ стоятъ двѣ тройки, а въ саняхъ сидятъ и ждутъ самые что ни на есть твои горячіе друзья, Савва Парменычъ, Леонидъ Нилычъ, Михаилъ Кузьмичъ — ну, и другіе. И пришли мы за тобой.

— Какъ такъ за мной? Куда же это?

— А видишь, отецъ Ксенофонтъ: лечишься ты всякими снадобьями у разныхъ тамъ докторовъ и никакой тебѣ помощи нѣтъ, такъ это неправильно. Голосъ-то ты утратилъ отчего? Отъ выпиванья! Грѣшнымъ дѣломъ выпивали мы вмѣстѣ. Выпивали мы, братъ, 25 лѣтъ. Ну, такъ что же тутъ лекарства и доктора могутъ подѣлать? Доктора этого даже не понимаютъ и понимать не могутъ. Они, братъ, отецъ Ксенофонтъ привыкли лечить отъ простуды, либо тамъ отъ нароста какого, либо отъ заразы. А ты спроси ихъ, случалось ли имъ кого лечить отъ двадцатипятилѣтняго выпиванія да отъ «многолѣтія»? Такъ, по-нашему-то, и выходитъ, по русской пословицѣ, что коль коломъ вышибать надобно. На выпивкѣ пострадалъ, выпивкой и лечись. Такъ, что ли, отецъ Ксенофонтъ?

— А ужъ не знаю!—нерѣшительно отвѣтилъ отецъ Ксенофонтъ.

Самъ-то онъ давно уже скучалъ по выпиванію. Никогда ему не приходилось дѣлать столь длинные антракты. Но положеніе было такъ серьезно, что думать о подобныхъ вещахъ ему казалось кощунствомъ.

— Ну, ты не знаешь, такъ мы знаемъ... Надѣвай-ка шубу, отецъ Ксенофонтъ, да поѣдемъ съ нами.

— Куда?

— А ужъ тамъ видно будетъ... Въ нехорошее мѣсто не повеземъ.

Отецъ Ксенофонтъ съ минуту подумалъ. Что же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ, и правда! Чего добраго, коль коломъ и вышибется. Компанія почтенная, самъ церковный староста во главѣ. Въ дурное мѣсто дѣйствительно не повезутъ, а размять кости ему давно пора.

Оживился онъ, всталъ съ кресла, тряхнулъ головой.

— А что жъ?.. Пожалуй... Поѣдемъ!.. Эй, протодіаконица! Давай-ка шубу-то!

— Куда это? Въ такой часъ?

— Треба такая случилась, матушка,—сказалъ усмѣхаясь Адріанъ Михайловичъ.— Не беспокойтесь, въ цѣлости предоставимъ.

И вотъ уже отецъ Ксенофонтъ, закутанный въ гигантскую дорогую шубу, которую въ свое время подарили ему тоже купцы, идетъ по двору, выходитъ въ переулокъ и величественно движется

по тротуару, по направленію къ перекрестку, гдѣ стоятъ тройки. Тихіе, но дружныя клики привѣтствуютъ его. Грузное тѣло его усаживаютъ въ сани, кучеръ ударяетъ по лошадамъ, и тройки сперва осторожно пробираются переулками, выѣзжаютъ на Тверскую, минуютъ заставу, а тамъ мчатся во весь духъ по свободной дорогѣ.

— Это что же? Чуть ли не къ Яру?—съ нѣкоторымъ слабымъ протестомъ говорилъ отецъ Ксенофонтъ.

— А ты не бойся... Мы знаемъ ходъ... Мы со двора. Ни одна душа не увидитъ. Да при томъ у тебя шуба до полу, а шапка бобровая и у насъ тоже... Чѣмъ ты не купецъ, отецъ Ксенофонтъ?..

Поѣхали, разумѣется, къ Яру, но прошли какимъ-то особеннымъ ходомъ, прямо въ кабинетъ, и тамъ началось вышибаніе кола коломъ. Выпито было ровно столько, сколько могли вмѣстить. Отецъ Ксенофонтъ никакого многолѣгія не выносилъ, потому что было нечѣмъ, но зато поочередно смѣняли другъ друга какіе-то хоры: и цыгане, и венгерцы, и русскіе, и было и шумно и весело, и дымъ стоялъ коромысломъ.

Однакожъ, компанія какъ будто старалась сберечь отцу Ксенофонту силы и не слишкомъ усердно накачивала его. Повидному, онъ былъ еще для чего-то нуженъ.

Часа въ три ночи двѣ тройки возвращались въ городъ. Они проѣхали заставу, но тутъ скоро съ Тверской свернули куда-то въ переулочъ, потомъ въ другой, въ третій и остановились.

Это былъ небольшой двухъэтажный домъ, при свѣтѣ луны казавшійся новенькимъ и чистенькимъ. Два ряда оконъ весело глядѣли на улицу. Въ темномъ блескѣ стеколъ отражались мѣсяцъ и звѣзды. Внутри дома было темно. Ни въ одномъ окнѣ не было свѣта.

— А это что же?—спросилъ отецъ Ксенофонтъ.

— А ничего. Такъ, остановка,—отвѣтили ему.—Видишь, отецъ Ксенофонтъ, этотъ домикъ?

— Вижу. Глаза имѣю, какъ не видѣть?

— Хорошъ?

— Недурень... Да что мнѣ-то?.. Вѣдь онъ не мой...

— А ты погляди его поближе... Онъ стоитъ того...

— Чего же мнѣ глядѣть-то?

— Да ужъ погляди... любопытно... Вотъ мы въ калитку пойдёмъ!

И начали выходить изъ саней. Отецъ Ксенофонтъ не понималъ, къ чему это. Домикъ дѣйствительно былъ хорошъ съ виду, и, какъ оказалось, никто въ немъ не жилъ. Адрианъ Михайловичъ и другой кто-то взяли его подъ руки, вытащили изъ саней и повели къ воротамъ. У кого-то въ карманѣ оказался ключъ; отперли калитку.

Дворикъ чистенькій, съ палисадничкомъ, красивое крылечко; и тутъ нашелся ключъ. Отперли и вошли въ сѣнцы. Вдругъ, что-то щелкнуло и зажглась электрическая лампочка и освѣтила широкую лѣстницу. Поднялись наверхъ, вошли въ комнаты. Ихъ немного, но всѣ просторныя, красиво отдѣланныя. Всюду электрическія лампочки.

— Вотъ чудеса,— сказалъ отецъ Ксенофонтъ:— точно сказка! Чей же это домъ?

— А хорошъ? Нравится?—точно дразнили его компаньоны.

— Да какъ же не хорошъ? Домъ превосходный... Только пустой.

— Ну, ничего, можно наполнить. А еще внизу столько же комнатъ и флигелекъ во дворѣ имѣется. Не замѣтилъ? Домикъ-то не бездоходный! Такъ, стало быть, по вкусу?

— Да говорю же—домъ хорошъ. А только какое же мнѣ до него дѣло?

— А коли домъ тебѣ нравится, отецъ Ксенофонтъ, то и владѣй имъ.

— Что-о?

— Владѣй, и дѣлу конецъ.

— Ну, какъ же такъ, что за шутки такія?

— Да не шутка же, отецъ Ксенофонтъ... А видишь—былъ ты первый голосъ на всемъ свѣтѣ... Ужъ навѣрное такого нигдѣ не было. И любовались мы тобой, и услаждалъ ты насъ со всѣмъ твоимъ усердіемъ. Съ нами ты выпивалъ черезъ мѣру, ради насъ ты надрывался и по причинѣ насъ ты, можетъ, и окончательно надорвался... А мы заслуги цѣнить умѣемъ. Ну, вотъ собрались, складчину устроили и купили тебѣ домъ, а чтобы ты больше не сомнѣвался, такъ вотъ тебѣ и дарственная бумага... Все въ порядкѣ, у нотаріуса закрѣплено, а ты только владѣй и болѣе ничего.

Заглянулъ отецъ Ксенофонтъ въ бумагу и понялъ, что все это правда. Славные ребята купцы, не выдали! Послѣдовалъ рядъ дружескихъ объятій и поцѣлуевъ. Изъ саней притащили запасенныя бутылки и стаканчики, раздалось хлопанье пробокъ и тутъ же вспрыснули даръ. А затѣмъ новаго домовладѣльца отвезли въ церковный домъ.

Удивилась протодиаконица тому, что на этотъ разъ отца Ксенофонта не сдали ей на руки, а самъ онъ и довольно твердой стопой вошелъ въ квартиру, а въ карманѣ его были не кредитки, а дарственная.

Все это было прекрасно. Но послѣ этого отецъ Ксенофонтъ окончательно убѣдился, что голосъ у него пропалъ. Какъ ужъ это тамъ случилось въ его головѣ, но въ колѣ онъ увѣровалъ больше, чѣмъ въ докторовъ и ихъ леченіе.

И когда прошло нѣсколько дней и онъ увидѣлъ, что и колъ не помогъ, то, несмотря на владѣніе дареннымъ домомъ, впалъ въ глубокую грусть. Съ докторами онъ больше не совѣтовался и потому никто не зналъ, какая у него болѣзнь.

А болѣзнь была, это было видно по всему. Онъ потерялъ аппетитъ и иногда по цѣлымъ днямъ ничего не ѣлъ. Тѣло его начало сдавать и онъ худѣлъ явно, съ каждымъ днемъ.

Ни протодіаконица, ни Варенька ничего не могли отъ него добиться. Онъ угрюмо молчалъ и только зловѣще кряхтѣлъ. Заходилъ церковный староста, заглядывали и другіе, звали его на именины и на крестины, но онъ не шелъ.

Уже даже сама протодіаконица совѣтовала ему развлечься. Она была убѣждена, что и худѣтъ-то онъ оттого, что сразу прекратилъ выпиваніе. Утроба его привыкла къ большимъ количествамъ вина, а тутъ вдругъ ничего.

Но онъ былъ упоренъ и стоекъ. Онъ рѣшительно ни на что не откликался. Всѣ блага жизни какъ будто отошли отъ него вмѣстѣ съ голосомъ, когда онъ убѣдился въ его окончательной потерѣ.

А однажды онъ слегъ въ постель, лицо его осунулось, все тѣло сдѣлалось какимъ-то рыхлымъ. Обезпокоенная семья забила тревогу, заговорили о докторѣ, но онъ отрицательно покачалъ головой и наотрѣзъ отвергъ.

Такъ никто и не узналъ, какая была у него болѣзнь, которая точно съѣдала его тѣло. И вотъ однажды протяжный звонъ колокола извѣстилъ прихожанъ о томъ, что стараго, знаменитаго протодіакона, отца Ксенофонта Явленскаго, не стало.

Его торжественно похоронили. Освободилась ваканція.

IV.

Домъ въ переулкѣ былъ хорошъ; скоро въ него вѣхали жильцы, и онъ началъ давать доходъ. Въ банкѣ изъ еженедѣльныхъ вкладовъ въ продолженіе по крайней мѣрѣ 25-ти лѣтъ образовался совсѣмъ недурной капитадецъ, который тоже приносилъ свой доходъ.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что протодіаконица съ Варенькой начали жить да поживать, какъ богатые люди. Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ похоронили отца Ксенофонта, ихъ посѣтилъ самъ настоятель, старый протопопъ, славившійся своей необыкновенно длинной, бѣлой бородой. Онъ объяснилъ, что по ходатайству архіерея имъ назначили весьма приличную пенсію.

— А что касается квартиры, то въ этой вамъ разрѣшается жить, пока не будетъ назначенъ новый протодіаконъ. А послѣ

того придется переселиться во вдовій домъ и взять квартиру о трехъ комнатахъ. Оно, конечно,—прибавилъ протопопъ,—ежели бы случилось такъ, что кандидатъ на должность протодіакона взялъ бы себѣ въ жены Варвару Ксенофоновну, тогда и переселиться бы было не къ чему. Я же съ своей стороны могу сказать, что при докладѣ его преосвященству такому кандидату я отдамъ предпочтеніе.

Протодіаконица и Варенька послѣ ухода протопона устроили совѣщаніе. Были привлечены, или, лучше сказать, сами пристроились, двѣ дальнія родственницы, которыя въ случаяхъ смерти главы семейства и осиротѣнія его чадъ всегда точно изъ-подъ земли вырастаютъ. Былъ поставленъ вопросъ: ждаты ли, когда однажды ихъ выгонятъ изъ квартиры и прикажутъ въ 24 часа переселиться въ другую, при томъ маленькую и неудобную, или показатъ гордость и теперь же переѣхать въ свой собственный домъ?

Родственницы въ одинъ голосъ выразили мнѣніе, что нѣтъ никакого расчета покидать казенную квартиру. Въ своемъ домѣ квартиру можно отдавать внаймы, и она будетъ приносить доходъ.

Что изъ того, что у нихъ есть домъ и капиталъ, вполне достаточные, чтобы жить, какъ порядочные люди. Домъ и капиталъ всегда могутъ пригодиться. Человѣкъ никогда не знаетъ, что его ожидаетъ въ будущемъ. Варенька молода, ей всего только 25 лѣтъ. Можетъ, она выйдетъ замужъ, а можетъ, и не выйдетъ. А если и выйдетъ, то чѣмъ больше доходъ, тѣмъ лучше, почтеннѣе и солиднѣе женихъ найдется.

Да и выйдя замужъ, она еще не можетъ быть увѣрена, что судьба ея сдѣлана. Нынче браки непрочны, особенно, если она избереетъ свѣтскаго. То и дѣло люди расходятся.

Тоже и насчетъ вдовства,—кто могъ ожидать, что отецъ Ксенофонтъ такъ рано покинетъ міръ? Человѣкъ онъ былъ здоровый, никогда не болѣлъ, думали, что проживетъ долго, а онъ взялъ да и померъ.

Такъ думали родственницы, которыя хорошо знали жизнь и много пострадали отъ нея, вслѣдствіе чего и были бѣдны. Протодіаконица же не высказывалась такъ опредѣленно. При жизни отца Ксенофонта она была покорной ему женой и привыкла, чтобы кто-нибудь ею командовалъ. Теперь командовать, конечно, было некому, но все же она понимала, что главная воля теперь не ея, а Вареньки. Будущее принадлежитъ Варенькѣ, отъ нея зависитъ и то, останутся ли онѣ въ этой квартирѣ, или перейдутъ во вдовій домъ, разумѣется, если бы онѣ въ этомъ нуждались.

— Къ тому же,—прибавили родственницы,—вотъ будетъ избранъ новый протодіаконъ; можетъ, онъ хорошій человѣкъ окажется, и Варенька его выберетъ. Тогда все и пойдетъ по-старому.

Симпатіи протодіаконици были на сторонѣ того рѣшенія, какое предлагали родственницы, но ужъ этого послѣдняго соображенія она никакъ не допускала со стороны Вареньки. Варенька, конечно, родилась въ духовной семьѣ и выросла въ самыхъ нѣдрахъ духовнаго гнѣзда, но она получила свѣтское образованіе — училась въ гимназіи, знала языки, а потомъ прошла еще курсъ консерваторіи. Она искусно играетъ на фортепіано и ее даже иногда приглашаютъ участвовать въ небольшихъ благотворительныхъ концертахъ. Можно ли ожидать, что при такихъ условіяхъ, да еще при капиталѣ и домѣ, она выберетъ себѣ въ мужа духовное лицо? Поэтому протодіаконица высказала колебательное мнѣніе, которое можно было толковать и такъ и этакъ, и ждала окончательнаго рѣшенія отъ Вареньки.

А Варенька молчала. Она не торопилась высказываться. По природѣ она была разсудительна и очень далека отъ легкомыслія. Такъ сразу столь трудный вопросъ она рѣшить не могла. Но ея настроеніе выразилось гѣмъ не менѣе вполне опредѣленно, когда она заявила:

— По-моему, мама, мы не будемъ торопиться и пока останемся здѣсь.

И это привело въ восторгъ протодіаконицу и родственницъ. Онѣ именно увидѣли, что со стороны Вареньки нечего опасаться какихъ-нибудь незрѣлыхъ поступковъ, что она разсудитъ свою судьбу, какъ нельзя лучше.

Да, Варенька, конечно, была свѣтскаго воспитанія. Ея подруги по гимназіи всѣ были свѣтскія, обученіе въ консерваторіи дало ея мыслямъ артистическое направленіе. Нѣкоторое время она даже мечтала о томъ, что сдѣлается виртуозкой и будетъ разѣзжать по свѣту и давать концерты. Но она скоро убѣдилась, что для виртуозки у нея нѣтъ таланта. Нѣкоторыя способности, какія у нея были, для этого оказались недостаточными. И она совершенно спокойно и благоразумно примирилась съ этимъ и рѣшила, что она учится «для себя».

Среди свѣтскихъ знакомыхъ, которыхъ у нея было не мало, положеніе ея было нѣсколько странное. Случалось, что кое-кто задѣвалъ ея сердце, нравился ей. Бывало даже такъ, что какой-нибудь молодой человѣкъ начиналъ посѣщать ихъ домъ, но, послѣ нѣсколькихъ недѣль знакомства, оно какъ-то начинало сходить на нѣтъ. Свообразные нравы и еще болѣе своеобразные взгляды той среды, въ которой жила Варенька, точно огорошивали пришельца. То былъ міръ, который никогда не могъ слиться съ этимъ міромъ.

И она, вращаясь въ обществѣ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, чувствовала себя какъ-то непристроенной и висящей въ воздухѣ. Когда же въ ихъ домъ попадалъ семинаристъ или даже акаде-

микъ, то онъ чувствовалъ себя здѣсь легко и привольно. Но Варенька обыкновенно бывала съ ними холодна и сдержанна. Это былъ періодъ ея жизни, когда душа ея находилась въ колебаніи. Ей то хотѣлось выпорхнуть изъ тѣсной желѣзной клѣтки патриархальнаго духовнаго міра, но, когда широко раскрывалась передъ нею дверь, то этотъ міръ, характерныя свойства котораго съ самаго дѣтства всосались въ ея душу, тянулъ ее къ себѣ и ей начинало казаться, что тамъ, въ другомъ мірѣ, она будетъ не своя и ей будетъ жить трудно.

А время шло, и ей уже было 25 лѣтъ. Уже помимо всѣхъ другихъ соображеній у нея являлся страхъ, какъ бы не остаться въ дѣвахъ.

И въ этомъ пунктѣ она, несмотря на свѣтское образованіе и порядочное умственное развитіе, такъ какъ она читала много книгъ, никакъ не могла возвыситься надъ взглядами ея коренной среды, въ которой для дѣвушки больше всего боятся сидѣнья въ дѣвицахъ и потому торопятся во что бы то ни стало поскорѣе выдать ее замужъ.

И когда она произносила свое временное рѣшеніе — пока остаться въ прежней квартирѣ, въ головѣ ея не вполнѣ ясно, но уже мелькали мысли о будущемъ, совершенно такія, какія могли явиться въ головѣ каждой дѣвушки духовнаго сословія въ ея положеніи. На замѣчаніе родственницъ о возможности выхода замужъ за будущаго кандидата въ протодіаконы, чтобы такимъ образомъ все осталось по-старому, т. е. чтобы не лишиться всѣхъ преимуществъ протодіаконской должности, въ душѣ ея вовсе не явилось протеста, въ голову ея не пришла мысль, что это невозможно, что такимъ образомъ рѣшать интимные вопросы своей личной жизни она неспособна.

Несмотря ни на что, она была плоть отъ плоти и кость отъ костей своего сословія. Если она сама еще до нѣкоторой степени сомнѣвалась въ этомъ, то жизнь скоро доказала ей это неопровержимо.

Съ протодіаконицей онѣ не говорили объ этомъ. Варенька ограничилась своимъ пока, но это пока длилось уже нѣсколько недѣль.

Старый протопопъ былъ очень озабоченъ присканіемъ новаго протодіакона. И самъ онъ находилъ это и со всѣхъ сторонъ приходилось слышать, что съ тѣхъ поръ, какъ протодіаконскія обязанности по необходимости исполняетъ второй діаконъ, весьма заслуженный и почтенный, но не обладающій никакимъ голосомъ, въ церкви сдѣлалось скучно. Было даже замѣчено, что по праздникамъ храмъ бываетъ теперь далеко не такъ полонъ, какъ въ прежнее время. Для истинно проникновенныхъ прихожанъ нужно впечатлѣніе полноты и законченности, а этихъ-то полноты и законченности не было.

Въ храмѣ дребезжалъ разбитый старческій голосъ и даже нельзя было разобрать, что онъ тамъ такое выводитъ. Архіерей однажды послѣ обѣдни сказалъ настоятелю:

— Плохо стараешься, отче протопопе! Ужъ не знаю, можетъ, это и грѣхъ, а только скажу, что у меня надлежащаго молитвеннаго настроенія не ощущается.

Настоятель ссылаясь на свои старанія. Онъ сдѣлалъ вызовы въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и, кромѣ того, разослалъ сообщенія во всѣ московскіе приходы. Не пойти же ему на Красную площадь и всенародно возгласить приглашеніе въ протодіаконы.

И охотники являлись, но когда они раскрывали ротъ, то сейчасъ же становилась ясна тщетность ихъ претензій. Былъ въ сборѣ третій діаконъ, молодой, который и на мѣсто взять былъ ради его басистаго голоса, и одинъ разъ попробовали въ видѣ опыта поручить ему протодіаконскія обязанности. И онъ старался, ужасно старался. Въ продолженіе двухъ часовъ службы жилы на на его шеѣ были напряжены, а глаза отъ натуги готовы были выскочить на лобъ. Но впечатлѣніе было еще болѣе жалкое, чѣмъ отъ безголосаго второго дьякона. Тотъ ужъ по крайней мѣрѣ былъ безголосый, и всѣмъ было ясно, что онъ по необходимости временно замѣщаетъ протодіакона, а у этого все-таки была видимость баса. Можно было даже сказать, что у него былъ хорошій голосъ, но лишь для третьяго дьякона, а не для протодіакона. А между тѣмъ кто-нибудь изъ прихожанъ могъ подумать, что его прочтуть въ протодіаконы. По этимъ соображеніемъ вторично вести службу ему ужъ не дали, предоставивъ дребезжать старому второму дьякону.

Однажды къ настоятелю явился еще молодой человекъ съ бритымъ лицомъ и русыми кудрями на головѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, плечистый, крупный, а когда, войдя въ комнату, объявилъ свою фамилію: «Власъ Драганскій... По случаю должности протодіакона», то у настоятеля лицо сразу сдѣлалось веселое. Это былъ басъ, настоящій басъ. Масса звука, полнота, клокотаніе расплавленнаго металла, все это послышалось въ немъ настоятелю.

Изъ объясненій оказалось, что Власъ Драганскій поетъ въ какомъ-то церковномъ хорѣ и, кромѣ того, гдѣ-то въ частной школѣ обучается оперному пѣнію.

— Значить, имѣете намѣреніе посвятить себя сценѣ? — сказалъ настоятель.

— Имѣю намѣреніе, но могу измѣнить его, въ случаѣ, ежели подойдетъ.

— И давно учитесь?

— Уже три года.

— Гм... Такъ ужъ вамъ и до сцены недалеко.

— Да я, отецъ протоіерей, такъ рассуждаю. Сцена, оно хорошо. Ежели съ успѣхомъ, такъ даже доходно... Многіе пѣвцы даже

себѣ капиталъ составляютъ, какъ, напимѣръ, Шаляпинъ... Но много ли ихъ, Шаляпиныхъ-то? По Москвѣ этого народа съ голосами-то сотни, а то и тысячи шляются... Всѣ по разнымъ школамъ, изъ одной въ другую переходятъ. А сценъ немного... Соревнованіе большое. Попадешь ли еще? А ежели и попадешь, такъ понравился ли публикѣ? Иной съ малымъ голосомъ, да искусный — у него идетъ. А есть такіе, что въ глоткѣ у него прямо золотой рудникъ, а ничего не можетъ подѣлать. А тутъ дѣло вѣрное, прочное.

— Вы сами изъ духовныхъ?

— Какъ же! въ семинаріи обучался, да только курса полного не кончилъ.

— А по какой причинѣ?

— Больше по лѣности, отецъ протоіерей. Къ наукамъ не склоненъ, оттого... А поведенія былъ хорошаго. Пятерку имѣлъ.

— Прекрасно, — сказалъ настоятель. — Такъ, по разговору, голосъ у васъ хорошъ. Приходите завтра въ 12 часовъ, я соберу нашъ причтъ и будетъ малая проба. Въ случаѣ одобренія, подвргнетесь большой пробѣ.

— А это что же?

— А это ужъ со стороны придутъ, такъ сказать, эксперты... И архіерей будетъ, а, можетъ быть, и два. А затѣмъ сдѣлаемъ представленіе и дѣлу конецъ. А вы женаты?

— Нѣтъ еще, но могу жениться... Не штука вѣдь...

— Да, да, конечно... У насъ имѣется невѣста... Дочь покойнаго протодіакона. Прекрасная дѣвица. За нею, такъ сказать, преимущество... Такъ вы познакомьтесь, можетъ, и понравится.

— Я познакомлюсь.

— Что же, отчего же вамъ не понравится? Человѣкъ вы вполне какъ слѣдуетъ. Такъ вотъ завтра пожалуйте... Мы васъ, такъ сказать, домашнимъ образомъ попробуемъ.

И на другой день, въ 12 часовъ, Драганскій пришелъ. Онъ явился прямо въ церковь, которая, по случаю пробы, была открыта. Черезъ четверть часа пришелъ настоятель, другой, тоже старый, священникъ, два діакона и остальные младшіе члены причта.

— А за старостой церковнымъ послали? — спросилъ настоятель. — Онъ долженъ высказать свое сужденіе.

Оказалось, что за Адрианомъ Михайловичемъ послали, и онъ вскорѣ явился. Въ церкви зажгли нѣсколько свѣчей, а дверь затворили, чтобы никто изъ постороннихъ не вошелъ. Дѣло было интимное.

— Вотъ, отцы, и вы, Адрианъ Михайловичъ, г. Драганскій желаетъ пробоваться на протодіакона. По разговору у него голосъ очень хорошій, такъ я и пригласилъ васъ послушать. Ежели одобрите, тогда и настоящую пробу устроимъ. Что бы такое прочитать?

— Апостола, — посовѣтовалъ Адрианъ Михайловичъ.

— Ну, хорошо... Возьмите апостола. Ну, вот, хорошія слова есть въ посланіи къ Тимоѳею. Не угодно ли? Вотъ это.

Настоятель опытной рукой разыскалъ въ толстой книгѣ съ изрядно засаленными страницами потребное мѣсто. На возвышеніи передъ алтаремъ поставили аналой и положили на него толстую книгу! Драганскій сталъ передъ аналоемъ, а эксперты размѣстились на лѣвомъ и на правомъ клиросахъ, настоятель же стоялъ въ алтарѣ. Драганскій началъ:

— «Чадо Тимоѳее, сіе вѣждь, яко въ послѣдніе дни настануть времена люта...».

— «Времена люта», очень хорошо,—сказалъ настоятель, выглянувъ изъ алтаря.—Звучить полно и массивно. Продолжайте.

— «Будутъ бо чловѣды сребролюбцы, сластолюбцы... родителямъ противящіеся... неблагодарные... неправы...»

— Очень хорошо!.. Не правда ли?—опять похвалилъ настоятель и обратился съ вопросомъ къ Адріану Михайловичу.

— Мнѣ нравится,—отвѣтилъ староста.

— Однако, продолжайте.

Драганскій читалъ дальше, правильно и незамѣтно повышая голосъ. Можно было замѣтить, что на лицахъ у присутствующихъ явилось какое-то невольное просвѣтлѣніе. Причтъ давно уже страдалъ отъ отсутствія въ церкви настоящаго звучнаго голоса. А Драганскій дѣйствительно давалъ хорошія ноты. Конечно, никому и въ голову не приходило сравнивать его съ покойнымъ отцомъ Ксенофонтомъ. Нѣтъ, ужъ такое сравненіе было бы только пагубно. Если бы хотѣли сравнивать съ нимъ, то древній храмъ былъ бы осужденъ навѣки оставаться безъ протодіакона. Ясно было для всѣхъ, что такого голоса, какой былъ у отца Ксенофонта, больше не будетъ. А такъ, безъ сравненія, у Драганскаго былъ хороший, сочный благозвучный басъ, котораго хватало на всю церковь. Онъ дошелъ до довольно высокой ноты.

— Заканчивайте,—сказалъ ему настоятель.

Драганскій сдѣлалъ очень ловкій, эффектный конецъ, нажалъ на высокую ноту и протянулъ ее.

— Пріятный голосъ,—сказалъ настоятель.

— И большой... замѣтили другіе.—Надо бы вынести многолѣтіе. Драганскій вынесъ многолѣтіе и тоже угодилъ всѣмъ.

— А попробуйте-ка «вѣчную память».

Тогда лицо Драганскаго вдругъ сдѣлалось печальнымъ, въ глазахъ появилось выраженіе скорби, и онъ глубоко минорнымъ тономъ жалобно затянулъ:

«Во блаженномъ успеніи вѣчный покой... пода-а-ажь...»

И отлично у него это выходило, даже лучше, чѣмъ многолѣтіе. Удивительно искусно онъ дѣлалъ переливы, такъ что было трогательно слушать.

— Да, — сказалъ настоятель, — у васъ есть данныя, и большія. Конечно, мы не можемъ рѣшить, — это только такъ. Проба — дѣло серьезное... Но, повидимому, вы имѣете шансы. Я поговорю о пробѣ и о днѣ извѣщу васъ.

Когда всѣ, очень довольные кандидатомъ, стали выходить изъ церкви, настоятель подошелъ къ Драганскому и сказалъ ему тихо:

— Такъ вы зайдите ко вдовѣ отца Ксенофонта Явленскаго, прежняго отца протодіакона. Онѣ живутъ въ нашемъ же церковномъ домѣ... Вамъ укажутъ. Вы скажите, что отъ меня пришли. Этакъ денька черезъ два зайдите. Само собою разумѣется, это только для простого знакомства. Я не могу знать, что на пробѣ обнаружится. Шансы у васъ большіе, но... Мало ли, что можетъ быть, а познакомиться не лишнее.

Драганскій очень хорошо зналъ всѣ обычаи, взгляды и приемы своего сословія и потому сейчасъ же сообразилъ, что настоятель, желая быть благодѣтелемъ и его и дочки прежняго протодіакона, самъ хочетъ зайти къ нимъ и поговорить, оттого и назначилъ ему пойти туда только черезъ два дня.

И въ самомъ дѣлѣ, на другой же день послѣ пробы старый протопопъ, помня великія заслуги покойнаго отца Ксенофонта, не послалъ къ протодіаконицѣ какого-нибудь мелкаго причетника, чтобы пригласить ее къ себѣ, а самъ зашелъ къ ней. Это было сдѣлать не трудно, такъ какъ квартира его была въ томъ же дворѣ, но дѣло не въ усиліи, а въ чести.

Когда онъ подымался по ступенькамъ на крыльцо, изъ квартиры слышались звуки фортепіано. Онъ даже остановился на минуту и послушалъ. Игра была стройная, благозвучная и искусная.

— Хорошо играетъ дочка отца Ксенофонта... Боюсь, что очень ужъ свѣтская она... пожалуй, не захочетъ протодіаконицей быть.

И онъ вошелъ. Въ квартирѣ произошла маленькая тревога. Протодіаконица быстро накинула на плечи платокъ, а на голову надѣла чепчикъ. Варенька прекратила игру.

— Вотъ пришелъ навѣстить сиротъ, — сказалъ протопопъ. — Какъ живете?

— Благодарю васъ, отецъ настоятель. Живемъ! — сказала протодіаконша. — Живемъ и боимся: вотъ придутъ и скажутъ: освобождайте, молъ, квартиру.

— Зачѣмъ же вамъ бояться? Это можетъ отъ васъ самихъ зависѣть. Мы заслуги отца Ксенофонта помнимъ. Конечно, ежели такая необходимость окажется, такъ до этого допускать не надо. А я вотъ на крылечкѣ стоялъ и слушалъ вашу музыку, Варвара Ксенофоновна... Большая искусница! Совѣмъ артистка... Я и подумалъ: вотъ ежели къ Варварѣ Ксенофоновнѣ посватался бы духовный... пожалуй, не пошла бы...

Варенька отвѣтила:

— Я возьму мужа по душѣ, отецъ протоіерей, а не по одеждѣ и по званію.

— Вотъ это хорошо... Разсужденіе благоразумное. А между прочимъ я пришлю къ вамъ на дняхъ молодого человѣка. Онъ, быть можетъ, къ нашему причту присоединится, такъ для знакомства и къ вамъ явится. Драганскій его фамилія — и басть имѣетъ хорошій. Коли придетъ, такъ это отъ меня. Онъ тоже, говоритъ, по оперной части учится, значить, у васъ общее найдется. Ну, что жъ, — прибавилъ протоіерей, мѣняя разговоръ: — надѣюсь, васъ никто тутъ не обижаетъ?

— Нѣтъ, отецъ протоіерей, ни на кого пожаловаться не можемъ, — сказала протодіаконица. — Всѣ еще помнятъ заслуги отца Ксенофонта.

— Вотъ и прекрасно.

И протопопъ ушелъ. Протодіаконица сейчасъ же вполне правильно растолковала его слова. Молодой человѣкъ, имѣющій хорошій басть, и къ причту присоединяется. Вѣдь это же ясно: протодіакономъ будетъ, и, слѣдовательно, на него надо смотрѣть, какъ на жениха.

— Ты понимаешь, Варенька?

— Что же тутъ понимать, мама? Это такъ ясно, — отвѣтила Варенька.

Драганскій не заставилъ ждать себя. Какъ сказалъ ему настоятель, такъ точно онъ и сдѣлалъ: прождалъ 2 дня и затѣмъ отправился въ церковный домъ и отыскалъ квартиру протодіаконской вдовы. Дамы эти два дня, имѣя въ виду возможность его прихода, обѣ были одѣты нѣсколько лучше, чѣмъ по домашнему.

И вотъ звонокъ, горничная открываетъ дверь, и изъ передней слышится разговоръ басомъ, Приятно прозвучалъ голосъ Драганскаго въ этой квартирѣ, за 40 слишкомъ лѣтъ такъ привыкшей, чтобы въ ней звучалъ сочный, басистый голосъ и такъ неожиданно лишившейся этого. Въ гостиную вошелъ представительный молодой человѣкъ, съ бритымъ лицомъ, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы...

— Прощу извинить за смѣлость! Присланъ отцомъ настоятелемъ. Позвольте представиться: Драганскій!

— Очень приятно, — сказала протодіаконица.—Отецъ настоятель былъ у насъ и говорилъ о васъ. Позвольте узнать имя и отчество.

— Власъ Матвѣвичъ.

— Ну, такъ садитесь, пожалуйста, Власъ Матвѣвичъ. Вотъ дочь, Варвара Ксенофоновна. Отецъ настоятель говорилъ, что вы по оперной части обучаетесь, а моя дочь на фортепіанахъ играетъ, консерваторію кончила.

— Да неужели?

И вотъ уже знакомство готово... Консерваторія и оперное пѣніе послужили богатымъ матеріаломъ для перваго разговора между

Варенькой и Драганскимъ. Такъ какъ это было въ 4 часа дня, когда дамы имѣли сиротскую привычку пить кофе со сливками и съ сухарями, то и Драганскій былъ напоенъ.

Какъ это ни странно, но объ дамы внимательно прислушивались къ его голосу. Будучи женой и дочерью протодіакона, да еще такого необыкновеннаго, какимъ былъ отецъ Ксенофонтъ, онѣ какъ-то привыкли сущность человѣка связывать съ его голосомъ. Драганскаго дамы попросили что-нибудь спѣть, и онъ, хотя по обычаю всѣхъ оперно-учащихся, нѣкоторое время и ломался, приставлялъ ладонь къ горлу и утверждалъ, что сегодня онъ что-то не въ голосѣ, тѣмъ не менѣе, зная, что дамы во что бы то ни стало изслѣдуютъ его голосъ со всѣхъ сторонъ, согласился. Пересмотрѣли имѣвшіяся въ домѣ ноты, которыхъ было множество, и нашли цѣлую оперу—«Жидовку».

— Я изъ кардинала пою, — сказалъ Драгинскій. Варенька сѣла за рояль, а гость стоялъ у нея за спиной. Протодіаконица же, какъ экспертъ, отошла въ дальній уголъ и усѣлась на диванѣ. И Драганскій запѣлъ.

Это была своего рода вторая проба, не столь основательная, какъ первая, но тоже важная. Пѣлъ онъ тяжеловѣсно, что называется, везъ. Видно было, что по оперной части онъ еще немногому научился, но звукъ его голоса былъ полный, громкій и сочный. Послѣ этого онъ посидѣлъ у нихъ еще полчаса.

И, такъ какъ не было никакой надобности плодить недоразумѣнія, то онъ откровенно рассказалъ дамамъ о пробѣ, которую ему устраивали, и объ всемъ, что сказалъ ему настоятель. И прибавилъ:

— Слѣдовательно, окончательное рѣшеніе зависитъ отъ большой пробы. Однако отецъ настоятель обѣщаль свое содѣйствіе.

Когда онъ ушелъ, дамы обмѣнялись впечатлѣніями. И здѣсь на первомъ планѣ у нихъ стоялъ голосъ Драганскаго. О его наружности, о томъ, уменъ ли онъ, или глупъ, симпатиченъ или неприятенъ, онѣ говорили послѣ; первая же мысль была о голосѣ.

— Хорошъ у него голосъ! Но далеко, охъ, какъ далеко ему до покойнаго отца Ксенофонта! — сказала протодіаконица.

— Но, мама, такого голоса, какъ у папы, они никогда не найдутъ.

— Такъ ты думаешь, что его одобрятъ на пробѣ-то!

— Я ничего не думаю.

— Проба-то вещь серьезная. Тамъ будутъ знатоки. Я полагаю, что до пробы никакого такого разговора не можетъ быть.

— Да никакого разговора, мама, и не нужно, — и онъ знаетъ это, и мы прекрасно знаемъ...

— А онъ тебѣ понравился, Варенька?

— Ничего... Не хуже другихъ. Вотъ будетъ ходить къ намъ, узнаемъ, что за человѣкъ... Я только одно скажу: если пьетъ, не пойду, — не хочу, чтобы у меня мужъ былъ пьяница.

Протодіаконица вздохнула, этимъ, очевидно, намекая на обильныя выпиванія, которыя допускалъ отецъ Ксенофонтъ, и Варенька сейчасъ же поняла.

— Вы, мама, меня не такъ поняли. Я не о томъ. Папа дѣлалъ это по обязанности. Конечно, ничего тутъ нѣтъ хорошаго, это даже унизительно, и я своему мужу не позволила бы такъ, а все же это не пьянство. Пьяница, тотъ ни съ того, ни съ сего пьетъ и безобразничаетъ, а папа—онъ сейчасъ спать и больше ничего.

Варенькина разсудительность удивительно радовала сердце протодіаконицы. Сама она въ давнее время, когда въ головѣ отца Ксенофонта возникла мысль объ отдачѣ Вареньки въ свѣтскую гимназію, а потомъ въ консерваторію, слегка даже протестовала противъ этого, боясь, какъ бы не отбилась она отъ своего сословія. Къ чужому-то не пристанетъ, а отъ своего останется.

Отецъ Ксенофонтъ не принялъ въ расчетъ ея мнѣнія и поступилъ по-своему, и прекрасно сдѣлалъ. Теперь она видитъ, что ничему это не помѣшало. А между тѣмъ Варенька, благодаря образованію, куда интереснѣе другихъ дѣвушекъ своего сословія. Вотъ даже у отца настоятеля дочь, несмотря на то, что онъ протоіерей, мѣшокъ-мѣшкомъ, ни повернуться, ни слова сказать, какъ слѣдуетъ, не умѣетъ. А Варенька хоть куда, а свое счастье правильно понимаетъ.

V.

Драганскій сталъ бывать у нихъ часто и очень скоро сдѣлался въ домѣ своимъ человѣкомъ. Варенькѣ онъ нравился. Въ немъ были счастливо соединены качества, съ одной стороны, человѣка, вышедшаго изъ нѣдръ духовнаго сословія и готоваго каждую минуту вернуться въ его нѣдра, а съ другой — уже побывавшаго въ свѣтскомъ кругу и усвоившаго тамошнія манеры и понятія.

Образованіе его было весьма невелико. По книжной части онъ совсѣмъ-таки былъ слабъ, но, бывая, въ качествѣ поющаго человѣка, въ разныхъ кружкахъ и домахъ, онъ нахватался всякихъ мыслей и могъ толково разсуждать обо всемъ.

Самъ онъ даже никогда не спрашивалъ себя, нравится ли ему Варенька. Въ этомъ вопросѣ онъ остался вѣренъ тому взгляду, который всосалъ съ молокомъ матери. Любовь составляется изъ сотни обстоятельствъ, среди которыхъ главное—приходъ. Голосъ отвлекъ его на другую дорогу, но тотъ же голосъ теперь вернулъ его на прежній путь. Варенька же заключала въ своей особѣ дѣлъ его стремленій. Съ нею было неразрывно связано протодіаконское мѣсто. Онъ зналъ, что такое преимущество, о которомъ говорилъ настоятель. Оно не есть законъ, а только обычай, но въ его сословіи обычай часто бываетъ сильнѣе закона.

Кромѣ того, онъ прекрасно былъ освѣдомленъ относительно другихъ обстоятельствъ, касавшихся Вареньки. Онъ перезнакомился со всѣмъ причтомъ древняго собора и отъ нихъ получилъ точное свѣдѣніе и о капиталѣ, оставленномъ отцомъ Ксенофонтомъ, и о домѣ, подаренномъ ему купцами. Онъ даже побывалъ въ переулкѣ и поверхностно осмотрѣлъ домъ. Словомъ, тутъ встрѣчались двѣ личности, основательно и здраво относившіяся къ жизни.

Внѣшнимъ же образомъ ихъ обобщала музыка. Драганскій приносилъ свои ноты, Варенька садилась за рояль и аккомпанировала, а онъ пѣлъ. О возможности брака ничего между ними не было сказано, но оба отлично понимали, что все это знакомство есть чисто брачное и что, когда совершится главная проба, если результатъ ея будетъ для Драганскаго благопріятенъ, въ тотъ же день онъ этимъ самымъ сдѣлается женихомъ Вареньки.

А проба все откладывалась. Уже прошло нѣсколько недѣль съ того дня, когда Драганскій появился въ квартирѣ «протодіаконскихъ сиротъ». Какъ-то разъ онъ зашелъ въ церковь и встрѣтилъ тамъ настоятеля. По окончаніи обѣдни онъ заглянулъ въ алтарь и спросилъ его насчетъ пробы.

— Самъ стремлюсь къ ускоренію. До зарѣзу нуженъ намъ протодіаконъ. Да все не могу собрать комиссію, и преосвященнаго вызвали въ Петербургъ. Вотъ какъ только онъ вернется, сейчасъ устроимъ. А что? съ сиротами познакомились?

— Какъ же... бываю, отецъ протоіерей.

— Ну, и что же—ладно?

— Вполнѣ... Варвара Ксенофоновна дѣвушка разумная.

— Я то же самое думаю... Ну, такъ вотъ и хорошо. Значить, до пробы.

И наконецъ Драганскій однажды получилъ приглашеніе на пробу. Какъ только онъ вошелъ въ назначенный часъ въ церковь, то сейчасъ же понялъ, что это дѣло не шуточное. Церковь была изрядно освѣщена. Паникадило не было зажжено, но по срединѣ церкви, около амвона, на которомъ обыкновенно стоялъ во время службы архіерей, было поставлено нѣсколько подсвѣчниковъ, утыканныхъ свѣчами, и всѣ свѣчи горѣли.

Но это было еще ничего. Драганскій вошелъ въ церковь довольно храбро. Ободренный похвалою настоятеля, онъ почти былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Когда онъ увидѣлъ, что въ церкви, неподалеку отъ праваго клироса столпилась десятка полтора духовныхъ лицъ, онъ подумалъ, что это въ порядкѣ вещей, на то и большая проба. Все это были большею частью почтеннаго возраста особы. Почти у всѣхъ сложеніе было богатырское. Рослые, толстые, пузатые, съ длинными кудрявыми гривами. У однихъ головы были непокрыты, другіе были въ камилавахъ. Приглядѣвшись, онъ замѣтилъ среди нихъ двухъ старцевъ въ монашескихъ клобукахъ, съ золотыми крестами на груди.

«Батюшки,—подумалъ онъ,—цѣлыхъ два архіерея! Нѣтъ, это не шутка!» И легкій страхъ заневелился въ его сердцѣ.

Настоятель, увидѣвъ его, пошелъ ему навстрѣчу.

— Неужели я опоздалъ? — спросилъ Драганскій.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это мы заранѣе пришли. Тутъ было другое дѣло. Кстати трещину въ алтарѣ осмотрѣли. А вы въ самое настоящее время. Пойдемте, я васъ представлю владыкамъ и другимъ.

Онъ повелъ его къ группѣ и прежде всего подвелъ къ одному и затѣмъ къ другому старцамъ въ монашескихъ клобукахъ. Они сидѣли въ креслахъ.

— Вотъ, ваше преосвящество, это и есть кандидатъ.

— Фамилія? — спросилъ одинъ изъ архіереевъ.

— Драганскій, Власть, ваше преосвященство, — низкимъ басомъ отвѣтилъ самъ кандидатъ.

— Хорошо! — сказалъ архіерей, благословляя его. Потомъ Драганскій отвѣсилъ поклонъ и остальнымъ духовнымъ лицамъ. Но вдругъ онъ вздрогнулъ. Это былъ не испугъ, а неожиданность. Въ первую минуту ему показалось, будто что-то такое загрохотало, какъ будто тяжелые камни упали на крышу храма. Но это были не камни. Просто одновременно открылись уста, и заговорили нѣсколько духовныхъ лицъ. У всѣхъ у нихъ были отмѣнные, старые, сильно огрубѣвшіе басы. Между ними находились бывшіе протодіаконы, которые, отслуживъ въ этой должности достаточно лѣтъ, были повышены и произведены въ іереи. Ихъ созвали сюда изъ разныхъ церквей. И всѣ они, за исключеніемъ архіереевъ, говорили на нижнихъ басовыхъ нотахъ. И когда Драганскій услышалъ это ворчаніе, то испугался. Его басъ, основательный и тяжеловѣсный, показался ему самому ничтожнымъ передъ этимъ ворчаніемъ.

Но это было только мимолетное внутреннее ощущеніе, которое не могло повліять на его рѣшеніе и не заставило его поколебаться. Ему вообще была несвойственна робость, и онъ смотрѣлъ на дѣло просто: Я добиваюсь, а потому буду стараться. Удастся, хорошо, а нѣтъ, мирно удалюсь во-свои.

— Ну, что жъ, можно и приступить. — сказалъ одинъ изъ архіереевъ.

— Приступимъ,—отозвался настоятель, который, видимо, исполнялъ роль распорядителя, и обратился къ Драганскому. — Пожалуйте на амвонъ.

Драганскій только теперь понялъ, что испытаніе ему будетъ произведено на амвонѣ, среди церкви. Это нѣсколько смущало его. Ему казалось, что церковь слишкомъ велика, и голосъ, расплываясь во всѣ стороны, пожалуй, не наполнитъ ее и много потеряетъ отъ этого. Но онъ ясно видѣлъ, что здѣсь все будетъ сдѣлано по установившемуся порядку. И хотя онъ предпочелъ бы стать поближе къ алтарю, онъ не выразилъ своего желанія.

«На амвонъ, такъ на амвонъ», подумалъ онъ и смѣло двинулся къ амвону. Тамъ уже стоялъ аналой, и на немъ та самая книга, по которой онъ однажды читалъ. Онъ по ступенькамъ взобрался на амвонъ.

— Читайте апостолъ! — сказалъ ему настоятель.

Драганскій почему-то вдругъ вспомнилъ страницу, на которой было посланіе къ Тимоѳею, уже читанное имъ. Никогда послѣ первой пробы не думалъ онъ объ этомъ посланіи и даже не зналъ, что въ его памяти сохранилась страница. Онъ отыскалъ посланіе и началъ плавно, стараясь сгущать и округлять звуки, читать. Онъ дѣлалъ это неторопливо, естественно повышая голосъ. Сперва онъ чувствовалъ себя нѣсколько стѣсненнымъ. Но когда вошелъ въ область высокихъ нотъ, ему стало свободно и съ каждымъ новымъ повышеніемъ голосъ его звучалъ вольнѣе и шире. Закончилъ онъ очень высоко, сочно и красиво.

— Прекрасно! — сказалъ одинъ изъ архіереевъ.

— Да, недурно! — слышалось чье-то ворчанье.

— Произнесите многолѣтіе! — сказалъ настоятель.

Драганскій выполнилъ тоже съ успѣхомъ. Понравилось также, какъ онъ выводилъ «вѣчную память». Одобряли собственно архіереи. Со стороны же остальныхъ экспертовъ только изрѣдка раздавались отдѣльные басистые голоса на низкихъ нотахъ, высказывавшіе умѣренную похвалу: «Недурно! Весьма добропорядочно...»

— Ну, что же, отцы, — сказалъ одинъ изъ архіереевъ послѣ «вѣчной памяти»: — еще что-нибудь желаете?

Тогда выступилъ одинъ изъ отцовъ, самый величественный, съ лицомъ, страшно обросшимъ, съ массой сѣдыхъ волосъ на головѣ. Онъ заговорилъ звучной, хотя и изрядно надтреснутой, октавой.

— Это, ваше преосвященство, все хорошо. И апостола выносить хорошо и многолѣтіе, а «вѣчную память» даже весьма искусно... Но осмѣлюсь выразить — то ли требуется отъ протодіакона? Полагаю, что не то...

— А что же? — съ искреннимъ недоумѣніемъ спросилъ настоятель.

— А вотъ, какъ я полагаю, — продолжала октава: — Апостолъ, да его протодіаконъ никогда не читаетъ... Ну, положимъ, онъ читаетъ евангеліе, это одинаково, но евангеліе только одинъ разъ, двѣ-три минуты, не болѣе, а многолѣтіе только при торжественныхъ молебствіяхъ, которыя не каждую обѣдню даже бываютъ. Главная же обязанность протодіакона вести обѣдню. Не выносить, ваше преосвященство, а служить обычно. Вотъ это самое трудное и есть.

— Да, пожалуй, — сказалъ архіерей, и настоятель тоже не могъ не согласиться съ этимъ; а баящіе эксперты даже видимо ожились, услышавъ вполне резонную вещь. Они подтвердили дружнымъ грохотаніемъ:

— Вотъ это именно... Вынести высокую ноту не штука. Это всякій бастъ сумѣетъ... А вотъ обычное служеніе, да... Вотъ, какъ у покойнаго отца Ксенофонта бывало... Раскрываетъ ротъ, тянетъ себѣ примѣрно въ ля, либо даже въ соль, а голосъ такъ и льется, какъ вода изъ океана.

— Ну, что жъ,—сказалъ настоятель,—прочтите великую эктенію.

Драганскій слушалъ всѣ эти рѣчи и тотчасъ же сообразилъ, что въ нихъ кроется загвоздка и что басыящіе отцы совсѣмъ не дураки, а понимаютъ толкъ. То, о чемъ они говорили, было дѣйствительно самое трудное. И онъ уже въ эту минуту усомнился въ успѣхѣ. Тѣмъ не менѣе онъ приступилъ.

— Знаете наизусть?—спросилъ его настоятель.

— Знаю, отецъ протоіерей.

И началъ: «Міромъ Господу помолимся-аа. О свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ... О мирѣ всего міра и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей... О благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ... О святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ... и господинѣ нашемъ...»

Все это онъ читалъ протяжно, не спѣша и видно было сильно стараніе изъ каждой ноты выжать все, что только могли дать его связки и легкія, и чувствовалъ онъ самъ, что въ его пѣніи нѣтъ надлежащаго соку, вотъ именно той воды, которая льется изъ океана. Сухое оно какое-то и съ каждымъ новымъ прошеніемъ въ церкви становилось все скучнѣе и скучнѣе.

— Ну, довольно,—сказалъ настоятель; и теперь, когда онъ это сказалъ, лицо его было уже не такое ласковое и доброе, какъ прежде. Онъ видѣлъ, что эктенья произвела впечатлѣніе не вполне благопріятное, да и самъ чувствовалъ, что тутъ чего-то недостаетъ.

— Н-да—сказалъ октавистъ...—Вотъ оно и выходитъ... Обычно-то вамъ труднѣе служить, чѣмъ выносить... Выучки-то у васъ много... А вотъ настоящаго-то соку маловато.

— Какъ же вы полагаете, отцы?—спросилъ одинъ изъ архіеревъ, очевидно, старшій.

Отцы нѣкоторое время помолчали, потомъ между ними произошло нѣкоторое сдержанное ворчаніе—это они обмѣнивались мнѣніями. Затѣмъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Это надобно бы особо... Того... посовѣщаться...

— Такъ пожалуйста въ притворь,—предложилъ настоятель, и вся коммиссія подъ его руководствомъ отправилась въ боковой алтарь. Впереди рядомъ шли два архіерея, опираясь на посохи, остальные шествовали за ними.

Драганскій остался съ младшимъ причтомъ. Онъ уже давно сошелъ съ амвона. Къ нему подошелъ третій діаконъ, тотъ самый, что обладалъ басомъ недостаточнымъ.

— Они сами,—сказаль онъ, видимо, сдерживая голосъ,— когда то были протодіаконами, да потеряли голосъ, оттого и придирчивы. Нѣтъ, отъ нихъ не ждите добра. А голосъ у васъ хорошій. Вотъ у меня тоже басъ, да малъ, говорятъ. Оно, конечно, послѣ покойнаго отца Ксенофонта трудно угодить... Вы его не слышали?

— Нѣтъ, не приходилось,—отвѣтилъ Драганскій.

— Не голосъ былъ, а прямо громъ небесный, а они, вотъ эти, я ихъ знаю... никогда у нихъ голосовъ настоящихъ не было, такъ ревѣли, какъ дикіе звѣри, а вотъ воображаютъ о себѣ..

— Да вѣдь насчетъ обычнаго служенія это справедливо,—сказаль Драганскій.—Я дѣйствительно тутъ чувствовалъ себя слабымъ.

— Да вѣдь это все поправимо. Голосъ, онъ долженъ устояться въ храмѣ. Для васъ эти стѣны новыя и своды и все... Надобно послужить, приладиться... Вотъ отецъ настоятель идетъ, должно быть, рѣшеніе несетъ.

Въ самомъ дѣлѣ изъ алтаря бокового придѣла вышелъ настоятель и шелъ по направленію къ нему. Еще не дойдя до Драганскаго, онъ уже развелъ руками.

— Не признали,—сказаль онъ съ сокрушеніемъ.—Голосъ, говорятъ, хорошъ, но слишкомъ обученъ. Нѣтъ въ немъ этой сырости, чернозема, оттого для обычной службы недостаточенъ, и преосвященныхъ убѣдили. Не моя вина.

— Что же,—сказаль Драганскій.—Ежели не годится, такъ ничего тутъ не подѣлаешь!.. Простите, отецъ протоіерей, за безпокойство.

Онъ беззлобно взялъ у настоятеля благословленіе и ушелъ домой. Въ тотъ же день и въ квартирѣ протодіакона получили извѣстіе, что Драганскій не одобренъ на большой пробѣ. На минутку лицо Вареньки омрачилось. Съ Драганскимъ она свылась. Они провели вмѣстѣ много часовъ. Ея мысли о будущемъ уже начали приурочиваться къ жизни съ нимъ.

Но однако въ этомъ ничего не было глубокаго, такого, что могло бы доставить ей хоть кратковременное страданіе. Такъ, на минутку сердце сжалось, какъ будто о чемъ-то пожалѣла она, но потомъ прошло.

На другой день Драганскій зашелъ къ нимъ и забралъ свои ноты. Онъ разсказаль, какъ происходила проба, и у него это вышло смѣшно. Варенька очень много смѣялась. А когда онъ уходилъ, его просили не забывать и приходить съ нотами. Онъ обѣщаль, но больше ни разу не зашелъ...

IV.

Прошло еще мѣсяца два. Древній соборъ просто изнываль отъ голода по протодіаконѣ. Но всѣ являвшіеся съ предложеніями рѣшительно не удовлетворяли требованіямъ. Если бы не существо-

вало 40-лѣтняго служенія отца Ксенофонта, конечно, уже давно вакансія была бы замѣщена. Но подъ сводами храма еще какъ будто витали отзвуки его могучаго голоса, и всякій разъ, когда кто-нибудь пробовался, они приходили на память. Впрочемъ, надо сказать, что послѣ Драганскаго ни одинъ кандидатъ не былъ настолько серьезенъ, чтобы настоятель рѣшился устроить большую пробу.

Въ квартирѣ протодіаконицы жизнь шла обычнымъ порядкомъ. Печаль по поводу кончины отца Ксенофонта уже значительно потускнѣла, къ Варенькѣ приходили знакомые, раздавалась музыка. Неудача для древняго собора была удачей для нихъ,—ихъ не беспокоили, позволяли жить на прежней квартирѣ. Уже была годовщина смерти отца Ксенофонта. Въ соборѣ служили торжественную панихиду. Протодіаконица и Варенька ѣздили на кладбище, и этотъ день прошелъ въ печали, но затѣмъ все пошло по старому. Наступилъ Великій постъ.

И вотъ, на третьей недѣлѣ поста настоятель получилъ по почтѣ письмо, которое очень взволновало его. Оно было отъ ректора одной провинціальной семинаріи, который когда-то былъ его пріятелемъ. Ректоръ писалъ: «Только что случайно узналъ, что въ вашемъ соборѣ имѣется вакансія протодіакона и что вы никакъ не можете замѣстить ее. Между тѣмъ у насъ въ семинаріи въ пятомъ богословскомъ классѣ имѣется воспитанникъ, по фамиліи Исоповъ, обладающій поразительнымъ, феноменальнымъ голосомъ. Ежели въ самомъ дѣлѣ справедливы свѣдѣнія относительно нужды вашей въ протодіаконѣ, благоволите увѣдомить, я уговорю Исопова, и онъ пріѣдетъ въ Москву». Настоятель съ волненіемъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ отвѣтъ. Онъ такъ прямо и объявилъ, что не только надобность, а просто голодъ и жажда въ протодіаконѣ мучаютъ ихъ. И умолялъ прислать поскорѣе Исопова. Результатомъ этой переписки было появленіе въ предѣлахъ владѣній древняго собора нѣкакого длиннаго и тонкаго существа въ длинномъ и совершенно нелѣпо спитомъ черномъ сюртукѣ.

Самъ онъ былъ необыкновенно темень. Волосы на головѣ его были черны, какъ ночь, и какъ-то непонятно торчали кверху и не было никакой возможности причесать ихъ. Лицо было смуглое, а усы, баки и борода почему-то были бриты, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны были расти, была глубокая синева. Длинная шея его была замѣчательна тѣмъ, что на ней, гораздо ниже подбородка, торчалъ колоссальный кадыкъ, который, когда владѣлецъ его говорилъ или пѣлъ, вообще издавалъ звуки, все время какъ-то неправильно прыгаль сверху внизъ и обратно. Лицомъ онъ былъ некрасивъ, но въ немъ было что-то дѣтское, наивное и привлекательное.

Когда онъ явился къ настоятелю и произнесъ первое привѣтствіе, то настоятель чуть не запрыгаль отъ радости. «Вотъ онъ,—сказаль онъ себѣ.—Ужъ это сразу видно, безъ всякой пробы».

И въ самомъ дѣлѣ, пригодность Исопова въ протодіаконы была въ сомнѣній. Звучность и полнота его голоса были необыкновенны, и настоятель по совѣсти могъ сказать, что онъ напоминаетъ отца Ксенофонта.

— Гдѣ это вы взяли такой голосъ?—воскликнулъ онъ.

— Отъ природы, отецъ протоіерей,—гаркнулъ Исоповъ.

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать шесть.

— Прекрасный возрастъ, чтобы начать карьеру. И что же, вы имѣете невѣсту?

— Нѣтъ, нѣ имѣю. Еще и не думалъ объ этомъ... Но я полагаю, найти не трудно...

— О, да, гораздо легче, чѣмъ протодіакона... Однако, долженъ вамъ сказать, что имѣется дочь покойнаго протодіакона, и за ней, такъ сказать, считается преимущество...

— Т. е. на ней жениться надобно? Такъ что же? Оно тѣмъ лучше... По крайней мѣрѣ искать не надо... Все равно, отецъ протоіерей, вѣдь, если изберутъ, такъ заставятъ сейчасъ жениться, такъ ужъ особенно выбирать да присматривать некогда.

— Знаете что? поѣдемте-ка сейчасъ къ преосвященному. Проба будетъ сама собой, а я хочу ему предварительно показать васъ.

— Я въ вашей власти, отецъ протоіерей.

Поѣхали къ архіерею. Тотъ восхитился и приказалъ какъ можно скорѣе назначить пробу. Настоятель разослалъ собственноручныя письма, и проба уже состоялась на другой день. Исоповъ безъ малѣйшихъ усилій покорилъ всѣхъ экспертовъ. Тѣ самые ворчуны, такіе угрюмые, такъ непримиримо смотрѣвшіе на Драганскаго, теперь, слушая Исопова, просто сіяли.

— Вотъ голосъ... Вотъ это голосъ... Это и отцу Ксенофонту въ товарищи не стыдно дать. Женаты?

— Нѣтъ, гдѣ же! Я еще въ семинаріи учусь. Теперь брошу, конечно. Зачемъ мнѣ?

— Досадно,—сказалъ архіерей.—Очень досадно! Были бы женаты, къ Пасхѣ рукоположили бы. Былъ бы у насъ на Пасхѣ протодіаконъ. А то вѣдь теперь послѣ наступленія мясоѣда...

— Ваше преосвященство,—сказалъ, выступивъ впередъ басистый іерей, самый старшій изъ всѣхъ экспертовъ.—Оно собственно можно и теперь.

— Что такое можно?

— Перевѣнчать можно.

Архіерей даже не понялъ.

— Это въ Великомъ-то посту? По какому же это правилу?

— Есть такое. Вотъ вы, ваше преосвященство, не знаете, а я знаю, потому въ древности, когда я еще молодымъ діаконъ былъ, такой случай имѣлся... Есть такая негласная бумага отъ синода,

и по той бумагѣ въ крайнемъ случаѣ, какъ, на примѣръ, ежели бы честь невѣсты или будущаго дитяти надобно подтвердитъ, или одна изъ сторонъ больна и близка къ смерти, или, на примѣръ, женихъ обязанъ немедленно отправляться на войну, такъ архіерей можетъ разрѣшить, но только съ условіемъ, чтобы повѣнчавшіеся тотчасъ разошлись въ разныя стороны и не встрѣчались бы между собою до наступленія мясоѣда, т. е. чтобы грѣха не было.

Архіерей и всѣ другіе изумились существованію такой бумаги, а старый второй діаконъ подтвердилъ, что онъ тоже знаетъ такой случай.

— А вы, ваше преосвященство, повелите вашему секретарю порыться гдѣ слѣдуетъ, онъ найдетъ.

— Велю, непременно велю. Это хорошо было бы, ежели бы такое правило существовало.

Ужасно всѣ были довольны пробой и разошлись съ веселыми лицами. Толстый батюшка, тотъ самый, что повредилъ Драганскому, сказалъ:

— Ну, слава Богу, а я уже думалъ, что въ нынѣшнее время вывелись настоящіе голоса.

Затѣмъ настоятель взялъ Исопова подъ руку и самолично повелъ его въ квартиру протодіаконской вдовы. Тамъ произошло знакомство. Исоповъ сперва нѣсколько смутился, былъ неловокъ, неповоротливъ и молчаливъ. Но его накормили завтракомъ, дали ему выпить, и онъ разошелся и оказался превеселымъ собесѣдникомъ. Онъ рассказывалъ и о пробѣ и о семинаріи, а подъ конецъ заговорилъ даже о предстоящей женитьбѣ.

— Вотъ теперь предстоитъ самое трудное. Побѣдилъ я преосвященнаго владыку и іереевъ, но побѣдилъ-то я ихъ голосомъ, ибо онъ данъ мнѣ природой; но какъ побѣдить мнѣ сердце дѣвицы, этого не знаю. Подобнаго еще со мной никогда не случалось. А между тѣмъ предстоитъ жениться.

— Но вѣдь это еще не скоро, цѣлый постъ у васъ есть, — возразила протодіаконица.

— Нѣтъ, сейчасъ. Оказывается, для экстренныхъ случаевъ бумага такая есть, когда, на примѣръ, женихъ на войну, либо въ протодіакона долженъ итти... и онъ рассказалъ про бумагу.

Послѣ завтрака пришелъ посланецъ отъ настоятеля. Настоятель потребовалъ Исопова къ себѣ и объявилъ ему, что бумага нашлась.

— Такъ вотъ, ежели у васъ, съ Варварой Ксенофоновной сладится, такъ и повѣнчаемъ васъ на пятой недѣлѣ, — сказалъ Исопову настоятель.

— Да я сейчасъ же и скажу Варварѣ Ксенофоновнѣ, — заявилъ Исоповъ.

— Вотъ и скажите. Но имѣйте въ виду, послѣ вѣнчанія вы до самой Пасхи будете жить у меня. Этого потребовалъ отъ меня преосвященный. И не будете даже встрѣчаться съ вашей женой.

— Что же, отецъ протоіерей, покорюсь, буду вашимъ узникомъ.

— Въ Верное воскресенье васъ рукоположатъ, и уже со Страстной седмицы вы начнете служеніе. Такъ вотъ, идите и ко всему приготовьтесь. Вы окончательно избраны...

Исоповъ вернулся въ квартиру протодіаконицы. Рассказалъ все, что ему повѣдалъ настоятель, да тутъ же и ляпнулъ:

— И слѣдственно, Варвара Ксенофоновна, прошу вашего согласія.

Варенька, разумѣется, знала, что къ этому идетъ и этимъ кончится, но все же она не ожидала, что Исоповъ такъ поторопится. И это неожиданное предложеніе заставило ее смутиться и покраснѣть. Она даже не наплась, что отвѣтить, и за нее отвѣтила протодіаконица.

— Конечно,—сказала она,—это Варенькина судьба, а ужъ только подробно объ этомъ поговоримъ завтра. Заходите къ намъ съ утра. Надобно о многомъ переговорить.

Исоповъ понялъ это, какъ прямое согласіе, ибо ему не было сказано нѣтъ. Такъ это и было въ дѣйствительности. Протодіаконица и Варенька проговорили всю ночь, а на другой день, когда явился Исоповъ, онъ уже былъ женихомъ Вареньки.

Вѣнчаніе происходило на пятой недѣлѣ поста. Въ церкви были только вѣнчавшій настоятель, одинъ дьячокъ, Варенька съ Исоповымъ и шафера. Горѣли свѣчи, но дверь церкви была плотно закрыта и заперта изнутри. Ни одна пара постороннихъ глазъ не должна была проникнуть въ нее. Послѣ вѣнчанія же Варенька ушла къ себѣ, а настоятель взялъ Исопова подъ руку и увелъ въ свой домъ. Тамъ онъ жилъ до самой Пасхи въ качествѣ почетнаго узника.

Страстная недѣля была одна изъ отраднѣйшихъ въ жизни древне-соборнаго прихода. Когда въ первый разъ сталъ служить Исоповъ и раздались первые мощные звуки его голоса, вся церковь дрожала отъ радости. Прихожане сказали: «это воскресъ отецъ Ксенофонтъ»,—и признали, что съ этого момента благолѣпіе церковной службы въ древнемъ храмѣ опять обезпечено.

На первый день Пасхи послѣ обѣдни Исоповъ уже не вернулся къ настоятелю, а пришелъ разговляться въ свой домъ и встрѣтился съ своей молодой женой.

И. Потапенко.

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ.

Вмѣсто предисловія.

БЫЛЫЕ годы въ кипучее время юности не шли, а бѣжали, а дни летѣли. И не жаль было быстро смѣняющихся впечатлѣній: будущее рисовалось въ радужныхъ краскахъ, оно сулило, манило своей таинственностью, полной невѣдомаго очарованія.

Какъ свѣжи были краски природы! Какъ пахучъ и ароматенъ воздухъ, остры и интенсивны были чувства, и молодая кровь, быстро обновляясь, кипѣла ключомъ въ молодомъ организмѣ! Жизнь, свобода, любовь! и надъ всѣмъ этимъ мечта! Мечта дивная, безпредметная, именно золотая мечта! Она, эта мечта, поселилась въ сердцѣ, свила въ немъ свое благородное гнѣздо любви и великодушія. Громко билось это сердце, повелѣвая молодой натурой. Что мысль? она рвалась, улетала и растворялась въ этомъ чудномъ, прекрасномъ мірѣ, которому не была ни начала, ни конца.

«Тамъ за далью непогоды
Есть блаженная страна»...

Мы вѣрили въ такую страну, какъ дѣти вѣрятъ волшебной сказкѣ...

Да, какъ свѣжи и полны были чувства!.. Отчего тогда мы такъ много чувствовали? почему не мысль, а мечта влекла насъ неудержимо и властно? Мы любили, но не ненавидѣли. Мы любили весь непосредственный, благородный міръ и вѣнецъ его творенія—человѣка. Правда, этотъ человѣкъ порой вносилъ въ наши сердца

горечь жизни и отравлялъ мечту. Чувства печали, страданія и даже ненависти вложилъ въ наши души человѣкъ, когда мы ближе сталкивались съ условіями жизни. Годы, которые мы переживали въ юности и молодости, относились къ концу 60-хъ и началу 70-хъ. Дѣтства я коснусь только съ той его стороны, которая имѣла несомнѣнное вліяніе на складъ характера и на общее настроеніе, не покидавшее, по крайней мѣрѣ меня, въ дальнѣйшей жизни и дѣятельности.

Насколько хватитъ силъ и способности, я буду держаться художественнаго пересказа, представляя вниманію читателя мои воспоминанія въ картинахъ и типахъ.

Мой отецъ былъ изъ крестьянъ Смоленской губерніи, а мать купеческаго рода города Серпухова. Я былъ старшимъ, младшія были двѣ сестры, изъ которыхъ одна умерла въ дѣтствѣ.

I.

Москва начала 60-хъ годовъ. — Характеръ ея внѣшней жизни. — Мои первые товарищи и друзья.

Улица Арбатъ въ то время была тихая, съ деревянными, рѣдко оштукатуренными,¹⁾ удобными домами-особняками. Непремѣнное условіе такихъ владѣній былъ садъ, почти всегда съ уютной бесѣдкой и фруктовыми, обыкновенно яблочными деревьями. Кусты крыжовника, малины и смородины составляли также характеристику такого сада, который былъ плотно окруженъ желтой акаціей, идущей около невысокаго рѣшетчатаго забора. Правильныя липовыя аллеи, принадлежность болѣе обширныхъ садовъ, замѣнялись въ малыхъ кривыми дорожками между кустами сирени. Около бесѣдокъ бывали всегда разбиты клумбы съ цвѣтами. Не только на большихъ улицахъ и въ богатыхъ владѣніяхъ росли сады, но даже около самыхъ бѣдныхъ, въ три-четыре окна домиковъ были палисадники, попросту крохотные садочки изъ двухъ, трехъ деревьевъ и нѣсколькихъ кустовъ акаціи или бузины.

Домъ безъ растительности, да еще каменный, представлялся холоднымъ и бездушнымъ зданіемъ и строился не для житія самаго владѣльца, а для сдачи квартиръ и торговыхъ помѣщеній, т. е. для дохода.

Я отлично помню, когда на Арбатѣ построенъ былъ трехъэтажный кирпичный домъ.

— Вотъ такъ домъ! — говорили москвичи. — Экая громадина!

¹⁾ Больше дома были крашенные.

Дѣйствительно, тогда подобные дома была рѣдкостью даже на такихъ улицахъ, какъ Тверская и Покровка. Земля не имѣла той бѣшеной цѣнности настоящаго времени, народонаселеніе не достигало и трети нынѣшняго числа душъ и потому выше двухъ этажей обыкновенно не строили, развѣ съ мезонинами.

Москва выросла до четырехъэтажныхъ домовъ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и ростомъ ея торговли и промышленности, когда населеніе города росло ежегодно въ довольно солидной пропорціи.

Повторяю, большіе дома, возбуждая нѣкоторое удивленіе наивныхъ москвичей, симпатіей ихъ не пользовались; цѣнились больше просторъ и удобства. Помню, на Петровкѣ за рѣшетчатымъ желѣзнымъ заборомъ и воротами, за газонами и фонтаномъ, возвышался красивый съ мезониномъ одноэтажный домъ, позади котораго густѣлъ огромный садъ съ прудами, гдѣ гордо плавали лебеди. Оригинальные мостики, бесѣдки совершенно напоминали богатую подмосковную усадьбу, а не владѣніе въ одной изъ самыхъ торговыхъ теперь улицъ. Журавли съ важностью выступали за заборомъ для полнаго удовольствія постоянно глазѣвшихъ на птицъ любопытныхъ прохожихъ. Это владѣніе занимало не менѣе пяти десятинъ, если не больше, а такихъ владѣній въ Москвѣ было не мало.

Замоскворѣчье въ тогдашнее время все утопало въ садахъ — тамъ простора было больше, да и теперь за рѣкой произошли перемѣны не такія, какъ въ центрѣ. Въ заключеніе Москва, какъ лентами, кругомъ была опоясана огородами.

Однимъ словомъ, растительность въ Москвѣ была богатѣйшая. Вѣковые липы и тополя своими огромными, широкими вѣтвями спускались къ улицамъ и переулкамъ, давая въ лѣтнее время тѣнь и прохладу и защищая отъ дождей. Зимой гиганты, осыпанные инеемъ, казались величественными и грандіозными, особенно при лунномъ освѣщеніи.

Дворы были обширные, лѣтомъ заросшіе травой, зимой заваленные сугробами чистаго снѣга. Разныя, отдѣльно поставленныя хозяйственныя постройки раздѣляли обыкновенно большіе дворы на двѣ части: заднюю и переднюю. Конюшни, погреба, каретные и сѣнные сараи имѣли свои выходы на задніе дворы, которые содержались вполне прилично, безъ всякаго вмѣшательства полиціи.

Что говорить? жилось тогда въ Москвѣ хорошо, въ просторѣ и чистомъ воздухѣ. Недаромъ москвичи обоюго пола выглядели цвѣтущими и здоровыми. Мнѣ, въ то время маленькому, лѣтъ 5—6, мальчику, нашъ дворъ представлялся огромнымъ, вполне достаточнымъ для моихъ экскурсій и прогулокъ. Не только лѣтомъ, но и зимой меня такъ и тянуло изъ уютныхъ, но душныхъ комнатъ, на вольный и широкій дворъ.

Главнымъ центромъ моего постояннаго стремленія была конюшня, гдѣ находились четыре лошади и кучеръ Леонидъ, спокойный,

красивый и очень сильный человекъ. Въ то время это былъ мой идеалъ и если бы меня спросили: чѣмъ бы я хотѣлъ быть и на кого походить? я отвѣтилъ бы непремѣнно: «кучеромъ Леонидомъ»!

Развѣ я видалъ и зналъ другого такого человека? Правда, отецъ мой былъ мужчина крѣпкій и добрый, дядю я очень любилъ, но все-таки куда имъ до Леонида, когда на него посмотрѣть въ дѣлѣ, когда онъ выѣзжаетъ, сидя на козлахъ коляски, легко и красиво управляя парой почти бѣшеныхъ лошадей. Это не человекъ, а картина!

Я чувствовалъ себя счастливымъ и покойнымъ, когда бывало по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ конюшнѣ, которую убиралъ Леонидъ. Мнѣ нравилась ея полутьма, запахъ навоза, тишина, которая прерывалась рѣдкимъ храпомъ лошадей и еще болѣе рѣзкимъ ихъ ржаніемъ.

Леонидъ обходился со мной просто и серьезно, какъ съ большимъ. Я такое отношеніе цѣнилъ чрезвычайно и старался быть и держаться солиднымъ человекомъ, который тоже кое-что понимаетъ.

Мы бесѣдовали не спѣша.

— Отчего ты, Леонидъ, не боишься лошадей?—спрашивалъ я.

— Чего жъ бояться-то?—отвѣчалъ кучеръ, улыбаясь.—Животнаго можно ли бояться, ежели я его кормлю и хожу за нимъ?..

— А Конрадъ боится! Тогда поѣхалъ на старыхъ, когда ты былъ боленъ!

— Конрадъ непривыченъ, норовитъ взять боемъ... этого животное не любитъ!

— Бить нехорошо, Леонидъ?

— Чегохорошаго!.. животное бояться зачнетъ... пугаться станетъ!

— Ну, что же?

— Какъ что?.. Опасно, когда боится и какъ слушаться не знаетъ и голосу не повинуется!..

— И никакихъ ты, Леонидъ, лошадей не боишься?

— Зачѣмъ бояться!—отвѣчалъ Леонидъ, прибавляя:—вотъ Бога бояться надо!.. по правдѣ чтобы!..

Надъ послѣдними его словами я задумывался, припоминая, что и мать и нянька говорили, что надо бояться Бога, что онъ можетъ наказать... И я дѣйствительно боялся Бога и когда ходилъ въ церковь, горячо, «про себя», молился и просилъ, чтобы онъ не наказывалъ меня.

Наши разговоры съ Леонидомъ продолжались ежедневно и если меня не извлекали изъ конюшни, кончались, когда Леонидъ вводилъ лошадей на водоѣй къ колодцу... Это былъ блестящій финалъ, которымъ я искренно любовался: лошади шли за кучеромъ свободно... Подумайте, такія строгія лошади! Безъ поводовъ, по по одному слову Леонида, пили воду и возвращались добровольно къ себѣ въ конюшню!..

Послѣ конюшни любимымъ моимъ мѣстопробываніемъ была людская и кухня, гдѣ главенствовала кухарка Анна, жена дворника Ермолая. Это была рябая, сильная баба, всегда бодрая, разговорчивая. Она ловко управляла ухватами, быстро и легко вытаскивала изъ печи огромные хлѣбы, готовила квасъ, чистила ножомъ столъ, мыла очень чисто полъ и содержала помѣщеніе въ чистотѣ и аккуратности. И въ самомъ дѣлѣ, деревянная посуда, въ родѣ разнаго размѣра чашекъ и плошекъ, была размѣщена въ строгомъ порядкѣ на широкой полкѣ около образовъ. Большія глубокія деревянныя ложки содержались въ особомъ помѣщеніи около печки, онѣ были всѣ мѣченныя, въ томъ числѣ и моя, на которой перочиннымъ ножомъ я вырѣзалъ причудливый зигзагъ.

Мнѣ было запрещено матерью вообще бывать въ людской, но особенно строго приказано было не обѣдать и не раздѣлять общей трапезы съ народомъ. Я былъ вообще послушный мальчикъ, боялся матери, но не отца; но послѣдній ея строгій наказъ исполнить не хватало моихъ маленькихъ силъ! Помилуйте! не съѣсть куска пахучаго ржаного хлѣба? не похлебать, сидя рядомъ съ Леонидомъ, сѣрыхъ съ саломъ, а иногда съ мелкими кусочками ветчины, щей изъ своей большой ложки, держа подъ подбородкомъ взаимныя тарелки кусокъ хлѣба?.. Не попробовать жирной крупной каши и не запить ее густымъ темнымъ квасомъ?! Да развѣ я могъ устоять отъ такого соблазна и не раздѣлить трапезы съ серьезными, дѣловыми людьми, которые такъ вкусно и такъ спокойно ѣли превосходныя блюда! Обѣдъ и ужинъ проходили чинно, допускался, положимъ, легкій, безобидный юморъ, но вѣдь простодушный смѣхъ безусловно способствовалъ аппетиту. Развѣ можно сравнить эти сѣрыя щи съ какимъ-то супомъ и жареное мясо съ превосходной, янтарной гречневой кашей?..¹⁾

А компанія, полная гостепріимнаго радушія, простоты и равенства!? Тамъ у насъ, за столомъ съ чистой скатертью и тарелками и вилками, не то, совѣмъ не та атмосфера... тамъ дисциплина!

— Какъ ты держишь вилку? передъ самымъ глазомъ! кривымъ захотѣлъ быть!—замѣчаетъ мать—Гдѣ салфетка? опять на полу!.. утри губы! у, нехорошій мальчикъ, отвыкъ отъ дома!.. Вотъ я займусь тобой, отучу отъ людской и отъ конюшни!.. И не понимаю,—обращается мать къ отцу,—что онъ находитъ такого въ компаніи мужиковъ и бабъ?!

Но отецъ молчитъ, храню молчаніе и я и только думаю, когда наконецъ кончится этотъ скучный и невкусный обѣдъ.

Вотъ наконецъ!

Но я голоденъ, мнѣ серьезно хочется ѣсть, и при первой возможности я бѣгу въ людскую, гдѣ Анна рѣжетъ мнѣ толстый ку-

¹⁾ Да еще изъ настоящей смоленской крупы!
«Истор. вѣстн.», январь, 1908 г., т. схи.

сокъ чернаго хлѣба, посыпавъ его крупной солью. Я убѣгаю на дворъ, гдѣ послѣ культурнаго обѣда съ рѣдкимъ удовольствіемъ медленно жую и глотаю порцію. На воздухѣ еще вкуснѣе кажется мнѣ этотъ простой хлѣбъ, особенно его нижняя корка, которую я съѣдалъ послѣдней, какъ десертъ. Тогда обыкновенно я находился въ обществѣ Ермолая и дворовой собаки Буцефала, добродушнаго животнаго, которое сидѣло около меня всегда, когда я закусывалъ, послѣ чего, покрутившись на мѣстѣ, ложилось по близости. Ермолай обыкновенно цѣлый день возился на дворѣ, прибирая то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Высокаго роста, плечистый, Ермолай былъ смиренный и неуклюжій человѣкъ. Своей жены Анны этотъ богатырь боялся и слушался ея куда проворнѣе, нежели моего отца или «господъ».

— Ермолай!—бывало крикнетъ Анна. И Ермолай, быстро пригнувъ къ стѣнѣ лопатку или метлу, непремѣнно съ особеннымъ, короткимъ «ну», бѣжитъ къ своей бабѣ.

Не такое впечатлѣніе производили на дворника другіе зовы. Тогда Ермолай, облокотясь на метлу, сначала прислушается, когда повторится призывъ, послѣ чего медленно поставитъ свое орудіе въ удобное мѣсто, непремѣнно поправитъ на головѣ картузь и не спѣша идетъ къ тому, кто его дожидается.

— Ермолай! скорѣй...

Не прибавитъ шага Ермолай и что-то бормочетъ.

— Гдѣ лучше, Ермолай, жить?—спрашиваю его.—Въ деревнѣ или здѣсь, въ Москвѣ?

— Гдѣ лучше-то?—переспрашиваетъ онъ и задумывается.

— Ну, да!.. Какъ по-твоему?

— Лучше, говоришь, гдѣ?.. здѣсь али въ деревнѣ? значить дома?

— Ну?..

— Ишь, задача какая?—тихо смѣется Ермолай и думаетъ, глядя въ сторону, довольно долго думаетъ и рѣшительно говоритъ: — гдѣ лучше-то? Знамо въ деревнѣ—вотъ что!

— А почему такъ? почему лучше?—допытываю я простодушнаго человѣка, который опять задумывается и шепчетъ: «ишь, почему лучше? по какой, значить, причинѣ?»

— Развѣ здѣсь тебѣ плохо, Ермолай?

— Ничто здѣсь, —отвѣчаетъ онъ:—а причина, значить, господа... они и причина... Глазъ ихній, а тамъ, значить, слобода!

Это меня совсѣмъ не удовлетворяетъ, и я вспоминаю деревню непосредственно.

— Что, господа, Ермолай?—говорю я съ нѣкоторымъ упрекомъ.—Что они тебѣ? Въ деревнѣ рѣка, лѣсъ, огороды...

— Вѣрно, все есть...

— А тутъ нѣтъ,—объясняю я.

— Не можетъ тутъ быть, потому не такое мѣсто! Въ деревнѣ, братъ, хлѣбъ растеть! во!

Въ самомъ дѣлѣ, о главномъ-то мы и забыли.

— Пойдемъ, Ермолай, квасъ пить,—зову я товарища.

— Чтой-то не хотца,— отвѣчаетъ онъ; но я знаю, что онъ стѣсняется Анны, которая не любитъ, когда ея мужъ безъ дѣла, и знаю, что квасу ему выпить хочется.

— Анна пошла къ намъ, я видѣлъ...

— Тогда пойдемъ, коли что...

И мы идемъ въ людскую, гдѣ никого нѣтъ, и сидимъ тамъ на крѣпкихъ, неуклюжихъ скамьяхъ у выскобленнаго Анной начисто большого «семейнаго» стола. И проста наша бесѣда. Покой и тишина!

Въ людскую прибѣгали лакеи, которыхъ было двое, Петръ и Алексѣй, также дѣвушки, прачки. Вся эта компанія производила обыкновенно шумъ, ненужный, непривычный для насъ. Всѣ они были безпокойные люди и недовольные на словахъ, хотя они жили, повидимому, недурно.

Домъ принадлежалъ одинокой, очень богатой помѣщицѣ, жившей въ Москвѣ безвыѣздно. Она была старуха, держала собственнаго доктора, которому платила сто рублей въ мѣсяцъ за надзоръ за своимъ здоровьемъ. Понятно, врачъ старался не выпустить изъ рукъ такую опредѣленную и вѣрную пациентку.

Съ ней жилъ, часто уѣзжая то за границу, то въ деревню на охоту, племянникъ С. В. Пенскій, извѣстный охотникъ и лично знакомый императора Александра. Онъ былъ мой крестный, который бывалъ въ нашемъ флигелѣ, но я его стѣснялся, считая за героическую личность, убивающую страшныхъ звѣрей, до дракона включительно.

Лошади молодыя принадлежали ему, кучеръ Леонидъ служилъ у крестнаго, другая же пара старыхъ коней принадлежала хозяйкѣ, выѣзжавшей очень рѣдко съ Конрадомъ.

Я боялся старухи, видѣлъ ее рѣдко, когда она гуляла въ саду. Да и въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ быстро движущуюся по аллеямъ худую, средняго роста женщину, въ ситцевомъ платьѣ лѣтомъ или въ ватномъ клѣтчатомъ капотѣ въ свѣжее время. Въ рукахъ старой помѣщицы неизмѣнно находился длинный черешневый чубукъ съ трубкой, наполненной жуковскимъ табакомъ. Трубка изрѣдка дымилась, и старуха быстро шагала по опредѣленному плану, въ опредѣленное до обѣда время ровно полчаса. Иногда выходила гулять поздно вечеромъ передъ сномъ.

Однажды я наткнулся на нее въ саду и испугался. День былъ ясный, солнечный, и у старухи былъ надѣтъ на лбу зеленый козырекъ.

— Что ты дѣлаешь, мальчикъ? гуляешь? гуляй, только не смѣй трогать цвѣтовъ... Гуляй осторожно, по дорожкамъ!

Она пошла отъ меня, а я стоялъ въ недоумѣннн, думая о зеленомъ шелковомъ козыркѣ, придававшемъ такой страшный видъ хозяйкѣ. Вдругъ она вернулась и поманила меня пальцемъ.

— Иди за мной, мальчикъ!—приказала странная женщина.

И я съ трепетомъ послѣдовалъ за ней въ хоромы, въ большія парадныя комнаты, откуда она привела меня въ свой кабинетъ, въ которомъ пахло какими-то травами.

— Сядь сюда, мальчикъ!

Я сѣлъ на указанный табуретъ. Странная женщина стала копаться въ комодѣ, изъ котораго вынула футляръ, и, подойдя ко мнѣ, сказала: «встань, мальчикъ, и слушай! Я тебѣ дарю часы, береги ихъ... это хорошіе, а главное старинные часы... Они принадлежали моей мамкѣ... Смотри, не испорти ихъ, не давай въ руки товарищамъ и не играй съ часами. Это серьезная вещь! Ну, иди, мальчикъ, и позови ко мнѣ своего отца!..»

Я до сихъ поръ не объяснилъ, что мой отецъ былъ управляющимъ имѣніями и всѣми дѣлами вдовы поручика Семичевой, а также и ея племянника, губернскаго секретаря Пенскаго. Чины были маленькіе, но люди были крупные по положенію, а главное— по богатству.

Отецъ и мать были очень довольны сдѣланнымъ мнѣ подаркомъ, но мнѣ часы не понравились: это были какіе-то страшные часы—огромная серебряная «луковица» съ золотыми причудливыми стрѣлками. Но дѣло не въ подаркѣ, ибо съ тѣхъ поръ я пересталъ бояться старухи, когда она выходила гулять безъ зеленаго картуза. Собакъ, кошекъ Семичева не держала, раздѣляя компанію съ двумя приживалками, одной—старой дворянкой изъ дальнихъ родственницъ, другой—экономкой изъ своихъ крѣпостныхъ. Это были вообще злыя старухи!

Въ заключеніе, чтобы вполне охарактеризовать этотъ самостоятельный крѣпостного времени хозяйственный организмъ, долженъ сказать нѣсколько словъ о поварѣ, который дѣйствовалъ и жилъ въ отдѣльной господской кухнѣ, или поварской. Поваръ былъ человекъ серьезный, умѣющій читать книги и потому иначе его не называли, какъ поваръ Семенычъ. Странно! настоящаго имени его никто не зналъ и если бы его назвали Акимъ Семенычъ, то люди сказали бы: «какой Акимъ? Вѣдь это поваръ Семенычъ!»

II.

Другіе мои пріятели: Архипъ, Александръ и «Мишка».—Квартальный поручикъ.—
Будочники и хожале. — Мои сверстники и голуби.

Въ такое собственно мертвое учрежденіе, остатокъ крѣпостного времени, гдѣ жили, ѣли, спали по опредѣленному ранжиру, гдѣ въ людской только притаилась настоящая простая жизнь, нѣчто оригинальное вносилъ тогда Сергѣй Васильевичъ Пенскій, любимый племянникъ Семичевой. Кончивъ курсъ царскосельскаго лица,

онъ не поступилъ на службу и предался во всю своей неудержимой страсти къ охотѣ. Это былъ охотникъ особенный, исключительный, охотникъ-демократъ. Послѣ, когда онъ сталъ старикомъ и мы съ нимъ охотились съ комфортомъ въ его имѣніи Трехбратскомъ, онъ какъ-то сказалъ мнѣ: «Развѣ эта охота? Мы съ вами мало ходимъ... Вы молодой и вамъ это въ упрекъ, но у меня ноги плохи. А въ молодости я охотился такъ: бывало, встану до свѣта, возьму своего Малюту, хорошій кусокъ чернаго хлѣба и въ походъ!.. Въ день-то обойдешь сколько верстъ да прибавьте—босымъ!.. Тогда я на охоту сапогъ не надѣвалъ — стѣсняли очень! Обойдешь этакъ верстъ тридцать, выберешь хорошенькое мѣстечко въ лѣсу или на опушкѣ, раздѣлишь съ собакой пополамъ кусокъ хлѣба, заснешь часа четыре, да въ обратный путь домой. Случалось очень часто ночевать въ лѣсу, чтобъ взять утреннюю зорю. Вотъ какая охота, а мы съ вами охотимся, какъ англійскіе лорды!»

Пенскій дѣйствительно вносилъ нѣкоторую жизнь въ старое помѣщицье владѣніе въ Москвѣ. Хотя онъ жилъ на Арбатѣ, но его рѣдко можно было видѣть въ домѣ, развѣ когда онъ спалъ. Обѣдалъ онъ въ Англійскомъ клубѣ, вечера проводилъ въ театрѣ, затѣмъ опять въ клубѣ. Большую часть своего времени онъ отдавалъ охотѣ. О Сергѣѣ Васильевичѣ рѣчь будетъ потомъ, а теперь продолжаю о дѣтствѣ и моихъ другихъ друзьяхъ. Пенскій часто уѣзжалъ на охоту одинъ. Тогда оставались его слуги-охотники. Ихъ было двое: камердинеръ Александръ Никифоровичъ и Архипъ, извѣстный въ то время псковичъ-медвѣжатникъ. Первый былъ полный, невысокій и почти шарообразный, съ неизмѣнной табакеркой въ рукахъ, которую онъ всегда клалъ около себя съ клѣтчатымъ платкомъ. Камердинеръ былъ добродушнѣйшій человекъ, всегда ровно и радостно настроенный и только строгій съ собаками, которыхъ онъ былъ прямой начальникъ. Солидная плетка, рѣзко и громко хлопавшая по воздуху, иногда неприятно соприкасалась со спинами породистыхъ сетеровъ и пойнтеровъ. Изъ собакъ замѣчательный красавецъ былъ бѣлый сетеръ Малюта съ большими черными глазами. Это была балованная, умная собака, но очень строгая. Вся эта псарня помѣщалась наверху въ домѣ, гдѣ въ трехъ комнатахъ жили Пенскій и его камердинеръ. Тамъ воздухъ не отличался свѣжестью, хотя собакъ часто выпускали бѣгать по двору.

Архипъ ¹⁾, псковичъ, худой, стройный, жилистый, средняго роста лѣтъ 35-ти, былъ серьезный, даже суровый человекъ, если бы не мягкая, почти нѣжная улыбка, придававшая столько непосредственной симпатіи его чертамъ лица съ небольшою бѣлокурою бородакой.

¹⁾ По фамиліи Остапковъ.

Про Архипа ходили цѣлыя легенды. Отъ него не ушелъ ни одинъ медвѣдь, на котораго онъ свободно ходилъ одинъ на одинъ. Выносливость бѣгать на лыжахъ была поистинѣ изумительна: цѣлыя десятки верстъ обойти Архипъ по сугробамъ и лѣсамъ и навѣрняка подведетъ къ звѣрю. Архипа неоднократно приглашали въ составъ охоты императора Александра II, но привязанный къ смѣлому, отчаянному охотнику и ходоку Пенскому псковичъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, да и слишкомъ любилъ свободу этотъ лѣсной человѣкъ. Жизнь и характеръ медвѣдей онъ зналъ въ совершенствѣ, во всякомъ случаѣ лучше и обстоятельнѣй жизни человѣческой. Архипъ былъ нелюдимъ. Правда, съ Александромъ Никифоровичемъ они иногда выпивали, но Архипъ не оживлялся, лишь блестяли его умные сѣрые глаза. Съ Пенскимъ у него были почти товарищескія отношенія: баринъ отсутствовалъ, когда они бесѣдовали между собой. Да, это были лихіе медвѣжатники, составлявшіе небольшую компанію, въ которую между прочимъ входилъ и графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Рассказывали, что на императорскихъ охотахъ Пенскій съ Архипомъ побивали рекордъ, уходя далеко и убивая по нѣсколько штукъ медвѣдей.

Не могу забыть одного случая, когда я былъ очень напуганъ. Часто Пенскій привозилъ убитыхъ медвѣдей, которыхъ, собственно ихъ шкуры, посылалъ въ подарокъ своимъ знакомымъ. Помню, стояли крѣпкіе морозы, когда на большихъ саняхъ была привезена убитая Пенскимъ огромная медвѣдица и два маленькихъ живыхъ медвѣженка. Сошелся народъ, снялъ медвѣдицу съ дровней и потащилъ въ поварскую, которую убитый звѣрь занялъ всю отъ угла до угла. Стали приспособлять красавицу, кто-то принесъ полѣно, которымъ подперли огромную голову медвѣдицы. Дѣйствительно, страшенъ былъ звѣрь даже въ настоящемъ положеніи: очень великъ и совершенно чернаго густого волоса. Всѣ пугали другъ друга и шутили. Поваръ Семенычъ еще выше поставилъ голову медвѣдицы. Толкались въ кухнѣ, выбѣгали и прибѣгали, изъ дверей то и дѣло валилъ густой паръ. Вотъ наступила тишина, и произошло нѣчто неожиданное, ужасное... Медвѣдица вздохнула!.. вздохнула коротко и отчетливо... Боже, что случилось?! Всѣ бросились къ дверямъ, въ которыхъ столкнулись. Раздались крики, визгъ женщинъ, я не помню, какъ выскочилъ изъ-подъ ногъ, получивъ порядочный пинокъ, и, какъ безумный добѣжавъ до нашей квартиры, изступленнымъ голосомъ кричалъ: «Затворяйте двери, скорѣй... спасайтесь!» Домашніе были перепуганы. Отца не было дома. Заперли и забаррикадировали двери и стали смотрѣть на дворъ, гдѣ не было ни души. Наконецъ прошелъ въ кухню Архипъ, за нимъ съ топоромъ Леонидъ и опять ничего: извѣстій нѣтъ! Люди итти боялись, говоря, что медвѣдица ожила и теперь ѣстъ повара

Семеныча. Наконецъ вышелъ Архипъ, сталъ звать людей и медвѣдица была водворена въ каретномъ сараѣ. Изъ чулана ни живъ, ни мертвъ вышелъ поваръ Семенычъ и сварилъ такой въ этотъ день обѣдъ, что самъ говорилъ: «И не понимаю, какое такое кушанье вышло!» Почему же вздохнула медвѣдица? Будто бы въ теплой кухнѣ изъ оттаявшихъ легкихъ вышелъ воздухъ, когда звѣря устраивали въ позу, приподнимая голову. Можетъ быть. Но я не забуду этого вздоха звѣря-исполина.

Съ медвѣдицей привезли двухъ совершенно маленькихъ медвѣжатъ, изъ которыхъ одного Пенскій приказалъ подарить мнѣ, а другого отвезли тоже кому-то въ подарокъ. Мать была очень недовольна такимъ подаркомъ, говоря, куда мы его дѣнемъ, и что онъ будетъ дѣлать въ квартирѣ. Но отказаться отъ подарка Сергѣя Васильевича было неудобно, и медвѣженокъ былъ принесенъ и водворенъ въ моей маленькой комнатѣ, которая съ тѣхъ поръ стала моимъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Я и людскую сталъ посѣщать рѣдко, лишь когда медвѣженокъ спалъ. Обыкновенно, захвативъ кусокъ хлѣба для себя и мохнатого товарища, я спѣшилъ къ себѣ наверхъ. Я страстно привязался къ медвѣженку, который сталъ со мной неразлученъ, не отходилъ отъ меня, ревнуя ко всякому, и къ человѣку и собакѣ. Скоро «Мишка» сталъ любимцемъ всего двора. Люди кормили его, хотя и дразнили, не зло положимъ, а добродушно. Имъ было пріятно слышать его чудное урчаніе и видѣть неуклюжіе прыжки. «Мишка» спалъ со мной, для чего тайкомъ отъ матери я снималъ на ночь съ кровати матрацъ, на которомъ мы располагались съ пріятелемъ. Одно горе, что мой товарищъ рано вставалъ и стучалъ и царапалъ дверь, чтобы выйти. Предутренній сонъ у меня, маленькаго мальчика, былъ сладокъ, но я не ропталъ и, едва протирая глаза, поднимался, и мы шли на дворъ, а когда холодно и дождливо, то въ людскую. Такъ проходило время, и медвѣженокъ подрасталъ и становился сильнымъ и дерзкимъ. Онъ лазилъ по деревьямъ, прыгалъ на столъ, билъ посуду и проч. Но это бы еще ничего: онъ сталъ нападать на чужихъ, проходящихъ людей. Первый случай былъ съ полицейскимъ поручикомъ, на котораго безжалостно напалъ мой «Мишка» и въ ключья изорвалъ низъ его шинели. Доброе старое время! Что бы было теперь при подобномъ нападеніи на полицію?

Тогда полицейскій институтъ былъ мирный и зависимый отчасти непосредственно отъ обывателей и домовладѣльцевъ. Квартальный получалъ, кажется, 35 рублей въ мѣсяцъ да небольшую сумму на канцелярію. Его помощникъ всего 25 рублей, а о хожалыхъ будочникахъ и говорить нечего—эти кормились натурой отъ обывателей, съ которыми у нихъ отношенія были добрыя. Вообще тогдашняя полиція была сонная, вялая и недѣятельная. Правда, и кражъ въ Москвѣ было мало, убійства рѣдкія,—вообще житье было тихое.

Квартальный не только потерпѣлъ, но очень испугался медвѣдя, онъ даже забылъ свою защиту, тоненькую шпажонку въ кожаномъ футлярѣ на боку. Администраторъ, прибѣжавъ къ нашей кухаркѣ, просилъ ее «на живую нитку» зачинить ему шинель, что та немедленно исполнила. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за какого-нибудь «Мишки» ссориться съ богатымъ и важнымъ домомъ, отъ котораго были положены добрыя праздничныя (Пасха и Рождество), да еще посылалось натурой изъ живности, когда приходили обозы изъ деревень. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, у помѣщиковъ, жившихъ въ то время въ Москвѣ, все было свое: хлѣбъ, капуста, огурцы, пшено, куры, гуси, индѣйки, окорока и даже холстъ и сукно. Амбары, затворы, подвалы, сараи были полны всякихъ деревенскихъ продуктовъ и притомъ лучшаго качества. Обыкновенно привозилась вся эта снѣдь и иные продукты къ праздникамъ Рождества и Пасхи, а малые обозы шли по заказамъ во всякое время. Я забылъ о фруктахъ, даже оранжерейнаго производства — всего было въ изобилии, и пользовались всѣ составляющіе дворъ. Отъ такихъ владѣній хорошо кормилась и полиція.

Обыкновенно квартальный представлялъ собой сытаго, добродушнаго человѣка (не «орла» или «ястреба», какъ теперь) съ брюшкомъ, съ табакеркой, весьма склоннаго ко всякаго рода хозяйственнымъ интересамъ. Политикой тогда полиція не интересовалась. Да и странно было бы это предположить, при первомъ взглядѣ на всю квартальную организацію.

...Что за лица? что за выраженія! прочтите Гоголя и повѣрьте. Хотя бы хожалый, ходившій иногда къ отцу съ какими-то бумагами и дожидавшійся въ кухнѣ. Какъ хорошо помню его огромные усы, которые шевелились, какъ у таракана, когда онъ наслаждался запахомъ жирныхъ щей и жаренаго гуся.

Ему обыкновенно выносили стаканчикъ водки, которую онъ проглатывалъ, широко открывая ротъ, утиралъ свои усы сѣрымъ обшлагомъ шинели, говорилъ «здравія желаемъ», а затѣмъ медленно закусывалъ.

Будочники приходили группами по два и по три по большимъ праздникамъ—тогда имъ давали водки и мелочь. Помню, какъ-то разъ пришелъ одинокій будочникъ.

— Что тебѣ?—спросилъ отецъ.

— Къ вашей милости,—отвѣчалъ полицейскій, выдвигая изъ-подъ мышки французскую булку.

— Бѣлый хлѣбъ?.. что это значитъ? зачѣмъ мнѣ показываешь?..—въ недоумѣніи спрашивалъ отецъ.

-- Мы въ родѣ будто именинники... ангелъ значитъ нашъ!

— А, а... понимаю... дайте ему водки и вотъ тебѣ, имениннику, получиай двугривенный!..

Вѣлый хлѣбъ былъ сейчасъ же спрятанъ въ глубинѣ шинели и именинникъ, выпивъ и закусивъ, отправился съ дальнѣйшими визитами.

Какъ все это наивно и просто!

Добродушіе, инертность вообще проглядывали въ обывательской московской жизни, несмотря на приближающуюся эпоху великихъ реформъ. Мы были наканунѣ освобожденія крестьянъ. Я былъ слишкомъ малъ, чтобы наблюдать въ жизни вліяніе на народъ такого событія, хотя и для меня произошли перемѣны, которыя тогда грустно подѣйствовали на мое маленькое сердце: я лишился почти всѣхъ своихъ друзей. Леонидъ уѣхалъ въ деревню, чтобы жениться, и уѣхалъ совѣмъ. Ермолай и Анна, устроивъ блестящую пирушку въ кухнѣ, покинули на другой день Москву, чтобы жить и работать при землѣ. Даже «Мишку» захватили по распоряженію Пенскаго въ деревню и скоро тамъ пристрѣлили.

Какъ я тогда плакалъ и какъ страдалъ!

Еще ненавистнѣе стала для меня наша приличная квартира съ подсвѣчниками и всякими вязаными салфеточками, съ стульями, разставленными подъ ранжиръ, и чистотой и аккуратностью.

Да, на дворѣ было пустынно, и въ кухнѣ появились чужіе для меня люди—это были уже вольные, нанятые.

Не везло мнѣ въ товарищахъ. Мои сверстники и сосѣди были: сынъ священника, болѣзненный и раздражительный мальчикъ, и другой, болѣе простодушный, сынъ дьячка, съ которымъ я подружился. Въ сущности я былъ равнодушенъ и къ послѣднему, но меня привлекали голуби, которыхъ держалъ и «гонялъ» этотъ мальчикъ. Какое было наслажденіе смотрѣть, когда паръ пять «турмановъ», «чистыхъ», «чигровыхъ», выпущенныхъ изъ голубятни на крышу, поднимались моимъ пріателемъ при помощи тряпки, укрѣпленной на шестѣ, и на широкихъ кругахъ уносились все выше и выше, почти скрываясь изъ виду. Надо замѣтить, что при подъемѣ голубей, а также при ихъ спускѣ турмана кувыркались въ воздухъ.

О, какой восторгъ при ясно-голубомъ небѣ видѣть эту дружную стайку въ разныя краски оперенныхъ птицъ, которыя пестрѣли на солнцѣ!

Я спалъ и видѣлъ, чтобы мнѣ имѣть хотя двѣ пары такихъ голубей, прелестныхъ, умныхъ, которые послѣ полета садились на крышу, съ которой такъ грубо были согнаны, и смѣло опять входили въ свое жилище и даже приводили довольно часто съ собой «чужаковъ»,—иногда весьма рѣдкіе экземпляры,—составляющихъ, по охотничьимъ правиламъ, премію пойманнаго. Сынъ дьячка относилъ такихъ на особый рынокъ и продавалъ, а на вырученные деньги покупалъ кормъ для своихъ голубей, причемъ оставались «гроши» даже на лакомство. Но и думать было нельзя

относительно осуществленія моеѣ затѣи, хотя отецъ ничего не имѣлъ противъ и спорилъ съ матерью.

— Помилуйте! мальчикъ началъ учиться, а ему хотятъ строить голубятню...

— Мамочка, я хорошо буду учиться!..

— Посмотримъ... тогда!..

Меня начала учить мать, и я изъ кожи лѣзъ, чтобы усвоить себѣ русскую грамматику и умѣть писать. Все мое маленькое мозговое напряженіе ушло на эту работу, все стараніе, прилежаніе было слѣдствіемъ желанія имѣть своихъ голубей. Даже нетерпѣливая мать удивлялась моимъ успѣхамъ, а отецъ часто говорилъ, что развѣ нельзя его побаловать, пусть возится съ голубями,— лучше, нежели выбѣгать на улицу!

Наконецъ, мать согласилась и главнымъ образомъ по послѣднему доводу—такъ она не расположена была къ улицѣ. Теперь опять дворъ составлялъ для меня все и не только земля, по которой мы ходили и играли, бывало, съ медвѣженкомъ и моими любимыми собаками, но и небо, гдѣ, поднявъ голову, я любовался своими чудными, высоко, еле видно летающими голубями, которыхъ у меня было пять, хотя голубятня была большая, паръ на десять, построенная настоящимъ плотникомъ.

Не у всякаго даже солиднаго охотника была такая великолѣпная голубятня, съ гнѣздами для паръ и разными приспособленіями для голубинаго удобства. Голуби дѣйствительно знали меня и не чуждались, а шли къ рукамъ. Еще бы! Я почти по цѣлымъ днямъ все свободное время оставался съ ними, и мнѣ было хорошо.

Вообще, какъ я себя помню, любовь къ животнымъ и птицамъ всегда владѣла мной и среди этой непосредственности я никогда не чувствовалъ скуки и одиночества и совершенно не нуждался въ сверстникахъ-товарищахъ.

Въ то время среди москвичей «охота» процвѣтала. Были разные охотники: по звѣрю, по птицѣ, по голубямъ, по собакамъ, по пѣтухамъ (пѣтушинные бои) и др. Всѣ такіе люди составляли кружки, собираясь между собой по домамъ или по трактирамъ, а по воскресеньямъ на специальномъ рынкѣ, помѣщавшемся на Лубянской площади. Какія были горячія головы эти охотники, между ними богатые, занимавшіе не малое общественное положеніе. Могу указать на извѣстнаго математика, инспектора межевого института, А. М. Ломовскаго, популярнаго охотника подъ именемъ «генерала». Это была высоко гуманная личность, по простотѣ и искренности души стоявшая близко къ народу. Ломовскій мною очерченъ въ одномъ изъ отдѣльныхъ разсказовъ въ сборникѣ «Карьеристы и идеалисты». Я, тогда маленькій голубятникъ, зналъ по своей специальности большихъ и важныхъ товарищей.

Дома черезъ три отъ насъ въ переулкѣ, въ красивомъ домѣ-особнякѣ жилъ голубиный охотникъ Уразовъ, богатый и тучный господинъ. Большая часть построекъ на его дворѣ была приспособлена для голубей, которыхъ было множество, главнымъ образомъ такъ называемыхъ лобастыхъ турмановъ.

Конечно, солидный и пожилой человѣкъ гоньбой и ловлей чужихъ голубей не занимался, а въ его домѣ происходили оригинальные заклады. Приходили охотники, эксперты, и Уразовъ и желающіе состязаться съ нимъ въ закрытыхъ, особыхъ изъ ивняка плетенкахъ, выставляли каждый свою охоту на споръ, чей экземпляръ породистѣе? «Бились объ закладъ», т. е. ставили каждый рублей по сту и больше. Присутствовавшіе при этомъ охотники держали мазу за того или другого. Наконецъ, торжественная минута... Всѣ—напряженное вниманіе. Покрышки одновременно открываются, и голуби во всей своей красотѣ, чудно оперенные, показываются передъ многочисленными взорами страстныхъ охотниковъ, которые вмѣстѣ съ ними нѣкоторое время изображаютъ интересную живую картину. Эксперты рѣшаютъ. Почти всегда побѣдителемъ оказывался Уразовъ, гостепріимный хозяинъ, у котораго готовъ уже былъ пирогъ, всякая снѣдь и закуска. Цѣлый день проводятъ время почтенные люди, отцы семействъ, играютъ въ вистъ, спорятъ, бесѣдуютъ и... довольны!

Другой страстный охотникъ на нашей улицѣ былъ аптекаръ Ганцъ. Этотъ славился совершенно красными крупными турманами, извѣстными среди охотниковъ подъ названіемъ «жареныхъ». Одною я такого поймалъ, и Ганцъ довольно за дорого выкупилъ голубя у меня.

Но все-таки не долго держалась моя охота: съ поступленіемъ въ гимназію мать уничтожила и голубей и голубятню.

III.

Реальная гимназія и студенты.

Мы были послѣдніе реалисты 70-хъ годовъ. Съ нашимъ выпускомъ, всего 7 человѣкъ, прекратилось реальное образованіе въ московской 3-й гимназіи.

Въ настоящее время, я думаю, будь я въ гимназіи классической съ ея тогдашними строгостями, по свѣжимъ реформамъ графа Толстого и Каткова, я курса бы не кончилъ.

Если читатель прочелъ первыя двѣ главы, онъ пойметъ, какую власть надо мною имѣла природа, хотя бы въ лицѣ животныхъ и птицъ, не говоря о захватывающемъ ея вліяніи въ деревнѣ, когда я бывалъ тамъ лѣтомъ, и когда мой восторгъ смѣнялся благого-

вѣніемъ передъ живымъ таинственнымъ міромъ. О, какъ я молился тогда въ бѣдной сельской церкви, у растворенныхъ оконъ которой на вѣткахъ липы щебетали зяблики и малиновки. Да, молился горячо, что Богъ мнѣ даровалъ жизнь, приобщилъ меня къ прекрасному, стройному, благородному и заставилъ полюбить сердцемъ свои творенія. О, да! Я любилъ и рѣчку, и лѣсъ, и поля, и луга, я любовался не только свѣтлымъ солнцемъ и голубымъ небомъ, но и среди дождя и подъ унылыми сѣрыми облаками я жилъ тихою радостью. Съ каждымъ днемъ я наблюдалъ свѣжія краски, новые звуки, и все имѣло для меня огромный интересъ: пчела, муравей, надъ которыми я просиживалъ цѣлыми днями. А радуга въ небѣ, послѣ весенняго дождя для яровыхъ полей?

Какая картина деревни на закатѣ? Засвѣжѣли, зазеленѣли поля и луга, воздухъ насыщенъ прохладой, все замерло послѣ вздоха земли. Смотрите: дрогнулъ и улыбнулся лѣсъ—тамъ вечерній концертъ... А животныя, а люди? И куры, и гуси, и утки какъ-то особенно тихо и вдумчиво издають звуки, въ которыхъ покой и радость. Стадо возвращается тихо и радостно безъ безпокойныхъ, нервныхъ звуковъ. Вотъ женщина пристально устремила взоры къ рѣчкѣ, гдѣ ея огорожина. Она молчитъ, но думку ея я знаю. Вышелъ одинъ, другой крестьянинъ—они довольны: это дождь далъ имъ настроеніе бодрости и надежды.

О, какъ все это понятно, просто и поэтично!

Трудъ и природа производятъ грандіозные результаты. Какая работа! Какое поразительное творчество! И не латинской и греческой грамматикѣ было въ силахъ отвлечь меня отъ жизни непосредственной природы и людей.

Съ третьяго класса (первые два были общіе) ученики раздѣлялись, по желанію родителей, на классическое и реальное отдѣленіе.

Мать хотѣла непременно, чтобы я поступилъ въ университетъ, но отецъ и мои слезы отстояли реальное отдѣленіе.

Въ гимназіи мнѣ было хорошо. Изъ педагогическаго персонала были хорошіе и дурные люди, но больше первыхъ. Правда, вѣдь го были шестидесятые годы! Прекрасный человѣкъ былъ директоръ П. А. Александровъ, вспыльчивый, добрый и никому не сдѣлавшій зла. Его всѣ любили. Этого нельзя сказать объ инспекторѣ Я. И. Вейнбергѣ, который, несомнѣнно, поддѣлывался къ новому, бездушному вѣянію, исходившему со стороны Страстного бульвара. Вейнбергъ остался и составилъ себѣ карьеру, Александровъ скоро умеръ отъ какого-то нравственнаго потрясенія. Помню, мы всей гимназіей хоронили этого прекраснаго разноглазаго человѣка, съ однимъ сѣрымъ и другимъ голубымъ глазомъ.

У многихъ учителей были странности, которыя на насъ не вліяли нисколько, и мы даже пользовались ими, чтобы затянуть

уроки и заставить ихъ рассказывать отъ себя. Насколько я теперь припоминаю, большинство ихъ не были чиновники, у каждаго изъ нихъ порой пробивалось что-то свѣтлое, симпатичное. Бывало, во время уроковъ по какому-нибудь поводу учитель естественныхъ наукъ расскажетъ черту или случай изъ своей гимназической или студенческой жизни, расскажетъ просто, по-товарищески, и подойдетъ къ намъ ближе, и отношенія отъ такого пустяка становятся проще, искреннѣе.

Учитель химіи Бардюковъ былъ другъ и товарищъ Н. А. Добролюбова. Это былъ совсѣмъ хорошій человѣкъ, который держался съ нами, какъ равный, и мы его уважали безусловно.

Уроки химіи начинались съ 5-го класса — это были живыя лекціи съ демонстраціями, ибо въ гимназіи была небольшая лабораторія. Чѣмъ нашъ курсъ отличался отъ классическаго отдѣленія? Въ реальномъ отдѣленіи вмѣсто греческаго и латинскаго языковъ преподавались довольно въ обширной программѣ естественныя науки (зоологія, ботаника, минералогія), химія, сравнительная анатомія и физиологія растений и животныхъ, а также начертательная геометрія. Насъ, учениковъ, было мало: съ 5-го класса насчитывалось восемь человѣкъ, изъ которыхъ въ шестомъ одинъ ушелъ, и кончило насъ семь. Составъ былъ такой: два дворянина, два купца, два разночинца и одинъ еврей. Еврей былъ первымъ ученикомъ и самымъ благонравнымъ, но въ общемъ онъ не былъ развитѣй насъ, держался въ сторонѣ, когда мы составляли тѣсный кружокъ. Среди насъ былъ извѣстный миллионеръ В. К. фонъ-Меккъ и совершенный пролетарій П—въ, ходившій въ гимназію въ женской куцавейкѣ. Это было неважно, мы дѣйствительно составляли классную единицу: одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

Мы воспитывались свободно, не такъ, какъ классики съ прибывшими изъ-за границы учителями-чехами, этими бездушными карьеристами и чиновниками. Они преподавали древніе языки и жестоко преподавали. Правда, на гимназистовъ-классиковъ было обращено сугубое вниманіе. Тамъ производились опыты дисциплины ума, который кастрировался не во имя классическихъ героевъ и ихъ исторіи, а во имя мертвой техники мертвыхъ языковъ.

Я забылъ сказать, что въ нашемъ отдѣленіи были обязательны французскій и нѣмецкій языки.

Итакъ, на насъ не обращали вниманія: мы послѣдніе реалисты, и за нами шло классическое второе отдѣленіе. Намъ нельзя было оставаться въ классѣ на другой годъ, сзади путь былъ отрѣзанъ. Но мы всѣ учились хорошо, мало отличаясь отмітками другъ отъ друга, кромѣ перваго ученика. Мы переходили изъ класса въ классъ и сравнительно всѣ хорошо кончили и получили аттестаты. Повторяю, можетъ быть, благодаря нашему исключительному положенію, отношенію къ намъ высшаго начальства, совершенно

индифферентному, отъ гимназіи у насъ не осталось грустныхъ, тяжелыхъ воспоминаній; въ сущности мы получили и нѣкоторое развитіе и нѣкоторыя знанія. Новый директоръ, очень надменный строгій классикъ, даже никогда не заходилъ къ намъ, говоря съ пренебреженіемъ: «скоро ли эти послѣдніе реалисты очистятъ мѣсто, чтобы наша гимназія стала вполне приличной и строго классической?».

Дружба и тѣсное сближеніе между нами происходили по мѣрѣ прохожденія курса. Мы бывали другъ у друга, пользовались книгами, обмѣнивались мыслями. Особенно я подружился съ П—мъ, человѣкомъ въ куцавейкѣ. Живой, съ небольшими черными глазами, это была необыкновенно искренняя, довѣрчивая натура. Между тѣмъ съ самаго ранняго дѣтства какую нужду и горе перенесъ этотъ мальчикъ — и чистая натура осталась нетронутой среди той грязи и бѣдности, въ которой онъ жилъ, учился и ходилъ за пять верстъ каждый день въ гимназію. Въ послѣднюю его опредѣлилъ покойный директоръ Александровъ безъ платы. Да и какъ въ самомъ дѣлѣ было платить, когда онъ со своей матерью жилъ на три рубля въ мѣсяцъ. Жили за Москвой-рѣкой, у Калужскихъ воротъ. Помню большой деревянный и грязный, особенно со двора, домъ, множество живыхъ висячихъ лѣстницъ, какія-то галереи, полныя кучи грязныхъ и рваныхъ дѣтишекъ, помню маленькую комнату, которую снимала мать моего товарища, помню жильцовъ этого дома, озлобленныхъ или пьяныхъ.

Въ домѣ было постоянное движеніе. Скрипѣли лѣстницы, визжали двери, и самый домъ, казалось, глухо вздыхалъ, говоря: «Знаю, все знаю, что творится внутри меня, знаю, сколько злобы и слезъ и горя накопилось и живетъ въ каморкахъ, называемыхъ квартирами. Знаю, и трудно мнѣ, дому, ибо гниютъ мои балки, ненадежны мои лѣстницы и весь я, большой домъ, подгнилъ и состарѣлся. Слава Богу, что крыша еще не такъ дырява и васъ, жильцовъ, не тревожатъ дожди».

Тѣмъ не менѣе въ этомъ мрачномъ большомъ домѣ мы съ П—вымъ проводили хорошіе часы, часы добрые и тихіе. Старушка мать, простая, неграмотная женщина, работавшая за гроши на какого-то мѣстнаго торговца чулки, принимала насъ привѣтливо и сейчасъ же ставила самоваръ, за которымъ мы проводили время. Мы тогда ужасно много пили чая, пили безъ конца, пока въ самоварѣ оставалась вода. Мы говорили, говорили о гимназіи, объ учителяхъ, говорили о литературѣ. И старушка слушала внимательно, наливая намъ чай. Иногда, обращаясь къ сыну, она произносила:

— А что, Федоръ, уроки вытвердилъ?

— Вытвердилъ, мамаша, вытвердилъ, — утѣшалъ ее сынъ.

— Тверди, Федоръ, учись! — добавляла она: — въ этомъ все твое счастье!

Мы молча улыбались, а добрая женщина готовила намъ постель, сама укладываясь спать на красномъ сундукѣ. Хорошо спалось въ то время въ ѳдной каморкѣ, въ удушливомъ и сыромъ воздухѣ. На другой день мы уходили ко мнѣ, куда обыкновенно приходили по праздникамъ другіе товарищи, которыхъ моя мать принимала радушно: она любила больше видѣть ихъ у себя, вмѣсто того, чтобы я уходилъ изъ дома.

Въ то время отецъ и моя младшая сестра умерли, и мы жили втроемъ: я, мать и сестра, которая училась тоже въ гимназіи. Кромѣ того, умерла хозяйка дома и все перемѣнилось въ распорядкѣ когда-то самостоятельнаго и богатаго хозяйства. Впрочемъ, Пенскій еще оставался на нѣкоторое время на прежней квартирѣ, но своихъ охотниковъ и собакъ перевезъ въ имѣніе. Домъ перешелъ во владѣніе небогатой наслѣдницы, племянницы, вышедшей замужъ за какого-то російскаго Іуду изъ духовныхъ. Квартиры стали сдаваться жильцамъ, даже господская кухня была перестроена на хорошенькую квартиру-особнячокъ. Каретные сараи и конюшни еще оставались воспоминаніемъ старины, да густая зеленая трава напоминала вмѣстѣ съ лиловыми цвѣтами душистой сирени о быломъ.

То время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, одну изъ новыхъ квартиръ передѣланнаго флигеля, окнами выходящаго въ садъ, заняли студенты-земляки. Это была цѣлая компанія молодыхъ крымчаковъ, людей со средствами, милыхъ, простыхъ и воспитанныхъ.

Мы, тогда гимназисты 5-го класса, смотрѣли на студентовъ съ высокой точки зрѣнія. Свобода, братство, единеніе, одухотворенное свѣтлымъ знаменемъ науки и любви къ человѣчеству, все, казалось, осѣняло студенчество, которое высоко несло знамя человеческого великодушія и благородства.

Скоро мы съ П—мъ познакомились со студентами-сосѣдами. Двое изъ нихъ, поговоривъ съ нами нѣсколько минутъ, пригласили къ себѣ пить чай. Помню, съ какимъ трепетомъ вошли въ ихъ жилище. Помню, какъ насъ поразила ихъ въ сущности безалаберная обстановка, насъ, благоговѣющихъ гимназистовъ: книги, коробки съ табакомъ и гильзами, засохшіе куски хлѣба на этажеркѣ, небрежно брошенные на диванѣ литографированные листы лекцій — все это было предметомъ нашего восхищенія. Особенно эти литографированные листы, которые казались намъ куда важнѣе и мудренѣе печатныхъ книгъ.

Хозяева были прелестны, внимательны и оживленны. Ихъ милая между собою шутка, веселый, открытый смѣхъ, симпатичныя лица, нѣсколько оригинальное нарѣчіе—подѣйствовали на насъ возбуждающе: мы находились во власти ихъ общества и были безконечно счастливы, хотя, конечно, стѣснялись въ первый разъ.

На другой день съ П—вымъ у насъ только и было разговора о новыхъ знакомыхъ, которые не преминули насъ снабдить книгами. П—въ обыкновенно бывалъ и ночевалъ у меня часто, но послѣ знакомства со студентами, кажется, только одни праздники проводилъ у матери. Скоро онъ освоился, благодаря своему искреннему, живому характеру, и при томъ веселому, со всѣми жильцами-студентами, обѣдая у нихъ и даже ночуя. Со времени этого знакомства начинается эпоха какого-то запойнаго чтенія, сначала по указанію и рекомендаціи студентовъ, а затѣмъ по собственному выбору изъ библіотеки. По ихъ рекомендаціи мы основательно познакомились съ Гоголемъ, Тургеневымъ, Толстымъ, Гончаровымъ, Григоровичемъ и др. Цѣлый міръ открылся передъ нашими духовными очами и какой міръ! Міръ, который отвѣчалъ нашимъ сердцамъ, наполняя и укрѣпляя ихъ въ любви къ природѣ и человѣку. Мы наизусть знали выдающіяся по художественности мѣста нашихъ русскихъ классиковъ, мы благоговѣли передъ удивительными талантами и думали: «вотъ она такая жизнь, среди которой мы будемъ жить, работать, отдавая свои силы на служеніе родинѣ и народу».

Да, читатель, вліяніе этой литературы было на мальчиковъ непосредственное и сильное, именно благодаря ея искренней и глубокой сердечности. Пусть мы многого не понимали, но тонъ, манера изложенія этого непонятнаго у художниковъ-авторовъ трогали насъ, наши сердечныя струны. Мы полюбили студентовъ, сравнивая ихъ между собою, сравнивая съ героями прочитанныхъ повѣстей. Эту живую страсть къ русской литературѣ мы внесли въ классъ, въ свой товарищескій кругъ, и гимназисты, знакомясь со студентами, незамѣтно, хотя быстро, развивались на постоянномъ чтеніи и живыхъ бесѣдахъ. Странно подумать, но жизнь пятиклассниковъ была полна интересовъ духовныхъ, идеальныхъ, которые стали у насъ на первомъ планѣ. Всѣ учебники, по своей сухости, обыденные уроки отошли на второй, казенный планъ, и мы не столько учились, сколько несли какую-то необходимую обязанность. Впрочемъ, я попрежнему увлекался химіей особенно и вообще естественными науками. Мы удивили нѣкоторыхъ учителей своей страстью къ литературѣ, и они совѣтовали намъ, что читать. Въ шестомъ и седьмомъ классахъ мы были уже юношами, задумчивыми, съ головами, полными многочисленныхъ вопросовъ и съ еще болѣе пламенными сердцами, — мы переживали періодъ перехода къ болѣе самостоятельному міровоззрѣнію, становились ближе къ жизни. Критика, анализъ смѣняли восторженно-поэтическое настроеніе, когда мы познакомились основательно съ сочиненіями Добролюбова и Писарева. Бѣлинскаго пробовали тоже читать, но онъ насъ не удовлетворилъ и былъ скученъ. На молодья и пылкія натуры больше дѣйствовалъ Писаревъ, отъ ко-

гораздо мы были въ безумномъ восторгѣ. Мы читали и перечитывали молодого критика, удивляясь его смѣлости и безусловной для насъ логикѣ при блестящемъ изложеніи. Кромѣ того, я, рѣшившійся посвятить себя естественнымъ наукамъ, которыя Писаревъ пропагандировалъ, попросту видѣлъ въ немъ какого-то пророка. Литературная горячка, охватившая насъ съ такой силой, давала просторъ спорамъ, мнѣніямъ, симпатіямъ, кладя основу нашему будущему міровоззрѣнію. Впрочемъ, всѣ были подъ влияніемъ литературныхъ авторитетовъ и меньше всѣхъ П—въ; онъ былъ оригинальнѣе и проще, но и смѣлѣе. Большое участіе сталъ принимать въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ товарищъ Фалинъ, который тоже близко познакомился со студентами. Живость и гуманность составляли характеристику студентовъ-южанъ, между которыми были положительно братскія отношенія. Большая часть ихъ были студентами университета, и двое или трое слушателями тогда вновь только что открытой Петровской сельско-хозяйственной академіи.

Конечно, мы не разъ посѣщали эту прелестную подмосковную мѣстность, знакомились съ хозяйственными сторонами академіи и съ научной постановкой спеціальнаго дѣла.

Все для меня было такъ ново, такъ удивительно!.. Какой въ самомъ дѣлѣ просторъ и какія богатѣйшія пособія для тѣхъ, кто хотѣлъ изучать сельское хозяйство. Правительство дѣйствительно на новое учрежденіе денегъ не жалѣло. Не мудрено, что со своей любовью къ природѣ и естественнымъ наукамъ я думалъ и потомъ сталъ мечтать о томъ, когда я буду студентомъ академіи. Это я рѣшилъ въ своей душѣ, но... но случилось нѣчто странное и для меня грустное..

Приходила весна. Мы кончали 6-й классъ и уже поговаривали, кто куда рѣшилъ поступить: одни въ технологическій, другіе въ институтъ путей сообщенія, а мы съ П-вымъ въ Петровскую академію безусловно.

Какъ-то крымчаки-петровцы пригласили насъ къ себѣ подъ праздникъ съ тѣмъ, чтобы мы заночевали въ академіи. О насъ, гимназистахъ, и говорить было нечего, мы были въ восторгѣ, но не отказались и москвичи-студенты. Мы поѣхали порядочной компаніей. Весело было чрезвычайно, и погода намъ благопріятствовала. Послѣ весенняго солнечнаго дня наступилъ свѣжій, бодрый вечеръ. Въ воздухѣ тоже чувствовалось нѣчто бодрящее, свѣжее. Въ двухъ небольшихъ комнатахъ послѣ чая и закуски начались споры, рассказы, прорывались среди серьезныхъ рѣчей остроумные анекдоты. Наконецъ зашелъ разговоръ о Нечаевѣ и убійствѣ студента Иванова. Я прислушивался внимательно. Я слыхалъ нѣсколько лѣтъ назадъ про это убійство, но совершенно не понималъ тогда ни цѣли, ни смысла преступнаго дѣла. Да и теперь мнѣ

казалось страшнымъ это преступленіе, а личность руководителя и главы кружка, Нечаева, рисовалась въ моемъ воображеніи чудовищной. Помилуйте, преднамѣренно убить своего товарища-студента! Спорящіе раздѣлились: одни оправдывали убійство, другіе искренно возмущались, но тѣмъ не менѣе всѣ рѣшили завтра утромъ пойти и осмотрѣть мѣсто, гдѣ это случилось. Я плохо спалъ ночью, мнѣ снился Нечаевъ съ ножомъ въ рукѣ и огромныхъ синихъ очкахъ, черезъ верхъ которыхъ онъ смотрѣлъ на меня налитыми кровью глазами. Настало завтра. Пошли въ глубь лѣса отъ большого пруда, миновали еще два заросшихъ пруда и подошли къ маленькому.

— Вотъ здѣсь произошло... сказалъ студентъ-петровецъ и повторилъ исторію, какъ убитаго Иванова волокли къ водѣ, какъ надѣли ему на шею веревку съ камнемъ и какъ все это хладнокровно было сдѣлано образованными молодыми людьми.

— А вотъ здѣсь былъ гротъ.— прибавилъ онъ,—теперь разоренный.—Говорять, приказано было не оставить ни одного камня.

И мы смотрѣли на все это, вспоминая убійство человѣка. Меня охватывала лихорадочная дрожь, а звѣрская расправа съ Ивановымъ вдругъ до такой степени ярко встала въ моемъ воображеніи, что я сѣлъ на землю и зарыдалъ.

— Однако, батенька, какой вы нервный!..—сказалъ мнѣ Зотовъ и мы пошли обратно по лѣсу. Другіе молча пошли за нами. Скоро мы поѣхали въ Москву, я чувствовалъ себя скверно.

Вѣроятно, простудившись, сидя на сырой землѣ, я на другой день заболѣлъ и все время болѣзни живая картина убійства Иванова не оставляла ни на минуту моего больного воображенія. Ночью давили кошмары, а днемъ я думалъ: за что? за что убили человѣка? Думалъ, думалъ и рѣшилъ ни за что не поступать въ Петровскую академію.

Въ заключеніе этой главы расскажу подробность основанія и устройства Петровской академіи. Тогда министромъ государственныхъ имуществъ былъ всесильный Муравьевъ, который поручилъ А. М. Ломовскому (о немъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ), служившему тогда у него чиновникомъ особыхъ порученій, найти и купить подходящую землю для основанія высшаго земледѣльческаго заведенія. Ломовскій въ послѣдствіи какъ-то при встрѣчѣ мнѣ сказалъ, когда мы заговорили о Петровской академіи: «знаете, думаю написать статейку: «Исторія одного дрянненькаго ружьяца»...

— Что же за исторія такая?—спросилъ я.

— А вотъ я вамъ расскажу... Можетъ, вы напишите тогда...

— Расскажите, пожалуйста!

— Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ на меня, какъ на чиновника министерства государственныхъ имуществъ министромъ Муравьевымъ возложено было довольно мудреное порученіе — найти

мѣсто для высшаго сельско-хозяйственнаго заведенія съ землей и со всякими угодьями... Задумался я надъ этимъ порученіемъ, а время между тѣмъ шло. Спрашивалъ, «пыталъ», какъ говорятъ малороссы, нѣтъ подходящаго, ничего нѣтъ! Въ это время понадобилось мнѣ ружье, такъ неважное, для полевыхъ охотъ въ сырое время. Пришелъ я къ знакомому оружейнику Шишкову и за пятнадцать рублей купилъ у него ружье. Подошелъ какой-то праздникъ и задумалъ я испробовать ружьецо, для чего поѣхалъ за Бутырскую заставу. Пострѣлялъ въ полѣ, а потомъ пошелъ въ лѣсъ, да и увлекся... Дальше да дальше... Назадъ, думаю, нечего возвращаться, навѣрно выйду скоро на дорогу или въ какую-нибудь деревеньку, откуда и доѣду до заставы. И точно, вышелъ... Смотрю, большая каменная церковь, постройки, прекрасныя зданія, паркъ. Я отправился къ священнику, который напоилъ меня чаемъ и рассказалъ много интереснаго о мѣстѣ, которое напоминало о Петрѣ Первомъ, бывавшемъ здѣсь въ Петровскомъ, плававшемъ по огромному пруду и даже подарившемъ въ церковь книгу Апостоловъ, которая и по сіе время хранится въ храмѣ.

— Чье это теперь имѣнье?—спросилъ я священника.

— Принадлежитъ г. Шмидту,—отвѣчалъ онъ.

— А не продается ли это имѣніе?

— Не могу вамъ сказать, но, кажется, владѣлецъ не прочь продать, если дадутъ хорошія деньги.

— А не знаете ли, батюшка, сколько во владѣніи Шмидта десятинъ всего?

— Вѣрно не могу сказать, но не меньше семисотъ, если не больше.

Мы походили съ любезнымъ священникомъ по парку, побывали у пруда, и я пришелъ въ восторгъ отъ этой мѣстности. Помилуйте! всего пять верстъ до Бутырской заставы! сколько земли! какія постройки, угодья!.. Ну, вотъ какую службу сослужило мнѣ дрянненькое ружье,—заклучилъ Ломовскій.

— И что жъ вы сдѣлали, Александръ Михайловичъ?

— Что сдѣлалъ?.. На другой день разыскалъ Шмидта, явился къ нему и въ одинъ день покончилъ дѣло. Какъ вы думаете, за сколько купилъ Петровское-Разумовское?

— Должно быть, дорого,—отвѣчалъ я:—милліонное мѣсто!

— За двѣсти двадцать тысячъ всего... засмѣялся Ломовскій.— Вѣдь недорого?!

— Еще бы!—согласился я.

С. Васюковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УБИЙСТВО ГРАФА МИЛОРАДОВИЧА.

(Разсказъ его адъютанта).

ВОСПОМИНАНІЯ А. П. Башуцкаго ¹⁾ составились путемъ частой передачи ихъ въ формѣ цѣльнаго устнаго разсказа, который пользовался въ свое время значительною извѣстностью. И. П. Панаевъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «У него (Башуцкаго) было пять-шесть разсказовъ, и въ числѣ ихъ знаменитый разсказъ о смерти Милорадовича... Этотъ разсказъ онъ при мнѣ повторялъ разъ десять, не измѣняя въ немъ ни юты, и всегда производилъ имъ величайшій эффектъ на тѣхъ, которые имѣли удовольствіе первый разъ слушать его» («Литерат. Воспом.», 3-е изд., Спб., 1888, стр. 132). Кн. Н. С. Голицынъ также сообщаетъ, что ему приходилось «не разъ» слышать этотъ разсказъ (Записки, «Русск. Стар.», 1880 г., ноябрь, стр. 607). Въ письменномъ изложеніи воспоминанія появились въ 1849 г. и по обстоятельствамъ появленія не подлежали распространенію. Объ этихъ обстоятельствахъ самъ авторъ разсказываетъ въ замѣткѣ, приложенной къ рукописи издаваемыхъ здѣсь воспоминаній, слѣдующимъ образомъ:

«Въ февралѣ 1849 г. его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ на одномъ изъ вечеровъ у княжны Е. В. Львовой, фрейлины ея императорскаго высочества великой княгини Елены Павловны, гдѣ я имѣлъ честь видѣть ихъ высочества почти въ каждые 15 дней одинъ разъ, выразилъ желаніе, чтобы я разсказалъ ему событія смерти графа М. А. Милорадовича, весьма неточно и поверхностно ему извѣстныя. Я повиновался этому желанію и разсказъ, по возможности сокращенный, занялъ однакоже слушателей довольно долго, тѣмъ болѣе, что вопросы ея высочества и частныя добавленія великимъ княземъ другихъ происшествій и сценъ того же дня, разнообразя этотъ эпизодъ, придали ему много живости и занимательности. Черезъ нѣсколько дней баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, которому было повелѣно государемъ императоромъ написать исторію 14 декабря, читалъ мнѣ нѣкоторые отрывки

¹⁾ Александръ Павловичъ Башуцкій (род. 30 марта 1803 г., † 26 марта 1876 г.) былъ извѣстный въ свое время издатель, публицистъ и беллетристъ.

Этого труда, уже напечатанного въ весьма маломъ числѣ экземпляровъ (не болѣе 50), собственно для его величества. О Милорадовичѣ въ этой книгѣ было никакъ не болѣе семи строкъ, и въ нихъ показанія были совершенно невѣрны, такъ что вся его личность и дѣйствія были освѣщены совершенно иначе. Барону было уже извѣстно чрезъ его высочество о моемъ разсказѣ; и онъ просилъ сообщить ему этотъ эпизодъ, но со всѣмъ, пройденнымъ молчаніемъ въ разсказѣ подробностями.

«Все въ книгу, для государя вновь исправленную и перепечатанную, о 14 декабря внесено относительно этого эпизода изъ сей рукописи. Баронъ представлялъ ее въ оригиналѣ наследнику въ этомъ самомъ черномъ видѣ, ибо я другой не имѣю, кромѣ этой, писанной прямо. Государь цесаревичъ чрезъ нѣсколько дней въ государственномъ совѣтѣ¹⁾ позволилъ говорить мнѣ, что эпизодъ этотъ, многія частности котораго были ему вовсе неизвѣстны, очень заинтересовалъ его. Тутъ же его императорскому высочеству угодно было войти въ нѣкоторыя подробности о графѣ Милорадовичѣ, который, какъ я убѣдился, не только забыть, но и весьма мало извѣстенъ.

«Изъ рукописи моей не внесено въ книгу многое, что политика заставляетъ историографа урѣзывать изъ исторіи, изъ уваженія къ живущимъ. Такъ быть должно: исторія родственница самая отдаленная, тогда какъ живущіе нерѣдко бывають, или могутъ еще быть нашими отцами-кормильцами... *Père et mère honorez, afin de vivre longuement*».

По свидѣтельству кн. Н. С. Голицына, при жизни Башуцкаго существовало всего три списка воспоминаній, всѣ написанные имъ самимъ. Одинъ списокъ былъ отдаанъ Башуцкимъ барону Корфу и не возвращенъ послѣднимъ, другой, написанный, какъ можно понять изъ словъ Голицына, взаменъ оставшагося у Корфа, былъ взятъ для чтенія самимъ княземъ Голицынымъ и переданъ настоятелю Сергіевой пустыни архимандриту Игнатію Брянчанинову и, наконецъ, третій, заготовленный въ 1875 г. къ пятидесятилѣтію смерти Милорадовича, поступилъ въ распоряженіе графа Гр. А. Милорадовича («Русск. Стар.», 1880 г., ноябрь, стр. 607—8). Изъ приведенной выше замѣтки Башуцкаго, однако, слѣдуетъ заключить, что первый оригинальный списокъ, представленный наследнику «въ этомъ самомъ черномъ видѣ», былъ возвращенъ автору. Издаваемый здѣсь списокъ, повидимому, не можетъ быть отождествленъ ни съ однимъ изъ числа указанныхъ Голицынымъ. Происхождение его неизвѣстно. Онъ писанъ довольно безграмотно писарскимъ почеркомъ, съ поправками и вставками (французскаго текста) другою рукою, и находится въ настоящее время въ бумагахъ покойнаго митрополита новгородскаго и еп. Никанора Клементьевскаго († 1856 г.).

Въ подлинномъ видѣ воспоминанія до сихъ поръ не появлялись въ печати. Какъ источникомъ, имъ пользовались отчасти, кромѣ барона Корфа, еще кн. Н. С. Голицынъ и гр. Г. А. Милорадовичъ. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ воспользовался ими баронъ Корфъ во второмъ изданіи книги о 14 декабря для императорской фамиліи; въ изданіяхъ же для публики заимствованія изъ воспоминаній незначительны. Заимствованія эти, по большей части въ сокращеніяхъ и съ буквальной точностью въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, касаются сцены чтенія государемъ манифеста народу предъ Зимнимъ дворцомъ въ утро 14 декабря (изд. 3-е, первое для публики, Спб. 1857, стр. 132—4; изд. 5-е, дополн., третье для публики, Спб. 1857, стр. 151—2), поѣздки Милорадовича отъ Дворцовой площади

¹⁾ Башуцкій состоялъ въ то время на службѣ въ г. совѣтѣ въ должности помощника статъ-секретаря по отдѣленію законовъ.

къ сенату (3, 142; 5, 162—3), событій на Сенатской площади въ присутствіи Милорадовича (3, 143—4 5, 163—5) и пребыванія послѣдняго въ казармахъ послѣ покушенія на него Каховскаго (3, 193; 5, 223—4). Въ той части книги, гдѣ приводятся свѣдѣнія о лицахъ, бывшихъ въ свитѣ государя на Дворцовой площади во время чтенія манифеста, и о прибытіи Нейдгардта съ донесеніемъ о событіяхъ въ Московскомъ полку, баронъ Корфъ предпочелъ Башуцкому другіе, несогласные съ нимъ источники. Кн. Н. С. Голицынъ въ своихъ запискахъ кратко, по памяти, пересказалъ главное содержаніе воспоминаній («Русск. Стар.», 1880 г. ноябрь, стр. 608—11). Г. А. Милорадовичъ воспользовался ими для трехъ анекдотовъ въ своей книжкѣ. «Анекдоты, черты изъ жизни графа Милорадовича» (4-е изд., Кіевъ, 1881, стр. 85, 86, 90). Н. Ту—р—ъ.

Разсказъ А. П. Башуцкаго.

Разсказъ этотъ посвященъ собственно одному эпизоду памятнаго дня и объемлетъ его весь, съ мельчайшими подробностями, которыя,—болѣе ли, или менѣе онѣ знаменательны въ общности самаго событія,—для меня лично, по тогдашнему положенію и чувству, одинаково велики относительно къ этому эпизоду. Все же внѣ его, къ 14 декабря принадлежащее, но происходившее не тамъ, гдѣ былъ графъ въ то время, когда я находился при немъ, не внесено сюда. Я хотѣлъ записать тутъ собственно лишь драму послѣдняго дня его жизни, въ отдѣльности отъ того, что совершилось внѣ круга ея дѣйствій.

... Комнаты наши въ Зимнемъ дворцѣ занимали самый уголъ нижняго этажа, отъ такъ называемаго комендантскаго подъѣзда влѣво и за уголъ до воротъ въ Эрмитажномъ переулкѣ къ Невѣ. Окнами въ Большую Милліонную были мои двѣ комнаты, съ особою лѣстницею и выходомъ подъ эти ворота; окнами на площадь были: общая гостиная и зала, потомъ кабинетъ, спальная и канцелярія моего отца, съ выходами въ коридоръ и на подъѣздъ ¹⁾.

Оставивъ графа Милорадовича въ воскресенье 13 декабря часу въ десятомъ вечера, въ довольно спокойномъ, хотя нѣсколько озабоченномъ расположеніи, тревожимый еще болѣе любопытствомъ, нежели опасеніемъ, я заѣхалъ къ Фогелю, этому истинно замѣчательному человѣку, созданному какъ будто бы нарочно для своей должности начальника тайной полиціи. Все, что передалъ мнѣ добрый старикъ въ своемъ живомъ, всегда завлекательномъ разсказѣ, было не болѣе, какъ смѣсь догадокъ, подозрѣній, слуховъ и неясныхъ опасеній, кое-какихъ неважныхъ частныхъ,

¹⁾ Отецъ Башуцкаго былъ въ то время петербургскимъ комендантомъ и по-ому имѣлъ помѣщеніе во дворцѣ.

не обнаруживавших ни общей связи, ни единства, ни смысла. Я догадывался, однакоже, что умный рассказчик зналъ гораздо болѣе, нежели сколько хотѣлъ, чтобъ знали другіе, и что, несмотря на мои отношенія и положеніе мое при графѣ, онъ, не выходя изъ характера, хитрилъ и со мною. Но это не слишкомъ могло меня беспокоить. Конечно, городъ уже нѣсколько дней былъ полонъ смутныхъ и передававшихся на ухо слуховъ, военный генераль-губернаторъ безпрерывно получалъ записки, донесенія, извѣстія, по управленію секретной части была замѣтна особая хлопотливость, всѣ люди Фогеля были на ногахъ, карманная записная книжечка графа была исписана собственными именами ¹⁾, но онъ не говорилъ ничего, не дѣйствовалъ; все ограничивалось секретными развѣдками и сообщеніями, выжидательностью. Не было и признака, по крайней мѣрѣ явнаго, какой-либо мѣры, которая свидѣтельствовала бы о готовности къ отпору, или хотя бы къ предупрежденію, объ обдуманномъ планѣ къ уничтоженію опаснаго замысла, или даже объ извѣстности такого замысла, который въ глазахъ правительства казался бы достаточно созрѣвшимъ и принявшимъ тѣло, сущность, чтобъ требовать рѣшительнаго противодѣйствія.

Прибавивъ къ этому общую россійскую и лично мнѣ на 22 году жизни принадлежащую беззаботность, не трудно понять, что я достаточно успокоился; однакоже я не поѣхалъ никуда болѣе, что было почти рѣдкостью, — и въ двѣнадцатомъ часу преспокойно лежалъ, съ трубкою и книгою въ рукахъ, на необыкновенно удобномъ турецкомъ диванѣ обширнаго алькова, зеркала котораго, покрывавшія сплошь его три стѣны и потолокъ, вмѣсто особы императора ²⁾ давно уже привыкли отражать антиподъ его, особу гвардейскаго подпоручика.

¹⁾ Въ книжкѣ этой, найденной по смерти графа на его столѣ, были вписаны его рукою почти всѣ имена находившихся здѣсь заговорщиковъ.

²⁾ Огромныя окна нижняго этажа здѣсь раздѣлены на двое, такъ что изъ одного этажа сдѣлано два, — верхній, подъ сводами и съ окнами отъ пола, и нижній съ низкими до того комнатами, что рукою удобно достаешь до потолка; въ этомъ-то этажѣ была квартира коменданта, въ которую мой отецъ вѣхалъ въ тотъ годъ, когда я родился (въ 1803 г.) и гдѣ я прожилъ 25 лѣтъ. Комнаты же нѣкогда были внутренними, партикулярными покаями императора Павла I. Въ антресольномъ этажѣ въ наше время жилъ сперва ген.-ад. Ф. П. Уваровъ, а по его смерти графъ П. А. Толстой. Мы застали еще самое причудливое убранство. Одна изъ комнатъ была чисто турецкая, съ низкими кругомъ диванами и табуретами, драпированная по мѣстамъ богатою въ восточномъ вкусѣ парчей. Та, въ которой я спалъ, длинная и узкая, въ углубленіи вмѣщала огромную печь, замаскированную съ пола до потолка зеркаломъ, которое, легко сдвигаясь въ сторону, открывало за собою, въ половинѣ печи, потаенную лѣстницу въ антресольный этажъ, въ которомъ жила нѣкогда А. П. Лопухина. Стѣны и потолокъ алькова, какъ сказано, какъ стѣны и амбразуры окна и подъ нимъ, были тоже зеркальныя.

За полночь раздался непривычный стукъ въ дверь, отдѣлявшую мою комнату отъ гостиной, послышался голосъ отца, который въ это время никогда не входилъ ко мнѣ: «Давно ли ты оставилъ графа?.. Что онъ тебѣ говорилъ?.. Не далъ ли особыхъ приказаній?» Отецъ былъ встревоженъ. Онъ кратко сообщилъ мнѣ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ волненіе возрастаетъ до степени, внушающей странныя опасенія, онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать немедленно къ графу. Но когда я явился къ Милорадовичу, онъ, объявивъ мнѣ, что «знаетъ все на свѣтѣ» и что въ свое время мнѣ будутъ даны приказанія, отпустилъ меня домой, сказавъ, однако, чтобъ завтра я явился ранѣе (мы всегда являлись къ нему въ 9 часовъ), чтобъ распорядился объ увеличеніи числа его разъѣздныхъ (полицейскихъ жандармовъ), чтобъ ординарцы, дежурный офицеръ, фельдъегерь и усиленное дежурство по канцеляріи были во всю ночь налицо и въ порядкѣ. Тутъ, отпуская меня, графъ впервые показалъ мнѣ новый золотой перстень, съ черною кругомъ эмалевою полосой и съ медальономъ, съ рельефнымъ на немъ портретомъ императора Александра, котораго онъ любилъ до невозможности. Перстень этотъ былъ присланъ ему императрицею Маріею Феодоровною.

— Notre ange est au ciel,—произнесъ онъ, прочитывая надпись и крѣпясь, чтобъ сдержатъ слезы.—Поцѣлуйте,—сказалъ онъ, протягивая ко мнѣ перстень.

Потомъ, надѣвая его на указательный палецъ правой руки, прибавилъ живо: «Voilà celle qui ira avec moi,—c'est vrai». C'est drôle, c'est vrai—слова, которыя онъ часто употреблялъ и выговаривалъ довольно странно. На другой день по утру онъ передъ всѣми повторилъ эти слова. Графъ имѣлъ привычку носить почти на всѣхъ пальцахъ перстни, особенно любимые имъ по разнымъ воспоминаніямъ.

На слѣдующее утро 14 декабря я былъ у графа прежде половины девятаго. Нерѣдко случалось, что я будилъ его и заставлялъ подыматься съ его истинно солдатской постели ¹⁾, но на этотъ разъ онъ былъ совершенно одѣтъ, какъ всегда, ловко, чисто, молодцомъ. Я засталъ его довольно веселымъ, въ полной парадной формѣ, какъ мы всѣ, и въ андреевской лентѣ. Высокая грудь его была буквально покрыта двумя дюжинами всѣхъ нашихъ и главнѣйшихъ европейскихъ звѣздъ и крестовъ, взятыхъ этою смѣлою и послѣ 55 битвъ дѣвственною отъ ранъ грудью съ боя. Спѣшно окончивъ нѣкоторыя текущія дѣла, графъ положилъ въ карманъ

¹⁾ Узкая кушетка, безъ боковъ, пододвигалась къ окну, въ которомъ во всю зиму, кромѣ чрезвычайныхъ морозовъ, открывалась фортка. Графъ спалъ на простынѣ съ одной подъ головой подушкой, въ батистовой рубахѣ (онъ не зналъ другихъ, а этихъ у него было только 8; онъ всегда носилъ тоже длинные шелковые чулки), накрываясь надѣтымъ въ накидку бухарскимъ халатомъ.

мундира бумажникъ, въ которомъ на этотъ разъ было не болѣе 400 руб. ассигнаціями.¹⁾ Въ это время къ нему пріѣхалъ А. Х. Бенкендорфъ, съ которымъ онъ былъ особенно друженъ. Послѣ непродолжительнаго разговора въ кабинетѣ наединѣ они вышли, цѣлуясь и обнимаясь уже въ виду присутствовавшихъ. Графъ сказалъ привычною ему смѣсю французскихъ словъ и русскаго съ нихъ перевода: «*Savez vous, вы знаете,—ce qui me fâche? que c'est un понедѣльникъ, c'est vrai! Вы знаете, mon cher, je n'ai pas un seul des предразсудки, mais ce понедѣльникъ, voyez vous, мнѣ не нравится, ça me déplaît.*»

Въ разговорѣ съ находившимися тутъ это было повторено нѣсколько разъ, какъ и слова о перстнѣ; впрочемъ, ни звука, ни намека о какихъ-либо опасеніяхъ: много надежды, преданности, откровенной благородной любви къ новому государю. Присяга была назначена въ 11 часовъ, времени оставалось еще много, но графъ потребовалъ карету. «Мы свидимся во дворцѣ, — сказала онъ мнѣ²⁾, — распорядитесь, чтобы въ одно мгновеніе мнѣ было дано знать о всемъ, что бы ни случилось. *Je vais pour un instant къ Катенькѣ Телешевой, я далъ слово, j'ai donné parole, вы знаете? нужно всегда держать слово!.. Ея праздникъ, Катеньки³⁾, c'est fête, elle a prié на кулебяку... c'est drôle?! c'est vrai!.. Но я знаю, что уже мнѣ болѣе не удастся.*»

Архитекторъ Монферанъ, превосходно убравшій траурную залу дома⁴⁾ по случаю кончины императора, ожидалъ въ ближайшей

¹⁾ Онъ раздавалъ деньги всѣмъ и каждому, а потому всегда имѣлъ ихъ очень мало. Мы знали, сколько у него въ карманѣ. Желая дать кому-либо изъ прителей, онъ говорилъ: «*voyez, ai-je quelque chose?*» Насъ же онъ просилъ брать ихъ у казначея Калдуновскаго, когда имѣлъ въ нихъ надобность.

²⁾ Я былъ въ это время одинъ при немъ налицо изъ четырехъ его адъютантовъ: графъ Мантейфель былъ посланъ въ Кіевъ за Шервудомъ-Вѣрнымъ; Горайновъ лежалъ въ безпамятствѣ, въ горячкѣ, и узналъ о событіяхъ только недѣли черезъ три; съ Гладковымъ (племянникомъ бывшаго оберъ-полицеймейстера) произошла размолвка, графъ отстранилъ его отъ себя совершенно.

³⁾ Страсть графа М. А. къ Катенькѣ Телешевой, премилой танцовкѣ, только что вышедшей изъ школы, была, какъ и многое въ немъ, предметомъ ѣдкихъ насмѣшекъ (вообще общество не любило его; онъ зналъ насквозь существенную цѣну и достоинство лицъ... и отсюда гнѣвъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ люди считали себя выше; народъ боготворилъ его); но въ существѣ это было нѣчто замѣчательное и вполнѣ возможное только ему, согласное съ его рыцарскимъ правомъ, съ молодостью его чувствъ, свѣжихъ, благородныхъ, пылкихъ въ 64 года, будто въ 24. Таковъ былъ этотъ человекъ. Онъ любилъ ее со всею горячностью юности, охранялъ съ невообразимою заботливостью нѣжнаго отца и благодѣтеля, со всею чистотою сильнаго покровителя и жениха. Малѣйшая болѣзнь ея ввергала его въ печаль... Это вовсе не умаляло другого рода любви его, въ которой, несмотря на насмѣшки и плоскія остроты шутниковъ, онъ былъ моложе всѣхъ ихъ; и это такъ же вѣрно, какъ его чистѣйшая любовь къ Телешевой.

⁴⁾ Графъ обладалъ сильнымъ, развитымъ и необыкновенно чистымъ артистическимъ вкусомъ. Я говорю въ отношеніи явленій и произведеній природы и

комнатѣ. Когда графъ проходилъ, онъ остановилъ и настоятельно просилъ, конечно, въ двадцатый разъ, взглянуть,—понравится ли и не будетъ ли перемѣнъ. Графа это въ двадцатый разъ опечалило; онъ отвѣчалъ, какъ прежде: «Je sais que c'est beau, mais c'est poignant, mon cher! je ne puis pas entrer; je n'entrerai que trop tôt dans cette chambre!»

Въ короткое время нѣсколькихъ часовъ то было уже четвертое темное проявленіе предчувствія, четвертое вѣрное предсказаніе событія!.. Но кто же изъ тѣхъ, въ комъ они всегда такъ непременно совершаются, понимаетъ эти предчувствія и предсказанія?.. Кто изъ свидѣтелей замѣчаетъ ихъ?.. На этотъ разъ все стѣснилось въ такой узкій кругъ, а событія такъ были рѣзки, что не было возможности не впечататься въ душѣ и малѣйшей частности... Онъ сказалъ, что одинъ только перстень ляжетъ съ нимъ въ могилу, что ему не нравится понедѣльникъ, что ему не удастся болѣе бывать у Телешевой, что онъ слишкомъ рано войдетъ въ траурную залу... Все такъ и сбылось...

Возвратясь домой въ десятомъ часу, я нашелъ у себя толстаго моего пріятеля, однокашника, товарища по выпуску изъ Пажескаго корпуса—А. С. Траскина, офицера гвардейскаго генеральнаго штаба. Мой крикунъ и обжора уже распорядился съ отличнымъ усердіемъ завтракомъ, снявъ мундиръ для большаго удобства. Я послѣдовалъ умному примѣру, но я взялся за дѣло поздно, въ эти 24 часа мнѣ не было суждено ни стѣсть куска, ни вспоминать о томъ... На улицѣ раздался смутный шумъ. Мы кинулись къ окну другой комнаты, обращенному на площадь, которая за четверть часа, когда я возвращался домой, была совершенно пуста, теперь же была наполнена народомъ, поспѣшно притекавшимъ со всѣхъ сторонъ. Было, конечно, болѣе 20 тысячъ человѣкъ; съ обнаженными головами они всѣ обращались и тѣснились къ серединѣ дворца. Надѣвъ мундиры и шарфы, мы выбѣжали и съ трудомъ пробрались около стѣнъ дворца вправо отъ подѣзда къ большимъ воротамъ... Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ къ серединѣ площади находился государь, буквально окруженный, почти сжатый народомъ.

Государь держалъ въ рукѣ разогнутый манифестъ 14 декабря 1825 г. съ приложеніями и громко, отрывисто то читалъ, то кратко,

---

художествъ, въ жизни же и ея прямыхъ потребностяхъ онъ былъ самый невыскаательный военный. Его мраморы, картины, вазы немногочисленныя были почти всѣ превосходны; по смерти его для двора ихъ было куплено на 80 тысячъ. Убранство его двухъ-трехъ внутреннихъ комнатъ было не дѣломъ (какъ теперь у всѣхъ) Галлеви или Гамбса и денегъ, но дѣломъ знанія, чувства, взгляда, вкуса глубоко художественнаго. Въ чрезвычайно рѣдкихъ маленькихъ его праздникахъ въ дому, или на открытомъ воздухѣ въ саду, въ устройствѣ каждой частности выражалось то же. Онъ любилъ, отличалъ художниковъ и умѣлъ обращаться съ ними.

понятно для народа объяснял сущность событий и, какъ отецъ дѣтямъ, давалъ имъ совѣты. Муха не могла бы пролетѣть безъ шума, такова была священная тишина, въ которой звонкій голосъ царя, цѣлою головою возвышавшагося надъ 20—30 тысячами головъ, раздавался успокоительными переливами... Едва онъ затихалъ, громовое «ура», привѣтствія самыя сердечныя, возгласы живой преданности потрясали воздухъ и, несясь съ площади къ смежныя улицы, привлекали оттуда новыя толпы.

Возлѣ и кругомъ въ то время было чрезвычайно мало лицъ извѣстныхъ; сколько помню (были только), новые флигель-адъютанты Кавелинъ и Адлербергъ, дежурный генераль Поталовъ, мой отецъ, нѣсколько офицеровъ, какъ и мы, попавшихъ сюда случайно, завлеченныхъ движеніемъ, шумомъ... Въ это время всѣ по домамъ собирались къ сѣзду во дворецъ, многіе находились уже въ немъ... Среди сжатой массы народа мы вскорѣ замѣтили генерала верхомъ на сѣрой въ яблокахъ лошади; онъ пробирался изъ-подъ арки главнаго штаба. Съ трудомъ подѣхавъ къ государю (то былъ А. И. Нейдгардтъ), отъ поклонился и довольно громко донесъ на французскомъ языкѣ о преступленіи, совершенномъ уже въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку, о бригадномъ командирѣ Шеншинѣ и полковомъ баронѣ Фредериксѣ, изрубленныхъ бѣшеными солдатами, о толпѣ этихъ послѣднихъ (болѣе роты), выбѣжавшей изъ казармъ, находящейся уже около Исаакіевской площади и оставившей вездѣ на пути своемъ насиліе, кровь, убійство, поуждающая народъ слѣдовать за собою.

Спокойно прослушавъ это донесеніе, государь изволилъ тотчасъ же передать его народу, сжато, кратко... Тутъ началась драма, подобную которой трудно найти въ исторіи, записывающей лишь официальности, но забыть которую невозможно ни въ малѣйшей чертѣ ея тому, кто имѣлъ счастье быть свидѣтелемъ этой безподобной, хотя горестнымъ событіемъ наведенной минуты.

Послѣ предшествовавшихъ объясненій, при послѣднихъ словахъ государя, этою многотысячною толпою все было мгновенно оцѣнено, все было понято съ ясностью и вѣрностью, возможными только одной самой чистой и глубоко въ жизни, въ крови разлитой любви-преданности. Необъятная масса народа, однимъ чувствомъ проникнутая, слилась и въ одно тѣло. Вся пошатнулась она съ края на край площади; вся она двинулась, сжалась, сколь можно тѣснѣе, къ царю; будто одинъ человекъ, она, казалось, обняла его грудью, руками, укрыла его собою; будто изъ однихъ устъ невыразимый голосъ ея, отзвучиваемый стѣнами громаднхъ зданій подъ холоднымъ куполомъ неба, кричалъ: «Батюшка!.. Государь!.. иди къ себѣ!.. Не допустимъ никого!.. Не дадимъ!.. Разнесемъ на клочки!.. размечемъ!.. Государь, иди къ матушкѣ, къ дѣтямъ, къ царицѣ! Ступай, съ Богомъ, мы не допустимъ»... Таковы буквально были

слова русскаго народнаго сердца. Хватали руками государя, фалды его мундира, падали на землю, чтобъ цѣловать ноги... Всего этого описать нѣтъ никакой возможности, подобное чувство никогда ничѣмъ болѣе не можетъ быть возбуждено въ душѣ человѣка, видѣвшаго эту сцену...

Таковъ былъ народъ... Но каковъ же былъ царь?.. При первомъ его звукѣ: «дѣти»—эти львы стали агнцами, онъ поднялъ руку—и море человѣческихъ волнъ утихло мгновенно, все стало неподвижно, свято, тихо, будто храмъ въ минуту торжественной тайны. «Не могу поцѣловать васъ всѣхъ,—сказалъ государь:—но вотъ за всѣхъ...» При этомъ словѣ онъ схватилъ и поцѣловалъ ближайшихъ, такъ сказать, лежавшихъ у него на груди, и нѣсколько секундъ, въ тишинѣ смолкшихъ тридцати тысячъ народа, слышались только поцѣлуи... Огромными кругами они ширились отъ этого центра далѣе, далѣе... Народъ свято дѣлилъ между собою поцѣлуи царя!..

Въ мертвой тишинѣ выслушали они слова его признательности, и мудрыя наставленія и повелѣнія. Государь сказалъ имъ, что правительству, властямъ предоставлено унять буйство, что никто не долженъ дерзать словомъ, дѣломъ вступаться во что бы то ни было, что въ спокойствіи и немедленномъ повиновеніи всякому приказанію оцѣнится ихъ любовь и преданость. Онъ совѣтовалъ имъ итти по домамъ, но прежде всего быть смиренными, спокойными, смотрѣть и повиноваться повелѣніямъ тѣхъ, которые одни знаютъ, какъ и что дѣлать. «Дайте мѣсто», сказалъ государь, и тихо отступила толпа далѣе къ краямъ площади, оставивъ часть ея около дворца и къ серединѣ болѣе свободною.

Въ это время прибыли уже и собрались около государя еще нѣсколько лицъ. Государь повелѣлъ моему отцу немедленно привести первый батальонъ л.-гв. Преображенскаго полка къ его величеству на Дворцовую площадь, Нейдгардту и другимъ были отданы приказанія относительно л.-гв. Семеновскаго полка, Конной гвардіи и пр.¹⁾ Послѣ этого государь приказалъ караулу главной (дворцовой) гауптвахты (караулъ былъ отъ л.-гв. Финляндскаго полка) занять дворцовыя ворота. Люди караула этого поняли необыкновенную честь и милость въ порученіи столь важнаго поста. Ружья были заряжены по приказанію, и новая добровольная присяга принесена съ горячею клятвою умереть на мѣстѣ, не уступя шага.

Между тѣмъ, съ скоростью поистинѣ непостижимою прибылъ первый батальонъ Преображенскаго полка. Если только можно такъ

¹⁾ Я рассказываю эпизодъ, котораго каждый моментъ, движеніе, слово вѣбзались въ мою душу, все другое, хотя бы мнѣ извѣстное, я не вношу сюда. Но собственно въ этомъ эпизодѣ, мнѣ близкомъ по развязкѣ, не упускаю ни малѣйшей черты. Другимъ предметамъ другое и мѣсто.

выразиться—и это не гипербола,—то были не люди, а воплощенные обида, мщеніе, негодование и приверженность. Чувство заставляло людей даже забывать объ обязанностяхъ строго уважаемой у насъ военной дисциплины, они не могли устоять на мѣстѣ, сердце выносило ихъ, такъ сказать, выталкивало изъ рядовъ съ звонкими тысячекратными «ура». По прослушаніи того, что государю угодно передать имъ о совершенномъ въ л.-гв. Московскомъ полку преступленіи, они просили, умоляли дозволить имъ отнять отъ бунтовщиковъ знамя, кровью ихъ смыть пятно, наложенное на гвардейскій мундиръ, на честь, на имя войска, себѣ однимъ просили они, какъ милости, повелѣнія рѣшить все это дѣло. И немедленно рѣшили бы они его... но не могло такъ быть по неограниченному милосердію царева сердца. Нѣсколько словъ государя было достаточно, чтобъ и ихъ вознаградить, какъ былъ уже награжденъ народъ, чтобъ и имъ объяснить и указать, въ чемъ истинная честь, въ чемъ святая обязанность и свѣтлая слава солдата. Все утихло, вмѣсто кипучей ревности воцарилось то спокойное, величественное, мужественное хладнокровіе, та рѣшимость долга, ставшаго первенствующимъ чувствомъ, которыя всегда отличали этотъ единственный и безошибочно уже первѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ батальонъ изъ всѣхъ европейскихъ войскъ.

Государь съ самаго начала (съ минуты моего разсказа и до сей минуты, послѣ которой вскорѣ обязанность моя лишила меня счастья быть близко) съ народомъ, съ войскомъ своимъ сердцемъ, твердостью, величіемъ, кротостью... всѣмъ царскимъ и человѣческимъ былъ — да будетъ прощена моему безыскусству слабость выраженія — былъ неподобенъ, безприкладенъ, какъ выражались о Петрѣ I современники его.

Государь пошелъ вдоль чуднаго строя этого батальона и, можетъ быть, прошелъ уже два-три взвода, когда явился мой генераль, с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ.

Необходимо знать, что преображенскій батальонъ стоялъ спиною къ дворцу, слѣдовательно, правымъ флангомъ къ большимъ воротамъ, которыя однако не закрывалъ собою. Около мѣста, занятаго батальономъ, было довольно чисто на извѣстное пространство, но всѣ остальные части площади были еще засыпаны народомъ, хотя уже и не въ такихъ густыхъ массахъ.

Графъ Милорадовичъ пришелъ черезъ площадь отъ бульвара, слѣдовательно, онъ подходилъ къ государю сзади въ то время, когда его величество шелъ вдоль фронта батальона. Мы шли въ нѣкоторомъ разстояніи за государемъ, а потому я тотчасъ увидѣлъ графа. Все въ его появленіи было необычайно, все было диаметрально противно его привычкамъ и понятіямъ: онъ шелъ почти бѣгомъ, далеко отлетала его шпага, ударяясь о его лѣвую

ногу (впрочемъ, это и всегда было особенностью его походки), мундиръ его былъ разстегнутъ и частью вытасченъ изъ-подъ шарфа, воротникъ былъ нѣсколько оторванъ, лента измята, галстукъ скомканъ и съ висающимъ на груди концомъ, — это не могло не удивить насъ. Но каковымъ же было наше изумленіе, когда съ лихорадочнымъ движеніемъ, съ волненіемъ до того сильнымъ, что оно нарушило въ немъ всякое понятіе о возможномъ и приличномъ, графъ, подойдя къ государю сзади, вдругъ рѣзко взялъ его за локоть и почти оборотилъ его къ себѣ лицомъ. Взглянувъ быстро на это непонятное явленіе, государь съ выраженіемъ удивленія, но спокойно и тихо отступилъ назадъ. Въ ту же минуту Милорадовичъ горячо и съ выраженіемъ глубокой грусти произнесъ, указывая на себя: «Sire s'ils m'ont mis moi, dans cet état, il n'y plus que la force, qui puisse agir!..» Не спрашивая ни о чемъ, государь на эту выходку отвѣтилъ сперва строгимъ замѣчаніемъ: «Не забудьте, графъ, что вы отвѣтствуете за спокойствіе столицы»¹⁾, и тотчасъ же приказаніемъ: «Возьмите конную гвардію и съ нею ожидайте на Исаакіевской площади около манежа моихъ повелѣній, я буду на этой сторонѣ съ преображенцами близъ угла бульвара». При первомъ словѣ государя Милорадовичъ вдругъ, такъ сказать, очнулся, пришелъ въ себя; взглянувъ быстро на беспорядокъ своей одежды, онъ вытянулся, какъ солдатъ, приложилъ руку къ шляпѣ, потомъ, выслушавъ повелѣніе, молча повернулся и торопливо пошелъ назадъ по той же дорогѣ.

Тутъ я явился ему. Мы почти бѣжали сквозь довольно рѣдкія толпы народа. Нѣсколько далѣе центра площади мы наткнулись на парныя сани, въ которыя человекъ въ военной шляпѣ и въ медвѣжьей шубѣ заносилъ ногу, чтобы садиться²⁾. Графъ схватилъ его рукою и, отстраняя, сказалъ: «Позвольте, мнѣ ваши сани нужны». Человекъ этотъ взглянулъ на насъ, то былъ оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ³⁾. Графъ вскочилъ въ сани, я на запятки,

1) Точно до этой минуты военнаго генераль-губернатора не было видно. Причины этого положенія, его волненія, явки его въ такомъ видѣ, предшествовавшихъ его дѣйствій объяснились гораздо позже; ни я, никто не знали о томъ до его смерти.

2) Холодъ былъ довольно живъ, — не увѣряю, но, кажется, до 9 градусовъ. Всѣ разубѣтся, были въ мундирахъ. Погода была тихая. Нѣсколько дней сряду до 14 числа были оттепели, и земля, особенно на площадяхъ, гдѣ мѣста были не набѣжены, покрылась какъ зеркаломъ гололедицею, то было причиною несчастныхъ послѣдствій кавалерійской атаки.

3) Онъ былъ буйнъ, крикунъ, но весьма хорошій брандмейстеръ, но не болѣе. По несчастной слабости, достигшей уже степени, при которой ничто не удовлетворяло вѣчной жажды, требовавшей все крѣчайшихъ напитковъ, онъ пилъ довольно значительными порціями гофманскія капли и эфиръ, и это съ самаго утра. Вокругъ его всегда распространялся запахъ, обличавшій его страсти, и на этотъ разъ на площади свидѣтельствовавшій, что даже необыкновенныя обстоятельства не заставили его измѣнить привычекъ.

и мы помчались къ Исаакіевской площади. Но на углу бульвара у Исаакіевской площади должно было остановиться. Быстрая рекогносцировка доказала намъ, что не было никакой возможности ни пройти, ни проѣхать здѣсь на площадь эту.

Площадь Исаакіевская представляла оборотъ медали, антиподъ того, что мы видѣли на Дворцовой. Вся она была сплошная масса народа, обращеннаго лицомъ къ монументу. Только тамъ оставалось нѣсколько свободнаго пространства вокругъ шайки бунтующихъ солдатъ, стоявшихъ тутъ не колонною, но безобразной толпой, избравшихъ подножіе монумента великаго Петра I мѣстомъ для совершенія подлой измѣны. Эта масса орала, ревѣла смутно, только по временамъ мы слышали имя Константина, сопровождаемое громкими «ура». Мы опять кинулись въ сани и объѣздомъ по Вознесенской, по Мойкѣ, черезъ Поцѣлуевъ мостъ прибыли въ Конногвардейскую улицу. Нѣсколько офицерскихъ экипажей тамъ и сямъ стояли близъ казармъ. Графъ приказалъ мнѣ немедленно торопить, чтобы сѣдлали и выводили полкъ, а самъ, сложивъ на груди руки, пошелъ вдоль по улицы.

Въ конюшняхъ, когда я вошелъ, было чрезвычайное движеніе—сѣдлали, мундштучили лошадей, люди одѣвались, суетились¹⁾. Я побуждалъ ихъ торопиться; переходя изъ конюшни въ конюшню и встрѣчая офицеровъ, я передавалъ имъ повелѣніе, данное государемъ графу. Когда я вышелъ на улицу, графъ все ходилъ такъ же быстро, по временамъ онъ терпѣливо поглядывалъ на свои часы. Поднявъ голову, онъ спросилъ: «Что же полкъ?»—«Тотчасъ», отвѣчалъ я. Онъ продолжалъ опять нѣсколько минутъ свою судорожную и задумчивую ходьбу. Между тѣмъ не было выведено ни одной лошади. Вскорѣ слышался топотъ по звонкой ледяной корѣ улицы и со стороны Сарептскаго переулка на большихъ рысяхъ явился эскадронъ или взводъ, не знаю, того же полка, стоявшій гдѣ-то въ другихъ казармахъ, чуть ли не въ Семеновскихъ, онъ занялъ мѣсто на лѣвомъ флангѣ. Въ то же время выѣхали А. Ѳ. Орловъ, его адъютантъ Бахметевъ и нѣсколько офицеровъ. Тамъ-сямъ усатый кирасиръ, выведя свою лошадь, ставилъ ее въ принадлежащій рядъ и, застегнувъ за луку трензель, уходилъ. «Куда ты?»—«Забылъ рукавицы, ваше благородіе», отвѣчалъ онъ, или что-нибудь подобное. Время бѣжало. Не было и 30—40 лошадей, выведенныхъ такимъ образомъ. Взглянувъ на свои часы, на линію, гдѣ должно бы было быть полку и на А. Ѳ. Орлова, графъ горячо

---

¹⁾ Повелѣніе быть готовымъ было получено въ полку гораздо прежде. Мы видѣли, что государь отдалъ его уже сначала, слѣдовательно полкъ могъ быть готовъ. Но одинъ изъ офицеровъ, какъ узнали впоследствии (кн. Одоевскій), бѣгая по конюшнямъ, объявлялъ, что отмѣнено, что то была фальшивая тревога. Не зная этого, графъ имѣлъ право и могъ негодовать на полкъ.

сказалъ ему: «Что жъ вашъ полкъ? Я ждалъ 23 минуты и не жду болѣе! Дайте мнѣ лошадь!» Подъѣхавъ къ графу, Бахметевъ предложилъ ему свою. Графъ тотчасъ сѣлъ на нее. «Вы не имѣете лошади?—спросилъ онъ меня:—все равно, идите пѣшкомъ возлѣ». Съ этими словами мы направились къ площади. У выѣзда изъ Конногвардейской улицы близъ манежа А. Ѳ. Орловъ, нагнавъ графа, просилъ его обождать одну минуту, увѣряя, что полкъ тотчасъ готовъ, и напоминая, что ему предоставлена была честь сопровождать графа. «Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ ему запальчиво,—нѣтъ, je ne veux pas de votre... t... de regiment! Да я и не хочу, чтобъ этотъ день былъ запятнанъ кровью... je finirais seul cette affaire! C'est vrai!...»

Мы двинулись впередъ и тотчасъ врѣзались въ толпу, которую видѣли уже съ противоположной стороны площади. Раздвигая людей лошадыю и крикомъ, чтобъ посторонились, графъ медленно подвигался по тѣсной, съ трудомъ очищавшейся дорожкѣ. Такъ добрались мы до толпы бунтовщиковъ, передъ которою въ 10—12 шагахъ графъ остановился. Я сталъ съ правой стороны его лошади, народъ отшатывался, отступалъ за его лошадь и, столпясь тѣсно кругомъ, оставилъ мѣсто спереди свободнымъ. Милорадовичъ не зналъ, что это мѣсто было его Голговою...

Нѣтъ сомнѣнiя, что ничего подобнаго не придется впередъ видѣть. Я говорю не о самомъ событiи,—къ чести и славѣ Россiи, благодаря Бога, возобновленiе его невозможно,—нѣтъ, я говорю о физиономiи этой площади и народа. Не только въ немъ не было никакого сходства съ тѣмъ народомъ, который мы видѣли на Дворцовой площади, но тутъ были люди, какихъ никогда не бывало въ Петербургѣ, старинныя фризовыя шинели съ многими воротниками, шинели гражданскiя, порядочныя и при нихъ на головахъ мужицкiя шапки, полушубки при хорошемъ нижнемъ платѣ и круглыхъ шляпахъ, и всѣ эти костюмы опоясаны бѣлыми полотенцами... Очевидный маскарадъ. Вотъ народъ!.. А бунтовщики, войско?.. Разстегнутые, съ заваленными на затылокъ киверами, съ аммуниціей въ беспорядкѣ, краснорожiе, пьяные... въ стаѣ, въ таборѣ, въ толпѣ, оглашавшей воздухъ непонятными гулами, крикомъ безсмысленнымъ... И между ними мы тогда не замѣтили ни одного лица, которое бы походило на офицера, на начальника¹⁾.

Кромѣ военнаго, никто не имѣетъ понятiя о томъ нравственномъ могущественномъ механизмѣ, которымъ начальникъ бывалый, знающiй глубоко натуру солдата и человѣка, обращаетъ такую неурядицу, такую бурю въ тишину, умѣетъ буйство переродить въ покорность и кротость. Помолчавъ нѣсколько съ глубокимъ умѣнiемъ, сильно говоря лишь своимъ именемъ, увѣшанною отличiями

¹⁾ Они, какъ извѣстно, были тутъ, но прятались въ толпѣ переодѣтые.

грудью, выраженіемъ лица, глазами, графъ уже значительно уменьшилъ шумъ. «Смирно!» сказали онъ. И только это одно слово было повторяемо имъ четыре раза, пять разъ, съ измѣненіемъ взгляда, голоса, и при каждомъ разѣ то тамъ, то тутъ стихало. Люди какъ будто противъ воли оправлялись, и водворялась нѣкоторая стройность. При послѣднемъ разѣ шайка эта походила уже на правильную команду, а площадь была такъ тиха, что ни одинъ изъ присутствовавшихъ не пошевелился бы изъ боязни нарушить это безмолвіе.

Графъ, какъ извѣстно, говорилъ съ солдатами превосходно. Я не могу передать ни интонаціи и выразительности его голоса, ни оживленія глазъ, ни движеній духа, ни жеста, ни повременныхъ остановокъ, а въ этомъ именно главная сила и дѣятельность. Но вотъ его слова:

«Солдаты! Солдаты!.. Кто изъ васъ былъ со мной подъ Кульмомъ, Люценомъ, Бауценомъ, Фершампенаузомъ, Бриеномъ (было насчитано 40—50 именъ)?.. Кто изъ васъ былъ со мною, говорите?! Кто изъ васъ хоть слышалъ объ этихъ сраженіяхъ и обо мнѣ? Говорите, скажите! Никто? Никто не былъ, никто не слышалъ?!» (Онъ торжественно снялъ шляпу, медленно осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, приподнялся гордо на стременахъ и, озирая толпу на всѣ стороны, съ прекраснымъ движеніемъ руки вверхъ произнесъ величественно и громогласно): «Слава Богу! здѣсь нѣтъ ни одного русскаго солдата!..» (Долгое молчаніе). «Офицеры! изъ васъ уже вѣрно былъ кто-нибудь со мною! Офицеры, вы все это знаете?.. Никто?» (Онъ повторилъ тоже, еще торжественнѣе) «Богъ мой! благодарю Тебя!.. Здѣсь нѣтъ ни одного русскаго офицера!.. Если бъ тутъ былъ хоть одинъ офицеръ, хоть одинъ солдатъ, тогда вы знали бы, кто Милорадовичъ!» (Онъ вынулъ шпагу и, держа ее за конецъ клинка ефесомъ къ шайкѣ, продолжалъ съ возрастающимъ одушевленіемъ). «Вы знали бы всѣ, что эту шпагу подарилъ мнѣ цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ, вы знали бы всѣ, что на этой шпагѣ написано!.. Читайте за мною (онъ будто указывалъ буквы глазами и медленно громко произносилъ): «Дру-гу мо-ему Ми-ло-ра-до-ви-чу»... Другу! А?.. слышите ли? другу?! Вы знали бы всѣ, что Милорадовичъ не можетъ быть измѣнникомъ своему другу и брату своего царя! Не можетъ! Вы знали бы это, какъ знаетъ о томъ весь свѣтъ!!» Молчаніе святое, мертвое. Онъ медленно вложилъ въ ножны шпагу. «Да! знаетъ весь свѣтъ, но вы о томъ не знаете... Почему?.. Потому, что нѣтъ тутъ ни одного офицера, ни одного солдата! Нѣтъ, тутъ мальчишки, буяны, разбойники, мерзавцы, осрамившіе русскій мундиръ, военную честь, названіе солдата!.. Вы пятно Россіи! вы преступники передъ царемъ, передъ отечествомъ, передъ свѣтомъ, передъ Богомъ! Что вы затѣяли? что вы сдѣлали?» (Возраставшаго оживле-

нія его словъ, возвышенія голоса, огня движеній, жестовъ передать невозможно. Они лились, какъ электрической токъ. Поднявъ высоко руки, онъ уже не говорилъ, онъ гремѣлъ, владычествовалъ, повелѣвалъ толпою. Люди стояли, вытянувшись, держа ружья подъ прикладъ, глядя ему робко въ глаза. Онъ продолжалъ, усиливая свое на нихъ дѣйствіе). «О жизни вамъ и говорить нечего, но тамъ... тамъ!.. слышите ли? у Бога!.. Чтобъ найти послѣ смерти помилованіе, вы должны сейчасъ итти, бѣжать къ царю, упасть къ его ногамъ!.. Слышите ли?!. Всѣ за мною!.. за мной!!» Онъ взмахнулъ руками.

Это движеніе было невыразимо, неподобно! Толпа солдатъ шатнулась, она непремѣнно побѣжала бы за нимъ, можно было поклясться въ томъ. Звонкій, одновременный темпъ отданной ему воинской почести и громовое «Ура! Милорадовичъ» огласило воздухъ. Все было кончено. Ура, Милорадовичъ! Сердце мое высоко билось, голова горѣла радостью, счастьемъ и чрезмѣрною къ нему любовью. Стоя съ правой стороны его лошади, я, чтобъ взглянуть на его огневые глаза, оборотился влѣво. Но вдругъ руки его упали, будто свинцовыя, туловище перегнулось, шляпа свалилась съ головы, а испуганная лошадь вырвалась изъ-подъ ногъ, которыя тяжело брякнули о землю. Я едва успѣлъ только подставить грудь и на нее, укрѣпясь ногами, сколько имѣлъ силъ, принялъ его плечи и голову, которая раздробилась бы неминуемо въ этомъ паденіи. Толпа отхлынула волною. Я остался съ нимъ одинъ... Легонькое облачко сизаго дыма волновалось, расходясь въ воздухъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ на лошади¹⁾. Выстрѣла не было слышно за оживленіемъ ли его рѣчей и всей этой драмы, въ которой душа не могла не быть неизъятно привязана, за крикомъ ли послѣдняго, рѣшившаго дѣло «ура»,—не знаю.

Крѣпко охвативъ раненаго, прислонивъ его къ склоненному колѣну, я глядѣлъ ему въ лицо, повторяя: «графъ, графъ!» Черты его выражали страшное страданіе. Онъ открылъ глаза, пристально всмотрѣлся въ меня и, схвативъ сильно за руку, сказалъ прерывисто и глухо: «je meurs..! c'est fini... mais... c'est bien... j'ai fait mon devoir». Таковы были его первыя слова и чувства.

Я не зналъ, что дѣлать, звалъ, манилъ рукою людей изъ толпы, требовалъ... Ни одинъ человѣкъ не подходилъ. Вдругъ раздались

¹⁾ Онъ былъ застрѣленъ Каховскимъ. Переодѣтый, въ толпѣ народа, ставъ за самую лошадью графа, онъ подкрался къ нему влодь съ лѣвой стороны и à bout portant выстрѣлилъ ему въ бокъ спины въ андреевскую ленту надъ самымъ крестомъ. Пуля по этому направленію снизу вверхъ, отъ спины къ груди перервала діафрагму, пробила всѣ благородныя части, осунувъ ихъ внизъ и остановилась подъ правымъ соскомъ. Рана неслышанно ужасная. О положеніи его раны узнали лишь послѣ его смерти; о мѣстѣ, гдѣ остановилась пуля, за нѣсколько часовъ до нея.

выстрѣлы и нѣсколько пуль изъ стаи бунтовщиковъ, свистя, полетѣли въ толпу народа, стоявшую позади насъ¹⁾, послышались крики, толпа эта всколебалась, отдаляясь. Съ силою отчаянія я схватилъ тогда графа подъ плечи и, пятась, повлекъ его буквально ногами по землѣ къ сторонѣ манежа, гдѣ мѣсто было свободнѣе. Тутъ, наткнувшись на группу людей, я положилъ его на минуту прямо на снѣгъ и, воспламененный, уже остервенѣлый, крикомъ, ругательствомъ, кулаками, пинками, побоями принудилъ четырехъ человекъ (изъ которыхъ, помню, трое были въ тѣхъ же фризovýchъ шинеляхъ) помочь мнѣ поднять его. Къ нимъ присоедился еще шестой, порядочно одѣтый, тутъ же оконтуженный жидокъ, добрый малый, который пострадалъ за свое доброе сердце. Но о немъ послѣ, эта частность тоже любопытна.

Наконецъ мы могли поднять графа на руки. Я держалъ его подъ плечи нѣсколько бокомъ, такъ что правую руку свою онъ закинулъ за мое плечо, жидокъ близъ меня поддерживалъ его торсъ, другіе подалѣ держали ноги. Не было возможности и помышлять нести его въ домъ, который онъ занималъ (въ Большой Морской военнаго генералъ-губернатора), переходить черезъ всю площадь и смежныя улицы было бы несбыточно. Мы находились у манежа. Конногвардейская улица была въ нѣсколькихъ шагахъ. Изъ нея вышелъ графъ на совершеніе славной обязанности и, честно совершивъ, въ нее же вступилъ; на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, отказавшись отъ содѣйствія полка, «чтобъ не было пролито крови», являлся теперь показать этому самому полку (въ содѣйствіи котораго для Милорадовича день окончился бы иначе), какъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ умѣть исполнить свой долгъ, хотя бы проливъ свою кровь, не простой солдатъ, не офицеръ, но сановникъ, военачальникъ, рѣшитель битвъ, покрытый славою и сѣдиною баловень побѣдъ, дитя 50 сраженій.

Какъ вышелъ одинъ, никѣмъ, кромѣ меня, не сопровождаемый, изъ этой улицы водителъ къ побѣдѣ и славѣ многотысячныхъ корпусовъ, точно такъ же одинъ совершилъ онъ по ней свое величественное послѣднее истинно-тріумфальное шествіе.. Въ это время полкъ былъ уже весь въ строю и, вѣроятно, давно. Командиръ и офицеры стояли группою на правомъ флангѣ; между полкомъ и казармами, ближе къ послѣднимъ, тянулось медленно наше печальное, поразительное шествіе. Никто не отдѣлился, никто не

---

¹⁾ Кто объяснить это необъясненное обстоятельство? Нѣтъ сомнѣнія, что еще минута, двѣ—Милорадовичъ одинъ, какъ онъ сказалъ, кончилъ бы дѣло. Бунтовщики были побѣждены, ихъ движеніе и послѣднее «ура» рѣшили его смерть, подняли на него подлую руку убійцы. Въ направленіи тогдашнихъ чувствъ бунтовщики (я смѣю быть увѣреннымъ въ этомъ) въ эту минуту стрѣляли едва ли не въ убійцу Милорадовича.

подъѣхалъ, чтобъ взглянуть на доблестнаго раненаго, однакожъ никто не могъ не знать, что это онъ!

Я съ первой минуты принялъ намѣреніе отнесть его на квартиру А. Ѳ. Орлова: болѣе удобнаго ближайшаго помѣщенія найти было, конечно, невозможно. Неся его, я пытался задомъ. Такимъ образомъ, осторожно и медленно подвигаясь, я проходилъ ворота, которыми на извѣстныхъ разстояніяхъ прорѣзана стѣна зданія и подъ которыми находятся направо и налево двери въ конюшни. Подходя къ однимъ изъ этихъ воротъ, я слышалъ за собою стукъ копытъ по мостовой: кто-то въѣзжалъ. Мы остановились. Перегнувъ голову черезъ плечо, я ждалъ. Выѣзжавшій на рыжей лошади былъ А. Х. Бенкендорфъ. Зная ихъ дружбу, вспомнивъ живо недавнее трогательное утреннее ихъ свиданіе, глубоко взволнованный въ чувствахъ, я безъ соблюденія строгой дисциплины, но встревоженный до глубины сердца, сказалъ: «Посмотрите, что сдѣлали съ графомъ!» Щелкнувъ языкомъ, подобравъ трензель и прижавъ шенкель, не оборотивъ даже головы, А. Х. прогалопировалъ мимо... Признаюсь, я не понималъ этого, можетъ быть, высокаго военнаго хладнокровія.

Почти въ эту минуту графъ слабо дернулъ меня за аксельбантъ рукою, перевѣсившеюся черезъ мое плечо. Я приклонился къ нему. Я думалъ, что это судорога предсмертнаго страданія. «Куда!» спросилъ онъ меня довольно живо. «На квартиру А. Ѳ. Орлова, — отвѣчалъ я: — до вашего дома нѣтъ никакой возможности дойти». — «Не хочу», возразилъ онъ еще живѣе. Относилось ли это «не хочу» къ его дому, или къ квартирѣ Орлова, я все-таки продолжалъ итти по прежнему направленію, да болѣе итти было и некуда. Но едва миновали мы еще ворота, онъ, снова и очень уже сильно дернувъ меня за аксельбантъ, сказалъ съ запальчивостью: «Я еще живъ, сударь... исполняйте мое приказаніе!» — «Что прикажете, графъ?» — «Воротитесь... сюда... на солдатскую койку».

Мы отступили пройденные десятокъ шаговъ къ подъѣзду, который только что миновали. Внизу находятся конюшни; во второмъ этажѣ надъ ними дверь была заперта; должно было по довольно узкой лѣстницѣ, съ чрезвычайнымъ трудомъ и съ увеличеніемъ страданій раненаго, нести его въ третій этажъ. Отдѣленіе, въ которое мы вошли, было пусто. Оно состояло изъ небольшой комнаты съ перегородкою (прихожею) и другой, нѣсколько пообширнѣе, въ два окна¹⁾. Ничто не означало, чтобъ здѣсь постоянно жили. Диванъ (на всѣхъ ножкахъ, но съ одною нѣсколько надломленною), покосившійся, безъ боковыхъ подушекъ, жесткій

¹⁾ Комната эта принадлежала офицеру того же полка Игнатьеву, но онъ въ ней не жилъ, а пріѣзжалъ иногда. Кажется, въ это время онъ былъ офицеромъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

и изорванный, пять-шесть стульевъ, довольно простой столъ и зеркальце на стѣнѣ,—болѣе ничего, ни малѣйшаго признака хозяйства, ни тѣни необходимѣйшихъ принадлежностей домашняго обзаведенія. Въ этихъ голыхъ стѣнахъ, на этой истинно солдатской койкѣ суждено было умереть отъ руки русскаго графу Милорадовичу! Онъ былъ «первою жертвою злоумышленниковъ, онъ, военный генераль-губернаторъ графъ Милорадовичъ; тотъ, кого судьба войны на бранномъ полѣ въ пятидесяти сраженіяхъ пощадила, палъ отъ руки гнуснаго убійцы...»¹⁾.

Мы уложили его на этотъ диванъ безъ подушки, разстегнувъ мундиръ, шарфъ и нижнее платье. Онъ требовалъ лечь немедленно, не позволивъ себя раздѣть. Да и чѣмъ же было покрыть его? При чрезвычайной бодрости, силѣ и сосредоточенности въ рукахъ и головѣ, онъ не могъ стоять, двигаться, говорилъ мало и явно побѣждалъ глубокое страданіе. Онъ былъ положенъ прямо на спину (такъ ему было покойнѣе) и голову затылкомъ прислонилъ къ необитому деревянному боку (локотнику) дивана. Это положеніе при подобной ранѣ было новою пыткой. Я сказалъ, что со мною были четыре человекъ, съ боя захваченные мною на площади, и оконтуженный жидокъ, весь въ слезахъ, вызвавшійся прислуживать. Я оставилъ раненаго на ихъ рукахъ и кинулся искать доктора.

Полковой докторъ Габерзанкъ жилъ на концѣ улицы, въ тѣхъ же казармахъ. Когда я вбѣжалъ къ нему, онъ, стоя передъ зеркаломъ, застегивалъ галстукъ. Увидѣвъ меня въ зеркало и съ ужасомъ оборотясь, онъ зорко меня осматривалъ. Только тутъ я впервые замѣтилъ, что мое нижнее платье (бѣлое) было буквально облито кровью, особенно же по лѣвой ногѣ, къ которой ближе раненый прислонился спиною, когда мы его несли. Габерзанкъ быстро разспросилъ о событіи, вооружился инструментами, взялъ нѣсколько банокъ, корпіи, пластырь, и мы побѣжали назадъ.

Графъ лежалъ въ томъ же положеніи, но онъ уже былъ совершенно раздѣтъ. Полуобнаженный, въ одной рубахѣ и длинныхъ шелковыхъ чулкахъ, онъ лихорадочно вздрагивалъ: въ комнатѣ было очень холодно. Докторъ, внимательно осмотрѣвъ и оцупавъ его съ головы до ногъ, сталъ прислушиваться къ пульсу, для чего вынулъ свои часы. Я взглянулъ на нихъ; было около десяти минутъ второго часа, слѣдовательно, по довольно вѣрному соображенію времени, графъ былъ раненъ въ половинѣ перваго или около. Вѣроятно, эти часы въ рукахъ доктора дали направленіе мыслямъ графа: «Гдѣ мои часы?—спросилъ онъ меня твердымъ, но негромкимъ голосомъ:—отыщите... вы знаете, какъ я люблю

---

¹⁾ Слова высочайшаго манифеста 20 декабря 1825 г.

этотъ брегеть...¹⁾ кажется, они упали тутъ, когда раздѣвали меня».—«Они тотчасъ будутъ найдены»²⁾, отвѣчалъ я и, оставивъ при немъ доктора, принялся за розыски.

Въ углу на полу лежала куча платья—мундиръ, сапоги и жилетъ. Я сталъ пересматривать все и, къ изумленію, увидѣлъ, что почти всѣ звѣзды и кресты исчезли, изъ кармана была вынута книжка, о которой я упомянулъ вначалѣ, часовъ же не было и слѣда. Выйдя въ другую комнату, я вызвалъ жидка. Онъ былъ тутъ одинъ, когда мы вошли съ докторомъ; другихъ четырехъ человѣкъ уже мы не застали. Вотъ сущность его разказа, перемѣшаннаго слезами, рыданіями, выраженіями ужаса и чрезвычайнаго простодушія.

Лишь только я вышелъ, уложивъ на диванъ графа, съ нимъ сдѣлался обморокъ. Испуганный жидокъ просилъ помощи у другихъ четырехъ товарищей³⁾. Тѣ признали необходимымъ не медля снять все съ обезпамятѣвшаго. Мы увидимъ, до чего они простерли эту заботливость облегчить его. Такъ мучили, терзали, переворачивали они слава Богу безчувственнаго къ этой новой для него ранѣ страдалца и, совершивъ свое дѣло, скрылись, оставивъ тутъ жидка одного. Можетъ быть, эта тревога и, когда раздѣли графа, внезапно охватившій его холодъ комнаты способствовали скорѣйшему возвращенію его къ чувству.

Я не могъ не вѣрить жидку, но я не могъ и не оскорбить его самымъ строгимъ обыскомъ, которому подвергъ и все въ комнатахъ до послѣдняго уголка.

Габерзанкъ не видѣлъ раны⁴⁾, но по ощупыванью, прислушиванію къ движенію воздуха въ грудныхъ сосудахъ, по разспросамъ о томъ, какъ я несъ графа, и по наблюденію потока излившейся на меня крови докторъ догадывался, что графъ долженъ быть раненъ въ спину близъ праваго бока⁵⁾. На вопросы его раненый отвѣчалъ мало,

¹⁾ Этотъ неподобный брегеть былъ подаренъ ему во время оно Ольгою Потоцкою, къ которой онъ питалъ самую горячую и надѣлавшую много шуму страсть.

²⁾ До самой исповѣди во все время этого послѣдняго дня, даже при ужасныхъ страданіяхъ, графъ много разъ спрашивалъ меня: «нашлись ли часы?»

³⁾ Тутъ не было, какъ я сказалъ, ничего, ни капли воды, ни полотенца, ни стакана, ни подсвѣчника,—ни ложки, ни пюшки.

⁴⁾ Никто не видѣлъ ее до смерти графа. Только тогда увидѣли, когда подняли его мертваго съ дивана. Онъ, не ворочаясь, пролежалъ на спинѣ.

⁵⁾ Тутъ была только половина ошибки. О смертельной ранѣ я сказалъ уже, но по кончинѣ открыли другую, на мясистой части спины съ правой ея стороны, сдѣланную острымъ трехграннимъ орудіемъ. Впослѣдствіи узнали, что, когда графъ падалъ, другой преступникъ (если не ошибаюсь, Вадбольскій) подтолкнулъ его валящагося съ лошади палкою, на которой былъ насаженъ штыкъ. Эта рана была совершенно незначительна, но изъ нея вылилось большое количество крови.

неохотно, поворотиться онъ не хотѣлъ и, когда докторъ увѣрялъ, что перевязка раны облегчитъ его, онъ отвѣчалъ: «не нужно... *c'est fini, je l'ai su du moment...*» Докторъ требовалъ послать въ англійскій магазинъ за какою-то фармацевтической примочкою, но послѣ долгихъ стараній оказалось, что послать некого. «*C'est un homme mort!*—сказалъ мнѣ Габерзанкъ:—я останусь здѣсь, но, увѣряю васъ, дѣлать нечего; сила его и жизненность необычайны, всякій другой уже умеръ бы на мѣстѣ».

Около четвертаго часа, бѣгая непрерывно, какъ отчаянный, сверху на улицу и въ конюшни, я успѣлъ захватить какого-то кирасира, котораго побудилъ не только вліяніемъ аксельбанта и эполетъ, но угрозами и большою денежною наградой отнестъ мою записку въ домъ военнаго генералъ-губернатора. Къ четыремъ часамъ я былъ уже не одинъ. Явились наши жандармы, полицейскій офицеръ, фельдшеръ, два писца. Камердинеръ графа Тарантели привезъ бѣлье, постель, халатъ. Я могъ послать по городу отыскивать медиковъ: Арендта, Буяльскаго, Буша и старшаго военнаго домашняго доктора Петрушевскаго, проведеншаго съ графомъ всю его боевую жизнь. У меня въ сердцѣ проснулася надежда, что теперь, успокоивъ его, сосредоточивъ всѣ пособія, можетъ быть, мы спасемъ еще этого льва, молодца, этого юношу силою духа и воли.

Графъ позволилъ только подсунуть себѣ подъ голову маленькую подушку и покрыть себя халатомъ. Страданія его увеличивались съ минуты на минуту, пароксизмы были то кратки, то очень продолжительны и до того страшны, что, измѣняясь непостижимо въ лицѣ въ одну секунду, онъ, чтобы не испустить стона, не произнесть жалобы, кусалъ свою нижнюю губу, изъ которой кровь лилась широкими побѣгами¹⁾. Но едва проходилъ пароксизмъ, черты лица восстанавливались, больной казался снова свѣжъ и силенъ. Диванъ, на которомъ онъ лежалъ, стоялъ у стѣны такъ, что я находился близъ изголовья графа съ правой его стороны. Онъ вытянулъ ко мнѣ правую руку, и я постоянно держалъ ее въ своихъ рукахъ. Должно полагать, что по страшному разстройству частей организма, причиненному раню, ему было пріятно, что эту руку непрерывно вытягивали; онъ часто говорилъ мнѣ: «тяни... крѣпче, еще крѣпче... *c'est bien!*.. не бойся... все равно... *c'est fini*». Онъ былъ погруженъ въ постоянное размышленіе въ спокойныя между пароксизмовъ минуты, на лицѣ его видимо было движеніе глубокой мысли, пересиливавшей страданіе; по нѣкото-

¹⁾ Онъ буквально съѣлъ, откусилъ себѣ часть губы, такъ часто прибѣгалъ онъ къ этому отчаянному средству въ продолженіе около 14 часовъ своего послѣдняго мучительнаго дня. Но онъ ни разу не выразилъ жалобы; сила его терпѣнія превосходила всякое вѣроятіе.

рымъ отрывистымъ словамъ можно было почти безошибочно предполагать, что онъ считалъ все оконченнымъ его смертью, въ которой былъ увѣренъ. Такъ одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ: «*On n'a achevé, mais aussi... этимъ и кончено... n'est ce pas?..*» Въ другой разъ: «Я очень радъ, что меня убили... *ils se contenteront de cela*», потомъ: «*les misérables!..*», «чего имъ больше...», «теперь все кончено» и т. п. До самой кончины онъ не спрашивалъ ни о чемъ, хотя пушечные выстрѣлы, очевидно, перемѣнили его первую увѣренность. Онъ не произнесъ ни одного слова, ни одного звука жалобы.

Въ продолженіе этого времени въ совершенной тишинѣ улицы и казармъ вдругъ раздался неясный гулъ, который, становясь все громче, приближаясь постепенно, внезапно усилился крикомъ и стукомъ мгновенно поскакавшихъ вдоль улицы экипажей. Графъ нѣсколько приподнялся съ любопытствомъ и, приклонивъ голову, очевидно, такъ вслушивался опытныхъ ухомъ въ эту бурю, чтобъ въ самомъ свойствѣ этого мгновеннаго проявленія ея угадать ея причину и натуру. Когда онъ отнялъ отъ меня свою руку, я кинулся къ окну. Гвардейскій экипажъ бѣжалъ, перевѣсивъ ружья, во всю ширину улицы, гоня передъ собою толпу народа и всѣ застигнутые имъ по дорогѣ экипажи, опрометью скакавшіе передъ нимъ какимъ-то дикимъ авангардомъ. Со двора казармъ (къ сторонѣ канавы) бунтовщики эти были встрѣчены толпою бунтовщиковъ, которые привѣтствовали ихъ криками и лобзаніями.

Прослушавъ шумъ этотъ, прослѣдя направленіе его, доколѣ онъ не затихъ совершенно, графъ задумался, но не спросилъ ничего.

Начинало смеркаться, въ комнатѣ съ небольшими и грязными окнами было уже довольно дурно видно. Изъ дома не догадались привезти подсвѣчниковъ и свѣчей. Пока поѣхали за ними окольными путями, первая зажженная для графа Милорадовича свѣча—былъ взятый въ конюшнѣ сальный огарокъ, воткнутый въ кислую бутылку.

Одинъ за другимъ начали собираться медики, о которыхъ я упомянулъ. Заключение ихъ было по осмотрѣ раненаго одно и то же: «непостижимо, какъ онъ не умеръ на мѣстѣ; непонятно, какъ онъ свѣжъ и силенъ». Не было употреблено никакого лекарства. Появилось уже много стклянокъ, но отъ всего, что предлагали графу, онъ отказывался, говоря: «напрасно, дѣло кончено». Собственно же раны никто не видѣлъ и не могли его упротить; «не нужно, не нужно», повторялъ онъ совершенно спокойно.

Держа его руку въ своихъ рукахъ, я замѣтилъ, что на ней осталось только одно кольцо, то самое, которое, по словамъ, за нѣсколько часовъ имъ произнесеннымъ, должно было лечь съ нимъ въ могилу. Я вздрогнулъ, вспомнивъ это, и взглянулъ на лѣвую

его руку. На ней не было ни одного изъ надѣтыхъ имъ поутру колецъ. Въ частномъ дѣйствіи четырехъ мошенниковъ должно обвинять только ихъ однихъ, но, признаюсь, сердце мое было смущено невыразимымъ негодованіемъ, чувство горя и глубочайшаго презрѣнія охватило мой духъ, когда я вспомнилъ, что русскіе, кто бъ они ни были, могли въ такую минуту ограбить такимъ образомъ человѣка, когда они видѣли его дѣйствіе и слышали его слова на площади. Этого забыть невозможно.

Страшно тянулось время въ непрерывныхъ перемежкахъ страданій несказанныхъ, оканчивавшихся неслыханными побѣдами надъ природою. Только кровь красною лентою струилась по временамъ изъ губы подъ врѣзавшимися въ нее зубами, да лѣвая рука, потирая обнаженную грудь, останавливалась на ней, раздвигая персты, оцѣпняемая усиліями нечеловѣческаго терпѣнія. Ни ни вздоха, ни слова, ни звука. Облокотясь о бокъ дивана, понуривъ голову и глядя въ лицо мужественному страдальцу, медики, видѣвшіе въ жизни своей столько подобныхъ драмъ и привыкшіе глядѣть на нихъ, отходили изумленные этою.

Въ промежуткѣ двухъ такихъ пароксизмовъ графъ, медленно потирая лѣвою рукою по груди, вдругъ остановилъ ладонь около праваго соска и, оцупывая что-то пальцемъ, произнесъ: «Что тутъ?» Бушь подошелъ и съ чувствомъ особенной радости объявилъ, что тутъ остановилась пуля¹⁾. Это, казалось, разлило надежду въ операторахъ; они мгновенно окружили раненаго и стали упрашивать его позволить вырѣзать пулю. «Къ чему?» спросилъ онъ.—«Это облегчитъ ваши страданія».—«Нѣсколько болѣе, менѣе—все равно... *la souffrance, n'est rien...*»—«Но сдѣлать все, что необходимо,—отвѣчали медики,—есть наша обязанность, и если...»—«Позвольте...—перебилъ онъ ихъ:—исполнивъ свою, я не имѣю права запрещать вамъ исполнять вашу... дѣлайте, что нужно...»

Инструменты были немедленно приготовлены; нѣсколько отодвинули диванъ, чтобъ можно было обходить со всѣхъ сторонъ. По новомъ осмтрѣніи груди, послѣ краткаго латинскаго разговора между операторами, они просили графа позволить накрыть ему глаза и поддержать голову. Съ улыбкой покачавъ головою, онъ отвѣчалъ: «Не нужно». Тогда, въ то время, какъ двое держали свѣчи, Арентъ, засучивъ рукава, съ инструментомъ въ рукѣ приклонился къ груди. Сильно схвативъ его за руку, графъ вдругъ остановилъ удивленнаго оператора и, поводя кругомъ глазами, медленно спросилъ: «Петрушевскій?»—«Здѣсь», отвѣчалъ старый его товарищъ докторъ. «Подойди!» Петрушевскій, обожавшій графа, разстроенный до невозможности, обливался слезами. «Ты плачешь?»—

¹⁾ Непонятно, какъ они не доискались ея при многократныхъ осмотрахъ. Все вниманіе ихъ было устремлено на узнаніе мѣста раны.

сказалъ графъ, взглянувъ ему въ лицо:—стыдно! а я сейчасъ придумалъ сдѣлать тебѣ подарокъ. Въ пятидесяти сраженіяхъ не удалось тебѣ видѣть на мнѣ раны; судьба справедлива ко всѣмъ... вотъ и рана... дарю тебѣ эту пулю, возьми ее самъ... это твое дѣло, вырѣжь!»

Петрушевскій отиралъ глаза, руки его тряслись, онъ долго не могъ оправиться. Наконецъ онъ взялъ инструментъ. Съ чрезвычайною внимательностью, съ заботливостью, въ которой проявлялось необыкновенное любопытство, совершенно прижавъ подбородокъ къ груди, графъ слѣдилъ за руками оператора и когда тотъ, окончивъ взрѣзы, извлекъ щипцами пулю, раненый обѣими руками схватилъ, сжалъ эти дымящіяся его кровью щипцы съ стиснутою въ нихъ пулею и громко потребовалъ: «огня, огня!» Поднесли сколь можно ближе свѣчи. Бережно взялъ графъ пальцами лѣвой руки окровавленную пулю, принесшую смерть сквозь непочатую свинцомъ и желѣзомъ грудь, и жадно осматривалъ ее, внимательно поворачивая во всѣ стороны между свѣчою и глазомъ. Лицо его прояснилось благородною улыбкою и вдругъ, медленно осѣняя себя крестомъ, гордо посматривая на всѣхъ, онъ звонко, радостно, побѣдно произнесъ въ безмолвной, какъ могила, комнатѣ: «О, слава Богу! эта пуля не солдатская¹⁾. Теперь я совершенно счастливъ...»

Никакой на свѣтѣ рассказъ не можетъ передать чувства, произведеннаго въ извѣстную минуту однимъ движеніемъ, однимъ словомъ. Рыданье остановилось на устахъ каждаго, казалось, всѣмъ захватило духъ. Этотъ моментъ, въ который онъ заботился не о себѣ, это простое сознаніе въ томъ, что въ послѣдній часъ смущалось высокое сердце умирающаго солдата за честь родного войска, эта радость души, когда сомнѣніе ея разрушилось желанною ею увѣренностью,—все это мимолетное, мгновенное было неподобно. Графъ, успокоенный и довольный, попрежнему протянулъ мнѣ руку, а я отъ полноты души горячо прижался устами къ этой рукѣ, въ которой еще билась такая благородная жизнь.

Я уже сказалъ, что во все время онъ ни слова не спросилъ о ходѣ дѣла. Онъ слышалъ, однакоже, шумъ бѣжавшаго по улицѣ войска (гвардейскаго экипажа), восторженные клики, при которыхъ оно соединилось на площади съ первыми бунтовщиками, но не спрашивалъ объясненія; очевидно, онъ обдумывалъ и сожалѣлъ. Опытному его глазу было достаточно видѣть то, что онъ видѣлъ до раны. Впрочемъ, онъ могъ и ошибаться въ соображеніяхъ по царствовавшей довольно долгое время тишинѣ, онъ не зналъ, что именно происходитъ, не зналъ, что на площади явился еще цѣлый полкъ, завлеченный въ гибельное дѣйствіе. Но что бы ни тайлось въ его соображеніи, вдругъ раздался пучечный вы-

¹⁾ То была пистолетная злая пуля съ хвостикомъ.

стрѣль! Привычное къ этому звуку ухо раненаго не могло ошибиться въ расчетѣ мѣста, гдѣ стояло орудіе. Онъ впервые вскочилъ, поднялъ туловище, выдвинулъ его къ окну, уперся руками въ края дивана, широко открылъ глаза и слушалъ, притая дыханіе. Другой, третій выстрѣль... «А! — произнесъ онъ,—такъ было нужно... хорошо... теперь все будетъ кончено!..»

Безъ подробностей, о которыхъ онъ все-таки не спрашивалъ, онъ понялъ главное, и съ этой минуты глубокія размышленія и задумчивость его исчезли почти совершенно.

Вскорѣ пріѣхалъ генералъ-адъютантъ князь В. С. Трубецкой. Онъ отъ имени государя императора выразилъ графу высокую, исполненную чувства признательность, сожалѣніе о его ранѣ и утѣшительныя надежды. Кратко и отъ души отвѣчалъ ему графъ. Говоря объ увѣренности его умереть, онъ повторялъ, что эта смерть ему пріятна. Разспросивъ медиковъ о его состояніи, а меня о нѣкоторыхъ частностяхъ событія, князь уѣхалъ. Отъ него перваго,—это кажется мнѣ безошибочно,—государь императоръ могъ получить хотя поверхностныя, но нѣсколько вѣрныя извѣстія о происшедшемъ съ графомъ Милорадовичемъ.

Весьма скоро послѣ Трубецкого прібылъ флигель-адъютантъ А. А. Кавелинъ. Это, кажется, могло быть въ семь или въ началѣ восьмого часа. Онъ привезъ отъ государя собственноручное письмо и въ первыхъ же словахъ объявилъ, что государю императору угодно было повелѣть передать графу, чтобъ письмо это онъ принялъ не иначе, какъ бы личное его величества посѣщеніе, остановленное въ эту минуту лишь чрезвычайно важною обстоятельствомъ. По прочтеніи письма, глаза графа, не пролившіе ни одной слезы, наполнились ими. Онъ крѣпко жалъ руку Кавелину, и, когда тотъ передавалъ ему чувства государя, сожалѣніе его величества о тяжкой его ранѣ, графъ отвѣчалъ: «Донесите государю, что я нимало не жалѣю о томъ... напротивъ, я чувствую себя теперь истинно счастливымъ... я умираю, исполнивъ свою святую обязанность».

А. А. Кавелинъ приказалъ мнѣ являться по временамъ во дворецъ, въ случаѣ особыхъ измѣненій въ положеніи графа, чтобъ доносить о семъ.

Когда онъ уѣхалъ, графъ приказалъ мнѣ снова медленно прочитать письмо это ¹⁾ и, тотчасъ же взявъ его лѣвою рукою, при-

---

¹⁾ Я былъ увѣренъ, что найду это письмо у себя. Не только всѣ близкіе къ графу, но едва ли не весь городъ имѣлъ съ него копіи. Я помню очень хорошо, что оно было напечатано, но гдѣ? Въ «Пчелѣ» я не нашелъ его, можетъ быть, въ «Военныхъ Вѣдомостяхъ» или въ особыхъ къ нимъ прибавленіяхъ, которыя тогда почти ежедневно появлялись по поводу этихъ событій. Всѣ поиски мои были тщетны. Изъ находившихся при графѣ живы немногіе, однакоже у нихъ

жалъ къ сердцу. Я упомянулъ о часѣ, въ который это происходило. Графъ умеръ въ три четверти третьяго и, несмотря на нестерпимость страданій, на продолжительность тягчайшей агоніи, онъ умеръ съ письмомъ этимъ, прижатымъ къ сердцу.

Положеніе больного становилось видимо хуже, дыханіе стѣснялось болѣе и болѣе, страшныя боли учащались, наступала послѣдняя его борьба. Бывали минуты, когда медики, отходя, тихо говорили: «тотчасъ все будетъ кончено», но черезъ нѣсколько секундъ бодрость и сила возвращались снова.

«Теперь уже несомнѣнно онъ умираетъ,—сказалъ мнѣ кто-то изъ докторовъ:—вы можете увѣдомить объ опасности его положенія. Это было часу въ одиннадцатомъ. Я вышелъ, чтобъ ѣхать во дворецъ. Сходя по лѣстницѣ, я сверху услышалъ стукъ сабли, колотившейся о ея ступени, и сказалъ человѣку, который шелъ наверхъ, чтобъ онъ подобралъ ее. Въ ту же минуту этотъ стукъ замолкъ. На первомъ заворотѣ мы встрѣтились, то былъ Якубовичъ. Мы были извѣстны другъ другу, какъ говорится, по шапочному знакомству, ни у графа и нигдѣ я не встрѣчалъ его¹⁾, но сиживалъ часто около него въ театрѣ, по которому его зналъ и графъ,—Якубовичъ имѣлъ тамъ абонированныя кресла въ первомъ ряду, недалеко отъ кресель военнаго генераль-губернатора. Быстро спрашивалъ меня Якубовичъ, справедливо ли, что графъ безнадеженъ, умолялъ, какъ о милости, взглянуть на него, проклиналъ убійцъ, обнаруживалъ всѣ признаки глубокаго отчаянія. Склоненный его просьбами, я возвратился и, введя его въ прихожую (въ это время уже обѣ комнаты были полны, воздухъ становился душень, такъ что въ комнатѣ больного позволяли оставаться весьма немногимъ), раскрылъ нѣсколько дверь. Якубовичъ, просунувъ туда голову и поглядѣвъ такимъ образомъ на графа нѣсколько минутъ, весь красный и заплаканный, вполголоса началъ проклинать «разбойниковъ», совершившихъ это неслыханно-

---

не нашлось письма, хотя и они тоже были увѣрены, что отыщутъ его у себя. Д. П. Познякъ, Нефедовъ, Р. М. Зотовъ, О. И. Глинка, наконецъ племянникъ графа Милорадовичъ и сестра его Стороженкова дали слово отыскать письмо. У послѣдней, если не ошибаюсь, должно быть подлинное, но она сама гдѣ-то въ Малороссіи.

¹⁾ Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что многихъ другихъ, и именно Рылѣва, Корниловича, Вестужевыхъ, даже товарищей своихъ по Измайловскому полку—Гангеблова и Лаппу, я постоянно видѣлъ, каждую недѣлю одинъ вечеръ проводилъ съ ними у Даміана Искрицкаго, съ которымъ былъ друженъ. Мы играли въ карты, ужинали, говорили, но такова была ихъ скрытность, опасеніе моего положенія при военномъ генераль-губернаторѣ, или знаніе моего направленія и мнѣній, что я никогда не могъ имѣть и тѣни малѣйшаго даже подозрѣнія. Тутъ были и многіе въ моемъ положеніи. Вѣроятно, мы могли служить ширмою, или для будущаго заговорчики могли считать это нужнымъ. Якубовича я здѣсь никогда не встрѣчалъ.

подлое злодѣяніе и судьбу, допускающую такому человѣку умереть такимъ образомъ.

Мы вмѣстѣ вышли опять на лѣстницу. «Куда вы?» спросилъ онъ меня.—«Во дворецъ».—«На чемъ?»—«Внизу есть извозчикъ, взятый для нашихъ разѣздовъ».—«Я подвезу васъ, у меня карета». Мы сошли, карета стояла у подъѣзда, человѣка не было. Открывъ дверцу, Якубовичъ приглашалъ меня войти, но едва я влѣзъ, онъ крикнулъ: «Остерегитесь: тамъ лежатъ пистолеты, они заряжены». Въ темнотѣ я сталъ шарить рукою по подушкѣ и точно нашелъ два пистолета, которые и взялъ. Садясь, онъ сказалъ мнѣ: «Я вооруженъ до ушей; вотъ со мною еще ружье, шашка и кинжалъ»—«Но къ чему же все это?»—спросилъ я, нѣсколько удивленный, не отдавая ему пистолетовъ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ меня освободить. «Какъ къ чему? Развѣ вы не знаете ничего о дѣлѣ вообще и о мнѣ въ особенности?»—«Ничего, я все время былъ при графѣ».—«О, это любопытно! Я счастливъ, что встрѣтился съ вами. Вашъ отецъ комендантъ и вы при случаѣ объясните ему, почему я такъ вооруженъ и почему до времени не оставляю своего оружія». Онъ рассказалъ мнѣ тутъ живо и картинно (Якубовичъ говорилъ чрезвычайно хорошо), какъ былъ завлеченъ въ заговоръ, — какъ наканунѣ, заставъ заговорщиковъ въ ихъ собраніи дѣлившими между собою казенныя деньги, дома, дворцы, онъ предалъ ихъ анаемѣ и объявилъ имъ, что съ этой минуты не участвуетъ въ ихъ подломъ дѣлѣ,—какъ явился поутру государю на площади и былъ посланъ имъ къ увѣщанію бунтовщиковъ солдатъ, — наконецъ ¹⁾, какъ многіе изъ прежнихъ соумышленниковъ въ злобѣ на него ищутъ его по городу, являлись уже къ нему на квартиру и одинъ даже стрѣлялъ въ него на перекресткѣ улицы.

Все это имѣло видъ истины. наиболѣе для человѣка, который, какъ я, не зналъ ничего ни предшествовавшаго, ни происходившаго во весь этотъ день, кромѣ рассказаннаго мною.

Мы прибыли ко дворцу ²⁾. Съ десяти часовъ утра я не видѣлъ отца и не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Я не имѣлъ шинели, а платье мое было все въ крови, и я не могъ еще перемѣнить его. Я вошелъ къ себѣ и, къ удивленію моему, Якубовичъ послѣдовалъ за мною и, расположившись тутъ безъ околичностей, принялся разбирать мои книги. Наскоро передѣвши, я побѣжалъ къ отцу. Онъ былъ наверху, куда я поспѣшилъ и гдѣ, донеся объ отчаян-

¹⁾ Во всѣмъ этомъ была и истина, но какаѣ?.. Такъ, между прочимъ, посланный къ бунтовщикамъ, Якубовичъ, вмѣсто того, чтобы склонять ихъ къ покорности, говорилъ имъ: «Держитесь, ребята, здѣсь, всѣ трусятъ, держитесь».

²⁾ Съ трудомъ. Городъ былъ въ военномъ положеніи, оклики, допросы на пикетахъ, сопровожденіе отъ мѣста до мѣста. Якубовичъ не прошелъ и не проѣхалъ бы тутъ, если бы не былъ съ адъютантомъ графа Милорадовича. Но я тогда не могъ и напасть на какое-либо сходное съ истинною заключеніе о немъ.

номъ положеніи графа, обнялъ наконецъ отца, который испугалъ меня окровавленною на лицѣ повязкою¹⁾). Потомъ кинулся опять къ себѣ, чтобъ взять шинель и поѣхать къ умирающему. Каково было мое удивленіе, когда я засталъ въ моемъ кабинетѣ Якубовича! Первымъ его словомъ было: «Скажите, что говорятъ тамъ?..» Сухо объявивъ ему, что я не имѣлъ времени слушать, когда умираетъ человѣкъ, за котораго я отдалъ бы свою жизнь, я вышелъ. Подъ воротами онъ сказалъ мнѣ: «Вмѣсто того, чтобъ искать извозчика, позвольте мнѣ опять довести васъ... если мое все оружіе васъ не потревожитъ». Ложный стыдъ заставилъ меня принять предложеніе. У подъязда казармъ, гдѣ умиралъ графъ, мы разстались.

Натиски ненюбдімаго никакимъ мужествомъ врага не учащались. Крѣпясь съ поражающимъ насъ мужествомъ и неизмѣняемымъ никакими страданіями терпѣніемъ, не разжимая даже руки, въ которой было царское письмо, не снимая ее съ сердца, графъ, съ первой минуты знавшій и выразившій положительно, что часъ его пробилъ, готовился встрѣтить его не только какъ воинъ, безтрепетный передъ смертью, но и какъ трепетный передъ лицомъ Судии Небеснаго христіанинъ. «Духовника моего! время!» произнесъ онъ громко въ священномъ молчаніи довольно уже многолюдной комнаты.

Вскорѣ явился его духовникъ. Обстоятельство, неважное, конечно, но тѣмъ не менѣе представлявшее тоже странное сближеніе въ этомъ замѣчательномъ многими такими частностями эпизодѣ, явилось и здѣсь. Нужно было, чтобъ всегдашній духовникъ графа былъ священникъ именно той самой Исаакіевской церкви, передъ стѣнами которой онъ былъ смертельно раненъ. Нужно было, чтобъ этотъ пастырь мира, не пощаженный бранью въ единственномъ, можетъ быть, сраженіи, въ которомъ ему случилось быть, пришелъ на деревянной ногѣ напутствовать къ смерти того сына и баловня войны, котораго она въ 50-ти бояхъ щадила, хотя онъ былъ въ нихъ всегда впереди.

Если Милорадовичъ былъ христіанинъ въ душѣ, то наружныхъ признаковъ особенной набожности я не примѣтилъ въ немъ. Но въ эту великую минуту многосторонностью, такъ сказать, возвышенности, мужества и смиренія своего духа онъ заставилъ насъ любить его и благоговѣть предъ нимъ еще болѣе. Священнику не нужно было прибѣгать къ увѣщаніямъ и угѣшеніямъ, — все было живо и свѣтло въ душѣ умирающаго. Онъ самъ коротко, но со свойственною ему энергіею выраженій отповѣдалъ своему ду-

¹⁾ Онъ долженъ былъ въ первую свободную минуту вечера поставить себѣ пивки. Сбитый съ ногъ л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ, измятый, онъ страдалъ весь день и долго послѣ, но не отдыхалъ и минуты.

ховному отцу въ присутствіи нашемъ свои религіозныя чувства и убѣжденія, проникнутыя безграничною вѣрою и надеждою на неисчерпаемую благодать Всевышняго. На замѣчаніе священника, не угодно ли, чтобъ присутствовавшіе удалились на время его исповѣди, — онъ отвѣчалъ спокойно: «зачѣмъ?.. я хочу исповѣдаться Богу передъ людьми». Не допустивъ священника дѣлать ему какіе-либо вопросы, онъ призналъ себя заряженнымъ всѣми слабостями и пороками человѣка, винился въ несправедливостяхъ, въ которыя могъ впасть множество разъ во время жизни общественной, просилъ—да отпустятъ ему всѣ обиженные и оскорбленные имъ, благодарилъ Бога, дозволившаго ему не имѣть никогда ни къ кому ни глубокой вражды, ни злопамятства, благословлялъ Его святую волю, опредѣлившую ему въ неоцѣненную награду того малаго, что могло быть хорошо въ его жизни, заключить ее исполненіемъ священнаго долга преданности, и окончилъ словами: «простите меня всѣ и молитесь о мнѣ Бога!»

Точно съ такимъ же чувствомъ онъ пріобшился Тѣла и Крови Христовой, и по выходѣ священника, закрывъ глаза, которые были почти постоянно открыты, свѣтлы и ясны (хотя въ послѣдніе годы онъ нерѣдко страдалъ болью въ глазахъ), онъ долго оставался безмолвенъ, по временамъ лишь, въ промежуткахъ ужасныхъ пароксизмовъ страданія, освобождая изъ моихъ рукъ правую руку свою, чтобъ осѣнить себя знаменіемъ спасенія.

Понятно, что всѣ мы были безмолвнѣе его, съ глубоко-встревоженными сердцами, «зряше, что совершается».

«Нужно бы, кажется, — произнесъ онъ вдругъ вполголоса, — записать мою послѣднюю волю?» Этотъ вопросъ, эта неувѣренность, потомъ всѣ тѣ воли, которыя вылились изъ его сердца, потомъ исканіе другихъ и непонятливость, недогадка, какія воли у многихъ и не въ его званіи, въ такую минуту, въ такой день, при такой смерти были бы волями тотчасъ готовыми и безъ долгихъ исканій, волями и по гробѣ имъ полезными, — все это было превосходно, торжественно, неподобно простодушіемъ, если только не обманывали тогда мое сознаніе, моя 22-лѣтняя неопытность жизни, въ то время какъ ему было 63 года.

Кто-то, кажется, Петрушевскій, схватилъ небольшой лоскутъ бумаги и написалъ подъ диктовку графа:

1. Прошу государя императора, если то возможно, отпустить на волю всѣхъ моихъ людей и крестьянъ.

2. Дозволить письмо, мнѣ государемъ дарованное, передать въ родѣ нашемъ какъ святыню до послѣдняго, кто будетъ.

Онъ остановился и долго молчалъ. Петрушевскій отошелъ къ сторонѣ. «Позвольте, — сказалъ графъ:—я при жизни моей желалъ, общалъ, но ничего не могъ сдѣлать для добраго Майкова. позвольте, допишите:

3. Прошу государя императора не оставитъ старика Майкова ¹⁾.

Послѣ долгаго молчанія его, Петрушевскій, приклонясь къ нему, осмѣлился спросить его шопотомъ: «Не прикажете ли, графъ, еще!...»—«Что еще?.. ничего болѣе... теперь я все кончилъ...» отвѣчалъ онъ тихо, но еще весьма твердо.

Съ этой минуты онъ болѣе не говорилъ, но въ мужественной послѣдней битвѣ своей, едва не исторгая крики изъ нашихъ сердецъ и приводя въ совершенное изумленіе привыкшихъ къ такимъ явленіямъ, но не видавшихъ ничего подобнаго, какъ они сознавались, медиковъ и операторовъ, по временамъ еще подавалъ мнѣ руку свою, тихо шепча: «спасибо, благодарю». И я цѣловалъ эту руку, какъ всякій, кто держалъ бы ее въ этотъ день, цѣловалъ бы ее съ такимъ же искреннимъ чувствомъ, въ одно и то же время невыразимо горькимъ и неизъяснимо отраднымъ... О, если бы многимъ чаще давались такіе уроки?!

Между тѣмъ время переступало за полночь. Почти двѣнадцать часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ раненъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ терпѣлъ свою ужасную пытку.

Въ другой комнатѣ раздался осторожный шорохъ. Я вышелъ узнать. Пріѣхалъ принцъ Евгеній Вюртембергскій. Быстро разспросивъ о положеніи графа, онъ тихо вошелъ въ комнату и, оставаясь, долго въ безмолвіи смотрѣлъ на умирающаго. Лицо его выражало глубокую тоску, слезы крупными каплями катились по щекамъ. Между тѣмъ страдалецъ, открывъ глаза и всмотрѣвшись въ пришедшаго, вдругъ протянулъ къ нему руку, произнеся съ чувствомъ особеннаго удовольствія: «Принцъ!» Тогда Вюртембергскій, бросивъ въ сторону шляпу, кинулся къ этому солдатскому одру, на которомъ умиралъ истинный воинъ, сталъ на колѣни, чтобы быть ближе къ нему, и началось явленіе, вліяніе котораго на душу присутствовавшихъ не можетъ быть никогда изглажено.

Рука въ рукѣ, по временамъ цѣлуясь, они повели бесѣду о славной боевой жизни. Яркими лучами блестяли въ ихъ воспоминаніяхъ важныя эпохи, громкія имена, черты славныя. Одинъ завидовалъ, что другому предоставлена была честь умереть такъ, какъ желалъ бы умереть онъ; другой благодарилъ Небо, сберегавшее его въ пятидесяти битвахъ, и выводилъ изъ того, съ утѣшительнымъ чувствомъ самоувѣренности, что, слѣдовательно, эта смерть его должна быть точно полезна, ибо онъ сохраняемъ былъ только для нея. Оба были безгранично благодарны Провидѣнію,

---

¹⁾ Аполлону Александровичу Майкову, бывшему директору императорскихъ театровъ, было дано мѣсто при московскомъ дворцовомъ правленіи и значительная пенсія, кажется, 10 тысячъ ассигнаціями. Онъ находился тутъ, въ другой комнатѣ, и былъ отъ слезъ и горя едва ли не ближе графа къ смерти.

оба были одинаково тверды безъ гордости и рѣшительно покорны Небу безъ унынія. Безъ сожалѣнія о прошедшемъ они любили его, какъ несомнѣнный залогъ лучшаго будущаго и, тамъ надѣясь свидѣться, пожимали другъ другу руку и обнимались на разлуку непродолжительную.

Болѣе часа заняла эта бесѣда, по истинѣ сердечная. Ни съ той, ни съ другой стороны не было произнесено ни звука сожалѣнія, утѣшенія, ничего, что именно въ эти минуты люди считаютъ единственно необходимымъ. Графъ былъ бодръ и оживленъ, голосъ его по временамъ становился звученъ, глаза блестѣли бывалымъ огнемъ, и улыбка мелькала на измученныхъ чрезмѣрными страданіями чертахъ. Такъ продолжая разговоръ, графъ вдругъ произнесъ быстро: «Прощай! пора... пора!» Принцъ положилъ на его чело братскій поцѣлуй, пожалъ ему руку, всталъ и, тихо пятясь къ двери, простался съ нимъ знаками руки, глазами, когда больной, живо приподнимаясь, громко произнесъ вслѣдъ ему смѣсь безсмысленныхъ словъ, сопровождаемыхъ сильными движеніями рукъ. Страшна, страшнѣе самыхъ страданій эта минута, когда все свѣтлое, духовное внезапно отстраняется отъ тѣла и вмѣсто разума оставляетъ въ немъ горячечный бредъ. Принцъ остановился. Давъ полную волю рыданіямъ, онъ сложилъ на груди руки, склонилъ голову, съ минуту посмотрѣлъ еще на друга и выбѣжалъ изъ комнаты. Волненіе его было таково, что, уфхавъ, онъ даже забылъ здѣсь брошенную имъ шляпу.

Съ этой минуты началась агонія. Непостижимое, болѣе, нежели полуторачасовое, бореніе этой могущественной природы со смертью не только удивляло, но по временамъ приводило въ ужасъ присутствовавшихъ. Графъ вскакивалъ, притягивалъ къ себѣ съ необычайною силой близстоявшихъ, далеко разбрасывалъ лежавшія подъ его головой подушки, говорилъ громко, долго, безъ связи употребляя наиболѣе привычныя ему слова и поговорки, потомъ, истомленный, опускался, какъ камень, въ совершенной простраціи силъ, съ прерывистымъ дыханіемъ и хрипотою, знаменовавшими немедленную кончину.

Такъ повторялось не пять, но пятьдесятъ разъ. «Вотъ конецъ», говорили медики, недвижно глядѣвшіе въ потухшіе глаз умирающаго. Но умирающій внезапно оживалъ, глаза его зажигались снова, опять та же сила и тѣ же движенія. Благодаря Бога, при этихъ страданіяхъ уже не могло быть сознанія ихъ. Оно сохранено было въ жертвѣ только для обнаруженія выюкихъ примѣровъ, чувствъ утѣшительныхъ, прекрасныхъ и угасло съ послѣднимъ «прости» другу и человѣку, который могъ и вполне умѣлъ цѣнить умирающаго. Въ одинъ изъ такихъ натисковъ смерти, когда дыханіе уже едва-едва обнаруживалось лишь судорожнымъ вадрагиваніемъ груди и устъ, голова Милорадовича, лоснившаяся

отъ холоднаго выжатаго на нее страданіемъ пота, вдругъ преклонилась, и все осталось неподвижно¹⁾).

Казалось, общая жизнь мгновенно остановилась въ этой комнатѣ. Съ страшною тяжестью на сердцахъ мы всё пребыли безмолвны, не трогаясь съ мѣста, и долго уже послѣ медики первые приступили къ трупу, чтобъ объяснить наконецъ загадку его раны.

Вмѣсто одной нашлось двѣ, какъ сказано. Одна изъ нихъ была ничтожна, но изъ нея-то излилось огромное количество крови. «Всякій другой,—говорили врачи,—долженъ былъ отъ этой раны умереть на мѣстѣ». При бальзамированіи тѣла изумленіе ихъ еще увеличилось. Они говорили, что по желѣзной силѣ и свѣжести всѣхъ частей организма то былъ трупъ не 63-лѣтняго, но 23-лѣтняго человѣка.

Когда я привезъ во дворецъ донесеніе о кончинѣ графа, государь императоръ повелѣлъ генераль-адъютанту Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову вступить въ исправленіе должности военнаго генераль-губернатора. Ночь была проведена въ кабинетѣ покойнаго, разобраны бумаги, отданы многія приказанія, сдѣланы распоряженія, кончены нѣкоторыя текущія дѣла, и въ 7 часовъ новый начальникъ мой поѣхалъ со мною во дворецъ, гдѣ былъ вскорѣ позванъ въ кабинетъ государя.

Въ прилежащей залѣ было множество генераловъ и адъютантовъ. У окна налѣво сидѣлъ генераль-адъютантъ В. В. Левашевъ. Онъ отбиралъ и записывалъ допросы отъ нѣкоторыхъ мятежниковъ, схваченныхъ или явившихся добровольно. Передавали другъ другу свѣжія въ сердцахъ событія, каждый рассказывалъ эпизоды той части сцены, на которой онъ дѣйствовалъ, когда вошелъ полицеймейстеръ полковникъ Дершау, держа на рукахъ узелъ, на которомъ лежали ружье, шапка и пара пистолетовъ; за нимъ шелъ Якубовичъ съ связанными за спиною руками.

Это явленіе не могло не поразить меня. Послѣ ночныхъ моихъ съ Якубовичемъ поѣздокъ и его рассказа, я не могъ сообразить, почему онъ, преданный, раскаявшійся и жертвовавшій собою, является въ такомъ положеніи. Мнѣ объяснили дѣло, раскрывъ всю низость его предательской двуличности. Когда П. В. Кутузовъ вышелъ отъ государя, я сообщилъ ему объ этомъ. Онъ передалъ обстоятельство Левашеву и тотъ заставилъ меня въ присутствіи Якубовича повторить всё частности моей ночной съ нимъ встрѣчи. Якубовичъ подтвердилъ истину.

Но кто знаетъ? Не случись это такъ, не пришло ли бы въ мысль и ему, какъ были тому многіе примѣры, на этой странной случайности основать повѣсть о моемъ будто бы съ нимъ зна-

¹⁾ Это было около четверти третьяго по полуночи.

комствѣ или дружествѣ? Каждому благородному сердцу было необходимо тогда, чтобы его знали и видѣли насквозь.

Въ тотъ же день мнѣ было приказано явиться къ дежурному генералу главнаго штаба его императорскаго величества (Потапову). Въ его кабинетѣ весь этотъ рассказъ былъ написанъ мною и оставленъ у него. Потаповъ говорилъ мнѣ послѣ, что передалъ его, если не ошибаюсь, А. И. Данилевскому.

Тѣло графа Милорадовича было въ ту же ночь перенесено изъ казармъ въ его домъ и по бальзамированіи выставлено въ той самой залѣ, траурнаго убранства которой, приготовленнаго по кончинѣ императора, онъ никакъ не могъ рѣшиться видѣть, еще въ день смерти своей отказывая въ этомъ Монферану словами: «je ne puis pas!.. je n'entrerais que trop tôt»...

Шесть дней народъ толпился безвыходно и непроходно не только у гроба, не только въ огромной смежной залѣ, въ прихожей и на лѣстницѣ, но и на улицѣ цѣлый день и поздно ночью онъ стоялъ массаи. Это явленіе народной признательности было наградою, по истинѣ достойною благороднаго и съ высокою простотою совершеннаго дѣла. Къ службамъ вечерней и утренней пріѣзжали государь императоръ и члены его семейства, но, кромѣ должностныхъ, военныхъ и вообще лицъ высшаго званія или не бывало, или же было очень мало. Какая надобность скрывать истину? Милорадовича не любили: онъ чрезвычайно хорошо зналъ всѣхъ, такъ сказать, насквозь, онъ былъ въ высшей степени независимъ духомъ, онъ не попускалъ никого отваживаться на малѣйшее униженіе не только его званія, но личнаго значенія его по заслугамъ, снискавшимъ уже ему признательность отечества и уваженіе цѣлаго свѣта. Какъ администраторъ собственно въ столицѣ, онъ по этимъ причинамъ не могъ быть хорошъ, т.-е. любимъ. Но то, чего не было въ высшихъ слояхъ, вознаграждалось сторицею въ среднихъ и низшихъ, гдѣ его обожали въ полномъ смыслѣ слова. Онъ обладалъ всѣми необходимыми для того условіями. Онъ былъ нравственно силенъ своею личностью, былъ быстръ, дѣятеленъ, блестящъ, не сжатъ въ дѣйствіяхъ, ласковъ, сочувственъ ко всѣмъ, ко всему, неисчерпаемо добръ, расточителенъ на милость и помощь, справедливъ, онъ былъ человѣкъ безъ страха и упрека, и не любившіе его не могли и не могутъ отнять отъ него этого соединенія самыхъ благородныхъ достоинствъ, не тѣхъ достоинствъ, которыя порождаются расчетомъ, а тѣхъ именно, которыя по сужденіямъ свѣтскимъ безрасчетны. Онъ былъ доступенъ всегда, но не для считавшихъ себя въ правѣ требовать этой доступности, онъ былъ уменъ, ласковъ, необычайно оригиналенъ въ неожиданности своихъ рѣшеній. Несправедливость,

притѣсненіе возмущали его; слезъ, а наиболѣе слезъ женщины, онъ не могъ почти переносить; ежедневные его пріемы, гдѣ онъ успѣвалъ говорить съ двумя и болѣе стами просителей, были по истинѣ необыкновенны ¹⁾. И онъ былъ именно обожаемъ, несмотря на его строгость и на то, что онъ былъ окруженъ дурно, о чемъ всѣ знали, точно такъ же, какъ и онъ самъ.

Въ существѣ посѣщенія и молитвы при гробѣ его по истинѣ привлекали только царя и его семейство, да народъ. Пораженный этимъ страннымъ явленіемъ, тронутый всѣмъ совершившимся и семь дней проводя у гроба, я записывалъ, когда оставался одинъ, впечатлѣнія свои и намаралъ тогда дюжину плохихъ стишонковъ, вылившихся изъ сердца. Н. И. Гречъ унесъ эту бумажку (для журналиста все находка!) и, едва совершились похороны, меня призвали въ цензурный трибуналъ и чуть было не обвинили въ мерзостномъ направленіи и замыслахъ, столь недавно подавленныхъ въ безумной толпѣ протестомъ цѣлой Россіи ²⁾.

1849.

А. Башуцкій.

¹⁾ Безъ лести и по истинѣ я имѣю право говорить объ этомъ. Послѣ графа и былъ еще семь лѣтъ адъютантомъ при двухъ военныхъ генералъ-губернаторахъ и ими, какъ покойнымъ, былъ занимаемъ часто и близко.

²⁾ Вотъ эти жалкіе стихи:

Коварства бичъ, гроза врагамъ,
Защитникъ пламенный отчизны,
Герой по чувствамъ и дѣламъ,
Ты жилъ и палъ безъ укоризны.

Спи, храбрый! Славный твой удѣлъ
Судьба безсмертьемъ озарила
Твой лучший лавръ — твоя могила,
Надгробье — рядъ блестящихъ дѣлъ.

А слезы нищихъ и царей,
Лобавшихъ трупъ твой недвижимый,
Вотъ памятникъ несокрушимый,
Вотъ твой завидный мавзолей!

Г. цензоръ Красовскій съ ужасомъ спрашивалъ у меня: въ какихъ цѣляхъ и съ какими намѣреніями я осмѣлился поставить «нищихъ» и «царей» въ одну строку и еще первыхъ передъ другими, и какъ я разумѣю «царей тамъ, гдѣ только одинъ царь»? Съ моей стороны было возможно только одно—потребовать обратно лоскутокъ бумаги, безъ вѣдома моего попавшій въ этотъ трибуналъ. Но издатель газетъ выпустить ли изъ рукъ что-либо, что называютъ *pièce de circonstance*?.. Онъ все-таки напечаталъ первые восемь стиховъ, кажется, въ № 2 «Пчелы», 1826 года.

ВОСПОМИНАНІЯ О Л. Н. ТОЛСТОМЪ.

ВѢтъ десять тому назадъ, въ Вильнѣ, случайно познакомился я съ отставнымъ артиллерійскимъ полковникомъ Ю. И. Одаховскимъ, участвовавшимъ въ Венгерской и Севастопольской кампаніяхъ, о боевыхъ заслугахъ котораго краснорѣчиво говорили, какъ послужной списокъ, испещренный наименованіями походовъ и сраженій, такъ и грудь, увѣшанная многочисленными орденами съ мечами и бантами. Но не это обращало на себя вниманіе въ престарѣломъ, симпатичномъ, подкупавшемъ скромностью своей, ветеранѣ, а интересные рассказы его изъ прошлаго, сообщаемые при томъ тономъ, не вызывавшимъ сомнѣнія въ ихъ убѣжденной правдивости. На подобныя бесѣды былъ Одаховскій особенно падокъ. И, заходя къ нему, постоянно заставлялъ я старика надъ листами только что исписанной бумаги. По словамъ его, то были новыя воспоминанія его—въ дополненіе къ тѣмъ, которыя отослалъ онъ уже въ «Русскую Старину» и въ сборникъ «Севастопольскихъ рассказовъ». Чаше же всего, въ бесѣдахъ со мною, любилъ Одаховскій возвращаться къ знакомству своему съ графомъ Л. Н. Толстымъ во время севастопольской обороны, какъ бы даже гордись тѣмъ, что у него въ подчиненіи находился въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ великій русскій писатель, дарившій его расположеніемъ, припоминая все новыя и новыя подробности изъ жизни послѣдняго въ боевой обстановкѣ.

— Да вы бы, Юліанъ Игнатьевичъ, записали все это по памяти,—не разъ совѣтоваль я словоохотливому полковнику:—вѣдь факты, вами приводимые, важны для біографіи Толстого!..

Но Одаховскій обыкновенно начиналъ увѣрять, что и не помышляетъ о такомъ сочиненіи, не желая примазываться къ имени знаменитаго человѣка. Мнѣ понятенъ былъ подобный мотивъ, а старикъ еще болѣе симпатиченъ.

Переписываясь съ графомъ Толстымъ, я какъ-то упомянулъ и о моемъ новомъ знакомомъ, увѣренный, что Левъ Николаевичъ давно забылъ о сослуживцѣ. Къ изумленію моему, въ отвѣтномъ письмѣ имѣлись и строки о старикѣ-полковникѣ:

«Одаховскаго помню. Поклонитесь ему отъ меня».

Когда показалъ я Юліану Игнатьевичу это мѣсто письма, то онъ расплакался отъ умиленія. Для меня же приписка Льва Николаевича косвенно послужила лишнимъ удостовѣреніемъ того, что между обоими лицами въ прошломъ существовали дѣйствительно добрыя отношенія. «Ес ли маститый писатель,—думалось мнѣ,—и черезъ 40 лѣтъ не забылъ встрѣчи съ Одаховскимъ, то почему бы и Одаховскому не сохранить кое-какихъ воспоминаній о знакомствѣ съ Толстымъ?» Я съ удвоенною энергіей атаковалъ старика, и въ концѣ-концовъ Одаховскій продиктовалъ мнѣ свои мемуары, отдавъ ихъ въ мое распоряженіе подъ условіемъ, что они появятся въ свѣтъ лишь тогда, когда автора ихъ не станетъ, мотивируя такую просьбу прежней боязнью, чтобы Толстой не заподозрѣлъ его въ желаніи при жизни пристроиться къ его славному имени...

Прошло послѣ того нѣкоторое время. Полковникъ Одаховскій скончался. Затѣмъ представился мнѣ случай пожертвовать рукопись съ мемуарами покойнаго о графѣ Толстомъ въ сборникъ, издававшийся съ благотворительной цѣлью. Но я не желалъ сдѣлать этого безъ разрѣшенія Льва Николаевича, почему и написалъ въ Ясную Поляну соответствующее письмо, на которое супруга Толстого, графиня Софья Андреевна, между прочимъ отвѣчала, что мужъ ея «очень интересуется записками и радъ будетъ прочесть ихъ», если я ихъ пришлю въ рукописи.

Нечего говорить, что, снявъ копію съ мемуаровъ Одаховскаго, я поспѣшилъ представить ее въ Ясную Поляну, откуда она и вернулась ко мнѣ съ автобіографическими помѣтками на поляхъ самого Льва Николаевича.

Привожу здѣсь, впервые въ печати, и то, и другое,—въ томъ видѣ, какъ этотъ любопытный документъ хранится въ моихъ бумагахъ.

ТЕКСТЪ ОДАХОВСКАГО¹⁾.

«Въ 1855 г., послѣ Инкерманскаго дѣла, наша батарея (3-я легкая 11-ой бригады), участвовавшая въ этомъ дѣлѣ, была помѣщена въ Бельбекѣ (въ 15—20 верстахъ отъ Севастополя) и стояла въ резервѣ, когда прибылъ въ нее графъ Л. Н. Толстой, въ чинѣ поручика, съ которымъ я тутъ лично познакомился впервые (раньше же я, какъ и другіе офицеры, конечно, слыхалъ о Толстомъ, какъ писателѣ, и читалъ его произведенія). Командиромъ 3-й батареи былъ тогда капитанъ Филимоновъ (впослѣдствіи начальникъ артиллеріи одесскаго военнаго округа), а въ батареѣ, кромѣ меня (я былъ старшимъ поручикомъ), въ числѣ офицеровъ, которыхъ зналъ графъ Толстой, были: подпоручикъ Проценко (котораго Толстой, въ статьѣ «Севастополь въ августѣ», изобразилъ въ лицѣ офицера, находившаго, что «пушки въ Севастополѣ не на мѣстѣ»), прапорщикъ Балакшей, поручикъ Борисенко, старшій офицеръ 1 дивизіона батареи штабсъ-капитанъ Броневскій, подпоручикъ Демьяновичъ. Затѣмъ, въ госпиталѣ, графъ Толстой познакомился съ поручикомъ нашей батареи Кречинскимъ, тяжело раненымъ въ Инкерманскомъ дѣлѣ и котораго поэтому онъ и не засталъ въ Бельбекѣ.

*Никогда не
былъ на Бель-
бекѣ. При-
ехалъ въ ба-
тарю, когда
она была въ
Севастополь.*

Стоянка въ Бельбекѣ была очень скучная. Батарея въ Инкерманскомъ сраженіи понесла большой уронъ и стояла безъ дѣла. Каждый офицеръ имѣлъ свой баракъ, наскоро сколоченный изъ досокъ солдатами. Обѣдали всѣ вмѣстѣ, по обычаю у командира батареи капитана Филимонова. Обиліе свободнаго времени наталкивало на болѣе близкое знакомство, сближало, и прибывшій графъ Толстой скоро сдѣлался душой нашего небольшого кружка.

Наружность Толстого была некрасивой: но говорилъ онъ хорошо, быстро, остроумно и увлекалъ всѣхъ слушателей бесѣдами и спорами.

Толстой сражался часто съ нами въ карты, но постоянно проигрывалъ. Впрочемъ, игра была у него несерьезная, «отъ нечего дѣлать», такъ какъ, кромѣ офицеровъ батареи, въ ней никто не участвовалъ. Толстой по ночамъ игралъ въ карты, днемъ же сидѣлъ въ своемъ баракѣ одинъ и писалъ: я заходилъ къ нему въ баракъ и часто заставлялъ его за литературной работой, но о работѣ этой съ нимъ не заговаривалъ.

¹⁾ Собственноручныя отмѣтки графа Л. Н. Толстого—противъ соответствующихъ мѣстъ этого текста набраны курсивомъ.

Послѣ обѣда у Филимонова Толстой обыкновенно затѣвалъ
Ничего не   какія-либо игры, придумывалъ развлечения и шутки.
было.   Напримѣръ, мы, по его почину, играли въ игру «палта»
 (въ родѣ «бабокъ»). Затѣмъ онъ же придумалъ особую
 игру: по очереди мы должны были становиться на одной ногѣ на
 одинъ изъ колышковъ палатки, къ которому прикрѣплялась па-
 латка, и кто дольше могъ простоять на колышкѣ (на-
Въ первый   значалось известное число минутъ, по счету «разъ,
разъ слышу.   два, три»), тотъ получалъ выигрышъ—пряники, апель-
 сины и т. п. Становились «на пэ», «на транспортъ», «на уголь»
 и т. п. Толстой такъ умѣлъ увлечь всѣхъ въ свои проказы, что
 даже неуклюжій, огромнаго роста, командиръ батареи капитанъ
 Филимоновъ (занятый главнымъ образомъ набиваніемъ своихъ кар-
 мановъ на счетъ лошадинаго овса и сѣна) стоялъ на такомъ ко-
 лышкѣ наравнѣ со всѣми нами, а потомъ удивлялся, какъ это съ
 нимъ, командиромъ батареи, могло случиться.

Графа Толстого всѣ очень полюбили за его характеръ. Онъ не
 былъ гордъ, а доступенъ, жилъ какъ хорошій товарищъ съ офи-
 церами, но съ начальствомъ вѣчно находился въ оппозиціи (хотя
 на Бельбекѣ у него большихъ столкновеній не выходило), вѣчно
Не могъ гово-   нуждался въ деньгахъ, спуская ихъ въ карты. Онъ
рить, потому   говорилъ мнѣ, что растратилъ все свое состояніе
что ни того,   во время службы на Кавказѣ и получаетъ суб-
ни другого не   сидію отъ своей тетки графини Толстой¹).
было.

По временамъ на Толстого находили минуты грусти, хандры:
 тогда онъ избѣгалъ нашего общества. Это бывало въ то время,
 когда онъ начиналъ у себя въ баракѣ усиленно заниматься ли-
 тературнымъ писаніемъ, или получалъ деньги.

На Бельбекѣ мы простояли сравнительно недолго—съ 24 октября
 по 27 марта, встрѣтили тамъ Новый годъ и приняли
Не былъ въ   присягу. Затѣмъ насъ двинули въ Севастополь, осада
резервъ, а   котораго была въ полномъ ходу. Двѣнадцать орудій на-
ставилъ ору-   шей батареи были распределены такъ: 4 орудія были
дія на 4-й   поставлены на Язоновскій редутъ; остальные 8—на-
бастіонъ и   ходились въ резервѣ, на Графской, на случай вылазокъ.
чередовался   Я и графъ Толстой очутились въ резервѣ, т. е. въ без-
на немъ съ   дѣйствіи. Офицеры батареи, въ томъ числѣ и Толстой,
другими офи-   размѣстились по отдѣльнымъ квартирамъ, на Екатерининской
церами.   улицѣ, у главной Екатерининской пристани.

Скоро капитана Филимонова назначили на Сѣверную сторону—
 командиромъ всѣхъ батарей Сѣверной стороны, а я былъ на-
 значенъ старшимъ надъ оставшимися орудіями, офицерами и

¹ Подчеркнуто Толстымъ.

людьми (нижними чинами). Продовольствіе офицеровъ и людей батареи, такимъ образомъ, перешло ко мнѣ; Филимоновъ же оставилъ за собою продовольствіе батарейныхъ лошадей 3-й батареи съ-номъ и овсомъ (съ цѣлью получать попрежнему до-ходы). На свои средства сталъ я кормить офицеровъ батареи (въ этомъ отношеніи я не могъ, конечно, срав-няться съ кап. Филимоновымъ, у котораго, какъ сказано выше, были свои «побочные доходы»). Ежедневно на обѣдъ въ мою квар-тиру собирались графъ Толстой и другіе, свободные отъ службы (вылазокъ, дежурства) офицеры, хотя рѣдкій день мы могли сойтись всѣ вмѣстѣ. Эти обѣды соединяли наше общество. Обѣды отлично готовилъ мой денщикъ. Послѣ обѣда начинались оживленныя бесѣды, споры, шутки. Приходили ко мнѣ и посторонніе офицеры, какъ, напримѣръ, графъ Тотлебенъ—тогда еще простой инженерный подполковникъ. Графъ Толстой и другіе нападали на Тотлебена, критикуя постро-енныя имъ и инженерами укрѣпленія (напримѣръ, Язоновскій редутъ, находя, что онъ слишкомъ выдвинутъ), а Тотлебенъ на-падалъ на артиллеристовъ и, въ свою очередь, критиковалъ ихъ дѣй-ствія. Всѣ подобные споры происходили въ мирномъ, товарище-скомъ тонѣ. Во время обѣдовъ рассказывались Севасто-польскія новости, и графъ Толстой собиралъ матеріалъ для своихъ будущихъ произведеній. Въ квартирѣ моей стоялъ рояль. Обыкновенно, послѣ того, какъ выпьемъ водки и прилично закусимъ, графъ Толстой садился за этотъ рояль—игралъ намъ и пѣлъ шутовскія пѣсни, имъ же сочиненныя, подъ аккомпаниментъ рояля, раз-сказывалъ анекдоты, читалъ намъ сочиненныя имъ въ Севастополѣ на злобы дня и на начальство стихо-творенія, придумывалъ новыя игры и забавы, рассказывалъ о сво-ихъ походахъ. Вообще, попрежнему, какъ и въ Бельбекѣ, онъ былъ душой нашего общества.

Этого не было.

Никогда не видалъ Тотлебена.

Рояль у Одаховскаго и ни у кого изъ офицеровъ не было. Стихотвореній никакихъ, кроме пѣсни «Какъ 4-го числа...», не сочинялъ.

Стоянка съ батареей въ резервѣ, видимо, томила графа Толстого: онъ часто¹⁾, безъ разрѣшенія начальства, отпра-влялся на вылазки съ чужими отрядами, просто изъ любопытства, какъ любитель сильныхъ ощущений, быть можетъ, и для изученія быта солдатъ и войны, а потомъ рассказы-валъ намъ подробности дѣла, въ которомъ участвовалъ.

Одинъ разъ ходилъ.

Иногда Толстой куда-то пропадалъ—и только потомъ мы узна-вали, что онъ или находился на вылазкахъ, какъ доброволецъ, или проигрывался въ карты²⁾. И онъ намъ каялся въ своихъ грѣхахъ.

¹⁾ Подчеркнуто Толстымъ.

²⁾ Тоже.

Часто Толстой давалъ товарищамъ листъ бумаги, на которомъ были набросаны окончательныя рѣшѣнія: мы должны были подбирать къ нимъ остальные, начальныя слова. Кончалось тѣмъ, что Толстой самъ выбиралъ ихъ, иногда въ очень нецензурномъ смыслѣ. Въ такихъ шуткахъ, въ обществѣ Толстого, мы коротали послѣобѣденное время.

Стихи, которые я вамъ, Александръ Владимировичъ, передалъ, всѣ записаны со словъ Толстого, мною и офицерами батареи—въ послѣобѣденные часы, въ моей квартирѣ. Стихотвореніе «Какъ 20-го числа¹⁾ насъ нелегкая несла горы занимать» графъ Толстой, сочинивъ въ Севастополѣ, принесъ намъ и затѣмъ разъ пять, при мнѣ, читалъ его всѣмъ присутствовавшимъ. Иногда, записавъ съ его словъ стихотворенія, мы показывали ихъ Толстому, и онъ ихъ исправлялъ, а затѣмъ они распространялись въ военномъ обществѣ. Начальство знало о томъ, что шутовскія солдатскія пѣсни (въ которыхъ были выставлены всѣ генералы) пишетъ Толстой, но не трогало его. У меня было много стиховъ Толстого, даже имъ собственноручно написанныхъ, но съ либеральнымъ содержаніемъ: возстаніе 1863 г. заставило меня изъ предосторожности сжечь ихъ, о чемъ теперь жалѣю.

Въ то время графъ Толстой писалъ «Севастополь въ августѣ» и «Севастополь въ маѣ». Куда дѣвался «Севастополь въ маѣ»—не знаю; но про этотъ рассказъ были разговоры въ Севастополѣ между офицерами.

Изъ постороннихъ, не батареинныхъ офицеровъ бывали часто у графа Толстого и у меня (на обѣдахъ) штабной—князь Мещерскій²⁾ и Бакунинъ Мещерскій и штабной же, изъ штаба графа Остенъ-Сакена, Бакунинъ. Сестра Бакунина была сестрою милосердія, и я видѣлъ ее впоследствии раненой во время взрыва. Бакунинъ тоже—со словъ графа Толстого—записывалъ его стихотворенія.

Вскорѣ поневолѣ должны были прекратиться у меня общіе обѣды: во время одиннадцатидневной бомбардировки Севастополя шальная бомба влетѣла въ мою квартиру и разнесла рояль, на которомъ игралъ Толстой, а также кухню. Къ счастью, тогда никого въ квартирѣ не было.

Въ Севастополѣ начались у графа Толстого вѣчныя столкновенія съ начальствомъ. Это былъ человѣкъ, для котораго много значило застегнуться на всѣ пуговицы, застегнуть воротникъ

¹⁾ «20-го числа» подчеркнуто Л. Н. Толстымъ, причемъ противъ слово «числа» поставленъ знакъ вопроса. Надо думать, что Одаховскій ошибся; надо читать: «Какъ 4-го числа...»

²⁾ Неразобрано за словомъ «Мещерскій» имя (кажется—«Василій»).

мундира, — человекъ, не признававшій дисциплины и начальства. Всякое замѣчаніе старшаго въ чинѣ вызывало со стороны Толстого немедленную дерзость или ѣдкую, обидную шутку.

Такъ какъ графъ Толстой прибылъ съ Кавказа, то начальникъ штаба всей артиллеріи Севастополя генераль Крыжановскій (впослѣдствіи генераль-губернаторъ) назначилъ его командиромъ горной батареи. Назначеніе это было грубой ошибкою, такъ какъ Левъ Николаевичъ не только имѣлъ мало понятія о службѣ, но никуда не годился, какъ командиръ отдѣльной части: онъ нигдѣ долго не служилъ, постоянно кочевалъ изъ части въ часть, и болѣе былъ занятъ собой и своею литературой, чѣмъ службою. Это назначеніе разлучило меня съ Толстымъ.

Тутъ, во время командованія горною батареей у Толстого скоро и произошло первое серьезное столкновеніе съ начальствомъ. Дѣло въ томъ, что, по обычаю того времени, батарея была доходной статьею и командиры батареи всѣ остатки отъ фуража клали себѣ въ карманъ. Толстой же, сдѣлавшись командиромъ батареи, взялъ да и записалъ на приходъ весь остатокъ фуража по батарее. Прочіе батарейные командиры, которыхъ это было по карману и подводило въ глазахъ начальства, подняли бунтъ: ранѣ никакихъ остатковъ никогда не бывало и ихъ не должно было оставаться... Принялись за Толстого. Генераль Крыжановскій вызвалъ его и сдѣлалъ ему замѣчаніе. «Что же это вы, графъ, выдумали?» — сказалъ онъ Толстому: — правительство устроило такъ для вашей же пользы. Вы вѣдь живете на жалованье. Въ случаѣ недостачи по батарее чѣмъ же вы пополните? Вотъ для чего у каждаго командира должны быть остатки... Вы всѣхъ подвели». — «Не нахожу нужнымъ оставлять эти остатки у себя!» — рѣзко отвѣчалъ Толстой: — это не мои деньги, а казенныя!» Послѣ бурнаго объясненія Крыжановскій отнялъ у графа Толстого горную батарею¹⁾.

Справедливо.

Несправедливо. Остался командиромъ до конца.

Сдавъ батарею, Толстой долженъ былъ явиться къ начальнику всей артиллеріи Севастополя, генералу Шейдеману. (Это про него-то въ своихъ стихахъ писалъ Толстой, подлаживаясь подъ солдатскій языкъ: «А какъ Шейсманъ генераль въ морѣ пушки затоплялъ... вовсе неглубоко, вовсе неглубоко»²⁾). Левъ Николаевичъ не торопился являться, а когда явился (это было уже послѣ

¹⁾ Подчеркнуто Толстымъ.

²⁾ Дѣйствительно Шейдеману было поручено затопить 90 орудій въ морѣ, чтобы они не попались непріятелю. Онъ затопилъ ихъ неглубоко, такъ что всѣ они попались въ руки врагамъ. И я затопилъ 4 орудія своей батареи. Это было во время отступленія съ Южной стороны на Сѣверную.

Прим. Одаховскаго.

отступленія съ Южной стороны на Сѣверную), то генераль Шейдеманъ напалъ на него со словами: «Что вы такъ опоздали? Вы должны были явиться раньше!» Толстой же, не смутившись, отвѣчалъ: «Я, ваше превосходительство, переправлялся черезъ рѣку... Думалъ, затоплять ли орудія!» (Намекъ на дѣйствія генерала Шейдемана).

Подобныхъ столкновений съ начальствомъ было въ Севастополѣ у графа Толстого много: онъ самъ про нихъ рассказывалъ, или о нихъ передавали офицеры.

Никогда раненъ не былъ. Л. Н. Толстой былъ раненъ въ руку не при мнѣ и, вѣроятно, во время какой-либо вылазки, на которую отправлялся самовольно. Какъ старшій офицеръ батареи, я долженъ былъ бы знать о назначеніи Толстого на вылазки, если бы такое назначеніе шло отъ начальства. Но я никогда про это заблаговременно не зналъ: слѣдовательно, въ приказахъ объ его назначеніи не отдавалось и онъ шелъ на вылазки, какъ любитель. Думаю, что его ранили въ то время, какъ я съ четырьмя орудіями моего дивизиона былъ на Корабельной сторонѣ.

Раненый, не очень сильно, въ руку, Толстой изъ Севастополя былъ отправленъ въ Симферополь. Вѣроятно, ему просто хотѣлось отдохнуть въ военномъ госпиталѣ: севастопольская оборона разбивала нервы! Въ томъ же госпиталѣ, въ одной комнатѣ, рядомъ съ Толстымъ, лежалъ тяжело раненый въ Инкерманскомъ сраженіи очень храбрый офицеръ нашей батареи поручикъ Кречинскій ¹⁾, впоследствии умершій въ этомъ госпиталѣ отъ ранъ. Мы, товарищи, посѣщали Кречинскаго въ Симферополѣ тогда, когда Толстой уже выписался изъ госпиталя и уѣхалъ обратно въ Севастополь. Кречинскій неоднократно передавалъ намъ про слѣдующій эпизодъ изъ жизни Толстого во время пребыванія его въ симферопольскомъ военномъ госпиталѣ.

Императоръ Николай Павловичъ прислалъ въ симферопольскій госпиталь своего флигель-адъютанта полковника Мирбаха съ тѣмъ, чтобы тотъ роздалъ раненымъ офицерамъ и солдатамъ пособія въ зависимости отъ степени нужды, семейнаго положенія, тяжести ранъ и т. п. Нижнимъ чинамъ выдавалось отъ 10 до 15 рублей, офицерамъ отъ 100 до 150 рублей и болѣе. Деньги были—собственные государя. Когда полковникъ Мирбахъ, сопровождаемый начальствомъ госпиталя, подошелъ къ койкѣ, на которой лежалъ графъ Толстой (Мирбахъ до того не зналъ Толстого), то подаль Льву Николаевичу 150 рублей. Толстой рѣзко отстранилъ отъ себя здоровой рукою деньги и сказалъ: «Я не возьму этихъ денегъ! Я проливалъ кровь не за

¹⁾ Мы съ нимъ были одного и того же Опмянскаго уѣзда, Виленской губ.
Прим. Одаховскаго.

деньги!» Всѣ, начальство и больные, были смущены выходкой Толстого. Но Мирбахъ нашелся. Не поднимая скандала, онъ хладнокровно отвѣтилъ Толстому: «Если вамъ не нужны деньги, то вы могли бы ихъ отдать бѣдному, но все-таки принять отъ государя. Вамъ же слѣдуетъ взять деньги, чтобы помочь бѣдному, своей семьѣ. Государь даетъ небогатымъ»¹⁾).

Насколько любили Льва Николаевича сослуживцы его, видно уже изъ того, что однажды у меня за обѣдомъ, на Екатерининской улицѣ Севастополя, я при Толстомъ обратился къ товарищамъ со словами: «Господа! дадимъ слово не играть съ Толстымъ! Онъ вѣчно проигрываетъ. Жаль товарища!». Толстой же на это преспокойно отвѣтилъ: «Я и въ другомъ мѣстѣ проиграюсь». И дѣйствительно, какъ только мы перестали съ нимъ играть, онъ сталъ уходить въ городъ и играть съ пѣхотными и кавалеристами, а послѣ намъ же рассказывалъ, какъ тѣ его обыгрывали.

Толстой былъ бременемъ для батарейныхъ командировъ и поэтому вѣчно былъ свободенъ отъ службы: его никуда нельзя было командировать. Въ траншеи его не назначали; въ минномъ дѣлѣ онъ не участвовалъ. Кажется, за Севастополь у него не было ни одного боевого ордена, хотя во многихъ дѣлахъ онъ участвовалъ, какъ доброволецъ, и былъ храбръ. Въ «аристократію» Толстой не лѣзъ, любилъ поговорить по душѣ, умно; недалекихъ товарищей, въ родѣ Проценко, сторонился. Съ солдатами Толстой жилъ мало, и солдаты его мало знали. Но бывало у него хватить духа сказать солдату: «Что ты идешь разстегнутый?!» (Самъ былъ либераломъ по этой части). Въ обращеніи Левъ Николаевичъ былъ ровенъ со всѣми, хотя дружбы ни съ кѣмъ не заводилъ; готовъ былъ подѣлиться послѣднимъ съ товарищами; любилъ выпить, но пьянъ никогда не былъ. Часто бесѣдовалъ я съ нимъ на разныя темы: это былъ истинно-русскій человѣкъ; онъ любилъ свою вѣру и свой родной языкъ, но во всякомъ человѣкѣ прежде всего видѣлъ челоуѣка. Толстой поражалъ насъ знаніемъ языковъ. Онъ зналъ и польскій языкъ, о чемъ *По-польски*
не знаю.

я заключаю изъ бесѣдъ съ нимъ.

Въ общемъ я былъ знакомъ съ графомъ Толстымъ около семи мѣсяцевъ—время, когда въ севастопольской обстановкѣ можно было хорошо узнать товарища.

Впослѣдствіи, читая произведеніе графа Толстого «Севастополь въ августѣ», я многое воскресилъ въ моей памяти и узналъ многихъ товарищей по батареѣ, ловко описанныхъ Толстымъ—Проценку и др. Но меня одного почему-то онъ тамъ не описы-

¹⁾ По замѣчанію полковника Одаховскаго, сдѣланному мнѣ устно, въ дополненіе къ его запискѣ, графъ Толстой, кажется, принялъ въ концѣ концовъ это пособіе.

ваетъ. Должно быть, Толстой теперь еще не забылъ меня: вѣдь онъ изо дня въ день бывалъ у меня, многое переживая вмѣстѣ со мною!..

Будучи уже въ отставку и находясь въ Вильнѣ, я случайно вспомнилъ время, проведенное съ графомъ Толстымъ въ Севастополѣ. Тотлебенъ изъ скромнаго подполковника, какимъ я его зналъ, превратился въ графа и генераль-адъютанта, былъ въ Вильнѣ генераль-губернаторомъ и задумалъ устроить концертъ въ пользу инвалидовъ. Получили приглашеніе быть въ концертѣ всѣ «инвалиды», въ томъ числѣ и я. Ранѣе же мы должны были представиться графу. Когда Тотлебенъ дошелъ до меня, то я назвалъ свою фамилію и на вопросы его подробно указалъ, за какія дѣла удостоился я севастопольскихъ знаковъ отличія. Но графъ не узналъ меня (или не хотѣлъ узнать), а я считалъ неумѣстнымъ напоминать: о спорахъ его съ графомъ Толстымъ въ Севастополѣ, объ Язоновскомъ редутѣ, за столомъ въ моей квартирѣ.

На этомъ рукопись кончалась. Она была подписана такъ:

«Записано съ моихъ словъ полковникомъ Жиркевичемъ. Полковникъ Одаховскій. Вильна. 16 мая 1898 г.».

Какъ дополненіе къ продиктованнымъ воспоминаніямъ, передалъ мнѣ Одаховскій и нѣсколько стихотвореній въ спискахъ, будто бы сочиненныхъ графомъ Толстымъ, которыя тоже я послалъ Льву Николаевичу. Стихотворенія эти были слѣдующія:

а) «Сиротка». Начинается оно:

«За порогомъ бѣдной хаты,
Бѣлымъ саваномъ обвить,
Предъ малюткой гробъ досчатый
Подъ иконою стоитъ...» и т. д.

Графъ Л. Н. Толстой противъ этого стихотворенія (и, значить, по отношенію къ остальнымъ, нижеприводимымъ), сдѣлалъ собственноручную отмѣтку:

«Ни одного изъ этихъ стихотвореній не писалъ и не знаю, кромѣ стиховъ Ростопчиной, см. ниже».

б) Стихотвореніе:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ» и т. д.

Графъ Толстой сдѣлалъ ту же отмѣтку: «Стихи Ростопчиной».

в) Стихотвореніе подъ заглавіемъ «Кто кому нужиѣ?»

Оно начинается словами:

«Итакъ, не сказка уже это,
Что англичане и французъ
Вступили въ службу Магомета,
Что съ Туркомъ заключенъ союзъ!..» и т. д.

г) Стихотвореніе «Пѣснь финляндца», начинающаяся такъ:

«Лайба пыль моя не пусть,
Какъ поплылъ на Тавасгустъ» и т. п.

Тутъ же было приложено одно французское стихотвореніе, написанное не Толстымъ, но которое, по словамъ Одаховскаго, графъ Толстой часто декламировалъ, будучи въ Севастополѣ. Юліанъ Игнатьевичъ увѣрялъ, что у него имѣлось много списковъ съ другихъ стихотвореній Льва Николаевича крайне либеральнаго содержания, которые онъ, Одаховскій, сжегъ въ 1863 г., боясь, какъ полякъ, обыска...

Нѣкто Буланъ, по порученію Л. Н. Толстого, препровождая мнѣ изъ Ясной Поляны обратно рукопись, писалъ (6 окт. 1903 г.):

«Графъ Л. Н. Толстой просмотрѣлъ присланныя вами о немъ воспоминанія Одаховскаго и нашелъ, что они удивительны, но только своей невѣрностью. Левъ Николаевичъ представить не можетъ, откуда Одаховскій могъ все это выдумать. Никакихъ французскихъ стиховъ Левъ Николаевичъ не сочинялъ, да и вообще, повторяю, за немногими исключеніями, тамъ все—вздоръ. Левъ Николаевичъ извиняется, что самъ писать не можетъ по нездоровью. При этомъ возвращаетъ рукопись».

Несомнѣнно, когда было окончено это письмо, въ комнату вошелъ самъ Толстой, прочелъ написанное и убѣдился въ томъ, что ни тонъ, ни содержаніе тутъ не соотвѣтствуютъ истинѣ. Напримѣръ, Одаховскій не увѣрялъ нигдѣ, что Левъ Николаевичъ сочинялъ французскіе стихи... Если не удивительно, что престарѣлый, угасающій ветеранъ могъ перепутать нѣкоторые факты за давностью времени, то не могъ не возмутиться правдивый Левъ Николаевичъ тѣмъ, что г. Буланъ, только что, на свѣжую память, получившій отъ него инструкцію, какъ и что слѣдовало мнѣ отвѣтить, совершенно исказилъ смыслъ ему сообщеннаго...

Поэтому, взявъ у Булана письмо, продолжалъ онъ написанное слѣдующей, весьма характеризующей литературную порядочность его, собственноручною припиской:

«Возвращаю вамъ, любезнѣйшій Александръ Владимировичъ, рукопись Одаховскаго, которая очень меня разочаровала. Удивительно, что онъ могъ все такъ забыть, но еще удивительнѣе, что могъ увѣрить себя, что было то, чего не было. Я отмѣтилъ на поляхъ его ошибки. Самъ я теперь точно не могу вспомнить, какъ и куда переходила батарея, пока я служилъ въ ней, но помню, что, отпросившись изъ Дунайской арміи въ Крымскую, я прямо пріѣхалъ въ Севастополь. Очень сожалѣю, что вы напрасно потрудились, списывая эти воспоминанія. Очень радъ буду увидѣть васъ, если вздумаете заѣхать. Желаю вамъ всего лучшаго. Левъ Толстой».

Не сдѣлай Левъ Николаевичъ этой приписки, г. Буланъ, быть можетъ, со временемъ увѣрялъ бы, что Левъ Николаевичъ такъ и окрестилъ сознательнымъ враньемъ произведеніе Одаховскаго...

Будучи немного позднѣе въ Ясной Полянѣ, лично отъ графа Толстого услышалъ я, что Одаховскій, на взглядъ его, написавъ о немъ рядъ небылицъ, лишь добросовѣстно заблуждался. Зная, съ своей стороны, покойнаго автора неудачныхъ мемуаровъ за человѣка безусловно порядочнаго, я тоже увѣренъ, что старикъ не пошелъ бы никогда на сознательную ложь...

Какъ бы то ни было, воспоминанія Ю. И. Одаховскаго, храня въ себѣ не только долю правды, признанную и Л. Н. Толстымъ, могутъ служить хотя бы отголоскомъ тѣхъ легендъ, которыя ходили во дни севастопольской страды въ арміи о нашемъ гениальномъ писателѣ. Они заключаютъ въ себѣ, кромѣ того, характеристику Льва Николаевича въ молодости, сдѣланную хорошо знавшимъ его и почитавшимъ человѣкомъ, при чемъ ошибочные факты, приведенные въ мемуарахъ, не могутъ поколебать правильности этого общаго впечатлѣнія. Замѣтки Одаховскаго вызвали крайне важныя собственноручныя автобіографическія признанія Толстого, вообще скупаго на рассказы о себѣ... Въ этомъ прямая ихъ заслуга...

Вотъ почему вышеприведенные документы позволяю себѣ представить вниманію читателей «Историческаго Вѣстника».

Невольно возникаетъ у меня при этомъ новое сомнѣніе: да не измѣнила ли въ чемъ-либо здѣсь память и самому Толстому?!

А. В. Жиркевичъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪДЫ.

(Изъ моего литературнаго архива).

Въ 1874 г. покойный нынѣ В. А. Полетика, горный инженеръ по профессіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшій призваніемъ и талантомъ публициста, приобрѣлъ за баснословно дорогую цѣну «Биржевыя Вѣдомости» у знаменитаго Трубникова — знаменитаго умѣньемъ создавать и выгодно продавать газеты. Редакцію этихъ новыхъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» скоро составилъ постоянный литературный кружокъ, въ которомъ главнымъ помощникомъ Полетики по общему редактированію явился Э. К. Ватсонъ, а ближайшими сотрудниками—Скабичевскій, Станюковичъ, В. Михневичъ, Воропоновъ, Плещеевъ, Василевскій, Градовскій, Минаевъ и пишущій эти строки. Время отъ времени къ нимъ примыкали и другіе писатели, изъ которыхъ назову Л. А. Полонскаго, Гайдебурова, Н. Курочкина, В. Корша, кн. А. И. Урусова, Карновича, Пальма, П. О. Морозова.

Въ концѣ 1878 г. у нѣсколькихъ сотрудниковъ возникла мысль собираться ежемѣсячно въ какомъ-нибудь ресторанѣ для редакціонныхъ дружескихъ обѣдовъ. Избранъ былъ для этой цѣли «Медвѣдь», въ ту пору содержимый знаменитымъ въ своемъ родѣ Эрнестомъ. Съ удовольствіемъ принявъ предложеніе «газетчиковъ», которое представилось тароватому и любившему все дѣлать en grand бельгійцу выгодною рекламою для его «заведенія», онъ специально для нашихъ собраній приспособилъ и отдѣлалъ подвальный этажъ въ своемъ ресторанѣ (не знаю, существуетъ ли это помѣщеніе и теперь),—и въ этомъ изящномъ и просторномъ подземельѣ состоялся 1 октября 1878 г. первый редакціонный обѣдъ.

По моему предложенію было постановлено, чтобы всѣ приглашенія, такъ сказать, повѣстки на обѣдъ, писались стихами и чтобы приглашаемые, въ свою очередь, отвѣчали не иначе, какъ въ стихотворной формѣ. Это постановленіе встрѣтило нѣкоторый протестъ со стороны нѣсколькихъ серьезныхъ «прозаиковъ», не свѣдущихъ въ языкѣ боговъ и не желавшихъ принять на себя трудную обузу бесѣды на этомъ языкѣ, но имъ пришлось подчиниться общему рѣшенію, и нѣкоторые изъ нихъ, къ нашему удивленію и удовольствію, оказались весьма изрядными стихотворцами. Писать приглашенія (ежемѣсячно) было поручено Минаеву и мнѣ.

Съ 1 января 1879 г. «Биржевыя Вѣдомости» переименовались въ «Молву». Составъ сотрудниковъ и участниковъ обѣдовъ остался тотъ же, и собранія наши продолжались регулярно до начала 1880 г. По крайней мѣрѣ сохранившіеся у меня автографы приглашеній и отвѣтовъ оканчиваются 10 января 1880 г. Точно также уцѣлѣли и автографы, относящіеся къ первому обѣду. Интересная коллекція начинается съ 1 ноября 1878 г. На приглашеніе (утраченное) отозвались Гайдебуровъ, В. Ф. Коршъ, Н. Курочкинъ и не знаю еще кто, такъ какъ и ихъ отвѣты утрачены. Николай Курочкинъ писалъ:

Хотя я нездоровъ, вѣрнѣе—еле живъ,
Но, приглашеніе такое получивъ,
Какимъ отъ Музы я любимца удостоенъ,
Я вижу, что отказъ мой былъ бы непристоенъ;
А посему: почту себѣ за честь
Быть въ среду въ «Медвѣдѣ»,
Участвовать въ обѣдѣ
И сумму нужную туда съ собой принести.

Иногда баловавшійся стихами Гайдебуровъ прислалъ на этотъ разъ такой отвѣтъ:

Въ срокъ установленный спѣшу вамъ дать отвѣтъ,
Что завтра въ пять часовъ прибуду на обѣдъ.
Но если что-нибудь
Меня заставитъ васъ надуть,
И вы воздвигнете противъ меня гоненье,—
Пожалуйста, возьмите старшиной
Полетику. Онъ, сжался надо мной,
Навѣрно изречеть: достоинъ снисхожденья.

У В. Ф. Корша, для котораго сложить два-три стиха было, какъ онъ говорилъ, величайшей мукой, вышло однако стихотворное изліяніе:

«Къ «Медвѣдю», въ среду, къ обѣду
Я съ удовольствіемъ приѣду,
И чтобъ обѣдъ нашъ былъ честнѣй, (?)
Чтобъ не пенялъ на насъ лакей,
Охотно нѣсколько грошей
Прибавлю къ суммѣ трехъ рублей.»

На приглашеніе къ третьему обѣду отозвались, между прочими участниками, Н. Курочкинъ, Минаевъ, Скабичевскій, Ватсонъ, Коршъ.

Минаевъ блеснулъ четверостишіемъ въ своемъ «минаевскомъ» родѣ:

Явлюсь, какъ всѣ, часамъ къ пяти,
Хотя бѣ ждала трагедія.
Въ хорошемъ обществѣ итти
Готовъ и на «Медвѣдя» я.

Скабичевскій, за которымъ никто изъ насъ не признавалъ стихотворнаго таланта, удивилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ слѣдующимъ заправскимъ продуктомъ поэтическаго искусства:

Пусть вьюга злится вокругъ меня,
Мою лачужку заметая,
И пусть собьюсь съ дороги я,
Въ сугробахъ снѣжныхъ утоная;
Но иль пѣшкомъ, иль на конѣ,
Иль въ таратайкѣ на чухнѣ,
Я ровно въ пять часовъ къ обѣду
Приѣду.

Пусть снимутъ всѣ мосты съ рѣки,
Повсюду строятъ баррикады,
Сквозь смертоносные штыки,
Огонь и грохотъ канонады,
Сквозь адъ кромѣшный напроломъ
Прорвуся я богатыремъ
И ровно въ пять часовъ къ обѣду
Приѣду.

Станюковичъ тоже изъ области прозы перешелъ въ стихотворство, но по своему обыкновенію не могъ удержаться отъ сообщенія своему отвѣту «злободневнаго» характера. За нѣсколько дней до этого обѣда Маковъ, только что получившій постъ министра внутреннихъ дѣлъ, приглашалъ къ себѣ всѣхъ представителей русской прессы и держалъ къ нимъ рѣчь въ либеральномъ духѣ. Станюковичъ писалъ:

Я очень радъ—скажу по чести—
Въ «Медвѣдѣ» пообѣдать вмѣстѣ
Съ кружкомъ веселыхъ и живыхъ
Сотрудниковъ изъ «Биржевыхъ».

Не будетъ сумрачнаго лика
На сей трапезѣ... Полетика,
Надѣюсь я, не загруститъ,
Припомнимъ къ Макову визитъ.

Какое дивное явленіе!—
Министръ сказалъ: «Свое правленіе
Я не желаю начинать,
Карая русскую печать.

«А было все уже готово
Для кары «Биржевытъ» суровой
За «Бужы» (¹) ѳдкій фельетонъ,
Зане пона касался онъ.

Но я простилъ...» И Маковъ даже,
Какъ проходимецъ «въ авантажъ».
Рѣчь очень длинную сказавъ
И прессѣ «милость» обѣщавъ.

Но въ рѣчи Макова прекрасной
Звучало, къ сожалѣнью, ясно:
«Посмѣйте факты обобщать—
Въ бараній рогъ согну печать!»

Четвертый, пятый и шестой обѣды совпали съ распространившимися тревожными извѣстіями о появившейся на югѣ Россіи (въ селѣ Ветлянкѣ) чумѣ—извѣстіями, получившими авторитетность, благодаря подтвержденію ихъ знаменитымъ врачомъ Боткинымъ, который лично ѳздивъ въ Ветлянку и обрѣлъ тамъ нѣкоего, по его засвидѣтельствованію, зачумленнаго, Наума Прокофьева, съ «тремя рубцами» на нѣкоей скрытой части тѣла. Этотъ эпизодъ нашель себѣ отраженіе и въ стихотворной работѣ нашихъ обѣдовъ. Такъ, одно изъ приглашеній (написанное мною) гласило:

«Молвы» родившейся сыны
Въ день третій февраля, въ субботу,
Остави всякую заботу,
Въ «Медвѣдь» сойдутся на блины,
Безъ повышенія цѣны
И—въ довершеніе приманки—
Съ икрою прямо изъ Ветлянки...»

А въ другомъ приглашеніи (тоже моего авторства) говорилось:

«Седьмого марта, т. е. въ среду,
Въ «Медвѣдь» опять прійдутъ къ обѣду
Распространители «Молвы»,
Отвѣтите—будете ль и вы?
Вотъ изъ «устава» извлеченье:
А) Будь приглашаемый поэтъ,
Или прозаикъ—онъ отвѣтъ
Даетъ въ стихахъ на приглашенье.
Б) Не допускаются въ обѣдъ:
Суровый взоръ, унынье, дума
Тяжелая; а изъ бесѣдъ—
Бесѣда о рубцахъ Наума.

И т. д.

Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ авторы коснулись «злободневной» темы. Такъ, Скабическій писалъ:

¹) Извѣстный псевдонимъ И. Ф. Василевскаго.

Въ годину тревожную, нынѣ
 Не смѣшно ль толковать о полтинѣ? ¹⁾
 Тѣмъ больше, что сходимся мы
 На взаимной пріязни согрѣтый
 И давно ужъ повтомя воспѣтый
 Пиръ во время чумы.

Онъ же въ другомъ отвѣтѣ сказалъ:

«Блинамъ съ икрою изъ Ветлянки
 Я съ наслажденьемъ дань воздамъ:
 Авось тогда мои останки
 Полезны будутъ хоть червямъ.»

Коснулся этого и А. Н. Плещеевъ въ слѣдующемъ миломъ отвѣтѣ:

«Да, я съ Суворинимъ ²⁾ согласенъ:
 «Вопросы внутренніе—вздоръ».
 Да и притомъ о нихъ опасенъ
 Подчасъ бываетъ разговоръ.
 Сердцамъ російскихъ патріотовъ
 Всего милѣе быть должны
 Не конституція, не льготы,
 А кулебяки и блины.
 И потому, предавъ забвенью
 Налоги, земство и чуму,
 Въ «Медвѣдь» на ваше приглашеніе
 Я поспѣшаю. Но къ чему
 Вы поминули про Ветлянку—
 Сей жгучій внутренній вопросъ?—
 Иль просто рѣемы на «приманку»
 У васъ въ то время не нашлось?
 Ужъ лучше бъ взяли вы «селянку»,
 Чтѣ для отечества сыновъ
 Мила не менѣе блиновъ...»

Чисто минаевскими рѣемами наполненъ его, тоже «злободневный», отвѣтъ:

Пусть намъ кричатъ враги «Молвы»
 Съ такимъ упрекомъ: «Нѣтъ, молъ, вы
 Напрасно знаете съ «Медвѣдемъ»,
 Куда мы съ вами не поѣдемъ,
 Предупрежденные самой
 Всеавгустѣйшею чумой...»
 Пусть иноземцы—край за краемъ —
 Чумы со страхомъ ждуть нѣмымъ.
 И астраханская икра имъ
 Страшна, какъ смерти синонимъ,—
 Но здѣсь не Вѣна, не Карлсруэ,
 Здѣсь Петербургъ, а не Берлинъ.
 И за ветлянскую икру я

¹⁾ Предлагалось участвующимъ увеличить обѣденную плату на полтину.

²⁾ Въ одной изъ своихъ статей въ «Новомъ Времени».

Отдамъ всё игры балеринъ,
 Приѣхавъ ѣсть въ кружкѣ знакомомъ
 Блины, забывши страхъ и сплинъ...
 Авось у насъ не станетъ комомъ
 Ни первый, ни послѣдній блинъ!..

Н. Курочкинъ писалъ:

Встрѣчать канунъ весны въ «Медвѣдѣ»
 Я радъ и въ прозѣ, и въ стихахъ,
 Не заикаясь на обѣдѣ
 О трехъ Прокофьева рубцахъ.
 Но обяжите жъ и Эрнеста,
 Чтобъ онъ не вздумалъ дать рубцовъ.
 Намъ въ мартовскомъ обѣдѣ... вмѣсто
 Циплять и свѣжихъ огурцовъ.

Онъ же упомянулъ мимоходомъ о знаменитой чумѣ въ слѣдующемъ стихотвореніи, адресованномъ на мое имя:

На дворѣ трещать морозы,
 На душѣ царить зима;
 Въ новостяхъ газетной прозы
 Слово грозное: чума.
 Ни слѣда «подъема духа»,
 Мракъ повсюду гонить свѣтъ,
 «Всюду пусто, всюду глухо»,
 Какъ давно сказалъ поэтъ.
 Какъ же мнѣ въ такое время
 (Хоть въ карманѣ только мѣдъ)
 Не развѣять скуки бремя,
 Не отправиться въ «Медвѣдѣ»?
 И не такъ ужъ я палъ, тиной
 Жизни спутанъ, о, поэтъ!
 Чтобъ предъ лишнею полтиной
 Колебаться: быть иль нѣтъ?
 Значить, я и въ эту среду
 Иль приѣду, иль приѣду
 Ровно въ пять часовъ къ обѣду
 Въ вашу дружную среду.

Присылались въ отвѣтъ на приглашенія къ этимъ тремъ «пирамъ во время чумы» и такія произведенія, которыя не имѣли ничего общаго съ этою «злобою дня». Вотъ, напримѣръ, весьма интересное, такъ сказать, автобіографическое стихотвореніе А. Н. Плещеева (23 декабря 1878 г.).

Муза меня посѣщать перестала;
 Пѣсень въ душѣ моей мало;
 Нѣтъ ужъ въ ней прежняго жара.
 Но я подъ старость доволенъ и тѣмъ,
 Что мой желудокъ не знаетъ катара,
 Что и рокфоръ и невшатель я ѣмъ,
 Не ощущая прискорбныхъ послѣдствій;

Что мнѣ не чужды сотѣ и рагу,
 Что и бутылочку выпить могу
 Я въ часъ застольныхъ привѣтствій.
 Вотъ почему и въ «Медвѣдь», господа,
 Съ вами поѣхать не прочь я всегда.

Появились въ это время среди обѣдающихъ В. П. Гаевскій и князь А. И. Урусовъ.

Первый въ своихъ отвѣтахъ ограничивался большею частью четверостишіемъ, въ родѣ:

Седьмого марта, на бѣду,
 Я приглашенъ уже къ обѣду
 И, къ сожалѣнію, въ эту среду
 Въ среду друзей не попаду.

Или:

Пятаго въ среду
 Слѣдуетъ ѣхать къ обѣду:
 Лется тамъ рѣчь откровенно,
 Кормятъ (иной разъ) отмынно,
 И потому непременно
 Приѣду.

Кн. Урусовъ давалъ болѣе простора своему, теперь обнаружившемуся стихотворному дарованію. Вотъ образцы:

«Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
 Изъ нѣдръ блестящаго Парижа,
 Въ суровый Питеръ, въ снѣгъ и грязь,—
 Друзья «Молвы», я снова васъ увижу!
 На пиръ осьмого октября
 Приѣду я съ радостью, желаніемъ горя,
 Чтобъ нашъ банкетъ «Медвѣжьяго Притона»
 Подобенъ былъ Пиру Платона».

Другой образецъ:

«Приду навѣрное къ обѣду—
 Къ духовно-чувственной ѣдѣ—
 И отпирею съ вами въ среду
 Въ журналистической средѣ.
 На прѣсность жизни негодую,
 Надѣюсь, иль точнѣе—мню,
 Что на пирушкѣ той найду я
 Литературное меню.
 Сперва «аттическою солью»
 Бесѣду можно оживить,
 А тамъ, въ утѣху своеволью,
 Барковскій перецъ допустить.
 И въ подпусканіи турусовъ
 И на колесахъ, и иныхъ,
 Въ ѣдѣ диковинъ выписныхъ
 Участью приметъ

вашъ Урусовъ.

На послѣднемъ весеннемъ обѣдѣ 1879 г. (передъ закрытіемъ «сезона») къ приглашеннымъ былъ обращенъ предварительно (въ стихотворной формѣ) вопросъ: желаютъ ли они имѣть въ составѣ обѣда ботвинью, или предпочитаютъ супъ. Изъ полученныхъ отвѣтовъ приведу отвѣтъ Минаева:

«Въ послѣдній разъ, конечно, буду
 Я съ вами хоронить сезонъ
 И въ гробъ его охотно сбуду
 Подъ дружный рюмочный трезвонъ...
 Богъ съ нимъ, съ сезономъ этимъ грустнымъ,
 Съ его злобѣщею вимой,
 Раскрыть не позволявшей устъ намъ,
 Съ журнальной бранью и съ чумой!
 Надежды на весну возложимъ,
 Запѣвши, кто во что гораздъ,
 А коль она — всего ждать можемъ —
 Намъ ничего не дастъ, положимъ,
 То хоть ботвинью нынче дастъ —
 Ботвинью съ рыбой, съ шейкой рачьей..
 Я свой привѣтъ ботвиниѣ шлю:
 И хоть и западникъ горячій,
 Горячихъ суповъ не терплю;
 При чемъ за западный желудокъ
 Передъ восточнымъ заступаюсь
 И старый русскій предрасудокъ
 Съ желудковъ русскихъ снять рѣшусь.
 Они у насъ виѣ партій: глухо
 Ворчатъ лишь, если срокъ придетъ,
 И часто ѣсть одно и пьеть
 И Боборыкинское брюхо
 И Иловайскаго животь;
 И за обѣдомъ, за закуской
 Нашъ кухня всякая миритъ;
 По истинѣ — желудокъ русскій
 Не патріотъ, — космополитъ.
 Вразбродъ мы сооримся и вкупѣ,
 А у желудка свой протестъ,
 И, брови иногда насупя,
 Нашъ патріотъ сидитъ на супѣ,
 А западникъ ботвинью ѣсть».

Не помню уже почему, на одинъ изъ послѣднихъ обѣдовъ приглашеніе было послано въ прозѣ. Это вызвало со стороны того же Минаева слѣдующій протестъ:

«Приглашенье на обѣдъ
 Я прочелъ вчера съ уныніемъ:
 Какъ! Стиховъ обычныхъ нѣтъ?
 Измѣняютъ всѣ отнынѣ имъ?
 Я корю въ концѣ концовъ
 Членовъ нашей всей редакціи:
 Неужели на пѣвцовъ
 Такъ у насъ упали акціи,

Что нѣтъ мастера въ «Молвѣ»
 На куплеты кулинарные;
 Хоть стоять въ ея главѣ
 Стихотворцы не бездарные?
 Или муза не въ ладахъ
 Этотъ годъ съ Петромъ Исаичемъ?
 Или онъ насъ забылъ въ трудахъ,
 Заявъ въ Питерѣ не знаю чѣмъ?
 Чтобъ Эрнеста поддержать —
 И уху, и сладость щей его,
 Не нашлось куплетовъ пять
 У маститаго Пळेцева?
 Написать стиховъ хоть томъ
 Попросили бы Минаева;
 Но не вѣдалъ онъ о томъ,
 И не въ счетъ идетъ вина его.
 Я, конечно, умолчу
 О Васильѣ Аполлонычѣ: ¹⁾
 «Двухъ стиховъ не настрочу,
 Хоть бы спину гнулъ я до ночи» —
 Онъ признался какъ-то мнѣ;
 Почему и избавляется
 Отъ упрековъ всѣхъ вполнѣ,
 И пусть прозой разрѣшается.
 Также долженъ умолчать
 Я о Коршѣ и о Ватсонѣ:
 Вѣдь, стихи начавъ писать,
 Провалиться рады въ адъ-съ они!
 (Прибавляю здѣсь съ,
 Чтобъ смягчить сравненье грубое;
 На обѣдѣ, напримѣръ,
 Грубость дерзость есть сугубая).
 Я же свой держу обѣтъ,
 И, теперь въ стихахъ бесѣдуя,
 Отвѣчаю: на обѣдѣ
 Въ день назначенный приѣду я».

Ограничиваюсь на этотъ разъ сдѣланными выдержками изъ моего автографнаго обѣденнаго альбома. Со временемъ представлю еще кое-что изъ него читателямъ «Историческаго Вѣстника».

Петръ Вейнбергъ.

¹⁾ Полетика.

НА ВОЛЬНЫХЪ МИТИНГАХЪ.

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

I.

На волжскомъ пароходѣ.

ВЕРЕДЪ роспускомъ второй государственной думы политическое настроеніе на Волгѣ было нѣсколько приподнятое и какое-то озлобленное. Всякаго рода разговоры на злобы дня принимали очень рѣзкую окраску, переходя нерѣдко въ открытую перебранку между собесѣдниками. Узкая партійность, проникнутая некультурной нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, начинается, къ сожалѣнію, овладѣвать русскими мозгами, напоминая вполне крайнюю нетерпимость нашего старообрядчества, разбившагося—подобно современнымъ политикамъ—на сотни толковъ, исключаящихъ другъ друга...

О самой думѣ, полный провалъ которой всѣмъ билъ въ глаза, мало толковали на Волгѣ. Думу только брали походя и правые, и лѣвые, а умѣренные издѣвались надъ нею. Гораздо серьезнѣе относились волгари къ разнымъ другимъ вопросамъ, настойчиво выдвинутымъ смутою. На первомъ планѣ, конечно, доминировалъ вопросъ объ «активномъ выступленіи» въ революціи нашего мужика.

Памятенъ особенно одинъ вольный митингъ, случайно образовавшійся на большомъ волжскомъ пароходѣ и поставившій предметомъ обсужденія именно послѣдній вопросъ. Собралось какъ-то

на кормѣ болѣе десятка пассажировъ разныхъ званій, профессій, состояній, и скоро между ними завязалась общая бесѣда.

Вниманіемъ всѣхъ овладѣлъ упитанный представитель «третьяго элемента» въ одномъ приволжскомъ земствѣ, поторопившійся удрать съ «революціоннаго» юга Россіи на умѣренно настроенное Поволжье. Онъ разсказывалъ ужасы о мужицкомъ движеніи прошлаго года въ Таврической губерніи.

— Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ богатый помѣщикъ подарилъ своимъ сосѣдямъ мужикамъ 300 десятинъ роскошной пахотной земли, а самъ на остальной занялся разведеніемъ виноградниковъ. Понятно, съ облагодѣтельствованными мужиками установились прекрасныя, дружескія отношенія. Помѣщикъ не жалѣлъ о сдѣланномъ подаркѣ, такъ какъ весь ушелъ въ виноградарство и добился отличныхъ результатовъ: по-европейски оборудованные подвалы ломились отъ бочекъ дорогого вина, имѣвшаго выгодный сбытъ. Подошла смута... вездѣ начались безпорядки, хулиганство... Но нашъ винодѣль былъ спокоенъ и только подсмѣивался надъ тревогами сосѣдей-помѣщиковъ. Мыслимо ли было, чтобы его тронули облагодѣльствованные имъ мужики, у которыхъ конца краю не было благодарностямъ «доброму барину»?!

— И, конечно,—отозвался пожилой господинъ,— эти «добрые мужички» въ первую голову распатронили своего благодѣтеля и «добраго барина»?

— Да,—продолжалъ благодушно земець,—такъ и случилось... Всѣ виноградники и подвалы съ виномъ погибли въ прошломъ году отъ своихъ же мужиковъ, даромъ надѣленныхъ 300 десятинъ!.. Они варварски вырубилъ всѣ виноградники—блестящій плодъ долготѣней культуры!.. Они же выпустили въ подвалахъ все дорогое вино изъ бочекъ... Мужики, бабы, дѣти по колѣна и по поясъ бродили въ винѣ и по-собачьи лакали, сколько хотѣли... Сняли свои кожаные бахалы (обувь) и черпали ими вино... А когда пресытились, стали поносить хозяина за дурной якобы вкусъ вина: «воняе кожей»—жаловались мужики... А воняло отъ ихъ бахаловъ... Да, это была оргія-съ!..

— Экіе скоты!—не удержался кто-то изъ слушателей.

— Протестъ противъ капитала!—сладоострастно взвизгнулъ какой-то юный радикаль, вмѣстѣ съ другими юнцами весело хохотавшій во время разсказа земца.

— Позвольте-съ!—продолжалъ послѣдній.—Это еще не все... У другого помѣщика мужики разломали всю усадьбу и разграбили рѣшительно все, утащили до послѣдняго кирпича, обломка доски, изломаннаго гвоздя... Вырыли даже чугунныя трубы водопровода, разбили ихъ и все до кусочка унесли... У него же цѣликомъ жарили тонкорунныхъ овецъ, а каждая стоила по 1000 р. Хохлы говорили: «треба покуштовать, що воно таке оціи бараны по тысячѣ карбованцевъ... мабутъ дуже солодки!» И обжирались ими досыта...

— И никто не останавливалъ этого варварства? — поинтересовался пожилой господинъ.

— Видите ли... попытки были...—какъ-то нерѣшительно отвѣтилъ земецъ.—Вотъ и мы, кадеты, устраивали тамъ митинги... Но вліять на мужиковъ было невысказано...

— Не сумѣли повліять...

— Но позвольте! какъ тутъ вліять?! Былъ у насъ такой случай... Какъ-то мы устроили митингъ и, казалось, повліяли на мужиковъ въ духѣ умѣренности... Они сами стали осуждать свои насилія... Потомъ мы сдѣлали перерывъ, чтобы отдохнуть и чаю напиться... А въ это время явились крайніе лѣвые, собрали свой митингъ и, пока мы благодумствовали за чаемъ, они разрушили всю нашу работу и перетянули къ себѣ мужиковъ, пообѣщавъ имъ «даровую землю» и другія блага... Ну, мужикъ опять сталъ на дыбы и пошелъ снова куролесить...

— Значить, вы, кадеты, проиграли первородство за стаканъ чаю!..—замѣтилъ тотъ же пожилой господинъ, подъ хохотъ слушателей.

— Помилуйте!—сталъ кипятиться земецъ.—Надо знать нашего мужика! Вѣдь грабили не одни хулиганы и отбросы мужицкаго міра, а самые лучшіе его элементы... да-съ! У насъ, на югѣ, грабили всѣ поголовно, въ томъ числѣ и очень богатые мужики, имѣющіе капиталы въ десятки тысячъ, сотни десятинъ земли, виноградники, сады... Особенно поражали богачи-молочане... Этакіе знаете, чисто апостольскіе, благообразные лики, сытые и грандіозныя фигуры, а тащили всякую дрянъ, наравнѣ съ бѣдняками и хулиганами!.. Нѣтъ-съ! это было чисто стихійное движеніе, своего рода протестъ...

— Хорошъ протестъ въ формѣ открытаго грабежа!..

— Хорошъ ли, нѣтъ ли, но это единственная доступная народу форма протеста,—настаивалъ земецъ-кадетъ, вдругъ вспомнившій, что онъ долженъ быть и «демократомъ»...

— И неправда!—перебилъ его пожилой господинъ:—въ другихъ мѣстахъ народъ находилъ инныя формы протеста, болѣе честныя и порядочныя, безъ этого варварства, хулиганства, грабительства... Народу доступны и словесные протесты, и письменные... И наши радикалы нерѣдко прибѣгали къ нимъ, подсовывая народу для подписи сочиненные ими «приговоры»...

— Можетъ быть,—соглашался земецъ:—но на югѣ была только одна эта форма протеста—все разрушить, камня на камень не оставить... Да-съ, теперь мужикъ не тотъ, что былъ прежде... онъ разочарованъ во всемъ...

— А! новый видъ російскаго «разочарованія», выражающагося въ грабежахъ и стремленіи поживиться на чужой счетъ!.. И вотъ только въ такомъ чисто матеріальномъ «разочарованіи» и

сказываются единственные результаты «великаго освободительнаго движенія»! Жалкое же это движеніе, не давшее ни одной высокой идеи...

На пожилого господина напустилось большинство собесѣдниковъ, оказавшихся очень радикально настроенными. Кромѣ кадета-земца, были тутъ разныя фигуры. Выступилъ кряжемъ сложенный деревенскій кулакъ, вдругъ завопившій о необходимости похерить всю полицію и всякое начальство, очевидно, мѣшающія развернуться во всю ширь его кулаческимъ талантамъ... Плакался на земскихъ начальниковъ какой-то изможденный отставной чинуша, повидимому, самъ преждевременно изверженный изъ сонма этихъ всегдашнихъ «козловъ отпущенія».. Шипѣлъ на администрацію жирный купчина, озлобленный плохой торговлей, виновникомъ которой считалъ всѣхъ рѣшительно властей...

Выступали тутъ и «безработные», отлынивающіе отъ работъ и неучащаяся «учащаяся молодежь», и какія-то сѣренькія личности сомнительныхъ профессій, и всякіе недоучки и недоноски. Эти были радикальнѣе всѣхъ и громили, какъ полагается по шаблону, и «старый режимъ», и «бюрократію», и всѣхъ и вся, кромѣ самихъ себя...

Удивительно было единодушіе, съ какимъ всѣ эти «радикалы» обнаруживали во всѣхъ своихъ «оппозиціонныхъ» рѣчахъ исключительно личныя эгоистическія цѣли, да и тѣ невысокаго полета: дальше матеріальныхъ стремленій они не шли... Если иные изъ нихъ и выступали какъ будто за «классовые интересы», то и тутъ цѣль была та же самая—наращиваніе собственныхъ «животовъ»...

Явился только одинъ оппонентъ, заговорившій на болѣе высокую тему. Это былъ приличный господинъ среднихъ лѣтъ, попытавшійся выступить на защиту якобы «обижаемаго» народа.. Онъ говорилъ, обратясь къ пожилому господину, громившему грабежи и хулиганство народа:

— Правы ли вы въ своихъ нападкахъ на народъ? Вѣдь грабятъ и хулиганствуютъ тысячи, а миллионы сидятъ спокойно... Можно ли за грѣхи немногихъ казнить всѣхъ?

— Казнить никого не слѣдуетъ,—отвѣчалъ тотъ:—но относиться благодушно къ народному варварству—великій, незамолимый грѣхъ предъ этимъ самымъ народомъ!.. Пусть хулиганствуютъ тысячи, но вѣдь эти хулиганы—продуктъ того же народа... И зараза хулиганства страшно растетъ, захватывая уже не одни народные отбросы, а даже его «лучшіе» элементы... Вотъ вы слышали, какъ разбойничали таврическіе молокане — вѣдь это ужасъ!.. Да и вообще, «спокойствіе миллионовъ»—это ложь, основанная на незнаніи или непониманіи народа... Многіе судятъ по своему околотку, почему-либо по внѣшности «спокойному»... Нѣтъ-съ! «спокойствіе миллионовъ»—очень сомнительное, подозрительное, несущее въ будущемъ страшныя разочарованія...

— Правда!—поддержалъ его молодой чиновникъ судебного вѣдомства.—Вотъ возьмите хотя бы нашъ Черноярскій уѣздъ (Астраханской губ.). Въ той части его, что примыкаетъ къ Донской области, живутъ очень зажиточные хохлы, давнiе переселенцы изъ Воронежской губерни. Надѣльной земли у нихъ по 17 десятинъ, но главное ихъ богатство—гурты мясного скота. За сущiе пустяки они арендуютъ для гуртовъ степи у калмыковъ. Это жалкое, вырождающееся отъ пьянства и бездѣлья племя, которое хохлы эксплуатируютъ ужасно... За водку и гроши они снимаютъ у калмыковъ такую уйму степей, что не справляются съ нею. Сдѣлавши запасы сѣна на 2—3 года, не считая того подножного корма, что стравили гуртами скота, массу арендованныхъ степей хохлы бросаютъ неиспользованными... Словомъ, наши хохлы очень состоятельные люди. Пьютъ они страшно...

— Лучшая мѣрка народнаго благосостоянiя!—кто-то вставилъ ехидно.

— Да-да! къ сожалѣнiю, это такъ... продолжалъ рассказчикъ.—Знаю я, какъ много пьютъ волгари, но наши хохлы перещеголяли ихъ... Свадьбы у нихъ празднуются по цѣлому мѣсяцу и сколько тутъ выпивается водки—уму непостижимо... Или вотъ недавнiй случай... Одинъ хохоль рѣшилъ продать пару воловъ за 180 р., чтобы купить себѣ пару подешевле и еще прикупить кое-что для хозяйства. Но когда ему удалось продать свою пару за 280 р., лишнюю сотню онъ всю пропилъ, безъ остатка...

-- Но позвольте! къ чему вы все это рассказываете? — перебилъ нетерпѣливый слушатель.

— А вотъ къ чему... Нашъ сытый и благодуществующiй за водкой народъ доселѣ «спокоенъ»: ни бунтовъ, ни беспорядковъ, ни хулиганства у насъ не было и нѣтъ. «Политика» до насъ не доходитъ, никакой пропаганды нѣтъ, никакихъ «сознательныхъ товарищей» не обрѣтается... Но броженiе въ народѣ есть и направлено оно, какъ водится, въ самую низменную—материальную сторону... Сытый по горло землею, нашъ хохоль мечтаетъ о «даровой прирѣзкѣ» ему той уймы калмыцкихъ степей, которую онъ арендуетъ за гроши и съ которою не можетъ справиться!.. Разгораются у сытыхъ людей жадные аппетиты на чужое добро... Хорошо такое «спокойствiе»!.. Есть тутъ чему «поучиться» у «спокойно сидящихъ» народныхъ массъ, мечтающихъ о всеобщемъ ограбленiи чужихъ достатковъ въ свою пользу!.. Очень поучительно и назидательно.

На судебного чина напали радикалы всѣхъ оттѣнковъ. Поднялся несуразный российский галдежъ, гдѣ ничего нельзя было толкомъ разобрать. Я ушелъ отдохнуть и освѣжиться бесѣдой съ своимъ случайнымъ спутникомъ—сосѣдомъ по каютѣ. Это былъ молодой интеллигентный французъ, хорошо знакомый съ Россiей,

какъ и съ своей родиной, гдѣ недавно отбывалъ воинскую повинность. Этотъ культурный человѣкъ въ ужасъ приходилъ отъ нашего «освободительнаго движенія» и особенно отъ «активныхъ выступленій» всякаго сорта русскихъ «революціонеровъ». Близко стоя къ фабричному дѣлу, онъ прямо говорилъ:

— Развѣ мыслимо удовлетворить требованія «сознательныхъ» фабричныхъ рабочихъ?! Это была бы гибель промышленности, т. е. смерть самихъ рабочихъ!.. Они рубятъ тотъ сучокъ, на которомъ сидятъ... А локауты хозяевъ—вполнѣ нормальное явленіе естественной самозащиты противъ нелѣпныхъ и нахальныхъ требованій рабочихъ...

Послушали бы этого культурнаго республиканца наши дикіе «сверх-человѣки»!.. впрочемъ, они давно похерили и Европу, со всей ея культурой, и всѣ высшія задачи человѣчества...

Пароходъ нашъ подходилъ къ пристани въ Работкахъ. Вся она была набита толпою около 50 бабъ, грязныхъ, оборванныхъ, одѣтыхъ въ тряпки и лохмотья. Впереди бабъ стояли двое мужиковъ, одѣтыхъ поприличнѣе. Толпа еще издали, когда пароходъ дѣлалъ оборотъ къ пристани, усиленно кланялась по адресу командира, вышедшаго на мостикъ. Когда пароходъ остановился, бабы еще усиленнѣе закланялись и загадѣли что-то. Одинъ изъ вожakovъ остановилъ ихъ и обратился къ командиру:

— Сдѣлайте милость! свезите насъ даромъ!.. мы погорѣльцы... денегъ нѣтъ...

— Куда ѣдете?

— Въ Нижній, за способіемъ къ Бугрову... погорѣли мы...

— Не могу даромъ везти... берите артельные билеты по 30 копеекъ...

— Что ты, батюшка! не можемъ мы столько платить... возьми по 5 копеекъ!..

— Нельзя теперь торговаться: у насъ введенъ тарифъ и на артельные билеты...

— Возьми по 10 копеекъ!..

— Не могу...

— Ну, по 15-ти!..

— Нельзя...

— Бери по 20-ти!..

Командиръ махнулъ рукой и сталъ отчаливать. Бабы заругались и очень скверно, а вожаки ихъ даже кулаками погрозили уходящему пароходу.

Публика на пароходѣ взволновалась, упрекая командира въ «жестокости къ бѣднымъ погорѣльцамъ»...

— Полноте!—вступился за командира какой-то волгарь:—какіе это «погорѣльцы», если они готовы были дать за провозъ по 20 копеекъ!.. то «денегъ нѣтъ», то вдругъ двугривенные легко

нашлись у нихъ!.. И зачѣмъ идутъ толпою въ Нижній?! Настоящія погорѣльцы послали бы къ Бугрову 2—3 выборныхъ—и предостаточно... А они валяютъ цѣлою толпою, чтобы разсыпаться по Нижнему и побираться тамъ... попрошайки!.. И командиръ справедливо усомнился въ ихъ нуждѣ...

— Но бабы такъ оборваны...—замѣтила сердобольная пассажирка.

— Это—комедія съ переодѣваніемъ!.. маскарадные костюмы!..

— Знаете ли,—подхватилъ другой волгарь:—въ Нижегородской губерніи есть цѣлыя селенія профессиональныхъ «нищихъ» и вѣчныхъ «погорѣльцевъ», ежегодно «сгорающихъ до тла», промышляющихъ нищенствомъ въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время. И, благодаря этому «кустарному промыслу», эти мужики живутъ богато...

— Вѣрно, господинъ!—подхватила чуйка.—Знаемъ мы доподлинно этихъ «погорѣльцевъ»: сосѣди они наши... Больше десяти лѣтъ не сгорѣло у нихъ ни одной хибарки... а въ Нижнемъ и по другимъ мѣстамъ по мѣсяцамъ каждый годъ «горятъ»... И зарабатываютъ немалыя суммы!.. живутъ хорошо... И земли у нихъ предостаточно... Нѣтъ-съ, командиръ поступилъ правильно-съ... въ самый разъ!.. Надо отучивать этихъ проходимцевъ и попрошаекъ!..

Да... есть чему «поучиться» у «спокойно сидящихъ милліоновъ народа»...

Съ пристани доносились скверныя ругательства мнимыхъ «погорѣльцевъ», оставшихся дожидаться болѣе покладастаго парохода.

II.

На пристани.

Матросъ внесъ мой багажъ въ пристанскую каюту Унженскаго пароходства въ Юрьевцѣ-Поволжскомъ. Приходилось просидѣть тутъ всю ночь, въ ожиданіи парохода, идущаго на рѣку Унжу.

Въ каютѣ было еще двое пассажировъ—пожилая, степенная женщина, просто, но чисто одѣтая, и ея сынъ, мальчикъ 10 лѣтъ. Это была крестьянка изъ близкаго приволжскаго села, ѣхавшая къ мужу, машинисту буксирнаго парохода, и поджидавшая унженскаго парохода, на которомъ сынъ ея служилъ помощникомъ машиниста. Словомъ, принадлежала она къ семьѣ достаточной и нѣсколько культурной.

Спрашиваю ее про мальчика:

— И этого сына собираетесь пустить въ волгари?

— Хотѣлось бы, чтобы и онъ шелъ по отцовской дорожкѣ, да не знаемъ, выйдетъ ли изъ него толкъ...

— Отчего же? вѣдь старшему вашему сыну удалось...

— Эхъ, батюшка! тогда было другое время... Учительница въ нашей земской школѣ была тогда серьезная, степенная дѣвушка, съ дѣтьми занималась прекрасно, любила и дѣтей и свое дѣло... Она-то и вывела моего старшаго сына въ люди, помогла ему... И другіе ея ученики—всѣ вышли дѣльными парнями... Золотая была учительница! Сколько слезъ-то было, какъ она ушла отъ насъ...

— А теперь развѣ хуже пошло дѣло?

Пассажирка махнула рукой и съ негодованіемъ заговорила:

— Ужъ такъ-то худо, что и вспоминать-то тошно... Одно только званіе, что школа, а толку отъ нея никакого... Мальчонки ничего не знаютъ и ничему не учатся... Зря болтаются они въ школѣ, да и дома тѣмъ же заняты... Прежде-то бывало задавали имъ уроки на домъ, ну, и сидятъ ребяташки надъ книгами или тетрадями чуть не цѣлые дни, и стараются все приготовить на завтра... А нонѣ это отмѣнили: долженъ-де учиться только въ школѣ, а дома здоровье нагуливать... Отчего бы и не такъ, коли въ школѣ хорошо съ ними занимаются? А у насъ этого-то и нѣтъ...

— Плохая учительница?

— А пѣсь ихъ знаетъ!.. четыре у насъ учительницы—школа большая... И всѣ молодыя дѣвчонки, вертопрашки—прахъ ихъ возьми!.. Въ школу-то рѣдко и заглядываютъ... Зададутъ уроки и убѣгутъ въ больницу... Тамъ имъ веселье: тамъ докторъ, фершалъ, акушерка... А ребята, извѣстно, балуются безъ призора...

— А то вотъ одна учительница,—перебилъ бойкій мальчикъ,—такъ она намъ все на балалайкѣ наигрываетъ...

— Какъ такъ? въ классѣ, на урокахъ?!

— Извѣстно, въ классѣ...—отвѣтилъ мальчикъ.—Задастъ это намъ уроки, а сама усядется... этакъ ножка на ножку... приспособить свою балалайку и зачнетъ тренкать...

И мальчикъ живо и наглядно изобразилъ, какъ учительница на урокахъ забавляетъ ихъ балалайкой...

— Правда ли это?—спрашиваю у матери.

— Вѣрно, сударь!.. И смѣхъ, и горе съ нею... Ребята зудятъ уроки, или пишутъ тамъ, а она тутъ же сидитъ и тренкаетъ на балалайкѣ... Ну, какое ужъ тутъ ученіе!.. Страсть какъ любить она балалайку... говорятъ, большой талантъ у ней къ этому струменту... всѣ одобряютъ...

— Ну, ужъ порядки въ вашей школѣ! Уроки съ балалайкой—очень хорошо!..

— Да, сударь, одно горе, а не школа!.. Ребята раснущены и ничего-то не знаютъ... иной и хотѣлъ бы толкомъ поучиться, да не у кого...

— Что же вы молчите, не жалуетесь?..

— Пробовали, да толку не выходило... Приѣзжалъ какъ-то инспекторъ... И его угостили балалайкой!.. очень одобрялъ игру!..

Въ каютѣ появились другіе пассажиры, и наша бесѣда оборвалась.. Холодная майская ночь загнала въ тѣсную каюту нѣсколько десятковъ пассажировъ. Рѣдкимъ счастливымъ удалось прилечь, а большинство сидѣло на лавкахъ, столахъ, даже на полу.

Позже всѣхъ ввалилась толпа унженскихъ лѣсопромышленниковъ и покупателей лѣса, отправлявшихся на Унжу. Во главѣ ихъ былъ пожилой интеллигентный господинъ, покупатель лѣса изъ Нижняго. Войдя въ каюту и замѣтивъ нѣсколько улегшихся женщинъ и дѣтей, онъ обратился къ своимъ спутникамъ:

— Господа! прошу не беспокоить дамъ и дѣтей!..

— Зачѣмъ беспокоить? мы тихимъ манеромъ...—отвѣчали они.

Однако, черезъ нѣсколько минутъ благой совѣтъ былъ забытъ, и толпа лѣсопромышленниковъ подняла такой гадѣжъ, что обо снѣ всѣ позабыли... Потолковали они о своихъ лѣсныхъ дѣлахъ и сплавѣ лѣса, а затѣмъ перешли на общія темы. Образовался заправскій митингъ съ толковымъ председателемъ (интеллигентнымъ лѣсопромышленникомъ) и недурными ораторами, завязавшими горячія пренія о трудѣ и капиталѣ, о мужикѣ и пьянствѣ и т. д. Партийныхъ людей здѣсь, повидимому, не было, но у всѣхъ много было здраваго смысла, знанія жизни, любви къ порядку и культурѣ.

Революціонныя рѣчи здѣсь были немислимы, ибо онѣ звучали бы въ этой дѣловой атмосферѣ очень дико, пошло, глупо... Правда, нашелся было одинъ субъектъ, предъявившій на нашемъ митингѣ самыя анархическія требованія. Это была какая-то обтрепанная и полинялая личность — не то отставной волостной писарь, не то изгнанный сельскій учитель и т. п. Онъ былъ страшно недоволенъ медленнымъ ходомъ революціи и требовалъ, чтобы ему сейчасъ же вынули да положили все, что полагается по всѣмъ программамъ всѣхъ ультра-революціонныхъ партій... Всѣ крайнія программы и партіи перемѣшались въ слабыхъ мозгахъ этого представителя деревенской «полуинтеллигенціи», и получился замѣчательный сумбуръ, вызывавшій взрывы хохота среди трезвой и здравомыслящей унженской публики, давшей анархисту надлежащій и дружный отпоръ. Онъ былъ положительно одинокъ съ своими дикими взглядами и не встрѣтилъ сочувствія даже среди зеленой молодежи. Фіаско его было тѣмъ полнѣе, что дикость убѣжденій соединялась у него съ величайшимъ самомнѣніемъ и полною самовлюбленностью, которыя такъ и били въ глаза. Видимо, что онъ только потому и подгоняетъ революцію, что вѣрить, будто она вознесетъ его на какія-то высоты и немедленно приобщитъ его ко всѣмъ благамъ жизни, коихъ онъ безнадежно лишенъ при настоящемъ режимѣ...

И если основательно приглядѣться къ большинству «сознательныхъ» революціонеровъ, пополняемыхъ обычно изъ разряда недоучекъ, недорослей, недоносковъ и обязательныхъ неудачниковъ въ жизни, то у всѣхъ у нихъ доминируютъ личныя цѣли, насколько не менѣе и не выше тѣхъ, какими задаются и «революціонно» настроенные мужики... Чисто идейные революціонеры — очень большая рѣдкость даже на верхахъ революціи, среди сливокъ ея...

Очень знаменательнымъ явленіемъ на нашемъ митингѣ было то, что находившаяся тутъ молодежь также шла противъ революціи и горою стояла за культуру и порядокъ. Годъ назадъ ничего подобнаго нельзя было бы встрѣтить отъ молодежи, тогда крайне революціонно настроенной... «Прелести» революціи отрезвляюще подѣйствовали и на лучшіе элементы молодежи...

И когда на нашемъ митингѣ «отцы» заговорили «съ осудомъ» о пьянствѣ мужика и о страшной развращенности деревенской молодежи, присутствовавшія «дѣти» вполне поддержали отцовъ. Одинъ изъ послѣднихъ говорилъ между прочимъ:

— Господи! а сколько этой поганой ругани развелось у насъ—страсти!.. иного клопа отъ земли не видно, а чешетъ матерно, словно заправскій бурлакъ...

— А ужъ въ этомъ вы, старики, сами виноваты, — замѣтилъ предсѣдатель митинга.—Сами охочи походя ругаться.. недаромъ и вы бурлачили!.. а малыши отъ васъ поучаются...

— Грѣшны-то мы, грѣшны на этотъ счетъ, а все же, когда мы сами были въ ребячьемъ возрастѣ, мы такъ не ругались...

— А почему? это я вамъ объясню изъ собственнаго примѣра.. Я тоже выросъ въ деревнѣ и также рано узналъ всякую пакостную ругань. А вотъ съ 10 лѣтъ совсѣмъ разучился ругаться.. Былъ такой случай. Какъ-то на улицѣ повздорилъ я съ товарищемъ и выбранилъ его скверно. Услышалъ это проходившій старикъ, схватилъ меня и больно-пребольно отодралъ за вихры... Да и говорить: «если ты еще разъ такъ выругаешься, такъ я тебя еще не такъ отдеру, да и отцу твоему скажу, а онъ тебя выпоретъ...» Съ тѣхъ поръ мои уста ни разу не открывались ни для какой брани!..

— Вѣрно оно! мальцовъ нельзя иной разъ не приструнить... Да нынѣшнихъ-то ничѣмъ не проберешь...

— Не умѣете во время взяться, упускаете моментъ — вотъ и все!..

— Да, — началъ другой старикъ, — въ стары-то годы не выходили у отцовъ изъ воли—не то, что ребята, а и взрослые дѣти... Недавно въ нашемъ селѣ померъ николаевскій солдатъ, очень древній старикъ, было ему много больше 100 лѣтъ. Такъ онъ, когда требовалось, безо всякой церемоніи «куделилъ» своего сына.

А сыну-то было за 50 лѣтъ и состоялъ онъ много лѣтъ волостнымъ старшиною, былъ человѣкъ почтенный, уважаемый, справедливый. Ну, известное дѣло, иной разъ грѣхъ его попутаетъ—проштрафится въ чемъ передъ родителемъ, или жену тамъ зря обидить, или что по хозяйству выйдетъ у него неладно... Такъ родитель сейчасъ старшину-то за вихры и ну его куделить, да не въ шутку, а всерьезъ, пребольно...

— И сынъ не давалъ сдачи отцу?—зло спросилъ радикалъ.

— Попробовалъ бы ты дать ему сдачи!—воскликнулъ рассказчикъ, презрительно глядя на плюгаваго оппонента. — Волостной старшина былъ такой же богатырь, какъ и отецъ его, и могъ бы справиться съ нимъ, но у него и въ помышленіи не было, чтобы поднимать руку на отца... До такого сраму тогда дѣтки не додумывались!.. Да и старикъ-то всегда куделилъ за дѣло, а не то, что зря, или по своему капризу, что ли... И сынъ это чувствовалъ и покорно переносилъ гнѣвъ родителя... А не то, что руку поднимать на родителя!..

— Да это ужъ что!.. — замѣтилъ другой старикъ. — Къ этому мы давненько привыкли, что нонѣшнія дѣтки не прочь и сдачи дать родителю... А то вотъ еще какая пакость нынѣ пошла у молодежи: и мать-то родную перестали уважать!.. и ее-то способны не только обляять самымъ пакостнымъ родомъ, а и руку-то поднять на нее, на свою-то родительницу!.. Вотъ до какого грѣха дошли наши парни!..

— Да, ужъ это самое послѣднее дѣло! — резюмировалъ нашъ председатель.—Рушатся самыя основы семьи...

— Отжившее учрежденіе!—выпалилъ анархистъ.—Пусть и гибнетъ... А матери бываютъ разныя... нельзя всѣхъ уважать...

— Да вѣдь носила она тебя?—горячо накинулся на него одинъ старикъ. — Мучилась съ тобою?.. не знала же она, что выносить вотъ такое дитяtko, какъ ты!.. «Разныя матери»!.. нѣтъ, врешь!.. всѣ онѣ одинаково святыя за ихъ материнскія муки!.. Только подлые люди могутъ не уважать своихъ матерей!..

Молодежь энергично поддержала старика и заставила умолкнуть недалекаго противника «отжившаго учрежденія».

III.

На унженскомъ пароходѣ.

Старый, грязный, неуютный пароходъ «Унжа» медленно поднимался вверхъ по рѣкѣ. Дождь моросилъ, какъ осенью, не позволяя выйти на открытую палубу. Пассажиры тѣснились въ миіатюрной столовой рубкѣ I класса, помѣстившись за единствен-

нымъ столотъ, такъ тѣсно поставленнымъ, что выйти изъ-за него можно было только поднявши половину засѣдавшей публики.

Но въ тѣсотѣ да не въ обидѣ. Благодаря именно тѣсотѣ пассажиры очень скоро сблизились, чему много помогло и радушіе унжакотъ, составлявшихъ большинство публики, почти исключительно принадлежавшей къ «лѣсному» міру. Были тутъ лѣсопромышленники, скупщики лѣса, ихъ довѣренныя, владѣльцы лѣсопилокъ, комиссіонеры, судовладѣльцы и т. д. Всѣ они были заняты своими лѣсными и сплавными операціями, объ нихъ только думали и толковали, а политикой почти не интересовались. И какъ легко чувствовалось въ этой дѣловой атмосферѣ, полной энергіи, труда, выносливости!.. Душа отдыхала здѣсь послѣ политической сутолоки большихъ городовъ и всякой «политики», еще господствовавшей на Волгѣ.

Однако, и на Унжѣ не обошлось безъ политики, благодаря присутствію въ нашей компаніи двухъ евреевъ—владѣльца лѣсопилки въ приволжскомъ городѣ и его приказчика. Хозяинъ—человѣкъ интеллигентный, даже съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Конечно, оба еврея оказались сторонниками революціи, но... вѣдь евреямъ чуть ли не самъ Іегова заповѣдалъ быть вѣчно въ оппозиціи всему свѣту.

Разумѣется, и на Унжѣ революціонныя рѣчи евреевъ встрѣтили дружный отпоръ. А когда имъ поставили прямой вопросъ о позорныхъ и плачевныхъ результатахъ «освободительнаго движенія», они умолкли... А затѣмъ... интеллигентный еврей позабавилъ русскую публику, рассказывая о своихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ на счетъ «клубнички»... Этимъ неожиданнымъ оборотомъ и закончился нашъ первый митингъ на Унжѣ.

Въ другой разъ очень потѣшилъ публику одинъ комиссіонеръ (не то нѣмецъ, не то еврей), который на вопросъ о его партійности отвѣтилъ откровенно:

— Какъ человекъ коммерческой, я принадлежу къ партіи каведе...

Всѣ съ недоумѣніемъ переглянулись—никто не слышалъ о такой партіи. Спрашиваютъ «каведея»:

— Что это за партія?

— А это партія съ девизомъ: «куда вѣтеръ дуетъ»...

Всѣ расхохотались. На вопросъ объ авторѣ остроумнаго названія комми скромно замѣтилъ:

— Объ авторѣ я умалчиваю...

Гораздо содержательнѣе были бесѣды съ унжаками на вѣчную тему о мужикѣ и его доблестяхъ... Большимъ знаткомъ Унженскаго края оказался одинъ кологривскій купецъ и лѣсопромышленникъ, который отрекомендовался «любителемъ исторіи и археологіи». «Любитель» своеобразный... Онъ самъ рассказывалъ о себѣ:

— Закрутился я какъ-то въ нашемъ клубѣ и проигралъ нѣсколько сотъ рублей. Такая тоска напала... И знаете, что меня спасло? архивныя занятія. Продавалось имѣніе Катенина, извѣстнаго дѣятеля прошлаго вѣка, и я приобрѣлъ его архивъ. Проигравшись, я усѣлся за разборку этихъ бумагъ и такъ увлекся ими, что и клубъ и карты совсѣмъ вылетѣли изъ головы... Бумаги весьма интересныя: письма въ Катенину разныхъ писателей, ученыхъ, генераловъ, архіереевъ и проч. Долго я возился надъ ними и окончательно исцѣлился отъ клубныхъ увлеченій... спасительное занятіе!..

— Нельзя ли посмотрѣть катенинскія бумаги?

— Пропали онѣ...

— Какъ такъ?

— Да видите ли... покончилъ я съ ними и положилъ на чердакъ... Тутъ подошли разныя дѣла, лѣсомъ занялся и забылъ про архивъ. Вспомнилъ о немъ, когда въ Костромѣ открылась архивная комиссія—хотѣлъ туда съѣхать. Полѣзъ на чердакъ, а тамъ—только лоскутки да обрывки бумагъ... Кое домашніе растащили на разныя нужды, а кое мыши поѣли...

— Ахъ вы—варваръ!..

— Что дѣлать!... не съ руки это намъ... А то вотъ еще была у меня коллекція мѣдныхъ монетъ, очень древнихъ...

— И тоже пропала?

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же?! А я сдѣлалъ изъ нея самоваръ... Отличная красная мѣдь, такой теперь не найдешь... Прекрасный вышелъ самоваръ!..

И все это рассказывалось въ самомъ благодушномъ тонѣ, съ полнымъ сознаниемъ своего «права» на такое варварство.. Но, помимо этой черты, кологривецъ давалъ серьезныя свѣдѣнія о своемъ краѣ, который зналъ вдоль и поперекъ. Онъ говорилъ:

— Съ нашими унжаками надо познакомиться зимою, когда они живутъ въ лѣсныхъ «зимницахъ», на выработкѣ лѣса... Это—землянки грязныя, тѣсныя, темныя, смрадныя, угарныя... Свѣжій человѣкъ трехъ минутъ не выдержитъ—стошнитъ и глаза дымомъ выѣстъ... А они по 6 мѣсяцевъ и болѣе выживаютъ!..

— Какъ же это такъ: край лѣсной, лѣсъ ни по чемъ, а живутъ въ землянкахъ?!

— Вотъ подите жъ съ ними!.. Заѣхалъ я на свою выработку и въ ужасъ пришелъ отъ житья-бытья рубщиковъ... Говорю имъ: берите лѣсу сколько надо, и срубите себѣ настоящую избу... Гдѣ тамъ! и слышать не хотятъ... «Неколи-де намъ, говорятъ, вожжаться съ избою, и въ зимницѣ ладно проживемъ, въ ней хоть и духовито, зато теплѣе...»

— Такъ и не уговорили?

— Нѣтъ... А ѣдятъ-то какъ они?! Водянистая похлебка, безъ масла, съ накрошенными сухарями и нарубленной картошкой, не

очищенной отъ кожуры, да такая же водянистая каша, тоже безъ масла—вотъ и вся ихъ ѣда!.. Предлагалъ я имъ выдать деньги на масло—выходило въ зиму по 1 руб. 80 коп. на брата, и то отказались... «Помилуй!—говорять—эку уйму денегъ просадимъ на масло! и безъ масла живы будемъ»... Свѣжаго хлѣба не видять всю зиму...

— Развѣ ихъ заработокъ такъ ничтоженъ?

— И вовсе нѣтъ: заработокъ здѣсь хорошій, и много выше, чѣмъ на Ветлугѣ, Мологѣ и другихъ лѣсныхъ рѣкахъ. Въ нынѣшнее лѣто унженскіе рубщики и они же сплавщики лѣса до Макарьева заработали «на топоръ» по 180 руб., а въ лучшіе годы доходитъ до 200—250 руб.

— Такъ почему же они такъ жмутся?

— Привыкли грязно жить и скверно ѣсть... А посмотрите—избы хорошія, то пятистѣнные, то и по двѣ избы—лѣтняя и зимняя. Одѣваются щеголевато... Въ приданое обязательно идутъ шелковыя и шерстяныя платья, да деньгами даютъ до 500 рублей и больше... Калоши и зонтики—первый признакъ франтовства... Хотя старики не одобряютъ зонтиковъ...

— Почему?

— А говорятъ, что «огъ зонтиковъ засуха бываетъ».. Да-съ!.. въ страшную засуху 1901 г. волостной старшина подгородной волости издалъ даже приказъ, воспрещавшій носить зонтики... Ужъ высшее начальство смилостивилось надъ франтами и франтихами и отмѣнило приказъ старшины... Такъ вотъ унжаки и живутъ: на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ... Ёду да чистоту считаютъ самымъ послѣднимъ дѣломъ... Зимой работаютъ въ лѣсахъ до изнеможенія, а лѣтомъ лѣнтайничаютъ и проживаютъ зимній заработокъ... Землей плохо занимаются и запускаютъ ее...

— Да,—подхватилъ пріѣзжій попущикъ лѣса,—намедни на-смотрѣлся я на вашу унженскую лѣнь... Цѣлый день я провелъ на плотахъ, осматривая лѣсъ, и забрался далеко отъ Макарьева. Къ вечеру, усталый, голодный, промокшій отъ дождя, отправился я въ сосѣднюю деревню, чтобы согрѣться чайкомъ, закусить и достать лошадей до Макарьева. Деревня, видимо, не богатая, но лошади въ каждомъ дворѣ, а народъ зря болтается, безъ всякаго дѣла. И что же? Обошелъ все 49 дворовъ и вездѣ получилъ отказъ: никто не захотѣлъ ни пріютить меня на время, ни дать лошадей... Мужики бѣдные, и отказались отъ неожиданнаго и хорошаго заработка!.. Да еще издѣваются надъ моимъ положеніемъ, говорятъ: «лошади есть, да не про твою честь!»

— Какъ же вы добрались до Макарьева?

— Выручилъ послѣдній, 50-й домъ, самый богатый въ деревнѣ. Семья большая, дружная, работающая... Тутъ меня и чайкомъ отогрѣли, и накормили порядочно, а затѣмъ свезли до Макарьева...

Отблагодарилъ я иъ такъ, что однодеревенцы должны были лопнуть съ досады, что прозѣвали такой кушъ...

— Ну, мугушка лѣнь свила гнѣздо не на одной Унж ...—замѣтилъ московскій покупатель лѣса.—Много ея вездѣ-то... и наши московскіе мужики отдають ей сильную дань... Въ деревнѣ у меня два сосѣда и оба замѣчательные лѣнтяи... Одинъ Емеля—прямой бродяжка, кое-какъ пробавляющійся самой немудреной работишкой: то грибы собираетъ, то муравьиныя яйца, то дремлетъ надъ удочкой... А больше сидитъ на завалинкѣ да позѣвываетъ, глядя на сонную улицу... Избушка его все болѣе и болѣе заваливается, а ему и горя мала. Завалилось наконецъ крыльцо, а дверь высоко поставлена надъ землею—руками не достанешь. Какъ быть? строить новое крыльцо неохота и не изъ чего... Тогда Емеля надумалъ такъ: поставилъ чурбанъ, на который становится колѣнками, затѣмъ поднимается, схватывается руками за порогъ и вскакиваетъ въ дверь, причемъ часто обрывается и падаетъ на-земь... Процедура и опасная, и неудобная, и продолжительная, но она избавила его отъ необходимости строить крыльцо.. Когда я присталъ къ нему, уговаривая возобновить крыльцо, и лѣсъ давалъ, Емеля вдругъ исчезъ съ завалинки... Пропадалъ онъ нѣсколько дней у себя на задворкахъ, пока не соорудилъ кое-какъ жиденскую лѣстницу и съ торжествомъ приставилъ ее къ входной двери... Вопросъ о возобновленіи крыльца окончательно былъ похеренъ...

— Другой мой сосѣдъ,—продолжалъ рассказчикъ,—въ томъ же родѣ, хотя человекъ онъ семейный и довольно состоятельный... Разъ у него рухнула крыша съ воротъ и загородила проходъ, да и самыя ворота совсѣмъ разѣхались и покачнулись—ходить стало опасно. Тогда и хозяинъ, и жена, и дочь-невѣста начали лазить черезъ заборъ, а о починкѣ воротъ и не думали... Долго я терпѣлъ это безобразіе какъ разъ передъ моими окнами, наконецъ рѣшительно присталъ къ сосѣду, говоря: умру, если не кончатся эти безобразія!.. Насилу уломалъ его—заставилъ кое-какъ поправить ворота...

— Да,—замѣтилъ старикъ-лѣсопромышленникъ,—все это знакомыя намъ картинки... вездѣ онѣ мозолятъ глаза... Живутъ наши мужики спустя рукава, словно орда какаля!.. Кругомъ дѣла по горло, а они предаются возмутительной лѣни... Да чего взять съ народа, который «вѣчно или пьянъ, или съ похмелья», какъ выразился одинъ самарскій крестьянинъ на какомъ-то сѣздѣ...

— Требууютъ у насъ,—заговорилъ молодой интеллигентный крестьянинъ,—сокращенія рабочаго дня до 8 часовъ, а то и меньше... Это у насъ-то, въ Россіи, такой еще бѣдной, не развитой, съ нетронутыми почти природными богатствами, требующими массы рукъ, труда, энергіи!.. Не 8, а 20 часовъ въ сутки намъ надо работать, чтобы хотя немного походить на настоящихъ людей и

зажить человѣческою жизнію... А мы-то, ровно ничего не сдѣлавши, уже устали, притомились и хлопчемъ о 8 часахъ, мечтая въ душѣ собственно о 8 минутахъ работы... Ничего не дѣлать и быть вѣчно пьянымъ—идеаль русскаго мужика...

— Ну, ужъ вы слишкомъ нападаете на мужика...—возразилъ кто-то.—Развѣ онъ не работаетъ?..

— Конечно, работаетъ, но какъ?! тяпъ да ляпъ, авось да небось—вотъ его принципы!.. Кое-какъ ковыряетъ землю, кое-какъ исполняетъ и всѣ другія работы, безъ любви къ нимъ, безъ увлеченія, безъ знанія и прогрессированія... Работаетъ изъ-подъ палки—изъ-за нужды, лишь бы съ голоду не помереть... Болѣе 1000 лѣтъ прожилъ, а не умѣлъ устроиться по-человѣчески!.. Правду тутъ кто-то сказалъ, что и доселѣ русскій народъ живетъ, словно орда кочевая, которая отъ-вотъ снимется съ мѣста и куда-то тронется, чтобы поганить новыя мѣста...

— А кто виноватъ въ томъ?

— Разумѣется, самъ народъ виноватъ!.. Почему сотни и тысячи лучшихъ элементовъ народа поднимаются вверхъ и становятся людьми, несмотря ни на какой «режимъ», ни на какую «опеку бюрократіи» и т. п. заѣзженныя «причины»?!. Развѣ въ самомъ дѣлѣ народъ палками загоняютъ въ кабаки и заставляютъ пропиваться въ конецъ?! «Не дають просвѣщенія»?!. Полноте! да если бы народъ порѣшилъ пропиваемые теперь миллионы тратить на свое просвѣщеніе, кто бы ему могъ въ томъ помѣшать?!

Разгорѣлся горячій споръ на эту тему... Защитниковъ «обижаемаго народа» оказалось немного и они не блистали серьезностью доводовъ... Много смѣялись надъ выставленнымъ къ-то тезисомъ Л. Н. Толстого, приглашающаго всѣхъ чему-то «пучиться» у русскаго мужика... Естественно зашла рѣчь о «поучительной» роли мужика во всевозможныхъ безпорядкахъ, варварствахъ и хулиганствахъ послѣдняго времени.

Одинъ интеллигентный и богатый крестьянинъ Московской губерніи рассказалъ, какъ онъ «побѣдилъ» своихъ сосѣдей-мужиковъ въ разгаръ мѣстной смуты, благодаря очень своеобразному приему, основанному на знаніи мужицкой психологіи.

— Купилъ я, — говорилъ рассказчикъ, — порядочный лѣсокъ около своей деревни и предложилъ деревенскому міру арендовать его за пустую плату подъ выгонъ скота. Мужики отказались, говоря: «нынче дадена свобода!.. будемъ и даромъ пользоваться твоимъ лѣсомъ...» И стали самовольно пасти свой скотъ въ моемъ лѣсу, пошли порубки и проч. Я молчу и виду не подаю, какъ мнѣ тяжело ихъ хозяйничанье въ моемъ лѣсу. Дальше — больше, разыгрались ихъ грабительскіе и хулиганскіе аппетиты... требуютъ мой лѣсъ!.. безъ всякой надобности, зря губятъ деревья, изъ одного хулиганства... А я все молчу, отношусь съ наружнымъ равноду-

шіемъ ко всѣмъ ихъ выходкамъ и палець о палець не ударяю въ защиту своей собственности — ни своихъ мѣръ не принимаю, ни къ властямъ не обращаюсь... Мужики стали задумываться и подсылать «соглядатаевъ» ко мнѣ и моему старостѣ. Мы оба толкуемъ съ ними о разныхъ матеріяхъ, а о лѣсѣ молчокъ... Въ ражъ вошли мужики и заволновались, стали толковать про меня: «Что-то у него есть на умѣ!.. не спроста молчить ёнъ... какъ бы, робя, не влопаться намъ во что»!.. Въ потъ вогналъ я мужиковъ и довелъ ихъ до бѣлаго каленія... Не выдержали они неизвѣстности и шлютъ ко мнѣ пословъ съ такимъ предложеніемъ: «Возьми ты съ насъ, Христа ради, ренду за выгонъ въ лѣсу!.. міръ положилъ дать тебѣ 23 р. ренды... А мы и сами болѣ не дотронемся до твоего лѣсу и чужимъ не дадимъ ни пруточка»... Я согласился и не жалѣю: мужики отлично берегутъ мой лѣсъ лучше всякихъ лѣсниковъ которыхъ я и не держу...

Общіе отзывы свидѣтельствовали, что въ среднемъ Поволжѣ наблюдаются несомнѣнные признаки оздоровленія мужичьихъ головъ въ земельномъ вопросѣ. Мужики на Унжѣ прямо заявляли:

— Одною землею у насъ не проживешь... И ежели намъ прирѣжутъ земли—мы не справимся съ нею...

IV.

Въ фабричномъ центрѣ.

Съ Унжи судьба забросила меня въ одинъ подмосковный фабричный поселокъ, извѣстный благоустройствомъ своихъ фабрикъ, поставленныхъ на европейскую ногу. Рабочіе имѣютъ здѣсь высокіе заработки, много выше другихъ фабричныхъ центровъ. Житіе ихъ обставлено образцово, со всѣми удобствами и даже нѣкоторымъ комфортомъ. Ни о чемъ подобномъ не могутъ даже мечтать какіе-нибудь унженскіе, ветлужскіе и другіе бурлаки, смиренно несущіе свой тяжелый, опасный и слабо оплачиваемый трудъ...

А между тѣмъ эти сытые и избалованные фабричные рабочіе были все еще «недовольны», и аппетиты ихъ разгорались на большее, конечно, подъ воздѣйствіемъ пропаганды крайнихъ партій. Въ фабричномъ поселкѣ шло глухое броженіе, и ожидалась общая забастовка. Были вызваны войска.

Случайно я очутился на вокзалѣ, когда тамъ высаживались двѣ роты гренадеръ. Платформа была полна фабричной и другой публики, которая косо посматривала на строившихся солдатъ. Какой-то «безработный» (какъ потомъ оказалось) обратился ко мнѣ съ ехиднымъ замѣчаніемъ:

— И вы, господинъ, смущены прибытіемъ солдатъ?

— Напротивъ!.. я очень радъ имъ... это—защитники порядка и законности...

— Ну, наши 50 дружинниковъ справятся съ этими двумя ротами...

— Какъ же, справятся!.. ваши дружинники — мастера навалиться толпою на безоружнаго человѣка да пограбить его или подстрѣлить изъ-за угла.. На это ихъ хватить!.. А съ солдатами они ничего не подѣлаютъ... 5 хорошихъ солдатъ достаточно, чтобы разогнать толпу въ 500 человѣкъ...

Мои рѣчи, видимо, не понравились ни «безработному», начавшему разговоръ, ни собравшейся около насъ кучкѣ фабричныхъ и «безработныхъ», очень нервно настроенныхъ.. Разговоръ перешелъ на готовящуюся забастовку. Одинъ фабричный наивно замѣтилъ:

— Если хозяева закроютъ фабрики, то правительство возьметъ ихъ въ свои руки...

— Откуда вы это взяли?—спрашиваю его.

— Помилуйте! здѣсь 50 тысячъ рабочихъ, нельзя же имъ голодать!..

— И будутъ голодать, если станутъ безобразничать и требовать невозможнаго... А правительство не возьметъ фабрикъ... Вотъ недавно убили директора Нарвской мануфактуры. и фабрики закрыли, а тамъ 25 тысячъ рабочихъ... и всѣ голодаютъ по винѣ нѣсколькихъ негодяевъ!..

— Вотъ пойдетъ всемірная забастовка...—заявилъ другой фабричный.

— Полноте! васъ обманываютъ: никакой забастовки нигдѣ не готовится.. Вотъ я приѣхалъ сюда съ Волги... тамъ еще весною ходили слухи о всеобщей забастовкѣ, а ровно ничего не вышло... По всей Волгѣ работаютъ всѣ, какъ слѣдуетъ,—и на судахъ и на фабрикахъ и заводахъ...

— Вездѣ работаютъ на Волгѣ?—разомъ спросили нѣсколько рабочихъ.

— Всѣ преспокойно работаютъ и не помышляютъ ни о какихъ забастовкахъ...

— А намъ тутъ брешутъ иное...—замѣтилъ пожилой рабочій:—толкуютъ про всемірную забастовку..

— Вотъ въ томъ-то и бѣда ваша, что вы вѣрите всякой брехнѣ.. а правды не добиваетесь...

— Нѣтъ нынче правды!—воскликнулъ тотъ же пожилой рабочій:—гдѣ ее сыщешь?!

— Какая тамъ правда,—перебилъ «безработный», начавшій бесѣду:—коли теперь попы убиваютъ людей крестомъ!..

— Что такое?! что за вздоръ вы городите?!

— А какъ же-съ!.. попы провожаютъ съ крестомъ идущихъ на смертную казнь...

— Но вѣдь это же дѣлается для утѣшенія умирающаго!.. желаетъ онъ—приметь священника и поцѣлуетъ крестъ, а не хочетъ—никто принуждать его не будетъ...

— Правильно, господинъ! — горячо поддержалъ меня находившійся въ толпѣ конвойный солдатъ.—Крестъ предлагается для души умирающаго, ежели онъ вѣрующій человѣкъ... А вы,—обратился онъ къ «безработному», — толкуете Богъ знаетъ что!.. совѣстно васъ слушать!..

— А вы полагаете,—неожиданно повернулъ прижатый къ стѣнѣ «безработный», обращаясь къ солдату:—что смертная казнь позволительна?

— Обязательна для разбойниковъ, проливающихъ кровь!..—увѣренно отвѣтилъ солдатъ.—У насъ въ городѣ былъ такой случай. Пришелъ въ тюрьму какой-то господинъ, хорошо одѣтый, въ шляпѣ. Было у него дѣло къ смотрителю. Встрѣчаетъ его на тюремномъ дворѣ арестантъ, схватываетъ кирпичъ и—трахъ господина по головѣ!.. Тотъ упалъ, обливаясь кровью, а черезъ нѣсколько часовъ и померъ... Спрашиваютъ арестанта: за что убилъ человѣка? А онъ въ отвѣтъ: «за то-де, что онъ былъ въ шляпѣ»... Только-то и всего!..

— И сказнили арестанта?—раздались любопытные голоса.

— Само собой!.. въ 24 часа!.. Да развѣ можно простить такого разбойника?! «За шляпу» убилъ человѣка!.. Али, по-вашему, это резонъ?!—иронически спрашивалъ солдатъ.

Толпа возбужденно загалдѣла. Одни поддерживали солдатика, другіе шли противъ. Послѣдніе, видимо, сдерживались, искоса посматривая на мою, единственную въ толпѣ шляпу... Я поспѣшилъ выбраться изъ толпы, давно замѣчая, что нашъ «вольный митингъ» сталъ привлекать нарочитое вниманіе находившейся на вокзалѣ полиціи. Около нашей кучи шмыгали какіе-то подозрительныя особы, чутко прислушиваясь ко всѣмъ рѣчамъ... Но толпа не замѣчала ихъ, продолжая горячо о чемъ-то толковать. Фабричные насѣдали на конвойнаго солдатика, но онъ стойко держался и толково парировалъ всѣ возраженія. Я ушелъ съ вокзала, а вольный митингъ все еще продолжался.

Такъ нервно были настроены эти «сознательные» и бессознательные «товарищи» и «безработные», оставшіеся за флагомъ больше по собственной винѣ и лѣни... Нервность одурманенныхъ фабричныхъ отражалась и на всемъ населеніи поселка. Разъ пришлось бесѣдовать съ однимъ ехиднымъ мужичкомъ Рязанской губерніи, видимо, распропагандированнымъ «товарищами». Этотъ «угодительный старикъ», какъ онъ самъ отрекомендовался, служилъ сторожемъ на фабричномъ народномъ гуляньѣ, получая въ мѣсяць 15 руб. жалованья—очень солидный окладъ для его 70-ти

лѣтъ и полнаго служебнаго покоя. Отъ бездѣлья старикъ фило-софствуетъ на злобы дня... Онъ началъ съ такой сентенціи:

- Не хочетъ царь давать намъ земли...
- Неправда! онъ не хочетъ, чтобы вы грабили другихъ... а землю дать вамъ, но не можетъ отдать даромъ, безъ денегъ...
- Извѣстно! царю требуется много денегъ...
- На васъ же онъ и тратитъ эти деньги...
- А мы платить за землю не согласны...
- А грабить согласны?!
- Черезъ три года они своего добьются.
- Ничего они не добьются, разъ пошли силкомъ, нахрапомъ да обманомъ...
- Силы у нихъ немало...
- А у царя найдется побольше силъ...
- Надо полагать, что солдаты не станутъ бить своего брата— мужика...

— Обязательно будутъ и должны бить «своего брата», когда онъ грабитъ, безобразничаетъ, идетъ противъ закона...

«Угодительному старику» не угодили мои рѣчи, и онъ поспѣшилъ перейти на другія темы. Разказалъ о своемъ рязанскомъ селѣ, какъ оно изъ 100 дворовъ разрослось до 500 дворовъ, кото-рые сидятъ такъ тѣсно, что ежегодно выгораетъ до 100 дворовъ... А переселиться не хотятъ на свою же землю, всего въ 10 вер-стахъ. Земли у нихъ достаточно, но разгорѣлся аппетитъ на сосѣд-ній казенный лѣсъ, правильно культивируемый.

— А у васъ былъ надѣльный лѣсъ?—спрашиваю.

— Какъ же!.. было довольно отведено... Сторона наша лѣсная... Ну, мужики давно уже перевели свои лѣса... Какіе оставались кусточки, и тѣ нонѣ смахнули на чистоту...

— Зачѣмъ же?

— А говорятъ: у кого нѣтъ лѣсовъ, тѣмъ отведутъ казенные... Ну, мы живо и подмахнули остаточки своего лѣса, чтобъ, значить, не лишиться правовъ на казенную прирѣзку...

— И откуда вы это взяли?! ни шиша не получите!..

— Да у насъ подъ бокъ огромандный казенный лѣсъ!.. раз-бить онъ на 60 участковъ и каждый годъ рубится по одному... лѣсъ, значить, безпереводный!..

— То-то оно безпереводный!!! а вы въ 2—3 года весь переведете?

— Извѣстно! живо справимся!.. мы ужъ примѣрно разбили его на 500 дворовъ...

— Ишь какіе вы скорые!.. Какъ же можно давать вамъ лѣсъ на вѣрную гибель?

— Оно, точно, не убережемъ мы лѣса... Ну, а безъ лѣса намъ жить тошно... ни тебѣ пруточка, на орясины, ни полѣна!.. Лѣсъ намъ надобенъ...

— Мало ли что!.. вотъ вамъ и водка надобна!.. Просите ужъ заодно и дароваго винца...

— Хе-хе-хе!—осклабился старикъ,—ужъ это во какъ было бы ладно!.. помирать не надо!.. А что ты думаешь, въ самъ-дѣлѣ?.. Сколь мы этихъ деньжищъ перевели на вино—страсть!.. А теперь окажи мужику уваженіе, отпуская ему вино даромъ... и сколь хошь!.. Этта прихожу я въ винополію и показываю перстомъ на посудину, какая мнѣ по нраву подошла... Сидѣлка живо ее мнѣ съ полки: берите, молъ, поштенный! давно васъ дожидается!.. и ни копейки не требуетъ, хоть кажинный день приходи... Не житье, а малина!.. лучше и не требуется... вотъ сказалъ!..

— Что жъ попробуйте—просите!..

— Нешто можно?—серьезно заинтересовался старикъ.

— Просить обо всемъ можно... Вотъ станете выбирать депутата въ новую думу, дайте ему наказъ: пусть требуетъ не «земли и воли», а «земли и водки»...

— Ужъ на что бы оно лучше!..

— Тогда и лѣса вамъ не надобно?

— На что онъ, коли водка будетъ даровал!.. вѣдь и лѣса-то мы больше для того добиваемся, чтобъ было намъ на что пить...—соткровенничалъ старикъ.

Не разъ я пробовалъ выступать предъ мужиками съ этимъ шутивымъ предложеніемъ насчетъ «дароваго вина»—и всегда они охотно ловились на эту удочку, серьезно дебатировавъ вопросъ... Нѣтъ той небылицы, которой не повѣрилъ бы русскій мужикъ!..

Въ заключеніе спрашиваю «угодительнаго старика»:

— Скажи мнѣ вотъ что... Сейчасъ свободныя земли у насъ найдутся и будутъ розданы нуждающимся... А черезъ 50 лѣтъ мужика снова расплодится вдвое-втрое, но свободной земли нигдѣ ужъ не будетъ ни синь-пороха... какъ же быть тогда съ лишними мужиками? гдѣ добыть для нихъ земли?

— Неоткуда будетъ—это точно...

— Вотъ видишь!.. надо, значитъ, не то, чего вы требуете... Надо не землю вамъ прирѣзывать, а научить васъ, какъ слѣдуетъ за ней ухаживать, чтобы она была всегда урожайна, да не повашему—не «самъ-другъ», а какъ водится у настоящихъ хозяевъ...

— Да,—вздыхнулъ старикъ,—коли бѣ навозу побольше...

— Ну, братъ, спасеніе ваше не въ одномъ навозѣ... Навозомъ-то вы и безъ того предостаточно обложились со всѣхъ сторонъ!.. и не продерешся къ вамъ никакъ черезъ вашъ навозъ...

— Извѣстно, живемъ мы грязно...—согласился старикъ.

Припоминается находчивый отвѣтъ одного почтеннаго волгара котораго спрашивалъ иностранецъ:

— Гдѣ вы достанете земли черезъ 50 лѣтъ, когда населеніе снова увеличится?

— Тогда мы попросимъ земли у Господа Бога...—не задумался волгарь.

— Развѣ что такъ!—расхохотался иностранецъ.

Въ заключеніе приведу любопытныя рѣчи одного фабричнаго техника, интеллигентнаго еврея, принадлежащаго къ рѣдкому типу «русскихъ людей Моисеева закона»... Благодаря именно этой типичности его, онъ замѣчательно—для еврея—здраво и трезво относился къ нашему «освободительному движенію», строго порицая его узко эгоистичное и чисто матеріальное направленіе, безъ малѣйшей идейности. Онъ издѣвался надъ «обманными программами» нашихъ «крайнихъ лѣвыхъ», обнаружившихъ полное незнаніе и непониманіе русской жизни... Осамомъ больномъ—мужичьемъ—вопросѣ онъ разсуждалъ такъ:

— Корень нашего нестроенія—въ земельномъ вопросѣ... Рѣшить-то его легко: стоитъ лишь выкупить частныя земли за счетъ государственнаго займа и за плату раздать дѣйствительно нуждающимся. Но такое рѣшеніе не дастъ благихъ результатовъ, если рядомъ съ этой мѣрой не будетъ безотлагательно и настойчиво проведена другая: необходимо сейчасъ же, нимало не медля, не покладая рукъ, обязательно заняться поднятіемъ сельской культуры. Когда будетъ создана матеріальная культура народа, онъ самъ поднимется въ духовномъ смыслѣ. Тогда все само собою «образуется»... Но съ этимъ надо торопиться во что бы то ни стало!.. Иначе черезъ 20—30 лѣтъ снова возгорится нынѣшняя смута и въ степени еще болѣе горшей...

— Но этого мало...—продолжалъ еврей.—Весьма существенна третья мѣра: надо принять самыя рѣшительныя, деспотическія мѣры, чтобы оттолкнуть народъ отъ пьянства... Трезвый народъ сразу поднимется во всѣхъ отношеніяхъ... Надо изумляться, что ни одна изъ «демократическихъ» партій не выставила на своемъ знамени борьбу съ этимъ самымъ ужаснымъ народнымъ зломъ!.. А такой пунктъ программы привлечь бы къ любой партіи всѣ лучшіе элементы народа и общества... Безъ рѣшительной борьбы съ пьянствомъ и первыя двѣ мѣры не будутъ продуктивны и сойдутъ на нѣтъ...

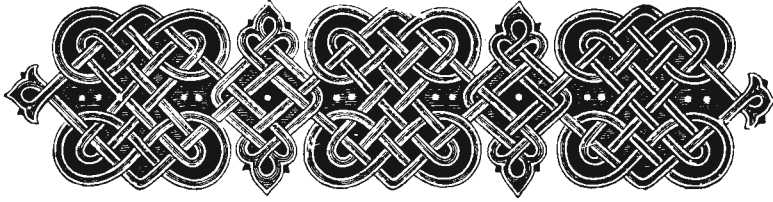
— Всю суть происходящей между «лѣвыми» и «правыми» борьбы,—заключилъ еврей,—можно резюмировать вопросомъ: кому быть нянькой народа?.. Прежняя нянька стала стара и не годится для своей роли... Но и новыя кандидатки въ няньки не общаются ничего хорошаго и не внушаютъ ни малѣйшаго довѣрія... Это доказалъ полный крахъ нашего пресловутаго «освободительнаго движенія», руководимаго самой «передовой» русской интеллигенціей... Болѣе жалкаго фіаско не знала исторія!.. Какъ же быть,

разъ ни старыя, ни новыя «няньки» никуда негодны?!. Въ этомъ-то трагизмъ нашего положенія!..

«Русскій человѣкъ Моисеева закона» не находилъ выхода изъ поставленной дилеммы, но онъ самъ собою напрашивается... Очевидно, никакія «няньки» не помогутъ, пока самъ народъ не проснется отъ своего пьянаго сна, не станетъ на ноги, не сдѣлается взрослымъ, т. е. пока русскій мужикъ не освободится отъ своего «мужичества» и не превратится въ культурнаго крестьянина...

Н. Н. Оглоблинъ.

НОВАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА О „КРАМОЛѢ“.

БЫЛО бы прямо невѣроятно, если бы политическія событія послѣдняго времени не нашли себѣ отраженія въ народномъ творчествѣ. Душа народная слишкомъ чутко относится ко всему тому, что только такъ или иначе ея касается, — и она не можетъ не реагировать на ту смуту, отъ которой стономъ стонутъ на Руси тысячи самыхъ мирныхъ людей.

И дѣйствительно, въ печати уже появился рядъ деревенскихъ коротенькихъ пѣсенокъ, такъ называемыхъ частушекъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ и «демократовъ», и бомбистовъ, и прокламаціи, и т. п.

Но частушка — злободневное созданіе деревенской молодежи, относящейся къ жизни и къ переживаемымъ событіямъ довольно легкомысленно. А главное, душа частушки, ея любимый конекъ — деревенскій флиртъ, почему и политика отразилась въ частушкѣ только съ той своей стороны, которая такъ или иначе соприкасается съ этимъ флиртомъ. «Милый» оказался «демократомъ» — и его «любезная» не преминула спѣть о томъ въ своей пѣсенкѣ, въ которой она изливаетъ всѣ свои чувства и впечатлѣнія. Другой «милый» положилъ своей возлюбленной на гуляньи незамѣтно прокламацію въ карманъ — и этотъ фактикъ занесенъ въ пѣсенку:

Не ходите вы, дѣвчонки,
Съ демократами на балъ:
Демократы вамъ насыютъ
Прокламацію въ карманъ!

Но что думаетъ и говоритъ о переживаемомъ періодѣ старшее поколѣніе деревни? то поколѣніе, которое къ «частушкамъ» молодежи относится съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ? Въ какіе образы облекла «революцію» поэтическая фантазія того поколѣнія деревенскаго люда, въ которомъ еще живы традиціи старины?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить предлагаемая сказка о «Крамолѣ», записанная въ глухомъ уголкѣ Вятской губерніи ¹⁾).

Правда, сказка эта звучитъ тономъ раешника: она зубоскалитъ и паясничаетъ, мѣшая серьезное содержаніе съ весьма дешевымъ остроуміемъ. Но этому не нужно удивляться. Таковы всѣ новыя народныя сказки, которыя ищутъ себѣ слушателей не среди однихъ только дѣтей, а и среди взрослыхъ. Старинныя серьезныя сказки, безъ дешеваго юмора, съ непоколебимою вѣрою въ описываемыя чудовища, отходятъ теперь въ область преданій: ихъ любятъ и слушаютъ только дѣти.

Подъ шутовскимъ костюмомъ нашей сказки скрытъ, однакоже, серьезный смыслъ. Въ глубинѣ ея слышенъ печальный тонъ, тонъ человѣка, жалѣющаго о гибели многихъ тысячъ себѣ подобныхъ, но чувствующаго себя совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ этимъ неизбѣжнымъ зломъ.

Революцію, или «крамолу», фантазія сказочника олицетворила въ образѣ дочери царя «Мирона» (Нерона). Нѣтъ сомнѣнія, что народное творчество воспользовалось здѣсь уже готовымъ, старымъ созданиемъ фантазіи — образомъ знаменитой дочери царя Ирода, «Лихоманки» (олицетвореніе лихорадки). Эту старую знакомую мы встрѣчаемъ и въ нашей сказкѣ, только отцомъ ея видимъ уже не царя Ирода, а царя «Мирона», въ которомъ не трудно узнать историческаго Нерона. Перемѣна эта легко объясняется наличностью двухъ новыхъ сестеръ «Лихоманки»; одна изъ нихъ, уже не молодая, Кикимора, другая, образъ которой еще недавно зародился въ народной фантазіи, — Крамола.

Кикимора — это извѣстный мифологическій образъ, созданіе фантазіи мрачнаго сѣверянина. Грубое чудовище-привидѣніе, кикимора, поселившись въ чьемъ-либо домѣ, выживаетъ изъ него хозяевъ своими безпрестанными проказами и дикими выходками. Невидимая никому, она начинаетъ швырять изъ угла или съ печки чѣмъ попало — ножницами, топоромъ, полѣномъ, сковородой. Мало того, она кромсаетъ на мелкіе куски одежду и бѣлье, ломаетъ посуду и т. п. Въ самомъ лучшемъ случаѣ кикимора ограничивается тѣмъ, что выдаиваетъ молоко у коровъ и насылаетъ разныя болѣзни на домашній скотъ и птицу.

¹⁾ Записаль сказку безызнаменитый самородокъ — писатель, крестьянинъ А. П. Грудцынъ со словъ пользующагося большою популярностью въ своемъ околоткѣ знахаря и колдуна Ефима Чирги.

Съ третьей сестрой нашей прекрасной семейки, съ молодой Крамолой, мы пока еще въ произведеніяхъ народнаго творчества не встрѣчались, почему и предоставимъ слово сказочнику:

«Жилъ да былъ на вольномъ свѣтѣ царь Миронъ. У этого царя Мирона было 140 женъ. А на коронѣ у царя Мирона вмѣсто орла была ворона. Былъ еще у царя Мирона «авнухъ» ¹⁾, старикъ Ефремъ; онъ караулилъ царскій «аремъ» ²⁾, потому что жены царя Мирона были собраны со всего свѣту: такихъ красавицъ нонѣ нѣту. Были тутъ и черныя цыганки, и бѣлыя вотянки, и рыжія зырянки. Одна изъ рыжихъ женъ царя Мирона была здоровенная, какъ лошадь, Матрена: титьки у нея были по жбану, соски — по стакану; какъ наклонится съ вѣникомъ полъ мести, такъ на любую сторону садись верхомъ — можетъ пятерыхъ до Москвы свезти. Зато какъ засмѣется да поглядить — такъ какъ рублемъ подарить!

«Отъ этой-то самой красавицы, рыжей Матрены, и родились у царя Мирона три дочки-тройнички. Родились онѣ всѣ разомъ, и никто ихъ не сглазилъ. Далъ имъ царь Миронъ имена непутевыя, разныя — безобразныя. Первую дочь назвалъ онъ Лихоманкой, вторую — Кикиморой, а третью — Крамолой. И заповѣдалъ имъ царь Миронъ не выходить, когда онѣ вырастутъ, замужъ, да не приказалъ и умирать во вѣки вѣчныя; да заповѣдалъ еще погубить людей крещеныхъ не одинъ миліонъ: не давайте, дескать, жить крещенымъ въ довольствѣ, какъ въ раю, не забываете, дескать, заповѣдь мою. А чтобы кто-нибудь не присватался къ его дочерямъ и чтобы не взяли онѣ своей воли, — выкололъ онъ каждой изъ нихъ по одному глазу золотой булавой, а булаву эту бросилъ въ океанъ-море.

«Умеръ царь Миронъ. Пилъ онъ, сказываютъ, кровь христіанскую. И вотъ, кровью досыта, какъ тигренокъ, напился и въ адъ анаемой провалился. Летѣлъ онъ въ адъ сто сорокъ дѣнь безъ передышки: тутъ ему ни дна и ни покрывки! (Обмирала недавно у насъ старуха Фекла, такъ видѣла въ огнѣ царя Мирона: вокругъ его вьются огненные змѣи — жалятъ, кусаютъ и лѣзутъ на шею; а какъ только царь Миронъ отъ змѣи отскочить захочетъ, тогда сатана надъ нимъ и хохочетъ: ты, говоритъ, былъ царь, а теперь — псарь!.. Ждетъ не дождется царь Миронъ страшнаго суда Господня: ужъ шибоко набила ему зубы преисподня!).

«Окочурилась ³⁾ вскорѣ послѣ смерти царя Мирона и рыжая красавица его Матрена. А остальныхъ его женъ скоро разобрали сатрапы да бароны (небось, не расклеваны вороны!). А кто воспитывалъ безчисленныхъ сиротъ царя Мирона и сколько тысячъ

¹⁾ Евнухъ.

²⁾ Гаремъ.

³⁾ Умерла.

казенныхъ денегъ на это было потрачено, и сколько бѣдныхъ людей при этомъ батрачило ¹⁾), — объ этомъ по книгамъ ничего не сказано. А три наши сестры замужъ не пошли, какъ имъ и заповѣдывалъ царь Миронъ: такой уже былъ тогда законъ. А куда онѣ подѣвались, куда разбѣжались, никому прослѣдить и въ домекъ не попало, — такъ безъ вѣсти онѣ и пропали...

«Вдругъ, неожиданно-негаданно, черезъ много тысячъ лѣтъ, всѣ три сестры объявились. Первая сестра — старушонка кривая, въ чемъ душа сидитъ. Лихоманкой она называется. Засѣла она на трясилахъ да на болотинахъ. Какъ только промокнетъ крещеный человекъ въ болотинѣ, тутъ Лихоманка къ нему и прицѣпится: затрясетъ бѣдняка-горемычника, въ жаръ и ознобъ перебрасываетъ, заматаетъ всего, треокаянная, и сживетъ со свѣта вольнаго.

«Объявилась и вторая сестра, что Кикиморой называется. У нея изъ-подъ сарафана коровьи сухія ноги обозначаются и коровій хвостъ кисточкой выставляется: хвостомъ этимъ слѣды ея окаянные заматаются. Все она надъ бѣдняками издѣвается: ходитъ она по дворамъ въ темныя ночи, какъ шалка-невидимка; ходитъ да выглядываетъ, гдѣ коровы у бѣдняковъ обрѣтаются, гдѣ люди и ребятенки плачутъ — туда Кикимора и скачетъ, тутъ она и за дѣло принимается. И вотъ, ни съ того, ни съ сего молоко у коровъ отнимается, коровы хвораютъ, хвосты задираютъ, а ребятенки безъ молока умираютъ (Попы тѣмъ временемъ за кадило да за могилы денежки огребаютъ).

«Объявилась и третья сестра, молодая еще, но кривая да горбатая, что Крамолой называется. Мычется она по свѣту да кровопивствомъ занимается: убиваетъ она милистеровъ ²⁾), воеводъ да бунмистеровъ ³⁾). И за ея продѣлки не легко крещенымъ людямъ приходится.

«По городамъ да по заводамъ Крамола шляется; оборачивается она, окаянная, гдѣ сорокой, гдѣ совой, а гдѣ емназисткой ⁴⁾ барышней, гдѣ купчикомъ, а гдѣ и бариномъ съ кокардою. Вотъ по этому-то самому случаю всѣ скурятники ⁵⁾), конные и пѣшіе стражники къ кажинному крещеному рабу придираются. «Ты, молъ, барышня-емназистка, окрамолилась, измоволилась, къ тебѣ, молъ, попали книжечки, на бумагѣ сатанинской кровью написанныя». А къ купчикамъ - голубчикамъ они привязываются: «а и на что, по что, молъ, ты, соколикъ, съ левольвертомъ ⁶⁾ похаживаешь? не понюхался ли и ты съ крамолой неистойвой? Гайда-ка, молъ, на

¹⁾ Служило въ батракахъ, въ работникахъ.

²⁾ Министровъ.

³⁾ Бурмистровъ.

⁴⁾ Гимназистка.

⁵⁾ Урядники.

⁶⁾ Револьверъ

исповѣдь до самого справника ¹⁾): коли что, онъ у тебя табачку понюхаетъ да въ тюрьму тебя, соколика, забухаетъ».

«И стонутъ тюрьмы, народомъ переполненныя; и великая грозная туча на людей надвигается. А злая хитрая Крамола, задравши трубою хвостъ, издѣвается: «Не поймать, моль, меня во вѣки-вѣчныя безконечныя, какъ и сестеръ моихъ — Лихоманку да Кикимору».

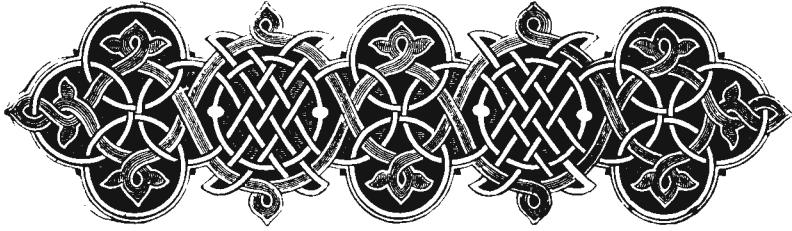
Въ послѣднихъ словахъ имѣется въ виду неумѣлая борьба органовъ нашего правительства съ революціей, особенно въ глухой провинціи, гдѣ иные «скурятники» пользуются «политикой» да «крамолой», чтобы свести личные счеты съ своими врагами и недругами и гдѣ иной разъ самому мирному и незлобивому человеку приходится претерпѣть цѣлый рядъ непріятностей только потому, что онъ «не ладитъ» съ урядникомъ.

Сообщилъ Д. Зеленинъ.

---

¹⁾ Исправникъ.

ЭПОХА РЕФОРМЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

ВЪ ПРЕДЫДУЩИХЪ нашихъ историческихъ очеркахъ, посвященныхъ политической жизни Россіи во второй половинѣ XIX столѣтія, мы обозрѣли главнѣйшія событія, составляющія періодъ «Кануна реформъ», и отмѣтили, въ какомъ направленіи складывалась работа правительственнаго механизма по раскрыпощенію крестьянства, съ одной стороны, и съ другой—обрисовали въ самыхъ общихъ чертахъ нарастаніе въ помѣстномъ дворянствѣ и въ разнообразныхъ кругахъ интеллигенціи оппозиціоннаго настроенія и недобѣрія какъ къ правительственнымъ начинаніямъ вообще, такъ и къ личности Царя-Освободителя въ частности. Къ концу 1860 г. занятія редакціонныхъ комиссій закончились, депутаты второго призыва послѣ прощальной аудіенціи у государя разѣхались по домамъ, и все дѣло «освобожденія» поступило въ главный комитетъ, предѣдателемъ котораго къ тому времени былъ назначенъ братъ государя, великій князь Константинъ Николаевичъ, горячій сторонникъ эмансипаціи крестьянъ. Такимъ образомъ часть народной свободы былъ не за горами и абрисъ реформированной Россіи уже обрисовывался изъ-за тумана грядущихъ историческихъ дней. Былые государ-

¹⁾ См. «Годы смуты и борьбы», «Борьба за конституцію», «Наканувѣ реформъ» — «Историческій Вѣстникъ» за 1905, 1906 и 1907 гг., а также отдѣльное изданіе «Борьба за конституцію. Историческіе очерки 1612—1861 гг.».

ственные покровы съ нея «по мановенію царя» спадали и сдавались въ архивъ; предавались забвенію и надѣтый на нее кровавою волею Петра I «полицейскій мундиръ», и «шляхетскій кафтанъ» Екатерины II, и на военный образецъ «бюрократическій вицмундиръ» Николая I. Всѣ эти разнообразныя одѣянія оказывались ей уже не по росту и не по плечу—въ нихъ она задыхалась и изнемогала, а сами они трещали по всѣмъ швамъ и петлямъ. Являлся вопросъ, въ какомъ же обликѣ предстанетъ Россія на историческій судъ въ тотъ день, когда она съ высоты престола будетъ объявлена свободною и всѣ ея составные социальныя элементы будутъ призваны къ общественному строительству на благо всей «всесословной» или «безсословной» страны. Указаній по сему предмету теоретическаго порядка съ характеромъ политическихъ программъ накопилось уже достаточно— всѣ политическія партіи успѣли за длинный историческій періодъ довольно опредѣленно высказаться, однѣ, опираясь въ своихъ умозаключеніяхъ на отвлеченныхъ построеніяхъ, почерпнутыя изъ послѣдняго слова философскаго знанія и науки государствовѣдѣнія, другія,— почерпая свои desideria изъ опыта западно-европейскихъ народовъ, третья,—воздвигая зданіе отечественнаго будущаго на историческихъ основахъ давно забытаго прошлаго, четвертыя—примѣняя его къ настоящему и недавно-прошедшему, въ коемъ ими усматривалась какъ бы гармонія «исконныхъ началъ» и т. д., и т. д. Такъ или иначе, но вопросъ о будущемъ Россіи былъ поставленъ ребромъ, и мы уже видѣли, что по сему предмету по инициативѣ самого Александра II было предпринято и за что Герценъ «съ того берега» преподнесъ ему титулъ «освободителя». Все дѣло въ исходѣ 1860 г. сводилось къ тому, въ какихъ формахъ и на какихъ условіяхъ будетъ осуществлено освобожденіе. Воля молодого государя была непреклонна и настроеніе его было рѣшительное, несмотря на кипѣвшую вокругъ него борьбу партій и разныя дворцовыя и бюрократическія вліянія.

Кн. В. П. Мещерскій въ своихъ въ высшей степени интересныхъ, хотя и сословно-пристрастныхъ воспоминаніяхъ¹⁾, имѣющихъ между прочимъ цѣлю реабилитацію дворянства за его дѣйствія въ эмансипаціонный періодъ, такъ описываетъ настроеніе, царившее въ придворно-бюрократическихъ сферахъ Петербурга. «Работа по крестьянскому вопросу кипѣла въ петербургскихъ лабораторіяхъ, а рядомъ съ этимъ въ дворянскихъ кружкахъ уже начинали намѣчаться оттѣнки либеральнаго образа мыслей, а слѣдовательно двухъ лагерей, либеральнаго и консервативнаго. Но... либерализмъ подъ вліяніемъ Герцена имѣлъ значеніе только какъ оттѣнокъ въ дворянской средѣ; онъ, такъ сказать, зарождался и

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій, «Мои воспоминанія», ч. I.

стремился, хотя довольно смутно и неопредѣленно, къ чему-то въ родѣ политическаго представительства, или вѣрнѣе къ удовлетворенію говорить... Это именно либеральное настроеніе въ извѣстныхъ аристократическихъ кружкахъ являлось какъ бы заявленіемъ правъ на компенсацію за готовящуюся крестьянскую реформу...

«Были гостинья, гдѣ тогдашніе Мирабо большого свѣта разсуждали такъ, обращаясь къ правительству: вы хотите отнять у насъ помѣщичьи права, прекрасно, отнимайте, но взамѣнъ мы хотимъ политическаго вліянія, какъ дворянское сословіе, мы хотимъ права голоса въ государственныхъ дѣлахъ... Не скажу, чтобы эта аристократическая либеральная партія была многочисленна, напротивъ, она представляла изъ себя горсть людей, но въ то же время я совершенно убѣжденъ, что этимъ именно идеямъ мы обязаны немедленно послѣ освобожденія крестьянъ—введеніемъ земскихъ учрежденій...

«Идея либеральнаго кружка дворянъ въ Петербургѣ продать свои помѣщичьи права за политическое вліяніе—встрѣчена была несочувственно не столько правительственною сферою, въ то время весьма добродушною, сколько средою эмансипаторовъ, имѣвшихъ тогда два центра: одинъ у великой княгини Елены Павловны, а другой у графа Якова Ивановича Ростовцева... Самаринъ, князь Черкасскій, Милютинъ Николай Алексѣевичъ, Арапетовъ и т. д.— всѣ эти главные вожаки крестьянскаго дѣла слишкомъ явно и страстно были одновременно и главными руководителями крестьянскаго дѣла и главными врагами дворянства, какъ сословія, чтобы они могли допустить что бы то ни было въ родѣ попытки дворянства пріобрѣсти политическую роль... И въ этомъ отношеніи они свою cause держали въ надежныхъ рукахъ... Съ одной стороны, графъ Ростовцевъ, съ другой, графъ Блудовъ, съ третьей, великая княгиня Елена Павловна. Ростовцевъ, какъ неопитъ третьяго крещенія—первое было либеральное до 14 декабря 1825 г., второе было николаевское до Александра II, а третье, снова либеральное, наступило въ концѣ пятидесятихъ годовъ,—былъ озабоченъ, какъ тогда говорили, какъ бы получше угодить Герцену, и онъ не нуждался въ страстныхъ рѣчахъ Самарина, чтобы работать надъ крестьянскимъ дѣломъ изъ ненависти къ дворянству. Графъ Блудовъ былъ олицетвореніемъ полнѣйшаго безстрастія: его тихій, миролюбивый и спокойный нравъ не допускалъ въ себѣ никакой ненависти, но весь складъ его умственной личности, его служебной карьеры былъ таковъ, что онъ, какъ умный бюрократъ, мирился съ либерализмомъ, какъ съ доктриной, какъ съ теченіемъ времени, но идеи политическаго вліянія дворянства онъ не постигалъ и не допускалъ, не находя въ себѣ съ ней ни малѣйшаго отголоска. Что же касается великой княгини Елены Павловны, то она представляла изъ себя весьма оригинальный типъ умной жен-

щины, въ которой страннымъ образомъ мирились и шли рядомъ ея либеральныя идеи, ея нѣмецкія традиции воспитанія и ея великокняжескія понятія или убѣжденія..

«Между этими тремя — идея либеральнаго усиленія политическаго значенія дворянства не находила себѣ мѣста. Ни одинъ изъ представителей этой идеи не былъ вхожъ въ ея кругъ умныхъ людей, но зато былъ вхожъ рядомъ съ Самаринымъ, которому она мыла голову за его анти-балтійскія идеи, остзейскій баронъ, съ его средневѣковыми феодальными идеями... и Самаринъ, не державшій въ ея салонѣ хулить остзейскаго барона, могъ безпрепятственно бранить русское дворянство съ точки зрѣнія либеральной.

«Это анти-дворянское направленіе, какъ теченіе тогдашняго времени, слышалось и чувствовалось вездѣ, гдѣ говорили громко о крестьянскомъ вопросѣ и, вообще, о внутренней политикѣ». Это настроеніе, — по словамъ князя Мещерскаго, — проникло и въ Мраморный дворецъ. «Всѣ знали, — говоритъ онъ: — что непосредственно великая княгиня Елена Павловна не имѣла вліянія на своего племянника, государя, но въ то же время всѣ знали, что вліяніе молодого генераль-адмирала Константина Николаевича на своего брата было очень большое... И вотъ, всѣ тогда говорили, что это анти-дворянское настроеніе исходило изъ Мраморнаго дворца, и именно отъ молодого генераль-адмирала, который въ свою очередь его переносилъ въ атмосферу государева кабинета».

Такова была придворная атмосфера, которая окружала Александра II. Что же касается настроенія высшихъ бюрократическихъ круговъ, то по настоящему предмету мы имѣемъ также свидѣтельства современниковъ, въ которыхъ содержатся любопытныя указанія. Во главѣ такихъ свидѣтелей долженъ быть поставленъ П. А. Валуевъ, игравшій въ 1860 годахъ видную роль въ жизни Россіи, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Занимая въ 1860 г. должность директора департамента въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, Валуевъ имѣлъ возможность стоять въ непосредственной близости ко всѣмъ бюрократическимъ центрамъ, соприкасавшимся съ деталями хода крестьянскаго вопроса, и къ главнѣйшимъ чиновнымъ вершителямъ этого вопроса, и въ особенности къ Муравьеву, которому онъ спеціально помогалъ по крестьянскому дѣлу. Онъ старательно заносилъ въ свой дневникъ всѣ перипетіи, которыя переживалъ вопросъ, и въ его тонкой наблюдательной передачѣ съ особенною рельефностью вырисовывается отсутствіе единства настроенія по сему предмету въ бюрократической сановной средѣ и даже явное стремленіе воткнуть палку въ дѣловое колесо, энергично приведенное въ движеніе самимъ государемъ.

II.

Подъ 12 сентября 1860 г. Валуевъ записалъ¹⁾: «Министръ²⁾ сообщилъ мнѣ разныя подробности о ходѣ крестьянскаго дѣла. Графъ Панинъ отлагаетъ до главнаго комитета борьбу съ редакціонистами,—если онъ дѣйствительно борется намѣренъ,— а между тѣмъ даетъ имъ волю завершить проектъ по ихъ усмотрѣнію. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ Булыгинъ, вѣроятно, по наставленію Муравьева, началъ возставать противъ главныхъ началъ проекта, что дало поводъ къ непріятнымъ объясненіямъ съ Н. Милютинымъ, который сказалъ Булыгину, что плоды полугодовой думы и трудовыхъ ночей нельзя опровергать результатами поверхностнаго чтенія. Булыгинъ отвѣчалъ, что жаль, если одного поверхностнаго чтенія достаточно для отысканія столь существенныхъ недостатковъ въ плодахъ полугодовой думы. Теперь они съ Милютинымъ не кланяются. Понимаю, впрочемъ, Н. Милютину. Онъ догадался, что Булыгину данъ *mot d'ordre*, и, не безъ основанія, можетъ упрекать его въ томъ, что говоритъ теперь, а молчалъ прежде, пока свѣтило солнце Ростовцева. Раздражительность Милютинъ въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, показываетъ, что онъ не столь увѣренъ въ окончательномъ успѣхѣ дѣла, какъ прежде полагали. Недавно кто-то говорилъ мнѣ, что Н. Милютинъ хочетъ разыграть у насъ роль Штейна. Нельзя не отдать полной справедливости Н. Милютину. Онъ обнаружилъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ много стойкости, дѣятельности и умѣнья. Но онъ не созданъ быть Штейномъ. Если бы Пруссія 1807 г. была преобразована не министромъ, а секретаремъ министра, то Н. А. Милютинъ могъ бы быть этимъ секретаремъ въ Россіи. Но быть Штейномъ изъ-за плеча Ланскаго нельзя».

Подъ 10 октября: «Вечеромъ докладъ по 2-му департаменту. Министръ рассказалъ мнѣ подробности перваго засѣданія главнаго комитета, поручивъ хранить объ этихъ сообщеніяхъ совершенную тайну, потому что всѣ члены комитета обязаны, по высочайшему повелѣнію, безусловно сохранять эту тайну. Предсѣдательствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Дѣло началось объявленіемъ высочайшей воли насчетъ секрета совѣщаній, непремѣннаго окончанія занятій къ 1-му декабря, внесенія дѣла въ государственннй совѣтъ не позже 15 того же мѣсяца и окончательнаго рѣшенія къ 1-му января будущаго года. Затѣмъ прочитана, равномерно по высочайшему повелѣнію, предсмертная записка ген.-адъютанта

¹⁾ «Дневникъ графа Петра Александровича Валуева». «Русская Старина», 1891 г., кн. 11.

²⁾ Подъ краткимъ именемъ «министра» Валуевъ вездѣ разумѣетъ Муравьева.

Ростовцева (министръ передалъ мнѣ при этомъ случаѣ копію съ записки). Послѣ прочтенія оной: начались общія сужденія какъ о сущности дѣла, такъ и о порядкѣ совѣщаній. Положили имѣть отъ 2 до 3 засѣданій въ недѣлю и начать въ будущій разъ, 14 числа, съ разбора проекта положенія о мировыхъ посредникахъ, уѣздныхъ присутствіяхъ и губернскихъ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ... Графъ Блудовъ немедленно высказался въ пользу выкупа, не разбирая, какъ его произвести и какими способами его обезпечить. Князь (Пав. Пав.) Гагаринъ говорилъ (повидимому, не совѣмъ удачно) въ пользу безусловнаго примѣненія начала добровольныхъ соглашеній. Графъ Панинъ говорилъ о неприкосновенности правъ собственности и неуклонномъ соблюденіи высочайшей воли. Наконецъ М. Н. Муравьевъ (явно куртизирующій графа Панина и считающій его сильнымъ часа сего) такъ же распространился насчетъ святости правъ собственности, и отъ нихъ (неизвѣстно, какъ и почему) перешелъ къ знаменитымъ удѣльнымъ $\frac{2}{5}$ и $\frac{3}{5}$, а отсюда къ общимъ понятіямъ о минимумѣ надѣла, о кадастровой оцѣнкѣ земель для опредѣленія оброка, о переселеніи и т. п. Затруднительность выкупа, съ финансовой точки зрѣнія, подтвердили Чевкинъ и министръ финансовъ. Противъ обязательнаго выкупа высказался великій князь и почти всѣ члены. Графъ Блудовъ одинъ защищалъ его. Ланской молчалъ. Неблагорасположеніе къ трудамъ редакціонныхъ комиссій выразилось весьма ясно въ рѣчахъ Панина, Гагарина и Муравьева, у котораго долго сдержанная желчь, копившаяся еще со временъ Ростовцева, разливается. Впрочемъ, ничего рѣшительнаго не постановлено».

13 октября: «Вечеромъ у министра до 1 ч. ночи. Онъ въ сущности не столько занятъ крестьянскимъ дѣломъ, сколько критикою труда редакціонныхъ комиссій, ѣздитъ на конькѣ громкихъ фразъ о монархическихъ и демократическихъ началахъ, говоритъ о союзѣ съ Чевкинымъ и Панинымъ, утверждаетъ, что, несмотря на всѣ высочайшія повелѣнія, дѣла нельзя кончить къ 1-му января, занятъ ожиданіемъ кн. Долгорукова и гр. Адлерберга, ссылается на постановленія комитета 4-хъ министровъ, о которомъ всѣ забыли, мечтаетъ о заимствованіи множества вещей изъ лифляндскаго крестьянскаго уложенія, увѣряетъ, что онъ въ двѣ недѣли могъ бы составить всѣ существенныя постановленія для введенія въ дѣйствіе новаго порядка вещей и проч. и проч.»

«Трудная мнѣ досталась доля. На сей разъ обычная моя забота ежедневно разрѣшать проблему параллелограмма силъ и выводить диагонали еще тягостнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Соглашаясь съ министромъ насчетъ разныхъ частныхъ, напр., насчетъ невозможности на первый разъ предоставить крѣпостнымъ крестьянамъ избраніе мировыхъ посредниковъ, насчетъ неумѣстности президентства городского головы и т. п., я не могъ согласиться насчетъ

мнимыхъ превосходствъ нынѣшняго порядка волостного устройства и волостныхъ выборовъ, насчетъ не менѣе мнимой способности къ дѣйствию нашихъ губернскихъ и сословныхъ учреждений и въ особенности насчетъ пригодности чисто отрицательной, тормозовой методы въ дальнѣйшемъ направленіи и рѣшеніи дѣлъ. Argumentum ad rem были мало дѣйствительны. Я обратился къ аргументамъ ad hominem и сказалъ министру, что онъ напрасно рассчитываетъ на силу гр. Панина и на помощь ген. Чевкина, и что если онъ только будетъ заботиться о разгромленіи проекта, не разбирая ни того, что въ немъ хорошо, ни того, чего уже миновать нельзя, отъ частей, которыя устранить или измѣнить можно,—то онъ не спасетъ дѣла, а себя уронитъ».

15 ноября: «Булыгинъ спрашивалъ, что я думаю о возможности подать государю протестъ, приблизительно съ 6-ю сотнями подписей, противъ проекта редакціонныхъ комиссій. Объ этомъ предположеніи ему говорилъ Апраксинъ, орловскій предводитель. Въ протестѣ предполагается, въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ, обѣщать его императорскому величеству постараться исполнить его волю, но заявить, что дѣло станетъ вверхъ дномъ. Какими забавами люди тѣшатся! Я сказалъ Булыгину, что для подобнаго подвига теперь или еще рано, или уже поздно, и что вообще я никогда не совѣтую употреблять будущаго наклоненія въ глаголѣ».

19 ноября: «Въ сегодняшнемъ засѣданіи главнаго комитета была рѣчь о цифрахъ редакціонныхъ комиссій. Ген. Чевкинъ принялъ на себя защиту этихъ цифръ. Ген. Муравьевъ и кн. Гагаринъ оспаривали ихъ правильность. Великій князь горячо за комиссію заступался. Тогда гр. Панинъ, бывшій шесть мѣсяцевъ председателемъ комиссіи, объявилъ, что цифры невѣрны, къ дѣлу непригодны и правительствомъ объявлены быть не могутъ. Разошлись, опредѣливъ, что въ понедѣльникъ, послѣзавтра, будутъ заниматься вопросомъ о выкупѣ, для препровожденія времени, чтобы дать отсрочку въ три или четыре дня членамъ, не одобряющимъ цифръ комиссій, для представленія своихъ мнѣній о способахъ исправленія этихъ цифръ или замѣны ихъ другими».

27 ноября: «Утромъ у обѣдни. Потомъ у министра. Вечеромъ у него же. Теперь и $\frac{2}{3}$ мало. Въ черноземныхъ губерніяхъ онъ требуетъ почти болѣе высшаго надѣла редакціонныхъ комиссій и ребячески старался меня увѣрить, что «мы съ вами на это были согласны,—сами это признавали, думали и т. д.». Все это вслѣдствіе новаго визита кн. Долгорукова и желанія поддѣлаться подъ предполагаемыя воззрѣнія государя. И все это при продолженіи толковъ о системѣ, изъ которой ничего не остается на практикѣ, коль скоро устраняется основная идея минимума, ибо безъ этого минимума не можетъ быть повода и побужденія къ добровольнымъ соглашеніямъ. Наконецъ, все это тѣмъ безразсуднѣе, что возни-

каеть единственно отъ трусливаго опасенія одержать желаемую побѣду. Кн. Долгоруковъ объяснился съ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ и, какъ видно, съ государемъ. Его величество смотритъ на дѣло благопріятно. Его высочество, вслѣдствіе сего, уступчивъ. Очевидно, что именно тотъ фактъ, что проектъ кн. Долгорукова и ген. Муравьева готовъ въ параграфной формѣ и потому не только можетъ быть внесенъ въ государственный совѣтъ, но, по всей вѣроятности, имъ будетъ принятъ, испугалъ (?) партію редакціонныхъ комиссій. Эта партія рассчитывала на невозможность своевременно противопоставить готовые §§ ея готовымъ статьямъ. Для этого тянулось дѣло и самое печатаніе ея проектовъ до открытія засѣданій главнаго комитета. Маневръ не удался,—потому что я оказался въ распоряженіи ген. Муравьева. *Inde* нынѣшняя уступчивость. Но кн. Долгоруковъ и ген. Муравьевъ, вмѣсто сознанія выгодъ своего положенія и памятованія своихъ «принциповъ», робѣютъ передъ мыслью, что «могутъ сказать» государю, что они «даютъ мало земли крестьянамъ». Они до того поверхностны и легкопядны, что совершенно забыли, вчера и сегодня, что комиссія установили двѣ нормы, высшую и низшую, и сравниваютъ свою собственную норму только съ высшею, потому что она напечатана первою, и имъ виднѣе, чѣмъ низшая, напечатанная второю (*sic!*—безъ всякаго преувеличенія)! Они для исправленія проекта «грабительствующихъ», по ихъ мнѣнію, комиссій, готовы грабительствовать болѣе ихъ и обратитъ крайній предѣлъ эластичныхъ нормъ комиссій въ твердую обязательную норму. Все это во имя уваженія къ правамъ собственности и заботливости объ интересахъ помѣщиковъ».

Вотъ, на основаніи свидѣтельства дѣйствовавшаго тогда лица, закулисная сторона дѣловой жизни главнаго комитета и его видныхъ членовъ, гдѣ обрисовывается чрезвычайно ярко, съ одной стороны, очевидная неподготовленность и неспособность высшихъ сановниковъ къ осуществленію возложенной на нихъ исторической работы, а съ другою—ихъ стремленіе свести реформу на минимумъ, въ угоду сословнымъ интересамъ землевладѣльцевъ и въ ущербъ интересамъ государства и податнаго населенія.

III.

Приведенныя выдержки какъ изъ «воспоминаній» кн. Мещерскаго, такъ и изъ «дневника» Валугева не ставятъ настоящей точки надъ і и не даютъ точнаго понятія о томъ, изъ-за чего же, при наличіи опредѣленной принципиально выраженной воли самодержца, среди его сотрудниковъ и лицъ ему близкихъ шли пререканія, несогласія и явная борьба. Дѣло въ томъ, что редакціонныя комис-

сіи передали въ главный комитетъ свой проектъ раскрѣпощенія народа хотя далеко не въ той альтруистической формѣ, какъ то подсказывала прогрессивная печать и какъ на томъ настаивали нѣкоторые изъ наиболее просвѣщенныхъ представителей дворянства, однако, несмотря на всю оппозицію въ этомъ отношеніи Панина, замѣстившаго въ предсѣдательствованіи комиссіями покойнаго Ростовцева,—въ положеніяхъ довольно пріемлемыхъ и безобидныхъ обѣимъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ сторонамъ. Тогда крѣпостническая партія съ Панинымъ во главѣ рѣшила, *tacito consensu*, достигнуть въ главнымъ комитетѣ того, чего не удалось достигнуть въ редакціонныхъ комиссіяхъ, постановившихъ свои рѣшенія подъ сильнымъ воздѣйствіемъ либеральной части нашей бюрократіи съ Н. Милютинимъ во главѣ. Здѣсь, въ главномъ комитетѣ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ брата государя, давленіе этой либеральной служилой бюрократіи не могло быть сильно, и голосъ сановниковъ въ силу ихъ общественно-служебнаго положенія оставался независимъ. Поэтому активные дѣятели консервативной оппозиціи прибѣгли, какъ это даже усматривается изъ записей въ дневникѣ Валуева, къ двумъ методамъ воздѣйствія—затяжкѣ и выгадыванію времени, съ одной стороны, и къ выторговыванію въ пользу землевладѣльцевъ наибольшей выгоды при опредѣленіи количества отходящей отъ нихъ надѣльной земли. Попытка провести реформы на принципѣ обезземеленія будущихъ гражданъ имперіи не прошла и къ ней возвращаться болѣе уже нельзя было, поэтому оставался одинъ исходъ—дать этой земли какъ можно меньше, по наивысшей расцѣнкѣ и сдѣлать приносимую якобы на алтарь отечества жертву наиболѣе дешевою. Что попытка обезземеленія было тщетною и разбивалась о личную волю государя, мы видимъ все изъ тѣхъ же «Воспоминаній»¹⁾ кн. В. Мещерскаго, гдѣ читаемъ: «...я запомнилъ, что въ то время много говорили объ одномъ совѣщаніи у государя, гдѣ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на ту оппозицію, которая была, или, вѣрнѣе, которая ему была представляема, высказался самымъ категоричнымъ и рѣшительнымъ образомъ за освобожденіе съ землею; слухи прибавляли, что государь при этомъ сдѣлалъ жестъ, ударивъ кулакомъ по столу, получившій значеніе энергичной и окончательной рѣшимости, при которой онъ сказалъ: я рѣшилъ, и такъ будетъ.

«Лица, которыя передавали объ этомъ эпизодѣ, прибавляли, что государь проявилъ, кромѣ энергической рѣшимости, извѣстное возбужденіе или раздраженіе противъ чего-то, будто бы противившагося его волѣ.

¹⁾ «Мои воспоминанія», часть I.

«Вотъ это былъ результатъ того зловреднаго дѣйствія, которое производили Самарины и комп., сочиняя какого-то врага государевымъ намѣреніямъ, никогда на дѣлѣ не существовавшего... Они, какъ будто, опасались, что простое политическое убѣжденіе въ необходимости реформы могло быть недостаточнымъ стимуломъ для государя вести дѣло энергично до конца; они опасались какъ будто внутренней реакціи въ самомъ государѣ во имя дворянскихъ интересовъ, близость которыхъ государю иные предполагали возможною по его прошлому, по его аристократическимъ, такъ сказать, вкусамъ и преданіямъ, и вотъ, изъ опасенія этого поворота или чьего-либо вліянія въ пользу дворянства, они рѣшились отрѣзать путь къ отступленію для государя, внушивъ ему какое-то искусственное чувство раздраженія противъ какой-то сопротивляющейся дворянской партіи. Оттого, когда они увидѣли государя въ раздраженіи, ударяющимъ кулакомъ по столу и говорящимъ: я рѣшилъ, и такъ будетъ! — они обрадовались этому событію, какъ побѣдѣ, а въ особенности какъ несомнѣнному признаку, что поворота къ болѣе дворянскому возрѣнію, къ болѣе безпристрастному и безличному образу дѣйствій не будетъ. И дѣйствительно, его уже не было... Приближенные же тогда говорили, что надо избѣгать попытокъ говорить съ государемъ противъ принятыхъ имъ рѣшеній, чтобы его не раздражать и не сердить».

Оставляя безъ вниманія тонъ рѣчи кн. Мещерскаго и освѣщеніе, данное имъ протекавшимъ въ тѣ знаменательные дни событіямъ, отмѣтимъ лишь то главное, что здѣсь выступаетъ наружу: самодержецъ высказываетъ энергично и гнѣвно свою волю и требуетъ безпрекословнаго ей повиновенія. Эту же волю по адресу своихъ министровъ, какъ увидимъ далѣе, онъ такъ же категорически высказалъ и въ засѣданіи 26 января 1861 года.

Когда такимъ образомъ изъ-подъ ногъ оппозиціи была вырвана точка опоры, то оставалось лишь одно — искусственно затянуть дѣло и выторговать наибольшія выгоды. Но по первому пункту оппозиція потерпѣла фіаско: опять-таки государь потребовалъ, чтобы главный комитетъ торопился съ своей работой и чтобы въ январѣ 1861 г. журналъ комитета былъ представленъ въ государственный совѣтъ, а къ 15 февраля могъ быть изданъ манифестъ. Предѣлы времени были такимъ образомъ высочайше установлены и ихъ перейти не представлялось возможнымъ: было бы, пожалуй, и опаснымъ при тогдашнемъ рѣшительномъ настроеніи Александра II заставить его вторично ударить кулакомъ по столу, и мы видимъ изъ дневника Валуева, что министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ, лидеръ оппозиціи, создавая въ дѣлѣ искусственныя загородки, съ тревогою останавливается на мысли о гнѣвѣ и недовольствѣ государя.

Помимо соображеній о личной волѣ самодержца, торопиться съ дѣломъ побуждали и слухи о настроеніи въ провинціи: народъ уже знаетъ объ окончаніи работъ редакціонныхъ комиссій, знаетъ, что теперь все дѣло за «министрами», а потому настроеніе умовъ подымается и принимаетъ опасный оттѣнокъ. Страхъ аграрнаго движенія, погромовъ и связанныхъ съ ними имущественныхъ убытковъ былъ достаточнымъ основаніемъ, чтобы поторопиться. Не соображенія государственнаго порядка и исторической справедливости, какъ это сплошь наблюдается въ лѣтописяхъ отечественной жизни, являются рѣшающимъ моментомъ въ вопросѣ, а соображенія сословной заинтересованности, и недаромъ же Н. Милютинъ въ оправданіе своей политики, по свидѣтельству Валуева, говорилъ дворянамъ ¹⁾: «Вась, дворянъ, нельзя расшевелить мелочами. Вы почешетесь, перевернетесь, да опять заснете. Вась надобно такъ кольнуть, чтобъ вы подпрыгнули вверхъ». Призракъ возможнаго крестьянскаго движенія и былъ по отношенію главнаго комитета тѣмъ уколomъ, который побудилъ его членовъ въ теченіе трехъ данныхъ въ его распоряженіе мѣсяцевъ имѣть сорокъ пять засѣданій, начинавшихся въ часъ пополудни и продолжавшихся нерѣдко до семи часовъ вечера.

Приведенныя выдержки изъ дневника Валуева даютъ достаточное понятіе о томъ, въ чьи руки попало величайшее русское историческое дѣло, и о той беспомощности, неустойчивости, въ какой они очутились въ столь важные дни. Этотъ комитетъ, составленный изъ гр. Блудова, гр. Адлерберга, кн. Гагарина, Ланского, гр. Панина, кн. Долгорукова, Муравьева, Чевкина и Княжевича, представлялъ собою нестройную толпу сановныхъ звѣздоносцевъ, рѣшительно неспособныхъ возвыситься до рѣшенія вопроса перво-степенной государственной важности, въ зависимости отъ котораго было поставлено все бытіе Россіи и судьба миллионovъ людей. Старческое топтаніе на мѣстѣ, злобное брюзжаніе, взаимное непониманіе и неспособность схватить даже элементарныя стороны бытовой жизни, съ коей они, очевидно, совершенно не были знакомы, рѣзко бросаются въ глаза. Закулисныя интриги, сословные интересы, соображенія о личномъ вліяніи и положеніи при дворѣ, бездарность, косность и застой — вотъ тѣ элементы, которые ярко выступаютъ при ознакомленіи съ деталями работы членовъ главнаго комитета. Единственнымъ свѣтлымъ исключеніемъ изъ этой картины старческой немощи и сановнаго озлобленія является великій князь Константинъ Николаевичъ, который, подъ воздѣйствіемъ Елены Павловны и Н. Милютина, умѣлъ при всей трудности своего положенія сохранить позицію защитника тенденцій редакціонныхъ комиссій.

¹⁾ «Дневникъ» графа Петра Александровича Валуева.

Какъ сообщаетъ офиціальный біографъ Александра II, покойный историкъ С. С. Татищевъ, положеніе дѣлъ въ главномъ комитетѣ сложилось такъ ¹⁾: «Въ главномъ комитетѣ,—повѣствуетъ онъ,—далеко не всѣ члены раздѣляли взглядъ великаго князя на новыя положенія. Вполнѣ сочувствовали имъ и дѣятельно ихъ поддерживали одни только Ланской, графъ Блудовъ и Чевкинъ. Три члена, Муравьевъ, князь Долгоруковъ и Княжевичъ, желали внести въ нихъ существенныя измѣненія. Ихъ контръ-проектъ, составленный директоромъ департамента сельскаго хозяйства Валувевымъ, предлагалъ оставить за крестьянами на первое время существовавшіе надѣлы, а окончательное разрѣшеніе устройства поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками отерочить до обмежеванія и кадастрированія всѣхъ владѣльческихъ дачъ. Князь Гагаринъ, поддерживаемый графомъ Адлербергомъ, настаивалъ на освобожденіи крестьянъ съ обязательнымъ надѣломъ не болѣе какъ по одной десятинѣ на душу и съ предоставленіемъ затѣмъ крестьянамъ найма остальныхъ земель по добровольнымъ съ помѣщиками соглашеніямъ. Наконецъ, самъ бывший предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, графъ Панинъ, выразилъ несогласіе съ ихъ проектами по четыремъ важнымъ статьямъ: о вѣчинной полиціи помѣщиковъ; объ ограниченіи правъ собственности помѣщиковъ на предоставленныя крестьянамъ этими землями; объ опредѣленіи размѣра высшихъ и низшихъ надѣловъ.

«Разсмотрѣнію проектовъ положеній главный комитетъ посвятилъ болѣе сорока засѣданій, продолжавшихся каждое свыше шести и даже семи часовъ. Головинъ такъ описываетъ ихъ въ письмѣ къ князю Барятинскому: «Пренія были очень горячія. Нужно отдать справедливость великому князю предсѣдателю, что всѣ члены пользовались полною свободою выражать свои мнѣнія, и нужно прибавить, что по своей молодости, по своимъ физическимъ силамъ, уму и памяти, которыми природа такъ счастливо надѣлила великаго князя, и по прилежанію, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ члены. Дѣло затянулось, благодаря безконечнымъ преніямъ, большому разномыслію среди членовъ наиболѣе вліятельныхъ, а въ особенности, по моему мнѣнію, потому, что секретарь комитета, г. Бутковъ, до сихъ поръ не успѣлъ еще раскрыть, который изъ членовъ наиболѣе могущественъ, а слѣдовательно, не знаетъ, въ чью пользу привести въ движеніе всю силу канцеляріи, силу, которая имѣетъ дѣйствительную власть у насъ. Императоръ, возвратившійся, между тѣмъ, изъ Варшавы, остается безмолвнымъ, и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній его величество симпатизируетъ. Вообще

¹⁾ «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе», т. I.

«истор. вѣстн.», январь, 1908 г., т. сxi.

нужно сказать, что веденіе императоромъ всего этого дѣла дѣлаетъ ему величайшую честь.

«Наконецъ великому князю удалось убѣдить графа Палена пристать къ его мнѣнію, къ которому присоединился, уступая настояніямъ самого государя, и графъ Адлербергъ. Такимъ образомъ, составилось большинство въ пользу проектовъ редакціонныхъ комиссій, которые и были приняты главнымъ комитетомъ».

Въ дальнѣйшемъ государственный совѣтъ, подъ воздѣйствіемъ главнымъ образомъ оппозиціонно настроенныхъ представителей крѣпостническаго дворянства и по соглашенію съ консерваторами изъ главнаго комитета, видоизмѣнилъ «положеніе» комиссіи по предметамъ надѣловъ и платежей крестьянъ, принявъ для надѣловъ *minimum*, а для платежей *maximum*, а главное—ввелъ совершенно противорѣчивую духу проекта комиссій статью о даровомъ надѣлѣ («нищенскій надѣлъ», «подаренка»), но тѣмъ не менѣе главные принципы, которые были положены въ основу трудовъ редакціонныхъ комиссій остались незыблемыми и вошли въ «положеніе» 19 февраля 1861 г., какъ-то: освобожденіе крестьянъ съ землею, полная отмѣна помѣщичьей власти и вотчинной полиціи и организація крестьянскаго самоуправленія.

IV.

26 января 1861 г. состоялось знаменитое соединенное засѣданіе главнаго комитета съ совѣтомъ министровъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя императора, гдѣ достаточно ярко сказалось отсутствіе общности дѣйствій господъ министровъ и явное несоответствіе ихъ личностей и занимаемыхъ ими въ государственной іерархіи положеній. Государь выразилъ признательность тѣмъ членамъ засѣданія, которые высказались въ пользу «положеній», сказалъ нѣсколько защитительныхъ словъ по адресу редакціонныхъ комиссій, помянувъ добромъ ихъ труды и откинувъ тяготѣвшія надъ ними обвиненія, горячо расцѣловалъ Константина Николаевича и въ заключеніе многозначительно прибавилъ, что если онъ до сихъ поръ давалъ полную свободу дѣйствій и мнѣній всѣмъ призваннымъ къ труду освобожденія крестьянъ, то теперь онъ не допуститъ никакихъ отмѣнъ, затягиваній и искусственныхъ проволочекъ и требуетъ, чтобы къ 15 февраля все дѣло было закончено: «этого я желаю, требую и повелѣваю». Обращаясь же непосредственно къ своимъ министрамъ, Александръ Николаевичъ поставилъ имъ на видъ, что доселѣ они враждовали между собою, пререкаясь по крестьянскому дѣлу, а нѣкоторые даже противились его видамъ, и что онъ давалъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, но что теперь, когда его воля окончательно выражена, онъ

требуетъ отъ нихъ полнаго согласія другъ съ другомъ, совершеннаго забвенія личныхъ мнѣній и безусловнаго, добросовѣстнаго исполненія его повелѣній и утвержденнаго имъ положенія, внушительно добавивъ: «Вы должны помнить, что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть».

Эти слова чрезвычайно полно обнимаютъ собою принципы и дѣйствительность русской государственности: принципъ -- неограниченность царскаго самодержавія, какъ такового, дѣйствительность — замѣна его самодержавіемъ бюрократіи, которое, не стѣсняясь прерогативами верховной власти, наперекоръ единенію царя и народа, руководить историческими судьбами страны, согласно своимъ временнымъ тенденціямъ, желанію и сословнымъ интересамъ привилегированныхъ классовъ. Увы, далеко не всегда верховная власть обрѣтала въ себѣ силу и волю, чтобы положить предѣлъ таковой политикѣ служилаго сословія, какъ это усматривается со стороны Александра II въ дѣлѣ раскрѣпощенія крестьянъ, а скорѣе точно подъ дѣйствіемъ непонятнаго гипноза, гдѣ не послѣднюю роль игралъ элементъ личнаго страха, эта верховная власть становилась въ своихъ поступкахъ въ подчиненное бюрократіи положеніе и покрывала своей верховной санкціей ея подчасъ незаконныя дѣянія, становясь такимъ образомъ вразрѣзъ съ народными интересами и вынося на себѣ недовольство и нареканія массъ. За преступленія противъ блага народа и дѣянія во вредъ ему со стороны бюрократическихъ элементовъ въ ихъ разныхъ стадіяхъ и напластованіяхъ въ царствованіе именно Александра II русскій самодержецъ переживалъ отчужденную выше драму, испытывая на себѣ все послѣдствія узурпаціи своей власти служилымъ сословіемъ, наполнившимъ въ особенномъ изобиліи столичныя и провинціальныя бюрократическія канцеляріи.

28 января состоялось общее собраніе государственнаго совѣта подъ личнымъ предѣдательствованіемъ государя императора, чего до тѣхъ поръ, со времени основанія совѣта, ни разу не случалось, и здѣсь Александръ II произнесъ свою замѣчательную историческую рѣчь, о которой въ тѣ дни такъ много говорили во всѣхъ столичныхъ кругахъ и о коей Головинъ писалъ къ Барятинскому¹⁾: «Засѣданіе государственнаго совѣта 28 января останется памятнымъ въ исторіи Россіи рѣчью, которою государь освѣтилъ разбирательство совѣта по проекту освобожденія. Эта рѣчь доказала глубокое знаніе, которымъ обладаетъ императоръ по отношенію ко всему дѣлу, доказала, насколько онъ имѣетъ о немъ ясное представленіе, и обнаружила тотъ рациональный планъ, которому онъ слѣдовалъ съ полною твердостью. Эта рѣчь поставила государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ совѣта.

¹⁾ Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе. С. С. Татищева. Т. I.

Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ приобрѣлъ себѣ безсмертіе. Надо замѣтить, что эта рѣчь не была разработана какою-либо канцеляріею совѣта, не была написана и прочитана, — нѣтъ, то была совершенно свободная импровизація, естественное представленіе мысли, которая давно созрѣла въ головѣ».

Приводимъ эту рѣчь полностью, какъ выдающійся образецъ царскаго краснорѣчія, коимъ на протяженіи нашихъ очерковъ до сихъ поръ не часто приходилось пользоваться. Александръ II говорилъ:

«Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ государственнаго совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ государственномъ совѣтѣ. Повторяю — и это моя непремѣнная воля, — чтобъ дѣло это теперь же было кончено.

«Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, я увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства до нѣкоторой степени понятны, ибо они касаются самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ передъ потомствомъ. При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями дворянства и во время путешествій моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, я не скрывалъ моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразование не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны и что все стараніе мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ государственный совѣтъ, вы убѣдитесь, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ-либо измѣнить или добавить представляемую работу, то я готовъ принять ваши замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего

дѣла должно быть улучшение быта крестьянъ и улучшение не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ.

«Прежде, чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самаго проекта, хочу изложить вкратцѣ историческій ходъ этого дѣла. Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостного права. Оно у насъ прежде не существовало; право это установлено самодержавною властью и только самодержавная власть можетъ его уничтожить, а на это есть моя непреклонная воля.

«Предшественники мои чувствовали все зло крѣпостного права и постоянно стремились если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію помѣщичьей власти.

«Съ этою цѣлью при императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ, при императорѣ Александрѣ, въ 1803 году, законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, а при родителѣ моемъ, въ 1842 году, указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе законы были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100.000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Мысль была благая, и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствіе, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многомъ облегчило бы настоящее преобразование. Покойный мой родитель постоянно былъ занятъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ. Я воплѣ ей сочувствую, еще въ 1856 году передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться, и что потому лучше, чтобы преобразование это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1857 года, я учредилъ, подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года поступило прошеніе отъ трехъ литовскихъ губерній, просившихъ дозволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостью и отвѣчалъ рескриптомъ 20 ноября 1857 года на имя генералъ - губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ указаны главныя начала, на коихъ должно совершаться преобразование; эти главныя начала должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщиковъ, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь государственному совѣту главнымъ комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что

происходило за границею, гдѣ преобразование совершилось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи. Безземельное освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое и только теперь, послѣ 40 лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ преждее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго родителя моего издать въ 1846 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ царствѣ Польскомъ.

«Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генераль-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ дворянствъ другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами на имя генераль-губернаторовъ и губернаторовъ, подобнаго же содержанія съ первымъ. Въ этихъ рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ мною началахъ. Вслѣдствіе этого были учреждены губернскіе комитеты, которымъ для облегченія ихъ работъ была дана особая программа. Когда, послѣ даннаго на то срока, работы комитетовъ начали поступать сюда, я разрѣшилъ составить особыя редакціонныя комиссіи, которыя должны были разсмотрѣть проекты губернскихъ комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдатели этихъ комиссій были сначала генераль-адъютантъ Ростовцевъ, а по кончинѣ его графъ Панинъ. Редакціонныя комиссіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, несмотря на всѣ нареканія, можетъ быть, отчасти и справедливыя, которымъ комиссіи подверглись, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ главный комитетъ. Главный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ моего брата, трудился съ неутомимою дѣятельностью и усердіемъ. Я считаю обязанностью благодарить всѣхъ членовъ комитета, а брата въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ.

«Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушиваю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но твердо уповаю на милость Божию и, увѣренный въ святости этого дѣла,

я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь, съ Божію помощію, приступимъ къ самому дѣлу».

V.

Нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе рѣчи по существу ея историческаго изложенія событій; важно то, что царь громко заявилъ свою неизмѣнную волю и далъ опредѣленное направленіе ходу работъ государственнаго совѣта. Этимъ былъ отрѣзанъ путь для проволочекъ и оставался лишь способъ извлеченія наибольшей выгоды изъ положенія и обстоятельствъ. Въ этомъ отношеніи и проявили свою энергію сановники, забывая наказъ государя дѣйствовать «не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники», облеченные довѣріемъ своего царя. Минимумъ надѣла и максимумъ выкупа, какъ равно введеніе дароваго надѣла получили здѣсь свое узаконеніе.

Засѣданія государственнаго совѣта продолжались двѣ съ половиною недѣли, протекали очень бурно, при чемъ идея политическаго реванша продолжала царить среди многихъ представителей не только высшаго и сановнаго дворянства, но и болѣе зависимой и подчиненной части бюрократіи. Такъ, въ «Дневникѣ» Никитенки уже послѣ состоявшагося подписанія акта объ освобожденіи, но до его распубликованія, записано подъ датой 23 февраля 1861 г.¹⁾: «Наше дворянство должно съ освобожденіемъ крестьянъ стать въ новое отношеніе къ правительству. Оно должно пріобрѣсти новый нравственный и политическій авторитетъ. Первый зависитъ отъ него самого, отъ степени его ума, образованія и нравственной силы: ему предстоитъ теперь опереться на нихъ и на нихъ однихъ. Авторитетъ политическій возникаетъ самъ собой изъ новыхъ обстоятельствъ, въ которыя дворянство вовлечено реформой. Правительство, освобождая крестьянъ, не могло не призвать его къ участию въ своихъ предначертаніяхъ. Это зародышъ, изъ котораго могутъ развиваться болѣе обширныя права дворянства, разумѣется, если оно сумѣетъ воспользоваться этими первымъ, выпавшимъ ему на долю моментомъ участія въ дѣлахъ правительственныхъ, но сумѣетъ не иначе, какъ опираясь на нравственный авторитетъ. Тогда оно получитъ политическое значеніе, собственно не какъ дворянство (для этого у него нѣтъ достаточной юридической и исторической почвы), но какъ лучшая часть народа, болѣе образованная, болѣе развитая, болѣе способная понять какое бы то ни было право и поддержать его передъ авторитетомъ верховной власти».

¹⁾ А. В. Никитенко. «Записки и дневникъ», ч. II.

16 февраля въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣніе самаго проекта освобожденія и всѣ подготовительныя къ нему работы были кончены, и 19 февраля государственный секретарь В. П. Бутковъ отвезъ проектъ манифеста и указъ сенату въ Зимній дворецъ, гдѣ государь гусинымъ перомъ, снимокъ съ котораго при семъ прилагается, и подписалъ величайшій въ нашей исторіи государственный актъ въ редакціи, установленной московскимъ митрополитомъ Филаретомъ.

Вопросъ о составленіи манифеста былъ не легкимъ, и сначала это дѣло было поручено Ю. Самарину, подъ редакціей Н. Милютина и при участіи въ составленіи со стороны великаго князя Константина Николаевича и Блудова. Но, по свидѣтельству Н. П. Семёнова, ¹⁾ «составленный Самаринимъ проектъ не удовлетворилъ ожиданій, какъ вслѣдствіе сообщенія въ немъ излишнихъ подробностей, не совсѣмъ понятныхъ вначалѣ народу, такъ и по причинѣ отсутствія въ немъ слога, который составляетъ необходимую принадлежность. Тогда графъ Панинъ, послѣ нѣсколькихъ еще неудачныхъ опытовъ составленія проектовъ манифеста, испросилъ высочайшее соизволеніе предложить митрополиту московскому и коломенскому Филарету принять этотъ трудъ на себя».

Какъ извѣстно, по вопросу объ эмансипаціи крестьянъ Филаретъ не былъ на сторонѣ либеральной части общества и относился къ дѣлу освобожденія недовѣрчиво и скептически, а потому обращеніе къ нему не было встрѣчено имъ сочувственно и онъ уклонился отъ высокой чести быть авторомъ великаго историческаго акта. Потребовалось воздѣйствіе на него со стороны его духовника, послѣ чего только послѣдовало его согласіе и желательный манифестъ былъ имъ составленъ, при чемъ проектъ Самарина въ значительной мѣрѣ даже со стороны нѣкоторыхъ оборотовъ рѣчи былъ положенъ въ основаніе работы выдающагося дѣятеля нашей церкви. Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что въ сущности и проектъ Самарина, и оригиналь Филарета явились литературными памятниками, далеко не отвѣчавшими ни темъ, въ немъ разработанной, ни переживаемому историческому моменту, какъ ровно не приуроченными къ пониманію тою средою, для которой они были писаны. Манифестъ вышелъ тяжело-вѣснымъ, безъ требуемаго подъема духа, безъ искры въ немъ Божіей; это скорѣе программная объяснительная записка, длинная, писанная сухо и съ излишними, подробно въ немъ разработанными пунктами. Только въ концѣ, въ заключительномъ обращеніи имѣются красивыя, сочныя выраженія, которыя говорятъ сердцу и будятъ чувство, причемъ, надо отдать справедливость Филарету, этому сухому уму, онъ сумѣлъ, какъ стилистъ и психологъ на-

¹⁾ «Освобожденіе крестьянъ», т. III.

Дополнительно выдана Журнал заседания
Ассамблеи Свободы: Благороднейшему Совету и
личному представителю Благороднейшего
объединения Крестовых Крестов, 18го Января 1848 г.

C. Lavrenko

Перо, которымъ Александръ II подписалъ указъ объ освобожденіи крестьянъ.

родной массы, стать выше блестящаго публициста-славянофила. Самаринъ проектировалъ заключительныя слова манифеста такъ ¹⁾: «Спокойнымъ ожиданіемъ предстоящаго улучшенія въ вашемъ быту, покорностью властямъ и закону и строгимъ исполненіемъ лежащихъ на васъ обязанностей, вы оправдали наши о васъ попеченія. Нынѣ, въ ясномъ сознаніи лежащихъ на васъ обязанностей, вознесите теплыя мольбы благодарности къ Всевышнему Подателю всякихъ благъ, и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, покажите себя и впредь вполнѣ достойными даруемой свободы, помня твердо святуго заповѣдь о повиновеніи предрержащимъ властямъ: нѣсть бо власть аще не отъ Бога!»

Эту поучительную сентенцію Филаретъ замѣнилъ историческими словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

Одновременно съ подписаніемъ манифеста объ освобожденіи Александръ II издалъ и рескриптъ на имя великаго князя Константина Николаевича, гдѣ между прочимъ изложилъ свой взглядъ на дѣло раскрѣпощенія милліоновъ людей. Государь писалъ: «Будущее извѣстно единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его святой, всегда благостной воли, но мы можемъ нынѣ же со спокойною совѣстью сказать себѣ, что нами употреблены для совершенія онаго всѣ бывшія во власти нашей средства, и со смиреніемъ уповать, что покровительствующее любезному нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе нашихъ намѣреній, коихъ чистота ему извѣстна». Въ этомъ же рескриптѣ было объявлено объ учрежденіи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, главнаго комитета «для устройства сельскаго состоянія для всей имперіи на общихъ однообразныхъ началахъ».

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ объявленъ сенату 2 марта, а въ воскресенье 5 марта (прощеное воскресенье) обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе въ Петербургѣ, прочтеніемъ его въ церквахъ послѣ обѣдни. На разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ государь самъ прочелъ манифестъ, встрѣченный громогласнымъ и долго не смолкавшимъ «ура!» Въ теченіе марта состоялось обнародованіе манифеста повсемѣстно по всей Россіи. Какъ же встрѣтила страна реализовавшійся наконецъ актъ свободы, каковы были впечатлѣнія и самочувствіе народа, интеллигенціи, служилыхъ классовъ и самого государя въ эти знаменательные дни, когда

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1891 г. № 6. «Проекты манифеста 19 февраля 1861 г.» Н. П. Семенова.

Россія вступила на путь новаго историческаго бытія? Показанія современниковъ въ этомъ отношеніи для насъ драгоцѣнны и даютъ возможность сдѣлать тѣ изъ нихъ выводы, которые намъ нужны будутъ для дальнѣйшаго изложенія событій нашихъ историческихъ очерковъ. Поэтому приведемъ нѣкоторыя, быть можетъ, и нѣсколько пространныя выдержки, но очень знаменательныя и по характеру ихъ и по заключающемуся въ нихъ фактическому матеріалу.

VI.

А. В. Никитенко на 5 марта записалъ въ своемъ «Дневникѣ»¹⁾: «Воскресенье. Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ. Мнѣ принесли его около полудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ ли что есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей, дѣтямъ и одной нашей пріятельницѣ въ кабинетѣ передъ портретомъ Александра II, на который мы все взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно понятнѣе, сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему навѣки въ своемъ сердцѣ 5 марта и имя Александра II Освободителя.

«Я не могъ усидѣть дома. Мнѣ захотѣлось выйти побродить по улицамъ и, такъ сказать, слиться съ обновленнымъ народомъ. На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ-губернатора, и возлѣ каждаго толпились кучки народа: одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя. Въ разныхъ мѣстахъ читали манифестъ. До слуха безпрестанно доносились слова: «Указъ о вольности — свобода». Одиный, читая объявленіе и дочитавъ до мѣста, гдѣ говорится, что два года дворовые должны еще оставаться въ повиновеніи у господъ, съ негодованіемъ воскликнулъ: «Чортъ дери эту бумагу! Два года! какъ бы не такъ, стану я повиноваться!» Другіе молчали.

«Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ (А. Д.) Галаховымъ. «Христосъ воскрес!» сказалъ я ему. «Воистину воскрес!» отвѣтилъ онъ, и мы взаимно передали другъ другу нашу радость.

«Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру. Онъ велѣлъ подать шампанскаго, и мы выпили по бокалу въ честь Александра II».

Вотъ цѣнное съ фактической стороны свидѣтельство историка и лидера дворянства, кн. В. П. Мещерскаго, приправленное, однако, по свойству его литературнаго пера, полемическою солью во славу своего сословія. Кн. Мещерскій пишетъ въ своихъ вос-

¹⁾ «Записки и Дневникъ», т. II, изд. 2-е.

поминаніяхъ»: ¹⁾ «...Рядомъ съ... царившимъ по крестьянскому вопросу оживленіемъ, скептики и критики задавали себѣ вопросъ: да гдѣ же тотъ, кто будетъ вводить такую громадную и трудную реформу? Вопросъ этотъ относился къ личности министра внутреннихъ дѣлъ. Графъ Ланской казался слишкомъ слабымъ и развалившимся для такого исполнскаго дѣла, а между тѣмъ по странной случайности, подтвердившей и на сей разъ ту мысль или легенду, что первый министръ въ Россіи всегда Николай Чудотворецъ, приступили къ реформѣ въ 1861 году, не только не задумавшись надъ вопросомъ: есть ли человѣкъ, способный ее проводить, но какъ будто забывши про этотъ вопросъ. Забыли и многое другое, не менѣе важное.

«Помню, что въ то время спокойные и безпристрастные умные люди говорили о томъ, что хорошо было бы передъ наступленіемъ 19 февраля созвать: 1) всѣхъ губернаторовъ, чтобы преподать имъ одну общую инструкцію, и дать имъ тонъ, по которому они могли бы дѣйствовать, и 2) всѣхъ губернскихъ предводителей дворянства съ цѣлью: а) въ ихъ лицѣ поблагодарить все дворянство за патріотическое дѣло, ими совершенное, и б) призвать ихъ къ духовному, такъ сказать, содѣйствію правительству въ предстоящемъ великомъ трудѣ введенія положенія 19 февраля. Такіе созывы губернскихъ предводителей дворянства имѣли бы историческое значеніе торжественнаго исповѣданія государемъ передъ лицомъ своего народа той громадной исторической заслуги, которая съ такою любовью, съ такимъ глубокимъ вѣрноподданническимъ чувствомъ, съ такимъ безпредѣльнымъ самоотверженіемъ была принесена дворянствомъ на алтарь отечества.

«Но ничего изъ этихъ мыслей не осуществилось... Съ свойственными имъ лукавостью и косностью дѣятели крестьянскаго вопроса упорно постарались осуществленіе этой прекрасной мысли сдѣлать невозможнымъ... Сначала занялись подбораніемъ очень усердно флигель-адъютантовъ, которыхъ предстояло разсылать по Россіи для объявленія манифеста 19 февраля. Безспорно, между этими флигель-адъютантами были и достойные и способные люди: прежняя практика посылки для наборовъ дала нѣкоторымъ изъ нихъ кой-какія практическія свѣдѣнія и сметку въ области внутренней жизни Россіи, но были и совсѣмъ неспособные къ этому дѣлу, которые тѣмъ не менѣе съ тѣми же полномочіями посланы были въ такую трудную минуту на столь отвѣтственное дѣло.

«А рядомъ съ этимъ, только 2 мѣсяца послѣ 19 февраля, въ 1861 году догадались и спохватились въ Петербургѣ, что въ провинціи, въ деревняхъ никакой власти для введенія положенія не имѣется и что мировыхъ посредниковъ еще нѣтъ, и вся по-

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія», ч. I.

лицейская часть этого грандіознаго государственнаго переворота легла, съ одной стороны, на присланнаго изъ Петербурга флигель-адъютанта, а съ другой стороны, на полицію того времени, т. е. на знаменитыхъ земскихъ исправниковъ по выбору изъ дворянъ. О реформѣ полиціи надумали только 2 года спустя.

«Вотъ какъ легкомысленно тогда пущено было дѣло; воротили его все свое вниманіе сосредоточили надъ земельнымъ вопросомъ, т. е. надъ заботою какъ можно глубже поразить дворянство, а объ интересахъ порядка и правительства они мало думали, до такой степени мало, что когда вышелъ манифестъ 19 февраля и вышло положеніе о крестьянахъ, оказалось, что эмансипаторы позабыли или не захотѣли выработать уставъ вотчинной полиціи... на нихъ возложенный, какъ задача...

«Безвластіе и безпорядокъ были тѣми элементами, которые призваны были въ 1861 г. быть воспріемниками отъ купели этого новорожденнаго дитяти 19 февраля 1861 года. Вотъ и наступило великое 19 февраля.

«Потомки наши могли бы себѣ представить обстановку этого дѣла необыкновенною по торжественности и, такъ сказать, въ декоративномъ отношеніи. Но именно этой декоративной торжественности вовсе не было. Какъ всегда, въ этотъ день было торжественное богослуженіе въ Исаакіевскомъ соборѣ, куда съѣхались высшіе чины, генералитетъ и военные, и гдѣ прочитанъ былъ прекрасный манифестъ пера Филарета. Говорили въ городѣ до этого дня, что будто государь со всею царскою фамиліею будетъ присутствовать на богослуженіи въ Исаакіевскомъ соборѣ и при чтеніи манифеста; другіе говорили, что будетъ въ этотъ день большой выходъ во дворцѣ; иные даже прибавляли, что съ балкона во дворцѣ будетъ чтеніе манифеста, но ничего этого не было, и во дворцѣ, какъ всегда, былъ въ этотъ день малый выходъ.

«Единственное необыкновенное событіе, въ этотъ день случившееся, было привѣтствіе государя народомъ на Сенатской площади въ третьемъ часу дня. Государь ѣхалъ вмѣстѣ съ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, и толпы крестьянъ были допущены къ поднесенію ему хлѣба-соли. Но размѣры этой толпы были настолько скромные, что, очевидно, это было привѣтствіе, заранее поставленное генералъ-губернаторомъ княземъ Суворовымъ въ извѣстныя рамки. Помню, что тогда очень искренно жалѣли, что народному привѣтствію не даны были болѣе достойные событію широкіе размѣры.

«Записалъ я въ тотъ день другое впечатлѣніе, которое по своему характеру было историческое. Послѣ прогулки государь вошелъ къ своей дочери, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, любимому своему дѣтищу, съ сіявшимъ лицомъ, поднялъ ее на руки, принялся цѣловать и съ такимъ чуднымъ, съ сіяніемъ радо-

сти, лицомъ сказалъ тутъ же находившейся воспитательницѣ великой княжны, Аннѣ Федоровнѣ Тютчевой, потомъ Аксаковой, которая мнѣ и рассказывала: «j'ai voulu embrasser ma fille le plus beau jour de ma vie!» (я захотѣлъ расцѣловать мою дочь въ лучший день моей жизни). Слова эти имѣютъ двойной исторической смыслъ. Во-первыхъ, они выражаютъ то прекрасное настроеніе души, въ которомъ Александръ II совершилъ и объявилъ своему народу великую реформу, и, во-вторыхъ, увы, это было, какъ слова радости, какъ слова, выражавшія наслажденіе его души, — его лебединой пѣсню. Послѣ были отклики мгновеннаго удовольствія, веселія, но такихъ словъ Царь-Освободитель болѣе не произносилъ. Слова его, что онъ считаетъ этотъ день лучшимъ днемъ его жизни, сбылись въ полномъ смыслѣ этого слова. Никогда лучшаго дня уже не было въ его жизни.

«Нельзя себѣ уяснить,—въ тѣ дни кто, кромѣ государя, испыталъ 19 февраля такое чистое настроеніе. Мнѣ казалось, что всѣ, съ которыми я встрѣчался, относились къ событію не довольно радостно: иные относились, какъ будто, недовѣрчиво, другіе—сомнительно, третьи—пессимистично, пророча какіе-то неизбѣжные безпорядки. Причина тому была нехорошая.

«Безъ преувеличенія и безъ натяжки можно сказать, что царь, радовавшійся 19 февраля 1861 года о совершившейся реформѣ искренно, былъ однимъ изъ немногихъ въ Петербургѣ.

«У большей части изъ сотрудниковъ радость эта не могла быть искренна потому, что и работа ихъ была неискренна: они гораздо болѣе работали для политической и социальной идеи, чѣмъ для дѣйствительнаго блага народа, чѣмъ для дѣйствительной славы государя. А государь работалъ надъ этимъ дѣломъ съ единственною мыслию совершить огромную социальную реформу для блага своего народа. Оттого его радость о 19 февралѣ 1861 года была искренна, а радость его сотрудниковъ была испорчена вопросами и сомнѣніями въ родѣ слѣдующихъ: достаточно ли отняли у дворянъ земли, достаточно ли пошатнуто дворянство земельное въ своихъ устояхъ и въ своихъ основахъ, достаточно ли создано для него критическое и трудное положеніе?

«)то была одна психическая черта, мѣшавшая въ высшихъ сферахъ радоваться крестьянской реформѣ искренно. Но было и другое психическое явленіе, мѣшавшее обществу радоваться дѣлу 19 февраля искренно,—это явленіе происходило въ интеллигентныхъ сферахъ, надъ этой реформой тамъ не задумывались: тамъ на нее не смотрѣли съ участіемъ патріотическимъ и не останавливались надъ нею серьезно; въ этихъ сферахъ смотрѣли на крестьянскую реформу мимоходомъ, какъ на первый шагъ къ дальнѣйшему либеральному будущему, какъ на первую брешь въ цитадели старины и, нетерпѣливо требуя дальнѣйшаго, умы отходили отъ крестьянской реформы въ минуту, когда она объявилась.

«Но совсѣмъ иное настроеніе было тогда внутри Россіи. Реформа 19 февраля принята была тамъ съ благоговѣніемъ тѣмъ самымъ дворянствомъ, которое въ Петербургѣ либеральные реформаторы хотѣли, во что бы то ни стало, представить какою-то оппозиціонною правительству и государю массою и надъ матеріальнымъ разореніемъ котораго они такъ усердно ломали себѣ головы, совершая задачу освобожденія крестьянъ. Благоговѣніе это къ реформѣ выказалось какъ нельзя болѣе краснорѣчиво въ томъ единодушій, съ которымъ рѣшительно вездѣ дворянство откликнулось на призывъ правительства поставить изъ своей среды мировыхъ посредниковъ для введенія крестьянскаго положенія 19 февраля».

Въ дальнѣйшемъ мы еще будемъ говорить объ отношеніи дворянства къ фактическому выполненію великой реформы, а пока обратимся еще къ одному свидѣтелю тѣхъ дней, изобразившему намъ, какъ принятъ былъ актъ свободы въ сердцѣ сермяжной Россіи, въ первопрестольной Москвѣ, во всѣ историческіе моменты народной жизни громко подававшей свой голосъ за всю страну.

VII.

Старикъ Погодинъ такъ описываетъ наружный видъ Москвы въ день 5 марта¹⁾. «Въ смутномъ расположеніи духа отправился въ Кремль. По Зубову, по Пречистенкѣ народу меньше обыкновеннаго. Въ Кремлѣ, на площадкѣ почти никого.

«Признаюсь эпизодически, что я со страхомъ приближался къ дверямъ и былъ почти намѣренъ остановиться: ну, какъ попржнему хожалый жандармъ или квартальный меня не пустить, скажетъ какую-нибудь грубость, и кровь моя взволнуется, желчь вскипитъ... Я прошелъ въ двери, однакоже, благополучно, несмотря на тѣсоту, и почувствовалъ удовольствіе, хотя, съ больною ногою, стоять мнѣ было почти опасно... Черезъ нѣсколько минутъ и пробрался во внутренность собора и сталъ въ сторонѣ. Соборъ былъ полнехонекъ, по крайней мѣрѣ сзади, а впереди, кажется, было просторно... Въ моей сторонѣ люди были разныхъ званій: направо бѣлая мантіля, налѣво овчинный тулупъ, вокругъ купцы средней руки. Весь народъ стоялъ благоговѣнно и соблюдалъ совершенную тишину.

«Не стану говорить о себѣ, что я чувствовалъ, думая, слушая... Овчинный тулупъ стучалъ безпрестанно пальцами по кожѣ, кладя крестное знаменіе, и умиленно вздыхалъ, произнося по временамъ шопотомъ: Господи помилуй!--Какъ мнѣ хотѣлось заглянуть въ

¹⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина». Николай Барсуковъ, кн. XI.

его душу! Видно было, что онъ молится усердно. Манифестъ былъ прочитанъ... сердце трепетало. Чтеніе продолжалось долго; при послѣднемъ выраженіи: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ», весь народъ перекрестился. Минута, которой описать нѣтъ силъ. Господи! Господи! благослови! благодаримъ, благодаримъ! Мнѣ хотѣлось бы услышать за молебномъ: «Тебе Бога хвалимъ»—во сто или двѣсти голосовъ, чтобы стѣны затрепали, а пропѣлъ его обыкновенный хоръ.

«Послѣ многолѣтія государю мнѣ хотѣлось бы услышать многолѣтіе православному русскому крестьянству, получающему освобожденіе, многолѣтіе благородному россійскому дворянству, отпускающему своихъ крестьянъ на волю, согласно съ волею царскою; но, кажется, этихъ многолѣтій, полезныхъ для того, чтобы возбуждать духъ любовнаго единенія между сословіями, пропѣто не было, вѣроятно, потому, что они не значатся по чину. По крайней мѣрѣ я ихъ не слыхалъ.

«Прочіе соборы были биткомъ набиты, а особенно Чудовъ монастырь, гдѣ было, какъ я слышалъ, больше крестьянъ.

«Выйдя изъ церкви, я пока оставался съ встрѣтившимися знакомыми. По окончаніи богослуженія народу въ Кремлѣ не оставалось.

«Изъ Кремля я поѣхалъ въ Замоскворѣчье, а оттуда на гулянье подъ Новинскимъ, въ третьемъ часу. На улицахъ нигдѣ не замѣтно было необыкновеннаго движенія, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Въ балаганахъ, на балконахъ не слышалось ни одного слова, относящагося къ интересу минуты. Зато у райковъ напѣвалась передъ слушателями всякая нравственная мерзость безнаказанно. На качеляхъ и на конькахъ было повеселѣе, впрочемъ, не знаю, отъ масленицы, или отъ свободы... Воротился домой часовъ въ 9, также мимо гулянья, и все тоже было почти совсѣмъ тихо; въ нашемъ послѣднемъ переулкѣ встрѣтилось нѣсколько пьяныхъ, и то не слишкомъ.

«На другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ издатель газеты и говоритъ: «Я хотѣлъ просить васъ, Михаилъ Петровичъ, написать нѣсколько строкъ о вчерашнемъ днѣ, но вижу, что писать нечего; такъ было тихо».

«Народъ вдругъ не понялъ, не выразумѣлъ, не взялъ въ толкъ, что онъ манифестомъ получаетъ. Не выразумѣли еще порядочно и мы, грамотные. Недоумѣніе—вотъ слово, которое характеризуетъ настоящее положеніе въ воскресенье. Народъ, руководствуемый вѣрнымъ своимъ чутьемъ, принимаетъ на вѣру, что ему сдѣлано добро, молится Богу, благодаритъ государя».

Погодинъ, самъ вышедшій изъ рядовъ податнаго сословія, своей мѣткой рѣчью и зоркимъ наблюдательнымъ взоромъ вѣрно зарегистрировалъ общее настроеніе: «недоумѣніе». Точно что-то

тихое грустное поднималось отъ земли къ небу: тебя Бога хвалимъ, на Тебя уповаемъ...

Но если недоумѣніе охватывало широкіе круги заинтересованныхъ русскихъ людей у себя на родинѣ, то были и такіе, временно и случайно очутившіеся за границу, для которыхъ манифестъ 19 февраля былъ не только актомъ опредѣленнаго дня и историческаго момента, но событіемъ, коимъ покрывалась стародавняя эпоха съ ея личнымъ горемъ, слезами и страданіемъ. Въ концѣ марта русская колонія въ Парижѣ по случаю освобожденія крестьянъ служила молебень, и, увѣдомляя объ этомъ Аннеякова, И. С. Тургеневъ писалъ: «...священникъ Васильевъ произнесъ намъ очень умную и трогательную рѣчь, отъ которой мы всѣ всплакнули... передо мною стоялъ Н. И. Тургеневъ и тоже утиралъ слезы; для него это было въ родѣ: нынѣ отпускаеши раба твоего. Тутъ же находился старикъ Волконскій (декабристъ). «Дожили мы до этого великаго дня», было въ умѣ и на устахъ каждаго».

Да, Н. И. Тургеневъ и кн. Волконскій могли плакать: осуществилось, наконецъ, то, о чемъ они мечтали въ 1825 году. Ихъ слезы были слезами радости по поводу мирной эволюціи, которая, «по мановенію царя» свершилась, вопреки всякимъ тревожнымъ ожиданіямъ и предсказаніямъ, и во имя которой ихъ единомышленники тридцать шесть лѣтъ назадъ такъ преждевременно и ужасно погибли...

Радостно встрѣтилъ вѣсть о свободѣ на берегахъ Темзы и Герценъ, хотя въ его рѣчи уже перестали раздаваться тѣ звучныя слова, которыми онъ когда-то привѣтствовалъ первыя начинанія Александра II въ крестьянскомъ вопросѣ. Польскій вопросъ и событія въ Варшавѣ опустошили его хвалебный лексиконъ и внесли въ теченіе мыслей и чувствъ раздраженіе, горечь и гнѣвъ. А Огаревъ, посвятивъ въ «Колоколѣ»¹⁾ дню 19 февраля особую дѣловую статью, заканчивалъ ее: «Да! начало велико. Сегодня мы изъ глубины души говоримъ Александру II: благословенъ грядый во имя свободы! А потомъ—потомъ мы посмотримъ, что будетъ. Какъ русскій народъ — мы имѣемъ надежды; но довѣріе приобрѣтается умѣнемъ и дѣломъ. Говорятъ, что сенатъ хочетъ поднести государю имя Освободителя. Мы увѣрены, что Александръ II настолько честенъ и искрененъ, что приметъ его не отъ сената, а отъ народа, и не теперь, а тогда, когда всѣ крестьяне будутъ свободны и всѣмъ имъ ихъ земля будетъ отдана безъ утайки, безъ недомолвокъ, безъ недоразумѣній, ясно и полно».

Это, такъ сказать, условное привѣтствіе высказывалось въ № 96 герценовскаго журнала, а въ №№ 98—99 редакторъ со свойственнымъ ему пыломъ рѣчи сообщилъ: «Русская кровь льется! Да, русская кровь льется рѣкой!... и есть прямыя души, робкіе

¹⁾ «Колоколъ» 1861 г., № 96.

умы, упрекающіе насъ въ выстраданныхъ нами словахъ проклятій и негодованія! Правительство все могло предупредить, и польскую кровь и русскую, а теперь за свою шаткость, за свое непониманіе, за свое неумѣнье ни въ чемъ итти до конца — убиваетъ толпы нашихъ братій.

«Ужасомъ, слезами наполняютъ насъ новости, идущія со всѣхъ сторонъ. Бѣдные, бѣдные крестьяне! Вѣдь въ Европѣ не подозрѣваютъ, что такое значить у насъ усмиреніе солдатами, генералъ-адъютантское, флигель-адъютантское усмиреніе. Одна надежда на солдатъ и на молодыхъ офицеровъ. Тяжело носить оружіе, на которомъ запеклась кровь своихъ родныхъ, отцовъ, матерей, братьевъ.

«Мы останавливаемся, темно передъ глазами, мы боимся дать голосъ всему, что стонетъ въ насъ, мы боимся высказать все, что бродитъ на сердцѣ...» Въ такой лирической формѣ писалъ Герценъ, а Огаревъ, эта тяжелая артиллерія «Колокола»¹⁾, спѣшилъ бросить къ подножію царскаго престола незаслуженное, но категорическое обвиненіе:

«Старое крѣпостное право замѣнено новымъ.
Вообще крѣпостное право не отмѣнено.
Народъ царемъ обманутъ!»

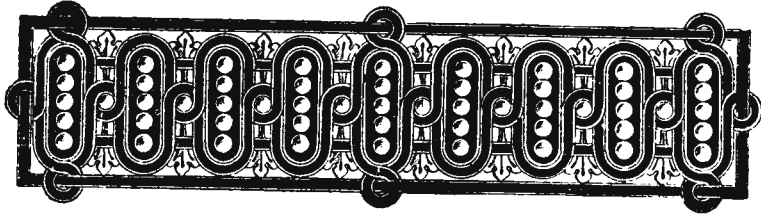
Что же такое случилось?

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

¹⁾ «Колоколь» 1861 г., № 101.

ЮБИЛЕЙ К. К. АРСЕНЬЕВА.

ВСѢ участники и очевидцы чествованія 15 ноября 1907 г. Константина Константиновича Арсеньева, по поводу исполнившагося еще въ маѣ 1907 г. пятидесятилѣтія его научно-литературной и общественной дѣятельности, согласятся съ нами, что это былъ рѣдкій, выдающійся юбилей. Академія наукъ, всѣ русскіе университеты и другія высшія учебныя заведенія, ученые юридическія, историческія и литературныя общества, с.-петербургскій и московскій соѣзты присяжныхъ повѣренныхъ, столичный мировой съѣздъ, городскія и земскія учрежденія, общества грамотности, представители разнородныхъ политическихъ партій, редакціи многочисленныхъ періодическихъ изданій и отдѣльные почитатели и ученики юбиляра,—откликнувшіеся изъ разныхъ мѣстъ Россійской имперіи, отъ Варшавы до Красноярска включительно,—все слилось въ единодушномъ и искреннемъ признаніи выдающихся заслугъ К. К. Арсеньева, какъ ученаго юриста, общественнаго дѣятеля, публициста и литературнаго критика.

Лично я, какъ постоянный сотрудникъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Эфрона въ теченіе всего семнадцатилѣтняго редактированія его Константиномъ Константиновичемъ, съ особымъ удовольствіемъ берусь за перо, чтобы познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ близко извѣстной мнѣ дѣятельностью юбиляра и съ тѣмъ, какъ она была почтена признатель-

нымъ русскимъ обществомъ, къ сожалѣнiю, вынужденный, за недостаткомъ мѣста, дѣлать это въ самыхъ краткихъ чертахъ¹⁾.

Пятый и самый младшій сынъ извѣстнаго географа и статистика, академика Константина Ивановича Арсеньева, К. К. родился 24 января 1837 г.; съ 1849 по 1855 г. воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнiя, въ тѣ годы, когда тамъ сильно сказывалась реакцiя заключительнаго періода царствованiя Николая I. Онъ самъ на страницахъ «Русской Старины» (1886 г., № 4) рассказываетъ, что тогдашнее правовѣдское «воспитанiе» не могло дать ему ни знанiй, ни расположенiя къ умственному труду, и что своимъ стремленiемъ къ знанiю, наукѣ онъ обязанъ исключительно влiянiю своего отца. Поступивъ въ 1855 г. на государственную службу въ департаментъ министерства юстици, онъ въ теченiе двухъ лѣтъ (1859 и 1860) состоялъ помощникомъ редактора «Журнала Министерства Юстици» и въ 1862 г. вышелъ въ отставку, съ намѣренiемъ отдаться исключительно литературной работѣ. Въ 1864—1865 г. К. К. вмѣстѣ съ нынѣшнимъ профессоромъ московскаго университета В. И. Герье слушалъ лекци въ болонскомъ университетѣ по исторiи, философи и политической экономiи, продолжая свои прерванныя въ 1861 г. приготовленiя къ экзамену на степень кандидата историко-филологическаго факультета; но жизненныя обстоятельства заставили его бросить это давнишнее влеченiе къ изученiю историческихъ предметовъ и къ университетской каедрѣ; онъ снова долженъ былъ стать сотрудникомъ повременныхъ изданiй, а въ 1866 г., при введенiи въ дѣйствиe судебныхъ уставовъ въ округѣ петербургской судебной палаты, вступилъ въ ряды присяжной адвокатуры. Здѣсь онъ вскорѣ былъ избранъ членомъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, каковое званiе занималъ въ теченiе цѣлаго ряда лѣтъ, пользуясь исключительной авторитетностью въ средѣ сословія и въ обществѣ, какъ тонкій знатокъ права, талантливый ораторъ и щепетильно-добросовѣстный защитникъ. Въ 1874 г. К. К. Арсеневъ оставилъ адвокатуру и вновь поступилъ на государственную службу, занявъ должность товарища оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента сената, а позднѣе члена консультаціи при министерствѣ юстици. Въ 1880—1881 гг. онъ участвовалъ въ ревизіи сенаторомъ Шамшинымъ Саратовской и Самарской губерній и, по окончанiи ея, вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, посвятивъ себя исключительно литературной и общественной дѣятельности. Онъ

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнiя о литературной дѣятельности К. К. Арсеньева до 1889 г. можно найти въ обстоятельной статьѣ С. А. Венгерова, помѣщенной въ его «Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ», т. I, стр. 781—802.

К. Д. Ренский

былъ виднымъ дѣятелемъ въ качествѣ гласнаго лужскаго уѣзднаго земства и петербургскаго губернскаго земства, члена городской думы Петербурга и почетнаго мирового судьи. Много также работалъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, состоя его предсѣдателемъ и въ настоящее время, литературномъ фондѣ, гдѣ также состоялъ предсѣдателемъ, вольно-экономическомъ обществѣ, въ которомъ при графѣ Гейденѣ былъ вице-президентомъ, и въ петербургскомъ комитетѣ грамотности, гдѣ мысль о всеобщемъ обученіи въ Россіи подвергалась первой разработкѣ при участіи Константина Константиновича. Въ 1901 году избранъ почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности императорской академіи наукъ.

Литературная дѣятельность К. К. Арсеньева открылась въ 1857 г. его небольшимъ письмомъ къ редактору «Экономическаго Указателя», заключающимъ въ себѣ возраженія противъ мнѣній «Современника» объ общинномъ землевладѣніи. Дальнѣйшія его статьи, преимущественно на историческія темы (о «Мемуарахъ» Гизо, о лекціяхъ Стасюлевича, объ «Исторіи» Маколея и т. п.), печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1858—1861 гг. Въ 1862 г. онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» (редакціи Дудышкина), гдѣ среди многихъ статей по текущимъ вопросамъ западно-европейской жизни помѣстилъ нѣсколько статей объ англійской конституціи. Въ то же самое время работалъ для «Энциклопедическаго Словаря», выходившаго подъ редакціей П. М. Лаврова, и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. О. Корша, гдѣ нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ отдѣломъ иностранной политики. Съ появленіемъ въ свѣтъ въ 1866 г. журнала «Вѣстникъ Европы», К. К. Арсеньевъ сталъ его постояннымъ сотрудникомъ, помѣстивъ здѣсь множество статей по вопросамъ общественно-политическимъ, историческимъ и историко-литературнымъ. За статью его: «Политическій процессъ 1869—1871 гг.» «Вѣстникъ Европы» въ ноябрѣ 1871 г. получилъ первое предостереженіе. Изъ другихъ статей К. К. обращали на себя вниманіе критическіе этюды о французскомъ и нѣмецкомъ романѣ за подписью ZZ. Съ 1880 г. онъ взялъ на себя завѣдываніе отдѣломъ «Внутренняго обозрѣнія» «Вѣстника Европы», а также «Общественной хроники» этого журнала, разбирая въ нихъ всѣ выдающіяся явленія общественной жизни и слѣдя за движеніемъ общественной мысли. вмѣстѣ съ тѣмъ на страницахъ «Вѣстника Европы» онъ помѣстилъ множество статей о романистахъ и поэтахъ французскихъ и главнымъ образомъ русскихъ, не упуская изъ вниманія ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія въ этой области. Еще въ 1888 г. изъ этихъ статей о представителяхъ русской литературы онъ составилъ и издалъ два тома своихъ «Критическихъ этюдовъ по русской литературѣ», въ

которые вошли слѣдующія статьи: т. I. «Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова» и «В. Крестовскій (псевдонимъ)»; т. II. 1) Н. А. Некрасовъ. 2) А. Н. Майковъ. 3) Я. П. Полонскій. 4) Русскіе поэты новѣйшаго времени: Надсонъ, Минскій, Фругъ, Апухтинъ, Андреевскій, Фофановъ. 5) Романъ, какъ орудіе регресса: Болеславъ Маркевичъ. 6) Молодые русскіе беллетристы: Короленко, Альбовъ, Баранцевичъ, Щегловъ, Чеховъ. 7) Валеріанъ Майковъ. 8) Пейзажъ въ современномъ русскомъ романѣ и 9) Теорія экспериментальнаго романа.

Въ дальнѣйшихъ болѣе крупныхъ статьяхъ, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы», К. К. Арсеньевъ трактовалъ о французской критикѣ, о Гейне, о стихотвореніяхъ А. Жемчужникова, французскомъ историкѣ Ипполитѣ Тэнѣ, о земской школѣ, о новыхъ произведеніяхъ Эмиля Золя, о Спасовичѣ и т. п. Кроме того, онъ помѣстилъ рядъ статей въ «Русской Мысли», «Вѣстникѣ самообразованія» (Эфрона), «Вѣстникѣ Права», «Странѣ» (съ 1899 г.) въ «Правѣ», сборникахъ: 1) «Памяти В. Г. Бѣлинскаго» (М. 1899 г.)—статья «Два похода» (стр. 255—264); 2) «Дѣло. Литературно-научный сборникъ въ пользу с.-петербургскаго медицинскаго института» (М. 1899 г.)—статья «Три новеллы французскаго романа» (гдѣ рѣчь идетъ о романахъ: Альфонса Додэ «Soutien de famille», Эмиля Золя «Paris» и Поля Маргериттъ «Desastre»); 3) «Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Т. I. Изданіе Н. Н. Львова и А. А. Стаховича» (Спб. 1904 г.), статья его—«Сельско-хозяйственные комитеты въ неземскихъ губерніяхъ» (стр. 420—439) и 4) «Политическая энциклопедія» Л. Слонимскаго (Спб. 1906 г., т. I)—статья объ «адвокатурѣ въ политическомъ отношеніи»,—и «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Эфрона, который редактировалъ вмѣстѣ съ Ѳ. Ѳ. Петрушевскимъ въ теченіе 17 лѣтъ, съ іюля 1891 г. по сентябрь 1907 г.

Въ своей литературной дѣятельности К. К. Арсеньевъ наибольшую услугу оказалъ русскому обществу, русской интеллигенціи, какъ писатель-публицистъ. Его «Внутреннія обзорѣнія» въ «Вѣстникѣ Европы», составляющія, по выраженію автора адреса отъ петербургскаго политехническаго института, «историческій памятникъ» его публицистической дѣятельности, «единственный по своему значенію въ русской литературѣ», доставили ему громкую извѣстность и пользовались широкимъ вліяніемъ въ обществѣ. Они отражали въ себѣ и объясняли всѣ главнѣйшія явленія и теченія русской жизни. Странникъ права, законности и общественнаго и политическаго прогресса, въ нихъ онъ всегда рѣшительно осуждалъ всякій произволъ и беззаконіе, безпри-

страстно освѣщалъ текущія дѣла; указывалъ правильное ихъ рѣшеніе и, неустрашимо раскрывая глаза читающей публикѣ на дѣйствительную природу нашихъ нестроений, много содѣйствовалъ подготовленію Россіи къ новымъ порядкамъ пароднаго представительства, широкаго самоуправленія и контроля суда надъ администраціей. Его серьезный и сдержанный тонъ еще болѣе способствовалъ поднятію авторитета общественной хроники «Вѣстника Европы» и обезоруживалъ даже щепетильно-придирчивое цензурное вѣдомство. Столичная и провинціальная печать часто пользовалась его «обозрѣніями» и передавала такимъ путемъ нерѣдко въ самые глухіе углы Россіи основныя мысли глубокаго и пронизательнаго критика русской дѣйствительности, благодаря чему на статьяхъ К. К. Арсеньева воспитались цѣлыя поколѣнія русскаго общества въ чувствахъ права и справедливости. Все это цѣнно особенно еще потому, что маститый юбиляръ, стоя на «общественной каедрѣ законности и права» (чѣмъ былъ для него «Вѣстникъ Европы») цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, ни на іоту не измѣнилъ своихъ убѣжденій. Наболѣе рельефно выражены взгляды К. К. Арсеньева, какъ писателя-публициста, въ двухъ его недавно вышедшихъ трудахъ, частью составленныхъ изъ ранѣе печатавшихся статей: «Законодательство о печати» (Спб. 1903 г.) и «Свобода совѣсти и вѣротерпимость» (Спб. 1905 г.).

Другой важный отдѣлъ литературныхъ произведеній юбиляра— это его критическія статьи о новыхъ писателяхъ и очерки по иностранной литературѣ. Наболѣе рельефную и вѣрную оцѣнку этихъ произведеній находимъ въ адресѣ разряда изящной словесности академіи наукъ, гдѣ читаемъ слѣдующее: «Разрядъ привѣтствуетъ васъ и какъ литературнаго критика. Ваша оцѣнка цѣлаго ряда писателей русскихъ и иностранныхъ поучительна по своей полнотѣ, вдумчивой опредѣленности и доказательности, по внимательному изученію мотивовъ творчества писателей и по стремленію точно и справедливо выяснить какъ идею, такъ и тенденцію ихъ произведеній, существующія рядомъ и отнюдь не исключаютія одна другую. Эта оцѣнка сопровождается интереснѣйшими изслѣдованіями по общимъ вопросамъ словесности: о задачахъ и приемахъ сатиры, объ отличіи ея отъ фельетона и карикатуры, о психологическомъ ея элементѣ, о смѣшеніи утрировки съ прозорливостью, о психологіи творчества, объ опытахъ построения научной критики и объ экспериментальномъ романѣ. Всесторонне разбирая того или другого писателя, вы умѣли не обособлять представленія о немъ отъ историческихъ условій, въ которыхъ развилось или стало угасать его дарованіе, и отъ того воздѣйствія, которое оказали, будя мысль, его произведенія на нравственное развитіе общества. Съ грустью отмѣчая, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, размѣнъ таланта на мелкую монету, соответствующую мимолетной

«злѣбъ дня», вы со словами горячаго сочувствія относились къ дѣятелямъ въ «безграничной области вѣры въ русскій народъ и любви къ нему».

Вообще, какъ литературный критикъ, К. К. Арсеньевъ одинъ изъ первыхъ далъ наиболѣе вѣрную оцѣнку пѣвца «народнаго горя», Н. А. Некрасова, побѣдоносно опровергнувъ тѣ упреки въ «неискренности», которые раздавались изъ ретрограднаго лагеря по адресу поэта; онъ первый далъ и болѣе полную и правильную характеристику произведеній Салтыкова, разсматривая ходъ литературной карьеры знаменитаго сатирика въ связи съ ходомъ нашей общественной жизни; онъ же ранѣе другихъ предсказалъ высокое значеніе и будущность произведеніямъ Гаршина, Короленко и Антона Чехова, и онъ же былъ наиболѣе вѣрнымъ изъ русскихъ критиковъ цѣнителемъ литературнаго таланта Эмиля Золя и другихъ французскихъ романистовъ.

Какъ писатель-юристъ, маститый юбиляръ пользуется наибольшою славой за слѣдующія свои произведенія: «Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовного дѣла до начала судебнаго слѣдствія» (Спб. 1870 г.), «Судебное слѣдствіе. Сборникъ практическихъ замѣтокъ» (Спб. 1871 г.) и «Замѣтки о русской адвокатурѣ» (Спб. 1875 г.). Особенно цѣнятся послѣднія, вышедшія въ свѣтъ въ очень тревожное и критическое для русской адвокатуры время. Тогда только что появилась надѣлавшая много шуму и вызвавшая огульное порицаніе русскихъ адвокатовъ въ стяжательствѣ статья Евгенія Маркова: «Софисты XIX вѣка». Разбивая попутно огульныя сужденія Е. Маркова, нашъ авторъ далъ въ своихъ «Замѣткахъ» цѣлый сводъ «адвокатской русской этики», служащей руководствомъ и въ настоящее время, и этимъ вызывалъ и вызываетъ глубокую признательность со стороны лучшихъ представителей молодой адвокатуры (см. адресъ комиссіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ).

Наконецъ нельзя не отмѣтить, что, благодаря своей справедливости, объективности и рѣдкой сдержанности, К. К. Арсеньевъ часто избирался въ третейскіе судьи и въ председатели третейскихъ судовъ. Особенно памятна его справедливая и умиротворяющая дѣятельность при разборѣ грустнаго происшествія, имѣвшаго мѣсто въ горномъ институтѣ и завершившагося удаленіемъ директора послѣдняго, профессора Д. Коновалова.

Что касается самаго чествованія, то изъ свыше 30 отдѣльныхъ депутацій, привѣтствовавшихъ юбиляра, множества телеграммъ и писемъ, мы остановимся только на нѣкоторыхъ, болѣе замѣчательныхъ и цѣнимыхъ самимъ виновникомъ торжества. Первыми привѣтствовали К. К. Арсеньева представители отъ

академіи наукъ—С. Ф. Ольденбургъ, А. А. Шахматовъ и Ф. Ф. Фортунатовъ; первый изъ нихъ, какъ непремѣнный секретарь академіи, прочелъ слѣдующій адресъ:

«Польвѣка тому назадъ, юношей, вы мечтали о возможности посвятить себя наукѣ; васъ влекла мысль объ изслѣдованіяхъ по всеобщей исторіи, но жизнь съ ея разносторонними запросами, призывавшая въ тѣ дни русскихъ людей къ творческому, созидательному труду не въ тиши рабочаго кабинета, а на широкомъ поприщѣ общественной дѣятельности, увлекла васъ.

Поборникъ права и справедливости, вы стали юристомъ. Въ судѣ, въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, въ сенатѣ, въ книгахъ, на страницахъ повременныхъ изданій, въ земскомъ собраніи слышали ваше слово, безпристрастное и спокойное.

Вы выступили затѣмъ, какъ литературный критикъ, и тутъ опять сказалось ваше стремленіе къ справедливости: вы были убѣждены, что задача критики—не отгнать ошибки и неудачи автора, а показать то, что въ немъ есть лучшаго, наиболѣе сильнаго, наиболѣе характеристичнаго.

Во всемъ этомъ и сказалась та научная объективность, къ которой вы стремились еще юношей и которую въ жизни вы познали, какъ безпристрастіе и справедливость.

Примите же въ знаменательный день пятидесятилѣтія вашего общественнаго служенія привѣтъ и лучшія пожеланія императорской академіи наукъ.»

За академіей выступилъ разрядъ изящной словесности академіи наукъ, и одинъ изъ представителей его, сенаторъ А. Ф. Кони, прочелъ слѣдующее:

«Глубокоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Въ знаменательный день пятидесятилѣтія вашего неустаннаго служенія русскому общественному развитію и литературѣ, разрядъ изящной словесности императорской академіи наукъ, имѣющій честь считать васъ въ числѣ своихъ членовъ, приноситъ вамъ свое искреннее поздравленіе. Онъ привѣтствуетъ въ васъ публициста, въ обширные и многолѣтніе труды котораго вложено громадное и разностороннее знаніе, соединенное съ изящной точностью и глубиной анализа бытовыхъ явленій и политическихъ ученій. Неуклонно стремясь къ выясненію и укрѣпленію идеаловъ разумной и достойной общественной и личной жизни, вы всегда настойчиво указывали на гражданскую свободу и на свободу совѣсти, на отсутствіе произвола надъ полетомъ и выраженіемъ мысли и на истинное уваженіе къ человѣческой личности—какъ на единственныя средства для достиженія этихъ идеаловъ. Съ каждой страницы вашихъ произведеній звучитъ призывъ къ тѣмъ непреложнымъ началамъ справедливости, добра и красоты, безъ которыхъ жизнь общественнаго организма представляется вамъ медленнымъ разложеніемъ, ведущимъ къ смерти. Защищая, несмотря ни на какія внѣшнія обстоятельства, эти начала изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, не мѣняя ни на іоту своихъ убѣжденій и настойчиво обращаясь къ лучшимъ чувствамъ въ людяхъ, вы, выражаясь вашими же словами о Салтыковѣ, «однажды занявъ сторожевой постъ, у же

не сходили съ него, сигнализируя не только близкую опасность, но и отдаленные подводные камни.¹⁾

Петербургскій университетъ въ лицѣ профессоровъ: И. И. Боргмана, Д. Ф. Селиванова, И. Я. Фойницкаго, Ф. Ф. Зелинскаго и Н. Ф. Дерюжинскаго, согласно постановленію совѣта, поднесъ юбиляру, какъ «ученому юристу», какъ «публицисту, систематическому разъяснителю общихъ условій нашего строя и основныхъ положеній для его реформы», дипломъ на званіе доктора государственнаго права *honoris causa*.

Представитель московскаго университета, проф. Алексѣевъ, сообщившій объ избраніи Константина Константиновича почетнымъ членомъ московскаго университета, такъ закончилъ свою задуманную рѣчь: «московскій университетъ, храня завѣты своего прошлаго, присоединяетъ васъ къ тѣмъ славнымъ именамъ, съ которыми связаны его лучшія традиціи. Московскій университетъ выражаетъ свои искреннія пожеланія, чтобы ваша благотворная дѣятельность была сохранена еще на многіе годы, чтобы вы продолжали работать на той же нивѣ, на которой до васъ работали Грановскій, Кавелинъ и Чичеринъ, и чтобы вы увидели на этой нивѣ новые всходы, ростъ которыхъ послужитъ вамъ утѣшеніемъ на склонѣ лѣтъ и наградой за содѣянное добро».

Депутатія отъ петербургскаго политехническаго института, въ лицѣ профессоровъ: Ив. Ив. Иванюкова и А. С. Постникова, поднесла слѣдующій адресъ:

«Глубокоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда вы впервые вступили на поприще русской литературы, предъ вами достойнымъ подражанія образцомъ стояла прекрасная жизнь отца вашего, профессора и публициста, Константина Ивановича Арсеньева.

Ученый биографъ Константина Ивановича справедливо отмѣчаетъ его истинную, не знавшую никакихъ компромиссовъ, гуманность, которой проникнута всякая строчка, написанная имъ,—его неизмѣнную вѣрность идеямъ прогресса, просвѣщенія и свободы.

Въ теченіе полувѣка своей литературной и общественной дѣятельности вы оставались неизмѣнно вѣрны завѣтамъ своего отца. И если отецъ вашъ, убѣжденный противникъ крѣпостнаго права, воспитатель въ отвращеніи къ нему своего высокаго ученика, впоследствии императора Александра II, то вы, убѣжденный противникъ политическаго рабства, воспитывали въ отвращеніи къ нему все мыслящее русское общество.

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія вы въ правѣ оглянуться сегодня на пройденный вами жизненный путь. И на этомъ пути вы не вспомните ни одного ложнаго шага, ни одного компромисса, ни одной уступки. Въ исторію вы перейдете человекомъ убѣжденій твердыхъ и чистыхъ, какъ алмазъ.

¹⁾ Вторая часть этого адреса уже приведена нами выше при оцѣнкѣ дѣятельности юбиляра, какъ литературнаго критика.

Свою общественную дѣятельность вы начинаете въ рядахъ свободаго сословія, созданнаго эпохой реформъ и проникнутаго духомъ этой эпохи,—въ рядахъ адвокатуры. Уже въ 1867 г. вы стоите во главѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской палаты. Въ адвокатской дѣятельности васъ больше всего интересуетъ ея этическая сторона. Кодексомъ адвокатской этики могутъ быть, по справедливости, названы ваши «Замѣтки о русской адвокатурѣ».

Историческимъ памятникомъ вашей публицистической дѣятельности, единственнымъ по своему значенію въ русской литературѣ, навсегда остается «Внутреннее обозрѣніе» «Вѣстника Европы», на которомъ воспиталось не одно поколѣніе общественныхъ и литературныхъ дѣятелей Россіи. Въ этомъ «обозрѣніи», какъ въ зеркалѣ, отразился вашъ политическій идеаль,—то своеобразное сочетаніе политическаго либерализма съ широкимъ социальнымъ реформаторствомъ, которое вообще составляетъ характерную особенность русской прогрессивной политической мысли. Шагъ за шагомъ вы слѣдили за развитіемъ тяжелой и мрачной реакціи послѣднихъ десятилѣтій русской исторіи. Кто не помнитъ классической характеристики царствованія Александра III, данной «обозрѣніемъ» «Вѣстника Европы»?

Въ неудержимомъ стремленіи своемъ уничтожить и извратить реформы 60-хъ годовъ, реакція встрѣтила въ васъ неутомимаго, убѣжденнаго и твердаго идейнаго врага. Независимость суда, свобода печати, самостоятельность самоуправленія, автономія высшей школы—таковы тѣ высокія начала, служенію которымъ вы посвятили свою жизнь. И сила нашего авторитета была такъ велика, что не разъ она удерживала уже занесенную надъ вами руку торжествующаго произвола».

Привѣтствуя васъ въ день вашего юбилея, с.-петербургскій политехническій институтъ съ особенной признательностью вспоминаетъ неизмѣнную вашу любовь къ высшей школѣ и къ ея питомцамъ. Въ наиболѣе трудные моменты ея существованія вы старались поддержать ее своимъ убѣжденнымъ словомъ. Мы живо помнимъ, какъ, привѣтствуя «всестороннее разслѣдованіе» причинъ студенческихъ безпорядковъ въ петербургскомъ университетѣ, вы мужественно стали на защиту университета отъ всякаго вмѣшательства посторонней власти въ его внутреннюю жизнь.

Высокою цѣнью заслуги ваши, общественныя и литературныя, с.-петербургскій политехническій институтъ выражаетъ свое горячее пожеланіе еще долго видѣть васъ въ первомъ ряду благородныхъ общественныхъ дѣятелей, которыми, по справедливости, гордится Россія».

Особой задушевностью звучалъ адресъ отъ комиссіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ:

«Глубокоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

На смѣнѣ двухъ эпохъ, полвѣка тому назадъ вы вступили на путь общественнаго служенія великимъ началамъ свободы и права. Вокругъ васъ проходили поколѣнія, событія, побѣды смѣнялись пораженіями, порывы—усталостью, а вы неизмѣнно стояли на своемъ посту хранителя завѣтовъ первыхъ дней русской свободы и бодро глядѣли впередъ. Наступила иная пора. Славный и шумный порывъ этихъ великихъ реформъ чрезъ могильную тишину восьмидесятихъ годовъ донесся до насъ, молодого поколѣнія, въ могучемъ, боевомъ кличѣ близкихъ намъ дней. И вы

были въ нашихъ рядахъ. За это вы намъ, молодому поколѣнню, дороги, какъ собрать, соратникъ и другъ.

Но вы намъ, молодой адвокатурѣ, еще болѣе близки, какъ бывший участникъ дорогой намъ сословной семьи, въ которой мы теперь живемъ жизнью вашей былой молодости и вѣрой въ вашу же вѣру. Вы были въ ней первымъ старшиной, вы же ея первый защитникъ. На вызовъ адвокатурѣ, брошенный въ первые же годы ея дѣятельности, вы дали въ печати правдивый, извѣстный всѣмъ отвѣтъ. Вы показали, что не «софистовъ XIX вѣка»—такъ называли членовъ ея—создаетъ русская адвокатура, а что она призвана на службу закона и вѣрно несетъ эту службу, что она живетъ и работаетъ въ строгой сословной оцѣнкѣ собственной дѣятельности, и что она создаетъ общественныхъ дѣятелей, чрезъ судебное поприще далеко уходящихъ въ русскую жизнь на защиту началъ права и свободы. И живымъ примѣромъ собственной дѣятельности вы доказали это. Кто первымъ началъ трудиться у нашего сословнаго очага, чтобы создать достойныхъ служителей закона? Кого затѣмъ русское общество такъ часто призывало судьей чести и общественной правды? Кто вступилъ сперва на судебную защиту свободы печатнаго слова, чтобы затѣмъ чрезъ многие годы предъ всѣмъ обществомъ вновь повторить свой символъ вѣры въ тріединство политическихъ свободъ: свободы печати, совѣсти и личной неприкосновенности? Кто во всеоружіи знанія и опыта, собранныхъ въ своей адвокатской дѣятельности, защищалъ независимый судъ, присяжныхъ? Кто даже въ скромной сферѣ нашего быта молодой адвокатуры, при постановкѣ вопроса о сословномъ патронатѣ, не забылъ указать, что только полноправные члены своего сословія, а не данники своихъ патроновъ, способны подняться до уровня служителей закона и правды на судѣ? Кто развернулъ всю эту картину творчества одной человѣческой жизни? Все вы, глубокоуважаемый Константинъ Константиновичъ. И тайна вашей славной полувѣковой дѣятельности на поприщѣ суда, нашего сословія и общественной борьбы за право скрывалась въ томъ, что вы, не теряясь во мракѣ унынія и мертваго молчанія цѣлыхъ десятилѣтій, неустанно твердили: «вѣрьте, приближается пора разсвѣта и преображенія всей жизни». Вы пожелали еще на дняхъ «на склонѣ лѣтъ пережить лучшія минуты своей жизни».

За это вамъ, дорогой Константинъ Константиновичъ, несетъ сегодня въ нашемъ лицѣ молодое поколѣнне все свое чувство горячей любви и глубокаго уваженія. Вмѣстѣ съ вами и чрезъ васъ оно сегодня переживаетъ эти свѣтлыя минуты вашей же молодости».

Столичный мировой съѣздъ, наиболѣе признательный юбиляру за его неуклонное отстаиваніе института мировыхъ судей, избираемыхъ на основаніи уставовъ 1864 г., обратился къ нему, между прочимъ, съ такими словами:

«Убѣжденный и послѣдовательный сторонникъ широкаго права участія населенія въ дѣлахъ самоуправленія, вы всегда энергично отстаивали идею выборнаго мѣстнаго суда, что для насъ, выборныхъ мировыхъ судей, особенно дорого. Въ минуты мучительной тревоги, переживавшейся нами за участь дорогаго института, вы ободряли насъ горячей вѣрою въ живучесть самой идеи и писали лѣтъ десять тому назадъ: «Пока существуютъ хоть гдѣ-нибудь мировые судьи, избираемые на основаніи уставовъ 1864 года, до тѣхъ поръ не можетъ угаснуть надежда на возстановленіе института, оставившаго блестящій неизгладимый слѣдъ въ русской исторіи». Этими словамъ суждено, повидимому, стать пророческими. Страна, видимо, жаждетъ вернуться къ выборному началу».

Депутація отъ гласныхъ петербургской городской думы поднесла адресъ, подписанный 58 лицами, въ которомъ, выражая свою благодарность за активное участіе Константина Константиновича, хотя и кратковременное, въ дѣлахъ городской думы, съ особою признательностью отмѣчаетъ, что его статьи «всегда обоснованныя, согрѣтыя горячею любовью къ ближнему, оказали сильное воспитательное значеніе на все читающее общество и, конечно, играли серьезную роль въ охватившемъ нашу родину общемъ движеніи, результатомъ котораго явился благодѣтельный разсвѣтъ...» и затѣмъ выражаетъ пожеланіе, чтобы его «Внутреннія Обозрѣнія» продолжали попрежнему отзываться на всѣ вопросы нашей жизни, указывали бы пути къ достиженію лучшаго будущаго...»

Проф. Д. Н. Анучинъ, представитель редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», прочелъ свой горячій привѣтъ, тѣмъ болѣе знаменательный, что онъ исходилъ не только отъ редакціонныхъ руководителей и сотрудниковъ, но и «многихъ круговъ московскаго и провинціального общества», такого содержанія:

«Глубокоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

«Русскія Вѣдомости» приносятъ вамъ сегодня по случаю исполнившагося 50-тилѣтія вашей научно-литературной дѣятельности свое искреннее сердечное поздравленіе. «Русскія Вѣдомости» высоко чтутъ васъ, какъ представителя сознательной и прогрессивной части русскаго общества, какъ неутомимаго дѣятеля, всегда стоявшаго на стражѣ высшихъ интересовъ свободы и законности, служившаго неуклоннымъ проводникомъ идей правового порядка и культурной гражданственности. Мы привыкли видѣть въ васъ высокоталантливаго, широко образованнаго и глубоко убѣжденнаго публициста, являвшаго собою образцовый примѣръ неуклоннаго служенія родинѣ на пути къ преобразованію ея въ правовое государство, къ осуществленію въ ней началъ конституціоннаго строя. Вы много и прекрасно потрудились для науки, суда, литературы, публицистики; вы составили себѣ крупное имя въ средѣ перворазрядныхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей и привлекли къ себѣ общее уваженіе всѣхъ, кому дороги тѣ великіе завѣты, которымъ вы отдавали ваши выдающіяся способности и силы. Ваши заслуги пользуются широкимъ признаніемъ, ваша личность возбуждаетъ глубокія къ себѣ симпатіи, и «Русскія Вѣдомости» выражаютъ не только чувства своихъ руководителей и сотрудниковъ, но и многихъ круговъ московскаго и провинціального общества, принося вамъ сегодня глубочайшую благодарность за вашу полувѣковую плодотворную дѣятельность, которою вы подготавливали русское общество къ воспріятію началъ новаго правового строя, нынѣ ожидающаго своего осуществленія. Приносимъ Вамъ наилучшія пожеланія еще многихъ долгихъ лѣтъ жизни и труда на славу нашей публицистики и литературы, на благо нашего просвѣщенія и цивилизаціи».

Въ заключеніе приводимъ адресъ отъ редакторовъ и сотрудниковъ «Энциклопедическаго словаря» Брокгауза и Ефрона:

«Глубокоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Съ пятидесятилѣтнемъ литературной дѣятельности вашей совпало окончаніе одного изъ просвѣтительныхъ предприятий, которому вы посвятили столько времени, силъ и труда. Мы, редакторы отдѣловъ и сотрудники «Энциклопедическаго Словаря», въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ были свидѣтелями той неутомимой энергіи, съ какою вы, въ качествѣ одного изъ главныхъ редакторовъ словаря, вели это сложное дѣло, внося въ него и свои обширныя и многостороннія знанія, и вѣрное пониманіе умственныхъ потребностей общества. Ваши товарищи по этой работѣ не могутъ не отмѣтить еще и тѣхъ добрыхъ отношеній, которыя всегда насъ всѣхъ связывали съ вами, и память о которыхъ мы будемъ неизмѣнно сохранять. Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія мы являемся сегодня свидѣтелями того, какъ русское общество цѣнитъ ваши знанія, вашу энергію, ваши прекрасныя душевныя качества, и вмѣстѣ съ другими почитателями вашими выражаемъ вамъ глубокое наше уваженіе съ самымъ горячимъ желаніемъ вамъ всего, что только можно пожелать достойному всеобщаго признанія общественному дѣятелю».

Вслѣдъ за привѣтствіями депутацій послѣдовало чтеніе многочисленныхъ телеграммъ и писемъ отъ университетовъ, ученыхъ обществъ, комитетовъ грамотности, редакцій разныхъ газетъ и журналовъ, отдѣльныхъ представителей науки и искусства и многихъ другихъ почитателей и почитательницъ юбиляра. Изъ нихъ приведемъ лишь слѣдующія. Въ телеграммѣ изъ Красноярска двадцать подписавшихся совершенно неизвѣстныхъ юбиляру лицъ выражали слѣдующія пожеланія:

«Честному, упорному, старому борцу за воплощеніе въ русской жизни началъ просвѣщенія и справедливости, хранителю свѣта въ долгіе дни неправды, испытанному учителю многихъ и многихъ, на зарѣ лучшихъ дней долго жить, бодро работать, дожидаться яснаго дня».

Редакція «Варшавскаго Дневника» прислала такого содержания привѣтствіе:

«Глубокоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Вамъ должно быть пріятно сознаніе, что когда скажутъ: «юбилей Арсеньева», то никто не спроситъ: «какого Арсеньева?»—Всѣ въ Россіи знаютъ, что рѣчь идетъ о васъ и что сегодняшнее чествованіе относится къ тому человѣку, который непрерывно столько лѣтъ посвящаетъ свои силы, трудъ и знанія на пользу родины. Оглядываясь на пройденный жизненный путь, вспоминая мысленно все вами сдѣланное, вы должны быть удовлетворены результатами, выражающимися въ уваженіи и сочувствіи вамъ русскаго интеллигентнаго общества. Горячо васъ привѣтствуемъ, искренно желаемъ здоровья и энергіи для дальнѣйшихъ работъ.

Редакторъ Тимановскій».

Лужское уѣздное собраніе постановило: «во вниманіе многолѣтнихъ и полезныхъ трудовъ К. К. Арсеньева на поприщѣ народнаго образованія въ Лужскомъ уѣздѣ», наименовать первое двухклассное запольско-борское уѣздное училище «Запольско-Борскимъ имени К. К. Арсеньева двухкласснымъ земскимъ училищемъ» и помѣстить его портретъ въ помѣщеніи лужской уѣздной земской управы. А петербургское губернское земское собраніе учредило въ честь юбиляра двѣ стипендіи въ земской школѣ.

Въ отвѣтъ на всѣ эти привѣтствія и пожеланія, юбиляръ горячо благодарилъ за оказанную ему русскимъ обществомъ «высокую честь» и въ заключеніе сказалъ: «Я утѣшаюсь мыслью, что и та крупица, которую я внесъ своей дѣятельностью въ русскую жизнь, принесла пользу русскому обществу... Сегодняшній день одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ дней моей жизни; многое, что мною было забыто, воскресло въ моей памяти; сегодняшнимъ днемъ снова освѣщены всѣ стороны моей жизни, и нахлынувшія чувства мѣшаютъ мнѣ говорить. Я старъ, но сегодня чувствую новую струю жизни, на склонѣ лѣтъ вернулась доля прежней энергіи. Воодушевленный, я посвящу остатокъ дней своихъ работѣ на благо русскаго общества, на благо многострадальной родины».

По окончаніи чествованія начался обѣдъ въ честь юбиляра, на которомъ присутствовало до 100 человекъ. Много было и тутъ произнесено привѣтствій, тостовъ и застольныхъ рѣчей, и среди нихъ нельзя не указать на рѣчи: Н. О. Анненскаго, который подчеркнулъ, что К. К. Арсеневъ «заслужилъ право на уваженіе всѣхъ партій всѣхъ отгѣнковъ русскаго освободительнаго движенія»; священника Григорія Петрова, говорившаго о роли русской интеллигенціи и о К. К. Арсеневѣ, какъ лучшемъ ея представителѣ; О. И. Родичева, сдѣлавшаго общую оцѣнку общественной дѣятельности юбиляра; А. Ф. Кони, заключившаго свой спичъ словами: «одинъ англійскій поэтъ сказалъ: «благородное дѣло Господа Бога—это благородный человекъ»; за благороднаго человека я и предлагаю свой тостъ».

Уже подъ конецъ всѣхъ тостовъ и рѣчей, изъ которыхъ многимъ ихъ авторы придавали характеръ экспромтовъ и импровизаций, поднялся едва ли не самый старѣйшій изъ присутствовавшихъ, П. И. Вейнбергъ, и, обращаясь къ юбиляру, произнесъ слѣдующее:

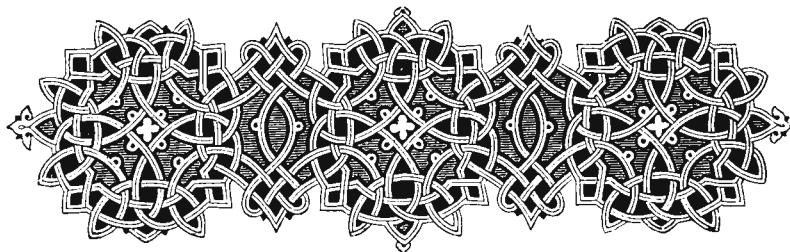
«Позвольте и мнѣ, старому поэту, сказать вамъ свое привѣтствіе-экспромтъ, одинъ изъ тѣхъ экспромтовъ, которые обыкновенно составляются наканунѣ въ кабинетѣ:

Константинъ Константинычъ Арсеневъ
Есть одно изъ почетнѣйшихъ звеньевъ

Просвѣтительной дѣли,
Соединяющей русскія темныя степи
Съ европейской культурной землей.
Пусть же впредь еще долгіе годы
Неустаннымъ поборникомъ свѣта, добра и свободы,
Пропускаетъ побольше въ глубь почвы родной
Свѣжихъ соковъ—прочныхъ здоровыхъ кореньевъ
Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.

В. Рудаковъ.

ЗВЕНИГОРОДЪ И САВВИНЪ МОНАСТЫРЬ.

(1407—1907).

I.

Нигдѣ не видѣлъ я такого богатства растений: цвѣты, травы и деревья исполнены какой-то особенной силы и свѣжести; липы и дубы прекрасны, дорога оттуда въ Москву есть самая пріятная для глазъ, гористая, но какіе виды!..

Карамзинъ въ «Отеч. Достопамятн.».

ВНАМЕНИТЫЙ исторіографъ умеръ въ 1826 г., но въ теченіе 80 лѣтъ ничто не измѣнилось: и богатство растений, и привлекательная для глазъ дорога, и живописные виды. Погромыхивая бубенчиками, бойкія лошади «вольныхъ» ямщиковъ трусятъ по шоссе, и навстрѣчу тарантасу изъ глубины великорусскаго прѣстора выплываютъ рощи, нивы, усадьбы, дачи, деревни съ нависшимъ надъ ними синимъ небеснымъ куполомъ. Вотъ показалась усадьба князя Голицына, въ виду Звенигорода тонетъ въ вѣковой зелени шереметевскій дворецъ, бѣлый, какъ лебедь. Смотришь на эти тихія барскія гнѣзда съ полузапущенными парками и ветхими мостиками черезъ овражки, гдѣ властно разрослись бурьянъ и лопухи, и вспоминаешь изъ «Аскольдовой могилы»: «встарину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ». При дорогѣ первая деревня Шарاپово уже пахнула промышленнымъ духомъ:

Видъ Звеннгорода.

здѣсь живутъ крестьяне - кустари, славящіеся производствомъ плетеной мебели и корзинъ; за Шараповымъ пойдутъ Скоротово, Аксиньино, Введенское и бокъ-о-бокъ съ Звенигородомъ Игнатово, всѣ вперемежку съ цвѣтистыми полями, лѣсами, дачами и съ пашнями. И вездѣ ютится кустарь, потому что мать-земля кормитъ скудно. Въ лѣтнюю пору дышишь и не надышишься полевымъ воздухомъ, слушаешь и не наслушаешься жаворонковъ. Во ржи перекликаются перепела. Надъ сплошными коврами изъ бѣлаго болиголова (по-здѣшнему—«больная голова»), желтой и желто-бѣлой ромашки, лиловыхъ колокольчиковъ, желтаго курослѣпа («Акулина-слѣпота»), сладкой кашки, дикой гвоздики и изъ множества другихъ цвѣтовъ—рѣютъ касатки. Нѣтъ-нѣтъ да и прогуляется по дорогѣ желтоголовая овсяночка; нѣтъ-нѣтъ да и выпорхнетъ изъ куста щеголевато-одѣтый реполовъ или коноплянка. На полосатомъ верстовомъ столбѣ, глядишь,—посиживаетъ румяный подорожникъ и по-своему славить лѣто. Что за прелесть! И не замѣчаешь, какъ бѣгутъ версты.

Сверкнула серебристая лента рѣки Москвы, изъ которой уѣздные жители вылавливаютъ головлей, ершей, линей, окуней, щукъ. Панорама Звенигорода раскрывается во всей своей патріархальной привлекательности. Городскія улицы, проулочки съ простоватыми домиками, перемежающимися садами и огородами, торговая площадь, съ которой во всѣ стороны видны поля и лѣса, долины съ чарующей пестрядью цвѣтовъ, неугомонныя птицы, наконецъ—эти плодovitыя семьи сосенъ, всегда красивыхъ, всегда горделивыхъ, всегда изумрудныхъ,—все это какъ будто говоритъ о томъ, что человѣкъ еще недавно началъ здѣсь подчинять природу своей волѣ и построилъ городъ; а между тѣмъ Звенигородъ—городъ древній. И хотя «строеніемъ въ которомъ году начать и совершить извѣстія за погорѣніемъ 1723 г. звенигородской канцеляріи не отыскано», однако онъ существовалъ еще въ началѣ XIV столѣтія, потому что Иванъ Калита, этотъ впервые титулованный «князь Великій всея Руси», упоминаетъ о Звенигородѣ въ своей духовной грамотѣ. Впрочемъ, стародавностью отъ городка не вѣетъ, развѣ что грязь, пустыри да мощеніе улицъ большею частью березками осинками и тому подобной молодежи изъ червоульска напоминаютъ Москву вѣка XIV-го. Патріархальность еще сказывается въ отсутствіи дощечекъ съ названіемъ улицъ, изъ коихъ одна все-таки упорно именуется Пѣтуховской—въ честь полуполюгендарнаго обывателя Пѣтуха; жилъ онъ давно и занимался гаданіемъ, причемъ, по преданію, держалъ «оракулъ» вѣрхомъ-внизъ. И вотъ его увѣковѣчили. Если, съ одной стороны, Пѣтуховская улица говоритъ о потомствѣ, умѣющемъ чтить своихъ М. Задекъ и Кизеветтеровъ¹⁾, то съ другой—этимъ обнаруживается и полное

¹⁾ Кизеветтеръ—извѣстный знатокъ и изслѣдователь гаданій.

захолустье, несмотря на близость столицы; дѣйствительно, въ городѣ нѣтъ даже книжной лавки и негдѣ купить газету. Гостиницы грязны и шумливы.

Звенигородъ—Звени-городъ, или Звонъ-городъ: оттого въ гербѣ его помѣщается колоколъ. Амщицкіе бубенчики позваниваютъ отъ утренней зори до вечерней, но рѣдокъ и заураденъ колокольный звонъ трехъ мѣстныхъ церквей: соборной, Вознесенской и кладбищенской. Кажется, въ наше время замѣчательные понамари только

Верхній посадь въ Звенигородѣ.

и есть въ Ростовѣ Великомъ, гдѣ не забыты традиціи митрополита Іоны. Въ Москвѣ любопытенъ звонарь-любитель въ Срѣтенскомъ монастырѣ: это французъ... Ни церковь Вознесенія Господня, ни кладбищенская Рождества Христова въ архитектурномъ отношеніи не замѣчательны. Живопись въ нихъ греческаго пошиба и—странное дѣло!—одинъ за другимъ выходятъ труды такихъ выдающихся знатоковъ иконописанія, какъ Н. П. Кондаковъ, или Н. П. Лихачевъ, или А. И. Успенскій, но развѣ отражаются ихъ указанія и авторитетъ на иконахъ новаго писанія? Во всякомъ случаѣ, если и отражаются, то крайне рѣдко. Великолѣпные атласы и «патеры», и лицевые списки расходятся, минуя, повидимому, иконниковъ, которые, сидя въ своихъ московскихъ или владимирскихъ мастер-

скихъ, только краешкомъ уха слышать о нихъ, какъ о какихъ-нибудь римскихъ катакомбахъ съ замѣчательными фресками.

На городскомъ кладбищѣ нѣтъ выдающихся памятниковъ и историческихъ могилъ.

Достоинъ вниманія соборъ Успенія Божіей Матери—краса «Городка». Рѣкою Москвою съ разводнымъ деревяннымъ мостомъ Звенигородъ дѣлится на двѣ части; зарѣчная называется Верхнимъ посадомъ, а эта, заключившая въ себѣ торговую площадь, административныя учрежденія, знаменитую Пѣтуховскую улицу и Вознесенскую и кладбищенскую церкви,—эта часть извѣстна подъ именемъ Нижняго посада. Разбросался онъ на возвышенности; съ юго-западной стороны къ нему примыкаетъ Солдатская Слободка, зеленый, дачный уголокъ съ живописными обрывами. Куда ни помотришь, вездѣ красота. «Звенигородъ—подмосковный Крымъ!»—говорятъ въ Москвѣ. И дѣйствительно, эти болѣе чѣмъ 25-саженные горы, долины, расцвѣченныя пестрыми коврами, эти изумрудные логи, гдѣ торопливо течетъ рѣчка Жерновка, вбирая попутно роднички, эти волнообразные пригорки, по которымъ, словно бесчисленные рубины, краснѣетъ земляника,—все вмѣстѣ по-истинѣ напоминаетъ красавицу Тавриду, разумѣется, только безъ ея зноя, лазурнаго моря и чумазыхъ татаръ. И какой здѣсь упоительный воздухъ! не даромъ покойный знаменитый терапевтъ Захарьинъ посылалъ пациентовъ именно въ такія палестины. Жерновка день и ночь воспѣваетъ чернолѣсье, море котораго разливается передъ нашими глазами. Зеленыя волны одна надъ другою всплываютъ все выше и выше, начинаясь въ логу, и, кажется, вотъ-вотъ сольются съ небосводомъ. А Солдатскую Слободку сторожить съ двухъ-трехъ сторонъ краснолѣсье. Величественный боръ, сквозной, чистый, бальзамическій, съ горы смотрится, маня подъ свою малахитовую сѣнь и зарѣчный посадъ, и дальнія деревни, и златоглавый Саввинъ монастырь.

Въ тайникахъ чернолѣсья и въ малахитовомъ бору любителю природы не исчерпать удовольствій. Міръ насѣкомыхъ разнообразенъ. Летучіе цвѣты—бабочки—щеголяютъ окраскою. Но кто веселитъ, такъ это птицы! Часто мнѣ вспоминался добрый другъ и пѣвецъ русскаго лѣса и его пернатыхъ жителей Д. Н. Кайгородовъ, когда я оставался съ глазу на глазъ съ лѣсомъ и птицами и слѣдилъ за милыми пѣвунами и тружениками. А ихъ много вокругъ и около Звенигорода. Грачи, пожаловавъ сюда весною, основываютъ колоніи на верхушкахъ сосенъ не только за городомъ, но и внутри его, и шумятъ день-деньской до половины іюня. Въ то же время около лужицъ въ кустарникѣ уже попрыгиваютъ чечевицы, или по-мѣстному—красные воробьи; синицы уже давно перекликаются между собою. То стайки малиновокъ покажутся, то дрозды заявятъ о себѣ. Надъ Жерновкою въ свое

ремя соловьи распѣваютъ и по зорямъ и среди бѣла-дня. Золотоголовыя овсянки благополучно разгуливаютъ около домовъ. И какъ много здѣсь кукушекъ, жаворонковъ, соекъ, варакушекъ! Около дачъ высятся скворешни, не всѣ, впрочемъ, занятые этими пернатыми весельчаками: въ иныхъ свили гнѣзда воробьи.

«Городокъ» выситя надъ долиною и логомъ съ Жерновкою, изъ котораго начинается и проѣзжая дорога. Дорога теряется въ травѣ, надъ крутизною. На языкъ обывателей «Городокъ»—это

Соборъ на «Городкѣ» въ Звенигородѣ.

древнѣйшій городъ Звенигородъ, какъ онъ возникъ въ качествѣ укрѣпленнаго убѣжища на естественной горѣ, которую окопали глубокимъ рвомъ, обнесли валомъ и вообще еще укрѣпили искусственно; однако, стѣною съ бойницами города не обносили никогда,—по крайней мѣрѣ, изъ письменности не видно. На пространствѣ 85 саж. въ длину и 51 саж. въ ширину, въ каймѣ земляного вала, нѣкогда стоялъ княжескій дворецъ со службами, соборъ да жилища церковнослужителей; отъ дворца не осталось слѣдовъ, но соборъ красуется. Онъ одноглавый, строенъ изъ мѣстнаго желтовато-бѣлаго камня, вѣроятно, между 1389 и 1434 гг.; изъ подобнаго камня сооружался между прочимъ и Успенскій соборъ въ московскомъ кремлѣ.

Ревностный изслѣдователь отечественнаго зодчества, покойный Л. В. Даль писалъ: «Звенигородскій Успенскій соборъ представляетъ драгоценный памятникъ московской области стилия зодчества того времени, не вполне схожаго съ суздальскимъ, но, вѣроятно, совершенно тождественнаго съ стилемъ ближайшихъ западныхъ городовъ Новгорода и Пскова. Сходство Успенскаго Звенигородскаго собора съ суздальскими церквами невозможно отвергать. Онъ такъ же, какъ и суздальскій, сложенъ изъ бѣлаго тесанаго камня, планъ его также византійскій четырехугольникъ съ тремя абсидами, четырьмя столбами, несущими главу, и тремя входами: съ сѣвера, съ запада и юга; на фасадѣ длинныя полуколонны, дѣлящія его на три части, тотъ же пестрый поясъ на половинѣ высоты зданія около абсидъ и на главѣ, тѣ же кокошники, заканчивающіе верхъ стѣнъ и даже тѣ же ничего не несущія капители на полуколоннахъ, можетъ быть, и тутъ и тамъ явившіяся вслѣдствіе разрушенія самой верхней арки кокошниковъ, наконецъ даже тѣ же полукруглыя окна...» Повидимому,—позволяю себѣ добавить я,—звенигородскій соборъ представляетъ собою достойный образецъ византійско-суздальскаго стилия съ романскимъ вліяніемъ; не чувствуется ли это въ деталяхъ церковной внѣшности? Да, благодаря передѣлкамъ уже и въ XVI вѣкѣ, соборъ, естественно, не могъ сберечь ни строгости византійскаго зодчества, ни отмѣнной типичности чисто-суздальскаго стилия. Подобно тому, какъ севильскій соборъ бралъ отъ каждаго вѣка, такъ что въ немъ появлялись придѣлы и въ стилѣ строго готическомъ, и въ стилѣ возрожденія, и въ стилѣ рококо, и въ національномъ—plateresco, такъ точно и нашъ соборъ заимствовалъ доступное ему, гдѣ можно: у Византіи, Суздаля, у «фрязиновъ».—«Первобытной простоты, то-есть полнаго согласія внутреннихъ частей съ наружными, мы не находимъ въ разсматриваемомъ нами соборѣ,—продолжаетъ Даль,—и даже болѣе: арки, идущія съ восточныхъ столбовъ на боковыя стѣны церкви, скошены, потому что онѣ пришли бы иначе частью своихъ пять надъ окнами, которыя, какъ видно по работѣ, не новѣе XIII вѣка и впоследствии только немного расширены». («Вѣстникъ общ. древне-русскаго искусства», 1873 г.)¹⁾ Не находимъ мы внутри храма и древнихъ (не поновленныхъ) иконъ по той причинѣ, что «въ 1739 г. протопопъ звенигородскаго собора Яковъ Осиповъ входилъ въ контору правительствующаго сената съ доношеніемъ объ исправленіи ветхостей въ соборѣ: по состоявшемуся въ прошломъ 1730 г. ея величества указу велѣно которые храмы святыя, отъ скудости или инымъ какимъ образомъ

¹⁾ Очень жаль, что академія художествъ, владея цѣнными рисунками этого виднаго зодчаго-археолога, не распространяетъ ихъ общедоступно въ видѣ тетрадей, напримѣръ.

опустѣли, возобновить и всеми потребными удовольствовать, а въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы... образы святыя въ Деисусѣ весьма ветхіе, на которыхъ и лику не имѣется; а инныя церковныя утвари въ той соборной церкви, чаши водосвятныя, укропника, подсвѣшниковъ и прочаго ничего не имѣется, потому что при прежнихъ протопопахъ оную соборную церковь воровскіе люди грабили; такожь на той соборной церкви кровля и глава деревянная вся огнила и крестъ на главѣ весьма поколебался и едва содер-

Красная башня съ церковью св. Алексѣя.

жится, а въ окнахъ оконницы стеклянныя развалились и выпали и сквозь своды во многихъ мѣстахъ въ лѣтнее время идетъ дождевая вода... А приходскихъ людей при соборной церкви и вкладчиковъ нѣтъ и за нестроеніемъ въ той соборной церкви нынѣ служба Божія отправляется съ великою нуждою, потому что въ лѣтнее время въ церковь, въ окна набиваетъ дождемъ и зимою наноситъ снѣгомъ и птицы въ церковь таскаютъ всякой соръ...» Черезъ два года коллегія экономіи послала въ Звенигородъ извѣстнаго архитектора И. Мичурина осмотрѣть храмъ—и вотъ какую опись представилъ Мичуринъ коллегіи: «...въ иконостасѣ образъ Богоматери Одигитріи, образъ Живоначальныя Троицы, образъ Воскресенія Христова, образъ Успенія Богоматери, образъ Сергія Чудотворца и преп. отца Саввы звенигородскаго чудотворца, означенные образа надлежитъ починить красками и золотомъ;

сѣверныя и южныя двери мѣстами обветшали, надлежитъ починить красками и золотомъ... въ алтарѣ стѣнное письмо облияло; въ придѣлѣ великомученика Георгія¹⁾ иконостасъ и въ немъ 5 образовъ, тако жъ царскія и сѣверныя двери, оное все мѣстами надлежитъ починить красками и золотомъ»... и т. д. («Чтенія въ общ. любит. духовнаго просвѣщ.», 1881). Неизвѣстно, что сдѣлано экономической коллегіей, но вообще ветхость устранена и починка красками и золотомъ была. Полукаменная-полудеревянная звонница, очевидно, замѣнившая собою шестиугольную брусчатую колокольню XVIII вѣка, возвышается около западнаго входа. Съ восточной стороны видится скромная деревянная церковка въ честь Крещенія Господня.

Необыкновенно отчетливо и ясно отражается звукъ на «Городкѣ». Видъ отсюда на окрестности прелестенъ. Прямо за Москвоюрѣкою верхній посадъ въ разливахъ зелени, и на переднемъ планѣ церковь Рождества Христова... Дальше сплошная стѣна лѣсовъ, прихотливыя возвышенности то съ зелеными, то съ коричневыми распахками, опять лѣса, деревни, изъ которыхъ Шахово мастерить гитары и балалайки, расходящіяся черезъ Москву по всей Россіи. Ближе луга и огороды, на которыхъ хозяйничаютъ неизмѣнные боровчане, благо и до Боровска отсюда верстъ 60 по большаку и проселками. Налѣво цѣлительный боръ и изгибающійся зеленою подковою Звенигородъ... онъ точно карабкается на песчанья возвышенности. Налѣво теряются въ лѣсу дачи, только и видны затѣйливыя верхушки. И лѣсъ тоже изгибается лукою на двѣ версты. Тутъ противъ ветшающихъ ярмарочныхъ лавокъ и пассажа, которые оживляетъ Меркурій ежегодно въ 10-ую пятницу по Пасхѣ и 8-го іюля и сентября, убогая часовенка, точь-въ-точь какъ подъ Городкомъ, у источника; отъ часовни ширится паркъ, всходя на гору «Сторожу». Сквозь зеленый переплетъ вѣтвей бѣлѣетъ высокая стѣна съ зубцами и шестью башнями. На одной изъ башенъ—«Красной»—отъ временъ царя Алексѣя Михайловича виденъ государственный гербъ. Колокольня взметнула блестящій крестъ; неподалеку въ воздухѣ плаваютъ золотая глава собора, еще и еще кресты. Это Саввинъ монастырь.

II.

«Сторожи»... якоже небесный рай, благовыми насажденъ цвѣты.

(Изъ житія преп. Саввы).

Говорилъ мнѣ настоятель отецъ Даміанъ:

— Оскудѣваетъ рука дающихъ на обитель, а расходы ея не только не уменьшаются, но, напротивъ, все растутъ...

¹⁾ Этого придѣла въ соборѣ нѣтъ, а бывшій намекать на то, что соборный храмъ построилъ первоначально вел. кн. Георгій Даниловичъ.

Саввинь-Сторожевскій монастирь.

— Время такое переживаемъ: съ одной стороны пресловутая «переоцѣнка цѣнностей», а съ другой—крайнее обѣднѣніе народа. И тутъ же невольно воскресало прошлое, то прошлое, когда «на Руси церкви были деревянныя, да священники (и монахи) золотые», когда подвигъ мавиль къ себѣ, подвигъ возвышенный, святой, и когда наконецъ тянулись-тянулись по глухимъ лѣснымъ и полевымъ дорогамъ великокняжескіе и царскіе поѣзда къ монастырскимъ «тихимъ пристанямъ».

Ученикъ преп. Сергія Радонежскаго Савва пришелъ на эту лѣсную гору, которая называлась «Сторожи», оттого что на ней стояла военная стража на случай литвы и поляковъ, основатель обитель и послѣ трудовъ праведныхъ скончался 3 декабря 1407 года. Обитель расцвѣтала и расцвѣла, въ чемъ ей помогали звенигородскіе князья, начиная съ Георгія Дмитріевича, и въ особенности царь Алексѣй Михайловичъ, при которомъ были открыты мощи св. Саввы. Существуетъ преданіе,—забытый, хотя и талантливый Л. А. Мей изложилъ его въ красивыхъ, звучныхъ стихахъ,—будто бы незадолго до открытія мощей Тишайшій охотился въ звенигородскихъ лѣсахъ. Шла облава на медвѣдя. Стоялъ декабрь. Случилось такъ, что царь остался въ лѣсу одинъ-одинехонекъ. И вотъ изъ чащи выбѣгаетъ медвѣдь и бросается на царя; Алексѣй Михайловичъ на волосокъ отъ смерти, но тутъ чудесно появляется старецъ и спасаетъ его. «Кто ты, избавитель мой?» спрашиваетъ царь и слышитъ въ отвѣтъ, что передъ нимъ Савва, изъ числа иноковъ Сторожевской обители. И послѣ этихъ словъ старецъ направился туда. Узналъ вскорѣ Алексѣй Михайловичъ, какой иннокъ Савва былъ въ лѣсу, и повелѣлъ освидѣтельствовать его гробъ. Мощи преподобнаго обрѣтены 19 января 1652 года. «Выходы» царя въ Саввинъ монастырь были многократны, причемъ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго, переведеннымъ съ арабскаго проф. Г. А. Муркосомъ, Алексѣй Михайловичъ «отстроилъ заново монастырь и всю душу положилъ на его построеніе, дабы сдѣлать его подобнымъ монастырю Троицкому»... самъ угощалъ отцовъ монастыря... самъ прислуживалъ за столомъ для нищихъ, слѣпыхъ и калѣкъ... «училъ монаховъ обрядамъ и говорилъ, обходя ихъ: «пойте то-то, читайте такой-то канонъ, такой-то ирмосъ, такой-то тропарь, такимъ-то гласомъ». Если они ошибались, онъ поправлялъ ихъ съ бранью. Словомъ, онъ былъ какъ бы типикаріемъ, т.-е. учителемъ типикона, уставщикомъ, обходя и уча монаховъ. Онъ зажигалъ и тушилъ свѣчи и снималъ съ нихъ нагаръ».

Нагляднымъ воспоминаніемъ о Тишайшемъ, кромѣ цѣнныхъ вкладовъ, пожертвованій, служатъ дворецъ, церковь св. Троицы, колокольня, зданіе духовнаго училища. Налѣво при входѣ на монастырскій дворъ видится оно, такъ сказать, подъ колокольнею,

готическая трехъярусная стрѣла которой съ четырьмя башнями и боевыми часами останавливаетъ вниманіе. На часахъ, привезенныхъ царемъ Алексѣемъ изъ Смоленска, именно на ихъ колоколѣ, написано: «Kylianus Wegewart me fecit. Campis. Anno 1636. Si Deus pro nobis, quis contra nos?» (Работа Киліана Вегеварта 1636 г. Богъ съ нами — кто на насъ?) Во второмъ ярусѣ колокольни помѣщается церковь преп. Сергія Радонежскаго. Среди колоколовъ наибольшій вѣситъ 2.125³/₄ пуда, побольше, стало-быть, знаменитаго «Сыся». Любопытна на немъ криптографическая

Соборъ въ Саввинѣ-Сторожевскомъ монастырѣ.

надпись (три нижнихъ строки): «Изволеніемъ прѣблагаго и прѣщедраго Бога нашего и заступленіемъ милостивыя заступницы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, и за молитвъ отца нашего и милостиваго заступника преподобнаго Саввы чудотворца, и по обѣщанію, и по повелѣнію раба Христова, царя Алексѣя, и отъ любви своея душевныя, и отъ сердечнаго желанія слить сей колоколъ въ домъ Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея рождества и великаго и преподобнаго отца нашего Саввы чудотворца, что въ Звенигородѣ, нарицаемый сторожевскій». Три малыхъ колокола жертвованы Михаиломъ Ѳедоровичемъ.

Ниже Сергіевской церкви св. Троицы, гдѣ древні иконы Неопалимой Купины и Алексѣя, человѣка Божія, и достойно вниманія

шитое шелкомъ изображеніе преп. Саввы. Рядомъ съ нею арка древняго входа, которая приводитъ къ Красной башнѣ. Стѣнная живопись поновлена. Сюда, бывало, входили цари-богомольцы. Церковь надъ святыми воротами, въ Красной башнѣ, устроена не болѣе четверти вѣка назадъ во имя Алексѣя, человѣка Божія, на средства князя Алексѣя Шаховскаго. Этотъ послѣдній хотѣлъ принять монашество въ Саввиной обители, но вскорѣ умеръ еще «въ мѣрѣ». Далѣе трапезныя и братскія кельи.

Противъ духовнаго училища, за оградю, дремлетъ фрутовый садъ, какъ бы скрывая тайну своего творчества въ видѣ фруктовъ и соблазнительной малины, на которую, признаюсь, я только зарился, а руки послушниковъ и посягали. До 1782 года здѣсь стояла больничная церковь Іоанна Лѣствичника, пришла въ ветхость и была разобрана. Царь Алексѣй Михайловичъ, по запискамъ Павла Алеппскаго, построилъ особый «больничный монастырь» въ монастырѣ «съ особыми воротами и многочисленными кельями, кои сообщались другъ съ другомъ и (были) приспособлены для лѣта и зимы. Это помѣщеніе устроено для увѣчныхъ, слѣпыхъ, недвижимыхъ и пораженныхъ заразною болѣзнію изъ числа монаховъ этого монастыря, ради доставленія имъ большаго спокойствія и ухода. Царь поставилъ имъ игумена изъ ихъ среды и такого же келаря, назначилъ служителей не изъ нихъ, а іереевъ изъ ихъ числа, чтобы совершать для нихъ службы. Онъ назвалъ это мѣсто «успокоеніемъ больныхъ». Фрутовый садъ лѣпится къ розоватому царскому дворцу о двухъ этажахъ, съ помѣщеніями для о. намѣстника, о. казначея и викарнаго (можайскаго) архіерея. Нѣкогда на этомъ мѣстѣ помѣщались кельи, но «царь Алексѣй Михайловичъ отнесъ ихъ къ стѣнѣ восточной, а здѣсь на свое иждивеніе выстроилъ дворецъ¹⁾. Окончательная отдѣлка и украшеніе сего зданія относится ко временамъ царей Іоанна и Петра и царевны Софьи Алексѣевны. Въ 1742 году, во время случившагося въ монастырѣ пожара, дворецъ этотъ выгорѣлъ». Вѣроятно, тогда и погибли внутреннія украшенія и аксамитовая обшивка стѣнъ, а не въ 1812 году, какъ рассказываютъ монахи. «Въ 1775 году дворецъ былъ опять возобновленъ на сумму, пожалованную императрицею Екатериною II, которая въ томъ же году именнымъ указомъ назначила его для семинаріи, не долго однако существовавшей въ сей обители» (описаніе Саввино-Сторожевскаго монастыря). Въ анфиладѣ одиннадцати комнатъ заключается галерея царскихъ и архипастырскихъ портретовъ старинной работы: Грозный, Тишайшій, дѣти, внуки и правнуки его; вотъ Софья, уже инокиня, вотъ патріархъ Никонъ и знаменитые ораторы Амвросій Протасовъ и Гедeonъ Кривовъ, 16-й саввинскій архимандритъ. Къ слову: въ

¹⁾ Не ранѣе весны 1656 г.

спискѣ настоятелей, послѣ преп. Саввы, значатся такія имена, какъ: Гедeonъ Кринoвъ; Серафимъ (Глаголевскій) и Исидоръ (Никольскій) — впослѣдствіи петербургскіе митрополиты, выдающіеся проповѣдникъ Августинъ (Виноградскій), Евгенийъ (Сахаровъ-Платоновъ), Леонидъ (Краснопѣвковъ, † архіепископъ ярославскій), Никодимъ (Бѣлокуровъ)¹⁾ и наконецъ здравствующій архіепископъ Алексѣй (Лавровъ).

Посѣтителямъ показываютъ во дворцѣ два кресла царя Алексѣя Михайловича. Но не осталось ничего отъ «алексѣевскихъ»

Скитъ въ Саввинѣ монастырѣ.

крытыхъ переходовъ отъ дворца къ Рождественскому собору, въ нынѣшнюю разницу, а тогда моленную палату, какъ не сохраненъ и деревянный царицы Марьи Ильиничны теремъ.

Сердце обители—соборъ Рождества Пресвятой Бородиницы, одноглавый, приземистый, бѣлокаменный, весь сверху донизу расписанный. Строенъ онъ при жизни преп. Саввы, стало-быть, постарше Троицкаго въ Сергіевой лаврѣ, на него похожаго. Это русское мастерство, котораго еще не коснулся геній Аристотеля Фіоравенти. Четыре столба—опора свода—типичны и для до-аристотелевскихъ, и для его храмовъ. Шатровое крыльцо съ западной стороны вводитъ въ галерею, которая на южной сторонѣ смы-

¹⁾ Погребень въ галереѣ собора налѣво отъ входа.

кается съ придѣльной церковью во имя преп. Саввы; здѣсь гробница, въ коей его мощи почивали до открытія; въ 1680 году царь Ѳедоръ Алексѣевичъ создалъ серебряную раку съ такою же сѣнью, и онѣ блистаютъ у южныхъ вратъ въ алтарь. Древній покровъ на гробницѣ, древле-писанный образъ преподобнаго какъ бы призываетъ вѣрующихъ, возвышаясь надъ гробницею. Пятиарусный иконостасъ не соответствуетъ ракѣ: онъ мраченъ, сухъ, но и величественъ. Готическій стиль отразился въ немъ, холодный, какъ разсудокъ или какъ протестантизмъ. Когда я всматривался въ эти длинные ряды иконъ, въ куполь, въ стѣны, въ столбы, въ эти строгіе лики, въ эти изображенія вселенскихъ соборовъ, въ эту вообще стѣнную живопись по золоту, то мнѣ казалось, что въ этомъ храмѣ раскрывается полная идея вселенской церкви, какъ и въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, и во многихъ другихъ храмахъ, ожидающихъ своихъ изъяснителей... Или я ошибаюсь?

Вокругъ собора раскидалось кладбище. Тутъ же цвѣтникъ и резервуаръ. Поодаль могуче возноситъ къ небесамъ зеленую главу свою опоясанный желѣзнымъ обручемъ вязъ. Говорятъ, онъ свидѣтель высокихъ подвиговъ Саввы; въ такомъ случаѣ этотъ вязъ, да колодезь противъ ярмарочныхъ лавокъ, да пещера (и тотъ и другая созданіе преподобнаго), вмѣстѣ они всѣ являются какъ бы звеньями, соединяющими наши дни съ днями собирателей Руси. Наслѣдье XV вѣка пощадили время и вороги русскаго народа. А ихъ ли не видала на своемъ вѣку Саввина обитель! Въ глубокую старь литва, въ смутное время поляки¹⁾, въ 1812 году французы—кто не терзалъ монастыря!

Въ 1812 году обитель видѣла въ своихъ стѣнахъ 3-й корпусъ наполеоновской арміи. Можно думать, что не пощадили бы монастырскихъ святынь и сокровищъ тѣ, кто въ миланскомъ монастырѣ Santa Maria delle Grazie бросалъ кирпичи въ «Тайную Вечерю» Леонардо да-Винчи, но армейцами командовалъ благородный и строгій герцогъ Евгенийъ Лейхтенбергскій, вице-король Италіи, которому вдобавокъ во снѣ явился преп. Савва и просилъ удержатъ отъ грабежа солдатъ, за что будетъ сохранена его жизнь. Герцогъ повиновался волѣ вѣчнаго игумена Сторожевской обители, и, дѣйствительно, пули щадилы его во всѣхъ сраженіяхъ; умирая, Евгенийъ завѣщалъ сыну Максимилиану, когда будетъ въ Россіи, непременно посѣтить Саввинъ монастырь и поклониться его мощамъ²⁾.

¹⁾ Въ 1606 году при Лжедмитріи игуменствовалъ Исаія, о которомъ въ описаніи Саввино-Сторожевскаго монастыря (М. 1904 г.) неправильно говорится, что митрополитъ казанскій и свѣяжскій Ефремъ посвятилъ его въ митрополиты крутицкіе. Нѣтъ, именно посвященія не было, и почему не было—тайна того времени.

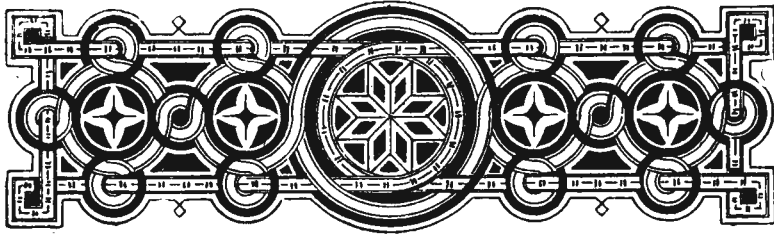
²⁾ Герцогъ Евгенийъ Александровичъ Лейхтенбергскій умеръ 1824 года. Его сынъ Максимилианъ Евгеньевичъ посѣтилъ Саввинъ монастырь въ 1839 году.

Отъ монастыря до пещеры преподобнаго не болѣе версты. Лѣсная дорога ползеть высоко надъ притокомъ Москвы Разваднею, за которою красиво лежатъ Стрѣлецкая слобода и зеленяя возвышенности. Тамъ и лѣса, и пашни, и луга, и села. Природа, свобода, аромат... Монастырь славится окрестностями: недаромъ вокругъ него много дачъ. Есть уголки, носящіе такія прозвища, какъ «Америка», на обрывахъ которой воркуютъ московскія «бабиньки», Вѣрочки и Волоховы... Саввина пещера обращена въ часовню; надъ нею возвышаются храмъ и скитъ. Лѣсная корона вѣнчаетъ ихъ. Тишину нарушаютъ только силуэты богомольцевъ и богомолковъ, лѣтомъ и осенью иногда многочисленныхъ. Въ обители для нихъ три, правду сказать, дорогихъ гостиницы и страннопріимный домъ. Раннимъ посѣтителямъ предоставляется слушать неугомонныхъ грачей, которые здѣсь чувствуютъ себя такъ же хорошо, какъ чайки въ Соловкахъ.

Въ богатую ризницу и въ любопытную бібліотеку доступа нѣтъ: страхъ держитъ ихъ подъ крѣпкими замками. Монастырское хозяйство значительно и разбросано тамъ-и-сямъ среди многовѣковыхъ лѣсныхъ великановъ. О, какъ хочется понять шумъ ихъ и лепетъ мимо катящей Москвы-рѣки,—вѣдь, они восполнили бы отечественныя лѣтописи; вѣдь въ этомъ шумѣ и лепетѣ то, чего не досказываетъ исторія!

Павелъ Россіевъ.

ВЪ СВОБОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

(Отъ Ванкувера до Нью-Йорка.)

I.

ВСѢ СОСКУЧИЛИСЬ. Четырнадцать дней въ морѣ. Четырнадцать дней тому назадъ потонула въ туманѣ дымная полоска берега, и океанъ раскинулся кругомъ, пустынный и однообразный. Ни одной встрѣчи, ни дымка, ни отдаленнаго паруса; только буревѣстники, плавно скользя вокругъ парохода, говорятъ намъ, что есть гдѣ-то берегъ, есть другая жизнь, кромѣ той, которая сосредоточилась на маленькомъ плаву-чемъ клочкѣ...

Сидя въ качалкѣ и глядя на небо, которое, въ тактъ плавнымъ размахамъ парохода, то поднимается, то опускается, я думаю, какою крошкой долженъ представляться нашъ пароходъ оттуда, съ тѣхъ свѣ-лыхъ, лиловѣющихъ облаковъ, которыя легкой и непре-рывной сѣтью раскинулись по всему необъятному простору неба...
Скучно...

Пассажиры надоѣли другъ другу: надоѣлъ итальянецъ съ за-крученными усами и круглой плѣшью, одѣтый на англійскій ладъ въ длинный клѣтчатый пиджакъ съ разрѣзомъ и пуговицами назади, и такой же сухой и рослый, какъ англичане; надоѣли его непрерывныя ссоры со старушкой-голландкой, надоѣла и голландка, рассказывающая на плохомъ французскомъ и еще худшемъ англій-скомъ языкѣ, какія страшныя козни строить противъ нея италья-

янецъ, ея визави по каютѣ. Надоѣлъ всѣмъ и тощій, высокій, ломающійся въ суставахъ пасторъ, играющій по утрамъ гимны на кларнетѣ и старающійся, хотя и бесплодно, въ остальное время быть вполне свѣтскимъ человѣкомъ, надоѣла и его супруга—мягкая, рыхлая, смугловатая, ласково заговаривающая со всѣми... Надоѣли «ищущія» дѣвицы-американки, въ каждомъ жестѣ и каждомъ словѣ которыхъ проглядываетъ близкое къ отчаянью желаніе найти жениха. Мы ихъ прозвали красной и бѣлой козами. Понемногу истощился весь ихъ арсеналъ: улыбки, позы, вздохи, пѣнье... Одинъ за другимъ покидаютъ ихъ кавалеры...

Надоѣли игры, надоѣла жалкая музыка по вечерамъ...

Внесли было маленькое оживленіе японцы, явившіеся однажды къ обѣду въ смокингахъ и разноцвѣтныхъ рубашкахъ, но не на долго: черезъ часъ они переодѣлись.

Послѣ сближеній и интимныхъ разговоровъ пассажиры вновь ищутъ уединенія, часами просиживая у борта и не сводя глазъ съ переливчатой поверхности волнъ. Кое-гдѣ уже шинить злобная и грязная сплетня; старшая горничная уже рассказываетъ что-то миссіонеркамъ, оглядываясь, дѣлая большіе глаза и понижая голосъ. Въ салонѣ кто-то прикрѣпилъ бумажку:

«Утеряны почти новыя дамскія туфли въ окрестностяхъ каюты № 14, нашедшаго просятъ возвратить въ № 11».

У одной изъ «ищущихъ» дѣлается страшная мигрень, и она запирается въ своей каютѣ № 11...

Скорѣе бы земля...

Съ мыслью о землѣ мы ложимся въ узкую и неудобную койку, съ мыслью о землѣ мы встаемъ утромъ подъ шумъ скатывающейся съ палубы воды, которую матросы льютъ беспощадно во всѣ углы, и подъ шарканье ихъ щетокъ.

Подкрашиваются мачты, вентиляторы, лебедки... Нашъ капитанъ, вѣчно улыбающійся добродушно, но съ примѣсью какой-то грусти, словно онъ знаетъ и всегда помнитъ, что все въ этомъ мірѣ преходяще, и горе смѣнится радостью, и радость умретъ, какъ мотылекъ, попавшій въ темную ночь на пламя свѣчи,—становится серьезнѣе и озабоченнѣе. Я люблю глядѣть иногда на его смуглое лицо съ черными глазами и усами и мнѣ кажется, что онъ относится къ намъ, пассажирамъ, какъ много пожившій и испытавшій отецъ относится къ своимъ рѣзвящимся дѣтямъ, а между тѣмъ онъ самъ еще очень молодъ: ему едва ли больше тридцати пяти.

II.

Земля...

Она показалась неожиданно. Я открылъ глаза и первое, что увидѣлъ въ иллюминаторъ, былъ гористый, покрытый лѣсомъ берегъ...

Уходя отъ берега, мы радостно привѣтствуемъ широкія морскія волны, мы жадно вдыхаемъ влажный и острый, напитанный солью воздухъ, спѣшимъ отбросить запахи земли, отбросить всѣ воспоминанья о ней, намъ кажется, что съ каждымъ оборотомъ винта, съ каждымъ футомъ разрѣзанной стальнымъ носомъ парохода воды мы становимся свободнѣе, чище и сильнѣе... Мы жадно слѣдимъ за полетомъ чаекъ, мы завидуемъ буревѣстникамъ...

И какъ мило, какъ дорого намъ первое дыханіе земли, густой ароматъ хвойныхъ лѣсовъ, холодокъ перваго снѣга, выпавшаго на острия горныхъ вершины, какъ дороги намъ грязный парусъ рыбацкѣй лодки, серебряная нить водопада, лиловая мягкая и таинственная тѣнь узкаго ущелья!..

— Земля!..

— Берегъ!..

— Земля!..

Бросають другъ другу пассажиры, и я вновь вижу ласку въ ихъ глазахъ, вижу, что имъ хочется схватиться за руки, хочется передать кому-нибудь закипѣвшую въ душѣ радость...

Завязываются быстрые и громкіе разговоры. Старикъ-американецъ вновь принялся за свои анекдоты, которыхъ никто не слышалъ отъ него уже два дня, и темныя брови на его кругломъ и бритомъ лицѣ играютъ и прыгаютъ, какъ мышенята...

Длиннымъ и узкимъ проливомъ идетъ нашъ пароходъ къ острову Ванкуверу. Сегодня тихо. Горы отражаются въ водѣ, темной и прозрачной. На вершинахъ горъ легли пушистыя облака. Паритъ. Собирается гроза. Изъ-подъ темной тучи направо тянутся почти прямыя, колеблющіяся, какъ самая тонкая, самая прозрачная вуаль, полосы дождя...

III.

Викторія служитъ главнымъ городомъ Британской Колумбіи. Онъ только что строится, но характеръ его уже вполне опредѣлился, это типичный англійскій городокъ, только перенесенный изъ Англии на новую почву и, соотвѣтственно этому, измѣненный. Видно больше лихорадочности, больше спѣшки. Населенія пока всего около двадцати пяти тысячъ человѣкъ. Есть красивыя зданія, особенно правительственныхъ учреждений, но, въ общемъ, такъ и вѣетъ глубокой и мирной провинціей. На улицахъ кое-гдѣ пробивается трава, передъ каждымъ домикомъ палисадникъ. Здѣсь, какъ и обыкновенно въ Америкѣ, существуетъ способъ постройки и покупки домовъ на выплату, и, благодаря этому, каждый рабочій имѣетъ возможность обзавестись своимъ угломъ. Мило и привѣтливо выглядятъ просто раскрашенные и затѣйливо выстроенные деревянные домики, окруженные покраснѣвшими уже подъ холод-

Здание правительственных учреждений в Виктории (на острове Ванкувер).

ными ласками осени лиственными деревьями и темной и задумчивой зеленью хвой. Несмотря на позднее время года, еще много цвѣтовъ: послѣднія, возбуждающія грустныя думы и воспоминанія розы, пестрыя георгины, полуувядшія настурціи, какіе-то цвѣтушіе кустарники... Видна вездѣ заботливая неутомимая рука, видна любовь въ каждой травкѣ, выросшей на своей землѣ.

Пароходъ стоитъ у Викторіи всего два часа, и намъ приходится страшно спѣшить. Съ восторгомъ мы вступаемъ на твердую почву; дамы рвутъ какіе-то цвѣты...

Осень. Вечерѣть. Осеннее небо, осеннія краски, осенній воздухъ... Волна грусти охватываетъ насъ мягко и нѣжно, и я вижу, какъ туманятся глаза у женщинъ, и слабыя улыбки—улыбки скорби—зыбятся едва замѣтныя въ углахъ ихъ губъ... Мужчины болѣе практичны. Яблоки, апельсины, орѣхи словно волшебствомъ перескакиваютъ съ прилавковъ въ ихъ карманы, и черезъ пять минутъ видны уже жующіе рты...

Чистенькіе, свѣже-выкрашенные, безъ шума и звона скользятъ вагоны электрическаго трамвая, весело мелькая спицами, прокатываютъ гѣки и кѣбы; видны розовыя лица дѣвушекъ, смѣющіяся мордочки дѣтей...

А пароходъ уже даетъ свистки—долгіе и протяжные свистки, звучавшіе, какъ надоѣдливый и неумолимый голосъ совѣсти. Нужно итти назадъ. Нужно спѣшить... Мы почти бѣжимъ, не глядя на часы, не справляясь о времени: мы знаемъ, что опоздали... Пароходъ начинаетъ злиться; злость слышна въ его отрывистыхъ и теперь громкихъ крикахъ, злость видна въ бѣлыхъ густыхъ и крутыхъ клубахъ пара, съ ревомъ вырывающихся въ холодный и гулкій воздухъ...

— Bravo, bravo!.. скорѣй, смѣлѣй!..

Громъ рукоплесканій со стороны пассажировъ, благоразумно оставшихся на пароходѣ, привѣтствуетъ наше появленіе на пристани, и мы одинъ за другимъ, понуривъ головы, чтобы не встрѣтиться съ ласково-укоряющимъ взглядомъ капитана, проходимъ по сходнямъ.

Сходни сняты. Отдѣлился берегъ и ушелъ прочь...

Перевернута еще одна маленькая страничка жизни...

Художница-англичанка стоитъ у борта и смотритъ на воду...

— Холодно...—говоритъ она мнѣ, не оборачиваясь...

Холодно ея тѣлу, холодно ея глазамъ отъ синевато-зеленой воды, холодно ея душѣ...

IV.

Въ Ванкуверъ мы пришли поздно ночью. Посыпался дождь. Красноватое отъ вечернихъ огней небо висѣло надъ самой головою. Было сыро и немного душно...

Деревья великаны въ Ванкуверскомъ паркѣ.

Издали еще, дней за пять, за шесть до Ванкувера плѣшивый итальянецъ, маленькій и подвижный, хромою на одну ногу редакторъ американской газеты, круглый, какъ арбузъ, бухгалтеръ и я мечтали, собираясь вмѣстѣ, поѣсть ванкуверскихъ устриць...

— Тамъ такія устрицы, такія... Ну, прямо сравненія не подыскаешь... И жаренныя, и сырыя, и варенныя въ молокѣ, объяденіе...— говорилъ бухгалтеръ!

И, глотая слюнки, мы слушали его. Пароходная кухня, несмотря на кажущееся разнообразіе и на двадцать семь переменъ, обязательно стоящихъ въ меню три раза въ день, удивительно надобѣдаетъ, и подъ вліяніемъ ея поневолѣ становишься мечтателемъ: мечтаешь о поросенкѣ съ хрѣномъ, о щакѣ, объ устрицахъ, объ икрѣ, рисуешь сказочно-соблазнительныя картины холодной ботвиньи.

— Да, устрицы... это нѣчто... Понимаете, свѣжія, жирныя устрицы съ лимономъ и содовыми бисквитами...

Редакторъ, относившійся сперва къ словамъ бухгалтера сдержанно и скептически, не раздѣлявшій нашихъ восторговъ и увлеченій, теперь, какъ только были переброшены сходни, первый схватилъ меня за рукавъ и рѣшительнымъ тономъ сказалъ:

— Идемъ...

— Куда? — спросилъ я, оглядываясь на него съ нѣкоторой тревогой,—такъ необыченъ и проникновененъ былъ его голосъ.

— Устрицы ѣсть...

— Дождь, поздно...

— Пустыя... Ради устриць, жирныхъ, свѣжихъ устриць стоитъ перенести не такія испытанія.

И тутъ только я понялъ, что подъ его суровой и недовѣрчивой внѣшностью крылось горячее сердце, и слова бухгалтера, которыя онъ, повидимому, принималъ такъ холодно и равнодушно, падали на благодарную почву. Мнѣ осталось только подчиниться. И вотъ, нарядившись въ длинные непромокаемые плащи, нахлобучивъ шляпы, мы покинули ярко освѣщенный пароходъ и смѣло вошли въ холодную и пугливую тьму пустынной набережной.

Въ Америкѣ все дѣлается наспѣхъ, наскоро. Людямъ некогда жить, жизнь летитъ бурей. По дорогѣ остаются пробоины и буераки...

Въ одну изъ такихъ пробоинъ на свѣже-наспѣхъ-вымощенной улицѣ мы и ввалились всей компаніей.

Редакторъ разразился самой изысканной и ядовитой бранью... Итальянецъ только угрюмо бормоталъ:

— Американцы... цивилизованный народъ...

И жалостно потрогивалъ рукою свои брюки.

Но дѣло было сдѣлано, и далеко выше колѣнъ ноги были промочены у всѣхъ.

На улицахъ пусто. Изрѣдка попадающіяся темныя фигуры жутко наполняютъ сердце и заставляютъ невольно оцупывать

Прибрежная дорожка въ Ванкуверскомъ паркѣ.

карманъ: здѣсь ли револьверъ. Магазины всѣ закрыты, трамваи звонятъ гдѣ-то въ отдаленіи, словно подразнивая насъ...

— Какія тутъ, чорта, устрицы!.. шею тутъ ломать и больше ничего, — ворчитъ итальянецъ, и я вижу, какъ онъ отъ времени до времени нагибается и ощупываетъ мокрыя брюки.

Редакторъ истощилъ весь запасъ ядовитыхъ словъ и сосредоточенно молчитъ. Бухгалтеръ, взявшійся быть проводникомъ, чувствуетъ, что оппозиціонное настроеніе растеть, и несмѣло бормочетъ:

— Еще немного, вотъ здѣсь, за уголь... навѣрное тамъ...

Голосъ его тонетъ въ шелестѣ дождя и въ хлопаньи воды подъ нашими ногами...

— Вотъ!..—торжественно восклицаетъ онъ внезапно.

И прямо въ наши изумленные глаза бьютъ лучи вывѣски изъ электрическихъ лампочекъ:

«Oyster bay».

Эти «Oyster bays» и другія закусовые открыты здѣсь круглыя сутки. И въ любой часъ дня и ночи вы можете получить въ нихъ дюжину устрицъ, горячій огромный бифштексъ, неизмѣнную англійскую яичницу съ ветчиной, чай, кофе, шоколадъ, горячіе блинчики...

Посѣщаются онѣ преимущественно рабочими и мелкими клерками.

Устрицы, въ самомъ дѣлѣ, были великолѣпны, недуренъ оказался и кофе, и хлѣбъ съ чуднымъ сливочнымъ масломъ...

Мы забыли и темную ночь, и дождь, и нашъ провалъ... Но все кончается... Кончился и нашъ ужинъ

— Теперь, господа, чтобы достойно закончить нашъ пиръ, мы пойдемъ «туда».

Редакторъ, говоря эту рѣчь, сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою во мракъ, который угрюмо и непривѣтливо глядѣлъ въ дверь, словно ожидая, когда ему можно будетъ снова охватить насъ своими мягкими, холодными и влажными руками.

Итальянецъ тотчасъ же поддержалъ редактора:

— Да... мы проголодались, чортъ возьми... Считаю отъ Шанхая, три недѣли въ морѣ; это чего-нибудь да стоитъ...

И, подхвативъ подъ руку, онъ потащилъ меня къ выходу.

Мнѣ стоило большого труда отъ него отбиться. Отдѣлавшись отъ нихъ, я пошелъ обратно на пароходъ.

— Вы заблудитесь, васъ убьютъ бандиты...—кричалъ мнѣ вслѣдъ итальянецъ, пока надѣялся, что голосъ его будетъ услышанъ.

Но, къ счастью, я не заблудился и, благополучно добравшись до полотна желѣзной дороги, пошелъ къ пристани.

Прояснѣло. Мѣсяцъ несмѣло выглянулъ тонкимъ рожкомъ въ прорѣзы тучъ. При его слабомъ свѣтѣ я еще издали замѣтилъ одинокую согбенную фигуру, шагавшую мнѣ навстрѣчу по совершенно пустой платформѣ.

— Когда пойдетъ поѣздъ въ Портлендъ?—задалъ мнѣ вопросъ человекъ, поровнявшись со мною.

— Не знаю, я не здѣшній.

— Черти, даютъ билеты, а гдѣ поѣздъ? Человеку некуда дѣться... Ни души... Провалились куда-то, собаки...

Чѣмъ - то роднымъ, далекимъ, почти забытымъ пахнуло на меня отъ его словъ, отъ звука его голоса...

Голосъ былъ несомнѣнно славянскій, недовольный, брюзжащій, унылый...

Мы разошлись...

V.

Сильная дрожь пробрала меня, пока я раздѣвался. Опасаясь заболѣть, я выпилъ добрую рюмку коньяку и, укрывшись плотнѣе, почти тотчасъ заснулъ.

Но сонъ былъ безпокойный и чуткій, и сквозь этотъ сонъ я слышалъ, какъ часа черезъ два редакторъ совершенно пьяный рассказывалъ заплетающимся языкомъ своему сосѣду по каютѣ:

— Мнѣ досталась калифорнійка... Отличная... Знаете, что-то удивительное... молоденькая...

Мнѣ снился въ это время только что пройденный океанъ, весь въ пѣнѣ, ярко-зеленый, съ горами-волнами, съ синими тѣнями между ними и розовыми пятнами солнечнаго свѣта на гребняхъ... И голосъ редакторъ леталъ и цѣплялся за волны, какъ рыжеватосѣрый буревѣстникъ, и отдѣльные слова брызгами пѣны падали мнѣ на руку...

— Близко восьми. Вы будете завтракать?—услышалъ я голосъ китайца-боя.

Солнце било ярко и весело въ иллюминаторъ, грохотали лебедки, звенѣли дѣпи, тяжелые тюки грузно падали на набережную...

Мнѣ было грустно уходить съ парохода, какъ грустно бываетъ смотрѣть на верстовой столбъ, на мелькнувшую на лету желѣзнодорожную будку, на случайно встрѣченное лицо... Они говорятъ, что что-то ушло невозвратно, что все ближе, ближе... Куда? къ чему?..

Деять лѣтъ тому назадъ я проѣзжалъ Ванкуверъ. Тогда онъ сказочно быстро строился, врубаясь въ дремучій хвойный лѣсъ, и его улицы замыкались еще кое-гдѣ нетронутой чащей.

Ванкуверъ молодъ. Возникъ онъ въ 1886 году, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возникновеніи сгорѣлъ до основанія вмѣстѣ съ частью окружающихъ лѣсовъ и вновь поднялся изъ пепла, чтобы черезъ двадцать лѣтъ явиться большимъ и благоустроеннымъ городомъ съ сорока пятью тысячами населенія. Въ его положеніи и положеніи Владивостока есть много общаго, какъ много общаго же есть и въ положеніи, и въ условіяхъ Сибири и Ка-

нады. Оба—и Ванкуверъ, и Владивостокъ— являясь конечными пунктами огромныхъ трансконтинентальныхъ линій, оба возникли и оба росли сказочно быстро. Но въ то время какъ Ванкуверъ имѣетъ уже многія мили асфальтированныхъ и торцовыхъ мостовыхъ, электрическое и газовое освѣщеніе, чудесную воду, проведенную съ другого берега залива, имѣетъ массу школъ, библиотекъ, церквей, имѣетъ прекрасныя благоустроенныя гостиницы, нѣсколько линій электрическихъ трамваевъ, дающихъ возможность за нѣсколько копеекъ добираться въ нѣсколько минутъ изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ города въ центръ, въ то время, какъ все это просто и естественно явилось въ Ванкуверѣ, Владивостокѣ, имѣющій, пожалуй, не меньше населенія, не хуже расположенный, грязенъ и ужасенъ; мостовая во Владивостокѣ имѣется только на Свѣтланской улицѣ, расположенной такъ удачно, что вся грязь съ верхнихъ улицъ сбѣгаетъ на нее и погребаетъ подъ собою мостовую. Вода во Владивостокѣ добывается изъ грязныхъ, никѣмъ не охраняемыхъ колодцевъ, изъ которыхъ нерѣдко извлекаютъ трупы злосчастныхъ манзъ.

Лучше не сравнивать... Горечь подымается въ душѣ...

А сегодня кругомъ такъ хорошо. Воздухъ прозраченъ и мягокъ. Зеленоватое осеннее небо чисто, и только легкіе клочки тумана бродятъ по горамъ, словно цѣпляясь за щетку лѣсовъ, одѣвшихъ сверху донизу эти горы.

Умывшись и взявъ ванну въ меблированныхъ комнатахъ, я отправился первымъ дѣломъ въ городской паркъ.

Въ памяти моей еще живо было то чарующее и нѣжное впечатлѣніе волшебной сказки, рассказываемой старухой-нянкой въ тихій вечеръ, какое оставилъ въ первый мой пріѣздъ у меня въ душѣ этотъ паркъ со своими гигантами-деревьями, достигающими въ діаметрѣ двухъ сажень, съ темной чащей, глядѣвшей таинственно и страшно по сторонамъ узенькихъ дорожекъ, съ длинными лохмами зеленого моха, висѣвшаго съ засохшихъ вѣтвей...

Паркъ остался такимъ же. И я долго бродилъ по немъ, переживая вновь шагъ за шагомъ былыя ощущенія, былыя думы... Я былъ молодъ тогда...

Солнце клонилось къ западу, давая длинныя тѣни и золотя верхушки великановъ-сосенъ. Я вышелъ къ морю. Оно осталось такое же ровное, таинственное, уходящее вдаль, нѣжно шелестя невысокими волнами на прибрежномъ пескѣ...

Мнѣ казалось, что я нашелъ тотъ же камень, на которомъ сидѣлъ «тогда».

Я потрогалъ его рукою: онъ былъ холоденъ и жестокъ. Онъ не измѣнился. Море ласкало и било его эти девять лѣтъ, но на немъ я не видѣлъ слѣдовъ. И сотни лѣтъ онъ будетъ лежать такимъ же... Я сѣлъ на него и сталъ смотрѣть въ ту даль, которая когда-

Адскія вярота (уцелле рэкі Фразеръ).

то такъ манила меня... Она была все такъ же таинственна и туманна, та же лиловая дымка окутываетъ ее, такъ же мягко и любовно скользили по ней прощальные лучи солнца; но теперь я зналъ, что таитъ она; я видѣлъ далекія заморскія страны, я ходилъ по далекимъ берегамъ...

VI.

На другой день было воскресенье. Всѣ лавки, по англійскому обычаю, цѣлый день закрыты, всѣ рабочіе свободны. Тихо на улицахъ. Не слышно ни музыки, ни пѣсенъ, не слышно смѣха и шутокъ. Иногда въ раскрытыя двери церкви вырвется волна звуковъ унылаго, похожаго на похоронный гимна, и вновь станетъ тихо... Только шарканье ногъ рабочихъ, медленно разгуливающихъ, заложивъ руки въ карманы, по улицамъ, будить торжественную тишину. Десятки такихъ же рабочихъ сидятъ въ залахъ и на верандахъ дешевыхъ гостиницъ, сидятъ на тротуарахъ около гостиницъ, сидятъ, закинувъ одна на другую ноги, надвинувъ на носъ шляпы, засунувъ ненужныя сегодня руки въ карманы, и неподвижно глядятъ передъ собой. Разговоровъ не слышно, отдѣльныя фразы роняются тяжело и сонно. Изрѣдка длинный плевокъ срывается съ губъ и гулко падаетъ на полъ; кое-гдѣ медленно и методично шевелятся жующія табакъ челюсти...

Сегодня нѣтъ театровъ, нѣтъ никакихъ зрѣлищъ.

Послѣ обѣда молодежь ѣдетъ въ появившихся трамваяхъ за городъ, а болѣе пожилые устраиваютъ митинги прямо на улицахъ...

Около одного изъ такихъ митинговъ я остановился послушать.

Говорилъ невысокій худощавый шатенъ безъ шапки, съ горящими одушевленіемъ глазами, съ дрожью въ голосѣ... Мнѣ казалось, что я съ нимъ знакомъ, что я видѣлъ уже много разъ и во многихъ мѣстахъ его, этого «искателя правды»...

Онъ говорилъ на старую, избитую и въ то же время вѣчно новую тему:

«Братья рабочіе, соединяйтесь... Братья рабочіе, у насъ одинъ врагъ—капиталь...»

Его слушали внимательно, жадно ловя каждое слово. И чѣмъ потертѣе былъ пиджакъ, чѣмъ больше отвисали колѣни брюкъ, чѣмъ больше лоснились и блестяли локти и чѣмъ больше шляпа походила на старое воронье гнѣздо, тѣмъ напряженнѣе было вниманіе, тѣмъ ярче загорались глаза, когда «искатель правды» говорилъ о борьбѣ и побѣдѣ...

Ему возражали. Возражали тѣ, у кого смѣлѣе сдвинуты были брови, кто, стоя пока въ заднихъ рядахъ общества, настойчиво и упорно мечталъ и вѣрилъ, что для него приготовлено мѣсто между

Подземъ къ станци Ледникъ.

первыми, какъ одному изъ избранныхъ... Возражали и тѣ, чья мысль привыкла къ обыденному и туго мѣняетъ путь...

Каедрой «искателю» служилъ большой пустой ящикъ, который двое изъ его поклонниковъ почтительно перетаскивали, когда какой-нибудь экипажъ наѣзжалъ на толпу, и кучеръ, щелкая бичомъ и насмѣшливо щура глаза, кричалъ:

— Эй вы, реформаторы, улицу загородили!..

Полицейскіе не интересовались митингами и мирно дремали однимъ глазомъ на перекресткахъ.

Было уже темно, когда я натолкнулся на совершенно другое по характеру собраніе. Говорилъ съ высокой, подвижной, похожей на купальную, будочки человѣкъ съ густыми сѣдыми усами и бритымъ подбородкомъ. Передъ нимъ лежала толстая книга и, водя по ней жирнымъ пальцемъ, онъ выкрикивалъ страшныя слова о покаяніи, о карѣ за тяжкіе грѣхи, совершаемые нами, объ адскихъ мукахъ... Онъ говорилъ, что совѣсть наша спитъ, и мы преступно не будимъ ея; онъ говорилъ, что намъ данъ разумъ и дана святая книга и что разумомъ мы должны освѣщать каждое слово этой книги и при свѣтѣ разума понимать ее...

— А ты священникъ, что ли? — спросилъ внезапно оратора оборванный рыжеволосый человѣкъ изъ толпы: — кто уполномочилъ тебя, самозванца?.. Почему ты говоришь такъ увѣренно?..

Толпа заволновалась и сдвинулась плотнѣе. На лицахъ появились улыбки: ожидали любопытнаго зрѣлища, быть можетъ, скандала...

— Ты богохульникъ и самозванецъ...—продолжалъ рыжий человѣкъ.

Не слушая и не подымая глазъ, проповѣдникъ старался говорить, какъ будто ничего не случилось.

— ...Пошли теперь волки въ овечьей шкурѣ, прикрывающіеся святыми словами... Вѣдь ты будешь, будешь дѣлать сборъ послѣ проповѣди? будешь?..

— Отойди,—сказалъ спокойно и важно проповѣдникъ, поднимая глаза отъ книги и переводя ихъ на рыжаго человѣка:—если ты самъ не вѣришь—отойди и не мѣшай намъ вѣрить...

— Нѣтъ, я вѣрю, вѣрю, оттого и обличаю тебя, самозванца, учителя-лжеца...

— Уйди! — крикнулъ вдругъ проповѣдникъ, выпрямляясь и багровѣя.

— Не уйду... Ты раньше уйдешь...

— Я позову полицію заткнуть твой богохульный ротъ...

— Зови, зови... Не боюсь я полиціи, она не смѣетъ меня тронуть...

Кто-то изъ публики и въ самомъ дѣлѣ пригласилъ двухъ краснолицыхъ и упитанныхъ «бобби». Они неторопливо подошли и начали слушать.

Уголок Изумруднаго озера (Аметистовая гора).

— Убереите его, онъ богохульствуетъ и оскорбляетъ меня! — крикнулъ проповѣдникъ.

— Лжеучитель, самозванецъ, обманщикъ!.. Священникъ тоже!.. Кто его поставилъ священникомъ?.. Вольная семейная церковь... Много церквей теперь расплодилось...

«истор. вѣстн.», январь, 1908 г., т. сxi.

19

Мнѣ надоѣла перебранка, и я ушелъ прочь, не дождавшись конца; и издали мнѣ видно было, какъ кричали и нагибались другъ къ другу проповѣдникъ и обличитель и какъ нерѣшительно мялись на мѣстѣ бѣдные «бобби».

VII.

Я прожилъ въ Ванкуверѣ недѣлю, отдыхая отъ пароходной качки и наслаждаясь покоемъ.

Жизнь чужихъ людей катилась по привычному руслу, не задѣвая меня. Равнодушно читалъ я рассказы мѣстныхъ газетъ о подвигахъ какого-то Карла Брауна—золотоискателя, который, перепившись съ друзьями, заказалъ себѣ и имъ ванны изъ шампанскаго; такъ же равнодушно читалъ я объ атлетической борьбѣ, о моторныхъ гонкахъ, о подъемѣ на ледникъ, о колоссальномъ мошенничествѣ какого-то сенатора въ Штатахъ...

Невры, утомленные ужасами русской-японской войны, развертывавшей передъ глазами сотни потрясающихъ картинъ, просили только отдыха...

Дни я чаще всего проводилъ въ паркѣ. Осень раскрасила лиственные деревья въ пестрые цвѣта; и, мѣшаясь въ тысячахъ разнообразныхъ сочетаній съ темной зеленью хвой и нѣжнымъ изумрудомъ еще не увядшей травы, деревья эти ласкали утомленный однообразіемъ китайскихъ равнинъ глазъ. По вечерамъ, когда небо разгоралось пламенемъ, когда сыростью тянуло отъ моря, и призраки тумана начинали бродить между деревьями, и съ грустью возвращался въ свою комнату и, проходя по коридору, каждый разъ наблюдалъ одну и ту же картину: у растопленной желѣзной печи вдова-хозяйка, сидя въ низенькомъ креслѣ, внимательно разсматривала рубецъ лежавшей на ея колѣняхъ работы, и ея красное лицо съ густыми бровями пламенѣло румянцемъ; длинный и худой золотоискатель, наклонившись, разгребалъ желѣзной кочергой раскаленные угли и казался совершенно поглощеннымъ своимъ занятіемъ. Оба имѣли видъ людей, которыхъ прервали на самомъ интересномъ мѣстѣ разговора. Я думаю, что они любили другъ друга. Ей было лѣтъ сорокъ, а ему перевалило за пятьдесятъ.

Вечеромъ городъ затихалъ удивительно рано, и только «Oyster bays» и закусочныя сіяли огнями всю ночь, да изрѣдка доносились заунывное пѣнье, гулъ барабана и топотъ шаговъ отряда «арміи спасенія»...

VIII.

Богатый край Британская Колумбія, коммерческой столицей которой является въ настоящее время Ванкуверъ. Почти на всемъ пространствѣ его раскинулись чудные лѣса съ деревьями-велика-

нами, съ такими деревьями, какихъ вы не найдете у насъ въ Европѣ... Чувствуешь себя совершенно подавленнымъ, когда остановишься около могучихъ горбатыхъ корней, впившихся въ жир-

Станція Ледникъ.

ную почву, и, закинувъ назадъ голову, оглянешь вышедшаго на просторъ лѣсной поляны изъ толпы товарищей такого великана. Передъ ними, передъ ихъ тысячелѣтними тѣлами человекъ слабъ и ничтоженъ; трупа одного изъ нихъ достаточно, чтобы построить цѣлый десятокъ небольшихъ домовъ, длиннаго товарнаго поѣзда

19*

не хватаетъ, чтобы уложить такой трупъ... Кажется, нѣтъ силы, которая могла бы ихъ свалить; и, однако, жалкій и слабый человекъ валитъ ихъ сотнями и, расчленивъ и растерзавъ, нагружаетъ досками и бревнами корабли и посылаетъ ихъ далеко отъ родныхъ береговъ—въ Китай, Японію и даже въ нашу Сибирь, у которой, казалось бы, довольно своего лѣса... Кромѣ дикихъ древесныхъ породъ, въ Колумбіи отлично уживаются и всѣ европейскія культурныя породы, и колумбійцы имѣютъ и свои персики, и свой виноградъ, и груши, и яблоки, и апельсины. Все здѣсь крупно, сильно и плодовито, подъ стать крупнымъ и здоровымъ людямъ.

Минералами Богъ тоже не обидѣлъ Колумбію, хотя до сихъ поръ, за недостаткомъ рабочихъ рукъ и высокими цѣнами на нихъ, добываются только золото—розсыпное и жильное—да уголь. Пушнина, четвероногая и пернатая дичь кишатъ въ лѣсахъ и горахъ; форель и лососина, или—по-сибирски—кета, ловятся въ безчисленномъ количествѣ въ рѣкахъ Колумбіи, особливо послѣдняя, то-есть лососина, которую здѣсь въ вареномъ видѣ пакують въ жестянки и разсылаютъ во всѣ концы свѣта.

Населеніе быстро растетъ, проводятся дороги, застраиваются города, раскидывается цѣлая сѣть хуторовъ.

Борьба съ природой и нажива, къ сожалѣнью, пока поглощаютъ все вниманіе мѣстныхъ жителей и, какъ во всѣхъ молодыхъ странахъ, духовная сторона ихъ стоитъ невысоко, особенно искусство, судя по тому, что мнѣ пришлось читать въ мѣстныхъ журналахъ, видѣть и слышать въ музеяхъ и общественныхъ собраніяхъ.

Канада когда-то была французской колоніей. Теперь же французская рѣчь, французская книга здѣсь въ рѣдкость, и за все мое пребываніе въ Ванкуверѣ я ни разу и нигдѣ не слышалъ французскаго слова, да и дальше по Канадѣ оно являлось только исключеніемъ. Почти безъ борьбы, подавленные болѣе предприимчивымъ и энергичнымъ духомъ англо-саксовъ, французы ушли въ деревни, на хутора, сохранивъ старые патріархальные обычаи и, что было бы особенно дорого на ихъ старой родинѣ, любовь къ большимъ семействамъ. Десятки здоровыхъ краснощекихъ ребятъ вовсе не является рѣдкостью во французско-канадской семьѣ.

IX.

Поѣздъ уходилъ вечеромъ, уходилъ, — что нерѣдко въ Америкѣ, — съ опозданіемъ и былъ такъ набитъ, что, несмотря на всѣ мои старанія, я не могъ устроиться сколько-нибудь сносно. У меня былъ, на мое несчастье, билетъ перваго класса, а первый классъ въ Америкѣ отвратителенъ. Если не считать преимуще-

ствомъ мягкихъ, обитыхъ плюшемъ или бархатомъ сидѣній довольно сомнительной чистоты, онъ во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ нашему третьему классу, давая гораздо меньше мѣста каж-

Главная улица въ Виннипегѣ.

дому пассажиру. Никакихъ перегородокъ; справа и слѣва отъ прохода два ряда узенькихъ двухмѣстныхъ диванчиковъ, какъ въ школь или протестантской церкви,—ни сѣсть, какъ слѣдуетъ, ни, тѣмъ болѣе, лечь нельзя, какъ бы мало ни было пассажировъ;

некуда даже протянуть ногъ и ихъ все время приходится держать подкорченными. Побившись безплодно съ часъ, я отбросилъ въ сторону всякую гордость и перебрался въ третій или въ «колонистскій» классъ. Тутъ хоть по крайней мѣрѣ можно было лечь и вытянуться въ своеобразныхъ двухспальныхъ койкахъ, похожихъ на широкія корыта.

Нужно оговориться. И въ Америкѣ вы можете устроиться сравнительно сносно въ спальныхъ вагонахъ и въ вагонахъ-гостиныхъ; но за все это должна быть внесена отдѣльная плата, которая непомѣрно удорожаетъ и безъ того очень дорогой тарифъ, дѣлая этотъ способъ передвиженія доступнымъ только для людей состоятельныхъ.

Пока я возился и перетаскивалъ съ мѣста на мѣсто свои вещи, стемнѣло, и мы успѣли промчаться вдоль узкаго морского залива, врѣзавшагося острымъ языкомъ въ массивъ Скалистыхъ горъ, и поѣздъ бѣжалъ теперь вдоль рѣки Фразеръ, въ водахъ которой водится множество лососины, а дно покрыто золотоноснымъ пескомъ. Рѣка сдавлена высокими пустынными горами. Нигдѣ ни огонька. Луна поднялась въ холодномъ небѣ, и свѣтъ ея дробится и прыгаетъ въ быстрыхъ струяхъ рѣки. Становится прохладно. Крутятся и вертятся, поѣздъ ползетъ вверхъ по ущелью, то попадая въ черную тѣнь, то лова на свои бока прозрачныя скользящія лучи мѣсяца. Тихо и пустынно на рѣдкихъ станціяхъ. Голоса гулко звенятъ въ прохладномъ воздухѣ, и горное эхо радостно подхватываетъ и повторяетъ свистки...

Кругомъ ѣдятъ. Ёдятъ медленно и сосредоточенно, по-крестьянски, толсто намазывая масло на хлѣбъ и съ громкимъ трескомъ раскусывая хрустящія корки. Вагонъ заполненъ фермерами. Въ одномъ изъ угловъ четыре здоровенныхъ парня, неизмѣнно жующихъ табакъ, зажгли тонкую стеариновую свѣчку и при ея прыгающемъ свѣтѣ играютъ въ карты, хлопая ладонями по ногѣ сосѣда, бросая крѣпкія и тяжелыя, пахнуція трудовымъ потомъ и мозолистыми руками, шутки. Отъ времени до времени изъ-подъ сидѣнія появляется таинственная бутылочка и такъ же незамѣтно и таинственно исчезаетъ, обойдя веселую компанію. Ея вліяніе начинаетъ сказываться. Крикливѣе становятся голоса, развязнѣе шутки, ярче пылаютъ красныя щеки, и въ глаза словно переливается веселое пламя свѣчи. Солидные отцы семействъ укоризненно свѣшиваютъ головы съ верхнихъ полокъ и слѣдятъ сердитымъ взглядомъ за шумливой компаніей, но никто не рѣшается задѣть «теплыхъ» ребятъ...

Подъ стукъ поѣзда я засыпаю, и долго еще слышатся мнѣ сквозь сонъ тяжелыя шутки и заразительный раскатистый смѣхъ хриплыхъ голосовъ...

X.

Погода положительно покровительствуетъ мнѣ: утро наступаетъ ясное и солнечное; только отдѣльныя легкія облачка переползаютъ со скалы на скалу, словно прилипая своимъ нѣжнымъ легкимъ тѣломъ къ ихъ изломамъ; густыя синія тѣни ложатся мѣстами въ долины, красиво противопоставаясь розовымъ выступамъ голаго камня и мягкой зелени лѣсистыхъ скатовъ. Поѣздъ то и дѣло вскакиваетъ въ туннели и подъ навѣсы, устроенные изъ толстыхъ бревенъ въ огражденіе отъ снѣжныхъ обваловъ.

Въ вагонахъ жарко; топятъ ихъ безъ всякаго милосердія. На площадкахъ стоять невозможно, такъ какъ положительно засыпаетъ углемъ и копотью.

Путь попрежнему проложенъ вдоль рѣки, изумрудно-зеленой на солнцѣ и переходящей въ оливковый цвѣтъ тамъ, гдѣ, на мгновеніе прекративъ бѣшеную пляску по камнямъ, она застыла маленькимъ озеркомъ и на нее упала угловатая тѣнь утеса. То тамъ, то здѣсь, въ глубокихъ щеляхъ сверкаютъ нити и ленты серебристыхъ водопадовъ. Изрѣдка видно между разступившимися горами свѣтло-блестящее озеро, отливающее тѣмъ же изумрудомъ чистыхъ горныхъ водъ. Воздухъ все свѣжѣе. Снѣга опускаются все ближе къ намъ, или, вѣрнѣе, мы все ближе подбираемся къ снѣгамъ. Меньше травы, цвѣтовъ не видно. Сѣрые и зеленоватые лишай и мхи плотно прилипаютъ къ обвѣтреннымъ камнямъ.

Кинешь взглядъ, — ни жилья, ни дымка, ни слѣда человѣка. Темнозеленой щетиной подымаются по пологимъ скатамъ лѣса; холодно и страшно. Обрываясь по мѣстамъ отвѣсными стѣнами, вырѣзаются обнаженные утесы. Кажется, что кругомъ все умерло: ни птицы, ни звѣря, ни человѣка... Но звѣри и птицы только притаились въ чащѣ по безчисленнымъ ущельямъ и балкамъ; а человѣкъ, упорно пробиваясь шагъ за шагомъ впередъ, охватилъ сѣтью становъ и поселковъ весь хребетъ, промывая золото, ловя рыбу, выслѣживая и убивая дичь и пушнаго звѣря...

Станціи рѣдки и пустычны. Люди, живущіе въ этихъ дебряхъ, малообщительны и держатся подальше отъ шумныхъ поѣздовъ; и всѣ лица, попадающіяся на глаза, носятъ печать спокойныхъ и неспѣшныхъ думъ, навѣваемыхъ величавой тишиною горъ.

Поѣздъ приближается къ станціи «Ледникъ». Туннели, зигзаги, петли, воздушные пути, перекинутые вмѣсто насыпи на многосажженныхъ деревянныхъ помостахъ черезъ ущелья... Сѣтъ бревенъ и балокъ издали кажется затѣливой игрушкой; игрушечными кажутся и паровозъ и вагоны поѣзда, ползущаго впереди насъ. Клубы бѣлаго пара — блестящіе и легкіе — срываются, какъ пушинки, и летятъ къ облакамъ, и, не долетѣвъ, таютъ и расходятся безъ слѣда въ прозрачномъ воздухѣ.

Нѣсколько разъ мы пересѣкали уже пройденный путь. Два паровоза, тяжело ухая и вызывая по ущельямъ безчисленные отклики, съ трудомъ тащатъ поѣздъ.

Снѣга подошли къ самому полотну и рассыпались голубоватой блестящей тканью подъ лучами яркаго солнца. Столько свѣта, столько людей, что ждешь, что снѣгъ вотъ-вотъ растаетъ, растеется тысячами сверкающихъ живыхъ ручьевъ, и они побѣгутъ внизъ, въ зеленыя долины, сливаясь въ шумные потоки, прыгая бѣлыми громадами пѣны съ обрывистыхъ скалъ... Но такъ кажется, только пока глядишь въ окно жарко нагрѣннаго вагона; а выйдешь на площадку — и лицо мгновенно застываетъ отъ жестокаго колючаго вѣтра, и дыханье густою бѣлой струей срывается съ губъ и летитъ прочь...

Наконецъ мы пересѣкаемъ тринадцатый и послѣдній разъ Иллейсайльвитскую долину.

Ледникъ... Въ этомъ словѣ есть что-то холодное и жуткое, заманчивое, какъ легенда, таинственное, какъ послѣдній отблескъ гаснущей зари.

Но американцы, особенно же канадцы, прозаичны и первымъ дѣломъ бѣгутъ толпою въ теплый буфетъ, и я уже слышу ихъ возгласы въ открытыхъ дверяхъ:

— Виски, два сандвича, чашку кофе!..

Мнѣ вспоминается надпись въ буфетѣ одной изъ маленькаихъ станцій, замѣченная мною еще въ прошлый мой поѣздъ:

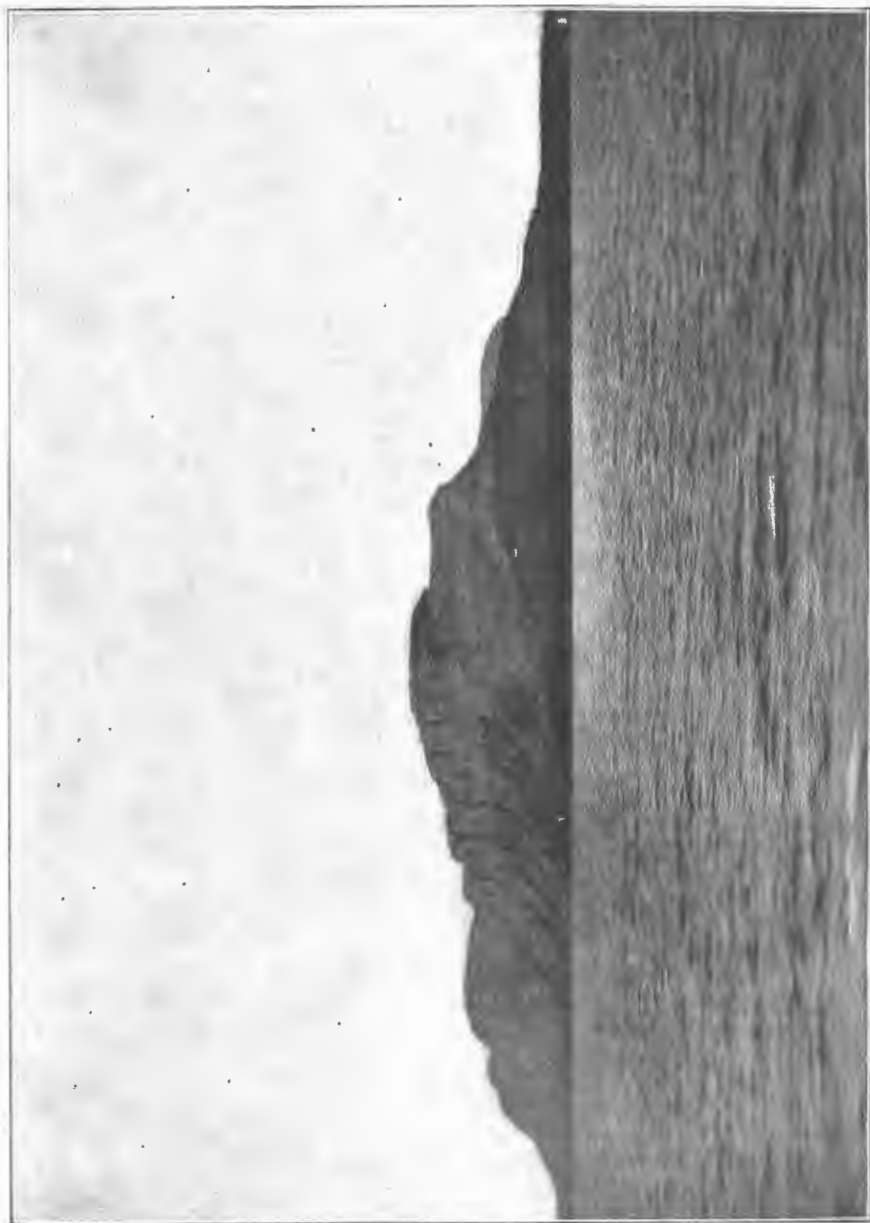
«Поѣздъ стоитъ здѣсь двѣ минуты.
Двѣ минуты — огромное время,
Если употребить каждую секунду!
Торопитесь!»

И, глядя на бѣгущихъ толпою краснолицыхъ янки и канадцевъ, я мысленно считаю, сколько сандвичей и рюмокъ виски успеютъ сжевать и проглотить ихъ крѣпкіе мускулистые рты.

Только двѣ пожилыя дѣвицы — одна въ красной шапочкѣ и зеленоватой шали, другая въ красной кофтѣ въ обтяжку и зеленой шапочкѣ — быстро прогуливаются, взявшись подъ руку, по платформѣ; скорѣе даже и не прогуливаются, а несутся взадъ и впередъ, размахивая концами короткихъ юбокъ и твердо, какъ солдаты, ставя ноги: разъ - два... разъ - два...

Я подымаюсь по скрипучей трясущейся лѣстницѣ на башенку.

Глазамъ моимъ открывается пустынный, мертвенно-холодный, нестерпимо блестящій на солнцѣ и синеватый въ тѣни ледникъ. Надъ нимъ, врѣзавшись темною тѣнью въ блѣдное небо, виситъ пирамида сэра Дональда — одинъ изъ высочайшихъ пиковъ канадскихъ Скалистыхъ горъ. Онъ такъ крутъ, этотъ пикъ, что снѣгъ и ледъ не задерживаются на его бокахъ, и онъ стоитъ сѣ-

«Скала грома» на Верхнемъ озерѣ.

рый и обнаженный лѣто и зиму, глядя на меньшихъ братьевъ, разсыпавшихся по хребту. Тихо, словно всѣ звуки остались тамъ, далеко внизу, у подножія горъ. Сюда должны итти тѣ, кого измучила суетливая жизнь большихъ городовъ, тѣ, у кого нервы натянуты, какъ струны, готовые оборваться...

XI.

Второй паровозъ отцѣплень.

Поѣздъ торопливо бѣжитъ внизъ, убѣгая отъ холодныхъ призраковъ смерти.

Тридцать лѣтъ тому назадъ первый разъ пропла здѣсь человѣческая нога, тревожно нащупывая каждый камень, боязливо дѣлая каждый новый шагъ...

Тонкой струйкой пробилась съ тѣхъ поръ жизнь въ царство смерти, и нѣсколько разъ въ день струйка эта пульсируетъ, пропуская поѣзда то въ одну, то въ другую сторону.

Рѣка вьется по дну лѣсистаго ущелья, вершины горъ залиты золотомъ лучей заходящаго солнца. Какъ паруса, надулись и летятъ на холодный сѣверъ вѣстники юга — облака.

Наступаетъ ночь, темная, облачная ночь. Потеплѣло. Радостно ухая и свистя, мчится поѣздъ внизъ, словно спѣша выбраться изъ горныхъ тѣсинъ на широкій просторъ прерій.

Горы спятъ, закутавшись во влажныя и широкія ткани тумановъ. Спятъ озера, отразивъ мракъ неба и горъ, спятъ станціи, спятъ лѣса, спятъ поля...

Поѣздъ летитъ; и, стоя на площадкѣ, я подставляю лицо свое вольному вѣтру стени, сухому и бодрящему, поднявшемуся по ущелью.

XII.

Равнина... Безконечная, пустынная, однообразная...

Блѣдное, зеленовато-голубое, желтѣющее къ краямъ небо, зеленовато-желтая степь, сжатые поля, кое-гдѣ одинокія фермы, отдѣленные десятками миль, наскоро сбитые городки, ютящіеся вокругъ станцій, пестрыя вывѣски гостиниць, сонно-сучныя лица людей... Скучно и тоскливо...

Земля здѣсь богатая. Пшеница родится крупная и полнолѣсная, крупенъ скоть, крупны и люди — неповоротливые, тяжелые, краснолицыя люди.

Попадаются лѣса — совсѣмъ сибирская тайга. Блѣютъ березки, озерами темнѣетъ хмурая зелень хвойныхъ. Много лѣсу погорѣло. Мѣстами на десятки миль тянутся темныя пожарища.

Пассажиры ѣдятъ. Ёдятъ раннимъ утромъ, наскоро оплескавшись холодной водой, ѣдятъ въ десять часовъ. Ёдятъ въ двѣнадцать, ѣдятъ въ часть, въ два и три, ѣдятъ цѣлый день. Когда ни оглянешься — въ какомъ-нибудь углу виденъ жующій ротъ. Время тянется медленно, глаза слипаются...

XIII.

Раннимъ утромъ поѣздъ приходитъ въ Виннипегъ. Здѣсь пассажиры должны выйти изъ поѣзда, и вагоны подвергаются основательной чисткѣ.

Я измученъ спаньемъ на голыхъ доскахъ, созерцаю жующихъ ртовъ и красныхъ сытыхъ физиономій. Мнѣ хочется отдохнуть.

Виннипегъ—главный городъ средней Канады съ населеніемъ въ восемьдесятъ пять тысячъ, основанный еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, что по здѣшнимъ мѣстамъ считается возрастомъ уже не малымъ. Въ Виннипегѣ сосредоточивается почти вся торговля богатаго землевладѣльческаго округа Манитобы; изъ Виннипега свѣжіе «зеленые» эмигранты расползаются на новыя, не тронутыя плугомъ, земли, въ Виннипегѣ скрещивается цѣлый узелъ вѣтвей канадско-тихоокеанской дороги.

Воскресеніе.

Колокола церквей наполняютъ гармоничнымъ звономъ холодный, острый воздухъ. Улицы пустыни. Лавки закрыты.

Несмотря на свой почтенный возрастъ, Виннипегъ, какъ и Ванкуверъ, какъ и всѣ вообще американскіе города, имѣетъ видъ только что строящагося: масса начатыхъ постройкой домовъ, пустыя мѣста, улицы, кончающіяся внезапно въ чистомъ полѣ...

Я складываю свои вещи въ маленькой мебелированной комнатѣ у вокзала. Хозяинъ полицменъ спитъ послѣ ночного дежурства, хозяйка укачиваетъ грудного ребенка и поминутно кричитъ на остальныхъ.

Я снова выхожу на улицу, покупаю чуднаго, привезеннаго изъ Калифорніи винограда и иду, куда глаза глядятъ.

Народъ уже выходитъ изъ церкви. Первый разъ въ Канадѣ я слышу французскую рѣчь. Говорятъ старушка и молодая дѣвушка — обѣ розовыя, обѣ съ голубыми глазами; онѣ медленно идутъ и теряются въ толпѣ крѣпкихъ и плечистыхъ канадцевъ: мнѣ становится грустно, и я ускоряю шагъ, чтобы догнать ихъ и услышать еще разъ въ морѣ англо-саксонскихъ воющихъ звуковъ, самоувѣренныхъ и грубыхъ, наивный галльскій говоръ, похожій на быстрое щебетанье хлопотливыхъ ласточекъ.

Кое-гдѣ по улицамъ высятся девяти-и десятиэтажныя громады новыхъ домовъ — мода, занесенная сюда изъ Нью-Йорка и Чикаго.

Попадаютъ русскія вывѣски. Здѣсь много русскихъ и руссиновъ; недалеко отъ Виннипега живутъ и переселившіеся съ Кавказа духоборы, странное и «соблазнительное» поведеніе которыхъ заставляетъ постоянно говорить о себѣ всю канадскую прессу. И сейчасъ столбцы газетъ пестрятъ отчетами о послѣднемъ походѣ — исканіи духоборовъ, отринувшихъ всѣ формы и обычаи міра, въ которомъ они живутъ, и съ горячею вѣрою отправившихся на поиски истинной жизни. Власти канадскія однако не выказали этому движенію особеннаго сочувствія и отнесли къ «взыскующимъ» довольно сурово; большое число ихъ было задержано и подвергнуто испытанію умственныхъ способностей. Газеты полны статьями за и противъ, статьями, то требующими, чтобы духоборамъ дана была полная свобода исповѣдывать вѣру, какую и какъ они хотятъ, то, напротивъ, доказывающими, что хотя каждый и имѣетъ право сходить съ ума по-своему, но оставшіеся въ здоровыхъ имѣютъ еще большее право ограждать себя всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами отъ больныхъ.

Уже смеркалось, когда я добрался домой и, не зажигая огня, улегся въ сырую и холодную кровать и, укутавшись потеплѣе, согрѣлся и крѣпко уснулъ. Спалъ я всего часа два, но сонъ меня освѣжилъ, и я всталъ сильный и готовый снова бродить хоть всю ночь.

Хозяинъ отправился на службу. вмѣстѣ мы вышли изъ дома и пошли по темной улицѣ.

— Будьте осторожныѣ,—сказалъ онъ мнѣ:—у насъ тутъ «горячо».

И съ этими словами онъ дотронулся до шляпы и разстался со мною.

Отовсюду летятъ звуки. Открылось множество лавчонокъ, кофеенъ и кондитерскихъ; гдѣ-то піаноло выбиваетъ частую дробь моднаго танца, захлебывающуюся безудержнымъ весельемъ дробь... Пьяный шатаясь переходитъ улицу и тянетъ безконечную гнусавую пѣсню о Мери и Чарли... Въ темномъ переулкѣ стоитъ кучка молодежи и таинственно шепчется. Кто они? Бандиты, сговаривающіеся остановить и ограбить почту, члены какого-нибудь тайно-бутафорскаго общества, какихъ такъ много въ Америкѣ, обмѣнивающіеся секретными знаками, или, просто, ночные забулдыги, уславливающіеся провести вмѣстѣ два-три веселыхъ часа у веселыхъ дѣвушекъ, съѣхавшихся сюда съ востока и запада? Наклонивъ большую косматую голову въ рваной шляпѣ, волоча ноги и упорно смотря въ землю, идетъ рабочій, и снова я задаюсь вопросомъ: что съ нимъ? Бѣдняга ли онъ, у котораго и здѣсь, въ этомъ «рабочемъ раю», бесполезно висятъ сильныя мускулистыя руки, вдовецъ ли, боящійся вернуться на свою холодную, опустѣвшую кровать, или преступникъ, мучимый пристальными глазами чудовища-совѣсти?...

Залитые свѣтомъ электрическихъ фонарей, мѣрно и ровно шагаютъ офицеры и солдаты «Арміи спасенія»; глухо въ тактъ ихъ шагамъ бьетъ барабанъ. Лица опущены, руки висятъ вдоль тѣла, глаза смотрятъ и не видятъ... На шумномъ перекресткѣ они остановились и сошлись въ кружокъ, и изъ хаоса грѣшныхъ и суетныхъ звуковъ веселящагося города вырывается тягучій и печальный нагѣвъ гимна:

«Вчера, сегодня и всегда мы припадаемъ...»

Веселый и крутящійся рвется изъ дверей кофейни модный кэкъ-уокъ, хрипло завываетъ пьяный рабочій, звонитъ, проносясь мимо, электрическій трамвай, испуганно трубитъ автомобиль, медленно и печально, какъ дымъ погасающаго кадила, плыветъ вверхъ къ темному беззвѣздному небу скорбно-тягучій гимнъ... Вышелъ «братъ» и, ударивъ себя въ грудь сжатой въ кулакъ рукой, кается въ смертельныхъ грѣхахъ, которыми, какъ сѣтью, дьяволъ опутывалъ нѣкогда его душу, но,—пробилъ часть,—и «братъ» позналъ истинный путь и приглашаетъ всѣхъ итти по его стопамъ, чтобы обрѣсти вѣчное и истинное спасеніе.

Засунувъ руки глубоко въ карманы, сдвинувъ на самый затылокъ, такъ, что удивляешься, какимъ образомъ она держится, шляпу-котелокъ, слушаетъ его юноша — типичный сынъ этой страны и, не дослушавъ, свиститъ протяжно и выразительно, словно говоря:

— Слышали, братъ... Пой себѣ...

И идетъ прочь, никому не уступая дороги, смѣло и открыто глядя впередъ своими выпуклыми сѣрыми глазами...

XIV.

Поѣздъ уходитъ вечеромъ. Я спѣшу попасть на станцію какъ можно раньше, чтобы занять хорошее мѣсто, но пассажировъ цѣлая толпа, и въ сутолкѣ и въ толкотнѣ я залѣзаю въ первый попавшійся вагонъ и сажусь на первую попавшуюся скамейку. И это у нихъ называется первый классъ! Благодарю покорно... Откуда то дуетъ. Жарко. Потъ градомъ льетъ съ лица, а тонкая и ядовитая струйка сквозняка тянетъ себѣ да тянетъ. Того и гляди флюсъ схватишь. Оставивъ свои вещи подъ охраной благообразной старушки ирландскаго типа, иду разыскивать для себя болѣе удобное мѣсто. Трудъ не изъ легкихъ. По дорогѣ все двери, двери и двери; кое-гдѣ протянутыя ноги, выставленныя на ночь изъ купэ спальныхъ вагоновъ ботинки; поѣздъ, по американской привычкѣ, все время бросается изъ стороны въ сторону, какъ утлый челнъ на бурныхъ волнахъ океана. Обезсиленный безконечными и без-

результатными странствованіями, въ конецъ изнемогшій, я рѣшаю подчиниться неизбѣжности и взять мѣсто въ спальномъ пульмановскомъ вагонѣ. Черный проводникъ хладнокровно суетъ себѣ въ карманъ три доллара, не давая мнѣ никакой расписки. Сомнѣваюсь, чтобы компанія увидѣла изъ нихъ хоть одинъ центъ. Ну, да мнѣ-то не все ли равно, лишь бы лечь, вытянуться и закрыть глаза... и съ какимъ же наслажденіемъ я это дѣлаю! Но, не успѣваю я задремать, не успѣваютъ какія-то ярко-зеленыя вѣтви съ желтыми огромными цвѣтами наклониться ко мнѣ, какъ я чувствую, что что-то начинаетъ ворочаться и кряхтѣть рядомъ со мной. Я не открываю глазъ и мнѣ кажется, что я на охотѣ, и что изъ-подъ ярко-зеленыхъ вѣтвей выходитъ прямо на меня огромный кабанъ съ налитыми кровью узенькими глазками и поднятымъ вверхъ пяточкомъ...

— Подвиньтесь же,—говоритъ мнѣ грубый и жесткій голосъ, и букетъ перегорѣлаго виски и табаку отдаетъ мнѣ въ лицо...

Я окончательно прихожу въ себя, отодвигаюсь вплотную къ стѣнкѣ и вижу, какъ рядомъ со мною укладывается жаркое и тяжелое тѣло янки съ краснымъ носомъ и не бритыми дня два мѣстами, гдѣ у другихъ народовъ вольно и пышно разрастаются усы и борода...

Нельзя сказать, чтобы я былъ польщенъ сосѣдствомъ... Но дѣлать нечего: койка двуспальная.

Ночь проходитъ въ непрерывныхъ усиліяхъ остаться цѣлымъ и невредимымъ между жаркой тушей янки и холодной скользкой стѣнкой вагона. Дышать трудно, сонъ бѣжитъ, а мысли, глупыя мысли безсонныхъ ночей надвигаются дружной толпою и мучатъ меня...

Дождавшись утра, я безъ оглядки бѣгу въ первоклассный вагонъ съ его узенькими лавочками и духотою, рѣшивъ лучше не спать до конца пути, чѣмъ спать такъ, какъ я спалъ эту послѣднюю ночь. Кстати народу поубыло и можно помѣститься не безъ удобства.

Выпалъ снѣгъ. Кругомъ все бѣло—и поля, и лѣса, и появившіеся у дороги камни.

Глядя на снѣгъ и обнаженные деревья, хочется укрыться по-теплѣе, подсѣсть поближе къ хорошему, доброму человѣку и завести долгій и спокойный разговоръ о чемъ-нибудь такомъ, что не волновало бы душу, не будило бы мысли и текло бы само-собою, цѣпляясь слово за слово, какъ течетъ рожъ изъ тонкаго желоба въ мельничный жерновъ.

И на мое счастье такой человѣкъ нашелся. Онъ сидѣлъ напротивъ меня, жевалъ табакъ и грустными голубыми глазами смотрѣлъ въ окно на бѣлый, подтаявшій мѣстами снѣгъ.

— Вы далеко ѣдете?—спросилъ я его.

— За Торонто.

Онъ переложилъ языкомъ табачную жвачку за другую щеку и самъ спросилъ меня:

— А вы далеко?

— Да. Очень далеко.

— А какъ?

— Въ Россію...

— Та-акъ... Далеко.

— Дней пятнадцать еще непрерывной ѣзды.

— Очень далеко... У васъ тамъ теперь спокойно, свободы добиваются.

— Да, война идетъ... стараго съ новымъ. Рѣка мѣняетъ свое русло...

— Такъ... Свобода хорошая вещь... Однако, человѣкъ долженъ быть прежде всего человѣкомъ. Зачѣмъ свобода, если человѣкъ плохъ?

Онъ помолчалъ, выплюнулъ жвачку и, заложивъ за щеку новую щепотку табаку, заговорилъ опять.

— У насъ вотъ и въ Штатахъ свобода есть, а люди плохи. Я вчера еще читалъ... Была въ Чикаго стачка бойцовъ на бойняхъ. Нѣкоторые примкнули къ стачкѣ, а другіе отказались... Ну, и пусть себѣ отказались. Свобода, такъ свобода каждому: хочешь направо итти—иди; хочешь налѣво итти—иди. Такъ?

— Конечно, такъ.

— Ну вотъ, и я то же говорю. А они иначе дѣлаютъ. Устроили камеру тайную и пытали въ ней несогласныхъ; гвозди подъ ногти загоняли, били. Вы думаете, я выдумываю,—вотъ вамъ номеръ газеты, на дняхъ процессъ будетъ.

Онъ подаль мнѣ аккуратно сложенный многолистный номеръ какого-то мѣстнаго «Таймса» съ отчеркнутою краснымъ карандашомъ статью.

— Вотъ вы говорите свободы,—продолжалъ онъ, хотя я ничего не говорилъ:—какая тамъ свобода! Слава одна. Все отъ людей зависитъ. Вотъ ваши «духоборы» переселились къ намъ; вѣруютъ по-своему, а у насъ ихъ въ тюрьму и сумасшедшій домъ сажать начали... Эхъ...

Онъ махнулъ рукой и замолкъ и, видимо, привычная скорбь простуила снова въ его прекрасныхъ голубыхъ глазахъ.

XV.

Съ полудня начались сумерки, съ полудня день началъ бороться съ ночью и понемногу уступать ей. Было попрежнему скучно и не хотѣлось больше говорить, и во всемъ вагонѣ сквозъ

стукъ колесъ слышались только острые шлепки табачной жвачки да изрѣдка глубокій вздохъ. Кое-кто, откинувшись въ уголь, похрапывалъ мѣрно и однообразно. Часовъ съ пяти мы съ моимъ утреннимъ собесѣдникомъ начали прилаживаться, чтобы поудобнѣе провести долгую осеннюю ночь. Наконецъ, намостивъ свои вещи между лавочками, мы скорчились дугою и затихли. Поѣздъ покачивался и понемногу туманилъ мысли...

За ночь мы добрались до горъ, окружающихъ область великихъ американскихъ озеръ.

Какъ привидѣніе, проплываетъ въ туманѣ тяжелая, срѣзанная сверху «Скала грома», за нею еще болѣе туманная раскидывается сѣрая гладь озера.

Сыплеть мелкій дождь. Не стаявшій еще снѣгъ грязенъ; клочья тумана цѣпляются за мокрыя вѣтви деревьевъ...

Осень, глубокая, утратившая всѣ надежды, бессильно опустившая руки, осень кругомъ—въ мокрыхъ лѣсахъ, въ унылыхъ, усѣянныхъ черными, скользкими камнями поляхъ, на лицахъ людей, въ сырости и холодномъ воздухѣ...

Такъ мы подходимъ къ Нортсъ-Бэй, станціи, на которой намъ нужно пересаживаться.

Поѣздъ опоздалъ, намъ приходится долго бродить по мокрой платформѣ, по унылой общей залѣ, вдоль конторъ и отдѣленій разныхъ транспортныхъ обществъ съ яркими, какъ новыя заплаты, объявленіями. Нѣсколько разъ я принимаюсь ѣсть «пай». Пай—это слоеный пирогъ, чаще всего съ яблоками; безъ фруктового пая, кажется, не обходится ни одинъ американскій обѣдъ, пай продается на всѣхъ углахъ и за пять центовъ вамъ отрѣзаютъ его огромнѣйшій кусокъ. Подъ конецъ я не могъ смотрѣть на него безъ содроганія.

XVI.

Снова занято мѣсто, уныло зазвонилъ колоколь паровоза—въ Америкѣ не даютъ свистковъ, вмѣсто нихъ на каждомъ паровозѣ имѣется заунывный колоколь—и поѣздъ трогается. Пассажиры разсаживаются и разсматриваютъ другъ друга. Въ вагонѣ сумрачно. Снаружи попрежнему мороситъ мелкій дождь и размываетъ пятна грязнаго снѣга. Капли воды сбѣгаютъ по потнымъ стекламъ. Поѣздъ пересѣкаетъ тотъ уголь, который образуется озерами Верхнимъ и Онтарио. Не веселая сторона: камни, скалы, мелкій лѣсокъ, кое-гдѣ изогнувшаяся между скалами пашня, рѣдкіе поселки. Осень и дождь соединились, чтобы сдѣлать эту страну еще мрачнѣе и неприятнѣе. Упорная тоска, тяжелая, какъ осеннія тучи, и такая же неподвижная, какъ онѣ, выглядываетъ изъ cadaго лѣска, изъ-за cadaго камня, разстилается сѣдымъ

гуманнымъ покровомъ надъ озерами, кружится и безшумно падаетъ жалкими мокрыми листьями — остатками лѣтней красоты... Но людямъ здѣсь, должно быть, хорошо живется, они не унываютъ, весело перебрасываются тяжелыми шутками и оглушительно громко смѣются... Огромные, грубые люди, люди, все желающіе потрогать своими крѣпкими узловатыми руками: прочно ли? какой доброты?..

И вдругъ звонъ цѣпей...

Тонкій, ядовитый звонъ, звонъ, отъ котораго струйки холода пробѣгаютъ по кожѣ...

Такая, какими изображаютъ колдуній, — съ горящими глазами, съ дивно-прекраснымъ лицомъ, тонкая и стройная, — стоитъ въ темномъ углу дѣвушка, похожая на ангела среди этихъ грубыхъ и тяжелыхъ людей съ красными лицами, на ангела въ цѣпяхъ, на ангела отвергнутого небомъ, съ глубокими тѣнями муки, упавшими на лицо, съ гаснущими искрами небеснаго огня въ глазахъ...

— Сумасшедшая... — шепчутъ кругомъ.

И тяжелые грубые люди оборачиваются и смотрятъ, обвиняясь улыбками, въ темный уголъ, на тонкую и хрупкую дѣвушку въ цѣпяхъ...

Противъ меня сидятъ двѣ маленькія старушки — обѣ въ черномъ, у обѣихъ красныя сморщенные лица и волосы завязаны крошечными пучками на самой макушкѣ, концы черныхъ лентъ торчатъ, какъ крылья чудовищныхъ бабочекъ. Старушки жуютъ булку, сухую булку, — онѣ, должно быть, очень бѣдны; быстро двигаются беззубыя челюсти, кожа натягивается и блеститъ на острыхъ скулахъ, и глаза, маленькіе, затаившіеся, какъ мыши, остро смотрятъ туда, въ темный уголъ, на блѣдное лицо и черные волосы дѣвушки...

— Сумасшедшая... — шепчутъ старушки и жуютъ, жуютъ, словно торопясь проглотить какъ можно больше кусковъ въ короткій остатокъ своей жизни, готовой вырваться изъ ихъ слабыхъ тѣлъ.

И я вижу, какъ куски проходятъ черезъ ихъ тонкія сухія горла, какъ судорожно напрягаются беззубыя челюсти.

— Сумасшедшая... — говоритъ рядомъ со мной плотный высокій дѣтина съ огромными руками и плоскимъ затылкомъ, и широкая улыбка расплзается по его лоснящемуся лицу, и кругомъ вспыхиваютъ отраженія этой улыбки...

Имъ весело, этимъ здоровымъ и сытымъ людямъ, весело смотрѣть на тонкую дѣвушку съ блѣднымъ лицомъ, весело слушать ея безумныя рѣчи...

Руки дѣвушки въ локтяхъ притянуты ремнями къ поясу, на ногахъ звенятъ цѣпи, цѣпью привязана она къ ножкѣ скамейки.

Она говоритъ, говоритъ безъ умолку, выкрикиваетъ слово за

словомъ, бросаетъ ихъ, — и они сталкиваются и кружатся точно въ безумной пляскѣ...

Огромныя плоскія скалы тонутъ въ туманѣ, въ туманѣ тонутъ безконечныя озера, какъ призраки съ черными руками, встаютъ изъ тумана тѣни обнаженныхъ деревьевъ...

Дѣвушка закидываетъ назадъ голову и подымаетъ руку, — пальцы сложены, какъ для благословенія, — и говорить... Искры огня разгораются въ ея глазахъ все ярче...

Страшно смотрѣть на нее, страшно за свою мысль. И трудно оторвать взглядъ отъ ея прекрасныхъ глазъ, отъ ея губъ, бросающихъ ужасныя, безсмысленныя слова...

— Не безумцы ли были и пророки?

Глаза ея закатились. Одни бѣлки сверкаютъ, бѣлые и яркіе. Что видитъ она? свѣтлыя райскія кущи или темную пасть ада?

— Уходи, иди прочь... Иди отъ меня!..

Кому кричитъ она? кого она видитъ? кто сталъ передъ нею и заслонилъ наши лица и одежды?

У-у... у-у... гудитъ паровозъ, и безумная радостно откликается и вторитъ ему.

Она раскачивается, и черныя змѣи волосъ летаютъ и вьются вокругъ ея лица...

— Иди, иди ко мнѣ...

Она смотритъ на меня, она манитъ меня пальцемъ и улыбается. И слезы сами собой навертываются мнѣ на глаза...

— Иди, иди...

Мукой и страстью звучитъ ея голосъ.

Быть можетъ, это самое горячее, самое искреннее чувство, какое только было обращено ко мнѣ во всю мою жизнь... Но ко мнѣ ли оно обращено?.. Мнѣ страшно... Въ эти огромныя жгучіе глаза можно влюбиться. Они влекутъ, какъ бездна...

А цѣпи звенятъ...

День тянется. Мелькаютъ за окнами плоскія скалы и тѣни деревьевъ; прыгаютъ подъ мостами мутныя рѣчки и ручьи, выглядываютъ на мгновение между тучами клочья блѣдно-голубого холоднаго неба, и снова мороситъ дождь...

Безумная стоитъ и раскачивается...

Она отталкиваетъ отъ себя пищу, она, какъ звѣрь, скалитъ зубы, когда ей оправляютъ волосы и одежду.

Ее везутъ въ лечебницу въ Торонто, везутъ чужіе, равнодушныя люди, мужчина и женщина.

— Отчего она заболѣла? — спрашиваю я мужчину.

— Обыкновенное дѣло, — говоритъ онъ безучастно и спокойнымъ голосомъ; онъ много видѣлъ такихъ: — влюбилась, ее обманули... Это часто бываетъ.

Темнѣетъ въ вагонѣ, зажигаютъ огонь.

Дѣвушка кричитъ теперь, какъ голодная галка, широко раскрывая ротъ и показывая свои бѣлые, ровные зубы... Она бьется ровно и однообразно затылкомъ о жесткую спинку дивана, она вытягивается, какъ струна, закативъ глаза, выпрямивъ руки, едва опираясь ногами и головой, и застываетъ... И кричитъ... Ни на мгновенье не смолкаетъ этотъ крикъ голодной галки, отъ котораго мурашки бѣгаютъ по тѣлу...

XVII.

Поѣздъ снова запоздалъ. Странно, американцы народъ дѣловой, но за весь мой путь черезъ Америку ни разу ни одинъ поѣздъ не вышелъ и не пришелъ въ срокъ. Или ужъ это моя собственная горькая судьба виновата? Не знаю. Впрочемъ, мѣстные люди говорили мнѣ, что запаздываніе поѣздовъ и нарушеніе ими расписаній являются въ Америкѣ скорѣе правиломъ, чѣмъ исключеніемъ. Уже совсѣмъ темно. Дождь не проходитъ. Къ моему счастью, пересадки въ Торонто нѣтъ, и, несмотря на соблазнъ посмотрѣть городъ съ населеніемъ, достигающимъ до трехсотъ тысячъ, посмотрѣть многочисленные его фабрики и заводы, посмотрѣть десятки его просвѣтительныхъ учреждений, я остаюсь въ вагонѣ и рѣшаю продолжать свой путь до Ніагары.

Сумасшедшую выводятъ изъ вагона. Она бьется и кричитъ, и цѣпи ея звенятъ...

Поѣздъ стоитъ долго. Слышно, какъ шумитъ дождь по желѣзной крышѣ и тонкія струйки воды сбѣгаютъ по жолобамъ и сливаются съ лужами. Кажется, что давно уже наступила ночь, кажется, что конца ей не будетъ, и съ этимъ уже помирились всѣ и уныло бродятъ по платформѣ, перебрасываясь сквозь зубы тягучими фразами. Звонятъ колокола паровозовъ, гдѣ-то, на телеграфѣ, должно быть, трещитъ электрическій звонокъ... Кондукторъ зѣваетъ во весь ротъ, сладко, широко зѣваетъ...

— Скоро ли пойдемъ?—спрашиваю я его.

— Да... черезъ нѣсколько времени, — отвѣчаетъ онъ и снова зѣваетъ еще слаще и шире...

И мнѣ зѣвать захотѣлось, и старушки зѣвнули...

Внезапно въ дверяхъ пассажирской залы послышались шумные голоса, смѣхъ, звонкій женскій смѣхъ, и, сверкая брильянтами, звеня браслетами, снѣжнымъ потокомъ высыпала на платформу толпа дѣвушекъ и женщинъ. Какъ черти среди ангеловъ, чернѣютъ мужчины. Цвѣты, улыбки и снова цвѣты.

— Это что такое?—спрашиваю я кондуктора.

А онъ уже оживился, сонъ его какъ рукой сняло.

— Новобрачные, развѣ не видите?..

Веселѣе горять фонари, свѣтлѣе становится на платформѣ; за смѣхомъ и радостными рѣчами не слышно шума дождя.

Молодые садятся въ нашъ вагонъ. Она недурна: свѣженькое личико, стройная фигура, быстрые глаза, онъ молодъ, но сухъ, какъ толковый словарь, и когда, раскланиваясь, онъ приподымаетъ цилиндръ, черепъ его блеститъ, отражая свѣтъ электрическихъ лампочекъ.

Поѣздъ трогается. Провожающіе молодыхъ тѣснятся у окна, посылаютъ имъ воздушные поцѣлуи, бросаютъ цвѣты... Они стоятъ и улыбаются...

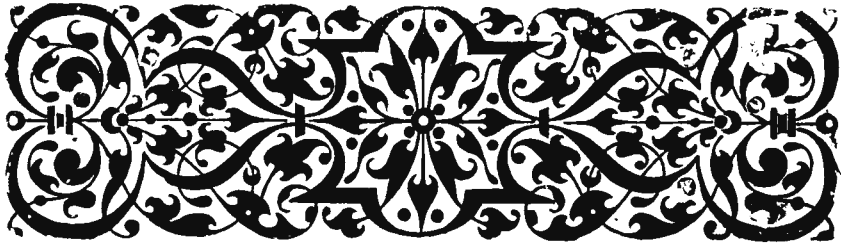
Уходитъ назадъ платформа, уходитъ городъ съ призрачно-блѣдными въ туманѣ огнями. Черная ночь смотритъ въ раскрытыя окна. Молодой подымаетъ стекло, снимаетъ цилиндръ и заворачиваетъ его въ тонкій шелковый платокъ, долго и аккуратно заворачиваетъ... Потомъ наклоняется къ женѣ... Скучно, должно быть, будутъ они жить...

Н. Д. Федоровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Великій князь Николай Михайловичъ. Московскій Некрополь.
Томъ первый. (А—І). Спб. 1907.**

БЫСЛЬ объ изданіи «Московского Некрополя» принадлежит великому князю Николаю Михайловичу, а выполнение ея было поручено автору «Петербургскаго Некрополя» В. П. Саитову, въ свою очередь половинную долю всей работы возложившему на Б. Л. Модзалевскаго. Составители въ концѣ своего предисловія приносятъ благодарность за доставленіе надгробій цѣлому ряду лицъ. Такимъ образомъ, трудъ составленія «Московского Некрополя» рассчитаннаго на три тома, производился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и при участіи нѣсколькихъ специалистовъ, причемъ не обошлось и безъ вмѣшательства покойнаго оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева и московской духовной консисторіи, чтобы сломить косность и невѣжество нѣкоторыхъ представителей московскаго чернаго духовенства.

«Московскій Некрополь», — читаемъ въ предисловіи, — представляетъ собою справочный историческій указатель лицъ, жившихъ въ XIV—XX столѣтіяхъ и погребенныхъ въ Москвѣ. Составленный преимущественно на основаніи уцѣлѣвшихъ надгробныхъ надписей, онъ даетъ сухой, но цѣнный по своей точности біографическій, хронологическій и генеалогическій матеріалъ, пригодный для историческихъ изслѣдованій. Въ «Некрополь» включены лица съ самымъ разнообразнымъ общественнымъ положеніемъ и значеніемъ» (V стр.).

Многія надписи заимствованы и изъ печатныхъ источниковъ, и во многихъ случаяхъ ихъ сообщенія пополняются изъ историческихъ и генеалогич-

ческихъ изслѣдованій. Составители привели въ своемъ предисловіи пространный списокъ использованныхъ ими «изслѣдованій» и «описаній», оговариваясь, впрочемъ, что онъ, «какъ результатъ случайнаго, а не систематическаго просмотра книгъ названной категоріи, хотя и не исчерпываетъ всей литературы предмета, но все же даетъ нѣкоторыя полезныя указанія по данному вопросу, почему здѣсь и приводится» (стр. XXII).

Безспорно, «Московскій Некрополь» давно желанная и весьма цѣнная работа для историковъ и генеалоговъ; но намъ казалось бы, что при наличности столь благоприятныхъ условий, благодаря участію августѣйшаго издателя, великаго князя Николая Михайловича, эту работу можно было бы расширить и тѣмъ сдѣлать ее документальнымъ и цѣннѣйшимъ источникомъ. Самъ августѣйшій издатель говоритъ въ своемъ предисловіи, что онъ «часто останавливался на мысли издать современемъ «Некрополь Москвы и Петербурга», т. е. собрать по возможности всѣ еще уцѣлѣвшія надгробныя надписи, а также и новыя, и напечатать ихъ наряду съ тѣми свѣдѣніями о погребенныхъ, которыя можно извлечь изъ соотвѣтствующей литературы». Эти-то послѣднія, подчеркнутыя нами, слова, и даютъ намъ возможность предъявить къ разсматриваемому изданію болѣе широкія желанія.

Сохраняя въ точности всѣ надгробія, даже въ ихъ орфографіи, по нашему мнѣнію, ограничиваться только ихъ приведеніемъ—нельзя; въ очень и очень многихъ случаяхъ они требуютъ пополненій, поясненій и даже исправленій. Часто надгробія ищутся спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того или другого лица, и въ этомъ случаѣ сообщеніе: «умеръ столькихъ-то лѣтъ», особенно при крупныхъ цифрахъ, даваемыхъ по памяти даже очень близкими людьми покойнаго, является нерѣдко ошибочнымъ. Нечего говорить о томъ, какъ малоцѣнны и неопредѣленны многія краткія надгробія, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: «Воронцова, Екатерина Михайлова † 11 февраля 1871 г.» (стр. 235). Что это за фамилія Елизаветы Михайловны, урожденная или по мужу, надпись не говоритъ. Затѣмъ, вѣдь, крайне рѣдки надгробія, въ которыхъ при имени жены сообщалась бы и ея урожденная фамилія. А испорченныя надписи требуютъ безусловной провѣрки и возможнаго возстановленія. Все это, на нашъ взглядъ, не должно было бы исключать при такого рода работѣ ознакомленія съ метрическими выписями мѣстныхъ церквей: онъ — наиболѣе вѣрный въ этомъ случаѣ источникъ. Вслѣдъ за этимъ ознакомленіемъ нельзя, конечно, оставить безъ пополненія надгробную надпись и по имѣющемуся печатному пособию.

При нашемъ бѣгломъ сравнительно обзорѣ содержанія «Московскаго Некрополя» и при незначительности мѣста, отводимаго для журнальной замѣтки, мы позволимъ себѣ указать только на нѣкоторыя мѣста, требующія пополненія и исправленія. На стр. 229 «Некрополя» читаемъ: «Волконскій, князь Иванъ Васильевичъ; безъ дачъ (Новодѣвичій монастырь)». Если теперь обратимся къ книгѣ «Родъ князей Волконскихъ» (Спб. 1900 г.) и недавно вышедшему труду Г. А. Власьева «Потомство Рюрика», ч. III, то видимъ, что этотъ неизвѣстный князь Иванъ Васильевичъ Волконскій—не кто иной, какъ рогмястръ князь И. В. Волконскій, отличившійся въ 1831 г. при взятіи Вар-

шавы, рожденный 2 января 1806 г. въ Москвѣ, умершій 5 февраля 1853 г. и погребенный въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Названныя два пособія даютъ, затѣмъ, возможность указать и на неупоминаніе въ «Некрополѣ» Маріи Михайловны, супруги князя Михаила Петровича Волконскаго, умершей 31 августа 1786 года и погребенной въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; княжны Маріи Дмитріевны (1793 — 1859), погребенной въ томъ же монастырѣ; князя Владимира (Прокопія) Михайловича Волконскаго (род. 1761 г.; ум. 17 июня 1845 г.), погребеннаго тамъ же... Не упомянуты далѣе: княжна Александра Алексѣевна Горчакова (род. 1767, февр. 16; ум. 1830, февр. 1. Надгробіе Донскаго монастыря. — «Потомство Рюрика», г. Власева. Т. I, ч. I. Сиб. 1906); князь Сергій Дмитріевичъ Горчаковъ, погребенный въ 1873 г. въ Андроніевскомъ московскомъ монастырѣ (ib., стр. 473); княгиня Марія Петровна, супруга князя Александра Алексѣевича Долгорукова, умершая 10 сентября 1779 г. и погребенная въ Донскомъ монастырѣ (см. Долгоруковъ, «Росс. род. кн.». Т. I, 92); княжна Анна Владимировна Долгорукова (род. 1728 г., ум. 16 сент. 1786 г.), погребенная въ Донскомъ монастырѣ, хотя ее мы и находимъ подъ «Измайловой», но изъ надгробія не видно, что она урожденная; княжна Марія Ивановна Долгорукова, умершая 8 февраля 1781 г. и погребенная въ Донскомъ монастырѣ (была замужемъ за Иваномъ Михайловичемъ Нарышкинымъ); княгиня Софья Никаноровна, супруга князя Дмитрія Ивановича Долгорукова, умершая 5 января 1902 г. и погребенная въ Донскомъ монастырѣ, и др. При извѣстныхъ дворянскихъ фамиліяхъ и особливо титулованныхъ небезынтересно бы знать, что такая-то княгиня или «бригадирша» была женой такого-то, а этого сплошь и рядомъ не сообщается.

Быть можетъ, наши замѣчанія, касающіяся только трехъ фамилій, хотя они имѣютъ примѣненіе и по отношенію къ другимъ фамиліямъ, покажутся немного чрезмѣрными и якобы превышающими рамки предпринятаго изданія, но мы позволили себѣ высказать ихъ потому, что, стоя близко къ генеалогическимъ разслѣдованіямъ, мы болѣе другихъ чувствуемъ и испытываемъ бѣдность нашей генеалогической литературы, ея неустановленность, а потому не можемъ не пожелать, чтобы подобнаго рода капитальныя изданія давали возможно больше отвѣтовъ на предъявляемые къ нимъ запросы, чтобы они, дѣйствительно, служили для генеалоговъ и историковъ вполне точнымъ и полнымъ источникомъ.

В. Рудаковъ.

Б. Б. Глинскій. Борьба за конституцію (1612—1861 гг.). Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908.

Указанная книга въ основныхъ своихъ чертахъ уже извѣстна читателямъ «Историческаго Вѣстника»: она составлена изъ ряда очерковъ, печатавшихся на страницахъ этого журнала за 1905—1907 гг. подъ заглавіемъ: «Годы смуты и борьбы», «Борьба за конституцію», «Очерки революціоннаго движенія въ Россіи. Наканунѣ реформы». Здѣсь всѣ эти очерки являются

въ значительно дополненномъ новыми матеріалами и обработанномъ видѣ. Они раскрываютъ собой ту сторону общественнаго движенія, которая имѣла цѣлью установленіе въ Россіи конституціи.

Авторъ начинаетъ свое изложеніе со времени смуты и первую попытку къ ограниченію царскаго самодержавія видитъ въ крестоцѣловальной записи Василія Шуйскаго. «Здѣсь,—говоритъ онъ,—мы встрѣчаемся съ первой реальной попыткой фактическаго созданія аристократической конституціи». Затѣмъ, рассмотрѣвъ кратко политическія программы XVII вѣка и отмѣтивъ, что въ это время, въ особенности при первыхъ Романовыхъ, замѣтно единеніе самодержавной власти съ народомъ (въ лицѣ земскихъ соборовъ), г. Глинскій переходитъ къ болѣе подробному обзору XVIII вѣка. Основной причиной возникновенія конституціонныхъ плановъ и попытокъ въ XVIII вѣкѣ авторъ считаетъ то обстоятельство, что прежняя связь царя съ землей расторглась и «земско-народное самодержавіе», измѣняясь, перешло въ XVIII столѣтіи въ единодержавіе «полицейско-бюрократическое», въ такое правленіе, когда между верховной властью и обществомъ уже не было живой связи, а роль посредника и управителя приняли на себя бюрократія и придворная знать (стр. 40). Въ отвѣтъ на такой характеръ правленія и въ высшемъ обществѣ (верховники, шляхотство, проекты Панина), и въ народныхъ массахъ (въ особенности въ бунтѣ Пугачева) усилились теченія, направленные противъ установившагося уклада государственной жизни.

Еще полнѣе г. Глинскій характеризуетъ XIX вѣкъ со времени вступленія на престолъ Александра I до 1861 г. Показателемъ можетъ служить то, что событіямъ прежняго времени отведено немного болѣе 100 стр., XIX вѣку—около 500. Авторъ говоритъ о первыхъ конституціонныхъ попыткахъ самого Александра и его друзей, о проектѣ Сперанскаго, приводитъ самый его проектъ и разъясняетъ, почему всѣ эти проекты потерѣли неудачу; характеризуетъ настроеніе общества и слѣдитъ за исторіей возникновенія и развитія масонскихъ ложъ, союза спасенія, союза благоденствія, сѣвернаго и южнаго обществъ и общества соединенныхъ славянъ. Любопытно объясняетъ авторъ связь событій и взаимоотношеніе правительства, заговорщиковъ-декабристовъ и народа. «У декабристовъ,—читаемъ въ очеркахъ,—не было твердой почвы, за ними не было ни широкихъ народныхъ массъ, ни многочисленныхъ общественныхъ элементовъ, ни благоприятнаго момента. Последній свалился имъ на голову совершенно неожиданно и засталъ ихъ не организованными и даже недостаточно между собой столкнувшимися. Правительство Александра I, освѣдомленное черезъ своихъ шпионовъ о всѣхъ нитяхъ заговора, точно щадило заговорщиковъ на гибель имъ самимъ, дало возможность безъ всякой надобности созрѣть заговору и само въ конечномъ результатѣ искусственно, рядомъ совершенно несообразныхъ дѣйствій, подготовило эту кровавую трагедію, которая разыгралась 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, и гдѣ престолъ и благополучіе династіи были легкомысленно отданы во власть одной случайности самими же представителями царствующаго дома» (200 стр.).

Мы не будемъ пересказывать содержанія остальной части очерковъ. Скажемъ только, что и въ дальнѣйшемъ авторъ внимательно слѣдитъ за обще-

ственнымъ движеніемъ, отмѣчая всякій болѣе или менѣе видный фактъ въ общественной жизни, связанный съ исторіей развитія конституціонныхъ теченій. Здѣсь дается обзоръ николаевскаго времени, характеристика его режима, разсматривается дѣло петрашевцевъ (весьма подробно, со всеми относящимися сюда документами), движеніе славянофиловъ и западниковъ (подробно о Герценѣ и Бакуниѣ). Изъ эпохи Александра II разсмотрѣны авторомъ подготовительныя работы къ крестьянской реформѣ и общественное движеніе первыхъ лѣтъ его царствованія (до 1861 г.)

«Такимъ образомъ, — заканчиваетъ свое изложеніе г. Глинскій, — въ періодъ, послѣдовавшій за кончиною Николая Павловича и до наступленія дней реформы, мы наблюдаемъ любопытную и довольно-таки быструю общественную эволюцію въ русской жизни. Изъ состоянія свѣтлага и радостнаго въ ожиданіи давно желаннаго обновленія отечественнаго государственнаго строя общество постепенно переходитъ въ состояніе озлобленное, оппозиціонное. Послѣ того довѣрія и добраго чувства, которое оно такъ громко проявило своему монарху вслѣдъ за первымъ сдѣланнымъ имъ шагомъ по пути реформы въ крестьянскомъ вопросѣ, наступаетъ охлажденіе и разочарованіе какъ по отношенію программы и способовъ выполненія подъятаго имъ дѣла, такъ и въ отношеніи самой личности вѣнценосца... Главнѣйшіе дѣятели прогрессивной печати, какъ у себя на родинѣ, такъ и на «чужомъ берегу», явились въ данномъ случаѣ руководителями и глашатаями этого недовѣрія, университетская молодежь взяла на себя распространеніе лозунговъ, даваемыхъ изъ редакціонныхъ кабинетовъ... Дѣйствія высшей бюрократіи въ ея отношеніяхъ къ депутатамъ и дворянскимъ собраніямъ значительно унесли кадры недовольныхъ и оппозиціонно настроенныхъ. Въ исходѣ 60 года мобилизація оппозиціонныхъ силъ была достаточно явною, и день 19 февраля 1861 г. далъ правительству только пятилѣтнюю отсрочку въ многолѣтней борьбѣ съ нимъ общественныхъ передовыхъ элементовъ «за конституцію».

Таково содержаніе книги г. Глинскаго. Для оцѣнки ея нужно имѣть въ виду, что по вопросамъ, затронутымъ авторомъ, существуетъ очень значительная литература, разбросанная часто по періодическимъ изданіямъ и брошюрамъ. Собрать отдѣльныя указанія, освѣтить ихъ на общемъ фонѣ исторической дѣятельности и изложить въ популярной формѣ, каковую цѣль поставилъ для себя авторъ, задача нелегкая. Но г. Глинскій успѣшно справился съ этой задачей: въ своей книгѣ онъ использовалъ матеріалъ довольно полно, а самое главное — объединилъ его одной общей идеей и изложилъ въ живой доступной формѣ. Въ его книгѣ дается не отрывочное эпизодическое изображеніе конституціонныхъ попытокъ, не изложеніе только программъ политическихъ, въ ней читатель вводится въ общественную атмосферу и здѣсь предъ нимъ на фонѣ общей картины политической и общественной жизни болѣе выпукло вырисовываются тѣ стороны жизни, которыя носили на себѣ отпечатокъ стремленій конституціонныхъ.

Считаемъ необходимымъ отмѣтить въ очеркахъ автора излишнюю зависимость его изложенія отъ тѣхъ книгъ, которыми онъ пользовался: авторъ злоупотребляетъ выписками изъ матеріаловъ и литературныхъ пособій. Затѣмъ

сомнительно, чтобы «Борьбу за конституцію» слѣдовало начинать съ эпохи смуты, съ крестоцѣвальной записи В. Шуйскаго.

Текстъ иллюстрированъ портретами: Пугачева, Сперанскаго, Пестеля, Герцена, Вѣлинскаго, Грановскаго, В. Курочкина и другихъ.

М. К.—въ.

Т. Соколовская. Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія (XVIII и первая четверть XIX столѣтія. Спб. 1907.

Авторъ только что вышедшей въ свѣтъ книги одна изъ первыхъ слушательницъ императорскаго сиб. археологическаго института, получившая званіе члена-сотрудника института. Окончивъ курсъ, она посвятила почти 6 лѣтъ тяжелой и кропотливой работѣ: въ рукописныхъ отдѣленіяхъ императорской публичной бібліотеки и московскаго Румянцоваго музея и въ архивахъ государственномъ, императорскаго общества любителей древней письменности, ревельскаго провинціального музея, главнаго военно-суднаго управленія, морского министерства и юрьевскаго университета. Выпущенная ею книжка представляетъ лишь зародышъ большаго труда о масонствѣ, который она предполагаетъ вынестись лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ книгѣ изложено историческій очеркъ русскаго масонства, поскольку оно отразилось въ исторіи русскаго общественнаго движенія. Многія стороны масонства, въ виду этого, намѣренно оставлены безъ разсмотрѣнія. Такъ, не разсмотрѣны: связь русскаго масонства съ заграничнымъ; исторія масонскихъ системъ и отдѣльныхъ ложъ; подробности ритуала, мистической и филантропической дѣятельности, масонскихъ законоположеній, внутренней жизни ложъ и пр., требующія самостоятельнаго изслѣдованія. Для сжатости очерка масонство XVIII вѣка разсмотрѣно совмѣстно съ масонствомъ XIX вѣка, хотя между ними существуетъ значительная разница. Авторъ послѣдовательно излагаетъ: отношеніе правительственной власти къ масонству, основные принципы масонства: любовь къ людямъ и всеобщее равенство, отношеніе масоновъ къ идеѣ свободы, къ закону, къ свободѣ совѣсти, къ войнѣ и къ крѣпостному праву, описываетъ символику масонскихъ идей, масонскую пропаганду, характеръ рѣчей масоновъ и составъ масонскихъ ложъ. Крупная, по мнѣнію автора, роль масонства въ исторіи русскаго общественнаго движенія рисуется въ слѣдующемъ видѣ: «Не говоря уже о томъ, что масоны оказали свое частичное вліяніе на развитіе школъ, литературы, журналистики, благотворительности, они, будучи, по ихъ собственному выраженію, дѣятельными христианами, сильно распространили въ русскомъ обществѣ идеи о человѣческомъ достоинствѣ, о признаніи человѣка въ человѣкѣ, о всемірномъ братствѣ. Своими отличительными рѣчами, своею критикою различныхъ не порядковъ и не устройствъ въ государственно-общественной жизни, они, несомнѣнно, въ своей массѣ, составили оппозиціонный элементъ, хотя, быть можетъ, не всегда достаточно активный. При нѣкоторой демократизаціи русскаго масонства къ концу царствованія Александра I, при томъ его направленіи, когда оно многочисленными ручьями про-

биралось въ толщу мелкой буржуазіи и мелкаго чиновничества, когда оно захватило широкой волной офицерскую среду, оппозиція, представляемая масонствомъ, стала угрожающею, и его закрытіе, какъ института, не только не тайнаго, но, наоборотъ, принявшаго слишкомъ явный характеръ, стало для правительства настоятельною необходимою и естественнымъ концомъ для масонства. Наконецъ, масонство въ своей массѣ подготовило почву для развитія конституціонныхъ и даже республиканскихъ идей и въ этомъ отношеніи явилось предтечею декабристовъ».

Нельзя не приветствовать принятой авторомъ задачи сдвинуть такъ долго тяготѣвшій надъ исторіей русскаго масонства покровъ и освѣтить свѣтомъ подлинныхъ архивныхъ документовъ эту любопытнѣйшую страничку изъ исторіи русской общественной мысли. Книжка читается легко и интересна для широкаго круга публики.

А. Мироновъ.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Т. III, вып. 4-й. Спб. 1907.

Четвертый выпускъ третьяго тома этого замѣчательнаго изданія особенно обилень портретами, появляющимися въ первый разъ. Большая часть ихъ воспроизведена съ оригиналовъ, принадлежащихъ не только августѣйшему издателю, но и частнымъ лицамъ: А. М. Апраксиной, графу Рибоньеру, князю Куракину, князю Вѣлосельскому, г. Романову, князю Гагарину, Е. П. Ермоловой, князю Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, графу Палену, князю Васильчикову и др. Достаточно сказать, что однихъ портретовъ Суворова пять, составляющихъ собственность Государя Императора, великаго князя Николая Михайловича, графа Воронцова-Дашкова, А. М. Апраксиной и князя Н. Н. Оболенскаго.

Приводимъ для любителей списокъ портретовъ, вошедшихъ въ четвертый выпускъ: С. П. Апраксина, Н. С. Рибоньеръ, С. В. Толстой, княжны Е. А. и А. А. Куракины, княгиня Вѣлосельская-Вѣлозерская, П. А. Бартецова, графъ Сенъ-При, княгиня Е. Н. Меншикова, А. Н. Сеславинъ, баронесса Е. М. Черкасова, графиня А. А. Рибоньеръ, графиня М. Ф. Зубова, А. П. Ермоловъ, Д. В. Давыдовъ, С. К. Нарышкинъ, князь А. М. Голицынъ, Н. А. Ермоловъ, П. А. Ермоловъ, П. Н. Ермоловъ, князь А. В. Суворовъ-Рымникскій, княгиня В. П. Суворова, графъ П. А. Паленъ, графиня Ю. П. Паленъ, М. Ю. Лермонтовъ, князь А. П. Одоевскій, Н. П. Гнѣдичъ, В. Р. Марченко, графъ П. Г. Разумовскій, М. Е. Храповицкій, В. С. Апраксинъ, графъ Д. А. Гурьевъ, Е. П. Кушникова, Д. Г. Бибииковъ, С. С. Бибиикова, князь А. М. Вѣлосельскій-Вѣлозерскій, графъ Н. Д. Гурьевъ, князь П. В. Васильчиковъ, княгиня Т. В. Васильчикова, В. П. Васильчиковъ, Д. В. Васильчиковъ, А. В. Васильчиковъ, А. П. Васильчикова, Е. П. Васильчикова, В. А. Васильчикова. Нѣкоторые оригиналы портретовъ писаны такими знаменитыми художниками, какъ Грезъ, Брюловъ, Левицкій, Боровиковскій, Визъ-Лебренъ, Дюу, Ротари и др.

Конии съ портретовъ воспроизведены въ экспедициі заготовленія государственныхъ бумагъ и потому едва ли нужно говорить, что онѣ исполнены художественно. Каждый портретъ, по обыкновенію, сопровождается обстоятельной біографіей изображаемаго лица.

С. Ш.

И. С. Бѣляевъ. Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій. Со снимками устава и полуустава, азбуки, отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ рукописей, заставокъ и заглавныхъ цвѣтныхъ буквъ, вязи бѣлорусскаго письма. М. 1907.

При замѣтно растущемъ съ каждымъ годомъ интересѣ къ русской старинѣ не однихъ специалистовъ, книга И. С. Бѣляева—явленіе вполне закономѣрное, ея давно ожидали, и, какъ всякій шагъ въ области популяризаціи науки, критика должна ее привѣтствовать.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ сохранившихся отъ старины историческихъ, юридическихъ, литературныхъ, церковныхъ и другихъ письменныхъ памятниковъ издано такъ мало, что къ рукописямъ приходится обращаться многимъ, быть можетъ, противъ своей воли: каждый студентъ, избравшій для зачетнаго сочиненія или реферата тему изъ этихъ областей и желающій разработать ее хотя бы просто добросовѣстно,—волей-неволей долженъ познакомиться съ сырымъ архивнымъ матеріаломъ. Чтеніе же русской скорописи, какъ извѣстно,—дѣлонелегкое: оно требуетъ не только навыка, но и нѣкоторыхъ практическихъ свѣдѣній. И. С. Бѣляевъ вполне правильно понимаетъ задачи своего руководства. Онъ имѣетъ въ виду новичковъ, для которыхъ каждая подробность документа, ускользающая отъ специалиста или практика, послужитъ камнемъ преткновенія для дальнѣйшей работы. Съ этой точки зрѣнія простительна, хотя и необходима, даже слишкомъ излишняя мелочность въ объясненіяхъ автора по поводу того или иного начертанія. Очевидно, онъ желаетъ предусмотрѣть все возможные случаи сомнѣній при первоначальныхъ занятіяхъ скорописью XV—XVIII вв. Цѣль автора, такимъ образомъ, чисто практическая: «облегчить (начинающимъ) возможность непосредственно приступить къ занятію старинными документами, не тратя времени на предварительное изученіе механизма ихъ чтенія въ архивахъ, а имѣть, наоборотъ, въ запасѣ въ своемъ распоряженіи болѣе или менѣе необходимыя для того свѣдѣнія».

Формулированная такъ именно, задача книги понятна г. Бѣляевымъ вполне правильно, но вопросъ въ томъ, насколько выполнить она свое назначеніе. При многихъ достоинствахъ, она страдаетъ двумя крупными недостатками. Во-первыхъ, авторъ, прекрасный практикъ, обладаетъ довольно слабой научной подготовкой. Особенно бросается это въ глаза при чтеніи тѣхъ мѣстъ его книги, гдѣ рѣчь идетъ объ языкѣ документовъ (стр. 29—31). Очевидно, онъ совершенно незнакомъ ни со стариннымъ русскимъ языкомъ,

ни съ діалектическими формами, хотя бы по лекціямъ А. И. Соболевскаго, а также съ церковно-славянскимъ (или «книжнымъ»), о которомъ онъ говоритъ не разъ. Можно не быть лингвистомъ по специальности, но знать самыя основныя законы русскаго языка — требованіе необходимое, чтобы занимающіеся не потеряли бы всякое довѣріе къ словамъ «Практическаго курса» и въ остальныхъ отдѣлахъ. Что за «лицевые подлинники» (стр. 2) въ Остромировомъ евангеліи, которые авторъ сейчасъ же объясняетъ, т. е. «изображенія евангелистовъ»? Вѣдь этотъ терминъ имѣетъ совершенно опредѣленное значеніе въ иконографіи и ровно ничего общаго не имѣетъ съ обыкновенными миниатюрами Евангелія. Далѣе, недоумѣніе вызываетъ странная дата (1456 г.), которою авторъ ограничиваетъ «первыя четыре столѣтія, оставшія намъ образцы древняго русскаго церковно-славянскаго письма» (стр. 4). Читатели могутъ принять эту дату за какой-то реальный предѣлъ того или иного письма, а не случайное вычисленіе (1056 + 400), абсолютно ничего не выясняющее и ровно ничѣмъ не оправдываемое. Развѣ къ 1456 году относится какой-нибудь замѣчательный по письму памятникъ? — ничего подобнаго. Особенность «устава» и «полуустава» объяснены г. Вѣляевымъ и ненаучно, и мало вразумительно: если опредѣлить ихъ отличія на основаніи очертаній отдѣльныхъ буквъ, то изъ этого получится только путаница. Пора перестать дѣлать такое дѣленіе въ сущности одного и того же дисциплинированнаго письма: вѣдь полуустановъ (терминъ, конечно, условный) отличается отъ устава, и наоборотъ, только большей или меньшей дисциплиной, скрадывавшей индивидуальность писца и выработывавшейся шкалой или оригиналомъ, съ котораго дѣлались копіи. Это одно уже показываетъ, почему «точной хронологической границы въ изображеніи древняго русскаго письма уставомъ или полуустановомъ, а также — въ возникновеніи послѣдняго, указать не представляется возможнымъ», какъ справедливо говоритъ г. Вѣляевъ, а нисколько не «по неимѣнію источниковъ» (стр. 4). Источники здѣсь ни при чемъ. То же самое необходимо сказать и о происхожденіи скорописи. Выводить ее изъ полуустава и говорить, хотя бы приблизительно и съ оговорками, о времени ея появленія (стр. 5—6) — приемъ мало научный и мало демонстративный. Проще и вѣрнѣе характеризовать ее, какъ индивидуальное письмо, не подчиненное или мало подчиненное той дисциплинѣ, о которой только что упоминалось. При такой характеристикѣ намъ будетъ понятно, почему записи писцовъ и нынѣшніе приписки на вполнѣ выдержанныхъ «уставныхъ» или «полууставныхъ» рукописяхъ дѣлаются сходнымъ почеркомъ и той же рукой, какъ и основная рукопись, но выражающимъ характеръ, индивидуальность писца.

Мелкихъ ошибокъ первой группы мы не указываемъ въ настоящей рецензіи. Ошибки второй группы относятся всецѣло къ области чисто-педагогической. Быть самому опытнымъ чтецомъ столбцовъ или научить этому другихъ — вещи совершенно различныя, и мы убѣждены, что только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики въ качествѣ палеографа-педагога авторъ увидитъ недочеты своей книги въ этой именно области. Обращать вниманіе слушателей на мелочи, не имѣющія абсолютно никакого значенія, и въ то же время забы-

вать главное, существенное, что одно останется въ памяти и дастъ ключъ къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ занятіямъ палеографіей, — это сильно вредитъ демонстративности практическаго курса. Все равно, самое подробное книжное объясненіе, предупреждающее, какъ кажется, всѣ возможные случаи, никогда не замѣнитъ объясненія живого, а что этого элемента въ книгѣ г. Бѣляева нѣтъ, — ясно каждому, кто велъ палеографическія занятія.

Снимки исполнены прекрасно; жаль, что для «бѣлорусской» скорописи данъ всего одинъ, и то мало характерный образецъ.

А. И. Яцимирскій.

М. М. Пришвинъ. Въ краю непуганныхъ птицъ. Очерки и Выговскаго края. Изд. Девріена. Спб. 1907.

Подъ тяжеловѣснымъ и нѣскольکو вычурнымъ именемъ «края непуганныхъ птицъ» разумѣется патриархальная Олонецкая губернія. Въ дремучихъ лѣсахъ ея, по народному мнѣнію, и теперь еще много птицъ, которыя никогда не видали челоуѣка и потому совсѣмъ не боятся охотника.

Олонія, эта «Исландія русскаго эпоса», — излюбленный край нашихъ этнографовъ. Ему посвященъ не одинъ десятокъ прекрасныхъ этнографическихъ и фольклористическихъ описаній Барсова, Гильфердинга, Рыбникова, Майнова, Полякова, Харузина, Ончукова и др. Этнографическое богатство этого замѣчательнаго патриархальнаго края почти неисчерпаемо. Но, по извѣстному изреченію, «трудно говорить оригинально объ избитыхъ вещахъ». Г. Пришвинъ, однако, довольно удачно справился съ этою трудностью. Его книгу съ большимъ интересомъ прочтеть и тотъ, кому хорошо знакома вся этнографическая литература объ Олонецкомъ краѣ. Но особенно мы рекомендуемъ ее городскимъ жителямъ, мало знакомымъ съ бытомъ и хозяйствомъ русскои деревни.

Передъ читателемъ проходитъ рядъ живо написанныхъ картинъ, богато иллюстрированныхъ фотографическими снимками (изъ 66 рисунковъ, правда, нѣкоторые уже знакомы читателямъ по другимъ изданіямъ Девріена). Сначала картины природы мрачнаго и дикаго Сѣвера, гдѣ три стихіи — лѣсъ, вода и камень — даютъ, въ соединеніи, пестрое разнообразіе то причудливыхъ, то величественныхъ видовъ. — Изъ типовъ мѣстныхъ жителей автору наиболѣе удался типъ «воплевицы» — плакальщицы, причитающей по умершимъ. Талантливая жизнерадостная нѣвѣца, «краснопѣвка», вышивъ до дна полную чашу своего личнаго горя, превратилась въ выдающуюся поэтессу-плакальщицу. Отъ своего горя научилась причитать, — говоритъ она про себя: — пошло мнѣ обидно, поколотно, несдачно, вотъ и научилась». Даже случайная (по просьбѣ заѣзжаго барина-любителя), чисто театральная (безъ личности покойника) причитанія ея заставляютъ невольно плакать всѣхъ присутствующихъ. Плачетъ, причитая, и сама «воплевица», эта оригинальная артистка на ампуа одиѣхъ траурныхъ ролей...

Сказителей или пѣвцовъ былинь, которыми такъ прославился Олонецкій край, г. Пришвинъ встрѣтилъ мало въ своемъ захолустьи (на Корельскомъ островѣ Повѣнецкаго уѣзда). И типъ сказителя обрисованъ имъ слабо: предъ нами простой, любящій свою матушку-землю нахарь-хозяинъ, и только. Рыбаки, охотники, колдуны и ревнители старой вѣры—дальнѣйшіе типы, которыми исчерпывается мѣстное населеніе. Наиболѣе замѣчательна изъ среды ихъ личность Любови Егоровой, уже покойной. Дочь послѣдняго наставника («большака») знаменитаго Даниловскаго скита, усвоившая все то, что только могла дать женщинѣ старообрядческая культура, бывшая долгое время главнымъ столпомъ всего мѣстнаго старообрядчества,—Любовь Егорова кончаетъ тѣмъ, что переходитъ въ православіе. Мало того, въ послѣдніе годы своей жизни она цѣлыми днями жила въ мѣстной церковной школѣ грамоты. «Слушаніе уроковъ было для нея священнодѣйствіемъ. Она слѣдила за всѣми мелочами преподаванія, выучилась читать по новымъ книжкамъ, всѣ учебники знала чуть ли не наизусть». Большую часть своей жизни эта замѣчательная женщина вела дневникъ. Это весьма цѣнный документъ для пониманія современныхъ настроеній старообрядчества, и было бы весьма желательно видѣть его въ печати. (Дневникъ этотъ пріобрѣтенъ отъ наслѣдниковъ покойной старушки извѣстнымъ этнографомъ, Н. Е. Ончуковымъ).

Вмѣстѣ съ переходомъ въ православіе своей руководительницы захирѣло и все мѣстное старообрядчество. Замѣчательно то, что судьба здѣшняго раскола находится теперь въ болѣеишей зависимости, на примѣръ, отъ личности мѣстнаго православнаго священника, нежели отъ манифеста 17-го октября, этого поворотнаго пункта въ исторіи русской жизни вообще, жизни русскаго старообрядчества къ частности. Мѣстные старовѣры находятся еще на религіозномъ распутии. И вотъ, когда къ нимъ попалъ батюшка пьющій и курящій табакъ, да еще не страннолюбивый, то населеніе устроило даже что-то въ родѣ религіозной забастовки. «Чтобы какъ - нибудь показать свое неудовольствіе, вся деревня стоворилась не ходить къ обѣднѣ. А раньше, когда былъ въ той же деревнѣ какой-то удивительной доброты священникъ, всѣ ходили въ церковь постоянно».—«А слышали вы,—спросилъ г. Пришвинъ старика-раскольника—о манифестѣ 17-го октября, о свободѣ совѣсти?»—«Какъ же, слышали, слышали,—отвѣчалъ старикъ:—спасибо государю, онъ милостивый»; а потомъ въ раздумьи прибавилъ: «да только на что жъ теперь свобода, теперь ужъ намъ не подняться».

Конечно, не одними религіозно-духовными да поэтическими запросами живутъ выговцы. Громадный, настойчивый трудъ и чистота нравовъ—вотъ чѣмъ живо мѣстное мирное населеніе. Тяжелый трудъ бурлачества и рыболовства даетъ ему возможность едва-едва сводить концы съ концами. Бѣдно влачатъ свою жизнь выговцы, но, пока что, они вѣрны лучшимъ завѣтамъ старины и не ропщутъ на свою полу-подвижническую жизнь.

Несмотря на сравнительное богатство содержанія разсматриваемой книги, мы не можемъ не пожелать на то, что авторъ ея не избралъ мѣстомъ для своихъ наблюденій менѣе обследованный край. Сколько еще на святой Руси замѣчательнѣйшихъ уголковъ, въ которыхъ пока не ступала нога этно-

графа. Чтобы не удаляться отъ столицъ, назовемъ Гуслицу (Богородскаго уѣзда Московской губерніи), также старообрядческій центръ, Шуваловщину (Верейскаго уѣзда той же губерніи), полу-обрусѣвшихъ чухарей (вепсовъ, древнерусскую весь) Олонецкой, Новгородской и Тверской губерній, и т. д.— Укажемъ еще, какъ на одинъ изъ мелкихъ недостатковъ интересной и хорошей вообще книги г. Припвина, отсутствіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимыхъ поясненій для мѣстныхъ народныхъ словъ. Для насъ, напримѣръ, такъ и осталось загадкою выраженіе (стр. 104): «парной, саблеватый малый».

Дм. Зеленинъ.

Павель Симони. Памятники стариннаго русскаго языка и словесности. XV—XVIII ст. Выпускъ II. Спб. 1907.

Въ настоящемъ выпускѣ предпринятыхъ П. К. Симони «Памятниковъ» помѣщенъ текстъ великорусскихъ пѣсень, записанныхъ для Ричарда Джемса осенью или зимою 1619—1620 года. Какъ извѣстно, это — одна изъ наиболѣе старыхъ и достовѣрныхъ записей русскихъ пѣсень. Священникъ Джемсъ прибылъ въ Россію вмѣстѣ съ посольствомъ сэра Додлея Диггса, отправленнымъ Іаковомъ I къ Михаилу Феодоровичу въ отвѣтъ на посольство послѣднимъ ряжскаго воеводы Вольнскаго и дьяка М. Поздѣва для устройства въ Англіи займа. Покончивъ съ дѣлами, въ августѣ 1619 года англійское посольство отбыло въ Архангельскъ, но уѣхать въ Англію ему не удалось, такъ какъ всѣ англійскіе корабли къ этому времени уже ушли. Тогда часть англичанъ уѣхала на родину сухимъ путемъ, а нѣкоторые, въ томъ числѣ Р. Джемсъ, остались зимовать въ Холмогорахъ. Здѣсь-то для него и были записаны шесть русскихъ пѣсень.

Съ ихъ существованіемъ впервые познакомили русскихъ ученыхъ академикъ Гамель, нашедшій ихъ въ Бодлеевой библіотекѣ въ Оксфордѣ, во время разбора бумагъ и трудовъ Р. Джемса. Эти пѣсни впоследствии были списаны какъ самимъ Гамелемъ, такъ и профессоромъ Коссовичемъ и напечатаны академикомъ П. Срезневскимъ въ «Извѣстіяхъ академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности», въ томѣ I (Сиб. 1852 г., въ первой тетради прибавленій къ нимъ).

Но это изданіе пѣсень далеко не отличалось точностью, такъ какъ оба списка ихъ, сдѣланные Гамелемъ и Коссовичемъ съ одного и того же оригинала, представляли нѣкоторыя различія въ текстѣ и были напечатаны то въ строку, то стихами, «чему въ старинной письменности, — замѣчаетъ П. К. Симони, — не бывало и примѣра». Въ виду этого П. Симони рѣшилъ вновь издать пѣсни и вошелъ въ сношенія съ лекторомъ русскаго и славянскаго языковъ въ оксфордскомъ университетѣ В. В. Морфилемъ, который и выслалъ ему фотографическій снимокъ со всѣхъ страницъ книжечки Джемса, а также біографическую замѣтку о немъ, полный снимокъ съ русско-англійскаго словаря, извлеченнаго изъ его же записной книжки, и описаніе внѣшняго вида тетрадокъ съ пѣснями и словаремъ.

Въ разсматриваемомъ выпускѣ «Памятниковъ» помѣщены лишь описаніе рукописи и краткія свѣдѣнія о Джемсѣ. Словарь же П. Симони намѣренъ издать въ будущемъ. Біографическая замѣтка очень интересна и сообщаетъ новыя данныя о первомъ собирателѣ русскаго творчества. Джемсъ родился въ Ньюпортѣ около 1592 года и, по окончаніи оxfordскаго университета, около 1615 года сдѣлался священникомъ. Послѣ его смерти въ 1638 году его рукописи достались другу Джемса, Томъ Гривсу, и были имъ подарены Бодлеевой бібліотекѣ. Большею частью это — проповѣди, но, кромѣ нихъ, были Glossarium Saxonicum Anglicum, русскій словарь и замѣтки о Россіи, ея нравахъ и обычаяхъ, сдѣланныя въ 1619 году, къ сожалѣнію, безслѣдно исчезнувшія.

Пѣсни напечатаны, какъ и всѣ изданія П. Симони, тщательно до скрупулезности. Снимки съ подлинной рукописи помѣщены на 15-ти таблицахъ, съ построчной транскрипціей (лѣвый столбецъ) и разложеніемъ ея въ стихи (правый столбецъ), причемъ второй изъ этихъ текстовъ снабженъ удареніями и краткими примѣчаніями палеографическаго характера. Затѣмъ помѣщено послѣдованіе академика Ѳ. Е. Корша съ музыкальными знаками, интересными параллелями въ примѣчаніяхъ, нѣкоторыми соображеніями о пѣсенномъ складѣ, лингвистическими и археологическими комментаріями.

И. А.

В. Сиповскій. Пушкинъ. Жизнь и творчество. Спб. 1907.

Мимо книги г. Сиповскаго нельзя пройти молча, и ее надо отмѣтить не только ради поставленной себѣ авторомъ цѣли — разсказать жизнь великаго поэта и выяснить элементы его творчества, но и ради ея объема (618 стр.). Такого объемистаго общаго очерка жизни и дѣятельности Пушкина у насъ не появлялось съ 1880 г., когда вышла книга Стоюнина. Авторъ такъ опредѣлилъ свою задачу: «чтобы вѣрнѣе и полнѣе оцѣнить дѣятельность великаго человѣка, надо выяснить тѣ историческія условія, которыя неизбѣжно привели къ проявленію его дѣятельности; надо выяснить, насколько полна отвѣтовъ эта дѣятельность на вопросы, поставленные ей прошлымъ; надо опредѣлить въ ней новый моментъ въ постоянной эволюціи прошлаго и уяснить, какія задачи поставила эта дѣятельность грядущей эволюціи». И эта гора вѣрно сформулированныхъ требованій, такъ вѣрно предъявленныхъ авторомъ къ себѣ, родила мышъ, хотя и очень почтенныхъ размѣровъ. Прежде всего повредила г. Сиповскому «философія». Онъ рѣшилъ и довольно правильно, что «французская революція, Петръ Великій, Пушкинъ — слѣдствія грандіознаго прошлаго», и что «въ жизни и дѣятельности всякаго человѣка надо различать элементъ законмѣрности и элементъ случайности». «Случайность, часто губившая генія, — разсуждаетъ г. Сиповскій, — жизнь ничтожныхъ людей нерѣдко окружаетъ всѣми благами существованія. Сколько усилій потратила исторія человѣчества на то, чтобы подавить власть случая силою законмѣрности! Дѣятельность Пушкина — одна изъ такихъ трудныхъ побѣдъ законмѣрности надъ случайностью»... Но какъ отличать законмѣрное отъ случайнаго, г. Сиповскій не показалъ, да и въ жизни Пушкина не отдѣлилъ одного

элемента отъ другого, и что изъ всей этой философіи вытекаетъ, непонятно. Развѣ иной читатель, проникшись мудростью г. Синовскаго скажетъ: «Сущая правда, великое дѣло случай! Вѣдь Пушкинъ-то могъ родиться мертвенькимъ, и что было бы съ нашей литературою!..» Въ духѣ своей теоріи г. Синовскій говорить въ концѣ біографіи: «если бы у него была другая подруга жизни, если бы государь хотя немного понималъ его и болѣе цѣнилъ, жизнь Пушкина заняла бы...» и т. д. Однимъ словомъ, какъ разсуждалъ Кифа Мокіевичъ, кабы слонъ изъ яйца рождался, вотъ бы толстая скорлупа была! Къ несчастью автора, эта курьезная теорія вполнѣ примѣнена имъ къ дѣлу, и какъ онъ отличаетъ случайное отъ закономѣрнаго, видно хотя бы изъ утверждения, что «Пушкинъ весь вышелъ изъ старой французской поэтической школы XVIII вѣка» (стр. 147—148), или что «Русланъ и Людмила» — «неудачная поддѣлка» подъ народный ладъ (стр. 474). Авторъ скромно заявляетъ, что «въ своей работѣ собралъ все то, что высказано было о Пушкинѣ въ послѣднее время, использовалъ все новыя матеріалы, явившіяся недавно и попытался все это привести въ систему, связать въ нѣчто цѣлое своимъ пониманіемъ личности Пушкина». Можемъ указать г. Синовскому неизвѣстныя ему, но очень вѣрные источники: два первые тома академическаго изданія Пушкина, изданіе П. А. Ефремова, много интереснаго съ точки зрѣнія «закономѣрности» нашель бы онъ и въ «Остафьевскомъ архивѣ князей Вяземскихъ»; г. Морозовъ успѣлъ выпустить свое второе комментированное изданіе. Знай авторъ эти книги, ему, можетъ быть, не пришлось бы цитировать, хотя съ полной добросовѣстностью, письмо Пушкина къ женѣ по статьѣ И. Иванова. И самыя произведенія Пушкина могли бы послужить автору недурнымъ и богатымъ источникомъ; онъ узналъ бы изъ нихъ, что Пушкинъ написалъ посланіе не «либеральному генералу» Орлову, а его брату; что пзвѣстная рѣчь Лелевеля съ упоминаніемъ о Пушкинѣ была сказана не въ 1831 г., а въ 1834, и что не «по этому случаю» написаны «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», а по случаю польскаго возстанія и взятія Варшавы, что гораздо «закономѣрнѣе», уже потому, что вѣрнѣе. Такихъ грубыхъ ошибокъ, и притомъ далеко не «случайныхъ», въ книгѣ много. Никакихъ взглядовъ на Пушкина у автора нѣтъ, и тамъ, гдѣ ему нужно обобщеніе, онъ зоветъ на помощь не только Анненкова, изъ котораго выписаны цѣлыя страницы, но даже Венкстерна; за это, впрочемъ, едва ли можно осудить г. Синовскаго, такъ какъ выдержки изъ Анненкова—лучшія мѣста его книги, на которыхъ можно отдохнуть отъ гнетущей скуки, одолавающей при чтеніи этой бездарной компіляціи. Автору данъ по истинѣ удивительный даръ: онъ не умѣетъ замѣчать главнаго, существеннаго и останавливается на мелкомъ и незначительномъ. Много вѣзмъ извѣстныхъ стиховъ Пушкина онъ пересказалъ, и недурно, своими словами, почти не коснувшись отношеній поэта къ такимъ «закономѣрнымъ» явленіямъ, какъ русское общество двадцатыхъ годовъ, тайное общество, декабристы, журналистика тридцатыхъ годовъ, Полевой, Надеждинъ... Какъ понялъ г. Синовскій характеръ Пушкина, можно судить по тому, что у радостнаго, все золотившаго своимъ свѣтлымъ жизнелюбіемъ поэта авторъ ухитрился усмотрѣть «самый типичный взглядъ на

смерть». Съ творчествомъ Пушкина авторъ справляется также «по военному»: «Ширь во время чумы» — «взято изъ трагедіи Вильсона», — и больше ни слова объ этой гениальной вещи, но зато пересказано стихотвореніе «Странникъ». «Каменный Гость» примыкаетъ къ одной изъ литературныхъ обработокъ типа Донъ-Жуана» — и это все! О «Повѣстяхъ Бѣлкина» не сказано ни одного слова... Ни слова о журнальныхъ статьяхъ Пушкина — въ «Лит. Газетѣ» и «Современникѣ». Г. Сиповскому слѣдовало бы знать, что извѣстныя эпиграммы на Голицына Карамзина лишь приписываются Пушкину, что «Зеленая Лампа» вовсе не было оргіастическимъ обществомъ, что стихи «Вы помните ль то Розовое поле...» едва ли Пушкина... Толстая, страдающая водянкой книга г. Сиповскаго останется въ пушкиниавѣ лишнимъ, тяжелымъ кирпичомъ, «матеріаломъ для библиографіи». Книгу о жизни и творествѣ Пушкина нельзя писать безъ опредѣленныхъ общественныхъ и литературныхъ взглядовъ, безъ знанія исторіи и литературы, безъ основательнаго изученія множества специальныхъ источниковъ. Нѣтъ, можетъ быть, темы богаче, благодарнѣе, но зато и труднѣе. Біографія Пушкина, для которой уже все готово, всѣ матеріалы добыты, дѣло близкаго будущаго, и книга г. Сиповскаго можетъ служить иллюстраціей, какъ не должна быть написана книга о великомъ поэтѣ.

Н. Лернеръ.

В. Покровскій. А. П. Чеховъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1907.

Книга В. И. Покровскаго представляетъ сборникъ критическихъ статей о Чеховѣ. Каждый, кто пожелалъ бы познакомиться съ критической литературой о томъ или иномъ писателѣ, встрѣчается съ большими препятствіями: статьи бывають разбросаны въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ, журналахъ, книгахъ и т. п. и для того, чтобы разыскать ихъ, нужно потратить много труда и времени. Ввиду этого неоспорима польза сборниковъ, въ которыхъ собрано все или наиболѣе цѣнное и важное изъ написаннаго въ критикѣ о писателѣ. Прежде въ составленіи подобныхъ сборниковъ подвизался одинъ лишь г. Зелинскій, но за послѣднее время по его слѣдамъ пошли другіе, и теперь мы имѣемъ сборники статей о многихъ нашихъ писателяхъ. Эти пособія, принося извѣстную пользу, были бы гораздо цѣннѣе и имѣли бы большее значеніе, если бы не обладали весьма важными и существенными недостатками. Удивительно, что, несмотря на то, что по выходѣ каждаго подобнаго труда критика отмѣчаетъ его недочеты, составители въ новыхъ своихъ сборникахъ повторяють упорно прежніе недостатки и совершенно игнорируютъ указанія критики.

У составителя разсматриваемаго нами сборника были предшественники, В. Зелинскій, И. П. Лысковъ, выпустившій сборникъ статей о Чеховѣ въ 1905 году, и однофамилецъ, Н. Покровскій, выпустившій подобное пособіе въ прошломъ году. Но составитель разсматриваемаго сборника, В. И. Покровскій, не избѣжалъ тѣхъ промаховъ, которые сдѣлали его предшественники.

Г. Зелинскій, какъ извѣстно, разбиваетъ статьи на части и группируетъ ихъ по произведеніямъ писателя. Такая схема имѣетъ то достоинство, что позволяетъ желающему ознакомиться съ мнѣніемъ критики объ одномъ какомъ-либо произведеніи, не тратя времени на разыскиваніе въ сборникѣ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится объ этомъ произведеніи. Но такой планъ, при данныхъ достоинствахъ, обладаетъ крупными недостатками; раздѣленіе статей на части нарушаетъ послѣдовательность теченія мыслей автора, иногда отрывокъ совершенно теряется, если его взять не въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Еще можно оправдать г. Зелинскаго, такъ какъ группировка статей по произведеніямъ имѣетъ нѣкоторое удобство, но нельзя оправдать составителей другихъ сборниковъ, которые разбиваютъ статьи на части, придѣлываютъ свои заглавія, должныствующія формулировать мысль автора, и помѣщаютъ эти отрывки безъ всякаго порядка, какъ придется. Такой характеръ носитъ сборникъ статей о Чеховѣ Н. Покровскаго. Этотъ недостатокъ былъ указанъ критикой, но составитель разсматриваемаго сборника В. И. Покровскій поступилъ такъ же, какъ его предшественникъ и однофамилецъ.

При составленіи сборниковъ необходимо придерживаться какой-либо определенной системы: или давать всѣ статьи, или же помѣщать наиболѣе важное и цѣнное. Критика указала, что большимъ недостаткомъ сборниковъ И. П. Лыскова и Н. Покровскаго является отсутствіе опредѣленнаго плана въ выборѣ ими статей: составители помѣстили малозначащія статьи и упустили многое цѣнное и важное. В. И. Покровскій не постарался избѣжать этого, и въ его работѣ нѣтъ такъ же системы въ выборѣ матеріала, какъ ея нѣтъ и въ работахъ предшественниковъ. Такъ, составитель помѣстилъ не имѣющія особой цѣнности и интереса статьи, напримѣръ, замѣтку г. Шт-на (стр. 220), и упустилъ изъ виду нѣкоторые довольно важныя въ томъ или иномъ отношеніи. Такъ, В. И. Покровскій не помѣстилъ весьма любопытной статьи г. Протопопова— «Жертва безвременья» («Русская Мысль», 1892, кн. VI). Изучая Чехова, нельзя обойти также интереснаго мнѣнія о писателѣ г. Венгерова, высказаннаго имъ въ статьѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ. Помѣщая статьи о Чеховѣ представителей идеалистическаго направленія русской мысли, напримѣръ, г. Булгакова, составитель не включилъ статьи г. Шулятикова— «Возстановленіе разрушенной эстетики. Очерки реалистическаго міросозерцанія, весьма характерной для обрисовки отношенія къ писателю критики въ лицѣ представителей материалистическаго направленія русской мысли. Наиболѣе отрицательно отразилось отсутствіе системы въ выборѣ составителемъ статей Михайловскаго. В. И. Покровскій пропустилъ важную статью критика: «Объ отцахъ и дѣтяхъ и о Чеховѣ», и включилъ въ сборникъ лишь двѣ статьи. Первой помѣщена статья, относящаяся къ 1902 году, второй—написанная въ 1897 году. Во взглядахъ Михайловскаго на Чехова было два періода. Сначала онъ отрицательно отнесся къ писателю, а потомъ перемѣнилъ свое отношеніе. Границей этого перелома можно считать приблизительно 1900 годъ. Читатель въ недоумѣвіи, читая сначала статью, написанную въ 1902 году, а потомъ написанную въ 1897 году, такъ какъ отношеніе Михайловскаго къ Чехову

въ первой изъ помѣщенныхъ статей нѣсколько разнится отъ второй. Необходимо было объяснить, въ чемъ тутъ дѣло, но составитель не указываетъ даже и года ея появленія, что, какъ мы видимъ, иногда имѣетъ не маловажное значеніе. Измѣненіе отношеній критики къ писателю обуславливается ростомъ его таланта. Въ силу этого для болѣе лучшаго пониманія статей необходимо было указать годъ, когда онѣ написаны, чего не желаетъ дѣлать В. П. Покровскій.

Такимъ образомъ, отсутствіе опредѣленной системы въ выборѣ матеріала, непомѣщеніе, наряду съ маловажными, цѣнныхъ и интересныхъ въ томъ или другомъ отношеніи статей — являются главнымъ недостаткомъ труда В. П. Покровскаго. Конечно, и въ настоящемъ видѣ сборникъ принесетъ извѣстную пользу, но недостатки ослабляютъ его цѣнность. Ихъ можно было бы легко избѣжать, если бы составитель внимательно отнесся къ тому, что сказала критика о его предшественникахъ.

А. Фоминыхъ.

А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изданіе второе. Спб. 1907.

Первое, двухтомное изданіе книги Пыпина о Бѣлинскомъ давно уже не встрѣчается въ продажѣ, и въ новомъ изданіи ея давно чувствовалась настоятельная необходимость. Теперь трудъ Пыпина вышелъ съ дополненіями, какъ въ текстѣ, такъ и внѣ его, — въ особомъ приложеніи и съ примѣчаніями Е. А. Ляцкого. Дополненія хотя и не обширны, но очень цѣнны: Пыпину пришлось, считаясь съ цензурой своего времени (его книга вышла въ 1876 г.), исключить изъ писемъ Бѣлинскаго нѣсколько мѣстъ и по тогдашнимъ условіямъ довольно жгучихъ, и въ ваши дни не утратившихъ значенія политическаго протеста (напр., на стр. 341, 377, 384—385, 391). Написанныя Е. А. Ляцкимъ примѣчанія связываютъ работу Пыпина съ появившеюся послѣ нея литературой о великомъ критикѣ; имъ же составленъ дополнительный списокъ книгъ и статей о Бѣлинскомъ, вышедшихъ съ 1877 до 1907 г. О самой книгѣ Пыпина говорить не приходится. Она давно оцѣнена критикой, какъ лучшій до сихъ поръ общій очеркъ жизни и мышленія Бѣлинскаго и какъ цѣнный матеріалъ для литературной исторіи сороковыхъ годовъ.

Л.

Н. Гутьяръ. И. С. Тургеневъ. Юрьевъ. 1907.

Давно уже ощущается у насъ потребность въ обстоятельныхъ біографіяхъ нашихъ писателей: уже не говоря о второстепенныхъ, мы не имѣемъ хорошихъ біографій и такихъ крупныхъ величинъ нашей литературы, какъ Достоевскаго, Гончарова, Островскаго и т. п. Книга г. Гутьяра могла бы заполнить въ извѣстной степени этотъ пробѣлъ по отношенію къ Тургеневу, если бы она не имѣла крупныхъ недостатковъ. Касаясь различныхъ вопросовъ въ области біографіи Тургенева, авторъ не пожелалъ использовать весь

имѣющійся матеріалъ, а основывался на очень скудныхъ данныхъ и притомъ столь шаткихъ, какъ воспоминанія разныхъ лицъ, не разбираясь критически въ источникахъ. Въ силу этого ничего сколько-нибудь значительно новаго мы не найдемъ въ настоящемъ трудѣ, и онъ не является цѣннымъ вкладомъ въ біографическую литературу о писателѣ.

Неполнота, поверхностность бросаются уже въ глаза при чтеніи помѣщенного первымъ очерка, озаглавленнаго: «Предки Тургенева». Можно было ожидать, что въ этомъ очеркѣ авторъ дастъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ нѣчто новое и цѣнное о родѣ Тургеневыхъ, что, напримѣръ, далъ по отношеніи къ Пушкину г. Модзалевскій въ своей работѣ о предкахъ поэта, помѣщенной въ «Полномъ собраніи сочиненій» его, издаваемомъ подъ редакціей г. Венгерова. Но статья г. Гутьяра по скудости фактическаго матеріала даже не можетъ быть озаглавлена такъ широко—«Предки Тургенева»: это, вѣрнѣе, рядъ отрывочныхъ и малоцѣнныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ предкахъ романиста. Такой же неполнотой и малоцѣнностью отличаются и другіе очерки г. Гутьяра. Это обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ не желалъ использовать весь матеріалъ по тому или иному вопросу. Книгу г. Гутьяра составили статьи, напечатанныя разѣе въ журналахъ. Послѣ появленія ихъ прошло болѣе или менѣе продолжительное время, за которое опубликованы новые матеріалы. Но, перепечатывая теперь статьи, г. Гутьяръ не пожелалъ обратить на это вниманіе и провѣрить, согласны ли его выводы съ недавно опубликованными матеріалами, которые онъ совершенно игнорировалъ, хотя въ предисловіи мы находимъ заявленіе, что, «издавая статьи отдѣльной книгой, авторъ сдѣлалъ въ нихъ необходимыя исправленія и дополненія согласно даннымъ, опубликованнымъ за послѣднее время». Укажемъ, напримѣръ, что, перепечатывая свою статью, касающуюся такого сложнаго вопроса, какъ отношенія Некрасова къ Тургеневу, г. Гутьяръ не обратилъ вниманія на цѣнные данныя, заключенныя въ вышедшей послѣ напечатанія статьи книгѣ г. Пышина «Некрасовъ», значительно колеблюція выводы автора. Скудость и односторонность матеріаловъ, на которыхъ основывается г. Гутьяръ, непринятіе во вниманіе опубликованныхъ недавно данныхъ обезцѣниваютъ книгу.

Еще болѣе обезцѣниваетъ ее крайняя субъективность автора, нежеланіе быть безпристрастнымъ и отрѣшиться отъ личныхъ симпатій и антипатій. Посвятивъ книгу, главнымъ образомъ, выясненію отношеній Тургенева къ разнымъ лицамъ—къ внѣбрачной дочери Полинѣ Брюэръ, къ дядѣ Н. Н. Тургеневу, графу Л. Н. Толстому, Н. А. Некрасову, В. П. Боткину, А. А. Фету, Ѳ. М. Достоевскому и П. В. Анненкову, г. Гутьяръ, используя скудный и шаткій матеріалъ, не могъ безпристрастно разобраться въ этихъ отношеніяхъ. Тургенева онъ выставляетъ какимъ-то идеаломъ нравственности, честности и порядочности, всѣхъ же остальныхъ лицъ, съ которыми онъ когда-либо сталкивался, авторъ считаетъ людьми, стоящими въ нравственномъ отношеніи весьма низко. Намъ кажется, что для того, чтобы въ такой категорической формѣ судить о людяхъ, нужно было обладать вполне достоверными данными, а г. Гутьяръ не приводитъ обстоятельныхъ доказательствъ.

Авторъ не могъ быть безпристрастнымъ даже настолько, чтобы, не уважая тѣхъ или иныхъ писателей, какъ людей, отдать должную дань ихъ таланту. Г. Гутьяръ стремится возвеличить талантъ и заслуги Тургенева, ему симпатичнаго, и принизить дарованія даже такихъ писателей, какъ Достоевскій и Толстой, которые несимпатичны автору. «Послѣ Пушкина,—говоритъ г. Гутьяръ,—одинъ только Тургеневъ обладаетъ той полнотою духовной свободы, какая необходима для истиннаго художника» (стр. 41). На ряду съ такими панегириками Тургеневу авторъ умаляетъ талантъ графа Л. Толстого. Въ непріязненномъ чувствѣ къ послѣднему г. Гутьяръ дошелъ даже до того, что обвинилъ его въ невѣжествѣ, отсутствіи вдумчивости. Разбросанныя въ книгѣ неподтвержденныя фактами обвиненія графа Толстого въ лицемѣри, рисовкѣ и т. п. производятъ крайне непріятное впечатлѣніе на читателя; кажется, что авторъ сводитъ какіе-то старые счеты съ людьми, съ которыми онъ имѣлъ личныя столкновенія. Это выстаетъ изъ каждой его строчки.

Мы весьма сожалѣемъ, что рядъ недостатковъ лишаетъ книгу г. Гутьяра той цѣнности, которую могла бы имѣть она, если бы изслѣдователь яснѣе и опредѣленнѣе понималъ задачи, которыя долженъ ставить себѣ авторъ историко-литературнаго труда, какимъ является по своей сущности настоящая работа.

А. Ф.

Г. Г. Савичъ. Новый государственный строй Россіи. Спб. 1907.

«Великій преобразователь вывелъ Россію на новые пути историческихъ судебъ,—говоритъ составитель сборника въ предисловіи къ своей книгѣ,—естественнымъ послѣдствіемъ преобразованій Петра явились реформы времени Екатерины II и Царя-Освободителя. Нынѣ совершается знаменательный актъ вступленія представителей народа въ единеніе съ монархомъ; законодательныхъ устройствъ, которые обезпечатъ русскимъ гражданамъ самостоятельность въ частной и общественной жизни». Не будемъ вступать съ авторомъ вступленія въ историческій споръ, насколько преобразованія освободительной эпохи находятся въ тѣсной связи съ реформами Петра и Екатерины Великой. Составитель книги, конечно, не имѣлъ въ виду какихъ-либо дѣйствительныхъ историческихъ изысканій и сопоставленій. Имъ руководила чисто практическая цѣль изложить правовые источники законовъ и распоряженій, относящихся къ переживаемому моменту нашего государственнаго обновленія. Въ силу условій времени однако уже многіе изъ этихъ источниковъ перешли въ область исторіи: другіе вошли въ сводъ законовъ, въ качествѣ кодифицированнаго права; третьи, наконецъ, сохраняютъ лишь условное значеніе въ качествѣ временныхъ законовъ, изданныхъ въ порядкѣ 87 статьи. Поэтому книгой г. Савича могутъ интересоваться какъ практическіе дѣятели, такъ въ известной степени и историки. Въ будущемъ же, для послѣднихъ, трудъ составителя представитъ собою крайне полезное подспорье. Но какъ въ интересахъ настоящаго, такъ и будущаго было бы желательно возможно полное собраніе памятниковъ, относящихся въ переживаемой и недавно пережитой эпохамъ. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи чувствуются нѣкоторыя

пробѣлы: такъ, напримѣръ, въ «Сборникѣ» не имѣется правилъ 18 сентября 1905 г. о примѣненіи и введеніи въ дѣйствіе учрежденій государственной думы и положенія о выборахъ въ государственную думу. Статьи 50 — 58 этихъ правилъ сохранили свое дѣйствіе въ полномъ размѣрѣ до сихъ поръ, и ими конституировалось открытіе третьей думы; въ отдѣлѣ постановленій, ограничивающихъ права уроженцевъ царства Польскаго, не упомянуто о правѣ министра торговли и промышленности закрывать частныя коммерческія училища за несоблюденіе ими принятыхъ обязательствъ по выполненію требованій указа 1 октября 1905 г. Можно было бы указать и еще нѣсколько существенныхъ пропусковъ, которые желательно было бы устранить при новомъ изданіи книги. Цѣнность книги увеличивается вслѣдствіе того, что указы и прочіе акты перепечатываются въ ней не въ голомъ видѣ изъ «Собранія узаконеній и распоряженій правительства», а съ соответственными соображеніями государственнаго совѣта, комитета министровъ, опредѣленіями сената. Эта особенность официальнаго освѣщенія приводимаго матеріала выгодно выдѣляетъ книгу г. Савича изъ среды другихъ сборниковъ подобного же характера.

В. Г.

А. И. Лотоцкій. На поворотѣ. Спб. 1907.

Въ наше время, время великихъ государственныхъ реформъ, всѣ общественныя группы такъ или иначе сознали свои интересы и заняли сообразно съ ними ту или иную позицію въ современномъ движеніи. Лишь одинъ общественный строй—духовенство—все еще стоитъ «на поворотѣ». И неизвѣстно, куда двинется оно окончательно: въ лагерь ли авангарда крѣпостническихъ классовъ, или въ станъ борцовъ за благо народа. «Въ общемъ,—справедливо отмѣчаетъ въ своей книгѣ г. Лотоцкій, — масса и высшаго и низшаго духовенства является пока однимъ изъ наиболее активныхъ органовъ воздѣйствія въ направленіи, противоположномъ современному освободительному движенію». И это тѣмъ болѣе странно, что внутри себя, внутри своего сословія, наше духовенство не чуждо реформаторскихъ тенденцій. Оно толкуетъ о крупныхъ реформахъ и готовится къ помѣстному собору, который долженъ обновить церковную жизнь, поставитъ ее на ту высоту, которая ей только и приличествуетъ, и съ которой она давно успѣла сойти...

Это странное противорѣчіе состоитъ въ томъ, что, стоя на поворотѣ къ новой жизни, духовенство отрицательно относится къ такому же повороту къ новой жизни другихъ общественныхъ слоевъ. И, чтобы понять это противорѣчіе, А. И. Лотоцкій подвергаетъ историческому анализу положеніе духовнаго сословія со временъ петровской реформы. Этотъ анализъ показываетъ намъ огромныя язвы сословія, наглядно и убѣдительно раскрытыя авторомъ. Вполнѣ соглашаясь съ нарисованной имъ картиной двухсотлѣтняго состоянія духовенства, мы не можемъ признать вѣрнымъ лишь взглядъ автора на петровскую реформу и ея значеніе для духовенства. По его мнѣнію, «новая струя западно-европейской цивилизаціи, такъ стремительно ворвавшаяся въ русскую жизнь, не только увлекла русское общество къ новому порядку вещей, къ

новымъ понятіямъ и идеаламъ, но и поставила его въ отрицательное отношеніе къ тому, что представляло характеристическіе признаки стараго строя и старыхъ условій жизни». Въ частности эта новая цивилизація вызвала въ обществѣ реакцію церковному дореформенному строю, выразившуюся прежде всего «въ подчиненіи идеи церкви идеѣ государства». На самомъ же дѣлѣ эта реакція выразилась въ усиленіи идеи подчиненія церкви государства, такъ какъ самая идея была присуща Московской Руси и торжественно была признана авторитетнымъ соборомъ судившихъ Никона патріарховъ. Вотъ почему реформаторское правительство Петра Великаго въ своей реформѣ могло опереться на часть духовенства, проникнутую уже этой идеей, и игнорировать или бороться съ другой, проникнутой противоположнымъ стремленіемъ—подчинить церковь государству. Въ виду этого, а также въ виду того, что церковная реформа производилась сверху, носила правительственный характеръ, а теперешняя реформа идетъ снизу, носитъ характеръ общественный,—параллель или аналогія, проводимая авторомъ между ролью духовенства тогда и теперь, намъ кажется не вполне правильной. Что же касается тѣхъ «глубокихъ, органическихъ язвъ», которыми страдало духовенство съ того времени и до нашихъ дней, то въ этихъ частяхъ книги, гдѣ собрана масса необыкновенно характерныхъ бытовыхъ картинъ XVIII вѣка, мы вполне согласны съ авторомъ. Согласны мы и съ объясненіемъ этого факта главнымъ образомъ тѣмъ «разрывомъ», который произошелъ со времени петровской реформы между духовенствомъ и интеллигенціей въ широкомъ смыслѣ этого слова, которая видѣла въ немъ воплощеніе невѣжества и обскурантизма, съ одной стороны, и народной массой, по отношенію къ которой оно явилось «органомъ гнета въ святая святыхъ народа—въ его религіозной совѣсти», съ другой стороны.

И теперь въ совершающемся переворотѣ духовенство должно занять то или иное мѣсто: «ему предстоитъ свободный выборъ—принять ли участіе въ живой общественной работѣ, или же занять противоположную позицію, которая и намѣчается теперь довольно опредѣленно». Приводимые А. И. Лотоцкимъ богатые и разнообразные историческіе факты должны убѣдить духовенство, что для него выгоднѣе: союзъ или разрывъ съ народомъ?

И. Ал.—ровъ.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. Спб. 1907.

Г. Кузьминъ-Караваевъ снискалъ большую популярность, какъ выдающійся дѣятель по литературно-корпоративнымъ организаціямъ, какъ заслуженный юристъ, какъ прекрасный лекторъ, дослужившійся въ военно-юридической академіи до генеральскаго чина, какъ блестящій журналистъ и, наконецъ, какъ передовой политическій борецъ. Большая публика знаетъ его преимущественно какъ политическаго дѣятеля, т. е. съ наиболее слабой стороны. Въ этой сферѣ своей дѣятельности онъ не проявилъ никакого личнаго творчества, не создалъ ничего своего, не нашелъ себя.

Какъ можно догадаться уже по его чисто служебной карьерѣ, г. Кузьминъ-Караваевъ не могъ, разумѣется, принадлежать къ крайнимъ партіямъ, подражая знаменитому г. Наливкину, пошавшему прямо изъ вице-губернаторовъ въ думскіе социаль-демократы. Заслуженный дѣятель военной юстиціи не пошелъ такъ далеко, и выступилъ въ рядахъ той болѣе умѣренной партіи, которая пыталась реализовать революціонное движеніе послѣднихъ лѣтъ установленіемъ въ Россіи конституціоннаго образа правленія. Теперь онъ выдустилъ въ свѣтъ собраніе своихъ статей и рѣчей, напечатанныхъ и произнесенныхъ за годы «освободительнаго движенія».

Сборникъ газетныхъ статей, посвященныхъ быстро пронесшимся событіямъ минувшихъ лѣтъ, при чтеніи оставляетъ впечатлѣніе какой-то публицистической кинофотографіи съ цѣлымъ рядомъ мелькающихъ въ хронологическомъ порядкѣ вопросовъ, тревогъ и пережитыхъ волненій. Читается онъ очень легко, потому что авторъ пишетъ въ высшей степени литературно, изящно, даже, пожалуй, немножко кокетливо. На нашъ грубый, воспитанный въ традиціяхъ простоты, русскій вкусъ стиль г. Кузьмина-Караваева изобилуетъ даже излишествомъ эффектовъ, немножко напоминающихъ рѣчи французскихъ ораторовъ, такъ что иной разъ невольно приходитъ на память безцеремонный упрекъ Базарова:

— И зачѣмъ ты, Аркадій, такъ красиво говоришь!

Но главный недостатокъ книги это—ярко чувствующееся при всемъ блескѣ слова отсутствіе непрерывнаго горѣнія страстно ищущей, страдающей, неустанно творящей мысли. Авторъ не ищетъ, онъ уже нашелъ истину и великодушно дѣлится сокровищами своего духа съ темнымъ и малокультурнымъ русскимъ читателемъ.

Въ области политической дѣятельности г. Кузьминъ-Караваевъ обнаруживаетъ всѣ недостатки человѣка каедры: излишнюю отвлеченность мышленія, удобную только при оперированіи съ отвлеченными же формулами, избытокъ неподвижной доктрины, мѣшающей свободному учету фактовъ дѣйствительности, и отсутствіе живой эластичности мысли, уподобляющее философа, ослѣпленнаго доктриной, человѣку, проглотившему ариинъ. Его лучшія политическія рѣчи производятъ слабое впечатлѣніе именно потому, что слишкомъ похожи на лекціи. Рядомъ съ такими политическими борцами за конституціонныя начала, какъ Родичевъ и Милюковъ, г. Кузьминъ-Караваевъ кажется скорѣе доктринеромъ конституціонализма. Самъ по себѣ онъ болѣе чѣмъ умѣренный человѣкъ; онъ, наиримѣръ, противъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, онъ далеко не прочь отъ избирательныхъ привилегій просвѣщеннаго меньшинства, онъ указываетъ на культурную опасность забастовочной революціи, на московскомъ земскомъ съѣздѣ онъ предлагалъ образовывать выборный комитетъ въ помощь первому конституціонному министерству графа Витте, онъ рѣшается пронизировать насчетъ политическихъ демонстрацій учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, и даже—страшно сказать!—осмѣлился высказаться противъ политическаго равноправія женщинъ! Не пиши онъ въ «Русь», его навѣрное давно бы объявили черносотенцемъ. Его нужно цѣнить, какъ несомнѣнно очень искренняго и честнаго человѣка, му-

жественно ставшаго во второй думѣ за порицаніе политическихъ убійствъ, но должно сознаться, что въ своихъ положительныхъ политическихъ предложеніяхъ онъ явно обнаруживаетъ значительную ослабленность. Все его прегрѣшенія прощаются ему лѣвымъ лагеремъ только за его слѣбую вѣрность конституціи. Онъ совершенно проникся догматомъ о конституціонномъ строѣ Россіи и при первомъ рѣзко антиконституціонномъ поступкѣ министерства Горемыкина выступилъ въ государственной думѣ съ предложеніемъ непосредственнаго обращенія отъ имени Думы къ народу, толкнувъ ее на гибельный путь, приведшій къ роспуску. Нуженъ ли былъ отвѣтный думскій манифестъ? Противорѣчіе пресловутаго министерскаго воззванія, устранявшаго думу отъ разрѣшенія аграрнаго вопроса, съ текстомъ манифеста 17-го октября, объявившаго, что ни одинъ законъ не получитъ силы безъ одобренія думы, прекрасно выяснялось распространяемыми по всей Россіи отчетами о думскихъ преніяхъ и могло быть закрѣплено простою резолюціею перехода къ очереднымъ дѣламъ, но люди, лишеныя здраваго политическаго чутія, до полнаго ошалѣнія загнивотизированные другъ другомъ, наивно увѣровали, что съ созывомъ думы единодержавная власть уже раскололась на двѣ, что они стали законорѣшающею силою въ странѣ, реагировали на министерское заявленіе, по предложенію г. Кузьмина, какъ на «прямой призывъ къ возстанію», какъ на «возбужденіе населенія къ ниспроверженію существующаго строя» и довели свою лояльность конституціи... до выборскаго воззванія. Первая роль въ этой наивной политической комедіи выпала именно на долю умѣреннѣйшаго и лояльнѣйшаго изъ ораторовъ партіи демократическихъ реформъ г. Кузьмина-Караваева, который и теперь послѣ печальнаго финала такъ неудачно затѣянной игры, воспроизводя въ книгѣ свои думскія рѣчи, повторяетъ, что 4-го іюля 1906 г. народъ удерживался отъ революціи только сдерживающимъ «авторитетомъ государственной думы», и что, если «вырвать у населенія этотъ авторитетъ, то тогда все неизбѣжно должно рухнуть и долженъ произойти крахъ». Крахъ дѣйствительно произошелъ, но не для правительства и не для государства, а для тѣхъ политическихъ лунатиковъ, которые хотятъ управлять судьбами народа, не заглядывая въ его душу и соображаясь только съ своими собственными теоріями.

И. Г.

В. А. Апушкинъ. Мищенко. Изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ. Спб. 1908.

Книжка подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ представляетъ собою второй опытъ автора по характеристикѣ нѣкоторыхъ личностей, участвовавшихъ въ послѣдней нашей войнѣ. Первая его характеристика, о которой мы имѣли случай сказать нѣсколько словъ въ № 2 «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ, касалась бывшаго, печальной памяти, главнокомандующаго манчжурской арміей Куропаткина и давала нѣсколько рельефныхъ и характерныхъ чертъ, подмѣченныхъ авторомъ во время пребыванія его въ главной квартирѣ, причемъ авторъ критически отнесся къ личности и дѣятельности

Куропаткина. Въ настоящемъ очеркѣ дѣло идетъ о другой личности, снискавшей себѣ большую популярность въ арміи, дѣйствовавшей въ весьма скромной обстановкѣ начальника небольшого передового отряда и только въ послѣдніе дни войны получившей самостоятельный отрядъ и самостоятельное назначеніе, именно о генералѣ Миценкѣ. Въ предисловіи къ своей книжкѣ авторъ говоритъ, что онъ не имѣетъ въ виду ни писать полную біографію генерала, ни сообщать точныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ его отряда, но желалъ бы показать его такимъ, какимъ онъ влдѣлъ его на бивакѣ и въ бою, и дать разгадку того обаянія, которымъ пользовался этотъ генералъ въ арміи, а затѣмъ и въ народѣ. «Это одно изъ немногихъ свѣтлыхъ воспоминаній, — говоритъ авторъ, — недавняго мрачнаго прошлаго, воспоминаній бодрящихъ, говорящихъ о томъ, что «есть еще порохъ въ нашихъ пороховницахъ», не изжила еще боевая сила русскаго народа, не изсякла еще несконная доблесть русскаго солдата и офицера, и что «плохи» они были тамъ, гдѣ были плохи ихъ начальники.

Желая обрисовать личность генерала, авторъ описываетъ дѣйствія «отряда Миценки» съ самаго начала кампаніи, съ дѣйствій въ Корей, причемъ, какъ очевидецъ, съ большою подробностью останавливается на дѣйствіяхъ, имѣвшихъ мѣсто до половины юня 1904 г. и лишь вскользь упоминаетъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ передового отряда, а также о важнѣйшей, но неудачной операциі — набѣгѣ на Инкоу, выпавшемъ на долю Миценки.

Несмотря на бѣдность фактической стороны, которая, впрочемъ, не составляла цѣли брошюры и была не подъ силу автору, за неимѣніемъ въ его распоряженіи точныхъ фактическихъ данныхъ, авторъ тѣмъ не менѣе даетъ массу бытовыхъ картинъ, обрисовывающихъ личность Миценки, его отношеніе къ солдату и офицеру, а главное — его отношеніе къ дѣлу, ему порученному. Картины эти живы и въ нихъ чувствуется правда.

«Желаніе драться», говоритъ авторъ, составляетъ духовную сущность Миценки. Оцѣнивая его именно съ этой стороны, авторъ настаиваетъ на томъ, что въ теченіе японской войны у насъ не было другого генерала, который столь же сильно былъ проникнутъ желаніемъ драться, драться во что бы то ни стало, какъ Миценко, который «воевалъ» бы такъ охотно, просто и легко. Эта особенность его характера всегда сказывалась въ томъ упорствѣ, съ которымъ Миценко исполнялъ каждую поставленную его отряду боевую задачу, совмѣщая при этомъ всю широту присущей ему инициативы со стремленіемъ возможно точнѣе исполнить данное приказаніе. «Чуть немножко, знаете, тяжело, такъ сейчасъ отступить, — возмущенно говорилъ Миценко, — такъ съ нельзя воевать!» Но исполнять самому свой долгъ и отдавать соотвѣтственныя приказанія еще недостаточно; надо вдохнуть въ подчиненнаго стремленіе выполнить приказаніе «на совесть», несмотря на затрудненія. И вотъ этимъ-то свойствомъ Миценко обладалъ въ полной мѣрѣ: въ его отрядѣ всѣ работали отлично, всѣ знали, что они на виду у своего начальника, который даромъ мотать людей не будетъ, а требуетъ необходимаго и умѣетъ цѣнить работу. Отрядъ Миценки, составленный изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, жилъ какъ одна семья, товарищество было настоящее боевое и для выручки своего начальника отряда былъ готовъ на все. Во время на-

бѣга на Инкоу извѣстный симпатичный французскій лейтенантъ Бюртенъ, постушившій на нашу службу, палъ геройскою смертью при атакѣ ханшиннаго завода Инкоу. Мищенко приказалъ во что бы то ни стало добыть тѣло Бюртена; но выполнить это было не такъ-то легко, и одной изъ колоннъ пришлось выдержать цѣлый бой, пока приказаніе генерала не было исполнено.

Отношенія Мищенки къ солдату были самыя трогательныя, попеченія объ немъ самыя внимательныя и живыя; а извѣстно, какъ цѣнокъ нашъ солдатъ къ этимъ проявленіямъ вниманія, какъ цѣнитъ ихъ и какъ готовъ отплатить за нихъ любимому начальнику. Поэтому не только давно входящія въ составъ передового отряда части были хороши, но всякая новая попадавшая въ него часть тотчасъ же тѣсно спланивалась съ другими и получала отъ нихъ добрую боевую закваску.

Такимъ рисуется Мищенко автору, приводящему въ началѣ книжки слѣдующія его слова: «Научная теоретическая подготовка въ нашемъ дѣлѣ, конечно, много значитъ, но если не имѣть желанія и стремленія драться, и драться какъ бы ни пришлось—цѣны не имѣетъ; ну, а со слабой подготовкой, но съ сердцемъ, преисполненнымъ жаждою схватки, съ душою, проникнутою чувствомъ долга, сдѣлать можно много...»

Эти слова, а также самыя дѣйствія Мищенки даютъ наиболѣе полную и обстоятельную его характеристику: это человекъ волевой по преимуществу, способный поставить себѣ цѣль и упорно настоять на ея исполненіи, способный оцѣнить обстановку и разобраться въ ней, не теряющійся при неожиданностяхъ и способный съ ними бороться, словомъ, это превосходный начальникъ авангарда и безукоризненный боевой начальникъ дивизіи.

Недостатокъ именно этого волевого элемента главнымъ образомъ и сказывался въ теченіе прошлой войны, въ особенности въ нашемъ командномъ составѣ, а потому высокое проявленіе его въ Мищенкѣ было особенно цѣнно и его надо было надлежащимъ образомъ использовать...

Издана книжка очень хороша; къ ней приложено много рисунковъ и фотографій.

Л. Е.

Слобожанинъ, М. На культурной работѣ. Очерки и воспоминанія. Спб. 1908.

Книга г. М. Слобожанина представляетъ собою сборникъ статей и писемъ автора по разнымъ общественнымъ вопросамъ, печатавшихся въ газетахъ и журналахъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ.

Содержаніе книги раздѣлено на четыре части: «Школа жизни», «Какъ мы устроили мужицкую академію», «Въ горахъ и предгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа» и «Письма изъ голоднаго края».

Въ первыхъ двухъ частяхъ описывается учительская дѣятельность автора въ деревенской глуши одного изъ уѣздовъ черноземной полосы, а въ двухъ послѣднихъ приводятся разныя замѣтки и передаются наблюденія и впечатленія автора, вынесенныя имъ изъ дѣловыхъ поѣздокъ его: въ качествѣ статистика—по нѣкоторымъ мѣстностямъ Кавказа въ 1890 году и при оказаніи голодающему населенію трудовой помощи—по среднему Поволжью въ 1899 году.

Описанія автора, его рассказы и приводимые имъ факты рисуютъ мрачную картину провинціальной жизни. Гдѣ онъ ни былъ, гдѣ ни работалъ, гдѣ ни производилъ свои наблюденія, вездѣ оказывалось одно и то же: съ одной стороны—некультурность массы населенія, отсутствіе среди него необходимыхъ знаній и какъ послѣдствіе этого—немощность, бѣдность и нищета, а съ другой стороны — неблагопріятныя и враждебныя условія, удерживающія народъ въ этомъ печальномъ и бѣдственномъ положеніи и мѣшающія его саморазвитію и проникновенію въ его среду источниковъ истиннаго просвѣщенія.

Культурная дѣятельность автора въ провинціи, среди народа и на пользу народа сопряжена была со множествомъ разнообразныхъ препятствій, затрудненій и непріятностей. Чтобы сдѣлать хоть немного полезное, достигнуть хоть какого-нибудь успѣха въ культурномъ, просвѣтительномъ начинаніи, необходимо было проходить сквозь строй тормозящихъ условій, выдерживать борьбу съ недоброжелательствомъ и человѣконенавистничествомъ. Каждый шагъ культурной работы оплачивался нравственными жертвами и матеріальными лишеніями.

Несмотря, однако, на всю трудность положенія культурнаго работника въ нашей глухой провинціи, авторъ призываетъ нашу молодежь идти въ народъ и дѣлать среди него необходимое культурное дѣло. Самъ авторъ былъ и остается убѣжденнымъ сторонникомъ идеи необходимости этой культурной работы и призываетъ за ней огромное, первостепенное значеніе. Признавая необходимость «въ крушыхъ и коренныхъ соціальныхъ преобразованіяхъ, въ политической реформѣ и въ дѣломъ рядѣ другихъ разнообразныхъ мѣропріятій общаго характера» и въ скорѣйшемъ, немедленномъ проведеніи ихъ въ жизнь, онъ не считаетъ однако ихъ достаточными, исчерпывающими великія современныя потребности народной жизни. На ряду съ ними должна идти болѣе мелкая, но столь же необходимая практическая культурная работа. Нужно при посредствѣ образовательныхъ учрежденій готовить народъ «къ сознательному отношенію въ области творческой государственной работы». Нужно «помочь народу въ разумномъ использованіи земли», «организовать взаимопомощь, самостоятельность и т. д. и т. п.».

И вотъ для этой-то, для подобной культурной работы авторъ считаетъ неотложно необходимымъ мобилизовать всѣ пригодныя силы страны спѣшно и основательно ихъ подготовить.

Въ краткой рецензіи невозможно охарактеризовать въ достаточной степени прекрасный трудъ г. М. Слобожанина. Трудъ этотъ глубоко интересенъ и заслуживаетъ полнаго вниманія не только по главной цѣли и основной задачѣ его изданія, но также и по тѣмъ подробностямъ, которыми изобилуетъ изложеніе автора въ отношеніи условій учительской дѣятельности въ провинціи, организаціи трудовой помощи, призрѣнія безпомощныхъ дѣтей, устройства доступнаго кредита и многихъ другихъ важныхъ сторонъ жизни провинціального населенія. Рассказы автора написаны тепло и искренно. Во многихъ случаяхъ они производятъ сильное впечатлѣніе яркостью красокъ и развертываемыми картинами народныхъ бѣдствій, нужды и горя.

В. Кузнецовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ФРАНЦИСКЪ I. Народныя массы имѣютъ свои психологическіе моменты, во время которыхъ проявляются вспышки гнѣва противъ королей, иногда не въ то именно время, когда дѣйствительно бываетъ мѣсто этому явленію, а гораздо позже, когда терпѣніе доходитъ до крайней точки. Такъ было въ 1789 г., когда народное возмездіе произнесло свой приговоръ надъ несчастнымъ Людовикомъ XVI, правда, государемъ неспособнымъ, но менѣе своихъ предшественниковъ заслуживавшимъ этого возмездія. Между тѣмъ расточительный, легкомысленный, подвергшій Францію плачевнымъ военнымъ пораженіямъ и унижительнымъ дипломатическимъ уступкамъ, Францискъ I, несмотря на всѣ злословія, ни на минуту не терялъ своей популярности. Этотъ король, которому услужливые историки приписали знаменитую фразу: «*Madame, tout est perdu fors l'honneur*», будто бы написанную имъ своей матери послѣ несчастнаго сраженія при Пави, уже въ раннемъ дѣтствѣ былъ обреченъ на неудачи своимъ предшественникомъ и дядей Людовикомъ XII Мудрымъ, умершимъ безъ прямого наследника, и на дочери котораго Клавдіи женился Францискъ I. «Этотъ толстый ребенокъ все испортитъ!» сказалъ про него Людовикъ XII — и эти слова сбылись, ибо никогда Франція не переживала такихъ ужасныхъ несчастій до плѣна короля включительно, никогда тамъ не тратились такъ безумно народныя деньги, какъ въ его царствованіе. Но въ то время, какъ на голову Людовика XVI сыпались обвиненія въ расточительности, Францискъ I, бросавшій на свои прихоти и войны народныя крохи болѣе, чѣмъ другіе французскіе короли, и разорявшій даже своихъ вельможъ, не только оставался безнаказаннымъ, но обаятельно дѣйствовалъ на своихъ подданныхъ. Секретъ этого обаянія заключался въ умѣннѣ примѣняться къ личностямъ, съ которыми Францискъ I встрѣ-

чался, что видно изъ сжатой, но вѣрно схваченной характеристики этого государя, помѣщенной Луи Батифолемъ въ ноябрьской книжкѣ «Revue hebdomadaire»¹⁾.

Родившись въ 1494 году, будущій Францискъ I рано лишился отца, Шарля Валуа, и остался на попеченіи своей матери Луизы Савойской. Двадцати одного года онъ сдѣлался королемъ Франціи и началъ свое царствованіе съ блестящей побѣды. По восшествіи на престолъ онъ задумалъ отнять у Максимилиана Сфорцы Миланъ. Съ этою цѣлью онъ высадился въ Италию, одержалъ побѣду при Мариньяно надъ швейцарцами, находившимися на службѣ у герцога Миланскаго, и торжественно вступилъ въ Миланъ, приобрѣвъ также и Геную. За этой блестящей побѣдой послѣдовалъ рядъ трактатовъ. Согласно Витербскому трактату, папа Левъ X передалъ Франціи Парму, Пьяченцу и подписалъ конкордатъ 1516 г. Но зато желаніе Франциска I добиться императорской короны не осуществилось, такъ какъ послѣ смерти Максимилиана въ 1519 г. она перешла къ его внуку, Карлу австрійскому, воцарившемуся подъ именемъ Карла V, а только породило знаменитую вражду между Франціей и имперіей, вызвавшую столько неудачныхъ для французовъ войнъ. Въ первую же войну съ Карломъ V въ 1521 г. Францискъ былъ разбитъ при Павіи и попалъ въ плѣнъ, откуда и написалъ матери вышеупомянутую громкую фразу о чести: въ сущности она была слѣдующая: «Чтобы васъ увѣдомить, каково мое несчастіе, то у меня осталось отъ всего только жизнь и честь». Его увезли въ Мадридъ, гдѣ онъ былъ принужденъ подписать уступку непріятелю Бургундіи, Шаролэ, Шато-Шинонъ, Оксоинъ, отказаться отъ сюзеренства надъ Фландріей и притязаній на Неаполь, Геную и Миланъ. Однако, возвратясь во Францію, Францискъ I протестовалъ и не хотѣлъ признавать подписанной имъ въ плѣну уступки, ссылаясь на то, что она была вырвана по принужденію—и война вскорѣ возобновилась. Она окончилась для него новой неудачей, и Франція вторично потеряла Италию.

На его счастье, непріятель былъ истощенъ войнами, и поэтому Франциску удалось нѣсколько смягчить Мадридскій трактатъ, заключивъ Камбрэйскій миръ и женившись на сестрѣ его врага, Элеонорѣ. Однако этотъ миръ былъ опять нарушенъ подъ предлогомъ убійства французскаго агента. На этотъ разъ Франція, хотя и одержала побѣду при Серизолѣ, должна была бороться противъ двойного вторженія—съ востока императора, а со стороны Пикардіи англійскаго короля. Но эти два союзника поссорились, и Карлъ V подписалъ съ Францискомъ I трактатъ въ Крепи (1544), а черезъ два года и Генрихъ V заключилъ миръ съ Франціей. Послѣдняя должна была отказаться отъ притязаній на Италию, но получила обратно Бургундію.

Такимъ образомъ въ царствованіе Франциска I Франціи пришлось вести безконечныя войны съ Карломъ V, приносившія ей только пораженія, и испытывать оскорбительныя дипломатическія неудачи. Эти неудачи происходили отъ легкомыслія Франциска I и его нежеланія заниматься серьезными дѣлами,

¹⁾ La Cour de François I. Par Louis Batifol. «La Revue hebdomadaire». 9 Novembre 1907.

на что его сестра Маргарита, герцогиня Орлеанская, вышедшая замужъ послѣ смерти герцога за Гевриха д'Альбрэ, жаловалась посланнику Джюстиниано. Это обстоятельство ее очень озабочивало, особенно въ виду разсудительности и выдержаннаго характера его ревниваго врага Карла V.

Дѣйствительно, легкомысліе Франциска проявлялось во всемъ, а главное въ вопросахъ, касавшихся государственныхъ дѣлъ. Его тяготили заботы короля и онъ не любилъ, когда ему напоминали о нихъ. Добродушный, относившійся ко всему легко и просто, онъ, не противорѣча, принималъ предлагаемые совѣты, безъ затрудненій соглашался на все, только бы скорѣе покончить со скучными дѣлами. Впрочемъ, когда дѣло шло объ очень важныхъ вопросахъ, Францискъ рѣшалъ ихъ самъ. Вообще это былъ человѣкъ, созданный для удовольствій, и если въ дѣтствѣ и юности онъ любилъ шумныя, опасныя игры и грубыя забавы, то впоследствии предпочиталъ болѣе утонченныя развлечения. Охоты, празднества, свѣтскіе разговоры, вѣчныя путешествія, поиски красивыхъ вещей, страсть наряжаться — вотъ любимыя занятія Франциска I въ болѣе зрѣлыя годы.

Батифоль склоненъ приписать недостатки характера и легкомысліе короля тому обстоятельству, что его воспитаніемъ занималась мать, Луиза Савойская. По его словамъ, быть можетъ, женское вліяніе отразилось на характерѣ короля. Его сестра Маргарита, впоследствии «очаровательная королева Наваррская», какъ ее называли, — женщина «умная, тонкая, нѣжная, добрая, сострадательная, неспособная никого презирать», любила его до обожанія и прощала ему всѣ ошибки, даже не пыталась его исправлять.

Однако, несмотря на все свое легкомысліе, Францискъ I не былъ такъ «галантенъ, измѣнчивъ и легкомысленъ» относительно женщинъ, какимъ его рисовали историки, представляя однимъ изъ самыхъ развратныхъ королей Франціи. Можетъ быть, оговаривается Батифоль, въ юности Францискъ порхалъ отъ одной женщины къ другой, но потомъ за нимъ насчитывались три главныя серьезныя увлеченія: къ Аннѣ де-Гравилль, придворной дамѣ Анны Бретонской, Франсуазѣ де-Фуа и Аннѣ Писслѣ, впоследствии герцогинѣ д'Этампъ. Первая изъ нихъ, молодая дѣвушка, привлекательной наружности, тонкая, черноглазая, съ высокимъ лбомъ, маленькимъ ротикомъ и розовымъ цвѣтомъ кожи, отличалась умомъ и артистическимъ талантомъ. Однако эта страсть Франциска была менѣе сильна, чѣмъ послѣдующія; притомъ ихъ романъ длился недолго: Анна бѣжала съ своимъ двоюроднымъ братомъ Шеромъ Бальзакомъ д'Антрэгомъ.

Вторая связь короля была серьезнѣе. Франсуаза де-Фуа, сестра извѣстныхъ отважныхъ воиновъ, въ 1509 г. вышла замужъ за Жана де-Лавали Шатобріана. Это была рослая, крѣпко сложенная брюнетка съ развитымъ умомъ и поэтесса. Но ей недоставало воспитанія и сдержанности. Мужа она не любила. Ея романъ съ королемъ начался въ 1516 г. по возвращеніи Франциска изъ плѣна. Ихъ отношенія не отличались гармоніей, и въ стихахъ, которыми они обмѣнивались въ большомъ количествѣ, какъ это было въ то время принято, находилось не мало колкостей. Она была повелительна и ревнива, король же — беззаботенъ и любитель посягать. Эта связь его тяго-

тила, и въ 1529 г. онъ ее порвалъ, избравъ новую фаворитку, полную противоположность прежней—Анну Писслё.

Семнадцатилѣтняя, блѣднолицая блондинка, съ очаровательной наружностью, тоненькая, граціозная, эта фрейлина Луизы Савойской отличалась вѣжностью и сдержанностью. Францискъ I замѣтилъ ее среди другихъ фрейлинъ, но старался скрывать произведенное на него впечатлѣніе. Ему этого не удалось, и Маргарита Орлеанская замѣтила его увлеченіе. Въ моментъ его отъѣзда въ Павію дворъ ничего не подозрѣвалъ; онъ узналъ объ этомъ по возвращеніи короля во Францію. Соперница была вѣ себя отъ гнѣва, и насмѣхалась надъ курчавыми волосами новой фаворитки. Король прислалъ ей письмо, въ которомъ объявлялъ о своемъ съ нею разрывѣ и сравнивалъ ее съ бѣшенымъ животнымъ. Новая связь короля длилась двадцать четыре года, до дня его смерти. Эта фаворитка, по словамъ Батифоля, была вѣрной, умной, любящей, спокойной подругой короля. Послѣ смерти его матери Анна де-Писслё сдѣлалась воспитательницей его дочерей, десятилѣтней Маргариты и семилѣтней Магдалины,—знакъ особаго уваженія и расположенія короля. Въ 1534 г. двадцативосьмилѣтняя фаворитка вышла замужъ за графа Пентьевръ. Король подарилъ ей графство д'Этампъ, которое превратилъ черезъ два года въ герцогство.

Жены короля не играли большой роли при дворѣ. Первая его жена, Клавдія, умерла двадцати пяти лѣтъ. Вторая, Элеонора, сестра его врага, держалась уединенно и не вмѣшивалась въ его дѣла.

Естественно, что, ведя разсыанную жизнь, король неизбѣжно былъ окруженъ и фаворитами, забиравшими власть себѣ въ руки. Въ началѣ царствованія у него было четыре или пять фаворитовъ: Бонивъ, Бріонъ, Моншеню и Монморанси. Онъ дѣлалъ все для нихъ и ничего для другихъ. Послѣ блестящаго похода противъ Карла V Монморанси сдѣлался первымъ фаворитомъ. Его помощники по управленію были адмиралъ Шабо де-Бріонъ и канцлеръ Пуаэ. Между ними была неприязнь: Монморанси и Пуаэ ненавидѣли Бріона и погубили его; король удалилъ его со службы, но потомъ и Пуаэ постигла та же участь. Въ концѣ своей жизни король довѣрялъ только адмиралу Клоду д'Аннебо и кардиналу Турнону. Францискъ I на все глядѣлъ ихъ глазами, совѣмъ передалъ имъ дѣла государства и, соглашаясь на все, что бы они ни предложили, совершенно предался придворной жизни и удовольствіямъ.

Дворъ Франциска I былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ дворцовъ французскихъ королей. Онъ первый изъ нихъ положилъ начало придворной жизни съ постоянными блестящими празднествами, цѣлымъ цвѣтникомъ красивыхъ и нарядныхъ женщинъ. Послѣднія особенно царили при его дворѣ, которому онъ старался придать какъ можно больше пышности. Такая блестящая рамка двора, со всѣми титулами и должностями, существовала очень долго, медленно преобразуясь, и съ небольшими перемѣнами держалась до эпохи Людовика XIV и Людовика XV.

Францискъ I былъ какъ бы созданъ для этой пышной придворной жизни. Онъ умѣлъ очаровывать своими разговорами, увлекалъ всѣхъ своей весе-

лостью и оживлялъ собранія своимъ воодушевленіемъ и хорошимъ настроеніемъ. Онъ читалъ мало и учился безпорядочно, но зналъ всего настолько, что могъ говорить о самыхъ разнообразныхъ предметахъ съ собесѣдниками всевозможныхъ профессій. Обладая необыкновенной памятью, онъ зналъ генеалогію всѣхъ своихъ придворныхъ и зналъ ее такъ же основательно, какъ и всѣхъ дворянъ своего государства. Ни одинъ король Франціи, даже Генрихъ IV, на котораго, съ одной стороны, онъ очень походилъ, не умѣлъ придать своимъ обѣдамъ и придворнымъ собраніямъ такую изящную привлекательность.

Онъ завелъ большой штатъ придворныхъ чиновъ и прислуги. Подъ начальствомъ гофмейстера, которымъ были послѣдовательно Буасси и Монморанси, находился камергеръ, завѣдывавшій спальнею короля, четыре камеръ-юнкера, исполнявшіе свои обязанности при королѣ по три мѣсяца и никогда его не покидавшіе. Въ ихъ распоряженіи находилось двѣнадцать пажей. Затѣмъ слѣдовала еще цѣлая фаланга камеръ-юнкеровъ; ихъ количество колебалось между двадцатью пятью и пятьюдесятью четырьмя. Все относившееся до матеріальной жизни короля лежало на обязанности двадцати дворецкихъ. Всѣ они были изъ дворянъ и въ ихъ распоряженіе предоставлялось около тридцати хлѣбодаровъ, двадцати пяти кравчихъ и пятнадцать столбниковъ. Кромѣ того, еще были особые лица, завѣдывавшія перепиской короля и государственнымъ бумагамъ, секретари и семь его личныхъ секретарей, не считая тридцати пажей, которыхъ называли «придворными дѣтьми». Ихъ обязанности были несложны: подавать королю требуемые предметы. Но главное ихъ держали для украшенія двора, такъ какъ эти прелестные, юные пажи носили богатыя изъ серебряной парчи одежды. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый штатъ комнатной прислуги, свыше ста человекъ, не считая громаднаго количества кухонной, а также музыкантовъ, егерей, кошоховъ и проч.

Королевы, принцы и принцессы имѣли свой особый, не менѣе многочисленный штатъ. Духовный персоналъ былъ очень великъ. Кромѣ того, при королѣ находился значительное число тѣлохранителей.

Всѣ они блестяли одеждами изъ серебряной и золотой парчи, которую очень любилъ Францискъ I. Но для такой многочисленной свиты трудно было найти подходящее помѣщеніе въ Парижѣ. Въ Луврѣ Францискъ I не жилъ: «этотъ дворецъ служилъ скорѣе тюрьмой для сокровищъ». Онъ жилъ болѣе въ Турнелѣ, близъ Бастиліи, или во дворцѣ, гдѣ помѣщался парламентъ. Тамъ была большая зала, которая въ торжественные дни украшалась коврами и возвышеніемъ для короля, убраннѣмъ различными матеріями. Во время баловъ въ залѣ зажигали восковыя свѣчи. Иногда король давалъ банкеты на дворѣ Бастиліи. Тогда онъ весь затягивался коврами, по которымъ развѣшивались гирлянды изъ плюща, и освѣщался 1.200 факелами. Послѣ банкета слѣдовалъ балъ, который назывался *à torches ardentes*.

Предъ Турнелемъ по временамъ устраивались турниры среди возвышенныхъ мѣстъ, покрытыхъ матеріями, гдѣ возѣзжали разряженные дамы. Два раза въ недѣлю Францискъ I собиралъ у себя веселое и блестящее общество. Онъ дѣлалъ это изъ политическихъ видовъ, какъ впоследствии писала

Карлу IX его невѣстка Катерина Медичи: «Я слыхала отъ вашего дѣда (Франциска I): чтобы жить мирно съ французами и чтобы они любили своего короля, надо ихъ держать по два дня веселыми, иначе они стануть заниматься болѣе опасными вещами».

Въ сущности, король не любилъ жить въ Парижѣ и вообще не терпѣлъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ. Мѣняя быстро настроеніе, онъ безпрестанно разъѣзжалъ и оставался едва по двѣ недѣли въ какой-нибудь мѣстности. За нимъ непремѣнно слѣдовалъ дворъ. Бенвенуто Челлини говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что для королевскаго путешествія требовалось до 12.000 лошадей; а когда его сопровождалъ весь дворъ, то 18.000 лошадей. Свита короля состояла изъ шести тысячъ всадниковъ и двѣнадцати тысячъ пѣшихъ. Жизнь придворныхъ во время этихъ путешествій была не веселая: если королевскій кортежъ прибывалъ вечеромъ въ какую-нибудь мѣстность, гдѣ не было достаточно помѣщеній, то придворнымъ приходилось располагаться лагеремъ въ палаткахъ или полотняныхъ шатрахъ, по-цыгански. Только королю было хорошо: къ его услугамъ все было готово. Обойщики, такъ называемые *herosteros*, ѣхали ранѣе его. Они устраивали ему жилище, ставили постель, разставляли мебель изъ его комнаты, чистили ковры и разстилали ихъ на землѣ. Къ его столу всегда хватало всякой провизіи. «Въ лѣсу ли, въ деревнѣ ли съ нимъ обходились, какъ въ Парижѣ», писалъ одинъ современникъ. Проѣзжая по Франціи, Карлъ V былъ этимъ изумленъ.

Но если королю жилось по-королевски во время его кочеваній, нельзя того же сказать о его свитѣ и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Отъ этихъ перемѣненій придворные разорялись, входя въ громадныя расходы. Иностранные посланники, не покидавшіе короля во время его путешествій, горько жаловались. Создавая первый современный дворъ, Францискъ I сохранилъ нравы первыхъ Капетовъ.

Лично ему такое существованіе стоило громадныхъ денегъ, но онъ никогда не обращалъ вниманія на расходы. По словамъ Батифоля, быть можетъ, изъ всѣхъ французскихъ королей онъ наиболѣе тратилъ денегъ блестящимъ образомъ, но необдуманно и беззаботно. Это разбрасываніе денегъ онъ вносилъ во все, любя роскошь ради роскоши. Онъ былъ законодателемъ моды, и въ это время она была для придворныхъ большимъ бременемъ. Все, что носилъ на себѣ король изъ украшеній, было изъ чистаго золота: многочисленныя брелоки, которыми онъ любилъ себя украшать, шпору, пуговицы, аграфы на его одеждѣ; даже чапракъ, покрывавшій его лошадь, былъ украшенъ золотомъ, одинаково и шелковые поводья. Его одежда дѣлалась изъ золотой парчи, какъ облаченіе духовенства. Онъ украшалъ свои пальцы брильянтовыми перстнями, носилъ бѣлье изъ самаго тонкаго голландскаго полотна, вышитое чернымъ шелкомъ, которое сохранялось въ раздушенныхъ сафьяновыхъ футлярахъ. Червильницы, флаконы, канделябры, посуда, музыкальные инструменты, на которыхъ онъ игралъ, и юпитры—все было изъ серебра. Бывали годы, когда его портной присылалъ ему счета на 15.000 ливровъ, что равнялось теперешнимъ 50.000 франковъ.

Дворъ долженъ былъ слѣдовать его примѣру, и въ дни церемоній вельможы и гвардія надѣвали золотую парчевую одежду, тогда какъ король по-

являлся въ бѣлоѣ, изъ серебряной парчи, а находившійся при немъ канцлеръ въ парадной пурпуровой мантии. На пажихъ и конюхахъ были одѣты также бѣлыя одежды — отчасти царчевыя, отчасти бархатныя. Царедворцы и дамы должны были отличать другъ предъ другомъ богатствомъ своихъ нарядовъ и по этому случаю имъ приходилось тратить на нихъ свои средства до послѣдней копейки. Публика любовалась на нихъ и въ то же время насмѣхалась надъ господами, «которые носили свои земли на своихъ плечахъ».

Особенно разорялся король. Въ другой періодъ исторіи Франціи, когда народное богатство было не такъ велико, подобная расточительность вызвала бы невообразимую бѣдность. Трудно опредѣлить, сколько именно перетрачивалъ Францискъ I, такъ какъ отчеты велелъ неправильно. Доходы, повидимому, равнялись почти тремъ милліонамъ золотыхъ эку, или 5.500.000 ливрамъ, а на теперешнія деньги 25 или 30 милліонамъ. На бумагѣ эти расходы, повидимому, уравнивались: на одежду короля полагалось 50.000 эку, 50.000 — на его удовольствія, 200.000 — на содержаніе гвардіи, 70.000 — на содержаніе королевы и ея дома, 300.000 — на содержаніе дофина и 40.000 — на охоту. Но въ дѣйствительности Францискъ I не раздумывалъ, когда тратилъ деньги, и, не сдерживаясь, безконечно повышалъ цифру расходовъ. Разорительныя войны, пенсіи, уплачиваемыя за границы, суммы, вручаемыя имъ англійскому королю, увеличивали его расходы, а потому невозможно опредѣлить, что стоило Франціи царствованіе Франциска I съ его блестящимъ дворомъ. Съ 1518 г. дефицитъ равнялся 1.261.203 ливрамъ. Для удовлетворенія короля прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ: занимали у всѣхъ и во всякое время — у городовъ, духовенства, французскихъ и иностранныхъ банкировъ; изобрѣли городскую ренту — первую попытку народнаго кредита; отчуждали земли, прибѣгали ко всякаго рода уловкамъ: увеличивали права и продавали мѣста. Батифоль говоритъ: чудо, какъ Франція не объявила себя несостоятельной! Но въ то время царило такое благоденствіе, что подданные платили, не очень сопротивляясь, и это подчиненіе очень удивляло одного иностраннаго посланника. Францискъ I ухитрился еще оставить послѣ смерти въ своей шкатулкѣ болѣе двухъ милліоновъ.

Такое безпорядочное растрачиваніе денегъ королемъ естественно должно было требовать жертвы искупленія. Этой жертвой былъ престарѣлый семидесятишестилѣтній казначей Самблансэ, казненный чрезъ повѣшеніе за поддѣлку документовъ и растраты.

Францискъ умеръ въ 1547 г., согласно легендѣ, отъ заразы смертельной въ то время болѣзнию, которая перешла къ нему отъ одной изъ его фаворитокъ, «красавицы Ферроньеръ» (*La belle Ferronière*). По легендѣ, ея мужъ, какой-то буржуа или адвокатъ въ парламентѣ, желая отмстить за измѣну жены, привилъ себѣ ядъ этой болѣзни, которая перешла къ женѣ, а затѣмъ къ королю. Но какъ существованіе этой фаворитки, такъ и подробности всего приключенія — смутны, и потому исторія передаетъ это, какъ легенду. Въ дѣйствительности король ежегодно страдалъ нарывомъ, послѣ вскрытія котораго чувствовалъ себя хорошо, и доктора находили это благопріятнымъ для его здоровья, но въ 1547 г. нарывъ не появился, и Францискъ I умеръ.

— Лессингъ.—Появившаяся въ «Revue Bleue» статья ¹⁾ французскаго публициста Шюкэ представляет довольно подробную характеристику нѣмецкаго писателя Лессинга и критику его произведеній. Какъ извѣстно, знаменитый критикъ и драматургъ избавилъ нѣмецкую сцену отъ псевдо-классицизма и французскаго вліянія, вообще относясь къ французскимъ классикамъ строго, чувствуя болѣе тяготѣнія къ Шекспиру, поэтому сужденіе критика Шюкэ, какъ француза, тѣмъ болѣе представляет интереса.

Готхольдъ Эфрамъ Лессингъ увидѣлъ свѣтъ въ 1720 г. въ маленькомъ саксонскомъ городкѣ Каменцѣ. Его отецъ, протестантскій пасторъ, далъ ему въ юности основательное классическое образованіе въ лейпцигской школѣ. По увѣреніямъ директора школы, «самые трудные уроки были для мальчика игрою, и эта лошадь требовала двойной порціи». Уже въ то время въ юномъ Лессингѣ проглядывалъ будущій критикъ и ученый, поэтому профессора находили его «любопытнымъ, насмѣшливымъ и дерзкимъ». Отправленный родителями въ лейпцигскій университетъ для изученія богословія, Лессингъ охотнѣе занимался классической древностью. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялся учиться танцамъ и фехтованью, стыдясь своей неловкости. Онъ сталъ посѣщать театры и вообще бросился въ вихрь свѣтскихъ удовольствій. Въ этотъ періодъ онъ написалъ нѣсколько комедій и въ одной изъ нихъ «Молодой ученый» осмѣялъ себя и педантизмъ его лѣтъ. Ведя разсѣянную жизнь, онъ запутался въ долгахъ и въ 1748 г. уѣхалъ въ Виттенбергъ, гдѣ оставался до 1755 г., впрочемъ, часто бывая въ Берлинѣ. Въ Виттенбергѣ онъ достигъ ученыхъ степеней. За это время онъ написалъ оды, пѣсни и эпиграммы, въ которыхъ было не столько поэзіи, сколько ѣдкой насмѣшливости. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ переводилъ иностранныя пьесы и напечаталъ собраніе сочиненій по театру, составлялъ драмы, какъ, напримѣръ, «Свободомыслящій», «Еврей», въ которыхъ онъ защищалъ вѣротерпимость, обѣялъ богослововъ, которыхъ несправедливо осудилъ ихъ вѣкъ, и давалъ отчеты о новыхъ книгахъ. Хотя тогда онъ только ощущивалъ почву критики, но его справедливая, строгая проникающая оцѣнка уже возбуждала къ нему уваженіе и заставляла его побаиваться. Онъ былъ безпристрастенъ и не стоялъ ни за сторонника французскихъ классиковъ, критика Готшеда, ни за его противниковъ, швейцарскихъ эстетиковъ, Бодмера и Брейтингера. Прищая обѣ партіи, онъ осмѣивалъ Готшеда и упрекалъ швейцарцевъ за ихъ хромую «александринщину» и пренебреженіе къ римѣ.

Какъ уже было упомянуто, Лессинга привлекали англійскіе образцы и, вдохновившись ими, особенно «Клариссой» Ричардсона и «Лондонскимъ купцомъ» Лилло, онъ написалъ свою «Sara Simpson». Шюкэ, находя въ ней слабая стороны, все же признаетъ ее первой нѣмецкой реальной трагедіей изъ буржуазной жизни.

Въ томъ же году Лессингъ отправился въ Лейпцигъ. Здѣсь, какъ только вспыхнула война, онъ превратился изъ саксонца въ пруссака — «друга великаго Фрица», какъ говоритъ Шюкэ. Увлеченный Эвальдомъ фонъ-Клейстомъ

¹⁾ Lessing. Par Arthur Chuquet. «Revue Bleue». 7 decembre 1907.

и Блеймомъ, онъ сталъ восторгаться Фридрихомъ и въ предисловіи къ своимъ «Воинственнымъ пѣснямъ одного прусскаго гренадера» говоритъ, что «героическія чувства, жажда опасности и гордость умереть за родину — такъ же естественны для пруссака, какъ для спартанца». Съ этого времени въ его стилѣ проявляется болѣе нервности, и онъ становится болѣе сжатымъ. Лессингъ начинаетъ противоѣдствовать плоскому, приторному языку своихъ современниковъ и добивается лаконизма. Ему это удается, и напечатанная имъ въ 1758 г. драма «Филотасъ» уже написана сильной, короткой прозой, точно также и басни, появившіяся въ слѣдующемъ году.

По мнѣнію Лессинга, всякія прикрасы противны цѣлямъ басенъ, и онъ хотѣлъ, чтобы онѣ, насколько возможно, были просты и коротки, дабы истина морали ярче освѣщалась. Поэтому его басни всѣ написаны прозой. Истиннымъ мастеромъ басенъ онъ считалъ Эзопа, вводившаго въ нихъ только необходимое; Федра же считалъ растянутымъ, потому что онъ писалъ стихами.

Хотя Лессингъ глубоко уважалъ Дидро и считалъ его своимъ учителемъ, но вообще къ французской литературѣ относился очень строго. Лафонтена онъ называлъ не баснописцемъ, а сказочникомъ, ибо онъ заявилъ, что хочетъ «придать веселости» своимъ баснямъ. Слово «веселость», по мнѣнію Шюкэ, Лессингъ понялъ въ очень узкомъ смыслѣ и сталъ увѣрять, что французскій поэтъ не имѣетъ за собою другой заслуги, какъ веселаго болтуна, а его басни — хорошенькія игрушки. Такая критика естественно не нравится Шюкэ, и въ защиту Лафонтена онъ говоритъ, что французскій поэтъ подразумѣвалъ подъ словомъ «веселость» извѣстную прелесть, пріятность, которую можно придать самому серьезному сюжету. «Точно эзоповскія басни единственная форма, въ какую можно облечь басни?» спрашиваетъ Шюкэ и въ отместку, находя въ басняхъ Лессинга много ума, тонкости и глубины, признаетъ ихъ слишкомъ сухими, слишкомъ голыми, безъ всякой наивности, естественности и живости. «Онѣ поучаютъ, — говоритъ Шюкэ, — но не нравятся, а въ такомъ случаѣ стоитъ ли писать басни?»

Въ томъ же 1759 г. появились «Briefe die neueste Literatur betreffend», и въ нихъ возвратившійся изъ Берлина Лессингъ выступилъ съ письмами къ Николаю и Мендельсону. Никогда критика Лессинга, по признанію Шюкэ, не была болѣе мѣткой, безошибочной и оздоровляющей; никогда она не дышала такой свѣжестью, молодостью выраженій, свободнымъ, воинственнымъ тономъ и гибкостью стили, какъ въ этихъ письмахъ. Между прочимъ Лессингъ напалъ въ нихъ на Готшеда за порчу вкуса публики и за скомпрометированіе будущности нѣмецкаго театра, благодаря тому, что авторъ искалъ образцовъ у французовъ, а не у англичанъ. Клопштока онъ осмѣивалъ за его религиозныя пѣснопѣнія, которыя «такъ полны сантиментальности, что читатель ничего не чувствуетъ».

Лессингъ участвовалъ въ этихъ письмахъ о литературѣ только два года и въ концѣ 1870 г. онъ уѣхалъ изъ Берлина въ Бреславль, гдѣ занялъ мѣсто секретаря генерала Тауэнцина. Здѣсь, составляя доклады и неистово играя въ фараонъ, онъ написалъ свою «Laokoön, oder über die Gränzen der Malerei und Poesie» и «Minna von Barnhelm» — первую нѣмецкую драму изъ современныхъ

событій въ Берлинѣ послѣ заключенія Губертсбургскаго мира, представивъ въ ней, повидимому, окружающихъ его лицъ.

Шюкэ находитъ въ послѣдней много достоинствъ, художественно очерченныхъ характеровъ, простоту сюжета, массу гениальныхъ подробностей, пикантныхъ эпизодовъ и остроумныхъ, разнообразныхъ разговоровъ. Что касается «Лаокоона», то въ немъ есть много полезныхъ истинъ. Здѣсь Лессингъ, какъ и вездѣ, является изслѣдователемъ. Какъ онъ пытался дать опредѣленіе басни, какъ отмѣчалъ въ своихъ письмахъ къ Мендельсону разницу между трагедіей и эпопеей, такъ и въ «Лаокоонѣ» онъ силится установить истинный характеръ пластическаго искусства и поэзіи. Онъ, какъ Винкельманъ, по словамъ Шюкэ, воображаетъ, что греческое искусство не выражаетъ сильныхъ движеній души. Но Винкельманъ увѣрялъ, что Лаокоонъ въ знаменитой группѣ совсѣмъ не кричалъ, такъ какъ крикъ былъ бы противорѣчіемъ величію и спокойствію души, которыя выступаютъ въ произведеніяхъ греческой скульптуры.

Лессингъ же оспариваетъ мнѣніе Винкельмана, напоминая, что герои Гомера всегда кричатъ, когда они ранены. Онъ утверждаетъ, что авторъ Лаокоона руководился не идеей морали, а самимъ принципомъ пластическихъ искусствъ: этотъ художникъ не хотѣлъ представить физическаго страданія во всей его живости; онъ смягчалъ его, изъ опасенія изуродовать дѣйствующихъ лицъ, и замѣнилъ крикъ—стономъ. На самомъ же дѣлѣ Лаокоонъ Вергилія кричитъ. «И это потому,—прибавляетъ Лессингъ,—что у поэзии другіе законы, чѣмъ у пластики, такъ какъ она слѣдуетъ за развитіемъ дѣйствія во всѣ его послѣдовательные моменты; художникъ же и скульпторъ, наоборотъ, могутъ схватить лишь одинъ моментъ». Такимъ образомъ Лессингъ показываетъ, что поэзія и живопись имѣютъ каждая свои приемы и средства. Онъ показываетъ, что его современники ошибаются, принимая слова Горация «*ut pictura, poesis*»—буквально. Онъ показываетъ, что Гомеръ исполнилъ задачу поэта, а не художника, превратилъ существующее въ послѣдовательное, представилъ дѣйствіе, и черезъ это Лессингъ нанесъ смертельный ударъ ложной описательной поэзіи, опредѣлилъ характеръ и предметъ поэзіи. По словамъ Шюкэ, конечно, Лессингъ дѣлалъ и ошибки, иногда его сужденія были рѣзки, онъ не придавалъ никакой важности живописи пейзажа и жертвовалъ лирической поэзіей, но въ «Лаокоонѣ» онъ сдѣлалъ откровеніе, и Гете это засвидѣтельствовалъ, сказавъ, что онъ почувствовалъ себя «освѣщеннымъ внезапнымъ свѣтомъ». Впрочемъ, это только отрывокъ, первая неоконченная часть большого труда, и самъ Лессингъ признавался, что «Лаокоонъ» только матеріалы для книги, а не систематическій трактатъ. Несмотря на всѣ его отступленія и извороты, Лессингъ тѣмъ не менѣе никогда не теряетъ изъ вида своего предмета и все, что онъ говоритъ, связано между собою и держится основательно.

Въ апрѣлѣ 1767 г. Лессингъ находился въ Гамбургѣ, гдѣ организовался театръ, который его основатели считали національнымъ. Лессингу предстояло давать отчетъ о каждомъ представленіи. Въ маѣ онъ выпустилъ первый номеръ «*Hamburgische Dramaturgie*», излечившей нѣмецкій театръ отъ французскаго вліянія и псевдо-классицизма. Но Лессингъ не поладилъ съ актерами, которые находили, что онъ не достаточно ихъ хвалитъ, и въ Пасхѣ 1769 г.

это предпріятіе окончило свое существованіе. Лессингъ говорилъ, что читатели пональ впроеать, рассчитывая на разборъ модныхъ пьесъ и анекдоты, ибо вмѣсто нихъ онъ писалъ о трагедіи. Такимъ образомъ, его «Dramaturgie» была чѣмъ-то въ родѣ театральной эстетики. Въ ней Аристотель является тѣмъ же, чѣмъ Гомеръ въ «Лаокоонѣ» и Эзонъ въ диссертаціяхъ о басыяхъ. Онъ утверждаетъ, что «Poetica» философа такъ же ненюгрѣшима, какъ элементы Евклида, и что трагедія не можетъ удалиться на шагъ отъ линіи, начертанной Аристотелемъ, не удалась на столько же отъ точки совершенства. Онъ напоминаетъ объ опредѣленіи трагедіи Аристотелемъ и потому находитъ, что французы не поняли его, а, слѣдовательно, ихъ трагедія не настоящая трагедія.

Аристотель довольно смутно писалъ, что въ трагедіи «дѣйствуетъ жалость, опасенія, оправданіе страстей этого рода», т. е. она возбуждаетъ жалость и опасеніе, но въ то же время ихъ оправдываетъ, исправляетъ и приводитъ къ истинной мѣрѣ. Корнель же, по мнѣнію Лессинга, плохо истолковалъ этотъ переходъ: онъ распространяетъ оправданіе на всѣ страсти, поэтому его трагедіи не заслуживаютъ этого названія. Подобная критика Лессинга не нравится Шюкэ, и онъ восклицаетъ: «Точно Аристотель былъ безусловный догматъ? Точно, что нравилось аѳинянамъ, должно нравиться также и французамъ? Развѣ драма не должна производить другихъ страданій, какъ опасеніе и жалость? Развѣ она не можетъ производить удовольствія и восхищенія?» Онъ объясняетъ строгое сужденіе Лессинга о французской драматургіи его недовольствомъ, что французская трагедія царствовала на нѣмецкой сценѣ. Онъ говоритъ, что по этой причинѣ онъ не переставалъ на нее нападать, упрская ее за недостатокъ дѣйствія, злоупотребленіе разговорами и высокопарность языка.

Однако Лессинга нельзя заподозрѣть въ ненависти къ французской націи, чего не дѣлаетъ и Шюкэ, такъ какъ нѣмецкій критикъ признаетъ однако въ Дидро «оригинальнаго генія, пробившаго тропинку въ неизслѣдованныхъ странахъ». Просто сущность нѣмецкаго характера не подходитъ къ французскому, на что Лессингъ указываетъ въ своихъ «Литературныхъ письмахъ». Тамъ онъ говоритъ, что нѣмецкіе вкусы склоняются къ англійскому театру болѣе, чѣмъ къ французскому, что нѣмцы хотятъ смотрѣть и думать; что великое, ужасное и меланхолическое они предпочитаютъ пассивному, любезному и нѣжному; что они болѣе любятъ сложное, чѣмъ простое. По мнѣнію Лессинга, одинъ Шекспиръ можетъ породить оригинальныхъ геніевъ и дать Германіи національный народный театръ. Онъ развиваетъ эту идею въ «Драматургіи» и говоритъ, что «Запру» вдохновила автору — галантность, а «Ромео и Юлія» были вдохновлены любовью. Сравнивая трагедію Шекспира съ французской, послѣдняя производитъ впечатлѣніе маленькой миниатюры для кольца возлѣ громадной стѣнной живописи. Шекспиръ не зналъ Аристотеля, котораго такъ хорошо изучилъ Корнель, но англійскій драматургъ лучше реализировалъ условія истинной драмы.

Эта критика Лессинга вызываетъ протестъ Шюкэ и, признавая ее справедливой по отношенію Радогунды, онъ находитъ несправедливымъ считать

Полиевкта франфарономъ и паяцомъ, находить въ Заирѣ менѣ ревности, чѣмъ въ Отелло, и порицать характеръ Полифонта въ «Мегоре». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ соглашается, что какъ бы ни былъ строгъ Лессингъ въ своей «Драма-тургии», тѣмъ не менѣ онъ обсуждаетъ важныя задачи и сѣчетъ новые виды и плодотворныя взгляды.

Послѣ смерти Винкельмана Лессингъ хотѣлъ поѣхать въ Римъ на его мѣсто, но въ это время наслѣдный герцогъ Брауншвейгскій предложилъ ему сдѣлаться бібліотекаремъ въ Вольфенбюттелѣ, и въ 1770 г. онъ отправился туда. Черезъ два года появилась его «Эмилія Галотти», которую Шюке критикуетъ, находя въ ней много недостатковъ и ничего шекспировскаго, напротивъ, много близкаго къ французской драмѣ. Въ ней дѣйствующія лица не говорятъ языкомъ страсти.

Послѣдніе годы жизни Лессингъ занялся богословіемъ и въ 1773 г. онъ началъ печатать свои работы и неизданные документы, извлеченные изъ вольфенбюттельской бібліотеки. Съ 1774 по 1777 гг. онъ включилъ въ это собраніе «Отрывки анонима». Этотъ анонимъ былъ гамбургскій профессоръ Самуилъ Реймарусъ. Онъ отвергалъ въ нихъ откровеніе, переходъ черезъ Красное море, священный характеръ св. писанія и воскресеніе Христа. Пять изъ отрывковъ появились въ 1773 г. и подняли настоящую бурю. Многие богословы опровергали анонима, а Лессингъ его отстаивалъ и написалъ злой, ѣдкій памфлетъ на одного изъ самыхъ сильныхъ противниковъ, пастора Гёце. Никогда еще Лессингъ, по словамъ Шюке, не отличался такой ѣдкостью и пыломъ, никогда еще его логика не была столь разнообразной и ловкой, какъ въ этомъ памфлетѣ, озаглавленномъ «Anti-Goeze». Седьмой отрывокъ анонима былъ напечатанъ въ 1778 г. и возбудилъ такой гнѣвъ богослововъ, что герцогъ Брауншвейгскій принужденъ былъ вмѣшаться въ это дѣло, и Лессингъ приостановилъ печатаніе эти «фрагменты». Тѣмъ не менѣ дорога была открыта для критики Библіи, благодаря Лессингу.

Теперь ему оставался театръ, и въ 1779 г. появился его «Nathan der Weisen» и двѣнадцатый (послѣдній) номеръ «Anti-Goeze», «ребенокъ, по его выраженію, которому полемика-помогла явиться на свѣтъ». Шюке признаетъ «Натана Мудраго» за самое прекрасное созданіе нѣмецкаго театра, хотя находить въ немъ недостатки. По его мнѣнію, въ немъ слишкомъ дѣйствуютъ случайности и невѣроятности; въ ней также господствуютъ разсужденія, мудрствованія и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаетъ красокъ.

Послѣдними произведеніями Лессинга были «Эристъ Фалькъ» и «Воспитаніе человѣческаго рода». Въ первомъ онъ защищаетъ масонство, но не такое, какъ оно есть, а какимъ оно должно быть: образующимъ мудрыхъ людей, стоящихъ выше духа секты и партіи, соединенныхъ любовью и культомъ добра подъ закономъ разума. Въ «Воспитаніи человѣческаго рода» Лессингъ поддерживаетъ мысль, что Богъ воспитываетъ людей мало-по-малу, даетъ имъ послѣдовательно нѣсколько откровеній: сначала понятіе о единомъ Богѣ, потомъ религію Іеговы, а затѣмъ христіанство. Но послѣ Ветхаго и Новаго завета явится вѣчное Евангеліе, лучшее положеніе, эпоха совершенства, когда смертныя будутъ дѣлать добро для добра, когда разумъ будетъ самъ

себѣ владыка. Такимъ образомъ, по «Лессингу воспитаніе человѣческаго рода совершится медленно, постепенно, но ложно, что прямая линия всегда самая кратчайшая, и Провидѣніе подвигается впередъ даже, когда думаютъ, что Оно пятится».

Въ заключеніе Шюкэ, высказывая свое мнѣніе, о Лессингѣ, говоритъ, что онъ никогда не переставалъ философствовать. «Какое было его ученіе?»—говоритъ онъ.—«Прочитавъ «Прометей» Гёте, Лессингъ сказалъ Якоби, что Спиноза его учитель, и во многихъ отрывкахъ онъ увѣрялъ, что міръ—это Богъ, что всѣ предметы реально существуютъ въ Богѣ, а не внѣ его. Поэтому Лессингъ—спинозистъ. Но, если онъ склонялся на сторону Спинозы, когда размышлялъ о природѣ, то, разсуждая о жизни и судьбѣ человѣка, онъ вдохновлялся Лейбницемъ.»

Далѣе Шюкэ прибавляетъ, что Лессингъ не былъ поэтомъ, и это онъ самъ признавалъ: онъ критикъ, до такой степени критикъ, что даже дѣйствующихъ лицъ своихъ пьесъ онъ заставлялъ разсуждать вмѣсто того, чтобы дѣйствовать. Но, будучи очень ученымъ, онъ къ этой учености присоединялъ еще пронзительность, прозорливость и ловкую логику, богатую ресурсами. Это первый изъ полемическихъ писателей: никто лучше его не умѣлъ опровергнуть ошибки, поразить противника неопровержимымъ могуществомъ аргумента. Если въ его драмахъ виденъ критикъ, то въ его критикѣ—драматическій писатель, Ему, по мнѣнію Шюкэ, иногда не хватало справедливости: онъ умышленно хулилъ французскую трагедію и не признавалъ за Готтшедомъ услугъ, оказанныхъ нѣмецкому театру. Но нѣмецкой литературѣ требовался такой человѣкъ, какъ Лессингъ: искренній, откровенный человѣкъ, который, по собственному его выраженію, говорилъ людямъ въ глаза то, что требовалось сказать, «хотя бы они издохли отъ гнѣва»,—человѣкъ, который, благодаря строгости своей критики и твердости убѣжденій заставилъ восторжествовать истину. У Лессинга была страсть къ истинѣ: онъ ее старательно и настойчиво искалъ, даже съ большей радостью искалъ ее, чѣмъ находилъ. По этому поводу онъ написалъ, что если бы Богъ предложилъ ему истину, то онъ отказался бы отъ подарка, потому что истина—только для Бога, и что ставить выше ее тревожную любовь, которую она вдохновляетъ.

Стиль Лессинга Шюкэ признаетъ образцовымъ, и этотъ стиль, какъ онъ самъ, его ясный, точный, гладкій, нѣсколько сухой, безъ всякихъ прикрасъ и эффектныхъ словъ. Но въ немъ есть образы, которые усиливаютъ его доводы и придаютъ имъ рельефность, а въ его лаконизмѣ—поразительная точность, захватывающая сила, что-то гордое, колкое, даже саркастическое и горькое. «Лессингъ,—оканчиваетъ Шюкэ свою статью,—самый сильный изъ нѣмецкихъ писателей и со всѣми его недостатками, одинъ изъ тѣхъ, которые болѣе всего внушаютъ намъ уваженіе; въ этомъ суровомъ, необходимомъ противникѣ есть что-то воинственное, героическое, чего нѣтъ въ другихъ».

— Жена Мирабо. — О неудачномъ бракѣ Мирабо уже много писали историки, но довольно односторонне, освѣщая причины его разрыва съ женою только по документамъ, касавшимся его, и оставляя въ тѣни личность графини

Мирабо. Теперь появилась въ Парижѣ новая книга ¹⁾ Дофэна Мёнье, написанная по найденнымъ новымъ документамъ, относящимся прямо къ личности графини.

Марія-Маргарита де-Ковэде Мариньянъ родилась 3 сентября 1752 г. въ городѣ Э. Ея отецъ, владѣлецъ Витролля, Синьяка, Сэнъ-Викторэ и др. помѣстій, былъ губернаторомъ Золотыхъ острововъ, крѣпостей Поръ-Кро и Леванъ, корнетомъ королевской гвардіи и занималъ видныя мѣста въ городской и провинціальной администраціи. Мать графини, Анна-Габріэль Мабиль де-Маливерни, была единственной дочерью представителя парламента въ Э. Маркизь де Мариньянъ былъ «милымъ эпикурейцемъ, добродушнымъ и вполне почтеннымъ». По словамъ дяди Мирабо, маркизь каждое утро проводилъ четыре часа съ «Mercure» въ рукахъ, положивъ ноги на рѣшетку камня. Остальное время дня принадлежало его повару, знаменитому во всемъ Провансѣ. любовницѣ, г-жѣ Крозъ, и близкому пріятелю, графу Вальбеллю. Мать графини была женщина живая, капризная, остроумная и непріятная. Оба супруга жили врозь «по причинѣ здоровья». Маленькую Эмили отдали воспитываться въ монастырь, а затѣмъ она перешла въ руки бабушки, вдовы Мариньянъ. Послѣдняя удалилась отъ двора въ Э съ своимъ любовникомъ, маркизомъ де-Вансѣ—красавцемъ и настоящимъ отцомъ Эмили. Дѣвочка скучала съ ворчливой бабушкой и двумя угрюмыми и алчными тетками. Отецъ часто бралъ ее съ собою къ Вальбеллю въ замокъ, гдѣ собиралась вся провинціальная знать. Какъ только молодая дѣвушка появилась среди этихъ веселящихся женщинъ и мужчинъ, живущихъ только для удовольствій, всѣ принялись подыскивать ей жениха.

Искать пришлось не долго: имя Мариньяновъ и большое состояніе привлекали цѣлую толпу искателей ея руки. Впрочемъ, и сама молодая дѣвушка нравилась своей веселостью и прелестнымъ голосомъ, за который Мирабо прозвалъ ее «мелодичной обезьяной». Черты ея лица были хотя неправильны, но выразительны, а ея подвижная и умная фізіономія освѣщалась парой большихъ черныхъ глазъ. Ее хотѣли выдать замужъ за маркиза Лаваллета. Въ виду были еще нѣсколько маркизовъ, и наконецъ даже графъ Вальбелль, который былъ на два года старше будущаго тестя и имѣлъ старую любовницу де-Ролланъ. Но Вальбеллю предстояло много трудностей, чтобы отдѣлаться отъ этой «madame de Château», какъ ее прозвали, и актриса Клеронъ, долго находившаяся въ связи съ Вальбеллемъ, съ любопытствомъ ожидала развязки. Но «madame de Château» стойко защищала свою позицію.

Тогда подоспѣлъ молодой Мирабо. Молодой, но некрасивый Мирабо, имѣвшій привычку прибѣгать къ казарменнымъ выраженіямъ, перемѣшивавшимся съ взрывами краснорѣчія, слылъ за опаснаго «негодяя». Впрочемъ, несмотря на его внѣшность рубаки, онъ умѣлъ нравиться, особенно своимъ чарующимъ голосомъ. Онъ сдѣлалъ предложеніе Эмили, но получилъ отказъ. Вторичное предложеніе невольно было принято: хотя Эмили не была романтична, но имѣла слабость, и въ одно прекрасное утро конюхи замѣтили въ одномъ изъ оконъ дома Мариньяновъ мужчину въ нижнемъ бѣльѣ, который умышленно хо-

¹⁾ La comtesse de Mirabo (1752—1800). Par Dauphin Meunier. Paris.

тѣмъ обратить на себя вниманіе прохожихъ. Это былъ Мирабо. Послѣ такого приключенія о вторичномъ отказѣ нельзя было думать—и бракъ состоялся 23 іюня 1772 года.

Медовый мѣсяцъ длился недолго. Ни отецъ, ни мать Мирабо не присутствовали на свадьбѣ. Обѣ семьи дали молодымъ небольшое содержаніе, едва 8000 франковъ въ годъ. Но Мирабо въ четыре раза болѣе былъ долженъ лонскимъ и провансальскимъ евреямъ. Свадьба была великолѣпна; на нее потратились по-королевски. Однако вужда, начавшаяся на другой день свадьбы, приводила Мирабо въ бѣшенство. Молодые уѣхали въ замокъ Мирабо. Мѣстность славилась живописнымъ видомъ, но старое помѣщеніе было наводнено клопами. На другой же день Мирабо хотѣлъ посвятить жену въ двойную игру, которую онъ велъ съ родителями, лаская ихъ обоихъ въ одно и то же время въ надеждѣ извлечь пользу изъ ненависти, которую они питали другъ къ другу. Такимъ образомъ молодая женщина съ перваго же дня узнала всѣ тайны этой странной семьи, въ которой ей предстояло жить.

Старинная феодальная обстановка замка не подходила къ вкусамъ Мирабо, и онъ ее совершенно измѣнилъ. Самымъ лучшимъ мѣстнымъ декораторамъ, позолотчикамъ и столярамъ было поручено отдѣлать заново домъ. Не считая денегъ, онъ накупилъ жемъ нарядовъ и брилліантовъ. Двери замка были открыты для всѣхъ. Мирабо далъ волю своей расточительности, и вскорѣ кредиторы приступили къ нему съ требованіями уплаты денегъ, но онъ ихъ побилъ. Тогда они подали въ судъ. Бывшіе женихи Эмили ихъ ободряли и поддерживали. Такъ прошелъ первый годъ брачной жизни Эмили среди безумствъ и бурь.

Осенью 1773 г. она отправилась въ Э, гдѣ родила сына Виктора-Эмануила-Габріэля, котораго прозвали Гого. Мирабо невозможно было долѣе жить въ Э и онъ остался въ замкѣ Мирабо. Черезъ недѣлю онъ заложилъ брилліанты жены, чтобы добыть денегъ. Эмили осталась безъ средствъ и начала жаловаться на судьбу. Мирабо думалъ или дѣлалъ видъ, что думаетъ, что жена вступила въ соглашеніе съ его преслѣдователями. Въ это время въ замокъ пришелъ указъ объ его арестѣ, и онъ былъ тамъ задержанъ. Вскорѣ пріѣхала Эмили, и они провели зиму въ полуразоренномъ домѣ, гдѣ всѣ работы были пріостановлены за неимѣніемъ денегъ. Окна затворялись плохо, и въ щели дулъ вѣтеръ.

Мирабо ради развлеченія все чаще и чаще посѣщалъ свою двоюродную сестру г-жу Лимэй Каріюли—красивую особу, «полную, какъ турокъ, и легкую, какъ баскъ... настоящаго бѣса», которая любила ѣздить верхомъ въ мужской одеждѣ.

Тѣмъ временемъ Эмили, чтобы разсѣять скуку въ своемъ уединеніи, охотно выслушивала нѣжные разговоры молодого мушкетера, родители котораго жили въ Маноскѣ, недалеко отъ Мирабо. И въ одинъ прекрасный день въ руки Мирабо попало письмо этого мушкетера, очень ясно говорившее объ ихъ отношеніяхъ. Онъ простилъ имъ измѣну, но требовалъ, чтобы жена написала, подъ его диктовку, письмо о разрывѣ. Затѣмъ, великодушно бросивъ въ каминъ компрометирующее письмо, обманутый мужъ сохранилъ однако написанное женою признаніе. Такъ какъ разводъ навсегда испортилъ бы дѣла Мирабо,

то онъ рѣшился лучше простить измѣнницу. Эмили не трудно было это понять, на новыя насилія мужа она отвѣтила оскорбленіемъ, за что Мирабо далъ ей пощечину. Всѣ эти потрясенія расшатали ея здоровье; она была беременна и выкинула.

Между тѣмъ Мирабо былъ скомпрометированъ непредвидѣннымъ скандаломъ. Въ отмщеніе за диффамацию относительно его сестры г-жи Кабри, отъявленной интриганки, онъ побилъ одного грасскаго дворянина, Вильвѣв-Муанъ, и всѣ родственники послѣдняго подали на Мирабо жалобу. Но всего важнѣе въ этомъ дѣлѣ было то, что, отираваясь въ Грассъ, онъ нарушалъ приказъ короля объ его арестѣ, и ему угрожала крѣпость. Только его отецъ, добившійся приказа объ этомъ арестѣ, могъ умилостивить министровъ. Мирабо ничего лучше не нашель, какъ послать къ нему Эмили. Она оставила мужа и сына и отправилась вымаливать милосердія у стараго маркиза. Такъ окончилась ея брачная жизнь въ 1774 году.

Старый маркизь, или, какъ его называли, «другъ народа», въ это время жилъ въ своемъ замкѣ Биньонъ. Онъ хорошо принялъ Эмили, но ничего не обѣщалъ ей. Въ сущности, онъ ничего не имѣлъ противъ ареста сына, надѣясь, что это сдѣластъ его послушнѣе, а также будучи доволенъ, что его жена лишится цѣннаго союзника. Угадала ли Эмили его мысли и планъ, была ли обманута веселымъ настроеніемъ этого фальшиваго человѣка, или виолнѣ съ нимъ согласилась, чтобы обмануть мужа, въ чемъ послѣдній ее обвинялъ, — до сихъ поръ оставалось не выясненнымъ. Теперь, даже имѣя всѣ ея письма, все-таки трудно рѣшить, что было въ нихъ искренняго и ложнаго, откровеннаго и притворнаго, нѣжнаго и немного плутовскаго. Можетъ быть, она безъ сожалѣнія покинула угрюмый замокъ, гдѣ она немного любила и много страдала, и съ удовольствіемъ отдалась жизни безъ бури и грозы. Но крайней мѣрѣ въ свое посольство она не вложила достаточно жара, на какой разсчитывалъ Мирабо. Между тѣмъ она была искренна, когда выражала къ нему нѣжность, въ письмахъ, что случалось очень часто. Находясь вдали отъ него, защищенная отъ его насилій, Эмили почувствовала къ нему жалость, даже болѣе того. Увѣряя въ своихъ первыхъ письмахъ, что она готова возвратиться по первому его зову и раздѣлить съ нимъ несчастія и заключеніе, если онъ находитъ это нужнымъ, — она не лгала.

Когда Мирабо былъ заключенъ въ замокъ Пфъ, ихъ переписка продолжалась, но тонъ ея уже былъ не прежній. Эмили сопровождала свекра въ Парижъ. Она знала, что всѣ евреи Прованса осаждали замокъ Мирабо, и хотя не признавалась, но чувствовала себя довольной въ безопасномъ мѣстѣ. Она не сопротивлялась, когда ее приглашали въ театръ, хотя писала мужу: «Но я буду испытывать удовольствіе, только когда ты раздѣлишь его со мною». Она умоляла его потерпѣть. Когда же Мирабо просилъ ее возвратиться въ Провансъ, она искала предлогъ, чтобы уклониться отъ этого, и ссылалась на отца, маркиза Мариньяна. Она не могла скрыть своего удовольствія, когда узнала, что Мирабо утѣняется въ своемъ несчастіи, ухаживая за женою маркиганта: «значитъ онъ виолнѣ здоровъ», — и она остается въ Парижѣ.

Тогда Мирабо раздражается упреками, что она ему измѣнила и вступила въ союзъ съ отцомъ. Эмили ухватилась за это и подъ предлогомъ, что возму-

цена его подозрѣніемъ, стала рѣже писать. Вскорѣ его перевели въ крѣпость Жуи, гдѣ онъ познакомился съ Софи Монье. Желая вытѣснить зародившуюся страсть и ея ужасныя послѣдствія, онъ хотѣлъ поставить между собою и Софи непреодолимое препятствіе въ лицѣ Эмили и умолялъ ее пріѣхать къ нему и бѣжать съ нимъ за границу. Но было поздно: маркизь Мирабо купилъ домъ королевы Маргариты и поселился тамъ въ надеждѣ, что близко то время, когда дворъ наконецъ отдастъ справедливость его теоріи экономизма; Эмили раздѣляла иллюзіи свекра, и въ то время, когда она мечтала о Версалѣ, мужъ предлагаетъ ей лишенія и изгнаніе. Къ тому же слабо вспыхнувшая страсть послѣ ихъ разлуки теперь погасла—и въ отвѣтъ онъ получилъ категорическій отказъ. Однако Мирабо не измѣнилъ своего намѣренія бѣжать за границу, только вмѣсто Эмили его сопровождала Софи.

Какъ извѣстно, Мирабо былъ арестованъ по настоянію отца и маркиза Мариньяна.

Тогда свекоръ далъ понять Эмили, что ея присутствіе въ его домѣ теперь бесполезно,—и она возвратилась въ Провансъ. Въ это время ей было двадцать пять лѣтъ; она была свободна и желала забыть все несчастія своего перваго брака. Она жила у отца, показывалась во всехъ театрахъ и замкахъ, гдѣ все рукоплескали ей за ея прекрасный голосъ. Графъ Галиффе устроилъ въ своемъ замкѣ «*Compt d'amour*», гдѣ она была королевой. Смерть ея сына, о которой она узнала, находясь на сценѣ, причинила ей сильное горе, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ она пришла въ себя.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Мирабо появился въ Провансъ и вернулся въ домъ своихъ предковъ. Все думали, что согласіе между супругами возможно, и дядя Эмили сказалъ, что Мирабо готовъ съ нею сойтись. Но она холодно отвѣтила, что прежде, чѣмъ согласиться на это сближеніе, Мирабо надо отправиться въ Америку и сражаться вмѣстѣ съ американцами противъ англичанъ. Такое странное рѣшеніе Эмили не отняло у Мирабо надежды. Онъ продолжалъ настаивать, но она оставалась глуха на все его призывы къ ея сердцу и уму, находясь подъ влияніемъ оныянія своимъ свѣтскимъ уенѣхомъ. Очевидно, и Мирабо главное хотѣлъ надѣлать шуму, а не вернуть къ себѣ жену, иначе онъ сумѣлъ бы добиться ея возвращенія, хотя бы тѣмъ способомъ, какимъ устроилъ свой бракъ къ нею.

Затѣмъ послѣдовалъ процессъ, дуэль съ графомъ Галиффе, но обо всемъ этомъ уже много разъ рассказывали въ біографіяхъ Мирабо. Относительно же того, что переживала Эмили за это время, мало извѣстно. Если она и страдала во все это время, то не очень глубоко и вскорѣ забыла о своемъ горѣ. Ея слабая легкомысленная голова не помнила болѣе о трагедіи. Ея жизнь потекла такъ, какъ предсказалъ Мирабо въ палатѣ города Э. «Ее увидятъ, ее увидятъ, какъ видѣли на прогулкахъ—безъ отца, въ клубахъ—безъ огня, на представленіяхъ—безъ отца. Ее видѣли наслаждавшейся въ обществѣ человѣка, у котораго нѣтъ жены; ее видѣли въ домѣ этого человѣка, гдѣ она доставляла удовольствіе на любительской сценѣ. Въ имѣніи отца ее видѣли и еще увидятъ посѣщающей домъ, извѣстный, какъ мѣсто свиданія людей, ищущихъ удовольствій, живущей тамъ въ многочисленномъ обществѣ, въ которомъ гораздо болѣе мужчинъ,

чѣмъ женщинѣ, живущей подь одной кровлей съ самой изящной молодежию». Дѣйствительно, такъ протекала жизнь графини Мирабо до революціи.

Въ началѣ марта 1789 г. Мирабо вступилъ въ Э триумфаторомъ. Народъ называлъ его «отцомъ родины». Улицы были иллюминированы и народъ толпою устремился къ дому маркиза Мариньяна и умолялъ графиню вернуться къ мужу. Она его выслушала и, повидимому, съ той минуты хотѣла сближенія съ Мирабо. Съ этого времени между ними завязалась переписка, и Эмили при посредствѣ г-жи Силльянъ давала ему совѣты относительно политическихъ событій. Мирабо имѣлъ планъ пріѣхать въ Э и увезти ее въ Парижъ, но смерть, постигшая его 2 апрѣля 1791 г., помѣшала его исполнить.

Дальнѣйшая жизнь графини Мирабо была не блестящая. Вскорѣ она воспользовалась своей свободой и снова вышла замужъ за незначительнаго дворянина, сардинскаго офицера графа Ларока, съ которымъ она познакомилась въ Ниццѣ. Ея отецъ возмущался этимъ неравнымъ бракомъ, но Эмили была влюблена въ Ларока и протестъ отца заноздалъ, такъ какъ у нея родился ребенокъ. Этотъ бракъ былъ несчастливъ: ея мужъ получилъ серьезную рану на войнѣ, а она серьезно захворала. Когда она поправилась, то отправилась въ Провансъ и Парижъ, чтобы въ качествѣ иностранки вернуть конфискованныя имѣнія родителей. Въ Лионѣ она получила извѣстіе о смерти мужа и, возвратясь въ Парижъ, поселилась тамъ въ домѣ Мирабо у своей золовки и жила на 154 франка въ мѣсяцъ. Занятое ею помѣщеніе было когда-то предназначено отцомъ для Мирабо. Почему она выбрала именно его послѣ того, какъ измѣнила памяти мужа, объяснить трудно. Но всего болѣе странно, что она стала питать какую-то страсть къ тѣни своего перваго мужа, не думала возвращаться къ родителямъ и оставила сына отъ втораго брака на рукахъ у чужихъ людей. Эмили жила среди книгъ, портретовъ и писемъ чловѣка, котораго сама же оттолкнула. Она все забыла и любила его, даже думала, что и прежде любила. Наконецъ Эмили захотѣла, чтобы его останки были похоронены вмѣстѣ съ нею, и перенесла ихъ на кладбище св. Екатерины. Она умерла 48 лѣтъ въ постели, гдѣ умеръ Мирабо.

— Золотая посредственность на тронѣ. — Такъ можно охарактеризовать королеву Викторію по ея перепискѣ, только что изданной на англійскомъ, а также французскомъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ Викторія не была гениемъ, но, по мѣткому выраженію англійскаго публициста Стэда въ его критической статьѣ въ «Review of Review's», ¹⁾ она представляетъ въ своей долгой государственной жизни образецъ конституціоннаго монарха и политическаго дѣятеля средняго класса, въ ея эпоху державшаго въ своихъ рукахъ равновѣсіе власти. Кромѣ того, она была одарена здравымъ смысломъ и любовью къ правдѣ, что побудило Брайта сказать: «Во всю свою жизнь я не встрѣчалъ такого безусловно правдиваго существа, какъ королева Викторія».

Въ продолженіе всей своей жизни она имѣла привычку сохранять и классифицировать всѣ письма, которыя писала и получала; но, несмотря на глубокой

¹⁾ The Letters of Queen Victoria. Edited by A. C. Benson and Viscount Esher. 3 vol. London, 1907.

интересъ этой обширной переписки, невозможно напечатать ее цѣликомъ даже въ сотняхъ томахъ. Поэтому Эдуардъ VII благоразумно выбралъ изъ нея тѣ письма, которыя служатъ драгоценными документами для характеристики Викторіи и для исторіи ея времени. Подробности этого значительнаго труда онъ поручилъ двумъ англійскимъ писателямъ А. Бенсону и виконту Эшеру. Они чрезвычайно удачно использовали громадную массу доставленныхъ имъ матеріаловъ. Для перваго раза эти авторы напечатали три объемистые тома, заключающіе въ себѣ исторію первыхъ двадцати четырехъ лѣтъ царствованія Викторіи, отъ ея восшествія на престоль, въ 1837 г., до смерти ея мужа, принца Альберта, въ 1861 г. Такимъ образомъ письма, вышедшія въ послѣдніе мѣсяцы прошедшаго года на англійскомъ языкѣ, а въ первые дни нынѣшняго года—на французскомъ, даютъ возможность читателямъ составить себѣ полное понятіе о конституціонной школѣ, которую прошла Викторія, и первой половинѣ ея государственной дѣятельности.

Хотя новая книга названа Бенсономъ и Эшеромъ «Письма королевы Викторіи» и, дѣйствительно, большею частью она наполнена личными письмами Викторіи къ различнымъ коронованнымъ особамъ и важнѣйшимъ государственнымъ лицамъ Англій, но такъ какъ въ ней помѣщены и нѣкоторые отвѣты означенныхъ лицъ, то правильнѣе было бы назвать эти три тома не письмами, а перепиской королевы.

Самымъ ближайшимъ совѣтникомъ, другомъ и учителемъ Викторіи, благодаря которому она приобрѣла конституціонныя познанія, былъ король бельгійскій Леопольдъ I, а потому и переписка извѣстныхъ лицъ съ нею начинается его письмомъ къ юной четырнадцатилѣтней Викторіи, когда она еще находилась далеко отъ престола и была простой принцессой, дочерью герцога Кентскаго. Въ этомъ любопытномъ письмѣ онъ совѣтуетъ своей племянницѣ уже работать надъ образованіемъ своего ума и характера, однимъ словомъ,— «думать о насажденіи молодого дерева, которое должно давать плоды всю ея жизнь». По его словамъ, характеръ будущей королевы долженъ быть такъ закаленъ, чтобы не поддаваться ни величію успѣха, ни отчаянію несчастія. Для этого необходимо оцѣнивать обстоятельства по ихъ настоящему значенію и особенно не придавать большой важности незначительнымъ предметамъ.

Увидавъ Викторію впервые ребенкомъ восьми мѣсяцевъ, бельгійскій король сдѣлался ея попечителемъ и охранителемъ, тѣмъ болѣе, что къ ней недоброжелательно относились ея дяди, Георгъ IV и Вильгельмъ IV, такъ что Леопольдъ въ одномъ письмѣ говоритъ: «ея судьба походила въ то время на бѣлое рабство, хотя въ англійскихъ колоніяхъ оно уже было уничтожено». Въ первый же день своего восшествія на престоль она нашла нужнымъ увѣдомить объ этомъ дядю и при этомъ съ чувствомъ говоритъ: «Такъ какъ Провидѣнію угодно поставить меня въ такое положеніе, я всячески постараюсь исполнить свою обязанность относительно страны; я очень молода и, быть можетъ, во многихъ отношеніяхъ, хотя не во всѣхъ, неопытна, но я увѣрена, что немногіе люди такъ готовы и такъ желаютъ дѣлать должное». Конечно, Леопольдъ отвѣчалъ Викторіи самыми полезными совѣтами; между прочимъ онъ рекомен-

доваль ей читать мемуары Сюдли и какъ можно болѣе остерегаться льстецовъ, въ родѣ г-жи Ливенъ. Замѣчательно, что въ одномъ изъ первыхъ писемъ по своемъ восшествіи на престолъ Викторія писала любимому дядѣ, котораго она считала какъ бы своимъ отцомъ, что дѣйствія Бельгіи противъ Англій находила неправильными и неблагодарными. Черезъ нѣсколько лѣтъ Леопольдъ прискалъ Викторіи жениха, принца Альберта, и она увѣдомила короля въ день своей помолвки съ принцемъ объ этомъ событіи. Леопольдъ отвѣчалъ ей, что онъ теперь можетъ сказать, вполне счастливый: «Нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ».

Въ этой, едва ли не самой обширной, перепискѣ съ королемъ Леопольдомъ люб-ытно письмо Викторіи, очерчивающее портретъ Николая I во время его посѣщенія Англій въ 1844 году «Царь,—пишетъ она,—суровъ и строгъ; о своемъ долѣ онъ имѣетъ такія понятія, которыя ничто на свѣтѣ не можетъ измѣнить. Я не думаю, чтобы онъ былъ очень уменъ и отличался большимъ образованіемъ; его воспитаніемъ пренебрегали, и онъ питаетъ интересъ только къ политическимъ и военнымъ дѣламъ, а ко всѣмъ искусствамъ и менѣе грубымъ занятіямъ—онъ совершенно равнодушенъ. Но зато, я увѣждена, онъ искрененъ даже въ своихъ деспотическихъ дѣйствіяхъ, полагая, что это единственный путь для управленія государствомъ. Я также увѣрена, что онъ не знаетъ тѣхъ индивидуальныхъ страданій, которыя наноситъ, потому что я вижу по многимъ примѣрамъ, что отъ него скрываютъ самыя гнусныя дѣйствія, считаемыя имъ справедливыми. Онъ думаетъ только объ общихъ дѣлахъ, а не интересуется подробностями. Въ заключеніе я хочу вамъ сказать о его физическихъ достоинствахъ. Онъ намъ напоминаетъ своихъ и нашихъ двоюродныхъ братьевъ, герцоговъ Вюртембергскихъ. Николай I теперь лысый, но въ своемъ конно-гвардейскомъ мундирѣ онъ поразительно прекрасенъ и производитъ большой эффектъ. Признаюсь, выходя съ нимъ на улицу, я очень боялась, чтобы какой-нибудь полякъ не покусился на его жизнь, и я всегда была очень рада, когда мы возвращались домой цѣлы и невредимы. Императоръ говорилъ мнѣ много хорошаго о моемъ ангелѣ. По его словамъ Альбертъ очень красивый малый и онъ кажется добрымъ и благороднымъ. Я могу смѣло сказать, что это совершенно справедливо. Императоръ насъ, Альберта и меня, позабавилъ, объявивъ, что онъ былъ въ затруднительномъ положеніи, когда ему представились окружающія насъ лица, и что онъ чувствовалъ себя неловко во фракѣ, который онъ не привыкъ носить». Вообще Викторія была противъ этого перваго со времени начала ея царствованія визита коронованной особы. Она со значительной нервностью ожидала этого посѣщенія, но Николай Павловичъ неожиданно произвелъ на нее благоприятное впечатлѣніе. Въ томъ же письмѣ къ Леопольду она прибавляетъ, что ей казалось какимъ-то сномъ, когда они завтракали и гуляли съ величайшимъ изъ земныхъ государей — и, странно сказать, они чувствовали себя такъ же хорошо, какъ если бы они находились съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ близкихъ. Въ числѣ писемъ, посланныхъ впоследствии Николаемъ Павловичемъ Викторіи, особенно замѣчательно одно, написанное по случаю февральской революціи. Въ немъ Николай I напоминаетъ о своемъ предсказаніи въ

Виндзорѣ, что придетъ время, когда Англія и Россія будутъ единственными монархіями, которыя устоятъ противъ напора революціи.

Въ концѣ того же года Викторію впервые посѣтилъ король Луи-Филиппъ съ женою. Французы были очень недовольны этимъ визитомъ, а Викторія вполне справедливо предсказывала въ письмѣ къ дядѣ, что французскую коронованную чету встрѣтятъ въ Англіи чрезвычайно гостепріимно. Этотъ приемъ былъ вполне домашній, семейный, и приготовленія къ нему имѣли тотъ же характеръ. Такъ, дочь Луи-Филиппа, жена бельгійскаго короля, очень наивно предупреждала Викторію, что французская королева боялась, чтобы Луи-Филиппъ не старался бы показать себя двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ относительно прогулокъ и ѣды. Въ результатѣ Викторія послѣ отъѣзда короля писала дядѣ: «Посѣщеніе короля обошлось пріятно, и онъ очень сожалѣетъ, что оно такъ недолго продолжалось. Всѣ принимали его съ энтузіазмомъ и любовью. Какой необыкновенный человѣкъ! Какая у него поразительная память и сколько въ немъ жизненности, сколько здраваго сужденія! Онъ говорилъ съ нами чрезвычайно откровенно о дѣлахъ и очень хвалилъ моего Альберта; онъ отдаетъ полную справедливость большимъ способностямъ моего мужа и мнѣ особенно нравилось обращеніе короля съ нимъ, какъ съ равнымъ. Онъ называлъ его своимъ братомъ и говорилъ мнѣ: «Для меня принцъ Альбертъ—король». Луи-Филиппъ простился съ нами чрезвычайно печально и увѣрялъ насъ, что будетъ пріѣзжать къ намъ каждый годъ».

Однако онъ недержалъ своего слова и болѣе не пріѣзжалъ въ Англію королемъ, а вернулся туда уже изгнанникомъ въ 1848 г. Что же касается до Викторіи, то она посѣтила его въ замкѣ Ё. За этимъ послѣдовалъ конецъ сердечнаго согласія между англійскимъ и французскимъ правительствами по случаю испанскихъ браковъ въ 1847 г. Луи-Филиппъ, по совѣту Гизо, нарушилъ обѣщаніе не заключать брака своего сына герцога Монпансье съ испанской инфантой ранѣе замужества испанской королевы Изабеллы и рожденія у нея ребенка, наслѣдника испанскаго престола, такъ какъ иначе ей наслѣдовала бы испанская инфанта. Теперь же не только герцогъ Монпансье былъ помолвленъ съ инфантой, но въ то же время и Изабелла выходила замужъ за своего двоюроднаго брата, герцога Бурбонскаго. Этотъ двойной бракъ былъ прямо противоположенъ интересамъ Англіи, которые поддержать торжественно обязался Луи-Филиппъ. Въ виду этого Англія рѣшилась отказаться отъ брака родственника Викторіи, сына бельгійскаго короля, съ испанской королевой. Увѣдомить Викторію объ этихъ обстоятельствахъ было неловко, а потому онъ поручилъ сдѣлать это своей женѣ, и добрая женщина въ мягкихъ выраженіяхъ, наивно и чисто по семейному, написала англійской королевѣ, что Монпансье женится на испанской инфантѣ, не упомянувъ ни слова объ испанской королевѣ и о политикѣ.

Напротивъ, Викторія отвѣчала очень холодно и сухо, что двойной испанскій бракъ вызвалъ у нея, принца Альберта и англійскаго правительства удивленіе и живѣйшее сожалѣніе. Въ концѣ она прибавила: «Я извиняюсь, что въ такой моментъ пишу о политикѣ, но я всегда искренна относительно васъ». Въ то же время королева написала своему дядѣ чрезвычайно гнѣвное

и даже бранное письмо. По ея словамъ, двойной испанскій бракъ былъ со стороны французскаго короля и правительства позорнымъ дѣйствіемъ. Она прямо пишетъ: «Король долженъ знать, что мы чрезвычайно возмущены этимъ очень безчестнымъ поступкомъ, который не можетъ поддержать между нами сердечнаго согласія, котораго онъ такъ добивался». Послѣ этого наступило холодное отчужденіе между Франціей и Англіей, но по случаю смерти Аделаиды, сестры Луи-Филиппа, въ началѣ 1848 г., Викторія забыла свой гнѣвъ и написала ему письмо, полное теплаго соболѣзнованія. По этому случаю Леопольдъ писалъ ей: «Ваше доброе письмо къ бѣдному королю вызываетъ мою глубокую благодарность, потому что оно сдѣлало его чрезвычайно счастливымъ; я былъ въ комнатѣ, когда получилось письмо, и онъ такъ обрадовался ему, что поцѣловалъ его очень нѣжно».

Вскорѣ затѣмъ вспыхнула февральская революція, и Луи-Филиппъ съ семействомъ бѣжалъ въ Англію. По прибытіи туда онъ написалъ Викторіи благодарственное письмо за ея радушное гостепрѣмство. Что касается до нея, то революція 1848 г. сильно на нее подѣйствовала, хотя, по ея словамъ, крупныя событія оставляютъ ее спокойной и невозмутимой, бездѣлицы же приводятъ ее въ нервное состояніе. Въ письмѣ къ дядѣ она заявляла, что чувствуетъ себя сильно постарѣвшей, и будущее ей кажется очень мрачнымъ.

Однако это настроеніе продолжалось недолго, и сердечное согласіе съ Франціей возобновилось при Наполеонѣ III въ еще болѣе дружеской формѣ. Сначала Викторія относилась къ нему подозрительно и въ этомъ отношеніи вполне раздѣляла несочувственныя мнѣнія о немъ Леопольда, которому она писала въ 1852 г.: «Я въ лучшихъ отношеніяхъ съ президентомъ и не питаю къ нему личной неприязни, но меня очень огорчаетъ тиранія, которая угнетаетъ Францію со времени государственнаго переворота: она возбуждаетъ общее безпокойство, и я боюсь, чтобы онъ не причинилъ войны». Черезъ три года она однако совершенно измѣнила мнѣніе о Наполеонѣ послѣ своего посѣщенія Парижа, который ее «очаровалъ, заинтересовалъ и позабавилъ». Они съ мужемъ были приняты тамъ съ энтузіазмомъ, и Наполеонъ, уже сдѣлавшійся императоромъ, устроилъ для нихъ совершенно волшебное, поразительное зрѣлище. «Все при его дворѣ,—пишетъ Викторія Леопольду,—поставлено на великолѣпную ногу, и всюду царитъ необыкновенный порядокъ. Я должна сознаться, что мы оба съ Альбертомъ были чрезвычайно поражены различіемъ между настоящимъ временемъ во Франціи и эпохой бѣднаго короля, когда было столько шума, путаницы и суетоли. Очень пріятно и трогательно было видѣть нашъ союзъ съ Франціей настолько закрѣпленнымъ, безъ униженія той или другой стороны, видѣть вполне забытыми старое соперничество и вражду передъ могилой Наполеона I, гдѣ я стояла подъ руку съ Наполеономъ III, моимъ теперешнимъ ближайшимъ и дорогимъ союзникомъ».

Викторія была совершенно въ восторгѣ отъ императора и вотъ какъ характеризовала его тому же Леопольду: «Онъ очень простъ и наивенъ, никогда не говоритъ фразъ или комплиментовъ; онъ очень тактиченъ и отличается хорошими манерами. Его отношенія къ намъ обоимъ чрезвычайно просты и естественны; съ принцемъ онъ обращается дружески и совершенно натурально;

вообще онъ настоящій императоръ, а не играетъ только роль. Его дворъ вполнѣ державное учрежденіе и нимало не напоминаетъ двора Луи-Филиппа, при которомъ вовсе его не было. Я питаю къ личности императора искреннюю привязанность и большую дружбу и вполнѣ увѣрена, что Альбертъ раздѣляетъ мои чувства. Я не могу выразить, насколько Наполеонъ пріятенъ въ обращеніи, какъ легко съ нимъ живется и какъ скоро къ нему привязываешься. Я никого не знаю, съ кѣмъ бы я себя такъ легко чувствовала, могла бы говорить столь откровенно и кому была бы болѣе способна довѣриться. Ничто не нарушаетъ нашего личнаго сердечнаго согласія и нашей близости. Онъ очень любитъ Альберта и искренно его цѣнитъ. Мы оба также любимъ императрицу, которая отличается добротой и любезностью».

Далѣе въ письмахъ къ дядѣ она выражается, что Наполеонъ — человѣкъ очень необыкновенный, но въ то же время и загадочный. Онъ обладаетъ непреодолимой храбростью, твердостью воли, увѣренностью въ себѣ, доходящей до вѣры въ свою будущность. Онъ очень спокоенъ и на всѣхъ дѣйствуетъ чарующе. Если его сравнить съ Луи-Филиппомъ, то, по словамъ Викторіи, нельзя не признать, что онъ не отличается знаніемъ политическихъ дѣлъ, близко знакомыхъ Луи-Филиппу. Вторая громадная разница между ними заключалась въ томъ, что Луи-Филиппъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ безусловно французъ, а Наполеонъ очень мало французъ и скорѣе нѣмецъ. Послѣдній, по убѣжденію Викторіи, неспособенъ на хитрости и интриги, какъ Луи-Филиппъ, но зато Наполеонъ не остановится предъ силой, въ какомъ бы то ни было несправедливомъ и тираническомъ дѣлѣ, если находитъ его необходимымъ для осуществленія своей судьбы. Она еще полагаетъ, что Наполеонъ считаетъ необходимымъ переворачивать вверхъ дномъ весь міръ и всюду сѣять несогласіе. «Естественно, — прибавляетъ Викторія: — все это кончится въ одинъ прекрасный день настоящимъ крестовымъ походомъ противъ всесвѣтнаго смутителя». Эти слова были написаны англійской королевой въ 1860 г., когда итальянская политика Наполеона нарушила сердечное согласіе съ Англійей, и никому еще не приходилъ въ голову его несчастный конецъ.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ переписки Викторіи составляетъ Крымская война. Королева попрежнему пишетъ о ней своему дядѣ и различнымъ государственнымъ, а также военнымъ дѣятелямъ Англій. Замѣчательно, что принцъ-супругъ заявляетъ въ своемъ письмѣ къ лорду Эбердину, первому министру въ началѣ войны, что если бы онъ зналъ о настоящемъ мнѣніи королевы по этому вопросу, то онъ настоялъ бы на мирѣ, и войны не было бы; но ему казалось, что Викторія была настроена враждебно противъ Россіи и непремѣнно желала воевать съ нею. Теперь же оказывается изъ ея писемъ, что королева несочувственно относилась къ войнѣ и приискивала ея возникновеніе одному Николаю Павловичу. Чѣмъ долѣе она продолжалась, тѣмъ болѣе Викторія заботилась о своей арміи и безпokoилась, чтобы обстоятельства не обратились противъ Англій. Наоборотъ, всякое событіе, счастливое для англійскаго оружія, приводило ее въ восторгъ. Такъ, королева писала лорду Эбердину, что она вѣт себя отъ радости отъ Альмской побѣды, стоившей, къ сожалѣнію, много крови. Съ лордомъ Панмьюромъ, военнымъ

министромъ, она переписывалась о положеніи военныхъ лазаретовъ, выражая неуспѣшныя заботы о благоденствіи своихъ солдатъ. О взятіи Севастополя она съ торжествомъ увѣдомляла своего дядю, но ее очень огорчало, что при этомъ англичане потерпѣли пораженіе при штурмѣ 3-го бастиона. Викторія была такъ огорчена пораженіемъ англичанъ въ день взятія французами Малахова кургана, что писала главнокомандующему англійской арміей, чтобы онъ немедленно принялъ мѣры для отмщенія русскимъ и изгнанія ихъ изъ Крыма. Несмотря на это повелѣніе, война безъ всякаго успѣха продолжалась еще нѣсколько мѣсяцевъ и когда французы вознамѣрились окончить ее миромъ, то королева писала, что невозможно прекратить военныя дѣйствія на такомъ позорномъ для Англій дѣлѣ, какъ пораженіе при севастопольскомъ 3-мъ бастионѣ.

Значительная часть переписки Викторіи касается ея министровъ, которые до смерти Альберта послѣдовательно были: лордъ Мельбурнъ, сэръ Робертъ Пиль, Джонъ-Россель, Дэрби, Эбердинъ, Пальмерстонъ, Дэрби, Пальмерстонъ, Россель и Дэрби. Эти письма касаются не только дѣловыхъ отношеній королевы къ министрамъ, но и ея личныхъ сношеній съ ними, какъ съ частными людьми. Стоитъ обратить вниманіе на оригинальный характеръ писемъ Викторіи—они всѣ въ третьемъ лицѣ и всегда Викторія пишетъ: королева то и то замѣчаетъ тому-то и т. д. Этотъ тонъ замѣчателенъ въ отношеніи ея перваго и самаго любимаго министра, лорда Мельбуерна, на котораго она глядѣла какъ на отца. Поэтому, несмотря на обычный officialный тонъ, ея письма къ нему отличались нѣжнымъ, дружественнымъ, почтительнымъ характеромъ. Такъ же она обращалась съ нимъ и на словахъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ его министерства. Въ это время они видѣлись почти ежедневно и лордъ Мельбурнъ обѣдалъ у королевы пять или шесть разъ въ недѣлю. Такъ какъ въ его перепискѣ рѣдко упоминается о конституціонныхъ совѣтахъ, то надо заключить, что эти совѣты, которыми особенно пользовалась Викторія, были имъ выражаемы добрымъ, родительскимъ тономъ въ личныхъ бесѣдахъ. Даже послѣ того, что Мельбурнъ вышелъ въ отставку, королева продолжала попрежнему относиться къ нему, что очень не нравилось окружающимъ ея лицамъ въ политическомъ отношеніи, такъ какъ онъ былъ вигъ, а ему наследовалъ въ премьерствѣ тори, сэръ Робертъ Пиль.

Сношенія Викторіи съ своимъ вторымъ премьеромъ сначала были самыя странныя. Пиль съ перваго раза потерпѣлъ неудачу въ образованіи министерства, благодаря своей ссорѣ съ королевой относительно упорства въ вопросѣ сохраненія придворнаго женскаго персонала прежняго вигскаго состава. Поэтому снова въ теченіе двухъ лѣтъ первымъ министромъ остался лордъ Мельбурнъ, и только съ помощью принца Альберта и его секретаря Ансона между Пилемъ и королевой уладились отношенія. Такимъ образомъ, въ 1841 г. образовалось торійское министерство Пила. Мало-по-малу королева перемѣнила свое мнѣніе о немъ и стала его глубоко уважать, а также безгранично ему довѣрять. «Онъ самый лояльный человѣкъ,—писала она своему дядѣ,—патріотичный и высоко благородный, и его поведеніе со мной отличается самымъ рыцарскимъ характеромъ». Подъ руководствомъ великаго министра она начала поддерживать свободную торговлю и парламентскую реформу.

Но совершенно противоположно королева обращалась съ лордомъ Пальмерстономъ и отчасти съ Джономъ Росселемъ. Ихъ внѣшняя политика, преимущественно либеральная, ей не нравилась особенно, своимъ рѣзкимъ повелительнымъ тономъ, и Викторія писала своему дядѣ, что она вполнѣ согласна съ нимъ въ неодобреніи постоянно оскорбительнаго тона лорда Пальмерстона во внѣшней политикѣ. Поэтому она была вполнѣ довольна, когда онъ вышелъ изъ первыхъ министровъ по случаю признанія государственнаго переворота 2 декабря, что совершенно противорѣчило его либеральнымъ тенденціямъ.

III-й томъ переписки англійской королевы оканчивается смертью Альберта, котораго она любила до безумія и брачная жизнь съ которымъ была, по ея собственнымъ словамъ, «блаженствомъ». «Моя счастливая жизнь окончена,—писала она дядѣ 20 декабря 1861 г. — Свѣтъ для меня больше не существуетъ. Исчезъ тотъ, кто былъ моимъ руководителемъ, моей поддержкой, моимъ — всѣмъ. Его смерть роковая и слишкомъ жестокая; но я буду продолжать жить съ нимъ: только во внѣшнемъ отношеніи я отторгнута отъ него, и то на время».

— Новооткрытыя неизданныя письма королевы Гортензіи къ императору Александру I. Въ октябрьской книжкѣ французскаго журнала «Revue de Paris» (15 octobre 1907) появился, сообщенный директоромъ нашего государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, г. Горяиновымъ, письма известной королевы Гортензіи ¹⁾ къ императору Александру Павловичу. Письма эти не только чрезвычайно драгоцѣнны въ историческомъ отношеніи для освѣщенія эпохи, но внѣстѣ съ тѣмъ представляютъ весьма любопытный «человѣческій» документъ. Между императоромъ Александромъ, побѣдителемъ Наполеона, находящимся на зенитѣ своей славы, этимъ, по выраженію Сьеранскаго, «сущимъ прельстителемъ», и королевой Гортензіей, окруженной ореоломъ чарующей красоты и увлекательности, завязывается романъ. Но какъ герой, такъ и его героиня прежде всего политики. На развалинахъ рушившейся имперіи королевѣ Гортензіи необходимо устроить собственную судьбу и судьбу своихъ дѣтей и въ этихъ видахъ она стремится завлечь въ свои сѣти Александра. Съ своей стороны, и Александръ желаетъ завоевать симпатіи французовъ и снискать ихъ популярность. Отъ зоркаго глаза этого величайшаго изъ коронованныхъ дипломатовъ не ускользнуло, что въ широкихъ массахъ симпатіями пользуются все-таки не Бурбоны, а павшій императоръ и все то, что къ нему соприкасалось. При томъ же самъ Людовикъ XVIII къ императору Александру проявлялъ почти надменную холодность. Естественно поэтому, что въ первое свое пребываніе въ Парижѣ Александръ особое вниманіе выказываетъ императрицѣ Жозефинѣ, ея дочери, королевѣ Гортензіи, и сподвижникамъ павшаго императора: Нею, Мармону и Ожеро. Наконецъ у Александра съ Наполеономъ было соревнованіе и не въ одной только области войны и политики, а въ галантной хроникѣ того времени семейство Богарнэ пользовалось особой славой.

¹⁾ Гортензія Богарнэ, дочь императрицы Жозефины, супруги Наполеона I, отъ перваго ея брака. Впослѣдствіи королева голландская, жена Людовика Вонапарта, мать Наполеона III.

Во всё времена люди въ сущности одни и тѣ же: если какіе-нибудь древне-германскіе вожди или восточные властители отбивали женщинъ у побѣжденныхъ силою меча,—то современные баловни счастья достигали того же болѣе культурнымъ, утонченнымъ способомъ: путемъ престижа и денегъ. Съ пресыщеннымъ воображеніемъ, но все еще молодой, Александръ не устоялъ, быть можетъ, противъ соблазна вступить въ эту интимную сферу, гдѣ еще за нѣсколько дней всецѣло властвовалъ его гениальный соперникъ.

Въ письмахъ королевы Гортензіи видна прежде всего опытная свѣтская женщина, прекрасно знающая удѣльный вѣсъ cadaго слова. Въ изысканныхъ выраженіяхъ даетъ она понять, что Александръ тронулъ ея сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея нѣтъ ни малѣйшихъ иллюзій насчетъ взаимности и продолжительности этой привязанности. Онъ ея герой и идеалъ, но онъ прежде всего императоръ и, какъ таковой, подверженъ со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ искушеніямъ. Она говоритъ о любви, но у нея не хватаетъ глубины чувства и страсти: это салонный флиртъ, въ сущности являющийся приправою для просьбъ чисто дѣловаго, политическаго характера. Ея мужъ, Людовикъ Бонапартъ, бывший король голландскій, хочетъ отнять у матери сына. Она обращается и къ Людовику XVIII и къ Александру и проситъ о защитѣ. Ея братъ, принцъ Евгенийъ, бывший вице-король Италіи, находится въ Вѣнѣ и пользуется благосклонностью императора Александра. Съ замѣчательнымъ искусствомъ чередуются у нея объясненія въ любви съ дѣловыми просьбами. Она умѣетъ занять и заинтересовать Александра, не слишкомъ подчеркивая свои женскія права и не становясь назойливою.

Возникшій на политической почвѣ романъ между императоромъ и королевою—на политической почвѣ и окончился. Возвращеніе Наполеона съ Эльбы положило предѣлъ отношеніямъ русскаго императора къ наполеонидамъ и дѣятелямъ первой имперіи. Онъ отказался даже замолвить слово за маршала Нея и генерала Лабедойера, которые были осуждены и разстрѣляны. Говорятъ, что принцу Евгенію и его сестрѣ поставлено въ вину, будто бы они способствовали возвращенію Наполеона. Было ли это обвиненіе заслужено и искренно—вопросъ другой. Во всякомъ случаѣ оно являлось удобнымъ предлогомъ для отстраненія отъ себя лицъ, политически сдѣлавшихся неудобными. Во второй пріѣздъ въ Парижъ Александра нимфою Эгерією при немъ была уже не легкокрылая фея-королева Гортензія, а мрачная пиюія мистики и реакціи—баронесса Крюднеръ.

Въ заключеніе два слова по поводу способа изданія этихъ писемъ. При всемъ захватывающемъ интересѣ, который представляетъ обнародованіе этой переписки, русскій читатель невольно спрашиваетъ себя: почему подобная драгоценная новинка появилась не въ отечественномъ изданіи, а напечатана въ иностранномъ журналѣ? Нельзя не сожалѣть, что дипломатическое вѣдомство уступило французскому частному изданію одинъ изъ интереснѣйшихъ документовъ нашего государственнаго хранилища, который съ успѣхомъ могъ бы быть напечатанъ, напр., въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества».

С М Ъ С Ъ.

СЕМИДЕСЯТИЛѢТНІЙ юбилей И. Е. Забѣлина. Рѣдкій юбилей отпраздновалъ нашъ историкъ-археологъ Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ: 12 ноября исполнилось семьдесятъ лѣтъ его непрерывной научной дѣятельности. Вся долготѣнная жизнь юбиляра была посвящена изслѣдованію русской старины и, главнымъ образомъ, бытовой старины русской жизни. Не взирая на свой преклонный возрастъ, какъ семьдесятъ лѣтъ назадъ, когда онъ впервые выступилъ на поприще науки, такъ и теперь неутомимо работаетъ И. Е. Забѣлинъ надъ чтеніемъ древнихъ рукописныхъ книгъ, актовъ и другихъ матеріаловъ, занимается археологическими изысканіями, изученіемъ «обломковъ» старины, «матеріальныхъ и духовныхъ, вещественныхъ и словесныхъ». Онъ на всемъ останавливаетъ пристальное вниманіе, все подвергаетъ тщательному и любовному изслѣдованію—остатки старины, иконъ, жилищъ и оружія, произведеній искусствъ и ремеслъ, преданій и повѣрій. И. Е. Забѣлинъ—археологъ по преимуществу, и съ его именемъ связана вся исторія нашей археологіи, отъ ея скромнаго начала до настоящаго виднаго положенія. Но, занимаясь всю свою жизнь обломками старины, онъ не сдѣлался мелочнымъ, сухимъ археологомъ. На вещественные памятники онъ всегда смотрѣлъ лишь какъ на матеріаль, чтобы «выяснить типическія черты народной жизни, понять народъ, какъ живую единицу, возсоздать народную личность въ живомъ цѣльномъ образѣ». Такая разумная метода привела его къ самымъ блестящимъ результатамъ. Что сдѣлали Карамзинъ, Погодинъ и Соловьевъ для исторіи государственной, то же сдѣлалъ И. Е. Забѣлинъ для нашей бытовой исторіи. Въ этомъ его сила и значеніе; здѣсь онъ мастеръ и образецъ. Не даромъ Ѳ. П. Буслаевъ признавалъ забѣлинскіе «Домашній бытъ русскихъ царей» и «Домашній бытъ русскихъ царицъ» — лучшими сочиненіями изъ всѣхъ, какія только выходили въ нашей литературѣ по исторіи русскаго быта, и считалъ ихъ необходимыми справочными книгами для всякаго, занимающа-

гося отечественной исторіей. Н. Е. Забѣлинъ родился 17 сентября 1820 г. въ Твери, въ семьѣ бѣднаго чиновника; на седьмомъ году онъ осиротѣлъ и получилъ воспитаніе въ Преображенской школѣ при московскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія. Бѣдному юношѣ нельзя было думать о дальнѣйшемъ образованіи, и съ 17 лѣтъ (12 ноября 1837 г.)—онъ уже началъ службу при оружейной палатѣ канцелярскимъ служителемъ второго разряда. Мало обезпеченная служба здѣсь (на 119 руб. годового жалованія), а потомъ при дворцовой конторѣ дала ему, однако, возможность познакомиться съ актами и архивною работою. Пытливый умъ 17-лѣтняго юноши сразу заинтересовался этою старинною, и такъ какъ канцелярскія обязанности были не сложны, то онъ большую часть времени посвятилъ изученію древнихъ памятниковъ, чтенію старинныхъ рукописей, и передъ нимъ сразу открылся новый міръ. Въ 1842 г. скромный чиновникъ опубликовываетъ на страницахъ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» свой первый ученый трудъ, посвященный описанію путешествій русскихъ государей на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру. Съ этихъ поръ, медленно подвигаясь по служебной лѣстницѣ, Н. Е. Забѣлинъ быстро начинаетъ обогащать родную науку все новыми и новыми изслѣдованіями, которыя привлекаютъ вниманіе всего ученаго міра. Въ 1850 и 1853 гг. молодому археологу были уже присуждены академіей двѣ уваровскія преміи за работы: «О металлическомъ производствѣ въ Россіи» и «Историческое обозрѣніе финифтянаго и цѣбиннаго дѣла въ Россіи». А съ 1859 г. Н. Е. Забѣлинъ, въ качествѣ члена археологической комиссіи, въ теченіе семнадцати лѣтъ неутомимо занимался раскопками въ Южной Россіи, которыя обогащаютъ нашу науку новыми интересными матеріалами, а императорскій эрмитажъ—неоцѣнимыми коллекціями. Въ разгаръ такихъ археологическихъ изысканій онъ не перестаетъ работать надъ своими капитальными трудами, и изъ-подъ его пера длинною вереницею выходитъ безчисленное количество изслѣдованій по самымъ разнообразнымъ историческимъ вопросамъ. Независимо отъ крупнѣйшихъ работъ («Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». 2 тома),—Н. Е. Забѣлину принадлежатъ такіе замѣчательные, по богатству новыхъ данныхъ, труды, какъ: «Мининъ и Пожарскій» (1883 г.), гдѣ имъ впервые подробно разобраны основныя причины смуты и отношенія классовъ въ русскомъ обществѣ XVII вѣка; «Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія» (1881 г.), «Черты самобытности въ древне-русскомъ обществѣ», и др. Начиная съ 1881 г., юбиляръ посвятилъ всѣ свои силы составленію давно желанной и широко имъ задуманной «Исторіи города Москвы». Послѣ 20-лѣтняго упорнаго труда и кропотливаго собранія матеріаловъ для этой грандіозной, единственной въ своемъ родѣ работы, онъ въ 1902 г. выпустилъ первый томъ, охватившій время отъ основанія Москвы до нашествія французовъ. Въ яркой живой формѣ Н. Е. Забѣлинъ изложилъ здѣсь мельчайшія детали прошлаго первоцарственной столицы, и врядъ ли послѣдующимъ историкамъ удастся добавить что-нибудь новое къ тому колоссальному труду, который уже осуществилъ нашъ маститый юбиляръ. Книга эта была встрѣчена необыкновенно сочувственно и критикою, и русскимъ обществомъ. Черезъ три мѣсяца

все изданіе разошлося цѣлкомъ и понадобилось новое, которое вышло въ 1905 г. въ значительно дополненномъ видѣ и съ приложеніемъ интереснѣйшаго «Альбома старинныхъ видовъ Московскаго кремля». Нужно также отмѣтить, что съ 1872 г. П. Е. Забѣлинъ принималъ самое живое участіе въ учрежденіи въ Москвѣ историческаго музея и много способствовалъ осуществленію этого важнаго дѣла. Въ апрѣлѣ 1883 г. онъ былъ назначенъ по высочайшему повелѣнію товарищемъ предсѣдателя этого музея и занимаетъ эту должность въ настоящее время. Въ знаменательный день своего юбилея П. Е. Забѣлинъ имѣлъ счастье получить отъ Государя Императора слѣдующую высокомилоостивую телеграмму:

«Въ день 70-лѣтней годовщины столь плодотворной дѣятельности вашей на поприщѣ отечественной исторіи отъ души привѣтствую васъ, уважаемый Иванъ Егоровичъ, и сердечно желаю вамъ силъ и здоровья для продленія столь полезнаго служенія вашего великой Россіи. Николай».

Августѣйшій предсѣдатель историческаго музея великій князь Михаилъ Александровичъ удостоилъ П. Е. Забѣлина слѣдующею привѣтственною депешей:

«Сегодня, въ знаменательный день исполнившейся 70-лѣтней годовщины вашей изумительно богатой, исторической литературной дѣятельности, съ благодарнымъ чувствомъ вспоминая ваше служеніе наукѣ, шлю вамъ самыя искреннія поздравленія, вмѣстѣ съ горячими пожеланіями полнаго здоровья на долгіе годы для продленія вашей столь полезной и плодотворной работы.

Михаилъ».

Отъ великаго князя Николая Михайловича получена юбиляромъ слѣдующая привѣтственная депеша:

«Отъ души поздравляю съ 70-лѣтнею ученою дѣятельностью на пользу русской исторіи и старины. Желаю здоровья и силъ.

Великій князь Николай Михайловичъ».

Утромъ ученый составъ историческаго музея съ княземъ Н. С. Щербатовымъ во главѣ явился на квартиру къ маститому историку и принесъ ему сердечное привѣтствіе съ выраженіемъ пожеланія, чтобы плодотворная научная дѣятельность его продолжалась еще долгіе годы. Затѣмъ въ теченіе дня маститаго историка посетили: московскій городской голова Н. П. Гучковъ, директоръ архива министерства юстиціи заслуженный профессоръ Д. И. Самоквасовъ, представители императорскаго археологическаго общества и его комиссій, хранители оружейной палаты, депутация отъ московскаго археологическаго института съ директоромъ А. И. Успенскимъ во главѣ, чины московскаго дворцоваго архива и представители другихъ ученыхъ учреждений столицы. Въ теченіе дня П. Е. Забѣлинымъ получено много привѣтственныхъ телеграммъ съ разныхъ концовъ Россіи. П. Е. Забѣлинъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, довольно еще бодръ и продолжаетъ заниматься научными работами. Вскорѣ поступаетъ въ печать второе изданіе «Исторіи русской жизни». Кромѣ того, имъ подготовлена къ печати вторая часть труда: «Домашній бытъ русскихъ царей».

Юбилей Г. К. Градовскаго. Въ воскресенье, 11 ноября, въ залахъ ресторана «Въна» чествовалось 45-лѣтіе литературной и публицистической дѣятельности Г. К. Градовскаго. Стойкій, убѣжденный боецъ за новые идеалы русской государственности—за необходимость перехода къ новому государственному строю, Гр. К. Градовскій, извѣстный подъ псевдонимомъ Гаммы, вель борьбу противъ стараго режима за новый государственный строй, противъ произвола за правовой порядокъ, противъ лжи и безгласности за свободу слова въ тѣ дни, когда слово «конституція» было государственнымъ преступленіемъ, реакція господствовала всецѣло и печать была поставлена въ самыя тяжелыя условія. Всегда искренній, добрый, онъ живо откликнулся на всякую нужду, протестовалъ противъ всякой несправды. Для улучшенія положенія работниковъ печати онъ понималъ необходимость ихъ объединенія и положилъ начало крупному дѣлу—кассѣ взаимопомощи, которая явилась и страховкою труженниковъ пера, и первымъ звеномъ ихъ будущаго необходимаго объединенія. И русская печать, и русская литература привѣтствовали 11 ноября своего талантливаго представителя, труженника-публициста, всю жизнь, изо дня въ день, отличавшагося на нужды и бѣды Россіи, всю жизнь честно служившаго лучшимъ идеаламъ своей родины, глашатая свободы и новаго государственнаго строя и перваго объединителя русской печати. При входѣ Г. К. Градовскаго въ залу, гдѣ собрались его друзья и почитатели, онъ былъ встрѣченъ огушительными рукоплесканіями. В. В. Глинскій прочиталъ адресъ отъ почитателей, покрытый множествомъ подписей. Затѣмъ председатель правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ Я. Н. Колубовскій привѣтствовалъ юбиляра отъ лица кассы и поднесъ ему грушу членовъ, снявшихъ на послѣднемъ общемъ собраніи. Въ рамку вѣлана серебряная дощечка съ надписью: «Основателю кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ». Та же самая надпись серебромъ находится и на бюварѣ адреса. Г. Колубовскій заявилъ, что отъ всякаго подарка юбиляръ отказался и собранную сумму на подношеніе ему предлагаетъ на возмѣщеніе недоимокъ по ссуднымъ операціямъ кассы. Далѣе привѣтствовали юбиляра: новое, открывшееся 22 марта сиб. литературное общество, закончившее свой адресъ словами, что оно привѣтствуетъ юбиляра, какъ литератора-гражданина, правленіе кассы взаимопомощи бывшихъ студентовъ, высказавшее, что его касса является внукомъ кассы Градовскаго, уставъ которой вошелъ въ основаніе ихъ устава, редакторъ газеты «Слово» М. М. Ѳедоровъ, редакція журнала «Театръ и Искусство» и кружокъ Полонскаго. Получена затѣмъ масса телеграммъ отъ литературныхъ учреждений, редакцій газетъ и журналовъ, отъ литераторовъ, ученыхъ и участниковъ кассы, которыя читались за обѣдомъ. Председателемъ обѣда единогласно избранъ старѣйшій изъ присутствовавшихъ литераторовъ П. Д. Боборыкинъ. Юбиляръ сидѣлъ между нимъ и представительницей женщинъ-писательницъ О. А. Шаширъ. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Было много тостовъ, много интересныхъ воспоминаній, серію которыхъ открылъ г. Линевъ. Литературныя и общественныя заслуги Гр. К. Градовскаго были отмѣчены въ рядѣ рѣчей и тостовъ, произнесенныхъ П. Д. Боборыкинымъ, В. Ѳ. Кузьминымъ-Караваемымъ, Кауфманомъ, А. А. Луговымъ, М. М. Ѳедоровымъ, К. Я. Колубов-

скимъ, Кремлевымъ, Д. А. Линевымъ, А. Р. Кугелемъ, Селивановымъ, Апушкинымъ и др., и въ безчисленномъ множествѣ письменныхъ и телеграфныхъ привѣтствій, полученныхъ отъ Короленки, Засодимскаго, Арсеньева, Анненскаго, Тихонова, Вейнберга, А. С. Суворина, С. Н. Шубинскаго, А. М. Скабичевскаго, Далматова и другихъ.

Юбилей Н. Н. Златовратскаго. 16 ноября въ Москвѣ состоялся юбилей 40-лѣтней литературной дѣятельности писателя - народника. Съ рѣдкимъ единодушіемъ отнеслась московская интеллигенція къ этому празднованію. Съ 12 часовъ небольшая квартира Н. Н. начала наполняться близкими друзьями и почитателями его таланта. Затѣмъ дефилировали разныя депутаціи, какъ отъ общественныхъ, такъ и литературныхъ учреждений. Подносил адреса, подарки, говорили привѣтственные рѣчи. Между прочимъ отъ московскаго отдѣленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ была поднесена въ красивомъ переплетѣ книга съ чистыми листами пергаментной бумаги и съ пожеланіемъ, чтобы на этихъ листахъ были написаны Златовратскимъ его воспоминанія. Центральная касса также прислала поздравленіе и увѣдомленіе о назначеніи юбиляру пенсіи въ 300 руб. въ годъ. Въ девять часовъ вечера въ помѣщеніи литературно - художественнаго кружка состоялся ужинъ, въ которомъ участвовало не менѣе 100 человекъ. Искренность и простота преобладали въ товарищеской бесѣдѣ и въ рѣчахъ, разнообразныхъ по содержанию, но общихъ въ характеристикѣ литературнаго прошлаго юбиляра. Казалось, туманный сумбуръ безвременья въ этотъ вечеръ разсѣялся, и старая народническая идеализація заняла мѣсто. Хорошо себя чувствовали гости и юбиляръ. Въ теплыхъ выраженіяхъ, отвѣчая на привѣтствія, Н. Н. Златовратскій благодарилъ за честь и привѣты, заявивъ, что онъ самъ обязанъ своей дѣятельностью и ея направленію великой русской литературѣ, маленькимъ звеномъ которой состоялъ всю свою трудовую жизнь. По искренности и необыкновенной чуткости юбиляръ поставилъ русскую литературу выше западной, европейской. Впечатленіе отъ юбилея таково, что народничество въ литературѣ какъ бы выступило вновь, почувствовать подъ ногами почву. Любопытно, что на юбилей Златовратскаго отозвались крестьяне, отъ которыхъ въ теченіе послѣдующихъ дней писатель получалъ оригинальныя и искреннія поздравленія. Последнее обстоятельство особенно тронуло Николая Николаевича, придававшего этимъ поздравленіямъ большую цѣну. Пожалуй, и правъ писатель.

50-лѣтній юбилей прот. Д. Н. Соколова. 27 ноября исполнилось 50-лѣтіе священства бывшаго пресвитера собора Зимняго дворца прот. Дмитрія Павловича Соколова, извѣстнаго педагога - законоучителя и автора распространенныхъ учебниковъ по Закону Божію, по которымъ обучались два поколѣнія русскихъ православныхъ дѣтей. Отецъ Соколовъ, сынъ протоіерея и профессора ярославскаго Демидовскаго лицея, родился въ 1832 г.; въ 1855 г. окончилъ образованіе въ петербургской духовной академіи и 27 мая 1857 г. рукоположенъ въ санъ священника къ церкви Маріинскаго института. Вскорѣ былъ приглашенъ великой княгиней Маріей Николаевной преподавать Законъ Божій ея августѣйшимъ дѣтямъ. Въ 1884 г. перешелъ къ большому собору

Зимняго дворца, гдѣ служилъ до 1902 г. Преподавая Законъ Божій въ Маринскомъ институтѣ, состоялъ долгіе годы законоучителемъ педагогическихъ курсовъ при с.-петербургской дирекціи, въ пригготовительномъ пріютѣ при кавалерійскомъ юнкерскомъ училищѣ, въ василеостровской женской гимназіи, въ 5-й мужской гимназіи и въ с.-петербургской учительской школѣ. Долгое время принималъ участіе въ работахъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, около 20 лѣтъ былъ членомъ ученаго комитета св. синода, принимая участіе въ работахъ по преобразованію и пересмотру программъ духовныхъ учебныхъ заведеній, и состоялъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ школахъ императорскаго патріотическаго общества. Первымъ учебнымъ пособіемъ Д. П. Соколова было сочиненіе подъ заглавіемъ: «Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности», выдержавшее уже семь изданій. Затѣмъ отцомъ Соколовымъ были написаны: «Священная исторія Ветхаго и Новаго Завета» и «Учебникъ по богослуженію», которые и до сихъ поръ считаются лучшими учебными пособіями для средней школы. Небольшая книжка отца Соколова «Краткое начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ» имѣла широкое распространеніе не только среди русскаго православнаго населенія, но даже и среди другихъ народовъ, исповѣдующихъ православную вѣру. Учебникъ этотъ переведенъ на грузинскій, армянскій, финскій, латышскій, эстонскій, ново-греческій, болгарскій, сербскій и даже японскій языки. Отецъ Соколовъ не менѣе извѣстенъ и какъ общественный дѣятель на почвѣ благотворительности. При его ближайшемъ участіи возникли въ Петербургѣ: домъ милосердія для надшихъ женщинъ, общество для пособія бѣднымъ женщинамъ и первое общество для вспоможенія учащимся при 5-й гимназіи. Маститому юбиляру, имѣющему уже всѣ доступныя священнику награды—митру и двѣ звѣзды, св. Анны 1-й ст. и владимирскую 2-й ст., пожалованъ къ юбилею высочайшій подарокъ изъ кабинета Его Величества—золотой наперсный крестъ, украшенный топазами, изумрудами и брилліантами. Юбиляра на квартирѣ посѣтили ея императорское высочество принцеса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская съ сыномъ принцемъ Петромъ Александровичемъ и во главѣ совѣта сиб. дома милосердія съ предсѣдательницей ея г-жей Сабуровой, которая прочитала адресъ съ постановленіями совѣта чествовать юбилей инициатора дома милосердія отца Соколова, отслужить въ церквахъ дома милосердія молебны о юбилярѣ, въ пріемной залѣ дома вывѣсить его портретъ, помѣстить имя юбиляра на мраморной доскѣ въ церкви новостроящагося при домѣ храма во имя св. Алексія челоуѣка Божія, гдѣ совершили благодарственное молебствіе, причемъ иѣтъ хоръ дѣтей изъ пріюта св. Меодія. Отъ Екатерининской школы Патріотическаго общества питомицы во главѣ съ начальницей поднесли юбиляру хлѣбъ-соль и свою работу—прекрасно вышитую кружевомъ подушку; привѣтствовали: депутация отъ 5-й гимназіи, генераль-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, профессоръ Горчаковъ, много духовныхъ лицъ. Получено множество телеграммъ: отъ герцогини Маріи Максимиліановны Баденской и герцога Георгія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, отъ герцога Александра Лейхтенбергскаго, отъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго, отъ сиб. митрополита Антонія, отъ члена государственнаго

совѣта епископа вологодскаго Никона, отъ архіепископа ярославскаго Тихона отъ члена государственнаго совѣта В. К. Саблера (письмо), отъ совѣта института императрицы Маріи, отъ общества попеченія о бѣдныхъ студентахъ Демидовскаго лица, отъ общества вспоможенія ученикамъ пятой гимназіи, отъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній и пр.

Юбилей Николаевской академіи генеральнаго штаба. 26 ноября Николаевская академія генеральнаго штаба праздновала 75-тилѣтіе со дня основанія. Главнымъ инициаторомъ учрежденія академіи былъ генераль-адъютантъ Жомини, по проекту котораго, одобренному императоромъ Николаемъ I, въ 1832 г. и была открыта императорская военная академія, переименованная впоследствии, въ 1855 году, въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Генераль-адъютантъ Жомини, родомъ швейцарецъ, началъ свою военную карьеру въ отечественныхъ войскахъ, но въ 1804 г. перешелъ на службу во французскую армію и былъ дѣятельнымъ помощникомъ извѣстнаго маршала Нея. Во время войны 1812 года генераль Жомини былъ военнымъ губернаторомъ сначала Вильны, а затѣмъ Смоленска (пока эти города находились во власти французовъ). Первоначально академія, какъ извѣстно, помѣщалась на Английской наб., близъ Николаевского моста, а въ настоящее время имѣетъ собственное громадное зданіе на Суворовскомъ проспектѣ. Первымъ начальникомъ академіи былъ генераль-адъютантъ Сухозанетъ, а затѣмъ постъ начальника академіи послѣдовательно занимали: генераль Ваумгартенъ, генераль Драгомировъ, генераль Лееръ, генераль Сухотинъ, генераль Глазовъ, генераль Михневичъ. Въ настоящее время во главѣ академіи стоитъ свиты Его Величества генераль-майоръ Щербачевъ. На всѣхъ трехъ курсахъ академіи числятся слушателями свыше 250 офицеровъ.

Чествованіе К. Ф. Хартулари. 25-го ноября петербургскій мужской благотворительно-тюремный комитетъ въ торжественномъ засѣданіи чествовалъ своего предсѣдателя К. Ф. Хартулари, по случаю исполнившагося 40-лѣтія въ комитетѣ и 45-тилѣтія служебной и общественной дѣятельности. Правленіе комитета постановило къ этому дню: повѣсить въ залѣ засѣданій портретъ юбиляра и передать въ распоряженіе администраціи основаннаго К. Ф. Хартулари приюта для малолѣтнихъ преступниковъ собранную по подпискѣ сумму. Отъ комитета же былъ поднесенъ юбиляру и прочитанъ на засѣданіи сердечный адресъ. Помощникъ начальника главнаго тюремнаго управленія М. М. Боровитиновъ въ краткомъ привѣтствіи обратилъ особенное вниманіе на устройство имъ множества библіотекъ, школъ, чтеній съ туманными картинами для «падшихъ ближнихъ». Отъ тюремной администраціи говорилъ еще бывший начальникъ одиночной тюрьмы г. Чувихинъ, отъ заключенныхъ — священники о.о. Богоявленскій и Сперанскій; особая депутація привѣтствовала юбиляра отъ Александровскаго приюта арестантскихъ дѣтей. Сенаторы А. Ф. Кони, бывший министръ юстиціи Манухинъ, министръ финансовъ Коковцовъ прислали юбиляру поздравительныя телеграммы. К. Ф. Хартулари происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода, родился въ 1837 году и окончилъ юридическій факультетъ петербургскаго университета. Пробывъ съ 1861 по 1863 гг. на службѣ въ департаментѣ министерства юстиціи, юбиляръ вышелъ въ отставку

и въ 1867 г. былъ приглашенъ на должность директора петербургскаго комитета попечительнаго общества о тюрьмахъ, преобразованнаго затѣмъ въ петербургскій мужской благотворительно-тюремный комитетъ, председателемъ котораго К. Ф. Харгулари былъ назначенъ въ 1903 г. По инициативѣ К. Ф. комитетъ учредилъ исправительный пріютъ для малолѣтнихъ. Съ 1878 г. по 1881 г. К. Ф. состоялъ почетнымъ мпровымъ судьей по избранію городской думы.

Императорское военно-историческое общество. Въ пріемной залѣ главнаго штаба, въ воскресенье, 9 декабря, вечеромъ состоялось общее собраніе членовъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества, посвященное ряду существенныхъ организаціонныхъ вопросовъ. Въ началѣ засѣданія председатель общества генераль-отъ-кавалеріи Д. П. Скалонъ подѣлился съ собравшимися подробностями высокомилостиваго высочайшаго пріема депутаціи общества при поднесеніи сю Ею Величеству всеподданнѣйшаго адреса. Члены депутаціи осчастливлены были проявленіемъ монаршаго вниманія къ предстоящей дѣятельности общества и удостоены бесѣдою, въ которой, между прочимъ, Государю Императору благоугодно было отмѣтить съ особымъ удовольствіемъ участіе въ обществѣ и въ составѣ самой депутаціи не только военныхъ, но и гражданскихъ лицъ. При послѣдующемъ обсужденіи внесенныхъ на общее собраніе вопросовъ, прежде всего разсматривалось предложеніе о раздѣленіи членовъ на дѣйствительныхъ и сотрудниковъ или соревнователей. Значеніе послѣднихъ приравнивалось къ казакамъ приговорительнаго разряда, нуждающимся въ предварительной подготовкѣ къ «исторической» службѣ. Рѣшено принимать въ это званіе всѣхъ, сочувствующихъ цѣлямъ общества и желающихъ посвятить себя служенію его цѣлямъ при условіи уменьшеннаго (трехрублеваго) членскаго взноса и ограниченіи въ правѣ голоса на общихъ собраніяхъ и въ правѣ избранія на должности. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ члены-сотрудники приравниваются къ дѣйствительнымъ; для зачисленія въ это званіе признано достаточнымъ ограничиться письменной рекомендаціей одного дѣйствительнаго члена. Такой болѣе широкій доступъ въ общество, очевидно, долженъ будетъ поощрить въ нашей арміи влеченіе къ военно-историческому дѣлу, столь основательно у насъ забытому. Требованіе ценза въ видѣ уже осуществленныхъ военно-историческихъ трудовъ остается только для дѣйствительныхъ членовъ. Параллельно расширенію доступа въ общество съ установленіемъ членовъ-сотрудниковъ, разработано и принято положеніе о мѣстныхъ отдѣлахъ общества, на началахъ полной автономіи дѣятельности послѣднихъ, при условіи лишь образованія ихъ дѣйствительными членами общества и утвержденія избранныхъ ими должностныхъ лицъ центральнымъ совѣтомъ. Къ образованію такихъ отдѣловъ уже приступлено въ Москвѣ и Ригѣ. Затѣмъ, для болѣе правильнаго и широкаго развитія дѣятельности общества рѣшено раздѣлить его по специальностямъ на нижеслѣдующіе «разряды». Разрядъ исторіи войнъ, посвященный разработкѣ вопросовъ какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ военныхъ кампаній и походовъ, отдѣльныхъ боевыхъ операцій и т. п. Разрядъ исторіи военныхъ специальностей, къ которому отнесена разработка всѣхъ частныхъ вопросовъ военной исторіи

и искусства, какъ-то: исторіи артиллерійскаго, инженернаго и другихъ дѣлъ, тактики, военной администраціи и т. п. Сюда же относятся исторіи отдѣльных военныхъ учрежденій и частей, полковыя исторіи, военная генеалогія (внесено по предложенію Н. А. Энгельгардта) и т. д. Разрядъ военной археологіи и археографіи, включающій въ себѣ, съ одной стороны — изученіе и разысканіе военныхъ памятниковъ, производство военно-археологическихъ раскопокъ и экскурсій и съ другой — разысканіе и изученіе архивныхъ дѣлъ и документовъ и описаніе ихъ, равно какъ и задачи военного архивовѣдѣнія. Каждый разрядъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, сообщая лишь свои постановленія предсѣдателю, для внесенія въ совѣтъ общества на утвержденіе. Членамъ общества предложено записываться въ разряды, причѣмъ каждый можетъ записаться въ одинъ или нѣсколько разрядовъ. Кромѣ того, рѣшено образовать особую комиссію по изданію популярныхъ сочиненій и по устройству публичныхъ чтеній и лекцій. Третій разрядъ, подъ руководствомъ товарища предсѣдателя общества, заслуженнаго профессора генераль-лейтенанта А. З. Мышлаевскаго, уже приступилъ къ дѣятельности; въ виду предстоящаго въ 1909 г. двухсотлѣтія Полтавской битвы, ближайшею задачею онъ поставилъ себѣ собраніе и опубликованіе всѣхъ архивныхъ дѣлъ и документовъ, относящихся къ періоду Сѣверной войны съ половины 1708 г., отъ Головинскаго боя до Переволочвы включительно. Независимо сего предполагено изданіе уже ранѣе подобранныхъ документовъ по исторіи воинской комиссіи 1731 г., Финляндской войны 1741—1743 гг. и дневника Патрика Гордона. Наконецъ общимъ собраніемъ разрѣшены были еще вопросы объ изданіи «Трудовъ» общества и о порядкѣ производства денежныхъ его операцій. Къ основному кадру 91 учредителя общества за время его существованія избрано дѣйствительными членами еще 107 лицъ и до выясненія вопроса о членахъ-сотрудникахъ отложено избраніе 67 лицъ.

Открытіе Аксаковскаго общества. 30 ноября состоялось открытіе въ Москвѣ Аксаковскаго (въ память П. С. Аксакова) литературнаго и политическаго общества, ставящаго своею цѣлью способствовать уясненію русскихъ духовно-нравственныхъ, національныхъ, политическихъ и экономическихъ началъ на русскихъ историческихъ основахъ и въ духѣ Христовой вѣры и русской государственности. Предъ началомъ перваго общаго собранія протоіереемъ І. І. Восторговымъ было совершено молебствіе, при стройномъ пѣніи Монархическаго хора. Въ концѣ молебствія отецъ Восторговъ произнесъ рѣчь и передалъ въ благословеніе обществу икону св. Іоанна Богослова. Послѣ молебствія хоръ трижды исполнилъ народный гимнъ. Въ предсѣдатели общества избранъ Н. П. Аксаковъ, въ товарищи предсѣдателя: протоіерей І. І. Восторговъ, К. П. Степановъ и С. Ѡ. Шарановъ, изъ которыхъ первый является предсѣдателемъ административнаго отдѣленія, второй — литературнаго и третій — политическаго. Въ члены совѣта избраны: графъ В. П. Орловъ-Денисовъ, А. С. Шмаковъ, А. Ю. Ознобишинъ, А. Н. Еуфановъ, В. П. Скворцовъ, Н. Н. Купчиновъ, князь А. М. Голицынъ, Ю. П. Бартевевъ и С. К. Эфронъ. По объявленіи должностныхъ лицъ С. Ѡ. Шарановъ произнесъ рѣчь о современномъ положеніи отечества и предложилъ послать Его Император-

скому Величеству слѣдующую всеподданнѣйшую телеграмму: «Великій Государь! Открывшееся сегодня Аксаковское литературное и политическое общество бьетъ Тебѣ челомъ, слагая къ престолу Твоему одушевляющія всѣхъ его членовъ чувства неліцемерной любви къ Тебѣ, Великій Государь, и преданности священному принципу Твоего неограниченнаго самодержавія. Одушевленные желаніемъ посвятить нашъ трудъ уясненію подлинныхъ русскихъ народныхъ и историческихъ началъ, вѣруемъ, Государь, въ бодрую силу совѣти Твоей и Русскаго народа, коимъ да поможетъ Всемогущій Господь, хранящій и направляющій Святую Русь, перебыть и перемочь нынѣшнія тяжкія времена, указать, облегчить и угладить путь къ счастью и славѣ нашей великой родины и всего славянства. Да поведетъ же насъ по этому пути Твоя, Великій Государь, державная рука».

Въ обществѣ любителей древней письменности. 7 декабря состоялось общее собраніе императорскаго общества любителей древней письменности, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ этомъ засѣданіи происходили выборы на новое трехлѣтіе предсѣдателя, членовъ комитета и ревизіонной комиссіи; избраны: предсѣдателемъ гр. С. Д. Шереметевъ, членами комитета: П. А. Бычковъ, Н. П. Кондаковъ, Н. К. Никольскій, С. В. Смоленскій и П. Н. Шефферъ; членами ревизіонной комиссіи: А. П. Барсуковъ и Н. В. Султановъ. Затѣмъ присутствовавшіе по предложенію предсѣдателя почтили вставаніемъ память умершаго члена общества кн. В. П. Урусова. Первое сообщеніе въ этомъ засѣданіи—«Духовное завѣщаніе княгини Марѣы Татевой», принадлежало Д. Θ. Кобеко. Указавъ на неразработанность генеалогической науки и сообщивъ новыя данныя, дополняющія свѣдѣнія о кн. Θ. П. Татевѣ и женѣ его, старицѣ Марѣѣ, а также о родственныхъ отношеніяхъ ихъ съ князьями Ногтевыми и Голицыными, Д. Θ. Кобеко изложилъ содержаніе духовной упомянутой старицы, богатой бытовыми подробностями. Во второмъ докладѣ Хр. М. Лопаревъ познакомилъ присутствовавшихъ съ біографіей царевича Іоанна Іоанновича (1554—1581 г.), составляющей введеніе къ труду г. Лопарева о царевичѣ съ точки зрѣнія образованія и писательскаго таланта. Последнее сообщеніе «О трехголосныхъ кантахъ и псалмахъ по рукописямъ XVII и начала XVIII в.» было сдѣлано С. В. Смоленскимъ. Установивъ связь духовныхъ стиховъ со «стихами покаянными и бесѣдными» XVI в., а также съ раскольничьими, С. В. Смоленскій указалъ на быстрое распространеніе польскихъ кантовъ въ московскомъ обществѣ въ XVII в., совпавшее съ появленіемъ южно-русскихъ кантовъ и псалмовъ, которые были принесены на Москву питомцами братствъ и кіево-могилянской академіи, послѣдними же было принесено и церковное «партесное» пѣніе, употребленіе котораго впервые получило благословеніе отъ патріарховъ восточныхъ въ 1668 г.; въ 1678 г. Василій Титовъ, посвящаетъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ музыку къ стихотворной псалтири Симеона Полоцкаго, а въ 1681 г. діаконъ Кореневъ пишетъ свою «Музику». Этими датами устанавливается время появленія первыхъ русскихъ кантовъ, псалмовъ и партесныхъ сочиненій; въ нихъ русскіе композиторы сумѣли ввести народныя напѣвы, такъ что всѣ приемы голосоведенія кантовъ, смягченные временемъ, живы и до сихъ поръ въ нашемъ церковномъ, такъ

называемомъ «простомъ расцѣвѣ». Сообщеніе сопровождалось хорovýmъ исполненіемъ 15 №№ кантовъ и псалмовъ, причемъ каждому нумеру было предпосылаемо краткое объясненіе.

Въ лигѣ образованія. 29 ноября состоялось подъ предѣдательствомъ Г. К. Градовскаго и при участіи представителей лиги образованія засѣданіе бюро печати при лигѣ. Первымъ докладчикомъ выступилъ А. П. Нечаевъ, ознакомившій собраніе съ учреждаемой лигой педагогической академіей. Ея основная задача—дать Россіи образованныхъ педагоговъ новой школы. Докладчикъ сдѣлалъ краткій очеркъ развитія такъ называемой педагогической школы, указавъ ея отличительныя черты и отмѣтилъ успѣхи, которые она дѣлаетъ за послѣдніе годы въ Россіи. Реформа всего педагогическаго дѣла и строя, борьба съ укоренившимися у насъ педагогическими шаблонами и созданіе такихъ условий, которыя будили бы въ будущихъ учителяхъ педагогическое творчество,—вотъ главныя цѣли, которыя будетъ преслѣдовать созданная на новыхъ научныхъ началахъ педагогическая академія. Главная остановка въ настоящее время—отсутствіе денегъ; совѣту академіи, уже соорганизовавшемуся и числящему въ своихъ рядахъ лучшія научныя силы Петербурга, нужно для открытія академіи всего лишь 35,000 р. Полученіе этой суммы и является непосредственной задачей лицъ, взявшихъ на себя трудъ организаціи этого крупнаго по своему значенію дѣла. Второй докладчикъ отъ лиги образованія, Г. А. Фальборкъ, ознакомилъ бюро печати съ вопросомъ о созданіи мѣстныхъ обществъ образованія и указавъ, что именно въ этомъ дѣлѣ печать можетъ сыграть особенно значительную роль. Это вопросъ, стоящій на первой очереди, и на него серьезно должно быть обращено вниманіе и провинціальной печати, и мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей.

Академическая бібліотека русскихъ писателей. 1 декабря въ засѣданіи разряда изящной словесности академіи наукъ единогласно избранъ въ почетныя академики профессоръ Д. Н. Овсянко-Куликовскій. Этимъ избраніемъ пополняется установленное правилами число почетныхъ академиковъ—двѣнадцать. Въ настоящее время эти двѣнадцать слѣдующія лица (въ порядкѣ ихъ избранія): К. Р., графъ Л. Н. Толстой, А. А. Потѣхинъ, Л. Ө. Кони, А. М. Жемчужниковъ, гр. А. А. Голенщевъ-Кутузовъ, К. К. Арсеньевъ, П. Д. Боборыкинъ, П. П. Вейнбергъ, Алексѣй Н. Веселовскій, Н. А. Готляревскій и Д. Н. Овсянко-Куликовскій. Въ томъ же засѣданіи было рѣшено приступить къ изданію, по предложенію бібліотекаря академіи г. Кубасова, серіи изданій сочиненій русскихъ писателей въ научно-общественной обработкѣ, при чемъ на первое время предложено ограничиться писателями XVIII и XIX вѣковъ. Серіи этой присваивается названіе «Академическая бібліотека русскихъ писателей». Въ засѣданіи 9 ноября разрядъ изящной словесности обсудилъ и принялъ положенія, выработанныя избранною для этой цѣли комиссією въ составѣ академиковъ Истрина и Шахматова и почетныхъ академиковъ Вейнберга и Кони, а также приглашеннаго г. Кубасова, и между которыми самыми существенными представляются слѣдующія. Вышеупомянутая «научно-общественная обработка» должна выразиться въ установленіи текста издаваемаго писателя, по возможности на основаніи рукописей или

первопечатныхъ изданій, и въ снабженіи изданія вводными статьями и комментаріями. Каждое изданіе должно быть снабжено біографіей писателя, замѣткой о его рукописяхъ и замѣтками бібліографическаго характера, каковы: хронологическій перечень произведеній, перечень упущенныхъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ произведеній, съ передачей—въ необходимыхъ случаяхъ—содержанія исключаемаго сочиненія, и указаніе важнѣйшихъ статей и изслѣдованій для уясненія біографіи даннаго писателя и его литературной дѣятельности. Что касается историко-литературнаго комментарія, то онъ долженъ быть такимъ, какой уяснялъ бы въ достаточной мѣрѣ смыслъ произведеній, помѣщенныхъ въ изданіи, и объяснялъ мѣста, требующія особыхъ разъясненій. Цѣна книгъ предполагается вполне общедоступная. Для обсужденія вопроса о матеріальныхъ средствахъ, потребныхъ для организациі этого предприятия (говорарь за вводныя статьи, комментаріи и приготовленіе текста, жалованье главнаго редактора, канцелярскіе и др. расходы) избрана комиссія изъ академикомъ Пестрина, Кондакова и Шахматова и приглашеннаго П. А. Кѣбасова, которая должна представить свой докладъ ближайшему засѣданію разряда изящной словесности.

Артиллерійскій музей. Артиллерійскій музей (въ Петропавловской крѣпости) недавно обогатился новыми цѣнными коллекціями старинныхъ орудій и предѣловъ. Изъ царекосельскаго арсенала въ даръ музею поступили такъ называемые «арматы» (старинныя пушки-пищали XVI вѣка). Орудія эти оригинальны въ томъ отношеніи, что заряжались съ казенной части (прототипъ современной пушки). Орудія эти найдены въ Балтійскомъ морѣ у береговъ Даніи и подарены были покойнымъ королемъ датскимъ Фридрихомъ государю Николаю Павловичу. Огромныя колоды изъ цѣльнаго дуба, въ которыя заключены эти орудія, весьма хорошо сохранились, несмотря на болѣе чѣмъ 200-лѣтнее пребываніе въ водѣ. Изъ царекосельскаго же арсенала поступила въ артиллерійскій музей обширная коллекція знаменъ, всевозможнаго оружія, сабель и живописныхъ костюмовъ повстанцевъ-венгровъ (дней венгерской кампаніи 1848 г.). Особое мѣсто занимаетъ отдѣлъ русско-японской войны: 11 пушекъ системы Арисака (9 взяты на Путиловской сонкѣ, 2 подъ Мукденомъ), 3 японскихъ пулемета, образцы японскаго оружія, винтовки, револьверы, сабли, снаряды, образецъ гаоляна и пр. Какъ воспоминаніе о послѣдней войнѣ, въ музей отданы на храненіе ящики съ 38,000 бронзовыхъ медалей, присланныхъ редакціей газеты «L'Echo de Paris» для раздачи португальскимъ героямъ.

Исторія ордена св. Георгія. 26 ноября, въ 138-ю годовщину ордена св. Георгія, «Русскій Пивалидъ» приводитъ нѣкоторыя интересныя данныя о награжденіяхъ этимъ орденомъ героевъ минувшей войны. При этомъ въ краткомъ вступленіи военная газета отмѣчаетъ, что минувшая война такъ же, какъ и предыдущія, подчеркнула высокія качества русскаго офицера и солдата. Какъ видно изъ дальнѣйшаго отчета, въ теченіе минувшаго года (съ 26 ноября 1906 г. по 26 ноября 1907 г.) пожаловано по представленію георгіевской думы 103 георгіевскихъ креста за подвиги, оказанные въ русско-японскую войну. Между прочимъ съ высочайшаго соизволенія признанъ награжден-

нымъ этимъ орденомъ убитый въ Мукденскомъ бою капитанъ Жирновъ за спасеніе знамени 162-го пѣх. Ахалцыхскаго полка. Всего до настоящаго времени за русско-японскую войну пожаловано 305 крестовъ, что нельзя считать малымъ. Орденъ этотъ, какъ извѣстно, учрежденъ Екатериной II въ 1769 г. Въ ея царствованіе было пожаловано 745 крестовъ, при императорахъ: Александрѣ I—1,227, Николаѣ I—482, за войну 1853—55 гг.—180, при Александрѣ II—350. Къ ордену св. Георгія причисляется знакъ отличія военнаго ордена, даваемый нижнимъ чинамъ, и золотое оружіе съ украшеніями и безъ оныхъ. Первая изъ этихъ наградъ была учреждена въ 1807 г. Солдатскій крестъ былъ сначала одной степени, но въ 1856 г. при императорѣ Александрѣ II вмѣсто одной было учреждено 4 (4 ст. — серебряный крестъ, 3 ст.—серебряный съ бантомъ, 2 ст.—золотой и 1 ст.—золотой съ бантомъ). Въ настоящую войну крестъ этотъ былъ розданъ въ очень большомъ количествѣ. Относительно золотого оружія 25 ноября въ той же газетѣ помѣщена интересная историческая справка. Изъ этой справки видно, что хотя золотое оружіе жаловалось въ видѣ особой награды уже давно, но особый указъ капитулу о причисленіи его къ прочимъ знакамъ отличія состоялся только 28 сентября 1807 г. Авторъ статьи отмѣчаетъ при этомъ, что историческое прошлое золотого оружія, какъ особой боевой награды, утрачено. Извѣстно только, что при Екатеринѣ II въ награду за храбрость также жаловалось золотое оружіе, иногда украшенное алмазами. Первое пожалованіе состоялось въ 1774 г. и во все царствованіе Екатерины II считалось рѣдкой наградой. Первая перепись кавалеровъ, бывшихъ и наличныхъ, начала составлять я только въ 1807 г. на основаніи упомянутаго выше указа. По спискамъ первымъ кавалеромъ значится генер.-фельдм. князь А. А. Прозоровскій; затѣмъ во главѣ первѣйшихъ были: ген.-фельдм. графъ Румянцовъ-Задунайскій, получившій «за храбрыя предпріятія» шпагу съ алмазами, ген.-поруч. графъ Г. А. Потемкинъ (сабля съ алмазами), генер.-поруч. А. В. Суворовъ (золотая шпага съ брильянтами). Вообще золотое оружіе первоначально жаловалось, какъ почетная награда военному генералитету; впоследствии же, а именно съ 1788 г., его стали давать всѣмъ офицерамъ безъ различія ранговъ. Однакоже за все царствованіе Екатерины II число пожалованныхъ было всего 117 чел. Съ учрежденіемъ же «кавалеровъ» при Александрѣ I съ 1807 по 1815 г. пожаловано 1,458 чел. Возрастая постепенно, число пожалованныхъ золотымъ оружіемъ въ одну русско-японскую войну достигаетъ свыше 600 чел., причемъ семь генераловъ получили оружіе, украшенное брильянтами; въ общемъ дано болѣе золотыхъ шапекъ, чѣмъ за всю кавказскую войну съ 1800 г. по 1864 г.

Извѣщеніе о созывѣ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей обществъ народныхъ университетовъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій частной инициативы. По почину петербургскаго и московскаго обществъ народныхъ университетовъ предположено созвать съ 3-го по 7-ое января 1908 г. первый всероссійскій съѣздъ дѣятелей обществъ народныхъ университетовъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій частной инициативы. Въ цѣляхъ возможно успешной организаціи работъ съѣзда, заявленія о желаніи

участвовать въ сѣздѣ, равно какъ и о предполагаемыхъ къ прочтенію докладовъ, бюро сѣзда просить доставить ему не позже 15-го декабря сего года. Всѣ справки по вопросамъ, касающимся сѣзда, можно получать въ организационномъ бюро (Сиб. Гагаринская ул., д. 16). Для личныхъ переговоровъ—понедѣльникъ, среда и пятница отъ 2-хъ до 5-ти часовъ дня.

Составъ организационнаго бюро: предѣдатель—Д. А. Дриль, товарищъ предѣдателя—И. И. Бородинъ, секретари: Е. А. Влчичъ, А. Л. Ковалева, В. И. Шарый.

НЕКРОЛОГИ.

ВЕРТЬ, Э. А. 1 ноября скончался преподаватель 1-й гимназии Эдмунд Альбертович Верть. Покойный родился въ 1839 году въ Магдебургѣ и происходилъ изъ старинной нѣмецкой дворянской фамиліи. Университетское образованіе получилъ въ Геттингенѣ. Пріѣхавъ въ Россію въ 1866 г., т. е. 27 лѣтъ, покойный былъ приглашенъ въ гимназію Видемана въ качествѣ преподавателя древнихъ языковъ, но параллельно велъ уроки англійскаго языка и естественныхъ наукъ. Въ короткое время изучивъ русскій языкъ, Э. А. былъ приглашенъ преподавателемъ въ училище правовѣдѣнія, въ реформатское училище и въ 1-ю гимназію. Въ послѣдней онъ состоялъ преподавателемъ до конца своей жизни. По основательнымъ знаніямъ древнихъ языковъ онъ считался авторитетомъ въ филологическомъ обществѣ, гдѣ свободно держалъ ученые диспуты на латинскомъ языкѣ. Кромѣ педагогической дѣятельности, Э. А. посвятилъ много времени ученымъ трудамъ и напечаталъ ихъ болѣе 25 въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», при чемъ въ теченіе 16 лѣтъ состоялъ редакторомъ по отдѣлу классической филологіи этого журнала. Последніе годы своей жизни Э. А. посвятилъ большому ученому труду по уголовному праву, который не успѣлъ довести до конца. Къ покойному, не только какъ къ ученому, обладавшему огромной научной эрудиціей, но и просто какъ къ человѣку рѣдкихъ душевныхъ качествъ и безукоризненной честности, всѣ знавшіе его и имѣвшіе къ нему какое-либо дѣло относились съ рѣдкимъ уваженіемъ и любовью. Въ частной жизни покойный интересовался прогрессомъ фотографической химіи и техники, а также цвѣтной фотографіей; своими теоретическими научными познаніями въ этой области, а также практическими данными онъ всегда дѣлился съ любителями и охотно давалъ совѣты и даже свои анна-

раты. Въ послѣдній вечеръ своей жизни онъ отправился на извозчикѣ на заседание фотографическаго общества слушать интересный докладъ и по дорогѣ скончался отъ паралича сердца на 68 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г., № 11386).

† **Гескетъ, С. Д.** Скончавшійся 2 декабря военный губернаторъ Самаркандской области генераль-майоръ Сергѣй Давыдовичъ Гескетъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ служилъ въ главномъ штабѣ по азіатской части и былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Самаркандъ въ 1905 г. Покойный по окончаніи курса въ Николаевской академіи генеральнаго штаба занялся изслѣдованіемъ военныхъ операцій по усмирению польскаго мятежа въ 1863 г. Результатомъ его изслѣдованія явился печатный трудъ: «Военныя дѣйствія въ царствѣ Польскомъ въ 1863 г.». Умеръ онъ 48 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г., № 11400).

† **Жуковскій, Ю. Г.** 14 ноября скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни извѣстный публицистъ шестидесятихъ годовъ, сенаторъ Юлій Галактіоновичъ Жуковскій. Покойный родился въ 1822 г., образованіе получилъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Началъ службу въ сенатѣ, продолжалъ ее въ государственной канцеляріи. Подъемъ общественной жизни въ эпоху подготовленія крестьянской реформы 1861 г. направилъ силы покойнаго на разработку вопроса о правовыхъ отношеніяхъ въ Россіи. Въ 1859 г. появилась въ литературномъ сборникѣ «Весна» его первая статья: «Общественныя отношенія Россіи съ точки зрѣнія исторической науки права». Почти одновременно была напечатана его повѣсть «Петербургскія ночи». Статья покойнаго обратила на него вниманіе «Современника», давшего не только лестный отзывъ о ней, но и пригласившаго Ю. Г. сотрудничать въ журналѣ. Съ 1860 г. покойный сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ по юридическимъ и политико-экономическимъ вопросамъ лучшаго тогда журнала, въ 1864 г. покинулъ государственную службу и всецѣло посвятилъ себя журналистикѣ, сдѣлавшись главной силой «Современника». Въ годы публицистической дѣятельности покойный пережилъ не мало разныхъ волненій. Между прочимъ его статья «Вопросъ молодого поколѣнія» вызвала судебное преслѣдованіе какъ его, такъ и бывшаго тогда редакторомъ «Современника» А. Н. Пыпина по обвиненію въ оскорбленіи дворянства. Сиб. окружный судъ оправдалъ обвиняемыхъ, судебная палата обвинила ихъ, приудививъ къ аресту на гауптвахтѣ. Когда сотрудники «Современника» перекочевали въ 1868 г. въ «Отечественныя Записки», фактическимъ редакторомъ которыхъ сдѣлался Н. А. Некрасовъ, покойный вмѣстѣ съ М. А. Антоновичемъ повелъ полемическій походъ противъ Некрасова и предпринять изданіе собственнаго журнала «Космосъ». Однако журналъ этотъ успѣха не имѣлъ и покойный сталъ печатать свои статьи въ «Вѣстникѣ Европы». Въ 1876 г. онъ вновь опредѣлился на государственную службу, нѣкоторое время завѣдывалъ финансовымъ комитетомъ по дѣламъ царства Польскаго, съ 1885 г. былъ вторымъ товарищемъ управляющаго государственнымъ банкомъ, съ 1889 г. находился во главѣ государственнаго банка. Въ первые годы службы по финансовому вѣдомству Ю. Г. не прекращалъ своего сотрудничества въ «Вѣстникѣ

Европы», напечатавъ тамъ рядъ статей: «Карль Маркъс и его книга о капиталѣ», «Прямые налоги въ Россіи», «Вліяніе бумажныхъ денегъ на лажъ и цѣны», «Нашъ вексельный курсъ и товарныя цѣны» и др. Когда же сдѣлался управляющимъ государственнымъ банкомъ, почти совсѣмъ оставилъ литературныя занятія. Отдѣльно изданы слѣдующія изслѣдованія покойнаго: «Политическія и общественныя теоріи въ XVI вѣкѣ» (1866 г.), «Прудонъ и Луи Бланъ» (1867 г.) и «Исторія политической литературы» (1871 г.). Это главное сочиненіе Жуковскаго осталось незаконченнымъ: изданъ только первый томъ. Въ послѣдніе годы Ю. Г. былъ сенаторомъ, присутствовавшимъ въ департаментѣ герольдіи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г., № 11380).

† **Илинскій, П. А.** 18 ноября скончался бывший издатель журнала «Русская Медицина» Петръ Алексѣевичъ Илинскій. Покойный въ теченіе многихъ лѣтъ сотрудничалъ въ «Новомъ Времени», будучи въ послѣдніе годы постояннымъ корреспондентомъ газеты изъ Костромы. Въ 90-хъ годахъ было напечатано его нѣсколько фельетоновъ «Изъ деревни». П. А. родился въ 1837 г. Изъ тверской духовной семинаріи онъ опредѣлился въ медико-хирургическую академію, курсъ которой окончилъ въ 1860 г. Врачебную дѣятельность началъ въ Костромской губерніи, гдѣ пробылъ 7 лѣтъ. Въ гор. Юрьевѣ онъ занялся статистическими работами для «Архива судебной медицины». Эти работы были настолько дѣльны и обстоятельны, что онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для работы въ медицинскомъ управленіи. Въ Петербургѣ П. А. посвятилъ свою дѣятельность медицинѣ, педагогикѣ и публицистикѣ. Въ Солянскомъ Городкѣ онъ первый началъ чтенія о воспитаніи дѣтей, затѣмъ читалъ лекціи по общественной и личной гигиенѣ. Въ 1874 г. онъ учредилъ ночныя врачебныя дежурства, явился однимъ изъ учредителей врачебной общины и началъ издавать съ 1875 г. «Врачебныя Вѣдомости», которыя были переименованы въ 1884 г. въ «Русскую Медицину». Въ 1877 и 1878 гг. П. А. былъ на войнѣ, между прочимъ завѣдывалъ эвакуаціей раненыхъ и корреспондировалъ въ «Голосѣ» о санитарномъ дѣлѣ въ арміи. По возвращеніи вновь служилъ въ медицинскомъ управленіи, занимаясь попрежнему врачебной практикой и литературной работой. Кромѣ цѣлаго ряда статей для «Русской Медицины», онъ составилъ въ это время «Сборникъ законовъ для врачей», выдержавшій два изданія, издалъ книгу «Русская женщина на войнѣ» и объемистый трудъ «Объ эвакуаціи». Беллетристикой покойный не занимался, впрочемъ, для театра онъ написалъ одну шутку: «Всякъ молодецъ на свой образецъ». Въ концѣ 90-хъ годовъ П. А. покинулъ службу въ Петербургѣ, переселился въ Кострому, гдѣ и проживалъ постоянно, занимаясь врачебной статистической дѣятельностью. Какъ человекъ, П. А. былъ всегда хорошимъ товарищемъ, оставившимъ по себѣ добрыя воспоминанія. Умеръ онъ 70-ти лѣтъ, не переставая трудиться до послѣдняго года своей жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г., № 11385).

† **Илляшевичъ, В. Я.** 13 ноября предали землѣ тѣло одного изъ старѣйшихъ генераловъ военно-инженернаго корпуса Валеріана Яковлевича Илляшевича, члена конференціи Николаевской инженерной академіи и училища. В. Я. происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Волинской губ., родился въ

1822 г. Образование получилъ въ главномъ инженерномъ училищѣ и въ офицерскихъ классахъ этого училища, высшей Николаевской инженерной академіи, гдѣ окончилъ курсъ первымъ ученикомъ и записанъ на мраморную доску академіи. Въ офицеры былъ произведенъ въ 1843 г. Потти всю свою 64-лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ покойный посвятилъ инженерной академіи и училищу, а также училищу правовѣдѣнія, состоя преподавателемъ и вставникомъ-наблюдателемъ въ теченіе 50 лѣтъ и беззмѣннымъ руководителемъ практическими занятіями офицеровъ и юнкеровъ инженерной академіи и училища. Въ 1876 г. былъ произведенъ въ чинъ генераль-майора, а въ 1887 г. въ генераль-лейтенанта. До послѣднихъ дней жизни В. Я. дѣлалъ добро всѣмъ, кто къ нему обращался, въ особенности всѣмъ бѣднякамъ, угнетеннымъ и обиженнымъ. Это былъ необычно отзывчивый и добрый человекъ. Всякая просьба, обращенная къ нему, находила въ немъ откликъ. Мало того — онъ искалъ тѣхъ, кому нужна была помощь. Онъ совѣтовалъ, хлопоталъ, просилъ, помогалъ. Рѣдкій день онъ проводилъ безъ ходатайствъ передъ кѣмъ-нибудь и за кого-нибудь. Несмотря на преклонный возрастъ, несмотря подчасъ на нездоровье, нерѣдко противъ уговоровъ близкихъ побережъ себя, онъ надѣвалъ мундиръ, ѣздилъ, просилъ, не допуская какъ бы мысли, чтобъ люди могли не сочувствовать его ходатайствамъ. Конечно, жестокая дѣйствительность не разъ огорчала незлобивое сердце старика. Но это его не смущало, онъ на слѣдующій день, какъ всегда, вновь упорно слѣдовалъ сердечному влеченію быть полезнымъ людямъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11379).

† **Марковъ, С. В.** Скончавшійся 28 ноября отъ воспаленія легкихъ членъ гос. совѣта Сергій Владимировичъ Марковъ родился 25 декабря 1828 г. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ опредѣленъ въ школу гвардейскихъ подпоручиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, по окончаніи которой поступилъ на службу въ гвардію, посѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ и публичныя лекціи. Вращаясь въ разнообразныхъ слояхъ общества, ему приходилось встрѣчаться и сближаться со многими изъ дѣятелей сороковыхъ годовъ. Вліяніе нѣкоторыхъ изъ этихъ выдающихся людей оставило на немъ глубокій слѣдъ. Не удовлетворившись военной службой и кратковременной службой въ департаментѣ сельскаго хозяйства, капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка С. В. перешелъ въ 1862 г. на должность помощника управляющаго акцизными сборами во Владимирѣ на Клязьмѣ, увлекшись, подъ руководствомъ статсъ-секретаря Грота, развитіемъ акцизной системы. Въ должности управляющаго акцизными сборами покойный съ большимъ успѣхомъ и тактомъ ввелъ новую систему въ губерніяхъ Владимирской, Тамбовской, Орловской, Воронежской и Эстляндской, на Кавказѣ и въ Закаспійскомъ краѣ. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей С. В. всегда отличался крайней отзывчивостью ко всѣмъ мѣстнымъ вуждамъ: во Владимирѣ и Тамбовѣ много поработалъ по развитію женскаго образованія, въ Орлѣ во время турецкой войны принималъ живое участіе въ Красномъ Крестѣ, долгое время былъ дѣятельнымъ гласнымъ въ уѣздномъ и губервскомъ земствѣ Тамбовской губерніи. Въ 1892 г. С. В. былъ сдѣланъ первымъ начальникомъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи штей, въ которомъ тогда началась разработка дѣла о казенной продажѣ вина. Въ

1902 г. С. В. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Въ 1904 г. покойному были высочайше пожалованы брильянтовые знаки ордена св. Александра Невскаго. (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г. № 11.394).

† **Мердѣрь, И. К.** Скончавшійся 27 ноября шталмейстеръ высочайшаго двора, почетный опекунъ с.-петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта, председатель совѣта и комитета попечительства государыни императрицы Маріи Феодоровны о глухонѣмыхъ, тайный совѣтникъ Иванъ Карловичъ Мердѣрь принадлежалъ къ числу популярнѣйшихъ филантропическихъ дѣятелей. Покойный родился въ 1830 г. Службу свою началъ въ 1850 г., въ 1870 г. былъ пожалованъ въ камергеры двора его величества, а четыре года спустя произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ званіе шталмейстера высочайшаго двора покойный былъ пожалованъ въ 1886 г. и въ томъ же году произведенъ въ тайные совѣтники, а три года спустя награжденъ орденомъ Вѣлаго Орла. За свою свыше чѣмъ полувѣковую службу И. К. имѣлъ всѣ высшіе русскіе ордена, до брильянтовыхъ знаковъ ордена Александра Невскаго включительно, и много иностранныхъ. Скончался И. К. при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Приѣхавъ въ школу-пріютъ для глухонѣмыхъ въ деревню Мурзинку, онъ, въ сопровожденіи администраціи, обходилъ помѣщеніе пріюта. Въ столовой И. К. почувствовалъ себя дурно и прежде, чѣмъ успѣлъ приѣхать вызванный врачъ, скончался отъ разрыва сердца. (Некрологъ его: «С.-Петербург. Вѣдом.» 1907 г., № 265).

† **Орловъ, В. С.** 10 ноября скончался директоръ московскаго синодальнаго училища церковнаго пѣнія и главный регентъ синодальнаго хора Василій Сергѣевичъ Орловъ. Покойный давно уже страдалъ болѣзью сердца, которая и свела его въ преждевременную могилу. Въ его лицѣ русское общество утратило отличнаго знатока церковной музыки и замѣчательнаго регента, за время своего управленія синодальнымъ хоромъ сумѣвшаго поставить его исполненіе на недосыгаемую дотолѣ высоту. Въ настоящее время синодальный хоръ и по подбору голосовъ, и въ особенности по художественной тонкости своего исполненія, по справедливости считается лучшимъ въ Россіи, а можетъ быть, и въ Европѣ. Громадный успѣхъ, которымъ пользовались въ Москвѣ его ежегодные концерты, достаточно свидѣтельствуетъ объ отношеніи къ нему нашей публики. Всѣмъ памяты также тѣ горячіе восторги, которые возбудилъ синодальный хоръ своими концертами въ Вѣнѣ (лѣтъ десять тому назадъ). И всѣмъ этимъ синодальный хоръ обязанъ главнымъ образомъ своему, нынѣ покойному, регенту, въ теченіе двадцати одного года безсмѣнно стоявшему во главѣ его. В. С. Орловъ получилъ свое музыкальное образованіе въ синодальномъ училищѣ и затѣмъ—въ московской консерваторіи, которую онъ окончилъ въ 1879 году. По окончаніи курса въ консерваторіи, онъ нѣкоторое время дирижировалъ исполнительными собраніями русскаго хорового общества. Въ 1886 году, по рекомендаціи Чайковскаго, онъ былъ назначенъ регентомъ синодальнаго хора, а въ 1900 году—и директоромъ синодальнаго училища (на мѣсто С. В. Смоленскаго, переведеннаго въ петербургскую придворную капеллу). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1907 г., № 261).

† **Петровскій, И. А.** Скончавшійся 22-го ноября въ университетской клиникѣ Иванъ Алексѣевичъ Петровскій родился въ 1863 г. въ Саратовѣ, гдѣ и прошелъ среднюю школу, а затѣмъ поступилъ въ петербургскій университетъ, который окончилъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Переселившись затѣмъ въ Москву, И. А. поступилъ въ московскій университетъ на юридическій факультетъ, но пробылъ на немъ меньше двухъ лѣтъ и занялъ по предложенію проф. К. А. Тимирязева мѣсто ассистента по кафедрѣ ботаники въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ. Кромѣ того, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ секретаремъ ботаническаго отдѣленія общества любителей естествознанія, антропологін и этнографін. Какъ специалистъ-ботаникъ, онъ получилъ предложеніе перевести на русскій языкъ сочиненія Дарвина и выполнилъ эту работу подъ редакціей К. А. Тимирязева. Занятія ботаникой не мѣшали И. А. глубоко интересоваться общественными вопросами, и его скоро потянуло къ газетной работѣ. Съ 1892 г. онъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Русскихъ Вѣдомостей», работая преимущественно въ иностранномъ отдѣлѣ. Отлично владѣя иностранными языками и хорошо зная иностранную политическую жизнь, онъ умѣлъ придать большую содержательность своимъ обзорамъ внутренней жизни Франціи, Англіи и другихъ странъ, отводя въ этихъ обзорахъ главное мѣсто такимъ фактамъ борьбы за упроченіе демократическаго строя, которые могли представлять интересъ для русскаго читателя. Кромѣ этихъ обзоровъ, онъ писалъ передовыя статьи по вопросамъ иностранной жизни и помѣщалъ отдѣльныя статьи за подписью. Такъ, въ 1905 г. имъ написанъ рядъ фельетоновъ на тему «Организація народнаго представительства въ Европѣ и Америкѣ» (изданы отдѣльной брошюрой) и «Избирательная кампанія въ свободныхъ государствахъ». Помимо газетной работы, И. А. удѣлялъ много времени общественной и политической дѣятельности. Онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ (общество любителей естествознанія, антропологін и этнографін, педагогическое общество, учебный отдѣлъ общества распространенія техническихъ знаній и комиссія по организаціи домашняго чтенія, общество сельскаго хозяйства и т. д.) и также принималъ живое участіе въ различныхъ политическихъ и общественныхъ организаціяхъ, союзахъ, обществахъ, кружкахъ. Какъ человекъ, соединявшій широкое образованіе съ живыми общественными интересами и обладавшій привлекательными личными качествами, онъ пользовался глубокими симпатіями со стороны всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1907 г. № 269).

† **Рутковскій, М. І.** 10 декабря скончался старѣйшій метранжажъ «Новаго Времени», Михаилъ Іосифовичъ Рутковскій. Покойный почти всю свою жизнь проработалъ въ «Новомъ Времени», выпуская нумеръ за нумеромъ съ 1876 г., съ самаго дня основанія газеты. Онъ версталъ газету еще въ тѣ времена, когда не было и рѣчи о стереотипахъ, о ротативныхъ машинахъ и когда трудъ метранжажа былъ значительно тяжелѣе. Въ лицѣ покойнаго типографія потеряла одного изъ лучшихъ тружениковъ, тѣхъ тружениковъ, работы которыхъ не видитъ публика, которые остаются незамѣтными, несмотря на все значеніе ихъ дѣятельности для газеты. Этому скромному, но

тяжелому дѣлу М. І. посвятилъ свою жизнь, работая сначала наборщикомъ въ типографіяхъ Трубникова, Граншеля и другихъ. Всегда аккуратный, энергичный, заботливый, онъ на своемъ посту служилъ примѣромъ для товарищей, любовью и уваженіемъ которыхъ онъ пользовался за свой характеръ, за доброе, хорошее отношеніе къ нимъ. Біографическія свѣдѣнія о М. І. несложны. Родился онъ въ гор. Ковнѣ, по вѣроисповѣданію католикъ. Въ годъ 25-лѣтняго юбилея газеты «Новое Время» получилъ званіе потомственного почетнаго гражданина. Умеръ 57 лѣтъ отъ роду. Миръ праху твоему, Михаилъ Осиповичъ! (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г. № 11406).

† **Философовъ, Д. А.** 6 декабря на парадномъ спектаклѣ въ Маріинскомъ театрѣ внезапно скончался отъ паралича сердца министръ промышленности и торговли, шталмейстеръ двора Его Величества, Дмитрій Александровичъ Философовъ. Несмотря на молодые сравнительно годы (покойному всего 46 лѣтъ), Д. А. уже два раза входилъ въ составъ совѣта министровъ; въ первый разъ въ качествѣ государственнаго контролера. Покойный получилъ образованіе въ сиб. университетѣ на двухъ факультетахъ: физико-математическомъ и юридическомъ, окончилъ университетъ въ 1886 г. и началъ службу по министерству народнаго просвѣщенія, но черезъ годъ перешелъ въ государственную канцелярію, въ отдѣленіе государственной экономіи. Здѣсь служебная карьера покойнаго пошла быстро впередъ, въ 1893 г. онъ уже состоялъ помощникомъ статсъ-секретаря госуд. совѣта, въ 1899 г. управляетъ отдѣленіемъ государственной экономіи по законодательной части, а еще черезъ два года былъ назначенъ статсъ-секретаремъ департамента промышленности, наукъ и торговли. Въ 1901 г. Д. А. былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ занялъ постъ товарища государственнаго контролера. Въ 1903 г. Д. А. участвовалъ въ комисіи по вопросу о причинахъ убыточности желѣзнодорожнаго хозяйства и въ комисіи о введеніи въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ однообразной съ имперіей монетной системы. Въ 1904 г. Д. А. былъ назначенъ въ должность шталмейстера и въ слѣдующемъ году, послѣ смерти Лобко, занялъ постъ государственнаго контролера. Въ этой должности Д. А. оставался до оставленія графомъ Витте поста председателя совѣта министровъ и при П. А. Столыпинѣ вновь вошелъ въ составъ кабинета. Министръ въ началѣ 9 часа вечера прибылъ въ Маріинскій театръ, гдѣ по случаю тезоименитства Государя Императора въ этотъ вечеръ шелъ парадный спектакль и исполнялась опера Глинки «Жизнь за Царя». Во время пѣнія гимна Д. А., находившійся въ ложѣ бельэтажа № 13, почувствовалъ себя дурно и лишился сознанія. Немедленно его перенесли въ медицинскій кабинетъ театра. Вызванные театральныи и полицейскій врачи, а также нѣсколько врачей изъ цѣлики констатировали смерть министра отъ разрыва сердца. Въ каретѣ скорой помощи тѣло его было перевезено на Сергіевскую, гдѣ проживалъ покойный министръ. Поздно вечеромъ была отслужена первая панихида въ присутствіи ближайшихъ чиновъ министерства, узнавшихъ о смерти министра. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11401).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи «Хищеніе башкирскихъ земель».

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1907 г. въ статьѣ «Хищеніе башкирскихъ земель» П. П. Жакмонъ, говоря о надѣленіи свободными участками башкирскихъ земель лицъ, занимавшихъ въ то время (въ 70-тыхъ годахъ) высшія государственныя должности и представителей всѣхъ министерствъ, пишетъ: «За высшими петербургскими сановниками слѣдовали генераль-губернаторы К. П. Кауфманъ, получившій 10 тысячъ десятинъ башкирской земли и оренбургскій Н. А. Крыжановскій—тоже 10 тысячъ десятинъ самой богатой и плодородной башкирской земли. За ними слѣдовалъ правитель канцеляріи генераль-губернатора А. Д. Холодковскій, получившій до 3-хъ тысячъ десятинъ самой лучшей пахотной башкирской земли, а за нимъ всѣ генералы, занимавшіе въ Оренбургскомъ краѣ должности начальниковъ отдѣльных частей. Генеральскіе участки по чинамъ генераль-майора и генераль-лейтенанта нарѣзывались въ размѣрѣ отъ 1 до 2 тысячъ десятинъ земли каждому»... Мой отецъ, бывшій въ то время оренбургскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ оренбургскаго казачьяго войска въ чинѣ генераль-майора, хотя и имѣлъ право получить землю, на самомъ дѣлѣ не получилъ не только тысячъ десятинъ, но ни одного аршина; считая самый проектъ раздачи башкирскихъ земель служащимъ края неправильнымъ, отказался отъ своего права на полученіе таковой. Далѣе г. Жакмонъ сообщаетъ: «Къ несчастію, генераль-губернаторъ Крыжановскій имѣлъ слабость героя грибоѣдовской комедіи Фамусова и могъ бы по справедливости сказать вмѣстѣ съ этимъ типичнымъ москвичемъ: «при мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки, все больше сестрины, свояченицы дѣтки». И въ самомъ дѣлѣ всѣ его адъютанты, чиновники особыхъ порученій и состоявшіе въ его распоряженіи по званію командующаго войсками военного округа и начальники отдѣльных частей были все люди, связанные съ нимъ узами крови и родства. Такъ, наиримѣръ, родственникъ его полковникъ Боборыкинъ по пріѣздѣ въ Оренбургъ былъ произведенъ въ генераль-майоры и занялъ постъ оренбургскаго военного губернатора и наказнаго атамана оренбургскаго казачьяго войска. Постъ этотъ былъ очень почетный и выгодный; кромѣ большого оклада жалованья, присвоеннаго этому лицу, совмѣщавшему въ себѣ двойное представительство власти, Боборыкинъ занималъ въ казенномъ зданіи караванъ-сарая большую и роскошную квартиру въ 12 комнатъ при огромномъ садѣ съ оранжереями. Братъ жены генерала Боборыкина, подполковникъ Кашкинъ, занималъ должность адъютанта при генералѣ Крыжановскомъ по званію его командующаго войсками оренбургскаго военного округа. Но Боборыкину не посчастливилось на атаманскомъ посту. Къ нему нѣсколько разъ являлся съ просьбой объ опредѣленіи его на службу вольноопредѣляющимся г. Естихѣевъ. Боборыкинъ не хотѣлъ

принять его на службу, и вотъ, когда однажды онъ отказать ему въ его просьбѣ, Естихѣевъ въ припадкѣ отчаянія бросился на Боборыкина и ударилъ его два раза по лицу. Но другой день послѣ этого происшествія всѣ офицеры, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, облеклись въ мундиры и отправились къ атаману для выраженія ему сочувствія по поводу инцидента съ Естихѣевымъ. И по городу всюду говорили, что офицеры ѣздили поздравлять Боборыкина съ полученіемъ оплеухи». Относительно родства моего отца и моего покойнаго дяди, со стороны матери, А. С. Кашкина (скончавшагося лѣтъ 25-тъ тому назадъ въ Москвѣ военнымъ судьей), съ генераломъ Крыжановскимъ, я категорически утверждаю, что оно существуетъ лишь въ фантазіи г. Жакмона, ибо ни Боборыкины, ни Кашкины, ни въ близкихъ, ни въ дальнихъ степеняхъ свойства и родства съ Крыжановскими не состояли и не состоятъ. Что же касается до печальнаго инцидента съ Естихѣевымъ, то хотя онъ въ дѣйствительности и произошелъ съ моимъ отцемъ, но выставленъ опять-таки г. Жакмономъ въ неправильномъ освѣщеніи: въ отсутствіе генерала Крыжановскаго мой отецъ временно исполнялъ обязанности оренбургскаго генералъ-губернатора: принимая въ домѣ генералъ-губернатора просителей, онъ, къ своему большому удивленію, былъ оскорбленъ дѣйствіемъ однимъ изъ этихъ просителей Естихѣевымъ, котораго онъ ранѣе никогда въ жизни не видѣлъ и о существованіи котораго до сего случая понятія не имѣлъ. Изъ слѣдствія выяснилось, что какой-то полупомѣшанный Естихѣевъ явился на пріемъ просителей къ генералъ-губернатору Крыжановскому, желая нанести ему, Крыжановскому, оскорбленіе дѣйствіемъ за отклоненіе имъ, Крыжановскимъ, какой-то его просьбы и, не зная генерала Крыжановскаго въ лицо, равно какъ и моего отца, принялъ отца за генералъ-губернатора Крыжановскаго и набросился на него. Узнавъ свою ошибку, самъ Естихѣевъ умолялъ отца простить его. Государь императоръ Александръ II, получивъ, тотчасъ послѣ сего случая, прошеніе отца объ отставкѣ и узнавъ причину сей просьбы, лично телеграфировалъ моему отцу слова соболѣзнованія и просьбу его не оставлять службы. Вотъ почему, какъ пишетъ самъ г. Жакмонъ: «на другой день послѣ происшествія всѣ офицеры оренбургскаго казачьяго войска, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, облеклись въ мундиры и отправились къ атаману для выраженія ему сочувствія по поводу инцидента съ Естихѣевымъ»... Что же касается слѣдующей фразы г. Жакмона: «И по городу всюду говорили, что офицеры ѣздили поздравлять Боборыкина съ полученіемъ оплеухи...», то онъ также клеветаетъ на городъ Оренбургъ, какъ клеветаетъ и на покойнаго моего отца и если дѣйствительно допустить, что «по городу всюду говорили...», то ясно, что такъ могли говорить лишь ношлые и ничтожные люди. Кончаю свое письмо предложеніемъ г. П. П. Жакмону путемъ печати сознаться въ своей клеветѣ по отношенію всего имъ напечатаннаго въ своей статьѣ «Хищеніе башкирскихъ земель», въ части касательно моего покойнаго отца генерала-лейтенанта К. Н. Боборыкина, бывшаго еще лѣтъ семь, послѣ вышеизложеннаго случая, оренбургскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ оренбургскаго казачьяго войска, а затѣмъ 12-тъ лѣтъ орловскимъ губернаторомъ (съ 1876 по 1888 г.) и скончавшимся въ Москвѣ 5-го февраля 1904 г.,

и принести мнѣ, его сыну, извиненіе; въ противномъ же случаѣ г. Жакмонъ будетъ мною привлеченъ къ законной отвѣтственности.

Владимиръ Константиновичъ Воборыкинъ.

II.

По поводу статьи «Маланьина Свадьба».

Въ ноябрьской книгѣ Историческаго Вѣстника (за 1907 г.) помѣщена статья г. Мартемьянова подъ заглавіемъ «Маланьина свадьба». Въ ней разсматривается происхожденіе этого «крылатаго слова» и объясненіе его, даваемое авторомъ, противорѣчитъ тому, которое даютъ у насъ на Дону.

У насъ эта поговорка очень распространена, и всѣ, повторяя ее, убѣждены, что въ ней вспоминается свадьба знаменитой атаманши Маланьи Карповны Ефремовой, жены не менѣе знаменитаго атамана Степана Даниловича Ефремова. О личности этой атаманши память въ казакахъ еще до сихъ поръ жива, о ней и ея мужѣ сохранилось много народныхъ пѣсенъ, и поэтому для каждаго казака поговорка «наварили, напекли, — какъ на Маланьину свадьбу» — не является какимъ-нибудь ребусомъ, и каждый на вопросъ о томъ, о какой это Маланьѣ говорится, — скажетъ, что тутъ вспоминается про шумную и пышную свадьбу атамана Ефремова.

То же объясненіе этой поговорки, равно какъ и другой распространенной на Дону: «Вотъ тебѣ и тюкъ — на крюкъ, Маланья Карповна», — даетъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» нашъ донской знатокъ родной старины А. А. Карасевъ (см. его статья: «Атаманъ Степанъ Даниловичъ Ефремовъ», «Историческій Вѣстникъ», 1902 г., сентябрь), гдѣ онъ рассказываетъ о самой личности этой знаменитой донской женщины и упоминаетъ и объ этихъ двухъ поговоркахъ.

Говоря обо всемъ этомъ, я не думаю вовсе опровергать мнѣніе г-на Мартемьянова и готовъ съ нимъ согласиться въ происхожденіи новой поговорки, но пишу только съ цѣлью сообщить, что на Дону распространено совершенно другое объясненіе и было бы очень интересно, если бы кто-нибудь изъ донскихъ знатоковъ старины, какъ уважаемый А. А. Карасевъ, согласился высказать объ этомъ свое мнѣніе.

Степанъ Ефремовъ.

ВЪ ВИХРЪ
ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

АНДРЕ ТЕРЬЕ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО А. М. БЪЛОВА.

Безплатное приложеніе къ «Историческому Вѣстнику».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Голодные желудки.

Въ 1788 году вслѣдствіе засухи почти всюду былъ неурожай. Наступившая зима оказалась исключительно сурова. Съ ноября по декабрь термометръ показывалъ 18° ниже нуля, и всѣ октябрьскіе посѣвы померзли, такъ какъ, несмотря на чрезмѣрное пониженіе температуры, снѣгъ выпалъ очень поздно. Надежды на урожай 1789 года исчезли такимъ образомъ еще въ самомъ началѣ. Чувствовался недостатокъ сѣятныхъ припасовъ. Уже съ марта, истощенныя лица бѣдныхъ жителей свидѣтельствовали о наступающей голодовкѣ; земледѣльцы пугливо запирали на замокъ свои закормы. Въ восточныхъ провинціяхъ свирѣпствовалъ морозъ, и неурожай быстро сказался, особенно въ Баруа—мѣстности, покрытой виноградниками и лѣсами, гдѣ земледѣліе не давало большого дохода. Главный городъ этого древняго герцогства Баръ-ле-Дюкъ, населенный большею частью мелкими торговцами, виноградарями и ткачами, жестоко страдалъ отъ голода.

Ко времени открытія генеральныхъ штатовъ муниципалитетъ подсчиталъ, что ему приходится кормить 10.000 голодныхъ ртовъ, и что въ магазинахъ и у частныхъ лицъ едва можно было набрать 30.000 четвериковъ пшеницы. Безотрадность такого положенія вещей еще болѣе усиливалась неблагоприятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Все способствовало этому: частые постои войскъ уничтожили запасы хлѣба; посѣвы 1788 г. не дали почти ничего, и землевладѣльцы, лишившись своего главнаго дохода, положили зубы на полку. Торговля шла плохо, недовольное дворянство сокращало свои расходы и не выходило изъ своихъ замковъ. На бумагопрядильныхъ фабрикахъ работы остановились. Въ серединѣ лѣта въ предмѣстїи Вееля можно было видѣть, какъ ходили безъ дѣла и разводили руками голодные ткачи, а ихъ жены въ лохмотьяхъ осаждали двери булочныхъ. Люди, едва добывавшіе себѣ пропитаніе трудомъ даже въ то время, когда хлѣбъ былъ дешевъ, были охвачены ужасомъ, видя, что къ голоду присоединялась еще и безработица. Нервы взвинчивались, головы распаялись, и всѣ теряли душевное равновѣсіе. Люди обыкновенно стараются какъ-нибудь объяснить себѣ постигшую ихъ нищету и яростно отыскиваютъ какого-нибудь таинственнаго козла отпущенія, на котораго можно бы было свалить всю вину. И вотъ, среди ткачей, которые собирались на перекресткахъ въ Баръ-ле-Дюкъ или же заглушали свой голодъ въ кабакахъ, все чаще и чаще стало произноситься имя одного буржуа Андрея Пелиссье. Его-то и стали обвинять во всѣхъ бѣдствіяхъ, открыто называя ненавистнымъ барышникомъ. Пелиссье торговалъ хлѣбомъ. Ловкій, дѣятельный и стойкій, онъ скоро нажилъ большія средства отъ торговли хлѣбомъ и приобрѣлъ въ Алансонѣ хорошо обставленный домъ съ дворомъ и садомъ, въ которомъ жилъ со своей семьей. Плохіе слухи, которые старались еще раздуть его земляки, дошли наконецъ и до него; но съ самоувѣренностью, которая развивается отъ житейскихъ успѣховъ, онъ не обращалъ на нихъ вниманія и продолжалъ попрежнему вести свои дѣла. Онъ былъ спокоенъ, зная, что его дѣловитость и торговая солидность пользуются общимъ признаніемъ. Развѣ съ наступленіемъ зимы и голода не являлась къ нему официальная депутація отъ муниципальнаго управленія благодарить его за быструю доставку провіанта для запасныхъ магазиновъ? Исполнивъ свои обязательства и обезпечивъ себѣ хорошій доходъ, онъ жилъ въ полной обезпеченности, презирая доносившіяся до него изъ предмѣстїй угрозы, которыя сгущались, словно приближающаяся туча. На 27 іюля въ старинной церкви С.-Максъ должно было состояться собраніе почетныхъ гражданъ для составленія благодарственнаго адреса національному собранію, которое учредило комитетъ для помощи голодающимъ. Пелиссье, который считался однимъ изъ главныхъ торговцевъ города, не хотѣлъ пропустить этого собранія; часа въ четыре пополудни онъ вышелъ изъ своего дома на Лебединой улицѣ и направился къ церкви С.-Максъ. Ради такого торжества онъ особенно принарядился. Онъ надѣлъ парадный камзолъ изъ сѣраго сукна со стальными пуговицами, атласныя панталоны такого же цвѣта и бѣлые шелковые чулки.

Побрившись и напудривъ волосы, онъ пошелъ не спѣша, какъ идетъ человѣкъ, страдающій природной тучностью. Онъ опирался на высокую палку съ серебрянымъ набалдашникомъ и старался держаться въ тѣни, такъ какъ сквозь легкія облака пробивались жгучіе лучи лѣтняго солнца. Этотъ ловкій, вліятельный, краснощекій буржуа время отъ времени обмѣнивался поклонами съ прохожими, сопровождая свой каждый поклонъ любезно-снисходительною улыбкой. Только что онъ вышелъ по переулку изъ улицы Лебеда на площадь Короны, какъ вдругъ къ нему приблизился человѣкъ, который шелъ къ нему навстрѣчу. Ему можно было дать 32 — 33 года. Высокій, хорошо сложенный, онъ отличался гибкостью и могучими плечами. Его манеры и все его фигура представляли необычайную смѣсь важности, изящества и силы. Напудренные каштановые волосы обрамляли его четырехугольный задумчивый лобъ; подъ густыми темными бровями сверкали полные огня глаза. Его красиво очерченный улыбающійся ротъ скрывалъ великолѣпные зубы, которые дѣлали его лицо еще болѣе привлекательнымъ, когда онъ улыбался. Его строго выдержанный нарядъ носилъ на себѣ отпечатокъ той изысканной простоты, которая входила тогда въ моду въ подражаніе англичанамъ. На немъ была круглая шляпа и бѣлый галстукъ, а остальное одѣяніе и чулки были черные. Манера держать голову, умѣренные движенія, сосредоточенное выраженіе лица—изобличали въ немъ чело-вѣка судейскаго міра. Франсуа Божаръ, занимавшій мѣсто генеральнаго лейтенанта въ Барѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ избранъ депутатомъ отъ Тьера въ національномъ собраніи.

— Здравствуйте, господинъ депутатъ, — съ оттѣнкомъ почтительной фамильярности сказалъ Пелиссье. — Какъ, вы не у С.-Максъ?

— Нѣтъ; тамъ составляютъ адресъ національному собранію, и я не могу изъ скромности выражать благодарность самому себѣ. А вы развѣ намѣрены принять участіе въ этомъ обсужденіи?

— Наоборотъ, я считаю своей обязанностью поддержать заявленія моихъ друзей.

Лицо депутата насупилось.

— Напрасно!—возразилъ онъ ему со свойственной ему прямо-той:—я только что проходилъ мимо церкви... тамъ толпы рабочихъ, которые васъ очень чествуютъ. Вы должны знать, что рабочіе не любятъ васъ.

— Я знаю,—сказалъ Пелиссье, пожимая плечами:—меня считают кулакомъ. Я кулакъ! А я еще ожидаю завтра обозъ изъ Веврѣ, который привезетъ мнѣ тысячу мѣшковъ хлѣба для здѣшнихъ булочныхъ. Я исполняю свои обязательства и даже больше того, господинъ депутатъ,—моя совѣсть не можетъ меня ни въ чемъ упрекнуть.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но у васъ есть враги. Толпа невѣжественна и ее легко натравить. Повторяю, вы поступите благоразумно, если не пойдете туда. Я видѣлъ тамъ какія-то особенныя лица и слышалъ угрозы, не предвѣщающія вамъ ничего хорошаго.

— Ба, жители Бара похожи на собакъ, которыя лаютъ, но не кусаютъ.

— До тѣхъ поръ, пока они не взбѣсятся, — отвѣтилъ Франсуа-Божаръ:—а сегодня всего можно ожидать, и я боюсь. Возвращайтесь лучше обратно и сидите дома.

— Господинъ депутатъ, — отвѣтилъ Пелисье смѣло:—если я спрячусь, то эти крикуны вообразятъ, что я ихъ боюсь, и вотъ тогда-то для меня наступитъ опасность. Итакъ, я пойду туда. Будьте покойны!

Франсуа Божаръ понялъ, что ему не переубѣдитъ упрямаго торговца.

— Я хотѣлъ дать вамъ хорошій совѣтъ, — рѣзко сказалъ онъ:—но вы не желаете ему слѣдовать, это ваше дѣло. Мое почтеніе!

Они холодно раскланялись. Депутатъ продолжалъ свой путь по направленію къ предмѣстью, а Пелисье началъ подниматься на такъ называемый Поповскій холмъ.

Баръ-ле-Дюкъ раздѣляется на верхній и нижній городъ. Верхній городъ тянется по склону холмовъ, засаженныхъ виноградниками и у подошвы которыхъ течетъ рѣка Орнеъ. Дома расположены по гребню и склону холма, который вдается мысомъ въ долину и образуетъ налѣво узкій проходъ, гдѣ между фруктовыми и виноградными садами лежитъ предмѣстье Веель. Холмъ или подъемъ, на который взбирался Андрей Пелисье, примыкавшій съ одной стороны къ городской стѣнѣ, а съ другой къ постройкамъ коллежа, выходилъ на площадку къ старинному герцогскому замку, отъ которой теперь уцѣлѣла только сводчатая дверь, и къ церкви С.-Максъ, теперь уже не существующей. Съ этого мѣста открывался оригинальный видъ: дома верхняго города своими башнями и балконами дѣлали какъ бы сводъ, а сады спускались уступами покрытыми виноградниками, группами деревьевъ.

Въ полуденномъ покоѣ, при блескѣ іюльскаго солнца, всѣ дома выглядѣли бѣлыми отъ слишкомъ яркаго свѣта, зелень виноградниковъ какъ будто свѣтилась; сотни стрекозъ шумѣли на каменистой почвѣ виноградниковъ, но по мѣрѣ того, какъ Пелисье приближался къ церкви С.-Максъ, дремлющее спокойствіе холма смѣнялось глухимъ шумомъ, и мало-по-малу до его слуха доходили сильные крики, рѣзкіе голоса, смѣхъ и ревъ дѣтей. Когда Андрей Пелисье былъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ переулка, онъ увидѣлъ, что вся площадь, находившаяся между башенными часами и улицей Бэля, чернѣла густой и бурной толпой: ткачи,

размахивавшіе длинными худыми руками, съ включенными бородами, съ блѣдными лицами отъ долгаго пребыванія въ сырыхъ кабакахъ; виноградари въ синихъ выпцвѣтшихъ курткахъ, сгорбившіеся отъ работъ, съ землистымъ отъ загара цвѣтомъ лица; женщины съ растрепанными волосами, въ дырявыхъ платьяхъ, съ растерзанными юбками и виднѣвшимися изъ-подъ нихъ голыми ногами. Многіе изъ тѣхъ, которые были здѣсь, предварительно сдѣлали привалъ въ кабакахъ верхняго города и напились. Глаза горѣли, лица складывались въ угрожающія гримасы. Вдругъ среди буйныхъ криковъ пронесся зловѣщій ропотъ:

— Вотъ онъ!.. А!.. кровопійца! — послышалось въ толпѣ.

Пелисье почувствовалъ, какъ холодъ пробѣжалъ у него по тѣлу. Тѣмъ не менѣе онъ остался спокоенъ и съ поднятой головой и твердымъ взглядомъ направился къ церковной паперти. На минуту наступило молчаніе; толпа, казалось, оробѣла или даже нѣсколько смутилась смѣлостью Пелисье. Но едва онъ переступилъ паперть, какъ раздались голоса:

— Долой Пелисье! смерть кулаку!.. повѣсимъ его!

Одинъ изъ главныхъ вожаковъ, косоглазый паренъ, продавецъ требухи, съ голыми руками, похожій на бульдога, по имени Калунья, взмахнулъ дубиной, которую онъ держалъ въ рукѣ, и проревѣлъ:

— Живѣе, вы, остальные! надо ему отплатить!

Впереди всѣхъ ринулся онъ въ церковь, а за нимъ человекъ 20 мужчинъ и женщинъ, которые вопили и грозили кулаками.

Пелисье замѣтилъ въ глубинѣ церкви кое-кого изъ своихъ друзей и бросился было къ нимъ, но тѣ, напуганные бѣшено-раздраженной толпой, скрылись на хоры. Оставшись одинъ посреди главнаго прохода, торговецъ вздумалъ укрыться у каедры, съ которой произносились проповѣди, но едва онъ успѣлъ подняться на нѣсколько ступеней винтообразной лѣстницы, какъ кто-то изо всей силы ударилъ его по головѣ дубовой скамейкой. Онъ потерялъ равновѣсіе и почти безъ сознанія покатился на каменные плиты. Видя, что онъ упалъ, убійцы съ дикими криками ринулись на свою жертву, но сознаніе вернулось къ нему и, закрывъ свое лицо обѣими руками, онъ простоналъ:

— Ко мнѣ, мои друзья!

Но спрятавшіеся въ алтарѣ обыватели не двинулись съ мѣста, опасаясь насилія толпы. Отъ взрыва неистовыхъ народныхъ страстей они лишились способности размышлять и дѣйствовать, такъ что ни одинъ изъ нихъ не подумалъ скрыться, чтобы извѣстить муниципальныя власти, или обратиться за помощью къ капитану Траване, проходившему въ это время съ отрядомъ драгунъ полка *Mestre-de-Camp*. Всѣ жались одинъ къ другому, какъ напуганное грозой стадо барановъ, блѣдные, съ расширенными глазами и дрожь за собственную безопасность.

Въ отвѣтъ на стоны Пелиссье раздавались ужасныя вопли. Калунья ударилъ его кулакомъ и поставилъ его на ноги.

— Ты хотѣлъ, чтобы мы околѣвали съ голода,—сказалъ онъ.— Теперь твоя очередь... Теперь мы заставимъ тебя попробовать вкусъ хлѣба!

Онъ грубо толкнулъ его впередъ; десять или одиннадцать рукъ опустились на плечи торговца и его поволокли изъ церкви. Недалеко отъ входа въ нее находилась глубокая цистерна, наполненная водой.

— Напойте его водой!—кричали кругомъ. Но разъяренная толпа нашла, конечно, такое рѣшеніе слишкомъ скорымъ; имъ трудно было отказаться отъ своей побѣды, не вкусивъ сладости уточненной мести, и они остановились въ нерѣшительности, какъ вдругъ къ нимъ бросился въ ужасѣ какой-то священникъ. Это былъ аббатъ Ралле, каноникъ церкви С.-Максъ, энергичный и кроткій священникъ, хорошо извѣстный въ предмѣстьѣ Вееля, благодаря своему самоотверженію и состраданію.

— Друзья мои,—взмолился онъ:—злоба помutilа вашъ разумъ... Остановитесь! Будьте христіанами, а не дикими звѣрями.

Его слова была прерваны яростными проклятіями:

— Довольно!.. Въ ризницу попа!.. довольно намъ читать проповѣди! мы здѣсь не у обѣдни!

Аббатъ понялъ, что звѣрство этихъ людей заглушило въ нихъ всякое чувство состраданія. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ еще одно усиліе и смѣло сказалъ:

— Несчастные; вы хорошо видите, что этотъ человѣкъ уже умираетъ. Допустите меня по крайней мѣрѣ приготовить его къ настоящей христіанской кончинѣ и дать ему причастіе. Вы, конечно, мнѣ не откажете въ этомъ?

Просьба священника, который крестилъ и причащалъ ихъ дѣтей, подѣйствовала на столпившихся на паперти въ довольно большомъ числѣ женщинъ.

— Да,—объявили они, тронутыя суевѣрнымъ страхомъ:—дайте ему исповѣдать свои грѣхи аббату Ралле.

Мужчины уступили и, бросивъ свою жертву, словно какой-нибудь узелъ, на ступени церкви, отошли на нѣсколько шаговъ, въ то время какъ каноникъ, сдѣлавъ крестное знаменіе, опустился передъ умирающимъ на колѣни.

— Приготовьте его къ смерти, господинъ аббатъ, но торопитесь!.. намъ некогда ждать!

Взрывъ хохота былъ грубымъ отвѣтомъ на эту шутку. Аббатъ однако не смутился; онъ началъ бормотать молитвы и сдѣлалъ видъ, что исповѣдуетъ Пелиссье, который отвѣчалъ ему слабыми жалобами. Каноникъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы какъ можно дольше продлить церемонію, надѣясь, что своимъ авторитетомъ ему удастся

какъ-нибудь разсѣять бунтовщиковъ; но они какъ будто начинали уже понимать его хитрость и обнаруживали нетерпѣніе. Слышался ропоть:

— Долго ли онъ будетъ мѣшкать? Онъ безумецъ!.. Если онъ не кончитъ сейчасъ же,—клялся Калунья, размахивая своей дубиной,—я его тоже прикончу... Спѣши, аббатъ, проваливай отсюда, или я тебѣ выпотрошу кишки.

Грозная толпа собралась около священника и кающагося.

Друзья аббата Ралле, подошедшіе къ дверямъ и трепетавшіе за жизнь каноника, бросились къ нему и, несмотря на его сопротивление, увлекли его на средину церкви. Толпа ринулась на Пелисье. Калунья сорвалъ съ него сѣрое платье, потомъ четверо схватили его за руки и за ноги и съ яростнымъ ревомъ понесли его до самаго низа паперти. Покачавъ его съ минуту, они бросили его на мостовую. Тѣло упало съ глухимъ шумомъ. Несчастный пронзительно вскрикнулъ, страхъ охватилъ мучителей при этомъ раздирающемъ крикѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ длилось такое молчаніе, что можно было ясно услышать звенящее стрекотаніе стрекозъ въ залитыхъ солнцемъ виноградникахъ.

Толпа опять набросилась на свою жертву. Разбитый и окровавленный, Пелисье еще дышалъ.

Калунья ударилъ его ногой и потащилъ его къ подножію холма, сопровождаемый сотней мужчинъ и женщинъ, которые бѣжали внизъ, крича:

— Смерть кулакамъ!

На площади Короны на пустой телѣгѣ ѣхалъ какой-то поселянинъ. Увидя валившую съ дикими криками разъяренную толпу, онъ бросилъ свою телѣгу и въ ужасѣ бросился бѣжать. Замѣтивъ брошенную телѣгу, бунтовщики испустили крики торжества. Калунья привязалъ умирающаго за ноги къ задней скамейкѣ, а самъ усѣлся на передней, размахивая, словно ужаснымъ знаменемъ, своей палкой, къ которой было прикрѣплено окровавленное платье Пелисье.

— Но-о!—кричалъ онъ.

Онъ хлестнулъ испуганную лошадь кнутомъ, и мрачный кортежъ крупной рысью вѣхалъ въ предмѣстье, а все увеличивающаяся толпа продолжала реветъ и кричать.

II.

Гордость провинціи.

Предмѣстье города, раскинувшееся у подошвы холма, пересѣкается въ длину улицей, которая называется Долиной Священниковъ и примыкаетъ къ главнымъ улицамъ нижняго города. Изъ то

время она называлась улицей св. Антонія. Старинные дома, построенные еще въ началѣ XVII вѣка въ стилѣ Возрожденія, придаютъ ей довольно красивый видъ. Одинъ изъ нихъ, выходявшій фасадомъ противъ церкви св. Антонія, привлекалъ вниманіе своимъ крыльцомъ съ коваными желѣзными перилами, съ поперечными тонкой работы окнами. Въ верхнемъ его этажѣ, украшенномъ уродливыми изваяніями, жило въ то время семейство Ронъ. Въ тотъ моментъ, когда мятежъ сталъ разгораться около С.-Макса, м-ше Ронъ, вдова совѣтника Баруа, сидѣла послѣ обѣда въ своей гостиной, выходящей окнами на улицу, и мирно бесѣдовала въ ней со своей племянницей Гіацинтой Эризель и своимъ старымъ другомъ, кавалеромъ Даніелемъ де-Вандіеръ.

Въ обширной гостиной, которая была обита деревянными, выкрашенными сѣрой краской панелями и украшена изображеніями на верхнихъ частяхъ дверей и зеркалъ пастушковъ во вкусѣ Буше, было въ это время темно, благодаря внутреннимъ ставнямъ, закрывавшимся въ часы сильной полуденной жары. Однако лучи съ улицы все проникали настолько, что, несмотря на то, что комната была обита коврами, въ ней до самыхъ отдаленныхъ уголковъ царилъ голубоватый полусвѣтъ. Громадный букетъ королевскихъ розъ въ вазѣ выдавался ярко краснымъ пятномъ и распространялъ вокругъ себя запахъ умирающаго лѣта. Въ этомъ бархатистомъ полусвѣтѣ трое собесѣдниковъ; несмотря на разницу выраженій лицъ и цвѣтовъ одежды, составляли одно гармоническое цѣлое, напоминая очаровательныя и задушевныя картины Тербурга. Расположившись съ удобствомъ въ глубокомъ креслѣ около столика и углубившись въ вязанье косынки изъ розовой шерсти, г-жа де-Ронъ сидѣла прямо, не сгибая своего еще стройнаго стана. Ей было лѣтъ пятьдесятъ. Ея черное шелковое, съ короткими рукавами платье открывало еще довольно красивыя руки, а сквозь полотняный воротникъ просвѣчивали ея плечи. Черный бархатный воротникъ, застегнутый пряжкой кокетливо скрывалъ морщины на ея шеѣ. Приподнятые и напудренные на китайскій ладъ волосы придавали ея четырехугольному лбу характеръ своевольной мужественности. Ея голубые, очень живые глаза блестѣли подъ еще черными бровями. Тонкій и немного острый носъ, тонкія, съ приподнятыми уголками губы и выдающійся подбородокъ сообщали удлиненному овалу ея лица выраженіе нѣсколько насмѣшливое. Видно было, что этотъ тонко очерченный ротъ способенъ былъ пускать стрѣлы ироніи и что его владѣлицѣ не стоило труда при случаѣ дать язвительный отпоръ.

Тщедушный, исхудалый, сгорбленный, съ поблекшимъ лицомъ и съ красными вѣками, узкимъ лбомъ, тонкимъ носомъ, застѣнчивый кавалеръ де-Вандіеръ сидѣлъ въ креслѣ недалеко отъ вдовы, смотря на нее, не отрываясь. Онъ казался старше ея, несмотря на то, что

они были однихъ лѣтъ. Его хилое тѣло тонуло въ просторномъ изъ сѣраго сукна камзолѣ и желтыхъ панталонахъ; шелковые чулки обтягивали его худыя икры. Его постоянно двигавшіеся пальцы вертѣли круглую плоскую табакерку. Табакъ былъ его единственной слабостью, и онъ нюхалъ его съ наслажденіемъ: но начиная съ масленицы вплоть до Пасхи, онъ изъ набожности пряталъ свою табакерку въ ящикъ и не нюхалъ, устраивая такимъ образомъ себѣ постъ. Говорили, что въ ранней молодости онъ былъ платонически влюбленъ въ свою кузину, г-жу де-Ронъ. Онъ не хотѣлъ жениться и какъ только г-жа де-Ронъ овдовѣла, онъ не отходилъ отъ нея, словно пудель, и занимался ея дѣлами усердиѣе, чѣмъ своими собственными. Онъ аккуратно приходилъ къ ней каждый день играть въ трикъ-тракъ. Рыцарь въ душѣ, набожный Даніель де-Вандіеръ въ обыденной жизни былъ нервень и трусливъ, какъ заяцъ; но его преданность доходила до страсти и въ случаѣ надобности этотъ баранъ могъ стать смѣлымъ и стойкимъ до геройства.

Сидя у окна, гдѣ было достаточно свѣта, который проникалъ черезъ пріотворенныя ставни, Гіацинта Эризель вышивала въ пальцахъ. На ней было ея бѣлое шерстяное одѣяніе, съ крестомъ канониссы на лѣвомъ плечѣ. Она состояла дѣйствительнымъ членомъ капитула аббатства Пуланже, куда допускались только тѣ, кто могъ насчитать уже десять поколѣній предковъ - дворянъ со стороны отца и четыре поколѣнія со стороны матери. Оставшись сиротой съ небольшимъ состояніемъ, она въ раннемъ дѣтствѣ вступила въ этотъ капитулъ, строгія правила котораго обезпечивали канониссамъ независимость и уваженіе, какими пользуются замужнія женщины, въ то же время избавляя ихъ отъ возможнаго несчастнаго супружества. Гіацинтѣ Эризель было 24 года. Ея густые рыжеватые волосы, въощіеся и напудренные, мягко обрамляли овалъ ея веселаго личика. Лицомъ она была похожа на тетку, но знатность происхожденія и природная доброта въ немъ сказывались сильнѣе, и при томъ ея лицо носило отпечатокъ поэзіи, котораго мы напрасно стали бы искать на лицѣ положительной мадамъ де-Ронъ. Гибкая округленная талія, красивая линія ея бюста, великолѣпныя плечи, бѣлая, какъ мраморъ, шея—придавали ей необыкновенную очаровательность. Ея обольстительная внѣшность довершалась большими зеленоватыми глазами, высокимъ, слегка покатымъ лбомъ, который намекалъ на способность увлекаться, тонко очерченнымъ носомъ и умнымъ и въ то же время мягкимъ ртомъ, которымъ она улыбалась какъ-то особенно, какъ будто только одной его стороной. Носъ съ горбинкой и выдающійся подбородокъ молодой женщины указывали на ея происхожденіе изъ Лотарингіи.

Гіацинта увѣряла, что съ материнской стороны она происходила изъ семьи Гизовъ, и, дѣйствительно, она отличалась тѣми же

страстными порывами, гибкостью ума и очаровательной грацией, которые составляли отличительную черту этой фамилии и которые самым наглядным образом выразились у Марин Стюартъ.

— Кузина,—сказалъ де-Вандіеръ, пряча въ карманъ жилета свою табакерку,—не начать ли намъ партію въ трикъ-тракъ?

— Нѣтъ, подождите еще, Даніель... я не люблю, чтобы меня беспокоили во время игры, а сейчасъ я жду визита Божара.

— О-о! значитъ господинъ депутатъ въ Барѣ?

— Онъ пріѣхалъ сюда на нѣсколько дней по случаю этого пресловутаго адреса нотаблей... А кстати, почему вы не поѣхали къ С.-Максъ?

— Почему?.. Во-первыхъ, потому, что я не расположенъ говорить комплименты якобы народному собранію... и, кромѣ того, увѣряютъ, что тамъ непременно произойдетъ споръ, и я не желаю впутываться въ драку.

— Кто же будетъ драться, скажите пожалуйста?

— Виноградари и ткачи, которые шумятъ изъ-за Целиссе, торговца хлѣбомъ; вотъ уже нѣсколько дней, какъ они собираются передъ городской ратушей и грозятъ повѣсить его на фонарѣ.

— Нужно сознаться, что власти не очень строги съ этими крикунами?

— Я хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ новый муниципалитетъ будетъ изнывать отъ хлопотъ... Если бы господа лавочники относились къ выборамъ въ муниципалитетъ болѣе осмотрительно, то муниципалитетъ сдѣлался бы умнѣе и пользовался бы большимъ уваженіемъ. Въ концѣ концовъ,—прибавилъ иронически де-Вандіеръ, почерпая изъ своей табакерки,—вашъ депутатъ Божаръ, состоя въ дружбѣ съ этими людьми, располагаетъ, конечно, достаточнымъ вліяніемъ, чтобы отвратить грозу... Чего ради онъ нанесетъ вамъ визитъ?

— Я съ нимъ была хорошо знакома еще въ то время, когда онъ служилъ при нашемъ судѣ и пользовался уваженіемъ покойнаго моего мужа... Несмотря на свои странности, онъ отличается галантностью. Въ наше время пріятно имѣть друзей даже среди революціонеровъ.

— Этотъ господинъ Божаръ въ прежнее время пріѣзжалъ въ Шаладъ, къ моей теткѣ,—сказала Гіацинта.

— Ха, ха, ты помнишь его, крошка?

— Конечно!.. Онъ прекрасно игралъ и пѣлъ... Онъ отличался умомъ и красивой наружностью... Досадно, что человекъ съ такими качествами перешелъ въ лагерь революціонеровъ.

— Онъ къ намъ вернется,—сказала г-жа де-Ронъ, отталкивая ногой клубокъ шерсти:— онъ всегда вращался между благородными людьми и получилъ воспитаніе у бенедиктинцевъ монастыря С.-Ванъ.

— А пока онъ льститъ подстрекателямъ, — сказалъ кавалеръ де-Вандіеръ. — Мы неисправимы, мы отогрѣваемъ на нашей груди змѣенышей, которые снѣдаютъ насъ ужалить при первой возможности. То же самое произошло съ этимъ Ренаромъ, племянникомъ священника въ Шаладѣ, къ которому такъ привязалась ваша сестра. Развѣ онъ не сочинялъ нелѣпные стихи на взятіе Бастиліи?

— Ренаръ?..—повторила г-жа де-Ронъ.—Я знала его мать, урожденную Дютергръ, которая вышла замужъ довольно неудачно. Со стороны мужа кто-то изъ родственниковъ достигъ довольно высокаго положенія; впрочемъ, послѣдствія этого теперь уже не чувствуются.

— Напротивъ, — насмѣшливо сказалъ Вандіеръ: — висѣлица приноситъ счастье въ домъ повѣшеннаго.

— Что касается Франсуа Божара, то онъ совершенно другого характера и его можно принимать безъ боязни себя скомпрометировать.

При этихъ словахъ открылась дверь, и старый слуга въ ливреѣ доложилъ:

— Господинъ депутатъ Божаръ!

— Легокъ на поминѣ!..—пробормоталъ кавалеръ де-Вандіеръ, который любилъ поговорки.

Франсуа Божаръ, войдя съ улицы въ темную комнату, остановился на минуту на порогѣ гостиной.

— Сюда, г-нъ лейтенантъ-генералъ,—привѣтствовала его г-жа де-Ронъ, не поднимаясь съ кресла и нарочно употребляя такой титулъ, чтобы не называть его депутатомъ:—очень рада васъ видѣть!

Депутатъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, поклонился хозяйкѣ дома и почтительно поцѣловалъ ея руку.

— Я не хотѣлъ разстаться съ вами, не засвидѣтельствовавъ вамъ своего почтенія!

— Благодарю васъ, любезный Божаръ, вы желанный гость и найдете здѣсь старыхъ знакомыхъ... вотъ кавалеръ де-Вандіеръ и канонисса д'Эризель, которую вы встрѣчали когда-то въ Шаладѣ.

Раскланявшись съ де-Вандіеромъ, Франсуа Божаръ поклонился Гіацинтѣ, которая привстала и сдѣлала ему реверансъ.

— Вы, вѣроятно, не помните меня,—проговорила она:—я была тогда дѣвочкой и очень несносной.

— Вы ошибаетесь, сударыня,—возразилъ онъ своимъ низкимъ и звучнымъ голосомъ:—я помню одну шалунью, которая обѣщала сдѣлаться очаровательной, и теперь я вижу, что вы сдержали обѣщаніе, данное въ дѣтствѣ.

По его убѣжденному тону видно было, что въ его устахъ это не было банальнымъ комплиментомъ, и что онъ выражалъ искреннее удивленіе. Гіацинта въ отвѣтъ вторично сдѣлала реверансъ и сѣла. Сдѣлавъ видъ, что она очень занята своей вышивкой, она

снизу осматривала депутата. Сначала онъ ей не понравился. Ни въ манерахъ, ни въ обращеніи его нельзя было упрекнуть, но ее шокировалъ его доктринерскій тонъ, въ немъ какъ будто слишкомъ еще чувствовался судейскій крючокъ.

— Вы прибыли отъ С.-Макса, сударь, — спросилъ кавалеръ де-Вандіеръ слегка задорнымъ тономъ. — Тамъ, кажется, сильно шумятъ и хотятъ повѣсить Пелиссье.

— Въ предмѣстьѣ большая нищета, сударь, и когда бѣдные люди хотятъ ѣсть, тогда трудно помѣшать имъ кричать. Тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, что если Пелиссье остороженъ, то намъ не придется скорбѣть о нарушеніи порядка.

— Что поѣешь, то и пожнешь!... Да услышитъ васъ Господь!.. А какія извѣстія принесли вы намъ изъ Версаля?.. Не нашелъ ли вашъ господинъ еще какого-нибудь способа для поправленія нашихъ финансовъ, вытягивая изъ кармановъ дворянства.

— Господинъ Вандіеръ, дворянство черезчуръ благоразумно, чтобы не принимать участія въ общихъ жертвахъ. Есть сила вещей, которая поднимаетъ его выше личныхъ соображеній; великая революція началась, ничто ее не остановитъ; отъ самого дворянства зависитъ поддержать ее и тѣмъ исполнить свой долгъ.

— Революція, — вскричалъ г-нъ де-Вандіеръ, воздымая руки: — вотъ грубое слово! Но нѣтъ, сударь, нашъ долгъ сохранить монархію, которую хотятъ разрушить крамольники.

— Собраніе питаетъ самое глубокое уваженіе къ монарху, — важно объявилъ Божаръ: — но королю даютъ плохіе совѣты, и въ этомъ виноваты его вѣроломные совѣтники, которые могутъ разрушить спокойствіе государства.

— Тѣмъ не менѣе, сударь, — съ живостью возразила Гіацинта, — король воодушевленъ самыми великодушными намѣреніями и онъ ихъ доказалъ, создавъ генеральные штаты.

— Король, сударыня, я думаю такъ же, какъ вы, дорожитъ общественнымъ благомъ; онъ надѣленъ превосходными качествами, только при его рожденіи вмѣшалась одна злая фея. «Ты будешь преисполненъ добрыхъ намѣреній, — предсказала она: — но ты будешь нерѣшительнъ и слабъ, и что даешь одной рукой, то будешь отбирать другой...» Я долженъ прибавить, что теперь роль злой феи, къ несчастью, играетъ королева Марія-Антуанетта.

— Вы клеветаете на королеву, сударь... Ея величество — это ангелъ!

— Да, ангелъ суетности и каприза... она относится къ революціи, которая должна рѣшить судьбу Франціи, какъ она относится къ какой-нибудь придворной интригѣ, имѣющей цѣлью смѣстить министра и сдѣлать фавориткой г-жу де-Полиньякъ.

— Фи! сударь, — съ негодованіемъ возразила Гіацинта: — люди, принадлежащіе къ партіи герцога Орлеанскаго, и тѣ не позволили бы себѣ говорить такимъ злымъ языкомъ.

Сверкающіе, большіе глаза канониссы смутили на минуту депутата и ихъ очарованіе остановило рѣзкое возраженіе, которое готово было сорваться съ его губъ. Онъ улыбнулся и сѣлъ рядомъ съ Гіацинтой.

— Вѣрьте мнѣ, сударыня, — сказалъ онъ: — оставимъ этотъ споръ, политика звучитъ диссонансомъ въ устахъ молодой женщины... Лучше объясните мнѣ, какому счастливому случаю я могу приписать нашу встрѣчу съ вами, въ то время, какъ, по моему расчету, вы должны были находиться въ аббатствѣ Пуланже?

Она взглянула на него сбоку и замѣтила, что, когда онъ улыбался, лицо его становилось мягче и моложавѣе. Сообразивъ, что она ничего не достигнетъ, нападая на него открыто, она весело отвѣчала:

— Вы, вѣроятно, представляли себѣ, что мы совсѣмъ заперты въ монастырѣ? Мы имѣемъ право проводить каждый годъ по мѣсяцу у подругъ или три мѣсяца у нашихъ родныхъ... Я этимъ воспользовалась, чтобы навѣстить мою тетюшку.

— И вы не скучаете за вашими монастырскими рѣшетками?..

— Во-первыхъ, въ монастырѣ нѣтъ рѣшетокъ... Каждая изъ насъ имѣетъ свои комнаты и мы по очереди принимаемъ другъ друга. Многія изъ насъ отлично играютъ; мы часто устраиваемъ у себя маленькіе концерты, которые проходятъ не безъ удовольствія. Поете ли вы, какъ прежде, сударь?

— А что? Вы помните, что я пѣла!

— Конечно, — сказала она, кидая на него очаровательный взглядъ:—я помню, однажды вы намъ прекрасно спѣли «Я потерялъ свою Евридику»... На васъ было въ тотъ день платье изъ сѣрой матеріи съ темно-сѣрыми полосами, которое вамъ очень шло... Ребенкомъ все помнишь, особенно когда живешь въ такой уединенной деревнѣ, какъ Шаладъ.

Онъ, видимо, съ удовольствіемъ слушалъ эту красивую дѣвушку. Ему было приятно, что о немъ помнили, и самолюбіе его было польщено. Близость молодой, обворожительной патріотки съ большими зелено-синими глазами смягчала строгость его принциповъ. Замѣтивъ произведенное ею впечатлѣніе, канонисса рѣшила привлечь Божара на свою сторону и пустила въ ходъ всѣ способы, чтобы его плѣнить.

Пока г-жа де-Ронъ и г-нъ де-Вандіеръ устраивались около ихъ столика для партіи трикъ-трака, депутатъ и канонисса предавались воспоминаніямъ о своемъ совмѣстномъ пребываніи въ Шаладѣ. Благодаря Руссо и Бернадину де-С.-Шьеру, было въ модѣ бесѣдовать о природѣ. Оба собесѣдника по очереди восхищались огромными Аргонскими лѣсами, свѣтлыми прудами, окруженными тростниками, тишиной деревень, затерявшихся въ глубинѣ лѣсовъ. Оба собесѣдника были отлично образованы; ихъ разговоръ переходилъ

на музыку, театры, философію извѣстныхъ писателей и ихъ сочиненій. Франсуа Божаръ старался снискать ея расположеніе, и это удавалось ему отчасти благодаря его одушевленію, которое доходило порою до краснорѣчія, отчасти благодаря звучному голосу, который придавалъ колоритность даже наиболѣе рѣзкимъ его словамъ. Польщенный вниманіемъ канониссы, онъ забылъ о своихъ тревогахъ по поводу Пелиссье на собраніи нотаблей. Онъ позабылъ и бурную толпу около церкви и угрожающія кучки людей, мимо которыхъ ему приходилось спуститься въ предмѣстье...

Вдругъ мирное спокойствіе этой укромной комнаты, гдѣ розы испускали ароматъ и гдѣ такъ любезно умѣли вести бесѣду, было нарушено страшнымъ шумомъ, доносившимся съ улицы. Можно было различить зловѣщіе крики сотни фальшивыхъ и пьяныхъ голосовъ, слышно было, какъ поспѣшно запирали вездѣ ставни и двери.

Канонисса и ея собесѣдникъ сразу прекратили разговоръ и насторожили уши. По мѣрѣ того, какъ крики приближались, черты лица депутата дѣлались все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Что значить этотъ шумъ? — спросила г-жа де-Ронъ, роняя свой наперстокъ.

— Хмъ! — пробормоталъ обезпокоенный кавалеръ: — я думаю, что, несмотря на увѣренія г-на депутата, у С.-Макса произошли безпорядки.

— Божаръ, — сказала г-жа де-Ронъ, — взгляните, что происходитъ?

Франсуа Божаръ, не дожидаясь разрѣшенія, открылъ ставни и распахнулъ окно. Свѣсившись на перила подоконника посмотрѣть на улицу, онъ вдругъ вздрогнулъ съ головы до ногъ.

Съ высоты улицы св. Антонія, сплошь залитой лучами уже закатывающагося солнца, двигалась плотная бурная толпа, испускающая хриплые возгласы. По ея сторонамъ люди въ ярости колотили палками въ закрытые ставни домовъ, или отплясывали какой-то танецъ вокругъ мчавшейся крупной рысью повозки.

Божаръ прикрылъ рукой глаза; когда яростный потокъ приблизился къ площади, онъ увидалъ какого-то человѣка, привязаннаго къ сидѣнью, и Калунью, размахивающаго чѣмъ-то вродѣ тряпки, привязанной къ концу палки. Скоро депутатъ узналъ въ этомъ залитомъ солнцемъ отрепѣ сѣрое, запачканное кровью платье и, еще не видя Пелиссье, котораго влачили позади повозки, догадался о страшной трагедіи.

— Они его убили! — прошепталъ онъ, поворачиваясь, весь блѣдный, къ дамамъ и къ кавалеру. — Не смотрите, прошу васъ, сударыни!

Толпа мятежниковъ остановилась какъ разъ противъ ихъ оконъ, на площади св. Антуана, гдѣ бѣжалъ тогда ручей. Двое мужчинъ

схватили тѣло Пелиссье и бросили его въ воду; одна женщина присѣла на корточкахъ на краю и повернула лицо несчастнаго торговца къ безоблачному небу, которое виднѣлось между крышъ.

— Смотри на небо,—сказала ему она,—и проси у него прощенія!

Пьяная отъ жестокости толпа, этотъ звѣрь въ человѣческомъ образѣ, вполне обнаружила свою порочную природу. Мегеры, еще болѣе неукротимыя, набили навозомъ открытый ротъ убитаго.

— Вотъ тебѣ! ѣшь сдобный хлѣбъ!—рычали они съ отвратительными усмѣшками.

Возбужденный крикомъ толпы, Калунья спрыгнулъ съ повозки и началъ танцевать на трупѣ.

— Чудовища! — зарычалъ изъ окна возмущенный Божаръ:— вы не французы, вы ведете себя, какъ дикіе звѣри!

Въ отвѣтъ на это раздались брань и угрозы:

— Хе! Видите наверху... Не желаешь ли, чтобы и съ тобой сдѣлали то же самое?

— Отойдите!.. Вы хотите, чтобы насъ убили! — пролепеталъ дрожащій кавалеръ, хватая Божара за камзолъ.

Онъ потащилъ его въ гостиную и быстро закрылъ ставни. А съ площади все еще несея страшный крикъ: «Смерть барышникамъ!» Всѣ четверо смотрѣли въ ужасѣ и остоленіи. Слышно было, какъ роковая повозка тронулась въ путь, а толпа оборванцевъ шумно бросилась въ другой конецъ предмѣстья.

— Какой ужасъ! — сказала г-жа де-Ронъ, складывая руки: — чѣмъ все это кончится?

— Здѣсь нѣтъ ни полиціи, ни арміи, чтобы образумить этихъ разбойниковъ!—воскликнула канонисса.

— Боюсь, что власти потеряли голову, — сказалъ депутатъ.— Прежде, чѣмъ успѣютъ собрать драгунъ Траване, событія могутъ принять еще болѣе серьезный оборотъ. Сударыни, —прибавилъ онъ, обращаясь къ г-жѣ де-Ронъ и кидая почти умоляющій взглядъ на канониссу: — я вамъ совѣтую бѣжать изъ города не далѣе, какъ сегодняшней ночью, и уѣзжать въ деревню... Эти несчастные опьянѣли отъ крови и безпорядка; безнаказанность дѣлаетъ ихъ дерзкими. Сегодня они накинудись на Пелиссье; завтра, можетъ быть, попробуютъ разграблять дома дворянъ!.. Нужно уѣхать!

— Вы правы, Божаръ,—отвѣчала г-жа Ронъ:—пробываніе въ этомъ жестокомъ городѣ людоѣдовъ становится опаснымъ для насъ... Мы могли бы отправиться въ Шаладъ, къ моей сестрѣ С.-Андре... но какъ уѣхать? У меня есть только экипажъ, но нѣтъ лошадей.

— Я вамъ ихъ добуду, — отвѣчалъ депутатъ. — Я бѣгу сейчасъ въ городскую ратушу и попрошу муниципальныя власти организовать оборону и потребовать присылки драгунъ... вмѣстѣ съ тѣмъ я похлопочу, чтобы устроить вашъ отѣздъ... Ждите меня въ полночь и будьте готовы къ отѣзду...

Онъ подошелъ къ Гиацинтѣ д'Эризель:

— Я сожалѣю, что долженъ такъ неожиданно васъ оставить, но надѣюсь, что мы увидимся при обстоятельствахъ, болѣе спокойныхъ.

— До свиданья, сударь, — отвѣчала канонисса, протягивая ему руку.

Онъ поцѣловалъ ее и, выйдя на опустѣвшую уже улицу, направился къ верхнему городу.

III.

Благодаря энергіи Франсуа Божаря, муниципальныя власти рѣшились наконецъ дѣйствовать. Нѣсколько дворянъ сѣли на своихъ лошадей; былъ организованъ родъ гражданской стражи, драгуны получили приказаніе дѣйствовать, и за мятежниками была наряжена поговя. Къ несчастью, прибыли слишкомъ поздно, и не могли уже помѣшать разграбленію дома Пелиссье. Только въ восемь часовъ вечера можно было арестовать главныхъ зачинщиковъ. Когда явилась увѣренность, что беспорядки будутъ скоро подавлены, депутатъ Божаръ вернулся къ себѣ и, наскоро поужинавъ, снова спустился съ лѣстницы, имѣвшей 80 ступеней, и направился къ дому почтмейстера съ цѣлью заказать пару хорошихъ лошадей для г-жи де-Ронъ.

Уходя съ почты, онъ взглянулъ на часы. Стрѣлки показывали 9¹/₂ часовъ. Божаръ ускорилъ шаги и скоро дошелъ до улицы Дубильщиковъ, въ концѣ которой находился монастырь августинцевъ. Несмотря на то, что часъ былъ еще не поздній, этотъ кварталъ былъ уже безлюденъ. Испуганные беспорядками обыватели сидѣли взаперти у себя, и отъ воротъ Св. Николая до угла монастырскихъ зданій Божаръ не встрѣтилъ ни одной души. Впрочемъ, онъ, повидимому, и не желалъ съ кѣмъ-либо встрѣтиться и быть признаннымъ. Наоборотъ, онъ старательно скрывался, держась около стѣнъ, и для большей предосторожности, несмотря на то, что ночь была очень теплая, поднялъ воротникъ длиннаго плаща, который онъ надѣлъ поверхъ своего камзола.

Напротивъ августинцевъ, недалеко отъ моста, переброшеннаго черезъ отводный каналъ и служившаго для переправы дубильщиковъ, поднимался рядъ узкихъ, и низкихъ зданій, построенныхъ изъ глины, перемѣшанной съ соломой. Нижній этажъ ихъ былъ занятъ подъ лавки. Въ одномъ изъ этихъ домовъ жили въ то время извѣстныя въ городѣ Брикетъ и Жилотъ, тетка съ племянницей, которыя содержали кабинетъ для чтенія. Въ то время, какъ Франсуа Божаръ бѣжалъ по улицѣ Дубильщиковъ, тетка Манонъ Брикетъ ушла уже въ свою комнату, которая находилась во второмъ этажѣ; племянница же, которую звали Жилотъ сидѣла за прилав-

комъ въ магазинѣ, стѣны котораго были уставлены рядами книгъ, отъ тяжести которыхъ гнулись еловыя полки. Облокотившись на прилавокъ, она, при свѣтѣ коптящей свѣчи, въ задумчивости разсѣянно перелистывала книгу съ краснымъ обрѣзомъ. Время отъ времени она поднимала голову и прислушивалась. Безпокойное движеніе ногъ въ розовыхъ башмакахъ съ высокими бѣлыми каблукками выдавало ея нервное нетерпѣніе. Нанинѣ Жилотъ было лѣтъ тридцать. Маленькая, толстенькая, живая, съ мальчишескими манерами, она была не лишена нѣкоторой привлекательности. Въ двадцать лѣтъ она отличалась красотой и теперь сохранила еще остатки красоты, скорѣе чувственной, чѣмъ благородной: свѣжіи цвѣтъ лица, превосходные зубы, сочный ротъ, вздернутый, съ расширенными ноздрями, носъ, темные, насмѣшливые и вызывающіе глаза. Ея каштановые, отъ природы вьющіеся волосы ниспадали роскошными локонами изъ-подъ кружевного чепчика. Ея бѣлое ситцевое домашнее платье съ розовыми полосками, съ очень большимъ вырѣзомъ, открывало полную шею и обрисовывало хорошо сложенный станъ, гибкую талію и полныя бедра; круглый лобъ, блестящіе глаза, расширявшіяся ноздри и влажный ротъ,—все въ ней свидѣтельствовало о натурѣ чувственной и страстной. Ея тетка, Манонъ Брикетъ, дѣвица сомнительной репутаціи, предоставила ей полную свободу съ шестнадцатилѣтняго вѣзраста. Отданная во власть своего пылкаго темперамента, Нанина все свое воспитаніе получила только въ магазинѣ, гдѣ опасныхъ книгъ было въ обиліи. На извѣденныхъ червями полкахъ лавки пышно распустилась опьяняющая флора модныхъ романовъ попережку съ смѣлыми разрушительными твореніями энциклопедистовъ: «Les bijoux indiscrets» рядомъ съ произведеніями Дюкло, «Candide, Jacques le fataliste»—рядомъ съ «Contrat Social»; «Paysanne pervertie» въ двухъ шагахъ отъ «Эмиля» Руссо и только что появившаяся новинка «Aventures du chevalier de Faublas» около «Histoire philosophique des Indes».

Изъ всѣхъ этихъ книгъ, въ которыхъ сосредоточился распущенный и отрицательный умъ XVIII вѣка, исходило особенное испареніе утонченнаго сластолюбія, нѣчто вродѣ сладострастнаго запаха душистыхъ туберозъ въ закрытой комнатѣ. Эта жгучая атмосфера рано распалила воображеніе и смутила чувства Нанины. Не сдерживаемая ничѣмъ въ своемъ поведеніи и повинуваясь только «естественному закону», она не знала ни стыдливости, которую она считала предрасудкомъ, ни религіи, которую она называла суевѣрною слабостью. Сознавая свою красоту, она рано кинулась въ водоворотъ любовныхъ похожденій и неоднократно имѣла связи. Ея любимыя книги сводили всю мораль къ одному удовольствію.

Она имѣла многочисленныхъ любовниковъ между благородными и богатыми жителями верхняго города. Говорили, что въ моло-

дости Франсуа Божаръ занималъ первое мѣсто въ списокѣ ея обожателей. Правда, съ того времени, какъ онъ сдѣлался вліятельнымъ членомъ магистрата, онъ, повидимому, отказался отъ своей старой привязанности, тѣмъ не менѣе злые языки увѣряли, что между ними отношенія не были совсѣмъ порваны и что лейтенантъ-генераль хранилъ къ Жилотъ особенную благодарность за прежнія удовольствія.

Злые языки были недалеко отъ истины; ночью 27 іюля 1789 года Франсуа Божаръ шелъ украдкою прямо къ книжному магазину. Два осторожные удара въ ставни магазина заставили спрыгнуть Нанину Жилотъ. Она быстро встала и побѣжала отворять дверь, которая пріотворилась, чтобы впустить депутата.

— Наконецъ-то вы здѣсь!—прошептала молодая женщина, осторожно поворачивая ключъ въ замкѣ: я начинала уже думать, что вы не сдержали своего слова или, можетъ быть, вамъ не доставили моего письма...

— Я получилъ его,—отвѣтилъ Божаръ, снимая съ себя свой длинный рединготъ,—и, вы видите, я исполнилъ ваше желаніе... но сегодняшнія событія меня сильно задержали въ муниципалитетѣ... Вы знаете, что убили Пелиссье?

— Да, народъ отомстилъ за себя тому, кто заставлялъ его умирать съ голоду... Его убили и совершенно справедливо.

— Мнѣ некогда спорить съ вами объ этомъ,—саркастически возразилъ Божаръ.—Къ сожалѣнію, я вижу, что вы теперь еще болѣе экзальтированы, чѣмъ раньше?

— Что прикажете?—возразила Нанина, кидая вызывающіе взгляды темныхъ глазъ на своего собесѣдника:—я не перемѣнилась... У меня всегда горячее сердце и голова... Садитесь и побесѣдуемъ... А вы, Франсуа Божаръ, осталось ли у васъ немного прежней дружбы ко мнѣ?

— Вы увидите, Нанина, что я всегда готовъ быть вамъ полезнымъ, конечно, въ предѣлѣхъ возможнаго.

— Увы!—сказала задумчиво Жилотъ.—Отлично, я сдѣлаю вамъ испытаніе. Я особенно интересуюсь однимъ талантливымъ человѣкомъ, однимъ умнымъ, но бѣднымъ малымъ, который хочетъ пробиться въ свѣтъ. Я рассчитывала, что вы могли бы прійти къ нему на помощь.

— Сколько лѣтъ этому талантливому человѣку?

— Девятнадцать лѣтъ!... Онъ блестяще окончилъ курсъ коллежа.

— О, о,—прервалъ ее иронически Божаръ:—вы предаетесь теперь воспитанію молодежи?

— Шутка неудачна,—отвѣчала безъ всякаго раздраженія Нанина:—дайте мнѣ сначала договорить... Молодой человѣкъ честолюбивъ, и его честолюбіе имѣетъ оправданіе въ его качествахъ...

У меня къ вамъ двѣ просьбы за него: во-первыхъ, ввести его въ салонъ г-жи де-Шаванъ, которая собираетъ около себя умныхъ людей со всего Бара. Тамъ онъ могъ бы свести знакомство съ нужными людьми... И еще...

— И еще?

— Такъ какъ онъ бѣденъ, то дать ему случай воспользоваться вашимъ вліяніемъ; найдите ему доходное мѣсто, все равно гдѣ, въ муниципалитетѣ, или въ счетной палатѣ.

— Какъ зовутъ вашего протеже?

— Жанъ-Жозефъ Ренаръ... Его отецъ былъ адвокатомъ, а его дядя со стороны матери—священникъ въ Шаладѣ.

— Ренаръ?—повторилъ депутатъ, насупливая свои густыя брови,—это, вѣроятно, онъ написалъ оду на взятіе Бастиліи?

— Онъ самый.

— Мнѣ показывали его стихи,—отвѣтилъ холодно Божаръ:—они безвкусны, напыщенны и полны глупыхъ, высокопарныхъ выраженій.

— Съ вами трудно имѣть дѣло!—съ досадой сказала Нанина.— Но не будемъ говорить объ этомъ... Можемъ мы рассчитывать на васъ?

— Извините меня... во-первыхъ, я завтра ѣду въ Парижъ и не успѣю повидаться съ г-жой Шаванъ... Что касается мѣста, то теперь моментъ неблагопріятенъ для этого. Національное собраніе работаетъ надъ реформой провинціального управленія и мнѣ поручено составить докладъ о раздѣленіи королевства на департаменты.

— Ренаръ охотно подождетъ нѣсколько мѣсяцевъ; такъ какъ вамъ теперь поручено преобразовать администрацію, то для васъ нетрудно будетъ дать ему какую-нибудь вновь открываемую должность.

— Я весьма сожалѣю, что долженъ снова отказать вамъ. Ставъ докладчикомъ, я положилъ себѣ за правило никогда не пользоваться своимъ положеніемъ для того, чтобы раздавать мѣста своимъ роднымъ или друзьямъ. Я не могу дѣлать исключенія и для г-на Ренара.

— А!—воскликнула съ раздраженіемъ Нанина:—вы, знаете, не очень любезны!

— Вѣрьте, что я очень сожалѣю объ этомъ,—пробормоталъ Божаръ, надѣвая пальто.

— Ради Бога безъ извиненій,—горячо отвѣчала Жилоть:—это бесполезный трудъ. У васъ нѣтъ памяти сердца, Франсуа Божаръ, надо отдать вамъ справедливость. А! когда вы были молоды и вертѣлись около моихъ юбокъ, мнѣ слѣдовало бы вамъ отвѣчать такъ же: «Тысяча сожалѣній, моментъ неудачно выбранъ!» Но я была слишкомъ добра и наткнулась на человѣка благодарнаго... Но, мой другъ, хлопочите же для вашей Нанины... Окажите услугу... Вѣдь вы еще не сказали послѣдняго слова?

Въ то время, какъ она стояла передъ нимъ, вызывающе выпятивъ губу и сверкая глазами, депутату вспомнилась умная и аристократическая фигура канониссы; онъ снова видѣлъ ея зеленые, притягательные глаза, ея умный ротъ съ прелестной улыбкой. Это неожиданное видѣніе сдѣлало его равнодушнымъ къ намекамъ на его прошлое и къ ласкающимъ взглядамъ Нанины. Онъ вспомнилъ, что онъ обѣщаль быть у г-жи де-Ронъ еще до наступленія полуночи, и быстро поднялъ воротникъ своего редингота.

— Не настаивайте,—сказалъ онъ, повернувшись къ своей бывшей любовницѣ:—уже поздно, и я долженъ еще кое съ кѣмъ повидаться прежде, чѣмъ вернусь домой; до свиданья, Нанина, будьте любезны открыть мнѣ дверь.

Обманувшись въ расчетѣ, она, кусая губы, исполнила его просьбу и пропустила депутата, не промолвивъ ни слова. Но, закрывъ съ шумомъ дверь и повернувъ ключъ въ замочной скважинѣ, она протянула руку по направленію къ улицѣ и погрозила пальцемъ:

— Ты мнѣ за это заплатишь,—процѣдила она сквозь стиснутые зубы.

Затѣмъ она взяла подсвѣчникъ и открыла въ глубинѣ комнаты стеклянную дверь, которая вела въ заднюю половину лавки. Эта узкая комната, съ круглымъ столомъ, тростниковымъ диваномъ и соломенными стульями, служила столовой. Поставивъ огарокъ на столъ, Нанина стукнула метлой три раза въ потолокъ. Почти тотчасъ же послышались легкіе шаги и ступени внутренней лѣстницы, соединявшей верхній этажъ съ нижнимъ, заскрипѣли. Изъ темноты выступилъ молодой человѣкъ средняго роста.

Въ черномъ поношенномъ платьѣ, украшенномъ батистовымъ галстукѣ, и въ башмакахъ съ мѣдными пряжками, онъ походилъ на семинариста. Его слишкомъ приподнятыя плечи сдавливали худую шею, длинное желтое лицо и живые сѣрые глаза, посаженные близко къ тонкому носу, составляли его отличительные признаки. Тонкія и слегка сжатые губы дополняли это безбородое лицо, придавая ему безпокойное выраженіе

— Ну?—нетерпѣливо спросилъ онъ.

— Ну, мой милый,—отвѣчала разочарованная Нанина:—не удалось. Если бы я обратилась къ камню, и тотъ сдѣлалъ бы больше, чѣмъ онъ.

— Онъ не желаетъ принять участіе во мнѣ?—спросилъ Жанъ-Жозефъ Ренаръ взволнованнымъ голосомъ.

— Не желаетъ.

— Почему же?

— О! пустая отговорка!.. Онъ ѣдетъ завтра и поэтому не можетъ тебя представить г-жѣ Шаванъ... Что касается мѣста, то онъ сказалъ, что изъ принципа онъ никогда не оказываетъ по-

кровительства ни роднымъ, ни друзьямъ, а тѣмъ болѣе незнакомому человѣку... Онъ даже не потрудился мнѣ позолотить пилюлю, и я, конечно, догадалась, что онъ неохотно и говорилъ о тебѣ.

— Тебѣ нужно бы было показать ему мою оду на взятіе Бастиліи.

— Безполезно,—отвѣтила, пожимая плечами, Нанинъ:—онъ ее знаетъ... Онъ имѣлъ смѣлость сказать, что твои стихи никуда не годятся... Между нами, я думаю, что онъ завидуетъ тебѣ.

На губахъ Ренара пробѣжала злая усмѣшка, и въ его сѣрыхъ глазахъ отразилась жестокая злоба, которая бываетъ у обманутыхъ честолюбцевъ или освистанныхъ авторовъ.

— А!—проворчалъ онъ,—моя ода не имѣла чести ему понравиться... Завидуетъ!.. Это весьма возможно... Мой поэтический талантъ отодвигаетъ назадъ этого презрѣннаго выскочку, и если онъ отказывается ввести меня въ салонъ г-жи Шаванъ, то изъ боязни, какъ бы я не занялъ тамъ прочно своего мѣста. Но это его дѣло, а я хочу проникнуть и проникну, несмотря на зависть и интриги.

— Въ добрый часъ, мой милый!—воскликнула Жилотъ, ласково кладя ему на плечо свою руку:—такой умный юноша, какъ ты, не долженъ падать духомъ... Ты можешь втереться и съ другой стороны.

— Съ какой же?—грубо спросилъ молодой человѣкъ, которымъ вдругъ овладѣло сильное уныніе.—Отъ старыхъ друзей моего отца я, кромѣ безучастія и нежеланія мнѣ помочь, ничего не вижу. Тѣ, которые наиболѣе расположены ко мнѣ, находятъ, что я еще слишкомъ молодъ, и совѣтуютъ мнѣ подождать... Ждать? Какъ будто бы для этого есть время... Я бѣденъ и, конечно, однимъ терпѣніемъ я не наполню моего кошелька!.. А! если когда-нибудь я достигну положенія, я заставлю ихъ дорого заплатить за ихъ пренебреженіе.

— Ты этого достигнешь, мой другъ, вѣрь твоей Нанинѣ, которая тебя обожаетъ и рада бы по возможности тебѣ помочь!.. Но, можетъ быть, стараясь сблизиться съ вліятельными людьми, ты выбралъ не самый короткій къ этому путь?

— Объясни мнѣ!.. Я не понимаю.

— Иди сюда и поговоримъ спокойно,—нѣжно продолжала Нанина, усаживая его рядомъ съ собой на диванѣ.—Ты спрашиваешь, съ какой стороны тебѣ втереться?.. Вѣрь мнѣ, тебѣ не нужно стучаться въ двери знатныхъ и богатыхъ домовъ; а гораздо ниже, въ предмѣстьяхъ, у простыхъ людей, которые такъ же бѣдны, какъ и ты, и такъ же, какъ и ты, хотятъ улучшить свое положеніе.

— Народъ?—повторилъ Жозефъ Ренаръ съ пренебрежительной гримасой.

— Да, народъ, который голодаетъ и который ропщетъ у дверей булочныхъ. Я отлично понимаю и съ открытія генеральныхъ штатовъ ясно вижу, какой оборотъ принимаютъ дѣла... Взятіе Бастиліи нанесло ударъ королевской власти и дворянству... Пошли уже слухи, что вслѣдъ за обитателями Тьера началъ волноваться рабочій народъ, которому приходится стонать... Если уже начали приобретать вліяніе тѣ, кто убилъ Пелиссье, недалеко то время, когда очередь распорядиться дойдетъ и до меньшей братіи... Тогда тѣ, кто держали ихъ сторону, будутъ на вершинѣ. Вотъ къ кому тебѣ нужно пристроиться.

Удивленный ея пророчествомъ Ренаръ смотрѣлъ ей въ лицо своими холодными пронизывающими глазами.

— Эге!—пробормоталъ онъ, оживляясь надеждой:—въ томъ, что ты говоришь, — правда. Можетъ быть, дѣйствительно нужно держаться этой партіи?

— Навѣрно!—подтвердила Нанина.—Только не нужно колебаться... Народъ такъ же, какъ и женщины, хочетъ, чтобы ему предались вполнѣ... Въ одѣ о взятіи Бастиліи ты старался, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты, и не удовлетворилъ никого... Дворяне разсердились, а толпа не признала тебя за своего... Нужно дѣйствовать храбро и открыто стать революціонеромъ.

— Но если я примкну къ ихъ партіи, я рискую поссориться съ моимъ дядей-священникомъ, а вѣдь только у него я и могу найти себѣ пріютъ и столъ.

— Оттого-то и не слѣдуетъ вооружать пока противъ себя. Оперись сначала въ Шаладѣ, пользуйся тамъ своимъ досугомъ, чтобы попробовать написать эту о правахъ и страданіяхъ народа... Я знаю здѣсь одного книгопродавца, который напечатаетъ это сочиненіе... Мнѣ, конечно, тяжело разлучаться съ тобой, я вооружусь терпѣніемъ и буду тебя извѣщать обо всемъ, что здѣсь происходитъ... Въ удобную минуту и ты пріѣдешь!.. Я хочу, чтобы въ этомъ же году ты поднялъ на бунтъ нашихъ ткачей и винодѣловъ такъ же, какъ Камиллъ Демуленъ поднимаетъ парижанъ въ Пале-Роялѣ.

— Нанина,—воскликнулъ ободренный и полный удивленія Ренаръ:—ты моя добрая фея!.. Какъ мнѣ отплатить тебѣ за твою дружбу?

— Люби меня, милый мой,—отвѣтила Жилотъ, которая, какъ кошка, ласкалась къ юношѣ.

— Это-то само собою разумѣется,—пробормоталъ онъ заискивающимъ голосомъ. Стремленіе выбиться въ люди заставило безчувственнаго Ренара быть нѣжнымъ. Онъ поцѣловалъ темные глаза Нанины, которая вся такъ и задрожала отъ этой ласки.

— О!—отвѣчала она, цѣлуя его, въ свою очередь:—какъ ты умѣешь меня ласкать!.. Ты мой обольститель, ты сдѣлаешься такимъ

же увлекательнымъ ораторомъ, какъ и Мирабо, и въ одинъ прекрасный день я увижу тебя депутатомъ вмѣсто этого интригана Божара!

— Нанина, — сказалъ, сверкнувъ глазами, Ренаръ: — всѣмъ этимъ я буду обязанъ тебѣ!

— Да, и ты поступишь со мною такъ же, какъ и другіе, ты меня забудешь, — сказала она со вздохомъ.

— Никогда!

— И ты говоришь правду?

— Я клянусь тебѣ въ этомъ...

— Ба! — прошептала она, бросаясь въ его объятія: — а пока отдадимся любви... Это единственное, что осталось вѣрнаго и лучшаго въ свѣтѣ!..

IV.

Около полуночи, по спящимъ улицамъ быстро двигалась пара сильныхъ, запряженныхъ въ просторную берлину лошадей. Онѣ неслись по направленію къ улицѣ Клермонъ, увозя въ обитой зеленымъ бархатомъ каретѣ г-жу де-Ронъ, канониссу и кавалера де-Вандіеръ. Для большей безопасности Франсуа Божаръ помѣстился на козлахъ рядомъ съ кучеромъ и сопровождалъ съ эскадрономъ драгунъ путниковъ до предмѣстья Морбо. Тамъ имъ нужно было разстаться. Поцѣловавъ руку тетки и откланявшись Гіацинтѣ, закутанной въ кружевной капюшонъ, депутатъ возвратился въ городъ, мечтая о блестящихъ глазахъ и тонкомъ профилѣ молодой женщины, которая при слабомъ свѣтѣ фонарей мелькнула какъ во снѣ.

Пока берлина неслась по дорогѣ, между двумя рядами низкихъ холмовъ, засаженныхъ виноградниками, путники старались устроиться по возможности комфортабельнѣе, чтобы спокойно провести остатокъ ночи. Обѣ дамы усѣлись въ глубинѣ кареты, а кавалеръ, сидѣвшій спиной къ лошадямъ на скамейкѣ, заваленной множествомъ узловъ, повѣсилъ свою шляпу и безъ церемоніи накрылъ голову черной шелковой шапочкой, безуспѣшно стараясь принять удобное положеніе, въ которомъ можно было бы соснуть. Но при малѣйшемъ толчкѣ чемоданы и саквояжи падали ему на колѣни и сильно беспокоили его, такъ какъ ему приходилось снова искать покоя чуть не каждую минуту.

— О Боже мой! — воскликнула съ раздраженіемъ г-жа де-Ронъ: — не можете ли вы, Даніель, быть поспокойнѣе?

— Это было бы лучше всего и для меня; виноваты эти проклятые свертки, которые не хотятъ оставаться въ покоѣ.

Онъ вздыхалъ, черпалъ изъ своей табакерки утѣшеніе и снова начиналъ сражаться съ чемоданами. Въ концѣ концовъ онъ поло-

жилъ два чемодана подъ ноги, два другіе подъ плечи и ухитрился задремать на этомъ шаткомъ ложѣ.

Отъ Баръ-де-Дюка до Клермона 13 лье. Когда путники добрались до этого маленькаго городка, солнце уже взошло. Пока мѣняли лошадей, обѣ дамы и кавалеръ выпили по чашкѣ кофе, затѣмъ берлина тронулась дальше по дорогѣ къ Излетту, которая, подобно длинной одноцвѣтной лентѣ, вилась между двумя рядами запыленныхъ вязовъ. Канонисса спустила стекла въ окнѣ и разсѣянно смотрѣла на виднѣвшійся на горизонтѣ кудрявый лѣсъ, верхушки котораго начинали золотиться солнцемъ. Оба ея спутника снова заснули. Мало-по-малу утренній воздухъ, равномерное покачиваніе кареты, жужжаніе мошекъ и монотонная дорога подѣйствовали и на молодую женщину; ея глаза сомкнулись, и она забылась тяжелымъ утреннимъ сномъ, который дѣлается непреодолимымъ послѣ безпокойно проведенной ночи.

Въ Излеттѣ кучеръ свернулъ съ большой Верденской дороги, ведшей къ С.-Менехулю, и поѣхалъ по долинѣ Біэмъ, гдѣ проѣзжая дорога, идущая вдоль канала Біэмъ, направляется изъ Буле въ Виеннь-ле-Шато. Они проѣзжали самой серединой могучаго Аргонскаго лѣса, который поднимается, какъ зеленѣющая стѣна, между полями Вердена и мѣловыми равнинами Шампани. Біэмъ, бѣгущій по холмистымъ лугамъ, дѣлитъ на двѣ неравныя половины эту лѣсистую мѣстность, которая рѣзко отличается своей разнообразной почвой и нравами жителей отъ окрестностей. Въ то время по ней проходила только одна проѣзжая дорога, и ея деревушки, гнѣздившіяся въ самой чащѣ лѣса, имѣли мало сношеній съ городами Баруа или Шампани. Невѣжественные и на половину одичавшіе крестьяне жили тамъ, отрѣзанные отъ остальныхъ провинцій, торгуя только лѣсомъ и не видя другой аристократіи, кромѣ захудалыхъ дворянъ, имѣвшихъ стеклянные заводы и сплошь да рядомъ такихъ же нищихъ и безграмотныхъ, какъ и они сами.

Эти дворяне, водворившіеся въ Аргонѣ въ XVI вѣкѣ на основаніи патента Генриха III, пользовались привилегіей выдѣлывать стекло, не утрачивая при этомъ своихъ дворянскихъ правъ. Ихъ стеклянные заводы были разсѣяны повсюду въ глубинѣ лѣса, и они чувствовали себя настоящими владѣтельными особами. Ихъ дѣло давало имъ хорошую прибыль, но такъ какъ ихъ семьи были многочисленны, да и сами они любили жить въ свое удовольствіе, то многіе изъ нихъ совершенно разорились и ни языкомъ, ни платьемъ не отличались отъ сосѣднихъ съ ними крестьянъ, Благодаря плохимъ обстоятельствамъ и безденежью, имъ приходилось охотиться на чужой землѣ или же работать въ качествѣ простыхъ рабочихъ на стеклянныхъ заводахъ своихъ болѣе счастливыхъ родственниковъ. Но, несмотря на свою бѣдность или богатство, всѣ они гордились своимъ дворянствомъ; ихъ дѣти носили титулъ «шевалье» и женились не иначе, какъ на дворянкахъ.

Ихъ свободные нравы, необычайный для дворянъ образъ жизни смущали горожанъ, которые относились съ презрѣніемъ къ этимъ страннымъ дворянамъ, называя ихъ «жареными», такъ какъ имъ приходилось работать полуголыми передъ ихъ раскаленными печами; стекольщики, въ свою очередь, оплачивали еще большимъ презрѣніемъ разночинцамъ, которыхъ они называли «проклятыми дворянжками». Однако нѣкоторые изъ нихъ въ родѣ Гранрю, Вроссаровъ и С.-Андре умѣли снискать къ себѣ уваженіе. Они владѣли наиболѣе нужными для округа заводами и были приняты въ семействахъ провинціальной знати, сохраняя однако свою самостоятельность и своеобразныя манеры.

Карета г-жи де-Ронъ проѣхала деревню Нейфуръ и приближалась уже къ деревушкѣ Класонъ, расположенной на самой опушкѣ лѣса, какъ вдругъ ужасные крики разбудили путниковъ. Карета внезапно остановилась. Дамы вскочили со своихъ мѣсть, кавалеръ теръ себѣ глаза и, не совѣмъ еще проснувшись, опустил одно изъ стеколъ кареты. Лошади становились на дыбы. Кучеръ бранился, а кругомъ кареты кричали крестьяне, вооруженные серпами и топорами.

Де-Вандіеръ, еще не вполне очнувшись отъ сна, подумалъ, что онъ еще въ Барѣ, и прошепталъ, блѣднѣя:

— Боже мой!.. Убійцы Пелисье!

— Вы спите, Даниэль!.. Мы уже далеко отъ Бара! — сказала г-жа де-Ронъ; несмотря на свое самообладаніе, она тоже начала беспокоиться.

Канонисса нагнулась къ дверцѣ кареты и крикнула:

— Кучеръ, чего хотятъ отъ насъ эти люди и что здѣсь происходитъ?

— Съ вашего позволенія, сударыня, — отвѣчалъ одинъ крестьянинъ, — намъ нужны ваши лошади, чтобы отвезти лѣсъ, который мы будемъ рубить.

Если люди, столпившіеся вокругъ кареты и не имѣли ничего общаго съ убійцами Пелисье, то они возставали противъ власти такъ же, какъ и тѣ. Они одинаково обезумѣли отъ надвигавшейся революціи. Съ быстротой электрическаго тока распространился по деревнямъ слухъ, что національное собраніе хочетъ уничтожить дворянскія права, и крестьяне, ограниченные и увѣренные въ своей правотѣ, пришли къ заключенію, что помѣщичьи земли отнынѣ должны принадлежать имъ. Жители Ардонны, еще болѣе бѣдные и невѣжественные, чѣмъ ихъ сосѣди, рѣшили тотчасъ же осуществить эту новую и удобную теорію. Клермонскіе лѣса, собственность принцевъ Конде, всегда влекли къ себѣ ихъ алчныя желанія. Съ того времени, какъ принцы перестали тамъ жить, княжескій лѣсъ дѣлался достояніемъ каждаго, и каждый мужикъ безпрепятственно пользовался въ немъ правомъ собственности. Оби-

татели деревни Флоранъ, расположенной противъ Клонъ, были убѣждены въ этомъ. Подъ предводительствомъ одного стараго стеклозаводчика, который считался оракуломъ, они отправились на зарѣ съ твердымъ рѣшеніемъ вернуться въ свои жилища съ хорошимъ запасомъ дровъ и бревенъ.

Подходя къ Клонъ, аррьергардъ этихъ нарушителей закона замѣтилъ берлину г-жи де-Ронъ. Почтовая карета, мчавшаяся по этой глухой дорогѣ, была для нихъ цѣлымъ событіемъ. Прежде, чѣмъ углубиться въ лѣсъ на соединеніе съ главной шайкой, аррьергардъ остановилъ карету съ цѣлью осмотрѣть подозрительный экипажъ. Тѣ, которые были подогадливыѣ, предполагали, что это кто-нибудь изъ двора изъ Вьенны лепато, куда, по всей вѣроятности, направлялись и путешественники, и что, пріѣхавъ туда, они донесутъ на нихъ стражникамъ. Другіе, болѣе практичные, стали говорить, что почтовые лошади пріѣхали весьма кстати и на нихъ можно увезти срубленные деревья. Въ концѣ концовъ всѣ пришли къ единодушному рѣшенію остановить карету и везти ее за собой въ лѣсъ вмѣстѣ съ кучеромъ. Это неожиданное рѣшеніе захватило врасплохъ обѣихъ дамъ и кавалера, которые еще не успѣли очнуться отъ сладкаго утренняго сна.

— Сударыни!—сказалъ одинъ крестьянинъ, отворяя дверцы и приподнимая свою шапку,—потрудитесь сойти.

Въ то же время пять или шесть нахаловъ распрягли лошадей и овладѣли сопротивлявшимся кучеромъ.

Г-жа де-Ронъ, которой были извѣстны нравы этой мѣстности поняла, что передъ нею лѣсные дикари, и рѣшила оказать имъ сопротивленіе.

— Это слишкомъ,—воскликнула она:—мало того, что вы вырубаете княжескій лѣсъ, вы еще хотите взять нашихъ лошадей!

— Сойдите, дорогая моя,—пробормоталъ осторожный кавалеръ, и не вступайте въ пререканія съ этими дикарями!

Онъ первымъ вышелъ изъ кареты и подаль руку обѣимъ дамамъ, умоляя ихъ быть осторожными. Г-цаинта презрительно окинула взглядомъ дровосѣковъ и крикнула:

— Вы очень дерзки!.. Какъ смѣете вы останавливать путешественниковъ на королевской дорогѣ?

— Извините, сударыня, — отвѣчалъ челоѣкъ въ шапкѣ:—мы васъ не останавливаемъ и вы свободны продолжать вашъ путь пѣшкомъ.

— Это лучшее, что намъ остается дѣлать,—тихонько сказалъ кавалеръ:—Шаладъ, должно быть, не далеко.

— По какому праву вы отнимаете нашихъ лошадей?—надменно продолжала канонисса.

— Если вы такъ любознательны, — возразилъ одинъ рослый, бородатый, съ лукавой физиономіей парень, — то спросите объ этомъ у нашего начальника!

— Гдѣ же онъ? тотъ, кто вами начальствуетъ?

— Въ Клонъ... Мы васъ туда отведемъ, если вы только этого желаете, прекрасная дама!

— Покажите мнѣ дорогу!—рѣшительно отвѣтила она.

— Подумай, Гиацинта, что ты дѣлаешь!—пробормотала остолбенѣвшая г-жа де-Ронъ.

— Это безуміе,—возражалъ де-Вандіеръ.—Вы, очевидно, не знаете, какимъ неприятностямъ вы можете подвергнуться въ подобной компаніи.

— Я отлично это знаю... Но я не прочь встрѣтиться лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который дозволяетъ себѣ подобное разбойничество!

— Эй! товарищи, захватимъ ихъ, и въ дорогу!..

— Намъ некогда тутъ шутить.

Въ одно мгновеніе ока путешественники были окружены толпой. Два дровосѣка схватили лошадей за поводья, и всѣ направились въ оврагъ, ведущій въ Клонъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги начинался высокій лѣсъ. Дубовыя и буковыя деревья наклонялись надъ песчаными откосами дороги, гдѣ цвѣтуцій верескъ краснѣлъ среди мха. Въ этотъ ранній часъ отъ большихъ деревьевъ ложились на тропинки свѣжія тѣни. Тамъ и сямъ въ чащѣ слышались удары топоровъ, а затѣмъ глухой шумъ падающихъ деревьевъ. Сильный запахъ грибовъ шелъ изъ влажной лѣсной чащи; солнечные лучи пробивались сквозь шелестящіе отъ легкаго вѣтерка листья и кропили землю золотымъ свѣтомъ. Но ни дровосѣки, ни ихъ плѣнники не замѣчали чарующей прелести лѣса. Кавалеръ, въ своей черной, шелковой шапочкѣ, предложилъ руку г-жѣ де-Ронъ, которая на каждомъ шагу спотыкалась о камни. Оба они слегка дрожали и не рѣшались повѣдать другъ другу о своихъ неприятныхъ думахъ. Гиацинта д'Эризель шла съ высоко поднятой головой, съ раздутыми отъ досады и нетерпѣнія ноздрями; она съ любопытствомъ осматривала чащу лѣса и отрывисто спрашивала, скоро ли они придутъ...

Минуть черезъ двадцать спустились они по откосу въ оврагъ, потомъ поднялись на возвышенность, гдѣ начинался лѣсокъ. Одинъ изъ дровосѣковъ испустилъ громкій крикъ. Невдалекѣ ему отвѣчали голосовъ двадцать. Толпа направилась по протоптанной узкой дорожкѣ, идти приходилось гуськомъ. Упругія вѣтки каждую минуту били по лицу неловкаго кавалера. Пока онъ ворчалъ, чаща становилась рѣже, и передъ путниками изъ-за вѣтвей выглянулъ воронкообразный оврагъ. Оттуда неслись крики и удары топоровъ.

— Вотъ мы и пришли,—сказалъ мужикъ, у котораго борода походила на кустъ. — Мошафе, проводи этихъ людей къ г-ну Данлуцъ.

— Хмъ! — воскликнула г-жа де-Ронъ, поднимая голову;—какъ вы его назвали?

— Данлупъ... Длинный Иеремія... если хотите.

— Данлупъ!.. Я встрѣчала одного съ этой фамиліей у моей сестры,—громко сказала вдова, обращаясь къ племянницѣ.

— Онъ дѣйствительно дворянинъ,—подтвердилъ Мошафе, — и плуть большой, ручаюсь вамъ за это!.. Когда-то онъ выдувалъ бутылки, но ему было тяжело служить у другихъ и теперь онъ живетъ своими доходами... Если вы съ нимъ знакомы, тѣмъ лучше; вы можете стовориться съ нимъ!..

Въ глубинѣ оврага работа была въ полномъ ходу: крестьяне чувствовали себя какъ дома. Срубленные молодые деревца лежали уже на землѣ, и дровосѣки распиливали ихъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ была когда-то старая угольная печь, двое молодыхъ людей разрѣзали на части дикую козу. Въ землянкѣ, на половину обвалившейся, рослый лѣтъ сорока мужчина усиленно хлопоталъ около очага, сложенного изъ четырехъ камней: онъ жарилъ на ярко пылавшихъ угольяхъ заднюю ногу козы, прикрепленную веревкой къ вѣткѣ дерева. Сидя на буковомъ пнѣ, онъ время отъ времени повертывалъ на веревкѣ мясо, такъ, чтобы оно подвергалось дѣйствию огня со всѣхъ сторонъ, и при помощи деревянной ложки заботливо поливалъ его сокомъ, черпая его изъ темной деревянной чашки: Онъ былъ худощавъ, но крѣпко сложенъ. Хотя добрая половина его загорѣлаго лица была покрыта бородой, тѣмъ не менѣе его лицо обнаруживало въ одно и то же время наивность и высокоуміе; черты его не были лишены дикой величавости: носъ, похожій на птичій клювъ, два быстрые глаза, сверкавшіе подъ сросшимися бровями, высокій и узкій лобъ, обрамленный бѣлоклыми, отъ природы вьющимися волосами, довершали его внѣшность. Издали его лицо напоминало нѣсколько сельскаго дворянина, но его костюмъ ничѣмъ не отличался отъ крестьянскаго. Онъ былъ одѣтъ въ темную блузу, стянутую кожанымъ кушакомъ, ноги были обуты въ гетры изъ голубого полотна.

— Онъ изъ нашей среды!—прошептала г-жа де-Ронъ на ухо Гиацинтѣ въ то время, какъ Мошафе приблизился къ человѣку, жарившему козу, и долго ему рассказывалъ о происшествіи съ каретой.

Слушная дровосѣка, предводитель шайки бросалъ изъ своего угла быстрые взгляды на новоприбывшихъ. Его удивленный взглядъ переходилъ съ хилаго и дрожащаго кавалера на г-жу де-Ронъ, закутанную въ плащъ, и съ удовольствіемъ остановился на канониссѣ, гордая красота которой, повидимому, его поразила.

— Къ вашимъ услугамъ, сударыни!—сказалъ онъ, поднимая свою коричневую войлочную шляпу. — Кажется, товарищи поступили съ вами немного безцеремонно. Что же требовать отъ нихъ?..

Они не были обучены хорошимъ манерамъ... У васъ отняли вашихъ лошадей? Весьма сожалѣю объ этомъ, но необходимость создаетъ законъ... Работа не терпитъ отлагательства, мы рубимъ лѣсъ, но у насъ нѣтъ средствъ, чтобы перевезти его во Флорантъ... Позвольте вашъ адресъ, увѣряю васъ словомъ дворянина, мы возвратимъ завтра же вашихъ лошадей и карету.

Смотря ему прямо въ глаза, канонисса спросила своимъ звонкимъ голосомъ:

— Итакъ, милостивый государь, насъ не обманули... Вы дворянинъ?

— Да, сударыня... Иеремія Данлупъ къ вашимъ услугамъ.

— Былъ одинъ Данлупъ на стеклянномъ заводѣ г-жи С.-Андре.

— Это былъ я,—отвѣтилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ онъ.— Вы знакомы съ Гертрудой С.-Андре?

— Это моя тетка, а вотъ ея сестра, г-жа де-Ронъ.

Иеремія Данлупъ бросилъ свою деревянную ложку, быстро всталъ, и краска стыда на мгновеніе появилась на его загорѣлыхъ щекахъ.

— Извините,—пробормоталъ онъ, отвѣшивая поклонъ:—я васъ сначала не узналъ, г-жа де-Ронъ!.. Мы даже нѣсколько сродни другъ другу, такъ какъ отецъ Гертруды по бретанскому обычаю считается моимъ дѣдушкой.

Хотя онъ и говорилъ о своей роднѣ не безъ тщеславія, тѣмъ не менѣе видно было, что онъ не очень доволенъ тѣмъ, что очутился лицомъ къ лицу съ людьми своего сословія въ то время, когда онъ держался запанибрата съ лѣсными бродягами; онъ счелъ долгомъ объяснить странное положеніе, въ которомъ онъ находился, и сказалъ, съ трудомъ подыскивая слова:

— Да, я былъ главнымъ мастеромъ у моей двоюродной сестры С.-Андре... Но у Гертруды и у меня былъ характеръ непокладистый... Она выходила изъ себя, я же... я былъ тоже вспыльчивъ, и въ одинъ прекрасный день мы разстались изъ болзни совѣмъ поссориться... Мнѣ, какъ ястребу, нуженъ большой просторъ.

— И такъ же, какъ онъ,—смѣло прервала г-жа де-Ронъ,—вы предпочитаете пользоваться чужимъ добромъ?

Иеремія Данлупъ покраснѣлъ и насунилъ брови.

— Можете говорить, что вамъ угодно, сударыня!..—возразилъ онъ.— Прошлогодня зима поглотила весь запасъ дровъ этихъ честныхъ людей, которыхъ вы видите здѣсь. Клермонскіе лѣса принадлежатъ теперь націи, а то, что принадлежитъ націи, принадлежитъ всѣмъ, не правда ли? Развѣ собраніе въ Версали не утвердитъ отмѣну феодальныхъ правъ?

— Если генеральные штаты употребляютъ свою власть во зло,—пылко вскричала канонисса,—то подобаетъ ли дворянамъ-стекольщикамъ быть въ этомъ соучастниками, имъ, которые обязаны

королю своими привилегіями и осыпаны милостями принцевъ Конде?

Этотъ горячій отпоръ, повидимому, произвелъ впечатлѣніе на Іеремію Данлугъ.

Его круглые, нѣсколько на-выкатъ глаза широко раскрылись. Красота и гордость Гіацинты, видимо, внушали ему уваженіе.

— Да, я знаю,—смущенно сказалъ онъ;—тутъ можно говорить и за и противъ. Если принцы Конде когда-то желали добра нашей семьѣ, зато ихъ управителя не скупилась для меня на штрафы и на грубости... чортъ возьми, что же вы хотите въ самомъ дѣлѣ? Праздность это плохой совѣтчикъ... Когда чувствуешь себя здоровымъ, надобѣдаетъ ничего не дѣлать, и тогда работаешь, какъ можешь.

— Въ прежнее время, — отвѣтила иронически канонисса, — Данлугъ и С.-Андре служили королю и сражались въ Клостеркампѣ... Но вы предпочитаете вести войну съ дубами принца Конде... У каждого свой вкусъ. Это, впрочемъ, до меня не касается!

Она нарочно вложила въ свои слова презрѣніе, которое задѣло за живое бывшаго стеклозаводчика. Гіацинта имѣла въ виду затронуть чувство дворянской гордости, очень щекотливое у дворянъ-стеклозаводчиковъ, и достигла своей цѣли.

— Ужъ не принимаете ли вы меня за мокрую курицу,—протестовалъ онъ.—Я сражался бы такъ же, какъ мои предки, если бы королю понадобилась моя шпага.

— Ему понадобится преданность его вѣрныхъ слугъ скорѣе, чѣмъ вы думаете, — отвѣтила важно и таинственно молодая женщина.—Королевской власти угрожаетъ собраніе мятежниковъ. Въ тотъ день, когда его величество обратится къ дворянству, будете ли вы съ нами, кузень Іеремія, или съ этими крестьянами, которыхъ вы подбиваете уже на бунтъ.

Стеклозаводчикъ слушалъ канониссу съ необычайнымъ удивленіемъ. Онъ былъ уничтоженъ. Его большіе глаза смотрѣли не отрываясь на сверкающіе зрачки этой красавицы. Онъ чувствовалъ, что она притягиваетъ его къ себѣ, какъ магнитъ.

— Я буду съ вами, кузина, не сомнѣвайтесь въ этомъ!.. Что касается этихъ молодцовъ, то они будутъ повиноваться мнѣ безпрекословно. Я отвѣчаю за нихъ, какъ за самого себя.

Гіацинта пожала плечами, и недовѣрчивая улыбка скользнула по ея губамъ.

— Вы въ этомъ сомнѣваетесь?—спросилъ онъ, обиженный недовѣрчивымъ взглядомъ:—но вы увидите...

Онъ приставилъ ко рту руку въ видѣ рупора и крикнулъ группѣ людей, въ которой находился на почетномъ отъ нея разстояніи Мошафе съ дровосѣками, остановившими карету. Тѣ подошли, и когда они были уже около двери въ землянку, Іеремія сказалъ:

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ДЕКАБРЬ 1907 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

I. Богословіе.

Бирюновъ, П. Духоборцы. Сборникъ статей, воспоминаній, писемъ и другихъ документовъ, съ приложеніемъ рисунковъ и избранныхъ духоборческихъ псалмовъ. М. 1908. Ц. 1 р.

Зомъ, Р. Церковный строй въ первые вѣка христіанства. М. 1906. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н. Критика догматическаго богословія. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Успенскій, В. и Писаревъ, С. Основаніе Московскаго Успенскаго собора и преставленіе Святого Петра Митрополита. Спб. 1908. Ц. 1 р.

— Лицевое житіе преподобнаго Іоасафа царевича Индійскаго. Спб. 1908. Ц. 5 р.

II. Философія, психологія, логика.

Булгановъ, С. Н. Карлъ Марксъ, какъ религіозный типъ. (Изъ этюдовъ о религіи человѣкобожества). Спб. 1907. Ц. 25 к.

Бюхнеръ, Л. Сила и матерія. Очерки естественнаго міропорядка. Изд. 2-е. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Гендель, Э. Естественная исторія міротворенія. Общепонятное научное изложеніе ученія о развитіи. Ч. 1-я. Общее ученіе о развитіи. (Трансформизмъ и дарвинизмъ). Спб. 1908. Ц. 2 р.

— Борьба за идею развитія. М. 1907. Ц. 60 к.

Жановъ, К. Ф. Неганелла. Сказаніе о злѣ. Спб. 1908. Ц. 12 к.

Лаасъ, Э. Идеализмъ и позитивизмъ. Критическое изслѣдованіе. М. 1907. Ц. 1 р.

Лебонъ, Г. Психологія социализма. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

Лютгенау, Ф. Естественная и социальная религія. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Маяцкій, В. Графологія. М. 1907. Ц. 50 к.

Меліоранскій, Б. М. О триничности. Спб. 1907. Ц. 15 к.

О непротивленіи злу. Изд. 2-е. Х. 1907. Ц. 10 к.

Пэйно, Ж. Воспитаніе воли. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Проданъ, И. С. Практическое руководство по психологіи. Вып. I Харьковъ. 1908. Ц. 80 к.

«Истор. вѣстн.», январь, 1908 г., т. СХІ.

1/226

III. Словесность.

- Александровскій, Г. В. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. 1. Изд. 5-е. Киевъ. 1907. Ц. 1 р.
- Альманахъ литературно-художественнаго издательства «Шиповникъ». Книга 3-я. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Андреевъ, Л. Жизнь челоуѣка, представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Аенисныя ночи. Альманахъ. Книга 1-я. Спб. 1908. Ц. 25 к.
- Бабанинъ, И. Сборникъ рассказовъ религиозно-нравственныхъ, историческихъ и бытовыхъ. Томъ 1. М. 1908. Ц. 80 к.
- Бальмонтъ, К. Д. Вѣлыя зарницы. Мысли и впечатлѣнія. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Птицы въ воздухѣ. Строки напѣвныя. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Богдановъ, А. Красная звѣзда. (Утопія). Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Боди, Н. О. Дѣвичьи годы одного мужчины. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Брюсовъ, В. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Т. 1. М. 1908. Ц. 2 р.
- Бѣляевъ, Ю. Въ нѣкоторомъ царствѣ. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Ведениндъ, Ф. Артистъ. Сцены въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Верленъ, П. Стихи, избранные и переведенные Теодоромъ Сологубомъ. Спб. 1908. Ц. 90 к.
- Гофмансталъ, Г. Электра. Трагедія въ 1 д. въ стихахъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Свадьба Зобиды. Драматическій эскизъ въ 3-хъ картинахъ, въ стихахъ. М. 1907. 10 к.
- Сказка. 672 ночи. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Евреиновъ, Н. Драматическія сочиненія. Т. 1-й. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Заманоисъ, М. Шуты, комедія въ 4 д. М. 1908. Ц. 1 р.
- Изъ одного русла. Шестнадцать новеллъ десяти авторовъ. М. 1907. Ц. 20 к.
- Карпова-Монгирдъ, В. А. Моей родинѣ. М. 1908. Ц. 1 р. 60 к.
- Ковальскій, Н. А. Терновый вѣнецъ. Рассказы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Мелогривовъ, Л. Стихотворенія. М. 1907. Ц. 1 р. 40 к.
- Конанъ-Дойль. Воряба за вѣру и свободу, историч. романъ. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Конанъ-Дойль, А. Вѣлая рота. Романъ. М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Кюффиньонъ, А. Дно Парижа. М. 1908. Ц. 40 к.
- Крашенинниковъ, Н. Восемь лѣтъ. Воспоминанія о гимназій. М. 1907. Ц. 50 к.
- Крыжановская, В. И. (Рочестеръ). Паутина. Романъ. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.
- Лагерлефъ, С. Сказки и легенды. М. 1907. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- Леметръ, Ж. Серенусъ. Исторія мученика. М. 1908. Ц. 1 р.
- Луисъ, П. Приключенія короля Павлозія. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Мережковскій, Д. Вѣчные спутники. Монтанъ, Флоберъ. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Мирбо, О. Эпидемія сатира-шаржъ, въ 1 д. М. 1908. Ц. 40 к.
- Морозовъ, Н. А. Въ началѣ жизни. Какъ изъ меня вышелъ революціонеръ вмѣсто ученаго. М. 1907. Ц. 80 к.
- Мошинъ, А. Штрихи и настроенія. Кн. 3-я. Крамола и другіе новые рассказы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Найденковъ, С. Хорошенькая. Комедія. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Невѣжинъ, П. М. Распадъ. Романъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Немоевскій, А. Письма ненормальнаго челоуѣка. Спб. 1907. Ц. 80 к.
- Изъ-подъ пылы вѣковъ. Ашуръ и Муцуръ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Никоновъ, Б. П. Въ стѣнахъ гимназій. Очерки школьной жизни. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. Мой побѣгъ изъ Сибири. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Порнезинскій, В. Введеніе въ языковѣдніе. Посobie къ лекціямъ. М. 1907. Ц. 1 р.
- Потѣхинъ, П. Б. Митрополитъ Филиппъ. Историческая поэма. Изд. 2-е. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Рандинъ, Г. Рассказы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Ремизовъ, А. Прудъ. Романъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Сборникъ товарищества «Знаніе за 1907 г. книга 19-я. Спб. Ц. 1 р.
- «Молодой Польши». Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Свириденко, С. На Сѣверѣ. Повѣсть изъ далекаго прошлаго сѣверныхъ германскихъ племенъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Сергіевскій, Н. (Муратовъ). Привычка. Комедія. Спб. 1908. Ц. 40 к.
- Мотыльки. Драма. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Толузановъ, С. Депутатъ небывалый въ 3-й Государственной Думѣ (политическая фантазія). Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Цаплъ, А. Свадебныя ночи. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Чулновъ, Г. Весною на сѣверѣ. Лирика. Спб. 1907. Ц. 90 к.
- Шиманскій, Н. Г. Рабъ чести. Дубно. 1907. Ц. 60 к.
- Шницлеръ, А. Маріонетки. Спб. 1908. Ц. 75 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Ананьинъ, С. А. Софистъ. Діалогъ Платона. Киевъ. 1907. Ц. 1 р.
- Бородинъ, М. Исторія Финляндіи. Время императора Александра II. Съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908. Ц. 4 р.
- Глинскій, Б. Б. Воряба за конституцію 1612—1861 гг. Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908. Ц. 3 р. 50 к.

Исторический журнал для всех. № 3. П. 30 к.
Котляревский, Н. А. Литературныя направленія Александровской эпохи. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
Кузминъ С. Россія и русскій народъ въ характеристикѣ М. П. Погодина. Спб. 1908. Ц. 10 к.
Лобовъ, Л. Къ исторіи славянофильства. Спб., 1907. Ц. 15 к.

Нагуевскій, Д. Изъ польской нумизматики и археологии. Казань. 1908. Ц. 40 к.
Переворотъ 1762 г. Сочиненія и переписка участниковъ и современниковъ. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
Рожновъ, Н. А. Отъ самовласти къ народо-власти. Очерки изъ исторіи Англіи, Франціи и Германіи. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Трачевскій, А. Новая исторія. Т. II. 1750—1848 гг. Спб. 1908. Ц. 3 р.

V. Сельское хозяйство.

Бычкинъ, А. Повышеніе урожая хлѣбовъ въ многопольно-травяномъ сѣвооборотѣ, въ связи съ общей продуктивностью бобовыхъ травъ. Одесса. 1907. Ц. 50 к.
Елагинъ П. Практическое птицеводство. Содержаніе и разведеніе птицъ въ русскихъ хозяйствахъ. Изд. 3-е. Спб. 1908. Ц. 2 р.
Кичуновъ, Н. И. Культура георгинъ. Спб. 1908. Ц. 20 к.
Осеневъ, Б. Энтомологическія наблюде-

нія. Вып. I. Къ вопросу объ инстинктѣ насекомыхъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.
Пришвинъ, М. Картофель въ полевой и огородной культурѣ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 80 коп.
Радашевичъ, М. Н. Какъ пропзвести масовое улучшеніе крестьянскаго крупнаго рогатаго скота. Саратовъ. 1907. Ц. 40 к.
Штейнбергъ, П. Н. Удобреніе комнатныхъ, тепличныхъ и оранжерейныхъ растений. Спб. 1908. Ц. 20 к.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

Бастамовъ, Ф. Изслѣдованіе свойствъ особливо опаснаго положенія вагона при движеніи его по кривой, извѣстнаго подъ названіемъ: *Position de wagon courbe à double contact*. Спб. 1907. Ц. 75 к.
Бергъ, А. Волшебный фонарь. Устройство проэкторныхъ аппаратовъ, способы освѣщенія и полученія туманныхъ картинъ. Спб. 1908. Ц. 25 к.
Бухвостовъ, А. И. Шурфованіе или буреніе. Опытъ изслѣдованія способовъ развѣдки золота и другихъ ископаемыхъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Горячинъ, в. Очерки сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Вып. 3-й «Зерносушилки». М. Ц. 70 к.

Молычевъ, В. Судостроительные эллипты. Спб. 1908. Ц. 6 р.
Новицкій, А. Ф. Сборникъ задачъ по механикѣ съ подробными рѣшеніями примѣнительно къ требованіямъ при испытаніи названіе техника путей сообщенія. Спб. 1908. Ц. 80 к.
Успенскій, Ю. Желѣзобетонные мосты и путепроводы въ Россіи. Описание сооруженій и производствъ работъ, съ приложеніями расчетовъ мостовъ и техническихъ условій. Спб. 1908. Ц. 5 р. 50 к.
Штарне, Г. Опытное ученіе объ электричествѣ. М. 1907. Ц. 2 р.

VII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

Брюнелли, П. Сознаніе подсудимаго. Значеніе собственнаго сознанія подсудимаго на предварительномъ слѣдствіи на судѣ, по уставамъ 1894 и проекту. Спб. 1908. Ц. 50 к.
 — Англійская конституція. Опытъ сравнительнаго историческаго очерка развитія правосознанія въ Англіи и Россіи съ 1100 года. Спб. 1908. Ц. 20 к.
Веняминовъ, П. Крестьянская община. Спб. 1908. Ц. 55 к.
Гольдштейнъ, І. М. Экономическая политика. Вып. I. Союзы предпринимателей. Исторія и теорія. М. 1908. Ц. 60 к.
Есиповъ, В. В. Автономія Польши, съ точки зрѣнія финансовыхъ, экономическихъ и другихъ интересовъ Россіи. Варшава. 1907. Ц. 50 к.
Законодательные проекты и предложенія партіи народной свободы 1905—1907 г.,

подъ редакціей Н. И. Астрова, Ф. Ф. Кокошкина, С. А. Муромцева, П. И. Новгородцева и кн. Д. И. Шаховскаго. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
Законы гражданскіе. Т. X, ч. I-я съ разъясненіями Сената по 1906 годъ включительно. Екатеринбургъ. 1908. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.
Лерингъ, Р. Борьба за право. Спб. 1907. Ц. 15 к.
Наплавъ, Я. С. Сборникъ ликвидаций пожарныхъ убытковъ. Пособіе при изслѣдованіи и опредѣленіи пожарныхъ убытковъ, изд. 2. Спб. 1907. Ц. 10 р.
Нильчевскій, В. Богатства и доходы духовенства. Спб. 1908. Ц. 15 к.
Кориуновъ, Н. М. Русское государственное право. Томъ I-й. Введеніе и общая часть. Изд. 6-е. 1908. Ц. 3 р. 50 к.

Максимовъ, Е. Законодательные вопросы попеченія о нуждающихся. Спб. 1907. Ц. 50 коп.

Мартесонъ-Гиндминъ, А. Государственное опроверженіе джеученій объ обычномъ правѣ и правовомъ отношеніи въ доказательство ненаучности такъ называемаго общественнаго права и трехъ его общепризнанныхъ отдѣловъ: право-право и хозяйство-вѣдѣнія. М. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Петражицкій, Л. I. Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. Т. II. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Подъ впечатлѣніями Московскаго съезда «объединеннаго Русскаго народа». Спб. 1907. Ц. 20 к.

Поработеніе русскаго народнаго труда. Докладъ Г. В. Бутки въ обществѣ военной, морской и сельской техники. Спб. 1907. Ц. 10 к.

Прокоповичъ, С. Рабочее движеніе въ Германіи. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Пясковскій, Н. Вопросъ жизни на пути возрожденія и оздоровленія Россіи. М. 1908. Ц. 30 к.

— Строительство здоровой жизни и молодежи. М. 1908. Ц. 30 к.

— О взаимномъ оздоровленіи интеллигенціи и народа. М. 1908. Ц. 80 к.

Рейхъ, Э. Современная Германія. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства, касающихся крестьянскаго землеустройства и землепользованія. Изд. 2-е. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Святловскій, В. Профессиональные рабочіе

союзы и учрежденія, ими созданныя. В. 1 и 2. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Слонимскій, Л. О монархіи. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Сокращенный курсъ русскаго уголовного права, составленный группой студентовъ-юристовъ примѣнительно къ экзаменаціонной программѣ Императорскаго Спб. университета по курсамъ проф. Сергѣевскаго, Фойницкаго, Таганцева, Листа и др. Часть общая и особенная. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Спасовичъ, В. Д. Семь судебныхъ рѣчей по политическимъ дѣламъ. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Струбинскій, В. В. Къ обсужденію земельного вопроса. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Тарле, Е. Е. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Торгашевъ, Б. Потребительныя общества на Западѣ. Спб. 1908. Ц. 30 к.

Уставъ о земскихъ повинностяхъ. Составленъ по официальному изданію устава 1899 г., продолженію его 1906 г. и позднѣйшимъ узаконеніямъ, не вошедшимъ въ продолженіе 1906 г. (Высоч. утвержд. положенія сов. министр. и воен. сов. 1906 г. и 1907 г.), Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Ферри, Э. Преступные типы въ искусствѣ и литературѣ. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Фойницкій, И. Я. Курсъ уголовного права. Часть особенная. Посягательства личныя и имущественныя. Изд. 5-е. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Чмутовъ, С. А. Очеркъ нашего желѣзнодорожнаго хозяйства. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Шестидесять дѣвъ рѣчи министровъ во второй Государственной Думѣ. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

VIII. Медицина, гигиена и анатомія.

Биддеръ, Э. Учебникъ акушерства для повивальныхъ бабокъ. Изд. 7-е. Спб. 1908. Ц. въ пер. 3 р.

Грановскій, Л. Б. Общественное здравоохраненіе и капитализмъ. (Туберкулезъ, алкоголизмъ, венеріи, нервность и условія борьбы съ ними). М. 1907. Ц. 35.

Засядателевъ, Ф. Ф. Волѣзніи голоса пѣвцовъ и ихъ леченіе со включеніемъ музыкальной акустики, физиологіи и гигиены голоса. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Золотаревъ, Л. А. Воряба съ дѣвью, популярно-научный очеркъ. М. 1907. Ц. 60 к.

Кравковъ, Н. П. Основы фармакологіи. Ч. 1-я и 2-я. Спб. 1907. Ц. въ пер. тома по 2 р. 50 к.

Маргулисъ, М. С. Мышечныя атрофіи при очаговыхъ церебральныхъ пораженіяхъ. М. 1907. Ц. 2 р.

Марнузе, I. Воздушныя и солнечныя ванны. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Саминъ, И. В. Алкоголизмъ въ арміи и мѣры борьбы съ нимъ. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Терешинъ, С. Я. Курсъ физики для студентовъ-медиковъ. Спб. 1908. Ц. 5 р.

Тицнеръ, А. Испыленіе большихъ водокъ по способу Кнейппа. Спб. 1908. Ц. 40 к.

IX. Искусство.

Журналъ театра Литературно-Художественнаго общества № 7 и 8. Ц. 15 к.

— №№ 9 и 10. Ц. 15 к.

«Театръ и искусство», № 45. 1907 г. Ц. 20 к.

— № 47. 1907. Ц. 20 к.

X. Военное и морское дѣло.

Альтенъ, Г. Военное искусство въ задачахъ. Спб. 1908. Ц. 3 р.

Волгинъ, А. М. Объ арміи. Армія и государство. Арміи и социализмъ. Армія и ми-

лиція. Армія и политикъ. Изд. 2-е. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Вѣстникъ военной иностранной литературы. Сентябрь, 1907. Ц. 1 р.

- Клеманъ - де - Грандпре. Паденіе Портъ-Артура. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
 Къ процессу ген. Стессель. Артурцы г. Ножину по поводу его послѣдняго слова ген. Стессель. Спб. 1907. Ц. 10 к.
 Лукинъ, В. Навигація. Ч. 1-я. Таганрогъ. 1906. Ц. 1 р. 25 к.
 Портъ-Артурскій альбомъ. 1904—1905 г. Изд. капитана I ранга М. Ф. фонъ-Шульцъ и поручика Б. В. Жданова. 100 таблицъ. Ц. 20 р.
 Свѣчинъ, А. Война въ горахъ, тактическое изслѣдованіе по опыту русско-японской войны. Ч. 2-я. Спб. 1907. Ц. 40 к.
 Черемисовъ, В. Русско-Японская война 1904—1905 г. Киевъ. 1907 г. Ц. съ атлас. 3 р. 50 к.

XI. Воспитаніе, обученіе и учебники.

- Аграевъ, Г. В. Родители, учителя, ученики. Жизнь средней школы за послѣдніе годы. Родительскіе комитеты и организации. Спб. 1907. Ц. 1 р.
 Веселовскій, Ю. Трагедія дѣтской души. М. 1908 г. Ц. 55 к.
 Вутъ, Л. А. Ключъ ко второй части илюстрированнаго курса французскаго языка Росманъ и Шмитъ. Одесса. 1907. Ц. 40 к.
 Ежегодникъ народной школы. выч. 1-й. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
 Ивановъ К. А. Очерки по методикѣ исторіи. Спб. 1908. Ц. 1 р.
 Кирюшинъ, Е. Д. Вычисленія на счетахъ. М. 1907. Ц. 75 к.
 Педагогическая психологія. Кн. 7-я и 8-я, подъ ред. А. П. Нечаева. Спб. 1907 Цѣна въ каждомъ выпускѣ по 70 к.
 Подруга. Книга для чтенія въ семьѣ и въ школѣ. М. 1908. 75 коп.
 Рудневъ, В. Л. Опытъ философіи ариметтики. Обзоръ главнѣйшихъ ариметическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія естественной системы. Ростовъ-на-Дону. 1907. вып. 1-й. Ц. 15 к.
 Румянцевъ, М. Е. Дѣтніе педагогическіе курсы для учителей въ С.-Петербургѣ. Спб. 1907. Ц. 30 к.
 Сальмонъ, Ж. Курсъ аналитической геометріи двухъ измѣреній (коническія сѣченія). Спб. 1908. Ц. 3 р.
 Свѣтъ, М. Элементарныя правила латинскаго синтаксиса. (Практическое руководство къ разбору классиковъ). Спб. 1907 г. Ц. 30 к.
 Соколовъ, М. Элементарная физика. Курсъ женскихъ гимназій. М. 1907. Ц. 1 р. 30 к.
 Тичеръ, Н. «Единство школы» для всего народа, какъ требованіе русскихъ политическихъ партій. Спб. 1908. Ц. 50 к.

XII. Книги для дѣтей и юношества.

- Бертъ, Э. Дитя львовъ. Привлеченіе мальчика, три года пробывшаго въ плѣну у орангъ-утанговъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.
 Бичер-Стоу, Г. Хижина дяди Тома. Спб. 1908. Ц. 1 р.
 «Золотое Дѣтство», журналъ для дѣтей. № 2. Ноябрь 1907. Ц. 20 к.
 «Золотое Дѣтство», журналъ для дѣтей. № 3. Декабрь 1907. Ц. 20 к.
 Крепелинъ, К. Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества, изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. въ папкѣ 1 р.
 Луншавичъ, М. Честное слово. Повѣсть. Спб. 1907. Ц. 40 к.
 Махцевичъ, В. Веселые будни. Изъ воспоминаній гимназистки. Спб. 1908. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к.
 Незванова, П. Дѣтскіе рассказы. Изд. 5-е. Спб. 1907. Ц. 2 р.
 Нечаевъ, А. П. Очерки изъ жизни и исторіи земли. Работа льда. М. 1908 Ц. 35 к.
 — Рабога рыкъ и ручьевъ. М. 1908. Ц. 40 к.
 Никольскій, А. М. Подъ открытымъ небомъ. Рассказы для дѣтей. Х. 1907. Ц. 1 р. 80 к.
 Педерцани-Веберъ, Дѣти-герои. Рассказы. М. 1907. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.
 Пospelъовъ, С. А. Въ странѣ свободы и труда. Рассказъ изъ американской жизни. Спб. 1908. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.
 Радичъ, В. и Ждановъ, Л. На Мальцовомъ курганѣ. Историческая повѣсть для юношества. Спб. 1907. Ц. 80 к.
 Роденъ, Э. Упрямецъ. Рассказъ изъ школьной жизни. Спб. 1907. Ц. въ перепл. 3 р. 25 к.
 Сборникъ стихотвореній и рассказовъ для дѣтей старшаго возраста. Весенніе голоса К. 1907. Ц. 75 к.
 Сказки старухи-говорухи о животныхъ. Ц. по 85 к.
 Топелиусъ, Э. Рассказы фельдшера. — Кольцо короля. — Мечъ и плугъ. — Огонь и вода. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.
 Федоровъ-Давыдовъ, А. А. Другъ за дружку. Рассказы и сказки. М. 1907. Ц. 30 к., въ кол. пер. 80 к.
 — Зимнія сумерки. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 коп.
 — Зори весеннія. Ц. 40 к., въ кол. пер. 90 коп.
 — Истые рыцари. Ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 50 к.
 Чарская, Л. А. Синія тучки. Рассказы для дѣтей. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
 — Ея же. Яркія звѣздочки. Рассказы для дѣтей. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
 Чебышева-Дмитріева, Е. Улыбки и слезы. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
 Чистянова, Е. М. Въ добрый часъ. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Спб. Ц. 1 р.
 — Ея же. Итальянскія сказки. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1908 г. на ежемѣсячный дѣтскій иллюстрированный журналъ

годъ
изданія
25-й.

„ИГРУШЕЧКА“

для
младшаго
возраста.

Основана въ 1880 г. Т. П. Пассекъ.

Журналъ „ИГРУШЕЧКА“ допущенъ Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярїи по учрежденіямъ Императрицы Марїи къ ПРІОБРѢТЕНІЮ въ БИБЛИОТЕКИ.

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ **особый**
отдѣлъ:

годъ XX. **ДЛЯ МАЛЮТОКЪ** (До 8-милѣтняго возраста).
(12 книжекъ въ годъ).

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими рисунками. Особой подписки на отдѣлъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ нѣтъ.

Въ 1908 г. «ИГРУШЕЧКА», какъ и всѣ предыдущіе года, будетъ выходить подъ редакціей **А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой**, съ участіемъ тѣхъ же сотрудниковъ и тѣхъ же художниковъ.

Подписчики „ИГРУШЕЧКИ“ получаютъ въ 1908 г. въ видѣ **БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ—АЛЬБОМЪ** (цѣлую серію) **ЦВѢТНЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ РИСОВАНІЯ КРАСКАМИ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ КОНТУРОВЪ** по американской системѣ, съ объяснительнымъ текстомъ. **ПОДПИСАВШИЕСЯ** на журналъ „ИГРУШЕЧКА“ съ особымъ отдѣломъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ кромѣ **АЛЬБОМА** получаютъ еще и **ДРУГОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ**, приношенное къ возрасту **МАЛЮТОКЪ: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ВЪ КРАСКАХЪ, НА ПОЛОТНѢ ЗВѢРЕЙ**, изъ которыхъ сами дѣти могутъ сдѣлать себѣ красивыя игрушки.

ГODOVAYA ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой: въ Россїи. За границу

«ИГРУШЕЧКА» съ Альбомомъ цѣнныхъ образцовъ рисованія по американской системѣ . . .	3 р.	5 р.
«ИГРУШЕЧКА» съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ», съ Альбомомъ цѣстныхъ образцовъ рисованія по америк. системѣ и другого бесплатнаго приложенія: въ краскахъ на полотнѣ звѣрей-игрушекъ .	5 р.	7 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала „ИГРУШЕЧКА“: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ **Н. П. КАРБАСНИКОВА**, Гостинный Дворъ, 19, и въ отдѣленіяхъ фирмы: въ Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; въ книжныхъ магазинахъ „**НОВАГО ВРЕМЕНИ**“ (Невскій 40) и его отдѣленіяхъ; а также во всѣхъ главныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Одессы, Кіева, Казани, Харькова и другихъ городовъ.

Рукописи, простую корреспонденцію, а также и объявленія адресовать: С.-Петербургъ, Ново-Петергофскій пр., д. 24, **А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой**.

II-й г. Изданія.

II-й г. Изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 Г.

НА

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“**Ежемесячный иллюстрированный журналъ, съ 48 безпл. приложеніями — «ДНЕВНИЧКИ» — и 1-й преміей-книгой беллетристическаго содержанія.****Въ журналѣ принимаютъ участіе извѣстные писатели и ученые.**

Программа журнала: романы, повѣсти, рассказы, этнографическіе, историческіе и біографическіе очерки, драматич. произведенія, этюды и статьи по вопросамъ этики, религіи, литературы, сельскаго хозяйства, науки, искусства, критика и библіографія, обзоры журналовъ, худож. музыкальн. и театральн. замѣтки, сатира, юморъ (текстъ и рисунки, карикатуры) — и пр. Смѣсь, выдержки изъ печати, письма изъ разныхъ мѣстъ, отвѣты на запросы читателей. Въ каждой книжкѣ „БЕСЪДА“ по текущимъ и „вѣчнымъ“ вопросамъ (этика, жизнь, литература, политика). Помимо постоянныхъ иллюстрацій въ текстѣ, по мѣрѣ надобности, къ книжкамъ журнала будутъ прилагаться **картины и портреты на отдѣльныхъ листахъ** (на толстой мѣловой бумагѣ), изъ которыхъ можно потомъ составить интересный кипсекъ на столѣ.

Всѣ годовые подписчики (хотя бы и подпис. въ разсрочку) получаютъ:

12 №№ ежемѣс. иллюстрир. журнала.**48 №№** «ДНЕВНИЧКОВЪ» (безплатн. прилож.), изъ которыхъ**12** подъ назв. «ЗАПРОСЫ ДУХА», посв. религіозно-церковно-этической области (Истина и заблужденія духа въ поискахъ ея: статьи о церк. строѣ, о бытѣ дух., замѣтки, хроника, библіографія).**12** подъ назв. «СЕМЬЯ И ШКОЛА» посв. вопросамъ образованія, воспит., школьн. хрон., сельск. хоз., вообще обиходу, гигиенѣ, медицинѣ, дѣтск. и женск. вопрос. Изрѣдка разск. для дѣтей. Полезн. совѣты для дома, здоровыя развлеченія. Въ помощь воспит. и родит. указанія при выборѣ книгъ.**12** подъ назв. «РОДНАЯ СТАРИНА», посв. прошлому Россіи. (Статьи, замѣтки, рассказы, библіографія, жизнеоп. и пр.)**12** подъ назв. «ВОЕННЫЕ ОТГОЛОСКИ», посв. вопросамъ военнаго строя и быта. (Статьи, очерки, замѣтки, хроника и библіогр.)**1** Премія-книга беллетристическаго содержанія.

Всѣ подписчики, добав. къ подп. платѣ 5 к., получ. брошюру «Въ чемъ счастье».

Книжки «Дневника Писателя» будутъ выходить въ 20-хъ числахъ, причѣмъ май—іюнь и іюль—авг. двойными книжками, въ увеличенномъ объемѣ, равно какъ и «Дневнички» при нихъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ:	СЪ ДОСТ. въ МОСКВѢ и пер. по ИМПЕРІИ:
Годъ	3 р. 20 к.	3 р. 60 к.
½ года	1 » 80 »	2 » — »
3 мѣс.	не прин.	1 » 25 к.

Разсрочка для всѣхъ желающихъ: 2 руб. при подп. и 1 р. 60 к. къ 1-му марта. Для полков. и ротн. библіотекъ и для всѣхъ казен. и обществ. учрежденій, для лицъ подп. за поруч. гг. казначеевъ разср. по соглашенію съ редакціей, причѣмъ: на 10 оплачен. экз. 1 экз. — безплатный. Кн. маг. и конторамъ, приним. подписку, 20 к. уступки съ экз. при условіи годов. подп. и внесеніи подп. цѣны полностью.

АДРЕСЪ: Москва, Тверская, д. графини Олсуфьевой, контора журнала «Дневникъ Писателя» (Редакція тамъ же).

Редакторъ-Издатель **А. В. Кругловъ.**

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

**Борьба
за
Конституцію**

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Го тинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордона.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
ФЕВРАЛЬ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1908 г.

СТРАН.

I. Генераль-адъютанты императора Александра I. Великаго князя Николая Михайловича	387
II. Екатерининскій колоссъ. Историческій романъ. X—XIX. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	404
III. Записки сенатора К. И. Фишера . III—IV. (Продолженіе)	438
IV. Чародѣйка. Историческій разсказъ. В. Г. Авсеенко	461
V. Былые дни и годы. IV—VII. (Продолженіе). С. И. Васюкова	482
VI. Отрывки изъ писемъ генерала Н. П. Литвинова	504
VII. Воспоминанія о графѣ Н. А. Протасовѣ-Бахметевѣ. Н. Г. Вучетича	533
VIII. Среди моховниковъ. I—VII. А. И. Фаресова	544
IX. Два военныхъ бунта. (Изъ воспоминаній). А. Ф. Коппе	575
X. Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ. (Воспоминанія). Н. Н. Леандера (Путника)	597
иллюстрація: Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ.	
XI. П. А. Ефремовъ. (Некрологъ). В. Е. Рудакова	614
иллюстрація: П. А. Ефремовъ.	
XII. Эпоха реформъ. (Историческіе очерки). VIII—XII. Б. Б. Глинскаго	622
XIII. Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. А. Миронова	644
XIV. Въ свободной землѣ. (Отъ Ванкувера до Нью-Йорка). (Окончаніе). Н. Д. Федорова	649
иллюстраціи: 1) Набережная въ Торонто. — 2) Висячій мостъ черезъ Ниагару. — 3) Водопады на Ниагарѣ. — 4) Мостикъ для прогулки подъ водопадомъ. — 5) Бруклинскій мостъ. — 6) Видъ Нью-Йорка отъ Бруклина. — 7) «Утюгъ» на углу Вродвея и 23-ей улицы. — 8) Автомобиль для осмотра Нью-Йорка. — 9) Въ Центральномъ паркѣ.	
XV. Иностранцы о Россіи. I—V. Т. П. М—ова	675
XVI. Критика и библиографія	694
1) Вородкинъ, М. М. —1) Война 1854—1855 гг. на финскомъ побережьѣ. Историческій очеркъ. 127 иллюстрацій. Спб. 1904 г. — 2) Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Вобрикова. Съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1905 г. — 3) Исторія Финляндіи. Время императора Александра II. Съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908. п. м. Майнова.— (См. слѣд. стран.)	

2) Труды тринадцатаго археологическаго съезда въ Екатеринославѣ 1905 г., подъ редакціей графини Уваровой. Т. I. М. 1907. А. Мырнова.—3) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1907 годъ. Книга третья. Дѣсти двадцать вторая. Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова, М. 1907. В. Руданова.—4) Тургеневъ, Н. И. Россія и русскіе. Часть I и II («Библіотека декабристовъ» подъ редакціей Г. Валицкаго. Спб. 1907. Тургеневъ, Н. И. Записки изгнанника (Библіотека «Общественной Пользы»), Спб. 1907. я. Бирюнова.—5) В. В. Каллашъ. «Записки путешествія въ Сибирь» А. Н. Радицева. Спб. 1907. А. я.—6) Н. К. Пиксановъ, Грибоѣдовъ и А. А. Вестужевъ. Спб. 1906. и. А.—7) Критическая литература о произведеніяхъ графа А. К. Толстого. Съ портретомъ и биографическимъ очеркомъ. Составилъ Н. Денисюкъ. Вып. I—II. М. 1907. А. Фомина.—8) Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ V. Повременное изданіе комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1907. в. Р.—9) Ивановъ-Разумникъ. Что такое «Махаевщина»? Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб. 1908. А. Ф.—на.—10) Владиславъ Максимовъ. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Выпускъ I. Спб. 1908. и. л.—11) Проф. А. Трачевскій. Новая исторія. Томъ II. 1750—1848. Спб. 1908. п. я.—12) Очевидецъ. Галицкая Русь прежде и нынѣ. Спб. 1907. А. И. Яцимирскаго.—13) А. А. Версъ. Естественная исторія чорта. Религіозно-историческое изслѣдованіе. Спб. 1908. А. Фзрсова.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 719

1) Мумія фараона Менептаха.—2) Послѣдній изъ индійскихъ Мессій.—3) Столѣтіе Виттѣра.—4) Штросмайеръ, какъ Меденатъ южныхъ славянъ.—5) Новая Мексика.—6) Какъ Сальвини толкуетъ Гамлета.—7) Отношенія между Америкой, Китаемъ и Японіей.—8) Отовсюду.

XVIII. Смѣсь 738

1) Торжественное годовое собраніе академіи наукъ.—2) Въ литературномъ фондѣ.—3) 30-лѣтіе императорскаго спб., археологическаго института.—4) Археологическія раскопки А. Хребтова въ Межигорьѣ.—5) 50-тилѣтній юбилей профессора В. И. Сергѣевича.—6) 50-тилѣтній юбилей А. А. Зейфарта.—7) Чествованіе Л. В. Вертенсона.—8) Русскій литературно-художественный клубъ въ Парижѣ.—9) Къ 300-лѣтню дома Романовыхъ.

XIX. Некрологи 748

1) Гейеръ, И. И.—2) Друри, И. В.—3) Еропкинъ, В. В.—4) Зачинскій, А. Ф.—5) Зоценко, М. И.—6) Малоземова, С. А.—7) Мурашкинцевъ, А. А.—8) Полотебновъ, А. Г.—9) Подожева, А. В.—10) Промышницъ, П.—11) Путерень, М. Д.—12) Розенъ, В. Р.—13) Россоловскій, В. С.—14) Чигоринъ, М. И.—15) Штакальбергъ, Р. Р.—16) Шукинъ, И. И.

XX. Забѣтки и поправки 760

1) По поводу «устава» и «полуустава». И. С. Бъяева.—2) Къ «Запискамъ репортера». Е. М. Шефлера.

XXI. Русскій военно-историческій музей. Н. Сухотина. 764

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ императора Александра I.—2) Въ вихрѣ великой революціи. Историческій романъ Андре Терье. Переводъ съ французскаго А. М. Бълова. Часть I II—III. (Продолженіе).

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1908 году

(ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1908 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать восемь лѣтъ (1880—1907).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всеми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

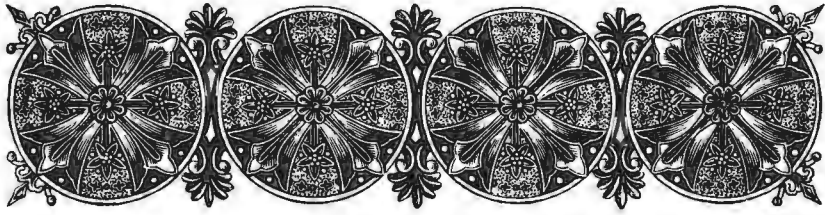
Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одесѣ**, **Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

ОЧЕТНОЕ званіе генераль-адъютанта существовало при предшественникахъ Александра Павловича, имѣ дорожили и при бабкѣ его Екатеринѣ II, и при отцѣ его Павлѣ I, и еще ранѣе. Собственно говоря, кромѣ почетной должности, особаго значенія это званіе не имѣло, и если мы хотимъ остановиться исключительно на эпохѣ, нами подробно изучаемой, то потому, что именно при Александрѣ I этотъ титулъ приобрѣлъ извѣстную цѣну, и люди, получавшіе вензеля императора, дѣлались не только его довѣренными приближенными, но подчасъ и совѣтниками. При преемникахъ Благословеннаго монарха почетъ отъ званія оставался, но значеніе утрачивалось постепенно, въ виду количества избранниковъ и измѣнившихся вообще обстоятельствъ.

За двадцать четыре года царствованія Александра I было назначено 45 генераль-адъютантовъ, не считая трехъ павловскаго назначенія, исполнявшихъ одинаково съ вновь назначаемыми всѣ обязанности и дежурившихъ при государѣ, и трехъ специально по польской арміи, начиная съ 1815 года. При вступленіи Александра Павловича на всероссійскій престолъ, въ 1801 году, назначенъ былъ первымъ генераль-адъютантомъ Федоръ Петровичъ Уваровъ, носившій это званіе при Павлѣ и перемѣнившій вензеля; X. А. Ливень, князья П. П. Долгорукій и П. Г. Гагаринъ не были назначены генераль-адъютантами вновь вступившаго на престолъ государя, но одинаково съ Уваровымъ дежурили и безотлучно находились при его величествѣ. Въ томъ же 1801 году послѣдовательно

были еще назначены: графъ Евграфъ Федотовичъ Комаровскій, Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ и князь Петръ Михайловичъ Волконскій. Въ слѣдующемъ, 1802 году, былъ еще назначенъ Фердинандъ Фердинандовичъ Винцингероде, и затѣмъ въ теченіе пяти лѣтъ, т. е. до 1807 года, новыхъ назначеній не послѣдовало.

Слѣдовательно, въ періодъ самаго чистаго либерализма, увлеченія реформами и общаго государственнаго переустройства, въ дни засѣданій знаменитаго тайнаго комитета (прозваннаго «le comité du salut public») носили титулъ генераль-адъютанта всего восемь лицъ. Всѣ они были почти однолѣтками императора, молодые генералы, изъ которыхъ старшему, Уварову, не было тридцати пяти лѣтъ, полные жизни, усердія и рвенія заслужить довѣріе ихъ симпатичнаго августѣйшаго сверстника, вступившаго на престолъ при общемъ ликованіи всей Россіи. Выборъ государя палъ именно на нихъ, а не на другихъ, потому, что при строгихъ военныхъ требованіяхъ Павла, сфера его знакомства была ограничена гвардейскими полками, особенно занимавшими суроваго послѣдователя прусской службы Фридриха Великаго. Но боевого опыта ни у одного не было и едва ли они тогда ожидали, что всѣмъ имъ придется пріобрѣсти таковой при миролюбивой политикѣ первыхъ лѣтъ XIX столѣтія. По странному стеченію обстоятельствъ, а можетъ быть по свойственнымъ противорѣчіямъ характера императора, всѣ они были скорѣе противниками реформъ, за исключеніемъ только Иларіона Васильевича Васильчикова, близкаго знакомаго и пріятеля графа Павла Строганова, графа Виктора Кочубея и Николая Новосильцова.

За первыя пять лѣтъ царствованія самыми интимными друзьями государя были: Ѳ. П. Уваровъ и князь Петръ Михайловичъ Волконскій. Уваровъ, одинъ изъ видныхъ заговорщиковъ, заигрывавшій съ любимой собачкой Павла во время послѣдней трапезы передъ трагической ночью 11 марта 1801 года, непонятно даже для современниковъ, сумѣвшій сохранить благоволеніе вдовствующей императрицы, а тѣмъ болѣе ея сына, былъ ежедневнымъ спутникомъ Александра въ его утреннихъ прогулкахъ пѣшкомъ или верхомъ по улицамъ столицы.

Мало образованный, но доброжелательный, любитель всякихъ остротъ, плохо говорившій по-французски, что было рѣдкостью въ ту пору, Уваровъ сохранилъ, однакоже, это довѣріе за все царствованіе Александра. Едва ли онъ вмѣшивался когда-либо въ политику и, вѣроятно, вслѣдствіе этого, на другой почвѣ могъ пріобрѣсти то отношеніе къ себѣ, столь мало понятное для насъ, а тѣмъ болѣе для современниковъ.

И современники дивились не на шутку: графъ Никита Петровичъ Панинъ прожилъ вѣкъ свой въ опалѣ между Дугинымъ, Марѣинымъ и Москвой, безъ права вѣзда въ Петербургъ въ те-

ченіе всего царствованія Александра и Николая I; графъ Паленъ удалился отъ всѣхъ дѣлъ и также жилъ безвыѣздно въ своемъ имѣніи въ Балтійскомъ краѣ. Графъ Бенигсенъ, несмотря на несомнѣнные боевыя дарованія, никогда не могъ добиться фельд-маршальскаго жезла и послѣ Отечественной войны и трудныхъ кампаній 1813—1814 годовъ долженъ былъ удовлетвориться Георгіемъ первой степени, а также честью состоять, будучи вдали, при особѣ его величества. Даже Леонтій Депрерадовичъ, бывшій командиръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, бывшій коллега Уварова въ кровавую годину и прямой начальникъ князя Петра Волконскаго, состоявшаго въ то время полковымъ адъютантомъ, долженъ былъ удалиться со службы и скромно доживать свой вѣкъ, забытый всѣми въ томъ же Петербургѣ. А Уваровъ, блестящій шефъ кавалергардовъ, любимецъ всѣхъ столичныхъ женщинъ, безмятежно наслаждался жизнью въ ежедневномъ общеніи съ государемъ, и позднѣе, въ наполеоновскую эпоху, ему и награды доставались легко. Св. Георгія 3-й степени онъ получилъ за Аустерлицкій погромъ, а 2-й степени въ 1810 году за Рущукъ и, наконецъ, Андрея Первозваннаго за годъ до кончины. Уваровъ скончался день въ день за годъ до своего благодѣтеля, а именно 19 ноября 1824 года. Немудрено, что ехидный и завистливый Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ зло острилъ на его похоронахъ: «Теперешній благодѣтель съ какимъ, молъ, почетомъ его провожаетъ, а еще вопросъ, какъ его встрѣтитъ бывшій покровитель».

Нельзя не остановиться и на судьбѣ свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго. Онъ, и онъ одинъ, кромѣ «безъ лести преданнаго» графа (Аракчеева), оставался безсмѣннымъ другомъ и спутникомъ Александра. Князь былъ дѣйствительно и въ полной мѣрѣ довѣреннымъ лицомъ монарха до самой кончины его въ Таганрогѣ. Но свойства характера этого человѣка были таковы, что пріятно дополняли сложныя черты души его державнаго друга. Привѣтливость, ровность, преданность, откровенность, но въ мѣру, подчасъ проявленія неудовольствія, но всегда своевременныя, — всѣ эти качества сдѣлали изъ князя Петра Михайловича образцоваго царедворца и незамѣнимаго министра двора, служебныя обязанности коего свѣтлѣйшій несъ до самой кончины, т. е. до 1852 года, получивъ нежданно на закатѣ дней и фельдмаршальскій жезлъ. Въ заслугу ему можно поставить тѣ чувства, которыя онъ питалъ къ Аракчееву, ненавидя и презирая его глубоко и ничуть не скрывая этого. А между тѣмъ эти два человѣка жили рядомъ, бокъ о бокъ, въ теченіе сколькихъ лѣтъ и вмѣстѣ пережили сколько событій! При этомъ Волконскій уже былъ пріятелемъ наслѣдника Александра Павловича въ 1801 году, будучи адъютантомъ наслѣдника и одновременно полковымъ адъютантомъ Семеновскаго полка, котораго Александръ былъ шефомъ. Между

тѣмъ въ ту минуту, наканунѣ 11 марта, Аракчеевъ, тоже пріятель, былъ задержанъ у петербургской заставы, что и дало ему поводъ выбить большими золотыми буквами на стѣнахъ грузинскаго собора слѣдующую надпись: «Сердце чисто и духъ правъ передъ Тобой». Эти слова окружаютъ большой профильный барельефъ императора Павла.

Переходя къ остальнымъ генералъ-адъютантамъ этого періода, остановлюсь на князѣ Петрѣ Долгорукомъ. О немъ въ свое время мнѣ уже приходилось говорить болѣе подробно. Князь Петръ Петровичъ, воспитанный въ Москвѣ, несмотря на юность лѣтъ, успѣлъ уже обратить на себя вниманіе императора Павла, который и взялъ его къ себѣ генералъ-адъютантомъ. Пылкій, необузданный въ своихъ выраженіяхъ и дѣйствіяхъ, онъ успѣлъ испытать на себѣ царскій гнѣвъ, не потерявъ въ то же время и милость раздражительнаго монарха. Онъ остался вдали отъ заговора, но, въ отличіе отъ товарищей по службѣ, любилъ вмѣшиваться въ политику и съ первыхъ дней царствованія Александра сталъ въ открытую оппозицію къ триумвирату либеральныхъ реформъ, особенно къ князю Адаму Чарторыйскому. Проявивъ особую ненависть къ восходящей звѣздѣ корсиканца, Александръ возложилъ на Долгорукаго дипломатическое порученіе въ Берлинъ, исполненное княземъ умѣло; но когда, въ 1805 году, возгорѣлась война съ Наполеономъ, этотъ юноша приобрѣлъ извѣстность своимъ разговоромъ на аванпостахъ почти наканунѣ Аустерлица съ императоромъ французовъ, удостоившись быть упомянутымъ въ особомъ приказѣ Наполеона, гдѣ получилъ нелестное прозвище «un des freluquets».

Князь Петръ Долгорукій неудачно вмѣшался въ интригу, направленную противъ осторожнаго Кутузова, результатомъ которой и былъ аустерлицкій погромъ. Годъ спустя, т. е. зимой 1807 года, юноша быстро угасъ отъ злой горячки и такимъ образомъ недолго блисталъ на придворномъ поприщѣ. Рядомъ съ нимъ мы видимъ двѣ болѣе блѣдныя фигуры: Христофора Андреевича Ливена и князя Павла Гавриловича Гагарина, скорѣе извѣстныхъ по ихъ супругамъ, игравшимъ видную роль въ свое время.

Графъ (позднѣ князь) Х. А. Ливенъ, въ молодости чопорный и аккуратный, оказался въ послѣдній годъ царствованія Павла почти военнымъ министромъ, имѣя 21 годъ отъ роду, и завѣдывалъ въ первые годы царствованія Александра, вплоть до 1807 г., военно-походной канцеляріей. Какъ сынъ Шарлотты Карловны, воспитательницы младшихъ дѣтей и подруги императрицы Маріи Ѳеодоровны, Христофоръ Андреевичъ пользовался большимъ довѣріемъ. Въ 1800 г. онъ обвѣнчался съ Дарьей Христофоровной Бенкендорфъ, которая и обезпечила ему дальнѣйшую карьеру. Назначенный сперва посломъ въ Берлинъ, гдѣ Ливенъ пробылъ короткое время, онъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ занималъ

постъ русскаго посла въ Лондонѣ, получивъ исключительное положеніе въ Англіи, благодаря дипломатическимъ способностямъ своей неугомонной супруги. Она, собственно говоря, не только вѣдала всѣ дѣла посольства, но и самостоятельно вела вообще политику, лично переписываясь то съ императрицей Александрой Теодоровной, то съ императоромъ Николаемъ I. Послѣдніе годы омрачились неладами между супругами, и когда графъ Ливенъ былъ уволенъ отъ должности посла, то его назначили на почетное мѣсто попечителя наслѣдника престола Александра Николаевича. Назначеніе это послѣдовало въ 1838 г., но годъ спустя, во время путешествія по Италіи, Ливенъ скончался послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни въ Римѣ, 69 лѣтъ отъ роду. Участъ его товарища, князя Гагарина, была менѣе интересна. Женившись при Павлѣ на красавицѣ А. П. Лопухиной, князь Гагаринъ, благодаря этому браку, попалъ въ свиту государя, получивъ высокое званіе генераль-адъютанта. Но время почестей и славы пролетѣло быстро. Павла не стало. Гагарина хотя не оставили милости новаго государя, но положеніе сразу измѣнилось. Въ 1805 г. князь Павелъ Гавриловичъ потерялъ свою супругу, скончавшуюся въ Вѣнѣ. Съ тѣхъ поръ начали проявляться различныя странности въ его характерѣ. Въ 1809 г. Александръ посылалъ князя съ порученіемъ къ Наполеону, но въ послѣдующее время Гагаринъ удалился отъ суеты мірской жизни, не принималъ участія въ Отечественной войнѣ и въ 1814 г. былъ уволенъ въ отставку. Онъ дожилъ до глубокой старости, живя въ своемъ роскошномъ домѣ на набережной (у Мраморнаго переулка)¹⁾, посвящая досуги составленію чудной библіотеки, отъ которой не осталось и слѣда въ наши дни. Внутри двора его дома былъ роскошный зимній садъ, гдѣ находились сотни всякихъ птицъ, которыя весной выпускались на волю. Заботами князя пользовались также и всякія четвероногія, отъ собакъ до мышей включительно. Уже въ преклонныхъ годахъ онъ женился на балеринѣ, но продолжалъ чуждаться всякаго общества. Мой батюшка помнитъ этого чудака-старца, гулявшаго пѣшкомъ по набережной и Милліонной и обходившаго всегда Зимній дворецъ безъ шапки, съ обнаженной головой. Къ чести князя Павла Гавриловича надо сказать, что онъ оставилъ по себѣ незапятнанное имя, несмотря на оригинальное начало своей карьеры.

Графъ Евграфъ Комаровскій тоже въ ту пору пользовался расположеніемъ Александра, которое ослабѣло съ годами. Видной роли онъ никогда не игралъ, но оставилъ весьма интересныя записки, напечатанныя полностью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1897 годъ.

¹⁾ Нынѣ дома Жеребцовой и Громова.

Фердинандъ Винцингероде, нѣмецъ изъ Гессена, поступилъ на русскую службу изъ австрійскихъ войскъ въ царствованіе Павла. Будучи представленъ наслѣднику, онъ сразу понравился Александру за свою прямоту и любовь къ военному искусству. Послѣ Тильзита, Винцингероде вышелъ въ отставку и снова поступилъ въ ряды австрійской арміи, чтобы сражаться съ ненавистнымъ ему Наполеономъ. При Аспернѣ онъ былъ тяжело раненъ. Когда возгорѣлась Отечественная война, онъ снова вернулся въ ряды русскихъ войскъ и вторично получилъ званіе генералъ-адъютанта. Это былъ первый иностранецъ, вошедшій въ милость Александра съ начала царствованія и сохранившій такую до конца наполеоновской эпохи. Но Винцингероде, по правдѣ говоря, не отличался никакими высокими качествами, могущими оправдать такое высокое довѣріе.

Въ плеядѣ первыхъ избранниковъ находился и князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, этотъ рыцарь чести и прямоты, прекрасно воспитанный, но въ царствованіе Александра посвятившій себя исключительно военной службѣ и стяжавшій весьма доброе имя въ рядахъ русской арміи. Впослѣдствіи онъ оставался довѣреннымъ лицомъ при Николаѣ Павловичѣ и 10 лѣтъ занималъ должность предсѣдателя государственнаго совѣта (1834—1844), на каковой проявилъ не только дарованія государственнаго ума и природнаго такта, но и никогда не стѣснялся говорить правду своему государю.

Вотъ тѣ восемь генералъ-адъютантовъ, которые окружали Александра въ первые шесть лѣтъ его правленія. Просматривая страницы камеръ-фурьерскаго журнала, мы видимъ, что эти люди ежедневно имѣли общеніе съ государемъ, часто обѣдали за высочайшимъ столомъ и не покидали, кромѣ частыхъ командировокъ, своего монарха. Общеніе было полное. Всякій могъ, дѣйствительно, позавидовать ихъ положенію, а отношенія были самыя простыя и откровенныя. Стоитъ только ознакомиться съ ихъ пріемами или докладами по возвращеніи изъ командировокъ, чтобы убѣдиться, сколь много они могли творить добра и зла, по самому свойству своихъ качествъ и недостатковъ. Но за этотъ періодъ царствованія никто изъ нихъ не злоупотребилъ высокимъ довѣріемъ, кромѣ, можетъ быть, пылкаго князя Петра Долгорукаго.

Я остановился болѣе подробно на этомъ періодѣ, такъ какъ въ ту пору и Александръ проявилъ въ полной мѣрѣ свои наилучшія дарованія, желая обновить все то, что пришло въ негодность въ краткое, но чреватое послѣдствіями царствованіе Павла. Чуткій умъ Александра былъ тогда всецѣло поглощенъ дѣлами внутренними, и все вниманіе юнаго, но неопытнаго самодержца было направлено на осуществленіе предполагаемыхъ реформъ. За эти годы Александру приходилось работать и съ престарѣлымъ графомъ

Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ, и съ П. Завадовскимъ, и съ Лагарпомъ, и съ Трощинскимъ, не говоря про юныхъ новаторовъ, столько же неопытныхъ, какъ и увлекающихся, какъ графъ В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцовъ, графъ П. А. Строгановъ и князь Адамъ Чарторыйскій. Аракчеевъ только изрѣдка появлялся въ тѣ дни на горизонтѣ и быстро исчезалъ въ Грузино, выжидая болѣе счастливыхъ обстоятельствъ, которыя и не замедлили вскорѣ обнаружиться. Между тѣмъ Александру приходилось бесѣдовать и съ другими лицами въ минуты отдыха, т. е. обыкновенно за прогулками или за столомъ. И онъ сумѣлъ подобрать себѣ именно такихъ сверстниковъ, которые, не вмѣшиваясь въ дѣла политики, могли развлекать его другими разговорами, другими злободневными интересами. Эту черту характера Александра мы и желали отмѣтить, какъ заслуживающую вниманія историка. Упомянувъ выше о камеръ-фурьерскомъ журналѣ, нужно сказать, что мы не разъ черпали изъ него весьма цѣнные данныя, потому что тамъ наглядно можно прослѣдить тотъ ежедневный персоналъ, въ средѣ котораго вращался Александръ.

За слѣдующія пять лѣтъ, т. е. въ періодъ 1807—1811 г., было назначено тринадцать генераль-адъютантовъ. Двое изъ нихъ, князь Михаилъ Петровичъ Долгорукій (1807) и князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой (1807), уже состояли ранѣе флигель-адъютантами. Графъ Адамъ Петровичъ Ожаровскій былъ полковникомъ Конной гвардіи. Князь Василій Юрьевичъ Долгорукій, сынъ извѣстнаго вельможи князя Юрія Владиміровича, скончался три года спустя послѣ своего назначенія.

Большаго вниманія заслуживаютъ Александръ Дмитриевичъ Балашовъ и Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, получившіе званіе генераль-адъютанта, будучи на должности с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, одинъ въ 1809 году, другой въ 1810 году.

Кромѣ нихъ, были назначены генераль-адъютантами командиры разныхъ полковъ: графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ (1808), Меллеръ-Закомельскій (1810), баронъ Корфъ (1810), французы Сень-При (1810) и де-Ламбертъ (1811) и донской казакъ графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ (1811).

Наконецъ, въ день освященія Казанскаго собора, 15 сентября 1811 г., былъ пожалованъ пріятель Александра, графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, генераль-адъютантомъ, чтобы доставить удовольствіе престарѣлому его родителю, графу Александру Сергѣевичу, строителю этого собора. Просматривая списокъ личностей, отличенныхъ за эти годы, оказывается, что мало кто изъ нихъ имѣлъ за собой выдающіяся заслуги.

На войнѣ дѣйствительно отличились только князь Михаилъ Петровичъ Долгорукій, павшій въ Финляндіи на полѣ брани,

Орловъ-Денисовъ и графъ Строгановъ, вступившій изъ тайныхъ совѣтниковъ волонтеромъ въ ряды войскъ во время кампаніи 1807 года. Князь Трубецкой, графъ Ожаровскій и графъ Шуваловъ пользовались личнымъ расположеніемъ монарха и имъ давались часто довольно серьезныя порученія довѣрительнаго свойства. Графъ П. А. Шуваловъ, между прочимъ, сопровождалъ Наполеона въ 1814 году на островъ Эльбу.

Нельзя не отмѣтить того вниманія, котораго удостоились оба с.-петербургскіе оберъ-полицеймейстера, Балашовъ и Голенищевъ-Кутузовъ, такъ какъ здѣсь уже обнаружилось новое теченіе мыслей государя, очевидно, не безъ вліянія Аракчева. Какъ извѣстно, А. Д. Балашовъ принималъ дѣятельное участіе въ паденіи Сперанскаго вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ, Аракчевымъ и великой княгиней Екатериной Павловной.

Кромѣ того, два послѣдовательныя назначенія французскихъ эмигрантовъ, Сень-При (Saint Priest) и де-Ламберта, указываютъ на то, что Александръ въ концѣ 1810 г. уже начиналъ питать другія чувства къ своему союзнику Наполеону. Это особенно ярко отъбилось къ началу 1812 г., гдѣ, одинъ за другимъ, были обласканы вензелями и аксельбантами вернувшіеся на русскую службу вторично Винцингероде и сардинецъ маркизъ Паулуччи.

Хитроумный маркизъ, ни слова не знавшій по-русски, снѣжно возвращался съ Кавказа, гдѣ пробылъ всего одинъ годъ. Но, какъ видно, его служба была особенно оцѣнена государемъ. Это явствуетъ изъ высочайшаго приказа 7 іюня 1812 г.: «Его величество объявляетъ свое благоволеніе генераль-лейтенанту маркизу Паулуччи за успѣхи, пріобрѣтенныя имъ во время командованія войсками въ Грузіи и за благоразумныя его въ тамошнемъ краѣ распоряженія, и въ знакъ признательности своей къ заслугамъ всемилоостивѣйше назначаетъ къ себѣ въ генераль-адъютанты».

Къ тому же времени Александръ Павловичъ учредилъ новое званіе, а именно «генераловъ, состоящихъ при особѣ его величества». Наружнымъ отличіемъ служили вензеля на эполетахъ, но аксельбантовъ не полагалось, и эти лица не несли дежурства при государѣ. Первымъ былъ назначенъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ 28 ноября 1811 г., а въ 1812 г. получили это отличіе послѣдовательно: 10 марта извѣстный шведъ графъ Армфельдъ, 27 апрѣля— графъ Бенигсенъ и 29 мая графъ Ростопчинъ. Такимъ образомъ приблизилась сразу къ государю новая группа людей.

Разнокалиберные чужеземцы, питавшіе затаенную злобу противъ могущества Бонапарта, стремились въ Россію, гдѣ готовилась гигантская борьба противъ полчищъ корсиканца. Всѣ эти иностранцы чували, что въ рукахъ Александра теперь сосредоточивалась та мощь, мощь русскаго народа, которая должна была сокрушить непобѣдимаго Наполеона и положить предѣлъ его завоевательнымъ помысламъ.

Александръ легко поддавался различнымъ вліяніямъ, и въ ту пору всѣ эти кондотьери сыграли видную, но бездарную роль, сказавшуюся въ пресловутомъ лагерѣ при Дриссѣ, гдѣ они наглядно показали и свою близорукость, и полную ограниченность. Ни Армфельдъ, ни Штейнъ, ни Пфуль, ни Паулуччи, ни Винцингероде, ни имъ подобные не сумѣли дать практическихъ совѣтовъ, и дѣло борьбы пошло на ладъ только послѣ назначенія Кутузова главнокомандующимъ арміей, а Ростопчина генераль-губернаторомъ Москвы. Явился цѣлый рядъ новыхъ героевъ, имена которыхъ прогремѣли на весь свѣтъ и донынѣ составляютъ гордость нашей родины: таковы имена Кутузова, Багратиона, Барклая, Ермолова, Милорадовича, Дохтурова, Раевского, Тормасова, Платова, Коновницына, Дениса Давыдова, Сеславина, Фигнера и т. д. Интересно прослѣдить отношеніе Александра къ этимъ личностямъ и къ оцѣнкѣ ихъ заслугъ. И здѣсь мы натываемся на нѣкоторыя странности, легко объяснимыя характеромъ монарха. За 1812 г., кромѣ Винцингероде и Паулуччи, удостоились генераль-адъютантства А. И. Чернышевъ и П. П. Коновницынъ.

Первый оказалъ несомнѣнныя заслуги, будучи неоднократно посылаемъ въ Парижъ и доставляя оттуда весьма цѣнныя свѣдѣнія. Дѣятельность Чернышева до конца Отечественной войны была лучшей страницей изъ всей послѣдующей блестящей его карьеры. Что касается Коновницына, то его считали однимъ изъ лучшихъ сотрудниковъ престарѣлаго Кутузова, а его качества, какъ чловека, должны были быть извѣстны императору, и онъ его приблизилъ къ себѣ.

За 1813 и 1814 гг. были назначены восемь генераль-адъютантовъ, изъ коихъ три иностранца, завѣдомые противники Наполеона: Жомини, Поццо-ди-Борго и Мишо, бывший уже ранѣе флигель-адъютантомъ, въ началѣ кампаніи 1812 года; Жомини, хотя швейцарецъ по рожденію, былъ на французской службѣ уже давно и перешелъ въ ряды русскихъ войскъ наканунѣ боевъ подъ Дрезденомъ, состоя начальникомъ штаба корпуса маршала Нея. Другими словами, онъ былъ измѣнникомъ, что и омрачило его славу стратега во всѣ послѣдующіе года, когда онъ всецѣло отдался службѣ Россіи и основанію академіи генеральнаго штаба.

Поццо-ди-Борго, корсиканецъ, заклятый врагъ семьи Бонапартовъ еще до ихъ возвышенія, въ теченіе многихъ лѣтъ упорно интриговалъ въ Вѣнѣ противъ могущества Наполеона, былъ типомъ врожденнаго кондотьери и давно былъ извѣстенъ, какъ таковой, императору Александру.

Благословенный монархъ не разъ крайне нелестно отзывался о Поццо, что не помѣшало ему дать русскій мундиръ и вензеля его величества и назначить, при возвращеніи Бурбоновъ, того же Поццо-ди-Борго русскимъ посломъ въ Парижъ, гдѣ онъ и оста-

вался почти до конца своей жизни. Мишо особой роли не игралъ и впослѣдствіи вернулся на родину, въ Сардинію, гдѣ и окончилъ дни свои.

Итакъ, Александръ счелъ нужнымъ особо наградить этихъ враговъ Наполеона тотчасъ же послѣ того, какъ счастье улыбнулось ему въ борьбѣ съ бывшимъ союзникомъ. Изъ остальныхъ семи избранниковъ заслужили почетное имя въ арміи князь Николай Григорьевичъ Репнинъ (Волконскій), Арсеній Андреевичъ Закревскій и графъ Остерманъ-Толстой. Репнинъ, служа въ кавалергардахъ, былъ тяжело раненъ при Аустерлицѣ и взятъ въ плѣнъ. Закревскій былъ долго адъютантомъ молодого графа Н. М. Каменскаго, внезапно умершаго на югѣ въ 1811 году и столь много обѣщавшаго, какъ талантливый полководецъ; Остерманъ-Толстой потерялъ руку при Кульмѣ, гдѣ оказалъ несомнѣнныя заслуги. Двое остальныхъ, Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ и Николай Мартыновичъ Сипягинъ, были отличены—одинъ, какъ командиръ любимаго Семеновскаго полка, другой, какъ бывший полковой адъютантъ того же полка въ кампанію 1807 года. Особыхъ талантовъ ни тотъ, ни другой не показали.

Этими лицами и ограничивается число генералъ-адъютантовъ во время великой борьбы съ Наполеономъ. Кутузовъ и Багратіонъ, сошедшіе въ могилу, оба питомцы безсмертнаго Суворова, никогда особенно не привлекали вниманія государя и приближенными его не были. Барклай и Витгенштейнъ сдѣлались фельдмаршалами. Такіе люди, какъ Ермоловъ, Раевскій, Денисъ Давыдовъ, были слишкомъ самостоятельны, говорили слишкомъ привольно обо всемъ, ничѣмъ не стѣсняясь, и имъ, понятно, не было мѣста въ придворной обстановкѣ. Даже такой благородный вельможа, какъ князь Димитрій Владимировичъ Голицынъ, извѣстный московскій генералъ-губернаторъ, никогда не былъ въ свитѣ государя. Милорадовичъ, еще суворовскій любимецъ, удостоился состоять при особѣ его величества лишь съ 1814 году, почти одновременно съ французомъ Ланжерономъ, благодѣтелемъ Одессы. Словомъ, Александръ Павловичъ хорошо зналъ, когда и кого именно онъ приближалъ къ себѣ, и выборы его рѣдко носили случайный характеръ. За 1815 годъ онъ сдѣлалъ генералъ-адъютантомъ только графа Михаила Семеновича Воронцова ¹⁾, со славой прокомандовавшаго въ достопамятныхъ кампаніяхъ 12-й дивизіей, этого образованнаго и симпатичнаго дѣятеля, сумѣвшаго показать свои боевыя способности на поляхъ брани и заслужившаго вообще уваженіе современниковъ.

Съ 1816 по 1824 года было пожаловано пятнадцать генералъ-адъютантовъ.

¹⁾ Сдѣланъ свѣтлѣйшимъ княземъ въ 1845 году.

Многіе изъ нихъ состояли до этого флигель-адъютантами государя и, дослужившись до генеральскихъ чиновъ, продолжали состоять въ государственной свитѣ, какъ: Николай Михайловичъ Бороздинъ, графъ Станиславъ Потоцкій, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ и графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ ¹⁾. Другіе обратили вниманіе государя, будучи начальниками дивизій или командирами полковъ, какъ: князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, Василий Васильевичъ Левашовъ, баронъ Григорій Владимировичъ Розенъ, Николай Ивановичъ Депреядовичъ и, наконецъ, Паскевичъ, впоследствии князь Варшавскій. Удостоились вниманія императора и начальники штабовъ: главнаго штаба Дибичъ, гвардейскаго корпуса Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ и генераль-квартирмейстеръ главнаго штаба Толь. Въ 1816 году сдѣланъ генераль-адъютантомъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, первый изъ великихъ князей, получившій такого рода почетное званіе.

Внимательно просматривая фамиліи этихъ лицъ, надо отдать должное Александру Павловичу: онъ умѣлъ подобрать способныхъ людей, которые и сыграли видную роль въ послѣдующее царствованіе Николая I. Васильчиковъ, Левашовъ, Чернышевъ, князь Алексѣй Орловъ были предсѣдателями государственнаго совѣта; князь Щербатовъ и Закревскій занимали почетный постъ московскаго генераль-губернатора; баронъ Розенъ былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, равно какъ и блестящій князь Паскевичъ и мудрый графъ М. С. Воронцовъ. Дибичъ и Толь играли видную роль въ кампаніи 1828 — 1829 гг., а также во время польскаго возстанія въ 1831 году. Графъ А. Х. Бенкендорфъ состоялъ командующимъ главной квартирой и первымъ шефомъ жандармовъ. А. И. Чернышевъ занималъ почти во все царствованіе Николая должность военнаго министра, а князь П. М. Волконскій — министра двора. Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ несъ тяжелое бремя главнокомандующаго въ злополучную севастопольскую кампанію.

Особенно стяжали себѣ доброе имя два такіе человѣка, какъ Киселевъ и Воронцовъ, эти свѣтлыя личности николаевской эпохи. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, глубоко образованный, воспитанный и чуткій ко всѣмъ вопросамъ, касающимся своей родины, обратилъ уже на себя вниманіе Александра, служа въ кавалергардахъ, и былъ назначенъ, будучи ротмистромъ этого полка, фли-

---

¹⁾ Ранѣе были флигель-адъютантами: князь М. П. Долгорукій, Н. М. Бороздинъ, князь В. С. Трубецкой, А. И. Чернышевъ, графъ С. О. Потоцкій, Н. М. Сипягинъ, князь А. С. Меншиковъ, А. Ф. Мишо, А. А. Закревскій, П. Д. Киселевъ и А. Ф. Орловъ.

гель-адъютантомъ къ его величеству 2 апрѣля 1814 года ¹⁾. Это фактъ тѣмъ болѣе знаменательный, что въ эти дни Александръ давно забылъ либеральныя мечты первыхъ лѣтъ царствованія. Затѣмъ имя Киселева стало особенно извѣстнымъ въ военномъ мѣрѣ, въ бытность его начальникомъ штаба 2-ой арміи, когда ему пришлось близко столкнуться съ многими изъ будущихъ декабристовъ. Приблизительно въ ту же пору Киселевъ сталъ изучать крестьянскій вопросъ, по которому имъ и была составлена записка, поданная государю въ 1816 году. Николай Павловичъ, какъ справедливо замѣчаетъ въ своей статьѣ Богословскій («Исторія Россіи въ XIX в.») «не ошибся въ выборѣ себѣ сотрудника по крестьянскому дѣлу». И, конечно, государственный умъ Киселева вѣрно чужалъ необходимость освобожденія крестьянъ, до котораго онъ и дожилъ, не принимая никакого участія въ реформѣ только по дряхлости и болѣзнямъ ²⁾.

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, достойный сынъ и племянникъ Семена и Александра Романовичей Воронцовыхъ, тоже получилъ прекрасное и всестороннее образованіе. Ему не только удалось проявить свои боевыя дарованія въ наполеоновскихъ войнахъ, но и показать таланты тонкаго и опытнаго администратора въ Крыму и въ бытность намѣстникомъ на Кавказѣ. Особенно на этой далекой окраинѣ Воронцову первому удалось положить основы русской гражданственности въ этомъ краѣ, и имя его никогда не забудется тѣми, кому дороги интересы инородческаго населенія подъ мощной державой гостепримной Россіи.

Такимъ образомъ императору Александру I принадлежитъ безспорная заслуга умѣть приближать къ себѣ способныхъ личностей, и если имена Киселева и Воронцова особенно цѣнны въ наши дни, то не слѣдуетъ черезчуръ строго относиться къ другимъ, менѣе даровитымъ лицамъ, которыя тоже имѣли стремленіе служить вѣрой и правдой своей родинѣ, по мѣрѣ ихъ силъ и способностей. Если такіе люди, какъ князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, оставили, внѣ всякаго сомнѣнія, свѣтлое мѣсто на страницахъ русской исторіи, то не слѣдуетъ быть слишкомъ строгимъ къ другимъ, а именно: къ князю А. И. Чернышеву, князю П. М. Волконскому, графу А. Х. Бенкендорфу и даже къ князю Паскевичу, которые могли заблуждаться, дѣлать весьма печальные промахи, но которые были вѣрными слугами своихъ государей ³⁾.

¹⁾ А не «въ послѣдніе дни либеральнаго настроенія» Александра, какъ говорится въ статьѣ Богословскаго, стр. 246 «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ» (в. 4).

²⁾ Киселевъ скончался въ Парижѣ въ концѣ 1872 года.

³⁾ Покойный директоръ Императорскаго Эрмитажа князь Сергій Пикитичъ Трубецкой сказывалъ мнѣ не разъ, что, будучи нажемъ, ему частенько приходи-

Въ наше смутное и неуравновѣшенное время принято какъ-то злобно относиться къ николаевской эпохѣ, но настанутъ другія времена, и, я убѣжденъ, будетъ сдѣлана болѣе безпристрастная оцѣнка этому періоду русской жизни, когда на Руси жили Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь... То были дни расцвѣта нашей литературы и едва ли одни гоненія власти, при желѣзной волѣ Николая I, способствовали пробужденію этого расцвѣта! Не вѣрю я этимъ сужденіямъ. А просто въ тѣ времена больше было патриотизма и больше гордились величіемъ и славой своего отечества.

Да проститъ мнѣ читатель это увлеченіе въ сторону отъ предмета избранной мною темы!

Кончая эту статью, цѣль которой была немного выяснитъ еще мало затронутыя отношенія Александра къ окружавшимъ его лицамъ, намъ не пришлось упомянуть о флигель-адъютантахъ Александра Павловича. Они стояли гораздо дальше отъ особы государя, чѣмъ ихъ старшіе коллеги. Правда, были и нѣкоторые исключенія. Такъ А. И. Чернышеву, С. Н. Марину и Горголи давались частыя и довѣрительныя порученія, особенно первому изъ нихъ. Пользовались также расположеніемъ государя и два будущіе декабриста, флигель-адъютанты князь С. Г. Волконскій и М. Ф. Орловъ.

Но флигель-адъютантовъ было много, за все царствованіе 113, и, находясь въ оберъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ, видной роли они играть не могли и не играли.

дось бывать въ Зимнемъ дворцѣ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Ожидая въ ротондѣ прихода ихъ величествъ передъ церковными богослуженіями въ малой церкви, князь Трубецкой съ интересомъ наблюдалъ за сборомъ придворныхъ и именитыхъ вельможъ. По очереди появлялись въ ротондѣ: военный министръ, всемогущій князь А. И. Чернышевъ съ громаднымъ парикомъ и надменнымъ взоромъ, маленькій кудрявый князь Паскевичъ; всегда вѣжливый и обходительный, лысый старичокъ графъ А. Х. Бенкендорфъ; уже сгорбленный, престарѣлый министръ двора князь П. М. Волконскій въ мундирѣ дворцовыхъ гренадеръ, красивый и величественный князь А. Ф. Орловъ, мастытый предсѣдатель государственнаго совѣта князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, фатоватый, корректно причесанный графъ В. В. Левашевъ и невзрачный графъ Клейнмихель съ ехидной улыбкой на устахъ. Всѣ эти временщики бесѣдовали вполголоса о злобахъ дня, многозначительно перемигивались; рукопожатія тоже имѣли свою цѣну. Такъ, Чернышевъ, герой Касселя, когда-то сопровождавшій Наполеона на поляхъ Ваграма и часто бесѣдовавшій съ нимъ въ Парижѣ въ дни его могущества, подавалъ нехотя два пальца маленькому побѣдителю Эривани и Варшавы и почти не замѣчалъ Левашова или Клейнмихеля, подобострастно подходившихъ къ нему. Но тотъ же Чернышевъ признавалъ, однако, князя Васильчикова, сухо, но вѣжливо обходился съ Бенкендорфомъ и Орловымъ, а когда входилъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, то ему полагался особый почтительный поклонъ. Пажъ князь Трубецкой чувствовалъ себя жутко въ этой атмосферѣ, но его юному воображенію грезились времена Отечественной войны; вся блестящая эпопея борьбы Александра съ Наполеономъ проходила передъ его воображеніемъ при видѣ этихъ старцевъ, дослужившихся до высшихъ чиновъ и орденовъ—всѣ они такъ близко теперь вращались передъ нимъ... Впечатлѣніе осталось на всю жизнь.

По польской арміи, съ 1815 года, Александръ составилъ себѣ особую польскую свиту, которая играла довольно выдающуюся роль при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ въ Варшавѣ. Генераль-адъютантами были трое: князь Антонъ Сулковскій, князь Константинъ Чарторыйскій и графъ Викентій Красинскій. Флигель-адъютантовъ было семеро.

Многіе изъ генераль-адъютантовъ Александра оставили интересные записки. Нѣкоторыя были уже напечатаны, а именно: графа Евграфа Комаровскаго, очень характерныя для той эпохи; другія еще не изданы, о чемъ можно только пожалѣть,—это дневники князя Александра Сергѣевича Меншикова ¹⁾, которыми пользовался покойный Шильдеръ, и мемуары А. Х. Бенкендорфа, находящіеся въ собственной его величества библиотекѣ. Часть записокъ Ланжерона, весьма обширныхъ, уже появилась во французской печати. Онѣ хранятся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ au quai d'Orsay въ Парижѣ. Копіи ихъ, любезно предоставленныя французскимъ правительствомъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ, обрѣтаются въ сундукахъ императорскаго историческаго общества, и у насъ записки эти еще не изданы. Воспоминанія графа Беннигсена были частью напечатаны въ Германіи, частью у насъ, подъ редакціей покойнаго Майкова. Какъ сказано было выше, графъ Ланжеронъ и графъ Беннигсенъ состояли при особѣ его величества, не будучи генераль-адъютантами.

Обильная переписка съ современниками сохранилась въ бумагахъ цесаревича Константина Павловича, барона Дибича, графа Закревскаго, барона Толя, князя Чернышева, графа П. А. Строганова, графа Бенкендорфа и князя Паскевича.

Въ скоромъ времени императорское историческое общество, кажется, положило опубликовать переписку цесаревича Константина съ Николаемъ Павловичемъ. Этотъ матеріалъ особенно цѣненъ и обнимаетъ время отъ 1826 до 1831 года, т. е. до кончины цесаревича. Выразимъ надежду, что эта переписка будетъ издана безъ пропусковъ, всегда обидныхъ для историческаго изслѣдованія. Переписка бароновъ Дибича и Толя сохраняется въ разныхъ нашихъ военныхъ архивахъ, равно какъ и бумаги графа Закревскаго, случайно спасенныя отъ гибели въ недавнее прошлое.

Архивъ князя А. И. Чернышева перешелъ въ собственность князя Александра Владиміровича Бяратинскаго. Н. К. Шильдеръ было взялся привести его въ порядокъ, но смерть помѣшала ему докончить это дѣло ²⁾.

¹⁾ Собственность князя Гагарина.

²⁾ Многія изъ бумагъ Чернышева изданы въ 121 и 122 томахъ Сборника Императорскаго Историческаго общества.

На долю почтеннаго Бартенева выпала честь превосходно издать воронцовскій архивъ, находящійся по сіе время въ Алупкѣ. Князь Щербатовъ издалъ подробное жизнеописаніе князя Паскевича, пользуясь гомельскимъ архивомъ. Мнѣ удалось ознакомить публику съ небольшою частью строгановскаго архива, благодаря любезности нынѣшняго владѣльца. Часть переписки Поццо-ди-Борго издалъ недавно А. А. Половцевъ. Біографію Киселева составилъ уже давно Заблоцкій-Десятовскій, но эта книга очень устарѣла и грѣшитъ большими пробѣлами.

Вотъ краткій обзоръ того матеріала, который оставили эти сподвижники императора Александра I.

Великій князь Николай Михайловичъ.

19 ноября 1907 г.

Подробный списокъ генераль-адъютантовъ императора Александра I по днямъ ихъ назначенія.

1801 г.

- 1) 19 марта—Федоръ Петровичъ Уваровъ (1769—1824).
- 2) 17 июля—Евграфъ Федотовичъ Комаровскій (1764—1841).
- 3) 23 июля—Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ (1777—1847).
- 4) 15 сентября—князь Петръ Михайловичъ Волконскій (1776—1852).

1802 г.

- 5) 12 апрѣля—баронъ Фердинандъ Фердинандовичъ Винцингероде (1770—1818).

1807 г.

- 6) 15 февраля—князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой (1776—1841).
- 7) 9 апрѣля—князь Михаилъ Петровичъ Долгорукій (1780—1808).
- 8) 22 июля—князь Василій Юрьевичъ Долгорукій (1776—1810).
- 9) 22 июля—графъ Адамъ Петровичъ Ожаровскій (1774—1855).

1808 г.

- 10) 7 июля—графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ (1776—1823).

1809 г.

- 11) 2 февраля—Александръ Дмитріевичъ Балашовъ (1770—1837).

«истор. вѣстн.», февраль, 1908 г., т. сxi.

2

1810 г.

- 12) 1 іюля—баронъ Егоръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій (1767 + послѣ 1834).
 13) 30 августа—Павель Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ (1772—1843).
 14) 14 сентября—баронъ Ѳедоръ Карловичъ Корфъ (1774—1823).
 15) 14 сентября—графъ Эммануилъ Францевичъ Сень-При (1776—1814).

1811 г.

- 16) 29 января—графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ (1775—1843).
 17) 30 августа—графъ Карль Осиповичъ де-Ламбертъ (1773—1843).
 18) 15 сентября—графъ Павель Александровичъ Строгановъ (1774—1817).

1812 г.

- вторично: 11 мая—баронъ Фердинандъ Фердинандовичъ Винцингероде.
 19) 7 іюня—маркизь Филиппъ Осиповичъ Паулуччи (1779—1849).
 20) 22 ноября—Александръ Ивановичъ Чернышевъ (1785—1857).
 21) 20 декабря—Петръ Петровичъ Коновницынъ (1764—1822).

1813 г.

- 22) 8 марта—князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій (1778—1843).
 23) 8 октября—графъ Александръ Францевичъ Мишо (1771—1841).
 24) 8 октября—Арсеній Андреевичъ Закревскій (1782—1865).
 25) 15 декабря—баронъ Генрихъ Веніаминовичъ Жомини (1779—1869).

1814 г.

- 26) 5 марта—графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой (1770—1857).
 27) 2 апрѣля—Иковъ Алексѣевичъ Потемкинъ (1778—1831).
 28) 2 апрѣля—Карль Осиповичъ Поццо-ди-Борго (1764—1842).
 29) 2 апрѣля—Николай Мартьяновичъ Сипягинъ (1785—1828).

1815 г.

- 30) 30 августа—графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ (1782—1856).

1816 г.

- 31) 30 августа—князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ (1770—1848).
 32) 30 августа—Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій (1784—1847).
 33) 8 октября—цесаревичъ Константинъ Павловичъ (1779—1831).

1817 г.

- 34) 18 февраля—Василій Васильевичъ Левашовъ (1783—1848).
 35) 1 іюля—графъ Станиславъ Осиповичъ Потоцкій (1830).
 36) 6 октября—князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ (1787—1869).

1818 г.

- 37) 20 февраля—баронъ Григорій Владимировичъ Розень (1782—1841).
38) 8 июня—баронъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ (1785—1831).

1819 г.

- 39) 22 июля—Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (1783—1844).
40) 22 июля—Николай Ивановичъ Депрерадовичъ (1767—1843).

1820 г.

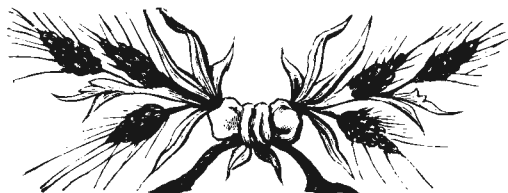
- 41) 4 июня—Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ (1787—1862).
42) 28 июля—Николай Михайловичъ Бороздинъ (1777—1830).

1823 г.

- 43) 22 апрѣля—баронъ Карлъ Ѳеодоровичъ Толь (1777—1842).
44) 6 октября—Павель Дмитриевичъ Киселевъ (1788—1872).

1824 г.

- 45) 12 декабря—Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ (1782—1857).

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ ¹⁾.

Историческій романъ.

Х.

Галерея изъ четырехъ тысячъ шкаликовъ.

ВАВЕЛЪ Корнильевичъ рѣшилъ немедленно по пріѣздѣ въ лагерь написать графу Мелину о безчеловѣчномъ разлученіи двухъ любящихъ. Пока же должно было продолжать путь. Онъ поѣхалъ впередъ, сопровождаемый ворчаньемъ недовольнаго Митрофана. Служитель находилъ, что если такъ на большихъ дорогахъ не въ свое дѣло мѣшаться, то не скоро къ мѣсту прибудешь. Въ самомъ дѣлѣ, выѣхали около пяти часовъ, съ тою цѣлю, чтобы не утомлять дневнымъ жаромъ добраго Макромегаса и большую часть пути совершить въ вечернее время и въ свѣтлыхъ сумеркахъ короткой лѣтней ночи. Поэтому, когда всадники достигли перваго почтоваго дома, солнце уже опускалось за дальніе, поросшіе лѣсами холмы. Около почтоваго дома Павелъ

Корнильевичъ замѣтилъ осѣдланыхъ лошадей и нѣсколько спѣшившихся солдатъ своего полка.

Изъ открытыхъ оконъ валилъ табачный дымъ; въ нихъ тускло мерцали зажженные свѣчи; слышались громкіе голоса, смѣхъ, звонъ стакановъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІ, стр. 7.

Поздоровавшись съ людьми, Павелъ Корнильевичъ узналъ отъ нихъ, что въ почтовомъ домѣ собрались господа офицеры драгунскаго полка и весело проводятъ время. Въ этомъ и нельзя было сомнѣваться, судя по звукамъ, доносившимся изъ зданія. Соскочивъ съ коня, онъ предоставилъ его въ распоряженіе Митрофана. Желтое и длинное лицо избалованнаго стараго слуги, привыкшаго опекать господина, который былъ вдвое моложе его годами, выразило обычное при всякомъ нарушении принятаго плана дѣйствій недовольство. Павелъ Корнильевичъ вошелъ въ почтовый домъ. Въ достаточно тѣсной горницѣ нѣсколько незнакомыхъ ему офицеровъ сидѣли, стояли, ходили и лежали. Одни пили у стола, заставленнаго бутылками, и закусывали ветчиной отъ огромнаго окорока, который рѣзали кинжаломъ. Другіе тѣснились къ столу, гдѣ, видимо, шла сильнѣйшая игра. Безполезные пока, при разговоравшемся, яркомъ закатѣ, наполнявшемъ покой алымъ сіяніемъ, но служившія для раскуриванія трубокъ сальныя свѣчи нагорѣли и, тускло пылая, оплывали. Громкіе тосты перемѣшивались съ техническими выкриками картежной игры; стукъ стакановъ и бутылокъ — съ звономъ кидаемыхъ червонцевъ и трескомъ картъ. Табачная зола, разлитое вино, опрокинутая мебель, туманная атмосфера покоя дополняли картину.

Павелъ Корнильевичъ остановился въ дверяхъ, разсматривая компанію, съ цѣлью найти въ ней кого-либо знакомаго. Онъ, кромѣ представленія командиру въ Могилевѣ, не имѣлъ никакихъ еще отношеній къ полку. Вдругъ сидѣвшій на деревянной софѣ курчавый офицеръ съ длинной трубкой, воззрившись въ него, вскочилъ и устремился къ нему съ раскрытыми объятіями.

— Раджицкій! тебя ли я вижу?—воскликнулъ онъ.

Павелъ Корнильевичъ сейчасъ узналъ товарища своего по шкловскому училищу, Уланіуса, сына благородныхъ, но мелкопомѣстныхъ родителей.

— Мой добрый Уланіусъ!—въ свою очередь вскричалъ онъ.— Радъ встрѣтиться съ тобой, другъ и товарищъ!

Они обнялись и троекратно облобызались.

— Слышалъ! слышалъ!—продолжалъ затѣмъ Уланіусъ.—Ты въ нашъ полкъ опредѣлился!

— Я и ѣхалъ въ лагерь,—объяснилъ Раджицкій.

— Выступаемъ! сейчасъ послѣ проѣзда свѣтлѣйшаго выступаемъ въ походъ! Назначено «рандеву» въ мѣстечкѣ Мурахвѣ Подольской губерніи!—кричалъ Уланіусъ.— Но погоди! Должно тебѣ познакомиться съ товарищами. Вѣдь ты никого еще не знаешь?

— Господа!—обратился онъ къ пьющимъ.—Позвольте познакомиться съ вами новаго нашего товарища, Павла Корнильевича Раджицкаго.

Пившіе обернулись и шумно привѣтствовали секундъ-майора, называя себя и заявляя, что много о немъ уже наслышаны. Обернулись и нѣкоторые изъ игравшихъ, менѣе увлеченные ломберомъ.

— Выпьемъ же за его здоровье, господа! — предложилъ Уланіусъ.

Въ рукахъ Радожицкаго оказался вмѣстительный стаканъ.

— Вивать! — закричали офицеры, чокаясь съ нимъ.

Пришлось осушить стаканъ до дна. Онъ вмигъ опять наполнился. И опять. Оглянуться не успѣлъ Радожицкій, какъ онъ уже сидѣлъ на деревянной софѣ рядомъ съ Уланіусомъ, раскуривая точно такую же трубку съ длиннѣйшимъ цареградскимъ чубукомъ, въ пріятномъ состояніи легкаго опьянѣнія. Въ окна лилось зарево лѣтнаго заката и вѣяла прохлада наступавшихъ сумерекъ, колебля клубы табачнаго дыма, стоявшіе надъ головами. Свѣчи такъ же блѣдно мерцали. Кричали бражники. Кричали игроки. Въ дверяхъ мелькнуло желтое, безнадежно вытянутое лицо Митрофана и скрылось.

— Скажи, пожалуй, милый другъ Уланіусъ, — спросилъ Радожицкій: — по какому случаю вы собрались на большой дорогѣ?

— По такому случаю, любезный другъ, — съ важностью отвѣчалъ Уланіусъ: — что нашъ командиръ полковникъ Пушковъ отдавалъ визитъ графу Финшу, командиру Козловскаго пѣхотнаго. Ну, и былъ же пріемъ! Три дня пропировали отлично! Графъ Финшъ держитъ полкъ свой образцово, истинно по-графски!

— Вѣришь ли! — одушевленно продолжалъ Уланіусъ: — графъ далъ своему полку узкія шаровары, полусапожки со шнурками, короткія куртки, вышитыя жабо и галстуки съ черно-бѣлыми бантами, а на киверахъ гренадеръ приказалъ помѣстить свой гербъ!

— Не можетъ быть! На киверахъ полагается вензелевое изображеніе имени государыни! Какъ же онъ осмѣлился?! — возразилъ Радожицкій.

— Э, братецъ, графъ Финшъ все можетъ! У него, напримѣръ, отличный походный театръ. Труппа актеровъ набрана изъ солдатъ.

— А актрисы?

— Да тоже изъ солдатъ!.. Офицерамъ у графа полная свобода. Каждый придерживается своего правила. Безразлично носятъ длинные или короткіе мундиры, бѣлые или цвѣтные жилеты, вышитыя галстуки, шаровары всевозможныхъ цвѣтовъ. Все это съ величайшимъ вкусомъ! Особенный же образецъ изящества у нихъ составляетъ круглая шляпа à l'anglaise! Полковникъ Пушковъ рѣшилъ, чтобы непремѣнно и въ нашемъ полку такія шляпы завести. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мы хуже?

— Миѣ это слышать довольно странно, — сказалъ Радожицкій: — вѣдь для всѣхъ полковъ установлено обмундированіе.

— Э, любезный, развѣ ты не знаешь, что свѣтлѣйшій вводитъ полное преобразование арміи!

— Но оно направлено лишь къ облегченію солдатъ отъ косъ, буклей и штиблетовъ, да отъ узкихъ кафтановъ и штановъ!

— Свѣтлѣйшій не стѣсняетъ командировъ. Онъ самъ, ты знаешь, насчетъ костюма полной свободы придерживается. Старинная-то муштра вмѣстѣ съ Румянцовымъ уходитъ. Великій духъ російскихъ героевъ требуетъ простора! Дѣло не въ формѣ, а въ доблести. Кромѣ того, графъ Финшъ хоть самъ и не богатъ, да жена его богата. Правда, у нея это богатство отъ него же. Она—французская актриса и дочиста его обобрала, да затѣмъ на себѣ и женила. Свѣтлѣйшій ее когда-то знавалъ... Понимаешь? Ей стоитъ только написать записочку свѣтлѣйшему, онъ всегда ея просьбу уважитъ. Ну, какъ же она насъ угостила!

— Неужели господамъ офицерамъ не зазорно у такой особы угощаться?—сказалъ Радожицкій.

— Какъ только пріѣхали,—продолжалъ Уланіусъ, какъ будто не слыжалъ замѣчанія товарища:—такъ и сѣли за столъ. Все время солдаты пѣли отлично. Оркестръ—семьдесятъ пять человекъ! Ъли, ѣли! Пили, пили! Нашъ Пушкинъ и графъ Финшъ сказывали отменные спичи. Затѣмъ разнообразный десертъ. Полковой кондитеръ штурмъ Очакова въ пуншевомъ пламени подалъ! Ликеры удивительные! Потомъ закладывается десять банковъ въ фараонъ!

— Вижу, что вы не теряли времени и, очевидно, здѣсь допиваете и доигрываете,—сказалъ, смѣясь, Радожицкій. — Но все же ты не объяснилъ мнѣ, почему вы на почтовомъ оказались!

— А потому оказались, что насъ впередъ послалъ полковникъ. Самъ же онъ долженъ только утромъ завтра проѣхать. Мы его здѣсь ждемъ. Тутъ, братецъ, тончайшая вещь! Дѣло въ томъ, что и мы, и козловцы стоимъ въ лагерѣ при бѣлорусскомъ большакѣ, по которому, какъ тебѣ извѣстно, свѣтлѣйшій въ Могилевъ прослѣдуетъ. Уже обозъ его мимо давно миновалъ.

— Какой обозъ?

— Транспортъ въ лагерь подъ Яссы съ напитками, съѣстными всякими припасами, серебряными сервизами, собственно для генералъ-фельдмаршальскаго стола. Одинъ обозъ по бѣлорусскому тракту пущенъ, а другой, съ такими же самыми припасами идетъ по московскому.

— Вотъ съ какими припасами начинается кампанію свѣтлѣйшій! Но съ чего же два обоза съ одинаковыми припасами?

— Чтобы вѣрнѣе обезпечить своевременное прибытіе хотя одного изъ нихъ въ Яссы.

— Предусмотрительность Сарданапалова!—замѣтилъ Радожицкій.

— Да, братъ, свѣтлѣйшій живетъ, можно сказать, какъ могущественный властелинъ, хотя и не въ порфирѣ, — согласился

Уланиусъ.—Но не въ томъ дѣло. А въ томъ, что мы и козловцы готовимся къ проѣзду свѣтлѣйшаго мимо лагерей по большаку. И полковникъ Пушковъ и графъ Финшъ заготовили каждый свой сюрпризъ. Вотъ Пушковъ собственно для того въ лагерѣ у козловцевъ остался, чтобы ихъ секретъ вывѣдать. Ты понимаешь? Мимо нихъ свѣтлѣйшій прежде насъ проѣдетъ. Слѣдственно, нашъ сюрпризъ во много разъ долженъ быть сильнѣе, нежели ихъ. Въ противномъ случаѣ онъ никакого впечатлѣнія произвести не можетъ. И можешь ты себѣ представить, каковъ долженъ быть сюрпризъ, чтобы такого вельможу поразить, который все на свѣтѣ испыталъ и всѣмъ пресытился!

— Задача, подлинно, не изъ легкихъ. Въ чемъ же вашъ-то секретъ? Можно узнать?

— Тебѣ, конечно, это можно открыть. Ты—свой. Мы построили галерею! Полковникъ все лагерное время употребилъ на то.

— Какую такую галерею?—изумился Радожицкій.

— Около четырехъ тысячъ восковыхъ шкаликовъ разными цвѣтами горѣтъ будутъ и составлять аллегорическую картину, изображающую «Путь на пользу» государыни въ Новороссійское намѣстничество и Крымъ! А чтобы и звукомъ привлечь вниманіе свѣтлѣйшаго, съ двухъ сторонъ дороги пустимъ ракеты, бураки, запалимъ колеса, огненные, трескучіе фонтаны! Я тебѣ говорю, все лагерное время и солдаты, и мы всѣ на приготовленіе сего сюрприза употребили!

— Дѣломъ вы занимались! Нечего сказать! — расхохотался Радожицкій.

— Что смѣшився, братъ! — съ досадой крикнулъ Уланиусъ. — Самъ въ уборныхъ у Кавалергардской случая поджидалъ. Мы вѣдь знаемъ, слышали!

— Я изъ уборныхъ выписался и въ Могилевѣ проходилъ прямую службу, — возразилъ Павелъ Корнильевичъ.

— У копченаго нѣмца, Дрейера? И про это слышали! Ну, твоя такая охота! А полковникъ Пушковъ свое дѣло знаетъ. Если сюрпризъ понравится свѣтлѣйшему, всѣмъ намъ можетъ открыться перспектива.

— Но коли вы все лагерное время готовили шкалики и ракеты, такъ ученьемъ солдатъ вовсе не занимались?

— Понятно. Да и гдѣ ихъ учить! Вѣдь нашъ полкъ изъ хохловъ набранъ, гречкосѣевъ, монастырскихъ крестьянъ, какъ и новые гренадерскіе, четырехбатальонные, послѣ упраздненія въ 1786 году малороссійскихъ монастырей. Посмотрѣлъ бы ты, какъ они на конѣ сидятъ и ѣздятъ! Умора! Впрочемъ, и нашъ полковникъ изъ коляски не вылѣзаетъ. Ты знаешь, русскіе кавалеристы все больше пѣшкомъ ходятъ да въ экипажахъ ѣздятъ! Мы народъ пѣшеходный не ѣздоки. На то есть казаки!

— Все же удивляюсь вашему командиру, что при открытіи кампаніи рѣшается онъ такой неумѣлый полкъ вести на randevу!

— При Румянцовѣ не посмѣлъ бы, конечно! Тотъ на муштру былъ лихъ, говорятъ. Ну, а при свѣтлѣйшемъ обойдется! У насъ все же старослуживые есть изъ другихъ полковъ. Они на походѣ подтянутъ да подучатъ. А главное, братъ, не въ томъ! Главное— геройскій духъ, случай и фортуна! Но что это наши пыталели фортуны за ломберомъ такой громъ подняли.

XI.

Ломберъ.

Въ самомъ дѣлѣ, громкіе до тѣхъ поръ крики игроковъ теперь слились въ общій неистовый споръ и гамъ. Выпивавшіе и осаждавшіе ветчину тоже присоединились къ игрокамъ и обступили столъ живымъ кольцомъ. Столъ дрожалъ подъ ударами бросаемыхъ въ азартѣ картъ, шандалы со свѣчами и деньги тряслись, звенѣли, танцевали. Въ дыму табачномъ, при двойномъ освѣщеніи свѣчъ и заката, лица приняли странный, мертвенный цвѣтъ. Обнаженная страсть игроцкой алчности рѣзкими чертами обозначалась у всѣхъ.

Кричали хриповатыми, напряженными голосами.

— Три главны матедоры!

— Баста!

— Маниль!

— Шпадиль!

— Что преферансъ-то слыветъ, судари мои!

— Винны, государь мой, винны!

— Что тебѣ «старичокъ» твой сказалъ? Не навралъ ли?

— У тебя понта на рукахъ съ королемъ? Манилія; объявляй санбрандеръ.

— Маниль! Санбрандеръ!

— Санбрандеръ? Что кричишь такъ спесиво?

— Да вѣдь маниль?!

— Маниль. Не спорю. Да какая?

— Извѣстно, какая! Червоная! Пребогаты санбрандеръ на червяхъ!

— Протри глаза! Маниль бубновая у тебя!

— Бубновая? Быть этого не можетъ! Какъ же это я обознался!

Боже мой!

— Бубновая! Ха! ха! ха!

— Кадиль! Кадиль! Кадиль!

— Ха! ха! ха!

— Вотъ такъ игрокъ! Объявляетъ санбрандеръ при бубновой манпліи!

- Это дьяволово навожденіе! Своими глазами видѣлъ червонную!
- Постой! Покажи карты! Да вѣдь у тебя винновѣй король былъ! Винновѣй санпрандеръ!
- Винновѣй санпрандеръ! Ха! ха! ха!
- Государи мои, я четвертую ночь понтирую. Въ глазахъ инда песокъ трещить! Вотъ и обморочился!
- Да теперъ еще не ночь! Ночь еще впереди!
- Только и видѣлъ, какъ госпожа шпадилъ хвостомъ по носу махнула! Хо! хо!
- Со всякимъ можетъ случиться. Прошу деньги ставить на столъ. Продолжаю! Загибаю! Отписываю! Приписываю!
- Что же ты мнѣ насовѣтоваль со своимъ «старичкомъ»?!
- Онъ тебѣ насовѣтуеть, жди!
- Одна теперъ тебѣ остается надежда, что кадиліей лабетъ со стола не беретъ! Въ игрѣ сдѣланъ тройной ремизъ. Играй игру на лабетъ двойной! Можетъ быть, отыграешься!
- Это тебѣ опять твой «старичокъ» подсказаль?
- Нѣтъ, это я отъ себя совѣтую. А слушаться или нѣтъ, твоя воля.
- Мнѣ все равно! Я лишился и денегъ, и наряду, и табакерки, и перстней! Играю на лабетъ двойной!
- Матедоры! Два! Три!
- Маниль! Санпрандеръ!
- Кадиль! Кадиль! Кадиль!
- Конецъ! Ну, братъ, и игра!
- Перстни и табакерка на столѣ! Кафтанъ не снимать же съ себя?
- Носи, пока въ лагерь не возвратимся!
- Но я теперъ до твоего «старичка» добратъся хочу! Пусть и онъ платитъ, если совѣтоваль!
- Вольно было слушаться!
- Такъ нельзя! Я требую суда!
- Уланіусъ! Гдѣ Уланіусъ? Пусть онъ разберетъ. У него свѣжая голова.

При дошедшихъ до неистоваго гама спорахъ, слыша свое имя, Уланіусъ отозвался съ деревянной софы, колотя чубукомъ о спинку ея.

— Что у васъ? Въ чемъ дѣло?

Игроки разомъ повернулись въ его сторону и стали наперывъ излагать техническія подробности игры.

Но Уланіусъ просилъ успокоиться и изложить дѣло по порядку, такъ какъ онъ ничего не понимаетъ. Его попросили подойти къ столу.

Павель Корнильевичъ нѣкоторое время сидѣлъ одиноко, покудивая трубку. Голова его пріятно кружилась. Двадцать одинъ годъ,

выпитое вино, разгульная среда товарищей, въ которой онъ внезапно очутился, все какъ бы на время отстранило отъ него и заволокло туманомъ недавня настроенія и ударило ему въ голову особымъ опьянѣнiемъ молодого разгула и удалства. Онъ просто ни о чемъ не думалъ, курилъ, слѣдилъ игру заката за окнами и всѣ, бывшіе въ почтовомъ домѣ, съ Уланіусомъ во главѣ, казались ему милыми людьми, добрыми ребятами, хотя и пустыми. Но послѣднее только пріятно подымало въ немъ сознаніе своего достоинства. Послѣ криковъ и споровъ, продолжительныхъ или очень короткихъ—время теперь утратило для Радожицкаго обычную мѣрность, и сверкающее и звенящее, казалось, мгновеніе одновременно оставалось неподвижнымъ и стремительно утекало,— у стола все пришло въ порядокъ. Уланіусъ и съ нимъ нѣсколько офицеровъ отдѣлились отъ игрецкаго круга. Уланіусъ, улыбаясь, велъ подъ руки двухъ товарищей. Одинъ изъ нихъ, видно, уже сильно пожилъ и былъ въ лѣтахъ, обрюзглый, съ глазами, воспаленными въ набухшихъ мѣшкахъ вѣкъ, коротконогій, безъ парика, съ сѣдоватой щетиной подстриженныхъ волосъ на черепѣ, хранившемъ рубчатый слѣдъ страшнаго удара турецкой саблей, въ поношенномъ кафтанѣ, съ развязавшимися лентами внизу короткихъ панталонъ и спустившимися отъ того къ толстымъ икрамъ чулками. Другой былъ еще совершенный юноша, тонкій, какъ хлыстъ, блѣдный, съ черными пятнами подъ глазами. Одѣтъ онъ былъ въ роскошный кафтанъ, впрочемъ, испачканный мѣломъ и измятый, равно какъ тончайшія кружева манжетъ и жабо. Это былъ сынъ очень богатыхъ родителей и уже отчаянный игрокъ. Это онъ принялъ бубновую масть за червонную, утомивъ глаза четырехдневной игрой. Онъ проигрался совершенно и даже, по возвращеніи въ лагерь, долженъ былъ разстаться съ дорогимъ, параднымъ своимъ кафтаномъ.

ХІІ.

Волшебный старичокъ.

Уланіусъ подвелъ обоихъ къ столу съ бутылками и окорокомъ; ихъ окружили и другіе офицеры; стали опять пить и чокаться. Послѣ этого проигравшійся юноша отправился спать въ другой покой почтоваго дома. Уланіусъ же съ пожилымъ офицеромъ, взявъ по бутылкѣ и стаканы, подошли къ деревянной софѣ, гдѣ сидѣлъ Радожицкій.

— Государь мой, — хриплымъ голосомъ сказалъ пожилой. — Я — капитанъ Ходоровскій. Весьма радъ познакомиться съ вами!

И, наливъ вина въ стаканъ, онъ подалъ его Радожицкому.

— Выпьемъ, государь мой! — продолжалъ онъ, садясь съ одной стороны Павла Корнильевича въ то время, какъ Уланіусъ сѣлъ съ другой. — Выпьемъ! Что наша жизнь?

Ни счастья твердаго, ни разума безъ вздору,
 Ни наслажденья безъ суеты
 Въ семъ мірѣ вѣтъ!
 Но вся людская жизнь—игра, мечта и сонъ!

— Совершенная истина!—подхватилъ Уланіусъ.—Міромъ правитъ слѣпая фортуна и кривой случай! Выпьемъ!

Радожицкій не могъ отказаться. Онъ спросилъ, что за недоразумѣніе произошло за игорнымъ столомъ.

— Ничего,—безпечно отвѣчалъ Уланіусъ:—нашъ Ильметьевъ—вонъ, что спать сейчасъ отправился!—масти спуталъ. А какъ ему капитанъ съ помощью волшебнаго своего «старичка» посовѣтовалъ ходъ, то на него и взѣлся. Все благополучно, однако, уладилось.

— Какой это у васъ волшебный «старичокъ»?—спросилъ заинтересованный Радожицкій.

Капитанъ Ходоровскій хлебнулъ изъ стакана и важно поднялъ брови ко лбу, украшенному крупной бородавкой, а толстыя губы къ малиновому носу.

— Есть такія явленія, государь мой, которыя естественными силами необъяснимы, — сказалъ онъ. — Такъ обладаю я нѣкоторымъ свойствомъ, для самого меня непостижимымъ. Ежели ночи двѣ-три за картами просижу, то внезапно у стола не то что задремливаю, а просто закрывши глаза сижу! И является мнѣ вдругъ невеликій «старичокъ» съ длинной сѣдой бородой. И говорить: «Играй, Ходоровскій, вотъ такъ и такъ». Послѣ чего я просыпаюсь, начинаю такъ играть, и не было еще случая, чтобы мой старичокъ совѣтовалъ мнѣ дурно. Всегда выигрываю!

— Это удивительно!—изумился Радожицкій.

— Да, любезный другъ, за такого «старичка» можно отца родного отдать!—воодушевленно сказалъ Уланіусъ и налилъ еще вина Радожицкому.

— Не пробовали вы спросить у являющагося «старичка», кто онъ такой?—освѣдомился Павелъ Корнильевичъ, выпивая.

— Что мнѣ его объ этомъ спрашивать? Я отъ него худа не видалъ. Онъ для меня «старичокъ» пользительный и добрый, — отвѣчалъ капитанъ Ходоровскій.—Начнешь его разспрашивать, кто онъ, да откуда, такъ еще, пожалуй, разсердится и приходитъ перестанетъ.

— Съ неба или изъ ада твой волшебный «старичокъ», — сказалъ Уланіусъ: — но дорого бы я далъ, чтобы къ себѣ его переманить.

— И часто онъ вамъ является? — спросилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Не часто, но кстати. Я замѣчалъ, что когда мнѣ въ лѣвую икру начинаетъ покалывать или къ непогодѣ на головѣ турецкая зарубка ломить начинается, тутъ ужъ навѣрное придетъ!

— А теперь покалываетъ?—спросилъ Радожицкій.

— Покалываетъ. А что, вы бы хотѣли искусство моего «старичка» испытать?

— Нѣтъ... Да... Нѣтъ, я вѣдь рѣдко играю!—смутился Павелъ Корнильевичъ, пойманный опытнымъ капитаномъ на словѣ.

— Помилуй, кто же теперь не играетъ! — подхватилъ Уланіусъ. — Попробуй! Поставь! Честью тебя увѣряю, что не раскаешься. Ходоровскаго волшебный «старичокъ» еще никогда не обманывалъ!

— Однако, тотъ подпоручикъ, что спать пошелъ, проигралъ даже кафтанъ!—опасливо замѣтилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Ильметьевъ?! Я же тебѣ объяснялъ, что онъ виновную масть съ червонной смѣшалъ! А то бы непременно выигралъ. Я же сейчасъ разбираю ихъ. «Старичокъ» совѣтовалъ великолѣпно!

Радожицкій столько уже выпилъ, что не могъ дать себѣ отчета, не смѣшаетъ ли и онъ масти.

— Оставь, братъ,—сказалъ небрежно капитанъ Ходоровскій.— Къ чему увлекать молодого человѣка на столь скользкое поприще! Впрочемъ, долженъ я объяснить, что играю въ долю, такъ что ежели мой волшебный указчикъ обманетъ насъ, то и я убытокъ несу!

— Эй, поставь на карту, на злодѣйку!—доставая изъ-за борта кафтана шелковый увѣсистый кошелекъ и позванивая золотомъ, соблазнялъ Уланіусъ.

И какъ будто въ этомъ жестѣ была нѣкая повелительная сила, Радожицкій сейчасъ же досталъ собственный кошелекъ и тоже позвонилъ имъ.

— Была не была,—подумалъ онъ.— Поставлю десятокъ-другой червонцевъ! А то скупцомъ прослынешь. Къ тому же служба въ Могилевѣ сохранила мнѣ доходы.

И Радожицкій тихонько провелъ лѣвой рукой по поясу, гдѣ заплата была у него значительная сумма. Далъ онъ слово себѣ, что дальше половины кошелька не пойдетъ.

Въ томъ состояніи легкаго опьянѣнія, въ которомъ онъ находился, Павелъ Корнильевичъ полагалъ, что послѣдній жестъ его былъ незамѣтенъ. Но это было не такъ. Уланіусъ и Ходоровскій обмѣнялись взглядами.

— Итакъ, играешь?—весело спросилъ Уланіусъ.—И, поднявшись съ софы, захопалъ въ ладони и закричалъ:

— Господа офицеры! Радожицкій играетъ со «старичкомъ».

— А! О!—раздались отвѣтные возгласы. — Милости просимъ! Вивать!

Игроки разступились, очищая мѣсто у стола Радожицкому и Ходоровскому.

Подходя къ игорному полю, Радожицкій видѣлъ на мгновеніе вытянутое, желтое лицо Митрофана въ дверяхъ, недовольно повелъ плечами, повернулся къ двери спиной и забылъ о вѣрномъ слугѣ.

— Что? Покальываетъ?! ха! ха! ха!—кричали капитану.—Явится «старичокъ»?

Ходоровскій насупленно молчалъ и, сѣвъ верхомъ на стулъ, поставленный спинкой къ столу, закрылъ глаза ладонями.

На мгновеніе сдѣлалась тишина. Игра остановилась. Всѣ смотрѣли на Ходоровскаго. Онъ вдругъ открылъ лицо, оно было важно и блѣдно,—и подалъ знакъ, чтобы начинали игру.

Павелъ Корнильевичъ высыпалъ содержимое одной половины длиннаго кошелька, приблизительно раздѣливъ все бывшее тамъ золото и придерживая большую половину за колечками.

ХІІІ.

Людская жизнь—игра, мечта и сонъ.

Игра началась. Посмотрѣвъ въ карты Радожицкаго, капитанъ опять закрылъ лицо и посоветовался со «старичкомъ». Онъ сказалъ затѣмъ, какъ играть Павлу Корнильевичу. И тотъ выигралъ. Потомъ еще прометали. Опять совѣщаніе со «старичкомъ», и новый выигрышъ. Потомъ еще. Опять выигрышъ. Но когда Радожицкій хотѣлъ поставить и еще разъ, руководясь присловьемъ, что домъ безъ четырехъ угловъ не строится, Ходоровскій всталъ, и холодно заявилъ, что ему «старичокъ» повѣдалъ, что уходитъ и больше недѣли три не придетъ. Затѣмъ, при общемъ говорѣ, Ходоровскій отсчиталъ половину выигрыша, составившую изрядную кучку червонцевъ, завязалъ ихъ въ платокъ и отошелъ къ столу съ окорокомъ. Павелъ Корнильевичъ былъ пораженъ.

— Желаете продолжать игру?—вѣжливо спросилъ его высокий, красивый офицеръ полякъ, метавшій игру. — Или, можетъ быть, заложимъ банкъ въ фараонъ!

Павелъ Корнильевичъ колебался.

— Что, любезный другъ, видно, безъ помощи волшебнаго «старичка» капитанова не хватаетъ духу на карточный турниръ?—ядовито замѣтилъ Уланіусъ.

Уколотый этимъ замѣчаніемъ, Радожицкій вмѣсто отвѣта высыпалъ на столъ и остальную часть золота. Игра продолжалась. Уже совершенно смерклося. Денщики принесли новые шандалы съ зажженными свѣчами, на мѣсто выгорѣвшихъ и пылавшихъ съ бумажкой. Не прошло полчаса, какъ Радожицкій проигралъ все золото, бывшее въ кошелькѣ.

— Что, любезный другъ, безъ волшебнаго «старичка» игра другая пошла?—опять сказалъ ему на ухо Уланіусъ. Во время игры онъ раза два подходилъ къ усѣвшемуся на деревянную софу капитану и шушукался съ нимъ:

— Желаете продолжать игру? -- опять спросилъ красивый полякъ банкометъ, блестя выпуклыми непроницаемыми глазами и алмазами перстней на тонкихъ пальцахъ.

Въ голову Радожицкому ударила темная, подымавшаяся страсть удали, опьянѣнія, самолюбія и игрецкаго азарта. Онъ провелъ рукой по поясу...

Но вдругъ Уланіусъ шепнулъ ему на ухо:

— Ни въ какомъ случаѣ не продолжай игры! Тебя оберутъ, какъ липку!

— Господа!—закричалъ онъ затѣмъ. — Не довольно ли игры? Мы еще успѣемъ въ лагерѣ, да на походѣ! Ыдемъ къ цыганкамъ. Мнѣ почтовый смотритель сказалъ, что ихъ таборъ недалеко, на пустоши. Египтянки намъ и погадаютъ, и споютъ намъ, и приласкаютъ! Ыдемъ, Радожицкій!

Полякъ банкометъ удивленно поднялъ голову и воззрился въ Уланіуса. Но ничего не сказалъ, только закусилъ нижнюю губу и затрепалъ колодой.

Всѣ поднялись, закричали, засуетились. Мысль ѣхать къ цыганкамъ всѣмъ понравилась.

Теперь Павелъ Корнильевичъ коснулся уже не пояса, а того мѣста груди, гдѣ таился медальонъ графини Анны. Образъ ея, прелестный, чарующій, пронесся въ его воображеніи. Онъ всталъ и, какъ ему казалось, очень рѣшительно и вѣско заявилъ, что къ цыганкамъ не поѣдетъ. На самомъ дѣлѣ онъ еле пропустилъ слова между липкихъ губъ. Затѣмъ онъ, осанисто и твердо, какъ ему казалось, перешелъ отъ стола къ деревянной софѣ, поддерживая пошатывавшихся, ослабѣвшихъ товарищей, Ходоровскаго и Уланіуса, подъ локти. На самомъ дѣлѣ было обратное. Скоро онъ сидѣлъ на диванѣ и пилъ, чокаясь съ офицерами. Потомъ онъ уже лежалъ на деревянной софѣ, съ подложеннымъ подъ голову собственнымъ, снятымъ съ него кафтаномъ. Потомъ комната опустѣла и онъ закрылъ глаза. Когда онъ открылъ ихъ, то увидѣлъ надъ собой лица Ходоровскаго и Уланіуса, а между ними вдругъ желтое, безмѣрно вытянутое лицо Митрофана. Онъ хотѣлъ послать дурака-лакея къ чорту, но губы ему не повиновались, а глаза сомкнулись, и онъ провалился въ черную бездну. При сіяніи послѣдней искры сознанія въ мозгу его пронеслись слова:

Людская жизнь—игра, мечта и сонъ...

И все потухло.

XIV.

Бредъ игрока.

Нестройныя, чудныя видѣнія мучили спящаго. Павлу Корнильевичу представлялись три главныхъ матедора ломбера въ видѣ графа Румянцова, свѣтлѣйшаго князя Потемкина и графа Мамонова, а великой шпадилью была сама императрица. Ему грезилась странная картежная игра, полемъ которой была ландкарта Россійской имперіи съ прочерченнымъ «путемъ къ пользѣ» въ Новороссію и Крымъ. И въ то же время казалось ему, что онъ со всей своей игрой съ партнерами и ландкартой ѣдетъ въ каретѣ шестерней по могилевскому тракту. По бокамъ скачутъ полковникъ Пушковъ и графъ Финшъ и батальоны драгунъ. Хотя и это только карты, карты, карты всѣхъ мастей. Кругомъ горятъ транспаранты,obelisks, галерея въ четыре тысячи шкаликовъ, съ громомъ взлетаютъ ракеты, вертятся огненныя колеса, сыплются брильянтовые дожди и водопады. Оглушительная музыка непрерывно играетъ марши.

Павелъ Корнильевичъ давно проигрался начисто. На немъ не только нѣтъ пояса, но и самага кафтана.

— Санпрандеръ!—объявляетъ онъ отчаянно.

— Что кричишь такъ спесиво?—спрашиваетъ его старичокъ съ длинной сѣдой бородой.

— Какъ же? Вѣдь у меня три главныхъ матедора—Румянцовъ, Потемкинъ и Мамоновъ,—отвѣчаетъ Павелъ Корнильевичъ.

— А маниль?

— Манилия жена графа Финша, французская актриса!

— Ладно! Отыгрывайся!—кричатъ Уланіусъ и Ходоровскій.— Случай и фортуна! Ты же въ уборныхъ сержантахъ случая у Кавалергардской залы поджидалъ!

Карета мчится впередъ. Музыка играетъ. Горятъ четыре тысячи шкаликовъ. Скачутъ батальоны. Путь къ пользѣ... Или къ случаю!

Павлу Корнильевичу чудится, что на лежащей передъ нимъ ланкартѣ Россійской имперіи происходитъ высочайшій выходъ. Толпятся придворные, генералы, дамы. Вотъ идутъ гофмаршалы, камеръ-юнкеры, кавалеры, камергеры, по два въ рядъ, младшіе впереди. И въ то же время все это карты и самый выходъ не что иное, какъ партія ломбера. И мечетъ полякъ-офицеръ.

— Главный матедоръ!—кричитъ онъ.

Проходитъ князь Потемкинъ, весь въ брильянтахъ.

— Великая шпадиль!—кричитъ полякъ.

Проходитъ Екатерина.

— Второй матедоръ!

Проходитъ фаворитъ Мамоновъ.

— Путь къ пользѣ! Путь къ случаю! Отыгрывайся!—кричитъ Уланіусъ.

— Не съ чѣмъ,—говоритъ въ отчаяніи Павелъ Корнильевичъ,— не съ чѣмъ! Самый кафтанъ съ плечъ сняли.

— Посовѣтуйся со старичкомъ. Только не спрашивай, откуда онъ,—кричитъ Уланіусъ.

— Слушайте меня,—шепчетъ старичокъ.—Я вѣдь всей игрой завѣдую. Я и свѣтлѣйшему совѣтую, и Мамонову, и самой императрицѣ. Изволите видѣть, сколь ваша игра сильна. У противниковъ вашихъ все битыя карты: турецкій султанъ, австрійскій императоръ, французскій король... Видите, ужъ послѣдняго-то и въ тюрьму посадили... Шведскій король... Одна только сильная карта англійскій король. Поставьте тотъ медальонъ, что у васъ на шеѣ виситъ! И вы отыграетесь!

— Портретъ графини Анны! Никогда!—кричитъ Павелъ Корнильевичъ. А въ то же время снимаетъ медальонъ и подаетъ банкometу.

— Что это такое?—спрашиваетъ полякъ.

— Портретъ графини Анны!—отвѣчаетъ Павелъ Корнильевичъ.

— Вы ошибаетесь,—возражаетъ полякъ. — Это портретъ графини Финшъ! Вы проиграли!

Громовой хохотъ раздается вокругъ Павла Корнильевича. И первый хохочетъ, широко разѣвая ротъ, старикашка-совѣтчикъ.

— Проклятый сморчокъ!—въ бѣшенствѣ кричитъ Павелъ Корнильевичъ.—Что ты мнѣ насовѣтовалъ, чортовъ кумъ! — И онъ хочетъ схватить старикашку за бороду, и обжигаетъ руку. Борода старика изъ пламени. Онъ вырастаетъ до облаковъ. На черномъ лицѣ одинъ только глазъ, горящій и крутящійся, какъ фейерверочное колесо.—Кто это? Да это свѣтлѣйшій князь Потемкинъ!

— Я князь тьмы!—гремитъ страшный голосъ. — Ты продалъ мнѣ душу и проигрался. Ступай въ адъ!

— Лжешь, проклятый! Я не продавалъ тебѣ души!

— А портретъ графини Анны? Ты отдалъ въ мой банкъ ея портретъ. Это и есть твоя душа. Въ бездну! въ бездну!

Циклопъ топаетъ ногой о дно кареты. Оно проваливается. Открывается внизу пышащая жаромъ и смрадомъ бездна, кипящая пламенемъ, словно пуншевая чаша. Тысячи душъ—битыхъ картъ—сыплются туда, вспыхиваютъ и, мгновенно сгорая, чернымъ пепломъ летятъ по вѣтру. Павелъ Корнильевичъ летитъ туда же. Жаръ адской печи все сильнѣе жжетъ его. Какія-то черныя грабли бороздятъ его по лицу, стараясь привлечь въ глубину пламени, чтобы испепелить. Онъ схватываетъ грабли рукой и отбивается отъ нихъ. Вѣтеръ его подхватываетъ и швыряетъ на каменный уступъ бездны. И отъ этого удара Павелъ Корнильевичъ просыпается и открываетъ глаза.

XV.

Пробужденіе.

Открываетъ и опять смыкаетъ ихъ. Огненный шаръ солнца стоитъ надъ долиной Днѣпра, и горячіе лучи его бьютъ прямо въ окна и въ глаза Павла Корнильевича. Рои мухъ, бродившіе по его вспотѣвшему лицу, потревоженные, опять облѣпляютъ его. Онъ окончательно просыпается отъ нестерпимаго щекотанія ихъ липкихъ лапокъ и вскакиваетъ. Голова его точно свинцомъ налита. Во рту пересохло. Томитъ жажда. Члены затекли и щемятъ отъ ночи, проведенной на деревянной софѣ. Онъ вспоминаетъ все бывшее наканунѣ. Припоминаетъ странный сонъ и прежде всего хватается за грудь. Медальонъ здѣсь, цѣль. Потомъ проводитъ рукой подъ жилетомъ. И въ ужасѣ поднимается съ софы... Пояса съ золотомъ нѣтъ! Онъ опять и опять ощупывается... Нѣтъ пояса! Да что же это такое? Или онъ еще спитъ?

— Митрофанъ!—отчаянно кричитъ Радожицкій.

Желтое, длинное лицо вѣрнаго служителя появляется въ дверяхъ.

— Митрофанъ! Пояса на мнѣ нѣтъ! Гдѣ поясъ?

— А я же почему это могу знать? — угрюмо и равнодушно отвѣчалъ слуга.

— Да вѣдь я до него вчера не дотронулся, и все время спалъ въ этой комнатѣ, на самой этой софѣ! Вѣдь я же не ѣздили къ цыганкамъ?!—отчаянно говорилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Вамъ лучше знать, ѣздили вы къ цыганкамъ, или не ѣздили!—такъ же угрюмо и равнодушно сказалъ слуга. — Но я пояса отъ васъ не получалъ. Конь вашъ у меня и дорожные выюки. А пояса я не получалъ.

— Да ты радъ, что ли, этому, старый дуракъ! — запальчиво закричалъ Радожицкій.—Ищи! Смотри! Нѣтъ ли подъ кафтаномъ? Или подъ софой! Да поворачивайся, ворона!

Митрофанъ, храня то же невозмутимое равнодушіе, подошелъ къ жесткому ложу, на которомъ провелъ ночь его господинъ, поднялъ свернутый кафтанъ и нарочно такъ его растопырилъ, чтобы видно было, какъ онъ смятъ и перепачканъ. Подъ нимъ ничего не было. Потомъ онъ медлительно и неуклюже отодвинулъ прочь отъ стѣны софу и показалъ, что подъ ней, кромѣ клубковъ скопленной за многіе мѣсяцы застарѣлой пыли ничего ровно не было.

— Ищи! Всю комнату обыщи! Чтобъ было найдено!—неистово закричалъ и затопалъ ногами Павелъ Корнильевичъ. — Я же не могу подозрѣвать господъ офицеровъ и даже драгунъ моего полка! Ищи, чортъ!

Митрофанъ покачалъ головой.

— То-то, батюшка, винцо да карточки до добра не доводятъ,— сказалъ онъ.— Эхъ-ма! А поясъ-то вонъ онъ гдѣ?!

И Митрофанъ распахнулъ архалукъ и показалъ поясъ, низко болтавшійся на его тощемъ, подтянутомъ животѣ. При этомъ на желтомъ лицѣ его появилось подобіе улыбки.

— Фу, чортъ! Что же ты сразу не сказалъ! Чортъ! — заговорилъ, обрадовавшись, Павелъ Корнильевичъ. — Этакій старый дуракъ! Ну, какъ я радъ!

— Еще бы не радоваться,— замѣтилъ слуга.— Сумма знатная.

— Что деньги! Пропажа меня не разорила бы. Но непріятная исторія была бы! Богъ знаетъ, что мнѣ въ голову пришло бы насчетъ того, кто поясъ взялъ!

Митрофанъ приблизилъ желтое лицо и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— И взяли бы, батюшка, Павелъ Корнильевичъ! Въ лучшемъ бы видѣ обобрали, кабы не я.

— Что ты говоришь? Что за чепуха?

— Я то говорю, что своими глазами видѣлъ. Я съ самага того, какъ вы на софу сѣсть изволили, въ сѣняхъ толокся, за притолкой, и глазъ съ васъ не спускалъ. Слава Богу! въ Петербургѣ насмотрѣлся на этихъ мастеровъ. Всѣ ихъ повадки знаю.

— Какіе мастера?

— Какіе! Извѣстно какіе! Вы не вчера родились, сами изволите знать. Промышленники, что ищутъ кого обобрать своимъ искусствомъ.

— А ты не забывайся, дуракъ! Помни, что это мои товарищи по полку!

— Товарищи? Эхъ, батюшка, какіе они вапей милости товарищи! Мошенники, плуты они, а не товарищи!

— Но чѣмъ ты это докажешь?

— А тѣмъ, что какъ всѣ они поѣхали въ таборъ, вы тутъ на лавкѣ заснули, и поясъ на васъ ослабъ и развязался. И однимъ концомъ съ софы висить. А я притулился въ сѣняхъ, въ тѣни. Вдругъ топотъ. Подѣхали двое — этотъ Улановъ, да съ нимъ красноносый, что старикомъ васъ вчера морочилъ, неряха, съ опущенными чулками.

— Ну?!

— Соскочили съ коней, идутъ въ сѣни. Меня не видятъ. Прямо въ комнату, къ софѣ. Стали надъ вами. Вы спите. Берутъ тогда они поясъ за конецъ, поднимаютъ и поворачиваются съ нимъ, чтобы уходить. Я шастъ въ покой!

— И что же они?

— Что же имъ было дѣлать? Протягиваютъ мнѣ поясъ и говорятъ: «Прибери, любезный! Какъ бы не пропало! Тутъ, видно, червонцы! Мы было поворотили изъ табора барина твоего звать.

Больно хорошо египтянки распѣвають! Да, вишь, перегрузился баринъ твой, спитъ крѣпко! Богъ съ нимъ!» И вонъ.

— Дуракъ ты, дуракъ! Что же ты думаешь, они бы съ моимъ поясомъ сдѣлали, если бы тебя не было!

— Извѣстно что! Раздѣлили бы червонцы между собою, а поясъ куда закинули. Ищи потомъ! На нихъ какъ же взвести и подозрѣнiе! Господа офицеры! Обвинили бы меня, или кого изъ денщиковъ, въ желѣзы заковали бы, да въ лагерь. Тамъ судъ скорый! Провели бы черезъ зеленую улицу три раза, и Богу душу отдалъ бы! А червонцы египтянкамъ за пѣсни бы пошли!

— Ха-ха-ха! — расхохотался Павелъ Корнильевичъ. — Экій ты старый дуракъ! Что только тебѣ въ голову приходитъ!

— Эхъ, Павелъ Корнильевичъ! — съ досадой сказалъ старый слуга. — Молоды вы еще сударь, и есть еще неопытный въ свѣтѣ. Потому и батюшка вашъ мнѣ васъ поручилъ. Смотри, говоритъ, Митрофанъ, за сыномъ, какъ ты есть старый преданный слуга, а они есть молодой еще человѣкъ и совѣмъ малоопытный! Или вы не видите, что у нихъ шайка составлена и они суть промышленники? Молоденькаго офицера дочиста обобрали, сами видѣли — и перстни, и табакерку, и даже кафтанъ! Это, по-вашему, товарищи?

— Ну, вѣдь его деньги и вещи изъ полка все же не выйдутъ и, можетъ, онъ опять возвратитъ ихъ себѣ!

— Главный у нихъ этотъ полякъ, — продолжалъ убѣжденно Митрофанъ. — А другiе въ долѣ. Самый послѣднiй — этотъ красноносый со старикомъ волшебнымъ. Уловка самая извѣстная! Обыкновенно они женщинъ для подманки имѣютъ. Самое послѣднее, значить, ремесло! Этотъ красноносый неряха — обаятель у нихъ, морока, подводчикъ и получаетъ съ перваго выигрыша половину. Его дѣло — пижона подманить и въ игру втянуть.

— Кто же былъ, по-твоему, тутъ пижонъ? — вспыхивая, спросилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Да вы, сударь! — такъ просто и печально сказалъ слуга, что баринъ не возразилъ ни слова, только прошелся по покою, отдуваясь.

— Они бы васъ въ ломберъ живо обчистили, — продолжалъ Митрофанъ. — Да, какъ говорится, воръ у вора дубинку укралъ. Замѣтили они, что вы передъ игрой по поясу рукой провели и сейчасъ смекнули, что тамъ у васъ главная сумма. Потомъ и стоворился Улановъ съ красноносымъ васъ отъ игры отвести, напоить, да потомъ либо здѣсь, либо у цыганокъ и распоясать. Это, чтобы съ полякомъ не дѣлиться, а все себѣ забрать.

— Послушай, Митрофанъ, — крикнулъ въ негодованiи Павелъ Корнильевичъ. — Если я тебя, дурака стараго, слушалъ, то лишь потому, что ты врешь все это изъ преданности. Но могу ли я заподозрѣть въ столь позорныхъ для дворянина и офицера поступкахъ моихъ полковыхъ товарищей! И гдѣ всему этому у тебя доказательства?

— Да они сами это все говорили, помилуйте! — упрямо отвѣчалъ слуга.—Я поясъ на себя надѣлъ. А они только изъ покоя вонъ—навстрѣчу имъ полякъ. Заблестѣлъ глазами! «Панъ спить?»—спрашиваетъ о васъ. — Ну, и не будите его!» Вышли они изъ почтоваго дома и заспорили по-французски. А я на крыльцѣ стою. Они полагали, что я не понимаю. А я около господъ въ Питербурхѣ понатерся. Все какъ есть понялъ!

— Что же ты понялъ?

— Полякъ говоритъ: «Пижонъ, говоритъ, деплюме», говоритъ. То есть это вы-то пижонъ, такъ ощипать васъ!

— Ладно! Ладно! Что же дальше?—нетерпѣливо перебивая комментариі слуги, крикнулъ Радожицкій.

— Команъ, говоритъ. Пуркуа, говоритъ. Ломберъ, говоритъ. Это значитъ, почему они васъ отвели отъ ломбера. А тѣ ему: Аржанъ, говорятъ. Пердю, говорятъ. И показываютъ на поясъ. Полякъ опять:—Муатьё, говоритъ, муа, говоритъ.—Моя, значитъ, гдѣ половина? Тѣ объясняютъ: — Доместикъ, говорятъ, атрапъ, говорятъ.—Это, что я-то имъ помѣшалъ. Тутъ полякъ заругался.—Вшистки дьяблы! Сбѣсили! кричить. А тѣ ему — Мы не сбѣсили. Ты самъ сбѣсилъ!—Вскочили на коней и были таковы!

Громкій хохотъ раздался въ это время у дверей, и Уланиусъ, капитанъ и полякъ-банкометъ вошли въ комнату.

— Какъ! Это вы, господа!—краснѣя и совершенно переконфузившись, вскричалъ Радожицкій.

— Это мы! И все слышали! Ха-ха-ха!—заливались офицеры.—Ну, и распотѣха! Этотъ старый хрѣнъ вообразилъ, что мы хотѣли снять съ тебя поясъ съ червонцами! Ахъ, старый дуракъ! Старый дуракъ! Ха-ха-ха!

Митрофанъ молча и угрюмо смотрѣлъ на хохотавшихъ, сжавъ губы.

— Извините, господа!.. Даю вамъ слово, господа, что я ни минуты не далъ вѣры словамъ этого стараго дурака и если слушалъ его, то ради потѣхи!—смущенно оправдывался Павелъ Корнильевичъ.

— Да мы не въ претензіи! Нисколько! Мы сами слушали съ интересомъ и едва удерживались отъ хохота.

— Извините глупость моего слуги, господа! Старъ! Совершенно выстарѣлся!

— Напротивъ, панъ Радожицки,—сказалъ полякъ любезно:—вы должны цѣнить такого слугу, ибо онъ преданный вамъ чело-вѣкъ! Вотъ тебѣ за преданность, любезный другъ, — сказалъ полякъ, всовывая Митрофану въ руку червонецъ.—Всегда защищай такъ интересы своего господина!

Митрофанъ пристально воззрися въ улыбающееся лицо поляка. Потомъ положилъ червонецъ на край стола, обтеръ ладонь

о полу архалука, повернулся и молча, медлительно вышелъ изъ комнаты.

.....
 — Смотрите!—закричалъ Уланіусъ.— Старый чортъ остался при своемъ мнѣніи! Ахъ, чудакъ, чудакъ! Ну, да Богъ съ нимъ и съ его подозрѣніями. А мы вотъ съ чѣмъ: одѣвайся скорѣе и вели сѣдлать коня. Махальный возвѣстилъ, что полковникъ близко! Мы всѣ выѣзжаемъ ему навстрѣчу. Торопись, братецъ! А жаль, что вчера съ нами въ таборѣ не побывалъ! Цыганочка есть тамъ одна, Маришка! Прямо огонь, братецъ! Какъ поеть! Какъ пляшетъ! Да, жаль, жаль, что не былъ съ нами въ таборѣ!

XVI.

Полковой командиръ.

Выливъ на голову полведра воды прямо изъ студенаго колодца, Павелъ Корнильевичъ сразу почувствовалъ себя въ обладаніи всѣми своими способностями. Поспѣшно одѣвшись, онъ сѣлъ на Макромегаса, поданнаго къ крыльцу почтоваго дома нахмуренно-безмолвнымъ Митрофаномъ, и выѣхалъ на сборный пунктъ гдѣ господа офицеры съ хоромъ пѣсенниковъ ожидали прибытія, командира.

Всѣ они радостно привѣтствовали Раджицкаго, выражая сожалѣніе, что онъ не былъ съ ними въ таборѣ, и подробно распространялись о веселостяхъ истекшей ночи и о достоинствахъ египетскихъ пѣсенницъ и плясавицъ.

— Ёдутъ!—закричалъ вдругъ вѣстовой. Всѣ встрепенулись и устались на перспективу широкой дороги, осѣненной березами.

Показалось облако пыли. Потомъ въ немъ обозначился быстро катящійся экипажъ—родъ коляски на высокихъ колесахъ, запряженный четверкой съ фореиторомъ, за нимъ еще и еще, далѣе пять или шесть всадниковъ-адъютантовъ, потомъ еще цѣлый рядъ повозокъ, двѣ линейки съ пятнадцатью человѣками прислуги, наконецъ повозка съ клѣткой, въ которой съ неистовымъ лаемъ и воемъ металась свора псовъ разнаго калибра, за клѣткой лѣпился шутъ въ пестрыхъ лоскуткахъ. Въ передовомъ экипажѣ сидѣлъ полковникъ, а по бокамъ двѣ разряженныя его любовницы съ болонками на рукахъ. Въ слѣдующихъ другія метрессы и три или четыре прихлебателя, составлявшіе придворный штатъ командира—лица разныхъ состояній и національностей. Едва толстое, круглое и красное лицо полковника Пушкиова обрисовалось въ облакѣ пыли, пѣсенники ударили въ бубны, въ тарелки, въ треугольники, затрясли бунчукъ съ колокольчиками и во все горло грянули нарочитую пѣсню:

Командиръ лихой Пушкивъ
 Впереди своихъ штыковъ
 Умереть всегда готовъ
 За Царицу, нашу мать,
 И вести геройску рать
 Противъ башенъ, противъ стѣнъ!
 Забираетъ турокъ въ плѣнъ!
 Колетъ, рубить, какъ овецъ!
 А солдатускамъ отецъ:
 Пудрой голову не мучить,
 Щиблетами не докучить,
 Но всему полку даны
 Подсапожки и штаны!
 Смѣль, удачливъ, тароватъ,
 Молодецъ, рубака, хватъ,
 Нашъ полковникъ просто кладъ!
 Проверчимъ ему вивать!
 Вивать! Вивать! Вивать! Вивать!

При приближеніи къ пѣсенникамъ экипажи замедлили.

Офицеры поскакали командиру навстрѣчу и салютовали ему шпагами. Командиръ снялъ круглую шляпу à l'anglaise, которую получилъ въ подарокъ отъ графа Финша на образецъ, и махалъ ею офицерамъ. Экипажъ его, конвоируемый теперь всѣми встрѣчавшими, а за нимъ и весь поѣздъ продолжали путь уже шагомъ. Пѣсенники шли впереди, продолжая колотить въ ударные инструменты и горланить пѣсню, съ которой сливался неистовый лай и вой псовъ въ клѣткѣ позади поѣзда, такъ что Павелъ Корнильевичъ едва не оглохъ отъ этой своеобразной музыки, носившей наименованіе «янычаровской», и былъ несказанно радъ, когда наконецъ поѣздъ достигъ почтоваго двора и пѣніе умолкло.

Взглянувъ на почтовое зданіе, Павелъ Корнильевичъ совершенно изумился. Оно было украшено флагами и гирляндами изъ дубовыхъ вѣтвей. Передъ входомъ стоялъ столъ съ закусками, водками и винами. Передъ нимъ молодая хорошенькая цыганка въ яркихъ лохмотьяхъ, лентахъ, бляхахъ, подвѣскахъ, бусахъ, монетахъ вращала огромными бѣлками и обнажала всѣ свои сверкающіе зубы неподвижной улыбкой. Когда все это успѣли приготовить—неизвѣстно.

Офицеры спѣшились торопливо и обступили экипажи полковника и его спутниковъ и спутницъ.

Полковникъ Пушкивъ вышелъ изъ экипажа, подхваченный подъ руки съ одной стороны офицеромъ-полякомъ, поцѣловавшимъ его при этомъ въ плечико, а съ другой—Уланіусомъ. Другіе офицеры помогали выйти метрессамъ и болонкамъ. Въ то же время высаживались и изъ другихъ экипажей. Пятнадцать человѣкъ прислуги соскочили съ линеекъ и безъ толку суетились и толкались. Кромѣ того, тутъ выпустили изъ клѣтки псовъ. Моськи,

мопсы, бульдоги, таксы, пуделя, два меделяна съ радостнымъ визгомъ прыгали, бѣгали, лаяли, становились на заднія лапы и старались лизнуть людей въ губы и еще болѣе увеличивали общій хаосъ.

Полковникъ Пушкивъ въ фигурѣ своей не имѣлъ ничего воинственнаго и вовсе не напоминалъ хвата, какъ пѣли солдаты. Скорѣе можно было его принять за Силена изъ ирое-комической поэмы-пародіи, которыя были тогда въ модѣ и гдѣ боги древности являлись въ обстановкѣ современности. Невысокій, брюхастый, коротконогій старикъ, съ толстыми икрами въ шелковыхъ чулкахъ, съ жирнымъ, дряблымъ лицомъ, круглыми, совиными, выпученными глазами, изрядно грушевиднымъ, сизовато-алымъ носомъ, онъ держалъ подъ мышкой короткую командирскую палку и шляпу и, поминутно снимая парикъ, обнажалъ вспотѣвшую, огромную плѣшь, только по жирному, складчатому затылку отороченную бахромкой желтоватыхъ волосъ. То и дѣло вытиралъ онъ съ лысины и съ низкаго лба обильно струившійся потъ огромнымъ краснымъ платкомъ съ вышитыми серебромъ и золотомъ гербомъ и вензелемъ.

Двѣ метрессы были дебелыя бабы—разодѣтыя, гологрудыя, съ пышными волосами, высокими прическами, набѣлennыя, нарумяненныя, насурмленныя, съ мушками. Онѣ обмахивались вѣерами, стрѣляли взорами въ офицеровъ и обмѣнивались съ ними быстрыми замѣчаніями.

— Что это? египтянка?—до странности слащавымъ и женственнымъ сопрано сказалъ полковой командиръ, замѣтивъ цыганку.—Здравствуй, душенька!—Ты недурна, скажу тебѣ!—А ну, погадай мнѣ, погадай!—продолжалъ онъ, кладя на протянутую руку ея червонецъ.

— И намъ! и намъ!—визгливо потребовали метрессы, кобенясь.

Цыганка принялась врать обычный вздоръ.

— Не угодно ли будетъ закусить, полковникъ!—предложилъ капитанъ Ходоровскій, теперь подтянувшій свои чулки.

— Что?—спросилъ полковникъ.—Закусить?—Да, это недурно! Мы еще не ѣли, а солнце уже высоко.

Онъ подошелъ къ столу и сталъ выпивать и закусывать.

— М-м-мъ! У васъ тутъ жареные караси въ сметанѣ!—говорилъ онъ женскимъ своимъ голосомъ.—Мое любимое блюдо! Спасибо! Большое спасибо! И рѣдька! Слышалъ я, будто свѣтлѣйшій большой до рѣдьки охотникъ! Приготовимъ столъ при дорогѣ. Кто знаетъ! Заинтересовавшись нашей галереей, можетъ быть, свѣтлѣйшій и изъ экипажа выйдутъ. Ну, тутъ замѣтятъ столъ... Ночная свѣжесть возбуждаетъ желудокъ... Пожелаютъ закусить. Такъ вотъ рѣдьку не забыть! Запишите сіе, господинъ Поппе!—приказалъ онъ одному изъ адъютантовъ, бѣлокурому, прыщеватому нѣмцу. Тотъ досталъ бумажникъ и записалъ.

— А позвольте полюбопытствовать, полковникъ, — спросилъ одинъ изъ офицеровъ:—каковъ успѣхъ рекогносцировки?

— Успѣхъ, господа, полнѣйшій!—сія торжествомъ и плѣшью, которую опять обнажилъ отъ парика и вытиралъ, сказалъ полковникъ Пушковъ.

— Вивать!—закричали офицеры.

— И знаете, кому мы обязаны раскрытіемъ секрета козловцевъ?— продолжалъ онъ.—Вотъ нашему доброму Поппе! Да! да! Все узналъ! У графа особый есть человекъ, декораторъ, изъ нѣмцевъ. И жена у него нѣмочка. Такъ вотъ онъ къ ней, хе-хе-хе! подобрался и вызналъ все.

— Вивать, господинъ Поппе! Вивать!—закричали офицеры и стали чокаться съ ловкимъ адъютантомъ.

— Оказалось—вздоръ, сущій вздоръ!—значительно надувая губы и двигая рыжими бровями, говорилъ полковникъ.—Они приготовили триумфальную арку; поставятъ ее черезъ дорогу. А на ней будутъ боги, богини, аллегорическія фигуры въ натуральномъ видѣ. Солдатъ молодыхъ поставятъ! По бокамъ арки два оркестра. Вотъ и все! Развѣ можно даже и сравнить съ нашей встрѣчей!

— Конечно! Разумѣется! Арка! Оркестръ! Солдаты въ натуральномъ видѣ! Нашелъ графъ, чѣмъ поразить свѣтлѣйшаго, говорили офицеры. У насъ четыре тысячи восковыхъ шкаликовъ! Это и въ столицѣ что-нибудь составило бы!

— И ракеты, колеса, фонтаны, а музыка сверхъ того.

— Надо думать, свѣтлѣйшій замѣтитъ разницу въ усердіи моемъ и графа Финша!—осанисто говорилъ полковникъ.

— Къ тому же, если свѣтлѣйшій проѣдетъ ночью, то и не увидитъ ихъ арки!

— То-то и есть, что они увѣрены въ противномъ. Черезъ жену графъ навелъ справки и полагаетъ, что свѣтлѣйшій проѣдетъ днемъ. Но жена его не то узнала. Я вѣдь тоже имѣю человекъ. Онъ у камердинера свѣтлѣйшаго справлялся. Свѣтлѣйшій проѣдетъ ночью! Въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ.

— А вдругъ свѣдѣнія Финшевой жены окажутся правильными? замѣтилъ кто-то.

— Типунъ вамъ на языкъ!—сказалъ полковникъ.—Если свѣтлѣйшій днемъ проѣдетъ—вся наша работа пропала. А она, помимо прочаго, мнѣ поль-имѣнія стоила! Прошу васъ помнить, господа офицеры, что если сія карта будетъ убита и свѣтлѣйшій о насъ не освѣдомится съ лучшей стороны, карьера и моя, и ваша завянетъ надолго!

XVII.

Правила полковника Пушкиова.

Закусывая и сообщая о счастливыхъ итогахъ рекогносцировочной поѣздки къ козловцамъ, полковникъ поглядывалъ особенно пріятно на Павла Корнильевича и вдругъ закивалъ ему головой и сталъ манить пальцемъ.

— Пожалуйте сюда, государь мой, пожалуйста!—говорилъ онъ при этомъ, пуская въ дѣло самыя сдобныя ноты женственного сопрано.

Павелъ Корнильевичъ подошелъ.

— Сердечно радъ васъ видѣть въ полку, государь мой! Вы, конечно, послужите ему украшеніемъ, послѣдую доблести вашего батюшки и обладая такими знатными покровителями, каковъ генералъ-майоръ Зоричъ и графъ Мелинъ!

— Зоричъ! Мелинъ!—повторили съ нѣкоторымъ прямо благоговѣніемъ господа офицеры.

— У меня въ полку не соскучитесь, государь мой! Я — врагъ бесполезной муштры и другъ невиннаго веселья,—продолжалъ полковникъ, беря дружелюбно подъ руку Павла Корнильевича.—Всѣ господа офицеры тому свидѣтели, что команда моя до сихъ поръ была очень для молодыхъ людей пріятна! Вѣдь сіе истинно такъ? А? Господа офицеры!

— Такъ! такъ! Очень пріятна, очень!—поспѣшили поддержать жевавшіе и выпивавшіе офицеры.

— Геройскій духъ требуетъ веселости! Уныніе ослабляетъ храбрость! Вотъ мои правила. И сама мудрая государыня наша изрекла: «Живи и жить давай другимъ». Смѣю утверждать, что и самъ люблю пожить привольно и другимъ не мѣшаю. Я и солдата не притѣсняю. Внѣ прямыхъ своихъ обязанностей онъ воленъ у меня совершенно. И если солдатика гдѣ пограбятъ куръ, индѣекъ, огородъ или фруктовый садъ оберутъ, или насчетъ женскаго пола пройдутся, или разнесутъ такой-этакій жидовскій трактиръ и запасутся пѣнничкомъ,—я смотрю сквозь пальцы! И солдату хочется приварка! Что жъ ихъ стѣснять? Старшій мой майоръ, коего я не вижу здѣсь, много мнѣнія и помѣшанъ на муштрѣ. Я же съ людьми до крайности добръ! Вотъ графъ Финшъ иной характеръ имѣетъ. Что онъ мнѣ говорить, господа! — обращааясь ко всѣмъ и улыбаясь, сообщилъ полковникъ:—«милостивецъ, говорить», — это у него присказка такая ко всему — «милостивецъ, сидя передъ палаткой, въ прохладѣ распивая чай, люблю бить людей!» Хе-хе-хе! Такой чудакъ!

— Ха-ха-ха!—покатились господа офицеры.

— Я увѣренъ, что графъ Мелинъ, объ успѣхахъ вашихъ въ домѣ коего мы освѣдомлены достаточно, — о, мы о всемъ освѣдомлены! — снимая парикъ и вытирая плѣшь, говорилъ полковникъ, — я увѣренъ, что графъ Мелинъ снабдилъ васъ подорожными на поприще чести и успѣховъ воинской карьеры. Я подразумѣваю рекомендательныя письма.

— Вы не ошиблись, полковникъ, — холодно сказалъ Павелъ Корнильевичъ, который чѣмъ дольше всматривался въ компанію, членомъ которой оказался, тѣмъ болѣе проникался изумленіемъ и сомнѣніемъ: — графъ Мелинъ снабдилъ меня рекомендательными письмами къ нѣкоторымъ лицамъ.

— А не откажите показать, государь мой, къ какимъ именно? — заискивающе сказалъ полковникъ.

Раджицкій вынулъ бумажникъ и досталъ изъ него письма.

— А! О!.. — произнесъ только полковникъ Пушковъ. И, возвращая письма, прямо съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на обладателя такихъ «подорожныхъ».

— Съ такими кредитивами, господинъ Раджицкій, вы не промедлите въ своей игрѣ: можно сказать, имѣете въ рукахъ трехъ главныхъ матедровъ! Хе-хе-хе!

— Они уже понтировали, и весьма счастливо попервоначалу! — вставилъ капитанъ Ходоровскій.

— Что? Понтировали?! не пользовался ли господинъ Раджицкій услугами вашего «старичка»? — спросилъ полковникъ со смѣхомъ.

— Пользовался! — прохрипѣлъ капитанъ.

Смѣхъ сталъ общимъ.

— Надо признаться, у меня въ полку игра сильная! — продолжалъ полковникъ. — Но азартъ игрецкій воспитываетъ отвагу, приучаетъ къ риску, и я замѣчалъ, что всѣ храбрецы и рубаки — всегда игроки. Сильнѣйшая игра у генерала Зорича въ Шкловѣ! И что же? Генералъ извѣстный храбрецъ. Ахъ, вотъ еще мысль пришла! Вѣдь и свѣтлѣйшій не отказываетъ себѣ въ семъ удовольствіи. Поэтому, господа, при встрѣчѣ около закусочнаго стола непременно поставитъ особый ломберный, и пусть идетъ при-мѣрная игра.

— И капитана со «старичкомъ» за этотъ столъ! — потирая руки отъ удовольствія, сказалъ Уланіусъ.

— И капитана! — согласился, загадочно улыбаясь, полковникъ. — Кто знаетъ! Замѣтивъ игру, свѣтлѣйшій заинтересуется, подойдетъ и...

— Только бы замѣтилъ и подошелъ! — прохрипѣлъ капитанъ.

— Господинъ Поппе! Запишите насчетъ картъ при встрѣчѣ свѣтлѣйшаго! — приказалъ полковникъ. — Слышалъ я, что свѣтлѣйшій, кромѣ брильянтовъ, ничего не ставитъ!

Павелъ Корнильевичъ подтвердилъ, сказавъ, что, бывая въ Петербургѣ въ домѣ Кашгалинскаго, въ этомъ имѣлъ случай убѣдиться.

— Да, вѣдь вы были въ уборныхъ сержантахъ. Знаю! Но что же побудило васъ, государь мой, имѣя передъ собой прямой путь въ адъютанты къ свѣтлѣйшему, избрать кружной, черезъ армію?

Павелъ Корнильевичъ объяснилъ, что не ищетъ быть адъютантомъ, а желалъ въ арміи изучить прямую службу, дабы не оказаться несвѣдущимъ въ дѣлѣ.

— Да! да! Сіе есть весьма почтенно! Ну, а мы люди грѣшные ищемъ случая и фортуны! Безъ этого никакіе подвиги и труды не помогутъ въ нашъ вѣкъ,—сказалъ полковникъ.—Вотъ хотя бы взять всѣ наши бѣлорусскіе полки. Вы, конечно, знаете командира всѣхъ бѣлорусскихъ войскъ, князя Василя Васильевича Долгорукова? Чай, въ Петербургѣ въ Кавалергардской видывали прекрасную супругу его, нашу мать-командиршу, Екатерину Ѳеодоровну. Первѣйшая красавица, и свѣтлѣйшій отъ нея весьма растрепанъ. Князь Долгорукій, вмѣсто строгихъ смотровъ, желаетъ только въ лагерѣ праздниковъ, собственно имѣя въ предметѣ забавлять Екатерину Ѳеодоровну. Обыкновенно извѣщаетъ онъ, когда пріѣдетъ полкъ смотрѣть. Полковнику должно поэтому приготовить праздники, иллюминаціи, фейерверки. Что же будетъ, если онъ прямой-то службой, какъ вы изволите выражаться, солдатъ займетъ? Что же онъ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ покажетъ? А если она останется недовольною, то князь этого полковнику и офицерамъ его никогда не проститъ и станетъ обходить въ производствѣ и наградахъ.

— Но, угождая Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ,—возразилъ Павелъ Корнильевичъ,—не угождаете ли вы и туркамъ? Вѣдь, пожалуй, проведя все мирное время за пиротехніей, бѣлорусскіе полки ея величества въ дѣлѣ окажутся весьма посредственны!

— Случай! Фортуна! Все отъ этого зависитъ! Но я скорѣе согласенъ сдать туркамъ крѣпость, чѣмъ быть неучтивымъ и непріятнымъ прекрасной женщинѣ! Первое правило рыцарства — служеніе красотѣ! — обращаясь къ метрессамъ, галантно воскликнулъ полковникъ. — Наконецъ, долженъ я воспитать въ полку моемъ свѣтскость и людскость, хорошій тонъ и манеры. Вдругъ полкъ въ Петербургъ потребуютъ! чѣмъ же удивить? Вонъ генералъ графъ Апраксинъ, будучи командиромъ Кіевскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Петербургѣ, одѣлъ весь свой полкъ въ тонкое сукно и нанялъ иностранцевъ-лакеевъ, переодѣлъ ихъ въ солдатъ и разставлялъ ихъ на наиболѣе посѣщаемыхъ гуляньяхъ, приказывая имъ распѣвать по-французски и по-итальянски, для того, чтобы заставить думать, что солдаты его полка знали оба

сіи языка. И успѣлъ. О полкѣ даже бывшій тогда въ столицѣ знатный французскій философъ Дидеротъ за границу похвалу написалъ, и государыня освѣдомилась, и полкѣ прослылъ образцовымъ! И офицерамъ, и солдатамъ хорошо! Попробуй прямой-то службой того же добиться! Нѣтъ, я вотъ знаю одно, что коли свѣтлѣйшій останется доволенъ нашей галереей въ чегыре тысячи шкаликовъ... Ба! Какая богатая мысль! Вѣдь и у насъ есть иностранцы и знающіе языки. Вотъ что! Составить вокабулы краткія простаго разговору на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ и наскоро обучить хотя десятокъ-другой нижнихъ чиновъ, и пусть они неподалеку отъ закусочнаго стола стануть и между собой бесѣдуютъ! Господинъ Поппе, запишите!

XVIII.

Лагерь на Могилевской дорогѣ.

Закусивъ, жаркое время дня полковникъ провелъ на лугу, гдѣ лежало свѣжескопшенное, душистое сѣно. На него положили ковры, множество подушекъ и раскинули полотняные навѣсы, поддерживаемые золочеными кольями. Здѣсь, вмѣстѣ съ псами, въ разнообразныхъ положеніяхъ помѣстились: полковникъ, его дамы, прилебатели и офицеры, развлекаясь прохладительными напитками, прибаутками и прыжками шута и неизбѣжными фараономъ и ломберомъ.

Павелъ Корнильевичъ, несмотря на краснорѣчивые взоры метрессы и ласковыя приглашенія полковника, остался въ почтовомъ домѣ, желая заняться своими дѣлами. Онъ принялся писать графу Мелину письмо о несчастныхъ, разлучаемыхъ сельскихъ любовникахъ, чтобы послать его съ нарочнымъ.

Кончивъ письмо и отдавъ его Митрофану, Павелъ Корнильевичъ задумался, разбираясь во впечатлѣніяхъ первыхъ часовъ, проведенныхъ имъ въ полку.

Ясно видѣлъ онъ, что у такого полкового командира, какимъ былъ полковникъ Пушкинъ, ни о какой «прямой службѣ» и думать нечего, и что онъ попалъ въ ту же среду искателей фортуны и случая, которая утомила его своей пустотой еще въ бытность уборнымъ сержантомъ. Но только новые товарищи были еще ничтожнѣе и мельче. Поэтому Павелъ Корнильевичъ рѣшилъ держаться въ сторонѣ и даже теперь выѣхать въ лагерь самостоятельно, не дожидаясь командира. Онъ приказалъ Митрофану сѣдлатъ лошадей и выючить, что тотъ принялъ съ видимымъ удовольствіемъ, несмотря на то, что пуститься въ дорогу предстояло въ жаркую часть дня, подвергая Макромегаса утомленію. Пока Митрофанъ изготовлялся въ путь, а Павелъ Корнильевичъ сидѣлъ, погруженный въ размышленія, на извѣстной уже дере-

вянной софѣ, явился адъютантъ Поппе. Бѣлобрысый и прыщавый нѣмчикъ, сладко улыбаясь, предложилъ Павлу Корнильевичу остановиться у него. Онъ будетъ весьма счастливъ имѣть товарищемъ человѣка просвѣщеннаго и благородныхъ привычекъ. Самъ онъ, Поппе, хотя и обращается въ средѣ разсѣянной, но сохранилъ добрую нравственность. Тутъ господинъ Поппе сталъ разспрашивать Павла Корнильевича о впечатлѣніи, которое на него произвелъ полковникъ Пушкивъ и офицеры полка. Павелъ Корнильевичъ отвѣчалъ неопредѣленно.

— Вижу и понимаю безъ словъ!—затараторилъ Поппе.—Но что это? Вашъ человѣкъ подаетъ къ крыльцу засѣдланную лошаадь? Вы ѣдете?

— Да, да, ѣду, господинъ Поппе.

— Куда?

— Въ лагерь.

— Зачѣмъ же? Кому же вы тамъ явитесь?

— Старшему майору.

— Дѣло ваше, конечно. Но лучше бы вамъ ѣхать вмѣстѣ съ полковникомъ. Вѣдь онъ занимаетъ огромную усадьбу помѣщика Ряполовича, въ трехъ верстахъ отъ лагеря. Тамъ и мы всѣ почти размѣстились. Самъ Ряполовичъ проживаетъ въ Петербургѣ и хорошій пріятель нашего полковника. Въ лагерѣ же невозможно жить.

— Какъ это невозможно?—удивился Радожицкій.

— То есть человѣку, сколько-нибудь привыкшему къ обстановкѣ порядочнаго круга. Удивляюсь, какъ это нашъ старшій майоръ живетъ! Мѣстность сырая, болотистая. Вода очень дурная. Вы тамъ сейчасъ схватите лихорадку.

— Но какъ же тамъ живутъ солдаты?

Адъютантъ Поппе пожалъ плечами.

— Мужики! Гречкосѣи! Они ко всему привыкли. Впрочемъ, многіе болѣютъ.

— Почему же полковникъ выбралъ такую вредную мѣстность для лагеря?

— Невозможно было иначе, въ виду проѣзда свѣтлѣйшаго. Это самый выгодный пунктъ по отношенію къ козловцамъ.

— А какъ зовутъ старшаго майора?

— Полчаниновъ, Левъ Степановичъ. Пренепріятный, грубый, неучтивый, необразованный человѣкъ! Упрямятъ, помѣшанъ на муштрѣ и съ полковникомъ на ножахъ. Онъ только для того и въ лагерѣ сидитъ, чтобы всѣмъ намъ глаза колотъ. Да вы сами его увидите и оцѣните, господинъ Радожицкій.

— Увижу и оцѣню, господинъ Поппе.

— Такъ все же ѣдете, господинъ Радожицкій?

— Все же ѣду, господинъ Поппе.

- Счастливаго пути въ такомъ разѣ, господинъ Радожицкій!
- Счастливо оставаться, господинъ Поппе!
- Не забудьте спросить въ лагерѣ, гдѣ квартира адъютанта Поппе и располагайтесь въ ней безъ всякаго стѣсненія!
- Благодарю. Тамъ видно будетъ!

Павель Корнильевичъ уже былъ на крыльцѣ, уже сидѣлъ въ сѣдлѣ. Митрофанъ тоже взобрался на коня, и оба маршъ-маршъ поскакали мимо ставки полковника, сверкавшей золотыми кольями навѣса, откуда неслись звуки гитары и пѣніе одной изъ метресъ:

Въ томленіи любовномъ
Пастушка клонитъ взоръ,
Съ овечкою и овномъ
Заводитъ разговоръ:
Бе! бе! бе! бе!—овечка!
Бя! бя! бя! бя—овень!
Мое горитъ сердечко,
Познавъ любовный плѣнь!

Любится невозбранно
Овечкамъ и овнамъ,
То почему не данно
Свободы сей и намъ?
Бе! бе! бе! бе!—овечка!
Бя! бя! бя! бя—овень!
Мое горитъ сердечко,
Познавъ любовный плѣнь!

Скоро, однако, ставка и пѣніе остались позади и пропали изъ глазъ и слуха. Великая тишина луговъ, полей, лѣсовъ и пустошей, лишь наполненная гудѣньемъ роевъ насѣкомыхъ, шелестомъ листвы, ропотомъ ручьевъ и птичьимъ щебетомъ и свистомъ, охватила путника. Опять въ душѣ его стало ясно и проведенные столь безпутно часы уже не оставляли слѣда. Онъ думалъ о родительскомъ домѣ. Образъ графини Анны прорѣялъ передъ нимъ. Стали представляться грядущіе военные подвиги. Не всѣ же полковые командиры похожи на Пушкина, и не всѣ корпусные—на князя Долгорукова! Молодой человекъ рвался къ тѣмъ доблестнымъ частямъ побѣдоноснаго воинства, которыя были воспитаны Румянцовымъ, которыми предводительствовалъ ученикъ героя Бибикова, славный Суворовъ! Рымникскій! Задунайскій! По ихъ стопамъ положилъ слѣдовать Павель Корнильевичъ, презирая низкую среду гвардейскихъ и армейскихъ уловителей случая и фортуны въ переднихъ свѣтлѣйшаго.

Въ такомъ настроеніи уже въ сумеркахъ прибылъ Радожицкій въ лагерь, который подлинно расположенъ былъ въ явно неудобной болотистой низинѣ, покрытой кочками, чахлыми елочками съ желтыми верхушками и перерѣзанной ржавымъ ручьемъ.

Первое, что бросилось въ глаза Радожицкому, это столбы, палки, рѣшетки, подмостки и досчатая перегородки, сооруженныя

въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги. Онъ догадался, что то была знаменитая «галерея», или, точнѣе, остовъ ея, долженствовавшій своевременно засверкать шкаликами и изобразить «путь къ пользѣ».

Солдаты помѣщались въ землянкахъ и досчатыхъ шалашахъ, тонувшихъ въ непросыхающей, черной грязи торфяной почвы. Хотя въ пѣснѣ и говорилось, будто «всему полку даны полсапожки и штаны», но большая часть солдатъ, угрюмыхъ, съ большими, желтыми лицами, бродила босикомъ или въ мужицкихъ лаптяхъ, а рубахи и порты пестрѣли заплатами, прорѣхами и давно не видали стирки. Лагерь представлялъ поразительно унылое зрѣлище, въ особенности при сопоставленіи съ разгульной ставкой и выѣздомъ командира. Спросивъ палатку старшаго майора, Радожицкій поѣхалъ къ ней. То былъ сколоченный изъ досокъ домикъ. У двери стоялъ старослуживый солдатъ съ сѣдыми усами и серьгой въ ухѣ. На этомъ подлинно были и полсапожки, и штаны, и прочія части обмундированія.

Пока Радожицкій просилъ солдата доложить о себѣ майору, изъ глубины тесовой хижины выглянулъ худой старикъ, съ сѣдой щетиной на скулахъ и верхней перепачканной табакомъ губѣ, коротко остриженный, съ пронзительнымъ взглядомъ, чрезвычайно съ виду сердитый. На немъ былъ плафрокъ и на ногахъ туфли.

— Они сами!—почтительно сказалъ вполголоса солдатъ.

Защитивъ рукою глаза, майоръ оглядѣлъ всадника съ ногъ до головы, фыркнулъ и, проговоривъ съ явной досадой:

— Сейчасъ! Сейчасъ!—скрылся въ глубинѣ хижины.

Павель Корнильевичъ сошелъ съ коня и ждалъ.

— Пожалуйте!—раздался голосъ изъ хижины.—Чего же вы не идете? Вамъ говорятъ,—пожалуйте!—въ желчномъ раздраженіи нетерпѣливо закричалъ сейчасъ же майоръ, когда Радожицкій замедлил нѣсколько у входа.

XIX.

Сердитый майоръ.

Майоръ успѣлъ надѣть парикъ, мундирный кафтанъ и прицѣпить шпагу. Только туфли на ногахъ остались.

Павель Корнильевичъ представился сердитому старику и оглядѣлъ его жилище.

Въ немъ ничего не было, кромѣ походной кровати, доски на двухъ боченкахъ, служившей столомъ, стараго мягкаго кресла, обитаго лошадиной шкурой, табурета. На полочкѣ лежало нѣсколько книгъ въ кожаныхъ переплетахъ. Въ углу сверкала ризой съ камнями икона Смоленской Одигитрии и теплилась передъ ней лампадка.

— Вы изъ гвардіи къ намъ перевелись?—угрюмо спросилъ старикъ, недовѣрчиво пронизывая взоромъ щеголеватого молодого человѣка, почтительно стоявшаго передъ нимъ.

— Изъ гвардіи, господинъ майоръ.

— А въ какомъ чинѣ вы были въ гвардіи, сударь?

— Въ чинѣ секундъ-майора.

— Славно! А въ чемъ ваша служба состояла?

— Собственно, ни въ чемъ,—улыбаясь, отвѣчалъ Радожицкій.

— Ни въ чемъ! Прекрасно! За это именно и получаютъ въ гвардіи чины. Но въ чемъ же состояло сіе «ничто», сударь мой?

— Сначала я былъ уборнымъ сержантомъ, потомъ назначень на ординарцы къ свѣтлѣйшему, а потомъ...

— Потомъ?

— Потомъ произведенъ въ секундъ-майоры.

— Коликихъ лѣтъ, сударь мой?

— Мнѣ не было и двадцати.

— Такъ! такъ! Самый лучший возрастъ быть секундъ-майоромъ. Да въ армію-го вы почему попали?

— По собственной охотѣ, скучая бездѣльемъ и желая изучить пѣямую воинскую службу.

— Вотъ какъ? Сіе похвально, однако маловѣроятно. Думать надо, за какое художество пришлось вамъ покинуть столицу и опредѣлиться въ армію.

— Вы ошибаетесь, господинъ майоръ,—вспыхивая, возразилъ Радожицкій.—А что я уже и прошелъ прямую службу, о томъ можете навести справку въ Могилевѣ, въ ротѣ капитана Дрейера

— Знаю и уважаю капитана Дрейера!—смягчаясь сказалъ майоръ.—Если на него шлетесь, должно вамъ вѣрить. Да къ намъ-то зачѣмъ пожаловали?

— Ввиду скорого выступленія полка, я опредѣлился сюда прапорщикомъ сверхъ комплекта.

— Такъ съ чего же вы ко мнѣ обратились? Вѣдь на то есть полковникъ Пушкивъ. А онъ со всѣми нашими щеголями обитаетъ за три версты отсюда и задаетъ банкеты. Къ нему держите путь.

Павель Корнильевичъ объяснилъ, что уже видѣлъ полковника и оставилъ его возлѣ почтоваго дома со всей компаніей. Но желалъ бы онъ помѣститься въ лагерь и проходить прямую службу.

Сердитый майоръ посмотрѣлъ на молодого человѣка удивленно и недовѣрчиво, и пожевалъ губами, соображая.

— Вы хотите помѣститься въ лагерь,—сказалъ онъ.—Но здѣсь для такихъ щеголеватыхъ молодчиковъ воздухъ очень тяжелый, вредный. Чай вы, сударикъ мой, обратили вниманіе, на какомъ болотѣ поставленъ лагерь. Вотъ, извольте взглянуть,—продолжалъ майоръ, указывая на открытую дверь своего сарайчика:—солнце

еще только за лѣсъ сѣло, а пошелъ туманъ и весьма, могу свидѣтельствовать, зловредный.

Въ самомъ дѣлѣ болотистая низина вся курилась туманомъ.

— Я это вижу, — возразилъ Павелъ Корнильевичъ. — Но вѣдь вы же не боитесь этого тумана.

— Э, съ кѣмъ себя сравнили! Я сколько отломалъ походовъ! Въ сколькихъ баталіяхъ былъ! И пуля вражья меня не взяла. Раненъ въ ногу, въ плечо, въ грудь. А все цѣлъ. Меня ни туманъ, ни жаръ, ни стужа, ни голодъ, ничто не беретъ. А вы, сударь, кромѣ сквозного вѣтра въ Кавалергардской залѣ ничего не испытали.

— Потому-то я и желаю остаться при васъ въ лагерѣ, что еще испыталъ мало или почти ничего, — отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ. — Ежели съ самаго начала уклонюсь я отъ исполненія служебнаго долга и не буду раздѣлять участь моихъ солдатъ, то какъ же дальше стану переносить большія трудности похода и кампаніи? Нѣтъ, я намѣренъ помѣститься здѣсь и быть подъ вашею командою.

Майоръ вслушивался въ слова молодого человѣка съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто то была прекрасная музыка, о самой возможности которой онъ уже и думать позабылъ. Угрюмое, желчное, раздраженное лицо его смягчалась и свѣтлѣло, и онъ сталъ потирать себѣ руки отъ удовольствія. Однако все еще не довѣрялъ.

— Признаться должно, сударь мой, — сказалъ онъ: — что вы такія правила выражаете, о которыхъ здѣсь всѣ позабыли.

— Въ этомъ я самъ убѣдился, проведя нѣсколько часовъ съ господами офицерами въ почтовомъ домѣ, — отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ. — Однако, нельзя сказать, что всѣ долгъ службы позабыли, если ваше благородіе его помнитъ.

— Я — старый солдатъ и мнѣ на новый ладъ не переучиваться. Ничего и не выйдетъ. За молодыми искателями случая и фортуны мнѣ не угнаться. И въ сладкихъ словахъ вашихъ я не нуждаюсь. Но если расположеніе ваше къ службѣ твердое, то оставайтесь здѣсь. Да, какъ васъ по фамиліи, сударь мой? Я, надо вамъ сказать, въ голову контуженъ, да и старъ. Поэтому туговать на ухо. Сказали, я и не дослышалъ.

Раджицкій выкрикнулъ свою фамилію.

— Какъ? Раджицкій! — вскричалъ майоръ, вскакивая. — Да не Корнилія ли Петровича сынъ?

— Такъ точно. Я сынъ Корнилія Петровича Раджицкаго.

— Голубчикъ мой! Да вѣдь я батюшку вашего знаю отлично за храбраго офицера и полковника! Ну, теперь и не диво, что особливья отъ прочихъ гвардіонцевъ имѣете правила, — окончательно просіявъ, вскричалъ старый майоръ. — Яблоко-то недалече отъ яблони падаетъ! Присядьте, сударь мой, да потолкуемъ лад-

комъ! — пододвигая деревянный табуретъ, продолжалъ майоръ, — Корнилія Петровича сынъ! Какъ же, отлично знаю батюшку вашего, хотя мы вмѣстѣ и не служили, но одной школы, одного закала—графа Миниха, графа Румянцева, Михельсона, Бибикова! Вотъ полководцы! Не чета нынѣшнимъ! Въ наше время честь и долгъ вели человѣка, а нынѣ случай и слѣпая фортуна! Ну, сердечно радъ видѣть васъ, сударь мой, шествующаго по слѣдамъ тѣхъ героевъ и почтеннаго вашего батюшки. А если хотите въ лагерѣ остановиться, то лучшаго въ немъ помѣщенія не сыщете, какъ моя хижина!—возбужденно говорилъ обрадованный старикъ.

— Если только васъ не стѣсню, — сказалъ Павелъ Корнильевичъ:—то весьма буду благодаренъ за гостепримство ваше.

— И-и-и, сударь мой, какое стѣсненіе! А моя хижина, какъ видите, стоитъ на пригоркѣ и менѣе подвержена дѣйствию вредныхъ испареній и сырости. Только... боюсь я, какъ бы вы въ самомъ дѣлѣ не пострадали! — продолжалъ майоръ, теперь уже забываясь о здоровьи юноши, сына уважаемаго имъ человѣка.— Не лучше ли вамъ въ самомъ дѣлѣ помѣститься при полковомъ командирѣ? Онъ съ господами офицерами занимаетъ обширную усадьбу, гдѣ много флигелей. Мѣстность тамъ возвышенная, сухая. Версты три отсюда.

— Господинъ Поппе предлагалъ помѣститься въ его квартиру, но я...

— Поппе! Этотъ гнилой нѣмчикъ! пушковскій шпионъ!—перебилъ майоръ. — Да что вы! Я бы однимъ воздухомъ не могъ дышать съ этимъ подлецомъ. Нѣтъ, у него не останавливайтесь. А я знаю, что тамъ обширная оранжерея. Только за отсутствіемъ помѣщика въ ней никакого произрастанія не имѣется. И садовникъ въ другое имѣніе отозванъ. Помѣщайтесь тамъ. Сухо, свѣтло. А сюда будете ежедневно съ утра приѣзжать и помогать мнѣ въ ученіи солдатъ... если только Пушковъ не заставитъ ихъ готовить шкалики и потѣшныя огни. Я, должно сказать, съ полковымъ командиромъ живу, что кошка съ собакой. И если бы не былъ я необходимо для полка нуженъ, онъ давно бы меня выжилъ. Но понимаетъ онъ, что обученіе солдатъ и все хозяйство, фуражъ, провіантъ и самый въ лагерѣ порядокъ на мнѣ одномъ держатся. Потому и терпитъ. Но вамъ съ какой же стати вооружать противъ себя полкового командира? Онъ можетъ вамъ, молодому еще человѣку, всячески по службѣ нагадить. Да, удивительныя времена!—глубоко вздохнувъ, продолжалъ старый майоръ.—Подлинно, въ старыя годы было грубости больше, и наказанія суровѣе, и муштра строже, и самое обмундированіе, можно сказать, на солдатскую муку было придумано, а честность была. Служба жуткая, да веселая, ибо зналъ, что безъ награды не останешься. И командиры наполняли насъ особымъ духомъ храбрости! Теперь по ви-

димости вольнѣ стало. Все щеголи, аристократы! Какъ говорятъ— заслушаешься! Свѣтлѣйшій, можно сказать, всякую муштру, всякое стѣсненіе отмѣнилъ. Офицеры одѣты, кто какъ хочетъ! И не дивно, коли самъ генераль-фельдмаршалъ по цѣлымъ недѣлямъ штановъ не надѣваетъ. А служить стало хуже. Нашего брата, армейщину, обскакиваетъ всякій молокососъ. Ты трудишься, обламываешь пастуховъ да пахарей; только людей обучилъ и въ образъ человѣческой привелъ—хлопъ! сваливается изъ Петербурга молодчикъ...

— Вродѣ меня!—улыбаясь, вставилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Не въ обиду будь вамъ сказано, а сами признаете, что за ничто произведены въ секундъ-майоры! Да что—вы! Все же вы хоть въ уборныхъ были. А такіе есть поручики, что и совсѣмъ, кромѣ своей голубятни да дѣвичьей, и не видали ничего. Записанъ онъ въ гвардію еще младенцемъ. Потомъ родители съѣзжаютъ въ столицу, подмажутъ, кого слѣдуетъ, и сынокъ ихъ производится въ чинъ и выпускается тѣмъ чиномъ въ армію, и прямо изъ своей усадьбы ѣдетъ въ полкъ, настоящимъ служакамъ перебиваетъ линію и чинопроизводство и даже иной разъ командуетъ такимъ старикомъ, какъ я. Вотъ въ чемъ обида!

— Однако російское войско побѣждаетъ непрестанно!—возразилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Побѣждаетъ. Да какія части побѣждаютъ? Тѣ, въ коихъ много ветерановъ и старослуживыхъ, воспитанныхъ Румянцовымъ и Бибиковымъ. Армія живетъ старымъ запасомъ. А вотъ хотя бы нашъ полкъ и всѣ бѣлорусскіе, четырехбатальонные, что подъ командой князя Долгорукова только и нюхали порохъ, когда въ честь прекрасной его супруги фейерверки жгли! Что жъ, думаете вы, съ такими полками побѣждать? Многіе ли полковые командиры и офицеры умѣютъ въ сѣдлѣ держаться? Во время походнаго движенія кавалерійскаго полка кто его ведетъ? Старый майоръ. Остальные же начальники ѣдутъ въ экипажахъ и съ любовницами!

Майоръ прошелся взволнованно и заговорилъ угрюмо:

— Армія развращается примѣромъ случайныхъ вельможъ! Молодые, богатые полковые командиры, пріѣзжая изъ Петербурга, хотятъ надѣлать своихъ солдатъ изящными и пріятными манерами, словно для танцъ-бодена ихъ готовятъ, а не для войны. Другіе, менѣе богатые, слѣдуютъ примѣру первыхъ, и всѣ за исключеніемъ немногихъ, старозавѣтныхъ да нѣкоторыхъ нѣмцевъ, сохраняющихъ еще расположеніе своей націи къ порядку и экономіи, предаются страшнымъ расходамъ и при томъ съ такимъ безстыдствомъ, что даже тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго клочка земли, держатъ открытый столъ, обширныя конюшни, изящную прислугу, серебряные сервизы, великолѣпныя палатки, оркестры.

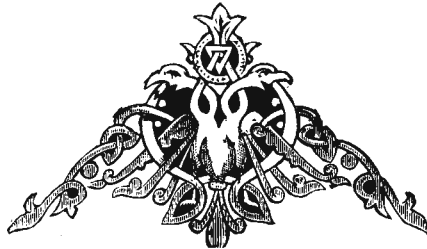
Откуда все сіе? Но полно объ этомъ. А я, желая вамъ добра, какъ сыну уважаемаго мною человѣка, скажу! Вы со мной не поселяйтесь, ибо полковникъ Пушковъ не иначе сіе пойметъ, какъ явное соглашеніе съ врагомъ его, мною то-есть, и ненависть, которой ко мнѣ пылаеть, и на васъ перенесетъ. А потому еще разъ вамъ скажу, поселяйтесь близъ командира.

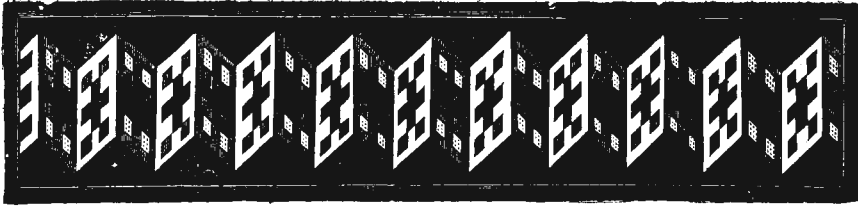
— Я останусь съ вами здѣсь,—рѣшительно отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ,—и если позволите, то именно въ вашемъ помѣщеніи поселюсь!

Старый майоръ молча протянулъ руку юному военному и крѣпкимъ пожатіемъ отвѣтилъ на благородный его порывъ.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА ¹⁾.

III.

Князь А. С. Меншиковъ. — Его личность. — Первоначальная служба князя Меншикова. — Его рассказы о шведскомъ кронпринцѣ Бернадотѣ и генералѣ Озеровѣ. — Подвигъ полковника Монахтина. — Дальнѣйшая карьера князя Меншикова. — Его отставка. — Мнѣніе о немъ императора Александра. — Жизнь въ отставкѣ. — Поступленіе вновь на службу при императорѣ Николаѣ. — Посольство въ Персію. — Князь Гагаринъ. — Его трагическая смерть. — Отъѣздъ князя Меншикова въ дѣйствующую армію. — Порядки и злоупотребленія въ адмиралтействъ-коллегіи. — Мои сношенія съ княземъ Меншиковымъ. — Полученная имъ подъ Варной рана. — Докторъ Калининъ. — Недовольство Меншикова мною. — Назначеніе мое въ должность секретаря канцеляріи главнаго морского штаба.

НЯЗЬ Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, только что воротившійся изъ Персіи, былъ прекрасный, стройный, съ умными и добрыми темносиними глазами и съ саркастической улыбкой, кавалеръ александровскаго двора, который отличался тонкостью и изяществомъ пріемовъ. Вся его личность представляла любопытное явленіе; онъ былъ очень внимателенъ къ сестрѣ своей, любезенъ съ своими племянницами, необыкновенно вѣжливъ со мной, но видно было, что онъ не жаловалъ своего шурина, и что князь Гагаринъ боялся его. Говоря иронически съ вельможами, которыхъ встрѣчалъ у Гагарина, онъ кидалъ на меня украдкой взгляды, какъ будто желая мнѣ сказать: посмотрите, что за болваны! Помню, какъ онъ трунилъ надъ толстымъ княземъ D. «Dernièrement on disputait sur une question qu'on pourrait appeller nationalo; N. N. prétendait, que le cocher du carosse qui

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СХІ, стр. 43.

conduisait l'Empereur Alexandre au couronnement, avait les bas blancs, et moi j'affirmais qu'il les avait rouges; tout le monde étant contre moi, j'ai déclaré que je ne céderais qu'à l'arbitrage de D. Comment décidez vous?.. Mon cher prince, отвѣчалъ переважно D., vous avez très bien fait de vous adresser à moi; j'ai particulièrement étudié cette époque, et je puis vous dire, que le cocher avait, des bas blancs»¹⁾. Меншиковъ обращался обыкновенно съ насмѣшкой къ тѣмъ, которые на мой поклонъ отвѣчали съ высококомфлиемъ,—и, разумѣется, обворожилъ меня. Сестра его смотрѣла на него какъ на божество.

Удивительно, какъ въ Меншиковѣ тѣсно соединялся повѣса съ глубокомысленнымъ мужемъ, и это было всегда такъ. Онъ родился и воспитывался въ Дрезденѣ, былъ такой шалунъ, такой лѣнтяй и невѣжда, что отецъ его, потерявъ всякую надежду на сына, отправилъ его въ Петербургъ 17 лѣтъ съ письмомъ къ фельд-маршалу Прозоровскому, сказавъ сыну, что даетъ ему на расходы только 3 т. р. въ годъ. Въ Петербургѣ сдѣлали князя камеръ-юнкеромъ V класса и опредѣлили въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ 1805 году. 17-лѣтній статскій совѣтникъ нанялъ въ Малой Морской, въ домѣ Манычарова, въ 3 этажѣ, двѣ маленькія комнаты, накупилъ себѣ книгъ, взялъ нѣсколькихъ учителей и принялся учиться неутомимо,—тотъ самый мальчикъ, котораго въ Дрезденѣ не могли ничѣмъ заставить взять книгу въ руки. Вскорѣ послали его съ депешами въ Лондонъ; узнавъ въ Гамбургѣ, что Голландія вооружаетъ канонерскую флотилію противъ Англии, этотъ юный дипломатъ отдалъ депеши на почту, а самъ опредѣлился волонтеромъ на голландскую флотилію! Не знаю, какъ наше посольство выловило этого волонтера и его отправило въ распоряженіе миссіи нашей въ Стокгольмъ. Тамъ князь Меншиковъ скоро прославился своими шалостями, и миссія сочла за лучшее выслать его въ Петербургъ. Здѣсь приняли его, разумѣется, неласково, и Меншиковъ рѣшился перейти въ военную службу: его приняли подпоручикомъ въ артиллерію и отправили въ Молдавію,—если не ошибаюсь, къ Прозоровскому, отъ котораго онъ послѣ достался графу Каменскому, который взялъ его къ себѣ въ адъютанты. При сдачѣ своей артиллерійской команды Меншикову пришлось дать 1.000 р. взятки Безаку, завѣдывавшему хозяйственною частью, отцу нынѣшняго генераль-адъютанта Безака: это

¹⁾ Недавно былъ споръ о вопросѣ, можно сказать, народномъ; N. N. утверждалъ, что кучеръ кареты, въ которой ѣхалъ императоръ Александръ на коронацію, былъ въ бѣлыхъ чулкахъ, а я увѣрялъ, что онъ былъ въ красныхъ, такъ какъ всѣ были противъ меня, то я объявилъ, что уступлю только рѣшенію Д. Какъ вы рѣшите?..—Дорогой князь, вы хорошо сдѣлали, что обратились ко мнѣ; я подробно изучалъ эту эпоху, и могу вамъ сказать, что кучеръ былъ въ бѣлыхъ чулкахъ!

было первымъ шагомъ молодого князя на практическомъ пути дашей государственной службы. По смерти Каменскаго, князь не захотѣлъ остаться у Кутузова, преемника Каменскаго, служилъ здѣсь въ гвардіи, и въ 1813 году былъ капитаномъ Преображенскаго полка. Любопытны рассказы его объ эпизодахъ этого времени. Надобно было дать знать шведскому кронпринцу Бернадоту, что баварцы соединились, и что можно начать дѣйствовать (подъ Дрезденомъ). Послали фельдъегеря, Влодека и Меншикова: фельдъегерь застрѣленъ французскимъ пикетомъ; Влодека взяли въ плѣнъ; князь Меншиковъ съ двумя казаками избѣгъ плѣна только тѣмъ, что лошади ихъ перескочили черезъ заборъ, черезъ который отрядъ французскихъ драгунъ не могъ переброситься. Меншиковъ пріѣхалъ ночью и легъ у палатки Бернадота; здѣсь онъ услышалъ, какъ Бернадотъ говорилъ кому-то: «je ne sais ce que je ferai avec ces troupes: ce sont de f..... troupes» ¹⁾. До наступленія утра Меншиковъ успѣлъ уже составить себѣ кружокъ друзей своими остроумными выходками; друзья предупредили его, что Бернадотъ будетъ потчевать его яичницей, но чтобы онъ никакъ не принималъ приглашенія, потому что это разстроило бы Бернадота, привыкшаго сѣдять цѣлую сковороду яичницы, до которой былъ страстный охотникъ. Поутру Бернадотъ принялъ князя, лежа въ постели, въ колпакѣ и въ синей бархатной, отороченной соболями, курткѣ; въ то же время внесли дымящуюся сковороду съ яичницей и поставили передъ постелью. Принцъ приказалъ подать другой приборъ и сказалъ князю:—Allons, cher prince, mangeons à nous deux cette omelette.—Je vous remercie, Monseigneur, je n'en mange jamais.—Comment? ne pas manger une omelette?—замѣтилъ съ видимымъ удовольствіемъ Бернадотъ, придвинувъ къ себѣ сковороду,—vous avez tort, mon cher ami, car c'est une fort bonne chose ²⁾. Принцъ полюбилъ молодого князя; увѣрили, что отказъ отъ яичницы игралъ тутъ не ничтожную роль.

Меншиковъ дѣятельно участвовалъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ наполеоновскихъ войнъ съ Россією, послѣ Аустерлица. Въ 1812 году, при нашествіи на Москву, онъ былъ въ кавалергардахъ; генералъ Депрерадовичъ оставался версты за четыре и, по словамъ князя, не зналъ, что происходила Бородинская битва. Князь, бывъ посланъ къ нему, удивился, что генералъ не слышалъ грома двухъ тысячъ орудій. «Да, братецъ, у меня голлова болѣла». Вообще забавны его рассказы о нѣкоторыхъ герояхъ того времени. Нѣкто Озеровъ, отставной генералъ, посту-

¹⁾ Не знаю, что я могу сдѣлать съ такимъ войскомъ.

²⁾ Вотъ, дорогой князь, покушаемъ вмѣстѣ эту яичницу... Благодарю васъ, ваше высочество, я ее никогда не ѣмъ.—Какъ? не ѣдите яичницы. Вы неправы, мой дорогой другъ, потому что это очень хорошая вещь.

пившій въ ополченіе, будучи необыкновенно храбръ въ дѣлѣ, боялся домовыхъ и лѣшихъ такъ, что ему было гораздо труднѣе рѣшиться провести отрядъ ночью черезъ лѣсъ, чѣмъ стоять спокойно передъ непріятельскою батареею. Этого Озерова взяли въ плѣнъ и привели къ Наполеону. — *Avez vous vu récemment l'armée russe, général?*—*Oui, Sire.*—*Est elle ferme?*—*Comme un rocher, Sire!*—*Combien de baïonettes compte-t-elle?*—*Trois millions, Sire!*—*Allez-vous coucher, imbécile* ¹⁾. Вотъ ихъ разговоръ.

Когда вышла въ свѣтъ исторія Отечественной войны Михайловскаго - Данилевскаго, князь Меншиковъ сердился, что походы Чернышева расписаны были какъ походы Юлія Цезаря, а о многихъ герояхъ времени, скромнаго имени, ничего не говорится, на примѣръ, о полковникѣ Монахинѣ. Въ Бородинскомъ дѣлѣ Евгений Богарне загналъ всю нашу тяжелую кавалерію въ болото; князь Меншиковъ стоялъ съ полкомъ въ болотѣ по поясъ. «Евгеній билъ насъ,—говорилъ князь,—какъ утокъ, и намъ оставалось только креститься и падать въ воду; вдругъ слышимъ русскій барабанъ и видимъ батальонъ пѣхоты, идущій бѣгомъ къ намъ на выручку. Евгений былъ самъ такъ утомленъ, что свѣжій батальонъ стоилъ корпуса. Евгений отступилъ, и мы спасены. Спасителемъ нашимъ былъ армейскій полковникъ Монахинъ».

Послѣ войны князь Меншиковъ былъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба (князя Волконскаго), но положеніе его было гораздо выше его званія. Онъ сопровождалъ государя во всѣхъ его поѣздкахъ на конгрессы и внутри Россіи, и пользовался полнымъ его довѣріемъ и уваженіемъ. Государь сказалъ одинъ разъ княгинѣ Гагариной: «*Si votre frère continue d'agir comme il a agi jusqu'à ce moment, il sera bientôt le premier dans l'empire après moi*» ²⁾. Это погубило его карьеру. Княгиня, въ радости, пересказывала эти интимныя слова государя всѣмъ и каждому, и всѣ соединили свои усилія, чтобы воспрепятствовать осуществленію видовъ государя. Въ 1821 г. или 1822 г. графъ Воронцовъ, графъ Потоцкій и князь Меншиковъ подали государю проектъ объ освобожденіи крестьянъ; государь принялъ это за происки карбонарства, приписалъ инициативу князю Меншикову, и не хотѣлъ болѣе его видѣть. Ему предложили мѣсто посланника въ Дрезденѣ. 33-лѣтній князь былъ однако такъ избалованъ счастьемъ, что счелъ такое предложеніе оскорбительнымъ и подалъ въ отставку, которая ему и дана. Впослѣдствіи открылось, что по-

¹⁾ Видѣли вы недавно русскую армію, генераль? Да, ваше величество. Что она, тверда?—Какъ скала, ваше величество.—Сколько штыковъ насчитываетъ она?—Три милліона, ваше величество!—Идите спать, дуракъ.

²⁾ Если нашъ братъ будетъ продолжать дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ до сихъ поръ, то будетъ скоро въ имперіи первымъ послѣ меня.

дозрѣніе въ карбонарствѣ было только предлогомъ. Чего не умѣли сдѣлать происки партіи Аракчеева и Дибича, соединившихся для уничтоженія Меншикова, то сдѣлала одна ловкая барыня. Она притворилась взволнованною и на настоятельныя просьбы государя сказать ему, какое у нея горе, отвѣчала, что взволнована извѣстіемъ о самой черной неблагодарности князя Меншикова, разглашающаго, будто государь носитъ накладныя икры. Такая версія совпадаетъ съ отзывомъ, слышаннымъ кн. Гагариною отъ государя. Онъ ей сказалъ, давъ отставку ея брату: «Je repais à votre frère une amitié de frère, mais c'est une langue de vipère»¹⁾.

Получивъ отставку, князь, поселился въ подмосковскомъ своемъ имѣніи, но обжорливая Москва не могла накормить душу князя, алчущую дѣятельности. При свиданіи съ Ермоловымъ онъ спросилъ его, какія средства употребилъ онъ, будучи въ опалѣ, чтобы не сойти съ ума отъ праздности и скуки?—«Любезный князь!—отвѣчалъ Ермоловъ:—я нанялъ пьянаго попа, купилъ себѣ Тацита, сталъ учиться по-латыни и переводилъ Тацита». Князь нанялъ тоже пьянаго попа, и тоже сталъ учиться по-латыни, но одинъ визитъ сосѣда далъ его занятіямъ другое направленіе. Однимъ изъ его сосѣдей былъ Глотовъ, отставной морякъ, извѣстный своимъ сочиненіемъ: «Морская практика», которая, кажется, и до сихъ поръ служитъ учебникомъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Когда маркизъ Траверсе просился въ отставку, и на его мѣсто государь полагалъ назначить Грейга морскимъ министромъ, то мѣсто главнаго командира Черноморскаго флота предложено было Меншикову (въ 1819 или 1820 г.), но Меншиковъ сказалъ тогда государю, шутя, что лучше желалъ бы быть митрополитомъ. Вспомня, что есть въ Россіи мѣсто, котораго онъ занять не въ силахъ, Меншиковъ прогналъ пьянаго попа, пригласилъ къ себѣ трезваго моряка и сталъ учиться морскому дѣлу. По неожиданной кончинѣ Александра I, князь написалъ къ новому государю письмо, прося о принятіи его въ службу. Онъ принятъ генералъ-адъютантомъ попрежнему, и вслѣдъ затѣмъ отправленъ въ Тегеранъ съ чрезвычайнымъ посольствомъ. Персидскій кабинетъ замышлялъ уже вѣроломство: сначала князь принятъ былъ хорошо, но потомъ его арестовали, и онъ, едва ли не болѣе года, лишенъ былъ свободы. Наконецъ разрѣшено ему выѣхать, и тутъ присланъ былъ къ нему какой-то сановникъ съ предостереженіемъ: совѣтовали князю ѣхать какимъ-то необычнымъ путемъ, потому что на главной дорогѣ ему грозитъ опасность отъ раздраженнаго народа. Между тѣмъ князь узналъ подъ рукою, что на тотъ необычный путь, на который ему указывали, подосланы были убійцы. Князь совершенно неожиданно направился на глав-

¹⁾ Я питалъ братскую дружбу къ вашему брату, но онъ клеветникъ.

ную дорогу и проѣхалъ благополучно. Весной 1827 года воротился онъ въ Петербургъ и тутъ увидѣлъ я его въ первый разъ.

Кровавая катастрофа вывела меня изъ дома Гагарина. Князь Андрей Павловичъ былъ добрый, обязательный и мягкій человекъ, въ изъятіе отъ всѣхъ Гагариныхъ, но вѣтренъ и сибаритъ. Знаменитый своею смуглою красотою, присвоившею ему название Малекъ-Аделя (героя романа г-жи Cottin), избалованный женщинами, онъ достигъ того переходнаго возраста, когда страсти еще не замолкли, но свѣжесть юности миновала. Красавицы, ему благосклонныя, устарѣли вмѣстѣ съ нимъ, новое женское поколѣніе предпочитало новыхъ, далеко не столь изящныхъ кавалеровъ, какъ современники Александра I, и Гагаринъ, не находя уже ласковаго приѣма у дамъ воплощенныхъ, обратился къ благосклонности дамъ четырехъ мастей, но и онъ къ нему не благоволили: князь постоянно проигрывалъ. Часто жаловался онъ мнѣ на судьбу свою: «*Je ne sais quoi faire de ma vie! je ne puis plus courir les boudoirs; je n'ai pas l'habitude de la vie de famille, ni celle de la lecture, mon service est nul; pour remplir le vide, je joue et je ne sais que perdre!*»¹⁾ У него было довольно хорошее имѣніе, въ Нижегородской губерніи 1700 душъ, да у жены 600 душъ; оброкъ положенъ былъ въ 25 р. ас., но крестьяне, зная кротость князя, платили очень дурно. Когда я съ нимъ познакомился, князь не получалъ цѣлыя полгода ни копейки оброка, да недоимокъ за прежніе годы было до 35 т. рублей. Въ это время напалъ онъ на оскорбленіе. На выходѣ 25 декабря церемоніймейстеръ Потоцкій сталъ выше его, шталмейстера. Князь хотѣлъ занять свое мѣсто, но Потоцкій воспротивился этому, и споръ дошелъ до министра императорскаго двора. Волконскій не любилъ князя Гагарина; не знаю, какъ онъ доложилъ дѣло государю, но высочайшее разрѣшеніе изъясняло, что хотя званіе шталмейстера и имѣло бы шагъ передъ церемоніймейстеромъ, но какъ Потоцкій старше въ чинѣ тайнаго совѣтника, то и итти ему выше Гагарина. Въ то же время предупредили князя изъ ломбарда, что если къ половинѣ января не будетъ внесенъ платежъ по займу, то имѣніе будетъ назначено въ продажу. «*Mon Dieu! quel scandale! mon nom dans les gazettes!*»²⁾ говорилъ мнѣ князь съ отчаяніемъ. Между тѣмъ съ каждою почтою посылались бургомистрамъ подтвержденія, чтобы немедленно выслали оброки. 2 января 1828 г. явилась депутація крестьянъ; принесла десятокъ яблоковъ и 200 р. ас. оброка. Князь потерялся; съ нимъ сдѣлалась бессон-

¹⁾ Я не знаю, что сдѣлать съ моею жизнью! я не могу болѣе ухаживать; у меня нѣтъ привычки ни къ семейной жизни, ни къ чтенію, моя служба ничтожна; чтобы заподнить пустоту, я играю и только проигрываю.

²⁾ Боже мой! какой скандалъ! мое имя въ газетахъ.

ница; чтобы заснуть, сталъ онъ принимать опиумъ, но еще болѣе волновалъ тѣмъ нервы, и 7-го января зарѣзался.

Князь Меншиковъ поручилъ мнѣ найти домъ, гдѣ онъ могъ бы помѣститься съ сестрой, но тутъ пріѣхалъ изъ Москвы князь П. П. Гагаринъ, братъ покойнаго; князю А. С. Меншикову поручена экспедиція противъ крѣпости Анапы, и онъ уѣхалъ на войну, оставя меня на своей квартирѣ, а княгиня Гагарина съ дѣтьми въ Москву.

Еще до смерти князя Гагарина государь поручилъ кн. Меншикову преобразовать адмиралтействъ-коллегію въ управленіе подобное тому, какимъ было военно-сухопутное. Князю данъ былъ изъ министерства одинъ старый чиновникъ Андреевъ, чистый типъ чиновниковъ того времени, да изъ военного министерства взялъ онъ полковника генеральнаго штаба Вилламова, который состоялъ при немъ, когда онъ служилъ въ главномъ штабѣ; я работалъ у него мимоходомъ. Послѣ того Абакумовъ, бывший генераль-провіантмейстеръ, рекомендовалъ ему Бахтина. Съ этими сотрудниками князь преобразовывалъ морское управленіе, въ которомъ оказались колоссальныя злоупотребленія. По доносу, что въ Кронштадтѣ разворовано все: и экипажескіе магазины, и госпитали, и пожарная команда, послали генерала Перовскаго на слѣдствіе; въ это время госпиталь представлялъ о заповрядѣ бѣлья, между тѣмъ какъ въ немъ хранился цѣлый комплектъ. Его выводили на свѣтъ въ видѣ новой поставки, по уплатѣ подрячку денегъ вновь запирали въ цейхаузъ, и на слѣдующій годъ опять вводили въ роль новой поставки. Когда узнали, что ѣдетъ Перовскій, стали жечь это бѣлье, жгли, жгли нѣсколько дней съ утра до вечера, и все-таки Перовскій засталъ еще *corpus delicti*. Вниманіе, обращенное государемъ на это дѣло и на нѣкоторыя порубки казенныхъ лѣсовъ, внушило флигель-адъютанту А. П. Лазареву спекуляцію. Онъ нацѣлъ или купилъ казенный лѣсъ, нанялъ извозчиковъ везти его въ Петербургъ, и когда они выѣхали на ледъ, подѣхалъ къ нимъ съ людьми, остановилъ, осмотрѣлъ лѣсъ, нашелъ клейма и арестовалъ караванъ. Такъ онъ открылъ похищеніе; но эту продѣлку раскрыли, и Лазаревъ, пошедшій было въ гору, скомпрометированъ и заброшенъ. Въ коллегіи представленіе къ владимирскому ордену стоило 25 р. При этомъ было изобрѣтено обоюдное обезпеченіе очень остроумно. Проситель отдавалъ за представленіе половину 25-рублевой бумажки, а когда получалъ орденъ, тогда отдавалъ и другую половинку. И при всемъ томъ эти господа были необыкновенно дерзки. Когда князь Меншиковъ проходилъ черезъ залъ присутствія адмиралтействъ-коллегіи, предсѣдатель ея обратился къ князю:

— Мы слышали, что вашей свѣтлости поручено преобразование морского управленія. Мы увѣрены, что рука ваша не подыметя

на любимую дочь Петра Великаго, благодѣтеля вашего прадѣда и всего его рода.

Князь на это отвѣчалъ, смѣясь:

— Это правда, что адмиралтействъ - коллегія была любимица Петра Великаго, но если бы онъ увидѣлъ, какъ его дочка на старости лѣтъ стала пошаливать, то ей было бы, вѣроятно, еще хуже.

Безъ моего вѣдома, Гагаринъ, котораго князь терпѣть не могъ, вздумалъ просить его помѣстить меня къ себѣ на службу, на что князь отвѣчалъ очень неблагосклонно. Къ счастью, княгиня пересказала это мнѣ. По отъѣздѣ уже княгини, князь Меншиковъ замѣтилъ мнѣ, зачѣмъ я служу по счетной части съ моимъ образованіемъ, и на мой отвѣтъ, что я служу тамъ, гдѣ мнѣ удалось помѣститься, онъ выразился, что если я не буду самъ просить другого мѣста, то никто и знать не можетъ, что я желаю другого. Этимъ случаемъ я воспользовался. Я замѣтилъ ему, что люди, раздающіе мѣста, такъ безцеремонно отзываются о людяхъ, ихъ ищущихъ и даже не ищущихъ, а о которыхъ другіе просятъ безъ ихъ вѣдома, что я, конечно, не стану предъ ними кланяться. Князь немного покраснѣлъ и спросилъ меня шутя:

— А, вы хотите, чтобы васъ просили?

— Я не хочу этого, ваша свѣтлость, но, пожалуй, буду этого ждать, прежде чѣмъ рѣшусь самъ просить.

Князь протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Такъ я васъ прошу, будемъ служить вмѣстѣ, когда мнѣ дадутъ управленіе.

Такъ обрисовались мы оба другъ предъ другомъ.

По отъѣздѣ князя, я забрался въ его книги, читалъ, работалъ, и, вмѣсто посѣщенія своего департамента, взялъ англійскаго учителя, почтеннаго m-r Heard, прочиталъ съ нимъ Гольдсмита, Робертсона, Мура и Байрона.

Князь переписывался со мною. Страшно раненый подъ Варной, онъ лежалъ въ Николаевѣ въ изнурительной лихорадкѣ, однакоже собирался въ Москву, «пока силы позволяютъ». Здѣсь ходили слухи, что онъ безнадеженъ, и самъ государь былъ очень имъ озабоченъ. Онъ приказалъ военному министру, графу Чернышеву, узнать, кто былъ медикомъ князя, и послать его къ нему, стараясь, чтобы докторъ не разѣхался съ больнымъ. Интриганъ Калининъ, бывший врачомъ при персидской нашей миссіи, успѣлъ увѣрить Чернышева, что онъ пользуется полнымъ довѣріемъ князя; рѣшено было послать его. Калининъ провѣдалъ какъ-то, что князь со мной однимъ въ перепискѣ, пріѣхалъ ко мнѣ и просилъ моихъ указаній. Я прочиталъ ему письмо князя. На другой день пріѣхалъ ко мнѣ адъютантъ Чернышева съ просьбою дать ему письмо князя для доклада государю, въ чемъ я, конечно, не могъ отказать ему, но дѣло кончилось нехорошо. Князь былъ

очень недоволенъ присылкою Калининскаго и прогналъ его, а ко мнѣ пересталъ писать. Испытывая на себѣ издавна ложь и сплетни, сброшенный съ высоты своей карьеры ложью и интригами, князь, по природѣ уже недовѣрчивый, сдѣлался до чрезмѣрности подозрителенъ; ничего не рассказывалъ, «чтобы не переверали», избѣгалъ людей, «чтобы не могли сказать, что онъ имъ говорилъ то или другое». Но это уединеніе было ему въ тягость. Во мнѣ думалъ онъ найти надежнаго повѣреннаго; молодъ, слѣдовательно не лицемеръ; самолюбивъ безъ расчета, слѣдовательно честенъ, да и не принадлежитъ къ большому свѣту, слѣдовательно, хотя бы проговорился, слово его не будетъ слышно. Такъ объяснялъ я себѣ сближеніе мое съ княземъ. Вдругъ письмо, адресованное къ этому скромному неприворному молодому человѣку, доходитъ до государя! Какой урокъ! Какая опасность! Между тѣмъ Перовскій, тоже раненый, пріѣхалъ въ Петербургъ уже генераль-адъютантомъ и назначенъ былъ директоротъ канцеляріи начальника главнаго морского штаба (князя Меншикова). По порученію князя онъ предложилъ мнѣ мѣсто въ канцеляріи, и я перешелъ туда секретаремъ; другихъ покуда не было. Потомъ пріѣхалъ Бахтинъ, которому дали мѣсто начальника отдѣленія; другого отдѣленія начальникомъ сдѣлали статскаго совѣтника Жандра, рекомендованнаго Бахтинымъ,—но канцелярія не собиралась.

Въ турецкую кампанію Меншиковъ нажилъ себѣ двухъ опасныхъ враговъ,—по моему убѣжденію, совершенно невинно. Передъ отъѣздомъ къ Анапѣ онъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго морского штаба и, кажется, произведенъ въ вице-адмиралы, а можетъ быть только еще переименованъ въ контръ-адмиралы,—не помню; знаю только, что Грейгъ былъ чиномъ выше. Въ Николаевѣ вышелъ споръ: Грейгъ хотѣлъ дѣйствовать флотомъ самостоятельно или быть въ распоряженіи главнокомандующаго войсками, Меншиковъ же требовалъ, чтобы флотъ состоялъ въ его распоряженіи для дѣйствій противъ восточныхъ черноморскихъ турецкихъ крѣпостей. Послѣдній опирался на то, что онъ начальникъ главнаго штаба, а Грейгъ утверждалъ, что флагманъ старшій чиномъ не можетъ подчиняться начальнику штаба, администратору, младшему. Тогда князь объявилъ ему официально высочайшее повелѣніе, и гордый Грейгъ не могъ не уступить, но не могъ и простить ему своего униженія, тѣмъ болѣе, что его разжигали окружающіе его интриганы, въ особенности Мелиховъ, выведенный изъ штурмановъ, человѣкъ низкій, служившій и нашимъ и вашимъ. Взявъ со славою Анапу, между тѣмъ какъ дѣйствія наши въ Европейской Турціи были очень неблестящи, Меншиковъ переплылъ море и получилъ въ командованіе корпусъ, назначенный для взятія крѣпости Варны. Меншиковъ дѣйствовалъ съ необыкновенною энергіею и быстротою, но когда все было

готово къ штурмованію,—послѣднее ядро, пущенное съ крѣпостной стѣны вечеромъ, пролетѣло между ногъ князя Меншикова въ ту минуту, когда онъ, сходя съ лошади, уперъ одну ногу въ землю, а другую вынималъ изъ стремени. Ядро вырвало ему все мясо съ обѣихъ ляшекъ, но не повредило ни кости, ни главныхъ мускуловъ. Покуда это дошло до свѣдѣнія главной квартиры, гдѣ былъ и государь, командованіе принялъ Перовскій, на другой день раненый пулею въ грудь навылеть. На мѣсто Меншикова назначенъ былъ графъ Воронцовъ, который и довершилъ взятіе Варны. Государь же написалъ Меншикову рескриптъ, въ которомъ говорилъ, что хотя тяжкая рана и остановила его на доблестномъ пути, но покореніе Варны есть плодъ его приготовленій и его мысли, и потому жалуется ему пушка со стѣнъ Варны, для украшенія родового имѣнія его, какъ памятникъ, возвѣщающій потомству о подвигахъ его, Меншикова. Это была кровная обида для Воронцова. Разумѣется, не князь сочинялъ рескриптъ, но человѣкъ такъ созданъ, что на орудіе боли сердится больше, чѣмъ на дѣйствіе, ее причинившее, и чѣмъ выше поставлены люди, тѣмъ нелогичнѣе они въ этомъ отношеніи.

Не знаю, въ какомъ отношеніи былъ Меншиковъ къ Воронцову до этой эпохи, но мнѣ извѣстно положительно, что князь горячо защищалъ Грейга у государя, когда онъ хотѣлъ даже удалить его, получивъ свѣдѣнія, что онъ связался съ простою, алчною женщиной. Я самъ читалъ записку князя, писанную еще до отъѣзда къ Анапѣ, въ которой онъ ручался государю, что благородный Грейгъ не измѣнитъ своихъ дѣйствій вслѣдствіе несчастной связи съ жидовкою. Государь просилъ князя постараться разлучить его съ этой женщиной, и князь, изъявляя сомнѣніе, что успѣетъ въ этомъ, повторялъ, что это несчастное для частной жизни Грейга обстоятельство не можетъ ни въ какомъ случаѣ имѣть вліяніе на дѣла службы, для которыхъ считалъ Грейга незамѣнимымъ.

IV.

Еще о графѣ Канкринѣ.—Его замѣчательная личность.—Разказы о немъ.—Сперанскій.—Маркизь Пауллучи.—Анекдоты о Голубцовѣ, Тимирязевѣ и мичманѣ Уггла.—Новосильцовъ.—Гурьевъ.—И. Г. Бибиковъ.—Дружининъ и его карьера.—Императоръ Павелъ.—Разказы о немъ Дружинина.—Дубенскій.—Таможенныя дѣла.—Дѣятельность Гурьева и Бибикова.—Уваровъ.—Князь Урусовъ.

Личность Канкринина тѣмъ болѣе занимала меня, чѣмъ ближе узнавалъ я тогдашнихъ тузовъ и валетовъ, казавшихся мнѣ покуда тузами. Во всей его личности изображался человѣкъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, по уму, по сердцу и по образу жизни. Боровшійся почти всю жизнь съ бѣдностью, онъ не только не выходилъ изъ прежней простоты своей жизни, сдѣлавшійся мини-

стромъ, но не забывалъ и того, что на свѣтѣ есть люди темные и бѣдные, заслуживающіе уваженія. Гуманность и простота проглядывали черезъ каждое его движеніе. «Повѣсьте часы на стѣну въ пріемной,—говорилъ онъ директору канцеляріи:—тутъ многимъ придется ждать, а ждать такъ тяжело, что четверть часа кажется цѣлымъ часомъ. Когда будутъ часы, то люди, которыхъ я долженъ буду заставить ждать полчаса, не скажутъ по крайней мѣрѣ, что они ждали меня два часа». Выслушивая просителей, онъ иногда дѣлался нетерпѣливымъ и начиналъ кричать, но какъ только замѣчалъ въ просителѣ смущеніе или робость,—тотчасъ стихалъ и старался всѣми силами помочь. Помню одинъ случай. Вдова д. ст. совѣтника Миллера просила о продолженіи срока аренды, пожалованной покойному ея мужу, и министра финансовъ, и вице-канцлера; первый отзывался, что она должна обратиться туда, гдѣ служилъ ея мужъ, а второй совѣтовалъ ей просить министра финансовъ. Н. И. Гречъ, бывший нѣсколько знакомымъ съ Канкринымъ, вызвался просить его снова. Канкринъ, увидя его въ пріемной, думалъ, что дѣло шло о журнальной статьѣ, и подошелъ къ Гречу очень ласково, но какъ только онъ заикнулся объ арендѣ, Егоръ Франзовичъ вспылилъ и началъ кричать. Гречъ, выслушавъ первые порывы, прервалъ Канкринина. «Браните меня, даже бейте,—я не уйду, пока вы не выслушаете меня, потому что я ходатайствую за почтенное семейство, которому ѣсть нечего». Тотчасъ Ег. Фр. стихнулъ, выслушалъ Греча съ участіемъ и выпросилъ аренду. Жена его, урожденная Муравьева, говорятъ, была очень хороша собой смолоду; я зналъ ее уже тогда, когда она была уродливой толщины и на бѣду сентиментальна, съ умомъ ограниченнымъ. Канкринъ былъ однако съ нею необыкновенно добръ, уважая въ ней заботливую хозяйку и мать. За обѣдомъ ѣлъ онъ два блюда; прислуги было немного; и съ нею онъ былъ снисходителенъ. За сутки до доклада ѣзжалъ онъ, при жизни императора Александра I, въ Грузино къ Аракчееву; одинъ разъ, на моемъ дежурствѣ, отправляясь въ Грузино, съ трубкою во рту, поскользнулся онъ на лѣстницѣ, которую дураки люди вымыли и не обтерли; вода подмерзла, и на этой гололедицѣ скользнули гвозди, которыми сапоги министра были подбиты. Онъ покатился съ лѣстницы, зашибъ себѣ ногу и локоть и изломалъ трубку, простую, изъ карельской березы, выложенную внутри желѣзомъ. Воротясь назадъ и хромя, онъ сказалъ мнѣ: «Жаль трубки; всѣ походы со мной дѣлала». Людямъ же не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія. Канкринъ былъ едва ли не первый министръ изъ лицъ, не принадлежащихъ къ высшимъ кругамъ русскаго общества. Зависть чиновническая, оскорбленіе барской спеси и злоба большой родни Гурьева, котораго онъ замѣнилъ,—все это соединило свой ядъ, чтобы вредить Канкрину или по крайней мѣрѣ раздражать

его, а онъ шелъ между ними спокойно и твердо, какъ *terre-neuve* ¹⁾ между шавками. Строгановъ, Ал. Григ., вздумалъ сконфузить его, сказавъ ему въ государственномъ совѣтѣ, что онъ долженъ знать такія-то дѣла, потому что былъ, кажется, бухгалтеромъ у Перетца. «Да, я былъ и бухгалтеромъ, и секретаремъ бывалъ, и много перебивалъ, но дуракомъ никогда не бывалъ». Служа у Канкринна, я видѣлъ въ первый разъ Воронцова, Сперанскаго, Новосильцова, маркиза Паулуччи. Воронцовъ—вельможа всѣми приѣмами—производилъ очень выгодное впечатлѣніе; въ послѣдствіи сарказмы Пушкина туманили его репутацію, но я продолжалъ вѣрить въ его аристократическую натуру и не вѣрить Пушкину, тѣмъ болѣе, что князь Меншиковъ отзывался о нравственныхъ качествахъ Пушкина очень недоброжелательно, и, какъ кажется, считалъ его шпиономъ *rogosateur* ²⁾). Но когда Воронцовъ поѣхалъ къ Позену на дачу поздравить его съ днемъ рожденія, я поневолѣ долженъ былъ раздѣлить мнѣніе о Воронцовѣ, господствовавшее въ общественной молвѣ. Подъ конецъ воронцовскія мелкія интриги, нахальное лицепріятіе и даже ложь—уронили его совершенно въ моемъ мнѣніи, и я остаюсь при томъ, что онъ былъ дрянной человѣкъ.

Сперанскій, довольно высокаго роста, съ маленькой головой, худощавый, нагнутый впередъ, лысый, съ сѣдинами, блѣдный или вѣрнѣе бѣлый, *blafard* ³⁾, съ розовыми кружками на щекахъ, какъ у чахоточныхъ, рѣдко-рябоватый, съ тонкими чертами лица и хитрыми глазами—чистый типъ поповича въ совершеннѣйшемъ видѣ или начальника іезуитовъ. Я на него смотрѣлъ съ любопытствомъ, потому что о немъ говорила вся Россія. Демократъ по рожденію, однако не такой неистовый, какъ Милютины. Кн. Меншиковъ показывалъ мнѣ копію съ письма Сперанскаго къ императору Александру Павловичу, спрашивавшему его мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ. Въ этомъ письмѣ онъ высказывалъ, что какъ ни желательно освобожденіе, надобно подумать о замѣнѣ помѣщицкѣй власти другою полицейскою властью, и что въ настоящее время наша земская полиція не на томъ уровнѣ, чтобы можно было поручить ей руководство двадцатью милліонами людей. Впрочемъ, когда его возвели въ графское достоинство, онъ написалъ на каретѣ своей 7 разъ свой новый гербъ, по одному на каждой стѣнкѣ сбоку и одинъ сзади. Чуть ли не было ихъ и на суконныхъ полахъ кóзелъ, по тогдашней модѣ; но помню ясно изображенія мантій, въ большомъ и маломъ видѣ, въ родѣ предметовъ, отражающихся въ граненномъ стеклѣ. О немъ писать

¹⁾ Нью-фаунденская собака.

²⁾ Зачинщикъ.

³⁾ Тусклый.

нечего; есть даже печатныя его біографіи. И современники и печать признали въ немъ очень тонкаго человѣка, но, какъ говорится, «на всякую старуху бываетъ проруха»,—и Сперанскій опростоволосился, если вѣрить рассказамъ Лубяновскаго. Я имъ вѣрю,—Лубяновскій очень умный и серьезный человѣкъ, и рассказывалъ черезъ 25 лѣтъ по смерти Сперанскаго, его друга, слѣдовательно не имѣлъ надобности говорить по расчету. Сперанскій съ нимъ часто совѣтовался. Передъ возвращеніемъ его изъ Сибири государь Александръ Павловичъ написалъ ему длинное письмо, въ которомъ говорилъ ему много любезностей, и *entre les lignes* ¹⁾ извинялся, что удалилъ его. Сперанскій видѣлъ въ этомъ письмѣ раскаяніе, которому недоставало только нѣкоторыхъ поясненій, чтобы быть полнымъ. Проѣзжая, кажется, черезъ Пензу, гдѣ Лубяновскій былъ губернаторомъ, Сперанскій показалъ ему государево письмо и сообщилъ, что государь, очевидно, вызываетъ его на объясненія. «Нѣтъ,—отвѣчалъ Лубяновскій,—если бъ государь желалъ объясненій, онъ бы не писалъ того, что написано, а ограничился бы словомъ «пріѣзжай!» Если же онъ рѣшился вѣриться бумагѣ,—онъ принесъ это въ жертву, сдѣлалъ *amende honorable* ²⁾, для того, чтобы уже не возвращаться къ этому предмету». Можетъ быть, Сперанскій и послушался въ ту минуту друга, но когда пріѣхалъ во дворецъ, и государь обнялъ его съ чувствомъ, Сперанскій сталъ объясняться о прошедшемъ. Государь прервалъ его на третьемъ словѣ, заговорилъ о другомъ, скоро отпустилъ его, и болѣе никогда не принималъ.

Странно, что люди, пробывшіе всю жизнь при дворѣ, такъ грубо ошибаются. Когда государь, послѣ вторичнаго принятія въ службу И. Г. Бибикова, хлопотавшаго уже о новомъ назначеніи, осыпалъ его любезностями на балѣ, Бибиковъ и жена его стали съ часу на часъ ожидать указа. Бибиковъ полагалъ, что его сдѣлаютъ начальникомъ штаба намѣстника царства Польскаго. Варвара Петровна утверждала, что мужъ будетъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Я сказалъ ей на это: «Если бы государь хотѣлъ дать большое мѣсто Ильѣ Гавриловичу, незачѣмъ было бы награждать его ласками; эти ласки, очевидно, имѣли цѣлью компенсацію; онѣ—эквивалентъ, и я готовъ держать пари, что И. Г. не получитъ мѣста». Время показало, что я былъ правъ. Да не только Бибиковъ—и кн. Меншиковъ дѣлалъ осѣчки.

Маркизь Паулуччи. Дѣйствія его по званію генералъ-губернатора прибалтійскихъ губерній извѣстны; тамъ сохранилась до сихъ поръ память объ его полезномъ управленіи. Заботливый

¹⁾ Между строкъ.

²⁾ Повиниться.

отець, но *bourgu* ¹⁾). Это его характеристика. Средняго роста, въ глазахъ какой-то недостатокъ, котораго я не могъ разглядѣть; косою ли, подслѣповатый или кривою,—не знаю. Эполеты всегда грязныя. Прїѣзжалъ онъ, вѣроятно, за деньгами для своихъ губерній. Кажется, тутъ попадала коса на камень; бесѣды его съ Канкринымъ оканчивались нерѣдко громкимъ обоюднымъ крикомъ. Мнѣ рассказывали случай столкновенія его съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Великій князь проѣзжалъ черезъ Ригу. Маркизь Паулуччи, желая оказать ему уваженіе, выѣхалъ къ нему навстрѣчу въ мундирѣ, но не въ полной формѣ, т. е. не въ ботфортахъ и безъ шарфа, и подаль ему рапортъ. Великій князь, протягивая руку для принятія рапорта, спросилъ, отчего онъ не въ шарфѣ. Маркизь тотчасъ отодвинулъ рапортъ отъ руки великаго князя, сказавъ: «*pardon, Monseigneur!*» ²⁾ и, всунувъ рапортъ въ шляпу, протянулъ къ нему руку съ привѣтствіемъ: «*Et puis comment vous portez vous?*» ³⁾. Воображаю сцену, какую онъ долженъ былъ сдѣлать по случаю приема лорда Росселя, какъ Гречъ мнѣ пересказывалъ. Лордъ Россель прибылъ на кораблѣ въ Ригу; онъ былъ тогда въ министерствѣ *Secretary of Government*, что-то вродѣ нашего государственнаго секретаря. Когда онъ вошелъ въ таможенную для досмотра и явки паспорта, таможенные чиновники, принявъ путешественника за губернскаго секретаря по буквальному переводу, не поторопились выйти, доигрывая, можетъ быть, партію въ преферансъ. Россель началъ шумѣть, а чиновники, считая незаконнымъ что губернскій секретарь осмѣлился порицать ихъ, можетъ быть, титулярныхъ совѣтниковъ, велѣли его арестовать. Между тѣмъ маркизь Паулуччи узналъ, что прибыло судно, привезшее лорда Росселя, поѣхалъ навстрѣчу и нашелъ высокаго путешественника чуть не въ арестантской. Сенковскій заимствовалъ изъ этого приключенія эпизодъ для своего фантастическаго путешествія барона Брамбеуса, гдѣ недоразумѣніе подобнаго рода привело къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Русскій губернскій секретарь прїѣхалъ въ Константинополь; тамъ перевели чинъ его на турецкій языкъ по этимологическому смыслу словъ, и вышло, что это былъ соучастникъ тайнъ всеобщаго благополучія и, какъ столь великій мужъ, удостоенъ былъ торжественнаго приема. Случай, рассказанный о лордѣ Росселѣ, не представляетъ ничего невѣроятнаго. Наши чиновники и до сихъ поръ трактуютъ публику съ необыкновенною грубостью,—съ тою только разницею, что теперь діагнозы лучше: тогда было больше наивности и потому *qui pro quo* ⁴⁾ случались чаще. У всѣхъ еще было въ памяти при-

¹⁾ Грубый.

²⁾ Виновать, ваше высочество.

³⁾ А какъ вы поживаете?

⁴⁾ Недоразумѣнія.

ключеніе, случившееся съ министромъ финансовъ Голубцовымъ. Онъ шелъ по Фонтанкѣ; государь, встрѣтивъ его, остановился, чтобы сказать ему нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Едва государь отошелъ отъ него шаговъ на сто, выскакиваетъ изъ-за угла квартальный надзиратель и грубо спрашиваетъ Голубцова, какъ онъ смѣлъ остановить государя. Голубцовъ отвѣчалъ, что онъ не останавливалъ государя, однако блюститель порядка велѣлъ итти ему въ полицію для допроса. «Кто ты такой?» былъ первый вопросъ. Отвѣтъ: «Министръ финансовъ!» Затѣмъ траги-комическая сцена, которую можно себѣ представить. И въ мое время было два случая съ моими знакомыми. Одинъ разъ начальникъ таможенного округа Тимирязевъ ѣхалъ на плохомъ деревенскомъ извозчикѣ въ клубъ; на Синемъ мосту подвернулся какой-то зѣвака подъ оглоблю бѣднаго ваньки и былъ сшибленъ. Городовой повелъ ваньку въ полицію, а какъ Тимирязевъ сталъ за него заступаться, то потащили и его. На квартирѣ квартального объявили ему, что ихъ благородіе опочиваетъ; черезъ нѣсколько минутъ выходитъ ихъ благородіе въ довольно неблагородномъ халатѣ и начинаетъ ругать извозчика; когда Тимирязевъ вздумалъ и здѣсь защищать его, квартальный закричалъ: «Молчать! я до тебя доберусь!» Тимирязевъ сдѣлалъ почтительный поклонъ и замолчалъ. Отправя извозчика въ арестантскую, квартальный обратился къ Тимирязеву. «Ты что за птица въ красномъ жилетѣ?»—«Ваше благородіе! жилетъ точно красный, только я не птица».—«Кто ты такой?»—«Д. ст. сов. Тимирязевъ, начальникъ спб. таможенного округа».—Опять легко воображимая развязка. Другой случай былъ съ мичманомъ Уггла, котораго государь видѣлъ на люгерѣ князя Меншикова и любилъ за его оригинальность. Уггла встрѣтился съ государемъ на Англійской набережной и удостоился нѣсколькихъ высочайшихъ словъ. Только что государь отошелъ, выскочилъ изъ-за угла дома Риттера полицейскій офицеръ и спросилъ Уггла, что онъ говорилъ государю. «А вамъ на что?» спросилъ его Уггла гнусливымъ голосомъ.—«Намъ приказано допрашивать объ этомъ и доносить начальству».—«Государь сказалъ мнѣ: посмотри, Уггла, какая скверная рожа выглядываетъ изъ-за угла этого дома.»—Не знаю, донесъ ли квартальный объ этомъ своему начальству.

Новосильцова я уже видѣлъ усталымъ, blasé¹⁾, волокитою, ничѣмъ не занимавшимся болѣе, какъ обѣдами и волокитствомъ: красное лицо, стеклянные глаза, вообще наружность, не обличающая государственнаго мужа, стоявшаго, во время оно, во главѣ антинаполеоновской, конституціонной партіи. Онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ еще до моего вступленія въ службу, и тогда

¹⁾ Человѣкъ пресыщенный.

уже былъ, кажется, совершенно равнодушнымъ къ дѣлу, даже болѣе,— не скрывалъ своего равнодушія. Сенаторъ Корниловъ пересказывалъ мнѣ слышанное имъ отъ одного изъ бывшихъ при Новосильцовѣ директоровъ департамента. Директоръ поднесъ ему бумагу, въ которой изложилъ губернатору систему дѣйствій по какому-то предмету. Новосильцовъ, выслушавъ бумагу, нашелъ, что директоръ предположилъ систему ошибочную, объяснялъ ему вредъ, могущій произойти изъ этого образа дѣйствій, указалъ, что именно слѣдовало бы предписать губернатору, и привелъ доводы, по которымъ такое предписаніе было бы гораздо полезнѣе. «Я передѣлаю по указаніямъ вашего высокопревосходительства», доложилъ директоръ.— «Да теперь уже поздно,— отозвался министр:— бумага уже написана; опять снова начинать дѣло,— нѣтъ! все равно, дайте!» — и подписалъ. Впрочемъ, это, кажется, общая характеристика нашихъ государственныхъ людей. Графъ Гурьевъ, будучи кievскимъ, черниговскимъ, полтавскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ, просиживалъ цѣлое утро въ оранжереѣ, разсматривалъ болѣзненные растенія, надрѣзывалъ, опредѣлялъ у котораго febris, у котораго gangrena, и когда ему докладывалъ адъютантъ (Бларамбергъ), что директоръ канцеляріи ожидаетъ съ бумагами, Гурьевъ бросалъ съ досадою ножикъ и горестно восклицалъ: «Никогда не дадутъ мнѣ заняться!» А оригинальнѣе всѣхъ И. Г. Бибииковъ, виленскій, минскій и ковенскій генералъ-губернаторъ. Онъ считалъ нужнымъ пріѣзжать разъ въ годъ въ Варшаву, *soi-disant*, для совѣщаній съ намѣстникомъ (фельдмаршаломъ княземъ Паскевичемъ). Одинъ разъ, когда при немъ доложили фельдмаршалу о пріѣздѣ директора канцеляріи съ докладомъ, Бибииковъ замѣтилъ, что и съ нимъ это бываетъ, что и къ нему приходитъ директоръ канцеляріи съ кипой бумагъ и читаетъ ему ихъ, прибавя: «*et cet imbécile s' imagine que je l'écoute*»¹⁾.

Другая группа лицъ, проходившихъ черезъ приемную Е. Ф. Канкринна, состояла изъ его подчиненныхъ: Дружинина (директора канцеляріи), Кайсарова (начальника отдѣленія канцеляріи), Вронченко (управляющаго кредитнымъ отдѣленіемъ), Дубенскаго (директора департамента государственныхъ имуществъ, управлявшаго и департаментомъ податей и сборовъ), Мечникова (директора горнаго департамента), Обрескова (внѣшней торговли), Карнѣева (внутренней торговли), Розенберга (департаментъ казначейства), графа Ламберта (директора комиссіи погашенія долговъ), Уварова (директора заемнаго банка). Княжевичи служили всѣ въ департаментѣ государственнаго казначейства, изъ нихъ двое старшіе были начальниками отдѣленій. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по моемъ вступленіи въ службу, Бибииковъ замѣстилъ Обрескова, а Уваровъ—

¹⁾ И этотъ дуракъ воображаетъ, что я его слушаю.

Карнѣва, а по смерти Розенберга Княжевичъ управлялъ департаментомъ казначейства. Изъ всѣхъ поименованныхъ Дружининъ былъ самый замѣчательный, ума свѣтлаго и быстро, физическихъ силъ неутомимыхъ, но передъ страстями не имѣвшій никакой воли. Вся его жизнь замѣчательна, почти съ колыбели. Онъ былъ сынъ небогатыхъ родителей и питомецъ пьяной кормилицы. Разъ родители его, уѣхавъ въ гости на весь вечеръ и возвратясь домой послѣ полуночи, замѣтили съ ужасомъ, что кормилица дома, а ребенка нѣтъ. Съ трудомъ добудившись кормилицу и удостовѣрившись, что она мертвецки пьяна, родители всю ночь искали ребенка по околотку и наконецъ дознались до того, что кормилицу видѣли въ указанной улицѣ пьяною, но безъ ребенка. Нашли и кабакъ, въ которомъ она пьянствовала, но содержатель объявилъ, что ребенка при ней не видали и что онъ быть не могъ въ кабакѣ; кабакъ былъ полонъ народу; шла неистовая пляска и ребенка задавили бы, если бы онъ тутъ былъ; стали однако дѣлать поиски со свѣчою и открыли въ углу подъ лавкою запеленатаго младенца, преспокойно спящаго. Изъ этого-то ребенка выросъ человѣкъ, умершій 78 лѣтъ отъ роду. Бываютъ такіе субъекты, которыхъ ни вода, ни огонь не беретъ. Я зналъ генерала Фридберга, коменданта крѣпости въ Финляндіи, кажется, Свеаборгской. Этотъ Фридбергъ найденъ былъ младенцемъ на полѣ сраженія и подаренъ Нарышкину. Нарышкинъ воспиталъ его, опредѣлилъ въ службу; почему его назвали Фридбергомъ—не знаю. Въ турецкую войну 1807 г. онъ былъ во флотѣ и вмѣстѣ съ кораблемъ, на которомъ сидѣлъ, взлетѣлъ на воздухъ, упалъ съ кульминаціонной высоты въ море и отсюда спасенъ. Когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ уже старикомъ, вообще приличной наружности, но лицо темное, усѣянное черными пятнами, въ видѣ черной сыпи—слѣдами ожога. Дружининъ кончилъ курсъ ученія въ Петершуде, опредѣлился очень молодымъ человѣкомъ въ должность комнатнаго писаря императрицы Екатерины, о которой воспоминанія восхищали его до самой кончины. Онъ говорилъ объ Екатеринѣ не только съ восторгомъ, но со слезами. Служба его состояла въ томъ, что поутру онъ долженъ былъ находиться въ указанной аванзалѣ въ ожиданіи приказаній. Съ обѣда былъ свободенъ, но получалъ иногда работу отъ императрицы, лично или черезъ г-жу Перекусихину (онъ жилъ во дворцѣ). Въ числѣ фактовъ, выражавшихъ гуманность императрицы, рассказывалъ онъ, что она дала ему вечеромъ какую-то рукопись, съ приказаніемъ переписать ее черезъ день. Онъ принялся уже за работу, но императрица, ложась почивать, вспомнила, что на другой день былъ праздникъ; она надѣла халатъ, пришла къ Перекусихиной, чтобы выразить ей, что она забыла о завтрашнемъ праздникѣ и дала Дружинину работу, что она не желаетъ заставить его работать въ

праздникъ и отсрочиваетъ работу на день. Перекусихина дала въ тотъ же вечеръ знать объ этомъ Дружинину. Молодой писарь влюбился въ хорошенькую и скромную камеръ-юнгферу (впослѣдствіи жена его) и строилъ уже воздушные замки, какъ скоропостижная кончина императрицы опрокинула эти сооруженія фантазіи и покрыла будущность его непріяннымъ мракомъ; однако Дружининъ не уступилъ поля сраженія (не такъ, какъ мой отецъ, удалившійся изъ капитана артиллеріи и адъютанта генераль-фельдцейхмейстера въ провинцію титулярнымъ совѣтникомъ). Какъ только императоръ переѣхалъ во дворецъ, Дружининъ, 22-хъ лѣтъ (какъ и отецъ мой), явился въ аванзалу и сталъ на свое мѣсто, среди блѣдныхъ, растерявшихся вельможъ. Кутайсовъ, преобразовавшійся изъ камердинера въ камергера, приказалъ ему выйти, объяснивъ, что за смертію императрицы онъ уже не на службѣ. Дружининъ отозвался, что онъ поставленъ сюда высочайшимъ повелѣніемъ и выйдетъ отсюда только по высочайшему повелѣнію, и не вышелъ. Вслѣдъ затѣмъ вошелъ угрюмый императоръ, обвелъ глазами присутствующихъ и, остановивъ взоръ на Дружининѣ, спросилъ гортаннымъ, сиплымъ тономъ: «Это кто?»— Кутайсовъ поспѣшилъ доложить, чѣмъ былъ Дружининъ и какое онъ ему далъ приказаніе, котораго онъ не послушалъ. Павелъ осмотрѣлъ его грозно, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выговорить роковое слово, Дружининъ простодушно и смѣло представилъ государю, что высочайшая власть не умираетъ, что этою властью онъ поставленъ; ей одной онъ и ввѣряетъ свою участь. «Мой секретарь!» произнесъ императоръ. Дружининъ поклонился. «Правитель моей канцеляріи», прибавилъ Павелъ, и Дружининъ остался при немъ. Служба была нелегкая. Съ 8 часовъ утра до 9 часовъ вечера Дружининъ и Кутайсовъ должны были оставаться близъ кабинета его величества, но Дружининъ могъ двигаться по царской половинѣ, а Кутайсовъ сидѣлъ весь день на стулѣ у дверей и держался за дверную ручку, такъ чтобы по зову:—Кто тамъ!—въ ту же секунду войти въ кабинетъ и стать у дверей. Несмотря на такую службу, Дружининъ не забывалъ своего сердца. Каждый вечеръ изъ Гатчины онъ скакалъ въ Царское Село, гдѣ жила его невѣста, просиживалъ съ нею до 4-хъ часовъ утра и въ 4 часа возвращался верхомъ въ Гатчину, чтобы въ 8 часовъ быть предъ императоромъ.

Умѣя давать себѣ видъ отроческаго простодушія, Дружининъ приобрѣлъ право говорить съ государемъ такъ смѣло, какъ никто не дерзнулъ бы говорить съ нимъ. Государь, недовѣрчивый, озлобленный, былъ, кажется, доволенъ, что около него былъ человѣкъ первобытнаго чистосердечія, доходившаго до младенческой наивности. Одинъ случай сблизилъ его еще болѣе съ императоромъ. Прусскій король велѣлъ составить для себя рядъ маршрутовъ,

чтобы въ каждую отдѣльную поѣздку, дѣлящуюся не болѣе двухъ недѣль, осмотрѣть какой-нибудь корпусъ войскъ. Императоръ Павелъ приказалъ Дружинину, черезъ Кутайсова, составить и для него такіе же маршруты. «Въ Россіи это невозможно», замѣтилъ Дружининъ.—«Я вамъ объявляю высочайшее повелѣніе!» отвѣчалъ Кутайсовъ. Дружининъ набросалъ нѣсколько маршрутовъ къ ближайшимъ городамъ, для посѣщенія училищъ или осмотра селеній. Съ этою работою онъ явился къ императору и со смѣхомъ сказалъ ему, что Кутайсовъ приказалъ ему составить планъ поѣздокъ по прусскому образцу: но забылъ, что Пруссія—пигмей, а Россія—колоссъ, что Пруссію можно и скорѣе двухъ недѣль объѣхать, а Россію и въ годъ не объѣдешь. «Кутайсовъ дуракъ!» проворчалъ Павелъ. Ободренный этимъ аттестатомъ, Дружининъ продолжалъ: «Однако, государь, надо исполнить волю вашу, дѣлать небольшія поѣздки для осмотра вашей имперіи. Я думалъ при этомъ, зачѣмъ смотрѣть войска безпрестанно; государь будетъ только гнѣваться, а въ случаѣ войны все-таки многое будетъ не такъ, какъ теперь. Иныя войска, теперь плохія, могутъ къ тому времени исправиться, другія, теперь отличныя, могутъ испортиться. Пусть государь предоставитъ эту школу генераламъ, а самъ покажетъ себя юношеству, своимъ подданнымъ, будущимъ слугамъ; пусть его образъ запечатлѣтся и въ ихъ памяти, какъ образъ царя и покровителя! Въ этомъ смыслѣ я написалъ программу». Въ этотъ же день Павелъ приказалъ Кутайсову поднести указъ о пожалованіи Дружинину Владимира 4 степени. Когда проектъ указа былъ поданъ, государь возвратилъ его, сказавъ: «Анну на шею»,—а когда второй проектъ поднесли ему, онъ подписалъ его, приписавъ своеручно: «съ брильянтами». Императоръ Павелъ, живя въ Гатчинѣ, много читалъ, причемъ имѣлъ привычку все оставлять на столѣ, такъ что столъ былъ иногда заваленъ раскрытыми книгами и бумагами, другъ съ другомъ перемѣшанными. Потомъ, когда ему нужно было отыскать книгу или бумагу, онъ сердился. Дружининъ имѣлъ смѣлость, съ тѣмъ же простодушнымъ смѣхомъ, предложить свои услуги убирать книги на свое мѣсто, а недочитанныя класть на особый столъ, всякій разъ, когда императоръ уѣзжаетъ изъ дворца. Государь и на это согласился, такъ велико было его довѣріе къ Дружинину. Все это слышалъ я отъ самого Дружинина, не въ видѣ сплошнаго разсказа, а въ теченіе 10 лѣтъ, въ которые я былъ очень коротокъ и почти каждый день въ его домѣ. Дружининъ очень художественно описывалъ приемы и весь типъ императора Павла. Онъ любилъ его и говорилъ о немъ съ какимъ-то состраданіемъ. Не припомню всѣхъ штриховъ его кисти, въ сочетаніи которыхъ обрисовывалась личность императора; помню только, какъ онъ описывалъ его одинокую жизнь въ Гатчинѣ; онъ (большею частью, или часто—не помню)

обѣдалъ одинъ; послѣ обѣда становился передъ окномъ и, глядя безсознательно въ паркъ, проводилъ деревянную зубочистку по зубамъ, очищая зубъ за зубомъ, очень ускореннымъ движеніемъ зубочистки. Это продолжалось иногда съ часъ, видимо, что онъ и зубы чистилъ безсознательно, углубленный въ мысли. Обыкновенно онъ приходилъ въ эти минуты или въ уныніе, или въ раздраженіе; выходилъ изъ комнаты угрюмый, и голосъ его дѣлался мрачнѣе обыкновеннаго; онъ становился даже придирчивъ, и плохо было тому, кто навлекалъ на себя его неудовольствіе при такомъ настроеніи духа. Но и при такомъ настроеніи благоволеніе къ Дружинину не измѣнялось. У императора былъ любимый камердинеръ, котораго имени не припомню, хотя сто разъ его слышалъ, кажется, Овсовъ. У него была хорошенькая жена, а Дружининъ, хотя и влюбленный, не могъ не ухаживать за хорошенькими. Обыкновенно онъ проводилъ у нея время, когда государь отпущалъ его,—обыкновенно съ того времени, когда выѣзжалъ на предобѣденную прогулку, до вечера. Одинъ разъ осенью Овсова (положимъ) жаловалась ему, что не можетъ достать рябины для наливки. Дружинину показалось забавнымъ, что среди парка, тянущагося на нѣсколько верстъ во все стороны, нашелся человѣкъ, затрудняющійся въ сборѣ нѣсколькихъ горстей рябины. Онъ вызвался услужить молодой хозяйкѣ, позвалъ перваго попавшагося ему истопника и велѣлъ ему нарвать для г-жи Овсовой рябины. Этотъ болванъ вздумалъ рвать прямо передъ окнами государя и рвать по-русски: «ломаешь—не тужить». Императоръ, подойдя къ окну съ зубочисткой, видитъ, какъ злодѣй гнетъ и обламываетъ цѣлыя вѣтви. «Давайте сюда этого мошенника!» закричалъ онъ гнѣвно. Притащили несчастнаго и бросили передъ императоромъ. «Какъ ты смѣлъ ломать мои деревья?» — «Виноватъ, ваше величество! г. Дружининъ приказалъ!» — «Врешь, мошенникъ!» закричалъ императоръ взбѣшенный. — «Г. Овсовъ приказалъ!» — «Въ крѣпость Овсова», было рѣшеніе, высказанное особеннымъ, сосредоточеннымъ въ гортани голосомъ, который Дружининъ, говорили, мѣтко поддѣлывалъ. «Можно себѣ представить мое отчаяніе,—говорилъ Дружининъ уже на старости, складывая молебно руки:—я бросился къ Лопухиной, но она не взялась просить за Овсова въ тотъ же день; на другой день его освободили» ¹⁾. Немудрено, что Дружининъ, состоя въ такихъ отношеніяхъ къ императору, сдружился съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, мо-

---

¹⁾ Была еще Овцова, вызвавшая государя на экзапронтъ, но, во всякомъ случаѣ, это не жена камердинера. Овцова вышила подушку съ изображеніемъ овцы и поднесла ее государю съ приколотыми стихами: «Я вышила овцу, и подношу отцу, изъ самыхъ тѣхъ причинъ, чтобы мужу дали чинъ». Государь отвѣчалъ ей: «Хоть я народу и отецъ, но чиновъ не даю за овецъ».

лодымъ человѣкомъ того же возраста и стоявшимъ менѣе твердо предъ государемъ, чѣмъ roturier Дружининъ¹⁾.

Съ великимъ княземъ онъ былъ такъ близокъ, что въ компаніи съ нимъ устроилъ даже двѣ фабрики: одну для издѣлія пружинъ къ карманнымъ часамъ, другую—шляпную, съ мастеромъ Гаттенбергеромъ, но ни та, ни другая не пошла. Первая, изготовлявшая пружины за 1 руб. вмѣсто рыночной цѣны въ 10 руб., уничтожилась потому, что сбывала не болѣе 50 пружинъ въ годъ; вторая не знаю почему не устояла. По восшествіи на престолъ Александра Павловича Дружининъ занимался было дѣлами важными и весьма разнообразными. Онъ пересматривалъ уставы о постепенномъ освобожденіи прибалтійскихъ крестьянъ; онъ написалъ положеніе объ аудиторіатѣ и обсуждалъ финансовыя вопросы. Государь считалъ его способнѣйшимъ министромъ финансовъ, но, по господствовавшему тогда мнѣнію, находилъ необходимымъ, чтобы на этомъ креслѣ сидѣлъ вельможа, и выборъ палъ на Гурьева, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ Дружинина въ директоры канцеляріи. Гурьевъ, не изъ дальнихъ вельможъ самъ по себѣ, но женатый на Салтыковой, былъ человѣкъ необыкновенно надменный; позвалъ къ себѣ Дружинина, принялъ его свысока и объявилъ ему, что онъ назначается министромъ финансовъ и беретъ къ себѣ Дружинина въ директоры канцеляріи. Дружининъ отвѣчалъ, что онъ не желаетъ быть директоромъ его канцеляріи, о чемъ Гурьевъ съ неудовольствіемъ доложилъ государю; но государь приказалъ ему упросить непременно Дружинина принять эту должность, давъ почувствовать Гурьеву, что безъ этого онъ не будетъ и самъ назначенъ. Гурьевъ перемѣнилъ тонъ, и какъ своимъ, такъ и царскимъ именемъ упросилъ Дружинина. На этомъ мѣстѣ онъ и оставался лѣтъ 25. На бѣду свою Дружининъ не былъ въ состояніи никому въ чемъ-либо отказать, а еще менѣе красивой женщиной. Онъ завелъ связь съ Тимковскою, женщиною расточительною и алчною; она сосала изъ него деньги, а онъ должалъ и долгалъ. Государь нѣсколько разъ платилъ за него долги, нѣсколько разъ дарилъ ему земли подъ самымъ городомъ и тони въ устьяхъ Невы, но все это разлеталось въ прахъ. У Тимковской расплодилось большое семейство, одинъ сынъ былъ въ кавалергардахъ, другой—въ конной гвардіи, всѣ расточительны, и Дружининъ дошелъ до того, что сталъ принимать подарки, а потомъ и оказывать услуги въ ожиданія подарковъ. Репутація его помрачилась, и въ старости онъ, добрѣйшій человѣкъ, слылъ за плута и боролся съ бѣдностью, снося это не только съ терпѣніемъ, но писалъ своему идолу, женѣ старшаго сына Тимковской, что страданія его гордости улаживаютъ его

¹⁾ Разночинецъ.

сердце, доказывая, что онъ не щадитъ ничего и не жалѣетъ ни о чемъ, если жертвы могутъ возбудить на лицѣ его ангела улыбку удовольствія. Въ моемъ мнѣніи онъ былъ прекрасный, но несчастный человѣкъ.

Дубенскій уменъ, какъ бѣсъ, дурень, какъ бѣсъ, и по правиламъ бѣсъ. Онъ нажилъ себѣ огромное состояніе. Канкринъ не любилъ его, но не находилъ человѣка съ его умомъ и потому держалъ его. Мечниковъ, грубый мужикъ,—дядя Ковалевскаго, министра народнаго просвѣщенія. Дѣла таможенныхъ шли очень дурно, контрабанда дѣйствовала открыто; закупивъ все таможенное вѣдомство, она доказала, что либеральный тарифъ не можетъ остановить ее. Тарифъ 1819 г. похожъ былъ на послѣдствія мирнаго трактата побѣжденнаго государства,—и полагали, кажется, не безъ основанія, что Обресковъ и Гурьевъ были подкуплены. Гурьевъ около того же времени заключилъ разорительный внѣшній заемъ, доставившій ему большіе капиталы, которые впослѣдствіи наслѣдовалъ сынъ его изъ амстердамскаго банка. Составился другой тарифъ, Гурьева удалили, и къ управленію таможеннымъ вѣдомствомъ призванъ однорукій Бибиковъ, человѣкъ съ желѣзною волею и бесстрадательнымъ сердцемъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ). Управленіе Бибикова было драконовское: за малѣйшую оплошность, за ошибку въ письмѣ чиновники исключались изъ службы; за малѣйшее потворство купцамъ—отдавались подъ судъ. Испуганная сволочь переполошилась и разбѣжалась; ихъ замѣстили люди изъ гвардейскихъ офицеровъ, приглашенныхъ Бибиковымъ. Таможенный доходъ удвоился; отечественная промышленность ожила; повсюду воздвигались фабрики, и нашъ курсъ достигъ небывалаго уровня — 414 сантимовъ за рубль серебра или за 4 руб. ассигнацій. Департаментъ внутренней торговли былъ при Гурьевѣ въ не менѣе жалкомъ положеніи. Комитетъ снабженія войскъ сукнами воровалъ сотни тысячъ и дѣлился съ департаментомъ и канцеляріею. Директоромъ департамента назначенъ Уваровъ, но безъ видимой пользы. Уваровъ, лицо большого свѣта, извѣстное въ ученомъ мірѣ, прекрасный собою, богатый по женѣ (Разумовской), былъ характера подлаго, ѣздилъ къ министершѣ, носилъ на рукахъ ея дѣтей, словомъ, подленькими путями прокладывалъ себѣ дорогу къ почестямъ. Розенбергъ долѣе и чаще всѣхъ работалъ съ министромъ: зналъ, что Канкринъ придавалъ особенную важность департаменту государственнаго казначейства. Преемники его видѣли въ этомъ департаментѣ простого счетчика и забросили его. Такъ же дѣятельно работалъ министръ съ графомъ Ламбертомъ по комиссіи погашенія долговъ,—послѣднимъ бывшимъ у насъ практическимъ дѣльцомъ по кредитной части. Съ тѣхъ поръ и доселѣ мы видимъ только «людей науки» или «изучившихъ» финансы: самое скорое средство сдѣлаться государственнымъ чело-

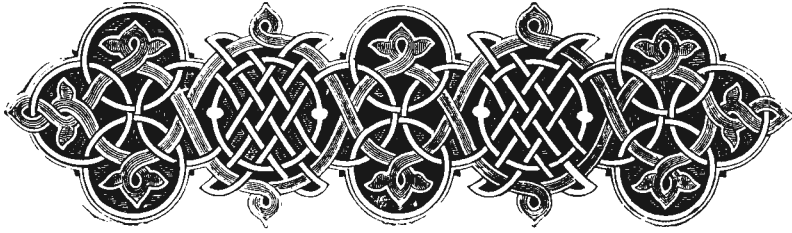
вѣкомъ: взялъ въ руки 100 руб., накупилъ себѣ книгъ, затвердилъ исторію французскихъ и австрійскихъ финансовъ да кое-какіе термины, пробѣжалъ нѣсколько статей изъ «Economist» или «Revue des deux mondes»—вотъ и министръ финансовъ. Знаніе государства кажется нашимъ дѣятелямъ совершенною роскошью. Науки, афоризмы—вотъ коньки, на которыхъ выѣзжаютъ великій князь Константинъ Николаевичъ, Чевкинъ, Рейтернъ, Ламанскій и компанія, но что же такое наука безъ приложений. Наука—мелочная лавка, гдѣ продается всякая всячина: нужна вамъ протекціонная система—берите Листа; нравится свобода торговли—читайте Смита; всѣ правы и всѣ неправы. Все зависитъ отъ знанія правовъ, потребностей и финансоваго положенія государства; оно можетъ указать, когда и насколько примѣнимъ Смитъ, кому, когда и насколько полезнѣе Листъ,—но знаніе государства достигается наблюденіями и размышленіями долговременными, а намъ надобна подготовка скорая: тутъ и является на выручку наука, одна, сама по себѣ.

Въ пріемной Канкринъ видѣлъ я и чиновное чванство. Помню князя Урусова, кажется, вице-губернатора: красивый, чопорный—съ дурацкимъ выраженіемъ лица. Министръ приказалъ никого не принимать. Когда я увидѣлъ входящаго князя, я подбѣжалъ къ Дружинину спросить, слѣдуетъ ли отказать Урусову. Дружининъ отвѣчалъ: «Разумѣется: министръ вѣдь не дѣлаетъ исключеній». Ободренный этими словами, я очень вѣжливо доложилъ князю Урусову, что министръ очень занятъ и никого не принимаетъ. «Сожалѣю, что вы мнѣ это говорите», отозвался князь съ необыкновенною надменностью, а Дружининъ прибавилъ, улыбаясь: «Вѣдь князь—свой». Это совершенно переконфузило меня. Затѣмъ входитъ министръ. На низкій поклонъ Урусова онъ обратился ко мнѣ съ досадой: «Развѣ вы забыли, г. дежурный, что я не велѣлъ никого принимать».—«Я говорилъ это князю, ваше превосходительство, но князь полагалъ, что это до него не относится».—«Извольте идти вонъ, батюшка (или какъ онъ произносилъ: фонъ, батшка)!» крикнулъ Канкринъ на Урусова, и этотъ удалился: сцена въ родѣ басни Мятлева:

Медвѣдъ сказалъ козѣ:
Comment vous osez! ¹⁾

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Какъ вы смѣете!

ЧАРОДЪЙКА.

Историческій разсказъ.

I.

АЛЕНЬКІЯ, обитыя краснымъ бархатомъ санки остановились у воротъ большого дома на Мойкѣ. Отстегнувъ тяжелую медвѣжью полость, изъ саней вышелъ высокій и красивый молодой человѣкъ въ военномъ плащѣ кавалергардскаго покроя. Онъ обошелъ кругомъ запотѣвшаго темно-сѣраго рысака, погладилъ рукой его породистую морду и звонкимъ, веселымъ голосомъ крикнулъ кучеру:

— Откладывай. Сегодня суббота, театровъ нѣтъ. Никуда не поѣдемъ.

Затѣмъ, нагнувшись, прошелъ въ низенькую калитку и поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ.

На обитой зеленымъ сукномъ двери блестяла мѣдная дощечка съ именемъ Василя Васильевича Шереметева. И тутъ же скромно бѣлѣла прибитая бронзовыми гвоздиками карточка самой красивой и талантливой артистки тогдашняго балета, Авдотьи Ильиничны Истоминой.

— Барыня дома?— спросилъ Шереметевъ отворившаго ему денщика.— Обѣдъ готовъ?

— Такъ точно-съ. У меня готово, а барыня, стало быть, еще не вернувшись,— отвѣтилъ, какъ бы смущенный этимъ обстоятельствомъ, слуга.

Выраженіе лица Шереметева сразу измѣнилось. Онъ нахмурился, поднялъ плечи и съ досадою сдернулъ съ нихъ плащъ.

— Однако уже три часа. Давно барыня уѣхала?—спросилъ онъ.

— Да онѣ, какъ обыкновенно... на репетицію-съ,—объяснилъ съ возрастающимъ смущеніемъ денщикъ.

— Репетиція давнымъ-давно должна была кончиться,—проворчалъ Шереметевъ.—Здѣсь никто не былъ?

— Никого не было. Заѣзжалъ, стало быть, тотъ... какъ бишь его... Денщикъ морщилъ лобъ, припоминая фамилію.

— Ну?

— Грибоѣдъ, что ли. Бритый такой.

— А, Грибоѣдовъ! Что же ты врешь, что никого не было.

— Да онъ не входилъ.

Шереметевъ пожалъ плечами, пробурчалъ сквозь усы: «дуракъ!»—и прошелъ въ кабинетъ. Тамъ онъ сбросилъ мундиръ, накиннулъ на себя мягкій бухарскій халатъ, закурилъ трубку съ длиннѣйшимъ чубукомъ и принялся, попыхивая, ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Нетерпѣливая досада, ясно выражавшаяся на его лицѣ, все возрастала. Онъ поминутно вынималъ изъ жилетки часы, удивлялся, что стрѣлки ползутъ такъ медленно, хмурилъ брови и все чаще затягивался изъ чубука. За четверть часа передъ тѣмъ ему страшно хотѣлось ѣсть, но теперь аппетитъ какъ будто совсѣмъ пропалъ.

«Гдѣ она можетъ быть?» неотступно вертѣлось въ его головѣ. «Не иначе, какъ условила гдѣ-нибудь свиданіе. За ней и молодежь, и старичье то и знай увиваются. Танцовщица, да еще красавица. Дернула меня нелегкая съ ней связаться. А вотъ не могу безъ нея жить, хоть убей. И кабы вѣрилъ я ей, не было бы счастливѣе меня...»

Онъ поставилъ трубку въ уголъ и подошелъ къ окну. Взглядъ его какъ разъ упалъ на хорошо знакомую ему красную бархатную шляпку.

И при видѣ этой маленькой, прелестной женщины, сидѣвшей въ простыхъ извозчичьихъ санкахъ, его съ новой силой охватило влюбленное и ревнивое волненіе. Онъ, кажется, и зацѣловалъ бы ее сейчасъ до полусмерти, и избилъ бы такъ, что не посмѣла бы она въ другой разъ мучить его своимъ легкомысліемъ.

Шереметевъ самъ вышелъ въ переднюю и открылъ дверь. Истомина, вся запыхавшаяся, быстро взбѣжала по лѣстницѣ.

— Гдѣ была?—сурово, въ упоръ, обратился къ ней штабъ-ротмистръ.

Молодая женщина весело вскинула ему на плечи обѣ руки.

— Вася, голубчикъ! Опоздала?—произнесла она своимъ немножко грубоватымъ, но красивымъ голосомъ.

И, не дожидаясь отвѣта, поцѣловала его нѣсколько разъ въ губы, прижимаясь къ нему и щекотя ему шею своей влажной и холодной муфтой.

— А какъ я ѣсть хочу!—заявила она.—Обѣдъ готовъ?

— Объ этомъ я долженъ бы спросить у тебя,—проворчалъ Шереметевъ.—Гдѣ ты была?

— Да на репетиціи, развѣ ты не знаешь. Дидло сегодня почему-то злющій былъ, разносилъ всѣхъ.

— Репетиція давно кончилась. Гдѣ ты была до сихъ поръ?

Истомина вмѣсто отвѣта протянула ноги, обутыя въ теплые сапожки.

— Тащи, Вася.

Шереметевъ нагнулся и сталъ помогать ей переобуться. И когда онъ сжалъ въ своихъ теплыхъ рукахъ эти маленькія, дивно выточенныя ножки, которыми потомъ восхищался Пушкинъ, ревнивое волненіе еще сильнѣе охватило его.

— Скажешь ты мнѣ, гдѣ ты шаталась?—почти прокричалъ онъ, до боли стискивая грѣвшуюся въ его рукахъ ножку.

Большіе, продолговатые, черные глаза Истоминой сердито блеснули.

— Что ты присталъ ко мнѣ? Нигдѣ я не шаталась. Послѣ репетиціи Маня Азарьева повезла меня къ себѣ завтракать, вотъ и все,—сказала она съ досадой.

— Такъ ты теперь прямо отъ Азарьевой?

— Прямо отъ нея.

— А почему же ты ѣхала отъ Пѣвческаго моста, когда Азарьева живетъ въ Офицерской?

Смуглое лицо Истоминой вспыхнуло.

— Да отвязись ты отъ меня!—гнѣвно проговорила она.—Вотъ присталъ, точно я его крѣпостная дѣвка. Подсматриваетъ, допрашиваетъ,—мочи съ тобой нѣтъ. Сказала вѣдь русскимъ языкомъ, что была у Мани,—ну, и довольно. Придирается, придирается—конца нѣтъ. Хочется, вѣрно, чтобъ я опять весь день проплакала.

И, отыскавъ въ муфтѣ батистовый платокъ, Истомина прижала его къ лицу, на которомъ выступили розовыя пятна.

Шереметевъ прошелся изъ угла въ уголъ, кусая кончики усовъ, потомъ, не сказавъ ни слова, вышелъ въ коридоръ.

II.

Встрѣтившись тамъ съ денщикомъ, Василій Васильевичъ приказалъ позвать кучера Якова и самъ вышелъ къ нему въ кухню.

— Вотъ что, Яковъ. Ты вѣдь знаешь, гдѣ живетъ Азарьева? Ъзжалъ къ ней съ барыней?—обратился онъ къ нему.

— Какъ не знать, ѣзжали,—отвѣтилъ кучеръ.

— Такъ вотъ, обѣгай сейчасъ туда и скажи, что Авдотья Ильинична прислала узнать, не забыла ли она тамъ свой носовой платокъ, сегодня за завтракомъ,—приказалъ Шереметевъ.—Да возьми извозчика, вотъ тебѣ мелочь. Поворачивайся!

Отдавъ это коварное распоряженіе, штабъ-ротмистръ прошелъ въ столовую, гдѣ Истомина съ заплаканными глазами разливала супъ. Она не успѣла переодѣться, и ея довольно нарядное платье тоже показалось Шереметеву подозрительнымъ.

«Не для репетиціи же она рядится,—мелькнуло у него въ головѣ.—И брильянты надѣла... утромъ! Какъ это глупо!»

Въ то же время ему было жаль ея, ея заплаканныхъ глазъ, которые умѣли такъ соблазнительно разгораться подъ наводженіемъ страсти.

— Ну, полно дуться,—сказалъ онъ ласково.—Вѣдь если я ревную, то потому, что люблю тебя.

— Нечего меня ревновать; ничего я такого не дѣлаю,—сердито отвѣтила Истомина.

— Только и всего, что вертишь хвостомъ направо и налево да кокетничаешь направо и налево,—попрекнулъ Шереметевъ.—Ты ни одного мужчину не способна безъ вниманія оставить.

— Хлопаютъ они мнѣ, такъ и я должна съ ними любезной быть,—возразила Истомина.—Если стану отъ всѣхъ отворачиваться, такъ и успѣха не будетъ.

— Мало, что всѣ офицеры за тобою волочатся, такъ еще и штатскими хочется вертѣть. Вотъ, уже и Грибоѣдову вскружила голову.

— Чѣмъ же вскружила? Съ Александромъ Сергѣевичемъ я люблю разговаривать. Онъ такой умница, какихъ поискать. Язычокъ словно бритва, такъ всѣхъ и бреетъ.

— А Завадовскій—тоже умница?

— А развѣ нѣтъ? Что у него чудачествъ много, такъ это еще забавнѣе выходитъ. А ужъ баринъ онъ съ головы до ногъ, это надо правду сказать.

— Удивительно! Корчитъ изъ себя англичанина—невидаля какая. У насъ каждый что-нибудь изъ себя корчитъ: одинъ англичанина, другой французскаго маркиза, третій московскаго боярина... Собственнаго-то облика ни у кого нѣтъ. И всѣ умничаютъ, правительству хотятъ указывать. Да чортъ съ ними, мнѣ у нихъ ума не занимать. А вотъ волочиться за тобою не позволю. Попадется кто-нибудь—на барьеръ вытяну.

И Шереметевъ стукнулъ кулакомъ по столу. Истомина бокомъ взглянула на него, и по ея губамъ скользнула загадочная улыбка. Ей какъ будто даже нравилось, когда штабъ-ротмистръ говорилъ такимъ образомъ...

Тотчасъ послѣ обѣда денщикъ доложилъ, что кучеръ вернулся. Шереметевъ поспѣшно вышелъ къ нему.

— Платочка не принесъ,—сообщилъ Яковъ.—Да тамъ сказываютъ, что барыня и не была нынче.

Лицо Василья Васильевича словно потемнѣло.

— Хорошо. Ступай,—сказалъ онъ и, круто повернувшись, прошелъ въ комнату Истоминой.

— Ну-съ, такъ ты была у Азаревой? Завтракала у нея?—обратился онъ къ ней, глядя на нее въ упоръ злыми глазами.

Истомина тотчасъ догадалась, что кучера посылали къ Азаревой и что Маня не сообразила ее выручить. Она растерялась и, не зная, что сказать, заплакала.

Шереметевъ схватилъ ее за руку.

— Гдѣ ты была? Кто тебя поджидалъ послѣ репетиціи? Говори!—прикрикнулъ онъ, наклоня къ ней разгорѣвшееся, злое лицо.

— Пусти, ты мнѣ больно дѣлаешь!—просила плачущимъ голосомъ Истомина.

— Говори!—приставалъ Шереметевъ.

Истомина порывисто встала.

— Да что жъ это такое!—возмутилась она.—Уйди ты отсюда, оставь меня въ покоѣ. Ничего я не скажу.

— Не скажешь?—словно прохрипѣлъ Шереметевъ, и еще крѣпче стиснулъ руку, которую Истомина старалась вырвать.

— Вотъ же уйду я отъ тебя, уйду! Не буду я съ тобой жить, если ты такъ со мной обращаешься,—проговорила она и свободной рукой дернула за шнурокъ звонка.

Это движеніе какъ будто отрезвило Шереметева. Онъ отошелъ въ сторону, постоялъ, потомъ молча вышелъ, не взглянувъ на Истому.

Полежавъ съ полчаса на диванѣ въ кабинетѣ, онъ переодѣлся и, рѣшивъ, что лучше всего ему будетъ разсѣяться, поѣхалъ на извозчикѣ въ клубъ.

А въ комнатѣ Истоминой шли сборы. Горничная Лиза, раскрывъ шкапы и комоды, спѣшно укладывала въ баулы самыя необходимыя вещи: нѣсколько платьевъ, бѣлье, драгоценности, туалетныя мелочи.

— Неужто, барышня, мы совсѣмъ выбираемся?—спрашивала она раздраженную балерину.

— Совсѣмъ, совсѣмъ,—отвѣчала та.—Переѣдемъ пока къ Азаревой, а потомъ... кто жъ его знаетъ, что будетъ потомъ!..

Лиза какъ-то загадочно поджимала губы, словно не совсѣмъ довѣряя происходившему...

III.

Въ зиму 1817 года, къ которой относится нашъ рассказъ, Большой театръ, только что возобновленный послѣ пожара, въ балетные дни особенно охотно посѣщался петербургской публикой. Балетмейстеръ Дидло стоялъ на высотѣ своей славы, и подѣ

его талантливымъ руководствомъ русская труппа впервые выставила своихъ собственнымъ балеринъ и солистокъ, мало уступавшихъ итальянскимъ. Между ними по красотѣ, таланту и молодости первенствовала Истомина. Вся петербургская молодежь исправно волочилась за нею, и она съ одинаковой благосклонностью относилась къ ухаживаньямъ и блестящихъ титулованныхъ баричей, и яркихъ молодыхъ талантовъ среди тогдашнихъ поэтовъ. Но самый знаменитый изъ ея поклонниковъ, признательно увѣковѣчившій ее въ своихъ чудныхъ стихахъ, въ то время еще «безмятежно расцвѣталъ» въ садахъ Царскосельскаго лицея.

Вѣсть о разрывѣ Истоминой съ Шереметевымъ быстро облетѣла петербургское общество, и хотя можно было бы уже привыкнуть къ такимъ часто повторявшимся событіямъ, но впечатлѣніе было громадное. Оно ясно чувствовалось въ театральной залѣ, которую избранная публика переполнила въ первый же балетный спектакль. Каждый выходъ Истоминой вызывалъ бурныя рукоплесканія, хотя танцы ея въ балетѣ «Ацисъ и Галатея» не были новостью. Свѣтская молодежь, очевидно, хотѣла заявить своей любимицѣ сочувствіе ея освобожденію...

Только въ одной ложѣ, блиставшей военными мундирами, царствовала неодобрительная тишина: товарищи Шереметева наказывали капризную измѣнницу своимъ равнодушіемъ. Самъ Шереметевъ сидѣлъ въ углу и съ напускнымъ невниманіемъ поглядывалъ на сцену. Но нервное покусыванье нижней губы и пощипыванье усовъ обличало его волненіе.

Товарищи дѣлали видъ, что не обращаютъ на это вниманія. Но молодой лейбъ-уланъ Якубовичъ, заноза и язва полка, сидѣвшій подлѣ Шереметева, съ удовольствіемъ его поддразнивалъ.

— Она, братецъ, нарочно не смотритъ въ нашу сторону, — болталъ онъ, подталкивая штабъ-ротмистра. — Постой, кому она такъ улыбается? Кто тамъ сидитъ въ первомъ ряду съ графомъ Завадовскимъ? Кажется, Грибоѣдовъ? Но нѣтъ, значитъ, она перемигивается съ Завадовскимъ. Что жъ, онъ давно на нее зубы точитъ. Ты не замѣчалъ?

Шереметевъ отмахивался отъ него, какъ отъ надоѣдливой мухи. Но Якубовичъ не унимался.

— Хочешь, я не свисну? — приставалъ онъ. — У меня это отлично выходитъ. Можно и еще кого-нибудь подбить. Это заставить другихъ танцовщицъ дѣлать тебѣ глазки. Ты еще никого не выбралъ?

— Отстань, — съ досадой проворчалъ Шереметевъ. — Съ чего вы все взяли, будто у меня съ Дуней все кончено? Раскапризничалась, уѣхала — что жъ такое? Она у Азаревой; захочу, опять перевезу ее къ себѣ.

Якубовичъ неодобрительно повелъ усами и носомъ,

— Вотъ что! — произнесъ онъ. — Значить, застряло это въ тебѣ. Ну, тогда будемъ посмотрѣть, какъ говоритъ мой эскадронный. Только, голубчикъ, дѣло твое плохо. Подцѣпннть ее Завадовскій у тебя изъ-подъ-носу, вотъ увидишь. Ей-же-ей, все время они пермигиваются.

Шереметевъ выпрямился на стулѣ.

— Если Завадовскій вздумаетъ ее отбивать, онъ мнѣ свою жизнь заплатитъ, — сказалъ онъ, и отвернулся отъ сцены.

Якубовичъ прицѣлкнулъ языкомъ.

— Вотъ это я понимаю. Къ барьеру, чортъ побери! — произнесъ онъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ. — И тогда, голубчикъ, я у тебя секундантомъ, это ужъ рѣшенное дѣло.

А въ это время графъ Завадовскій, вытянувъ ноги въ высокихъ англійскихъ сапожкахъ съ кисточками и поигрывая золотымъ лорнетомъ на широкой ленточкѣ, говорилъ, наклоняясь къ сидѣвшему подлѣ него Грибоѣдову:

— Что за женщина! что за глаза! Не находишь ты, что въ ней есть что-то оріентальное, или, какъ сказать... восточное?.. Она напоминаетъ мнѣ сказки Шехеразады. Кто-то говорилъ мнѣ, будто она родомъ черкешенка...

— Многіе такъ думаютъ; но она русская, самая настоящая русская; и выговоръ у нея чистѣйшій русскій, и даже простонародный, — сообщилъ Грибоѣдовъ, на лицѣ котораго восторженность графа вызвала улыбку.

— Счастливецъ, ты вѣдь часто съ нею встрѣчаешься, и даже, если вѣрить петербургскимъ слухамъ, пользуешься ея благосклонностью, — продолжалъ графъ.

— Слухи совѣмъ вздорные, — возразилъ Грибоѣдовъ. — Я очень цѣню талантъ Истоминой и не пропускаю ни одного балета, когда она танцуетъ. А какъ женщина, она меня интересуетъ не болѣе другихъ здѣшнихъ красавицъ.

— А для меня она и балерина, и женщина, и богиня... — произнесъ Завадовскій съ тою же восторженностью, которой нельзя было ожидать отъ него при его корректной на англійскій ладъ манерѣ держать себя. — Послушай, вдругъ быстро повернулся онъ къ Грибоѣдову: — вѣдь если она разошлась съ Шереметевымъ, ты понимаешь, она долго не захочетъ вдовѣть. А я, кажется, ничего бы не пожалѣлъ, чтобъ заслужить ея благосклонность.

Грибоѣдовъ оглянулся на него съ улыбкой.

— Въ чемъ же дѣло? Попытайся, — сказалъ онъ.

— Да гдѣ съ ней можно встрѣтиться? Съ Азаревой я не знакомъ. У князя Шаховскаго Истомина бываетъ, но рѣдко. Меня, впрочемъ, представили ей тамъ, и могу сказать, что она была со мною очень любезна, — продолжалъ Завадовскій. — А знаешь, что мнѣ пришло въ голову? — добавилъ онъ, ближе наклоняясь къ Гри-

боѣдову и понижая голосъ.—Вѣдь ты теперь у меня живешь. Пригласи ее послѣ спектакля къ намъ чай пить... А?

— Да ты, кажется, не въ шутку увлекаешься. И при твоей агличкой складкѣ! — сказалъ съ маленькимъ смѣхомъ Грибоѣдовъ.—А впрочемъ, твоя идея вовсе недурна. Пригласить Авдотью Ильиничну я готовъ.

— И уговори... непременно уговори!—съ забавнымъ нетерпѣніемъ присталъ Завадовскій.—Спектакль сейчасъ кончается, ты подожди Истомину у актерскаго подѣзда.

Грибоѣдовъ, все съ той же снисходительно-насмѣшливой улыбкой на умномъ лицѣ, обѣщалъ пустить въ дѣло все свое краснорѣчіе.

Занавѣсъ упалъ. Публика шумно поднялась съ мѣстъ. Минуть десять стоялъ гулъ рукоплесканій и вызововъ, доходившихъ до бѣснованія каждый разъ, когда Истомина подбѣгала къ рампѣ, посылая во всѣ стороны воздушные поцѣлуи.

Въ верхнихъ ярусахъ тушили лампы, и по залѣ распространился запахъ маслянаго чада.

— Идемъ, идемъ,—подталкивалъ Завадовскій Грибоѣдова.

При выходѣ они обратили вниманіе на Шереметева, который почему-то стоялъ у стѣны, мрачно поглядывая на разѣзжавшуюся публику, и словно поджидалъ кого-то. Грибоѣдову это не понравилось.

— Ты уѣзжай, а я переговорю съ Истоминой, — сказалъ онъ Завадовскому. — Незачѣмъ тебѣ на глаза Шереметеву попадаться. Черезъ полчаса пріѣзжай домой.

IV.

Грибоѣдовъ протѣснился на узенькое артистическое крылечко и на площадкѣ, освѣщенной коптившею масляною лампою, столкнулся съ Истоминой. Балерина радостно протянула ему руку.

— Видѣла, видѣла, какъ вы мнѣ хлопали. Спасибо, голубчикъ,—сказала она.—Было за что похвалить меня сегодня?

— Было. Только не за танцы — танцовали вы хуже, чѣмъ всегда,—отрѣзалъ Грибоѣдовъ.

— Ну?—протянула Истомина, не зная, шутить онъ, или нѣтъ.—Впрочемъ, ваша правда: сегодня я не въ ударѣ. А за что же похвалить-то меня надо?

— А вотъ за то, что вы взбунтовались. Очень онъ сталъ тиранить васъ,—объяснилъ Грибоѣдовъ.—Артистка, да еще такая, какъ вы, должна быть свободна, какъ птица.

— Куда хочу, туда и полечу?—засмѣялась Истомина.

— Именно. И знаете, куда? Поѣдемъ ко мнѣ чай пить.

Истомина не безъ лукавства раскрыла свои большіе глаза,

— Что это вы надумали? И на что это похоже будетъ?—сказала она.

— Ёдемъ. Я берусь сдѣлать, чтобъ вамъ не было скучно.

— Голубчикъ, съ вами я всегда рада поболтать, — сразу же согласилась Истомина. — Только я боюсь Шереметева. Онъ вѣдь тутъ. Весь спектакль высидѣлъ, и ни одного хлопка мнѣ не послалъ. Мраченъ, какъ ночь. Мы вотъ что сдѣлаемъ: я сяду въ театральную карету, а вы остановитесь у Гостинаго двора, и тамъ я пересяду въ ваши сани.

— Отлично.

Грибоѣдовъ посадилъ Истому въ театральнѣй вoзoкъ, запахнулъ въ шинель, приподнялъ бобровый воротникъ и сѣлъ въ свои парныя сани. У Гостинаго двора онъ велѣлъ кучеру остановиться.

Ждать ему пришлось недолго. Въ туманѣ ноябрьской ночи снова обрисовался казенный рыдванъ. Дверца открылась, Истомина спрыгнула съ подножки и, боязливо озираясь, сѣла въ сани. Она была очень неспокойна: ей все казалось, что чья-то тѣнь слѣдитъ за нею.

И дѣйствительно, какъ только сани тронулись, мимо нихъ сѣрый рысакъ пронесъ высокаго господина въ военномъ плащѣ, подбитомъ мѣхомъ. Воротъ плаща былъ поднятъ, и изъ-подъ надвинутаго козырька виденъ былъ только уголокъ глаза. Но Истомина узнала Шереметева.

— Это онъ! Слѣдитъ за мною...— сказала она съ замѣтнымъ страхомъ.

— Развѣ между вами не все кончено?—спросилъ Грибоѣдовъ.

Истомина не умѣла отвѣтить. Она сама не знала, разрушенъ ли ихъ романъ, или только испорченъ. Да, конечно, она разорвала съ Шереметевымъ, потому что онъ тиранилъ ее. Но кто его знаетъ, что онъ намѣренъ дѣлать? Онъ такой, что готовъ на всякое безумство. А она это любитъ. И у нея уже были романы, кончавшіеся драмой.

— Тираны вы всѣ, мужчины,—сказала она вмѣсто отвѣта на вопросъ Грибоѣдова.—Да объясните, гдѣ вы живете?

— Я теперь живу у графа Завадовскаго.

Истомина отпрянула, словно хотѣла выскочить изъ саней.

— Что же вы раньше не сказали? Я ни за что бы не поѣхала,—воскликнула она.

— Какъ не сказалъ? Вѣдь я же обѣщалъ, что вамъ не будетъ скучно,—напомнилъ Грибоѣдовъ.

— Подите вы!—протянула Истомина, но такимъ тономъ, который показывалъ, что послѣ мимолетнаго испуга она уже начала входить во вкусъ приключенія.—Вотъ подвели-то вы меня.

Грибоѣдовъ оправдывался съ своей обычной иронической серьезностью. Истомина уже совсѣмъ успокоилась, когда они подѣхали

къ погруженному въ темноту особняку на одной изъ аристократическихъ улицъ.

Комнаты освѣтились. Затѣйливо убранная холостая квартира носила такой же отпечатокъ англійской корректности, какъ и вся внѣшность Завадовскаго. Тяжелая мебель краснаго дерева, темныя картины, ковры восточнаго рисунка—напоминали жилище почтеннаго британскаго дворянина. Стояли шкапы съ книгами, горки съ серебромъ и фарфоромъ. Особенно много было всякаго рода часовъ: они висѣли на стѣнахъ, стояли на столахъ и подоконникахъ, лежали въ витринахъ подъ стекломъ.

— Словно у часового мастера!—замѣтила Истомина.

— Это одно изъ чудачествъ графа,—объяснилъ Грибоѣдовъ.— Онъ по всему свѣту собираетъ рѣдкіе старинные часы.

— Да къ чему ихъ столько?

— Графъ увѣряетъ, что страсть къ часамъ выражаетъ склонность къ точности и порядку. Но это не мѣшаетъ ему быть очень милымъ человѣкомъ и... достаточно безпорядочнымъ.

Буфетчикъ, наружность котораго была тоже поддѣлана подъ англійскій ладъ, подалъ въ большомъ кабинетѣ закуски и чай. Истомина, взглянувъ на сложныя принадлежности сервировки, отказалась хозяйничать.

— Тутъ и не поймешь сразу, для чего что,—заявила она.

Какъ разъ кстати подѣхалъ въ эту минуту самъ Завадовскій. На его молодомъ и нѣсколько забавномъ лицѣ сіяло удовольствіе. Чай съ Истоминой—это такъ отвѣчало тому, чего онъ добивался.

Онъ точасъ привелъ въ дѣйствіе особенные ножи, которыми приготовлялись сандвичи, пустилъ въ ходъ гильотину, кромсавшую правильными ломтями окорокъ ветчины, раскупорилъ и понюхалъ банки съ пикулями и соями, раскрылъ ящики съ печеньями. Острый запахъ сыровъ и пряностей повисъ въ воздухѣ, нагрѣтомъ паромъ отъ серебрянаго булуара.

Все это очень забавляло Истому. Послѣ тяжелаго романа съ ревнивымъ Шереметевымъ, она чувствовала себя какъ нельзя лучше въ этомъ веселомъ обществѣ двухъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ съ такимъ увлеченіемъ за ней ухаживалъ, а со стороны другого она видѣла такъ много дружескаго расположенія. Притомъ оба такъ умно и весело разговаривали, смѣшили ее необыкновенными анекдотами о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ и поражали неожиданными замѣчаніями по поводу балетныхъ дѣлъ. Ясно, что она увлекала ихъ не только какъ красивая женщина, но и какъ талантливая артистка, въ успѣхахъ которой они понимали толкъ. Да и вся обстановка аристократическаго особняка, съ его англійской складкой, обдуманной роскошью и нѣкоторой своеобразною затѣйливостью, чрезвычайно ей нравилась и располагала чувствовать себя какъ дома.

Время шло незамѣтно, и Истомина очень удивлялась, когда изъ часовыхъ футляровъ, минута въ минуту, раздалось по три удара. Она поспѣшно стала собираться.

— Вотъ засидѣлась-то! А завтра у насъ репетиція, — волновалась она. — Александръ Сергѣевичъ, везите меня скорѣе къ Азарьевой.

Грибоѣдовъ долженъ былъ снова усадить ее въ свои широкія парныя сани.

V.

Черезъ два дня посланный отъ брильянтика привезъ Истоминой футляръ. Въ немъ находился великолѣпный браслетъ съ надписью на внутренней сторонѣ «5 ноября 1817».

— Счастливая ты, Дуня, право, — не безъ завистливаго чувства отозвалась Азарьева, любуясь дорогимъ подаркомъ. — И на сценѣ тебѣ подносятъ, и на домъ засылаютъ... Чародѣйка, впрямь чародѣйка.

Истомина надѣла браслетъ и тоже любовалась имъ. Стоявшая на немъ надпись не позволяла сомнѣваться, отъ кого онъ присланъ.

— Это въ память... чего же? — полюбопытствовала Азарьева.

— Спектакля... — съ плутоватою улыбкой отвѣтила Истомина. — Я въ тотъ вечеръ хорошо танцевала.

— Ну, да, танцевала... — протянула тономъ полнѣйшаго недоумѣнія Азарьева. — Въ театрѣ, напротивъ, всѣ говорили, что ты не въ ударѣ. Да что тутъ толковать: не было бы у тебя твоихъ чертовскихъ глазъ, такъ и танцы твои не сводили бы съ ума. Знаю я тоже мужчинъ-то. А не скажешь, кто прислалъ?

Истомина усмѣхнулась.

— Почему я знаю? — сказала она. — Да не все ли равно? Во всякомъ случаѣ не Вася.

— Шереметевъ этой надписи не сдѣлалъ бы, — замѣтила Азарьева. — Да и не прислалъ бы онъ брильянтовъ. Онъ вѣдь не ухаживатель. Онъ тебя полюбилъ, а не то чтобъ волочиться, да прельщать подарками.

Истомина съ внезапнымъ раздраженіемъ стукнула рукой по столу.

— Отстань, точно я сама не понимаю! — проговорила она. — Вася за меня жизнь отдалъ бы. Характеръ у него тяжелый, не приноровишься, какъ съ нимъ быть. А развѣ я промѣняла бы его на кого нибудь...

И на подвижное лицо Истоминой словно легла тѣнь.

— Ревнивецъ онъ, это правда, — продолжала Азарьева. — А только и любить же тебя, ужъ нельзя не сказать. Вѣдь онъ по

нѣскольку разъ въ день тутъ подъ окнами или проѣдетъ, или пройдетъ.

— Отстань!—повторила съ тѣмъ же раздраженіемъ Истомина.— Не хочу я о немъ говорить, пойми ты.

Она подобрала ноги, прикорнула локтемъ на мягкомъ валькѣ дивана и закрыла глаза. Бѣленькіе пальцы ея впились въ густую, шелковистую массу черныхъ волосъ.

— А у него вѣдь тоже такіе глаза, какъ у меня,—вдругъ сказала она черезъ минуту, нарушая собственный запретъ говорить о Шереметевѣ.

Азарьева удивилась.

— Что это ты выдумала?—сказала она.—У тебя глаза черные, бархатные, а у него сѣрые, стальные.

— Ну да, сѣрые, я не про то,—возразила Истомина.—А все-таки въ нихъ есть что-то мое... дикое, шальное. Люблю я такихъ, Маня.

— Все же сѣрые, а не черные, — не согласилась Азарьева. — Онъ червоинный король, а не трефовый. А если хочешь знать, у кого твои глаза, такъ это у Якубовича. Вотъ чертенокъ мальчишка.

— Да, пожалуй, и у Якубовича, — мечтательно подтвердила Истомина.—Этотъ тоже шальной. Думаю я, что не сдобровать ему.

Сумерки совѣмъ наполнили комнату. Сегодня въ балетѣ не было спектакля, и танцовщицы не знали, что дѣлать со своимъ вечеромъ. Азарьева распорядилась зажечь лампу и подать чай.

Истомина неохотно поднялась съ дивана. Спутанныя пряди волосъ нависли надъ ея изящнымъ лбомъ, щекотали ей шею. Она потянулась и тихонько зѣвнула.

— Скучно что-то, Маня...—произнесла она протяжно.

Въ передней негромко звякнулъ колокольчикъ.

— Вотъ и гостей принесло,—обрадовалась Азарьева, и вышла посмотрѣть.

Черезъ минуту она быстро воѣжала въ комнату, радостно взволнованная.

— Дуня, да вѣдь это онъ! Къ тебѣ!—объявила она.

— Кто такой?—не поняла сразу Истомина.

— Да вотъ!

Въ дверяхъ стоялъ Шереметевъ. Разглядѣвъ въ свѣтломъ пятнѣ отъ лампы Истомину, онъ бросился къ ней и схватилъ ея руки.

— Видишь, пришелъ. Не могу я безъ тебя!—сказалъ онъ задыхающимся голосомъ.

И, обхвативъ дѣвушку своими сильными руками, онъ прижалъ ее къ себѣ и впился губами въ ея теплыя, яркія, вздрагивавшія губы.

Истомина сдѣлала движеніе, чтобъ вырваться, но Шереметевъ только крѣпче сжалъ ее, продолжая покрывать поцѣлуями ея пре-

лестное, разгорѣвшееся лицо. Обезсилѣвшая, она наконецъ опустилась на диванъ.

— Простишь меня?—говорилъ Шереметевъ, стискивая до боли ея руки.—Я вѣдь мириться пришелъ. Винавать быть, знаю. Да вѣдь люблю же я тебя, злодѣйку. Съ ума ты меня свела, околдовала...

— Пусти руку... сломать можешь, противный!—протестовала Истомина, сляясь согнать улыбку, прыгавшую на уголкахъ ея рта.—Скажите пожалуйста, виниться пришелъ. А тиранить меня правилось? Когда я плакала отъ твоего мучительства, тебѣ не жалко было?

Шереметевъ вмѣсто отвѣта опустился къ ея ногамъ и спряталъ лицо въ складкахъ ея платья.

— Что ужъ старое вспоминать!—произнесла нараспѣвъ Азарьева и усѣлась къ столу разливать чай.

— Я тебя увезу,—съ повелительной страстностью объявилъ Истоминой Шереметевъ.

— Минуты нѣтъ, какъ она сама тутъ говорила, что скучаетъ безъ васъ,—сосплетничала Азарьева.

— Не говори вздору!—прикрикнула на нее Истомина и расхоталась. Ей было смѣшно отъ этого счастливаго перелома въ ея романѣ. Черезъ часъ помирившіеся влюбленные уѣхали вмѣстѣ.

VI.

Уступая своей страсти, Шереметевъ сознавалъ, что дѣлаетъ глупость. Примиреніе не могло разрушить ревниваго подозрѣнія, которое мучило его даже въ ту минуту, когда онъ задыхался, спрятавъ лицо на колѣняхъ Истоминой. На другой день онъ проснулся больше, чѣмъ когда-нибудь, растревоженный и нервный. Вернувшееся счастье и опьяняло, и отравляло его. Ему хотѣлось пересилить себя, отодвинуть неизбежное объясненіе. Но когда Истомина собралась ѣхать на репетицію, онъ вдругъ схватилъ ее за руку и проговорилъ угрожающимъ тономъ:

— Я буду ждать тебя подлѣ театра.

— Что за глупости! Ты уже опять за старое,—съ досадой отозвалась Истомина.—Если станешь за мною слѣдить, я пуще буду со всѣми кокетничать.

— Ладно. Когда я застрѣлю перваго, кто вздумаетъ за тобой волочиться, тогда всѣ отъ тебя отстанутъ,—пригрозилъ Шереметевъ.

Онъ не могъ поджидать Истому у театра, потому что долженъ былъ явиться въ полкъ для занятій. Когда онъ вернулся, она была уже дома. Это его обрадовало, и они очень мирно пообѣдали. У Шереметева сложилась мысль, что если бъ она откровенно при-

зналась, къ кому ѣздила послѣ спектакля въ понедѣльникъ, и вообще что она дѣлала, когда жила у Азарьевой, то ихъ отношенія, можетъ быть, скорѣе наладились бы.

— Тебѣ вотъ не нравится, что я ревную, а ты сама разжигаешь ревность своею скрытностью,—сказаль онъ. — Почему ты не хочешь сознаться?

— Да въ чемъ?—спросила Истомина

— Но вѣдь я слѣдилъ за тобою. Я видѣлъ, какъ у Гостиного двора ты вышла изъ казенной кареты и пересѣла въ сани.

— Что жъ такое? Я увидѣла Грибоѣдова и попросила подвести меня къ Азарьевой. Въ каретѣ не по дорогѣ было.

— Вздоръ. Тебѣ вовсе незначѣмъ было ѣхать къ Гостиному двору.

— Не одна я ѣхала. Другимъ нужно было.

— Увертки, вранье.

— Ну, не вѣрь. Только не приставай ко мнѣ.

Вечеромъ былъ балетный спектакль. Шереметевъ, задержанный по какому-то дѣлу, пріѣхаль уже къ концу послѣдняго дѣйствія. Его взглядъ тотчасъ остановился на блестящемъ на рукѣ Истоминой новомъ браслетѣ.

— Откуда? кто тебѣ прислаль? — тотчасъ обратился онъ къ ней, какъ только оба они вышли изъ театра и усѣлись въ саняхъ.

— Почему я знаю. Прислаль кто-то, вотъ и все, — отвѣтила Истомина.—Мало развѣ мнѣ бываетъ подношеній.

Шереметевъ промолчаль, но какъ только они пріѣхали домой, прошелъ вслѣдъ за танцовщицей въ ея комнату, какъ бы боясь, чтобъ она не успѣла спрятать браслетъ.

— Покажи,—сказаль онъ.

— Ну, смотри.

И Истомина протянула руки. Шереметевъ такъ мало понималь въ брильянтахъ, что не могъ бы даже оцѣнить приблизительную стоимость подарка. Но ревнивая догадливость подсказала ему — поискать надписи. Онъ отстегнулъ браслетъ и прочель цифры и буквы, награвированныя на внутренней сторонѣ его. Онъ сжалъ дорогую вещицу въ рукѣ съ такой силой, что золотая оправка хрустнула.

— Отъ кого?—повторилъ онъ свой вопросъ, и лицо его словно потемнѣло.—Пятое ноября—это именно тотъ вечеръ, когда ты послѣ спектакля пересѣла въ сани Грибоѣдова. Но онъ не такъ богатъ, чтобъ дѣлать подобныя подарки. У кого ты была?

Истомина заплакала.

— Вотъ, ты опять тиранить меня. Напрасно я такую глупость сдѣлала, вернулась къ тебѣ,—сказала она сквозь слезы. — Если ты мнѣ не вѣришь, то не надо было пріѣзжать за мной.

Шереметевъ опять подумаль, что онъ не умѣетъ съ нею обращаться, что его слѣпая ревность портить ихъ отношенія. Ему

было жалко ея, этой яркой красоты, къ которой такъ не шли слезы... Самъ измученный своей вспышкой, онъ опустился на диванчикъ подлѣ Истоминой и обхватилъ руками ея вздрагивавшія плечи.

— Прости... видишь, ты меня съ ума свела... — шепталъ онъ ей въ ушко, на которомъ еще лежали театральныя румяна.— Прелесть моя... развѣ я виноватъ, что при одной мысли о твоей измѣнѣ у меня въ головѣ мутится...

И онъ безъ счету цѣловалъ ея волосы, ушко, щеки, губы...

Но утромъ проклятое воспоминаніе о браслетѣ и объ этихъ двухъ дняхъ, проведенныхъ Истоминой у своей подруги, снова съ мучительной силой овладѣло имъ. Желтый, съ насупленными бровями, онъ шагаль по кабинету, неотвязчиво думая все объ одномъ.

«Нѣтъ, такъ нельзя,—вертѣлось въ его отуманенномъ мозгу.— Она должна сказать. Тогда чѣмъ-нибудь кончится».

Онъ прошелъ къ Истоминой, которую засталъ за причесываніемъ головы.

— Дуня, вѣдь мы помирились? Вѣдь мы опять друзья?—обратился онъ къ ней, наклоняясь и осторожно цѣлуя ее въ тщательно расчесанный пророборъ.

— Да, до перваго твоего приставанія,—отвѣтила Истомина.

— Отъ тебя зависитъ, чтобъ я не приставалъ,—продолжалъ Шереметевъ.—Отвѣть мнѣ только на одинъ вопросъ, и вотъ тебѣ мое слово, что я никогда больше не возобновлю этого разговора.

— На какой еще вопросъ?

— Къ кому ты заѣзжала въ понедѣльникъ послѣ театра?

— Ну вотъ, опять! Вѣдь помирились, такъ чего тутъ толковать о старомъ. Тогда я думала, что между нами все кончено, а теперь я опять живу у тебя,—отвѣтила Истомина.

— А ты скажи. Увидишь, что я все прощу и не буду помнить о прошломъ,—не отставалъ Шереметевъ.— Иначе—ты сама видишь, что я не могу совладать съ собою. А тогда буду знать, и дѣлу конецъ. Ну, говори!

Его голосъ не то плакалъ, не то смѣялся. Истомина почти повѣрила, что въ самомъ дѣлѣ будетъ лучше, если она скажетъ, и разъ навсегда развяжется съ этими докучными допросами.

— Ну, ладно, я скажу; только чтобъ никогда больше я не слыхала объ этомъ,—отвѣтила она.— Заѣзжала я къ Грибоѣдову, потому что очень просилъ чай у него пить. А я не знала, что онъ живетъ у Завадовскаго.

Она почти испугалась, увидавъ въ своемъ зеркалѣ искаженное лицо Шереметева.

— Чего ты? Вѣдь самъ же просилъ, чтобъ я сказала... — воскликнула она.

Шереметевъ не отвѣчалъ. Онъ подошелъ къ окну и съ минуту стоялъ, безсмысленно глядя на покрытый снѣгомъ каналъ. Потомъ, не оглянувшись на Истомину, прошелъ въ кабинетъ, позвонилъ и приказалъ заложить санки.

VII.

Корнетъ Якубовичъ, вернувшійся домой поздно ночью, еще спалъ, когда кто-то потянулъ у него изъ-подъ головы подушку. Не безъ усилія раскрывъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собой Шереметева.

— Вставай-ка, полно валяться, дѣло есть, — сказалъ штабъ-ротмистръ.

— Кой чортъ принесъ тебя такую рань, — выругался Якубовичъ, но, взглянувъ въ разстроенное лицо посѣтителя, быстро сдернулъ одѣяло и свѣсилъ ноги.

— Что случилось? Не убѣжала ли опять твоя чародѣйка? — спросилъ онъ.

— Одѣвайся, поговорить надо, — отвѣтилъ Шереметевъ.

Якубовичъ кликнулъ денщика, вышелъ съ нимъ въ другую комнату, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся уже въ форменномъ нарядѣ.

— Пистолеты брать съ собой?—спросилъ онъ, поведя глазами на ящикъ чернаго дерева, всегда лежавшій у его изголовья.

— Погоди ты со своими пистолетами. Выслушай прежде, въ чемъ дѣло, — сказалъ Шереметевъ, прохаживаясь широкими шагами по комнатѣ.—А впрочемъ, хорошо что они у тебя наготовѣ.

Онъ сѣлъ и въ короткихъ словахъ разсказалъ то, что узналъ отъ Истоминой. Якубовичъ съ чувствомъ удовлетворенія посвисталъ.

— Ясное дѣло,—сказалъ онъ.

— Что такое тебѣ ясно?—хмуро спросилъ Шереметевъ.

— Дратся будемъ. Насъ двое, и ихъ двое: *partie carrée*, — объявилъ Якубовичъ.—Ты подстрѣлишь Грибоѣдова, въ которомъ я вижу главнаго виновника, а на себя я беру Завадовскаго. Графчикъ, чортъ возьми, умѣетъ стрѣлять; да мнѣ все равно.

— А я думаю, что мнѣ самому слѣдуетъ съ нимъ стрѣляться, — возразилъ Шереметевъ.—Онъ тутъ, несомнѣнно, главное лицо, и браслетъ отъ него присланъ.

Якубовичъ настаивалъ на своемъ, и Шереметевъ наконецъ согласился съ нимъ.

— Но стрѣляться будемъ на самыхъ строгихъ условіяхъ, — потребовалъ онъ.—Поединокъ не для потѣхи предлагается.

— Ужъ положишься на меня. Шестъ шаговъ барьеръ, да по шести съ каждой стороны, очень просто,—рѣшилъ Якубовичъ.

Онъ схватилъ фуражку и тутъ же въ комнатѣ надѣлъ ее.

Черезъ четверть часа онъ входилъ въ кабинетъ Грибоѣдова.

Будущій авторъ знаменитой комедіи, тогда еще мало извѣстный въ Петербургѣ, лежалъ на широкомъ диванѣ, облеченный въ мягкій шелковый халатъ, и перелистывалъ маленькій томикъ Мольера въ кожаномъ переплетѣ. При входѣ корнета онъ приподнялся и отшвырнулъ книгу, предварительно отмѣтивъ длиннымъ выхоленнымъ ногтемъ какой-то стихъ, остановившій его вниманіе.

— Двѣ минуты разговора?—произнесъ забавно дѣловымъ тономъ Якубовичъ, извинившись за раннее посѣщеніе.

Грибоѣдовъ не безъ недоумѣнія подвинулъ ему кресло.

— Я къ вамъ отъ штабъ-ротмистра Шереметева, который поручилъ мнѣ предложить вамъ, въ виду извѣстныхъ вамъ обстоятельствъ, дать ему обычное въ такихъ случаяхъ удовлетвореніе...—объяснилъ Якубовичъ.

Грибоѣдовъ сдѣлалъ движеніе своими выразительными бровями.

— Не знаю, о какихъ извѣстныхъ обстоятельствахъ вы говорите, — сказалъ онъ. — Съ штабъ-ротмистромъ Шереметевымъ у меня не было никакихъ столкновений.

— Въ прошлый понедѣльникъ вы отвезли Истомину сюда, въ квартиру графа Завадовскаго...

— И мою также.

— Можетъ быть. Вотъ это и есть обстоятельство, по поводу котораго Василій Васильевичъ требуетъ отъ васъ удовлетворенія. Съ графомъ же Завадовскимъ онъ предоставилъ расчитаться мнѣ.

Грибоѣдовъ спокойно смотрѣлъ на Якубовича своими умными и немножко насмѣшливыми глазами. Корнетъ чувствовалъ себя какъ будто неловко подъ этимъ взглядомъ.

— Вашъ отвѣтъ?—сказалъ онъ нетерпѣливо.

На губахъ Грибоѣдова мелькнула снисходительная усмѣшка.

— Достаточныхъ основаній для вызова я не усматриваю, но у меня правило — никогда не отказываться отъ поединка, — сказалъ онъ. — Что дѣлать: необходимо подчиняться законамъ порядочнаго общества, хотя бы и глупымъ.

— Значить, мы можемъ перейти къ условіямъ дуэли? Вы имѣете въ виду вашего секунданта? — спросилъ Якубовичъ. — Что касается насъ...

— Пойдите, — перебилъ его Грибоѣдовъ: — я принимаю вызовъ, но съ тѣмъ, что съ Шереметевымъ будетъ стрѣляться графъ Завадовскій. А затѣмъ, если угодно, и мы съ вами займемся другъ другомъ. Такъ, по моему мнѣнію, будетъ гораздо правильнѣе. Шереметевъ и графъ — главные герои этой романической исторіи, и имъ принадлежитъ первое мѣсто.

— Вотъ и Шереметевъ тоже такъ думаетъ, — сказалъ Якубовичъ; — но я считаю, что такъ какъ Истомина уѣхала съ вами,

то вы первый должны дать удовлетвореніе. Я передамъ вашъ отвѣтъ Василю Васильевичу. А мнѣ, собственно говоря, рѣшительно все равно, лишь бы не разстроитъ дѣла. Охотно и съ вами обмѣняюсь пулями—что жъ такое!

Грибоѣдовъ разсмѣялся.

— Вижу, что господинъ Шереметевъ счастливъ въ выборѣ секунданта, сказалъ онъ.—Итакъ, буду ждать отвѣта.

Якубовичъ откланялся, очень довольный тѣмъ, что «дѣло» не разстроилось сразу, и поѣхалъ къ Шереметеву. Тотъ сейчасъ же выразилъ полное согласіе драться съ Завадовскимъ.

— И скорѣе! — торопилъ онъ. — Бездѣльникъ отвѣтитъ мнѣ жизнью!

Но скоро ни хлопоталъ Якубовичъ, переговоры тянулись три дня, и рѣшено было встрѣтиться противникамъ только въ понедѣльникъ — ровно черезъ недѣлю послѣ того рокового понедѣльника, когда Истомина такъ весело пила чай въ квартирѣ графа Завадовскаго.

VIII.

Двѣ кареты, на близкомъ разстояніи одна отъ другой, ѣхали по окраинѣ города, направляясь къ Волкову полю. Было два часа дня. Мутный ноябрьскій туманъ застилалъ печальную окрестность, и снѣгъ уныло поскрипывалъ на влажномъ морозѣ.

Въ передней каретѣ сидѣли Шереметевъ, Якубовичъ и прихваченный на всякій случай докторъ Іонъ. На лицѣ Шереметева выражалась мрачная сосредоточенность чело́вѣка, рѣшившагося или убить, или быть убитымъ. Якубовичъ, напротивъ, обнаруживалъ чрезвычайную подвижность: высовывался изъ окна, чтобъ показать кучеру дорогу, осматривалъ свой ящикъ съ пистолетами, заглядывалъ зачѣмъ-то въ шкатулку съ докторскими инструментами, и безъ умолку болталъ.

Въ другой каретѣ ѣхали графъ Завадовскій, Грибоѣдовъ и ихъ секунданта гусаръ Каверинъ, извѣстный въ Петербургѣ кутила и забіяка. Послѣдній былъ немножко пьянъ, но старался скрыть это. Завадовскій имѣлъ недовольный видъ.

— Глупый предрасудокъ, давно осужденный англичанами, — говорилъ онъ. — Зачѣмъ я долженъ убивать или увѣчить чело́вѣка, къ которому не питаю ни малѣйшей злобы? И почему я долженъ рисковать жизнью, имѣя самое опредѣленное желаніе прожить по крайней мѣрѣ сто лѣтъ? По-твоему, это не бессмысленно, Саша?

Грибоѣдовъ задумчиво шевелилъ бровями.

— Бессмысленно, я не отрицаю, — сказалъ онъ. — Но какая-нибудь сила есть въ предрасудкѣ, если онъ держится вѣками.

Въ немъ важно то, что онъ пріучаетъ меньше дорожить жизнью, которая еще пущая бессмыслица.

— Жизнь? Ну, нѣтъ. Въ жизни я понимаю смыслъ,—не согласился Завадовскій.—Взять, хотя бы, пареніе пытливаго ума...

— Да ну васъ,—отмахнулся Каверинъ, спуская съ плечъ шинель, въ которой ему было жарко.—Бдуть люди за дѣломъ, а чепуху всякую толкуютъ. Попелъ скорѣе!—прикрикнулъ онъ, высовываясь въ окно.

Передняя карета остановилась. Первымъ изъ нея выскочилъ Якубовичъ и пошелъ впереди, указывая мѣсто, высмотрѣнное имъ наканунѣ.

Бѣжавшіе въ другой каретѣ подошли уже тогда, когда Якубовичъ отмѣривалъ шаги.

— Шагайте шире!—кричалъ ему докторъ Іонъ.—У васъ ноги короткія. Надо бы самому штабсъ-ротмистру...

Якубовичъ, не слушая его, съ ожесточеніемъ продавилъ каблукомъ и шпорой послѣднюю черту на бѣломъ снѣгѣ.

— Полагаю, рѣшеніе противниковъ исполнѣ обдуманное, и нѣтъ надобности заводить разговоры о примиреніи?—обратился онъ ко всѣмъ.

Шереметевъ угрюмо мотнулъ головой.

— Первая очередь, какъ уже условлено, предоставлена штабсъ-ротмистру и графу,—продолжалъ Якубовичъ.—Пистолеты провѣрены? Прошу на мѣста!

Шереметевъ сбросилъ плащъ на торчавшій кустъ и, покачивая въ рукѣ пистолетъ, широкими шагами подошелъ къ чертѣ. Завадовскому казалось, что морозъ очень силенъ, и онъ только спустилъ шинель съ праваго плеча.

Грибоѣдовъ, Каверинъ и докторъ отошли немного въ сторону. Якубовичъ, стоя противъ нихъ, подалъ знакъ сходитьсь.

Шереметевъ быстро подвинулся и, не дождавшись, пока Завадовскій подойдетъ къ барьеру, спустилъ курокъ. Пуля просвистала въ мгlistомъ воздухѣ, оторвала край воротника у сюртука графа и зарылась въ снѣгу. Графъ покачнулся отъ нервнаго толчка; лицо его приняло злое выраженіе.

— Ah, il en voulait à ma vie! A la baggère!—крикнулъ онъ.

И, вытянувъ руку, онъ ловилъ прищуренными глазами мушку на пистолетѣ.

Всѣ знали, что Завадовскій отличный стрѣлокъ. Лица присутствовавшихъ замѣтно поблѣднѣли. «Васѣ конецъ!» мелькнуло въ головѣ Якубовича.

— Графъ, развѣ вы хотите быть убійцей?—сказалъ онъ вполголоса Завадовскому, бокомъ подвигаясь къ нему.

Рука графа какъ будто дрогнула.

— Зачѣмъ убивать?..—сказаль онъ такъ же тихо.—Я удовлетворюсь царапиной.

Шереметевъ или слышалъ, или догадался о предметѣ разговора.

— Графъ, мы не шутить пришли. Предупреждаю васъ, что если не убьете меня, то рано или поздно я убью васъ!—прокричалъ онъ громко.

Лицо его было искажено злобой; неудачный выстрѣлъ подняль все накопившееся въ его крови ревнивое бѣшенство...

Опять щелкнуль курокъ, Шереметевъ покачнулься, наклонилъся, и упаль навзничъ. Пуля пронизала ему бокъ.

Докторъ припаль подлѣ него на колѣни, приложилъ ухо къ его груди. На обращенные къ нему вопросительные взгляды онъ печально махнуль рукой.

— Не выживеть,—произнесъ онъ на ухо Якубовичу.

Завадовскій, блѣдный и смущенный, куталъся въ шинель. Ему было холодно.

Якубовичъ тоже поеживалъся отъ холода. Пожимая плечами, онъ подошелъ къ Грибоѣдову.

— Я думаю, на сегодня довольно,—сказаль онъ.—Ни мнѣ, ни вамъ не до того, чтобы стрѣляться. Отложимъ наши счеты до болѣе удобнаго времени?

— Какъ хотите,—отвѣтилъ Грибоѣдовъ.

Шереметева, съ трудомъ пришедшаго въ сознание, бережно посадили въ кáрегу и повезли въ городъ. Къ вечеру слѣдующаго дня онъ умеръ.

Истомина надѣла трауръ. Ее вызывали въ слѣдственную комиссію, наряженную по поводу дуэли; затѣмъ оставили ее въ покоѣ.

Комиссія, вообще, не обнаружила ни излишней любознательности, ни особенной строгости. Поединокъ изъ-за прелестной женщины, изъ-за «чародѣйки»—это такъ обыкновенно и понятно. Слѣдователи удовлетворились показаніемъ Якубовича, что онъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ дуэли. Его перевели на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Очевидно, въ немъ не предвидѣли будущаго декабриста...

Графу Завадовскому, послѣ непродолжительнаго ареста, предложили выѣхать за границу. Грибоѣдова совсѣмъ не потревожили,

На Кавказѣ Якубовичъ не забыль оставленныхъ въ Петербургѣ счетовъ. Когда, десять мѣсяцевъ спустя, Грибоѣдовъ, назначенный секретаремъ русскаго посольства въ Тегеранѣ, проѣзжалъ черезъ Тифлисъ, Якубовичъ тотчасъ напомнилъ ему, что они могутъ доставить себѣ удовольствіе—обмѣняться выстрѣлами. Грибоѣдовъ и на этотъ разъ отвѣтилъ, что его правило—не отказываться отъ вызова. Но убить противника не входило въ его намѣреніе, и онъ далъ великолѣпный промахъ. Якубовичъ удоволь-

становался тѣмъ, что прострѣлилъ поэту ладонь лѣвой руки. Отъ этой раны у Грибоѣдова остался согнутый мизинецъ, и когда, много лѣтъ спустя, весь составъ русской миссиіи былъ варварски перебитъ тегеранскою чернью, по этому скрюченному мизинцу признали знаменитаго автора «Горе отъ ума».

А Истомина продолжала царить на петербургской сценѣ и среди избранной петербургской молодежи. Красота ея долго не увядала, а успѣхи ея росли. Ей выпало счастье создать главную роль въ балетѣ «Кавказскій Плѣнникъ», сюжетъ котораго заимствовали изъ поэмы Пушкина. Правда, ея талантъ и наружность были словно созданы для исполненнаго восточной страсти и нѣги образа черкешенки.

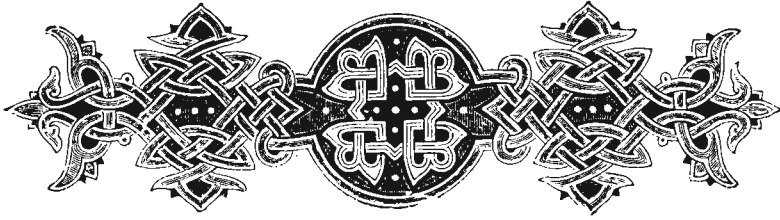
Авторъ поэмы не остался равнодушнымъ къ обольщеніямъ чародѣйки. Онъ подарилъ ей нѣсколько бурныхъ мгновений своей бурной молодости и десятокъ чудныхъ строкъ въ своемъ лучшемъ произведеніи.

А потомъ... потомъ настала проза. Истомина вышла замужъ за весьма незамѣчательнаго актера Экунина.

Чародѣйки уже не было. Но ея обольстительный образъ, увѣковѣченный великимъ поэтомъ, долго еще жилъ въ памяти ея поклонниковъ.

В. Авсе́нко.

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ ¹⁾.

IV.

Москва и Петербургъ.—Горный институтъ и студенты.

ОЧТИ граждане, по крайней мѣрѣ вольные люди! Самомнѣніе и вѣра въ будущее, отдаленное... Сломали гимназическій курсъ и расходились кто куда: четверо рѣшили ѣхать въ Петербургъ, нѣкоторые оставались въ Москвѣ, одинъ поступилъ въ университетъ (это былъ фонъ-Меккъ, конечно), мой другъ П. въ Петровскую академію, кто въ техническое училище, а кто (или его родители) гимназіей предпочелъ закончить свое образованіе.

Трое насъ это лѣто проводили въ Москвѣ: я, П. и Фалинъ, съ которымъ мы сошлись въ послѣднемъ классѣ. Это былъ блѣдный, худой юноша съ задумчивыми, красивыми глазами. Онъ былъ сынъ купца, подъ суровымъ режимомъ котораго трепетали мать и дѣти.

Довольно развитой, вдумчивый и слабый, Фалинъ горѣлъ внутреннимъ огнемъ протеста. Откуда? Послѣ я узналъ, что впечатлительнаго юношу этимъ наградила фабрика, на которой жила его семья. Насъ еще тогда поражала освѣдомленность товарища по рабочему вопросу, помню, онъ далъ мнѣ прочесть «Пролетаріатъ во Франціи» Михайлова и «Рабочій вопросъ» Бехера. Наша дружба развивалась, и мы всегда были вмѣстѣ, посѣщая фабрику близъ Москвы, гдѣ и пребывалъ Фалинъ. Это было прелестное мѣсто среди березовой рощи и перелѣсковъ на берегу рѣчки Лихобарки, гдѣ мы гостили

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СХІ, стр. 109.

по недѣлямъ, чувствуя себя свободными днемъ и стѣсненными вечеромъ, когда изъ города возвращался отецъ Фалина, угрюмый, непривѣтливый человѣкъ. Ужинъ проходилъ невесело, не безъ стѣсненія, но днемъ мы чувствовали себя хорошо. Привѣтливо принимала насъ березовая роща, а на красивыхъ извилистыхъ берегахъ Лихобарки было такъ покойно и тихо. Мать товарища, сестры и братья не знали, какъ и чѣмъ угодить намъ, студентамъ, покоряясь нашему авторитету. О, свобода березовой рощи и граціозной рѣчки! какъ ты была близка нашимъ чистымъ сердцамъ, нашимъ тихимъ гуманитарнымъ стремленіямъ!

И мы мечтали о будущемъ и не замѣчали, какъ были близки къ природѣ, которая насъ питала и возвышала. Мы вѣрили книжкамъ, которыя поглощали быстро и жадно, а природа дѣлала свое дѣло, держа насъ крѣпко въ своей власти. Любовь, деликатность не покидала нашихъ сердецъ, а мы между тѣмъ были большіе протестанты и крамольники, которые эгоистически желали, чтобы всѣ такъ же жили и чувствовали, какъ мы, готовые во всякое время на самопожертваніе. Мы въ то время были атеисты, но носили въ душѣ Бога, благоговѣя передъ Христомъ, котораго были вѣрными рыцарями.

Проходило лѣто, и близился нашъ отъѣздъ и разставанье съ П., который продолжалъ жить у Калужскихъ воротъ и хлопоталъ о стипендіи въ академіи. Мы съ Фалинымъ посѣщали его, а главнымъ образомъ недалеко находящійся отъ жилища его Нескучный садъ.

Что это за роскошная прелесть!.. Правда, красивы, поэтичны окрестности Москвы, но въ то время тѣнистый, раскидистый, то угрюмый, то ясный Нескучный садъ въ Москвѣ, на берегу рѣчки, въ районѣ самаго города поражалъ своей природной и широкой красотой. Это была природа, но не культура, сильная, здоровая московская природа и характерная. Крутой берегъ рѣчки, мѣста съ открытымъ видомъ, пруды и луговины, мрачныя ущелья и гиганты липы и сосны и граціозныя елки, кустарникъ, мостки, уютныя мѣста и уголки—сколько тѣни и свѣта, сколько перемѣнъ въ картинахъ пейзажа и сколько простоты! Тамъ, гдѣ былъ дворецъ и цвѣты, мы не бывали, избирая уже знакомыя уютныя, прелестныя мѣста, гдѣ проводили дни, закусывая, бесѣдуя и отдыхая на зеленой муравѣ.

Хорошо! а рядомъ съ садомъ гудѣлъ, жилъ и шумѣлъ городъ, когда надъ нами качались крѣпкія вѣтви широко-развѣсистой липы. Но наступалъ уже августъ и скоро надо было ѣхать въ Петербургъ мнѣ одному, рѣшившему поступить въ горный институтъ (гдѣ больше химіи, которою я увлекался), гдѣ нужно было сдавать экзаменъ (дополнительный) изъ физики и математики. Мы условились жить вмѣстѣ съ Фалинымъ, который поступалъ въ технологическій институтъ, безъ всякаго дополнительнаго экзамена и потому не спѣшилъ, какъ я.

Мы проводили послѣдній разъ въ Нескучномъ саду. День сталъ сумрачнымъ, и вѣтеръ съ рѣвки качалъ верхи старыхъ липъ и сосенъ. Не вязались наши бесѣды, и каждый уходилъ въ свои думы.

— Хожу,—говорилъ П.,—въ академію, а все не рѣшено. Директоръ сказалъ, что не пришелъ еще отвѣтъ изъ Петербурга о моей стипендіи.

— Тогда... въ случаѣ чего,—замѣтилъ Фалинъ,—пріѣзжай въ Петербургъ, поступай въ технологическій... трое какъ-нибудь проживемъ!..

— Что же, и мать съ собой взять?..—грустно засмѣялся товарищъ.

Мы промолчали. Какая-то птица усаживалась надъ нами на высокой соснѣ, и нѣсколько гнилыхъ шишекъ упало около насъ. Хмурилась природа, и мы стали собираться по домамъ. Уходили молча, позабывъ отдать привѣтъ Нескучному и, по-моему, серьезному и поэтичному саду. Молодость скоро мѣняетъ настроеніе, скоро забываетъ, впереди вѣдь такъ много неиспытаннаго, новаго, влекущаго... Впечатлѣнія сильны, а молодой организмъ такъ податливъ!

Петербургъ казался мнѣ тогда далекимъ путешествіемъ, чужой городъ страшилъ меня своею неизвѣстностью. Москва была родная, привычная, а тамъ я былъ одинъ со своею свободой студента. Сердце сжималось не восторгомъ, а разлукой. Благословила мать, крѣпко жалъ руку П., а Фалинъ весело крикнулъ: «подыскивай квартиру и жди черезъ недѣлю!» Поѣздъ тронулся, заколыхался, загромыхалъ цѣпами по переводамъ, и я остался одинъ среди чужихъ людей, устраивающихъ свои мѣста, приспособляющихъ вещи.

На другой день Петербургъ. Воображаю, какое впечатлѣніе производитъ городъ этотъ на провинціала, если меня, москвича, оглушилъ, заставилъ растеряться. Правда, Николаевскій вокзалъ помещается чуть ли не въ центрѣ, во всякомъ случаѣ близко отъ послѣдняго. Какой-то человѣкъ чуть не насильно взялъ мой чемоданъ и съ обѣщаніемъ хорошей и дешевой комнаты потащилъ его черезъ площадь. Я «пѣтушкомъ», съ подушкой слѣдовалъ за человѣкомъ. «Меблированныя комнаты» на Лиговкѣ, въ длинномъ и мрачномъ домѣ, «комнаты», способныя поселить уныніе въ душѣ самаго веселаго человѣка. Не стану описывать мое жилище въ 60 коп. цѣною, первою мыслью при знакомствѣ съ которымъ было бѣжать, бѣжать на улицу, куда глаза глядятъ, чтобы не видѣть мрачной пугающей обстановки и сердитыхъ криковъ въ грязномъ и темномъ коридорѣ. И я ходилъ, бродилъ по Петербургу, бывалъ, конечно, въ горномъ институтѣ и полюбовался на дѣйствительно красавицу-Неву. «Вотъ, — подумалъ я, — если бы такая рѣка въ Москвѣ, а не въ этомъ каменномъ казенномъ городѣ, гдѣ

нѣтъ ни русскаго простора, ни характера!» «Казенный», «каменный», «гранитный» городъ съ жалкой растительностью и сѣрымъ небомъ... И здѣсь жить, учиться? Сыро, сумрачно, одиночно! И я искренно жалѣлъ теперь, что не остался въ Москвѣ и не поступилъ въ Петровскую академію.

Но поздно!.. Черезъ три дня были назначены экзамены и отступать было нельзя, невозможно. Подъ окномъ своего грязнаго номера я прочитывалъ физику, заглядывалъ въ алгебру и геометрію.

Проходили тусклые, сѣрые дни. Я привыкалъ, но все-таки мнѣ было жутко и особенно грустно по вечерамъ. Молодой, впечатлительный, но одинокій!.. Когда это было, чтобы слова не съ кѣмъ было сказать?.. Нѣтъ, никогда мнѣ не забыть первыхъ, «свободныхъ» дней въ Петербургѣ. А Москва? навѣрно, надъ ней свѣтило солнце, играя надъ пожелтѣвшей зеленью садовъ, и небольшіе, полные уюта дома не выглядѣли, какъ солдаты въ строю по прямымъ улицамъ сѣраго города... Да, именно солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ, безмолвные, безстрастные...

Три дня тюремнаго заключенія съ платою по 60 коп. въ сутки наконецъ прошли.

День былъ ясный, когда утромъ на верху конки я ѣхалъ по Невскому на Васильевскій островъ, въ 21 линію. Благосклонный швейцаръ принялъ мое пальто и лаконически спросилъ: «на экзаменъ?» Онъ показалъ мнѣ на лѣстницу и прибавилъ: «потомъ налѣво!»

Прежде, нежели попасть въ аудиторію, надо было пройти безконечно длинную и узкую залу, гдѣ прежде горные кадеты производили гимнастику и маршировку.

Дадутъ имъ, студентамъ, тесаки и ружье
И всѣхъ поведутъ на учење...

Мелькнулъ въ моей головѣ мотивъ николаевскаго студенческаго похороннаго марша:

Не истинѣ свѣтлой учить будутъ насъ,
А скорому мѣрному шагу...

Дѣйствительно, холодомъ и казармой повѣяло на восторженнаго юношу на первыхъ порахъ, да и впоследствии отъ стѣнъ горнаго института. Субъ-инспекторъ въ военномъ мундирѣ дополнялъ впечатлѣніе. Глаза его, «казенные», спокойно бѣгая по сторонамъ, остановились на моей фигурѣ.

— Ваша фамилія?—спросилъ онъ, открывая списки.

Я сказалъ.

— Направо, третья дверь,—отвѣчалъ онъ.—Тамъ начался уже экзаменъ физики... Слѣдовало бы вамъ поспѣшить!..

На самыхъ первыхъ порахъ и уже нѣчто въ родѣ выговора. Ехидный профессоръ Краевичъ экзаменовалъ изъ физики и про-

валивалъ съ видимымъ удовольствіемъ. Это былъ одинъ изъ нелюбимыхъ студентами лекторовъ, на меня онъ тогда произвелъ впечатлѣніе сухого чиновника, а профессоръ математики Тиме— страннаго человѣка, будто чужого, забѣжавшаго случайно подвергнуть нѣкоторому испытанію молодыхъ людей. Онъ очень слѣпилъ, про себя раздражался, и все посматривалъ то на дверь, то въ окна. Я кое-какъ выдержалъ испытанія и у того и у другого профессора и фактически сталъ студентомъ несимпатичнаго для меня института.

Инспекторъ предложилъ мнѣ на другой день пожаловать въ канцелярію, чтобы внести деньги и получить студенческой билетъ. Его кофейнаго цвѣта глаза такъ и впивались въ меня, желая, вѣроятно, опредѣлить, съ кѣмъ ему предстоитъ имѣть дѣло. Фамилія его была Цитовичъ.

Доволенъ ли я былъ, когда выходилъ изъ института студентомъ? Откровенно говоря, нѣтъ. Мнѣ думалось, что высшее учебное заведеніе нѣчто живое, полное тѣснаго общенія мыслей и чувствъ, пріютъ начинающей жить души, нѣчто свободное, благородное... А это что? подполковникъ Цитовичъ, швейцаръ, удивительно похожій на него, и странные профессора, и я чужой среди этого казеннаго, холоднаго зданія съ колоннами и двухглавымъ орломъ. «Что жъ,—подумалъ я:—надо привыкать, работать, чтобы быть горнымъ инженеромъ». Но прекрасно помню, что сейчасъ же мелькнула мысль: «зачѣмъ инженеромъ? надо быть человѣкомъ!»

Да, мы, юноши, были непрактичны, мы не умѣли взвѣсить своихъ силъ и наклонностей. Идеалисты шли туда, гдѣ была опредѣленная специальная карьера, поэты занимались математикой, а математики писали стихи. Увлеченная идеями 60-хъ годовъ молодежь искала отвѣтовъ на разрѣшеніе вопросовъ жизни, она жаждала страстныхъ проповѣдей съ кафедръ о правахъ и обязанностяхъ человѣка, о міровомъ счастьи и взаи́мнъ этого выслушивала сухія лекціи кристаллографіи и дифференціального исчисленія. Жажда широкой жизни, идейной, характеризовала нѣкоторую часть молодежи, честную, восторженную, но, повторяю, непрактичную.

Впрочемъ, все это впереди.

Послѣ экзамена я снова на улицахъ Петербурга. Мнѣ очень не хотѣлось, да и дѣлать было нечего въ моемъ помѣщеніи на Лиговкѣ. Пора искать квартиру, вѣдь Фалинъ пріѣдетъ дня черезъ четыре! Такое рѣшеніе подбодрило меня, и я отправился въ мѣста, которыя представляли подороги въ горный и приблизительно такое же разстояніе до технологическаго института, лекціи котораго долженъ былъ посѣщать товарищъ. Я двинулся отъ Николаевскаго моста къ Литовской тюрьмѣ, заходилъ смотрѣть нѣкоторыя комнаты, но спрашивали дорого. Нашъ квартирный бюджетъ составлялъ 15 руб. въ мѣсяцъ. Совсѣмъ усталый, я было хотѣлъ

итти на Лиговку, когда увидалъ на воротахъ дома № 33 (Офицерская) безграмотную записку: «отдаетъ мебель комна»... Это была небольшая комната, свѣтлая, съ окнами, уставленными горшками съ цвѣтами и выходящими на дворъ. Комнату освѣщало солнце. Въ ней мнѣ было такъ хорошо и уютно, но я боялся, что дорого. Двѣ некрасивыя финки, сестры, были хозяйками квартиры, состоявшей всего изъ двухъ комнатъ, коридора и кухни.

— Комната мнѣ нравится,—сказалъ я:—но не знаю, сколько она стоитъ въ мѣсяць?—Да кромѣ того я не одинъ, мы будемъ жить съ товарищемъ... А гдѣ онъ будетъ спать?

— Мы дадимъ кровать,—отвѣчала одна изъ хозяекъ:—а цѣна комнаты 15 рублей!..

Я поспѣшилъ дать задатокъ и предупредилъ, что переѣду завтра. «Удачно,—думалъ я,—очень удачно... въ этой комнатѣ можно жить, а тамъ на Лиговкѣ съ ума сойдешь. Какія однако странныя на видъ старухи!» Теперь Петербургъ не такъ страшилъ меня своей угрюмостью, хотя сердце рвалось въ Москву. На другой день рано я съ великимъ удовольствіемъ разстался съ Лиговкой и пріѣхалъ на Офицерскую. Все было устроено: въ маленькой комнатѣ стояли двѣ кровати. Я разговорился со старухами, которыя подробно разспросили, откуда я и товарищъ, смиренные ли мы люди, хорошо ли будемъ вести себя?

— У насъ тихо,—въ другой комнатѣ живетъ офицеръ, который тоже учится. Вотъ его денщикъ Аванасій, который можетъ иногда купить для васъ что нужно въ лавкѣ. У насъ прислуги нѣтъ, сами о себѣ заботьтесь, самоваровъ два въ день полагается.

О, это были обстоятельныя, дѣловыя старухи и, какъ потомъ мы убѣдились, прекрасныя, душевныя сестры. Сосѣдомъ нашимъ былъ штабсъ-капитанъ Куропаткинъ, въ послѣдствіи сотрудникъ знаменитаго Скобелева и главнокомандующій нашей арміей противъ японцевъ. Куропаткинъ въ тотъ годъ кончалъ курсъ въ Николаевской академіи. Аванасій, некрасивый, безмолвный парень, оказался, впрочемъ, неглупымъ и крайне преданнымъ своему офицеру. Такова была маленькая колонія старыхъ и малыхъ въ домѣ № 33 по Офицерской. Я былъ доволенъ тишиной, рѣдкимъ, но все-таки солнцемъ и старухами. Куропаткинъ былъ крайне занятой, спокойный человѣкъ. Его иногда посѣщали товарищи, а онъ почти никуда не ходилъ, кромѣ академіи. Я каждый день сталъ посѣщать горный институтъ, хотя еще лекціи не начинались. Студенты толклись по аудиторіямъ, приходя за разными справками, нужными и пустыми. Я искалъ съ ними знакомства, но по душѣ не находилъ. Это были развязные молодые люди, желавшіе жить въ свое удовольствіе, свободно и безопасно.

Я познакомился съ Абросимовымъ и Трояномъ, они оба были съ Волги, одинъ помѣщикъ, другой разночинецъ. Мы нѣсколько

разъ вмѣстѣ обѣдали, послѣ чего они всегда играли на бильярдѣ. Меня тянуло къ душевнымъ бесѣдамъ, я заговаривалъ о любимыхъ писателяхъ, которые, впрочемъ, не возбуждали въ нихъ интереса.

— Да, читали,—говорили они о Писаревѣ, Некрасовѣ.—Вотъ походите, начнутся еремѣвскія лекціи по кристаллографіи, вылетитъ изъ головы вся ваша литература!

— Почему моя, когда это русская и, надѣюсь, для всѣхъ литература?!

— Но вѣдь горный институтъ специальное заведеніе, а не университетъ. Надѣюсь, что вы поступили сюда, чтобъ быть горнымъ инженеромъ, а не литераторомъ,—отвѣчалъ Троянъ.

Я замолчалъ. Можетъ быть, они и правы.

Столкнулся я съ польскимъ кружкомъ—это были неискренніе, замкнутые студенты, они крайне слѣдили за своей внѣшностью, были важны и самоувѣренны. Мои исканія среди товарищей теплоты, искренности, стремленія къ общей жизни, къ общимъ интересамъ отвѣта не получали. Помню одного, Дорошенку, съ Кавказа. Это была милая, симпатичная личность. Его любимый братъ былъ горнымъ инженеромъ, и онъ поступилъ сюда, чтобъ стать такимъ же, какъ братъ. Онъ былъ дѣловой, занятый исключительно предстоящими лекціями и вообще наукой. Правда, изъ него вышелъ прекрасный инженеръ и хорошій человѣкъ. Съ нимъ я больше всего сошелся, и мало-по-малу желаніе знакомиться и искать среди своихъ товарищей-студентовъ людей по сердцу и душѣ у меня исчезло, и я думалъ: «неужели это студенческая жизнь, то братство, о которомъ я мечталъ и которое дѣйствительно связывало московскій кружокъ крымчаковъ!?»

Скоро пріѣхалъ Фалинъ, и начались лекціи. Мы другъ съ другомъ сходились только по вечерамъ и, передавая свои впечатлѣнія, разочаровывались въ студенчествѣ, въ профессорахъ, но чего-то ждали и вѣрили, что должно быть иное, не обыденное и официальное, а человѣческое, удовлетворяющее восторженно настроенную мысль и душу. Проходили дни, мы привыкли къ Петербургу, знакомство расширялось, въ нашей квартирѣ стали появляться хорошіе люди, еще не установившіеся, тоже искавшіе честныхъ отношеній, искренности и дальнѣйшаго развитія. Что-то складывалось, настраивалось, возникали споры, и каждый старался разобратъ въ этой сложной жизни и условіяхъ и найти свѣтлыя стороны и идейную основу. Высшія учебныя заведенія и профессора не давали того, въ чемъ нуждалась молодежь, душа которой оставалась неудовлетворенной. Вопросы чисто нравственнаго характера въ началѣ 70-хъ годовъ стояли на первомъ планѣ. Былъ ли это результатъ вліянія литературы или вновь складывающейся послѣ реформъ жизни—не знаю, но въ вопросахъ, какъ жить, что дѣлать, несомнѣнно, играли роль и жизнь и литература.

V.

Новыя знакомства.—Кружки самообразованія.

Въ этотъ вечеръ я ждалъ Фалина, но онъ не пришелъ къ вечернему чаю. Я удивлялся, когда проходилъ часть за часомъ, но товарищъ отсутствовалъ. Я заснулъ, когда среди ночи разбудилъ меня Фалинъ, блѣдный и взволнованный. Онъ присѣлъ ко мнѣ на кровать и дрожащимъ отъ волненія голосомъ разсказалъ мнѣ: «Я шелъ домой и огибаль переулкомъ Сѣнную 'площадь, когда увидѣлъ, что городской бьетъ прямо по лицу заснувшего извозчика, держитъ и бьетъ!.. Несчастный хочетъ вырваться и уѣхать, а тотъ наслаждается издѣвательствомъ. Я подошелъ, заступился, говорю, что не имѣешь права бить человѣка». — «А, не имѣю,—проговорилъ озлобленный полицейскій:—проходите, а то худо будетъ...» и еще ударилъ разъ и два по лицу извозчика. Я не ушелъ, продолжая протестовать. Нѣсколько человѣкъ остановилось, желая узнать въ чемъ дѣло, но городской, схвативъ меня и посадивъ въ пролетку избитаго извозчика, повезъ обоихъ въ участокъ... Представъ мое положеніе! чортъ знаетъ, что такое! Пріѣхали. Ввели меня и извозчика въ канцелярію участка, куда скоро вышелъ приставъ, красная такая фізіономія. Городовой доложилъ сму, конечно, по-своему.

«— Вы кто такой?—грубо спросилъ меня приставъ.

«— Студентъ технологическаго института.

«— А, студентъ!..—вы защитники народа! знаю я васъ и покажу вамъ, какъ вмѣшиваться въ дѣла полиціи!

«— Городовой билъ тебя?—обратился онъ къ извозчику.

«— Оно точно, ваше высокородіе,—вдарилъ, значить...

«Приставъ взялъ зажженную свѣчу и, тыкая огнемъ въ лицо извозчика, яростно спрашивалъ: «Гдѣ билъ? покажи знаки!..» Извозчикъ отворачивался, но пламя его жгло, палило глаза и рѣсницы, и онъ наконецъ заявилъ: «Такъ, значить, слегка разбудилъ, когда я былъ заснувши»...

«— Вотъ, видите,—закричалъ на меня приставъ.—Вы бунтовать!.. Я вамъ покажу! и тотчасъ же распорядился куда-то меня отправить. Ну, думаю, чортъ меня дернулъ вмѣшиваться... что будетъ со мной? Однимъ словомъ, каюсь, смалодушествовалъ. Везуть и наконецъ привезли къ градоначальнику и заперли въ какую-то комнату. Спустя часть стучусь. Отворяютъ. Спрашиваю, гдѣ я и когда меня отпустятъ? Оказывается, что въ секретномъ отдѣленіи канцеляріи градоначальника у генерала Колышкина, который теперь въ театрѣ. «Вотъ пріѣдетъ, можетъ, и отпустить, а теперь, господинъ, позвольте запереть», заявилъ стражникъ. Наконецъ вызвалъ генералъ и серьезно сказалъ мнѣ: «Если станете

вмѣшиваться въ дѣйствія полиціи и собирать народъ,—однимъ словомъ производить безпорядки,—будете высланы изъ Петербурга... Можете игти!» Вотъ тебѣ и свобода личности!»

Невольно я припомнилъ нѣсколько возмутительныхъ случаевъ полицейскаго произвола, бывшихъ въ Москвѣ, но тамъ до «генераловъ» и угрозъ высылки не доходило. Отношеніе низшихъ и высшихъ агентовъ полиціи много надѣлало вреда вообще, толкала нервную и самолюбивую молодежь къ первымъ революціоннымъ шагамъ. Въ самомъ дѣлѣ, на легальной почвѣ съ агентами полиціи, когда у нихъ круговая порука, бороться нельзя и въ то же время больно, обидно за человѣка!

Вообще треповскій режимъ по отношенію учащейся молодежи былъ строгъ и несправедливъ, не говоря о томъ, какъ легко сильной полиціи было не раздражать и грубо не оскорблять молодежь. Враждебное отношеніе къ администраціи это были основы къ революціонной дѣятельности. А были ли дѣйствительно вредны для государства люди, подобные Фалину? Разумѣется, нисколько, а между тѣмъ высшая полиція видѣла въ нихъ безусловное зло только потому, что они были отзывчивы и непрактичны. Хорошо, теперь онъ не будетъ заступаться за избиваемаго полиціей человѣка, но всѣми силами души станетъ ненавидѣть полицію отъ мала до велика и на этой ненависти развивать свои гражданскіе принципы.

Небольшая въ сущности «исторія» съ Фалинымъ стала съ досужими подробностями извѣстна въ институтѣ и вызвала, разумѣется, негодованіе среди студентовъ. А развѣ мало было такихъ «исторій» или административныхъ случаевъ? Мало-по-малу жизнь захватывала насъ. Мы стали ежедневно читать газеты, изъ которыхъ пользовались популярностью среди студентовъ «Голосъ» и «Петербургскія Вѣдомости» редакціи Корша. Воскресные фельетоны «Незнакомца» (А. С. Суворина) имѣли большой успѣхъ среди передового студенчества.

Опять вечеръ. Я одинъ, а Фалина нѣтъ. Часовая стрѣлка прошла одиннадцать. «Неужели опять? — думаю я.—Опять генералъ Колышкинъ и что-нибудь въ родѣ извозчика, любителя поспать?» Но нѣтъ, на этотъ разъ Фалинъ возвратился радостно возбужденный, со сверткомъ книжекъ въ рукахъ. «Азбука соціальныхъ наукъ» и «Историческія письма» Миртова—прочелъ я заглавія.

— Замѣчательныя книжки!— говорилъ товарищъ.—Ихъ надо изучить, а не просто прочесть.

— Запрещенныя?

— Нѣтъ, продаются по магазинамъ, но дорогія, частнымъ же образомъ половина цѣны.

— Ты купилъ?

— Разумѣется. Я познакомился сегодня съ представителемъ одного кружка. Вотъ, братъ, интересный человѣкъ... огня, энергіи

сколько!.. Говорить какъ!.. Я былъ у него, собралось еще нѣсколько технологовъ, и онъ предложилъ организовать кружокъ, во главѣ котораго станетъ съ программой... Говорили о тебѣ, завтра пойдемъ, назначено собраніе.

— Куда? какое собраніе?

— Увидишь!..—радостно говорилъ Фалинъ и сталъ любовно и осторожно разрѣзывать листы «Историческихъ писемъ».

Сравнивая въ то время горный и технологическій институты, я замѣтилъ, что въ первомъ, кромѣ лекцій съ довольно бездарными, помимо Брандта и Еремѣева, лекторами, среди студентовъ не замѣчалось иного общественнаго теченія. Почти всѣ слушатели были будущіе инженеры и только своей карьерой интересовались. Нѣкоторые кружки вели веселую жизнь, выпивая изрядно и не безъ скандаловъ,—вотъ и все. Напротивъ, въ технологическомъ студенчество выглядело не съ такой буржуазной стороны. Демократическій характеръ института стоялъ внѣ всякаго сомнѣнія. Сходки, общіе интересы внѣшнимъ образомъ показывали общественность технологовъ. Немудрено, что Фалинъ съ утра спѣшилъ, бѣжалъ въ свой институтъ, а я ходилъ въ горный точно чиновникъ на службу. Послѣ лекцій я порядочно уставалъ и безъ всякаго возбужденія и умственнаго подъема возвращался домой.

Нынѣшній вечеръ меня интересовалъ. Увижу новыхъ людей, стремящихся къ общественной дѣятельности, войду въ серьезный кружокъ, въ которомъ будемъ работать надъ собой, своимъ саморазвитіемъ сообща. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы мало знали и были неразвиты. Недавно въ «Недѣлѣ» Гайдебурова я читалъ статью о земствѣ и почти ея не понималъ. Что такое въ сущности земство и каковы его ближайшія задачи?

Послѣ чая вечеромъ мы съ Фалинымъ бодро шагали въ Измайловскія роты. Въ довольно большой квартирѣ 3 этажа собралось человѣкъ пятнадцать. Были молодые люди и дѣвушки, скромныя, миловидныя, живо, хотя осторожно принимавшія участіе во всемъ томъ, что происходило. Я былъ на собраніи въ первый разъ и стѣснялся. Забившись въ уголъ, я рѣшилъ слушать и наблюдать. Скоро появился высокаго роста брюнетъ въ рваныхъ сапогахъ и желтаго верблюжьяго сукна пиджакѣ. Не скажу, чтобы это былъ симпатичный человѣкъ! Раздраженіе положило печать и на его лицо и на его манеры, которыя были невыдержанны и угловаты. Несомнѣнно, онъ чувствовалъ себя среди насъ авторитетомъ. Я видѣлъ, какъ смиренно разговаривалъ съ Филатовымъ Фалинъ, затѣмъ немедленно направившійся ко мнѣ.

— Онъ хочетъ съ тобой познакомиться!

— Кто?

— Да кто, Филатовъ.... Ну, пойдемъ!..

— Васъ рекомендовалъ вашъ сожитель,—началь, строго обращаясь ко мнѣ, Филатовъ.—Не знаю, передавалъ ли онъ, что мы

требуемъ самаго серьезнаго отношенія къ дѣлу саморазвитія... Если не чувствуете въ себѣ силъ итти съ нами рука объ руку, если для васъ наши собранія, обмѣнъ мыслей только пустое зрѣлище, то я совѣтую уйти, а въ противномъ случаѣ—милости просимъ. То же касается и остальныхъ...

И это при всѣхъ!.. Отчего же нотація или предупрежденіе, какъ хотите назвать строгую рѣчь Филатова, относилась ко мнѣ, и я долженъ выслушивать, какъ школьникъ? Мнѣ было стыдно и я запрятался въ самый уголъ.

Филатовъ помѣстился въ центрѣ, около него сѣлъ молодой блондинъ съ сѣрыми холодными глазами и тонкой, постоянной усмѣшкой. Чему онъ радовался или надъ чѣмъ ехидничалъ? Говорилъ больше Филатовъ, Фалинъ иногда вмѣшивался, но его голосъ звучалъ какъ-то глухо...

— Господа,—говорилъ Филатовъ:—мы люди, которые желаютъ быть мыслящими и дѣятельными въ будущемъ, мы много читали, чему-то учились, но все это ложилось въ наши головы безъ системы,—критика, анализъ отсутствовали... Въ послѣднемъ обстоятельстве вся суть, вся загвоздка развитія человѣка. Умные люди пришли къ заключенію, что добиваться критики, слѣдовательно умственно развиться, практичнѣе и лучше совмѣстно, имѣя предъ собой опредѣленную программу. Такого рода программъ нѣсколько, но мы одобрили цебриковскую... Вотъ, не угодно ли посмотрѣть и совѣтую вамъ застаться программой, можете списать, у кого нѣтъ...

Всѣ стали просматривать листики. Нѣкоторые уже наладились переписывать. Ко мнѣ подошелъ Фалинъ и сказалъ: «Не беспокойся, у меня есть программа... что ты забился такъ далеко?»—Такъ мнѣ удобнѣе,—отвѣчалъ я.

Молодой блондинъ всталъ, презрительно оглянулъ всѣхъ присутствующихъ и сказалъ: «Мы будемъ дѣлать такъ: одинъ изъ насъ, на тему, хотя бы по нравственности, прочтя Милля и Бентама, составитъ рефератъ для общаго осужденія, другой по другому вопросу и т. д. Мы будемъ собираться каждую субботу, пока между собой не ознакомимся, пока не наладятся практическія дѣла...»

— Можно бы къ слѣдующей субботѣ приготовить какой-нибудь рефератъ,—замѣтилъ Филатовъ.

— Отлично,—согласился блондинъ:—вы и прочтете намъ, хотя бы о значеніи и необходимости самообразования!..

— Вы знаете, какъ мнѣ некогда,—рѣзко отвѣчалъ Филатовъ:—дѣлъ по горло... Вамъ бы удобнѣе было?

— У меня тоже нѣтъ времени.

— Тогда что жъ дѣлать,—задумался Филатовъ и вдругъ, обращаясь къ Фалину, спросилъ:—гдѣ вашъ сожитель?

Мнѣ пришлось показаться.

— Вотъ что, батенька, напишите что-нибудь къ субботѣ!..

Я окончательно сконфузился.

— Я, право, не знаю,—отвѣчалъ я:—да у меня нѣтъ темы...

— Ну, это вздоръ,—отходя отъ меня, властно проговорилъ Филатовъ.—Напишите объ эстетикѣ... это молодая тема!..

— Въ самомъ дѣлѣ,—раздались голоса:—очень интересная тема!..

Было рѣшено. Я не имѣлъ силы протестовать. Послѣ этого началась общая бесѣда. Молодые люди раздѣлились по группамъ. Я сталъ приглядываться. Нѣкоторые были замѣчательно симпатичны. Вотъ неуклюжій, неповоротливый, повидимому, семинаристъ, но сколько въ выраженіи лица его деликатности, какіе добрые, вдумчивые глаза. Вотъ другой юноша, блѣдный и худой. На впалой узкой груди нескладно сидѣла сѣрая блуза, онъ говорилъ съ дѣвушкой и весь горѣлъ, до того напряженно и восторженно сверкали его голубые глаза.

— Если сообща и дружно,—говорилъ онъ:—то результатъ будетъ скоро налицо... Я не могу одинъ разобраться въ вопросахъ жизни, правды и нравственности, а когда сообща... О... русскій народъ исконный общинникъ и артельщикъ, и мы, русская интеллигенція, не должны этого забывать!..

Я смотрѣлъ на дѣвушекъ, которыя были тоже возбуждены и неуверенно не то спорили, не то соглашались со своимъ собесѣдникомъ. Мнѣ стало скучно, а главное досадно, что я долженъ приготовить рефератъ по эстетикѣ. И что я напишу, чертъ возьми? Я съ досадой поднималъ глаза на Филатова, который довольно презрительно смотрѣлъ на меня. Онъ съ блондиномъ сидѣли около двухъ дѣвушекъ, довольно бойкихъ и красивыхъ, одѣтыхъ не попросту, какъ остальные, а со вкусомъ и весьма кокетливо.

Послѣ я узналъ, что это были близкія къ авторитетнымъ людямъ особы, В. и С.¹⁾, впоследствии фигурировавшія въ политическомъ процессѣ. Нѣкоторые стали покидать собраніе, я дожидался Фалина, который тихо и серьезно говорилъ съ рыжимъ человѣкомъ въ синихъ очкахъ, недавно только пришедшимъ.

— Чарушинъ,—рекомендовалъ сожителю, представивъ также и меня.

Я сѣлъ около. Чарушинъ говорилъ замѣчательно дѣловито и кратко. Его взгляды на саморазвитіе и самообразование въ кружкахъ были просты съ практической стороны.

— Помилуйте, вы работаете, изучаете какой-нибудь вопросъ, но вы одинъ со своими силами, а здѣсь коллективная мысль и критика. Вы проглядѣли, увлекшись, а при общей работѣ ошибка, увлеченіе не пройдутъ. Задача кружкового воспитанія и образованія дать сильныхъ анализомъ людей, подготовленныхъ систематически.

¹⁾ Волховская и Судзиловская.

— А какъ вы относитесь къ лекціямъ, къ официальному, такъ сказать, образованію?—спросилъ Фалинъ.

— Оттуда надо брать знанія,—отвѣчалъ Чарушинъ:—ибо, кромѣ этого, высшія учебныя заведенія ничего давать не могутъ... Понимаете ничего!.. Все другое носить отрицательный характеръ карьеры дипломированнаго человѣка... Я противъ дипломовъ,—заклучилъ серьезный человѣкъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы попрощались съ нимъ и пошли домой.

— Ну что?—спрашивалъ меня Фалинъ.

— Это на счетъ чего?—переспросилъ я.

— Какое впечатлѣніе на тебя произвело собравшееся общество и Филатовъ?

— Общество неопредѣленное, а Филатовъ и тотъ другой, блондинъ, мнѣ не понравились...

— Почему? такіе энергичные люди, близко стоящіе къ дѣлу и притомъ съ инициативой!

— По-моему, люди мало искренніе, рисующіеся...

— Ну, вотъ!..—сказалъ мой другъ и задумался.

Я плохо спалъ въ эту ночь. А не лучше ли вдвоемъ, втроемъ близкимъ людямъ заняться самообразованиемъ? другими словами, организовать свой кружокъ? Но, нѣтъ, что-то тянуло туда, къ неизвѣстному, таинственному. Кстати, Фалинъ говорилъ: «О, ты не знаешь, какіе «тамъ» замѣчательные люди!»

VI.

Дѣятельность въ кружкахъ самообразования.—Чайковскій и Лермонтовъ.

Прошло мѣсяца два. Я очень неудачно читалъ свой рефератъ объ эстетикѣ. Моимъ оппонентомъ былъ Филатовъ, который остроумничалъ. Этотъ человѣкъ не взлюбилъ меня. Почему? право, не знаю. Я старался не сталкиваться съ нимъ, что онъ тоже замѣчалъ. Представитель кружка постоянно былъ окруженъ дѣвушками, съ которыми я тоже познакомился, особенно съ нѣкоторыми. Женскій кружковый элементъ можно было раздѣлить на двѣ части, одну несимпатичную, другую, напротивъ, влекущую къ себѣ свѣжестью и скромной искренностью. Первые были рѣзки, вульгарны, стригли волосы, были крайне небрежны въ костюмахъ, самоограничены и прямолинейны.

Все, что свое, кружковое, прекрасно, демократично, а прочее чуждо, неинтересно... Какъ будто въ противномъ, недемократическомъ лагерѣ, нѣтъ и не было ни талантовъ, ни убѣжденныхъ умовъ. Деликатность и скромность отсутствовали въ прямолинейныхъ дѣвушкахъ и женщинахъ. Такъ и способности оставались

за второй категоріей. Вдумчивость, чисто женская осторожность, привлекательность со стороны внѣшности, все это влекло насъ, молодыхъ людей, къ этимъ дѣвушкамъ, отталкивая отъ прямолинейныхъ нигилистокъ.

Припоминая эту эпоху, эпоху хожденія въ народъ и послѣдующую, я долженъ прибавить, что энергичными, съ инициативой, дѣятелями были послѣднія; а не нигилистки, которыя по пустякамъ обыкновенно, по ненужной рѣзвости, скоро попадались и препровождались или на родину, или въ «мѣста не столь отдаленныя». Въ этомъ, кажется, было ихъ конечное стремленіе. Всякія связи съ буржуазнымъ обществомъ онѣ разрывали, рѣзко и презрительно, а женщины второй категоріи тактъ и дѣйствительную самостоятельность ставили выше предрасудковъ. Онѣ играли серьезную роль въ кружкахъ и въ послѣдующей революціонной дѣятельности.

Тоже и молодые люди, подъ внѣшнею рѣзкостью которыхъ далеко не скрывались убѣжденіе, идейность... Высокія качества ума и сердца нужно было искать въ юношахъ, полныхъ искренности и увлеченія. Правда, были фанатики, которые сами по себѣ были оригинальны, какъ мы увидимъ ниже.

Кружки самообразованія распространялись среди молодежи быстро. Они имѣли таинственный, конспиративный характеръ. Тогда конспирація была въ большой модѣ,—говорили по секрету о самыхъ обыденныхъ предметахъ и случаяхъ. Все это, если бы не было наивно, было бы смѣшно.

Въ комнатѣ трое, между двумя изъ которыхъ не совсѣмъ добрыя отношенія.

— Я попросилъ бы выйти васъ въ коридоръ, мнѣ нужно съ нимъ переговорить по дѣлу,—рѣзко произноситъ конспираторъ.

Непосвященный уходитъ.

— Вы не увидите Иванова?

— Когда?—спрашиваетъ товарищъ.

— Завтра,—задумавшись, говоритъ конспираторъ.

— Да, увижу.

— Скажите ему, что въ 8 часовъ вечера я приду по важному дѣлу.

Вотъ и все. Изгнанный могъ возвратиться въ комнату.

Въ нашемъ кружкѣ тоже процвѣтала конспирація, мастерами которой были Филатовъ и холодный блондинъ Б. Послѣ я узналъ, что, сынъ богатаго орловскаго помѣщика, Филатовъ вообще не нуждался въ средствахъ, но какъ онъ одѣвался, какіе носилъ костюмы! Рваный, нечесаный и притомъ раздражительный, съ желтаго цвѣта лицомъ. А между тѣмъ, бывая въ театрѣ и притомъ въ партерѣ, Филатовъ одѣвался джентльменомъ. Впрочемъ, въ то время вообще демократизмъ въ костюмѣ былъ модой: высокіе

сапоги и сѣрыя блузы у мужчинъ и черныя платья у женщинъ были какъ бы условной формой.

Послѣ, когда я былъ арестованъ и полковникъ Новицкій записывалъ мои вещи, не спрашивая, онъ ошибся только въ фуражкѣ, обозначивъ ее кожаной, когда она была мѣховая.

Нашъ кружокъ расширялся. Рефераты продолжались само еобой, но мало-по-малу заводилась и практическая дѣятельность, организовались касса и библіотека, конечно, бесплатная. Во главѣ этихъ многочисленныхъ кружковъ стоялъ центральный кружокъ Чайковскаго. Въ нашемъ кружкѣ часто упоминалась фамилія Лермонтова, съ которымъ видѣлся гдѣ-то Фалинъ.

— О, это замѣчательная личность!..—захлебываясь отъ восторга, говорилъ товарищъ.

Въ кружкѣ Чайковскаго было организовано книжное дѣло. Издавались сочиненія Ларрова, Флеровскаго, Михайлова (Шеллера), Лассалья, Беккера, Прудона и другія и продавались членамъ кружковъ очень недорого. Помню, кажется, два тома Лассалья стоили 1 руб. 50 коп., «Историческія письма», этотъ катихизъ радикаловъ, 30 коп. и т. д.

Да, я забылъ упомянуть, что мы назывались радикалами.

Мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ Чайковскимъ и Лермонтовымъ, имена которыхъ чаще всего произносились среди молодежи, какъ представителей умственного и нравственного движенія. Но «генералы» были таинственны, что, конечно, придавало имъ еще большій престижъ. Странно! съ какой горячностью въ кружкахъ и вообще мы возставали противъ авторитетовъ, но по отношенію хотя бы Лермонтова и Чайковскаго были самыми ихъ слѣплыми поклонниками. Часто въ спорахъ можно было слышать отъ счастливаца, знакомаго съ ними: «Это говорилъ Чайковскій! Такъ думаетъ Лермонтовъ!» и споръ прекращался.

Знакомство наше съ Фалинымъ расширялось. Мы стали посѣщать университетскіе кружки, медико-хирургическіе и даже бывали въ лѣсномъ институтѣ. Вездѣ связующимъ звеномъ были имена Лермонтова или Чайковскаго, больше, впрочемъ, послѣдняго. Революціоннаго движенія въ кружкахъ не было, всѣ были заняты будущей дѣятельностью и думали, какъ, при какихъ обстоятельствахъ быть полезными и при томъ непосредственно народу, какъ своему давнему заимодавцу, на чей счетъ мы живемъ и воспитываемся въ настоящее время? Такой благородной задачей нельзя было не увлекаться искреннимъ идеалистамъ и открыто ставить такой вопросъ. О революціи, о крови не было и помина,—мы желали мирной работы обновленія. Я помню, когда я въ нашемъ кружкѣ поднялъ вопросъ объ отношеніи къ Нечаеву, то не нашлось ни одного сочувствующаго этому странному революціонеру. Итакъ, работать, учиться для народа, которому нести и передать

свои знанія, самого себя, свою душу и любовь. Но какъ это сдѣлать? Какъ практичнѣе использовать свои силы? и наконецъ, какъ подойти къ народу, только что вышедшему изъ рабства, почти изъ дикаго состоянія? Такіе вопросы обсуждались въ центральномъ кружкѣ, собранія котораго были многочисленны и интересны. Мы были на одномъ изъ такихъ и видѣли Чайковскаго и Лермонтова, слышали ихъ страстный споръ и поняли, какая была сила въ этихъ дѣйствительно блестящихъ, страстныхъ ораторахъ. Такихъ поразительныхъ рѣчей я не слыхалъ и говорилъ Фалину: «Да, вотъ это люди! идейные, настоящіе люди, а не Филатовы!»

— Вотъ видишь!..—радостно соглашался со мной товарищъ.

Воодушевленные споры и рѣчи были по поводу вопроса: кончать ли курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или ограничиться курсами самообразования и итти служить народу? Одни были за, другіе противъ, въ числѣ которыхъ былъ Лермонтовъ. Большинство же доказывало, что народу нужны свои настоящіе доктора, свои юристы, свои техники, которые могли бы жить среди него и служить ему, а не буржуазіи.

— Дипломъ—это предметъ условный, бумага казенная, чиновная!..—возражали нѣкоторые, но тѣмъ не менѣе большинство было за окончаніе курса съ демократической, идейной цѣлью.

— Тогда мы будемъ сильны и положеніемъ и наукой!..—слышались фразы.

Народа было очень много. Были солидныя дамы, офицеры академіи, литераторы и главные представители центрального кружка. Молодежь выступала слабо передъ авторитетомъ, но она была противъ дипломовъ, поддерживая Лермонтова.

— Что же я въ народѣ буду дѣлать въ качествѣ горнаго инженера?—спросилъ я по дорогѣ домой Фалина.

— Тамъ, среди рабочихъ на Уралѣ дѣло найдется!—даже строго проговорилъ мой сожитель.

VII.

Журналъ «Впередъ» и Лавровъ.—Его бѣгство за границу.—Нравственное самосовершенствованіе молодежи.—Чиковъ.

Мы съ Фалинымъ продолжали увлекаться кружковой дѣятельностью. Я почти совсѣмъ пересталъ посѣщать горный институтъ. Порой въ голову закрадывались невеселыя мысли, когда жизнь ставила свои требованія. Въ сущности, что мы дѣлали? Говорили, говорили безъ конца, предполагая перестроить въ самомъ скоромъ времени весь политическій и социальный строй Россіи. Мы такъ надѣялись на свою будущую мирную пропаганду, что были вполне увѣрены въ ея успѣхъ среди народа, который приметъ насъ съ распростертыми объятіями и со слезами намъ скажетъ: «только васъ мы и ждали, наши благодѣтели!»

Мы пѣли тогда:

День искупленія настанетъ,
Гимнъ намъ народъ пропоетъ.
Насъ со слезами вспомнятъ,
Къ намъ на могилу придетъ!

Да, мы герои, герои близкаго будущаго и страдальцы! Мы отрекаемся отъ личной жизни, счастья, комфорта и покоя. Мы граждане будущаго, міровые люди... О, мы!.. Подумайте, это говорили двадцатилѣтніе юноши, полные силъ, цвѣтущаго здоровья. Эти юноши отрицали поэзію, любовь къ женщинѣ, признавая одну дѣятельность въ народѣ и любовь только къ нему. Народа, конечно, не знали. Онъ, этотъ многомилліонный мужикъ, былъ понятіемъ отвлеченнымъ, но именно такимъ, какимъ мы его представляли. Народъ стоялъ на распутьи и ждалъ, когда мы начнемъ его учить и раскрывать пріятныя перспективы...

Я между тѣмъ чаще вспоминалъ о матери, которая аккуратно присылала мнѣ 30 рублей въ мѣсяцъ. Я думалъ о прежнихъ своихъ друзьяхъ, Леонидѣ, Ермолаѣ, и представлялъ себѣ ихъ удивленіе, когда я приду къ нимъ пропагандистомъ. Что они станутъ дѣлать и какъ ко мнѣ отнесутся? Странно, я не могъ отвѣтить на такой, повидимому, простой вопросъ. Съ Фалинымъ я о своихъ сомнѣніяхъ не говорилъ, потому что его не покидало страстное увлеченіе къ общественнымъ интересамъ. Иногда я искренно жалѣлъ о своемъ поступленіи въ горный институтъ, связи съ которымъ дѣйствительно не было, и думалъ перейти въ технологическій или лѣсной, но это можно было сдѣлать по осени.

Вообще во мнѣ происходила реакція, и я не скрываю, что находили минуты, когда я думалъ, не бросить ли мнѣ всю эту внѣшнюю радикальную обстановку и вѣчную суматоху?

Но притягательныя силы были.

Мы снова попали въ засѣданіе центральнаго кружка Чайковскаго, гдѣ разсматривался вопросъ объ изданіи за границей журнала и дебатировалась программа послѣдняго по пунктамъ. Много было страстныхъ споровъ, нѣкоторые пункты измѣнялись, иные совсѣмъ вычеркивались. Шли разговоры, кому редактировать журналъ, который предполагали выпускать ежемѣсячно въ количествѣ отъ 20 до 30 листовъ, однимъ словомъ, въ размѣрѣ нашихъ журналовъ «Дѣла», «Отечественныхъ Записокъ». Авторитетными голосами была поставлена редакторская кандидатура извѣстнаго литератора П. Л. Лаврова, противъ чего не возражали, но Лавровъ былъ въ ссылкѣ въ Вологдѣ.

Мнѣ показалось страннымъ, что рѣшено было тотчасъ же обратиться къ ссыльному за согласіемъ принять на себя редакторство журнала, который будетъ называться «Впередъ», издаваться

въ Швейцаріи, причемъ исправленную и дополненную программу препроводить немедленно вмѣстѣ съ означеннымъ предложеніемъ къ Лаврову.

Меня крайне удивляло: «Какъ? Лавровъ въ ссылкѣ? Журналъ печататься будетъ за границей? Какое же возможно его редакторство?» Я сказалъ объ этомъ Фалину, который не сразу мнѣ отвѣтилъ и при томъ крайне неопредѣленно.

Но послѣ оказалось, что все это было просто. Лавровъ согласился редактировать «Впередъ», и его освободили изъ ссылки. Кто? Кружокъ Чайковскаго. Былъ отправленъ рѣшительный человѣкъ, нѣкто Л., по происхожденію вологжанинъ, который, все предусмотрѣвъ, свободно вывезъ редактора изъ Россіи въ Швейцарію. Лавровъ жилъ въ Вологдѣ, кажется, со своей матушкой или другой какой родственницей, жилъ скромно, занимаясь кабинетной работой и почти не выходя нигде изъ дома. Образъ его жизни и привычки полиціи были извѣстны. Лавровъ имѣлъ обыкновеніе по вечерамъ ходить по комнатѣ и останавливаться изрѣдка у стола, чтобы записать мысль, пришедшую ему въ голову. Съ улицы была видна черезъ окна движущаяся его фигура. Полицейскіе, которымъ поставлялось каждый вечеръ въ обязательство констатировать наличность поднадзорнаго, приходили къ окнамъ и, видя ходящую по обыкновенію фигуру Лаврова въ комнатѣ, убѣждались, что Лавровъ находится въ чертѣ города.

Писатель былъ увезенъ изъ Вологды, одѣтый отставнымъ генераломъ (кстати онъ былъ изъ военныхъ), больнымъ, отправляющимся для леченія за границу. Его мѣсто заняла мать, ходившая по вечерамъ, какъ это дѣлалъ бѣжавшій, въ тѣ часы, когда приходила полиція для провѣрки. Когда эта несложная механика открылась наконецъ и когда Лавровъ для чего-то потребовался въ полицію, онъ былъ уже въ Швейцаріи.

Журнала «Впередъ» ждали съ нетерпѣніемъ, и его первая объемистая книга вышла довольно скоро. Съ выходомъ журнала «Впередъ» часть членовъ кружка Чайковскаго стала называться лавровистами въ отличіе отъ противнаго лагеря, несогласнаго съ ихъ взглядами. Впослѣдствіи противники постепенной «научной» пропаганды въ народѣ стали извѣстны, какъ анархисты, когда ихъ глава Лермонтовъ сошелся съ Бакунинымъ и когда анархическая (собственно бакунинская) литература стала распространяться среди молодежи.

Но все это, т. е. государственность и анархизмъ, вылились значительно послѣ и въ довольно неопредѣленные и туманныя формы. Мы же продолжали находиться на степени нравственнаго усовершенствованія, изучая въ то же время политическую экономію и социальныя науки. Мы ломали себя, свою натуру, чтобы быть

идейными людьми. Мы совершали такіе подвиги (все во имя народа), что теперь становится смѣшно при ихъ воспоминаніи.

Со своимъ сожителемъ мы обѣдали гдѣ попало: ѣли конину, обѣдали въ столовой великой княгини Елены Павловны около технологическаго института, однимъ словомъ, за 20 копеекъ наполняли наши желудки далеко не роскошными блюдами. Иногда баловали себя, обѣдая у нѣкотораго Детруа на 1-ой Мѣщанской (теперь Казанской). Французъ давалъ за 35 копеекъ очень недурныя и вкусныя блюда. Мы съ Фалинымъ всегда съ удовольствіемъ посѣщали эту столовую.

И вотъ случилось... Кто-то видѣлъ насъ у Детруа обѣдающими и доложилъ о семъ преступленіи Филатову. Этотъ радикальный нахаль произвелъ цѣлый скандалъ и притомъ публичный. Мы оказались сибаритами, сластенами и буржуа...

— Вмѣсто того, чтобы внести въ кассу, вы эти деньги проѣдаете,—кричалъ возмущенный Филатовъ.—Вмѣсто того, чтобы обѣдать за 20 копеекъ, какъ это дѣлаютъ всѣ честные товарищи, вы изволите платить 40 копеекъ... нечего сказать, хороши!.. Заключенные и ссылки нуждаются въ самомъ послѣднемъ, а они, извольте видѣть, обѣдаютъ во французской кухмистерской!

Что было дѣлать?

Филатовъ отчасти былъ правъ, мы должны жить не для себя, но для народа и для тѣхъ, кто этому народу служить.

— Вѣрно, — съ горячностью согласился страннаго вида чело-вѣкъ въ очкахъ, дергая свою жидкую бороденку.

— А вы что? — спросилъ я его.

— Ничего, — отвѣтилъ онъ. — Вы бы со мной пообѣдали, аристократы!

Я едва сдерживался, чтобы не произвести скандала, мнѣ такъ хотѣлось поругаться съ Филатовымъ, но тогда пришлось бы разстаться съ кружкомъ. Да, Филатовъ не зналъ еще, что я любилъ иногда выпить бутылку-другую пива!

Мы вышли втроемъ. Я, Фалинъ и чело-вѣкъ въ очкахъ, котораго мой сожитель пригласилъ почему-то ночевать. Они всю дорогу о чемъ-то горячо спорили, останавливаясь, и снова продолжали путь. Пока я разсмотрѣлъ внимательнѣе новаго знакомаго, который былъ хотя суровъ, но нѣсколько чуденъ. Начать съ физиономіи, которая оканчивалась козлиной бородкой, усы были бриты. Небольшіе сѣрые глаза старались смотрѣть свирѣпо, что имъ совершенно не удавалось, — и общій видъ былъ все-таки добродушнаго характера, несмотря на деревянную чухонскую трубку, которую онъ сосалъ непрерывно. Онъ былъ нервенъ и все время ходилъ по комнатѣ, когда Фалинъ мастерилъ ему на полу постель. Это былъ технологъ изъ донскихъ казаковъ Чиковъ. Фамилію свою онъ производилъ отъ его предка Чики, помощника

Пугачева, что въ то время производило впечатлѣніе, хотя и отрицался смыслъ всякихъ происхожденій.

— Не долюбиваете вы Филатова?— обратился ко мнѣ Чиковъ.— Онъ былъ правъ въ этомъ случаѣ, но самъ человѣкъ жидкій!

— Фигурантъ какой-то!

— Я его знаю хорошо... Впрочемъ, онъ съ хорошими средствами и полезенъ. Обѣдать-то все-таки пойдемъ въ мою придворную столовую.

— Мнѣ все равно,—отвѣчалъ я:—могу и вовсе не обѣдать!..

— Не въ томъ дѣло,—сказалъ Чиковъ:—надо пріучаться къ народу и держаться подальше отъ буржуазіи.

— Это замѣчательная личность,—говорилъ мнѣ мой сожитель по уходѣ ночного гостя.—Человѣкъ безусловно преданный дѣлу, идейный до конца ногтей и вѣрующій до фанатизма.

— Станный какой-то!—добавилъ я.—Куда это поведетъ онъ насъ обѣдать?

— Не знаю. Зайдетъ къ 2-мъ часамъ, говоритъ, дешевый обѣдъ и два блюда на выборъ. А знаешь,—понижилъ голосъ Фалинъ,—почему онъ у насъ ночевалъ? нѣтъ? Онъ скрывается!

— Вотъ что!—и мой интересъ къ Чикову возросъ.

Въ то наивное время каждый бывшій арестованнымъ по пустому дѣлу считался у насъ человѣкомъ отмѣченнымъ. Онъ страдалъ во имя идеи, за народъ, ему довѣряли, и онъ былъ вхожъ туда, куда мы, простые рядовые, могли попасть развѣ случайно.

Я былъ крайне впечатлительнымъ юношей, тюрьма для меня казалась страшнымъ чудовищемъ, а люди, перенесшіе одиночное заключеніе, людьми, прошедшими черезъ чистилище ада. Такіе люди были свѣтлой души и сердца, правдивые, смѣлые, крещенные тюремнымъ заточеніемъ. Мнѣ самому хотѣлось бы испытать это, но не надолго... О, тогда и Филатовъ перемѣнилъ бы тонъ и другіе посматривали бы на меня съ уваженіемъ!

Къ двумъ часамъ Чиковъ былъ на нашей квартирѣ, возбужденно, нервно сосавшій свою трубку.

— Замучилъ меня, окаянный,—говорилъ онъ отплевываясь:—сколько пришлось колесить по переулкамъ, чтобы сбить его съ пути....

— Кого?—спросилъ я.

— Шпика! Съ самаго Васильевского острова увязался за мной, проклятый. Не хотѣлось обозначать вашей квартиры. Вѣдь она чистая?

Фалинъ отвѣчалъ утвердительно, но я не зналъ, что такое шпикъ?

— Арестовали вчера Н, а мнѣ нужно было видѣть его до зарѣза, и денегъ и важнаго письма, конечно, не могъ добиться... Братъ, говорить, знаетъ... Надо въ Лѣсной итти!..

Я смотрѣлъ на «скрывающагося». У него была такая добрая улыбка, и глаза свѣтились ровнымъ блескомъ, и не было въ немъ ходульности и напускной важности, присущей радикаламъ. Я замѣтилъ его грустный взглядъ, брошенный имъ въ окно. Кто знаетъ, можетъ, въ это время онъ думалъ о матери, о тихомъ Донѣ?

Мы пошли. На Садовой сѣли въ конку, конечно, на верхъ. Не доѣзжая Гостиного двора слѣзли, и Чиковъ насъ привелъ въ столовую на Апраксиномъ рынокѣ. Довольно большая комната, по срединѣ которой прохаживался городской, который изрѣдка бросалъ объдающей и бесѣдующей компаніи босяковъ: «не разговаривай, а ѣшь и очищай мѣста». Я былъ нѣсколько смущенъ. Подошелъ человѣкъ и спросилъ насъ: что угодно, борщъ или супъ? Подали какую-то жидкость, достаточное количество хлѣба и затѣмъ на второе кашу-размазню. Ничего, ѣсть было можно, а Чиковъ ѣлъ и похваливалъ. Мы разговаривали громко, и я все время ждалъ замѣчанія отъ городского. Но нѣтъ, хранитель порядка и тишины не прерывалъ нашей бесѣды!

Сосѣдями были преимущественно босяки, жалкіе, трясущіеся отъ непробуднаго пьянства, рваные и сердитые. Они смотрѣли на насъ недружелюбно. Такъ называемаго народа, по нашимъ понятіямъ, не было, не видно было мужика или рабочаго — объдала исключительно столичная бѣднота, «рвань коричневая».

Обѣдъ дѣйствительно былъ недорогой, всего шесть копеекъ, но, но... Когда мы пришли домой и прошло не больше часа, намъ захотѣлось ѣсть. Мнѣ кажется, что мы за многими стаканами выпитаго чая сѣли съ жадностью хлѣба не меньше, чѣмъ на двадцать копеекъ. Тѣмъ не менѣе продолжали ходить въ эту «народную» столовую. Зачѣмъ? чтобы быть ближе къ народу. Не знаю, какъ Фалинъ, но я шелъ объдать съ тяжелымъ чувствомъ тоски и все ждалъ, по правдѣ сказать, когда крикнетъ на насъ городской, хотя мы вели себя скромно. Скоро насъ признали, самъ городской прикладывалъ палецъ къ козырьку при нашемъ появленіи, и служитель клалъ намъ оловянные ложки, вонючія, темнаго цвѣта. У меня не хватало смѣлости отказаться отъ такой любезности и спросить деревянные.

Послѣ обѣда мы дома сейчасъ же пили съ хлѣбомъ чай. Вечеромъ опять хотѣлось ѣсть. Очевидно, обѣды были для насъ невыгодны, еще нужно принять во вниманіе конку, ходить было далеко. Вслѣдствіе такихъ соображеній мы бросили народную столовую и стали кормиться какъ попало, не посѣщая прекрасные и сытные обѣды француза Детруа.

Чиковъ продолжалъ насъ посѣщать, иногда ночевалъ. Странный человѣкъ постоянно носилъ съ собой большой свертокъ рукописей, отрывки изъ которыхъ читалъ Фалину. Это была революціонная литература, литература, которой ни одна редакція не же-

лала пользоваться, вѣроятно, по ея нелегальности. Часть своей литературы (самую важную) онъ пряталъ въ брюки, сдѣлавъ ихъ двойными въ одномъ мѣстѣ. Въ этомъ костюмѣ онъ былъ арестованъ. Его судили по Долгушинскому дѣлу, приговорили на нѣсколько мѣсяцевъ къ тюремному заключенію. Слабый организмъ не выдержалъ, и Чиковъ умеръ въ Литовской тюрьмѣ.

Короткая и невеселая жизнь, читатель!

Покойному доводился родственникомъ жившій тогда въ Петербургѣ извѣстный генералъ Баклановъ, къ которому въ одно изъ воскресеній меня повелъ Чиковъ обѣдать. Былъ первый часъ, и генералъ, только что пришедшій изъ церкви, переодѣвался. Онъ вышелъ въ какомъ-то архаукѣ и крикнулъ: «обѣдать!»

Помню, сейчасъ же казакъ принесъ жирныя щи. На столѣ, кромѣ приборовъ, стоялъ графинчикъ съ водкой.

— А, революціонеры!—обратился онъ къ намъ.—Какъ дѣла? Когда думаете штурмовать Петропавловскую крѣпость?

Мы сѣли за столъ.

— Водку пьете?—обратился ко мнѣ сурово Баклановъ, держа въ рукѣ графинчикъ.

Я никогда не пилъ, но точно чортъ толкнулъ меня сказать: «позвольте.» Хозяинъ налилъ мнѣ не рюмку, а порядочный стаканчикъ, изъ котораго пилъ самъ. Я проглотилъ эту мерзость и страшно опьянѣлъ. Помню жирныя щи, открытую волосатую грудь генерала съ висѣвшимъ широкимъ крестомъ, помню его зычный голосъ, когда онъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Съ государствомъ хотите воевать, а съ маленькимъ стаканчикомъ водки не можете справиться? Эхъ вы, горе казаки!..»

Цѣлый день я былъ боленъ и очень хорошо помню этотъ первый стаканчикъ водки.

С. Васюковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ ГЕНЕРАЛА Н. П. ЛИТВИНОВА.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прошлаго года были напечатаны отрывки изъ дневника покойнаго воспитателя великихъ князей Александра Александровича и Владимира Александровича, генералъ-лейтенанта Н. П. Литвинова. Теперь, съ согласія семьи его, сообщая отрывки изъ писемъ, писанныхъ имъ въ 1877 г. къ женѣ съ театра военныхъ дѣйствій, куда онъ сопровождалъ, по высочайшему повелѣнью, великаго князя Павла Александровича. Письма эти, по моему мнѣнью, имѣютъ общій интересъ.

А. П. Гаденко.

18 сентября 1877 г., въ пути, ст. Раздѣльная.

... Мы встрѣтили на своемъ пути 6 санитарныхъ поѣздовъ, все съ ранеными изъ-подъ Плевны 30 августа. Со многими ранеными разговаривали; солдаты нахвалиться не могутъ Скобелевымъ, но жалуются, что всегда остаются безъ поддержки, когда что заберутъ у турокъ. Солдатики разсуждали съ нами, принимая Павла Александровича за простаго смертнаго, и отъ этого разсказы ихъ были замѣчательно бойки и интересны. Одинъ солдатикъ, раненый въ руку, взялъ при насъ кусокъ говядины и обратился къ товарищамъ съ восклицаніемъ: «ну, братцы, у кого двѣ руки, рѣжь говядину». Они вообще всѣ очень веселые и страхъ какъ хотятъ снова сцѣпиться съ проклятой туркой; насъ разспрашивали, въ какіе полки мы ѣдемъ...»

21 сентября. Горный Студень.

Вотъ я и въ главной квартирѣ! Отъ послѣдняго письма до сегодняшняго дня было много интереснаго, но я начну съ сегодняшняго—съ того, какъ встрѣтилъ меня государь. Совершенно неожиданно для всѣхъ въ главной квартирѣ я привезъ Павла Александровича къ 7 часамъ утра 21 сентября. Государь еще спалъ и при пробужденіи сразу не повѣрилъ, что Павелъ Александровичъ пріѣхалъ,—тѣмъ больше, конечно, было его удовольствіе и радость... Я ждалъ государя въ передней у выхода изъ его комнаты. Государь просіялъ такой доброй улыбкой, поцѣловалъ меня и назвалъ молодцомъ...

... По дорогѣ я видѣлъ множество поѣздовъ съ ранеными, куда заставлялъ заходить Павла Александровича, и, кромѣ того, по дорогѣ посѣтили пять госпиталей. Я удалялъ Павла Александровича отъ больныхъ, но къ раненымъ почти ко всѣмъ подходилъ. Картины ужасныя. Въ Яссахъ мы долго оставались въ эвакуаціонномъ баракѣ. Тамъ до 700 кроватей; на двухъ кроватяхъ лежатъ по трое тяжелыхъ и на одной кровати сидятъ по четыре легко раненыхъ. Обязанность этого барака—получать больныхъ, дѣлать перевязку, сортировку и дальнѣйшую отправку. Тамъ сестрами милосердія: Голицыны, Вревская, Нарышкины, Философовы и между прочимъ Булгакова. Всѣхъ ихъ видѣлъ въ кожаныхъ передникахъ, въ крови по локоть. Булгакова разговаривала со мною, дѣлая перевязку плеча у голенькаго солдатика. Много спрашивала про своихъ, а сама на видъ здорова, дѣятельна и весела. Дѣйствительно, русскія женщины отличаются, по отзывамъ всѣхъ, онѣ выше всякихъ похвалъ...»

22 сентября. Горный Студень.

... Часовъ въ 9 я зашелъ въ палатку къ Сергѣю и Павлу Александровичамъ, вдругъ входитъ человѣкъ и говоритъ, что государь зоветъ къ себѣ въ 9^{1/2} часовъ. Убѣжденный, что это относится къ великимъ князьямъ, я и ухомъ не повелъ. Тогда человѣкъ повторилъ приглашеніе, что «это васъ, ваше превосходительство». Сейчасъ надѣлъ поновѣе сюртукъ и вошелъ къ государю вмѣстѣ съ великими князьями. Вошли въ квадратную комнату не болѣе 6 шаговъ по сторонѣ. Меблировка: письменный столъ, желѣзная кровать, штукъ 6 складныхъ табуретокъ и ломберный столъ, на которомъ государь игралъ въ карты съ Вердеромъ, Суворовымъ и Гамбургеромъ. Когда я вошелъ, государь сказалъ: «Видишь, какая большая комната; посмотримъ, какъ-то вы всѣ усядетесь». Въ комнатѣ были, кромѣ играющихъ: военный министръ, Арсеневъ¹⁾, два великихъ князя и я. Государь былъ

¹⁾ Воспитатель великихъ князей Сергѣя и Павла Александровичей.

въ довольно пріятномъ расположеніи духа, но онъ ужасно поху-
дѣлъ и одышка стала снова слышна. Послѣ чаю государь пред-
ложилъ не спавшимъ эту ночь итти спать, поцѣловалъ Павла и
добро посмотрѣлъ на меня...»

23 сентября.

... Въмѣсто всякаго журнала буду писать тебѣ письма; въ нихъ
выражать свои ощущенія, но объ дѣлахъ ни полслова, потому,
во-первыхъ, что мы ничего не знаемъ. Во-вторыхъ, если что-
нибудь скажу, то не иначе, какъ свое предположеніе, которое
немедленно примется за правду и, переходя изъ устъ въ уста,
будетъ расти и обратится въ громадную ложь. Что въ Россіи и
даже здѣсь о настоящемъ порядкѣ вещей ходитъ ложь самыхъ
гигантскихъ размѣровъ, тому примѣровъ тысяча. Между прочимъ
слѣдующая: ты помнишь, какъ мы въ Царскомъ пеняли съ
Быстровымъ на Гурко, который будто бы погубилъ половину
лошадей въ полкахъ лейбъ-гусарскомъ и уланскомъ. Такъ я
прошу тебя при первомъ же свиданіи съ нимъ сказать ему, какой
это былъ страшный вымыселъ. Но вѣдь слухъ былъ такъ упоренъ,
что я въ Горномъ Студенѣ первый день думалъ, что объ этой
истинѣ нечего и справляться. Встрѣтивъ одного гусара, я съ
соболезнованіемъ спросилъ его: сколько вы потеряли лошадей?
и вообрази мое удивленіе, когда онъ сказалъ, что двухъ отъ
солнечнаго удара! Я вскочилъ какъ ужаленный.—Какъ, говорю я,
что же значить этотъ слухъ въ Петербургѣ?—Рѣшительно не
понимаю, откуда онъ взялся,—сказалъ гусаръ:—мы знаемъ
о существованіи этого слуха потому, что разъ принцъ Ольден-
бургскій получилъ депешу съ уплаченнымъ отвѣтомъ отъ одного
барышника: «Такъ какъ вы потеряли много лошадей, то не хо-
тите ли я доставлю сколько нужно». Мы были очень удивлены
этою депешою и отвѣчали, что у насъ лошади всѣ цѣлы, потому
что тогда еще ни одна не пала.—Ахъ, какъ мы легкомысленны и
всему вѣримъ! Сегодня первый разъ сѣлъ верхомъ въ Турціи.
Государь поѣхалъ встрѣчать финскій стрѣлковый батальонъ, а
потомъ посѣтилъ всѣхъ стрѣлковъ гвардіи. Встрѣча ему была
самая восторженная.

25 сентября. Горный Студень.

... Погода была такая скверная, что приходилось все отогрѣ-
ваться движеніемъ въ столовой палаткѣ, въ моей же палаткѣ
было все сыро, мокро, холодно и грязно. Утромъ былъ смотръ
1-ой гвардейской дивизіи, которая встрѣтила государя съ неопи-
саннымъ восторгомъ. Смотрѣлъ я на этихъ молодцовъ и думалъ,
сколько изъ нихъ останутся тутъ, съ тѣмъ, чтобы никогда не
вернуться. Вчера же представился главнокомандующему, видѣлъ

Струкова, котораго поздравилъ отъ души, и видѣлъ Левицкаго съ которымъ насилу поздоровался и отпустилъ ему маленькую злость. Я спросилъ его: что, гвардію всю ли цѣликомъ отправятъ въ одно мѣсто, или будутъ вводить ее на убой по частямъ? Онъ на это разсердился. Главнокомандующій былъ очень любезенъ со мною... Меня хранить не только Богъ (на что надѣюсь), но и друзья, пока, конечно, только одинъ Рылѣвка¹⁾. Во время отвратительной погоды вчера онъ согналъ рабочихъ въ подвалъ того дома, гдѣ живетъ государь, и сталъ тамъ устраивать прехорошенькое помѣщеніе, обитое сукномъ по стѣнамъ и цыновками на полу. Тамъ тепло, уютно, но немножко тѣсно. Оказалось, что это для меня. Я немедленно перебрался изъ своей холодной палатки и попалъ въ рай. Палатку же свою, которая все-таки была одна изъ лучшихъ, передалъ Вердеру. Но не долго я пользовался комфортомъ. Пришелъ ко мнѣ Сергѣй Александровичъ съ Арсеньевымъ, такъ нахваливали мое помѣщеніе и похаяли свое, что я немедленно потребовалъ, чтобы Сергѣй Александровичъ переѣхалъ ко мнѣ, что онъ и исполнилъ съ большою благодарностью; я же перетащилъ свои пожитки въ тотъ же подвалъ, но подальше... Приѣхалъ герой Барановъ²⁾. Я его призрѣлъ у себя въ подвалѣ, и мы спали рядышкомъ. Онъ сладко и торжественно заявилъ, что ему на роду написано видѣть во мнѣ всегда покровителя и спасителя. Въ понедѣльникъ, т. е. завтра, Арсеньевъ везетъ обоихъ великихъ князей къ наслѣднику подъ Руцукъ. Мнѣ объ этомъ не было сказано ни полслова. Вчера Барановъ при великихъ князьяхъ и Арсеньевѣ обратился ко мнѣ за совѣтомъ, какъ бы ему попасть въ отрядъ наслѣдника, я и брякнулъ ему: «да вотъ попроситесь, можетъ быть, ихъ высочества васъ возьмутъ съ собою». Конечно, согласились, и дѣло было сдѣлано. Вдругъ Арсеньевъ зоветъ меня въ сторону и говорить:

— Что вы сдѣлали, милый Николай Павловичъ, какъ же мы поѣдемъ впятеромъ.

Я на это заявилъ, что не рассчитывалъ ѣхать, потому что разъ онъ тутъ, мои обязанности кончены. А впрочемъ, если онъ находитъ нужнымъ, то я поѣду съ радостью. На это онъ сказалъ, что не считаетъ себя въ правѣ давать мнѣ приказанія, но если я спрашиваю совѣта, то онъ готовъ его дать.

— Въ какихъ вы находитесь отношеніяхъ съ наслѣдникомъ? Если въ хорошихъ, то поѣзжайте; если нѣтъ, то лучше оставайтесь.

Я сказалъ, что отношенія не худы, но что во всякомъ случаѣ онъ будетъ больше радъ видѣть Баранова, нежели меня. Рылѣвъ

---

¹⁾ Генераль-адъютантъ А. М. Рылѣвъ, комендантъ главной императорской квартиры.

²⁾ Н. М. Барановъ, герой «Весты».

одобрилъ меня... Рядомъ сидитъ Барановъ и пописываетъ свой журналъ. Черезъ стѣнку слышны голоса великихъ князей, Тучкова, Арсеньева и Рылѣва, разговаривающихъ въ моемъ помѣщеніи, которое будетъ мнѣ принадлежать съ завтрашняго дня. До сихъ поръ каждый вечеръ отправляюсь пить чай къ государю, что составляетъ предметъ удивленія для многихъ. Государь поправляется, но медленно; онъ очень похудѣлъ, лихорадка еще сидитъ въ немъ и пароксизмы предупреждаются 12 гранами хины, которые онъ принимаетъ ежедневно. Отъ усталости онъ чувствуетъ иногда дурноту вслѣдствіе малокровія мозга. Но вообще ему лучше и никакихъ худыхъ признаковъ нѣтъ...

Дѣла здѣсь кажутся не такъ скверны, какъ они кажутся въ Россіи. Насколько здѣшній взглядъ вѣренъ—укажетъ будущее... Сейчасъ Тучковъ былъ у Адлерберга ¹⁾, и тотъ сказалъ, что я по настоящему долженъ ѣхать съ великими князьями. Вечеромъ узнаю и скажу въ P. S...

P. S. Завтра ѣду къ наслѣднику и, вѣроятно, слѣдующее письмо будетъ оттуда.

27 сентября. Брестовецъ. Главная квартира государя наслѣдника цесаревича.

... Вчера предполагаемый отъѣздъ къ цесаревичу былъ отложенъ и вдругъ совершенно внезапно собрались въ дорогу и отправились. Всякая внезапность имѣетъ свои скверныя стороны, на этотъ разъ мы поплатились тѣмъ, что обозъ съ вещами за нами не поспѣлъ, и мы ночевали какъ Богъ послалъ подъ шинелями. Намъ отвели разрушенные турецкіе дома. Такъ какъ стѣны цѣлы, то защищены и отъ дождя и отъ вѣтра. Турки, оставляя деревню, все разрушаютъ; не говорю уже о томъ, что разбираютъ всю утварь, но даже печи подламываютъ такъ, чтобы ихъ нельзя было топить. Не рассчитали они только того, что между солдатиками много печниковъ, и вотъ одинъ молодчикъ склеилъ печку и затопилъ ее. Сказать правду, что это только вамъ въ Петербургѣ кажется, что мы у турокъ, а здѣсь турокъ и запаха нѣтъ. Ближайшія части 12-го корпуса находятся по крайней мѣрѣ въ 18 верстахъ отсюда, ну, а до турокъ накинь еще верстъ пять. Вѣроятно, я ихъ такъ и не увижу, потому что Павла Александровича не намѣрены провозить по линіи. Дорога сюда была отличная; вплоть до Бѣлы мы ѣхали по шоссе, устроенному Мидхадомъ-пашою, когда онъ былъ здѣсь губернаторомъ. Правда, сразу не узнаешь, что это шоссе—такъ оно завалено грязью, но все-таки въ дождливое время это спасенье.

¹⁾ Министръ императорскаго двора.

Подлѣ Янтры виды замѣчательно хороши и мѣсто, повидимому, было богатое. Черезъ Янтру ведетъ отличный мостъ, который по размѣрамъ и красотѣ постройки могъ бы служить украшеніемъ любого европейскаго города. За Янтрою дорога пошла все въ гору верстъ 20, и мы ѣхали все шагомъ по весьма опасной дорогѣ въ родѣ сквернаго корниша. Приѣхали засвѣтло. Размѣстили уже насъ по квартирамъ, а не въ палаткахъ. Я помѣстился въ маленькой комнаткѣ съ Арсеньевымъ. Знаючи турецкихъ обычаевъ и нравовъ говорятъ, что по устройству эта комната была занимаема гаремомъ того турка, которому принадлежалъ домъ. Въ 7 часовъ трубачъ протрубилъ сборъ къ обѣду. Столовая устроена въ обширномъ хлѣву, настолько подчищенномъ, что запаху никакого нѣтъ. Защищенные отъ вѣтра и дождя, чувствуемъ себя въ пріятномъ расположеніи духа. Цесаревичъ сидитъ всегда рядомъ съ начальникомъ штаба Ванновскимъ. Ванновскій давно уже извѣстенъ какъ умный человѣкъ. Миленькая, сѣденькая мордочка, съ блестящими глазами и очень покойной фізіономіей. За обѣдомъ онъ больше помалкивалъ, и вѣхъ больше говорилъ Барацовъ. Какъ онъ ни храбръ и какъ ни уменъ, а все-таки онъ, кажется, немного шарлатанъ. Обо всемъ говоритъ съ кривой улыбкой и обо всякомъ иносказательно, такъ что сразу не поймешь—смѣется онъ надъ человѣкомъ, или хвалитъ его. Ёхалъ онъ сюда вполне убѣжденный, что его встрѣтятъ съ распростертыми объятіями. Такъ, пожалуй, и было, потому что цесаревичъ поздравилъ и поцѣловалъ его. Но, наговорившись съ нимъ досыта, перестали наконецъ обращать вниманіе, и вдругъ лицо его приняло выраженіе не признаннаго генія, чело отуманилось скорбною мыслію, а черные глаза начали метать ядовито-ироническіе взгляды. А, впрочемъ, положеніе его довольно скверное: заѣхать-то сюда онъ заѣхалъ, а какъ отсюда выбраться, не знаетъ; а между прочимъ его уже спрашивали, когда онъ намѣренъ ѣхать. Этотъ вопросъ былъ ему весьма непріятенъ.

Сегодня ходилъ съ цесаревичемъ гулять часа въ четыре. Сначала погода была сносная, но потомъ вдругъ напалъ туманъ такой, что въ 10 шагахъ ничего не видно, и мы сбились съ дороги. Такъ какъ мѣсто, на которомъ мы расположены, есть громадное возвышенное плато, окруженное долинами, то мы сбиться-то окончательно не могли, но рисковали проплутать до потемокъ, и въ такомъ случаѣ, конечно, не вернулись бы до утра. Къ счастью, наткнулись на дорогу и пошли по ней. Скоро мы встрѣтили болгарина, который на вопросъ, гдѣ Брестовець, показалъ намъ въ сторону противоположную той, куда мы шли, и самъ насъ проводилъ до квартиры. Хороши бы мы были если бъ его не встрѣтили...

... Говорятъ, что Мехметъ-Али-паша смѣняется и на мѣсто его сердаремъ-экремомъ дѣлается Сулейманъ-паша, извѣстный своею

энергією и неукротимою храбростію, уложившіи уже до 20 тысячъ турокъ подъ Шипкою. Это, вѣроятно, поведетъ къ тому, что турки начнутъ наступленіе на цесаревича...

... Здѣсь всѣ недовольны распоряженіями главнокомандующаго и клянутъ Левицкаго, котораго считаютъ дерзкимъ и заносчивымъ при малѣйшемъ успѣхѣ и весьма мягкимъ при всякой неудачѣ. Вообще говоря, производитъ непріятное впечатлѣніе то, что всѣ не съ большимъ довѣріемъ относятся къ центру; но духъ войскъ великолѣпный, и вообще чѣмъ больше отдаляешься отъ центра къ окраинамъ, тѣмъ больше вѣришь въ свою силу и тѣмъ больше надеешься на успѣхъ. Впрочемъ, теперешнее положеніе не въ примѣръ лучше того, что было мѣсяць тому назадъ. Во-первыхъ, подкрѣпленій прибыло достаточно, а что самое важное, и объ этомъ ты можешь говорить всѣмъ и каждому,—это то, что всѣ части, понесшія потери, теперь укомплектованы, а въ ближайшемъ полку (Бессарабскомъ 33-й дивизіи), гдѣ потеря была самая большая, каждый батальонъ имѣетъ людей больше полагаемой нормы. Такъ что одной пѣхоты отъ нашей позиціи до Тырнова имѣется по крайней мѣрѣ 80 тысячъ человекъ. Это очень успокоительно. Гадко только то, что холодно, сыро и туманно...

30 сентября. Горный Студень.

... Вчера мы выѣхали отъ цесаревича послѣ завтрака въ 1 часъ. Дорогу хоть и развезло, но шоссе Мидхада-паши настолько пригодился, что мы ѣхали почти рысью и къ 6 часамъ, т. е. къ обѣду, прибыли въ Горный Студень. Вечеромъ былъ приглашенъ къ государю, который спросилъ меня, не успѣли ли я простудиться... Съ утра мнѣ сообщили новость, что Павелъ Александровичъ черезъ недѣлю уѣзжаетъ съ Арсеньевымъ въ Питеръ, а я остаюсь съ Сергѣемъ Александровичемъ... Послѣ завтрака мы засѣли въ карты: Сергѣй Александровичъ, Арсеньевъ и я, у меня въ погребѣ. Вдругъ входитъ государь. Милый человекъ, потребовалъ табуретъ, сѣлъ за тотъ столъ, на которомъ я пишу, и прочелъ депешу отъ цесаревича о расположеніи его войскъ. Это, понятно, секретъ. Потомъ обратился ко мнѣ и говоритъ:

— А ты знаешь, ты отправляешься съ Сергѣемъ.

Значитъ рѣшено было, что ѣду, но когда—неизвѣстно. Вдругъ, послѣ обѣда Арсеньевъ мнѣ говоритъ, что отъ цесаревича и Владимира Александровича есть депеши, въ которыхъ сообщается о движеніи турокъ на линію, и такъ какъ тамъ вмѣсто Мехмета сумасшедшій Сулейманъ, энергично уложившіи до 20 тысячъ турокъ подъ Шипкою, то непременно не сегодня, такъ завтра будетъ серьезное дѣло...

1 октября.

Сегодня всталъ довольно рано. Погода оказалась блистательная. Вѣтеръ и солнце постараются и высушатъ грязь. Чѣмъ лучше погода, тѣмъ больше шансовъ, что Сулейманка ползетъ на цесаревича. Серьезность положенія цесаревича такова, что сегодня рѣшили 2-ю гвардейскую дивизию отправить прямо къ нему, а сначала предполагали двинуть ее на Плевну вмѣстѣ съ 1-й дивизіей. Мнѣ кажется, что если Сулейманъ начнетъ горячо насѣдать на цесаревича, то (дай Богъ мнѣ быть пророкомъ) можетъ имѣть маленькій успѣхъ только вначалѣ, а потомъ сильно нарвется, потому что сзади настоящей позиціи цесаревича есть два ряда позицій, отлично укрѣпленныхъ, и на нихъ Сулейманка можетъ обломать зубы. Въ 2 часа государь поѣхалъ съ Павломъ Александровичемъ навстрѣчу Финляндскому полку, который по расчету сегодня долженъ прибыть въ Студень, но на дорогѣ встрѣтили генеральнаго штаба офицера, который доложилъ, что дороги такъ непроходимы, что всѣ полки опоздали на сутки.

3 октября.

... Вчера вечеромъ на собраніи государь сказалъ мнѣ, чтобы я завтра отправлялся къ цесаревичу на смѣну Арсеньева. Иду къ Адлербергу. Получилъ 1000 полуимперіаловъ для Сергѣя Александровича и приказаніе ѣхать завтра въ квартиру цесаревича. У насъ все смирно. Государь повеселѣлъ и, слава Богу, принимаетъ лучший видъ.

6 октября. Брестовецъ.

Я пріѣхалъ третьяго дня прямо въ Трестникъ — одинъ изъ самымъ передовыхъ пунктовъ нашей линіи. Цесаревичъ дѣлалъ объѣздъ своихъ позицій, и я его засталъ тамъ; на другой день объѣздъ продолжался, и мы верхомъ проѣхали по линіи до праваго фланга къ Домогилѣ. Тамъ съ высоты я видѣлъ турецкій лагерь, но такъ далеко, что только въ бинокль я увидѣлъ палатки. Турки бездѣйствуютъ, несмотря на то, что у нихъ Сулейманка. И дѣйствительно, глупъ онъ будетъ, если полѣзетъ на насъ — такъ позиціи цесаревича сильны. Изъ Домогилы мы вернулись верхомъ же въ Брестовецъ, позавтракавъ на привалѣ и сдѣлавъ приблизительно верстъ 20 верхомъ. Во время переѣзда жарница была страшная, я былъ весь въ поту и только что пріѣхалъ въ Брестовецъ, какъ Сергѣй Александровичъ предложилъ мнѣ пройтись пѣшкомъ. Я охотно вызвался, но, пролазавъ съ добрый часъ по горамъ, насилиу приволокъ ноги домой...

8 октября.

... Теперь Мевесъ¹⁾ уже подъ Плевной съ сегодняшняго дня по расчету здѣшнихъ свѣдущихъ людей. Слѣдовательно, онъ не попалъ во вчерашнее блистательное дѣло, гдѣ взять былъ новый редуть подлѣ Гривицкаго, и важный тѣмъ, что онъ выше всѣхъ и близко подходитъ къ туркамъ. Адъютантъ баварскаго принца, который былъ у насъ вчера, вернувшись изъ-подъ Плевны, рассказываетъ, что онъ ходилъ по румынскимъ траншеямъ, которыя подводились къ редуту. Румыны такъ близко подрылись къ этому укрѣпленію, что адъютантъ слышалъ разговоръ турокъ между собою. По его словамъ, траншея была въ какихъ-нибудь 40 шагахъ отъ турокъ. Неудивительно, что мы нагрянули, быстро перебѣжавъ это пространство, и захватили ихъ врасплохъ. Вообще туркамъ приходится плохо подъ Плевною — каждый день есть до 50 перебѣжчиковъ, заморенныхъ, совершенно безъ одежды. Я здѣсь тоже видѣлъ трехъ плѣнныхъ — одного бедуина и двухъ редифовъ. Они въ очень жалкомъ видѣ, и когда ихъ накормили и отогрѣли, то они значительно повеселѣли. Я думаю, что на нашей сторонѣ едва ли будетъ какое-нибудь дѣло — турки не полѣзутъ, а намъ начальство не позволяетъ на нихъ итти, потому что наша роль чисто наблюдательная и охранительная.

9 октября.

Осталось еще часъ времени до отъѣзда фельдъегеря. У бѣдныхъ румынъ опять отняли редуть, они думали, вѣроятно, что, взявши его, можно успокоиться, такъ какъ было уже поздно. Но темнотою-то турки и воспользовались, чего они, впрочемъ, никогда не дѣлаютъ. У насъ стоитъ теперь дивная погода. На небѣ ни одного облачка, солнце грѣетъ препорядочно, но въ тѣни не ходи — тамъ чуть не морозъ. У меня въ комнатѣ 2 окна, изъ которыхъ одно со стеклами, а другое затянато бумагой съ кисеею. Ты не забудь, что здѣсь стекла въ рѣдкость, и больше, какъ на одно окно, не хватило. Такъ какъ сегодня воскресенье, то мы пойдемъ къ обѣдницѣ. Церкви нѣтъ, попикъ одинъ, даже безъ причта, и всей обѣдни служить нельзя. Странно, что какъ у насъ, такъ и у католиковъ, существуетъ такъ называемая «la petite messe»; къ ней-то обыкновенно прибѣгаютъ въ походахъ и продолжается она не болѣе 20 минутъ.

10 октября.

... У насъ здѣсь все смирно, точно какъ будто мы не на войнѣ. Турки, кажется, махнули на насъ рукой и ихъ что-то не видать въ прежнемъ количествѣ передъ нашими позиціями. А подкрѣ-

¹⁾ Р. Т. Мевесъ, вполнѣдствіи командиръ Павловскаго полка.

пления къ намъ все подходятъ да подходятъ, Сегодня припелъ Даниловъ съ дивизіей гренадерскаго корпуса; тутъ же былъ Ганецкій. Право, точно въ Красномъ Селѣ. Здѣсь все рѣшительно весьма веселы и совершенно спокойны; на солдатъ глубокой арміи, которыхъ мнѣ пришлось видѣть, любо смотрѣть: хорошо одѣты, сыты и бодры, какъ дома. Даже скверная погода не оказываетъ на нихъ вліянія. Надо же видѣть, какъ они обстроились за это время. Выйдешь въ лагерь, такъ точно въ городъ попадешь. Тутъ правильныя прямыя улицы, тамъ цѣлыя площади, и все это образовалось черезъ постройку землянокъ, на которыя русскій человѣкъ большой мастеръ. Они вырываютъ довольно глубокою яму сажени въ двѣ ширины и сажени четыре въ длину. По краямъ выводятъ крышу сучьями и покрываютъ тоже тонкимъ слоемъ дерну. Десять человѣкъ легко выстроятъ такую штуку часовъ въ пять времени, и домъ готовъ человѣкъ на 15. Въ каждой землянкѣ сдѣлана топка въ самой толщѣ земли, а труба выводится наружу. Городъ изъ такихъ землянокъ отапливаетъ, можно сказать, кору земную на все пространство, которое занято этимъ городомъ. Сегодня одинъ солдатикъ, роя землянку, нашелъ горшокъ съ 40 серебряными турецкими монетами, величиною въ нашъ рубль. Одну изъ этихъ монетъ сейчасъ принесли, чтобы поднести Сергѣю Александровичу. Жаль, что на мою долю не выпало,—все расхватали.

14 октября. Брестовецъ.

... Вотъ уже два дня, какъ я не бралъ пера въ руки; и какъ же длинны кажутся эти два дня; сколько въ нихъ воды утекло, какъ полны они были тревогъ и волненій. Послѣднія безалаберныя строчки были написаны вечеромъ 11 числа. На другой день мы должны были вступить въ дѣло и мнѣ очень не хотѣлось высказать этого. Мнѣ кажется, всегда надежнѣе говорить о прошедшемъ, нежели загадывать о будущемъ. На другой день, 12 октября, мы встали въ 4 часа и были на Караломѣ въ 8 часовъ утра. Сергѣю Александровичу назначено было быть въ отрядѣ полковника Власенкова, того самаго, который былъ женатъ на сестрѣ Куликовскаго и котораго ты видѣла. Конечно, садясь на лошадь, я всѣхъ васъ, дорогихъ моему сердцу, перебралъ въ головѣ своей и пресердно творилъ молитву. Но откровенно скажу, что я не ожидалъ отъ себя такой прыти. Представь себѣ, что я страху не чувствовалъ. Я попалъ въ свой родной артиллерійскій бой, и нужно признаться, что турки стрѣляли отлично. Черезъ полчаса послѣ начала боя у насъ взорвали осколкомъ гранаты передокъ, и когда столбъ дыма отъ страшнаго взрыва поднялся въ воздухъ, бестии турки огласили воздухъ громкими «ура». Это было ужасно обидно. Наши несчастныя 4 фунтовыя пушченки и не думали отвѣчать

неприятельской артиллеріи, но дѣйствовали противъ турецкой пѣхоты, которая засѣла въ ложементахъ. Въ два часа времени въ четырехъ пушкахъ переколотили 10 лошадей, а между прочимъ наша пальба большого вреда не приносила туркамъ. На этомъ основаніи Власенковъ подѣхалъ ко мнѣ и спросилъ, не лучше ли отвести артиллерію назадъ, чтобы даромъ не терять людей, которыхъ тоже помяло. Хотя я предварительно сказалъ Власенкову, чтобы онъ не обращалъ вниманія на присутствіе великаго князя и на то, что я генераль, и дѣлалъ бы свое дѣло, какъ разумѣть, тѣмъ не менѣе, когда онъ спросилъ у меня совѣта, то я охотно далъ ему разрѣшеніе свести артиллерію съ такой невыгодной позиціи. Признаться сказать, я преумно выбралъ позицію для великаго князя. Я ему сказалъ, что ему нужно быть впереди и на виду у всѣхъ и, протавивъ его шагомъ между батальонами и батареею, расположился съ нимъ впереди всѣхъ, недалеко отъ батареи (шагахъ въ 50), рассчитывая, что самое безопасное мѣсто у самой цѣли. Расчетъ оказался вѣренъ: все летѣло черезъ голову. Я все время сидѣлъ съ карандашомъ въ рукахъ и записывалъ моменты боя, чѣмъ успѣлъ заинтересовать и великаго князя и этимъ развлекать его вниманіе. Только что наши пушечки отвели назадъ, турки перестали въ насъ стрѣлять, и мы свободно вздохнули. Около часу пополудни къ намъ на позицію пріѣхалъ Васмундтъ отъ великаго князя Владимира Александровича, который, зная, что тутъ Сергѣй Александровичъ, очень испугался усиленной пальбы, направленной противъ насъ, и нашего взрыва. Первая новость, которую онъ намъ сообщилъ, была о смерти герцога Сергѣя Максимиліановича¹⁾, котораго пуля сразила въ лобъ на мѣстѣ. Какая страшная судьба бѣднаго молодого человѣка. Онъ даже и въ дѣлѣ не успѣлъ лично вступить и былъ далеко сзади всѣхъ войскъ. Онъ стоялъ верхомъ съ двумя офицерами генеральнаго штаба, обернулся назадъ, чтобы взять отъ казака бинокль, потомъ ахнулъ, выронилъ бинокль изъ рукъ и нагнулся надъ шею лошади. Полковникъ Зандръ вообразилъ, что онъ нагибается за биноклемъ, соскочилъ съ лошади, поднялъ бинокль и подаетъ ему. Видя, что князь продолжаетъ лежать на шеѣ лошади, Зандръ, принимая это за *mauvaise plaisanterie*, даже разсердился и вдругъ видитъ каплю крови на шеѣ лошади. Оказалось, что смерть была такъ моментальна, что Сергѣй Максимиліановичъ не успѣлъ потерять кавалерійскаго равновѣсія, а лошадь не шелохнулась, точно подъ живымъ всадникомъ. Его свяли съ сѣдла безъ всякихъ признаковъ жизни. Во второмъ часу мы оставили позицію и отправились къ цесаревичу съ донесеніемъ о всемъ, что мы видѣли. Такъ какъ цѣль была узнать силы противника, то мы вполнѣ ей

¹⁾ Герцога Лейхтенбергскаго.

достигли, потому что пересчитали все число батальоновъ, которые выставили противъ насъ турки. Орудій было 18 противъ нашихъ четырехъ, а батальоновъ 7 противъ нашихъ трехъ. Такъ какъ эта рекогносцировка была сдѣлана по всей линіи и также удачно, то мы и убѣдились, что турки вовсе не ушли со своихъ позицій, какъ это было написано во всѣхъ иностранныхъ газетахъ, и такъ еще сильны, что этихъ позицій мы брать не будемъ, пока не кончатъ съ Плевной. Въ свитѣ цесаревича настроеніе было мрачное. Начальникъ штаба Ванновскій встрѣтилъ меня упрекомъ, что я держалъ великаго князя долго подъ огнемъ. Я сказалъ, что считалъ неловкимъ уѣхать сейчасъ же послѣ начала дѣла или въ самый разгаръ. Оказалось, что они всѣ трепетали за насъ, и это, конечно, очень польстило нашему самолюбію...

Вечеромъ 12-го числа была печальная церемонія перенесенія тѣла герцога Лейхтенбергскаго въ болгарскую церковь. Простота и бѣдность обстановки въ церкви какъ-то странно поражали насъ. Такъ какъ это было вечеромъ, то путь освѣщался факелами. Пѣвчими были офицеры ближайшаго полка, которые присутствуютъ при всякой службѣ. Подлѣ покойника наряжаются по два дежурныхъ на каждые два часа и днемъ и ночью. Моя очередь съ Сергѣемъ Александровичемъ, и первый разъ мы стояли отъ 2 до 4 ночи—въ день самага сраженія. Нервы до такой степени были напряжены, что мы не чувствовали усталости. Прибавъ къ этому, что я долженъ былъ написать государю донесеніе объ этомъ днѣ. Я писалъ до 2 часовъ ночи и, отстоявъ въ церкви 2 часа, вернулся домой и переписалъ письмо набѣло. Потомъ написалъ тебѣ телеграмму и послалъ въ Горный Студень въ письмѣ къ Рылѣву; я просилъ телеграмму эту послать оттуда, потому что нашъ телеграфъ совершенно ненадеженъ. Однимъ словомъ, я легъ спать часу въ 7-мъ утра и спалъ только до 9-ти. Не знаю, какъ благодарить Бога за то, что я снабженъ хорошими нервами, потому вчера къ обѣду я былъ какъ встрепанный.

Сегодня день спокойствія. Я отдежурилъ отъ 6 до 8 утра и отъ 10 до 12 пополудни и теперь буду спокоенъ до завтрашняго дня, а потому пишу залпомъ. Покойника везетъ въ Петербургъ Барятинскій, который хочетъ къ тебѣ зайти. Но когда онъ поѣдетъ, еще неизвѣстно, потому что гробъ заказанъ въ Бухарестѣ и едва ли скоро будетъ готовъ. Моя квартира сдѣлалась постояннымъ дворомъ; у меня гоститъ теперь Воронцовъ-Дашковъ, а сегодня ночью Богъ далъ третьяго ночлежника—Алексѣя Александровича. Мы втроемъ какъ сельдя въ боченкѣ. Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій изъ Горнаго Студеня... Жаль, что государь уѣзжаетъ изъ Горнаго Студеня въ Плевну, гдѣ послѣ побѣды, одержанной гвардіей, дѣла настолько подвинулись впередъ, что предвидится развязка.

15 октября.

Очень радъ былъ слышать, что послѣ жестокаго побоища гвардіи подъ Плевною нашъ милый Мевесъ остался живъ. А, должно быть, было жарко. Бѣдная м-ше Лаврова, урожденная Погребова, овдовѣла, Руновъ убитъ, Мебесъ тоже. Рылѣвъ въ тотъ же день успокоилъ меня извѣстіемъ, что Ричарда ¹⁾ живъ, а здѣсь всѣ перепутывали Мевеса съ Мебесомъ. Розенбахъ, Зеделеръ и Эбелингъ ранены. Зато мы взяли въ плѣнъ до 4 т. турокъ и уже окончательно отрѣзали туркамъ сообщеніе съ Софіею. Сраженіе это было въ одинъ день съ нами, т. е. 12 числа, только куда какъ жарче. Я все жду не дождусь письма отъ Рылѣва изъ-подъ Плевны. Мнѣ хочется знать, доволенъ ли государь мною и моимъ письмомъ. Понемногу я начинаю узнавать о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ великій князь. Говорятъ, что артиллеристы были очень довольны, что имъ пришлось въ первый разъ быть въ бою съ великимъ княземъ.

Одинъ фейерверкеръ крикнулъ какому-то струсившему солдату: «Ну, чего жмешься—видишь, самъ великій князь стоитъ да не шелохнется!» Конечно, это рассказывали артиллерійскіе офицеры, самъ же я не былъ свидѣтелемъ... Кажется мнѣ, что дѣла наши вообще поправились послѣ удачи подъ Карсомъ и подъ Плевной. Это можно судить по курсамъ: въ Бухарестѣ недѣлю тому назадъ 5 р. золотомъ стоили 8 р. 70 к., а вчера мнѣ сказали, что золото упало до 8 руб. и даже ниже. Это недурно. Газетъ я здѣсь совсѣмъ не читаю, взять негдѣ да и некогда. Здѣсь не слѣдуетъ засиживаться въ комнатѣ, когда погода хороша. Днемъ, когда солнце грѣетъ, въ комнатахъ сыро и холодно. Зато только что сядетъ солнце, какъ въ комнатахъ дѣлается теплѣе...

18 октября. Брестовецъ.

...Вчера былъ тяжелый день проводовъ тѣла Сергѣя Максиміановича въ Петрошаны. Его положили, бѣдненькаго, въ деревянный ящикъ, упаковали соломой и установили на лафетѣ отъ 4-фунтоваго орудія и повезли такимъ образомъ, какъ пушку. 20 верстъ мы ѣхали самымъ тихимъ шагомъ до Башина. Тамъ цесаревичъ съ Сергѣемъ Александровичемъ и дежурнымъ адъютантомъ переправились черезъ Дунай, а насъ всѣхъ, за недостаткомъ мѣста въ Петрошанахъ, просили вернуться обратно въ Брестовецъ; итого мы сдѣлали 40 верстъ верхомъ... Мнѣ нужно было посѣтить двухъ артиллеристовъ, раненыхъ въ дѣлѣ 12 числа, и я воспользовался свободнымъ временемъ. Въ 9 часовъ сѣлъ опять верхомъ и отправился въ Обертеникъ, въ 7 верстахъ отсюда.

¹⁾ Мевесъ.

Тамъ есть госпиталь. Я нашелъ своихъ артиллеристовъ очень тяжело ранеными: одному отрѣзали ногу, другому руку. Я далъ имъ по 10 золотыхъ отъ Сергѣя Александровича, разспросилъ на всякій случай о родныхъ и просилъ старшаго доктора обратить на нихъ вниманіе. Часа въ 2 вернулся Сергѣй Александровичъ изъ Петрошанъ, и представъ мое удивленіе, когда онъ сказалъ, что видѣлъ Мевеса. Очень любезно со стороны Сергѣя Александровича, что когда онъ узналъ, что въ Петрошанахъ есть раненые павловскіе офицеры, то онъ побѣждалъ справляться, и когда узналъ, что и Мевесъ раненъ, то немедленно потребовалъ, чтобы его вели къ Мевесу. Онъ раненъ въ кисть лѣвой руки и былъ съ гипсовой перевязкой...

Завтра мы отправляемся къ государю. Вѣроятно, государь желалъ лично повидать Сергѣя Александровича послѣ дѣла, а можетъ быть и украсить чѣмъ-нибудь его грудь. Съ нами отправляется молодой герой и георгіевскій кавалеръ великій князь Константинъ Константиновичъ, который по примѣру Дубасова и Шестакова напалъ на турокъ въ какой-то скорлупѣ. Онъ ѣдетъ представляться и благодарить государя за крестъ.

20 октября. Парадимъ.

... Я пріѣхалъ съ Сергѣемъ Александровичемъ въ Парадимъ, гдѣ государь собственноручно возложилъ Георгія на Сергѣя Александровича, а мнѣ преподнесъ георгіевскій темлякъ на золотую саблю, обнялъ, поцѣловалъ и такъ хорошо благодарилъ, какъ только онъ умѣетъ. Потомъ я былъ приглашенъ къ обѣду въ числѣ 12 человекъ со всѣми имѣющимися налицо принцами, и сію минуту получилъ приглашеніе къ чаю къ 9¹/₂ часамъ.

... Турки, напуганные, начинаютъ помаленьку сдаваться безъ выстрѣла. Кольцо кругомъ Плевны такъ стянули, что есть извѣстіе, что Османъ-паша собирается наутекъ, только неизвѣстно, гдѣ онъ пролѣзетъ. Послѣднее укрѣпленное мѣсто вокругъ Плевны очищено турками. Государь сейчасъ получилъ депешу, что Дальній Дубнякъ очищенъ турками, какъ только они замѣтили приближившіеся Преображенскій и Семеновскій полки съ гвардейскими стрѣлковыми батальонами. Гвардейская кровь пролилась не даромъ — жертвъ много, но пали на плодотворную почву. Попробовавъ гвардейскіе штыки и гвардейскую артиллерію, турки, не дожидаясь боя, уступаютъ. Послѣ 10-часового артиллерійскаго огня укрѣпленный Телишъ выкинулъ бѣлый флагъ и сдался съ 3 т. войскъ, пашею и большимъ числомъ офицеровъ. Пашѣ и офицерамъ предложили отправиться восвояси, но они отказались, предпочитая остаться у насъ въ плѣну. Должно быть, сладко имъ живется подъ своимъ начальствомъ. Паша наотрѣзъ отказался отъ воли и просилъ вести его хоть въ Сибирь. Онъ такъ былъ веселъ и такъ

жадно жралъ, когда ему дали обѣдать, что любо было смотрѣть... Какъ обидно, что не видѣлъ Мевеса, и какъ я счастливъ, что мой бинокль сослужилъ ему службу. Рылѣевъ мнѣ сказалъ, что пуля была направлена въ грудь, но, попавъ въ бинокль, перемѣнила направленіе и вѣхала въ руку. Правда, что бинокль уцѣлѣлъ ¹⁾. Бѣдный Руновъ былъ убитъ нашимъ собственнымъ ядромъ. Его батальонъ такъ зарвался впередъ, что наша артиллерія не подозрѣвала, что свои собственные войска были въ такомъ далекомъ разстояніи.

22 октября. Парадимъ.

...Я только что получилъ твое письмо отъ 14 и 15 числа. Ну, не стыдно ли бояться тебѣ, что я полѣзу впередъ. Вѣдь, во-первыхъ, ты знаешь, что я не такой храбрецъ, а, во-вторыхъ, мнѣ поручена драгоценная жизнь сына государя. Оберегая его, самъ себя сберегаю... Я теперь живу въ Парадимѣ, въ квартирѣ государя императора, въ 25 верстахъ отъ Плевны и въ 45 отъ того мѣста, гдѣ отличилась гвардія съ Мевесомъ. Рылѣевъ позаботился объ насъ. Сергѣю Александровичу приготовили отличную киргизскую кибитку со всѣмъ возможнымъ комфортомъ. Мнѣ отвели большую комнату въ болгарской землянкѣ. Потолокъ обтянули полотномъ, стѣны же и полъ отдѣлали солдатскимъ сукномъ. Небольшое отверстіе въ стѣнѣ, служившее для освѣщенія и притока воздуха, задѣлано стекломъ. Насѣдка съ цыплятами, привыкши входить черезъ это окно въ комнату, безпрестанно клюетъ носомъ въ стекло и рискуетъ разбить его. И днемъ и ночью все время раздаются выстрѣлы изъ-подъ Плевны. Это Тотлебенъ громитъ турокъ, не давая имъ ни одной минуты, чтобы передохнуть.

Теперь кончено, атакъ открытою силою больше не будетъ. Тотлебенъ этого не хочетъ и не допуститъ. Гвардія съ гренадерскимъ корпусомъ и кавалеріею заткнули дыру по ту сторону Вида настолько прочно, что даже храбрые румыны послали на ту сторону свои 15 батальоновъ. Тотлебенъ же приблизилъ батареи по сю сторону Вида на такое разстояніе, что ни одна граната не пропадаетъ даромъ. Туркамъ остается одно: либо сдаться, либо прорваться. Но послѣ дѣла съ гвардіею подъ Горнымъ Дубнякомъ едва ли турки полѣзутъ на штыки ея. Много фактовъ доказываютъ, что турки страхъ какъ напуганы гвардіей. Только что Семеновскій и Преображенскій полки со стрѣлковою бригадою подошли къ Дальнему Дубняку, какъ турки оставили его, не желая вступать въ состязаніе съ этими шайтанами. Другой случай былъ еще курьезнѣе: нашъ драгунскій разъѣздъ встрѣтился съ нѣсколькими батальонами турецкой пѣхоты (говорятъ, 12 батальоновъ). Турки,

¹⁾ Этотъ бинокль съ пробитымъ футляромъ находится въ семьѣ Литвинова.

не вступая въ дѣло, немедленно же повернули назадъ и опять вошли въ Шлевну. Теперь турки, можно сказать, загнаны въ самый городъ. Пороховые магазины ихъ расположены въ мечетяхъ и болгарскихъ церквахъ, въ расчетѣ, что мы по нимъ стрѣлять не будемъ, но наши орудія теперь получили приказаніе стрѣлять какъ разъ по этимъ мѣстамъ. Уму непостижимо, сколько бросается туда снарядовъ. Ночь не прекращаетъ пальбы, потому что цѣль, взятая днемъ, сохраняется и ночью, несмотря на то, что зги не видно. Бѣднымъ туркамъ положительно не даютъ вздохнуть. Мимо насъ проводится масса плѣнныхъ, и всѣ съ радостными лицами,—видимо, они довольны отдѣлаться отъ плевенской каторги. Вчера мимо насъ провозили раненыхъ лейбъ-гренадерскихъ офицеровъ. Ихъ остановили подлѣ главной квартиры, и государь приказалъ ихъ напоить чаемъ и накормить. Я же распорядился еще лучше. Велѣлъ принести холодную закуску, приказалъ изъ канцеляріи натаскать бумаги и каждому офицеру далъ на дорогу по здоровому пакету провизіи. Государь, видя это, замѣтилъ, что это очень практично. Кстати, я долженъ тебѣ сказать, что государь остался очень доволенъ моимъ письмомъ. Послѣднее письмо я отдалъ фельдъегерю передъ собраніемъ и, признаться сказать, безпокоился, не сдѣлалъ ли безтактности, вступивъ съ государемъ императоромъ въ частную переписку. Посуди, вѣдь утромъ поблагодарилъ меня за дѣло, вручилъ темлякъ и вообще былъ весьма любезенъ, но о письмѣ ни полслова. Наконецъ третьяго дня вечеромъ послѣ чая, прощаясь со мною, онъ протянулъ мнѣ руку черезъ карточный столъ и сказалъ: «Очень благодарю тебя за письмо, оно весьма интересно. Я послалъ его императрицѣ, которая, вѣроятно, прочтетъ его съ большимъ удовольствіемъ».

24 октября. Понедѣльникъ.

Вчера рано утромъ государь взялъ великаго князя и меня на гвардейскія позиціи, по ту сторону Вида: на тѣ самыя мѣста, которыя такъ обильно были орошены кровью нашихъ гвардейцевъ. Разстояніе порядочное—верстъ 60; вотъ мы тамъ и пробыли 2 дня, ночевавъ на позиціи. Горный Дубнякъ, который былъ взятъ гвардіею съ такою потерю, находится верстахъ въ семи отъ моста черезъ Видъ, ведущаго въ Шлевну, и верстахъ въ 4 отъ знаменитаго Софійскаго шоссе. Позиція дѣйствительно страшная, но не для глазъ, а по трудности взять ее.

Представь себѣ громадный холмъ съ весьма пологимъ и обширнымъ скатомъ во всѣ стороны, ровнымъ, какъ скатерть, безъ единого кустика или бугорка. На вершинѣ холма отлично сдѣланное земляное укрѣпленіе, отдѣланное какъ игрушка и издали вовсе не замѣтное. Къ этой-то игрушкѣ приходилось подходить нашимъ

гвардейцамъ версты двѣ открытыми и беззащитными, какъ на ладони. Понятно, что ихъ встрѣтили потоками свинца.

Досадно то, что взятые въ плѣнъ турки признавались, что они хотѣли уже сдаться отъ огня нашей артиллеріи; но когда наши пошли на штурмъ, то они обрадовались, потому, во-первыхъ, что отдохнули отъ огня нашей артиллеріи, которая должна была прекратить стрѣльбу на время атаки, а во-вторыхъ, потому, что вполне были убѣждены, что отнять штыкомъ позиціи нельзя. Однако отняли и забрали живьемъ все, что тамъ было. Въ Горномъ Дубнякѣ уже войскъ не было; они всѣ перешли въ Дальній Дубнякъ, это мѣсто лежитъ верстахъ въ 4-хъ отъ моста и на самомъ шоссе. Дальній Дубнякъ не брали; когда гвардія подошла и наша артиллерія выстроилась, турки убрались по-добру по-здорову въ Плевну, не выжидая атаки. Тутъ я видѣлъ Павловскій полкъ. Оба Троцкіе выбѣжали ко мнѣ навстрѣчу. Они цѣлы и невредимы. Алеша Троцкій былъ рядомъ съ Руновымъ, когда его убили. Руновъ свалился отъ раны не особенно тяжелой, но когда онъ лежалъ, наше же собственное ядро оторвало ему обѣ ноги, и онъ тутъ же и умеръ. Съ Ширманомъ, лежавшимъ рядомъ, случилось то же самое и тѣмъ же ядромъ. Троцкій упѣлѣлъ какимъ-то чудомъ, вѣроятно, по малости роста. Къ несчастью, я не видѣлъ двухъ братьевъ Мамаевыхъ; третій ихъ братъ, младшій и некрасивый, тоже убитъ.

Гвардія встрѣтила государя съ удивительнымъ восторгомъ, кликамъ не было конца, и государь былъ растроганъ до слезъ. Какъ я уже тебѣ сказалъ, Дальній Дубнякъ находится близко отъ Плевны, такъ что оттуда видны турецкіе разѣзды. Государю угодно было построить всю гвардію безъ оружія въ колонну и отслужить молебенъ. Въ время молебна я смотрѣлъ въ трубу на противоположный возвышенный берегъ Вида и видѣлъ, что вся вершина горы была унизана турками, которые съ любопытствомъ смотрѣли на насъ. Не знаю, извѣстно ли было имъ, что здѣсь государь; многіе полагаютъ, что имъ положительно все извѣстно. Часу въ четвертомъ оставили гвардію и отправились въ деревню Медованъ — мѣсто нашего ночлега. Я спалъ въ комнатѣ рядомъ со спальней государя и слышалъ, какъ онъ ночью кряхтѣлъ и кашлялъ. Со мною въ одной комнатѣ спали Сергѣй Александровичъ и Константинъ Константиновичъ. Вся остальная свита расположилась либо въ экипажахъ, либо на открытомъ воздухѣ и на соломѣ».

25 октября. Вторникъ.

Нужно кончать письмо; сейчасъ уѣзжаемъ къ цесаревичу, чтобы окончательно проститься съ нимъ, забрать всѣ наши пожитки и переѣхать въ главную квартиру государя. Вчера обѣ-

далъ у государя и тамъ узналъ, что турки сдѣлали нападеніе на Скобелева, но были отбиты съ урономъ. Когда третьяго дня государь смотрѣлъ гвардію и служилъ молебень, то турки это видѣли и были убѣждены, что это передъ общимъ штурмомъ, и радостно готовились къ нему. Но, кажется, теперь мы настолько проучены, что штурмовать не будемъ. Голодъ и гранаты — вотъ единственное, что пустимъ въ ходъ. Вчера провели мимо насъ 2700 человекъ плѣнныхъ — народъ красивый, но всего пріятнѣе было смотрѣть на юнаго англичанина, который старательно отворачивался отъ насъ и, видимо, конфузился. Между нимъ и турками не дѣлали никакой разницы.

30 октября. Парадимъ.

...Я вчера только вернулся отъ цесаревича. Такъ какъ государь приказалъ намъ быть въ субботу, а раньше субботы выѣхать изъ Брестовца не могли, то мы поднялись вчера въ 4^{1/2} часа и выѣхали, только что начало свѣтать. Въ Парадимъ пріѣхали въ 2 часа; обѣдалъ у государя, пилъ чай тоже у него и къ вечеру такъ раскисъ, что, когда добрался до постели, то черезъ пять минутъ обратился въ бревно и ничего не слышалъ, что было ночью. Утромъ Александръ, камердинеръ, войдя ко мнѣ въ палатку, сказалъ, что ночью была подъ Плевной такая страшная пальба, что государь проснулся, вышелъ на улицу, потребовалъ дежурнаго флигель-адъютанта и послалъ его узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что турки ночью хотѣли взять обратно отъ Скобелева Зеленую гору, отнятую у турокъ третьяго дня. Но онѣ нарвались на большія неприятности. Несмотря на тьму кромѣшную, секреты во-время дали знать о наступленіи турокъ. Скобелевъ заложилъ въ устроенныя имъ траншеи цѣлый полкъ и не велѣлъ имъ стрѣлять, пока турки не приблизятся на самое близкое разстояніе. Подпустивъ ихъ на 100 шаговъ, хватили по нимъ нѣсколько залповъ и скосили ихъ какъ траву. У насъ ни одного человека раненаго. Государь въ восторгѣ. Эта Зеленая гора — очень важное мѣсто для турокъ и, вѣроятно, они еще сдѣлаютъ попытку отнять ее отъ насъ, но едва ли это удастся — наученные опытомъ, мы сами умѣемъ окапываться и нападеній не боимся. Сами тоже стали осторожно нападать. У насъ вообще настроеніе весьма розовое.

Пріѣхалъ Обручевъ, которому приписываютъ весь успѣхъ на Кавказѣ. Ему дали Георгія на шею и возлагаютъ большія надежды на то, что и здѣсь онъ многому поможетъ совѣтомъ. Онъ обѣдалъ сегодня у государя.

Сегодня въ 2 часа государь отправился со всею свитою на плевненскую позицію. Я въ первый разъ видѣлъ Плевну, но, хоть убей, ничего не понялъ. Мы стояли на земляномъ укрѣпленіи,

устроенномъ на случай нашего отступленія. Я влѣзъ на брустверь и долго смотрѣлъ въ бинокль по направленію къ Плевнѣ и, кромѣ сизаго тумана, ничего не видѣлъ. По истеченіи часа времени я началъ мало-по-малу соображать, какія вершины холмовъ принадлежатъ намъ, какія туркамъ. Но чтобы вполне постичь позицію, нужно пробыть на мѣстѣ по крайней мѣрѣ съ недѣлю времени. Подъ Плевной пальба идетъ непрерывная, но стрѣляемъ только мы изъ большихъ орудій. Турки не отвѣчаютъ, вѣроятно, изъ экономіи снарядовъ, такъ какъ подвоза имъ больше нѣтъ, благодаря молодцамъ гвардейцамъ. Самая неугомонная стрѣльба начинается ночью—для того, чтобы, не давая имъ покоя, утомлять ихъ переходами изъ-подъ гранатъ въ болѣе безопасныя мѣста. Стрѣляютъ по опредѣленному плану, днемъ намѣчаютъ цѣль, берутъ направленіе, уголъ возвышенія, а ночью приказываютъ всѣмъ орудіямъ дуть въ одно и то же мѣсто. Сегодня за чаемъ у государя получена была телеграмма, что всѣ батареи будутъ стрѣлять залпами ровно въ часъ ночи. Вотъ я теперь сижу и пишу въ ожиданіи часа ночи, чтобы посмотрѣть на эффектъ стрѣльбы впотьмахъ. Подумай, что мы въ 2-хъ верстахъ отъ Плевны, а гулъ такъ силенъ, что мое маленькое окошечко трясется и полнеба озаряется заревомъ... Слышалъ пальбу, видѣлъ зарево, разговаривалъ съ государемъ, а теперь иду спать.

31 октября.

Всталъ въ 8^{1/2} часовъ и пошелъ пить чай въ столовую палатку. Тутъ обыкновенно собирается все, что встало; государь проходитъ гулять и съ нами здоровается. Рылѣевъ вчера былъ въ страшномъ не въ духѣ; конечно, все одна и та же причина: онъ, т. е. государь, неостороженъ!..»

Сейчасъ позвали насъ на печальную церемонію: панихиду по Руновѣ и молодомъ лейбъ-егерѣ, фамиліи не припомню; ихъ бѣденскихъ притащили на волахъ и не знаю, гдѣ будутъ хоронить. Государь былъ на панихидѣ и плакалъ; потомъ эти два ящика взвалили на воловъ и повезли въ Россію. Государь проводилъ до лѣваго фланга конвоя и, пропустивъ мимо себя конвой, велѣлъ слѣдовать ему до самаго выхода изъ деревни. Необыкновенная простота похоронъ, соединенная съ величественною торжественностью. Послѣ завтрака отправились на позицію. Государю угодно было видѣть ту Зеленую гору, которая взята была третьяго дня Скобелевымъ. Разумѣется, смотрѣли очень издалека, потому что государя близко не подпускаютъ. Сегодняшняя поѣздка была еще интереснѣе вчерашней. Въ бинокль я ясно видѣлъ тѣ редуты, которые были въ рукахъ Скобелева 30-го августа и которые онъ вынужденъ былъ уступить. Издали кажется просто пригорочкомъ съ какими-то бѣлесоватыми линіями; но эти-то бѣлесоватыя линіи

и есть самая смерть тысячи героев — это батареи и траншеи, изрыгающія потоки свинцу и чугуна. Какъ мы ни стѣснили турокъ, а у нихъ все-таки много внутренняго пространства, и очень трудно отгадать, гдѣ именно находятся ихъ войска. Въ нашемъ присутствіи какая-то глупая турецкая пушечка выстрѣлила изъ одного изъ редутовъ; черезъ минуту ей отвѣчали 80 орудій нашихъ батарей залпомъ, и редутикъ былъ буквально засыпанъ снарядами и покрылся дымомъ отъ взрыва ихъ. Если плевненскіе турки и сдадутся, то они все-таки просто герои и Османъ-паша — полубогъ. Нужно и имъ отдать справедливость!.. Видѣлъ героя, о которомъ кричитъ вся Россія: Скобелева. Онъ былъ оклеветанъ, очерненъ и смѣшанъ съ грязью. Каковъ онъ человѣкъ, не знаю, но въ настоящую минуту онъ сокровище для Россіи. Милый нашъ государь хорошо это понимаетъ и оцѣниваетъ. Онъ долго разговаривалъ съ нимъ и былъ такъ свято хорошъ съ нимъ, какъ только одинъ онъ можетъ быть. Государь тѣмъ хорошъ, что иногда какъ будто перестаетъ быть человѣкомъ и обращается въ Россію; это не то, что Людовикъ XIV, который обращалъ Францію въ себя (*l'état c'est moi...*).

Чувствую, что залепартовался. Прости, что говорю превыспренно, да что же дѣлать, когда я сижу на страницѣ исторіи и каждый день прочитываю по строчкѣ. Да и какъ не любить исторіи той матушки Россіи, съ которой такъ тѣсно связано все то, что свято для меня...

1 ноября. Парадимъ.

...А, впрочемъ, неизвѣстно еще, много ли придется получить отъ тебя писемъ? Въ воздухѣ носятся какія-то пріятныя предчувствія; всѣ съ напряженіемъ ждутъ разрѣшенія важныхъ событій. Вчера нашъ драгоманъ посланъ былъ къ Осману-пашѣ съ какими-то предложеніями; ему отказано было въ приѣмъ на томъ основаніи, что Османъ поѣхалъ осматривать позиціи, но сегодня пригласили его для личныхъ объясненій. Чѣмъ кончится свиданіе, неизвѣстно, но уже самое согласіе на свиданіе клонить вѣсы на нашу сторону. Уже сегодня между людьми и казаками ходитъ слухъ, что Плевна сдается, даже въ свитѣ объ этомъ поговариваютъ. Цѣлый день не было слышно ни одного выстрѣла, что подтверждаетъ слухъ, но онъ все-таки преждевремененъ, — я думаю, что Османъ долго еще будетъ мяться прежде, нежели приметъ какое-нибудь рѣшеніе. Перебѣжчики говорятъ, что солдатамъ выдаютъ только $\frac{1}{4}$ порціи въ день, а это значитъ, что Османъ хочетъ тянуть до послѣдней крайности — захотѣлъ бы сдаться, то сталъ бы выдавать полностью, чтобы скорѣе истощить запасы, чтобы оправдать сдачу позиціи. Иду пить чай къ государю, — можетъ быть, узнаю что-нибудь новенькаго.

2 ноября.

Вчера за чаемъ ничего новаго не узналъ, но въ ночь пріѣхалъ отъ главнокомандующаго ординарецъ съ пакетами; теперь я знаю, что въ пакетѣ былъ отказъ Осман-паши сдаться. Переговоры велись весьма прилично, и Османъ отвѣтилъ чрезвычайно благородно; онъ благодарилъ за предложеніе, но, какъ солдатъ, не считаетъ себя въ правѣ сдаться, потому что у него есть еще провизія.

Думалъ, что не вѣсть сколько напишу, да не тутъ-то было; сначала потащили гулять, а потомъ смотрѣть пріѣзжающихъ раненыхъ офицеровъ: двухъ павлюковъ ¹⁾, братьевъ Гинглятъ, съ которыми встрѣтился какъ съ родными, никогда ихъ не видѣвши прежде; братъ-брюнетъ раненъ въ руки и бокъ съ изломомъ двухъ реберъ, а братъ-блондинъ — въ мягкія части руки; блондинъ провожаетъ брюнета въ Систово, а потомъ вернется въ полкъ.

3 ноября.

Курьеръ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ и намъ ужъ была трепка съ утра. Ночью была страшная пальба подъ Плевной. По телеграфу дали знать, что турки наступаютъ на Скобелева и сей послѣдній отбилъ три атаки. Я всталъ въ 9 часовъ утра, и пальба вдругъ опять стала слышна. Разумѣется, государь заволновался и рѣшился ѣхать въ Боготъ, сказавъ, что, кто хочетъ, можетъ тоже ѣхать. Для меня это все равно, что приказаніе. Погода отвратительная, сырая, холодная, и мороситъ пронизывающій дождикъ... Въ Боготѣ новаго ничего не узнали; о чемъ ни спросишь, на все получаешь двоякіе отвѣты, значить, вѣрнаго ничего нѣтъ. Напримѣръ, любопытно знать, много ли въ Плевнѣ провизій? Иные говорятъ, видимо-невидимо, другіе же, ссылаясь на голодныхъ перебѣжчиковъ, утверждаютъ, что запасы скоро истощатся. Многіе убѣждены, что на дняхъ Османка будетъ прорываться, и даже назначили день—въ пятницу. О численности турокъ тоже ничего неизвѣстно; иные утверждаютъ, что цѣликомъ всѣ 70 тысячъ; другіе же божатся, что больше 40 тысячъ быть не можетъ. Вотъ ты тутъ и разбери. А все-таки туркамъ скверно, и Османка молодецъ. По моему личному соображенію, ему сдаваться невыгодно; чѣмъ онъ дольше будетъ сидѣть, тѣмъ больше ему славы, а когда съ голоду начнутъдохнуть, то какъ бы поздно онъ ни сдался, его одинаково хорошо примутъ и за это на колѣ его у насъ не посадятъ.

Наша многочисленная компанія налетѣла на квартиру главнокомандующаго, какъ снѣгъ на голову, и весьма поставила вту-

¹⁾ Офицеровъ Павловскаго полка.

пикъ поваровъ—какъ насъ накормить; и накормили, нужно отдать справедливость, отвратительно: все на бараньемъ жирѣ и все жестко; хотѣлось бы поскорѣе отправить кусокъ въ утробу, чтобы напиться, не развлекаясь запахомъ; не тутъ-то было: жуй и весь смрадъ прочухай...

Обидно, что кампанія затягивается и вчерашнія розовыя надежды разлетѣлись прахомъ. Объ отъѣздѣ и думать нельзя и, чего добраго, еще мѣсяцъ отсидимъ тутъ. Что дѣлать—терпѣніе есть мать добродѣтели, хорошо бы, если бъ сначала были терпѣливѣе и не горячились бы. Я перечиталъ мое трехдневное письмо и вижу, что оно полно противорѣчій; но измѣнять ничего не хочу, тѣмъ болѣе, что оно можетъ служить вѣрнымъ отраженіемъ нашихъ переменчивыхъ чувствъ. Эти дни мы постоянно переходимъ отъ горячечныхъ надеждъ къ полной апатіи,—разумѣтся, я говорю про публику, стоящую не у дѣлъ и которая живетъ надеждой вернуться скорѣе домой. Конечно, я еще всѣхъ свѣжѣй—сегодня только 6 недѣль, что я здѣсь, а всѣ остальные тянутъ канитель 7-й мѣсяцъ...

6 ноября. Воскресенье.

Взять Карсъ, и здѣсь общая радость; государь расцвѣлъ и всѣхъ насъ пригласилъ слушать подробную реляцію Гурко о взятіи Вратца.

7 ноября. Понедѣльникъ.

Сегодня государь отправился на позиціи. Онъ хочетъ отслужить молебенъ на позиціи по случаю взятія Карса, отсалютовать тремя залпами изъ всѣхъ орудій по Осману и троекратно прокричать «ура» всему войску. Разумѣтся, какой-нибудь шпионъ дастъ знать Османкѣ о причинѣ радости, иначе онъ и узнать не можетъ, такъ какъ для него всѣ сообщенія прерваны...

10 ноября. Парадимъ.

...Три дня шелъ сильный дождь; почву такъ растворило, что безъ палки ходить немислимо. Скверно же должно быть теперь плевненскимъ туркамъ. Сегодня ночевали въ Парадимѣ 70 турецкихъ перебѣжчиковъ, между ними много низама. Ихъ опрашивали по одиночкѣ и всѣ показали, что ѣсть даютъ разъ въ день, очень мало, и что они бѣжали отъ голода. Они увѣряютъ, что черезъ недѣлю Плевна сдастся...

12 ноября. Парадимъ.

...Отъ насъ уѣзжаетъ Боткинъ; я буду просить его захватить къ тебѣ... Отъѣздъ Боткина сдѣлалъ переполохъ. Александръ Михайловичъ (Рылѣевъ) въ отчаяніи, Адлербергеръ въ негодованіи,

да и самъ государь призадумался. Нервы Боткина не выдерживаютъ больше такого долгаго пребыванія. Онъ безпрестанно заболѣваетъ не столько отъ климатическихъ условій, сколько отъ нравственныхъ страданій и тоски по родинѣ. А на родинѣ у него жена родила мертвaго ребенка въ страшныхъ мученіяхъ. Вотъ это ужасно!

...Сегодня у насъ хорошая погода, да вдобавокъ благопріятныя вѣсти отъ Гурко, который телеграфировалъ, что прогналъ турокъ изъ Етрополя. Государь веселенькій, всѣ ликуютъ... Мы каждый день переходимъ отъ радужныхъ надеждъ къ мрачному пессимизму. То восторгаемся тѣмъ, что Плевна скоро сдастся, то начинаемъ преувеличивать средства Османа къ оборонѣ и количество его запасовъ. Если здоровый и свѣжій человѣкъ будетъ слушать наши рѣчи нѣсколько дней сряду, то приметъ насъ за сумасшедшихъ, такъ мы быстро мѣняемъ убѣжденія въ зависимости отъ погоды. Иду обѣдать, а послѣ обѣда весь вечеръ проведу съ Сергѣемъ Александровичемъ. Пилъ чай у государя, что теперь каждый день дѣлаю. Тутъ обыкновенно читаютъ газеты и получаежныя депеши...

16 ноября. Опять Брестовецъ.

...Только что пріѣхалъ къ цесаревичу проѣздомъ къ Владимиру Александровичу. Государь послалъ Сергѣя Александровича съ крестомъ Георгія 3 степени (на шею), а меня съ 150 солдатскими Георгіями для раздачи солдатамъ, отличившимся 14 ноября, т. е. третьяго дня, въ сильнѣйшемъ дѣлѣ съ турками, гдѣ ихъ страшно побили. Разумѣется, Георгій на шею везется Владимиру Александровичу. Завтра мы встаемъ въ 5 часовъ и ѣдемъ верхомъ осматривать госпитали съ послѣдними ранеными, а потомъ ночуемъ у Владимира Александровича. Послѣзавтра обратно въ Парадимъ...

...Ахъ, ужъ эти мнѣ внезапные отъѣзды! Подумай, что въ 12 часовъ государь отдалъ намъ приказаніе ѣхать, и въ 1 часъ мы уже поѣхали. По случаю отъѣзда завтракалъ у государя, грязный, какъ чумичка. Меня онъ позвалъ въ кабинетъ, вручилъ кресты и поцѣловалъ, сказавъ: «до свиданія, голубчикъ». Надо сказать правду, что со мною онъ замѣчательно милъ...

18 ноября. Брестовецъ.

Пріѣхали сюда третьяго дня съ тѣмъ, чтобы уѣхать сегодня, но сначала сегодня отложили до завтра, а теперь и завтра отложили до послѣзавтра. Навѣрно по крайней мѣрѣ знаю, что послѣзавтра, т. е. 20 числа, мы ѣдемъ обратно; дольше опасно оставаться, а не то получимъ нахлобучку... 17 числа, въ 7 часовъ утра мы поѣхали въ Трестникъ, гдѣ было горячее дѣло

14 числа. Тамъ было молебствіе и раздача солдатскихъ Георгіевъ достойнѣйшимъ изъ воиновъ. Тамъ же и Владимиръ Александровичъ надѣлъ своего Георгія на шею. Дѣло дѣйствительно было блистательное. Потеря наша, правда, была до 700 человекъ, но со стороны турокъ она была громадна. Сами-то мы похоронили до 300 человекъ убитыхъ турокъ, да въ плѣнъ забрали раненыхъ и здоровыхъ до 300 человекъ. Съ этимъ расчетомъ выходитъ, что они потеряли не меньше 2000. Я видѣлъ и плѣнныхъ и раненыхъ. Народъ здоровый, красивый и недурно одѣтъ; офицеры только ужъ очень плохи и мало между ними грамотныхъ. Изъ Трестника отправились въ Яль-Обланово, въ квартиру Владимира Александровича. Тамъ и заночевали. Сегодня утромъ выѣхали изъ Яль-Обланова въ 10 часовъ, тоже верхомъ, и прибыли въ Брестовець къ 12 часамъ пополудни, сдѣлавъ почти весь переѣздъ рысью... Обратнo въ Парадимъ поѣду въ своей новой шубкѣ и въ пальто, въ надеждѣ, что передъ тѣмъ, какъ встрѣтить государя, успѣю переодѣться... Драповый сюртукъ, который не спускаю съ плечъ, обратился Богъ знаетъ во что; а другой сюртукъ берегу пуще глазу, чтобы было въ чемъ къ государю на чай ходить. Курьезно смотрѣть, какъ мы приходимъ въ переднюю къ государю: всѣ съ палками, съ фонарями и по щиколку въ липкой грязи; казакъ принимаетъ фонари, палки и ножомъ очищаетъ сапоги. Палка важная вещь—Боже упаси ее потерять; всякій дорожитъ своей палкой и не любитъ, когда ихъ мѣшаютъ. У каждаго палка по росту до плеча. Безъ нея ходить нельзя, потому что ноги разъѣзжаются, да и отъ собакъ небезопасно. Собаки держатся стаями и не церемонятся съ человекомъ, если его одолѣютъ. Нужно фонаремъ освѣтить собачью группу и показать имъ палку, тогда онѣ держатся въ почтительномъ разстояніи и провожаютъ человека съ подлымъ завываніемъ. Въ моемъ околоткѣ собаки ужъ знаютъ меня и не очень беспокоятся, когда прохожу; но въ чужой околотокъ зайти опасно, и безъ борьбы обойтись нельзя. Вѣда, если побѣдишь; нужно остановиться, въ упоръ показывать фонарь и быстро махать палкой. Вслѣдствіе этого вечернихъ визитовъ другъ другу не дѣлаемъ, и, чтобы не скучать, всѣ группируются въ столовой палаткѣ и только тогда расходятся, когда пора спать. Это до меня не относится, потому что моя землянка ближайшая къ дому государя, къ кибиткѣ Сергѣя Александровича и къ квартирѣ Рылѣва... Вѣроятно, я завтра приѣду въ Парадимъ часовъ въ 5 пополудни и только успѣю прочесть твои письма, сейчасъ же напишу нѣсколько строкъ въ отвѣтъ. Больше едва ли успѣю, потому что обѣдъ, а потомъ вечеръ у государя идутъ одинъ за другимъ въ близкомъ разстояніи, а фельдъегерь уѣзжаетъ вечеромъ. Вчера вечеромъ, послѣ утомительнаго дня я просидѣлъ съ цесаревичемъ до 2¹/₂ часовъ ночи, зато спалъ, какъ убитый, до

10 часовъ утра. Съ утра погода была совершенно лѣтняя, съ теплымъ вѣтромъ, потомъ пошелъ проливной дождь съ отдаленными раскатами грома. Въ 2 часа тучи разсѣялись, и проглянуло солнце, а въ 4 часа стало темно, какъ ночью, отъ страшно густого тумана. Туманъ принесъ съ собою холодъ, пронизывающій до костей, и безъ теплаго пальто нельзя и думать выходить. Вотъ какія атмосферическія перемѣны въ теченіе какихъ-нибудь 5 часовъ времени. Конечно, это хуже всего должно было бы отражаться на солдатикахъ, а между прочимъ, благодаря Бога, между ними мало больныхъ. Нашъ братъ, тепло одѣтый и сухо помѣщенный, чаще попадаетъ отъ неосторожности. Напримѣръ, Никсъ Долгорукій такъ попался въ лапы злѣйшей лихорадки, что на немъ лица нѣтъ и, вѣроятно, его скоро отправятъ вонъ отсюда для поправленія здоровья. Впрочемъ, есть натуры, которыя просто не переносятъ здѣшняго климата. Напримѣръ, графъ Шереметевъ, только что пріѣдетъ сюда, сейчасъ же заболѣваетъ и уѣзжаетъ въ Бухарестъ на поправку, и это безпрестанно... Вчера мы получили очень нехорошую депешу изъ-подъ Орханіе, гдѣ турки чуть не скушали цѣлый эскадронъ лейбъ-драгунъ подъ начальствомъ Штемпеля. Изъ двѣнадцати офицеровъ только два остались цѣлы. Самъ Штемпель весьма тяжело раненъ; молодой нашъ знакомый Свищевскій тоже раненъ, но легко. Дѣло это, конечно, нехорошее, но на общій ходъ вліянія не имѣетъ. Штемпелю поручено было занять непріятеля настолько, чтобы отвлечь его вниманіе отъ Правицы, которую мы въ это время брали. Дѣйствительно, турки такъ занялись Штемпелемъ, что надвинули на него всѣ ближайшія войска, а Правицу оставили безъ подкрѣпленій. Значитъ, Штемпель сдѣлалъ свое дѣло, только сильно поплатился своими боками—половины эскадрона не существуетъ.

24 ноября. Парадимъ.

...Эти дни мы переживали трудныя минуты. 20 числа оказалось, что много телеграфныхъ столбовъ поломаны и проволока украдена. Въ то же время стало извѣстно, что Сулейманъ со всѣми силами бросился на бригаду Мирскаго, который защищаетъ дорогу къ Тырнову. Мы знали только, что Мирскій сбитъ и пятится назадъ, и затѣмъ никакихъ извѣстій. Признаться сказать, что минута была критическая. Если подкрѣпленія не поспѣютъ, то хоть бросай Шипку и снимай осаду съ Плевны. Но, слава Богу, гроза миновала, вчера получилось извѣстіе, что наслѣдника подкрѣпленія подошли, а сегодня утромъ государь, выйдя погулять, подозвалъ меня и заставилъ громко прочесть телеграмму, изъ которой явствуетъ, что часть нашихъ подкрѣпленій зашла въ тылъ туркамъ, и теперь они не только пріостановили движеніе впередъ, но даже не знаютъ, какъ бы имъ улепетнуть...

...Сейчасъ пришелъ отъ чая государя; получились еще болѣе благопріятныя извѣстія отъ Мирскаго...

25 ноября.

Погода ужасная, грязь невылазная, фізіономіи все одни и тѣ же. Такъ всѣ надоѣли другъ другу, что если трое встрѣтятся, непременно поругаются, — вдвоемъ еще можно какъ-нибудь разговаривать безъ ссоры. Каждый чувствуетъ себя заряженнымъ, какъ лейденская банка, — чуть дотронешься, сейчасъ искра. Теперь всѣ хватились за умъ и устраиваютъ себѣ зимнія квартиры, хотя зима давно на дворѣ и лютѣе не будетъ. Даже мой Александръ лакей построилъ себѣ съ моего разрѣшенія землянку, что обошлось не дороже 7 руб. зол. Вырыли квадратную яму аршина два въ глубину; надъ ямой поставили крышу изъ жидкихъ вѣтвей и забросали это землей пополамъ съ кукурузной соломой. Этимъ Александръ будетъ совершенно обезпеченъ противъ дождя и вѣтра. Но вотъ какой иногда грѣхъ случается съ этими домами: одному господину въ постель упала съ потолка корова и это очень просто случается. Иной разъ снаружи не узнаешь, землянка это или бугоръ. Корова—скотина умная, на знакомую землянку не ползаетъ; но если на знакомомъ ей мѣстѣ внезапно вырастетъ бугоръ земли, то она изъ любопытства ползаетъ на него, не подозревая, что это землянка, ну и, конечно, навѣрно провалится сюрпризомъ и для себя и для владѣтеля землянки. Это случается не только съ глупыми коровами, но даже съ умными генералами. Ты знаешь, конечно, Мещеринова, ну, вотъ онъ разъ ночью спукался съ горы, нечаянно набрелъ на крышу землянки, а съ нея слетѣлъ и весьма удачно упалъ на рога буйвола, спокойно отдохавшаго отъ дневныхъ трудовъ. Бѣдный Мещериновъ три дня пролежалъ въ постели, такъ онъ разбился. Эти случаи для насъ находка; въ той однообразной жизни, которую мы ведемъ, мы хватаемся за всякій удобный случай, чтобъ поохотать и отвести немножко душу.

Проклятый Османка такъ крѣпко держится, что бѣда. Скоро онъ начнетъ пальцы свои глотать, а сдаваться—не сдается. Бѣда та, что онъ питаетъ большія надежды на помощь со стороны. Но откуда ей прійти? Сулейманка сунулся на Плевну черезъ Тырновъ, да вчера его расколотили; Мехметъ-Али собралъ 50 т. подъ Софією, чтобы помочь Осману, да Гурко сталъ поперекъ дороги со всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ и беретъ одно укрѣпленіе за другимъ. А Османка ничего этого не знаетъ и все надѣется. Разумѣется, если мы ему дадимъ объ этомъ знать, онъ не повѣритъ. Хотя бы послать ему иностранныя газеты!...

29 ноября 1877 г. Парадимъ.

Что за чудный день былъ день 28 ноября, т. е. вчера! Да, такіе дни не скоро забываются; начался онъ тобою и кончился радостною мыслию о тебѣ, а середина была заполнена славю русскому воинству и нашему святому государю. Рано утромъ принесли мнѣ телеграмму отъ тебя съ хорошими извѣстіями о здоровьи всѣхъ домочадцевъ, засвидѣтельствованными Боткинымъ. Я порадовался и подѣлился радостью съ Рылѣвымъ. Но Рылѣвка отвѣтилъ мнѣ неприятнымъ извѣстіемъ, что государь черезъ часъ ѣдетъ на позиціи. Ахъ! подумалъ я, охота же ѣздить въ такую слякоть и туманъ, для того, чтобы ничего не видѣть! Надобно сказать, что позиція немножко пріѣлась; это старая батарея, съ которой видны кусокъ Плевны и нѣсколько турецкихъ редутовъ, и то въ хорошую погоду. Время же года таково, что туманъ такъ густо застилается, что въ десяти шагахъ ничего не видно. Мы пріѣдемъ, послушаемъ выстрѣлы, позавтракаемъ и уѣзжаемъ. Отъ этого батарея стала называться *früschtick's batterie*. Ну, и на этотъ разъ мы поѣхали очень не въ духъ... Однако туманъ сталъ разсѣиваться, облака порѣдѣли и точно солнышко проглядывать стало. Выстрѣлы стали слышны отчетливѣе; однако это не новость, стрѣляютъ каждый день и чуть не цѣлый день! Мнѣ показалось только страннымъ, что стрѣляли не залпами съ нѣкоторыми промежутками, а поурядно и довольно скоро—точно суетливо. «Ужъ не пробивается ли Османка?» сказалъ я своему сосѣду Фулону. Надо сказать, что послѣдніе три или четыре дня плѣнные и дезертиры стали говорить, что ихъ начали хорошо кормить; а такъ какъ новаго провіанта туркамъ неоткуда было достать, то мы стали подозрѣвать, что Османка либо намѣренъ сдать, либо пробиваться, и напослѣдяхъ сталъ откармливать своихъ солдатъ *en brulant sa bougie des deux bouts*. Только что мы стали подѣзжать къ «обжорной батарее», какъ вдругъ выстрѣлы смолкли; это было часовъ въ двѣнадцать. Сзади батареи мы обыкновенно проѣзжали мимо землянокъ пѣхотной бригады, которая при проѣздѣ государя всегда выстраивалась и кричала «ура». Что за чудо! на этотъ разъ все пусто, и бригада точно провалилась сквозь землю. Какой-то армейскій офицеръ, болтая локтями, суетливо погонялъ свою клячу, торопясь пересѣчь линію нашихъ экипажей. Мы остановили его и спрашиваемъ, гдѣ бригада. Онъ отвѣтилъ, что бригада пошла на Крименскіе (?) редуты. «Развѣ штурмъ?!» воскликнули мы. «Никакъ нѣтъ; турки очистили всѣ редуты, и мы идемъ ихъ занимать».—«А гдѣ же турки?»—«Не знаю, гдѣ-то пробиваются». У меня сердце упало. Боже мой, думаю, неужто Османка идетъ? А между прочимъ выстрѣловъ не слышно. Разумѣется, мы страшно засуетились, повыскакали изъ экипажей и кинулись на ближайшія высоты смо-

трѣть въ бинокли.—Кругомъ видно верстъ на двадцать. На всѣхъ редутахъ, гдѣ прежде видѣлись красныя фески, копошились и всползали наши сѣрыя колонны. Далекъ за Плевной, у подошвы Опонекскаго редута, видѣлись массы людей, но кто эти люди, наши или турки,—не видно. Вдругъ видимъ,—скачетъ Щелковъ съ телеграммою государю.

Мгновенно окружили мы царя тѣсною толпою, и онъ прочелъ намъ слѣдующее: «Въ 8 ч. утра турки перешли въ наступленіе за Видомъ и всѣми силами ринулись на 3-ью гренадерскую дивизію, смяли передовыя линіи и взяли у насъ 6-ть орудій». Это они обрушились на бѣднаго Данилова. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа еще телеграмма: «Гренадеры отбили нападеніе, отняли свои 6 орудій и захватили 7 у турокъ». Черезъ 20 минутъ еще телеграмма отъ 11-ти часовъ: «Подоспѣли подкрѣпленія, турки отброшены назадъ въ Плевну». Bravo, вотъ такъ лихо—теперь пожалуйте назадъ, на свои старыя позиціи, которыя заняты нами. Мы ходили какъ угорѣлые; ужъ объ туркахъ мы не заботились, они въ нашихъ рукахъ; но вѣдь Османка можетъ пробиться съ нѣсколькими молодцами, а онъ вѣдь стоитъ цѣлой арміи по своему уму и энергіи. Вдругъ еще телеграмма: «Какой-то паша пріѣхалъ къ Ганецкому для переговоровъ о сдачѣ арміи. Османъ раненъ и извиняется, что не можетъ самъ вести переговоровъ». Тутъ у насъ отлегло отъ сердца; одна только мысль безпокоила насъ: не надуваетъ ли Османка, что раненъ? Въ рожу-то его никто не знаетъ; мало ли кого онъ уложитъ въ постель, а самъ, передѣвшись болгаринотъ, проберется вонъ какими-нибудь тропинками. Еще часъ поболтались по батареѣ въ неизвѣстности. Вдругъ слышимъ, нашъ конвой, стоявшій внѣ того редута, гдѣ мы находились, неистово закричалъ «ура». Кто-то скачетъ, какъ угорѣлый, машетъ фуражкой и что-то кричитъ. Лошадь и всадникъ облѣплены грязью и покрыты облакомъ густого пара, такъ что не видно, гдѣ кончается человѣкъ и гдѣ начинается скотина. Эта масса вваливается въ редутъ прямо къ намъ; вмѣсто того, чтобы соскочить, всадникъ скатывается съ лошади; мы бросились къ нему, подхватили на руки, высвободили ногу изъ стремени, гдѣ она застряла, и поволокли героя къ государю. «Ваше величество, Османъ и вся армія сдается безъ всякихъ условій на ваше благоусмотрѣніе. Османа самъ видѣлъ», съ отчаяніемъ закричалъ онъ, удара себя въ грудь. Засимъ ужъ онъ ничего не могъ выговорить, только сталъ быстро подносить свою руку ко рту, желая объяснить, чтобы ему влили чего-нибудь въ ротъ. Это былъ полковникъ Моравскій, посланный съ этимъ извѣстіемъ Ганецкимъ. Онъ проскакалъ верстъ 25 однимъ духомъ; двухъ лошадей загналъ и пріѣхалъ на третьей, которая тоже еле дышала. Восторгъ былъ неописанный...

Мы обступили государя и стали страшно орать «ура»; это мы-то— флигель-адъютанты и свита. Послѣ этого сейчасъ поѣхали домой. Сегодня утромъ отправились смотрѣть Плевну. Отвратительный городъ, съ узкими улицами, по срединѣ которыхъ течетъ полужидкая грязь въ родѣ шоколада. Страшно было ѣхать верхомъ, потому что лошадь, будучи по колѣно въ грязи, не видитъ каменныхъ скользкихъ ступеней, по которымъ текла эта грязь. Воздухъ зараженъ какимъ-то теплымъ и смраднымъ запахомъ—это, говорятъ, вонь отъ множества больныхъ и раненыхъ, которыми набиты все дома. Остановились въ какомъ-то, относительно говоря, богатомъ болгарскомъ домѣ. Тамъ приготовленъ былъ завтракъ. Государь потребовалъ къ себѣ Османа-пашу. Отвѣтили, что Османъ уже ѣхалъ представиться, но онъ раненый сидитъ посреди грязной улицы. Послали дежурнаго флигель-адъютанта съ придворнымъ экипажемъ.

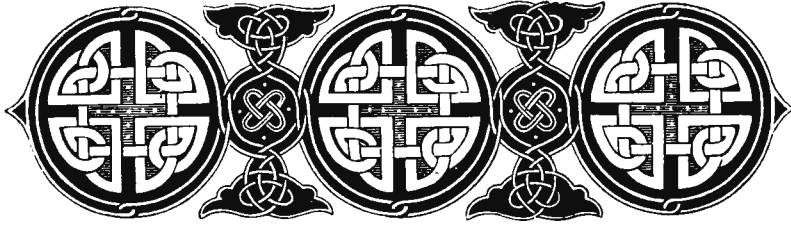
Минутъ черезъ 20 разнесся слухъ, что Османъ ѣдетъ. Во дворъ въѣхать было нельзя. Его вытащили на рукахъ изъ коляски и понесли по двору. Когда его увидѣли, все офицеры сняли шапки и закричали «браво». Османка прослезился. Государь разговаривалъ съ нимъ черезъ переводчика и былъ очень съ нимъ милостивъ. Османъ сказалъ, что у него провизіи оставалось только на три дня, а потому онъ и рѣшился попробовать счастья и пробраться; когда его ранили въ ногу, войска турецкія, не видя его, отступили, а онъ, потерявъ всякую надежду, послалъ сказать, что сдается на милость государя. Ему сейчасъ же выдали саблю. Надо сказать правду, что онъ намъ напакостилъ—300 человекъ убилъ да 1800 ранилъ. У него потеря была до 4-хъ тысячъ—убитые до сихъ поръ валяются. Съ нимъ сдалось 40 т. пѣхоты, 1200 человекъ кавалеріи, 77 пушекъ, 2000 оберъ-офицеровъ, 168 штабъ-офицеровъ и 10 паней. Кромѣ того, множество больныхъ. Итакъ, если считать все его потери дезертирами, плѣнными и убитыми за все время съ 12 октября, то окажется, что у него было до 70 т. войскъ, изъ коихъ осталось только 42 т., находящихся у насъ въ рукахъ...

30 ноября.

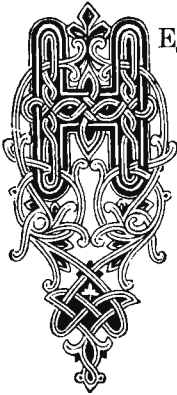
Больше писать не могу; я дѣлаю распоряженія къ отъѣзду. Сейчасъ мнѣ дали бумагу, найденную на убитомъ туркѣ. Написана по-русски, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы сообщить разный вздоръ въ газеты. Должно быть, убитый былъ полякъ. Мнѣ дали ее съ тѣмъ, чтобы переписать ее разборчивѣе для прочтенія государю. А потому все бросаю и берусь за нее...

Сейчасъ вернулся отъ чая. Государь поздравилъ меня съ побѣдою Владимира Александровича надъ Сулейманомъ. Сегодня утромъ турки опять полѣзли на тѣ же позиціи, что 14-го числа, и на этотъ разъ разбиты на голову и преслѣдуются... Въ субботу мы выѣзжаемъ, ночуемъ у цесаревича и на другой день отправляемся въ Бухарестъ...

Н. П. Литвиновъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГРАФѢ Н. А. ПРОТАСОВѢ-БАХМЕТЕВѢ.

ЕДАВНЯЯ кончина графа Николая Алексѣевича Протасова-Бахметева напомнила мнѣ о моей мимолетней встрѣчѣ съ нимъ и даетъ мнѣ поводъ сказать о немъ нѣсколько словъ, не лишенныхъ, быть можетъ, нѣкотораго интереса.

Дабы быть понятнымъ, долженъ сказать, что въ 1871 г. прямо съ университетской скамьи я совершенно случайно попалъ на государственную службу, занявъ по предложенію астраханскаго губернатора Н. Н. Бишпена должность помощника правителя его канцеляріи.

Прослуживъ при Бишпенѣ около двухъ лѣтъ и исполнивъ подѣ руководствомъ его самого и правителя его канцеляріи Д. В. Чичинадзе (впослѣдствіи редактора-издателя «Юридической Газеты») рядъ довольно сложныхъ работъ по различнымъ отраслямъ управленія своеобразною губерніей и по введенію въ ней судебной реформы, я сблизился съ губернаторомъ. Оставивъ затѣмъ, вслѣдствіе плохого климата, службу въ Астрахани, я переѣхалъ въ Москву, а лѣтъ черезъ пять снова попалъ въ Астрахань на должность секретаря управленія рыбными и тюленьими промыслами и мнѣ опять пришлось работать на глазахъ Н. Н. Бишпена, бывшаго предсѣдателемъ комитета названныхъ промысловъ.

Появившаяся въ концѣ 1879 г. въ Астраханской губерніи эпидемія чумы (ветлянской) вызвала командировку въ Астрахань по высочайшему повелѣнію съ особыми полномочіями графа М. Т. Лорисъ-Меликова, которому, по приѣздѣ его въ Астрахань,

понадобился подходящий человекъ въ качествѣ дѣлопроизводителя по дѣлу борьбы съ чумою и оздоровленія губерніи. Биппенъ порекомендовалъ меня. Такимъ образомъ, состоя при графѣ и работая бокъ-о-бокъ съ его кабинетомъ, я сталъ близко извѣстенъ и ему. Все это, какъ увидитъ сейчасъ читатель, привело меня къ встрѣчѣ съ графомъ Николаемъ Алексѣвичемъ Протасовымъ-Бахметевымъ, когда Биппенъ состоялъ уже сенаторомъ, а графъ Лорисъ-Меликовъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ. Должность астраханскаго губернатора и правителя его канцеляріи, по оставленіи ихъ названными выше лицами, были нѣкоторое время вакантны. На первую изъ нихъ назначенъ былъ вскорѣ графъ Николай Алексѣвичъ Протасовъ-Бахметевъ. Я не служилъ уже тогда въ Астраханской губерніи, а занималъ должность воспитателя нижегородской графа Аракчеева военной гимназіи (нынѣ кадетскій корпусъ), что относится къ 1880 году.

Каникулы этого года близились уже къ концу и въ канцелярію нашей гимназіи и къ намъ, воспитателямъ, начинали, по обыкновенію, навѣдываться родители опредѣляемыхъ дѣтей, когда я, все еще пользуясь свободой, работалъ у себя въ кабинетѣ и когда служанка моя доложила мнѣ, что «какой-то *офицеръ* желаетъ меня видѣть и ожидаетъ въ столовой»...

Полагая, что это одинъ изъ обычныхъ посѣтителей, я приказалъ просить его въ кабинетъ. Каково же было мое удивленіе, когда передо мною предсталъ свиты его величества генераль-майоръ, отрекомендовавшійся:

— Новый астраханскій губернаторъ графъ Протасовъ-Бахметевъ... Я привезъ вамъ поклоны отъ графа Лориса и Биппена... Они очень васъ любятъ...

Не зная, чему приписать такую исключительную любезность, я поблагодарилъ графа и, освѣдомившись, чѣмъ могу служить ему, попросилъ его садиться. Графъ добродушно улыбнулся и произнесъ:

— Скажу *sans façon*, что имѣю на васъ виды, о чемъ сейчасъ съ вами откровенно объяснюсь.

Въ это время въ открытыя двери столовой видно было, какъ моя наивная служанка, нимало не стѣсняясь присутствіемъ гостя, подавала кофе, немилосердно гремя посудой. Мнѣ становилось неловко, закрыть двери было уже поздно, неудобно,—и я безъ церемоніи предложилъ моему гостю чашку кофе. Графъ поблагодарилъ и, снимая съ лѣвой руки перчатку, прибавилъ:

— Завтра я уѣзжаю на пароходѣ общества «Кавказъ и Меркурій» въ Астрахань, а потому, если вы позволите, очень хотѣлъ бы побесѣдовать съ вами о многомъ...

Изъявивъ полную готовность выслушать графа, я велѣлъ подать намъ кофе въ кабинетъ.

Бесѣда наша началась съ того, что Протасовѣ-Бахметевѣ объявилъ мнѣ, что, получивъ назначеніе на постъ астраханскаго губернатора, онъ первый будетъ совмѣщать въ себѣ также и атамана астраханскаго казачьяго войска.

Совмѣстительство этихъ двухъ представительствъ власти вызвано было по представленію Н. Н. Бишпена, одобренному графомъ Лорисъ-Меликовымъ, такъ какъ Бишпенъ на самомъ себѣ испыталъ во время ветлянской чумы весь ужасъ своего положенія при самостоятельности отдѣльнаго казачьяго атамана, вовсе не подчиненнаго губернатору и дѣлавшаго въ своемъ казачьемъ «атаманствѣ», что ему заблагоразсудится, не спрашивая на то разрѣшенія или согласія начальника губерніи, а напротивъ, очень часто идя ему наперекоръ. Такое положеніе вещей породило во время ветлянской чумы массу зла, такъ какъ тогдашній атаманъ генералъ-майоръ Ф—съ долго скрывалъ появившуюся въ станицѣ ветлянскую чуму, считая ее сначала то осложненною лихорадкой, то тифомъ, и упорно затѣмъ не желая признать ее настоящею чумою. Подчиненные ему врачи астраханскаго казачьяго войска частію въ угоду своему начальству, частію по легкомыслію или заблужденію, также упорно поддерживали мнѣніе своего атамана, не считая болѣзнь сколько-нибудь заразною и находясь въ неосторожномъ общеніи съ больными, за что двое изъ нихъ (Морозовъ и Григорьевъ) поплатились жизнью (умерли отъ легочной чумы).

Выслушавъ сообщеніе Протасова-Бахметева о совмѣщеніи въ немъ одномъ двухъ новыхъ для него должностей — губернатора и атамана, я не могъ не поздравить его и не порадоваться за него въ виду всего вышеизложеннаго, при чемъ невольно коснулся нѣкоторыхъ выдающихся фактовъ бывшей ветлянской эпидеміи.

Графъ очень внимательно выслушалъ меня, а затѣмъ замѣтилъ:

— Знаете ли вы, что Лорисъ по добротѣ своей до сей поры не далъ никакого движенія приостановленному имъ дѣлу о преданіи суду извѣстныхъ вамъ лицъ—атамана Ф., доктора Д. и нѣсколькихъ военныхъ фельдшеровъ за незаконные поступки во время чумы и нарушеніе карантиннаго устава? Михаилъ Таріеловичъ поручилъ мнѣ разслѣдовать это дѣло еще разъ на мѣстѣ, предоставивъ право предать его забвенію, буде не окажется чего-либо не заслуживающаго никакого снисхожденія. Вы, конечно, хорошо помните всѣ обстоятельства этого дѣла, и мнѣ очень интересно было бы знать, какъ вы смотрите на него и въ какой мѣрѣ считаете вы виновными названныхъ лицъ.

— Больше всѣхъ, по моему мнѣнію, виновенъ атаманъ Ф—съ, имѣвшій смѣлость взять на себя отвѣтственность, упорно скрывая довольно долгое время такую грозную болѣзнь, какъ чума, и нѣсколько разъ отрицательно и колко отвѣчавшій на запросы губернатора о подозрительной эпидеміи въ станицѣ Ветлянкѣ. Можетъ

быть, все это дѣлалось, какъ я уже сказалъ, по легкомыслію или по невѣжественному заблужденію, но во всякомъ случаѣ такое легкомысліе стоило жизни многимъ жертвамъ чумы, отъ которой въ Ветлянкѣ погубило три врача, нѣсколько фельдшеровъ, священникъ и больше 360 обитателей какъ этой, такъ и другихъ станицъ. Эпидемія распространилась вслѣдствіе непринятія атаманомъ Ф. никакихъ рѣшительно мѣръ.

— Прекрасно... Ну, а старшій казачій врачъ Д?.. Развѣ онъ менѣе виноватъ?! Графъ Лорисъ - Меликовъ рассказывалъ мнѣ про него невѣроятныя вещи, не ручаясь, впрочемъ, за ихъ достоверность. Командированный въ Ветлянку по настоянію губернатора, докторъ изъ трусости не доѣхалъ до нея, а переночевавъ на какой-то благополучной по чумѣ мельницѣ, въ трехъ верстахъ отъ зачумленной станицы, вернулся въ Астрахань и какъ ни въ чемъ не бывало донесъ, что никакой серьезной болѣзни въ Ветлянкѣ нѣтъ, что тамъ просто свирѣпствуетъ мѣстная лихорадка, нѣсколько обострившаяся подъ вліяніемъ скверной, дождливой осени. Въ доказательство этого онъ приводилъ тотъ аргументъ, что первыми жертвами были въ Ветлянкѣ прачки, мывшія и полоскавшія въ холодную погоду по цѣлымъ днямъ бѣлье на Волгѣ, стоя по колѣни въ водѣ.

Я отвѣтилъ на это графу Протасову-Бахметеву, что не могу поручиться, что докторъ Д. не продѣлалъ всего того, что ему приписывается, въ силу нѣкоторыхъ неопровержимыхъ фактовъ, но съ другой стороны, не могу не засвидѣтельствовать по долгу совѣсти, что при свиданіи моемъ съ докторомъ, послѣ побѣдки его въ Ветлянку, онъ съ трепетомъ рассказалъ мнѣ о тѣхъ ужасахъ эпидеміи, которые пришлось ему наблюдать въ теченіе трехъ дней и отъ которыхъ онъ въ эти три дня совершенно посѣдѣлъ. Не могу не засвидѣтельствовать еще и о томъ, что сообщавшій мнѣ все это докторъ, котораго я незадолго передъ тѣмъ встрѣчалъ, дѣйствительно до того посѣдѣлъ и измѣнился, что его съ трудомъ можно было узнать.

— А что вы скажете,—спросилъ опять Протасовъ,—о фельдшерахъ, бѣжавшихъ въ паникѣ изъ Ветлянки и прорвавшихъ, по нерадѣнію часовыхъ и несовершенству самаго оцѣпленія, карантинную цѣпь?

— Въ фактѣ этомъ, насколько помню, судя по многимъ даннымъ, нельзя сомнѣваться,—отвѣтилъ я:—фельдшера, конечно, виновны въ побѣгѣ, но, если принять во вниманіе ихъ панику, т. е. ихъ невмѣняемость, то, безъ сомнѣнія, надо судить ихъ возможно снисходительнѣе...

— Добрый, я вижу, вы человекъ!—сказалъ графъ, улыбаясь:—вы, конечно, всѣхъ бы ихъ простили?

— Точно такъ же, какъ, вѣроятно, и вы, графъ, простите ихъ всѣхъ, не исключая и самого Ф—са, невѣдливость котораго заключается, по моему мнѣнію, въ его грубомъ заблужденіи и невѣжественной наивности, въ силу которыхъ атаманъ воображалъ,

Графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ.

что дѣлаетъ благо своимъ казакамъ, не разглашая о странной болѣзни, дабы не нанести рыболовной и торгово-промышленной станицѣ Ветлянкѣ и другимъ станицамъ серьезнаго экономического ущерба...

— Еще разъ убѣждаюсь, что вы очень добрый человекъ,—повторилъ графъ, и его добродушное лицо и простоватые глаза,

подернутые какою-то лѣнливою нѣгой, слегка прищурились и, всматриваясь въ меня, стали какъ будто еще простодушнѣе, еще простоватѣе.

Надо замѣтить, что вообще наружность графа выражала не только добродушіе, но и простоту, граничащую съ недалекостью, вовсе, конечно, не свидѣтельствующую о какой-либо его ограниченности. Такія лица встрѣчались прежде среди полукультурныхъ степняковъ-помѣщиковъ и встрѣчаются еще и теперь среди казаковъ, не тронутыхъ культурой. Къ слову сказать, въ лицѣ графа было именно что-то «казацкое». Онъ носилъ въ то время не совсѣмъ военную, а чисто казацкую прическу, подстригая волосы только слегка и начесывая ихъ нѣсколько на лобъ, и безъ того очень невысокій, что, конечно, не могло не придавать всему его лицу особаго выраженія, свойственнаго часто лицамъ казачьимъ, малороссійскаго типа.

Отхлебнувъ кофе, графъ снова обратился ко мнѣ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ о предстоящихъ ему трудностяхъ по управленію такою сложною губерніей, какъ Астраханская, а затѣмъ вдругъ, рѣзко перемѣнивъ тонъ голоса съ совѣщательнаго на рѣшительный, спросилъ меня:

— Какое содержаніе получаете вы здѣсь?

Я сказалъ.

— А у меня вы можете получать втрое больше... въ должности правителя канцеляріи. Должность эта вакантна. Ее исправляетъ пока одинъ изъ помощниковъ, маленькій чиновникъ, честный, по словамъ Биппена, усердный, но непригодный для такого поста ни въ какомъ отношеніи. Займите эту должность! Поѣдьте со мною въ Астрахань! Помогите мнѣ въ моемъ трудномъ и новомъ для меня дѣлѣ! Графъ Лорисъ-Меликовъ и Биппенъ рекомендовали мнѣ васъ, какъ человѣка, хорошо имъ извѣстнаго и достаточно уже ознакомившагося съ Астраханскою губерніею... Вѣдь вы, насколько припоминаю со словъ Биппена, дважды служили въ Астрахани и дважды ее покидали... Поѣзжайте туда же въ третій разъ, со мною!.. Вамъ будетъ хорошо, а мнѣ съ вами будетъ и легче и покойнѣе, чѣмъ одному среди неизвѣстныхъ мнѣ людей...

Я совершенно потерялся и отъ неожиданнаго предложенія, сдѣланнаго съ такою неподдѣльною простотою и любезностью, и отъ тѣхъ лестныхъ комплиментовъ, которыми наградила меня графъ по милости М. Т. Лорисъ-Меликова и Н. Н. Биппена, не забывшихъ, какъ оказалось, о моихъ скромныхъ трудахъ. Затрудняясь однакоже дать Протасову-Бахметеву опредѣленный отвѣтъ и больше всего потому, что Астрахань пугала меня своимъ нездоровымъ, лихорадочнымъ климатомъ, оставившимъ во мнѣ за мою въ ней бытность тяжелыя воспоминанія, я нѣсколько разъ

поблагодарилъ графа за его милое вниманіе и, сославшись на внезапность его предложенія, просилъ дать мнѣ на отвѣтъ отсрочку недѣли на двѣ, на три...

— Два-три мѣсяца буду ждать, но только хотѣлъ бы думать, что вы... не раздумаете,—отвѣтилъ любезный графъ и, пожавъ мнѣ руку, поднялся съ дивана и сталъ прощаться.

— Итакъ, до свиданія!—въ Астрахани:—шутливо сказалъ онъ, еще разъ крѣпко пожимая мнѣ руку.

— До пріятнаго свиданія, ваше сіятельство, но гдѣ?—пока не знаю,—сорвалась у меня съ языка неловкая фраза, и я самъ точно почувствовалъ всю неловкость такого нелюбезнаго отвѣта...

Проводивъ графа, я переодѣлся и поѣхалъ отдать ему визитъ. Онъ остановился, какъ оказалось, въ Почтовой гостиницѣ. Не заставъ его, я оставилъ у швейцара свою карточку. Послѣ любезнаго визита графа мнѣ показалось недостаточнымъ мое неудавшееся посѣщеніе, и на другой день я поѣхалъ проводить его.

Когда я пріѣхалъ на пароходъ, за полчаса до его отхода, графа еще не было на немъ. Отъ капитана парохода узналъ я, что отвалъ отъ пристани запоздаетъ часа на полтора, такъ какъ не успѣли еще погрузить какой-то срочный грузъ. Скоро я увидѣлъ подѣхавшаго въ коляскѣ графа, въ сопровожденіи лакея, сидѣвшаго на козлахъ, и черезъ минуту высокая фигура Протасова-Бахметева показалась на спускѣ къ пристани. Я пошелъ ему навстрѣчу. Графъ былъ на этотъ разъ въ формѣ атамана астраханскаго казачьяго войска,—въ темно-синемъ сюртукѣ съ желтыми кантами и, несмотря на теплую погоду, въ громадной папахѣ съ желтымъ верхомъ, которая почему-то очень не шла къ нему. По всему было видно, что атаманство и съ виѣшной стороны занимало графа; самое же «двоевластіе» въ новой для него роли губернатора-атамана льстило его самолюбію.

Графъ очень любезно встрѣтилъ меня и, поблагодаривъ за вниманіе, сказалъ:

— Карточку вашу видѣлъ... Очень сожалѣю, что вы не застали меня. Отъ васъ я поѣхалъ къ кое-кому изъ вашего нижегородскаго начальства. А что, не очень я опоздалъ на пароходъ?

Я объяснилъ графу, что ему придется прождать и проскучать на пароходѣ лишнихъ часа полтора.

— Въ такомъ случаѣ будемъ вмѣстѣ завтракать. Не такъ ли? Вотъ и прекрасно! Самъ Богъ за меня: мы можемъ побесѣдовать еще цѣлый часъ. Вы никуда не спѣшите?

Я поблагодарилъ и отвѣтилъ, что совершенно свободенъ и—къ услугамъ графа.

Войдя въ рубку перваго класса, Протасовъ-Бахметевъ сбросилъ съ себя пальто и заказалъ завтракъ.

— Вы накроете намъ здѣсь—да поскорѣе!—добродушно и мягко сказалъ онъ пароходному лакею, усаживая меня и усаживаясь самъ на диванъ.

Поразспросивъ у меня кое-что о Нижнемъ-Новгородѣ, которымъ графъ въ эти минуты любовался изъ оконъ рубки, онъ спросилъ:

— Астрахань, вѣроятно, не такъ красива? Вѣдь она стоитъ на равнинѣ...

И съ этой минуты все время и до завтрака и въ продолженіе его графъ не прекращалъ своихъ разспросовъ о будущей своей резиденціи и губерніи. Его очень озабочивали сложныя условія управленія этою губерніей, заключающей въ себѣ такіе разнообразные элементы, какъ казачество съ его своеобразными особенностями, калмыцкія земли съ ихъ улусами и отдѣльнымъ управленіемъ, рыбный, тюлений и соляной промыслы съ ихъ особою промысловою жизнью, кишашею разнокалибернымъ промысловымъ людомъ, привлеченнымъ туда наживою и заработкомъ.

Коснувшись рыбныхъ промысловъ въ Каспійскомъ морѣ и въ устьяхъ Волги, Протасовъ сказалъ:

— Биппенъ сообщилъ мнѣ много интереснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неутѣшительнаго объ антисанитарномъ состояніи рыбныхъ промысловъ...

— Особенно ватагъ,—замѣтилъ я.

— Да, да... ватагъ... По словамъ Биппена, послѣ генеральной чистки ихъ, вызванной бывшею недавно чумою, ватаги эти содержатся пока сносно, но съ ними всегда много возни... Не такъ ли?

Я рассказалъ, что зналъ о ватагахъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты сначала Биппеномъ, а затѣмъ Лористъ-Меликовымъ къ ихъ оздоровленію. Графъ очень интересовался всѣмъ сообщаемымъ мною и засыпалъ меня вопросами, подчасъ довольно наивными, что прямо указывало на полную его неосвѣдомленность въ интересовавшихъ его предметахъ.

Во время нашего завтрака графъ нѣсколько разъ чокался со мною своею рюмкой съ краснымъ виномъ, выражая надежду на совмѣстную работу въ интересномъ для него Прикаспійскомъ краѣ.

Послѣ поданнаго намъ сладкаго и кофе графъ вытащилъ изъ кармана большихъ размѣровъ золотой портсигаръ, очень изящной работы, съ его монограммой, и предложилъ мнѣ сигару. Черезъ нѣсколько минутъ онъ спросилъ меня:

-- нравятся вамъ мои сигары?

— Очень, графъ; онѣ прекрасны,—отвѣтилъ я.

— А если прекрасны, такъ позвольте мнѣ вашъ карманъ...

И шутливо, съ особымъ милымъ добродушіемъ, на которое не знаешь, какъ и отвѣчать, онъ вынулъ изъ своего портсигара всѣ бывшія въ немъ сигары, отстегнулъ пуговицы моего сюртука и насовалъ въ карманъ сигаръ.

Мнѣ стало неловко отъ этой чрезмѣрно-любезной выходки графа. Благодарилъ я его, конфузился и рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать съ сигарами, которыя стѣсняли меня ужасно, такъ какъ я вовсе не хотѣлъ переломать ихъ въ карманѣ, безъ портсигара. Но добрякъ-графъ этимъ не удовольствовался. Онъ позвонилъ и велѣлъ своему лакею принести изъ каюты ящикъ сигаръ, а затѣмъ, передавъ его мнѣ, сказалъ:

— Прошу принять... Сигары недурныя, и мнѣ будетъ пріятно думать, что, куря ихъ, вы будете вспоминать меня.

Обращеніе графа было такъ просто и мило, какъ будто мы были старые знакомые или родственники. Послѣ завтрака Протасовъ-Бахметевъ предложилъ мнѣ выйти на палубу... Посмотрѣвъ нѣсколько разъ въ бинокль на Волгу и окрестность Нижняго-Новгорода, онъ усѣлся попросту на свернутый на палубѣ канатъ и указалъ мнѣ возлѣ себя мѣсто, приглашая присѣсть.

— А все-таки лѣнтяи мы, русскіе люди! Любимъ посибаритничать съ сигарою въ зубахъ, даже сидя, какъ вотъ мы сейчасъ, на канатѣ...

Графъ не договорилъ, какъ къ нему подошелъ нищій, пробравшійся на палубу, вѣроятно, по недосмотру пароходной прислуги, и попросилъ милостыню. Протасовъ-Бахметевъ полѣзъ въ карманъ своихъ широкихъ казацкаго покроя шароваръ и, доставъ оттуда вязаный кошелекъ, вынулъ изъ него цѣлковый и подаль нищему, который отъ такой неожиданности осыпалъ графа такимъ потокомъ пожеланій, что онъ не выдержалъ и сказалъ сквозь зубы: «Ну, спасибо, спасибо!..»

— Разкажите мнѣ теперь, милый, что-нибудь объ астраханскомъ обществѣ,—обратился ко мнѣ графъ.—Изъ какихъ элементовъ оно состоитъ? Какую роль играетъ въ немъ буржуазія, какую дворянство?.. Впрочемъ, послѣднее совсѣмъ незначительно тамъ, насколько мнѣ извѣстно.

Послѣ моего отвѣта графъ сказалъ:

— Постараюсь сблизить всѣ круги общества, объединить по возможности всѣхъ его представителей... Буду для этого устраивать почаще балы, спектакли... Я человѣкъ холостой, люблю быть въ обществѣ, люблю, чтобы вокругъ меня кипѣла жизнь, веселье. Иначе дѣло у меня не спорится... Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ—съ ума не сойдешь!—добавилъ онъ, улыбаясь.

Время между тѣмъ шло. Я невольно взглянулъ на часы, что не ускользнуло отъ глазъ графа.

— Вашъ скучно?

— Помилуйте, ваше сіятельство, мнѣ очень пріятно бесѣдовать съ вами, но мнѣ показалось, что сейчасъ будетъ третій свистокъ... Этакъ меня, пожалуй, и увезутъ подъ-шумокъ вмѣстѣ съ вами...

— Что же, я былъ бы очень радъ... Въ самомъ дѣлѣ, если не поѣдете сейчасъ со мною въ Астрахань, то хоть проводите меня до Телячьего брода,—шутить графъ и вдругъ, точно вспомнивъ о чемъ-то тревожившемъ его, быстро спросилъ:

— Такъ какъ же: даровать имъ всѣмъ амнистію въ ознаменованіе моего вступленія въ управленіе губерніей, или нѣтъ?.. Вы понимаете, о комъ я говорю? Объ атаманѣ, докторѣ и другихъ...

— Миловать всегда пріятно, ваше сіятельство, а карать тяжело... тѣмъ болѣе, что все затѣмъ обошлось, улеглось и карать уже поздно, бесполезно, немилосердно...

Раздался третій свистокъ. Я послѣшно всталъ, снова поблагодарилъ графа за вниманіе и, прощаясь, пожелалъ ему благополучнаго пути. Графъ, видимо, былъ тронутъ искреннимъ тономъ моихъ пожеланій и, приподнявъ папаху, крѣпко пожалъ мою руку и расцѣловался со мной.

Когда пароходъ отвалилъ отъ пристани, я простоялъ на ней нѣсколько минутъ, раскланиваясь съ добродушнымъ графомъ и невольно думая, какъ-то онъ управится съ своею трудною задачею, которая, какъ мнѣ показалось, по произведенному на меня графомъ впечатлѣнію, была не подъ силу ему.

Ѣхать въ Астрахань въ третій разъ я не рѣшился, какъ по личнымъ соображеніямъ, такъ и въ виду неувѣренности моей въ продолжительности службы Протасова-Бахметева въ Астраханской губерніи. Въ скоромъ времени я написалъ графу, деликатно уклонившись принять его любезное предложеніе. Графъ ничего не отвѣтилъ мнѣ. Вѣроятно, онъ обидѣлся на меня.

Предчувствіе мое не обмануло меня: графъ Протасовъ-Бахметевъ пробылъ на должности астраханскаго губернатора менѣе двухъ лѣтъ, а затѣмъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, послѣ чего уже назначенъ главноуправляющимъ вѣдомствомъ императрицы Маріи.

По отзывамъ многихъ встрѣчавшихся со мною астраханцевъ Протасовъ-Бахметевъ въ бытность свою въ Астрахани слылъ за человѣка гуманнаго, общительнаго, честнаго и оставилъ по себѣ во всѣхъ добрую память. Зимой 1889 или 1890 года, хорошо не помню, графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ въ качествѣ главноуправляющаго вѣдомствомъ императрицы Маріи пріѣзжалъ въ Одессу по дѣламъ службы. Я былъ въ это время уже въ Одессѣ и вздумалъ навѣстить графа.

Подавая свою карточку его камердинеру, я заявилъ, что я не проситель, что я лично и близко извѣстенъ графу и просилъ доложить, что мнѣ очень было бы пріятно представиться его сіятельству.

Камердинеръ внушительнаго вида, съ надменною, отталкивающею физіономіей, очень неохотно исполнилъ мою просьбу и, возвратясь въ коридоръ, сухо сказалъ мнѣ:

— Графъ извиняются... Они не совсѣмъ здоровы и не могутъ васъ принять.

Я понялъ изъ этого, что Протасовъ-Бахметевъ не забылъ еще моего отказа и сердить на меня, на что онъ, разумѣется, имѣлъ свои основанія.

Съ тѣхъ поръ я никогда не встрѣчался съ графомъ.

Н. Вучетичъ.

СРЕДИ МОХОВИКОВЪ.

I.

Революціонное хвостовство и потаенное правонарушеніе.—На полшубкахъ рожь
молотять.—Мужики-ласкатухи...—Захватное право и вѣра въ начальство.

ВЪ СѢВЕРНЫХЪ губерніяхъ населеніе живетъ на болотистыхъ мхахъ и крестьянъ въ шутку иногда зовутъ «моховиками».

Моховики сравнительно спокойно переживаютъ время послѣ высочайшаго манифеста о свободахъ...

Самовольная рубка лѣса, запашки, выпасы, по-травы, неплатѣжъ аренды здѣсь весьма незначи- тельны, а поджоги хлѣбовъ, усадебъ и убійства по- мѣщиковъ совершенно отсутствуютъ. Даже сельско- хозяйственныя забастовки выражались здѣсь въ ни- чтожныхъ размѣрахъ: напримѣръ, въ Опочецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, крестьяне, до прибытія солдатъ изъ Пскова, въ теченіе двухъ дней двига- лись отъ одного имѣнія къ другому, предъявляя всюду одни и тѣ же требованія: рубль въ день мужчинѣ (за косьбу) и 75 коп. женщинѣ. Въ случаѣ отказа снимали рабочихъ. Въ Новгородской и Смоленской губерніяхъ еще менѣе было без- порядковъ.

Между тѣмъ, по изслѣдованію компетентныхъ лицъ, имѣнья русскихъ помѣщиковъ въ губерніяхъ, страдающихъ острымъ мало- земельемъ, напоминаютъ помѣстья ирландскихъ лендлордовъ въ тѣ времена, когда владѣльцы ихъ не разставались съ оружіемъ.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ было болѣе революціонныхъ мечтаній и хвастовства, особенно въ 1905—1906 годахъ.

Тогда крестьяне изъ псковскихъ лѣсовъ и болотъ говорили мнѣ:

— Господамъ нонѣ и не жить съ мужиками... Все читаемъ въ газетахъ, что въ южныхъ губерніяхъ они казаковъ въ селахъ у себя держатъ. Да вотъ съ весны и у насъ «заячьи номера» подъ каждымъ кустомъ будутъ свободны, и мужички получаютъ даровыя квартиры... Всѣ уйдемъ изъ избъ своимъ судомъ землю дѣлить. Поторапливаться бы надо, поторапливаться, а не ждать весны и свободныхъ номеровъ подъ кустомъ. Да царь-то «суетится» и входитъ въ крестьянское положеніе, а министры говорятъ, что земли нѣтъ... Ну, да вотъ «заячьи номера» освободятся по веснѣ, если ничего не сдѣлаютъ для насъ... Легко ли подъ каждой версиной мужика искать? А найдутъ солдаты со всѣхъ сторонъ, кого сожгутъ, кого выдерутъ—лучше не станеть... Заяцъ и тотъ кусается, когда настигаютъ его...

Я обыкновенно изъ предосторожности прекращалъ эти разговоры о «зайчѣихъ номерахъ», или напоминалъ имъ о солдатахъ.

Они быстро понимали, что аграрные беспорядки могутъ быть только до прибытія войскъ и что, если послѣ ихъ ухода беспорядки опять возобновятся и такъ пойдетъ безъ конца, то войска примутся за грабежи и повальное избіеніе безоружнаго населенія.

Эту логику жизни они понимали, но это не мѣшало имъ проносить угрозы о томъ, что если не будетъ имъ земли, то они царю солдатъ не дадутъ, солдатамъ — избы съ пахотой, когда тѣ вернуться со службы въ деревни, а къ помѣщику въ село не пустиять парней въ работники становиться.

Но прошелъ 1906 годъ, истекаетъ текущій, и фразерство крестьянъ остываетъ.

Вмѣсто прежнихъ грозныхъ фразъ о томъ, что, если въ Псковской губерніи нѣтъ борьбы съ помѣщиками и помѣщиковъ очень мало, то необходима борьба съ волостными и земскими чинами, — крестьяне ссорятся и съ тѣми, и съ другими, и съ третьими болѣе уже по-обывательски и пассивно... Рабочіе покидаютъ усадьбы при первомъ удобномъ для нихъ случаѣ, цинично отвѣчая барину:

— Мы для нужды становились къ тебѣ, но не работать... А нужда миновала, и жить довольно въ селѣ. Рожь бурѣетъ, такъ и народъ дурѣетъ... Хлѣбъ сталъ дома, можно и уйти отъ хозяина.

— Но вы деньги забрали впередъ...

— А деньги не пахнутъ! Гдѣ ты ихъ сбываешь, тамъ ты ихъ и наживаешь,—продолжаютъ они.—Свое вернешь съ насъ же.

— Да какъ же вамъ не стыдно?

— А деньги не Богъ. Глазамъ не стыдно, а душѣ радостно.

«истор. вѣстн.», февраль, 1908 г., т. сxi.

— Удалые вы ребята... Удалые! — повторяетъ безсильно баринъ.—Медь пьете и кандалы трете...

— А ты все насъ на крюкъ хочешь поддѣть? — перебиваютъ они его.—Вотъ штука... Отдадимъ тебѣ твои деньги... Дай срокъ. У тебя денегъ больше нашего, а все мало... Давай да давай! Во тьмѣ краю нѣтъ...

— Да какъ вы смѣете?

— А такъ... Не угрозишь. Не больно-то и земскій намъ страшень. Что возьметъ съ насъ? А въ острогъ пускай сажаютъ...¹⁾ Много брали нашего брата, да выпускали назадъ. Всѣхъ не возьмешь. На весь народъ не хватитъ остроговъ. Что всему міру, то и бабину сыну.

Помѣщикъ съ досады прекращалъ разговоръ и уходилъ изъ конторы. Рабочіе продолжаютъ бесѣду о томъ, что если у нихъ имѣется земля, то плохая.

— Много ея, да безъ пользы... Чуть не восемь десятинъ на семью, а латышъ и хозяйства не станеть заводить на участкѣ меньше 30 десятинъ... Лучше возьметъ село въ аренду. Для земли имѣеть онъ и удобрение, и сбытъ, и деньги... А мы что: на кочкахъ жили, на нихъ же умремъ.

Угрозы 1905 — 1906 года смѣнились жалобами на судьбу.... Въ черноземныхъ губерніяхъ нерѣдко на глазахъ исправника и стражниковъ крестьяне поджигаютъ усадьбу и отказываются тушить ее. Полиція тушитъ, а мужики поглядываютъ...

Въ болотныхъ районахъ Псковской губерніи революціонное фразерство смѣнилось потаеннымъ правонарушениемъ... У помѣщика Шумахера, въ селѣ Прокофновѣ, Дворецкой волости Новоржевскаго уѣзда, крестьяне въ августѣ разобрали въ бабкахъ рожь и тутъ же въ полѣ ночью обмолотили ее «на полушубкахъ», чтобы не было молотбы слышно въ селѣ... У Ковалевскаго, въ селѣ Измалковѣ, той же волости, срѣзали ночью колосья, и рожь оказалась обезглавленной... Но все это тихо, мирно и тайно.

Часто и бабы подзадориваютъ мужиковъ укорами о томъ, что вѣкъ имъ ботву (водянистый квасъ со свеклой) «хлябовать», а говядины «не выдывать...» Вся ѣда только кишки перебираетъ.

— Никогда «соковицы» (березовый сокъ) съ хлѣбомъ вволю не ѣдали... Одно есть, такъ другого нѣтъ, — говорятъ онѣ символически про свое житье: весной, когда сокъ идетъ изъ дерева, нѣтъ хлѣба, а осенью хлѣбъ имѣется, да сокъ изъ березы нейдетъ.

¹⁾ Земскій начальникъ теперь не имѣетъ права самолично посадить крестьянина подъ арестъ, а долженъ передать такое дѣло въ «сѣздъ». Но волостной старшина имѣетъ право своею властью приговорить крестьянина къ аресту при волостномъ правленіи. Самъ «волостной» подчиненъ земскому начальнику, и послѣдній имѣетъ право не только оштрафовать волостного старшину за неисполнительность, но и посадить подъ арестъ, Примѣч. автора.

— Молчи!—сатанѣтъ мужикъ отъ укоровъ. У бабы нѣтъ кулака, а слова ея въ сердце лѣзутъ.—Ты, что темная ночь, ничего не знаешь. Тебѣ не холодно? Чего жъ Бога высмѣиваешь?

— А тебѣ тепло, небось?—кричитъ насмѣшливо хозяйка.—Ты кровяня... Что заяцъ! Овцу купилъ — студень будешь варить... Больше языкомъ про господъ да про землю... что колоколь у коровы на шеѣ букаетъ въ лѣсу... «Букало!» «Ласкатухи» вы здѣсь всѣ около своего барина...

— Ты и до меня, Матреша, добралась—перебиваю я ее.

— Ты молчишь и ничего намъ не сказываешь, а вѣрно тоже господскую руку тянешь,—отвѣчала расходившаяся Матрена, кума моя въ одномъ изъ дальнихъ погостовъ Опочецкаго уѣзда.—Мы,—продолжаетъ она злымъ голосомъ,—сломались отъ работы. Пупъ съ мѣста тронулся отъ работы, а ты солдатами стращаешь... А захвати мы землю и паши ее, такъ никто не придетъ отбирать пахоту назадъ. Начальство не захочетъ разорять мужика и отступится. А не возьмете сами — ничего не получите... Да мужики-то наши на бабьей линіи живутъ. По ночамъ шумятъ около барскихъ усадьбъ да свои дурацкія пѣсни орутъ...

Мужъ ея сердито крикнулъ:

— Ну, опять цѣлковыхъ на сто напалаила всякихъ словъ... Остановись малость. Хрипоту поймаешь... Хорошо говоришь, ожидаю лучшаго.

Я тоже замѣтилъ ей, что въ южныхъ губерніяхъ мужики пробовали захватное право на землю, но ужъ очень это дорого обходится имъ...

— Кнутомъ бы попарить ее за слова, да нешто она своей головой это говорить?—воскликнулъ мужъ. — Она у дочки въ Питерѣ жила всю зиму и все къ какому-то «Митькѣ» (на митингъ) ходила. Къ студентамъ приписавшись... По новому жить хочетъ!

— Въ лѣсу откликалась, сама не зная кому,—смѣется баба и обратилась ко мнѣ, какъ бы съ разъясненіемъ.—Иду по Питеру, а предо мною темный строевой лѣсъ. Стала молитву творить—ну, ничего... Назвала поименно чудотворцевъ, а меня кто-то какъ пихнетъ въ бокъ, да въ ладоши какъ захлопаетъ... Вотъ съ той поры и голова стала—что волна на морѣ...

Я невольно засмѣялся, и мужъ уже мягче произнесъ:

— Что дегтярная бочка: масла ввѣкъ не ливать... Не грузно жить съ бабой въ избѣ, а съ такой сгрустнешь. Вода мельницу ломаетъ, а ей чай давай. Смѣлая баба!

— Безъ смерти не помрешь!—мужественно перебила она его, и этимъ закончилась наша бесѣда.

Я сталъ приготовляться къ отъѣзду изъ Опочецкаго уѣзда въ Новоржевскій.

II.

Мужики о своихъ выборныхъ. — Царь и «министеры». — Переселенія. — «Не въ силу...» — Практика псковскаго земельнаго банка.

Я ѣхалъ на охоту все далѣе и далѣе въ «моховщину» Псковской губерніи, вслушиваясь и всматриваясь въ окружающую жизнь.

— Хорошо въ эту пору, — говорилъ везшій меня въ телѣгѣ мужикъ про послѣдніе августовскіе дни. — Прохладно... Не жарко ходить. Не заморишься... Налито во мху малость дождемъ, а раньше, бывало, идешь и нигдѣ не завязнешь... А что, баринъ, — неожиданно воскликнулъ онъ, перебивая самого себя: — не слышать ли вотъ въ Петербургѣ чего? Не будетъ ли чего тамъ?

— А чего бы?

— Ожидали землицы, баринъ... А гляди, ничего не буде. Дума прошла безъ вниманія. Не сошлась съ господами, а мы межъ себя не поладимъ... Разсудокъ у каждаго мужика свой. Государь и отказалъ всѣмъ: «Всѣ были собраны вмѣстѣ, а не придумали ничего хорошаго».

Я молчалъ. Слишкомъ долго пришлось бы толковать крестьянину исторію роспуска государственной думы и, къ тому же, я не былъ увѣренъ въ неискаженіи имъ моихъ словъ.

Такъ любятъ крестьяне слышать собственныя мысли тамъ, гдѣ даже не было произнесено ни одного слова. Я въ этомъ тотчасъ же убѣдился, когда пріѣхалъ въ деревню и въ охотничій домикъ набрался «ребятнякъ» за конфетами къ барину и ихъ родители «попомонить» о современныхъ событіяхъ.

— Что же, кончилась дума? — былъ первый вопросъ крестьянъ.

Не дожидаясь отвѣта, они увѣренно стали фантазировать по ея адресу..

— Надумали мужички въ думѣ себѣ на карманъ... Дарма не жили въ думѣ, а десять рублей имъ въ сутки полагалось. Надо бы хлѣба не ѣсть, а думать и суетиться, а на сладкихъ кускахъ и думу забудешь. Вотъ какъ бы надо: взялъ сельдины головку съ кускомъ хлѣба—ну, тогда придумаешь вволю всѣмъ по хорошему.

Они слишкомъ преувеличиваютъ въ абсолютномъ государствѣ «представительство» и потому не прочь пофантазировать насчетъ «лежачихъ»...

Выборныхъ-то въ иныхъ губерніяхъ хватаютъ въ тюрьму за то, что они взятки брали. Писали въ газетахъ, что евреи и японцы давали денегъ на раздѣлъ Россіи. Да можетъ ли это быть, чтобы государь позволилъ обидѣть себя и крестьянина?

Роспускъ думы они объясняютъ себѣ весьма оригинально.

Мужики были приглашены въ думу царемъ, а господа сами пришли самовластно и мужиковъ разогнали...

Невѣжество ихъ особенно краснорѣчиво въ тѣхъ случаяхъ когда разговоръ касался судьбы народныхъ представителей, въ связи съ роспускомъ думы.

— Наши-то выборные казну обокрали да разбѣжались по домамъ. Имъ царь сулилъ по десять рублей въ сутки, а они забрали все разомъ и разбѣжались. Ну, обыкновенно, царь велѣлъ арестовать ихъ по усадьбамъ и вновь въ Питеръ представить.

Я замѣтилъ оратору:

— Можно ли взять казну и уѣхать съ ней домой въ расчетъ на безнаказанность?

Онъ увѣренно отвѣтилъ:

— Казенная копейка въ водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ. За чужое лычко отвѣтишь ремешкомъ.

— Ты бы этого не сдѣлалъ?—продолжалъ я разговоръ съ нимъ.

— Не о двухъ я головахъ...

— Также и другіе. Украсть деньги и спрятать ихъ можно. Но увести казну открыто и сидѣть дома спокойно,—кто же согласится?

— Да, никто...

— А между тѣмъ ты повторяешь чьи-то чужія слова о расхищеніи казны твоими выборными...

— Не своей головой говорю я. Не своей головой!—сконфуженно перебилъ меня одичалый паренъ.—Въ «бѣсовой ночлежкѣ» всему повѣришь...

Но логика не утрачена и въ «бѣсовой ночлежкѣ».

Мнѣ трудно забыть отвѣтъ стараго крестьянина на замѣчаніе моего товарища о томъ, что земли у мужиковъ довольно, но что надо имъ учиться обрабатывать ее улучшенными приемами.

— Ъсть хлѣбъ сидѣвши и мы бы хотѣли, да никто его не дастъ намъ въ то время, какъ станешь обучаться... Свѣту у насъ нѣтъ, да засохнешь въ деревнѣ съ голоду, пока достанешь его. Я, братъ, пожилъ много,—закончилъ рѣчь сѣдой собесѣдникъ.—Нагрѣшилъ такъ, что и въ два года не разобраться Богу... А только и Ему скажу, что ничего у насъ не стало въ дому: навозъ дорогъ, а безъ навозу нѣтъ и хозяйства въ этомъ краю. И земли не надо при нашей нищетѣ. Уплати ты за надѣлъ подати, да водки поставь—всякій продастъ его тебѣ... Да государь не хочетъ. Не позволить намъ безъ земли остаться...

При этомъ государю приписывались мысли ихъ собственнаго изобрѣтенія.

— Онъ-то понимаетъ, что безъ крестьянина все государство пропало, а вотъ его «министеры» не понимаютъ, что безъ кривого дерева—безъ сохи значить—земля пустая будетъ. Ее надо разрыхлять. Государь-то говоритъ, что благородный господинъ или купецъ только стаканъ кофею умѣетъ выпить да сладкую папи-

роску выкурить, а орать и косить они не будутъ, да его «министеры» не согласны съ нимъ... Государь говоритъ, что мужички два рубля платятъ за десятину... За пять десятинъ десять рублей въ годъ. Пусть и господа заплатятъ столько же, по два рубля за десятину, если хотятъ имѣть по тысячѣ десятинъ... Хоть бы обрѣзы отогнали мужичкамъ и то бы хорошо,—говорить.—А теперь мужикъ платитъ за обрѣзъ, да еще ходи дорогу барскую поправъ... Это та же барщина. Вотъ какъ насъ жалѣетъ государь-то... Онъ знаетъ, что безъ коровенки и безъ кобылки нельзя жить мужику; а заведи скотинку и выпусти ее покормить со двора—она сейчасъ въ обрѣзъ... А «министеры» не хотятъ взять того въ голову. На каждое дѣло нужно имѣть понятіе, а они посылаютъ насъ за границу—въ переселеніе... Вотъ Степанъ изъ Крутца и заржетъ: «ту-у, бѣда! Распрощайся съ своей родной стороной и иди въ Сибирь, никого не убивши и не ограбивши...»

Почувствовавъ свой авторитетъ, Степанъ воскликнулъ, перебивая остальныхъ:

— Мнѣ хорошо и здѣсь... Прекрасно на родномъ Цевельскомъ озерѣ щукъ ловить и съ бариномъ въ лодкѣ утокъ бить. Господа хлопчуть о земляхъ въ Сибири, пускай себѣ и ѣдутъ туда. Моя земля—не завоеванная лошадь, а трудомъ нажитая. Какъ же такъ разстаться съ ней и ѣхать не знамо куда? Солнышко вездѣ одно, и Сибирь тоже нашего царя, да родительскія могилы здѣсь, а не въ Сибири... Грусть тамъ. И солнышко сибирское восходитъ не въ одно время съ нашимъ, и не научусь я по немъ работать и вовремя спать.

Съ глубокимъ недовѣріемъ отнеслись крестьяне къ переселенческому дѣлу и, очевидно, нисколько не вѣрили тому, что оно поможетъ имъ.

Вѣра въ собственные вымыслы и здѣсь не покидала ихъ.

— За что же насъ переселять въ Сибирь, а господамъ на родинѣ жить?—спрашивали они.—У меня пять пальцевъ, а какой ни укуси—все равно больно... Такъ и мы для царя. Всѣ равны, всѣ его дѣти. Служимъ ему, что свѣча передъ Богомъ, или жена—мужу... Что господамъ, то и намъ... Имъ мила родная сторонка—и намъ тоже. Править работой кому-нибудь надо, а и безъ работниковъ жить нельзя. Если намъ безъ богатыхъ господъ не жить, то какъ же имъ-то безъ мужиковъ жить?

Угрюмо за всѣхъ отвѣтилъ престарѣлый крестьянинъ, вернувшій на минуту въ избу:

— Если бы остались богатые, то всѣ и Бога забыли бы... А мужика и Господь любилъ, и царствіе небесное обѣщаль бѣднымъ.

— Этого никто не знаетъ, старикъ, что тамъ кому будѣ,—отозвался одинъ изъ молодыхъ парней грустнымъ тономъ.

— Какъ неизвѣстно?—переспросилъ старикъ.—У меня есть книга, гдѣ все сказано, что съ нами окажется послѣ смерти и какъ мы будемъ жить: кто съ Авраамомъ, а кто съ чортомъ.

Они повели разговоръ о загробной жизни, но я перебилъ ихъ:

— Земли поступятъ на продажу черезъ крестьянскій банкъ... Будете покупать-то?

— Чего жъ не купить? У кого деньги имѣются—знамо купить.

— А и всѣ покупаютъ черезъ банкъ,—закричали голоса.—Да платить долги какъ будутъ? Мы и пособія беремъ и деньгами, и хлѣбомъ, и землю купимъ на банковскія деньги,—а хватить ли силъ разобратъся съ казной? Знаешь самъ наши доходы...

— Да, не велики,—согласился я.

— Вотъ,—перебили они меня,—Тимоѳеѣй изъ Мошницы купилъ землю въ Новомъ черезъ банкъ, а все боится сносить изъ Мошницы въ новыя мѣста амбары и сараи... «Какъ бы не пришлось опять вернуться въ старую избу?»—говорить.—Работаешь на одни проценты, а капиталу нисколько не уплачиваешь. Купилъ землю, а платить не подъ силу... Не подъ силу! И сыновъ много для работы, а не въ силу»...

Мысли наиболѣе вдумчивыхъ крестьянъ о землеустроительныхъ покупкахъ черезъ банкъ и возможности разоренія раздѣляютъ и интеллигентные люди Псковской губерніи.

Въ первыхъ номерахъ новой газеты «Псковская Жизнь» говорится о томъ, какъ мѣстный мужикъ совершенно ошалѣлъ съ покупкой земли и какъ на жадности мужика построены всѣ расчеты эксплуататоровъ. Всюду стала наблюдаться одна и та же картина. Колупаевъ «заламывалъ» цѣну, мужикъ лѣзъ въ банкъ и просилъ на свою шею «тышши», а тамъ накладывали на мужика путы.

«Система» эта въ особенности пышно расцвѣла съ введеніемъ землеустроительныхъ комиссій, когда въ деревню устремилась цѣлая свора разныхъ дѣльцовъ и спекулянтовъ, начавшихъ скупать дворянскія имѣнья съ цѣлью передачи ихъ, при посредствѣ крестьянскаго банка, мужикамъ. Такъ боровые пески въ имѣніи Вырвича при покупкѣ банка превратились въ суглинокъ и пошли по тройной цѣнѣ (32 тыс.), благодаря чему имѣніе это сѣло на шею казнѣ. Около станціи Пыталово въ Островскомъ уѣздѣ нѣкимъ Русаковымъ была куплена кудиновская лѣсная дача площадью десятинъ 600. За дачу Русаковъ заплатилъ 50 т. руб., т. е. примѣрно по 85 руб. за десятину. Лѣсъ вскорѣ былъ проданъ на срубъ, при чемъ стоимостью своей почти цѣликомъ покрылъ покупную цѣну дачи. Землю изъ - подъ лѣса, представлявшую сплошное пространство, покрытое торчащими пеньями, предприимчивый купецъ разбилъ на 14 участковъ и предложилъ купить, съ помощью банка, окрестнымъ мужикамъ. Цѣну на землю онъ

назначилъ тройную: вмѣсто 50 р. за десятину, что въ лучшемъ случаѣ стоитъ вырубленная, но неокорчеванная земля, Русаковъ заломилъ 150, 200 и болѣе рублей. Мужикамъ такую несообразность онъ объяснилъ тѣмъ, что отъ мужичковъ-де въ такомъ случаѣ доплаты не потребуется, такъ какъ, молъ, онъ—ихъ благодѣтель—вполнѣ удовлетворится тѣмъ, что получить съ банка.

Когда запродажная запись была совершена,—продолжаетъ газета,—Русаковъ, къ удивленію крестьянъ, предложилъ подписать арендные съ нимъ контракты, въ которыхъ вся площадь пеньевъ была показана пашней и покосомъ, приносящимъ въ общей сложности около 3.000 рублей дохода.

Тщетно доказывали мужики Русакову, что объ арендѣ такой земли прямо-таки смѣшно и говорить. Но купецъ стоялъ на своемъ и пояснилъ недогадливымъ людямъ, что дѣлается это имъ исключительно для банка, которому необходимо показать раздѣланную землю, а что съ ними условія эти совершаются, такъ сказать, для одной видимости. На этомъ дѣло и покончили.

Пока бумаги о согласіи на покупку ходили въ губернію и пока ихъ тамъ разсматривали, крестьяне по предложенію Русакова распродали всѣ свои постройки на надѣлѣ, собрали, какія были, пожитки и переселились на пустошь.

Когда выѣхавшій отъ банка оцѣнщикъ осмотрѣлъ землю и убѣдился, насколько планы, представленные Русаковымъ, не соответствуютъ дѣйствительности, онъ не только отказался оцѣнивать землю, но прямо посовѣтовалъ мужикамъ бросить всю эту затѣю и не лѣзть зря въ петлю.

Но, къ сожалѣнію, совѣтъ былъ уже запоздалымъ. Связь съ родной землей была порвана, къ старому не было возврата и, въ случаѣ ссоры съ Русаковымъ, крестьянамъ грозило полное разореніе. А тутъ еще арендные контракты связали ихъ по рукамъ и по ногамъ. Приходилось волей-неволей соглашаться на дальнѣйшія продѣлки Русакова. По указанію его, крестьяне подали въ банкъ новое заявленіе, въ которомъ просили прислать второго оцѣнщика. Просьба была уважена, и на сцену появился чиновникъ г. В. Этотъ господинъ рѣшилъ судьбу крестьянъ, можно сказать, въ полчаса, и земля была оцѣнена ровно во столько, во сколько того хотѣлъ г. Русаковъ.

Но оцѣнка была сдѣлана настолько высоко, что петербургскій центральный банкъ, куда, согласно устава, поступило на утвержденіе представленіе псковскаго отдѣленія банка, не нашелъ возможнымъ согласиться съ такой оцѣнкой земли и предложилъ Русакову понизить продажную цѣну. Послѣдній, по крайней мѣрѣ на словахъ, согласился понизить стоимость десятины на 10 рублей, о чемъ, по наущенію опять-таки его, Русакова, крестьяне подали соответствующее заявленіе въ центральный банкъ. Въ результатѣ

банкъ призналъ условія приемлемыми, и ссуда подъ землю, въ размѣрѣ 70 слишкомъ тысячъ, крестьянамъ была разрѣшена.

При совершеиіи купчей во Псковѣ Русаковъ отперся отъ своего согласія сбавить 10 рублей на десятину и, вопреки устава банка, взялъ на всю эту сумму съ крестьянъ векселя. Но мало того. Теперь, когда уже денежки лежали въ карманѣ, Русаковъ вспомнилъ про арендные контракты и рѣшилъ взыскать заодно уже и тѣ 3.000 рублей, что фиктивно были выставлены въ контрактѣ... Но тутъ наконецъ чаша крестьянскаго терпѣнія переполнилась, и, какъ слышно, мужики рѣшили бороться съ своимъ «благодѣтелемъ» не на шутку. Исторія этихъ злключеній еще не имѣетъ конца, но не трудно предугадать, чѣмъ все это кончится. Либо казна потерпитъ убытки, либо крестьяне будутъ разорены.

Къ характеристикѣ дѣятельности псковскаго поземельнаго банка слѣдуетъ упомянуть упорные слухи о томъ, что землевладелецъ Львовъ, продавшій казнѣ свое имѣніе «Гора» въ Ново-ржевскомъ уѣздѣ, не получаетъ правильнаго расчета съ банкомъ, а управляющій имѣніемъ, поставленный туда банкомъ, погноилъ и хлѣбъ, и солому, благодаря тому, что, прибывъ съ юга, онъ молотилъ рожь въ сыромъ видѣ, по южному способу...

Въ мѣстныхъ газетахъ дѣятельность банка приравнивается къ «банковой лидваліадѣ», вызвавшей уже ревизію банка.

III.

Толки о казенной и поповской землѣ.—Латыши и «природные календари».

Собравшіеся ко мнѣ въ охотничій домикъ мужики долго говорили между собой о разрѣшеніи покупать имъ земли черезъ крестьянскій банкъ.

Болѣе любознательные изъ нихъ спрашивали, какъ много въ казнѣ свободной земли, другіе, читавшіе газеты, резонерствовали весьма основательно:

— Если прежняя аренда казенной земли стоила 3 рубля за десятину, а купить надо во многихъ мѣстахъ Россіи по 200 и 250 рублей за десятину, то не получитъ ли казна съ вырученной за землю суммы гораздо большій процентъ съ мужика, чѣмъ его прежнія арендные деньги?

Было совершенно ясно, въ чемъ тутъ дѣло, но мужики хотѣли слышать отъ меня подтвержденіе ихъ выводовъ.

Я промолчалъ.

Наиболѣе догадливый изъ нихъ, Кузьма Хромой, повелъ рѣчь издалека:

— Въ нашей губерніи такихъ и земель нѣтъ... Развѣ что казна, купивъ огромное имѣніе «Гору» съ лѣсомъ у предводителя

дворянства Львова, передасть землю крестьянамъ. Слушокъ такой у насъ... А вотъ, баринъ,—воскликнулъ онъ,—что съ поповскими землями стануть дѣлать? Зачѣмъ нашему духовенству земля? Жалованье ему полагается по крестьянству достаточное, за требы священники берутъ съ насъ деньгами и пирогами... Жить съ этого можно по деревенскому. Зачѣмъ имъ пахота? И жалованье, и земля, и воля у попа... Кому же такое царствованіе? На попа да на лѣшаго нѣтъ и суда... Попа будутъ черти судить на томъ свѣтѣ!. Какъ же это такъ?

Я постарался пропустить мимо ушей и этотъ вопросъ.

Мужики разсмѣялись надъ моею сдержанностью и сочувственно отозвались:

— «Ошибить» Кузьма хотѣлъ тебя...—Думалъ, не обмахнешься ли какъ...

— Да нѣтъ,—послышался и бабій голосъ въ избѣ:—этотъ баринъ не много наболтаегъ. У него съ языка и черносотенецъ не высосегъ слова. Свой умъ надо держать въ своей головѣ, а не хватать имъ зря.

Они продолжали острить надъ Кузьмой:

— Лучше спроси еврея о поповской землѣ. Тотъ все скажетъ, а баринъ самъ хочетъ дознаться у насъ... Не онъ насъ, а мы его учимъ... Онъ ума пытается у насъ и дороги спрашиваетъ у мужиковъ.

— Какой такой еврей?—полюбопытствовалъ я.

— Такая промежь насъ поговорка... Если чего не знаешь—иди къ еврею: тотъ все до тонкости покажетъ... Заспорили разъ мужики о грѣхахъ: можно ли ѣсть яблоки до 6-го августа? Спорили—вотъ что теперь о поповской землѣ...

— Ну, что жъ далѣе?—перебилъ я.

— Заспорили мужики и порѣшили итти къ еврею... «Яблоки можно во всякое время ѣсть, если спѣлыя», сказалъ онъ.

Всѣ мужики противъ него, а онъ опять свое:

— Табакъ грѣшнѣй курить, чѣмъ яблоки ѣсть. А вы круглый годъ дымите горло себѣ табакомъ... Табакъ проклятъ, и тотъ, кто занимается имъ, тоже проклятъ. Вотъ блудникъ и разбойникъ, идя въ храмъ, оставляетъ дома кто подружку свою, а кто топоръ, но табачникъ и въ храмъ идетъ съ табакомъ. Это ли не грѣшнѣе яблоковъ? Кто курить табачокъ, тотъ—чортовъ мужичокъ...

Они продолжали рассказъ о томъ, какъ имъ пришлось согласиться съ евреемъ о яблокахъ, несмотря на то, что священники въ церквахъ запрещаютъ ѣсть яблоки ранѣе указаннаго въ писаніи срока.

Максимъ съ неудовольствіемъ перебилъ присутствующихъ:

— Что бабы-ласкатухи, то и вы. Ну, чего хвастаете чужимъ умомъ? Вотъ и еврей построилъ у насъ около деревни Ломы

стеклянный заводъ, а съ рабочими не поладилъ, и полиція ловить стала ихъ...

— Народъ набрался изъ Риги туда работать,—таинственно отозвался Кузьма, объясняя этимъ аресты многихъ рабочихъ на заводѣ.—Изъ-за платы вышло у нихъ съ хозяиномъ... Изъ-за платы захлопотали.

— Можетъ, изъ-за харчей?—переспросилъ Максимъ, любящій повкуснѣе покушать.

— Ту-у-у,—перебилъ Кузьма убѣжденно.—Мужикъ—не собака: все съѣсть.

— Рабочему человѣку надо хорошо ѣсть,—не соглашаясь говорилъ Максимъ.—Не кнутомъ, а овсомъ погоняй лошадь.

— Не тотъ конь, Максимушка, хорошо ѣсть, который пашетъ въ полѣ, а который въ стойлѣ стоитъ.

— А и дуракъ тотъ, который кормитъ его,—обиженно отвѣтилъ Максимъ.—Это не крестьянинъ... Ты корми животину, которая намъ хлѣбъ даетъ, да новой земли прикупай...

— Да мы купимъ на банковскія деньги,—съ отчаяніемъ крикнуло большинство мужиковъ.—Начальство у насъ ласковое... Такъ тепло и одѣваетъ, чтобы мужики покупали у него землю. Купить—мужикъ купить, да потомъ за долги и отберутъ ее отъ насъ... И прежде такъ было въ банкѣ, и послѣ будетъ... У насъ нѣтъ ни денегъ за малый процентъ, ни навозу для земли, ни умѣнья... Темные люди. Вотъ латыши-то, что поселившись у насъ въ лѣсахъ,—всѣ грамотны и всѣ при деньгахъ. Посмотри-ка, что у цевельскаго еврея въ селѣ сдѣлалъ латышъ: гдѣ прежде за домомъ сѣяли картофель, онъ тамъ къ дикимъ яблонямъ привилъ по десятку хорошихъ сортовъ и развелъ садъ. Огородилъ его и не налюбуется: за одинъ годъ на аршинъ отростки выросли, а у которой яблони ранѣе привито—такъ вѣтки гнутся отъ яблоковъ. Хоть торгуй ими на цевельскихъ ярмаркахъ, хоть самъ кормись цѣлый годъ. Всякіе сорта имѣются: и сладкіе, и зимніе... А наши парни пріѣдутъ въ Дупло съ заработковъ изъ Питера и спрашиваютъ отца:

— Гдѣ умываются-то у васъ?

— А гдѣ стоишь, тамъ и мойся...

— А гдѣ моя шапка?

— Твоя шапка? Видно, кто изъ ребятъ захватилъ... Надѣвай и ты, которая придется по головѣ.

— А гдѣ спать ложатся?

— А гдѣ придется: сегодня на лавкѣ, завтра на печкѣ, а послѣзавтра въ сараѣ...

— Не раздѣвшись не ляжешь...

— Ишь ты, съ капризами пріѣхалъ! Нешто ты баринъ, чтобы раздѣвшись спать?.. Мы такъ, въ иную пору, въ мокрыхъ валенкахъ да въ шубѣ, свернемся гдѣ попало, и спимъ до пѣтуховъ...

Крайне первобытно устроена жизнь крестьянина въ этой глухой моховщинѣ, и, кажется, все было сдѣлано, чтобы сюда не проникъ лучъ знанія.

«Тарасъ на одинъ глазъ—атаманъ всей деревни»... Въ избѣ у него «дупельскій клубъ», куда молодые люди съ окрестныхъ деревень каждое «праздничное» собираются на гулянку.

— Идутъ парни туда,—говорятъ старики:—чтобы въ грѣхъ вводить одинъ другого и осмѣять. Скажетъ парень что-нибудь не такъ,—ну, сейчасъ его и на смѣхъ... «Ты не умѣешь сказать. Еще каша во рту, а съ дѣвкой хочешь гулять...» Въ избѣ всѣ надъ нимъ ха-ха, а онъ, гляди, кого и хватить: либо гирькой, либо псковской «песоцыной» фунтовъ въ пять вѣсу... Каждый мужикъ у насъ—природный календарь и чувствуетъ отбитыми боками перемѣну погоды... Природные календари!

IV.

Мартыниха.—Маленькіе Ломоносовы.—Природные таланты.

— А все образованіе,—восхищенно воскликнулъ Максимъ изъ Черемши, когда разговоръ вновь зашелъ о латышахъ, и тутъ же онъ грустно перебилъ самого себя:—да у насъ не съ чего образованію-то быть... Поди-ка, въ нашемъ краѣ найди по близости школу: въ Марыняхъ учителя водку любятъ пить, а къ намъ, къ Черемши, да къ Жарамъ нѣтъ и совсѣмъ школъ. Недавно въ Боровичахъ построили церковную. Спасибо, что Мартыниха у объѣзднаго показываетъ дѣтямъ азбуку... Да она латышка и сама чуть по-русски знаетъ... А такая хорошая женщина: всѣ ребята изъ Крутца, Трахнова и Большого Бора бѣгутъ къ ней, чтобы она показала имъ буквы... Сергунька-то у Степана, въ Крутцѣ, читать научился черезъ нее, да еще въ Борахъ одному мальченку тоже далась грамота... Тамъ и не видѣли отродясь грамотныхъ ребятъ... Знаешь, какой глухой край?.. Лѣтомъ къ нему на кладкахъ надо итти и все время глядѣть, чтобы не упасть съ бревна и не утонуть въ болотѣ, а зимой и лошадь вязнетъ по брюхо по малоѣзженнымъ снѣжнымъ дорогамъ. А ребятамъ нипочемъ: бѣгутъ себѣ къ чухонкѣ за буквами да покрикиваютъ всю дорогу—кто какую изъ нихъ букву знаетъ и какъ ее писать по снѣгу пальцемъ...

— Правда Максимова! Правда!—подтвердилъ крестьянинъ изъ того края.—Такая она для насъ женщина, что многіе скажутъ ей спасибо. Ребята такъ и просятся къ ней... Зимой день короткій, а ребята до свѣту соберутся и бѣгутъ къ Мартынихѣ. Валуется дальней дорогой и буквы выводятъ по снѣгу. Иной забавникъ заморозитъ какую букву и въ избу принесетъ... Показываетъ... Другихъ ребятъ учить.

Трогательно было слушать эти простыя рѣчи о томъ, какъ идетъ въ медвѣжьихъ уголкахъ нашего отечества народное просвѣщеніе, и какіе Ломоносовы таятся въ крестьянскихъ дѣтяхъ.

Вспомнилъ я Николая Семеновича Лѣскова, который такъ болелся при всеобщемъ и обязательномъ образованіи въ Россіи за судьбу этихъ маленькихъ Ломоносовыхъ, плохо одѣтыхъ, бѣгущихъ на утренней зарѣ по зимнимъ дорогамъ въ отдаленныя школы, несмотря на морозъ, вьюгу и голоднаго бродячаго волка...

Жизнь, однако, умѣетъ побѣдить теоретическія предубѣжденія: не было случая, чтобы маленькіе герои просвѣщенія замерзали на дорогѣ, хотя нерѣдко они тонули въ снѣгу; не было случая и нападенія на дѣтвору изголодавшейся волчицы съ ея ревнивыми кавалерами, хотя въ извѣстную пору года мнѣ, ружейному охотнику, приходилось облавой разстраивать «волчьи свадьбы».

Народъ, у котораго дѣти ищутъ просвѣщенія среди ужасающихъ условій ихъ школьной жизни, не можетъ не имѣть славнаго и великаго будущаго,—думалъ я, посматривая изъ окна избы на улицу, гдѣ маленькій пѣтушокъ храбро наступалъ на глупаго гуся и обратилъ его въ постыдное бѣгство.

На улицѣ раздались веселые голоса дѣтей.

— Залетитъ онъ гусаку на спину и деретъ его съ перьями...

— Не отбить ни съ чѣмъ... Пройти не даетъ цѣлой стаѣ гусей по деревнѣ.

— Такой озарной пѣтушокъ... что полиція, а мужики—что гуси.

«Довольно образно», подумалъ я, прислушиваясь къ тому, какъ переговаривались дѣти.

Въ это время со двора богатаго сосѣда показалась семья индюшекъ.

Тотчасъ же Мишка, семи-восьми лѣтъ мальчуганъ, началъ дразнить индюка, подражая голосомъ ему и его подругѣ: «Пойдемъ гулять! Пойдемъ гулять!» А индюшка въ отвѣтъ: «Федоръ Федоровичъ, сапогъ нѣтъ! сапогъ нѣтъ!»

— У, баловники,—прикрикнулъ на нихъ хозяинъ птицъ, замахнувшись хворостиной.

Дѣти испуганно побѣжали къ моей избѣ и смиренно усѣлись подъ окномъ. Къ нимъ присоединились изъ сосѣдняго села дѣти петербургскаго чиновника, проводившаго здѣсь лѣто на дачѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ, какъ тотъ же чумазый Мишка сталъ допрашивать франтоватыхъ собесѣдниковъ не болѣе, не менѣе, какъ о томъ, «откуда что все берется на бѣломъ свѣтѣ».

— Ребятъ въ деревнѣ больше, чѣмъ индюшатъ у сосѣда Мирона... Ну, птица, извѣстно, выводится изъ яйца, а человѣкъ-то какъ?

Господскій мальчикъ, годомъ моложе, убѣжденно замѣтилъ:

— Всегда папа говоритъ, что, когда наша мама хвораетъ, то приходитъ докторъ, и когда она выздоровѣетъ, докторъ даритъ ей мальчика или дѣвочку.

Отвѣтъ барчука чрезвычайно поразилъ Мишку, и тотъ съ недоумѣніемъ спросилъ:

— Да докторъ-то откуда бере ихъ?

Старшій барчукъ нахмурилъ брови и вдругъ гнѣвно закричалъ:

— Въ какую воду ни брось тебя, ты все наверхъ... Откуда растенія, оттуда и люди. Тебѣ и знать-то этого не надо. Тятка твой пьяница, полоса не засѣяна, а самъ ты гоняешься въ полѣ со скотиной... Не надо тебѣ и знать, по твоему хозяйству, многого.

— Да и ты не больно нуженъ Богу, а онъ все-таки создалъ тебя,—обиженно отозвался Мишка и пересталъ говорить съ нимъ.

Я съ восхищеніемъ смотрѣлъ изъ окна на маленькаго философа и поманилъ его пальцемъ къ себѣ.

Мишка весело прибѣжалъ въ избу и тотчасъ же уставился черными глазами на мой чемоданъ.

Всѣ мужики громко засмѣялись.

-- Видно, онъ знаетъ, гдѣ у барина конфеты... Повадилъ ты ихъ,—продолжали мужики.—Сбаловалъ нашихъ ребятъ... Теперь они стерегутъ тебя въ воротахъ и не пустятъ проѣхать, если не дашь имъ гостинца.

— Старые мои знакомые,—сказалъ я:—при мнѣ родились и выросли.

— Да-а, который ужъ годъ ты ѣздишь къ намъ... Всѣмъ краемъ одобряемъ тебя.

— Ну, спасибо,—отозвался я, и сейчасъ же спросилъ Мишку:— учиться ты будешь эту зиму, или побоишься волковъ ходить къ чухонкѣ?

— Ту-у,—закричали мужики.—Этотъ малецъ одинъ всю ночь лѣтомъ сторожитъ коней... А только недавно эту моду въ грамоту завели у насъ.

— А развѣ худо?

Большинство присутствовавшихъ смолкло, но нашлись и среди нихъ консерваторы.

— Мы не господа, чтобы читать книги, — сказали они. — Авраамъ-то и безъ грамоты—сказывалъ въ церкви священникъ—въ такое мѣсто попалъ на томъ свѣтѣ, что и съ грамотой не попасть.

— Ну, Мишка, не слушай ихъ,—перебилъ я.—Учись себѣ—веселѣй будетъ и въ избѣ.

Меня поддержали въ толпѣ болѣе молодые крестьяне.

— Старина-то темная ночь... Какъ же можно?.. Съ грамотой-то куда лучше... Мало ли, что священникъ говоритъ про Авраама. Подожди еще нѣсколько годовъ, такъ и всѣ мужики будутъ гра-

мотны. Мужикъ, что быкъ: одна пара. Упрямятъ и дойдетъ, до чего ему надо. Это не солдатъ и собака: куда ни пошли ихъ—побѣгутъ, и что ни скажи—всему повѣрятъ...

Я съ удовольствіемъ слушалъ эту образную рѣчь моихъ друзей по охотѣ и не сомнѣвался въ томъ, что всѣ они—природные таланты.

V.

Волюшка—«вторая кровь».—«На—мое... Возьми пожалуйста».—Проѣрка чужихъ кармановъ.

Долго перекорялись мужики между собою. Но солнце стало спускаться къ лѣсу, и мой егеръ Моховикъ торопливо заговорилъ объ охотѣ:

— Надо поспѣть на Тимохины десятины за «Мошницей»... По зарямъ туда выбираются тетерева со мховъ... Гляди, и захватимъ какой выводокъ въ десятинахъ. Трава тамъ около кустовъ густая и мудренаго нѣтъ, что тетерева подпустятъ насъ на выстрѣль.

Я сталъ быстро одѣваться, но Максимъ успокоительно замѣтилъ:

— Успѣешь! У насъ не дѣти, чтобъ торопиться... Моховой—крутой человѣкъ... Ты на него не гляди. Отдохни съ дороги малость.

— Коли тутъ отдыхать?—закричалъ Моховикъ, вырывая изъ его рукъ подушку.—Приѣхалъ, братъ, на охоту, надо сонъ забыть.

— Только воры мало спятъ,—сострилъ Максимъ.

Моховикъ напустился на него съ крикомъ, показывая на солнце, которое спускалось къ горизонту.

— Покуда дойдемъ до «Мошницы», солнце за лѣсъ сядетъ... Ночью, что ли, будешь полахать тетеревей?.. Бѣсъ тебя задави!

— Здоровъ ругаться,—отвѣтилъ гевозмутимо Максимъ.—Это все такъ передъ смертью.

— А ты колдунъ, что ли? Нешто знаешь часъ воли Божіей?

— Правду тебѣ говорю... Затѣмъ и баринъ беретъ меня на охоту. Для правды.

— На людей-то ты ловокъ правду показывать, а какъ-то самъ-то.

— Спрячь Богъ мою душу, если я вру,—продолжалъ Максимъ.— Всякій человѣкъ передъ смертью и передъ болѣзнью злѣе становится и на людей ругается зря, какъ ты... Ну, къ чему ты бѣса зовешь на меня?.. Сердитый человѣкъ самъ себя не любя...

— А смерть не люблю опаздывать на охоту. Погуляютъ тетерева въ десятинахъ и улетятъ на ночь въ другое мѣсто... Теперь, братъ, они уже табуянтся... Осень на дворѣ.

Максимъ также воодушевился его словами и, выходя изъ избы, запѣлъ на улицѣ про крестьянскую дѣвушку:

Долго въ полюшкѣ гонялась—
Много волюшки набралась...

— О-о, Максимъ, какъ!—похвалили мужики.—Играй веселѣй... На все его хватаетъ... Гожь куда хошь. И на охоту, и плясать умѣетъ.

— Онъ былъ и воръ, и дворъ: съ ворами воруетъ, а съ честными людьми во дворѣ пируетъ,—сострилъ Моховикъ по тому же адресу.

Но Максимъ никого не слушалъ, а шель торопливыми шагами впереди всѣхъ и пѣлъ счастливымъ голосомъ уже про самого себя:

Былъ я малешенекъ,
Былъ я глупешенекъ...
Въ полюшкѣ гонялся—
Волюшки набрался...

— Ишь ты, какъ его «волюшка»-то забираетъ... Будто красавица поглядѣла на него,—угрюмо проворчалъ Моховикъ, не любящій шумливыхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ водку пить.—У самого старость, а его забираетъ ярость.

— А все волюшка,—крикнулъ Максимъ, услышавъ замѣчаніе.—Добро! Точно напился виномъ... И волюшка, и красавица человѣка дѣлаютъ моложе... Вторая кровь!

Моховикъ сердито закричалъ на него, замахиваясь кулакомъ:

— Былъ бы поближе ко мнѣ, такъ тебя, бѣса, и отсоборовалъ бы.

— Чего орешь-то, какъ недойна корова?—спросилъ тотъ, обернувшись.—Если уважаешь меня, то языкъ долженъ спрятать.

Моховикъ презрительно перебилъ:

— Мнѣ ты дешево стоишь. На одну лошадь сѣна не можешь на зиму накопить... Самого съ голодухи воздухомъ валить, а волюшки просишь у Бога.

— Жилъ въ горѣ—хочу пожить на волѣ,—отозвался тотъ, замедля шагъ и равняясь съ охотниками.

Разговоръ сдѣлался общимъ и скоро перешелъ на политическую тему.

— Соберется третья дума, а земли она не дастъ мужикамъ,—грустно разсуждали мои спутники.—Собраны будутъ господа, которые ни голоду, ни стужи не видали... А гдѣ же такого помѣщика найдешь, который сказалъ бы мужику: «На—мое... Возьми, пожалуйста!»

Степанъ изъ Крутца, самый консервативный крестьянинъ, въ особенности удивлялся тому, что министры собираютъ государственную думу.

— Не умѣютъ они упаковать (угодить) на государя нашего,—воскликнулъ онъ.—У дѣдушки его «министеры» порѣшили дать кре-

стьянамъ нарѣзной земли и воли... И безъ государственной думы дали! А нонѣ и съ думой даютъ намъ покупную землю. Государь лучше бы одинъ думалъ, какъ его дѣдушка... Неужели ему своимъ умомъ не обдумать?

— Почему же ты не хочешь помогать государю?—перебилъ его кто-то изъ спутниковъ.—Посылай въ думу хорошихъ выборныхъ и хлопочи о землѣ...

— Нельзя землю дать,—откликнулся онъ насмѣшливо.—Вѣкъ пользовались ею господа, а другимъ нельзя... Въ городѣ жалованье имъ идетъ, а въ деревнѣ—земля. А развѣ мы не всѣ дѣти одного царя?

Встрѣтивъ себѣ сочувствіе, онъ продолжалъ:

— Землю взять нельзя, а дѣтей отъ отцовъ отобрать можно?.. Добрый манифестъ... Теперь отцу съ матерью дѣлать нечего съ дѣтьми. Дана имъ воля и свобода у начальства. Взялъ сынъ паспортъ и пошелъ въ отпускъ! Драть его нельзя въ волости, а кормить онъ не хочетъ родителей... То его не печалитъ, что со временемъ онъ самъ состарится и некому будетъ и его кормить. «А и намъ такъ, какъ тебѣ», говорятъ нонѣшніе сыны своему батькѣ. Можетъ, еще мы и до старости не доживемъ, а теперь надо нагуляться вволю и все свое взять... А чего не хватить, поѣдемъ за тѣмъ въ Питеръ. Тамъ не найдешь только батьки съ маткой, а то все чисто есть... Что за бѣда, если изъ Питера и въ Сибирь угодишь? Тамъ тоже бѣлая жизнь... Это вы, старики-дураки, жили на своей сторонѣ, а сыны ваши умны. Все хотятъ жить, гдѣ солнце прячется за лѣсъ...

Разсужденія Степана о молодомъ поколѣніи были прерваны замѣчаніемъ Моховика о томъ, что пора разойтись и итти на мохъ...

Черезъ нѣсколько минутъ наши собаки потянули къ островкамъ, находящимся среди болотъ, и мы всѣ забыли о политикѣ...

— Въ тетеревахъ хожено,—шопотомъ указалъ Моховикъ на слѣды птичьихъ ногъ и въ ту же минуту, вскинувъ ружье къ плечу, мѣткимъ выстрѣломъ вышибъ изъ вырвавшагося сбоку выводка черныша.

Вскорѣ мы подняли новый выводъ и уже поздно вернулись въ Дупло.

Черезъ день я сталъ собираться обратно въ Питеръ, общаясь быть здѣсь вторично на облавахъ.

— Дождать будемъ,—говорили крестьяне, провожая меня.—Можетъ, и расскажешь что-нибудь намъ о государственной думѣ. Будетъ ли какое положенье о землѣ-то? Поразузнай ты тамъ...

— Покупной земли сколько хочешь, а нарѣзной не будетъ,—крикнулъ рабочій, пришедшій въ деревню съ желѣзнодорожныхъ заработковъ.

- Да какъ же жить-то? Съ чего же кормиться-то?
- А не будетъ ничего...
- А мы тогда пойдёмъ «провѣрять карманы»...
- Что-о?
- Будемъ провѣрять карманы у господъ. Много ли денегъ припасено у нихъ?

Я добродушно засмѣялся, отлично понимая историческое происхожденіе мужицкаго остроумія по адресу господъ, всегда безслѣднаго, если власть изъ простодушныхъ «острослововъ» не сдѣлаетъ мучениковъ...

VI.

Среди учителей.

На возвратномъ пути въ Петербургъ я завернулъ въ одну изъ сельскихъ школъ и провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ въ обществѣ знакомыхъ мнѣ педагоговъ.

Наслушался я на урокъ съ дѣтьми о томъ, что «гласныя буквы—грозкія буквы» и что если въ словѣ одна гласная, то въ этомъ словѣ одна остановка; что твердый знакъ слышится твердо, а мягкій—не имѣетъ звука и т. д.

Очень насмѣшилъ меня мальчуганъ, котораго я спросилъ, будетъ ли онъ самъ учить мужиковъ грамотѣ...

— У меня братъ годомъ старше и знаетъ буквы, а станешь ему слова указывать, какъ читать ихъ, онъ кричитъ: вижу! вижу!..—А самъ на стѣнку глядитъ, а потянешь за ухо—на печку лѣзетъ...

— А пробовалъ и за ухо?

— Пробовалъ!—крикнули за него дѣти и тотчасъ же весело сострили:—онъ грозный: какъ увидятъ его овцы въ сараѣ, такъ всѣ отъ него въ уголь...

— Вотъ какъ!

— Да,—продолжали дѣтишки смѣяться надъ смущеннымъ мальчуганомъ.—Въ избу онъ придетъ, такъ кошка кричитъ ему: ты хозяинъ!

Мальчуганъ, видимо, давалъ поводъ шутить надъ своей бойкостью и не обижался на товарищей.

Послѣ урока въ живой бесѣдѣ съ учителями я познакомился и съ постановкою школьнаго дѣла въ уѣздѣ.

— Изъ докладовъ земской управы за многіе годы по народному образованію,—говорили они,—вы узнаете, что въ Новоржевскомъ уѣздѣ существуютъ земскія, министерскія и церковно-приходскія школы. Послѣднія школы мало популярны, вслѣдствіе и плохого помѣщенія, и плохихъ учителей, и зависимости отъ плохого духовенства, и односторонности исключительно религіозно-

нравственной программы и т. д. Въ докладахъ управы неоднократно говорилось, что раздѣленіе начальныхъ школъ по тремъ вѣдомствамъ ничего, кромѣ вреда, для дѣла не приноситъ. Передача ихъ всецѣло въ руки земства вмѣстѣ со всѣми средствами, ассигнуемыми на ихъ содержаніе, — единственно правильный путь разрѣшенія школьнаго вопроса и залогъ дѣйствительнаго будущаго преуспѣянія всѣхъ школъ. Земство, при всей скромности своихъ средствъ, не останавливалось никогда передъ расходами на начальное образованіе, тратя на него до 30 % своего бюджета, и сумѣло достигнуть того, что земскія школы во всѣхъ отношеніяхъ выдѣляются передъ школами другихъ вѣдомствъ. Важнѣйшій недостатокъ земскихъ школъ въ томъ, что земство устранено отъ составленія программы преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ и отъ завѣдыванія этой стороною, несмотря на то, что оно главнымъ образомъ содержитъ эти школы. Послѣднія до сихъ поръ должны держаться программъ, установленныхъ министерствомъ въ 1897 г., хотя жизнь указываетъ на необходимость ихъ пересмотра, напримѣръ, хотя бы въ отношеніи замѣны преподаванія языка церковнославянскаго чѣмъ-либо болѣе нужнымъ и примѣнимымъ въ жизни. Весьма полезными могли бы быть у насъ школьныя бібліотеки, если бы онѣ не страдали бѣдностью выбора книгъ, совершенно несоотвѣтствующихъ для взрослога населенія и потому не могущихъ замѣнить собою народныхъ бібліотекъ.

— Да и народныя бібліотеки, — прибавилъ я: — должны пострадать отъ недавняго циркуляра, полученнаго на дняхъ въ волостныхъ правленіяхъ съ предписаніемъ задерживать (не выдавать на руки) проходящія черезъ волостныя правленія перечисленныя на особомъ спискѣ періодическія изданія. Въ этомъ спискѣ помѣщено болѣе 300 названій періодическихъ изданій, выходившихъ въ промежутокъ времени съ 1905 года по настоящее время и хотя бы одинъ разъ подвергшихся какому-либо административному взысканію. Среди другихъ запрещенныхъ изданій, между прочимъ, значатся: «Русскія Вѣдомости», «Биржевыя Вѣдомости», «Товарищъ», «Русское Богатство», «Міръ Божій» и очень многія другія общеизвѣстныя изданія.

— Управа, — отозвались мои собесѣдники, — всегда жаловалась на то, что при незначительности средствъ народныхъ бібліотекъ большимъ тормозомъ къ расширенію ихъ полезной дѣятельности является недопущеніе въ нихъ многихъ сочиненій нашихъ лучшихъ писателей, а также многихъ періодическихъ изданій, и что вполне своевременнымъ было бы возбужденіе ходатайства со стороны земства передъ правительствомъ о допущеніи въ народныя бібліотеки всѣхъ разрѣшенныхъ цензурою книгъ и періодическихъ изданій. Изъ отчетовъ завѣдывающихъ бібліотеками ясно видно, что наибольшій спросъ существуетъ на книги беллетристическаго

содержанія и на газеты, а между тѣмъ заполненіе этихъ отдѣловъ и встрѣчаетъ наибольшія препятствія по существующимъ правиламъ. Несомнѣнно, что отмѣна стѣсненій благотворно вліяетъ на привлеченіе читателей въ бібліотеки, число которыхъ вообще мало возрастаетъ изъ года въ годъ.

На мое замѣчаніе о томъ, что въ тѣсной связи съ земскими бібліотеками и книжными складами стоитъ вопросъ о распространеніи книгъ въ народѣ, учителя сообщили мнѣ, также изъ officialнаго доклада, то, что на одномъ изъ учительскихъ съѣздовъ былъ поднятъ вопросъ о книгоношахъ и въ частности объ организаціи этого дѣла въ Опочецкомъ уѣздѣ, съ общими чертами которой ознакомилъ присутствовавшихъ инспекторъ народныхъ училищъ. Съѣздъ высказался за желательность введенія книгоноши и въ Новоржевскомъ уѣздѣ, какъ вообще въ просвѣдительныхъ цѣляхъ, такъ и въ цѣляхъ борьбы съ распространеніемъ тѣхъ жалкихъ и безграмотныхъ изданій разныхъ московскихъ фирмъ, которыя сбываются въ народѣ. Какъ выяснилось по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ опочецкой управы, главное затрудненіе состоитъ въ приисканіи хорошаго книгоноши; помимо добросовѣстности, необходимо съ его стороны еще и хорошее знаніе уѣзда и трудолюбіе. Въ вознагражденіе за свой трудъ онъ получаетъ 20 % съ вырученной имъ суммы, причемъ никакой гарантіи за цѣлость книгъ съ него не берется, если не считать расписки, которую онъ выдаетъ каждый разъ при полученіи изъ книжнаго склада книгъ. Опочецкому земству удалось приискать человѣка испытанной честности и прекрасно знающаго свое дѣло. Что касается книгъ, то распространяются книги всевозможнаго содержанія, одобренныя цензурою, за послѣднее время особенно большое мѣсто заняли книги, издаваемыя книгоиздательствомъ «Донская Рѣчь», заслуживающія самаго широкаго распространенія какъ по своему содержанію, такъ и по цѣнѣ. Кромѣ того, въ большомъ ходу книги, издаваемыя книгоиздательствомъ «Знаніе», и недорогія изданія классиковъ. Населеніе съ своей стороны начинаетъ дѣлать книжному складу черезъ книгоношу заказы на всевозможныя книги, и онъ охотно всѣ эти заказы исполняетъ. Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что семилѣтній опытъ дѣятельности книгоноши въ опочецкомъ земствѣ вполнѣ выяснилъ всѣ хорошія стороны этого дѣла при правильной организаціи его. Поэтому управа и предложила земскому собранію завести книгоношу въ Новоржевскомъ уѣздѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Опочецкомъ, тѣмъ болѣе, что дѣло это требуетъ сравнительно небольшихъ расходовъ лишь на вознагражденіе книгоноши въ суммѣ 120 руб. въ годъ.

Въ свою очередь мнѣ захотѣлось познакомить учителей съ исторіей книгоношества въ Россіи, и я сказалъ имъ, что родона-

чальниками книгоношъ были «лубчники». Какъ только въ народной средѣ распространилась грамотность, тотчасъ же появились лубчники: издатели-предприниматели и ихъ наемники; но, прежде всего, они тѣ же мужики, едва умѣющіе читать и писать.

Дѣйствительно, Морозовъ, напримѣръ, торговалъ лукомъ, колбасой и сайками. Затѣмъ онъ мѣняетъ занятіе и начинаетъ чеканить пуговицы на машинкѣ собственнаго издѣлія. Наконецъ, обзаведясь ручнымъ станкомъ, Морозовъ началъ дѣлать на лубкѣ картины.

Подоспѣла Крымская война — торговля картинами необыкновенно оживилась. Когда въ народѣ усилилось требованіе на книги, Морозовъ началъ печатать сказки, оракулы и житія. Теперь онъ — московскій купецъ, имѣетъ огромный каменный домъ, большую литографію, книжную лавку и т. д. («Запросы народа», А. Пругавинъ). Губановъ — былъ прежде коноваломъ, Сытинъ — простымъ приказчикомъ въ лавкѣ Шарапова, а теперь все это богатые люди, имѣющіе тысячные обороты. Книжная торговля ихъ и другихъ лубочниковъ сосредоточена болѣе въ Москвѣ, около Никольскихъ воротъ и историческаго «Пролома»; между тѣмъ Кузинъ и Шатаевъ живутъ въ Петербургѣ, но торгуютъ московскими изданіями. Въ чемъ же сила этихъ оригинальныхъ торговцевъ? Помимо любимаго народомъ яркаго внѣшняго вида книжекъ, дешевизны ихъ, сказочнаго, съ приключеніями содержанія, главная сила лубочниковъ заключается въ организациі сбыта въ видѣ коробейниковъ-офеней. Каждый изъ народныхъ издателей старается заручиться большимъ числомъ покупателей изъ офеней. Последнихъ они привлекаютъ къ себѣ всевозможными способами: широкимъ кредитомъ, трактирными угощеніями, подарками и т. д. Потерять офеней для лубочнаго издателя значитъ разориться. Главное мѣстожителство офеней во Владимирской губерніи, въ Ковровскомъ и Вязниковскомъ уѣздахъ (слобода Мстера) и въ Тульской губерніи, въ Алексинскомъ уѣздѣ. Закупивъ въ Москвѣ картинокъ, книжекъ, ленточекъ, пуговокъ, крестиковъ и т. п., коробейники проникаютъ въ самые отдаленные углы Россіи, неся трудъ тяжкій и небезопасный. Поэтъ Некрасовъ трогательно изобразилъ эту трудовую жизнь въ стихотвореніи «Дядюшка Яковъ» и «Коробейники». На бѣдняковъ-офеней въ зимнюю пору бываетъ жалко смотрѣть: въ трескучіе морозы, одѣтыя въ лохмотья, съ обмороженными лицами, насквозь прохватываемыя вѣтромъ, ихъ фигуры свидѣтельствуютъ слишкомъ краснорѣчиво объ ихъ горькой долѣ.

Кромѣ того, ихъ часто грабятъ по дорогамъ и даже убиваютъ. А между тѣмъ эти единственные носители книжнаго дѣла въ народѣ заслуживаютъ гораздо лучшей участи, чѣмъ быть въ кабалѣ у издателя-кулака, встрѣчая, притомъ, затрудненія по продажѣ и распространенію книгъ и картинъ въ массѣ.

Дѣятельность книгоношъ общества распространенія Св. Писанія въ Россіи полно высокаго самоотверженія. По одному изъ отчетовъ общества мы узнаемъ, что 1891 годъ засталъ книгоношу Г. въ Семирѣченской области, откуда онъ въ началѣ января направился въ Ташкентъ, распространяя книги въ сибирскихъ войскахъ и на китайской границѣ. Въ теченіе января въ той мѣстности имъ распространено 1,117 экз. Св. Писанія (на 282 р.). Достигнувъ Ташкента, онъ тотчасъ же направился въ Самаркандъ. Здѣсь, проѣзжая «голодною степью» ночью, встрѣтилъ онъ страшный снѣжный буранъ, сбился съ дороги и едва не замерзъ: онъ заснулъ въ кибиткѣ; ему снится, что онъ въ теплой комнатѣ и начинаетъ снимать съ себя верхнее платье,—въ эту минуту онъ, къ счастью, во время проснулся. По прибытіи его въ Самаркандъ, начались проливные дожди, размывшіе здѣсь Закаспійскую ж. д., повалившіе на землю телеграфные столбы и т. д. Но это не остановило Г., и въ началѣ марта онъ уже черезъ Каспійское море и Кавказъ возвратился въ Москву, распространивъ дорогой 400 экз. на 111 руб. Въ маѣ онъ уже опять идетъ въ Восточную Сибирь, на Витимскіе и Олекминскіе золотые прииски (Витимъ и Олекма—притоки р. Лены). Здѣсь распространено имъ 1,606 экз. Св. Писанія. Съ радостью принимались здѣсь книги. «Дай Богъ добраго здоровья вамъ и вашему обществу, которое заботится о насъ грѣшныхъ!» сказалъ, приобретаая отъ Г. книгу Новаго Завѣта, одинъ рабочій на Успенскомъ приискѣ, крестясь и цѣлуя крестъ на книгѣ. «Самъ Господь прислалъ васъ сюда, въ каторжное мѣсто! Покупайте и читайте, братцы!» громко приглашалъ другой рабочій своихъ товарищей, стоя самъ по колѣно въ водѣ на Воскресенскомъ приискѣ. Нельзя читать эти строки, не переносясь мысленно къ мѣсту дѣйствія и не вспомнивъ при этомъ слова Достоевскаго о первой книгѣ, прочтенной имъ на каторгѣ: «точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ», говоритъ онъ. Удивительно ли, что на приискахъ Витимской и Олекминской системъ книгоношу Г. встрѣчаютъ съ радостью и со слезами на глазахъ и раскупаютъ книги. Другой книгоноша Т. имѣлъ большой успѣхъ на заводахъ въ Петербургѣ, но гораздо меньше въ войскахъ въ Новгородѣ. На предложеніе его солдатамъ купить книги они отвѣчали: «У насъ есть, но мы не читаемъ,—куда солдату Евангеліе читать». Т. не разъ замѣчалъ, что даровая раздача Евангелія каждому солдату, безъ объясненія значенія этой книги, нецѣлесообразна. Т. поступаетъ иногда такъ: придя въ первый разъ въ какой-нибудь полкъ, гдѣ Евангелій у него не берутъ, какъ книгъ имъ неизвѣстныхъ, онъ имъ разъясняетъ ея значеніе и говоритъ: «Вотъ я дарю это Евангеліе вамъ всѣмъ, читайте вмѣстѣ». Это обращаетъ вниманіе на книгу, и она читается. И когда, спустя нѣсколько времени, опять придетъ въ тотъ полкъ, то, познако-

мясь уже съ содержаніемъ Евангелія, охотно покупаютъ его у книгоноши. Третья книгоноша—старушка Л.—просвѣщаетъ кадетъ, юнкеровъ и солдатъ Красносельскаго лагеря, убѣждая ихъ покупать Св. Писаніе: «Мудрость Евангелія подаетъ оружіе противъ врага».—«Въ школѣ читали, надоѣло уже!» отвѣчаютъ ей.—«Что читали, то забыли вы,—продолжаетъ она:—какъ хлѣбъ кушаете ежедневно, такъ и Евангеліе надо читать каждый день». Тогда стали покупать... Въ вагонахъ Балтійской ж. д. она обращается къ публикѣ 3-го класса: «Вотъ Св. Писаніе отъ общества!» Всѣ молчатъ. «Надо умѣть съ ними говорить,—замѣчаетъ она, передавая рассказъ.—Вотъ, дѣтупки хорошія, Евангеліе по 2 коп... купите... вѣдь это не сказку читать, а Евангеліе!»—«А ну, покажи, какое тамъ Евангеліе за 2 коп?» Разсматриваютъ.—«А это еще что у тебя?» И кончаютъ тѣмъ, что покупаютъ. На Александровскомъ рынкѣ, въ С.-Петербургѣ, по воскресеньямъ, она всегда имѣетъ хорошій успѣхъ. Народу тогда набирается множество: мастеровые, работники, крестьяне, барочники—всѣ, которые по буднямъ не свободны; оттого и идетъ она туда по воскресеньямъ изъ усердія къ дѣлу, вмѣсто того, чтобы пользоваться воскреснымъ отдыхомъ. Станетъ въ проходѣ и предлагаетъ свои книги. Четвертый книгоноша (тоже женщина) Н. распространяла книги по линиямъ желѣзныхъ дорогъ, и пятый книгоноша Т. занятъ исключительно приѣмомъ пожертвованій на дѣло общества въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Такимъ образомъ, дѣятельность книгоношъ общества распространенія Св. Писанія въ Россіи исполнена большого такта и энергіи. Трудно допустить, чтобы при этомъ условіи эта дѣятельность не была полезна темной массѣ и не возбуждала бы глубочайшаго сочувствія въ средѣ нашей интеллигенціи. Надо думать, что также были бы полезны земству и странствующие «садоводы-инструкторы» изъ сельскихъ учителей, какими они являются въ новоржевскомъ земствѣ въ видѣ «оспопрививателей» вмѣсто прежнихъ «бабушешниковъ» изъ отставныхъ солдатъ...

Изъ разговора съ учителями выяснилось, что странствующие учителя-садоводы уже существуютъ въ земствѣ. Садоводы-инструкторы, отправившіеся въ уѣзды, снабжены особой программой, по которой они должны, во-первыхъ, объѣзжать села и деревни для ознакомленія населенія съ правильными приемами посѣва, посадки и прививки садовыхъ растений, съ наилучшими способами ухода за садами и огородами, наиболѣе подходящими сортами и формами плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ и правильнымъ веденіемъ пчеловодства. Далѣе, учителя-садоводы должны посѣщать питомники и огороды при сельскихъ училищахъ и содѣйствовать заложенію новыхъ; наконецъ, они же обязаны дѣлать хозяйственно-экономическія описанія садовъ и т. д.

Я вспомнилъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ однимъ изъ нихъ, во время моихъ охотничьихъ странствованій по Псковской губерніи, мнѣ пришлось встрѣтиться, и я былъ очень радъ встрѣтить въ немъ не чиновника отъ министерства въ командировкѣ, а именно сельскаго учителя, въ нанковомъ костюмѣ, ситцевой внизу рубахѣ, черныхъ сапогахъ, съ картузомъ на головѣ, всего загорѣлаго и пыльнаго. Это былъ свой человѣкъ въ деревнѣ; его появленіе и разспросы не пугали крестьянина, хотя садоводъ-инструкторъ и жаловался на то, что крестьяне не привыкли къ даровымъ совѣтамъ, а тѣмъ болѣе даровому труду у нихъ въ саду или на пчельникѣ. Нѣкоторые изъ нихъ прямо отказывались отъ его трудовъ, ссылаясь на то, что они сами знаютъ свое дѣло, что подрѣзывать имъ деревья жаль и каждымъ сучкомъ они дорожатъ, что теперь страдная пора и нужно хлѣбъ убирать, и что, наконецъ, онъ считаетъ у нихъ деревья въ саду и колоды пчелъ за тѣмъ, чтобы потомъ наложить на все налогъ...

— Было бы болѣе довѣрія,—говорилъ садоводъ:—если бы въ инструкторы пошли подготовленные къ тому мѣстные сельскіе учителя, каждый въ своемъ уѣздѣ. А пришлому человѣку съ даровымъ трудомъ крестьяне менѣе довѣряютъ. Нехорошо также, что наша командировка совпала съ рабочимъ временемъ и въ деревняхъ иногда никого даже нѣтъ... Тѣмъ не менѣе,—прибавилъ онъ веселѣе:—поработавъ нѣсколько времени въ саду Дубровской школы, Новоржевскаго уѣзда, совмѣстно съ ея учителемъ, мы привлекли вниманіе крестьянъ. Въ праздникъ вся деревня перебивала въ саду, и многіе изъ крестьянъ тутъ же заявляли: «и я пойду, то же сдѣлаю у себя»...

На вопросъ о чтеніяхъ съ туманными картинами учителя прочитали изъ доклада управы то, что въ первое время открытія чтеній производство ихъ было стѣснено выполненіемъ разныхъ формальностей и необходимостью произносить ихъ подъ наблюденіемъ извѣстныхъ лицъ, что очень угнетало учащихся, ведшихъ чтенія, тяжелымъ сознаніемъ недовѣрія къ ихъ искреннему и безкорыстному желанію внести лучъ свѣта и знанія въ темную массу сельскаго населенія при помощи чтеній, рационально поставленныхъ. Въ настоящее же время учителю предоставлена значительная свобода въ этомъ дѣлѣ, и дозволены объясненія и даже изустная передача содержанія той или другой брошюры. Такимъ образомъ открывается возможность для посѣтителей чтеній слышать живое слово, несравненно болѣе интересное и понятное для мало развитого слушателя, чѣмъ обыкновенное, такъ сказать, казенное произнесеніе чтенія по книгѣ безъ необходимыхъ разъясненій не вполне вснхъ для крестьянина мѣсть, которыя встрѣчаются даже въ Тбшюрахъ, составленныхъ, какъ говорятъ, популярнымъ языкомъ. роакое пріятное и справедливое нововведеніе въ организациі народ-

ныхъ чтеній даетъ надежду, что учителя и учительницы вложатъ еще болѣе души въ это полезное дѣло и тѣмъ привлекутъ на чтенія еще большее число посѣтителей, которые будутъ являться не ради только интересныхъ картинъ, но и ради не менѣе интереснаго и полезнаго содержанія произносимыхъ чтеній-бесѣдъ.

— А чѣмъ вы объясняете, — спросилъ я, — многочисленные случаи рецидивовъ безграмотности въ населеніи?

— Это обстоятельство преувеличено. Повторительные курсы и провѣрочныя испытанія бывшихъ учениковъ земскихъ школъ не подтвердили значительныхъ рецидивовъ. Изъ доклада по этому вопросу видно, что больше всего забыть Законъ Божій, такъ что многіе изъ подвергнутыхъ испытанію не могли прочесть даже и повседневныхъ молитвъ, не говоря уже о другихъ, болѣе серьезныхъ отдѣлахъ этого учебнаго предмета. Позабыты также большинствомъ правила грамматическія и ариметическія, особенно дѣленіе, которое, по словамъ экзаменовавшихся, имъ никогда не приходилось дѣлать въ ихъ сельской жизни. Обыкновенный же счетъ, чтеніе и даже письмо дали результаты вполне удовлетворительныя и вообще впечатлѣніе отъ этихъ испытаній получилось далеко не мрачное и положительно ничего похожаго на рецидивъ не констатировано, а что позабыты тѣ отдѣлы школьнаго обученія, которые практическаго приложенія въ жизни не имѣли. Этому, кажется, особенно и удивляться не слѣдуетъ, такъ какъ это явленіе есть вполне естественный результатъ требованій и условій жизни, замѣчающійся не въ одной только крестьянской средѣ и не только между окончившими начальную школу. Конечно, съ одной стороны нельзя отрицать, что, вѣроятно, значительное количество окончившихъ курсъ народной школы не только не двинулись впередъ въ смыслѣ самообразованія, но даже умалили свои школьныя знанія; съ другой же стороны, слѣдуетъ сказать, во-первыхъ, что по многимъ причинамъ не будетъ справедливымъ сваливаніе всей вины въ этомъ всецѣло на одну только школу, и, во-вторыхъ, что едва ли кто возьметъ на себя смѣлость отрицать и тотъ несомнѣнный фактъ, что не мало бывшихъ питомцевъ начальныхъ школъ стоитъ въ настоящее время значительно выше той среды, изъ которой они вышли. Слѣдовательно, произносящіяся иногда на школу нареканія въ отношеніи, будто бы, не оправдываемыхъ ею цѣлей своего назначенія, далеко не имѣютъ подъ собою твердой почвы.

Учителя обратили мое вниманіе на болѣе существенную опасность, грозящую народному образованію въ Новоржевскомъ уѣздѣ, всецѣло находящуюся въ зависимости отъ пустоты земской кассы. Несмотря на событія послѣднихъ лѣтъ, пробудившія въ народѣ стремленіе къ просвѣщенію и разумнѣю окружающихъ явленій,

новоржевская управа сознается, что она не въ состояннн въ новомъ году открыть хотя бы одну новую школу. При томъ она печатно заявляетъ, что если положеніе вещей ни въ чемъ не измѣнится сравнительно съ существующимъ, т. е. если попрежнему главнымъ образомъ земство будетъ нести на себѣ расходы по расширенію начальнаго образованія, и казна не придетъ земству на помощь въ болѣе широкой мѣрѣ, чѣмъ теперь, путемъ ли принятія на себя извѣстной части расходовъ, путемъ ли предоставленія въ пользу земствъ извѣстной части государственныхъ доходовъ,—то едва ли въ теченіе цѣлаго ряда ближайшихъ лѣтъ земству удастся сдѣлать что-либо серьезное въ области народнаго образованія.

Я до такой степени былъ поглощенъ интересными сообщеніями въ докладахъ новоржевской земской управы по народному образованію, что едва не пропустилъ поѣздъ, на которомъ долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. За недостаткомъ времени я наскоро пробѣжалъ управскіе отчеты за нѣсколько лѣтъ и въ заключеніе обратилъ вниманіе на отрицаніе управою цифровой оцѣнки познаній учениковъ на экзаменахъ въ сельской школѣ.

По мнѣнію управы, эта цифровая оцѣнка всегда находится въ прямой зависимости отъ личныхъ взглядовъ отдѣльныхъ экзаменаторовъ и ихъ всегда неодинаковыхъ требованій къ дѣтямъ. Одно время управа выдавала учителямъ денежную награду за учениковъ, хорошо выдержавшихъ экзамень, т. е. получившихъ хорошія отмѣтки за отвѣты. Но въ настоящее время награды назначаются по достоинству всей постановки дѣла обученія въ школѣ. Учителя сами признали, что при прежнемъ порядкѣ выдачи наградныхъ денегъ каждый изъ нихъ невольно сосредоточивался на такой подготовкѣ выпускныхъ, чтобы только какъ можно лучше выдресировать ихъ къ экзаменамъ. А такъ какъ составъ экзаменационныхъ комиссій изъ года въ годъ мало мѣняется и учителя легко подмѣчаютъ любимые вопросы каждаго изъ экзаменаторовъ, то въ результатѣ, при извѣстномъ навыкѣ, и вырабатывается извѣстная система подготовки, бьющая преимущественно на эффектъ, при чемъ какъ успѣхи учениковъ другихъ отдѣленій (не выпускныхъ), такъ и вообще общая постановка дѣла уходитъ на второй планъ. Это же обстоятельство порождаетъ и разнъ между старыми и молодыми учителями, такъ какъ первымъ гораздо легче дается указанная специальная подготовка учениковъ къ экзаменамъ, чѣмъ молодымъ учителямъ. Послѣдніе при всей ихъ добросовѣстности не могутъ сразу съ ней освоиться.

Таково значеніе экзаменовъ въ сельской школѣ, съ денежными наградами учителей за хорошіе баллы ученикамъ...

VII.

Петербургскій извозчикъ.—Солдатское жительство.—Хохлы.—Талантъ и невѣжество.—
«Лунный свѣтъ».—Травосѣяніе.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ я сталъ получать письма отъ моихъ «моховиковъ» о томъ, чтобы я торопился ѣхать къ нимъ на охоту.

«Болота промерзли, и ходить въ эту пору вездѣ хорошо. Зайцевъ много, и птица полетитъ въ загонѣ», писали мнѣ.

Тѣмъ не менѣе я могъ воспользоваться предложеніемъ только на рождественскіе праздники, намѣреваясь побывать въ разныхъ уѣздахъ Псковской губерніи.

Санний путь вездѣ установился прочно, но мокрый снѣгъ падалъ съ утра тяжелыми хлопьями, и мой ящикъ не безъ основанія жаловался на погоду.

Я его не зналъ, но онъ назвалъ меня по имени, и мы разговорились.

— Насъ-то гораздъ сугатно (много народу), а ты одинъ ѣдишь къ намъ, — пояснилъ онъ. — Немного гость гоститъ, да много видитъ, — произнесъ онъ неожиданно мнѣ комплиментъ, признавшись въ чтеніи нѣкоторыхъ моихъ статей про здѣшній край.

— Ты грамотный?

— По писанному не знаю, а въ книгѣ разберусь...

Черезъ минуту онъ вдругъ таинственно нагнулся ко мнѣ и произнесъ:

— Что я хочу сказать тебѣ? Вотъ штука... Былъ я въ Петербургѣ, баринъ... Ѣздилъ на побывку къ сыну, что въ солдатахъ у меня. Дивная исторія... Ходили мы съ нимъ по городу и заморились. Подозвалъ онъ извозчика и велѣлъ мнѣ садиться. А извозчикъ везетъ насъ, а самъ все къ сыну обертывается и скazujeетъ о себѣ: «Я тоже самъ служилъ въ солдатахъ-то... Когда былъ дуракомъ! Ничего не зналъ. А теперь доказалъ бы иному старику, какъ надо жить на свѣтѣ... Отца съ матерью въ деревнѣ не слушалъ, а тутъ на службѣ приходится повиноваться такому, которому бы дома свиней не поручилъ пасти... А здѣсь величай его: г. взводный! г. отдѣленный! Другихъ словъ не смѣи говорить съ начальствомъ, окромѣ двухъ: «такъ точно» и «никакъ нѣтъ...» На службѣ и разговоръ свой забудешь, а еще говорятъ, что въ солдатахъ «образуешься». Какое же это образованіе и что это за жизнь такая?»—Ну, я по деревенски и скажи ему въ отвѣтъ про жизнь-то... А онъ задержалъ лошадь и давай кричать на насъ: «Сейчасъ подтяну тебя, если желаешь. Не хочешь вѣрить въ господаря, а приѣхалъ сюда съ сыномъ шляться по панелямъ!» Солдатъ мой испужался — слѣзъ прежде времени и еще гривенникъ прибавилъ ему. Вотъ штука!..

— Да, штука!

— «Ты ротъ-то больно не разъвай,—сказаль другой мой сынъ, который давно въ Питерѣ на фабрикѣ работаетъ.—Изъ-за тебя и брату попадетъ. Знаешь, какъ въ солдатахъ строго нонѣ... А солдатъ мой у брата на квартирѣ тоже говорить мнѣ: «Бѣхаль бы ты, тятка, опять въ деревню къ себѣ... Изъ новобранцевъ въ Питерѣ оставляють только тѣхъ, у которыхъ нѣтъ здѣсь родныхъ... Помнишь, на призывномъ участкѣ какъ допрашивали меня...»

— О чемъ же допрашивали?—спросиль я, заинтересованный словоохотливостью мужика.

— «Живаль ли въ Питерѣ?». Нѣтъ, не живаль, отвѣчалъ малецъ. «Можетъ быть, бываль?.. такъ у сродственниковъ?»—Не бываль... «А можетъ быть, братъ какой живеть на фабрикѣ?» Съ перепогу мой сынъ и на это сказалъ: Нѣтъ, всѣ дома.

Разсказывая про солдатское житѣ въ Питерѣ, онъ такъ увлекся, что съ трудомъ остановиль лошадь и едва не вывалиль меня на раскатахъ.

— Не удержать съ горы,—оправдывался онъ.—На спускахъ дрянная кобылка... Съ бабами больше ѣздила въ дорогахъ. Тѣ и пріучили скакать подъ гору...

— Ну, да ладно. Ничего...

— Цѣль будешь!—согласиль мужикъ невозмутимо, несмотря на то, что гора оканчивалась съ боку глубокимъ оврагомъ и всѣмъ намъ легко было шею сломать.

Послѣ этого мы проѣхали съ версту молча...

Снѣгъ не переставаль итти. Все лицо мое и борода были мокры, а самого меня спасала славутская бурка поверхъ мѣховой куртки.

— Кабы морозомъ хватило, то дорога была бы легкая,—мечталъ возница и тутъ же грустно прибавиль:—лѣсъ чернѣеть и ночью шумить—это къ оттепели... Вотъ если иней на деревьяхъ—такъ это къ морозу.

— Скоро ли доѣдемъ-то?—перебилъ я.—Въ деревняхъ уже огни зажгли.

— А вотъ проѣдемъ лѣсъ и будетъ близко...

Но проѣхали лѣсъ, поля, нѣсколько новыхъ деревень и новый лѣсъ, и опять поля, а до усадьбы, куда я направлялся, было еще далеко.

— Ночная цора,—замѣтиль мужикъ.—Мѣстность мѣняется. Вотъ Порозова нива и Супрыгинскіе кусты... Теперь близко. Версты-то у насъ мѣриль веревкой Сидоръ да Тарасъ...

— Какъ такъ?

— А такъ... сказывають...

«Мѣриль Сидоръ и Тарасъ—

«У нихъ веревка сорвалась;

«Сидоръ говоритъ: давай свяжемъ,

«А Тарасъ говоритъ: нѣтъ, такъ скажемъ.

— Вотъ какіе землемѣры...

— Все такъ, баринъ, здѣсь. Гдѣ сталъ, тамъ и станъ... Не въ городѣ.

Чтобы сократить время, я опять спросилъ его о солдатахъ.

— Сынъ доволенъ. Харчъ хорошій, и чай даютъ, и начальство доброе. Вотъ только, уходя изъ казармы, долженъ сказать, куда идешь и зачѣмъ... Да все больше на рынокъ отпрашиваются.

— Тихо въ казармахъ-то? По деревнямъ вотъ все разговоры о землѣ...

— Всячина и среди солдатъ. Хохловъ-дураковъ много, сказывалъ сынъ-то...

— Какихъ хохловъ?

— А вотъ что земли у нихъ вволю... Тѣ ничего не понимаютъ и говорятъ про рабочихъ, что тѣ работать дома не хотятъ, а хотятъ въ Петербургѣ жить на легкихъ хлѣбахъ.

— Это хохлы такъ думаютъ?

— Хохлы.

Мужиченокъ казался мнѣ либеральнымъ, но, продолжая спрашивать его для сокращенія утомительно-тихой ѣзды, я поражался рядомъ глубокимъ его невѣжествомъ.

— Проѣхался я и на трамваѣ,—произнесъ онъ.—Вотъ грѣхъ-то! Большой грѣхъ человѣку будетъ за это...

— Отчего?

— Отчего?—повторилъ онъ укоризненно.—Человѣкъ перенялъ Господнину силу... Я дюжѣй Бога, думаетъ. Развѣ это хорошо? Вотъ конки безъ Господнинаго ума и ѣзды на лошадиной силѣ.

— Нѣтъ грѣха и въ трамваѣ.

— Неужто вы безъ понятія?—воскликнулъ онъ, волнуясь.—Если человѣкъ на исповѣдь не ходитъ, то онъ все равно, что скотина. А здѣсь Господь посылаетъ тебѣ страсть,—а ты шутить съ луннымъ свѣтомъ... Молнію переняли, а сказано, что молнія — это Господнина луна... Такъ мигнетъ, что глаза вонъ! А ты сдѣлалъ такъ хитро, Господнинъ умъ перенялъ, да и всадилъ его туда, куда не надо... Катаешься съ нимъ по улицамъ.

Я возразилъ:

— Господь, значить дозволилъ, чтобы человѣкъ умыслилъ и устроилъ электрическую тягу.

Мужикъ съ неудовольствіемъ перебилъ меня:

— Каждый хотѣлъ бы умнымъ быть, да не дано человѣку перенимать молонью... Я отъ Бога брать не буду его силу. Если ты поставишь Ему свѣчку, я не возьму ее себѣ...

— У Бога хватить...

— Мало ли что!—опять раздражаясь, перебилъ онъ и пояснилъ уже хладнокровно:—у тебя десять коровъ, а я одну возьму... Понравится ли?

— Это не одно и то же... Ты изъ деревни. Темно у васъ, что въ душѣ у грѣшника... Засохли вы здѣсь безъ свѣту и ученья.

— А коли ты уменъ,—не унимаясь, продолжалъ онъ:—то лѣзь на небеса и Господнину планиду возьми!

— Это Божья милость, электричество, а не страсть на насъ...

— Какая же это милость, если молнія раздираетъ дерево и убиваетъ человѣка? Дай, я вдарю тебя въ ухо —будетъ ли это милость?

— Богъ далъ намъ электричество на пользу,—повторяю я.

— Давай,—насмѣшливо перебиваетъ мужикъ:—послѣ Бога и я сдѣлаю электричество... Вкраду молнію! А коли ты уменъ, то почему ты у человѣка не возьмешь его силу, а у Бога можешь взять? Господній храмъ люди ломаютъ ночью, а развѣ это Богъ позволилъ? Скажи лучше, что надъ Богомъ хозяйствовать мы хотимъ...

Я не захотѣлъ больше спорить и ничего не возразилъ ему.

Ободренный этимъ, онъ съ большимъ краснорѣчіемъ продолжалъ свои нападки на современную жизнь:

— Народъ сталъ хитрѣть, а земля пустѣть. Прежде у насъ господа въ Цевлѣ сѣяли хлѣбъ, и всѣ были сыты, а теперь сѣютъ траву... Господа продаютъ ее, а мужики безъ хлѣба сидятъ... Мужикамъ нуженъ хлѣбъ, а господамъ—деньги... Клеверъ для нихъ, какъ масло на кашу, а у насъ ребята—не телята: сѣномъ не будешь кормить, а давай хлѣбецъ... Безъ соли за столомъ—смѣхъ, а безъ хлѣба—смерть.

Я съ интересомъ прислушивался къ этимъ рѣчамъ, свидѣтельствующимъ одновременно и талантъ, и невѣжество русскаго мужика.

Вдали показалась усадьба...

— Селовыя собаки лаютъ, сказалъ возница и задергалъ вожжами, поспѣшая доставить меня къ мѣсту.

А. Фаресовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВА ВОЕННЫХЪ БУНТА.

(Изъ воспоминаній).

ЕВОЛЮЦИОННАЯ пропаганда въ войскахъ, не принесшая тѣхъ осязательныхъ результатовъ, къ которымъ стремились агитаторы, мечтавшіе поднять противъ ненавистнаго имъ правительства всю армію, тѣмъ не менѣе нашла благопріятную почву въ нѣкоторыхъ воинскихъ частяхъ, и въ короткій промежутокъ времени умѣренные элементы населенія не только Россіи, но и всей Европы, были чрезвычайно смущены военными безпорядками и даже мятежами въ Севастополь, Кронштадтъ, Владивостокъ, Свеаборгъ, Кіевъ и Полтаву. Эти волненія усмирялись силою оружія оставшихся вѣрными своему долгу полковъ, численность которыхъ въ сравненіи съ мятежными частями оказалась настолько преобладающей, что должны были исчезнуть опасенія за рекламируемое извѣстной частью печати пресловутое «разложеніе арміи». Военное начальство, не ожидавшее анти-правительственнаго движенія среди нижнихъ чиновъ, мнѣніе о которыхъ, какъ о «сѣрой скотинѣ», еще не ушло въ область преданій, сначала всполошилось и растерялось. Но затѣмъ внимательное изученіе причинъ, давшихъ революціонерамъ возможность агитировать въ солдатскихъ рядахъ, мѣры къ благоустройству солдатскаго быта, настойчивое привлеченіе офицеровъ къ воспитанію нижнихъ чиновъ, справедливость и гуманная строгость, а также правильное, виѣпартійное освѣщеніе темныхъ сторонъ политической жизни страны, явившись какъ бы контръ-пропагандой, повернули ввзбудораженныя волны человѣческаго невѣжества къ спокойнымъ берегамъ. Конечно, и достигнутое успокоеніе, и невозмож-

ность повторенія или возникновенія беспорядковъ въ однѣхъ частяхъ въ то время, какъ въ другихъ они возможны и теперь, зависѣли и будутъ зависѣть отъ служебнаго такта начальниковъ, ихъ заботливости и умѣнія руководить подчиненными. Такъ было во всѣ времена во всѣхъ арміяхъ и такъ будетъ всегда.

Одною изъ характерныхъ особенностей возникавшихъ въ 1905—1906 гг. военныхъ бунтовъ было то, что одни старательно умаляли ихъ значеніе, а другіе, наоборотъ, раздували искры въ пожаръ и приписывали солдатамъ такія дѣянія, о какихъ они и не помышляли. Преувеличенія исходили отъ революціонныхъ группъ, слагавшихъ гимны въ честь «сознательныхъ» солдатъ, наводившихъ ужасъ на мирное населеніе. Послѣдователи принципа «все обстоитъ благополучно», съ своей стороны, впадали въ ошибку, могущую стать роковой, потому что столь важный вопросъ, какъ волненія въ войскахъ, не ограничивается однѣми мѣрами устрашенія. Нужно предупреждать, а чтобы предупреждать, нужно знать дѣйствительные мотивы преступленія, влекущаго за собою каторгу и смертную казнь, и точный ходъ преступныхъ событій.

Я былъ близкимъ очевидцемъ двухъ бунтовъ, о которыхъ въ свое время ходили самые разнорѣчивые слухи. Изъ безпристрастнаго описанія этихъ бунтовъ читатель увидитъ, до какихъ уродливостей дошла революціонная агитація, не пощадившая совершенно чужихъ ей по образу мыслей людей.

I.

Елецкій полкъ возвратился изъ Манчжуріи въ Полтаву въ началѣ мая 1906 года. Грустное было возвращеніе знаменитаго полка, насчитывающаго въ своей исторіи рядъ побѣдъ, одержанныхъ подъ начальствомъ Румянцева, Суворова, Каменскаго, Кутузова, Дибича, Паскевича, въ Турціи, Италіи, Германіи и Франціи. Двадцать семь боевъ и сраженій внесла въ исторію полка война съ японцами. Въ горахъ южной Манчжуріи, у Ляояна, на р. Шахэ, подъ Мукденомъ и Телиномъ полкъ доблестно отстаивалъ честь русскаго оружія и вернулся, наконецъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія въ родной городъ съ печатью неудачи, общей всей арміи, и съ грустью за проигранную войну. Жидкая официальная встрѣча со стороны представителей Полтавы не могла, конечно, способствовать радостному настроенію, но каждый изъ ельцовъ былъ доволенъ, что разстался съ грязью и неудобствами походной жизни, съ дымными китайскими фанзами и ежеминутнымъ ожиданіемъ вражеской пули. И офицеры, и нижніе чины мечтали о заслуженномъ отдыхѣ. Но его не было. Немедленно по возвращеніи полка изъ похода началась усиленная гарнизонная служба, вызванная

подвигами экспроприаторовъ и забастовочными комитетами. Двѣ роты были отправлены на Кіевскій и Харьковскій вокзалы для защиты пути и станціонныхъ сооружений, часть Сѣвскаго пѣхотнаго и 16-го Донскаго казачьяго полковъ, составляющихъ вмѣстѣ съ Елецкимъ полкомъ и артиллерійской бригадой гарнизонъ Полтавы, стояла въ окрестныхъ деревняхъ и селахъ, и такимъ образомъ вся тяжесть большого караульнаго наряда легла на оставшіяся въ городѣ роты, весьма немногочисленныя по числу нижнихъ чиновъ, такъ какъ новобранцы еще не пришли, а запасные были только что уволены. Въ офицерахъ тоже ощущался большой некомплектъ.

Полкъ имѣетъ свои постоянныя казармы. Но въ маѣ представилось возможнымъ занять только однѣ казармы на Пороховой улицѣ, рассчитанныя на два батальона. Остальныя помѣщенія еще не были приведены въ порядокъ послѣ квартированія въ нихъ запасныхъ батальоновъ и разныхъ командъ, сформированныхъ во время мобилизаціи. Въ виду этого въ казармахъ наблюдалась нѣкоторая тѣснота.

Полкъ нуждался во многомъ. Война истощила его запасы, а новые еще не отпускались интендантствомъ, заваленнымъ работою по случаю демобилизаціи арміи. Такъ, въ Елецкомъ полку солдаты не были снабжены постельными принадлежностями и бѣльемъ, отпускъ на которыя объявленъ въ высочайшемъ приказѣ въ декабрѣ 1905 г. Хозяйственное управленіе полка сносилось по этому поводу съ интендантствомъ, но уже давно извѣстно, что канцелярскія отношенія, запросы и отвѣты ходятъ очень медленно. Стараясь ускорить полученіе постельныхъ принадлежностей, полкъ выписалъ на свои средства нѣсколько сотъ байковыхъ одѣялъ, но таковыя въ то время еще не были получены.

Съ переходомъ на мирное положеніе ухудшилась и пища. Дѣло въ томъ, что въ Манчжуріи полагался усиленный денежный отпускъ на продовольствіе. Оба главнокомандующіе, Куропаткинъ и Линевиичъ, и прочіе высшіе начальники строго слѣдили за доброкачественностью и количествомъ продовольствія нижнихъ чиновъ. Напримѣръ, въ 10-мъ армейскомъ корпусѣ, когда онъ стоялъ на Сипингайскихъ позиціяхъ, солдатъ кормили галушками и салатами, помимо обычнаго меню: щей, суповъ, каши, макаронъ и т. п. Вѣсъ мясной порціи доходилъ до 28 зол. Кромѣ того, давали водку. Конечно, возвратившіеся манчжурцы не сразу свыклись съ пищей «по мирному положенію», тоже вполне доброкачественной, но менѣе разнообразной, вслѣдствіе уменьшенія денежнаго отпуска.

И вотъ такимъ положеніемъ полка, возвратившагося изъ тяжелаго похода и не успѣвшаго устроиться, воспользовались агитаторы.

О революціонной агитаціи въ войскахъ было слышно еще въ Манчжуріи. Почта доставляла на позиціи прокламаціи и газетныя статьи, въ которыхъ сквозила непритворная радость о нашихъ неудачахъ, пораженіяхъ и позорѣ.

Бунтъ на «Потемкинѣ», открывшій серію военныхъ мятежей, октябрьская забастовка, митинги въ Харбинѣ, буйное поведеніе отправляемыхъ изъ дѣйствовавшей арміи домой запасныхъ нижнихъ чиновъ, возстаніе черноморскихъ моряковъ подъ предводительствомъ отставного лейтенанта Шмидта, убійства представителей администраціи, декабрьскіе дни въ Москвѣ, правительственныя репрессіи, манифестъ 17 октября, толкуемый различными партіями такъ, какъ было выгодно, издѣвательства надъ патриотическими чувствами народа, погромы — всѣ эти печальныя событія такъ называемаго освободительнаго движенія были извѣстны манчжурской арміи и наполняли ее глубокимъ недоумѣніемъ. Притомъ извѣстія объ этихъ событіяхъ приходили большей частью въ искаженномъ до чудовищности видѣ. Понятны поэтому чувства, съ какими весною 1906 г. возвращались войска въ взволнованную страну, насыщенную организаціонными испареніями и рѣчами депутатовъ государственной думы перваго созыва.

Высшее начальство рекомендовало принять мѣры къ изоляціи нижнихъ чиновъ отъ агитаторовъ. Легко приказать, но далеко не легко исполнить... Если и раньше, при строжайшей дисциплинѣ, не удавалось оградить солдата отъ внѣшнихъ вліяній, то тѣмъ болѣе теперь, когда во всѣ щели казармъ ползутъ социалистическія прокламаціи, рекомендованная начальствомъ изоляція невозможна. Профессоръ Сентъ-Сирской школы Ж. Дюррьи (его книга «Соціализмъ въ арміи») говоритъ, что противовѣсомъ социалистическимъ ученіямъ, врывающимся въ армію и подрывающимъ ея основы, является разумное воспитаніе солдатъ и твердое сознаніе, что армія есть школа для народа. Офицеры должны быть не только учителями, но и воспитателями. Къ сожалѣнію, аксіомы г. Дюррьи трудно прививаются въ арміяхъ по многимъ причинамъ. Страдаетъ въ этомъ отношеніи, и, надо признаться, больше другихъ, и русская армія, умственный уровень которой далекъ отъ совершенства. Ни для кого не составляетъ секрета, что часть русскаго офицерства индифферентна къ вопросамъ, выходящимъ изъ круга казарменной обстановки, а другая часть, стремящаяся къ самообразованію, или матеріально не обезпечена, что отражается на всемъ укладѣ жизни человѣка, или такъ поглощена гарнизонной службой, что для вопросовъ духа нѣтъ ни времени, ни силъ.

Безпорядковъ въ Елецкомъ полку никто не ожидалъ. Мало того, ихъ никто не предчувствовалъ. А между тѣмъ нижніе чины, пользуясь свободными часами, бродили по городу, вкушая прелести окончанія похода. Полтава кишѣла въ то время дѣятелями рево-

люди. Еще были свежи в памяти дни лубенской республики и октябрьские дни, во время которых полтавская социаль-демократка еврейка Э. махала своей красной юбкой и кричала «свобода». За солдатами охотились и снабжали их противоправительственными листками. Группы блузников, главным образом евреев, в пивных и мелочных лавочках поучали солдат, а каковы эти поучения — известно из программ левых партий.

Чтобы положить предел безцельному шатанию солдат, командир полка полковник И. Я. Волчановский приказал отпускать в город нижних чинов только по уважительным причинам и со строгим разбором. Усилены были розыскания самовольно отлучавшимся. Казарменные ворота заперли и у всех выходов поставили двойной наряд дневальных.

Эти распоряжения, как выяснилось впоследствии, тоже были учтены агитаторами и послужили как бы сигналом к возмущению.

Наступило 28 мая. Вечером, около девяти часов, я возвращался из «чиновничьего сада», где ежедневно играл казачий оркестр, к себе на квартиру. Жил я на окраине города, на Всесвятской улице, вблизи Пороховой, где, как сказано выше, расположены казармы Елецкого полка.

Скупо разставленные керосиновые фонари скудно освещали эту часть города. Везде было тихо. Обыватели уже запрятались по квартирам, и только громыханье проезжавшего извозчика изредка нарушало провинциальную тишину. Вдруг, не доходя нескольких шагов до квартиры, я услышал выстрел. Один, другой, третий... Сначала выстрелы не поразили меня. Полтавские «дружинники», принадлежавшие к боевым организациям социаль-революционной партии, часто по ночам упражнялись в стрельбе из браунингов и маузеров. Но смутный гул, слышимый со стороны казарм, заставил меня насторожиться.

Подойдя к дому, я увидел жильцов, стоявших у калитки и чутко к чему-то прислушивавшихся. Группы людей, мужчин и женщин, виднелись и у других домов. Меня встретил мой денщик.

— Ваше благородие, у нас забастовка! — сообщил он возбужденным тоном.

— Что? Где? Какая забастовка?

— Наши ребята, ваше благородие, бастуют... В казармах... Я сейчас оттуда. Барыня послала искать вас, ваше благородие.

— Что же там делается?

— Да ничего... Так, стреляют, кричат... Арестованных выпустили.

— И наша рота там?

— Так точно. Все!

Я былъ младшимъ офицеромъ въ 14-ой ротѣ и, конечно, прежде всего поинтересовался узнать о ней.

Итакъ, въ полку бунтъ. Вихремъ пронеслись въ головѣ мысли о Кронштадтѣ, Владивостокѣ. Разъяренная, безпощадная толпа... Кровь, убійства. Вѣковая ненависть простолюдина къ барину. Итти ли туда, въ эту толпу отказавшихся отъ повиновенія солдатъ, рискуя быть приколотымъ или прострѣленнымъ? Можетъ быть, подождать другихъ офицеровъ?

Но чувство долга побѣдило это минутное малодушіе. Я забѣжалъ домой, накинулъ шинель, такъ какъ становилось холодно, и, не отвѣчая на вопросы перепуганной жены и не обращая вниманія на плачь дѣтей, пошелъ въ казармы.

— Папочка, не ходи!—крикнула мнѣ вслѣдъ дочка.

Я только рукой махнулъ...

На Пороховой улицѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ, спѣшившихъ въ казармы. Намъ попадались горожане, возвращавшіеся оттуда. У домовъ стояли группы людей, напряженно вслушивавшихся въ неясный, казавшійся грознымъ, шумъ у казармъ. Уже явственно слышались крики «ура!» Иногда целкали выстрѣлы, и ихъ вспыхивавшіе огоньки зловѣще прорѣзывали окружавшую насъ тьму, смущая бѣжавшихъ къ невѣдомой опасности офицеровъ. Иные горожане кричали намъ: «не ходите! убьютъ!» но такіе возгласы заставляли насъ ускорить шаги.

Нѣсколько сотъ нижнихъ чиновъ толпились передъ казармами. Ворота послѣднихъ были растворены. Внушительныя кучки солдатъ видѣлись въ казарменномъ дворѣ. Не успѣли прибывшіе офицеры войти въ толпу, какъ были окружены вооруженными солдатами.

— 6-я рота ко мнѣ! 14-ая рота къ ротному командиру! Гдѣ седьмая рота, ко мнѣ!

Офицеры тщетно старались разбить толпу поротно. Люди не слушались и топтались на мѣстѣ, притомъ, какъ я замѣтилъ, находившіеся по близости своихъ непосредственныхъ начальниковъ уходили дальше. Было ясно, что многіе не хотѣли попасться на глаза начальникамъ. Впрочемъ, ночь была такъ темна, что лица трудно различались въ трехъ-пяти шагахъ.

Я напряженно всматривался въ ближайшихъ солдатъ, стараясь угадать ихъ замыслы и чувства, ими руководившія. И видѣлъ передъ собою обыкновенныя сѣрыя лица, мало что выражавшія, нѣсколько лишь возбужденныя необычнымъ эпизодомъ, нарушившимъ обыденную жизнь. Отъ нѣкоторыхъ солдатъ пахло виномъ. Въ глазахъ однихъ сверкало любопытство: что будетъ дѣлать начальство? другіе, опираясь на ружья, оставались равнодушными...

— Въ чемъ дѣло, ребята? Что это вы надумали?

Въ отвѣтъ на эти вопросы раздались громкіе голоса:

— Что насъ держатъ, какъ арестантовъ! Заперли, да и все тутъ! Гудять нельзя! Штаны рваные! Одѣялъ не выдаютъ!

— Постойте, говори кто-нибудь одинъ, кто говорить со мной желаетъ! Авось разберемся!

Изъ толпы выступилъ совершенно неизвѣстный мнѣ солдатъ.

— Страдали мы въ Манчжуріи и больше страдать не желаемъ... Помилуйте, какъ можно въ духотѣ сидѣть! Вѣдь мы люди, не арестанты!

— Ты былъ на войнѣ?

— Такъ точно.

— Такъ какъ же ты, старый солдатъ, не знаешь, что такое заявленіе вашихъ жалобъ незаконно, что за беспорядокъ, произведенный вами, вы будете отвѣчать по суду.

Солдатъ молчалъ, а изъ толпы опять послышалось:

— Наши жалобы законны! Всѣ будемъ отвѣчать! Хлѣбъ кислый! Штаны рваные!

Кричали тѣ, которые стояли въ заднихъ рядахъ. Ближайшіе ко мнѣ люди молчали и только сочувственно качали головами. Разговаривавшій со мной солдатъ юркнулъ въ толпу.

— Вотъ что, ребята,—сказалъ я, обращаясь къ плотно окружившимъ меня людямъ:—скажите, какъ мнѣ разговаривать съ вами? Какъ съ солдатами, давшими присягу, или какъ съ врагами, готовыми на преступленіе?

— Мы присягу, ваше благородіе, помнимъ! Противъ господъ офицеровъ не идемъ! А вотъ только зачѣмъ насъ взаперти держатъ?

Такъ говорили болѣе благоразумные. Но голоса ихъ немедленно тонули въ хаосѣ отдѣльныхъ восклицаній, то злобныхъ, то просто озорныхъ.

Вообще былъ какой-то сумбуръ. Временами казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ все успокоится и солдаты разойдутся по своимъ помѣщеніямъ. Толпа кое-гдѣ рѣдѣла... Но стоило раздаться какому-нибудь возгласу, напримѣръ: «не слушайте ихъ!» т. е. офицеровъ, какъ снова смыкались ряды. Иногда поднималась надъ головами винтовка, и вверхъ, прорѣзывая воздухъ, летѣла пуля. Тогда на стрѣлявшаго кричали «благоразумные»:

— Не стрѣляй! Чего ты, чортъ, стрѣляешь! Ишь, озорникъ!

Унтеръ-офицеры и фельдфебеля не принимали участія въ успокоеніи толпы. Они или молча стояли, или ходили по пятамъ за офицерами. Ротные командиры и другіе офицеры, прибывшіе къ казармамъ, переходили отъ одной группы солдатъ къ другой, уговаривая разойтись. Продѣлывалъ то же самое и я, указывая на незаконность сборища и на то, что справедливыя требованія ихъ будутъ удовлетворены. Солдаты слушали, но не расходились. Видимо, они всецѣло находились подъ вліяніемъ нѣсколькихъ вожаковъ, которые суетились въ толпѣ и возбуждали ее. Въ одномъ

мѣстѣ уговоры офицеровъ подѣйствовали. Десятка два-три солдатъ направились къ воротамъ. Но навстрѣчу имъ выскочили другіе и скрестили штыки.

— Назадъ! Не расходиться.

И хотѣвшіе уйти изъ толпы снова слились съ нею, сконфуженно глядя на офицеровъ. Нѣсколько человекъ солдатъ сумѣли взять полкъ въ руки и владѣли не только помыслами, но и тѣломъ толпы. Вполнѣ сказалось стадное чувство, толкающее помимо всякаго желанія туда, куда желательно вожакамъ, выдѣлившимся изъ общей массы энергіей и рѣшительностью. Въ отвѣтахъ, въ ихъ упорствѣ чувствовалась та бессмысленная стихійная сила, которая вертитъ толпой. И удивительно! Благоразумный, спокойный элементъ не могъ подѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали единичные крикуны. Послѣднимъ, можетъ быть, не вѣрили, но ихъ слушали, молчаливо поддаваясь ихъ вліянію. Любимый солдатами капитанъ Р. не могъ ничего сдѣлать. Толпа таяла въ одномъ мѣстѣ, чтобы вырасти въ другомъ. Я не рѣшаюсь отвѣтить на вопросъ: могъ ли бы воздѣйствовать въ ту ночь на солдатъ образцовый начальникъ, пользующійся уваженіемъ и любовью? Поборолъ ли бы онъ крикуновъ? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Даже любимый офицеръ—все-таки «барская кость», а безтолковый крикунъ—свой братъ, который не обманетъ. Нужны годы и настойчивый трудъ, чтобы заслужить довѣріе у массы. Въ нашей арміи, съ ея мертвымъ до-мукденскимъ уставизмомъ, мало обращали вниманія на единеніе между офицерами и нижними чинами, и плоды этого не замедлили сказаться въ годину несчастья и переворота въ умахъ.

Время близилось къ полуночи. Жалобы на запрещеніе частыхъ отлучекъ, на одежду, которую не успѣли ремонтировать, не прекращались. Здѣсь офицеры разъясняли порядокъ выдачи аммуничныхъ денегъ, тамъ говорили о постельномъ и носильномъ бѣльѣ. Иные спорили съ отслужившими обязательный срокъ по новымъ правиламъ, заявлявшими претензію на увольненіе въ запасъ, объясняя, что по распоряженію военнаго министра увольненіе послѣдуетъ тогда, когда пополнится комплектъ полка. Бесѣдовали запросто, какъ говорится, безъ чиновъ, толкуя о разныхъ нуждахъ, которыя посыпались вдругъ какъ изъ рога изобилія.

Въ самомъ началѣ беспорядка пріѣхалъ полковникъ Волчановскій, къ которому ѣздилъ съ докладомъ дежурный по полку штабсъ-капитанъ М.. Беспорядокъ начался съ того, что во время повѣрки въ ротахъ второго батальона вдругъ раздались крики: «Выходи всѣ на дворъ! Въ ружье!» Солдаты моментально высыпали во дворъ, сняли дневальныхъ у воротъ и разломали послѣднія. Въ нѣкоторыхъ ротахъ пытались протестовать. Но напрасно взводные и дежурные кричали: «не выходи». Руководители движенія врывались въ роты и заставляли угрозами выходить всѣхъ. Подтал-

кивали ружейными прикладами, а наиболее интенсивные схватили ружья и начали стрѣлять по окнамъ тѣхъ помѣщеній, гдѣ колебались выходить и присоединиться къ мятежникамъ. Штабсъ-капитанъ М., выйдя изъ дежурной комнаты, попытался остановить безчинство солдатъ; его, однако, никто не слушалъ. Большая толпа ворвалась въ полковую гауптвахту и, не давъ опомниться караулу, раскрыла двери карцеровъ и выгнала оттуда арестованныхъ. Въ это время на улицѣ послышались возгласы: «Казачи! берись всѣ за ружья». И тогда еще не захватившіе винтовокъ кинулись за ними въ казармы, захватили караульные патроны, бывшіе на рукахъ, и, стрѣляя вверхъ, снова высыпали на улицу. За казаковъ былъ принятъ конный полицейскій стражникъ, подскакавшій къ казармамъ. Онъ быстро повернулъ назадъ и умчался. Вдогонку ему пустили нѣсколько пуль и, кажется, ранили лошадь.

Командиръ полка, выйдя изъ коляски, вступилъ въ толпу разступившихся передъ нимъ молча солдатъ. И. Я. Волчановскій принадлежалъ къ числу командировъ стараго закала. Начавъ службу въ Елецкомъ полку съ чина прапорщика, онъ отбылъ турецкую кампанію, отличился, временно командуя полкомъ въ сраженіи у Ляояна, получилъ золотое оружіе и былъ назначенъ командовать роднымъ полкомъ. Настоячивый въ своихъ требованіяхъ, обладая сильной волей и большимъ самообладаніемъ, Волчановскій былъ типомъ служаки, не поддающагося моднымъ тенденціямъ и не умѣющаго служить двумъ богамъ. Въ бояхъ съ японцами онъ проявилъ распорядительность, храбрость и замѣчательное спокойствіе, но событія мирной обстановки застали его не подготовленнымъ.

Солдаты говорили командиру полка то же самое, что и намъ, офицерамъ. Казалось, что эти бесплодные разговоры никогда не кончатся. «Да что ихъ слушать,—глубокомысленно заявляетъ какой-нибудь солдатъ:—они (т. е. офицеры) свое, а мы—свое». И подобная фраза была глубоко вѣрна!

— Ну, хорошо,—говоритъ полковникъ Волчановскій:—вы мнѣ заявили свои претензіи. Я ихъ завтра же разберу. А теперь расходитесь, прошу васъ!

Толпа ни съ мѣста.

— Поздно, братцы,—увѣщеваетъ другую группу старый капитанъ:—идите спать. Вѣдь завтра ученье!

— Ничего. Мы отъ службы не отказываемся!

Или слышны были такія слова:

— Мы воздухомъ дышать хотимъ. Насидѣлись въ казармахъ-то!

И это «дыханіе воздухомъ» чуть ли не было кульминаціоннымъ пунктомъ требованій.

Проявленій особой враждебности къ офицерамъ, ругательствъ или оскорбленій не замѣчалось. Не было, правда, и обычнаго

почтительнаго отношенія къ начальствующимъ, но вѣдь если оно было бы, то тогда ничего не стоило бы прекратить безпорядокъ. Какъ я сказалъ уже, вожаки и крикуны одержали побѣду, до нѣкоторой степени терроризировавъ толпу и заставивъ ее пассивно относиться къ увѣщаніямъ. Надо было ждать реакціи въ самой толпѣ.

Представители полтавскихъ комитетовъ революціонныхъ организацій, конечно, не замедлили явиться «на помощь сознательнымъ солдатамъ». Они сначала терлись въ толпѣ, причемъ большую энергію выказывали подростки изъ учащейся молодежи. Кто-то изъ офицеровъ властно и громко порицалъ нижнихъ чиновъ, осрамившихъ доблестный полкъ такимъ жестокимъ нарушеніемъ дисциплины.

— Товарищи-солдаты! не слушайте его. Офицеры пьютъ вашу кровь!—началъ говорить какой-то молодой человекъ, въ черной блузѣ и съ широкимъ поясомъ, по облику «боевой дружинникъ».

«Товарищи-солдаты» немедленно отстранились отъ него. А одинъ изъ нихъ, подойдя къ оратору и выставивъ штыкъ, сказалъ:

— Уходи! Не суйся не въ свое дѣло. Мы сами съ усами, а ты тутъ чего смутянишь?

Послѣ такого отпора ораторъ и его компанія отодвинулись подальше и только издали наблюдали за происходившимъ.

— Музыку сюда! Пойдемъ гулять съ музыкой!

Это предложеніе, сдѣланное наиболѣе ретивыми, понравилось. Немедленно отрядили десятокъ солдатъ, которые отправились въ музыкантскую команду, помѣщавшуюся въ домѣ напротивъ казармъ. Музыканты только что вернулись изъ балагана съ кинематографомъ и ужинали. Посланные за ними, войдя совершенно неожиданно для музыкантовъ, опрокинули миски съ ужиномъ, и, подгоняя музыкантовъ прикладами, заставили ихъ взять инструменты и выйти къ толпѣ. Оркестръ поставили впереди, кто-то скомандовалъ «шагомъ—маршъ», музыканты, недавно собранные въ команду, затрубили кто во что гораздъ, и человекъ 200 солдатъ, сопровождаемыхъ посторонними зрителями и «сочувствующими», направились къ Кузнецкой улицѣ, прорѣзывающей городъ. Нѣсколько офицеровъ пошли за ними.

Фактъ, что изъ всего полка пошли съ музыкой лишь 200—250 человекъ, говоритъ въ пользу ельцовъ. Большинство, подъ влияніемъ офицерскихъ увѣщаній и наступавшей уже реакціи, сообразили, что такая прогулка по городу можетъ повести къ столкновеніямъ съ полиціей и казаками. Прогулка явилась озорствомъ, къ какому масса солдатъ склонна не была. Они не видѣли въ ней цѣли и поэтому остались у казармъ, какъ бы предчувствуя, что затѣя ихъ ушедшихъ товарищей будетъ названа, какъ и было на самомъ дѣлѣ, полтавской освободительной прессой «демонстра-

цией въ пользу народа», о чемъ, конечно, никто изъ ельцовъ и не помышлялъ. Однако оставшіеся на улицѣ и въ казарменномъ дворѣ не расходились. Уныло бродили они или сидѣли на землѣ, потерявъ всякій интересъ къ происходившему. Многие дремали. Послѣ шума наступила полная тишина. Не обращали вниманія даже на одиночные выстрѣлы, слышавшіеся въ томъ направленіи, куда ушелъ оркестръ. И тѣмъ не менѣе никто не уходилъ въ казармы, терпѣливо ожидая возвращенія ушедшихъ и объясняя, что «боятся разойтись, какъ бы не попало отъ тѣхъ, которые ушли». Дѣйствительно ли они боялись, или не расходились изъ чувства товарищества—рѣшить не берусь. Среди нихъ было много молодыхъ солдатъ, послѣдняго призыва, которые вышли за «стариками», а теперь не знали, что дѣлать. Въ казармахъ офицеры встрѣчали испуганныхъ людей, совѣмъ не присоединившихся къ толпѣ и прятавшихся на чердакахъ и подъ нарами. Когда они увидѣли въ казармѣ офицеровъ и не слышали больше шума, то вышли изъ своихъ убѣжищъ и рассказывали, какъ спасались отъ пуль и прикладовъ зачинщиковъ беспорядка. «Отчего же вы не сопротивлялись, если не хотѣли присоединиться къ толпѣ? Развѣ у васъ нѣтъ ружей?» спрашивали ихъ.—«Испугались», было отвѣтомъ...

Пока происходили описанныя событія, въ городѣ царило немалое безпокойство. Мирные горожане ждали вооруженнаго военного мятежа со всеми его ужасами. Революціонно настроенные элементы населенія мобилизовали свои силы. По случаю отъѣзда въ Кременчугъ начальника 9-ой пѣхотной дивизіи генераль-майора Полковникова его обязанности начальника полтавскаго гарнизона исполнялъ бригадный командиръ генераль-майоръ Ждановскій. Онъ вызвалъ въ ружье Сѣвскій полкъ и казаковъ и расположилъ ихъ въ боевой готовности въ центрѣ города, у кадетскаго сада. По улицамъ были направлены развѣзды и патрули.

Между тѣмъ ушедшіе съ музыкой ельцы шли по Кузнецкой улицѣ. Соціалъ-демократическая газета «Колоколъ» напечатала на другой день, что оркестръ игралъ марсельезу. Это была ложь. Музыканты, во-первыхъ, не умѣли играть марсельезы, а, во-вторыхъ, они были такъ напуганы, что никакого мотива играть не могли. Издавалъ дикіе звуки басъ, и ему вторилъ турецкій барабанъ.

Сопровождавшая толпу молодежь попыталась направить ельцовъ къ арестантскому отдѣленію, гдѣ сидѣли тогда политическіе. Но крики: «Пойдемъ къ политическимъ! освободимъ нашихъ братьевъ!» никакого успѣха не имѣли. Дойдя до помѣщенія учебной команды, солдаты потребовали ея присоединенія къ нимъ. Выстроенная своимъ начальникомъ капитаномъ Яичковымъ команда колебалась. Тогда толпа отстранила Яичкова отъ команды, причѣмъ его толкали прикладами, послѣ чего одни изъ команды присоединились къ толпѣ, другіе разошлись. Снова поставивъ впереди музыку,

солдаты двинулись назадъ къ казармамъ. Уже разсвѣло, когда они вернулись. «Нагулялись»? спрашивали ихъ офицеры. — «Такъ точно».

Бунтъ былъ конченъ. Солдаты разошлись по ротамъ и легли спать. Въ девять часовъ утра весь полкъ былъ построенъ безъ ружей на Сѣнной площади. При выходѣ изъ казармъ никакихъ недоразумѣній не случилось. Гдѣ-то протестовали, предлагая взять съ собою винтовки, но полкъ, проведеншій такую безпокойную ночь, снова былъ дисциплинированъ и исполнялъ всѣ приказанія начальниковъ. Прибывшій экстренно изъ Кременчуга генералъ Полковниковъ обошелъ роты и опросилъ претензіи. Жалобы были заявлены очень немногими.

Возвращаясь въ казармы, полкъ проходилъ мимо арестантскаго отдѣленія. Заключенные, высунувшись изъ оконъ и махая красными платками, кричали ельцамъ «ура». Но солдаты проходили мимо молча, даже не поворачиваясь къ тюремѣ. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство дало поводъ газетѣ «Колоколь» напечатать, что при проходѣ Елецкаго полка мимо арестантскаго отдѣленія заключенные устроили демонстрацію, сочувственно принятую нижними чинами. Вообще, какъ «Колоколь», такъ и другая мѣстная газета «Полтавщина» писали много небылицъ объ елецкихъ беспорядкахъ, учитывая ихъ въ пользу революціоннаго движенія.

30 мая пріѣхалъ въ Полтаву помощникъ командующаго войсками кievскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Шмидтъ. Выстроивъ Елецкій полкъ, онъ взялъ въ руку знамя и, указывая на него, призывалъ къ раскаянію нижнихъ чиновъ. Рѣчь генерала произвела такое впечатлѣніе, что плакали многіе офицеры и солдаты.

— Могу ли я донести Его Величеству, что Елецкій полкъ остался такимъ же доблестнымъ и вѣрнымъ, какимъ былъ всегда?— спросилъ генералъ.

— Можете! Донесите!—закричали солдаты.

Полетѣли вверхъ шапки, музыка грянула «Боже, Царя храни», и долго не смолкало «ура».

Потомъ всѣ, начиная съ командира полка, цѣловали знамя— царское благословеніе, на время забытое въ ночь на 29 мая. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, произвелъ смотръ полтавскому гарнизону командующій войсками генералъ-лейтенантъ Сухомлиновъ. Офицерамъ Елецкаго полка генералъ сказалъ: «Я не думалъ, господа, васъ видѣть». Значеніе этой фразы осталось для насъ совершенно темнымъ.

II.

Началась длинная процедура дознанія и судебнаго слѣдствія надъ провинившимися ельцами. Около шестидесяти или семидесяти человѣкъ привлекались къ отвѣтственности. Зачинщики безъ

порядка были арестованы. Полковник Волчановскій подалъ въ отставку.

Проходили страдные для всей Россіи іюльскіе дни. Казалось, что самый воздухъ былъ насыщенъ рѣчами думскихъ ораторовъ. Въ Полтавѣ войска не знали отдыха отъ нарядовъ. Полиція общала военному начальству о митингахъ, на которыхъ якобы присутствовали переодѣтые солдаты, но установить этого не удалось, несмотря на постоянно посылаемые разъѣзды. Въ день роспуска государственной думы Елецкій и Сѣвскій полки находились въ полной готовности прекратить безпорядки, о которыхъ ходили смутные слухи. День прошелъ спокойно. Ударъ готовился опять съ той стороны, съ какой его не ожидали.

Я былъ тогда комендантскимъ адъютантомъ. Вечеромъ 15 іюля, направляясь по Кузнецкой улицѣ въ театръ, у мелочной лавки съ продажей прохладительныхъ напитковъ еврея Когана я увидѣлъ много полицейскихъ и постороннюю публику. Тутъ же стояла группа солдатъ Сѣвскаго полка, учебной команды, казарма которой помѣщалась напротивъ лавки Когана. Я остановился и узналъ отъ полицейскаго, что въ лавкѣ производится политическій обыскъ, такъ какъ владѣлецъ ея подозрѣвается въ революціонной пропагандѣ среди солдатъ. Мнѣ сообщили также, что въ моментъ прибытія полиціи въ лавкѣ находился нижній чинъ Сѣвскаго полка. Это послѣднее извѣстіе побудило меня войти въ лавку, и здѣсь я увидѣлъ нѣсколькихъ полицейскихъ чиновниковъ и околоточныхъ надзирателей. Одни изъ нихъ рылись въ какихъ-то бумагахъ, другіе допрашивали ефрейтора Сѣвскаго полка Кислинскаго, георгіевскаго кавалера. Кислинскій доложилъ мнѣ, что, возвращаясь съ работы (онъ устанавливалъ телефонъ), зашелъ къ Когану выпить содовой воды и задержанъ полиціей совершенно неожиданно для себя. Никакихъ сношеній съ Коганомъ онъ не имѣлъ. Полиція уже успѣла обыскать Кислинскаго и ничего нелегальнаго у него не нашла. Я приказалъ Кислинскому итти въ роту и доложить о случившемся съ нимъ фельдфебелю. Выйдя вслѣдъ за Кислинскимъ на улицу, я увидѣлъ, что передъ лавкой собралось чело- вѣкъ 30—40 сѣвцевъ. «Разойдитесь, ребята,—сказалъ я имъ:— тутъ происходитъ обыскъ, который васъ не касается». Медленно, крайне неохотно сѣвцы направились къ своимъ казармамъ. Я отошелъ на недалекое разстояніе, повернулся и увидѣлъ, что толпа солдатъ снова собралась на улицѣ. Подойдя опять къ нимъ, я категорически приказалъ разойтись, пригрозивъ, что въ случаѣ неисполненія этого приказанія вызову казачьи разъѣзды. Солдаты повиновались и очистили улицу.

Въ театрѣ, какъ мнѣ было извѣстно, находился начальникъ гарнизона (начальникъ 9-ой пѣхотной дивизіи) генералъ-майоръ Полковниковъ. Доложивъ ему о видѣнномъ на Кузнецкой улицѣ, я

получилъ приказаніе отправиться въ ближайшія казармы Сѣвскаго полка и распорядиться выслать къ лавкѣ Когана патрули, которые водворили бы порядокъ, если бы тамъ снова собрались нижніе чины. Докладъ генералу и передача его приказанія заняли не болѣе полчаса времени. Возвращаясь въ театръ, я услышалъ ружейные выстрѣлы. Я остановился, прислушиваясь. Остановился рядомъ со мной и какой-то старикъ-еврей! — «Уже стрѣляютъ!» сказалъ онъ мнѣ.

— Кто?

— Сѣвскіе солдаты. Тамъ бунтъ.

Я поспѣшилъ въ театръ. Тамъ, въ вестибюлѣ, полковой адъютантъ Елецкаго полка поручикъ Л. уже переговаривался по телефону. Городовые озабоченно шептались. Конечно, я не могъ дожидаться антракта и, войдя въ зрительный залъ, направился къ сидѣвшему въ первомъ ряду генералу Полковникову и доложилъ ему о выстрѣлахъ. — «Знаю, ѣдемъ», сказалъ онъ мнѣ и пошелъ къ выходу. Бывшіе въ театрѣ офицеры тоже направились за генераломъ, вызвавъ нѣкоторое замѣшательство въ публикѣ. Я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ зрителей, преимущественно молодые люди и дѣвицы, тоже покидали свои мѣста и выходили на улицу. Подозвавъ извозчика, Полковниковъ посадилъ меня съ собой и велѣлъ ѣхать на Кузнецкую улицу. У лавки Когана было пусто. Мы подѣхали къ учебной командѣ Сѣвскаго полка. У воротъ стоялъ офицеръ, доложившій, что учебная команда ушла на Ново-Полтавскую улицу «снимать» квартировавшій тамъ батальонъ сѣвцевъ. Какъ бы въ подтвержденіе этого печальнаго извѣстія въ отдаленіи загремѣли выстрѣлы. Очевидно, бунтовщики силой выгоняли изъ казармъ товарищей... Извозчикъ хлестнулъ по лошадамъ, и мы помчались на Ново-Полтавскую улицу. Ѣхали молча, не обмѣниваясь ни однимъ словомъ. Генералъ мрачно насупился. Да и было отъ чего! Вѣдь это уже второй безпорядокъ въ его дивизіи. Я какъ-то смутно предчувствовалъ, что дѣло не обойдется безъ кровопролитія.

На Ново-Полтавской улицѣ, у казармъ, уже знакомая картина: густая толпа солдатъ, запрудившая улицу, гулъ, отдѣльные крики, частые ружейные выстрѣлы. Мы подѣхали вплотную къ толпѣ.

— Начальникъ дивизіи пріѣхалъ! — крикнулъ Полковниковъ: — перестаньте стрѣлять!

Но голосъ его потонулъ въ хаосѣ другихъ звуковъ. Генералъ вышелъ изъ экипажа, за нимъ и я. Возбужденные, вооруженные солдаты окружили насъ. Стало жутко подъ ихъ разгоряченными взглядами, при видѣ злыхъ, раскраснѣвшихся лицъ. Выстрѣлы и крики кругомъ не умолкали.

— Чего вы хотите? — спросилъ начальникъ дивизіи ближайшихъ.

— Нашихъ товарищей полиція безвинно арестовала!—закричали нѣсколько человѣкъ.

— Какихъ? Когда? Я объ этомъ ничего не знаю.

— Двадцать человѣкъ! Связали и потащили въ тюрьму!

Вотъ до какихъ чудовищныхъ размѣровъ разрослось извѣстіе о задержаніи Кислинскаго, давнымъ-давно мною отпущеннаго! Очевидно, что непрощенные «друзья» сознательно извратили фактъ передъ солдатами и толкнули ихъ на преступленіе.

— Идемъ освобождать ихъ!—кричали между тѣмъ сѣвцы.

— Стойте,—пытался уговорить толпу Полковниковъ, не потерявшій присутствія духа:—я пойду вмѣстѣ съ вами и разберу это дѣло!

— Не надо! Сами дорогу знаемъ!

Въ толпѣ мелькали солдаты, очень мало похожіе на солдатъ. Одного я отлично помню: съ интеллигентнымъ лицомъ, обрамленнымъ бородою, съ длинными волосами, выбивавшимися изъ-подъ шапки, въ унтеръ-офицерской формѣ, онъ распорядился, устанавливая вливая солдатъ въ ряды.

— Идемъ освобождать товарищей!

Много было здѣсь постороннихъ лицъ. Они смѣшались съ сѣвцами.

— Зачѣмъ съ вами посторонніе?—спросилъ я одного сѣвца:—прогоните ихъ!

— Не тронь! Они наши товарищи!

Толпа двинулась.

— Стойте!—закричалъ еще разъ Полковниковъ:—чего вы добиваетесь?

И совѣмъ некстати послышалось въ отвѣтъ:

— Земли и воли!

А другой голосъ кричалъ:

— Зачѣмъ думу разогнали?

Такіе возгласы не предвѣщали ничего добраго. Толпа перестала слушать голосъ разсудка, и надо было немедленно принять репрессивныя мѣры. Мы сѣли въ экипажъ. Солдаты разступились, чтобъ дать ему дорогу. Вдругъ начальникъ дивизіи поднялся во весь ростъ и грозно кричалъ:

— Расходитесь, мерзавцы! Или я васъ разстрѣляю!

Признаюсь, я инстинктивно сжался, ожидая, что въ отвѣтъ на слова Полковникова въ насъ полетятъ пули. Но ближайшіе къ намъ солдаты; очевидно, были озадачены крикомъ генерала, а дальнѣйшіе не слышали его. И только тогда, когда извозчикъ выѣхалъ изъ толпы и погналъ лошадей, мимо нашихъ ушей свистнули двѣ-три пули, пущенныя велѣдъ экипажу.

Полковниковъ приказалъ ѣхать къ себѣ на квартиру, чтобъ отдать распоряженіе о вызовѣ въ ружье остальныхъ войскъ гар-

низона. По дорогѣ онъ вспомнилъ о командирѣ Сѣвскаго полка полковникѣ Шитковскомъ и велѣлъ захватить къ нему. Я думалъ, что начальникъ дивизіи оторветъ звонокъ, такъ онъ яростно схватилъ его у подъѣзда квартиры Шитковского. Послѣдняго мы застали вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ штабсъ-капитаномъ Т. Оба были въ пальто, вѣроятно, готовясь къ выходу.

— Что же вы тутъ сидите!—обрушился на командира полка Полковниковъ. — У васъ въ полку чортъ знаетъ что дѣлается! Отправляйтесь туда!

Полковникъ Шитковскій и штабсъ-капитанъ Т. немедленно вышли изъ квартиры. Мы поѣхали дальше.

У дома, гдѣ жилъ начальникъ дивизіи, уже стояла сотня казаковъ. Командиръ казачьей бригады, прославленный революціонерами генераль-майоръ Калитинъ, вызвавшій по тревогѣ казаковъ и пулеметы, какъ только узналъ о бунтѣ въ Сѣвскомъ полку, расхаживалъ передъ строемъ казаковъ и поучалъ ихъ «передъ боемъ»:

— Царя за копейку продаютъ! Не жалѣй ихъ, станичники! Руби въ полшашки!

— Рады стараться!—отвѣчали казаки.

Генералъ Калитинъ создалъ себѣ извѣстность въ Кременчугѣ, объявивъ себя генераль-губернаторомъ въ красные октябрьскіе дни. Онъ и его казаки были грозой. Не проходило дня, чтобъ Калитинъ не получалъ писемъ, авторы которыхъ угрожали лишить его жизни, если онъ не прекратитъ своей «черносотенной» дѣятельности. И вотъ однажды на городской площади построилась казачья бригада. Прискакалъ верхомъ Калитинъ и обратился къ своимъ станичникамъ съ рѣчью приблизительно такого содержанія:

— Ребята! Меня хотятъ убить жида. Пусть убиваютъ! Радъ сложить голову, какъ старый солдатъ. Но послѣ моей смерти— устройте мнѣ поминки. Отдаю вамъ городъ на три дня!

Въ тотъ же день къ генералу Калитину явилась депутація отъ мѣстнаго еврейскаго населенія. Почтенный раввинъ заявилъ о преданности кременчугскихъ евреевъ правительству и сказалъ, что отнынѣ драгоцѣнную жизнь генераль-губернатора будутъ оберегать особо назначенные люди. Дѣйствительно, дома и на улицѣ Калитинъ былъ съ тѣхъ поръ окруженъ невидимыми конвоирами-евреями, оберегавшими его отъ бомбъ и браунинговъ лучше всякихъ карауловъ. Изъ Кременчуга Калитинъ былъ переведенъ въ Полтаву.

Въ квартирѣ генерала Полковникова собрались начальникъ штаба дивизіи полковникъ Гальгрень и адъютанты. Лица всѣхъ были озабоченныя, серьезныя... Никто не могъ сказать съ увѣренностью, какъ отнесется къ бунту сѣвцевъ Елецкій полкъ. Полковниковъ отдавалъ короткія приказанія.

Конные ординарцы, всегда находившіеся при квартирѣ начальника гарнизона, поскакали съ приказаніями въ Елецкій полкъ и 9-ю артиллерійскую бригаду. Казачьи разъѣзды были направлены къ казармамъ сѣвцевъ; было получено донесеніе, что мятежники ушли съ Ново-Полтавской улицы въ другія казармы (полкъ квартировалъ въ нѣсколькихъ домахъ), и вслѣдъ имъ была послана казачья сотня, съ приказаніемъ атаковать и разогнать толпу. Но въ виду сильной темноты и невозможности развернуться это приказаніе не было исполнено.

Между тѣмъ мы узнали кое-какія подробности о началѣ безпорядка. Первой вооружилась учебная команда. Какъ и въ Елецкомъ полку, вожаки движенія, собравъ вокругъ себя толпу, схвативъ винтовки и разбивъ ящики съ боевыми патронами, гдѣ силой, гдѣ угрозами выгоняли на улицу остальныхъ солдатъ, не оказывавшихъ никакого противодѣйствія. Бывшіе въ казармахъ дежурные взводы растаяли въ толпѣ. Болѣе трусливые солдаты запрятались на чердаки; другіе побѣжали къ ротнымъ командирамъ. Толпа переходила отъ казармъ къ казармамъ, обстрѣливала ихъ и присоединяла къ себѣ новыя толпы. Догнавшій сѣвцевъ полковникъ Шитковскій тщетно уговаривалъ ихъ разойтись. Солдаты, сопровождаемые посторонними лицами, стрѣлявшими изъ браунинговъ, пошли по Кузнецкой улицѣ. Казаки доносили, что сѣвцы кричали: «Идемъ къ ельцамъ! Они заодно съ нами!»

Тѣмъ временемъ въ квартирѣ генерала Полковникова ежеминутно звонилъ телефонъ. Полицеймейстеръ сообщалъ, что сѣвцы окружаютъ исправительное арестантское отдѣленіе. Изъ губернаторской квартиры справлялись, что дѣлаетъ начальникъ гарнизона. Адъютанты торопили Елецкій полкъ. Прошло томительныхъ полчаса,—и наконецъ получено было донесеніе, что ельцы въ полномъ порядкѣ занимаютъ назначенныя имъ по инструкціи мѣста. Мы вздохнули свободнѣе... Но тутъ же вспомнили, что согласно инструкціи, составленной на случай народныхъ безпорядковъ, Елецкій полкъ высылаетъ роты на вокзалы, къ казенному винному складу, къ складамъ имущества, вообще туда, гдѣ въ данное время опасности не предвидѣлось. Необходимо было собрать отрядъ въ одинъ пунктъ, и уже оттуда направить его, куда потребуется. Такимъ пунктомъ была избрана площадь передъ губернаторскимъ домомъ. Оставшіеся ординарцы были посланы съ соотвѣтствовавшими приказаніями въ Елецкій полкъ, а генераль Полковниковъ и я поѣхали къ губернатору В. В. Князеву. Остальные штабные офицеры отправились туда же. По дорогѣ нашъ экипажъ подвергся обстрѣливанію со стороны невидимыхъ враговъ. По насъ стрѣляли изъ револьверовъ на Александровской улицѣ, откуда-то изъ-за угловъ и, какъ мнѣ показалось, изъ слуховыхъ оконъ; выстрѣлы, конечно, принадлежали полтавскимъ террористамъ, не желавшимъ про-

пустить случая подстрѣлить русскаго генерала. Доѣхали мы, однако, вполне благополучно.

Въ губернаторской квартирѣ насъ встрѣтилъ смущенный В. В. Князевъ.

— Сейчасъ все окончится, — сказалъ ему Полковниковъ, снимая пашку и шарфъ, который онъ надѣлъ, уѣзжая изъ своей квартиры.

Петръ Васильевичъ Полковниковъ въ эти тревожные часы успокаивалъ всѣхъ своихъ хладнокровіемъ. Это былъ выдающійся генералъ русской арміи, образованный, начитанный, далеко не ретроградъ. Онъ умѣлъ соединить гумунность со строгостью, рѣшительность съ безстрашіемъ, доходившимъ до безопасности, горячую любовь къ родинѣ съ сознаніемъ ея недостатковъ. Сподвижникъ Скобелева, участникъ многихъ боевъ на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, награжденный офицерскимъ георгіевскимъ крестомъ и золотымъ оружіемъ, Полковниковъ прибылъ въ Манчжурію во главѣ 4-ой стрѣлковой бригады уже послѣ Мукденскаго сраженія. Послѣ заключенія мира онъ былъ посланъ съ чрезвычайными полномочіями въ Читу, гдѣ арестовалъ генерала Холщевникова и обезоружилъ читинскихъ республиканцевъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла и никого не казнивъ. Такой человѣкъ, неуклонно вѣрный своему долгу, конечно, былъ опасенъ террористическимъ партіямъ, — и 4 ноября 1906 г. Полковникова не стало. Онъ былъ убитъ предательскимъ образомъ, двумя револьверными пулями. Убійца стрѣлялъ въ спину, въ тотъ моментъ, когда Полковниковъ, не признававшій никакой личной охраны, несмотря на то, что онъ постоянно получалъ угрожающія письма, садился въ коляску, чтобъ ѣхать въ военное собраніе. Партія социалистовъ-революціонеровъ выпустила объ убійствѣ Полковникова слѣдующее объявленіе, которое я воспроизвожу съ точностью:

«Партія социалистовъ-революціонеровъ.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

О БЪ Я В Л Е Н І Е.

«4 ноября 1906 года казнен в городѣ Полтавѣ генерал Полковников за примѣненіе им, в бытность временным генерал-губернатором г. Читы, жестоких и репрессивных мѣр по отношенію к дѣятелям освободительнаго движенія и за пулеметный, без предупрежденія, из-за угла разстрѣл солдат Сѣвскаго полка и артиллеристов в г. Полтавѣ, вблизи арестантских рот 15 іюля 1906 г.

«Товарищ, исполнившій приговор, — внѣ опасности.

«Летучій Отрядъ Боевой Организациі Пар. Соц. Рев.»

Сколько правды въ этомъ «объявленіи» — знаютъ сами революціонеры...

Товарищъ-убійца былъ пойманъ въ 1907 году.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. По инструкціи, о которой упомянуто выше, для вызова полтавскаго гарнизона были установлены три «положенія», назначаема старшимъ военнымъ начальникомъ. При объявленіи «перваго положенія» войска сосредоточивались въ казармахъ; при «второмъ» — занимали дополнительные караулы и высылали разъѣзды; при «третьемъ» — собирались въ назначенныхъ пунктахъ. 15 іюля начальникъ гарнизона объявилъ «третье положеніе», но второпяхъ, рассылая заранѣе приготовленныя предписанія занять «положеніе», адъютанты не проставили, какое именно. Елецкій и казачій полки узнали о «третьемъ положеніи» по телефону, а артиллеристы, получивъ приказъ, рѣшили, что нужно становиться въ «первое положеніе», и такимъ образомъ батареи остались въ казармахъ. Эта оговорка необходима для разъясненія дальнѣйшихъ событій этой злополучной ночи.

Къ губернаторскому дому прибывали роты ельцовъ. Пришли также два пулемета. Солдаты громко отвѣчали на привѣтствіе начальника гарнизона. Въ боковыя улицы были посланы засады.

О каменные плиты губернаторскаго дома изрѣдка щелкали пули, неизвѣстно откуда залетавшія. Солдаты и казаки тихо переговаривались. Конные полицейскіе стражники, слѣдившіе за сѣвцами, поминутно привозили донесенія о движеніи толпы бунтовщиковъ.

А они, между тѣмъ, подходили къ арестантскому отдѣленію.

Начальникъ тюрьмы г. Б. разсказывалъ мнѣ потомъ, что надзиратели, вооруженные саблями и револьверами, попрятались по разнымъ угламъ, какъ только услышали о приближеніи мятежной толпы. Заключенные волновались и не отходили отъ оконъ. Единственной охраной арестантскаго отдѣленія были крѣпкія рѣшетчатые ворота и караулъ изъ 10 солдатъ Сѣвскаго полка подъ командой поручика Д. Караулъ былъ вызванъ въ ружье и построился во дворѣ, передъ воротами.

Съ криками и стрѣльбой приближалась толпа. Кругомъ была непроглядная тьма, потому что рѣдкіе фонари тушились мятежниками по дорогѣ и, кромѣ того, провода электрическихъ фонарей, освѣщавшихъ тюрьму, были разрѣзаны. Толпа вплотную подошла къ воротамъ. Передовые потребовали открыть. Тогда поручикъ Д., скомандовавъ караулу: «пальба взводомъ», приблизился къ воротамъ и попытался уговорить толпу разойтись, угрожая залпами. Кто-то изъ солдатъ просунулъ въ ворота ружье и легко ранилъ штыкомъ въ ногу поручика Д. Тѣмъ не менѣе названный офицеръ не оставилъ своего поста и продолжалъ держать толпу подъ дулами караула. Рѣшимость послѣдняго подѣйствовала на мятежныхъ сѣвцевъ въ обратную сторону, еще болѣе озлобивъ ихъ.

— Возьмемъ пушки и разобьемъ ворота! — закричали въ толпѣ.

И всё кинулись на соседнюю Жандармскую улицу, во дворъ 2-й батареи 9-й артиллерійской бригады.

То, что произошло затѣмъ, послужило предметомъ полемики на страницахъ «Полтавскаго Вѣстника». Командиръ батареи подполковникъ Сыро-Боярскій, заступаясь за артиллеристовъ, утверждалъ, что они были принуждены силою запрячь лошадей въ орудія и выѣхать къ арестантскому отдѣленію. Артиллеристы не измѣнили воинскому долгу, они не хотѣли принять участія въ беспорядкахъ, но вооруженные сѣвцы грозили перестрѣлять ихъ, если они не дадутъ орудій. Наконецъ, артиллеристы боялись за цѣлость лошадей, если бы на нихъ сѣли пѣхотинцы, и поэтому рѣшили ѣхать сами... Оппоненты возражали г. Сыро-Боярскому, что присяга требовала отъ артиллеристовъ упорнаго сопротивленія, что они, вооруженные револьверами, могли запереться въ казармахъ и обстрѣлять толпу, что лучше было бы умереть у артиллерійскихъ знаменъ—орудій, чѣмъ поддаваться требованіямъ мятежниковъ. Какъ бы то ни было, но фактъ остался фактомъ: артиллеристы помогали сѣвцамъ запрягать лошадей. А когда все было готово, то слышались крики: «Взяли ли ударники? Не забыли ли ихъ?» Очевидно, что спрашивать объ ударникахъ могли только люди, умѣющіе обращаться съ пушками. Военно-окружный судъ, засѣдавшій въ Полтавѣ въ апрѣлѣ 1907 г., сурово отнесся къ восьми обвинявшимся артиллеристамъ: всё они были присуждены къ отдачѣ въ дисциплинарные батальоны.

Итакъ, захвативъ четыре пушки, сѣвцы снова подошли къ арестантскому отдѣленію.

Тѣмъ временемъ генералъ Полковниковъ, собравъ передъ губернаторскимъ домомъ Елецкій полкъ, послалъ противъ сѣвцевъ 2 или 3 роты съ двумя пулеметами подъ общей командой подполковника Васильева. Въ глубокой тѣмѣ отрядъ подошелъ къ тюрьмѣ, окруженной сѣвцами. Отдѣльныя группы ихъ копошились у орудій, снимая передки.

Казачій хорунжій, бывшій въ отрядѣ Васильева, предложилъ толпѣ разойтись. Это предложеніе, повторенное три раза, не произвело никакого впечатлѣнія. Въ толпѣ кричали: «Ладно! не напугаете! Стрѣлять не будете!» Возгласы заключенныхъ, высовывавшихся изъ оконъ арестантскаго отдѣленія, поддерживали въ сѣвцахъ воинственное настроеніе...

Трубачъ заигралъ сигналъ «стрѣлять». Толпа не обратила никакого вниманія.. Три раза игралъ трубачъ, но толпа продолжала напирать на тюремныя ворота. Тогда Васильевъ приказалъ открыть огонь.

Пулеметы дали двѣ очереди патроновъ. Третья рота сдѣлала нѣсколько залповъ...

Русскій читатель такъ привыкъ къ описаніямъ ужасовъ, что рассказъ о короткой стрѣльбѣ по мятежнымъ сѣвцамъ не приба-

вить ничего новаго къ десяткѣ такихъ же рассказовъ. Толпа, за минуту передъ прибытіемъ карательнаго отряда безчинствовавшая и не признававшая никакой власти, разбѣжалась въ паническомъ ужасѣ, оставивъ на мостовой фуражки, пояса, ружья и патроны. Одни прятались по обывательскимъ дворамъ, другіе спѣшили въ казармы. Нѣсколько солдатъ были найдены потомъ въ отхожихъ мѣстахъ. Одинъ сѣвецъ, мчавшійся куда глаза глядятъ, былъ задержанъ у губернаторскаго дома. Приведенный къ начальнику гарнизона, онъ на всѣ вопросы растерянно отвѣчалъ: «не могу знать».

Такъ какъ стрѣляли въ темнотѣ и не цѣлясь, то результатъ стрѣльбы былъ ничтожный. Убить одинъ артиллеристъ - ѣздовой; точнаго числа раненыхъ (одинъ изъ нихъ смертельно) теперь не помню; оно не превышало 6—8. Были легко ранены нѣсколько постороннихъ, принимавшихъ участіе въ беспорядкѣ. Убиты, наконецъ, три лошади.

Бунтъ сѣвцевъ былъ прекращенъ. Генераль Полковниковъ приказалъ командиру Сѣвскаго полка собрать солдатъ и привести ихъ безоружными на площадь передъ домомъ губернатора. Уже разсвѣтало, когда полкъ въ полномъ составѣ построился на площади. Начальникъ дивизіи началъ обходить ряды.

Странное впечатлѣніе производили эти сѣрые ряды, всего лишь часъ тому назадъ волновавшіеся и не думавшіе о томъ, что они измѣняютъ воинскому долгу. Многіе солдаты стояли безъ фуражекъ, потерянныхъ во время бѣгства отъ арестантскаго отдѣленія. Какая-то пришибленность, недоумѣніе читались на солдатскихъ лицахъ...

— Чего ты бунтовалъ?—спрашивалъ одного за другимъ генераль Полковниковъ.

И тогда слѣдовалъ безнадежный отвѣтъ:

— Не могу знать, ваше превосходительство.

А нѣкоторые повторяли стереотипную фразу:

— Всѣ пошли, и я пошелъ.

Отъ такихъ отвѣтовъ становилось вполне яснымъ, что этими несчастными солдатами, подлежавшими строгому приговору военнаго суда, руководила чья-то посторонняя злая воля, толкнувшая ихъ на преступленіе безъ всякаго пониманія, что они дѣлаютъ и чего хотятъ.

Когда судили главныхъ виновниковъ сѣвскаго бунта, одинъ подсудимый, грузинъ по происхожденію, такъ охарактеризовалъ себя: «Моя—баранъ. Пошла—не зналъ куда».

Нужно ли послѣ этого доказывать, что подобныя возмущенія, съ восторгомъ встрѣчаемыя антимилитаристами и врагами государственнаго порядка, вызывались искусственнымъ путемъ и такъ же скоро глотили, какъ быстро возникали. Въ возмущеніяхъ солдатъ,

наивныхъ, какъ дѣти, трудно видѣть какое-нибудь сознательное отношеніе къ совершенному, и поэтому не такъ виновны они, какъ подстрекатели, сѣющіе смуту въ войскахъ. Еще меньше можно приписать солдатскимъ бунтамъ то, что приписывали ими дѣятели такъ называемаго освободительнаго движенія, а именно сочувствіе революціоннымъ идеямъ и социалистической пропагандѣ. Изъ описанія елецкаго и сѣвскаго бунтовъ мы видимъ, что не «борьба за свободу» ставила солдатъ лицомъ къ лицу съ пулеметами, а безвольное отношеніе къ рѣчамъ агитаторовъ, прятаншихся за солдатскія спины и посылавшихъ солдатъ на каторгу.

Военный судъ приговорилъ четырехъ сѣвцевъ въ каторжныя работы на различные сроки, присудивъ остальныхъ подсудимыхъ (около 70 чел.) къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ.

А. Коппе.

ВИССАРИОНЪ ВИССАРИОНОВИЧЪ КОМАРОВЪ.

(Воспоминанія).

I.

ТАРОЕ поколѣнiе сходитъ со сцены. Прошлый 1907 годъ вырвалъ изъ русской жизни цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей. Въ самые послѣднiе дни стараго года скончался, совершенно неожиданно для всѣхъ окружавшихъ, старый редакторъ и публицистъ, видный поборникъ славянскаго движенiя и видный общественный дѣятель Петербурга Виссарiонъ Виссарiоновичъ Комаровъ. Онъ умеръ отъ паралича сердца. Передъ тѣмъ продолжительное время онъ хворалъ затажной болѣзнью, но никто не ожидалъ, что такъ быстро оборвется эта дѣятельная и плодотворная жизнь.

Виссарiонъ Виссарiоновичъ Комаровъ былъ основателемъ первой въ Петербургѣ популярной дешевой газеты «Свѣтъ», руководимой имъ непрерывно до послѣднихъ дней его жизни и имѣвшей рѣдкiй успѣхъ. Это была яркая идейная газета, каковой она осталась и теперь; небывалая въ прежнiе годы цифра тиража «Свѣта» (100.000 подписчиковъ) вызывала повышенное вниманiе общества къ публицистической дѣятельности В. В. Комарова и нескрываемую зависть къ его успѣху въ нарождавшихся изъ года въ годъ его конкуррентахъ и подражателяхъ. Газета «Свѣтъ» дала покойному состоянiе, дала ему колоссальный домъ въ Петербургѣ, въ которомъ можетъ помѣститься населенiе цѣлаго уѣзднаго города, и создала, наконецъ, ему прочныя симпатiи его многочисленныхъ единомышленниковъ, составлявшихъ аудиторiю «Свѣта».

В. В. Комаровъ былъ человѣкомъ чрезвычайно живымъ и разностороннимъ. Онъ все близко принималъ къ сердцу. Его волновали и вопросы славянской жизни, въ которыхъ онъ былъ большимъ знатокомъ, и внутреннія дѣла Россіи, и городскія дѣла Петербурга. Онъ всюду поспѣвалъ, увлекался всякой заманчивой идеей, каждымъ живымъ и симпатичнымъ дѣломъ и на все его хватало. Этотъ человѣкъ, можно сказать, кипѣлъ, пилъ полную чашу жизни и на все живое и симпатичное отзывался съ рѣдкой чуткостью.

Люди, хорошо знавшіе В. В. Комарова, въ шутку говорили:

— Это изумительный человѣкъ. У него столько дѣлъ и обязанностей, что онъ могъ бы со спокойной совѣстью ровно ничего не дѣлать: все равно не управиться. Но онъ работаетъ и какъ-то вездѣ поспѣваетъ...

Въ частной жизни Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ производилъ удивительно симпатичное впечатлѣніе. Это былъ рѣдкій въ Петербургѣ человѣкъ дѣла и общества, стоявшій внѣ понятій мѣстничества и табели о рангахъ. Онъ былъ одинаковъ, какъ съ петербургскимъ сановникомъ, такъ и съ несчастнымъ болгаринномъ, закинутымъ обстоятельствами въ Россію и пришедшимъ къ Комарову просить его покровительства и защиты... Напротивъ, В. В. относился съ особой отзывчивостью къ несчастью и былъ чрезвычайно строгъ къ вліянію и могуществу сильныхъ. Послѣднія событія въ Россіи, прогрессирующая два года назадъ революціонная смута, бездѣйствіе и попустительство властей и разгоравшійся по всей Россіи пожаръ анархіи чрезвычайно волновали его.

— Что это такое?—говорилъ онъ.—Ни находчивости, ни разума въ петербургскихъ сферахъ, какое-то вырожденіе. Россія гибнетъ, разоряется, и никому до этого нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Изумительно. Вѣдь всѣ видятъ, какъ далеко зашла бѣда; день ото дня все хуже, а у власти нѣтъ никакой энергіи, никакого вниманія къ событіямъ. Недоумѣваешь... Зачѣмъ же вы беретесь управлять страной? Если вы тупы, бездарны, дайте мѣсто другимъ. Не оскудѣлъ еще русскій разумъ! А то какая-то слѣпота, подслуживаніе къ лицамъ, къ обстоятельствамъ и больше ничего. Можно подумать, что среди сановниковъ нѣтъ ни одного умнаго человѣка. Одни молчатъ изъ лести, другіе изъ подслуживанія моднымъ вѣяніямъ и сильнымъ вліяніямъ, а страна гибнетъ.

Это было въ тяжелые и кровавые дни 1905 года. Смута шла по всей Россіи, не оставляя безъ потрясеній и Петербургъ, гдѣ дѣйствовали забастовочные комитеты. Всякая работа останавливалась, типографіи бездѣйствовали, газеты не выходили. Эта исторія повторялась и въ 1906 году. Зарождавшійся въ то время изъ незначительной частной газеты офиціозъ—газета «Россія»—бойкоти-

ровалась типографскими забастовками и печатался по секрету въ министерской типографіи.

Замѣчательно, что въ это время «Свѣтъ» не зналъ никакихъ затрудненій и исправно выходилъ, не считаясь съ забастовочнымъ вандализмомъ... Въ 1905 году забастовщики били стекла въ типографіи Комарова, но дружная семья его типографскихъ рабочихъ все-таки не бросала дѣла. Чѣмъ это объяснялось? Только тѣмъ, что вокругъ В. В. Комарова была сплоченная, единомышленная съ нимъ среда работниковъ, которые знали цѣну смутѣ и дорожили близкимъ вѣмъ имъ дѣломъ. В. В. Комаровъ замѣчательно располагалъ къ себѣ, умѣлъ внушить любовь къ своему дѣлу и умѣлъ поддерживать духъ солидарности среди работниковъ своей редакціонной семьи и типографіи. Правда, у него мѣнялись настроенія, и онъ нерѣдко охладѣвалъ къ своимъ сотрудникамъ и служащимъ, ссорился и даже разставался съ ними, но это бывало по большей части не надолго, и старые работники вновь возвращались къ нему, въ знакомую редакціонную среду. У В. В. Комарова не было злопамятности, хотя, къ сожалѣнію, не было и ровныхъ отношеній съ близкими ему людьми, что объяснялось, по всей вѣроятности, живостью и излишней иногда впечатлительностью его характера.

И въ своихъ положительныхъ шагахъ, и въ своихъ заблужденіяхъ В. В. Комаровъ, однако, всегда былъ искреннимъ и непосредственнымъ. Какъ ни непрочны бывали его отношенія съ людьми, но у него было больше все же друзей, чѣмъ враговъ. И прочіе всего были обширныя его связи въ славянскомъ мірѣ, гдѣ его понимали и цѣнили по достоинству и гдѣ онъ былъ замѣчательно популяренъ. Въ этомъ я убѣдился во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ по славянскому Востоку, гдѣ съ именемъ В. В. Комарова связывались живѣйшія симпатіи къ русскому дѣлу и даже надежды на возможность пробужденія энергіи Россіи въ славянскомъ вопросѣ.

Я никогда не забуду, съ какимъ живымъ чувствомъ встрѣчали меня, какъ представителя газеты В. В. Комарова, болгарскіе дѣятели Константинополя, куда я выѣзжалъ для свиданія съ болгарскимъ экзархомъ.

— Тяжело складывается наша жизнь,—говорили мнѣ константинопольскіе болгары.—Турція насъ ненавидитъ за наше родство съ Россіей, а Россія не то, чтобы отвернулась отъ насъ, а по обстоятельствамъ стала весьма индифферентной къ славянству. Немного у васъ осталось людей, которые понимаютъ всю историческую важность славянскаго вопроса, въ которомъ надежды славянства и будущее Россіи. Когда мы присматриваемся къ русской жизни и слѣдимъ за ней по русскимъ газетамъ, то видимъ только одинъ неизмѣнный и попрежнему энергичный русскій голосъ

В. В. Комарова. Виссаріонъ Виссаріоновичъ не остылъ къ славянской идеѣ и ратуеть за нее...

Такъ говорили константинопольскіе болгары о В. В. Комаровѣ. Послѣдній усматривалъ въ измѣнчивыхъ настроеніяхъ русскихъ дипломатическихъ сферъ, русскаго общества и печати непониманіе національныхъ задачъ. Онъ, наперекоръ господствующимъ въ Петербургѣ теченіямъ, оставался твердымъ и, надо сказать правду, блестящимъ поборникомъ славянской идеи.

Комарова хорошо знали въ славянскихъ кругахъ Константинополя, въ Бѣлградѣ, въ Софіи, въ Вѣнѣ. Это ясно обнаружилось на его недавнихъ похоронахъ, на которыя болѣзненно откликнулись всѣ дружескіе голоса, затерянные въ глубинѣ славянскихъ и австрійскихъ земель...

II.

Судьба свела меня съ Виссаріономъ Виссаріоновичемъ очень давно и на долгіе годы. Двадцать три года тому назадъ я началъ первые шаги журнальной работы въ тогдашнихъ петербургскихъ газетахъ, въ то время весьма немногочисленныхъ. Въ Петербургѣ были два-три серьезныхъ органа и процвѣтали бойкіе уличные листки, расходившіеся, однако, всего въ пяти, рѣдко въ шести тысячахъ экземпляровъ. Нѣсколько нейтральныхъ органовъ, предназначенныхъ преимущественно для провинціи, имѣли недурной успѣхъ. Въ ряду ихъ необычайно быстро занялъ видное положеніе маленькій комаровскій «Свѣтъ», основанный въ 1882 году. Редакціей его двадцать три года тому назадъ завѣдывалъ талантливый, покойный нынѣ, поэтъ Гавріиль Александровичъ Хрущевъ-Сокольниковъ, писавшій также и романы фельетоннаго жанра. Быстро несущееся время сглаживаетъ типы, характеры, впечатлѣнія былыхъ дней и обращаетъ вчерашнихъ дѣятелей въ ничто, въ ряды могилъ, но какіе въ то время были цѣльные, порядочные, искренніе люди! Я отлично помню этого хорошаго человѣка, бурнаго, увлекающагося вдохновеніемъ и работой Гавріила Александровича, съ его кристально-чистой душой, съ мѣткимъ юморомъ въ рѣчахъ, съ неизсякаемой изобрѣтательностью въ его разнообразныхъ стихахъ и фельетонныхъ романахъ.

— Вотъ, батюшка,—говорилъ мнѣ Гавріиль Александровичъ,—устраивайтесь-ка у насъ... Дѣло симпатичное, большое... Вы, конечно, слышали о В. В. Комаровѣ... Заходите ко мнѣ, мы потолкуемъ. Вы бы могли быть полезнымъ нашей газетѣ. Приходите въ редакціонные часы, я васъ представлю В. В. Комарову.

Съ Хрущевымъ-Сокольниковымъ мы были сотоварищами по редакціи одной, теперь давно уже не существующей газеты, гдѣ онъ писалъ воскресные фельетоны.

Двадцать три года тому назадъ Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ только что начиналъ изданіе «Свѣта». Это былъ не первый его опытъ въ издательскомъ дѣлѣ. Ранѣе онъ былъ руководителемъ газеты «Русскій Міръ», бывшей довольно яркой выра-

Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ.

зительницей взглядовъ своего лагеря, а затѣмъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (съ 1878 г. по 1881 г.). При началѣ изданія «Свѣта» В. В. Комаровъ не имѣлъ еще собственнаго дома. Газета «Свѣтъ» ютилась на бивуакахъ и дѣлала лишь первые шаги къ своему

будущему выдающемуся успѣху. Я помню этотъ домъ на углу Фонтанки и Лештукова переулка, напротивъ Малаго театра, гдѣ нѣсколько лѣтъ помѣщалась редакція «Свѣта». Домъ былъ только что выстроенъ, стѣны его еще не обсохли, но уже въ этомъ непривѣтливомъ помѣщеніи кипѣла жизнь и шла работа. Въ одномъ этажѣ помѣщалась редакція, въ другомъ—контора «Свѣта». Типографія только что устраивалась. В. В. Комаровъ, энергичный, живой, самъ руководилъ устройствомъ своего новоселья, бѣгалъ изъ этажа въ этажъ, суетился, и, благодаря ему, оживали эти мрачныя стѣны многоэтажной громады и все въ нихъ принимало живой и симпатичный отпечатокъ одухотворенной работы.

Я побывалъ въ новой редакціи у Г. А. Хрущева-Сокольниковъ, который познакомилъ меня съ Комаровымъ. Невысокаго роста, полный полковникъ генеральнаго штаба привѣтливо встрѣтилъ меня и, пожимая мнѣ руку, сказалъ:

— Пожалуйста, поработайте у насъ. Мы интересуемся тѣмъ, чтобы у насъ были извѣстія и новости, какъ и въ большихъ газетахъ. Не обращайтесь на то, что вы человѣкъ новый, и держите себя такъ, какъ будто бы мы старые знакомые.

Онъ познакомилъ меня съ членами своей редакціи, въ то время еще немногочисленными.

Газета «Свѣтъ» уже занимала извѣстное положеніе. Въ ней участвовали видные литераторы и фигурировали крупныя имена. В. В. Крестовскій печаталъ въ «Свѣтѣ» нѣкоторые свои романы, Г. П. Данилевскій (отецъ жены В. В. Комарова) помѣщалъ въ газетѣ и въ приложеніяхъ къ ней свои капитальныя беллетристическія работы: «Черный годъ», «Бѣглые въ Новороссіи», «Бѣглые воротились». Романъ Г. П. Данилевскаго «Мировичъ» тогда былъ только что разрѣшенъ императоромъ Александромъ II и во второй редакціи онъ тоже появился въ изданіяхъ «Свѣта».

В. В. Комаровъ располагалъ къ себѣ съ первой встрѣчи. Онъ говорилъ просто, свободно, безъ предвзятой черствости и чиновничаній и старался заинтересовать каждаго своимъ дѣломъ. Онъ самъ увлекался этимъ дѣломъ. Правда, его вниманіемъ овладѣвали скоро другія дѣла, другіе планы, но онъ не оставлялъ начатаго... Онъ былъ человѣкомъ минуты, но таковы многіе представители литературнаго міра. Настроеніе минуты играетъ у нихъ подавляющую роль, открываетъ имъ широкіе горизонты, а улеглось это приподнятое настроеніе, и отъ тѣхъ дѣлъ, которыя ихъ такъ волновали, немного осталось... Другія заботы овладѣваютъ ими.

Около В. В. Комарова составлялся небольшой литературный кружокъ. Главными его помощниками были П. А. Монтеверде и упомянутый выше Г. А. Хрущевъ-Сокольниковъ. Секретарское амплуа занималъ одинъ оригинальнаго вида господинъ маленькаго роста, хромой, съ необыкновенной шевелюрой, похожей на оленье рога.

Это былъ Н—вичъ-І—ко. Затѣмъ у Комарова было нѣсколько чело-
вѣкъ служащихъ и управителей по хозяйственной части, которые
оставались долгіе годы его помощниками. Газета «Свѣтъ» съ каждымъ
годомъ прогрессировала въ своемъ распространеніи. Это была един-
ственная въ то время дешевая газета, отличавшаяся литератур-
ными достоинствами, искреннимъ и горячимъ тономъ и дававшая
провинціи богатые свѣдѣнія о русской жизни. Читателями ея была
убѣжденная публика, предъявлявшая свои опредѣленные серьезные
запросы. В. В. Комаровъ не только руководилъ «Свѣтомъ», онъ
самъ много писалъ въ своей газетѣ, въ особенности по столь зна-
комымъ ему и столь любимымъ имъ славянскимъ вопросамъ.

III.

В. В. Комаровъ, сербскій генералъ, былъ въ 1876 году началь-
никомъ штаба сербской дѣйствующей арміи, которою командовалъ
М. Г. Черняевъ. Виссаріонъ Виссаріоновичъ участвовалъ въ бою
подъ Шумовичей, гдѣ сражалось 77.000 сербовъ. В. В. руково-
дилъ боемъ и за свои военные заслуги онъ послѣ Шумович-
скаго боя получилъ чинъ генерала. Въ слѣдующемъ 1877 году
В. В. опять поѣхалъ на славянскій Востокъ, но уже въ качествѣ
публициста, даваго, между прочимъ, прекрасныя описанія воен-
ныхъ событій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Онъ сохра-
нялъ самыя симпатичныя, трогательныя воспоминанія о призна-
тельной ему Сербіи, превосходно зналъ всѣхъ болгарскихъ дѣя-
телей и поддерживалъ всю жизнь непосредственныя живыя связи
со славянскимъ міромъ. Многолѣтнія отношенія связывали В. В.
съ вождемъ болгарской руссофильской партіи и бывшимъ мини-
стромъ-президентомъ Болгаріи Каравеловымъ, который при Стам-
буловѣ заплатилъ пытками и истязаніями за свою преданность
Россіи. В. В. былъ близокъ съ Драганомъ Цанковымъ, тоже вид-
нымъ представителемъ болгарской руссофильской партіи и почти
несмѣняемымъ предсѣдателемъ болгарскаго народнаго собранія.
Дружескія отношенія связывали Комарова со Стоиловымъ, Станче-
вымъ (министръ иностранныхъ дѣлъ Болгаріи и бывший болгар-
скій посланникъ въ Россіи). Нынѣшній министръ-президентъ Сербіи
Пашичъ былъ секретаремъ Виссаріона Виссаріоновича въ 1876 г.
и въ началѣ 1877 г., когда В. В. занималъ постъ начальника штаба
болгарской дѣйствующей арміи. Съ тѣхъ поръ ихъ связи не пре-
кращались. Савва Груичъ, бывший до Пашича министромъ-прези-
дентомъ Сербіи и нѣсколько лѣтъ посланникомъ въ Константи-
нополѣ и въ Россіи, тоже былъ однимъ изъ преданныхъ друзей
В. В. Комарова и во время своихъ пріѣздовъ въ Россію подолгу
гостилъ у него.

Къ числу друзей В. В. Комарова принадлежали также сербскій ученый и патриотъ Новаковичъ, первый составитель сербской грамматики, бывшій въ 1903 году сербскимъ посланникомъ въ Петербургъ, Маринковичъ, безсмѣнный предсѣдатель сербскаго сената, человѣкъ близкій королевской семьѣ, Олимпій Васильевичъ, бывшій сербскій посланникъ въ Петербургъ и тоже близкій человѣкъ къ сербскому двору, Прогичъ, предсѣдатель скупщины, и другіе.

В. В. Комаровъ и послѣ войны 1877—78 гг. неоднократно посѣщалъ славянскія земли, поддерживая личныя связи со славянскими дѣятелями. Въ 1896 году онъ ѣздилъ въ Софію на торжество крещенія княжича Бориса (присоединеніе къ православію), причѣмъ удостоился знаковъ особаго вниманія со стороны князя Фердинанда: на торжествахъ князь Фердинандъ посадилъ его рядомъ съ собой. Въ Бѣлградѣ, на пути В. В. Комарова въ Россію, его, по желанію короля, чествовали сербскіе патриоты. Въ слѣдующемъ, 1897 году посѣтившій Петербургъ князь Фердинандъ пріѣхалъ на домъ къ В. В. Комарову и подарилъ ему цѣнный семейный портретъ княжича Бориса.

Живыя связи В. В. Комарова со славянскимъ міромъ не прекращались до самой его смерти.

Помню, когда я уѣзжалъ изъ Петербурга въ большую поѣздку въ Константинополь и въ Македонію, В. В. Комаровъ со собственнымъ ему увлеченіемъ говорилъ мнѣ о болгарскихъ дѣлахъ.

— Вы увидите любопытный міръ, интересныя картины. Обратите вниманіе, что въ Константинополѣ не менѣе 400.000 православныхъ. Изъ нихъ значительная часть славянъ, оставленныхъ на произволъ судьбы, находящихся внѣ чьей-либо опеки и заботы. Эти славяне — черногорцы, болгары, сербы — живутъ на Босфорѣ, какъ настоящіе паріи человѣчества. Это происходитъ потому, что въ Константинополѣ нѣтъ русскаго и славянскаго центра, хотя есть германскіе и католическіе центры. Осмотритесь въ Константинополѣ, — продолжалъ Виссаріонъ Виссаріоновичъ: — тамъ есть освѣдомленные русскіе дѣятели, которые подробно знакомятъ васъ съ настоящимъ положеніемъ на Ближнемъ Востокѣ. Посѣтите болгарскаго экзарха Юсифа и побесѣдуйте съ нимъ о турецко-болгарскихъ отношеніяхъ. Это передовой и чуткій человѣкъ, въ данномъ вопросѣ онъ можетъ освѣтить вамъ всю правду и раскрыть многія детали.

Я вспомнилъ эти слова, какъ только вступилъ на берегъ Царьграда. Я видѣлъ въ Константинополѣ эту полную разрозненность славянства и пристраивавшую оттого его безпомощность. Я видѣлъ въ турецкой столицѣ подавляющее вліяніе Германіи, самой сильной совѣтницы при турецкомъ дворѣ; я видѣлъ сплоченные и сильные англійскіе, американскіе, французскіе центры, видѣлъ блестящія иностранныя коллегіи Константинополя и уди-

влялся, какъ мало сдѣлано въ Турціи для славянства и какъ ничтожно стало въ Константинополѣ русское вліяніе и русскій престижъ.

Среди славянскихъ дѣятелей Константинополя, съ которыми я бесѣдовалъ о политическихъ дѣлахъ, жили живыя симпатіи къ В. В. Комарову, и почтенный болгарскій экзархъ Іосифъ, весьма симпатично встрѣтившій меня, при имени В. В. Комарова привѣтливо улыбнулся.

— Мнѣ очень дорого, — сказалъ онъ, — каждое воспоминаніе о Россіи и пріятно слышать имена истинныхъ друзей славянства.

В. В. Комаровъ широко и многосторонне понималъ все значеніе славянской идеи для Россіи. И въ этомъ отношеніи нельзя было не быть его единомышленникомъ. Посѣщеніе Константинополя и затѣмъ Македоніи, гдѣ я увидѣлъ всѣ ужасы греко-славянской борьбы и звѣрства эллинскаго наступательнаго террора, сдѣлали изъ меня горячаго приверженца симпатій къ страдающему болгарскому народу. Возвратившись изъ своей поѣздки въ Петербургъ, я передавалъ В. В. Комарову свои впечатлѣнія и наблюденія на Востокѣ, пожалуй, съ не меньшимъ одушевленіемъ, чѣмъ онъ говорилъ мнѣ обо всемъ этомъ передъ моимъ отъѣздомъ.

— Вы видите теперь, — замѣтилъ Виссаріонъ Виссаріоновичъ, — какъ слабо и разрознено славянство. Но какія въ немъ искреннія и могучія силы. Вся трагедія въ томъ, что ему не на что опереться. Всѣ его симпатіи, всѣ надежды направлены къ Россіи. Россія была сильна въ прошломъ. Только изъ-за дипломатическихъ ошибокъ мы не овладѣли въ свое время Константинополемъ. Славянство привыкло вѣрить въ могущество Россіи, и эти надежды славянъ на руководящую роль Россіи въ славянскомъ мірѣ не угасаютъ, несмотря на всѣ превратности судьбы. Какъ измѣнилась вся картина со времени турецкой войны... Благодаря поколѣніямъ дипломатовъ-бездарностей, дѣлавшихъ ошибку за ошибкой и не понимавшихъ славянскаго вопроса, Россія слишкомъ много потеряла. Нужно много любви къ намъ, чтобы еще съ надеждами смотрѣть на насъ, и вотъ, въ славянской средѣ не угасаютъ эти надежды. Славянство увѣрено, что никто, кромѣ Россіи, не можетъ явиться вершителемъ судебъ славянскаго міра... Намъ нужно бы понимать всю важность этой задачи, а мы, къ сожалѣнію, смотримъ въ другую сторону и увлекаемся политическими авантюрами въ Манчжуріи, въ которой для насъ все чужое и исторически намъ чуждое.

Среди суетливаго, холоднаго и чваннаго Петербурга если и былъ славянскій очагъ, то этотъ очагъ былъ въ квартирѣ В. В. Комарова и въ редакціи «Свѣта», куда пріѣзжали всѣ посѣщавшіе Петербургъ дѣятели славянскаго міра, болгарскіе и сербскіе министры, депутаты и офицеры, ученые, политическіе дѣятели, сту-

денты, журналисты, и всѣ находили въ домѣ В. В. Комарова радушный и теплый пріемъ, а нѣкоторыя встрѣчи почетныхъ славянскихъ гостей выливались у Комарова въ большія празднества, торжественныя обѣды и въ пышныя чествованія.

Я помню пріѣзды въ Петербургъ сербскихъ и болгарскихъ патріотовъ, чешскихъ писателей и артистовъ, помню вечера, устраивавшіеся въ домѣ В. В. Комарова въ честь Каравелова, Цанкова, Гешова, въ честь навѣщавшихъ Россію словаковъ, въ честь галицкаго дѣятеля Манчаловскаго, редактора «Галичанина» и члена австрійскаго парламента, въ честь другого галичанина Маркова. Въ домѣ Комарова бывало много галичанъ и чеховъ. Его посѣщали чешскіе пѣвцы и пѣвицы. Въ былые годы въ Петербургѣ дѣйствовало Славянское общество, которымъ устраивались торжественныя пріемы славянскихъ гостей, и этими пріемами руководилъ В. В. Комаровъ. Въ послѣдніе годы это общество совсѣмъ зачахло. Съ самаго его возникновенія ему не посчастливилось. Выбранный предсѣдателемъ общества В. В. Комаровъ не былъ въ свое время утвержденъ, такъ какъ опасались, что общество подъ его руководствомъ пріобрѣтетъ слишкомъ демонстративный характеръ. Былъ утвержденъ предсѣдателемъ графъ Игнатьевъ, который, какъ говорятъ, обѣщаль, что общество будетъ тише воды и ниже травы и не вызоветъ никакихъ дипломатическихъ неудовольствій. В. В. Комаровъ, пользовавшійся громадною популярностью среди славянской молодежи, создалъ при обществѣ общежитіе для послѣдней и завѣдывалъ имъ.

— Если бы Комаровъ былъ во главѣ общества, — говорилъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, — началось бы славянское движеніе, съ которымъ мы, пожалуй, не справимся. А при Игнатьевѣ мы спокойны... Ничего не будетъ.

Славянскіе гости собирались въ квартирѣ В. В. Комарова, въ присутствіи иногда весьма многочисленнаго русскаго общества. В. В. Комаровъ былъ связующимъ звеномъ между мало знакомыми другъ другу славянскими представителями, съѣхавшимися изъ разныхъ угловъ. Но достаточно имъ было побыть въ обществѣ В. В. Комарова, какъ сказывалась объединительная власть этого радушнаго хозяина.

На обѣдахъ и ужинахъ, устраивавшихся В. В. Комаровымъ въ честь славянскихъ гостей, произносились горячіе застольныя рѣчи и тосты, былъ бурный обмѣнъ дружескихъ привѣтствій, и въ обстановкѣ холоднаго, чванливаго Петербурга, гдѣ департаментскимъ мѣстничествомъ и чиновничествомъ отравлено все, пріѣзжій болгаринъ или сербъ впервые слышалъ искреннее задушевное слово русскихъ людей въ домѣ Комарова.

Петербургжцы удивлялись рѣдкой способности Виссаріона Виссаріоновича вносить жизнь и одушевленіе въ эти славянскія собранія.

— Знаете, онъ неутомимъ,—говорили про него.— У него какая-то особая способность сблизить людей, заставить ихъ забыть чины и ранги, которые такъ старательно подчеркиваются въ петербургскихъ гостинныхъ. Виссаріонъ Виссаріоновичъ самъ увлекается своей миссіей объединителя, забываетъ свои годы и среди своихъ гостей обнаруживаетъ рѣдкую живость и мягкость своей молодой души.

IV.

В. В. Комаровъ былъ универсаленъ. Его занимала всякая новая идея, онъ иногда бросался отъ одного дѣла къ другому, умѣлъ отыскивать симпатичныя предпріятія и, не оставляя прежде начатыхъ, увеличивалъ свою сложную и разностороннюю работу до гигантскихъ размѣровъ.

Въ 1887 году онъ былъ душою охватившаго Петербургъ движенія въ пользу дружественнаго союза съ Франціей, поддерживалъ дружественныя сношенія съ m-me Аданъ и Деруледомъ и явился однимъ изъ главныхъ организаторовъ франко-русскихъ торжествъ въ Петербургѣ и встрѣчи французской эскадры. Блестящій приѣмъ и банкеты, устроенные В. В. Комаровымъ въ честь французскихъ журналистовъ, оставили въ нихъ долгую по себѣ память. Французское правительство наградило В. В. Комарова орденомъ Почетнаго легіона. Въ 1892 году В. В. совершилъ поѣздку въ Тулонъ.

Въ томъ же 1892 году В. В. Комаровъ явился организаторомъ въ Петербургѣ «Россійскаго телеграфнаго агентства» и двѣнадцать лѣтъ онъ пробылъ въ качествѣ предсѣдателя и руководителя этого агентства.

Въ теченіе 22 лѣтъ (съ 1884 года) Комаровъ былъ предсѣдателемъ имъ же организованнаго общества ночлежныхъ домовъ въ Петербургѣ, устроившаго четыре громадныя ночлежныхъ дома, въ которомъ находили себѣ пріютъ до 2.000 человекъ. Общество собрало капиталъ, и эти ночлежные дома, существующіе до сихъ поръ, послужили образцомъ для устройства ночлежныхъ домовъ городомъ Петербургомъ и градоначальствомъ.

Въ 1902 году В. В. Комарова занимала идея перехода къ нему стараго московскаго журнала «Русскій Вѣстникъ». Въ этомъ отношеніи у него былъ важный помощникъ и единомышленникъ покойный Василій Львовичъ Величко, который горячо поддерживалъ мысль объ этомъ изданіи.

— Знаете, такое блестящее дѣло,—говорилъ Виссаріонъ Виссаріоновичъ:—оно нѣсколько упало въ рукахъ семьи Катковыхъ, но его можно поднять. Мнѣ предлагаютъ взять аренду «Русскаго Вѣстника» на не особенно тяжелыхъ условіяхъ нѣсколько тысячъ въ годъ и, знаете, для такого дѣла дѣйствительно стоитъ пора-

ботать. Журналъ имѣетъ блестящее прошлое, въ немъ писали Тургеневъ, Толстой, самъ покойный Катковъ. Публика, вѣроятно, не забыла этого блестящаго прошлаго «Русскаго Вѣстника» и, я думаю, можно поднять этотъ журналъ, внести въ него жизнь, обогатить его литературными и матеріальными средствами. Симпатичная задача...

Виссаріонъ Виссаріоновичъ съ большимъ оживленіемъ рассказывалъ въ тѣсномъ редакціонномъ кружкѣ «Свѣта» о своихъ планахъ и намѣреніяхъ по «Русскому Вѣстнику».

Тогдашній фактической редакторъ «Свѣта» Николай Яковлевичъ Стечкинъ, большой скептикъ, не безъ колкости замѣчалъ ему:

— Вы говорите: Тургеневъ, Катковъ, да чтобы ихъ воскресить въ «Русскомъ Вѣстникѣ», нужны медіумическія силы. Журналъ имѣлъ славное прошлое, но и въ расцвѣтѣ своей славы онъ не пользовался особымъ матеріальнымъ успѣхомъ, а теперь былая аудиторія «Русскаго Вѣстника» совсѣмъ порѣдѣла.... Вы хотите платить нѣсколько тысячъ аренды семьѣ Катковыхъ, никто вамъ въ этомъ не помѣшаетъ, но едва ли удастся вамъ воскресить этотъ журналъ.

— А традиции,—возражалъ В. В. Комаровъ:—блестящія литературныя традиции «Русскаго Вѣстника». Онѣ у всѣхъ на памяти. Нужно только привлечь къ журналу хорошія силы и почему знать, можетъ быть, «Русскій Вѣстникъ» опять процвѣтетъ.

Съ большой энергіей В. В. Комаровъ и приглашенный имъ въ качествѣ редактора «Русскаго Вѣстника» В. Л. Величко принялись за дѣло. Въ первый годъ «Русскій Вѣстникъ» нѣсколько порадовалъ своихъ вдохновителей, и цифра его тиража значительно возросла. Но журналъ требовалъ очень большихъ расходовъ, и расходы по «Русскому Вѣстнику» ложились бременемъ на бюджетъ «Свѣта».

— «Свѣтъ» это дойная корова,—говорилъ Н. Я. Стечкинъ.—Онъ долженъ окупать всѣ предпріятія Виссаріона Виссаріоновича: и «Русскій Вѣстникъ», и его гончарный заводъ въ имѣніи Комаровыхъ. Слава Богу еще, что «Свѣтъ» не отказывается отъ этой роли всеобщаго покровителя.

И дѣйствительно, «Свѣтъ» въ это время былъ въ зенитѣ своего успѣха. «Свѣтъ» за все время своего долгаго существованія былъ неизмѣнно идейной газетой и имѣлъ во всѣхъ концахъ Россіи свою громадную, солидарную съ нимъ убѣжденную, аудиторію. За двадцать семь лѣтъ изданія «Свѣта» у газеты перемѣнилось нѣсколько поколѣній редакторовъ, но онъ оставался все тѣмъ же яркимъ патріотическимъ органомъ, съ горячо выраженной славянофильской идеей. Это, несомнѣнно, объяснялось той руководящей ролью, которую во всѣ годы изданія «Свѣта» игралъ самъ В. В. Комаровъ. Я не забуду интересныхъ вечернихъ собраній въ ре-

дакці «Свѣта», которыя всегда оживлялись съ появленіемъ В. В. Комарова и которыя были особенно назидательны въ тяжелое время охватившей Россію смуты 1905—1906 гг.

— Невыносимое время, тяжелое время,—говорилъ Виссаріонъ Виссаріоновичъ.— Въ Петербургѣ не видно никакого проблеска, нѣтъ творческаго начала, Вы посмотрите кругомъ, словно все вымерло. Ни одного имени, ни одного лица указать нельзя. Люди ужасно измельчали. Петербургъ погрязъ въ фальши и здѣсь вы не услышите ни одного искренняго мнѣнія. Но Россія не измельчала людьми. Вотъ въ такіе-то моменты и должно пробуждаться самосознаніе, рыцарство. Но, конечно, его не приходится искать въ Петербургѣ. Должна пробудиться помѣстная жизнь. Несомнѣнно, есть люди, есть свѣтлые умы, они тамъ, въ глубинѣ Россіи. Какъ это важно теперь пробудить мѣстную жизнь, вызвать самостоятельность на мѣстахъ, чтобы Россія, страдая отъ разложенія Петербурга, не вырождалась въ провинціи, въ деревнѣ, куда не дошла еще зараза. Если здоровы и невредимы маленькія ячейки русской жизни, то сохранится и оживетъ и весь организмъ страны.

Въ годы смуты и анархіи «Свѣтъ» дѣятельно проповѣдывалъ это возрожденіе самобытности на мѣстахъ, пропагандировалъ возрожденіе церковнаго прихода и горячо призывалъ мѣстныхъ людей къ дружной работѣ, дабы ослабить растлѣвающее вліяніе анархіи и социализма... Уступчивый Петербургъ слишкомъ поддавался всѣмъ вреднымъ, моднымъ вѣяніямъ, и анархическія теченія въ Петербургѣ разрастались.

В. В. Комаровъ, ненавидѣвшій нѣмцевъ и указывавшій на враждебныя теченія, развиваемыя политикой Германіи въ отношеніи Россіи, отдавалъ должное твердому монархическому режиму Пруссіи, который такъ расцвѣлъ и укрѣпился благодаря личнымъ качествамъ императора Вильгельма. Послѣдняго В. В. Комаровъ видѣлъ вблизи во время своей поѣздки въ Германію въ 1893 году (торжество открытія Кильскаго канала)—и пользовался его гостепріимствомъ.

— Это гениальный человѣкъ,—говорилъ о немъ В. В. Комаровъ.—Какая изумительная твердость воли, какое царственное величіе! Вильгельмъ какъ-то особенно дѣйствуетъ на всѣхъ окружающихъ. Въ немъ есть вдохновеніе, находчивость и много твердаго спокойствія, и свѣжей оригинальности... Во время кильскихъ празднествъ былъ такой случай... Императорская яхта вдругъ остановилась, потому что шедшій впереди пароходъ запутался въ якорной цѣпи. «Гогенцоллернъ» два часа ожидалъ прохода. Конечно, эта случайность была неприятна императору. Онъ стоялъ на мостикѣ, опершись на саблю. Но ни одинъ мускуль не дрогнулъ на его лицѣ, ни одного слова упрека не вырвалось у него. Императоръ словно застылъ въ своей красивой позѣ. На него

были обращены всѣ взгляды. Пароходъ черезъ 2 часа освободили, вереница судовъ пошла своимъ путемъ, двинулась императорская яхта, и Вильгельмъ имѣлъ такой видъ, какъ будто ничего и не случилось...

В. В. Комарову было оказано на германскихъ торжествахъ большое вниманіе со стороны императора Вильгельма. Онъ былъ въ числѣ сорока человекъ, приглашенныхъ на парадный обѣдъ на «Гогенцоллернѣ». Гофмаршалъ, передававшій В. В. Комарову приглашеніе императора, сказалъ ему слѣдующія любопытныя слова:

— Императоръ, просматривая списокъ приглашенныхъ лицъ, приказалъ просить васъ посѣтить «Гогенцоллернѣ». Его величеству извѣстна ваша публицистическая дѣятельность и ваша вражда къ Германіи... Императоръ желалъ бы, чтобы вы увидѣли все вблизи, и наши недостатки, и наши достоинства...

В. В. Комарову было отведено почетное мѣсто за столомъ, неподалеку отъ императора Вильгельма.

V.

Послѣдняя поѣздка В. В. Комарова изъ Петербурга была въ Прагу на славянскія торжества 1898 года. Въ Прагѣ открывался памятникъ историографу Францу Палацкому по случаю столѣтія со дня его рожденія. Торжества послужили громаднѣмъ триумфомъ для собравшихся въ эти знаменательные для Праги дни представителей всего славянскаго міра. В. В. Комаровъ явился однимъ изъ немногихъ представителей Россіи, онъ сосредоточилъ на себѣ особое вниманіе славянъ и игралъ выдающуюся роль на торжествахъ. Его воодушевленныя рѣчи вызвали бурный подъемъ симпатій къ Россіи, и чешское населеніе Праги непрерывно и горячо его чествовало. Но эти триумфы вызвали вмѣстѣ съ тѣмъ ожесточенное отношеніе къ В. В. Комарову со стороны австрійцевъ. Когда В. В. Комаровъ ѣхалъ изъ Праги въ Россію, то, какъ рассказываютъ, его случайно или умышленно чуть не отравили въ одной изъ австрійскихъ гостиницъ.

Въ отдаленіи отъ славянскихъ земель, въ Петербургѣ, покойный Виссаріонъ Виссаріоновичъ не порывалъ своихъ связей со славянствомъ. Мы уже указали на ту громадную роль, которую игралъ В. В. Комаровъ въ петербургскомъ славянскомъ движеніи и въ Славянскомъ обществѣ, но этимъ не исчерпывалось его вниманіе къ славянскимъ дѣламъ и дѣятелямъ. Онъ поддерживалъ дружественныя отношенія со всѣми славянскими кружками и славянскими дѣятелями, находившимися въ Петербургѣ. В. В. посѣщалъ извѣстный славянскій кружокъ Стано, бывалъ въ Галицкомъ кружкѣ, во главѣ котораго стояли профессоръ Будиловичъ, ны-

нѣшній редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», и Д. Н. Вергунъ (основатель подобнаго же славянскаго кружка въ Вѣнѣ). При Русскомъ собраніи въ Петербургѣ, обязанномъ своимъ возникновеніемъ энергія того же В. В. Комарова, онъ открылъ славянское отдѣленіе, не сохранившееся, впрочемъ, донынѣ. Затѣмъ В. В. Комаровъ былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ большого славянскаго кружка, собиравшагося въ домѣ барона Штиглица, магистра международнаго права, занимавшагося славянскими вопросами. Красною нитью во всей жизни В. В. Комарова проходятъ прочныя, неизмѣнныя симпатіи его къ славянству. Онъ болѣлъ душою о судьбахъ славянства, онъ помогалъ тѣмъ затеряннымъ въ холодномъ, чванномъ и бездушномъ Петербургѣ славянамъ, которымъ требовались нравственная поддержка и средства. Чрезвычайными заботами покойнаго Виссаріона Виссаріоновича пользовался племянникъ князя Николая Черногорскаго, молодой человекъ, воспитывавшійся въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга; къ нему В. В. относился какъ къ родному и оказывалъ ему всякое содѣйствіе. Славянскіе дѣятели знали Комарова не только въ торжественной обстановкѣ его вечеровъ, но бывали у него и запросто и гостили въ его имѣніи Драгодино въ Новгородской губ., въ патриархальной обстановкѣ русской деревни.

Энергіи В. В. Комарова, его разносторонней освѣдомленности хватало и на городскія общественныя дѣла гор. Петербурга, въ которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Съ 1888 года въ теченіе двадцати лѣтъ В. В. былъ гласнымъ петербургской думы и долгіе годы состоялъ предсѣдателемъ городской ревизіонной комиссіи, предсѣдателемъ коночной и больничной комиссій. Особенно важна была его роль въ качествѣ предсѣдателя ревизіонной комиссіи, въ которой сосредоточивались разнообразныя нити городского хозяйства и рассматривались городскія дѣла съ ихъ наиболѣе острой стороны, со стороны контроля. В. В. стоялъ въ этомъ отношеніи на настоящей судейской высотѣ и былъ сколько искуснымъ, столько же и спокойнымъ судьей петербургскихъ городскихъ дѣлъ.

Обиліе разностороннихъ обязанностей не мѣшало покойному В. В. посвящать свои труды не только публицистикѣ, но и поэзіи. Онъ перевелъ всего Гейне и писалъ хорошіе стихи, нѣкоторые изъ нихъ были положены на музыку...

VI.

Послѣдніе годы были тяжелыми, страдальческими годами для Виссаріона Виссаріоновича. Надломленное усиленно лихорадочною дѣятельностью и преклонными годами (70 лѣтъ) здоровье его угасало. Онъ страдалъ болѣзнию сердца, осложнившейся незадолго

передъ его кончиной воспаленіемъ легкихъ. В. В. Комаровъ въ это время по большей части жилъ въ своемъ имѣніи Драгодино и сравнительно рѣдко пріѣзжалъ въ Петербургъ. Его мучила одышка. Во время своихъ пріѣздовъ онъ съ трудомъ и все рѣже и рѣже выходилъ изъ своей квартиры и едва поднимался по лѣстницѣ въ редакцію «Свѣта», расположенную этажомъ выше. Его домашніе и сотрудники съ тревогой встрѣчали каждую вѣсть о совершившемся ухудшеніи въ его здоровьи. Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ. Осенью, когда я увидѣлъ В. В. на товарищескомъ обѣдѣ у старѣйшей сотрудницы «Свѣта» Ю. В. Добровольской, я удивился происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Но Виссаріонъ Виссаріоновичъ оставался еще такимъ же живымъ и впечатлительнымъ, какъ и прежде.

— Тяжело мнѣ,—говорилъ онъ:— чувствую, какъ силы уга саютъ. Въ деревнѣ я немного бодрѣе, но съ трудомъ пріѣзжаю сюда.

Въ самое послѣднее время передъ смертью В. В. Комаровъ безвыѣздно оставался въ Петербургѣ. Его семья отчаивалась въ исходѣ его болѣзни. Его лечили домашній врачъ гомеопатъ В. В. Соловьевъ, затѣмъ докторъ Граматчиковъ и, наконецъ, приглашенъ былъ профессоръ Склифасовскій. Послѣдній для облегченія страданій больного сдѣлалъ ему проколъ накануне смерти. Временныя улучшенія въ положеніи В. В. были, а надежда на поправленіе исчезла. В. В. Комаровъ лежалъ, временами онъ вставалъ и двигался по комнатѣ. Смерть застала его на ногахъ, когда онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату.

Тяжелая вѣсть о кончинѣ этого популярнаго и дѣятельнаго человѣка быстро облетѣла Петербургъ и болѣзненно отдалась въ славянскихъ углахъ Востока.

Съ тяжелымъ чувствомъ входилъ я въ знакомую мнѣ квартиру Комаровыхъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ свидѣтелемъ блестящихъ раутовъ, шумныхъ славянскихъ празднествъ и пріемовъ. «Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ». Одинокій дубовый гробъ возвышался въ большой опустѣвшей залѣ. Покойный не пожелалъ ни вѣнковъ, ни пышныхъ похоронъ, и лишь сотни людей, наполнявшихъ его квартиру и стоявшихъ на лѣстницѣ вплоть до третьяго этажа, говорили о тѣхъ симпатіяхъ, которыя въ этой массѣ народа жили къ покойному. Тутъ были савонники въ блестящихъ мундирахъ, посланники славянскихъ державъ, генералы и адмиралы... Всѣ лица говорили о тяжести утраты. Къ похоронамъ пріѣхала многочисленная депутація отъ ближайшихъ крестьянъ Новгородской губерніи, для которыхъ покойный и семья Комаровыхъ были добрыми геніями.

Въ маленькомъ гробу передъ сотнями собравшихся людей лежалъ съ исхудавшимъ желтымъ профилемъ тотъ, кто за всю свою долгую жизнь въ непрестанной борьбѣ за дорогіе идеалы забывалъ и себя, и ранги, и положенія людей и видѣлъ всюду и хо-

тѣлѣ видѣть только работниковъ русскаго дѣла для счастья Россіи.

Скорбная, болѣзненная нота звучала во всѣхъ слетавшихся къ семьѣ Комаровыхъ славянскихъ откликахъ.

«Грустная вѣсть, дошедшая къ намъ со святой Руси о смерти знаменитаго Виссаріона Виссаріоновича глубоко опечалила всѣхъ друзей русскаго народа,—писалъ президіумъ города Праги.—Считаемъ священнымъ долгомъ высказать вамъ глубочайшее и искреннѣйшее соболѣзнованіе о смерти этого выдающагося публициста и сердечнаго друга чешскаго народа и убѣжденнаго защитника славянскаго единенія».

Такія же теплыя и прочувствованныя строки приходили отъ чешскихъ депутатовъ, отъ дѣятелей Сербіи и Болгаріи. Весь славянскій міръ, охваченный тяжестью этой потери, изливалъ свои чувства.

Послѣдняя воля В. В. Комарова, выраженная имъ передъ смертью, осуществилась: безъ излишней торжественности, безъ вѣнковъ, въ глубокомъ молчаніи всѣхъ безчисленныхъ присутствующихъ опустился въ землю его гробъ на Александро-Невскомъ кладбищѣ, и тысячная толпа близкихъ и единомышленниковъ покойнаго медленно расходилась отъ свѣжей могилы...

Подъ впечатлѣніемъ кончины В. В. Комарова я перенесся въ далекое прошлое... четверть вѣка промелькнуло передо мной, когда я писалъ эти строки. Тогда жили другіе идеалы, и иначе складывалась жизнь. Эти годы моей молодости подарили меня разными впечатлѣніями, не скажу, чтобы пріятными... Покойный Виссаріонъ Виссаріоновичъ былъ однимъ изъ первыхъ положительныхъ лицъ, съ которыми я встрѣтился на тернистомъ поприщѣ журналиста, и много драгоцѣнныхъ воспоминаній связано у меня съ этимъ дорогимъ, симпатичнымъ именемъ. Все то прозаическое, пошлое, грязное, съ чѣмъ неизбежно сталкиваешься въ журнальномъ мірѣ, какъ-то отлетаетъ прочь и сторонится этого чистаго имени. Человѣкъ онъ былъ!—живой, искренній, неровный, но всегда идейный и интересный. Въ своихъ идейныхъ увлеченіяхъ онъ былъ такъ же искрененъ, какъ и въ своихъ ошибкахъ и онъ былъ удивительно чистымъ и деликатнымъ человѣкомъ по отношенію къ своимъ близкимъ многолѣтнимъ сотрудникамъ. Что-то свѣтлое, какъ вдохновеніе, и чистое, какъ юность, ложилось на его отношенія съ людьми! Этотъ свѣтлый ореолъ искренности свѣтитъ намъ теперь издалека, изъ глубины промчавшихся годовъ. Не потому ли такъ свѣтелъ этотъ образъ, что въ немъ и за гробомъ живутъ всѣмъ дорогіе идеалы, идеи и мечты?...

Н. Н. Лендеръ (Путникъ).

П. А. ЕФРЕМОВЪ.

(Некрологъ).

ИНУВШАГО декабря 26 числа скончался Петръ Александровичъ Ефремовъ, лишь нѣсколькими мѣсяцами пережившій пятидесятилѣтній юбилей своей учено-литературной дѣятельности, который прошелъ, впрочемъ, къ стыду русскихъ литераторовъ, вовсе незамѣченнымъ. Покойный былъ выдающимся библиографомъ и библиофиломъ и рѣдкимъ знатокомъ русской литературы; его имя въ средѣ русскихъ ученыхъ и въ читающей публикѣ пользовалось широкой извѣстностью и авторитетомъ. Унаслѣдовавъ отъ отца страсть къ книгамъ, онъ сохранилъ ее до конца своей жизни и собралъ огромную и рѣдкую библиотечку, которая теперь врядъ ли минуетъ обычной многимъ подобнымъ библиотечкамъ своей судьбы—быть распроданной по частямъ.

П. А. Ефремовъ родился въ Москвѣ 2 ноября 1830 года, отъ брака подполковника Александра Степановича Ефремова съ дочерью московскаго купца Варенцова, Натальей Герасимовной. Отъ этого брака родилось шестеро сыновей (Александръ, Василій, Александръ 2-й, Константинъ, Аркадій и Петръ) и три дочери (Аполлинарія, Анна и Вѣра). Вышедшій въ отставку четыре года спустя послѣ рожденія младшаго сына Петра, Александръ Степановичъ, видимо, обратилъ все свое вниманіе на него, строго слѣдилъ за его развитіемъ и не оставлялъ его дома безъ себя даже во время

своихъ хожденій по книжнымъ лавкамъ. Небезынтересно здѣсь коснуться судьбы этого начитаннаго и отличавшагося рѣдкой любовью къ книгѣ человека¹⁾. Родился онъ въ 1783 г. въ «солдатской семьѣ» и 18-ти лѣтъ «вступилъ въ службу рядовымъ въ бывшій московскій гарнизонный полкъ». Черезъ четыре года онъ былъ уже «произведенъ на вакансію аудиторомъ въ тамбовскій гарнизонный батальонъ». Въ 1810 г. опредѣленъ оберъ-аудиторомъ при главнокомандующемъ въ Москвѣ генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Гудовичѣ; чрезъ три года новый главнокомандующій въ Москвѣ графъ Ростопчинъ за его «отличные труды и усердіе къ службѣ» исходатайствовалъ ему производство въ IX классъ, что дало ему возможность въ будущемъ (1814) году переименоваться въ военный чинъ поручика арміи. Въ 1821 г. Александръ Степановичъ покинулъ армейскую службу «за болѣзнію» и опредѣлился черезъ шесть лѣтъ въ корпусъ жандармовъ, съ назначеніемъ старшимъ адъютантомъ во второй его округъ. Здѣсь онъ дослужился до чина полковника и въ сентябрѣ 1834 г. окончательно вышелъ въ отставку. Участвуя въ разнообразныхъ ревизіонныхъ и слѣдственныхъ комиссіяхъ, онъ всюду и всегда проявлялъ усердіе, находчивость и аккуратность, за что и получалъ всякій разъ значительныя награды. По свѣдѣніямъ, представленнымъ самимъ А. С. Ефремовымъ въ московское дворянское депутатское собраніе въ 1844 г., онъ обладалъ тогда имѣніемъ въ Рязанской губерніи, Егорьевскомъ уѣздѣ, въ 45 душъ и домомъ въ Москвѣ (на Остоженкѣ въ Савеловскомъ переулкѣ, близъ храма Христа Спасителя), полученнымъ въ приданое за женою. Въ этомъ домѣ жилъ нѣсколько лѣтъ знаменитый нашъ критикъ В. Г. Бѣлинскій вмѣстѣ съ М. А. Бакунинымъ. Послѣ нихъ жили братья Ключниковы, изъ которыхъ одинъ былъ членомъ кружка Н. В. Станкевича.

Воспитывался П. А. Ефремовъ въ первой московской гимназіи и московскомъ университетѣ, на физико-математическомъ факультетѣ, который и окончилъ со степенью кандидата въ 1853 году. Въ 1854 г., съ переѣздомъ въ Петербургъ, онъ поступилъ на службу въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства, гдѣ оставался до 1857 г., а съ 1857 по 1863 г. служилъ въ канцеляріи М. Н. Муравьева (впослѣдствіи графа), предсѣдателя департамента удѣловъ. При открытіи сберегательныхъ кассъ по новому уставу, онъ, по предложенію Е. И. Ламанскаго, перешелъ въ государственнй банкъ по отдѣлу сберегательныхъ кассъ, при чемъ съ 1872 по 1889 г. занималъ должность директора с.-петербургской кассы, а въ этомъ году былъ назначенъ директоромъ государственнаго банка, завѣдывающимъ всѣми сберегательными кассами. Въ 1893 г.

¹⁾ Послужной списокъ А. С. Ефремова и метрики его дѣтей имѣются въ дѣлѣ о дворянствѣ Ефремовыхъ по Московской губ. въ архивѣ департамента герольдіи.

вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ въ родномъ собственномъ домѣ на Остоженкѣ и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ снова переѣхалъ въ Петербургъ.

Еще на гимназической скамьѣ П. А. Ефремовъ перечиталъ въ библиотекѣ отца сочиненія русскихъ писателей отъ Фонвизина до Пушкина и Лермонтова включительно и, подражая отцу, сталъ составлять «собственную» библиотечку. Ни физико-математическія науки, которыя онъ проходилъ въ университетѣ, ни послѣдующія занятія въ инспекторскомъ департаментѣ, департаментѣ удѣловъ и государственномъ банкѣ не могли отклонить его отъ привитой ему отцомъ страсти къ русской литературѣ и исторіи. Пополняя библиотечку отца, онъ, какъ свидѣтельствуется въ своей замѣткѣ Н. М. Лисовскій, близко его знавшій, сосредоточилъ въ своемъ по истинѣ замѣчательномъ книгохранилищѣ «какъ отдѣльныя, такъ и всѣ полныя (сколько бы ихъ ни выходило) собранія сочиненій почти всѣхъ русскихъ писателей, всю драматическую русскую литературу XVIII вѣка, массу журналовъ XVIII и XIX столѣтій (въ томъ числѣ всѣ сатирическіе журналы екатерининскаго времени) почти полное собраніе русскихъ альманаховъ и обширный матеріалъ для біографій русскихъ писателей. Кромѣ того, сверхъ имѣющихся у него полныхъ коллекцій журналовъ, П. А. Ефремовъ прибрѣталъ вторые ихъ экземпляры и изъ этихъ двойниковъ и изъ вырѣзокъ газетныхъ статей составлялъ цѣлыя переплетенные томы біографическихъ и критическихъ статей о каждомъ изъ выдающихся русскихъ дѣятелей и особенно писателей; такъ, о Жуковскомъ 10 объемистыхъ томовъ, о Пушкинѣ до 20 и о Грибоѣдовѣ 5 томовъ. Такіе же сборники онъ составилъ по русской исторіи, по царствованіямъ и отдѣльнымъ ея эпизодамъ; такъ, напр., о войнѣ со Швеціей въ 1788—1790 годахъ къ книгѣ Брикнера переплетено свыше 1000 страницъ всего напечатаннаго объ этой же войнѣ въ 15 журналахъ и сборникахъ. Такихъ собраній, кажется, не было ни въ одной библиотекѣ. Всѣ же «Путешествія» иллюстрированы у него вставкою русскихъ и иностранныхъ гравюръ и литографій такъ, чтобы на страницѣ, обращенной къ рисунку, упоминалось находящееся на немъ изображеніе». Большой извѣстностью пользовалось его рѣдкое собраніе гравюръ, литографій, лубочныхъ картинокъ и автографовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ проданное имъ Фельтену. Въ библиотекѣ покойнаго не мало подлинныхъ писемъ писателей и ученыхъ и разныхъ рукописныхъ сборниковъ. Еще недавно одинъ изъ послѣднихъ, заключающій въ себѣ журналъ «Момусъ», составлявшійся въ 1831 г. студентами московскаго университета, послужилъ главнымъ матеріаломъ для статьи П. Е. Щеголева: «А. С. Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 году» (въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1904 г., № 4).

Пятидесятилѣтняя учено-литературная дѣятельность П. А. Ефремова началась въ 1857 г. замѣткою: «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ» (сатирическое стихотвореніе на членовъ «Бесѣды любителей русскаго слова». Шишковисты и карамзинисты.), напечатанною въ

A handwritten signature in cursive script, which appears to read "P. A. Efremov". The signature is written in dark ink and is positioned below the portrait.

№ 5 «Современника». Съ слѣдующаго года его критическія и библиографическія замѣтки встрѣчаются на страницахъ «Библиографическихъ Записокъ», «Отечественныхъ Записокъ», «Нашего Времени» Н. Ф. Павлова, «Голоса», «Книжнаго Вѣстника» и др. Въ теченіе 1863—67 г. онъ много печаталъ замѣтокъ, разборовъ, пародій,

сатиръ и т. п. въ «Искрѣ» В. С. Курочкина, съ подписью, безъ подписи и подъ псевдонимами: Вяч. Шт., Фима, Олесика, Ивана Маслова и др. Подъ послѣднимъ псевдонимомъ напечатаны: «Старецъ Паенутій, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ» (пародія на «Поручика Гладкова» Писемскаго) и «Историческіе, литературные, военные и забавные анекдоты, съ автонекрологомъ» (насмѣшка надъ Лонгиновымъ, печатавшимъ въ 1866—1867 г. въ «Русскомъ Архивѣ» безсодержательные, а иногда и пошлые анекдоты о русскихъ писателяхъ). На страницахъ «Русскаго Архива» (съ 1866 по 1888 г.) и «Русской Старины» (съ 1870 по 1882 г.) покойный напечаталъ цѣлый рядъ писемъ писателей и ученыхъ, біографическихъ и библиографическихъ замѣтокъ, неизданныхъ стихотвореній, записокъ и т. п. Изъ нихъ назовемъ хотя бы слѣдующія: «О смерти Грибоѣдова, съ приложеніемъ шести писемъ Грибоѣдова къ Родофиникину, письма графа Паскевича къ графу Нессельроде и письма послѣдняго къ графу Канкрину» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 г., № 7—8); «М. Д. Хмыровъ. Некрологъ» (ib., 1873 г., кн. I); «Трагедія Княжнина «Вадимъ Новгородскій». Полный текстъ съ предисловіемъ» (въ «Русской Старинѣ», 1871 г., № 6); «Полный текстъ сатиры А. Ѳ. Воейкова «Домъ сумасшедшихъ, съ разночтеніями по многимъ спискамъ» (ib., 1874 г., № 3); «Неизданныя стихотворенія, отрывки и письма Лермонтова» (ib., 1872 г., № 1 и 2; 1874 г., № 5, и 1875 г., № 9). «Два стихотворенія Рылѣева: «Посланіе къ Ермолову» и «Партизаны» (ib., 1877 г., № 2); «Моя родословная», стихотвореніе Пушкина по подлинной рукописи, съ указаніемъ на нѣсколько стихотвореній» (ib., 1879 г., № 12); «Письма Пушкина къ А. И. Тургеневу и Н. И. Гнѣдичу» (ib., 1880 г., № 7), и др. Въ 1870—1890 годахъ его историко-литературныя и библиографическія статьи и замѣтки встрѣчаются въ «Новомъ Времени», «Всемирной Иллюстраціи», «Недѣлѣ», «Пантеонѣ Литературы» (пространная статья «Памяти А. И. Полежаева», 1888 г., № 2) и «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Единственными, выходящими за предѣлы избранной и любимой покойнымъ специальности, были двѣ слѣдующихъ его статьи: «Сберегательныя кассы въ Россіи. Историческій очеркъ» (въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» за 1883 г., № 209 и отд. брош. въ 16 стр.) и «О порядкѣ производства операцій въ русскихъ и англійскихъ сберегательныхъ кассахъ» (въ «Вѣстникѣ Финансовъ» за 1884 г., № 9).

Нельзя не замѣтить, что почти всѣ его историко-литературныя статьи и замѣтки вносили много новаго и цѣннаго матеріала, не говоря уже о тѣхъ поправкахъ и дополненіяхъ, которыя онъ всякій разъ дѣлалъ при разборѣ вновь напечатанныхъ трудовъ. Но всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, составляютъ лишь малую часть тѣхъ неоспоримыхъ и высокоцѣнныхъ услугъ, которыя покойный оказалъ отечественной литературѣ своими собственными изданіями

и редакторскими трудами. Крайняя тщательность и точность были отличительными признаками всѣхъ печатныхъ трудовъ, прошедшихъ черезъ редакцію П. А. Ефремова. А его обширныя знанія и богатства новыхъ рукописныхъ сокровищъ въ его рѣдкомъ книгохранилищѣ давали ему возможность вносить въ каждое редактируемое имъ изданіе сочиненій русскихъ писателей множество дополненій и поправокъ. Благодаря его разысканіямъ русская литература обогатилась цѣлымъ рядомъ новыхъ стихотвореній, отрывковъ и писемъ Пушкина, Лермонтова и другихъ корифеевъ русской словесности и избавилась отъ многихъ мнимыхъ стихотвореній, особенно Пушкина, благодаря его точному анализу и всѣми признанному авторитету. Въ засѣданіи 25 ноября 1900 г. отдѣленіе русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, избравъ покойнаго членомъ-корреспондентомъ академіи, охарактеризовало его, какъ «замѣчательнаго знатока и изслѣдователя памятниковъ древне-русской литературы и ученаго библіографа, извѣстнаго многими трудами въ области литературы» (см. «Извлеченія изъ протоколовъ III»).

Въ 1860 годахъ появились въ печати слѣдующіе крупные труды П. А. Ефремова, изданные имъ на собственный счетъ: 1) «Живописецъ» Н. И. Новикова» (1864 г.), 2) «Трутенъ» Н. И. Новикова» (1865 г.) и 3) «Матеріалы для исторіи русской литературы», куда вошелъ и новиковскій «Словарь русскихъ писателей» (1867 г.). Въстѣ съ тѣмъ за это время подъ его редакціей вышли въ свѣтъ: «Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина» (1866 г.), «Сочиненія и переводы В. И. Майкова» (1867 г.), «Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира» (2 тома, 1867—1868 гг.), «Сочиненія и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова» (1868 г.), «Систематическая роспись книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ Ив. Ил. Глазунова, составленная за десятилѣтіе 1856—1866 г.» (1866 г., въ 1869 и 1871 гг. къ ней два прибавленія), и др.

Въ 1872 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ на свой счетъ два обширныхъ тома «Сочиненій А. Н. Радищева», которые тотчасъ же были преданы сожженію, согласно постановленія главнаго цензурнаго управленія. На этомъ изданіи, кажется, и прекратились его собственные изданія. Вслѣдъ за этимъ онъ приступаетъ къ редактированію «Сочиненій Лермонтова», которыя въ 1889 г. подъ его редакціей вышли седьмымъ изданіемъ, и «Сочиненій и переписки К. Ѳ. Рылѣева» (въ 1874 г. 2 изданіе). Въ 1878 г. появляются въ свѣтъ редактированныя имъ шесть томовъ «Сочиненій В. А. Жуковскаго», а въ слѣдующемъ году—«Горе отъ ума» А. С. Грибоедова, выдержавшее потомъ болѣе 11 изданій. Далѣе слѣдовали: «Юношескія драмы Лермонтова» (изданіе А. С. Суворина. Спб.,

1881 г.), «Стихотворенія А. И. Полежаева, съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями П. А. Ефремова». (Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1889 г.), «Семь статей В. Г. Бѣлинскаго». (Текстъ пополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ подъ редакціей П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина. М. 1898 г.), «Памяти Бѣлинскаго» (сборникъ, редактированный имъ по порученію Лермонтовской бібліотеки въ Пензѣ) и др.

Въ 1874 г. П. А. Ефремовъ впервые, насколько намъ извѣстно, приступаетъ къ редактированію сочиненій А. С. Пушкина; въ этомъ году вышелъ въ свѣтъ подъ его редакціей «Евгеній Онѣгинъ», въ изданіи Исакова (въ 1882 г. онъ былъ переизданъ Ѳ. Анскимъ въ Москвѣ, подъ его же редакціей). Въ 1880—81 гг. появились въ печати редактированныя имъ «Сочиненія Пушкина» въ 6 томахъ, а въ 1882 г. въ семи (при чемъ въ первый разъ были напечатаны письма Пушкина), переизданныя новымъ издателемъ Ѳ. Анскимъ. Въ теченіе 1903—1905 гг. подъ его редакціей были вновь изданы А. С. Суворинымъ «Сочиненія А. С. Пушкина» въ восьми томахъ и явились, можно сказать, главнѣйшимъ и послѣднимъ научнымъ трудомъ покойнаго. Это изданіе, какъ справедливо заявляли уже не разъ изслѣдователи, «наилучшее» изъ всѣхъ существующихъ и завершенныхъ уже изданій Пушкина. Въ немъ редакторъ старался «собрать все появившееся до сихъ поръ въ печати съ именемъ Пушкина, достовѣрно ему принадлежащее, и все это провѣрить, исправить и дополнить по сохранившимся рукописямъ поэта или по спискамъ, о которыхъ было извѣстно, что они сдѣланы прямо съ подлинниковъ». Тщательно провѣренный имъ и обработанный текстъ поэта онъ снабдилъ цѣлымъ рядомъ примѣчаній, составившихъ объемистую книгу—весь восьмой томъ. Отступивъ въ данномъ случаѣ отъ «строго-научнаго» хронологическаго порядка, редакторъ расположилъ весь матеріалъ по «предметамъ», т. е. въ первыхъ томахъ помѣстилъ стихи (отдѣльныя стихотворенія, поэмы, драматическія произведенія, сказки, «Евгенія Онѣгина»), въ послѣдующихъ—прозу (романы въ прозѣ, повѣсти, журнальныя статьи, историческія работы), въ предпоследнемъ—письма и въ послѣднемъ—примѣчанія.

Ограничиваясь здѣсь вышеизложеннымъ перечнемъ наиболѣе крупныхъ учено-литературныхъ и бібліографическихъ работъ П. А. Ефремова, мы желающимъ познакомиться со всѣми его трудами, по крайней мѣрѣ до 1901 г., рекомендуемъ обратиться къ «бібліографическому списку литературныхъ работъ П. А. Ефремова» составленному въ 1901 г. Н. М. Лисовскимъ (въ «Литературномъ Вѣстникѣ») и въ заключеніе не можемъ не указать на то, что покойный съ большой готовностью дѣлился своими познаніями со всѣми, серьезно интересовавшимися любимымъ его предметомъ, не

скупился на добрые и авторитетные совѣты и охотно предоставлялъ другимъ пользоваться матеріалами изъ его литературной сокровищницы. Понятно, что онъ былъ непремѣннымъ членомъ въ комиссіяхъ по устройству чествованій Бѣлинскаго, Пушкина, Жуковскаго, Гоголя и др. Общество любителей россійской словесности, московское библиографическое общество и русское библиологическое общество въ С.-Петербургѣ считали П. А. Ефремова въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ.

В. Рудаковъ.

ЭПОХА РЕФОРМЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

VIII.

ВЗКОСТЬ приговора со стороны Огарева вытекала из несоответствія, которое получалось между ожиданіями, предшествовавшими реформѣ, ея осуществленіемъ и тѣми ближайшими событіями во внутренней жизни Россіи, которыя за нею послѣдовали, изъ нея ближайшимъ образомъ вытекали и до извѣстной степени являлись опредѣленными показателями политическаго курса, принятаго правительствомъ вслѣдъ за днемъ 19 февраля. Мы ознакомились уже съ ходомъ главнѣйшихъ мыслей по предмету ожидавшейся реформы, высказанныхъ многими представителями общестственности, и видѣли, какъ подъ тяжестью реальной исторической дѣйствительности этимъ мыслямъ не суждено было получить своего осуществленія. Но оставалось все же нѣкоторая надежда и послѣдняя прилѣплялась къ рескрипту, данному на имя великаго князя Константина Николаевича.

По поводу этого рескрипта тотъ же Огаревъ въ статьѣ «Начало русскаго освобожденія» ²⁾, написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ историческаго событія 19 февраля, говорилъ: «Рескриптъ Константину Николаевичу общаегъ самое живое дѣло въ будущемъ. Имъ учреждается «комитетъ для устройства всего вообще сельскаго

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣст.», т. СХІ, стр. 214.

²⁾ «Колоколь» 1861 г., № 96.

состоянія на общихъ и единообразныхъ началахъ». Слѣдственно, тутъ прямо поставленъ вопросъ объ освобожденіи государственныхъ, удѣльныхъ и всякихъ казенныхъ крестьянъ. Сверхъ того трудами этого комитета могутъ быть устранены всѣ противорѣчія и ошибки, лежащія въ положеніи о крестьянахъ, освобождающихся отъ помѣщичьей власти. Этотъ комитетъ въ короткое время можетъ сдѣлать чудеса для развитія хозяйственного, судебного и административнаго самоуправленія русскаго народа. Въ этой надеждѣ народъ охотно и спокойно вытерпитъ два тяжелые года переходнаго состоянія. Комитету предстоитъ великая и трудная обязанность: въ два года положить рѣшительный конецъ шаткому, неопредѣленному, для всѣхъ сторонъ вредному положенію перехода: отдать всему народу его землю, опредѣливъ, со стороны освобожденныхъ изъ крѣпости, пособіе помѣщикамъ, правильными годовыми взносами; создать мірскіе капиталы въ крестьянскихъ общинахъ; дать имъ средства для артельного хозяйства; измѣнить подать личную на подать вещную; распредѣлить ее не на однихъ крестьянъ, а на всѣ сословія: отдать народу его выборное управленіе, независимое отъ произвола помѣщиковъ, окружныхъ, управляющихъ, губернаторовъ и всякихъ иныхъ баскаковъ въ нѣмецкомъ мундирѣ, дать ему его выборную; порядокъ охраняющую полицію, и уничтожить полицію приставную, безотвѣтственную, грабящую, сѣкущую, чиновничью; дать народу свой судъ, независимый отъ баскаковъ, и увѣренность, что ни единого человѣка въ Россіи никакая власть не можетъ безъ суда схватить, посадить въ тюрьму и подвергнуть какому бы то ни было штрафу или наказанію, не говоря уже о наказаніи тѣлесномъ, которое должно быть сдано въ архивъ, открытый только для печально вѣрнаго труда лѣтописцевъ. Если Константинъ Николаевичъ понимаетъ все величіе задачи, возложенной на него братомъ, то онъ пойметъ, что для нихъ обоихъ, изъ ложныхъ видовъ власти, обмануть народныя ожиданія и народное терпѣніе было бы позорно; что постепенность не значитъ медленность и застои въ полумѣрахъ, что ему надо работать много и быстро; сила обстоятельствъ не ждетъ; обязанность правительства отгадывать общественныя потребности, чтобы каждая новая мѣра была отвѣтомъ на внутренній, можетъ, еще стоящій на степени предчувствія народный запросъ».

Таковы были ожиданія въ февралѣ, а уже въ іюнѣ Огаревъ такъ опредѣлялъ положеніе дѣлъ ¹⁾. «Съ 19 февраля до 8 мая прошло 78 дней; обстоятельства обозначились. Въ февралѣ подписанъ манифестъ, въ апрѣлѣ льется кровь безоружныхъ крестьянъ, въ маѣ циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ предписы-

¹⁾ «Колоколъ» 1861 г., № 101.

ваетъ губернаторамъ объяснить народу, что барщина не есть барщина. Такого уродливаго хода дѣлъ мы и не ожидали. Итакъ, комитетъ подѣ председательствомъ Константина Николаевича оттертъ на задній планъ; теорія государственнаго развитія поручена Бутковымъ, а практика Апраксинымъ¹⁾. Стало, ожидать, чтобы «комитетъ для устройства сельскаго состоянія на общихъ и единообразныхъ началахъ» помогъ дѣлу, исправилъ бы или переимѣнилъ «положеніе о крестьянахъ»—была съ нашей стороны мечта, которую мы, изъ жажды блага народнаго, лелѣяли на одинъ день. Въ то время правительство, казалось, стало во главѣ русскаго освобожденія; его положеніе было необычайно свѣтло и счастливо; оно его утратило разомъ, и наконецъ надежда на него, вѣра въ него рушилась окончательно. Упавши въ кровь, оно упало въ грязь и вынуждено объяснять народу, что черное не черное, что два не два, что барщина не барщина. Какая ложь и какое безсиліе! Причины такого хода дѣлъ разгадать не трудно; ихъ двѣ: 1) правительство въ освобожденіи народа неискренно; 2) оно совершенно бездарно, т. е. не умѣетъ ничего понять и ничего сдѣлать. Разрывъ съ этимъ правительствомъ для всякаго честнаго человѣка становится обязательнымъ. Взгляните на новаго министра внутреннихъ дѣлъ; мы его не знаемъ, мы только видимъ, что онъ съ перваго шага вслухъ говоритъ нелѣпость, хочетъ увѣрить народъ, что барщина не барщина, а «замѣна оброка работою»... Неужели правительство думаетъ, что министерскій циркуляръ надуетъ народъ или кого-нибудь, хотя бы того чиновника, которому будетъ приказано объяснять эту нелѣпость? Такое презрѣніе къ публикѣ черезчуръ заносчиво; всякій, прочитавшій циркуляръ, подумаетъ, что правительство или сдуру вретъ, или преднамѣренно лжетъ. Итакъ, видите ли, что нельзя служить этому правительству, нельзя съ нимъ одинаго шагу ступить, не запачкавшись или не одурачившись».

Въ приведенныхъ словахъ Огарева представлена достаточно полно та сумма неудовольствій, которая въ первой половинѣ 1861 года уже обозначилась въ передовомъ общественномъ сознаніи и которая въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, въ томъ или иномъ освѣщеніи усматривалась въ рѣчахъ и прочихъ представителей русской интеллигенціи. Такъ, Чернышевскій въ приготовленныхъ для № 2 «Современника» за 1862 г. «Письмахъ безъ адреса», на самомъ же дѣлѣ адресованныхъ Александру II, но не пропущенныхъ цензурою, также устанавливаетъ причины неудовольствія правительствомъ, причемъ чрезвычайно тонко по соображеніямъ цензурной необходимости обрисовываетъ современное положеніе дѣлъ, при которомъ разнь между правящими сферами,

¹⁾ О немъ далѣе. Авт.

съ одной стороны, интеллигенціей—съ другой и народомъ — съ третьей неминуема, безъ всякой надежды при существующихъ факторахъ дѣйствительности на исчезновеніе. Эти «Письма» не дошли въ моментъ посылки по назначенію и, хотя они писаны были нѣсколько позже статей Огарева и уже тогда, когда первые признаки революціоннаго броженія обозначились въ русской жизни, тѣмъ не менѣе ихъ своевременно отмѣтить въ настоящемъ мѣстѣ, какъ мнѣніе вліятельнаго политическаго публициста, владѣвшаго въ то время въ сильной мѣрѣ умами значительной части русскаго общества.

Обращаясь къ своему высокопоставленному корреспонденту, идейный руководитель и вдохновитель «Современника» писалъ ¹⁾: «Милостивый государь! Вы недовольны нами. Это пусть будетъ, какъ вамъ угодно: надъ своими чувствами никто не властенъ, и мы не ищемъ вашихъ одобреній. У насъ другая цѣль, которую, вѣроятно, имѣете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не отъ насъ вы, и не отъ васъ мы должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды. Есть для нихъ судья внѣ вашего круга, очень малочисленнаго, и даже нашего круга, который хотя и гораздо многочисленнѣе вашего, но все-таки составляетъ лишь ничтожную частичку въ десяткахъ милліоновъ людей, благу которыхъ мы и вы хотѣли бы содѣйствовать. Если бы этотъ судья могъ произносить съ сознаниемъ дѣла оцѣнку вашимъ и нашимъ работамъ, всякія объясненія между вами и нами были бы излишни.

«Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Васъ онъ знаетъ по имени, но, будучи совершенно чуждъ вашего круга понятій и вашей обстановки, рѣшительно не знаетъ ни вашихъ мыслей, ни причинъ, руководящихъ вашими дѣйствіями, а насъ онъ не знаетъ даже и по имени. Согласитесь, милостивый государь, что такое положеніе дѣлъ фальшиво. Работать для людей, которые не понимаютъ тѣхъ, кто работаетъ для нихъ,—это очень неудобно для работающихъ и невыгодно для успѣха работы. Думаешь, что какое-нибудь дѣло принесетъ пользу, а видишь, что оно остается неисполненнымъ по недостатку сочувствія въ людяхъ, для которыхъ предпринято. Вы испытывали это при каждомъ хорошемъ вашемъ дѣлѣ. Тоже очень часто испытывали это и мы. Это печалитъ и подъ конецъ сердитъ. Становишься мнителенъ и раздражителенъ. Не имѣешь духа объяснить свою неудачу настоящею ея причиною—недостаткомъ общности въ понятіяхъ между собою и людьми, для которыхъ работаешь; признать эту причину было бы слишкомъ тяжело, потому что отняло бы всякую надежду на успѣхъ всего того образа дѣйствій, которому слѣдуешь; не хочешь признать эту на-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 2.

стоящую причину и стараешься найти для неуспѣха мелочныя объясненія въ маловажныхъ случайныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, вы сваливаете вину своихъ неудачъ на насъ; нѣкоторые изъ насъ виняты въ своихъ неудачахъ васъ. Какъ хорошо бы оно было, если бъ эти нѣкоторые изъ насъ, или вы, были правы въ такомъ объясненіи своихъ неуспѣховъ! Тогда задача бы разрѣшилась очень легко устраненіемъ внѣшняго препятствія успѣху дѣла. Но грустно то, что никакія наши дѣйствія противъ васъ, или ваши противъ насъ не могутъ привести ни къ чему полезному. Апатиченъ остается народъ; какой же результатъ могли бы произвести ваши заботы, или наши хлопоты о его пользахъ, хотя бы вы, или мы, и остались на полѣ дѣйствій одни?»

Таковъ приступъ автора, гдѣ онъ рѣзко размежевалъ двѣ другъ другу противоположныя стороны, среди которыхъ пребываетъ апатичный, безгласный народъ, о судьбѣ котораго поставленъ вопросъ и интеллигенціей и правительственной властью.

IX.

Отмѣтивъ далѣе опасное настроеніе народа и низкое состояніе его духовныхъ запросовъ, Чернышевскій говоритъ, что интеллигенціи необходимо столкнуться съ властью о средствахъ, «которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную» для обѣихъ нынѣ несогласныхъ между собою сторонъ; опасность заключается въ возможности посягательства темныхъ народныхъ массъ на просвѣщеніе, состоящее, согласно общимъ принципамъ автора, въ необходимой связи съ идеей свободнаго благополучія и справедливаго социальнаго строя. Съ саркастической улыбкой на устахъ обрисовываетъ онъ ходъ эмансипаціонной работы и подчеркиваетъ нарастаніе политической мысли въ дворнскомъ сословіи, причѣмъ останавливается на роли по отношенію реформы четырехъ устанавливаемыхъ имъ въ Россіи элементовъ: бюрократической власти, либеральной партіи-передовой интеллигенціи, дворянства и крѣпостныхъ крестьянъ. Анализируя эти роли, авторъ «Писемъ» осторожно приподымаетъ завѣсу надъ политическими тенденціями дворянства и утверждаетъ: «крѣпостное право было создано и распространено властью: всегдашнимъ правиломъ власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у насъ не само собою и не въ борьбѣ съ властью, какъ во многихъ другихъ странахъ, а покровительствомъ со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегіи. Почему же власть принималась за отмѣненіе той изъ установленныхъ ею самой привилегій, которою наиболѣе дорожило дворянство?.. Неудачная политика, подвергнувшая страну несчастной войнѣ, доставила силу такъ называемой либеральной партіи, требовавшей уничтоженія крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, власть

принимала на себя исполненіе чужой программы, основанной на принципахъ, несогласныхъ съ характеромъ власти.

«Изъ этого разнорѣчія сущности предпринимаемаго дѣла съ качествами элемента, бравшагося за его исполненіе, должно было произойти то, что дѣло будетъ исполнено неудовлетворительно: и источникомъ неизбѣжной неудовлетворительности былъ привычный, произвольный способъ веденія дѣла. Власть не замѣчала того, что берется за дѣло, не ею придуманное, и хотѣла остаться полною хозяйкою его веденія. А при такомъ способѣ веденія дѣла оно должно было совершиться подъ вліяніемъ двухъ основныхъ привычекъ власти: первая привычка состояла въ бюрократическомъ характерѣ дѣйствій, вторая въ пристрастіи къ дворянству.

«Дѣло начато было съ желаніемъ требовать какъ можно менѣе пожертвованій отъ дворянства. А бюрократія по самой сущности своей всего болѣе занимается формалистикою. Потому и результатъ оказался такой, что измѣнены были формы отношеній между помѣщиками и крестьянами, съ очень малымъ, почти незамѣтнымъ измѣненіемъ существа прежнихъ отношеній. Этимъ думали удовлетворить помѣщиковъ.

«Но тотчасъ оказалось, что рѣшеніе сдѣлано было неудобноисполнимое. Предполагалось сохранить сущность крѣпостного права, отмѣнивъ его формы. Но безъ формы нельзя сохранить и сущности. И что же вышло? Помѣщики увидѣли себя не въ состояніи пользоваться выгодами, которыя были оставлены за ними; выгоды эти исчезали безъ всякаго вознагражденія для нихъ, потому что власть и не предполагала, чтобы выгоды эти на самомъ дѣлѣ исчезли.

«А между тѣмъ дворянство видѣло, что власть старалась сдѣлать для него все, что могла. Изъ этого естественно слѣдовалъ выводъ: итакъ, власть не въ состояніи ничего сдѣлать для сохраненія собственности помѣщиковъ или для ихъ вознагражденія. А изъ этого вывода еще легче слѣдовалъ другой: итакъ, помѣщики должны сами позаботиться о сохраненіи вознагражденія за ту часть, которую теряютъ. А изъ этого вывода неизбѣжно слѣдовалъ третій: но до сихъ поръ помѣщики держались не собственной силою, а постороннею опорою; теперь, когда прежняя опора оказывается слишкомъ слаба, надобно имъ отыскать для себя новыя опоры. Выборъ тутъ былъ незатруднителенъ».

Далѣе Чернышевскій отмѣчаетъ, какъ къ участію въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса втянулись прочія сословія, какъ отсюда эти «сословія» перешли отъ частнаго вопроса, даваго ихъ мыслямъ такое направленіе, къ общему положенію вещей и, разумѣется, не затруднились сообразить, согласно ли оно съ ихъ собственными выгодами. «Тотчасъ же замѣтили они, что находятся въ настоящемъ порядкѣ черты, одинаково невыгодныя для всѣхъ сословій, и сое-

динились въ желаніи измѣнить эти черты. Вамъ извѣстно, милостивый государь, какихъ общихъ перемѣнъ стали желать всѣ сословія, которыхъ прямо не касался частный вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Всѣ они чувствовали обремененіе отъ произвольной администраціи, отъ неудовлетворительности судебного устройства и отъ многосложной формалистичности законовъ. Дворянство точно такъ же страдало отъ этихъ недостатковъ, какъ и другія сословія. Такимъ образомъ, самъ собою открывался ему способъ найти нужную для него опору. Оно сдѣлалось представителемъ стремленія къ реформамъ, нужнымъ для всѣхъ сословій». Чернышевскій настаиваетъ, что совокупность обстоятельствъ побуждаетъ верховную власть отказаться отъ мысли, что «можно принимать какія-нибудь мѣры противъ общаго стремленія, начинающаго обнаруживаться. Его проявленія еще кажутся слабыми, но вѣдь это потому только, что они еще первыя. Присмотрѣвшись къ дѣлу, вы замѣтите, что сила ихъ очень быстро растетъ; очень жаль, что при отдаленности вашей отъ маленькихъ людей вы лишены удобствъ лично дѣлать свои наблюденія. А мы, наблюдавшіе вблизи жизнь всѣхъ слоевъ общества, кромѣ вашего круга, мы видимъ очень быстрое распространеніе мыслей, о которыхъ я имѣю честь бесѣдовать съ вами, и замѣчаемъ, что общество уже недалеко отъ рѣшительнаго или единодушнаго заявленія ихъ».

Въ четвертомъ «письмѣ» Чернышевскій группируетъ вкратцѣ главнѣйшія событія, въ которыхъ усматривается неспокойное и опасное состояніе страны; событія эти—смуты въ Варшавѣ, смуты внутри Россіи, «загадочное появленіе» программы революціоннаго органа «Великоруссъ», порицаемой, по его словамъ, одними, хвалимой другими, небывалое движеніе молодежи въ Петербургѣ, «страшная развязка» этого движенія, слухи о предполагаемыхъ требованіяхъ дворянства, приготовленія его къ занятію общественными вопросами. Каждое изъ этихъ явленій передвигаетъ общество все дальше и дальше по одному направленію, враждебному правительству, которое необходимо устранить, для чего прежде всего слѣдуетъ озаботиться прекращеніемъ натянутости отношеній, установившихся между властью и сословіями. Откуда образовалась эта натянутость, не исторически-давняя, о которой мы говорили такъ много въ нашихъ очеркахъ, а натянутость даннаго историческаго момента, связаннаго съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса? Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ Чернышевскій дѣлаетъ обзоръ хода крестьянскаго вопроса, какъ онъ развивался съ часа созыва редакціонныхъ комиссій, и устанавливаетъ, что съ самаго начала ходъ дѣла въ комиссіяхъ пошелъ бюрократическимъ путемъ. Начальство, т. е. представитель власти (предсѣдатель редакціонныхъ комиссій), говорило, «что надобно рѣшить дѣло вотъ такъ и вотъ такъ»; отвѣтъ: «ваши мнѣнія совершенно согласны съ нашими

убѣжденіями, и мы вполне принимаемъ ихъ». По мнѣнію Чернышевскаго, такое совпаденіе единомыслія неестественно и служитъ показателемъ, что «свободы мнѣній въ редакціонныхъ комиссіяхъ не было» и что все дѣло освобожденія шло бюрократическимъ путемъ, при чемъ предсѣдатель комиссій «не былъ связанъ твердою и обдуманною волею того лица или тѣхъ лицъ, волю которыхъ онъ обязанъ былъ исполнять по закону», а «связанъ мнѣніями, опасеніями, привычками множества другихъ лицъ, которыя даже не имѣли законнаго права обнаруживать своего вліянія», т. е. цѣлаго сословнаго круга, «отъ котораго по формальному своему полномочію онъ былъ совершенно независимъ». Изъ такой «натуры бюрократическаго порядка» произошла удивительная вещь: крѣпостное право съ провозглашеніемъ его отмѣны осталось въ цѣлости». Случилось это по неизбѣжному характеру бюрократическаго порядка: предсѣдателю комиссій показалось по какой-то догадкѣ, что хотятъ этого какія-то лица, которымъ необходимо угождать; членамъ комиссій показалось, что слова предсѣдателя должны служить выраженіемъ неизмѣнной рѣшимости высшаго правительства, а высшее правительство, увидѣвъ такое рѣшеніе комиссій, убѣдилось, что нельзя уничтожать крѣпостнаго права, если уже специалисты, и при томъ извѣстные противники крѣпостнаго права, рѣшаютъ, что надобно сохранить его. Точно также опредѣлились и всѣ другія черты дѣла: выкупъ земель необязательный, а по добровольному соглашенію, размѣръ надѣла, величина повинностей и платежей крестьянскихъ, и т. д. Никто не можетъ принять на себя отвѣтственности за устройство дѣла въ такомъ видѣ,—ни высшее правительство, ни редакціонныя комиссіи, рѣшительно никто не желалъ устроить дѣло такъ; его такъ устроилъ бюрократическій порядокъ, независимо отъ воли и убѣжденія лицъ, чѣмъ бы то ни было—работами ли своими, желаніями ли своими, подписями ли своими,—участвовавшихъ въ веденіи этого дѣла». Изъ всего этого вышло нѣчто совершенно неожиданное: увеличеніе оброка, платимаго крестьянами въ пользу помѣщика. Прежде крестьянинъ за одну десятину своего надѣла платилъ 1 рубль, а по новому положенію тяжесть его повинности увеличилась на 10 коп., т. е. онъ уплачиваетъ 1 руб. 10 копеекъ.

Выдержки изъ статей Огарева и Чернышевскаго опредѣляютъ въ достаточной полнотѣ составныя части суммы неудовольствія интеллигенціи противъ правительства, около которыхъ и по поводу которыхъ разыгрались печальныя событія тогдашней дѣйствительности. Въ общихъ своихъ взглядахъ оба публициста сходятся между собою, несмотря на нѣкоторую разность въ постановкѣ вопросовъ и въ своихъ личныхъ политико-философскихъ воззрѣніяхъ. Чернышевскій, какъ представитель социалистической школы, для даннаго историческаго момента сходилъ въ оцѣнкѣ событій съ Огаревымъ,

котораго скорѣе надо отнести къ категоріи политическихъ либераловъ, хотя и крайняго демократическаго оттѣнка. Главныя составныя части этой суммы неудовольствія формулируются такъ: 1) крестьянская реформа, произведенная исключительно подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, проведена неискренно, неумѣло и въ угоду привилегированнаго рабовладѣльческаго сословія; 2) изъ кабалы юридической крестьяне попадаютъ въ кабалу экономическую, причемъ ихъ правовыя отношенія къ прежнимъ господамъ очень неопредѣленны; 3) экономическая кабала выясняется изъ недостаточности и произвольности (территориальной) ихъ надѣла и усиленной тяготы оброка; 4) законное неудовольствіе крестьянъ тушится по прежней системѣ кровью; 5) бюрократическій режимъ остается нетронутымъ и въ прежней силѣ, правительство бездарно и совершенно чуждо намѣренія широкихъ политическихъ реформъ — историческій опытъ его ничему не научилъ, и голоса доброжелательныхъ просвѣщенныхъ людей, любящихъ свою отчизну и болѣющихъ за нее, попрежнему принимаются за голоса враждебные и злонамѣренные. Единственнымъ выходомъ изъ смутнаго положенія вещей, которое грозитъ потрясеніями и ужасами,—обращеніе къ творческимъ силамъ страны, которыя и должны установить справедливый социальный и политическій строй, для чего эти силы должны быть освобождены отъ давленія бюрократическаго прессы и отъ воздѣйствія классовыхъ привилегированныхъ интересовъ. Это единственная пѣлесообразная программа, при принятіи которой правительствомъ съ нимъ долженъ быть объявленъ полный разрывъ.

X.

Мы видѣли изъ всего хода крестьянской реформы, какова была тутъ роль Александра II, знаемъ также изъ показаній князя Мещерскаго, каково было настроеніе государя въ моментъ осуществленія реформы, поэтому не можемъ, конечно, согласиться съ Огаревымъ, упрекавшимъ самого государя въ неискренности и въ нежеланіи освобожденія народа. Это положеніе публициста должно быть откинуто, но съ остальными вышеотмѣченными заключеніями нельзя не согласиться, такъ какъ они нашли себѣ твердое подтвержденіе въ историческихъ фактахъ дальнѣйшей жизни. Правительство вообще и Александръ II въ частности совершенно не признавали необходимости органическаго обновленія государственнаго механизма, ни по программѣ, выставленной славянофилами, ни по программѣ, выработанной западниками. Бюрократическій строй признавался единственно мыслимымъ для Россіи, надежнымъ, устойчивымъ и отвѣчающимъ всѣмъ ея жизненнымъ запросамъ; допускалась только возможность его нѣкотораго под-

новленія, при чемъ элементы подновленія, въ интересѣ общественнаго успокоенія, почерпались изъ программы либеральной партіи, но самый способъ осуществленія намѣчаемаго подновленія, планъ дѣйствій въ данной области оставался въ распоряженіи все той же бюрократіи, отдавался на ея усмотрѣніе и рѣшеніе. Такимъ образомъ пути развитія жизненныхъ силъ государства оставались по-старому нерасчищенными и загроможденными все тѣми же случайностями и неожиданностями, на которыя такъ мѣтко указалъ Чернышевскій въ своихъ «Письмахъ безъ адреса». Всѣ желаютъ одного, а въ результатѣ получается невѣдомымъ способомъ нѣчто другое. Творчество явно отсутствуетъ и замѣняется тою бездарностью, на которую указалъ Огаревъ. Этой правительственной бездарности, являющейся какъ бы своего рода исторической привилегіей нашего отечества, русскій народъ обязанъ рядомъ несчастій, благодаря которымъ его жизнь до нашихъ дней включительно никакъ не можетъ вступить въ широкое культурное русло, на которое онъ имѣетъ такое неотъемлемое право по своей природной даровитости и естественнымъ богатствамъ занимаемой имъ площади земли...

Открывая въ жизни Россіи эпоху реформъ, Александръ II не имѣлъ около себя выдающихся по уму, по энергіи и широтѣ государственнаго ума сотрудниковъ. Опытъ подысканія ихъ изъ общественной среды былъ кратковремененъ, не былъ доведенъ до конца и скоро откинуть. Люди, не связанные своимъ прошлымъ, своимъ социальнымъ положеніемъ въ странѣ съ бюрократическою средою, очень скоро были этою средою затерты, устранены и замѣнены все тѣми же покорными сынами всесильной бюрократіи. Такъ, уступая проiscaмъ придворныхъ и чиновныхъ сферъ, очень скоро послѣ 19 февраля 1861 г. изгнать былъ Н. Милютинъ, въ лицѣ котораго многіе мнили видѣть будущаго министра внутреннихъ дѣлъ, а на авансцену жизни выдвинуть сотрудникъ Муравьева, помогавшій ему въ борьбѣ съ либеральными вѣяніями въ области крестьянскаго вопроса—Валуевъ, типичный представитель бюрократической системы, на котораго и возложена была задача творческаго порядка—проведеніе въ жизнь и осуществленіе на дѣлѣ положенія 19 февраля. Кромѣ того, для наблюденія за правильностью осуществленія самой реформы, вмѣсто обращенія къ помѣстнымъ силамъ, на первый планъ по старой привычкѣ, унаследованной отъ николаевскаго и предшествовавшихъ временъ, выдвигаются совершенно неосвѣдомленные въ вопросѣ разные флигель-адъютанты, роль которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оказалась роковою: они не столько явились въ глазахъ темнаго населенія представителями царской власти, призывающей освобождаемыхъ отъ рабства съ Божьяго благословенія на новую жизнь, сколько карательнымъ орудіемъ, выдвинутымъ «обижен-

нымъ» дворянскимъ сословіемъ противъ своихъ еще вчерашнихъ рабовъ. Вершители милостивой царской воли были обращены въ палачей, брызнувшихъ на великій актъ свободы алой струей крови. Старый режимъ не хотѣлъ безъ мести уступить поле новому и поспѣшилъ на прощаніе нанести жестокій ударъ его создателю. Это былъ трагическій моментъ въ жизни царя-Освободителя, опредѣлившій въ значительной мѣрѣ ходъ послѣдующихъ въ его печальной судьбѣ событій. Кровавымъ свѣтомъ освѣтили зарю новой жизни въ Россіи не либеральная, радикальная и революціонная интеллигенція, а тѣ, кто на словахъ изъявляли своему «обожаемому монарху» столько преданности, а на дѣлѣ сводили съ нимъ счеты за величайшее въ нашей исторіи его дѣяніе. Разстрѣлъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, пролитая ихъ кровь были сигналомъ къ выраженію правительству прямого недовѣрія со стороны наиболѣе страстныхъ представителей нашей общестственности и побудили Огарева бросить въ лицо Александру II тяжкое оскорбленіе. Его именемъ придворная знать, бюрократія и дворянство покрыли свое кровавое дѣяніе и, сводя съ нимъ счеты по случаю нанесенной имъ якобы тяжкой обиды, выдали именно его головою недовольнымъ общественнымъ элементамъ. Крайніе правые сошлись въ данномъ случаѣ съ крайними лѣвыми, и въ историческомъ отвѣтѣ за такой неестественный союзъ оказался именно тотъ, кто менѣе всего заслужилъ удары исторической Немезиды. Истинные виновники смутныхъ событій остались въ сторонѣ, и общественная волна выкинула накипь мутной грязи именно на ступеньки царскаго престола.

Уже Герценъ въ № 100 «Колокола» повѣдалъ внѣшнія подробности о кровавомъ событіи въ с. Безднѣ, Казанской губ., гдѣ, по приказанію уполномоченнаго въ Казани, свитскаго генералъ-майора Апраксина, войска безъ всякой надобности стрѣляли въ тысячную толпу крестьянъ, взбудораженныхъ освободительнымъ моментомъ и не умѣвшихъ истолковать истиннаго значенія данной имъ воли. Въ повѣствованіи корреспондентовъ Герцена истинное смѣшано съ фантастическимъ, и пружины, приведшія въ движеніе Спасскій уѣздъ, остались не раскрытыми. Въ настоящее время, когда на страницахъ «Историческаго Вѣстника» напечатанъ въ высшей степени интересный очеркъ Ф. А. П—ва «Изъ воспоминаній 1859—1861 годовъ»¹⁾, вся безднинская исторія получаетъ настоящее освѣщеніе, событія и лица тѣхъ дней выступаютъ передъ нами во всѣхъ послѣдовательныхъ подробностяхъ и дѣйствовавшія тогда соціальныя силы выведены наружу.

Авторъ воспоминаній, служившій при казанскомъ губернаторѣ Козляниновѣ, своимъ строгимъ и справедливымъ выполненіемъ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1907 г., кн. 10 и 11.

возлагаемыхъ на него порученій по разбирательству злоупотребленій помѣстныхъ помѣщиковъ своею властью надъ крѣпостными, возбудилъ противъ себя ненависть казанскаго дворянства. Послѣ объявленія воли, когда во многихъ деревняхъ обнаружались волненія крестьянъ по случаю того, что они не хотѣли болѣе ходить на барщину, продолженную еще на время «положеніемъ», Козляниновъ сталъ пользоваться услугами П—ва для улаженія инцидентовъ между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными мирнымъ путемъ, чего тотъ легко и достигалъ. Но вотъ разыгрался «бунтъ» въ Спасскомъ уѣздѣ, въ имѣніи бывшего попечителя Мусина-Пушкина, при чемъ самое движеніе крестьянъ приняло нѣсколько особый характеръ съ элементомъ здѣсь исторической легендарности. Какъ выяснилось впоследствии изъ дознанія, произведеннаго все тѣмъ же Половцовымъ, въ безднинскомъ эпизодѣ не только не было никакого предумышленія, но даже не было и бунта, а произошелъ лишь столь знакомая, родная общая безтолковщина. Суть показаній свелась къ слѣдующему: «При объявленіи манифеста 19 февраля были во всѣ помѣщичьи деревни развезены экземпляры положенія объ освобожденіи крестьянъ. Положеніе это составляло толстую сброшюрованную книгу большого формата; что было написано въ этой книгѣ, очевидно, никто изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ понять не могъ, грамотныхъ тогда между ними не было вовсе, не существовало ни волостныхъ правленій, ни сельскихъ училищъ, а потому совершенно некому было читать привезенную книгу, имѣвшую форму толстаго огромнаго кирпича, и лежалъ этотъ кирпичъ безъ всякаго движенія тамъ, куда онъ привезшимъ его чиновомъ отданъ былъ. Были нѣкоторые мужики въ церкви, гдѣ священникъ объявилъ волю, но и въ церкви мужики поняли немного, да и читалъ священникъ царскій манифестъ, а не положеніе. Пришли изъ сосѣдней Бездны вѣсти, что тамъ грамотный мужикъ Антонъ Петровъ разобралъ положеніе и въ немъ волю отыскалъ; торопливо отправились въ Бездну по нѣсколько крестьянъ изъ всѣхъ деревень, куда дошелъ слухъ о безднинскомъ чтецѣ, взяли съ собою привезенныя имъ книги положенія и книги эти представили Антону Петрову, который въ книгахъ этихъ долго разбирался, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ волю находилъ, а въ нѣкоторыхъ не находилъ; тѣ, въ чьихъ книгахъ была воля, уѣзжали радостные, тѣ, у кого воли не было, плакали и рыдали». Наличие воли и отсутствіе ея опредѣлялись, по словамъ Половцова, такъ: Антонъ Петровъ открывалъ положеніе о крестьянахъ, которое держалъ въ рукахъ, и показывалъ «отдѣлъ правилъ о порядкѣ приведенія въ исполненіе положенія, въ которомъ объясненъ былъ способъ составленія уставныхъ грамотъ, и сказано было, что въ грамотѣ должно быть объяснено: названіе деревни, имя владѣльца, число душъ по десятой ревизіи съ указаніемъ тѣхъ, которыя были

послѣ этой ревизіи отпущены на волю. Вотъ послѣднимъ-то тремъ словамъ безграмотный и полужуродивый Петровъ и придалъ совсѣмъ особенное толкованіе: онъ утверждалъ среди своихъ слушателей, что уже послѣ десятой ревизіи, т. е. въ 1858 г., всѣ помѣщичьи крестьяне отпущены на волю, но господа въ согласіи съ мѣстными властями эту настоящую царскую волю спрятали. Будучи полуграмотнымъ, онъ не во всѣхъ грамотахъ находилъ эти рѣшающія слова, отсюда и проистекало его рѣшеніе, что одни по новому акту нынѣ получаютъ свободу, а другіе—нѣтъ, однимъ—счастіе и правда, а другимъ—горе и неволя. Рѣчи безтолковаго и неграмотнаго мужика падали на благопріятную почву, утучненную стародавнею историческою надеждою на волю и землю; отсюда волненія среди крестьянъ, ихъ тревожное настроеніе и легенды о царскихъ золотыхъ грамотахъ, спрятанныхъ попами и помѣщиками, ожиданіе царскихъ пословъ, которые должны разрушить козни враговъ народа, и осуществленіе черезъ царя истинной правды на землѣ. По обычаю русской жизни мѣстная власть растерялась, постаралась раздуть броженіе крестьянъ, не принимавшее, однако, никакого угрожающаго характера, въ явленіе грознаго бунта. А тутъ еще изъ Петербурга прикатилъ царскій посланецъ, не имѣвшій никакого понятія объ условіяхъ бытовой дѣйствительности и... совершилось нѣчто грозное и ужасное. Нелѣпый Петровъ былъ обращенъ въ Пугачева, а темные мужики, сокрушавшіеся о волѣ, въ преступныхъ бунтовщиковъ, готовыхъ обратитъ дворянскую собственность въ груды пепла и камней. Помѣщики моментомъ воспользовались: Апраксина въ казанскомъ клубѣ накачали шампанскимъ и нелѣпыми измышленіями, убѣдили отстранить отъ дѣла умѣвшаго по-хорошему говорить съ мужиками Половцова, и самому взять въ руки усмиреніе взбунтовавшейся сельской черни, «не останавливаясь ни передъ чѣмъ и не считая потерь, сколько бы ихъ ни было». Апраксинъ выполнилъ волю казанскаго дворянства, явился съ вооруженною силою въ Бездну, велъ себя глупо, безтолково, жестоко, и кровь полилась: убитыхъ оказалось на мѣстѣ 71 и раненыхъ 115 (зарегистрированныхъ) человекъ. Великій актъ 19 февраля былъ смоченъ кровью, брызги которой съ береговъ Волги долетѣли до Невы, вселяя всюду ужасъ, озлобленіе и негодованіе. Казанское дворянство отслужило кровавую панихиду по своей рабовладѣтельской привилегіи, а крестьяне вмѣсто святой воды и крестнаго знаменія крестились пулями на новую жизнь и на «свободный трудъ».

XI.

Въ с. Безднѣ имѣлъ мѣсто типичный случай, но и въ прочихъ мѣстностяхъ многія неясности положенія, а главное на два года сохраненный, хотя и облегченный, экономическій status quo послужили поводами къ темнымъ броженіямъ и проявленіямъ взбудораженной народной мысли, не могшей самостоятельно разобраться въ обстоятельствахъ времени и своего новаго состоянія. Касаясь тѣхъ невеселыхъ дней въ жизни крестьянства, г. Петръ Масловъ въ только что вышедшей книгѣ «Аграрный вопросъ въ Россіи» говоритъ ¹⁾: «По обнаруженіи манифеста экземпляры его были разосланы по всѣмъ концамъ Россіи. вмѣстѣ съ манифестомъ разосланы были крестьянскія «положенія», но, по невозможности (!!) напечатать ихъ въ достаточномъ количествѣ, они не могли быть прочтены всѣмъ крестьянамъ одновременно съ манифестомъ. Такимъ образомъ, правительство мѣстами само вызвало недоразумѣнія съ крестьянами, которые, по прочтеніи манифеста, могли ожидать настоящей «воли», а не новой формы «обязательныхъ» отношеній къ помѣщикамъ и не отрѣзки земли въ пользу послѣднихъ... Въ однихъ мѣстахъ волненія были «подавлены безъ кровопролитія (если не считать кровопролитій при сѣченіи крестьянъ), въ другихъ случаяхъ военною силою», а въ нѣкоторыхъ случаяхъ увѣщаніями предводителей дворянства, на которыхъ были возложены мировыя обязанности впредь до назначенія мировыхъ посредниковъ. Волненія крестьянъ въ эту эпоху носили скорѣе пассивный характеръ. Они, напримѣръ, «упорно» не хотѣли выбирать старшинъ для образованія сельскаго управленія, въ другомъ мѣстѣ они «упорно» настаиваютъ на выборѣ старшинъ, заявляя, что прежнихъ не будутъ слушать. И то и другое принималось, какъ бунтъ».

Крестьянскія волненія вызвали циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева, — о которомъ уже упоминалось въ отзывѣ Огарева, — гдѣ говорилось: «Изъ доходящихъ... свѣдѣній о положеніи крестьянскаго дѣла видно, что дальнѣйшему успѣшному ходу его и, въ особенности, составленію уставныхъ грамотъ во многихъ мѣстахъ препятствуютъ распространившіеся между крестьянами превратные толки и укоренившіяся въ нихъ ложныя надежды. Они ожидаютъ такъ называемой ими новой воли, съ объявленіемъ которой по истеченіи двухъ лѣтъ они получаютъ будто бы какія-то новыя льготы, въ положеніи 19 февраля не указанныя и отъ пользованія коими будто бы будутъ устранены крестьяне, заключавшіе добровольныя сдѣлки съ помѣщиками и подписавшіе уставныя грамоты. Для прекращенія такихъ ложныхъ

---

¹⁾ Петръ Масловъ, «Аграрный вопросъ въ Россіи», т. II, «Кризисъ крестьянскаго хозяйства и крестьянское движеніе». Спб. 1908.

ожиданій государю императору благоугодно было, во время путешествія въ Крымъ, неоднократно и въ разныхъ мѣстахъ... лично разъяснять (старшинамъ) сущность дѣла и напоминать о лежащихъ на нихъ обязанностяхъ... что никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана».

За этимъ циркуляромъ послѣдовалъ другой, гдѣ было сказано, что въ виду того, что крестьяне смотрятъ на (издѣльную) повинность, какъ на исключительную принадлежность крѣпостного состоянія, то надлежитъ имъ разъяснять, «что, какъ издѣльная повинность или такъ называемая по установившемуся обычаю «барщина», такъ и оброки признаются за вознагражденіе въ пользу помѣщика».

«Въ большинствѣ случаевъ крестьяне не видѣли и не понимали опасныхъ для нихъ сторонъ крѣпостной реформы. Выражая протестъ противъ барщины, они соглашались во многихъ мѣстахъ принимать дарственные надѣлы, чтобы не платить за нихъ. Помѣщики, напротивъ, прекрасно понимали свои выгоды, и надѣленіе крестьянъ произошло... такъ, какъ было выгодно помѣщикамъ. Въ нечерноземномъ районѣ, гдѣ земля была малоцѣнной, а оброки высоки, крестьяне получили больше земли, между тѣмъ какъ въ черноземномъ районѣ, гдѣ оброкъ былъ ниже, многіе крестьяне получили дарственные надѣлы, такъ какъ земля представляла большую цѣнность, чѣмъ капитализированный оброкъ. Помѣщики прибѣгали ко всякимъ приемамъ, чтобы ликвидировать крѣпостное право на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Употребляли или «волчій зубъ, или лисій хвостъ»... Тамъ, гдѣ не помогала «ласка», помогали угрозы. Многіе помѣщики, чтобы сократить крестьянскіе надѣлы тамъ, гдѣ земли были плодородны, какъ только стало извѣстно о предстоящей реформѣ, старались обезземелить крестьянъ, другіе прибѣгали и къ другимъ приемамъ... При подобномъ характерѣ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній неудивительно, что крестьяне получали овраги и другія невыгодныя земли, неудивительно также, что крестьянскіе «бунты» происходили почти во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ приходилось ликвидировать крѣпостныя отношенія».

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Маслова, «крестьянскія волненія при отмѣнѣ крѣпостного права имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ до отмѣны крѣпостного права и чѣмъ волненія 1902 и 1905—1907 годовъ. Крестьяне пытались по возможности больше взять отъ крѣпостной реформы и наталкивались на сопротивление властей и помѣщиковъ. Но эти волненія не были результатомъ рѣзкаго противорѣчія, которое образовалось къ концу крѣпостного права между существовавшими правовыми отношеніями и слагавшимся новымъ хозяйственнымъ строемъ.

«Крестьяне еще не были приведены въ то тяжелое положеніе, къ которому привело дальнѣйшее развитіе народнаго хозяйства къ

началу текущаго столѣтія. У нихъ не было безвыходнаго положенія, при которомъ никакія увѣщанія не могутъ помочь, хотя они предчувствовали, повидимому, тяжелыя послѣдствія отъ создавшихся, при отмѣнѣ крѣпостнаго права, условій. Все-таки отмѣна крѣпостнаго права давала имъ относительную свободу и, подчиняясь силѣ, крестьянство на нѣсколько десятилѣтій наружно успокоилось... Въ глубинѣ народной жизни происходилъ переломъ народнаго міросозерцанія, народная мысль упорно работала въ поискахъ за выходомъ изъ тяжелыхъ условій, но активныхъ проявленій крестьянскаго движенія не было вплоть до половины восьмидесятыхъ годовъ.

«Разница положенія, въ которомъ находились крестьяне до и послѣ отмѣны крѣпостнаго права, отразилась, слѣдовательно, на крестьянскомъ движеніи такимъ образомъ. До отмѣны крѣпостнаго права, хотя не происходило одновременно такого широкаго крестьянскаго движенія, какъ послѣ реформы 61 года, но движеніе изъ года въ годъ возобновлялось то тамъ, то здѣсь въ теченіе десятилѣтій. Послѣ отмѣны крѣпостнаго права широкое крестьянское движеніе черезъ два-три года сравнительно съ періодомъ 61—63 гг. стихло и успокоилось на 4 десятилѣтія, проявляясь только изрѣдка въ видѣ конфликтовъ изъ-за притѣсненій отдѣльных помѣщиковъ. Только въ теченіе слѣдующихъ четырехъ десятилѣтій назрѣлъ кризисъ крестьянскаго продовольственнаго хозяйства. Этотъ кризисъ снова толкнулъ крестьянъ на упорную борьбу за улучшеніе своего положенія».

Объ этой сторонѣ русской жизни еще придется немало говорить въ дальнѣйшихъ частяхъ нашей работы, въ связи съ общими политическими явленіями разныхъ десятилѣтій, а пока обратимся къ событіямъ 1861 г., послѣдовавшимъ за объявленіемъ воли.

Казанскія кровавыя событія были тою искрою, которая зажгла рѣчь Герцена, Огарева, Чернышевскаго. Эти же событія дали толчокъ и той литературѣ, которая именно съ 1861 года начала обильно нарождаться и проникать въ народъ подъ видомъ разныхъ летучихъ листковъ и беллетристическихъ произведеній, написанныхъ съ поддѣлкою подъ народную рѣчь, въ цѣляхъ агитационныхъ и революціонныхъ. Предвѣстникомъ такого рода литературы явилась передовая статья «Колокола» отъ 1 іюля 1861 года. Здѣсь въ первый разъ отчетливо намѣчена политическая программа практическаго характера въ цѣляхъ неуклоннаго ей слѣдованія и ея выполненія самимъ народомъ, при чемъ ея языкъ приуроченъ къ пониманію широкихъ массъ. Эта статья значительно разнится и по своей внѣшности, формѣ изложенія, манерѣ говорить отъ всего прочаго что въ томъ же родѣ говорилось патентованными публицистами, обращавшимися преимущественно къ литературно и политически подготовленной аудиторіи. Поэтому,

разсматривая ее, какъ первый образецъ русскихъ прокламацій второй половины XIX столѣтія, приведемъ изъ нея необходимыя выдержки. Статья озаглавлена «Что нужно народу»¹⁾ и сразу начинается отвѣтомъ: «Очень просто, народу нужна земля да воля. Безъ земли народу жить нельзя, да безъ земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. Земля никому другому не принадлежитъ, какъ народу... Народъ съ поконъ вѣковъ на самомъ дѣлѣ владѣлъ землею, на самомъ дѣлѣ лилъ за землю потъ и кровь, а приказные на бумагѣ чернилами отписывали эту землю помѣщикамъ да въ царскую казну. вмѣстѣ съ землей и самый народъ забрали въ неволю, и хотѣли увѣрить, что это и есть законъ, это и есть божеская правда. Однако никого не увѣрили. Плетью народъ сбѣкли, пулями стрѣляли, въ каторгу ссылали, чтобы народъ повиновался приказному строю. Народъ замолчалъ, а все не повѣрилъ. И изъ неправого дѣла все же не вышло дѣла праваго. Притѣсненіями народъ и государство разорили». Но вотъ подъ давленіемъ необходимости объявили волю. Народъ повѣрилъ, обрадовался и сталъ молиться. «Однако какъ зачали генералы да чиновники толковать народу положенія, оказывается, что воля дана только на словахъ, а не на дѣлѣ. Что въ новыхъ положеніяхъ прежніе приказные законы только на другой бумагѣ, другими словами переписаны. И барщину и оброки отбывай помѣщику попрежнему; хочешь получить свою избу и землю, выкупай ихъ на свои собственные деньги. Выдумали переходное состояніе. Не то на два года, не то на шесть, не то на девять лѣтъ опредѣлили для народа новое крѣпостное состояніе, гдѣ помѣщикъ будетъ сбѣчь черезъ начальство, гдѣ судъ будетъ творить начальство, гдѣ все перепутано такъ, что если бѣ въ этихъ царскихъ положеніяхъ и нашлась какая-нибудь льготная крупица для народа, то ею и воспользоваться нельзя. И государственнымъ крестьянамъ допрежнему ихъ горькую судьбу оставили, и землей и народомъ оставили владѣть все тѣхъ же чиновниковъ, а хочешь на волю, такъ выкупай свою землю. Слушаетъ народъ, что ему толкуютъ генералы и чиновники про волю, и понять не можетъ—какая это воля безъ земли подъ помѣщичьиими и чиновничьиими розгами. Вѣрить не хочетъ народъ, чтобъ его такъ безчестно обманули. Быть, говорить, не можетъ, чтобы царъ своимъ словомъ четыре года ласкалъ насъ свободой, а теперь на дѣлѣ подарилъ бы прежней барщиной и оброкомъ, прежними розгами и побоями.

«Хорошо кто не повѣрилъ, да смолчалъ: а кто не повѣрилъ, да сталъ тужить по несбывшейся волѣ, тѣхъ пришли вразумлять плетью, штыками да пулями. И полилась по Руси безвинная

¹⁾ «Колоколъ» 1861 г., № 102.

кровь. Въмѣсто молитвъ за царя, раздались стоны мучениковъ, падающихъ подъ плетями и пулями да изнемогающихъ подъ желѣзами на сибирской дорогѣ.

«Такъ-то опять плетями да каторгой хотятъ заставить народъ вѣрить, что новый законъ есть божеская правда».

«...Нѣтъ! двоедушничать съ народомъ и обманывать его—безчестно и преступно. Торговать землей и волей народа не то же ли, что Иудѣ торговать Христомъ. Нѣтъ, дѣло народа должно быть рѣшено безъ торга, по совѣсти, по правдѣ. Рѣшеніе должно быть простое, откровенное, всякому понятное; чтобы слова рѣшенія, разъ произнесенныя, ни царь, ни помѣщики перетолковывать не могли. Чтобы ради глупыхъ, безтолковыхъ, измѣнническихъ словъ не лилось неповинной крови. Что нужно народу? Земля, воля, образование».

Но какъ ихъ получить и что для того надо дѣлать?

XII.

На поставленный вопросъ авторъ отвѣчаетъ обширной программой, которая слагается изъ слѣдующихъ положеній:

«1) Объявить, что всѣ крестьяне свободны съ тою землею, которою теперь владѣютъ. У кого нѣтъ земли, напримѣръ, у дворовыхъ и нѣкоторыхъ заводскихъ, тѣмъ дать участки изъ земель государственныхъ, т. е. народныхъ, никѣмъ еще не занятыхъ. У кого изъ помѣщичьихъ крестьянъ земли не въ достачу, тѣмъ прирѣзать земли отъ помѣщиковъ или дать земли на выселокъ, такъ чтобы ни одинъ крестьянинъ безъ достаточнаго количества земли не остался. Землей владѣть крестьянамъ сообща, т. е. общинами. А когда въ какой общинѣ народится слишкомъ много народу, такъ что тѣсно станетъ, дать такой общинѣ для крестьянъ сколько нужно земли на выселокъ изъ пустопорожнихъ удобныхъ земель. Въ тысячу лѣтъ русскій народъ заселилъ и завоевалъ земли столько, что ему ея на многіе вѣка хватить. Знай плодись, а въ землѣ отказа быть не можетъ...

2) Какъ весь народъ будетъ владѣть общей народной землей, такъ, значить, весь народъ за пользованіе этой землей будетъ платить и подать на общія народныя нужды, въ общую государственную (народную) казну. Для сего освобожденныхъ съ землей крестьянъ обложить такою же податью, какую нынѣ платятъ государственные крестьяне, но не болѣе. Подати тѣ вносить крестьянамъ сообща, за круговою порукою, чтобы крестьяне каждой общины отвѣчали другъ за друга.

3) Хотя помѣщики триста лѣтъ и владѣли неправо землей, однако народъ ихъ обижать не хочетъ. Пусть имъ казначейство выдаетъ ежегодно, въ пособіе или вознагражденіе, сколько нужно,

примѣрно хотъ 60 миліоновъ въ годъ изъ общихъ государственныхъ податей ¹⁾. Лишь бы народу осталась вся земля, которую онъ теперь на себя пашетъ... да лишь бы подати ни въ какомъ случаѣ не повышали, а то народъ на отсчитываніе вознагражденія помѣщикамъ изъ податей согласенъ. А сколько кому изъ отсчитываемыхъ на это изъ податей денегъ приходится, помѣщики сами промежъ себя по губерніямъ согласиться могутъ. Народу это все равно, лишь бы подать не повышали...

4) Если... подати до полныхъ 60 миліоновъ, слѣдующихъ помѣщикамъ, и не хватитъ, то для покрытія недостатка все-таки никакихъ лишнихъ податей требовать не надо. А потому войско слѣдуетъ сократить на половину... Теперь на войско и на флотъ тратится сто двадцать миліоновъ, а все безъ толку. Съ народа собираютъ на войско денегъ кучу, а до солдата мало доходитъ. Изъ ста двадцати миліоновъ сорокъ миліоновъ идетъ на однихъ только военныхъ чиновниковъ, которые еще, кромѣ того, сами знатно казну разворовываютъ...

5) И собственные расходы царскаго правительства надо сократить...

6) Избавить народъ отъ чиновниковъ. Для этого надо, чтобъ крестьяне, и въ общинахъ и въ волостяхъ, управлялись бы сами, своими выборными. Сельскихъ и волостныхъ старшинъ опредѣляли бы своимъ выборомъ и отрѣшили бы своимъ судомъ. Между собой судились бы своимъ третейскимъ судомъ или на міру. Сельскую и волостную полицію справляли бы сами своими выборными людьми. И чтобъ во все это, равно какъ и въ то, кто какую работою или торговлей и промысломъ занимается, отнынѣ ни одинъ помѣщикъ или чиновникъ не вмѣшивался бы, лишь бы крестьяне во время вносили свою подать. А за это отвѣчаетъ круговая порука. Для легкости же круговой поруки крестьяне каждой общины промежъ себя сдѣлаютъ складчину, т. е. составятъ мірскіе капиталы... Общественный капиталъ и хозяйству сельскому поможетъ, да и отъ чиновниковъ спасетъ, такъ какъ при исправномъ платежѣ податей ни одинъ чиновникъ никого и притѣснять не можетъ...

7) А для того, чтобъ народъ, получивъ землю и волю, сохранилъ бы ихъ на вѣчныя времена, для того, чтобы царь не облагалъ произвольно народъ тяжкими податями и повинностями, не держалъ бы на народныя деньги лишняго войска и лишнихъ чиновниковъ, которые давили бы народъ, для того... надо, чтобъ подати и повинности опредѣлялъ бы и раскидывалъ промежъ себя

---

¹⁾ Авторъ статьи дѣлаетъ финансовый подсчетъ такого рода операціи и опредѣляетъ, что черезъ 37 лѣтъ помѣщикамъ все слѣдующее имъ будетъ выплачено и изъ народныхъ податей на эту статью государственнаго бюджета ничего не пойдетъ.

самъ народъ чрезъ своихъ выборныхъ. Въ каждой волости выборные отъ селъ рѣшатъ промежъ себя, сколько надо собрать съ своего народа денегъ на общія нужды волости, и выберутъ промежъ себя довѣреннаго человѣка, котораго пошлютъ въ уѣздъ, чтобъ вмѣстѣ съ выборными отъ другихъ волостей и землевладельцевъ и городскихъ обывателей рѣшить, какія нужны подати и повинности по уѣзду. Эти выборные на уѣздномъ сходѣ выберутъ промежъ себя довѣренныхъ людей и пошлютъ ихъ въ губернскіе города, чтобы рѣшить, какія народу принять повинности по губерніи. Наконецъ выборные отъ губерній съѣдутся въ столицу къ царю и порѣшатъ, какія народу принять повинности и какія подати должны быть отбываемы народомъ для нуждъ государственныхъ, т. е. общихъ для всего русскаго народа. Довѣренные отъ народа люди не дадутъ народа въ обиду, не позволятъ брать съ народа лишнихъ денегъ, а безъ лишнихъ денегъ не изъ чего будетъ содержать и лишняго войска и лишнихъ чиновниковъ. Народъ, значить, будетъ жить счастливо, безъ притѣсненій.

«Довѣренные люди рѣшатъ, сколько податей платить народу и какъ платить ихъ, чтобы никому не было обидно. Какъ соберутся выборные да столкнутся, имъ ужъ можно будетъ порѣшить, чтобы подати платить не съ души, а съ земли. У какой общины земли болѣе, да земли получше, той, значить, и платить податей придется болѣе; а кто землей бѣднѣе—тѣ и платить будутъ менѣе. Тутъ и помѣщики съ своей земли платить будутъ. Значить, дѣло будетъ справедливое и для народа льготное. Довѣренные же рѣшатъ, какъ по справедливости отбывать рекрутскую повинность; какъ по справедливости отбывать дорожную, постоянную и подводную повинности; оцѣнять ихъ деньгами и разложить по всему народу безобидно. Разочтутъ всякую народную копейку, на какое именно дѣло ей итти; сколько денегъ на правительство, сколько на войско, сколько на суды, сколько на училища народные, сколько на дороги. И что рѣшатъ, то и будетъ. Какъ придетъ годъ, такъ въ каждой копейкѣ подай отчетъ народу—куда она истрачена. Вотъ тогда только народъ и будетъ въ самомъ дѣлѣ благоденствовать. Вотъ что нужно народу, безъ чего онъ жить не можетъ».

Такова въ статьѣ программа новаго государственнаго строительства и народнаго хозяйства, программа, какъ видятъ читатели, построенная на принципѣ народнаго представительства съ сохраненіемъ въ Россіи начала царской власти и съ широкимъ развитіемъ въ ея нивахъ социалистическихъ принциповъ общности народнаго хозяйства. Послѣ программъ, выдвинутыхъ въ свое время декабристами, это первая политическая программа, приноровленная къ реальнымъ требованіямъ жизни, безъ наличія въ ней теоретическихъ построеній и выводовъ, но цѣликомъ приложенная къ запросамъ современной отечественной дѣйствительности, въ инте-

ресѣ ея предстоящаго обновленія. Рядомъ съ такой постановкой дѣла тутъ же намѣчено, черезъ чье посредство и какимъ образомъ слѣдуетъ добиваться осуществленія этой программы.

До послѣдняго момента, сказано здѣсь, всѣ надежды возлагались на царя, который долженъ и могъ бы осуществить великую народную волю. Но разстрѣлъ крестьянъ показалъ, что онъ не другъ, а врагъ народа. Этихъ настоящихъ преданныхъ друзей слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ. «Пуще всего надо народу сближаться съ войскомъ. И отецъ ли, мать ли снаряжаетъ сына въ рекруты— не забывай народной воли, бери съ сына клятву, что по народу стрѣлять не будетъ, не будетъ убійцей отцовъ, матерей и сестеръ кровныхъ, кто бы ни далъ приказъ стрѣлять, хотя бы самъ царь... Затѣмъ ищи себѣ друзей и повыше. Когда найдется офицеръ, который научить солдатъ, что стрѣлять по народу грѣхъ смертный, знай народъ, что это другъ его, который стоитъ за землю мірскую да за волю народную.

«Найдется ли помѣщикъ, который тотчасъ отпуститъ крестьянъ на волю со всей ихъ землею, самымъ льготнымъ образомъ и ни въ чемъ ихъ не обидитъ, а во всемъ поможетъ; найдется ли купецъ, который не пожалѣетъ своихъ рублей на освобожденіе, найдется ли такой человѣкъ, у котораго ни крестьянъ, ни рублей нѣтъ, но который всю жизнь и думалъ, и учился, и писалъ, и печаталъ только для того, какъ бы лучше устроить землю мірскую да волю народную: знай народъ—это все друзья его.

«Шумѣть безъ толку и лѣзть подъ пули въ разбивку нечего; а надо молча собираться съ силами и искать людей преданныхъ, которые помогли бы совѣтомъ и руководствомъ, и словомъ, и дѣломъ, и казной, и жизнью, чтобъ можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять противъ царя и вельможъ землю мірскую, волю народную да правду человѣческую».

Таковы живые факторы предстоящей борьбы народа съ правительствомъ за волю и землю; среди нихъ, какъ усматривается, главная роль отводится войску, только съ устраненіемъ котораго изъ кровавой драмы народу возможно достигнуть желаемой ему цѣли. Въ этомъ положеніи мы видимъ нѣчто совершенно новое, что прежнимъ борцамъ за конституцію, въ лицѣ декабристовъ, не приходило въ голову и что даже совершенно противорѣчило ихъ плану дѣйствій. Тамъ все полагалось въ активной силѣ войска, здѣсь—въ его пассивномъ отношеніи къ имѣющимъ развернуться событіямъ. Мысль, проведенная въ программѣ, ясна и практична: режимъ держится и отстаивается войскомъ; устраните послѣднее, обопритесь на благожелательные народу элементы, гдѣ, повидимому, передовой интеллигенціи отводится видная роль,—и побѣда обеспечена. Съ такого рода постановкой вопроса намъ придется не разъ встрѣчаться въ той части очерковъ, которые охватятъ собою со-

бытія революціоннаго движенія, въ особенности текущаго нашего десятилѣтія. Но впервые такая мысль была громко высказана на страницахъ «Колокола».

На царя нѣтъ надежды—таково тоже основное и, пожалуй, въ нѣкоторомъ родѣ кардинальное положеніе статьи. Онъ не творитъ воли народной, онъ врагъ народа, потому что приказываетъ стрѣлять въ народъ, проливаетъ его кровь. Трагическія событія въ Казанской губерніи и въ другихъ мѣстахъ Россіи дали сильное орудіе въ руки враговъ существующаго бюрократическаго режима, причемъ прямымъ виновникомъ этихъ событій выставляется именно царь, съ священнымъ званіемъ котораго связывались съ исконныхъ временъ у народа понятія о высшей правдѣ, милости и добрѣ. Мы знаемъ теперь истинныхъ виновниковъ этихъ кровавыхъ событій. Дворянство и та титулованная бюрократія, въ самый трудный моментъ жизни Александра II, когда ему предстояло стать на недостижимую историческую высоту, и когда его всеми средствами слѣдовало оберегать, навели на него искусственно въ глазахъ народа кровавый свѣтъ, чѣмъ и не преминула воспользоваться политическая агитація, громко воскликнувшая: вотъ онъ, врагъ народа, отступитесь отъ него!

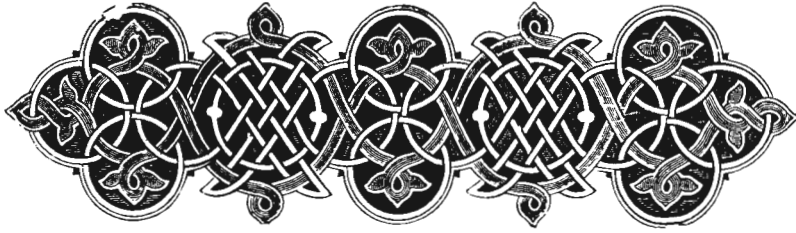
Страшное слово было произнесено, и трагическій конецъ царя-Освободителя былъ предрѣшенъ.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

ИЗЪ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ,

Новое есть только хорошо забытое старое.

АСТУПИВШІЙ годъ является юбилейнымъ въ ученой жизни императорскаго петербургскаго археологическаго института. Тридцать лѣтъ тому назадъ, 15 января 1878 г., скромно отпраздновано было торжество его открытія. Съ горячей вѣрою въ блестящее будущее своего дѣтища, въ важное значеніе его какъ для русской исторической науки, такъ и въ цѣляхъ подъема общественнаго самосознанія, произнесъ свое привѣтственное слово на открытіи института учредитель его, неутомимый радѣтель архивнаго дѣла, сенаторъ Н. В. Калачовъ:

«Для всякаго, кто любитъ свое отечество,—говорилъ Н. В.,—кому дорого его прошлое, древности его имѣютъ, безспорно, весьма важное значеніе. И намъ, хотя юному еще народу въ семьѣ другихъ, опередившихъ насъ и лѣтами и образованіемъ, народовъ Европы, есть уже чѣмъ помянуть свое былое, есть даже многое, на что могли бы мы указать нашимъ западнымъ собратьямъ, какъ на драгоценнѣйшіе памятники жизни, дѣятельности и, смѣемъ сказать, результатовъ, достигнутыхъ трудами нашихъ предковъ. Уже стоимъ мы твердою ногою на рубежахъ Европы и Азіи, какъ государство самостоятельное и смѣло идущее по пути, предназначенному ему Провидѣніемъ. Уже вносимъ мы свѣточъ христіанства, просвѣщенія и нравственности въ отдаленные предѣлы Востока, въ нѣдра язычества и религіознаго суевѣрія и фанатизма. Но и

въ Европѣ не одно столѣтіе, вѣрные своимъ исконнымъ прародителямъ, отбываемъ мы тяжелую страду за славянское дѣло и даже въ настоящую минуту побѣдоноснымъ оружіемъ¹⁾ намѣчаемъ границы, въ коихъ государственная жизнь нашихъ соплеменныхъ братьевъ должна развиваться независимо и свободно. Мирная наука древностей, съ своей стороны, радостно привѣтствуетъ это торжество, потому что оно приготовляетъ ей обширное поле, на которомъ придется ей съ такою же свободою, какую послѣ долгаго гнета обрѣтутъ эти государства, собирать драгоценные, уцѣлѣвшіе отъ вѣковыхъ бурь остатки первобытнаго народнаго языка, народныхъ вѣрованій и обычаевъ и изучать письменные и вещественные памятники прошлой жизни для того, чтобы уяснить себѣ весь бытъ, всю обстановку столь близкихъ намъ народовъ. Но и древности собственно наши—бытъ, языкъ и памятники Русскаго государства—еще нами только что затронуты: для всесторонняго разслѣдованія и изученія ихъ надлежитъ посвятить себя этому дѣлу цѣлой массѣ трудолюбивыхъ и хорошо подготовленныхъ къ нему на теоретическихъ и практическихъ основахъ любителей и цѣнителей разныхъ сторонъ отечественной старины. И вотъ важная задача, представляющаяся въ кругу тѣхъ знаній, которыя преподаются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—облегчить тѣмъ, кто намѣренъ приняться за археологическія разысканія въ Россіи, трудный къ нимъ доступъ, обусловливаемый разнаго рода предварительными свѣдѣніями, приѣмами и работами. Такую именно задачу принимаетъ на себя учрежденіе, которое открывается настоящимъ торжественнымъ актомъ. Археологическій институтъ будетъ имѣть цѣлью приготовленіе специалистовъ по русской старинѣ. Ближайшее его дѣло—дать нашимъ архивамъ, правительственнымъ, общественнымъ и частнымъ, такихъ знатоковъ хранящихся въ нихъ рукописей, съ помощью которыхъ эти послѣднія не только могли бы быть приведены во всеобщую извѣстность, но также болѣе или менѣе отчетливо описаны и даже хотя отчасти разработаны¹⁾.

Но еще большее значеніе придавалъ основатель института дѣлу розыска и охраненія погибающихъ всюду, особенно въ глухихъ провинціальныхъ уголкахъ, памятниковъ старины, считая это дѣло «святымъ и великимъ». Болѣе отдаленной для осуществленія, но крайне заманчивой задачей института являлась, по мнѣнію Н. В., подготовка, съ одной стороны, такихъ знатоковъ архивнаго дѣла и памятниковъ старины, которые, «предпочтя скромные труды блеску столицы, взяли бы на себя устройство нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ архивовъ, приведеніе въ извѣстность мѣстныхъ вещественныхъ памятниковъ и наконецъ самую разработку открываемыхъ ими матеріаловъ, а съ другой стороны—поддержатъ этихъ

¹⁾ Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

ревнителей научнаго дѣла въ той крайне тяжелой долѣ, которой они обрекутъ себя». Для выполненія этой задачи институту, говорилъ Н. В., «надлежитъ держать высоко знамя науки и еще, быть можетъ, выше знамя энергическаго участія и теплаго слова, съ которыми онъ долженъ обращаться въ пользу мѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ археологіи и къ представителямъ высшаго правительства и къ частнымъ лицамъ». Для установленія постояннаго общенія между мѣстными провинціальными археологами и столичными учеными силами, которыя могли бы направлять всѣ разрозненныя силы къ одной опредѣленной цѣли при институтѣ созданъ былъ органъ: «Сборникъ Археологическаго Института».

Первые годы были весьма тяжелыми въ жизни юнаго учрежденія. Слушателей, принятыхъ исключительно изъ числа окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, было немного—около 12; программа была поневолѣ краткая: древности бытовья, древности церковныя и юридическія, въ связи съ палеографіей, и древняя географія Россіи. Средствъ, кромѣ частныхъ пожертвованій, никакихъ не было. Но съ неунывающей вѣрой въ общественно-воспитательное значеніе археологіи, полный неутомимой энергіи, продолжалъ основатель института свое дѣло, поддерживая духъ среди впадавшихъ уже въ уныніе ближайшихъ своихъ сотрудниковъ. Былъ моментъ, когда весь профессорскій составъ института заключался въ двухъ лицахъ: самомъ основателѣ и его неизмѣнномъ и вѣрномъ помощникѣ, тезкѣ его и по имени и по духу, Н. В. Покровскомъ, нынѣшнемъ директорѣ института. Институтъ основанъ былъ въ видѣ опыта на четыре года, исключительно на частныя средства. Первые годы онъ былъ совершенно обезпеченъ крупными пожертвованіями, даже превышающими всѣ необходимые расходы на содержаніе института. Такъ, въ 1879 г. пожертвованія поступили въ общей суммѣ свыше 15000 р., и, несмотря на оплату труда профессоровъ, на выдачу слушателямъ стипендій, на командировки слушателей, на покупку книгъ, производство раскопокъ, избытокъ средствъ выразился въ суммѣ до 6000 руб. Но годы шли, усердіе крупныхъ жертвователей изсякло, и въ отношеніи матеріальныхъ средствъ институтъ сталъ въ весьма печальное положеніе. Но не ослабѣла энергія Н. В. Калачова: она находила источникъ и поддержку въ той теплой и сердечной атмосферѣ, которая создалась вокругъ него, среди слушателей института. Уже со втораго года существованія нарушено было правило, что въ институтъ принимаютъ лишь лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: частными слушателями принимаемы были лица, не имѣющія дипломовъ, но охваченныя тѣмъ не менѣ искреннею и горячею любовью къ наукѣ

¹⁾ Сборникъ Археологическаго Института. Книга 1. СПб. 1878 г.

и прошлому своей родины. Итакъ, съ одной стороны: не измѣнившій ему сотрудникъ — Н. В. Покровскій, съ другой — беззаветная любовь къ наукѣ слушателей и мало-по-малу устанавливающееся въ русскомъ обществѣ иное, болѣе симпатичное отношеніе къ археологіи поддержали вѣру въ свое дѣло основателя института.

Прошли 30 лѣтъ. Посмотримъ, правъ ли былъ покойный Н. В. Калачовъ, считая необходимою основаніе перваго археологическаго института въ Россіи. Учрежденіе, основанное въ видѣ опыта, на частныя средства, превратилось съ тѣхъ поръ въ высшее учено-учебное учрежденіе, съ наименованіемъ «императорскаго» и съ годовымъ бюджетомъ въ суммѣ болѣе 20000 рублей. Считавшіеся единицами слушатели поступаютъ сотнями, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ, до войны, число поданныхъ прошеній о поступленіи въ институтъ превышало тысячу. Институтъ теперь — правительственное учрежденіе, дающее профессорамъ и лекторамъ права государственной службы. Археологія и архивовѣдѣніе все болѣе и болѣе приобретаютъ права на уваженіе къ нимъ, все болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашего общества. Объединенные одною идеею, разсѣянные по всей Россіи, члены с.-петербургскаго археологическаго института, отдавая свое свободное время историческимъ работамъ въ архивахъ, изданію матеріаловъ, розыску и изслѣдованію мѣстныхъ древностей, раскопкамъ кургановъ, составленію коллекцій — возбуждаютъ интересъ къ археологіи. Благодаря интересу къ археологіи, возбужденному среди русскаго общества, возникли 24 губернскіе ученыхъ архивныхъ комиссіи. Благодаря инициативѣ и поддержкѣ члена института, бывшаго министра народнаго просвѣщенія В. Г. Глазова, основанъ нынѣ второй археологическій институтъ въ Москвѣ. За тридцать лѣтъ своей ученой жизни институтъ выпустилъ въ свѣтъ десятки изданій, подъ названіемъ «Сборникъ Археологическаго Института», а затѣмъ «Вѣстника археологіи и исторіи». Мѣры, принимаемыя императорскою археологическою комиссіею въ заботахъ объ охранѣ мѣстныхъ древностей, богатая коллекція музеевъ въ провинціи, предпринятая разработка многихъ архивовъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, работы 24 губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и областныхъ археологическихъ съѣздовъ при этихъ комиссіяхъ и при главномъ посредствѣ института и петербургскихъ ученыхъ археологическихъ учреждений, все это могло бы горячо порадовать основателя института, если бы онъ могъ теперь видѣть успѣхъ своего дѣла, которому онъ отдалъ такъ много своихъ физическихъ и духовныхъ силъ.

Но дороже всего ему было бы то, что и теперь, черезъ 30 лѣтъ, не угасъ въ институтѣ духъ товарищескаго общенія между профессорами и слушателями, та истинно-разумная автономія, которая

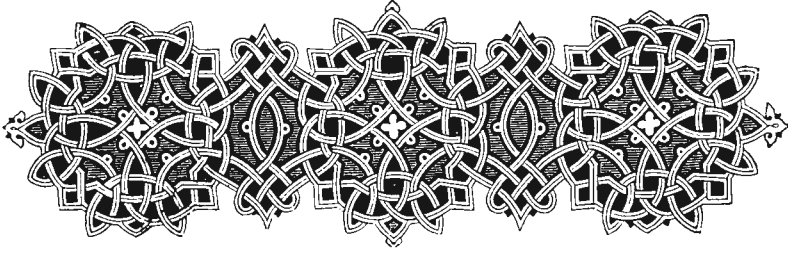
установилась невольно, безъ всякихъ регламентацій—установилась прочно и незыблемо. Даже тревожнѣйшій въ исторіи Россіи 1905 г. не измѣнилъ спокойно текущей академической жизни института. Люди, свободно пришедшіе сюда учиться, учиться изъ любви къ наукѣ и къ прошлому своей родинѣ, встрѣчая вполне товарищеское отношеніе къ себѣ со стороны профессоровъ и пользуясь полной свободой въ своихъ занятіяхъ археологіею, не мыслили ни на минуту подвергнуть общее дорогое для нихъ учрежденіе опасности быть закрытымъ.

Пронесаяся надъ Россіею буря миновала археологическій институтъ. Онъ празднуетъ теперь не только тридцатилѣтіе своего существованія, но и тридцатилѣтіе своей автономіи, своей академической не нарушенной ничѣмъ свободы. Политика умолкала въ стѣнахъ института. Люди самыхъ различныхъ политическихъ взглядовъ объединялись здѣсь общою любовью къ прошлому, общей работой надъ изученіемъ пріемовъ и способовъ возможно широкаго и детальнаго ознакомленія съ памятниками родной старины, въ цѣляхъ окончательнаго разрѣшенія и освѣщенія часто весьма спорныхъ историческихъ проблемъ, на основаніи случайныхъ рѣшеній которыхъ строятся, однако, важные, но иногда весьма необоснованные по существу, научные выводы. За этой общей работой объединены въ институтѣ и генералъ, и курсистка, студентъ, молодой офицеръ, священникъ, инженеры, чиновники разныхъ вѣдомствъ, помѣщики, доктора, адвокаты. Горячо привязавшись къ институту и свято чтя его тридцатицѣтилетіе, неутомимо продолжаетъ дѣло основателя института нынѣшній директоръ института, профессоръ Николай Васильевичъ Покровский.

Пожелаемъ же, чтобъ еще надолго, въ интересахъ развитія исторической науки, сохранялся товарищескій духъ въ институтѣ, духъ общенія профессоровъ со слушателями. Духъ этотъ поддерживаетъ у многихъ любовь къ научно-археологическимъ изысканіямъ, къ труду, иногда весьма скучному и кропотливому. Безъ любви же къ труду—результаты его ничтожны.

А. Мионовъ.

ВЪ СВОБОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

(Отъ Ванкувера до Нью-Йорка¹).

XVIII.

ТОРОНТО стоитъ у озера Онтарио, на сѣверномъ его берегу, распустивъ во всѣ стороны, какъ паукъ-крестовикъ свою паутину, желѣзнодорожныя вѣтви. Одна изъ этихъ вѣтвей огибаетъ озеро съ запада и идетъ къ Ниагарскому водопаду. Но я тщетно всматривался въ темноту, надѣясь увидѣть водную гладь Онтарио. Наконецъ это мнѣ надоѣло, и я задремалъ. Не знаю, долго ли, коротко ли я дремалъ, но проснулся я отъ тонкаго, аппетитнаго храпа, то поднимавшагося до самыхъ высокихъ нотъ, то падавшаго и замиравшаго въ нѣжномъ рокотѣ.

Откинувшись въ уголъ и поднявъ вверхъ сухое лицо съ острымъ носомъ, молодой сладко спалъ, наполняя весь вагонъ переливами своего храпа. Молодая стояла у раскрытаго окна вагона, и окутанное тѣнью лицо ея было грустно. Мнѣ почудилась какая-то тайна, тяжелая, позорная тайна, въ которую замѣшаны звонъ золота и острые когти бѣдности... Или это темная ночь повліяла на меня такъ? Она нашептала мнѣ смутную сказку, которая разсѣется, какъ туманъ, когда взойдетъ солнце?

¹) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІ, стр. 274.

Спать мнѣ не хотѣлось, и я, какъ и молодая, раскрылъ окно и сталъ смотрѣть на темныя поля и деревья. Чуть-чуть прояснѣло, мелькнули кое-гдѣ звѣзды, облака подобрались. Тепло и сыро...

Когда поѣздъ остановился, мертвая тишь охватила насъ. Все спало кругомъ. Душный воздухъ не колебался...

Я встрѣтился глазами съ молодой; она не отвернулась, въ глазахъ ея я прочелъ тоску... О чемъ она думала? Загадывала ли она о будущемъ, вспоминала ли прошедшее, жалѣла ли она себя и свою молодую жизнь?..

Справа небо начало золотиться. Ущербленный поднялся мѣсяцъ и спрятался тотчасъ за длинную тучу, едва намѣтивъ ея неровные края; а слѣва, впереди лилось какое-то тихое блѣдно-голубоватое сіяніе, захватывая чуть не полнеба, такое слабое, что мгновеніями казалось, что его вовсе нѣтъ и что только усталые глаза грезятъ наяву. Но понемногу оно становилось ярче, блеснули острыя точки фонарей. Длинными вереницами потянулись онѣ во всѣ стороны вдоль полевыхъ дорогъ. Ни признака жилья, ни голоса человѣческаго, ни звука, кромѣ ровнаго дыханья паровоза и звона колесъ... Фантастическая мертвая страна, до самаго горизонта освѣщенная рядами яркихъ огней...

Вошелъ кондукторъ.

— Почему здѣсь такъ много огней?—спросилъ я его.

— Это Ніагара. Она зажгла ихъ. Электричество тутъ дешево, вотъ они и освѣтили всѣ дороги.

Жутко какъ-то и красиво, очень красиво. Похоже на сказку.

Ніагара не только зажгла фонари, она двигаетъ и множество машинъ, она обслуживаетъ трамваи на десятки верстъ кругомъ, она согрѣваетъ дома, пилитъ доски, печатаетъ газеты, моетъ посуду... Люди пользуются небольшой только частью ея силы, но этой части достаточно, чтобы оживить цѣлый край.

Я еще не видѣлъ Ніагары (англичане произносятъ Найэгра), но мнѣ было какъ-то обидно за нее, словно за могучаго и сильнаго богатыря, котораго посадили вязать чулокъ...

Мѣсяцъ то выглянетъ на мгновенье, то снова скроется за тучу. Словно въ прятки играетъ.

Вотъ и Ніагара.

Маленькая остановка, звонъ колокола, и черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ входитъ на всякій мостъ надъ нею. Всѣ такъ и прильнули къ окнамъ, ища глазами водопада. Но водопадъ далеко. Здѣсь же, сжатая между отвѣсными скалами, Ніагара только сердится и мечется отъ берега къ берегу, косматится гривами пѣны, совершивъ недавно гигантскій прыжокъ. Въ сумракъ она кажется неширокой, и я слышу уже разочарованные голоса:

— Это-то Ніагара...

Висячій мостъ соединяеть раздѣленные Ниагарой канадскія владѣнія Англии отъ земель Штатовъ, отъ той подлинной Америки, которую только разумѣютъ подъ этимъ именемъ и въ которой живутъ и умираютъ «американскіе дядюшки».

Короткій, не отличающійся любезностью, но зато и не строгій таможенный досмотръ беретъ всего нѣсколько минутъ, причемъ у меня отбираютъ нѣчто вродѣ паспорта, выданнаго эмиграціоннымъ чиновникомъ Штатовъ въ Викторіи и заполненнаго имъ съ моихъ же словъ безъ всякой справки съ документами; между прочимъ въ этомъ паспортѣ указывался мой вѣсъ, ростъ и тому подобныя «примѣты».

Я помѣщаюсь въ маленькой и грязноватой гостиницѣ напротивъ станціи, беру горячую ванну и ложусь спать... Спать, спать, вытянувшись во весь ростъ, спать на чистомъ бѣльѣ, безъ пыли и копоти, безъ толчковъ и шума, безъ разговоровъ надъ ухомъ... Какое блаженство!..

XIX.

Утро сѣренькое. Нѣтъ-нѣтъ, да и сыпнетъ рѣдкій дождичекъ. Непріятно.

Только что я сошелъ изъ своей комнаты въ столовую, какъ около меня уже начали вертѣться хозяйка и ея братъ съ такимъ видомъ, будто имъ отъ меня вовсе ничего не нужно; а сами, словно невзначай, возьмутъ да и закинутъ словечко о томъ, что погода, молъ, дурна, что только въ крытомъ экипажѣ сегодня и можно проѣхать съ удобствомъ, что чужому, незнающему человѣку безъ проводника ничего и видѣть нельзя...

— Сколько?—спросилъ я, окончательно выведенный изъ себя.

— Долларовъ пять... — сказала хозяйка, внезапно оживляясь и засыпая меня словами, какъ горохомъ изъ мѣшка:—все, весь городъ можно будетъ посмотреть: и водопадъ и острова, и пороги, и канадскую сторону, и паркъ...

— Дорого,—перебилъ я потокъ ея словъ и съ самымъ серьезнымъ видомъ занялся разрѣзываніемъ колоссальнаго бифштекса.

— Это вовсе недорого... И потомъ... можно устроить немного дешевле...

Что-то юркое и пронирыливое было въ быстрыхъ движеніяхъ хозяйки и ея брата, въ ихъ черныхъ глазахъ, въ ихъ слегка загнутыхъ носахъ съ нервными ноздрями...

— Вы американцы?—спросилъ я.

— Да. Самые настоящіе американцы, природные...

Моя догадка обратилась въ увѣренность.

Оглушенное было потокомъ словъ, ухо уловило гортанную окраску звуковъ...

Окончательно мы сошлись на двухъ съ половиною долларахъ за полный объѣздъ всѣхъ достопримѣчательностей. Лошадь и экипажъ должны были быть готовы къ двумъ часамъ.

— Сезонъ теперь глухой, мало публики,—сказалъ братъ хозяйки, словно оправдываясь передо мною, что онъ такъ мало съ меня взялъ.

Я вышелъ на улицу, сѣлъ въ вагонъ трамвая и отправился къ водопаду.

Что городъ, то норовъ.

Здѣсь въ каждомъ вагонѣ трамвая виситъ автоматическій счетчикъ, и кондукторъ, собирая свои пяточки, вмѣсто выдачи билетовъ, просто дергаетъ рукоятку, и на циферблатѣ счетчика появляются соотвѣтственныя цифры.

Въ Америкѣ на конкахъ и трамваяхъ вообще рѣдко употребляютъ билеты. Чаще всего публика сама опускаетъ пяточки въ кружку, и я ни разу не замѣтилъ, чтобы кто-нибудь не сдѣлалъ этого. Вотъ бы попробовать у насъ?

Городъ Ниагара, чистенькій и тихонькій, насчитываетъ до тридцати тысячъ жителей. Живетъ онъ и питается главнымъ образомъ туристами. И чѣмъ ближе къ водопаду, тѣмъ это замѣтнѣе: увеличивается число магазиновъ, торгующихъ «рѣдкостями», вывѣски отелей бросаются въ глаза на каждомъ шагу.

Интересная особенность городка: въ какой-нибудь его части почти постоянно идетъ дождь. Это зависитъ отъ вѣтра, сносящаго брызги и пыль водопада.

XX.

За полмили уже слышится глухой и ровный шумъ. Его не заглушаетъ стукъ трамвайныхъ колесъ, не заглушаютъ голоса прохожихъ; какъ фонъ картины, онъ подымается и вырастаетъ, и всѣ остальные звуки вплетаются въ его густую ткань. Раньше, когда не было вблизи жилья человѣческаго, и дѣвственные лѣса простирались на сотни миль кругомъ, шумъ этотъ долженъ былъ разноситься на огромное пространство вверхъ и внизъ по рѣкѣ.

Справа уже виденъ надъ домами и деревьями гигантскій бѣлый клубъ водяной пыли, сливающейся своей вершиной съ низкими сегодня облаками.

Изъ города на острова, охваченные и разсѣченные Ниагарой, перекинуть красивый каменный мостъ.

Вода сегодня мутная, желтовато-зеленая. Остановившись на мосту, я долго смотрю на рѣку. Издали, за нѣсколько миль отъ водопадовъ она закипаетъ и рвется неудержимо, крутясь и бросая вверхъ огромныя кисти бѣлой пѣны, сердито вскакивая на камни, дробя объ нихъ стволы деревьевъ, плоты и доски, случайно попа-

Набережная в Торонто.

вше въ ея объятія... Но чѣмъ ближе къ обрыву, тѣмъ медленнѣе становится ея теченіе... Она словно задумывается, словно пугается страшной бездны, ожидающей ее... И вдругъ, рѣшившись, устремляется ровной и гладкой струей, и летитъ внизъ, не оглядываясь, не разсуждая; и бѣлая пыль взметывается на сотни сажень и осѣдаетъ на вѣчно влажные берега каплями мелкаго дождя.

Выше водопадовъ Ніагара раздѣляется надвое, и только тамъ, внизу, послѣ отчаяннаго скачка, воды ея сливаются въ глубокомъ и гладкомъ озеркѣ, покрытомъ медленно кружащимися кольцами пѣны, и бѣгутъ дальше ровнымъ, спокойнымъ потокомъ.

На мелкихъ островкахъ, окруженныхъ протоками Ніагары, разбитъ паркъ, или, вѣрнѣе, росшій на нихъ отъ вѣка лѣсъ подчищенъ и пересѣченъ дорожками. Эти островки составляютъ заповѣдную собственность народа.

XXI.

Тихо. Шумъ водопада, ровный и однообразный, стелется по лѣсу, плыветъ между деревьями, подымается къ ихъ вершинамъ. Чуть слышны голоса людей, беззвучно падаютъ, покачиваясь въ сырость воздухъ, желтые листья, безъ шороха скользятъ смѣлыя векши, останавливаясь на мгновение, чтобы взглянуть однимъ глазкомъ на туристовъ...

Сырой холодъ заставляетъ ежиться и вздрагивать.

Усѣвшись на скамейку неподалеку отъ водопада, я смотрю на него, какъ зачарованный, и чувствую, какъ что-то безконечно огромное и величественное входитъ въ мою душу, наполняетъ ее... Вода, вся ширина рѣки, мчится неразрывной тканью въ бездну и, падая, стонетъ, вздыхаетъ въ смертельной мукѣ... Въ клубахъ бѣлой пѣны у подножія водопада что-то рождается и умираетъ, борются между собой какія-то силы, великія и расплывчатая.

Хочется забыть все, весь свѣтъ, всѣхъ людей, всю жизнь, всѣ волненія и заботы и... молиться... молиться великому...

А налѣво, тамъ, гдѣ, выбѣжавъ изъ темнаго озерка, соединившая вновь свои воды Ніагара спѣшитъ прочь, кичливый и наглый, виситъ, опираясь на арку, черный стальной мостъ. Ниже его, прижимаясь къ канадскому водопаду, плоскія и тупыя, какъ сытые мѣщане, стоятъ зданія фабрикъ...

Развѣ нельзя было скрыть, спрятать, отнести подальше эти грязныя пятна, эти пріюты алчныхъ торгашей? Развѣ не выше, не цѣннѣе въ миллионы разъ то чувство благоговѣнія и восторга, которое охватываетъ здѣсь и очищаетъ мгновенно, какъ огнемъ, душу человѣка, чѣмъ всѣ прачечныя, сверлильныя, ткацкія и имъ подобныя машины, которыя питаются теперь, какъ паразиты, отъ великой силы Ніагары...

Висячий мостъ черезъ Ниагару.

Взволнованный, злой, готовый накинуться на тупыхъ и самодовольныхъ жителей «этой страны», которые мадонну Мурильо мѣряютъ на ярды, которые минутами и часами измѣряютъ сонаты Бетховена, которые не цѣнятъ великаго Божьяго дара, чуда изъ Божьихъ чудесъ, и хотятъ обратить его въ ломовую лошадь, я иду къ канадскому водопаду, пробираюсь по тоненькой настилкѣ, переброшенной съ камня на камень надъ буйными струями воды... И вотъ я надъ самой бездной, я заглядываю въ нее...

XXII.

Послѣ сытнаго американскаго обѣда я тотчасъ сѣлъ въ экипажъ, уже ожидавшій меня у подѣзда, чтобы начать осматривать достопримѣчательности не какъ вольный бродяга, идущій безъ цѣли и направленія, ловящій искры восторга и капли наслажденій гдѣ придется, а какъ патентованный туристъ, скромный и покорный туристъ, всецѣло зависящій отъ проводника, осматривающій все, что должно осмотрѣть.

Однако, мы чаще останавливаемся у лавчонокъ, торгующихъ «рѣдкостями», чѣмъ у чудесъ природы. Выставки, базары, гостиницы... Проводникъ останавливается и предлагаетъ зайти: вѣдь это ничего не стоитъ, только посмотрѣть... Потомъ предлагаютъ одну вещьцу, другую, альбомчикъ, булавку, прессъ-папье... Умопомрачительно любезны, любезны до ужаса... А доллары одинъ за другимъ, какъ юркія, только что пойманныя рыбки, выскальзываютъ изъ рукъ и перекатываются съ печальнымъ звономъ въ кассы любезныхъ господъ.

Переѣхали мы между прочимъ на канадскую сторону въ «Викторія-паркъ». Безъ «Викторіи» англичане, какъ извѣстно, послѣднія пятьдесятъ лѣтъ нигдѣ обойтись не могли. Паркъ красивый, старательно содержится, но не мѣсто ему здѣсь, не мѣсто подстриженнымъ лужайкамъ, вытянувшимся, какъ солдаты, деревьямъ рядомъ съ Ніагарой. Въ паркѣ находится входъ въ тоннель, проведенный къ самому водопаду. Тоннель этотъ пробить вдоль рѣки, сообщаясь съ внѣшнимъ міромъ поперечными узенькими ходами. Водопадъ виденъ изъ каждаго изъ этихъ ходовъ; и, чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ грандіознѣе и непередаваемѣе становится впечатлѣніе. Это цѣлый новый міръ, величественный и неясный, отъ вѣка летящій въ бездну прямо изъ глубинъ безконечнаго неба. Все принижается, все отходитъ въ сторону, и вся ширь вида занята этимъ стремленіемъ, этимъ вѣчно длящимся полетомъ, этимъ мгновеніемъ, превратившимся въ вѣчность...

Вся одежда пропитывается сыростью, тонкая водяная пыль заполнетъ легкія при каждомъ вдыханіи; мысли ибѣтъ; онѣ распались и потонули въ одномъ чувствѣ—чувствѣ благоговѣйнаго

Водопады на Ниагарѣ.

изумленія, чувствѣ величія того, что совершается передъ глазами. И это же чувство я читаю во взглядѣ розовенькой англичанки, боязливо прижавшейся къ мужу въ трехъ шагахъ отъ меня, это же чувство я читаю и въ крупныхъ чертахъ ея мужа...

Тѣсно... Дыханія не хватаетъ...

А черезъ мгновеніе все уже кажется сказкой, сномъ, который вотъ-вотъ исчезнетъ безслѣдно...

Изъ парка мой словоохотливый, ни на минуту не умолкавшій возница повезъ меня къ порогамъ, туда, гдѣ подъ висячимъ, словно мгновенно кинутымъ чьей-то могучей рукой съ берега на берегъ мостомъ рѣка тѣснится и клокочетъ, и взметываетъ султанами пѣну, туда, гдѣ погибъ отважный пловецъ-англичанинъ, переплывавшій Ламаншъ и думавшій, что выйдетъ побѣдителемъ и изъ борьбы съ Ніагарой. Но она зло посмѣялась надъ нимъ. Убивъ его, она играла и забавлялась его безжизненнымъ уже тѣломъ, перешвыривая его съ волны на волну; когда же ей надоѣла эта игра, она выбросила кровавый и безформенный кусокъ мяса на берегъ, словно говоря:

«Вотъ что ждетъ всякаго, кто вздумаетъ мѣряться силой со мною».

Возница мой остался наверху, я же, спустившись по скрипучимъ деревяннымъ ступенямъ къ самой водѣ, долго стоялъ на помостѣ, смотря на гнѣвную, безумно-прекрасную въ своемъ гнѣвѣ рѣку, и было мгновеніе, когда мнѣ захотѣлось крикнуть во всю силу моихъ легкихъ, захотѣлось перекричать грохотъ и шипѣніе мчавшейся у моихъ ногъ громады. Я крикнулъ... Какъ слабъ, какъ беспомощенъ и робокъ былъ мой крикъ...

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы вернулись въ гостиницу.

XXII.

Утромъ я спустился по канатной дорогѣ къ подножію американскаго водопада съ городской стороны.

— Хорошо?—спросилъ меня старикъ-американецъ, стоявшій рядомъ со мною и опиравшійся обѣими сморщенными трясущимися руками на толстую палку.

— Великолѣпно, удивительно!—отвѣтилъ я.

— Великолѣпно... Это настоящее слово... Я двадцать-седьмой разъ пріѣхалъ сюда и, если буду живъ, пріѣду еще...

Погода немного прояснилась; проглядывало мгновеніями солнце; но зато страшная, начавшаяся еще съ вечера буря бушевала съ чудовищной силой, застилая все озерко туманомъ водяныхъ брызгъ. Вода въ рѣкѣ поднялась на десять футовъ выше обычнаго уровня. По отзывамъ старожилловъ, она за послѣднія пятнадцать лѣтъ ни разу не подымалась такъ высоко.

— Сегодня будетъ трудновато,—сказали мнѣ въ конторѣ, гдѣ переодѣваются и берутъ проводниковъ для спуска подъ водопадъ.

— Опасно?—спросилъ я.

— Опасно... Не думаю... Ну, а страху наберетесь.

— Ничего. Мнѣ ждать некогда.

— Какъ хотите.

Я переодѣлся. Раздѣваться приходится донага, до послѣдней нитки. Взамѣнъ обычной одежды прямо на тѣло надѣвается мягкая и теплая рубашка изъ сѣрой фланели, такія же панталоны и носки, а сверху желтые клеенчатые непромокаемые костюмъ и капюшонъ; костюмъ женщинъ не отличается отъ мужского.

Проводника мнѣ пришлось довольно долго ждать. Вмѣстѣ со мною пошла англичанка—толстая, розовая и неуклюжая, особенно благодаря непривычному костюму.

Американскій водопадъ, если стать лицомъ по теченію рѣки, отдѣляетъ слѣва отъ себя одну вѣтвь саженъ двѣнадцать ширины; вокругъ этой вѣтви у ея подножія устроены деревянные, перекинутые съ камня на камень мостки, трепещущіе и скользкіе. Спускаться до нихъ приходится по винтовой лѣстницѣ. Съ перваго же шага чувствуешь себя какъ-то жутко. Это игра со смертію, игра, быть можетъ, и не такая ужъ опасная въ своей сущности, но ставящая васъ лицомъ къ лицу съ владыкой ада и врагомъ всего живого. Какъ только вы спустились до уровня рѣки, какъ только вы вступили на мостки, вы чувствуете, что достаточно невѣрнаго шага, толчка,—и вы погибли. Крѣпко взявъ за руку, проводникъ идетъ впереди васъ твердыми и смѣлыми шагами; вся ваша вѣра, все упованіе сосредоточиваются на немъ, на его крѣпкихъ ногахъ, на широкой спинѣ, на вросшей въ плечи головѣ. Водопадъ надъ нами; онъ летитъ вамъ на голову; вы невольно пригибаетесь. Брызги, жгучія и крутящіяся, бьютъ, хлещутъ, обжигаютъ васъ, заплескиваютъ вамъ въ ротъ, слѣпятъ вамъ глаза... Вамъ нечѣмъ дышать... Понемногу ужасъ нагибается къ вамъ, заглядываетъ въ вашу душу... и вдругъ хватаетъ васъ безжалостными мучающими руками, и вы начинаете биться, какъ птица, попавшая въ когти коршуна. Все пропало: ваша гордость, ваши знанія, ваши привычки...

— Скорѣй, скорѣй!—кричите вы проводнику.

Но голоса вашего не слышно; вы оглядываетесь на своего спутника и видите, что онъ беззвучно раскрываетъ ротъ, и въ его поблѣднѣвшихъ, покрытыхъ водою чертахъ вы читаете то же слово:

— Скорѣй..

Но самое страшное впереди. Это—«пещера вѣтровъ», пещера, которую крутящіяся, тяжелыя, какъ камни, брызги выбили позади водопада, пещера, въ которой воздухъ, вгоняемый водопадомъ,

вертится и вьется, какъ злой духъ, пещера, вся освѣщенная таинственнымъ зеленоватымъ свѣтомъ и отдѣленная отъ всего Божьяго міра тяжелой завѣсой мчащейся съ безумной быстротою въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ воды...

Я задыхаюсь, захлебываюсь, я чувствую, что тону. Англичанка почти повисаетъ на моей рукѣ. Проводникъ пытается что-то говорить, показываетъ рукою на водопадъ, но я машу рукою:

— Впередъ, впередъ...

И вотъ, наконецъ, можно вздохнуть...

Это воскресенье изъ мертвыхъ, возвращенье къ жизни.

— Да, тамъ страшновато сегодня,—говоритъ проводникъ, оглядываясь съ улыбкой на наши измученныя лица:—это буря виновата. Давно я не запомню такого денька; обыкновенно куда покойнѣе.

Всю грудь ломить отъ тѣхъ ужасныхъ попытокъ вобрать достаточно воздуха, какія приходилось дѣлать тамъ, гдѣ вмѣсто воздуха были только водяныя брызги и водяная пыль.

Съ наслажденьемъ сажусь я на скамейку въ паркѣ. Проглянуло солнце, и радуга, стройная и нѣжная, поднялась надъ водопадомъ, и облако пыли стало ослѣпительно бѣлымъ... Какъ хорошо, какъ дивно хорошо жить на Божьемъ свѣтѣ, видѣть солнце, дышать глубоко и часто, дышать полною грудью!..

XXIII.

Мнѣ хотѣлось посмотреть Ниагару при лунномъ освѣщеніи, но не удалось, такъ какъ къ вечеру все небо снова было покрыто тучами; оставаться дольше я не хотѣлъ и выѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ, опоздавшимъ своимъ выходомъ по обыкновенію больше чѣмъ на полчаса.

Вечернія газеты полны описаніями разрушеній, надѣланныхъ бурей въ Ниагарѣ и окрестныхъ городкахъ за сегодняшній день. Между прочимъ онѣ сообщаютъ, что въ раскрытое окно одного изъ домовъ вблизи водопада влетѣлъ ослабѣвшій молодой орелъ. Газеты считаютъ это хорошей примѣтой для страны. Я нахожу, что американцамъ въ сущности больше нечего ждать, и благопріятнѣе того, какъ сложилась ихъ жизнь въ настоящее время, она едва ли когда-нибудь можетъ сложиться. Американцы богаты, свободны, могущественны извнѣ и наслаждаются миромъ и тишиною внутри страны. Одною имъ недостаетъ—души. Но это ужъ, мнѣ кажется, бѣда непоправимая, и никакія примѣты и предзнаменованія тутъ не помогутъ.

Долго еще видно блѣдно-голубоватое сіяніе электрическихъ фонарей надъ Ниагарой.

Мостикъ для прогулки подъ водопадомъ.

Въ Буффало пересадка. Слѣдующаго поѣзда приходится ждать нѣсколько часовъ. Я отправляюсь побродить по городу. Буффало— городъ огромный, ведущій колоссальную торговлю, окруженный многочисленными фабриками и заводами.

Теперь глубокая ночь. Близко къ двѣнадцати, но улицы полны народа, звучитъ со всѣхъ сторонъ музыка, и сотни разноцвѣтныхъ электрическихъ вывѣсокъ играютъ огнями во всѣхъ направленіяхъ. Кофейни и закусочныя полны разодрѣтыми мужчинами и женщинами, пѣнятся пиво, хлопаютъ пробки, сверкаютъ бѣлоснѣжныя скатерти...

Когда они спятъ? когда они даютъ отдыхъ тѣлу и мыслямъ, эти вѣчно мягущіеся, вѣчно ищущіе новыхъ впечатлѣній, вѣчно занятыя чѣмъ-нибудь люди?..

Вершины домовъ уходятъ въ мглстую тьму ночи и кажется, что нѣкоторые изъ нихъ безконечны... Закидывая назадъ голову, я насчитываю десять, двѣнадцать, пятнадцать этажей...

Дорога отъ Буффало до Нью-Йорка ласкаетъ глазъ мягкими красками покрытыхъ осеннимъ уборомъ лѣсовъ, мягкими очертаніями невысокихъ холмовъ. Частыя фермы привѣтливо выглядываютъ изъ-за деревьевъ, какъ почтенныя, домовитыя старушки.

Еще полный впечатлѣніями, прекрасными и въ то же время величественными, которыми подарила меня царственная Ніагара, я избѣгаю разговоровъ и только, не отрываясь, смотрю въ окно на мягкія линіи и краски пейзажа.

Поѣздъ проскакиваетъ нѣсколько городковъ, пестрящихъ по американскому обыкновенію рекламами, и, наконецъ, въ теплый и ясный, весь проникнутый осенней кротостью вечеръ подходитъ къ Нью-Йорку, подымаясь постепенно все выше и пересѣкая по воздушному пути кипяція народомъ улицы.

По своей привычкѣ я помѣщаюсь въ ближайшей къ станціи гостиницѣ и на первый вечеръ ограничиваюсь небольшой прогулкой по окрестнымъ улицамъ, имѣющимъ вмѣсто названій только номера.

Сегодня воскресенье, и городъ производитъ впечатлѣніе тихаго и пустыннаго. Здѣсь еще чтутъ «день субботній» и искренно ли, или притворно, но посвящаютъ его Господу.

XXIV.

Утро занято было у меня небольшими дѣлами, которыя я долженъ былъ устроить въ Нью-Йоркѣ, послѣ обѣда же я началъ бродить по улицамъ, приглядываясь къ жизни и нравамъ нью-іоркцевъ.

На первыхъ порахъ ухо и глазъ поражаются обиліемъ движенія. Здѣсь все въ движеніи, все мчится, все спѣшитъ, не оглядываясь,

не обращая вниманья на сосѣдей, сталкивая съ дороги подвернувшася человѣка, перескакивая препятствія... Почва гудитъ отъ подземныхъ поѣздовъ, улицы всѣ изрѣзаны рельсами и, подымаясь на столбахъ, воздушные пути заслоняютъ отъ прохожихъ Божій свѣтъ. Поѣзда городского трамвая въ пять-шесть вагоновъ поминутно проносятся во всевозможныхъ направленихъ, звоня, грохоча, оглушая непривычнаго человѣка. Здѣсь по преимуществу царство электричества. Оно освѣщаетъ, движетъ, согрѣваетъ, сближаетъ раздѣленныхъ пространствомъ людей.

Конныхъ подводъ и экипажей сравнительно немного. Они вытѣснены трамваями и автомобилями.

Часамъ къ шести вечера я добрался до Бруклинскаго моста, соединяющаго собственно Нью-Йоркъ съ Бруклиномъ.

Мостъ этотъ—чудо инженернаго искусства, что-то сверхчеловѣческое, титаническое, что-то, передъ чѣмъ человѣкъ теряетя, никнетъ и перестаетъ сознавать себя даже песчинкой. Онъ подавляетъ, этотъ мостъ, онъ захватываетъ душу какими-то ужасными тисками. Изъ міра мечтаній, изъ міра грезъ онъ переноситъ и бросаетъ ее къ подножью желѣзной «необходимости». Онъ похожъ на храмъ какого-то безжалостнаго, неумолимаго, недоступнаго слабому голосу человѣка божества... Онъ страшенъ... Идя по немъ, я чувствую себя маленькимъ, робкимъ, слабымъ... Этотъ мостъ словно говоритъ мнѣ, что «другого» міра нѣтъ, что нѣтъ другой жизни, кромѣ той, которая мчится передъ моими тѣлесными очами, и что за предѣлами ея только полное ужаса и холода ничто. Служить и поклоняться можно только этой земной жизни.

Темнѣло. Конторы и фабрики закрывались. Одинъ за другимъ, безъ перерывовъ, безъ остановокъ мчались поѣзда трамваевъ по четыремъ линіямъ рельсовъ, проложеннымъ черезъ мостъ—двѣ линіи въ одну сторону, двѣ въ другую. Всѣ вагоны, всѣ площадки и подножки были забиты и увѣшаны людьми; мѣста для прохожихъ вплотную покрыты были людьми; тамъ внизу, подъ мостомъ, разсѣкая темную холодную воду, мчались черезъ рѣку пароходы, перегруженные людьми...

На скрѣпленіяхъ воздушныхъ проводовъ въ моментъ прохода вагоновъ трамвая вспыхивали яркія зеленоватыя искры. Какъ драгоценные камни, были вкраплены въ тусклый свѣтъ зари разноцвѣтные огни, заживавшіеся по берегамъ рѣки и на пароходахъ. Тяжелый и густой дымъ подымался и ложился полосами надъ городомъ. Какъ башни, какъ таинственные дворцы таинственныхъ царствъ возвышались тамъ и здѣсь двадцати и тридцатизэтажныя громады...

Грудь была сжата чувствомъ, похожимъ на отчаянье и на восторгъ одновременно, но восторгъ, граничащій съ ужасомъ, восторгъ передъ какими-то чудовищными и непонятными силами, взметнув-

шимися вокругъ. Отчаянье, если это было оно, было сухо и безнадежно, было мрачно, какъ черная и холодная вода подъ ногами, было тяжело, какъ пласты дыма, легшіе надъ городомъ...

Я остановился по срединѣ моста и смотрѣлъ, смотрѣлъ... И казалось, что душа не вмѣститъ всѣхъ впечатлѣній, что мысль, сбитая и подавленная, вдругъ пустится въ безумную и бессмысленную пляску... А меня толкали, на меня взглядывали быстрыми мгновенными взглядами эти вѣчно спѣшавшіе, вѣчно подхваченные какимъ-то вихремъ люди. Старики и дѣти, юноши и дѣвушки, богатые и бѣдные, бѣжали плечо о плечо, перегоняли другъ друга... И мнѣ было жалко ихъ, особенно дѣтей и дѣвушекъ, особенно тѣхъ, которыя были одѣты бѣдно, на чье молодое лицо уже легли страшныя тѣни заботъ, легли раннія морщины горя...

XXV.

Самое большое впечатлѣніе на прїѣзжихъ изъ Европы Нью-Йоркъ производитъ своими многоэтажными домами, подымающимися изъ толпы обыкновенныхъ европейскаго типа домовъ, какъ башни. Самое высокое зданіе въ моментъ моего пребыванія въ этомъ городѣ богачей имѣло тридцать два этажа, далеко затмивъ величиною и оригинальностью знаменитый нѣкогда «утюгъ»—треугольный домъ на углу Бродвея и 23 улицы.

Это стремленіе ввысь вызвано, кромѣ моды и своего рода спорта, тоже имѣвшими долю вліянія, главнымъ образомъ страшною дороговизною городскихъ земель и всеобщимъ стремленіемъ дѣловыхъ людей имѣть свои конторы въ самомъ центрѣ города.

Въ этихъ домахъ-гигантахъ почти нѣтъ жилыхъ квартиръ, они сплошь заняты всевозможными конторами, и послѣ шести часовъ вечера рѣдкое окно въ нихъ свѣтится. Они всѣ снабжены подъемными машинами, электрическимъ освѣщеніемъ, телефономъ, многіе изъ нихъ имѣютъ спеціальныя почтовые и телеграфныя конторы и представляютъ собой цѣлыя самодовлѣющіе мірки.

Чтобы разсмотрѣть хорошенько эти сооруженія, приходится удаляться на большое разстояніе. Лучше всего они видны съ Бруклинскаго моста, придавая панорамѣ Нью-Йорка единственный, не повторяющійся нигдѣ въ другомъ мѣстѣ характеръ. Когда проходишь по улицѣ, величину домовъ какъ-то не замѣчаешь, только глубокая тѣнь у ихъ подножія говоритъ о необыкновенной высотѣ. Рядомъ съ гостиницей, въ которой я жилъ, стоялъ одинъ изъ «среднихъ» по величинѣ домовъ, всего этажей въ двадцать, не болѣе, но все-таки съ нашей, съ европейской точки зрѣнія являвшійся несомнѣннымъ великаномъ. И вотъ я въ теченіе почти недѣли ходилъ мимо него, даже не подозрѣвая, что онъ выше сво-

Бруклинскій мостъ.

ихъ шести и семизэтажныхъ сосѣдей и, только оглянувшись какъ-то съ большого разстоянія, оцѣнилъ его ростъ.

Дома-великаны строятся необыкновенно прочно: скелеть ихъ образуетъ толстая стальная рама, матеріаль для нихъ выбирается по преимуществу негоряемый, такъ что, въ обыкновенныхъ условіяхъ, они почти абсолютно безопасны. Но въ Америкѣ нерѣдки

Видъ Нью-Йорка отъ Бруклина.

землетрясенія. До сихъ поръ они посѣщали главнымъ образомъ тихоокеанскій берегъ, область Скалистыхъ горъ съ ихъ продолженіями, однако и по атлантическому побережью наблюдались отдѣльные слабые толчки. Но все это пока. Кто поручится, что въ одинъ прекрасный (какъ говорится) день волны подземной бури не всколыхнутъ почву Нью-Йорка? Что станется тогда съ этимъ кичливымъ и самодовольнымъ богачомъ? что станется съ его уже почти превращенными въ машины жителями, думающими, что силѣ ихъ покорно все? Передъ этой катастрофой поблѣдвѣли бы всѣ ужасы Лисабона, Санъ-Франциско и Вальпарайсо. Будемъ надѣяться, что ея не случится.

Впрочемъ, и сами американцы начинаютъ сознавать, что пора положить предѣлъ росту «небодралокъ» (Skyscrapers), какъ они прозвали свои высокіе дома.

XXVI.

Нью-Йоркъ городъ богачей. Звонъ ихъ золота, ихъ миллиардовъ разносится отсюда по всѣмъ окружающимъ странамъ. Имъ завидуютъ, у нихъ заискиваютъ, въ честь ихъ слагаютъ легенды, объ нихъ рассказываютъ тысячи исторій, имъ поклоняются, интересуются малѣйшими чертами ихъ жизни... Кажется, что, кромѣ нихъ, въ Нью-Йоркѣ больше никого нѣтъ. Кажется, что ихъ золотая мантія покрыла совершенно все болѣе чѣмъ четырехмилліонное населеніе Нью-Йорка. Но ихъ немного, ихъ небольшая кучка, усѣвшаяся, какъ пауки, на захваченныя ими богатства. А рядомъ съ ними въ кварталахъ нижняго города, въ огромныхъ унылыхъ и однообразныхъ, похожихъ на пчелиные соты домахъ ютятся милліоны тѣхъ, кто создавалъ дворцы, добывалъ золото, ткалъ ткани, лилъ стекла, но у кого полная, до краевъ налитая наслажденіями чаша жизни едва дотрогивается до губъ, кому въ инныя минуты нечѣмъ бываетъ прикрыть свое стынущее тѣло, кто, не рѣшаясь протягивать руку въ этой странѣ гордецовъ, молча умираетъ съ голоду на скамейкѣ Центральнаго парка, давая даже въ эту самую страшную минуту своей жизни матеріалъ только для двухъ-трехъ строчекъ мелкаго шрифта въ одномъ изъ безчисленныхъ изданій ежедневныхъ газетъ. Блѣдныя личики дѣтей, тусклые глаза взрослыхъ, рано согнувшіяся спины стариковъ неустанно и неумолчно свидѣтельствуютъ на богачей... Но богачи ихъ не видятъ, они вращаются въ кругу себѣ подобныхъ, они не покидаютъ своихъ чистыхъ, блестящихъ улицъ... Они не видятъ праздно повиснувшихъ мозолистыхъ рукъ безработныхъ, они не видятъ, какъ то здѣсь, то тамъ загораются волчьимъ огнемъ зависти голодные глаза, они не видятъ взглядовъ, полныхъ злобы и отчаянья... А если и видятъ, то спѣшатъ отвернуться и забыть о нихъ, заглушая голосъ своей сговорчивой совѣсти крохами, которыя они бросаютъ на

«дѣла благотворительности», имѣя въ своихъ «дѣловыхъ» книгахъ особую рубрику для расходовъ этого рода и надѣясь, что и въ «книгу жизни», которую ведетъ тамъ, «на небесахъ», справедливость, вписаны крупными буквами ихъ жалкіе дары и что ихъ ждетъ почетное мѣсто и въ «обители свѣта и радости»... Но они ошибутся. Когда одна чаша вѣсовъ подымается, другая непременно падаетъ. Слезы будутъ отерты, гонимые возрадуются, и «смѣхъ жизни», пораженный нестерпимой мукой, замретъ вдругъ на поблѣднѣвшихъ губахъ...

XXVII.

Нью-Йоркъ слишкомъ великъ, чтобы осмотрѣть его, пользуясь только своими ногами. Къ счастью, есть другой способъ. На углу Бродвея и 23-й улицы есть нѣсколько конторъ, держащихъ огромные, специально устроенные автомобили. За долларъ васъ катаютъ по всему городу, при чемъ бойкій на языкъ проводникъ читаетъ цѣлую лекцію, перемѣшивая анекдоты изъ жизни богачей съ длинными исторіями, цифры и имена съ ядовитыми булавками остротъ. Во всякомъ случаѣ вы не пожалѣете ни объ истраченныхъ деньгахъ, ни о потерянномъ времени.

Однажды послѣ полудня я занялъ мѣсто на одной изъ поднимающихся амфитеатромъ скамеекъ такого автомобиля. Всего насъ набралось человѣкъ пятнадцать. Большинство были пріѣзжіе изъ мелкихъ городковъ, съ фермъ и «ранчей», раскрывающіе ротъ отъ удивленія передъ столичными чудесами, но не теряющіе своего крѣпкаго, природнаго ума, который нѣтъ-нѣтъ да и вспыхнетъ яркой и теплой искрой остраго слова.

На одномъ изъ ближайшихъ угловъ насъ остановилъ фотографъ; процедура съемки заняла, однако, не болѣе полминуты, и автомобиль, постукивая, снова двинулся по на-диво гладкимъ улицамъ.

Проводникъ говоритъ не умолкая:

— Дворецъ юстиціи, высшій судъ...

Мы знаемъ уже, что Оемида слѣпа, и слѣпа совсѣмъ не въ интересахъ правды, иначе бы она видѣла, какъ опустилась чаша горя народнаго, до краевъ налитая тяжелыми слезами обиженныхъ и какъ высоко взлетѣла чаша радостей избранныхъ...

Дальше... Задумываться некогда.

Автомобиль стучитъ и дрожить...

Церкви, школы, гостиницы, редакціи газетъ такъ и мелькаютъ, такъ и проносятся мимо, а неутомимый проводникъ все говоритъ, не умолкая ни на мгновеніе.

Нью-Йоркъ городъ странностей. Развѣ не удивительна огромная «женская» гостиница, въ которую со дня ея основанія выше перваго этажа еще не ступала нога мужчины? А такая гости-

ница имѣется въ Нью-Йоркѣ. Вотъ другая гостиница, въ которую не допускаются «собаки и дѣти...» Есть гостиницы для животныхъ, для попугаевъ...

Мы все ближе и ближе подвигаемся къ Пятому авеню—улицѣ, на которой живутъ только богачи, улицѣ тихой и пустынной на видъ, улицѣ, на которой нѣтъ конокъ и трамваевъ, на которой мало встрѣчается извозчиковъ. Только собственные экипажи съ тысячными лошадьми да автомобили безшумно пронесутся вдоль домовъ-дворцовъ. Деньги... Здѣсь ихъ царство, таинственное, полное легендъ царство... Одно изъ первыхъ зданій на этой улицѣ — клубъ миллионеровъ, куда не допускается никто, имѣющій состояніе меньше миллиона долларовъ. О чемъ они говорятъ, эти люди, вынесенные волной счастья на самый верхъ жизни? и говорятъ ли? Мнѣ они почему-то въ этотъ мигъ представляются всѣ толстыми и сонными, какъ мѣшки золота, безмолвно бродящими по богато убранному заламъ, дремлющими лѣнливой дремой въ мягкихъ креслахъ и не знающими, какъ убить несносное, медленно текущее время.

— Дворецъ Рокфеллера — керосиноваго короля, дворецъ Карнеги—стального короля, дворецъ Гульда—мясного... короля... Они всѣ короли, по той власти, какую даютъ деньги, короли «не милостью Божіей», а милостью доллара—единого владыки, котораго признаютъ они, которому служатъ и поклоняются всю жизнь.

— Дворецъ Вандербильда, дворецъ госпожи Гринъ...

Самая богатая и самая скупая женщина въ мірѣ. Она сама ворочаетъ своими сотнями миллионвъ, она создаетъ широкіе планы ихъ приумноженія, она своими финансовыми способностями поражаетъ мужчинъ. И она же мелочно скупа, она высчитываетъ центы въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, она ссорится съ поваромъ и конюхомъ, слѣдитъ за каждымъ шагомъ своей горничной. У нея есть сынъ, человѣкъ уже не молодой, но мать до сихъ поръ держитъ его какъ мальчика, ворча даетъ ему нѣсколько долларовъ въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ, сама покупаетъ ему, торгуясь до упаду, костюмы въ дешевыхъ лавчонкахъ Нижняго города.

— Проклятое мѣсто...

Оно все заросло бурьяномъ, изъ котораго кое-гдѣ торчатъ какіе-то обломки; оно обнесено кругомъ темнымъ заборомъ и зянетъ среди дворцовъ какимъ-то «Memento mori». Много лѣтъ назадъ здѣсь стояла самая фешенебельная гостиница въ городѣ, гостиница, въ которой останавливались только богачи и знатные. Она сгорѣла. Огонь не разбиралъ своихъ жертвъ; въ числѣ ихъ были жена и сынъ одного изъ денежныхъ королей. Онъ купилъ это мѣсто, обнесъ его заборомъ и оставилъ навсегда лежать впускъ.

— Оно стоитъ два миллиона долларовъ,—говоритъ почтительно проводникъ, сынъ своей страны, все, даже горе и скорбь, мѣряющій на доллары.

— Фасадъ этого зданія цѣликомъ привезенъ изъ Европы... Этотъ маленькій домъ стоитъ, однако, четыре милліона долларовъ...

— А-а!.. О-о!.. Здорово!..—говорятъ мои спутники, подгалкивая другъ друга локтемъ.

И я вижу, какъ загораются жаднымъ блескомъ, похожимъ на отблескъ далекаго золота, ихъ глаза, какъ сжимаются ихъ пальцы, словно чувствуя подъ собою эти славные звонкіе кружки.

— Сколько тутъ невѣсть!— снова говоритъ проводникъ;— но простые смертные къ нимъ не подступайся: имъ нужны герцоги, лорды и князья; дешево онѣ не отдадутъ ни себя, ни своихъ мил-

«Утюгъ» на углу Бродвея и 23-й улицы.

ліоновъ; зато громкій титулъ здѣсь можно «помѣстить» такъ выгодно, какъ нигдѣ въ мірѣ...

Въ крови здѣшнихъ богачей много еврейской примѣси. Одно изъ лучшихъ мѣстъ на Пятомъ авеню занимаетъ еврейская синагога—великолѣпное и величественное зданіе совершенно своеобразнаго стиля, обращенное главнымъ фасадомъ на Центральный паркъ.

Наконецъ мы покидаемъ Пятое авеню, и звонъ его золота и его золотыхъ сказокъ замираетъ въ отдаленіи. Автомобиль пересѣкаетъ Центральный паркъ, полный въ эти часы гуляющими и катающимися. Этотъ паркъ занимаетъ нѣсколько квадратныхъ верстъ; онъ такъ великъ, что неопытному человѣку въ немъ легко можно заблудиться. Богачи пріѣзжаютъ и приходятъ сюда дышать воздухомъ, совершать моціонъ послѣ сытнаго обѣда, а безпріютные обѣдняки прячутся въ немъ отъ вездѣсущей полиціи и въ минуту

отчаянья кончаютъ жизнь, прикрѣпивъ веревку къ одному изъ его развѣсистыхъ деревьевъ. За паркомъ проводникъ указываетъ самую высокую часть воздушной желѣзной дороги, подымающуюся здѣсь почти на двѣнадцать саженъ надъ уровнемъ улицы. Въ одинъ вовсе не прекрасный день, не такъ давно, съ закругленія на этой высокой части дороги прямо на улицу соскочилъ цѣлый поѣздъ изъ шести вагоновъ, перекалѣчивъ и буквально изорвавъ въ куски болѣе сотни людей. Въ Америкѣ, вообще, очень часты несчастія на путяхъ сообщенія, и за одинъ прошлый годъ число убитыхъ при желѣзнодорожныхъ катастрофахъ достигало одиннадцати съ лишнимъ тысячъ, а число раненыхъ и ушибленныхъ превосходило восемьдесятъ тысячъ.

Зданія мелькаютъ, проводникъ говоритъ, и, утомленный обиліемъ впечатлѣній, мозгъ едва улавливаетъ смыслъ его словъ.

— Будущій нью-іоркскій соборъ.

Что-то почти безформенное, едва выдѣляющееся изъ грудъ кирпича и камня, но уже величественное и внушительное...

— Давненько онъ строится... — говоритъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.

— Пятнадцатый годъ, — поддерживаетъ проводникъ, — и если такъ же будетъ продолжаться, то едва ли нынѣшнее столѣтіе увидитъ его оконченнымъ. Впрочемъ, архіепископъ нью-іоркскій не торопится. Въ нынѣшнемъ году на постройкѣ работаетъ шесть съ половиною человекъ, въ будущемъ будетъ работать семь, такъ какъ одинъ изъ нихъ, мальчикъ, достигнетъ шестнадцати лѣтъ и его можно будетъ считать за цѣлаго человека.

Лукавый огонекъ загорается въ глазахъ проводника.

— Работа хорошая, не только самъ работаешь, но и за внуковъ можно быть увѣреннымъ, что и они не останутся безъ работы...

Обычная исторія съ казенными постройками. Казна вездѣ терпитъ: и на сѣверѣ, и на югѣ, и у насъ, и въ Америкѣ... Терпѣлива она, голубушка...

Автомобиль, какъ и языкъ проводника, ни на минуту не прекращаетъ своего движенія и выноситъ насъ наконецъ въ самую чистую и самую красивую часть Нью-Йорка, на такъ называемую «Рѣчную Сторону» (River side).

Рѣка Гудзонъ достигаетъ здѣсь очень значительной ширины и болѣе похожа на озеро или на морской заливъ, чѣмъ на рѣку.

Съ утра было пасмурно, а теперь прояснѣло, и мягкіе желтоватые лучи заходящаго солнца охватываютъ всю картину, придавая ей необыкновенно нѣжный и грустный оттѣнокъ.

Даже проводникъ сталъ говорить тише и не такъ бросаетъ слова. Передъ огромнымъ, то падающимъ, то медленно и упруго

Автомобиль для осмотра Нью-Йорка.

Въ Центральномъ паркѣ.

выгибающимся въ прохладномъ воздухѣ американскимъ національнымъ флагомъ онъ приподнял шляпу...

— Памятникъ воинамъ, павшимъ за свободу...

Чѣмъ-то далекимъ, отжившимъ, ушедшимъ невозвратно въ глубь вѣковъ вѣтеть отъ этого памятника, охваченнаго прощальными лучами солнца. Все перемѣнилось кругомъ, пустынные берега рѣки застроились огромными домами, воды ея рѣжутъ стальные носы пароходовъ, наполняя своимъ шумомъ все пространство отъ берега до берега...

И снова имена богачей, снова отзвуки золота, грязныя денежные исторіи... Снова мы въѣжаемъ въ городъ, гдѣ домъ, весь посвященный наживѣ, весь проникнутый ея культомъ, вознесся выше Божьяго храма, затертаго и затеряннаго въ сутолокѣ жизни...

Къ нашему прѣзду обратно уже готовы снятыя при отправленіи фотографіи и предлагаются намъ по американскому четвертаку за штуку.

XXVIII.

Я нѣсколько разъ бывалъ въ нью-іоркскихъ театрахъ, начиная отъ драматическаго театра въ Мэдисонъ-скверѣ и кончая однимъ изъ безчисленныхъ въ Нью-Йоркѣ «Варьетэ», и вынесъ одно общее впечатлѣніе какого-то ярмарочнаго балагана; впрочемъ, объ игрѣ актеровъ въ театрѣ Мэдисонъ-сквера я долженъ отозваться съ похвалой, но зато пьеса... Господи, какъ сладко и пошло она была написана на вѣчную тему театральныхъ подмостковъ—коварство и любовь... Сезонъ нью-іорской оперы, въ которой обыкновенно принимаютъ участіе лучшіе пѣвцы свѣта, начинается очень поздно, и, когда я былъ въ Нью-Йоркѣ, несмотря на октябрь мѣсяцъ, двери ея были еще наглухо заперты.

Побывалъ я въ нью-іорскомъ «Столичномъ музеѣ». Онъ очень богатъ, занимаетъ огромное красивое зданіе въ Центральномъ паркѣ и, чтобы осмотрѣть его подробно, нужно затратить нѣсколько дней. Бѣднѣе всего въ этомъ американскомъ музеѣ представлено американское искусство, но вина въ данномъ случаѣ ложится не на музей, а на само искусство, такъ какъ оно въ Америкѣ до настоящаго времени занимаетъ очень жалкое мѣсто. Коллекціи музея составились почти исключительно изъ пожертвованій частныхъ лицъ, и самый музей представляетъ собою учрежденіе частное, поддерживаемое однако въ значительной степени на городскія средства. Президентомъ его въ настоящее время состоитъ знаменитый богачъ, «король трестовъ» Пьерпонтъ Морганъ.

Какъ я уже сказалъ, музей находится въ Центральномъ паркѣ. И вотъ, проведя цѣлое утро въ залахъ музея, я вышелъ въ этотъ паркъ. Несмотря на позднюю осень, погода стояла теплая,

и почти всѣ дорожки парка были усыпаны дѣтми въ сопровожденіи большею частью чернокожихъ нянекъ. Славныя малютки—бѣлокуроья, голубоглазья, полныя искренняго веселья, звонко смѣющіяся, звонко перекликающіяся чистыми и нѣжными голосами... Между ними шныряють бойкія векши, хватая на лету орѣхи и куски сахара.

Мое вниманіе привлекла одна парочка: онъ—сторожъ парка въ грубомъ и грязномъ костюмѣ съ грубымъ лицомъ и мозолистыми руками, она—пышно разодѣтая барыня, вся въ шелку и кружевахъ, въ самодѣлѣйшей шляпкѣ. Она принесла ему въ корзиночкѣ завтракъ и, судя по ихъ разговору, они были мужемъ и женой. Но какъ они были непохожи другъ на друга!..

Тутъ же въ паркѣ расположенъ и зоологическій садъ, у котораго нашему шато-кабаку, извѣстному тоже подъ именемъ «зоологическаго сада», можно было бы многому поучиться.

XXIX

Самое замѣчательное явленіе Нью-Йорка—его пресса.

Лучшія и самыя высокія зданія въ городѣ принадлежатъ газетамъ. Газеты издаются цѣлые дни, доходя до двѣнадцати изданій ежедневно. Цѣна номера въ десять-двадцать страницъ обыкновенно не превышаетъ одного цента. Газеты живутъ главнымъ образомъ объявленіями и, на европейскій глазъ, имѣють очень странный видъ, давая на каждой страницѣ только одну-двѣ колонны текста и заполняя все остальное виртуозными рекламами. Газеуы въ Америкѣ совершенно не претендуютъ на роль «учителей общества», довольствуясь сенсационными извѣстіями, подымающими розничную продажу. Въ изобрѣтеніи такихъ сенсационныхъ новостей онѣ не знаютъ предѣла ни своей фантазіи, ни своей беззастѣнчивости. Гвоздемъ дня въ Нью-Йоркѣ во время моего пребыванія тамъ была нѣкая дама, прожившая благополучно тридцать пять лѣтъ, пользуясь отменнымъ здоровьемъ, и вдругъ превратившаяся въ мужчину. Сообщался ея подробный адресъ, вскрывались интимнѣйшія стороны ея жизни, печатались длинныя интервью съ разными знаменитостями медицинскаго нью-іоркскаго міра... И я, по совѣсти говоря, до сихъ поръ не знаю, что было въ этихъ сообщеніяхъ ложью и что являлось немногими крохами правды, давшими матеріалъ алчной фантазіи репортеровъ. Всевозможные спорты, пари, матчи также занимають почетное мѣсто въ американскихъ газетахъ, сопровождаясь многочисленными иллюстраціями. Слѣдующую весьма доходную рубрику составляютъ скандалы и судебныя процессы, при чемъ самое беззастѣнчивое вторженіе въ частную жизнь тѣхъ или другихъ лицъ вовсе не составляетъ исключенія.

Жалкая пресса, несмотря на все свое богатство, на все свое значеніе въ обществѣ, пресса, спустившаяся до уровня лавочки, торгующей недоброкачественными продуктами...

XXX.

«Селтикъ» — одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ пароходовъ (20904 тонны, 700 футовъ длины)—отвалилъ отъ пристани и медленно вышелъ на средину рѣки, буксируемый двумя катерами...

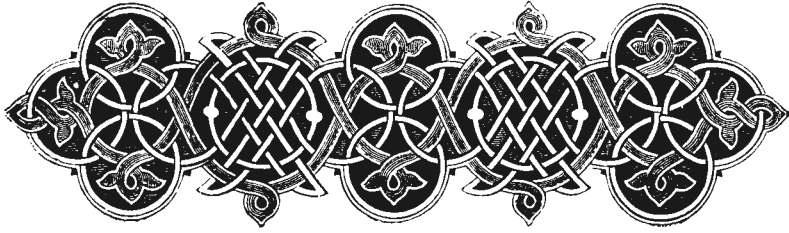
Смеркается. Городъ закутанъ сѣрой дымкой. Какъ искры въ гудахъ потухающаго угля, поблескиваютъ первые огни.

На душѣ смутно, словно эта мгла и близкая ночь окутали ее какой-то вязкой и тѣсной тканью...

Призракомъ проплываетъ въ туманѣ статуя Свободы... Блѣдный мерцаетъ свѣтъ въ ея факелѣ. Не призракъ ли и сама свобода этой страны, свобода, о которой мечтаемъ мы, свобода внѣшняя, которую нашъ внутренній рабъ-человѣкъ позоритъ и унижаетъ на каждомъ шагѣ? Пока душа рабыня, пока она поклоняется власти и силѣ, богатству и знатности, пока преходящее благо этого міра держитъ ее въ своихъ цѣпкихъ когтяхъ, истинной свободы нѣтъ, она только призракъ бездушный и безформенный..

Николай Федоровъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

I.

Графъ Эстергази въ Петербургѣ при Екатеринѣ II.

ГРАФЪ Валентинъ Эстергази принадлежалъ къ французской отрасли венгерскаго рода Эстергази, служилъ въ концѣ XVIII столѣтія при дворѣ Людовика XVI въ чинѣ генераль-майора и занималъ мѣсто губернатора Рокруа. Достигнувъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, онъ женился на молодой дѣвушкѣ, Фанни Гальвелъ, единственной дочери графа Гальвеля, французскаго генерала. Она была на двадцать пять лѣтъ моложе его, но они пламенно любили другъ друга и очень сожалѣли, что ему приходилось нерѣдко отлучаться по службѣ. Особенно часто разставаться съ женою онъ началъ со времени революціи. Въ 1791 г. герцогъ Артуа потребовалъ его въ Кобленцъ, гдѣ собрались эмигранты, а въ концѣ этого года бурбонскіе принцы послали его уполномоченнымъ ко двору Екатерины II.

Во все время разлуки съ женою, начиная съ 1784 г., Эстергази писалъ ей письма почти ежедневно, и они теперь изданы французскимъ историкомъ Эрнестомъ Додэ. Вышелъ еще только первый томъ ¹⁾, который обнимаетъ эпоху отъ 1784 до 1792 г. Письма Эстергази не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго до того вре-

¹⁾ Lettres du C-te Valentin Esterhazy à sa femme 1784—1792. Par Ernest Daudet. Paris. 1908.

мени, когда онъ поселился въ Петербургѣ. Но съ этого момента его переписка представляетъ много любопытнаго.

Въ Петербургѣ Эстергази пріѣхаль 15 сентября 1791 г. новаго стилиа и въ тотъ же день представился императрицѣ запросто. Его провели чрезъ нѣсколько залъ въ небольшую гостиную, гдѣ императрица сидѣла одна, одѣтая и причесанная очень просто. Взявъ отъ него привезенныя письма отъ бурбонскихъ принцевъ, она посадила его рядомъ съ собою на кресло и около часа разговаривала съ нимъ о политическихъ дѣлахъ такъ мило и просто, что онъ вообразилъ себя бесѣдующимъ съ обыкновенной женщиною. Потомъ она объявила ему, что вечеромъ у нея будетъ спектакль, на который соберется небольшое, но избранное общество.

«Между тѣмъ,—разсказываетъ Эстергази,—императрица предложила до спектакля осмотрѣть Эрмитажъ, въ которомъ было собрано много образцовыхъ художественныхъ произведеній. Признаюсь, меня болѣе всего удивило, что первая личность, которую я увидѣлъ въ Петербургѣ, была императрица и что сразу я очутился съ нею въ непринужденныхъ отношеніяхъ. Екатерина, такой громадный геній и необыкновенная государыня, была въ то же время удивительно любезной, простодушной и обладала вполне прелестнымъ умомъ. Наконецъ, послѣ часовой прогулки по дворцу, во время которой я чувствовалъ себя точно въ обществѣ частнаго человѣка, показывавшаго мнѣ свой домъ, мы пришли въ бильярдную, гдѣ она сѣла между Зубовымъ и мною».

Здѣсь общество увеличилось тремя дамами, двумя великими князьями и двадцатью мужчинами. Затѣмъ всѣ перешли въ красивую театральную залу. Императрица заняла кресло во второмъ ряду и посадила возлѣ себя съ одной стороны графа Кобенцеля, а съ другой Эстергази. Давали двѣ французскія пьесы: «Le magnifique» и «L'école des maris». Въ продолженіе первой пьесы Екатерина все время разговаривала, а вторая ее болѣе заняла. Послѣ спектакля императрица удалилась въ свои апартаменты.

На другой день Эстергази представился великому князю и великой княгинѣ, которыхъ онъ видѣлъ въ Парижѣ. Хотя онъ еще официально не являлся ко двору, но императрица пригласила его обѣдать въ небольшомъ кружкѣ изъ десяти гостей. Вечеромъ снова былъ спектакль, но на этотъ разъ давали русскую оперу.

По словамъ Эстергази, невозможно себѣ представить, какія роскошь и великолѣпіе царилъ въ Петербургѣ. Особенно замѣчательно развито было гостепріимство въ большомъ обществѣ: десять или двѣнадцать домовъ постоянно были открыты для всѣхъ желающихъ являться на обѣды и ужины безъ всякихъ приглашеній. Кромѣ того, три или четыре раза въ недѣлю чередовались банкеты и вечера по приглашенію. Въ первые же дни своего пребывания въ Петербургѣ Эстергази былъ приглашенъ на именины

жены вице-канцлера графа Остермана. У него былъ великолѣпный балъ, а на другой день графиня Остерманъ, очень пріятная сорокалѣтняя дама, повезла Эстергази осматривать Царское Село и Павловскъ, любимыя загородныя мѣста пребыванія императрицы и наслѣдника.

Черезъ нѣсколько дней графъ Строгановъ давалъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ у Полицейскаго моста концертъ и балъ по случаю именинъ своей двѣнадцатилѣтней дочери. Особенно замѣчательнъ былъ ужинъ, устроенный въ большой залѣ, украшенной наподобіе тогдашнихъ парижскихъ ресторановъ въ Пале-Роялѣ; сама именинница, въ костюмѣ парижской трактирщицы, приглашала все общество на ужинъ. Прислуживавшіе лакеи были одѣты, какъ слуги парижскихъ трактировъ.

Во дворцѣ также происходили празднества по случаю дня рожденія наслѣдника и годовщины восшествія на престолъ императрицы. Кромѣ того, Екатерина два раза приглашала Эстергази на спектакли въ Эрмитажѣ; и на одномъ изъ этихъ спектаклей императрица угощала немногочисленное общество великолѣпными наливными яблоками, какія Эстергази видѣлъ впервые. Онъ посѣтилъ также французскій театръ, гдѣ видѣлъ впервые комедію «Eugénie» Бомарше; исполняли ее не хуже, чѣмъ въ Парижѣ, и главными актерами и актрисами были Дюфренъ и г-жа Гюсъ. Послѣ этого представленія Эстергази отправился на ужинъ къ г-жѣ Дивовой, у которой велась самая безумная азартная игра и ставки доходили до пятисотъ и тысячи рублей. Хотя все тогдашнее петербургское общество, даже дамы, играло въ различныя игры, но Эстергази остерегся участвовать въ этомъ азартѣ.

Днемъ Эстергази осматривалъ Петербургъ, который показался ему громаднымъ и живописнымъ. «Трудно достойно его описать,— говоритъ онъ,— такъ какъ это одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ въ свѣтѣ». Естественно, онъ посѣтилъ въ одно изъ воскресеній русскую церковь, и ему очень понравилось православное богослуженіе, которое ему напоминало богослуженіе первыхъ временъ христіанства. По особому приглашенію великой княгини, Эстергази присутствовалъ на свадьбѣ одной изъ ея фрейлинъ, дѣвицы Ливенъ, вышедшей замужъ за Фитингофа. По этому случаю великая княгиня давала великолѣпный балъ. «Великая княгиня,— говоритъ Эстергази,— приводитъ всѣхъ въ восторгъ своей добродѣтью, честностью и учтивостью. Она и ея мужъ все дѣло жили въ Гатчинѣ и обращались со мною предупредительно, а къ нашей несчастной странѣ выражали сочувствіе».

Въ Эрмитажѣ Эстергази видѣлъ еще русскую оперу «Олегу», либрето которой написала сама императрица, заимствовавъ его содержаніе изъ древней русской исторіи, а музыку—Сарти. Обстановка этой оперы чрезвычайно роскошна, особенно прекрасно

изображенъ былъ константинопольскій циркъ. Несмотря на то, что уже было начало октября, Эстергази посѣтилъ Петергофъ, Кронштадтъ и Ораніенбаумъ, гдѣ его поразили русскія горы. По возвращеніи въ Петербургъ онъ едва успѣлъ попасть въ Эрмитажъ, гдѣ давали «Мниаго кучера», чрезвычайно веселую пьесу. Императрица посадила Эстергази рядомъ съ собою. На другой день губернаторъ Петербурга, графъ Брюсъ, показывалъ ему Петропавловскую крѣпость, куда повезъ его въ катерѣ съ хоромъ пѣсенниковъ.

На той же недѣлѣ онъ, по приглашенію Екатерины, присутствовалъ на свадьбѣ ея любимой фрейлины Протопоповой, которую она выдала замужъ за князя Голицына. Торжество началось съ параднаго обѣда, послѣ котораго невѣсту одѣвали къ вѣнцу во дворцѣ, и вѣнчаніе совершалось тамъ же съ необычайнымъ великолѣпіемъ. Окончилось торжество блестящимъ баломъ, во время котораго императрица играла съ Эстергази въ бостонъ. Въ 9 час. подали ужинъ, и послѣ него всѣ знатнѣйшіе гости, а вмѣстѣ съ ними и Эстергази, проводили молодыхъ домой.

Когда было получено извѣстіе о смерти князя Потемкина, то во дворцѣ наступило мрачное уныніе: императрица не выходила изъ своихъ покоевъ, въ Эрмитажѣ не было пріемовъ, и даже у себя она не играла въ карты. «Однако,—пишетъ Эстергази,—не всѣ были огорчены: многіе очень обрадовались исчезновенію этого колосса неограниченной власти. Что касается меня, то я очень сожалѣю, что не зналъ его. Мнѣ кажется, что всѣ приписываютъ ему обширный геній и согласны съ тѣмъ, что онъ былъ очень привязанъ къ своей государынѣ и любилъ славу имперіи. Но его упрекаютъ за лѣнь, беспорядочность, любовь къ роскоши и мотовство. Кромѣ того, его странности доходили до того, что иногда заставляли сомнѣваться въ его здоровомъ разсудкѣ. Въ результатѣ онъ скучалъ и былъ несчастенъ и въ сущности ничего не любилъ». Что касается императрицы, то, по мнѣнію Эстергази, она не очень о немъ сожалѣла, потому что онъ злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ на нее и ей ежедневно на него жаловались. Какъ бы то ни было, она официально три недѣли тосковала по немъ. «Говорятъ, что Потемкинъ не любилъ теперешняго фаворита (Зубова),—прибавляетъ Эстергази:—отъ его смерти чрезвычайно выигралъ послѣдній, хотя ему теперь поручено много дѣла. Я считаю его честнымъ человѣкомъ и дѣйствительно преданнымъ императрицѣ. Я съ нимъ очень хорошъ и этимъ вполне доволенъ. Ни одно изъ мѣстъ, занимаемыхъ Потемкинымъ, еще не отдано, и я полагаю, что ни одинъ человѣкъ не осмѣлится просить наслѣдія великаго временщика».

Чрезвычайно сочувственно распространяясь о гостепрѣимствѣ русскихъ вельможъ, Эстергази говоритъ, что былъ приглашенъ

разъ навсегда на обѣды и ужины ежедневно въ пятьдесятъ домовъ. У г-жи Загряжской ему нравилось болѣе всѣхъ: она всегда была дома и принимала не большое, но избранное общество. Она была некрасива, но очень любезна; ея мужъ отличался большими умственными способностями и остроуміемъ. Иногда она сама играла въ трикъ-тракъ, хотя не имѣла открытаго дома, но задавала тонъ въ обществѣ. По словамъ Эстергази, хотя ея мужъ былъ камергеръ, но она никогда не ѣздила ко двору, потому что ничего не добивалась и ничего не просила. Точно также она ничѣмъ не была обязана князю Потемкину, который ее очень любилъ и часто къ ней ѣздилъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ. Кромѣ Загряжской, Эстергази всего чаще бывалъ у княгини Куракиной, графини Головиной и г-жи Башиловой, отличавшихся чрезвычайно любезнымъ обхожденіемъ.

До окончанія траура по Потемкинѣ императрица лишь одинъ разъ пригласила Эстергази къ себѣ на обѣдъ. Она извинилась, что была въ ночномъ чепцѣ, потому что, по ея объясненію, у нея былъ флюсъ. Гостей было всего восемь человекъ. Въ этотъ вечеръ она подарила Эстергази великолѣпную шубу бѣлаго песка, стоившую до 2.000 руб. Всѣ присутствовавшіе его поздравили съ этимъ рѣдкимъ подаркомъ.

По увѣренію Эстергази, за исключеніемъ своего интимнаго общества и министровъ, она никого не видѣла, кромѣ него, до того простиралась ея милость къ нему. Иногда она поручала ему въ глубокой тайнѣ писать его принцамъ о политикѣ, а также составлять для нея различные депеши и мемуары, которые она, перечитывая, совсѣмъ не исправляла. О дѣлахъ французскаго короля она лично переговаривалась съ Эстергази и не позволяла ему бесѣдовать объ этомъ предметѣ съ ея министрами. Кромѣ песцовой шубы, она подарила ему еще соболью, стоившую около четырехъ тысячъ. Императрица велѣла ему сказать, что, вѣроятно, онъ нуждается въ деньгахъ, и потому просила обратиться къ ней безъ всякой церемоніи. Онъ отвѣчалъ, что теперь не нуждается въ средствахъ, но при первой необходимости съ полнымъ довѣріемъ обратится къ ней. Что касается петербургскаго общества, то Эстергази былъ со всѣми учтивъ, но ни съ кѣмъ не состоялъ въ близкой связи и никому не довѣрялъ своихъ дѣлъ.

Въ день св. Георгія, когда праздновали годовщину основанія этого ордена, императрица давала во дворцѣ большой обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и Эстергази. По окончаніи обѣда, она позвала его къ себѣ и сказала ему: «Знаете ли вы, г-нъ Эстергази, зачѣмъ я потребовала васъ къ себѣ? Для того, чтобы воскликнуть отъ всего сердца: Да здравствуетъ король! Вы видите, что я не скрываю своихъ мыслей отъ всѣхъ, кому я обязана славой и безопасностью своего государства; они, очевидно, раздѣляютъ мои

чувства». Къ этимъ словамъ она присоединила самыя лестныя выраженія относительно королевской семьи и французской аристократіи; она похвалила французскій дворянскій мундиръ, который былъ на немъ въ этотъ день. Екатерина еще долго бесѣдовала съ Эстергази, который замѣчаетъ, что ея разговоръ всегда былъ интересенъ и разнообразенъ, причемъ о себѣ и своихъ приближенныхъ она говорила очень скромно.

Наканунѣ русскаго Рождества была въ Петербургѣ обычная ярмарка мороженой живности, что очень заинтересовало Эстергази. Онъ увѣряетъ, что кучерамъ хозяева дарили въ этотъ день мороженого поросенка, который ставился на запятки, какъ лакей. Въ Новый годъ Эстергази обѣдалъ во дворцѣ за параднымъ столомъ. Императрица пила за здоровье всего общества, а приглашенные, конечно, отвѣчали ей криками «ура!» Послѣ обѣда она много разговаривала и сообщила Эстергази удовлетворительныя извѣстія изъ Франціи. Императоръ австрійскій писалъ королю, что уже приказалъ фельдмаршалу Бендеру выступить противъ французовъ, Пруссія также двинула свои войска. Что же касается шведскаго короля, то онъ отозвалъ изъ Парижа своего уполномоченнаго. Русскій посланникъ Симолинъ также уѣзжалъ оттуда въ отпускъ. Императрица сообщала всѣ эти новости, припѣвая: «*ça ira*», но только на другой мотивъ.

Эстергази описываетъ, что при дворѣ подавали замѣчательныя фрукты и зелень; особенно онъ обратилъ вниманіе на громадную и вкусную дыню, привезенную верстъ за 1,200, изъ Персіи, съ рѣки Окса. Точно также особенно вкусны были астраханскій виноградъ и спаржа, которые императрица прислала ему на домъ.

Съ новаго, 1792 г., въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ вошли въ моду любительскіе спектакли. «Меня всюду приглашаютъ,—замѣчаетъ Эстергази:—но я не участвовалъ ни въ одномъ представленіи. У княгини Меншиковой съ большимъ успѣхомъ были разыграны двѣ большія пьесы: «*La soirée orageuse*» и «*L'esperance villageoise*», а молодая графиня Пушкина съ своими друзьями поставила на домашней сценѣ «*Les trois sultanes*» по случаю дня рожденія своего отца. По словамъ Эстергази, она играла очень хорошо и хотя не была хорошенькой, но отличалась различными талантами. Она пѣла, танцевала и играла на арфѣ чрезвычайно мило. Хотя пьеса была нѣсколько неприлична, но юная графиня играла такъ наивно, что, какъ говоритъ Эстергази, «она или ничего не знаетъ, или знаетъ слишкомъ многое».

Третья любительская театральная труппа собиралась въ домѣ княгини Голицыной, но Эстергази не пришлось видѣть этой труппы, такъ какъ со дня на день ожидалось разрѣшеніе отъ бремени княгини. «Она очень умная женщина,—говоритъ Эстергази про Голицыну:—но такая злая, что, признаюсь, я не желалъ бы имѣть

ее ни женой, ни любовницей, ни другомъ. Поэтому ее никто не любитъ, несмотря на ея красоту, за которую ее любилъ до безумія князь Потемкинъ, а она надъ нимъ смѣялась. Тѣ, которые ее ненавидятъ, упрекаютъ ее только за кокетство. Она воспитывалась въ Парижѣ».

Кромѣ любительскихъ представленій, Эстергази попрежнему посѣщалъ Эрмитажъ, гдѣ давали «Blaise et Babette», но безъ всякаго успѣха, потому что разыграна была пьеса неудачно. Черезъ два дня шла съ большимъ успѣхомъ «La partie de chasse de Henri IV». Вообще, по словамъ Эстергази, императрица очень любитъ французскій театръ, но не жалуется вообще музыки и особливо французской. «На дняхъ давали «L'amant bourgu»,—писалъ Эстергази;—но императрица забыла меня пригласить и очень въ этомъ извинялась, такъ какъ она вообще обходится со мною попрежнему чудесно». Еще одну русскую пьесу видѣлъ Эстергази у императрицы, сочиненную ею самой. По мѣрѣ хода представленія Екатерина переводила Эстергази по-французски всѣ реплики актеровъ. Содержаніе ея взято изъ домашней жизни и въ пьесѣ нѣсколько русскихъ бытовыхъ чертъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, по словамъ Эстергази, совершенно новое и оригинальное. Это дядя влюбленнаго, который на каждомъ шагу все забываетъ. Императрица увѣряла своего гостя, что лично знала такого чудака.

14 апрѣля новаго стиля, по случаю дня рожденія Эстергази, императрица подарила ему красивый букетъ и пожаловала его маленькому сыну чинъ корнета Конногвардейскаго полка, что влекло за собою званіе армейскаго капитана. Счастливымъ отецъ былъ видѣ себя отъ восторга въ виду того, что, какъ ему сказали, въ Конногвардейскомъ полку быстро производятъ въ чины, и его маленькій Валентинъ черезъ восемь лѣтъ будетъ полковникомъ. Онъ также узналъ, что въ то время только два ребенка, кромѣ его сына, служили въ этомъ полку—Рибопьеръ и Шуваловъ. «Императрица,—говоритъ онъ,—никогда не дѣлаетъ милости на половину: она приказала сшить для моего сына мундиръ по росту маленькаго Салтыкова, который, говорятъ, одного роста съ нимъ. Я пошлю ему этотъ мундиръ съ слѣдующей почтою, и онъ тотчасъ его надѣнетъ. Чтобы его служба Россіи ничего не стоила семейству, императрица назначила ему 1000 дукатовъ. Она приказала Зубову вручить генералу Салтыкову, командиру Конной гвардіи, предписаніе о производствѣ графа Валентина Эстергази. На другой день я отправился къ императрицѣ, чтобы поблагодарить ее за эту великую милость. Она не вышла, но въ тотъ же день пригласила меня на обѣдъ, а великій князь и великая княгиня мнѣ подарили драгоцѣнное кольцо. Кромѣ мундира, Валентинъ получить сапоги со шпорами, шляпу, палашь, однимъ словомъ все! Признаюсь, что тысяча дукатовъ прилились намъ съ тобою

кстати, такъ какъ наши фонды понижаются, а у нашихъ принцевъ теперь нельзя просить, потому что ихъ дѣла въ безпорядкѣ».

Черезъ нѣсколько дней императрица снова пригласила Эстергази обѣдать и, когда онъ пріѣхалъ во дворецъ, его провели въ ея комнату для выраженія официальной благодарности за милость, оказанную его сыну. По словамъ его, государыня была такъ съ нимъ любезна что всякій посторонній подумалъ бы, что онъ, а не она сдѣлала ему одолженіе. Екатерина наканунѣ, говоря съ принцемъ Нассаускимъ объ Эстергази, отзывалась о немъ въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ. Послѣ обѣда она отправилась съ своимъ гостемъ въ Эрмитажъ, гдѣ снова давали русскую пьесу ея сочиненія, въ которой осмѣивался Каліостро. Она давалась также и на французскомъ языкѣ. Вообще Эстергази удивляется тому количеству пьесъ, которыя императрица написала на обоихъ языкахъ. Ея французскія комедія были и напечатаны, но, согласно установленному правилу, онѣ раздавались только тѣмъ, кто написалъ хотя маленькую пьеску для Эрмитажа.

Несмотря на всю привязанность Эстергази къ королевѣ Маріи-Антуанеттѣ, онъ порицалъ политику Тюльерійскаго двора и прямо писалъ женѣ: «Король ведетъ себя очень дурно». Около этого времени Эстергази вздумалъ съѣздить на короткое время въ Москву, и оттуда написалъ женѣ только одно письмо отъ 27 февраля. Такимъ образомъ онъ очень кратко описываетъ самый «величайшій и удивительнѣйшій городъ въ Европѣ».

«Я теперь,—пишетъ онъ,—нахожусь въ двухстахъ миляхъ отъ тебя; но въ Россіи путешествуютъ такъ легко и дешево, что разстоянія тамъ считаются за ничто и всѣ привыкли переѣзжать громадныя пространства. Хотя любопытство видѣть городъ, не похожій ни на какой другой, побудило бы меня во всякомъ случаѣ предпринять эту поѣздку, но главной причиной моего путешествія было желаніе, чтобы принцъ Нассаускій, замѣнившій меня при императрицѣ, уговорилъ ее во время моего отсутствія отпустить меня домой. Во всякомъ случаѣ Москва любопытный городъ. Это огромное скопленіе дворцовъ, церквей и различныхъ зданій, разбросанныхъ на десяти миляхъ окружности; однихъ колоколенъ до четырехъ или пяти тысячъ, позолоченныхъ, посеребренныхъ, красныхъ, синихъ, зеленыхъ, черныхъ и т. д. Всѣ меня приняли очень радушно и приглашали каждый день на обѣды, ужины и любительскіе спектакли. Я хочу здѣсь остаться только два дня, а надо по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, чтобы хорошенько осмотрѣть весь городъ. Москва нимало не походитъ на Петербургъ, такъ что, мнѣ кажется, жители послѣдняго должны ненавидѣть Москву. Однако жизнь здѣсь дешевле и свободнѣе. Поэтому русскіе вельможи имѣютъ дома въ обоихъ городахъ, и преимущественно въ Москвѣ живутъ попавшіе въ опалу, разорившіеся или которымъ

прискучилъ дворъ. Великолѣпіе частныхъ людей здѣсь еще больше, чѣмъ въ Петербургѣ; дома здѣсь обширнѣе и число слугъ значительнѣе. Почти у каждаго вельможи есть своя музыка и это сравнительно стоитъ дешевле, чѣмъ въ резиденціи государя. Въ Москвѣ есть дворянское собраніе, имѣющее 2600 членовъ; иностранцевъ туда допускаютъ даромъ. Помѣщеніе его великолѣпно. Женщинъ въ немъ болѣе, чѣмъ мужчинъ; обыкновенно онѣ красивы, хорошо одѣтыя и отличаются брильянтами. Обычное явленіе у московскихъ женщинъ прекрасные глаза. Женщины, которыя не живали въ Петербургѣ, сохраняютъ прекрасные зубы, а напротивъ годичное пребываніе въ Петербургѣ губитъ ихъ зубы. Общество въ Москвѣ и самый городъ такъ велики, что онъ дѣлится на пятнадцать или двадцать участковъ, жители которыхъ едва знакомы и видятся только въ клубѣ. Говорятъ, что здѣсь много очень любезныхъ людей, но я не могъ въ этомъ убѣдиться, такъ какъ бывалъ только въ шести домахъ, хотя меня приглашали болѣе чѣмъ въ тридцать въ теченіе шести дней, которые провелъ въ Москвѣ.

Возвратясь изъ Москвы въ Петербургъ, Эстергази, къ большому своему сожалѣнію, узналъ, что его дѣла шли очень нехорошо и его отъѣздъ за границу—не удался. Съ самаго начала принцу Нассаускому очень повезло, и императрица совершенно соглашалась признать его преемникомъ Эстергази. Къ несчастію, графъ Артуа не соглашался на отъѣздъ Эстергази, подъ предлогомъ, что онъ можетъ повредить королю, и потому просилъ императрицу чрезъ маршала Кастри и принца Нассаускаго приказать уполномоченному Бурбоновъ остаться въ Россіи. «Я предоставилъ ей свою судьбу,— пишетъ Эстергази:—такъ какъ она знаетъ всѣ мои обстоятельства и чрезвычайно добра ко мнѣ. Мы ожидали курьера отъ императора, чтобы порѣшить дѣло». Но этотъ курьеръ вмѣсто отвѣта привезъ извѣстіе о смерти императора Леопольда.

Это извѣстіе произвело въ Петербургѣ большое впечатлѣніе, не менѣе убійства шведскаго короля Густава III. Эти печальныя событія не помѣшали однако императрицѣ пригласить Эстергази обѣдать во дворецъ тотчасъ послѣ его пріѣзда изъ Москвы. Разспросивъ о подробностяхъ его путешествія, императрица любезно освѣдомилась, имѣетъ ли онъ извѣстіе о своемъ гвардейскомъ корнетѣ и скоро ли будетъ отправленъ офицерскій мундиръ. Эстергази отвѣчалъ, что ея подарокъ отправится съ первымъ курьеромъ.

Письмомъ къ женѣ отъ 24 апрѣля 1792 г. оканчивается первый томъ переписки Эстергази съ женою и въ немъ попрежнему говорится о неразрѣшеніи вопроса насчетъ его отъѣзда за границу. Несмотря на его пламенное желаніе скорѣе свидѣться съ семействомъ, онъ осуществилъ его только чрезъ годъ, а потому продолженіе его описанія своего пребыванія въ Петербургѣ войдетъ во второй томъ, который появится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

В. Т.

II.

Послѣдніе годы царствованія Александра II.

Объ этомъ бурномъ и полномъ тревожнаго настроенія періодѣ довольно подробно рассказываетъ графъ Пфейль въ своей книгѣ «Конецъ императора Александра II» («Das Ende Kaiser Alexanders II»). Графъ Пфейль, пруссакъ, служилъ сначала въ германской арміи, затѣмъ перешелъ на русскую службу, сдѣлалъ въ Шипкинскомъ отрядѣ турецкую кампанію и по окончаніи войны остался въ Преображенскомъ полку, гдѣ впоследствии командовалъ ротой. Въ настоящее время онъ состоитъ въ чинѣ отставнаго полковника русской службы и генералъ-майора прусской арміи.

Графъ Пфейль занималъ положеніе исключительно благоприятное для наблюдений. Императоръ Александръ II хорошо зналъ его лично, благоволилъ къ нему, какъ и ко всему нѣмецкому, самъ Пфейль вращался въ высшихъ нѣмецкихъ кругахъ Петербурга, бывалъ у тогдашняго германскаго посла фонъ-Швейница и, занимаясь журналистикой, былъ своимъ человѣкомъ въ редакціи нѣмецкой газетѣ «Герольдъ». Не удивительно, что въ его книгѣ много интереснаго и свѣжаго матеріала.

Его рассказъ начинается съ курьезнаго приключенія, постигшаго нѣкоего офицера, бывшаго однажды начальникомъ караула въ Зимнемъ дворцѣ. Изъ кабинета государя въ комнату дежурнаго по караулу офицера былъ проведенъ электрическій звонокъ, кнопка котораго была придѣлана сбоку письменнаго стола. И вотъ однажды вдругъ раздается условный сигналъ. Согласно приказу, офицеръ быстро собираетъ караулъ, летитъ къ кабинету государя и во главѣ солдатъ безъ доклада входитъ туда. Государь спокойно занимался за письменнымъ столомъ и былъ сильно разгнѣванъ, вдругъ увидѣвъ передъ собою рядъ штыковъ, неожиданно нарушившихъ его занятія. Офицеръ получилъ «дурака» и удалился, полный конфуза и недоумѣнія. Прошло нѣсколько минутъ, и вдругъ предательскій звонокъ опять началъ звонить. Несчастный начальникъ караула снова бросился къ кабинету, но на этотъ разъ одинъ и велѣлъ прежде, чѣмъ войти, доложить о себѣ. Императоръ принялъ его весьма милостиво и тутъ объяснилось, почему звонокъ поднялъ тревогу въ первый разъ. Оказалось, что любимая большая собака государя, обнюхивая письменный столъ, нажала носомъ кнопку и вызвала столь неприятный для бѣднаго офицера переполохъ.

Другое забавное происшествіе, заставившее въ свое время говорить о себѣ весь придворный Петербургъ, случилось на половинѣ императрицы Маріи Александровны. Ей должна была представиться супруга вновь назначеннаго посломъ при русскомъ дворѣ лорда Дефферина. Въ назначенное время лэди была встрѣчена въ Зим-

немъ дворцѣ гофмаршаломъ, который повелъ ее черезъ рядъ залъ и наконецъ, тихо шепнувъ ей что-то, оставилъ ее одну. Лэди была въ полной увѣренности, что она уже въ приѣмной императрицы и съ низкими поклонами направилась къ какой-то дамѣ, сидѣвшей у окна. Та поднялась, сказала ей ласково нѣсколько словъ, которыхъ лэди не поняла, и опять опустилась въ кресло. Въ этотъ моментъ снова появился гофмаршалъ, пригласившій лэди слѣдовать за нимъ. Полагая, что аудіенція кончилась и раздраженная непродолжительностью и незначительностью приѣма, лэди прошла въ сосѣднюю комнату и едва кивнула головой сидѣвшей тамъ дамѣ. «Давно вы видѣли мою дочь?» спросила незнакомка «А кто такая ваша дочь?» рѣзко спросила лэди. «Герцогиня Эдинбургская», послѣдовалъ отвѣтъ. Тутъ только лэди догадалась, что передъ ней императрица. Дама же, встрѣченная ею раньше, оказалась оберъ-гофмейстериной графиней Протасовой. Вслѣдствіе отсутствія у ней зубовъ она говорила такъ невнятно, что люди непривычные понимали ее съ трудомъ.

Императрица Марія Александровна была въ это время уже сильно больна, и автору воспоминаній скоро пришлось присутствовать на выносѣ ея тѣла въ церковь Зимняго дворца. Когда государь съ великими князьями несли гробъ, вдругъ зашла страшная туча. Въ залахъ дворца стало совсѣмъ темно, и только яркая молнія освѣщала на мгновенія и гробъ и безмолвную толпу съезжившихся отъ непріятнаго чувства людей. Всѣмъ стало жутко, добавляетъ авторъ.

Состоя сотрудникомъ извѣстной «Kreuz Zeitung», органа нѣмецкихъ «юнкеровъ», графъ Пфейль пристально слѣдилъ за русской политикой. Былъ моментъ, когда Россія находилась на волосокъ отъ войны съ Германіей, чего такъ боялся Александръ II. Со словъ генерала Радецкаго, присутствовавшаго при свиданіи императоровъ въ Александровѣ, авторъ рассказываетъ, что, простившись съ Вильгельмомъ самымъ дружескимъ образомъ, государь не могъ побороть своей радости, бросился на шею къ шипкинскому герою и взволнованно сказалъ: «Слава Богу, война между нами теперь невозможна».

Между тѣмъ налаживавшееся было сближеніе Россіи съ Франціей, надъ которымъ особенно хлопотали Скобелевъ и Обручевъ, разстроилось, и французскій посланникъ въ Петербургъ генералъ Шанзи потерялъ расположеніе государя. Дѣло вышло изъ-за Гармана, устроившаго извѣстный взрывъ поѣзда подъ Москвою. Гарманъ успѣлъ бѣжать во Францію и, когда русское правительство потребовало его выдачи, французы отказали и постарались только доскорѣ выслать его изъ Франціи. На ближайшемъ же смотрѣ государь подозвалъ къ себѣ генерала Шанзи отдѣльно и на виду у всѣхъ что-то рѣзко сталъ говорить ему, сопровождая свои слова

энергичными жестами. Едва Шанзи хотѣлъ что-то сказать, государь, приложивъ руку къ козырьку, даль понять, что онъ можетъ идти. Впослѣдствіи Александръ II еще рѣзче подчеркнулъ свое неудовольствіе противъ Франціи. 6 августа 1880 г., въ день праздника Преображенскаго полка, императоръ на маневрахъ въ Ропшинскомъ дворцѣ давалъ обѣдъ офицерамъ полка, на которомъ присутствовалъ и весь дипломатическій корпусъ. За столомъ, въ присутствіи генерала Шанзи, императоръ завелъ съ германскимъ посломъ фонъ-Вердеромъ разговоръ о битвѣ при С. Прива, въ которой французы потерпѣли страшное пораженіе. Для большей демонстраціи государь велѣлъ вызвать изъ сосѣдней залы обѣдавшего тамъ фонъ-Пфейля и пилъ съ нимъ за здоровье прусскаго полка, съ которымъ онъ участвовалъ въ этой битвѣ.

Въ качествѣ нѣмецкаго журналиста графъ фонъ-Пфейль былъ очень близокъ къ редакціи петербургскаго «Герольда», основаннаго въ концѣ 70-хъ годовъ мекленбургскимъ докторомъ Гезелліусомъ. Этотъ толстый и грузный докторъ безъ практики оказался талантливымъ журналистомъ и быстро наладилъ въ Петербургѣ большую газету для здѣшнихъ нѣмцевъ. Какъ публицистъ, Гезелліусъ между прочимъ отличался сильнымъ нерасположеніемъ къ англичанамъ и сыгралъ однажды съ своими англійскими коллегами по профессіи преехидную штуку.

Какъ-то открыли въ Петербургѣ тайную типографію, и Гезелліусъ рѣшился, въ качествѣ журналиста, отправиться осмотрѣть ея помѣщеніе. Пришлось, впрочемъ, отказаться отъ этого намѣренія, такъ какъ его предупредили, что лучше не вмѣшиваться въ это дѣло. Между тѣмъ вѣсть объ открытіи типографіи быстро распространилась по редакціямъ. Поздно вечеромъ являются къ Гезелліусу трое англійскихъ корреспондентовъ, увѣренныхъ, что онъ уже успѣлъ побывать на конспиративной квартирѣ, и стараются выпытать отъ него подробности. Но Гезелліусъ нѣмъ, какъ рыба, и предлагаетъ имъ отправиться самимъ на мѣсто происшествія, сообщивъ имъ нужный адресъ.

Не теряя времени, англичане бросаются туда.

У воротъ указаннаго дома дворникъ предупредительно указываетъ имъ квартиру, и тѣ гуськомъ взбираются по лѣстницѣ въ квартиру, гдѣ и попадаютъ въ объятія дежурившихъ тамъ агентовъ сыскной полиціи. Напрасно корреспонденты пробуютъ на ломаномъ русскомъ языкѣ объяснить, кто они и зачѣмъ явились въ конспиративную квартиру, — ихъ волокутъ въ узилище, и только потомъ дѣло разъясняется не безъ участія самого Гезелліуса, получившаго за этотъ фарсъ сильную головомойку.

Революціонному движенію посвящена большая часть книги Пфейля. Движеніе это къ концу 70-хъ годовъ достигло, какъ извѣстно, крайняго напряженія. Въ мартѣ 1879 г. близъ дворца принца

Ольденбургскаго едва не былъ убитъ въ своей каретѣ начальникъ III отдѣленія Дрентельнъ. Преступникъ, стрѣлявшій въ окно кареты Дрентельна, скрылся благодаря прекрасной лошади, на которой онъ ѣхалъ. Впослѣдствіи выяснилось, что лошадь эта была предоставлена въ распоряженіе революціонера, оказавшагося дворяниномъ Мирскимъ, докторомъ Веймаромъ, бывшимъ въ турецкую войну главнымъ врачомъ госпиталя имени наслѣдника цесаревича, человѣкомъ состоятельнымъ, съ виднымъ общественнымъ положеніемъ въ Петербургѣ. Онъ же снабдилъ револьверомъ и Соловьева, неудачно выпустившаго на площади Зимняго дворца пять пуль въ Александра II. Особенно интересны подробности взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, которыя передаетъ Пфейль. Онъ стоялъ съ своимъ батальономъ въ казармахъ на Кирочной улицѣ и, услышавъ, что во дворцѣ произошло что-то неладное, безъ всякаго приказанія на свой рискъ, явился однимъ изъ первыхъ съ своей ротой къ мѣсту катастрофы. Отъ лицъ, пострадавшихъ при взрывѣ, онъ по свѣжимъ слѣдамъ записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующія подробности. Какъ извѣстно, непосредственно надъ заложеной миной находилось помѣщеніе для караула, который въ этотъ день держалъ л.-г. Финляндскій полкъ. Разводящій фельдфебель только что готовился смѣнить карауль, какъ вдругъ раздался оглушительный взрывъ. Все помѣщеніе караула погрузилось въ темноту и наполнилось дымомъ, изъ котораго неслись раздирающіе душу крики. Со всѣхъ сторонъ бѣжали сюда дворцовые служители со свѣчками, лампами, фонарями. Помѣщеніе караула было засыпано обломками, придавившими собою несчастныхъ солдатъ. Въ потолкѣ, надъ которымъ находилась царская столовая, образовалась дыра аршина въ четыре шириной. Хорошо еще, что виновникъ взрыва, работавшій во дворцѣ подъ видомъ столяра, забылъ второпяхъ закрыть за собою дверь въ широкій коридоръ, куда и хлынули развившіеся при взрывѣ газы. Иначе взлетѣла бы на воздухъ вся та часть дворца, гдѣ находилась столовая.

Однимъ изъ первыхъ явился къ мѣсту катастрофы императоръ въ сопровожденіи своихъ гостей. Опаленные взрывомъ, въ изодранной одеждѣ, окровавленные солдаты и вышитые золотомъ мундиры со звѣздами, на которыхъ играло пламя факеловъ спасающихъ людей дворцовыхъ пожарныхъ,—все это ужасающимъ контрастомъ производило сильное, незабываемое впечатлѣніе.

Работами пожарныхъ, а затѣмъ прибывшихъ саперъ распоряжался генераль Гурко, но не такъ-то легко было отвалить тяжелые обломки. Страшно кричали раненые, когда приходилось опять опускаться на ихъ раздробленные члены обломки, отвалить которые сразу оказывалось не подъ силу. Императоръ былъ страшно взволнованъ и плакалъ, глядя на эту сцену. 11 человѣкъ было убито и 61 ранено.

Послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ такихъ же взрывовъ ждали еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ и между прочимъ въ казармахъ. Страхъ былъ такъ великъ, что повсюду изъ офицерскихъ корпусовъ стали выселять женщинъ и дѣтей.

Катастрофа въ Зимнемъ дворцѣ, какъ извѣстно, имѣла послѣдствіемъ назначеніе Лорисъ-Меликова съ такими полномочіями, которыя дѣлали его настоящимъ диктаторомъ. Черезъ нѣсколько дней Лорисъ-Меликовъ во время прогулки на Б. Морской едва не былъ застрѣленъ террористомъ, оказавшимся впоследствии Молодецкимъ. Онъ не далъ выстрѣлить въ себя вторично, схватилъ преступника и самъ передалъ его въ руки подоспѣвшей полиціи. Молоцкій за это покушеніе былъ приговоренъ къ смертной казни, которую, какъ очевидецъ, авторъ описываетъ довольно подробно.

Въ назначенный часъ къ Семеновскому плацу медленно двигалась сотня казаковъ. За ними слѣдовала телѣга, влекомая двумя ободранными, хромыми и почти слѣпыми лошадьми. Преступникъ сидѣлъ связанный на скамейкѣ задомъ къ лошадямъ. На шеѣ у него висѣла черная доска съ надписью «Государственный преступникъ». Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, но видно было, что онъ старается собою овладѣть. Когда ему было приказано стать къ позорному столбу, онъ тотчасъ исполнилъ это, причѣмъ, насколько позволяли ему связанныя руки, поднялъ кверху черную доску и показалъ ее народу. Пока читали приговоръ, онъ разсматривалъ петлю и гробъ.

Затѣмъ онъ поклонился на три стороны, какъ бы прощаясь, и поцѣловалъ крестъ. Палачъ накинулъ ему на голову мѣшокъ и повелъ его на скамейку. Наложивъ петлю, онъ въ то же время закрѣпилъ другой ея конецъ и вдругъ вышибъ скамейку изъ-подъ ногъ.

Вначалѣ тѣло, повисшее на высотѣ футовъ двухъ, не двигалось, но затѣмъ начались судорожныя движенія въ рукахъ и ногахъ, которыя не были связаны. Говорятъ, что палачъ нарочно не затянулъ, какъ слѣдуетъ, петлю.

Черезъ нѣкоторое время тѣло спустили съ висѣлицы и стали укладывать въ гробъ. Лицо распухло, стало желтымъ и покрылось потомъ.

«Противно было видѣть, — замѣчаетъ фонъ-Пфейль, — какъ палачъ продавалъ куски веревки за три рубля, которые, говорятъ, приносятъ счастье въ дѣлахъ и особенно въ игрѣ».

Чрезвычайно любопытны послѣднія главы книги, гдѣ авторъ рассказываетъ о приготовленіяхъ террористовъ къ покушенію 1-го марта и о самой катастрофѣ на Екатерининскомъ каналѣ. Въ рассказѣ фонъ-Пфейля, кромѣ того, что теперь уже извѣстно, встрѣчается не мало мелкихъ подробностей, о которыхъ могъ слышать только современникъ событія.

Какъ извѣстно, приготовленія къ покушенію на жизнь государя были сдѣланы по пути его слѣдованія не только на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ стояли бомбометатели, но и на Малой Садовой, гдѣ изъ-подъ дома графа Менгдена былъ сдѣланъ подкопъ, въ которомъ террористы заложили значительной силу мину. Подземная галерея шла изъ подвального помѣщенія, нанятаго подъ торговлю сыромъ мужчиной и женщиной, именовавшими себя супругами Кобозевыми.

Когда содержавшійся въ крѣпости по обвиненію въ убійствѣ харьковскаго губернатора князя Кропоткина купеческій сынъ Григорій Гольденбергъ выдалъ своихъ соучастниковъ, онъ между прочимъ сообщилъ и о существованіи миннаго подкопа на М. Садовой улицѣ.

«Приказано было, — рассказываетъ фонъ-Пфейль, — инженеру шестидесятилѣтнему генералу Мравинскому осмотрѣть всѣ подвальные помѣщенія на этой небольшой улицѣ. Трусливый и дряхлый Мравинскій направился въ лавку мнимаго Кобозева, оказавшагося впоследствии дворяниномъ Богдановичемъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ подчиненныхъ ему лицъ. Встрѣтили его Кобозевы. Мужчина, конечно, сейчасъ же догадался о цѣли ихъ прихода и выразительнымъ взглядомъ предложилъ женщинѣ отправиться въ подвалъ, а потомъ пристально посмотрѣлъ генералу въ глаза. Тотъ почувствовалъ, что если онъ что-нибудь откроетъ, то всѣ они взлетятъ на воздухъ, и поспѣшилъ удалиться, доложивъ, что ничего подозрительнаго не оказалось». Кобозевы, разумѣется, поспѣшили скрыться, а генералъ, по словамъ автора воспоминаній, поплатился впоследствии ссылкой въ Сибирь».

О послѣднихъ часахъ императора Александра Николаевича находимъ у фонъ-Пфейля такія подробности.

1 марта рано утромъ въ Зимній дворецъ явился Лорисъ-Меликовъ и настойчиво просилъ государя не ѣздить въ Михайловскій манежъ на парадъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона. Государь уступилъ было уже его просьбамъ, какъ вдругъ пріѣхала великая княгиня Александра Іосифовна и, узнавъ, что государь не будетъ на парадѣ, въ разговорѣ сказала ему: «Какъ это жаль. Дмитрій (т. е. великій князь Дмитрій Константиновичъ) сегодня назначенъ состоять при тебѣ ординарцемъ, чего онъ уже такъ давно желалъ».

Государь рѣшилъ, что бояться подло, и приказалъ подать карету.

Между тѣмъ въ манежѣ, въ группѣ ожидавшихъ государя офицеровъ гвардіи, ходилъ по рукамъ номеръ газеты «Кавказъ», который принесъ съ собою одинъ изъ офицеровъ, уроженецъ Кавказа. Въ этомъ номерѣ было перепечатано изъ константинопольской газеты «Стамбуль» слѣдующее пророчество:

«истор. вѣстн.», февраль, 1908 г., т. сѣл.

«Ясновидецъ Али-Эффенди показалъ намъ нумеръ газеты «Шаббахъ» отъ 2 декабря 1876 года, въ которой разсказывается, что русскій посланникъ графъ Игнатьевъ призывалъ его къ себѣ и просилъ разгадать сонъ, который видѣлъ императоръ Александръ II. Ему приснились двѣ луны—одна обыкновенная, а другая темно-краснаго цвѣта. Снотолкователь объяснилъ, что между Россіей и Турціей возникнетъ война, послѣ которой въ Россіи поднимется возстаніе, и императоръ черезъ нѣсколько лѣтъ падетъ жертвою заговора».

Ровно въ 2 ч. 20 м., когда императорская карета повернула съ Инженерной улицы на Екатерининскій каналъ, вдругъ появился, какъ разсказывали потомъ нѣкоторые очевидцы, молодой человѣкъ съ длинными, бѣлокурыми волосами, въ пальто и мѣховой шапкѣ, съ небольшимъ, похожимъ на комъ снѣга, предметомъ въ рукахъ. Этотъ предметъ онъ и бросилъ подъ карету императора. Въ ту же секунду подъ нею раздался гулъ, подобный пушечному выстрѣлу. Поднялось цѣлое облако дыма, снѣга и осколковъ. Всѣ окна на противоположной сторонѣ канала лопнули со звономъ.

Послѣ взрыва карета государя была сильно повреждена, но все же на ней можно было ѣхать, на чемъ особенно настаивалъ кучеръ государя Фроль Сергѣевъ. Но государь рѣшительнымъ тономъ приказалъ ему остановиться и невредимый вышелъ изъ кареты.

Преступникъ хотѣлъ было скрыться, но былъ задержанъ солдатами Преображенскаго полка, которые съ трудомъ ограждали его отъ народа. «Не бейте меня,—кричалъ онъ:—вы несчастные, непонимающіе люди».

Императоръ прямо подошелъ къ Рысакову въ своей длинной сѣрой шинели, блѣдный, какъ полотно, но твердый и спокойный.

— Ваше величество, вы ранены?—спросилъ его подпоручикъ Рудыковскій.

— Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...—отвѣчалъ государь, указывая на раненаго казака и кричавшаго отъ боли также раненаго мальчика (Максимова).

— Еще слава ли Богу?—сказалъ, услыхавъ слова государя, Рысаковъ.

Въ это время человѣкъ лѣтъ около 30, стоявшій облокотившись на перила канала, поднялъ какой-то бѣлый предметъ и бросилъ его прямо къ ногамъ государя. Многимъ показалось, добавляетъ фонъ-Пфейль, что государь перекрестился. Раздался опять страшный взрывъ, и снова все на нѣсколько секундъ скрылось въ облакѣ дома. Затѣмъ открылось ужасающее зрѣлище.

На мостовой валялось въ крови нѣсколько убитыхъ и около двадцати болѣе или менѣе тяжело раненыхъ. На перемѣшанномъ съ грязью снѣгу среди лужъ крови виднѣлись куски человѣческаго мяса, обрывки платья, эполеты...

У рѣшетки канала, прислонившись къ ней спиною, лежалъ государь. Фуражка съ него была сорвана, лицо въ крови, шинель вся изорвана. На обнаженные, почти до колѣнъ оторванные ноги страшно было смотрѣть. Кровь лила изъ нихъ ручьями.

Противъ царя лежалъ съ такими же пораненіями преступникъ.

Когда государя подняли съ земли, онъ едва внятно спросилъ полковника Дворжицкаго, который также былъ тяжело раненъ: «Цѣль ли наслѣдникъ?» Вопросъ этотъ показываетъ, что Александръ Николаевичъ былъ, очевидно, не въ полномъ сознаніи, такъ какъ наслѣдника здѣсь не было.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ пытался перекреститься, но уже не могъ поднять руки. На вопросъ, чувствуетъ ли онъ боль, государь отвѣчалъ: «Холодно! холодно!» Великій князь Михаилъ Николаевичъ наклонился къ нему и спросилъ: «Слышишь ли ты, Саша?» на что государь тихо отвѣтилъ: «Слышу». На дальнѣйшіе вопросы государь отвѣчалъ неясно: «Несите меня во дворець... тамъ... умереть». «Покройте меня...»—прибавилъ онъ.

Это были послѣднія его сознательныя слова.

Государя, какъ извѣстно, уложили въ сани полковника Дворжицкаго.

Сани двигались, оставляя за собою на снѣгу длинный кровавый слѣдъ. На полозьяхъ ихъ стояло нѣсколько человекъ, поддерживая императора. Великій князь распорядился извѣстить наслѣдника и великихъ князей. Наслѣдникъ съ супругою сидѣли въ это время въ Аничковомъ дворцѣ за завтракомъ. Услышавъ въ промежутокъ пяти минутъ два взрыва, они страшно встревожились. Вдругъ влетѣлъ во дворець, запыхавшись, шталмейстеръ. Отъ волненія онъ не могъ точно передать, въ чемъ дѣло, и могъ только произнести: «Онъ опасно раненъ!» Съ величайшей поспѣшностью поданы были сани, и наслѣдникъ съ супругою прибыли на мѣсто катастрофы сейчасъ же послѣ Михаила Николаевича.

Между тѣмъ сани, въ которыхъ везли государя, подѣхавъ къ Зимнему дворцу, остановились у собственнаго подѣзда государя. Открываніе настежь дверей, которыя обыкновенно были закрыты, взяло много времени, а это вызвало огромную потерю крови. Вокругъ саней стояли лужи крови въ нѣсколько футовъ въ діаметрѣ.

Первыми врачами, подававшими государю помощь, были докторъ Круглевскій и Маркусъ. Случайно оказался тутъ же военный докторъ Дворяшинъ. «Несите скорѣе инструменты для ампутаціи», крикнулъ ему докторъ Круглевскій, напрасно старавшійся удержать кровотеченіе.

Явившійся проф. Боткинъ наблюдалъ за дѣятельностью сердца. На оба колѣна была наложена каучуковая перевязка, и врачи старались направить кровь къ сердцу. Съ цѣлью пустить кровь въ мозгъ, перевязали и правую руку раненаго. Когда съ нея

сняли перчатку, оказалось, что она была покрыта обжогами, а обручальное кольцо согнуто. Послѣ перевязки руки сердечные тоны стали явственнѣе, дыханіе глубже. Государь императоръ открылъ глаза. Подъ вліяніемъ впрыскиванія ээира и вдыханія кислорода возстановилось правильное дыханіе. Этимъ промежуткомъ воспользовался протоіерей Рождественскій и напутствовалъ государя.

Скоро принесли и аппаратъ для переливанія крови... но судьба рѣшила иначе. Въ 3 ч. 35 м. профессоръ Боткинъ съ глубокимъ поклономъ доложилъ наслѣднику цесаревичу о наступившей смерти.

Авторъ воспоминаній присутствовалъ при казни пятерыхъ осужденныхъ за царевубійство.

Съ 7 часовъ утра,—разсказываетъ онъ,—улицы, по которымъ долженъ былъ слѣдовать страшный кортежъ — Литейная, Надеждинская, Николаевская до Семеновскаго плаца—были покрыты безчисленными толпами людей, усѣявшими даже крыши. На плацу мрачно высились шесть висѣлицъ, изъ которыхъ шестая была, очевидно, приготовлена для Геси Гельфманъ. Всѣ онѣ были выкрашены черной краской и даже на крѣпкого нервами чловѣка производили ужасающее впечатлѣніе. Позади висѣлицъ стояли 5 гробовъ, со стружками въ изголовьѣ. Тутъ же лежали 5 сѣрыхъ мѣшковъ, которые накидывались на осужденныхъ, чтобы скрыть послѣ казни ихъ искаженныя лица.

Въ 8 часовъ прибылъ новыи градоначальникъ Барановъ въ полной парадной формѣ съ орденами и, удостовѣрившись, что все въ порядкѣ, уѣхалъ обратно.

Между тѣмъ толпа все росла и росла. Наконецъ въ закрытой каретѣ съ полицейскими на козлахъ, окруженный казаками, по казался палачъ Фроловъ. Его отталкивающее лицо почти все заросло бородой, маленькіе, глубоко всаженные глазки казались воспаленными. Онъ поднялся на эшафотъ и попробовалъ петли.

Въ 8^{1/2} часовъ быстро прискакавшіе казаки возвѣстили, что повозки приближаются. Въ первой телѣгѣ сидѣли Желябовъ и Рысаковъ, во второй—направо Кибальчичъ, налѣво Михайловъ, а въ срединѣ Перовская. Всѣ они были одѣты въ черное платье, руки у нихъ были связаны за спиною, ноги закованы. На груди большая черная доска, на которой четко было написано: «царевубійца». Всѣ они были блѣдны, какъ смерть. Спокойнѣе другихъ казалась Перовская. Желябовъ мрачно смотрѣлъ впередъ и лишь изрѣдка наклонялся къ Рысакову, шепча ему что-то, чего онъ, очевидно, не понималъ уже. Желябовъ сдѣлалъ было попытку обратиться къ народу, но барабанный бой заглушилъ его слова. Кибальчичъ ѣхалъ молча. Напротивъ, Михайловъ все время обращался къ Перовской, лицо которой хранило презрительное выраженіе.

Первымъ взошелъ на эшафотъ Кибальчичъ. Палачъ надѣлъ ему петлю и вышибъ скамейку изъ-подъ его ногъ. Тѣло сразу

повисло въ воздухѣ и не обнаруживало никакихъ признаковъ жизни. Затѣмъ два помощника палача ввели Михайлова, который, казалось, былъ уже безъ сознанія. Когда палачъ затянулъ на немъ петлю, онъ упалъ и повисъ, хотя скамейка была у него еще подъ ногами. Палачъ вышибъ ее и—о ужасъ! веревка оборвалась, и Михайловъ упалъ на эшафотъ. Отъ удара онъ пришелъ въ себя, и всѣ видѣли, какъ онъ поднялся одинъ, безъ посторонней помощи. Когда Михайлова повѣсили вторично, веревка опять лопнула, и онъ опять тяжело упалъ. Все это затянуло казнь и произвело на присутствовавшихъ угнетающее впечатлѣніе.

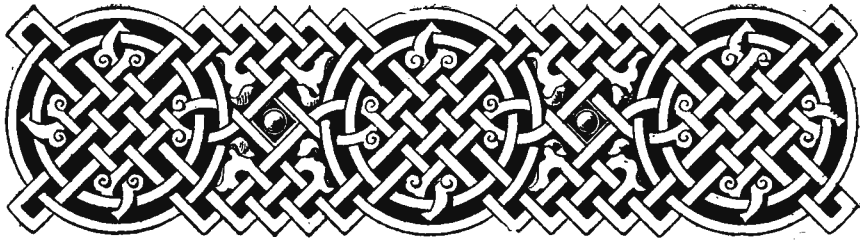
Пока возились съ Михайловымъ, остальные подсудимые стояли тутъ же съ капюшонами на лицѣ, сквозь которые было, однако, все видно.

За Михайловымъ послѣдовали Желябовъ, Перовская, почти потерявшая сознаніе, и Рысаковъ, долго бившійся въ конвульсіяхъ.

«Около получаса висѣли трупы преступниковъ,—кончаетъ свой разсказъ графъ фонъ-Пфейль.—Легкій вѣтерокъ раскачивалъ ихъ безжизненные тѣла. Потомъ на подмости внесены были гробы и поставлены подъ каждымъ изъ казненныхъ. Врачъ констатировалъ смерть. Помощники палача закрыли гробы и перенесли ихъ на телѣгу. Сначала повезли Желябова и Кибальчича, затѣмъ Михайлова и Перовскую и, наконецъ, Рысакова. Гробы въ сопровожденіи казаковъ отвезены были на какое-то отдаленное кладбище, и никто не знаетъ мѣста ихъ послѣдняго успокоенія».

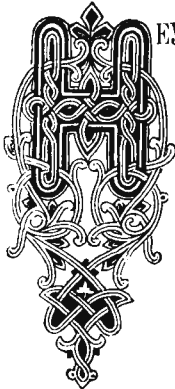
М—овъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Бородкинъ, М. М.—1) Война 1854—1855 гг. на финскомъ побережѣ. Историческій очеркъ. 127 иллюстрацій. Спб. 1904 г.—2) Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрікова. Съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1905 г.—3) Исторія Финляндіи. Время императора Александра II. Съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908.

БУТОМИМЫЙ изслѣдователь такъ называемаго финляндскаго вопроса г. М. М. Бородкинъ въ весьма короткое время издалъ три весьма любопытныхъ сочиненія, перечисленныхъ нами выше, изъ которыхъ первое, удостоенное императорскою академіею наукъ почетнаго отзыва, уже переведено на шведскій языкъ въ Гельсингфорсѣ, а остальные два вполне заслуживаютъ быть переведенными по крайней мѣрѣ на одинъ изъ европейскихъ языковъ, чтобы дать возможность просвѣщеннымъ европейцамъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ такъ называемаго финляндскаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять ту массу неосновательныхъ и нерѣдко даже завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о политическомъ положеніи Финляндіи, сильно распространенныхъ въ послѣднее время въ иностранной печати. Краткость нашихъ библиографическихъ замѣтокъ не даетъ намъ возможности подробно познакомить нашихъ читателей съ богатствомъ и въ высшей степени любопытнымъ содержаніемъ вновь вышедшихъ трудовъ г. М. Бородкина, составленныхъ имъ преимущественно на основаніи официальныхъ актовъ, извлеченныхъ изъ мало доступнаго архива финляндскаго секретаріата, а также на основаніи свѣдѣній, разсѣянныхъ въ мѣстной, почти неизвѣстной въ Россіи литера-

турѣ въ Финляндіи, т. е. въ кигахъ и журналахъ на языкахъ какъ шведскомъ, такъ и финскомъ. Дословными извлечениями изъ этихъ печатныхъ изданій, а также немногихъ напечатанныхъ воспоминаній Августа Шаумана, І. В. Снельмана, Филиппеуса и Андерсъ Рамзая авторъ имѣлъ въ виду дать прежде всего русскому читателю возможность проникнуть въ сущность мировоззрѣнія финляндцевъ, а затѣмъ — сохранить духъ эпохи и передать колоритъ описываемаго имъ времени. При изложеніи выдающейся эпохи управленія Финляндіею Н. И. Бобриковымъ авторъ, благодаря необычайной любезности семейства убитаго финляндскаго генераль-губернатора, имѣлъ возможность ознакомиться со всѣми оставшимися послѣ него документами и бумагами, какъ-то: его дневникомъ, письмами, записками и всеподданѣйшими отчетами и сдѣлать изъ нихъ не мало извлеченій, насколько это позволяла, конечно, близость къ намъ описываемаго времени и самое свойство выше названныхъ документовъ. Расположивъ весь собранный имъ богатый матеріалъ въ послѣднемъ вышедшемъ томѣ по царствованіямъ (время императора Александра II), а въ предпоследнемъ, такъ сказать, по генераль-губернаторамъ (время управленія Финляндіею Н. И. Бобрикова), авторъ тѣмъ самымъ обошелъ совершенно молчаніемъ время управленія Финляндіею графа Л. Гейдена, непосредственнаго предшественника Н. И. Бобрикова по управленію Финляндіею и тѣмъ лишилъ читателей возможности въ означенныхъ двухъ томахъ имѣть полную картину политической жизни Финляндіи за послѣднее полстолѣтіе. Пробѣлъ этотъ, конечно, легко пополнить при слѣдующемъ изданіи книги «Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи» (которое, конечно, не замедлитъ послѣдовать въ скоромъ времени), присоединивъ къ ней новую, какъ бы вступительную главу (передъ главой «Объединительныя мѣропріятія»), посвященную исключительно управленію Финляндіею гр. Гейденомъ съ 1881 г. по 1898 г., когда былъ назначенъ на его мѣсто Н. И. Бобриковъ. Съ этимъ добавленіемъ означенныя три сочиненія М. Бородинки будутъ обнимать исторію политической и экономической жизни ¹⁾ Финляндіи за послѣднее полстолѣтіе, которое представляется не только въ высшей степени интереснымъ, но и особенно поучительнымъ, для насъ въ особенности. Это поворотный періодъ въ новой исторіи Финляндіи; сеймовый или административный періодъ финляндской исторіи закончился въ это время, и Финляндія, по чрезвычайной милости къ ней императора Александра II, получивъ сеймовый уставъ въ 1865 году, приобрѣла этимъ самымъ главнѣйшее условіе своей внутренней самостоятельности. Финляндцы получили новую форму въ устройствѣ управленія своего края и сумѣли наполнить ее живымъ содержаніемъ; они не потонули въ пустыхъ словопреніяхъ или безцѣльныхъ выходкахъ, не замѣнили звонкими фразами своихъ убѣжденій и мыслей и не промѣняли продуманное знаніе нахватавшимся изъ поверхностнаго чтенія. Сеймъ (т.-е. депутаты, его составлявшіе) занялся тѣмъ, чего требовала отъ него родина для улучшенія духовнаго и матеріальнаго ея быта; депутаты спокойно разсматривали вносимые правительствомъ

¹⁾ Очеркъ духовной жизни этой нашей окраины, т.-е. очеркъ развитія науки, литературы, искусства, авторъ предполагаетъ изложить въ особомъ томѣ.

законопроекты; руководствуясь сознанием долга и любви къ своему краю, дѣлали въ нихъ свои поправки и такимъ образомъ провели цѣлый рядъ благотворныхъ для края законовъ. Сеймъ скоро приобрѣлъ общее уваженіе, довѣріе и авторитетъ; его рѣшеніямъ край безпрекословно подчинялся, главнѣйшимъ образомъ потому, что въ дѣятельности сеймовъ лежитъ печать практическаго разума земскихъ чиновъ. Серьезныхъ столкновеній и недоразумѣній между представительствомъ Финляндіи (сеймомъ) и правительствомъ отъ начала открытія сейма въ 1863 году до 1890 года почти не возникало; всякое намѣреніе правительства, имѣвшее цѣлю благо Финляндіи, всегда могло рассчитывать на сочувствіе и содѣйствіе земскихъ чиновъ. Но была и обратная сторона медали. Земскіе чины съ самаго начала сейма въ 1863 г. проявили желаніе имѣть все свое собственное и отдѣльное и настойчиво обрѣзывали всѣ малѣйшія нити (и въ то время не особенно крѣпкія и многочисленные), которыя могли сблизить и связать принадлежащую Россіи небольшую окраину съ остальною имперіею Россійскою, неотъемлемую часть которой Финляндія составляетъ. Съ русской администраціею депутаты сейма не пожелали соприкасаться, имѣть общія учрежденія съ имперіею избѣгали, не находили нужнымъ содѣйствовать распространенію среди своихъ сородичей путемъ закона обязательнаго знанія русскаго государственнаго языка, несмотря на то, что такой извѣстный въ Финляндіи дѣятель, какъ Сигнеусъ (извѣстный педагогъ и преобразователь учебнаго дѣла въ Финляндіи) положительно высказалъ: «изученіе русскаго языка имѣетъ для насъ, финновъ, громадное значеніе, и мы должны себя посвятить ему. Лишь знакомясь съ русскимъ національнымъ языкомъ, русской литературой и всей духовной и умственной жизнию народа, мы поймемъ вѣрно нашихъ восточныхъ сосѣдей».

Депутаты на сеймахъ скоро пожелали имѣть свою монету, свое войско и т. д., словомъ сказать, они неуклонно и настойчиво добивались при всякомъ удобномъ случаѣ обособленія отъ имперіи и довели это дѣло до того, что къ наступающему въ 1909 году дню столѣтія завоеванія Финляндіи русскимъ оружіемъ дѣло объединенія этого завоеваннаго угла съ остальною имперіею находится въ худшемъ положеніи, нежели въ какомъ оно находилось семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I. Винить въ этомъ финляндцевъ едва ли можно. Это всецѣло наша вина, послѣдствіе нашей безпечности, безпредѣльной довѣрчивости къ лояльнымъ финляндцамъ и нашего собственнаго непостоянства, колебанія. Мы все время, — даже и по настоящее время, послѣ приключенія съ ген.-губ. Оболенскимъ, — продолжаемъ смотрѣть на финляндскія дѣла сквозь финляндскія очки, т. е. черезъ статсъ-секретаріатъ финляндскій, составленный изъ финляндцевъ, такъ какъ представитель русской имперской власти въ Финляндіи, т. е. генераль-губернаторъ, по изданному о немъ положенію, не имѣетъ ровно никакого значенія и, по справедливому замѣчанію одного изъ первыхъ генераль-губернаторовъ Финляндіи, знаменитаго полководца Барклая-де-Толли, «лучше въ Финляндіи вовсе не имѣть генераль-губернатора, нежели имѣть его безъ необходимыхъ полномочій». Эти генераль-губернаторы занимаютъ свой постъ

только пока они терпимы статсъ-секретаріатомъ или, точнѣе, статсъ-секретаремъ по дѣламъ Финляндіи. Таковымъ очень долгое время, почти 35 лѣтъ, былъ извѣстный графъ Александръ Армфельтъ, не отличавшійся ни гениальностью, ни даже какими-либо особенно выдающимися служебными способностями, ни обширностію, ни глубиною своихъ познаній. Главный секретъ его большого вліянія на политическую жизнь Финляндіи заключался въ томъ, что онъ пользовался большимъ довѣріемъ императора Александра II и слѣдовалъ охотно совѣтамъ, указаніямъ лицъ, извѣстныхъ своею [преданностью краю, какъ-то: Свелъмана, Нервандера и т. д. Императоръ Николай I, назначивъ Армфельта своимъ докладчикомъ по финляндскимъ дѣламъ, приказалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ воздерживаться отъ всякихъ интригъ. Армфельтъ, конечно, точно этому слѣдовалъ и держалъ себя во все время его царствованія обдуманно и очень осторожно, былъ покорнымъ слугою такихъ генераль-губернаторовъ, какъ кн. Меншиковъ и гр. Бергъ, уклонялся отъ всякой борьбы съ ними, обходилъ возникающія затрудненія, старался имѣть въ статсъ-секретаріатѣ русскихъ чиновниковъ и т. д., онъ самъ даже женился на русской особѣ, крестилъ своихъ дѣтей въ православную вѣру. Съ кончиною императора Николая I, Армфельтъ совершенно измѣнилъ свою политику и, придерживаясь своего правила: «чѣмъ меньше насъ, т. е. Финляндію, знаютъ, тѣмъ лучше», скоро добился того, что въ Россіи ничего почти не знали о Финляндіи и не слышали, такъ какъ даже цензура русскихъ статей объ этой окраинѣ держалась въ статсъ-секретаріатѣ финляндскомъ, т. е. имъ же самимъ. Другимъ его правиломъ было: кто выигрываетъ время, тотъ выигрываетъ все. Онъ поэтому умѣлъ терпѣливо готовить дѣло, выжидать и затѣмъ уловлять благопріятный моментъ и хорошо воспользоваться личнымъ настроеніемъ монарха и во время, путемъ личнаго доклада, испросить желаемыя имъ высочайшія повелѣнія, которыя въ концѣ концовъ и привели къ обособленію Финляндіи отъ Россіи, несмотря на то, что генераль-губернаторами являлись даже лица, преданныя Россіи и отстаивавшія ея интересы; но таковыя, конечно, устранялись своевременно по внушеніямъ графа Армфельта. Такъ, напр., случилось съ графомъ Бергомъ. Онъ много содѣйствовалъ экономическому развитію Финляндіи, благодаря своей практической опытности. При немъ не только были предуказаны, но и начаты реформы, проведенныя окончательно позже и пробудившія край къ новой жизни; будучи не чуждъ конституціоннымъ вѣяніямъ времени, онъ пеходатайствовалъ въ 1859 г. высочайшее повелѣніе финляндскому сенату, чтобы подготовить тѣ вопросы, для разсмотрѣнія которыхъ требовалось участіе земскихъ чиновъ.

Но сепаратистскія стремленія финляндцевъ встрѣчали зоркаго противника въ графѣ Бергѣ. На одной изъ своихъ аудіенцій онъ старался, какъ рассказываютъ, убѣдить государя въ необходимости удалить финляндскихъ совѣтниковъ, начиная съ графа Армфельта. Это предложеніе, какъ извѣстно, не осуществилось, а графъ Бергъ вскорѣ, въ 1861 г., былъ замѣненъ генераломъ Рокасовскимъ, не имѣвшимъ связей при дворѣ, не близкимъ государю, челоувѣкомъ слабымъ, безъ инициативы, но честнымъ и мужественно стоявшимъ за интересы Россіи; послѣдняго было достаточно, чтобы Армфельтъ явился

его врагомъ, тѣмъ болѣе, что Рокасовскій, какъ человекъ, преданный Россіи, скоро имѣлъ случай ясно указать на истинныя стремленія финляндцевъ при разсмотрѣннй составленнаго ими новаго уложенія¹⁾. Армфельтъ не могъ добиться у государя утвержденія этого уложенія, а Рокасовскій, отстаивавшій русскіе интересы, за свой патріотизмъ былъ уволенъ, конечно, по прошенію, 19 апрѣля 1866 года. Преемникомъ его явился графъ Николай Владимировичъ Адлербергъ, русскій генералъ, гордившійся своимъ шведскимъ происхожденіемъ отъ извѣстнаго уисальскаго епископа Олафа Свобеліуса. Онъ былъ полонъ сомнѣнья и чванства и твердилъ только, что народы—это дѣти, которыми надо руководить; на самомъ же дѣлѣ имъ самимъ руководилъ шведъ Эрнъ, правитель канцеляріи генералъ-губернатора, управлявшій краемъ и всѣмъ распоряжавшійся съ бюрократическимъ полномочіемъ. Благодаря этому, единственный представитель государственной власти въ Финляндіи графъ Адлербергъ въ продолженіе 15 лѣтъ проводилъ только реформы, отчуждавшія этотъ край все болѣе и болѣе отъ Россіи, и вмѣсто того, чтобы охранять интересы Россіи и государственной власти, только вредилъ имъ. Онъ считалъ своимъ долгомъ прежде всего принимать въ расчетъ то, что посовѣтуютъ надлежащія лица въ Финляндіи. Онъ, конечно, пользовался большимъ расположеніемъ Армфельта²⁾ и его преемника барона Шерваль-Валена и, кромѣ того, былъ близокъ съ дѣтства императору Александру II, послѣ преждевременной кончины котораго Адлербергъ въ 1881 г. былъ уволенъ отъ должности, при довольно сухомъ рескриптѣ. При преемникѣ его, графѣ Гейденѣ, назначенномъ на эту должность по указанію новаго министра статсъ-секретаря Финляндіи Шерваль-Валена, конечно, отношенія Финляндіи къ Россіи не могли принять надлежащаго характера. Объ объединеніи Финляндіи съ Россією нечего было и думать. Положеніе этого края, завоеваннаго Россією почти сто лѣтъ тому назадъ, очерчено слѣдующими словами новаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрікова: «беру смѣлость всеподданнѣйше доложить, что я не сознаю въ себѣ достаточныхъ силъ и способностей для занятія подобнаго государственной важности поста (должности генералъ-губернатора Финляндіи) въ особенности при современной въ краѣ неурядицѣ по всѣмъ частямъ». Исполняя волю императора, Бобріковъ принялъ эту должность и, подробно ознакомившись съ финляндскимъ вопросомъ по всѣмъ доступнымъ

¹⁾ Должно припомнить, что одновременно съ проектомъ сеймоваго устава 1865 г. былъ составленъ финляндцами такъ называемый проектъ уложенія или свода основныхъ законовъ или формы правленія. Этотъ проектъ, по содержанію своему, опредѣленно ограничивалъ верховную власть, рѣшительно устанавливалъ государственную обособленность Финляндіи, упоминалъ о столицѣ великаго княжества и т. д., словомъ, этотъ проектъ по содержанію своему представлялъ собою дѣйствительную конституцію Финляндіи. Но императоръ Александръ II, утвердивъ проектъ сеймоваго устава, не удостоилъ однако утвержденія проектъ уложенія или конституціи Финляндіи, предоставивъ разрѣшеніе этого труднаго, но безусловно необходимаго дѣла своимъ преемникамъ.

²⁾ Графъ Армфельтъ скончался 8 января 1876 г., послѣ чего его замѣстителемъ былъ назначенъ К. Э. Шерваль-Валенъ, его товарищъ, ученикъ и точный послѣдователь его стремленій.

для него источникамъ, представилъ особую записку, высочайше одобренную 18 августа 1898 г., о различныхъ мѣропріятіяхъ, которыя онъ находилъ необходимыми для объединенія Финляндіи съ имперією. Не касаясь вовсе ни законодательнаго, ни административнаго самоуправленія Финляндіи и денационализаціи ея, Н. И. Бобриковъ, для ограниченія финляндскаго сепаратизма, между прочимъ намѣревался провести: 1) объединеніе арміи съ уравниемъ повинности и средствъ на ея содержаніе, 2) введеніе русскаго языка въ сенатъ, учебныхъ заведенійхъ и въ администраціи, 3) предоставленіе русскимъ людямъ возможности вступать на службу въ учрежденія Финляндіи, безъ стѣсненій, установленныхъ закономъ 1858 г., 4) пересмотрѣть положенія о генераль-губернаторѣ, 5) упразднить или ограничить значеніе статсъ-секретаря, а также упразднить особыя таможи и особую монету, и т. д. При необычайной настойчивости и при полномъ содѣйствіи статсъ-секретаря финляндскаго, каковымъ былъ въ то время русскій человекъ В. К. Плева, Бобрикову удалось осуществить многія изъ намѣченныхъ имъ преобразованій, вызвавшихъ бѣшеное озлобленіе въ извѣстной партіи финляндцевъ. Кончилось это все, какъ извѣстно, тѣмъ, что въ 1904 году, іюня 3, генераль-губернаторъ Бобриковъ былъ убитъ въ зданіи сената финляндскаго, статсъ-секретарь Плева на улицѣ въ Петербургѣ 15 іюля, а финляндцы при новомъ генераль-губернаторѣ, князѣ Оболенскомъ, быстро добились не только отмены всѣхъ узаконеній, состоявшихся при Бобриковѣ въ видахъ большаго объединенія русско-финскихъ отношеній, но и многихъ другихъ, о которыхъ и не думали. При такой системѣ не только колебаній, но прямо рѣзкихъ переходовъ изъ одной крайности въ другую можно ли питать надежду на объединеніе когда-либо Финляндіи съ имперією? Лишнее добавлять, что сочиненія г. М. Бородкина чрезвычайно интересны, читаются очень легко и изданы прекрасно.

П. М. Майковъ.

Труды тринадцатаго археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ 1905 г., подъ редакціей графини Уваровой. Т. I. М. 1907.

Только что вышелъ первый томъ «Трудовъ XIII археологическаго съѣзда», на долю котораго выпало собраться въ тревожнѣйшій годъ исторической жизни нашего отечества. Въ предисловіи къ изданію «Трудовъ» такъ обрисовываются условія, при которыхъ былъ подготовляемъ и организованъ съѣздъ: «Московскому предварительному комитету, — по словамъ редакціи изданія, — пришлось работать надъ подготовленіемъ екатеринославскаго съѣзда при особо грустныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыя, начиная съ гнуснаго убійства его императорскаго высочества великаго князя Сергія Александровича, почетнаго предсѣдателя всѣхъ археологическихъ съѣздовъ (начиная съ VI одесскаго), мало-по-малу охватывали всю Россію, внося во всѣ отдѣльныя части управленія, во всѣ учрежденія (даже ученія), во всѣ общества (даже ученія) такое растлѣніе, такую деморализацію, что нельзя было ни на кого рассчитывать, нельзя было почти никого вызвать на работу, а въ самомъ Екатеринославѣ, представители котораго такъ горячо ратовали за избраніе ихъ

города подь съѣздъ, съѣздъ этотъ не нашель почти ни одного работника за всѣ три года подготовительныхъ работъ, а къ самому съѣзду, и во время его засѣданій, даже враждебное отношеніе, не только украинофильствующей партіи, но даже лицъ, которыя болѣе другихъ должны были дорожить съѣздомъ и стоять за его благополучное осуществленіе въ Екатеринославѣ. Подобное враждебное настроеніе нѣкоторой части екатеринославскихъ дѣятелей заставило московскій предварительный комитетъ, почти предъ самымъ открытіемъ съѣзда, задуматься надъ возможностью перенести съѣздъ въ Севастополь, который въ лицѣ правительственной власти и представителей города выразилъ живѣйшее участіе къ съѣзду и въ два дня приготовилъ какъ всѣ необходимыя помѣщенія, такъ и пріемъ, посѣщенія Херсонеса и пр. и пр., однакожь, благодаря вмѣшательству, энергіи и сердечному отношенію къ научному дѣлу екатеринославскаго губернатора, Алексѣя Борисовича Нейдгардта, вернувшася изъ отпуска за недѣлю до открытія съѣзда, съѣздъ состоялся въ Екатеринославѣ и, несмотря на нѣсколько попытокъ его сорвать, вѣроятно, съ цѣлью, чтобы сохранить за Екатеринославомъ честь стоять на высотѣ положенія, признаннаго въ то время за нормальное и достойное для Россіи, сошелъ довольно спокойно и гладко и оставилъ, вѣроятно, хоть нѣкоторый слѣдъ въ «русской наукѣ». Несмотря на тяжелыя условія, подготовительныя работы къ екатеринославскому съѣзду были произведены и заключались преимущественно въ раскопкахъ городищъ и кургановъ и изслѣдованіи этихъ древностей. Вопросу о курганахъ и городищахъ посвящены помѣщенные въ «Трудахъ» работы: Д. И. Эварницкаго «Раскопка кургановъ въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи», В. Г. Лякоронскаго «Городища, курганы и длинные (змѣвы) валы по теченію рѣкъ Исла и Ворсклы», В. А. Городцова «Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. 1903 г. и дневникъ археологическихъ изслѣдованій», Е. П. Трифилева «Археологическая экскурсія по теченію рр. Кальміуса и Кальчика въ предѣлахъ Мариупольскаго уѣзда Екатеринославской губ., лѣтомъ 1904 г.», Д. И. Багалѣя «Раскопка кургановъ въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ Харьковской губ. лѣтомъ 1903 г.», В. А. Бабенко «Что дали новаго послѣднія раскопки въ Верхнемъ Салтовѣ» и «Дневникъ раскопокъ въ Верхнемъ Салтовѣ 1905 г.», В. Г. Лякоронскаго «Къ вопросу о курганахъ, городищахъ, майданахъ».

Статья В. В. Хвойко разсматриваетъ интересный вопросъ «о началѣ земледѣлія и бронзовомъ вѣкѣ въ Среднемъ Приднѣпровьѣ». Авторъ совершенно отрицаетъ слѣдующую установившуюся распространенную и стройную теорію: что люди каменнаго вѣка земледѣлія въ Европѣ не знали; въ концѣ этой эпохи изъ Азіи пришелъ какой-то народъ, который покорилъ и вытѣснилъ прежнихъ насельниковъ и занялъ ихъ землю; этотъ новый народъ принесъ съ собою изъ Азіи и распространилъ у насъ свою, сравнительно съ мѣстной — болѣе высокую культуру, отличительныя черты которой: знакомство съ изготовленіемъ бронзовыхъ орудій, земледѣліе и наличность домашняго скота. Подвергнувъ рѣзкой критикѣ существующую теорію и основываясь на находкахъ площадокъ такъ называемой Трипольской культуры, авторъ указываетъ, что люди, оставившіе площадки и жившіе, судя по находкамъ, въ эпоху камен-

наго вѣка, знали уже земледѣліе. Въ пластахъ разрушившихся глинобитныхъ стѣнокъ площадокъ легко можно обнаружить значительную долю примѣси, состоящей изъ мякины и даже сохранившихся цѣлыми зеренъ, такъ что даже при поверхностномъ осмотрѣ легко можно опредѣлить видъ хлѣбнаго растенія, части котораго составляли примѣсь къ глинѣ (напримѣръ, мякину пшеницы, ячменя, проса, ржи и т. д.). Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ являются находки въ особыхъ помѣщеніяхъ при этихъ площадкахъ—въ помѣщеніяхъ, которыя были, вѣроятно, предназначены для жертвоприношеній. Въ нихъ открыты толстые слои поджаренныхъ зеренъ пшеницы и оставшаяся отъ нихъ зола; въ другихъ случаяхъ въ площадкахъ обнаружены были сосуды, наполненные тоже зернами поджаренной пшеницы; при этомъ въ тѣхъ площадкахъ часто были находимы камни, приспособленные для растиранія зеренъ, и кремневые серпы. Начало земледѣлія на европейскомъ материкѣ слѣдуетъ, по мнѣнію автора, искать у какой-нибудь вѣтви народа, принадлежавшаго къ европейской расѣ и сосредоточеннаго въ южной части Прикарпатской и Прибалканской областей; время начала земледѣлія надо относить къ промежуточной эпохѣ, когда Среднее Приднѣпровье было еще безлюдно и занято лишь тающими ледниками, медленно отодвигавшимися къ сѣверу. Отъ этой вѣтви первоначальныхъ земледѣльцевъ культура хлѣбныхъ растений тѣмъ или инымъ путемъ распространилась среди другихъ родственныхъ ей племенъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ она была принесена изъ Прикарпатя въ Среднее Приднѣпровье при вторичномъ заселеніи этого края въ неолитическую эпоху. Относительно вопроса о бронзовомъ вѣкѣ авторъ предлагаетъ слѣдующее рѣшеніе: бронзовому вѣку предшествовалъ долгій періодъ, въ теченіе котораго металлическія издѣлія готовились только изъ чистой мѣди. Начало употребленія этого металла ни въ чемъ не остановило развитія исконной неолитической культуры этой области, а наоборотъ, способствовало достиженію ея высшей ступени процвѣтанія. Этотъ долгій и чрезвычайно важный для Средняго Приднѣпровья переходный періодъ между каменнымъ и бронзовымъ вѣками не имѣетъ до сихъ поръ никакого названія. Поэтому въ интересахъ точнаго обозначенія времени и научно обоснованной классификаціи, авторъ предложилъ выдѣлить это переходное время для Средняго Приднѣпровья и обозначить его названіемъ «Каменно-мѣднаго вѣка». Одною изъ крупныхъ работъ въ первомъ томѣ трудовъ является статья профессора Э. Р. фонъ-Штерна—«Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи». Вопросъ о загадочныхъ площадкахъ Трипольской культуры и здѣсь является доминирующимъ, только разсматривается онъ путемъ изслѣдованія керамическихъ находокъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Авторъ приходитъ между прочимъ къ заключенію, что расписная керамика на югѣ Россіи прекращается съ концомъ каменнаго вѣка и не существуетъ уже въ бронзовомъ и желѣзномъ вѣкѣ, потому что племена, которымъ она была свойственна, добровольно или подъ напоромъ другой волны народовъ въ исходѣ неолитическаго періода оставили свое мѣстожительство. Наблюденія подтверждаются взаимно: конецъ росписи сосудовъ на югѣ Россіи совпадаетъ съ началомъ аналогичной керамики на греческой почвѣ, и путь, которымъ шло культурное теченіе, мы можемъ прослѣдить на материкѣ до Фессаліи, въ островной области черезъ Трою и Киклады вплоть до Крита.

Въ докладѣ М. К. Фота «О скиѣскомъ вопросѣ» авторъ разсматриваетъ вопросъ о національности скиѣовъ.

В. Г. Ляскоронскій затронулъ интересный вопросъ о курганахъ, городищахъ-майданахъ. Эти земляныя сооруженія являются до сихъ поръ весьма загадочными для археологовъ. По мнѣнію автора, майданы и состоящіе съ ними въ тѣсной связи длинныя, такъ называемыя «змѣевыя» валы являются продуктами одной и той же эпохи. Эта эпоха характеризуется сооруженіемъ огромныхъ, идущихъ на значительное разстояніе длинныхъ валовъ, очевидно, назначенныхъ для защиты опоясываемой ими территоріи. Поселившіеся внѣ такихъ защитныхъ валовъ, но большей частью въ непосредственной къ нимъ близости, насельники края, въ силу постоянно грозившей опасности со стороны враговъ, примѣняли ту же, хорошо извѣстную имъ систему защиты земляными валами и своего маленькаго отдѣльнаго хозяйства, заключеннаго въ кольцеобразной насыпи майдана и въ промежуточномъ пространствѣ между крыльями,—хозяйства, сложившагося подъ вліяніемъ мощныхъ, стихійныхъ началъ окружающей природы и ея главныхъ особенностей и тѣхъ историческихъ условий, въ которыхъ находилась наша страна на зарѣ своей исторической жизни. Изслѣдованіе А. Ливрскаго надъ переданнымъ ему предсѣдательницею графиней Уваровою гвоздемъ, добытымъ изъ раскопокъ, заключается въ опредѣленіи происхожденія гвоздя, служившаго ручкой найденнаго при раскопкахъ ножа. Предполагавшееся метеорное происхожденіе гвоздя категорически отвергается изслѣдователемъ.

А. Мироновъ.

**Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей
россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1907 годъ. Книга
третья. Двѣсти двадцать вторая. Издана подъ завѣдываніемъ
Е. В. Барсова. М. 1907.**

Въ первый отдѣлъ «матеріаловъ историческихъ» названной книги «Чтеній» вошли: «Описаніе полоцкихъ владычныхъ, монастырскихъ и церковныхъ земель ревизорами 1580 года. Съ предисловіемъ П. И. Лапко» и «Разрядныя записи за смутное время, собранныя С. А. Бѣлокуровымъ». «Издаваемое «Описаніе полоцкихъ владычныхъ, монастырскихъ и церковныхъ земель»,—читаемъ въ предисловіи—представляетъ собою часть ревизіи, составленной послѣ возвращенія Стефаномъ Баторіемъ Полоцка и земель Полоцкаго воеводства, завоеванныхъ Иваномъ Грознымъ»... Оно заимствовано изъ рукописной книги № 78 V-го отдѣла военно-ученаго архива главнаго штаба и находится въ тѣсной связи со всей полоцкой ревизіей 1552 г., которая издана въ «Чтеніяхъ» за 1905 г., кн. II, и отдѣльно. «Разрядныя записи за смутное время» являются здѣсь продолженіемъ и окончаніемъ напечатаннаго во второй книгѣ «Чтеній» за нынѣшній 1907 годъ. Всего сюда записей вошло 23 и къ нимъ въ видѣ дополненій и приложеній: «Рукописи, а) изъ которыхъ разрядныя записи 7113—7121 гг. напечатаны или варианты коихъ отмѣчены, и б) которыя были привлечены для сего», «Чинъ бракосочетанія царя Василія Ивано-

вича Шуйскаго съ княжною Марією (Екатериною) Буйносовой - Ростовскою» и «24-ая записъ («Столярскій списокъ хронографа») по рукописи общества». Эти малоизвѣстныя записи представляютъ особый историческій и биографическій интересъ, такъ какъ «открываютъ дѣятели того времени, показываютъ, кто и что тогда дѣлалъ, кто прямилъ и кто кривилъ». Въ пространномъ послѣсловіи къ нимъ собиратель, С. А. Бѣлокуровъ, значительно поколебалъ господствовавшее доселѣ мнѣніе, «что за смутное время Московскаго государства разряды не велись, не сохранялось официальныхъ разрядныхъ записей и разрядныхъ книгъ и что встрѣчающіяся разрядныя записи начала XVII вѣка составлены частными лицами». Онъ утверждаетъ, что напечатанная имъ подъ № 1 записъ (во второй книгѣ «Чтеній») «есть составленный впоследствии официальный текстъ разрядовъ за смутное время, 7113—7124 г.».

Во второмъ отдѣлѣ: «Историко - литературные матеріалы», находимъ: «Успенская драма св. Димитрія Ростовскаго», съ предисловіемъ М. Н. Сперанскаго, и «Смертодавы въ русской сатирической литературѣ XVIII вѣка», В. И. Покровскаго. Изъ шести драматическихъ пьесъ, приписываемыхъ св. Димитрію Ростовскому, до сихъ поръ извѣстна была въ подлинникѣ одна «Рождественская драма». М. Н. Сперанскому удалось отыскать и вторую среди рукописей московской типографской синодальной бібліотеки, все содержаніе которой концентрируется около событія усенія Богородицы и личности Богоматери. В. И. Покровскій собралъ всѣ сарказмы и «ядовитыя стрѣлы» изъ сатирическихъ журналовъ XVIII вѣка, направленныхъ противъ докторовъ, которые рисуются исключительно обскуратами, стяжателями, людоморами. Последнее обстоятельство заставило его привести нѣкоторыя смягчающія данныя и примѣры совершенно обратнаго характера. Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщена первая половина изслѣдованія профессора московской духовной академіи А. И. Голубцова «Соборные чиновники и особенности службы по нимъ». «Будучи произведениями, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — самобытно-русскими, составленными отчасти по инициативѣ частныхъ лицъ, отчасти «повелѣніемъ и благословеніемъ владыкъ», руками въ большинствѣ случаевъ неизвѣстныхъ по именамъ тружениковъ, чиновники соборные составляютъ столько же любопытное въ области старо-русской письменности явленіе, сколько и весьма важныя памятники литургико-археологическіе. Источникомъ для авторовъ ихъ служилъ не какой-либо уже совѣмъ готовый письменный оригиналъ, а по большей части мѣстная церковно-богослужебная практика... Содержащіяся въ чиновникахъ описанія, нерѣдко очень сходныя между собою по содержанію, разнятся по изложенію и языку. Языкъ чиновниковъ вообще весьма значительно отличается отъ обыкновеннаго языка богослужебныхъ книгъ... Изрѣдка довольно замѣтно пробивается живая струя народной рѣчи... Весьма интересны они и со стороны содержанія, такъ какъ заключаютъ въ себѣ документы, въ которыхъ изложена по преимуществу богослужебная практика нашихъ соборовъ за XVI—XVII вѣка и «отчасти заключено то, чѣмъ жили наши предки въ предыдущія столѣтія въ церковно-религіозномъ отношеніи».

Въ послѣдній отдѣлъ, «Смѣсь», вошли: 1) довольно любопытная статья К. В. Покровскаго—«Къ бытовой исторіи эрмитажнаго театра императрицы Екатерины II» (здѣсь болѣе всего сообщается свѣдѣній о Л. А. Нарышкинѣ, изображенномъ въ пьесѣ «L'Insouciant», которая составлена Дмитриевымъ-Мамоновымъ при участіи Екатерины II и давалась въ эрмитажномъ театрѣ въ присутствіи самого Нарышкина); 2) «Къ вопросу о пересмотрѣ и подтвержденіи жалованныхъ грамотъ въ 1620—1630 годахъ въ сыскныхъ приказахъ», С. В. Веселовскаго; 3) «Юрій Крижаничъ въ Россіи. (Дополнительные документы)», С. А. Бѣлокурова; 4) «Владимирская лѣтопись»; его же; 5) «Переписка И. Д. Бѣляева съ учеными и литераторами». (Начало помѣщено въ «Чтеніяхъ» общества за 1882 г., кн. I) и 6) «О доходахъ Московскаго государства», Пв. Д. Бѣляева. (Начало помѣщено въ «Чтеніяхъ» за 1884 г., кн. IV, и за 1885 г., кн. I и II.

В. Рудаковъ.

Тургеневъ, Н. И. Россія и русскіе. Часть I и II («Библиотека декабристовъ» подъ редакціей Г. Балицкаго). Спб., 1907.

Тургеневъ, Н. И. Записки изгнанника (Библиотека «Общественной Пользы»). Спб. 1907.

«Россія и русскіе», какъ извѣстно, было написано Н. И. Тургеневымъ на французскомъ языкѣ и издано за границей. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полстолѣтія,—вся Европа читала это произведеніе, а мы, русскіе, на русскомъ языкѣ видимъ его впервые. Немногимъ до сихъ поръ пришлось читать полностью это въ высшей степени интересное произведеніе и только благодаря ослабленію цензурнаго гнета явилась возможность познакомиться съ «Россіей и русскими» не въ отрывкахъ, какъ было до сихъ поръ, а цѣликомъ. Къ сожалѣнію, это «первое русское изданіе» много содержитъ погрѣшностей противъ оригинала и весьма далеко отъ совершенства. Обратимся сначала къ содержанію «Россіи и русскихъ» и начнемъ съ изданія «Общественной Пользы», которому, въ сравненіи съ изданіемъ г. Балицкаго, слѣдовало бы отдать предпочтеніе, если бы оно содержало полный переводъ «La Russie et les russes».

«Записки изгнанника» представляютъ собою I часть I тома парижскаго изданія «La Russie et les russes» (1847 г., 1—208 стр.). Первая глава содержитъ «Взглядъ на положеніе Европы до войны съ Россіей», вторая—охватываетъ «Войну 1812 года», третья глава посвящена «Событіямъ 1813—1814 г.» четвертая и пятая—заняты «Вѣнскимъ конгрессомъ» и «Событіями 1815 г.», наконецъ, главы VI и VII содержатъ описаніе «Пребыванія» автора «въ Россіи съ 1816 по 1824 г.» и за границей съ «1824 г.» Эпизодъ отчасти посвященъ разбору «обвиненій», предъявленныхъ русскимъ правительствомъ къ Н. И. Тургеневу, частью—воспоминанію о «фактахъ, доказывающихъ, что, несмотря на отсутствіе истинной цивилизаціи, и въ Рос-

си, какъ и въ другихъ странахъ, проявляются иногда въ полномъ блескѣ благородныя качества человѣческой души». Въ изданіи «Общественной Пользы» пункты обвиненій къ Тургеневу не приведены, а потому мы беремъ ихъ изъ изданія г. Балицкаго (стр. 180, вып. 5-й).

«Я приведу цѣликомъ, — говоритъ авторъ, — обвинительные пункты, которыми было мотивировано мое осужденіе, въ томъ видѣ, какъ они находятся въ приговорѣ верховнаго суда». «Въ этомъ приговорѣ сказано, — продолжаетъ Тургеневъ, — что я обвиненъ и уличенъ: 1) въ принадлежности къ обществу, которое имѣло своею цѣлью возмущеніе; 2) въ причастности къ образованію общества, 3) въ причастности къ возстановленію общества, 4) въ участіи въ совѣщаніяхъ общества, 5) въ привлеченіи въ общество членовъ, 6) въ сочувствіи стремленіямъ ввести въ Россіи республиканскій образъ правленія». Въ своихъ оправдательныхъ запискахъ Николай Ивановичъ «съ полной очевидностью» доказалъ абсурдность предъявленныхъ къ нему обвиненій, но рѣшеніе суда было непреклонно. Авторъ задаетъ себѣ вопросъ: что же заставило судей остаться при своемъ прежнемъ (до прочтенія его 3-хъ оправдательныхъ записокъ) рѣшеніи? «Невозможно предположить, чтобы хоть одинъ изъ нихъ, прочтя мои записки, остался при прежнемъ убѣжденіи!» восклицаетъ авторъ. Дѣйствительно, «ни одно изъ тайныхъ обществъ, о которыхъ упоминается въ донесеніи слѣдственной комиссіи, никогда не имѣло цѣлью — возмущеніе», причастнымъ къ образованію общества «я не могъ быть», говоритъ Тургеневъ: «такъ какъ, когда я вступилъ въ него, оно было уже основано», «причастнымъ къ возстановленію общества я не могъ быть потому, что этому обвиненію противорѣчатъ факты, находящіеся въ донесеніи, и позже самъ обвинитель отказался отъ него» и т. д., и вотъ онъ дѣлаетъ предположеніе такого рода (и справедливое), что причины его осужденія — «упорное недоброжелательство» по отношенію къ нему, вызванное «лишь злымъ преслѣдованіемъ идей и принциповъ» (авторъ — ярый антикрѣпостникъ), которые онъ исповѣдывалъ, а также «великая тайна человѣческаго духа, объясняющая столько совершенно необъяснимыхъ другими причинами вещей», именно: «человѣкъ никогда не прощаетъ другому того зла, которое онъ ему сдѣлалъ; произнесшіе мой приговоръ, понявъ и почувствовавъ свою несправедливость, не только не были расположены признаться въ ней», говоритъ онъ на 164 стр., «но, напротивъ, они стали упорствовать, выискивать предлоги, извиненія передъ собственною совѣстью, а въ особенности доказательства, сами по себѣ не имѣющія значенія, но годныя, чтобы пустить пылъ въ глаза». «Впрочемъ, — говоритъ далѣе Тургеневъ: — есть, быть можетъ, болѣе прямая и дѣйствительная причина несправедливаго ко мнѣ отношенія и упорства, съ которымъ меня преслѣдовали», и эта причина заключается, по его мнѣнію, «въ недостаткѣ цивилизаціи страны (т. е. Россіи) и отдѣльныхъ лицъ. Дикій человѣкъ не понимаетъ, зачѣмъ въ хорошо организованныхъ государствахъ окружаютъ судопроизводство столькими формальностями и обвиненныхъ столькими гарантиями; для него самая простая и скорая форма суда будетъ казаться наилучшей: варварству свойственно мало цѣнить человѣческую жизнь».

Отъ «Записокъ», представляющихъ лишь часть труда Н. П. Тургенева, обратимся къ «Библіотекѣ декабристовъ».

Содержаніе II вып. «Библіотеки» почти тождественно съ «Записками изгнанника» — разница только та, что въ немъ находятся 2 главы изъ «Оправдательной записки» Тургенева и помѣщена вмѣсто предисловія біографія и характеристика автора подъ заглавіемъ: «Образецъ чловѣка» и «Письмо къ императору Александру II» А. И. Герцена, написанное послѣднимъ по поводу изданія книги барона Корфа. Что же касается V вып. «Библіотеки», то пока содержанія его касаться не будемъ, такъ какъ въ него вошло пока лишь нѣсколько главъ II т. «La Russie et les russes», а остановимся на исполненіи самаго перевода.

Переводъ «Россіи и русскихъ» въ изданіи «Библіотеки декабристовъ» требуетъ многихъ улучшеній какъ со стороны вѣрности передачи и стилия, такъ и возстановленія многочисленныхъ пропусковъ. Разумѣется, прослѣдить оба выпуска и даже одинъ страница за страницей чрезвычайно трудно, поэтому ограничимся указаніемъ пропусковъ лишь въ нѣсколькихъ главахъ I части (II вып. «Библіотеки»).

На стр. 17 послѣ словъ: «Францискъ II былъ такъ же безучастенъ къ участи Гофера...» пропускъ: «доблестнаго вожди тирольскаго возстанія». На той же страницѣ послѣ фразы: «При всей своей безнадежности эти попытки Пруссіи, столь слабой и придавленной въ то время, все же показываютъ, что національное чувство не совсѣмъ умерло въ сердцахъ ея дѣтей, и обѣщаютъ ей вѣрное и славное возстановленіе въ будущемъ», пропущено о томъ, что вся остальная Германія образовала Рейнскій союзъ. На той же страницѣ относительно чиновниковъ, посланныхъ въ Вестфалію Франціей, передано не совсѣмъ точно, а именно, вмѣсто: «Положеніе населенія королевства Вестфаліи было болѣе всего невыносимо: оно скорѣе предпочло бы добровольное присоединеніе къ Франціи, чѣмъ быть эксплуатированнымъ въ видѣ отдѣльнаго государства. Хотя справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторые французы тамъ заслужили общее уваженіе. Я вспоминаю министра Симеона, одного изъ назначенныхъ императоромъ при своемъ братѣ Жеромѣ», — слѣдовало бы приблизительно такъ передать: «Населеніе, вошедшее въ составъ новаго Вестфальскаго королевства, оказалось въ самомъ невыносимомъ положеніи. Для него было бы лучше, если бы страна была открыто присоединена къ Франціи, какъ провинція, а не была бы эксплуатирована, какъ чужое королевство. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что нѣкоторые французы сумѣли заслужить всеобщее уваженіе. Въ средѣ чиновниковъ, назначенныхъ императоромъ при своемъ братѣ Жеромѣ, имя министра Симеона всегда вспоминается мнѣ, какъ имя вполнѣ достойнаго чловѣка. Чужой въ странѣ, во симпатизирующей населенію въ его мысляхъ и стремленіяхъ, я могъ только уважать чловѣка, котораго они уважали, о которомъ говорили съ чувствомъ особеннаго почтенія (см. 4 стр. «Записокъ»). Далѣе, на стр. 18, послѣ фразы: «Новое правительство (въ Неаполѣ) тамъ повнилось больше прежняго и ужъ во всякомъ случаѣ о послѣднемъ не сожалѣли» пренущено: «Извѣстно, что Мюратъ стремился къ нѣкоторой независимости. Онъ хотѣлъ, какъ гово-

рили, стать королемъ на томъ же основаніи, на какомъ Наполеонъ сталъ императоромъ, т. е. по праву побѣдителя» (ibid 4 стр.). На стр. 19 послѣ словъ о томъ, что «многіе генералы сообща обратились къ императору съ просьбой замѣнить Барклая Кутузовымъ, только что заключившимъ миръ съ Турціей послѣ небезславной войны», пропущено о томъ, что «при отъѣздѣ изъ арміи Барклай едва не сталъ жертвой народной ненависти». Затѣмъ тутъ же спустя нѣсколько строкъ снова пропускъ, а именно, сказано: «впослѣдствіи предубѣжденіе противъ Барклая исчезло: несомнѣнно, онъ одинъ во всей Россіи осмѣлился передъ Александромъ порицать военныя поселенія», слѣдовало бы: «Но общество, которое даже въ Россіи не бываетъ долго несправедливымъ, современемъ отказалось отъ своего предубѣжденія противъ Барклая. Военные сумѣютъ оцѣнить заслуги его, какъ генерала, а люди безпристрастные отдадутъ дань движенія его неподкупности и прямотѣ характера. Барклаю-де-Толли не будетъ отдано должное, если я ограничу сказаннымъ свою оцѣнку этого замѣчательнаго человѣка. Всѣ русскіе, звающіе, какой ужасный вредъ приносили ихъ родинѣ военныя поселенія, должны быть признательны человѣку, который одинъ во всей Россіи осмѣлился порицать передъ государемъ это безсмысленное и жестокое учрежденіе» («Записки» 9 стр.). Далѣе, на той же страницѣ сказано, что священникъ былъ лишень сана; слѣдуетъ лучше: «епископъ». На стр. 23—24 фразу: «потомъ я докажу, что русскіе рабы не такъ принижены, какъ думаютъ о нихъ въ Европѣ» — слѣдуетъ передѣлать такъ: «русскіе рабы не такъ низко пали, какъ думаютъ въ Европѣ», ибо ничего горше «приниженности» русскаго раба не было: захотѣли—высѣкли, повравился пестъ — обмѣнивали его на раба. На стр. 24-й, кромѣ того, пропущена весьма характерная для опредѣленія Кутузова фраза: «фельдмаршалъ Кутузовъ, бывшій всю свою жизнь такимъ льстецомъ, говорятъ, совершенно перемѣнился, когда увидѣлъ, что его провозглашаютъ спасителемъ отечества» (послѣ того, какъ закончилась кампанія, послѣ переправы французовъ черезъ Березину).

Вообще пропусковъ въ разсматриваемомъ изданіи очень много, вслѣдствіе чего попадаютъ иногда даже курьезы. Такъ, на стр. 53 указано: «см. письмо Карамзина къ императору въ концѣ I т.», а въ концѣ ничего нѣтъ. Кромѣ того, къ числу недостатковъ надо отнести и то, что въ изданіи «Библиотеки декабристовъ» не переведены нѣсколько отдѣльныхъ очерковъ, приложенныхъ Тургеневымъ къ I т. французскаго оригинала, каковы, напр., очерки о Штейнѣ, о Поццо-ди-Борго и т. п.

Что касается внѣшняго вида разсматриваемыхъ выпусковъ «Библиотеки декабристовъ», то надо отдать полную справедливость: книги изданы хорошо и цѣна не высока (по 80 коп. за выпускъ).

Я. Вирюковъ.

В. В. Каллашъ. «Записки путешествія въ Сибирь» А. Н. Радищева. Спб. 1907.

Неизданныя до сихъ поръ «Записки» Радищева о путешествіи въ Сибирь, этого убѣжденнаго борца за свободу (1790—92), появились въ четвертой книгѣ «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности» академіи наукъ, и до сихъ поръ о нихъ извѣстно было только по двумъ упоминаніямъ: въ книгѣ В. Мякотина «Изъ исторіи русскаго общества» (1902) и въ предисловіи Павлова-Сильванскаго къ «Путешествію» Радищева (1905). В. Каллашъ печатаетъ ихъ по копіи начала XIX вѣка, хранящейся въ историческомъ музеѣ въ Москвѣ, копіи довольно неисправной и неполной. Вторая половина рукописи, продолженіе «Записокъ» (описанъ путь Радищева уже изъ Сибири въ 1797 году), будетъ издана особо. «Записки» имѣютъ форму дневника, написаны были, очевидно, не для печати, въ видѣ краткихъ замѣтокъ для памяти, и это одно увеличиваетъ цѣнность ихъ, какъ всякаго рода «чистосердечныхъ признаній» XVIII вѣка, даже безъ отношенія къ интересу самаго путешествія, наблюдательности автора, его замѣчаній къ географическимъ, этнографическимъ и экономическимъ вопросамъ, упоминаній о другихъ ссыльныхъ и т. д. Въ краткомъ предисловіи издатель справедливо опредѣляетъ цѣнность «Записокъ» для характеристики и для біографіи Радищева въ томъ смыслѣ, что «изъ-за краткихъ замѣтокъ невольнаго путешественника передъ читателемъ ярко вырисовывается необыкновенно свѣтлый и пытливый умъ убѣжденнаго народолюбца, котораго не могли сломить ни ужасы тогдашняго слѣдствія и суда, ни ссылка въ Сибирь». Приходится только сожалѣть, что въ имѣющейся до сихъ рукописи не сохранились замѣтки о послѣднихъ дняхъ путешествія, до Илимска, мѣста ссылки Радищева.

А. Я.

Н. К. Пиксановъ. Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ. Спб. 1906.

Напечатанный въ академическихъ «Извѣстіяхъ» по отдѣлу русскаго языка и словесности и вышедшій отдѣльнымъ оттискомъ очеркъ Н. Пиксанова, по словамъ автора, имѣетъ опредѣленную задачу: «снять съ памяти Бестужева несправедливыя нареканія и собрать разсѣяныя въ біографической литературѣ данныя о дружбѣ Грибоѣдова съ Бестужевымъ». Цѣль такой реабилитаціи одного изъ участниковъ катастрофы 1825 года основывается на заявленіи декабриста Завалишина, что Грибоѣдовъ былъ арестованъ и привлеченъ къ слѣдствію въ 1826 г. въ силу показаній Бестужева, почему большинство біографовъ автора «Горе отъ ума» склонны были видѣть въ дружбѣ Бестужева извѣстную долю лицемерія. Интересный самъ по себѣ, написанный на основаніи обширнаго матеріала (въ статьѣ П. Щеголева «Грибоѣдовъ и декабристы») приводится показаніе Бестужева, дѣйствительно сбивчивое и обнаруживающее желаніе его «выгородить» Грибоѣдова, очеркъ Н. Пиксанова все-таки не разрѣшаетъ сомнѣній читателя. Такіе приемы, какъ «чтеніе въ сердцахъ»,

вообще мало надежны, и за массой фактовъ, а главное словъ, говорящихъ, быть можетъ, о самой восторженной дружбѣ между обоими писателями,—осторожный изслѣдователь не увидитъ сути, какъ за деревьями не разглядитъ лѣса. «Искренность тона», которую авторъ находитъ, напр., въ статьѣ Бестужева «Знакомство мое съ Грибоѣдовымъ»,—понятіе необыкновенно эластичное и во всякомъ случаѣ субъективное. Вотъ почему трудно спорить, и остается только повторить высказанное раньше замѣчаніе о цѣнности очерка въ всякихъ реабилитирующихъ цѣляхъ.

И. А.

Критическая литература о произведеніяхъ графа А. К. Толстого. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Составилъ Н. Денисюкъ. Вып. I-II. М. 1907.

Въ силу условій русской жизни наша литература являлась каведрой, съ которой постоянно раздавалось учительское слово, она была единственной защитницей общества. А потому отъ поэта прежде всего требовали отзывчивости къ общественнымъ нуждамъ и горестямъ, ему легко прощались недостатки чисто художественные, но индифферентизма къ общественнымъ вопросамъ никогда не прощали, какъ бы и значителенъ ни былъ талантъ писателя. Въ силу этого случилось то, что нѣкоторые поэты, обладая крупнымъ талантомъ, но отодвинувшіе отъ своей поэзіи общественныя задачи, не пользовались уваженіемъ общества, сдѣлались «забытыми». Только впоследствии, когда на нихъ можно было посмотреть въ исторической перспективѣ, выступила необходимость въ переоцѣнкѣ ихъ литературной дѣятельности. Послѣ долгаго равнодушія къ графу А. Толстому у насъ теперь только обнаруживается повышеніе къ нему интереса, издается полное собраніе сочиненій, появляются статьи, стремящіяся оцѣнить творчество поэта. Въ такое время весьма кстати появился трудъ г. Денисюка, который собралъ въ одинъ сборникъ критическія статьи о графѣ А. Толстомъ.

По сравненію съ имѣющимися уже у насъ сборниками статей о другихъ писателяхъ, трудъ г. Денисюка имѣетъ одно достоинство. Составитель не пошелъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ въ этой области, г. Зелинскаго и г. Покровскаго, и не разбивалъ статьи на части, а помѣстилъ ихъ цѣликомъ, съ выпускомъ лишь малозначащихъ мѣстъ. Для тѣхъ же, кто пожелалъ бы узнать мнѣніе критики о какомъ-либо одномъ произведеніи, составитель далъ указатель, гдѣ отмѣтилъ тѣ статьи и страницы, на которыхъ можно найти требуемыя свѣдѣнія. Такимъ образомъ онъ избѣжалъ того хозяйничанья въ статьяхъ, которое позволяютъ себѣ г. Зелинскій и г. Покровскій, разбивая ихъ на части. Что касается недостатковъ сборника, то они заключаются въ слѣдующемъ. «Изъ немногочисленной литературы о графѣ А. Толстомъ,—говоритъ г. Денисюкъ,—я выбралъ все, что заслуживаетъ вниманія современнаго читателя и представляетъ литературную цѣнность съ объективной точки зрѣнія.» Но на самомъ дѣлѣ составитель сдѣлалъ досадный промахъ. Въ сборникѣ нѣтъ двухъ весьма интересныхъ статей г. Котлярев-

скаго: «Историческіе мотивы въ стихотвореніяхъ графа А. Толстого» и «Трилогія графа А. Толстого какъ національная трагедія», нанечатанныхъ не такъ давно въ нашихъ журналахъ.

Сборнику предшествуетъ обширный, на трехъ печатныхъ листахъ, біографическій очеркъ графа А. Толстого, написанный самимъ составителемъ. Этотъ очеркъ не отличается особенной обстоятельностью и полнотой: авторъ въ самыхъ общихъ чертахъ нарисовалъ жизнь поэта. Но, принимая во вниманіе, что мы не имѣемъ болѣе или менѣе обстоятельной біографіи графа А. Толстого, приходится благодарить г. Денисюка и за то, что онъ сдѣлалъ. Не ограничиваясь только рамками біографіи, авторъ даетъ и общую характеристику творчества писателя и обрисовываетъ его историческое значеніе. Здѣсь г. Денисюкъ касается весьма интереснаго вопроса о міросозерцаніи графа А. Толстого. Авторъ рѣшительно возстаеъ противъ причисленія поэта къ славянофиламъ и въ то же время указываетъ, почему онъ не можетъ быть причисленъ вполне и къ западникамъ, выясняя точки соприкосновенія и разногласія между писателемъ и этими господствующими теченіями русской мысли. По мнѣнію г. Денисюка, графъ А. Толстой это—совершенно оригинальная, самобытная личность. Онъ не могъ въ силу своей душевной природы примкнуть къ какой-либо доктринѣ. Уйдя въ міръ поэзіи, вышше какъ бы игнорируя общественныя задачи, за что ожесточенно нападала на него критика, графъ А. Толстой, по указаніямъ автора, постоянно стремился осуществить свою общественную стойкость, былъ гражданиномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Г. Денисюкъ подтверждаетъ это примѣрами, характеризующими благородство, отзывчивость графа А. Толстого, какъ общественной единицы. Г. Денисюкъ приходитъ къ такому выводу «Можно по разному оцѣнивать общественное значеніе графа А. Толстого—говорить онъ:—но нельзя отказать этому честному, благородному и талантливому писателю въ полномъ уваженіи. Если графъ А. Толстой не примкнулъ къ лѣвымъ, не сталъ на сторону оппозиціоннаго демократизма и революціоннаго романтизма, то нельзя и считать его сторонникомъ официальнаго либерализма, апологетомъ самовластия и произвола».

Очеркъ г. Денисюка, какъ въ біографической, такъ и критической части, не представляя особой цѣнности, не являясь солиднымъ вкладомъ въ литературѣ о графѣ А. Толстомъ, все-таки представляетъ интересъ и имѣетъ извѣстное значеніе.

А. Фоминъ

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ V. Повременное изданіе комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1907.

Первою статьею въ настоящемъ пятомъ выпускѣ академическаго изданія «Пушкинъ и его современники» помѣщена статья А. П. Кадлубовскаго: «Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина», въ которой авторъ, остановившись, главнымъ образомъ, на выясненіи вліянія вольтеровской комедіи «Le droit

du Seigneur» въ изображеніи Татьяны въ «Евгеніи Онѣгинѣ», даетъ, между прочимъ, такое заключеніе: «Несомнѣнно, Вольтеръ сыгралъ крупную роль въ воспитаніи у Пушкина, — какъ и вообще въ русской литературѣ и обществѣ, — чувства уваженія къ человѣческому достоинству; но чуткій Пушкинъ пошелъ дальше учителя... Умѣя находить благодарные мотивы для своей творческой дѣятельности даже во второстепенныхъ литературныхъ произведеніяхъ, онъ своею самостоятельною обработкою возводилъ эти мотивы «до перловъ созданія».

Въ слѣдующей статьѣ: «Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневникъ», (1831—1832) Н. К. Пиксановъ, на основаніи пушкинскихъ бумагъ Публичной библіотеки и новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ неизданныхъ писемъ Н. И. Греча, подробно рисуетъ всю исторію продолжительныхъ хлопотъ Пушкина по изданію собственной газеты, исторію, которая до сихъ поръ была мало затронута изслѣдователями. Въ статьѣ: «Шесть уязвленныхъ мѣстъ», Д. Ѳ. Кобеко сообщаетъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о слѣдующихъ однокуреникахъ Пушкина: П. Н. Ржевскомъ, Н. А. Корсаковѣ, В. К. Кюхельбекерѣ, К. Д. Костенскомъ, А. А. Дельвигѣ и П. Ѳ. Саврасовѣ, умершихъ равнѣ его. Проф. Е. А. Бобровъ въ статьѣ: «А. И. Полежаевъ объ А. С. Пушкинѣ», не соглашаясь съ высокою оцѣнкой А. Н. Пыпинымъ полежаевскаго таланта, усматриваетъ въ поэзій Полежаева гораздо больше слѣдовъ влияния пушкинской музы ранняго періода, чѣмъ это дѣлали до него, и въ общемъ даетъ наиболѣе точную характеристику произведеній А. И. Полежаева. Слѣдующія статьи, имѣющія характеръ мелкихъ замѣтокъ, принадлежатъ: В. В. Каллашу — «Замѣтки о Пушкинѣ. I. Къ литературной исторіи двухъ мнимыхъ стихотвореній Пушкина. II. Поэтическіе отголоски дружескихъ отношеній Пушкина, В. И. Саввѣ и Б. М-ому — «Замѣтка о Пушкинѣ, изъ дневника Е. С. Телепневой 1827—1828 гг.» и В. И. Чернышеву — «Пушкинъ и Радищевъ», «Иѣсны Варлаама» и «Замѣтки о знакахъ препинанія у Пушкина».

Въ заключеніе находимъ «Дельвигъ и Пушкинъ». Письмо А. И. Марковой-Виноградской (Кернъ) къ П. В. Анненкову». Тутъ же помѣщены силуэтъ, сдѣланный въ 1825 г., и портретъ (миніатюра 1840-хъ годовъ) А. И. Кернъ. Выпускъ, кромѣ того, снабженъ именнымъ указателемъ. В. Р-въ.

Ивановъ-Разумникъ. Что такое «Махаевщина»? Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб. 1908.

Г. Ивановъ-Разумникъ, только недавно выступившій въ нашу литературу съ такимъ трудомъ, который сразу далъ ему имя, — «Исторіей русской общественной мысли», не ограничивается изученіемъ нашихъ общественныхъ и умственныхъ теченій прошлаго, но, какъ видно по настоящей книгѣ, чутко прислушивается и къ только что зародившимся теченіямъ въ обществѣ. Недавно у насъ выступила такъ называемая «махаевщина», главными представителями которой являются г. Вольскій въ своемъ трудѣ — «Умственный рабчій» и г. Лозинскій въ книгѣ — «Что же такое, наконецъ, интеллигенція?». «Махаевщина» сосредоточиваетъ главное свое вниманіе на критикѣ социа-

лизма и на выясненіи вопроса, что такое интеллигенція, какова ея социальная и этическая цѣнность. Критикуя, съ одной стороны, социализмъ, еще со времени Чернышевскаго представляющій самое вліятельное теченіе въ исторіи русской общественной мысли, съ другой—затрагивая такой интересный вопросъ, какъ вопросъ о томъ, что такое интеллигенція, занимавшій нашу мысль и литературу отъ Писарева до современнаго марксизма, «махаевщина» представляетъ для историка нашей общественной мысли большой интересъ, совершенно независимо отъ цѣнности «махаевщины». Какова бы ни была ея цѣнность, историкъ общественныхъ теченій и идей обязанъ изучать ее и оцѣнить. До сихъ поръ у насъ не появлялось обстоятельной критики «махаевщины». Это обстоятельство придаетъ особый интересъ работѣ г. Иванова-Разумника, который даетъ въ ней критическую оцѣнку «махаевщины». Въ своемъ трудѣ «Исторія русской общественной мысли» г. Ивановъ-Разумникъ обнаружилъ широкую образованность и обширную эрудицію. Это обнаружилось и на его критикѣ «махаевщины». Г. Ивановъ-Разумникъ не оставилъ безъ серьезной критики ни одного положенія «махаевщины» и блестяще раскрылъ тѣ внутреннія противорѣчія, которыя заложены въ ней, незнакомство ихъ представителей съ нѣкоторыми основными научными выводами. вмѣстѣ съ критикой «махаевщины» г. Ивановъ-Разумникъ даетъ опредѣленіе интеллигенціи и развиваетъ свои взгляды на этотъ вопросъ, высказанные имъ въ предисловіи къ «Исторіи русской общественной мысли», обнаруживая внѣсловное и внѣклассовое строеніе интеллигенціи. Въ всякаго сомнѣнія, въ лицѣ г. Иванова-Разумника наши умственные и общественныя теченія прошлаго и настоящаго встрѣтили очень опаснаго и серьезнаго критика, обладающаго обширными знаніями и недюжинными критическими способностями. А. Ф-нъ

**Владиславъ Максимовъ. Литературные дебюты Н. А. Некрасова.
Выпускъ I. Спб. 1908**

Начало литературной дѣятельности Некрасова, въ которомъ, кажется, одинъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ недоброжелательнаго отношенія къ нему критики, до сихъ поръ покрыто какимъ-то туманомъ. Авторская карьера Некрасова не шла широкой, свѣтлой дорогой, и къ усѣху и признанію онъ шелъ извилистыми тропинками, медленно, подолгу задерживаясь на какихъ-то жалкихъ задворкахъ литературы, тратя свои силы на макулатурныя сказки, романы и водевили, о которыхъ потомъ самъ не любилъ вспоминать. Насилуя себя, работая часто не подъ приливомъ вдохновенія, а ради куска хлѣба, хватаясь за заказныя темы, Некрасовъ умѣлъ писать удивительно плохо. Едва ли у какого-нибудь другаго поэта такъ велика разница между худшимъ и лучшимъ. Этой первой порой авторства Некрасова занялся г. Максимовъ—съ цѣлью «восполнить одинъ изъ многочисленныхъ пробѣловъ критической литературы о Некрасовѣ, отсутствіе подробнаго анализа литературныхъ дебютовъ поэта». Въ книгѣ четыре главы. Одна посвящена обзорнѣю, какъ стоитъ въ критикѣ много разъ поднимавшійся вопросъ объ эстетической цѣнности литературнаго

наслѣдія Некрасова; другая—критическому анализу его перваго сборника «Мечта и Звуки»; третья—его драматическимъ опытамъ, а въ четвертой помѣщены нѣсколько его юношескихъ произведеній, частью еще не напечатанныхъ. Самостоятельнаго у г. Максимова мало, и собственныхъ воззрѣній его на предметъ мы не видимъ, за исключеніемъ самаго общаго благопріятнаго отношенія къ Некрасову. Книга его цѣнна какъ недурно составленный конспектъ цѣлаго рода критическихъ отзывовъ о Некрасовѣ и какъ матеріаль. Тѣмъ менѣе простиительно ему пренебреженіе къ библиографіи, которая носитъ у него характеръ неспетематическій и случайный. Полная критическая библиографія была бы гораздо важнѣе пересказа своими словами разныхъ пустячныхъ рецензій. Вѣдность біографическихъ данныхъ и невыясненіе общественной обстановки также вредятъ «изученію творчества Некрасова въ извѣстной исторической перспективѣ», и книга не даетъ яснаго облика Некрасова-дебютанта. Книга холодна и безвкусна; это, впрочемъ, не мѣшаетъ ей быть интересной по матеріалу, который, конечно, пригодится и не останется безъ изслѣдованія.

Н. Л.

**Проф. А. Трачевскій. Новая исторія. Томъ II. 1750—1848.
Спб. 1908.**

Въ своей книгѣ проф. Трачевскій на протяженіи 716 страницъ даетъ очеркъ событій съ половины XVIII в. и до половины XIX (1750—1848 гг.). Такой объемъ книги выдѣляетъ ее изъ ряда обыкновенныхъ учебниковъ и приближаетъ ее къ типу нѣмецкихъ компендіумовъ. Книга состоитъ изъ пяти отдѣловъ: III (I и II входятъ въ составъ I тома), Просвѣщеніе и преобразованія, стр. 1—130; IV, Великая революція, стр. 130—268; V, Наполеонъ Бонапартъ, стр. 269—409; VI, Реакція и либерализмъ, стр. 409—520; VII, Июльская революція и буржуазія, стр. 520—716. Въ каждомъ отдѣлѣ авторъ касается исторіи почти всѣхъ западно-европейскихъ государствъ, не исключая и самыхъ мелкихъ.

Новый трудъ проф. Трачевскаго отличается такими же достоинствами и недостатками, какъ и другія его работы подобнаго рода. Авторъ повнималъ задачу своего труда очень широко и стремился сказать въ своей книгѣ по возможности о всѣхъ сторонахъ исторической жизни. Онъ говоритъ и о внѣшней политикѣ—походахъ, битвахъ, и о внутренней—реформахъ государственнаго и общественнаго строя, политическихъ переворотахъ, дѣлаетъ очерки политическихъ и социальныхъ ученій, попутно затрагиваетъ исторію научныхъ теченій, журналистики, литературы и философіи, касается и исторіи экономическаго быта. Стремясь сказать обо всемъ, авторъ неизбѣжно долженъ былъ о многомъ говорить мимоходомъ или недостаточно полно. Въ § 159 (стр. 5—10), напр., озаглавленномъ «Монтескье и Вольтеръ», первому посвящено всего 9 строкъ и очень кратко и туманно изложены политическія идеи второго, между тѣмъ какъ подробно описываются его наружность, образъ жизни, сношенія съ европейскими монархами и т. п. Иногда, наоборотъ, онъ

вдается въ излишнія подробности; говоритъ, напр., о различныхъ направле-
 нияхъ въ протестантской богословской наукѣ (стр. 632), объ отношеніи Ге-
 геля къ протестантизму (стр. 433), или описываетъ обмундированье наполео-
 новскихъ солдатъ (стр. 321—322). Авторъ остался также вѣренъ своей
 манерѣ рисовать картины прошлаго, вмѣсто того, чтобы подвергать его ана-
 лизу. Поэтому ему не удается уловить среди прихотливой и разнообразной
 смѣны событій болѣе глубокія и постоянныя причины ихъ; связь между
 главнымъ движущимъ нервомъ эпохи и частностями устанавливается имъ
 чисто внѣшнимъ образомъ. Гораздо лучше удались автору характеристики
 отдельныхъ лицъ, имѣющія цѣлью обрисовать ихъ идейный обликъ или даже
 нарисовать ихъ портретъ, такъ какъ онъ не ограничивается психологіей
 историческихъ дѣятелей, но присоединяетъ къ этому описаніе ихъ наруж-
 ности, образа жизни, домашней обстановки и т. п. Попытки въ этомъ родѣ
 довольно многочисленны, и, можно сказать, нѣтъ ни одного крупнаго дѣя-
 теля, наружность котораго не была бы описана. Вообще біографическій эле-
 ментъ занимаетъ въ его книгѣ видное мѣсто.

Можно указать еще рядъ недочетовъ. Встрѣчаются иногда пропуски: не
 упоминается о вторичномъ приглашеніи Неккера на службу, хотя говорится
 объ его первой отставкѣ и дѣятельности при созывѣ генеральныхъ штатовъ.
 Нерѣдки также повторенія: о Ламеннѣ рѣчь идетъ въ трехъ мѣстахъ, о Ге-
 гель—въ двухъ, на стр. 673 приводится цитата изъ прощальной рѣчи Пилы
 въ англійскомъ парламентѣ, и она же повторяется на стр. 692. Встрѣчаются
 неудачныя выраженія: на стр. 64 «музыканили», или «пасторы и ихъ овцы
 переселились въ Америку» (стр. 632).

Но эти недочеты не уменьшаютъ извѣстныхъ достоинствъ книги. Напи-
 сана она яснымъ и живымъ языкомъ, не лишеннымъ, впрочемъ, мѣстами
 нѣкоторой цвѣтистости, иногда потугъ на оригинальность (наименованіе
 Наполеона I «шахиншахомъ»), а мѣстами излишней слащавости, особенно,
 когда рѣчь заходитъ о народѣ. Книга богата также фактическимъ матеріа-
 ломъ, умѣло подобраннымъ: эпоха, которой посвященъ настоящій томъ, была
 предметомъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій проф. Трачевскаго, а также
 его многолѣтнихъ университетскихъ чтеній.

П. Я.

Очевидецъ. Галицкая Русь прежде и нынѣ. Спб. 1907.

Составленный уроженцемъ Галиціи, историкомъ и знатокомъ русско-поль-
 скихъ отношеній, настоящій очеркъ даетъ живое и популярное изложеніе
 судебъ трехмилліоннаго русскаго населенія Галиціи. Какъ извѣстно, поляки
 Галиціи составляютъ ядро самыхъ ревностныхъ приверженцевъ австрійскаго
 правительства. Въ благодарность за конституцію они ведутъ себя, какъ
 надежнѣйшая опора Габсбургской монархіи. Ихъ строгая лояльность и слу-
 женіе правительственнымъ интересамъ были вознаграждены сторицею: вся
 Галиція отдана въ ихъ руки. На стражѣ польскихъ интересовъ стоитъ осо-
 быи министръ для Галиціи—полякъ. Намѣстникъ Галиціи, маршалъ област-

ного сейма—поляки; почти всё высшія административныя должности заняты ими же. Результаты все захватывающаго польскаго господства теперь налицо.

Поляки не задавались цѣлью улучшенія политическихъ и социальныхъ условій жизни мѣстнаго населенія. Русское крестьянство бѣднѣетъ все болѣе и болѣе и принуждено эмигрировать въ значительномъ числѣ. Просвѣдительнымъ задачамъ русской интеллигенціи власти ставятъ только ненужныя раздражающія препятствія. Мечты поляковъ—другія; онѣ выражаются въ томъ, чтобы добиться отдѣленія Галиціи отъ Австріи, подобно Вонгріи, съ самостоятельнымъ польскимъ правительствомъ, — автономія Галиціи должна послужить первымъ шагомъ къ восстановленію старой Польши. Г. Очевидецъ приводитъ нѣсколько заявленій вліятельной польской печати на эту тему; наиболѣе характерными являются откровенія газеты «*Slowo Polskie*», заявляющей, что «поляки не потерпятъ правового политическаго равенства между поляками и русскими въ Галиціи, такъ какъ для Руси, въ упомянутомъ значеніи, здѣсь нѣтъ мѣста; здѣсь есть только Польша, или, точнѣе, часть Польши, которой принадлежатъ земли, заселенныя преимущественно нашимъ народомъ».

Мы не можемъ привести всѣхъ мелкихъ фактовъ, которыми авторъ очерка иллюстрируетъ безправіе и забитость русскаго населенія Галиціи. Ожесточенная борьба русскихъ съ поляками за университетъ, гимназіи, за улучшеніе быта крестьянства, за русскій языкъ—всему г. Очевидецъ посвящаетъ нѣсколько содержательныхъ фактами главъ. Изображая польскій гнетъ, авторъ вообще мало прибѣгаетъ къ разсужденіямъ, ставя на первомъ планѣ фактическое содержаніе. Общій выводъ формулируется имъ словами, что «Галицкая Русь, это страна, которая должна привлекать къ себѣ взоры всего русскаго міра по разнымъ важнымъ вопросамъ. Вопросы эти не могутъ быть для русскаго гражданина безразличны, особенно въ ту пору, когда державная Русь сама переживаетъ эпоху великихъ реформъ. Галицкая Русь это—микрокосмъ, въ которомъ сосредоточилась вѣковая борьба двухъ элементовъ: русскаго и польскаго, и двухъ теченій: восточнаго и западнаго. Борьба эта, несмотря на то, что измѣнились первоначальныя отношенія двухъ борющихся сторонъ, продолжается на галицкой территоріи и ведется все болѣе ожесточенно. Вѣковые (— ой) антагонизмы (— змъ), національные и религіозные, ожили (— лъ) со всей силой, и подъ ними (— мъ) господствуетъ одно стремленіе — создать Польшу въ границахъ Ягеллоновъ «od morza do morza съ Литвой и Южной Русью» (стр. 102).

Отсюда задача момента, по мнѣнію автора, это — заботы Россіи «о просвѣщеніи и экономическомъ подъемѣ южно-русскаго и бѣлорусскаго крестьянства», чтобы не повторилась и у насъ печальная судьба русскаго населенія подъ гнетомъ польскаго владычества. Въ началѣ очерка авторъ приводитъ конспективный историческій обзоръ Галиціи до присоединенія ея къ Австріи и рисуетъ проникнутые русофобствомъ взгляды австрійскаго правительства и поляковъ на русскій вопросъ въ продолженіе XIX вѣка. Фактическая сторона и здѣсь составляетъ главное достоинство очерка г. Очевидца.

А. Ядмирскій.

А. А. Берсъ. Естественная исторія чорта. Религіозно-историческое изслѣдованіе. Спб. 1908 г.

Человѣчество не можетъ шагу ступить безъ чорта и поминаетъ его во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни.

А между тѣмъ очень немногіе знакомы съ его біографіей.

Недавно вышедшая въ свѣтъ книга А. А. Берса «Естественная исторія чорта» носитъ вполне научный характеръ изслѣдованія объ его рожденіи, жизни и смерти.

Первоисточники о немъ тройного характера: къ первому авторъ относитъ сказанія Моисея и пророковъ до временъ Христа (около 1500 л. до Р. Х.); ко второму—сказанія Христа и апостоловъ I-го вѣка по Р. Х. и къ третьему—книгу Еноха (въ I вѣкѣ по Р. Х.), римскихъ поповъ и епископовъ...

Въ первой фазѣ своего происхожденія чортъ является простой символизацией грѣха, какъ противоположность совершенства. Это совершенство чловѣка наподобіе Бога и недостижимость его въ настоящее время, благодаря грѣховности нашей натуры (чорта), воплощены въ поэтической символистикѣ о раѣ чловѣка и его паденіи...

Автономнаго чорта, какъ личности и противника Бога, не могло тогда существовать при единоподержавномъ Іеговѣ.

Такъ же поэтически понимали и пророки первобытный грѣхъ и послѣдующіе поступки чловѣка. Паденіе чловѣка обусловлено было имъ самимъ, а не происками чорта, какъ противника Бога...

Библейскія сказанія о разныхъ злыхъ духахъ и бѣсахъ были суетвѣріемъ первобытныхъ народовъ, ничего общаго не имѣющимъ съ чортомъ, какъ реальной личностью. «Сатана у Іова (600 лѣтъ до Р. Х.),—говоритъ авторъ,—вовсе не таковъ, какимъ онъ былъ воспринятъ христіанствомъ, т. е. онъ не противникъ Бога, не самостоятельный князь тьмы и ада, а онъ такой же, какъ и остальные ангелы, сынъ его, такой же исполнитель его велѣній, но только въ дѣлахъ испытанія людей, о которыхъ онъ доносилъ Богу. Сатана временъ Іова—онъ былъ подчиненъ Господу. Но что же сдѣлали въ дальнѣйшемъ богословы, измѣнившіе первоначальный смыслъ наивно-символическаго повѣствованія Іова? Всѣ несчастія, которыя испыталъ Іовъ, стали приписывать самостоятельной волѣ сатаны; его стали считать привносящимъ всякое зло и горе, тогда какъ самъ Іовъ вовсе этого и не говорилъ; напротивъ того, онъ сказалъ: «Господь далъ, Господь и взялъ...» О сатанѣ же, какъ личности, враждующей съ Богомъ, у Іова нѣтъ и помину».

Второе мѣсто въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ упоминается о чортѣ, г. Берсъ находитъ у пророка Захаріи (500 л. до Р. Х.). Послѣдній рассказываетъ о своемъ видѣніи Іисуса Навина. Этому повѣствованію Захарія придалъ такой смыслъ, что сатана, будто бы, обвиняетъ Іисуса Навина, но Господь его оправдываетъ. «Здѣсь виденъ уже нѣкоторый прогрессъ идеи чорта. У Іова онъ только подозрѣваетъ людей въ отсутствіи въ нихъ благочестія; здѣсь же онъ уже форменный доносчикъ, обвинитель, клеветникъ. И все-таки у Захаріи сатана не

самостоятельная личность, не противникъ Бога, а такой же, какъ и у Иова, служебный ангелъ, одинаково доступный Богу, который выслушиваетъ его доносы и кладетъ по нимъ рѣшенія; но только обликъ чорта у Захаріи болѣе очерченъ, чѣмъ у Иова. Нельзя не видѣть какъ у Иова, такъ и у Захаріи, поэтической формы религіознаго сознанія, изображающей справедливость Бога, взвѣшивающаго показанія обѣихъ сторонъ, какъ обвиняющей, такъ и защищающей человѣка».

Третье мѣсто въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ трактуется о чортѣ, находится въ первой книгѣ Паралипоменона и въ Премудростяхъ Соломона. Здѣсь чортъ является подчиненнымъ ангеломъ, но не враждующимъ самостоятельно змѣемъ, какимъ сдѣлала его впоследствии средневѣковая христіанско-церковная догматика.

Сказанія Христа о чортѣ такъ же подтверждаютъ символъ объ упадкѣ человѣка и необходимости возродить его нравственный духъ. Испытаніе Христа чортомъ является примѣромъ того, какъ долженъ поступать человѣкъ въ искушеніяхъ благами міра и властолюбія. Это было назиданіе Христа, а не историческое событіе съ чортомъ. «Онъ пользовался картинными народными повѣртіями, дабы лучше поняли Его, дабы лучше отгѣнить свои мысли о нечестивыхъ людяхъ, о блаженствѣ бѣдныхъ, о мукахъ богатыхъ (Лук. 16, 22) и проч. Точно такъ же картинно изображалъ Христосъ и тьму съ плачемъ и скрежетомъ зубнымъ. Таковъ былъ характеръ и всѣхъ его причтъ. Евангелисты также нигдѣ не проповѣдуютъ о сатаѣ, какъ о реальной личности; для всѣхъ онъ служитъ только средствомъ, какъ у Христа, яснѣе отгѣнить идею добра отъ идеи зла».

Внесеніе въ міръ грѣха чортомъ, подъ видомъ змія, зародилось въ эпоху, непосредственно предшествующую появленію Христа (въ I вѣкѣ до Р. Х.), и олицетворено въ апокрифѣ неизвѣстнаго автора подъ названіемъ «книги Еноха». Этотъ апокрифъ создалъ еврейско-христіанскаго чорта. «Авторъ рассказываетъ то, о чемъ ни Моисей, ни пророки никогда и не помышляли. Въ наивномъ разсказѣ Моисея ангелы сходили на землю къ женщинамъ, родившимъ отъ нихъ исполиновъ, славныхъ людей. Богъ за это ангеловъ не наказывалъ. Въ книгѣ же Еноха этому разсказу объ ангелахъ дается уже совсѣмъ другая окраска; авторъ пишетъ, что 200 ангеловъ спустились съ неба на землю къ женщинамъ, за что и были Богомъ изгнаны на землю и низвергнуты въ бездну тьмы, въ которой они будутъ обрѣтаться до Страшнаго суда. Отъ ихъ же сожитія съ женщинами явились не славные люди (какъ у Моисея), а демоны, внесшіе въ жизнь развратъ. Ничего подобнаго никогда и нигдѣ не было высказано. Новую окраску, приданную авторомъ книги Еноха ветхозавѣтному разсказу Моисея, онъ почерпнулъ, вѣроятно, въ своей же развужданной фантазіи. Чортъ въ книгѣ Еноха такой же, какъ и въ книгѣ Премудрости Соломона, отъ рожденія злобный духъ, онъ такой же обвинитель и доносчикъ; но его личность, что касается безнравственности, значительно выросла; теперь онъ уже самъ по себѣ находитъ удовольствіе искушать людей набожныхъ, дабы представить ихъ на судъ Бога. Онъ устроилъ себѣ изъ этого форменное ремесло и въ такихъ размѣрахъ, что Богъ былъ даже вынужденъ

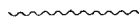
отрядить одного изъ своихъ четырехъ главныхъ ангеловъ, по имени Фануила для обереганія людей набожныхъ отъ покушенія чорта на ихъ соблазнъ. Такимъ образомъ чортъ временъ Юва и Захарія, только сомнѣвающійся въ благочестіи людей и доносящій на нихъ Богу, превратился у автора книги Еноха въ повелителя цѣлой банды карательныхъ ангеловъ, которые ожидаютъ отъ него приказа насчетъ экзекуціи грѣшниковъ. Въ дальнѣйшемъ всѣ эти фантазмагоріи, весь этотъ болѣзненный бредъ автора книги Еноха были развиты и дополнены усердными еврейскими раввинами въ эпоху появленія Христа. Вотъ въ эту-то эпоху, непосредственно предшествующую появленію Христа, и зародился тотъ самостоятельный чортъ, котораго всѣ авторы апокрифической литературы единогласно признали личнымъ врагомъ Бога, существовавшимъ еще при грѣхопаденіи. Таковымъ восприняло его, къ стыду, и христіанство. Мы говоримъ: къ стыду, ибо какъ Моисей, такъ и великіе пророки, проповѣдывавшіе великія идеи, находили возможность, обходиться безъ этой карикатуры. Отчего бы не обойтись безъ нея и намъ, христіанамъ, мнящимъ себя далеко ушедшими впередъ отъ временъ Моисея?»

Римскіе попы и епископы, насаждавшіе христіанство огнемъ и чортомъ, еще болѣе усилили значеніе послѣдняго, какъ независимаго Христова врага.

Римская церковь (папа Иннокентій VIII, издавшій законы противъ колдуновъ и вѣдьмъ) наиболѣе содѣйствовала росту и возмужалости чорта.

«Наука, — восклицаетъ авторъ, — бывшая въ то время въ рукахъ у служителей церкви, была безсильна бороться съ нимъ. Для того надо было, чтобъ родились такіе гении, какъ Кеплеръ, Гарвей, Герике, Бэконъ, Спиноза, Лейбницъ и другіе; только они и могли сшибить съ позиціи всемогущаго чорта. Открывъ новые пути изслѣдованія, они сдѣлали вопросы, считавшіеся до нихъ необъяснимыми, понятными. Узкое геоцентрическое міровоззрѣніе (земля есть центръ всего) замѣнилось болѣе широкимъ — гелиоцентрическимъ (солнце есть центръ всего). Телескопъ унесъ далеко въ высъ заплѣснѣвшую въ суевѣріяхъ мысль. Физика, химія, естественныя науки, все это стало рисовать широкую картину созданнаго Богомъ міра, ничего общаго не имѣющаго съ тѣмъ узкимъ міромъ, съ чортомъ во главѣ, который былъ такъ уродливо-нелѣпо изображенъ болѣзненной средневѣковой фантазіей. Наука сшибла средневѣковаго чорта съ его престола; онъ полетѣлъ съ него кубаремъ внизъ и занялъ подобающее ему мѣсто, указанное Христомъ, а именно, онъ сталъ символическимъ выраженіемъ всего того, что противоположно добру». Послѣдовательное наденіе демонологіи и теологическаго рабства наиболѣе глубоко развито въ трактатѣ Гартноля Лекки «Исторія рационализма въ Европѣ».

А. Фаресовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

УМІЯ фараона Менефтаха. — Знаменитому библейскому эпизоду, случившемуся во время исхода евреевъ изъ Египта, грозитъ разоблаченіе. Какъ извѣстно по библіи, израильтянамъ предстояло перейти Красное море, которое по мановенію Моисеева жезла, а также благодаря сѣверо-восточному вѣтру, раздѣлилось и при этомъ образовался настолько широкій путь, что они могли свободно достигнуть другого берега. Напротивъ, гнавшійся за ними фараонъ со своей арміей не могъ пройти по ихъ пути и на срединѣ моря его поглотили бурныя волны. Имя этого фараона не сохранилось, но, по цѣлой серіи ретроспективныхъ расчетовъ, это былъ фараонъ Менефтахъ. Къ огорченію людей религіозныхъ, безусловно вѣрующихъ каждому слову Библіи, теперь можетъ оказаться, что этотъ фараонъ не былъ поглощенъ волнами Краснаго моря, такъ какъ, по многимъ даннымъ, его мумія спокойно поконится съ 1899 г. въ каирскомъ археологическомъ музеѣ. На пеленѣ, какъ разъ на груди муміи, были начерчены знаки, въ которыхъ одинъ изъ археологовъ, Лоре, прочиталъ имя Куніатону, но впоследствии другой археологъ, Гроффъ, разобралъ имя Менефтаха. Подробности о найденной муміи изложены французскимъ археологомъ Масперо въ «Journal des Débats»¹⁾. Когда было обнародовано это открытіе, то произошелъ настоящій переполохъ среди вѣрующихъ въ Библію. Особенно волновались англичане и американцы, какъ нація, наиболѣе ее почитающія. Археологовъ засыпали письмами съ вопросами о внѣшности муміи, о томъ, сняли ли съ нея пелены, или нѣтъ, въ какомъ состояніи трупъ и могутъ ли археологи установить пребываніе его въ водѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Многие

¹⁾ La momie du pharaon Ménéphthah; par Maspero. «Journal des Débats» 20 Decembre 1907.

изъ корреспондентовъ пугали археологовъ, что они найдутъ подъ пеленами свертки съ тряпками или кусокъ дерева, смутно напоминающій форму чело-вѣческаго тѣла. Другіе говорили, что когда этотъ фараонъ погибъ въ морѣ, вѣрные его приближенные сдѣлали мумію, на которой совершили священный ритуаль, чтобы скрыть отъ народа постигшее ихъ несчастье, и найденная мумія не что иное, какъ эта поддѣлка. Археологовъ предупреждали, что, если они объявятъ, что въ пеленахъ настоящій человѣческій трупъ, то имъ никто не повѣритъ, такъ какъ ихъ ненависть, какъ ученыхъ, къ религіи заставила подмѣнить поддѣльную мумію на настоящую.

Исслѣдованіе муміи задержалось на цѣлыхъ шесть лѣтъ и состоялось только въ юлѣ мѣсяцѣ. Оно производилось въ присутствіи Масiero докторомъ Элію Смитомъ и продолжалось около двухъ часовъ. Мумію вынули изъ гробницы и присутствующимъ прочитали имя фараона, затѣмъ сфотографировали ее и принялись снимать пелены. Онѣ были укрѣплены тремя перевязками: на шеѣ, бедрахъ и колѣняхъ. Когда ихъ сняли, то увидѣли, что тѣло было наскоро зацеленато крестообразно широкими повязками, которыя однако покрывали его не все. Между перевязками высовывалось множество тряпокъ; лѣвая сторона лица была открыта, и въ общемъ получалось впечатлѣніе, что надъ муміей производилось какое-то насиліе, слѣды котораго были исправлены наскоро. Такимъ образомъ археологи не первые потревожили работу бальзамировщиковъ: при двадцатой династіи шайка грабителей, опустошавшая египетскія кладбища, совершенно ограбила мумію. Вѣкъ или два вѣка спустя послѣ смерти Менефтаха, его мумія была вытащена изъ гранитнаго саркофага, гдѣ покоилась, ея деревянный футляръ былъ сломанъ, пелены грубо разорваны и всѣ драгоценныя украшенія сорваны. Были ли главными ворами сторожа, или они играли роль сообщниковъ—неизвѣстно, но такъ какъ по закону они были ответственны за этотъ грабежъ, то успѣли исправить самыя видныя поврежденія, и езаботясь о нижнихъ пеленахъ. Имъ удалось очень прилично закутать мумію въ лохмотья пелены, такъ что чиновники, время отъ времени являвшіеся для осмотра, или дѣйствительно не замѣтили этихъ недочетовъ, или прикинулись, что не нашли никакихъ безпорядковъ. Принявъ во вниманіе, въ какомъ положеніи былъ Египетъ того времени, можно допустить и послѣднее, такъ какъ тогдашніе чиновники были не лучше сторожей. Менефтахъ еще нѣсколько лѣтъ оставался спокойно въ своей усыпальницѣ, потому что кто могъ нарушить его покой, тотъ зналъ, что снять съ него болѣе нечего — и не тревожилъ его.

Когда въ X вѣкѣ до нашей эры великіе жрецы Амона оказались безсильными бороться съ бандитами, то извлекли фараоновъ изъ ихъ гробницъ и помѣстили ихъ, въ томъ числѣ и Менефтаха, въ усыпальницу Аменофеса. Въ такомъ положеніи, какъ теперь, Менефтахъ находился и три тысячи лѣтъ тому назадъ, когда послѣ приключившагося съ нимъ несчастья его снова положили въ пелены. Часть первоначальной перевязки, которая способствовала сохраненію кожи на рукахъ и ногахъ, была изъ очень тонкой и мягкой, какъ кисея, льняной матеріи. Поверхъ этой матеріи находились пелены изъ грубаго полотна, мѣстами заштопаннаго, такъ какъ обыкновенно египтяне для этой цѣли употребляли старыя принадлежности туалета покойника.

Когда мумію освободили отъ пеленъ, то археологи увидѣли, какому гробовому насилию она подверглась. Древніе воры срывали съ мумій пелены, какъ пошало, добираясь до драгоценностей, которыя хранились въ извѣстномъ имъ мѣстѣ. Для этого они прибѣгали къ помощи топора и тесла. Слои матеріи, склеившіеся отъ душистыхъ веществъ, откакивали крупными пластами, какъ куски коры, и часто вмѣстѣ съ ними попадались лохмотья кожи и куски мяса. Менефтахъ не избѣжалъ той же участи: челюсть съ лѣвой стороны и подбородокъ съ правой мѣстами искромсаны и расцарапаны; гортань широко разбѣчена остриемъ топора справа налѣво; другимъ топоромъ совершенно сломана ключица и его острие врѣзалось въ грудь; правая рука сломана между локтемъ и кистью и держится лишь на мускулахъ. Обыкновенно драгоценныя украшенія надѣвались на мумію, какъ только ее вынимали изъ натровой ванны, когда еще ея кожа сохраняла свою эластичность, и поэтому, прижатые перевязками, отпечатывались на тѣлѣ настолько ясно, что можно было опредѣлить, какого рода были ожерелья и браслеты. На муміи Менефтахъ, напротивъ, совершенно стерлись слѣды украшеній. Только уцѣлѣлъ слѣдъ отъ золотой пластинки, прикрывавшей разрѣзъ, черезъ который вынимали внутренности во время бальзамированія. По всей вѣроятности, его украшенія не представляли большой цѣнности. Драгоценности же клались или въ гробъ вдоль трупа, или въ сундуки, которые ставились то въ погребальной комнатѣ, то въ соседней съ нею залѣ. Однако иногда бальзамировщики нарушали это правило и клали въ пелены вмѣстѣ съ тѣломъ и драгоценности. Вотъ почему воры такъ безцеремонно обращались съ трупами фараоновъ.

Если бы, по словамъ Масперо, археологи не знали по надписи, что это мумія Менефтахъ, то они объ этомъ узнали бы по чертамъ лица. Отъ нажима перевязокъ, правда, нѣсколько придавлены мягкія части носа, но вообще мумія настолько хорошо отдѣлана, что физіономія Менефтахъ послѣ смерти сохранила полное сходство съ его лицомъ въ послѣдніе дни жизни. Лепешка изъ камеди залѣпляла отверстіе рта и исправляла недостатокъ губъ, черная полоса изображала рѣницы, и слой румянъ на щекахъ и лбу оживлялъ лицо. Подбородокъ обрисовался тотчасъ же послѣ кончины, а пряди сѣдыхъ волосъ на вискахъ и затылкѣ коротко обрѣзывались. Въ общемъ выраженіе лица напоминало Рамзеса II, но размѣръ и форма черепа скорѣе Сетуи I. Однимъ словомъ, Менефтахъ, по мнѣнію Масперо, былъ совершенно Рамзесъ II, но только его черты лица были нѣжнѣе. Росту онъ былъ 172 сантиметра, широкоплечій, съ длинными и сильными руками и крѣпкими ногами. Старѣя, онъ сдѣлался тучнымъ, что видно изъ того, что послѣ натровой ванны жиръ снятъ; это видно изъ того, что на черепѣ, груди, животѣ и ляжкахъ кожа осѣла и собралась въ складки. Судя по тому, что одинъ изъ швовъ черепа совѣмъ не закрытъ, можно заключить, что Менефтахъ, слѣдовательно, умеръ не старымъ, но по другимъ признакамъ, болѣе вѣроятнымъ, онъ скончался въ преклонномъ возрастѣ. II, дѣйствительно, согласно нѣкоторымъ современнымъ документамъ, извѣстно, что онъ дожилъ до 80 лѣтъ. Менефтахъ родился въ началѣ царствованія Рамзеса II, и когда вступилъ на тронъ, ему было шестьдесятъ лѣтъ, а царствовалъ онъ около двадцати. Самые скептическіе люди, по словамъ Мас-

перо, могутъ теперь убѣдиться, что въ пеленахъ настоящій труиъ — и этотъ труиъ Менефтаха I.

Теперь лишь вопросъ въ томъ: былъ ли фараонъ, преслѣдовавшій евреевъ и, по библіи, погибшій въ Красномъ морѣ, именно Менефтахъ, а не какой-нибудь другой. На это Масперо отвѣчаетъ, что когда александрійскіе евреи при первыхъ Итоломеяхъ вступили въ сношенія съ египетскими учеными, то стремились узнать, что говорится объ ихъ національной исторіи въ мемфисскихъ и ѳивскихъ хроникахъ. Бытіе, Исходъ и другія священныя книги, рассказывающія о фараонахъ, съ которыми имѣли дѣло ихъ патріархи, законодатели, цари, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іосифъ, Моисей, Ааронъ, Соломонъ, не прибавляли къ обычному титулу именъ этихъ фараоновъ. Имъ оставалось единственное средство, чтобы исправить недочеты ихъ священныя книги, — рассчитать, сколько лѣтъ отдѣляло ихъ отъ времени, когда жилъ Авраамъ и другіе, затѣмъ опредѣлить въ серіи фараоновъ именно тѣхъ изъ нихъ, которые соотвѣтствовали этимъ временамъ. Они такъ и сдѣлали, но, не соглашаясь между собою относительно продолжительности ихъ собственной исторіи, пришли къ различнымъ результатамъ. Одни относили исходъ ко времени царствованія перваго фараона XVIII династіи при Амазисѣ, потому что онъ изгнать пастырей въ Сирію и потому что они смѣшали ихъ съ евреями. Другіе называли вторымъ фараономъ чудеснаго эпизода Моисея неизвѣстнаго по памятникамъ Бокхориса, третьи — Аменофеса, и наконецъ четвертые — Менефтаха. Мнѣніе послѣднихъ взяло верхъ и, дѣйствительно, Менефтахъ наиболѣе подходит къ условіямъ этой задачи. Однако это мнѣніе еще не стоитъ на совершенно твердой почвѣ. Многіе изъ современныхъ ученыхъ, не колеблясь, стали бы его оспаривать, такъ какъ для однихъ изъ нихъ фараономъ былъ Аменофесъ III, для другихъ Сетуи II. «Такая неопредѣленность насъ не удивляетъ, — говоритъ Масперо: — такъ какъ исходъ изъ Египта, которому по религиознымъ причинамъ мы придаемъ такое значеніе, въ свое время былъ незначительнымъ событіемъ».

— Послѣдній изъ индійскихъ Мессій. — Очень немногіе образованные люди знаютъ о существованіи Срѣ-Горанги, котораго миллионы индійцевъ почитаютъ за послѣдняго изъ Мессій. Поэтому съ большимъ вниманіемъ прочитали всѣ на Западѣ, помѣщенное въ «Hindoo Spiritual Magazine» за ноябрь мѣсяцъ краткое жизнеописаніе послѣдняго Мессіи ¹⁾. Срѣ-Горанга родился въ 1485 г. въ городѣ Надія въ семидесяти миляхъ отъ Калькутты. Такъ какъ онъ принадлежитъ сравнительно къ новому времени, то въ его исторіи нѣтъ ничего таинственнаго, но существуютъ легенды о многихъ чудесахъ, которыя хорошо извѣстны въ Индіи. Индійскіе брамины принимали Горангу за олицетвореніе Бога. «Предметъ моего очерка, говоритъ невѣдомый авторъ статьи въ индустанскомъ журналѣ, Горанга находился ровно 12 мѣсяцевъ въ утробѣ своей матери и родился большимъ здоровымъ ребенкомъ. Его красота была столь небесной, что всякій, кто видѣлъ Горангу, принималъ его за сына

¹⁾ «A Short Life of the Last Messiah». «The Hindoo Spiritual Magazine», November 1907.

Божьяго, нисшедшаго съ неба. Съ самаго рожденія съ нимъ случались необыкновенныя обстоятельства; по ночамъ, когда онъ спалъ, мать и отецъ видѣли, какъ въ его комнатѣ носились лучезарныя видѣнія. Иногда этотъ лучезарный свѣтъ исходилъ изъ его тѣла и часто его голову окружало сіяніе. Въ немъ былъ, если можно выразиться, такой избытокъ спиритуальнаго магнетизма, что всякій, кто прикасался къ нему, впадалъ въ экстазъ. Это чувство такъ овладѣвало нѣкоторыми женщинами, бравшими его на руки, что онѣ начинали плясать, хотя индустанки вообще не терпѣли танцевъ. Пяти лѣтъ отъ роду онъ подвергся вліянію духовъ, которые говорили его устами, а девяти лѣтъ на него нисходила священная нить, какъ было въ обычаяхъ браминовъ, и онъ впадалъ въ обморокъ, продолжавшійся нѣсколько дней. Вліявшій на него Духъ заявлялъ тогда, что снова явится къ нему въ определенное время, и замѣчалъ, что онъ, т. е. Духъ, былъ высшимъ существомъ. Ученые люди, видѣвшіе этотъ феноменъ, полагали, что духъ, говорившій въ немъ, былъ не кто иной, какъ самъ Срэ-Кришна.

Горанга въ юности основалъ школу, и слава о немъ распространилась по всей Індіи. Народъ начиналъ уже предполагать, что именно онъ Мессія, когда однажды Горанга впасть въ обморокъ и, очнувшись отъ него, не сталъ обращать вниманія на свѣтскія дѣла. Онъ только повторялъ: «богъ Кришна похитилъ мое сердце», о другомъ же ни о чемъ не могъ говорить. Хотя Горанга казался мірскимъ человѣкомъ, прибавляетъ авторъ, но онъ жилъ большую часть времени въ мірѣ духовъ, а не людей. Когда двадцати четырехъ лѣтъ онъ покинулъ свою молодую жену и мать, то вся Бенгалія стонала отъ горя. Но въ послѣднія минуты онъ утѣшалъ миллионы людей, любившихъ его, увѣреніями, что Богъ почти одухотворилъ его и что онъ не желалъ никакихъ матеріальныхъ удовольствій или чего бы то ни было мірскаго. Въ дѣйствительности, онъ жилъ въ этомъ матеріальномъ мірѣ скорѣе какъ духъ, чѣмъ какъ человѣкъ, подобно другимъ людямъ. Ученики Горанги приняли его ученіе, и такимъ образомъ явился на свѣтъ вайшнавизмъ, сущность котораго авторъ излагаетъ слѣдующими словами Срэ-Горанги: «Весь свѣтъ преклоняется передъ могуществомъ Бога, а только вайшнаваты обожаютъ его доброту. Вайшнаваты поэтому смотрятъ на Бога, какъ на вседобрѣйшее и вселюбящее существо, которое любитъ всѣхъ людей, и отъ которыхъ онъ ожидаетъ такой же любви. Если мы принимаемъ Бога за дражайшее, безкорыстное и любящее существо, всеобщаго друга, тогда только возможно установить нѣжное отношеніе съ нимъ». На этомъ простѣйшемъ принципѣ основана религія вайшнавизмъ.

— Столѣтіе Виттиера. — 14-го декабря прошлаго года въ Америкѣ праздновался столѣтній юбилей извѣстнаго поэта Джона Виттиера, и по этому случаю въ большей части американскихъ и англійскихъ журналовъ помѣщены хвалебныя отзывы объ этомъ замѣчательномъ поэтѣ и журналистѣ, который никогда прежде не пользовался столь громкой славой, какъ въ настоящее время. При жизни онъ считалъ себя необразованнымъ фермеромъ, хотя славился въ Америкѣ какъ величайшій поэтъ. Онъ родился въ Габерхилѣ, въ штатѣ Массачусетсѣ въ 1807 г. и принадлежалъ къ сектѣ квакеровъ. Въ дѣтствѣ онъ работалъ на фермѣ и въ баншачной мастерской, а восемнадцати

лѣтъ неожиданно выказалъ страстное желаніе учиться и два года занимался въ мѣстной школѣ. Въ 1829 г. онъ сдѣлался редакторомъ «American Manufacturer», газеты, издававшейся въ Бостонѣ съ цѣлью поддерживать протекціонный тарифъ. Съ тѣхъ поръ онъ былъ занятымъ журналистомъ, но мало-по-малу перешелъ въ либеральный лагерь, былъ выбранъ въ члены массачусеттскаго законодательнаго собранія и въ секретари анти-рабовладѣльческаго общества. Въ то же время онъ издавалъ въ Филадельфій «Pennsylvania Freeman». Въ 1840 г. онъ переехалъ въ городъ Эмбюри въ Массачусетъ, сдѣлался постояннымъ корреспондентомъ газеты «National Era» и воиногда отдавался какъ литературѣ, такъ и филантропіи.

Хотя онъ постоянно занимался журналистикой, но главнымъ его призваніемъ была поэзія, только не отвеченная, какъ у Китца и По, но прикладная. У Виттиера отсутствуетъ въ поэзіи любовь и юморъ, и онъ принадлежитъ къ ряду славныхъ поэтовъ, обладающихъ безусловной искренностью. «Онъ могъ, — говоритъ профессоръ Вильямъ Фельпсъ въ «North's American Review»¹⁾, — точно изображать въ стихахъ людей и явленія, которыхъ онъ видѣлъ. Если Готорнъ былъ призракомъ новой Англии, то Виттиеръ представлялъ ея душу». Его главныя поэтическія сочиненія были: «Голосъ Свободы», «Листы изъ дневника Маргариты Смитъ», «Пѣсни труда», «Домашнія поэмы» и т. д. Онъ отличается силою выраженія, живописностью, соответствіемъ рѣмы и популярнымъ настроеніемъ, содѣйствовавшимъ столь широкому распространенію его сочиненій. По словамъ одного французскаго критика, поэзія Виттиера исключительно американская, но ея относительная грубость смягчается неожиданными гармоническими эффектами. Онъ преимущественно лирической поэтъ. Хотя Виттиеръ предназначался къ семейной жизни, но разочарованіе въ юности относительно любви побудило его остаться всю жизнь холостымъ. Любимая имъ дѣвушка вышла замужъ за судью въ Кентукки, но онъ остался до смерти вѣренъ ей и писалъ ей нѣжныя письма. По словамъ писательницы мистриссъ Спарокъ, въ «Lippinkott Magazin», несмотря на то, что Виттиеръ никогда не женился, онъ имѣлъ страсть къ сватовству.

Еще отличительной чертой поэзіи Виттиера была религіозность, которая объясняется тѣмъ, что онъ былъ квакеромъ. Онъ проповѣдывалъ главнымъ образомъ, что всѣ люди — братья и необходимо всеобщее равенство. Кроме того, онъ былъ проповѣдникомъ мира и особенно прославился въ этомъ отношеніи своими стихами въ честь Брюссельской мирной конференціи 1848 г. Виттиеръ умеръ въ Новомъ Гамширѣ въ 1892 г.

— Штросмайеръ, какъ Меценатъ южныхъ славянъ. Небезызвѣстный русскимъ читателямъ французскій писатель Луи Лежэ, много писавшій о Россіи, помѣстилъ во второй январской книжкѣ «Nouvelle Revue» характеристику дѣятельности хорватскаго католическаго епископа Штросмайера, о которомъ уже не мало писали. Лежэ выступаетъ какъ бы на защиту Штросмайера, котораго считали ведшимъ двуличную политику, и подчерки-

¹⁾ The Whittier Centenary. By Professor William Phelps «North American Review». December 1907.

ваеѣ главнымъ образомъ вѣротерпимость епископа и его преданность славянству. Онъ даже упрекаетъ его въ чрезмѣрномъ патриотизмѣ, указывая на то, что основанная имъ академія издала собраніе латинскихъ текстовъ, въ большинствѣ случаевъ относящихся до исторіи Италіи или балканскихъ народовъ, съ предисловіемъ на кроатскомъ, а не на латинскомъ языкѣ, тогда какъ проще было бы написать по-латыни. Еще ярче бросается въ глаза преданность Штросмайера славянству въ его рѣчи, произнесенной при открытіи академіи. «Намъ надо сегодня,—сказалъ онъ,—или подвинуться въ наукѣ и пріобрѣсть всѣ средства, какія она даетъ, или остаться рабами—здѣсь романской науки, тамъ—германской и быть только орудіемъ для созданія величія сосѣднихъ народовъ».

Хотя отецъ Штросмайера и былъ нѣмецкаго происхожденія, но онъ уже давно ославянился; самъ же епископъ родился въ Славоніи въ 1815 г. Его отецъ былъ барышникомъ и вель торговлю лошадьми. Онъ никогда ничего не читалъ за безграмотностью; мать же, напротивъ, много читала и пріохотила сына съ малыхъ лѣтъ къ чтенію произведеній Вука Караджича, возродителя сербской литературы, а также народнаго сатирика Релковича. Штросмайеръ блестяще окончилъ свое ученіе въ діаковарской семинаріи и былъ посланъ для усовершенствованія въ центральную семинарію Пешта, какъ прежде называли Будапештъ. Здѣсь онъ попалъ въ кружокъ молодыхъ славянъ, собравшихся вокругъ поэта Коллара, иѣвца панславизма и апостола славянскаго единенія. Колларъ былъ протестантскимъ пасторомъ, но для него славянство было какъ бы формой религіи, и въ этой религіи соединились представители самыхъ разнообразныхъ вѣроисповѣданій. Тутъ были и лютеране, и кальвинисты, православные и католики; кромѣ того, въ Діаковарѣ на каждомъ шагѣ приходилось встрѣчаться православнымъ сербамъ съ евреями.

Догматомъ Коллара была всегда вѣротерпимость подъ самой благородной формой христіанскаго милосердія. Онъ проповѣдывалъ духовное единство четырехъ славянскихъ группъ—русскихъ, поляковъ, чеховъ и иллирійцевъ. Объ этомъ объединеніи онъ не переставалъ мечтать и хотѣлъ осуществить свою мечту, какъ въ нравственной, такъ и религіозной области. Но все-таки сердцемъ онъ стремился болѣе къ группѣ иллирійцевъ, или южно-славянъ, и въ этой группѣ онъ съ одинаковымъ благожелательствомъ обращался какъ съ католическими кроатами, такъ и съ православными сербами.

Подъ влияніемъ личности Коллара въ Штросмайерѣ созрѣлъ будущій глава партіи объединенія славянъ и прекрасный ораторъ. Онъ былъ какъ бы созданъ именно для этой роли. Его живой, любознательный и возвышенный умъ вмѣстѣ съ пылкой и страстной душою какъ нельзя болѣе плѣнялъ слушателей. Даже въ простомъ разговорѣ онъ былъ краснорѣчивъ, не впадая въ декламацию. Все содѣйствовало для произведенія впечатлѣнія на слушателей: блестящій взглядъ, благородные и живые жесты, ясный, звонкій голосъ, образный языкъ, полный удачныхъ и богатыхъ красками выраженій. Какъ въ церкви, такъ и въ залахъ онъ производилъ одинаково сильное впечатлѣніе. По словамъ другого французскаго писателя, Лавлея, лично знавшаго, какъ и

1) L'Évêque Strossmayer. Par Louis Léger. «La Nouvelle Revue» 15 janvier 1908.

Лежэ, Штросмайера, только двѣ личности производили на него сильное впечатлѣніе — Бисмаркъ и Штросмайеръ. Последний былъ, по его мнѣнію, настоящий послѣдователь Христова ученія: противникъ нетерпимости въ религіи и другъ свободы, свѣта и прогресса во всѣхъ формахъ, совершенно преданный своему народу и особенно несчастнымъ.

Штросмайеръ оказался не только блестящимъ ораторомъ и главою партіи, но и способнымъ финансистомъ. Когда въ 1849 г. онъ вступилъ въ діаконское епископство, оно представляло бѣдный славянскій поселокъ, который и теперь только скромный городокъ, извѣстный, главнымъ образомъ, потому, что онъ былъ мѣстожителемъ Штросмайера. Но тогда активъ не превышалъ 3000 франковъ, такъ какъ обширными землями епископства управляли безтолково. Новый епископъ повелъ такъ умѣло дѣло, что послѣ его смерти оказался капиталъ въ 3¹/₂ милліона.

Какъ мы видѣли, Колларъ имѣлъ сильное вліяніе на Штросмайера въ вопросахъ литературнаго возрожденія славянскихъ народовъ и интеллектуальнаго объединенія этихъ народностей. Главнымъ очагомъ этого возрожденія уже нѣсколько лѣтъ была столица Крoаціи Аграмъ, или, какъ туземцы его называли, — Загребъ. Слово иллиризмъ въ то время обозначало движеніе, которое пыталось сблизить сербское и кроатское нарѣчія и такимъ образомъ создать единый литературный языкъ народовъ, обитавшихъ на обоихъ берегахъ Савы. Въ 1837 г. въ Загребъ образовалось общество чтеній, а Людвигъ Гай сталъ издавать журналы съ иллирійскими тенденціями, которые распространялись по самымъ отдаленнымъ деревнямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ основалось иллирійское издательское общество «Матица» для печатанія книгъ по примѣру обществъ того же имени, уже существующихъ въ Новомъ Саду, Ужвидекъ у сербовъ — въ Венгріи и у чеховъ — въ Прагѣ. Въ 1850 г. создано общество для изученія исторіи южныхъ славянъ. Мало-по-малу городъ Аграмъ сталъ для южныхъ славянъ центромъ умственнаго развитія, играя у нихъ такую же роль, какъ Прага у богемскихъ и моравскихъ славянъ.

Вступая въ обязанность епископа, Штросмайеръ взялъ себѣ девизомъ: «за вѣру и за родину». Онъ внимательно слѣдилъ за умственнымъ развитіемъ своей націи и поставилъ себѣ задачей достигъ ея полной умственной эмансипаціи. Съ этою цѣлью онъ задумалъ создать академію и университетъ. Для исполненія этого благороднаго замысла ему нашелся помощникъ въ лицѣ молодого патера Франциска Рашке, профессора ценгской семинаріи и каноника римскаго капитула иллирійскаго св. Іеронима. Поэтому въ исторіи нравственнаго и умственнаго развитія южныхъ славянъ имена Штросмайера и Рашке — неразлучны.

Учрежденіе св. Іеронима иллирійскаго въ Римѣ такимъ образомъ является для кроатовъ созданіемъ очага науки и, главное, въ области исторіи религіи. Штросмайеръ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ не только нравственно, но и матеріально, предложивъ 40.000 флориновъ на его развитіе въ интересахъ національнаго духовенства. Въ это время одинъ нѣмецкій ученый, Августинъ Тейнеръ, работавшій въ ватиканскомъ архивѣ, благодаря свободолюбію Штросмайера, напечаталъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя два тома «*Vetera Monumenta Slavorum meridionalium historia illustrantia. 1863*».

Въ 1860 г. Штросмайеръ привелъ въ исполненіе планъ основать въ Аграмѣ академію, предназначенную для средоточія умственныхъ трудовъ кроатовъ. Онъ наименовалъ ее академіей юго-славянъ, что позволяло ему распространить свою дѣятельность на сосѣднихъ словенъ и болгаръ. 10 декабря онъ объявилъ бану, что на основаніе фонда онъ вноситъ первую ленту въ 50.000 флориновъ, а въ 1867 г. въ его присутствіи совершилось открытіе этой академіи. Банъ наименовалъ ее покровителемъ Штросмайера, а президентомъ—его неразлучнаго помощника Рапке. Первымъ секретаремъ былъ избранъ ученый сербъ Данисичъ. Въ академіи Штросмайеръ одинаково благодушно относился какъ къ православнымъ сербамъ, такъ и къ католикамъ.

Первая книга вышла изъ этой академіи ровно сорокъ лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ академія напечатала около ста восьмидесяти томовъ мемуаровъ, двадцать одинъ томъ старинныхъ кроатскихъ авторовъ, болѣе тридцати томовъ документовъ, относящихся къ исторіи и литературѣ, тридцать томовъ «*Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium*», десять томовъ «*Monumenta historica juridica*», двѣнадцать томовъ, касающихся южныхъ славянъ и проч. Кромѣ того, академія предприняла изданіе большого сербско-кроатскаго словаря, начатаго Данисичемъ и продолжаемаго Бюдманни. Въ настоящее время его вышло уже пять томовъ и онъ достигъ буквы Л. По словамъ Дежэ, «это будетъ одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ лексикографическихъ памятниковъ славянскаго міра».

Но Штросмайеръ не могъ удовольствоваться основаніемъ академіи: онъ задумалъ снабдить своихъ сородичей орудіемъ, необходимымъ для изученія національной исторіи. Этимъ орудіемъ явилась бібліотека историка Кукуліева-Саксинскаго, избилтующая книгами, освѣщающими прошлое страны кроатовъ, и наполненная книгами, собранными не только въ Кроаціи, Далмаціи и Славоніи, но почти во всей Европѣ, а также многими рукописями, которыя послужили академіи матеріаломъ для этихъ работъ. Кромѣ того, Штросмайеръ подарилъ ей картинную галерею. Много путешествуя, онъ пріобрѣлъ не мало картинъ, преимущественно итальянской школы, для діаковарскаго дворца. Сначала онъ хотѣлъ ее завѣщать академіи послѣ своей смерти, но затѣмъ передумалъ и подарилъ ее при жизни въ 1889 г. Но прежде онъ сдѣлалъ даръ 40.000 флориновъ городу Загребу для постройки музея для этихъ картинъ, а затѣмъ прибавилъ еще 20.000 на окончаніе зданія и на затраты по перевозкѣ этой галереи.

Но и этимъ не окончились его просвѣтительныя заслуги передъ южными славянами. Въ 1861 г. онъ предложилъ на кроатскомъ сеймѣ основать университетъ. Однако вѣнское правительство осталось глухо къ этому предложенію. Штросмайеръ не отступилъ и возобновилъ попытку въ 1866 г. Въ этомъ году кроаты праздновали трехсотлѣтіе защиты Сичени противъ турокъ національнымъ героемъ Николомъ Сибикъ Зрини. По этому случаю генераль Месенъ предложилъ націи 5.000 флориновъ на основаніе университета и пригласилъ начать подіиску. Черезъ два мѣсяца было собрано уже 200.000 флориновъ. Въ 1874 г. былъ основанъ университетъ съ тремя факультетами, однако безъ медицинскаго, на который не хватило средствъ. Тогда въ 1888 г.

Штросмайеръ предложилъ на его основаніе 20.000 флориновъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не дожилъ до его открытія. Если бы онъ еще былъ живъ, то могъ бы только радоваться тому состоянію, въ какомъ находится въ настоящее время его университетъ, который играетъ для южныхъ славянъ важную роль, обеспечивая высшее образованіе сербамъ и болгарамъ сосѣднихъ странъ.

Щедрость Штросмайера не ограничивалась лишь только одной его націей: она простиралась и на сосѣднихъ славянъ. Такъ онъ далъ матеріальныя средства на изданіе сербско-латинскаго словаря Вука Караджича, оказывалъ поддержку Матицѣ Новаго Сада въ Венгрии, распространилъ народную сербскую поэзію, собранную Вукомъ, матеріально поддерживалъ его вдову, предложилъ на его памятникъ тысячу флориновъ, напечаталъ на свой счетъ произведенія сербскихъ писателей, какъ, напримѣръ, Сундеситча и Утьесановича.

Особенно дороги его сердцу были словены. Ежегодно для поправленія здоровья онъ отправлялся къ нимъ въ Штирію, гдѣ находятся Виши южныхъ славянъ — Рогатакъ. Тамъ словены привимали его восторженно. Онъ подписалъ на Матицу 1,000 флор. и поощрялъ ихъ студентовъ, а потому словены присоединились къ кроатамъ для празднованія пятидесятилѣтія его епископской дѣятельности. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ Европа и не знала о существованіи болгарскаго народа, да и не она одна, а даже нѣкоторые славяне. Апостолы панславизма знали только четыре славянскія группы: чеховъ, поляковъ, иллирійцевъ и русскихъ. Малороссы, славяны и болгары были всеми забыты. Штросмайеръ первый понялъ роль, на какую будутъ въ скоромъ времени призваны болгары. Въ письмѣ, написанномъ по поводу открытія академіи, онъ указалъ, какую они могутъ оказать услугу кроатамъ, сербамъ и славянамъ. «Къ этимъ націямъ,—писалъ онъ,—могутъ присоединиться и трудолюбивые болгары. Этотъ народъ, около пяти миллионъ, заслуживаетъ нашей симпатіи уже по одному тому, что онъ опередилъ въ литературѣ не только южныхъ славянъ, но даже сѣверныхъ, а за послѣднее время показалъ намъ, что въ немъ не погасъ духъ Кирилла и Меѳодія, Климента, экзарха Ивана и великаго царя Симеона».

На помощь этому народу пришелъ Штросмайеръ, и неожиданно для всѣхъ эта нація быстро воскресла. Онъ предложилъ широкую помощь двумъ братьямъ Миладиновымъ, предпринявшимъ собраніе пѣсенъ своей родной страны, особенно въ Македоніи. Въ то время для болгарскихъ книгъ не находилось издателя, и оба брата тщетно искали въ Россіи мецената, который далъ бы имъ средства на изданіе національныхъ пѣсенъ. Одинъ изъ братьевъ встрѣтилъ въ Вѣнѣ Штросмайера и показалъ ему свою рукопись, написанную не кириллицей въ виду того, что Панариотъ охотно выдалъ бы туркамъ болгарскихъ публицистовъ за панславистскихъ агентовъ, и потому они придумали прибѣгнуть къ греческимъ буквамъ. Штросмайеръ согласился напечатать рукописи за свой счетъ, но съ условіемъ, чтобы онѣ были переписаны кириллицей. Братья согласились, и Штросмайеръ помѣстилъ ихъ въ своей семинаріи въ Діаковарѣ. Работа по перепискѣ длилась три мѣсяца, и въ 1861 г. появился этотъ трудъ, который въ скоромъ времени весь разошелся. Теперь имъ очень дорожатъ ученые, и онъ является рѣдкостью.

Штросмайеръ оказывалъ славянамъ не только прямую поддержку, но даже косвенную; когда Лежэ задумалъ писать о южныхъ славянахъ, то онъ и ему помогалъ. Мало того, онъ просилъ его присутствовать на открытіи академіи и прямо предложилъ не стѣняясь принять денежную субсидію на поѣздки.

Если Штросмайера и можно обвинить въ намѣреніи привлечь южныхъ православныхъ славянъ въ католицизмъ посредствомъ щедрыхъ пособій на образованіе, все же его заслуга такъ велика предъ ними, что они должны вспоминать о немъ съ благодарностью.

— Новая Мексика.— Въ декабрьскомъ номерѣ испанскаго журнала «La Lectura» докторъ Алехандро Вилласеноръ представляетъ блестящую картину развитія Мексики за послѣднія сорокъ лѣтъ со времени утвержденія тамъ республики. Хотя нѣкоторые публицисты утверждаютъ, что въ послѣдніе годы Мексика обратилась изъ республики въ монархію, но это только означаетъ, что ея президентъ Порфиріо Діазъ, уже занимающій это мѣсто 24 года, отличается консервативнымъ направленіемъ и, благодаря честолюбію, увеличилъ срокъ президентскихъ выборовъ съ четырехъ лѣтъ на шесть. Однако означенное обстоятельство не мѣшаетъ ему дѣлать чрезвычайно много для благоустройства страны и увеличивать благосостояніе Мексики.

Со времени паденія Максимилиана и окончательнаго избранія въ президенты республики въ 1867 г. Бенито Хуареца, въ Мексикѣ основательно водворилось республиканское правительство, которое уже отчасти существовало и въ прежнее время. До своей смерти въ 1872 г. Хуарецъ оставался президентомъ послѣ двухъ выборовъ, и его преемникомъ былъ Лердо де-Треядо, который, сохранивъ свое президентство и на слѣдующее четырехлѣтіе, былъ однако въ 1877 г. низвергнутъ генераломъ Порфиріо Діаземъ. Послѣдній уступилъ въ 1880 г. свое мѣсто Гонзалесу, но послѣ него снова наследовалъ власть, которая по настоящее время остается въ его рукахъ. Онъ родился въ 1828 г. въ городѣ Оаваки и до своего продолжительнаго президентства извѣстенъ былъ какъ генералъ и государственный человѣкъ. Во время его спокойнаго, мирнаго управленія страной онъ отличался тѣмъ, что сохранилъ конституціонный нейтралитетъ, улучшилъ финансы, возстановилъ благосостояніе страны и возобновилъ дипломатическія сношенія съ европейскими государствами, нарушенныя со дня смерти Максимилиана. Онъ добился измѣненія конституціи въ томъ отношеніи, что избраніе президента было продолжено съ четырехъ на шесть лѣтъ, поэтому теперь, достигнувъ восьмидесятилѣтняго возраста, онъ останется президентомъ, если доживетъ, до 1910 г. Кромѣ того, въ 1904 г. создана новая должность вице-президента, и выбранъ его ближайшій сторонникъ, Рэмонъ Карраль.

Первымъ доказательствомъ необыкновеннаго улучшенія внутренняго положенія Мексики служитъ увеличеніе количества желѣзныхъ дорогъ съ конца семидесятыхъ годовъ. Въ 1876 г. желѣзнодорожный путь былъ устроенъ только на протяженіи 600 километровъ, хотя въ гористой и очень скудно населенной Мексикѣ распространеніе путей сообщенія представляло главную необходимость. Но чрезъ два года это неудобство было устранено, благодаря

иностраннымъ капиталамъ, и вскорѣ явилось 21000 километровъ желѣзнодорожнаго пути, соединеннаго при этомъ съ 18 главными городами обоихъ окрестныхъ океановъ. Однако хотя мексиканскія желѣзныя дороги приносятъ большой доходъ своимъ акціонерамъ, но все-таки еще недостаетъ 10000 километровъ для совершеннаго пополненія желѣзнодорожной сѣти.

Положеніе мексиканскихъ финансовъ съ каждымъ годомъ улучшается, начиная съ 1896 г., несмотря на значительные расходы по устройству желѣзныхъ дорогъ. Въ іюнѣ 1906 г. правительство располагало избыткомъ въ 6¹/₂ миллионъ фунтовъ стерлинговъ. Десять лѣтъ тому назадъ этотъ избытокъ доходилъ до пяти миллионъ въ годъ, а въ прошедшемъ году онъ равнялся одиннадцати съ четвертью миллионамъ. Блестящее состояніе финансовъ позволяетъ правительству предпринять работу Тегуантепекской желѣзной дороги, консолидировать государственный долгъ, сократить уплату процентовъ на ѳ, и улучшить монетную систему, уничтоживъ серебряную валюту и введя золотую. Въмѣстѣ съ положеніемъ финансовъ тамъ развивается промышленность и торговля. Еще съ XVI вѣка Мексика извѣстна была значительнымъ количествомъ добываемаго въ ней серебра; этотъ благородный металлъ въ томъ или другомъ видѣ былъ почти единственнымъ предметомъ вывоза. Когда цѣна на серебро понизилась, то вся страна ожидала кризиса; какъ вдругъ, къ общему удивленію, хотя цѣна все понижалась, положеніе страны стало улучшаться. Серебро, ненужное другимъ странамъ, осталось въ Мексикѣ и приносило пользу ея промышленности и земледѣлію. Вънѣшніе же долги уплачивались кофе, табакомъ, сигарами и т. д. Примѣромъ развитія земледѣлія служитъ вывозъ гороха, который двадцать лѣтъ тому назадъ ввозился изъ Испаніи въ Мексику, а теперь, напротивъ, изъ Мексики вывозится гороха на 900,000 фунтовъ стерлинговъ, преимущественно въ Испанію. Черезъ года два эта цифра увеличится по крайней мѣрѣ вдвойнѣ. Хотя серебро главный предметъ мексиканскаго производства, но рядомъ съ нимъ сильно развивается добыча мѣди и золота.

За послѣднія 12 лѣтъ въ Мексикѣ удвоилась вывозная и ввозная торговля. Внутренняя промышленность постоянно увеличивается, благодаря естественнымъ водянымъ силамъ, а въ числѣ заводовъ и фабрикъ возрастаетъ главнымъ образомъ количество механическихъ заводовъ и хлопчато-бумажныхъ фабрикъ. Первая хлопчато-бумажная фабрика была основана въ 1834 г., а въ 1897 г. уже имѣлось 107 фабрикъ и почти прекратился ввозъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ. Вообще Мексика обратилась изъ чисто военной страны въ промышленную; но въ ней господствуетъ буржуазія, и внѣшній порядокъ не мѣшаетъ процвѣтать эксплоатаціи народныхъ массъ. Еще слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на матеріальное процвѣтаніе страны, она находится на очень низкой степени образованія, и въ 1895 г. число грамотныхъ не превышало 1.782.000 ч. изъ общаго числа 13.605.929 жителей. Конечно, это явленіе можно объяснить между прочимъ чрезмѣрнымъ количествомъ индѣйцевъ.

Прежде, чѣмъ окончить этотъ очеркъ новой Мексики, не мѣшаетъ замѣтить, что главной причиной ея необыкновеннаго благоденствія служитъ министръ финансовъ Хозе Лимавтуръ, который, принявъ въ свои руки ежегод-

ный государственный дефицитъ въ 600.000 ф. стерлинговъ, чрезъ два года уже далъ небольшой избытокъ, а теперь у него резервный фондъ въ 20.000.000 ф. стерлинговъ.

— Какъ Сальвини толкуетъ Гамлета. — Въ декабрьскомъ номерѣ «Putnam Magazine» знаменитый итальянскій актеръ Томазо Сальвини передаетъ свои взгляды на Гамлета. По его мнѣнью, загадочная трагедія великаго драматурга состоитъ въ комментированіи судьбы и событій сего міра. Поэтому, играя Гамлета, должно прежде всего поразить публику великолѣпной, чистой, нравственной и любящей натурой принца датскаго. Сальвини убѣжденъ, что цѣль Шекспира при изображеніи характера Гамлета заключалась въ идеѣ, что постоянное мышленіе порождаетъ сомнѣніе или, другими словами, что мысль господствуетъ надъ дѣйствіемъ.

Сальвини не вѣритъ, чтобы когда-нибудь существовалъ или будетъ существовать человекъ съ темпераментомъ Гамлета, и этимъ объясняетъ себѣ, почему на сценѣ существуетъ такъ много толкованій этой роли. Въ сценѣ при видѣніи, продолжаясь Сальвини, Гамлета надо играть возбужденнымъ, и, когда является тѣнь отца, Гамлетъ долженъ ужасно дрожать всѣмъ тѣломъ. Когда тѣнь его манитъ за собою, онъ долженъ слѣдовать за нею, какъ бы побуждаемый сверхъестественной силою. Во время объясненія тѣнью преступленія дяди Гамлетъ долженъ слушать его внимательно, съ благоговѣніемъ, точно боясь двинуться. Серьезность и торжественность этой сцены не должны быть нарушаемы излишними жестами въ родѣ ходьбы по сценѣ. Но, какъ только исчезаетъ призракъ, съ Гамлетомъ происходитъ реакція и онъ выходитъ изъ себя съ страстнымъ желаніемъ отмстить за отца преступному дядѣ. Если бы Шекспиръ писалъ «Гамлета» въ наше время, то, по мнѣнью Сальвини, онъ не представилъ бы на сценѣ призрака отца, а предоставилъ бы это воображенію публики. Дѣйствительно, прибавляетъ Сальвини, сцена была бы гораздо поразительнѣе, если бы не было призрака. Что касается до сумасшествія Гамлета, то Сальвини увѣряетъ, что это не сумасшествіе, а манія, заключающая въ себѣ смѣсь истины и иллюзіи, благодаря чему Гамлетъ можетъ близко изслѣдовать души окружающихъ его людей.

Великій актеръ относительно игры «Гамлета» рассказываетъ слѣдующій анекдотъ. Однажды его пригласили въ Лондонъ играть Гамлета, но, пріѣхавъ туда, онъ узналъ, что Ирвингъ играетъ ту же роль, и рѣшилъ не играть ее въ одно время съ знаменитымъ англійскимъ актеромъ. За два дня предъ тѣмъ, какъ было объявлено объ его дебютѣ въ Гамлетѣ, Сальвини тайно отъ всѣхъ пошелъ въ раекъ посмотрѣть Ирвинга. Входя въ театръ, онъ сказалъ себѣ: «Я не буду играть «Гамлета». Послѣ второй сцены онъ повторилъ тѣ же слова; но когда Ирвингъ исполнилъ сцену съ Офеліей и разговоръ съ королевой, то Сальвини воскликнулъ: «Я буду играть Гамлета».

— Отношенія между Америкой, Китаемъ и Японіей. — Въ послѣднемъ номерѣ «Deutsche Rundschau» предсказывается, почти навѣрно, неиз-

¹⁾ Interpretation of Hamlet. By Tommaso Salvini. «Putnam Magazine». Decembre 1907.

бъжная война между Америкой и Японіей. Разсматривая отношенія Соединенныхъ Штатовъ къ Китаю и Японіи, авторъ, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ «Дипломатъ», говоритъ, что, по отношенію къ обоимъ азіатскимъ государствамъ, они вели особую политику, сильно разнившуюся отъ примѣняемой къ Дальнему Востоку другими европейскими государствами. Въ то время, какъ послѣднія вели себя съ ними высокомѣрно, обращаясь какъ съ своими слугами, которымъ приказываютъ, Америка, напротивъ, обходилась съ ними покровительственно, благосклонно, посредничая между Дальнимъ Востокомъ и повелительной Европой. Еще 28 іюня 1858 г., когда заключали Тянь-тинскій трактатъ, въ первой же его статьѣ говорилось, что если которая-нибудь изъ европейскихъ державъ пожелаетъ предписать Китаю неосновательныя или слишкомъ тягостныя для него условія, Америка официально вмѣшается, чтобы добиться болѣе снисходительныхъ условій.

Ту же роль она играла и относительно Японіи. Первый трактатъ, подписанный командоромъ Перри въ Канагавѣ въ мартѣ 1854 г., не давалъ Америкѣ особой роли и не создалъ для нея никакого исключительнаго положенія, подобно заключенному съ Китаемъ въ іюль 1844 г. По второй же статьѣ Іеддской конвенціи, заключенной въ іюль 1858 г., президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, по требованію японскаго правительства, каждый разъ вмѣшивается, какъ дружественный посредникъ, въ конфликты, могущіе возникнуть между Японіей и которой-нибудь изъ европейскихъ державъ. Американскія военныя суда должны оказывать дружескую помощь и покровительство всѣмъ японскимъ судамъ, которыхъ встрѣтятъ въ открытомъ морѣ, конечно, въ той мѣрѣ, какая не нарушитъ нейтралитета. Точно также и всѣ американскіе консулы, проживающіе въ тѣхъ портахъ, которые посѣщаются японскими судами, должны предложить имъ свои услуги въ той мѣрѣ, какая допускается законами различныхъ странъ, гдѣ они пребываютъ. Таузендъ Гаррисъ, посредникъ при заключеніи этого трактата, заставилъ японцевъ его подписать, убѣдивъ ихъ, что чрезвычайные посланники Франціи и Англіи, которые пріѣдутъ въ Іеддо послѣ того, какъ продадутъ свои условія Китаю, не осмѣлятся требовать отъ Японіи ничего, на что свободно не согласилась бы Америка. Гаррисъ также объявилъ, что этотъ трактатъ былъ только пробнымъ и его оставлять въ сторонѣ, если онъ произведетъ непріятные результаты въ Японіи.

Соединенные Штаты еще въ другихъ случаяхъ старались выдѣлиться изъ ряда другихъ державъ, желая произвести впечатлѣніе, что они связаны съ Дальнимъ Востокомъ особыми узами дружбы, оказываютъ ему болѣе вниманія, чѣмъ другія страны, и что у нихъ Японія пользуется большимъ уваженіемъ. Напримѣръ, послѣ того, какъ войска Англіи, Франціи, Голландіи и Соединенныхъ Штатовъ высадились въ Симоносеки, чтобы образумить принца Шосіу, и когда правительство микадо обязалось уплатить четыремъ союзнымъ государствамъ вознагражденіе въ десять милліоновъ франковъ, — американскій уполномоченный и здѣсь не пропустилъ случая оказать Японіи любезность. Онъ живо сталъ настаивать, чтобы сумма этого вознагражденія была распредѣлена одинаково между четырьмя государствами, а не соразмѣрно расходамъ,

какіе каждое изъ нихъ понесло,—и выигралъ дѣло. Такимъ образомъ Соединенные Штаты, снабдивъ экспедицію маленькимъ коммерческимъ судномъ, маленькой пушкой и командой въ 18 человекъ, получили ту же сумму, что и другія государства, и оставшіеся изъ расходовъ излишекъ въ 2¹/₂ милліона великодушно возвратили Японіи, ослѣвленной такой щедростью.

То же великодушіе они выказали по отношенію къ Китаю во время уплаты вознагражденія за Кантонъ (конфискація опи́я и долги китайскихъ торговыхъ обществъ). Прошелъ слухъ, что они хотѣли такъ же поступить, т. е. вернуть часть полученнаго вознагражденія за боксерское возстаніе, вспыхнувшее семь лѣтъ предъ тѣмъ, хотя американскіе уполномоченные сами назначили сумму. Столь же безкорыстно вели себя американцы при заключеніи ноябрьской конвенціи 1880 г., когда, побуждаемые благородной филантропической заботой и желаніемъ поправиться сынамъ Неба, торжественно обязались препятствовать своимъ гражданамъ ввозить въ Китай опи́ю и даже вести торговлю имъ въ странѣ. «Дивное, гуманное безкорыстіе,—замѣчаетъ авторъ,—которое казалось бы еще возвышеннѣе, если бы не было извѣстно, что уже давно англичане ввели безусловную монополію на ввозъ и торговлю опи́емъ. Но не все ли равно: жестъ былъ красивъ».

«Но что принесли Соединеннымъ Штатамъ столько красивыхъ жестовъ, которые они считали выгодно помѣщенными подъ большіе проценты?» спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: «Безусловно—ничего». Они не могли помѣшать ни присоединенію къ Японіи острововъ Ліу-Кіу, ни китайско-японской войнѣ, а ихъ официальное вмѣшательство въ Симоносеки въ пользу побѣжденнаго Китая было совершенно бесплодно. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Лихунчанъ посѣтитъ Европу и Америку, то выказалъ послѣдней недовольство ею. Китайцевъ мало тронула выраженная американцами симпатія, и они находили, что въ общемъ эта симпатія была довольно платонической. Они съ горечью упрекали Америку, что она надавала много прекрасныхъ обѣщаній, но нагло ихъ нарушила. Съ 1868 г. оба правительства заключили трактатъ, по которому они обязались уважать свободу иммиграціи: граждане каждой страны вполнѣ свободно могли поселяться въ другой странѣ, «будь то для посѣщенія, будь то для торговли, будь то для постояннаго тамъ поселенія». Китайскіе подданные должны были пользоваться въ Америкѣ всѣми привилегіями свободы и исключеніями, какими пользуются граждане самыхъ избранныхъ націй. Ихъ дѣти должны были свободно приниматься во всѣ правительственныя школы, какъ въ военную и морскую, такъ и въ другія, зависящія отъ различныхъ штатовъ и муниципалитетовъ.

Сначала все шло хорошо: американцы нуждались въ китайскихъ рабочихъ для постройки громадной желѣзной дороги, соединявшей Атлантическій и Тихій океаны. Но вскорѣ послѣдовало анти-азиатское движеніе. Въ 1888 г. Соединенные Штаты добились отъ китайскаго правительства конвенціи, которой сокращалась до извѣстныхъ границъ желтая иммиграція, но права и свободы, выговоренныя въ трактатахъ 1868 г.,—сохранились. Однако общественное мнѣніе въ Америкѣ, и особенно среди рабочаго класса, выражало недовольство, находя эту конвенцію недостаточной. Снова вспыхнуло волненіе,

и правительство было вынуждено издать Chinese Exclusion Act—полное нарушение двухъ предшествовавшихъ трактатовъ. Этотъ актъ прямо воспрещалъ иммиграцію китайскихъ рабочихъ и подчинялъ китайцевъ на американской территоріи такимъ возмутительнымъ мѣрамъ, что дѣлалъ почти невозможнымъ ихъ пребываніе въ Америкѣ. Возмущенные такимъ отношеніемъ къ своей націи, китайцы стали бойкотировать американскіе товары. Во главѣ этого анти-американскаго похода находились кантонскіе купцы. Бойкотъ очень удался и длится по сіе время, причиняя американской промышленности громадныя потери. Недавніе инциденты въ Санъ-Франциско съ японскими дѣтьми возбудили и въ японцахъ негодованіе. Такимъ образомъ Америка очутилась въ ссорѣ съ двумя большими азіатскими имперіями, за которыми еще недавно сама же ухаживала. Теперь ей невозможно сдѣлать уступки одной изъ нихъ, не сдѣлавъ уступки и другой, иначе ей приходится окончательно поссориться съ одной изъ нихъ.

Съ чисто политической точки зрѣнія доброе согласіе между Японіей и Соединенными Штатами, по мнѣнію автора статьи, можетъ быть еще болѣе серьезно угрожаемо, чѣмъ съ точки зрѣнія экономической и соціальной, и съ этой стороны еще труднѣе предвидѣть мирное улаженіе конфликта.

Уже лѣтъ двѣнадцать, какъ оба народа бросились завоевывать Тихій океанъ: Японія захватила Формозу, Пескадорскіе острова, Ліу-Кіу, не говоря о континентальныхъ побѣдахъ въ Корей и Ліанъ-Тунгѣ. Соединенные Штаты присоединили къ себѣ Гавайскіе острова, несмотря на оппозицію Японіи. Кромѣ того, война съ Испаніей дала имъ Филиппины. Въ Китаѣ также интересы обѣихъ странъ противоположны: Японія рѣшила завоевать экономически своего обширнаго сосѣда, отнять отъ него торговлю и снабжать его всѣмъ необходимымъ для введенія у него цивилизаціи на европейскій ладъ, и чего хочетъ Японія, того уже хочетъ и Китай. Когда она найдетъ въ Европѣ необходимыхъ деньги, то предприметъ методическій захватъ Средней имперіи. Но допустятъ ли до этого американцы? спрашиваетъ авторъ. Онъ увѣряетъ, что война неизбежна между Америкой и Японіей:—обѣ націи энергичны, дѣятельны, честолюбивы, полны патріотической гордости и увѣренности въ себя и обѣ желаютъ гегемоніи въ Тихомъ океанѣ, а потому скоро будутъ ее оснащать другъ у друга уже при грохотѣ пушекъ.

— Отовсюду. Новый французскій журналъ «L'Amitié de France» посвящаетъ одинъ изъ первыхъ номеровъ памяти знаменитаго историка Фюстеля де-Куланжа. Ашиль Мошеръ, занявшій въ Сорбоннѣ каѳедру послѣдняго, изучаетъ его, какъ историка, а Эдуардъ Бертранъ, его товарищъ по Нормальной школѣ, печатаетъ воспоминанія объ ихъ юности и неизданныя письма Фюстеля де-Куланжа. Они относятся до 1853 г., эпохи, когда оба друга вышли изъ Нормальной школы: Бертрана послали профессоромъ въ только что основанный лицей въ Тарбахѣ, а Фюстель отправился въ Авиньскую школу. Онъ взялъ съ собою совершенно обдуманый планъ и намѣревался не заниматься археологіей, но сдѣлаться настоящимъ историкомъ и моралистомъ. «Я не гоняюсь,—писалъ онъ изъ Марселя,—въ поискахъ за забытой ступенью Акрополя, напротивъ, я хочу изучить людей, какъ прежнихъ, такъ и теперешнихъ.

Я желать учиться, это моя единственная цѣль, и, между прочимъ, напишу какое-нибудь изслѣдованіе о древней надписи, такъ какъ этого требуетъ начальство». Греческая цивилизація горячо его интересовала, но къ красотамъ природы онъ оставался холоденъ. «Я тебѣ не совѣтую, писалъ онъ Бертрану, мѣнять твои Пиренеи на Гиметъ, который я вижу изъ оконъ. Быть можетъ, у тебя нѣтъ такого прекраснаго солнца, какъ здѣсь, такого прозрачнаго воздуха и такого чистаго свѣта; у тебя нѣтъ фіолетоваго оттѣнка горъ и нѣжнаго контура моря при закатѣ солнца, — но наша французская природа болѣе богата въ долинахъ и болѣе величава въ горахъ, чѣмъ здѣшняя. Кто любитъ природу, тому достаточно Франціи». Вообще, Фюстель полагалъ, что на востокѣ ощущается недостатокъ въ пейзажахъ: тамъ хорошо только небо. Однако, молодой эллинистъ не ограничивался изученіемъ однихъ древнихъ обычаевъ, наблюдалъ и за современными греками, о которыхъ отзывался, однако, съ ироніей. Ему нравился особенно отвѣтъ одного грека, которому говорили, что король Оттонъ очистилъ Грецію отъ разбойниковъ. «Еще бы, — отвѣчалъ грекъ, — онъ ихъ призвалъ въ министерства».

Недавняя смерть двухъ знаменитостей Скандинавіи до сихъ поръ наполняетъ журналы и газеты всѣхъ европейскихъ государствъ статьями и воспоминаніями о великихъ покойникахъ — Оскаръ II и драматургъ Ибсенъ. Первый былъ, какъ оказывается, не только писателемъ и поэтомъ, но и хорошимъ музыкантомъ. Во многихъ протестантскихъ церквяхъ Швеціи нерѣдко исполняютъ гимны, музыка и слова которыхъ написаны королемъ. Онъ такъ любилъ все, касающееся искусства, что однажды, сиѣвъ дуэтъ съ извѣстной нѣвицей, сказалъ ей: «Трагедія моей жизни заключается въ томъ, что я — король. Чего бы я не далъ, чтобъ быть артистомъ, а не государемъ». Къ тому же онъ былъ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ своей терпимостью и наименѣе надменныхъ королей. Въ продолженіе всего его тридцатилѣтняго царствованія ни въ Швеціи, ни въ Норвегіи не было ни одного приговора за оскорбленіе величества. Шведы очень любятъ повторять слѣдующій анекдотъ о покойномъ королѣ. Какъ-то онъ зашелъ въ народную школу и спросилъ одну ученицу: кто былъ самымъ великимъ королемъ Швеціи? «Густавъ-Адольфъ I», отвѣчала та. — «Что ты, — Оскаръ II», подсказала ей другая дѣвочка. Король подошелъ къ послѣдней и спросилъ ее: «А скажите, какія были его великія дѣянія?» Дѣвочка смутилась, покраснѣла, даже заплакала и призналась, что не знаетъ. «Ну, милая моя, — сказалъ Оскаръ съ улыбкой, — не плачьте: я самъ этого не знаю». — Въ другой разъ, обѣдая въ Аббаціи, гдѣ онъ проводилъ лѣто въ обществѣ избранныхъ шведскихъ аристократовъ, Оскару надобно слушать ихъ кичливое хвастовство древностью своихъ фамилій, и, поднявъ стаканъ вина, онъ наконецъ сказалъ, указывая на скромнаго норвежскаго доктора, находившагося тутъ же: «Пью за доктора и за себя, единственныхъ людей буржуазнаго происхожденія въ этомъ избранномъ обществѣ». Уваженіе, которое онъ питалъ къ таланту Бьернсона, доказываетъ, что онъ умѣлъ относиться справедливо къ своимъ политическимъ врагамъ. Какъ извѣстно, въ молодости король написалъ злобную критику на одну изъ драмъ Бьернсона, и драматургъ вызвалъ его на дуэль. За этотъ вызовъ его обвинили въ оскорбленіи

величества, и Бьернсонъ долженъ былъ ѣхать за границу. Какъ за границей, такъ и впоследствии на родинѣ, онъ яростно нападалъ на короля, и былъ однимъ изъ главныхъ его противниковъ, совершившихъ разрывъ Норвегіи и Швеціи. Впрочемъ, идеи короля были очень широки. Предсѣдательствуя на конгрессѣ печати въ 1897 г., онъ въ отвѣтъ на замѣчаніе одного французскаго публициста, что, вѣроятно, его пугаетъ такое множество присутствующихъ республиканцевъ, сказалъ: «Нисколько: я люблю республиканцевъ въ другихъ странахъ, а роялисть я только въ Швеціи». Докторъ Вильгельмъ Келлеръ изъ Мангейма напечаталъ во «Франкфуртской газетѣ» любопытный анекдотъ объ Оскарѣ II. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ переѣзжалъ на пароходѣ изъ Марселя въ Алжирь, и капитанъ спросилъ его: «Если я не ошибаюсь, вчера я васъ встрѣчалъ на улицахъ Марселя въ морскомъ мундирѣ?» — «Да, — отвѣчалъ Оскаръ, — я вчера дѣлалъ официальные визиты и потому надѣлъ мундиръ». — «А смѣю васъ спросить, какаѣ на васъ была форма?» — «Адмиральская». — «Ого! такой молодой человѣкъ и уже адмиралъ». — «Я долженъ вамъ сознаться, что я адмиралъ не столько по своему достоинству, сколько по имени». — «А позвольте васъ спросить, какъ ваша фамилія?» — «Бернадотъ!» — «Не родня ли вы маршалу Бернадоту?» — «Это мой дѣдъ». — «Но вѣдь маршалъ приходится дѣдомъ и шведскому королю». — «Безъ сомнѣнія: я принцъ Оскаръ, братъ короля». — «Въ нашей странѣ есть родственники вашего высочества». — «Я знаю, но, къ сожалѣнію, я съ ними не знакомъ». — «Если вы желаете, я могу представить вамъ одного изъ вашихъ двоюродныхъ братьевъ». — «Я буду очень радъ». Капитанъ крикнулъ въ рупоръ въ машинное отдѣленіе: «Бернадотъ!» Черезъ минуту показался человѣкъ весь въ сажѣ, и капитанъ обратился къ принцу шведскому со словами: «Честь имѣю представить вашему высочеству вашего двоюроднаго брата». Капитанъ удалился, чтобы не мѣшать изліяніямъ чувствъ неожиданныхъ родственниковъ.

Извѣстный датскій критикъ Георгъ—Брандесъ напечаталъ въ январскомъ номерѣ «Morgen» нѣсколько воспоминаній о политическихъ идеяхъ Ибсена и его отношеніяхъ къ Бьернсону. Ибсенъ былъ убѣжденный роялисть и не терпѣлъ крайняго парламентаризма, а еще болѣе революціонеровъ. «Не говорите дурно о кнутѣ, — говаривалъ Ибсенъ: — онъ освобождаетъ народъ отъ вреднаго жира». Естественно поэтому, что Ибсенъ ненавидѣлъ республиканскія идеи Бьернсона, такъ какъ онъ считалъ, что государство, становясь республикой, перестаетъ содѣйствовать всемірному прогрессу. Презируя низшій классъ, онъ злорадствовалъ надъ сентиментальными повѣстями Бьернсона, въ которыхъ прославлялась сельская любовь. Норвежскіе крестьяне казались ему эгоистичными грязными ракаліями, которые женились изъ-за денегъ въ двадцать лѣтъ на восьмидесятилѣтнихъ старухахъ.

«Я узналъ изъ писемъ Ибсена, — пишетъ Брандесъ, — что въ извѣстную эпоху онъ питалъ къ Бьернсону не только дружбу, но и энтузіазмъ. Однако я никогда не слышалъ отъ него иного отзыва о Бьернсонѣ, кромѣ самаго критическаго и презрительнаго. Однажды, говоря о писательницѣ Магдалинѣ Торезенъ очень рѣзко, онъ перебилъ свои слова восклицаніемъ: «Конечно, она талантливѣе Бьернсона!» Къ этому надо прибавить, что Ибсенъ, вѣроятно, никогда не говорилъ столько дурнаго о Бьернсонѣ, сколько послѣдній о немъ.

Въ послѣднее время французскіе, англійскіе и нѣмецкіе журналы переполнены статьями о теперешней русской государственной думѣ, но итальянскій журналъ «Rassegna Nazionale» помѣщаетъ статью Паоло Бертанци о думѣ въ Россіи сто сорокъ лѣтъ тому назадъ, при Екатеринѣ II. Этотъ очеркъ составленъ очень обстоятельно и вѣрно, хотя для русскихъ въ немъ нѣтъ ничего новаго. Главное вниманіе авторъ обращаетъ на Наказъ Екатерины и подробно описываетъ засѣданіе комиссіи объ уложеніи, продолжавшейся два года. До открытія этой комиссіи Екатерина объявила конкурсъ на премію въ 1.000 дукатовъ за сочиненіе проекта объ уничтоженіи крѣпостничества, которое она считала противнымъ религіи и праву, и выдала премію члену Дижонской академіи Беарду д'Аббен, который своимъ сочиненіемъ содѣйствовалъ ея проекту прогрессивнаго освобожденія крестьянъ. Она полагала, что согласно этому проекту можно чрезъ сто лѣтъ мирно освободить крестьянъ. Дѣйствительно, чрезъ столѣтіе это событіе совершилось, но безъ всякаго участія въ немъ проекта Екатерины и почтеннаго дижонца. Екатерининскій же парламентъ ни къ чему не привелъ, на второй годъ его существованія императрица къ нему охладѣла и кончила тѣмъ, что объявила его распущеніе, сначала временное, а 4 декабря 1774 года окончательное. Возобновленія русскаго парламента пришлось дожидаться болѣе ста лѣтъ

С М Ъ С Ъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ годовое собраніе академіи наукъ. 29 декабря, въ 1 часъ дня, подъ предѣдательствомъ вице-президента императорской академіи наукъ П. В. Никитина, состоялось торжественное собраніе академіи. По открытіи собранія, непремѣнный секретарь С. Ѳ. Ольденбургъ прочелъ отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ академіи за 1907 годъ. Помянувъ всѣхъ почившихъ членовъ академіи, изъ коихъ было три почетныхъ (король шведскій Оскаръ II, К. П. Побѣдоносцевъ и лордъ Кельвинъ) и 16 членовъ-корреспондентовъ, отчетъ констатируетъ, что въ настоящее время, когда наука все болѣе и болѣе стремится къ объединенію и систематизации, значеніе академій, какъ крупныхъ научныхъ центровъ, все болѣе усиливается и кругъ дѣятельности ихъ все болѣе расширяется. Въ смыслѣ организаци и систематизаци научнаго труда работа ведется, съ одной стороны, въ академическихъ музеяхъ и лабораторіяхъ, съ другой—въ комиссіяхъ и отдѣльными членами академіи. Физическій кабинетъ былъ занятъ работами по спектроскопії и по усовершенствованію недавно открытой въ Пулковѣ сейсмической станціи. Отсутствие средствъ, однако, лишило кабинетъ возможности расширить свою дѣятельность путемъ пріобрѣтенія нѣкоторыхъ довольно дорого стоящихъ приборовъ. Въ химической лабораторіи пять лицъ вели самостоятельныя работы. Особая зоологическая лабораторія, вмѣстѣ съ тѣсно съ нею связанною севастопольскою біологическою станціей, продолжала развивать свою дѣятельность: въ лабораторіи работало 9 лицъ, на станціи—39. Въ связи съ дѣятельностью этой лабораторіи работаль и стипендіатъ при Бейтензоргскомъ садѣ на Явѣ, который привезъ съ собою богатый эмбриологическій матеріалъ. Ничтожныя средства и хроническая бѣдность лабораторіи по анатоміи и физиологіи растений не позволили ей выйти за предѣлы скромной очередной работы, но уже съ

будущаго года ожидается значительное расширеніе ея дѣятельности. Четыре музея академіи, несмотря также на отсутствіе средствъ и болѣе подходящаго помѣщенія, продолжали неуклонно итти по пути расширенія своей дѣятельности. Зоологическій музей уже является вполне самостоятельнымъ всероссійскимъ учрежденіемъ; геологическій, вмѣстѣ со своимъ минералогическимъ отдѣленіемъ, музей антропологии и этнографіи и ботанический стремятся занять то же положеніе. Впрочемъ, однако, развиваясь, музеи, съ другой стороны, совершенно не имѣютъ мѣста для установки вновь поступающихъ коллекцій. Нѣтъ денегъ на покупку микроскоповъ и сколько-нибудь дорогихъ реактивовъ, шкаповъ, и даже не хватаетъ средствъ на бумагу для наклейки растений; нѣтъ достаточныхъ рабочихъ помѣщеній для служащихъ музеевъ, которымъ стоитъ громадныхъ усилій вести при такихъ условіяхъ научную обработку и описаніе коллекцій. Въ геологическомъ музеѣ работало 42 лица, и въ теченіе года поступило 27 самостоятельныхъ собраній; въ ботаническомъ музеѣ занималось 26 лицъ, и поступило за годъ 65 коллекцій; въ зоологическомъ—50 лицъ, причѣмъ поступило знаменитое собраніе покойнаго Гокке въ 22,347 экземпляровъ, посѣтителей же за годъ было 105,725 чел.; въ музей антропологии и этнографіи работало до 10 человекъ, новыхъ коллекцій поступило 101 съ 6,983 предметами, музей посѣтило 12,064 лица. Николаевская астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ продолжала свои очередныя работы и, кромѣ того, отправила экспедицію для наблюденія солнечнаго затменія 1 января 1907 года. Николаевская главная физическая обсерваторія значительно распространила сѣтъ станцій, высылающихъ академіи свои телеграфныя сообщенія о погодѣ. Кромѣ того, обсерваторія приняла участіе въ международныхъ наблюденіяхъ слоевъ атмосферы, въ наблюденіяхъ надъ атмосфернымъ электричествомъ во время солнечнаго затменія, въ международномъ метеорологическомъ комитетѣ и международной магнитной комиссіи. Библиотека и азіатскій музей обогатились, главнымъ образомъ, даровыми приношеніями, причѣмъ положеніе библиотеки становится критическимъ, благодаря недостатку мѣста и средствъ: большинство книгъ не переплетается, а многія книги, ноты и карты кладутся прямо на полъ. Въ академическомъ архивѣ занималось 17 лицъ, причѣмъ разбирались, главнымъ образомъ, недостаточно до тѣхъ поръ описанныя дѣла 1720—1803 гг. Академія принимала участіе въ международномъ союзѣ академій. Спб. бюро по международной библиографіи отправило въ этомъ году въ центральное бюро 18,890 карточекъ. Постоянная центральная сейсмическая комиссія участвовала въ международной сейсмологической ассоціаціи. Постоянная водомѣрная комиссія разрабатывала вопросы о перемѣщеніи береговыхъ линій. Комиссія для снаряженія русской полярной экспедиціи и комиссія по экспедиціи для градуснаго измѣренія на Шпицбергенѣ разрабатывали собранный экспедиціями научный матеріаль. Русское отдѣленіе международного союза для изслѣдованія солнца производило спектрографическія и фотографическія работы по солнцу. Издательская дѣятельность академіи выразилась въ выпускѣ 100 томовъ разныхъ изданій, составившихъ 2,159 печатныхъ листовъ. Капиталь премій достигъ уже 1¹/₂ милл. руб., и въ настоящее время возникъ вопросъ объ употребленіи

этихъ денегъ на усиленіе штатовъ, которые вырабатываются. Вслѣдъ затѣмъ акад. С. Ѳ. Ольденбургъ прочелъ отчетъ о присужденіи преміи графа Д. А. Толстого и за ученое жизнеописаніе Ломоносова. На первый конкурсъ по историко-филологическому отдѣленію были представлены сочиненія 7-ми авторовъ. Академія наукъ, на основаніи отзывовъ рецензентовъ, постановила выдать денежную премію въ 800 руб. В. П. Бузескулу за его трудъ «Введеніе въ исторію Греціи». Рецензентъ проф. Жебелевъ находить, что трудъ этотъ стоитъ вполне на высотѣ современныхъ знаній въ области источниковъ и пособій по изученію исторіи Греціи. Матеріаль удачно сгруппированъ и расчлененъ, въ немъ легко ориентироваться, и вся книга написана прекраснымъ, подчасъ увлекательнымъ языкомъ. Золотая медаль въ 300 руб. присуждена г. Такайшвили за его «Описаніе рукописей общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія». Рецензентъ проф. Марръ находить, что богатая новыми фактическими данными и проникнутая трезвымъ критцизмомъ, книга эта даетъ значительно больше, чѣмъ общано въ заглавіи: съ описаніями рукописей чередуются научныя изданія неизвѣстныхъ текстовъ и русскіе переводы или текстуальныя изысканія, цѣнный матеріаль для будущихъ изданій, а также историко-литературныя монографіи объ отдѣльныхъ памятникахъ. Золотая медаль въ 250 руб. присуждена г. Пекарскому за его «Словарь якутскаго языка». Рецензентъ акад. Залеманъ признаетъ этотъ трудъ чрезвычайно важнымъ, въ виду важности якутскаго языка, какъ съ точки зрѣнія распространенія и примѣняемости на практикѣ, такъ и съ точки зрѣнія языковѣднія, потому что этотъ языкъ представляетъ весьма интересный образчикъ наслоенія и полнаго присвоенія чужихъ элементовъ. Наконецъ, золотая медаль въ 150 руб. присуждена г. Овсяному за его труды: «Болгарское ополченіе и земское войско», «Русское управленіе въ Болгаріи въ 1877—79 гг.», «Сборникъ матеріаловъ по гражданскому управленію и оккупации въ Болгаріи въ 1877—79 гг.». Рецензентъ ген. Усаковскій далъ о трудѣ чрезвычайно лестный отзывъ. Всѣмъ рецензентамъ назначены золотыя рецензентскія медали. Неполная премія въ 500 руб. за работу «Ломоносовъ, какъ физико-химикъ», присуждена Б. Н. Меншуткину. По отзыву акад. Бекетова, трудъ этотъ является въ высшей степени замѣчательнымъ, какъ по цѣли—разяснить истинное значеніе научной дѣятельности Ломоносова въ области физико-химическихъ наукъ, такъ и по необыкновенно тщательной разработкѣ литературныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ многіе разысканы только въ рукописяхъ и, кромѣ того, писаны на латинскомъ языкѣ. Далѣе, акад. Н. П. Кондаковъ прочелъ отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности за 1907 годъ. Отчетъ, прежде всего, указываетъ на поднятый отдѣленіемъ вопросъ объ изданіи академической бібліотеки русскіхъ писателей, для чего сформирована особая комиссія. Комиссія по изданію сочиненій Пушкина, въ видахъ ускоренія выхода ихъ въ свѣтъ, нѣсколько измѣнила планъ изданія сочиненій поэта: именно, транскрипція всѣхъ черновыхъ рукописей поэта будетъ отнесена въ особые томы, которые выйдутъ впоследствии. Въ настоящее время вышелъ второй томъ переписки Пушкина, а также 5-ый выпускъ издаваемого комиссіей журнала «Пушкинъ и его современники». Изданіе полнаго

собранія сочиненій императрицы Екатерины II-й въ настоящее время заканчивается; вышелъ въ свѣтъ 12-ый томъ съ автобіографическими записками императрицы и съ приложеніемъ 15-ти геліографюръ и одного офорта, представляющихъ въ большинствѣ разновременные портреты самой императрицы и особъ ея семьи. Комиссія по разбору и изданію архива Тургеневыхъ въ настоящее время готовится къ изданію различную переписку, а также занята описаніемъ архива, чтобы по окончаніи представить его матеріалы для пользованія всѣмъ желающимъ. Памятники древне-русской письменности, относящіяся къ св. Владимиру и къ Борису и Глѣбу, начнутъ выходить съ будущаго года. Кромѣ того, отдѣленіе командировало различныхъ лицъ для ученыхъ изслѣдованій и оказывало содѣйствіе въ научныхъ поѣздкахъ. Начатое ранѣе печатаніе матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка и словаря литовскаго языка успѣшно подвигается впередъ. Точно также готовится матеріалъ для изданія энциклопедіи славяновѣднія. Наконецъ, принято печатаніе сочиненій покойнаго акад. А. М. Веселовскаго, которое составитъ 28 томовъ. Въ теченіе года вышли также 2 тома сборника, 4 книжки «Извѣстій» и 1-ый томъ «Сборника статей», посвященныхъ акад. В. И. Ламанскому, по случаю 50-лѣтія его научной дѣятельности. Попрежнему производились работы по составленію діалектологической карты Россіи. Въ заключеніе прочитанъ отчетъ о присужденіи ломоносовскихъ премій. Всего на соисканіе преміи поступило три сочиненія. Заслуживающимъ награжденія половиною преміей, въ 500 руб., было признано лишь сочиненіе пр.-доц. Аничкова подъ заглавіемъ: «Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ». Рецензентъ проф. Сумцовъ находитъ, что сочиненіе это, несмотря на многочисленные недостатки, все-таки представляетъ изъ себя большой научный трудъ. Слѣдующее ближайшее присужденіе ломоносовскихъ премій по отдѣленію русскаго языка и словесности послѣдуетъ въ 1909 г., причѣмъ срокомъ для представленія сочиненій назначено 1-ое іюня.

Въ литературномъ фондѣ. Въ залѣ географическаго общества 30 декабря, въ часъ дня, подъ предсѣдательствомъ П. И. Вейнберга состоялись два общія собранія литературнаго фонда—обыкновенное и чрезвычайное. Первое изъ нихъ началось скорбнымъ заявленіемъ предсѣдателя о понесенныхъ фондомъ утратахъ въ лицѣ А. Н. Турчанинова, В. В. Комарова, А. А. Мурашкинцева и библіографа П. А. Ефремова. Память почившихъ была почтена вставаніемъ. Былъ затѣмъ прочитанъ секретарскій отчетъ, изъ котораго видно, что комитетъ фонда за 12 мѣсяцевъ имѣлъ 25 засѣданій, на которыхъ было рассмотрѣно 871 дѣло. Изъ нихъ просьбъ о пособіяхъ и безсрочныхъ ссудахъ было 448; изъ числа ихъ удовлетворено 284 на сумму 11,812 р. 15 к. и отклонено 164. Просьбъ о назначеніи новыхъ и возобновленіи старыхъ продолжительныхъ пособій, а также объ обращеніи послѣднихъ въ пенсіи было подано 76. Изъ нихъ удовлетворено 68 и отклонено 8. Просьбъ о пособіяхъ на воспитаніе дѣтей было 48; въ числѣ ихъ было 44 удовлетворенныхъ на сумму 3.020 р. и отклонено 4. О срочныхъ ссудахъ просило 29 лицъ. Изъ этого числа получили удовлетвореніе 17 лицъ на сумму 1,740 р. Отклонено 12 просьбъ. Пособія изъ капитала Дамича молодымъ ученымъ на научныя за-

нтя были выданы 3 лицамъ. Въ теченіе года комитетъ выступалъ нѣсколько разъ посредникомъ между писателями и издателями, хлопоталъ о помѣщеніи писателей и ихъ дѣтей въ лечебныя заведенія, а также о писателяхъ, подвергшихся правительственнымъ репрессіямъ; обсуждалъ вопросы о дальнѣйшемъ существованіи дома писателей, объ уничтоженіи выдачи срочныхъ ссудъ, о дарѣ г. Зензинова литературному фонду и т. д. Въ теченіе отчетнаго года комитетъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предѣдатель—П. И. Вейнбергъ, вице-предѣдатель—Ф. Д. Батюшковъ, казначей—Н. Ф. Анненскій и секретарь—В. Я. Яковлевъ-Богучарскій. Членами комитета были: К. С. Баранцевичъ, Н. И. Карѣевъ, Д. Н. Овсянко-Куликовскій, Л. Ф. Пантелѣевъ, А. С. Посниковъ, Э. Л. Радловъ, С. Е. Савичъ и П. Ф. Якубовичъ. Нынѣ по очереди выбываютъ: П. И. Вейнбергъ, Ф. Д. Батюшковъ, Л. Ф. Пантелѣевъ и Э. Л. Радловъ. Казначей Фонда Н. Ф. Анненскій прочелъ слѣдующій отчетъ о движеніи суммъ за годъ. Капиталы неприкосновенный и именныя на 1 января 1907 г. составляли 643,287 р. 8 коп. По 30 декабря поступило на приходъ 30,765 р. 5 к. По тотъ же срокъ израсходовано 13,736 р. 28 к.; на 30 декабря состоитъ 660,315 р. 85 к. Капиталъ расходный состоялъ изъ 32,595 р. 92 к. Изъ него израсходовано 31,849 р. 5 к. Принимая же въ расчетъ и обороты прошлыхъ лѣтъ, итоги сведены съ перерасходомъ въ 6,187 р. 1 к. Капиталъ ссудный на 1 января 1907 г. былъ 514 р. 45 к., въ теченіе года возросъ на 2,522 р. 12 к. За вычетомъ расходовъ осталось на 30 декабря 1907 г. 1,052 р. 77 к.; капиталъ Дамича за годъ съ 41,294 р. 38 к. возросъ до 41,639 р. 88 к.; капиталъ Голубева выражается цифрою 2,826 р. 33 к.; переходящія суммы съ 6,946 р. 89 к. возросли до 13,044 р. 56 коп. Въ общемъ на 1 января 1907 г. состояло 685,815 р. 5 к. и на 30 декабря въ остаткѣ состоитъ 709,866 р. 5 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 694,425 р. и наличными 15,441 р. 5 к. Для покрытія образовавшагося дефицита комитетъ фонда проектируетъ лотерею, на которой будутъ разыгрываться книги и всякія канцелярскія принадлежности; но, къ сожалѣнію, пожертвованія поступаютъ очень медленно. Въ видѣ этого предѣдатель обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ съ просьбою о пожертвованіи книгами и всякими изданіями. На послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ членовъ ревизіонной комиссіи избраны закрытою баллотировкою гг. Пѣшехоновъ, Семевскій, Ватсонъ, Клеменць, Котляревскій, Яроцкій и Морозовъ. Въ члены комитета на будущій годъ намѣчены: С. А. Венгеровъ, Д. А. Клеменць, Н. А. Котляревскій, В. Д. Краннихфельдъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, П. В. Мокіевскій, А. С. Пругавинъ и С. Н. Чириковъ. Избраніе этихъ послѣднихъ лицъ состоится въ годовомъ собраніи 2 февраля будущаго года. Выбора новыхъ членовъ фонда въ настоящемъ засѣданіи сдѣлано не было изъ принципиальныхъ соображеній—чтобы не заставлять ихъ платить членскій взносъ за истекающій годъ. Вслѣдъ за этимъ предѣдателемъ было открыто чрезвычайное общее собраніе, посвященное вопросу о пожертвованіи М. М. Зензиновымъ литературному фонду участка земли на Кавказѣ. Г-жа Зензинова, по соглашенію съ мужемъ своимъ М. М. Зензиновымъ, предлагаетъ фонду въ вѣчное владѣніе 2,400 кв. саж. въ селѣ Михайловѣ Сочинскаго округа, близъ г. Сочи. Жертвовательница предо-

ставляетъ фонду эксплуатировать. этотъ участокъ какъ ему будетъ угодно: фондъ можетъ возводить на немъ зданія за свой счетъ или же привлекая для этого жертвователей. Но главное условіе таково: участокъ этотъ и будущія зданія—предназначаются для призрѣнія писателей, бывшихъ илиссельбургскихъ узниковъ. Нѣкоторые матеріалы для постройки зданій—камень, известъ и т. д., которые найдутся на мѣстѣ подъ рукою, жертвовательница предоставляетъ фонду безвозмездно. Комитетъ и общее собраніе, обсуждая это предложеніе, нашли противорѣчіе между «вѣчнымъ владѣніемъ» на условіяхъ, которыя г-жа Зензинова предлагаетъ участокъ, и «пожизненнымъ пользованіемъ» будущихъ обитателей. Бывшіе писатели-узники, подчиняясь общему міровому закону, рано или поздно сойдутъ съ лица земли. Какъ тогда быть фонду? Является ли онъ тогда владѣльцемъ, разъ конечная цѣль, для которой участокъ пожертвованъ, исчерпана? Постановлено общимъ собраніемъ: поручить комитету фонда войти съ жертвовательницей въ соглашеніе, по которому: а) купчая или дарственная на участокъ должна быть совершена юридически на имя фонда безъ всякихъ условій, и б) условія о томъ, какъ эксплуатировать и кого именно призрѣвать на этомъ участкѣ, выработать по соглашенію съ жертвовательницей независимо отъ совершенія купчей. Такимъ образомъ выполнить требованіе относительно писателей-узниковъ является для фонда обязательствомъ нравственнымъ. Кромѣ того, фондъ на себя никакихъ обязательствъ по постройкѣ будущихъ зданій и по надзору за ними принять на себя не можетъ. О результатахъ всего этого должно быть доложено одному изъ будущихъ общихъ собраній.

30-лѣтіе императорскаго сиб. археологическаго института. 15 января чествовалось исполнившееся 30-лѣтіе со дня основанія императорскаго сиб. археологическаго института. Передъ молебномъ священникъ кронштадтскаго собора Поповъ сказалъ слово о значеніи археологическаго института для изученія Россіи. Послѣ молебствія А. П. Талантовъ прочелъ письмо министра народнаго просвѣщенія, который извѣстилъ, что Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволить объявить высочайшую благодарность директору института Н. В. Покровскому за выдающіеся труды въ теченіе 30 лѣтъ на пользу и процвѣтаніе императорскаго сиб. археологическаго института; чтенію высочайшей благодарности сопутствовали гимнъ и «ура». Затѣмъ Н. В. Покровскій прочелъ историческій очеркъ института, отгѣнивъ въ особенности труды его перваго директора Н. В. Калачова и послѣдующихъ—П. Е. Андреевскаго и А. Н. Труворова. Въ настоящее время причиной, стѣсняющей дѣятельность и института и развитіе его библиотекъ и музеевъ, остаются недостаточность средствъ и отсутствіе собственнаго помѣщенія, заставляющее институтъ перекочевывать съ Васильевскаго острова на Ивановскую, Садовую и т. д. За время своего существованія институтъ далъ 23 выпуска съ 1,046 окончившими его курсъ. Князь П. А. Путятинъ и К. А. Шапошниковъ особо охарактеризовали свѣтлую личность Н. В. Калачова, а П. С. Яковлевъ (перваго выпуска) очертилъ въ отдѣльности профессорскую дѣятельность Бестужева-Рюмина, И. П. Срезневскаго, А. Н. Майкова, А. Ф. Бычкова, Е. Е. Замысловскаго и Н. В. Покровскаго. Дѣйствительный членъ института П. В. Потѣхинъ про-

цель въ стихахъ привѣтствіе институту. Затѣмъ депутаціями были прочтены и поднесены привѣтственные адреса: отъ совѣта императорскаго московскаго археологическаго института—ген. Глазовымъ, отъ императорскаго русскаго военно-историческаго о-ва—ген. Скалономъ, отъ костромской ученой архивной комиссіи—студентомъ И. Н. Виноградовымъ и отъ нынѣшнихъ слушателей института—поручикомъ л.-гв. Московскаго полка Карамышевымъ. Въ заключеніе, отъ нынѣшнихъ и бывшихъ слушателей института, профессоровъ и почитателей Н. В. Покровскаго, профессоръ Шлякинъ прочелъ и преподнесъ грамоту, составленную языкомъ XVII столѣтія, Никонской лѣтописи и Степенной книги; грамота написана на пергаментѣ г.-м. И. В. Котляровымъ и его сыномъ, по образцу грамотъ, выданныхъ М. Ѳ. Романовымъ боярину Ушакову и другая—кн. Пожарскому. Грамоты въ бархатномъ бюварѣ съ печатью и все заключено въ дорогой серебряный ларецъ въ русскомъ стилѣ XVII вѣка, по рисунку академика Парланда, работы Оловянишникова. Чествованіе археологическаго института и его маститаго директора отличалось рѣдкой задушевностью.

Археологическія раскопки А. Хребтова въ Межигорьѣ. Раскопки, производимыя г. Хребтовымъ въ Межигорскомъ монастырѣ близъ Кіева, ведутся нѣсколько лѣтъ подъ рядъ; о работахъ 1906 г. нами было сообщено въ юньской книжкѣ 1907 г., въ статьѣ «Межигорье».

Прошлымъ лѣтомъ работы производились на горѣ Пекарнитской, въ Анастасьевской пещерѣ, но уже во вновь открытыхъ ходахъ, идущихъ отъ Днѣпра на западъ, въ глубь горы; первый найденный коридоръ тянется на нѣсколько саженъ и расположенъ ниже главной галереи на два аршина; все его протяженіе идетъ параллельно верхней, объемъ его очень не великъ, квадратный аршинъ съ четвертью, заканчиваясь рядомъ уступовъ; тотъ же самый характеръ носить и другой открытый коридоръ, но значительно короче, въ 2 арш., расположенъ южнѣе отъ открытаго и лежитъ еще глубже къ водѣ.

Мѣстные сторожилы рассказываютъ: лѣтъ 10—15 назадъ на линіи съ главной галереей находился еще ходъ южнѣе, но небольшой и отъ времени обвалился и сползъ въ воду.

Исслѣдователь пещеръ-коридоровъ приходитъ къ заключенію, что открытые коридоры, сохранившіеся до нашихъ дней, служили рядомъ келій для жившей здѣсь братіи въ XVI—XVII ст.

Бывшій храмъ на этомъ мѣстѣ уже давно подмытъ водой, и остатки его въ прошломъ столѣтіи унесены волнами Днѣпра. Возобновленъ храмъ въ послѣднее время въ 1723 г., нося названіе Онуфріевской пещерной церкви—въ память Петра Аѳонскаго и преподобнаго Онуфрія, — основанный игуменомъ Онуфріемъ въ 1555 г.; это единственный начальникъ Межигорья, за все его существованіе, носящій имя Онуфрія.

50-тилѣтній юбилей профессора В. И. Сергѣевича. 5 января исполнилось 50-лѣтіе учено-литературной и служебно-общественной дѣятельности заслуженнаго профессора спб. университета, доктора государственнаго права Василія Ивановича Сергѣевича. В. И. родился въ городѣ Орлѣ и полу-

чилъ образованіе сперва въ орловскомъ Бахтина кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ 4-й московской гимназіи, по окончаніи курса въ которой, въ 1852 г. поступилъ въ московскій университетъ на юридическій факультетъ. В. И. началъ службу учителемъ законовѣднія въ первой московской гимназіи, а въ 1862 г. получилъ заграничную командировку для приготовленія къ профессорскому званію; онъ занимался преимущественно въ Гейдельбергѣ, подъ руководствомъ Блунчли, Цейфля, Рено, Миттермайера и Вангерова. По защитѣ диссертациі «Вѣче и князь» на степень магистра государственнаго права, В. И. былъ избранъ въ 1868 г. доцентомъ по кафедрѣ государственнаго права въ московскомъ университетѣ. Въ 1871 г. защитилъ диссертацию «Задача и методъ государственныхъ наукъ» на степень доктора и въ томъ же году былъ избранъ профессоромъ, а въ 1872 г. занялъ кафедру исторіи русскаго права въ петербургскомъ университетѣ. За свои ученые труды В. И. былъ избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета. Въ 1907 г. былъ избранъ членомъ государственнаго совѣта. Какъ крупныя работы В. И., такъ и журнальныя статьи его отличаются свѣжестью и оригинальностью выводовъ, всегда строго обоснованныхъ на тщательномъ изученіи источниковъ. Написаны онѣ образцовымъ по простотѣ, ясности и образности литературнымъ языкомъ. Первый большой трудъ В. И. «Вѣче и князь» впервые установилъ правильную схему государственнаго устройства древне-русскихъ княжествъ. Въ докторской диссертациі подвергнуты критикѣ способы изслѣдованія нѣмецкихъ политическихъ писателей. Большими научными достоинствами отличаются его статьи: «Право и государство въ исторіи», «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ». Въ 1890 г. появился первый томъ капитальнаго труда «Русскія юридическія древности», представляющаго собою начало новой переработки исторіи русскаго права до конца XVII в. Этотъ новый трудъ задуманъ въ широкихъ размѣрахъ и стоитъ въ ряду самыхъ выдающихся явленій русской исторической литературы. Не меньшаго вниманія заслуживаютъ: «Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права» (1890—1893 гг.). Онъ редактировалъ тѣ томы «Сборника императорскаго русскаго историческаго общества», которые заключаютъ въ себѣ матеріалы Екатерининской комиссіи. Вообще же В. И. является сторонникомъ сравнительнаго изученія историческаго права, стремится прослѣдить въ исторіи русскаго права его общеевропейскія начала. Въ своихъ трудахъ онъ доказываетъ господство въ древней Руси индивидуальнаго, а не родового и общиннаго начала, что въ особенности ярко сказывается на междукняжескихъ отношеніяхъ. Множество искреннихъ почитателей ученаго и представителей различныхъ учреждений являлись въ этотъ день на квартиру юбиляра, чтобы принести ему свои поздравленія, со всѣхъ концовъ Россіи были получены привѣтственныя телеграммы, но юбиляръ уклонился отъ чествованія и выѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву.

50-тилѣтній юбилей А. А. Зейфарта. Въ пятницу 14 декабря исполнилось 50 лѣтъ службы въ Николаевской академіи генеральнаго штаба преподавателя въ ней съемки и черченія, генераль-лейтенанта Александра Александровича Зейфарта. Этотъ безпримѣрный юбилей былъ ознаменованъ избраніемъ юбиляра въ почетные члены академіи, и вечеромъ академическая семья

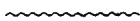
чествовала его объѣдомъ въ ресторанахъ Донона. А. А. Зейфартъ родился въ 1835 г., т. е. всего тремя годами позже основанія академіи, и по окончаніи отличнѣйшимъ въ 1854 г. инженерной академіи, а въ 1857 г. — по первому разряду академіи генеральнаго штаба, былъ въ томъ же году въ чинѣ поручика оставленъ при академіи преподавателемъ черченія. И вотъ цѣлые полвѣка, до генераль-лейтенантскаго чина, онъ занимаетъ ту же должность, продолжая, несмотря на преклонные годы, съ неизмѣннымъ трудолюбіемъ и неизсякаемой, чисто юношеской энергіей пропускать черезъ свои руки ряды поколѣній будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Дѣло преподаванія съемки и черченія трудами юбиляра поставлено въ академіи на прочныхъ основаніяхъ, что (какъ это было отмѣчено въ застольныхъ рѣчахъ) сказалося особенно ярко въ Манчжуріи, когда войска наши послѣ отступленія отъ Ляояна попали въ районъ, гдѣ не было готовыхъ картъ. Только благодаря школѣ А. А. оказалось возможнымъ въ самый короткій срокъ осуществить рядъ маршрутныхъ съемонокъ и изъ нихъ создать нужную карту. Среди учениковъ своихъ А. А. пользуется неизмѣнными любовью и уваженіемъ. Отпраздновавъ съ академіей уже три ея юбилея (25, 50 и 75-лѣтіе), онъ самъ празднуетъ второе пятидесятилѣтіе. Первый полувѣковой юбилей его службы въ офицерскихъ чинахъ былъ въ свое время отмѣченъ поднесеніемъ ему прочувствованнаго адреса и образованіемъ особаго капитала имени А. А. Зейфарта для выдачи ежегодной преміи лучшему по съемкамъ и черченію офицеру. А. А. Зейфартъ — живая хроника академіи и неразрывно связанъ съ нею. Сохранивъ живую наблюдательность и ясность ума, при высокихъ качествахъ души, онъ является незамѣнимымъ въ учебно-административномъ ея составѣ, и потому всѣ его ученики и почитатели дружно объединились въ горячемъ пожеланіи ему крѣпости и силъ душевныхъ и тѣлесныхъ еще на многіе годы на пользу родной alma mater.

Чествованіе Л. Б. Бертенсона. Несмотря на заявленіе, сдѣланное заранее, что лейбъ-медикъ Л. Б. Бертенсонъ отказался праздновать 35-лѣтіе своей дѣятельности и даже самъ не былъ дома 16 декабря, почитатели, пациенты, товарищи и сослуживцы его съ утра воскресенья въ теченіе всего дня приносили и присылали свои поздравленія. Кромѣ того, Л. Б. получилъ изъ Петербурга, изъ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы огромное число телеграмъ и письменныхъ привѣтствій, въ томъ числѣ отъ министровъ В. Н. Кокцова, Н. К. Шауфуса, П. П. Извольскаго, управляющаго министерствомъ торговли и промышленности М. А. Остроградскаго, а также отъ членовъ г. совѣта А. С. Ермолова, М. Д. Дмитріева, А. Θ. Кони, В. В. Верховскаго, П. М. Лазарева и друг. Привѣтствовали юбиляра множество литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ, артистовъ, ученыхъ, между ними П. Д. Боборыкинъ, П. И. Вейнбергъ, С. И. Смирнова, О. Н. Чюмина-Михайлова, Г. К. Градовскій, Θ. И. Булгаковъ, В. В. Розановъ, М. М. Ивановъ, Н. Н. Фигнеръ, Н. А. Фриде, Э. Ф. Направникъ, проф. Г. В. Хлопинъ, Т. П. Павловъ, Н. Н. Феноменовъ, лейбъ-хирурги Кудринъ и Н. А. Вельяминовъ, проф. С. В. Шидловскій, лейбъ-окулистъ Н. И. Тихомировъ, докторъ А. А. Трояновъ, начальникъ военно-медицинской академіи А. Я. Давилевскій и мн. др. Изъ иногородныхъ

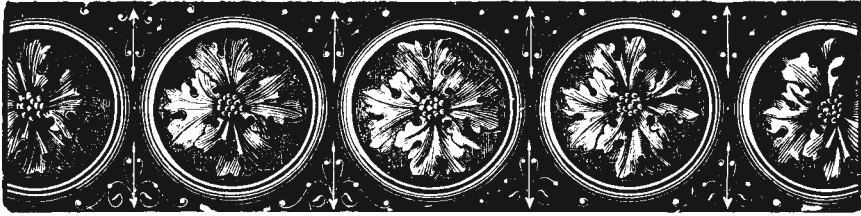
привѣтствій слѣдуетъ упомянуть о телеграмахъ нашего французскаго посла М. Бомпара изъ Парижа, епископа тамбовскаго Иннокентія, выражающаго между прочимъ свою признательность за труды Л. Б. въ синодскомъ совѣщаніи по вопросамъ о поводахъ къ разводу. Изъ коллегіальныхъ привѣтствій заслуживаютъ вниманія письма-адресы отъ медицинскаго совѣта, литературнаго фонда, отъ бывшихъ ученицъ Рождественскихъ курсовъ, врачей Николаевскаго военнаго госпиталя и Благовѣщенскаго лазарета, Французской больницы и друг. Въ письмѣ-адресѣ литературнаго фонда высказывается признательность юбиляру за его неустанныя заботы и врачебную помощь труженикамъ литературы, изъ которыхъ очень многіе обязаны ему восстановленіемъ своего здоровья. Поздравительныхъ подношеній было тоже очень много, въ особенности цвѣтовъ, которые превратили квартиру Л. Б. въ настоящую оранжерею.

Русскій литературно-артистическій клубъ въ Парижѣ. Все увеличивающійся потокъ вольныхъ и невольныхъ выходцевъ изъ Россіи давно уже создалъ необходимость въ какомъ-нибудь объединяющемъ центрѣ, гдѣ заброшенные на чужбину русскіе могли бы находить другъ друга и узнавать другъ о другѣ. Особенно острую нужду въ этомъ ощущали прикосновенныя къ міру литературы и искусства лица, которымъ чрезвычайно трудно добиться чего бы то ни было въ Парижѣ, гдѣ безъ знанія специфическихъ условій парижской жизни, безъ протекціи и большихъ средствъ совершенно невозможно проложить себѣ дорогу. Съ цѣлью облегченія такимъ лицамъ первыхъ шаговъ, которые такъ трудны на парижской почвѣ, и основано темерь въ Парижѣ «Общество друзей литературы, искусства и науки». Общество ставитъ себѣ цѣлью оказаніе помощи и содѣйствія литераторамъ, артистамъ и ученымъ въ ихъ начинаніяхъ, устройство русскихъ художественныхъ выставокъ, концертовъ, литературныхъ чтеній и т. п. Благодаря любезному содѣйствію «Association des publicistes français», уступившей на первый годъ русскому «клубу» свое роскошное помѣщеніе (на Boulevard des Capucines, 4) подъ два вечера въ недѣлю, 2-го (15-го) января могло уже состояться открытіе клуба. Для открытія устроенъ былъ концертъ съ участіемъ г-жи Анненковой-Бернаръ, пѣвицы княгини Баратовой, молодой русской скрипачки Лола Тэзи, артиста В. Р. Гардина и французскихъ артистовъ Дюбуа и Буже. На долю всѣхъ исполнителей выпалъ шумный успѣхъ. Предсѣдателемъ новаго общества избранъ г-нъ Пытоевъ, делегатъ «Русскаго театральнаго общества» въ Парижѣ.

Къ 300-лѣтію дома Романовыхъ. 16 декабря Русскому собранію священникомъ А. В. Красовымъ былъ сдѣланъ докладъ о способахъ ознаменованія приближающагося 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. Предлагается устроить въ С.-Петербургѣ «Университетъ дома Романовыхъ» съ церковью во имя Θεодоровской Божіей Матери (Семейной иконы дома Романовыхъ), св. Николая чудотворца и преп. Михаила (ангела царя Михаила Θεодоровича, родоначальника дома Романовыхъ).

НЕКРОЛОГИ.

ГЕЙЕРЪ, И. И. Скончался Иванъ Ивановичъ Гейеръ, одинъ изъ пионеровъ издательскаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ, редакторъ-издатель ташкентской газеты «Средне-Азіатская Жизнь». Въ теченіе многихъ лѣтъ покойный былъ виднымъ дѣятелемъ среди ташкентской интеллигенціи. Имъ была основана первая частная независимая газета въ краѣ—«Русскій Туркестанъ». И. И. по своимъ убѣжденіямъ принадлежалъ къ сторонникамъ государственнаго порядка и твердой созидательной работы на русской окраинѣ, и въ дни революціонныхъ волненій, охватившихъ и Туркестанъ, ему приходилось выдерживать сильный натискъ противниковъ и горячо отстаивать свои взгляды на русское дѣло. Газета «Средне-Азіатская Жизнь», смѣнившая «Русскій Туркестанъ», подъ умѣлымъ руководствомъ покойнаго была честнымъ умѣреннымъ органомъ и бодрой выразительницей мѣстныхъ нуждъ и настроеній, освѣщаемыхъ съ русской точки зрѣнія. Это былъ неизмѣнно оппозиціонный органъ въ борьбѣ съ социалистическими вѣяніями, охватившими туземную инородческую среду. Кромѣ литературной и публицистической дѣятельности, И. И. за долгую бытность его въ Туркестанѣ являлся однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ сыръ-дарьинскаго военнаго губернатора по устроенію русскихъ поселеній въ области и принималъ живое участіе въ дѣлахъ мѣстной благотворительности; послѣдняя многимъ обязана покойному. Особенно проявлялась его полезная работа по Кауфманскому пріюту, основанному въ Ташкентѣ для призрѣнія бѣдныхъ дѣтей, въ память энергичнаго устроителя русской жизни въ Туркестанѣ, генерала Кауфмана. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.421).

† **Друри, М. В.** Скончавшійся инженеръ путей сообщенія Иванъ Васильевичъ Друри всю свою полувѣковую дѣятельность посвятилъ желѣзнымъ дорогамъ. Онъ участвовалъ въ постройкѣ Московско-Ярославской и Козлово-Воронежской дорогъ; на послѣдней былъ управляющимъ. Онъ состоялъ также при постройкѣ дорогъ въ Румыніи во время войны въ 1877 году. Послѣ выхода въ отставку въ 1889 году принималъ участіе въ правленіяхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ и сверхъ сего завѣдывалъ контрольною частью въ императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ. По иниціативѣ покойнаго въ 1886 г. образовалась вспомогательная касса инженеровъ путей сообщенія, достигшая, подъ его руководствомъ, весьма удовлетворительныхъ результатовъ по обезпеченію семействъ инженеровъ. Въ «Журналѣ Путей Сообщенія» и въ другихъ техническихъ журналахъ Друри помѣщалъ статьи, относящіяся до службы тяги. И. В. скончался 70 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.421).

† **Ерокинъ, В. В.** Скончавшійся въ Петербургѣ Викторъ Васильевичъ Ерокинъ былъ послѣднимъ представителемъ древняго рода Ерокиныхъ, потомковъ Владимира Мономаха. Покойный—сынъ героя Севастопольской обороны, В. М. Ерокина, родился въ 1848 году. Образование получилъ въ калужской классической гимназій, затѣмъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ на двухъ факультетахъ: физико-математическомъ и юридическомъ. Покойный съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности занялся распространеніемъ дешевыхъ научныхъ пособій въ народныхъ школахъ. Организовалъ въ Москвѣ техническую мастерскую на артельныхъ началахъ, и въ этой области работалъ всю жизнь. По просьбѣ друзей и товарищей, В. В. принялъ мѣсто директора писчебумажной фабрики Сергѣевыхъ въ Пензѣ и управлялъ ею 13 лѣтъ, основавъ въ Пензѣ дѣтскій садъ и образцовую школу, бібліотеку и потребительскую лавку. Попутно укрѣпилъ берега рѣки Суры, которая каждую весну своимъ разливомъ приносила не мало убытковъ. Въ 1884 году Ерокинъ перенесъ свою дѣятельность на восточный берегъ Чернаго моря и принялъ ближайшее участіе въ организаціи извѣстной интеллигентной колоніи «Криница». Ее, какъ свое дѣтище, онъ холитъ и лелѣялъ; построилъ церковь, гдѣ состоялъ ктитормъ по выборамъ, основалъ школу, бібліотеку, больницу, предполагая на старости лѣтъ отдыхать въ ней отъ трудовой своей жизни. Живото отзываясь на чужую нужду, онъ вѣчно хлопоталъ, ревностно, всей душой, помогая средствами и совѣтами, довѣряя всѣмъ и любя всѣхъ. Личной жизни онъ не имѣлъ и къ себѣ былъ строгъ; его девизъ—долгъ. Умеръ онъ 59 лѣтъ и, какъ борець съ людскою злобой и обманомъ, оставилъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ, кто зналъ его и съ кѣмъ онъ встрѣчался. (Некрологъ его: «Новое Время», 1908 г., № 11.431).

† **Зачинскій, А. Ф.** 4-го января скончался за нѣсколько дней предъ тѣмъ вышедшій въ отставку профессоръ императорскаго юрьевскаго университета Адамъ Францевичъ Зачинскій. Онъ родился въ 1854 г. въ Гродненской губерніи. По окончаніи курса въ гродненской гимназій съ золотою медалью въ 1874 году А. Ф. поступилъ въ томъ же году на юридическій факультетъ московскаго университета, гдѣ окончилъ курсъ въ 1878 году со

степенью кандидата правъ. Въ 1880 году онъ былъ оставленъ при московскомъ университетѣ стипендіатомъ для приготовления къ профессорскому званію. По выдержаніи магистерскаго экзамена въ 1883 году былъ командированъ за границу съ ученою цѣлью, по возвращеніи откуда пріобрѣлъ въ 1886 году званіе приватъ-доцента московскаго университета. Въ томъ же году и въ томъ же званіи онъ былъ приглашенъ ярославскимъ Демидовскимъ лицеемъ для чтенія лекцій по уголовному судопроизводству. Черезъ три года возвратился въ московскій университетъ. Но въ томъ же 1889 году назначенъ въ юрьевскій университетъ на кафедру энциклопедіи права въ качествѣ доцента, а въ 1893 году—и. д. экстраординарнаго профессора. Въ бытность въ Ярославлѣ имъ были напечатаны: «О началѣ государственнаго обвиненія 1887 г.», «Уголовное судопроизводство 1888 году» и «Программа по уголовному судопроизводству», съ указаніемъ литературы 1889 года. Тогда же и затѣмъ позже имъ напечатано нѣсколько рецензій и замѣтокъ юридическаго содержания въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (съ 1880 года по 1891 годъ онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго юридическаго общества), во «Временникѣ» Демидовскаго юридическаго лица, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и др. Въ Юрьевѣ А. Ф. былъ весьма выдающимся и энергичнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Съ 1892 года и по день своей смерти онъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьей Юрьево-Верроскаго округа, директоромъ юрьевскаго отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ и смотрителемъ арестнаго дома, съ 1893 года членомъ общества попеченія о недостаточныхъ студентахъ юрьевскаго университета (въ каковомъ обществѣ на первыхъ порахъ жизни послѣдняго исполнялъ трудныя обязанности казначея общества), съ 1894 года членомъ русскаго благотворительнаго общества въ гор. Юрьевѣ, съ 1897 года членомъ учено-литературнаго общества при юрьевскомъ университетѣ и т. д. Какъ профессоръ, А. Ф. послѣдовательно проводилъ тотъ взглядъ, что каждый долженъ прежде всего исполнять свои обязанности, чтобы быть достойнымъ пользоваться правами. Какъ лекторъ, онъ былъ весьма недюжиннымъ ораторомъ. Его лекціи вообще, а публичныя въ частности, отличались имъ очень тщательно и произносились съ большимъ искусствомъ. Какъ общественный дѣятель, А. Ф. отличался стойкостью и прямолинейностью своихъ убѣжденій, выдающеюся честностью и корректностью. Онъ былъ виднымъ русскимъ дѣятелемъ на онѣмъблѣй окраинѣ, гдѣ суждено ему было 18 лѣтъ съ пользою поработать на благо русскаго дѣла. Какъ товарищъ, онъ былъ рѣдкостный, что неоднократно отмѣчалось его сослуживцами, не упускавшими случая, когда возможно было бы подчеркнуть чисто товарищескія отношенія А. Ф. къ лицамъ одной съ нимъ профессіи. Какъ человекъ, А. Ф. выдавался гуманностью, правдивостью, готовностью помочь каждому своими совѣтами и средствами. Въ обращеніи своемъ къ окружающимъ онъ отличался обходительностью, теплотою душевною и большимъ вниманіемъ къ особенностямъ каждаго. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 12).

† **Зоценко, М. И.** 30 декабря художники проводили на Смоленское кладбище одного изъ извѣстныхъ мозаистовъ М. И. Зоценко, внезапно скончавшагося отъ разрыва сердца въ молодыхъ сравнительно годахъ. Изъ работъ

покойнаго извѣстны: громадный плафонъ на фасадѣ Суворовскаго музея, исполненный по оригиналу также недавно умершаго художника Шабунина и изображающій «Отѣздъ Суворова изъ села Кончанскаго». Затѣмъ царскія врата въ Исаакіевскомъ соборѣ, по оригиналу проф. Майкова, пророкъ Даніилъ въ томъ же соборѣ, по оригиналу проф. Живаго, и многія другія капитальныя мозаичныя работы. На кладбищѣ присутствовали: завѣдующій мозаичнымъ отдѣленіемъ императорской академіи художествъ П. П. Чистяковъ, академики П. Е. Мясоедовъ, И. И. Кудринъ, П. И. Рыжиковъ и почти всѣ художники мозаичнаго отдѣленія. Послѣ покойнаго осталась большая семья изъ восьми человѣкъ, изъ которой старшему сыну 16 лѣтъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію. (Некрологъ его: «С.-Петербург. Вѣдом.» 1908 г., № 1).

† **Малоземова, С. А.** 5-го января скончалась Софья Александровна Малоземова, профессоръ петербургской консерваторіи. Она родилась въ 1845 г., кончила курсъ Смольнаго монастыря и въ 1863 г. поступила въ только что тогда основанную консерваторію, которую и кончила въ 1866 г. по классу А. Г. Рубинштейна. Она принадлежала къ первому, быть можетъ, самому блистательному, во всякомъ случаѣ одному изъ наиболѣе блистательныхъ выпусковъ консерваторіи, на который было затрачено столько силъ и заботъ директоромъ А. Г. Рубинштейномъ и педагогическимъ персоналомъ молодого учрежденія и который въ свою очередь, доказалъ, что стоилъ этихъ заботъ. С. А. Малоземова на выпускномъ актѣ играла G-dur'ный концертъ Бетховена, сразу обративъ на себя вниманіе своею школою, прекрасною техникою и выдающеюся музыкальностью. Эти стороны были отмѣчены внослѣдствіи и за границу, когда въ періодъ 1872—1878 г. она концертировала вмѣстѣ съ Е. А. Лавровской въ Германіи и Франціи. Прекративъ концертную дѣятельность, она посвятила себя педагогикѣ сперва частнымъ образомъ, а съ 1887 г. вступивши въ преподавательскій персоналъ той консерваторіи, гдѣ получила художественное образованіе. Ея вступленіе совпало со вторичнымъ возвращеніемъ въ консерваторію А. Г. Рубинштейна въ качествѣ директора. Рубинштейнъ увидѣлъ тогда необходимость произвести чистку педагогическаго персонала консерваторіи. Въ числѣ новыхъ силъ была приглашена и Малоземова. Выборъ оказался безусловно удачнымъ. Одна изъ вѣрнѣйшихъ хранительницъ высокихъ завѣтовъ своего учителя и носительница традицій его школы, она и послѣ смерти его сохранила въ своемъ классѣ эти традиціи. Классъ ея былъ выдающимся по серьезному отношенію къ дѣлу какъ самого профессора, такъ и учащихся. Отсюда и блистательные результаты, достигнутыя ею въ классѣ, изъ котораго вышла масса превосходныхъ силъ. Назовемъ г-жъ Познанскую, Сандру Друкеръ, Баринову, сестеръ Штейнбергъ, Вендорфъ, г. Покровскаго и др. Всѣ обратили на себя вниманіе, а первыя три доставили своему профессору почетную извѣстность за границу. Послѣдній годъ сталъ для нея роковымъ, но въ первую половину его она продолжала руководить классомъ, занимаясь съ нимъ на дому, что, впрочемъ, дѣлала и раньше, во время безпорядковъ въ консерваторіи, когда нѣкоторые другіе товарищи ея предпочитали бросить классы на произволъ судьбы. Только послѣднее полугодіе она прекратила занятія и въ консерваторіи мѣсто ея заступила г-жа Баринава. Болѣзнь

подтачивала ея силы и наконецъ приняла оборотъ, не оставлявшій болѣе надежды. Скончалась она тихо и въ полной памяти. Кончина ея вызвала общія сожалѣнія всѣхъ знавшихъ ее лично или по ея общественной дѣятельности. Для ученицъ своихъ она была вѣрнымъ другомъ, на поддержку и участіе ея онѣ разсчитывали смѣло. Похоронена она въ Александро-Невской лаврѣ, на томъ кладбищѣ, гдѣ покоится и прахъ ея учителя, память о которомъ для нея была святынею. Сама она была прямымъ и добрѣйшимъ человѣкомъ; память о ней и объ ея трудовой плодотворной жизни долго не изгладится въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1908 г., № 11.431).

† **Мурашкинцевъ, А. А.** 21-го декабря с. г. послѣ тяжелой продолжительной болѣзни въ Петербургѣ скончался писатель по экономическимъ вопросамъ Александръ Андреевичъ Мурашкинцевъ. Покойный происходилъ изъ купеческой среды и родился въ 1857 году. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ въ началѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія, А. А. нѣкоторое время былъ земскимъ статистикомъ и въ качествѣ такового работалъ въ губерніяхъ Рязанской, Курской и Саратовской. Съ открытіемъ Крестьянскаго банка А. А. поступилъ на службу въ это учрежденіе сначала въ центральное его управленіе, а затѣмъ управляющимъ отдѣленія въ Смоленскѣ, гдѣ и проявилъ энергичную дѣятельность, такъ что смоленское отдѣленіе считалось образцовымъ. Крестьянскимъ банкомъ въ то время руководили Е. Э. Картавцовъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, покойный В. Ю. Скалонъ и др. Въ началѣ 90-хъ гг. по обстоятельствамъ личнаго характера А. А. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ на службу въ министерство финансовъ, въ которомъ и служилъ почти всю свою остальную жизнь. Покойный интересовался экономической стороною жизни; при этомъ, придавая огромное значеніе печатному слову, онъ постоянно старался дѣлиться своими наблюденіями, а потому, куда бы судьба его ни забросила, онъ всегда принималъ живое участіе въ мѣстной періодической прессѣ прогрессивнаго направленія, сотрудничалъ и въ столичныхъ журналахъ и газетахъ. Многочисленныя статьи и корреспонденціи А. А. встрѣчались въ провинціальныхъ: «Суджанскомъ Еженедѣльникѣ», «Саратовскомъ Листкѣ», «Волгарѣ», «Смоленскомъ Вѣстникѣ». Изъ столичныхъ изданій покойный писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (съ 1879 г.), «Новостяхъ», «Сынѣ Отечества» (ред. покойнаго С. Н. Кривенко) и въ журналахъ «Русскомъ Богатствѣ», «Дѣлѣ», «Недѣлѣ» и др. Народникъ по убѣжденію, покойный А. А. остался вѣрнымъ своимъ идеаламъ и всегда работалъ надъ проведеніемъ ихъ въ жизнь. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1907 г., № 296).

† **Полотебновъ, А. Г.** Въ ночь на 31 декабря скончался послѣ тяжелой болѣзни профессоръ Алексѣй Герасимовичъ Полотебновъ. Покойный пользовался почетной и заслуженной репутаціей знатока кожныхъ болѣзней. Онъ одинъ изъ первыхъ выяснилъ извѣстную связь кожныхъ заболѣваній съ страданіями различныхъ внутреннихъ органовъ и нервной системы, обратилъ вниманіе на необходимость тщательнаго изслѣдованія болѣзней кожи и принесъ громадную пользу не только личной борьбой съ кожными заболѣваніями, но и

созданіем цѣлой школы врачей по своей спеціальности. А. Г. родился въ 1838 г., воспитывался въ рязанской духовной семинаріи, кончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ 1864 г. съ золотой медалью и былъ оставленъ при академіи въ качествѣ ассистента клиники С. П. Боткина. Послѣ защиты диссертациі «О склерозѣ артеріальной системы, какъ причивѣ послѣдовательнаго страданія сердца» на степень доктора медицины, отправился за границу для пополненія своихъ знаній. Вернувшись въ академію, былъ приглашенъ приватъ-доцентомъ кожныхъ и сифилитическихъ болѣзней и съ 1871 г. по 1894 г. не разставался съ военно-медицинской академіей, будучи съ 1876 г. адъюнктъ-профессоромъ, затѣмъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ дерматологіи. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ трудовъ по его спеціальности: «Современное состояніе дерматологіи въ Россіи», «Введеніе въ курсъ дерматологіи», «Рожа, леченіе и аномальныя формы», «Нервныя страданія кожи», монографія «Растительныя организмы, какъ причина заразныхъ болѣзней», «Патологическое значеніе плѣсени» и др.; наиболѣе значительныя изъ нихъ переведены на нѣмецкій языкъ. Еще большее количество работъ произведено подъ его руководствомъ его учениками; работы эти изданы въ двухъ выпускахъ «Дерматологическихъ изслѣдованій изъ клиники профессора Полотебнова». Многіе изъ его учениковъ (напримѣръ, Зеленковъ и Стуковенковъ) заняли впоследствіи профессорскія кафедры и своими трудами еще болѣе освѣтили темную до него область кожныхъ заболѣваній. Какъ человекъ, А. Г. отличался замѣчательной простотой и внимательностью; онъ пользовался симпатіями какъ своихъ учениковъ, такъ и многочисленныхъ больныхъ. Умеръ онъ на 70 году трудовой жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.425).

† **Погожева, А. В.** 12-го января въ Ялтѣ скончалась одна изъ видныхъ дѣятельницъ по народному образованію, Анна Васильевна Погожева. Окончивъ курсъ въ Смольномъ институтѣ, А. В. въ концѣ 80-хъ годовъ поселилась въ Москвѣ и здѣсь въ теченіе многихъ лѣтъ принимала дѣятельное участіе въ народно-просвѣтительныхъ работахъ. Центромъ этой дѣятельности въ Москвѣ былъ тогда комитетъ грамотности, въ члены котораго вступила и А. В. Ея участіе въ работахъ комитета главнымъ образомъ сосредоточивалось въ комиссіи по воскреснымъ школамъ для взрослыхъ. Къ тому времени она уже стояла во главѣ одной изъ такихъ школъ. Принимая самое дѣятельное и близкое участіе въ жизни школы, она хорошо знала бытъ рабочихъ и ихъ образовательныя запросы. Ея поѣздки за границу и знакомство съ иностранной литературой по вопросамъ народнаго образованія сдѣлали ее еще болѣе компетентной при обсужденіи въ комитетѣ грамотности разныхъ проектовъ, касающихся просвѣщенія взрослого населенія. Благодаря ея выдающемуся организаторскому таланту и ея прекрасному отношенію къ товарищамъ по работѣ, руководимыя ею воскресныя школы быстро сдѣлались крупнымъ просвѣтительнымъ центромъ среди рабочаго населенія города. Въ ея школѣ охотно работали большой кружокъ интеллигенціи; число учащихся достигло четырехсотъ человекъ. Библиотека же, бывшая при школѣ, безплатно снабжала многія сотни рабочихъ. Будучи аристократкой по происхожденію и образованію, А. В. была

глубоко убѣжденной, сознательной демократкой. Интересы народа были всегда ея интересами. Работая много надъ просвѣщеніемъ трудящейся массы, она приходила на помощь ей и въ другихъ ея нуждахъ. Ея работа среди голодающихъ крестьянъ и привлеченіе къ той же работѣ другихъ навсегда останутся памятниками ея живой отзывчивости на народное горе. Одна изъ поѣздокъ ея въ Англію, гдѣ она ознакомилась съ тамошними народными домами, натолкнула ее на мысль устроить такой домъ у насъ въ Москвѣ. И мысль эта получила осуществленіе. На Смоленскомъ бульварѣ ея усиліями былъ созданъ рабочий клубъ, много содѣйствовавшій объединенію рабочихъ. А. В. работала также въ литературѣ, главнымъ образомъ какъ переводчица съ иностранныхъ языковъ. Темами ея литературныхъ работъ, если не считать того, что печаталось въ дѣтскихъ журналахъ, почти неизмѣнно были нужды рабочаго класса. (Некрологъ ея: «Русскія Вѣдом.», 1908, г. № 14).

† **Прошьянцъ, П.** Недавно скончался одинъ изъ старѣйшихъ представителей современной армянской литературы, романистъ П. Прошьянцъ (род. въ 1837 года) Въ его лицѣ закавказскіе армяне лишились одного изъ лучшихъ, притомъ наиболѣе раннихъ изобразителей деревенской, крестьянской жизни, о которой сравнительно мало знаетъ русская публика, сталкивающаяся преимущественно съ армянскою буржуазіей и по ней судящая иногда обо всѣхъ армянахъ. Начало литературной дѣятельности Прошьянца относится къ той порѣ невиданнаго раньше оживленія и пробужденія общества отъ многовѣкового сна и застоя, которая совпала для російскихъ армянъ, — въ значительной степени подъ вліяніемъ того, что переживало въ это время русское общество, — съ концомъ 50-хъ и началомъ 60-хъ годовъ минувшаго вѣка. Первый романъ его появился въ 1860 году. Почти во всѣхъ главныхъ своихъ произведеніяхъ («Сосѣ и Вардитѣръ», «Изъ-за хлѣба», «Тля», «Яблоко раздора» и др.) Прошьянцъ, армянскій народникъ старшаго поколѣнія, отводитъ много мѣста изображенію хорошо ему знакомаго деревенскаго быта. Обнаруживая теплое, дышащее неподдѣльною симпатіей отношеніе къ народу, Прошьянцъ вмѣстѣ съ тѣмъ является во многихъ случаяхъ беллетристомъ-этнографомъ; его романы содержатъ въ себѣ богатый и разнообразный фактическій матеріалъ. Онъ описываетъ жизнь крестьянина въ теченіе всего года, различные обычаи, повѣрья, полевая работа, церковные и народные праздники, пирушки, вечеринки, сельскій сходъ, рыбную ловлю, свадебные обряды, встрѣчу важнаго должностнаго лица и пр. Очень часто беллетристъ выводитъ весьма симпатичныхъ, иногда, быть можетъ, нѣсколько идеализированныхъ, представителей крестьянства, которыхъ ставитъ въ примѣръ горожанамъ, — честныхъ, стойкихъ, трудолюбивыхъ; выступаютъ у него подчасъ и смѣлые борцы за правду и справедливость, деревенскіе идеалисты, отстаивающіе интересы бѣдняковъ, борющіеся съ ихъ эксплоатаціей и безсовѣстнымъ обираниемъ, въ то время какъ другіе мирятся съ этимъ и молчатъ. На ряду съ этимъ романистъ правдиво отмѣчаетъ и отрицательныя явленія деревенской жизни, обличаетъ кулаковъ, кабатчиковъ или заправилъ сельской общины, наживающихся на ея счетъ. Много вниманія удѣляетъ онъ положенію женщины въ крестьянскомъ быту, возставая противъ установив-

шагося съ давнихъ поръ подѣ турецкимъ или персидскимъ вліяніемъ затворничества и порабощенія женщины, обрисовывая длинный рядъ женскихъ образовъ, иногда производящихъ весьма грустное впечатлѣніе. Прошьянецъ дѣйствовалъ также и на педагогическомъ поприщѣ— до временнаго закрытія армянскихъ школъ—и какъ журналистъ, и какъ одинъ изъ пионеровъ армянскаго театра. На русскій языкъ переведено нѣсколько главъ изъ его двухъ лучшихъ романовъ: на нѣмецкій—весь романъ «Изъ-за хлѣба» (подъ названіемъ «Сако»). (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1907 г., № 293).

† **Путерень, М. Д.** 6 января скончался главный врачъ воспитательнаго дома, докторъ медицины Михаилъ Дмитриевичъ ванъ-Путерень, занимавшій этотъ постъ въ теченіе послѣднихъ семнадцати лѣтъ своей жизни. Родился онъ въ 1853 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ окончилъ дворянскій институтъ императора Александра II, а высшее образование получилъ въ петербургской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ и Вѣнѣ. По возвращеніи изъ-за границы избралъ своею спеціальностью дѣтскія болѣзни и сталъ ассистентомъ проф. Н. И. Быстрова. Въ 1889 г. удостоился званія доктора медицины послѣ блестящей диссертации «Матеріалы для физиологіи желудочнаго пищеваженія у грудныхъ дѣтей въ первые два мѣсяца жизни». Въ слѣдующемъ году былъ приглашенъ приватъ-доцентомъ въ военно-медицинскую академію, но вскорѣ перешелъ въ воспитательный домъ, гдѣ и прослужилъ до конца своей жизни. Здѣсь М. Д. настолько выдѣлился своими познаніями, трудами и энергичной дѣятельностью, что чрезъ два года былъ назначенъ главнымъ врачомъ и командированъ за границу для изученія положенія воспитательныхъ домовъ въ Европѣ; результатомъ этой поѣздки былъ обширный его трудъ «О прирѣннн брошенныхъ дѣтей». Перу покойнаго принадлежатъ многочисленныя научныя работы по избранной имъ спеціальности, между прочимъ: «О питаніи дѣтей», «О прирѣннн сифилитиковъ въ воспитательномъ домѣ» и др. Но вкладомъ въ литературу, по полнотѣ и богатству собраннаго матеріала, знатоки считаютъ его послѣдній трудъ, совершенно законченный и выходящій на днѣхъ въ свѣтъ, касающійся историческаго обзора внѣбрачныхъ дѣтей и подкидышей и положенія этого дѣла у насъ и за границей. Какъ человекъ, покойный ванъ-Путерень отличался чрезвычайной отзывчивостью и пользовался общимъ уваженіемъ и симпатіями, всѣхъ знавшихъ его лично. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.441).

† **Розень, В. Р.** 10 января смерть унесла въ могилу извѣстнѣйшаго ориенталиста, профессора арабской словесности, ординарнаго академика императорской академіи наукъ, бывшаго декана восточнаго факультета спб. унверситета и предѣдателя восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества барона Виктора Романовича Розена. Покойный пользовался заслуженной популярностью и любовью среди своихъ друзей, товарищей, сослуживцевъ и многочисленныхъ учениковъ. В. Р. родился въ 1849 году. По окончаніи курса на восточномъ факультетѣ спб. университета, онъ отправился за границу доканчивать свое ученое образование въ Лейпцигѣ, къ знаменитому въ то время профессору Флейшеру. Въ 1872 г., онъ, послѣ защиты соотвѣтствующей диссертации, удостоенъ былъ степени магистра, а

въ 1883 году получилъ степень доктора арабской словесности. Въ 1893 году онъ былъ назначенъ деканомъ восточнаго факультета, а въ 1895 г. сталъ во главѣ восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. В. Р. извѣстенъ, какъ авторъ многочисленныхъ трудовъ по избранной имъ отрасли. Прежде всего, въ «Запискахъ восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества» покойный въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ помѣстилъ довольно значительное число мелкихъ статей, замѣтокъ, рецензій и рефератовъ. Изъ трудовъ усопшаго наиболѣе извѣстны: «Древне-арабская поэзія и ея критика», «Императоръ Василій болгарскій», «Замѣтка о лѣтописяхъ Агація Манбиджскаго», «Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ», «Notiz über eine merkwürdige arab. Handschrift», «Zur arab. Literaturgeschichte der ältern Zeit», «Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales», «Notices sommaires de manuscrits arabes du Musée Asiatique», «Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales», «Collections scientifiques de l'Institut de langues orientales», «Remarques sur les manuscrits orientaux de la collection Marsiglia Bologne, suivies de la liste complète des manuscrits arabes de la même collection» etc., etc. (Некрологъ его: «Спб. Вѣдом.» 1908 г., № 9).

† **Росоловскій, В. С.** Умеръ Вячеславъ Сильвестровичъ Росоловскій, сотрудникъ «Нов. Врем.» съ самаго основанія газеты (со времени изданія ея еще гг. Устряловымъ и Трубниковымъ), писавшій постоянно и много на ея столбцахъ, хотя рѣдко выставившій подъ статьями свое имя. Обладая живымъ и отзывчивымъ умомъ и сердцемъ, задорный безъ злобы, полемистъ безъ мелочности и самолюбія, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мало замѣтныхъ для публики, необходимыхъ внутреннихъ колесъ, силою и сдѣлaniemъ которыхъ идетъ громадное дѣло большой политической газеты. Уроженецъ гор. Казани (родился 7 января 1849 г.), онъ былъ происхожденіемъ татаринъ, какъ Бабствъ и Киттары, но татаринъ уже православный. Окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету. Вся его жизнь была положена на литературу или, точнѣе, ушла въ газетное дѣло, гдѣ искусство пера такъ неотдѣлимо переплетается съ чисто техническими качествами неустаннаго и разнообразнаго работника. Въ этомъ отношеніи онъ былъ незамѣнимымъ сотрудникомъ, между прочимъ по чрезвычайному разнообразію вопросовъ и сторонъ жизни, которые волновали его душу и занимали умъ. Поэтому онъ писалъ на множество темъ, начиная съ музыкальной критики и кончая политическими обзорами, военными корреспонденціями и статьями о спиритизмѣ, гипнотизмѣ, загробномъ мірѣ и проч.; послѣднее — предметъ его особеннаго вниманія и интереса. Центръ его дѣятельности падаетъ на время турецкой кампаніи, когда онъ былъ два мѣсяца корреспондентомъ на поляхъ Болгаріи, былъ подъ Плевной и на Шипкѣ. Тамъ сложился и его культъ М. Д. Скобелева. Какъ это нерѣдко случалось съ людьми татарскаго происхожденія, онъ былъ пылкій русскій человекъ, горячій заступникъ за все русское и за всѣхъ русскихъ передъ напоромъ иностранной или инородческой требовательности и притязательности. Въ этой русской части своихъ убѣжденій онъ былъ неуступчивымъ человекомъ, ѣдкимъ полемистомъ, смѣлымъ наѣзникомъ-напа-

дателемъ. Онъ громилъ нѣмецкихъ академикомъ въ петербургской академіи наукъ и еврейскихъ и греческихъ процентчиковъ въ южной Россіи и юго-западной нашей палестинѣ. Но, задорный публицистъ, онъ былъ кроткимъ и тихимъ явленіемъ въ домашнемъ быту и ежедневной работѣ. Товарищи по газетѣ съ глубокимъ прискорбіемъ провожаютъ въ могилу этого благороднаго и яснаго русскаго человѣка, помня всегда участливое и милое отношеніе его ко всѣмъ, кого судьба ставила рядомъ съ нимъ по писанію ежедневныхъ обзоровъ, всевозможныхъ замѣтокъ, откликовъ на событія, по выпуску номеровъ газеты. Упомянувъ о послѣднемъ, мы должны сказать, что иногда въ лѣтніе мѣсяцы все дѣло по выпуску газеты возлагалось на него. Полный множествомъ публицистическихъ заботъ и теоретическихъ интересовъ, онъ не имѣлъ ни досуга, ни интереса вносить въ дѣло мелкія предразсужденія своего «я», и эта чистота его рабочей личности дѣлала легкимъ сотрудничество съ нимъ. Онъ пользовался всеобщю любовью окружающихъ, самъ любилъ ихъ, и въ мѣру возможнаго былъ счастливъ и во всякомъ случаѣ удовлетворенъ этою гармоніей внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній. Послѣдніе два года онъ много хворалъ и собирался переходить отъ городского шума и суеты къ спокойной жизни сельскаго обитателя. Но смерть скосила его. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г. № 11,434).

† **Чигоринъ, М. И.** Скончался послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни Михаилъ Ивановичъ Чигоринъ, знаменитый русскій шахматистъ и одинъ изъ милѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ людей. Чигоринъ первый изъ русскихъ шахматистовъ сдѣлался знаменитостью въ этой области не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ и Америкѣ. Въ Россіи Чигоринымъ гордились и его любили, за его турнирами въ Западной Европѣ всегда у насъ слѣдили съ особымъ интересомъ, радовались его успѣхамъ и бранили, бравили, какъ родного человѣка, за промахи. За послѣднее время болѣзнь и нѣкоторыя другія обстоятельства сдѣлали то, что на международныхъ турнирахъ Чигоринъ успѣха не имѣлъ, но въ Россіи до конца жизни онъ игралъ «внѣ категоріи», т. е. оставался сильнѣйшимъ игрокомъ. Умеръ М. И. на 58 году отъ роду. Образование онъ получилъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, затѣмъ попробовалъ служить, но скоро весь отдался шахматному искусству. Въ 1874 г. М. И. уже участвовалъ въ турнирѣ гандикапѣ въ соединенномъ собраніи нѣмецкомъ и любителей шахматной игры. Въ этомъ турнирѣ М. И. получилъ отъ сильнѣйшихъ тогда игроковъ Шифферса и Шумова пѣшку и ходъ и заслужилъ 3-й призъ. Черезъ 3 года М. И. уже побѣдилъ Шифферса, а еще черезъ годъ получилъ первый призъ на турнирѣ въ Петербургѣ, гдѣ принимали участіе всѣ лучшіе игроки того времени. Съ этого времени начинается рядъ блестящихъ шахматныхъ успѣховъ покойнаго. Въ 1881 г. онъ участвуетъ впервые въ международномъ турнирѣ въ Берлинѣ, гдѣ съ Винаверомъ дѣлитъ 3-й и 4-й призы. Въ 1889 г. онъ на турнирѣ въ Нью-Йоркѣ уже дѣлитъ 1-й и 2-й призы съ Вейсомъ, а въ 1895 г. на выдающемся по составу участниковъ турнирѣ въ Гастингсѣ получилъ 2-й призъ, опередивъ Ласкера, Тарраша и Стейница. Первые призы завоевалъ затѣмъ М. И. на турнирахъ въ Буда-Пештѣ и Вѣнѣ. М. И. былъ не только глубокой аналитикъ шахматной игры и мастеръ

ея, но и обладалъ рѣдкою способностью играть красиво, съ неожиданными, съ точки зрѣнія шахматнаго искусства, гениальными комбинаціями. Нѣсколько лѣтъ М. П. Чигоринъ издавалъ «Шахматный мірокъ», въ которомъ далъ краткій курсъ дебютовъ; журналъ могъ, конечно, приносить только убытокъ, такъ какъ любителей шахматной игры у насъ немного. Съ 1890 г. до конца жизни М. П. завѣдывалъ шахматнымъ отдѣломъ въ «Новомъ Времени». (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11436):

† **Штакельбергъ, Р. Р.** 21-го декабря покончилъ жизнь самоубійствомъ профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ баронъ Р. Р. Штакельбергъ. Лифляндскій уроженецъ, отлично прошедшій курсъ въ феллинской нѣмецкой гимназій, высшее образование онъ получилъ въ страбургскомъ университетѣ, удостоившемъ его степени доктора философіи за солидную диссертацию подъ заглавіемъ «Beiträge zur Syntax der Ossetischen» (1886 г.). Занимаясь въ Страсбургѣ подъ руководствомъ извѣстнаго ориенталиста проф. Гюбшмана санскритомъ, zendомъ, персидскимъ и армянскимъ языками, бар. Штакельбергъ по возвращеніи въ Россію продолжалъ заниматься главнымъ образомъ по древне-персидскому и осетинскому языкамъ. Въ 1891 г. онъ издалъ вмѣстѣ съ проф. В. Θ. Миллеромъ «Fünf ossetischen Erzählungen in digorischen Dialect», а черезъ три года послѣ этого онъ получилъ приглашеніе на кафедру персидской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, гдѣ вскорѣ завоевалъ общія симпатіи и профессоровъ-сослуживцевъ, и студентовъ-слушателей. Въ Москвѣ проявилась во всю ширь его и ученая, и преподавательская дѣятельность. За короткій промежутокъ времени онъ опубликовалъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ рядъ цѣнныхъ работъ по персидской исторіи, литературѣ, религіи, лексикографіи. Въ «Древностяхъ Восточныхъ», издаваемыхъ московскимъ археологическимъ обществомъ, онъ напечаталъ изящно разработанное изслѣдованіе о персидскомъ романѣ «Висъ-о-Раминъ», за нимъ послѣдовали его работы подъ заглавіями: «Персидское вліяніе на религію древнихъ армянъ», «О значеніи армянскихъ историковъ для изученія сассанидской Персіи», «Главные черты въ народной религіи осетинъ» и пр. Одновременно онъ помѣщалъ въ нѣмецкихъ журналахъ, издаваемыхъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, строго научныя замѣтки «Ossetica», «Iranica», «Persica», возвращаясь и къ вопросамъ о персидскихъ сказаніяхъ въ статьяхъ «Bemerkung zur persischen Sagensgeschichte» и «Die iranische Schützensage». Научныя сочиненія его отличались какъ широтой, такъ и глубиной прилагаемыхъ имъ методовъ къ занимавшимъ его вопросамъ. Онъ интересовался вліяніемъ иранскихъ языковъ на финскіе языки («Финско-иранскія лексикальныя отношенія»); немало тонкихъ наблюденій онъ обнаружилъ въ области армянской филологіи, дѣлалъ удачныя вторженія и въ сферу грузинской этнологіи. Онъ этотъ истинный жрецъ науки, одинъ изъ лучшихъ русскихъ пранистовъ, считавшійся въ первыхъ рядахъ европейскихъ ориенталистовъ, въ расцвѣтѣ своего таланта, на 48-мъ году своей жизни, пришелъ къ безотрадному убѣжденію, что «долѣе жить онъ не можетъ». Въ этихъ его предсмертныхъ словахъ слышатся мучительные отзвуки одиноко и замкнуто догорѣвшей жизни, заключительный аккордъ въ безсонныя ночи выношенной трагедіи. Перестало биться.

чудное и чуткое сердце под неострашимым натиском омраченнаго сознанія своего ненужнаго существованія и унесло въ могилу никѣмъ не раздѣленную душевную борьбу. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1908 г., № 1).

† **Щукинъ, И. И.** Утромъ 2-го января внезапно скончался въ Парижѣ И. И. Щукинъ, 39 лѣтъ отъ роду. Покойный окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету и въ 1893 году переселился въ Парижъ, гдѣ почти безвыѣздно жилъ до самой смерти, занимаясь литературой и изслѣдованіями по исторіи религіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ состоялъ профессоромъ русскаго языка въ школѣ восточныхъ языковъ и затѣмъ былъ однимъ изъ основателей высшей русскаго школы, въ которой читалъ съ большимъ талантомъ исторію религіозныхъ движеній. Гостеприимный домъ молодого ученаго былъ въ теченіе 15 лѣтъ центромъ, вокругъ котораго группировались русскіе ученые, художники и писатели, временно или постоянно проживавшіе въ Парижѣ, а также не мало иностранныхъ. Мягкій и доброжелательный, И. И. Щукинъ умѣлъ соединять въ своей квартирѣ на Avenue Wagramъ людей самыхъ противоположныхъ политическихъ и соціальныхъ взглядовъ, осуществляя на дѣлѣ то, что въ наше бурное время казалось невозможнымъ. Здѣсь рядомъ съ покойнымъ К. А. Скальковскимъ, извѣстнымъ ученымъ иезуитомъ о. Пирлингомъ, историкомъ Валишевскимъ, можно было на извѣстныхъ вторникахъ покойнаго встрѣчать гг. Максима Ковалевскаго, Муромцева, Котляревскаго, Мережковскаго, Гамбарова, Минскаго и др. Русскіе клубы въ Парижѣ—консервативные, радикальные, революціонные, всѣхъ цвѣтовъ радуги основывались и падали вслѣдствіе индифферентности или политической вражды. Но щукинскіе вторники оставались и процвѣтали, вплоть до послѣдняго, оживленные, интересные и всегда мирные, одухотворяемые доброжелательнымъ и примиряющимъ характеромъ хозяина. У Щукина узнавались и обсуждались послѣднія вѣсти изъ Россіи, художественныя, научныя и литературныя новости, русскія и здѣшнія. У Щукина всегда можно было достать послѣднія книжныя и журнальныя новинки на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Обладая богатѣйшей библіотекой, которую онъ составлялъ тщательно и любовно, не жалѣя средствъ, онъ прямо съ изумительной щедростью дѣлился своими книжными драгоценностями рѣшительно со всѣми, кто выражалъ ему объ этомъ желаніе. Рѣдко кто уходилъ отъ него, не унося съ собою цѣлыхъ грудъ книгъ. Доходило до того, что у него брали на поддержаніе справочныя книги, даже словари. Можно было думать, что у него не частная библіотека, а публичная. Онъ никому и никогда не отказывалъ въ займѣ книгъ, даже самыхъ рѣдкихъ, даже тѣхъ, которыя въ данную минуту были ему нужны для его работъ. И библіотека И. И. Щукина сослужила добрую службу многимъ русскимъ и иностраннымъ ученымъ и литераторамъ. Многія изъ книгъ, впоследствии напечатанныя и имѣвшія успѣхъ, не могли бы быть написаны безъ ученаго, но закулиснаго содѣйствія Щукина и его книжныхъ богатствъ. Покойный былъ, кромѣ того, тонкій и ученый знатокъ искусства, по которому писалъ въ разныхъ русскихъ и заграничныхъ спеціальныхъ журналахъ. Онъ писалъ также въ русскихъ газетахъ, между прочимъ въ «Новомъ Времени», гдѣ подписывался Жанъ Броше. Смерть И. И.

Щукина произвела тяжелое впечатлѣніе въ русской колоніи въ Парижѣ, гдѣ его уважали и любили и гдѣ онъ подѣ разными видами, — но всегда скромно и стыдливо, — дѣлалъ много добра. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.431).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу «устава» и «полуустава».

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» А. И. Яцимирскимъ помѣщенъ разборъ моего труда: «Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII ст.». Для выясненія того способа изображенія нашего стараго письма, которое носитъ названіе «установаго» и опредѣленіе котораго специалистами до сихъ поръ не изслѣдовано еще вполне ясно и точно, мною и печатается настоящая замѣтка.

Мой рецензентъ (стр. 316) говоритъ, что «И. С. Бѣляевъ вполне правильно понимаетъ задачи своего руководства; онъ имѣетъ въ виду новичковъ, для которыхъ каждая подробность документа, ускользающая отъ специалиста или практика, послужитъ камнемъ преткновенія для дальнѣйшей работы».

Имѣя въ виду, изъ своей долгой практики, назначеніе моего «Курса», какъ понимаетъ и г. Яцимирскій, не для однихъ только специалистовъ, а для самаго разнообразнаго кружка лицъ, интересующихся родною стариною, я при объясненіи «установаго» письма далъ ему то опредѣленіе, которое установилось прочно, а не на основаніи мимолетныхъ выводовъ, можетъ быть, и остроумныхъ, но не имѣющихъ подѣ собою почвы, именно — раздѣленіе его на уставъ и полууставъ, причѣмъ въ объясненіе послѣдняго, кромѣ прежнихъ, внесъ свои собственныя изслѣдованія, основанныя на многолѣтнемъ изученіи рукописей Патріаршей бібліотеки, архивовъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи въ Москвѣ, указавъ съ помощію нарочно изготовленныхъ знаковъ наглядно на буквахъ «и» и «к» отличія, не отмѣченныя до меня специалистами.

Г. Яцимирскій (стр. 317) говоритъ, что «особенности устава и полуустава объяснены И. С. Бѣляевымъ и ненаучно и мало вразумительно», и тутъ же предлагаетъ болѣе научное и вразумительное, по его мнѣнію, объясненіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Пора перестать дѣлать такое дѣленіе въ сущности одного и того же дисциплинированнаго письма: вѣдь полууставъ (терминъ, конечно, условный) отличается отъ устава, и наоборотъ, только большей или меньшей дисциплиной, скрадывавшей индивидуальность писца и выработывавшейся школой или оригиналомъ. Это уже одно показываетъ, почему точной хронологической границы въ изображеніи древняго русскаго письма уставомъ и полууставомъ... указать не представляется возможнымъ, какъ справедливо говоритъ г. Бѣляевъ, а нисколько не по неимѣнію источниковъ».

Но что же мы сдѣлаемъ съ терминомъ «полууставъ», который появился за много лѣтъ до насъ съ г. Яцимирскимъ и объясненія котораго «новички», купившіе мою книгу, въ правѣ требовать отъ автора. Едва ли они поймутъ, что полууставъ отличается «меньшей дисциплиной» письма, чѣмъ уставъ. Что мы сдѣлаемъ, наконецъ, съ многочисленными памятниками языка, письмо которыхъ нельзя назвать ни уставомъ, ни скорописью? Занимающійся потребуетъ яснаго и точнаго ихъ опредѣленія, а мы ему предложимъ уставъ «меньшей дисциплины» письма! Какую, потомъ, дать точную номенклатуру тѣмъ памятникамъ, въ которыхъ письмо колеблется между уставомъ и полууставомъ? По методѣ г. Яцимирскаго, ихъ слѣдуетъ отнести къ уставу «средней» дисциплины? И всѣ эти объясненія, которыя въ пору переварить и специалисту, г. Яцимирскій считалъ бы нужнымъ предложить читателямъ моего «Курса», видя, вѣроятно, въ нихъ, въ своихъ объясненіяхъ, тотъ «живой элементъ», котораго, по мнѣнію его, нѣтъ въ моемъ «Курсѣ». А читатели мои, судя по проданнымъ мною лично экземплярамъ, представляются въ такомъ видѣ: архивныя комиссіи, академія, семинаріи и духовныя училища, гимназіи, уѣздныя училища, профессора, преподаватели, художники, инспектора и директора народныхъ училищъ, священники, псаломщики, дѣлопроизводитель воинскаго начальника, офицеры, коломенскій купецъ, муромскій мѣщанинъ, помѣщики, крестьяне и т. д.,—словомъ, самая разнообразная среда, съ разнообразными запасами образованія, которой я, какъ составитель книги, долженъ сдѣлать ее доступною ихъ пониманію, не залутовавъ ихъ, конечно, въ мимолетныхъ научныхъ вѣяніяхъ.

«То же самое необходимо сказать (продолжаетъ г. Яцимирскій, стр. 317) и о происхожденіи скорописи. Выводить ее изъ полуустава и говорить хотя бы приблизительно и съ оговорками о времени ея появленія—пріемъ мало научный и мало демонстративный. Проще и вѣрнѣе характеризовать ее, какъ индивидуальное письмо, не подчиненное или мало подчиненное той дисциплинѣ, о которой только что упоминалось».

Такимъ образомъ, если бы образованіе скорописи я призналъ бы «мало» подчиненнымъ уставному письму—это было бы научно, по методѣ г. Яцимирскаго, а если бы «много» или немного больше, чѣмъ «мало подчиненной», то это было бы ненаучно. Очевидно, г. Яцимирскій врагъ научной преемственности явленій и не находитъ нужнымъ считаться съ тѣмъ, что было прежде, а сторонникъ ихъ расчлененія для большей «демонстративности».

Переходъ устава въ полууставъ, а послѣдняго—въ скоропись такъ несомнѣненъ и простъ, столько имѣетъ данныхъ, какъ, несомнѣнно, постоянное стремленіе человѣческаго ума къ исполненію одного и того же дѣла въ кратчайшій срокъ; отсюда, при извѣстномъ продолжительномъ усвоеніи манеры письма, являлась потребность къ болѣе скорѣйшему и болѣе свободному примѣненію той же манеры, почему въ первые моменты перехода письма въ новую форму видится въ общемъ его характеръ та же старая манера, но въ то же время замѣчаются и новыя успія дать свободу болѣе легкимъ элементамъ письма, и тѣмъ выиграть время. Поэтому какъ въ полууставномъ письмѣ встрѣчаются признаки устава, такъ и въ скорописи, особенно въ ея первыхъ на-

мятниковъ, мы видимъ слѣды полууставнаго письма, а въ послѣднемъ въ свою очередь стремленіе въ видѣ верхнихъ выносныхъ буквъ перейти въ скоропись.

Къ сожалѣнію, для опредѣленія точной хронологической границы возникновенія полуустава и скорописи необходимъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ памятниковъ, на разстояніи не болѣе 10 лѣтъ другъ отъ друга, которые съ одной стороны заканчивали бы уставъ и полууставъ, а съ другой—начинали бы послѣдній и древнюю скоропись, чтобы такимъ образомъ непрерывная цѣпь окончанія одной формы и возникновенія изъ нея другой была бы видна точно на видоизмѣненіи буквъ. Такихъ источниковъ, что мы и имѣли въ виду въ нашемъ «Курсѣ», къ сожалѣнію, въ нашей письменности не сохранилось.

Остальные упреки, сдѣланные мнѣ г. Яцимирскимъ въ рецензій, оставляю на его совѣсти, добавивъ только, что ихъ также свободно, съ одинаковою развязностію, можно послать ему самому за напечатанный имъ недавно отчетъ о его занятіяхъ славянскими рукописями вѣнской бібліотеки (см. «Отчетъ о дѣятельности отд. рус. языка и слов. академіи наукъ за 1907 г.», стр. 65), гдѣ г. Яцимирскій находитъ, что «для цѣлей практическихъ уменьшенные снимки (съ рукописей) вполне удобны». А по нашему мнѣнію, такіе снимки не только не научны, но не могутъ принести пользы и для практическихъ занятій, потому что способны видоизмѣнить и даже совсѣмъ извратить представленіе о настоящемъ предметѣ.

И. С. Вѣляевъ.

II.

Къ «Запискамъ репортера».

Въ іюльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года, въ весьма любопытныхъ по своему содержанію «Запискахъ репортера» А. П. Чехова (Сѣдова) имѣется, между прочимъ, отрывочное воспоминаніе о похоронахъ извѣстнаго математика, бывшаго вице-президентомъ императорской академіи наукъ, Виктора Яковлевича Буяковскаго¹⁾.

Въ этомъ воспоминаніи А. П. Чеховымъ помѣщены двѣ фразы, безусловно несогласныя съ дѣйствительностію, которыя поэтому, въ качествѣ мужа одной изъ родныхъ внучекъ покойнаго, я не могу оставить безъ печатнаго опроверженія.

Описывая дѣйствительно весьма скромную обстановку похоронъ ученаго академика, не соответствовавшую его заслугамъ и научному значенію въ исторіи человѣчества, А. П. Чеховъ пишетъ: «Покойный такъ основательно пережилъ своихъ родныхъ, сверстниковъ, друзей и знакомыхъ, что ихъ не осталось никого, чтобы проводить его до могилы...» Это безусловная неправда.

¹⁾ «Историч. Вѣстн.». Іюль 1907 г., стран. 78—79.

Въ день смерти В. Я. Буняковского родная его семья была далеко не маленькая: оставались въ живыхъ вдова покойнаго — Е. Н. Буняковская, три сына и двѣ дочери, изъ которыхъ только одинъ младшій сынъ, оставаясь холостымъ, не имѣлъ своей собственной семьи, у всѣхъ же остальныхъ имѣлись дѣти, частью уже взрослыя, а у нѣкоторыхъ даже и внуки. Большинство этихъ ближайшихъ родныхъ были, конечно, на похоронахъ, на которыхъ, кромѣ того, присутствовали еще и родственники боковыхъ линій покойнаго, такъ что назвать число родныхъ на похоронахъ незначительнымъ было нельзя; говорить же, что «не было никого» — значитъ вовсе уклоняться отъ истины.

Замѣтъ, въ томъ же отрывкѣ А. П. Чеховъ позволяетъ себѣ по отношенію къ В. Я. Буняковскому выразиться, будто бы онъ «умеръ въ такихъ лѣтахъ, когда уже органы отказались ему служить, а въ самой академіи злословили на тему, что и голова уже перестала быть полезной частью тѣла...» Это тоже неправда.

В. Я. Буняковскій дѣйствительно дожилъ до весьма почтеннаго возраста, не доживъ до 85 лѣтъ всего лишь нѣсколько дней; но до послѣдняго года жизни онъ сохранилъ ясность и живость ума, а также и необыкновенную память. Дряхлымъ его назвать никоимъ образомъ было нельзя и единственнымъ крупнымъ физическимъ его недостаткомъ за послѣдніе годы жизни была глухота, которой онъ страдалъ отчасти и раньше. **Е. М. Шефлеръ.**

III.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ», на стр. 175, вслѣдствіе неразборчиваго почерка рукописи, вкралась ошибка. Лицо, писавшее г. Жиркевичу письмо по порученію Толстого, названо «Буланъ», тогда какъ слѣдуетъ «Буланже».

РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

ВЪ ИСТОРИИ Россіи начала многихъ столѣтій (первыя десятилѣтія ихъ) ознаменовываются военными событіями первостепенной важности, и потому, естественно, въ началѣ же столѣтій обозначаются вѣковыя годовщины многихъ славныхъ въ исторіи годовъ и дней. Такъ, въ началѣ настоящаго XX столѣтія опредѣлился цѣлый рядъ знаменательныхъ юбилейныхъ годовщинъ:

Тысячелѣтіе славнаго похода Олега на Византію и пригвожденіе имъ щита къ стѣнамъ мірового города Царьграда (907 г.).

Пятисотлѣтіе сильнаго напора Литвы при Витовтѣ на Русскую землю и страшныхъ нашествій Эдигея съ татарами на Москву (1401—1408—1416 г.г.).

Четырехсотлѣтіе войнъ съ Казанью, Литвою, Польшею и Крымомъ (1500—1522 г.г.).

Трехсотлѣтіе войнъ смутнаго времени Московскаго государства, а съ нимъ и окончанія многовѣкового періода оборонительныхъ войнъ Россіи съ Литвой-Польшей, Ливонією-Швеціей, завершившагося воцареніемъ дома Романовыхъ (1604—1613—1618 г.г.).

Двухсотлѣтіе великой Сѣверной войны (1700—1721 г.г.) съ днями Нарвы (1703 г.) и Прутскаго похода (1711 г.).

Столѣтіе войнъ съ Наполеономъ—съ вѣковыми годовщинами дней Шенграбена и Аустерлица (1805 г.), Прейсишъ-Эйлау, Фридланда (1806—1808 г.г.),—великой Отечественной войны (1812 г.), съ Бородинскимъ боемъ, столѣтіе дней Дрезденъ-Кульма, Лейпцига, Парижа (1813—1814 г.г.),—столѣтняя годовщина окончанія многовѣковой борьбы съ Швеціей—последней войны съ этимъ государствомъ (съ знаменитымъ походомъ по льду черезъ Кваркенъ-Ботнической заливъ въ 1809 г.).

Вотъ рядъ вѣковыхъ годовщинъ—очень многихъ важнѣйшихъ и главнѣйшихъ дѣяній русской вооруженной силы за время свыше тысячелѣтней жизни Россіи, дѣяній, совершенныхъ нашими предками на пути созиданія мощи государства. Началу XX вѣка довелось вмѣстить въ себѣ эти великія годовщины, а намъ, современникамъ его, доводится достойно почтить память какъ самыхъ событій, такъ и дѣятелей-предковъ, положившихъ свой трудъ, разумъ, силы, а многіе и жизнь на благо и во славу отечества.

Наступившій періодъ вѣковыхъ юбилеевъ обратилъ на себя вниманіе военнаго вѣдомства еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и первымъ шагомъ въ достойномъ чествованіи ихъ была организація дѣла увѣковѣченія памяти Суворова—ко времени наступленія столѣтія дня кончины его (1800 г.), на переломѣ двухъ столѣтій (1900).

Съ Высочайшаго соизволенія на бывшемъ Преображенскомъ плацу (нынѣ участокъ земли Николаевской академіи генеральнаго штаба) былъ сооруженъ Суворовскій музей-памятникъ и поставлена Суворовская церковь, перенесенная изъ села Кончанскаго.

Въ 1899 году Государю Императору всемилостивѣйше благоугодно было благосклонно отнестись къ мысли объ увѣковѣченіи памяти наступающихъ въ XX столѣтіи историческихъ вѣковыхъ годовщинъ—сооруженіемъ на томъ же участкѣ земли при академіи генеральнаго штаба ряда соответственныхъ музеевъ-хранилищъ памяти о великихъ историческихъ событіяхъ; эти музеи-памятники вмѣстѣ съ возведеннымъ уже Суворовскимъ музеемъ въ общемъ образовали бы храмъ (пантеонъ) славы русскаго оружія, храмъ памяти о военныхъ событіяхъ и дѣятеляхъ русской военной исторіи.

Въ 1901 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе военному министру приступить къ разработкѣ вопроса объ устройствѣ общаго военнаго музея, въ которомъ были бы собраны предметы и памятники всѣхъ вѣковъ военной исторіи Россіи.

Во исполненіе сего для разработки проекта сооруженія военно-историческаго музея была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, генераль-адъютанта Обручева, которая, въ началѣ 1903 года, составила программу-перечень предметовъ содержанія будущаго памятника—военно-историческаго музея. На этомъ дѣло остановилось: болѣзнь, а потомъ и смерть предсѣдателя, затѣмъ смерть видныхъ членовъ комиссіи (генераловъ Дубровина, Бранденбурга, Харкевича), а вскорѣ послѣдовавшая война съ Японіей,—все это прервало ходъ дѣла. 1-го іюля настоящаго 1907 года Государю Императору благоугодно было повелѣть возобновить прерванную работу, всемилостивѣйше возложивъ на меня дальнѣйшее веденіе дѣла о созданіи русскаго военно-историческаго музея ко дню столѣтія Отечественной войны.

Программа-перечень предметовъ содержанія русскаго военно-историческаго музея, Высочайше одобренная, слѣдующаго содержанія:

Согласно Высочайшимъ указаніямъ, музей долженъ заключать предметы, памятники, наглядно и образно выражающіе и свидѣтельствующіе о дѣяніяхъ и подвигахъ русскаго воинства, и отвѣчать какъ военно-научнымъ, такъ и

патріотическо-воспитательнымъ цѣлямъ. Въ этомъ музеѣ специалисты военного дѣла должны находить достаточно полный и систематически подобранный матеріалъ, а общество, народъ и въ особенности молодежь изъ обзора музея должны выносить возможно цѣльное представление о послѣдовательныхъ періодахъ военной исторіи Россіи, о подвигахъ, коими созидалось могущество нашего государства, и о тѣхъ дѣятеляхъ, отъ солдата до генерала, воинскія доблести и преданность долгу которыхъ должны служить примѣромъ для будущихъ воиновъ.

Въ виду поставленной музею задачи въ немъ будутъ собраны и храниться:

1) Стѣнные карты, изображающія главные и важные эпизоды битвъ и сраженій, а также историческіе и военно-бытовые эпизоды, тѣсно связанные съ идеею борьбы и войнъ, вѣданныхъ Россіею.

2) Картины, изображающія подвиги одиночекъ или небольшихъ группъ нижнихъ чиновъ, офицеровъ, генераловъ, военного духовенства, врачей и проч.

3) Портреты представителей верховной власти, всегда бывшихъ высшими вождями вооруженной силы, фельдмаршаловъ, главнокомандующихъ и вождей ратей, выдающихся начальниковъ крупныхъ войсковыхъ частей, организаторовъ вооруженной силы, изобрѣтателей, историковъ, писателей, ученыхъ, послужившихъ дѣлу войны и на пользу вооруженныхъ силъ, выдающихся кавалеровъ ордена св. Георгія, выдающихся вождей непріятельскихъ войскъ.

4) Бюсты и статуи дѣятелей, особенно выдающихся въ исторіи войнъ.

5) Манекены одиночекъ или группъ (пѣшихъ и конныхъ) воиновъ въ снаряженіи и съ вооруженіемъ, соотвѣтственнымъ эпохъ

6) Коллекціи оружія всякаго рода и снаряженіе всѣхъ эпохъ военной исторіи Россіи.

7) Трофеи разнаго рода.

8) Реликвіи и историческіе памятники.

9) Карты походовъ, планы сраженій, схемы, картограммы, модели (тактическія, инженерныя, морскія).

10) Модели памятниковъ, сооруженныхъ въ Россіи въ увѣковѣченіе военныхъ событій ¹⁾.

Всѣ перечисленные предметы будутъ подбираться по періодамъ нашей исторіи: 1) княжеской Руси съ ея эпосомъ; 2) царской Россіи; 3) эпохи Петра Великаго; 4) періода преемниковъ Петра Великаго до Екатерины II; 5) времени Екатерины II и Павла; 6) времени Александра I; 7) періода Николая I; 8) пе-

¹⁾ Кромѣ перечисленныхъ отдѣловъ предметовъ содержанія музея, ко дню открытія музея предполагается издать: а) сборникъ, по возможности, иллюстрированный, съ описаніемъ выдающихся подвиговъ нижнихъ чиновъ, офицеровъ, генераловъ, военного духовенства, врачей и вообще русскихъ людей на боевомъ поприщѣ, б) сборникъ избранныхъ изреченій, приказовъ, резолюцій, поученій, имѣющихъ связь съ военнымъ дѣломъ; в) сборникъ біографій и описаній подвиговъ георгіевскихъ кавалеровъ; г) каталогъ и путеводитель музея.

ріода Алкесандра II; 9) періода Алкесандра III и нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II.

Такимъ образомъ, въ музеѣ будетъ матеріаль для нагляднаго представленія объ исторіи свыше тысячелѣтней военной жизни Россіи.

По плану работъ для исполненія задачи сооруженія музея намѣчается срокъ окончанія ихъ въ 1911 году съ тѣмъ, чтобы въ 1912 году оборудованіе музея можно было произвести и закончить къ установленному дню чествованія памяти Отечественной войны, къ 25-му декабря 1912 года, когда бы могло послѣдовать открытіе музея. Продолжительность всѣхъ работъ опредѣлилась отъ 3¹/₂ до 4 лѣтъ, почему начало ихъ должно послѣдовать не позже начала 1909 года—въ годовщину двухсотлѣтія Полтавской битвы. Остающееся время—часть 1907 года и весь 1908 годъ—уйдетъ на производство конкурса (6 мѣсяцевъ) и на разработку подробнаго проекта сооруженія по составленію смѣтъ и на исполненіе разнаго рода подготовительныхъ и предварительныхъ работъ по сбору свѣдѣній объ имѣющихся матеріалахъ въ музеяхъ, дворцахъ и прочихъ хранилищахъ и на организацію разнаго рода заказовъ¹⁾.

Пока выяснилось, согласно намѣченному плану, что въ будущемъ музеѣ будетъ находиться до 220 большихъ и до 500 малыхъ картинъ, до 225 портретовъ, около 10 статуй, 100 манекеновъ, до 135 моделей разнаго рода; въ музей будетъ передано все имущество нынѣшняго артиллерійскаго музея—свыше 15.000 предметовъ (главнымъ образомъ—оружіе и снаряженіе), а также имущество другихъ хранилищъ—въ общемъ можно разсчитывать, что предметовъ разнаго рода будетъ собрано отъ 18 до 20.000.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества предуканію и предначертанію, воздвигаемое сооруженіе русскаго военно-историческаго музея, храма-памятника славному военному прошлому Россіи, будучи естественною данью благодарныхъ потомковъ памяти своихъ предковъ, послужившихъ дѣлу созиданія Россійскаго государства, въ то же время будетъ храмомъ-хранилищемъ богатаго матеріала для военно-образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей.

Государственное значеніе создаваемаго музея-памятника свыше тысячелѣтней русской военной исторіи кievскаго, московскаго и петербургскаго періодовъ жизни государства обусловливаетъ сооруженіе подобающаго зданія въ центрѣ государства, въ его столицѣ (подобно тому, что мы видимъ въ столицахъ Франціи, Германіи, Австріи), обыкновенно составляющей главный центръ военнаго просвѣщенія, средоточіе военно-образовательныхъ и воспитательныхъ учреждений, заведеній и войсковыхъ частей. Въ Петербургѣ мѣсто военно-историческому музею-памятнику русской военной исторіи и потому, что въ двухвѣковой петербургскій періодъ жизни Россіи нашу вооруженною силою совершенъ рядъ величайшихъ подвиговъ на пути строенія и созиданія мощи государства: утвержденіе предѣловъ государства на берегахъ Балтійскаго и Чернаго морей и Тихаго океана, расширеніе предѣловъ государства покорен-

¹⁾ О конкурсѣ объявлено въ «Русскомъ Инвалидѣ» № 258 и другихъ газетахъ.

ніемъ и присоединеніемъ обширныхъ сосѣднихъ странъ, постепенное разрушеніе турецкой мощи и созданіе на развалинахъ когда-то грознаго и могущественнаго мусульманскаго государства новыхъ государствъ славянскаго міра и другихъ народностей; нанесеніе рѣшительнаго удара наполеоновской гегемоніи и содѣйствіе Европѣ въ освобожденіи ея отъ ига завоевателя. Все это совершено русскимъ воинствомъ въ петербургскій періодъ исторіи Россіи съ его великими эпохами Петра, Екатерины II и Александра I и за время царствованія императоровъ Николая I и Александра II; петербургскому же періоду исторіи принадлежитъ величайшій русскій полководецъ Суворовъ и многія славныя имена вождей нашихъ войскъ арміи и флота.

Комитетъ по устройству русскаго военно-историческаго музея, выполнѣ сознавая трудность и обширность предстоящей работы, въ стремленіи оправдать всемилостивѣйшее Государя Императора довѣріе возможно полнымъ и совершеннымъ осуществленіемъ возложенной на комитетъ задачи, въ стремленіи создать народу, обществу, арміи достойный памятникъ русской военной исторіи, покорнѣйше проситъ всѣхъ, кто можетъ и въ чемъ можетъ и кто пожелаетъ, оказать ему содѣйствіе совѣтомъ или предложеніемъ. Всѣ заявленія будутъ приниматься съ благодарностью во вниманіе. Съ своей стороны комитетъ будетъ отъ времени до времени оновѣщать о ходѣ работъ ¹⁾.

Предсѣдатель комитета Н. Сухотинъ.

¹⁾ Всѣ заявленія направляются по адресу: Петербургъ, Суворовскій проспектъ, Николаевская академія генеральнаго штаба, Комитетъ по устройству русскаго военно-историческаго музея. Телеграфный адресъ: Петербургъ, Суворовскій 26. Комитетъ музея.

— Товарищи! эти дамы мои родственницы, имъ необходимы лошади, чтобы доѣхать до Шалада. Поэтому я рѣшилъ, что вы доставите лошадей обратно въ Клонъ и поможете кучеру... идите и не откладывайте дѣло въ долгій ящикъ!.. я пойду самъ до до-роги, чтобы посадить своихъ родственниковъ въ карету.

Крестьяне слушали больше съ удивленіемъ, чѣмъ съ удовольствіемъ. Тѣмъ не менѣе они ограничились только тѣмъ, что искоса взглянули другъ на друга и затѣмъ медленно, какъ бы съ сожалѣніемъ, направились къ группѣ деревьевъ, гдѣ были привязаны лошади, и, ведя ихъ за собою, стали спускаться вмѣстѣ съ кучеромъ къ Клону.

Іеремія взглянулъ меланхолически на кусокъ мяса, висѣвшій на веревкѣ, и поздравилъ мальчишку, въ восторгѣ стоявшаго передъ козю:

— Эй, ты!—закричалъ онъ:—я поручаю тебѣ позаботиться о жаркомъ.... Если оно у тебя сгоритъ, то я тебѣ нарву уши! Теперь, сударыни, я къ вашимъ услугамъ.

Кавалеръ де-Вандіеръ, который во все время разговора переходилъ отъ удивленія къ безпокойству, снова предложилъ руку г-жѣ де-Ронъ и съ покорностію пошелъ за стеклозаводчикомъ.

Іеремія, идя впереди канониссы, открывалъ шествіе и усердно отстранялъ вѣтки, которыя могли задѣть лицо Гіацинты. Онъ почти не разговаривалъ съ нею и только изрѣдка дѣлалъ короткія указанія. Не имѣя привычки къ обществу такой красивой женщины, онъ чувствовалъ себя неловко и молчалъ. Однако, когда они достигли ущелья, гдѣ итти стало легче, онъ расхрабрился и робко сказалъ:

— Извините меня, сударыня, если я вамъ покажусь слишкомъ любопытнымъ... Вы племянница моей кузины С.-Андре, такимъ образомъ мы съ вами въ родствѣ, но я не знаю вашего имени и вы доставите мнѣ большое удовольствіе, если скажете, какъ именно васъ зовутъ.

— Меня зовутъ Гіацинта д'Эризель, — отвѣтила она, улыбаясь.

— Благодарю васъ!.. Вотъ имя, котораго я не забуду, — прошепталъ онъ какъ бы про себя.

Это восклицаніе показалось ему, безъ сомнѣнія, слишкомъ развязнымъ, и онъ снова впалъ въ безмолвіе.

Когда всѣ вышли на дорогу, то карета оказалась уже запряженной, а кучеръ сидѣлъ на козлахъ. Г-жа де-Ронъ поблагодарила стеклозаводчика, дала нѣсколько мелкихъ монетъ крестьянамъ и усѣлась съ помощію г-на де-Вандіера; когда пришла очередь канониссы, она стала искать глазами своего спутника.

— До свиданья, г-нъ Данлушъ, — сказала она съ милостивой улыбкой. Она протянула ему свою не затянутую въ перчатку руку, которую Іеремія держалъ съ минуту въ своей громаднѣйшей,

загорѣлой, волосатой рукѣ, не зная, слѣдуетъ ли ему поцѣловать ее, или просто по-деревенски пожать.

— Сударыня, — пробормоталъ онъ, закрывая дверцы, — я не клирикъ и не умѣю быть любезнымъ; но если когда-нибудь вамъ понадобится Іеремія Данлупъ, то вы его всегда найдете во Флоранѣ, противъ церкви... Вамъ только стоитъ кивнуть, и я всецѣло къ вашимъ услугамъ... Тѣломъ и душой, понимаете?

Кучеръ ударилъ кнутомъ по лошадамъ. Іеремія снялъ свою войлочную шляпу и довольно долго оставался съ непокрытой головой, устремивъ взоры на карету, удалявшуюся по бѣлесоватой дорогѣ, по сторонамъ которой тянулись луга.

V.

Фуръ-О-Муанъ,

Стекланный заводъ Фуръ-о-Муанъ, принадлежавшій Гертрудѣ С.-Андре, стоялъ немного выше Шалада, на опушкѣ лѣса, при входѣ въ ущелье «Семи ключей». Съ площадки, гдѣ въ видѣ прямоугольника расположились заводъ и жилия строенія, видны были черепичныя крыши деревни и высокая колокольня старинной церкви, выдававшей своей сѣрой массой на фонѣ зеленого кудряваго лѣса, который находился противъ роци Гранъ-Триажъ. Стекланный заводъ, нынѣ уже разрушенный, состоялъ изъ десяти печей. Въ тѣ времена онъ находился въ полномъ порядкѣ. Въ немъ выдѣлывались бутылки для шампанскаго и садовые стекланныя колпаки. Пройдя широкій, поросшій травой дворъ, усѣянный тутъ и тамъ осколками стекла, посѣтитель оказывался передъ домомъ, который состоялъ изъ одного обширнаго этажа. Подъ нимъ находилось еще подвальное помѣщеніе, въ которое вела каменная лѣстница съ нѣсколькими ступенями, декорированными красивыми растеніями въ кадкахъ. Это зданіе, выходявшее на востокъ и раздѣлявшееся на двѣ половины обширнымъ коридоромъ, имѣло со своей черепичной кровлей гостепріимный и пріятный видъ. Главныя комнаты выходили въ садъ, полный ярко пестрѣвшихъ цвѣтовъ. Отсюда открывался видъ на поля, принадлежавшія заводу, гдѣ въ хорошее лѣто вплоть до опушки лѣса переливались волны ржи и пшеницы.

М-ле С.-Андре было около шестидесяти лѣтъ. Такъ же, какъ и ея сестра Глоцинда, она отличалась внушительной наружностью, выражалась возвышеннымъ слогомъ и умѣла быстро найтись въ разговорѣ. Въ ней сказывалась среда, въ которой она вращалась съ дѣтства, дѣловитость съ раннихъ поръ. Привычка распоряжаться придавала ея манерамъ нѣчто мужское. Ея деревенская

простота, свобода ума и слова составляли полную противоположность съ свѣтской внѣшностью и выправкой г-жи де-Ронъ. Высокая, сильная, костистая, съ крупными чертами розоваго лица, съ легкими усиками, съ густыми сѣдѣющими волосами, которыхъ она никогда не пудрила, г-жа С.-Андре не отличалась граціей, кроткое выраженіе ея прозрачно-голубыхъ глазъ придавало ей нѣчто женственное. Она носила башмаки съ желѣзными подковами, короткую юбку и корсажъ изъ шерстяной матеріи зимою и изъ полотна лѣтомъ, ходила она и говорила совершенно какъ мужчина. Съ утра до вечера раздавался ея рѣзкій голосъ и бряцаніе связки ея ключей, которые звенѣли то въ кухнѣ, то подъ сводами заводскихъ зданій. Когда заводъ бездѣйствовалъ, она занималась обработкой своей земли.

Во время полевыхъ работъ нерѣдко можно было видѣть, какъ она вязла въ жирной почвѣ пашни, работала сохой и проводила борозды не хуже самаго ловкаго пахаря.

Въ длинные зимніе вечера она много читала. Ея умъ былъ напитанъ философскими идеями энциклопедистовъ. Она не скрывала своего либерализма и въ противоположность своей сестрѣ сильно увлекалась новыми доктринами. Она принимала у себя всѣхъ выдающихся людей своего кантона, не обращая вниманія на то, къ какой партіи они принадлежали. Она ободряла крестьянскихъ дѣтей или мѣстныхъ крестьянъ, когда они стремились къ ученію, и, если ей случалось встрѣтить между ними даровитыя натуры, съ удовольствіемъ старалась облегчить имъ путь къ просвѣщенію и дать имъ возможность выйти въ люди. Такимъ-то образомъ она взяла къ себѣ въ Фуръ-о-Муанъ и Франсуа Божара, когда онъ кончилъ школу бенедиктинцевъ С.-Ванъ и привязалась къ племяннику своего кюре, молодому Ренару, который привелъ ее въ восторгъ своими быстрыми успѣхами въ наукахъ.

Увидѣвъ въ одно прекрасное утро, какъ вышли изъ кареты г-жа де-Ронъ и Гіацинта съ кавалеромъ де-Вандіеръ, она пришла сначала въ изумленіе отъ этихъ неожиданныхъ гостей; но, будучи очень гостепріимна, тутъ же пустилась увѣрять, что они для нея всегда желанные гости. Въ одну минуту она придала комнатамъ, предназначеннымъ для своихъ гостей, жилой видъ, велѣла покрыть кровати, наполнить графины свѣжей водой и сдѣлала все возможное для того, чтобы съ удобствомъ размѣстить путниковъ. Больше часу бѣгала она отъ погреба къ амбару и обратно. Звеня своими ключами, ворча на прислугу и останавливаясь на минуту, чтобы обнять Гіацинту, накрывала сама на столъ, сопровождая свои дѣйствія звонкими возгласами, которые гулко раздавались по коридорамъ. Когда разговоръ зашелъ про поведеніе ея кузина Данлупа, она громко вскрикнула и принялась честить стекольщика ни на что не годнымъ хвастуномъ и мошенникомъ. Свои опредѣ-

ленія она подкрѣпляла бранными словами, отъ которыхъ бросало въ краску кавалера и г-жу де-Ронъ. Но когда Гіацинта въ комическомъ видѣ рассказала ей конецъ ихъ приключенія, она смягчилась. Особенно заинтересовалъ ее эпизодъ съ козвѣмъ жаркимъ, жарящимся на веревкѣ, который обезоруживалъ ея гнѣвъ.

— А... лакомка,—бормотала она:—я его такимъ именно знала!.. Онъ живетъ только для того, чтобы хорошо покушать, и охотнѣе работаетъ челюстями, чѣмъ руками... Впрочемъ, все хорошо, что хорошо кончается, и онъ вамъ принесъ повинную... въ концѣ концовъ Іеремія не злой человѣкъ, съ нимъ можно быть знакомымъ и какъ-нибудь я приглашу его обѣдать съ нами.

И дѣйствительно, черезъ недѣлю послѣ этого разговора Іеремія Данлупъ, получивъ отъ С.-Андре письменное приглашеніе, явился въ Фуръ-о-Муанъ къ обѣду; на немъ былъ старый коричневый камзолъ съ жилетомъ того же цвѣта, бархатные штаны и голубые чулки. Гертруда вышла къ нему навстрѣчу и взяла его за ухо фамиллярно.

— Согласись, мой милый, что у тебя дрянная голова!

— Да, кузина Гертруда,—отвѣтилъ скромно онъ;—но сердце у меня доброе, и я готовъ сознаться: mea culpa, если только это вернетъ мнѣ милость.

— Богъ не безъ милости, бездѣльникъ!... Но тебѣ слѣдовало бы ради такого случая побывать у цырюльника Флорана!... Ты вѣдь не Исавъ и позволь тебѣ повторить, что однажды сказалъ графъ Шателе синьору Гернонъ: «Богъ тебя сдѣлалъ дворяниномъ, король сдѣлалъ рыцаремъ, сдѣлай же что-нибудь самъ для себя,—вели подстричь себѣ бороду!...» Ну, пойдемъ къ столу!..

Его посадили рядомъ съ Гіацинтой. Обаятельная красота канониссы окончательно заставила перемениться этого грѣшника; когда этотъ аргонскій вепрь выходилъ изъ столовой, онъ былъ совершенно укрощенъ. Съ этого дня онъ все чаще и чаще сталъ появляться въ Фуръ-о-Муанѣ.

Размѣстившіеся въ домѣ гости m-elle С.-Андре старались заполнить чѣмъ-нибудь длинные часы своего пребыванія въ этой лѣсной глуши. Уйдя всецѣло въ свои разнородныя хлопоты, Гертруда не мѣшала каждому самому находить себѣ развлеченія. Г-жа де-Ронъ, выбитая изъ колеи своей обыденной жизни, не имѣя теперь возможности принимать гостей и ежедневно слушать ихъ болтовню, чувствовала больше другихъ тяжесть своего положенія. Деревня была ей ненавистна. Побѣдивъ Вандіера въ трикъ-тракъ, она предавалась вязанію, но вскорѣ, уложивъ свои шкатулки, начинала ужасно зѣвать и кончала тѣмъ, что засыпала надъ чтеніемъ какой-нибудь книжки религіознаго содержанія. Кавалеръ раздобылъ себѣ изъ библіотеки старинные романы Трессона и проводилъ свой досугъ, поглощая исторіи Гюона изъ Бордо

или Прекрасной Мелюзины. Эти невинныя сказки и воинственные сюжеты услаждали его не бойкій и мечтательный умъ. Что касается Гиацинты, то по утрамъ она дѣятельно предавалась перепискѣ съ Пуланже или съ своими подругами, находившимися при дворѣ. Изъ Версаля ей присылали объемистыя посланія, прочитавъ которыя, она сходила въ садъ съ оживленнымъ лицомъ и блестящими глазами. Въ такія минуты она напоминала боевого коня, почувшаго запахъ пороха. Письма ея корреспондентовъ, казалось, заставляли ее почувствовать раскаленную атмосферу грозovýchъ испареній Парижа и Версаля и возбуждали ея боевыя инстинкты. Встрѣчая ее въ саду, съ горѣвшимъ взглядомъ, разрумяненными щеками и трепещущими ноздрями, С.-Андре грозила ей пальцемъ:

— Мой другъ, ты неисправима!... говорила она. Ты хочешь, какъ въ прежнее время, сражаться съ вѣтряными мельницами!...

Каждое воскресенье въ теченіе многихъ лѣтъ являлся въ Фуръ-о-Муанъ священникъ Шалада, аббатъ Дютертръ. По окончаніи вечерней службы онъ обыкновенно пріѣзжалъ на заводъ и оставался тамъ ужинать. Это былъ образованный священникъ, ученый богословъ, хорошій латинистъ, хотя въ его произношеніи слышался непріятный лотарингскій акцентъ. Онъ былъ очень полный. Лицо его, съ маленькими мигающими глазами, было испещрено слѣдами оспы. М-elle С.-Андре наслаждалась его краснорѣчіемъ и, чувствуя въ самой себѣ воинственный духъ, любила спорить съ нимъ о философскихъ вопросахъ, составлявшихъ злобу дня.

Вскорѣ послѣ того, какъ Данлушъ вернулъ себѣ милостивое отношеніе, прибылъ на заводъ аббатъ Дютертръ со своимъ племянникомъ, Жанъ-Жозефомъ Ренаромъ. Молодой человекъ послѣдовалъ совѣту Нанины Жилотъ. Онъ вернулся въ домъ шаладскаго священника и выжидалъ тамъ событій, работая въ то же время надъ небольшимъ политическимъ трактатомъ.

Какъ только онъ вошелъ въ гостиную, склонивъ на одно плечо голову и придавъ себѣ рабски-почтительный видъ, m-elle С.-Андре питавшая къ нему неизмѣнное благоволеніе, отрекомендовала его своимъ гостямъ, какъ подающаго прекрасныя надежды молодого человека. Ренаръ отвѣсилъ глубокій поклонъ. Въ отвѣтъ де-Ронъ покровительственно кивнула ему головой. Кавалеръ Вандіеръ, не благоволившій къ нему послѣ его оды на взятіе Бастилии, отнесся къ нему холодно; одна Гиацинта приняла его любезно. Пока Жанъ-Жозефъ Ренаръ отвѣшивалъ церемонныя поклоны, она быстро осмотрѣла его. Отъ нея не укрылись его бѣгающіе, острые глаза, его иронически сложенные губы, выдающійся впередъ лобъ и блѣдность лица, свидѣтельствовавшая о его желчности. Это лицо, выдававшее честолюбіе, заинтересовало ее. Сразу можно было догадаться, что этотъ умный и тщеславный юноша, мучимый стремленіемъ

сдѣлать себѣ карьеру, перейдетъ на сторону тѣхъ, кто раньше поможетъ ему выбиться изъ неизвѣстности. Эта гордая фигура не внушала Гиацинтѣ особой симпатіи. Однако, благодаря своему умѣнью проникать въ душу, она успѣла замѣтить въ немъ весьма важныя свойства: бойкій, склонный къ интригамъ умъ, смѣлость, прикрывавшуюся ложной скромностью, упорное постоянство,—словомъ, всѣ свойства: которыя нужны, чтобы сдѣлаться ловкимъ и вкрадчивымъ политикомъ. Не теряя времени, она рѣшила овладѣть племянникомъ юре, обратить въ пользу добраго дѣла орудіе, которое могло быть опаснымъ въ рукахъ революціонной партіи. Болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовала она желаніе увеличивать число сторонниковъ королевской власти, которой грозила опасность; подавляя въ себѣ тайное отвращеніе, которое внушали ей тонкія губы и бѣгающіе глаза Ренара, она старалась овладѣть его довѣріемъ, принуждая себя быть съ нимъ любезной. Польщенный вниманіемъ красавицы, Ренаръ пустился разглагольствовать съ апломбомъ, корча изъ себя важнаго человѣка, и Гиацинта видѣла, что передъ нею тщеславный и напыщенный индюкъ. Часовъ около восьми его дядя и онъ стали прощаться. Гиацинта проводила ихъ до самаго крыльца, поздравляя юре съ такимъ ученымъ племянникомъ, котораго не забыла пригласить навѣщать ихъ иногда на заводѣ.

Вернувшись въ свою комнату, Ренаръ облокотился на подоконникъ и старался отдать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ. Несмотря на то, что доводы Жилоты, совѣтовавшей ему примкнуть къ партіи народа и казались основательными, Ренаръ былъ слишкомъ мелочно-тщеславнымъ и легко поддавался обаянію дворянства. Любезность и аристократическая осанка д'Эризель смутили его покой, и онъ чувствовалъ, что онъ снова сбитъ съ толку.

Между тѣмъ революціонная пропаганда съ каждымъ днемъ дѣлала все большіе и большіе успѣхи, но событія были еще такъ смутны, что невозможно было дать себѣ ясное представленіе о борьбѣ обѣихъ партій и предугадать, которая изъ нихъ одержитъ побѣду. За короля стояло дворянство, армія и высшее духовенство. Подъ влияніемъ королевы, король могъ въ одинъ прекрасный день принять рѣшительную мѣру, т. е. распустить версальское собраніе и снова возстановить абсолютную власть, которую онъ сложилъ съ себя. Тогда привилегіи, влияніе, милости и выгодныя должности достались бы на долю тѣхъ, кто стоялъ за королевскую власть... Ослѣпленный на одно мгновеніе этимъ соображеніемъ, Ренаръ сталъ мечтать о томъ, какъ онъ при своихъ талантахъ и съ помощью этой блестящей канониссы получить доступъ ко двору и займетъ тамъ какой-нибудь высокій постъ. Однако, если королевская власть не устоитъ въ борьбѣ съ революціонной партіей и потерпитъ пораженіе и, какъ это предсказываетъ На-

нина Жилоть, народъ сдѣляется единственнымъ властелиномъ, то дворъ погибнетъ и Жозефу вмѣстѣ съ другими придворными придется испытать печальную участь Пьеретты съ горшкомъ молока.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи оказался Ренаръ, подобно игроку, который не знаетъ, ставить ли ему на красное или черное. Онъ рѣшилъ удовлетвориться серединой, которая лучше всего соотвѣтствовала его двойственному и лукавому характеру, и спокойно выжидать событій въ домѣ священника, продолжая тамъ писать свой революціонный памфлетъ, поддерживая въ то же время сношенія съ Наниной Жилоть и нащупывая почву въ Фуръ-о-Муанѣ.

Воспользовавшись приглашеніемъ Гіацинты, онъ посѣтилъ заводъ вторично и встрѣтилъ тотъ же любезный пріемъ. Канонисса обладала даромъ дѣлать людей общительными и заставила его даже признаться въ своей страсти къ писательству. Она польстила его авторскому тщеславію и, любезно выслушивая его плоскіе и претенціозные стихи, незамѣтно вмѣстѣ съ комплиментами давала совѣты. Не одобряя его выбора, она убѣждала его не писать стиховъ о свободѣ и равенствѣ. Все это было вульгарно и носило отпечатокъ дурного вкуса; настоящая поэзія должна обращаться къ болѣе возвышеннымъ предметамъ. Вмѣсто того, чтобы оставаться блѣднымъ подражателемъ Жанъ-Жака, онъ, по словамъ канониссы, пріобрѣлъ бы большую извѣстность, перейдя въ противоположный лагерь. Вотъ прекрасный случай для молодого человѣка выступить на защиту королевской власти и оклеветанной королевы. Въ то же время она рассказывала ему о блестящихъ праздникахъ въ Трианонѣ, гдѣ Марія-Антуанетта удостоивала милостиваго пріема ученыхъ и артистовъ. Иногда они шли на прогулку въ глубь лѣса, и тамъ канонисса описывала ему королевскую охоту, роскошные пріемы, музыкальные вечера и всякія увеселенія, которымъ предавались въ аббатствѣ Пуланже. Опьяненный призраками этого аристократическаго міра съ его утонченными удовольствіями, которому онъ въ глубинѣ души сильно завидовалъ, Ренаръ бродилъ подъ сѣнью большихъ дубовъ, словно опьяненный, опьяняла его и близость очаровательной канониссы съ ея блестящими глазами, улыбкой на устахъ и неподражаемой граціей. Фамилярное обхожденіе элегантной и красивой женщины возбудило въ этомъ девятнадцатилѣтнимъ юношѣ бурныя желанія и смѣлую мечту о любви, которую мѣсяцевъ шесть тому назадъ онъ стыдливо подавилъ бы въ себѣ. Но шесть мѣсяцевъ тому назадъ Нанина Жилоть сдѣлалась его любовницей и побѣда надъ сердцемъ Жилоты дала ему удовлетвореніе и опытъ и развила въ немъ преждевременный апломбъ. Благосклонность Нанины, которую не трудно было пріобрѣсти, онъ сталъ приписывать своимъ собственнымъ качествамъ и съ самонадѣянностью молодого человѣка, который впервые

владѣлъ женщиной, вообразилъ, что и впредь онъ такъ же легко можетъ покорять женскія сердца. Эта мысль дала ему смѣлость. Онъ не былъ влюбленъ, его холодный темпераментъ служилъ ему защитой отъ живыхъ страстей, но его тѣшилъ его своевольный капризъ и злое честолюбіе подстрекало увлечь канониссу такъ же, какъ онъ увлекъ Нанину Жилотъ.

«Когда она сдѣлается моей любовницей, — цинично думалъ онъ, — она не будетъ въ состояніи отказать мнѣ въ чемъ-либо и если придворная партія возьметъ верхъ, она поможетъ мнѣ плыть по теченію и втерется къ выдающимся людямъ».

Воображеніе его распалалось. Очарованный смѣлыми фантазіями, онъ проходилъ разстояніе изъ Шалада въ Фуръ-о-Муанъ въ такомъ волненіи, въ какомъ Ж.-Жакъ шелъ изъ Эрмитажа въ Обонъ къ м-ше Аудето, съ тою разницею, что въ немъ было меньше страсти и больше высокомерія. Поглощенная своими планами религіознаго служенія, Гіацинта и не подозрѣвала о душевномъ состояніи Жозефа Ренара; она была слишкомъ горда и не могла даже на минуту допустить, что племянникъ юре можетъ забыть о разстояніи, которое ихъ раздѣляло, и отказать ей въ своемъ уваженіи. Она продолжала вести себя съ нимъ попрежнему дружески и просвѣщать его, какъ только они оставались вдвоемъ.

Такимъ образомъ наступила середина сентября. Ренаръ получилъ письмо отъ Нанинъ Жилотъ, которая просила его поскорѣе вернуться въ Баръ и стать здѣсь во главѣ партіи народа. Прежде, чѣмъ принять это рѣшеніе, онъ обдумывалъ свои шансы относительно канониссы. «Конечно, — говорилъ онъ самому себѣ, — м-ше д'Эризель на меня смотритъ очень нѣжно; я ни за кѣмъ здѣсь не ухаживалъ, за исключеніемъ мелкихъ лавочницъ, вродѣ Нанины. Но мнѣ нечего ждать, чтобы она сдѣлала первые шаги сама. Эти аристократки хотятъ, чтобы надъ ними учтиво совершали насиліе и такимъ образомъ избавляли ихъ отъ неприятнаго сознанія, что онѣ слишкомъ легкаго поведенія. Не позднѣе сегодняшняго дня она будетъ принадлежать мнѣ, или я буду трусомъ»...

Забравъ себѣ въ голову эту мысль, онъ въ одно изъ воскресеній пришелъ на заводъ раньше своего дяди. Гіацинту онъ нашелъ въ аллеѣ сада, она ставила только что набранные ею цвѣты въ наполненную водой вазу. Увидѣвъ Жозефа Ренара, который появился въ аллеѣ, она сдѣлала ему знакъ, приглашавшій его подойти.

— Здравствуйте, г-нъ Ренаръ, — сказала она съ улыбкой. — Всѣ ушли въ церковь, за исключеніемъ г-на де-Вандіера, который занятъ поглощеніемъ рыцарскаго романа, и вы пришли кстати, чтобы меня разсѣять... Идите сюда.

Въ то же время она указала ему на мѣсто около нея на каменной скамейкѣ. Онъ сѣлъ на нее, сильно взволнованный отъ мысли, что минута объясненія настала. Все было залито теплымъ

полуденнымъ свѣтомъ. Глубокое молчаніе царило въ узкой аллеѣ, въ которой деревья уже приобрѣли красный и золотистый оттѣнокъ, какъ бываетъ въ концѣ лѣта. Въ окружающей тишинѣ издалека доносился убаюкивающій звонъ вечерняго колокола, и черезъ желтоватый просвѣтъ аллеи на другомъ концѣ сада виднѣлся тонкій, сгорбившійся силуэтъ кавалера, который ходилъ взадъ и впередъ вдоль виноградныхъ лозъ, уткнувшись въ книгу. Цвѣты, лежавшіе на деревянномъ столѣ, фіолетовые флоксы, мелиссы и цвѣтуція розы, распространяли слабый осенній ароматъ. Гибкая талія канониссы была стянута зеленоватого цвѣта корсажемъ съ большимъ вырѣзомъ и плотно сидѣвшимъ, сверху котораго была накинута длинная мусселиновая косынка. Когда она ставила цвѣты въ вазу, отъ движенія ея рукъ ея косынка падала, и тогда обнажалась то часть шеи, отличавшейся молочной бѣлизной, то ея плечи.

— Нужно быть смѣлымъ,—повторялъ себѣ Жозефъ Ренаръ.

— Ну, господинъ поэтъ,—снова сказала Гіацинта привѣтливымъ голосомъ,—не имѣете ли вы что-либо сказать мнѣ?..

— Я вамъ принесъ,—отвѣчалъ онъ сдавленнымъ голосомъ,—стихи моего сочиненія.

— Ну, начинайте, я васъ слушаю... Онъ вынулъ изъ кармана бумагу и, развернувъ ее, продекламировалъ съ томнымъ выраженіемъ любовные стихи.

— Гмъ!—прервала она его.—Это, пожалуй, немного смѣло со стороны племянника духовнаго лица... Для какой пастушки сочинили вы это четверостишіе?

Стоя однимъ колѣномъ на скамейкѣ и наклонивъ голову, она втыкала въ вазу упрямый стебель, тѣмъ временемъ разсѣянно спрашивая юношу.

— Это предназначено для васъ,—отвѣтилъ онъ смѣло. Потомъ, не давъ ей времени опомниться, онъ всталъ и поцѣловалъ затылокъ Гіацинты.

— Я васъ люблю!—бормоталъ, онъ обвивая ее своими руками.

Въ негодованіи отбиваясь, она отшатнулась назадъ и закричала, больше отъ гнѣва, чѣмъ отъ страха. Крикъ ея былъ такъ силенъ, что кавалеръ услышалъ и прибѣжалъ запыхавшись.

Озадаченный такимъ рѣзкимъ отпоромъ, Ренаръ опять сдѣлался трусливымъ; онъ почувствовалъ, что онъ погибъ. Его смущенное лицо было такъ жалко и забавно, что Гіацинта разсмѣялась нервнымъ смѣхомъ.

— Что случилось?—спросилъ испуганный де-Вандіеръ.

— Ничего,—отвѣтила канонисса, съ трудомъ удерживаясь отъ безумнаго смѣха:—произошла забавная сцена!.. Этимъ ученымъ овладѣлъ приступъ безумія. Потрудитесь выпроводить его вонъ и попросите его удалиться отсюда.

Встревоженный Даниель де-Вандиеръ смотрѣлъ по очереди то на молодую женщину, то на племянника кюре; онъ замѣтилъ, что батистовая косынка была въ беспорядкѣ, и по синеватой блѣдности Ренара догадался о томъ, что здѣсь произошло. Не говоря ни слова, онъ повлекъ Ренара изъ бесѣдки, толкая его передъ собой. Въ концѣ аллеи находилась маленькая калитка, выходящая въ поле. Вандиеръ раскрылъ ее настежь и вытолкнулъ неудачнаго поклонника.

— Убирайтесь отсюда, волокита,—сказалъ онъ ему, энергично жестикулируя,—и благодарите меня за то, что я не далъ вамъ пинка ногой.

Съ блѣдными губами, позеленѣвъ отъ досады и стыда, Жанъ-Жозефъ Ренаръ направился къ дому священника, пересѣкая поле. Дрожа отъ злобы, онъ спотыкался на каждомъ шагу и чувствовалъ, какъ страшная ненависть разливалась по его жиламъ. Бѣдная досада точила его мозгъ при мысли о той смѣшной роли, которую ему пришлось разыграть, и о презрѣннн, которымъ его наградила эта аристократка... А! какъ канонисса и кавалеръ должны въ эту минуту смѣяться надъ нимъ! Завтра это происшествіе станетъ извѣстно всему селу, и, конечно, его дядя выгонитъ его отъ себя.

Онъ рѣшилъ не ждать болѣе этого новаго оскорбленія. Вечерняя служба еще продолжалась. Онъ воспользовался этимъ, дрожа вошелъ въ свою комнату, впопыхахъ завязалъ въ салфетку кое-какое бѣлье и нѣкоторыя бумаги и бросился вонъ изъ дома по направленію къ Излету. Достигнувъ возвышеннаго мѣста, откуда видно было село, онъ остановился, чтобы взглянуть на зеленый холмъ, на которомъ въ голубоватомъ туманѣ виднѣлись крыши Фуръ-о-Муана. Страшная ненависть скривила его безбородый ротъ, въ его сѣрыхъ зрачкахъ блеснулъ злобный огонекъ, а лобъ покрылся морщинами. Сохраняя еще обаяніе классиковъ, которыхъ онъ читалъ въ коллежѣ, Ренаръ вспомнилъ клятву Ганнибала и въ свою очередь, въ глубинѣ уязвленнаго сердца, онъ далъ клятву жестоко отомстить за себя обитателямъ завода.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Памятникъ Мирабо.

22-го апрѣля 1791 года клубъ Друзей Конституціи праздновалъ въ Барѣ открытіе памятника Мирабо. Время летѣло съ быстротою вихря. Сцены великой революціонной драмы слѣдовали одна за другой и становились все болѣе и болѣе трагическими и захватывающими. Король и его дворъ покинули Версаль. Въ Парижѣ

въ качествѣ верховнаго правительства засѣдало теперь національное собраніе; оно издавало одинъ декретъ за другимъ, конфисковало церковныя имущества въ пользу націи, раздѣлило королевство на 83 департамента, дало духовенству гражданское устройство и уничтожило право наслѣдованія у дворянъ. Тетки короля уѣхали въ Римъ; подражая имъ, двинулась изъ Франціи цѣлая масса другихъ эмигрантовъ.

Мирабо не стало. Національное собраніе рѣшило въ знакъ почести похоронить его въ Пантеонѣ. Друзья конституціи въ Баръ-ле-Дюкъ, который теперь превратился въ Баръ-сюръ-Орненъ, рѣшили, не отставая отъ парижанъ, въ свою очередь воздать торжественныя почести пылкому борцу за общественную свободу.

Ж. Ж. Ренаръ не отставалъ отъ событий. Теперь онъ уже не былъ скромнымъ, вкрадчивымъ юношей съ фигурой семинариста, въ бѣдномъ черномъ платьѣ, который принужденъ былъ бѣжать изъ дома священника въ Шаладѣ съ маленькимъ узелкомъ, привязаннымъ къ концу палки. Возвратившись въ Баръ въ сентябрѣ 1789 года, онъ выпустилъ тамъ сначала явно революціонный памфлетъ, который поссорилъ его окончательно съ дядей, но зато снискалъ ему симпатіи революціонной партіи. По совѣту Нанины Жилотъ онъ примкнулъ къ національному клубу подъ предѣлательствомъ Генрію Лагекура, занялъ въ немъ скромную должность секретаря и незамѣтно сдѣлался главной пружиной въ этомъ вліятельномъ обществѣ. Онъ ловко водилъ за носъ президента Генрію, которому онъ сочинялъ рѣчи и который съ отеческой любовью предсказывалъ, что этотъ молодой человекъ сдѣлаетъ блестящую карьеру. Тѣмъ временемъ, племянникъ кюре стоялъ во главѣ «неукротимыхъ»; онъ перекрестилъ себя и назывался теперь Юліусъ-Юніусъ Ренаръ; населеніе предмѣстья повиновалось ему, умѣренные слѣдили за нимъ съ безпокойствомъ, а тѣ, кто его когда-либо обидѣлъ, начинали его бояться.

Солнце сіяло на весеннемъ небѣ, и праздникъ обѣщалъ быть великолѣпнымъ. Ренаръ съ полудня находился во дворѣ коллежа, гдѣ засѣдали «друзья конституціи», и откуда долженъ былъ тронуться кортежъ. Его завитая голова была покрыта складной, съ трехцвѣтной кокардою шляпой, шелковое съ голубымъ воротникомъ платье, бѣлый галстукъ и панталоны съ золотыми пуговицами и свѣтло-голубые банты дополняли его нарядъ. Его худыя ноги въ бѣлыхъ чулкахъ были обуты въ туфли съ вырѣзаннымъ передомъ. Гордясь своимъ нарядомъ, который однако очень рѣзко подчеркивалъ худобу его плечъ и не шелъ къ его невзрачному лицу со скошенными глазами, онъ вертѣлся вокругъ бюста Мирабо, который стоялъ на задрапированныхъ малиновымъ бархатомъ носилкахъ съ надписями, напоминающими о добродѣтеляхъ и трудахъ этого знаменитаго оратора.

Онъ распоряжался національной гвардіей, разставлялъ гражданъ, которые должны были нести носилки, болталъ съ молодыми гражданами, на обязанности которыхъ было держать привязанныя къ бюсту перевязи, бѣгалъ за распоряженіями къ членамъ бюро, которые собрались въ залѣ засѣданій, и возвращался съ дѣловымъ и озабоченнымъ видомъ.

Наконецъ къ 2 часамъ трескъ барабановъ возвѣстилъ о началѣ праздника. Кортѣжъ вышелъ со двора и направился къ верхнему городу. Впереди умѣренными и легкими шагами выступали 8 молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ съ трехцвѣтными поясами, украшенныя розами и съ нотами въ рукахъ. Онѣ должны были пѣть хоромъ и были выбраны изъ буржуазныхъ семей. Говоря миеологическимъ языкомъ президента, онѣ соединяли въ своемъ лицѣ красоту и привлекательность грацій съ сладковзвучіемъ сирень. Это были прекрасные типы мѣстной красоты. Преданіе сохранило ихъ имена: Минетъ Лапикъ, Розеттъ Перне, Тереза и Магдалина Февезъ, Дельфина и Югеттъ Дюбе, Габріэль Паттэнъ и Клеретъ Лантоне. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали къ роялистскимъ семьямъ, но не выдавали себя въ такихъ обстоятельствахъ; всѣ онѣ отличались красивыми, блестящими глазами, волосы ихъ были великолѣпны, а цвѣтъ лица свѣжъ, какъ майская листва.

За ними слѣдовали молодые люди, несшіе носилки, которые были окружены молодыми женщинами въ бѣлыхъ платьяхъ, потомъ за ними шли двойной цѣпью члены клуба во главѣ съ президентомъ, они несли дубовые вѣнки въ рукахъ. Съ каждой стороны національная гвардія тремя рядами образовывала живую изгородь. Въ концѣ кортежа слѣдовалъ отрядъ трубачей, отдѣлявшій его отъ празднично разодѣтыхъ любопытныхъ зрителей, которые слѣдовали за процессією, оглашая воздухъ радостными возгласами и выдѣляясь яркими туалетами.

Свѣжій апрѣльскій вѣтерокъ пробѣгалъ по этой торжественно поднимавшейся въ гору процессіи, надъ которой сіяло нѣжно-голубое небо и которая двигалась между живою изгородью первой весенней зелени. Солнечные лучи, пробѣгая по бѣлымъ платьямъ, заставляли ихъ блестѣть, какъ снѣгъ; они играли на красномъ сукнѣ носилокъ, на фонѣ которыхъ рѣзко выдѣлялся силуэтъ бюста, оживляли темные костюмы «друзей конституціи», сверкали на концахъ штыковъ и мѣдныхъ трубахъ и поднимали веселое настроеніе многочисленной толпы.

Сіяющее солнце и весенній вѣтерокъ, казалось, сливались въ одно цѣлое съ общимъ весельемъ. Въ эту еще спокойную революціонную эпоху чувствовалось, что сердца буржуа и народа бились въ унисонъ отъ радостнаго сознанія завоеванной свободы и энергичнаго желанія защищать свои пріобрѣтенія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ

враговъ. Въ промежуткѣ, когда молчала музыка, раздавалось пѣніе; неслись чистые голоса молодыхъ дѣвушекъ; онѣ пѣли хоромъ. Лишь только онѣ смолкли, словно громъ прокатился въ воздухѣ крикъ: «да здравствуетъ нація!».

Шумъ становился еще сильнѣе, когда толпа проходила мимо домовъ съ заколоченными ставнями, изъ которыхъ дворянскія семьи эмигрировали за границу. Эмиграція принимала безпокойный характеръ; бѣгство дворянства въ Люксембургъ и Кобленцъ, гдѣ роялисты подготовляли свое возвращеніе домой съ помощью иностранныхъ войскъ, въ глазахъ народа было угрозой возстановить прежній режимъ. Злоба охватывала всехъ при мысли о скопищѣ на границѣ Франціи этихъ дворянчиковъ, хвастливо заявлявшихъ, что въ недалекомъ будущемъ они образумятъ страну.

Пройдя по улицамъ верхняго города, кортежъ остановился на площади С.-Пьеръ, передъ городской ратушей. Тутъ возвышалась просторная эстрада, вся обвитая зелеными гирляндами. На ней размѣстились члены муниципалитета и административныя власти и судьи департаментовъ; среди нихъ былъ и Франсуа Божаръ. Молодые дѣвушки взошли на нее и стали въ рядъ противъ трибунала старѣйшинъ. Эти послѣдніе, напудренные, въ черныхъ одѣяніяхъ съ бѣлыми поясами, со шляпами на головахъ, съ копьемъ въ рукахъ, должны были слѣдить за почестями, воздаваемыми Мирабо. Президентъ Генріо съ предупредительностью обратился тогда къ молодымъ дѣвушкамъ и на высокопарно-цвѣтистомъ языкѣ того времени произнесъ имъ рѣчь, размахивая своимъ вѣнкомъ:

«Юныя красавицы, призванныя сюда для того, чтобы украсить нашъ праздникъ. Приговоромъ старѣйшинъ постановлено возложить на священную главу Мирабо эти лавры. Эта честь предложена вамъ, такъ какъ они стануть еще болѣе драгоцѣнными, если онъ получитъ ихъ изъ вашихъ рукъ. Честь украшать добродѣтель принадлежитъ только Граціямъ».

Затѣмъ подъ звуки барабанной дроби выступила впередъ раскраснѣвшаяся Клеретъ Лантоне и возложила дубовый вѣнокъ на голову Мирабо.

Радостные крики: «да здравствуетъ нація!» достигали самага верха церкви С.-Пьеръ и вспугивали воронъ, вившихся вокругъ колокольни.

Затѣмъ находившіяся на эстрадѣ власти снова выстроились, и процессія стала спускаться къ нижнему городу, направляясь къ старинной церкви августинцевъ, гдѣ Ж. Ж. Ренаръ долженъ былъ произнести похвальное слово Мирабо.

Онъ нарочно выбралъ эту невзрачную церковь, чтобы показать себя тамъ во всемъ блескѣ своего таланта. Это была любезность Нанинѣ Жилотъ, которая жила какъ разъ напротивъ. За-

нявъ вмѣстѣ съ теткой лучшее мѣсто, Жилоть держала себя чрезвычайно важно. Для этой церемоніи она надѣла голубое перкалевое платье съ выемкой на груди, которая была прикрыта модной тогда косынкой.

На ея завитой головѣ красовался чепчикъ изъ тафты національныхъ цвѣтовъ. Повернувшись къ оратору, она съ своими смѣлыми глазами и полуоткрытымъ ртомъ, казалось, упивалась словами оратора, который прославлялъ гражданскія добродѣтели великаго защитника революціи и аплодировала напыщеннымъ фразамъ своего любовника. Развѣ Ренаръ не былъ ея созданіемъ? Развѣ не она поддерживала и кормила его въ дни нищеты и голода?.. Она находила его очаровательнымъ въ шелковомъ платьѣ, надъ изготовленіемъ котораго она такъ старалась; она пожирала его взглядомъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда же кончится день и можно будетъ прижать его къ своей груди.

Когда рѣчь кончилась, «друзья конституціи» съ музыкой во главѣ направились къ мѣсту своихъ засѣданій. Ренаръ шелъ рядомъ съ президентомъ Генрію. До этого онъ искусно держался въ тѣни Теперь, послѣ успѣха своей рѣчи, онъ торжествовалъ и ходилъ въ толпѣ, опьяненный блескомъ своей рождающейся славы. Франсуа Божаръ, состоявшій членомъ клуба, слѣдовалъ за своими коллегами къ мѣсту назначенія. Оваціи въ честь молодого Ренара пробудили въ немъ лишь опасеніе, какъ бы этотъ пылкій демагогъ, опьяненный успѣхомъ, не воспользовался своимъ престижемъ для того, чтобы дѣйствовать на населеніе предмѣстья и толкать клубъ на опасную дорогу Поэтому онъ рѣшилъ отправиться туда съ цѣлью парализовать вліяніе этого молодого якобинца.

И дѣйствительно, то, что произошло потомъ въ залѣ клуба, доказало ему, что онъ дѣйствовалъ предусмотрительно. Едва засѣданіе открылось, какъ президентъ Генрію и Жанъ-Жозефъ Ренаръ при бурныхъ крикахъ толпы бросились другъ другу въ объятія. Молодой чловѣкъ направился было къ трибунѣ; но Божаръ его предупредилъ и въ качествѣ депутата сталъ говорить первымъ. Онъ говорилъ внушительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ тепло, сопровождая свою звучную рѣчь широкими благородными жестами. Божаръ быстро овладѣлъ вниманіемъ слушателей. Онъ восхвалялъ геній и патриотизмъ Мирабо, рассказалъ о его борьбѣ и ловко привелъ одно мѣсто изъ его послѣдней рѣчи: «популярность, къ которой я стремился и которой я имѣю честь пользоваться, не есть слабый тростникъ; я хочу, чтобы она пустила глубокіе корни въ почву правоты и справедливости». Далѣе ораторъ приглашалъ коллегъ вдохновиться этой краснорѣчивой рѣчью. Объединиться любовью къ свободѣ и правдѣ, воздерживаться отъ всякихъ покушеній на власть учредительнаго собранія и обуздывать нетерпѣніе черезчуръ экзальтированныхъ людей.

— Подумайте—продолжалъ онъ:— тамъ, на границѣ, куда я отправлюсь завтра, враги свободы и революціи ждутъ только удобнаго момента, чтобы уничтожить васъ, и внутренніе раздоры, которые они между нами поддерживаютъ, ослабляютъ нашу силу; покажите же вашимъ врагамъ, что у васъ есть единодушіе, и оставайтесь въ крѣпкомъ единеніи, чтобы противопоставить угрозамъ иностранцевъ вашу непобѣдимую силу.

Лишь только онъ кончилъ при одобрительныхъ крикахъ, на трибуну бросился Ренаръ. Сначала онъ притворно воздалъ должное патриотизму и великодушнымъ мечтамъ Божара.

— Но, граждане,—воскликнулъ онъ,— васъ приглашаютъ побѣждать враговъ внѣшнихъ, но вы также не должны терять изъ виду и враговъ внутреннихъ. Не мало дворянъ эмигрировало, но не мало осталось ихъ еще въ провинціи. Они служатъ посредниками между придворными заговорщиками и измѣнниками, которые вступили въ заговоръ съ иностранцами. Я имѣю доказательства ихъ измѣны; въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, въ Шаладѣ въ Аргоны, я открылъ гнѣздо такихъ дворянъ, которые переписываются съ измѣнникомъ Буэ и съ эмигрантами. Даже женщины принимаютъ участіе въ заговорѣ съ цѣлью возстановить прежній режимъ съ помощью австрійцевъ и короля-измѣнника... Я могу перечислить вамъ ихъ имена...

При этомъ намекѣ на Аргоны и Шаладѣ Франсуа Божаръ вздрогнулъ. Онъ ясно видѣлъ, что доносъ Ренара касается семейства С.-Андре. Боясь, чтобы передъ этой возбужденной и подозрительно-настроенной толпой не прозвучало имя канониссы, онъ рѣшилъ перебить оратора.

— Не слѣдуетъ впутывать въ дебаты особу короля,—перебилъ онъ:—я не позволю выразить подобное оскорбительное подозрѣніе относительно особы монарха, поставленнаго конституціей во главѣ государства.

— Франція,—напыщенно отвѣтилъ Ренаръ,—сдѣлалась бы рабыней, если бы во главѣ ея стоялъ деспотъ. Счастливыя времена республики еще не пришли; но король долженъ быть скоро исполнителемъ воли народа; въ противномъ случаѣ пусть убирается съ трона.

Шумные аплодисменты раздались въ глубинѣ зала, но Божаръ не смутился этимъ.

— Милостивый государь,—съ жаромъ возразилъ онъ своему противнику,—если льстецы потеряли своихъ королей, то народъ тоже имѣетъ ловкихъ обманщиковъ, которые, дѣлая видъ, что удовлетворяютъ требованіе народа, въ сущности влекутъ его къ униженію!

— Гражданинъ депутатъ, вы клеветаете, — объявилъ Жанъ-Жозефъ Ренаръ,—народъ и республиканскіа добродѣтели...

— Гражданинъ секретарь, — отвѣчалъ, горячася, Божарь, — пусть, по-вашему, республиканецъ и добродѣтель синонимы, но вы, какъ поэтъ, вы должны бы знать, что иногда также слово «республиканскій» риѣмуется съ «парламанскій».

Этотъ споръ, который перешелъ на личную почву, не понравился большинству аудиторіи. Друзья Божара хранили молчаніе, на скамейкахъ же, гдѣ сидѣли почитатели Ренара, слышался ропоть. Негодуя на равнодушное отношеніе умѣренныхъ и оскорбленный тѣмъ, что ему предпочли этого молодого безумца, Божарь оставилъ залу засѣданія, не дожидаясь, пока Ренаръ кончитъ свою рѣчь. Но, выйдя на улицу, онъ началъ упрекать себя въ недостаткѣ хладнокровія.

Съ самаго открытія генеральныхъ штатовъ онъ прославился своею горячностью, съ которой онъ стоялъ за свободу. Какъ могъ онъ, склоняясь въ глубинѣ души къ республиканскимъ идеямъ, сдѣлать такую ошибку и дать поводъ заподозрѣвать его либерализмъ своею неумѣстной защитой короля, слабость котораго ему была лучше извѣстна, чѣмъ кому бы то ни было и поведение котораго онъ самъ осуждалъ... Какъ могъ онъ не понять, что этотъ интриганъ Ренаръ ставитъ ему ловушку, вовлекая его въ споръ, въ которомъ малѣйшее неосторожное слово можетъ быть ложно истолковано толпою и привести къ потерѣ имъ популярности. Въ этомъ спорѣ онъ держалъ себя Донъ-Кихотомъ, а не политикомъ. И все это ради женщины, на которую, быть можетъ, падаетъ справедливое подозрѣніе и которую онъ не видѣлъ около двухъ лѣтъ!.. Да, но хотя онъ и не видѣлъ ея, однако эта канонисса измѣнила его сердце. Съ того времени, какъ они разстались на клермонской дорогѣ, между ними завязалась оживленная переписка; когда капитулъ въ Пуланже былъ уничтоженъ декретомъ національнаго собранія, канонисса написала Божарю, прося его устроить одно денежное дѣло. Онъ ей отвѣтилъ тотчасъ же, и съ этого момента они стали обмѣниваться письмами. Тутъ не было уже и рѣчи о дѣлахъ; въ нихъ говорилось о политикѣ, философіи и даже галантности. Гіацинта сообщала Божарю о новостяхъ въ странѣ; депутатъ, въ свою очередь, писалъ ей о развитіи событій и о настроеніи столицы. Въ корреспонденціи, бывшей въ XVIII вѣкѣ въ большой модѣ, рѣшительный и пылкій характеръ канониссы выказывался во всемъ своемъ блескѣ и производилъ на ея корреспондента сильное впечатлѣніе. Читая веселыя и дружескія письма молодой женщины, въ которыхъ она то шутками, то обворожительнымъ кокетствомъ старалась заставить земляка согласиться съ ея мнѣніями, Божарь между каждой строчкой рисовалъ себѣ тонкій профиль, прелестные глаза и улыбку Гіацинты. Мало-помалу между ними устанавливалось таинственное сродство. Чары молодой женщины на извѣстномъ разстояніи дѣлались болѣе могу-

щественными, и ея обликъ постоянно носился въ воображеніи депутата. Онъ былъ полонъ ею, когда Ренаръ сталъ дѣлать намеки, такъ его встревожившіе. Не переставая сожалѣть о томъ оборотѣ, который приняло дѣло, раздражаясь на свою собственную несдержанность, Божаръ не могъ отдѣлаться отъ опасеній и спрашивалъ себя, на чемъ основываются обвиненія противъ Гіацинты. вмѣсто того, чтобы возвратиться къ себѣ въ верхній городъ, онъ, несмотря на поздній часъ, пошелъ по направленію къ дому г-жи де-Ронъ.

Такъ же, какъ два года тому назадъ, онъ засталъ вдову, которая сидѣла въ томъ же спокойномъ уголкѣ своей гостиной въ первомъ этажѣ. Она попрежнему занималась вязаньемъ и попрежнему держалась бодро, корректно и чинно.

— Здравствуйте, Божаръ,—сказала она ему, приглашая его сѣсть:— очень любезно, что вы вспомнили обо мнѣ... я совсѣмъ оглушена криками и музыкой этихъ господъ, друзей конституціи. Не для того ли вы и пріѣхали изъ Парижа, чтобы слышать весь этотъ гвалтъ?

— Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ,—отвѣчалъ онъ съ неопредѣленной улыбкой.—Собраніе поручило мнѣ слѣдить за исполненіемъ новыхъ декретовъ, которые касаются гражданскаго устройства духовенства въ Маасскомъ округѣ и въ Арденнѣ... Завтра я ѣду въ Верденъ.

— Скажите пожалуйста... Вы ѣдете, чтобы поставить тамъ этого вѣроотступника Обри, котораго величаете епископомъ... Онъ пріѣзжалъ сюда на этой недѣлѣ съ большой пышностью, и муниципалитетъ давалъ въ честь его большой обѣдъ и встрѣчалъ его съ торжествомъ. Затѣмъ происходила церемонія въ соборѣ... Я не была тамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ этотъ декретъ, я молюсь въ моей комнатѣ и не хочу участвовать съ этими проходимцами... Мы живемъ въ необыкновенное время, все идетъ хуже и хуже! Наши друзья эмигрируютъ: г-жа Клермонтъ уѣхала въ Люксембургъ, Віартъ въ Тревъ, даже г-жа Шаванъ, несмотря на свой либерализмъ, уѣхала въ среду со всей своей семьей.

— Я это знаю,—саркастически отвѣтилъ Божаръ:—эмиграція вошла въ моду, поѣздки въ Кобленцъ теперь считаются признакомъ хорошаго тона и никто не въ состояніи положить этому конецъ. Признаться, я боялся, что и вы тоже уѣхали.

— Я? нѣтъ... я, какъ кошки, не люблю мѣнять своихъ привычекъ... Тѣмъ не менѣе я чувствую себя осиротѣлой... Вандіеръ уѣхалъ... А ему, бѣднягѣ, очень не хотѣлось ѣхать... Но каждый день ему приносили анонимныя письма, въ которыхъ ему грозили, какъ слабой женщинѣ. При этомъ ему присылали то веретено, то ночной колпакъ... Его это очень обижало, и въ концѣ концовъ онъ уложилъ свои вещи и уѣхалъ, по примѣру другихъ...

— Опасная игра — пробормоталъ Божаръ, качая головой:—тѣ, которые ее ведутъ, воображаютъ, что они затѣваютъ увеселительную прогулку, съ которой они съ торжествомъ возвратятся черезъ мѣсяць... Повѣрьте мнѣ, что черезъ мѣсяць... повѣрьте мнѣ, что они предаются пустымъ мечтамъ. Начинается борьба между слабымъ меньшинствомъ и цѣлой націей: она будетъ не равна, и горе побѣжденнымъ? Народъ относится къ завоеванной свободѣ ревниво. Въмѣсто того, чтобы безъ надобности его раздражать неумѣстными выходками, дворянству слѣдовало бы показать себя болѣе осмотрительнымъ... Позвольте васъ кстати спросить: ваша племянница все еще въ Шаладѣ?

— Да... Почему вы меня спрашиваете объ этомъ? Не подвергается ли она тамъ какой-нибудь опасности?

— Нѣтъ, если она соблюдаетъ осторожность, но если случайно она покажетъ себя сторонницей эмигрантовъ, тогда, конечно... Когда женщины пускаются въ политику, ничего хорошаго никогда не выходитъ. Въ наше время онѣ въ особенности должны слѣдить за своими словами и дѣйствіями.

— Вы меня пугаете, Божаръ,—воскликнула вдова. — Скажите откровенно, до васъ дошли слухи какіе-нибудь?

— Вы угадали, и вотъ поэтому-то между прочимъ я и явился къ вамъ. Сегодня вечеромъ въ клубъ молодой Ренаръ, племянникъ священника въ Шаладѣ, намекалъ недвусмысленно, что эта деревня — гнѣздо крамольниковъ, что даже женщины участвуютъ здѣсь въ заговорѣ заодно съ эмигрантами... Я его перебилъ въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ назвать всѣхъ по именамъ изъ боязни услышать въ числѣ ихъ именъ имя г-жи д'Эризель.

— Вы меня очень тревожите. Гіацинта не посвящаетъ меня въ свои секреты, притомъ она такъ экзальтирована и такъ безразсудна, что я считаю ее способной на какой-нибудь опрометчивый шагъ... Я обожаю эту дѣвушку, Божаръ; я ее воспитала, какъ дочь, и я буду безутѣшна, если съ ней случится какое-нибудь несчастье.

— Слѣдовало бы посоветовать ей быть болѣе осторожной.

— Да?.. Но моя сестра Гертруда не имѣетъ никакого вліянія на нее... Не знаю, послушаетъ ли она меня... Давать ей совѣты письменно я не могу, ибо почта уже не внушаетъ мнѣ достаточно довѣрія... Но вы, кажется, сказали, что завтра ѣдете въ Верденъ?

— Да, сударыня.

— Изъ Вердена до Шалада недалеко... Когда вы покончите съ вашими дѣлами, не побываете ли въ Фуръ-о-Муанѣ, не попытаетесь ли отъ моего имени образумить мою племянницу?

— Но если даже вы не имѣете вліянія на m-lle д'Эризель, то можно ли думать, что она будетъ слушать меня, человѣка ей посторонняго... И кромѣ того—политическаго противника?

— Это правда, но я знаю, что она питаетъ къ вамъ большое уваженіе... Но когда вы прїѣдете туда, вамъ будетъ лучше судить о томъ, какъ обстоятъ дѣла... Если вы чувствуете къ намъ какую-нибудь дружбу, то окажите мнѣ эту услугу.

— Если мое присутствіе въ Шаладѣ можетъ принести вамъ успокоеніе, я обещаю вамъ побывать тамъ черезъ нѣсколько дней... но я сомнѣваюсь, принесутъ ли пользу мои совѣты.

— Кто знаетъ?.. Попробуйте и когда вы будете на заводѣ, напишите мнѣ хоть слово... До тѣхъ поръ, пока я не получу отъ васъ письма, я буду очень волноваться.

— Можете быть увѣренной, что я буду. Не буду терять времени... А теперь позвольте мнѣ васъ оставить.

— Прощайте, мой другъ, прощайте и заранѣе благодарю васъ...

II.

Привидѣнія.

Стремясь поскорѣе ѣхать къ канониссѣ и разъяснить ей опасность, которою ей грозитъ ея приверженность къ королю, Франсуа Божаръ желалъ по возможности сократить свое пребываніе въ Верденѣ. Несмотря на всю его поспѣшность, столкновенія, вызванныя декретами объ уничтоженіи монашескихъ орденовъ, задержали его на цѣлую недѣлю. Только черезъ 10 дней онъ получилъ возможность взять отпускъ и отправиться на почтовыхъ въ Варенъ. Данное ему порученіе касалось округа Маасъ и Арденнъ, и онъ рассчитывалъ достигнуть Вузье по дорогѣ черезъ Грандре, которая проходила мимо Шалада, и такимъ образомъ повидаться съ г-жой д'Эризель, не вызвавъ этимъ визитомъ какихъ-либо толковъ.

Въ Варенъ онъ прїѣхалъ въ 6 час. вечера и, остановившись въ гостиницѣ «Великаго Монарха», велѣлъ тотчасъ приготовить себѣ ужинъ. Ему не хотѣлось терять времени и онъ рѣшилъ отправиться въ Фуръ-о-Муанъ въ ту же ночь. Онъ имѣлъ въ виду избѣжать всякихъ праздныхъ разговоровъ. Сознаніе, что онъ такъ близко отъ канониссы, дѣлало его нетерпѣливымъ и, зная, что его отдѣляло отъ нея разстояніе не больше 2 лье, онъ не хотѣлъ откладывать своей поѣздки до завтра. Это было 3 мая. Стояла очень хорошая погода. Ночная поѣздка черезъ зазелѣвшій уже лѣсъ, предстоящее свиданіе съ молодой прелестной женщиной имѣли что-то романическое. Онъ чувствовалъ, что ему всего 20 лѣтъ.

Торопливо проглатывая ужинъ, онъ спрашивалъ хозяйку, скоро ли можно дойти пѣшкомъ до Шалада. Та отвѣчала, что это очень легко для того, кому извѣстны болѣе короткія дороги. Ея маленькій конюхъ, сынъ лѣсника, все свое дѣтство провелъ въ лѣсу; она предоставитъ его въ распоряженіе депутата въ каче-

ствѣ проводника. И дѣйствительно, съ наступленіемъ ночи мальчуганъ явился къ Божару, и они отправились.

Мальчугану было лѣтъ 12 или 13, лицо у него было круглое, покрытое веснушками. Онъ отличался болтливостью и казался очень ловкимъ. Депутатъ забавлялся его болтовнею. Онъ самъ выросъ въ Суе, среди крестьянъ, и до десятилѣтняго возраста игралъ съ пастухами. Поэтому ему было пріятно слышать въ разговорѣ этого мальчугана провинціальныя выраженія, напоминавшія ему его дѣтскіе годы. Они звучали въ его ушахъ, какъ эхо его ранняго дѣтства. Въ то время, какъ они поднимались по дорожкѣ, которая выходила на красивые холмы, покрытые лѣсомъ, показалась на горизонтѣ почти полная луна. Благодаря ея перламутровому свѣту сквозь березы можно было видѣть далеко всю долину, въ которой змѣился серебристый Эръ, поднималась цѣпь холмовъ, въ концѣ которыхъ, словно гнѣздо хищныхъ птицъ, вырисовывался на небѣ Монфоконъ.

— Ты не боишься ночью въ лѣсу?—спросилъ депутатъ своего проводника?

— Нѣтъ, я не боюсь,—храбро отвѣчалъ мальчуганъ:—я знаю лѣсъ такъ, какъ свой собственный карманъ... Съ восьми лѣтъ я носилъ ужинъ нашимъ людямъ, которые рубили лѣсъ въ Лувіерѣ, и возвращался одинъ черезъ лѣсъ.

— Ты никогда не встрѣчалъ злыхъ людей?

— Никогда... Тѣмъ не менѣе иногда я видѣлъ странныя вещи.— Онъ свистнулъ, подражая дрозду, и затѣмъ таинственно прибавилъ:

— Однажды, недалеко отъ камня, который лежитъ на перекресткѣ дорогъ изъ Варенъ въ Шаладъ, я увидѣлъ волка, который сидѣлъ на заднихъ лапахъ у подошвы вяза... Шерсть на немъ была такая же бѣлая, какъ на козѣ, и глаза его свѣтились, какъ свѣчи... Но я не потерялся, я схватилъ булыжникъ и сдѣлалъ видъ, что хочу бросить въ него... Тогда онъ всталъ и пошелъ впереди меня по дорожкѣ. Когда я останавливался, онъ тоже останавливался и такимъ образомъ проводилъ меня до самой опушки лѣса, гдѣ скрылся въ чащѣ... Тогда только мнѣ сказали, что я встрѣтилъ бѣлаго волка. Къ счастью, я былъ остороженъ, не сказавъ ему ни слова, такъ какъ онъ бросается на тѣхъ, которые съ нимъ разговариваютъ, и уноситъ ихъ въ адъ...

— Ха-ха, ты вѣришь этому?—спросилъ съ улыбкой Божаръ.

— Приходится вѣрить тому, что самъ видишь,—наставительно отвѣтилъ мальчуганъ.—Случалось, что вступали иногда съ нимъ въ разговоръ; тѣ никогда не возвращались обратно... Тутъ то же, что бываетъ въ рождественскую ночь, когда видишь скачущую «большую охоту»; если погонишься за лошадьми, то бѣда!

И онъ снова сталъ свистѣть, какъ бы желая придать себѣ храбрости. Теперь они шли черезъ буковую чащу; покрытая густой

лиственной вѣтки бросали на дорогу густую тѣнь, пестрившую то тамъ, то сямъ пятна луннаго свѣта, которыя какъ будто двигались между деревьями. Тишина лѣса и эти бѣлыя пятна свѣта, походившія на призраки, напомнили Божару другіе деревенскіе суевѣрные рассказы о сестрѣ бѣлаго волка и большой охотѣ.

— Тебѣ приходилось видѣть не мало удивительныхъ вещей, не видалъ ли ты когда-либо карликовъ?

Свистаніе мальчугана внезапно прекратилось.

— Карликовъ? — повторилъ онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Да, маленькихъ человѣчковъ, которые прогуливаются подъ деревьями ночью, съ красными фонариками вмѣсто шляпы.

— Знаю... знаю...—сказалъ мальчуганъ, понижая голосъ:—но, съ вашего позволенія, лучше совсѣмъ не говорить объ этомъ.

Въ глубокомъ мракѣ лѣса онъ, повидимому, потерялъ свое вдохновеніе и смѣлость. Царило безмолвіе, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ они шли не разговаривая. Въ лѣсу стояло такое безмолвіе, что слышно было журчаніе ручья въ ближайшемъ оврагѣ. Эти жалобные звуки невидимаго ручья и фантастическая игра луннаго свѣта среди деревьевъ не содѣйствовали храбрости молодого проводника, хотя онъ только что и увѣрялъ, что не боится ничего. Теперь онъ жался къ Божару и, казалось, не велъ его, а самъ слѣдовалъ за нимъ.

— Ты ничего не слыхалъ?

— Я... не знаю.

Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ оврага, въ заснувшемъ спокойствіи лѣса слышался издалика страшный шумъ, какъ будто бы кто-нибудь ломалъ вѣтки.

— Это, можетъ быть... люди, которые возвращаются съ охоты на бекасовъ?

— Но вѣрнѣе всего, это карлики,—увѣрялъ, смѣясь, Божаръ,—и, вѣроятно, они идутъ впереди насъ...

Не переставая говорить, онъ ускорялъ шаги... Вскорѣ они вышли на перекрестокъ, гдѣ сосредоточивались пять дорогъ. Одна изъ дорогъ какъ будто шевелилась отъ луннаго свѣта и вся казалась очень длинной среди темныхъ деревьевъ. Изорванныя тѣни падали на нее отъ вѣтвей, она уходила мало-по-малу въ глубь лѣса, надъ которымъ носился густой лиловый туманъ.

— Сударь,—пробормоталъ мальчуганъ, пятясь назадъ,—видите ли вы ихъ на дорогѣ?

Франсуа Божаръ, дѣйствительно, увидѣлъ ихъ и остановился, желая взглядѣться получше. На освѣщенную луннымъ свѣтомъ дорогу выходили изъ тѣни легкіе человѣческіе силуэты. Мелькнувъ въ яркомъ лунномъ свѣтѣ, они опять исчезали въ лѣсу. Нѣкоторые изъ нихъ были даже освѣщены красноватымъ дрожащимъ

свѣтомъ, какъ будто отъ фонаря. Хотя эта прогулка ночныхъ гулякъ и была неожиданной встрѣчей, но тѣмъ не менѣе тутъ не было ничего опаснаго. На всякій случай депутатъ рѣшилъ, однако, подбодрить своего суевѣрнаго спутника.

— Какой ты глупый, — сказалъ онъ: — перестань бояться!.. Это не карлики, а такіе же люди, какъ и мы съ тобой!..

Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ, что позади него уже не было никого. Испуганный мальчуганъ далъ тягу и навастривалъ теперь лыжи по направленію Варена.

Оставшись одинъ въ чащѣ лѣса, Божаръ оказался въ весьма затруднительномъ положеніи. Онъ глядѣлъ на перекрестокъ трехъ дорогъ, которыя бѣжали передъ нимъ, и не зналъ, которую изъ нихъ выбрать, чтобы добраться до Шалада. Въ душѣ онъ сильно бранилъ трусость своего проводника. Послѣ минутнаго размышленія онъ рѣшилъ итти по освѣщенной дорогѣ и постараться догнать тѣхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ. Вѣроятно, это были, какъ и предполагалъ мальчуганъ, охотники, или въ худшемъ случаѣ браконьеры. Они, конечно, покажутъ ему, какъ выйти на постоянную дорогу.

Божаръ ускорилъ шаги и черезъ десять минутъ достигъ оврага, въ концѣ котораго дорога неожиданно выходила на лужайку. Среди обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ деревьевъ, она казалась круглой и голой. На этомъ бѣлѣющемъ кругѣ двигались какія-то тѣни. Пока Божаръ старался ихъ рассмотреть, налѣво отъ него послышались шаги. Предполагая, что это таинственные путники, онъ рѣшилъ соблюдать осторожность и предварительно разузнать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и спрятался за густыми деревьями. Немного погодя затрещали вѣтки и показались два человѣка, въ гетрахъ, нахлобученныхъ на глаза фетровыхъ шляпахъ и въ охотничьихъ курткахъ.

— Г. Парфондрюцъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — вотъ мы наконецъ и выбрались изъ этого проклятаго терновика. Вотъ дорога, которая ведетъ къ Высокой Березѣ, онъ насъ ждетъ тамъ, не такъ ли?

— Совершенно вѣрно, мой другъ... Іеремія, который знаетъ эту мѣстность, самъ назначилъ это мѣсто для встрѣчи. Тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

— Хороши охотники на бекасовъ, — подумалъ Божаръ. Нѣкоторыя слова, которыми посѣтители обмѣнялись между собою, возбудили его подозрительность. По своей природной осмтрительности, составлявшей отличительную черту характера уроженца Лотарингіи, Божаръ рѣшилъ прежде, чѣмъ выйти изъ своего убѣжища, основательно освѣдомиться о намѣреніи этихъ незнакомцевъ, которые, повидимому, явились сюда на таинственное свиданіе со всѣхъ четырехъ концовъ лѣса. На почтительномъ раз-

стояніи онъ сталъ слѣдить за этими двумя людьми. Густой песокъ дорожки ослаблялъ шумъ его шаговъ и, благодаря этому, онъ, никѣмъ не замѣченный, подошелъ къ самой полянѣ. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что направо отъ него лѣсъ сталъ значительно рѣже. Дубы въ немъ росли на рѣдкомъ разстояніи, и почва была покрыта мохомъ, на которомъ то тутъ, то сямъ росъ густой можжевельникъ и остролистникъ. Депутатъ сошелъ съ тропинки и, прячась за кустарниками, дошелъ до большихъ деревьевъ, которыя окружали поляну.

Она небольшимъ уклономъ лежала вокругъ одинокой и громадной березы, которая и дала ей свое названіе. Спустившись по песчаному откосу, Божаръ могъ черезъ рѣдкую изгородь кленовъ бросить взглядъ на поляну. Теперь не было сомнѣнія въ томъ, что онъ попалъ на тайную сходку какихъ-то подозрительныхъ личностей. Ему сейчасъ же вспомнились намеки Жанъ-Жозефа Ренара насчетъ заговоровъ роялистовъ, которые назрѣвали въ Аргони.

Освѣщенные луннымъ свѣтомъ люди, походившіе по одеждѣ на половину на буржуа, на половину на крестьянъ, собрались въ кучки на нѣкоторомъ разстояніи отъ березы. Подъ нею депутатъ замѣтилъ двѣ фигуры, закутанныя въ плащи и державшіяся въ тѣни. Подошли и запоздавшіе, которыхъ онъ встрѣтилъ на дорогѣ. Въ эту минуту два человѣка, сидѣвшіе подъ березой, встали. Одинъ изъ нихъ медленно отбросилъ свой плащъ съ капюшономъ. Взглянувъ на его лицо, освѣщенное полной луною, Божаръ пришелъ въ сильнѣйшее изумленіе. Онъ узналъ канониссу.

Гіацинта д'Эризель была въ темномъ платьѣ, на головѣ у нея была тирольская шляпа, изъ-подъ которой пышными локонами падали на плечи ея не напудренные волосы. На фонѣ темнаго наряда ея лицо выступало очень явственно. При свѣтѣ луны это бѣлое, обрамленное обильными локонами лицо было очаровательно. Особенную красоту придавали ему сверкавшіе, словно звѣзды, глаза. Въ глубинѣ лѣса остроумная корреспондентка очаровала Божара еще сильнѣе, чѣмъ въ гостиной г-жи де-Ронъ. Отъ удивленія его волненіе усиливалось, а любопытство заставляло его скрываться за кустарниками. Гіацинта сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и устремила на окружавшихъ ее людей свой сверкающій взоръ.

— Я думаю, господа,—сказала она:—что мы теперь въ сборѣ и поэтому можно говорить... Я васъ созвала сегодня ночью для того, чтобы познакомить васъ съ однимъ изъ моихъ друзей, который пріѣхалъ изъ Парижа и который отправляется отъ ея величества королевы къ маркизу Буйлье, начальнику Меца: это г-нъ Жаржей, придворный офицеръ; онъ рѣшилъ сдѣлать крюкъ и доставить мнѣ важныя извѣстія, и я уполномочена сообщить ихъ вамъ...

Незнакомецъ, который сидѣлъ съ нею подъ березой, подошелъ къ Гіацинтѣ. Божаръ увидѣлъ молодого человѣка красивой наружности, который былъ закутанъ въ просторный темный плащъ съ высокимъ воротникомъ, изъ-подъ котораго виднѣлись отвороты краснаго камзола и кисейный галстукъ. Канонисса обернулась къ нему и, взявъ его за руку, подошла вмѣстѣ съ нимъ къ семи незнакомцамъ, которые стояли полукругомъ на полянѣ.

— Г-нъ Жаржей, — продолжала она, останавливаясь послѣдовательно передъ каждымъ изъ нихъ, — позвольте вамъ представить кавалера Даніеля де-Вандіера, который ѣдетъ въ Кобленцъ и который по моей просьбѣ согласенъ отсрочить свой окончательный отъѣздъ... Г-нъ Іеремія Данлупъ, одинъ изъ моихъ близкихъ друзей, Давидъ Луэссоръ, Жоэль Парфондрюптъ, Жоанъ Гіо, Эли Курувръ, Жакъ Гюи, все это дворяне-стеклозаводчики, преданные королю... Вы можете говорить безъ всякихъ опасеній въ ихъ присутствіи; это надежные люди испытанной вѣрности.

Проходя передъ молодымъ офицеромъ, стеклозаводчики приподнимали шляпу. При свѣтѣ луны можно было разсмотрѣть лица этихъ дворянъ: круглое усатое лицо Давида Луэссора, который походилъ на фламандскаго бурмистра; длинный, костлявый профиль Жоэля Парфондрюпта; носъ, похожій на клювъ птицы и прыгающіе глаза Іереміи; пьяную фізіономію Жоана Гіо, безконечную бороду Жака Гюи и наконецъ трусливую фізіономію Эли Курувра.

Божаръ успѣлъ уже овладѣть собою и сталъ обдумывать положеніе, въ которомъ онъ очутился, и роль, которую онъ игралъ во всей этой исторіи. Роль шпіона была ему противна при его гордости и деликатности. Любовь къ канониссѣ еще болѣе усиливала его опасенія. Онъ сразу догадался, что люди, собравшіеся вокругъ г-жи д'Эризель, явились сюда съ цѣлью составить заговоръ противъ власти національнаго собранія. Присутствуя на ихъ тайномъ собраніи, онъ ставилъ себя въ очень трудное положеніе: если онъ откроетъ какой-нибудь мятежный заговоръ, то его совѣсть и долгъ депутата обязываютъ его довести объ этомъ до свѣдѣнія администраціи департамента, съ другой стороны, если онъ донесетъ объ этомъ, то рискуетъ погубить эту неосторожную молодую женщину, которую онъ пріѣхалъ спасти. Его порядочность не позволяла ему долѣе прятаться отъ г-жи д'Эризель.

Онъ пролѣзъ черезъ густой остролиственникъ и рѣшительно двинулся къ полянѣ, не соблюдая никакой осторожности. Шумъ его быстрыхъ шаговъ сейчасъ же привлекъ вниманіе стеклозаводчиковъ, у которыхъ привычка быть на стражѣ особенно развила слухъ.

— Тише!—воскликнулъ Іеремія Данлупъ:—я слышалъ шаги... Слышите, Гіацинта?

— Нѣтъ, —отвѣтила канонисса съ отгѣнкомъ безпокойства.

— Господа, насъ предали,—воскликнулъ Жоэль Парфондриютъ. Иеремія и онъ бросились на дорогу искать мелькнувшаго незнакомца.

Шаговъ черезъ десять они встрѣтились съ Божаромъ, который рѣшительно приближался къ нимъ; они схватили его и потащили на поляну.

— Вотъ шпионъ!—воскликнулъ Парфондриютъ, толкая депутата въ середину разъяренныхъ стеклозаводчиковъ.

— Простите!—внушительно сказалъ Божаръ:—я просто путникъ, направляющійся въ Фуръ-о-Муанъ... Будьте любезны проводить меня къ г-жѣ д'Эризель, которую я вижу среди васъ.

Увидѣвъ депутата, Гиацинта сначала насупила свои тонкія брови и гнѣвно взглянула на него; но ясный и благородный взглядъ новоприбывшаго смягчилъ ея гнѣвъ. Она выразительно взглянула на кавалера Вандіера, какъ бы приглашая его молчать, и знакомъ велѣла обоимъ стеклозаводчикамъ освободить ихъ плѣнника.

— Я совсѣмъ не ожидала встрѣтить васъ здѣсь въ такой часъ!—начала она, еще не освободившись отъ подозрѣній.

— Я также не ожидалъ васъ встрѣтить здѣсь,—отвѣтилъ онъ, поклонившись ей съ легкой ироніей;—извините, что я васъ обезпокоилъ и будьте любезны объяснить этимъ господамъ, что если они принимаютъ меня... Я шелъ прямо въ Фуръ-о-Муанъ по порученію къ вамъ отъ вашей тетки и сбился съ дороги.

— Этотъ человѣкъ говоритъ правду, — продолжала канонисса, обращаясь къ своимъ спутникамъ.—Это одинъ изъ моихъ друзей, и я отвѣчаю за его скромность.

Она прибавила совсѣмъ громко, скороговоркою, обращаясь къ Божару:

— Извините меня, въ свою очередь, что съ вами поступили такъ безцеремонно... Мы сейчасъ отправимся домой... Кавалеръ де-Вандіеръ васъ туда проводитъ.

Она отошла отъ него съ выраженіемъ нетерпѣнія и подошла къ офицеру, который скрывался въ тѣни березы. Съ изумленіемъ и смущеніемъ Божаръ смотрѣлъ ей вслѣдъ и вдругъ почувствовалъ, что кто-то прикоснулся къ его рукѣ.

— Милостивый государь,—сказалъ кавалеръ кисло:—если вы желаете... я къ вашимъ услугамъ.

Франсуа Божаръ сухо поклонился смотрѣвшимъ на него стеклозаводчикамъ и молча послѣдовалъ за кавалеромъ, который, согнувшись и поднявъ фалды своего сюртука, пробрался на узкую тропинку, круто спускавшуюся внизъ.

III.

Посланецъ королевы.

Въ то время, какъ Божаръ удалялся подъ наблюдениемъ кавалера де-Вандіера, канонисса старалась успокоить Жаржея. Не называя депутата по имени, она снова принялась увѣрять, что она ручается за него. Притомъ онъ ничего не слышалъ, и офицеру нечего бояться какой-либо нескромности съ его стороны.

Этотъ Жаржей былъ влюбленъ въ канониссу аббатства Пуланже, г-жу Лафошъ, которая находилась въ большой дружбѣ съ д'Эризель. Онъ былъ въ дружбѣ съ графомъ Ферзенъ, и тотъ представилъ его Маріи-Антуанеттѣ. Легкомысленный и нѣсколько фатоватый, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень храбрый, онъ принадлежалъ къ той элегантной, тщеславной и вѣтренной молодежи, которою королева такъ любила окружать себя. Когда стали думать о тайномъ отъѣздѣ короля, Марія-Антуанетта неоднократно поручала Жаржею вступать въ сношеніе съ маркизомъ Буйлье. Выборъ повѣреннаго былъ сдѣланъ съ такой же неловкостью и легкомысліемъ, которыя сказались во всѣхъ приготовленіяхъ къ этому несчастному побѣгу. Не сообразивъ, что эти тайные планы были извѣстны очень многимъ, королева поручила своему агенту освѣдомиться по дорогѣ о настроеніи дворянъ, которыхъ ей выставляли какъ горячо преданныхъ королю. Жаржей, вообразившій себя ловкимъ дипломатомъ, пылалъ желаніемъ успѣшно выполнить первую часть своего порученія.

Въ сношеніяхъ съ дворянами-стеклозаводчиками онъ рѣшилъ сначала держаться со всевозможными предосторожностями. Прежде, чѣмъ проникнуть въ глубь ихъ души, онъ хотѣлъ предварительно подвергнуть этихъ сельскихъ дворянъ испытанію и удостовѣриться, насколько можно имъ довѣрять.

— Господа,—началъ онъ:—вамъ извѣстно, что король и его семья въ сущности находятся въ Тюльери въ заточеніи. Королевская семья открыто находится подъ стражею въ своихъ апартаментяхъ. Къ этому оскорбительному положенію мнимое національное собраніе прибавило еще большее оскорбленіе въ видѣ тайнаго надзора: ихъ величества окружены шпионами. Вотъ какое уваженіе проявляютъ мятежные депутаты къ своему государю. Вотъ какъ они къ нему относятся.

— Это шайка негодяевъ?... воскликнулъ Парфондрюптъ.

— По чему не расправятся съэтими наглецами пашками?—прибавилъ Иеремія Данлупъ.

— Почему?... Потому, что король слишкомъ добръ и вѣренъ законамъ. Онъ принужденъ уважать конституцію, которую ему навязали, и не хочетъ проливать кровь своихъ подданныхъ. Тѣмъ

не менѣе его терпѣніе истощается. Ему хотятъ помѣшать поѣхать въ Сенъ-Клу провести тамъ Страстную недѣлю. Это оскорбленіе принуждаетъ его выйти изъ нерѣшительности. Мы имѣемъ основаніе думать, что, уступая просьбамъ королевы, онъ согласится наконецъ поѣхать въ Мецъ, къ вѣрнымъ полкамъ, которые находятся подъ начальствомъ маркиза Буйлье.

— Прекрасно!—воскрикнулъ Луэссаръ,—пусть его величество ѣдетъ къ намъ! Мы ждемъ только случая составить для него ограду изъ нашихъ тѣлъ... Мы зажмемъ рты всѣмъ этимъ болтунамъ!

— Случай, котораго вы ищете,—отвѣчалъ Жаржей, успокоенный этими восклицаніями, полными энтузіазма,—можетъ представиться съ минуты на минуту. Если король рѣшится покинуть Парижъ, то онъ направится, конечно, на Монмеди, и тогда ему придется ѣхать по дорогѣ, которая проходитъ между С.-Менехульдъ, Клермонъ и Варенъ. Если этотъ маршрутъ будетъ окончательно намѣченъ, тогда намъ понадобятся ваше содѣйствіе и ваша преданность.

— Можете положиться на насъ, г-нъ офицеръ, всѣ дворяне-стеклозаводчики въ Аргони положить свою жизнь за короля... Не правда ли, товарищи?—сказалъ Жоанъ Гіо.

— Да, всѣ!—подтвердили пять другихъ стеклозаводчиковъ.

— Благодарю васъ, господа, отъ имени королевы, которая возложила на меня это порученіе,—отвѣчалъ въ восторгѣ офицеръ,—предоставляю моему любезному проводнику объяснить вамъ, какимъ образомъ можетъ пригодиться ваше усердіе въ случаѣ, если наступитъ надобность... Г-жа д'Эризель знаетъ эту мѣстность лучше меня—и я полагаюсь въ этомъ случаѣ на нее, она дастъ вамъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

— Мои дорогіе родственники и друзья,—въ свою очередь сказала Гіацинта,—какъ ни неопредѣленны еще планы, о которыхъ вамъ говорилъ г-нъ Жаржей, но все-таки они могутъ удался лишь тогда, когда мы заранѣе примемъ нужныя мѣры для исполненія предположеній ея реличества. Каждому должно быть извѣстно отнынѣ, что онъ долженъ дѣлать. Маркизъ Буйлье пошлетъ впереди августѣйшихъ путешественниковъ отряды, которые должны обезпечить имъ безопасность до Монмеди. Необходимо однако, чтобы не возникло какихъ-либо препятствій для путешествія короля со стороны народа. Вы, Иеремія, вмѣстѣ съ Парфондриптомъ по первому знаку отправитесь въ С.-Менехульль, гдѣ будете наблюдать за прибытіемъ королевскаго экипажа. Какъ только онъ покажется, одинъ изъ васъ пусть бѣжитъ въ Фуръ-о-Муанъ предупредить меня. Я двинусь тогда съ кавалеромъ де-Вандіеръ и сообщу отряду, который будетъ находиться на дорогѣ Денъ. Въ это время г-нъ Курувръ и Гіо будутъ въ Клермонѣ; г-нъ Луэссаръ и Гюи будутъ находиться при вѣздѣ въ Варенъ, чтобы убѣдиться, что

смѣна лошадей готова и дорога совершенно свободна... Слышите ли вы, господа? Можетъ случиться, что до тѣхъ поръ намъ уже не придется болѣе собраться. Необходимо сегодня же условиться во всемъ, чтобы потомъ не вышло какихъ-нибудь недоразумѣній. Какъ только я получу извѣстіе объ отъѣздѣ ихъ величествъ, я пошлю каждому изъ васъ письмо, которое будетъ содержать слѣдующія слова: «Къ печамъ!» Такъ, кажется, стеклозаводчики приказываютъ рабочимъ приступать къ работѣ... Этого письма для васъ будетъ достаточно, и вы, бросивъ все, отправитесь...

— Поняли!—отвѣчали присутствовавшіе,—намъ не нужно повторять два раза.

— Господа,—отвѣтилъ офицеръ:—я тронуть вашими прекрасными чувствами... Мнѣ нѣтъ надобности прибавлять, что когда король вернетъ себѣ свободу и получить свою власть во всей ея полнотѣ, когда правительство почувствуетъ подъ собой твердую почву, ея величество васъ не забудетъ и щедро наградитъ услуги своихъ друзей въ плохія времена.

Многіе изъ стеклозаводчиковъ возразили на это жестами, выразившими безкорыстіе. Тѣмъ не менѣе практическая натура лотарингцевъ сказала, и привлекательная перспектива, которую рисовалъ г-нъ Жаржей, возбудила у бѣдныхъ дворянъ алчныя желанія. Они вдругъ увидѣли, что имъ представляется неожиданный случай снискать себѣ королевскія милости.

— Сударь,—сказалъ толстый Давидъ Луэссаръ,—дворяне-стеклозаводчики не имѣютъ привычки назначать цѣну за оказанныя услуги. Что касается меня, то оказать помощь его величеству будетъ само по себѣ достаточною для меня наградой, но я отецъ пятерыхъ дѣтей и не долженъ этого забывать... Когда король будетъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, тогда я буду имѣть смѣлость обратиться къ нему съ просьбой о выдачѣ патента на чинъ капитана для моего старшаго сына, бенефиціи для младшаго и... маленькаго приданаго для моихъ дочерей.

— Чертъ возьми!—ворчалъ Эли Курувръ,—скажите, пожалуйста!.. я не такъ жаденъ,—прибавилъ онъ совсѣмъ громко,—и буду счастливъ, если его величество дастъ мнѣ монополію на издѣліе бутылокъ въ провинціяхъ Лотарингія и Шампань.

— Эге,—прервалъ его Жюиль де-Парфондрюптъ, у котораго былъ стеклянный заводъ въ Сенадѣ:—если ты возьмешь все, то самъ посуды, что же останется остальнымъ?

Толчокъ былъ данъ, первоначальное стѣсненіе исчезло и каждый старался захватить для себя лучшій кусокъ пирога.

Жакъ Гюи потребовалъ для себя должность управляющаго казенными лѣсами и водами; Жоанъ Гю, право рыбной ловли въ прудахъ С.-Руинъ: только Іеремія Данлупъ не чувствовалъ въ своемъ сердцѣ честолюбивыхъ желаній:

— Я не попрошайка по своей натурѣ,—пробормоталъ онъ:— но такъ какъ здѣсь каждый протягиваетъ руку, то я тоже попрошу разрѣшить мнѣ охотиться въ королевскихъ лѣсахъ сколько мнѣ вздумается съ тѣмъ, чтобы лѣсные сторожа не гонялись за мною по пятамъ...

Пока они дѣлили для себя королевскія милости, Жаржей искося взглянулъ на Гіацинту, и ироническая улыбка пробѣжала по его губамъ. Ему слишкомъ часто приходилось наблюдать въ Версалѣ проявленіе подобныхъ алчныхъ желаній и такую же торговлю, и онъ не удивлялся уже этому. Онъ просто рѣшилъ, что и въ глубинѣ этихъ лѣсовъ, подъ охотничьими куртками этихъ сельскихъ дворянъ, такъ же, какъ подъ парадными камзолами придворныхъ, люди походили одинъ на другого и что безкорыстная преданность королю представлялась просто-напросто обманомъ.

По этой улыбкѣ Гіацинта угадала не очень-то лестныя мысли офицера, и ей стало стыдно за нихъ.

— Однако, господа!—воскликнула она дрожащимъ голосомъ,— прежде, чѣмъ просить милостей, по крайней мѣрѣ надо сначала ихъ заслужить... Если бы я не знала васъ за вѣрныхъ и честныхъ людей, то я стала бы сомнѣваться въ вашемъ великодушіи. У насъ теперь нѣтъ другого занятія, какъ служить королю съ вѣрою и любовью, остальное къ намъ придетъ потомъ... А теперь надо проститься; уже поздно, и г-ну Жаржею, который утромъ ѣдетъ, нужно отдохнуть; до свиданія, господа; не забывайте ничего изъ того, что я вамъ говорила.

Она набросила на себя свой плащъ и направилась съ офицеромъ по той же тропинкѣ, гдѣ только что прошли Божаръ съ кавалеромъ де-Вандіеръ.

Достигнувъ Фуръ-о-Муана, Божаръ и кавалеръ застали всѣхъ уже спящими. Гертруда де-С.-Андре ложилась спозаранку съ курами. Депутатъ не хотѣлъ ее будить. Кавалеръ де-Вандіеръ вѣжливо предложилъ своему спутнику помѣститься въ его комнатѣ, гдѣ находились двѣ кровати, и, падая отъ усталости, сейчасъ же началъ раздѣваться. Взволнованный Божаръ не могъ послѣдовать его примѣру и, предоставивъ ему заканчивать свой ночной туалетъ, вышелъ въ садъ, рѣшивъ здѣсь дожидаться возвращенія канониссы. При бѣломъ свѣтѣ луны аллеи, окаймленные буковыми деревьями, грядки, на которыхъ начиналъ цвѣсти нарцисы и тюльпаны, казались значительно больше. Франсуа Божаръ, проходя, привѣтствовалъ каждый уголокъ этого сада, въ которомъ онъ гулялъ въ своей ранней юности и въ которомъ все оставалось попрежнему. Тѣ же самые цвѣты росли на тѣхъ же мѣстахъ, и на каждомъ углу депутатъ находилъ старыхъ знакомыхъ, которые вызывали въ немъ воспоминанія молодости. Онъ весь проникся ими; онъ вспоминалъ время, когда онъ школьникомъ пріѣзжалъ изъ С.-Ванъ

на заводъ на каникулы, потомъ вспоминались ему лѣтніе дни, когда Гіацинта была еще дѣвочкой и играла въ воланъ въ аллеяхъ. Рядъ воспоминаній навелъ его мысли на ночной инцидентъ. Онъ вспомнилъ объ этой канониссѣ, которая съ нѣкоторыхъ поръ занимала главное мѣсто въ его тревожныхъ думахъ. Онъ былъ очень удивленъ этимъ, его смущало, что онъ такъ занятъ одной женщиной, онъ, который съ давнихъ поръ ограждалъ свою душу отъ женскихъ чаръ. За исключеніемъ связи въ молодости съ Нанинъ Жилотъ онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ жилъ въ цѣломудріи и въ трудѣ, какъ тѣ бенедиктинцы, у которыхъ онъ воспитывался. Въ глазахъ гражданъ онъ пользовался высокой репутаціей человѣка прямого, честнаго и талантливаго, и потому его избрали въ генеральные штаты. Ясность его прекрасной души и дѣятельность ума ничѣмъ не нарушалась до встрѣчи съ Гіацинтою. Съ того времени, благодаря корреспонденціи, которая установилась между ними, чары молодой женщины медленно стали понемногу дѣйствовать на него. Онъ вдругъ почувствовалъ, что въ немъ проснулся пылъ его юности и среди такого броженія его воля поколебалась, а душа понеслась навстрѣчу опасности.

Тяжелыя послѣдствія этого новаго нравственнаго состоянія отъ него не укрылись. Совѣсть говорила ему, что онъ дѣйствовалъ теперь подъ вліяніемъ сантиментальныхъ побужденій. Онъ не могъ скрывать, что ему было очень пріятно, когда г-жа де-Ронъ давала ему порученіе относительно своей племянницы. Въ этотъ вечеръ, направляясь по тропинкамъ, которыя вели къ Фуръ-о-Муану, онъ чувствовалъ себя помолодѣвшимъ, чувствовалъ веселость, которую онъ ошибочно объяснялъ вліяніемъ весны, въ дѣйствительности же радостное настроеніе было слѣдствіемъ надежды увидѣть Гіацинту д'Эризель. Когда онъ увидѣлъ канониссу, которая шла посреди поляны въ лунномъ свѣтѣ, сердце его забилося, какъ у двадцатилѣтняго юноши. Развѣ онъ не рисковалъ скомпрометировать званіе депутата и достоинство народнаго представителя, принимая участіе въ тайномъ сборищѣ бунтовщиковъ только для того, чтобы поскорѣе очутиться возлѣ нея?

А теперь,—что дѣлалъ онъ въ этомъ саду при заводѣ, когда онъ долженъ былъ ѣхать по дорогѣ въ Арденны, для исполненія возложеннаго на него порученія. Приличествовало ли депутату-патріоту терять драгоцѣнное время въ легкомысленныхъ разговорахъ, въ то время, какъ интересы націи громко призывали его къ ихъ защитѣ?

Онъ, правда, обѣщалъ г-жѣ де-Ронъ повидаться съ молодой женщиной и поставить ей на видъ ея неосторожное поведеніе. Онъ, конечно, долженъ былъ исполнить обѣщаніе, но заранѣе былъ увѣренъ въ томъ, что его вмѣшательство будетъ бесполезно. Сцена на полянѣ, при которой ему пришлось присутствовать,

достаточно доказала ему, что канонисса держится своихъ ложныхъ заблужденій и крѣпко принимаетъ дѣятельное участіе въ проискахъ враговъ свободы. На что онъ рассчитывалъ? Онъ достаточно ее зналъ и могъ предвидѣть, что его наставленія будутъ смѣшны ей. Ему не удастся устранить отъ нея опасность, въ которую она кидалась какъ бы нарочно, онъ же, наоборотъ, шелъ на вѣрную гибель. Эта женщина даже на разстояніи заставляла колебаться его волю и смущала его мысли. Для чего стараться вразумить эту экзальтированную особу, которая даже въ эту самую минуту обсуждала подозрительные планы съ де-Жаржеемъ, посланнымъ королевою къ маркизу де-Буйлье?.. Мысль о томъ, что Гиацинта возвращается отъ Высокой Березы вдвоемъ съ этимъ франтоватымъ офицеромъ, непріятно поразила Божара и возбудила въ немъ ревность.

«Она выслушаетъ,—думалъ онъ,—мои совѣты съ презрительнымъ видомъ, а затѣмъ будетъ смѣяться надо мной съ этимъ придворнымъ франтомъ, который сумѣлъ заслужить ея довѣріе, а можетъ быть и болѣе нѣжное чувство. вмѣсто того, чтобы играть глупую роль, будетъ умнѣе, если я возвращусь сію минуту на дорогу въ Варенъ»...

Онъ былъ занятъ еще своими мыслями, какъ вдругъ услышалъ за кустами легкое шурпаніе платья. Онъ обернулся. Канонисса, закутанная въ свой плащъ съ капюшономъ, приближалась къ нему.

— Вотъ и я,—прошептала она, улыбаясь:—я васъ замѣтила сверху и не хотѣла ждать до завтра, чтобы просить у васъ извиненія за то, что я такъ съ вами рассталась... Боюсь, что своимъ поведеніемъ я обидѣла васъ; я хочу вамъ объяснить...

— Вы не обязаны мнѣ давать никакого объясненія, сударыня,—прервалъ онъ ее, наклоняясь:—я не имѣю права обижаться на васъ, но меня пугаетъ та легкость, съ которой вы бросаетесь въ безразсудныя предпріятія. И всѣ другія лица, которыя близки и дороги вамъ, боятся этого не менѣе васъ. Ваша тетка умоляетъ васъ держать себя осторожнѣе, и я нарочно свернулъ съ пути, чтобы довести до вашего свѣдѣнія о ея опасеніяхъ. То, что я сейчасъ видѣлъ, къ несчастью, подтверждаетъ мои подозрѣнія... Я не стараюсь проникнуть въ тайны, которыя вы раздѣляете съ вашимъ другомъ г. Жаржеемъ, но я вижу, что вы вмѣшиваєте себя въ дѣло, которое мнѣ кажется похожимъ на заговоръ.

Насмѣшливость, съ которой Божаръ подчеркнул слова: «вашъ другъ, г. Жаржей», уколола канониссу. Она увидѣла въ этомъ ревность, и эта мысль была ей непріятна, и она отвѣчала депутату съ злой усмѣшкой:

— Что прикажете? Ваше собраніе, уничтоживъ духовныя общины, оставило мнѣ много свободнаго времени, нужно же мнѣ его чѣмъ-нибудь заполнить.

— Будьте осторожны! Политика опасная игра для женщинъ. Народъ подозрителенъ... а здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Тутъ близко къ границѣ, гдѣ сосредоточиваются его враги. Уже ваше званіе канониссы и каста, къ которой вы принадлежите, дѣлаютъ васъ подозрительной для многихъ. Въ одномъ клубѣ, прошлую недѣлю, я слышалъ нѣкоего молодого безумца, который назвалъ Шаладъ гнѣздомъ заговорщиковъ... Я хотѣлъ протестовать противъ этого, и думалъ, что это клевета... А теперь...

— А теперь—докончила она, смѣясь,— вы раскаиваетесь въ вашемъ добромъ побужденіи?

— Нѣтъ, сударыня, я не раскаиваюсь въ томъ, что стараюсь спасти васъ отъ вашей неосторожности. Но я страшно ошеломленъ, видя, что эти обвиненія оказались основательными и что вы дѣйствительно готовы совершить безразсудный поступокъ.

Глаза Гіацинты блеснули.

— Вѣрность къ королю вы называете безразсудствомъ? Если вы считаете безразсудствомъ затрачивать свою энергію для защиты королевской семьи, то я горжусь тѣмъ, что во мнѣ есть это безразсудство, я раздѣляю его съ дворянствомъ всего королевства... Мы не такъ думаемъ, г. Божаръ; люди моей касты, какъ вы говорите, понимаютъ вопросы чести иначе, чѣмъ простолюдины...

— Извините меня,—отвѣтилъ онъ, задѣтый за живое:—я никогда не былъ дворяниномъ и потому не могу чувствовать къ революціи такой злобы, какъ вашъ г. Жаржей!

Она опять подмѣтила саркастическій тонъ, какимъ онъ произнесъ имя этого офицера, и вдругъ ей бросилось въ глаза грустное выраженіе лица депутата.

— Мой г. Жаржей,—отвѣтила она,—очень близокъ къ одной изъ моихъ старыхъ пріятельницъ по Пуланже:—онъ принятъ здѣсь по ея рекомендаціи... Я вижу его первый разъ и завтра онъ ѣдетъ.

Онъ понялъ, конечно, деликатность этого замаскированного объясненія Гіацинты и былъ ей благодаренъ. Лицо его просіяло. Канонисса замѣтила это и ей было пріятно, что она могла разсѣять эту ревность:

— Я въ отчаяніи отъ того, что обидѣла васъ, г. Божаръ... Когда я горячусь, я говорю много лишняго... Извините меня,—продолжала она, протягивая ему руку:—несмотря на разницу нашихъ убѣжденій, вы одинъ изъ тѣхъ людей, сердце и умъ которыхъ я очень уважаю...

— И совѣту котораго вы совсѣмъ не хотите слѣдовать,—перебилъ онъ ее, смѣясь и удерживая на минуту въ своей рукѣ нѣжную ручку канониссы. Эта улыбка, появлявшаяся такъ рѣдко на серьезномъ лицѣ депутата, придавала ему нѣжное выраженіе, которое подѣйствовало на Гіацинту.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
МАРТЪ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1908 г.

	СТРАН.
I. Екатерининскій колоссъ. Историческій романъ. XX—XXVII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	769
II. Записки сенатора К. И. Фишера . V—VI. (Продолженіе)	796
III. Замученный. (Записки незаконнорожденнаго). I—X. М. Е. Васильевой	819
IV. Изъ записокъ военно-судебнаго дѣятеля. И. Н. В. Мордвинова	855
V. Былые дни и годы. VIII—XI. (Продолженіе). С. Н. Васюкова	873
VI. Петръ Семеновичъ Ванновскій. (Министръ народнаго просвѣщенія). И. В. Мѣщанинова	895
иллюстрація: Петръ Семеновичъ Ванновскій.	
VII. Среди моховиковъ. VIII—XVI. (Окончаніе). А. И. Фаресова	941
иллюстрація: Авторъ записываетъ свою бесѣду съ Степаномъ Иглатьевымъ, крестьяниномъ деревни Крутець.	
VIII. Двѣ встрѣчи съ шведскимъ королемъ. Г. Т. Сѣверцева	986
IX. Князь А. И. Сумбатовъ (Южинъ). (Очеркъ сценической и литературной дѣятельности). Кн. В. А. Щегинина	1005
иллюстраціи: 1) Князь А. И. Сумбатовъ (Южинъ). — 2) А. И. Южинъ въ «Гамлетѣ». — 3) А. И. Южинъ въ «Донъ-Карлосѣ» (въ роли маркиза Позы). — 4) А. И. Южинъ въ «Ричардѣ III». — 5) А. И. Южинъ въ «Мавбетѣ».	
X. Памяти П. И. Добротворскаго. Павла Россѣва	1023
XI. Историко-литературныя разысканія. V—VI. (Продолженіе). Дим. Языкова	1027
XII. По пушкинскимъ мѣстамъ. П. М. Устимовича	1036
иллюстраціи: 1) Святогорскій монастырь (съ западной стороны). — 2) Еловый паркъ въ Михайловскомъ. — 3) Крыльцо пушкинскаго дома въ Михайловскомъ. — 4) Прѣжній пушкинскій домикъ въ Михайловскомъ. — 5) Усадьба въ Трагоровскомъ.	
XIII. По тайному священству. I—VI. И. П. Ювачева	1049
иллюстраціи: 1) Ложеарное производство въ дер. Дѣяновѣ. — 2) Ложеарный базаръ въ гор. Семеновѣ. — 3) Колодецъ старца Софонтія. — 4) Комаровскій скитъ. Игнатьевская обитель. — 5) Комаровскій скитъ. Манефна обитель. — 6) Внутренній видъ скитской молельни старообрядцевъ. — 7) Обитательницы заводскихъ скитовъ.	
XIV. Юбилей народника-драматурга. (По поводу чествованія Е. П. Карпова). В. Г.	1078
иллюстрація: Евт. П. Карповъ.	

(См. слѣд. стран.).

XV. Критика и библиография 1093

1) Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. Записки о московскихъ дѣлахъ. Повесть Ювйи Новокоскйй, книга о московскомъ посольствѣ. Изданіе А. С. Суворина. Введение, переводъ и примѣчанія А. І. Малеина. Спб. 1908. М. Мочкова. — 2) Н. Малицкій. Изъ прошлаго Владимирской епархіи. Выпускъ второй. Владимиръ. 1907. В. Рудакова. — 3) А. М. Зайчиковскій. Восточная война 1853 — 1856 гг., въ связи съ современной ей политической обстановкой. Т. I, съ приложениями. Спб. 1908. л. н. — 4) Поговичъ, Н. А. Россія и Англія. Историко-политическій этюдъ. Спб. 1907. м. н. — 5) Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли, т. I — II. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1908 г. А. Фомика. — 6) В. П. Рогожинъ. Указатель къ «Опыту русской библиографіи» В. С. Сошкова. Исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1908. А. И. Яцмирснаго. — 7) Гр. С. Ю. Витте. Самодержавіе и земство. Записка бывшаго министра финансовъ статсъ-секретаря графа С. Ю. Витте. Предисловіе Череванна. Спб. 1908. В. Кузнецова. — 8) Д. Слоимскій. О монархіи. Изданіе «Политической Энциклопедіи». Спб. 1907. ник. А. Энгельгардта. — 9) Б. П. Никоновъ. Въ стѣнахъ гимназіи. Спб. 1908. Ан. Мечаевой. — 10) Проф. М. Н. Петровъ. Лекціи по всемірной исторіи. Томъ I. Исторія древняго міра. Изд. 2, въ новой обработкѣ и съ дополненіями А. Н. Деревянскаго. Спб. 1907. и. А. — 11) Записки отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ VII. Выпускъ второй. Подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ С. Ф. Платонова. Съ 13 таблицами. Спб. 1907 г. А. Миронова. — 12) «Хроника моей жизни», посвященная Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго Т. VI. М. 1907. в. л. — 13) Е. В. Тарле. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи (1789 — 1799 гг.). По неизданнымъ документамъ. Спб. 1908. п.—о.—14) Вейнбергъ, П. Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 1907 г. Я. Бирюкова. — 15) І. Свѣтскій. Извѣщеніе о 12-ти періодахъ судьбы человѣчества. 2-ое изданіе. Житомиръ. 1907. и. п. м.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1120

1) Легенда о Вюриданѣ. — 2) Христіанство въ Японіи. — 3) Истинная исторія Беатриче Ченчи. — 4) Воспоминанія княгини Сайль-Виттенштейнъ. — 5) Новый переводъ католической библии. — 6) Будущій государственный человѣкъ Китая. — 7) Передовая женщина Швеціи. — 8) Смерть Драхаана, Эггарта, Ганзена, Уйды, португальскаго короля и его наследника.

XVII. Смѣсь 1144

1) Чествованіе памяти князя К. К. Острожскаго. — 2) Годовое собраніе литературнаго фонда. — 3) Чествованіе А. И. Южина въ Москвѣ. — 4) Юбилей Ипполитова-Иванова. — 5) Чествованіе В. И. Давыдова въ Александринскомъ театрѣ. — 6) Юбилей М. И. Долиной. — 7) Отъ комитета литературнаго фонда.

XVIII. Некрологи 1153

1) Возродный, А. В. — 2) Велигъ, К. Б. — 3) Дашкевичъ, Н. И. — 4) Зубаревъ, А. Ф. — 5) Неплюевъ, П. Н. — 6) Саханскій, Н. А. — 7) Тамашевъ, М. И. — 8) Тшвановскій, А. Т. — 9) Эртель, А. И.

XIX. Замѣтки и поправки 1160

1) Письмо въ редакцію, Герцога Г. И. Лейхтенбергскаго. — 2) «По поводу Московскаго Некрополя». А. Голомоіевскаго. — 3) Къ биографіи М. Д. Скобелева. И. М. — 4) Къ статьѣ «Генералъ-адъютанты и генераторъ Александра І». П. Майнова. — 5) По поводу статьи «Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ». С. В. Филимонова. — 6) Отвѣтъ на замѣтку г. Ефремова. А. Нарасева.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Петра Семеновича Вацновскаго. — 2) Въ вихрѣ великой революціи. Историческій романъ Андре Терье. Переводъ съ французскаго А. М. Бѣлова. Часть II—III. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЬ 1908 года).

	СТРАН.
Екатерининскій колоссъ. Историческій романъ. Часть первая. I—XXVII. Н. А. Энгельгардта	7, 404, 769
Записки сенатора Н. И. Фишера . I—VI.	438, 796
Былые дни и годы. I—XI. С. И. Васюкова	109, 482, 873
Эпоха реформъ. (Историческіе очерки). I—XII. Б. Б. Глинскаго	214, 622
иллюстрація: 1) Перо, которымъ императоръ Александръ II подписалъ указъ объ освобожденіи крестьянъ.	
Въ свободной землѣ. (Отъ Ванкувера до Нью-Йорка). Н. Д. Федорова	274, 649
иллюстраціи: 1) Зданіе правительственныхъ учрежденій въ Викторіи (на островѣ Ванкуверѣ). — 2) Деревья великаны въ Ванкуверскомъ паркѣ. — 3) Прибрежная дорожка въ Ванкуверскомъ паркѣ. — 4) Алскія ворота (ущелье рѣки Фразеръ). — 5) Подъемъ къ станціи Ледникъ. — 6) Уголокъ Изумруднаго озера (Аметистовая гора). — 7) Станція Ледникъ. — 8) Главная улица въ Виннипегѣ. — 9) «Скала грома» на Верхнемъ озерѣ. — 10) Набережная въ Торонто. — 11) Висячій мостъ черезъ Ніагару. — 12) Водопады на Ніагарѣ. — 13) Мостикъ для прогулки подъ водопадомъ. — 14) Вруклинскій мостъ. — 15) Видъ Нью-Йорка отъ Вруклина. — 16) «Утлюкъ» на углу Бродвея и 23-ей улицы. — 17) Автомобиль для осмотра Нью-Йорка. — 18) Въ Центральномъ паркѣ.	
Поиски протодіакона. Разсказъ изъ духовнаго быта. И. Н. Потепенко	71
Убійство графа Милорадовича. Разсказъ его адъютанта А. П. Башуцнаго	132
Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. А. В. Жиркевича	165
Литературные обѣды. (Изъ моего литературнаго архива). П. И. Вейнберга	177
На вольныхъ митингахъ. (Изъ провинціальныхъ настроеній) Н. Н. Оглоблина	186
<small>«Истор. вѣстн.» мартъ, 1908 г., т. сxi.</small>	

Новая народная сказка о «Крамолѣ». Сообщилъ Д. Н. Зеленинъ.	209
Юбилей К. К. Арсеньева. В. Е. Рудакова.	243
иллюстрація: 1) К. К. Арсеньевъ.	
Звенигородъ и Саввинъ монастырь. (1407—1907) П. А. Россіева.	258
иллюстраціи: 1) Видъ Звенигорода.—2) Верхній посадь въ Звенигородѣ.— 3) Соборъ на «Городѣ» въ Звенигородѣ.—4) Красная башня съ церковью св. Алексѣя.—5) Саввинъ-Сторожевскій монастырь.—6) Соборъ въ Саввинѣ- Сторожевскомъ монастырѣ.—7) Скитъ въ Саввинѣ монастырѣ.	
Генераль-адъютанты императора Александра I. Великаго князя Николая Михаиловича.	387
Чародѣйка. Историческій разсказъ. В. Г. Авѣенно.	461
Отрывки изъ писемъ генерала Н. П. Литвинова.	504
Воспоминанія о графѣ Н. А. Протасовѣ-Бахметевѣ. Н. Г. Вучетича.	533
Среди моховиковъ. А. И. Фаресова	544, 941
иллюстрація: Авторъ записываетъ свою бесѣду съ Степаномъ Игнатье- вымъ, крестьяниномъ деревни Крутець.	
Два военныхъ бунта. (Изъ воспоминаній). А. Ѳ. Коппе.	575
Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ. (Воспоминанія). Н. Н. Лендера (Путника)	597
иллюстрація: Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ.	
П. А. Ефремовъ. (Некрологъ). В. Е. Рудакова.	614
иллюстрація: П. А. Ефремовъ.	
Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. А. Миронова.	644
Иностранцы о Россіи. I.—В. Т. II.—М—ова.	675
Замученный. (Записки незаконнорожденнаго). I—X. М. Е. Васильевой	819
Изъ записокъ военно-судебнаго дѣятеля. I. Н. В. Мордвинова.	855
Петръ Семеновичъ Ванновскій, министръ народнаго просвѣщенія. И. В. Мѣщанинова.	895
иллюстрація: Петръ Семеновичъ Ванновскій.	
Двѣ встрѣчи съ шведскимъ королемъ. Г. Т. Стѣверцева.	986
Князь А. И. Сумбатовъ (Южинъ). (Очеркъ сценической и литературной дѣятельности). Кн. Б. А. Щетинина.	1005
иллюстраціи: 1) Князь А. И. Сумбатовъ (Южинъ). — 2) А. И. Южинъ въ «Гамлетѣ». — 3) А. И. Южинъ въ «Донъ-Карлосъ» (въ роли маркиза Позы). — 3) А. И. Южинъ въ «Ричардъ III». — 4) А. И. Южинъ въ «Макбетъ».	
Памяти П. И. Добротворскаго. П. А. Россіева.	1023

Историко-литературныя разысканія. V—VI. (Продолженіе). **Дим. Языкова.** 1027

По пушкинскимъ мѣстамъ **П. М. Устимовича.** 1036

иллюстраціи: 1) Святогорскій монастырь (съ западной стороны).—2) Еловый паркъ въ Михайловскомъ.—3) Крыльцо пушкинскаго дома въ Михайловскомъ.—4) Прежній пушкинскій домикъ въ Михайловскомъ.—5) Усадьба въ Тригорскомъ.

По тайному священству. **И. П. Ювачева.** 1049

иллюстраціи: 1) Ложкарное производство въ дер. Дьяновѣ.—2) Ложкарный базаръ въ гор. Семеновѣ.—3) Колодець старца Софонтія.—4) Комаровскій скитъ. Игнатъевская обитель. — Комаровскій скитъ. Манефина обитель.—6) Внутренній видъ скитской молельни старообрядцевъ.—7) Обитательницы заволжскихъ скитовъ.

Юбилей народника-драматурга. (По поводу чествованія Е. П. Карпова). **Б. Г.** 1078

иллюстрація: Евт. П. Карповъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ 309, 694, 1093

1) Великій князь Николай Михайловичъ. «Московскій Некрополь». Томъ первый. (А—І). Спб. 1907. В. Руданова. — 2) В. В. Глинскій. Борьба за конституцію (1612—1861 гг.). Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908. М. К—ва. — 3) Т. Соколовская. Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія (XVIII и первая четверть XIX столѣтія). Спб. 1907. А. Миронова. — 4) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Т. III, вып. 4-й. Спб. 1907. С. Ш. — 5) И. С. Бѣляевъ. Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій. Со снимками устава и полуустава, азбуки, отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ рукописей, заставокъ и заглавныхъ цѣбныхъ буквъ, вязи бѣлорусскаго письма. М. 1907. А. И. Яцимирскаго. — 6) М. М. Пришвинъ. Въ краю непуганныхъ птицъ. Очерки Выговскаго края. Изд. Девриена. Спб. 1907. Дм. Зеленина.—7) Павелъ Симоны. Памятники стариннаго русскаго языка и словесности. XV — XVIII ст. Выпускъ II. Спб. 1907.—8) В. Сиповскій. Пушкинъ. Жизнь и творчество. Спб. 1907. Н. Лернера.—9) В. Покровскій. А. П. Чеховъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1907. А. Фомина.—10) А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изданіе второе. Спб. 1907. Л.—11) Н. Гутьяръ. И. С. Тургеневъ. Юрьевъ. 1907. А. Ф. — 12) Г. Г. Савичъ. Новый государственный строй Россіи. Спб. 1907. в. г.—13) А. И. Лотоцкій. На поворотѣ. Спб. 1907. И. Ал—рова.—14) В. Д. Кузьминъ-Караваяевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. Спб. 1907. и. г.—15) В. А. Апушкинъ. Мищенко. Изъ воспоминаній о русско-японской войнѣ. Спб. 1908. л. н.—16) Слободжанинъ, М. На культурной работѣ. Очерки и воспоминанія. Спб. 1908. В. Кузнецова. 17) Вородкинъ, М. М.—1) Война 1854—1855 гг. на фанискомъ побережьѣ. Историческій очеркъ. 127 иллюстрацій. Спб. 1904 г. — 2) Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Вобрикова. Съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1905 г. — 3) Исторія Финляндіи. Время императора Александра II. Съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908. П. М. Майнова.—18) Труды тринадцатаго археологическаго съѣзда въ Екатеринбургѣ 1905 г., подъ редакціей графини Уваровой. Т. I. М. 1907. А. Миронова.—19) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей росіискіихъ при московскомъ университетѣ. 1907 годъ. Книга третья. Дѣсти двадцать вторая. Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова, М. 1907. В. Руданова. — 20) Тургеневъ, Н. И. Россія и русскіе. Часть I и II («Библиотека декабристовъ» подъ редакціей Г. Балшцаго. Спб. 1907. Тургеневъ, Н. И. Записки изгнанника (Библиотека «Общественной Пользы»). Спб. 1907. Я. Бирюнова. — 21) В. В. Каллашъ. «Записки путешествія въ Сибирь» А. Н. Радищева. Спб. 1907. А. Я.—22) Н. К. Писановъ. Грибоѣдовъ и А. А. Вестужевъ. Спб. 1906. И. А.—23) Критическая литература о произведеніяхъ графа А. К. Толстого. Съ

портретомъ и биографическимъ очеркомъ. Составилъ Н. Денисюкъ. Вып. I—II. М. 1907. А. Фомина.—24) Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ V. Повременное изданіе комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1907. В. Р—ва.—25) Ивановъ-Разумникъ. Что такое «Махаевщина»? Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб. 1908. А. Ф—на.—26) Владиславъ Максимовъ. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Выпускъ I. Спб. 1908. м. л.—27) Проф. А. Трачевскій. Новая исторія. Томъ II. 1750—1848. Спб. 1908. п. я.—28) Очевидецъ. Галицкая Русь прежде и нынѣ. Спб. 1907. А. и. Яцимирскаго.—29) А. А. Берсъ. Естественная исторія чорта. Религіозно-историческое изслѣдованіе. Спб. 1908. А. Фаресова.—30) Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. Записки о московскихъ дѣлахъ. Павелъ Іовій Новокомскій, книга о московскомъ посольствѣ. Изданіе А. С. Суворина. Введение, переводъ и примѣчанія А. И. Маленна. Спб. 1908. м. ключнова.—31) Н. Малицкій. Изъ прошлаго Владимирской епархіи. Выпускъ второй. Владимиръ. 1907. в. Руданова.—32) А. М. Заюнчковскій. Восточная война 1853—1856 гг., въ связи съ современной ей политической обстановкой. Т. I, съ приложеніями. Спб. 1908. л. н.—33) Нотовичъ, Н. А. Россія и Англія. Историко-политическій этюдъ. Спб. 1907. м. н.—34) Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли, т. I—II. Изд. 2-е, пополненное. Спб. 1908 г. А. Фомина.—35) В. Н. Рогожинъ. Указатель къ «Опыту російской библиографіи» В. С. Сопкиова. Исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1908. А. и. Яцимирскаго.—36) Гр. С. Ю. Витте. Самодержавіе и земство. Записка бывшаго министра финансовъ статсъ-секретаря графа С. Ю. Витте. Предисловіе Череванина. Спб. 1908. в. Кузнецова.—37) Л. Словинскій. О монархіи. Изданіе «Политической Энциклопедіи». Спб. 1907. ник. А. Энгельгардта.—38) В. П. Никоновъ. Въ стѣнахъ гимназіи. Спб. 1908. ан. Нечаева.—39) Проф. М. Н. Петровъ. Лекціи по всемірной исторіи. Т. I. Исторія древняго міра. Изд. 2, въ новой обработкѣ и съ дополненіями А. Н. Деревницкаго. Спб. 1907. и. а.—40) Е. В. Тарле. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи (1789—1799 гг.). По нежданымъ документамъ. Спб. 1908. п—о.—41) Вейвбергеръ, П. Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 1907 г. я. Биронова.—42) Записки отдѣленія русской и славянской археологии императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ VII. Выпускъ второй. Подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ С. Θ. Платонова. Съ 13 таблицами. Спб. 1907 г. А. Миронова.—43) «Хроника моей жизни», преемственнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Т. VI. М. 1907. в. л.—44) I. Свѣтскій. Извѣщеніе о 12-ти періодахъ судьбы человѣчества. 2-ое изданіе. Житомиръ. 1907. и. п. м.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 335, 719, 1120

1) Францискъ I.—2) Лессингъ.—3) Жена Мирабо.—4) Золотая посредственность на тронѣ.—5) Новооткрытыя неизданныя письма королевы Гортензи къ императору Александру I.—6) Мумія Фараона Менептаха.—7) Послѣдній изъ индійскихъ Мессій.—8) Столѣтіе Виттлера.—9) Штротсмаеръ, какъ Меценатъ южныхъ славянъ.—10) Новая Мексика.—11) Какъ Сальвини толкуеть Гамлета.—12) Отношенія между Америкой, Китаемъ и Японіей.—13) Отовсюду.—14) Легенда о Юрпданѣ.—15) Христіанство въ Японіи.—16) Истинная исторія Беатриче Ченчи.—17) Воспоминанія княгини Сайтъ-Витгенштейнъ.—18) Новый переводъ католической бібліи.—19) Будущій великій государственный человѣкъ Китая.—20) Передовая женщина Швеціи.—21) Смерть Драгмана, Экарта, Ганзена, Уйды, португальскаго короля и его наслѣдника.

СМѢСЬ 361, 738, 1144

1) Семидесятилѣтній юбилей И. Е. Забѣдина.—2) Юбилей Г. К. Градовскаго.—3) Юбилей Н. Н. Златовратскаго.—4) 50-лѣтній юбилей проф. Д. П. Соколова.—5) Юбилей Николаевской академіи генеральнаго штаба.—6) Чествованіе К. Ф. Хартулари.—7) Императорское военно-историческое общество.—8) Открытіе Аксаковскаго общества.—9) Въ обществѣ любителей

Древней письменности. — 10) Въ лигѣ образования. — 11) Академическая библиотека русских писателей. — 12) Артиллерійскій музей. — 13) Исторія ордена св. Георгія. — 14) Извѣщеніе о созывѣ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей обществъ народныхъ университетовъ и другихъ просвѣдительныхъ учрежденій частной инициативы. 15) Торжественное годовое собраніе академіи наукъ. — 16) Въ литературномъ фондѣ. — 17) 30-лѣтіе императорскаго спб. археологическаго института. — 18) Археологическія раскопки А. Хребтова въ Межигорьѣ. — 19) 50-тилѣтній юбилей профессора В. И. Сергѣевича. — 20) 50-тилѣтній юбилей А. А. Зейфарта. — 21) Чествованіе Л. В. Вергесона. — 22) Русскій литературно-артистическій клубъ въ Парижѣ. — 23) Къ 300-лѣтію дома Романовыхъ. — 24) Чествованіе памяти князя К. К. Острожскаго. — 25) Годовое собраніе литературнаго фонда. — 26) Чествованіе А. И. Южина въ Москвѣ. — 27) Юбилей Ипполитова-Иванова. — 28) Чествованіе В. Н. Давыдова въ Александринскомъ театрѣ. — 29) Юбилей М. И. Долиной. — 30) Отъ комитета литературнаго фонда.

НЕКРОЛОГИ 375, 748, 1153

1) Вертъ, Ф. А. — 2) Гескетъ, С. Д. — 3) Жуковскій, Ю. Г. — 4) Илинскій, П. А. — 5) Ильяшевичъ, В. Я. — 6) Марковъ, С. В. — 7) Мердеръ, И. К. — 8) Орловъ, В. С. — 9) Петровскій, Н. А. — 10) Рутковскій, М. Г. — 11) Философъ, Д. А. — 12) Гейеръ, И. Н. — 13) Друри, И. В. — 14) Еропкинь, В. В. — 15) Зачинскій, А. Ф. — 16) Зоценко, М. И. — 17) Малоземова, С. А. — 18) Мурашкинцевъ, А. А. — 19) Полотебновъ, А. Г. — 20) Погожева, А. В. — 21) Прошьянъ, П. — 22) Шутеренъ, М. Д. — 23) Розень, В. Р. — 24) Россоловскій, В. С. — 25) Чигоринъ, М. И. — 26) Штапельбергъ, Р. Р. — 27) Щукинъ, Н. И. — 28) Безродный, А. В. — 29) Венигъ, К. В. — 30) Дашкевичъ, Н. И. — 31) Зубаревъ, А. Ф. — 32) Неплюевъ, Н. Н. — 33) Саханскій, Н. А. — 34) Тамашевъ, М. И. — 35) Тимановскій, А. Т. — 36) Эртель, А. И.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 382, 760, 1160

1) По поводу статьи «Хищеніе башкирскихъ земель». Владимира Константиновича Боборынина. — 2) По поводу статьи «Маланьина свадьба». Степана Ефремова. — 3) По поводу «устава» и «полустава». И. С. Бялева. — 4) Къ «Запискамъ репортера». Е. М. Шефлера. — 5) Письмо въ редакцію Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго. — 6) «По поводу Московскаго Некрополя». А. Голубіевскаго. — 7) Къ біографіи М. Д. Скобелева. Н. М. — 8) Къ статьѣ «Генералъ-адъютанты императора Александра I». П. Майнова. — 9) По поводу статьи «Воспомнанія о Л. Н. Толстомъ». С. В. Филимонова. — 10) Отвѣтъ на замѣтку г. Ефремова. А. Карасева.

Русскій военно-историческій музей. Н. Сухотина. 764

Приложенія: 1) Портретъ графа Михаила Андреевича Милорадовича. — 2) Портретъ императора Александра I. — 3) Портретъ Петра Семеновича Ванновскаго. — 4) Въ вихрѣ великой революціи. Историческій романъ Андре Терье. Переводъ съ французскаго А. М. Бѣлова. Часть I—III. (Продолженіе).

ПЕТРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВАННОВСКІЙ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

Борьба за
Конституцію

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Госгинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордова.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

Новое изданіе А. С. СУВОРИНА

ПУТНИКЪ (Н. Лендеръ)

ПОТРЕВОЖЕННАЯ РОССИЯ

КАРТИНЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Новое поколѣніе.—Черный передѣлъ (изъ смутныхъ дней).—Подъ натискомъ революціи (повѣсть).—Революціонныя бури: I. На пепелищѣ погромовъ.— II. Бѣглые воинствующіе помѣщики.—III. На сожженномъ заводѣ.—„Потемкинъ“ и революція въ Одессѣ. I. Прелюдія. II. Побѣтъ революціонера Фельдмана. III. Отголоски „Потемкина“. IV. Начало черныхъ дней. V. Торжество красныхъ флаговъ. VI. Одесская смута. VII. Одесскія баррикады. VIII. Еврейскій погромъ.

Цѣна 60 коп.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ

ИЗУЧЕНІЯ

Древней Русской Скорописи

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

Рукописей XV—XVIII столѣтій

И. С. БѢЛЯЕВА

Со снимками устава, полуустава, азбуки скорописи, отдѣльныхъ словъ и дѣльныхъ рукописей, вязаного и бѣлорусскаго письма.

Цѣна 1 руб. Веленевые экземпляры 2 р. Любительскіе на самой плотной мѣловой бумагѣ 5 руб.

Окладъ изданія въ Москвѣ, Моховая, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Книгопродавцамъ обычная скидка.

Отдѣльные экземпляры можно получать отъ автора И. С. Бѣляева: Москва, Дѣвичье поле, Архивъ Министерства Юстиціи; высылающіе отъ него за пересылку не платятъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромофотографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами 30 рублей. Въ переплетѣ 36 рублей. Пересылка по разстоянію.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ.¹⁾

Историческій романъ.

XX.

Полкъ въ ожиданіи.

ИТРОФАНЪ съ помощью майорскаго денщика съ серьгой въ ухѣ быстро устроилъ въ углу сарайчика неприхотливое ложе изъ досокъ, сѣна и конской попоны. Затѣмъ Павелъ Корнильевичъ поужиналъ съ майоромъ, при чемъ предоставилъ на общее ихъ пользование запасы, вывезенные изъ Хорошенокъ, и между прочимъ флягу съ цѣлительной настойкой на двѣнадцати травахъ, въ этой сырой, болотистой, лихорадочной мѣстности особенно оказавшейся кстати. Старый майоръ съ видимымъ удовольствіемъ выпилъ чарочку. Поужинавъ, долго еще они бесѣдовали. Павелъ Корнильевичъ заинтересовался библіотекой майора. Она состояла изъ славянской библии, служебника, по которому въ воскресные дни майоръ читалъ солдатамъ обѣдницу, жизни Фридриха Великаго, устава кавалерійской службы, собранія одъ Ломоносова и «Прикладовъ, како пишутся комплименты разные» изданія одного изъ первыхъ вышедшихъ при Петрѣ гражданской печати. Павелъ Корнильевичъ при этомъ поразилъ простодушнаго майора обширностью знаній, вынесенныхъ изъ шкловскаго училища, пансіона Эллерта и пополнен-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІ, стр. 104.
«Истор. вѣстн.», мартъ, 1908 г., т. СХІ.

ныхъ чтеніемъ. Майоръ, глядя на звѣздное небо, видѣвшееся въ двери хижины, торжественно прочелъ «Вечернее размышленіе о величіи Божіемъ»:

Открылась бездна, звѣздъ полна!
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна!..

Павелъ Корнильевичъ повторилъ при этомъ нѣкоторыя, на половину темныя и для него самого, мистическія разсужденія, слышанныя имъ отъ графа Мелина. Послѣ этого майоръ окончательно убѣдился, что въ его палаткѣ поселился, хотя и юный, но великій философъ! Легли они поздно, предварительно покуривъ трутомъ, чтобы выгнать рои комаровъ, съ немолчнымъ зудѣніемъ, вмѣстѣ съ ночницами-бабочками, летѣвшихъ на свѣтъ самодѣльной, сальной свѣчки майора. Достаточно ихъ, однако, осталось и послѣ окуриванія, когда дверь сарая была затворена и свѣча погашена. Но утомленный юноша заснулъ крѣпко, спалъ безъ сновидѣній, и, когда проснулся, солнце стояло уже высоко. Снаружи доносились командные крики майора, подучивавшаго своихъ хохловъ. Онъ не хотѣлъ въ первый же день беспокоить молодого человѣка и, поднявшись на зарѣ и по обыкновенію окатившись передъ палаткой ведромъ ключевой воды, оставилъ его отсыпаться съ дороги. Павелъ Корнильевичъ сладко потянулся, соображая всѣ свои приключенія, когда вдругъ въ дверь ударили кулакомъ, и знакомый голосъ закричалъ:

— Раджицкій, можно къ тебѣ?

Павелъ Корнильевичъ узналъ голосъ Уланіуса и сильно поморщился.

— Войдите, — отозвался онъ.

Въ майорову хижину вошли Уланіусъ и капитанъ Ходоровскій.

— Помилуй, любезный другъ, — закричали они въ одинъ голосъ. — Куда ты это отъ насъ скрылся! Полковникъ на тебя въ большой претензіи.

— Полагаю, что въ лагерѣ я болѣе на мѣстѣ, чѣмъ за ломбернымъ столомъ, — холодно отвѣчалъ Раджицкій.

— Да что ты это! Неужели ты думаешь здѣсь и остаться? Тутъ комары тебя заѣдятъ, помилуй! А полковникъ тебѣ предоставитъ прекрасное помѣщеніе на антресоляхъ.

— Майоръ былъ такъ любезенъ, что разрѣшилъ мнѣ остановиться у него, и я вполнѣ доволенъ помѣщеніемъ.

— Майоръ! Помилуй, братецъ, изъ насъ никто не водится съ этой старой, злой кикиморой. Онъ помѣшанъ на муштрѣ и совершенно не понимаетъ просвѣщенія нашего времени.

— Майоръ — честный человѣкъ и опытный кавалеристъ. Я нахожу его общество болѣе для себя полезнымъ въ отношеніи прохожденія прямой службы.

— Что же ты гречкосѣевъ вмѣстѣ съ нимъ учить будешь здѣсь? Помилуй, это, братецъ, скверно, непристойно чуждаться общества товарищей, прекрасныхъ женщинъ... Да ты знаешь ли, что Фанни Капитоновна тобой заинтересована и приказала непремѣнно привезти тебя.

— Какая Фанни Капитоновна!

— Помилуй, это мать наша! Такая полная... Самая снисходительная женщина. А полковникъ ея во всемъ слушается.

— Пусть. Да я-то ея слушаться не желаю!

— Странно, ты не хочешь слушаться прекрасной и снисходительной женщины! Какой же ты послѣ этого рыцарь!

Павелъ Корнильевичъ не отвѣчалъ и принялся одѣваться.

— Ёдемъ, что ли! Какъ разъ поспѣемъ къ фрыштыку!

— Фрыштыкайте безъ меня. А я солдатъ учить пойду,—сказалъ Радожицкій, прицѣпилъ шпагу и вышелъ изъ хижины.

— Смотрите, какой упрямый!—недовольно сказали посланцы, вышли съ шумомъ, сѣли на лошадей и ускакали.

Поздоровавшись съ майоромъ, Павелъ Корнильевичъ принялъ участіе въ трудахъ его, при чемъ имѣлъ случай убѣдиться въ истинно жалкомъ состояніи команды. Затѣмъ онъ пообѣдалъ съ майоромъ. И въ то время, какъ послѣдній прилежъ отдохнуть, пошелъ прогуляться въ окрестностяхъ лагеря. Пройдя къ дорогѣ, онъ усѣлся на выступѣ знаменитой «галереи» и, покуривая трубку, смотрѣлъ на печальную равнину, тощія елочки, кочки и черныя, ржавыя воды ручья.

Вдругъ кто-то коснулся его плеча. Радожицкій обернулся. За нимъ стоялъ сладко улыбающійся адъютантъ Поппе.

— А я васъ искалъ въ лагерѣ, добрѣйшій,—сказалъ онъ.— Что же это вы пренебрегли моимъ смиреннымъ кровомъ? Я, право, обиженъ. Вы нимало не стѣснили бы меня, а комната у меня прекрасная, обширная, окнами въ садъ, на антресоляхъ, рядомъ съ покоями милой нашей Фанни Капитоновны.

Онъ сѣлъ около Радожицкаго.

— Благодарю васъ, господинъ Поппе, но я прекрасно устроился въ лагерѣ.

— Да, знаю, у майора. Но я долженъ васъ предупредить: майоръ на самомъ дурномъ счету у полковника.

Радожицкій молчалъ.

— Можно сказать, что это заклятый врагъ полковника, много ему вредившій. И если полковникъ его терпитъ, то лишь ради его практическихъ знаній и опыта.

Радожицкій молчалъ.

— Майоръ—человѣкъ несноснѣйшій, старый брюзга, всѣмъ на свѣтѣ недовольный. И я не понимаю, какъ человѣкъ утонченнаго

воспитанія, привыкшій къ высшему свѣту, какъ вы... Впрочемъ, что же мнѣ передать полковнику?

— Передайте, что я помѣстился отлично, и чтобы онъ обо мнѣ не заботился.

— Хорошо-съ. Конечно, съ вашими рекомендаціями можно быть независимымъ. Не то, напримѣръ, я. У меня большое семейство, сестры, братья. Я долженъ имъ помогать. Они рассчитываютъ на мою карьеру. Если я пренебрегу расположеніемъ командира...

— И не пренебрегайте, господинъ Поппе, не пренебрегайте!

— Позвольте мнѣ лучше сказать, что вы тронуты отеческой заботой командира, но чувствуете себя утомленнымъ съ дороги и пока остаетесь у майора!

— Говорите, что хотите, господинъ Поппе.

— Сердечно благодаренъ, господинъ Радожицкій.

— Прощайте, господинъ Поппе.

— До свиданія, господинъ Радожицкій.

Поппе ушелъ. Но этимъ дѣло не кончилось.

Къ вечеру вдругъ на могилевской дорогѣ показалось облако пыли, и затѣмъ полковой командиръ со всѣмъ своимъ поѣздомъ подкатилъ къ лагерю. Вступивъ въ него, онъ произвелъ тревогу и по осмотрѣ собравшихся людей выразилъ старшему майору милостивую благодарность за образцовое содержаніе лагеря.

На лицѣ стоявшаго на вытяжку стараго майора не выразилось ровно ничего.

Полковникъ взялъ подъ руку Павла Корнильевича и пошелъ съ нимъ къ помѣщенію майора.

— Вотъ гдѣ вы устроились!—говорилъ онъ, заглядывая въ досчатый сарайчикъ.—Что же, суровой вкусъ вашъ похваленъ, обличая въ васъ истинный воинскій духъ! Впрочемъ, вѣдь полкъ въ ожиданіи! Сейчасъ же по проѣздѣ свѣтлѣйшаго мы выступаемъ въ походъ. А проѣздъ состоится черезъ три дня. Господинъ майоръ, прошу васъ имѣть это въ виду! За нѣсколько часовъ до проѣзда люди должны изготовиться и поспѣшно развѣсить лампіоны и прикрѣпить фитили, ракеты и прочее. Кромѣ того, днемъ и ночью прошу держать строгій караулъ около сарая съ фейерверочными припасами. Мнѣ положительно стало извѣстно—и этимъ я обязанъ расторопности и ловкости господина Поппе; благодарю васъ, господинъ Поппе!—что козловцы намѣрены послать въ нашъ лагерь лазутчиковъ и учинить попытку взорвать припасы нашей иллюминаціи! Это было бы ужасное несчастіе, принимая во вниманіе всѣ наши труды и мои личные, огромные на сей предметъ расходы. Полкъ въ ожиданіи! Господинъ майоръ, прошу васъ ни минуты не забывать, что полкъ въ ожиданіи! Господинъ Поппе, запишите это счастливое выраженіе. Я помѣщу его въ приказѣ по полку.

XXI.

Великій случай.

Была тихая, теплая, свѣтлая майская ночь. Полковникъ Пушковъ въ полной парадной формѣ, въ шарфѣ, со своимъ штабомъ прохаживался противъ «павильона» на могилевскомъ большакѣ, отдавая послѣднія приказанія. Два дня полковникъ провелъ въ неустанной дѣятельности, почти не ѣлъ и не спалъ, по десяти разъ провѣрялъ и осматривалъ фитили, провода, натертые порошкомъ нити. Послѣдніе часы весь полкъ занятъ былъ поспѣшнымъ развѣшиваніемъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ на галереѣ и на вензелевомъ огромномъ изображеніи именъ императрицы и свѣтлѣйшаго, сооруженномъ на щитѣ, прикрѣпленномъ къ мачтѣ. Это пришло въ голову полковнику наканунѣ проѣзда и потребовало особаго напряженія силъ для быстрого сооруженія. Теперь, наконецъ, все было кончено. Полковникъ, однако, не вкусилъ успокоенія. Лихорадочное безпокойство и нетерпѣніе терзали его. Ночь была ясная, но вдали, надъ горизонтомъ туманной равнины ползли подозрительныя облака. Что будетъ, если именно къ проѣзду свѣтлѣйшаго скопится и пойдетъ дождь? Все пропало тогда. Урчаніе жабъ, предвѣщавшее перемѣну погоды, выводило изъ себя полковника.

— Опять! — топая ногой, говорилъ онъ, когда вдругъ гдѣ-то близко, чуть ли не подъ «галереей», раздавалось хриплое, скрипучее урчаніе. — Опять застонала, проклятая! Накликаетъ намъ дождь, непремѣнно накликаетъ! Господинъ Поппе, прогоните подлое созданіе!

Господинъ Поппе стучалъ палкой по доскамъ «павильона». Жаба на время смолкала, но черезъ нѣсколько минутъ опять раздавался ея самодовольный голосъ.

— И надо же такой сырой ночи случиться!— судорожно зѣвая и пожимаясь отъ лихорадочной дрожи, пробѣгавшей по его тѣлу, говорилъ полковникъ.— Роса! Туманъ! Положительно порохъ и фитили отсырѣютъ! Поручикъ Вандура, осмотрите еще разъ!

Пиротехникъ поручикъ Вандура увѣрялъ, что имъ приняты всѣ предосторожности и трубки съ порошкомъ непроницаемы для сырости.

— Но фитили, нити! Осмотрите еще разъ, прошу васъ.

Пиротехникъ въ двадцатый разъ принимался за осмотръ сооруженій.

Оркестръ, столъ съ закусками, другой столъ съ картами, все было приготовлено, роли распредѣлены. Полковникъ взялъ подъ руку Радожицкаго, котораго особливо отмѣчалъ и выставлялъ,

помня, что тотъ лично извѣстенъ свѣтлѣйшему, и, прогуливаясь съ нимъ подъ придорожными березами, пустился философствовать.

— Нѣкоторые убѣждены,—говорилъ онъ:—что планеты вліяютъ на судьбу человѣка. Но вотъ я смотрю на эти звѣзды,—онъ указалъ на ярко горѣвшее созвѣздіе «Большой Медвѣдицы»,—и прихожу къ заключенію, что вѣрованіе въ звѣзды—выдумка суетности людской. Мы вотъ здѣсь волнуемся, терзаемся, въ ожиданіи великаго случая, а глупымъ звѣздамъ до насъ и дѣла нѣтъ! Горятъ себѣ—и только.

Павель Корнильевичъ посмотрѣлъ на звѣзды, и убѣдился, что полковникъ Пушковъ говорилъ правду. Онѣ горѣли точно такъ же, какъ горятъ тысячи лѣтъ, и имъ, видимо, не было никакого дѣла ни до проѣзда свѣтлѣйшаго, ни до полковника Пушкова съ его павильономъ въ четыре тысячи шкаликовъ, ни до надеждъ его на «великій случай». Равнодушно шелестѣли березы при дорогѣ, безучастно дергали коростели въ туманномъ полѣ. Червячокъ совершалъ по воздуху путешествіе на незримой паутинкѣ. Жаба заурчала подъ самыми ногами полковника.

— Опять! Пр-р-роклѣтое животное!—крикнулъ онъ.

Вдругъ вдали протрубилъ сигнальный рожокъ дозорнаго.

— Ъ-ѣ-ѣдутъ!—донесся отдаленный крикъ.

— Ъ-ѣ-ѣдутъ!—закричалъ ближній дозорный.

— Ъдутъ!—заоралъ ближайшій.

— Ъдутъ! Свѣтлѣйшій!—закричалъ полковникъ, бросаясь къ павильону и мгновенно забывая все на свѣтѣ, кромѣ надвинувшагося случая.

— Господа офицеры, по мѣстамъ!—командовалъ онъ.—Поручикъ Вандура, запалите фитили! Господинъ Поппе, распорядитесь въ оркестрѣ! Господи, благослови! Владычица Смоленская, помоги! Смир-р-рно! Слушать команду!

Вслѣдъ затѣмъ все замерло. Лишь въ разныхъ мѣстахъ вспыхивали концы теплившихся фитилей, которые усердно раздували особливые «запальные» нижніе чины. Глухой громъ колесъ донесся въ перспективѣ широкаго тракта. Дорога версты на три-четыре была тщательно полита по приказанію полковника, не пылила, и потому экипажи появились сразу. Видны были лошади съ скакавшими на нихъ форейторами, объемистая карета, за ней другая, третья...

— Па-а-али!—потрясающимъ голосомъ кричалъ полковникъ.

— П-а-а-али!—подхватилъ поручикъ Вандура.

— Па-али!—закричали въ разныхъ мѣстахъ его подручные.

Огоньки змѣйками побѣжали въ темнотѣ вверху, внизу сооруженій.

Едва карета свѣтлѣйшаго поровнялась съ лагеремъ, взлетѣла, съ трескомъ лопнула и рассыпалась разноцвѣтными огнями ракета,

оркестръ грянулъ оглушительный маршъ, не щадя «ударныхъ» инструментовъ, запылалъ павильонъ; загорѣлись вензеля на мачтѣ; завертѣлись колеса, посыпались брильянтовые водопады, все горѣло, трещало, крутилось, сверкало, представляя, дѣйствительно, волшебное зрѣлище. Но, увы! полковникъ не предусмотрѣлъ одного обстоятельства: окна кареты свѣтлѣйшаго были наглухо задвинуты занавѣсками. Кромѣ того, фейерверкъ произвелъ неожиданное впечатлѣніе на лошадей. Онѣ бросились въ сторону, поднимаясь на дыбы, и фореиторы еле удержали ихъ. Карета попятилась и накренилась сильно на бокъ; вѣроятно, она бы свалилась, если бы трое гайдуковъ-гусаровъ, геркулесовскаго тѣлосложенія и вооруженныхъ саблями и пистолетами, висѣвшихъ сзади кареты на особливомъ приспособленіи, во время не соскочили и не поддерживали карету могучимъ усиліемъ богатырскихъ плечъ. Весь поѣздъ остановился. Полковникъ Пушкивъ вытянулся на краю дороги, отсалютовавъ шпагой и поставивъ ее стоймя предъ изобрѣтательнымъ лбомъ своимъ.

Штора въ окнѣ кареты отдернулась, и высунулась огромная, всклокоченная голова. Со всѣхъ сторонъ бѣжали къ окну слуги и чиновники.

Вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько человѣкъ бросилось къ оркестру, крича:

— Прекратить музыку! Свѣтлѣйшіи приказываютъ прекратить музыку!

По знаку Пушкива музыканты оборвали «янычаровскую» мелодію, взывъ трубами и ухнувъ барабанами.

Настала тишина. Только горѣлъ павильонъ и вензеля, да надъ ними равнодушныя звѣзды. Коростели дергали. Жаба заурчала.

— Попова! — раздался свирѣпый возгласъ вздохмаченной головы изъ окна кареты.

Человѣкъ невысокаго роста, съ оливковой фізіономіей истаго ново-грека, въ мундирномъ кафтанѣ, котораго не снималъ ни днемъ, ни ночью, правитель дѣлъ свѣтлѣйшаго Поповъ поспѣшилъ къ окну кареты.

— Что это такое, Поповъ! Перепугали лошадей! Карета едва не опрокинулась! Меня разбудили... Третью ночь безсонница. Вдругъ вздремнулъ—громъ, трескъ, землетрясеніе! Поди, Поповъ, узнай, что это такое и какой это пузатый шутъ тамъ торчитъ со шпагой? Зови его сюда!

Поповъ поспѣшилъ исполнить приказаніе свѣтлѣйшаго.

Черезъ минуту трепетный полковникъ предсталъ предъ единственный глазъ великаго вельможи.

— Кто вы такой, государь мой?—спросилъ Потемкинъ.

— Полковникъ Пушкивъ, свѣтлѣйшіи князь!—еле выговорилъ прыгающими губами полковникъ.

— Какого полка, государь мой, вы полковникомъ?

— Мариенбургскаго драгунскаго имени его высочества герцога Карла-Эрнеста-Фридриха, бѣлорусскаго полка командиръ, свѣтлѣйшій князь!

— Поповъ! запиши его!—приказалъ Потемкинъ.

Поповъ записалъ.

— Что же это вздумалось вамъ въ семь пустомъ мѣстѣ и при большой дорогѣ устраивать иллюминаціи?—продолжалъ Потемкинъ.

— Собственно изъ усердія къ особѣ вашей, сюрпризъ по случаю высокотожественнаго проѣзда вашего, свѣтлѣйшій князь!—подобострастно отвѣчалъ Юшковъ.

— Дур-ракъ!—сказалъ Потемкинъ.

Вслѣдъ за тѣмъ лохматая голова спряталась въ глубинѣ кареты, и штора въ окнѣ опустилась.

Гусары вскочили на запятки. Поповъ, чиновники, слуги—разбѣжались по экипажамъ. Кучера забрали въ мощныя длани вожжи. Форейторы щелкнули бичами. Лошади, косясь на горѣвшій разными огнями павильонъ, взяли разомъ, и карета понеслась, сопровождаемая прочими. Еще мгновеніе — и отъ поѣзда свѣтлѣйшаго не осталось на предусмотрительно политой дорогѣ даже и пыли. Слышался лишь удаляющійся громъ колесъ. Но и онъ скоро стихъ. Глубокая тишина наступила.

Наступила глубокая тишина. Догорала, бесполезная теперь, иллюминація. Дергалъ въ полѣ коростель. Заурчала жаба.

Маріи на развалинахъ Кароагена, пророкъ Іеремія на пепелищѣ Іерусалима, вѣроятно, изображали не болѣе краснорѣчивую фигуру отчаянія, какъ полковникъ Мариенбургскаго имени его высочества герцога Карла-Эрнеста-Фридриха полка въ эту минуту на развалинахъ своего «великаго случая».

— Погибъ! Разоренъ! Все пропало!—повторялъ онъ, схватившись за голову и помутившимся взоромъ глядя на павильонъ, гдѣ сгорала половина его наслѣдственнаго имѣнія, и въ тяжкомъ туманѣ отчаянія соображая, что теперь придется отдать и другую его половину правителю дѣлъ Попову лишь за одно то, чтобы фамилія злосчастнаго устроителя сюрприза на большой могилевской дорогѣ была изглажена изъ записной книги и памяти Потемкина.

XXII.

Свѣтлѣйшій въ Могилевѣ.

Въ Могилевѣ все было готово къ встрѣчѣ свѣтлѣйшаго. Со всего Бѣлорусскаго намѣстничества, Литвы и даже изъ Польши и Курляндіи съѣхались помѣщики съ женами и дочерями. Полковныя

командиры войскъ намѣстничества должны были представиться съ рапортами о состояніи ввѣренныхъ имъ частей. Городъ кипѣлъ народомъ. Дворы были заставлены экипажами пріѣзжихъ, ихъ лошадыми, переполнены кучерами, конюхами, слугами, такъ что за городомъ, на пустырь былъ устроенъ еще особый таборъ для кучеровъ и лошадей. Сѣно, овесъ, всѣ продукты вздорожали. Кромѣ того, въ городъ прибывали обозы свѣтлѣйшаго, лица его штаба, адъютанты. Ожидали нѣсколькихъ знаменитыхъ красавицъ, направлявшихся вслѣдъ за Потемкинымъ въ его лагерь подъ Яссами для свиданія съ мужьями, генералами трехъ армій, начинавшихъ рѣшительную кампанію противъ ослабленной Порты.

Въ трехъ верстахъ отъ Могилева на дорогѣ сооружена была триумфальная арка. Отъ нея вдоль пути слѣдованія великовельможнаго гостя стояли шпалерами войска съ губернскими знаменами по одну сторону, а по другую народъ и мѣщанство съ цеховыми значками; старшины цеховъ держали шпаги остриемъ вверхъ, на концахъ которыхъ воткнуты были золотыя яблоки. Часть городскихъ властей съ губернаторомъ во главѣ собралась въ православномъ соборѣ, куда прежде всего долженъ былъ прослѣдовать свѣтлѣйшій. Намѣстникъ съ высшими чинами и депутаціями отъ сословій ожидалъ въ просторной передней губернаторскаго дома. Католическій митрополитъ Сестренцевичъ-Богущъ съ своимъ духовенствомъ помѣстился на балконѣ главныхъ воротъ древнихъ могилевскихъ стѣнъ, въ такъ называемой Святой Брамѣ, гдѣ находилась часовня францисканскаго ордена и древняя, одинаково чтимая католиками и православными икона Богоматери. Такъ какъ свѣтлѣйшій вступалъ въ городъ черезъ эти ворота, то выходило, что со своего балкона Сестренцевичъ раньше встрѣчалъ высокаго гостя, нежели ожидавшій его въ соборѣ митрополитъ Георгій Конскій, знаменитый поборникъ православія.

Евреи же расположились на площади, гдѣ соорудили убранный зеленюу балконъ, играли на разныхъ инструментахъ—цимбалахъ, скрипкахъ и флейтахъ и плясали. Надъ балкономъ красовалась вывѣска со словами: «Веселися, Израиль, какъ во дни Соломона!»

Въ благодарность за отстаиваніе свѣтлѣйшимъ ихъ привилегій и подтвержденіе словъ Плаката 1772 г. о «совершенномъ» ихъ императрицею «подъ державой своей усыновленіи», такъ что «еврейскія общества, жительствующія въ присоединенныхъ къ имперіи Россійской городахъ и земляхъ, будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи закона и имуществъ своихъ пользуются»,—въ благодарность за это евреи готовились поднести свѣтлѣйшему тяжелые вѣсы изъ чистаго золота, вращающіеся на большомъ брильянтѣ—какъ символъ правосудія и справедливости; съ тѣмъ вмѣстѣ надѣялись они получить выгодныя поставки провіанта, амуниціи и

фуражу для армій, въ виду чего какъ самъ свѣтлѣйшій, такъ и правитель дѣлъ его Поповъ и всѣ лица, имѣвшія вліяніе на Потемкина и необходимыя при оборудованіи поставочнаго гешефта, заблаговременно были проданы съ публичнаго торга, устроеннаго въ синагогѣ могилевскимъ главнымъ кагаломъ, тѣмъ изъ еврейскихъ купцовъ, которые дали больше, и затѣмъ право эксплуатаціи купленныхъ лицъ всецѣло принадлежало этимъ купцамъ, въ виду ихъ крупности устроившимъ еще особыя торжки. На торжкахъ свѣтлѣйшаго, Попова и прочихъ продавали уже въ розницу, на образномъ языкѣ восточной фантазіи означая частями ихъ тѣлъ— части поставокъ. Поставщики, оставшіеся здѣсь побѣдителями, въ свою очередь, устроили подторжки, гдѣ продавали враздробъ самыя части приобрѣтенныхъ отъ кагала особъ, чтобы въ дѣлѣ могли участвовать самыя мелкіе факторы и весь Израиль обогатился отъ ожидавшейся чудовищной прибыли. Такъ что потомъ евреи съ полнымъ самоудовлетвореніемъ и сознаниемъ говорили: «Нашъ Потемкинъ!» и какой-нибудь грязный жидокъ въ засаленномъ лапсердакѣ съ крупными пейсами сознавалъ, что ему принадлежитъ «палецъ отъ лѣвой ноги» князя Таврическаго.

Съ ранняго утра во всѣхъ церквяхъ Могилева звонили въ колокола. Пушечный грохотъ возвѣстилъ наконецъ его прибытіе. Драгуны съ городскими знаменами скакали за его каретой.

При въѣздѣ въ городъ черезъ Святую Брамю, въ узкой улицѣ изъ оконъ домовъ и съ балконовъ сидѣвшія тамъ польскія пани и паненки забросали карету свѣтлѣйшаго дождемъ цвѣтовъ. Но шторы кареты были все время спущены. Свѣтлѣйшій не подалъ ни малѣйшаго признака своего присутствія.

— Нэхъ жійе, Потемкинъ!—кричали поляки. Русскіе кричали «ура» и «виватъ». Евреи неистово колотили въ цимбалы и заливались гортанными звуками непонятнаго гимна, колокола звонили, пушки грохотали. Народъ до того запрудилъ улицы города и соборную площадь, что пришлось везти карету шагомъ, и она покачивалась изъ стороны въ сторону среди народныхъ толпъ. Но занавѣски въ окошкахъ кареты были наглухо спущены, что еще болѣе возбуждало всеобщее любопытство.

Наконецъ карета остановилась передъ соборомъ, гдѣ уже служба для сокращенія чрезвычайно длиннаго церемоніала встрѣчи начата была, когда свѣтлѣйшій только еще подѣзжалъ къ триумфальной аркѣ за городомъ. Колокольный звонъ вдругъ утихъ. Смолкли и пушки, и народные крики. Вся площадь замерла въ ожиданіи. Всѣ взоры были устремлены на зеленыя занавѣски кареты. Соскочившій съ запятокъ огромный гусаръ откинулъ подножки и отворилъ дверцу. Изъ кареты вышелъ человекъ ростомъ выше даже этого гусара, широкоплечій, съ красивымъ и полнымъ, но обрюзгшимъ и, повидимому, не мытымъ лицомъ, лѣтъ, на взглядъ, пятидесяти, и съ однимъ глазомъ.

Онъ былъ въ бархатныхъ широкихъ сапогахъ, въ венгеркѣ, крытой малиновымъ бархатомъ, съ собольей опушкой, разстегнутой и открывавшей смятую рубашку, въ кружевномъ разрѣзѣ которой видна была голая, мощная и волосатая грудь. Бедра его опоясывала небрежно бѣлая тончайшая шаль, концомъ висѣвшая до земли и волочившаяся, когда онъ двинулся въ соборъ. Длинные, нечесанные спутанные волосы на огромной головѣ великана висѣли въ беспорядкѣ, космами по лицу и по плечамъ. Медленно поднимаясь по ступенямъ паперти, въ сопровожденіи своихъ чиновниковъ и адъютантовъ и спѣшившихся знаменосцевъ со штандартами, онъ напоминалъ скорѣе библейскаго Голіаѳа, нежели Соломона, съ которымъ сравнивали его евреи.

Войдя въ соборъ, свѣтлѣйшій остановился не на приготовленномъ для него возвышенномъ сѣдалищѣ подъ балдахиномъ, куда было просилъ его пожаловать губернаторъ, но посреди собора.

Взглянувъ единственнымъ глазомъ вверхъ во всѣ четыре конца, онъ одною рукою взялъ изъ кармана и нюхнулъ табуку, другою вынулъ что-то изъ другого кармана, бросилъ въ ротъ и жеваль... Еще взглянулъ вверхъ, въ куполь. Царскія врата отворились. Митрополитъ, человекъ съ носомъ необыкновенныхъ размѣровъ и формы, вышелъ въ сопровожденіи духовенства и началъ съ литовско-русскимъ акцентомъ привѣтственное слово. Потемкинъ слушалъ, устремивъ зрячее око на огромный носъ митрополита, и жеваль...

XXIII.

Кислая щи и чашка кофе.

Изъ собора, сопровождаемый чинами, въ немъ бывшими, свѣтлѣйшій проѣхалъ къ дому губернатора. Намѣстникъ встрѣтилъ его на крыльцѣ. вмѣстѣ вошли они въ просторную переднюю, уставленную цвѣтущими южными деревьями въ кадкахъ. Власти города, распудренные, въ тяжелыхъ нарядахъ, несмотря на жаркій день, и депутаціи всѣхъ сословій ожидали здѣсь свѣтлѣйшаго. Начались представленія и рѣчи, весьма витіеватыя и длинныя. Отъ жары и утомленія изъ-подъ пудренныхъ париковъ по лицамъ властей и сословій обильно текъ потъ. Свѣтлѣйшій слушалъ весьма терпѣливо и внимательно, однако не измѣняя угрюмо-разсѣяннаго выраженія лица и порою принимаясь грызть ногти униженныхъ брильянтовыми перстнями пальцевъ — признакъ, для знавшихъ его нравъ, весьма дурного расположенія духа. На привѣтствія свѣтлѣйшій отвѣчалъ кратко—молчалъ и слегка кивалъ головой. За депутаціями еще слѣдовали мѣстные поэты, приготовившіе оды въ честь свѣтлѣйшаго, на російскомъ, польскомъ, латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

— Профессоръ элоквенціи могилевской семинаріи Сократъ Минервинъ,—представилъ намѣстникъ перваго изъ поэтовъ,—имѣть честь поднести вашей свѣтлости составленное имъ россійское стихотвореніе!

И намѣстникъ хотѣлъ взять огромный хитро изукрашенный листъ съ одой изъ рукъ поэта и поднести свѣтлѣйшему, положивъ на серебряный подносъ, который держалъ губернаторъ, думая тѣмъ сократить и безъ того болѣе двухъ часовъ тянущуюся церемонію. Но Сократъ Минервинъ, рябой, толстощекий, огромный мужчина, въ кафтанѣ, явно узкомъ для его мощнаго стана, вдругъ разинулъ ротъ и потрясающимъ протодьяконскимъ басомъ рявкнулъ:

— Ода тысяча семьсотъ восемьдесятъ девятаго года...

Свѣтлѣйшій закусилъ ноготь на указательномъ пальцѣ и кивнулъ головой. Намѣстникъ отступился.

— На всерадостное и благопоспѣшное прибытіе въ градъ Могилевъ, — продолжалъ, яко левъ, рыкая, профессоръ элоквенціи Сократъ Минервинъ,—генераль-фельдмаршала войскъ россійскихъ, намѣстника Новороссіи и Крыма, великаго гетмана Булавы казаковъ екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ, всѣхъ орденовъ россійскихъ кавалера, а кромѣ сего польскихъ—Бѣлаго Орла и св. Станислава, прусскаго—Чернаго Орла, датскаго—Слона и шведскаго—Серафима, свѣтлѣйшаго священнаго Римскія имперіи князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго.

Затѣмъ поэтъ отступилъ шагъ назадъ, тряхнулъ головой, такъ что съ парика поднялось цѣлое облако пудры, простеръ мощную длань и принялся читать съ необычайнымъ паэосомъ и жестами самую оду, оглушая всѣхъ громоподобнымъ басомъ:

Не Этна лавою рокочеть,
Разинувъ пламенную пасть!
Попратъ Стамбуль Потемкинъ хочеть,
Исполня высочайшу власть!
Одной рукой кресты бросаетъ,
Другой перуны испускаетъ
На уstraшеннаго врага!
Россійски воины стремятся
Отличьемъ онымъ украшаться,
Лувъ ломаючи рога.
Но вдругъ...

Широкій ротъ профессора элоквенціи растянута до ушей улыбка, и онъ постарался придать рыкающему голосу возможную нѣжность, напомнивъ при этомъ пѣніе мартовскаго кота на крышѣ:

Но вдругъ Амуромъ остановленъ
Потемкинъ видитъ красоту!
Златою свѣтію уловленъ,
Летѣть пламенну мечту!

Ослабѣя, Амуръ взираетъ,
 Какъ вздохи вдругъ герой пушаетъ
 И красотой беретъ въ плѣнъ!
 Такъ Геркулеса исполина
 Безсилна сдѣлалась дуб-бина,
 Когда сталъ нѣкогда влюбленъ!
 «Познай,—рекъ богъ,—познай свѣтлѣйшій,
 Что есть моя подъ солнцемъ власть!
 Великій царь и рабъ подлѣйшій
 Сію питають нѣжну страсть!»
 Но что? Потемкинъ вдругъ схватился
 И вихремъ на востокъ пустился,
 Чтобъ чалмоносцевъ побѣждать!
 А красоты, Амуръ и смѣхи,
 Чтобъ не лишиться въ немъ утѣхи,
 Его должны сопровождать!

Тутъ голосъ профессора опять грянулъ протодьяконской октавой:

Въ движеніи вида исполина,
 Стамбуль, склонись предъ нимъ главой!
 Сколь велика Екатерина,
 Познай—и псоподобно вой!..

На словѣ «псоподобно» поэтъ такъ разинулъ глотку, какъ только могъ разѣвать пасти мионическій трехголовый пестъ, сторожившій Тартаръ. Затѣмъ онъ благополучно кончилъ оду, вновь переходя на высокія котовскія ноты и завывая въ носъ:

А вы, російскіе народы,
 Вкушая сладостной свободы
 Разнообразные дары,
 Ищите тѣ цвѣтуци розы,
 Что безъ шиповъ и безъ занозы
 Вверху Парнасскія горы!

Потемкинъ не выразилъ ни удовольствія, ни неудовольствія и продолжалъ съ угрюмой разсѣянностью смотрѣть въ покрытое крупными каплями пота рябое лицо профессора элоквенци, и усердно кусалъ ноготь большого пальца. Минервинъ поклонился, положилъ оду на серебряный подносъ и уступилъ мѣсто горбатуму человѣку съ острой головкой въ нитяномъ паричкѣ съ кошелькомъ, имѣвшему въ рукахъ не менѣе длинный свитокъ. Намѣстникъ сдѣлалъ движеніе поскорѣе успокоить этотъ свитокъ на блюдѣ,—но горбатый человѣчекъ поспѣшно и не дожидаясь, когда намѣстникъ назоветъ его Потемкину, пѣтушинымъ голосомъ началъ:

— *Illustrissimo Sapientissimo Doctissimo Preclarissimo Comiti Grigorio Alexandridi de Potemkin hoc grati animi sui documentum offert Academia Mogiloviensis...*

Остановить прочихъ поэтовъ, возревновавшихъ успѣху російскаго стихотворенія, не было уже никакой возможности. Итакъ,

они читали и читали. Въ передней, отъ столпленія народа и бившаго въ окно майскаго солнца, сдѣлалась несносная жара. Всѣ лица струили потъ. Мухи липли и приставали къ неподвижнымъ слушателямъ.

Казалось, Потемкинъ находилъ злорадное наслажденіе въ томъ, чтобы мучить самого себя и всѣхъ присутствовавшихъ безконечной церемоніей. Послѣднимъ читалъ нѣмецкое стихотвореніе докторъ Доппельмейеръ, когда свѣтлѣйшій догрызалъ украшенный большимъ сафиромъ мизинецъ. Нѣмецкое стихотвореніе было необычайно длинно и темно и наполнено мистическими и метафизическими умствованіями. Читалъ нѣмецъ уныло, наставительно, и какъ бы самъ изумляясь глубокомыслію каждаго стиха и каждой строфы. Когда онъ былъ уже на половинѣ оды и прочелъ шестнадцатую:

Nur des Herrn Vollkommenheiten,
Wobei auch die finstre Zahl
Ewiger Unendlichkeiten
Nicht die erste Zahl einmal,
Uebersteigen so die Schrauben
Mensch-und englischer Gedanken,
Dass, was aller Schärfe denkt,
Sich wie nichts in Jhn versenkt ¹⁾.

Потемкинъ вдругъ пошелъ къ устланной коврами лѣстницѣ, ведшей въ парадную залу. Всѣ двинулись за нимъ, нѣмецъ умолкъ. Проходя мимо поэтовъ, намѣстникъ яростнымъ шопотомъ только проскрежеталъ:

— Обрадовались!

Войдя въ залу, Потемкинъ сѣлъ передъ круглымъ столомъ въ одномъ изъ простѣнковъ. Намѣстникъ сталъ съ нимъ рядомъ. Вошедшіе за ними въ залу чины, власти, депутаты сословія стали напротивъ вдоль стѣны.

Съ той же разсѣянной угрюмостью Потемкинъ, сидя за столомъ, склонилъ косматую голову на руку, подперевъ ею нижнюю часть лица, при чемъ выдавшіяся синеватыя челюсти придали ему самое звѣрское выраженіе, и не переставалъ смотрѣть своимъ единственнымъ глазомъ на все окружающее. Онъ молчалъ, и всѣ молчали, осторожно переступая съ ноги на ногу. Камердинеръ свѣтлѣйшаго съ низкимъ поклономъ подалъ на золотой тарелкѣ большой стаканъ кислыхъ щей, приготовленныхъ необыкновенно густыми. Послѣднюю недѣлю свѣтлѣйшій этими щами почти только и питался, выпивая ихъ бутылокъ по пятнадцати въ день. Онъ

¹⁾ Только Господни совершенства, при чемъ и темное число вѣчныхъ безконечностей, даже не первое число, такъ переходятъ за предѣлы человѣческихъ и ангельскихъ мыслей, что мыслящее со всею острою терается въ немъ какъ ничто.

проглотилъ поданный стаканъ, вновь подперъ голову, сидѣлъ и молчалъ. Черезъ четверть часа камердинеръ подаль новый стаканъ кислыхъ щей. Потемкинъ выпилъ и продолжалъ сидѣть и молчать. Такъ прошло съ доброй часъ.

Вдругъ онъ выпрямился, расклеилъ губы и произнесъ:

— Я хочу кофе!

Это были первые слова свѣтлѣйшаго въ Могилевѣ.

Намѣстникъ закивалъ, замахалъ рукой. Кто-то побѣжалъ приказать принести чашку кофе.

— Я хочу кофе!—повторилъ Потемкинъ.

Новые знаки намѣстника. Еще кто-то кинулся за кофе.

— Я хочу кофе!—повторилъ Потемкинъ.

Нѣсколько человѣкъ бросилось, толкая другъ друга, торопить съ кофе.

— Я хочу кофе! я хочу кофе! я хочу кофе!—принялся, какъ попугай, твердить Потемкинъ.

Сдѣлалась суета. Одинъ за другимъ бывшіе въ залѣ спѣшили торопить съ кофе.

Наконецъ кофе былъ принесенъ.

— Не надобно,—сказалъ свѣтлѣйшій и тяжело вздохнулъ.—Я только хотѣлъ чего-нибудь ожидать, но и тутъ лишили меня сего удовольствія!

Вслѣдъ за тѣмъ Потемкинъ поднялся и удалился въ устроенные для него покои.

XXIV.

Ногтоѣда и соціететъ.

Всѣмъ было очевидно, что свѣтлѣйшій прибылъ въ Могилевъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Но гдѣ причина этому? Строили множество догадокъ. Обратились къ лицамъ близкимъ къ свѣтлѣйшему, къ Попову, къ камердинеру. Тѣ сказали, что у князя обыкновенная его «ногтоѣда». Всѣ, дѣйствительно, видѣли, какъ свѣтлѣйшій во время церемоніи представленія ему властей и сословій «ѣлъ ногти». Однако, это не удовлетворило общей любознательности; продолжали составлять различныя предположенія. Наконецъ разнесся слухъ, что свѣтлѣйшій ждетъ курьеровъ съ важными извѣстіями изъ Петербурга и изъ Варшавы, и замедленіе съ сими-то извѣстіями крайне его беспокоитъ и повергаетъ въ хандру и «ногтоѣду». Что это были за извѣстія? Стали передавать, что назначеніе свѣтлѣйшаго командующимъ всѣми російскими войсками и отозваніе Румянцова, рѣшенное давно, официально еще не состоялось и промедленіе императрицы съ присылкой всемилостивѣйшихъ рескриптовъ чрезвычайно беспокоитъ свѣтлѣйшаго.

— Почему жъ бы это промедленіе?—спрашивали одни.

— Не иначе, какъ злодѣи его свѣтлости успѣли что-нибудь внушить!—говорили другіе.

— Соціететъ!—поднимая палецъ вверхъ, съ важностью сказалъ одинъ старый губернской совѣтникъ.

И на вопросъ: «кто такіе?»—совѣтникъ разъяснилъ, что въ столицѣ борются приверженцы Румянцова съ приверженцами Потемкина, и противъ послѣдняго особливо дѣйствуетъ «соціететъ», состоящій, между прочимъ, изъ важнѣйшихъ особъ: камеръ-фрейлина Протасова и цесарскій посолъ Кобенцель, непрестанно и неусыпно въ проискахъ коварныхъ обращающійся, выписали изъ Москвы стараго графа Чесменскаго, чтобы сдѣлать князю у государыни маленькое шиканство!

— Графъ Чесменскій,—увѣрялъ совѣтникъ,—особливо критиковалъ предъ государыней часть воинскую! Доносилъ, между прочимъ, что наши солдаты ни ходить, ни стрѣлять не умѣютъ, ружья имѣютъ негодныя и вообще войска наши въ одеждѣ и во всемъ никогда такъ дурны не были, какъ теперь! И будто бы государыня сему повѣрила и весьма встревожена!

На вопросъ, отъ кого онъ это узналъ, старый совѣтникъ сказалъ, что про то ему сообщалъ правитель канцеляріи намѣстника.

— Эге!—догадались болѣе легкомысленные и скорые на выводы и рѣшительныя предположенія,—эге! да не выйдетъ ли наоборотъ тому, чего свѣтлѣйшій желалъ? Не отозванъ ли будетъ онъ самъ, а графъ Румянцовъ назначенъ главнокомандующимъ?

Болѣе осторожные ничего не сказали, но и въ ихъ головахъ промелькнула мысль о непрочности всего земного и перемѣнчивости фортуны и случая.

Тутъ одновременно прибыли для представленія свѣтлѣйшему православный митрополитъ Георгій Конискій, католическій—Сестренцевичъ-Богущъ; виленскій великій раввинъ и раскольничій ученый начетчикъ изъ Старицы.

Свѣтлѣйшій, попрежнему не мытый и нечесанный и даже облеченный уже просто въ халатъ, вышелъ съ угрюмымъ видомъ къ нимъ изъ своихъ покоевъ и молча далъ имъ всѣмъ знакъ слѣдовать за собою, показывая тѣмъ свою вѣротерпимость.

— Ахъ! долго ли то тебѣ, государь нашъ,—подумали многіе, раздосадованные непривѣтливостью и неряшливостью князя,—поцарствовать и повеличаться, и не приближается ли уже конецъ твой?

Послѣ этого зала и передняя губернаторскаго дома значительно опустѣли, и многіе, чаявшіе представленія свѣтлѣйшему, «яко движенія воды», отложили это намѣреніе, разсудительно заключая, что когда колоссъ шатается и грозитъ паденіемъ, то лучше остеречься и отойти въ сторону.

Свѣтлѣйшій привелъ духовныхъ особъ въ кабинетъ свой, указалъ на кресла, и когда они сѣли, сталъ съ угнетеннымъ и мрачнымъ видомъ говорить, что окончательно рѣшаетъ онъ уклониться отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ и отдаться давнишнему стремленію души своей—постричься въ монахи. Ему все прискучило и отъ всего житейскаго его отвращаетъ! Постричься—вотъ единое его желаніе! Но, по несчастію, боримъ онъ многоразличными сомнѣніями и одно изъ нихъ хочетъ представить на разсужденіе ученыхъ мужей, его посѣтившихъ.

— А именно, свѣтлѣйшій князь?—спросилъ Сестренцевичъ.

— А именно въ томъ мое сомнѣніе, что вотъ солнце на небѣ единое и всѣмъ въ подсолнечной свѣтитъ, и никто про то не споритъ и никто его своей собственностью не считаетъ, у другого отнять не мыслить. Богъ же единъ есть, а сколько на землѣ вѣръ! И каждая вѣра считаетъ себя одну истинной и единственной обладательницей Бога, и всѣ другія проклинаятъ! Духовные разныхъ церквей и вѣръ спорятъ и гонятъ и ненавидятъ другъ-друга и вмѣсто добра—вѣра приноситъ на землѣ явное зло—мятежи, раздоры, свары, войны и убійства. То какъ же солнце вселенной незаходящее и духовное сіе терпитъ и уступаетъ матерьяльному солнцу, согласно ведущему за собой планеты дивнымъ строемъ!? И онъ, Потемкинъ, понять этого не можетъ и духъ его мятется сомнѣніемъ!

Едва свѣтлѣйшій умолкъ, заговорилъ Сестренцевичъ. Онъ съ видимымъ наслажденіемъ принялся при помощи схоластической контрверзы, тонкихъ дефиницій и ссылокъ на писаніе разрѣшать поставленный вопросъ. Ему возражалъ Конискій. Затѣмъ вмѣшался раввинъ. Заговорилъ и начетчикъ изъ Старицы.

Потемкинъ слушалъ, подперши нижнюю челюсть косматой головой.

Богословы разгорячились; отъ непосредственнаго предмета спора уклонились къ вопросу о достоинствѣ своихъ вѣръ. Дальше—больше. Поднялся между ними почти крикъ. Стали уже припоминать различныя взаимныя недоразумѣнія ихъ церквей и общинъ. О Потемкинѣ они совсѣмъ и забыли, тѣмъ болѣе, что онъ сидѣлъ не шевелясь, молчалъ, слушалъ и глядѣлъ на спорившихъ единымъ своимъ окомъ. Споръ продолжался часъ добрый.

Наконецъ вошелъ намѣстникъ и рѣшился прервать богослововъ, заявивъ, что въ залѣ ожидаютъ выхода свѣтлѣйшаго дамы, послѣ чего имѣетъ быть парадный обѣдъ и потомъ, вечеромъ, танцы.

Несмотря на желаніе свѣтлѣйшаго постричься, намѣстникъ сильно разсчитывалъ, что дамы сумѣютъ развеселить свѣтлѣйшаго. Правда, знаменитыя красавицы, Долгорукая, Прасковья Андреевна Потемкина, Головина, Гагарина и Самойлова, еще не прибыли въ Могилевъ и, по слухамъ, предполагали настичь свѣтлѣй-

шаго въ Кіевѣ. Не прибыла и уготовленная новая «жертва вечерняя», неизвѣстная особа, разысканная княземъ Львовымъ: молоденькая дѣвушка, дочь бѣдныхъ родителей, лѣтъ 15, не болѣе, прелестная, какъ амуръ. За ней уже выѣхала нѣкая госпожа Сальпетриеръ, компаньонка дочери князя Львова.

Какъ бы то ни было, и мѣстныхъ, и пріѣзжихъ дамъ и дѣвицъ было достаточно, и между ними множество было цвѣтущихъ молодостью, свѣжестью, красотой, прелестныхъ на самый прихотливый и избалованный вкусъ.

Разгоряченные споромъ богословы опомнились и стали откланиваться князю. Потемкинъ молча кивнулъ имъ головой, а намѣстнику сказалъ, что сейчасъ выйдетъ. Намѣстникъ не сомнѣвался, что Потемкинъ хочетъ привести въ порядокъ свой туалетъ, что было совершенно необходимо, потому что въ разошедшіяся полы халата намѣстникъ замѣтилъ, что на свѣтлѣйшемъ не надѣта даже необходимѣйшая часть мужского костюма¹⁾.

XXV.

Человѣкъ въ халатѣ и фарфоровая тарелка.

Глубоко было изумленіе намѣстника, когда послѣ часового почти ожиданія Потемкинъ вышелъ въ залу совершенно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ намѣстникъ его оставилъ послѣ бесѣды съ богословами...

Въ халатѣ, невымытый и нечесанный, онъ сталъ прохаживаться по залѣ, осматривая молча каждую даму. Однако дѣйствіе женскихъ чаръ таки сказалось.

Бойкая полька, черноглазая и чернокудрая вдовушка, поднося букетъ свѣтлѣйшему отъ польскихъ дамъ, сказала ему французское привѣтствіе, и, видимо, произвела на него впечатлѣніе. Онъ принялъ букетъ, сталъ нюхать, лицо его оживилось, онъ любезно отвѣчалъ прекрасной полячкѣ. Тутъ возвѣстили, что кушать подано. Заиграла музыка. Человѣкъ въ халатѣ предложилъ руку черноглазой красавицѣ и отправился съ ней въ столовую впереди безконечной ленты паръ. Этимъ онъ возмутилъ русскихъ дамъ,

¹⁾ Наклонность Потемкина расхаживать шотландцемъ подтверждается положительнѣйшими показаніями его современниковъ. Такъ, принцъ де-Ливъ, въ своей извѣстной характеристикѣ Потемкина, выражается совершенно определенно: «Тоіjours sans caleçon». Очевидецъ о пребываніи Потемкина въ Могилевѣ на пути въ Петербургъ послѣ взятія Очакова говоритъ, что уже при выходѣ князя изъ саней всѣ могли удостовѣриться, что необходимѣйшей части мужского костюма на немъ не было: «Онъ обходился безъ нея, — прибавляетъ очевидецъ, — во все время пребыванія въ Могилевѣ, и даже при приемѣ дамъ».

Прим. авт.

но поляки гордо крутили усы и посѣли за столъ такъ шумно и столъ надменно, словно Москву приступомъ взяли. Обрадованный переменой настроенія свѣтлѣйшаго, до тѣхъ поръ болѣе напоминавшаго, какъ выразился губернскій острякъ, «князя тьмы» безпросвѣтной сумрачностью физиономіи, намѣстникъ постарался, чтобы лица, сидѣвшія по сосѣдству съ Потемкинымъ, вели громко между собою пріятный для него разговоръ.

Говорили, конечно, о путешествіи государыни въ Новороссію и объ удивительныхъ учрежденіяхъ, среди степей раченіемъ свѣтлѣйшаго созданныхъ, о флотахъ, о построеніи Херсона, Николаева, Екатеринослава, порта въ Севастополь.

— Въ сдѣланномъ мною въ Херсонѣ вояжѣ, — говорилъ правитель канцеляріи намѣстника Семенъ Ивановичъ Гамалѣя, — я ощутилъ особенное удовольствіе, поколику на самой той ужасной своею пустотою степи, гдѣ въ недавнемъ времени едва кое-гдѣ разсѣянные обрѣтаемы были ничего не значащія избушки, называемыя отъ бывшихъ запорожцевъ зимовниками, на сей пустынь нашель я довольныя селенія при обильныхъ водахъ!

— Херсонъ сдѣлается вторымъ Амстердамомъ! — поддержалъ губернаторъ.

— А Екатеринославъ, гдѣ свѣтлѣйшій собралъ въ три года болѣе монументовъ, нежели иныя столицы въ три столѣтія! — вставилъ намѣстникъ.

— Невѣроятно! Волшебство какое-то! Галюцинація! Просто галюцинація! — подхватилъ тотъ самый губернскій совѣтникъ, который распространялъ слухи о успѣхахъ «соціетета».

— Я былъ съ его свѣтлостью въ Тавридѣ, въ Херсонѣ и Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда ея величества, — рассказывалъ камергеръ Евграфъ Александровичъ Чертковъ, извѣстный непоколебимой преданностью Потемкину. — Нигдѣ тамъ ничего не видно было отмѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что его свѣтлость позвалъ туда ея императорское величество по-пустому. Пріѣхавъ съ государынею, Богъ знаетъ, что тамъ за чудеса явились! Чортъ знаетъ, откуда взялись строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли... Ну, ну, Богъ знаетъ что!.. Какое изобиліе въ яствахъ, въ напиткахъ, словомъ, во всемъ—ну, чортъ знаетъ, такъ, что придумать нельзя, чтобъ пересказать порядочно. Я тогда ходилъ какъ во снѣ, право, какъ сонный! Самъ себѣ ни въ чемъ не вѣрилъ, щупалъ себя: я ли? Гдѣ я? не мечту ли, или не привидѣніе ли я вижу? Н-ну! надобно правду, чортъ возьми, сказать: ему, ему только одному можно такія дѣла дѣлать! И Богъ его знаетъ, когда онъ успѣлъ все это сдѣлать? Кажется, не видно было, чтобъ онъ въ Кіевѣ тогда занимался слишкомъ дѣломъ... Ну, подлинно, чортъ возьми, удивилъ! Не духи ли, Господи, какіе-нибудь ему прислуживаютъ!

Такъ славословилъ Чертковъ, поминутно поминая то Бога, то чорта. Слышалъ ли его человекъ въ халатѣ? трудно было угадать. Онъ ничего не пилъ и не ѣлъ, и многочисленные тосты салатовалъ неизсякаемымъ стаканомъ густыхъ кислыхъ щей. Утѣшая сими щами пресыщенный вкусъ свой, свѣтлѣйшій не менѣе пресыщенное обоняніе возбуждалъ, нюхая пышныя розы, приколотыя на обнаженной, пышной груди сидѣвшей возлѣ него польки. Однако хорошаго расположенія духа свѣтлѣйшему хватило лишь на половину обѣда. Затѣмъ онъ опять погрузился въ задумчивость, сталъ грызть ногти и молча смотрѣлъ угрюмо-разсѣяннымъ и единственнымъ своимъ окомъ на всѣхъ, внезапно позабывъ красавицу-польку и ея розы, къ величайшей ея и соотечественниковъ досадѣ.

Пѣвчіе пѣли кантату въ честь свѣтлѣйшаго. Когда они кончили, Потемкинъ сдѣлалъ знакъ къ молчанію. Все мгновенно затихло, ожидая, что свѣтлѣйшій скажетъ.

Съ минуту такая стояла тишина, что слышно было жужжаніе мухи въ пустомъ бокалѣ.

Нечесанный человекъ въ халатѣ, сидѣвшій въ челѣ огромнаго стола, обводилъ всѣхъ единственнымъ окомъ съ видомъ сваливагося съ неба луннаго жителя.

Вдругъ онъ заговорилъ:

— Можетъ ли человекъ быть счастливѣе меня? Все, чего я ни желалъ, всѣ прихоти мои исполнялись, какъ будто какимъ очарованіемъ: хотѣлъ чиновъ — имѣю, орденовъ — имѣю; любилъ играть — проигрывалъ суммы несчетныя; любилъ давать праздники — давалъ великолѣпныя; любилъ покупать имѣнія — имѣю любилъ строить дома — построилъ дворцы; любилъ дорогія вещи — имѣю столько, что ни одинъ частный человекъ не имѣетъ такъ много и такихъ рѣдкихъ; словомъ, всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполнялись. Марео, Марео, — возгласилъ человекъ въ халатѣ, — печенися и молвиши о мнозѣ, едино же есть на потребу!

Съ этими словами свѣтлѣйшій ударилъ фарфоровою тарелкою объ полъ, разбивъ ее вдребезги, вышелъ изъ-за стола и удалился въ свои покои.

XXVI.

Свѣтлѣйшій пунюшка.

Курьеры изъ Царскаго Села и Варшавы прибыли одновременно на разсвѣтѣ. Немедленно доложено было о томъ свѣтлѣйшему, и затѣмъ они вошли въ его спальню. Потемкинъ сидѣлъ на кровати, свѣсивъ голыя ноги, въ одной сорочкѣ, чесалъ всей пятерней то лохматые волосы, то обнаженную, косматую грудь и не престанно зѣвалъ.

Но когда одинъ изъ курьеровъ протянулъ пакетъ и коробку, заявивъ, что сіе посылается отъ государыни, Потемкинъ послѣшно вскочилъ на ноги, преклонилъ одно колѣно и такъ принялъ высочайшіе дары. Однако онъ не спѣшилъ ознакомиться съ содержаніемъ пакета и коробки, положилъ ихъ на столъ и съ живостью обратился къ другому посланцу.

— Изъ Варшавы, отъ госпожи Витте!—сказалъ курьеръ, подавая сумочку изъ краснаго сафьяна съ золотыми вытѣсенными на ней инициалами S. W.

Потемкинъ съ жадностью обѣими руками схватилъ сумочку и далъ знакъ курьерамъ и введшему ихъ Попову выйти.

Оставшись одинъ, Потемкинъ досталъ изъ сумочки медальонъ съ портретомъ и распространившее аромать розоваго масла и мускуса письмо, разорвалъ кувертъ и, подбѣжавъ къ окну, принялся читать:

«Свѣтлѣйшій пунюшка, пухлыя щечки, гауръ, котъ заморскій! Когда я тебя увижу, моя жизнь?» — такъ начиналось письмо, и эти фразы были написаны по-русски, невыразимыми каракулями съ самыми смѣшными ошибками произношенія и орфографіи. Остальная часть письма была по-французски и не менѣе изобиловала ошибками. Это писала варшавская пріятельница Потемкина, извѣстная красавица и авантюристка Софія Витте, гречанка родомъ, носившая наименование «la belle fanariote», жена подполковника Іосифа Витте, сына каменецъ-подольскаго коменданта¹⁾. Она писала, что выѣзжаетъ изъ Варшавы въ коляскѣ принца де-Линь, военно-дипломатическаго агента Австріи, и вмѣстѣ съ магнатами Феликсомъ Потоцкимъ, Ксаверіемъ Браницкимъ и Северіемъ Ржевускимъ, ведущими польскіе полки къ Днѣстру; въ поѣздѣ ихъ ѣдетъ и придворный поэтъ короля Станислава-Августа, милѣйшій камергеръ Тромбецкій! Вотъ какіе стихи онъ сочинилъ къ ея портрету, который она посылаетъ «свѣтлѣйшему пунюшкѣ»:

Sliczna Zofio, twoje nawiedziny
Wiodą mi na myśl oboloną Troję,
Z podobnej ona zginęła przyczyny
Jakżę się słusznie o Khotinskę boję!²⁾

¹⁾ Имя этой авантюристки по мужу пишутъ двояко: «Виттъ» и «Витте». Мы предпочли послѣднее начертаніе, такъ какъ иностранцы пишутъ Witte и Withe; при обоихъ начертаніяхъ гласная на концѣ, несомнѣнно, слышна. Впрочемъ, чаще ее просто именовали «la belle fanariote», а послѣ второго брака—Потоцкой. Что касается ея дѣвической фамилии, то звали и Главони, и Челече, и Мавро-кордато, — кому какъ больше нравилось. Какой національности былъ первый мужъ ея Іосифъ Витте, или Виттъ,—тоже неизвѣстно.

Прим. авт.

²⁾ Прекрасная Софія, твой образъ приводитъ мнѣ на мысль осаду Трои,—она погибла отъ подобной же причины, какъ это слышно о взятіи Хотина.

При взятіи Хотина «прекрасная фанаріотка» играла большую роль, на что и намекалъ придворный королевскій поэтъ камергеръ Тромбецкій. Стихи такъ восхитили Потоцкаго, писала красавица, что онъ заплатилъ за нихъ Тромбецкому по четыре червонца за стихъ. Далѣе легкомысленная гречанка сообщала о юношѣ—сынѣ принца де-Линь, чудномъ, миломъ Чарли, что вызвало на лбу свѣтлѣйшаго угрюмую складку. Однако, пламенное желаніе скорѣе свидѣться съ Потемкинымъ на Днѣстрѣ, которымъ заключалось это въ достаточной степени безтолковое посланіе, утѣшило свѣтлѣйшаго. Онъ перечиталъ письмо разъ пять, долго разсматривалъ миниатюрный портретъ госпожи Витте, цѣловалъ его, и вообще напоминалъ скорѣе влюбленнаго пажа, чѣмъ перваго сановника Россійской имперіи.

Наконецъ обратился онъ и къ посланію государыни. Въ пакетѣ нашелъ онъ рескриптъ на свое имя, коимъ назначался главнокомандующимъ всѣхъ войскъ имперіи, дѣйствовавшихъ противъ турокъ, и копію милостиваго рескрипта на имя графа Румянцова-Задунайскаго, выражавшаго согласіе на просьбу его, по болѣзни и преклоннымъ лѣтамъ, передать команду малороссійской арміей.

Въ приложенномъ письмѣ Екатерина писала слѣдующее, видимо отвѣчая на посланіе нетерпѣливаго фаворита:

«Я, кажется, другъ мой, гнѣвныхъ выраженій съ тобою никогда не употребляла; впрочемъ, отъ вашей свѣтлости подобнаго бѣшенства ожидать надлежитъ, буде доказать вамъ угодно въ публикѣ такъ какъ и передо мною, сколь мало граница имѣетъ ваша необузданность... Безпокойтъ меня твоя ногтоѣда! Слушай, папа, я тебя очень люблю! Ты покрытъ славою. Прошу теперь тебя, мой другъ, не спесивься, не возгордись, но покажи свѣту великость своей души.

«Господичъ монахъ, прошу не монашествовать! Епископской митры ты отъ меня никогда не получишь и монастырь никогда не будетъ жилищемъ человѣка, имя котораго раздается въ Азіи и Европѣ: онъ слишкомъ малъ для него.

«Я прошу тебя всячески, увѣдомляй меня почаще, дабы я могла слѣдить за теченіемъ дѣлъ; природная дѣятельность моего ума и головы измышляетъ тысячи мыслей, которыя часто мучатъ меня.

«Китайскихъ два шлафрока посылаю. Я не сомнѣваюсь, что вездѣ увижу твою ко мнѣ любовь, вѣрность и усердіе, впрочемъ изъ прилагаемыхъ рескриптовъ усмотрите, что я сама, ваша свѣтлость, васъ очень, очень и очень люблю.

«Екатерина».

Китайскіе шлафроки оказались въ коробкѣ, по изяществу рисунка, яркости шелковъ, легкости матеріи и великолѣпью путо-

вицъ изъ набора драгоценныхъ камней у ворота, шлафроки эти составляли чудо искусства. Свѣтлѣйшій немедленно облекъ свой громоздкій станъ однимъ изъ нихъ, и потомъ громовымъ голосомъ крикнулъ:

— Попова!

Поповъ, затянутый въ мундиръ, выросъ мгновенно, какъ изъ-подъ земли.

— Назначенъ!—только сказалъ свѣтлѣйшій.

— Слава Господу Богу и милости монархини матерней! — воскликнулъ Поповъ, воздѣвая длани.

— Захаръ! Одѣваться!.. Мыться!!.. Чесаться!!!—закричалъ свѣтлѣйшій.

Вбѣжалъ камердинеръ Захаръ Константиновъ, тоже родомъ изъ грековъ, какъ и Поповъ, съ нимъ гардеробмейстеръ, парикмахеръ, два лакея, два казачка. Сдѣлалась суета.

Извѣстiе о прибытiи курьера и назначенiи свѣтлѣйшаго мгновенно распространилось. Но, кажется, сообщенiе, что Потемкинъ потребовалъ умываться, чесаться и одѣваться передавалось съ большимъ изумленiемъ, чѣмъ вѣсть о чрезвычайномъ назначенiи и окончательномъ паденiи Румянцева и «соцiетета».

XXVII.

Распорядитель судебъ человѣческихъ.

Въ великолѣпномъ парадномъ кафтанѣ, залитомъ золотымъ шитьемъ и брилlyантами, съ грудью, украшенной орденами, свѣтлѣйшій, причесанный, умытый, благоухающiй драгоценными духами вышелъ въ залу, гдѣ ожидали его намѣстникъ, власти, чиновники и множество лицъ, въ немъ нуждавшихся. Отъ недавняго ипохондрика и неряхи не осталось и слѣда. Присѣвъ къ столу, Потемкинъ, подобно Цезарю, слушалъ докладъ бумагъ Поповымъ, самъ писалъ резолюцiи и приказы и въ то же время принималъ самыхъ разнообразныхъ лицъ.

Между прочимъ правитель канцелярiи намѣстника Гамалѣя представилъ свѣтлѣйшему и Павла Корнильевича Радужицкаго.

— Я помню васъ, — сказалъ благосклонно свѣтлѣйшiй: — я васъ встрѣчалъ у Кашталинскаго, Матвѣя Оедоровича. Вы вѣдь въ уборныхъ сержантахъ были?

— Точно такъ, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ, который сейчасъ же послѣ неудачнаго сюрприза на большакѣ съ полковымъ командиромъ Пушковымъ, надѣявшимся найти въ немъ опору, прибылъ въ Могилевъ.

— Былъ разъ и на ординарцахъ при вашей свѣтлости, — напомнилъ князю Павелъ Корнильевичъ.

— Я и это помню. Я на имена и лица очень памятливъ. А теперь же вы гдѣ?

— Поручикомъ сверхъ комплекта въ драгунскомъ Маріенбургскомъ полку, ваша свѣтлость!

— Только-то? А въ гвардіи какой вы чинъ имѣли?

— Секундъ-майора, ваша свѣтлость.

— Почему же перевелись?

— По той причинѣ, что хочу прямой службы и находиться въ дѣйствующей арміи, ваша свѣтлость.

— Похвально,—сказалъ свѣтлѣйшій, соображая.—Маріенбургскій драгунскій! Да это не того ли полку командиръ меня разбудилъ и перепугалъ лошадей нелѣпой своей иллюминаціей на большой дорогѣ? А? Поповъ!

— Того самаго ваша свѣтлость, — почтительно доложилъ Поповъ.—Полковникъ Пушковъ. Вы изволили его тогда приказать записать.

— Въ «книгу живота»? А-а-а!.. Помню. Ну, а кто старшій тамъ майоръ?

— Полчаниновъ,—докладилъ Поповъ.

— Изъ румянцовскихъ?

— Точно такъ.

— Въ отставку пусть подаетъ. А этого молодого человѣка, яко гвардіи секундъ-майора и бывшаго въ уборныхъ, имена коихъ самой государынѣ извѣстны, произвести въ премьеръ-майоры, и пусть вѣдаетъ полкъ. А полковникъ Пушковъ...

— Полковникъ единственно изъ глупаго усердія обезпокоилъ вашу свѣтлость,—вкрадчиво сказалъ Поповъ.—А преданъ особѣ вашей безпредѣльно!

Полковникъ Пушковъ уже имѣлъ съ Поповымъ особое объясненіе.

— Хорошо, пока пусть командуетъ полкомъ, а подъ Яссами видно будетъ. Пиротехнію онъ, видно, изучилъ досконально. За-мѣтилъ я у него тамъ галерею диковинную...

— Четыре тысячи восковыхъ шкаликовъ было зажжено! — вставилъ Поповъ.

— Да, галерею я замѣтилъ. Мнѣ пиротехники понадобятся, понадобятся... Внеси Пушкова по пиротехніи въ кандидатскій списокъ,—рѣшилъ свѣтлѣйшій.

— Слушаю-съ,—сказалъ довольный Поповъ и куда-то поспѣшилъ вписать имя усерднаго соорудителя руками людей своего полка галереи въ четыре тысячи шкаликовъ.

— Итакъ, молодой человѣкъ, — ласково сказалъ Потемкинъ, обращая единственный глазъ къ Павлу Корнильевичу,—поздравляю васъ премьеръ-майоромъ Маріенбургскаго драгунскаго полка!

Такое милостивое обхожденіе и внезапное производство въ чинъ малоизвѣстнаго прапорщика обратило на него вниманіе намѣстника, адъютантовъ и приближенныхъ князя и всѣхъ присутствовавшихъ въ залѣ; всѣ стали шопотомъ освѣдомляться о немъ другъ у друга; намѣстникъ обратился за свѣдѣніями къ губернатору, Николаю Богдановичу Энгельгардту. Губернаторъ шепнулъ, что молодой человѣкъ—сынъ мѣстнаго помѣщика, отставнаго, въ бояхъ и кампаніяхъ покрытаго славой, ветерана-полковника Корнилія Петровича Радожичкаго, котораго ожидаетъ онъ въ Могилевъ; но, кажется, старый домосѣдъ такъ и прокопается и не соберется въ губернію; что самъ молодой человѣкъ «въ трехъ тысячахъ душъ», полученныхъ отъ бабки, и ему покровительствуетъ старый графъ Мелинъ.

— Графъ Мелинъ... А!..—кивнулъ намѣстникъ головой.

— Кажется, и дочь графа равнодушна къ молодому человѣку, и чайтельно, что послѣ кампаніи взаимныя чувства ихъ увѣнчаются счастливымъ союзомъ.

— А-а-а!—опять произнесъ, кивая головой, намѣстникъ.

Въ это время и правитель канцеляріи, Гамалія, что-то шепнулъ намѣстнику, послѣ чего хотѣлъ взять Павла Корнильевича подъ руку и отвести въ сторону, для задушевнаго разговора, но тутъ и онъ самъ, и всѣ присутствующіе повергнуты были почти въ остоленѣніе удивительными словами, которыя вдругъ произнесъ Павелъ Корнильевичъ:

— Чувство глубокой благодарности за производство въ чинъ, котораго я еще не заслужилъ по своей малоопытности и немногимъ трудамъ, не можетъ однако, князь, заглушить во мнѣ долгъ честнаго человѣка! Полагаю, что и ваша свѣтлость почувствуете ко мнѣ признательность, если я остерегу васъ отъ невольной несправедливости, которую совершить хотите!

Потемкинъ слушалъ эти слова съ возрастающимъ изумленіемъ, устремивъ на молодого человѣка свой зрячій глазъ. Тотъ спокойно выносилъ пронизывающій взоръ свѣтлѣйшаго и глядѣлъ ему прямо въ лицо. Вся зала замерла, и сдѣлалась полная тишина.

— Что вы хотите этимъ сказать? Объяснитесь, государь мой!—сказалъ Потемкинъ.

— Князь, истина наконецъ должна достигнуть до васъ!—при этихъ словахъ голосъ Павла Корнильевича юношески зазвенѣлъ.— Побывъ въ уборныхъ при Кавалергардской залѣ и на ординарцахъ при особѣ вашей, получилъ я на двадцатомъ году секундъ-майора. Теперь, послѣ краткаго, по личной охотѣ, прохожденія прямой службы въ ротѣ капитана Дрейера въ могилевской пѣхотѣ, и едва поступивъ въ драгунскій полкъ, я вами произведенъ въ старшіе майоры на мѣсто стараго, заслуженнаго, боевого, опытнаго майора Цолчанинова! И это наканунѣ кампаніи и выступленія полка въ

походъ! Князь, пусть слова мои навлекутъ на меня вашъ гнѣвъ, но я громко и въ присутствіи всѣхъ скажу, что подобныя назначенія и постоянная замѣна боевыхъ офицеровъ, годами трудовъ, ратными подвигами пріобрѣвшихъ свое званіе,—замѣна ихъ нами, гвардейцами, неопытными, чуть узнавшими службу, губить армию и готовить ея пораженіе!

Павелъ Корнильевичъ умолкъ. Потемкинъ попрежнему не отрываясь глядѣлъ въ открытое лицо юноши, словно стараясь прочитывать на немъ все, что таило его сердце.

Среди присутствующихъ сдѣлалось движеніе, поднялись шопоты, послышались замѣчанія вполголоса:

— Какая дерзость! Возможно ли такъ говорить передъ свѣтлѣйшимъ!—Мальчишка читаетъ предіку генераль-фельдмаршалу!

— Непостижимая дерзость!—Вмѣсто благодарности за милость такая неуचितость!—Онъ помѣшался!

Вдругъ лицо Потемкина просіяло. Видимо, онъ удостовѣрился въ полнѣйшей искренности молодого человѣка.

— Государь мой, откуда вы явились!—сказалъ онъ:—надобно думать, съ луны! Среди ласкателей и ристателей за случаемъ и фортуной моего вѣка я не видывалъ еще такихъ! Вотъ удивительный, въ самомъ дѣлѣ, молодой человѣкъ! Его производятъ въ премьеръ-майоры, а онъ заявляетъ, что сіе губительно для армии и плачется на несправедливость, оказанную старой армейской крысѣ, этому Полчанинову! Видалъ ты такихъ, Поповъ?

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость, не видалъ! — поспѣшилъ отвѣтить въ тонъ Поповъ.

То, какъ принялъ свѣтлѣйшій дерзкую выходку юноши, измѣнило настроеніе всей залы. Стали улыбаться, пожимать плечами, еще не зная, къ чему ведетъ свѣтлѣйшій, но уже совсѣмъ иначе поглядывая на Павла Корнильевича.

— Впрочемъ, совершенно понимаю благородство чувствъ вашихъ и что движимы были усердіемъ къ пользѣ нашей общей матери и моей благодѣтельницы, государыни! Жертвуя собою, хотѣли вы довести до меня правду, которая мнѣ лучше васъ, впрочемъ, извѣстна. Но будь по-вашему. Запиши, Поповъ: Полчанинова—въ полковники. Оно и къ фамилии его пристало, и пусть приметъ въ команду Мариенбургскій драгунскій. Пушкова — въ генералы и причислить къ главной моей квартирѣ въ Яссахъ. Онъ будетъ у меня генераль отъ пиротехніи. Довольны ли вы, молодой человѣкъ, моей справедливостью?

Павлу Корнильевичу оставалось только поклониться, что онъ и сдѣлалъ, довольный, что старый боевой майоръ избѣгъ отставки и получилъ чинъ полковника и командирство.

— Скажите, господинъ Радожицкій, — спросилъ онъ: — вамъ Полчаниновъ приходится родственникомъ?

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость! я съ нимъ ни въ родствѣ, ни въ свойствѣ не состою!

— Удивительно! Но, можетъ быть, Полчаниновъ старый пріятель и сослуживецъ почтеннаго вашего родителя, котораго я знаю и уважаю, хотя онъ меня и терпѣть не можетъ, что мнѣ извѣстно отлично! А? скажите! Они пріятели? Сослуживцы?

— И этого нѣтъ, — сказалъ Павелъ Корнильевичъ, невольно покраснѣвъ, когда Потемкинъ вдругъ проявилъ освѣдомленность въ недоброжелательствѣ къ нему родителя.

— Удивительно! но сами вы давно знаете Полчанинова?

— Весьма недавно, ваша свѣтлость. По прибытіи въ полкъ впервые его увидѣлъ и прожилъ съ нимъ въ лагерѣ въ его палаткѣ не болѣе недѣли.

— Вижу, что движимы безкорыстнымъ чувствомъ долга благороднаго человѣка! И подумать, что былъ въ уборныхъ сержантахъ! — какъ бы самъ съ собою разсуждалъ свѣтлѣйшій. — Ну, а что вы для себя желали бы?

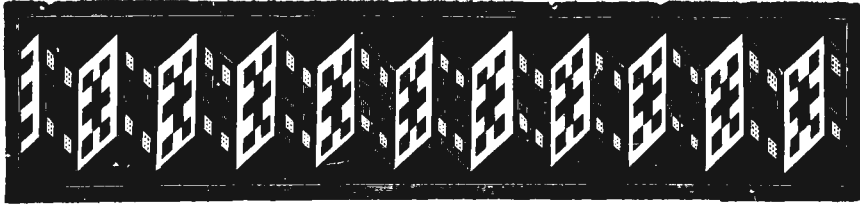
— Прямой службы подъ командой опытнаго въ военномъ дѣлѣ боевого офицера и возможности быть въ передовыхъ частяхъ дѣйствующей арміи подъ огнемъ непріятельскимъ, ваша свѣтлость! — одушевленно и отчетливо отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ.

— Все это отъ васъ, господинъ Радожицкій, не уйдетъ, — сказалъ свѣтлѣйшій. — А мнѣ такой прямой человѣкъ нуженъ, дабы говорить мнѣ правду. Назначаю васъ къ себѣ адъютантомъ!

Н. А. Энгельгардтъ.

(Конецъ первой части).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА. ¹⁾

V.

Перовскій.—Его характеристика.—Мои отношенія къ нему.—Князь П. П. Гагаринъ.—Исторія съ дачей въ Павловскѣ.—Васильчиковъ.—Моя жизнь у князя Меншикова.—Чинovníкъ особыхъ порученій Бухало.—Капитанъ Купріяновъ.—Адъютанты князя.—Побочный сынъ князя Кутузова Крупениковъ.—Разсказъ его о фонарщикѣ.—Нашъ флотъ и командованіе имъ князя Меншикова.—Исторія образа Богоматери.

О ОТЪѢЗДѢ князя Меншикова въ Анапу, я посѣщаль небрежно свой департаментъ, зная, что останусь въ немъ недолго, а мои благородные начальники, въ той же увѣренности, не только не взыскивали съ моей неаккуратности, но цѣнили меня гораздо выше, чѣмъ въ то время, когда я работаль съ полнымъ усердіемъ. Въ 1829 году Перовскій опредѣлилъ меня, по приказанію князя Меншикова, секретаремъ въ его канцелярію, а въ концѣ того же года воротился и самъ князь. Вскорѣ послѣ того возвратилась изъ Москвы и сестра его, вдова княгиня Гагарина, для которой я нанялъ квартиру въ Большой Морской, въ домѣ Алексѣя Васильевича Васильчикова. Опять три новыя личности, съ которыми я столкнулся. Перовскій, генераль-адъютантъ, бывшій адъютантомъ у великаго князя Николая Павловича, лицо замѣчательное. По складу ума человекъ либеральный, но будучи побочнымъ сыномъ Разумовскаго, онъ опасался униженія и насмѣшекъ, и въ этомъ опасеніи былъ необыкновенно гордъ и обидчивъ. Ры-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІ, стр. 488.

царь безъ страха и упрека, съ аристократическимъ лицомъ, ума пріятнаго и оригинальнаго, онъ необыкновенно нравился женщинамъ и былъ у нихъ очень счастливъ. Эпизоды прошедшей его жизни тогда уже придавали ему романическій колоритъ, который въ то время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, акцій и облигацій, слѣдовательно, когда не было еще нигилизма, плѣнялъ юношей и женщинъ. Будучи еще юнкеромъ, забавлялся онъ въ комнатѣ своей стрѣльбою изъ пистолета восковыми пулями, и никогда не разставался съ пистолетомъ; часто онъ втыкалъ въ дуло палецъ и расхаживалъ съ повисшимъ на пальцѣ заряженнымъ пистолетомъ. Разъ, ходя въ такой компаніи, онъ задѣлъ за курокъ; послѣдовалъ выстрѣлъ и оторвалъ ему ту часть пальца, которая находилась въ дулѣ; съ тѣхъ поръ онъ носилъ золотой наперстокъ, къ которому прицѣплена была цѣпочка съ лорнетомъ. Съ великимъ княземъ онъ обращался свободно, даже слишкомъ свободно, что въ тогдашнее время, когда члены царской фамиліи еще не дружились съ простыми и даже пошлыми смертными, было тоже явленіемъ интереснымъ. На походѣ въ Парижъ, въ юнкерскомъ же чинѣ, онъ въ какой-то жидовской деревушкѣ тоже забавлялся стрѣльбою изъ пистолета; вдругъ вспыхнулъ пожаръ, нѣсколько избушекъ сгорѣло; евреи заревѣли и приписывали пожаръ пистолетному пыжу. Перовскій, сострадавъ къ погорѣвшимъ, отдалъ имъ все, что имѣлъ съ собой для похода, до послѣдней копейки. Внутреннее убранство его покоевъ представляло типъ суроваго воина и восточнаго сибарита. Рабочій столъ его окруженъ былъ рыцарями въ стальныхъ латахъ, и всѣ стѣны обвѣшаны мечами, ружьями и пистолетами. Среди комнаты лежалъ огромный песь *terre-neuve*, грозный и смысленный; рядомъ комната, обвѣшанная и устланная богатыми коврами; вокругъ стѣнъ широкіе турецкіе диваны; на полу—богатый кальянтъ, а въ стѣнѣ огромное зеркало, составлявшее скрытую дверь. «Здѣсь, — говорилъ онъ мнѣ, — покоюсь я въ объятіяхъ Морфея, когда мнѣ отказываютъ въ другихъ». Такимъ оставался Перовскій до самой смерти, храбрымъ и въ полѣ и на придворномъ паркетѣ. Въ турецкую кампанію стоялъ онъ у скалы въ кружкѣ офицеровъ, какъ упала передъ ними бомба, шипя и вращаясь. Всѣ обомлѣли; Перовскій же сказалъ спокойнымъ голосомъ: «Прислонись!» и, прислонясь къ горѣ, выждалъ хладнокровно, пока бомба лопнула и разслала во всѣ стороны свои осколки. Но я еще гораздо болѣе удивляюсь его мужеству при дворѣ. Кажется, въ 1833 году, государь имѣлъ неосторожность приказать генераль-губернатору отдавать подъ военный судъ мастеровъ, которые будутъ дѣлать неформенные эполеты. Вскорѣ послѣ этого страннаго повелѣнія Перовскій пріѣзжаетъ на вечеръ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ въ разсыпчатыхъ матовыхъ эполетахъ. Пріѣхалъ государь. Увидя Перовскаго, онъ сказалъ ему шутя:

— А какъ ты смѣлъ надѣть неформенные эполеты?

— Виновать, государь, это ошибка камердинера.

Государь вспыхнулъ, сталъ выговаривать ему, что онъ, ѣдучи во дворецъ, не смотритъ даже, что надѣваетъ на него камердинеръ, и, разгорячася отъ собственныхъ рѣчей, какъ это часто бываетъ, кончилъ тѣмъ, что приказалъ уже отдавать эполетчиковъ подъ судъ, и требуетъ, чтобы Перовскій назвалъ ему его эполетчика.

— Государь,—отвѣчалъ онъ:—я не могу позволить себѣ складывать свою вину на мастера; виновать не тотъ, кто дѣлаеть, а тотъ, кто надѣваетъ неформенную одежду.

— Я повелѣваю тебѣ сказать мнѣ имя его. Осмѣлишься ли ты послушаться высочайшей воли.

Перовскій доложилъ на это, что онъ исполнить эту волю, но не прежде, какъ по снятіи съ него эполетъ и аксельбантовъ, потому что роль доносчика на мастеравого считаетъ несомнѣнною съ генеральскимъ чиномъ и, еще болѣе, съ генераль-адъютантскимъ званіемъ. Государь отошелъ отъ него, не возразивъ ни слова. Перовскій уѣхалъ, но этимъ и кончилось, и повелѣніе объ эполетчикахъ совершенно забыто. Но и у него была Ахиллеса пята: онъ былъ ревнивъ. Княгиня Гагарина, прекрасная собою, была предметомъ обожанія всей молодой свиты князя Меншикова, въ томъ числѣ и моего; она жила въ лѣтомъ въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ и пригласила меня туда же на нѣсколько дней. Испросивъ на это позволеніе князя, я поѣхалъ въ Ораніенбаумъ, но черезъ три дня получилъ отъ В. А. Перовскаго записку съ замѣчаніемъ, что я не имѣю права отлучаться и заставлятъ другихъ работать за себя. Этотъ упрекъ былъ несправедливъ, потому что я одинъ работалъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе секретари канцеляріи вмѣстѣ. Князю очень не понравилась эта выходка; онъ, вѣроятно, обнаружилъ это Перовскому, и преслѣдованія его усилились, такъ что наконецъ я вошелъ съ нимъ въ объясненіе, причемъ высказалъ ему удивленіе, что генераль-адъютантъ рѣшился начать неравный и, слѣдовательно, безславный бой съ 24-лѣтнимъ титулярнымъ совѣтникомъ. Перовскій, по благородству души своей, увидѣлъ мелочность своихъ поступковъ и сталъ оказывать мнѣ самое дружеское расположеніе, даже проводить у меня вечера, когда я былъ боленъ. Разъ я спросилъ его, за что онъ меня преслѣдовалъ. «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ», отвѣчалъ онъ мнѣ въ смущеніи. Между тѣмъ онъ усилилъ атаку на сердце княгини и побѣдилъ его; кажется, онъ въ самомъ дѣлѣ влюбился въ нее, а она полюбила его со всею страстью 35-тилѣтней женщины, но добродѣтельная, «варварскихъ правилъ» (по выраженію ея брата) не обѣщала ему ничего, кромѣ своего сердца. Перовскій готовъ былъ предложить ей свою руку; онъ опасался только, что князь

ему отказалъ бы въ согласіи, что онъ сказалъ бы: «je ne veux pas avoir un batard pour mon beau frère» ¹⁾). Княгиня не опасалась этого; она увѣрена была, что братъ не остановился бы на подобныхъ затрудненіяхъ, но объявила Перовскому, что не пойдетъ за него, потому что слишкомъ его любить, что бракъ его «съ старою вдовою» будетъ смѣшонъ, что онъ не обладаетъ достаточною философіей, чтобы быть равнодушнымъ къ насмѣшкамъ, что она не хочетъ быть причиною его огорченій, и что она умретъ отъ страстной любви, но не отдастъ ему ни руки, ни чести. И она бѣдная умерла отъ любви, даже скептикъ князь Меншиковъ былъ этого мнѣнія. По кончинѣ сестры онъ нашелъ въ ея бумагахъ ея журналъ, котораго каждая страница пылала страстью и обливалась слезами отчаянія; между тѣмъ 15-тилѣтняя дочь ея Nathalie (теперь Соловова) стала уже кокетничать съ Перовскимъ и тѣмъ сводила съ ума свою увядающую мать; у нихъ бывали сцены достойныя сожалѣнія, въ которыхъ мать лишалась своего достоинства, а дочь предвѣщала свою будущность. Князь П. П. Гагаринъ, родной братъ мужа сестры князя Меншикова, бывший тогда обер-прокуроромъ въ московскомъ сенатѣ, давно уже вздыхалъ по своей belle-soeur ²⁾). Послѣ трагической смерти своего брата онъ, какъ опекунъ его дѣтей, перевезъ княгиню въ Москву, «чтобы удобнѣе заниматься опекой» и съ надеждою понравиться вдовѣ. Это ему не удалось, но впослѣдствіи онъ, говорили, обольстилъ младшую племянницу, la princesse Catherine, которая и до сихъ поръ не замужемъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, оставался домъ княгини, и въ Павловскѣ дача ея мужа, на Константиновскомъ пруду. Княгиня просила меня принять эти дома въ мое покровительство; я отдалъ петербургскій домъ внаймы, а дача была такъ ветха, что Гагаринъ назначилъ ее въ продажу. Съ императрицею Маріей Ѳеодоровною Павловскъ лишился своего населенія; о желѣзной дорогѣ не было еще и помысловъ; войскъ тоже не было въ Павловскѣ, который такимъ образомъ представлялъ захолустье, съ группою карточныхъ домиковъ, съ поблекшими украшеніями и прогнившими кровлями. Дача князя Гагарина стала совершенною развалиною; послѣ многихъ напрасныхъ поисковъ нашелся охотникъ купить дачу за 10.000 руб. (ассигн.), полковникъ Мочульскій, и то съ тѣмъ, чтобы ему былъ данъ немедленный отвѣтъ, дабы онъ могъ до осени покрыть строенія новыми крышами. Гагаринъ писалъ мнѣ, чтобы я далъ Мочульскому честное слово, что дача останется за нимъ, и Мочульскій тотчасъ принялся за исправленіе дачи. Когда всѣ крыши были возобновлены и печи переложены, что стоило Мочульскому болѣе 2 тыс. руб., явился Кирѣевскій,

¹⁾ Я не хочу имѣть незаконнорожденнаго своимъ зятемъ.

²⁾ Невѣстка.

предлагавшій за дачу 12 тыс. руб., и Гагаринъ приказалъ продать дачу ему. Я напомнилъ князю честное его слово, на что онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ официальныхъ дѣйствіяхъ честное слово ничего не значить. Я написалъ это княгинѣ, описалъ ей затруднительное свое положеніе и объявилъ ей, что при всемъ желаніи служить ей не могу продолжать сношенія съ опекуномъ, котораго понятія о чести такъ противоположны съ моими. Княгиня прислала мнѣ 2.000 руб. для возвращенія Мочульскому и извиняла своего зятя, однако я не согласился имѣть съ нимъ какое-либо дѣло и прекратилъ съ нимъ сношенія.

Все это происходило въ отсутствіе князя Меншикова. Онъ былъ въ Турціи. По его приѣздѣ, онъ поручилъ мнѣ искать квартиру для сестры; я и нашелъ ее въ домѣ Васильчикова. Князь, посылая меня къ Васильчикову, сказалъ мнѣ: «C'est un imbécile, qui s'enorgueillit d'avoir pour femme une nièce de Kotchoubey (Архарову, внуку Загряжской), il est capable d'être grossier; pour le prévenir, parlez lui en français» ¹⁾. Когда доложили обо мнѣ Васильчикову, онъ вышелъ ко мнѣ съ надменностью чело-
вѣка, который

въ родню былъ толстъ,
но не въ родню былъ простъ,

и сѣлъ на кресла, стоявшія спиною къ окну. Я, sans entendre malice ²⁾, сѣлъ тоже на кресла, рядомъ стоявшія, и съ Васильчиковымъ чуть не сдѣлался параличъ. Онъ покраснѣлъ, смѣшался, всталъ и объявилъ мнѣ, что ему некогда, и чтобы я пришелъ къ нему на другой день въ слѣдующее утро. На другое утро заставилъ онъ меня ждать; я стоялъ въ залѣ, подлѣ его кабинета, котораго двери были открыты; въ зеркалѣ, украшавшемъ простѣнокъ залы, отражалось происходившее въ кабинетѣ. Этотъ вѣроломный домочадецъ показывалъ мнѣ, какъ вельможа садился за письменный столъ, какъ онъ вынималъ изъ ящика бумаги и обкладывалъ ими поверхность стола, дотолѣ чистаго, и какъ камердинеръ уносилъ стулья, стоявшіе близъ этого стола. Когда всѣ эти приготовленія кончились, и вельможа окончательно поставилъ себя въ положеніе «великаго мужа, сидящаго въ углу уединенія» — согласно комплименту, адресуемому великому визирю, — я былъ позванъ и поневолѣ долженъ былъ стоять передъ сидящимъ бояриномъ. Какъ бы то ни было, княгиня приѣхала въ Петербургъ, а это было главное. Въ домѣ Васильчикова жила она только одну зиму. Какая разница въ тогдашнихъ нравахъ и нынѣшнихъ!

¹⁾ Это глупецъ, который гордится, что женатъ на племянницѣ Кочубя, онъ способенъ быть грубымъ; чтобы это предупредить, говорите съ нимъ по-французски.

²⁾ Безъ дурного умысла.

Князь Гагаринъ, богатый и блестящій придворный, принадлежавшій къ высшему обществу, жилъ въ своемъ домѣ, гдѣ съ лѣстницы входили прямо въ столовую, черезъ которую надобно было непременно входить и въ гостиныя и въ кабинетъ. Тутъ обѣдали, тутъ завтракали дѣти. Такого же устройства была квартира княгини и въ домѣ Васильчикова. Теперь вице-директоръ департамента, съ калмыцкимъ рыломъ, вымаливающій въ переднихъ прибавки, пособія, награды, гнушается квартирами, которыхъ столовая не въ сторонѣ, и господинъ Брокъ обѣдаетъ въ столовой, гдѣ графъ Литта угощалъ царскую фамилію; ему сервируютъ на серебря, которое украдено въ казнѣ или выможено у Штиглица. Въ 1830 году князь нанялъ домъ Опочинина на Дворцовой набережной, куда переѣхала и сестра его, и гдѣ я получилъ тоже помѣщеніе очень скромное.

Жизнь въ домѣ Опочинина была едва ли не самымъ счастливымъ періодомъ моей жизни. Мнѣ было 24 года, князю 43 года, княгинѣ Гагариной лѣтъ 35, дочерямъ ея: 16, 14, 12 и 10; все было или молодо, или еще свѣжо. Царь милостивъ къ нашему хозяину; вся атмосфера свѣтлая. Маленькая, но уютная домашняя церковь соединяла всѣхъ обитателей, безъ различія вѣроисповѣданій, въ одну группу, въ большіе праздники. Особенно пріятна была встрѣча Свѣтлаго воскресенья. По третьему выстрѣлу князь Меншиковъ отправлялся во дворецъ, провожаемый толпою веселыхъ молодыхъ лицъ, а мы собирались въ церкви, христосовались съ красавицей-княгиней и ожидали въ гостиныхъ возвращенія князя изъ дворца, любуясь Невою, смотрящею на насъ сквозь флеръ полупрозрачнаго разсвѣта.

Въ галереѣ накрытъ былъ большой столъ съ разговѣнемъ; прислуга обоого пола, предводительствуемая кривоногимъ дворецкимъ Адрианомъ, стояла на заднемъ концѣ съ торжественною почтительностью. Князь пріѣзжалъ веселый, жалъ руки сестрѣ, племянницамъ и намъ, цѣловался съ прислугой и подавалъ своимъ примѣромъ сигналъ къ разговѣню, причемъ министръ, дамы-боярыни, свита князя и его прислуга сливались въ одну христіанскую семью. Какъ все перемѣнилось, и не къ лучшему! И тутъ наука! Философы выработали принципы о человѣкѣ и втискиваютъ въ свои рамки все человѣчество! Благоденствуетъ ли оно, или страдаетъ, все равно, лишь бы принципъ торжествовалъ. Кружокъ нашъ состоялъ далеко не изъ однородныхъ элементовъ. Князь, занятый по преимуществу честолюбіемъ и свѣтскостью, былъ весь приличіе; сестра его княгиня, озабоченная плохими денежными обстоятельствами, сохраняла, однако, веселое расположение духа, начинавшее уже переходить въ мечтательное, подъ влияніемъ *courtoisie* мощнаго, рыцарскаго Перовскаго. Старѣйшій изъ свиты его, дѣйств. ст. сов. Бухало, малороссъ стариннаго

вѣка и чиновникъ старыхъ временъ, честный, но бездарный правитель дѣлъ военнаго совѣта при предсѣдателѣ Лампе, уволенный потомъ за штатъ и взятый кн. Меншиковымъ въ чиновники особыхъ порученій, чтобы спасти его отъ голодной смерти. Бухало писалъ еще букву Д на ножкахъ, принципомъ педагогиче считалъ періодическія розги «хорошимъ—чтобъ не испортились, дурнымъ—чтобы исправились», и думалъ, что говорить по-французски, если ломаетъ русскую рѣчь съ прибавкою слова мадамъ. «А что, мадамъ, хорошъ Нева, а?» говорилъ онъ гувернанткѣ княженъ, и потомъ со смѣхомъ говорилъ княгинѣ: «а я съ мадамой по-французски разговаривалъ». Молодежь трунила надъ старикомъ такъ ловко, что онъ этого не замѣчалъ; мы увѣрили его, что онъ поэтъ, и онъ сталъ писать стихи, которыми хвастался, читая ихъ всѣмъ и каждому съ своимъ малороссійскимъ выговоромъ. Онъ былъ скандализованъ стихами Деларю, въ которыхъ поэтъ увѣрялъ свою возлюбленную, что если бы былъ царь, то отдалъ бы ей царство, если бы былъ Богъ, отдалъ бы вселенную, — и читалъ княгинѣ отвѣтъ Деларю:

Когда ты порокомъ дышешь,
И скверные стихи пишешь,
То ты не Богъ, не царь,
А просто земная тварь,
И не красавицамъ тебя лобзать устами,
А просто, бить тебя батогами.

Всеобщему громкому хохоту вторилъ онъ такимъ же хохотомъ, увѣренный, что всѣ смѣются надъ Деларю. Князь, разумѣется, не давалъ ему никакихъ порученій; на вопросъ его, когда являться на службу, князь отвѣчалъ: «я обѣдаю въ 4 часа, такъ милости прошу въ 50 минутъ четвертаго», а за обѣдомъ отпускалъ ему шуточки и смѣшилъ его, а иногда дѣлалъ вопросы въ родѣ слѣдующаго: «Правда ли, что въ военной коллегіи никогда не было такъ темно, какъ при лампѣ?» За нимъ слѣдовалъ капитанъ 1 ранга Серебряковъ, употребившійся парламентаремъ для переговоровъ по-турецки съ Цифиръ-беемъ, комендантомъ крѣпости Анапы, во время ея осады, армянинъ тѣломъ и душою, выговаривавшій ми вмѣсто мы, били вмѣсто были, и были вмѣсто били. Въ праздники несло отъ него розовымъ масломъ. Потомъ капитанъ 2 ранга Купріяновъ, мастеръ сыпать цѣлый часъ безъ умолку слова, между которыми не было никакой связи; любезничая съ дамами, онъ выступалъ всегда тою же ногою впередъ, волоча за ней другую. На вопросъ княженъ, отчего г. Купріяновъ такъ ходитъ, князь увѣрилъ ихъ, что у К. деревянная нога и что онѣ могутъ въ этомъ удостовѣриться, воткнувъ ему въ ногу булавку. Вѣтреная княжна Софья вздумала сдѣлать опытъ; кольнула его за обѣдомъ булавкой такъ, что Купріяновъ вскочилъ съ крикомъ.

Онъ былъ опытный офицеръ въ дѣлѣ морскихъ съемокъ, и князь держалъ его въ виду экспедиціи для съемки Балтійскаго моря. Васильевъ, адъютантъ изъ черноморскихъ офицеровъ, маленькій, коротенькій, чрезвычайно дѣятельный и чрезвычайно способный, притомъ прекрасный человѣкъ. Дегалетъ, адъютантъ, изъ грековъ, очень красивый собою и не безъ греческой ловкости, но лѣнивый. Князь любилъ его какъ неиспорченнаго юношу, возилъ съ собою на балы, но порученій не давалъ и никогда не награждалъ. Во мнѣ князь видѣлъ тоже неиспорченнаго юношу, но я много работалъ и тѣмъ приобрѣталъ значеніе выше Дегалета, къ горькой его досадѣ. Затѣмъ были еще Бахтинъ, управлявшій отдѣленіемъ въ канцеляріи, но пожелавшій сохранить званіе чиновника особыхъ порученій, и разные флотскіе офицеры, не входившіе въ кругъ ближайшій. Князь занималъ весь домъ Опочинина, кромѣ двухъ комнатъ, въ которыхъ жилъ нѣкто Крупениковъ, побочный сынъ князя Кутузова-Смоленскаго; онъ жилъ бѣдно, однако остался другомъ Кокошкина, бывшаго нѣкогда адъютантомъ князя Кутузова, а въ то время флигель-адъютантомъ и спб. оберъ-полицеймейстеромъ. Крупениковъ рассказывалъ одну исторію, ярко обрисовывавшую тогдашнее время. Является къ нему старикъ-фонарщикъ, одинъ изъ тѣхъ ветерановъ, которые по вечерамъ и утрамъ ходили по улицамъ, съ рогожею на плечахъ, съ лѣстницею на спинѣ и съ кувшиномъ въ рукѣ. Они наливали въ фонари масло, зажигали ихъ и предъ разсвѣтомъ гасили. Фонарщикъ рассказалъ ему, что на инспекторскомъ смотрѣ, на вопросъ инспектора, не имѣетъ ли кто претензій, вышло нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и онъ, и объявили, что они уже давно выслужили 25-лѣтній срокъ и не получаютъ отставки. На другой день стали съѣчь поочередно всѣхъ, которые изъявили претензіи, и завтра очередь его наказанія. «Пощадите старыя мои кости», говорилъ слезно старикъ и просилъ защиты. Крупениковъ въ тотъ же вечеръ объяснился съ Кокошкинымъ, и тѣло фонарщика пощажено. Черезъ нѣсколько дней приходитъ къ нему фонарщикъ съ благодарностью, въ канцелярскомъ смыслѣ слова. Крупениковъ любопытствовалъ узнать, какого размѣра благодарность могъ дать этотъ брошенный судьбою человѣкъ, и спросилъ его, сколько онъ намѣренъ подарить ему. «Извините, ваше благородіе, большаго дать не могу, а принесъ 100 руб., не прогнѣвайтесь!» «Да откуда же у тебя 100 р., когда ты получаешь 34 р. въ годъ жалованья?» — «Ничего-съ! мы люди достаточные, не то бы еще имѣли, если бы не начальство!»

Въ 1830 году князь Меншиковъ вывелъ балтійскій флотъ въ практическое плаваніе подъ своимъ начальствомъ; въ первый разъ развѣвался на гротъ-мачтѣ флагъ начальника главнаго морского штаба его императорскаго величества. Онъ сидѣлъ на 74-пушечномъ кора-

блѣ «Кульмѣ», которымъ командовалъ капитанъ Лазаревъ, Андрей. Штабъ князя былъ многочисленный, начиная отъ контръ-адмирала Мелихова до молодыхъ флагъ-офицеровъ; изъ статскихъ былъ одинъ я. Въ штабѣ его соединялись балтійскіе офицеры съ черноморскими; между обоими флотами былъ всегда антагонизмъ; балтійцы называли черноморцевъ греками; послѣдніе первыхъ луже-плавателями. Главный защитникъ черноморцевъ былъ въ свитѣ князя Мелиховъ—умный, но плутъ, балтійцевъ—Купріяновъ, честный, но дуракъ, или, если не дуракъ, то чудакъ, не умѣвший выразить ни одной мысли; вмѣсто посредственно онъ говорилъ: «не такъ, чтобы такъ, чтобы очень, а такъ!» вмѣсто: какъ хочешь—«коли хочешь, какъ хочешь, а не хочешь какъ хочешь». При такомъ защитникѣ плохо приходилось балтійцамъ, если бы не вступался за нихъ же Лазаревъ (Андрей), да и этотъ бралъ голосомъ и грозно произносимыми: «хмъ! чортъ возьми!» Князь забавлялся и отчасти назидался спорами обоихъ лагерей и нарочно травилъ ихъ другъ на друга. Говорилъ онъ съ ними о морѣ, о парусахъ, о лоціи, не вдаваясь ни въ какія сужденія о политикѣ, объ администраціи, о дворѣ. Я былъ безпрестанно отзываемаъ имъ въ сторону для обмѣна нѣсколькихъ словъ a parte. Я одинъ бывалъ въ его каютѣ съ нимъ наединѣ, иногда по цѣлымъ часамъ; всѣ прочіе приходили къ нему только in cogroge. Штабъ называлъ меня: *Wachtmeister*,—а экипажъ дохтуромъ, потому что я былъ въ форменномъ сюртукѣ безъ эпoletъ. Князь вводилъ тогда черноморскіе сигналы, имъ дополненные и усовершенствованные, и потому на палубѣ почти цѣлый день давали сигналы, ежели не были заняты эволюціями. Эволюціи производились дѣятельно, трудныя и смѣлыя, къ какимъ балтійскія эскадры не привыкли. Одинъ разъ, когда князь приказалъ флоту, идущему въ порядкѣ кораблей, слѣдующихъ другъ другу въ кильватеръ на разстояніи только одного кабельтова, поворотить оверъ-штагъ при довольно слабомъ вѣтрѣ, «Кульмъ» не сумѣлъ поворотить, попытлся назадъ и свалился съ кораблемъ, за нимъ шедшимъ. Они оба, казалось, едва двигались, но, коснувшись, произвели суматоху ужасную; полкормы «Кульма» полетѣло въ море; бугшпритъ другого разсыпался вдребезги, а реи обоихъ сцѣпились и истребляли другъ друга. Серебряковъ только что воротился съ береговъ Абхазіи; онъ, снявъ мундиръ, спалъ крѣпко въ своей каютѣ. Проснувшись отъ треска, видитъ бортъ съ орудіемъ, глядящимъ въ портъ каюты; полуочнувшись, схватилъ онъ саблю и въ рубашкѣ съ саблею въ рукахъ выскочилъ на палубу; онъ думалъ, что это абордажъ турецкаго корабля. Общій хохотъ!

Флотскіе офицеры играли вообще жалкую роль въ обществѣ; ко двору ихъ не приглашали, да и въ частныхъ гостиныхъ Петербурга ихъ не встрѣчалось. Они веселились по-своему въ своемъ

кронштадтскомъ кружкѣ. Кампанія 1830 года дала имъ другое значеніе, князь приглашалъ ихъ къ себѣ, и когда бывали приглашенія гвардіи ко двору, князь испрашивалъ соизволенія государя приглашать и флотскихъ офицеровъ. Флотъ не на уровнѣ съ гвардіей, но какъ государь жилъ лѣтомъ въ Петергофѣ, *soi-disant* морскомъ портѣ, то князь Меншиковъ подъ этимъ предлогомъ и ввелъ флотъ въ струю гвардіи. Въ то время были уже и флигель-адъютанты изъ моряковъ, двое: графъ Гейденъ въ награду за наваринскіе подвиги отца, и Казарскій, командиръ прославившагося брига «Меркурій».

Въ ту же осень оберъ-священникъ арміи и флота представилъ начальнику морского штаба, что послѣ Наваринскаго сраженія увидѣли на водахъ плавающій образъ Богоматери; что этотъ образъ, чудотворно явившійся, очевидно, служилъ покровомъ нашего флота, и что потому синодъ разрѣшилъ открыть по флоту подписку на сооруженіе, въ честь этого образа, храма Божьей Матери Одигитрии. Князь просилъ предъявить и самый образъ. Оказалось, что онъ принадлежалъ титулярному совѣтнику Бѣлковскому, интендантскому чиновнику, плававшему на корветѣ «Иезекиль»; что неприятельское ядро снесло галерею кормовую, въ которой помѣщался Бѣлковскій, и что при этомъ какъ всѣ его вещи, такъ и этотъ образъ упали въ море. Князь Меншиковъ сообщилъ это синоду и разрушилъ мнимое чудо.

Рельефное положеніе мое во время практической кампаніи балтійскаго флота устремило на меня взоры флотскаго генералитета; многіе старались со мной сблизиться и приглашали меня къ себѣ, но я уже изъ первыхъ бесѣдъ съ адмиралами, говорившими только о службѣ своей и своихъ сверстниковъ, догадался, что они ищутъ во мнѣ проводника ихъ голоса, и избѣгалъ знакомствъ. Познакомился только съ простымъ, полуграмотнымъ дежурнымъ генераломъ Ратмановымъ, у котораго было почтенное семейство, съ полковникомъ Берхомъ, писателемъ, побочнымъ сыномъ какой-то тетки князя Меншикова, и адмираломъ Огильви, шотландцемъ, плохо говорящимъ по-русски, очень хорошимъ, неискательнымъ старикомъ. Въ томъ, что я не знакомился съ заискивавшими во мнѣ морскими тюленями, я никогда не раскаивался, но упрекалъ себя впослѣдствіи въ томъ, что не искалъ знакомства съ лучшею частью флота, съ тѣми именно лицами, которыя, оказывая мнѣ привѣтливость, не унижали себя до искательства, съ графомъ Гейденомъ, Головиннымъ, Крузенштерномъ, особенно съ послѣднимъ, человекомъ почтеннымъ и въ семействѣ котораго собиралось честное и просвѣщенное общество. Причиною этого были преимущественно моя личная застѣнчивость и какое-то нерасположеніе князя Меншикова къ этимъ лицамъ. Князь понималъ съ самаго начала, что назначеніе его начальникомъ морскихъ

силъ не могло нравиться старымъ морякамъ, которые дотолѣ составляли какъ бы отдѣльное государство, въ которое никто не вмѣшивался. Это назначеніе, поставившее Моллера на второй планъ, должно было, по его мнѣнію, вооружить противъ него нѣмецкую партію, которая имѣла другого кандидата, графа Гейдена, если не считать Моллера. Ссора его съ Грейгомъ могла возбудить неприязнь къ нему людей, близкихъ Грейгу, и эти люди принадлежали именно къ просвѣщенному кружку флота. Такъ объясняю я себѣ это странное нерасположеніе, хотя всѣ тѣ предположенія, исходившія изъ настроеній человѣка столь честолюбиваго и подозрительнаго, какъ князь Меншиковъ, были гораздо болѣе соответственны съ тѣмъ, что самъ князь ощущалъ бы при равныхъ условіяхъ, чѣмъ съ дѣйствительностью. Изъясненіе это сдѣлалъ я уже позже, а въ то время, считая князя непогрѣшительнымъ и безупречнымъ, смотрѣвъ его глазами и мысливъ его мыслями,—я шелъ безсознательно въ его кильватеръ тѣломъ и душою... *Si jeunesse savait!*¹⁾.

VI.

Квартира князя Меншикова.—Посѣщеніе князя государемъ.—Мое невольное присутствіе при ихъ разговорѣ.—Визиты сановниковъ.—Вилье.—Танѣвъ и Бехтѣвъ.—Адмиралъ Пустошкинъ.—Норовъ.—Начальствующія лица во флотѣ.—Знакомство съ графомъ Бенкендорфомъ.—Порученіе написать для него дѣловую бумагу.—Свучная жизнь въ Петергофѣ.—Строгія мѣры вслѣдствіе холеры.—Бунинъ.—Майоръ Ивановъ.—Расположеніе къ нему государя.—Дядька великаго князя Константина Николаевича Римскій-Корсаковъ.—Его неудавшійся десантъ.—Сцена съ государемъ.—Замѣна Римскаго-Корсакова Ивановымъ.

По программѣ князя Меншикова я приготовилъ къ пріѣзду его въ Петербургъ квартиру очень скромную: двухъэтажный маленькій домъ Миллера (послѣ Персона) на канавѣ, у Краснаго моста. По фасаду было 4 небольшихъ комнаты въ рядѣ, изъ которыхъ 3 по одну сторону лѣстницы, и одна по другую: въ этой поселился я. Первая изъ комнатъ князя была сквозная, имѣющая два окна на набережную и супротивныя два окна на дворъ; комната разгорожена была поперекъ поставленными сосновыми полками съ книгами; за этой перегородкой, доходившей только до двухъ третей ширины комнаты, стоялъ письменный столъ, за которымъ я работалъ, или писарь переписывалъ бумаги не канцелярскаго издѣлія. Передней не было; моя комната отдѣлялась отъ другихъ небольшою площадкой, на которой могли бы помѣститься просторно трое или четверо, стоя. Изъ первой комнаты князя вели въ другія—двѣ двери: одна, близъ фасаднаго окна, вела въ кабинетъ князя, въ которомъ самую видную мебель составлялъ боль-

¹⁾ Если бы молодымъ опытности!

шой высокій столъ сосновый подъ черною краскою,—съ доской, укрѣпленной на половинѣ высоты ножекъ; князь работаль стоя, или прислонялся на высокій табуретъ, какъ въ банкирскихъ конторахъ; другая дверь, близъ надворнаго окна, вела въ столовую. За кабинетомъ была комнатка, съ турецкимъ диваномъ, съ развѣшенными по стѣнамъ портретами генераловъ, въ числѣ которыхъ помню Чернышева и Левашова. Гдѣ именно была спальная князя, не помню, въ темномъ ли покоѣ домоваго угла, или въ надворной пристройкѣ, въ которой жили еще адъютантъ князя, молодой, очень красивый грекъ мичманъ Дегалетъ и необтесанный, прислѣповатый малороссъ, армейскій лекаръ Баршацкій; внизу жили люди князя и была кухня.

Черезъ нѣсколько часовъ по приѣздѣ князя приѣхаль къ нему государь; я занимался въ первой комнатѣ, за книжными шкапами, и оставался тамъ по докладѣ о государѣ, рассчитывая, что онъ тотчасъ пройдетъ въ кабинетъ, и что тогда я успѣю пройти въ свою комнату, не встрѣтясь съ нимъ,—но я ошибся въ расчетѣ. Въ то время, какъ государь входилъ въ первую комнату, князь на двухъ костыляхъ входилъ въ нее же изъ кабинета, такъ что они встрѣтились на половинѣ первой комнаты.

— Вотъ онъ, вотъ онъ, мой любезный, мой дорогой князь!—закричалъ государь своимъ мягкозвучнымъ, громаднымъ голосомъ, обнимая и цѣлуя князя. — Садись, садись поскорѣе, любезный герой мой, я тебѣ помогу,—и повелъ его на старый рыночный диванъ, стоявшій въ промежности двухъ фасадныхъ оконъ.

Князь просилъ государя пройти далѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ,—ты устанешь!

— Государь, я хожу безъ затрудненія, это—передняя; тутъ неловко.

— Благо ты сидишь,—и довольно.

Таковъ былъ привѣтъ того же государя тому же генералу, который смѣнялся имъ же въ 1854 г. по неспособности.

Я очутился заарестованнымъ и, что еще хуже, невольнымъ подслушивателемъ царскаго разговора. Мнѣ было уже около 24-хъ лѣтъ, но я былъ такъ неопытенъ въ политикѣ жизни, что не догадался тотчасъ выйти. Государь спросилъ князя о состояніи раны; она, чрезъ 14 мѣсяцевъ, была еще 5 вершковъ длины и въ широкомъ мѣстѣ до $2\frac{1}{2}$ вершковъ ширины, не выполняясь; по ложному направленію, принятому растительною силою жизни,—воспроизведеніе пошло вверхъ; вмѣсто выполнения природа утолщала только здоровые края раны. Потомъ государь замѣтилъ, что князь слишкомъ тѣсно помѣщенъ. «Для меня довольно», отвѣчалъ князь. Потомъ опять государь возвратился къ этому предмету, находя, что князь живетъ слишкомъ просто.

— Я всегда такъ жилъ, государь,—было отвѣтомъ.

Наконецъ государь сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Слава Богу, что ты приѣхалъ; не можешь вообразить, въ какомъ я положеніи; не съ кѣмъ посовѣтоваться,—и сталъ перечислять людей съ прибавленіемъ весьма некрасивыхъ эпитетовъ.

Каждое слово государя отзывалось во мнѣ, какъ ударъ ножа. Какъ будто завѣса спала съ глазъ моихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я понималъ, что мое положеніе становилось съ каждою секундою фальшивѣе и опаснѣе,—но когда государь, дойдя, если не измѣняетъ мнѣ память, до Чернышева, назвалъ его скотиной,—тогда я рѣшился сдѣлать *salto mortale*, пошелъ свободнымъ шагомъ въ дверь, ведущую въ столовую, выставляя себя подъ выстрѣлъ императорскаго взора на той трети ширины комнаты, которая не заслонялась перегородкою. Слышалъ вопросъ: «кто это», но не слышалъ отвѣта, и, очутясь въ столовой, долго ощупывалъ себя, живъ ли я. Прежде отъѣзда государь пошелъ или, вѣрнѣе, проводилъ князя въ его кабинетъ; видя за кабинетомъ отворенную маленькую комнату, въ которой были развѣшены портреты, онъ спросилъ:

— Что у тебя тамъ?

— Государь, эта комната составляетъ у меня портретную галерею кровныхъ жеребцовъ.

Прошли туда, и изъ столовой слышался громкій, откровенный смѣхъ государя, раздававшійся, какъ мелодичный звонъ серебрянаго щита.

Чрезъ 10 минутъ по приѣздѣ государя мостовая набережной оглушилась неумолкаемымъ стукомъ подѣзжавшихъ и отъѣзжавшихъ каретъ. Великіе сановники, слыша съ площадки, что государь въ передней комнатѣ, поступили умнѣе меня; они тотчасъ спускались внизъ, и гдѣ ожидали, не знаю; сѣней внизу нѣтъ; вѣроятно, въ швейцарской, чтобы не сказать въ людской. Какъ только государь уѣхалъ, нахлынула блестящая толпа, а я опять прошелъ къ своему письменному столу и сквозь промежутокъ двухъ книжныхъ полокъ смотрѣлъ на эту группу, проходившую въ кабинетъ. Какое неизъяснимое чувство проникало меня при лицезрѣніи особъ, не подозрѣвавшихъ, какими эпитетами онѣ были за минуту предъ тѣмъ облечены изъ высочайшихъ устъ. Какія лобзанія, какія изъясненія радости и сочувствія тутъ происходили! Назидательныя сцены!

Уморительныя фигуры попадались подчасъ въ этихъ убогихъ покояхъ. Старикъ Вилье, т. е. Уайли (Wylie), хвостунъ и лгунъ до идиотизма и разсѣянъ до кретинизма.—«А! г-нъ Бахтинъ!» говорилъ онъ мнѣ всякій день, встрѣчая меня, несмотря на то, что онъ зналъ Бахтина уже два года, и что я всякій день повторялъ ему: «Фишеръ». Тутъ же я видѣлъ въ первый разъ Танѣева и Бехтѣева, только что сочинившихъ положеніе о гражданскихъ

мундирахъ. А. А. Перовскій (хромой) подошелъ къ нимъ съ выраженіемъ своего удивленія къ многосторонности ихъ ума: два элемента даны имъ только, цвѣтъ воротника и узоръ шитья, и изъ этихъ двухъ простыхъ элементовъ надо было произвести созданіе съ многочисленными вѣтвями и дать каждой вѣтви особый признакъ. Танѣевъ, казалось, сконфузился, а Бехтѣевъ нашелъ, что для этого нуженъ не столько умъ, сколько «особый даръ». Потомъ приѣзжалъ старый 80-лѣтній адмиралъ Сем. Аѳ. Пустошкинъ. Онъ приѣхалъ благодарить князя за милость, оказанную прадедомъ князя его отцу. «Не поздно ли?» спросилъ князь. Пустошкинъ оправдывался тѣмъ, что самъ недавно узналъ объ этомъ случаѣ, рассказанномъ въ бумагахъ, которыя онъ нашелъ у старшаго брата, недавно умершаго. Въ чемъ же состояла эта милость? При спускѣ корабля одна изъ подпорокъ упала на корабельнаго мастера, Аванасья Пустошкина, и переломила ему ногу; князь Меншиковъ, увидя это, закричалъ: «Возьмите Аванасю ко мнѣ во дворъ». Князь Меншиковъ былъ большой мастеръ отгадывать, кто и о чемъ именно собирался просить его. Разъ доложили ему о приѣздѣ А. С. Норова (впослѣдствіи министра нар. просв.).

— Зачѣмъ бы онъ приѣхалъ?—пробормоталъ князь.—А, знаю, вѣрно проситься въ директора д-та корабельныхъ лѣсовъ. Просить!

Послѣ долгаго, ловкаго предисловія, Норовъ вдругъ замѣтилъ: «Какія странныя бывають въ жизни сближенія! Я, напримѣръ, лишился ноги подъ Бородинымъ, а потомъ заготовлялъ корабельный лѣсъ для корабля «Бородино»!—Тутъ князь вспомнилъ, что у него какое-то очень нужное дѣло, и Норовъ уѣхалъ, не успѣвъ вывести мораль изъ рассказаннаго сближенія.

Какіе элементы нашелъ князь Меншиковъ, вступивъ въ управленіе морскою частью. Изъ военныхъ флотскихъ чиновъ представляли интеллигенцію флота адмиралы: И. Ѳ. Крузенштернъ, Ф. М. Врангель и В. М. Головинъ, всѣ трое люди умные, просвѣщенные, и еще болѣе — имѣвшіе европейскую извѣстность; но употребляло ихъ правительство вовсе не какъ интеллигенцію. Крузенштернъ былъ директоромъ морского кадетскаго корпуса, въ званіи, которое могло требовать его качествъ, но, по нашимъ обрядамъ, онъ былъ такъ заваленъ экономической частью, отчетностью, отпискою, что едва имѣлъ время сдѣлать то, что могъ бы, тѣмъ болѣе, что ему трудно было видѣться даже съ княземъ Меншиковымъ, гораздо труднѣе, чѣмъ помощнику его, глупому Качалову, которому поручена была фронтовая часть, тогдашняя формула для интеллигенціи флота. Мнѣ неизвѣстна вблизи дѣятельность Крузенштерна по этой части, но во всякомъ случаѣ онъ поставленъ былъ не такъ, какъ надлежало бы поставить знаменитаго путешественника, и—какъ говорили — необыкновенно добраго и благороднаго человѣка. Предмѣстникъ князя, Моллеръ, не дѣлалъ ему вреда, но

не дѣлалъ и добра, потому что—ничего не дѣлалъ. Моллеръ былъ добрый хозяинъ у себя и добрый мужъ, и только. Жена Моллера любила говорить о флотѣ, но всегда путала термины.—«Wie heist es doch, pyrographie oder teleskopie?»¹⁾—Меншиковъ находилъ, что ему некогда заниматься профессорствомъ, и потому избѣгалъ частныхъ свиданій съ Крузенштерномъ, а штабъ князя не умѣлъ иначе цѣнить ничего, кромѣ маршировки передъ фронтомъ. Между тѣмъ Меншиковъ любилъ просвѣщеніе и презиралъ невѣждъ; но онъ самъ былъ поглощаемъ требованіями, не имѣющими ничего общаго съ интеллигенціею, что было естественно для болѣе придворнаго человѣка, чѣмъ министра. Если бы Крузенштерна сдѣлали генераль-гидрографомъ, съ подчиненіемъ ему морского корпуса по научной части, какъ нѣкогда корпусъ колоновожатыхъ руководился генераль-квартирмейстеромъ, то онъ былъ бы и полезнѣе и почетнѣе; но не онъ одинъ былъ въ подобномъ положеніи.

Врангель поѣхалъ начальникомъ американскихъ колоній—званіе, требующее просвѣщенія, но на это поставила его частная компанія, а въ адмиралтействѣ онъ ничего не значилъ. Головинъ былъ генераль-интендантомъ, гдѣ тоже интеллигенція была совершенною роскошью. Боевыхъ флагмановъ представляли: Кронъ, Рожновъ, графъ Гейденъ; первый, 80-лѣтній старикъ, не говорившій и не понимавшій по-русски; Рожновъ замѣнилъ Моллера въ Кронштадтѣ, какъ главный командиръ порта, никогда не командующій флотомъ. Графа Гейдена, героя наваринскаго, человѣка умнаго, образованнаго и храбраго, не было тогда здѣсь. О мужествѣ Грейга моряки рассказывали сомнительно. Затѣмъ былъ еще М. П. Лазаревъ, но это была въ то время восходящая звѣзда. Словомъ, главнокомандующаго флотомъ не было. Весь остальной генералитетъ представлялъ не только жалкій, но и карикатурный составъ. Адмиралы Галль и Суцовъ—такой грубости и невѣжества, какихъ никогда не случалось мнѣ болѣе встрѣтить. «Степка!» кричалъ Суцовъ денщику своему, когда князь Меншиковъ общалъ пить у него на кораблѣ чай: «вычисти самоваръ. Князь будетъ! Онъ не любитъ грязныхъ самоваровъ!» Гамильтонъ—совершенный идиотъ, не знавшій, что дѣлается въ его командѣ и всегда невпопадъ вмѣшивавшійся въ разговоръ. Командуя дивизию, онъ сѣлъ на корабль, на которомъ былъ и государь со свитою. Командира корабля звали Папаегоровъ. Гамильтонъ спрашиваетъ у Чернышева: «А какъ зовутъ капитана?»—«Я слышалъ: Папаегоровъ».—«О, нѣтъ, это шутка князя Меншикова!» Ратмановъ, дежурный генераль, называлъ рипельевскій лицей рѣшетилевскимъ. Колзаковъ, его преемникъ, не ставилъ нигдѣ знаковъ препинанія, но послѣ того, какъ Меншиковъ замѣтилъ ему

¹⁾ Какъ же это называется, пирографъ, или телескафъ.

это шутя, онъ сталъ ставить точку послѣ каждаго слова. Съ такими сослуживцами надо было поднять флотъ. Въ то время, я сожалѣлъ о Меншиковѣ. Впослѣдствіи, видѣлъ однако, что онъ могъ бы распорядиться иначе; отъ него зависѣло дать Крузенштерну и Врангелю положеніе, болѣе свойственное заслугамъ, сдѣлать графа Гейдена командующимъ флагманомъ, присвоить Головнину вѣсъ въ адмиралтействъ-совѣтѣ и не назначать Галла председателемъ этого совѣта; но въ немъ соединяются странныя противорѣчія: строгій судья ума, ищущій безпристрастныхъ дѣйствій по службѣ, онъ часто отъявленныхъ дураковъ считалъ за способныхъ, или выбиралъ себѣ въ повѣренные людей совершенно неуважительныхъ, которые сообщали ему *in petto*¹⁾ свѣдѣнія лживыя и такимъ образомъ вводили его въ поступки, противныя его правиламъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, князь видѣлъ во мнѣ того же юношу, какого встрѣтилъ у князя Гагарина; что я писалъ вѣрно подѣ диктовку, или правильно редижировалъ пустое письмо, — это ставилось мнѣ въ подвигъ, о серьезномъ же порученіи не было и рѣчи. Первое данное мнѣ порученіе состояло въ томъ, чтобы я узналъ, за какую сумму продалъ бы свой домъ баронъ Ралль, обанкротившійся банкиръ. Ралль былъ извѣстная личность. Во время оно давалъ онъ великолѣпныя балы, на которые съѣзжалось полгорода; тогда у него было много друзей; потомъ, когда дѣла его стали запутываться, общество охладѣло; наконецъ, когда стали продавать его имѣнія, всѣ его забыли; это и дало ему въ прозвище три чина: *ami-gal*, *géné-gal* и *sarot-gal*²⁾. Гордый, вспыльчивый баронъ пришелъ отъ неудачъ и отъ вѣроломства свѣта въ такое раздражительное состояніе, что жизнь присутствовавшихъ бывала въ опасности; сыновья его бѣжали изъ дому, и въ городѣ ходили анекдоты о подвигахъ его изступленія. Къ этому господину послалъ меня князь. Я высказалъ барону свое порученіе. По первому слову его отвѣта раздалась въ сосѣдней комнатѣ великолѣпная прелюдія на фортепіано, за которою послѣдовала очаровательная музыка; я заслушался. Взоры мои устремлены были на большіе, черные, пылающіе глаза огромнаго барона съ львиною головою, а слухъ былъ занятъ въ другой комнатѣ. Громкое: «*Eh bien, monsieur, c'est tout*»³⁾ разбудило меня, — и тутъ только созналъ я, что не слышалъ ни одного слова. Сказать это бѣшеному барону я никакъ не рѣшился бы, поклонился и ушелъ, проклиная сирену (дочь Ралля — теперь m-me Брюлло), меня увлекшую. Пришлось сказать князю правду, — а она не поощряла его

1) Втайнѣ.

2) Адмиралъ, генералъ и капралъ.

3) Ну, сударь, это все!

къ порученію мнѣ дѣлать серьезныхъ. Я сталъ ходить въ канцелярію, пока князь не объявилъ мнѣ, что я хожу туда совершенно напрасно. Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ, князь переѣхалъ въ домъ болѣе просторный,—Опочинина, у Гагаринской пристани, и вызвалъ изъ Москвы сестру свою Гагарину. Дочки ея подросли, похорошѣли: княжна Татьяна—простенькая; Софья (потомъ Анненкова, потомъ Суза-Ботелло)—златовласая рѣзвущка; Наталья (Соловава)—красавица тяжелая, холодная, съ большими ногами. Мать ихъ была лучше ихъ всѣхъ, и мы всѣ въ нее влюбились: Перовскій, Дегалетъ и я. Это время было самое счастливое въ моей жизни; съ утра до вечера между барышнями, балагурили съ княжнами, вздыхали по княгинѣ, отличены по службѣ, беззаботны жизнью. Лѣтомъ отправлялись мы, Дегалетъ и я, гостить у княгини въ Ораніенбаумѣ (она жила во дворцѣ) недѣли на двѣ,—и не чувствовали земли подъ ногами. Перовскій, ревнивый, какъ тигръ, и, можетъ быть, завидуя, что ему самому нельзя жить въ Ораніенбаумѣ, написалъ мнѣ записку, въ которой укорялъ меня за то, что я не бываю въ канцелярії и заставляю другихъ работать за себя. Я обидѣлся, понесъ эту записку къ князю и просилъ его дать мнѣ какой-нибудь документъ, удостовѣряющій, что я не бываю въ должности по его волѣ. Князь тотчасъ назначилъ меня къ себѣ чиновникомъ для особыхъ порученій, и такъ я внезапно повысился. Съ тѣхъ поръ я бывалъ у него постоянно. Какъ быстра его сила соображенія, такъ неловко перо его; случалось, что, диктуя мнѣ, онъ расхаживалъ 10 минутъ, пока находилъ нужное ему выраженіе. Одинъ разъ случилось, что онъ рѣшительно не находилъ словъ для выраженія того тонкаго оттѣнка, какой онъ любилъ давать своимъ мыслямъ. Онъ сказалъ мнѣ: «не знаю, какъ бы выразить такую-то мысль». Случилось, что выраженіе подвернулось мнѣ немедленно. Послѣ того онъ уже чаще дѣлалъ мнѣ подобные вопросы, и мнѣ часто удавалось разрѣшать ихъ удовлетворительно. Тогда я сдѣлался ему нуженъ, а потомъ и необходимъ, какъ секретарь, и мало-по-малу я замѣнилъ Бахтина, который управлялъ отдѣленіемъ канцелеріи и потомъ уже, послѣ ссоры съ Перовскимъ, возвратился къ службѣ чиновника для особыхъ порученій.

Въ 1831 году открылась холера въ первый разъ. Коварство ея нападенія, энергія ея дѣйствія и страшная форма смерти, ея причиняемой, наводили неизъяснимый ужасъ. Прилипчивость ея не была еще оспариваема медиками, одними—по убѣжденію, другими—по внушенію крупной торговли,—и государь рѣшился переѣхать съ семействомъ въ Петергофъ, оцѣнивъ его двойнымъ военнымъ кордономъ съ заряженными ружьями. Въ Петергофъ назначены были 2 или 3 генераль-адъютанта и столько же флигель-адъютантовъ, 2 фрейлины (Урусова и Росеттъ), начальники обоихъ глав-

ных штабовъ съ однимъ секретаремъ, однимъ писаремъ и однимъ адъютантомъ, да шефъ жандармовъ. При Чернышевѣ былъ Позенъ, при Бенкендорфѣ Дубельтъ и еще какой-то толстый статскій съ широкою Анною на шеѣ,—а князь Меншиковъ взялъ Дегалета и меня. Здѣсь я поневолѣ сдѣлался *factotum*¹⁾. Въ особенности занятъ я былъ редактированіемъ бумагъ, на которое князь былъ очень прихотливъ. Шестъ лѣтъ сряду продолжалась эта работа; вечеромъ откладывалъ князь бумаги, присланныя изъ разныхъ департаментовъ къ его подписанію,—и отдавалъ ихъ мнѣ для передѣлки,—или, объясняя непонятую мысль, или приказывая «сказать то же, но иначе». На вопросъ, однажды сдѣланный, скоро ли нужны бумаги (ихъ была цѣлая кипа), князь отвѣчалъ: «*Vous avez toute la nuit devant vous, comme disait Napoléon à Berthier*»²⁾—и я принялъ это къ исполненію; работалъ до 4 и 5 часовъ, отдавалъ бумаги писарямъ, а самъ ложился до 9 часовъ утра, чтобы въ 10 часовъ нести работу къ князю. Но не одна такая работа оставалась за мной послѣ одного случая. Князь отдалъ мнѣ записку по тарифу и сказалъ, что, когда будетъ ему время, онъ займется этимъ вопросомъ и продиктуетъ мнѣ свое мнѣніе. Я попробовалъ написать свое, но не смѣлъ показать его, чтобы не осрамиться. Наконецъ, однако, рѣшился сказать князю, что я кое-что написалъ,—и сказалъ это очень несмѣло. Радость моя была неизъяснима, когда Меншиковъ отозвался, что онъ ничего не можетъ ни прибавить, ни убавить, и, подписавъ мое мнѣніе, послалъ его въ государственный совѣтъ. Случай этотъ имѣлъ важныя для меня послѣдствія; съ одной стороны, онъ показалъ Меншикову, что я умѣю не только писать, но и разсуждать, съ другой—далъ мнѣ самому удостовѣреніе, что то, что мнѣ кажется въ моемъ трудѣ хорошо, можетъ быть дѣйствительно хорошо. Это дало мнѣ апломбъ.

Скоро я познакомился съ графомъ Бенкендорфомъ. Пока мы оцѣплялись въ Петергофѣ отъ холеры, умиралъ отъ той же болѣзни въ царствѣ Польскомъ изгнанный изъ Варшавы великій князь Константинъ Павловичъ. Получивъ извѣстіе о смерти брата, государь послалъ Бенкендорфа сопровождать его тѣло, а этотъ отправилъ туда предварительно начальника своего штаба полковника Дубельта, оставшись въ Петергофѣ одинъ съ толстымъ аннинскимъ кавалеромъ. Этотъ кавалеръ пришелъ ко мнѣ отъ имени Бенкендорфа просить пожаловать къ графу въ особенное одолженіе его сіятельству. Графъ попросилъ меня написать Дубельту, чтобы онъ ждалъ его съ коляской не тамъ, гдѣ прежде было условлено, а въ другомъ мѣстѣ: въ этомъ заключалось то важное

1) Всѣмъ завѣдывающій.

2) У васъ цѣлая ночь впереди, какъ говорилъ Наполеонъ Бертье.

порученіе, котораго не могъ исполнить толстый чиновникъ съ Анною на шеѣ. Когда я прочиталъ написанную мною бумагу, Бенкендорфъ разсыпался въ благодарностяхъ, а потомъ поздравлялъ князя Меншикова *pour la plume qu'il avait en son secrétaire*¹⁾. Это оттого, что у насъ въ то время считалось еще великою мудростью написать дѣловую бумагу; студентъ, магистръ, оспаривающій самонадѣянно догматы науки, трепеталъ передъ первымъ порученіемъ написать отношеніе; Бенкендорфъ, Чернышевъ, писавшіе мастерски французскія письма и депеши, признавали себя несостоятельными написать офиціальныя приказъ,—и книга Магницкаго о дѣловомъ слогѣ считалась произведеніемъ достойнымъ почетнаго мѣста между классическими твореніями. Когда и у меня завелись подчиненные, образованіемъ выше кантонистовъ, и они приходили въ смущеніе, когда я давалъ имъ порученіе написать отношеніе. Посидѣвъ съ перомъ въ рукахъ, они приходили ко мнѣ съ сознаніемъ, что не знаютъ, какъ начать, или какой дать оборотъ. «Поняли ли вы меня?—спрашивалъ я этихъ новичковъ:—если поняли,—повторите, что я вамъ приказалъ». Когда они вѣрно повторяли сказанное, я говорилъ имъ: «такъ и напишите», и видѣлъ на лицѣ ихъ сомнѣніе. «Это будетъ не по формѣ», заявляли они, и большого стоило труда убѣдить ихъ, что нуженъ смыслъ, а не форма. За это вольнодумство были на меня даже жалобы. Въмѣсто того, чтобы писать на разукрашенномъ листѣ: «На отношеніе за № _____ честь имѣю увѣдомить, что оно мною получено и принято къ свѣдѣнію», я велѣлъ напечатать *in 4°*: «Отношеніе за № _____ такимъ-то въ департаментѣ ж. дор. получено». На этихъ печатныхъ бланкахъ проставлялся перомъ номеръ и надписывался адресъ. Однако какой-то департаментъ нашелъ, что я отступаю отъ законной формы и не соблюдаю установленнаго приличія.

Не знаю, веселился ли дворъ, живя въ Петергофѣ,—но много шевелился. Мнѣ было до крайности скучно. Князь Меншиковъ былъ почти цѣлый день въ движеніи, то у государя въ петергофскомъ дворцѣ, то у него въ Александріи, то на разводѣ или на катерѣ, то въ коляскѣ или линейкѣ ѣдущимъ куда-то; то же самое дѣлали всѣ придворные. Не принадлежа ко двору, я не участвовалъ въ этихъ колдоватныхъ движеніяхъ, но не могъ и отлучаться далеко, потому что государь давалъ неожиданно приказанія; бумаги отправлялись въ Петербургъ два раза въ день,—а я при князѣ былъ одинъ и составлялъ съ писаремъ всю его канцелярію. Гораздо менѣе занятый дѣломъ, чѣмъ въ ожиданіи дѣла, я бродилъ по одинокимъ, грустнымъ аллеямъ Нижняго сада или сидѣлъ въ *Monplaisir* на берегу моря, предаваясь мыслямъ о своемъ

¹⁾ Съ дѣловымъ человѣкомъ, котораго онъ имѣлъ въ лицѣ своего секретаря.

ничтожествѣ и своемъ одиночествѣ. Въ 7 верстахъ отъ Петергофа жила княгиня Гагарина, прекрасная, милая, добрая, въ ораніенбаумскомъ дворцѣ, принадлежавшемъ нѣкогда ея прадѣду и на которомъ сохранилась еще его княжеская корона; въ 2 верстахъ по другую сторону жила двоюродная сестра моя, но кордонъ отдѣлялъ меня отъ нихъ строже, чѣмъ разстояніе нѣсколькихъ сотъ верстъ, особенно со стороны Петербурга; тутъ Петергофъ охранялся военнымъ кордономъ на военномъ положеніи; со стороны же Петергофа линія шла подлѣ собственной дачи, на половинѣ дороги между Ораніенбаумомъ и Петергофомъ, и охранялась только пикетами; на шоссе былъ шлагбаумъ со сторожемъ или часовымъ, а инспекторомъ этого пункта былъ Бунинъ, владѣлецъ ближайшей дачи. Отставной давнымъ-давно морякъ, дряхлый, съ трясущею головою, Бунинъ такъ гордился порученіемъ, на него возложеннымъ, «охранять царскую фамилію», что сидѣлъ съ утра до вечера у шлагбаума. Къ этому шлагбауму подходила изъ Ораніенбаума княгиня съ княжнами, безпокоющаяся о братѣ и скучающая въ захолустьи, — и подходили мы, Дегалетъ и я, — сначала останавливаясь другъ отъ друга въ отдаленіи, а потомъ придвигаясь со дня на день ближе къ линіи, которую мы и обратили наконецъ въ геометрическую. Во время сильнѣйшаго дѣйствія холеры государь усугубилъ мѣры осторожности въ оцѣпленномъ Петергофѣ; во время обѣда въ *Monplaisir* онъ взялъ блюдо съ фруктами, стоявшее на столѣ, и бросилъ его въ море, объявивъ, что это сигналъ, по которому впредь никто изъ приближающихся къ нему не смѣетъ вкушать фрукты. Все богатство царскихъ оранжерей осталось вдругъ безъ употребленія и сбыта, и потому мы, Дегалетъ и я, располагали этимъ сокровищемъ въ большихъ размѣрахъ. Мы набивали себѣ карманы вишнями, персиками, абрикосами и съ этимъ придаткомъ были *terque quaterque beati*¹⁾ передъ глазами княженъ, но Бунинъ рѣшительно воспротивился такому соприкосновенію. Сначала мы его надували, дѣйствуя на слабья его струны. Дача его и жена его были очень красивы.

— Чья это дача?—спрашивали мы.

— Это моя дача!

— Какая красавица! — восклицали мы при видѣ дамы, гулявшей въ его саду.

— Это моя жена! — говорилъ старикъ, тряся головой. Растроганный нашими восторгами, онъ устремлялъ съ любовью взоры на свою дачу или на свою жену, а въ это время мы дѣятельно перегружали фрукты изъ нашихъ кармановъ въ карманы княженъ; наконецъ, Бунинъ догадался и, не достигнувъ у насъ повинovenія, говорилъ о томъ нѣсколько разъ князю Меншикову, — тоже

¹⁾ Трижды, четырежды блаженны.

безполезно. Бунинъ рѣшилъ наконецъ серьезно спросить у князя, что онъ посоветуетъ ему сдѣлать, чтобы княгиня послушалась его? Князь отвѣчалъ ему: «Разстрѣляйте ее!» Тутъ Бунинъ пришелъ въ совершенный тупикъ и больше въ дѣла наши не вмѣшивался, а заранѣе уходилъ куда-нибудь подальше, когда издали видѣлъ княгиню по дорогѣ къ шлагбауму. Блюстителемъ со стороны моря былъ другой оригиналъ, майоръ Ивановъ, изъ матросовъ, бывшій болѣе 50 лѣтъ на службѣ, плутъ съ тонкостью русскаго мужика. Какъ русскій мужикъ, прикрывающій свое лукавство поддѣльнымъ простодушіемъ, Ивановъ, по мѣрѣ повышенія въ чинахъ, очень хорошо понялъ жалкую роль, какая выпала бы на его долю, если бы вздумалъ поддѣлываться подъ приемы офицерскіе; онъ усилилъ грубость своихъ манеръ и подъ маскою неотесаннаго чистосердечія проводилъ самые тонкіе расчеты. При восшествіи на престолъ государя Николая Павловича онъ командовалъ ластовою ротою на Охтѣ. Когда государь пріѣхалъ на охтенскую верфь, Ивановъ, челоуѣкъ замѣчательной наружности по топорной оболванкѣ своего огромнаго лица, вышелъ къ государю съ словеснымъ рапортомъ вмѣсто поднесенія письменнаго.

— Отчего не подаешь рапорта?—спросилъ государь.

— Оттого, что писать не умѣю, ваше величество, — отвѣчалъ смѣло Ивановъ.

— Отчего же не умѣешь писать?

— Оттого, что не учили; матросомъ — сколько хочешь, а грамоты не знаю.

Понравился государю этотъ сфинксовый типъ, выражавшій силу и прямизну; посадилъ онъ его какъ-то на руль своего катера, а Ивановъ сталъ безцеремонно раскланиваться съ камеръ-фурьеромъ, ѣхавшимъ въ другомъ катерѣ съ прислугою. Государю забавна была эта «наивность»; онъ спросилъ, смѣясь:

— Развѣ ты его знаешь?

— Какъ не знать! Я былъ гребцомъ, а онъ рехткнетомъ, оба равные были; я выслужилъ 25 лѣтъ матросомъ, да вотъ уже скоро 25 лѣтъ офицеромъ, — да все еще капитанъ, а онъ блюда лизалъ, да—ишь ты—ваше высокоблагородіе!

Государь расхохотался, и Ивановъ произведенъ въ майоры. Въ 1830 или 1831 году наименовали его командиромъ петергофскаго порта, что дало ему право на придворную столовую порцію во все время пребыванія государя въ Петергофѣ. Ивановъ нашель, что онъ не привыкъ ѣсть царское кушанье, что ему нужны солдатскія щи, и на этомъ основаніи выпросилъ себѣ производство деньгами по 7 рублей ассигнаціями въ день, вмѣсто стола въ натурѣ, но скоро онъ такъ разлакомился, что и этого было ему мало, и онъ ждалъ только случая выпросить еще что-нибудь. Одинъ разъ, при осмотрѣ кронштадтской гавани, князь Меншиковъ пока-

залъ государю аляповатую носовую фигуру на старомъ кораблѣ «Юпитеръ», съ которою находилъ сходство въ лицѣ Иванова. Государю это понравилось; проѣзжая въ коляскѣ съ императрицей мимо вытянувшася во фронтъ Иванова, государь закричалъ ему:

— Здравствуй, Юпитеръ.

Причемъ императрица громко засмѣялась. Ивановъ имѣлъ дерзость сказать:

— Ваше величество, грѣхъ смѣяться надъ старымъ служивымъ.

Онъ постигъ благородство характера государя и рассчиталъ вѣрно дѣйствіе словъ его на государя.

— Не сердись, старикъ,—сказалъ онъ:—это шутка, а въ душѣ мы тебя цѣнимъ.

Вскорѣ затѣмъ Ивановъ, встрѣтясь съ государемъ, скорчилъ печальную рожу, и на вопросъ, о чемъ онъ такъ нахмурился, отвѣчалъ:

— Да что, ваше величество, князь Петръ Михайловичъ (Волконскій, министръ императорскаго двора) обижаетъ.

— Чѣмъ же онъ обижаетъ тебя?

— Да не отпускаетъ мнѣ кушанье,—дескать, столовые получаю. Что же ему жаль, что ли, стало тарелки супу? Мнѣ уже недолго супу-то ѣсть осталось.

Государь приказалъ отпускать ему и столъ и столовые деньги. Юпитеромъ болѣе не называли его; но Огаревъ написалъ его въ видѣ Нептуна, и съ тѣхъ поръ имя Нептунъ окончательно замѣнило имя Иванова, который этимъ очень гордился, узнавъ, что Нептунъ былъ повелитель моря. Кто бы могъ подумать, что этотъ Нептунъ могъ быть хоть на минуту дядькою великаго князя Константина Николаевича! Въ дядьки назначенъ былъ флигель-адъютантъ Римскій-Корсаковъ. Выборъ мерзвѣйшій. Корсаковъ, отличный фронтовикъ, былъ человѣкъ развратнаго поведенія, интриганъ, и сгнилъ отъ сифилиса и ртути. Во время маневровъ, въ которые князь Меншиковъ долженъ былъ брать Петербургъ, а великій князь Михаилъ защищать его, Римскій-Корсаковъ командовалъ канонирскою флотиліей, которой назначеніе было атаковать во флангъ петербургскія войска въ то время, когда Меншиковъ атакуетъ ихъ съ фронта. Корсаковъ повелъ флотилію къ Стрѣльнѣ; графъ Гейденъ поплылъ зрителемъ на гвардейскомъ катерѣ, въ который пригласилъ и меня. Корсаковъ, подошедъ къ Стрѣльнѣ, сталъ высаживаться, но не успѣлъ еще выставить на берегъ свой десантъ, какъ прискакалъ Ланской съ нѣсколькими легкими орудіями и лейбъ-гусарскимъ полкомъ, который сталъ тѣснить нашъ десантъ въ воду, между тѣмъ какъ Ланской доказывалъ Корсакову, что онъ разбитъ. Командиры заспорили, гусары обнажили сабли, моряки наклонили штыки, — и чуть не вышла свалка. Нѣсколько лошадей уколото было штыками. Вдругъ

принесся въ полный карьеръ государь, бывшій начальникомъ штаба у великаго князя Михаила, закричалъ: «Смирно!»—и все окаменѣло. Государь, выслушавъ Ланского и сосчитавъ обоюдныя войска, сказалъ спокойно Корсакову:

— Корсаковъ! ты поторопился! Тебѣ слѣдовало выждать, пока покажутся головы передовыхъ колоннъ Меншикова и тогда начать десантъ; теперь ты съ Ланскимъ одинъ на одинъ: ты разбить, ретируйся.

— Позвольте объяснить, ваше величество.

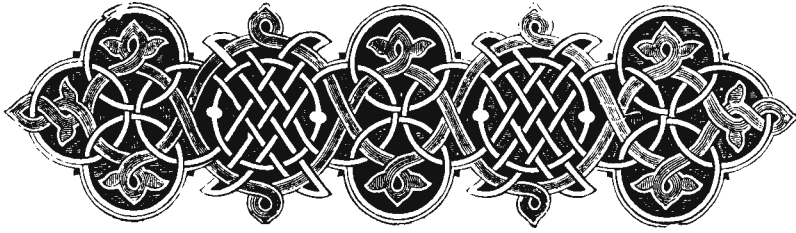
— Что-о!—загремѣлъ государь громовымъ голосомъ.—Государя не слушаться? Лямку надѣну! Солдаты! въ воду!—и весь легионъ бросился по поясъ въ воду, какъ исполощенные утки.

Пріѣхавъ въ Петергофъ, государь тотчасъ смѣнилъ Корсакова отъ великаго князя и чуть не снялъ аксельбантовъ. Наслѣдникъ сталъ было просить о немъ. Ему досталось. Князь Меншиковъ предложилъ государю оставить Корсакова, пока прибудетъ Литке, ожидавшійся изъ кругосвѣтнаго плаванія.

— Ни одной минуты!—сказалъ государь, и назначилъ Иванова дядькою до пріѣзда Литке.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ЗАМУЧЕННЫЙ.

(Записки незаконнорожденного)¹⁾.

I.

СЕГОДНЯ мнѣ исполнилось семнадцать лѣтъ. О раннемъ дѣтствѣ, лѣтъ до пяти, у меня остались смутныя воспомина- нія или, вѣрнѣе, одни отрывки. Напримѣръ, помню одну ночь: я сижу въ подвалѣ, на холодной лежанкѣ и смотрю на сырую каменную стѣну, на которой безъ стекла горитъ жестяная лампочка; ея пламя, отъ сквозного вѣтра, колышется и лижетъ кирпичъ, который все дѣлается чернѣе и чернѣе... Вповалку, на полу, покрытые зипу- нами, спятъ мужики, вдругъ кто-то изъ нихъ поднялся и крикнулъ:

— Просыпайтесь — затонули!

Я свѣсилъ голову внизъ и замѣтилъ, что на полу возлѣ лежанки стоитъ вода.

Люди, вскочивъ на ноги, начали шумѣть и вытаскивать изъ подвала вещи, кто-то схватилъ со стѣны лампочку и кругомъ меня стало темно и страшно; я заревѣлъ во все горло и ревелъ до тѣхъ поръ, пока ко мнѣ не приближалъ дѣдушка Никита. Это былъ маленькій старичокъ съ сѣдой рѣденькой бородкой и съ однимъ туск-

¹⁾ Послѣ знакомаго мнѣ юноши, умершаго отъ чахотки, осталась рукопись, въ которой онъ рассказывалъ свою недолгую жизнь, полную горя и страданій, Получивъ эту рукопись въ мое распоряженіе, я рѣшила ее напечатать, находѣ, что она представляетъ большой интересъ.

лымъ глазомъ. Шлепая босыми ногами по черной водѣ, дѣдушка вынесъ меня на дворъ, гдѣ шелъ дождь и небо было такъ же черно, какъ и земля; по жидкой грязи съ зажженными фонарями въ рукахъ двигались темныя фигуры людей. Что было дальше — я не помню... Въ раннемъ дѣтствѣ я, вѣроятно, жилъ на попеченіи дѣдушки Никиты — всѣ мои воспоминанія о томъ времени вертятся возлѣ него: помню, что я и спалъ вмѣстѣ съ нимъ въ подвалѣ на голомъ полу, въ головахъ у насъ лежалъ большой сѣрый мѣшокъ, въ которомъ, я зналъ, находилось все дѣдушкино имущество. Полъ, на которомъ мы спали, былъ весь прогрызенъ крысами, и разъ одна изъ нихъ больно укусила меня за ногу; я помню, какъ потомъ дѣдушка обвязывалъ мою ногу тряпочкой.

А вотъ и еще случай, оставшійся въ моей памяти.

Рабочіе сидятъ за обѣденнымъ столомъ, я сижу на колѣняхъ у дѣдушки Никиты, и мы вмѣстѣ съ рабочими хлебаемъ изъ одной чашки капустныя щи. Я вытащилъ на ложкѣ кусочекъ мяса, и за это одинъ изъ рабочихъ ударилъ меня ложкой по лбу¹⁾. Я заплакалъ, и за меня вступился дѣдушка Никита — ударилъ рабочаго кулакомъ въ грудь; тогда всѣ вскочили изъ-за стола, началась драка. Я съ испугу залѣзъ подъ хозяйкину кровать, и оттуда меня вытащили за ногу.

Болѣе ясныя воспоминанія начинаются съ тѣхъ поръ, когда я жилъ въ Петербургѣ, на чердакѣ, съ бабушкой Татьяной Ивановной. Это была маленькая старушка, добрая и набожная, она постоянно вязала на продажу чулки, чтобы на свои трудовыя деньги теплить передъ маленькимъ образкомъ неугасимую лампадку. Бабушка учила меня молитвамъ и заставляла креститься на всѣ церкви, мимо которыхъ мы проходили.

Дома бабушка ходила, подвязанная чернымъ платочкомъ, но выходила на улицу не иначе, какъ въ затасканной тюлевой шляпкѣ и порыжѣвшей отъ времени накидкѣ. Жившая съ нами на одномъ чердакѣ нищенка называла бабушку барыней, а также называла ее богатой и завидовала, что у бабушки былъ сундукъ, на которомъ мы спали; сама же нищенка спала въ углу, на какихъ-то лохмотьяхъ.

Свою сосѣдку по чердаку мы не любили — она была злая и пьяница. Уходила она отъ насъ съ утра и возвращалась домой только поздно вечеромъ; каждый разъ она приносила съ собой куски хлѣба, а также и мѣдныя деньги, которыя всегда считала, обернувшись къ намъ спиной; потомъ клала ихъ въ карманъ, который носила подъ юбкой, привязаннымъ веревкой къ талии. Когда

---

¹⁾ Въ мастерскихъ во время обѣда ѣдятъ сначала щи или супъ безъ мяса; таскать мясо дастъ сигналъ старшій рабочій — онъ ударяетъ своей ложкой по краю чашки.

же нищенка возвращалась домой пьяная, то насъ была и отъ нея мы прятались въ дворницкой.

Нужно сказать, что мы съ бабушкой были очень бѣдны и намъ часто нечего было ѣсть; въ голодные же дни лѣтомъ мы ходили въ Таврическій садъ, который былъ недалеко отъ насъ, и тамъ собирали жолуди, которыя сушили и ѣли; когда же настала зима, мы начали слѣдовать примѣру нищенки — собирали по вечерамъ милостыню; на этотъ случай у меня была такая рваная кофта, что когда ее надѣваль, то, вмѣсто рукавовъ, часто попадалъ въ дырѣя; а бабушка уже тогда не надѣвала шляпки, а повязывала голову платкомъ и, надвигая его низко на глаза, всегда мнѣ говорила:

—Я вѣдь, Павлуша, благородная и мнѣ стыдно просить у людей милостыню.

На улицѣ она выдвигала меня впередъ и заставляла плаксивымъ голосомъ выпрашивать у прохожихъ копеечки. Получивъ копейку, я ее сейчасъ же передавалъ бабушкѣ; а та за это гладила меня по головѣ и называла умницей. Если въ который вечеръ я выпрашивалъ пять или шесть копеекъ, бабушка мнѣ въ награду покупала копеечный крендель. Только въ началѣ каждаго мѣсяца мы не ходили просить милостыню—въ это время у насъ всегда были деньги; ихъ намъ приносила молодая, красивая дама. У этой дамы лицо было закрыто густой вуалью и одѣта она была въ сильно поношенное черное платье. Бабушка называла эту даму «Антониной Львовной», а мнѣ было приказано называть ее «тетей Ниной»

Разъ тетя Нина принесла мнѣ розовую ситцевую рубашку и новые сапоги; все это бабушка спрятала къ себѣ въ сундукъ, и эти обновки я надѣвалъ по большимъ праздникамъ и то только тогда, когда шелъ съ бабушкой въ церковь.

Вскорѣ я замѣтилъ, что тетя Нина, бывая у насъ, избѣгаетъ смотрѣть на меня, и чувствовалъ, что она меня не любитъ; признаюсь, и меня ея присутствіе всегда тяготило; кромѣ того, я зналъ, что у насъ послѣ ея ухода начнется настоящій праздникъ: у бабушки будутъ деньги и она пошлетъ меня въ лавку за молотымъ кофе, а сама пойдетъ въ сливочную за сливками...

Не помню, долго ли я такимъ образомъ жилъ на чердакѣ бабушки, когда разъ тетя Нина пришла къ намъ и засидѣлась дольше обыкновеннаго; а бабушка Татьяна Ивановна, чего съ ней никогда прежде не бывало, при тетѣ Нинѣ одѣла на меня розовую рубашку и новые сапоги, а когда начала расчесывать гребешкомъ мои волосы, то плакала и поминутно меня чмокала въ макушку. Причесавъ мои волосы, она еще сильнѣе заплакала и сунула мнѣ въ руку грошевый леденецъ.

Въ это время тетя Нина поднялась съ сундука и, обращая ко мнѣ, сказала:

— Павлуша, поблагодари Татьяну Ивановну за всё ея о тебѣ заботы — ты больше къ ней не вернешься.

При этихъ словахъ бабушка припала головой къ сундуку и заплакала навзрыдъ; тетя же Нина, вынувъ изъ маленькаго кожанаго кошелька два серебряныхъ рубля, положила ихъ возлѣ старушки, потомъ взяла меня за руку и повела съ чердака. Когда мы спустились съ лѣстницы, я вспомнилъ, что бабушка безъ меня будетъ пить кофе со сливками, и на одной изъ площадокъ заупрямился — не хотѣлъ итти дальше.

Тетя Нина молча и грубо дернула меня за руку, и мы снова начали спускаться. Я со страхомъ посматривалъ на ея строгое лицо и замѣтилъ, что она плачетъ; мнѣ и самому стало грустно, и я громко заревѣлъ.

Тетя остановилась и, стиснувъ больно мою руку, злымъ шопотомъ проговорила:

— Если ты будешь такъ ревѣть, я тебя выдеру за уши.

Угроза помогла, я пересталъ плакать. Выйдя на улицу, тетя кликнула извозчика. Я до сихъ поръ никогда не ѣздилъ на лошадахъ, и ѣзда на дрожкахъ до того меня развлекла, что я даже захопалъ въ ладоши.

Черезъ нѣсколько времени мы остановились передъ низкимъ деревяннымъ домомъ съ палисадникомъ, черезъ рѣшетку котораго на насъ смотрѣло много мальчиковъ: одни были такіе же маленькіе, какъ и я, другіе побольше, но всё одѣты въ одинаковыя черныя блузы.

Въ это время тетя расплачивалась съ извозчикомъ, я подошелъ къ палисаднику и началъ разговоръ съ однимъ изъ мальчиковъ и только успѣлъ сказать, что меня зовутъ Павлушей, какъ тетя взяла меня за руку и повела на крыльцо. Мы вошли въ обширную комнату, гдѣ насъ встрѣтила суроваго вида сѣдая дама, одѣтая вся въ черное, — это была начальница приюта.

Переговоривъ съ тетей Ниной, она подошла къ окну и подзвала къ себѣ одного изъ мальчиковъ.

— Ваня, — сказала она: — вотъ тебѣ новый товарищъ; возьми его подъ свое покровительство.

Черезъ минуту я уже былъ въ томъ самомъ палисадникѣ, гдѣ видѣлъ такъ много мальчиковъ въ черныхъ блузахъ; теперь они играли въ крокетъ, но, замѣтивъ меня, бросили игру и начали меня тормозить: одни дергали за рукава рубашки, другіе гладили по головѣ и по лицу, кто-то больно дернулъ меня за волосы, одинъ изъ мальчиковъ выхватилъ у меня изъ рукъ шапку и съ нею убѣжалъ въ глубь сада; старшіе задавали мнѣ вопросы: кто я такой, гдѣ жилъ и живы ли мои родители. Я только что началъ имъ рассказывать про бабушку Татьяну Ивановну, какъ вдругъ

замѣтилъ чрезъ рѣшетку палисадника, что тетя Нина уходитъ домой. Съ отчаяннымъ крикомъ я бросился къ рѣшеткѣ.

— Тетя, тетя! — кричалъ я: — возьмите меня къ бабушкѣ.

На мой голосъ тетя обернулась, но сейчасъ же махнула рукой и пошла дальше.

Я ревѣлъ на весь садъ.

Прибѣжала начальница и съ нею невысокаго роста, очень худенькая, съ добрымъ лицомъ, немолодая дѣвушка — это была помощница начальницы приюта, Софья Александровна.

— Чего разревѣлся? — строго обратилась ко мнѣ начальница.

Ея же помощница стала передо мной на колѣни и, вытирая мои слезы своимъ носовымъ платочкомъ, утѣшала меня, говорила, что мнѣ будетъ хорошо у нихъ жить, лучше, чѣмъ я жилъ до сихъ поръ, и, обращаясь къ начальницѣ, спросила:

— Эта барышня, которая его сегодня привела, мать ему?

— А то кто же, — конечно, мать, метрику не скроешь! — брезгливо произнесла начальница и при этомъ строго взглянула на меня, погрозила пальцемъ и ушла изъ сада.

Послѣ ея ухода Софья Александровна сдѣлалась со мной еще ласковѣе: цѣловала, гладила по головѣ и спросила, какъ меня зовутъ.

— Павлушей, — отвѣтилъ я, всхлипывая, и, уже чувствуя въ Софѣ Александровнѣ друга, прижался къ ней и обнялъ за шею.

— Бѣдный мальчикъ, — грустно проговорила она: — ты хуже, чѣмъ круглый сирота, — твоя мать ушла, не взглянувъ на тебя.

Чтобы меня поскорѣе развлечь, Софья Александровна повела въ комнаты и показала кроватку, на которой я буду спать, а также и показала свою комнату, гдѣ и дала мнѣ цѣлую горсть леденцовъ.

Когда я съ леденцами вышелъ въ садъ, мальчики обступили меня и начали выпрашивать. Одну половину конфетъ я отдалъ добровольно, вторую они отняли у меня насильно, но когда я заплакалъ, мальчики утѣшили меня тѣмъ, что начали учить играть въ крокетъ, и я такъ увлекся игрой, что даже забылъ бабушку Татьяну Ивановну; вспомнилъ я о ней только вечеромъ, когда мы, всѣ дѣти, лежали въ кроваткахъ. При мысли, что я ее никогда не увижу, сердце мое сжалось болью, и я громко заплакалъ. Къ моей кроваткѣ подбѣжала дежурная; она сначала ласково уговаривала меня, но я не унимался и на всю спальню кричалъ, что я не хочу съ ними жить, а пойду къ своей бабушкѣ.

Тогда дежурная меня больно нахлопала и напугала тѣмъ, что позоветъ ко мнѣ начальницу приюта, которая дѣтей сѣчетъ до крови.

Эта угроза на меня сильно подѣйствовала, я пересталъ кричать и уже такъ былъ утомленъ всѣми происшествіями этого дня, что сейчасъ же заснулъ.

II.

Хотя жизнь моя въ пріютѣ была далеко не радостная, но все-таки я считаю ее лучшимъ временемъ въ моей жизни: въ пріютѣ у меня были друзья и самый лучший изъ нихъ—Софья Александровна. У этой дѣвушки душа была добрая и любвеобильная, она не только мнѣ покровительствовала, но была защитницей и всѣхъ дѣтей, угнетаемыхъ въ пріютѣ, а такихъ у насъ было не мало.

Наша начальница ненавидѣла всѣхъ мальчиковъ живого характера и проявлявшихъ самостоятельность; она только любила дѣтей вялыхъ, тихихъ, покорныхъ, которыя были больше похожи на автоматовъ, чѣмъ на живыхъ людей; а я былъ жизнерадостный, живой и шаловливый ребенокъ: передразнить которую-нибудь изъ надзирательницъ, даже самое начальницу и за ее же спиной, мальчиковъ вымазать чернилами и раньше обѣда стащить со стола кусокъ чернаго хлѣба—я былъ первымъ, но зато никто изъ дѣтей въ пріютѣ лучше меня не читалъ и не писалъ; а когда къ намъ на елку пріѣзжали высокооставленныя лица, и на этотъ случай насъ учили разнымъ пѣснямъ съ жестами, какъ, напримѣръ: «Полотеры» или «Музыкантъ муравей», я и тутъ былъ первымъ и выполнялъ передъ зрителями свою роль безъ всякаго смущенія; за это я всегда съ елокъ получалъ и лучше подарки...

Кромѣ моихъ шалостей, начальница ненавидѣла меня и за мою болѣзнь—я страдалъ слабостью мочевого пузыря и отъ этого освободился только лѣтъ пятнадцати. Объ этой болѣзни я не сталъ бы упоминать, если бы съ нею не былъ связанъ цѣлый рядъ истязаній, которымъ я впоследствии подвергался.

Когда въ пріютѣ по утрамъ въ столовой меня, обернутого въ мокрую простыню, выставляли на позоръ, тогда между начальницей и Софьей Александровной происходили ссоры, и эти ссоры иногда такъ обострялись, что моя защитница уже хотѣла совсѣмъ уходить изъ пріюта; но когда она начинала укладывать свои вещи, на порогѣ ея комнаты появлялась величественная фигура нашей начальницы и она начинала уговаривать Софью Александровну не разрывать съ пріютомъ хорошихъ отношеній изъ-за какого-то паршиваго мальчишки.

Такое заискиваніе начальницы у своей подчиненной въ пріютѣ объясняли тѣмъ, что Софья Александровна была опредѣлена на мѣсто по протекціи одного высокопоставленнаго лица, навлечъ гнѣвъ котораго на себя наша начальница боялась.

Нужно сказать, что хотя я и былъ любимцемъ Софьи Александровны, но за шалости она наказывала меня одинаково, какъ и другихъ дѣтей; одно только дѣлала для меня исключеніе: всѣхъ провинившихся мальчиковъ ставила на колѣни въ темномъ кори-

дорѣ, а меня, вслѣдствіе того, что я боялся темноты, Софья Александровна наказывала у себя въ комнатѣ. Какъ теперѣ помню эту крохотную комнатку, съ бѣлыми у окна занавѣсками, въ переднемъ углу образъ Спасителя, украшенный вѣнкомъ изъ бумажныхъ розъ, и передъ нимъ неугасимая лампада; огонь въ этой лампадѣ, изъ года въ годъ въ Великій Четвергъ, Софья Александровна зажигала отъ той свѣчи, съ которой прослушала въ церкви двѣнадцать евангелій. У одной изъ стѣнъ стояла узенькая кровать, покрытая сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, надъ кроватью висѣлъ коврикъ изъ лоскутковъ, на которомъ былъ изображенъ огромный пѣтухъ, у другой стѣны—небольшой письменный столъ со стеклянной чернильницей на немъ, въ рамкѣ изъ морскихъ раковинъ портретъ молодого офицера въ парадной формѣ—это бывший женихъ Софьи Александровны, убитый на войнѣ, въ Крымскую кампанію; Софья Александровна такъ его любила, что послѣ его смерти дала себѣ слово никогда не выходить замужъ... По вечерамъ Софья Александровна любила сидѣть передъ своимъ письменнымъ столикомъ и работать (она вязала ковры изъ лоскутковъ), передъ ней горѣла низенькая лампа съ фарфоровымъ бѣлымъ колпакомъ.

Я въ это время почти всегда, наказанный, стоялъ на колѣняхъ у дверей въ углу.

По своему живому характеру, спокойно долго стоять я не могъ,—безпрестанно вертѣлся, чертилъ пальцемъ или мѣломъ на полу квадратяки, или же вскакивалъ съ колѣнъ, чтобы поднять упавшій со стола лоскутокъ, клубокъ съ нитками, то спѣшилъ притворить отворенную въ коридоръ дверь; но Софью Александровну моя предупредительность, повидимому, не трогала: строгимъ голосомъ она приказывала мнѣ снова стать на колѣни и стоять смиренно, часто она читала мнѣ и правоученія.

— Ты,—говорила она,—не долженъ забывать, что ты брошенный бѣдный мальчикъ и не имѣешь права такъ вольничать, какъ другія счастливыя, имѣющія родителей дѣти; за васъ, сиротъ, некому заступиться, и вы должны всѣмъ угождать и передъ всѣми быть тише воды, ниже травы.

Но не всегда я отъ Софьи Александровны слышалъ такія слова. Иной разъ она и сама возмущалась тѣмъ, что насъ, дѣтей, въ пріютѣ худо кормятъ и не даютъ намъ бѣгать, сколько мы хотимъ, увѣряла, что отъ этого мы всѣ такіе худые и блѣдные. Нерѣдко она громко осуждала тѣхъ родителей, которые отдають своихъ дѣтей воспитывать къ чужимъ людямъ, которымъ все равно, вырастемъ мы здоровыми или больными, хорошими или дурными людьми. Кромѣ того, Софья Александровна была убѣждена, что исправлять у дѣтей дурныя наклонности должно не битьемъ и разными придуманными наказаніями, какъ, на примѣръ, ставить на

колѣни или выставлятъ ихъ на позоръ въ мокрыхъ простыняхъ и дурацкихъ колпакахъ.

— Исправить дѣтей,—говорила она,—можно только любовью и кротостью и прежде всего нужно, чтобы сами воспитатели были кротки, или по крайней мѣрѣ умѣли себя при дѣтяхъ сдерживать, чтобы не заразить ихъ своей вспыльчивостью или злобой.

— Я сколько разъ замѣчала,—продолжала она:—что у кроткихъ и добрыхъ дѣтей характеръ портился послѣ того, какъ они были отданы на попеченіе злыхъ нянекъ или воспитателей,—дѣти съ самыхъ раннихъ лѣтъ усваиваютъ, какъ доброту, такъ и злобу и даже пороки окружающихъ ихъ людей.

Когда Софья Александровна начинала говорить, что дѣтей не слѣдуетъ наказывать, я уже зналъ, что настало время попросить у нея прощенія.

Черезъ минуту я уже сидѣлъ возлѣ нея на стулѣ и въ рукахъ у меня было что-нибудь вкусное, а про мои шалости больше не было и помину: Софья Александровна учила меня наизусть какое-нибудь стихотвореніе, или же сама начинала рассказывать мнѣ сказки Пушкина. Подъ ея рассказы я часто засыпалъ. Иногда меня, соннаго, она на своихъ рукахъ относила въ спальню и укладывала въ кровать.

Въ моемъ прошломъ только и есть одно свѣтлое воспоминаніе—это доброта ко мнѣ Софьи Александровны, и кто знаетъ, можетъ быть, только благодаря этой добротѣ мое сердце еще не очерствѣло отъ людскихъ обидъ и развратъ, между которымъ я выросъ, не погубилъ меня окончательно.

III.

Въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ былъ нашъ пріютъ, находилась и богадѣльня для престарѣлыхъ женщинъ, которыя у насъ и служили: однѣ дежурили въ спальняхъ, другія въ столовой накрывали на столъ и разливали по тарелкамъ горячее, а одна изъ нихъ, Ефимовна, завѣдывала лазаретомъ. Мы, мальчики, часто бѣгали въ богадѣльню—насъ старушки любили и баловали. Я былъ любимцемъ Ефимовны,—это была еще бодрая и подвижная старуха, ея тонкое лицо носило признаки былой красоты, хотя уже все было покрыто, какъ сѣтью, мелкими морщинами. У Ефимовны водились кое-какія деньжонки; богадѣлки занимали у нея пятакки и пятиалтынные, вслѣдствіе чего Ефимовна надъ ними властвовала и ворчала на нихъ; а тѣ безропотно переносили ея воркотню, бѣжали наперебой въ кухню за ея кофейникомъ и во время обѣда уступали ей лучшіе кусочки, а въ церкви лучшее мѣсто.

Такъ какъ Ефимовна завѣдывала лазаретомъ, то я часто прикидывался больнымъ, чтобы къ ней попасть. Лазаретъ былъ желаннымъ мѣстомъ и для всѣхъ пріютскихъ мальчиковъ: въ лазаретѣ лучше кормили, а въ пріютѣ мы почти всегда были голодные. Наша начальница часто говорила, что желудки дѣтей не слѣдуетъ обременять, и этому правилу строго слѣдовала, такъ что, если кому изъ насъ удавалось сейчасъ же послѣ обѣда пробраться въ столовую и найти въ шкапу кусочекъ чернаго хлѣба, тотъ мальчикъ оставался очень доволенъ.

Въ лазаретѣ же Ефимовна меня не только хорошо кормила, но и баловала леденцами отъ кашля и даже каплями датскаго короля, которыя я въ то время считалъ лакомствомъ.

Моя Ефимовна была значительно образованнѣе другихъ богадѣлокъ и любила чтеніе, читала же не однѣ только священныя книги, но и газеты, а также откуда-то доставала и книги, преимущественно романы чувствительнаго содержанія; но такъ какъ глаза ей уже плохо служили, то я часто былъ приглашаемъ въ богадѣльню, гдѣ и читалъ ей вслухъ, за что Ефимовна меня поила кофе.

Мнѣ кажется, что симпатія Ефимовны ко мнѣ происходила больше отъ того, что моя судьба, въ ея глазахъ, была романтическая. Увидавъ въ первый разъ тетю Нину, Ефимовна пришла въ восторгъ отъ ея большихъ синихъ глазъ и вьющихся каштановыхъ волосъ и нашла, что я тетинъ живой портретъ.

— Она тебѣ не тетка, а мать!—увѣренно произнесла старушка. Ефимовна почему-то была также увѣрена, что мой отецъ долженъ быть непременно важный баринъ, притомъ еще и богатый, и что настанетъ время, когда онъ возьметъ меня къ себѣ...

Между тѣмъ тетя Нина, опредѣливъ меня въ пріютъ, стала очень рѣдко ко мнѣ приходять; когда же являлась, то всегда въ ея рукахъ былъ бумажный мѣшечекъ со сладкими для меня пирожками: но я этимъ пирожкамъ не былъ радъ—ими мнѣ всегда приходилось зафдать мои горькія слезы.

Тетя Нина, наслушавшись отъ начальницы о моихъ шалостяхъ и дурномъ поведеніи (какъ въ пріютѣ называли мою болѣзнь), надирала мнѣ до крови уши или давала такія пощечины, отъ которыхъ мои щеки дѣлались такими пухлыми, что мальчишки, дразня меня, называли пузыремъ. Такимъ образомъ я прожилъ въ пріютѣ четыре года.

Разъ, прикинувшись больнымъ, я лежалъ въ лазаретѣ, когда Ефимовна принесла мнѣ вѣсть, что пришла тетя Нина.

Это извѣстіе меня сильно перепугало,—я боялся, что тетя догадается, что я притворяюсь больнымъ, и за это меня больно прибить. Но опасенія мои не сбылись: въ этотъ разъ тетя пришла добрая, веселая и такая нарядная, что я въ первую минуту ее и

не узналъ. На ней было свѣтло-голубое платье, въ рукахъ она держала бѣлый кружевной зонтикъ, а ея шляпка—была вся въ цвѣтахъ.

Сѣвъ въ ногахъ моей кровати, тетя весело произнесла:

— Не хворай, Павлуша!—я тебѣ принесла радостную вѣсть: у тебя теперь есть дядя—мой мужъ.

И тетя рассказала мнѣ, что только недавно вышла замужъ за офицера и что со временемъ она возьметъ меня жить къ себѣ, а покамѣстъ будетъ брать изъ пріюта только въ гости.

— Мужъ мой добрый и тебя полюбитъ,—говорила тетя:—онъ не только дѣтей, но и собакъ любить; у него есть три маленькія собачки, и онъ съ ними возится, какъ со своими дѣтьми.

Собаки всегда были моей страстью, и я робко спросилъ:

— А я буду играть съ его собачками?

— Конечно, будешь,—отвѣчала тетя:—но только, когда ты увидишь дядю, то долженъ подойти къ его рукъ и сказать: «дяденька, полюбите меня, сироту».

Пообщавъ прійти за мною въ слѣдующее воскресенье, тетя Нина ушла.

Вскорѣ о тетиномъ замужествѣ узнали не только въ пріютѣ, но и въ богадѣльнѣ, и всѣ поздравляли меня съ перемѣной, происшедшей въ моей судьбѣ. Ефимовна торжествовала и увѣряла всѣхъ, что тетя Нина вышла замужъ за моего отца и что она это давно предвидѣла.

Но больше всѣхъ радовалась за меня Софья Александровна. Она все наставляла меня, чтобы я и въ счастья Бога не забывалъ и росъ честнымъ и добрымъ человѣкомъ...

Пришло воскресенье, котораго я съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ, но тетя за мной не явилась, потомъ прошло и еще два воскресенья, а она за мной все не приходила. Мои друзья не знали, что и думать, наконецъ рѣшили, что тетя Нина навѣрно очень больна. А я былъ въ совершенномъ отчаяніи, что мнѣ не удастся увидетьъ дядиныхъ собачекъ.

IV.

Наконецъ тетя Нина пришла за мной; но только не въ праздникъ, какъ она обѣщалась, а въ будни; одѣта она была опять въ свое черное, старое платье, и на лицѣ ея я уже не замѣчалъ, какъ въ прошлый разъ, улыбки. Съ суровымъ видомъ подала она мнѣ узелъ съ платьемъ и приказала скорѣ переодѣться.

— Сегодня я тебя совсѣмъ возьму изъ пріюта,—объявила она.

Когда Софья Александровна съ Ефимовной узнали, что тетя совсѣмъ беретъ меня изъ пріюта, онѣ сейчасъ же прибѣжали, чтобы помочь мнѣ переодѣться, но, развязавъ узелъ, были очень

удивлены, что вмѣсто приличнаго для меня костюмчика въ узлѣ оказались: ситцевая, даже не новая рубашка, грубые сапоги и нанковыя панталоны, какія вообще носятъ простые рабочіе мальчики.

— Она, кажется, изъ тебя мужика хочетъ сдѣлать! — съ негодованіемъ воскликнула Ефимовна.

Софья Александровна молча одѣвала меня, но по ея лицу я видѣлъ, что она тоже недовольна.

Когда же мои друзья стали со мной прощаться, тетя Нина рѣзко прервала это прощанье.

— Ты, Павлушка, ужъ очень тамъ разговорился! — крикнула она сердитымъ голосомъ: — ждать тебя мнѣ некогда.

Ея слова, кажется, обидѣли Софью Александровну и Ефимовну, — онѣ обѣ поспѣшили выйти изъ комнаты. Что касается меня, то, по вѣтрности своего характера, я не очень былъ огорченъ, что ухожу изъ пріюта и расстаюсь, можетъ быть, навсегда со своими друзьями; въ то время всѣ мои мысли были заняты дядиными собачками, которыхъ я сейчасъ увижу, а также я ждалъ съ нетерпѣніемъ проѣхать на извозчикѣ, котораго, я думалъ, тетя найметъ, но она его не позвала, а взяла меня за руку, и мы пошли вдоль улицы.

Шли мы долго и молча. Я замѣтилъ, что тетя плачетъ, и не смѣлъ съ нею заговорить, только посматривалъ на нее и думалъ: отчего у тети, когда она плачетъ, лицо не морщится и не дѣлается безобразнымъ, какъ у другихъ людей, а остается попрежнему красивымъ. Тетя замѣтила мои взгляды и безъ злобы спросила:

— Чего ты, дурачокъ, на меня такъ глядишь? — и, не дождавшись отвѣта, со вздохомъ продолжала: — если бы ты, Павлуша, зналъ, сколько изъ-за тебя мнѣ горя приходится терпѣть!

Но чрезъ минуту она заговорила, уже строгимъ голосомъ:

— Ты, смотри у меня, не смѣй здѣсь такъ шалить, какъ ты шалилъ въ пріютѣ, помни, что если твой хозяинъ мнѣ на тебя будетъ жаловаться, я тебя выпорю и больно выпорю!

«Какой же это хозяинъ, — соображалъ я, — должно быть, ея мужъ, котораго она мнѣ велѣла называть дядей».

Разъ тетя остановилась и спросила, не усталъ ли я. Чтобы ей угодить, я отвѣтилъ «нѣтъ», между тѣмъ мои ноги отъ усталости едва передвигались. Наконецъ мы остановились передъ дверью одного изъ магазиновъ, въ окнахъ котораго, на болванахъ, были выставлены парики и шиньоны. Болваны я принялъ за черепа и объ нихъ заговорилъ съ тетей, но моихъ словъ она, кажется, не слыхала, съ озабоченнымъ лицомъ начала оправлять на мнѣ рубашку, утерла своимъ носовымъ платкомъ мой носъ, поправила на головѣ шапку и, перекрестившись подъ своей мантилею небольшимъ крестомъ, взялась за ручку двери. Подъ

звонъ звонка мы вошли въ магазинъ. Первое, что здѣсь мнѣ бросилось въ глаза, былъ тучный, съ одутловатымъ лицомъ мужчина, сидѣвшій на стулѣ передъ огромнымъ зеркаломъ и прикрытый бѣлымъ балахономъ¹⁾; возлѣ него стоялъ другой мужчина, который его стригъ; этотъ былъ худощавый и съ добродушнымъ лицомъ; онъ оказался хозяиномъ парикмахерской. Хозяинъ обернулся на насъ только тогда, когда кончилъ стричь, и сдунулъ волосики съ шеи кліента.

— А вамъ, сударыня, что надо?

— Я пришла поговорить съ вами насчетъ этого мальчика,— произнесла тетя тихимъ и такимъ кроткимъ голосомъ, какого я прежде у нея никогда не слыхала.

Хозяинъ взглянулъ на меня и неодобрительно покачалъ головой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ:—вашъ мальчикъ будетъ для насъ малъ, такихъ...

— Онъ только ростомъ малъ,—прервала его тетя:—ему скоро десять лѣтъ, онъ способный и послушный мальчикъ.

Хозяинъ опять бросилъ взглядъ на меня и, кликнувъ подмастерье, оставилъ его въ магазинѣ, а самъ повелъ насъ въ угловую комнату.

Тутъ тетя, отвѣдя его къ окну о чемъ-то съ нимъ тихо заговорила; а меня сразу заинтересовала висѣвшая на стѣнѣ картина. Это была олеографія «Выборъ невѣсты царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ», но вскорѣ мое вниманіе отъ картины было отвлечено щеткой съ желѣзными зубьями, которая лежала на столѣ; мнѣ захотѣлось взять ее въ руки и поближе разсмотрѣть; но когда я къ ней протянулъ уже руку, тетя Нина неожиданно и больно по ней меня ударила, а потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, торжественно произнесла:

— Вотъ, Павлушка, твой хозяинъ, слушайся его во всемъ и помни, что если онъ на тебя пожалуется, я такъ тебя высѣку, какъ въ пріютѣ еще никогда не сѣкли; а вы, — обратилась она къ хозяину,—не давайте ему потачки, дерите его, сколько влѣзетъ, и за это я вамъ только буду благодарна.

Хозяинъ слушалъ ее съ добродушной улыбкой и, погладивъ меня по головѣ, сказалъ:

— Зачѣмъ, сударыня, на первыхъ порахъ вы запугиваете мальчика—стричь да брить мы научимъ его и безъ битья.

Взявъ меня за подбородокъ, онъ продолжалъ:

— Зачѣмъ Павлушѣ розги!—мы и безъ розогъ обойдемся; онъ у насъ будетъ причесывать и завивать волосы хорошенькимъ барышнямъ.

¹⁾ Впоследствии я узналъ, что этотъ балахонъ въ парикмахерскихъ называется пеньюаромъ.

Я только теперь догадался, что отданъ въ ученье и что тетя сейчасъ уйдетъ домой одна и я сегодня не увижу дядиныхъ собачекъ...

Забывъ или не желая со мной проститься, тетя пошла къ дверямъ, но вдругъ обернулась и, замѣтивъ стоявшія въ моихъ глазахъ слезы, погрозила мнѣ пальцемъ и строго произнесла:

— Не смѣй плакать!

Потомъ, когда она уходила, ко мнѣ донеслись ея слова:

— Если онъ немножко и пошалитъ, вы простите его.

— Будьте покойны—мы не звѣри,—говорилъ хозяинъ, провожая ее до дверей,

Когда за тетей Ниной была заперта дверь, мнѣ вдругъ стало страшно и сильно захотѣлось вернуться въ пріютъ, но громко выразить своего желанія я не посмѣлъ.

Хозяинъ опять подошелъ ко мнѣ и съ улыбкой, потирая руки, произнесъ:

— А вѣдь ты, братецъ, счастливый, — прямо подоспѣлъ къ обѣду, пойдемъ-ка въ кухню, посмотримъ, чѣмъ сегодня кормить мастеровыхъ Елизавета Николаевна.

Я смахнулъ рукавомъ рубахи стоявшія въ моихъ глазахъ слезы и пошелъ за хозяиномъ.

V.

Кухня, въ которую меня ввелъ хозяинъ, была довольно обширная, но свѣта въ ней было очень мало; она освѣщалась только однимъ небольшимъ окномъ, которое выходило прямо въ стѣну близко построеннаго дома. За большимъ некрашенымъ столомъ сидѣло трое мастеровыхъ, и передъ каждымъ изъ нихъ стояла тарелка съ супомъ. Возлѣ плиты въ ситцевомъ, со сборками платьѣ суетилась пожилая, тучная женщина. Когда мы вошли, она разрѣзала на блюдѣ вареное мясо и по маленькому кусочку клала на тарелку каждаго рабочаго.

Хозяинъ подвелъ меня къ ней и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, Елизавета Николаевна, и еще нахлѣбникъ.

Хозяйка, взглянувъ на меня, замѣтила:

— Глаза какіе у него шустрые, навѣрно—шалунъ!—и, не выпуская изъ рукъ ножа, погрозила мнѣ, но сейчасъ же, проходя мимо, ласково сказала:

— Чего стоишь, садись съ мастеровыми за столъ.

Когда же я сѣлъ, хозяйка и передо мной поставила тарелку супу, въ которомъ плавалъ крошечный кусочекъ мяса.

Но въ ту минуту у меня на душѣ было такъ тяжело, что я не могъ ѣсть и только смотрѣлъ на сидѣвшихъ со мной за однимъ столомъ рабочихъ. Всѣ они были молодые, но лица у

нихъ—блѣдныя, изнуренныя, особенно у одного, который былъ почище другихъ одѣтъ и сидѣлъ рядомъ со мной,—это былъ старшій подмастерье и звали его Иванъ Ивановичъ.

Мастеровые по временамъ съ любопытствомъ на меня поглядывали и вскорѣ начали задавать вопросы: какъ меня зовутъ, сколько мнѣ лѣтъ и гдѣ я жилъ до сихъ поръ?

Вдругъ Иванъ Ивановичъ наклонился ко мнѣ и потихоньку спросилъ:

— Въ погребъ за водкой будешь для меня бѣгать?

— Въ какой погребъ?—удивился я.

Онъ оглянулся и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я молчалъ; когда же другіе рабочіе заговорили о своихъ дѣлахъ, Иванъ Ивановичъ опять зашепталъ:

— Ты только меня слушайся, а дорогу къ погребу я тебѣ покажу.

Какъ ни были тихо сказаны эти слова, но ихъ услышалъ одинъ изъ мастеровыхъ.

— Ты, мальчикъ, послушай его,—смѣясь сказалъ онъ:—то навѣрно каждый день будешь дранъ.

Вмѣстѣ съ нимъ засмѣялся и другой рабочій.

Хозяйка полюбопытствовала узнать, что мнѣ сказалъ Иванъ Ивановичъ, но на ея вопросъ никто не отвѣтилъ.

Сѣвъ супъ, мастера спросили: есть ли для нихъ каша?

— Сегодня не праздникъ, и безъ каши хорошо,—смѣясь отвѣтила хозяйка.

Мастеровые, ворча себѣ подъ носъ, что они голодны, вышли изъ-за стола.

Послѣ обѣда хозяйка приказала мнѣ итти въ магазинъ и посмотреть, не пришелъ ли изъ гимназіи ея сынъ «Василекъ».

Хозяйскому сыну было четырнадцать лѣтъ, онъ былъ маленькій, худенькій, чрезвычайно подвижной и своими ухватками напоминалъ обезьяну. Наше знакомство началось съ того, что онъ подошелъ и больно ущипнулъ меня за плечо.

Я вскрикнулъ.

— Пицить!—радостно воскликнулъ онъ и снова меня ущипнулъ.

Въ этотъ разъ я такъ громко заплакалъ, что на мой плачъ прибѣжала хозяйка; но накинулась не на своего сына, а на меня.

— Такой-то соплякъ и смѣетъ нѣжничать!—кричала она:—хозяйскій сынъ поиграть съ нимъ хотѣлъ, а онъ, смотрите, на всю квартиру заоралъ; нѣтъ, такому нѣжному мальчишкѣ, какъ ты, въ чужихъ людяхъ жить нельзя! Брысь, поганецъ, въ кухню! помогай мнѣ мыть посуду...

Темный уголъ, отдѣлявшійся отъ кухни досчатой перегородкой, назывался «комнатой подмастерьевъ»; возлѣ стѣнъ были устроены нары, у каждого подмастерья была своя подушка и тю-

фякъ; у меня же не было ни того, ни другого; объ этомъ хозяйка общалась поговорить съ тетей Ниной, а пока я долженъ былъ спать на голомъ полу въ кухнѣ.

Настала ночь. Подмастерья потушили лампочку и улеглись на своихъ нарахъ. Только теперь я остался одинъ самъ съ собою. Уснуть я не могъ, у меня разболѣлись бока отъ непривычки спать на голомъ полу; кромѣ того, въ кухнѣ была такая масса клоповъ, что они буквально меня облѣпили. Сидя на полу, я съ болью въ сердцѣ вспоминалъ свою удобную кроватку въ пріютѣ, а также и Софью Александровну, къ которой я привыкъ обращаться со всякимъ своимъ горемъ, и теперь мнѣ захотѣлось побѣжать къ ней и, какъ бывало, спрятать свою голову въ ея колѣняхъ и выплакать передъ ней свое горе. Не размышляя, я вскочилъ на ноги и бросился къ двери, но дверь оказалась запертой, и убѣжать мнѣ было нельзя. Теперь я началъ плакать и такъ горько плакалъ, что удивляюсь, какъ тогда не разорвалось мое маленькое сердце. Наконецъ отъ слезъ я такъ ослабѣлъ, что подъ утро крѣпко уснулъ.

Я проснулся отъ сильнаго пинка сапогомъ въ бокъ, которымъ надѣлилъ меня подмастерье Иванъ Ивановичъ...

Въ испугѣ я вскочилъ на ноги, вокругъ меня стояли рабочіе и, замѣтивъ на полу слѣды моей болѣзни, помирали со смѣху.

На ихъ хохотъ прибѣжала хозяйка со своимъ сыномъ и, не долго думая, начала меня дубасить въ спину кулаками; потомъ приказала мнѣ лечь въ кухнѣ на порогъ, и одинъ изъ рабочихъ началъ меня сѣчь ремнемъ. Мои отчаянные крики услышалъ хозяинъ.

— Что вы съ нимъ дѣлаете, зачѣмъ бьете мальчика? — спросилъ онъ, входя въ кухню.

— Лечимъ его¹⁾, — объявила хозяйка: — ты только посмотри, что твой мальчикъ надѣлалъ.

— Ну, если лечите — это другое дѣло! — спокойно произнесъ хозяинъ и снова ушелъ въ магазинъ.

Но кто радовался, когда меня били, такъ это хозяйскій сынъ: онъ хохоталъ, прыгалъ отъ радости и при этомъ его маленькое тощее тѣло кривлялось, и въ это время онъ былъ замѣчательно похожъ на обезьяну.

Подмастерья говорили, что Василекъ худъ отъ злости; пожалуй, что это была и правда; онъ до невѣроятности былъ жестокъ: мучить, убивать животныхъ для него было большимъ удовольствіемъ; также для удовольствія онъ ходилъ на бойню смотрѣть,

---

¹⁾ У простонародья еще до сихъ поръ сохранилось убѣжденіе, что дѣтей, больныхъ слабостью мочевого пузыря, можно вылечить только однимъ — сѣчь ихъ на порогъ.

какъ убиваютъ быковъ, а потомъ въ мастерской съ наслажде-
ніемъ рассказывалъ, какъ быкъ мычалъ, упирался и не хотѣлъ
входить въ дверь бойни, и что мясникъ такъ крутилъ его хвостъ,
что онъ трещалъ и т. д... Дома Василекъ заманивалъ въ кухню
заблудшихъ кошекъ, отрубалъ имъ хвосты, а потомъ выбрасывалъ
на улицу; маленькихъ собачекъ спеленывалъ, какъ дѣтей, и у
нихъ ножницами отрѣзалъ уши; меня же онъ щипалъ, и во все
время моего пребыванія въ ихъ парикмахерской мое тѣло было
покрыто синяками; но что мнѣ было всегда непонятно, такъ это
то, что его родители спокойно смотрѣли на всѣ его звѣрства: по
ихъ мнѣнію, Василекъ набивалъ себѣ руку, чтобы впослѣдствіи
быть искуснымъ операторомъ.

Я всей душой ненавидѣлъ Василька, но теперь, когда я могу
говорить о немъ спокойно, мнѣ кажется, что онъ былъ просто
душевно-больной.

VI.

На второй день моего поступленія въ парикмахерскую меня
начали заставлять работать: я мелъ комнаты, ходилъ съ хозяйкой
въ лавку за провизіей и въ кухнѣ чистилъ мѣдную посуду; съ
девяти часовъ, когда уже въ магазинъ приходили посѣтители, я
былъ обязанъ отворять и затворять за ними двери; въ случаѣ
же, если кто изъ посѣтителей давалъ мнѣ за услугу деньги, мнѣ
было приказано ихъ сейчасъ же опускать въ кружку, которая
тутъ же въ магазинѣ и висѣла. Объясняли мнѣ это тѣмъ, что
нашъ хозяинъ обязался меня на свой счетъ одѣвать и обувать,
и эти деньги должны были итти на мою одежду. Остальную
часть дня я былъ на побѣгушкахъ, и не только у хозяевъ, но
и у подмастерьевъ; они подъ разными предлогами потихоньку
отъ хозяевъ посылали меня за водкой и пивомъ. Первое время
своего пребыванія въ парикмахерской я скучалъ о пріютѣ и нѣ-
сколько разъ писалъ письма къ Софѣ Александровнѣ и къ Ефи-
мовнѣ, просилъ ихъ прійти и взять меня, но такъ какъ всѣ мои
письма посылались безъ марокъ и съ невѣрнымъ адресомъ, то
друзья мои за мной и не приходили. Мало-по-малу я свыкъся со
своей жизнью, а такъ какъ я охотно всѣмъ служилъ, то и окру-
жающіе, кромѣ Василька, начали со мной лучше обращаться, а
хозяинъ, такъ тотъ даже полюбилъ меня за мою расторопность.
Мой веселый характеръ нравился подмастерьямъ; я рассказывалъ
имъ сказки, которымъ научился отъ Софьи Александровны, а
также передъ ними пѣлъ съ жестаи «Полотеровъ»; но вскорѣ
такія невинныя удовольствія подмастерьямъ надоѣли, и они на-
чали меня учить пѣть скабрзные пѣсни; но что было еще хуже
пѣсенъ,—они учили меня обманывать нашего хозяина: деньги,

которыя я получалъ отъ посѣтителей, они совѣтовали мнѣ не всѣ класть въ кружку, а половину оставлять себѣ на булку, и при этомъ увѣряли, что мальчики, жившіе до меня въ магазинѣ, такимъ образомъ всегда поступали. Когда я не хотѣлъ или совѣстился слѣдовать этимъ внушеніямъ, подмастерья смѣялись надъ моею честностью и называли меня дуракомъ.

«Если хочешь,—говорили они,—угождать хозяину, то и ходи голодный съ пустымъ брюхомъ». Что я былъ всегда голоденъ,—это была правда, и булки въ окнчхъ сосѣдняго магазина меня сильно соблазняли. Вскорѣ я свелъ знакомство съ двумя мальчиками, они оба жили на нашемъ дворѣ: одинъ служилъ въ булочной, другой въ аптекарскомъ магазинѣ. Въ рукахъ у нихъ я часто видѣлъ деньги, и они не скрывали отъ меня, что обманываютъ своихъ хозяевъ—одинъ красть булки и потихоньку ихъ продавалъ, другой то же самое дѣлалъ съ аптекарскими товарами. Эти оба мальчика не только смѣялись надъ моею честностью, но даже за нее меня презирали...

Какъ-то разъ одинъ изъ посѣтителей далъ мнѣ два пятачка, въ этотъ день я былъ очень голоденъ и опустилъ въ кружку только одинъ пятачокъ, а другой оставилъ себѣ на булку, и съ этихъ поръ у меня въ карманѣ часто начали побрякивать деньги. Теперь я, видимо, уже поднялся въ глазахъ подмастерьевъ—всѣ хвалили меня и совѣтовали вовсе не опускать въ кружку денегъ, а чтобы хозяинъ этого не замѣтилъ, научили меня вырѣзывать изъ жести кружки и на глазахъ хазяина опускать ихъ въ кружку; при этомъ подмастерья увѣряли меня, что кружка открывается только разъ въ годъ, въ Рождество, и что самъ мальчикъ при хозяинѣ ее открываетъ.

Вскорѣ я такъ ловко научился на глазахъ хозяина подмѣнять деньги жестяными кружками, что подмастерья приходили въ восторгъ и говорили, что я молодецъ. Хотя мнѣ и было лестно, когда меня называли молодцомъ, но по временамъ я трусилъ,—что будетъ со мною, если обнаружится мое плутовство; въ эти минуты я давалъ себѣ слово больше не плутовать и класть въ кружку настоящія монеты. Между тѣмъ плутовать исключительно для себя мнѣ не долго пришлось: подмастерья, сначала, деньги у меня выпрашивали въ долгъ, потомъ просто стали ихъ отнимать. Больше всѣхъ меня обижалъ, а также развращалъ, старшій подмастерье, Иванъ Ивановичъ; онъ уже не довольствовался тѣми деньгами, которыя мнѣ давали посѣтители, а заставлялъ меня красть и тѣ, которыя хозяинъ получалъ отъ кліентовъ и по разсѣянности забывалъ на конторкѣ.

Когда же я отказывался повиноваться Ивану Ивановичу, онъ страшалъ меня тѣмъ, что расскажетъ хозяину о моихъ прежнихъ продѣлкахъ. Такимъ образомъ я сдѣлался въ его рукахъ ору-

діемъ для доставленія ему денегъ на выпивку. Кромѣ того, я уже сдѣлался и озорникомъ: дрался съ уличными мальчишками, вмѣстѣ съ ними шалилъ, дерзилъ нашимъ дворникамъ и отъ нихъ получалъ здоровыя трепки.

Такъ я прожилъ въ парикмахерской мѣсяцевъ шесть, и за все это время тетя Нина навѣстила меня только одинъ разъ и мною, кажется, осталась довольна. Хозяева отнесли обо мнѣ съ похвалой, и она, уходя, погладила меня по головѣ и дала мнѣ гривенникъ на гостинцы, а на другой день съ посыльнымъ прислала для меня подушку и одѣяло.

Можетъ быть, я еще долго бы прожилъ въ парикмахерской, утаивая и крадя деньги для Ивана Ивановича, если бы онъ самъ не научилъ меня, потихоньку отъ хозяина, продать сосѣду-булочнику усы и бороду. Помню, что изъ тѣхъ сорока копеекъ, которыя мнѣ далъ булочникъ, Иванъ Ивановичъ удѣлилъ мнѣ только одинъ пятачокъ, который я сейчасъ же и проѣлъ; на остальные деньги онъ въ этотъ же вечеръ послалъ меня въ погребъ за виномъ. Пошелъ я поздно вечеромъ, на дворѣ сильно морозило; дежурные дворники уже сидѣли у воротъ на тумбочкахъ и, уткнувъ носы въ теплые тулупы, дремали. У нашихъ воротъ тоже сидѣлъ дворникъ; онъ въ тотъ день утромъ оттрепалъ меня за волосы за то, что я отбилъ подъ воротами штукатурку; теперь, когда я проходилъ мимо, мнѣ захотѣлось его подразнить, и я потихоньку ткнулъ его бутылкой въ лицо и убѣжалъ. Дворникъ бросился за мной, я же летѣлъ, а не бѣжалъ, но вдругъ споткнулся и упалъ на мостовую. Бутылка разбилась и одинъ изъ ея осколковъ глубоко врѣзался мнѣ въ руку и причинилъ такую сильную боль, что я заревѣлъ на всю улицу. Дворникъ подбѣжалъ ко мнѣ, выдралъ меня за волосы и потащилъ обратно въ парикмахерскую. По дорогѣ я всѣми силами старался вырваться изъ его рукъ; но все было напрасно, онъ втащилъ меня въ нашу кухню и разсказалъ хозяйкѣ о моихъ шалостяхъ; а та прежде всего подвела меня къ крану, обмыла мою пораненную руку, вытащила изъ нея осколокъ стекла и, когда уже завязала рану тряпкой, надавала мнѣ пощечинъ и выпихнула изъ кухни въ магазинъ.

— Иди,—сказала она,—на расправу къ хозяину, онъ тебя, голубчика, давно ждетъ.

Нужно сказать, что въ этотъ день меня судьба рѣшительно преслѣдовала. Въ мое отсутствіе хозяинъ хватился той бороды и усовъ, которые я продалъ булочнику. Василекъ въ это время былъ дома и объявилъ отцу, что нашу бороду и усы онъ видѣлъ у сосѣда-булочника. Тотъ немедленно былъ призванъ въ магазинъ, и такимъ образомъ мое плутовство открылось. Сначала за воровство хозяинъ хотѣлъ меня высѣчь, но когда хозяйка начала ему говорить, что она давно уже замѣтила меня въ воровствѣ, что

я изъ шкапа ворую хлѣбъ и остатки отъ обѣда и что каждый день замѣтно убываетъ изъ бутылки коньякъ, который покупается для поддержанія здоровья ихъ сына, тогда хозяинъ раздумалъ меня сѣчь и объявилъ, что такого испорченнаго мальчика, какъ я, онъ не хочетъ у себя совсѣмъ держать. Я клялся, что всѣ обвиненія, взводимыя на меня хозяйкой, были ложны, но хозяинъ оставался неумолимымъ и сейчасъ же сѣлъ писать письмо къ тетѣ Нинѣ, чтобы та взяла меня къ себѣ обратно. Я умолялъ хозяина высѣчь меня, побить, не давать ѣсть, но только, чтобы онъ не писалъ къ тетѣ Нинѣ. Въ слезахъ я ползалъ передъ нимъ на колѣняхъ, но все напрасно,—письмо было написано, и самъ хозяинъ снесъ его на почту; а я, боясь свиданія съ тетей Ниной, всю ночь не заснулъ ни на одну минуту.

VII.

Чтобы избѣжать леченія моею болѣзни ремнемъ, которое было уже мною описано, я по утрамъ въ парикмахерской вставалъ раньше всѣхъ; но въ то утро, когда я ждалъ наказанія за мои дурные поступки, я поднялся, какъ говорится, вмѣстѣ съ пѣтухами и, чтобы всѣхъ окружающихъ задобрить, вычистилъ ваксой сапоги не только хозяевамъ, но и подмастерьямъ, убралъ парикмахерскую, съ улицы вымылъ вывѣску и такъ хорошо вычистилъ въ кухнѣ мѣдную посуду, что хозяйка меня похвалила.

— Только жаль,—сказала она:—что ты раньше не былъ такимъ услужливымъ.

Тутъ я опять, со слезами, началъ ее упрашивать не рассказывать тетѣ Нинѣ о моемъ воровствѣ.

— И не проси!—замахала хозяйка руками:—твоя тетка все должна про тебя узнать и пусть она проучитъ тебя хорошенько.

Я былъ въ отчаяннн и не зналъ, что дѣлать; при этомъ меня еще раздражалъ Василекъ—онъ пересчитывалъ передо мною разныя наказанія, которыя съ приходомъ тети Нины должны на меня обрушиться; а подмастерья стращали тѣмъ, что они заколотятъ меня до смерти, если я хозяину открою, что они учили меня красть деньги и что не я, а они выпили коньякъ.

Когда день прошелъ и тетя въ магазинъ не явилась, я началъ надѣяться, что письмо къ ней затерялось, и при этомъ Иванъ Ивановичъ увѣрялъ меня, что онъ знаетъ навѣрно, что хозяинъ письма въ ящикъ не бросалъ. Его увѣренія меня значительно успокоили, и слѣдующую ночь я хотя и тревожно, но все-таки спалъ. Утромъ опять поднялся очень рано и принялся за работу.

Потомъ я слышалъ, какъ хозяйка сказала мужу:

— Павлушка изъ кожи лѣзеть, чтобы намъ угодить; не простить ли его на этотъ разъ?

Но хозяинъ ни за что не соглашался оставить меня жить у нихъ.

— Я боюсь,—говорилъ онъ:—чтобы Павлушка не залѣзъ въ карманъ къ посѣтителемъ.

Я же въ это время передъ образомъ клалъ поклоны и клялся, что съ этихъ поръ нитки чужой не возьму.

Въ эту минуту въ магазинѣ раздался первый звонокъ. Сердце у меня сильно забилось. Я побѣжалъ отворить дверь. Черезъ морозное стекло я разглядѣлъ высокую фигуру въ женской шляпкѣ. Предчувствіе не обмануло меня—это была тетя Нина.

Въ первую минуту я совсѣмъ потерялся—стоялъ на порогѣ съ опущенной головой и не смѣлъ на нее поднять глазъ. Тетя молча рукой отстранила меня со своей дороги и прошла въ комнату къ хозяину. Я слышалъ, какъ хозяинъ началъ ей на меня жаловаться, называлъ воромъ и настаивалъ, чтобы она взяла меня назадъ. Въ это время Василекъ уходилъ въ гимназію; проходя мимо, онъ по своему обыкновенію больно ущипнулъ меня, но я на эту боль не обратилъ вниманія, сердце мое билось, и я весь былъ превращенъ въ слухъ. Тетя Нина плакала, и этотъ плачь больно отзывался въ моей душѣ. Наконецъ изъ кабинета всѣ вышли: я только глядѣлъ на одно заплаканное лицо тети Нины и ждалъ, что она, какъ бывало въ пріютѣ, послѣ жалобъ на меня, сейчасъ же надастъ мнѣ пощечинъ; но ничего подобнаго не случилось. Тетя Нина спокойнымъ голосомъ приказала мнѣ одѣться въ мою собственную рубашку и сапоги, которые все это время находились на сохраненіи у хозяйки, и когда я уже переодѣтымъ прибѣжалъ снова въ магазинъ, тетя сняла съ себя большой, сѣрый, пуховый платокъ, который на ней былъ надѣтъ подъ салопомъ, и, закутавъ меня въ него, повела изъ магазина.

Когда мы прошли нѣсколько шаговъ, тетя начала разспрашивать, кто меня училъ красть, сколько я денегъ укралъ и куда ихъ дѣвалъ.

Она разспрашивала меня такимъ спокойнымъ голосомъ, что мнѣ начало уже казаться, что бѣда для меня миновала; при этомъ тетя сказала, что ведетъ меня къ себѣ домой, и я осмѣлился спросить: живы ли дядины собачки и увижу ли я ихъ?

На мой вопросъ она не отвѣтила и потомъ всю дорогу мы шли молча. Молча мы вошли и во дворъ огромнаго дома въ Эртелевомъ переулкѣ и молча начали подниматься по темной и скользкой лѣстницѣ, на которой пахло дымомъ, кошками и помоями.

Когда мы добрались до пятаго этажа, тетя остановилась у двери и позвонила.

Вдругъ за дверью раздался радостный лай и визгъ собакъ; когда же передъ нами солдатъ отворилъ дверь, изъ нея сразу

выскочили на лѣстницу три собаки и, бросившись къ теткѣ, начали ласкаться, но, замѣтивъ меня, отступили назадъ и неистово залаяли. Отъ страха я боялся пошевелиться.

Тетя крикнула на собакъ и, взявъ меня за руку, ввела въ крошечную, темную прихожую. Когда я заговорилъ съ собаками (это были: черный маленькій пудель и двѣ таксы), пудель пересталъ лаять и сталъ передо мною на заднія лапы; онъ мнѣ такъ понравился и я такъ имъ увлекся, что и не замѣтилъ, какъ въ это же время тетя успѣла отослать солдата въ лавку и снова появилась возлѣ меня съ арапникомъ въ рукахъ; схвативъ грубо меня за плечо, она крикнула:

— Раздѣвайся, мерзавецъ! я привела тебя не въ гости и не играть съ собаками, а чтобы выдрать за воровство.

Я такъ испугался ея суроваго голоса, что весь задрожалъ и не двигался съ мѣста; тогда тетя уже сама впихнула меня въ свою спальню, раздѣла, и я подвергся наказанію арапникомъ. Крики мои заглушалъ вой собакъ, которыя на это время были заперты въ кухнѣ.

Наконецъ тетя перестала меня сѣчь и бросила на полъ арапникъ, а сама, упавъ ничкомъ на кровать, громко рыдала; но вскорѣ овладѣла собой, поднялась съ постели, вытерла себѣ глаза и пошла въ кухню, чтобы выпустить собакъ.

Я стоялъ въ спальнѣ и хотя отъ боли горько плакалъ, но зналъ, что для меня самое худшее теперь кончилось; а когда Гекторъ сталъ снова передо мною на заднія лапы, я пересталъ плакать и съ любопытствомъ обводилъ глазами комнату. Изъ вещей, находившихся въ спальнѣ, меня больше всего заинтересовалъ военный мундиръ, висѣвшій на одномъ изъ стульевъ, а также португеза съ шапкой, которая стояла въ углу. Черезъ нѣсколько времени я перебрался въ другую комнату—это была гостиная, обстановку которой я нашелъ очень шикарней. Мебель была обита желтымъ манчестеромъ, передъ диваномъ круглый столъ, покрытый пестрой шерстяной салфеткой, на столѣ лампа съ розовымъ колпакомъ и маленькій альбомъ въ кожаномъ переплетѣ; на стѣнѣ, въ черной деревянной рамѣ, большая фотографическая группа офицеровъ, подъ фотографіей столикъ, покрытый вязаной бѣлой салфеткой и на немъ деревянный ящикъ, полный папирозъ. Я давно отъ подмастерьевъ научился курить, и теперь, когда я увидѣлъ папирозы, меня сейчасъ же потянуло ихъ украсть. Оглянувшись кругомъ, не видитъ ли меня тетя, я схватилъ изъ ящика нѣсколько папирозъ, сунулъ ихъ въ карманъ своихъ панталонъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ играть съ собаками. Изъ кухни пришла тетя; въ рукахъ у нея была тарелка, на которой лежалъ кусокъ пирога, съ мясомъ.

— Тшь скорѣй, пока дядя не пришелъ,—сказала она, поставивъ на столъ тарелку и придвигая къ нему для меня кресло.

Въ парикмахерской насъ, рабочихъ, пирогами не кормили, и теперь, сидя за столомъ и поѣдая вкусный пирогъ, я былъ бы всѣмъ счастливъ, если бы слѣды отъ арапника не давали себя чувствовать, но я догадался встать и ѣлъ стоя; Гекторъ возлѣ меня стоялъ на заднихъ лапахъ, а таксы, вскочивъ на диванъ, слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ. Тетя сидѣла напротивъ, лицо у нея было веселое, и она, видимо, была довольна, что я съ аппетитомъ ѣмъ пирогъ, и сама предложила мнѣ посмотрѣть, какъ Гекторъ умѣетъ на носу держать сахаръ.

Увидавъ искусство Гектора, я пришелъ въ такой восторгъ, что съ пирогомъ въ рукахъ началъ съ собаками бѣгать по комнатѣ и бросалъ имъ по кусочку; но весь пирогъ мнѣ жалъ было отдать и я его сунулъ въ карманъ своихъ панталонъ. Тетя, видя мои шалости, смѣялась и ласково смотрѣла на меня.

Вдругъ я вспомнилъ, что укралъ изъ ящика папирсы, мнѣ стало стыдно за свой поступокъ и я рѣшился положить ихъ на мѣсто. Уловивъ минуту, когда тетя вышла изъ гостиной, я досталъ изъ кармана папирсы, но, увы, онѣ въ карманѣ уже успѣли сломаться и пропитаться жиромъ отъ пирога. Когда я въ нерѣшимости стоялъ, не зная, что съ ними дѣлать, у входной двери раздался сильный звонокъ; собаки опроретью и съ радостнымъ визгомъ бросились въ прихожую, я догадался, что это пришелъ дядя, и не долго думая бросилъ папирсы за печку.

Тетя вбѣжала взволнованная, одной рукой схватила со стола грязную тарелку, другой начала оправлять на мнѣ рубашку и въ то же время взволнованнымъ голосомъ говорила:

— Это пришелъ мой мужъ, твой дядя, не забудь подойти къ его рукѣ и скажи ему: полюбите меня, дяденька.

Ея волненіе передалось и мнѣ, я чувствовалъ, что мое сердце сильно бьется, и со страхомъ сталъ прислушиваться къ незнакомому голосу. За лаемъ собакъ я не могъ слышать, что говорилъ дядя. Но вотъ раздался звонъ шпоръ, и высокаго роста офицеръ вошелъ въ гостиную; онъ былъ въ сюртукѣ и съ португеей черезъ плечо, лицо красное и суровое. Онъ мнѣ напомнилъ щеголей солдатъ-гренадеровъ, которые заходили къ намъ въ парикмахерскую стричь волосы.

Когда дядя вѣшалъ на стѣну свою португею, его взглядъ только скользнулъ по мнѣ; все его вниманіе было обращено на собакъ.

— Здравствуйте, собачки,—заговорилъ онъ ласковымъ и женоподобнымъ голосомъ:—кушать хотите, никто бѣдныхъ собачекъ безъ барина не накормить.

Я стоялъ въ сторонѣ и все ждалъ, когда собаки перестанутъ возлѣ него прыгать, чтобы подойти къ нему и поздороваться; но дядя съ таксами все разговаривалъ, и онѣ отъ него не отходили;

тогда я приблизился и, чтобы схватить его высоко поднятую руку, начал прыгать вмѣстѣ съ собаками и въ это же время громко сказалъ:

— Здравствуйте, дяденька, полюбите меня.

Но дядя еще выше поднялъ руку и дѣлалъ видъ, что меня не замѣчаетъ. Тетя Нина, въ это время, накрывая на столъ, крикнула мужу.

— Вася, развѣ ты не видишь, что мальчикъ съ тобой здороваается?

Но онъ и на ея слова не обратилъ вниманія, а продолжалъ возиться съ таксами, Гекторъ же въ эту минуту принесъ ему что-то во рту.

— Нина!—громко крикнулъ дядя:—что это значитъ, мои папирсы уже собаки курятъ! Смотри, Гекторъ принесъ въ зубахъ папиросу.

Я съ ужасомъ замѣтилъ, что возлѣ печки лежитъ еще и другая папирска. Тетя тоже увидѣла ее и, бросивъ на меня молніеносный взглядъ, подошла къ мужу и кротко сказала:

— Это, Вася, я виновата; сегодня, набивая тебѣ папирсы, двѣ испортила, вотъ и еще одна.

А я весь красный отъ стыда стоялъ съ понуренной головой и не смѣлъ ни на кого изъ нихъ взглянуть.

Между тѣмъ тетя ласково со мной заговорила:

— Павлуша, приласкайся къ дядѣ, онъ у насъ добрый.

Я не заставилъ повторять приказаніе и подбѣжалъ; но дядя съ брезгливымъ лицомъ отшатнулся отъ меня и, взглянувъ на жену, произнесъ:

— Пожалуйста, избавьте меня отъ него.

Она съ минуты двѣ стояла молча, потомъ заговорила тихимъ, сдавленнымъ голосомъ:

— Я тебя не обманывала, ты все раньше зналъ и обѣщался его усыновить, я, можетъ быть, тогда не пошла бы и замужъ, если бы...

Но громкій смѣхъ мужа прервалъ ея слова.

— Я это давно знаю,—ѣдко заговорилъ онъ:—что вы за меня не вышли бы замужъ, если бы у васъ не было вотъ этого...

И онъ назвалъ меня такимъ именемъ, какимъ въ простонародѣ обыкновенно ругаютъ всѣхъ незаконнорожденныхъ. Я думалъ, что тетя ударитъ мужа: у нея сдѣлалось такое страшное злое лицо; но вмѣсто этого она подбѣжала ко мнѣ, порывисто схватила за руку, отворила въ кухню дверь и такъ сильно толкнула меня въ спину, что я полетѣлъ на полъ и расшибъ себѣ до крови подбородокъ.

Лежа въ кухнѣ на полу, я слышалъ, какъ сильно захлопнулась кухонная дверь. Теперь я чувствовалъ, что безвинно постра-

далъ, и плакалъ не такъ отъ боли, какъ отъ обиды; поднялся же на ноги только тогда, когда солдатикъ подошелъ ко мнѣ и веселымъ голосомъ сказалъ:

— Плюнь ты, паренекъ, на все это дѣло, вставай да помогай мнѣ жарить котлеты; а наши господа теперь до вечера проругаются.

Запахъ отъ жареныхъ котлетъ уже успѣлъ возбудить мой аппетитъ; я быстро вскочилъ съ пола и подошелъ къ плитѣ, гдѣ на небольшой сковородѣ жарилось нѣсколько котлетъ.

— Ишь ёна, барыня-то, какъ тебя раскровянила, горячая ёна у насъ, а только ничего—отходчивая, баринъ не въ примѣръ хуже—ёнъ, что худая пила, пилить тебя цѣлый день: ногдась при немъ я нечаянно стаканъ разбилъ, такъ ёнъ за этотъ стаканъ-то меня цѣлую недѣлю ругалъ...

Я уже говорилъ, что въ дѣтствѣ у меня былъ веселый характеръ—отъ слезъ къ смѣху я очень скоро переходилъ, и теперь, когда солдатикъ, указывая мнѣ на сильно подгорѣвшую на сковородѣ котлетку, сказалъ:

— Эфта кокетина немножко поджарилась, ее на столъ нашему барину не подашь—я тебѣ, паренекъ, ее оставлю,—я сразу повеселѣлъ и пустился съ нимъ въ откровенности: рассказалъ про пріютъ, про парикмахерскую, а также про тетю Нину.

— Ёна, должно быть, мать твоя—въ дѣвкахъ тебя прижила,—разсуждалъ солдатъ:—я много разъ слышалъ, какъ нашъ баринъ ее за тебя упрекалъ; вѣдь и ему тоже обидно, ты для него чужое дитѣ; а только пуцай же и баринъ разсудитъ, что ты въ эфтомъ дѣлѣ неповиненъ: разъ на свѣтъ зародился, такъ и тебѣ жить надо... Вотъ и у насъ въ деревнѣ такой случай былъ...

Но солдатикъ не успѣлъ мнѣ рассказать про случай—дверь въ эту минуту распахнулась, и тетя Нина, въ салопѣ и вся въ слезахъ, вбѣжала въ кухню.

— Иди скорѣй, я тебя одѣну,—крикнула она и прежде всего нахлобучила на меня шапку, потомъ сверхъ моей рубахи надѣла бумазейную, должно быть, ея собственную кофту, наконецъ закутала въ знакомый уже мнѣ сѣрый пуховый платокъ и повела на лѣстницу.

На порогѣ я обернулся и съ грустью посмотрѣлъ на плиту, гдѣ жарилась моя котлетка. Я уже думалъ, что ее мнѣ не придется и попробовать; но когда мы спустились уже съ третьей лѣстницы, сверху раздались поспѣшные мужскіе шаги, и солдатикъ кричалъ:

— Сударыня, повремените!

— Что тебѣ?—сурово спросила, останавливаясь, тетя.

— Вотъ ёнъ... вашъ паренекъ это забыли,—и солдатикъ подалъ мнѣ завернутую въ бумагу котлету.

Я взглянулъ на тетю; она одобрительно кивнула мнѣ головой, чтобы я взялъ изъ рукъ солдата пакетъ; я его взялъ, и мы пошли дальше... Въ этотъ день я былъ опредѣленъ въ другую парикмахерскую.

VIII.

Вторая парикмахерская находилась на Гороховой улицѣ и, по своей обстановкѣ и по количеству рабочихъ, была больше и шикарнѣе первой. Нашъ хозяинъ вдовѣлъ уже нѣсколько лѣтъ, и мы, рабочіе, его почти въ глаза не видали—онъ цѣлые дни проводилъ внѣ дома, за бильярдомъ. Все парикмахерское дѣло лежало на старшемъ его приказчикѣ, Александрѣ Исаевичѣ. Это былъ молодой человекъ, лѣтъ тридцати, недуренъ собой и большой франтъ: его крахмальная рубашка всегда блестѣла чистотой, и каждое утро который-нибудь изъ мастеровъ подвигалъ ему волосы; когда же послѣ завивки Александръ Исаевичъ замѣчалъ на своемъ сюртукѣ хотя одинъ волосокъ, тогда завивавшему его мастерскому за неаккуратность доставалась трепка.

Въ этой парикмахерской и меня начали учить стричь и брить, но въ первое время я практиковался еще только на мальчикахъ и на нашихъ мастеровыхъ, главной же моей обязанностью было, какъ и въ первой парикмахерской, отворять и затворять за посетителями двери. Вскорѣ моя ловкость и вѣжливость съ клиентами понравилась Александру Исаевичу и на меня была возложена еще обязанность: когда онъ подвигалъ или причесывалъ дамъ, я подавалъ ему шпильки и гребенки. Кромѣ того, я разносилъ къ его возлюбленнымъ записки; а такъ какъ Александръ Исаевичъ былъ большой ловеласъ, то бѣгать мнѣ приходилось много и въ разныя части города. Мнѣ было пріятно на часъ или на два уйти изъ парикмахерской и по дорогѣ свести знакомство съ уличными мальчишками побороться съ ними, а иногда и подраться; кромѣ того, отъ возлюбленныхъ Александра Исаевича (преимущественно горничныхъ) я получалъ за принесенныя записки вознагражденіе, иногда деньгами, но чаще чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ, а это было мнѣ на руку, такъ какъ и во второй парикмахерской насъ, рабочихъ, такъ же плохо кормили, какъ и въ первой.

Разъ, посланный съ запиской на Васильевскій островъ, я разыскалъ и пріютъ, гдѣ жилъ въ дѣтствѣ. Здѣсь мнѣ сказали, что Софья Александровна уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ оставила пріютъ, но Ефимовна жила въ немъ. Она, хотя и напоила меня кофе, но уже прежняго ко мнѣ расположенія въ ней не было. Я замѣтилъ, что на Ефимовну непріятно подѣйствовалъ мой видъ и костюмъ простаго рабочаго. Посидѣвъ съ полчаса, я ушелъ изъ пріюта съ тяжелымъ сердцемъ, а потомъ въ него и не заглядывалъ...

Къ нашему Александру Исаевичу очень благоволили его кліентки-дамы; я много разъ слышалъ, какъ онѣ говорили ему, что никто, кромѣ его, не умѣетъ ихъ такъ къ лицу причесать и что онѣ художникъ своего дѣла; Александръ Исаевичъ, съ своей стороны, въ изобиліи расточалъ передъ ними комплименты; слушая его, я всегда удивлялся, какъ онъ могъ у каждой некрасивой дамы найти что-нибудь достойное восхищенія: у одной онъ восхищался густотой волосъ, у другой ихъ цвѣтомъ, у третьей хвалилъ брови и рѣсницы, у четвертой поражался бѣлизной или нѣжнымъ румянцемъ, а если ужъ ничего нельзя было найти красиваго, тогда онъ восхищался тонкостью и атласистостью кожи; прыщеватымъ и морщинистымъ дамамъ онъ съ особою въ голосѣ нѣжностью предлагалъ косметики и честью клялся, что его косметики не бѣдила, хотя и придадутъ ихъ лицамъ бѣлизну, нѣжность и сгонять съ лица морщины. Чтобы научить дамъ, какимъ образомъ обращаться съ его косметиками, а также чтобы показать, какой чудный цвѣтъ лица отъ нихъ получается, Александръ Исаевичъ призывалъ меня и мазалъ при нихъ мое лицо разными бѣлыми и розовыми мазями, пудрилъ, подводилъ карандашами мои глаза и брови и въ мои рѣсницы вклеивалъ какіе-то волосики.

Не знаю отчего, оттого ли, что эти волоски иногда попадали мнѣ въ глаза и сильно раздражали ихъ, или же Александръ Исаевичъ съ моими вѣками обращался ужъ слишкомъ безцеремонно, только съ тѣхъ поръ глаза мои начали болѣть, и въ больницѣ доктора называли мою болѣзнь «трахомой». Косметики на моемъ лицѣ дамамъ нравились и ихъ раскупали нарасхватъ.

Уходя изъ магазина, дамы и мнѣ почти всегда давали на чай; но эти деньги Александръ Исаевичъ сейчасъ же отъ меня отнималъ и запиралъ въ конторку; наконецъ я догадался прятать отъ него деньги у себя за щекой или, еще лучше, возлѣ двери подъ ковромъ, и съ тѣхъ поръ у меня начали водиться деньжонки; но сначала этими деньгами я самъ не пользовался, а ими откупался отъ битья. Нужно сказать, что въ первое время и въ этой парикмахерской (если я не успѣвалъ скрыть слѣды моей болѣзни) по утрамъ меня сѣкли; но процедура сѣченья вскорѣ надоѣла Александру Исаевичу, и онъ приказалъ, чтобы каждый подмастерье, вмѣсто битья ремнемъ, давалъ мнѣ пощечину; а тѣ не только за болѣзнь, но за каждую бездѣлицу, меня били; они стыдили меня также при постороннихъ людяхъ и даже при женщинахъ, и за все это я ненавидѣлъ ихъ. Постоянное грубое и жестокое обращеніе со мной сдѣлало и меня самага раздражительнымъ и злымъ,—только что побитый, съ распухшей щекой или выбитымъ зубомъ, я уже снова дерзилъ; но больше всего я донималъ моихъ обидчиковъ тѣмъ, что умѣлъ въ каждомъ изъ нихъ схватить его смѣшную сторону и передразнить

такъ удачно, что тому, кого я передразнивалъ, дѣлалось обидно, а окружающіе помирали со смѣху.

Не знаю, до чего бы довела меня подобная жизнь, если бы я не подружился на дворѣ съ нашими младшими дворникамъ, съ которыми часто отводилъ душу, жалуясь имъ на своихъ обидчиковъ. Павелъ и Никифоръ, какъ звали моихъ друзей, были молодые парни, недавно пришедшіе изъ деревни на заработки въ Петербургъ; одинъ изъ нихъ игралъ на гармоникѣ, другой хорошо плясалъ. Дружба наша началась съ того, что я разъ, за ихъ неграмотностью, написалъ имъ письмо въ деревню, къ роднымъ, и такъ угодилъ, что они начали считать меня, въ умственномъ отношеніи, выше себя и часто потомъ просили почитать имъ газету про турецкую войну, такъ какъ у обоихъ братья были на войнѣ. Я не только читалъ имъ газеты, но и рассказывалъ сказки, пѣлъ и танцевалъ передъ ними «Полотеровъ»; а они научили меня играть на гармоникѣ и плясать трепака.

Мои оба друга любили выпить и для меня было огромнымъ удовольствіемъ копить цѣлую недѣлю деньги, чтобы въ воскресенье угостить ихъ водкой. Самъ я не любилъ горькой водки, но когда разъ мои друзья поднесли мнѣ рюмку кievской наливки «запеканки», она мнѣ очень понравилась.

Такимъ образомъ я прожилъ въ парикмахерской около двухъ лѣтъ; въ это время тетя Нина очень рѣдко навѣщала меня, а къ себѣ въ домъ ни разу не брала; когда же я уже началъ стричь и брить посѣтителей, со мной случилось одно происшествіе, заставившее тетю Нину взять меня и изъ этой парикмахерской.

IX.

Александръ Исаевичъ, разъ посылая меня съ запиской, долго мнѣ внушалъ, что онъ посылаетъ меня по секрету, и, чтобы я, когда вернусь, никому изъ подмастерьевъ не проговорился, гдѣ я былъ.

— Вотъ тутъ и адресъ написанъ, куда тебѣ нужно итти,— сказалъ онъ и подалъ мнѣ запечатанный конвертъ. Я прочелъ: «Васильевскій островъ, 17-я линія, домъ № 40, дѣвницѣ Екатеринѣ Степановой». Такъ далеко посланнымъ мнѣ быть еще ни разу не приходилось, и, когда я дошелъ пѣшкомъ до 17-й линіи, то порядкомъ усталъ. Наконецъ я разыскалъ и № 40; это былъ одноэтажный, сѣрый, старый домъ, и меня поразило въ немъ одно обстоятельство, что, несмотря на то, что еще было свѣтло, ставни этого дома были наглухо заперты и на улицу изъ дома доносились звуки музыки; когда же я заглянулъ въ щель одного изъ ставней, то увидѣлъ, что въ домѣ зажженъ огонь. На дворѣ я

нашелъ дворника, который указалъ мнѣ дверь въ кухню, а въ ней я увидѣлъ толстую, немолодую, съ грубымъ лицомъ женщину и сейчасъ же замѣтилъ, что она пьяна. Увидавъ меня, она чему-то очень обрадовалась, схватила за плечи, повернула лицомъ къ свѣту, покружилась со мной по кухнѣ, а потомъ, подбоченясь и оскаливъ гнилые зубы, спросила:

— Ты, что же, молодчикъ, ужъ не со мной ли пришелъ погулять?

Я подалъ ей письмо и сказалъ:

— Я, тетенька, пришелъ съ Гороховой, отъ парикмахера Александра Исаевича.

— Знаемъ, знаемъ такого барина,— сказала она:— хорошій онъ; къ нашей Катѣ всегда съ гостинцами ѣздитъ; да и меня не забываетъ... Ужотко я къ ней письмо снесу.

Старуха убѣжала изъ кухни, а я остался одинъ. Чувствуя сильную усталость, я сѣлъ возлѣ стола отдохнуть. На столѣ стоялъ противень съ большимъ окорокомъ жареной телятины, и онъ такъ раздражалъ мой аппетитъ, что я сейчасъ же началъ соображать, что будетъ для меня удобнѣе: — оторвать ли руками кусокъ телятины, или поискать въ столѣ кухоннаго ножа...

Но соображенія мои были вдругъ прерваны въ кухню вбѣжала молоденькая дѣвушка съ сильно обнаженной шеей и руками; лицо ея хотя было и красиво, но мнѣ показалось больнымъ и усталымъ, кромѣ того, очень бросалось въ глаза, что она набѣлена и нарумянена, а ея подведенные тушью глаза были такъ огромны, что даже казались страшными.

— Гдѣ тотъ мальчикъ, что принесъ письмо отъ Александра Исаевича? — спросила она, вбѣгая въ кухню, и, замѣтивъ меня, воскликнула:

— Да какой же ты и самъ-то хорошенькій! пойдѣмъ, я тебя, нашимъ покажу. Черезъ минуту я уже бѣжалъ съ ней по длинному коридору, освѣщенному маленькими керосиновыми лампочками, висѣвшими по обѣимъ стѣнамъ. Въ концѣ коридора была дверь, и, когда мы ее отворили, то очутились въ большой комнатѣ, гдѣ было такъ накурено, что даже лампы на стѣнахъ тускло горѣли, и въ этомъ табачномъ дыму, подъ звуки фортепiano, вертѣлось нѣсколько паръ. Въ первую минуту насъ, кажется, никто не замѣтилъ, а мое вниманіе сразу было обращено на большой столъ, на которомъ стояло много бутылокъ, а на двухъ подносахъ лежали, сложенные горками, апельсины и разныя сладости; мнѣ также бросилась въ глаза кушетка, на которой лежалъ господинъ, безъ сюртука, въ одномъ жилетѣ. Дѣвица Катя, съ которой я прибѣжалъ, сейчасъ же замѣтила, куда чаще всего были обращены мои глаза, и черезъ минуту мои карманы уже были полны гостинцами. Подвитой господинъ, сидѣвшій за форте-

пiано, пересталъ играть: танцюющія пары остановились, и вскорѣ я былъ окруженъ дамами. Всѣ онѣ были съ голыми шеями и руками и, кажется, я имъ всѣмъ понравился; однѣ хвалили мою наружность и даже цѣловали меня, другія спрашивали, умѣю ли я пѣть и танцовать. Я похвасталъ, что пою, съ жестами, «Полотеровъ», а также пляшу трепака.

— Пусть пляшетъ трепака!—закричали кругомъ меня.

Баринъ опять заигралъ на фортепiано и такъ онъ хорошо игралъ, что мои ноги безъ моего вѣдома заходили, и я пустился въ плясъ. Кругомъ аплодировали, кричали «ура, браво», и это еще больше поощряло меня. Наконецъ такъ усталъ, что плясать больше не могъ, и сѣлъ на полу.

— Напоить его! Господа, давайте, его напоимъ!—крикнулъ кто-то изъ мужчинъ.

— Я не люблю горькой водки, — важно отвѣтилъ я:—а пью только запеканку.

— Давайте ему запеканки, посмотримъ, какой онъ будетъ пьяный.

Одна изъ дамъ подошла ко мнѣ со стаканомъ наливки. Я взялъ его изъ ея рукъ, молодцовато расшаркался передъ публикой, пожелалъ всѣмъ здоровья и сразу опорожнилъ стаканъ.

Моя удалъ понравилась.

— Вотъ такъ мальчикъ, — кричали кругомъ:—такой малышъ, а какъ вино здорово тянетъ!

У меня же отъ выпигой наливки закружилась голова, тѣмъ болѣе, что я былъ голоденъ, и, когда мнѣ опять поднесли наливки, я объявилъ, что больше пить не буду.

— Пей, а то насильно въ ротъ вольемъ! — сердито крикнулъ на меня тотъ самый мужчина, который безъ сюртука лежалъ на кушеткѣ.

Изъ страха я выпилъ и второй стаканъ. Меня начало тошнить; когда же мнѣ поднесли третій стаканъ, я заплакалъ; но кругомъ меня стояла пьяная толпа и жалости не знала—слезы мои были встрѣчены хохотомъ, и вдругъ меня схватили на руки и чья-то рука, больно царапая мнѣ губы, открыла мой сжатый ротъ... Дальше что дѣлали со мной, я не помню. Въ памяти только остался дикій хохотъ и что передо мной кружились люди, кушетка и стулья.

Когда на другой день я очнулся, то лежалъ на полу и передо мной стоялъ дворникъ; онъ старался поставить меня на ноги, но отъ головокруженія я не могъ стоять и снова падалъ; тогда онъ облилъ мою голову холодной водой и мнѣ сразу стало легче — я началъ оглядываться и увидѣлъ (чрезъ щели ставней), что на дворѣ день и я нахожусь въ той самой комнатѣ, въ которой меня напоили, но ни дамъ, ни вчерашнихъ мужчинъ уже въ ней не

было; многіе стулья и даже столы были опрокинуты, весь полъ былъ покрытъ окурками, пробками и апельсинными корками.

Между тѣмъ дворникъ понуждалъ меня уходить изъ комнаты, но голова моя такъ болѣла, что мнѣ тяжело было съ мѣста двинуться и я умолялъ его не выгонять меня и, жалуясь на боль въ головѣ, горько плакалъ.

— И за дѣло тебѣ, что голова болитъ,—говорилъ дворникъ:— ты, малецъ, ужъ очень рано гулять началъ; поѣзжай къ своимъ родителямъ, пушай они на тебя посмотрятъ и за этакое-то гулянье хорошенько выдерутъ.

Я слушалъ его молча, понуривъ голову и совершенно безучастно.

Дворникъ почти на своихъ рукахъ вытащилъ меня на дворъ, потомъ выпихнулъ на улицу и, заперевъ за мной ворота, ушелъ; а я, шатаясь и не сознавая еще, куда иду, побрелъ вдоль улицы.

Мало-по-малу воздухъ освѣжилъ меня, и когда я уже началъ соображать, то замѣтилъ, что иду не по той дорогѣ, и, справившись у прохожаго, узналъ, что я забрелъ въ Гавань.

Пришлось вернуться назадъ, и до Гороховой улицы я добрался только къ вечеру. Въ парикмахерской Александръ Исаевичъ встрѣтилъ меня пощечиной и руганью, но, замѣтивъ, что я боленъ и едва стою на ногахъ, онъ приказалъ мнѣ итти въ чуланъ и выспаться. Этимъ, можетъ быть, все бы и кончилось, если бы я умѣлъ молчать, но, къ несчастью, я былъ очень болтливъ и не могъ сохранять ни своихъ, ни чужихъ тайнъ и на другой же день рассказалъ подмастерьямъ, куда Александръ Исаевичъ посылалъ меня и что потомъ было со мною.

Подмастерья не замедлили, въ свою очередь, передать мои слова Александру Исаевичу. А тотъ всегда любилъ передъ ними выставлять себя человѣкомъ нравственнымъ, — всѣ свои любовныя похождения отъ нихъ скрывалъ, и теперь гнѣвъ его противъ меня былъ ужасенъ. Онъ громко клялся, что меня одуеетъ такъ, что я всю свою жизнь объ немъ буду помнить. Свое обѣщаніе онъ не замедлилъ исполнить.

Въ этотъ же день одинъ старый баринъ пришелъ къ намъ постричься и, должно быть, онъ любилъ дѣтей; когда я передъ нимъ ловко распахнулъ дверь, баринъ ласково взглянулъ на меня и сказалъ:

— Какой ты славный, вѣжливый мальчикъ и какое лицо у тебя нѣжное.

Потомъ, обращаясь съ Александромъ Исаевичу, спросилъ:

— Должно быть, этотъ мальчикъ изъ благородныхъ?

А тотъ тихо началъ ему что-то рассказывать и при этомъ съ такой злобой на меня посматривалъ, что мнѣ дѣлалось страшно.

Когда баринъ выходилъ изъ парикмахерской, онъ положилъ мнѣ въ руку пятакъ и грустно сказалъ:

— Какъ жаль, что ты, мальчикъ, такой уже развращенный. Александръ Исаевичъ при этомъ громко засмѣялся и, приказавъ мнѣ подмести на полу волосы, ушелъ изъ магазина.

Я же всѣ эти дни чувствовалъ себя еще слабымъ и, взявъ въ руки половую щетку, началъ вяло подметать полъ и, подметая, вспомнилъ, что старый баринъ похвалилъ мое лицо. Чтобы полюбоваться на себя, я остановился передъ зеркаломъ и вдругъ въ немъ замѣтилъ стоявшаго на порогѣ Александра Исаевича. Я сконфузился, поспѣшно схватилъ въ руки щетку и теперь уже усердно началъ подметать полъ, но черезъ минуту щетка изъ моихъ рукъ была вырвана, и я получилъ такой сильный ударъ по головѣ, что сразу потерялъ сознание.

Пришелъ я въ себя уже въ мастерской, на столѣ; возлѣ меня стояло трое людей: нашъ хозяинъ, Александръ Исаевичъ и докторъ.

Когда я открылъ глаза, докторъ наклонился ко мнѣ и съ ласковой улыбкой сказалъ:

— Вотъ видишь, мальчикъ, какъ не хорошо шалить—ты теперь свою шалость всю жизнь будешь помнить.

Потомъ я узналъ, что Александръ Исаевичъ всѣмъ рассказывалъ, будто онъ нашелъ меня уже безъ чувствъ лежавшимъ на полу и что я, вѣроятно, лазилъ въ его шкафъ и, упавъ съ табурета, ударился головою объ уголъ стола. Это же самое онъ написалъ и тетѣ Нинѣ, когда увѣдомлялъ ее о моей болѣзни. На головѣ у меня былъ пробитъ черепъ, и докторъ, опасаясь сотрясенія мозга, совѣтовалъ отправить меня въ больницу; но Александръ Исаевичъ, боясь, чтобы я въ больницѣ не рассказалъ, какъ онъ бьетъ мальчиковъ, просилъ хозяина позволить мнѣ лечиться на дому и даже на свои деньги приглашалъ ко мнѣ доктора.

Больной, я лежалъ въ томъ самомъ чуланѣ, гдѣ раньше спалъ; онъ былъ совсѣмъ темный; въ одномъ углу находилась моя постель, въ другомъ—складъ волосъ.

Первые дни своей болѣзни я почти все время былъ въ забытьѣ; разъ, открывъ глаза, я увидѣлъ на полкѣ зажженный огарокъ и тетю Нину, сидѣвшую возлѣ меня на табуретѣ.

Увидавъ, что я открылъ глаза, она ласковымъ голосомъ со мной заговорила:

— Ну, что, мой дурачокъ, проснулся! Какъ же твоя голова, меньше теперь болитъ?

Я еще былъ такъ слабъ, что не могъ говорить и въ отвѣтъ ей только улыбнулся.

— Ну, вотъ видишь, до чего довели тебя твои шалости,—продолжала тетя:—и этотъ хозяинъ мнѣ объявилъ, что онъ тебя не будетъ держать.

Я хотѣлъ разсказать ей все дѣло, хотѣлъ оправдаться, но у меня сильно болѣла голова, одолѣвала сонливость и я снова закрылъ глаза... Александръ Исаевичъ сдержалъ свое слово—я его вспоминаю и до сихъ поръ: отъ его удара на моей головѣ еще и теперь есть рубецъ и этому же удару доктора приписываютъ и тѣ частыя головныя боли, отъ которыхъ я такъ сильно страдаю.

Х.

Когда послѣ болѣзни я всталъ, тетя Нина пришла за мной, чтобы свести меня въ Человѣколюбивое общество, куда за это время она успѣла меня опредѣлить. По дорогѣ тетя разсказывала, сколько изъ-за меня ей приходилось бѣгать и хлопотать. Когда мы пришли въ Человѣколюбивое общество, насъ встрѣтилъ членъ правленія Н., онъ съ нами обошелся вѣжливо и спросилъ меня, какое ремесло мнѣ лучше нравится; когда же я сказалъ, что хочу окончить начатое мною парикмахерское мастерство, онъ отвѣтилъ, что въ настоящее время въ распоряженіи только три вакансіи: рѣзчика, коробочника и портного. Для рѣзчика онъ нашель, что у меня слабы глаза, для портного слаба грудь, оставалось быть—только коробочникомъ, и въ этотъ же день я былъ опредѣленъ къ коробочнику Антону Карпову, который тогда жилъ на Литейной.

Въ этой мастерской я пробылъ ровно три года. Съ первыхъ же дней моего водворенія у Карпова я началъ съ нимъ ходить по лавкамъ, и хозяинъ меня заставлялъ во время его разговора съ лавочникомъ незамѣтно стащить какую-нибудь вещь, а потомъ, когда мы выйдемъ изъ лавки, передать ему. Вскорѣ оказалось, что и другіе мальчики, жившіе у Карпова, дѣлали то же самое; если же случалось, что который-нибудь изъ насъ въ кражѣ попадался, Карповъ выдавалъ того торговцу головой, а когда торговецъ начиналъ бить мальчика, нашъ хозяинъ стоялъ тутъ же и приговаривалъ:

— Учи его больше, за дѣло его, за дѣло!

Я же за кражу чуть было не попалъ и въ тюрьму.

Пошли мы разъ съ хозяиномъ въ шапочный магазинъ, и тутъ онъ приказалъ мнѣ украсть шапку; я это сдѣлалъ такъ неловко, что мою кражу лавочникъ замѣтилъ и мало того, что самъ отодралъ меня за волосы, но хотѣлъ позвать и городского, чтобы составить протоколъ. Тогда нашъ хозяинъ началъ просить лавочника, чтобы онъ лучше самъ меня отколотилъ, сколько влѣзетъ, а городского не призывалъ и не срамилъ его, Карпова. Просьба его была уважена, лавочникъ надавалъ мнѣ здоровыхъ кулаковъ и вытолкалъ изъ лавки.

Только благодаря совѣтамъ жены Карпова, Акулины Степановны, я пересталъ сопровождать ея мужа по лавкамъ. Она потихоньку научила меня напугать Карпова тѣмъ, что я разскажу въ Человѣколюбивомъ обществѣ о всѣхъ его продѣлкахъ. Угроза помогла, и Карповъ пересталъ меня брать съ собою, мое же мѣсто при немъ замѣнилъ другой мальчикъ, котораго звали Петей.

Въ коробочной всѣхъ мастеровыхъ было пять человѣкъ: два парня взрослыхъ и три мальчика; старшему изъ насъ, Сергѣю, было четырнадцать лѣтъ, мнѣ тринадцать, а самому младшему, Петѣ, девять лѣтъ.

Въ коробочной, какъ и въ парикмахерской, насъ, мальчиковъ, били: билъ насъ хозяинъ, били и мастеравые. Когда же мы жаловались на битые, то старшіе намъ говорили:

— Когда вы вырастете, то и сами будете бить младшихъ.

Въ истинѣ этихъ словъ я скоро убѣдился. Старшаго изъ насъ мальчика, Сергѣя, хозяинъ сдѣлалъ подмастерьемъ, и онъ, вѣрный традиціямъ всѣхъ мастерскихъ, сейчасъ же началъ насъ бить. Въ мое время битые учениковъ въ мастерскихъ было въ порядкѣ вещей, и мы къ нему даже привыкали. Я самъ только недавно дошелъ до той мысли, что дѣтей и безъ битья можно чему-нибудь выучить.

Въ первый годъ моего поступленія въ коробочную меня такъ же, какъ и въ парикмахерской, очень мало приучали къ коробочному дѣлу. Я съ Петей были долго на побѣгушкахъ, помогали Акулинѣ Степановнѣ нянчить дѣтей, которыхъ у нея было двое: сынъ двухъ лѣтъ и дочка шести мѣсяцевъ.

Акулина Степановна была хорошая и добрая женщина, но мужъ ее не любилъ, и на сторонѣ у него была другая семья, и этой семьѣ Карповъ отдавалъ весь свой заработокъ; свою же жену постоянно упрекалъ, что она разоряетъ его и худо экономничаетъ; между тѣмъ отъ экономіи Акулины Степановны мы, рабочіе, чуть съ голода не умирали; зимой мы только и ѣли, что картофель съ гнилыми селедками, а лѣтомъ черный хлѣбъ и лукъ съ квасомъ. Изъ-за харчей старшіе мастеравые часто роптали и даже иногда угрожали, что они перейдутъ къ другому хозяину. Въ это время хозяйка начинала имъ жаловаться на своего мужа и клялась, что онъ, когда уходитъ изъ дома, то оставляетъ на нашъ прокормъ всего нѣсколько копеекъ.

Рабочіе говорили, что, только жалѣя Акулину Степановну, они остаются у Карпова.

Но мы, мальчики, знали, отчего старшіе мастера не уходятъ отъ Карпова: они имѣли побочные доходы—крали матеріалъ и сбывали его, дѣлая потихоньку отъ хозяина чемоданы и коробки.

Изъ насъ же, мальчиковъ, лучше всѣхъ жилось одному Сергѣю. Онъ тоже, какъ и я, былъ незаконнорожденный; его мать была

кухарка и жила въ Царскомъ Селѣ, каждую недѣлю она привозила сыну гостинцевъ, и не только ему, но и хозяину и хозяйкѣ, чтобы они берегли ея Сережу. Я никогда и никому такъ не завидовалъ, какъ нашему Сергѣю, и завидовалъ я ему не потому только, что онъ каждое воскресенье ѣлъ пироги, но въ томъ, что его мать любила. Я часто съ завистью наблюдалъ, когда мать его ласкала или съ любовью глядѣла на него, и въ это же время думалъ о своей матери, которую мнѣ приказано было называть «тетей Нинной», и отъ которой, кромѣ побоевъ, я еще ничего не видѣлъ; и теперь, поступивъ къ коробочнику, я тщательно въ продолженіе цѣлаго года каждый праздникъ ожидалъ ея прихода.

Такая забывчивость со стороны моей матери теперь для меня была чувствительнѣе, чѣмъ прежде: я уже не былъ такимъ веселымъ, беззаботнымъ мальчикомъ, котораго бывало побьютъ, высѣкутъ, а онъ, несмотря на боль, чрезъ минуту уже смѣется и даже дразнить обидчиковъ; теперь я и безъ битья началъ грустить и плакать и при этомъ часто хворалъ головной болью или желудкомъ, который отказывался переваривать гнилыя селедки.

Мой товарищъ Петя тоже, какъ и я, былъ мальчикъ измученный голодомъ и побоями, и мы съ нимъ часто, забравшись въ деревянной сарай, говорили о своей горькой долѣ...

Такъ мы жили больше года, когда насъ обоихъ хозяинъ послалъ на фабрику за картономъ. Только что мы вышли съ нашего двора, какъ насъ остановилъ незнакомый мужчина. Онъ былъ чисто одѣтъ и при часахъ; незнакомецъ сказалъ, что онъ знаетъ нашего хозяина Карпова, а также знаетъ, какъ тотъ бьетъ мальчиковъ и худо кормить, при этомъ предложилъ намъ убѣжать отъ нашего хозяина и работать у него. Самъ онъ обѣщался насъ хорошо кормить и даже положить намъ жалованье. Незнакомецъ повелъ насъ въ трактиръ, гдѣ не только накормилъ, но и поднесъ каждому изъ насъ по стакану меду.

Въ трактирѣ мы условились, что онъ сегодня вечеромъ, подъ видомъ родственника Пети, придетъ къ намъ въ коробочную и, когда мы оба выйдемъ его провожать, то уже больше не вернемся назадъ, а побѣжимъ къ нему.

Незнакомецъ сдержалъ свое слово, пришелъ къ намъ и увелъ насъ къ себѣ.

Жилъ онъ въ подвалѣ, въ одномъ изъ домовъ по сосѣдству съ нами. Когда мы у него увидѣли украденные у нашего хозяина пиджакъ и брюки, мы сразу догадались, что онъ мазурикъ.

На другой день, рано утромъ мы были разбужены нашимъ новымъ хозяиномъ.

— Вставайте, молодчики, пора на работу.

А на насъ уже и страхъ напалъ, мы объявили ему, что хотимъ вернуться домой; но мазурикъ теперь съ нами не церемонился и

пригрозилъ битьемъ, если мы его не будемъ слушаться. Кончилось тѣмъ, что мы отправились съ новымъ хозяиномъ на работу (такъ онъ, по крайней мѣрѣ, называлъ воровство въ Александровскомъ рынкѣ).

Чтобы не опоздать, намъ было приказано бѣжать на рынокъ бѣгомъ и мнѣ было жаль смотрѣть на маленькаго Петю, который на своихъ кривыхъ ногахъ едва успѣвалъ за нами слѣдовать. Когда мы прибѣжали, то на толкучкѣ было еще мало торговцевъ, только одни маклаки, и сейчасъ же одному изъ нихъ нашъ мазурикъ продалъ пиджакъ нашего хозяина, а потомъ намъ похвасталъ, что, продавая его, онъ успѣлъ стащить у маклака перочинный ножикъ и карманные часы... Работу же на рынкѣ между нами троими онъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: меня заставилъ носить на головѣ пустую корзину, а самъ съ Петей пошелъ красть. Я долженъ былъ, кромѣ того, слѣдить за ними и въ случаѣ, если мазурикъ сдѣлаетъ мнѣ знакъ, сейчасъ же подбѣжать къ нему. Черезъ нѣсколько времени моя корзина была наполнена разными вещами и съѣстными припасами. Петя съ торжествомъ клалъ въ мою корзину колбасу и булки, которыя онъ воровалъ съ лотковъ; мазурикъ же своей ловкостью въ рукахъ приводилъ меня въ изумленіе. На моихъ глазахъ онъ въ одну секунду у одной старухи вытащилъ портмонэ и тутъ же у барина стоявшаго рядомъ съ нимъ, отрѣзалъ часы.

— Учись и ты такъ же чисто работать,—говорилъ онъ мнѣ:—завтра я тебя одного съ Петей пошлю сюда на рынокъ...

Наконецъ нашъ мазурикъ усталъ и захотѣлъ позавтракать. Для этого мы отправились въ Юсуповъ садъ, тамъ сѣли на скамейку, достали изъ корзины колбасу и булки и вкусно позавтракали. Подкрѣпивъ такимъ образомъ свои силы, мы опять отправились въ Александровскій рынокъ, но уже для того, чтобы тамъ сбыть только что украденныя вещи.

По дорогѣ изъ сада я впереди себя вдругъ замѣтилъ нашу хозяйку Акулину Степановну и сейчасъ же догадался, что она идетъ въ Человѣколюбивое общество, чтобы объявить о моемъ исчезновеніи. Увидавъ ее, я совсѣмъ потерялся, а главное, мнѣ вдругъ стало стыдно, что я уже теперь форменный воръ; кромѣ того, мнѣ пришло въ голову и то, что тетя Нина въ мое отсутствіе придетъ въ коробочную и, когда узнаетъ, что я сталъ настоящимъ воромъ, опять будетъ плакать, какъ уже плакала изъ-за меня въ первой парикмахерской.

Не долго думая, я остановился и объявилъ мазурику, что если онъ не хочетъ на себя наклеить бѣды, то пусть беретъ отъ меня свою корзину, а меня съ Петей отпустить домой. Мазурикъ сначала заупрямился, но я клялся, что, если онъ насъ будетъ задерживать, я сейчасъ же кликну городского, который стоитъ на углу, и выдамъ его. Тогда мазурикъ струсиль.

— Пожалуй, иди,—сказалъ онъ:—только не бери у меня Пети; я его буду беречь, у мальчика большія способности.

А Петя, боясь, что дома, у Карпова, его высѣкутъ, захотѣлъ остаться съ мазурикомъ. Тогда я одинъ бросился догонять Акулину Степановну, которая уже давно опередила меня. Я ее нашель, какъ и думалъ, въ Человѣколюбивомъ обществѣ, и она уже успѣла объявить о моемъ побѣгѣ, а также и о томъ, что съ моимъ исчезновеніемъ изъ дома у ея мужа пропалъ пиджакъ. Я же, чтобы оправдаться, началъ тоже жаловаться, что у коробочника меня бьютъ и морятъ голодомъ. Но члены общества на мои жалобы не обратили вниманія и приказали дядькѣ посадить меня въ карцеръ, и въ этотъ же день я былъ высѣченъ. Процедура сѣченья была слѣдующая: меня изъ карцера потребовали въ комнату, гдѣ я увидѣлъ воспитанниковъ, которые были выставлены въ рядъ. Посреди комнаты стояла скамейка, а возлѣ нея въ корытѣ, въ соленомъ кипяткѣ, были помочены длинныя розги. Когда я вошелъ, одинъ изъ членовъ правленія, обращаясь къ воспитанникамъ, сказалъ рѣчь; въ ней онъ говорилъ, что я подлежу за побѣгъ и воровство наказанію двадцати пяти ударовъ и, повернувшись въ мою сторону, приказалъ мнѣ снять панталоны, а чтобы розги не вырывали изъ тѣла мяса, на меня приказалъ накинуть мокрую простыню; два дворника держали меня; одинъ за ноги, другой за голову, дядька сѣкъ, и, нужно прибавить, усердно меня сѣкъ.

По окончаньи сѣченья членъ общества опять сказалъ рѣчь, что если я снова убѣгу или попадусь въ воровствѣ, тогда Человѣколюбивое общество отдастъ меня въ колонію малолѣтнихъ преступниковъ, а теперь оно приказываетъ мнѣ вернуться въ ту мастерскую, куда раньше я былъ опредѣленъ. Но такъ какъ я, послѣ наказанія, ослабѣлъ и не могъ итти пѣшкомъ, то мнѣ было позволено переночевать въ карцерѣ.

На другой день я явился къ Карпову. Онъ встрѣтилъ меня кулаками и все выпытывалъ, гдѣ я былъ и куда дѣвался Петя, но ни его побои, ни брань не заставили меня открыть пристанище знакомаго мнѣ мазурика; кромѣ того, послѣ сѣченья въ Человѣколюбивомъ обществѣ я уже раскаивался, зачѣмъ ушелъ отъ мазурика, даже замышлялъ снова къ нему убѣжать, и только потому не исполнилъ своего намѣренія, что въ этотъ же день, когда я вернулся къ Карпову, городской привелъ къ намъ Петю, и я отъ него узналъ, что нашъ мазурикъ попался и его забрали въ полицію.

М. Е. Васильева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВОЕННО-СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ.

I.

Дѣло Арифъ-Ходжи и Шабанъ-Ходжи.

Въ 1876 г. именитые турки города Филиппополя Арифъ-Ходжа и Шабанъ-Ходжа добровольно возложили на себя, съ цѣлю наживы, обязанности главныхъ агентовъ тайной комиссiи, задавшейся намѣренiемъ уничтожить все болгарское населенiе Восточной Румелии, заподозрѣнное въ желанiи низвергнуть мусульманское иго. Подчиненные имъ агенты, изъ башибузуковъ, безъ разбора хватая зажиточныхъ болгаръ, сажали ихъ въ тюрьму и тѣхъ изъ задержанныхъ, которые уплачивали отъ двухсотъ до трехсотъ турецкихъ лиръ, освобождали, не имѣвшихъ же средствъ, или не знавшихъ за собою вины, а потому противившихся вымогательству денегъ, по приказанiю Арифа, передавали въ судебную комиссiю, съ указанiемъ на нихъ какъ на бунтовщиковъ, а комиссiя, руководствуясь однимъ такимъ указанiемъ, тотчасъ приговаривала ихъ къ смертной казни, если родственники обвиняемыхъ не вносили значительнаго денежнаго выкупа.

Не довольствуясь такою дѣятельностью, Арифъ, отличавшiйся фанатическою ненавистью къ христiанамъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Шабаномъ организовалъ нѣсколько шаекъ, начальство надъ которыми поручилъ сыну своему Мехмедъ-Эфенди, внуку

Хавса-Ахмету и сыну Шабана Мехмеду. Развѣзжая съ этими шайками по Филиппопольскому санджаку (округу), начальники шаяекъ жгли и разрушали города и села, насиловали женщинъ, истязали и убивали христіанъ, грабили имущество и съ богатою добычею возвращались въ Филиппополь. Въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ выяснено слѣдствіемъ, Арифъ и Шабанъ этими разбоями и грабежами приобрѣли болѣе трехъ милліоновъ турецкихъ лиръ, т. е. около 25 милліоновъ рублей.

Изъ безчисленныхъ преступленій, совершенныхъ упомянутыми шайками, слѣдующія удалось установить и провѣрить при производствѣ слѣдствія: 1) убійство сорока мужчинъ и пяти дѣвиць, бѣжавшихъ изъ села Перущицы; 2) нападеніе на домъ болгарина Янко Николева и зарытіе четырехъ его малолѣтнихъ дѣтей въ сугробы снѣга; 3) убійство, послѣ жестокихъ истязаній именитаго болгарина Янко Дмитріева; 4) повѣшеніе на мосту въ Филиппополѣ престарѣлаго священника изъ Сенжерли и 5) разореніе селъ Калофера, Карлова, Сонота, Аджара, Рахманли и Суйчюка, съ ограбленіемъ имущества и убійствомъ тѣхъ изъ жителей этихъ селъ, которые не успѣли бѣжать до нападенія.

Звѣрство шаяекъ было безпримѣрное: прежде всего набрасывались на женщинъ и дѣвочекъ, срывали съ нихъ украшенія, публично насиловали и передавали товарищамъ, которые ятаганамъ рѣзали ихъ на куски, сваливая въ кучу. Всѣхъ мужчинъ-христіанъ убивали, производили повальный грабежъ имущества, которое укладывали на взятыя подводы, и, послѣ поджога разграбленнаго селенія, отправлялись въ слѣдующее село. Немногимъ удавалось спастись бѣгствомъ, напр., изъ 50 взрослыхъ мужчинъ, схваченныхъ въ Перущицѣ, спаслось 9; въ селеніяхъ Суйчюкѣ и Рахманли болѣе ста женщинъ были заперты въ сарай, изнасилованы и затѣмъ убиты или искалѣчены.

Послѣ занятія русскими войсками Филиппопольскаго санджака Арифъ и Шабанъ не послѣдовали за отступающими турецкими войсками, а съ шайками своими скрывались въ горныхъ ущельяхъ, продолжая дѣлать набѣги на болгарскія деревни, пока не были пойманы и доставлены въ Филиппополь. Привлечены они къ отвѣтственности не за всѣ совершенныя по ихъ приказанію преступленія, а лишь за тѣ изъ нихъ, которыя содѣяны послѣ прокламаціи главнокомандующаго, установившаго подсудность мѣстныхъ жителей военному суду въ мѣстности, занятой арміею.

Ни въ одномъ изъ предъявленныхъ обвиненій Арифъ и Шабанъ не признали себя виновными, несмотря на собранныя противъ нихъ многочисленныя и неотразимыя улики. По окончаніи слѣдствія оно поступило ко мнѣ, какъ къ прокурору отдѣльнаго филиппопольскаго военнаго суда, на заключеніе, а такъ какъ предварительное слѣдствіе, въ виду трудности собранія доказа-

тельствъ, тянулось очень долго, то смѣнившій филиппопольскаго генераль-губернатора генерала Столынина императорскій комиссаръ князь Дондуковъ-Корсаковъ, пригласивъ меня къ себѣ, потребовалъ немедленнаго рѣшенія дѣла, какъ справедливаго возмездія болгарамъ за причиненныя имъ обиды.

Я отвѣтилъ князю, что дѣло поступило ко мнѣ только сегодня и что въ установленный закономъ двухдневный срокъ мое заключеніе будетъ ему представлено для преданія обвиняемыхъ суду, по полученіи же приказа я въ тотъ же день внесу въ судъ обвинительный актъ, копія съ котораго въ день распорядительнаго засѣданія можетъ быть вручена подсудимымъ, послѣ чего черезъ два дня состоится судебное засѣданіе.

— Это черезчуръ долго,—сказалъ князь:—я вѣдь могу приказать, чтобы безъ всякихъ формальностей судъ состоялся завтра?

— Нѣтъ, ваше сіятельство,—возразилъ я:—приказать этого вы не можете, такъ какъ не уполномочены отмѣнить уставъ; такое распоряженіе, если бы ему подчинился судъ, составляетъ нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства, которое неизбѣжно повлечетъ отмѣну приговора, и тогда дѣло затянется на мѣсяць и болѣе.

Вслѣдъ за этимъ я доложилъ князю статьи военно-судебнаго устава, въ которыхъ указаны его права, относящіяся до преданія суду.

Выслушавъ докладъ, князь сказалъ:

— Поступайте по закону, но пожалуйста не медлите; всѣхъ допрошенныхъ свидѣтелей я велѣлъ задержать здѣсь до суда, а потому не встрѣтятся затрудненій въ вызовѣ ихъ.

Возвратясь домой, когда я углубился въ разсмотрѣніе дѣла, вѣстовой доложилъ мнѣ, что какой-то человекъ проситъ разрѣшенія переговорить со мною. Вошелъ господинъ въ фескѣ, но въ европейскомъ платьѣ и, отрекомендовавшись сыномъ Арифъ-Ходжи, на прекрасномъ французскомъ языкѣ просилъ выслушать его. Усадивъ его противъ себя, я спросилъ, чѣмъ могу служить.

— Я буду кратокъ,—отвѣчалъ онъ:—къ вамъ поступило на заключеніе дѣло моего отца; если вамъ угодно получить сейчасъ чекъ на Оттоманскій банкъ на пятьдесятъ тысячъ турецкихъ лиръ, т. е. по курсу на 450.000 рублей, то вы напишете въ заключеніи: «не подсуденъ русскимъ судамъ», и перешлете отца для сужденія въ Константинополь.

Въ сильномъ негодованіи я замѣтилъ этому господину, что онъ не смѣетъ такъ говорить съ русскимъ офицеромъ и въ особенности съ военнымъ прокуроромъ и что подкупить военный судъ невозможно, причѣмъ предложилъ ему выйти изъ кабинета.

Не уходя, онъ просилъ меня подумать, такъ какъ все равно дѣло это кончится ничѣмъ, но только будетъ стоить имъ отъ двухсотъ до трехсотъ тысячъ турецкихъ лиръ. Въ отвѣтъ на это я

позвонилъ и приказалъ вошедшему старшему писарю вывести нахала.

На другой день заключеніе было послано императорскому комиссару, въ тотъ же день состоялся приказъ о преданіи суду, послѣ чего внесенъ обвинительный актъ, а черезъ три дня подсудимые, въ присутствіи многочисленной публики и иностранныхъ консуловъ, были признаны виновными и приговорены къ смертной казни чрезъ повѣшеніе; черезъ три часа былъ объявленъ приговоръ въ окончательной формѣ, который черезъ двое сутокъ вошелъ въ законную силу и отправленъ на утверженіе не императорскаго комиссара, чѣмъ послѣдній былъ крайне недоволенъ, а къ главнокомандующему генералу Тотлебену такъ какъ отдѣльный филиппопольскій военный судъ числился въ составѣ дѣйствующей арміи.

Во время приготовительныхъ къ суду распоряженій сынъ Арифа, явившись къ предсѣдателю суда, полковнику Костину, предлагалъ ему и двумъ временнымъ членамъ шестьдесятъ тысячъ турецкихъ лиръ за оправданіе отца. Рассказывая мнѣ объ этомъ, милѣйшій, но очень горячій Владимиръ Ивановичъ жестами показывалъ, какъ онъ спустилъ съ лѣстницы лиходателя; теперь, говоритъ, уже никому изъ насъ взятки не предложить, и дѣйствительно онъ уѣхалъ въ Константинополь и ходатайствомъ своимъ вызвалъ энергичныя ноты Порты отъ 8—20 и 16—28 августа 1878 г., которыми отъ нашего посланника требовалось аннулированіе приговора суда и передача подсудимыхъ и дѣла о нихъ турецкому правительству.

Черезъ недѣлю послѣ отсылки приговора къ главнокомандующему я получилъ отъ исполняющаго обязанности главнаго военного прокурора дѣйствующей арміи телеграмму: «подайте немедленно протестъ по дѣлу Арифа и Шабана», на которую отвѣчалъ: «приговоръ вошелъ въ законную силу и поводовъ къ протесту нѣтъ». Новая депеша: «протестуйте на неподсудность дѣла», мой отвѣтъ: «не могу, самъ далъ заключеніе о подсудности дѣла, а судъ безъ законныхъ поводовъ не возстановитъ срока». Послѣ этого прошло десять дней, и никакого отвѣта изъ Санъ-Стефано. Наконецъ князь Дондуковъ-Корсаковъ получилъ отъ генерала Тотлебена письмо, которымъ его увѣдомили, что не слѣдовало Арифа и Шабана предавать суду и даже возбуждать дѣло, ибо они дѣйствовали не какъ частныя лица, а по обязанности эмиссаровъ турецкаго правительства, а такіе преступники, согласно Санъ-Стефанскимъ прелиминаріямъ, не подсудны русскимъ судамъ.

24 августа, въ 5 ч. утра ко мнѣ пришелъ ординарецъ императорскаго комиссара и объявилъ, что князь немедленно требуетъ меня къ себѣ. Я засталъ князя въ такомъ гнѣвномъ настроеніи, что сначала не понималъ, кого онъ бранить и противъ кого возбу-

ждаются обвиненія въ позорной слабости и въ униженія чести и достоинства Россіи. Видя мое недоумѣніе, князь бросилъ на столъ письмо и сказалъ: «Читайте, а я пойду, немного успокоюсь». Письмо это было отъ главнокомандующаго и въ немъ указывалось на неправильное привлеченіе къ отвѣтственности Арифа и Шабана за политическія преступленія, неподсудныя русскому суду; далѣе упоминалось, что приговоръ не только не будетъ утвержденъ, но кассационное присутствіе отмѣнитъ все производство, такъ какъ необдуманная по этому дѣлу дѣйствія филиппопольскихъ властей вызвали конфликтъ съ Портою и нашъ посланникъ въ Константинополь, препровождая къ главнокомандующему копию съ двухъ нотъ великаго визиря, проситъ немедленно уладить дѣло. Къ этому присовокуплялось требованіе, освободивъ заключенныхъ изъ тюрьмы, немедленно отправить ихъ подъ конвоемъ въ Константинополь, гдѣ сдать турецкимъ властямъ. Когда я кончилъ чтеніе длиннаго письма, князь вышелъ изъ сосѣдней комнаты, все еще крайне возбужденный, и опять сталъ доказывать, что только нѣмцы и враги Россіи ставятъ ни во что ея униженіе и что онъ ни въ какомъ случаѣ не подчинится распоряженію главнокомандующаго, а приведетъ приговоръ суда въ исполненіе, при этомъ князь потребовалъ, чтобы я немедленно представилъ ему копию съ приговора.

Я отвѣтилъ, что не могу исполнить это приказаніе, такъ какъ приговоръ вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ отправленъ въ Санъ-Стефано на конфирмацію и снять сейчасъ съ него копию невозможно. На вопросъ, что я думаю о прочитанномъ письмѣ, я высказалъ убѣжденіе, что какъ посланникъ, такъ и главнокомандующій введены въ заблужденіе, очевидно, небезкорыстными нотами Порты, на которую дѣйствуютъ родные подсудимыхъ, пытавшіеся и здѣсь подкупить судъ.

— Знаете что,—живо сказалъ князь:—поѣзжайте съ первымъ поѣздомъ въ Санъ-Стефано, доложите все дѣло Тотлебену и скажите ему, что я ношу такіе же вензеля, какъ и онъ, что по этому дѣлу рѣшенію его не подчинюсь, а разверну такія свои полномочія, о которыхъ онъ и не подозреваетъ.

— Ваше сіятельство, я не имѣю права отлучиться отъ мѣста служенія безъ разрѣшенія главнаго военнаго прокурора, я остался здѣсь одинъ, всѣ дѣла останоятся, и судебныя засѣданія не могутъ открываться безъ прокурора, кромѣ того, не могу передать слова ваши главнокомандующему, такъ какъ, простите меня за возраженіе, они не только не будутъ способствовать правильному разрѣшенію дѣла, но безъ пользы обострятъ ваши взаимныя отношенія, которыя, какъ вы изволили упомянуть, и безъ того натянуты.

— Хорошо, все, что считаю нужнымъ сказать Тотлебену, изложу въ письмѣ, а вы сегодня въ два часа дня поѣдете съ этимъ письмомъ въ Санъ-Стефано.

— Ваше сіятельство, я буду телеграфировать исп. обяз. главнаго военнаго прокурора о разрѣшеніи пріѣхать въ Санъ-Стефано?

— Не нужно. Вы отъ меня получите предписаніе, что въ силу предоставленной мнѣ высочайшею волею власти я считаю необходимымъ безотлагательно командировать васъ для личнаго доклада главнокомандующему. Приходите въ 11 ч. завтракать, письмо и предписаніе къ тому времени будутъ готовы.

Что было дѣлать, пришлось повиноваться. Сообщивъ предсѣдателю, чтобы назначенныя къ слушанію дѣла были отложены, я передалъ находящіяся въ производствѣ переписки кандидату на военно-судебныя должности Юстицкому, просидѣлъ съ нимъ четыре часа, давая нужныя указанія, уложилъ необходимыя вещи въ чемоданъ и къ 11 часамъ былъ у князя, который тотчасъ передалъ мнѣ запечатанное, увѣсистое письмо къ главнокомандующему и приказалъ послѣ завтрака зайти въ канцелярію за полученіемъ предписанія и путевыхъ денегъ. Получивъ подробныя инструкціи на словахъ, чего нужно добиться отъ главнокомандующаго, я въ два часа дня выѣхалъ изъ Филиппополя, а 25 августа, въ 10 ч. вечера прибылъ въ Санъ-Стефано, гдѣ остановился у друга моего Михаила Васильевича Рклицкаго, который тогда занималъ должность помощника завѣдывающаго судною частью. Изъ сосѣдней комнаты пришелъ и самъ завѣдывающій судною частью Иванъ Дмитріевичъ Ахшарумовъ и чуть не до 3 часовъ ночи говорилъ о дѣлѣ, браня Дондукова - Корсакова, который затѣялъ эту кутерьму; мнѣ же Ахшарумовъ передалъ, что главнокомандующій недоволенъ отказомъ подать протестъ и даже выразилъ мнѣніе, что за неповиновеніе меня слѣдуетъ отчислить отъ должности прокурора, съ прикомандированіемъ къ канцеляріи.

— А вы, Иванъ Дмитріевичъ, докладывали, что я не имѣлъ, по закону, права подачи протеста на вошедшій въ законную силу приговоръ, согласный съ моимъ заключеніемъ?

Онъ замялся и отвѣтилъ: «Развѣ Тотлебену можно что-либо докладывать».

Изъ всѣхъ разговоровъ я убѣдился, что Ахшарумовъ, несмотря на то, что дѣло лежало у него болѣе двухъ недѣль, совсѣмъ не знаетъ его, хотя и собирается отмѣнить все производство, въ порядкѣ надзора, за нарушеніемъ законовъ о подсудности, несмотря на отсутствіе протеста и кассационной жалобы. Рклицкій, выслушавъ мое объясненіе, сказалъ Ахшарумову, чтобы онъ завтра выходилъ самъ и давалъ какое ему угодно заключеніе объ отмѣнѣ производства вѣсудебнымъ порядкомъ; онъ же, убѣдившись, что законы о подсудности не нарушены, даетъ заключеніе, что нѣтъ поводовъ къ возобновленію дѣла. Къ этому мнѣнію присоединились присутствовавшіе при разговорѣ два члена кассационнаго присутствія. Не зная, какъ поступить, Ахшарумовъ упростилъ от-

ложить дѣло на три дня, пока не выяснится мнѣніе главнокомандующаго послѣ прочтенія письма Дондукова-Корсакова.

Узнавъ, что главнокомандующій принимаетъ въ восьмомъ часу утра, а иногда и ранѣе, я въ половинѣ восьмого былъ уже въ занимаемомъ имъ домѣ, гдѣ, въ круглой пріемной залѣ, засталъ нѣсколькихъ генераловъ, въ числѣ которыхъ былъ и знакомый по Вильнѣ Аркадій Дмитриевичъ Столыпинъ, въ домѣ котораго молодымъ офицеромъ я часто бывалъ и былъ обласканъ какъ имъ, такъ и добрѣйшей его супругой Натальей Михайловной (урожденной Горчаковой). Знакомство это возобновилось въ Филиппополѣ въ 1878 г., гдѣ онъ былъ генераль-губернаторомъ, а я военнымъ прокуроромъ, усердно помогая ему разоблачать козни европейской комиссіи, засѣдавшей въ Филиппополѣ, для составленія организческаго устава Восточной Румелии и въ особенности дѣйствія англійскаго уполномоченнаго этой комиссіи, сэра Друмонта-Вольфа, къ которому турки направляли свои жалобы на русскія власти; но дѣлаемый въ его канцеляріи переводъ этихъ жалобъ изобличалъ русскія войска въ такихъ преступныхъ дѣяніяхъ, о которыхъ не упоминалось въ жалобахъ; но объ этомъ я расскажу въ особой статьѣ. Аркадій Дмитриевичъ живо интересовался дѣломъ Арифа и Шабана, которое было возбуждено имъ и только окончено при Дондуковѣ, а потому просилъ меня послѣ доклада зайти къ нему и рассказать подробности. Представившись всѣмъ бывшимъ въ пріемной залѣ, я доложилъ начальнику штаба, свѣтлѣйшему князю Имеретинскому, что пріѣхалъ изъ Филиппополя съ письмомъ отъ князя Дондукова къ главнокомандующему.

— По какому дѣлу?—спросилъ князь.

— По дѣлу Ходжи-Арифа и Ходжи-Шабана.

Князь посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Не желалъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ посломъ по этому дѣлу; главнокомандующій рветъ и мечетъ, и дѣйствительно Дондуковъ и судъ такъ напутали, вмѣшавшись не въ свое дѣло, что хоть открывай военныя дѣйствія.

Слышавшій это генераль Столыпинъ своимъ густымъ и громкимъ голосомъ сказалъ: «Ничего не напутали, поступили какъ слѣдуетъ, никакихъ военныхъ дѣйствій не будетъ, а турки показываютъ только кукишъ изъ кармана», послѣ чего начался споръ между нимъ и Имеретинскимъ. Послѣдній излагалъ дѣло по турецкой версіи.

Черезъ нѣсколько минутъ раздался звонокъ, вышелъ адъютантъ, переписалъ фамиліи представлявшихся, взялъ у меня письмо и пошелъ въ кабинетъ, а мы стали по старшинству, при чемъ мнѣ, какъ младшему, пришлось стоять, имѣя въ трехъ шагахъ позади себя открытый роаяль.

Я никогда не видѣлъ генерала Тотлебена, зная лишь о дѣятельности его въ Севастополѣ изъ лекцій учителя фортификаціи

Отъ товарищей по корпусу, встрѣченныхъ въ дѣйствующей арміи, слышалъ самые разнообразныя о немъ отзывы, которые однако всѣ сходились на томъ, что онъ человѣкъ крутой, чрезвычайно настойчивый, упрямый, не терпящій возраженій и всегда отстаивающій разъ высказанное имъ мнѣніе; одинъ только инженеръ, долго служившій при Тотлебенѣ, утверждалъ противное, увѣряя, что онъ лишь врагъ всякихъ неосновательныхъ возраженій, обнаруживающихъ незнаніе дѣла, но съ удовольствіемъ выслушиваетъ ясныя и толковыя мнѣнія, хотя бы они шли вразрѣзъ съ высказаннымъ имъ взглядомъ; нужно только во время вставить свое слово и до конца доклада не давать ему перебить себя.

Отворилась дверь изъ кабинета, и на порогѣ, съ письмомъ въ рукѣ, показался высокій сѣдой генералъ, въ разстегнутомъ сюртукѣ, въ бѣломъ разстегнутомъ жилетѣ и съ Георгіемъ на шеѣ. Со словами: «гдѣ тутъ подполковникъ Мордвиновъ?» онъ вышелъ на средину комнаты. Я поклонился. Тогда, быстро подойдя ко мнѣ вплотную, онъ сталъ разносить меня и всю русскую администрацію Восточной Румелии. Я отступалъ шагъ за шагомъ, но уперся наконецъ спиною въ крышку рояля, и генералъ прижалъ меня къ ней, а такъ какъ онъ на цѣлую голову былъ выше меня, то мнѣ пришлось, откинувъ назадъ голову, въ крайне неудобной позѣ выслушивать его неудовольствіе.

— Князь не хочетъ знать законовъ и дѣйствуетъ противъ дисциплины, не исполняя моего приказанія; скажите ему, что мнѣ не нужно его писемъ, я самъ знаю, что дѣлаю; онъ ищетъ популярности въ Болгаріи, позволяетъ себѣ не признавать мирнаго трактата, заключеннаго съ турками, хватаетъ турецкихъ чиновниковъ, вѣрно служившихъ своему государю, предаетъ ихъ суду и хочетъ казнить, но пока я во главѣ арміи, подобнаго беззаконія не допущу.

Болѣе десяти минутъ главнокомандующій, крайне взволнованный, кричалъ и наконецъ, когда аргументы его изсякли и онъ уже болѣе слабымъ и охрипшимъ голосомъ сталъ повторять ихъ съ перерывами, при чемъ я убѣдился, что дѣло ему доложено по турецкой версіи и не имѣетъ ничего общаго съ данными, выясненными слѣдствіемъ, воспользовавшись однимъ изъ перерывовъ, я сказалъ:

— Ваше высокопревосходительство, васъ умышленно ввели въ заблужденіе по этому дѣлу.

Раздались слова: «какъ вы...», но я не далъ себя перебить и, обладая громкимъ голосомъ, при томъ зная дѣло въ мельчайшихъ его подробностяхъ, сдѣлалъ подробный докладъ, въ которомъ раздѣлилъ преступную дѣятельность подсудимыхъ на два періода: 1-й— съ 1876 года до 2 января 1878 г., и 2-й,—съ 2 января, т. е. со дня вступленія въ законную силу прокламаціи главнокоман-

дующаго о подсудности мѣстныхъ жителей военному суду за опредѣленные въ прокламаціи преступленія, до дня задержанія осужденныхъ.—За безчисленные и возмутительныя преступленія, совершенныя въ 1-й періодъ, продолжалъ я, подсудимые не привлечены къ отвѣтственности,—за нихъ они должны судиться въ турецкомъ судѣ; за преступленія же, совершенныя 2 января 1878 г., когда вступили въ Филиппополь русскія войска и когда, по приказанію подсудимыхъ, повѣшенъ на мосту чрезъ Марицу престарѣлый священникъ изъ Сенжерли за то, что съ крестомъ и евангелиемъ, въ сопровожденіи прихожанъ, шелъ благословить русскія войска; за преступленія, учиненныя 5 и 6 января, когда, пройдя Филиппополь, русскіе сражались при Дермендери и Карагачѣ съ арміею Сулеймана, а сформированныя Арифомъ и Шабаномъ шайки, ворвавшись въ Рыльскую часть Филиппополя, жгли, убивали, грабили и насилывали,—они безусловно подсудны полковому суду и только за эти преступленія приговорены къ наказанію. Ваше высокопревосходительство сдѣлали упрекъ, что мы нарушили С.-Стефанскій мирный договоръ; смѣю васъ увѣрить, что никакого нарушенія сдѣлано не было,—и я указалъ статью договора, трактующую объ изъятіи изъ подсудности турецкихъ подданныхъ, скомпрометированныхъ въ политическихъ преступленіяхъ.—Ни одного слова въ договорѣ нѣтъ о виновныхъ въ общихъ преступленіяхъ, и если подсудимые не понесли кары за преступленія, совершенныя до 2 января, то сдѣлано это не на основаніи мирнаго договора, а на основаніи военно-судебнаго устава, устанавливающаго подсудность мѣстныхъ жителей лишь съ момента объявленія страны занятой арміею.

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, главнокомандующій постепенно отходилъ отъ меня, а когда я кончилъ, онъ съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ сказалъ:

— Такъ это такъ!

— Да, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ я.

— Вы можете дать честное слово, что это такъ?

— Даю, ваше высокопревосходительство.

— А, это совсѣмъ другое дѣло, я этого не зналъ, — затѣмъ, обратившись къ начальнику штаба, онъ сказалъ:—созовите завтра къ десяти часамъ утра совѣтъ, надо поговорить, вѣдь нашъ Лобановъ пишетъ совсѣмъ другое, да и Ахшарумовъ иначе докладывалъ дѣло.

Принявъ представлявшихъ генераловъ, главноначальствующій съ начальникомъ штаба ушелъ въ кабинетъ.

Послѣ его ухода А. Д. Столыпинъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ и сказалъ: «Молодецъ, что разоблачилъ все ихъ виланье».

Возвратясь домой, я рассказалъ Рклицкому и Ахшарумову о результатахъ доклада, а Ахшарумова, которому завтра предстояло

быть докладчикомъ въ совѣтѣ, подробно познакомилъ съ дѣломъ и документами; тогда же получена мною записка отъ адъютанта, сообщавшая, что главнокомандующій приглашаетъ меня къ обѣду, во время котораго генераль Тотлебенъ дважды разговаривалъ со мною, очевидно, заинтересованный дѣломъ.

Вечеромъ я пошелъ въ оперный театръ, устроенный въ огромномъ манежѣ. Итальянцы давали «Лючію», но всѣ мѣста, за исключеніемъ нѣсколькихъ креселъ перваго ряда, были распроданы. Въ теченіе двухъ лѣтъ лишенный возможности бывать въ оперѣ и чувствуя потребность послушать какое ни на есть пѣніе, я рискнулъ заплатить два полуимперіала за кресло 1-го ряда и вошелъ въ театральный залъ. Въ концѣ акта всѣ встали, и въ театръ вошелъ главнокомандующій. Оказалось, что его кресло было черезъ два номера отъ моего. Когда всѣ усѣлись, главнокомандующій посмотрѣлъ направо и налево и, увидѣвъ меня, быстро всталъ съ своего мѣста и подошелъ ко мнѣ. Я всталъ, и генераль Тотлебенъ, держа меня за рукавъ сюртука, отвелъ къ рампѣ, гдѣ, очевидно, огорченный письмомъ Дондукова-Корсакова, сталъ рассказывать о неоднократныхъ своихъ съ нимъ пререканіяхъ и что князь честный человекъ, но, несмотря на свои старые годы, крайне легкомысленный, а теперь онъ ищетъ популярности среди болгаръ, для того, чтобы выставить свою кандидатуру на болгарскій престолъ, но этого (опять съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ) никогда не будетъ. Опустили занавѣсъ, въ зрительномъ залѣ всѣ стояли, а главнокомандующій продолжалъ разговоръ, сообщая, какъ трудно командовать арміей, когда развился тифъ; приходится ежедневно эвакуировать больныхъ въ Россію, а перевозочныхъ средствъ недостаточно, убыль же въ рядахъ пополняется медленно, а тутъ изъ-за какого-то частнаго дѣла получаютъ такія ноты Порты, на которыя слѣдовало бы отвѣчать открытіемъ военныхъ дѣйствій.

— Согласитесь,—прибавилъ онъ:—что я имѣлъ причины быть недовольнымъ княземъ и такъ какъ онъ мнѣ пока подчиненъ, то я могъ сдѣлать извѣстныя распоряженія, хотя, какъ теперь вижу, эти распоряженія были основаны на неполномъ и, скажу прямо, на невѣрномъ докладѣ Ахшарумова, который даже не потрудился познакомиться съ дѣломъ.

Въ это время поднялся занавѣсъ и начался 2-й актъ, на что генераль Тотлебенъ не обратилъ вниманія, но я рискнулъ доложить ему, что въ залѣ всѣ стоятъ, послѣ чего со словами: «Ахъ, Боже мой!» послѣдовалъ кивокъ головой по направленію къ публикѣ, и главнокомандующій сѣлъ; затѣмъ, прослушавъ 2-й актъ, онъ уѣхалъ изъ театра.

Въ антрактѣ много военныхъ подошли ко мнѣ, познакомились и любопытствовали узнать, за что меня разносилъ главнокоман-

дующій. Узнавъ же, что никакого разноса не было, а говорилъ онъ по судному дѣлу, которымъ онъ былъ заинтересованъ, любопытные разочаровались.

На другой день, въ 10 ч. утра, въ кабинетѣ главнокомандующаго собрались корпусные командиры, начальникъ штаба и другіе генералы. Ахшарумовъ сталъ докладывать дѣло и всю возникшую по поводу его переписку. Главнокомандующій, какъ потомъ рассказывали, все время прерывалъ его, наконецъ позвонилъ и приказалъ вошедшему дежурному ординарцу пригласить подполковника Мордвинова для доклада дѣла. Получивъ извѣщеніе, я тотчасъ явился, и генералъ Тотлебенъ, со словами:

— Подполковникъ! вы такъ ясно доложили мнѣ вчера дѣло, что я призналъ необходимымъ выслушать опять этотъ докладъ въ совѣтѣ.

Послѣ доклада дѣла и прочтенія перевода ноты великаго виризя единогласно было признано, что ноты эти, искажающія истину, составляютъ ничѣмъ не оправдываемое вмѣшательство въ дѣла управленія арміи, а такъ какъ по тону и характеру своему онѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ ходатайство Порты о помилованіи осужденныхъ, то выраженные въ нихъ требованія должны быть отклонены.

Вставая съ кресла, главнокомандующій сказалъ: «ну, что жъ, воевать такъ воевать», а обращаясь ко мнѣ, приказалъ завтра въ 9 ч. утра, взявъ съ собою дѣло, быть на пристани, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ князю Лобанову-Ростовскому въ Буюкъ-Дере.

На другой день паровой катеръ подвезъ насъ къ пароходу Русскаго общества «Константинъ», которымъ командовалъ флигель-адъютантъ Макаровъ, впоследствии погибшій на броненосцѣ «Петропавловскъ» близъ Портъ-Артура.

Поѣздка эта никогда не изгладится изъ моей памяти. Прекрасная погода дала возможность насладиться сказочно-очаровательными видами обоихъ береговъ Босфора и, когда радушный командиръ парохода пригласилъ на роскошный завтракъ, сервированный въ каютъ-компани, жаль было оторваться отъ созерцанія этого великолѣпія, тѣмъ болѣе, что спутникъ нашъ, одинъ изъ драгомановъ посольства, хорошо знавшій мѣстность, называлъ мнѣ всѣ попутные дворцы, зданія, рощи, сады, дачи и пр., дѣлая ихъ характеристику, а я заносилъ его рассказы въ записную книжку. Давъ себѣ слово вновь совершить путешествіе по Мраморному морю и Босфору, я спустился въ каютъ-компанію, гдѣ во главѣ стола сѣлъ главнокомандующій, а сопровождавшая его свита заняла мѣста по старшинству. Послѣ завтрака, за кофе, главнокомандующій рассказывалъ многіе эпизоды изъ Севастопольской обороны, и я вынесъ впечатлѣніе, что онъ вовсе не сухой и надменный начальникъ, а живой и увлекательный собесѣдникъ, съ

удовольствіемъ удовлетворявшій просьбы слушающихъ разъяснить тотъ или другой изъ возбужденныхъ его рассказомъ вопросовъ, которые намъ казались недостаточно ясными. Въ разговорахъ незамѣтно прошло время и пароходъ остановился на якорѣ у Буюкъ-Дере. Немедленно подали катеръ, въ который вошли главнокомандующій, чиновникъ его дипломатической канцеляріи, адъютантъ и я. Катеръ быстро доставилъ насъ къ пристани. Посоль ждалъ главнокомандующаго на верандѣ, сердечно съ нимъ поздоровался и каждому изъ сопровождающихъ подаль руку, послѣ чего увелъ генерала Тотлебена во внутренніе покои, а мы остались въ цвѣтничкѣ, любясь чудными экземплярами тропическихъ растений и цвѣтовъ, которыми былъ наполненъ прилегающій къ виллѣ садъ.

Черезъ полчаса я былъ приглашенъ въ кабинетъ посла. Истинно русскій вельможа, патриотъ, очень умный человекъ, начитанный и вѣрующій въ мощь и величіе своего отечества, такимъ показался мнѣ князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій.

Князь обратился ко мнѣ съ предложеніемъ подробно изложить весь ходъ дѣла и привлеченіе къ отвѣтственности Ходжи-Арифа и Ходжи-Шабана за тѣ преступленія, которыя вмѣнены имъ въ вину и повлекли смертный приговоръ.

Я сдѣлалъ докладъ, который князь прерывалъ нѣсколько разъ, прося разъяснить ту или другую подробность. При докладѣ были прочитаны: 1) прокламація главнокомандующаго о занятіи Филиппопольскаго санджака русской арміей и о подсудности жителей этой области полевому военному суду за указанныя въ ней преступленія; 2) документы, устанавливающіе совершеніе подсудимыми послѣ прокламаціи тѣхъ преступленій, въ которыхъ они признаны виновными, и 3) параграфы С.-Стефанскаго мирнаго договора, касающіеся амністіи разныхъ категорій преступниковъ.

По окончаніи доклада князь задумался, затѣмъ, обращаясь къ главнокомандующему, сказалъ:

— Однако ловко хотѣли насъ провести, хорошо, что не удалось, а вѣдь это благодаря Дондукову, на котораго вы нападали, удалось выслушать правдивый докладъ по этому дѣлу. Мое мнѣніе составлено,—продолжалъ князь:—никакого вмѣшательства въ это дѣло Порты мы не допустимъ, кромѣ ходатайства передъ нашимъ императоромъ, на благовозрѣніе котораго представимъ дѣло и приговоръ.

— Я того же мнѣнія,—сказалъ главнокомандующій:—и, если Порта не будетъ просить насъ ходатайствовать, я утверждаю приговоръ и пошлю его къ исполненію.

Послѣ сего, передавъ мнѣ двѣ ноты Порты и нѣсколько писемъ отъ разныхъ лицъ на французскомъ языкѣ, князь просилъ просмотрѣть все это и подчеркнуть тѣ мѣста нотъ, которыми извращается дѣло.

Удалившись въ сосѣдную комнату, я занялся изученіемъ полученныхъ документовъ и спустя часъ, подчеркнувъ всѣ искаженія законовъ и фактовъ, доложилъ объ этомъ послу. Поблагодаривъ, князь пригласилъ въ 7 часовъ къ обѣду. «А до тѣхъ поръ,— прибавилъ онъ:—вы свободны».

Я обратился къ князю съ просьбою разрѣшить мнѣ снять копіи съ двухъ нотъ.

— Зачѣмъ вамъ эти копіи?—спросилъ князь.

— Откровенно скажу вашему сіятельству, что веду записки о моей судебной дѣятельности, которыя со временемъ напечатаю, а такъ какъ процессъ этотъ считаю выдающимся, то желалъ бы во всей полнотѣ сохранить его въ моихъ мемуарахъ.

— Хорошо,—сказалъ князь:—можете снять копіи, но вы мнѣ дадите слово, что ранѣе десяти лѣтъ эти ноты не появятся въ печати.

Я вышелъ въ сосѣдную комнату и вплоть до обѣда снималъ копіи.

Исполняя обѣщаніе, одну изъ этихъ копій отъ 16 (28) августа 1878 г., за № $\frac{52213}{180}$, печатаю въ настоящее время, т. е. спустя почти тридцать лѣтъ послѣ ея снятія, другая же копія, отъ 8 (20) августа, затерялась, а потому напечатана быть не можетъ.

Нота писана по-французски; но я, для удобства читателей, привожу ее здѣсь въ переводѣ.

Копія ноты Высокой Порты на имя князя Лобанова-Ростовскаго отъ 28 августа 1878 г., за № $\frac{52213}{180}$.

Нотою отъ 20 сего мѣсяца Высокая Порта сообщила посланнику російскаго императора содержаніе прошенія Ходжи-Арифъ-Аги, именитаго гражданина Филиппополя, жалующагося на заключеніе его русскими властями въ тюрьму, съ просьбою объ освобожденіи его изъ тюрьмы.

Послѣ сего Высокая Порта получила увѣдомленіе, что Арифъ-Ага преданъ военному суду по обвиненію въ преступленіяхъ, учиненныхъ до заключенія Санъ-Стефанскаго предварительнаго мирнаго договора, за каковыя преступленія ему угрожаетъ смертная казнь.

Эта важная новость побуждаетъ меня обратить серьезное вниманіе вашего превосходительства на указанный фактъ, который Высокая Порта считаетъ посягательствомъ на принципы международнаго права и противорѣчащимъ смыслу недавнихъ конвенцій, заключенныхъ между Російскою и Оттоманскою имперіями.

Прежде всего ваше превосходительство несомнѣнно признаете, что по принципамъ, признаваемымъ всеми цивилизованными націями, заключеніе мира между двумя государствами влечетъ амнистію для лицъ, скомпрометированныхъ во время войны или по поводу войны. Правда, правительство можетъ, за отсутствіемъ договоровъ, преслѣдовать тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые до или во время войны совершили преступленія противъ частныхъ лицъ, или противъ государства, но это составляетъ предѣлъ, далѣе котораго право преслѣдованія распространено быть не

можетъ, въ особенности на подданныхъ того государства, съ которымъ велась война.

Предварительный Санъ-Стефанскій мирный договоръ не только не отменилъ это правило, но далъ ему распространительное толкованіе, ограничивъ, въ 17-мъ параграфѣ, право Высокой Порты преслѣдовать своихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ послѣднихъ событіяхъ.

Возможно ли допустить, чтобы русскія власти могли присвоить себѣ право судить и наказывать турецкихъ подданныхъ, когда намъ запрещено наказывать нашихъ подданныхъ, виновныхъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ до заключенія мира?

Помимо этихъ принциповъ, которые, я увѣренъ, не будутъ оспорены вашимъ превосходительствомъ, являются соображенія другого рода, вслѣдствіе которыхъ должна быть отвергнута самая мысль о наказаніи участниковъ смуты, театромъ которой были нѣсколько провинцій Восточной Румелии до войны и послѣ оной.

Ежели допустить, что мусульмане, по доносамъ болгаръ, будутъ преслѣдуемы и наказаны за проступки противъ послѣднихъ, то гораздо чаще и основательнѣе будутъ доносы мусульманъ на болгаръ, обвиняемыхъ въ такихъ же проступкахъ, и тогда русскія власти, по чувству справедливости, должны съ тою же строгостью дѣйствовать противъ болгаръ, послѣдствіемъ же этого, вмѣсто желаемого умиротворенія, обѣ народности безжалостно, изъ ненависти и часто неосновательно, будутъ преслѣдовать другъ друга, дѣлаясь все болѣе и болѣе непримиримыми. Оттоманскія власти, когда онѣ вступятъ въ должности послѣ русскихъ, должны будутъ продолжать эту ужасную дѣятельность, которая вѣдритъ въ сердца ихъ подданныхъ месть, вмѣсто забвенія и прощенія взаимныхъ обидъ.

Что же касается различія между политическими и общими преступленіями, которое хотягь установить, достаточно припомнить характеръ борьбы, покрывшей кровью Болгарію и Румелию, чтобы убѣдиться, что различіе это невозможно и что, принимая таковое за основаніе для преслѣдованія, можно впасть въ достойное сожалѣнія несправедливое, которое усилитъ ненависть между различными классами народонаселенія.

Во имя этихъ принциповъ и соображеній, Высокая Порта проситъ правительство императора всероссійскаго признать и распространить полную амнистію на всѣ преступленія, совершенныя мусульманами и не мусульманами до заключенія Санъ-Стефанскаго мирнаго договора. Считаю нужнымъ добавить, что съ общаго согласія могутъ быть приняты мѣры, чтобы не допускать на родину лицъ, присутствіе которыхъ возбуждаетъ раздраженіе мѣстныхъ жителей.

Увѣренъ, что правительство его величества императора всероссійскаго не колеблясь согласится съ соображеніями, которыя я изложилъ вашему превосходительству, въ противномъ случаѣ считаю долгомъ заявить вамъ, что Высокая Порта приметъ всѣ мѣры на случай, если русскія власти, пренебрегая нашими законными представленіями, будутъ продолжать преслѣдованіе турокъ, уличаемыхъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ во время послѣднихъ событій.

(Подписано) Сафетт.

Послѣ обѣда и чая на верандѣ главнокомандующій остался ночевать у посла, а свита вернулась на «Константина», гдѣ каждому отведена была отдѣльная комната.

Въ девять часовъ утра меня снова вызвали къ послу, и здѣсь я узналъ, что вечеромъ князь Лобановъ по телефону запросилъ

великаго визиря, когда онъ можетъ принять его вмѣстѣ съ главнокомандующимъ и что полученъ отвѣтъ, что великій визирь ждетъ въ часъ пополудни, а потому въ 11 час. выѣзжаемъ на стационерѣ, при чемъ мнѣ приказано взять дѣло и быть готовымъ, въ случаѣ надобности, дать необходимыя разъясненія.

29 августа, около часу пополудни, прибыли мы къ роскошной дачѣ великаго визиря, расположенной на азіатскомъ берегу Босфора. Цѣлыя рощи апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ, обремененныхъ почти спѣлыми плодами, окружали виллу. Въ вестибюлѣ били два фонтана надъ бѣлыми мраморными бассейнами и, несмотря на 40-градусную жару, тамъ было совсѣмъ прохладно.

Посолъ и главнокомандующій вошли въ кабинетъ великаго визиря, а я остался въ вестибюлѣ, гдѣ мнѣ были предложены сладости и ароматный турецкій кофе. Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ аташе при визирѣ, очень милымъ, образованнымъ и жизнерадостнымъ молодымъ человѣкомъ, незамѣтно прошелъ часъ, когда меня позвали въ кабинетъ великаго визиря. Войдя, я увидѣлъ сидящаго на небольшомъ канале пожилого турка въ темно-малиновой фескѣ, а по боимъ его бокамъ, въ креслахъ у небольшого столика, на которомъ лежали сигары, папиросы и принадлежности куренья, генерала Тотлебена и князя Лобанова. Послѣдній, по-французски, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ разъяснить, какія въ дѣлѣ имѣются доказательства, что Арифъ и Шабанъ дѣйствовали въ Филиппополѣ въ качествѣ эмиссаровъ турецкаго правительства?

— Никакихъ доказательствъ въ дѣлѣ нѣтъ, — отвѣчалъ я. — Если съ 1876 г. до 2 января 1878 г. они совершили массу преступленій, за которыя не судились, то и въ это время они были не эмиссарами правительства, а дѣйствовали въ качествѣ агентовъ тайной, не утвержденной правительствомъ, комисси, задавшейся цѣлью истребить болгаръ и присвоить ихъ имущество; послѣ же занятія русскою арміею Филиппопольскаго санджака, они были лишь учредителями и атаманами шаекъ для учиненія разбоевъ, грабежей и убійствъ. Лучшимъ доказательствомъ правильности привлеченія ихъ къ отвѣтственности въ качествѣ такихъ именно лицъ служитъ первоначальное и собственноручное показаніе осужденныхъ, что они не были агентами правительства. (Предъявлены показанія Арифа и Шабана, писанныя по-турецки).

— Можетъ быть, я употребилъ неточное выраженіе «эмиссары», но во всякомъ случаѣ на такія вспышки фанатизма въ то время смотрѣли сквозь пальцы, — сказалъ великій визирь, поднявъ къ глазамъ пальцы правой руки.

Я удалился.

Черезъ полчаса вышли посолъ и главнокомандующій, и мы отправились обратно въ Буюкъ-Дере. Лица генерала Тотлебена и князя сіяли отъ удовольствія. Все окончилось благополучно. Ни-

какихъ требованій по этому дѣлу ни къ посольству, ни къ главнокомандующему предъявлено не будетъ; главнокомандующій отклоняетъ отъ себя утвержденіе приговора и таковой долженъ быть представленъ на благоусмотрѣніе государя императора съ телеграммой посла, согласованной съ ходатайствомъ Порты о непризнаніи русскими властями приговора въ исполненіе и общаніемъ подвергнуть осужденныхъ наказанію по турецкимъ законамъ. Во время пути князь увѣрялъ, что великій визирь честный человѣкъ, а все министерство иностранныхъ дѣлъ продажное и, должно быть, здорово опустошило карманы осужденныхъ, чтобы надѣлать столько переполоху по этому дѣлу.

Едва мы вошли въ кабинетъ князя, какъ онъ сказалъ мнѣ:

— Садитесь, берите карандашъ и бумагу, я вамъ продиктую телеграмму отъ имени моего и Эдуарда Ивановича государю императору въ Ливадію.

Послѣ краткаго изложенія виновности подсудимыхъ и определеннаго имъ наказанія, мною подъ диктовку записано слѣдующее:

1) Согласно ходатайства Порты приговоръ суда не приводитъ въ исполненіе, въ виду того, что совершенныя преступленія, какъ лично заявилъ великій визирь, поощрялись турецкимъ правительствомъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что, кромѣ уголовнаго, онѣ имѣютъ особый характеръ, близкій къ политическому.

2) Осужденныхъ препроводить подъ конвоемъ въ Константинополь, гдѣ передать ихъ турецкому правительству, съ изложеніемъ сущности приговора и съ требованіемъ подвергнуть наказанію по турецкимъ законамъ, объявивъ при этомъ, что въ случаѣ возвращенія ихъ въ Восточную Румелію приговоръ нашего суда будетъ немедленно исполненъ.

3) Объявить турецкому правительству, что въ случаѣ появленія въ Болгаріи или Румеліи лицъ, отличавшихся въ былое время ненавистью къ христіанамъ, они будутъ немедленно удаляемы.

4) Истребовать отъ губернаторовъ и передать Портѣ списокъ лицъ, упомянутыхъ въ 3 пунктѣ.

5) Возвращеніе эмигрантовъ на родину можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предварительному сношенію переселенческой коммисіи съ подлежащимъ губернаторомъ.

— Кажется, все, о чемъ говорили, написано,—сказалъ князь, обращаясь къ Тотлебену;

Главнокомандующій утвердительно кивнулъ головой.

— Ваше сіятельство,—обратился я къ послу,—въ Малой Азіи, въ Бруссеѣ, Никеѣ и другихъ городахъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, томятся въ заключеніи до трехсотъ именитыхъ болгаръ, которыхъ, несмотря на Санъ-Стефанскій мирный договоръ, турки не освобождаютъ; нельзя ли выдачу Ходжи-Арифа и Шабана обусловить возвращеніемъ этихъ неправильно задержанныхъ?

— Знаете, это идея, — сказалъ князь, обращаясь къ главнокомандующему, и велѣлъ прибавить къ депешѣ:

6) Передачу преступниковъ Арифа и Шабана поставить въ зависимость отъ безусловнаго и немедленнаго освобожденія всѣхъ находящихся въ заключеніи болгаръ и исполненія условій всеобщей амнистіи, установленной Санъ-Стефанскимъ мирнымъ договоромъ.

По прочтеніи вслухъ написаннаго, князь приказалъ вошедшему чиновнику немедленно зашифровать депешу, послѣ чего главнокомандующій простился съ посломъ и на поданномъ катерѣ съѣхалъ на пароходѣ «Константинъ», который послѣ полуночи доставилъ насъ въ Санъ-Стефано. Мнѣ приказано было не уѣзжать до полученія конфирмаціи государя императора, которая ожидалась не ранѣе какъ черезъ недѣлю. Пользуясь свободнымъ временемъ, я попросилъ разрѣшенія главнокомандующаго пожить эту недѣлю въ Константинополѣ, чтобы подробно осмотрѣть его достопримѣчательности. Разрѣшеніе послѣдовало.

30 августа, послѣ молебна и церковнаго парада по случаѣ тезоименитства государя, я послалъ князю Дондукову телеграмму, въ которой увѣдомилъ, что приговоръ пошелъ на высочайшую конфирмацію и что я задержанъ здѣсь до полученія оной, а самъ, переодѣвшись въ штатское платье, поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ остановился въ *hôtel d'Angleterre*. Благодаря любезности знакомаго драгомана, въ мое распоряженіе данъ былъ опытный кавасъ, который познакомилъ меня со всѣми историческими достопримѣчательностями города, затѣмъ водилъ по разнымъ общественнымъ зданіямъ, мечетямъ, арсеналамъ и пр., и даже помыслилъ мы въ турецкой банѣ, гдѣ впервые испыталъ массажъ, не практиковавшійся въ то время у насъ на родинѣ. Два дня посвятили мы осмотру береговъ Босфора, путешествуя какъ придется: пѣшкомъ, на яликахъ, катерахъ, пароходахъ и верхомъ. Недѣля отпуска прошла незамѣтно, на турецкихъ базарахъ куплена масса ненужныхъ вещей, въ гостиницѣ подали счетъ на 250 франковъ за недѣлю, считая 20 франковъ пенсіона и за тѣ дни, когда я не завтракалъ и не обѣдалъ, а такихъ дней изъ семи было пять. Поблагодаривъ моего милаго спутника-каваса, который рѣшительно отказался отъ денежнаго вознагражденія, я отправился на вокзалъ, подѣзжая къ которому увидѣлъ тысячную толпу турокъ, кричавшую «ура». Въ недоумѣніи остановившемся извозчику я приказалъ ѣхать впередъ и вскорѣ встрѣтилъ коляску Скобелева, сопровождаемую взводомъ гусаръ. Михаилъ Дмитриевичъ любезно раскланивался съ турками, а тѣ неистово кричали: «ара, акъ-паша!» На вокзалѣ игралъ хоръ трубачей гусарскаго полка.

По возвращеніи въ Санъ-Стефано я узналъ, что конфирмаціи еще нѣтъ, но вслѣдъ за тѣмъ она была доставлена изъ посоль-

ства 9-го сентября. Государь вполне раздѣлилъ мнѣніе посла и главнокомандующаго, выраженное въ телеграммѣ, и приказалъ его исполнить.

Получивъ копію съ высочайшаго повелѣнія, я, по случаю отъѣзда, представлялся главнокомандующему. Генералъ Тотлебенъ очень меня благодарилъ и спросилъ: «Что я могу для васъ сдѣлать?» Я отвѣтилъ, что ни о чемъ не прошу, объ одномъ только докладываю, чтобы его высокопревосходительство не ставилъ мнѣ въ вину отказъ подать протестъ на приговоръ, такъ какъ по закону не имѣю права протестовать на рѣшеніе, которое состоялось согласно моего заключенія.

— Я совѣмъ этого не зналъ,—сказалъ Тотлебенъ:—Ахшарумовъ доложилъ мнѣ, что вы отказались исполнить его приказаніе, вѣдь онъ всегда докладываетъ такъ, что я его не понимаю; я очень имъ недоволенъ, пожалуйста, не думайте больше объ этомъ, я васъ никогда не забуду.

(Дѣйствительно, не забылъ, впоследствии опять вызвалъ по казусному дѣлу, которое вслѣдъ за симъ будетъ рассказано). Прощаясь, генералъ поцѣловалъ меня со словами:

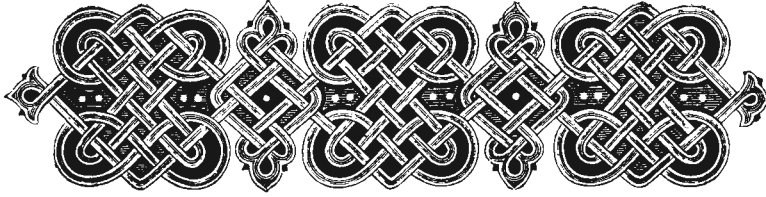
— Поѣзжайте съ Богомъ, пусть Дондуковъ узнаетъ, что я уклонился отъ конфирмаціи, а теперь пусть исполняетъ волю государя.

Подъѣзжая къ Филиппополю, я увидѣлъ множество экипажей у вокзала. Оказалось, что князь Дондуковъ ѣхалъ на охоту и, зная о моемъ возвращеніи, въ 8 часовъ утра заѣхалъ на вокзалъ. Выскочивъ изъ вагона, я на платформѣ доложилъ князю о состоявшемся высочайшемъ повелѣніи. Князь выслушалъ и, не сказавъ ни слова, поѣхалъ охотиться.

Цѣлый годъ Арифъ и Шабанъ содержались въ заключеніи сначала въ Филиппополь, а послѣ эвакуаціи русскими войсками Восточной Румелии, когда князь Дондуковъ переѣхалъ въ Софію, они переведены въ софійскую тюрьму. Черезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда князя изъ Болгаріи, въ сентябрѣ 1879 г., когда я занималъ въ болгарскомъ военномъ министерствѣ должность главнаго военнаго прокурора, нашъ дипломатическій агентъ въ Болгаріи увѣдомилъ меня, что всѣ болгары, заключенные въ крѣпостяхъ Малой Азіи, освобождены и что Порты проситъ переслать въ Константинополь Арифа и Шабана.

Въ тотъ же день они были отправлены въ Салоники и переданы въ распоряженіе турецкихъ властей.

Н. В. Мордвиновъ.

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ¹⁾.

VIII.

Милоглазкинъ.—Весна.—Катерина Ж.—Экзамены.

СТАНАВЛИВАЯСЬ на той далекой, полной увлеченія эпохѣ, вспоминаются нѣкоторые типы и личности, изъ которыхъ буду останавливаться на болѣе оригинальныхъ.

Милоглазкинъ, типичный блондинъ, почти безкровный, съ лицомъ не блѣднымъ, а совсѣмъ бѣлымъ. Несмотря на такую чисто анемичную внѣшность, это былъ живой, энергичный человекъ. Сынъ нижегородскаго мѣщанина, онъ нѣкоторое время участвовалъ въ работахъ по межевой части, зналъ крестьянскій бытъ, терпѣнїе и надежды мужика. Работая въ Псковской губерніи, Милоглазкинъ, по его словамъ, сильно пьянствовалъ отъ скуки и однообразія. Но, встрѣтившись случайно съ Ѳ. Н. Лермонтовымъ, онъ рѣзко перемѣнилъ образъ жизни, скопилъ малую толику денегъ и явился въ Петербургъ, гдѣ засѣлъ за чтеніе и изученіе социальныхъ и экономическихъ наукъ. Но какъ засѣлъ? Безвыходно! Денно и ночью работалъ этотъ бѣлый человекъ.

Вотъ фактъ. Мы были съ Фалинымъ у него въ первый разъ и очень недолго сидѣли. Милоглазкинъ былъ неразговорчивъ, держалъ рукой голову, разсѣянно слушая насъ. Мы, покинувъ его, уже начали сходить съ лѣстницы, когда насъ окликнулъ голосъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІ, стр. 482.

— Вы товарищи будете Кирьяка Родионовича, жильца моего?—спросила хозяйка.

— Да, знакомые,—отвѣчали мы.

— Такъ! Значитъ, знакомые... Можетъ, съ одной стороны?

— Нѣтъ. А что?

— Вы бы, мои милые, ослобонили его!.. Больно онъ себя неволить... Статочное ли дѣло, и день и ночь все съ книгами!.. И все то читаетъ, читаетъ, а по ночамъ таково страшно смѣется!.. Мы съ дочкой бояться стали... Можно ли такъ? Ни пообѣдаетъ по настоящему, ни погуляетъ, ничто!.. книжки, да книжки, и ничего больше... Такъ и ума можно рѣшиться!..

— Неужто всю ночь читаетъ?—спросилъ, кажется, я.

— До самаго бѣлаго свѣта!—отвѣчала хозяйка.—Проснешься, въ его комнатѣ свѣтъ горитъ... Не уснулъ ли? подумаешь. Долго ли до пожара?! Въ щелочку глянешь: читаетъ, болѣзненный, и въ рукѣ карандашикъ... смотреть, смотреть въ книгу, да на бумагѣ чиркнетъ и опять!.. вызвольте вы его какъ-нибудь... почаще къ нему приходите!.. я и самоваровъ не пожалѣю и въ лавочку за чѣмъ надо сбѣгаю... а то къ себѣ уведите!.. надо отдыхъ дать человѣку... такъ и въ монастыряхъ не изнуряютъ себя иноки!.. очень хорошо знаю, потому покойнаго братъ на Валаамѣ строгимъ старцемъ состоитъ!..

Мы обѣщали доброй женщинѣ заходить почаще и, если можно, къ себѣ уводить, а то гулять пригласимъ.

— Вотъ, вотъ... Пожалѣйте его!—прибавила хозяйка.

Мы были удивлены и рѣшили посѣщать Милоглазкина, несмотря на его неособенное гостепрѣимство.

Въ слѣдующій разъ мы просидѣли у нелюдимаго человѣка цѣлый вечеръ. Пили чай, закусывая вѣсовымъ хлѣбомъ.

— Наука,—говорилъ Милоглазкинъ:—всякая наука ведетъ къ истинѣ, а у васъ, студентовъ, какіе-то кусочки науки... все для экзамена приспособлено!..—и онъ засмѣялся громко нервнымъ смѣхомъ.

Послѣ, когда я привыкнулъ къ его странному смѣху, я очень ясно чувствовалъ плачь. Смѣхъ съ внутреннимъ смѣхомъ, страданіемъ!

— Мысль, критическая мысль должна быть безстрашна,—продолжалъ хозяинъ:—она не должна бояться, отступать отъ выводовъ, какими бы послѣдніе ни были. А развѣ это мы видимъ въ дѣйствительности?

Мы молчали, отчасти удивленные направлениемъ разговора.

— Наука казенная и наука свободная — разница. Первая поставитъ васъ на хорошіе хлѣба, вторая приведетъ къ нищетѣ, а то еще хуже — лишитъ свободы!.. Ха-ха... свободная наука безъ свободы!.. Сократъ, Діогенъ!.. Что вы объ нихъ думаете, господа?

— Великіе люди!—отвѣчали мы.

— Люди простые, а мысли ихъ свободныя, какъ солнце, какъ вѣтеръ вольный. Подумайте!.. если бы они жили въ наше время, какое бы социальное положеніе занимали? Сократъ былъ бы швейцаромъ, а Діогенъ босякомъ!

— Почему швейцаромъ?

— При большой гостиницѣ, чтобы людей наблюдать!.. Это интересное занятіе... Попробуйте когда-нибудь изучать, по внѣшности опредѣлять ихъ внутреннія качества...

И опять смѣется страннымъ смѣхомъ Милоглазкинъ.

Какъ-то я пришелъ къ нему звать вмѣстѣ обѣдать.

— Чего я пойду? и вамъ не совѣтую... Обѣдать?! не все ли равно, чѣмъ наполнить желудокъ, лишь бы работалъ!.. Вотъ самоваръ намъ дадутъ, у меня сыръ и хлѣбъ есть... чего еще надо... согласны?

Я согласился, впрочемъ, съ условіемъ, что послѣ чая пойдемъ въ ближайшій скверъ гулять.

— Смотрите, какой чудный день!—добавилъ я.

— Хозяйка мнѣ тоже совѣтуетъ прогуливаться,—посмотрѣлъ на меня, улыбаясь, Милоглазкинъ.—Что жъ, пойдемте!

Спустя часъ, мы прохаживались по скверу. Чуялось приближеніе весны, воздухъ даже въ Петербургѣ что-то носилъ въ себѣ свѣжее, бодрящее.

— Что вы думаете, Кирьякъ Родіоновичъ, о нашихъ кружкахъ?—спросилъ я товарища.

— О кружкахъ самообразования? Думаю, что болтовня, переливаніе изъ пустого въ порожнее...

— Серьезнаго значенія не придаете?

— Нѣтъ.

— А вѣдь умные люди ихъ организовали...

— Ну, что жъ? и умные люди имъ не придаютъ особеннаго значенія. Ну, положимъ, въ кружкѣ 50 человекъ, которые разойдутся черезъ годъ-два, кто куда, а двое выйдутъ настоящими людьми, дѣятелями... и то ладно: такъ, вѣрно, думаютъ умные люди.

— Куда жъ они разойдутся?—задумчиво спросилъ я.

— Жизнь рассортируетъ... Кто женится, кто мѣсто какое займетъ, кто на родину уѣдетъ... не знаю, право!.. Вотъ вы, зачѣмъ въ кружкахъ состоите и занимаетесь ломкой самого себя?! приспособляетесь? бросьте, ничего не выйдетъ; жаль, у васъ натура непосредственная!

— А вы?—спросилъ я.

— Моя пѣсня спѣта,—рѣзко отвѣчалъ Милоглазкинъ:—я пропалъ, возврата назадъ нѣтъ, да и невозможно!

-- Что жъ? свободная наука?

— Мысль и чувство одиночества...

Мнѣ стало грустно и безконечно жаль этого блага человѣка, въ которомъ таились такія искры душевности и который былъ такъ правдивъ и искрененъ передъ собою.

Долго мы говорили обо мнѣ, объ Фалинѣ, о томъ, что насъ ждетъ въ будущемъ.

— Вы не революціонныя натуры, а около революціи вращаетесь... Бросьте и знайте, что русская революція нелѣпая и путаная...—Затѣмъ, посмотрѣвъ на меня, Милоглазкинъ другимъ тономъ спросилъ:—Вы не влюблены въ ту барышню, хорошенькую блондинку, которая препирается съ Филатовымъ? Вотъ женитесь!.. она славная.

Я смутился, но ничего не сказалъ.

Милоглазкинъ говорилъ о Катеринѣ Ж., которая вскорѣ за мной перешла изъ московской въ петербургскую гимназію по чисто семейнымъ обстоятельствамъ. Я ее зналъ еще въ Москвѣ, а Фалинъ познакомилъ съ нашимъ кружкомъ. Не скрою, дѣвушка мнѣ нравилась, но о женитьбѣ я не думалъ. Что же, какія черты привлекали меня къ Ж.? Простившись съ Милоглазкинымъ, я думалъ объ этомъ. Красивая, простота съ легкимъ кокетствомъ, товарищеское отношеніе—все это влекло къ дѣвушкѣ, съ которой было хорошо, но не скажу, чтобы тепло. Въ ея прелестныхъ голубыхъ глазахъ свѣтился пытливый умъ, но не душа. Она была равна, одинакова со всѣми, и я этого не понималъ. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ лучше, другой хуже, одинъ благородный, другой приспособляющийся... Развѣ это все равно? Она и съ братомъ въ домѣ была такая. Откуда столько тактичности у 17-лѣтней дѣвушки? Но я любилъ бывать въ обществѣ Катерины Ж., искалъ этого и много думалъ: кто она?

— Знаете, что я замѣчаю,—сказала она мнѣ однажды:—вы не склонны къ идейнымъ женщинамъ?

-- Почему вы это думаете?

— Замѣчала, — смѣялась она. — Вѣдь вѣрно? А намъ, женщинамъ, дѣвушкамъ, нравятся люди идейные!..

Что она этимъ хотѣла сказать, не знаю. Такъ и не узналъ, не угадалъ этой дѣвушки, ждалъ отъ нея чего-то большого, необыкновеннаго... Она ушла, я больше ея не встрѣчалъ и долгое время спустя узналъ, что Катерина Ж. вышла замужъ за богатаго помѣщика и имѣетъ кучу дѣтей. Она была маленькаго роста, изящная...

Въ тотъ годъ весна была чудная въ Петербургѣ. Вѣлыя ночи дѣйствовали поэтично и нервно, мнѣ плохо спалось, душа томилась и хотѣлось не этой жизни среди сутолоки и вѣчныхъ вопросовъ и запросовъ, а тихой, безмятежной.

Видимо, я усталъ. Помню вечеръ, когда мы съ дѣвушкой были вдвоемъ въ лодкѣ на островахъ, То темный, то освѣщенный ея силуэтъ казался мнѣ поэтичнымъ, тонкимъ, нѣжнымъ, женственнымъ. Мнѣ хотѣлось ей что-то сказать, пожать ея маленькую руку, но мы молчали. Молчала рѣка, облитая бѣлымъ безстрастнымъ свѣтомъ... О, эти бѣлыя, безстрастныя ночи, ваши тѣни— унылыя, грустныя тѣни!..

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ подходило время экзаменовъ, и совершенно мѣнялась обстановка студентовъ. Собранія, свиданія и пресловутыя конспираціи почти прекратились. Фалинъ углубился въ лекціи, я тоже приступалъ къ этому занятію, вяло и неохотно. Во всемъ моемъ организмѣ чувствовалась неудовлетворенность физическая и духовная. Въ самомъ дѣлѣ, что же сдѣлано? яснѣ ли цѣли жизни? гдѣ свѣтлые пути? гдѣ мы, товарищи общаго дѣла? Весна! надо читать лекціи. Въ сторону общественныя науки!

Было 15 апрѣля, когда у насъ долженъ былъ происходить первый экзаменъ по дифференціальному исчисленію и начертательной геометріи. Это былъ скучный экзаменъ, хотя профессоръ никого не провалилъ. За нимъ послѣдовали экзамены кристаллографіи, ботаники и химіи. Мертво и неуютно. Въ гимназіи было оживленнѣе. Давили эти мрачныя аудиторіи, этотъ «субъ» съ хищнымъ выраженіемъ фізіономіи, и студенты, такъ интересующіеся отгѣтками.

— Г. профессоръ, запишите мнѣ пять,—просить студентъ съ окладистой бородой.

— Я вамъ записалъ четыре...

— За что же, г. профессоръ?..

— Вы не отвѣтили на одинъ существенный вопросъ...

Студентъ строить лицо страдальца.

Между прочимъ въ то время въ горномъ институтѣ можно было переходить на слѣдующій курсъ, не сдавши всѣхъ экзаменовъ, которые можно было держать по осени и въ слѣдующемъ году. Такіе оставшіеся экзамены назывались «хвостами».

Изъ горнаго института я рѣшилъ уйти, но куда—пока еще не зналъ. «Тогда зачѣмъ же я сдаю экзаменъ?—думалъ я.—Зачѣмъ работаю и день и ночь? «Хвосты». Пусть остаются «хвосты»... Больше половины предметовъ я сдалъ и всѣ удовлетвориательно. Получивъ удовлетворительную отгѣтку по геодезіи, я заявилъ «субу», что больше на экзамены являться не буду.

— Почему?—спросилъ онъ.

— Нервное разстройство... нѣсколько дней подъ рядъ не сплю.

«Субъ» смотрѣлъ на меня съ любопытствомъ. Я не лгалъ, со мной дѣйствительно было нервное разстройство.

IX.

Встрѣчи.—Лермонтовъ и отъѣздъ въ Москву.

Я рѣшилъ нѣсколько дней отдохнуть, подумать и уѣхать въ Москву. Чтобы не мѣшать Фалину заниматься, я уходилъ изъ дома или читалъ нелегальную прессу, которая тогда циркулировала въ большомъ количествѣ. Знакомился съ Герценомъ, съ декабристами. Въ эти дни зашелъ ко мнѣ пріѣхавшій изъ Москвы дядя. Онъ привезъ отъ матери поклонъ и еще кое-что. Пригласивъ меня обѣдать въ хорошій ресторанъ, онъ спрашивалъ, не принадлежу ли я къ тайному обществу?

— А то и меня схватятъ съ тобой и посадятъ въ каменный мѣшокъ,—говорилъ онъ не то серьезно, не то шутя.

— Какой вздоръ, никакихъ каменныхъ мѣшковъ нѣтъ,—отвѣчалъ я.—Встарину то было...

— И не стегаютъ, у Цѣпного моста?

— Оставьте, дядя...

— Ничего не выйдетъ,—продолжалъ онъ,—изъ вашихъ затѣй... Повѣрь мнѣ, правительство разбрасаетъ васъ, какъ щепки!..

— Идеи не щепки!—горячился я.—Грубая, физическая сила не можетъ...

— Ну, вотъ!..—развелъ руками дядя.—Я такъ и зналъ... Быть бычку на веревочкѣ, бросилъ бы ты эти идеи! Карьера горнаго инженера прекрасная карьера... Учись, братъ, и достигай!..

Разговоры пошли родственнаго характера, и я съ удовольствіемъ разстался съ подвыпившимъ дядей, который въ концѣ концовъ не давалъ мнѣ сказать ни слова.

Я тихо пошелъ по Невскому, ярко освѣщенному проспекту, этой главной артеріи Петербурга. Довольныя, оживленныя лица куда-то спѣшили, словно кого догоняютъ. Толпа живетъ и чѣмъ? улицей, широкой благоустроенной улицей съ блестящими магазинами. На тѣхъ, другихъ улицахъ нѣтъ такой радости, такой экспрессіи. Масса народа, механическое движеніе, свѣтло и ярко, и всѣ довольны, ѣдутъ, идутъ и возвращаются. Какое въ самомъ дѣлѣ имѣетъ значеніе для культурнаго человѣка улица! Я вспомнилъ, когда хвалятъ Петербургъ, то непременно говорятъ: «помилуйте, а Невскій, это восторгъ»!

Остановившись у какого-то окна съ красивыми и разнообразными бездѣлушками, я почувствовалъ легкій толчокъ въ плечо. Передо мной стоялъ крымчакъ Зотовъ.

— Какими судьбами?—вскричалъ я.

— Пріѣхалъ смотрѣть сѣверную столицу. Завтра имѣлъ намѣреніе видѣть васъ, а теперь спѣшу въ театръ. Въ которомъ часу застану дома?

Мы условились.

Продолжая двигаться въ толпѣ, я чувствовалъ себя особенно одинокимъ, такъ хотѣлось тепла, уюта, искренности. Жизнь чуть ли не полная противорѣчій, и эта жизнь только еще начинается. Что же будетъ дальше? Какъ разво думаютъ люди и вѣрятъ и поступаютъ разво. И между ними, между всякими категоріями, есть хорошіе и дурные.

Я сѣлъ на имперіаль конки и рѣшилъ поѣхать къ Милоглазкину, который навѣрно одинъ и теперь пьетъ свой чай. Но на этотъ разъ я ошибся, у Милоглазкина сидѣлъ плотный, выше средняго роста человекъ лѣтъ 25—26. Одѣтъ онъ былъ не по радикальному. Темно-сѣрый пиджакъ сидѣлъ на немъ хорошо и просторно, воротнички манишки довольно плотно облевали шею, спустившіяся изъ-подъ рукавовъ манжеты если не сверкали бѣлизной, то были чисты совершенно. Онъ былъ шатенъ съ сѣрыми небольшими глазами, красивымъ лбомъ, короткими на головѣ волосами, чуть замѣтными усами, но порядочной бородой, нѣсколько жидковатой. Губы у него были тонкія, улыбка замѣчительно приятная, влекущая. Когда онъ всталъ изъ-за стола, чтобы пересѣсть на другое мѣсто, его плотная плечистая фигура была стройна, движенія плавны. Онъ смотрѣлъ на меня глубокимъ взоромъ, въ которомъ было столько привѣта. «Кто это?» думалъ я, раздѣваясь.

— Лермонтовъ,—рекомендовалъ мнѣ незнакомца хозяинъ.

Я былъ смущенъ, что совершенно понятно. Имя Лермонтова среди радикальной молодежи пользовалось всеобщимъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ обожаніемъ. Мнѣ не пришлось тогда въ черезчуръ многочисленномъ собраніи его видѣть, я слышалъ только сильный грудной голосъ убѣжденнаго оратора, и кто-то мнѣ сказалъ, что это говорилъ Лермонтовъ. Этотъ голосъ остался живо въ моей памяти, также манера рѣчи, то понижаясь, то съ силой повышаясь, была оригинальна и замѣчительно убѣдительно. Теперь Лермонтовъ говорилъ тихо, вдумчиво. Онъ продолжалъ смотрѣть на меня, и мнѣ это не было неприятно.

— Я васъ давно знаю,—обратился онъ ко мнѣ,—хотя видѣться пришлось только въ первый разъ. Вы въ горномъ институтѣ слушаете лекціи?

— Да, но хочу покинуть его,—отвѣчалъ я.—Пересталъ экзамены сдавать.

— Дѣйствительно,—сочувственно отозвался Лермонтовъ:—ужъ очень специальное это заведеніе и потомъ работать придется гдѣ-нибудь въ Сибири, на Уралѣ. Отчего не поступили въ технологическій?

Я сталъ совершенно искренно рассказывать обстоятельства, коснувшіеся Москвы, товарищества.

— Много у васъ знакомыхъ среди молодежи въ Москвѣ?—спрашивалъ Лермонтовъ,

- Не особенно, но найдется.
- Скоро думаете туда ѣхать?
- Дня черезъ три-четыре...

Лермонтовъ задумался, изрѣдка посматривая на меня.

— Не можете ли передъ отъѣздомъ повидаться со мной?—спросилъ онъ меня.—Вы какъ находите кружковое самообразование?

Милоглазкинъ засмѣялся, смотря на меня и видя, что я былъ въ затрудненіи.

— Не поклонникъ онъ этого самообразованія и совершенно правъ. Что они тамъ дѣлаютъ? рисуются передъ барышнями... Не такъ ли?—обратился Милоглазкинъ ко мнѣ.

— Оставьте, Кирьякъ Родіоновичъ, вы не правы,—перебилъ Лермонтовъ.—Молодежь самый общественный элементъ и собираться всегда будетъ. Но вопросъ, съ какими цѣлями? Въ кружкахъ цѣли поставлены ясно: дѣло въ развитіи личности, въ обмѣнѣ между собою взглядами, въ опытахъ общей работы. Все зависитъ отъ состава кружковъ, отъ лицъ, которыя ихъ организуютъ. Надо быть очень осторожнымъ въ послѣднемъ случаѣ.

— Мнѣ же кажется,—возразилъ Милоглазкинъ:—доступъ въ кружки долженъ быть свободнымъ для всѣхъ желающихъ: поменьше бы этой конспираціи!

— А вы какъ думаете?—спросилъ меня Лермонтовъ.

— По правдѣ сказать,—отвѣчалъ я:—я ожидалъ большаго, ожидалъ болѣе искренняго отношенія другъ къ другу, выясненія нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ.

— Т. е., что подъ послѣднимъ разумѣете?

— Вотъ я заинтересовался земствомъ. У меня появилось желаніе выяснитъ всесторонне роль земства. Насколько оно правильно поставлено по отношенію къ народнымъ потребностямъ. Дѣйствительно ли нужно земство народу въ томъ видѣ, какимъ оно появилось въ реформѣ.

— И что же?—оживился Лермонтовъ, въ его глазахъ появился огонекъ.

— Что? ничего не вышло. Никто въ кружкѣ на мой запросъ не обратилъ вниманія. Вообще я нахожу, что дѣятельность членовъ какъ-то далека отъ жизни, односторонняя, если хотите.

— Вы правы отчасти,—задумался Лермонтовъ:—но это должно пройти, когда часть членовъ кружка обособится и займется дружно работой, хорошо узнавъ другъ друга. Въ кружкахъ и именно въ кружкахъ возможенъ подборъ личностей для будущей, болѣе важной и самостоятельной дѣятельности.

Я чувствовалъ себя замѣчательно хорошо въ обществѣ этихъ людей. Правда, они были выше меня по развитію, идейности, но этой разницы не замѣчалось вовсе—мы были товарищи.

— Все-таки вы критически относитесь,—сказалъ мнѣ Лермонтовъ,—къ окружающей дѣятельности, хотя бы кружковой.

— По правдѣ сказать,—отвѣчалъ я:—не критика, какъ вы говорите, а потребность болѣе глубокая, душевная и сердечная... Хотите, чтобы дѣятельность всего взяла, безъ остатка, чтобы не было этихъ проклятыхъ и вѣчныхъ сомнѣній.

Лермонтовъ внимательно слушалъ. Милоглазкинъ улыбался, но не хохоталъ по своему обыкновенію. Когда Лермонтовъ прощался, мы съ нимъ условились видѣться передъ моимъ отъѣздомъ. Милоглазкинъ сказалъ: «А вы Теофану Никандровичу, повидимому, очень понравились».—Весь сіяющій пришелъ я домой

— Что съ тобой?—спросилъ Фалинъ.—Пивца выкушалъ.

— Познакомился съ Лермонтовымъ, проговорили цѣлый вечеръ...

Мой сожитель бросилъ лекціи, сказавъ: «ну, рассказывай!»

Когда я легъ спать и закрылъ глаза,—передо мной ясно рисовалась фигура Лермонтова, главнымъ образомъ его улыбка и сѣрые глубокіе глаза.

Слѣдующій день мы провели съ крымчакомъ Зотовымъ, который удивился моему настроенію, ровному и ясному. Я понималъ, что это было слѣдствіемъ моего знакомства съ Лермонтовымъ, который, какъ никто, произвелъ на меня впечатлѣніе и странную увѣренность, что я теперь не одинъ и нечего мнѣ бояться всякихъ «проклятыхъ» вопросовъ. Авторитетъ Лермонтова еще выросъ въ моихъ глазахъ, когда я узналъ отъ Милоглазкина, что онъ сынъ простого крестьянина-хлѣбопашца Псковской губерніи. Живы и отецъ его и мать и живутъ по-мужицки, не чая души въ сынѣ, по образованію народномъ учителѣ.

— Соціальное положеніе ничтожное, — заключилъ Милоглазкинъ:—но я почти не встрѣчалъ такого образованнаго и убѣжденнаго человѣка. Натура цѣльная, какъ самъ народъ!

Съ Зотовымъ мы условились ѣхать черезъ три дня въ Москву, откуда онъ горячо меня звалъ въ Крымъ. «Въ самомъ дѣлѣ,—думалъ я:—вотъ предлогъ видѣть горы и море и познакомиться съ крайнимъ югомъ!»

— Право, ѣдете, у насъ въ имѣніи покой и тишина. Будете заниматься, все «хвосты» пройдетъ...

— Хорошо бы,—отвѣчалъ я:—но вопросъ финансовый, дорога дальняя, дорогая...

— Это пустякъ!..—радовался Зотовъ моему полусогласію:—не стоитъ и разговаривать...

«Вотъ бы его познакомить съ Лермонтовымъ. Но это трудное дѣло—думалъ я.—Хорошій человѣкъ!»

Знакомство и товарищеское отношеніе ко мнѣ Лермонтова подняло меня въ собственномъ мнѣніи. Завтра я его долженъ видѣть. Это свиданіе меня страшно интересовало. На самомъ дѣлѣ оно имѣло большое значеніе въ дальнѣйшемъ. Точный, какъ солдатъ на службѣ, въ назначенный часъ я былъ у Лермонтова, который

занималъ сравнительно порядочную комнату. Книги и газеты, вотъ что видѣлъ я вмѣсто обстановки, которая была похуже нашей. Лермонтовъ что-то разбиралъ или выбиралъ изъ разложенныхъ на столѣ большихъ листовъ газетъ. Вѣжливо принявъ меня и усадивъ, онъ извинился. «Сейчасъ, только одну справку!» пояснилъ онъ. Минуть пять повозившись съ газетами, онъ собралъ ихъ и снова положилъ на мѣсто.

— Я, знаете, не рву, не истребляю газетъ, развѣ въ крайнемъ случаѣ... Въ этомъ печатномъ хламѣ,—и онъ указалъ на полку,—иногда попадаетъ свѣжая мысль, оригинальная статья, которыя я отмѣчаю, а послѣ пользуюсь. Затѣмъ онъ взялъ книжку «Вѣстника Европы» и, передавая мнѣ, сказалъ: «здѣсь вы найдете прекрасную статью о земствѣ, которымъ интересуетесь... Курите пожалуйста! сейчасъ подадутъ самоваръ... Вы куда не спѣшите?»

Спѣшить?.. да я до утра готовъ сидѣть съ такимъ деликатнымъ человѣкомъ.

— Итакъ, въ Москву?

— Думаю завтра, съ вечернимъ поѣздомъ,—отвѣчалъ я.

— У меня, знаете, возникла мысль,—продолжалъ хозяинъ,—довѣрить вамъ въ Москвѣ одно маленькое дѣло. Да боюсь, вы откажетесь...

— Почему вы думаете?—вскричалъ я, не ожидая такого довѣрія.

— Вы относитесь къ кружковой дѣятельности, нельзя сказать, чтобы сочувственно, а я хотѣлъ бы организовать именно въ Москвѣ одинъ-два кружка и эту организацію довѣрить вамъ, какъ и распространеніе книгъ, знаете, этихъ полулегальныхъ.

— Едва ли я могу исполнить ваше порученіе... нужна опытность, извѣстные приемы.

— Все это зависитъ отъ человѣка, который дѣйствительно искренно возьмется за дѣло. Вѣдь отъ васъ будетъ зависеть выбирать членовъ, желающихъ соединиться... Развѣ свести и соединить вмѣстѣ хорошихъ людей не доброе дѣло? У васъ товарищи въ Москвѣ, вы знаете многихъ, и я увѣренъ въ успѣхѣ.

— Даже въ успѣхѣ увѣрены?

— А что жъ? мнѣ кажется, въ Москвѣ не будетъ той конспиративной внѣшности, которая составляетъ отрицательную сторону здѣшнихъ кружковъ.

Я раздумывалъ.

— Попробовать можно,—сказалъ я.

— Вотъ и отлично! А теперь пойдете, я васъ познакомлю съ людьми, завѣдующими книжнымъ дѣломъ. Въ одну минуту, только надѣну пиджакъ.

Итакъ, въ Москву я ѣду, какъ дѣятель, какъ организаторъ. Нѣсколько дней тому назадъ я находился въ неопредѣленномъ по-

ложеиіи неопредѣленнаго студента горнаго института, а теперь? Это новое положеніе заставило меня задуматься. Правда, кружокъ можно организовать довольно тѣсный и изъ безусловно хорошихъ людей, но какъ и чѣмъ наполнить его содержаніе? Впрочемъ, Лермонтовъ обѣщался быть въ Москвѣ и оказать мнѣ помощь. На другой день я забралъ съ собой книги: Флеровскаго, Лассалья, Миртова и проч., уложился и тогда сказалъ своему сожителю, въ чемъ дѣло, съ какимъ порученіемъ я ѣду въ Москву. Тотъ былъ въ восторгѣ.

— Какъ только кончу экзамены, сейчасъ же въ Москву... Вотъ отлично! Знаешь, и Катерина Ж. тоже ѣдетъ туда... Ей страшно нравится Милоглазкинъ.

— Еще бы! такой хорошій человекъ. Но сама-то она что такое? Какъ ты думаешь?

— Кажется, ничего, — отвѣчалъ товарищъ. — Но только я ее плохо знаю...

— Вотъ то-то и есть!

На вокзалѣ мы встрѣтились съ Зотовымъ и скоро были въ поѣздѣ. Итакъ, нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ не удастся побывать на югѣ. Но я не жалѣлъ объ этомъ, гордый своей миссіей и самостоятельной дѣятельностью. Впередъ!

X.

Москва и моя дѣятельность.—Новыя лица.—Н. И. Путята.

Мое настроеніе и теперь рѣзко мѣняется при переѣздѣ изъ сѣверной столицы въ Москву. Привычная въ Петербургѣ дѣловитость, распорядокъ во времени исчезаютъ, какъ элементы ненужные, и беспорядочная, шумливая Москва заставляетъ «плясать по своей дудкѣ». Тогда между Москвою и Петербургомъ разница была огромная, и, конечно, впечатлѣнія ложились сильнѣй на молодую натуру. Семейная обстановка, друзья, непохожіе на петербургскихъ, сытость, откровенность—все это сбilo мой авторитетъ пропагандиста, который я вывезъ изъ Петербурга. Въ сущности я былъ простымъ, неглупымъ молодымъ человекомъ и только. Въ самомъ дѣлѣ, было стыдно и неловко рисоваться дома и среди товарищей, которые такъ искренно и дружески относились ко мнѣ, совсѣмъ какъ прежде. Дѣло пропаганды до поры до времени не ладилось, да и мнѣ, признаться, не было охоты приступать къ дѣятельности. Кстати, почти всѣ первые дни пріѣзда въ нашъ обществѣ проводилъ время Зотовъ, искренно жалѣвшій, что я не ѣду съ нимъ въ Крымъ.

— Можетъ быть, въ іюлѣ, въ августѣ пріѣдете?—спрашивалъ меня гостепріимный крымчакъ.

— Не знаю, удастся ли?—отвѣчалъ я.—Вы знаете, что я долженъ и за что взялся?

— Знаю. Напишите тогда въ случаѣ...

Я общалъ.

Въ одно прекрасное утро П. пришелъ ко мнѣ съ однимъ человекомъ греческаго происхожденія. Это былъ Цакни, студентъ Петровской академіи, повидимому, радикаль и конспираторъ, въ чемъ я не ошибся.

— Мнѣ съ вами нужно переговорить, — таинственно шепнулъ мнѣ Цакни, оглядывая наши немногочисленные и маленькія комнаты, занятые людьми.

— Пойдемте на дворъ!

Конспиративный студентъ, сдѣлавъ важное лицо, дѣловымъ тономъ заявилъ, что онъ получилъ отъ Лермонтова письмо, что онъ извѣщенъ о моей миссіи.

— Что жъ, приступили?

— Нѣтъ еще. Пока людей не нашель... подходящихъ.

— Я вамъ могу рекомендовать двухъ барышень, онѣ по положенію демократки. Въ случаѣ чего у нихъ порядочное помѣщеніе, можно собираться.

— Отлично,—радовался я:—вотъ въ помѣщеніи и было у меня затрудненіе.

— Знаете, пойдете сейчасъ къ барышнямъ, которыя живутъ совсѣмъ близко, и переговоримъ.

— Да, да, пойдете!

И мы пошли, важные и непреклонные.

Завернувъ въ переулокъ, мы были около деревяннаго съ мезониномъ дома, въ которомъ помѣщалось дамское портновское заведеніе, куда вела дверь прямо съ улицы и куда мы вошли подъ дребезжащій звонъ трясущагося на пружинѣ колокольчика. Меня нѣсколько удивила обстановка. Изъ двери второй комнаты направо показалась курчавая голова брюнетки и быстро прокричала: «подождите немного, мы сейчасъ»!..

Въ комнатѣ, куда мы вошли, работала на машинѣ дѣвушка и находилась полная женщина, съ которой, какъ знакомый, Цакни вступилъ въ разговоръ. Это была старшая сестра и хозяйка заведенія. Двѣ барышни небольшого роста, одна брюнетка, стриженная, другая шатенка съ синими глазами производили впечатлѣніе милыхъ и скромныхъ дѣвушекъ, особенно вторая, «Настенька», какъ называла ее сестра. Комната, куда мы вошли, была большая, выходящая окнами и въ переулокъ и на очень грязный дворъ. Цакни сейчасъ же началъ объяснять причину нашего визита. Дѣвушки были довольны войти въ кружокъ, дѣятельности котораго желали способствовать по возможности.

— Сестра ничего не будетъ имѣть противъ, если у насъ будутъ собираться.

— Такъ, человѣкъ 8—10 не больше,—прибавилъ Цакни,—если считать при этомъ и васъ.

Барышни улыбались, онѣ вообще говорили совѣмъ мало. Провожая насъ, онѣ вышли на улицу, продолжая улыбаться и кивать намъ головой.

О, Москва того времени!.. Тихая, гостепріимная Москва! Какіе кружки самообразованія, какая агитаціонная дѣятельность, когда старый городъ расцвѣталъ передъ началомъ лѣта и его многочисленные сады тихо и радостно шумѣли своей блестящей зеленью. Надо было мнѣ дѣйствовать, хлопотать. Моей сестрѣ, помню, было лѣтъ четырнадцать-пятнадцать. Узнавъ объ организациі кружковъ, она незамѣтно для меня начала принимать въ моихъ дѣлахъ большее участіе.

Прошло немного времени, къ намъ сталъ ходить разный народъ. Шли переговоры, разныя выясненія. Я увлекался. Первый рефератъ рѣшилъ прочесть самъ, выбравъ тему: «Рахметовъ изъ романа «Что дѣлать?»». Въ кружокъ вошли, кромѣ вышеупомянутыхъ: П., бывший мой товарищъ по гимназіи (не кончившій) П. и два студента-медика Жировъ и Саблинъ. Послѣдніе были оригинальные люди, уже извѣстнаго направленія. Они изучали въ то время міръ «ночлежниковъ». Посѣщали разныя трущобы, питались рубцами и щами у Китайской стѣны на толкучкѣ. Эти щи наливались по порціямъ торговками-бабами изъ большихъ горшковъ, закрытыхъ тряпьемъ и сидѣвшими на нихъ торговками.

Къ этому времени относится событіе, о которомъ не могу не упомянуть. Жировъ и Саблинъ, бродя по вертепамъ, въ одномъ изъ нихъ нашли человѣка, прекрасно знающаго французскій, нѣмецкій и даже англійскій языки. Основательное знаніе европейскихъ языковъ вообще рѣдкость среди русскихъ интеллигентныхъ людей, а тутъ, изволите видѣть, «ночлежникъ» и такія качества! Одѣтъ этотъ субъектъ былъ въ монашескую рясу и только, даже нижняго бѣлья не полагалось. Веселый, общительный, онъ охотно бесѣдовалъ съ нашими медиками, которые были рады, найдя такую «дичину».

Подъ низомъ мастерской Г. была незанятая въ подвальномъ этажѣ комната-кухня, которую и рѣшено было на первыхъ порахъ предоставить «монаху». Собравъ бѣлье и нѣкоторую одежду, Жировъ и Саблинъ на другой день отправились и привели и водворили внизу человѣка лѣтъ 30-ти, обросшаго волосами, давно не стриженнаго и съ одутловатымъ лицомъ. Онъ былъ очень смиренъ и попросилъ себѣ немного водки и чернаго хлѣба съ солью.

Кто же былъ онъ?

Сынъ богатаго и извѣстнаго по сельскому хозяйству помѣщика Вяземскаго уѣзда, Путята.

Суровъ, должно быть, былъ родитель Николая Аполлоновича, если совѣмъ порвалъ съ сыномъ всякія отношенія. Но и сынъ

былъ гордъ и говорилъ намъ, что ни въ какомъ случаѣ не обратится къ отцу, котораго онъ вырвалъ изъ сердца.

Вотъ экземпляръ, съ которымъ познакомился нашъ кружокъ и покровительствовалъ ему, особенно барышни Г., замѣчательно добрая. А безъ покровительства и надзора Путята обходиться не могъ. Комнатушку его убрали, поставили кровать, столъ и нѣсколько табуретокъ, а верхъ русской печки закрыли занавѣской. Нашли ему переводы, снабдили бумагой и вообще письменными принадлежностями. Кажется, на первыхъ порахъ можно бы существовать человѣку, но человѣкъ-то этотъ былъ сложный, съ потребностями.

Вдругъ онъ пропалъ, получивъ небольшія за работу деньги. День, другой его не было, но наконецъ объявился, но какъ, въ какомъ образѣ! Утромъ пришла кухарка, старая женщина, ходившая къ нему, и говорить: «а нижній жилецъ-то на печкѣ!»

— Какъ на печкѣ? что это значить?—спрашивали барышни.

— Да такъ... за занавѣской сидитъ!

— Объясни пожалуйста, Федосья...

— О, Господи, милыя мои, да и напугалась я, подъ самый животъ подвело!.. Натко, въ самомъ дѣлѣ! Пришла этга утресь внизъ поглядѣть, не пришелъ ли монахъ-то?.. Нѣтъ, пусто... никого нѣтъ. Только уходить зачала, а на печкѣ гм! гм! кашляетъ кто-то! Господи Иисусе! я за дверь. Потомъ духу-то набралась, да опять туда. Приотворила дверь, да такимъ толстымъ голосомъ спрашиваю: «Кто тамъ? выходи! а то, молъ, сейчасъ полицію приведу». Молчокъ, а слышу, шевелится на печкѣ. Ну, ладно, говорю, сейчасъ пойду въ полицію!.. Тронулась было вверхъ и слышу: «Старая чертовка... что тебѣ?» Голосъ-то жильцовъ... ну, тогда чего бояться?.. я къ печкѣ... Занавѣску-то отдернула, а онъ, милыя мои, на печкѣ сидитъ, почестъ въ чемъ мать родила, въ одной толечко рубашонкѣ... Ну, плюнула, да ушла... Не глядѣть же мнѣ на него, срамника окааннаго!..

— Какъ же такъ?..—волновались барышни и стали ждать насъ, мужчинъ.

Когда мы повидали сконфуженнаго узника за печкой, то первымъ дѣломъ одѣли его и затѣмъ предоставили Саблину, который съ тѣхъ поръ считалъ Путяту своимъ воспитанникомъ. Шалости воспитанника повторялись при всякой ничтожной получкѣ гонорара. Но гуманность нашего кружка была неуклонна, и Путята проживалъ то на печкѣ, то въ комнатѣ по настоящему. Это относилось къ тому времени, но судьба этого человѣка извѣстна мнѣ до самой смерти, такъ какъ я всегда встрѣчался съ нимъ по приѣздѣ въ Москву или даже при проѣздахъ и непродолжительныхъ остановкахъ въ столичномъ городѣ.

Шли годы. Этотъ безхарактерный, но способный человѣкъ то выбивался, то снова падалъ. Лѣтъ черезъ пять послѣ своего «мо-

нашествия» Н. А. сталъ заправскимъ литераторомъ и сотрудникомъ газеты Гилярова-Платонова «Современныя Извѣстія». Онъ работалъ аккуратно. Издатель былъ имъ доволенъ и поручилъ завѣдывать ему иностраннымъ отдѣломъ. Газета тогда шла прекрасно, деньги были вѣрныя, и жалованье и гонораръ. Путята снялъ хорошія двѣ меблированныя комнаты и женился на Настенькѣ Г., хорошенькой барышнѣ бывшаго нашего кружка. Я тогда видѣлся съ нимъ и былъ у него, у совсѣмъ настоящаго литератора и джентльмена. «Вотъ и карьера—думалъ я.—Вотъ счастливая жизнь за любимой работой и съ любимой женой. Человѣкъ, прошедшій нужду и мытарства, имѣетъ на это право!» Но прошелъ годъ, и это счастье разлетѣлось въ пухъ и прахъ. Настенька ушла отъ мужа и сошлась съ однимъ редакторомъ-издателемъ иллюстрированнаго журнала, а Николай Аполлоновичъ ушелъ изъ «Современныхъ Извѣстій», покинулъ свои блестящіе апартаменты и переселился туда, гдѣ была печка съ занавѣской и гдѣ ему продолжала въ «дни печали и невзгоды» покровительствовать сестра его бывшей жены, а можетъ быть и послѣдняя. Онъ работалъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ: писалъ и переводилъ, работалъ послѣ и въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», но со стороны, не занимая при редакціи никакого амплуа. Онъ не имѣлъ ни друзей, ни знакомыхъ. Никого не посѣщалъ, кромѣ близкой къ его жилищу бѣдной портерной, хозяйинъ которой кредитовалъ Путяту, но въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Тамъ были и завсегдатаи, кромѣ него, скромные мѣщане и мелкіе приказчики, которые уважали писателя. Работалъ Путята и на Никольскій рынокъ, выкраивая по заказу изъ какого-нибудь иностраннаго изданія романъ на русскій манеръ за 50—60 руб. оптомъ. Получивъ такія большія деньги, Путята нанималъ непременно лихача, ѣздивъ по ресторанамъ и чрезъ день или два проматывалъ все до копейки, а затѣмъ приступалъ къ закладу платья и существовалъ до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ за занавѣской на печкѣ, гдѣ было тепло, но жестко и неудобно.

Тогда портерная лишалась пріятнаго собесѣдника. Путята былъ писатель не безъ способностей. Онъ обладалъ выдержаннымъ стилемъ короткихъ предложеній. Я помню его одинъ эскизъ подъ заглавіемъ «Шарманка», помѣщенный въ фельетонѣ («Современныхъ Извѣстій»). Это былъ плачъ, искреннія слезы больной души! Хрипѣли надорванные звуки шарманки и не было надежды, чтобы она заиграла, какъ прежде, полными звуками любви и привѣта. Не было силъ, ослабли ея струны, стали ржавыми отъ сырости!..

Ниже опускался одинокій Путята и не протестовалъ, сознавая, что такъ и надо. «Нѣтъ у меня духу этого, чтобы приспособляться», говорилъ онъ, прибавляя: «въ бѣдности и нуждѣ люди, хотя и раздражительнѣе, но лучше, искреннѣе и они ко мнѣ ближе!» Нѣсколько лѣтъ я не видалъ Н. А., даже когда бывалъ

въ Москвѣ. Гдѣ онъ? И я все-таки увидѣлъ Н. А., но уже за нѣсколько дней до кончины. Тогда жилъ онъ на Садовой, въ бѣдной квартирѣ у какой-то добродушной старухи, которая его жалѣла. Засталъ я у него врача, молодого человѣка. Мнѣ онъ, повидимому, обрадовался. Голосъ ему измѣнилъ окончательно: это былъ шопоть, и притомъ какой-то поспѣшный, точно онъ боялся не договорить, остановиться на полсловѣ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось выпить хорошаго вина,—шепталъ Путьята, обращаясь къ доктору.—Очень хотѣлось бы...

— Бѣлаго или краснаго? спросилъ я.

— Бѣлаго, бѣлаго...

Когда врачъ уходилъ, я вышелъ изъ комнаты и спросилъ его, можно ли выпить ему вина и сколько? Онъ пожалъ плечами.

— Дни его сочтены... проживетъ три-четыре дня, не больше... вино сократитъ жизнь на нѣсколько часовъ... Надежды вѣдь никакой!..

Я купилъ бутылку дорогого рейнвейна и принесъ больному. Дѣйствіе вина было сильно возбуждающее, и Н. А. говорилъ много объ своемъ отцѣ, который, умирая, не помирился съ сыномъ и изъ своего богатства не оставилъ ему ни копейки. Черезъ три дня Путьята умеръ, и былъ погребенъ на средства московскихъ маленькихъ литераторовъ, которые присутствовали на этихъ грустныхъ похоронахъ, дѣйствительно, въ несчастіе прожившаго человѣка.

Перейду теперь къ воспоминанію о московскомъ кружкѣ, который рѣзко отличался отъ петербургскихъ вообще. Приѣхали Фалинъ и Катерина Ж., которые внесли было вначалѣ петербургскую атмосферу, скоро, впрочемъ, испарившуюся. Благодушіе, нѣкоторая доля остроумія, товарищество и искренность—вотъ что связало членовъ московскаго кружка: ничего дѣланнаго, конспиративно-разсчитаннаго. Надъ нами не было «генеральства», равенство существовало полное. Мы постоянно были вмѣстѣ, обмѣниваясь мыслями, впечатлѣніями. Но мы учились, много читали, а по субботамъ докладывали по очереди рефераты. Напримѣръ, Жировъ прочелъ свои наблюденія по ночлежнымъ домамъ, оставиваясь главнымъ образомъ на антисанитарныхъ условіяхъ. Саблинъ представилъ критическій этюдъ о «Тарасѣ Бульбѣ» и поставилъ вопросъ: имѣлъ ли нравственное право отецъ убить своего родного сына? Авторъ и мы рѣшили этотъ вопросъ отрицательно. Особенно порицалъ Тараса—Саблинъ.

Я забылъ сказать, что Николай Алексѣевичъ Саблинъ былъ мой товарищъ по 3-й гимназіи. Онъ и его братъ Александръ кончили курсъ по классическому отдѣленію вмѣстѣ съ Н. В. Муравьевымъ (бывшимъ министромъ юстиціи). Николай былъ меди-

комъ, а Александръ—юристомъ, служившимъ впоследствии все время до своей кончины при московскомъ окружномъ судѣ. Судьба Николая была трагическая: близкій къ кружку Ижелябова и Перовской Николай, какъ извѣстно, застрѣлился послѣ 1-го марта на конспиративной квартирѣ, куда пришли жандармы и гдѣ находилась Гельфманъ.

Какъ живой, мнѣ вспоминается Николай Саблинъ, о которомъ еще будетъ рѣчь впереди. Я рѣдко въ натурѣ встрѣчалъ столько добродушія, природнаго чисто русскаго юмора и замѣчательно душевнаго отношенія къ человѣку, кто бы онъ ни былъ. Если бы не Саблинъ, то не вышелъ бы Путьята изъ ночлежнаго дома и не снялъ бы своей монашеской рясы. Недаромъ передъ смертью Н. А. такъ хотѣлъ его видѣть, сказавъ, что «лучшаго человѣка онъ не зналъ». И вотъ такое добродушіе въ самомъ крайнемъ кружкѣ и партіи террористов!.. Не психологія ли это русской революціи, которая въ концѣ концовъ питалась исключительно русской администраціей, обращавшей мирное, совершенно нереволуціонное движеніе «мѣрами и циркулярами» на бунтарскую, а затѣмъ на террористическую почву.

Это была огромная ошибка, роковая!

Въ нашемъ кружкѣ не возникало и мысли о возможности въ будущемъ кровавыхъ дѣйствій, самопожертвованіе дѣйствительно входило въ нашу программу. Мы жили и обмѣнивались свѣтлыми, гуманными идеями братства, любви и равенства. Наше знамя было невинно и чисто не только отъ крови, но и всякихъ грязныхъ, эгоистическихъ помысловъ, выступленій. Потомъ... что было потомъ, мы увидимъ.

Нашъ кружокъ принялъ естественную форму товарищества. Обязательствъ никакихъ не было, не было эффектовъ и конспираціи.

— Хорошо бы завтра на цѣлый день отбыть въ Нескучный садъ, въ шелковой муравѣ покупатися... Гоже вѣдь сіе, братія и сестріе!—говорилъ Саблинъ.

И всѣмъ казалось, что именно въ Нескучномъ саду завтра прекрасно проведемъ время.

— Може и референдумъ веліимъ гласомъ мужъ нѣкій или дѣва глубокая провозгласятъ.

И это бывало. А то читали сообща какую-нибудь статью, эскизъ... Саблинъ непремѣнно давалъ экспромты. Онъ былъ поэтъ, далеко не безъ таланта, что доказываютъ его напечатанные за границей стихи «Голуби».

Въ самомъ дѣлѣ мы тогда не были ли похожи на стаю, и притомъ дружную, голубей?

А между тѣмъ надъ нами ястребы кружились въ высотѣ...

XI.

Обыскъ и арестъ.—Впечатлѣніе ночи.—Генераль Слезкивъ и прокуроръ Жуковъ.—
Неопредѣленность и переѣздъ на дачу.

Жилось и чувствовалось тогда хорошо. Цѣлый день былъ занятъ. Собственно чѣмъ? Свиданіями другъ съ другомъ, чтеніемъ, обмѣномъ мыслей. Повидимому, кружокъ нашъ удовлетворялъ предупредительностью и искреннею деликатностью членовъ. О какихъ-нибудь недоразумѣніяхъ не могло быть рѣчи. Мы очень молоды, вѣра въ людей не была подорвана, идеализмъ процвѣталъ и развивался. Но все это до поры до времени. Пора эта приближалась.

Я вообще не суевѣрный, мистическій элементъ не сроденъ моей натурѣ, настроенію, предчувствію я не придавалъ значенія, но въ эту ночь произошло нѣчто странное. Мнѣ не спалось, хотя я былъ совершенно здоровъ и сномъ вообще обладалъ крѣпкимъ, непробуднымъ. Что такое? тушилъ и зажигалъ свѣчу, пробовалъ читать, но мысли убѣгали куда-то далеко, и я не могъ сосредоточиться. У меня ночевалъ товарищъ П., который спалъ великолепно. Пробыло три часа. Мое волненіе, какая-то смутная тревога возрастали. Вдругъ съ улицы къ дворнику послышался рѣзкій звонокъ. «Кто бы это могъ быть?» подумалъ я. Окно въ моей комнатѣ было отворено, и я слышалъ шаги дворника, отправившагося отпирать калитку. Взволнованный, я подошелъ къ окну: цѣлая толпа народа подвигалась къ подъѣзду нашего флигеля.

— Вставай!—обратился я къ товарищу.—Они идутъ!.

— Кто? что ты говоришь? — отвѣтилъ мнѣ полусонный товарищъ.

Въ это время дрогнулъ звонокъ въ нашей квартирѣ. Я не сталъ будить прислугу и пошелъ самъ отворять дверь.

— Кто тамъ?—спросилъ я.

— Отворяйте, намъ надо видѣть г. Васюкова,—послышался голосъ.

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ я, впуская въ маленькую квартиру множество людей.

— А это кто?—спросилъ жандармскій офицеръ, увидавъ П.

— Мой товарищъ, студентъ Петровской академіи...

— Пріятно познакомиться...

П. что-то бормоталъ крайне недовольнымъ тономъ. Жандармскіе офицеры, штабсъ-капитанъ Крыловъ и поручикъ Поповъ, были крайне вѣжливы и предупредительны, все время называли меня по имени и отчеству.

Мать они успокоили, сестрѣ сказали тоже что-то пріятное, между тѣмъ просматривали книги, шарили по угламъ, искали въ

кровати. Подозрительнаго, впрочемъ, не оказалось, что было упомянуто въ написанномъ ими протоколѣ. «Стало быть, все кончено», думалъ я. «Когда же они уйдутъ?» Но галантные офицеры не уходили, одинъ изъ нихъ вынулъ серебряный портсигаръ, взялъ папиросу и предложилъ то же сдѣлать и мнѣ. Затѣмъ оба они значительно переглянулись и встали.

— Однако пора!—сказалъ Крыловъ.—Мы, С. И., попросимъ и васъ съ нами!

Признаюсь, сердце дрогнуло. Мать, взволнованная всѣмъ предыдущимъ, громко зарыдала, сестра тоже.

— Пожалуйста, скорѣй одѣвайтесь,—уже требовали, а не просили жандармы.—И вы тоже! обратились они къ П.

Скоро мы вышли. На дворѣ было совсѣмъ свѣтло. Въ саду весело посвистывали птички. Тишина ранняго утра особенно чувствовалась своею прелестью. Но на душѣ у меня было холодно и темно. «Подъ арестомъ», мелькала мысль: «а потомъ въ тюрьму? Вотъ оно, начинается»...

Извозчики уже стояли у воротъ, и мы размѣстились по парамъ: я съ Крыловымъ, П. съ Поповымъ. Скоро мы доѣхали до большого барскаго дома въ Успенскомъ переулкѣ близъ Дмитровки. Помню, главный подъѣздъ былъ со двора. Мы вошли туда и поднялись по узкой деревянной лѣстницѣ въ мезонинъ. Меня попросили обождать въ небольшой, жилой комнатѣ съ кроватью.

— Можете, если хотите, прилечь,—проговорилъ, уходя, Крыловъ. Къ двери былъ приставленъ жандармъ.

Послѣ я узналъ, что наверху была сосредоточена канцелярія генерала Слезкина, начальника московскаго жандармскаго управленія, а въ маленькихъ комнатахъ, одну изъ которыхъ я теперь занималъ, жили жандармы, служившіе у Слезкина въ качествѣ администраціи, а больше, вѣроятно, прислуги. Время тогда было тихое, не революціонное, и дѣла вершились по домашнему. Комната, въ которой насъ допрашивали, тоже была небольшая, въ два окна, въ ней помѣщались два стола, одинъ, порядочнаго размѣра, посрединѣ, другой, небольшой, въ углу.

— Внизу кто живетъ?—спросилъ я жандарма.

— Генералъ съ семействомъ...

— Рано онъ встаетъ?

— Въ девять часовъ обязательно самоваръ подаютъ, сегодня, можетъ быть, раньше встанутъ!

— А теперь который часъ?

— Шесть, въ началѣ седьмой.

Я задумался, сидя у окна. Время шло крайне медленно. Мнѣ крайне было жаль мать, сестру, которыя что теперь дѣлаютъ? О, какъ бы желалъ я быть свободнымъ, я бы бѣгомъ, не отдыхая, долетѣлъ до нашей уютной квартиры и стали бы мы вмѣстѣ пить

чай въ комнатѣ матери у раствореннаго окна, выходящаго въ садъ. Но это мечты... а проза—жандармъ! Время тянулось, впрочемъ, внизу началось нѣкоторое движеніе и на дворѣ тоже. Кучеръ и дворникъ уже занимались своими работами: одинъ мелъ дворъ, другой чистилъ конюшню. Я смотрѣлъ на нихъ и завидовалъ: свободные люди, веселые, безпечные! Они дѣйствительно въ это время громко смѣялись.

По мѣрѣ приближенія рокового вопроса мое настроеніе становилось болѣе удрученнымъ. Вотъ кто-то подъѣхалъ на извозчикѣ къ подъѣзду. Это былъ полный блондинъ въ золотыхъ очкахъ, который быстро вошелъ къ генералу. Потомъ въ немъ узналъ я прокурора Жукова. Наконецъ меня пригласили, и я ожидалъ не долго. Въ комнату канцеляріи вошли Жуковъ и Слезкинъ. Генералъ былъ выше средняго роста, лѣтъ около 60-ти, ни толстъ, ни тонокъ, видъ имѣлъ нѣсколько надменный, голосъ непріятный, надтреснутый. Напротивъ, Жуковъ, цвѣтущій, съ розовыми щеками джентльменъ, предупредительный съ генераломъ, какъ докторъ съ больнымъ. Да и похожъ онъ былъ на доктора больше, нежели на прокурора. Меня попросили сѣсть за столъ, дали бумагу, перо, и я началъ писать. Генералъ и прокуроръ не сѣлись. Когда на вопросъ: сколько мнѣ лѣтъ? я отвѣчалъ: восемнадцать,—генералъ съ непріятнымъ смѣхомъ сказалъ: «Поспѣшный молодой человекъ!»

— Вы, кажется,—спросилъ прокуроръ,—состоите организаторомъ кружка? Вы пріѣхали изъ Петербурга.

Допросъ начался. Я сознавалъ и чувствовалъ себя преступникомъ, я подрывалъ крѣпкія основы російскаго существованія. Ужъ не помню въ точности, что я говорилъ, однимъ словомъ, сознавался и сознавался въ ужасѣ, думая, что мнѣ грозитъ Сибирь.

Генералъ и прокуроръ торжествовали, смотря на врага, уничтоженнаго, смятаго въ легкой стычкѣ. Вѣрно, мой видъ былъ очень печаленъ, если генералъ произнесъ памятную и теперь мнѣ фразу: «Мы васъ не считаемъ за падшаго, а только за заблуждающагося!» Затѣмъ съ меня была отобрана подписка о невыѣздѣ изъ Москвы безъ разрѣшенія.

— А когда поѣду въ Петербургъ?

— То явитесь сюда, ко мнѣ,—сказалъ генералъ.—А теперь можете идти...

— Куда? спросилъ я наивно.

Жуковъ засмѣялся и галантно отвѣчалъ: «Куда вамъ угодно». Я не сбѣжалъ, а слетѣлъ съ лѣстницы и помчался домой. Какимъ эгоистомъ былъ я въ то время. Я забылъ о П., забылъ обо всемъ и помнилъ и чувствовалъ только себя и то, что я скоро увижу мать, сестру... Свиданіе дѣйствительно было трогательное, даже наша Прасковья прослезилась. Дворникъ, жильцы смотрѣли

на меня въ изумленіи. «Вотъ», вѣроятно, они думали, «пришли, взяли ночью, отпустили?!» Въ первый разъ я чувствовалъ и понималъ всю цѣну свободы. Я былъ дѣйствительно счастливъ и, долженъ прибавить, малодушенъ, когда, отвѣчая матери и общающаяся, говорилъ: «Да, мама, оставляю теперь всѣ эти кружки, буду заниматься, ходить иногда въ театръ, а то въ самомъ дѣлѣ попадешь куда-нибудь...» Вообще мы всѣ были довольны и ждали завтрака. Вдругъ звонокъ. Думали, что это П., но представьте нашъ общій ужасъ, когда вошелъ поручикъ Поповъ. Онъ былъ нѣсколько сконфуженъ и просилъ мою сестру 14 лѣтъ одѣться и ѣхать съ нимъ къ генералу, на пять минутъ, не больше, а затѣмъ онъ, поручикъ Поповъ, доставить ее въ цѣлости домой. Мать не хотѣла пускать безъ себя, но Поповъ наконецъ уговорилъ, и они уѣхали. Въ это время пришелъ П. и со смѣхомъ началъ рассказывать и представлять, что съ нимъ было и какъ онъ отвѣчалъ на допросѣ. Однимъ словомъ, онъ разсердилъ и генерала и прокурора, которые сочли его за вреднаго человѣка. Скоро сестра вернулась. Ее спрашивали, не пріѣзжалъ ли ко мнѣ кто изъ Петербурга, и больше ничего. Вечеромъ мы посѣтили нашихъ барышень Г., которыя тоже призывались и сестра которыхъ теперь рѣшительно отказывалась, чтобы на ихъ квартирѣ были собранія.

Итакъ, кружокъ самообразованія пересталъ существовать, такъ сказать, официально, но мы продолжали другъ съ другомъ видѣться, и наши отношенія стали еще крѣпче, любовнѣе.

Скоро въ моемъ настроеніи наступила реакція. По мѣрѣ того, какъ впечатлѣнія ночи ареста и административныя фигуры тускнѣли и покидали память, стремленіе къ общественнымъ вопросамъ и движенію возрастало въ большей степени. Я поглощалъ книги извѣстнаго направленія и штудировалъ «Капиталъ» Маркса, эту дѣйствительно тяжелую артиллерію социализма. Можно ли такъ писать! Сколько мы мучились съ этимъ чтеніемъ.

Конечно, книги не удовлетворяли, хотѣлось жизни, общества. Многіе изъ нашего кружка уѣхали, Саблинъ и Жировъ изъ Москвы, барышни Г. гостили у знакомыхъ на дачѣ. Въ Москвѣ становилось душно и жарко. Былъ іюль мѣсяць. Очень тянуло за городъ, и я отправился къ П. въ Петровскую академію, откуда мы съ нимъ пошли къ Фалину, у котораго я думалъ пробыть нѣсколько дней. Путь нашъ лежалъ черезъ небольшую деревню Владыкино, гдѣ пріютилось нѣсколько семей дачниковъ, преимущественно артистовъ казеннаго Малаго театра.

Прекрасное расположеніе деревеньки по небольшой рѣчкѣ Лихоборкѣ представляло и уютъ, и волю. Кругомъ, кромѣ одного направленія къ желѣзной дорогѣ, были рощи и лѣса. Фабрика, на которой жила семья Фалина, находилась лишь въ одной верстѣ отъ Владыкина.

Намъ были рады и вотъ, плотно пообѣдавъ, мы отправились въ лѣсъ.

— Когда ты уѣхалъ,—разсказывалъ Фалинъ,—совсѣмъ наступило мертвое, экзаменаціонное время. Изъ нашего кружка, кромѣ Милоглазкина, я никого не видалъ. Скучно было... но время бѣжало, и я почти не замѣтилъ, какъ подошелъ конецъ экзаменовъ.

— Итакъ, у тебя нѣтъ связей, я говорю про настоящее время, съ членами нашего кружка? не знаешь, гдѣ кто находится? что дѣлаетъ?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ Фалинъ:—я говорилъ, что никого не видалъ.

— Вообще,—прибавилъ П.,—я не сторонникъ кружковаго образованія. То ли дѣло одному заняться вплотную... ну, если имѣются въ чемъ сомнѣнія, возникаютъ вопросы, тогда отчего не переговорить съ болѣе авторитетными людьми и выяснить.

— Вы не совсѣмъ, господа, понимаете задачу кружковъ, которые не вѣчно же будутъ образовывать себя! Изъ кружковъ должны вырабатываться общественные дѣятели.

— Можетъ быть,—задумчиво промолвилъ П.,—и выйдутъ практическіе дѣятели... поживемъ, увидимъ!

— Это, господа, только еще начало, а будущая дѣятельность, и притомъ благородная, впереди. Народъ ждетъ и нуждается въ такихъ работникахъ, которые свои силы будутъ отдавать исключительно трудящейся массѣ. Нѣтъ, по-моему, нынѣшнее народническое движеніе серьезно и сродно русскому юношѣ. А то что же, въ самомъ дѣлѣ, итти на фабрику къ купцу или въ департаментъ въ чиновники?... Нѣтъ, надо искать иныхъ путей, надо, чтобы совѣсть была чиста и душа покойна...

Мы задумались.

С. И. Васюковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕТРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВАННОВСКІЙ.

(Министръ народнаго просвѣщенія).

ПЕТРЪ Семеновичъ Ванновскомъ, когда онъ былъ военнымъ министромъ, мнѣ приходилось слышать много, случалось видать его издали на разнаго рода торжествахъ, но сталкиваться съ нимъ ближе не доводилось. Впервые я встрѣтился съ нимъ въ одномъ изъ засѣданій высочайше учрежденной комиссіи по борьбѣ съ чумою. То было въ 1897 году; комиссія эта, подъ предсѣдательствомъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго, состояла изъ министровъ, а я принималъ въ ней участіе въ качествѣ представителя министерства юстиціи въ особомъ, состоявшемъ при его высочествѣ совѣщаніи. Петръ Семеновичъ говорилъ въ этомъ засѣданіи мало, былъ очень сухъ и сдержанъ и не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія.

Ближе мнѣ пришлось узнать его только въ 1899 году, когда на него возложено было разслѣдованіе безпорядковъ, бывшихъ 8 февраля того года въ с.-петербургскомъ университетѣ и затѣмъ распространившихся на другія учебныя заведенія. Въ помощь Петру Семеновичу при производствѣ этого разслѣдованія и въ его распоряженіе были командированы отъ министерства юстиціи—я и А. М. Стремоуховъ (нынѣ сенаторъ) и отъ главнаго военно-суднаго управленія—П. Ѳ. Лузановъ и Г. В. Бурдинъ. Подъ руководствомъ и при прямомъ участіи Петра Семеновича это разслѣдованіе шло быстро и успѣшно, причемъ меня, стараго и опытнаго слѣдователя, поражало умѣнье покойнаго вести слѣдствіе;

оставаясь все время безпристрастнымъ и спокойнымъ судьей-слѣдователемъ, онъ велъ дѣло такъ, что я положительно любовался имъ. Здѣсь, въ хорошо знакомой мнѣ работѣ, я узналъ этого человѣка и сталъ относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Съ окончаніемъ разслѣдованія сношенія наши съ Петромъ Семеновичемъ прекратились, и я только обмѣнивался съ нимъ официальными новогодними и пасхальными визитами.

19 марта 1901 года я получилъ отъ него записку, которою онъ просилъ меня захватить къ нему по очень нужному дѣлу. Оказалось, что дѣло это—предложеніе принять должность товарища министра народнаго просвѣщенія, причемъ я впервые узналъ, что самъ онъ назначается министромъ; послѣ нѣкоторыхъ колебаній я согласился. Петръ Семеновичъ былъ назначенъ 24 марта, а я 1 апрѣля того же года. Здѣсь началась неустанная работа по преобразованію учебныхъ заведеній, работа спѣшная и увлекательная, работа, въ которую покойный вложилъ всю свою душу и всѣ свои силы.

11 апрѣля 1902 года Петръ Семеновичъ и я одновременно оставили министерство народнаго просвѣщенія, но отношенія наши, установившіяся и окрѣпшія за время совмѣстнаго служенія, продолжались; до самой его кончины мы видѣлись еженедѣльно и, признаюсь, я горячо полюбилъ этого выдающагося человѣка.

Въ томъ же 1902 году я, по свѣжей памяти, написалъ предлагаемый очеркъ дѣятельности Петра Семеновича въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія и въ началѣ октября передалъ его ему, прося прочесть и, не касаясь оцѣнки его личности, на что я, какъ авторъ, считалъ за собою неотъемлемое право, обратить вниманіе на фактическую сторону дѣла. На возвращенномъ и хранящемся у меня экземплярѣ этого очерка сдѣлана покойнымъ такая надпись: «Прочелъ; фактическая часть вѣрна, но личность моя идеализирована; такой оцѣнки я не заслуживаю; я стремился къ тому, что здѣсь написано, но, по слабости человѣческой, достичь сего не могъ. Петръ Ванновскій. 18 октября 1902 года».

При жизни покойнаго, конечно, не могло быть и рѣчи объ оглашеніи настоящаго очерка въ печати. Я не считалъ своевременнымъ печатать его и въ ближайшее по кончинѣ Петра Семеновича время. Думаю, что теперь это время настало, почему и рѣшаюсь предложить этотъ очеркъ читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ въ 1902 году.

У меня имѣется свыше двадцати восьми интересныхъ писемъ покойнаго. Быть можетъ, я рѣшусь опубликовать и ихъ.

Генераль-адъютантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, извѣстный военный министръ и недавній министръ народнаго просвѣщенія, былъ далеко не чуждъ педагогической дѣятельности. Въ 1857 году онъ былъ назначенъ начальникомъ офицерской стрѣлковой школы, съ 1861 по 1863 годъ состоялъ въ должности директора Павловскаго кадетскаго корпуса, а съ 1863 по 1868 годъ начальника Павловскаго военного училища. Бывшіе его ученики съ благоговѣніемъ вспоминаютъ то сердечное отношеніе и тѣ умѣлые педагогическіе приемы, которыми онъ былъ такъ извѣстенъ въ свое время. Еще будучи молодымъ строевымъ офицеромъ, Петръ Семеновичъ приготовлялъ брата жены своей къ экзамену по латинскому языку въ училище правовѣдѣнія. Вспоминая это обстоятельство, Петръ Семеновичъ, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, говорилъ: «Какъ видите, господа, вашъ министръ не совсѣмъ же урядный фельдфебель». Не слѣдуетъ упускать изъ виду и завѣдыванія имъ по должности военнаго министра императорской военно-медицинской академіей, получившею при немъ новую организацію и укладъ академической жизни и быта студентовъ.

Дѣятельность П. С. удостоилась милостивой оцѣнки Государя Императора въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 22 іюня 1890 г. по поводу пятидесятилѣтняго служенія его въ офицерскихъ чинахъ.

Съ нашею учащеюся молодежью гражданскаго вѣдомства Петру Семеновичу пришлось имѣть дѣло въ 1899 году. Столкнувшись съ нею въ неблагоприятной роли слѣдователя, онъ сумѣлъ внушить къ себѣ не только полное довѣріе, но и глубокое уваженіе всякаго, кто привлекался имъ къ допросу или имѣлъ случай по тому или иному поводу объясняться съ нимъ. Всегда и неуклонно стоящій на строго законной почвѣ, глубоко проникнутый высокимъ чувствомъ патріотизма и беззавѣтной преданности престолу и государю, съ виду суровый, съ рѣзкими манерами военнаго чловѣка, онъ своимъ лучистымъ, свѣтлымъ, полнымъ безконечной доброты взоромъ проникалъ въ душу каждаго и невольно заставлялъ открывать предъ нимъ и душу, и сердце. Тутъ не было мѣста заигрыванію съ молодежью, желиберализму или чему-либо подобному,—передъ молодежью стоялъ старикъ-генералъ, строгій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сердечно-добрый, а главное — всегда и во всякое время глубоко справедливый,—словомъ, передъ нею былъ отецъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Всѣмъ намъ памяты событія конца прошлаго вѣка. То было время періодически повторявшихся студенческихъ беспорядковъ. Въ Петербургѣ беспорядки эти обыкновенно связывались съ днемъ годовщины открытія и торжественнаго акта въ петербургскомъ университетѣ, празднуемаго 8 февраля, и съ особенною силою выразились вечеромъ и ночью 8 февраля 1895 года, когда, помимо слѣдованія съ пѣснями по улицамъ и столкновенія съ

чинами полиціи и публикою въ нѣкоторыхъ ресторанахъ и увеселительныхъ заведеніяхъ, толпа студентовъ учинила близъ ресторана Палкина, что на углу Невскаго и Владимирской, буйство, окончившееся уличною дракою съ приглашенными мѣстнымъ приставомъ для усмиренія ихъ дворниками. Подробности этихъ безпорядковъ изложены въ правительственномъ сообщеніи, своевременно объявленномъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»¹⁾.

Слѣдующій 1896 годъ прошелъ спокойно, но 8 февраля 1897 г. была учинена новая попытка обычнаго уличнаго шествія: часовъ около 4-хъ дня толпа студентовъ, въ количествѣ не менѣе 500 человекъ, перешла Неву, направилась съ пѣніемъ къ Дворцовой площади и прорвала двинутую на нее цѣпь городскихъ, но, будучи встрѣчена градоначальникомъ, подчинилась его убѣжденіямъ и, давъ слово пройти Невскій проспектъ безъ пѣсенъ, слово это сдержала и въ полномъ порядкѣ прослѣдовала къ Знаменской площади.

Въ 1898 году день университетскаго акта снова вызвалъ столкновеніе съ чинами полиціи. Толпа около 700 человекъ двинулась къ Дворцовому мосту, смяла встрѣченный полицейскій рядъ и затѣмъ, сильно уменьшившаяся, но все еще въ количествѣ около 300 человекъ пошла, несмотря на воспрещеніе полиціи, по Невскому проспекту, оказавъ непослушаніе встрѣтившему ее близъ Полицейскаго моста градоначальнику. Послѣ столкновенія съ остановившимъ ее близъ Екатерининской улицы полицейскимъ отрядомъ, толпа разбилась на мелкія группы и разошлась.

Въ слѣдующемъ 1899 году день 8 февраля ознаменовался особенными безпорядками. Начавшись въ актовомъ залѣ свистками и криками по адресу читавшаго рѣчь ректора университета, безпорядки эти перешли на улицу, гдѣ вызвали столкновеніе съ полиціею, закончившееся избіеніемъ нагайками студентовъ и бывшей на улицѣ публики.

Возникшіе въ петербургскомъ университетѣ безпорядки отразились и на другихъ высшихъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Ближайшею причиною этого было общее желаніе учащейся молодежи выразить сочувствіе «униженнымъ и оскорбленнымъ избіеніемъ нагайками» студентамъ университета; способомъ выраженія этого сочувствія было избрано прекращеніе занятій, а средствами для сего служили постоянный обмѣнъ извѣстій, посылка депутатовъ и общія делегатскія собранія. Движеніе это распространилось на военно-медицинскую академію, на институты: технологическій, горный, лѣсной, электротехнический и историко-филологическій, институтъ гражданскихъ инженеровъ и инженеровъ путей сообщенія, высшіе женскіе курсы и женскій медицинскій институтъ.

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ», 1895 г., № 36.

Разслѣдованіе причинъ не прекращающихся среди учащейся молодежи безпорядковъ было, по Высочайшей волѣ, возложено на генераль-адъютанта Ванновскаго. «Государь Императоръ,— сказано въ оглашенномъ правительственномъ сообщеніи,— Высочайше повелѣть соизволилъ генераль-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8-го сего февраля въ императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ и затѣмъ распространившихся на нѣкоторыя другія учебныя заведенія и о результатахъ сего разслѣдованія представить на Высочайшее благоусмотрѣніе»¹⁾.

Къ разслѣдованію этому было приступлено немедленно и велось оно неустанно энергично. 22 февраля были начаты первые опросы, а 9 апрѣля былъ уже представленъ всеподданнѣйшій докладъ, содержащій результаты разслѣдованія съ обширною объяснительною запискою. При этомъ разслѣдованіи было опрошено свыше 300 лицъ, бывшихъ ближайшими свидѣтелями безпорядковъ, частію принимавшихъ въ нихъ участіе, а равно лицъ, близко знакомыхъ съ условіями быта учащейся молодежи и чиновъ учебнаго персонала, обстоятельно свѣдущихъ и опытныхъ въ преподавательскомъ дѣлѣ.

Выяснивъ фактическую сторону студенческихъ волненій 8 февраля 1899 г. и указавъ ближайшія ихъ причины, разслѣдованіе остановилось и на разысканіи общихъ причинъ, содѣйствовавшихъ этимъ безпорядкамъ, дающихъ для нихъ готовую почву, а затѣмъ указало и ближайшія средства ихъ устраниенія на будущее время.

Такими причинами генераль-адъютантъ Ванновскій призналъ: отсутствіе за учащеюся молодежью всякаго надзора; разобщенность студентовъ между собою, съ профессурою и учебнымъ начальствомъ²⁾; ненадлежащая постановка профессуры, какъ по отношенію преподавателей къ самымъ занятіямъ, такъ и относительно способа вознагражденія за оныя; недостатокъ профессиональныхъ школъ и высшихъ и специальныхъ заведеній, послѣдствіемъ чего является переполненіе университетовъ слушателями несоотвѣтственно количеству преподавателей и учебныхъ средствъ и пособій и даже несоотвѣтственно вмѣстимости самаго зданія; наконецъ недостатки дѣйствующаго университетскаго устава и ненадлежащая постановка дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изслѣдованіе приведенныхъ обстоятельствъ, способствующихъ появленію безпорядковъ среди учащейся молодежи, дало основаніе указать и способы ихъ устраниенія. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ» 20 февраля 1899 г., № 41.

²⁾ Бывшій министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головинъ (1861—1870) объяснялъ студенческіе безпорядки упадкомъ научной дѣятельности университетовъ и недостатками университетской организаціи, уничтожавшей всякую нравственную связь между профессорами и студентами. Словарь Брокгауза, IX, 74.

генераль-адъютанта Ванновскаго, коренною мѣрою былъ бы скорѣйшій пересмотръ уставовъ учебныхъ заведеній, но такъ какъ пересмотръ этотъ потребовалъ бы много труда, а главное времени, то возможно было бы немедленно принять слѣдующія мѣры:

1) Впредь до весьма желательнаго увеличенія количества университетовъ и специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, нынѣ же установить комплектъ учащихся соответственно вмѣстимости зданія и количеству учебныхъ средствъ и пособій;

2) учредить правильный контроль за занятіями студентовъ;

3) измѣнить гонорарную систему вознагражденія профессоровъ и преподавателей;

4) усилить и кореннымъ образомъ преобразовать инспекцію;

5) отмѣнить § 13 утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія правилъ и соответственно измѣнить 523 ст. XI т. I ч., въ силу коихъ студентъ считается только отдѣльнымъ посѣтителемъ университета;

6) измѣнить положеніе студента, поставивъ его прежде всего въ положеніе учащагося, а не свободнаго обывателя, а для сего, съ должною осмотрительностью, ввести начало корпоративнаго устройства, учредивъ, по примѣру военно-медицинской академіи, курсовыя сходки и курсовыхъ старостъ съ точнымъ опредѣленіемъ предѣловъ ихъ вѣдомства и обязанностей, и разрѣшить открытіе студенческихъ кассъ и библиотекъ подъ надзоромъ и отвѣтственностью учебнаго начальства съ періодическою ревизіею и отчетностью.

По разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго доклада генераль-адъютанта Ванновскаго, Государю Императору благоугодно было прежде всего выразить свое крайнее прискорбіе и неудовольствіе, что подобныя безпорядки могли возникнуть и продолжаться въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, нарушая спокойное теченіе внутренней жизни и научныхъ занятій массы учащейся молодежи, обратитъ вниманіе на примѣненіе отрядомъ конно-полицейской стражи, безъ особой необходимости, одной изъ крайнихъ мѣръ воздѣйствія на толпу и затѣмъ Высочайше повелѣть: 1) объявить неудовольствіе Его Величества ближайшимъ начальствамъ и учебному персоналу высшихъ учебныхъ заведеній, что они не сумѣли пріобрѣсти достаточнаго авторитета и моральнаго вліянія на вѣранныхъ ихъ руководству учениковъ и съ самаго начала безпорядковъ не приступили съ должною твердостью и единодушіемъ къ разъясненію и указанію увлекающейся молодежи существа ея добровольно избраннаго призванія и границы ея правъ и обязанностей; 2) чинамъ с.-петербургской городской полиціи, которые указаны въ разслѣдованіи генераль-адъютанта Ванновскаго, должны быть поставлены на видъ неумѣлыя и несоотвѣтственныя предварительныя распоряженія по охраненію уличнаго порядка въ день 8 февраля;

3) каковы бы ни были упущенія и ошибки въ дѣйствіяхъ начальственныхъ лицъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ извиненію поведеніе студентовъ и слушателей, забывшихъ о долгѣ повиновенія и соблюденія предписаннаго порядка, о долгѣ, налагаемомъ на нихъ заботами правительства объ ихъ образованіи и содержаніи. Никто изъ нихъ не можетъ и не долженъ почитать себя свободнымъ отъ обязанности трудиться и приобрѣтать познанія, нужныя для служенія отечеству, къ коему они готовятъ себя на пользу общественную: они первые, посему, должны быть и охранителями того порядка, безъ коего ни ученіе, ни воспитаніе немислимы. Съ соблюденіемъ сего порядка связана самая честь каждаго учебнаго заведенія и каждаго изъ отдѣльныхъ членовъ его и питомцевъ ¹⁾.

Разслѣдованіе генераль-адъютанта Ванновскаго дало полную картину происшествія 8 февраля 1899 года, обнаружило виновныхъ въ беспорядкахъ какъ въ стѣнахъ университета, какъ и на улицѣ, выяснило характеръ и причины броженія среди учащейся молодежи и указало способы умиротворенія этого броженія, давъ полную программу дѣйствій на будущее время. Что касается характера движенія среди учащейся молодежи за время, которое охвачено было разслѣдованіемъ, т. е. съ 8 февраля по 3 марта 1899 года., то, какъ удостовѣрялъ генераль-адъютантъ Ванновскій въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, движеніе это не было отягчено какими-либо осложненіями политическаго характера и не имѣло связи съ политическими беспорядками прежнихъ лѣтъ, хотя не представляется возможности отрицать ни того, что среди учащейся молодежи имѣется нѣсколько, во всякомъ случаѣ очень немного лицъ, увлекающихся разнаго рода ложными политическими теоріями, ни того, что волнующаяся, предоставленная самой себѣ и переставшая учиться молодежь представляетъ собою готовую почву для пропаганды злонамѣренныхъ лицъ.

Въ 1900—1901 учебномъ году жизнь нашихъ учебныхъ заведеній не приходила въ порядокъ. Студенчество продолжало волноваться, и движеніе это оставалось попрежнему въ рукахъ небольшой группы; громадное большинство относилось къ дѣлу пассивно, изображая собою стадо, покорно и безсознательно шедшее за вожаками и, странное дѣло, вожаки эти, какъ то было и въ предшествовавшихъ беспорядкахъ, не только не были избраны, какъ люди излюбленные, а избрали себя сами, самовольно и обыкновенно не были даже извѣстны тѣмъ, къмъ руководили; послѣдніе упорно отрицали ихъ существованіе и отрицали вполнѣ добросовѣстно: они не знали ихъ, но безсознательно подчинялись «студенческому движенію», не разумѣя ни существа его, ни цѣли

¹⁾ Прибавленіе къ № 110 «Правит. Вѣст.» 24 мал 1899 г.

руководившей его вожаками, и успокаивали себя лишь тѣмъ, что это чисто-студенческое движеніе чуждо политической подкладки и что они участвуютъ въ немъ дотолѣ, доколѣ въ немъ нѣтъ ничего политическаго. Такъ разумѣло громадное большинство студенчества, воззрѣнія котораго выразились въ слѣдующихъ словахъ одного изъ допрошенныхъ при разслѣдованіи 1899 г. «Если бы,— говорилъ онъ,— движеніе это приняло политическій характеръ, то я глубоко убѣжденъ, что 99⁰/₀ участвующихъ въ немъ немедленно отъ него отступили бы».

Въ результатѣ было то, что руководила движеніемъ и всецѣло имъ распоряжалась небольшая партія въ двѣ-три сотни человекъ, причемъ волненія въ одномъ университетѣ быстро отражались на другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; ни для кого не было тайною, что настоящіе вожаки движенія были внѣ стѣнъ учебнаго заведенія и преслѣдовали цѣли, ничего общаго съ учебнымъ дѣломъ не имѣющія. Студенческими волненіями съ этого времени воспользовалась политическая агитація, но, какъ показываетъ изученіе обильно распространяемыхъ ею подпольныхъ воззваній и бюллетеней, далеко не успѣшно: число ея сторонниковъ, правда, увеличилось, но масса учащейся молодежи оставалась не сочувствующею этой новой окраскѣ студенческаго движенія.

Между тѣмъ движеніе, ставъ въ лицѣ его главарей и ближайшихъ сторонниковъ политическимъ, вызвало примѣненіе крутыхъ мѣръ: начались массовыя исключенія, аресты, высылки и, наконецъ, впервые были примѣнены правила 29 іюля 1899 г. о привлеченіи исключенныхъ за безпорядки студентовъ къ отбыванію воинской повинности въ особомъ, указанномъ тѣми правилами, порядкѣ.

Какъ извѣстно, правила эти выработаны въ министерство Н. П. Боголѣпова особымъ совѣщаніемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ, юстиціи и военнаго, удостоены Высочайшаго утвержденія 29 іюля 1899 г. и обнародованы 31 того же іюля¹⁾. Непосредственно передъ ихъ примѣненіемъ было объявлено Высочайше утвержденное 1 марта 1900 г. положеніе о порядкѣ передачи въ распоряженіе военнаго начальства лицъ, привлеченныхъ на основаніи этихъ правилъ къ отбыванію воинской повинности, въ видѣ наказанія²⁾. Въ силу этихъ узаконеній, въ теченіе учебнаго 1900—1901 г. было сдано въ войска 231 студентъ с.-петербургскаго и кievскаго университетовъ на разные сроки, а именно: на три года 3 изъ с.-петербургскаго и 2 изъ кievскаго, на два года 6 изъ

¹⁾ Собраніе узаконеній 1899 г., № 95.

²⁾ Собраніе узаконеній 1900 г., № 59.

с.-петербургскаго и 13 изъ кievскаго и на одинъ годъ 19 изъ перваго и 188 изъ второго университета¹⁾).

Нужно замѣтить, что П. С. Ванновскій всегда почиталъ себя убѣжденнымъ противникомъ этихъ правилъ. Будучи глубоко увѣренъ въ нецѣлесообразности ихъ примѣненія, онъ энергично боролся противъ ихъ изданія, но, бывъ въ то время неприкосновененъ къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, сдѣлать ничего не могъ; зато, тотчасъ же по вступленіи въ это министерство, онъ немедленно испросилъ разрѣшеніе на освобожденіе всѣхъ подпавшихъ подъ дѣйствіе этихъ правилъ. Въ головѣ его, какъ истинно военнаго человѣка, очевидно, не укладывалась мысль о возможности примѣненія въ видѣ наказанія той высокой повинности, которая покоится на принципѣ, что защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго²⁾).

Наступило 14 февраля 1901 года. Въ этотъ несчастный день въ зданіи министерства народнаго просвѣщенія палъ отъ руки убійцы министръ народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Н. П. Боголѣповъ. Смертельно раненый, онъ протрадалъ до 2 марта, когда безвременно скончался на 55 году жизни. Исторія въ свое время выскажется объ этой своеобразной, но во всякомъ случаѣ выдающейся личности, человѣкѣ честномъ, прямолинейномъ, и, несомнѣнно, найдетъ много теплыхъ и свѣтлыхъ страницъ въ жизни и дѣятельности этого павшаго на своемъ посту государственнаго дѣятеля.

Страшная катастрофа 14 февраля не остановила, хотя бы на короткое время, беспорядковъ среди учащейся молодежи: вѣлѣдъ за тѣмъ, а именно 19 февраля и 4 марта 1901 года, послѣдовали демонстраціи въ Петербургѣ на Казанской площади, за участіе въ которыхъ было арестовано и привлечено къ отвѣтственности 1,004 (244 + 760) человѣка, изъ коихъ 410 (71 + 339) студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, 525 (148 + 377) женщинъ, преимущественно слушательницъ разныхъ женскихъ курсовъ, и 69 (25 + 44) постороннихъ³⁾. Изъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ числѣ арестованныхъ было: 100 студентовъ петербургскаго университета, 61 технологическаго института, 108 слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ и 101 слушательница медицинскаго института.

Прошло три недѣли со времени кончины Н. П. Боголѣпова; министерствомъ временно управлялъ товарищъ министра Н. А.

¹⁾ Общее число студентовъ въ соответствующее время было: въ с.-петербургскомъ университетѣ 3.584 и 29 вольныхъ слушателей; въ кievскомъ 2.316 и 93 вольныхъ слушателей.

²⁾ Св. зак. т. IV, Уставъ воинск. повин. ст. I.

³⁾ «Правит. Вѣстн.», 6 марта 1901 г., № 51.

Звѣревъ; 24 марта Государю Императору благоугодно было назначить П. С. Ванновскаго на постъ министра народнаго просвѣщенія, а на слѣдующій затѣмъ день, 25 марта, въ свято чтимый народомъ праздникъ Благовѣщенія, былъ объявленъ Высочайшій рескриптъ, каждое слово котораго достойно начертанія золотыми буквами на скрижаляхъ исторіи. Вотъ этотъ рескриптъ: «Петръ Семеновичъ, правильное устройство народнаго образованія составляло всегда одну изъ главныхъ заботъ русскихъ государей, твердо, но постоянно стремившихся къ его усовершенствованію въ соотвѣтствіе съ основными началами русской жизни и потребностями времени. Опытъ послѣднихъ лѣтъ указалъ однако на столь существенные недостатки нашего учебнаго строя, что Я признаю благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію. Высоко цѣня вашу государственную опытность и просвѣщенный умъ, Я призвалъ васъ въ сотрудники себѣ въ дѣлѣ обновленія и устройства русской школы и, призывая васъ на особо важную нынѣ дѣятельность министра народнаго просвѣщенія, твердо увѣренъ, что вы строго и неуклонно будете идти къ намѣченной Мною цѣли и въ дѣло воспитанія русскаго юношества внесете умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе. Да благословитъ Господь наши труды; да помогутъ намъ въ нихъ родители и семьи, ближайшимъ образомъ обязанные пещись о своихъ дѣтяхъ, и тогда скоро наступитъ время, когда Я и со Мною весь народъ будемъ съ гордостью и утѣшеніемъ видѣть въ молодомъ поколѣніи твердую и вѣрную надежду отечества и спокойную опору его въ будущемъ».

Словами этого рескрипта русскій монархъ торжественно заявилъ, что не желаетъ болѣе терпѣть непорядка въ учебномъ дѣлѣ, что беретъ его въ свои мощныя руки, что будетъ лично вести его и что лицо, призываемое имъ на «особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія» есть только его сотрудникъ, а не обычный министр-распорядитель и, поставивъ задачей «безотлагательный коренной пересмотръ нашего учебнаго строя», повелѣлъ приступить къ совмѣстной съ нимъ работѣ по «обновленію и устройству русской школы», преподавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ краткихъ словахъ полную программу дѣятельности въ указанномъ имъ направленіи.

Петръ Семеновичъ именно такъ и понялъ возложенную на него высокую задачу. Въ письмѣ отъ того же 25 марта на имя одного изъ своихъ почитателей, начавъ словами: «въ часть добрый», онъ говоритъ: «Высочайшій рескриптъ въ нѣсколькихъ строчкахъ есть полная огромная программа; тутъ и переустройство учебныхъ заведеній, и разумное и сердечное отношеніе къ дѣтямъ и молодежи, тутъ и общеніе семьи и школы. Дай Господи справиться съ заданіемъ, но не унываю и надѣюсь на Бога».

Въ данномъ затѣмъ, 2 апрѣли, первомъ по вступленіи въ должность руководящемъ приказѣ по вѣдомству, Петръ Семеновичъ, опираясь на приведенный Высочайшій рескриптъ говорилъ, что въ немъ указана въ краткихъ словахъ вся программа предстоящей ему дѣятельности. Это: коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устройство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума и сердечнаго о немъ попеченія. «Точное и неуклонное исполненіе этой Высочайше преднамѣченной программы,—говорилъ новый министр,—должно быть почитаемо священнымъ долгомъ подвѣдомственныхъ мнѣ учреждений, причемъ первая, важнѣйшая часть программы—реформа учебнаго строя, къ чему, во исполненіе Высочайшей воли, будетъ приступлено безотлагательно,—во всякомъ случаѣ потребуетъ для полнаго ея осуществленія извѣстнаго времени; вторая, не менѣ важная ея часть—внесеніе въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія—всегда была ближайшею задачею учебнаго персонала, который и примѣнялъ ее съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; отнынѣ это поставляется ему въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность». Призывая своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и всѣхъ служащихъ по министерству къ дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше возложеннаго на него порученія, министръ приглашаетъ родителей и семьи учащихся, путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей, помочь ему въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія, памятуя, что основа воспитанія лежитъ въ семьѣ и преуспѣяніе его возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи, и кончаетъ свой приказъ призывомъ къ учащейся молодежи, приглашая ее съ довѣріемъ относиться къ мѣропріятіямъ правительства, вѣрить въ неустанныя о ней попеченія, помнить свой долгъ, исполнять свои обязанности и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать ему, министру, возможность посвятить свое время и силы на устройство русской школы и учебнаго дѣла.

Приведенною, тотчасъ по вступленіи въ управленіе министерствомъ, объявленною программю, представляющею собою лишь повтореніе священныхъ словъ Высочайшаго рескрипта, Петръ Семеновичъ свято и строго послѣдовательно руководился во все время кратковременнаго управленія имъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Предчувствовалъ ли онъ непродолжительность своего пребыванія на новомъ посту, или не разсчитывалъ на свои хотя и могучія, но отягченныя 80-лѣтнимъ возрастомъ силы, во всякомъ случаѣ онъ дорожилъ каждымъ днемъ и, не щадя своихъ силъ, работалъ съ энергіей юноши, не разбирая дня и ночи и съ увлеченіемъ занимаясь дѣломъ. Это былъ годъ безпримѣрно напряженной дѣятельности, годъ неустанной работы.

Сущность этой работы, помимо текущихъ занятій по министерству, сводилась главнѣйшимъ образомъ къ дѣлу устройства русской школы въ трехъ ея видахъ: высшей, средней и низшей. Всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, требовали немедленнаго пересмотра дѣйствующихъ о нихъ законоположеній; оставалось разобраться, съ чего начать и что можетъ быть поставлено на вторую очередь. Съ перваго взгляда казалось, что первенство должно быть отдано высшей школѣ, ибо она, въ лицѣ университетовъ и высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній страдала періодически возникающими беспорядками среди учащейся молодежи. Новый министръ рассудилъ иначе. Предпринятый имъ образъ дѣйствій, выразившійся въ данныхъ имъ приказахъ и иныхъ распоряженіяхъ, даетъ возможность возстановить ходъ его мыслей и ходъ этотъ былъ, по видимому, слѣдующій: русское студенчество за послѣднее десятилѣтіе слишкомъ распущено и нервно возбуждено постоянно повторяющимися беспорядками; программа его упорядоченія, собственно говоря, была готова: она указана была Петромъ Семеновичемъ еще въ приведенномъ выше всеподданнѣйшемъ отчетѣ 9 апрѣля 1899 года по разслѣдованію бывшихъ тогда студенческихъ беспорядковъ; сводилась она къ необходимости кореннаго пересмотра дѣйствующаго университетскаго устава и къ дарованію студенчеству извѣстной организаціи; но предпринять это нынѣ, во время студенческихъ волненій, можно было лишь съ особенною осторожностью, чтобы не вселить въ умы учащейся молодежи ложнаго и крайне опаснаго убѣжденія, что она взяла это съ бою, добилась реформы своими беспорядками. Исходя отъ такой мысли, студенчество, считая эту насущно необходимую для него организацію за льготу, могло затѣмъ требовать дальнѣйшихъ, быть можетъ, невозможныхъ льготъ. Вотъ почему было признано необходимымъ ограничиться въ этой области пока палліативами, но такими, которые, будучи по существу своему примѣнимы при настоящемъ настроеніи умовъ учащейся молодежи, дали бы возможность вывести громадное большинство ея изъ инертнаго состоянія, сплотить ее, заставить ее самое бороться съ небольшою кучкою агитаторовъ и, такимъ образомъ, превратить существующее броженіе изъ борьбы студенчества съ властями въ борьбу междоусобную, пользуясь въ тѣхъ же видахъ и наложеніемъ каръ на виновныхъ въ могущихъ возникнуть беспорядкахъ, налагая эти кары такъ, чтобы онѣ, будучи строгими и неуклонно справедливыми по отношенію къ непосредственно виновнымъ, отразились бы въ то же время невыгодно на тѣхъ, которые, не участвуя сами въ беспорядкахъ, своимъ пассивнымъ къ нимъ отношеніемъ мѣшали правительству въ его мѣропріятія къ упорядоченію дѣла.

Этими палліативами, существо которыхъ будетъ указано ниже, и ограничился П. С. по отношенію къ высшей школѣ, обратя все

свое вниманіе на школу среднюю и выдвинувъ реформу ея на первый планъ, потому что въ ней именно онъ и видѣлъ главную причину неурядицы нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Къ такому заключенію приводилъ рядъ слѣдующихъ соображеній: исторія студенческихъ волненій за послѣднее время несомнѣнно доказываетъ, что въ студенческихъ безпорядкахъ участвуютъ главнымъ образомъ два младшихъ курса: они участвуютъ въ нихъ если не поголовно, то громаднымъ большинствомъ, избравъ собою ту массу студентовъ, которая идетъ безмолвно за своими жожаками; студенты высшихъ курсовъ принимаютъ участіе въ безпорядкахъ неохотно; они примыкаютъ къ движенію послѣдними, когда движеніе охватываетъ уже все учебное заведеніе, но зато отдѣльные студенты высшихъ курсовъ, принимающіе участіе въ движеніи, суть, по большей части, его жожаки и руководители. Если сопоставить съ только что сказаннымъ съ одной стороны то, что первыми примыкаютъ къ движенію первокурсники тѣхъ факультетовъ, которые не требуютъ клиническихъ, кабинетныхъ и лабораторныхъ занятій, а съ другой, что, по общему отзыву профессоровъ, наши классическія гимназіи даютъ университетамъ столь мало подготовленныхъ слушателей, что читаемая имъ лекція на первыхъ порахъ почти недоступна ихъ пониманію, то будетъ очевидно, что коль скоро студентъ освоится съ университетомъ, коль скоро онъ войдетъ въ курсъ студенческой жизни, онъ уже неохотно принимаетъ участіе въ студенческихъ безпорядкахъ; отсюда прямой выводъ тотъ, что виною этихъ безпорядковъ наша средняя школа, что на нее-то, главнымъ образомъ, должно быть обращено вниманіе и притомъ немедленно, ибо всякое промедленіе въ этомъ первенствующей важности дѣлѣ было бы, по меньшей мѣрѣ, непозволительно.

Повидимому, того же взгляда на дѣло держался и предшественникъ Петра Семеновича, Н. П. Боголѣповъ. Послѣдніе годы его управленія министерствомъ полностью были поглощены работами по реформѣ средней школы. Созванная имъ, съ Высочайшаго соизволенія, комисія «по улучшенію среднихъ учебныхъ заведеній», состоявшая изъ выдающихся педагоговъ всѣхъ учебныхъ округовъ Европейской Россіи, представителей другихъ вѣдомствъ и врачей, знакомыхъ съ школьнымъ дѣломъ, работала въ теченіе цѣлаго года и оставила восемь компактныхъ томовъ богатаго и вполне разработаннаго матеріала. Ограничивая свою задачу лишь улучшеніемъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній и потому оставляя существующіе нынѣ типы классическихъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, комисія признала необходимымъ:

1) въ классическихъ гимназіяхъ нѣсколько отодвинуть преподаваніе древнихъ языковъ въ сторону высшихъ классовъ и начинать изученіе латинскаго съ третьяго, а греческаго съ четвер-

таго и даже съ пятого класса; изученіе латинскаго языка должно быть обязательно для всѣхъ, проходящихъ классическую гимназію, а греческаго лишь для тѣхъ, кто желаетъ поступить на историко-филологическій факультетъ, предоставляя это право и тѣмъ изъ изучавшихъ одинъ латинскій языкъ, которые выдержатъ затѣмъ экзаменъ по греческому языку. Для тѣхъ родителей, которые пожелали бы непременно, чтобы ихъ дѣти начинали изученіе древнихъ языковъ съ самыхъ первыхъ классовъ, возможно оставить въ столицахъ по одной гимназіи въ теперешнемъ видѣ.

2) Программы реальныхъ училищъ сблизить по возможности съ классическими гимназіями и въ этихъ видахъ: а) дополнить училище восьмымъ классомъ; б) преподаваніе новыхъ языковъ поставить такъ, чтобы оно давало не только практическое ихъ знаніе, но и достигло бы тѣхъ же педагогическихъ цѣлей, какія поставляются древнимъ языкамъ въ отношеніи формальнаго развитія умственныхъ способностей учащихся, и в) допускать реалитовъ въ университеты на физико-математическій и медицинскій факультеты, требуя отъ нихъ дополнительнаго экзамена по латинскому языку лишь въ самыхъ небольшихъ размѣрахъ, насколько это нужно для пониманія естественниками и медиками встрѣчающихся въ научныхъ сочиненіяхъ латинскихъ терминовъ и цитатъ.

3) Низшіе классы гимназіи и реального училища организовать такимъ образомъ, чтобы они были сходны по своимъ программамъ, что не только бы облегчило переходъ изъ однихъ учебныхъ заведеній въ другія, но и дало бы возможность устраивать въ будущемъ общія прогимназіи въ небольшихъ городахъ.

4) На отдаленныхъ окраинахъ имперіи, гдѣ образованный классъ состоитъ изъ небольшого числа русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, допустить соединеніе гимназій съ реальными училищами въ одномъ заведеніи такимъ образомъ, чтобы первые четыре класса были общіе, а старшіе дѣлились бы на два отдѣленія, классическое и реальное.

5) Предоставить обществамъ и лицамъ болѣе широкую, чѣмъ нынѣ, возможность учреждать, съ разрѣшенія министерства и подъ контролемъ учебной власти, новые типы среднихъ школъ.

6) Установить предѣльную норму состава класса, не допуская существующаго нынѣ переполненія, улучшить матеріальное положеніе преподавателей и предоставить болѣе широкій просторъ почину педагогическаго персонала, ослабивъ существующія нынѣ крайности регламентаціи и бумажнаго контроля.

Повергая эти положенія на Высочайшее благовозврѣніе и высказывая увѣренность, что при указанныхъ мѣропріятіяхъ въ связи съ улучшеніемъ направленія и приемовъ преподаванія, экзаменовъ и воспитательной стороны дѣла, наши гимназіи черезъ нѣсколько

лѣтъ оживуть и будутъ выпускать юношей бодрыхъ и крѣпкихъ умственно и физически, Н. П. Боголѣповъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на продолженіе работъ по улучшенію средней школы въ указанномъ направленіи и на составленіе проектовъ предполагаемаго преобразования гимназій и реальныхъ училищъ. Высочайшее разрѣшеніе на это послѣдовало 29 апрѣля 1900 года.

На основаніи этихъ, Высочайше одобренныхъ предположеній были составлены проекты уставовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

Преждевременная кончина Н. П. Боголѣпова остановила работу въ самомъ ея разгарѣ.

Новый министръ, быстро изучивъ весь указанный выше матеріалъ и убѣдившись, что причина существующихъ у насъ порядковъ въ учебномъ дѣлѣ кроется въ неустройствѣ средней школы, рѣшилъ немедленно заняться именно этимъ вопросомъ, приложивъ къ нему всѣ свои силы и всю свою энергію, но онъ взглянулъ на дѣло шире своего предшественника: онъ рѣшилъ, что не слѣдуетъ ограничиваться частичными поправками существующаго положенія, что необходимо существенное его измѣненіе, что посему нужно не «улучшеніе положенія», какъ предполагалъ Н. П. Боголѣповъ, а «коренной его пересмотръ и исправленіе» въ смыслѣ полного переустройства, какъ то было указано въ Высочайшемъ рескриптѣ 25 марта. Буквально исполняя Высочайшую волю, признавшую «благовременнымъ безотлагательность этого пересмотра», Петръ Семеновичъ уже въ маѣ 1901 г., т. е. на второмъ мѣсяцѣ своего управленія министерствомъ, испросилъ Высочайшее соизволеніе на образованіе особой комиссіи по преобразованію средней школы. Эта комиссія должна была выработать основныя положенія преобразования съ такимъ расчетомъ, чтобы закончить свои работы къ наступленію вакантнаго времени. Затѣмъ эти основныя положенія подлежали обсужденію всѣхъ попечительскихъ совѣтовъ, педагогическихъ совѣтовъ нѣкоторыхъ, по выбору попечителя округа, гимназій и реальныхъ училищъ и всѣхъ министровъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся учебныя заведенія. Весь этотъ матеріалъ подлежалъ затѣмъ новому обсужденію въ особой комиссіи изъ педагоговъ и представителей вѣдомствъ и, по Высочайшемъ его одобреніи, долженъ былъ вылиться въ формѣ готовыхъ уставовъ новыхъ учебныхъ заведеній и обсужденъ государственнымъ совѣтомъ непременно въ теченіе весенней сессіи 1902 года.

Слѣдуя этому плану, Петръ Семеновичъ немедленно открылъ дѣйствія первоначальной комиссіи. Подъ личнымъ его предсѣдательствомъ и руководствомъ комиссія эта въ восьми засѣданіяхъ (28, 29 и 31 мая 1, 2, 4, 5 и 7 іюня) занялась: 1) выработкою основныхъ положеній организаціи средней школы и таблицъ уро-

ковъ для нея; 2) разсмотрѣніемъ вопроса о времени, которое потребуется для постепеннаго проведенія реформы въ жизнь и о возможности съ начала 1901—1902 учебнаго года нѣкоторыхъ измѣненій въ распредѣленіи и числѣ уроковъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, примѣнительно къ новому учебному плану; 3) обсужденіемъ вопроса о подготовкѣ преподавателей для средней школы вообще и новыхъ языковъ въ частности и 4) изысканіемъ средствъ и способовъ улучшенія матеріальнаго положенія преподавателей.

Личный составъ этой комиссіи былъ слѣдующій: предѣдатель генераль-адъютантъ Ванновскій, члены: товарищи министра: народнаго просвѣщенія сенаторъ И. В. Мѣщаниновъ и финансовъ В. И. Ковалевскій, вице-президентъ императорской академіи наукъ П. В. Никитинъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія В. А. Рахмановъ, члены совѣта министра народнаго просвѣщенія Н. Х. Вессель и графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ, директоръ музея при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній А. Н. Макаровъ, попечители учебныхъ округовъ: петербургскаго Н. Я. Соининъ, московскаго П. А. Некрасовъ, казанскаго М. М. Алексѣенко, рижскаго А. Н. Шварцъ и харьковскаго В. К. Анрепъ, ординарный академикъ императорской академіи наукъ А. Н. Пыпинъ, ординарные профессора московскаго университета А. И. Кирпичниковъ и П. Г. Виноградовъ, окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа А. В. Муромцевъ, директоръ петербургскаго технологическаго института Х. С. Головинъ, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія В. А. Карповъ, лаборантъ московскаго университета В. Е. Игнатьевъ, директоры: петербургской Ларинской гимназіи И. А. Смирновъ, 2-го петербургскаго реального училища К. В. Фохтъ и частной гимназіи Я. Г. Гуревичъ, преподаватель 3-ей петербургской гимназіи А. Г. Готлибъ и профессоръ лѣснаго института Д. Н. Кайгородовъ.

Во исполненіе указанной выше программы, комиссія эта работала:

А. Основные положенія устройства среднеобразовательной школы.

1) Правительственная общеобразовательная средняя школа должна быть единою, общаго типа для всѣхъ учебныхъ заведеній сего рода.

Примѣчаніе 1. Среднія школы, содержимыя на счетъ городовъ, земствъ, обществъ, сословій или частныхъ лицъ съ пособіемъ отъ правительства или содержимыя на счетъ казны, но съ пособіемъ отъ названныхъ учрежденій и лицъ, должны быть типа правительственныхъ школъ. Причемъ отступленія отъ этого правила могутъ быть разрѣшаемы мини-

стромъ народнаго просвѣщенія, если будутъ испрашиваемы въ установленномъ порядкѣ.

Примѣчаніе 2. Среднія школы, содержимыя исключительно на средства городовъ, земствъ, обществъ, сословій или частныхъ лицъ, могутъ отличаться отъ общаго типа подъ условіемъ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на то разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія.

2) Средняя школа имѣетъ своею задачею доставлять юношеству воспитаніе и возможно законченное общее среднее образованіе и въ то же время подготавливаетъ къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. Вмѣстѣ съ симъ, первые три класса средней школы должны имѣть законченный курсъ.

Примѣчаніе. Ученики, прошедшіе курсъ низшихъ школъ, приближающихся по своей программѣ къ курсу первыхъ трехъ классовъ средней школы, могутъ поступать въ IV классъ съ повѣрочнымъ испытаніемъ лишь по предметамъ, не вошедшимъ въ программы этихъ школъ, а равно и по главнымъ предметамъ.

3. Средняя школа имѣетъ семь классовъ съ годичнымъ въ каждомъ изъ нихъ курсомъ.

4. Первые три класса средней школы должны быть общими и обязательными для всѣхъ учениковъ. Въ нихъ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, отечественная и всеобщая исторія и географія, ариѳметика, естествовѣдѣніе, новые языки, рисованіе, черченіе и чистописаніе.

Примѣчаніе. Ученики, успѣшно прошедшіе курсъ первыхъ трехъ классовъ средней школы и не продолжающіе образованія въ этой школѣ, получаютъ особое свидѣтельство объ окончаніи ими низшаго образованія.

5. Начиная съ IV класса, ученики средней школы дѣлятся на двѣ группы: одни изучаютъ дополнительный курсъ естествовѣдѣнія и графическія искусства, другіе же взамѣнъ этихъ предметовъ въ тѣ же часы изучаютъ латинскій языкъ.

Общими для учениковъ той или другой группы служатъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ съ основными понятіями изъ логики, литература отечественная и всеобщая, законовѣдѣніе, естествовѣдѣніе, французскій и нѣмецкій языки, ариѳметика, физика, космографія, исторія отечественная и всеобщая, географія и естествовѣдѣніе.

6. Во всѣхъ университетскихъ городахъ, а также въ Вильнѣ, одна изъ имѣющихся въ нихъ среднихъ школъ должна быть съ обязательнымъ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ.

7. Преподаваніе греческаго языка въ качествѣ предмета не-обязательнаго можетъ быть допускаемо по особо установленной программѣ и въ прочихъ среднихъ школахъ въ зависимости отъ состоянія экономическихъ средствъ, размѣровъ помѣщенія и количества изъявившихъ желаніе изучать этотъ языкъ учениковъ. На такихъ же основаніяхъ можетъ быть допускаемо въ среднихъ школахъ и преподаваніе англійскаго языка.

8. На воспитаніе учащейся молодежи и приученіе ея къ школьной дисциплинѣ должно быть обращено особое вниманіе; вмѣстѣ съ симъ надлежитъ усилить преподаваніе гимнастики, воинскихъ и физическихъ упражненій, равно какъ ввести подвижныя игры, школьныя экскурсіи и прогулки, а гдѣ къ тому представляется возможность, и ручной трудъ.

9. Аттестаты зрѣлости отмѣняются. Успѣшно прошедшіе курсъ средней школы получаютъ свидѣтельства объ окончаніи ими средняго образованія и пользуются правомъ поступать въ высшія учебныя заведенія на слѣдующихъ основаніяхъ:

А) При поступленіи въ университеты:

а) Изучавшіе оба древніе языка могутъ быть приняты на всѣ факультеты безъ повѣрочнаго испытанія.

б) Изучавшіе одинъ латинскій языкъ — на факультеты: историко-филологическій и богословскій (Юрьевскаго университета) съ дополнительнымъ экзаменомъ по греческому языку.

в) Приѣмъ лицъ, упомянутыхъ въ пунктѣ б, на прочіе факультеты, а также допущеніе на всѣ факультеты лицъ, не изучавшихъ вовсе древнихъ языковъ, производится на основаніи правилъ и программъ, которыя имѣютъ быть выработаны соответствующими факультетами и утверждены министромъ народнаго просвѣщенія.

Б) Приѣмъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія производится на основаніи уставовъ сихъ заведеній.

10) Желательно предоставить существующія въ уставѣ по воинской повинности льготы по образованію для окончившихъ курсъ первыхъ трехъ классовъ и полный курсъ средней школы (ст. 64, п.п. 2 и 1 уст. воин. повин.) и, впредь до пересмотра устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства, предоставить послѣднимъ первый классный чинъ въ порядкѣ, указанномъ 255 ст. III т. уст. о службѣ, и въ этомъ смыслѣ измѣнить дѣйствующую нынѣ 295 ст. того же устава.

11. Въ промышленныхъ и всякаго рода техническихъ среднихъ школахъ, имѣющихъ и общеобразовательный курсъ, въ видахъ облегченія перехода изъ одной школы въ другую, программы первыхъ трехъ классовъ, по возможности, должны быть объединены съ курсомъ тѣхъ же классовъ средней общеобразовательной школы.

12. Существующія четырехклассныя прогимназіи преобразуются въ низшія трехклассныя школы (см. ст. 2 и 4), а шестиклассныя прогимназіи въ школы семикласснаго состава.

Сопоставленіе этихъ 12 §§ основныхъ положеній съ приведенными выше предположеніями Н. П. Боголѣпова показываютъ, что первые не представляютъ собою ничего новаго, неожиданнаго и слѣбно придуманнаго, а являются непосредственнымъ выводомъ изъ вторыхъ, будучи дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ и составляя лишь слѣдующую ступень по пути реформы. То же отодвинутіе древнихъ языковъ на высшіе классы, то же объединеніе низшихъ классовъ, тѣ же одноязычныя классическія гимназіи, та же бифуркація, возможность которой въ извѣстныхъ мѣстностяхъ допускала и комиссія Н. П. Боголѣпова. Здѣсь только вопросъ поставленъ шире и смѣлѣе, объединеніе проведено дальше, намѣченъ типъ единой общеобразовательной школы и дана надлежащая постановка чисто классическимъ школамъ.

Слѣдующія задачи тоже были исполнены комиссіею, а именно:

1. Составлены правила и подробныя таблицы послѣдовательнаго преобразования существующихъ учебныхъ заведеній въ школы новаго типа безъ всякой ломки, съ постепеннымъ введеніемъ новыхъ программъ и учебныхъ плановъ съ такимъ расчетомъ, чтобы полное преобразование было завершено въ гимназіяхъ въ 1904—1905 году, когда одновременно съ послѣднимъ выпускомъ учениковъ, прошедшихъ восьмиклассный гимназическій курсъ по прежней программѣ, будетъ произведенъ и первый выпускъ семилѣтней средней школы новаго типа. Въ реальныхъ училищахъ реформа должна была, по этому же плану, завершиться въ 1905—1906 учебномъ году.

2. Вполнѣ разработанъ вопросъ о способахъ подготовки преподавателей средней школы вообще и преподавателей новыхъ языковъ въ частности, причемъ изъ нѣсколькихъ предложенныхъ способовъ комиссія остановилась на обязательномъ устройствѣ особыхъ педагогическихъ семинарій въ каждомъ учебномъ округѣ. Вполнѣ одобривъ эту мысль, министръ призналъ однако, что въ виду дороговизны такихъ семинарій и невозможности немедленнаго ихъ открытія слѣдуетъ нынѣ же изыскать другія, болѣе дешевыя къ тому средства, и остановился на мысли объ устройствѣ періодическихъ сѣздовъ преподавателей въ каждомъ учебномъ округѣ по особому плану и программамъ, о чемъ и было внесено представленіе въ государственный совѣтъ, съ испрошеніемъ на сей предметъ 85.000 руб. ежегодно.

3. Составленъ проектъ новыхъ штатовъ и намѣчены предѣльные размѣры вознагражденія преподавательскаго персонала.

По всеподданнѣйшему докладу сихъ соображеній комиссіи, Государь Императоръ въ 11 и 16 дни іюня 1901 г. одобрилъ предположеніе П. С. Ванновскаго о сохраненіи классическихъ гимназій не во всѣхъ университетскихъ городахъ и въ городѣ Вильнѣ, какъ полагала комиссія (§ 6 основн. полож.), а лишь въ пяти слѣдую-

щихъ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Юрьевѣ, по одной въ каждомъ.

Таковы были основныя положенія школьной реформы, подлежащія затѣмъ детальной разработкѣ и обсужденію въ особой комиссіи по полученіи отзывовъ вѣдомствъ и указанныхъ выше учреждений, причѣмъ имѣлось въ виду, что эти основныя положенія не представляютъ собою ничего непреложнаго, а подлежатъ измѣненію и дополненію при новомъ ихъ обсужденіи.

Одновременно съ симъ были выработаны временныя правила, служащія подготовкою къ реформѣ и первою ея ступенью¹⁾. Помимо указанной задачи, т. е. ускоренія введенія реформы, правила эти имѣли въ виду провѣрить на опытѣ правильность выработанныхъ положеній: годовой опытъ долженъ былъ дать возможность судить о практической приложимости реформы, въ той, конечно, ея части, въ которой она касается младшихъ классовъ, а въ видахъ наибольшей осторожности были выработаны правила возвращенія къ дореформенному положенію, если бы сама реформа не прошла; по этимъ правиламъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, гимназіи, безъ малѣйшаго затрудненія, могли вернуться въ то положеніе, въ которомъ нынѣ находятся.

Временныя правила эти заключались въ слѣдующемъ: въ видѣ временной мѣры, на одинъ годъ, въ существующихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ 1901—1902 учебнаго года прекратить преподаваніе латинскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ и греческаго въ III и IV классахъ, усиливъ взаимнѣ этихъ языковъ преподаваніе русскаго языка и географіи, и ввести въ I классѣ преподаваніе исторіи и одного новаго языка, а если то представится возможнымъ, и естественнѣ. По отношенію къ реальнымъ училищамъ сдѣлать измѣненіе въ распредѣленіи уроковъ въ первыхъ двухъ классахъ; соотвѣтствующія измѣненія въ распредѣленіи уроковъ сдѣлать и въ тѣхъ гимназіяхъ, которыя, предположено оставить съ обоими древними языками. Высочайше одобревъ эти временныя правила, Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ П. С. Ванновскаго изволилъ собственноручно начертать: «надѣюсь, что будетъ также обращено серьезное вниманіе и на усиленіе религіозно-нравственнаго воспитанія юношества».

Все предначертанное было исполнено къ наступленію вакаціоннаго времени. Лѣто 1901 года рѣшено употребить на разработку имѣющагося матеріала, съ тѣмъ, чтобы проектъ реформы былъ готовъ для обсужденія въ государственномъ совѣтѣ къ весенней

¹⁾ «Учебный строй низшихъ классовъ гимназій, указанный въ этихъ правилахъ, почти вполнѣ соответствуетъ предположенной реформѣ средней школы». Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія 20 іюля 1901 г. № 19.028.

сессіи 1902 года и чтобы съ начала 1902—1903 учебнаго года могло состояться самое преобразование среднихъ учебныхъ заведеній.

Такимъ образомъ, въ теченіе лѣта 1901 г. были изготовлены къ печати: 1) историческій очеркъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній за время съ Екатерины II по день кончины Н. П. Боголѣпова; 2) очеркъ развитія и современнаго состоянія общеобразовательныхъ среднихъ школъ въ Австріи, Венгріи, Германіи, Франціи, Бельгіи, Норвегіи, Швеціи, Англии, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Финляндіи; 3) полныя статистическія свѣдѣнія по гимназіямъ, прогимназіямъ и реальнымъ училищамъ за 1900 годъ; 4) сравнительный очеркъ служебнаго и матеріальнаго положенія учебно-административнаго персонала среднихъ учебныхъ заведеній Россіи, Германіи, Франціи, Австріи; 5) подробная записка «о мѣрахъ къ истинно религіозному и нравственному воспитанію учащихся въ средней школѣ» съ новою программю преподаванія Закона Божія; 6) программы преподаванія вновь вводимыхъ предметовъ отечествовѣдѣнія, законовѣдѣнія и естествовѣдѣнія съ объяснительными записками; 7) проектъ положенія о подготовкѣ учителей среднихъ учебныхъ заведеній и 8) обзоръ статей въ газетахъ и журналахъ по вопросамъ, касающимся устройства средней школы¹⁾.

Къ осени 1901 года были получены отзывы на проектъ основныхъ положеній реформы. Отзывы поступили:

1) Отъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, путей сообщенія, юстиціи и военнаго, отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, главноуправляющаго собственной Его Императорскаго Величества канцеляріей по учрежденіямъ императрицы Маріи и отъ митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго.

2) Отъ попечительскихъ совѣтовъ и попечителей округовъ: с.-петербургскаго, московскаго, оренбургскаго, харьковскаго, одесскаго, виленскаго, рижскаго, кіевскаго, варшавскаго, кавказскаго, западно-сибирскаго и отъ генералъ-губернаторовъ иркутскаго и туркестанскаго.

3) Отъ совѣтовъ университетовъ: с.-петербургскаго, московскаго, кіевскаго, юрьевскаго, варшавскаго, новороссійскаго, казанскаго и томскаго.

4) Отъ факультетовъ университетовъ: историко-филологическихъ: с.-петербургскаго, кіевскаго, харьковскаго, варшавскаго, юрьевскаго, новороссійскаго и казанскаго.

Восточныхъ языковъ: с.-петербургскаго.

¹⁾ Обзоръ этотъ, начатый съ 1 апрѣля, впоследствии доведенъ по 1 ноября 1901 г. и, въ такомъ видѣ, отпечатанъ.

Юридическихъ: с.-петербургскаго, московскаго, кіевскаго, харьковскаго, варшавскаго, юрьевскаго, новороссійскаго, казанскаго и томскаго.

Физико - математическихъ: с.-петербургскаго, московскаго, кіевскаго, харьковскаго, варшавскаго, юрьевскаго, новороссійскаго и казанскаго.

Медицинскихъ: московскаго, кіевскаго, харьковскаго, варшавскаго, юрьевскаго, новороссійскаго, казанскаго и томскаго.

5) Отъ педагогическихъ совѣтовъ гимназій: варшавскихъ: 1-й, 2-й и 3-й, виленскихъ 1-й и 2-й, гродненской, екатеринбургской, жиитомирской 2-й, иркутской, калишской, казанской 3-й, кіево-печерской, кіевской 3-й, красноярской, кутаисской, либавской, люблинской, маріампольской, минской, могилевской, московскихъ 2-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й, немировской, николаевской (александровской), новороссійской, новочеркасской, одесской 4-й, омской, плоцкой, прагской, радомской, саратовской, симбирской, с.-петербургскихъ 3-й и 6-й, ставропольской, сѣдлецкой, тифлискихъ 1-й и 2-й, томской, уфимской, холмской, парицынской, ченстоховской, черниговской, эриванской, юрьевской, училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ и гимназій и реального училища Гуревича тамъ же.

6) Отъ педагогическихъ совѣтовъ реальныхъ училищъ: архангельскаго, астраханскаго, бакинскаго, варшавскаго, виленскаго, владикавказскаго, вольскаго, гатчинскаго, двинскаго, елабужскаго, казанскаго, калишскаго, кишиневскаго, красноуфимскаго, кубанскаго, курскаго, могилевскаго, нижегородскаго (владимирскаго), николаевскаго (александровскаго), новозыбковскаго, пензенскаго, ревельскаго, ровенскаго, темиръ-ханъ-шуринскаго, томскаго (алексѣевскаго), усть-медвѣдицкаго, харьковскаго, шушинскаго, юрьевскаго и якутскаго.

7) Отъ Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ и состоящей при немъ гимназій.

8) Отъ педагогическихъ совѣтовъ прогимназій: московской, пятигорской, семипалатинской, и красноуфимскаго промышленнаго училища.

Весь этотъ обширный матеріалъ въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ былъ разработанъ и отпечатанъ въ видѣ особыхъ сводовъ. Эти своды, вмѣстѣ съ упомянутыми 8 записками, должны были быть разосланы членамъ комиссіи и затѣмъ приложены къ представленію въ государственный совѣтъ въ качествѣ разъясняющаго это представленіе матеріала.

Послѣдніе мѣсяцы 1901 года ушли на подготовленіе личнаго состава комиссіи, на переписку по назначенію представителей вѣдомствъ, на ознакомленіе членовъ комиссіи съ имѣющимся матеріаломъ, такъ что засѣданія ея могли начаться лишь со второй

половины января 1902 г. Вотъ личный составъ этой комисси: председатель—министръ народнаго просвѣщенія генералъ-адъютантъ Ванновскій, его замѣститель—товарищъ министра сенаторъ Мѣщаниновъ; представители вѣдомствъ: отъ министерства внутреннихъ дѣлъ—начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати князь Н. В. Шаховской, отъ министерства финансовъ—управляющій учебнымъ отдѣломъ, членъ совѣта министра И. А. Аноповъ и вице-директоръ департамента окладныхъ сборовъ Н. К. Бржескій, отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ—членъ совѣта министра Н. П. Москальскій, отъ министерства путей сообщенія—управляющій учебнымъ отдѣломъ министерства Е. С. Волковъ, отъ министерства юстиціи—управляющій межевою частью сенаторъ Н. Э. Шмеманъ, отъ военнаго министерства—директоръ педагогическаго музея главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенантъ А. Н. Макаровъ, отъ морского министерства—преподаватели морского кадетскаго корпуса Н. В. Мѣшковъ и А. М. Бригеръ, отъ святѣйшаго синода—директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Д. Н. Соловьевъ, отъ вѣдомства учреждений императрицы Маріи—чиновникъ особыхъ порученій М. М. Захарченко, отъ с.-петербургскаго митрополита—протоіереи Л. П. Петровъ и Ф. Н. Орнатскій. Затѣмъ, въ составъ комисси, въ качествѣ постоянныхъ ея членовъ, вошли: три попечителя учебныхъ округовъ, 4 члена совѣта, 2 директора реальныхъ училищъ, 4 директора гимназій, 2 профессора университета и одинъ лѣснаго института, вице-президентъ академіи наукъ и ординарный ея профессоръ, председатель ученаго комитета, директоръ и вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія, директоръ технологическаго института, окружный инспекторъ, преподаватель гимназій, одинъ причисленный къ министерству и одинъ врачъ¹⁾. Кромѣ того, въ составъ комисси приглашены 8 членовъ временныхъ, призываемыхъ для разработки специальныхъ вопросовъ, по коимъ имъ были ранѣе представлены министерству особые доклады или записки²⁾.

¹⁾ Именной списокъ постоянныхъ членовъ комисси: В. К. Аврепъ, Н. И. Библинъ, Н. Х. Вессель, Н. В. Вестманъ, Х. С. Головинъ, А. Г. Готлибъ, Я. Г. Гуревичъ, В. Е. Игнатъевъ, Д. Н. Кайгородовъ, В. А. Карповъ, А. И. Кирпичниковъ, Л. Л. Марковъ, Я. Г. Моръ, А. В. Муромцевъ, П. А. Некрасовъ, П. В. Никитинъ, С. О. Платоновъ, А. Н. Пыпинъ, В. А. Рахмановъ, В. А. Рѣпинъ, И. В. Смирновъ, Н. Я. Социнъ, Н. И. Тавилдаровъ, К. В. Фохтъ, А. Н. Шварцъ и Г. А. Эзовъ.

²⁾ Временные члены: директоръ новгородскаго реальнаго училища князь К. М. Аргутинскій Долгоруковъ—по программамъ географіи и отечествовѣднія; директоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института Ф. Ф. Гельбеке—по вопросу о реформѣ гимназій при этомъ институтѣ; преподаватель 1-й казанской гимназій Н. К. Горталовъ—по устройству ученическихъ экскурсій; протоіереи Ф. С. Левашевъ—по программѣ Закона Божія; преподаватель кievскаго реальнаго училища И. К. Матченко—по программѣ отечествовѣднія; профессора

22 января 1902 г. комиссія открыла свои дѣйствія и въ 7 за-сѣданіяхъ (22, 24, 26, 28, 30 января, 1 и 4 февраля), всѣ подѣ председѣтельствомъ П. С. Ванновскаго, подвергла новой разработкѣ основныя положенія по преобразованію средней школы.

За обсужденіемъ главнѣйшихъ изъ этихъ основныхъ положеній комиссія выдѣлила изъ себя особыя подкомиссіи для подготовленія и разработки матеріаловъ къ составленію устава средней общеобразовательной школы, а именно: по преподаванію Закона Божія подѣ председѣтельствомъ епископа нарвскаго Иннокентія; по составленію таблицъ распредѣленія уроковъ въ школахъ общаго типа—подѣ председѣтельствомъ В. К. Анрепа и въ школахъ съ двумя древними языками—подѣ председѣтельствомъ А. Н. Шварца; по вопросу о подготовленіи преподавателей подѣ председѣтельствомъ А. И. Кирпичникова и С. Ѳ. Платонова; по составленію штатовъ и окладовъ содержанія преподавателей—подѣ председѣтельствомъ В. К. Анрепа. По составленію программъ и учебнаго плана образовано 10 подкомиссій подѣ председѣтельствомъ особо назначенныхъ министромъ лицъ, наконецъ, обсужденіе вопроса о постановкѣ преподаванія гимнастики, введеніи физическихъ и воинскихъ упражненій и организации ученическихъ экскурсій возложено на особую подкомиссію подѣ председѣтельствомъ В. К. Анрепа¹⁾.

Всѣ эти подкомиссіи выполнили возложенную на нихъ работу въ свое время; окончательно выработанный комиссіею проектъ основныхъ положеній преобразованія, вмѣстѣ съ проектомъ устава и всѣми планами и записками были изготовлены; дѣло останавливалось за печатаніемъ ихъ и все было готово къ тому, чтобы въ маѣ мѣсяцѣ 1902 года дѣло могло обсуждаться въ государственномъ совѣтѣ; по предварительному соглашенію съ государственнымъ секретаремъ было установлено, что представленіе министра народнаго просвѣщенія должно быть внесено не позднѣе субботы Страстной недѣли (13 апрѣля) съ тѣмъ, чтобы на Пасхальной недѣлѣ записки могли быть разосланы членамъ государственнаго

А. А. Мушниковъ и Н. Я. Чижовъ—по программамъ законовѣднія и ординарный профессоръ варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаевъ—по вопросу о подготовкѣ преподавателей.

¹⁾ Подкомиссіи эти слѣдующія: по Закону Божію—подѣ председѣтельствомъ епископа Иннокентія; по русскому языку—А. И. Кирпичникова; по исторіи—С. Ѳ. Платонова; по географіи и отечествовѣднію—Я. Г. Гуревича; по новымъ языкамъ—профессора Ф. А. Брауна; по латинскому языку—А. Н. Шварца, при замѣстительствѣ его въ потребныхъ случаяхъ А. Г. Готлибомъ; по физикѣ—профессора Хвольсона и Боргмана; по математикѣ и космографіи—К. В. Фохта, по естествовѣднію—Д. Н. Кайгородова; по черченію и рисованію—К. В. Фохта. Эти программы и учебныя планы предназначались для школы общаго типа; примѣненіе ихъ въ школахъ съ двумя древними языками, а равно составленіе программъ по греческому языку возложено на особую подкомиссію подѣ председѣтельствомъ А. Н. Шварца.

совѣта, а съ Ѳоминой недѣли открылись бы засѣданія департаментовъ государственнаго совѣта. По приблизительному расчету окончательное обсужденіе дѣла государственнымъ совѣтомъ, при условіи назначенія не менѣе 3-хъ засѣданій въ недѣлю, могло послѣдовать въ двадцатыхъ числахъ іюня мѣсяца.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ этихъ соображеній, Государю Императору 23 марта благоугодно было выразить пожеланіе, чтобы столь важный проектъ, какъ предстоящая реформа среднихъ учебныхъ заведеній имперіи, былъ обсуждаемъ государственнымъ совѣтомъ не въ концѣ сессіи, когда члены утомлены усиленными занятіями истекшаго года, а послѣ лѣтняго отдыха, а потому Высочайше повелѣно внести этотъ законопроектъ такъ, чтобы онъ могъ быть разсмотрѣнъ государственнымъ совѣтомъ въ началѣ осенней сессіи его занятій.

Прямымъ послѣдствіемъ такого Высочайшаго повелѣнія была необходимость подумать о постановкѣ учебнаго дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на 1902—1903 учебный годъ. Какъ сказано выше, временными правилами 11 іюня 1901 г. было установлено на одинъ учебный годъ нѣкоторое измѣненіе программы въ первыхъ 4-хъ классахъ гимназій съ отмѣною преподаванія въ нихъ древнихъ языковъ. Предполагалось, что мѣра эта потребуется только на одинъ этотъ годъ, ибо къ концу іюня 1902 г. государственный совѣтъ долженъ былъ окончить разсмотрѣніе проекта реформы и, въ случаѣ ея утвержденія, она могла бы свободно быть введена въ дѣйствіе съ августа мѣсяца, т. е. съ начала 1902—1903 учебнаго года, въ случаѣ ея неутвержденія—возможно было возвращеніе къ старому порядку по составленному уже плану. Теперь положеніе дѣла мѣнялось. Государственный совѣтъ могъ окончить разсмотрѣніе дѣла лишь къ концу 1902 года, слѣдовательно введеніе реформы не могло быть ранѣе 1903—1904 учебнаго года, а потому представилось необходимымъ продлить дѣйствіе временныхъ правилъ 11 іюня 1901 г. на одинъ годъ. Эта мѣра не препятствовала введенію реформы, она лишь отодвигала окончательное ея осуществленіе на одинъ годъ, требуя на это уже не пять, а шесть лѣтъ, и представляла одно неудобство: нѣсколько затрудненное возвращеніе къ старому порядку, въ случаѣ полного неодобренія реформы, ибо запоздалое на два года преподаваніе древнихъ языковъ уже не такъ легко можно нагнать въ теченіе остальныхъ лѣтъ восьмилѣтняго курса; по окончательномъ обсужденіи, однако, и это оказалось не непреодолимымъ: составленъ планъ обратнаго отступленія, рассчитанный на три или четыре года, а затѣмъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ о продленіи дѣйствія временныхъ правилъ 11 іюня 1901 г. на 1902—1903 учебный годъ. Этотъ всеподданнѣйшій докладъ Высочайшаго одобренія не получилъ, и 11 апрѣля генералъ-адъютантъ Ванновскій

оставилъ службу по министерству народнаго просвѣщенія при слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ:

«Петръ Семеновичъ, призывая васъ къ управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я руководился увѣренностью, что опытъ и знанія въ области воспитанія юношества, входившаго въ кругъ вашей многолѣтней военной и государственной дѣятельности, помогутъ вамъ въ осуществленіи задачи, мною вамъ довѣренной. Нынѣ, по разстроенному отъ усиленныхъ трудовъ здоровью, вы обратились ко мнѣ съ просьбою объ увольненіи васъ отъ должности, мною на васъ возложенной. Снисходя съ сожалѣніемъ къ вашей просьбѣ и увольняя васъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія съ сохраненіемъ всѣхъ прочихъ должностей и званій, я въ то же время изъявляю вамъ мою искреннюю благодарность за преданность вашу мнѣ, побуждавшую васъ, не взирая на преклонные ваши года, принять на себя столь трудную дѣятельность. Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклоннымъ и глубокоуважающимъ васъ «Николай» ¹⁾).

Петръ Семеновичъ ушелъ изъ министерства народнаго просвѣщенія, оставя своему преемнику совершенно готовый проектъ реформы средней школы и правила временнаго преобразования низшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, уже дѣйствовавшія почти въ теченіе года; нужно было провѣрить результаты, ими достигнутые; по слухамъ, они превзошли всѣ возлагавшіяся на нихъ упованія.

Новое министерство взглянуло на дѣло нѣсколько иначе: оно признало внесеніе изготавленнаго проекта въ государственный совѣтъ несвоевременнымъ, а предпочло предварительно передать его на обсужденіе ученаго комитета и затѣмъ совѣта министра народнаго просвѣщенія ²⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что это составляетъ неотъемлемое право министра; онъ можетъ передавать на обсужденіе ученаго комитета вопросы, которые признаетъ нужнымъ, а затѣмъ тѣ изъ нихъ, которые касаются устройства учебныхъ заведеній, по обсужденіи ихъ ученымъ комитетомъ, поступаютъ на разсмотрѣніе совѣта ³⁾). Петръ Семеновичъ въ этомъ надобности не усматривалъ,—и то была его воля, его право: формальному обсужденію проекта въ двухъ громоздкихъ и, нужно сознаться, обветшалыхъ коллегіяхъ, обсужденію, могущему потребовать по чисто формальнымъ причинамъ, много времени, онъ предпочелъ приглашеніе въ составъ комиссіи предсѣдателя ученаго комитета

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ», 12 апрѣля 1902 г., № 83.

²⁾ Рѣчь Г. Э. Зенгера, произнесенная 24 апрѣля 1902 г. при приѣмѣ чиновъ министерства. См. «Новое Время», 25 апрѣля № 9388.

³⁾ Томъ I учрежд. министерства народнаго просвѣщенія ст. 448 п. 8 и 437 п. 7.

и нѣкоторыхъ членовъ совѣта. Правъ ли былъ этотъ старый, опытный въ дѣлѣ управления министръ, покажетъ будущее.

Что же касается временныхъ правилъ генераль-адъютанта Ванновскаго, то по обсужденіи ихъ въ комиссіи, въ составъ которой вошли въ качествѣ представителей отъ учебныхъ округовъ по одному директору гимназій и одному директору реального училища, а затѣмъ по разсмотрѣніи совѣтомъ министра, новымъ управляющимъ министерствомъ испрошено 20 іюля 1902 года Высочайшее повелѣніе объ утвержденіи на 1902—1903 учебный годъ таблицъ уроковъ для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій, представляющихъ въ сущности тѣ же временныя правила 11 іюня 1901 года, но съ добавленіемъ, что дѣйствіе этихъ правилъ сохраняется въ силѣ и по истеченіи 1902—1903 учебнаго года впредь до введенія утвержденныхъ въ законодательномъ порядкѣ новыхъ уставовъ среднихъ учебныхъ заведеній ¹⁾. Насколько цѣлесообразна такая отсрочка—покажетъ будущее. Не слѣдуетъ забывать, что, какъ справедливо замѣчается въ одной журнальной статьѣ, «въ школьномъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо тягостны минуты, предшествующія коренной реформѣ, когда старое уже осуждено на смерть, а новое еще не вполне призвано къ жизни» ²⁾.

Такимъ образомъ, трудъ Петра Семеновича, въ который онъ вложилъ всѣ свои силы, не пропалъ,—введеніе проектированной имъ реформы предрѣшено и, лишь по какимъ-то соображеніямъ, отсрочено; что оно предрѣшено—это доказывается продленіемъ дѣйствія временныхъ правилъ 11 іюня 1901 г. не только на 1902—1903 учебный годъ, но и на послѣдующіе годы, а выше было сказано, что возвращеніе къ старому послѣ годового дѣйствія этихъ облегчительныхъ правилъ вполне возможно, послѣ двухъ лѣтъ—затруднительно, а послѣ трехъ или четырехъ лѣтъ будетъ уже совершенно невозможно.

Какъ пройдетъ самая реформа, конечно, въ настоящее время сказать съ опредѣленною точностью нельзя; что она практична, приложима, жизненна, и, что самое главное, даетъ русскому обществу чисто русскую школу,—это не подлежитъ сомнѣнію и въ достаточной мѣрѣ доказывается тѣмъ общимъ сочувствіемъ прессы и общества, съ которымъ была встрѣчена та небольшая часть этого проекта, которая была оглашена. Нѣкотораго измѣненія проектированнаго положенія ожидать должно: на это даетъ указаніе Высочайшій рескриптъ, съ которымъ вступилъ въ министерство Г. Э. Зенгеръ. Относительно устройства школы, говорится въ этомъ рескриптѣ: «Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ:

¹⁾ Правительственное сообщеніе 26 іюля 1902 г., «Правительственный Вѣстникъ», № 163.

²⁾ «Вѣстникъ Европы», май 1902 г., внутреннее обозрѣніе.

низшая съ законченнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа»¹⁾.

Во всякомъ случаѣ для средней школы министерство П. С. Ванновскаго сдѣлало все, что имѣлъ въ виду маститый министр, ставившій себѣ задачею благо горячо любимой имъ родины. Обдуманная имъ въ тиши кабинета, кратко тезированная положенія реформы вылились вполнѣ въ видѣ основныхъ положеній комиссіи 1901 года и затѣмъ подверглись новому обсужденію въ январской комиссіи 1902 года. Простое сопоставленіе положеній этой послѣдней комиссіи съ положеніями комиссіи 1901 г. показываетъ, какъ мало они потерпѣли измѣненія, несмотря на всестороннее ихъ обсужденіе въ комиссіи 1902 года, а эта комиссія была составлена министромъ нѣсколько своеобразно: онъ нарочито пригласилъ въ составъ ея самыхъ ярыхъ и притомъ самыхъ выдающихся сторонниковъ «толстовскаго» классицизма; всѣ малѣйшія ихъ заявленія были внимательно выслушаны, обсуждены, но не поколебали ни мнѣнія большинства комиссіи, ни убѣжденій министра. Эти положенія въ томъ видѣ, какъ они вошли въ проектъ представленія въ государственный совѣтъ, настолько мало разнятся отъ вышеприведенныхъ положеній комиссіи 1901 года, что изложеніе ихъ здѣсь было бы напраснымъ повтореніемъ одного и того же. Достаточно сказать, что изъ § 1 исключено слово «единая» (школа), какъ могущее подать поводъ къ недоразумѣніямъ; исключено примѣчаніе къ § 2, ибо, по окончательномъ обсужденіи, признано нежелательнымъ наполнять гимназіи учениками низшихъ училищъ и, такимъ образомъ, демократизировать среднюю школу; найдено необходимымъ нѣсколько иначе изложить § 5, содержащій въ себѣ правила бифуркаціи, наконецъ, согласно мнѣнію большинства комиссіи, признано полезнымъ сохранить гимназіи съ обоими древними языками по одной въ каждомъ учебномъ округѣ и, въ соотвѣтствіе сему, измѣнена редакція § 6.

Одновременно съ работами по реформѣ средней школы Петръ Семеновичъ стремился всѣми силами сколь возможно нынѣ же упорядочить ее. Въ этомъ отношеніи онъ какъ бы спѣшилъ исполнить совѣтъ извѣстнаго филантропа-доктора Гааза: «торопись дѣлать добро». По отношенію къ нашимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ за время управленія Петра Семеновича министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣлано слѣдующее:

1) Еще въ 1897 году были отмѣнены письменныя испытанія по древнимъ языкамъ для учениковъ гимназій, но для лицъ постороннихъ они почему-то оставались въ силѣ. Петръ Семеновичъ распорядился, чтобы постороннія лица, подвергающіяся при муж-

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ» 11 іюня 1902 г., № 126.

скихъ и женскихъ гимназійхъ пріемнымъ и выпускнымъ экзаменамъ, были освобождены отъ указанныхъ письменныхъ испытаній наравнѣ съ учениками гимназій¹⁾.

2) Усматривая, что классическія гимназіи даютъ неподготовленныхъ къ университетскому преподаванію слушателей, весьма часто мало свѣдущихъ въ стилистикѣ и даже грамматикѣ родного языка, — предписано обращать при экзаменахъ на аттестаты зрѣлости особое вниманіе на знаніе русскаго языка²⁾.

3) Предложено начальникамъ учебныхъ заведеній немедленно доносить министру о всѣхъ несчастныхъ случаяхъ и чрезвычайныхъ происшествіяхъ³⁾.

4) Усиленно рекомендовано учрежденіе праздниковъ древносажденія, предложено попечителямъ округовъ сообразить, какъ слѣдуетъ ихъ организовать, причемъ указано, что въ интересахъ учебнаго дѣла праздники эти желательны не въ учебные дни, которыхъ въ сравненіи съ Западною Европою у насъ и такъ мало⁴⁾.

5) Предписано попечителямъ относиться съ готовностью, любовью и должною осмотрительностью къ устройству сберегательныхъ ученическихъ кассъ: «пріучать дѣтей школьнаго возраста къ бережливости и полезно и справедливо», говоритъ П. С. Ванновскій⁵⁾.

6) Преподаны правила для школьныхъ экскурсій, указано, что экскурсіи эти въ праздничные дни необязательны ни для учащихся, ни для учащихся, и что, во всякомъ случаѣ, онѣ не должны совпадать со временемъ праздничныхъ богослуженій⁶⁾.

7) Измѣнены существующія правила переводныхъ испытаній съ тѣмъ: а) что получившіе удовлетворительныя отмѣтки (3) по всѣмъ научнымъ предметамъ, а въ реальномъ училищѣ и по черченію переводятся въ слѣдующій классъ безъ экзамена; б) получившіе неудовлетворительныя отмѣтки (2 или 1) по одному или двумъ предметамъ допускаются къ экзаменамъ не по всѣмъ, а только по этимъ предметамъ, причемъ въ исключительныхъ случаяхъ педагогическій совѣтъ можетъ оставить такого ученика на повторительный курсъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя округа; в) получившіе неудовлетворительныя отмѣтки

¹⁾ Циркуляръ 24 апрѣля 1901 г., № 10.516.

²⁾ Циркуляръ 24 апрѣля 1901 г., № 10.517.

³⁾ Циркуляръ 1 іюня 1901 г., № 15.098.

⁴⁾ Циркуляръ 26 іюня 1901 г., № 16.638. Вразрѣзъ съ этимъ идетъ распоряженіе новаго управляющаго министерствомъ, учреждающее 7 новыхъ праздниковъ и увеличивающее междуурочныя перемѣны за счетъ и безъ того небольшого (55 мин.) класснаго времени. «Прав. Вѣстн.» 17 августа 1902 г., № 180.

⁵⁾ Циркуляръ 26 іюня 1901 г., № 16.637.

⁶⁾ Циркуляръ 26 ноября 1901 г., № 33.139.

(2 или 1) болѣе, чѣмъ по двумъ предметамъ, оставляются на второй годъ, но, въ исключительныхъ случаяхъ, педагогическому совѣту предоставляется и такихъ учениковъ допускать къ экзаменамъ по этимъ предметамъ, и г) экзамены производятся обязательно послѣ лѣтнихъ каникулъ, но въ особо уважительныхъ случаяхъ учениковъ, имѣющихъ неудовлетворительную отмѣтку по одному предмету, разрѣшается допускать къ испытанію и весною, но уже безъ права переекзаменовки осенью¹⁾.

Нельзя не остановиться на особой практичности этой послѣдней мѣры: до сего времени для перевода безъ экзамена требовались удовлетворительныя отмѣтки (не менѣе 3) по всѣмъ предметамъ и, сверхъ сего, не менѣе 4-хъ по двумъ изъ четырехъ главныхъ предметовъ (языки: греческій, латинскій, русскій и математика), причемъ экзамены были вслѣдъ за окончаніемъ учебнаго года и обязательно по всѣмъ предметамъ программы. Новымъ распоряженіемъ прежде всего всѣ научные предметы признаны одинаково важными, а засимъ экзамены назначены только по тѣмъ предметамъ, по коимъ ученикъ былъ слабъ въ теченіе года и притомъ послѣ каникулъ. Дѣйствительно, казалась бы ясно, что не къ чему провѣрять познанія мальчика по тѣмъ предметамъ, по которымъ онъ шелъ хорошо и даже отлично; съ другой стороны, казалось бы ясно и то, что если онъ не успѣлъ въ продолженіе цѣлаго года, то не будетъ въ состояніи приготовиться къ экзамену въ теченіе одной-двухъ недѣль. Гораздо лучше, если онъ займется въ теченіе цѣлаго лѣта тѣми двумя предметами, въ коихъ оказалъ слабыя успѣхи и явится на экзаменъ не усталый и утомленный, а со свѣжими силами. Наконецъ, эта мѣра дала возможность продлить учебный годъ, отдавъ ему время, употреблявшееся на экзамены, а это въ среднемъ равнялось 22 днямъ; умножая ихъ на шесть, мы получимъ почти цѣлый учебный годъ, т. е. новый семилѣтній курсъ можетъ давать то же самое количество учебныхъ дней, что и нынѣшній восьмилѣтній.

Обратилъ Петръ Семеновичъ вниманіе и на преподавателей средней школы; здѣсь онъ рѣшилъ принять мѣры противъ зла, снѣдающаго наши гимназіи; быть можетъ, это зло въ дѣйствительности и не такъ велико, но оно возбуждаетъ много толковъ и ложится темнымъ пятномъ на репутацію преподавателей: это частные уроки учителей ученикамъ своего класса. П. С. указалъ, что преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній могутъ давать частные за плату уроки ученикамъ тѣхъ заведеній, въ коихъ состоятъ преподавателями, не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія попечителя округа и въ тѣхъ только исключительныхъ случаяхъ, когда въ городѣ не окажется преподавателей другихъ учебныхъ

¹⁾ Циркуляръ 14 февраля 1902 г., № 5.196.

заведеній или иныхъ лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ давать уроки нуждающимся въ нихъ ученикамъ ¹⁾. Второю заботою министра было улучшение состава преподавателей средней школы: въ виду дороговизны и невозможности нынѣ же устроить спеціальныя педагогическія институты или курсы при университетахъ, П. С. остановился на мысли объ устройствѣ въ окружныхъ городахъ особыхъ учительскихъ курсовъ въ видѣ сѣздовъ, на которые обязательно командировались бы преподаватели гимназій. Здѣсь они слушали бы, читали бы рефераты и, такимъ образомъ, получали бы тѣ практическія свѣдѣнія, которыхъ имъ не далъ университетъ. Представя совершенно обработанный проектъ этихъ сѣздовъ, П. С. вошелъ въ государственный совѣтъ съ ходатайствомъ объ ассигнованіи на нихъ 85.000 р. ежегодно. Вопросъ этотъ встрѣтилъ въ государственномъ совѣтѣ сочувствіе, но вслѣдствіе разногласія съ министромъ финансовъ сужденіе дѣла было отложено до представленія дополнительныхъ свѣдѣній. По слухамъ, новое министерство, отнесясь несочувственно къ этому проекту, взяло представленіе назадъ. Затѣмъ П. С. озаботился улучшеніемъ матеріальнаго положенія учителей; съ этою цѣлью была организована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго помощника попечителя с.-петербургскаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Спѣшкова, которою и былъ въ достаточной мѣрѣ разработанъ этотъ вопросъ и собранъ необходимый для рѣшенія его матеріалъ; затѣмъ новою коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ бывшаго попечителя того же округа В. К. Анрепа, при участіи представителей министерства финансовъ и государственнаго контроля, были окончательно выработаны штаты и оклады преподавательскаго персонала реформированной средней школы, причемъ, по желанію министра, все было готово къ тому, чтобы эти оклады ввести въ дѣйствіе, не дожидаясь реформы, съ будущаго смѣтнаго года. Сдѣлать этого П. С. не успѣлъ, но частичныя, правда, небольшія, поправки по этому пути имъ были сдѣланы. Сюда относятся распоряженія его 1) о томъ, чтобы учителя математики и физики за просмотръ ученическихъ работъ получали бы то же самое вознагражденіе, какое полагается преподавателямъ латинскаго, греческаго и русскаго языковъ ²⁾, т. е. въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ не менѣе 100 руб. въ годъ на каждаго, а въ прогимназіяхъ по расчету на всѣхъ учителей до 300 р. въ шестиклассной и до 180 р. въ четырехклассной, и 2) о томъ, чтобы учителя, сопровождающіе дѣтей въ школьныя экскурсіи, вознаграждались за это изъ спеціальныхъ средствъ учебнаго заведенія въ размѣрѣ 5 р. за каждую городскую и 10 р.

¹⁾ Циркуляръ 31 января 1902 г., № 3653.

²⁾ Циркуляръ 6 мая 1901 г., № 11903.

за каждую загородную экскурсію ¹⁾). Наконецъ въ министерство Ванновскаго получилъ правильную, насколько возможно, постановку и вопросъ о допущеніи лицъ женскаго пола въ качествѣ преподавательницъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Дѣйствующій законъ въ этомъ отношеніи даетъ краткое и не совсѣмъ ясное указаніе: въ трехклассныхъ женскихъ прогимназіяхъ и въ низшихъ трехъ классахъ женскихъ гимназій преподаваніе поручается преимущественно, если окажется возможнымъ, лицамъ женскаго пола ²⁾). Законъ этотъ понимался такъ, что въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій и во всѣхъ безусловно классахъ мужскихъ преподавателями могутъ быть только мужчины. 25 и 29 сентября 1901 г. П. С. испрошены Высочайшія повелѣнія 1) о предоставленіи министру народнаго просвѣщенія, впредь до устраненія ощущаемаго нынѣ недостатка въ преподавателяхъ нѣкоторыхъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (мужскихъ) допускать къ преподаванію новыхъ языковъ въ младшихъ классахъ этихъ учебныхъ заведеній лицъ женскаго пола, обладающихъ надлежащими познаніями въ сихъ языкахъ и 2) о предоставленіи тому же министру допускать къ преподаванію въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій и прогимназій лицъ женскаго пола, окончившихъ высшіе женскіе курсы и къ преподаванію въ тѣхъ же классахъ сказанныхъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ французскаго и нѣмецкаго языковъ лицъ женскаго пола, имѣющихъ званіе домашней наставницы или учительницы названныхъ предметовъ.

Независимо отъ сего былъ возбужденъ рядъ вопросовъ, не успѣвшихъ получить разрѣшенія. Такъ, потребованы заключенія попечителей по вопросамъ:

1) о способахъ установленія надзора за учениками среднихъ учебныхъ заведеній во время пребыванія ихъ въ курортахъ ³⁾);

2) объ учрежденіи особой комиссіи изъ представителей министерствъ народнаго просвѣщенія, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ для выработки программъ и плановъ устройства новыхъ промышленныхъ заведеній, сообразно нуждамъ нашей промышленности ⁴⁾);

3) о постановкѣ ручного труда въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ ⁵⁾);

Таковы были главнѣйшія, общаго характера, распоряженія П. С. Ванновскаго по отношенію къ нашимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ.

¹⁾ Циркуляръ 26 ноября 1901 г., № 33139.

²⁾ Т. XI, ч. I, ст. 2702 прим. I.

³⁾ Циркуляръ 14 апрѣля 1901 г. № 10707.

⁴⁾ Циркуляръ 17 мая № 12840.

⁵⁾ Циркуляръ 22 іюля № 18318.

Отдавши всё свои заботы дѣлу устройства средней школы, П. С. не оставилъ безъ вниманія и высшую; и здѣсь онъ дѣйствовалъ по тому же твердо установленному плану и безъ колебаній. Программа и планъ его дѣйствій не были скороспѣлыми; они имѣли своимъ основаніемъ почти двадцатилѣтній опытъ въ императорской военно-медицинской академіи, были выработаны еще въ 1899 году и указаны кратко во всеподданнѣйшемъ докладѣ по поводу студенческихъ беспорядковъ. Еще тогда онъ высказывалъ, что студенческое движеніе, пока чуждое политическаго характера, можетъ легко осложниться имъ, ибо переставшая учиться, распущенная и ничѣмъ не занятая молодежь представляетъ собою готовую почву для всякой зловредной пропаганды. Послѣдствія оправдали правильность такого воззрѣнія. Затѣмъ, выше уже были указаны вѣроятныя соображенія, почему П. С. поставилъ преобразование средней школы на первый планъ, предпочтя по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ лишь палліативныя мѣры.

П. С. вступилъ въ управленіе министерствомъ въ тяжелое время: то было время періодически повторявшихся, чуть ли не ежедневныхъ уличныхъ беспорядковъ съ участіемъ учащейся молодежи: 19 февраля и 4 марта произошли беспорядки на Казанской площади въ С.-Петербургѣ, 19 февраля въ Харьковѣ, 23, 24, 25, 26 февраля и 4 марта въ Москвѣ. Подробности этихъ беспорядковъ опубликованы въ правительственномъ сообщеніи 5 марта 1901 года¹⁾.

Отношеніе министра Ванновскаго къ учащейся молодежи высшихъ учебныхъ заведеній было точнымъ исполненіемъ Высочайшихъ указаній, преподанныхъ въ рескриптѣ 25 марта. Въ основѣ ихъ положены: разумъ, любовь и сердечное попеченіе²⁾. Лозунгомъ новаго министра было: сердечность, разумная справедливость, доступность и отеческая любовь, а цѣлью во что бы то ни стало поставить благоразумное большинство студентовъ въ такое положеніе, чтобы ничто не препятствовало ему продолжать учебныя занятія.

Такъ, во исполненіе принципа сердечности, прощенія и любви было уже на третьемъ мѣсяцѣ существованія новаго министерства испрошено Высочайшее повелѣніе 5 іюня 1901 г. слѣдующаго содержанія: «Государь Императоръ въ неизреченной своей милости и въ любвеобильномъ снисхожденіи къ увлеченіямъ учащейся молодежи, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1, студентовъ императорскихъ университетовъ, уволенныхъ изъ сихъ заведеній за участіе въ беспорядкахъ и отбывающихъ въ настоящее время воинскую повинность въ видѣ наказанія, которые имѣли по се-

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ» № 51.

²⁾ Приказъ 2 апрѣля 1901 г., № 2.

мейному положенію льготу 1 разряда или имѣли тѣлесные недостатки, дѣлающіе ихъ неспособными къ службѣ въ строю, нынѣ же уволить отъ обязательной службы; 2, всѣхъ остальныхъ студентовъ, отбывающихъ нынѣ воинскую повинность въ видѣ наказанія, возстановить въ правахъ по отбыванію сей повинности безъ отношенія къ назначенному имъ сроку службы въ войскахъ, и 3, въ видѣ изъятія изъ закона, считать срокъ службы всѣмъ студентамъ, отбывающимъ нынѣ воинскую повинность въ видѣ наказанія, съ перваго числа мѣсяца, слѣдующаго за ихъ поступленіемъ на службу»¹⁾). Впослѣдствіи было разъяснено учебному начальству, что такъ какъ этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ отбывавшіе воинскую повинность въ видѣ наказанія возстановлены въ правахъ, то имъ слѣдуетъ возстановить и всѣ тѣ льготы, коими они пользовались во время пребыванія въ учебномъ заведеніи. Льготы эти должны быть возстановлены и тѣмъ студентамъ, которые лишились ихъ вслѣдствіе наложеннаго на нихъ взыскація, слабѣйшаго сравнительно съ примѣненіемъ временныхъ правилъ 29 іюля 1899 года²⁾).

Засимъ 19 іюля были установлены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ правила о порядкѣ приведенія въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія³⁾ и почти одновременно съ этимъ состоялось по тому же министерству распоряженіе, облегчающее участь высланныхъ изъ Петербурга слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ; высылка эта отмѣнена по отношенію къ тѣмъ, которыя заявятъ раскаяніе и укажутъ въ Петербургѣ лицъ, имѣющихъ опредѣленное служебное положеніе и согласившихся взять ихъ на поруки. Путь этотъ, говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, открыть для всѣхъ удаленныхъ съ курсовъ⁴⁾).

Та же сердечность проявилась въ единичныхъ, считающихся однако десятками, случаяхъ разрѣшенія уволеннымъ за безпорядки на продолжительные сроки студентамъ вновь вступать въ учебныя заведенія. Здѣсь министръ зналъ, чѣмъ дѣйствовать на молодежь: онъ бралъ съ нея честное слово не принимать болѣе участія въ студенческихъ безпорядкахъ. То была не пустая фраза: можно указать цѣлый рядъ случаевъ, когда ходатайствующіе о принятіи вновь въ число студентовъ отказывались дать это слово и, конечно, оставались безъ удовлетворенія ихъ ходатайства. Были, конечно, случаи и обратные: дававшіе слово его не держали, и, къ чести русскаго студенчества, нужно признать, что

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ» 6 іюня 1901 г., № 121.

²⁾ Циркуляръ 17 сентября 1901 г., № 24879.

³⁾ Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ 19 іюля, № 19.

⁴⁾ Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ по департаменту полиціи 11 іюля, № 9074.

большинство такихъ были армяне, иные инородцы и, главнымъ образомъ, евреи.

Въ тѣсной связи съ сердечностью слѣдуетъ поставить доступность министра; то была не доступность покойнаго графа И. Д. Делянова, всегда общавшаго и обыкновенно не исполнявшаго своихъ обѣщаній. Новый министръ сверхъ обычнаго, еженедѣльнаго приѣма въ министерствѣ, принималъ у себя ежедневно на дому съ 10 час. утра, и къ нему шелъ всякій свободно; всякій выслушивался, и если что ему было обѣщано, то обязательно исполнялось. Можно указать случаи не совѣмъ осторожныхъ обѣщаній, данныхъ мѣстнымъ начальствомъ, которыя, скрѣпя сердце, исполнялись по принципу: обѣщанное—свято.

Безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ продолжались и во время министерства Ванновскаго: взбаламученное море сразу успокоиться не могло, и вотъ какъ относился къ нимъ Петръ Семеновичъ.

15 ноября 1901 г. въ одной изъ аудиторій харьковскаго ветеринарнаго института собравшіеся на лекцію студенты I курса подали явившемуся на лекцію извѣстному заслуженному профессору письменное заявленіе, коимъ предлагали ему «оставить немедленно кафедру, съ тѣмъ, чтобы дать возможность занять ее профессору, стоящему на уровнѣ современныхъ знаній». Въ данномъ по этому случаѣ приказѣ министръ пишетъ: «принимая во вниманіе, что студентамъ, какъ учащимся, никоимъ образомъ и ни въ какомъ порядкѣ не можетъ быть предоставлено право вмѣшиваться въ управленіе учебнымъ заведеніемъ; что приведенная выше выходка студентовъ I курса останавливаетъ на себѣ особое вниманіе въ томъ отношеніи, что студенты эти, только что вступившіе въ институтъ, едва ли даже могли, въ теченіе трехмѣсячнаго въ немъ пребыванія, усвоить себѣ правильное представленіе о характерѣ преподаванія тѣхъ наукъ, которыя они только что начали слушать; что безпримѣрно дерзкое отношеніе молодыхъ людей къ заслуженному и пользующемуся общимъ уваженіемъ профессору, свидѣтельствуя о крайней ихъ распуцченности, требуетъ немедленнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ къ восстановленію нарушеннаго порядка,—я призналъ необходимымъ нынѣ же уволить всѣхъ студентовъ I курса харьковскаго ветеринарнаго института, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые несомнѣнно докажутъ, что они 15 ноября на указанной лекціи не присутствовали»¹⁾.

Въ концѣ того же ноября возникли безпорядки въ харьковскомъ университетѣ. Выразились они сначала въ предъявленномъ небольшою группою студентовъ требованіи, чтобы на лекціи и къ занятіямъ въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ допускались только

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ» 11 ноября 1901 г., № 257.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1908 г., т. сxi.

студенты и окончившіе курсъ медики, значащіеся въ составленномъ этою группою списокѣ, въ который были не включены всѣ державшіе въ предшествовавшемъ 1899 году экзамены; затѣмъ, 28 ноября возникли безпорядки на улицѣ, а 29 состоялась сходка, постановившая «активную забастовку». Во исполненіе этого рѣшенія сходки кучки студентовъ, около 300 чел. числомъ, 30 ноября мѣшали чтенію лекцій свистомъ, крикомъ и угрозами насиліемъ, причеиъ были принесены въ университетъ и употреблены въ дѣло нѣсколько склянокъ съ удушливымъ газомъ; безпорядки продолжались 30 ноября и 1 декабря, вслѣдствіе чего чтеніе лекцій было прекращено. Оглашая это печальное событіе въ приказѣ, П. С. говоритъ: «я не могу не высказать глубокаго сожалѣнія, что молодые люди, оканчивающіе высшее образованіе, могли позволить себѣ даже въ стѣнахъ учебнаго заведенія неприличные, буйные, безобразные поступки, столь мало свойственные людямъ воспитаннымъ, и даже дойти до грубаго насилія надъ профессорами и ни въ чемъ неповинными товарищами, желающими продолжать свои занятія», и затѣмъ, указывая необходимость разслѣдованія дѣла и наложенія на виновныхъ взысканій, проситъ профессоровъ всемѣрно поддержать студентовъ, въ безпорядкахъ не участвовавшихъ, памятуя, что служебный долгъ и присяга возлагаютъ на всѣхъ насъ священную обязанность оказывать полное содѣйствіе къ прекращенію и предупрежденію студенческихъ безпорядковъ¹⁾.

Не менѣе характеренъ и приказъ П. С. 14 февраля 1902 года по поводу безпорядковъ въ московскомъ университетѣ, тоже въ свое время опубликованный²⁾.

Уже изъ этихъ трехъ приказовъ видно отношеніе министра къ данному вопросу. Здѣсь нѣтъ ни заигрыванія съ молодежью, ни малѣйшаго намека на что-либо, похожее на либерализмъ, напротивъ, видна суровая, рѣзкая, но строго справедливая оцѣнка фактической стороны дѣла и существа проступка. Всѣ эти печальные инциденты не замалчивались, а немедленно оглашались въ печати, причеиъ о всякомъ малѣйшемъ случаѣ нарушенія студентами порядка тотчасъ же оповѣщались всѣ министры, въ вѣдѣніи коихъ находятся учебныя заведенія, какъ то было заранѣе

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ» 4 декабря 1901 г., № 264.

²⁾ Вотъ заключительныя слова этого приказа: «вышеизложенное свидѣтельство, что принимавшіе участіе въ безчинствахъ студенты считаютъ помѣщенія университета предназначенными не для мирныхъ учебныхъ занятій, а для противозаконныхъ сборищъ и позволяютъ себѣ поступки, свойственные неприличнымъ, воспитаннымъ молодымъ людямъ, а буйной, разнузданной толпѣ, забывающей всякое уваженіе къ порядку и чужой собственности, а потому я нахожу, что такимъ молодымъ людямъ нѣтъ мѣста въ высшемъ учебномъ заведеніи». «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» апрѣля 1902 г., стр. 19.

между ними условлено, на предметъ принятія однообразныхъ мѣръ къ подавленію безпорядковъ.

Въ цѣляхъ того же однообразія дѣйствій во всѣхъ касающихся учебнаго дѣла вѣдомствахъ, въ ноябрѣ 1901 года было предпринято, съ Высочайшаго соизволенія, рядъ засѣданій министровъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія, приче́мъ въ засѣданіи 18 ноября 1901 года было признано необходимымъ скорѣйшее изданіе ясно формулированныхъ правилъ студенческой организаціи, а въ засѣданіи 14 февраля 1902 года рѣшено примѣнить ко всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ правила, выработанныя министерствомъ народнаго просвѣщенія о порядкѣ пріостановленія занятій, въ случаѣ возникновенія безпорядковъ. Сущность этихъ правилъ, объявленныхъ генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ 12 января 1902 года ¹⁾, заключается въ слѣдующемъ: въ случаѣ выяснившейся необходимости пріостановленія, въ видахъ предупрежденія или прекращенія массовыхъ безпорядковъ, учебныя занятія въ высшемъ учебномъ заведеніи прекращаются распоряженіемъ попечителя округа, приче́мъ утраченное для учебныхъ занятій время возмѣщается на счетъ ближайшихъ лѣтнихъ ваканцій. Если, однако, пріостановка занятій продлилась въ университетахъ до 4-хъ недѣль, а въ специальныхъ заведеніяхъ до 3-хъ, то назначенный по общимъ правиламъ срокъ окончанія учебнаго года не отодвигается на каникулярный періодъ и экзамены не производятся, а всѣ слушатели II и старшихъ курсовъ оставляются на слѣдующій годъ на тѣхъ курсахъ, на которыхъ состояли въ данномъ году. Студенты перваго курса въ университетахъ, въ случаѣ тѣсноты помѣщенія, увольняются и принимаются въ августѣ вмѣстѣ съ вновь вступающими по конкурсу аттестатовъ зрѣлости, — въ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ студенты I курса равнымъ образомъ увольняются и принимаются вновь на общихъ условіяхъ пріема вновь вступающихъ. Если вслѣдствіе заявленнаго отдѣльными курсами желанія продолжать учебныя занятія сіи послѣднія могутъ быть возобновлены ранѣе открытія учебнаго заведенія, то правило вышеизложенное на вернувшихся добровольно къ занятіямъ не распространяется и они допускаются къ экзамену на общемъ основаніи.

Правила эти, по приказанію Петра Семеновича, были розданы на руки всѣмъ студентамъ въ видѣ «предварительнаго объявленія студентамъ».

Объявляя эти правила къ подлежащему исполненію, генералъ-адъютантъ Ванновскій разъяснилъ, что при подавленіи безпорядковъ необходима не столько суровость принимаемыхъ каратель-

¹⁾ Циркуляръ 12 января 1902 года, № 1109.

ныхъ мѣръ, сколько ихъ строгое систематизированіе — полное однообразіе и неуклонность примѣненія, причемъ, въ качествѣ мѣръ взысканія, предложены слѣдующія: 1) студентъ, ранѣе уже дважды уволенный изъ учебнаго заведенія за участіе въ безпорядкахъ и принятый обратно подъ честнымъ словомъ не принимать болѣе участія въ оныхъ, вновь уличенный въ нарушеніи порядка, подлежитъ исключенію безъ права обратнаго поступленія въ учебное заведеніе; 2) студентъ, по той же причинѣ ранѣе разъ уже уволенный изъ учебнаго заведенія и принятый вновь подъ честнымъ словомъ, вторично замѣченный въ участіи въ безпорядкахъ, увольняется изъ учебнаго заведенія на срокъ, рассчитанный такъ, чтобы при обратномъ приѣмѣ онъ терялъ годъ сравнительно со сверстниками; 3) при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ виновный при условіи, во 2 п. указанномъ, можетъ быть удаляемъ изъ учебнаго заведенія и на меньшій, но, во всякомъ случаѣ, точно опредѣленный срокъ, 4) студентъ, впервые замѣченный въ участіи въ безпорядкахъ, подвергается дисциплинарному взысканію безъ увольненія изъ заведенія, но съ предупрежденіемъ, что за вторичное въ нихъ участіе онъ неминуемо подвергнется взысканіямъ, во 2 и 3 п.п. указаннымъ, и 5) всѣ эти мѣры взысканія должны быть примѣняемы къ такимъ нарушеніямъ порядка, какъ участіе въ недозволенной сходкѣ и неоставленіе ея, несмотря на требованіе начальства, и производство обструкціи; особенно строго слѣдуетъ взыскивать съ главарей движенія и его руководителей, а равно и дозволившихъ себѣ проявить грубое насиліе и активное участіе въ обструкціи¹⁾.

Еще значительно ранѣе этого Петръ Семеновичъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, разъяснилъ учебному начальству, что слѣдуетъ разумѣть подъ студенческими безпорядками и какіе изъ нихъ могутъ подлежать разбору университетскаго начальства, безъ увѣдомленія о нихъ общей полиціи: «не о всякомъ безпорядкѣ, а только о такомъ, который выходитъ изъ круга обычнаго въ жизни учебнаго заведенія нарушенія порядка, слѣдуетъ извѣщать администрацію, памятуя, что, какъ показалъ опытъ прежнихъ лѣтъ, несвоевременное принятіе полицейскихъ мѣръ, въ видѣ простаго усиленія полицейскихъ постовъ, вызывая разные толки, нерѣдко напрасно волнуетъ молодежь»²⁾.

Далѣе, разъяснено учебному начальству, чтобы оно, при исключеніи студентовъ изъ учебнаго заведенія, не требовало непременно высылки исключенныхъ изъ университетскаго города, прибѣгая къ этому лишь въ тѣхъ исключительныхъ и точно доказанныхъ

¹⁾ Циркуляръ 5 марта 1902 года, № 147.

²⁾ Циркуляръ 25 сентября 1901 года, № 397.

случаяхъ, когда пребываніе исключеннаго въ городѣ вызываетъ безпорядки въ учебномъ заведеніи ¹⁾.

Загѣмъ, по соглашенію со всѣми министрами, были выработаны «временныя правила организациі студенческихъ учреждений въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія»; правила эти въ 55 параграфахъ содержали организацию курсовыхъ совѣщаній и старость, студенческихъ столовыхъ и чайныхъ, кассъ, библіотекъ, читаленъ, научныхъ и музыкальныхъ кружковъ и иныхъ студенческихъ учреждений. Утвержденныя министромъ 22 декабря 1901 года, правила эти были разосланы по округамъ съ указаніемъ, что опредѣленіе времени введенія ихъ въ дѣйствіе предоставляется усмотрѣнію совѣтовъ учебныхъ заведеній или замѣняющихъ ихъ учреждений ²⁾.

Въ громадномъ большинствѣ высшихъ учебныхъ заведеній правила эти остались не введенными по той, главнымъ образомъ, причинѣ, что учащаяся молодежь относилась къ нимъ съ недоувѣріемъ, будучи подстрекаема агитаторами, основательно усматривавшими въ нихъ средство сплоченія партіи порядка, что повлекло бы за собой полное дискредитированіе подпольной агитаціи. Правила эти, почти въ томъ же видѣ, но въ значительно сокращенной регламентаціи, были вновь опубликованы уже новымъ министерствомъ 27 августа 1902 г. ³⁾, а дальнѣйшая судьба ихъ пока неизвѣстна.

Наконецъ, министерство Ванновскаго обратило вниманіе на необходимость пересмотра университетскаго устава и начало подготовительныя къ тому работы. Первою изъ нихъ было составленіе сравнительныхъ таблицъ уставовъ университетовъ 1804, 1835, 1863 и 1884 гг., что, въ особой брошюрѣ въ 268 страницъ, и было отпечатано въ концѣ 1901 года, а засимъ, въ качествѣ неотложной мѣры, признано нужнымъ нынѣ же войти въ обсужденіе вопроса о полной несостоятельности дѣятельности правленія университетовъ въ качествѣ судебной по проступкамъ студентовъ инстанціи; въ сихъ видахъ, на особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Г. Э. Зенгера, была возложена разработка вопроса о возможности распространенія на всѣ высшія учебныя заведенія имперіи правилъ, дѣйствующихъ въ варшавскомъ университетѣ (т. XI ч. 2 ст. 710—713), т. е. о возложеніи судебныхъ функцій правленія на особый университетскій судъ, состоящій изъ выборныхъ профессоровъ. Работы этой комиссіи были окончены еще при Петрѣ Семеновичѣ и имъ одобрены, но утверждены и обнародованы уже при новомъ министерствѣ ⁴⁾.

¹⁾ Циркуляръ 21 февраля 1902 года, № 118.

²⁾ Циркуляръ 22 декабря 1901 г., № 35.635.

³⁾ «Правительственный Вѣстникъ» 1902 г., № 190.

⁴⁾ «Правительственный Вѣстникъ» 28 августа 1902 г., № 189.

Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ бѣвшаго министерства красною нитью проводится особая попечительность объ учащейся молодежи, довѣріе къ ней, вѣра въ честность ея убѣждений, стремленіе охранить ее отъ посягательствъ vorочающей ея небольшой кучки злонамѣренныхъ людей и желаніе сблизить учащихся съ профессорами, предоставляя послѣднимъ вліять на своихъ слушателей совѣтами и убѣждениями. Послѣдствія оправдали всѣ предначертанія генераль-адъютанта Ванновскаго: безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ хотя и не прекращались, но измѣнили свой характеръ: изъ нелѣпой борьбы со властями они перешли въ форму междоусобій среди самихъ учащихся; сплотившаяся группа студентовъ, желающихъ заниматься, стала сама расправляться со смутьянами и, вмѣсто слѣпого, какъ до сихъ поръ было, повиновенія обструкторамъ, начала изгонять ихъ, нерѣдко даже съ насиліемъ. Въ результатѣ оказалось, что во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія курсовыя занятія были окончены, и экзамены состоялись всюду за исключеніемъ университета св. Владимира, совѣтъ котораго призналъ необходимымъ примѣнить къ студентамъ первыхъ двухъ курсовъ циркуляръ 12 января 1902 г. о порядкѣ пріостановки занятій при возникновеніи безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что если новое министерство будетъ послѣдовательно проводить преднамѣченное Петромъ Семеновичемъ, студенческіе безпорядки скоро отойдутъ въ область преданій, и для политической агитаціи студенчество наше перестанетъ быть готовою и воспріимчивою почвою.

Низшая школа тоже обратила на себя вниманіе П. С. Ванновскаго, она потребовала серьезной и спѣшной реформы: въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя положенія о ней настолько устарѣли, что рѣшительно не соотвѣтствуютъ требованіямъ времени. Достаточно указать, что до сихъ поръ дѣйствуетъ уставъ 1828 г. о приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, рекомендующій между прочими мѣрами исправленія учениковъ тѣлесное наказаніе. Съ другой стороны, большія затрудненія вызываетъ то обстоятельство, что въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, въ одно и то же время существуютъ школы, организованныя по самымъ разнообразнымъ уставамъ: такъ, существуютъ школы по уставу 1828 г., по положенію 1839 г., по закону 1869 г. и по положенію 1874 г. Въ концѣ концовъ мы имѣемъ 18 типовъ начальныхъ училищъ разнаго рода, положенія которыхъ между собою не согласованы ни по отношенію программъ, ни по отношенію правъ учредителей, содержателей и преподавателей; такъ, напримѣръ, во внутреннихъ губерніяхъ учителя городскихъ и сельскихъ училищъ пользуются правами государственной службы, а учителя сельскихъ министерскихъ училищъ такихъ правъ не имѣютъ; во

внутреннихъ земскихъ губерніяхъ земству, городамъ и сельскимъ обществамъ предоставлено открывать только сельскія училища съ курсомъ одноклассной школы, тогда какъ на Кавказѣ и въ привислинскихъ губерніяхъ городскія и сельскія общества могутъ открывать какъ одноклассныя, такъ и двухклассныя училища; мужскія школы существуютъ разнаго типа, женскія только начальныя и т. д. Расчеты содержанія учителей установлены болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, и нынѣ, съ общимъ вздорожаніемъ жизни, представляются невозможными; минимальный, установленный инструкціоннымъ порядкомъ, окладъ 330 р. въ дѣйствительности существуетъ лишь въ меньшинствѣ училищъ,—обыкновенно этотъ окладъ значительно ниже. Положеніе учителей еще ухудшилось съ введеніемъ пенсіонной кассы, ибо съ того времени изъ ихъ скуднаго содержанія удерживается на пенсію 6⁰/₀. Въ результатѣ явился недостатокъ въ учителяхъ: лучшіе изъ нихъ ушли въ другія вѣдомства и многихъ изъ нихъ можно видѣть сидѣльцами въ казенныхъ винныхъ лавкахъ, благословляющими свою судьбу, устроившую ихъ такъ благополучно.

Необходимо было во что бы то ни стало разобраться въ этомъ сумбурѣ. Наиболѣе жизнеспособными и соответствующими нуждамъ общества представлялись городскія училища по положенію 1872 г. Къ нимъ и надлежало, по возможности, приблизиться.

Вторымъ, столь же необходимымъ требованіемъ представлялось согласованіе разныхъ типовъ низшей школы между собою и, по возможности, съ среднею общеобразовательною школою, имѣя при томъ въ виду, съ одной стороны, возможность дальнѣйшаго образованія лицъ, прошедшихъ низшую школу, а съ другой—постановку этой послѣдней такъ, чтобы она давала законченное образованіе и не тянула сельское населеніе въ городъ.

Петръ Семеновичъ повелъ и это дѣло со свойственною ему энергіею: 1901 г. былъ употребленъ на разработку имѣвшася въ министерствѣ матеріала и собраніе новаго; составлены были основныя положенія съ объяснительною запискою и массою статистическихъ свѣдѣній, каковая работа была исполнена членомъ совѣта А. Г. Барановымъ, и съ января 1902 г. была уже организована комиссія для выработки положеній и устава. Въ составъ этой комиссіи, подъ предѣдательствомъ товарища министра, вошли: предѣдатель ученаго комитета, три члена совѣта министра, одинъ помощникъ попечителя, вице-директоръ и завѣдывающій рядомъ начальныхъ училищъ министерства, одинъ членъ ученаго комитета, три окружныхъ инспектора, семь директоровъ народныхъ училищъ и три протоіерея, представители духовнаго вѣдомства ¹⁾.

---

¹⁾ Личный составъ этой комиссіи: предѣдатель—товарищъ министра сенатовъ И. В. Мѣщаниновъ, члены: Н. Я. Соинъ, А. Г. Барановъ, В. Н. Мамон-

На обсужденіе этой комиссіи были поставлены слѣдующіе вопросы:

- 1) Задачи и назначеніе низшей общеобразовательной школы.
- 2) Типы низшей школы.
- 3) Преподавательскій языкъ низшей школы.
- 4) Средства, на которыя содержатся низшія школы.
- 5) Порядокъ завѣдыванія низшими школами.
- 6) Права учителей.
- 7) Права учениковъ.
- 8) Особенности организаціи низшихъ школъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи.

Въ засѣданіяхъ своихъ комиссія эта выработала три типа низшей школы:

1) Одноклассныя училища, имѣющія цѣлью доставлять первоначальное образованіе массѣ населенія; эти училища мужскія, женскія и смѣшанныя, съ трехлѣтнимъ курсомъ, могутъ быть открываемы въ городахъ, посадахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ; принимаются въ школу неграмотныя дѣти 7—10 лѣтъ.

2) Двухклассныя училища, доставляющія болѣе законченное начальное образованіе; училища этого рода тоже могутъ быть мужскія, женскія и смѣшанныя, но совмѣстное обученіе въ послѣднихъ допускается для мальчиковъ до 14, для дѣвочекъ до 13 лѣтъ; курсъ обученія 5 лѣтъ: три года въ первомъ и два года во второмъ классѣ; въ первый классъ принимаются неграмотныя 7—10 лѣтъ, во второй—окончившіе курсъ однокласснаго училища или имѣющіе соотвѣтствующія познанія. Школы эти открываются преимущественно въ многолюдныхъ селеніяхъ, городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ.

3) Четырехклассныя училища, служащія продолженіемъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ, имѣютъ цѣлью давать вполнѣ законченное низшее образованіе: училища эти могутъ быть исключительно мужскія или женскія, курсъ обученія четыре года, по одному въ каждомъ классѣ; въ первый классъ принимаются дѣти, окончившія курсъ однокласснаго училища, въ третій—прошедшія двухклассное.

Размѣры содержанія учителей предположены такіе: въ одноклассномъ и двухклассномъ 390 руб. при готовой квартирѣ, въ четырехклассномъ 800 руб. безъ квартиры.

Комиссія эта выработала уставъ низшей школы, всѣ нужныя къ тому таблицы и объяснительныя записки, штаты и программы,

---

товъ, Н. И. Тавилдаровъ, А. А. Остроумовъ, Н. Г. Дебольскій, В. И. Фармаковский, А. А. Радонежскій, А. А. Флеровъ, А. И. Славинскій, В. А. Латышевъ, В. В. Барановъ, Д. И. Тихоміровъ, Д. Д. Орловъ, А. С. Геевскій, А. П. Карповъ, П. А. Войцеховскій, А. В. Вильевъ, О. С. Левашевъ, Ф. Н. Орнатскій и Л. П. Петровъ.

и закрылась 10 апрѣля 1902 г., наканунѣ оставленія Петромъ Семеновичемъ министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, трудъ ея остался недовершенъ. Но, не успѣвъ провести реформу низшей школы, Петръ Семеновичъ успѣлъ принять мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія учителей и къ удовлетворенію насущныхъ нуждъ существующихъ училищъ. Съ этою цѣлью имъ было испрошено ассигнованіе—150.000 руб. въ годъ на открытіе новыхъ и усиленіе средствъ существующихъ городскихъ училищъ, 317.258 руб. на нужды народнаго образованія Кіевской, Волинской и Подольской губерній и 1.000.000 руб. на усиленіе средствъ начальнаго народнаго образованія имперіи, причемъ болѣе третьей части этой суммы предназначалось на увеличеніе содержанія учителей.

Далѣе, Петръ Семеновичъ призналъ необходимымъ разобратся въ массѣ изданныхъ за многіе годы и частью устарѣвшихъ и утратившихъ силу, а частью другъ другу противорѣчащихъ циркулярныхъ распоряженій по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Поставленною имъ задачею было издать сборникъ руководящихъ циркуляровъ. Исполненіе этой задачи было возложено на члена совѣта Г. А. Эзова въ сотрудничествѣ съ другими лицами, но и этотъ трудъ остался незавершеннымъ.

Засимъ генераль-адъютантъ Ванновскій предположилъ заняться преобразованиемъ и женскихъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній; по его порученію, членомъ совѣта Барановымъ были составлены: проектъ основныхъ положеній устройства средней общеобразовательной женской школы, съ таблицами уроковъ, краткими учебными планами, съ приложеніемъ свода дѣйствующихъ законоположеній по женскимъ гимназіямъ и соотвѣтствующимъ имъ учебнымъ заведеніямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Все это предполагалось передать на обсужденіе особой комиссіи въ половинѣ 1902 г., но сдѣлать этого не успѣли.

Наконецъ Петръ Семеновичъ не оставилъ безъ вниманія и организациі центральнаго управленія. Министерство народнаго просвѣщенія организовано по положенію 1863 года и представляется совершенно не соотвѣтствующимъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ ни по количеству личнаго состава, ни по окладамъ содержанія, ни по самой своей организациі. Составлены записки о новой организациі совѣта министра, ученаго комитета и департамента народнаго просвѣщенія. Предположено образовать два отдѣльныхъ департамента, съ промышленнымъ, въ качествѣ третьяго департамента, отдѣленіемъ; самую организацию приблизить къ организациі другихъ министерствъ, упразднить нѣкоторыя тормозящія дѣло формальности, сократить переписку и сгруппировать предметы вѣдомства по специально организованнымъ отдѣленіямъ, каждое изъ которыхъ, ведя только свое дѣло, имѣло

бы людей, обладающихъ нужными для рѣшенія этого дѣла познаніями; выработаны новые оклады содержанія, дающіе возможность привлечь въ центральное управленіе лучшія силы. Довершить это дѣло тоже не удалось; оно, какъ наименѣе спѣшное, было отложено до проведенія наиболѣе существенныхъ реформъ...

11 апрѣля 1902 года Петръ Семеновичъ оставилъ министерство народнаго просвѣщенія. Вступилъ онъ въ него, открыто объявивъ свою программу: безотлагательная реформа учебнаго строя и внесеніе разума, любви и сердечнаго попеченія въ дѣлѣ воспитанія русскаго юношества¹⁾,—ушелъ, давъ печатный отчетъ въ исполненіи этой программы; отчетъ этотъ заключается словами: «уповаю, что вопросы, разработанные въ мое управленіе, принесутъ хотя нѣкоторую пользу учебнымъ заведеніямъ и разовьютъ въ учащихся чувства глубокой любви къ Россіи и ея Монарху»²⁾).

Родина оцѣнила преданнаго ей слугу и сына. Статьями «Прощальный привѣтъ Ванновскому», «Русское спасибо Ванновскому», пестрѣли наши газеты и журналы самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Достаточно указать на «Биржевыя Вѣдомости»³⁾, «Новое Время»⁴⁾, «С.-Петербургскія Вѣдомости»⁵⁾, «С.-Петербургскую Газету», «Вѣстникъ Европы», «Русское Богатство», «Міръ Божій» и провинціальныя: «Одесскія Новости», «Волинь»⁶⁾ и друг.

Должная дань уваженія къ заслугамъ Петра Семеновича воздана не одною прессою: 5 апрѣля 1902 года онъ избранъ почетнымъ членомъ Славянскаго благотворительнаго общества, 14 того же апрѣля почетнымъ членомъ публичнаго Румянцовскаго музея, 30 апрѣля почетнымъ членомъ императорскаго с.-петербургскаго университета, 17 декабря—казанскаго, 4 іюля почетнымъ гражданиномъ городовъ Зарайска, а затѣмъ Костромы⁷⁾ и Рязани⁸⁾.

Заканчивая настоящій очеркъ, возвратимся нѣсколько назадъ. Ко времени оставленія Петромъ Семеновичемъ министерства народнаго просвѣщенія истекъ почти годъ дѣйствія временныхъ правилъ 11 іюня 1901 года, тѣхъ правилъ, которыя, по собствен-

¹⁾ Приказъ 2 апрѣля 1901 г., № 2.

²⁾ Приказъ № 1 «Правительственный Вѣстникъ», 14 апрѣля 1902 г., № 85.

³⁾ № 100 и 101.

⁴⁾ № 9379.

⁵⁾ 100 и 117.

⁶⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 115.

⁷⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости» 19 октября 1902 г., № 286.

⁸⁾ «Сенатскія Вѣдомости», № 99.

ному сознанию ихъ создателя, дали первымъ двумъ классамъ гимназій учебный строй, почти вполне соответствующій предполагаемой реформѣ средней школы. Какъ уже сказано выше, введеніемъ этихъ временныхъ правилъ рассчитывалось провѣрить на опытѣ правильность выработанныхъ положеній реформы въ той ея части, въ которой она касается младшихъ классовъ. Годовой опытѣ примѣненія новаго учебнаго плана этихъ классовъ, построеннаго на усиленіи преподаванія русскаго языка и географіи и введеніи новыхъ предметовъ, русской исторіи въ эпизодическихъ рассказахъ и естествовѣдѣніи, за счетъ упраздненнаго латинскаго языка, далъ блестящіе результаты. По отзыву директоровъ гимназій, ученики стали неузнаваемы: слѣды обычнаго переутомленія и вялости исчезли, появился оживленный видъ дѣтей, рѣзко отмѣчалось усиленіе вниманія, желаніе заниматься; самыя занятія пошли успѣшнѣе, замѣченъ небывалый до сихъ поръ спросъ на книги изъ ученическихъ библіотекъ. Если такіе результаты далъ первый годъ дѣйствія началъ реформы, при введеніи новыхъ предметовъ и отсутствіи по нимъ учебниковъ и опытныхъ преподавателей, то очевидно, что въ дальнѣйшемъ дѣло должно было итти еще успѣшнѣе. Все это, вмѣстѣ взятое, служитъ наилучшимъ доказательствомъ практической пригодности реформы, а эта реформа давала русскому обществу чисто русскую общеобразовательную среднюю школу, построенную на основахъ религіозно-нравственнаго воспитанія и на изученіи отечества, его языка и исторіи въ связи съ общеобразовательными предметами и изученіемъ древнихъ языковъ въ предѣлахъ, необходимыхъ для образованнаго человѣка, а не спеціалиста-классика.

Предлагаемый очеркъ показываетъ, что было предположено Петромъ Семеновичемъ сдѣлать и что дѣйствительно было имъ сдѣлано въ его кратковременное управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Очеркъ этотъ неполонъ: въ него включены лишь важнѣйшія мѣропріятія. Годъ его управленія былъ годомъ жгучей работы по осуществленію предположенныхъ преобразованій, а они охватывали всю дѣятельность министерства. Министръ, какъ чисто боевой генералъ, твердо отстаивалъ интересы вѣреннаго ему учебнаго дѣла; онъ горячо и энергично протестовалъ противъ проявляющихся въ послѣднее время попытокъ захвата разными министерствами дѣла народнаго образованія въ свои руки, и это все не въ цѣляхъ «вѣдомственной ревности», а исключительно въ интересахъ дѣла. Предлагаемыя имъ преобразованія были всѣ зрѣло обдуманы и проводились послѣдовательно, не разбрасываясь, а одно за другимъ, словно по лѣстницѣ со ступеньки на ступеньку. Основы этихъ преобразованій были задуманы еще въ 1899 году, а затѣмъ проекты ихъ развивались и развѣтвлялись постепенно, группируясь по мѣрѣ ихъ важности и неотложности. Раздававшіеся по-

рою голоса, упрекавшіе П. С. въ неумѣстной поспѣшности, были плодомъ недомыслія; если здѣсь имѣла мѣсто поспѣшность, то она была необходима, да и поспѣшность эта заключалась менѣе въ творчествѣ, чѣмъ въ разработкѣ того обширнаго матеріала, который былъ собранъ во время министерства Н. П. Боголѣпова. Быстрота исполненія объясняется здѣсь не поспѣшностью, а несокрушимую энергіею главнаго дѣятеля реформы.

Оглядываясь на прошедшее, вспоминая все пережитое, невольно останавливаешься на мысли о человѣкѣ, потратившемъ такую массу энергіи и труда на святое дѣло; годъ такой работы долженъ неминуемо отразиться на жизни и здоровьи человѣка, полного силъ, а здѣсь передъ нами государственный дѣятель преклоннаго возраста, не мало на своемъ вѣку поработавшій и блистательно закончившій свою карьеру. Достигши наивысшаго служебнаго положенія, всѣхъ почестей и отличій и мирно доживая остающіеся ему немногіе годы жизни, онъ, по первому призыву своего Государя, ни минуты не колеблясь, беретъ на себя тяжелое и завѣдомо неблагоприятное бремя. Что побудило его сдѣлать это? Какія соображенія имъ руководили? Очевидно, не честолюбіе, не властолюбіе, не матеріальныя пожеланія,—ничему подобному мѣста здѣсь не было, да и быть не могло. Перваго и третьяго не могло быть потому, что онъ ничего болѣе того, что уже имѣлъ,—получить не могъ, а что касается втораго, то какимъ же жалкимъ должно быть казаться полновластному и всемогущему военному министру скромное министерство народнаго просвѣщенія. Отвѣтъ на вопросъ мы найдемъ въ единственной чудной книгѣ, дающей отвѣты на всѣ волнующіе душу и самые запутанные вопросы. Книга эта Св. Евангеліе.

Руководила нашимъ бывшимъ министромъ любовь. Любовь къ родинѣ, къ Государю, престолу, любовь къ дорогому, близкому его сердцу учащемуся юношеству, за все это онъ готовъ былъ отдать свою жизнь, свою душу,—и дѣйствительно отдалъ. Это любовь чистая, безкорыстная, святая. «Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя» (Іоан. XV, 13).

Ив. Мѣщаниновъ.

30 ноября 1902 года.

СРЕДИ МОХОВИКОВЪ ¹⁾.

VIII.

Морозы.—Загонщики.—Заработки у господъ и ихъ хозяйство.—Нужна земля, фабрики, кустарничество и кредитъ.—Общинное хозяйство.—Невѣріе крестьянъ въ свою честность и разсудительность.—Бабій умъ.—«Торжество медвѣдя».—Нечесанные крестьяне и хохлатая лошадь.—Сѣно и овесъ.

ОЛЕНЬЕ моего возницы о морозѣ было услышано, и на другой день послѣ моего приѣзда въ село «Умысличи» настали страшные холода...

Пришли и мой егеря изъ «Моховщины», кто съ чѣмъ: одинъ съ извѣстіемъ, что волки были въ Пахомовѣ, но «отдалились»; другіе—о томъ, что лоси «проходили» и, должно быть, стоятъ въ Барлаевской дачѣ; волковъ стало эти дни не видно, но медвѣжьё берлогу продаютъ въ Ратчахъ...

Все это было очень неопредѣленно, основано на слухахъ, и гостепріимный хозяинъ, Петръ Михайловичъ Масаевъ, развеселившись, воскликнулъ:

— Будемъ охотиться на зайцевъ! Ваши егеря привыкли больше чай пить съ ситнымъ, чѣмъ разыскивать и обкладывать звѣря въ лѣсу.

— Звѣря обложить простое дѣло, если онъ есть, — оправдывались мои мужики. — Мы привычны къ этому дѣлу, а звѣря не стало у насъ. Лѣса вырублены «въ евреяхъ», и у всѣхъ мужиковъ завелись ружьишки... Они убить не убьютъ, а пугаютъ звѣря.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІ, стр. 544.

Зайцовъ и то собаками-гончими загнали въ дальніе лѣса... Чухны охотятся съ ними. Наши мужики собакъ не держатъ: самимъ ѣсть нечего въ эти годы.

Поговорили мы объ «этихъ годахъ» и рѣшили вооружиться на русаковъ.

— Найдёмъ сколько ни на есть,—произнесъ мой старый егеръ, В. Л. Моховикъ, уходя изъ дому собирать «загонъ».

На другой день мы были на облавѣ...

— Морозный день,—объясняли загонщики наши неудачи.— Заяцъ лежитъ зарывшись глубоко въ снѣгъ, и мимо него пройдешь—онъ не вскочитъ. Ну, да нашему барину зайцевъ не надо,—говорили они про меня.—Ему хоть кругу (лишнее разстояніе) принять, да друга повидать... Въ иномъ краѣ ему близко, да склизко, а сюда ѣхать далеко, да раскатисто... Все здѣсь ему хорошо.

— Только не этотъ морозъ,—перебилъ я.— Схватишь стволъ ружья голыми руками—точно огнемъ лизнешь.

Мужики въ одинъ голосъ крикнули:

— Обморозили всѣ головы... Даже головѣ больно. Носъ потри снѣгомъ!.. Забѣлѣлся!—воскликали въ толпѣ одинъ другому загонщики, принимаясь тереть себѣ лицо либо снѣгомъ, либо шерстяными «исподками» (варежками).

Мнѣ самому пришлось отказаться отъ очковъ, которыя постоянно тускнѣли на холоду и мѣшали смотрѣть вдаль. Я удивлялся выносливости загонщиковъ, среди которыхъ было много ребятъ и дѣвокъ.

Они лѣзли въ загонъ плохо обутые и одѣтые.

Иные прельщались грошовымъ заработкомъ, а большинство, несомнѣнно, искало соціальной жизни въ этомъ новомъ для нихъ развлеченіи. Съ трудомъ вылѣзая изъ глубокаго снѣга по окончаніи загона и сбѣгая къ убитому зайцу, они радостно, наперывъ другъ передъ другомъ, торопились сообщить мнѣ, кто изъ нихъ и гдѣ его поднялъ, какъ онъ чуть не смялъ одну изъ дѣвокъ и хотѣлъ прорваться черезъ загонъ, да нѣтъ—не удалось.

— Ну, ладно, молодцы!—похвалишь ихъ.—Ты чего это, Петька, такой грязный?

Не успѣлъ я сдѣлать замѣчаніе мальчугану, какъ такіе же сверстники тотчасъ же принялись снѣгомъ кидать ему въ лицо и весело кричать вдогонку:

— Обороты-то подвяжи крѣпче! Лапоть разуется!

Петька сѣлъ на снѣгъ переобуваться.

— Ноги мокры,—произнесъ онъ.—Снѣгу набилось...

— Коли суха ножка, такъ суха и ложка,—воскликнули однихъ лѣтъ съ нимъ парнишки.—Кусать будетъ нечего. А если мокры ножки, такъ жирны и ложки...

Петька, не поднимаясь съ снѣжной дороги, серьезно возразилъ:

— Хоть измочись весь, а безъ хлѣба сытъ не будешь. Мало мы, что ли, работаемъ? А дожили до того, что всѣ стали цыганами: ни у кого изъ молодыхъ земли нѣтъ, а надо коней красть да дырки въ амбарахъ продѣлывать...

— Бывать тебѣ въ конторѣ,—шутя перебилъ я его.

— Онъ гождь, куда хошь,—закричали вокругъ него ребята. — Хоть къ губернатору во Псковъ. Проворный малецъ...

Петька былъ косолапымъ и малоповоротливымъ парнемъ. Всѣ разсмѣялись...

Пока мужики сговаривались относительно мѣста, гдѣ слѣдовало ставить новый загонъ, я сказалъ Петькѣ, что рабочіе люди вездѣ нужны и что безъ земли можно имѣть заработокъ въ деревнѣ.

— Были бы руки, найдешь и муки.

— Были у тебя въ Питерѣ Егоръ Канинскій да Митька Степановъ,—перебилъ онъ: — искали работы и руки были, а вернулись домой босыми...

— Это въ городѣ, а въ деревнѣ во всякомъ имѣннѣ барина найдешь работу.

— Это господа говорятъ тебѣ,—перебили крестьяне.—А приди сегодня къ нимъ, и прислуга у нихъ въ дому есть, и кухарка хороша, и кучеръ давно служить, и пастухъ хорошъ, и рабочіе всѣ взяты. А черезъ недѣлю кого-нибудь уволятъ, и работа найдется... А такъ хоть расхоросись въ село, а не схватить тебѣ работы... Барину нуженъ рабочій, когда его нѣтъ, а рабочему нужно дѣло, когда у барина все занято... Такъ за всю жизнь они и не сойдутся. Нашимъ моховикамъ нужна своя работа. У себя, на надѣльной землѣ, имъ нужно одѣться и образоваться. На господское хозяйство не надѣйся. «Чужимъ короваемъ» сытъ не будешь... Ты самъ знаешь, — продолжали они: — какое господское хозяйство... Видалъ лѣтомъ поля-то въ барскихъ селахъ? Лежатъ они либо не паханныя отъ самага двора, либо поземъ свезенъ на поле, да такъ не запаханнымъ и погибаетъ... Потому что нашей госпожѣ Краснинской не въ силу обработать всю землю и въ работникахъ не живутъ у нея... А продай она мужикамъ землю—деньги дѣти расхватаютъ. Вотъ оно, господское житье... Въ другихъ мѣстахъ еще хуже: что это за села, гдѣ то собаки злыя, то казаки?! А въ крестьянскихъ рукахъ поля не лежатъ пустыми, и мы не будемъ посыпать ихъ солью, чтобы овцы лизали ее и были жирнѣе, либо бросать соль пудами въ прудъ, чтобы караси питались соленой водой и были вкуснѣе, какъ это дѣлала управительша въ селѣ Новосельѣ. У мужика ума хватить завести порядокъ не на смѣхъ людямъ... Самъ онъ и хозяинъ, самъ и работникъ. Это не у господъ Новосельскихъ и Краснинскихъ. Всѣ они такіе... Крестьянину не прожить около нихъ никогда безъ мошенства. Въ Новосельѣ-то старая барыня любитъ кошекъ больше людей. Ну, работ-

ники захотятъ сдѣлать себѣ праздникъ, возьмутъ слѣпую кошку и занесутъ въ рощу. Начнетъ барыня ошалѣвать и работниковъ посылать разыскивать кошку...

— Работать надо, барыня! жалованье получаемъ,—говорятъ ей.

— Жалованье жалованьемъ, а это особо... На водку получите. Бросьте работу и идите въ лѣсъ искать кошку.

Работники ищутъ весь день кошку, которая гдѣ-нибудь ими же привязана къ дереву и за это еще на водку получаютъ, когда принесутъ ей кошку.

— Развѣ это хозяйство?—воскликнули мужики.—Стричь надо овецъ, а барыня и ихъ жалѣетъ. «Поди-ка ты, говорить, на рѣку зимой безъ шубы! Также и овцамъ безъ шерсти...» Надвора тоже нѣтъ надъ работниками. Придетъ иной съ охалкой сѣна къ овцамъ, а онѣ табуномъ къ нему... Ему и не выйти изъ табуна. Ну, онъ нарочно и сомнетъ ногами овцу, а то и двѣ... А вечеромъ овцу на плечи и на продажу. Вотъ такъ все у господъ ведется. А мужикъ самъ себѣ и хозяинъ, и работникъ. Все горе его въ томъ, что полоса у него узкая... Населеніе размножилось и надѣльной земли не хватаетъ... На отцовскую душу земли и много у насъ въ Псковской губерніи, а на всѣхъ сыновъ не хватаетъ... Поэтому и надо бы на фабрику итти имъ, и ремесломъ заняться домашнимъ (кустарничество), и торговлей понемногу... А на все нужны деньги. Безъ денегъ мужики, что пчелы безъ матки: и съ землей пропадутъ.

Изъ этихъ частныхъ замѣчаній слагалась цѣлая картина деревенскихъ нуждъ и недоставало только общиннаго въ одномъ участкѣ землепользованія, т. е. уничтоженія раздробленія земли на полосы, обрабатываемыя отдѣльными хозяевами допотопнымъ способомъ.

Я сталъ говорить о вредѣ чрезполосицы въ ихъ владѣніяхъ, о неподвижности трехпольной системы и возможности общей запашки, общей уборки хлѣба и т. д.

— Чего вѣкъ не бывало у насъ, то ты хочешь здѣсь завести,—отозвались они.—Помирать когда вздумаемъ, тогда и согласіе найдется у насъ на общую работу, а теперь, братъ, хоть колоколъ повѣсь для созыва мужиковъ: брякай имъ цѣлый день, никто не придетъ на работу, а къ обѣду всѣ придутъ.

— Подожди! подожди, Моховикъ!—остановилъ я своего егеря, видя, что тотъ готовился разогнать мужиковъ.—Зайцы отъ насъ не уйдутъ, а загонщики—отдохнутъ. Пойдемте въ чайную.

Послѣдняя находилась недалеко отъ полотна желѣзной дороги, тотчасъ за лѣсомъ, въ которомъ мы устраивали облаву. Загонщики радостно бросились на дорогу, и вскорѣ мы всѣ вмѣстѣ сидѣли въ теплой избѣ за самоваромъ.

— Вы,—обратился я къ взрослымъ загонщикамъ,—не вѣрите себѣ, а въ другихъ мѣстахъ мужики дружиѣ живутъ и не боятся общественнаго хозяйствованія на землѣ.

— Гдѣ же это?—перебили они.—Что у насъ, то и въ другихъ мѣстахъ... Говорятъ, въ Польшѣ зарабатываютъ больше, а хватись тамъ, окажется, что дома лучше. Переселяютъ насъ и въ Сибирь, да не лучше и въ Иркутчинѣ... Кабы тамъ было хорошо, такъ господа давно бы жили тамъ! Мужикамъ вѣкъ тамъ не живать бы!

Посмѣялись мы всѣ вмѣстѣ, и Антонъ изъ погоста Новаго еще злѣе возразилъ противъ «другихъ мѣстъ» Россіи, гдѣ живетъ мужику лучше.

— Это бабій умъ въ дорогу посылаетъ мужика, когда дома худо,—произнесъ онъ.—Не растетъ хлѣбъ на ея полѣ, она и говоритъ мужику:

«— Хозяинъ! А, хозяинъ?

«— Чего тебѣ?

«— Что я тебѣ скажу... Послушай-ка меня. Стану я вертѣть пустыми жерновами, а они скрипятъ: «Кабы въ Кіевѣ! Кабы въ Кіевѣ!» Не поѣхать ли намъ туда?

«— А поѣдемъ,—согласился мужикъ и сталъ распродавать все имущество.

«Пріѣхали въ Кіевъ, ищутъ работы, а знаютъ они только «поднять да бросить»... Купили мѣрку овсеца для лошади и стали молотъ его.

«А жернова съ овсомъ говорятъ иначе, чѣмъ пустые: «Что тутъ—что тамъ! Что тутъ—что тамъ! Кабы въ Кіевѣ хорошо, такъ мужикамъ не досталось бы»...

«Мужикъ побилъ бабу и говоритъ ей:

«— Бабій умъ не годится въ дорогѣ. Дома мы не мывшись хлѣбъ ѣдимъ, а въ людяхъ, на сторонѣ, помывшись, глядимъ...»

— Да я, Антонъ, не думаю переселять васъ на новыя мѣста, въ Сибирь или Кіевъ, а говорю, какъ улучшить систему хозяйствованія у себя дома.

— А когда сорока будетъ бѣла, тогда мужицкая жизнь поблѣтетъ,—безнадежно произнесъ онъ.—Много насъ, а согласія нѣтъ среди насъ... Каждый живетъ отдѣльно своимъ хозяйствомъ. Медвѣдь силенъ, да воли нѣтъ ему у насъ... А въ твоей общинѣ, съ общими работами и дѣлжомъ на каждого, медвѣдь всѣхъ облаптитъ.

— Не понимаю я тебя...

— А просто, баринъ... Скажу тебѣ, какъ однажды лисица, волкъ и медвѣдь заспорили между собою изъ-за куска свинины... Рѣшили они, что кусокъ свинины достанется старшему изъ нихъ... Лисица говоритъ: не существовало на свѣтѣ ни Евы, ни Адама,

а я была на свѣтъ дана; волкъ говоритъ: не существовалъ и бѣлый свѣтъ, а я былъ и старъ, и сѣдъ... Медвѣдь видитъ, что ему нѣтъ мѣста соврать, и говоритъ: у меня нѣтъ ни сѣдины, ни сивины, а вамъ не ѣдать этой свинины. Взялъ кусокъ, да и стѣлъ его, надѣясь на свою силу.

Опять мужикамъ это остроуміе понравилось, и Антонъ увѣренно говорилъ:

— Медвѣдь свольничается въ твоей общинѣ хуже, чѣмъ въ нашей теперешней... Съ своимъ семействомъ хоть собирать, такъ не бѣдно, а чужихъ людей кормить—что бѣду за плечами носить. Съ плечъ спустишь ее, такъ она влѣпится и сдѣлаетъ что-нибудь тебѣ... На то она и «бѣда», сказано. Мы и барщинными были, такъ у насъ полосы оставались раздѣльными. Всякій свое хозяйство зналъ, а вы свободныхъ людей хотите въ одно мѣсто свести... Да у насъ четверка гусей, а четвертаго трое гусей всегда обижаютъ. То же и у тебя въ артельной деревнѣ. Кто захватить—тотъ и старшій братъ... Работа дурака любить: работай, сколько хошь на другихъ... Это не хозяйство сводить деревню въ одно мѣсто и изъ одной чашки хлебать... Это не хозяйство!

Я возражалъ ему тѣмъ, что въ новомъ хозяйствѣ можно дѣла рѣшать полюбовно, по хозяйственному расчету и не носить «бѣду» за плечами.

— Не бойтесь вы смѣшныхъ и остроумныхъ басенъ о медвѣдяхъ... Неужели вы не одолѣете ихъ своимъ умомъ, честностью и хозяйской сообразительностью?

— На практикѣ не было этому примѣра,—отвѣтилъ находчиво Антонъ.—Это все ново и неиспытанное... Мы и боимся. Намъ бы землицы—и довольно...

— Покупай, если есть деньги, а такъ, даромъ—нельзя..

Мужики меня перебили:

— Наши сыны погибли и погребены въ Манчжуріи — это можно, а земельки дать нельзя? Дали медальки, а не земельки...

Они перестали на мгновение пить чай, и одинъ изъ нихъ скорбнымъ голосомъ закончилъ:

— Ничего мы не ждемъ и отъ новой государственной думы. Ничего намъ не даютъ, а «иззѣкаются» (издѣваются) надъ мужиками. Такъ и будемъ нечесаны—до скончанія жизни.

— Чесать волосъ мужику нельзя,—насмѣшливо прибавилъ Антонъ.—Грѣшно! Коль хозяинъ гладокъ, такъ скотинушка хохлатая и некормленная.

— Ну, вздоръ,—воскликнулъ Максимъ изъ Черемши.—Только овса давай и хохловъ не будетъ въ шерсти.

— Если сѣна не подложить, такъ овсомъ однимъ не накормишь.

— Овса дюжѣй давай!—повторилъ Максимъ упрямо.—Не спѣши вѣдой, а корми коня: на сытомъ дальше поѣдешь. У гладкаго

хозяина и конь гладокъ. Не гладь его рукой, а посыпай сѣно мукой... На овесъ надѣюсь!—говорилъ онъ въ духъ Фейербаха: «Человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ».

IX.

«Ноги выросли»... «Послѣдніе дѣды».

— Бросай пить чай! Бросай!—кричалъ Моховикъ на загонщиковъ, теряя терпѣніе.—Не въ руку намъ сегодня охота... Не ручить нисколько.

— Чѣмъ же?—возразилъ я.—Убито пять зайцевъ да тетеревъ...

— Развѣ столько мы убивали? Надо бы сани верхомъ накласть, а ты все гомонишь съ мужиками... Пора итти. Зимній день коротокъ.

Загонщики стали выходить изъ-за стола и торопливо одѣваться въ свои рваные зипунишки и полушубки.

Я тоже взялъ свои валенки, которыя были поставлены около печи. Надѣвая съ трудомъ ихъ на ноги, обутыя въ трое чулокъ, я услышалъ веселый хохотъ моихъ малолѣтнихъ загонщиковъ:

— Да никакъ у тебя, Анатолій Ивановичъ подъ старость лѣтъ ноги-то выросли и стали «долоше»? Не достать тебѣ ногъ-то руками...

— Молчите,—сердито отозвался я, съ трудомъ попадая ногой въ валенки.

Ребятишки, однако, расшалились и выскакивали изъ избы съ остроумными замѣчаніями:

— Распаривать ноги надо тебѣ въ банѣ.. А то онѣ заколѣбли у тебя. Ничего съ ними не сдѣлать...

Дѣвки смѣясь кричали:

— Полозья гнутъ въ баняхъ для дровенъ, и твои ноги, распаривъ, согнуть придется. Ишь, запыхался, обуваясь... А на охоту ѣдешь! Не натягивался бы... Не торопись... Такъ скоро только сосѣдъ къ сосѣду за огнемъ ходитъ: «дай, братецъ, огня скорѣе, печку затопить».

Я выходилъ изъ избы, невольно восхищенный остроуміемъ деревенской молодежи.

Но Степанъ изъ Крутца былъ недоволенъ ею и осуждалъ ее. Въ толпѣ насмѣшливо закричали:

— Не хвались, Степанъ, стариной. Встарину жернова подъ поломъ въ подвалѣ скрипѣли: «турсы! турсы!», а болтать было нечего, и люди сидѣли безъ муки... Встарину веревкой хлѣбъ рѣзали, а ножа не умѣли сдѣлать.

Озадаченный старикъ промолчалъ, но въ лѣсу, идя со мною рядомъ, онъ жаловался съ обычной ему образностью:

— Что землѣ Богъ не даетъ теперь плода, то и народу недостаетъ настоящихъ людей... Сойдись ты съ ними, того и гляди, что будешь либо обмануть, либо убить, либо повезуть тебя самого, не проспавшагося, ночью къ становаму... Настоящаго человѣка не родится ни у господъ, ни у мужиковъ. Мы съ тобой—послѣдніе дѣды... У дѣтей и внуковъ такой дружбы не сыскать. Намъ хорошо водиться: у насъ съ тобой слова на землю не валятся, а все въ книжку. Сколько у тебя наловлено въ деревняхъ всего... А поймавши, надо каждое слово опредѣлить и посадить на мѣсто. Такой слѣпимъ рассказъ, что ласточка гнѣздо... «Вотъ—скажутъ внуки, читая про насъ:—были дѣды! Хлѣбъ-соль ѣли вмѣстѣ и правду искали... Она груба, да Богу мила».

Мнѣ было пріятно слышать этотъ лепетъ первобытнаго человѣка. Въ теченіе двадцати лѣтъ Степанъ изъ Крутца сопровождалъ меня по болотамъ и лѣсамъ Псковской губерніи. Это общеніе мужика съ интеллигентнымъ человѣкомъ такъ исключительно въ его мнѣніи и такъ дѣйствительно оригинально (см. объ этомъ «Мои мужики», «Мужики и начальство»), что онъ опозитировалъ нашу дружбу весьма характерно:

— Послѣдніе дѣды!

Это обстоятельство важно, конечно, только въ томъ отношеніи, что оно указываетъ на признательность мужика къ тѣмъ интеллигентнымъ лицамъ, которыхъ не коснулся историческій абсентеизмъ, выбросившій изъ народной среды всѣхъ мыслящихъ людей и оставившій друзьями народа только кабатчиковъ да поповъ...

Х.

Нераскаивныя души.—Лоси.

— Погода измѣнилась, Степанъ,—произнесъ я.

— Хвиль поднялась, но морозъ легче,—согласился онъ.

Аришка изъ «Бора» намъ вслѣдъ суевѣрно замѣтила:

— Когда колдуны умираютъ, всегда въ полѣ подымается вихорь.

Она указала рукой на сосны, съ вѣтвей которыхъ слетали хлопья разсыпчатого снѣга и, подхватываемые вѣтромъ, крутились и носились по полю фантастическими узорами.

— Души нераскаивныя,—повторяла она.

— Либо колдуны, либо самоубійцы,—сказали другія дѣти, прислушавшись къ разговору.—Никогда колдуны не умираютъ на лавкѣ, а всегда свалятся либо съ печи и убудутся, либо потолкомъ ихъ придавить, либо на улицѣ замерзнуть, либо въ прудѣ утонуть.

Авторъ записываетъ свою бесѣду съ Степаномъ Игнатьевымъ,
крестьяниномъ деревни Крутецъ.

— А бываетъ,—воскликнула та же Аришка:—что и сами черти избьютъ до смерти колдуна, если онъ не умѣетъ найти имъ работу.

— Это вѣрно,—подхватили ея замѣчаніе остальные дѣти.—Ты знавалъ за Цевломъ такого гораздо многознающаго человѣка, который могъ нашептать зла и на животину и на человѣка. Онъ хотѣлъ пошутить съ чертями и заставилъ ихъ рѣшетомъ въ избу воду таскать изъ рѣки. Тѣ маялись цѣлый день и осерчали на

него... «Ты,—говорятъ ему,—посылай насъ портить людей, а не мучь понапрасну»... Да такъ его избили, что онъ на другой день померъ. Всѣ колдуны безъ покаянія умираютъ... Вихоръ и вертитъ ими. Грѣшныя души, какъ дымъ, носятся по полю,—повторяли дѣти, не безъ нѣкотораго испуга наблюдая снѣжную метель передъ тѣмъ, какъ имъ войти въ лѣсъ.

Охотники наконецъ стали каждый на своемъ номерѣ. Вдругъ я замѣтилъ, что Моховикъ вернулся изъ загона, дѣлая намъ знаки, приглашающіе къ молчанію и осторожности.

— Что такое?

— Лоси! Слѣдъ лосиный.. Свѣжіе слѣды,—повторялъ онъ, запыхавшись отъ утомительной ходьбы по глубокому снѣгу.—Надо загонъ сымать и передвинуть къ высокому лѣсу. Лоси навѣрно тамъ... Выходного слѣда нѣтъ. Я посылалъ обойти...

Его волненіе сообщилось и мнѣ.

Молчаливо и проворно мы обложили лосей и начался гонъ.

Между тѣмъ наступали сумерки, и тѣни отъ лѣса мѣшали отличить не только лося отъ лосихи, но и самое ихъ появленіе изъ лѣса. На меня они выбѣжали въ десяти саженьяхъ, и я быстро по одному изъ нихъ сдѣлалъ выстрѣлъ.

Лось прыгнулъ вверхъ и затѣмъ опустился на колѣни.

Онъ умиралъ, поворачивая голову за убѣгающими лосями..

Вдругъ лосиха изъ стада остановилась, точно поджидая раненаго товарища. Она обернулась къ нему и, сдѣлавъ полукругъ, жалобно промычала.

Я вскинулъ вновь ружье и готовился убить ее.

Опять она промычала съ невыразимой тоской и задерживала свой бѣгъ, рискуя быть убитой вторымъ выстрѣломъ изъ моей двухстволки. У меня не двигался палецъ на спуску курка, и я невольно остановился передъ горемъ незащитнаго существа.

Раненый лось еще разъ поднялъ голову и тотчасъ же уронилъ ее на снѣгъ.

Говорятъ, что лосиха не мычала и что мнѣ это показалось. Но въ моихъ ушахъ до сихъ поръ стоитъ этотъ зовущій и тоскующій голосъ звѣря по погибающему другу...

Всѣ радостно бѣжали къ убитому лосю, но я въ душѣ рѣшилъ никогда болѣе не охотиться на крупнаго звѣря, съ столь сильными чувствами и привязанностями.

По пути въ имѣніе къ Масаеву, разговорившись съ нимъ объ убитомъ лосѣ, я нервно воскликнулъ:

— Подлое дѣло, а не благородная страсть—эта охота. Звѣрскій инстинктъ и ничего болѣе!

Онъ смѣялся, да и я самъ, успокоившись за ужиномъ, уже мечталъ о новыхъ облавахъ.

Однако на лосей я уже не пойду: эти полные скорби глаза убитого лося и жалобное мычанье осиротѣлой лосихи неизгладимы въ моемъ сердцѣ, и всякая охота на нихъ будетъ преступленіемъ...

XI.

Среди «зубровъ».

Въ усадьбѣ П. М. Масаева собрались гости по случаю дня его рожденія.

Наше возвращеніе съ охоты было встрѣчено шумными восклицаніями, между прочимъ, о сумасшествіи тѣхъ, кто можетъ охотиться въ такіе морозы, и о жестокости убивать дичь...

— Но вы же кушаете тетеревей, зайцевъ и куропатокъ?—слабо защищался хозяинъ.

— Мы ѣдимъ мертвыхъ... А что побывало въ рукахъ человѣка, то уже очищено. Вы же убиваете нетронутое существо.

Споръ готовъ былъ перейти въ метафизику, какъ вдругъ пріѣхали мѣстные «зубры» изъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Они очень скоро перевели разговоръ на политическія темы.

— Въмѣсто земли,—воскликнулъ одинъ изъ нихъ,—нашимъ крестьянамъ слѣдуетъ построить тюрьмы новаго типа и установить празднества общихъ святыхъ, въ родѣ Серафима Саровскаго и возстановить память мѣстныхъ угодниковъ, покровителей крестьянъ и скота... Праздниковъ нечего бояться. Если мужики пьютъ водку и дерутся между собой, то происходитъ это отъ того, что у нихъ остается много времени, ничѣмъ не занятаго... Сенаторъ Н. С. Таганцевъ въ государственномъ совѣтѣ указывалъ на этотъ излишекъ времени, который крестьяне тратятъ на пьянство... Займите его, и пьянство сократится. Но чѣмъ же занять досугъ крестьянина? Къ работѣ его не тянетъ, къ образованію тѣмъ болѣе... Нужны праздники съ религіозными торжествами, и пьянство сократится.

Ораторъ долго распространялся о тюрьмахъ и религіозныхъ торжествахъ, которыми представители страны въ государственной думѣ должны осчастливить народъ.

Другой изъ мѣстныхъ «интеллигентовъ» распространился о вырѣзаніи «экспроприаторами» цѣлыхъ семействъ въ Псковской губерніи: купцовъ Марковскихъ въ Новоржевѣ; семьи торговца льномъ въ деревнѣ Поповщинѣ Порховскаго уѣзда, около станціи Дно; такой же семьи около станціи Новоскольники; такой же семьи въ селѣ Михали Великолуцкаго уѣзда; такое же убіеніе 6 человѣкъ въ Крынецкомъ монастырѣ около Пскова и т. д.

— Заведите вотъ эту штуку, и бояться будетъ нечего,—воскликнулъ онъ, вытаскивая изъ кармана браунингъ и грозясь имъ.

Жаль, что онъ вороненой стали, а не никкелированный. Ночью онъ блестяль бы и былъ страшнѣе. Это все, что нужно странѣ... То же самое мы видимъ и у правительства: тѣ же стражники и винтовки.

Онъ закончилъ рѣчь страстнымъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

— А еврей?—сочувственно спросилъ его одинъ изъ гостей.

— Ихъ не вытерпитъ русскій народъ! Онъ справится съ ними,—воскликнулъ тотъ.—Развѣ можно допустить, чтобы въ нѣкоторыхъ управахъ и правительственныхъ учрежденіяхъ сами служащіе не получали свое жалованье, а забирали бы его въ уменьшенномъ размѣрѣ преждевременно у евреевъ съ тѣмъ, чтобы послѣдніе, по довѣренности, получали потомъ за нихъ содержаніе полностью? Развѣ допустимо, чтобы еврей давалъ деньги русскому на покупку имѣнія съ лѣсомъ и спекулировалъ бы на чужое имя? Придетъ же конецъ этому и лопнетъ же терпѣніе у русскаго человѣка... Пугаться нечего, если произойдутъ погромы и избіенія Израиля... Это наше семейное дѣло! Евреи уже съ юга переселяются на сѣверъ, въ наши «пакленные деревни», и здѣсь уже «всѣ лѣса побѣдили», какъ выражаются мѣстные крестьяне. Развѣ это допустимо? Прежде намъ землю—русскому народу, а потомъ уже евреямъ... Подъ Марынями-то, видѣли,—обратился ораторъ ко мнѣ:—какой былъ клинъ высокаго лѣса; а еврей побѣдилъ и его дочиста...

— А русскіе лѣсопромышленники развѣ лучше распоряжаются?—тихо возразила ему заѣхавшая въ село погрѣться молодая фельдшерица, возвращавшаяся съ врачебнаго пункта.

— Лѣса истребляются и русскими купцами,—согласился онъ:—но еврей талантливъ исключительно на одно истребленіе. Въ Псковскую губернію еврей проникли недавно, а уже земли и лѣса переходятъ къ нимъ...

— А что же вы бы хотѣли, — возразилъ сбоку меня самъ хозяинъ:—чтобы еврей уступилъ землю и лѣса крестьянамъ? Если русскіе дворяне такъ не поступаютъ, то отъ евреевъ еще менѣе можно ожидать дѣятельности въ этомъ направленіи.. А талантъ къ разрушенію и фальшивой работѣ у русскаго народа не менѣе громадный. Черноземъ выпаханъ руками крестьянина, кустарная его работа, какъ и всякая другая, дѣлается безъ любви, наавось да небось, кое-какъ, небрежно, по-жидовски... Лжи, нарушенія клятвы и присяги, неисполнительности и лѣни тоже сколько угодно въ мужикѣ. Жестокости, безпутства и пьянства гораздо болѣе, чѣмъ въ жидахъ... Крестьянинъ такъ развращенъ со временъ Грознаго крѣпостниками и попами, чиновниками да полиціей, что только одна природная талантливость спасаетъ его отъ окончательнаго исчезновенія со сцены исторической жизни.

Я былъ очень изумленъ словами моего всегда молчаливаго хозяина.

«Зубры», оцегинившись, дожидали конца его рѣчи.

— Я держусь того мнѣнія,—продолжалъ онъ:—что русскій народъ страшно деморализованъ и въ своихъ недостаткахъ не уступитъ никакой націи. Приходитъ ко мнѣ недавно крестьянинъ, съ которымъ у меня тяжба изъ-за земли, купленной имъ у меня. Онъ предлагаетъ мнѣ взять ее обратно за пятьсотъ рублей, чтобы только не судиться со мной... А мнѣ земля не нужна. Присутствовавшіе тутъ же крестьяне предложили ему эти деньги за землю, но онъ запросилъ съ нихъ уже тысячу рублей... Знаетъ, что имъ нужна его земля и что можно съ нихъ сорвать... Такъ и не продалъ имъ за ту сумму, за которую отдавалъ мнѣ... Да что тутъ толковать! Вы сами-то лучшаго, что ли, мнѣнія о мужикѣ? Развѣ не онъ кралъ у васъ дрова, которыя вы заготовляли на желѣзную дорогу и развѣ не вы задѣлывали въ мѣченыхъ полѣняхъ порохъ, чтобы въ случаѣ кражи они взорвали бы крестьянскую печь? Я этого еще не дѣлалъ и не буду дѣлать, но своего мнѣнія о мужикѣ не измѣню... Въ вашей книгѣ о покойномъ писателѣ Шеллерѣ,—обратился ораторъ ко мнѣ,—приведено и его мнѣніе о томъ, что въ дореформенное время литература о народѣ была подъ такой строгой цензурой, что невозможно было писать о немъ правдиво. Григоровичъ и Тургеневъ были аболиціонистами и, разумѣется, и Антонъ Горемыка и Хорь съ Калинычемъ—все идеализированныя лица... Затѣмъ какой другой источникъ о народѣ мы имѣемъ? Бунтъ Стеньки Разина, Пугачевщина, челядь г-жи Салтычихи, Селифанъ Чичикова, Осипъ Хлестакова, Пила и Сысойка Рѣшетникова, поговорки, русская брань, снохачество, фанатизмъ раскольниковъ—и все тутъ! Что же, это краски хорошія? То же писалъ и Лѣсковъ о народѣ: «Продуктъ природы», «Загонъ», «Домашняя челядь» и т. д. Такимъ образомъ, отрицательныя стороны русскаго народа мы нѣсколько знаемъ, а хорошія гдѣ же?

— Вы не патриотъ!—воскликнули гости злыми голосами.

Хозяйка, желая прекратить обострившійся разговоръ, хотѣла предложить играть въ карты, но мужъ ея въ увлеченіи этого не замѣтилъ и продолжалъ горячо:

— Меня пугаютъ и кавказскіе нравы среди крестьянъ. Но еще не такъ страшны эти драки и даже каждое праздничное убійство... Меня болѣе пугаетъ то, что совѣсти не стало въ народѣ... Честь пропадаетъ... Нравственныя убійства страшнѣе уголовныхъ... Прежде въ обычаѣ было долги записывать зарубками на палочкѣ и «сломать бирку» было грозой для неисправнаго плательщика; а теперь всякій кредиторъ засмѣется надъ такимъ обезпеченіемъ. Государство распадается снизу. Этого никто не замѣчаетъ, но это фактъ... Я не крѣпостникъ,—продолжалъ онъ,—и крѣпко стою за увѣнчаніе зданія... за продолженіе реформъ. Но нужно знать темныя стороны, съ которыми хочешь бороться. Нечего «жидовъ» читать, а пора на себя посягнуть...

Онъ продолжалъ:

— Родовой бытъ вымираетъ въ русскомъ народѣ, а новое поколѣніе не радуется... Мальчишка въ 13 лѣтъ уже развращенъ. Онъ водку пьетъ. А не пьетъ, такъ растетъ баши-бузукомъ... Онъ не пройдетъ мимо чистаго забора, чтобы не замазать его и не начертить на немъ гадость; не пропуститъ собаки, чтобы не пустить въ нее камнемъ; не дастъ созрѣть въ вашемъ саду яблоку, а непременно разберетъ заборъ и оборветъ яблоки еще зелеными вмѣстѣ съ вѣтвями... Онъ цинично ругается, онъ бьетъ слабого товарища, разоряетъ гнѣзда птицъ и мучаетъ животныхъ. Юный съ виду и баши-бузукъ душой,—онъ не прочь своровать и церковную выручку, когда ему стукнетъ пятнадцать-шестнадцать лѣтъ. Нельзя скрывать того, что съ такимъ народомъ невозможно процвѣтать государству. Невозможно никакое общественное дѣло съ этими массаами. Начните вы что-нибудь дѣлать съ этимъ народомъ у себя въ имѣніи... Если вы сами не пригляните за нимъ, можете быть увѣрены, что будетъ сдѣлано не такъ, какъ надо и какъ было уговорено. А сдѣлаете замѣчаніе рабочему или прогоните съ работы, онъ въ отместку сожжетъ вамъ въ полѣ стога сѣна... Спички дешевы. У моего знакомаго на службѣ по морскому вѣдомству, при спускѣ броненосца, за постройкой котораго онъ слѣдилъ, рабочій изъ мести вбилъ по дорогѣ въ воду броненосцу гвоздь въ доски дока, и броненосецъ сталъ. А что стоитъ сдвинуть броненосецъ—это не всякій знаетъ... При отливкѣ пушекъ рабочій можетъ кинуть въ сплавъ мѣди постороннюю примѣсь, и пушку станеть рвать снарядами. Посмотримъ сельскаго рабочаго. Всѣ мы въ деревнѣ строимся, ремонтируемъ постройки и т. д. Не могу же я самъ лазить съ мастеромъ по крышѣ дома и смотрѣть, какъ кладутъ трубы и печи. И приходится по два раза перекладывать ихъ и перестраиваться. Надоумило меня покрыть въ новомъ флигелѣ полъ краской... Прекрасно. Высохли полы, разставили мебель, сѣли на нее, а она прилипаетъ къ полу и не отодратъ ее отъ него. Позвали маляра, тотъ на подрядчика: «половицы стлали, говорить, когда внизу еще не высохло»... Подрядчикъ вломился въ амбицію, требуетъ поднять половицы и воочію убѣждаетъ насъ, что внизу подъ ними все сухо. Тогда маляръ чешетъ затылокъ и признается въ томъ, что онъ красилъ полы съ товарищемъ, но за пьянство прогналъ его... «Видно, тотъ со злости и бросилъ въ лакъ щепотку соли... Никогда краска тогда не высохнетъ и всегда будетъ прилипать». Справедливо это или нѣтъ—не знаю, но каковы нравы между товарищами-рабочими. Да, они другъ друга не жалѣютъ въ той же степени, какъ и самые жадные и злые кулаки. Жида лучше! Жида дружище... Просто нельзя никакого дѣла имѣть въ деревнѣ. Ни плотника, ни печника, ни пастуха не найти честнаго. Всѣ норовятъ забрать деньги впередъ, сдѣлать кое-какъ работу и

совсѣмъ уйти, если будешь дѣлать замѣчанія имъ. «Ты мнѣ не указывай, а то давай расчетъ», кричитъ рабочій на подрядчика. Послѣдній—этотъ кулакъ и кровопійца—на самомъ дѣлѣ вполнѣ зависимое лицо и отъ пьяной толпы рабочихъ, подряженныхъ имъ на работу, и отъ хозяина, которому онъ обязанъ выполнить къ сроку подписанныя условія. А что онъ можетъ сдѣлать, если рабочіе требуютъ денегъ впередъ или уходятъ съ работы; а получивъ деньги, запиваютъ и тоже уходятъ? Что онъ возьметъ съ нихъ, если, кромѣ топора подъ мышкой, у рабочаго ничего нѣтъ? Подрядчика жалѣть приходится,—вотъ до чего мы дожили. Я много лѣтъ вожусь съ ними. Знаю, что и харчи его плохіе, и сараи для ночлега холодные. Ну, а рабочіе-то лучше чѣмъ и почему это не война и не борющіяся стороны? Всюду жалобы, что въ крестьянахъ совѣсти не стало. Простого канавщика нѣтъ въ деревнѣ, на слово котораго можно положиться. Придетъ, негодяй, въ одной рубахѣ, съ трясущими руками и опухшими глазами. Проситъ работы, покопаетъ два дня канавы, а на третій говоритъ: «Давай пятьдесятъ копеекъ въ день»... Попалъ ему въ руки рубль, тутъ только и видали его... Цѣлую недѣлю не приходитъ на работу, а потомъ опять явится едва прикрытымъ, съ избитой рожей, канавы рыть... «Поднять да кинуть» только онъ и умѣетъ и то до первой полочки. Развѣ можно съ такимъ народомъ итти впередъ? Если нѣтъ въ деревнѣ благонадежнаго канавщика, то мастерового даже и въ городѣ не всегда найдешь. Прежде мастеръ тиранилъ ученика, и, конечно, никто этому не сочувствовалъ; но ученикъ выходилъ знающимъ свое ремесло и дѣлалъ вещь въ совершенствѣ. Можно было поручить ему заказъ и быть увѣреннымъ въ своевременномъ и добросовѣстномъ его исполненіи. Теперь мастеру нельзя не только тиранить ученика, но даже и ударить по закону. Это отлично, что законъ ограждаетъ дѣтей отъ произвола хозяина. Но хозяинъ-мастеръ, не обученный и самъ гуманизму, теряется теперь съ подмастерьями и избѣгаетъ брать дѣтей на выучку. Опытные мастера вымираютъ, а новые всѣ скорохваты. Убыль специальныхъ знаній въ ремесленникѣ идетъ рука объ руку съ косностью производства. Кустарь погибаетъ не только отъ отсутствія сбыта и закабаленности у скупщиковъ-кредиторовъ, но и вслѣдствіе того, что въ немъ самомъ культивированъ цѣлыми вѣками азіатскій застоій. Лежитъ онъ тридцать лѣтъ на спинѣ и приводитъ ногой молотокъ въ движеніе, которымъ выбиваетъ на штампѣ рисунокъ. Приѣзжій иностранецъ предлагаетъ увеличить размѣръ штампа и, вмѣсто ноги, работать машиной. Не тутъ-то было. Не хотятъ бросить старины. Предлагаешь при постройкѣ пятиэтажнаго дома носить кирпичи не на спинѣ рабочихъ, а паромъ, — подрядчикъ, вмѣсто уменьшенія платы за каждую поднятую тысячу кирпичей, накидываетъ на строителя лишній полтинникъ... Доказываешь,

что паромъ обойдется дешевле работа, — подрядчикъ упирается и твердитъ свое: «Нашъ народъ не привыченъ»... И дѣйствительно, этотъ народъ не знаетъ, что такое грязный кирпичъ... Не знаетъ слова и понятія о «грязномъ»... Не знаетъ, что такое «косой» кирпичъ и т. д. А между тѣмъ ему предстоитъ строить фабрики, гдѣ все машины и гдѣ нужно понимать симметрію. Съ такимъ народомъ нельзя создать крупной промышленности. А тутъ еще и среди насъ, богатыхъ людей, неувѣренность въ томъ, лежатъ ли въ банкахъ наши капиталы, или тамъ одна бумага, какъ въ банкѣ г. Алчевскаго? Какая ужъ тутъ крупная промышленность! Всякій совѣтъ и доводъ безсиленъ передъ рутинной... Скажешь прислугѣ: не пей сырую воду, она все-таки прямо изъ-подъ крана беретъ ее въ ротъ и умираетъ отъ брюшного тифа; совѣтуешь отворять въ кухнѣ окно, но не дѣлать у плиты сквозняка, — ничего не умѣешь понять и вѣчно ходитъ съ подвязанной щекой и т. д. Рядомъ съ рутинной нравовъ растетъ безсовѣстность въ массахъ. Доходитъ до того, что прислугу не могутъ найти въ домъ. Просится дѣвка, со слезами мать ея упрасиваетъ барыню взять къ себѣ дочку въ услуженіе; а возьмешь — мѣсяць-другой дѣвка кладъ, а тамъ пошла варенье ѣсть, какъ кашу... А прогнать — другая не лучше. Это не городъ... Выбора нѣтъ. А привезешь въ городъ — сейчасъ у нея найдутся дяди да земляки, а сама начнетъ барынины рубашки носить на себѣ да поразспрашивать: не доходиѣ ли мѣсто въ домахъ, гдѣ по ночамъ органъ играетъ? Уму непостижимы эти утраты въ мужикѣ и крестьянкѣ ихъ собственнаго лица и приобщеніе къ типу городскихъ хищниковъ. Былъ у меня на особо хорошемъ счету парень въ деревнѣ, лѣтъ 18, вмѣстѣ на охоту зимою ходили... Я-то въ мѣховой курткѣ, а онъ чортъ его знаетъ въ чемъ... Дрожить, прыгаетъ съ ноги на ногу, а предложишь водки — отказывается. «Да ты глотни хоть разъ»... Нѣтъ, ни капли въ ротъ. Думаю себѣ, прекрасный малый. Начинаю хлопотать за него на станціи и съ трудомъ удается помѣстить его въ помощники къ ламповщику. Не прошло и года, парень сталъ пить, былъ уволенъ, поступилъ въ золоторотцы и вотъ на дняхъ узнаю, что въ дракѣ распорили ему ножомъ животъ и кишки выпустили. Другой такой же хорошій парень послужилъ мѣсяць на станціи вблизи Пскова и съ первой же получкою присталъ къ компаніи любителей трактирнаго органа и арфистокъ. Пропивши заработки, они всей гурьбой съ пѣснями пошли на шоссе мимо дачъ. На одной изъ нихъ дворникъ началъ унимать: «Не орите, молъ... Чего собакъ бунтуете и господамъ мѣшаете?» Мой-то пріятель, ни слова не говоря, вытащилъ изъ плетня коль, да какъ хватитъ имъ дворника по головѣ, — такъ на мѣстѣ и положилъ. Пополомъ черепъ треснулъ.

Масаевъ пріостановился разсказомъ и, переживъ впечатлѣніе собственныхъ словъ, продолжалъ:

— Рѣшилъ я не опредѣлять болѣе гг. мужичковъ на станціи желѣзныхъ дорогъ или на фабрику въ Петербургѣ. Всѣмъ теперь отказываю, хоть распрекрасный будь парень. Не вѣрю я въ его воспитаніе «землею», вопреки клятвамъ Гл. Ив. Успенскаго. Совѣсти въ немъ нѣтъ... Простой азіатъ имѣетъ свою честь и совѣсть, а культивированный кабакомъ и попомъ русскій мужикъ никогда... Я не крѣпостникъ, но не хочу скрывать врага не только въ реакціонномъ дворянствѣ, но и въ самомъ народѣ. Быть распадается снизу и необходимо обратить вниманіе на черты этого распадёнія.

Къ моему изумленію, «зубры» начали сочувственно кричать:

— Это правда! Это правда! кавказскіе нравы на сѣверѣ... Утрата совѣсти! Скоро благороднымъ людямъ нельзя будетъ жить въ своихъ селахъ... Въ каждой деревнѣ необходимъ диктаторъ и тогда престижъ барина, какъ патроната, вновь окрѣпнетъ.

Престарѣлый генералъ въ числѣ гостей увѣрялъ присутствующихъ въ томъ, что въ Петербургѣ онъ никогда не носитъ генеральскую форму.

— А въ деревнѣ, — восклицалъ онъ, — я всегда при красныхъ отворотахъ и лампасахъ. Сидитъ на балконѣ жена съ дочерьми, слышу изъ кабинета — къ усадьбѣ приближается толпа крестьянъ, и я не могу дописать письма... Въ переливахъ воздуха уже доносятся обычныя рѣчи праздничной толпы. Надѣваю бѣлую съ краснымъ околышемъ фуражку и выхожу на дорогу, тянущуюся мимо усадьбы. Толпа парней и дѣвокъ умѣряютъ свои рѣчи, становятся осторожнѣе въ словахъ по мѣрѣ приближенія къ генералу. Ни на что другое не нужна мнѣ эта форма, а въ деревнѣ я очень ею дорожу. Мужикъ еще вѣритъ, что я что-то значу въ ней передъ нимъ; что если баринъ, да еще въ формѣ, выругаетъ или ударитъ его, то онъ еще боится отвѣтить ему тѣмъ же. Онъ не знаетъ законовъ, не знаетъ того, что по суду и я не имѣю право останавливать толпу на дорогѣ и мѣшать ей выражаться, какъ она привыкла и умѣетъ. Онъ еще считаетъ барина за какое-то начальство, которое можетъ сослать его на каторгу, и не знаетъ того, что за плюху въ отвѣтъ полагается, за взаимностью оскорбленій, прекращеніе дѣла; что съ плюхой онъ ничего не теряетъ, а я много... Но онъ боится еще судиться. Боится прошенія, котораго самъ не умѣетъ написать; боится волокиты и не освоился еще съ тѣмъ, что ни урядникъ, ни становой не имѣютъ права на него кричать и тащить подъ арестъ за вполне легальный отвѣтъ: «Ты не имѣешь права ни ругать меня, ни лишать свободы, а пойдемъ судиться». Какъ только дойдетъ мужикъ до того, что будетъ говорить намъ: «пойдемъ судиться» — такъ и конецъ дворянамъ...

— Рано или поздно, это должно случиться, — перебилъ хозяинъ. — Народъ въ этомъ направленіи пробуждается...

— Ну,—перебилъ его старикъ:—какъ простонародье будетъ дѣлать исторію — я не знаю и радъ тому, что не доживу до того времени.

Хозяинъ не обратилъ вниманіе на его слова и продолжалъ свою рѣчь къ «зубрамъ»:

— Народъ проснется такимъ, какимъ я рисую его со всѣми недостатками... Его спячка и деморализація суть яркіе признаки отживающаго режима, но для реакціонеровъ—они признаки гнусной натуры, которую необходимо держать еще въ большей опекѣ... Въ этомъ наше разногласіе... Чтобы быть понятымъ, а прочту вамъ нѣсколько строкъ изъ сочиненія С. М. Соловьева.

Онъ досталъ книгу и, приглашая слушать, прочиталъ: «Настоящее правительство не задерживаетъ своего народа, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, а въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либеральнымъ, сильнымъ. Оно должно быть либерально, чтобы поддержать и развить въ народѣ жизненные силы, постоянно кропить его живою водою, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно и гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушенія дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либеральное и широкое воспитаніе, чтобы ему не колебаться и не метаться при первомъ порывѣ вѣтра, не дурачиться и не бить стекло, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выпустили на свободу. Но либеральное правительство должно быть сильнымъ, и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ. Правительство сильное имѣетъ право быть вполне либеральнымъ, и только близорукіе люди считаютъ антилиберальныя правительства сильными, думая, что эту силу они приобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить это дѣло не хитрое, особенной силы здѣсь не требуется; дайте волю даже ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ и переломаетъ. Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе приемы, потрудитѣе и посложнѣе, требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи народной жизни».

Послѣ цитаты знаменитаго историка споръ еще больше усилился. Многіе отказывались понимать либерализмъ хозяина съ признаемъ имъ послѣдней степени паденія русскаго народа.

— Пусть онъ и не пробуждается въ этомъ видѣ! — кричали гости.—Такому народу не помогутъ измѣненія государственныхъ формъ... Прежде нравственное возрожденіе...

— Но его нѣтъ при старомъ строѣ!—старался перекричать хозяинъ голоса гостей.—Его нѣтъ—этого возрожденія, но оно будетъ въ условіяхъ новаго быта...

— Никогда! Вы забыли жидовъ...

XII.

«Соціалъ-демократъ» и «зубры».—На фельдшерскомъ пунктѣ.—Мужикъ въ убѣжищѣ «зубровъ».

Сказку про «бѣлаго бычка» прервалъ приѣздъ въ усадьбу новаго гостя.

— А, это соціалъ-демократъ,—въ шутку провозгласили «зубры», увидѣвъ входящаго молодого человѣка въ студенческой тужуркѣ.—Какъ дѣла? Правительство растерялось? Финансовый кризисъ? Иностраннй заемъ?.. Весной война съ Китаемъ?

Всѣ разсмѣялись, и самъ студентъ сконфузился подъ перекрестными вопросами, которыми его начали осыпать «правые» съ явнымъ къ нему расположеніемъ.

Онъ былъ сыномъ крупнаго землевладѣльца, «своего человѣка» въ ихъ партіи, въ которой присутствіе юнаго «соціалъ-демократа» всегда вносило теоретическіе споры, никого не раздражавшіе, благодаря корректности тона юнаго проповѣдника и великолѣпнымъ обѣдамъ его отца.

Онъ застѣнчиво поздоровался со всѣми присутствующими и, видимо, не хотѣлъ отвѣчать имъ изъ боязни показаться смѣшнымъ. Но его продолжали преслѣдовать.

— Вы изъ Петербурга? Тамъ, кажется, «проюрдонили» освободительное движеніе? Всѣ счеты покончены съ нимъ, послѣ этихъ «воззваній» и «возстаній»?

Юноша промолчалъ, и только въ глазахъ его измѣнилось выраженіе.

— Обратите вниманіе, — говорили вокругъ него: — когда нигилисты боролись съ властью, либералы не вмѣшивались въ эту борьбу и молчали, а когда власть пошла на уступки нигилистамъ и выпустила манифестъ 17 октября, эти либералишки оказались самыми лѣвыми изъ лѣвыхъ... Когда стало не страшно рисковать, имъ мало было министерскихъ портфелей, и они захотѣли республики. Загребая чужими руками жаръ, они выдвинулись впередъ и, не зная Россіи, погубили манифестъ 17 октября.

«Соціалъ-демократъ» сдержанно отвѣтилъ:

— Тамъ много горя и убѣжденныхъ людей...

— Это въ Петербургѣ-то?! Страданія «освободителей» вполне заслужены ими...

— Никто не скажетъ, — перебилъ юноша, начиная волноваться! — что потерпѣвшіе дѣлали карьеру и не думали о голодныхъ...

— Въ Россіи нѣтъ голодныхъ! Это выдумка «лѣвыхъ»!

— А тифозныя заболѣванія истощенныхъ «моховиковъ» въ нашемъ уѣздѣ? — спросилъ онъ. — Командировки изъ Пскова на эпидемію въ уѣзды сестеръ милосердія что означаютъ собою?

— Преувеличенную заботливость о мужикѣ. Власть теряетъ голову, начитавшись газетъ... У насъ въ Холмскомъ уѣздѣ, если ты голоденъ, то иди на вывозку лѣса по рѣкамъ Ловать и Локны. Полтора рубля и два рубля въ сутки заработокъ крестьянина съ лошадыю... Но послѣдній лѣнтый и продолжаетъ голодать въ избѣ или итти на легкіе хлѣба въ Питеръ.

— Ахъ, совсѣмъ не то, — воскликнулъ юноша все тѣмъ же волнующимся и смущеннымъ голосомъ. — Это надо себѣ научно представить, а не повторять общее мнѣніе... Работа оказывается не по силамъ крестьянину. Близорукіе люди говорятъ, что онъ лѣнивъ, а на самомъ дѣлѣ у него силъ нѣтъ для тяжелыхъ работъ... Я слѣдилъ за этимъ дѣломъ и разспрашивалъ многихъ лѣсопромышленниковъ. Они говорятъ, что первый день мужикъ хорошо работаетъ, второй хуже, на третій день онъ жалуется на то, что ему «животъ подвело», а на четвертый — онъ уже просится домой... Откровенно говорятъ: «Силъ нѣтъ... Плохая пища и большая работа»...

— Что же, — перебили «зубры»: — по-вашему, ему надо отдыхать? Поработалъ три-четыре дня и перерывъ на два дня?

— Не по-моему, а жизнь такимъ вырабатываетъ, за послѣднее время, работника изъ мужика. Это не лѣнь, а упадокъ силъ въ немъ и истощеніе его работоспособности. Это серьезное обстоятельство... Ему не хватаетъ уже нормальной емкости легкихъ, біенія пульса и крѣпости мышцъ на настоящую напряженную работу.

— Метафизика! — воскликнули окружающіе съ явнымъ пренебреженіемъ къ мысли молодого оратора объ истощеніи народнаго организма. — Метафизика! Отвлеченныя слова, направленные къ оправданію лѣниваго мужика. У социаль-демократовъ абстрація всегда искажаетъ дѣйствительность.

— Почему же? — спрашивалъ растерянный юноша, подавленный запальчивостью голосовъ своихъ противниковъ. — Научный социализмъ...

— Да нѣтъ такого социализма, — перебили его. — Вся политическая экономія — одно фразерство... Рента Рикордо, т. е. разница между культурной землей и некультурной, — одна болтовня... Моя земля необработана, но прошла вблизи желѣзная дорога, и она стала дороже, чѣмъ обработанная земля вдали отъ дороги. Трудовая стоимость Маркса, т. е. что всякій товаръ овеществляетъ рабочую силу, — тоже вздоръ... Я нашелъ кусокъ золота и поднять

его не требовало никакой силы, а цѣна ему значительная... Все такъ. Нѣтъ науки о социализмѣ! Поглощеніе мелкихъ капиталовъ крупнымъ, одновременно съ просвѣщеніемъ рабочихъ массъ, тоже чистѣйшая выдумка о переходѣ капитала въ руки рабочихъ ассоціацій и т. д.

Среди «зубровъ» оказалось нѣсколько начитанныхъ людей, и они своимъ крикомъ не давали юному «соціалъ-демократу» разозреть ихъ ошибки.

— Культура земли не въ одной сохѣ,—пробовалъ онъ возражать, но его перебивали.

— А въ чемъ же?.. Если телеграмма изъ Японіи подымаетъ цѣны на земли въ Манчжуріи, то, значить, дѣло не въ ея обработкѣ... Такъ въ политической экономіи все фальшиво, и такъ весь вашъ социализмъ противенъ человѣческой природѣ.

— А какъ вы назовете, — спросилъ онъ внезапно, — то, что нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ на фабрикахъ подчиняются дисциплинѣ и общими силами создаютъ богатство? То же самое существуетъ и въ другихъ отрасляхъ труда, гдѣ рабочіе кооперированы...

— Это... это не то, что вы думаете... Здѣсь нужда и дисциплина. Въ острогахъ тоже есть мастерскія, и арестанты кооперированы и работаютъ сообща. Но развѣ это социализмъ?

— Неудачный примѣръ! Но производство богатства и здѣсь общественное, а распределеніе его иное... Это вторая часть социализма и болѣе легкая.

Юноша взволновался и сталъ, въ свою очередь, перебивать противниковъ:

— Человѣчество,—кричалъ онъ,—уже привыкло производить богатство при участіи огромныхъ массъ народа, подчиняя ихъ техническимъ требованіямъ и закону. Это вовсе не противно человѣческой природѣ.

— Противно! Неестественно!—возражали ему.—Если производство богатствъ является общимъ дѣломъ, то распределеніе его остается личнымъ и частнымъ. Поэтому все и процвѣтаетъ здѣсь... Все держится эгоизмомъ, самымъ могучимъ стимуломъ прогресса. Отымите его у предпринимателя, и замретъ промышленность. А въ общемъ дѣлѣ его не будетъ. Эгоизмъ создалъ богатство и науку... Вся цивилизація покоится на эгоизмѣ, а социалисты не знаютъ человѣческой природы... Необходимо культивировать эгоизмъ въ семьѣ, въ школѣ и литературѣ... Воспитывайте его въ людяхъ, и они станутъ богаче и сильнѣе.

— Довольно спорить, господа! — умоляющимъ тономъ обратилась вновь къ гостямъ хозяйка, съ картами въ рукахъ.—Будемъ играть... Давно уже все готово.

— Пора! Пора!—воскликнули многие, направляясь въ другую комнату, гдѣ раскрытыя столы уже ждали игроковъ.

Мѣстный почтмейстеръ долгое время не могъ успокоиться и даже за картами повторялъ:

— Это правительство испортило народъ. Оно допустило ошибку и сдѣлало крестьянъ социалистами.. Вмѣсто того, чтобы разсѣять ихъ хуторами, оно завело общину, и всѣ сдѣлались въ ней низкими людьми...

Онъ охотно распространился о низости русскаго народа въ связи съ социализмомъ, но его никто не слушалъ.

Въ другой комнатѣ многие изъ присутствовавшихъ помѣщиковъ съ презрѣніемъ отзывались о почтмейстерѣ:

— Мы всѣ страдаемъ отъ него. Если кто не пришлетъ ему къ празднику гусей, масла и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, то онъ задерживаетъ его корреспонденцію, или выдаетъ ее съ явными признаками вскрытія... Уличить въ этомъ крайне трудно, а между тѣмъ всѣ жалуются на этого изумительнаго джентльмена изъ союза русскаго народа...

Къ моему удивленію, за ужиномъ ему пришлось сидѣть рядомъ съ «соціалъ-демократомъ», и онъ тотчасъ же громко произнесъ, обращаясь къ юношѣ:

— Думали ли мы, что доживемъ когда-нибудь до такого времени? Время безпокойное и какое неинтересное...

— Неинтересное? Что вы? Каждый день полонъ новостей...

— О господствѣ босоногихъ надъ интеллигенціей? — спросилъ тотъ насмѣшливо.

— Не понимаю васъ, — отвѣтилъ юноша. — Вы говорите такъ о пролетаріяхъ... Но вы-то кто?

— Тоже пролетарій, если хотите.

— Почему же вы насмѣхаетесь надъ ними?

— Я усталъ за эти два года больше, чѣмъ за всю мою жизнь. И всѣ мы устали,—продолжалъ почтмейстеръ.—Нуженъ отдыхъ, а рабочіе не даютъ его.

Студентъ опять былъ втянутъ въ споръ и съ увлеченіемъ возражалъ:

— Общество растерялось и хотѣло было остановиться на обѣщаніяхъ 17 октября, а рабочій классъ пошелъ далѣе.. Если бы онъ даже погибъ за свои требованія, то какъ же можно смѣяться надъ героической борьбой своего же народа?

— Это не народъ! Ничтожная часть... Это сытый жидъ сдѣлалъ у насъ революцію, а не голодный русскій народъ. Гдѣ ему, изголодавшемуся и изморенному на работѣ мужику, добиваться конституціонныхъ правъ... Это все дѣло сытыхъ людей.

— Въ первый разъ слышу, чтобы сытые создавали революцію.

— Вотъ какъ! Вы этого не знаете? А развѣ не сытые евреи выставили Христа съ тѣмъ, чтобы разрушить Римское государство? Они и разрушили имперію именемъ Христа.

— Что за сумбуръ у васъ въ головѣ! — невольно вырвалось у того восклицаніе. — Васъ слушать тяжело.

— Почему? Развѣ вы не признаете того, что если культурные классы остановились на 17-мъ октября, то рабочіе должны были бы послѣдовать примѣру болѣе образованныхъ людей? Культурные классы опирались на народныя массы, а теперь какой-то хулиганскій народъ идетъ противъ миллионовъ своего же народа. Но пусть, — повышая голосъ, продолжалъ онъ, — этотъ пролетарій не раздражаетъ «милліоны» своихъ сородичей и не оскорбляетъ того, чему «милліоны» вчера еще вѣрили и въ чемъ видѣли свой идеаль. Нельзя меньшинству итти противъ всѣхъ и нужно остановиться на томъ, что мы уже получили.

— Мы получили 17 октября прекрасныя обѣщанія и теперь ждемъ исполненія ихъ, — перебилъ юноша настойчиво.

Со всѣхъ сторонъ ему стали возражать тѣмъ, что дѣло свободы погубили интеллигенты, которые разошлись съ народомъ въ міропониманіи.

— Въ повсемѣстномъ избіеніи молодежи виноваты не столько губернаторы à la Хвостовъ, сколько мы всѣ и, въ частности, родители тѣхъ дѣтей, которые не научили молодое поколѣніе уважать и любить народныя идеалы, — ораторствовалъ почтмейстеръ. — Дѣти въ Пензѣ были бы цѣлы, если бы они свою радость по поводу манифеста 17 октября выразили не на митингѣ, а собрались бы въ церковь — помолиться Богу, какъ того требуетъ русскій народъ. Я положительно оправдываю пензенскую администрацію народнымъ идеаломъ, къ которому мѣстные гимназисты проявили глубокое неуваженіе и презрѣніе.

— Пора бы не оправдывать народнымъ идеаломъ жестокость, — возразилъ юноша. — Не либералы дразнятъ народъ, какъ быковъ на сценѣ краснымъ плащомъ, а губернаторы, которые посягаютъ на свободу печати и другія дарованныя манифестомъ права. Если мать бьетъ своего ребенка и говоритъ ему: «не кричи!» то битьемъ она не успокоитъ его... Битьемъ не успокоите и общество, а надо возвеличить человѣка уваженіемъ къ его правамъ. Онъ и успокоится. Надо ждать государственнаго статута о томъ, чтобы обѣщанія 17 октября о неприкосновенности личности сдѣлались обязательнымъ закономъ для русской администраціи, и тогда все успокоится.

— Едва ли! — насмѣшливо отозвались голоса за столомъ. — Политическая борьба окончится, начнется борьба соціальная, имущественная, желудочная. Голодный рабочій не будетъ сытъ вашими политическими правами, а его домогательства демократическаго

стройка неосуществимы. Онъ самъ себѣ роетъ могилу восьмичасовымъ рабочимъ днемъ. При такомъ днѣ фабриканты принуждены будутъ прекратить свою дѣятельность и, разъ это случится, рабочіе примутся грабить имуще классы. Но, ограбивъ послѣднихъ, они пропьютъ и пробѣдятъ добычу въ два-три дня и наступитъ прежняя бѣдность. Вотъ къ какому положенію вещей крайнія партіи приведутъ рабочій классъ. Вы скажете, что не фабриканты кормили рабочихъ, а послѣдніе первыхъ. Но это не измѣняетъ ихъ будущаго. Допустимъ, совершится переходъ въ ихъ руки орудій производства на выкупныхъ началахъ, но народныя массы не дисциплинированы, какъ солдаты въ войскахъ. Они примутся грабить одинъ другого не по «программамъ» и «платформамъ» демократической партіи, а по психологіи собственныхъ мозговъ. Они и теперь вырвали движеніе изъ рукъ интеллигенціи... Но чѣмъ все это кончится? Выдвинутся въ ихъ же сословіи черныя сотни, и всѣ передерутся между собою.

— Рабочія массы на фабрикахъ и заводахъ, — воскликнулъ юный идеалистъ, — прекрасно кооперируются и дисциплинируются при производствѣ богатствъ и несомнѣнно развиваются, когда достигаютъ противорѣчіе между коллективнымъ производствомъ богатствъ и индивидуальнымъ его распредѣленіемъ. Вы смѣшиваете рабочихъ съ безработными и попусту пугаете добрыхъ людей анархией въ рабочемъ классѣ. У васъ нѣтъ идеала...

— Можетъ быть, — отвѣтили ему голоса. — Можетъ быть, вы правы. Иногда лучше жить, какъ муха на солнцѣ, не размышляя и не страдая. Всѣ эти споры о благѣ большинства — профессія голыхъ...

«Соціалъ-демократъ» всталъ изъ-за стола и громко сказалъ:

— Эти мухи на солнцѣ давно стали ядовитыми и вредными насѣкомыми... Не нужно было бы мнѣ спорить съ вами и сердить васъ.

Онъ покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Да вы не волнуйтесь, милый юноша, — воскликнули старики, ужъ нѣсколько выпившіе. — Сидите... Куда вамъ ѣхать ночью?! Ну, что за бѣда, если вы теоретикъ, а мы видимъ на три аршина подъ землей? Окончите и вы курсъ наукъ, поступите на государственную службу и станете жизнеспособнымъ человѣкомъ... Не идеалистомъ, а полезнымъ гражданиномъ.

— Нѣтъ, прощайте, — повторилъ онъ. — Мнѣ надо ѣхать...

— Переночевали бы? — предложилъ Масаевъ.

— Благодарю... Я поѣду. Дорога знакомая, и ночь лунная.

Онъ уѣхалъ, но вмѣсто него тотчасъ же пріѣхалъ запоздавшій земскій докторъ, интересный тѣмъ, что, показываясь на фельдшерскій пунктъ, онъ не кланяется и не здоровается ни съ фельдшеромъ, ни съ акушеркой...

— Прекрасный врачъ, а только ни онъ намъ, ни мы ему не оказываемъ привѣтствія... Очень было трудно намъ сначала къ этому привыкнутьъ, а теперь ничего, — говорили его подчиненные.

Они защищали своего врача и нисколько не жаловались на пренебреженіе старшаго товарища къ младшимъ на трудномъ медицинскомъ поприщѣ въ медвѣжьемъ уголкѣ Россіи.

Возвращаясь изъ усадьбы, я заѣхалъ къ нимъ на фельдшерскій пунктъ и узналъ любопытныя подробности о томъ, какъ здѣсь старыя и разорившіяся помѣщицы снискиваютъ себѣ пропитаніе, то поступая сидѣлицами въ винныя лавки, то оказывая больнымъ помощь, будучи совершенно не подготовленными къ такой дѣятельности.

— Трахому онѣ лечатъ чаемъ. Сифились зовутъ «краснухой». О костовѣдѣ говорятъ, что это «волосъ лизунъ», и посылаютъ больного не къ врачу, а въ Каменку къ бабкѣ Анисѣ, которая «волосъ на колосъ выгоняетъ», т. е. беретъ колосъ и больной палецъ руки, чтобы потомъ прибаутками лечить его.

То же шарлатанство развиваютъ эти барыни, когда «масло наговариваютъ», на «соль шепчутъ» и болѣзнь «утинь» (боль поясницы) лечатъ «крестомъ», т. е. складываніемъ дровъ на спинѣ крестомъ и поколачиваніемъ ихъ топоромъ...

Не лучше ихъ леченіе тифа и инфлуэнцы въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ больного изъ «черты вынимаютъ», т. е. отправляютъ больного въ баню париться въ очерченномъ кругѣ и т. д. При воспаленіи почекъ мѣстные шарлатаны совѣтуютъ принимать какое-то «рогальное масло» (отъ всѣхъ святыхъ получено).

— Въ Холмѣ живетъ Василій болящій, — говорятъ за извѣстную мзду шарлатанки своимъ паціентамъ. — Восемнадцать лѣтъ лежитъ больной... Поѣзжайте къ нему. Онъ всѣхъ оздоравливаетъ «рогальнымъ масломъ» и совѣтами.

Эти же полукультурныя шарлатанки поддерживаютъ въ народѣ мнѣніе о болѣзни съ дурного глаза...

— Съ примѣтнаго часа заболѣлъ, — говорятъ онѣ, когда ничего не понимаютъ въ больномъ.

Совѣтуютъ онѣ роженицамъ болѣть и лежать на печкѣ, въ печкѣ брать ванны, въ печкѣ подержать больного ребенка и вообще заниматься «лежкой», особенно когда ѣсть нечего...

— Надо только топить печку и цѣлыми семьями съ осени лежать на печкѣ и ждать весны...

Но если среди и разорившихся, и живущихъ въ довольствѣ «зубровъ» проектируются для поднятія обѣднѣлаго края восстановленіе мѣстныхъ, давно упраздненныхъ праздниковъ, браунинги въ рукахъ помѣщиковъ и «лежка на печи», то и самъ народъ, въ отношеніяхъ между собою, жестокъ и золь...

Просить фельдшеръ сосѣдняго мужика запрячь лошадь и съѣздить за докторомъ къ больной роженицѣ, у которой нѣтъ лошади,—мужикъ безсердечно отказывается.

— Не хочу портить рабочаго дня изъ-за нея,—говорить.

Но рядомъ съ этимъ въ немъ живутъ и душевныя черты...

Умерла роженица, крестьяне разобрали всѣхъ ея дѣтей по избамъ: кто взялъ дѣвочку, кто мальчика...

Вотъ и судите, къ какой породѣ монстровъ отнести его.

А чудовищныхъ чертъ сколько угодно въ этомъ болотномъ мужикѣ. На станцію Чихачево осенью пріѣхалъ крестьянинъ изъ Городовицкой волости Порховскаго уѣзда, и за что-то обозленные на него крестьяне свели съ нимъ счеты тѣмъ, что потихоньку отъ него отрѣзали у его лошади языкъ... Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1907 года крестьяне деревни Горка, Нѣмчиновской волости Холмскаго уѣзда, встрѣтили на большой дорогѣ односельчанина Александра Степанова и, изъ мести къ нему, задушили его на собственномъ его кнутѣ, который былъ найденъ обмотавшимся въ волосахъ бороды задушеннаго мужика...

Такихъ фактовъ, какъ «задушеніе на кнутѣ» или выкручиваніе у лошади языка и срѣзаніе его на половину изъ мести къ хозяину,—сколько угодно въ убѣжищѣ «зубровъ»...

«Пробужденный народъ» наканунѣ былъ дикимъ и работы съ нимъ предстоитъ еще на многіе годы, но неперемѣнно при измѣненномъ обликѣ государственной жизни въ Россіи. Нельзя было освобождать отъ рабства негровъ только тогда, когда они станутъ христіанами. Это явится при активномъ участіи народа въ политической и экономической жизни его родины.

ХІІІ.

«Лѣсные братья».

Я проснулся отъ шороха и тихаго разговора у дверей моей комнаты.

— Волки ночью собаку съѣли,—разобралъ я незнакомый мнѣ голосъ. — Буди барина-то своего... Волки лягутъ вблизи... Всегда недалеко ложатся они послѣ того, какъ поѣдятъ собачины.

Я быстро всталъ съ постели и зажегъ свѣчу. Мой Моховикъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ мужикомъ.

— Волки?

— Кто его знаетъ, а говоритъ, что собаку его съѣли...

— Съѣли, баринъ... Со двора взяли,—подтвердилъ мужикъ.— И кобель былъ добръ для дома, а вотъ волки схватили и утащили.

— Ты на лошади?—спросилъ я.

— На лошади, баринъ... На розвальняхъ прїѣхалъ... Торопился захватить тебя.

— Прекрасно... Надо прослѣдить волковъ. Ты, Моховикъ, обойди лѣсъ съ правой стороны, а я въ середину поѣду. Волки не боятся ѣздока, если и лежатъ недалеко отъ дороги,—замѣтилъ я, быстро собираясь на повѣрку волчьихъ слѣдовъ и намѣреваясь обложить звѣря къ тому времени, пока Масаевъ еще спитъ.

— Свѣтать стало,—замѣтилъ Моховикъ, выводя для меня мужичью лошадь, запряженную въ розвальни. — Съ Богомъ! Трюхайте помаленьку, идѣ не такъ снѣжно...

— Ладно! Ладно! Иди самъ-то... Я раньше тебя вернусь.

Проѣзжая глухимъ лѣсомъ, я замѣтилъ на одномъ изъ поворотовъ двухъ рослыхъ парней, одѣтыхъ на половину по-городски.

Они, видимо, хотѣли дожидаться меня.

— Богъ милости прислалъ, баринъ,—воскликнули они, поровнявшись со мной.

— Какихъ?...

— Съ прїѣздомъ!

— Гмъ... Что же вы тутъ дѣлаете?—спросилъ я.

— Гадаемъ судьбу людямъ,—ухмыляясь произнесъ одинъ: — кому счастье встрѣтиться съ нами, а кому несчастье...

— А! Такъ это вы напугали барыню въ «Темномъ Борѣ»?...

— Спужалась барыня. А мы просили хлѣбца да обогрѣться...

— Свою избу надо имѣть, братцы...

— Дѣться некуда въ деревнѣ,—перебили они.—Какъ противъ теченія плыть, такъ и намъ въ деревнѣ... Который изъ насъ чувствуетъ, что можетъ прокормиться на сторонѣ, тотъ ушелъ изъ деревни...

— Въ Петербургъ? — спросилъ я, заинтересованный началомъ бесѣды.—Но вѣдь и тамъ теперь вездѣ сокращенія, а жизнь стала дороже.

— Плохо и тамъ,—согласились они.—Прїѣдутъ мужики въ Питеръ и ищутъ земляковъ: хлѣбомъ, молъ, не корми, а отъ темной ночки оборони... Да понаѣдутъ-то съ бабами и ребятами. А «земляки» и сами семеромъ живутъ въ одной комнатукѣ, да на книжку забираютъ провизию изъ потребительной лавки до первой полочки. Ну, вотъ, и живутъ вмѣстѣ они: мужикъ бѣгаетъ на лѣсопильный заводъ Граапа, въ «Новую Баварію», къ Кенигу, въ Колпино съѣздить, да все напрасно; а бабы въ ту пору снуютъ по городу, которая съ «брюхомъ», а которая съ ребенкомъ на рукахъ... Просятъ милостыню, а имъ кричатъ въ лицо: «Кончили полевые работы, теперь понаѣхали въ столицу на нищенскій промыселъ»... Случалось и такъ, что, измотавшись по городу въ поискахъ труда и не имѣя денегъ вернуться въ деревню, мужики отправлялись туда пѣшкомъ, а дѣтей обманомъ оставляли ночью

на панели проспектовъ. Полиція подбирала плачущихъ сиротъ и отправляла въ Николаевскій пріютъ для нищихъ впредь до розыска родителей. А родители, сами полуодѣтые, въ холодную и дождливую погоду плелись въ свои деревушки по рельсамъ желѣзныхъ дорогъ, питааясь Христовымъ именемъ и не зная, гдѣ ночевать... Въ Петербургѣ однажды одного изъ такихъ нашли на «свалкѣ», гдѣ онъ долго жилъ въ землянкѣ и питался отбросами въ нечистотахъ. Когда его привезли въ Александровскую больницу, то обмыть было очень трудно этого Діогена...

— Откуда ты знаешь это слово?

— Я образованъ малость, — отвѣтилъ онъ гордо. — А дома у себя въ деревнѣ, — продолжалъ онъ прежній разговоръ, желая блеснуть «образованіемъ», — вернувшася мужика ждетъ повѣстка изъ волостного правленія и предписаніе ѣхать ему обратно въ Питеръ за покинутыми дѣтьми, съ уплатою за прокормленіе ихъ и содержаніе въ пріютѣ... Вотъ такъ мы и странствуемъ съ безработицы на голодъ.

— Вы бы шли въ другой уѣздъ, — перебилъ я. — Въ этомъ болотномъ краѣ и помѣщиковъ богатыхъ мало...

— Не тамъ воръ воруетъ, гдѣ много, а гдѣ просто! — весело воскликнули бродяги.

— Нельзя воровствомъ да подаяніемъ жить, — началъ я; но бродяги опять перебили меня:

— Мы подбираемся, а сами въ боки втираемся. Пѣсенки нѣмъ, да людямъ спать не даемъ...

— Это не ладно, братцы. Моховые мужики и безъ того бѣдные люди... Вы тоже православные...

— Не-е... Не гораздъ православные.

— Какъ такъ?

— Мы скопскіе... Немытые. Сѣрые люди.

Они ухмылялись и, видимо, щеголяли своей численностью надо мною.

Это все послѣ мнѣ вспомнилось... А здѣсь, въ псковскихъ лѣсахъ, гдѣ я такъ привыкъ къ тому, чтобы мужики встрѣчали меня радостно, мнѣ не пришло и въ голову опасаться незнакомцевъ.

— Можеть, любопытно тебѣ нашъ паспортъ узнать? — продолжали они «разговоръ смѣхомъ».

— За коимъ чортомъ мнѣ вашъ паспортъ? — выругался я, нѣсколько недовольный тономъ бесѣды.

— Тебя наши мужики и на свадьбу гулять зовутъ, и дѣла свои сказываютъ... Погляди и ты наши бумаги.

Одинъ изъ нихъ подаль мнѣ листъ, на которомъ значилось: «Пашпортъ».

Я машинально сталъ читать его, но оторваться не могъ... Въ немъ сказалась вся иронія «псковской мякнны», издѣвательство мужика надъ приказной и гражданской жизнью.

Я читалъ:

«Предъявитель сего Скопской губерніи, Графской губы, Ополинскаго уѣзда, деревни Поляки, Иванъ Хведулаевъ, стало быть я, отпущенъ во города и селенія Россіянскихъ Имперіевъ срокомъ отъ низеписанныхъ цисловъ на девять мѣсяковъ, стало быть ровно на полгода. Пашпортъ выданъ съ тѣмъ, цтобы по городу ходить цестно и благородно, въ кабацары не заходить, въ трантирахъ на билинтрясахъ не хлопать, не требовать цвайной сбруи, не пить цваю съ заморскимъ огурцомъ, стало быть съ филимономъ. При семъ были свидѣтели: съ Полицъ Микинъ малецъ, съ Кривой версты Ванька да Хваткинъ, Сенька деревянный староста въ липовыхъ лаптяхъ, наболшій аблакатъ по казеннымъ дѣламъ, Еремей въ бѣлыхъ порткахъ съ гашникомъ и скребетаръ подписамши. Пашпортъ замумеренъ и подати засуроплены и печать мѣдной гривной приляпана, тысяка восьмсотъ семдисятъ нашего года, мѣсяка и цысла не помню, а мумеръ въ Екимовой Дунькѣ въ сараханѣ у переднемъ карманѣ, такъ еще съ нимъ и ходить.

Примѣты Ваньки Хведулаева: съ боку близорукъ, безъ носу и безъ рукъ, правымъ глазомъ не видитъ, а лѣвый соломой заткнуть. Особыхъ примѣтъ нѣтъ. Вѣроисповѣданія скопскова, лѣта не считаны, холостой, хотѣлъ батя занить, да невѣсту волки съѣли».

Прочитавъ, я невольню взглянулъ на искривленныя улыбкой и торжествующія лица «лѣсныхъ братьевъ».

Они были самодовольны и упоены затаеной враждой къ установленнымъ формамъ общечитія.

Подъ своды высокихъ сосенъ прятался глухой смѣхъ съ кашлемъ полуобледенѣлыхъ людей, очевидно, счастливыхъ тѣмъ, цто я былъ ими заинтересованъ, не проявляя къ нимъ ни страха, ни презрѣнія.

— Подарите мнѣ за цѣлковый вашъ паспортъ,—сказалъ я, улыбаясь имъ.

— Давай,—произнесли они, не спуская жадныхъ глазъ съ кошелька, изъ котораго я вынулъ имъ по полтиннику.—Поди,—продолжали они,—канинскіе мужики твоими деньгами подати уплатили?

— Не думаю,—отвѣтилъ я, пряча бумажникъ въ карманъ и машинально подвигая къ себѣ заряженное ружье.

Это движеніе моей руки къ ружью тотчасъ измѣнило настроеніе бродягъ.

— Дума-то еще въ Петербургѣ не разошлась, баринъ?—спросили они, мѣняя разговоръ.—Говорятъ здѣсь моховые люди, цто «мода» такая въ Петербургѣ ходить и разгоняетъ думу...

— Что-о такое?

— Политикой зовутъ ее...

— Кого?

— Моду эту самую... Тоже и у насъ около Пскова она водится.

— Расскажите, — произнесъ я, удерживая лошадь. — Что за исторія?

— А женщина такая, — отвѣтили бродяги насмѣшливо. — Мужики говорятъ, какъ она войдетъ въ избу къ мужику, такъ всѣхъ и помутитъ. Вотъ тебѣ смѣшно и намъ тоже, — продолжали они: — а здѣшніе мужики боятся, какъ бы эта «мода», что политикѣй прикидывается, не зашла въ «Моховщину» и не крикнула бы имъ: «если Богъ не дастъ земли, то силой возьми!»¹⁾ А нешто можно — что завидѣлъ, то и взялъ силой?.. Возьмешь ли у тебя лошадь или твою шубу безъ драки?

Въ то время я не понималъ переноснаго значенія этого вопроса и, не вникая въ это, спросилъ ихъ просто:

— Не хотите ли у меня приработать нѣсколько денегъ? Мой егеръ обходить правый клинъ лѣса, а вы обойдите лѣвый... Если найдете выходной слѣдъ волковъ, то идите въ село, гдѣ я остановился и куда я прежде васъ вернусь... Ну, прощайте... Я поѣду прямо, а вы забирайте лѣвую сторону. Если обложимъ волковъ, то вы пойдете въ загонъ и еще получите по полтиннику.

— Благодаримъ, что принимаешь насъ, — отвѣтили они оба признательнымъ голосомъ. — Отразу обойдемъ лѣсъ и принесемъ вѣсть...

— Обходите. Я тоже поѣду впередъ... Замѣшкался я съ вами... Больно вы смѣшные ребята-то.

— Питерскіе! — воскликнули они уже съ ироніей надъ самими собой, углубляясь въ лѣвую сторону лѣса.

Сверхъ ожиданія, волки ушли, и я выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы успѣть обложить ихъ.

— Теперь день короткій, — согласились бродяжки, съ которыми я опять сошелся на звѣриной тропѣ. — А къ вечеру они тронутся съ мѣста... Это не здѣшніе волки, а проходные...

— Вы правы. Поверните-ка мою лошадь обратно, да не такъ круто... Вывернете!

— Цѣлъ будешь...

— Что же, — сказалъ я: — цѣпляйтесь за меня сзади на розвальняхъ и поѣдьте въ село... Надо накормить васъ.

¹⁾ Въ томъ же фантастически-террористическомъ направленіи составлена корреспонденція изъ гор. Пскова въ «Новомъ Времени» отъ 20 января 1908 г. А именно: «По словамъ псковичей, образовалась цѣлая организація, называющая себя «союзомъ обновленія». Агенты этого союза вербуютъ въ него всѣхъ желающихъ, въ особенности крестьянъ. Съ каждаго вступающаго въ союзъ отбирается особая подписка и снимается фотографія: ему же выдается 50 руб. Подобные агитаторы очень часто попадаютъ въ руки полиціи, и затѣмъ по фотографіямъ находятъ и нововведенныхъ членовъ союза».

Опять поѣхали мы темнымъ лѣсомъ и уже на полѣ встрѣтили Моховика, который въ правомъ клину не нашель слѣдовъ волковъ, но наткнулся на рысиные.

— Ъзжайте «перехватывать», а я обойду рысь,—сказалъ мой егерь. — Будьте готовы въ облаву, чтобы не запоздать... Откуда такіе?—спросилъ онъ, угрюмо поглядывая на моихъ спутниковъ.

— Ъхаль и насъ не боялся, а тебя увидаль — разсмѣялся, — отвѣтили они за меня.

— Гдѣ медь пьете, а гдѣ и кандалы трете, — произнесъ презрительно Моховикъ и пошелъ къ лѣсу, видимо, не одобряя моего знакомства съ темными личностями.

— Былъ хуже насъ, когда водку пилъ, — произнесли они ему вслѣдъ:—а сталъ водиться съ тобой и надоѣло жить свиньей...

— А вы чего же такъ бездомничаєте?

— Родились съ лысинкой и умремъ съ звѣздинкой,—отвѣтили они безнадежно.—Вся душа измытарится, а хорошаго намъ ничего не найти... Надѣялись мы, что дума облегчить бѣдныхъ людей, а она кавкаетъ одно и то же, а никто не слушаетъ ея... И языкъ у выборныхъ, что долото. Двигало, а не слова... Да мужики не поддержали ихъ. Мужики по всей Россіи — что воробьи кричатъ на ястреба: «Стой заодно! Не выдавай!» А когда ястребъ кинется въ стадо, они всѣ который куда съ крикомъ: «Слава Богу не меня, а товарища...» Вотъ крестьянство какое... Развѣ оно поддержитъ своихъ выборныхъ? А безъ выборныхъ — кому же суетиться за крестьянство? А вотъ «моховики» этого не понимаютъ... Необразованные люди. Нашему мужику надо дать, а потомъ отнять, тогда онъ будетъ этимъ дорожить. А безъ перерыва онъ не пойметъ своего счастья... Намъ жалѣть надо, что у государственной думы былъ вѣкъ короткій. Богатому не жаль и корабля, а бѣдному жаль костыля. Безъ выборныхъ и острый умъ въ народѣ волосами обрастаетъ. Вѣтромъ его не продуть... Загниетъ.

— А вы расчешитесь, — произнесъ я. — Пробуйте въ деревнѣ устроиться, если высланы изъ столицы...

— Ничего здѣсь не будетъ, баринъ... Засохнешъ на болотахъ съ моховиками...

— Не засохъ же мой Василій Лукичъ... Бросилъ пить, поступилъ церковнымъ сторожемъ, а потомъ и самъ выстроилъ себѣ избу, купилъ лошадь, корову, женился и двойню родилъ...

Бродяги сочувственно засмѣялись, но остались при своемъ мнѣніи.

— Эта исторія-то на нашихъ глазахъ произошла, — сказали они.—Вся сила въ томъ, что Моховикъ твой съ хорошими людьми спознался... Ну, его точили-точили—онъ и взялся за умъ. А мы гдѣ же живемъ? Ворону въ лѣсу лучше, чѣмъ намъ... Вотъ ты насъ и въ лѣсу не боялся и въ домъ везешь, какъ добрыхъ людей; а въ

другихъ мѣстахъ намъ и работы не дадутъ, и за человѣка никто не сочтетъ... Мы же, сказать тебѣ по правдѣ, тоже понимаемъ обращеніе. Видали мы и добрыхъ, и гордыхъ людей, что поютъ: Господи! Господи! сколько у людей грѣховъ, а у меня одинъ грѣшокъ, да и тотъ маленькій... Они самому Господу указываютъ, какъ разбираться въ нашихъ грѣхахъ... Самообоготвореніемъ заняты... Вотъ гордецы, какъ высоко держатъ себя! А того не понимаютъ, что Господь можетъ въ отвѣтъ сказать имъ: «черезъ большую колодину никогда не завалишься. Всякій увидитъ ее. А попадется маленькій сучокъ, и завалишься черезъ него. Твой «маленькій грѣшокъ» на Моемъ судѣ хуже большого... Бѣдные люди призываютъ «Сѣверную дружину» и хотятъ весь край разнести, потому что имъ глазъ нечѣмъ прикрыть, когда умрутъ, а ты чѣмъ умудрялъ помочь горю? Тебѣ было хорошо, а ты, какъ векша, забрался вверхъ на дерево, а другіе падали въ ямы... Ты называешь «маленькимъ грѣхомъ» то, что господа подъ небеса забрались отъ своего народа, а Господь-то иначе судить». Гордыхъ никто не любитъ,—продолжали бродяжки философствовать.—Повстрѣчали мы тебя въ лѣсу да и порѣшили въ суметъ снѣга бросить... коли что. А на лошаdkѣ съ розвальнями поѣхать самимъ далѣе... Да не привелось такъ-то, а по иному пошло, когда ты по-хорошему повелъ съ нами компанію.

— Вона!—воскликнулъ я съ удивленіемъ.—Я ничего для васъ не сдѣлалъ...

— Бродягами не обругалъ да въ шею не надавалъ,—отвѣтили они.—А то всего бывало отъ людей.

— Можетъ быть,—подумалъ я, невольно удивляясь тому, какъ немного надо, чтобы смирить озлобленнаго человѣка и какъ возможно его возрожденіе, если бы я жилъ собственнымъ хозяйствомъ въ деревнѣ и могъ бы предложить «бездомникамъ» честь и мѣсто...

Между тѣмъ въ настоящее время ихъ выселяютъ сюда изъ Петербурга и Прибалтійскаго края на полную безпріютность и безработицу...

Облава на рысь была неудачной. Звѣрь выбѣжалъ на Моховика, и тотъ сдѣлалъ по немъ промахъ.

— Ну, кабы на меня—готовъ бы!—кричалъ другой мой егеръ, Максимъ, сокрушаясь о промахѣ.—Какъ же это ты, Василій, слышишь, что загонъ оретъ, а ты папирисой занявшись стоишь?

— Бѣсъ ты, али человѣкъ?—закричалъ на него въ гнѣвѣ Моховикъ.—Развѣ на сто шаговъ мы убивали рысей?

— Да гдѣ же сто шаговъ? Сорока не будетъ...

— Не вводи ты меня въ грѣхъ! Гадъ!—крикнулъ тотъ, подступая къ нему ближе.

Я сталъ между ними и развелъ мужиковъ...

— Довольно! Довольно ссориться! — произнесъ я, успокаивая ихъ.—Если бы не было неудачъ на охотѣ, звѣрей давно не существовало бы.

— Да что жъ онъ брешеть?—кричалъ Моховикъ, передразнивая противника. — Кабы на него звѣрь выбѣжалъ — готовъ бы!.. Самому и зайца не убить, а тоже по рысямъ стрѣлять думаетъ... Никакой правды въ немъ нѣтъ.

— Скажу слово, что топоромъ отчешу,—произнесъ настойчиво Максимъ и отошелъ въ сторону.

— Вѣкъ не слыхалъ отъ тебя правды, — кричалъ ему вдогонку Моховой.—Говорилъ одинъ такой заяцъ: пойду топиться, потому что меня никто не боится... Вдругъ лягуха изъ-подъ его ногъ прыгъ въ сторону... «А и меня боятся», сказалъ заяцъ и остался жить...—Вотъ и ты такъ же. Душа твоя заячья... Закричи на тебя, такъ ты со слуху уйдешь отъ страху.

Максимъ презрительно промолвилъ:

— Ты если рядомъ заорешь, то повалишься, что отъ стрѣлы...

— Ну, да будетъ вамъ!—крикнулъ я и сталъ разсчитывать загонщиковъ, приглашая ихъ стать для счета въ линію.

— А что,—спросили меня бродяжки передъ уходомъ:—правда ли, у насъ говорятъ, что кто не пашетъ, тому дума не позволить землю купать и кто 24 года продержитъ аренду, тому земля перейдетъ въ собственность?

— Будетъ вамъ вздоръ говорить...

— А кто будитъ, тому прежде надо вставать,—состригли они.—Погоди, баринъ: встряхнется мужикъ разомъ, какъ конь повалявшись...

— Ладно! Ладно! Прощайте...

— Спасибо и тебѣ,—кричали они мнѣ вмѣстѣ съ загонщиками, удаляясь съ ними по одному направленію.

XIV.

«Родные братья».

Черезъ день я простился съ Масаевымъ и поѣхалъ въ погостъ Тростянецъ къ давно звавшему меня къ себѣ священнику Гавриилу. Дорогой я узналъ, что на праздники къ нему пріѣхали дѣти, изъ которыхъ Яковъ пять лѣтъ тому назадъ былъ исключенъ изъ семинаріи и, оставивъ родительскій домъ, ни разу не прислалъ отцу письма о своей судьбѣ, а старшій—Николай—окончилъ курсъ въ университетѣ и служилъ въ столицѣ судебнымъ слѣдователемъ. Родные братья были совершенною противоположностью другъ другу, и всякій разговоръ между ними кончался споромъ.

Въ тотъ моментъ, когда я входилъ въ домъ священника и раздѣвался въ передней, «бродяжка», какъ отзывался отецъ о младшемъ сынѣ, безопасно игралъ въ столовой съ «Лыской», прибѣжавшей къ нему со двора.

Собака отъ удовольствія лѣзла прямо къ нему въ лицо, пока старшій братъ, читавшій въ креслѣ газету, раздраженно не крикнулъ:

— Да отгони ты ее, Яковъ. Противно смотрѣть... Собака должна знать свое мѣсто, а не съ людьми находиться.

— Кто любитъ животныхъ, тому по священному писанію три грѣха простится въ день,—смѣясь отвѣтилъ братъ.—Я люблю священное писаніе, но всегда съ прибавочкой.

— Никакихъ прибавочекъ не надо,—перебилъ братъ, слегка раздражаясь.—Священное писаніе не нуждается въ твоихъ прибавочкахъ. Ты еще въ семинаріи долженъ былъ уйти изъ-за нихъ и испортилъ себѣ карьеру своими сочиненіями.

— Я не тужу объ этомъ, братецъ,—быстро воскликнулъ Яковъ.—Но мое сочиненіе было благородное,—продолжалъ онъ, вспоминая вдругъ свои ученическіе годы.—Я волосами обросъ, а умъ у меня всегда былъ свободный. За смѣлое толкованіе священнаго текста мнѣ приказали либо поклониться одинъ разъ въ ноги ректору семинаріи, либо сдѣлать сто поклоновъ въ церкви передъ образомъ. Ну, развѣ это педагогично? Поклоняться Богу въ наказаніе? За послушаніе меня исключили, а сочиненіе было хорошее... Я съ увлеченіемъ доказывалъ, что пока люди ограничиваются чтеніемъ Евангелія, а основы ихъ жизни совсѣмъ иныя, они похожи на слѣпого, который на солнцѣ грѣется. Онъ чувствуетъ тепло, а солнца не видитъ... Такъ и люди въ этой жизни чувствуютъ при чтеніи евангелія его теплоту, но какая она—они не видятъ и не знаютъ ея, пока ихъ жизнь не согласована съ завѣтами евангелія...

Священникъ Гавріиль твердымъ голосомъ перебилъ сына:

— Идеалы царства Божія не на землѣ, Яша. Твое сочиненіе еретическое... Съ тѣхъ поръ ты и сопричисленъ къ лику отщепенцевъ, какъ только вздумалъ жить не простой жизнью. Не намъ, простымъ смертнымъ, измѣнять ее. Правда ранѣе насъ написана въ Евангеліи и Библии.

— Да мы-то не видимъ ее, какъ слѣпые солнца,—возразилъ тотъ.—А въ моей деревнѣ люди увидятъ правду и поймутъ ее.

Я поздоровался съ присутствующими и спросилъ Якова, о какой онъ мечтаетъ правдѣ.

— Крестьяне должны увидѣть на дѣлѣ выгоду общаго труда и общественнаго имущества,—весело отвѣтилъ онъ.—Теперь они собой напоминаютъ огонь и воду... А изъ всего этого можно сдѣлать паръ для машинъ, если приложить трудъ. Но порознь эти

вещи бесполезны для парового движенія. Въ деревнѣ имѣются порознь всѣ силы, чтобы жить по евангельски, но необходимо связать эти силы. Могло же быть единеніе между людьми въ апостольскія времена и почему ему не быть теперь? Я ничего новаго не предлагаю и не выдумываю.

— Теперь нѣтъ пророковъ,—глухимъ голосомъ отвѣтилъ священникъ.—Все до насъ сказано и возможное сдѣлано. Все кончилось...

— Да какъ же такъ, батюшка?.. Апостоль Павелъ въ посланіи къ римлянамъ, въ главѣ XII, говоритъ людямъ: «не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы познавать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная»...

— Священникамъ это полагается, а не всякому,—рѣзко перебилъ старшій братъ, не скрывая своего неудовольствія...

Но на «бродажку» этотъ тонъ не повліялъ. Невозмутимо и даже съ какой-то тихой радостью онъ отвѣчалъ ему изъ того же Павлова посланія:

— «По данной намъ благодати, имѣемъ различныя дарованія: то имѣешь ли пророчество, пророчествуй; имѣешь ли служеніе, пребывай въ служеніи»... Я бродилъ по монастырямъ и научился монастырскому хозяйству, а ты учился въ университетѣ разнымъ наукамъ... Я стучался въ монастырскія ворота и просилъ позволенія «попѣть теноркомъ» и пожить въ обители. Въ иномъ монастырѣ держали меня за хорошее пѣніе, въ другомъ—за то, что я умѣлъ выпечь хлѣбъ и готовить вкусный квасъ, а на Валаамѣ я былъ даже канонархомъ и ѣздилъ въ Петербургъ уставщикомъ для согласованія валаамскаго служенія съ городскимъ, но не поладилъ со старыми монахами и ушелъ отъ нихъ.

Старшій братъ презрительно слушалъ его, стараясь дать ему это почувствовать въ своемъ замѣчаніи:

— Съ большой пользой для ума провелъ ты свои молодые годы!

— Не вижу большой пользы и въ судѣ служить,—неожиданно строго отвѣтилъ братъ, но тотчасъ же пояснилъ свою мысль, смягчая тонъ голоса.—Если ты осудишь убійцу или поджигателя, то убитаго человѣка къ жизни не вернешь и сожженную деревню не поставишь на прежнее мѣсто; а вотъ если бы ты жилъ для того, чтобы люди не убивали ближнихъ и не посягали на ихъ имущество,—ну, я бы похвалилъ твою жизнь.

— Что за нахаль! Да кто нуждается въ твоихъ похвалахъ?

— Не нужно гнѣваться такъ, Коля,—испуганно остановилъ его священникъ.—Зачѣмъ приходитъ въ неистовство, если Яковъ расходится съ нами во взглядахъ. Теперь я вижу, откуда у него эти взгляды на хозяйство мужиковъ сообща... Онъ на Валаамѣ видѣлъ братскую жизнь и хочетъ испробовать ее съ нашими мужиками.

Яковъ, повидимому, не замѣчалъ смуты, которую онъ вносилъ въ родную семью. Поглощенный своими мыслями, онъ не замѣтилъ и встревоженной матери, прибѣжавшей на громкій споръ между братьями.

Онъ радостнымъ голосомъ говорилъ:

— И на Валаамъ, и въ другихъ монастыряхъ многое мнѣ не понравилось, но недостатки монастырской жизни привели меня къ Евангелію...

Попадья съ сожалѣніемъ обратилась къ нему:

— Два брата въ одномъ домѣ не уживутся, какъ же ты хочешь соединить въ одно многихъ необразованныхъ людей?

— Это дѣло Христово, матушка... Несогласія должны быть между родными по крови.

— Не слыхалъ такого дѣла за Христомъ, — укоряюще перебилъ его отецъ и тотчасъ же испугался своихъ словъ, предчувствуя, что сынъ восторжествуетъ и въ этомъ вопросѣ.

Тотъ ласково спросилъ:

— А кто же пришелъ въ міръ, по словамъ апостола Маттея, раздѣлить домашнихъ по крови между собой и соединить ихъ по духу?

Не получивъ отвѣта отъ отца, онъ обратился къ матери, но та испуганно перекрестилась и ушла въ свою комнату, тяжело вздыхая.

Священникъ также избѣгалъ дальнѣйшихъ преній и мрачно смотрѣлъ въ сторону.

Но Николаю было невыносимо оставить за братомъ послѣднее слово и, овладѣвъ собой, онъ спросилъ его:

— Тебѣ, конечно, знакомо Павлово ученіе о предрержащихъ властяхъ отъ Бога и повиновеніи имъ...

— Я все знаю, что по писанію, — весело перебилъ его тотъ. — Такъ и вышло бы, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, если бы мы жили по-христіански... Левъ Николаевичъ Толстой во многомъ не согласенъ съ апостоломъ, а мнѣ кажется, что павлинисты во всемъ правы при условіи, когда люди христіане... когда они творятъ волю Отца Небеснаго...

— Не съ нашимъ это народомъ, — перебилъ Николай. — Ему нужны еще казацкія нагайки... Ничего другого ему не нужно. У него довольно и времени, и денегъ на пьянство... А тебѣ ничего не позволяютъ дѣлать, что ты говоришь.. Не позволяютъ!

— Почему же? Кто можетъ запретить мнѣ добровольно отдать нуждающемуся послѣднюю рубашку? Братъ у меня ее силой или мнѣ у другого и ты можешь запретить и составить объ этомъ протоколъ, но добровольное христіанство съ общимъ трудомъ и имуществомъ никто не запрещалъ никогда.

— Не позволяютъ!.. Не разрѣшаютъ! Увидишь...

— Это тоже не такъ страшно, братецъ. Не съ Моисеева благословенія началось на землѣ христіанство. Равнины не пошли за новымъ духовенствомъ.

— Но не ты же заведешь въ нашъ вѣкъ новое духовенство?

Священникъ въ испугѣ просилъ братьевъ прекратить споръ, видимо, долго не могъ успокоиться концомъ разговора о новомъ духовенствѣ.

XV.

Изъ жизни псковскаго духовенства.

Проживъ нѣсколько дней въ погостѣ Тростянецъ, я невольно думалъ, что обновленіе церковнаго прихода заключается, между прочимъ, въ привлеченіи мірянъ къ дѣламъ церкви... Эта совмѣстная жизнь причта и прихода тамъ, гдѣ она осуществляется, несомнѣнно полезна обѣимъ сторонамъ.

Мнѣ однажды пришлось въ одномъ изъ погостовъ Псковской губерніи наблюдать на церковномъ сѣздѣ обсужденіе хозяйственныхъ дѣлъ церкви всѣми прихожанами и убѣдиться въ несомнѣнной его благотворности.

Подняты были вопросы: 1) о починкѣ дорогъ, прилегающихъ къ церковной землѣ; 2) о расходованіи церковныхъ суммъ, и 3) о самоустройствѣ причта.

Священникъ настаивалъ оставить все попрежнему и чтобы починка дорогъ лежала на обязанности крестьянъ.

— Ваши дѣды сдѣлали такое постановленіе,—говорилъ онъ.— Не вамъ и отмѣнять его. Русскій человекъ живетъ стариной.

— Мало ли что! Старина-то неправильна... Что въ темномъ лѣсу. Мало ли какія постановленія дѣлали дѣды,—воскликнули крестьяне.—Пора ихъ и отмѣнить. Чья земля, тотъ и дороги чини.

Духовенство продолжало лукавить.

— Земля мало даетъ доходу причту. Нѣтъ намъ выгоды чинить дороги и мосты... Мы и землю-то отдаемъ въ аренду исполу.

— А кто беретъ у васъ землю исполу,—закричали прихожане,—тому пусть священникъ ставитъ въ условіе починку поповскихъ дорогъ. Найдутся деньги и у причта на починку.

Одинъ изъ сторонниковъ священника хотѣлъ сдѣлать замѣчаніе въ его пользу.

— На «видныя деньги»,—произнесъ онъ,—священникъ много не сдѣлаетъ ремонту. Весь ремонтъ или изъ пожертвованій производится, или изъ такъ называемыхъ «темныхъ денегъ», что получаютъ отъ продажи оборотныхъ свѣчей... Иная свѣча по нѣсколько разъ обернется въ продажѣ, а записывается она на приходъ одинъ разъ. Отъ кошельковаго и кружечнаго сбора бываютъ

также остатки, которые строго нельзя учесть, несмотря на то, что они записываются въ приходо-расходныя книги.

Молодой прихожанинъ, перебивая оратора, воскликнулъ насмѣшливо:

— Да стоитъ ли о двухъ-трехъ рубляхъ на починку разговаривать, когда у насъ въ погостѣ пропадаетъ зданіе подѣ церковную школу въ семьсотъ рублей. Оно выстроено мужицкими горбами, а вести школу духовенство не хочетъ, и зданіе который годъ гніетъ безъ пользы. Священники—первые враги церковныхъ школъ, такъ какъ надо въ нихъ учить ребятъ даромъ и тратить время.

— У насъ,—закричали другіе мужики,—церковныхъ школъ по уѣзду и не заводили, пока начальство не стало давать законоучителямъ награды.

Сконфуженный священникъ сердито отвѣтилъ:

— У церкви средствъ нѣтъ на школу... Налоги на церковь велики. Надо содержать на эти налоги епархіальное женское училище во Псковѣ, духовную семинарію, духовныя училища чуть ли не во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, епархіальный свѣчной заводъ, вдовъ и сиротъ, миссіонерскія братства... Около двадцати статей всѣхъ церковныхъ налоговъ... А выручки мы имѣемъ только со свѣчной продажи да со свадебъ и покойниковъ.

Прежній молодой ораторъ тѣмъ же тономъ отозвался:

— Это все ради васъ же дѣлается... Ваши же дѣти учатся бесплатно на «божьи деньги» изъ нашихъ кармановъ. Вашимъ же вдовамъ и сиротамъ даютъ изъ тѣхъ же суммъ пособія и пенсіи.

Священникъ запальчиво перебилъ:

— Что же, по-твоему, ничего не нужно платить на нужды духовенства? А послѣ и на войско не нужно, и на полицію не нужно... Слышали, что онъ говоритъ?

— Это ты брешешь на меня,—серdito отвѣтилъ молодой крестьянинъ и, ободренный сочувствіемъ, продолжалъ:—со свадьбы въ доходъ церкви причтъ отчисляетъ пятьдесятъ копеекъ, а съ насъ священникъ беретъ по пяти рублей за свадьбу. Куда же онъ дѣваетъ остальные четыре рубля пятьдесятъ копеекъ?

— Намъ же нужно содержаться... Съ чего-нибудь жить...

— Да, вѣдь, вы,—возразило нѣсколько голосовъ священнику,—жалованья получаете триста рублей въ годъ, земли у васъ уйма и дѣтей даромъ обучаете и за тѣбы берете...

Прежній ораторъ добавилъ:

— Вотъ бы и послали 4 руб. 50 коп. въ консисторію, а полтинникъ себѣ... А то священники собираютъ сотни съ насъ, отсылаютъ деньги, и мы не знаемъ, куда и на что... Не только прихожанамъ, но и старостѣ съ учетниками не даютъ отчета...

— По закону,—отвѣтилъ священникъ,—мы не обязаны отдавать отчетъ въ деньгахъ прихожанамъ. У насъ есть консисторія.

Это не убѣдило сходъ, и большинство его членовъ громко выразило свое постановленіе:

— А вы поступайте съ церковными суммами такъ... Прежде справьте на собранныя деньги всѣ церковныя нужды, а изъ остатковъ посылайте консисторіи.

Священникъ хотѣлъ сдвинуть брови, но вдругъ недовольное лицо его просіяло.

— Вы составьте приговоръ въ этомъ духѣ,—произнесъ онъ.— А то намъ не вѣрять консисторіи.

Крестьяне испуганно воскликнули:

— Приговоръ мы писать не будемъ. И безъ бумаги можно... Не научили насъ письму. А какъ мы говоримъ, такъ и дѣлай. Вамъ же хуже, если начальство не вѣрять вамъ. Въ винной лавкѣ правильнѣе, чѣмъ у священника. Тамъ я знаю, что стоитъ сотка и сороковка, а священника не понять: что стоятъ у него крестины, молебны и все прочее. Вотъ хотя бы дѣло о церковномъ сторожѣ... Маленькое дѣло, а вы и его правильно не рѣшаете...

Священникъ потребовалъ объясненія, и прихожане изъ крестьянъ отвѣтили ему:

— Приходъ даетъ жалованье сторожу и долженъ требовать, чтобы увольненіе его причтомъ принято было съ вѣдома прихода, а у насъ священникъ мѣняетъ его по своему желанію. А вѣдь сторожъ—рабочій человѣкъ, и ему также нужны права... А то сторожъ нанимается для церкви, а служитъ онъ у попа въ работникахъ. Развѣ это правильно? Отъ его услужливости попу и попадѣтъ зависеть, какъ долго ему находиться въ церковной сторожкѣ.

Священникъ гнѣвно не соглашался съ прихожанами, но послѣдніе упорно утверждали самоуправство причта.

— На что это похоже,—воскликнули негодующимъ голосомъ болѣе молодые крестьяне:—что священники спрашиваютъ прихожанъ, кто какъ думаетъ изъ насъ о правительствѣ и нѣтъ ли гдѣ лжеучителей? Они указываютъ полиціи на грамотныхъ людей, и стражники отбираютъ по крестьянскимъ избамъ книги и газеты.

— Да гдѣ же такіе пастыри у насъ?—перебилъ священникъ и, не дождавшись отвѣта, сказалъ, что въ пригородѣ Выборѣ, Островскаго уѣзда, въ послѣднихъ числахъ іюня 1906 г., слышно, арестованъ священникъ Николай Цвиневъ за сочувствіе освободительному движенію. Среди духовныхъ лицъ есть тоже всякіе... Много и вольнодумцевъ...

— А все же,—перебили его:—больше кутейницкаго званія люди идутъ противъ народа. Въ погостѣ Новая Уситва, Островскаго уѣзда, священникъ Михаилъ Ясинскій въ 1905 г. кричалъ въ церкви анаѹему тѣмъ, кто говорилъ съ крестьянами, и называлъ ихъ крамольниками; въ погостѣ Любятово, Псковскаго уѣзда, благочинный Ѳедоръ Загорскій 9 мая 1906 г. кричалъ противъ на-

дѣленія крестьянъ землю, заявляя имъ: «а того не знаете, что вамъ придется кормить меня, когда къ вамъ отойдетъ моя земля». Въ Изборскѣ, Псковскаго уѣзда, 18 іюня настоятель собора Петръ Пановъ доказывалъ въ церкви крестьянамъ, что земля дана Богомъ помѣщикамъ, а не тѣмъ, кто надъ нею трудится...

Было уже поздно, когда церковный съѣздъ окончился оживленнымъ обмѣномъ мыслей между причтомъ и приходомъ.

Слушая этотъ обмѣнъ мыслей между мірянами и клириками, нельзя было не замѣтить пробужденнаго сознанія въ массахъ народа и не чувствовать за него гордости...

XVI.

«Удѣльный князь».—«На хорошей полосѣ».—Бабья судьба.—Бродяги въ д. Шипово.—«Гдѣ игла—тамъ и нитка...».—Тайное горе и открытая нужда...

Я торопился къ Новому году вернуться домой.

По пути я заѣхалъ въ Крутецъ къ Степану, чтобы въ послѣдній разъ послушать образнаго мышленія природнаго художника... Такимъ даетъ себя чувствовать русскій геній русскаго народа. Что бы ни говорили о немъ пессимистически-настроенные Шеллеръ и Лѣсковъ—съ этимъ геніемъ русскій народъ «встряхнется, какъ конь повалявшійся» при первыхъ проблемахъ свободы и ея гарантіяхъ.

— Я неграмотный, — скорбитъ Степанъ. — Внучекъ Сергунька читаетъ мнѣ... А кабы я самъ грамоту зналъ, такъ шестомъ головы у меня не досталъ бы... И теперь, когда я неграмотный и живу на узкой полосѣ, — и то не всякій ко мнѣ приставай...

Глубокой консерваторъ, онъ строго блюдетъ обычай старины.

Сядетъ за столъ къ самовару пить чай, и дѣти не смѣютъ безъ его приглашенія сѣсть съ нимъ рядомъ...

Добродушно ухмыляясь, они сами довольны тѣмъ, что ихъ старикъ чувствуетъ себя въ избѣ «удѣльнымъ княземъ». Но самодурить онъ рѣдко, исключительно для провѣрки своего авторитета среди домочадцевъ. Успокоенный, онъ дѣлается щедрымъ и приберегаетъ конфетку внуку, чтобы тотъ почиталъ ему книгу... Мнѣ самому онъ дорогъ, какъ дороги на сценѣ тѣни прошлаго изъ Голя и Островскаго. Въ прошломъ году онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Петербургъ и просилъ меня «срисовываться» съ нимъ вмѣстѣ...

Теперь въ его избѣ виситъ въ рамкѣ фотографическая карточка, на которой я сижу съ карандашомъ, внимательно выслушивая и занося на бумагу все, что онъ говоритъ о людяхъ и землѣ... Но говоритъ онъ безъ связи, путанно, вродѣ Акима изъ «Власти тьмы»... Только художественнымъ чутьемъ постигаешь

красоту его образовъ, очищая ихъ отъ множества ненужныхъ и вводныхъ словъ.

Какъ всякій мужикъ, онъ мечтаетъ о наръзной землѣ и вполне резонно говоритъ о себѣ:

— У меня трое сыновей, трое внуковъ, не считая внучекъ... Всѣ ѣсть хотятъ, а надѣлъ на одну душу. Съ чего тутъ жить? А силой тоже не взять намъ ничего,—произносить она какъ бы въ отвѣтъ на радикальную мѣру.—У господъ дарственная земля есть. Екатерина царица давала землю... Ну, значить, счастье ихъ такое. Также и мужики теперь ожидаютъ такого счастья: не пришлетъ ли государь имъ по пясткѣ земли изъ Питера?

— Развѣ ожидаете?

— Не безъ того, конечно... Я бы тоже купилъ село, да денегъ мало, и на сапоги не хватаетъ. А никакой жизни такъ не любитъ мужикъ, какъ на хорошей полосѣ...

— На хорошей полосѣ?

— На широкой, значить... А то развернуться негдѣ теперь мужику.

Заѣзжая баба, какая-то «вдова-Семеновна», прервала его бесѣду замѣчаніемъ:

— Также и о вдовахъ-женщинахъ, поди, царица вдовая цогадаетъ. Она хоть на нашей точкѣ не живеть и бѣдности не знаетъ, но пожалѣть можетъ деревенскихъ женщинъ...

— О, кума-ворона!—остановилъ ее Степанъ, не любящій женскихъ разсужденій.—Бабы—что веретена: чѣмъ больше вертятся въ послушаніи у пряжи, тѣмъ больше толстѣютъ. Такъ и бабы въ рукахъ у хозяина... Ничего другого и придумать нельзя для бабьей судьбы.

Порѣшивъ въ этомъ смыслѣ безапелляціонно съ женскимъ вопросомъ, Степанъ сталъ говорить объ общемъ положеніи страны, разумѣется, съ своей патриархальной точки зрѣнія.

— Въ деревнѣ, гдѣ мужики исправны, да полоса широка, не на что жаловаться... Ни одного нѣтъ пьяницы и ни одного начальника не видали они у себя. А пошли плохіе годы: то мочливый, то сухой, стали жать податями, стали недоимки, стали и водку пить, и начальники пріѣзжать въ деревню... А мы говоримъ, что начальство, наше правительство испортилось, а это мы сами испортились...

Степанъ попалъ на своего любимого конька, ратуя противъ испорченности молодого поколѣнія по деревнямъ, и я пересталъ его слушать.

Но пріѣхалъ его сынъ Ларіонъ съ завода, куда онъ возилъ изъ лѣсу дрова, и сталъ разсказывать о «высланцахъ» въ Псковскую губернію изъ Питера и Лифлянді.

— Милостыню они просятъ здѣсь и грабежомъ занимаются,—говорилъ онъ, показывая мнѣ «Псковскія Епархіальныя Вѣдо-

мости» за декабрь 1907 года (№ 23), въ которыхъ рассказано, какъ лифляндскіе экспроприаторы въ самомъ Псковѣ спрятались въ одномъ изъ домовъ и были заживо сожжены въ немъ солдатами...

Я читалъ: «Невольно задаешься вопросомъ, какія же бѣды могутъ причинить населенію, особенно въ уѣздахъ, тѣ 200 человѣкъ, которые высланы изъ Лифляндской губерніи въ Псковскую. Намъ думается, что граждане Пскова и всѣ обыватели губерніи должны ходатайствовать передъ властями, чтобы въ нашу губернію не направляли лицъ, административно высылаемыхъ изъ другихъ мѣстъ. Если же невозможно, то необходимо устроить для нихъ дома съ принудительными работами ¹⁾, ибо высланныхъ никто не принимаетъ на частныя работы, а на получаемыя ими 1 руб. 60 коп. въ мѣсяць отъ казны содержаться нельзя. Потому, естественно; люди, становясь въ безвыходное положеніе, звѣрбуютъ и совершаютъ грабежи и убійства».

— Тутъ у насъ,—закончилъ Ларіонъ,—мужики сами хотѣли за воровство сжечь «питерскаго» высланца.

— Какого «питерскаго»?—невольно спросилъ я, вспомнивъ своихъ бродягъ.

— Двое ихъ здѣсь шлялось,—отвѣтилъ онъ.—Обоихъ избили мужики и увели въ городъ Холмъ къ слѣдователю.

— Въ чемъ же дѣло? Расскажите...

— А было такъ,—началъ Ларіонъ:—зашли ночью въ деревню Шипово, Ручьевской волости, двое высланныхъ... Смотрятъ, въ избахъ огни потушены и рѣшили они, что всѣ хозяева спятъ. Но они долго жили въ городѣ, и забыли, что зимой снѣгъ подъ ногами хруститъ и что мужики отлично какъ сторожевая собака, слышатъ, кто идетъ у нихъ по улицѣ и куда... Мужикъ любопытно все знать и онъ всегда вскочитъ съ лавки и взглянетъ на прохожаго изъ окна... Здѣсь случилось, что одна изъ бабъ даже не спала, а укачивала ребенка. Она то и обратила вниманіе на то, что прохожіе пошли чистымъ полемъ къ мельницѣ... «Ужь не воровать ли хлѣбъ?» подумала она и разбудила мужиковъ. Тѣ вдогонку и видятъ, что слѣды идутъ на мельницу... Одинъ бродяга смѣтилъ и наутекъ: черезъ озеро бѣгомъ, мужики за нимъ, да не догнали... А другой его товарищъ запрятался на валъ, на которомъ прикрѣплены крылья мельницы. Насилу нашли его и избили всего дочиста...

— На смерть?

— Почитай, что такъ... Человѣкомъ жить не будетъ...

¹⁾ «Принудительныя работы» годны для профессиональныхъ нищихъ, но смышленые могутъ добровольно работать. Необходимо организовать для желающихъ общественныя работы отъ города или земства. А. Ф.—въ.

— Другого поймать надо, — кричали мужики, теряя въ полѣ слѣдъ бѣглеца. — «Хвилить» и слѣдъ снѣгомъ заносить... Такъ бы тотъ и ушелъ домой, да видно тоже забылъ, что мужики — тѣ же гончія собаки... Пробѣжалъ онъ версты три-четыре, не видитъ за собой погони и сталъ папиросу дѣлать и спичку жечь... Мужики-то огонь увидели, въ какой онъ сторонѣ, и сообразили, что бѣглець пошелъ въ деревню Веряжу. «Въ избу ночью не пойдетъ, а ляжетъ спать либо въ гумнѣ, либо въ банѣ»... Запрягли лошадей и прямо въ деревню Веряжу: въ одно гумно, въ другую баню и тамъ нашли, кого искали... «Не подходите ко мнѣ, — кричалъ онъ изъ бани. — Сходите за сельскимъ! Я знать не знаю вашей мельницы, а иду съ другой стороны, изъ деревни Медвѣжья...» Мужики въ отвѣтъ: «Хоть самъ будь медвѣдемъ, а выходи. Слѣды твои видать изъ мельницы... А не пойдешь — баню сождемъ и ты сгоришь». Выволокли они его оттуда и били чѣмъ попало, не разбирая куда...

— За чѣмъ бить-то такъ? — произнесъ я грустно. — Можно ли такъ жестоко наказывать человѣка?

— У насъ, — отвѣтилъ Степанъ: — что скорѣе въ руки попало, то и въ лобъ. Чѣмъ способно, тѣмъ и бей...

— А Христось-то велѣлъ прощать враговъ...

— Былъ одинъ Христось, да и того продали! Больше нѣтъ... Митькой звали! — отвѣтилъ онъ упавшимъ голосомъ. — Въ настоящее время никто Христа не видитъ, а вотъ какъ мы сойдемся, такъ во всякомъ дѣлѣ поединокъ между ними...

— Подожди, старикъ, — отвѣтилъ я, чтобы чѣмъ-нибудь утѣшить его. — Все къ лучшему измѣнится... государственная дума у насъ...

— Ничего не даетъ она, а все отымаешь, — перебилъ онъ.

— Что же отымаешь?

— А гдѣ хлѣба нѣтъ, тамъ чтобы и монополюшки не было, постановлено... Да какъ же такъ? Два несчастья: и хлѣба нѣту, и вина не будетъ. Можетъ, это и неправда, — продолжалъ онъ: — а только въ этой думѣ собрались трое съ коровами, а четверый такъ, безъ коровы... Какъ же будемъ думать, какую корову дать ему? Чью присудить? говорятъ трое о четвертомъ и никому не хочется отдать свою... Вотъ и вся твоя третья дума.

Я былъ пораженъ этой метафорой неграмотнаго мужика и спросилъ его вновь:

— Какъ же тогда быть? Если мужики ничего не получаютъ хорошаго черезъ государственную думу, то на что тогда надѣяться имъ?

Степанъ не находилъ отвѣта, но молодой крестьянинъ, пришедшій со станціи желѣзной дороги, воскликнулъ:

— Что пережніе скажутъ, то и задніе... Гдѣ игла, тамъ и нитка. На болотахъ здѣсь ума не много, а все изъ Питера привозятъ къ намъ... Ты намъ ничего не говоришь, а другіе говорятъ...

Степанъ застучался за меня:

— У него наговорено про насъ по нѣскольку книгъ, да мы неграмотны съ тобой... Что въ душѣ у грѣшника, такъ и у насъ темно въ головѣ... Барину-то видать насъ скрозь, а мы-то не видимъ его...

Молодой парень умолкъ пристыженнымъ.

Я продолжалъ развивать мысль о томъ, что были въ Россіи годы болѣе тяжелые, чѣмъ настоящее время.

— И голодъ, и не существовало государственной думы... Вы не были въ 1891 году въ голодныхъ мѣстностяхъ, а мнѣ пришлось. Я видѣлъ людей безъ животовъ... Пріѣхалъ въ деревню и пошелъ къ больному мужику. Желая поправить на немъ верхнее платье, я провелъ рукой по его груди, и вдругъ моя рука провалилась...

— Какъ? Куда?—воскликнулъ Степанъ.

— Да вмѣсто живота у него оказался провалъ. Брюшные покровы лежали совсѣмъ на позвоночникѣ, а между ними пустыя внутренности. Что съ тобой?—спрашиваю.

— Нѣсколько дней не ѣлъ хлѣба,—хрипло простоналъ онъ.

Пошелъ я въ другія избы и тамъ встрѣтилъ въ постеляхъ людей безъ животовъ, а вышелъ изъ избы и пошелъ по деревнѣ, завидѣли меня куры и за мной... Бѣгутъ, кричатъ, подпрыгиваютъ къ рукамъ, глядятъ въ лицо, глазами корму просятъ... О, голодная птица жалостнѣе человѣка. А скоть-то, скоть-то: мычащій, истощенный, еле стоящій на ногахъ и также плегущійся за человѣкомъ и только на него надѣющійся... А какая ему помощь отъ меня?

Степанъ глубоко вздохнулъ и перекрестился.

Я продолжалъ:

— Помѣщикъ, бывало, гдѣ-нибудь купить за безцѣнокъ у мужика отошалу лошадь, да велитъ убить ее и разрубить въ кусочки на кормъ своимъ индюшкамъ. Зеренъ-то также не было для индюшекъ, а сырое мясо онѣ очень любятъ. Хорошихъ индюшатъ привозили въ тотъ годъ въ Питеръ. Откормлены онѣ сырымъ мясомъ, потому что это дешевле хлѣба... Чудо какія индюшки. Лучше продать ихъ поскорѣе, чѣмъ кормить зиму. Кругомъ, скоро, не стало сырого мяса на кормъ, а зерно все дорожало и дорожало... Индюшекъ хозяева запродали въ столицы по хорошей цѣнѣ, а откормить ихъ сырой кониной ничего не стоило въ голодной мѣстности...

— Экія страсти! — вздохнули присутствовавшіе въ избѣ мужики.—У насъ не было того...

— Въ сѣверныхъ губерніяхъ меньше голоду, и земство выручало... А теперь у насъ парламентъ... Хуже не будетъ.

— Сперва интересно было,—отвѣтили мнѣ.—Читали такое все любопытное въ газетахъ, когда была первая дума. А теперь бросили. Не слышать стало про Думу ничего...

— Хуже не будетъ...

— Да такъ ли? — перебилъ меня желѣзнодорожный рабочій и показалъ газету, въ которой о правомъ крылѣ государственной думы было сказано, что въ немъ преобладаетъ: 1) абсолютная неработоспособность, 2) полное отсутствіе вѣры въ народное представительство, 3) наивное непониманіе политическаго момента, 4) игнорированіе ясно выраженныхъ народныхъ нуждъ и желаній, 5) слѣпое бессознательное стремленіе вернуть историческое развитіе страны назадъ, 6) постоянное стремленіе устраивать скандалы и задирать лѣвыхъ.

— Не горюй такъ, — утѣшилъ я. — Есть въ думѣ и другіе выборы... А не окажется — будетъ новая дума. Лучше этой... Хуже не станетъ, чѣмъ было безъ государственной думы.

Степанъ примирительно произнесъ:

— Это не причина горевать, если на носу кирпичина. Можно и сбросить... Выберемъ новыхъ людей и опять пошлемъ въ думу. А вотъ горе — нарывъ на спинѣ, гдѣ самому его не видать и людямъ стыдно показать... Тайное горе грузнѣе камня. И стѣны тверды, да столбы слабы у человѣка съ тайнымъ горемъ. А у нашего народа горе открытое, а не тайное... Мы не хоронимся съ нимъ, а просимъ русскимъ языкомъ, что намъ надо.

Я съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на оратора и хотѣлъ похвалить его, но рабочій съ желѣзной дороги перебилъ меня.

— Бѣса лысаго приведи изъ болота, и тому не стоворить со Степаномъ!

Всѣ разсмѣялись.

— Подавай лошадь къ крыльцу, — произнесъ наконецъ я. — Надо ѣхать. Выѣзжай со двора...

— А то бы еще погостили...

— Нѣтъ, пора! Хороша ли дорога мохомъ-то?

— Мужичья дорога навѣшона (вѣхи), а господскія — такъ стоять. Да не собьешься. Крестовъ нѣтъ, а все прямо ѣхать, — отвѣтилъ Степанъ, провозая и усаживая меня въ сани.

А. Фаресовъ.

ДВѢ ВСТРѢЧИ СЪ ШВЕДСКИМЪ КОРОЛЕМЪ.

ДИНЪ изъ извѣстныхъ французскихъ авторовъ обрисовалъ такими словами столицу Швеціи Стокгольмъ:

«Однажды Господу Богу вздумалось пошутить и сотворить уголокъ земного шара, не походящій ни на что до сихъ поръ сотворенное Имъ... Онъ взялъ кусочекъ Франціи, небольшую дозу Герскихъ острововъ, откололъ массу Уральскихъ горъ, прибавилъ немного Неаполитанскаго залива съ его цвѣтущими берегами, перемѣшалъ все это хорошенько и получился Стокгольмъ — шіса среди столицъ Стараго и Новаго свѣта».

Вотъ что написалъ о шведской столицѣ восхищенный французъ, дерзко поэтизируя замыселъ великаго Создателя вселенной.

Я прибылъ въ Стокгольмъ случайно, просто какъ любопытный туристъ, пользуясь его сравнительною близостью къ Петербургу и малыми расходами, необходимыми для этой поѣздки.

Не обладая восторженностью французскаго автора, я все-таки долженъ признаться, что его восхищеніе столицей Швеціи — дышитъ истиной...

Стокгольмъ прекрасенъ. Это счастливое сочетаніе городскихъ удобствъ съ идиллическою простотою деревни, не говоря уже о чудномъ мѣстоположеніи самаго города, о его прелестныхъ, вѣчно зеленыхъ островахъ, проливахъ, заливахъ, зеркальной поверхности тихаго озера Мелара и спокойнаго морскаго простора.

Гольфштремъ навѣщаетъ шведскіе берега, вслѣдствіе чего въ Стокгольмѣ, лежащемъ почти на одной параллели съ нринев-

ской столицей, растутъ пирамидальные тополя и вырѣваетъ табакъ, тогда какъ у насъ, въ Петроградѣ, двадцати-градусный морозъ заставляетъ заботиться о хорошо вытопленной печи и плотной мѣховой шубѣ!

Судьба кинула меня въ городъ св. Олафа въ началѣ іюня, когда бѣлыя сѣверныя ночи настраиваютъ фантазію, поэтически направляютъ мысль къ прошлому, къ старинѣ... А старины здѣсь въ Стокгольмѣ сколько угодно, все дышитъ, все живетъ ею...

Несмотря на стремленіе итти впередъ, прогрессировать, въ натурѣ шведовъ заложены остатки старины, они благоговѣютъ передъ памятью своихъ народныхъ героевъ, имъ дорогъ каждый фактъ, каждый эпизодъ былой славы страны, ея блестящее прошлое...

Разумѣется, все это располагаетъ туриста осмотрѣть всѣ историческіе уголки древняго города, подивиться, съ какою настойчивостью переживаютъ всѣ эти прежніе памятники, безмолвные современники, самихъ великихъ людей, давно уже превратившихся въ прахъ подъ тяжелыми каменными саркофагами и плитами древнихъ соборовъ и усыпальницъ.

Времени особенно много у меня не было, чтобы прожить долго въ столицѣ Швеціи, и я сейчасъ же приступилъ къ осмотру

«Grand' Hôtel», куда я попалъ прямо съ парохода, являлся мѣсто-пребываніемъ «знатныхъ иностранцевъ», къ которымъ, по волѣ извозчика, привезшаго меня сюда, я, совершенно смущенный содержаніемъ моего тощаго кошелька, принужденъ былъ себя причислить, хотя и занялъ небольшую комнату въ пять кронъ.

Когда-то на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится «Грандъ-Отель», находился старый домъ, занятый русскимъ посольствомъ. Послѣ отъѣзда русскаго посла на другой постъ городъ предлагалъ русскому правительству купить это зданіе, но покупка не состоялась. Новымъ покупателемъ дома явился бывший поваръ посланника, французъ Кадъэ. Купивъ домъ, онъ сломалъ его и построилъ нынѣшнее роскошное зданіе «Грандъ-Отеля».

Послѣ земныхъ странствій французъ, по примѣру всего чело-вѣчества, умеръ, а владѣльцемъ «отеля» остался его сынъ, блестящій шведскій гвардеецъ.

Вѣроятно, немного времени нужно было офицеру, чтобы запутаться самому въ долгахъ, а также запутать и отцовское наслѣдіе. Результатомъ явилось неминуемое банкротство; но тутъ пришла помощь зарвавшемуся воину отъ его же товарищей, сложившихся вмѣстѣ и купившихъ отель на паяхъ. Немного странно: хозяева—гвардейскіе офицеры, портъе—кандидатъ юриспруденціи...

Юристъ-портъе! немного странное сопоставленіе, хотя у насъ въ Россіи бывали случаи, что студенты, за неимѣніемъ мѣста, нанимались въ младшіе дворники, но старшій швейцаръ и жрецъ Ѧмиды—дистанція не маленькая. Впрочемъ, въ столицѣ Швеціи

имѣются примѣры еще разительнѣе. Можно увидѣть студента университета въ роли ресторанныго слуги! Здѣсь на это не обращаютъ вниманія, мнѣ самому приходилось наталкиваться на подобные случаи; бѣдняки-студенты, преимущественно изъ крестьянскихъ семей, служатъ, во время лѣтнихъ вакацій, въ ресторанахъ кельнерами, не забывая правила, что никакой честный трудъ не постыденъ.

Когда я пріѣхалъ, у подъѣзда роскошной гостиницы стоялъ необычайно высокій мэль-кочъ, запряженный четверкою лошадей навывнось; я невольно обратилъ на него вниманіе. Англизированный возница въ красномъ рейтфракѣ, сидя подъ небесами, на козлахъ, держалъ въ рукѣ бичъ. Такіе же красные фраки, рейтузы и гетры были надѣты и на фореиторѣ, сидѣвшемъ верхомъ на правой лошади передней пары, и на двухъ выѣздныхъ лакеяхъ, ожидавшихъ появленія господъ.

— Ужъ не коронованныя ли какія особы поселились въ отелѣ и теперь отправляются на прогулку? — пришла мнѣ мысль при видѣ всего этого величія.

Но я сейчасъ же убѣдился, насколько далекъ былъ отъ истины. Зеркальныя двери широко распахнулъ державшій себя съ достоинствомъ портье-юристъ, изъ подъѣзда вышли пассажиры мэль-коча, нѣсколько типичныхъ англичанъ и англичанокъ. Съ неизмѣнными Бедкерами въ рукахъ, въ высокихъ неуклюжихъ желтыхъ ботинкахъ, годящихся по своему объему скорѣе для ногъ носорога, англичане поднялись на громоздкій мэль-кочъ, лакеи поспѣшно захлопнули за ними дверцы, вскочили на запятки, фореиторъ затрубилъ въ рогъ, возница звонко хлопнулъ бичомъ, и тяжелый экипажъ покатился.

Я продолжалъ недоумѣвать, кто эти знатные иностранцы.

— Ужъ не скрывается ли между ними инкогнито самъ принцъ Уэльскій съ супругой? — спросилъ я эксь-юриста, съ пенснэ на носу наблюдавшаго за отбытіемъ знатныхъ иностранцевъ.

Величественно-уничтожающимъ взглядомъ окинулъ онъ мою фигуру и, не слѣша выговаривая слова, точно ихъ смакуя, процѣдилъ:

— Нѣтъ, не они, но баронетъ Пильбюри съ супругой, лордъ Футболъ съ сестрой, м-ръ Примрозъ и вдовствующая лэди Кисми-Квикъ.

Я былъ пораженъ такимъ букетомъ знатныхъ британцевъ и не смѣлъ больше открывать рта. Переодѣвшись и приведя себя въ порядокъ съ дороги, я отправился осматривать городъ. Со мной увязался какой-то нѣмецъ, тоже туристъ.

— Начнемте съ гавани, — предложилъ онъ мнѣ.

Мы вернулись къ шлюзу, разъединявшему море съ озеромъ. Около шлюза была причалена масса рыбацкихъ лодокъ. Шель

оживленный торгъ, бойко выкрикивали цѣны торговли. Кромѣ рыбы, лодки навезли груды зелени, картофеля, масла. Экономныя хозяйки-шведки торговались до устали, выторговывая каждый брѣ.

Желтыя, какъ янтарь, камбалы распластанныя лежали аккумулятивной стопкой, громадныя, съ темными спинками, морскіе полосатые окуни, крупныя ерши, серебристая плотва нетерпѣливо плескались въ бадейкахъ и полубочкахъ. Длинноватыя сельди сверкали на солнцѣ серебряной чешуей, угри, точно змѣи, недовольно извивались подъ закрывающими боченки сѣтками.

Солоноватый аромать моря, смѣшавшись съ запахомъ рыбы, щекоталъ ноздри, липкая грязь чернымъ ковромъ покрывала доски плота, у котораго пристали лодки. Краснощекія торговли въ короткихъ черныхъ и сѣрыхъ юбкахъ, въ высокыхъ бѣлыхъ холщевыхъ рубашкахъ и передникахъ, съ засученными рукавами, въ зеленыхъ лифахъ, въ красныхъ чулкахъ, мѣсили эту грязь крѣпко сшитыми козловыми башмаками съ желѣзными подковами.

«Торгъ Карла-Юанна»—такъ гласитъ названіе этого своеобразнаго рынка. Конная статуя короля Карла-Юанна IV, поставленная недалеко отъ шлюза, брезгливо поглядываетъ на оживленную сцены рыночной суеты.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ сторону въ томъ же «Стаденѣ», я очутился сразу въ обстановкѣ средневѣковаго города. Узенькіе, извилистые переулки и тупики переплетались, то поднимаясь кверху, то снова уходя куда-то внизъ. Самые дома, узкіе, съ вывѣтрившимися отъ времени каменными стѣнами, съ острыми красными черепичными крышами, съ маленькими угрюмыми окнами, съ темноватыми входами, съ широкими отверстіями подваловъ, съ приступками такой величины, что нынѣшнему человѣку не легко поднять на нихъ ногу... все говорило, что эта часть города типичная старина. Тяжелый, спертый воздухъ узенькихъ улицъ, наполненный запахомъ прогорклаго масла, человѣческихъ испареній, кожи, отбросовъ, подтверждалъ мою догадку. Наивныя вывѣски, отжившія давно свой вѣкъ, скромно висѣли на старинныхъ желѣзныхъ кроштейнахъ.

Потускнѣвшее отъ непогодъ мѣдное блюдо брадобрея, съ вырѣзомъ для шеи, видѣть которое удастся теперь только развѣ во время представленія «испанскихъ комедій» въ театрѣ, громадный желѣзный крендель, жалобно скрипящій, покачиваясь на заржавленныхъ петляхъ, металлическая рыба, привѣшенная за хвостъ и держащая во рту небольшой окорокъ, къ которому, въ свою очередь, прицѣпленъ кроликъ, означая, что здѣсь харчевня,—трогательно напоминаютъ о добромъ старомъ времени.

— Что это за зданіе?—спросилъ я какого-то прохожаго, указывая на средневѣковое зданіе.

По лицу шведа пробѣжала довольная улыбка, точно я сообщилъ ему пріятную новость.

— Рыцарскій домъ,—послѣшилъ онъ отвѣтить, и тутъ же на улицѣ разсказалъ мнѣ кусочекъ изъ исторіи Швеціи, касавшійся этого дома:

— До нынѣшней нашей системы представительства интересовъ посредствомъ двухъ палатъ, въ Швеціи существовала палата дворянства и рыцарства, собиравшихся въ ней для совѣщаній. Вотъ она и есть. Совѣтую вамъ посмотрѣть это зданіе внутри, въ одной изъ залъ собраны всѣ гербы дворянскихъ фамилій Швеціи, также портреты всѣхъ ландмаршаловъ, начиная отъ 1627 до 1865 года. Разумѣется, между ними нѣтъ графа Левенгаупта...

— Вотъ странно; но почему?

Жизнерадостное лицо моего спутника омрачилось.

— Онъ казненъ за плохо веденную имъ финскую войну съ Россіей 1743 года.

«Бѣдный, бѣдный Левенгауптъ,—подумалъ я, вспоминая заслуги этого полководца:—ты не только палъ жертвой политической интриги, но даже послѣ своей грустной кончины, твоя память заклеимена и отдана на позоръ поколѣніямъ!»

— Но вотъ нашъ незабвенный герой,—продолжалъ мой случайный собесѣдникъ, указывая на стоящую передъ зданіемъ Риддархюзета статую Густава Вазы, вызывающе поглядывающаго налѣво, держа въ рукахъ скипетръ. Едва ли старому королю было пріятно стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ за 17 лѣтъ до постановки его статуи, именно въ 1756 году, 13 іюля была пролита кровь благороднѣйшихъ сыновъ Швеціи, графа Брахе, Горна, Врангеля и другихъ дворянъ.

Въ древнемъ соборѣ въ настоящее время уже не совершается богослуженій, онъ представляетъ изъ себя только королевскую усыпальницу.

Сѣдья преданія доисторической эпохи зачастую переплетаются съ небылицею. Одна изъ нихъ говоритъ, что Риддархолмъ былъ заселенъ гораздо раньше, но подъ другимъ названіемъ: Стенскаръ. Сѣверные конунги, игравшіе въ тѣ времена просто роль морскихъ разбойниковъ, различные Олафы и Гаральды, загораживали проливы желѣзными цѣпями, поочередно забирали островокъ въ свою власть, рѣзались другъ съ другомъ, рѣзали и топили жителей, однимъ словомъ, были настоящими варягами своего времени,

Конунгъ Магнусъ-Ладуласъ былъ уже не таковъ, онъ разрѣшилъ францисканскимъ монахамъ поселиться на островкѣ и построилъ для нихъ монастырь съ храмомъ. Съ его легкой руки монастырь началъ процвѣтать, пока наконецъ Густавъ Ваза не преобразовалъ его въ церковь, а затѣмъ, при введеніи въ страну

протестантской религіи, церковь эта изъ католической обратилась въ лютеранскую. Вся бранная слава страны сосредоточена здѣсь, тутъ лежатъ ея владыки подъ сѣбною знаменъ и каменныхъ сводовъ въ своихъ мраморныхъ саркофагахъ.

Внутри стѣны собора оригинально украшены металлическими гербами всѣхъ скончавшихся кавалеровъ шведскаго ордена Серафимовъ, въ числѣ ихъ имѣются и русскіе императоры...

Нельзя сказать, чтобы усыпальница содержалась очень чисто. У мраморныхъ изваяній Ладуласа и Карла VIII, Кнутсона, лежащихъ рядомъ въ бывшемъ алтарѣ, поломаны пальцы и скипетръ, бѣлый когда-то мраморъ полутемнота, царящая въ соборѣ, превратила въ желтый.

Древніе католическіе алтари въ нишахъ по обѣимъ сторонамъ собора превращены въ усыпальницы отдѣльныхъ династій, царствовавшихъ и царствующей теперь въ Швеціи.

Въ черномъ мраморномъ саркофагѣ лѣвой ниши, ближайшей къ алтарю, покоится прахъ Карла XII, злосчастная судьба котораго достойна сожалѣнія. Юношескій задоръ молодого короля, его упрямство натолкнулись на желѣзный характеръ великаго преобразователя и, какъ стекло, разрушились о булатъ сѣвернаго гиганта. Внизу, подъ нишею, покоятся всѣ члены Каролингскаго дома, правая капелла содержитъ останки героя Люцена, отважнаго рыцаря Густава-Адольфа. Зеленоватый итальянскій мраморъ тяжело придавилъ храбреца, заставившаго при жизни трепетать всю Европу. Въ мрачномъ подвалѣ, за рѣшеткою мирно спятъ его потомки.

Немного ближе къ выходу изъ собора, въ такой же нишѣ, отдѣланной въ стилѣ нѣмецкаго ренессанса, въ громадномъ саркофагѣ изъ краснаго порфира, лежитъ предокъ нынѣшней династїи, храбрый сподвижникъ Наполеона, бывший его маршалъ Бернадотъ, впоследствии шведскій король Карлъ XIV.

Фортуна подарила храброму маршалу случайно королевскій тронъ, вмѣсто безвѣстной могилы простого воина въ родной Франціи, онъ спитъ среди царственныхъ властителей Скандинавіи. Внизу въ склепѣ покоятся его потомки.

Направо, налѣво, по обѣимъ крыльямъ собора тянутся подобные альковы, со склепами подъ ними; тутъ спятъ маршалы Швеціи.

Громадные цинковые гробы наставлены одинъ на другомъ; сторожъ отмѣтилъ ихъ мѣломъ, чтобы не сбиться, гдѣ кто лежитъ.

Къ чему особая церемонїя съ мертвецами?

Запыленные барабаны, литавры валяются по угламъ нишъ, безмолвные, жалкіе; печально висятъ на потемнѣвшихъ дровкахъ захваченныя знамена, лежитъ ни къ чему ненужное теперь во-

оружіе, да и сами рыцари спятъ непробуднымъ сномъ въ каменныхъ стѣнахъ собора.

Скорѣе на воздухъ, къ жизни! Къ солнцу!

Чтобы покончить съ осмотромъ древняго Стокгольма, мы вернулись обратно ко дворцу. Квадратное зданіе его гордо высится на восточномъ углу Стадена.

Пресловутый шведскій строитель, Никола Тессинъ, выстроилъ его послѣ сгорѣвшаго въ 1697 году, стоявшаго тутъ же; итальянскій ренессансъ преобладаетъ въ стилѣ постройки. Въ виду разстроенныхъ финансовъ государства послѣ разорительныхъ войнъ Карла XII, постройка дворца временно пріостановилась, и только въ 1760 года сынъ Тессина, тоже извѣстный архитекторъ, закончилъ ее.

Мой случайный товарищъ нѣмецъ предложилъ раньше осмотрѣть Лифрусто-охъ-Кладкаммаренъ, т. е. гардеробныя комнаты и собраніе оружія, прочихъ доспѣховъ и экипажей шведскихъ королей. Черезъ узкую дверь нижняго этажа дворца я попадаю туда. Неизбѣжная полкроны входная плата. Обстановка отчасти напоминаетъ нашу московскую Оружейную палату, но въ гораздо меньшемъ размѣрѣ. Повсюду размѣщено на подставкахъ грозное оружіе среднихъ вѣковъ, арбалеты, пищали, чуть не въ сажень длиною, кулеврины, пистолеты, одно ношеніе которыхъ за поясомъ являлось каторжною работою; шлемы, панцыри, латы, пики, шпаги, сабли, кинжалы, однимъ словомъ, весь тяжелый арсеналъ прошедшихъ вѣковъ.

Въ музеѣ бродили въ разбивку нѣсколько группъ посѣтителей; по краснымъ книжкамъ путеводителя я узналъ иностранцевъ.

Въ одномъ углу слышу англійскую рѣчь. Здоровый великобританскій джентльменъ упрашиваетъ сторожа, за извѣстную плату, разрѣшить ему примѣрить желѣзный шлемъ Густава-Адольфа, вѣсящій больше 15 килограммовъ (30 слишкомъ фунтовъ).

— Только попробовать!—умоляетъ бриттъ, предвкушая ту блаженную минуту, когда онъ, вернувшись на берега родной Темзы, въ своемъ клубѣ на Реджентъ-Стритъ расскажетъ съ гордостью своимъ пріятелямъ, такимъ же корректнымъ джентльменамъ, какъ и онъ, что шлемъ великаго полководца былъ на его мѣднолобой англійской головѣ.

Сторожъ, съ выраженіемъ ускользящей надежды смотрящій на серебряную монету, предлагаемую ему джентльменомъ, грустно ему возражаетъ:

— Шлемъ прикрѣпленъ къ подставкѣ и снять его невозможно!

— Отлично, но все-таки я хочу его надѣть!—упорно заявляетъ бриттъ, и вмѣсто монеты въ рукѣ его появляется пятикрановая ассигнація.

Искушеніе для ѳѣдняка сторожа немалое, онъ, кажется, готовъ сорвать шлемъ съ подставки, чтобы доставить удовольствіе молодому джентльмену.

Не знаю, чѣмъ окончилось это объясненіе, такъ какъ я перелазилъ къ другой группѣ американцевъ, но англійское упорство достигнуто задуманнаго меня изумило.

Американцы осматривали военныя реликвіи хотя и внимательно, но въ осмотрѣ имъ чувствовалась практичность, присущая всѣмъ янки. При осмотрѣ старинныхъ экипажей одинъ изъ нихъ серьезно замѣтилъ, что толстые ремни, на которыхъ висѣла роскошная карета, непременно лопнули бы, если бы въ экипажѣ ѳхало болѣе пяти человѣкъ: двухъ господъ, кучера и двухъ лакеевъ на запяткахъ. Другой же гражданинъ Новаго Свѣта, пользуясь близостью окна и люющимися оттуда солнечными лучами, щелкнулъ своимъ фотографическимъ аппаратомъ, запечатлѣвъ на фотографической пластинкѣ красивый цвѣточный узоръ каретной дверцы.

— Пуцу на своей фабрикѣ въ Минесотѣ для головныхъ платковъ,—серьезно объяснилъ онъ товарищамъ.

Тонко написанная талантливымъ художникомъ гирлянда изъ лилій, фіалокъ и розъ на коронаціонной каретѣ шведскихъ королей будетъ красоваться на курчавыхъ, черныхъ, жесткихъ кудряхъ какой-нибудь черномазой негритянки Деборы въ Новомъ Орлеанѣ.

Передъ шкапомъ, содержащимъ маскарадный костюмъ, въ которомъ былъ убитъ Густавъ III на балу, столпилось нѣсколько обозрѣвателей музея.

Педантъ-нѣмецъ, какъ потомъ оказалось, учитель изъ Гамбурга, по книжкѣ читаетъ чуть ли не цѣлую лекцію объ убитомъ королѣ; супруга его, толстая, какъ обрубокъ, и два подростка-сына внимательно слушаютъ.

«Онъ отеръ правою рукою раненую голову, и на бѣлой перчаткѣ остались кровавые слѣды...»—читаетъ учитель.

— Но, папа, ты же самъ намъ сейчасъ прочелъ, что пуля убійцы попала въ грудь,—пробуетъ возразить одинъ изъ мальчиковъ.

Учитель съ недоумѣніемъ глядитъ поверхъ очковъ близорукими глазами на сына и снова опускаетъ ихъ въ книгу.

— Ты правъ, мой мальчикъ,—соглашается отецъ:—я перевернулъ другую страницу, это написано про Карла XII.

Въ залахъ чувствуется затхлый запахъ нежилыхъ помѣщеній, пахнетъ камфарой; у меня закружилась голова.

Одиночество сближаетъ—это истина, которую я успѣлъ провѣрить во время моей поѣздки. Незатѣйливый нѣмчикъ снова предложилъ мнѣ соединиться съ нимъ для осмотра дворца. Экономія, видимо, руководила моимъ спутникомъ, такъ какъ путеводитель

говорить, что «осмотръ для одного человѣка стѣить крону, для двухъ же или нѣсколькихъ по полкроны съ каждаго». Я ничего не имѣлъ противъ его предложенія.

Старикъ-вахмейстеръ повелъ насъ по заламъ дворца.

Описывать ихъ—это повторять скучную лѣтопись о томъ, что на этомъ стулѣ сидѣла такая-то королева, подъ этимъ балдахиномъ спалъ такой-то король, это портретъ Густава, Карла и т. д., а ихъ здѣсь немало,—а потому пройду молчаніемъ все потускнѣвшее величіе королевскихъ покоевъ.

Мое вниманіе было привлечено только нѣсколькими женскими портретами, между которыми двѣ головки были изумительно прекрасны. Спрашиваю провожатаго.

— Французская императрица Евгенія и австрійская Елизавета въ молодости,—какъ заученный урокъ отбарабанилъ нашъ чичероне.

Такъ вотъ чья блестящая красота невольно поразила меня! Кто-то изъ великихъ мыслителей сказалъ, что «красота—предвѣстница горя». Какъ справедливъ онъ относительно обѣихъ коронованныхъ женщинъ! Потерянный тронъ, убитый въ далекой Африкѣ единственный сынъ, безутѣшная, холодная старость одной; разбитая семейная жизнь, самоубійство сына и, наконецъ, неожиданная смерть подъ ножомъ убійцы другой—мрачное мщеніе судьбы, любящей равновѣсіе.

Могли ли обѣ молодыя красавицы въ то время, когда писали съ нихъ эти портреты, предположить что-либо подобное, свой печальный, жалкій удѣлъ? На прелестномъ ротикѣ Елизаветы порхаётъ счастливая улыбка, глазки испанки Монтихо задорно-кокетливо бросаютъ вызовъ будущему...

— Густавъ-день-тредіз,—тянетъ старикъ-фельдфебель съ горделивой усмѣшкой, рассказывая что-то посѣтителямъ.

Въ большой залѣ рядомъ помѣщены портреты всѣхъ европейскихъ владыкъ, современниковъ шведскаго короля Оскара I.

Тутъ и бритое лицо папы Пія IX-го, и красивый тонкій профиль молодой королевы Викторіи; благородный обликъ Николая Павловича выдѣляется среди другихъ портретовъ; хитрая физиономія Наполеона III-го, этого авантюриста на престолѣ, и некрасивый австрійскій Цезарь съ рыжеватыми бачками, похожій на мелкаго чиновника, сѣро тонуть въ тѣни залы.

— А куда ведетъ эта дверь?—съ любопытствомъ спросилъ нашего вожатаго мой нѣмчикъ, указывая на двустворчатую тяжелую дверь изъ моренаго орѣха.

— Въ жилые апартаменты королевской фамиліи,—почтительно отвѣтилъ старикъ-вахмейстеръ.

— Развѣ туда нельзя войти?—продолжалъ спрашивать мой спутникъ.

Старикъ замаялся.

— Можно-то можно, а сегодня, какъ нарочно, нельзя.

— Странно. Почему?

Вахмейстеръ растерянно посмотрѣлъ по сторонамъ и тихо повторилъ:

— Только сегодня впускъ воспрещенъ въ эти комнаты.

Меня изумила эта нерѣшительность и таинственность, съ какою онъ скрывалъ, повидимому, настоящую причину.

— Королевская фамилія вѣдь въ лѣтнемъ дворцѣ,—замѣтилъ я фельдфебелю.

Мы были съ нимъ и нѣмцемъ одни, остальные посѣтители разбрелись по залѣ, рассматривая различныя вещи, принадлежащія королевѣ.

— Да, всѣ въ Дротнинггольмѣ, на Меларѣ...

— Значитъ, это не является препятствіемъ.

Вахмейстеръ пожалъ плечами, не зная, что отвѣтить, но, замѣтивъ, что около него только двое насъ, рѣшительно проговорилъ:

— Его величество король полчаса тому назадъ прибылъ въ Стокгольмъ и остановился здѣсь во дворцѣ; вотъ почему осмотръ воспрещенъ.

Причина была вполне ясна; король прибылъ во дворецъ, когда впускъ обычныхъ посѣтителей уже начался. Изъ врожденной деликатности коронованный хозяинъ дворца не желалъ препятствовать осмотру.

Мы прошли дальше другою дверью и, пройдя еще нѣсколько залъ, очутились въ большой библіотекѣ.

Длинный столъ, обитый кожей, тянулся вдоль комнаты.

Компанія посѣтителей разбрелась по библіотекѣ, рассматривая старинныя книги, эстампы и гравюры, хранившіеся въ витринахъ подъ стекломъ.

Въ библіотекѣ, содержащей болѣе тридцати тысячъ фоліантовъ прошедшихъ столѣтій, чья-то дерзкая рука открыла и такъ оставила на подоконникѣ описаніе рыцарскаго турнира при Густавѣ-Адольфѣ... Замѣтны слѣды пера самого короля, слѣвавшего измѣненія въ ритуалѣ, и его подпись. Но рядомъ съ древней книгой лежала... дымившаяся сигара, хотя въ комнатѣ никого не было. Это меня чрезвычайно изумило.

— Откуда явилась сигара? Кто тутъ былъ передъ нами? — рождались въ головѣ моей вопросы.

Старый вожатый не замѣтилъ этого обстоятельства и какъ хорошо затверженный урокъ повторялъ свои объясненія.

Компанія американцевъ, бывшая со мною въ костюмной камерѣ, невнимательно его слушала, практическіе янки пылливо осматривали библіотеку, точно желая извлечь какую-нибудь пользу изъ потраченнаго на осмотръ ея времени.

Нѣмецъ мой что-то быстро записывалъ въ своей книжечкѣ, а его компатріоты, учитель съ семьєю, слѣдили по Бедкеру.

Мои мысли попрежнему были заняты лежавшей на подоконникѣ сигарой; синій дымокъ тонкой струйкой вился кверху, длинный кусокъ сѣраго пепла плотно держался на концѣ сигары...

— Но кто ее курилъ?

Разгадка была недалека.

Маленькая дверь, искусно скрытая между книжными шкапами, безшумно отворилась, на порогѣ ея показалась высокая фигура статнаго старика съ кругло подстриженною бородою и длинными усами. На старикѣ была надѣта темная пиджачная пара, въ рукахъ онъ держалъ тетрадь и карандашъ. Изумленно посмотрѣвъ на пеструю кучку посѣтителей, не замѣтившихъ его появленія, онъ, повидимому, не зналъ, что ему дѣлать: вернуться ли обратно, или войти въ библіотеку.

Его взглядъ случайно упалъ на меня, продолжавшаго неподвижно стоять у книги, лежащей на подоконникѣ, и онъ рѣшительно переступилъ порогъ и вошелъ въ книгохранилище. Его величественный, спокойный видъ, бодрая фигура, строгій профиль, увѣренный, добрый взглядъ, мягкія, округленныя движенія, все говорило, что передо мною не простой дворцовый служащій.

— Это король!—мелькнула у меня невольна мысль при первомъ взглядѣ на вошедшаго старика.

Я угадалъ. Передо мною былъ властитель Скандинавіи (это было въ 1903 году, когда Норвегія еще не отдѣлилась отъ Швеціи), и я поклонился ему.

Король любезно отвѣтилъ на мой поклонъ, продолжая ко мнѣ подходить.

Тутъ только я понялъ, что оставленная рядомъ съ книгою сигара была его, и хотѣлъ отойти въ сторону.

— Пожалуйста не безпокойтесь,—любезно проговорилъ король, обращаясь ко мнѣ:—я только возьму свою сигару и книгу!

И, вторично взглянувъ на меня, съ легкой улыбкой снова проговорилъ:

— Судя по лицу, вы не французъ, вѣроятно, нѣмецъ или англичанинъ, а я съ вами говорю по-французски...

Смущенный неожиданными словами короля, я еле могъ пробормотать:

— Ваше величество, я русскій!

Въ глазахъ моего царственнаго собесѣдника промелькнуло изумленіе.

— Я очень радъ видѣть въ Стокгольмѣ русскихъ; несмотря на то, что Россія наша близкая сосѣдка, русскіе очень мало навѣщаютъ Швецію,—продолжалъ король:—а жаль, у насъ много интереснаго для нихъ.

И, перебивая самого себя, Оскаръ II спросилъ:

— Вамъ нравится Стокгольмъ?

— Очень, ваше величество,—почтительно отвѣтилъ я ему. Мнѣ случайно вспомнилось образное выраженіе, приведенное въ началѣ этой статьи, и я его сказалъ королю.

Престарѣлый повелитель Скандинавіи благосклонно качнулъ головою.

— Я припоминаю это сравненіе! Вы съ нимъ согласны?

— Вполнѣ, ваше величество.

— Если хотите видѣть всю нашу старину, поѣзжайте въ Грипсгольмъ, Ско-Клостеръ, не забудьте также Гагу, это близко,—проговорилъ король и, замѣтивъ, что остальные туристы, привлеченные его бесѣдою со мною, приблизились къ намъ и даже одинъ изъ янки направилъ на него объективъ своего портативнаго кодака, поклонился всѣмъ общимъ поклономъ и удалился черезъ маленькую дверь въ свой кабинетъ.

— Что, что вы съ нимъ говорили?—забросали меня любопытными вопросами остальные туристы, а мой нѣмецъ, оказавшійся, какъ я послѣ узналъ, корреспондентомъ берлинскаго «Local-Anzeiger», даже вынулъ книжку и сталъ записывать. Вахмейстеръ, смущенный неожиданнымъ появленіемъ короля, повидимому, боясь ответственности за то, что привелъ туристовъ въ библіотеку, топилъ итти дальше.

— Пойдемте, прошу васъ, остается еще много чего посмотрѣть.

Кучка посѣтителей неохотно двинулась за старикомъ, оживленно бесѣдуя между собою о случайной встрѣчѣ съ королемъ Оскаромъ.

Интересъ къ дальнѣйшему осмотру королевскаго дворца у меня пропалъ, мнѣ все вспоминалась стройная фигура стараго короля, ласковый взглядъ его добрыхъ глазъ, мягкій голосъ...

Повидимому, и остальные посѣтители были того же мнѣнія; наскоро пробѣжавъ дворцовыя комнаты, мы выбрались изъ королевскаго замка.

На дворѣ, лѣниво закинувъ за лѣвую руку мушкетъ, изнывая отъ жары, бродилъ молоденькій часовой; безусое, юношеское лицо его уныло, глаза жадно глядятъ черезъ парапеть на Норрбро, гдѣ царитъ оживленіе, тяжелая каска прусскаго образца съ султаномъ жметъ голову, вся фигура юнаго солдатака одно томленіе и ожиданіе. Когда же наконецъ явится разводящій и сниметъ его съ караула!

Вдругъ зоркіе глаза молодого солдатака замѣтили еще издали черную юбку его супруги, несшей ему послѣобѣденный кофе. Быстро поставилъ онъ свою винтовку въ будку, обнялъ подбѣжавшую къ нему жену, они поцѣловались и, усѣвшись рядышкомъ на гранитныя ступени дворцовой лѣстницы, начали мирно бесѣдовать, распивая кофе.

Сойдя съ дворцоваго спуска, я попалъ на небольшую древнюю площадь западнѣе дворца.

Не мало крови пролилось на этомъ небольшомъ пространствѣ. Тотъ же самый Магнусъ Ладуласъ, покоящійся, мирно сложа руки, въ соборѣ, безъ всякаго состраданія казнилъ здѣсь на площади троихъ членовъ изъ своей собственной семьи. Ну, а потомъ, спустя парочку столѣтій, въ 1437 году, топоръ палача отрубилъ здѣсь голову Эрику Пукэ, члену государственнаго совѣта. Вѣроятно, мѣстечко оказалось удобнымъ для кровопусканія, такъ какъ датскій король Христіанъ II, напоминающій отчасти нашего Грознаго, захвативъ въ свою власть Швецію, устроилъ на Сторторгетѣ въ 1520 году изрядную бойню, перерѣзавъ порядочно шведскихъ дворянъ, рассчитывая этой «кровавою баней» прочнѣе сѣсть на шведскомъ престолѣ. Жестокія были времена, жизнь стоила грошъ, человѣческая кровь лилась рѣкою.

Тѣнистый королевскій садъ выдѣлилъ отъ себя береговой скверъ съ статуей непримиримаго врага Россіи—Карла XII.

Съ непокрытой головой, въ походной формѣ, величественнымъ жестомъ лѣвой руки указываетъ король на востокъ, точно приглашая шведовъ ринуться на исконнаго врага, Россію, тогда какъ въ правой рукѣ у него обнаженная шпага. По четыремъ угламъ пьедестала мортиры, сильно смахивающія на опрокинутые горшки. Скандинавамъ свойствененъ юморъ, но юморъ тяжелый. Напрасно шведовъ называютъ сѣверными французами. Швеція недостаетъ луча горячаго солнца, съ которымъ проникаетъ съ сердце французовъ легкая насмѣшливость, точно *pousseux* шампанскаго. Все-таки бываютъ минуты, когда и тяжелодумъ шведъ можетъ сострить:

— Левъ окруженъ четырьмя горшками, — говорятъ стокгольмцы: — а четыре льва сторожатъ стоящій посреди нихъ старый горшокъ! Судьба несправедлива!

Этимъ они намекаютъ на памятникъ Карла XIII, окруженный четырьмя львами, стоящій немного дальше, въ глубинѣ сада.

Подъ вѣковыми липами Королевскаго сада пріютилось нѣсколько ресторановъ; въ одномъ изъ нихъ по вечерамъ гремитъ оркестръ, вездѣ на столикахъ въ вазахъ со льдомъ виднѣются головки полубутылокъ пунша.

Какъ надобно пить шведскій пуншъ? Это своего рода священнодѣйствіе. Здѣсь существуютъ даже особыя традиціи.

— Во-первыхъ, — объяснилъ мнѣ одинъ изъ шведовъ, опытный въ этомъ родѣ спорта, — если пьютъ его двое, надо налить двѣ большія рюмки и выжать въ нихъ лимонный сокъ. Затѣмъ, взявъ за тонкую ножку рюмку, поднести ее къ лѣвому глазу, прищуривъ правый, и когда глазъ придется на одной линіи съ глазомъ другого пьющаго черезъ край рюмки, нужно сдѣлать жестокую,

разбойничью физиономію, сухо сказать: «Skall!» (на здоровье) и залпомъ опрокинуть рюмку въ ротъ. Это называется «пить пуншъ по-шведски!»—объяснилъ своеобразный профессоръ и предложилъ сдѣлать первый опытъ.

Не знаю, плохо ли я усвоилъ «настоящую шведскую манеру», но послѣ второй полубутылки сердце у меня забило тревогу и, несмотря на усиленное «перекладыванье» содовой водою, называемой здѣсь почему-то Виши, проглоченныхъ рюмокъ пунша, я прекратилъ дальнѣйшее «изученіе» и еле живъ добрался до своей гостиницы.

Въ Стокгольмѣ я убѣдился, что, хорошенько размѣшавъ нѣмецкую фразу съ англійскими словами, повторяя восклицанія «Jā, so!» да прибавивъ парочку другую внушительныхъ жестовъ, можно объясняться «великолѣпно по-шведски». Это дало мнѣ возможность пробраться, согласно указанію короли, до стариннаго замка Густава Третьяго Гаги. Въ паркѣ тишина, прошли два пѣшехода и скрылись за деревьями. Я снова одинъ въ этомъ зеленомъ царствѣ. Дорожки развѣтвляются, бѣгутъ передо мною въ разныя стороны.

Меня опередило красивое ландо съ двумя дамами; оно обогнуло заливчикъ, направляясь къ замку; я послѣдовалъ за нимъ.

Мирно, спокойно тутъ, тишина, прерываемая только мелодичнымъ журчаніемъ ручейка, сбѣгающаго въ водоемъ.

Старинное двухэтажное зданіе высится на небольшомъ пригоркѣ. Кругомъ клумбы съ лѣтникомъ, запущенные газоны, хитрымъ узоръ дорожекъ...

Стиль рококо выдержанъ, розовая окраска зданія гармонируетъ съ нимъ. Задернутыя зеленоватою, выцвѣтшею отъ времени тафтой окна зданія, плотно запертыя двери, кое-гдѣ пробившаяся травка между цоколемъ и плитами, все говорило о запущеніи. Сквозь неплотно закрытую занавѣску я заглянулъ во внутрь. Проскользнувшій откуда-то солнечный лучъ прорѣзалъ темноту нежилыхъ покоевъ, позолотилъ облинявшую корону на стѣнкѣ высокаго кресла, блеснулъ радугой въ хрустальной призмѣ подвѣсокъ люстры, какъ-то странно освѣтилъ кусочекъ простѣлочнаго трюмо и поднялъ широкую полосу точно живой пыли.

Передо мной воскресъ конецъ XVIII столѣтія, фантазія разыгралась, мнѣ почудился тихій гармоническій аккордъ клавишинъ, промелькнули и скрылись въ темнотѣ комнаты широкіе валансъены на плечахъ красавца-короля, блеснулъ эфесъ его шпаги, слышался тихій шелестъ платья придворной дамы, прозвучалъ тихій поцѣлуй...

Я вздрогнулъ и оторвалъ глаза отъ отверстія. Мнѣ стало жутко...

Миновавъ нѣсколько дворцовыхъ построекъ, я углубился дальше въ безконечный паркъ. Тихо покачиваетъ вѣтеръ вершинами могучихъ липъ. Гдѣ-то чирикнула птичка, водная гладь тихаго залива блестѣла подъ лучами заходящаго солнца. Точно прозрачное явленіе, мимо меня безшумно прокатился давешній экипажъ, обѣ старухи неподвижно сидѣли, фигура величественнаго лакея въ ливреѣ выдѣлялась на запяткахъ, кучеръ чуть слышно похлопывалъ кончикомъ бича.

Въ какомъ-то странномъ настроеніи поднялся я на круглый холмъ, возвышающійся среди купы деревьевъ.

Круглая, открытая бесѣдка, тоже чрезвычайно стильная, возвышается надъ нимъ.

«Храмъ Эхо» прочелъ я надпись мѣломъ, сдѣланную чьей-то дерзновенною рукою на стѣнѣ этого остатка старины.

Время не пощадило и этого храма стыдливой нимфы Эхо, краски на разрисованномъ плафонѣ его поблекли, деревянный полъ во многихъ мѣстахъ провалился.

Я сѣлъ на скамейку и закрылъ глаза; воображеніе снова породило образы...

Все оживленно, шумитъ разодѣтая толпа придворныхъ, изъ парка доносятся звуки трубнаго хора, по срединѣ бесѣдки въ широкихъ робахъ и фижмахъ, съ высоко-пышно взбитыми наудренными прическами, съ черными мушками на рискованно декольтированныхъ плечахъ и хорошенькихъ оживленныхъ личикахъ, жеманно присѣдая, танцуютъ красавицы...

Чинно движется величественный экосезъ, въ первой парѣ выступаетъ самъ Густавъ, весело болтая съ своею красавицею-дамою, графиней Хэпкенъ...

Безпечно шутитъ изящный властелинъ, не предугадывая своего скорого конца отъ пули Анкэрштрема.

Калейдоскопомъ мелькаютъ предо мною картины... Невольно вспоминается опера «Баль-Маскарадъ», поэтическая драма, музыкально иллюстрированная гениемъ Верди.

XVIII вѣкъ съ его изысканною вѣжливостью кавалеровъ, съ затаенными вздохами дамъ, поцѣлуями въ тѣнистыхъ аллеяхъ... все еще витаетъ въ тихомъ королевскомъ паркѣ, но призраки не осмѣливаются перелетать водную гладь залива, свистокъ парохода, бьющійся импульсъ современной жизни въ другой части парка разсѣиваетъ, какъ дымъ, ихъ легкія тѣни.

Старина—стариной, но меня интересовала также новый Стокгольмъ, мыслящій, работающій.

Въ противоположность другимъ крупнымъ городамъ Европы, гдѣ населеніе представляетъ собою преимущественно горожанъ всѣхъ классовъ, тогда какъ крестьянскій элементъ является временнымъ, наноснымъ, Стокгольмъ сумѣлъ соединить въ себѣ то

и другое. И настоящіе горожане, и крестьяне чувствуютъ себя здѣсь вполне дома.

Не смѣю судить, какая тому причина, согласованіе ли привычекъ вообще всего народа, равновѣсіе ли его потребностей, простота ли нравовъ, но это такъ, вслѣдствіе чего въ столицѣ Швеціи, какъ въ вогнутомъ зеркалѣ, отразилась вся жизнь страны, общественная и политическая. Связующимъ элементомъ городскихъ рабочихъ съ родственнымъ имъ крестьянствомъ отчасти служитъ «Домъ Народа». Это зданіе построено на средства рабочихъ и является дѣйствительно «домомъ» для нихъ. Постройка его стоила болѣе милліона кронъ. Мнѣ удалось осмотрѣть подробно это зданіе.

Пятиэтажный домъ заключаетъ въ своихъ стѣнахъ нѣсколько большихъ залъ для собранія различныхъ рабочихъ цеховъ, массу отдѣленій завѣдующихъ послѣдними, редакцію соціалистической газеты, наборную въ самомъ верхнемъ этажѣ, въ подвалѣ печатню и машинное отдѣленіе типографіи, народный ресторанъ, биржу труда на крытомъ стеклянной крышей и вымощенномъ асфальтомъ дворѣ и множество другихъ помѣщеній.

Весь этотъ своеобразный домъ живетъ интересами трудящейся Швеции, ратуетъ за нее, выражаетъ ея стремленія, желанія и нерѣдко добивается измѣненія того или другого закона въ пользу людей труда.

Обыкновенно за границу принято рисовать положеніе русскаго крестьянина въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, но шведскому его товарищу живетъ не только не лучше русскаго мужика, но зачастую даже хуже. У перваго какая ни на есть, но все-таки имѣется земельная собственность, второй же, какъ и въ Финляндіи, не имѣетъ ея, онъ «торпарь», т. е. временный арендаторъ земли у помѣщика, который каждую минуту имѣетъ право его согнать, возмѣстивъ свои убытки продажей движимости своего безземельнаго работника.

Плата за аренду земли опредѣляется обыкновенно извѣстною «барщиною», «работою исполу» и тому подобными выработанными многолѣтнею практикою тяготами.

Не легко жить шведскому крестьянину, большинство земель въ рукахъ богатаго дворянства или принадлежитъ пасторатамъ.

Вотъ за этого обездоленнаго шведскаго мужика и ратуетъ партія Народнаго дома, стараясь при выборахъ въ рейхстагъ провести какъ можно больше своихъ представителей, которые бы провели, въ свою очередь законъ, измѣняющій положеніе торпарей и надѣляющій ихъ землею.

Во время моего пребыванія въ Народномъ Домѣ въ самой большой залѣ засѣдалъ земледѣльческій конгрессъ. Входъ постороннимъ въ засѣданіе строго воспрещенъ, но чрезъ громадныя окна, выходящія на желѣзную веранду, видны суровыя, чисто

крестьянскія лица собравшихся, видимо, съ горячностью обсуждающихъ какой-то вопросъ.

Въ Швеціи развитъ чрезвычайно ручной трудъ, имъ начинаютъ исподволь заниматься еще въ школахъ, его называютъ здѣсь «сляйко», имъ не брезгаютъ заниматься даже въ самыхъ аристократическихъ домахъ.

Я посѣтилъ нѣсколько ткацкихъ частныхъ школъ и изумился работамъ ихъ ученицъ. Превосходное исполненіе соперничало съ богатой фантазіей, яркостью красокъ и оригинальностью рисунковъ!

Въ то время, какъ Англія, Германія, Бельгія и Франція окончательно вытѣсняютъ ручной трудъ хитроумными машинами и приборами, желая свести самостоятельную, артистическую работу человѣка на нѣтъ, скандинавы заботливо охраняютъ поэзію извѣстнаго промысла или ремесла, отводя для него нѣкоторые районы, въ которыхъ прозаическая машина принуждена бездѣйствовать.

Не опасаясь фабричной конкуренціи, ручной трудъ началъ развиваться и совершенствоваться.

Мягко постукивая тетивою станка, прилежно ткуть молодыя ученицы, въ комнатѣ тишина, каждая изъ нихъ старается какъ можно аккуратноѣе выткать рисунокъ узора. Мнѣ показали готовые уже работы, при чемъ, какъ это ни странно, я убѣдился, что финляндскій способъ тканья, равно и рисунки значительно превосходятъ шведскіе. Это признаютъ и сами скандинавы, охотно приглашая въ свои ткацкія школы преподавательницами дѣвушекъ изъ Финляндіи, изучившихъ въ тамошнихъ школахъ ткацкое артистическое ремесло.

Оригинальность узора оплачивается не дешево, но, тѣмъ не менѣе, предметы производства находятъ себѣ прекрасный сбытъ.

— Скажите мнѣ,—обратился я къ молоденькой финляндкѣ:— изъ какихъ классовъ общества ваши ученицы?

— Составъ ихъ чрезвычайно разнообразенъ, большинство, разумѣется, изъ рабочаго класса, имѣются и крестьянки, но не мало есть дѣвушекъ и дамъ изъ высшаго круга,—отвѣтила она мнѣ.

— Ткацкій станокъ едва ли подходитъ въ кокетливо убранной комнатѣ какой-нибудь аристократки.

— Вы судите ошибочно, женщина изъ шведскихъ высшихъ классовъ точно такъ же трудолюбива, какъ и простая крестьянка... Ткацкій станокъ, поставленный въ ея комнатѣ, составляетъ ея гордость, она работаетъ на немъ чуть ли не ежедневно, разумѣется, не теперь, не лѣтомъ, когда всѣ разъѣхались изъ города, а осенью и зимою. У меня у самой занимаются здѣсь двѣ молоденькія графини... Вотъ, не угодно ли посмотрѣть на ихъ работу.

И дѣвушка раскинула передъ моими глазами артистически тонко вытканныя накидки для юпитровъ.

Времени у меня оставалось немного, но тѣмъ не менѣе я непремѣнно хотѣлъ побывать въ Гриспгольмѣ и Дротнинггольмѣ.

Весь забившись въ зелень небольшого полуостровка, Гриспгольмскій замокъ представляетъ собою типичный остатокъ шведской старины. Тѣнистый паркъ, доходящій до самой воды, чрезвычайно поэтиченъ, онъ отчасти сглаживаетъ суровость сѣдыхъ стѣнъ и башенъ замка, до сихъ поръ полнаго тѣнями своихъ узниковъ.

Интересна въ немъ портретная галерея историческихъ лицъ Европы различныхъ эпохъ. Королева англійская Елизавета и Марія Стюартъ, Кромвель и Карлъ I... Историческіе палачи и ихъ жертвы висятъ на стѣнахъ покоевъ вмѣстѣ. Смерть, время, забвеніе примирили ихъ, дали ихъ тѣнямъ покой. Какихъ только тайниковъ, переходовъ не понадѣлали здѣсь подозрительные рыцари! Въ 198 покояхъ Гриспгольма найдется все къ услугамъ изобрѣтательной средневѣковой мести и ненависти. На поросшемъ травою дворѣ замка скучаютъ по отчизнѣ двѣ громадныя русскія пушки, «Боровъ» и «Свинья», какъ гласятъ вычеканенныя на нихъ надписи. Въ 1581 году подъ Ивангородомъ наши землячки оплошали и выпустили изъ своего загона обѣихъ свинокъ.

На обратномъ пути нашъ пароходъ круто измѣнилъ свой рейсъ, вмѣсто юга онъ побѣжалъ на сѣверо-западъ, проскользнулъ между островами Керсо, и, завернувъ еще лѣвѣе, сталъ подходить къ островку Лефэ, на берегу котораго расположена осенняя королевская резиденція Дротнинггольмъ.

Величественно смотрится своимъ фасадомъ въ Меларъ этотъ сравнительно еще не такъ давно построенный дворецъ.

Королевская ферма Торезундъ понравилась въ одно изъ посѣщеній супругъ короля Іоанна III, Катеринѣ Ягеллоникѣ, и на мѣстѣ незатѣйливой деревянной постройки она соорудила здѣсь небольшой каменный домикъ, преобразованный уже вдовою Карла X, Едвигою-Элеонорою въ нынѣшнее великолѣпное зданіе.

Осмотрѣть замокъ мнѣ не пришлось, вслѣдствіе присутствія королевской семьи. Паркъ стоитъ вниманія. Я обѣгалъ всѣ аллеи, посаженныя по бокамъ столѣтними липами, побывалъ у китайскаго домика, построеннаго для скучающей королевы Луизы-Ульрики ея угодливымъ супругомъ.

Возвращаясь обратно къ пароходу по пустынной боковой аллеѣ громаднаго парка, я замѣтилъ идущаго ко мнѣ навстрѣчу чело-вѣка. Лѣтнія сумерки спускали свое тонкое покрывало, хотя разглядѣть можно было еще хорошо.

Ищущій поровнялся со мною... Я узналъ въ немъ короля, гулявшаго по парку передъ вечернимъ чаемъ.

Я поклонился ему, онъ отвѣтилъ мнѣ привѣтливымъ поклономъ. Онъ взглянулъ на меня и сразу узналъ:

— А, вотъ вы послѣдовали моему совѣту, навѣстили нашъ тихій уголокъ,—привѣтливо сказалъ онъ.—Понравилось вамъ у насъ, въ Швеціи?—продолжалъ онъ разспросы.

Я отвѣчалъ утвердительно и передалъ ему о превосходномъ впечатлѣніи, вынесенномъ мною изъ осмотра ремесленныхъ мастерскихъ, а также и Дома Народа.

Царственный хозяинъ парка, въ которомъ я находился, выслушалъ меня внимательно.

— Народъ шведскій и его король, сознавая данныя имъ закономъ незыблемыя права, должны взаимно уважать и любить другъ друга, помогать и защищать одинъ другого. Такимъ путемъ будетъ достигнуто общее благо, и страна нашихъ предковъ сохранить свою славу и свободу и передать ихъ въ наслѣдіе потомкамъ,—улысалъ я его тихій отвѣтъ.—А что касается вашего замѣчанія о нашихъ женщинахъ, относительно стремленія ихъ къ труду, то каждый образованный человѣкъ не можетъ удовлетворить себя одною умственною пищею. Онъ долженъ искать примѣненія и своихъ физическихъ силъ. Вотъ исходная точка шведскихъ женщинъ. Какъ прекрасны ихъ задачи въ жизни—быть нѣжной матерью, любящей женою, преданной дочерью и трудолюбивою хозяйкой. Женщина Сѣвера лучше многихъ женщинъ другихъ странъ поняла благое значеніе такихъ великихъ задачъ.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, и мы разстались.

Образъ благороднаго короля никогда не изгладится изъ моей памяти.

Это была моя вторая и послѣдняя встрѣча съ королемъ Оскаромъ.

Существуетъ на свѣтѣ великій художникъ, никогда не претендующій на золотыя медали, на заграничныя поѣздки для усовершенствованія за счетъ академіи, совершенно безвозмездно рисующій очаровательнѣйшіе виды, смягчающій рѣзкость контуровъ до неузнаваемости, превращающій развалюги-хижины въ роскошныя палаты и наоборотъ. Разнообразіемъ онъ обладаетъ изумительнымъ. Полотно его картинъ безпредѣльно! Краски, полутоны, пятно, высоко-художественный мазокъ, однимъ словомъ, всѣмъ онъ обладаетъ, только... нѣтъ у него кисти.

Это—ночь съ ея волшебною краскою—луною!

Великолѣпная панорама раскинулась на озерѣ, едва только изъ-за вершинъ старыхъ липъ Дротнинггольма появилась серебряная луна.

Голубоватый свѣтъ луны придалъ какую-то таинственность оставшимся за мною бѣлымъ стѣнамъ замка, заигралъ, искрсясь, со струйками воды, перекинулся широкой полосой-мостомъ по озеру и мягко слилъ очертанія тихой бухты, по которой мы плыли. Тихій островокъ Лефэ скоро исчезъ среди другихъ острововъ озера.

Г. Т. Сѣверцевъ.

КНЯЗЬ А. И. СУМБАТОВЪ (ЮЖИНЪ).

(Очеркъ сценической и литературной дѣятельности).

«Южинъ, исполняя свою роль, сразу захватываетъ зрителя; онъ надежными цѣпями приковываетъ его вниманіе къ центральной фигурѣ пьесы; онъ раскрываетъ передъ нимъ такія истины, какихъ нельзя понять при простомъ чтеніи или при толкованіи ихъ артистомъ, не обладающимъ подетомъ Южина. Каждое движеніе Южина — это красота, это искра свѣта; вся его рѣчь — это одна музыка. Когда онъ объясняется въ любви — онъ любитъ; когда онъ проклинаетъ — онъ ненавидитъ. Его красота не есть одно только пластическое совершенство, это не красота окаменѣвшей позы, это красота жизни».

(Изъ театральныхъ рецензій).

ВЪ КОНЦѢ 70-хъ годовъ на любительскихъ сценахъ нашей сѣверной столицы сталъ появляться время отъ времени совсѣмъ еще юный студентъ петербургскаго университета князь А. И. Сумбатовъ и, выступая въ незначительныхъ роляхъ, уже успѣлъ обратить на себя вниманіе публики своимъ природнымъ дарованіемъ. Съ любительскихъ сценъ талантливый юноша, принявъ псевдонимъ Южина (вѣроятно, какъ уроженецъ юга), вскорѣ переключалъ на клубныя сцены, гдѣ и началъ играть роли первыхъ драматическихъ любовниковъ. Объ этой полосѣ жизни князя Сумбатова одинъ изъ его близкихъ знакомыхъ передаетъ слѣдующій разсказъ:

«Когда я пріѣхалъ оъ Петербургъ, въ то время «Саша Сумбатовъ», нынѣшній знаменитый артистъ и выдающійся драматическій писатель, былъ на второмъ курсѣ юридическаго факультета».

тета въ университетѣ. Пришлось мнѣ поселиться рядомъ съ нимъ въ меблированныхъ комнатахъ, въ пятомъ этажѣ большого дома, на углу Казанской улицы и Вознесенскаго проспекта. Въ его комнатѣ царилъ полный артистическій хаосъ и поэтический беспорядокъ. Ни одной книги, ни одного клочка литографированныхъ лекцій у этого «студента» не было, а всюду были разбросаны разныя драмы, комедіи и водевили. Исчезалъ онъ по недѣлямъ изъ квартиры и никто не зналъ, куда пропалъ «Саша». По тщательному наведеннымъ справкамъ оказалось, что онъ связался съ какою-то бродячей труппой, которая, по временамъ, выѣзжала «гастролировать» въ окрестностяхъ Петербурга. И вотъ эта самая труппа иногда дѣлала такіе «блестящіе» успѣхи, что, боясь ограбленія на пароходахъ и въ вагонахъ желѣзной дороги, какъ утверждали остряки, пробиралась «по образу пѣшаго хожденія» въ Петербургъ изъ Ораніенбаума, Гатчины и изъ болѣе отдаленныхъ пунктовъ. «Саша» изъ сатанинской гордости, боясь насмѣшекъ товарищей, всѣ эти превратности судьбы тщательно скрывалъ. Когда же онъ показывался въ квартирѣ, то съ утра до вечера такъ оралъ и шумѣлъ въ запертой комнатѣ, что хозяйка съ горничной съ разныхъ сторонъ на цыпочкахъ подходили къ его дверямъ узнать: не сошелъ ли съ ума ихъ жилецъ? Это онъ читалъ во всю глотку монологи изъ «Уріэля Акосты», «Разбойниковъ» Шиллера и проч. «Это чистое наказаніе,—жаловалась на него хозяйка,—окромя него семь скубентовъ живетъ, и все чинно и благородно, а онъ озорникъ, да и только. То онъ совсѣмъ, какъ мартовскій котъ, изъ фатеры пропадаетъ, не спросившись даже дворника, а кой-вѣки покажется, то завсегда эдакій скандалъ подыметъ, хоть вонъ бѣги изъ дому!»

Простая женщина не подозрѣвала, что этотъ безпокойный жилецъ—будущая знаменитость; не ожидали ничего подобнаго ни родные, ни товарищи князя Сумбатова. Напротивъ, всѣ совѣтовали ему бросить пустое времяпровожденіе, не надрывать понапрасну своихъ силъ, не портить себѣ блестящей карьеры адвоката или прокурора. Въ кругу его товарищей господствовало даже убѣжденіе, что изъ него, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, вырабатывается заурядный актеръ, который въ концѣ концовъ затеряется гдѣ-нибудь въ труппахъ провинціальной сцены, словомъ, ему предрекали участь Несчастливцева. Судьба, однако, сулила ему другое.

По окончаніи курса въ университетѣ князь Сумбатовъ не оставляетъ мысли объ артистической карьерѣ, мысль эта упорно преслѣдуетъ его днемъ и ночью, рисуя ему самыя заманчивыя, самыя радужныя перспективы. Онъ весь поглощенъ искусствомъ, онъ прилежно изучаетъ классическій репертуаръ и начинаетъ пробовать въ немъ свои силы. Судьба ему благопріятствовала. Лѣ-

Князь А. И. Сумбатовъ (Южинъ).

томъ 1881 года ему случилось играть вмѣстѣ съ А. П. Ленскимъ гастроліровавшимъ въ лѣтнихъ театрахъ Петербурга и въ числѣ другихъ пьесъ своего репертуара поставившимъ шиллеровскихъ «Разбойниковъ». Южинъ выступилъ въ роли Карла Моора и имѣлъ такой выдающійся успѣхъ, что рѣшилъ окончательно посвятить себя театру. Вскорѣ онъ получилъ приглашеніе въ Москву, въ театръ А. А. Бренко, гдѣ съ перваго дебюта въ роли Уріэля Акосты обратилъ на себя вниманіе публики и печати своеобразной интер-

претацией этого художественнаго образа, которому далъ вполне оригинальное сценическое воплощеніе, а затѣмъ онъ съ большимъ успѣхомъ выступалъ въ роляхъ Василя въ «Каширской Старинѣ» Д. В. Аверкіева и короля Клавдія въ шекспировскомъ «Гамлетѣ». Въ Пушкинскомъ театрѣ (А. А. Бренко) А. И. Южинъ пробылъ до самаго окончанія его дѣятельности, получивъ затѣмъ приглашеніе отъ Ѳ. А. Корша, тогда только еще строившаго театръ въ Газетномъ переулкѣ (нынѣ Художественный театръ), но приблизительно около того же времени, лѣтомъ 1882 года, А. А. Потѣхинъ, завѣдывавшій русскими драматическими труппами императорскихъ театровъ обѣихъ столицъ, пригласилъ его, и притомъ даже безъ всякаго дебюта, на роли первыхъ любовниковъ въ московскій Малый театръ, гдѣ онъ и выступилъ впервые 30 августа 1882 года въ роли Чацкаго.

Для А. И. Южина Малый театръ оказался по-истинѣ благодатной ареною, которая позволила развернуться во всю ширь его прекрасному дарованію. Духъ великаго Щепкина, витающій въ стѣнахъ этого театра, побуждалъ его работать надъ собой, не покладая рукъ, шлифовать свой талантъ, постепенно совершенствуясь въ игрѣ и вдохновляясь на все новые и новые художественные подвиги. Сценическая карьера Южина—это высокій образецъ для подражанія. Мы видимъ, какъ этотъ довольно заурядный вначалѣ актеръ, отчасти благодаря природному таланту, но главное благодаря колоссальной энергіи и трудоспособности, послѣ пяти-шестилѣтняго пребыванія на московской образцовой сценѣ вырастаетъ до степени первокласснаго артиста. Когда лѣтомъ 1887 года онъ появился на гастроляхъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ выступалъ въ качествѣ начинающаго актера, петербургская публика не узнала прежняго Южина въ «Уріэль Акостѣ»—такъ мощно развернулся его талантъ за этотъ промежутокъ времени. Всѣ были поражены, увидѣвъ передъ собой вполне законченнаго, увѣреннаго въ своихъ силахъ, выдающагося артиста, способнаго воссоздавать на сценѣ сложный, умно и тонко очерченный во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ, живой художественный образъ.

Кто-то обмолвился удачнымъ афоризмомъ: «Трудъ—на половину гений». Едва ли можно примѣнить этотъ афоризмъ къ кому-либо изъ русскихъ артистовъ съ большимъ правомъ, чѣмъ къ А. И. Южину. Вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка—сплошной трудъ, непрерывная и неустанная работа, направленная къ самоусовершенствованію. «Трудно назвать другого артиста,—писалъ про него извѣстный театральный критикъ С. В. Васильевъ,—который въ такой степени несъ бы на своихъ плечахъ тяжесть репертуара за цѣлый рядъ послѣдовательныхъ сезоновъ. Бываютъ недѣли, когда г. Южину приходится играть почти каждый вечеръ

подъ рядъ, а такія недѣли превращаются по временамъ въ цѣлые мѣсяцы непрерывной работы. Присоедините къ этому постоянное разучиваніе новыхъ ролей, утреннія репетиціи, которыя сливаются

А. И. Южинъ въ «Гамлетѣ».

съ вечерними представленіями въ непрерывный трудъ цѣлаго дня, и вы почувствуете невольное уваженіе къ удивительной, неослабной энергіи, какою отличается художественная дѣятельность г. Южина. Но этого мало. Г. Южинъ не просто трудится. Онъ

«истор. вѣстн.», мартъ, 1908 г., т. сxi.

16

сознательно работаетъ надъ своимъ талантомъ и совершенствуетъ его. Взявшись за какую-либо большую и отвѣтственную роль, г. Южинъ уже не отстаетъ отъ нея. Нѣтъ нужды, что роль эту, по условіямъ репертуара, приходится иногда играть лишь два раза въ годъ или одинъ разъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Она не выходитъ изъ числа задачъ, какія артистъ намѣтилъ себѣ. Онъ продолжаетъ при каждомъ случаѣ разрабатывать детали, работать надъ общимъ тономъ, подчинять частности основному колориту цѣлаго. Бываетъ прямо любопытно снова посмотрѣть г. Южина въ знакомой уже роли, положимъ, черезъ годъ послѣ перваго представленія. Вы непременно замѣтите, что роль выросла. Тамъ прибавилась новая черта, здѣсь кое-что подчеркнулось, въ другомъ мѣстѣ кое-что смягчилось,—словомъ, роль не стала для артиста чѣмъ-то внѣшнимъ, разъ навсегда отлившеюся формой, а постоянно продолжаетъ жить, не застываетъ». Критикъ иллюстрируетъ далѣе свою мысль примѣромъ и показываетъ, какимъ процессомъ работы складывалась у Южина роль Чацкаго, въ которой онъ послѣ И. В. Самарина, какъ извѣстно, не имѣлъ соперниковъ. «Я слѣдилъ за г. Южинымъ въ этой роли съ той минуты, какъ онъ впервые выступилъ въ ней на сценѣ Малаго театра. На моихъ глазахъ постепенно складывался процессъ постоянной работы артиста надъ ролью, постоянной выдѣлки подробностей. Каждый разъ, какъ мнѣ приходилось видѣть г. Южина въ роли Чацкаго, слѣды и результаты этой работы сразу бросались мнѣ въ глаза, роль выходила съ каждымъ разомъ все цѣльнѣе и гармоничнѣе. Путемъ громадныхъ усилій и постоянной работы артистъ нашелъ общій тонъ, т. е. преодолѣлъ величайшую трудность, которую представляетъ эта роль съ ея непрерывными эпизодами и выпаденіями. Вы съ начала до конца видите передъ собой дѣйствительно влюбленнаго юношу, мучающагося надъ разгадкою перемѣны, происшедшей съ Софьей, поглощеннаго мыслью о ней. Благодаря этому Чацкій не рассыпается въ представленіи зрителя на извѣстное количество эпизодовъ и монологовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Изъ драматическаго попури онъ становится живымъ человѣкомъ, а отдѣльныя «выходки» его, именно потому, что это выходки «живого человѣка», становятся естественными, перестаютъ производить впечатлѣніе вкладныхъ арій».

Серьезное, вдумчивое отношеніе рѣшительно ко всякой, даже ничтожнѣйшей роли — вотъ принципъ, которому А. И. Южинъ остался вѣренъ на всемъ протяженіи своего долгаго артистическаго пути. Для него никогда не существовало ролей, «не стоящихъ вниманія», и онъ всѣ ихъ одинаково прилежно изучалъ. Сплошь и рядомъ блѣдная роль точно какимъ-то чудомъ превращалась у него въ яркую и эффектную. Достаточно вспомнить

пресловутую «Вторую молодость» Невѣжина, гдѣ грубо, аляповато очерченный драматургомъ герой пьесы, Виталій, въ исполненіи Южина оказался живымъ, трогательнымъ лицомъ. А сколько такъ называемыхъ «салонныхъ» пьесъ, принадлежащихъ перу посредственныхъ авторовъ, разныхъ Боборыкиныхъ, Александровыхъ e tutti quanti, были спасены отъ неминуемаго провала только благодаря участію въ нихъ Южина! Такихъ пьесъ можно насчитать, конечно, не одинъ десятокъ. Смѣло можно сказать, что весь тяжелый, калейдоскопическій репертуаръ московскаго Малаго театра, гдѣ классическія произведенія, надо сказать правду, не всегда занимали слишкомъ видное и почетное мѣсто, А. И. Южинъ вынесъ на своихъ богатырскихъ плечахъ. Безропотно, съ сознаниемъ свято исполняемаго долга выступалъ онъ въ мертворожденныхъ плодахъ отечественной драматургіи, въ то время какъ его душа непрестанно рвалась къ Шекспиру, Шиллеру, Гюго. И дѣйствительно, строго-классическій репертуаръ—вотъ гдѣ настоящее призваніе Южина, его слава, его родная стихія. Что это дѣйствительно такъ, онъ блестяще доказалъ, напримѣръ, исполненіемъ роли Яго въ 1888 году.

Трагедія Шекспира «Отелло», данная въ бенефисъ А. П. Ленскаго, не исполнялась на русскомъ языкѣ на сценѣ Малаго театра со временъ Мочалова, если не считать довольно неудачнаго исполненія ея въ январѣ 1860 года во время кратковременныхъ гастролей актера-любителя Чернышова. Сей Чернышовъ, по преданію, потерпѣлъ полное фіаско, которое, между прочимъ, ознаменовалось слѣдующимъ курьезомъ: въ одинъ изъ антрактовъ нѣкій весьма извѣстный московскій профессоръ Х. пришелъ въ уборную Чернышова и, одобряя его игру, сказалъ:

— Прекрасно, прекрасно... Только, знаете ли, побольше нужно достоинства... Помните, что Отелло, хотя и мавръ, а былъ все-таки нашъ братъ генералъ!

Фраза эта облетѣла тогда всю Москву.

Вообще же «Отелло» дерзали играть лишь «знатные иностранцы», наѣзжавшіе въ Москву на гастроли. Первымъ былъ американскій негръ Олдриджъ, который, говорятъ, даже не считалъ нужнымъ гримироваться въ этой роли, и, тѣмъ не менѣе, всѣмъ своимъ обликомъ и игрою наводилъ на зрителей ужасъ. Потомъ пріѣзжали Росси и Сальвини. Яго игралъ Поссартъ, которому Южинъ, по мнѣнію критики, нѣсколько подражалъ, но въ общемъ все же вносилъ въ изображеніе этого лица много самобытнаго. Какъ живой, выступилъ передъ зрителями мрачный образъ холоднаго, дерзкаго, коварнаго, а гдѣ нужно—вкрадчиваго и льстиваго Яго. Характерная гримировка артиста, спокойный, увѣренный тонъ его рѣчи придавали выпуклую окраску этому полному практической, житейской мудрости низкому завистнику и

эгоисту, которому не всегда удается извлечь пользу изъ своихъ себялюбивыхъ принциповъ. Съ необычайнымъ искусствомъ артистъ придалъ разсудительному Яго ту личину, благодаря которой зрителю становится яснымъ, почему этотъ безсердечный, холодный человѣкъ являлся въ глазахъ окружающихъ честнымъ, благороднымъ и прямымъ. Мастерская игра Южина производила огромное, неизгладимое впечатлѣніе.

Рядъ другихъ сильныхъ ролей иностраннаго классическаго репертуара исполнялся Южинымъ съ не меньшимъ совершенствомъ. Такъ, въ январѣ 1890 года для бенефиса Г. Н. Фодотовой былъ данъ «Макбетъ», и Южинъ выступилъ въ заглавной роли. Надо замѣтить, что для развитія таланта артиста этотъ сезонъ былъ особенно неблагоприятенъ, такъ какъ репертуаръ Малаго театра держался преимущественно на сомнительнаго достоинства пьесахъ отечественной «стряпни». Играли, напримѣръ, боборыкинскую «Божью коровку», произведеніе крайне ничтожное и бездарное, мелодраматическую пьесу «Разладъ» В. Александрова и т. п. И тѣмъ не менѣе Южинъ блестяще исполнилъ роль Макбета, какъ будто онъ никогда и не портилъ своего таланта никакими «Божьими коровками». Правда, могучій шекспировскій образъ не всталъ передъ зрителями во весь свой трагическій ростъ, но все же онъ обрисовался въ чрезвычайно яркихъ контурахъ. Говорили тогда, что Южинъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ могъ, что онъ даже превзошелъ самого себя въ этой роли, хотя и не въ силахъ былъ достигнуть всей высоты шекспировскаго трагизма. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію тогдашней критики, это былъ лучший изъ Макбетовъ, когда-либо появлявшихся на русской сценѣ.

По общему признанію, у А. И. Южина всѣ данныя для того, чтобы быть выдающимся истолкователемъ такъ называемыхъ «сильныхъ» ролей. У него мощный, звучный и удивительно ласкающій тембръ голоса, дивная красота позъ, пылкій, глубокій взглядъ, превосходная декламация, тонкое пониманіе какъ всей пьесы, такъ и отдѣльных ея взаимоотношеній. Какъ художественно, благодаря всѣмъ этимъ даннымъ, воплощались имъ на сценѣ дивные образы В. Гюго въ «Рюи-Блазѣ» и «Эрнани»! Нѣкоторые отдѣльные моменты игры были прямо поразительны. Напримѣръ, когда Рюи-Блазъ рассказываетъ донъ-Цезарю про свою любовь къ королевѣ, про любовь лакея къ полубогинѣ, вся фигура Рюи-Блаза выражаетъ такое глубокое, такое искреннее убѣжденіе, что въ дѣлахъ страстной любви не можетъ быть и рѣчи о разницѣ въ социальномъ положеніи. Или, когда Рюи-Блазъ громитъ сенаторовъ, публика понимаетъ, что этотъ плебей имѣетъ на это право, что право свое онъ заслужилъ высотой своего духовнаго міра. Или, когда онъ объясняется королевѣ въ любви,—его голосъ дрожитъ всѣми отгѣнками страсти, такой нѣжной, такой почтитель-

А. И. Южинъ въ «Донъ-Карлосѣ» (въ роли маркиза Позы).

ной и вмѣстѣ съ тѣмъ такой сильной, и публика вполнѣ понимаетъ, что противъ такой любви не устоятъ и королевѣ. Критики единогласно признали, что въ роли Рюи-Блаза Южинъ далеко оставляетъ позади себя французскаго трагика Мунэ-Сюлли.

Не менѣе цѣльный и яркій образъ испанскаго короля донъ-Карлоса создалъ Южинъ въ драмѣ В. Гюго «Эрнани». У всѣхъ до сихъ поръ еще свѣжи въ памяти замѣчательныя сцены четвер-

таго акта, когда донъ-Карлосъ-Южинъ молитъ своего прославленнаго предка Карла Великаго наставить его на предстоящій ему тяжелый и великій путь правителя; затѣмъ, когда, только что выбранный императоромъ, донъ-Карлосъ, заставивъ умолкнуть голосъ страсти, усмиривъ жажду мщенья, преподаетъ своимъ подданнымъ первый урокъ милосердія и великодушія, сцены эти верхъ совершенства. По мнѣнію критики, здѣсь Южинъ вырастаетъ въ какую-то эпическую фигуру, здѣсь прорывается наружу тотъ потокъ, который заставлялъ когда-то дрожать всю Европу, весь міръ. Въ этотъ моментъ, когда Карлосъ Кастильскій превращается въ императора Карла V, Южинъ превосходитъ самого себя и въ смыслѣ цѣльности типа, и въ смыслѣ передачи задуманнаго. Эта желѣзная воля гнететъ не только партнеровъ по сценѣ, она давитъ зрителя, который чувствуетъ, что Карлъ V дѣйствительно какое-то существо высшаго порядка, которому дозволено то, чего нельзя другимъ. Слѣдуетъ безусловно признать, что въ артистическомъ вѣнкѣ А. И. Южина Карлосъ Кастильскій едва ли не одинъ изъ наиболѣе пышныхъ цвѣтковъ. Съ нимъ можетъ поспорить о пальмѣ первенства развѣ лишь маркизъ Поза въ трагедіи Шиллера «Донъ-Карлосъ».

«Донъ-Карлосъ» впервые былъ данъ на казенной сценѣ въ бенефисъ А. И. Южина, въ январѣ 1894 года. Мы знаемъ изъ писемъ Бѣлинскаго и изъ воспоминаній Герцена, какую роль игралъ Шиллеръ для той эпохи. Каждый изъ членовъ кружка Бѣлинскаго непремѣнно воображалъ себя маркизомъ Позой, каждый, декламируя его горячіе монологи, проникался его благородными стремленіями. Благородныя рѣчи маркиза Позы никогда не переставали встрѣчать откликъ въ молодыхъ сердцахъ, но ни разу еще до того времени онѣ не раздавались съ театральныхъ подмостковъ. Вполнѣ понятенъ, поэтому, интересъ, съ какимъ наше общество встрѣтило появленіе на сценѣ «Донъ-Карлоса». А тутъ еще дивная игра Южина, который передавалъ вдохновенные монологи маркиза Позы прямо неподобно,—было отъ чего прійти въ восторгъ! И дѣйствительно, московская публика устроила своему любимцу такія восторженныя оваціи, какихъ онъ, по всей вѣроятности, даже не ожидалъ, тѣмъ болѣе, что роль Позы, превосходная въ чтеніи, далеко не принадлежитъ къ числу «благородныхъ» ролей на сценѣ.

Возвращаясь къ исполненію А. И. Южинымъ шекспировскихъ героевъ, невольно приходится перенестись мыслью прежде всего къ датскому принцу Гамлету. Этотъ сложный типъ удивительно оригинально трактуется Южинымъ. Артистъ безпощадно разбиваетъ всѣ традиціи, связанныя съ ролью, и играетъ Гамлета со-всѣмъ просто, какъ самаго обыкновеннаго, простаго смертнаго. Основное настроеніе Гамлета въ исполненіи Южина—тихая грусть

и задумчивость, и настроеніе это цѣльно и послѣдовательно выдерживается артистомъ до самаго конца. Сцена его съ Офеліей—настоящій *chef d'oeuvre* драматическаго искусства. Когда онъ бросается къ ней, падаетъ на колѣни, обхватываетъ обѣими руками ея станъ и скорбно прижимается къ нему головою,—все это выходитъ у него такъ послѣдовательно, естественно и просто, что зрители потрясены и вмѣстѣ съ тѣмъ очарованы.

Не менѣе интересное и оригинальное сценическое воплощеніе даетъ Южинъ другому шекспировскому лицу, королю Ричарду III, котораго онъ изображаетъ не только «по Шекспиру», но и безусловно вѣрнымъ эпохѣ и исторіи: безобразнымъ, хромымъ, горбатымъ, но сильнымъ духомъ, сильнымъ своей безконечной злобой и страстью ко всему преступному. Ричардъ въ изображеніи Южина—это какая-то злая идея, воплощенная въ личность безобразнаго человѣка. Роль Ричарда не изъ выигрышныхъ. Здѣсь нѣтъ такихъ моментовъ, которые говорили бы сами за себя, какъ, напримѣръ, въ Лирѣ, Макбетѣ, Отелло. Здѣсь всякій эффектъ, всякое впечатлѣніе надо брать съ бою, и Южинъ даетъ цѣлый рядъ прекрасныхъ и эффектныхъ моментовъ. Особенно хорошъ артистъ въ сценѣ съ Анной (первый актъ), когда онъ, безобразный, горбатый, злой геній всей семьи, убившій мужа Анны, склоняетъ ее на преступную связь, на бракъ съ мужеубійцей. Всѣ знаютъ, какъ красить истинная любовь. Артистъ понимаетъ, что увлечь Анну можно только пылкой страстной любовью, и онъ весь горитъ страстью, онъ такъ прекрасно имитируетъ любовь, что изъ уроды превращается въ красавца. Интересно, между прочимъ, отмѣтить, что артистъ съ безпощадной послѣдовательностью продолжалъ хромать даже во время антрактовъ, когда выходилъ на вызовы публики, и, такимъ образомъ, иллюзія, созданная сценическимъ воплощеніемъ короля Ричарда, не нарушалась до самаго конца пьесы.

Въ строго классическомъ репертуарѣ, какъ было сказано выше, А. И. Южинъ всегда чувствовалъ себя особенно сильнымъ. Какъ большой художникъ, онъ видѣлъ здѣсь могучій просторъ для своей творческой фантазіи и изъ драгоценнаго матеріала свободно могъ создавать дивные художественные образы. Но тотъ, кто даже не видѣлъ Южина ни въ одной классической пьесѣ, неминуемо долженъ признать въ немъ большую артистическую силу. Какъ онъ великолѣпенъ въ драмѣ В. П. Буренина «Смерть Агриппины!» Созданный имъ эффектный образъ Нерона долго не выходитъ у зрителей изъ головы, хотя интерпретація этого образа артистомъ, въ сущности, даже не соответствуетъ замыслу автора. У Буренина Неронъ—романтичскій герой, у Южина—лицо историческое. Въ сценѣ, когда передъ Нерономъ появляется спасающаяся Агрип

пина и наводитъ на него паническій страхъ, Южинъ прямо потрясалъ зрителей неподражаемымъ реализмомъ игры.

«На любой европейской сценѣ,—пишетъ въ «Новомъ Времени» В. П. Буренинъ,—подобный артистъ былъ бы прославленъ большою знаменитостью. У него прекрасныя внѣшнія средства для трагическихъ ролей: онъ обладаетъ красивой фигурой и довольно сильнымъ, звучнымъ, пріятнымъ и гибкимъ органомъ. Декламацію г. Южина положительно можно назвать образцовой; въ ней слышится всегда вѣрный тонъ, отсутствіе излишней тягучести и торопливости и «приподнятости»—трехъ недостатковъ, присущихъ очень многимъ актерамъ,—тщательная обработка, обдуманность, выдержанность и въ то же самое время искренняя горячность. Мимика артиста разнообразна, порою смѣла и всегда благородна и изящна. Что касается до пластичности—качества, по правдѣ сказать, рѣдкаго въ нашихъ артистахъ, то въ этомъ отношеніи г. Южинъ можетъ поравняться съ самыми выдающимися сценическими художниками, каковы: Росси, Сальвини, Мунэ-Сюлли, Барнаи и т. п.»

Таково авторитетное мнѣніе объ А. И. Южинѣ одного изъ даровитыхъ нашихъ критиковъ и рѣдкаго знатока театра.

Нельзя не замѣтить также, что талантъ А. И. Южина отличается и большою разносторонностью. Въ самомъ дѣлѣ, если посмотрѣть его игру въ легкой комедіи, можно, пожалуй, прийти къ заключенію, что артистъ созданъ именно для этого жанра. Съ какимъ чувствомъ, съ какой граціозной непринужденностью ведется имъ діалогъ даже въ такой незамысловатой вещицѣ, какъ «Первая муха» Крылова и Величко! Сколько здѣсь комизма въ игрѣ артиста, какимъ дружнымъ смѣхомъ заставляетъ онъ смѣяться зрителей, тѣхъ самыхъ зрителей, у которыхъ онъ съ еще большимъ искусствомъ умѣетъ вызывать слезы, даже истерическія рыданія!..

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что Южинъ актеръ нѣсколько холодный, что въ игрѣ его больше мозговой работы, нежели непосредственнаго чувства или вдохновенія. Мнѣніе это отчасти находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что въ игрѣ Южина дѣйствительно не бываетъ экспромтовъ, не бываетъ такъ, что сегодня онъ въ одной и той же роли хорошъ, а завтра плохъ, какъ это случалось, по преданію, съ геніальнымъ Мочаловымъ,—онъ знаетъ заранее, какъ онъ шагнетъ, какъ повернетъ голову, какой сдѣлаетъ жестъ рукою, у него все обдуманно напередъ, все взвѣшено, скомбинировано, создано въ окончательной формѣ. Но развѣ такая «манера творчества» указываетъ на отсутствіе темперамента у артиста или предрѣшаетъ холодность его игры? Конечно, ничуть. Вѣдь если бъ у Южина, кромѣ «мозговой работы», не кипѣла бы страсть, самая горячая и живая, порою

пламенная и могучая, какъ лава вулкана,—развѣ онъ могъ бы такъ захватывать зрителей, такъ гипнотически дѣйствовать на толпу, какъ онъ дѣйствуетъ на нее въ Рюи-Блазѣ, Донъ-Карлосѣ,

А. И. Южинъ въ «Ричардѣ III».

Ричардѣ III? Это было бы невысказано. Въдѣ относительно Сальвини прочно сложилось убѣжденіе, что это артистъ исключительнаго темперамента, что въ игрѣ его преобладаетъ чувство, а не мысль или вообще интеллектъ. Однако вспомнимъ, что говорить

о себѣ самъ великій трагикъ. Вотъ его подлинныя слова: «Когда я играю, я живу двойной жизнью, смѣюсь и плачу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ анализирую свои слезы и свой смѣхъ, чтобы они всего сильнѣе могли вліять на сердца тѣхъ, кого я желаю тронуть». Лучшимъ выразителемъ именно такого направленія въ драматическомъ искусствѣ и является у насъ А. И. Южинъ.

Выдающіяся заслуги Александра Ивановича не разъ были отмѣчены и за предѣлами нашего отечества. Такъ, за исполненіе роли Карла V президентъ Французской республики 14 февраля 1900 г. удостоилъ его знака академическихъ пальмъ (*Officier d'Academie*). Въ томъ же году Южинъ съ громаднымъ успѣхомъ гастролировалъ въ Сербіи, выступивъ въ національномъ королевскомъ театрѣ въ Бѣлградѣ въ лучшихъ своихъ «коронныхъ» роляхъ: въ Рюи-Блазѣ, Ричардѣ III, Отелло, Уріэль-Акостѣ и Кинѣ. Король Александръ пожаловалъ ему командорскій крестъ св. Саввы, а министръ народнаго просвѣщенія наградилъ его званіемъ «почетнаго режиссера королевскаго театра». Одинъ изъ старѣйшихъ сербскихъ драматическихъ писателей, самъ когда-то славный актеръ, Милошъ Цвѣтичъ, въ своей привѣтственной рѣчи такъ обрисовалъ произведенное на него игрою Южина впечатлѣніе:

«Къ намъ прѣбжали многіе великіе артисты и художники слова, но никогда мы не видѣли на нашей сценѣ тебѣ подобнаго! Мы о тебѣ слышали только хорошее, но, увидѣвъ тебя, мы поняли, что ты превзошелъ наши ожиданія, но не только превзошелъ ожиданія,—ты насъ очаровалъ и привелъ въ восхищеніе и удивленіе твоей высоко-художественной игрой, высокимъ совершенствомъ исполненія. Твое искусство поставило въ душахъ и сердцахъ нашихъ живой памятникъ, который мы передадимъ будущимъ поколѣніямъ сербовъ. Какъ сынъ Россіи, изъ ея сердца-матушки Москвы, ты и для насъ сталъ дорогимъ, ибо ты—нашъ, ты—славянинъ, нашъ по крови, кость отъ костей нашихъ, и мы имѣемъ право гордиться тобой! Да, ты наша гордость, и твое имя останется во вѣки записаннымъ золотыми буквами на первомъ мѣстѣ первой страницы нашей культурной исторіи, нашего общаго искусства».

Всѣ, кто былъ свидѣтелемъ приѣма, оказаннаго князю Сумбатову столицей Сербіи, понимали, что рѣчь Милоша Цвѣтича—не фраза, а лишь краткое выраженіе всего того, что переживали сербы, слушая огненные монологи Отелло, Ричарда III, Рюи-Блаза, Уріэля и Кина въ художественной передачѣ Южина.

Мнѣ остается вкратцѣ очертить другую сторону дѣятельности князя Сумбатова—литературную. Какъ писатель, онъ впервые дебютировалъ въ 1877 году пьесой «Громоотводъ», которая впоследствии была имъ передѣлана въ сотрудничествѣ съ Вл. И. Немировичемъ-Данченко въ пятиактную драму «Соколы и Вороны»,

А. И. Южинъ въ «Макбетъ».

имѣвшую шумный успѣхъ въ театрѣ Ѳ. А. Корша въ 1885 году. Впослѣдствіи князь Сумбатовъ включилъ эту драму въ полное собраніе своихъ сочиненій, и не безъ основанія, ибо «рукоприкладство» г. Немировича выразилось лишь въ самыхъ незначительныхъ измѣненіяхъ діалога и послѣдняго акта. Кромѣ этой пьесы, князь Сумбатовъ написалъ цѣлый рядъ драматическихъ

произведений: «Листья шелестятъ», «Мужъ знаменитости», «Арка-зановы», «Цѣпи», «Старый закалъ», «Джентльменъ» и проч.¹⁾

Въ пьесахъ князя Сумбатова, быть можетъ, нѣтъ глубины психологическаго замысла, нѣтъ слишкомъ яркихъ и оригинальныхъ типовъ, но зато въ каждой изъ нихъ есть блестящій диалогъ, эффектные драматическія положенія, въ каждой непремѣнно заложена какая-нибудь серьезная идея, живо, интересно и литературно разработанная. Лучше всего удаются князю Сумбатову отрицательные типы, какъ мужскіе, такъ и женскіе,—разные безпринципные негодяи, хищники, темные дѣльцы—съ одной стороны, и грубыя, невѣжественныя «Коробочки» или безсердечныя, чувственно-жестокія куклы изъ породы свѣтскихъ «обольстительницъ»—съ другой. Такъ, типъ хищнической и преступной уже довольно ярко намѣченъ авторомъ въ одномъ изъ самыхъ раннихъ его произведений, въ драмѣ «Дочь вѣка», въ лицѣ нѣкоего барона Вюртенфельда, человѣка низкаго и подлаго, который беззавѣтно отдавшуюся ему женщину вполне сознательно доводитъ до позора и преступления. Еще ярче и сложнѣе въ психологическомъ отношеніи обрисованъ тотъ же типъ въ лицѣ Пропорьева («Цѣпи») и биржевого дѣльца Тюрянинова («Соколы и Вороны»). Какъ тотъ, такъ и другой съ одинаковымъ успѣхомъ эксплуатируютъ довѣрившихся имъ людей, причемъ заранѣе намѣченные хищническіе планы имъ удается осуществить въ полной мѣрѣ.

Среди женскихъ отрицательныхъ фигуръ князя Сумбатова рельефно выдѣляется Нина Волынцева въ «Цѣпяхъ»; это чрезвычайно характерное воплощеніе нравственнаго распада, это женщина, которая, по словамъ брошеннаго ею мужа, «играетъ всю жизнь собою и другими, своею и чужою честью, своимъ и чужимъ счастьемъ». Въ драмѣ «Соколы и Вороны» мы видимъ плотоядную и жестокую Евгенію Константиновну Застражаеву, которая, пользуясь всѣми чарами женскаго обольщенія, съ чисто-сатанинскимъ расчетомъ и тонкимъ коварствомъ мститъ за отвергнутую любовь, какъ ненавистному мужу, такъ и любимому, но отвергнувшему ея любовь Зеленову. Въ пьесѣ «Закатъ» пылкая и жизнерадостная Наталья Муравлева, привыкшая считаться лишь съ запросами своей грубо-эгоистической природы, не разбирающая средствъ для достиженія цѣли, доводитъ слабовольнаго мужа своего до самоубійства.

¹⁾ Всѣ пьесы кн. Сумбатова, кромѣ драмы «Сергій Сатилловъ», не дозволенной къ представленію на сценѣ драматической цензурой, шли на казенныхъ и частныхъ сценахъ, и выдержали болѣе 7 тысячъ представленій.

Менѣ удачны у князя Сумбатова положительные типы, хотя и тутъ встрѣчаются счастливыя исключенія. Великолѣпно обрисованъ, напимѣръ, полковникъ Олтинъ въ «Старомъ закалѣ»—этотъ человекъ долга, высокаго нравственнаго мужества и широкаго сердца. Впрочемъ, въ «Старомъ закалѣ», кажется, все одинаково хорошо. Это не пьеса, а сама жизнь. Точно въ калейдоскопѣ, проходятъ передъ зрителями живыя лица, удивительно тонко и рельефно очерченныя. Каждое изъ нихъ очень мало говоритъ, всего нѣсколько фразъ, но—*sapienti sat!* Для талантливаго художника-драматурга, оказывается, вполне достаточно и самаго ничтожнаго запаса словъ, чтобы получилось живое лицо.

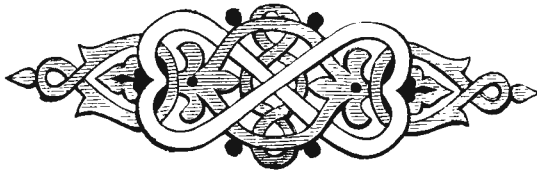
Въ ряду драматическихъ произведеній князя Сумбатова нѣсколько особнякомъ стоитъ его шестиактная хроника въ стихахъ «Царь Іоаннъ Четвертый». Личность Грознаго царя задумана авторомъ чрезвычайно оригинально. Онъ надѣляетъ юнаго Іоанна IV самыми лучшими задатками: и крупнымъ умомъ, и стремленіемъ къ идеаламъ, и добротой, а потомъ показываетъ, какъ все это превращается и переходитъ въ «злыя страсти» подъ вліяніемъ окружающей среды. Можно, пожалуй, не соглашаться съ такимъ «романтическимъ» толкованіемъ мрачной исторической фигуры, можно спорить съ авторомъ, но нельзя не интересоваться его замысломъ, давшимъ въ конечномъ результатѣ столько прекрасныхъ и эффектныхъ сценъ. Въ литературномъ отношеніи хроника князя Сумбатова написана безукоризненно, въ научно-историческомъ—авторъ также не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека, ибо вопреки странному обычаю, усвоенному нашими «историческими» драматургами, онъ не позволилъ себѣ исказить ни одного историческаго факта. Не даромъ князь Сумбатовъ въ предисловіи къ своей хроникѣ приноситъ горячую благодарность профессору В. О. Ключевскому, на основаніи авторитетныхъ указаній котораго ему многое пришлось исправить и передѣлать.

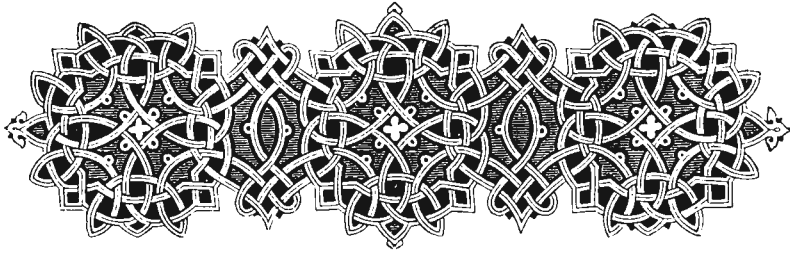
Послѣдними драматическими произведеніями князя Сумбатова, показавшими, что литературный талантъ его не только не идетъ на убыль, но все развивается и крѣпнетъ, были комедіи: «Ирининская община» и «Неводъ». Обѣ эти пьесы, представляющія тонкую сатиру на современное русское общество, имѣли на сценѣ большой успѣхъ.

Кромѣ театральныхъ пьесъ, перу князя Сумбатова принадлежитъ нѣсколько превосходныхъ статей, имѣющихъ близкое отношеніе къ театру. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ та, которая посвящена характеристикѣ гениальнаго Мочалова. Блестящая по формѣ и глубокая по содержанію, статья эта едва ли не самое лучшее, что было написано до сихъ поръ о великомъ

русскомъ трагикѣ со временъ Бѣлинскаго,—объ игрѣ Мочалова вообще и о сценическомъ воплощеніи имъ образа Гамлета въ частности. Болѣе спеціальный интересъ представляетъ монографія князя Сумбатова, озаглавленная имъ: «Личныя замѣтки объ общихъ вопросахъ современнаго театра». Какъ глубокой знатокъ сцены и актерскаго быта, авторъ затрогиваетъ здѣсь целый рядъ такихъ важныхъ принципіальныхъ и техническихъ вопросовъ, отъ успѣшнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ свѣтлое будущее русскаго театра.

Князь Б. А. Щетининъ.

ПАМЯТИ П. И. ДОБРОТВОРСКАГО.

ВЪ ДАЛЕКОЙ Уфѣ скончался 17 января писатель-правдолюбецъ Петръ Ивановичъ Добротворскій; онъ умеръ 68 лѣтъ, хотя здоровье его было подточено давно, и послѣдніе годы Петръ Ивановичъ былъ плѣнникомъ своей квартиры. Привязанный къ ней прочными нитями своего разрушающагося организма, «уральскій Аристидъ», какъ его называли нѣкоторые уфимцы, покойный П. И. Добротворскій все-таки не оставлялъ пера и до нынѣшняго года нѣтъ-нѣтъ да и появлялся въ печати. Еще звучитъ въ ушахъ вопль больного писателя послѣ произведеннаго у его обыска въ разгаръ «освободительнаго движенія».

Добротворскаго считали «краснымъ» и, стало быть, объектомъ полицейскаго вниманія, хотя «краснота» его появилась лѣтъ 40, а то и болѣе, назадъ, и давнымъ-давно пропала: осталось литературное имя, которое имѣетъ право на почетъ и надолго, если не навсегда, останется памятнымъ.

Добротворскій первый вступился за «дикую Башкирію», гдѣ происходила казенно- и запасно-земельная вакханалія, въ конецъ подрывавшая благосостояніе башкиръ. Какъ извѣстно, по закону

10 февраля 1869 года въ башкирскія палестины могли летѣть новыя птицы и вить теплыя гнѣзда; произведенный раздѣлъ земель указалъ границу башкирской собственности, за которою начинались казенныя и запасныя десятины. И вотъ правительство, во имя оживленія и экономическаго развитія края, предлагаетъ состоящимъ на службѣ и отставнымъ чиновникамъ роль варяговъ въ Башкиріи. Къ далекому, но вкусному меду полетѣла великая армія мухъ, за которою, какъ за всякою арміей, потянулись слѣдомъ мародеры-пауки и раскинули свою отвратительную паутину не только бокъ-о-бокъ съ мухами, но и далѣе—на запасныхъ десятинахъ. Не довольствуясь этимъ, всероссійскіе хищники протянули свои коготки, клешни и щупальцы уже къ десятинамъ полудикихъ башкиръ и стали разорять ихъ, не стѣняясь приемами. Разумѣется, Башкирія осталась бы въ концѣ концовъ безъ башкиръ, если бы надъ хищниками не грянулъ громъ со столбцовъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ выступилъ П. И. Добротворскій.

Онъ окончилъ курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ (1860 г.), откуда вынесъ не жажду военныхъ подвиговъ, а твердое желаніе служить народу на мирномъ поприщѣ. Была молодость, былъ задоръ, огромный запасъ энергіи. Уже всходила заря реформъ. Глаза передовыхъ людей были устремлены въ гущу крестьянскаго существованія. Приближался день освобожденія отъ крѣпостной зависимости; крестьянству нужны были честные друзья, и однимъ изъ таковыхъ явился молодой Добротворскій. Онъ избралъ должность мирового посредника, дававшую возможность стать лицомъ къ лицу съ народомъ и найти ключъ къ его пониманію и къ пониманію его жизни въ ея массовыхъ проявленіяхъ. Подобно П. И. Добротворскому поступилъ И. А. Саловъ, и сближеніе его съ деревнею только упрочило литературную извѣстность покойнаго Ильи Александровича. Въ бытность П. И. Добротворскаго мировымъ посредникомъ, выработывался, былъ опубликованъ и пустилъ ростки вышеупомянутый законъ 10 февраля 1869 года. Добротворскій оказался невольнымъ свидѣтелемъ расхищенія башкирскихъ земель, колупаевской вакханаліи и, охваченный негодованіемъ, взялся за обличительное перо. Надо было крикнуть Петербургу, что происходитъ въ башкирскомъ парадизѣ, и Добротворскій, какъ новый Іеремія, сталъ обличать науковъ въ коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ въ подобныхъ роляхъ съ успѣхомъ подвизались В. П. Буренинъ и въ особенности А. С. Суворинъ. Сила обличенія и отсутствіе какихъ бы то ни было увертокъ автора произвели цѣлую бурю въ обществѣ, и башкирская эпопея развернулась во всей своей отвратительной

наготѣ. Письма Добротворскаго о башкирскихъ дѣльцахъ были своего рода «Губернскими очерками», имѣя въ виду тѣ безправіе и грабежъ, какіе изобличались ими. Правительство не могло остаться глухимъ къ происходящему въ Приуральѣ, назначило слѣдователей. Разслѣдованіе дало вопіющіе результаты, засвидѣтельствованные сенаторомъ Ковалевскимъ.

Время залечило, конечно, многое; но П. И. Добротворскому принадлежитъ честь рыцарскаго освѣщенія темныхъ гнѣздъ, разоренія однихъ изъ нихъ, заклеяменія другихъ—и въ этомъ его большая литературная заслуга. Отголоски слышатся отъ поры до времени на страницахъ историческихъ журналовъ; послѣ Добротворскаго многіе описывали Башкирію и ея бытъ, но главное сдѣлано имъ, который, кочуя изъ газеты въ газету прогрессивнаго направленія, договаривалъ въ «Голосѣ», «Молвѣ» (Поветики), «Недѣлѣ», «Порядкѣ» и «Русской Правдѣ» то, чего не сказалъ въ коршевскихъ «Вѣдомостяхъ». И если бы Добротворскій ограничился только этимъ, онъ все-таки имѣлъ бы право на признательность потомства, но литературная дѣятельность почившаго укладывается въ гораздо большія рамки.

Имъ написано много повѣстей и рассказовъ, очерковъ и набросковъ, иллюстрирующихъ съ большей или меньшей художественностью, но съ неизмѣнной наблюдательностью провинціальныи міръ. Что подписано именемъ и фамиліей писателя, а что и псевдонимомъ: «Петръ Кармазановъ». Въ сборникъ «Мысли въ картинахъ и въ образахъ» (изд. 1892 года) вошло немного, но большинство изъ написаннаго покойнымъ маститымъ писателемъ еще разбросано по книжкамъ прекратившихся («Наблюдатель», «Сѣверный Вѣстникъ», «Книжки Недѣли») и въ нумерахъ выходящихъ изданій («Русскія Вѣдомости», «Вѣстникъ Европы»). Слѣдуетъ, однако, поставить на первомъ мѣстѣ не чисто-беллетристическія произведенія П. И. Добротворскаго, а этнографическіе труды, касавшіеся быта приуральскихъ инородцевъ. Онъ зналъ Средній и Нижній, родной ему, Уралъ, какъ немногіе у насъ его знаютъ, и несомнѣнно шире и глубже С. В. Максимова и Д. Н. Мамина (Сибиряка) проникъ въ условія инородческой жизни. Вспомните его статьи въ «Наблюдателѣ» (80-хъ годовъ) и въ «Вѣстникѣ Европы». Живыя, занимательныя, характерныя, словомъ, написанныя такъ, какъ не пишутъ наши официальные ученые, эти статьи даютъ обильный бытовой матеріалъ, которымъ едва ли стануть пренебрегать добросовѣстные отечествовѣды.

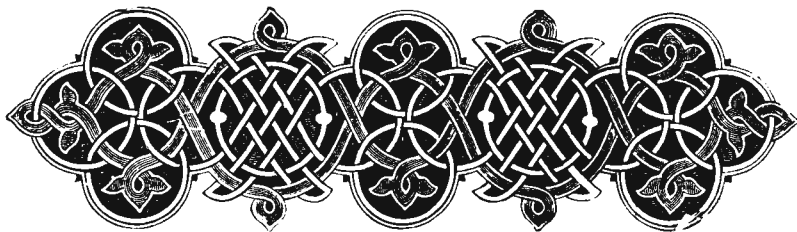
Петръ Ивановичъ Добротворскій отошелъ въ вѣчность. Я не знаю, стануть ли вспоминать и благословлять его память всѣ эти башкиры, пермяки, мещеряки, тептяри и тому подобныя родныя полу-незнакомцы, во имя которыхъ онъ расходовалъ лучшія жем-

чужины своего сердца, горѣлъ, сгоралъ, но мы должны сказать, что вѣчной памяти и благословеній заслуживаетъ тотъ, чьимъ якоремъ былъ трудъ, какъ высшее предназначеніе человѣка. Добротворскій трудился не ради славы и почестей, которыя, кажется, только и были разъ торжественно изъявлены ему въ юбилейный день,—нѣтъ, онъ трудился для того, чтобы облегчать жизнь другихъ. Миръ его праху! Теперь и въ Уфѣ есть могила писателя...

Павелъ Россіевъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ РАЗЫСКАНІЯ ¹⁾.

V.

Заподозрѣнный писатель.

ВѢТЬ двадцать тому назадъ неожиданно возникъ въ нашей литературѣ удивительный, чуть не гамлетовскій вопросъ: былъ или не былъ на бѣломъ свѣтѣ, въ первой половинѣ XIX вѣка, русскій поэтъ-самоучка Ульяновъ?

Такой странный вопросъ явился по слѣдующему поводу.

Въ нѣмецкомъ изданіи «Исторіи всемірной литературы» Шерра была удѣлена небольшая глава и русскимъ писателямъ; на одной изъ страницъ ея, между прочимъ, находились такія строки: «Алексѣй Кольцовъ, а послѣ него Е. Алипановъ и А. И. Ульяновъ пропѣли пѣсни, во всей своей свѣжести и самобытности вырвавшіяся изъ народной души и открывшія собою новую оригинальную полосу въ русской лирикѣ ²⁾. Не-

смотря на такое отчетливое переименованіе трехъ поэтовъ, одинъ библиографъ скептически отнесся къ послѣднему изъ нихъ и,

¹⁾ Предыдущія четыре «разысканія» помѣщены въ «Историческомъ Вѣстникѣ», а именно: «О Гончаровѣ» (1906 г., кн. 9), «О недоковченномъ трудѣ С. П. Шевырева» (кн. 10), «О книгѣ: «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ» (кн. 12) и «Объ изданіи П. В. Жадовскаго: «Житейскія сцены» (1907 г., кн. 3).

²⁾ Scherr, «Geschichte d. Allgemeinen Litteratur», fünfte Auflage, zweiter Band, S. 391.

послѣ справки съ книжными каталогами, далъ слѣдующій категорическій отвѣтъ: «Поэта Ульянова никогда не существовало...»¹⁾

Однако подобное рѣшеніе вопроса намъ показалось мало убѣдительнымъ. Неужели, думалось намъ, такіе знатоки книгъ, какъ С. Д. Полторацкій и С. А. Соболевскій, снабжавшіе, по слухамъ, Шерра своими библиографическими указаніями относительно русской литературы, «ввели въ искушеніе» ученаго нѣмца и пустили гулять по свѣту несуществующаго писателя—Ульянова?

Прошло нѣсколько времени, и наши историко-литературныя изслѣдованія постепенно стали прояснять «библиографическую загадку».

Прежде всего мы пересмотрѣли всѣ книжные реестры, какіе были изданы на русскомъ языкѣ за періодъ двадцатыхъ—шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, и въ одномъ изъ такихъ каталоговъ, который, какъ видно, не попалъ въ руки вышеупомянутаго библиографа, нашли слѣдующую отмѣтку: «Сочиненія Ульянова, въ двухъ частяхъ, въ одномъ томѣ, съ 16 картинами. Спб., 1856 г. (8^о), цѣна 1 р. 75 к.»²⁾

Послѣ такой находки мы начали двойные розыски: старались отыскать, съ одной стороны, названныя «Сочиненія Ульянова», а съ другой — какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ «загадочномъ авторѣ» въ періодической печати 1850—1860 годовъ. И вотъ мало-помалу то и другое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: при разборѣ книжной коллекціи покойнаго московскаго библиофила В. М. Остроглазова, подаренной его вдовой библиотекѣ московскаго университета, нами найденъ хорошій экземпляръ «Сочиненій Ульянова»³⁾, а въ періодическихъ изданіяхъ отысканы любопытныя свѣдѣнія объ этомъ писателѣ, причѣмъ онъ оказался не А. И., какъ ошибочно названъ у Шерра, а Николаемъ Дмитриевичемъ Ульяновымъ.

Основываясь на такихъ находкахъ, мы и рѣшаемся сообщить точныя свѣдѣнія объ этомъ русскомъ литературномъ дѣятелѣ, долгое время заподозрѣнномъ въ своемъ существованіи на бѣломъ свѣтѣ.

Н. Д. Ульяновъ сынъ «государственнаго крестьянина», родился въ 1818 году въ деревнѣ Золотуха-Подсельная (Рыбинскаго уѣзда Ярославской губерніи) и остался пятилѣтнимъ ребенкомъ послѣ смерти своего отца, среди скудной житейской обстановки. Родная

¹⁾ См. «Критико-Биографическій словарь» С. Венгерова, Спб. 1889 г., т. I, стр. 422.

²⁾ См. «Каталогъ книгопродавца двора Е. И. В. А. Смирдина (сына) и К^о», Спб., 1858 г., стр. 145.

³⁾ Остроглазовское отдѣленіе библиотеки московскаго университета (мѣтка: 2. 5. 2.).

мать отдала его «на выучку» сельскому дьячку, который чрезъ славянскую «Псалтирь» открылъ предъ нимъ «первый свѣтъ науки», но читать и писать по-русски мальчикъ научился самоучкой. Такъ провелъ свое дѣтство будущій писатель, по его собственному признанью,

Подъ сельской кровлею рожденный
 Со скромнымъ званьемъ мужичка,
 Въ премудрость книжну посвященный
 Усердемъ сельскаго дьячка,
 Борясь съ враждебною судьбою,
 Съ трудомъ, съ житейскою нуждою... ¹⁾

Юношею 14—16 лѣтъ Н. Д. Ульяновъ покинулъ родную деревню и поселился въ Рыбинскѣ, гдѣ сталъ служить «подручнымъ» или «сидѣльцемъ» въ мучной лавкѣ тамошняго купца. Благодаря смѣливости, расторопности, честности и грамотности, онъ скоро приобрѣлъ довѣріе хозяина, который «нерѣдко посылалъ его за полученіемъ денегъ и для продажи товара въ разные города Россіи», а съ 1837 года отправилъ своего «молодца» въ Петербургъ, гдѣ тотъ въ теченіе восьми лѣтъ состоялъ «довѣреннымъ приказчикомъ» при оптовой хлѣбной торговлѣ на Калашниковской пристани.

Ни городская, ни даже столичная жизнь не манила молодого человѣка къ шумнымъ свѣтскимъ развлеченіямъ. Напротивъ, въ праздничные досуги и во всѣ свободные часы отъ торговыхъ операцій онъ стремился расширить свое образованіе: выписывалъ журналы и газеты, покупалъ книги, большею частію по русской литературѣ, и съ увлеченіемъ отдавался чтенію. Но этого мало: охота къ чтенію книгъ и журналовъ пристрастила Н. Д. Ульянова къ самостоятельному литературному труду: онъ началъ «кропать стихи», но долгое время не рѣшался отдавать ихъ въ печать. Эти «умственные занятія», по собственнымъ словамъ поэта-самоучки, «спасли его отъ пьянства, отъ разврата, пороковъ, присущихъ нашему купечеству».

Съ половины сороковыхъ годовъ Н. Д. Ульяновъ возвратился обратно въ Рыбинскъ со своимъ книжнымъ собраніемъ и съ небольшимъ капиталомъ, скопленнымъ во время «приказчества». На правахъ 3-й гильдіи купца онъ открылъ, недалеко отъ биржи, близъ Волжскаго перевоза, собственную овощную лавку съ мелочнымъ товаромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжая приобретать книги и періодическія изданія, завелъ «общедоступную бібліотеку» романовъ и журналовъ, давая ихъ читать за небольшую плату горожанамъ и выручая, по его признанію, «едва сотню рублей въ годъ».

¹⁾ См. «Сочиненія Ульянова, Спб. 1856 г., ч. I, стр. 6 ч. II, стр. 27—28».

Между тѣмъ своимъ чередомъ продолжалась и «писательская дѣятельность» Н. Д. Ульянова. Особенно вдохновляли его перо событія Крымской кампаніи. Такъ, въ концѣ 1853 года онъ написалъ довольно большое стихотвореніе «На истребленіе турецкой эскадры при Синопѣ»¹⁾ и представилъ его генераль-адмиралу великому князю Константину Николаевичу вмѣстѣ съ двадцатью пятью рублями для выдачи одному или нѣсколькимъ матросамъ, раненымъ въ Синопскомъ сраженіи. «Его императорское высочество,—читается въ официальной бумагѣ,—препроводивъ сіи деньги начальнику главнаго штаба князю Меншикову для употребленія по назначенію, извоилъ поручить: 1) морскому ученому комитету доставлять Ульянову экземпляръ «Морского Сборника» на 1854 годъ и 2) начальнику Ярославской губерніи выразить Ульянову сердечную признательность его высочества за пожертвованіе въ пользу храбрыхъ матросовъ нашихъ»²⁾).

Подобныя «патріотическія» стихотворенія, посвященныя военнымъ событіямъ, вмѣстѣ съ другими произведеніями въ стихахъ и прозѣ, къ половинѣ пятидесятихъ годовъ составили довольно большой томъ «Сочиненій» Н. Д. Ульянова, выпущенный изъ типографіи, по цензурной отмѣткѣ, 25 февраля 1856 года, въ одной книгѣ съ раздѣленіемъ на двѣ части (ч. I, IV + 152 стр.; ч. II, 134 стр. и 16 картинокъ). Намъ неизвѣстны обстоятельства появленія на свѣтъ этихъ трудовъ «писателя изъ народа»: напри- мѣръ, мы не знаемъ, на чей счетъ шло ихъ печатаніе, на средства ли самого автора, или на иждивеніе какого-нибудь мецената, поощрителя «самоучекъ»; точно также нами не отыскано объ этомъ изданіи ни публикаціи, ни даже маленькой рецензіи въ газетахъ или журналахъ того времени. Поэтому намъ приходится дать краткую оцѣнку «Сочиненій» Н. Д. Ульянова по единственному знакомому намъ—остроглазовскому экземпляру.

Надо сознаться, что почти всѣ «патріотическія» и многія «лирическія» стихотворенія нашего поэта-самоучки, помѣщенныя въ первой части его «Сочиненій», не отличаются ни оригинальностью мысли или сюжета, ни особенными красотоми поэтическаго стиля: это большею частію «стихотворные перепѣвы», навѣянные чтеніемъ русскихъ поэтовъ первой половины XIX вѣка или даже прямая подражанія. Напримѣръ, девятнадцать «басенъ» Ульянова (ч. I, стр. 97—148) носятъ яркій отпечатокъ вліянія Крылова или Дмитриева, а «Пѣсня ратника» (ч. I, стр. 42—44), начинающаяся строфою:

¹⁾ Этимъ произведеніемъ открываются «Сочиненія» Ульянова (ч. I, стр. 1—5).

²⁾ См. «Морской Сборникъ» 1854 г., т. XI, часть официальная, стр. 43.

Не шей ты миѣ, батюшка,
Свадебный кафтанъ;
Ты напрасный сдѣлаешь
Для себя изьянь,—

почти дословно повторяетъ куплеты извѣстнаго «романса»:

Не шей ты миѣ, матушка,
Красный сарафанъ,
Не входи, родимая,
Попусту въ изьянь и т. д.

Но рядомъ съ такими, мало оригинальными и частію подражательными произведеніями Н. Д. Ульянова нельзя не отмѣтить хотя нѣсколько его сочиненій, которыя вѣрно воспроизводятъ современную жизнь, близкую автору, и являются плодомъ его собственныхъ наблюденій. Къ этимъ самостоятельнымъ трудамъ слѣдуетъ, напримѣръ, отнести картины Волги (ч. I, стр. 63—65), была «Глупый Ганя», въ которой описываются издѣвательства «купцовъ-мучниковъ» надъ нищимъ-калѣкою (ч. I, стр. 149—152), и особенно всю вторую часть «Сочиненій», занятую одною большою повѣстью, подъ заглавіемъ: «Чего не сдѣлаютъ время и случай»; послѣдняя, хорошо изображая нравы деревенской и городской жизни прошлаго вѣка, имѣетъ еще, несомнѣнно, автобіографическое значеніе: нѣкоторыя изъ переданныхъ фактовъ совпадаютъ съ знакомыми намъ біографическими свѣдѣніями о самомъ Ульяновѣ. Даже, прибавимъ, многія картинки или политипажи, приложенныя къ первой части «Сочиненій», теперь представляютъ особый интересъ: нѣкоторыя изъ этихъ изображеній рисуютъ Рыбинскъ въ пятидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, съ его соборной церковью, купеческою биржею, Волжскою пристанью и другими, теперь исчезнувшими, зданіями.

Вотъ и все главное, что мы хотѣли сказать о «Сочиненіяхъ» Н. Д. Ульянова. Черезъ четыре года по отпечатаніи, ихъ автора-самоучку посѣтилъ М. И. Семевскій. Путешествуя по Волгѣ, онъ остановился на два дня въ Рыбинскѣ, познакомился съ «народнымъ писателемъ» и въ своемъ путевомъ «Дневникѣ» (подъ 1 и 2 числами іюля 1860 года) записалъ нѣкоторыя впечатлѣнія отъ этого знакомства вмѣстѣ съ краткою автобіографіей Ульянова, которую мы и привели выше въ своемъ очеркѣ ¹⁾).

Съ тѣхъ поръ намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба Н. Д. Ульянова: мы не знаемъ, когда онъ окончилъ свою трудовую жизнь, или—можетъ быть—еще и донинѣ проводить свои дни девяностолѣтнимъ старцемъ,—такъ какъ на нашъ запросъ о немъ, от-

¹⁾ См. «Русскій Вѣстникъ» 1860 г., т. XXVIII, кн. 15 (августъ), отдѣлъ «Современная лѣтопись», стр. 297—298.

правленный къ одному изъ старожиловъ Рыбинска, мы не получили точнаго отвѣта. Но мы будемъ вполне удовлетворены, если нашъ очеркъ, воскресившій жизнь и труды Н. Д. Улянова, вызоветъ въ ближайшемъ будущемъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ прежде «загадочномъ» писателѣ.

VI.

Умолкнувшая «Молва».

Уже прошло полвѣка, какъ былъ сдѣланъ первый опытъ изданія еженедѣльной «публицистической» газеты, и, какъ начальная попытка, такой новый журнальный органъ «скоро отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть»: здѣсь мы разумѣемъ «Молву» (1857 г.), о своему названію преемницу надеждинской «Молвы» (тридцатыхъ годовъ), позже имѣвшую еще трехъ соименницъ: «Молву» Жемчужникова (1876 г.), «Молву» Л. Полонскго (1879—1881 г.) и «Молву» недавнихъ дней.

Въ настоящее время очень трудно отыскать въ книжныхъ лаякахъ полный комплектъ второй «Молвы»—періодическаго изданія 1857 года, особенно со всѣми «прибавленіями». Вслѣдствіе рѣдкости этой газеты иногда передавались о ней и ошибочныя свѣдѣнія: напримѣръ, въ одномъ ученomъ словарѣ, гдѣ, казалось бы, слѣдовало ожидать самыхъ вѣрныхъ указаній, время изданія ея отнесено къ 1859 году¹⁾, а по поводу недавней кончины гласнаго редактора этой газеты—С. М. Шпилевскаго—нѣкоторые некрологисты безъ колебаній даже перекрестили его «Молву» въ «Москву»²⁾. Поэтому мы считаемъ возможнымъ передать наиболѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ рѣдкомъ періодическомъ изданіи, на основаніи самаго полного экземпляра «Молвы», хранящагося въ нашей библиотекѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мысль объ изданіи перваго публицистическаго еженедѣльника появилась, прежде всего, въ такъ называемой славянофильской партіи (Хомяковъ, Аксаковы, Кошелевъ и др.) и—въ частности—не безъ участія редакціоннаго кружка «Русской Бесѣды». Въ этомъ убѣждаютъ исторія возникновенія самой газеты и то направленіе, какое принято ею съ самыхъ первыхъ номеровъ.

Хлопоты объ изданіи «Молвы» начались еще съ конца 1856 года. Уже тогда, подъ вліяніемъ «новыхъ вѣяній», была выработана

¹⁾ «Биографическій словарь профессоровъ императорскаго казанскаго университета», Казань, 1904 г., ч. II, стр. 89.

²⁾ См., напримѣръ, «Русскія Вѣдомости», 1907 г., № 171.

широкая программа, обнимавшая главнымъ образомъ общественные вопросы того времени, и даже намѣченъ въ редакторы Сергѣй Михайловичъ Шпилевскій, молодой юристъ, только что окончившій курсъ московскаго университета съ золотою медалью ¹⁾. Съ рекомендательными письмами своихъ покровителей-славянофиловъ «предполагаемый» редакторъ «Молвы», съ января 1857 года, отправился въ Петербургъ, чтобы лично испросить разрѣшеніе на изданіе новой газеты. Но дозволеніе послѣдовало только въ мартѣ, когда (31 числа) появилось и первое объявленіе о вновь нарождающемся въ Москвѣ «публицистическомъ» органѣ ²⁾. Вслѣдъ за тѣмъ только 13 апрѣля, наконецъ, вышелъ первый номеръ «Молвы», сочувственно встрѣченный особою статьею въ «Русской Бесѣдѣ» ³⁾ и даже специально написаннымъ стихотвореніемъ, въ которомъ авторъ—М. П. Розенгеймъ—между прочимъ, смѣло высказывалъ:

Въ добрый часъ, «Молва»! Пора,—
 Да, пора за дѣло!
 Подвигъ правды и добра
 Начинай же смѣло!
 А работы набралось;
 Дѣла будетъ съ гору:
 Много, много завелось
 Въ нашей хатѣ сору...
 Въ добрый часъ, «Молва»! Пора,
 Начинай же смѣло
 Подвигъ чести и добра—
 Обличенья дѣло!.. ⁴⁾

Послѣдняя строка поэта послужила какъ бы девизомъ: «дѣло обличенья», начавшее проникать въ тогдашнюю журнальную и газетную печать, особенно заняло редакцію новорожденного изданія.

Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго же номера «Молва» открыла нападки на Б. Н. Чичерина, по поводу его статей о «Русской сельской общинѣ», а затѣмъ, чѣмъ долѣе появлялась газета, тѣмъ шире и страстнѣе разгоралась полемика съ другими учеными, напримеръ, съ С. М. Соловьевымъ (№ 5), И. Е. Забѣлинымъ (№ 6), О. И. Буслаевымъ (№ 19), писателемъ И. А. Гончаровымъ (№ 12) и т. д. Даже былъ открытъ особый специальный отдѣлъ, подъ заглавіемъ: «Юридическія замѣтки», появлявшійся «приложеніями» (къ №№ 2, 3, 4 и 5), теперь особенно рѣдкими, и представлявшій,

¹⁾ Потомъ онъ состоялъ профессоромъ исторіи русскаго права въ казанскомъ университетѣ (1860—1885 гг.), директоромъ Демидовскаго юридическаго лиція (1885—1904 гг.), и скончался 21 іюля 1907 года въ Ярославлѣ.

²⁾ Объявленіе съ «программою» было напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1857 г., № 39, прибавленіе, стр. 341.

³⁾ См. «Русскую Бесѣду» 1857 г., кн. 2.

⁴⁾ «Стихотворенія» М. П. Розенгейма, Спб., 1858 г., стр. 74—79.

по собственному фигуральному выраженію автора, профессора Н. И. Крылова, «литературную цитадель», откуда онъ «обстрѣливалъ непріятельскія партіи», преимущественно критикуя мнѣнія сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника»—того же Чичерина и таинственнаго незнакомца, скрывшагося подъ псевдонимомъ «Байборода»¹⁾.

Но особенно сильный полемическій задоръ обнаружила «Молва» въ такъ называемыхъ «передовыхъ статьяхъ»—новинкахъ для тогдашней печати и прямыхъ предшественницахъ катковскихъ «передовицъ». То были смѣлыя, жгучія рѣчи, касавшіяся самыхъ разнообразныхъ «язвъ» русской общественной жизни пятидесятихъ годовъ, какъ, напримѣръ, «просвѣщенія народа» (№ 3), о «значеніи народности» (№ 5), о «характерѣ простого народа» (№ 9), «объ общественномъ мнѣніи» (№ 12), о «Россіи и иностранцахъ» (№ 18), о «русской одеждѣ» (№ 21) и т. п. Всѣ эти горячія «передовицы», появившіяся въ печати безъ подписи, естественно считались читателями и критикой за статьи редактора газеты, т. е. С. М. Шпилевскаго. Но сама же «Молва» открыла имя дѣйствительнаго автора; въ концѣ 19 нумера (стр. 226) она помѣстила слѣдующее «объявленіе» за подписью Константина Сергѣевича Аксакова: «Передовыя статьи, не имѣющія никакой подписи, принадлежатъ мнѣ»²⁾.

Но эти-то статьи, составлявшія «цвѣтъ и красу» газеты, какъ и другія «полемическія замѣтки», вышедшія изъ-подъ пера того же Аксакова, послужили и прямымъ поводомъ къ рановременному прекращенію «Молвы». Изъ-за нѣкоторыхъ статей возникла переписка съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, которому была подчинена тогдашняя печать: изъ Петербурга полетѣли «конфиденціальныя предупрежденія»; цензоръ Н. Ѳ. фонъ-Крузе, подписывавшій къ выпуску газету съ начала изданія, былъ замѣненъ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ (съ № 23). Наконецъ, одна изъ послѣднихъ статей К. С. Аксакова, безыменно помѣщенная въ № 36, довершила все: то была странная параллель между «Публикою и народомъ», упрекавшая «высшій классъ» во многихъ якобы грѣхахъ противъ родины и, напротивъ, прославлявшая «простонародье» за цѣлый рядъ достоинствъ въ родѣ «простоты» и «доброты». По поводу такого рѣзкаго противоположенія, Высочайше было повелѣно: «Объявить редакціи «Молвы», что если и впредь

¹⁾ Кромѣ того, было еще одно «приложеніе» (къ № 12), подъ названіемъ: «Добросовѣстность, наука и народность», за подписью: «Е. Радущинъ».

²⁾ Кстати приводимъ наши собственные разгадки нѣкоторыхъ подписей: «Имрекъ»—К. С. Аксаковъ, «S»—С. М. Шпилевскій, «О. Ч.»—О. В. Чижовъ и «Сотрудникъ «Молвы» 1832 г.»—С. Т. Аксаковъ.

будутъ замѣчены подобныя статьи, то газета сія будетъ запрещена, а редакторъ и цензоръ подвергнутся строгому взысканію»¹⁾.

Послѣ такого «предостереженія» хотя и появилось было объявленіе о продолженіи изданія газеты въ 1858 году²⁾, однако «Молва» замолкла на 38 номерѣ, отъ 29 декабря 1857 года...

Позже И. С. Аксаковъ, въ письмѣ къ Н. С. Соханской (Кохановской), такъ объяснилъ кратковременное изданіе «Молвы»: «Эта газета была затѣяна моимъ братомъ, но редакторство было поручено имъ нѣкому г. Шпилевскому, который оказался довольно плохимъ редакторомъ и очень уронилъ было газету. Я хотѣлъ было взять ее на себя съ 1858 года, но исторія, возникшая по случаю статьи въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Публика и народъ» Константина Сергѣевича, сдѣлала невозможнымъ продолженіе изданія»³⁾.

Дим. Языковъ.

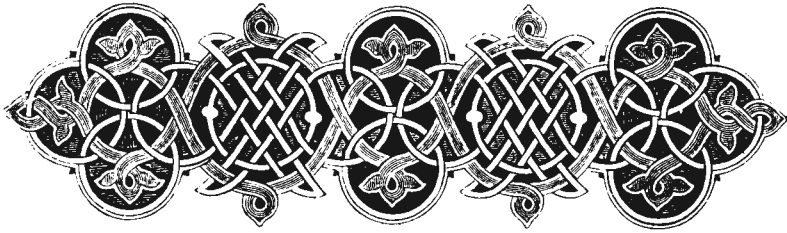

---

¹⁾ См. «Жизнь и труды Погодина», Спб., 1901 г., кн. XV, стр. 285.

²⁾ «Московскія Вѣдомости» 1857 г., № 148, литер. отд., стр. 662.

³⁾ См. «Русское Обозрѣніе» 1897 г., кн. 2, стр. 595.

ПО ПУШКИНСКИМЪ МѢСТАМЪ

ИЩЕ НА ГИМНАЗИЧЕСКОЙ скамьѣ мечталъ я о томъ, чтобы побывать когда-нибудь въ томъ уголкѣ, гдѣ нашъ великій поэтъ провелъ едва ли не лучшіе два года своей жизни, въ обществѣ простыхъ, добрыхъ и ему симпатичныхъ людей, гдѣ окончательно «образованъ Татьяны милой идеаль» и гдѣ, наконецъ, онъ упокоился вѣчнымъ сномъ, усталый и сраженный въ борьбѣ съ людскою злобою.

Условія жизни отложили приведеніе въ исполненіе этой идеи на долгіе годы, и наконецъ 1907 г. лѣтомъ судьба мнѣ улыбнулась, давъ возможность посѣтить затерявшееся вдали отъ желѣзныхъ дорогъ затишье Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи. Выѣхалъ я съ женою утромъ 17 іюля, въ 9 часовъ изъ Петербурга съ поѣздомъ Варшавской желѣзной дороги и въ 5 час. 50 мин. вечера мы были уже въ уѣздномъ городѣ Островѣ Псковской губерніи. Въ тотъ же вечеръ, условившись съ мѣстнымъ извозчикомъ Григоріемъ совершить поѣздку въ отстоящій отъ города въ 55 верстахъ Святогорскій монастырь и переночевавъ въ сносномъ вполнѣ номерѣ гостиницы «Москва», мы утромъ на другой день въ 8 часовъ отправились въ дорогу. До расположенной въ 33 верстахъ отъ города почтовой станціи Новгородка путь идетъ по Кіевскому шоссе и представляется совершенно однообразнымъ. По пути насъ развлекалъ бесѣдой нашъ возница. Отъ него мы узнали, что онъ состоитъ извозничьимъ старостой въ городѣ, что у него лучшій вы-

ѣздъ, что съ нимъ случается иногда грѣхъ выпить и что у него бѣдовая жена: не бьетъ, лучше бы била, а «поетъ» больно много. Далѣе онъ добродушно признался, что лошадь его такъ вынослива такъ хороша, что онъ, пожалуй, ея не стоитъ. Онъ очень интересовался, зачѣмъ мы ѣдемъ въ Святыя Горы, и когда мы объяснили ему цѣль нашей поѣздки и спросили его, слышалъ ли онъ о Пушкинѣ, то онъ многозначительно замѣтилъ, что это была, должно быть, «знатная личность», потому что лѣтъ восемь тому назадъ онъ возилъ въ монастырь какихъ-то пріѣзжихъ изъ Петербурга и что тогда тамъ былъ большой съѣздъ гостей по поводу «этого самаго Пушкина» (100-лѣтній юбилей со дня рожденія въ 1899 году). На станціи Новгородка наша лошадка отдохнула, возница подкрѣпился, и затѣмъ мы опять тронулись по сворачивающему отъ этой станціи почтовому тракту на города Новоржевъ и Великія Луки. Проѣхавъ 22 версты по этому тракту, усѣянному обильными ухабами, мы къ 5 часамъ вечера достигли Святогорскаго монастыря. Ближе къ Святымъ Горамъ мѣстность оживляется холмами, покрытыми рощами и яркою зеленью льна, и свѣтлыми пятнами густо разбросанныхъ озеръ.

На мѣстѣ въ Святыхъ Горахъ насъ ожидало нѣкоторое затрудненіе съ отысканіемъ пріюта, такъ какъ въ монастырѣ съ дамою остановиться нельзя было, а имѣющіеся въ большомъ количествѣ постоянные дворы и чайныя оказались не удовлетворяющими самымъ скромнымъ требованіямъ чистоты. Благодаря любезному содѣйствію монаховъ, намъ удалось устроиться у мѣстнаго жителя церковнаго золотыхъ дѣлъ мастера А. Н. Столярова, радушно насъ пріютившаго въ его домѣ, расположенномъ въ селеніи Табаленецъ на самомъ берегу красиваго озера. Селеніе это, числящее около 500 человѣкъ жителей, примыкаетъ непосредственно къ монастырю. По пріѣздѣ, мы тотчасъ же отправились на могилу поэта. Минуть черезъ пять, пройдя по селенію, мы поднялись въ гору къ монастырю мимо бібліотеки-читальни имени Пушкина. Монастырь называется Успенскимъ, и въ немъ хранится очень чтима мѣстнымъ населеніемъ икона Одигитріи Божьей Матери. На главныхъ входныхъ воротахъ монастыря съ одной стороны имѣется надпись: «Богородице, дверь небесная, отверзи намъ двери милости твоея», и на другой: «Возведи очи мои въ горѣ отъ ню дуже прійдетъ помощь моя». Возлѣ этихъ воротъ, по преданію, Пушкинъ пѣлъ когда-то съ нищими Лазаря. Влѣво отъ этого входа въ привратной имѣется монастырская лавочка, въ которой вмѣстѣ со священными предметами продаются открытки съ видами монастыря, съ портретами Пушкина и фотографическіе снимки домика въ Михайловскомъ и усадьбы въ Тригорскомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ привратной—монастырскій дворъ, обращающій на себя вниманіе скромностью и даже убожествомъ построекъ. Въ лѣвой сторонѣ этого

двора, возлѣ иконы св. Николая поднимается вверхъ каменная лѣстница, ведущая вправо къ монастырской церкви, а влево къ могилѣ поэта. Мы увидѣли хорошо знакомый намъ по иллюстраціямъ бѣлаго мрамора памятникъ, расположенный въ серединѣ бетономъ выложенной террасы и обрамленной баллюстрадой изъ бѣлаго мрамора по самому обрыву холма. Отъ Святыхъ Горъ памятникъ закрытъ церковью, а съ другой стороны, съ восточной, передъ нимъ разстилается веселая цѣпь холмовъ съ густой зеленью и поднимающейся въ гору дорогой въ Михайловское, служившею Пушкину обычнымъ путемъ въ монастырь. Эта дорога ведетъ въ противоположныя главнымъ монастырскимъ юго-восточныя ворота, которыми поэтъ чаще входилъ въ обитель. Могила находится у самаго обрыва холма, нынѣ (съ 1899 г.) укрѣпленного бетоннымъ настиломъ. Справа—могила «незабвеннаго строителя бывшаго свитогорскаго настоятеля архимандрита Геннадія», и слѣва—дѣдъ и бабушка поэта, Іосифъ Абрамовичъ и Марія Алексѣевна Ганнибалъ. Рядомъ тутъ же пріютились двѣ родственницы мѣстнаго земскаго начальника... Памятникъ содержится въ относительномъ порядкѣ, хотя должной заботливой руки не видно. Отчего бы не смывать, напримѣръ, безчисленное количество всякихъ карандашныхъ подписей, сдѣланныхъ посѣтителеми, мнящими обезсмертить свое имя этимъ неуваженіемъ къ мѣсту и памяти поэта. Нѣкоторые ухитрились расписаться въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ, для чего приходилось, повидимому, влѣзть на колонну и писать въ самыхъ неудобныхъ позахъ. Одно утѣшеніе, что отъ такого варварства не избавлены и памятники болѣе культурнаго Запада, если только они не охраняются съ должнымъ вниманіемъ. Надписями испещренъ не только самый памятникъ, но и вся мраморная баллюстрада. Среди нихъ на мраморныхъ перилахъ между прочимъ виднѣется «въ борьбѣ обрѣтешь право свое», написанное какою-то размахистой рукою. Знаменіе времени! И въ этотъ мирный уголокъ безмятежнаго покоя навязчиво врывается жизнь со своими боевыми лозунгами! Въ бетонномъ настилѣ замѣчается большая трещина во всю длину террасы, грозящая въ будущемъ, если не будетъ своевременно обращено вниманіе, обваломъ баллюстрады. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что почва холма сползала уже ранѣе, до постройки террасы и даже одинъ разъ совершенно обнажила могилу поэта. У самаго памятника—монастырская церковь, гдѣ когда-то (17 апрѣля 1825 г.) по заказу Пушкина отецъ Шкода служилъ обѣдню за упокой души боярина Георгія (Байрона), при чемъ вынутую батюшкою просфору поэтъ послалъ князю Вяземскому.

Съ террасы памятника открывается видъ на смѣющуюся волнистую мѣстность, всю усѣянную нивами и молодымъ лѣсомъ и

Святогорский монастырь (съ западной стороны).

Еловый паркъ въ Михайловскомъ.

окаймленную на краю темною лентою Михайловской рощи. Тишина и спокойствіе прерываются только шелестомъ листвы и шумомъ нивы, колокольнымъ звономъ, звукомъ пастушескаго рожка, мычаніемъ коровъ и гоготаніемъ далекаго стада гусей... Мирная картинка родной природы въ скромныхъ и простыхъ своихъ краскахъ, такъ соотвѣтствующая ясному, спокойному и примиряющему съ жизнью міросозерцанію Пушкина. Поэтъ любилъ эти мѣста, охотно возвращался къ нимъ мыслью въ разную пору своей жизни и въ особенности въ послѣдніе годы, «усталый рабъ», онъ порывался къ нимъ и въ одномъ воспоминаніи о нихъ находилъ отдыхъ и миръ... Въ этомъ смыслѣ лучшаго мѣста для вѣчнаго его отдыха не сыскать.

Въ тотъ же вечеръ мы попали на спектакль, устроенный въ зданіи Святогорскаго пожарнаго депо въ пользу Пушкинской библиотеки-читальни. Шли «Дѣти Ванюшина». Играли мѣстные любители. На стѣнахъ депо мы увидѣли нѣсколько пано, оставшихся отъ послѣднихъ пушкинскихъ торжествъ и изображающихъ: объясненіе Онѣгина въ саду съ Татьяной, сцену у фонтана изъ «Бориса Годунова» и сцену изъ «Русалки». На занавѣсѣ панорама Петербурга со шпилемъ Петропавловскаго собора и Мѣднымъ всадникомъ.

На другой день рано утромъ мы поднялись по звонкому звуку пастушьяго рожка, будившаго селянина и во дни Пушкина. Такъ все здѣсь консервативно въ этомъ уголкѣ! Не теряя много времени, мы тотчасъ послѣ завтрака въ сопровожденіи сестры нашего гостепріимнаго хозяина отправились пѣшкомъ въ расположенное въ 4 верстахъ сельцо Михайловское, или «Зуево», какъ его здѣсь называютъ. Погода намъ благопріятствовала. Былъ сѣренькій день, часто прорѣзываемый лучами солнца. Мы пошли той самой дорогой, которая нѣкогда служила и Пушкину. Она идетъ то по холмамъ, поросшимъ мелкимъ сосновымъ лѣсомъ и кудрявыми березками, то по нивамъ. Мы прошли мимо избушки наканунѣ нашего пріѣзда похороненнаго схимника, жившаго отдѣльно отъ монастыря, въ домикѣ, самимъ имъ построенномъ. Это мы узнали отъ нашей спутницы, проникнутой, видимо, большимъ уваженіемъ и любовью ко всему, что касается монастыря и его жизни.

Пройдя черезъ деревню Березовку, мы поднялись нѣсколько въ гору и вошли въ сосновый лѣсъ, принадлежащій уже къ Михайловскому. Гостепріимно шумѣли надъ нами своими высокими вершинами сосны, обступившія насъ со всѣхъ сторонъ своими красными стволами. Скоро сосны смѣнились высокими мохнатыми елями, съ обѣихъ сторонъ вытянувшимися ввысь вдоль узенькой дороги. Этою еловой рощей лѣсъ сливается незамѣтно съ паркомъ. Здѣсь въ этомъ саду явилась поэту муза...

... барышней уѣздной,
 Съ печальною думою въ очахъ,
 Съ французской книжкой въ рукахъ.

Сквозь темную рамку стройныхъ елей, несомнѣнно, помнящихъ поэта, видѣются уже рѣзныя ворота и клумба передъ домомъ. Вотъ круглый заѣздъ, огибающій клумбу со скромной синевою аютиныхъ глазокъ, и мы у крыльца пушкинскаго дома. Послѣдній это уже не тотъ «опальный домикъ», «пріютъ, сіянемъ музъ одѣтый, младымъ Языковымъ воспѣтый», а совершенно перестроенный и передѣланный покойнымъ сыномъ поэта Григоріемъ Александровичемъ деревянный помѣщичій домъ обычнаго въ этой

Крыльцо пушкинскаго дома въ Михайловскомъ.

мѣстности типа. Въ этотъ домъ прежняя пушкинская «лачужка» вошла только какъ составная часть. Растворилась стеклянная дверь крыльца съ кнопкой электрическаго звонка на косякѣ, и мы черезъ сѣни попадаемъ въ просторную гостиную, столовую, кабинетъ и нѣсколько еще комнатъ, оклеенныхъ новыми обоями со старою мебелью въ стилѣ ампиръ, но уже съ новою, повидимому, обивкою. Изъ пушкинскихъ реликвій только и остаются бильярдъ, шары и два кія, невольно напомнившіе намъ времяпрепровожденіе Онѣгина:

Тупымъ кіемъ вооруженный,
 Онъ на бильярдѣ въ два шара
 Играетъ съ самаго утра...

Въ кабинетѣ стоитъ еще какой-то обрубокъ, имѣющій какое-то смутное отношеніе къ Пушкину, по словамъ нашего случайнаго-гида. На письменномъ столѣ лежитъ книга для записи посѣтителей, неряшливо переплетенная, захватанная, своимъ казеннымъ видомъ совершенно напоминающая книгу для записи замѣчаній должностныхъ лицъ въ любой уѣздной тюрьмѣ. Рядомъ съ книгой пепельница, вся заваленная окурками и спичками, вывалившимся даже на самый столъ. Досадно становится за такое невниманіе и посѣтителей и администраціи къ мѣсту, посѣщаемому первыми и охраняемому второю. Спрашиваю, давно ли были послѣдніе посѣтители?—Уже недѣли двѣ,—получается отвѣтъ. Раскрываемъ книгу и тамъ находимъ такія записи, характеризующія культуру посѣтителей:

Сажу въ Михайловскомъ, мечтаю,
Чего мнѣ хочется—не знаю,
Но, кажется, хочу я чаю,
Вотъ почему я такъ страдаю.

Думскій депутатъ поручивъ Ко...

Авторъ этихъ виршей самъ, должно быть, сознавалъ неприличіе своего поступка и прикрылся, повидимому, псевдонимомъ, не оставивъ своего настоящаго имени.

Ниже приписка карандашомъ уже другого посѣтителя: «Умнѣй не придумалъ».

Дальше читаю: «О. Ф. З-ская провела день своего ангела въ Михайловскомъ и посѣтила домъ незабвеннаго поэта...»

Далѣе какой-то возмущенный посѣтитель пишетъ:

«Посѣтилъ твою обитель
Въ надеждѣ память обновить;
Но, словѣкъ, какъ злой грабитель,
Стараясь все здѣсь измѣнить.

Послѣ этихъ притязательныхъ строкъ пріятно остановиться на старательной записи, сдѣланной, видимо, благоговѣйной рукою: «Гая К...шева, ученица IV класса псковской гимназіи». Вотъ бы и другимъ посѣтителямъ взять примѣръ съ маленькой этой дѣвочки и у нея поучиться относиться съ должнымъ уваженіемъ къ тому, что является народной святыней.

Въ настоящее время пушкинская усадьба, пріобрѣтенная въ казну отъ наслѣдниковъ поэта съ цѣлью устройства пріюта для писателей-инвалидовъ, передана въ распоряженіе псковскаго губернскаго депутатскаго собранія и находится въ ближайшемъ завѣдываніи предводителя дворянства Опочецкаго уѣзда. Фактически управляющимъ состоитъ живущій тамъ же во флигелѣ бывшій мѣстный полицейскій урядникъ. На мѣстѣ намъ говорили,

Прежній пушкинський домінь в Михайловському.

будто въ Михайловскомъ предполагается устроить дачи и сдавать ихъ желающимъ. Правда ли это?

Чувство досады, невольна насъ охватившее въ пушкинскомъ домикѣ, разсѣялось, когда мы вышли изъ гостиной на небольшую террасу и увидѣли съ высокаго откоса серебряную ленту Сороти, переливающуюся изъ одного озера въ другое, необъятный просторъ ея праваго отлогатаго побережья съ разбросанными по яркой зелени стадами и кудрявыя роци на холмахъ по лѣвую сторону рѣки. Это та самая картина «равнодушной природы», которую наблюдалъ когда-то великій «отшельникъ». Вотъ широко стелящееся озеро среди нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ, надъ невѣдомыми волнами котораго Пушкинъ осенью 1824 г. вспоминалъ «инны» берега, инныя волны,—яркія краски и впечатлѣнія Тавриды и южнаго моря. Какъ разъ даже и рыбацья лодка плыветъ и тянется неводъ... Вотъ деревни, разбросанныя по отлогому берегу... Нѣтъ только мельницы, о которой вспоминалъ поэтъ въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ этимъ мѣстамъ, въ 1835 г... Вотъ тѣ же холмы и горы, за которые когда-то взоръ Пушкина провожалъ скрывающійся и «проглянувшій какъ будто поневолѣ» осенній день, вотъ тѣ же лѣса, «ронявшіе багряный свой уборъ» въ день 19 октября 1825 г... Изъ Михайловскаго мы пѣшкомъ прошли въ расположенное въ 2¹/₂ верстахъ Тригорское, принадлежавшее во времена Пушкина Прасковѣ Александровнѣ Осиповой, жившей съ дочерьми и сыномъ отъ перваго брака Анной и Евпраксіей Николаевнами и Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфъ и дочерьми отъ втораго брака Екатериной и Маріей Ивановнами Осиповыми и падчерицей Александрой Ивановной Осиповой. Пушкинъ очень любилъ Тригорское и искренно привязался къ семьѣ Прасковьи Александровны, подружился съ сыномъ ея и болѣе чѣмъ дружески относился къ серьезной Аннѣ Николаевнѣ, пѣлъ мадригалы «воздушной» Евпраксіи Николаевнѣ, влюблялся въ Александру Ивановну и увлекся не въ шутку пріѣзжавшей въ гости въ Тригорское родственницей Прасковьи Александровны красавицей Анной Петровной Кернъ, къ которой относится извѣстное стихотвореніе «Я помню чудное мгновенье...» Были даже моменты, когда Пушкинъ, повидимому, думалъ о бракѣ съ Анной Николаевной. Это была патриархальная дворянская семья, во многомъ напоминающая семью Лариныхъ. Нѣкоторые біографы не безъ основанія видятъ въ Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ—черты характера задумчивой Татьяны, а въ Евпраксіи Николаевнѣ—рѣзвой души Ольги. Анна Николаевна была безпредѣльно предана поэту и умерла дѣвушкой въ 1862 г., а Евпраксія Николаевна вышла замужъ за барона Вревскаго. Ея потомкамъ принадлежитъ нынѣ Тригорское.

Усадьба въ Тригорскомъ.

П. А. Осиповой Пушкинъ посвятилъ написанныя въ Михайловскомъ: «Подражаніе Корану», «Послѣдніе цвѣты», «Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ...»; къ Аннѣ Николаевнѣ относятся: «Въ альбомъ именинницѣ» и «Зимняя дорога», и къ Евпраксіи Николаевнѣ: «Если жизнь тебя обманетъ...», «Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ».

Здѣсь же въ Тригорскомъ Пушкинъ познакомился съ товарищемъ Вульфа по дерптскому университету поэтомъ Н. М. Языковымъ, который часто бывалъ въ Тригорскомъ и воспѣлъ его красоты въ особомъ стихотвореніи. Въ пылкомъ Языковѣ можно усмотрѣть нѣкоторое сходство съ Ленскимъ... Покинувъ въ 1826 году Михайловское и Тригорское, Пушкинъ часто возвращался въ эти мѣста мыслью. Вотъ строки изъ Онѣгина, относящіяся къ 1827—29 годамъ:

Вдали, одинъ, среди людей
 Вообразать я вѣчно буду
 Васъ, тѣни бережныхъ ивъ,
 Васъ, миръ и сонъ тригорскихъ нивъ,
 И берегъ Сороти отлогій,
 И полосатые холмы,
 И въ роцѣ скрытыя дороги,
 И дѣмъ, гдѣ пировали мы,—
 Приютъ, сіянемъ музъ одѣтый,
 Младымъ Языковымъ воспѣтый,
 Когда изъ капища наукъ
 Явился онъ въ нашъ сельскій кругъ
 И воды Сороти прославилъ,
 И огласилъ поля кругомъ
 Очаровательнымъ стихомъ.
 Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ
 И вѣтру въ даръ на темну ель
 Повѣсилъ звонкую свирѣль.

Этой привязанности къ Тригорскому поэтъ остался вѣренъ всю жизнь. Въ октябрѣ 1835 г., травимый петербургскимъ свѣтомъ, уставшій поэтъ пишетъ П. А. Осиповой въ Тригорское:

«Croyez m'en, chère madame Ossipof, la vie, toute sùsse Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante, et c'est un vilain lac de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское».

Въ Михайловскомъ и Тригорскомъ написаны «Борисъ Годуновъ», «Египетскія ночи», «Графъ Нулинъ», III—IV главы «Онѣгина». Здѣсь окрѣпъ его геній, довершилось его умственное и нравственное развитіе. Здѣсь простился онъ со своею юностью и байронизмомъ и прошелъ послѣднюю школу, школу Шекспира и памятниковъ русской исторіи и вышелъ изъ нея на просторъ вполне самостоятельной дѣятельности и яснаго, примиряющаго съ жизнью міросозерцанія.

Идя въ Тригорское, мы обогнули то самое озеро, про которое поэтъ сказалъ:

Тоской и риемою томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ...

Здѣсь дорога идетъ по опушкѣ лѣса и затѣмъ, поворачивая къ западу, ведетъ уже полемъ. Приблизительно минутъ 15 отъ усадьбы на возвышенности—граница Михайловскаго. Тутъ дорога опускается къ погосту Вороничь. Влѣво огорожена семья сосенъ. Это то самое мѣсто, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ:

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоять: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ мени
привѣтствовалъ...

Судя по возрасту, это, вѣроятно, уже внуки пушкинскихъ сосенъ. Минутъ черезъ 15 мы прошли мимо высокаго погоста Вороничь и подошли вслѣдъ за этимъ къ большому дому Тригорскаго.

Тамъ, у раздолья, горделиво
Гора треххолмная стоитъ —
На той горѣ, среди лощины,
Передъ лазоревымъ прудомъ,
Блѣдется веселый домъ
И сада темныя картины,
Село и пажити кругомъ.

(Лыковъ).

Теперь домъ уже скорѣе сѣрѣется.. вокругъ него пусто, нѣтъ даже ограды.. Словомъ, картина забытой, запущенной усадьбы.. Отъ этого стараго дворянскаго гнѣзда пахнуло стариной и поэзіей.. «Да, это домъ Лариныхъ», промелькнуло въ воображеніи!. Получивъ любезное разрѣшеніе арендатора имѣнія, живущаго въ томъ же домѣ, часто видѣвшемъ въ своихъ стѣнахъ гостей Пушкина, мы, обогнувъ небольшой прудъ, прошли въ паркъ,—

...Въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей...

невольнo ворвались въ сознаніе эти двѣ строки. Великолѣпенъ этотъ садъ, какъ и въ Михайловскомъ, сливающійся съ рощей. Вѣковыя липы образовали густой, непроницаемый для лучей солнца навѣсъ. Мы пошли по аллеякѣ къ берегу Сороти. Здѣсь

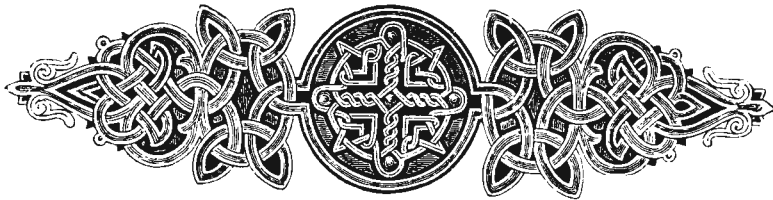
подъ роскошной раскидистой липой мы сѣли на скамью, по виду своему соотвѣтствующую пушкинской эпохѣ. Случайно ли она уцѣлѣла, или специально сдѣлана въ стилѣ того времени владѣльцами?.. Кто ее знаетъ. Съ этой скамьи открывается обширная долина извивающейся капризными зигзагами Сороти съ деревьями, со стадами, съ далекой лавой... Видны отсюда и михайловскіи рощи и та семья сосенъ на границѣ, о которой говорилось раньше. Долго мы бродили по саду и никакъ не могли съ нимъ разстаться. Чѣмъ глубже проникали мы въ паркъ, тѣмъ онъ становился глуше, тѣмъ таинственнѣе, казалось намъ, шептали липы, клены и ясени свою сказку о прошломъ... Чувствуется здѣсь невидимый слѣдъ великаго поэта, частичка имъ здѣсь оставленной души своей. Поддаешься безотчетно этому настроенію и чудится,— по аллеѣ медленною поступью идетъ молчаливая Татьяна съ томикомъ Байрона въ рукахъ и, сѣвъ на скамью въ тоскливомъ ожиданіи объясненія съ Онѣгинымъ, устремила вдаль свои большіе вдумчивые глаза..., а вотъ и воздушная веселая Ольга рѣзвится съ Ленскимъ и звонкимъ смѣхомъ своимъ будить сказочную тишину заглохшаго сада...

Съ грустью мы простились на другой день съ этими мѣстами. На козлахъ сидѣлъ совершенно подавленный извозчикъ нашъ Григорій, прогулявшій въ карты, какъ оказалось, почти половину условленной платы и предвкушавшій пріемъ, ожидающій его дома

При видѣ жалкой фигуры нашего возницы невольно подумалось при выѣздѣ, скоро ли наступитъ время, когда исполнится завѣщаніе поэта о томъ, что къ нему не зарастетъ народная тропа, когда каждый русскій крестьянинъ будетъ грамотнымъ и, переставъ въ водкѣ и разгулѣ искать обычнаго развлечения, будетъ знать Пушкина не только смутно, по наслышкѣ, но и самъ будетъ имѣть возможность читать творенія своего великаго поэта, составляющаго гордость Россіи передъ лицомъ всего культурнаго міра.

П. Устимовичъ.

ПО ТАЙНОМУ СВЯЩЕНСТВУ.

I.

Чѣмъ было сильно старообрядчество.—Въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Становой подпиралъ старую вѣру.—Путешествіе въ керженскіе лѣса.—Малиновый скитъ.—Избіеніе разбойниковъ.—Село Пафнутово.—Выдѣлываніе ложекъ.—Дѣяновскій феномень.—Могила старца Софонтія.

ВЫ ДУМАЕТЕ, чѣмъ сильно старообрядчество? Различіемъ чиселъ? У насъ, дескать, два перста, а у васъ—три; у насъ дважды аллилуйя, а у васъ—трижды? Или: у насъ семь просфоръ, у васъ—пять; у насъ восьми-конечный крестъ, у васъ—четыреконечный? Вы такъ полагаете? Нѣтъ! Вѣра наша основана на болѣе глубокихъ и болѣе прочныхъ основаніяхъ. Мы понимаемъ и всѣмъ сердцемъ чувствуемъ, что настоящій послѣдователь Христа долженъ быть отверженъ, гонимъ и, если хотите, замученъ. Господь неоднократно предупреждалъ своихъ учениковъ, что ихъ изгонять изъ собраній, будутъ всячески преслѣдовать и даже предавать смерти. Апостолы тоже говорили новообращеннымъ, что всякій, кто хочетъ жить благочестиво, гонимъ будетъ, что истинные послѣдователи Христа Спасителя самые несчастные въ земномъ смыслѣ люди. «Господь самъ терпѣлъ и намъ повелѣлъ». Не даромъ крестъ, какъ указатель страданій, поставленъ въ знаменіе христіанской вѣры. Въ первые вѣка такъ и понимали: сдѣлаться христіаниномъ,—значитъ итти на муку. Очень часто они крестились не водою, а своею собственною кровью. Это хо-

рошо понялъ и нашъ благочестивый народъ. «Не та вѣра, которая гонить, а та, которую гонятъ», сказали старообрядцы и разсыпались по лѣсамъ и глухимъ болотамъ. Но и тамъ ихъ ловили и ссылали въ Сибирь или заключали въ тюрьму, а иногда предавали смерти... Вотъ въ чемъ коренится наша старая вѣра.

Такъ говорилъ мнѣ старообрядческій начетчикъ изъ нижегородскихъ купцовъ, когда мы сидѣли съ нимъ надъ зеленымъ обрывомъ горы, при слияніи двухъ величественныхъ рѣкъ—Оки съ Волгою. Надъ нами высились золотыя главы старинныхъ кремлевскихъ церквей, а внизу на берегу шумѣла торговая жизнь Нижняго-Новгорода. Многочисленные пароходы, баржи, лодки сновали въ тѣсотѣ около пристаней. По ту сторону Оки сливались въ одно цѣлое ярмарочныя постройки, за которыми въ густомъ дыму чуть видѣлись трубы Сормовскаго завода. А за Волгою далеко-далеко тянулась низменная полоса Семеновскаго уѣзда. Зеленая у самаго берега, она постепенно переходила въ сѣрый цвѣтъ и сливалась съ горизонтомъ. Я жадно вшивался глазами въ эту туманную даль, гдѣ 54 года тому назадъ разыгралась религіозная драма старообрядцевъ, такъ мастерски описанная однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея.

— Хорошо бы съѣздить въ заволжскіе лѣса и самому осмотрѣть старообрядческіе скиты. Бывали ли вы когда-нибудь въ нихъ?—спрашиваю своею собесѣдника.

— Въ Малиновомъ скиту былъ, а дальше—не случалось.

— Въ половинѣ іюня я собираюсь посмотрѣть, что тамъ осталось еще отъ прежнихъ знаменитыхъ керженскихъ скитовъ.

— Если бы не дѣла, поѣхалъ бы и я съ вами. Давно у меня на сердцѣ—посѣтить скитскихъ матушекъ. Настоящее-то благочестіе, пожалуй, только тамъ, въ лѣсахъ, и осталось. И вѣдь недалеко отсюда! До города Семенова мы считаемъ шестьдесятъ восемь верстъ, а скиты начинаются въ пяти верстахъ отъ него. Видите на той сторонѣ Волги рядъ бѣлыхъ церквей? Это село Борь. Вамъ надо будетъ переѣхать къ нему на поромѣ; а далѣе почтовая дорога идетъ чрезъ Уткину и Тарасиху. Утромъ выѣдете отсюда, а къ вечеру будете въ Семеновѣ. Поѣхалъ бы и я съ вами!..

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

— Очень мы привязаны къ мамонѣ. На носу ярмарка. Боимся упустить что-либо въ это горячее время торговли.

Немного помолчавъ, купецъ продолжалъ:

— Не скрою отъ васъ: большое развращеніе въ послѣднее время замѣчается и среди старообрядцевъ. Дали намъ свободу. Звонимъ и мы теперь на колокольнѣ, сколько душѣ угодно. Печатаемъ свои журналы и газеты. Гордо подняли головы: только у насъ, кричимъ, настоящая благодать! А того не замѣчаемъ, что

свобода насъ ведетъ къ раздорамъ и раздѣленію. Кончилась борьба съ никоніанами, теперь боремся между собою. Насъ не пугаетъ слово Господне: «Всяко царство, раздѣльшееся на ся, за-

Ложкарное производство въ деревнѣ Дѣяновѣ.

пустѣеть; и всякъ градъ или домъ, раздѣлившійся на ся, не станетъ». Иногда вздохнешь о прежнихъ временахъ, когда терпѣли преслѣдованія. Тогда становой, можно сказать, подпираетъ нашу вѣру, и она крѣпче стояла. Бывало, если хочешь заказать литургію

и причаститься, пригласишь скрывающагося гдѣ-нибудь вдали священника, пошлешь ему денегъ на дорогу, да становому запла-тишь не одну сотню. Во что обѣдня-то обойдется! Зато и дорожишь ею: вотъ какъ помолишься! А теперь пошла во всемъ слабость. И народъ сталъ такой непрочный. Кажется, только въ скитахъ и осталась еще настоящая ревность по Бозѣ. Вотъ почему мнѣ и хочется побывать за Волгой.

Вскорѣ послѣ этого разговора, 15 іюня, я сталъ собираться въ лѣса Семеновскаго уѣзда, чтобы осмотрѣть остатки старообрядческой старины.

— Да пустятъ ли еще васъ скитницы въ свои обители?—замѣчаютъ мнѣ хорошо знакомые съ мѣстными обычаями.—Вамъ бы сходить къ главнымъ представителямъ старообрядчества, здѣшнимъ купцамъ-богачамъ, да заручиться ихъ рекомендаціями.

Послушался и иду къ извѣстному миллионеру Н. А. Бугрову, внуку того Петра Егоровича Бугрова, съ котораго Мельниковъ списалъ своего типичнаго Потапа Максимовича Чапурина для извѣстнаго романа «Въ лѣсахъ». Но онъ, оказывается, уѣхалъ лечиться на Кавказскія минеральныя воды. Прихожу къ другому представителю старообрядчества, тоже извѣстному на Волгѣ дѣльцу.

— Какъ бы я самъ съ вами поѣхалъ!—замѣчаетъ и этотъ дѣлецъ.—Сколько лѣтъ собираюсь въ семеновскіе скиты, но до сихъ поръ ни разу не удосужилось. Вотъ и сейчасъ—самый разгаръ дѣль! А тамъ и ярмарка подходит. Не знаю, поможетъ ли вамъ мое письмо. На всякій случай возьмите.

Я нанялъ почтовыхъ лошадей, спустился къ пристани и на поромѣ переправился на другую сторону Волги. Изъ села Боръ неровная грунтовая дорога шла вдоль заводей и ериковъ, оставшихся послѣ разлива рѣки. Потомъ, когда пересѣкли Везлому, дорога пошла лугами и полями. Но я жаждалъ поскорѣй увидѣть знаменитые керженскіе и чернораменскіе лѣса, связанные съ памятью погибшихъ скитовъ. Навстрѣчу мнѣ тянулись возы съ разною кладью. Очень часто везли огромные плетеные кораба, наполненные деревянными ложками. Въ селѣ Кантауровѣ пересѣкли другую рѣчку—Линду. Здѣсь мѣстность повыше, посуше, а слѣдовательно и заселеннѣе. Извилистая рѣка Линда нѣсколько разъ оживляла нашу дорогу. Особенно она красива, когда подошла подъ крутой обрывъ высокаго заросшаго лѣсомъ берега.

Направо отъ дороги, за небольшимъ лѣскомъ, мнѣ указали зданія Малиноваго скита, устроеннаго иждивеніемъ благодѣтеля Н. А. Бугрова для старообрядцевъ-бѣглоповцевъ или, какъ они себя величаютъ, «по тайному священству». Вся окрестность этого скита взволнована ужасною драмою, случившейся здѣсь въ концѣ прошлой зимы.

Ложкарный базаръ въ городѣ Семеновѣ.

Населеніе Семеновскаго уѣзда вообще мирное, трудолюбивое. По южную же сторону Волги, начиная отъ Сормова къ Нижнему-Новгороду и далѣе вверхъ по теченію Оки, много заводскаго и фабричнаго люда. Отсюда нерѣдко бывають нападенія на тихихъ кустарей-семеновцевъ. Но вотъ сормовцы избрали своею цѣлью ограбить Малиновый скитъ, полагая найти въ немъ большія богатства. Нападеніе не удалось. Тогда они собрались въ большемъ числѣ и снова двинулись на Малиновый скитъ въ концѣ зимы. Случилось, что въ ту ночь одинъ крестьянинъ тайкомъ дѣлалъ порубку лѣса. Увидѣвъ партію пробравшихся разбойниковъ, онъ бросился въ ближайшія деревни и поднялъ всѣхъ крестьянъ на ноги. Давно семеновцы были на сторожѣ: очень ужъ имъ насолили сормовцы! Все населеніе окрестныхъ селъ и деревень дружно бросилось ловить разбойниковъ, кто съ топоромъ, кто съ вилами, кто съ ломомъ или просто съ дубиной. Произошло ужасное избиеніе. Восемь труповъ остались на мѣстѣ.

— Одному, сердешному, и досталось же!—разсказывалъ участникъ побоища.—Ужъ его били, били, чѣмъ попало... Все шевелится! Снова стали избивать его всячески... Живъ! Насилу, нисилу добились. Будутъ теперь звать, какъ можно насъ грабить!

Подобные разсказы объ этомъ побоищѣ сопровождали меня всю дорогу до Семенова.

Когда я перевалилъ половину пути, стали чаще попадаться небольшія рощи. Не доѣзжая деревни Тарасихи, встрѣтилъ дѣвочку съ деревянною чашкою ягодъ. Первая земляника!

Дни стояли жаркіе, сухіе. Земля давно жаждала дождя. Бѣлые мотыльки сотнями, тысячами тѣсно толпились у сыровой земли, оставшейся у высохшихъ лужъ, и жадно погружали въ нее свои длинныя хоботки.

Съ лѣвой руки осталось село Пафнутово, ознаменованное мисіонерскою ревностью игумена Переяславскаго монастыря Питирима, въ послѣдствіи архіепископа нижегородскаго. Не очень давно это село стояло на самой дорогѣ изъ Нижняго-Новгорода въ Семеновъ. Еще и теперь здѣсь показываютъ возвышенное мѣсто, гдѣ казнили старообрядцевъ. Его можно легко отличить издали по выросшей на немъ высокой соснѣ. Той церкви, въ которой усердствовалъ Питиримъ, грома старообрядцевъ и проклиная старые обряды, теперь не существуетъ. На мѣстѣ ея стоитъ небольшая часовенка. Но печальная память Питиримовой ревности хранится до сихъ поръ.

Чтобы нанести старообрядчеству рѣшительный ударъ, Питиримъ, 1 января 1716 года, послалъ въ чернораменскіе лѣса старообрядцамъ «дьяконова согласія» 130 вопросовъ, требуя отъ основателя этого согласія, діакона Александра, и старцевъ Варсонофія и Герасима подробныхъ отвѣтовъ на каждый вопросъ.

Старообрядцы написали отвѣты ¹⁾, но подать ихъ страшному Питириму не рѣшались. Они уже испытали на себѣ проявленія его насилія и жестокости и потому горячо умоляли его не требовать отъ нихъ отвѣтовъ. Питиримъ же продолжалъ настаивать на своемъ и угрожалъ имъ. Чтобы выиграть время, старообрядцы послали ему встрѣчныхъ 240 вопросовъ. Въ декабрѣ 1718 г. діаконъ Александръ со своими старцами лично явился къ Питириму и снова униженно повторилъ свою просьбу. Питиримъ арестовалъ ихъ.

Старцы, «сидя въ узахъ», наконецъ, написали своимъ въ лѣса, чтобы готовили отвѣты, которые 15 мая 1719 г. и были поданы Питириму. Но тутъ случилось нѣчто странное и неожиданное. Насколько Питиримъ раньше настаивалъ на своемъ требованіи отвѣтовъ, настолько теперь онъ сталъ съ угрозой требовать отъ арестованныхъ главарей старообрядчества отказаться отъ нихъ. Мало того, онъ принуждалъ ихъ всенародно разыграть комедію смиреннаго признанія себя побѣжденными на диспутѣ. Для этого Питиримъ назначилъ на 1 октября 1719 г. въ селѣ Пафнутовѣ собраніе старообрядцевъ. Приведенные солдатами арестованные старцы убоялись казней. Діаконъ Александръ на всѣ вопросы Питирима въ публичномъ собраніи только молчалъ и смиренно склонялъ голову, а старецъ Варсонофій подалъ архіерею отреченіе отъ отвѣтовъ. Питиримъ торжествовалъ свою побѣду надъ старообрядчествомъ. Но въ слѣдующемъ году діаконъ Александръ пробрался въ новую столицу и подалъ прошеніе Петру Великому, откровенно рассказывая о принудительныхъ мѣрахъ Питирима. Государь приказалъ сперва пытать діакона, а затѣмъ отправить его въ Нижній-Новгородъ. 21 марта 1720 г., у діакона Александра отсѣкли голову въ Нижнемъ, а тѣло его сожгли, какъ злостнаго еретика. Но каждая капля крови, пролитая старообрядцами за свою старую вѣру во Христа, только больше еще утверждала ихъ въ правотѣ древняго ученія. Расколъ разрастался. Питиримъ вырылъ непреходимую яму между двумя вѣрами, старой и новой.

Стали попадаться деревни, гдѣ крестьянство исключительно занято выдѣлываніемъ ложекъ. Проѣзжаемъ Дѣянову.

— Стой, ямщикъ, погоди! Я посмотрю, какъ дѣлаютъ ложки.

У нѣкоторыхъ избъ сидятъ группы работниковъ. Тутъ и взрослые, и дѣти обоого пола. Очевидно, съ ложками всѣмъ дѣла хватаетъ!

— Богъ на помощь!—привѣтствую ближайшій кружокъ, во главѣ со старикомъ, около угловой избы.

¹⁾ Такъ называемые «Отвѣты Александра діакона на Керженцѣ». Нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ ихъ Андрею Денисову, извѣстному апологету старообрядчества.

Меня быстро обступили кустари съ разныхъ сторонъ и наперерывъ стали показывать, какъ дѣлается ложка. Я заинтересовался работою сѣдого старика. Онъ оказался глухимъ и потому не могъ отвѣчать на мои вопросы.

— Нѣтъ, вы взгляните, какъ его сынъ, «безъ рукъ, безъ ногъ», дѣлаетъ ложки!

У самага угла избы сидѣлъ бородатый мужчина, лѣтъ около сорока, безъ кистей рукъ и безъ ступней. Опираясь поднятою правою ногою на обрубокъ дерева, онъ какъ-то странно схватываетъ ножикъ и быстро начинаетъ обдѣлывать имъ кусокъ кленоваго дерева по формѣ ложки.

Тяжело было глядѣть на увѣчнаго человѣка за такой работой. Это ужъ не мастерство, не художество, а фокусъ какой-то.

Я занялся бесѣдою съ окружающими крестьянами. Вдругъ подползаетъ ко мнѣ на колѣняхъ убогій кустарь и подаетъ мнѣ только что вырѣзанную имъ ложку.

Гуль одобренія поднялся отъ всѣхъ присутствующихъ.

— И замѣтите,—обращаютъ мое вниманіе,—онъ сдѣлалъ ее изъ клена, изъ самага твердаго дерева въ нашихъ лѣсахъ.

Дѣяновскій феноменъ предлагалъ мнѣ взять ложку его на память. Но старикъ, отецъ его, посоветовалъ предложить мнѣ окрашенную ложку. Феноменъ быстро исчезъ за угломъ дома и чрезъ нѣсколько мгновеній приноситъ мнѣ проолифенную кленовую ложку небольшихъ размѣровъ.

Я обошелъ еще двѣ-три группы кустарей. Каждая ложка проходитъ нѣсколько рукъ. Взрослые берутъ въ ней наитруднѣйшую часть работы, требующую большого навыка и умѣнья, оставляя дѣтямъ и женщинамъ скоблить и окрашивать ее. Большинство ложекъ бѣлыя березовыя, но дѣлаютъ и пестрыя кленовыя.

Быстрота рукъ ложкаря поразительна! Двумя-тремя взмахами ножа онъ быстро придаетъ изящную форму, какъ самой ложкѣ, такъ и ручкѣ ея. Раздѣленіе труда доведено до множества степеней, сообразно числу работниковъ въ группѣ. Около нихъ плетенныя корзины съ ручками. Въ одной лежатъ грубо обтесанные бруски березы, называемые здѣсь баклушами; въ другой—обруѣзанные куски дерева по формѣ ложекъ; въ третьей—съ выдолбленной чашкой; въ четвертой—совѣмъ вырѣзанныя ложки, но не очищенные. Олифой (особое приготовленіе масла) чаще покрываютъ ложки въ городѣ Семеновѣ; тамъ и сбываютъ на базарѣ. Но какъ дешево оцѣниваютъ ихъ тамъ! За работу тысячи штукъ даютъ всего четыре рубля. Слѣдовательно, за ложку приходится меньше полкопейки!

Несмотря на жаркое лѣтнее время, нѣкоторые мастера работаютъ въ теплыхъ валенкахъ. Это можно объяснить дешевизною

здѣсь валенаго товара, который производится тоже кустарнымъ способомъ въ сосѣднихъ селахъ и деревняхъ.

Близъ деревни Дѣяновой показываютъ могилу уважаемаго старца Софонтія. На полянкѣ подъ навѣсомъ имѣется и колодець, связанный съ его именемъ. Онъ закрывается подъемною крышкою, а кругомъ его устроенъ деревянный помостъ. Воду достаютъ берестовымъ почерпаломъ на палкѣ. Отецъ Софонтій ставленникъ епископа Питирима. Полагаютъ, онъ былъ первымъ священникомъ изъ «бѣглыхъ». Съ него будто бы и началось здѣсь «бѣгствующее» священство. Старообрядцы «по тайному священству» до сихъ поръ приходятъ сюда на поклоненіе къ отцу Софонтію, какъ къ ревнителю старой вѣры. Преданіе говоритъ, что это онъ благословилъ священноинока Варлаама съ братіей сгорѣть въ кельѣ на рѣкѣ Козленцѣ, близъ Улангера.

II.

Городъ Семеновъ.—Домашняя моделья старообрядца.—Шарпанская чудотворная икона.—Смѣшеніе копій съ оригиналомъ.—Древній храмъ.—Могилы матери П. И. Мельникова.—Характерная поэзія прошлаго вѣка.—Чивовничья горячка.—Питиримово разоренье.—Уничтоженіе скитовъ П. И. Мельниковымъ.—Перемѣна фронта его нападенія.

Отъ деревни Дѣяновой недалеко былъ и городъ Семеновъ, очень скромный по своему внѣшнему виду. Улицы не мощенныя. Извозчиковъ не видно. Строенія сплошь деревянные. Попадаются лавочки съ «голландерейными» да съ «панскими» товарами, какъ значится на вывѣскахъ.

Около собора выкопанъ небольшой прудъ на случай пожара. Черезъ него перекинутъ низкій, но широкій мостъ, чтобы подѣзжающимъ бочкамъ удобно было набирать воду. Этотъ прудъ, обсаженный деревьями, мѣсто прогулки для городскихъ обывателей и единственное мѣсто во всемъ городѣ, гдѣ они могутъ курить. По всѣмъ улицамъ висятъ объявленія о запрещеніи куренія табака. Сначала я относилъ это запрещеніе къ благочестію здѣшнихъ старообрядцевъ, ненавидящихъ табачниковъ; но потомъ мнѣ объяснили, что городъ, два раза выгоравшій въ прошломъ столѣтіи, сдѣлалъ это постановленіе только изъ боязни пожара.

— Гдѣ же здѣсь остановиться заѣзжему путешественнику?

— Гостиницъ у насъ нѣтъ. Если не имѣете знакомыхъ въ городѣ, то останавливайтесь у содержателя почтовыхъ лошадей. У него большой домъ и есть чистыя комнаты.

Почтосодержатель, коренной старообрядецъ-бѣглопоповецъ, предложилъ мнѣ занять одну изъ комнатъ верхняго этажа. Самъ онъ съ семьей и съ работниками помѣщался внизу. Большой домъ

связанъ крытымъ дворомъ съ сараями и конюшнями, а потому во всѣхъ комнатахъ стоялъ тяжелый запахъ.

Хозяинъ и его солидная супруга старались удовлетворить мое любопытство, рассказывая о бытѣ мѣстныхъ старообрядцевъ. Къ моему удивленію, они повели меня въ свою домашнюю модельню, устроенную въ одной изъ горницъ второго этажа. Тамъ мы застали древнюю старушку, мать хозяйки, всю въ черномъ. Она здѣсь проводитъ почти цѣлый день за чтеніемъ старопечатныхъ книгъ. По двумъ стѣнамъ моленной разставлены старинные образа разныхъ размѣровъ. Были и очень древніе. Нѣкоторые въ ризахъ.

Старообрядцы не терпятъ, чтобы никониане молились на ихъ образа со своимъ трехперстнымъ знаменіемъ. На мое замѣчаніе, что въ этой моленной много старинныхъ иконъ, благочестивый хозяинъ замѣтилъ:

— Это что у меня за моленна! Вотъ посмотрѣли бы у брата моего!

Но меня тянуло поскорѣй осмотрѣть скиты, описанные П. Ив. Мельниковымъ. Я сталъ собираться въ дорогу, несмотря на то, что было воскресенье.

— Не совѣтую ѣхать въ праздникъ,—останавливаетъ меня хозяинъ.— Въ скитахъ вѣдь тоже хотятъ поспраждновать. Сегодня тамъ, пожалуй, никого не застанете: всѣ разошлись за ягодами въ лѣса.

Въ это время весь городъ былъ занятъ пріемомъ чудотворной иконы Божіей Матери, привезенной сюда изъ мужского Керженскаго монастыря.

Колокольный звонъ привлекъ меня въ «напольную» церковь Всѣхъ Святыхъ. Много народу. Оказывается, здѣсь престольный праздникъ. Посреди храма въ переносномъ кіотѣ Казанская икона Божіей Матери. Служать молебны.

— Это наша Шарпанская икона,—объясняютъ мнѣ богомольцы.—Каждый годъ ее, Матушку, приносятъ изъ единоувѣрческаго Керженскаго монастыря. А туда она была перенесена изъ старовѣрческой моленной Мельниковымъ, разорителемъ скитовъ.

— Не совѣмъ такъ,—вмѣшивается въ нашъ разговоръ почтенный старикъ, какъ видно, старожилъ здѣшнихъ мѣстъ.—Шарпанскую икону, дѣйствительно, взялъ Мельниковъ въ 1849 году, но онъ же втайнѣ возвратилъ ее старообрядцамъ, а въ Керженскій монастырь передалъ лишь копію съ чудотворной иконы.

— Гдѣ же теперь настоящая?

— Здѣсь, въ Семеновѣ, въ моленной купца Шарыгина.

Впоследствии я спрашивалъ у мѣстныхъ священниковъ, и никто изъ нихъ мнѣ не могъ сказать точно, у кого подлинная Шарпанская икона. Старообрядцы тоже не увѣряютъ, что у нихъ настоящая явленная икона. Тутъ повторилась обычная исторія смѣшенія

копій съ оригиналомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ на святой Руси. О Казанской, Старорусской, Молченской и нѣкоторыхъ другихъ чудотворныхъ иконахъ Божіей Матери преданія расходятся, и мы не можемъ точно опредѣлить, гдѣ находится подлинная явленная икона. Невольно вспоминается прелестный разсказъ лесингскаго Натана Мудраго о трехъ одинаковыхъ кольцахъ.

Относительно Шарпанской иконы у старообрядцевъ давно сложилась поэтическая легенда, какъ она изъ горницы царя Алексѣя

Колодець старца Софонтія.

Михайловича очутилась въ Соловецкомъ монастырѣ, а оттуда чудесно по воздуху перешла въ урочище Шарпанъ. У семеновскихъ старообрядцевъ въ заволжскихъ лѣсахъ было повѣрье, что пока эта икона находится въ здѣшнихъ скитахъ, они будутъ цѣлы и невредимы. Икону забрали въ 1849 году, а черезъ четыре года пришелъ конецъ всѣмъ обителямъ древняго благочестія въ лѣсахъ керженскихъ и чернораменскихъ, отъ той самой руки П. И. Мельникова, которая покусилась на эту пророческую икону.

Всесвятская каменная церковь стоитъ среди могильныхъ крестовъ. Въ сторонѣ отъ нея, тоже въ оградѣ кладбища, другая деревянная церковь, обращающая на себя вниманіе своею ветхостью и оригинальной постройкой. Къ главному высокому срубѣ изъ тол-

стыхъ бревенъ прилегаютъ два другіе, меньшихъ размѣровъ. Въ одномъ изъ нихъ устроенъ алтарь. На среднемъ срубѣ стоятъ одна на другой три шестигранныя башни, и каждая изъ нихъ подъ особой крышей. На самомъ верху металлическая глава съ крестомъ. Такимъ образомъ церковь представляетъ собою высокую многоярусную башню. Если бы края крышъ ея были задраны кверху, то она напоминала бы китайскія постройки. Немногочисленные окна очень малыхъ размѣровъ. Полагаютъ, эта церковь сохранилась со временъ Петра Великаго. Рядомъ съ нею стоитъ великій могильный памятникъ, покосившійся на бокъ. Я полюбостроительствовалъ прочесть надпись. Мельниковы!

Меня заинтересовала могила. Памятникъ, въ формѣ куба, сдѣланъ изъ дерева и обитъ желѣзомъ. Надъ крышею возвышается урна. По четыремъ сторонамъ памятника на жести выбиты слова. На одной сторонѣ:

«Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей, изъ дворянъ, титулярной совѣтницы, Анны Павловны Мельниковой, которая скончалась въ 1835 г., іюня 24 числа, пополудни въ 5 часовъ и 3 четверти. Житія ея было 35 л. и 10 мѣсяцевъ и 10 дней. И съ ней лежатъ 4 дщери-младенца: Варвара, Елизавета, Наталья и Марья».

Ниже стихотвореніе:

Дѣти, вы радуйтесь, увидѣвши мать.
Отецъ съ оставшимъ ¹⁾ долженъ слезы проливать.

На другой сторонѣ памятника:

«Сей памятникъ воздвигъ первой мужъ и другъ послѣднихъ родителей
Иваномъ Мельниковымъ».

На двухъ остальныхъ сторонахъ памятника выбиты слѣдующія стихотворенія:

Супруга, се памятникъ печали!
Сокрыта здѣсь въ землѣ достойная жена.
Ума и сердца въ ней доброты все сіяли.
Угоденъ Богу тотъ, кто жилъ, какъ она.
Покойтесь, друзья,
До радостнаго дня!

Слѣдующее стихотвореніе не представляетъ ничего оригинальнаго. Оно съ небольшими измѣненіями часто встрѣчается на могильныхъ памятникахъ въ половинѣ XIX вѣка:

Прохожій, ты идешь;
Поляжешь такъ, какъ я.
Остановись и отдохни
На камнѣ у меня.

¹⁾ Вѣроятно, съ сыномъ, Павломъ Ивановичемъ, который учился въ это время въ казанскомъ университетѣ.

Комаровскій скитъ. Игнатъевская обитель.

Взгляни, что сдѣлалось
 Съ подобными тебѣ.
 И ты тоже будешь,
 Какъ и я, въ землѣ.
 Сорви жъ былиночку
 И вспомни о судьбѣ.
 И дома, ты въ гостяхъ,—
 Подумай о себѣ.

Создатель этого памятника, Иванъ Ивановичъ Мельниковъ, въ январѣ 1818 года женился на дочери нижегородскаго исправника, Аннѣ Павловнѣ Сергѣевой. Первенецъ ихъ, сынъ Павелъ, родившійся 22 октября 1819 года, извѣстенъ больше подъ именемъ Андрея Печерскаго, какъ авторъ интересныхъ романовъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Въ 1825 г. родители его переѣхали въ Семеновъ, гдѣ и протекало дѣтство Павла Ивановича среди старообрядческаго населенія. Окончивъ нижегородскую гимназію, лѣтомъ 1834 г. онъ уѣхалъ въ Казань для поступленія въ университетъ. Въ слѣдующемъ году умираетъ его мать, а въ 1837 году—и отецъ.

Незадолго до своей смерти мать просила въ письмахъ, чтобы Павелъ Ивановичъ велъ себя смириѣе. «Я знаю,—пишетъ она,— твою горячку».

Дѣйствительно, этотъ талантливый человѣкъ, въ качествѣ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, проявилъ обидную горячку. Когда читаешь его мастерское описаніе старообрядческихъ скитовъ и вообще исторію раскола, то поражаешься; съ какою трогательною любовью онъ описываетъ и матерей-скитницъ, и ихъ своеобразную жизнь, и дорогія имъ старыя книги и иконы! Съ какимъ упрекомъ, въ то же время, съ какимъ осужденіемъ онъ рассказываетъ о гоненіяхъ на старообрядцевъ! Вспоминая разоренье скитовъ, въ началѣ XVIII вѣка, капитаномъ Ржевскимъ¹⁾, совместно съ рьянымъ миссіонеромъ-епископомъ Питиримомъ, Мельниковъ такъ говоритъ:

«Тогда совершилось паденіе Керженца. Семьдесятъ семь скитовъ было разорено разсылщиками. Голова Александра-дьякона скатилась подъ топоромъ палача въ Нижнемъ-Новгородѣ, нѣсколько старцевъ сожжено на кострахъ возлѣ села Пафнутова. И сорокъ тысячъ старообрядцевъ, не считая женщинъ, бѣжало изъ керженскихъ лѣсовъ за литовскій рубежъ въ подданство короля польскаго. Все то было и былѣемъ поросло».

Но на самомъ дѣлѣ эти жестокія гоненія на старообрядцевъ не поросли былѣемъ, какъ говоритъ Мельниковъ. Онъ же самъ, черезъ 130 лѣтъ послѣ «Питиримова разоренья», учинилъ свое Мельниковское разоренье снова возникшихъ заволжскихъ скитовъ.

¹⁾ Впослѣдствіи вице-губернаторъ Нижняго-Новгорода.

Окруженный свитою, состоящею изъ мѣстнаго священника, исправника Маслова и понятыхъ, Мельниковъ, переѣзжая изъ одного старообрядческаго скита въ другой, разгонялъ скитницъ, арестовывалъ наставниковъ, отбиралъ наиболѣе цѣнныя иконы, растаскивалъ по бревну строенія, сжигалъ моленныя. Правда, потомъ онъ какъ бы раскаивается въ своихъ дѣяніяхъ, а въ послѣдующихъ писаніяхъ даже стоитъ за старообрядцевъ и горячо выпрашиваетъ имъ самостоятельнаго епископа. Есть очень грустные и другіе факты чиновничьей горячки Мельникова, но не станемъ разбираться въ нихъ. Главное то, что въ его время тихія мирныя обители въ лѣсахъ снова были разорены.

Какъ при первомъ Питимировомъ разореніи выставлялись причины не религіозныя, а политическія или какія-нибудь другія ¹⁾, такъ и при второмъ разореніи, въ 1853 г., выставили постороннія вины. Какія-то шатуны, какъ ихъ называетъ самъ Мельниковъ, пошли на Донъ за сборомъ подаяній. Ихъ арестовали и отправили въ Петербургъ. Тамъ онѣ ложно сказались жительницами Оленевского скита, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ никто и не зналъ. Обвиняли скиты въ укрывательствѣ бѣглыхъ, въ дѣланіи фальшивой монеты; но все это преувеличено. Нельзя по единичнымъ фактамъ судить о всѣхъ скитахъ.

И вотъ, послѣ усердія петербургскаго чиновника, «пали около двухсотъ лѣтъ стоявшія обители керженскія и чернораменскія. Вскорѣ ото всѣхъ скитовъ и слѣдовъ не осталось. Были оставлены на своихъ мѣстахъ только приписанныя къ нимъ по ревизіи, и каждой жительницѣ отведено было по просторной кельѣ, но такихъ приписанныхъ ко всѣмъ скитамъ осталось не больше восьмидесяти старыхъ старухъ, а прежде всѣхъ обительскихъ жителей было безъ малаго тысяча. Черезъ нѣкоторое время мѣстному губернатору велѣно было осмотрѣть всѣ скиты. Онъ нашель всюду полное запустѣніе».

Такъ писалъ самъ Мельниковъ о результатахъ своей горячей дѣятельности по искорененію старообрядчества. Но затѣмъ онъ круто мѣняетъ фронтъ и съ не меньшею яростью нападаетъ на православное духовенство, которое выставляетъ главнымъ виновникомъ распространенія раскола. Конечно, его прежніе соратники огорчились, а одинъ архіерей про него сказалъ: «Было время, когда изъ Савла вышелъ Павелъ, а нынѣ изъ Павла вышелъ Савель».

¹⁾ Въ своихъ донесеніяхъ Петру I Питиримъ предлагалъ запретить монахамъ жить въ лѣсахъ, а причину выставить для отводу, что по лѣсамъ въ келіяхъ живутъ бѣглые солдаты, драгуны, разбойники и разные люди, убѣгающіе отъ службы и податей. Въ отвѣтъ на это Петръ собственноручно написалъ: «Буде возможно явную вину сыскавъ, кромѣ раскола, такихъ, съ наказаніемъ и вырѣзавъ носдри, ссылатъ на галеры...»

III.

Таинственное влеченіе къ лѣсной пустынѣ.—Старообрядческая поэзія.—Въ поискахъ ключей отъ истинной Церкви.—Миссіонеръ о. Александръ Альбицкій.—Могилы старообрядческихъ святыхъ.—Старый Шарпанъ.—Смоляны.—Центръ семеновскихъ скитовъ.—Созданіе Бѣлокриницкой іерархіи.—Заволжская драма 1853 года.

Два раза изгоняли скитницъ изъ Семеновскаго уѣзда. Но въ здѣшнихъ лѣсныхъ заросляхъ есть какая-то таинственная притягательная сила для нихъ. Понемногу, потихоньку, послѣ каждаго разоренья, онѣ снова водворялись въ своей милой пустынѣ и снова созидали скиты на могилахъ первыхъ страдальцевъ за старую вѣру. Въ этой лѣсной пустынѣ, изобилующей рѣченками и бололами, онѣ надѣялись найти истинный путь къ разумнѣю тайнъ Божіихъ, вѣрили обрѣсти здѣсь вѣрное спасеніе. Въ поискахъ потерянныхъ ключей отъ Святой Церкви, старообрядцы сложили слѣдующіе стихи:

Идетъ старецъ изъ пустыни, черноризецъ изъ вертепа. Онъ идетъ, слезно плачетъ и рыдаетъ. Навстрѣчу старцу самъ Господь Богъ.

— Что ты, старецъ, слезно плачешь? Черноризецъ, почто рыдаешь? Азъ—Господь Богъ.

— Какъ мнѣ не плакать и не рыдать! Молодешенекъ я постригся, чернымъ схимномъ приоблекся. Молодая совѣсть убиваетъ, изъ пустыни меня выгоняетъ. Потерялъ я себѣ путь спасенья, потерялъ я Книгу святую. Опустилъ я ключи въ море отъ святой соборной Церкви.

Рече старцу самъ Господь Богъ:

— Воротися, старецъ, въ пустыню, воротися и затворися, и Богу помолися. Молися Богу со слезами, возмути море слезами. Опять найдешь себѣ путь спасенья, опять найдешь Книгу святую. Опять найдешь ключи въ морѣ отъ святой соборной Церкви¹⁾.

И вотъ старые и молодые, особенно женщины, стараются выплыть изъ житейскаго моря, гдѣ они лишаются разумнѣнія святой Книги, гдѣ теряютъ ключи отъ истинной Церкви. Они снова идутъ въ пустыню, куда зоветъ ихъ, какъ они чувствуютъ, самъ Господь Богъ.

Послѣ «Мельниковскаго разоренья» прошло полвѣка. За это время скиты опять пообстроились. Опять зажглись лампы предъ древними иконами, опять раздалось заунывное пѣніе священныхъ стихирь.

¹⁾ Заимствовано изъ одного рукописнаго старообрядческаго цвѣтника.

Комаровскій ситъ. Манефина обитель.

— Какъ бы добраться мнѣ до скитовъ? Пустятъ ли меня къ себѣ скитскія старицы? — снова обращаюсь я къ почтосодержателю.

— Вамъ надо обратиться къ здѣшнему миссіонеру, отцу Александру. Ему вѣдь здѣсь все извѣстно.

Дѣйствительно, одинъ изъ соборныхъ священниковъ Семенова, отецъ Александръ Альбицкій, считается знатокомъ мѣстнаго старообрядчества. Меня познакомили съ нимъ. Отецъ Александръ, молодой, энергичный священникъ, съ радостью предложилъ мнѣ свои услуги, и мы уговорились отправиться въ скиты вмѣстѣ черезъ два дня.

Утромъ 20-го іюня, на парѣ почтовыхъ лошадей, мы выѣхали изъ города Семенова въ село Рождественское къ другому священнику, о. Николаю.

— Зачѣмъ намъ къ нему?—спрашиваю своего спутника.

— О. Николай — тоже миссіонеръ и притомъ ближайшій священникъ къ Комаровскому скиту, куда мы сегодня ѣдемъ. Хотя я и былъ тамъ одинъ разъ, но, мнѣ кажется, ему, какъ сосѣду, удобнѣе провести васъ къ старообрядцамъ.

О. Николая мы не застали дома. Онъ со своими сыновьями уѣхалъ въ лѣсъ заготовлять дрова на зиму. Матушка тоже ушла къ нему въ лѣсъ съ обѣдомъ. О. Александръ распорядился послать за нимъ; а, чтобы не терять времени, предложилъ мнѣ, до прихода о. Николая, сходить пѣшкомъ къ мѣсту древнихъ скитовъ, разоренныхъ еще арх. Питиримомъ. Надо было пройти версты двѣ по проселочной дорогѣ, среди луговъ и полей. Было очень жарко, и мы едва шли, обливаясь потомъ.

— Обратите вниманіе,—обращается ко мнѣ о. Александръ:— гдѣ среди молодого лѣса высится купа старыхъ деревьевъ, тамъ навѣрно находится мѣсто могилъ почитаемыхъ здѣшними жителями усопшихъ старцевъ.

— Да вотъ впереди я вижу двѣ рощицы высокихъ деревьевъ.

— Мы къ нимъ и направляемся.

Подходимъ къ первой рощѣ, огороженной новыми досками. Черезъ дверь вошли въ ограду, посреди которой сохранилась могила какой-то уважаемой особы. На камняхъ не сохранилось надписи. Современные старообрядцы въ своихъ догадкахъ дошли даже до царевны Софіи Алексѣевны, другіе—до царицы Мары. Очевидно, преданіе утратило настоящее имя усопшей. Все огороженное мѣсто имѣетъ пятьдесятъ шаговъ въ поперечникѣ. Намъ пріятно было отдохнуть въ тѣни густой листвы деревьевъ.

Въ двадцати пяти саженьяхъ отсюда — другая роца и также огороженная досками. Среди нея подъ деревяннымъ навѣсомъ рядъ могилъ. Кто-то на навѣсѣ написалъ карандашомъ чмена усопшихъ: Павелъ, Онуфрій, Савватій и Авраамій. На полочкѣ обливавшая икона Казанской Божіей Матери, и тутъ же виситъ истрепанная

кожаная лѣстовка. То и другое, очевидно, предоставлено для молитвы проходящимъ мимо странникамъ.

Далѣе на сѣверо-востокъ, по направленію къ деревнѣ Федосѣевой, находится современный Шарпанскій скитъ, куда я намѣревался проѣхать на обратномъ пути. Но что же означаютъ эти двѣ рощи, среди которыхъ мы сейчасъ находимся? О. Александръ называетъ эти мѣста Старымъ Шарпанскимъ скитомъ, разореннымъ епископомъ Птиримомъ. Взамѣнъ скита, въ 1723 г., изъ обращенныхъ изъ раскола былъ учрежденъ Рождественно-Богородицкій монастырь (нынѣ село Рождественское), который впослѣдствіи былъ упраздненъ.

Можетъ быть, здѣсь жилъ и тотъ старецъ Игнатій изъ дворянъ Потемкиныхъ, о которомъ упоминаетъ Мельниковъ. Игнатій Потемкинъ поставилъ сперва «обитель по близости скита Шарпана» и жилъ тутъ до Птиримова разоренья. Потомъ онъ перешелъ въ Комарово.

Не очень далеко отсюда ¹⁾ находится урочище «Смоляны», гдѣ былъ старѣйшій скитъ, основанный въ 1657 г. Первыми насельниками его были монахъ Сергій Салтыковъ изъ смоленскаго Бизюкова монастыря и Ефремъ Потемкинъ. Отсюда, какъ отъ центра, во всѣ стороны стали быстро распространяться старообрядческіе скиты, пока ихъ не разорили въ началѣ XVIII вѣка.

Среди другихъ центровъ старообрядчества (Иргизъ, Самарской г., Лаврентьевъ монастырь въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской губ., Стародубскія слободы въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губ., Демидовы заводы на Уралѣ и нѣкоторыя станицы на Дону) въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ были скиты Семеновскаго уѣзда. Они ближе находились къ столицамъ и къ главнымъ торговымъ городамъ. Богатое купечество усердно поддерживало ихъ щедрыми подаваніями и постоянно имѣло съ ними самыя оживленныя сношенія. Когда нужно читать сорокоусть по покойнику, то они обращались въ скиты за чтинцами псалтыря. Надо ли помянуть усопшихъ родственниковъ—опять въ скиты посылають. Любили и сами туда наѣзжать, чтобы помолиться вмѣстѣ съ монахинями въ лѣсномъ уединеніи. Старообрядцы вѣрили, что только въ керженскихъ и чернораменскихъ лѣсахъ бережется настоящее благочестіе. Мѣстная полиція, если не было давленія свыше, чаще всего покровительствовала скитамъ, этому золотому дну неисчерпаемыхъ доходовъ.

Мирно жили скиты даже и въ періодъ созданія разныхъ комитетовъ для уничтоженія старообрядчества. Могилы чтимыхъ старцевъ и старицъ ежегодно привлекали массу паломниковъ.

¹⁾ П. И. Мельниковъ опредѣляетъ мѣсто урочища «Смоляны» въ лѣсу, близъ Шарпана и деревни Малой Зиновьевой.

Матери-настоятельницы скитовъ чувствовали подъ ногами твердую почву. Ихъ древнее благочестіе стоитъ незыблемо, непоколебимо. Онѣ были совершенно независимы отъ городовъ. Іерархіи не существовало. Священники были только «бѣглые», перебѣжавшіе изъ никоніанской церкви. Если такой придетъ къ нимъ— милости просимъ! Не придетъ—не надо! Онѣ и безъ него всѣ службы, кромѣ литургіи, справятъ сами.

Но вотъ надвинулась съ запада туча черная, злобѣщая. Захотѣли московскіе купцы имѣть свою собственную іерархію, чтобы не быть въ зависимости отъ никоніанъ. Подкупили они греческаго архіерея Амвросія, и онъ поставилъ имъ старообрядческихъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ. Послали радостную вѣсть о новой іерархіи въ скиты Семеновскаго уѣзда. Но тамъ ее приняли съ большимъ смущеніемъ. Помимо того, что новое старообрядческое священство являлось, такъ сказать, конкурентомъ имъ въ дѣлахъ вѣры, ихъ смущала также мысль о неправильномъ рукоположеніи епископа. Какъ провѣрить, кто такой Амвросій? Почему онъ согласился поставить старообрядцамъ архіерея? Да и о новопоставленныхъ епископахъ и священникахъ не всѣ хорошо говорятъ. Не приедемъ пока новаго австрійскаго священства!—рѣшили матери. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Грозная туча еще болѣе сгустилась. Узнавъ о новой іерархіи у старообрядцевъ, правительство встревожилось. Теперь только поняло оно свою ошибку. Старообрядцы и раньше много разъ просили русскую православную церковь поставить имъ епископа. Сначала имъ обѣщали, но потомъ рѣзко отказали. Волей-неволей пришлось старообрядцамъ обратиться за границу. Тогда министерство внутреннихъ дѣлъ учредило «наисекретнѣйшій» комитетъ, въ которомъ было рѣшено уничтожить всѣ старообрядческіе монастыри, скиты, моленные и часовни безъ всякаго исключенія. Наступилъ 1853-й—роковой годъ для старообрядчества. Страшная туча, наконецъ, разрѣшилась грозой. Въ лѣсахъ керженскихъ и чернораменскихъ разыгралась ужасная драма. Вѣковые устои древняго благоческія были безжалостно разрушены...

Разрушили тѣло, но душа осталась жива. Разрушили кельи и часовни, разогнали скитницъ по разнымъ губерніямъ, но вѣру народную не уничтожили. Она опять собрала на то же самое мѣсто вотъ уже въ третій разъ ревнителей «древляго благочестія», и снова, какъ фениксъ изъ пепла, возродились кельи и часовни матерей-скитницъ.

Внутренний видъ сѣвской молельни старообрядцевъ.

IV.

Изъ ложкарей въ священники.—Игнатьевская обитель.—Настоятельница Марія Михайловна.—Лабиринтъ переходовъ.—Моленная.—Келарня.—Келья настоятельницы.—«Дрожать надо!»—Проповѣдь о. Николая.—Осмотръ мѣстности.—Первые насельники комаровскихъ обителей.—Старицы Миропія и Маргарита.

Прогулка подъ палящимъ солнцемъ заняла у насъ не менѣе двухъ часовъ. Къ нашему возвращенію въ село Рождественское пришелъ изъ лѣсу и о. Николай. Онъ на видъ кроткій мужчина, около сорока лѣтъ, съ огромными кистями рукъ.

— Въ работѣ развилъ руки, — объяснилъ о. Александръ. — Раньше онъ былъ ложкаремъ.

— Ложкарь?!

— Да. За его степенную жизнь и любовь къ духовныхъ книгамъ я его сдѣлалъ своимъ помощникомъ при бесѣдахъ съ старообрядцами. Потомъ опредѣлилъ его сторожемъ къ собору, а вотъ недавно его назначили миссіонеромъ и поставили настоятелемъ здѣшней церкви.

Меня еще болѣе заинтересовалъ о. Николай.

— Вы помните, — спрашиваетъ меня о. Александръ, — «Въ лѣсахъ» Печерскаго попа Сушилу изъ села Свиблова? Я полагаю, что это онъ писалъ тогда о здѣшнемъ рождественскомъ священникѣ. Мнѣ случилось пересмотрѣть списки священниковъ здѣшнихъ церквей. Въ нихъ я встрѣтилъ фамилію Сушилова. Не онъ ли и есть «попъ Сушила» Андрея Печерскаго, прозванный такъ за то, что сушилъ сѣно въ церкви? Здѣсь вѣдь кругомъ всѣ деревни старообрядческія. Въ Рождественѣ православныхъ только и есть, кромѣ священника, псаломщикъ да староста. Тутъ нуженъ священникъ-миссіонеръ, хорошо знающій мѣстные обычаи и порядки. Отецъ Николай прежде самъ придерживался старинки.

Послѣ обѣда мы отправились въ Комаровскій скитъ. Я съ о. Александромъ поѣхалъ впереди, а за нами о. Николай со своимъ сыномъ, ученикомъ духовнаго училища.

Проѣхавъ деревню Васильеву, мы вступили въ смѣшанный лѣсъ съ частыми красивыми полянками. Яркая зелень, освѣщенная горячимъ солнцемъ, запахъ смолистой сосны и цвѣтовъ, пѣніе птицъ и воспоминанія о здѣшнихъ древнихъ скитахъ скрашивали ухабистую грунтовую дорогу, и, намъ казалось, мы скоро добрались до слѣдующей деревни Елфимовой. Отсюда виденъ Комаровскій скитъ.

Я замѣтилъ безпокойство о. Александра. Онъ сомнѣвался, примутъ ли насъ скитницы, а главное — пустятъ ли онѣ насъ въ моленную и будутъ ли откровенны въ своихъ объясненіяхъ.

— Не остановиться ли намъ подъ горою, подальше отъ обители, и подойти къ нимъ тихонько пѣшкомъ, чтобы не испугать скитницъ нашимъ шумнымъ поѣздомъ?—предложилъ миссіонеръ.

Пока мы обсуждали этотъ вопросъ, ямщикъ подкатилъ къ воротамъ большого забора. Намъ ничего не оставалось, какъ итти прямо въ обитель, чрезъ обширный огороженный дворъ, засаженный деревьями. Вытянувшійся передъ нами рядъ сѣрыхъ избъ составлялъ такъ называемую Игнатьевскую обитель.

Вышла изъ одной избы сама настоятельница обители. Внѣшній видъ ея обыкновенный для городской мѣщанки. Темное платье, темная кофта и черный платокъ на головѣ, повязанный угломъ. Въ ея одѣяніи не было ничего особеннаго, но на лицѣ замѣтно удивленіе: зачѣмъ это идутъ къ ней два священника?

— Марія Михайловна!—выступаетъ отецъ Александръ.—Мы немного съ вами знакомы. Помните, я пріѣзжалъ къ вамъ лѣтомъ, года четыре тому назадъ? А вотъ теперь я опять привезъ вамъ петербургскаго гостя, который очень интересуется вашими скитами. Будьте добры, разрѣшите намъ посмотрѣть, какъ вы живете.

— Пожалуйте!—коротко отвѣтила Марія Михайловна и повела насъ въ первую избу. Судя по морщинамъ на лицѣ, ей можно дать лѣтъ пятьдесятъ. Глаза смотрятъ спокойно и умно. Она пошла впередъ и попутно кратко объясняла:

— Вотъ кельи старицъ. Это трапезная. Тутъ я помѣщаюсь...

Мы идемъ какими-то коридорами, изворотами, проходными комнатами. Кругомъ на каждомъ шагу все двери и двери. Въмѣсто избы оказался цѣлый рядъ избъ, связанныхъ крытыми сѣнями и переходами. Здѣсь такъ легко можно запутаться въ этомъ лабиринтѣ проходныхъ комнатокъ и еще легче спрятаться въ нихъ.

— Что за странная постройка? — спрашиваю Марію Михайловну.—Безъ проводника здѣсь не пройдешь.

— Это вновь кажется, что запутаешься здѣсь. Но все тутъ очень просто. Всѣ скитскія обители такъ строятся. Ставятъ рядъ избъ и соединяютъ ихъ крытыми переходами. Вотъ и кажется, что много дверей. Зато мы можемъ зимой, каждая изъ своей кельи, пройти въ теплѣ, а не по снѣгу, въ моленную.

— А гдѣ же моленная?

— Да вотъ мы подходимъ къ ней.

Послѣдняя изба въ «стаѣ», нѣсколько большихъ размѣровъ, назначена для молитвенныхъ собраній. Старообрядцы не любятъ, чтобы въ ихъ моленную входили никоніане, а потому мы задержались на минуту, но Марія Михайловна любезно пригласила насъ войти.

Противоположная отъ входа стѣна, снизу доверху, вся увѣшана иконами разныхъ размѣровъ, безъ кіотовъ. Къ нижнему ряду иконъ подвѣшены целены съ восьмиконечными крестами. У

каждой крупной иконы виситъ лампада. У этой же стѣны стоитъ столикъ, въ родѣ церковнаго престола, со свѣчами, евангеліемъ и крестомъ. Мое вниманіе обратили на себя большіе деревянные подсвѣчники, съ красными и золотыми разводами подъ олифой— работа семеновскихъ токарей. По сторонамъ стоятъ обыкновенные аналои и продолговатые столы для книгъ. На нихъ я замѣтилъ небольшіе деревянные брусочки, съ вырѣзанными уступами.

— Это зачѣмъ?—спрашиваю.

— Подкладочки подъ переплетъ книги, чтобы она не ломалась въ изгибѣ.

Просто и хорошо.

Боковыя стѣны моленной до половины тоже были въ почернѣвшихъ отъ времени иконахъ, плотно прижатыхъ одна къ другой. Какъ видно, подборъ ихъ совершенно случайный, но все онѣ казались по характеру письма очень древними. Осматривая моленную, я старался не пропустить ни малѣйшаго предмета. Вѣдь тутъ свято берегутъ преданія старины! Вотъ опахало изъ перьевъ сорочьяго хвоста. Почему перья взяты отъ сороки, а не отъ пѣтуха или гуся? Вотъ мѣдная кацея—ручная кадильница. По стѣнамъ висятъ лѣстовки, на полу лежатъ небольшіе коврики-полручники.

Марія Михайловна охотно на все давала обстоятельные отвѣты и разъясненія. Мнѣ понравилось въ ней умѣнье держать себя съ нами. Она не принижалась, не заискивала, въ то же время не напускала на себя ни лицемѣрной набожности, ни дѣланнаго радушія. Просто, серьезно, спокойно она обходила съ нами свою стаю избъ и терпѣливо выслушивала все наши замѣчанія.

Изъ моленной мы прошли въ трапезную, или келарню. Эта изба имѣетъ три отдѣленія. Дверь ведетъ прямо въ «стряпущую», или кухню. Большая русская печь стоитъ въ ней, не прислоняясь ни къ внѣшнимъ стѣнамъ, ни къ внутреннимъ перегородкамъ, чтобы обезопасить избу отъ пожара. Кромѣ того, такое расположение печи позволяетъ подходить къ ней со всехъ сторонъ. Налѣво отъ входной двери кладовая для припасовъ, а прямо—входъ въ трапезную, куда собираются скитницы для обѣда. Пахнетъ печенымъ хлѣбомъ. Въ углу стоитъ кадлушка съ мятнымъ квасомъ.

— Осталась ли хоть одна изба послѣ разоренья скитовъ Мельниковымъ?—спрашиваю Марію Михайловну.

— Есть одна. Теперь я въ ней помѣщаюсь.

И она повела насъ опять крытыми переходами къ потемнѣвшей отъ времени избѣ. Перегородками все помѣщеніе ея раздѣлено на нѣсколько комнатокъ разныхъ размѣровъ. Изъ маленькой прихожей дверь шла прямо въ гостиную, а налѣво—въ спальню. Побывъ недолго въ гостиной, гдѣ было въ красномъ углу собраніе старинныхъ иконъ въ ризахъ, по предложенію Маріи Михайловны

Обитательницы заволжскихъ скитовъ.

мы прошли на правую половину. Тамъ насъ встрѣтила высокая стройная старица Любовь—мать Маріи Михайловны. Въ черномъ сарафанѣ стариннаго покроя, съ пуговицами по переду сверху донизу, съ платкомъ на головѣ въ распускъ, босая. На видъ ей лѣтъ семьдесятъ, на самомъ же дѣлѣ—перевалило за восемьдесятъ. Она пріѣхала изъ сосѣдней губерніи къ дочери погостить

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1908 г., т. схи.

20

на лѣто. Мы застали ее за плетеньемъ цвѣтныхъ шнурочковъ-поясковъ.

Старуха очень удивилась приходу священниковъ и сначала подумала, что они старообрядцы. Послѣ первыхъ привѣтствій и короткихъ взаимныхъ разспросовъ, она начала спрашивать священниковъ, что дѣлается въ «міру». Точно она сама живетъ въ иномъ мірѣ, куда не заходятъ наши житейскія волненія. Вдругъ на нее какъ будто нашло вдохновеніе. Она быстро заговорила о послѣднихъ временахъ, объ антихристѣ, о скоромъ пришествіи Господа.

— Какое теперь время?—загремѣла старуха трагическимъ голосомъ.— Вѣдь вотъ близокъ, близокъ Судія, советѣмъ при дверяхъ! Намъ надо приготовить себя, покаяться, очиститься отъ грѣховъ. Вѣдь скоро, скоро загремитъ архангельская труба, вся земли запылаетъ въ огнѣ, силы небесныя поколеблются.

Вдругъ она выпрямилась во весь свой гигантскій ростъ, протянула впередъ руки и конвульсивно задрожала отъ сильнаго волненія. Я вспомнилъ девяностолѣтнюю мать Клеопатру Ерахтурку, описанную у Мельникова «Въ лѣсахъ».

— А мы чувствуемъ ли приближеніе конца?—громко, съ пылающими глазами, спрашиваетъ старообрядческая пророчица.— Дрожать надо! дрожать!..

Невольно и мы всѣ дрогнули, глядя на ея энергичное лицо съ стиснутыми зубами.

Но потомъ ея рѣчь все болѣе и болѣе смягчалась и перешла въ тихій ласкающій тонъ, когда она заговорила съ о. Николаемъ о двуперстїи. Тутъ все мое вниманіе сосредоточилось на о. Николаѣ. Онъ откровенно рассказалъ бабушкѣ Любви, какъ онъ тоже вѣрилъ въ двуперстїе и готовъ былъ голову отдать за него; но потомъ разсудилъ, что не пальцы хулятъ или славятъ Бога, а ученіе, связанное съ ними.

— Всякое доброе дѣло, сдѣланное этими пальцами, славить Бога; и всякое худое дѣло, сдѣланное этими же пальцами, хулить Бога. Слѣдовательно, не въ пальцахъ вся суть, а въ дѣлахъ, въ нашемъ сердцѣ, да въ ученіи, которое мы связываемъ съ пальцами. А ученіе у насъ одно и то же: одинъ Богъ, славимый въ святой Троицѣ, и одинъ Христосъ, пришедшій во плоти...

Все это сказано было очень сердечно и съ такою серьезностью, какъ будто онъ вѣщалъ новое огкровеніе. Я тутъ только понялъ, какъ нуженъ здѣсь о. Николай въ роли миссіонера-примирителя. Ученый человекъ не станетъ распространяться о всѣмъ извѣстныхъ вещахъ. Онъ только вскользь помянетъ о нихъ, давая понять, что объ этомъ не стоитъ много говорить. Отецъ же Николай готовъ священнодѣйствовать въ каждомъ простомъ вопросѣ. Для него, какъ для крестьянина глухого медвѣжьяго угла, все серьезно,

все важно. Онъ не понимаетъ ироніи, не допускаетъ сарказма или даже простодушнаго смѣха въ вопросахъ вѣры. Мы всѣ превратились въ слухъ, когда о. Николай сталъ раскрывать катехизическое ученіе бабушкѣ Любви. Навѣрно, и для нея его рѣчи не были новостью, но и она, какъ видно, слушала его съ большою охотою.

Марія Михайловна, замѣтивъ, что ея мать мирно разговариваетъ со священниками, пригласила меня въ гостиную и стала спрашивать о цѣли нашего посѣщенія. Мое признаніе вызвало откровенность и съ ея стороны. Изъ ея разказа, дополненнаго въ слѣдствіи мѣстными жителями, я понялъ такъ:

Марія Михайловна живетъ въ скитахъ около тридцати лѣтъ. Въ сосѣдней Манефиной обители она была настоятельницей, но, когда тамъ украли у ней тысячи двѣ-три денегъ, она покинула Манефину обитель и купила Игнатьевскую, въ которой и проживаетъ до сихъ поръ.

Уходя изъ кельи Маріи Михайловны, я получилъ въ подарокъ ея работы бѣлый вязанный поясъ (филе) изъ крученаго шелку и кожаную лѣстовку, съ вышитыми треугольниками, а отъ бабушки Любви—пестрый поясокъ.

— Пройдемте къ рѣкѣ!—позвала насъ Марія Михайловна:—я вамъ покажу нашъ «усадь».

Скитницы-келейницы всѣ попрятались. А мнѣ такъ хотѣлось взглянуть на нихъ, посмотрѣть, какъ онѣ степенно творятъ предъ настоятельницей по два метанія до земли со словами: «Матушка, прости! Матушка, благослови!» На что мать-игуменя съ серьезною важною отвѣчаетъ: «Богъ проститъ, Богъ благословитъ».

Всѣ двери келій были притворены, когда мы проходили лабиринтомъ переходовъ на другой конецъ обители. Выйдя на дворъ, я взглянулъ на стаю избъ со стороны и пораженъ былъ особеннымъ ихъ расположеніемъ. Ихъ фасады не были вытянуты по одной прямой линіи, какъ это мы обычно видимъ въ деревняхъ. Здѣсь каждая слѣдующая изба нѣсколько выступала впередъ.

— Зачѣмъ вы такъ строитесь?

— Такъ можно изъ бокового окна видѣть весь рядъ келій, всю «стаю».

Пройдя садъ, мы стали спускаться къ рѣкѣ. Я остановился, чтобы запечатлѣть въ своей памяти красивый уголокъ обители. Любовалась имъ вслухъ и сама хозяйка, Марія Михайловна. Она держала въ рукѣ сорванный по дорогѣ цвѣтокъ и вмѣстѣ со мною простодушно восхищалась зелеными берегами тихой рѣки.

По мосту перешли на другую сторону, гдѣ среди искусственно поднятыхъ береговъ былъ копаный прудъ для воды на случай пожара. Возвращаясь назадъ, осмотрѣли огородъ. Мнѣ показался онъ небольшимъ.

— Для насъ довольно!— сказала Марія Михайловна:— намъ хватаетъ своей огородини на круглый годъ.

Въ саду около моленной висѣли толстыя доски съ огверстіями— старинныя «била», замѣняющія наши церковныя колокола. Я не удержался, чтобы не ударить тутъ же повѣшеннымъ молоткомъ по доскѣ. Устроить же настоящій деревянный благовѣстъ мы не рѣшались, чтобы не привлечь крестьянъ изъ ближайшей деревни.

Недалеко отъ «усада» Марія Михайловны находилась могила старца Ионы Праведнаго, по прозванію Курносаго. До сихъ поръ въ старообрядческомъ мірѣ онъ почитается за святого, какъ подвижникъ и ревнитель вѣры и благочестія. Остатки «Юниной ели» и теперь охотно разбираются усердными богомольцами.

Вся эта мѣстность, осматрѣнная нами, называется «Каменнымъ Бражкомъ». Прежде тутъ было болѣе десятка обителей, и всѣ онѣ составляли одинъ Комаровскій скитъ. Названіе свое онъ получилъ отъ перваго насельника, богатаго человѣка, по прозванію Комаръ. Среди разныхъ другихъ насельниковъ выдавался старецъ Игнатій изъ рода Потемкиныхъ. Онъ устроилъ здѣсь мужскую обитель, которая, какъ и всѣ другія, впоследствии сдѣлалась женскою. Кромѣ Игнатьевской, сохранилась еще Манефина обитель, названная такъ по имени одной старицы Манефы изъ купеческаго рода Осокиныхъ.

Манефина обитель составляетъ одно изъ главныхъ мѣстъ дѣйствія героевъ романа Андрея Печерскаго, а потому понятно наше желаніе и пройти въ нее.

— Есть ли у васъ старицы, которыя были свидѣтельницами разоренія скитовъ Мельниковымъ?

— Есть у насъ двѣ матери, Маргарита и Миропія, которыя были въ то время въ скитахъ, но съ ними трудно говорить: стары очень, да и больны. Впрочемъ, пойдете къ нимъ.

Марія Михайловна привела насъ къ старенькой избѣ, отдѣльно стоящей отъ общей стаи.

Пухлая, обрюзгшая отъ водянки, мать Миропія уже не можетъ ходить. Она сидѣла на кровати за раскрытою книгою. Ноги были укутаны одѣяломъ, на плечахъ иноческа я мантия— черная пелеринка, отороченная краснымъ шнуркомъ. На головѣ поверхъ апостольника темный бархатный вѣнчикъ, т. е. круглая шапочка съ вырѣзкой посрединѣ. Мать Миропія до разоренія скитовъ находилась въ обители Таисіи¹⁾. Впоследствии она перешла въ возобно-

¹⁾ Въ 1853 г., во время разоренія скитовъ, въ Комаровскомъ скиту было 12 обителей: Манефина, Бояркиныхъ, Жениныхъ, Глафириныхъ, Игнатьевыхъ, Московкиныхъ, матушки Таисіи, Напольныхъ, Марейныхъ, Зарѣчныхъ, Разсокиныхъ и матушки Солоникии.

вленную Игнатьевскую обитель, гдѣ теперь и доживаетъ свои послѣдніе дни.

Вскорѣ появилась и мать Маргарита, худощавая, слезливая, почти глухая старушка. Она едва передвигала ноги, придерживаясь руками за стѣны избы и за стулья. По нашей просьбѣ, старица Маргарита стала рассказывать о разореньи скитовъ.

— Мельниковъ вычитывалъ царскій указъ... говорить, что онъ пришелъ по царскому указу,—часто повторяла она слабымъ голосомъ. Очевидно, петербургскій чиновникъ старательно внушалъ матерямъ-скитницамъ, что онъ посланъ къ нимъ по царскому повелѣнію.

Въ избѣ было скромно, бѣдно и грязновато. Съ глухой да съ больной трудно было разговаривать, и мы скоро простились съ ними.

Послѣ обхода обители мы захотѣли пить. Вѣроятно, жажда томила и Марію Михайловну, потому что она вспомнила о квасѣ.

— Я и забыла угостить васъ кваскомъ. Если желаете, я принесу сейчасъ.

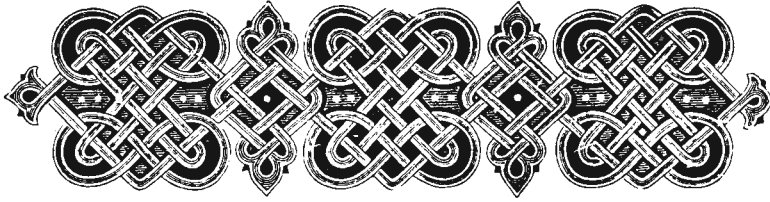
Мы всѣ выпили по стакану монастырскаго напитка и нашли его очень вкуснымъ.

На этомъ закончился нашъ осмотръ Игнатьевской обители.

Ив. Ювачевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЮБИЛЕЙ НАРОДНИКА-ДРАМАТУРГА.

(По поводу чествованія Е. П. Карпова).

ТЕКУЩІЙ сезонъ богатъ юбилеями театральнаго порядка, отголоски которыхъ наши читатели найдутъ и въ настоящей книжкѣ журнала. Москва торжественно отпраздновала юбилей кн. Сумбатова-Южина и Ипполитова-Иванова, Петербургъ—Е. П. Карпова, В. Н. Давыдова и М. И. Долиной-Горленко. Всѣ эти культурные праздники имѣютъ каждый свой особый отпечатокъ, свой сокрытый смыслъ, свое общественное значеніе. Выдѣляя отсюда тѣ изъ нихъ, которые непосредственно связаны съ исторіей отечественной литературы, редакция «Историческаго Вѣстника» посвящаетъ отдѣльные очерки торжествамъ гг. Карпова и Южина, какъ представителямъ печатнаго русскаго слова, отразившимъ въ своихъ произведеніяхъ тѣ или иныя теченія отечественной жизни.

Юбилей Е. П. Карпова, внѣ анализа достоинствъ его литературнаго творчества, заслуживаетъ вниманія тѣмъ характеромъ общности, которымъ онъ, несомнѣнно, отмѣченъ. Теперь, когда сошли съ арены почти всѣ видные представители былаго «народничества»¹⁾, когда это столь громкое въ свое время умственное теченіе стало уже достояніемъ исторіи, г. Карповъ въ современной литературѣ является почти единственнымъ живымъ звеномъ, которое соединяетъ ея текущія главы съ народническимъ на

¹⁾ Здравствующій Н. Н. Златовратскій по болѣзни стоитъ не у дѣла.

нихъ налетомъ съ предыдущими. Ему выпала счастливая доля: онъ вышелъ на путь служенія словомъ своему народу позже своихъ учителей и единомышленниковъ, пережилъ ихъ еще въ полномъ цвѣтѣ своихъ силъ, сохранилъ всю силу своихъ убѣжденій и имѣетъ широкую возможность громкой проповѣди того, что унесли съ собою за грань бытія старшіе представители народничества. Онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказался даже счастливѣе ихъ: въ его распоряженіе судьба предоставила печатный станокъ и сцену, гдѣ онъ въ качествѣ драматурга и патентованнаго режиссера продолжаетъ при тѣхъ или иныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ завѣщанное ему дорогое дѣло. Нельзя не отмѣтить, что жизнь поставила въ данномъ случаѣ г. Карпова, какъ писателя опредѣленной общественной доктрины, въ очень выгодныя условія и счастье ему улыбнулось тутъ значительно въ большей степени, чѣмъ его товарищамъ. Правда, взбудораженная стихія отечественной дѣйствительности съ ея капризными и порою грозными переливами какъ будто отодвинула вдаль тѣ вѣрованія, которыя несъ писатель по своему жизненному пути, но въ современной шумной «переоцѣнкѣ цѣнностей» еще далеко неизвѣстно, что уцѣлѣетъ, что возобладаетъ и увидитъ свое торжество. Поэтому на г. Карповѣ, какъ поставленномъ въ счастливыя условія носителѣ народническихъ началъ, лежитъ громадная отвѣтственность—оставаться бодрымъ и твердымъ на своемъ пути, бороться за доставшееся ему наслѣдіе и пронести его грядущимъ поколѣніямъ по возможности въ цѣломъ и неиспорченномъ видѣ.

Евтихій Павловичъ Карповъ родился въ 1857 г. въ великорусской дворянской семьѣ. Этнографическій элементъ отразился, несомнѣнно, на литературной фizioноміи нашего писателя, давъ ему хорошее знакомство съ социальнымъ строемъ нашихъ внутреннихъ губерній, типами деревенской жизни, ея природой, укладомъ и языкомъ. У насъ нѣтъ въ распоряженіи автобіографіи драматурга, которая позволила бы судить о столь цѣнныхъ страницахъ въ жизни cadaго человѣка, какъ страницы его дѣтства, когда подъ воздѣйствіемъ отчаго дома и окружающей обстановки слагаются характеръ, вкусы и наклонности человѣка. Мы встрѣчаемся съ г. Карповымъ лишь въ положеніи ученика одной изъ провинціальныхъ гимназій послѣ вступительнаго сюда экзамена. Вотъ что онъ сообщаетъ объ этомъ моментѣ своей жизни въ автобіографическомъ письмѣ на имя г. Ратова¹⁾. «Я выдержалъ вступительный экзаменъ въ гимназію, и отецъ повезъ меня на спектакль. Давали «Гамлета» съ артистомъ Толченовымъ въ заглавной роли. До сихъ поръ я отчетливо помню весь этотъ спектакль, съ того страшнаго момента, когда, неожиданно для

¹⁾ «Театръ и искусство», 1908 г., № 3.

меня, поднялась занавѣсъ, вплоть до путешествія по темнымъ грязнымъ улицамъ въ гостиницу, гдѣ мы остановились въ Орлѣ. Я помню, какое устрашающее впечатлѣніе произвела на меня игра Толченова, помню его рычаніе, появленіе тѣни изъ-подъ сцены, помню, что я плакалъ, когда Толченновъ безцеремонно обращался съ своей матерью, которую изображала толстая актриса. Помню, что мнѣ страшно было ѣхать по темнымъ, пустымъ улицамъ, и я прижимался къ отцу и дрожалъ, какъ листъ. «Гамлетъ» навсегда врѣзался въ мою память. Затѣмъ, я хорошо помню, что на другой день я смотрѣлъ «Общее благо», пьесу Манна, помню гримъ стараго актера съ баками, который напугалъ меня своимъ крикомъ, но содержанія пьесы не помню. Это были мои первыя впечатлѣнія, вынесенныя изъ театра. Приѣхавъ на Рождество домой, къ отцу, я отыскалъ его парикъ, который онъ уже не носилъ, и въ дѣтской, завернувшись въ одѣяло, представлялъ сестрамъ «Гамлета», одинъ изображая всю пьесу».

По мнѣнію писателя, посѣщеніе театра въ Орлѣ и пьеса «Гамлетъ» были тѣмъ моментомъ, когда впервые въ немъ вспыхнула искра драматическаго искусства и его потянуло къ сценѣ.

Въ Орлѣ въ тѣ годы играла прекрасная труппа, среди которой выдѣлялись такіе будущіе корифеи нашего театра, какъ М. Савина, П. Стрепетова, В. Давыдовъ, М. Писаревъ и др. Репертуаръ былъ поставленъ прекрасный и произведеніямъ Островскаго въ немъ было отведено преобладающее мѣсто. «Неотразимое впечатлѣніе произвело на меня исполненіе «Грозы» Островскаго, со Стрепетовой въ роли Катерины, Гусевой—Кабанихи, Кудриной—Глаши, Медвѣдевымъ—Кабанова, Давыдовымъ—Кудряша, Писаревымъ—Дикаго. Я никогда не забуду этого спектакля,—такъ ярко, такъ сильно запечатлѣлся онъ въ моей душѣ. Мнѣ думается, что, благодаря этому сезону, я такъ сильно полюбилъ театръ, драматическую литературу и сталъ сознательно относиться къ театру и его задачамъ. Подъ вліяніемъ частыхъ посѣщеній театра, я, будучи четырнадцати лѣтъ, написалъ комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, названія которой теперь не помню. Лѣтомъ, на каникулахъ, я собралъ своихъ сверстниковъ-гимназистовъ, устроили мы въ саду сцену и дали рядъ представлений. Я былъ и плотникомъ, и режиссеромъ, и актеромъ въ этомъ дѣтскомъ театрѣ».

Прошли годы гимназическаго ученія, Е. П. Карповъ поступилъ въ московское Константиновское межевое училище, а тутъ подошла въ жизни нашей передовой интеллигенціи и учащейся молодежи любопытная пора, запечатлѣнная страстнымъ порывомъ исканія сближенія съ народомъ. «Въ народъ!»—вотъ тотъ горячій призывъ, который раздался стихійно, властно и громко, заставилъ дрогнуть многія и многія чуткія сердца и создалъ въ своемъ родѣ знаменитый крестовый походъ молодой интеллигенціи въ глубь сѣ-

Евг. Карлов.

рой крестьянской массы, походъ, который, какъ извѣстно, кончился такимъ грустнымъ крушеніемъ надеждъ и упованій. Суровая дѣйствительность разбила иллюзіи молодежи, и въ результатѣ русскія тюрьмы оказались переполненными многочисленными узниками. Въ числѣ жертвъ идеалистическаго порыва былъ и нашъ писа-

тель-драматургъ. Въ первый періодъ своего хожденія «въ народъ» онъ занимался земледѣльческимъ трудомъ въ роли простого пахаря, затѣмъ служилъ юнгой на волжскомъ буксирномъ пароходѣ. Это сближеніе съ народомъ связывалось съ политической пропагандой, и вотъ г. Карповъ дважды попадаетъ подъ карательное дѣйствіе закона. Первый его арестъ былъ въ 1878 г., и здѣсь дѣло кончилось простымъ временнымъ заточеніемъ въ домѣ предварительнаго заключенія; второй арестъ послѣдовалъ въ 1879 г. Когда обвиняемый былъ уже близокъ къ освобожденію, его привлекли снова по первому дѣлу, и по докладу министра онъ былъ приговоренъ къ высылкѣ въ Восточную Сибирь. Затѣмъ начинаются его мытарства по провинціальнымъ тюрьмамъ и мѣстамъ ссылки, и въ его жизни отмѣчаются этапные пункты—вышневолоцкая политическая тюрьма, Красноярскъ, Вологда, Усть-Сысольскъ, Устюгъ. Въ 1885 г., наконецъ, онъ получаетъ право возвращенія на родину, и уже со слѣдующаго года цѣликомъ уходитъ въ театръ, посвящая ему свои силы, то въ качествѣ драматическаго писателя, то актера, исполнителя разныхъ бытовыхъ ролей, то режиссера, руководящаго сначала народными спектаклями, затѣмъ казенною императорскою драматическою сценою и, наконецъ, частнымъ театромъ съ его прихотливымъ и разнообразнымъ репертуаромъ.

Начало политическихъ злключеній г. Карпова совпадаетъ и съ началомъ его литературной дѣятельности. Дебютировалъ онъ, однако, не сценическимъ произведеніемъ, а небольшимъ беллетристическимъ очеркомъ «Ополченецъ», напечатаннымъ въ журналѣ Л. Оболенскаго «Свѣтъ» за 1879 г. и подъ псевдонимомъ «Влад. Другановъ». Этимъ не закончилась его дѣятельность, какъ беллетриста; она развертывалась параллельно его драматическому творчеству, и въ общей сложности въ его литературномъ формулярѣ значится до 20 болѣе или менѣе значительныхъ повѣстей и рассказовъ, изъ которыхъ крупнѣйшею и по размѣру и по своему литературному значенію должна считаться повѣсть «На пахотѣ». Эта повѣсть, пожалуй, можетъ быть разсматриваема до известной степени, какъ произведеніе автобіографическое, по крайней мѣрѣ судя по тѣмъ идейнымъ отраженіямъ, которыя здѣсь наблюдаются. Авторъ обрисовывается передъ нами въ качествѣ типичнаго народника-беллетриста, съ его задушевной думой о народѣ, идеализирующаго этотъ простой сельскій народъ, ищущаго съ нимъ сближенія и считающаго себя передъ нимъ въ долгу за историческіе грѣхи предковъ. Передъ читателями проходитъ здѣсь длинный рядъ дѣйствующихъ лицъ, ищущихъ опрощенія въ народной средѣ и народномъ трудѣ и тѣмъ очищающихъ себя отъ грѣховъ современной культуры, пытающихся зазечь въ сельской темной массѣ лучъ просвѣщенія; тутъ же и недружелюбно ихъ встрѣчающіе представители привилегированнаго сословія, не могушіе помириться съ мыслью, что

«дворяне записываются въ мужики и пахутъ землю»; тутъ же и чины сельской и провинціальной администраціи, чующіе, что здѣсь «пахнетъ политикою» и что на селѣ объявились «пропагандисты». Повѣсть «На пахотѣ» талантливое и живое произведеніе, гдѣ запечатлѣнъ любопытный историческій моментъ изъ жизни нашей молодой интеллигенціи, за который она въ лицѣ многихъ своихъ представителей, включая сюда и самого автора, горько поплатилась. Но если г. Карповъ, какъ искренній и горячій адептъ извѣстной общественной теоріи, сумѣлъ болѣе или менѣе талантливо поддержать ее своими беллетристическими трудами, то не эта сторона жизненной дѣятельности создала ему «имя», выдѣлила изъ среды товарищей и отвела ему опредѣленное и оригинальное мѣсто въ нашей общественности. Этого онъ достигъ почти исключительно своими драматическими произведеніями, своею работою на пользу сцены, которую онъ такъ горячо полюбилъ съ юныхъ лѣтъ.

Тюремное сидѣніе въ вышневолоцкой тюрьмѣ ознаменовалось для него написаніемъ первой его пьесы «Тяжкая доля», гдѣ изображенъ неудавшійся семейный союзъ интеллигентной женщины съ крестьяниномъ, кончающійся кровавымъ финаломъ. Послѣ этой драмы Е. П. Карповъ написалъ до 18 драматическихъ произведеній, какъ-то: «На земской нивѣ», «Чары любви», «Житіе привольное», «Сумерки», «Ранняя осень», «Рабочая слободка», «Мирская вдова», «Шахта Георгій», «Пожаръ Москвы», «Илья Муромецъ», «Недрузи», «Вольная пташка», «Крокодиловы слезы», «На развалинахъ прошлаго», «Жрица искусства», «Рай земной», «Побѣдитель». Пьесы «Тяжкая доля», «Житіе привольное» и «Мирская вдова» удостоены были преміи И. Г. Вучины на конкурсахъ 1882, 1889 и 1895 гг. историко-филологическимъ факультетомъ новороссійскаго университета.

Первая пьеса, поставленная на театрѣ, была «Тяжкая доля». Дѣло было въ Вологдѣ въ 1883 г. и сразу же автору пришлось стать лицомъ къ лицу съ затрудненіями административнаго и цензурнаго характера, каковыя, къ слову сказать, сопровождали сплошь и рядомъ первоначальныя постановки почти всѣхъ его пьесъ изъ народной жизни. Для иллюстраціи жизни нашего писателя нелишне будетъ отмѣтить его «первое» столкновеніе. Когда по просьбѣ учащейся молодежи авторъ согласился на постановку «Тяжкой доли» въ вологодскомъ театрѣ и пьеса была уже назначена, то передъ спектаклемъ къ нему является полицеймейстеръ и отъ имени губернатора Мосолова (потомъ директоръ иностраннаго исповѣданія) объявляетъ ему, что онъ не долженъ выходить на вызовы публики. Е. Карповъ отвѣтилъ: «Передайте губернатору, что такихъ законовъ о политическихъ ссылныхъ нѣтъ, и я буду выходить на вызовы». Такъ оно и было на дѣлѣ. Вскорѣ послѣ того Мосоловъ былъ переведенъ въ Новгородъ, а вслѣдъ

затѣмъ пришло распоряженіе изъ Петербурга о высылкѣ молодого драматурга въ глухой Усть-Сысольскъ. Мосоловъ донесъ въ столицу, что ссыльному писателю была устроена въ театрѣ сочувственная демонстрація и что пребываніе его въ Вологдѣ опасно. Такимъ образомъ театральное крещеніе принесло г. Карпову одновременно и радость и горе: почетную университетскую премію и тяжкую ссылку! Впослѣдствіи бывшему вологодскому ссыльному и жестокому администратору пришлось встрѣтиться на жизненномъ пути. Г. Карповъ былъ режиссеромъ Александринскаго театра, а г. Мосоловъ начинающимъ драматургомъ, пытающимся поставить на казенной сценѣ свою только что написанную пьесу «Вокругъ пылающей Москвы». Старые знакомые при встрѣчѣ не обнаружили своего вологодскаго знакомства и, хотя бывший ссыльный отнесся къ «начинающему драматургу» достаточно снисходительно, желаніе послѣдняго, однако, не по волѣ режиссера, оказалось невыполнимымъ: театрално-литературный комитетъ нашелъ пьесу слабою, и она не была поставлена на казенной сценѣ.

Послѣ вологодскихъ подмостковъ «Тяжелая доля» была поставлена въ 1883 г. на сценѣ московскаго народнаго театра, и засимъ пьесы г. Карпова, по мѣрѣ ихъ написанія, начинаютъ появляться въ Москвѣ, преимущественно въ театрѣ Корша. Успѣхъ, сопровождавшій его, какъ выдающагося драматурга, открылъ передъ нимъ, наконецъ, и капризныя двери петербургскаго Александринскаго театра, гдѣ впервые была поставлена его коренная, такъ сказать, пьеса—«Рабочая слободка», получившая среди зрителей такую популярность, обошедшая всѣ наши провинціальные театры и поставленная на сценѣ Малаго театра въ день его юбилейнаго праздника. Постановкой «Рабочей слободки» на казенной сценѣ авторъ въ сильной мѣрѣ обязанъ М. Г. Савиной, которая со свойственной ей доброжелательностью къ театральному міру вообще и молодымъ драматургамъ въ частности сумѣла поддержать опальнаго брата-писателя и ввести его въ казенный міръ условностей и предубѣжденій. Авторъ поступился кое-чѣмъ изъ своего произведенія, и шумный успѣхъ среди столичной публики былъ ему наградой за трудный путь борьбы и вѣрность своимъ идеаламъ. Первый спектакль «Рабочей слободки» былъ моментомъ легализованія автора для всѣхъ родныхъ сценъ и театровъ, и никакіе губернаторы, провинціальные и столичные, уже не могли остановить его извѣстности и права на сочувствіе публики. Имя его стало расти и получать, принимая во вниманіе спеціальныя колоритъ его пьесъ, широкую популярность. То идейное богатство, которое «народники-беллетристы» разбрасывали въ читающую массу хотя и обильно при содѣйствіи печатнаго станка, стало въ распоряженіи г. Карпова тѣмъ ходкимъ товаромъ, который онъ безбоязно и открыто получилъ право выставять передъ

тысячами глазъ, почерпая вмѣстѣ съ тѣмъ изъ такого выгоднаго для себя положенія возможность убѣждаться, насколько этотъ товаръ цѣненъ, по карману потребителей и каковы его достоинства и недостатки. Старшіе народники-беллетристы были въ своей писательской долѣ менѣе счастливы: они, Левитовъ, Наумовъ, Успенскіе, Каронинъ, Златовратскій, Эргель и др., мучились порою, страдали, вынашивали свои произведенія, удрученные подчасъ тяжкою думою, что вотъ, молъ, «писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ». Не такъ сложилась творческая жизнь у г. Карпова: въ одушевленіи исполнителей-артистовъ, въ восторженномъ гулѣ зрительной залы, въ оваціяхъ и привѣтствіяхъ онъ почерпалъ дань своему направленію и видѣлъ осязательно, воочию то, чего жизнь не дала многимъ и многимъ его старшимъ братьямъ общей народнической семьи...

Оцѣнивая писателя-юбилера подъ угломъ зрѣнія театральнаго творчества, А. Р. Кугель, достаточный знатокъ нашей сцены, такъ характеризуетъ его въ своемъ журналѣ «Театръ и Искусство» (1908 г., № 3):

«Е. П. Карповъ—драматургъ-народникъ. Принадлежитъ къ семьѣ писателей, группировавшихся вокругъ «Отечественныхъ Записокъ», Е. П. Карповъ продолжалъ Гл. Успенскаго на сценѣ. Не даромъ Гл. Успенскій — любимѣйшій писатель Е. П. Карпова, не даромъ онъ такъ мастерски читаетъ и такъ любитъ читать отрывки изъ его рассказовъ.

«Если въ смыслѣ художественной формы Е. П. Карповъ принадлежитъ къ школѣ Островскаго, то въ смыслѣ отношенія къ народу въ его произведеніяхъ наблюдается дальнѣйшій этапъ. Островскій инстинктивно, стихійно, «органически», по выраженію Ап. Григорьева, народенъ. Съ точки зрѣнія развитія русской литературной и политической мысли, «народность»—лишь эмбрионъ народничества. Народность — это Любимъ Торцовъ, это славянофильское, туманно-прекрасное,—метафизическое исканіе «себя въ себѣ». Это лирика и идеологія. Народничество, въ исторіи русскаго развитія, есть уже опытъ практическаго міровоззрѣнія, изученіе реальныхъ формъ народной жизни, попытка сблизиться и слиться съ народомъ не въ однихъ только первоисточникахъ жизни, но и въ дѣйствительности, такъ сказать, ея плоскостяхъ. Къ этому періоду относится «хождение въ народъ» не для одной лишь политической пропаганды, но и для слиянія съ народомъ. Въ это же время возникаетъ такое характерное явленіе, задолго предшествовавшее толстовцамъ, какъ браки интеллигентовъ съ крестьянками и наоборотъ.

«Струя народничества бьетъ опредѣленно во всѣхъ произведеніяхъ Е. П. Карпова болѣе ранняго періода. Въ народъ и около народа—вотъ основной мотивъ его произведеній. Въ наиболѣе ран-

немъ произведеніи Е. П. Карпова, драмѣ «На земской нивѣ», положительные герои его пьесы—учительница Стронина и землевладелецъ «изъ крестьянъ» Карелинъ—представляютъ собою эту «ипостась» народничества. Стронина, дочь богатого барина, предводителя дворянства, красивая, умная, образованная, идетъ въ учительницы сельской школы.

«Единственно въ этомъ служеніи народу она видитъ цѣль и призваніе жизни. Карелинъ—черноземная сила, предтеча горьковскихъ Гордѣевыхъ и другихъ.

«Они—Стронина и Карелинъ—должны полюбить другъ друга. Въ ихъ слияніи—слияніи культуры и демократическихъ низовъ—задача русской жизни. Эта идея тогда носилась въ воздухѣ, и именно въ тѣхъ, быть можетъ, нѣскольکو наивныхъ формахъ, въ какихъ она звучитъ въ пьесѣ «На земской нивѣ».

«Теперь, когда такъ много прожито и такъ много пережито, мотивы драмъ Е. П. Карпова могутъ показаться устарѣлыми. Но эти драмы, повторяю, дѣлали нужное и важное дѣло. Чутко прислушиваясь и зорко приглядываясь къ народной жизни, слагавшейся на неубранныхъ развалинахъ крѣпостного права, Е. П. Карповъ не упустилъ,—разумѣется, насколько позволяли такъ называемыя «независящія обстоятельства»,—ни одной значительной стороны, ни одного характернаго явленія въ этой области. Появленіе русской фабрики, вторженіе капитализма въ народную жизнь отмѣчено въ «Рабочей слободкѣ» и особенно въ «Житьѣ привольномъ». Въ послѣдней пьесѣ очень хорошо, правдиво подмѣчено и изображено это почти инстинктивное отвращеніе крестьянина, живущаго «подъ властью земли», къ фабричному отработку. Мужика на фабрику отпускаютъ, словно снаряжаютъ «некрута», и такая же при этомъ проливается рѣченька «глубокая» слезъ. Въ «Мірской вдовѣ» дана яркая картина мірскихъ непорядковъ. Въ «Тяжелой долѣ»—показана, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ пьесахъ, нарождающаяся власть кулака-міроѣда, Дерунова и Колупаева, намѣчена, хотя и эскизно, драма «чужачества» Лидіи, вышедшей за мужика.

«Во всѣхъ пьесахъ Е. П. Карпова, не только болѣ раннихъ, написанныхъ подъ исключительнымъ вліяніемъ народничества, но и въ болѣ позднихъ, когда Е. П. Карповъ заплатилъ, уже въ качествѣ моднаго драматурга, данъ такъ называемымъ «психологическимъ» сюжетамъ («Рай земной», «Ранняя осень» и др.)—бросается въ глаза какое-то удивительное, — и сказалъ бы «рыцарское»—отношеніе къ женщинѣ. У него встрѣчаются, правда, пошловатыя женщины, но единственно, какъ эпизодическія фигуры (Полубояринова — «На земской нивѣ», Крохина—«Рай земной» и т. п.), центральное же мѣсто у него всегда занимаетъ одна изъ двухъ разновидностей русской женщины, которыя назовемъ соб-

ственными именами героинь Островскаго: это — либо Катерина, либо Параша — «горячее сердце». Въ смыслѣ идеализаціи, безмѣрно трогательнаго и деликатнаго отношенія къ женщинѣ въ пьесахъ Е. П. Карпова есть что-то тургеневское.

«Женщины Е. П. Карпова, даже въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, когда основные мотивы его творчества стали болѣе разнообразны, не по своей винѣ виноваты, если за ними и числится какая-нибудь вина. И я бы сказалъ больше: на всѣхъ произведеніяхъ Е. П. Карпова лежитъ печать женственности — кроткаго, благодушнаго, незлопамятнаго отношенія къ людямъ. Никогда Е. П. Карповъ не казнить своихъ героевъ. Никогда не сгущаетъ, по злобѣ, красокъ, и не копаются въ дурныхъ дѣлахъ. Въ немъ совершенно нѣтъ жестокости, нѣтъ ненависти...

«Эта черта его писательской индивидуальности особенно драгоценна въ бытовыхъ, народныхъ пьесахъ, такъ много игранныхъ и такъ много играемыхъ предъ народною аудиторіею. «Золото, золото, сердце народное!» — вотъ что можно было бы поставить эпиграфомъ къ народному театру Е. П. Карпова. И отсюда — причина огромной популярности народныхъ пьесъ Е. П. Карпова у публики народныхъ театровъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ...»

Служеніе г. Карпова театру выразилось также очень рельефно еще и въ иной формѣ: онъ заправскій театральный режиссеръ, и эта его дѣятельность самымъ органическимъ образомъ срослась со всѣмъ его литературно-общественнымъ обликомъ. Кажется, въ настоящее время даже трудно себѣ представить, чтобы Евтихій Павловичъ не стоялъ около какого-нибудь театральнаго дѣла, не «создавалъ» театра, не вдохновлялъ его труппы, не руководилъ. Это его природное оригинальное призваніе, жизненное profession de foi. Вотъ что самъ писатель повѣствуетъ объ этомъ въ цитированныхъ уже выше его автобіографическихъ замѣткахъ:

«Въ ссылкѣ я встрѣтился съ С. В. Карновичемъ, страстнымъ любителемъ театра, — говоритъ онъ. — Онъ устраивалъ въ В. Устюгѣ любительскіе спектакли и привлекъ меня въ сотрудники. Увлекся я этимъ дѣломъ и ушелъ въ него, что называется, съ головою. Мы переиграли много пьесъ Островскаго, Сухова-Кобылина, Дьяченко, относясь къ дѣлу не по-любительски, а серьезно. Я пріѣхалъ въ Москву въ 1886 году, когда М. В. Лентовскій строилъ на Рождественкѣ народный театръ «Скоморохъ». Лентовскій взялъ у меня для постановки мою пьесу «Житье привольное». Мы часто видѣлись съ Михаиломъ Валентиновичемъ, много говорили о народномъ театрѣ, которымъ я тогда бредилъ и брежу до сего дня. Какъ-то Лентовскій, видя меня на репетиціи, сказалъ: «Мнѣ необходимо при театрѣ такой человѣкъ, какъ вы... Идите ко мнѣ въ режиссеры, изъ васъ выйдетъ хорошій режиссеръ...» Я и руками, и ногами — куда мнѣ въ режиссеры въ столичный театръ.

Я не подготовился, неопытенъ, не сумѣю справиться съ труппой. «Горшки не боги обжигаютъ, Евтихій Павловичъ, — сказалъ онъ мнѣ: — поработайте годъ-другой у меня, — привыкнете». Я наотрѣвъ отказался, но съ тѣхъ поръ моей мечтой стало сдѣлаться режиссеромъ народнаго театра. Я началъ готовить себя къ режиссерской дѣятельности. Читалъ книги по исторіи театра, исторіи костюма и быта, записки извѣстныхъ актеровъ и режиссеровъ, собиралъ библіотеку необходимыхъ для режиссера руководствъ по исторіи искусствъ, по психологіи творчества, по дикламаціи и дикціи, по декоративному искусству и т. п. Въ 1886 году мой хорошій знакомый Н. А. Борисовскій уговорилъ меня поступить къ нему на службу въ труппу, въ Ярославль, съ тѣмъ, чтобы быть его помощникомъ по режиссированію пьесъ, составленію репертуара и выступать въ роляхъ, которыя окажутся для меня подходящими. Этотъ единственный сезонъ моей службы актеромъ на сценѣ принесъ мнѣ большую пользу. Я близко столкнулся на дѣлѣ съ кулисами, съ театральной средой, которую я до тѣхъ поръ видѣлъ издали и весьма идеализировалъ. Привыкъ, присмотрѣлся къ ней, узналъ, что значитъ — «служить на сценѣ». Я мало режиссировалъ, Н. А. Борисовскій почти всѣ пьесы ставилъ самъ. Но я все же очень многому научился у него по технику режиссерскаго дѣла. Мои первые шаги въ актерскомъ искусствѣ оказались удачными, я имѣлъ успѣхъ, и сыгралъ въ сезонъ 101 роль. Игралъ я драматическихъ любовниковъ и характерныя роли, и комиковъ, и простаковъ. Много я переигралъ въ этомъ сезонѣ. И Жадова, и Дикого, и Василя Коркина, и Байбака, и Митю изъ «Бѣдность не порокъ», и Жоржа, и Мучкина, и чего только не было среди этихъ 101 ролей.

«Окончивъ сезонъ у Н. А. Борисовскаго, я рѣшилъ бросить актерство и посвятить себя исключительно режиссерству. У меня были приглашенія въ провинцію на амплу драматическихъ любовниковъ, но я рѣшилъ переселиться въ Петербургъ и сталъ хлопотать о дозволении мнѣ тамъ жить. Хлопоты мои увѣнчались успѣхомъ; въ декабрѣ 1888 года я переѣхалъ съ семьей въ Петербургъ. Въ ту же зиму мнѣ представилась возможность ставить солдатскіе спектакли въ «Отдѣлѣ огнестрѣльныхъ припасовъ». Я съ любовью взялся за это дѣло и организовалъ изъ солдатъ труппу. Ставилъ я исключительно пьесы изъ народной жизни Островскаго, Шпажинскаго. Много мнѣ было труда съ моими актерами-солдатами, но результаты были прекрасныя. Непосредственные люди, послѣ нѣсколькихъ репетицій, такъ сильно, такъ жизненно выражали чувства дѣйствующихъ лицъ, что положительно заражали своимъ горемъ и радостью весь театръ, наполненный почти сплошь нижними чинами. Лѣтомъ я собралъ изъ крестьянъ села Рождествена, около ст. Сиверской, гдѣ жилъ на дачѣ, — труппу и переигралъ съ

ними пьесы, шедшія въ солдатскихъ спектакляхъ. Крестьяне съ необыкновеннымъ рвеніемъ относились къ своимъ актерскимъ обязанностямъ, въ долбежку учили роли, ловили на лету всё замѣчанія, старались до поту, и черезъ мѣсяць-другой играли весьма стройно, а многіе даже талантливо, прекрасно понимая характеры дѣйствующихъ лицъ и сильно, хотя, можетъ быть, и грубовато ихъ передавая. Въ 1893 году я былъ приглашенъ режиссеромъ въ Невское общество устройства народныхъ развлеченій. Мнѣ предстояла болѣе широкая арена дѣятельности, и я съ любовью и увлеченіемъ принялся за это дѣло. Моими сотрудниками были интеллигентные, идейные люди, всю жизнь посвятившіе служенію рабочему народу, люди, смотрѣвшіе серьезно на дѣло народнаго театра и отдававшіеся ему всей душой. Работа съ ними была для меня наслажденіемъ, несмотря на громадный трудъ, который я затрачивалъ для того, чтобы поставить дѣло на должную высоту. Невское общество не имѣло средствъ, чтобы держать труппу, и я организовалъ два кружка: интеллигентныхъ любителей и рабочихъ. Среди интеллигентовъ были учительницы, курсистки вышихъ курсовъ, жены профессоровъ и литераторовъ, учителя, приватъ-доценты, литераторы, художники и другіе люди вольныхъ профессій. Рабочій кружокъ состоялъ исключительно изъ рабочихъ механическихъ заводовъ, работницъ фарфоровой и карточной фабрикъ и швей. Спектакли того и другого кружка чередовались. Интеллигенты играли «Горе отъ ума», «Ревизора», «Бѣшенныя деньги» и т. п. пьесы, рабочіе—исключительно пьесы изъ купеческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго быта. Оба кружка работали на славу, и спектакли шли стройно, безъ сучка и задорники. Спектакли эти были для меня превосходной режиссерской школой. Уча, я самъ учился. Лѣтомъ я ставилъ спектакли на лѣтней сценѣ, съ разовыми актерами, предъ массой зрителей въ 3—5 тысячъ человекъ. Въ это время я имѣлъ возможность познакомиться съ вкусами, настроеніями, желаніями и вообще характерами публики народныхъ театровъ... Я не видалъ болѣе чуткаго къ правдѣ, болѣе восприимчиваго и болѣе благодарнаго зрителя, какъ простой народъ. И потому-то народный театръ, по моему глубокому убѣжденію, долженъ быть образцовымъ, художественнымъ театромъ, какъ по репертуару, такъ и по исполненію пьесъ на сценѣ... Лѣтомъ 1895 года я былъ приглашенъ режиссеромъ театра Литературно - Художественнаго кружка, организовалъ труппу и принялся за дѣло. Черезъ годъ, въ 1896 году, я былъ приглашенъ главнымъ режиссеромъ драматической труппы Императорскихъ театровъ, гдѣ прослужилъ до 1902 года. Разойдясь съ директоромъ театровъ С. М. Волконскимъ во взглядахъ на веденіе дѣла, я снова перешелъ на службу главнаго режиссера театра Литературно-Художественнаго общества, гдѣ состою до сего дня».

Таковъ режиссерскій *curriculum vitae* народника-драматурга. Какъ же онъ смотритъ на свои режиссерскія обязанности, на свою режиссерскую службу? Онъ говоритъ все въ томъ же автобіографическомъ письмѣ:

«Я смотрю на произведеніе драматурга, какъ на твореніе, въ которомъ онъ выразилъ чувства, эмоціи людей, имъ наблюдаемыхъ, пропустивъ, такъ сказать, всѣхъ ихъ черезъ свою душу, или, вѣрнѣе сказать, изобразилъ ихъ въ драмѣ такъ, какъ они отражались въ его душѣ. Задача режиссера и заключается въ томъ, чтобы по возможности глубже заразиться тѣми чувствами, которыми жилъ драматургъ, создавая свое произведеніе, слиться съ нимъ душой, заставить свою душу жить чувствами писателя, и затѣмъ уже передать это все актерамъ, декораторамъ, бутафорамъ, заражая ихъ тѣми чувствами, какими живетъ онъ, режиссеръ. И если режиссеръ обладаетъ этой способностью заразиться ими, лучше сказать, загораться чувствами, вложенными авторомъ въ пьесу, и цѣлокупно понимать душой пьесу, если онъ самъ обладаетъ способностью глубоко проникаться малѣйшими оттѣнками чувствъ дѣйствующихъ лицъ и способенъ, въ свою очередь, передать эту способность и душевное пониманіе другимъ,—онъ режиссеръ. Мнѣ могутъ возразить, что эта передача будетъ навязываніемъ актеру своего пониманія. Ничуть! Чуткій режиссеръ въ громадномъ большинствѣ случаевъ сольется съ чуткимъ актеромъ, декораторомъ. А если они въ чемъ-либо и разойдутся, то при проявленіи чувства на сценѣ сейчасъ же обнаружится фальшь и будетъ ясно, кто правъ, кто виноватъ. Въ силу моего пониманія режиссерской работы, я считаю работу режиссера творческой работой, и режиссера художникомъ, который свои чувства воплощаетъ на сценѣ, въ своемъ режиссерскомъ искусствѣ такъ же, какъ композиторъ, беря сюжетъ изъ романа или поэмы, сливаясь душой съ писателемъ, выливаетъ его въ звукахъ. Въ этомъ, я полагаю, сущность режиссерскаго дѣла».

Вся отмѣченная выше совокупность заслугъ Е. П. Карпова передъ русскимъ драматическимъ театромъ придала его литературному юбилею особенное значеніе, подчеркнула его среди тревоженій нашей политической жизни и привлекла къ нему вниманіе очень широкихъ круговъ интеллигенціи, въ особенности провинціальной, которая очень чутко отнеслась къ чествованію въ Петербургѣ народника-драматурга.

Самое чествованіе распалось по юбилейному обычаю въ подобныхъ случаяхъ на двѣ части: чествованіе официальное, въ театрѣ, на глазахъ у зрителей, и чествованіе болѣе интимное, въ кругу друзей, почитателей и знакомыхъ, въ новомъ «театральномъ клубѣ» на Литейной улицѣ.

24 января на сценѣ Малаго театра была поставлена «Рабочая слободка», и послѣ третьяго акта при открытомъ занавѣсѣ начался рядъ привѣтствій и овацій по адресу виновника торжества.

Первымъ привѣтствовалъ юбиляра г. Бастуновъ, прочитавшій адресъ отъ труппы Малаго театра, затѣмъ отъ товарищей говорили г. г. Баратовъ и Блюменталь-Тамаринъ. Депутація отъ Александринскаго театра въ лицѣ г. г. Стрѣльской и Аполлонскаго, депутаціи отъ Маріинскаго театра, частныхъ петербургскихъ театровъ, союза и общества драматическихъ писателей, театрального общества, кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, гдѣ г. Карповъ состоитъ членомъ правленія, рядъ депутацій отъ Петербурга и Москвы продефилировали передъ зрителями театра. Всѣ депутаціи подносили адреса, вѣнки—лавровые и золотые, подарки—коллективные и единоличные. Между прочимъ М. Г. Савина поднесла лично отъ себя роскошный золотой жетонъ съ бриллиантами. Отъ Московскаго Малаго театра адресъ былъ прочитанъ госпожею Музиль-Бороздиною.

Вотъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя выдержки изъ адресовъ. Въ адресѣ отъ писателей (читалъ К. С. Баранцевичъ) между прочимъ сказано: «Всѣми корнями своего писательства вы принадлежите нашей семьѣ. Вы нашъ и потому, что самимъ дѣломъ жизни вы закрѣпили свою вѣру въ тѣ идеалы, къ которымъ звали въ своихъ произведеніяхъ, какъ дѣлали это лучшіе изъ нашей среды. Долгимъ пребываніемъ въ далекихъ Вологдахъ, Красноярскахъ и Усть-Сысольскахъ вы доказали, что ваша проповѣдь добра была для васъ одновременно и словомъ и дѣломъ».

Въ адресѣ союза драматическихъ писателей: «Ряды пѣвцовъ народной жизни и печальниковъ народнаго горя сильно порѣдѣли. Но вы твердо стоите среди нихъ, какъ одинъ изъ немногихъ, по праву четвертьвѣковой вѣрной и плодотворной службы занимая принадлежащее вамъ почетное мѣсто».

Въ адресѣ труппы театра Литературно-Художественнаго общества: «Умѣнью изобразить чужую душу, чужую жизнь, что и составляетъ сущность сценическаго искусства, можно научиться, когда познаешь искусство изображенія своего народа, его задушевной сути, его нравовъ и жизни. Вы ярко развернули передъ нами эту жизнь! Принадлежа къ школѣ Островскаго, свято чтя завѣтъ правды и естественности, вы въ вашихъ пьесахъ затронули важнѣйшіе вопросы народной и рабочей жизни, жизнь и бытъ были для васъ неизмѣнными учителями».

Шумно, дружно и весело протекла и вторая часть праздника въ театральномъ клубѣ, куда собралось болѣе двухсотъ друзей и поклонниковъ Евтихія Павловича. За ужиномъ открылось опять чтеніе адресовъ, писемъ и телеграммъ, «пришедшихъ по холоднымъ проволокамъ телеграфа» и принесшихъ «горячія пожеланія». За

шампанскимъ начался рядъ рѣчей, тостовъ, остроумныхъ спичей, произнесеніе длинныхъ и краткихъ, серьезныхъ и шуточныхъ стихотворныхъ привѣтствій. Говорили драматургъ г. Туношенскій, Писарева - Звѣздичъ, Кугель, Холмская, Сладкопѣвцевъ и др., читали стихи—г. Мазуркевичъ, Будищевъ, Кайсаровъ, Гриневская и др. Растроганный юбиляръ отвѣчалъ всѣмъ за разъ, благодарилъ за оказанное ему вниманіе, за дружеское, хорошее къ нему отношеніе, за оцѣнку его трудовъ. Г. Карповъ коснулся и начала своей литературной дѣятельности, подчеркнувъ, что онъ вышелъ на народную ниву, когда «раскаившееся дворянство» рѣшило отвѣтить народу за грѣхи отцовъ. Идеалисты пошли въ деревню и бросили на невоздѣланную почву доброе сѣмя, которое нынѣ и возшло. «Съ небольшою кошницей пошелъ и я за ними, пошелъ потому, что я любилъ народъ, любилъ и вѣрилъ въ его животворныя силы». Въ заключеніе онъ душевно говорилъ о театрѣ, о русскомъ артистѣ и провозгласилъ тостъ за московскаго юбиляра—А. И. Южина.

Чествованіе затянулось до утра и, расходясь, всѣ единогласно признавали, что праздникъ Е. П. Карпова удался на славу, что и въ театрѣ, и въ клубѣ царило все время хорошее, чистое настроеніе... Г. Карповъ можетъ быть доволенъ—за двадцать пять лѣтъ своей литературно-театральной дѣятельности онъ достигъ многого — извѣстности, почета, справедливой себѣ юбилейной оцѣнки, вѣроятно, и нѣкотораго матеріальнаго благополучія.

Не настала ли теперь пора подумать объ осуществленіи той мысли, которою онъ, по его словамъ, всегда бредилъ, о чемъ онъ въ свое время велъ бесѣды съ Лентовскимъ, что до сихъ поръ не удавалось еще никому: о созданіи настоящаго народнаго театра въ той его постановкѣ, которая для него уже давно выяснилась и опредѣлилась? Внѣшнія, такъ называемыя независящія обстоятельства сейчасъ дѣлу помѣшать не могутъ, настроеніе дней для того благоприятно. Не попробовать ли? Быть можетъ, привѣтствуя слѣдующее какое-нибудь знаменательное торжество въ жизни нашего писателя-народника, его друзьямъ и поклонникамъ удастся отмѣтить его удачу и въ данномъ случаѣ. Это было бы настоящимъ увѣнчаніемъ жизненнаго зданія въ выдержанномъ тонѣ и опредѣленной окраскѣ...

Б. Г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. Записки о московскихъ дѣлахъ. Павелъ Ювій Новокомскій, книга о московскомъ посольствѣ. Изданіе А. С. Суворина. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. І. Малеина. Спб. 1908.

РЕДИ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, Герберштейнъ, безспорно, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Недаромъ его «Записки о московскихъ дѣлахъ» пользовались и пользуются среди историковъ заслуженной извѣстностью.

Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ принадлежалъ къ весьма древнему австрійскому роду, извѣстному съ конца X вѣка, родился въ 1486 г. въ замкѣ Вишнахъ въ Крайнѣ и еще ребенкомъ, помимо родного нѣмецкаго, онъ научился говорить на «словинскомъ» языкѣ, что впоследствии оказало ему существенную пользу при знакомствѣ съ Россіей. Образование свое Герберштейнъ получилъ въ вѣнскомъ университетѣ, гдѣ прилежно изучалъ латинскій языкъ и пристрастился къ исторіи. Вначалѣ онъ посвятилъ было себя военной карьерѣ, но затѣмъ перешелъ на дипломатическое поприще, на которомъ оставался до конца своей жизни († 1566). Отправляя обязанности посла австрійскаго императора, Герберштейнъ пріѣзжалъ два раза и въ Московію: въ первый разъ въ 1517 г., второй—въ 1526 г.; въ оба раза съ одной и той же цѣлью—содѣйствовать заключенію мира между Польшей и Москвой. Въ Москвѣ Герберштейнъ жила въ нѣскольکو мѣсяцевъ, между прочимъ во второй пріѣздъ онъ пробылъ въ предѣлахъ Московскаго государства почти годъ. Эти путешествія и дали возможность Герберштейну основательно познакомиться съ природою страны, которую зани-

мала Московія, съ государственными и общественными порядками, съ бытомъ и нравами.

Въ первое время пребыванія въ Россіи Герберштейну удавалось узнавать очень немногое: извѣстно, съ какой подозрительностью русскіе относились въ то время къ иностранцамъ, а пословъ даже держали подъ крѣпкимъ карауломъ, чтобъ они не могли выпытывать свѣдѣній у стороннихъ людей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Герберштейнъ въ своемъ донесеніи къ Фердинанду. «Изъ Москвы,—пишетъ онъ,—имѣемъ сообщить пока немного, такъ какъ находимся подъ стражей, чтобъ къ намъ никто не приходилъ... Съ Божьей помощью, если будемъ живы, узнаемъ больше». Но затѣмъ извѣстная ловкость Герберштейна, его любознательность и знаніе славянскаго языка открыли предъ нимъ возможность довольно широко познакомиться съ тогдашней московскою жизнью, а также съ ея прошлымъ. Герберштейнъ довольно внимательно изучилъ нашу начальную лѣтписи и нѣкоторые другіе памятники (напр., вопросы Кирика, церковный уставъ св. Владимира, судебникъ Іоанна III и др.). Стараясь почерпнуть и пополнить свои свѣдѣнія и о прошлыхъ и о современныхъ ему событіяхъ отъ лицъ, съ которыми онъ встрѣчался, онъ разспрашивалъ бояръ (кн. Симеона Курбскаго, напримѣръ, братьевъ Доматовыхъ, лицъ, близкихъ къ самому московскому государю, Івана Челядина, одного изъ видныхъ русскихъ воеводъ), разспрашивалъ и простыхъ людей, обращался и къ иностранцамъ, проживавшимъ въ Москвѣ. Разсказамъ своихъ собесѣдниковъ Герберштейнъ не вѣрилъ на слово, а пытался отнестись къ нимъ критически, провѣрить ихъ; въ предисловіи къ своей книгѣ онъ говоритъ: «я не довольствовался сообщеніями одного или двухъ, а опирался на согласныя свидѣтельства многихъ».

Не мало свѣдѣній, иногда драгоцѣнныхъ, Герберштейнъ получалъ путемъ личнаго наблюденія. Это былъ умный, образованный и наблюдательный человѣкъ, живо интересовавшійся русской жизнью, столь отличной, въ особенности, въ то время, отъ порядковъ западно-европейскихъ. Естественно, его останавливала всякая мелочь, бросающаяся въ глаза. Такъ, онъ разсказывалъ, напримѣръ, что москвичи, даже изъ знати, не внушались подбирать шелуху отъ чеснока и лука и корки дынь, брошенныя австрійскимъ посольствомъ. Что особенно цѣнно для точности его показаній—Герберштейнъ велъ дневникъ своего путешествія, куда пунктуально заносилъ разсказы о событіяхъ и свои впечатлѣнія.

При писаніи своего «трактата» Герберштейнъ широко пользовался другими западно-европейскими писателями, писавшими о Россіи, которыхъ онъ и перечисляетъ въ своемъ обращеніи къ «пресвѣтлѣйшему владыкѣ и государю» Фердинанду австрійскому. Именно, онъ здѣсь называетъ Николая Кузанскаго, Павла Ювія, Іоанна Фабри, Антонія Вида, Матвѣя Мѣховскаго и др. Къ своимъ пособіямъ нашъ авторъ относился очень свободно, измѣняя и дополняя ихъ сообщенія. «Я счелъ необходимымъ,—писалъ онъ,—гораздо подробнѣе и пространнѣе развить то, что другими было, говоря по правдѣ, упомянуто мимоходомъ, а не развито: къ этому присоединяется и то, что я пишу

о томъ, чего другіе даже и не касались и что не можетъ быть извѣстно никому, кромѣ посла».

Герберштейнъ составилъ и обработалъ и издалъ впервые свои «Записки о московскихъ дѣлахъ» только въ 1549 г., т. е. черезъ 23 года послѣ его второго путешествія въ Россію, черезъ два года вышло второе изданіе, а въ 1556 г. третье, переработанное и дополненное самимъ авторомъ (въ Базелѣ, изданіе Іоанна Опарина). Позднѣе «Записки» переиздавались нѣсколько разъ и были переведены съ латинскаго подлинника на нѣмецкій, итальянскій и англійскій языки. Объ этихъ изданіяхъ г. Маленнымъ въ введеніи даются точныя и обстоятельныя свѣдѣнія (XXV и сл.). У насъ въ Россіи трудъ Герберштейна сталъ извѣстенъ скорѣе послѣ своего выхода въ свѣтъ, но первый переводъ былъ выполненъ только въ 1748 г. присяжнымъ переводчикомъ академіи наукъ К. А. Кондратовичемъ. Однако этотъ переводъ, по ходатайству самого переводчика, напечатанъ не былъ, а хранился «въ сокровенномъ мѣстѣ» «ради многихъ содержащихся въ оной секретовъ». Первый печатный русскій переводъ «Записокъ» былъ опубликованъ С. В. Руссовымъ въ 1832 г., но этотъ переводъ не можетъ быть названъ удачнымъ, такъ какъ переводчикъ плохо зналъ латинскій языкъ. Удачнѣе переводъ, сдѣланный П. Н. Анонимовымъ (П., 1856 г.); онъ въ общемъ правиленъ, но заключаетъ въ себѣ массу неточностей. Эти неточности исправляетъ настоящій переводъ А. І. Малеина. Онъ сдѣланъ чрезвычайно точно и даже художественно по базельскому изданію 1556 г.

Настоящее изданіе вкратцѣ представляетъ изъ себя слѣдующее. Въ началѣ—введеніе переводчика (42 стр.), гдѣ даются свѣдѣнія о самомъ Герберштейнѣ, его книгѣ и о работахъ русскихъ историковъ, связанныхъ съ именемъ Герберштейна. А затѣмъ идетъ переводъ книги. Въ ней Герберштейнъ, передавши кратко первоначальныя событія русской исторіи, болѣе подробно останавливается на времени Василия III, описываетъ пріемъ пословъ русскимъ великимъ княземъ, княжескую охоту, въ которой онъ принималъ участіе, и подарки, полученные имъ при отпускѣ изъ Москвы (между прочимъ Герберштейну было пожаловано въ оба раза почетное платье, подбитое собольими мѣхами, въ которомъ онъ и снятъ съ рисунка того времени); сообщаетъ объ обрядахъ вѣнчанія государей на царство, рассказываетъ весьма обстоятельно о религиозныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ русскихъ, о семейной жизни. У него находимъ сообщенія о затворничествѣ женщинъ, о приниженномъ «плачевномъ» положеніи ихъ. «Всѣмъ, что задушено руками женщинъ, читаемъ у него, будь то курица или другое какое животное, они гнушаются, какъ нечистымъ». «Но если жены хотятъ зарѣзать курицу, а мужья ихъ и рабы случайно отсутствуютъ, то онѣ стоятъ предъ дверями, держа курицу или другое животное и ножъ, и усердно просятъ проходящихъ мужчинъ, чтобы они умертвили животное» (стр. 73). Сообщаетъ Герберштейнъ много свѣдѣній о военныхъ дѣлахъ московитовъ, о вооруженіи, о содержаніи войска, тонко подмѣчая иногда какъ бы мимоходомъ самыя характерныя черты русскаго человѣка, напримѣръ, его безответную покорность судьбѣ. Такъ, онъ пишетъ: «настигнутый или пойманный врагомъ московитъ и не защищается и не проситъ о

процессии». Весьма богаты «Записки» Герберштейна географическими сведениями, которые в свое время были превосходно изучены проф. Замысловским (см. его «Герберштейнъ и его ист.-геогр. извѣстія о Россіи», П., 1884 г.). Таково содержание труда Герберштейна; в концѣ къ нему присоединена «Книга о московскомъ посольствѣ» Павла Ювія.

Особаго упоминанія заслуживаетъ то обстоятельство, что настоящее издание снабжено великолѣбно исполненными рисунками и картами. Изъ иллюстрацій отмѣтимъ два портрета самого Герберштейна въ краскахъ и восемь рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ, среди которыхъ три карты Московіи, взятые изъ базельскаго изданія «Записокъ». Кроме того, въ текстѣ помѣщены 35 рисунковъ, иногда съ рѣдчайшихъ гравюръ того времени, часть которыхъ взята изъ богатыхъ коллекцій П. Я. Дашкова.

Если къ этому присоединить, что текстъ «Записокъ о московскихъ дѣлахъ» предпослано обстоятельное введение, а въ концѣ — обширныя примѣчанія и рядъ указателей (личный, географическій и предметный), то безъ преувеличенія можно назвать это издание образцовымъ. Имъ, безспорно, оказывается значительная услуга русской исторической наукѣ и создается почетное имя его переводчику.

М. Ключковъ.

Н. Малицкій. Изъ прошлаго владимирской епархіи. Выпускъ второй. Владимиръ. 1907.

Вышеназванная книга г. Н. Малицкаго представляетъ собою сборникъ статей и замѣтокъ, основанныхъ исключительно на матеріалахъ архива судальской духовной консисторіи (иногда и переславской) и сообщающихъ новыя данныя для исторіи владимирской епархіи, главнымъ образомъ за вторую половину XVIII вѣка. Всѣхъ статей въ сборникъ вошло до 28, но мы коснемся здѣсь только наиболѣе крупныхъ.

Во главѣ ихъ стоитъ любопытное — «Дѣло о церковномъ чествованіи князя Феодора Стародубскаго въ селѣ Алексинѣ»; по поводу этого дѣла былъ представленъ докладъ еще въ 1906 г. на владимирскомъ историко-археологическомъ съѣздѣ Г. А. Рязскимъ; но вновь разсматривавшій его г. Н. Малицкій пришелъ къ нѣсколькимъ инымъ выводамъ о результатахъ слѣдствія судальской духовной консисторіи и вообще склоненъ отрицать нѣсколько вѣковъ признаваемую народомъ «святость» «благовѣрнаго» князя Феодора Стародубскаго.

Далѣе небезынтересны въ бытовомъ отношеніи статьи, посвященныя времени управленія владимирской епархіей еп. Иеронима (1771—1783 гг.), упоминаемаго археологами за произведенную имъ реставрацію владимирскаго Успенскаго собора, — «Распоряженія еп. Иеронима, касающіяся отправления богослуженій во владимирской епархіи» и «Заботы еп. Иеронима о возвышеніи нравственности и благоприличія владимирскаго духовенства» (ослѣдствія въ оглавленіи почему-то не вошла). Совершенно новыя данныя сообщаются въ статьѣ: «Къ исторіи владимирскаго духовнаго училища въ первые годы его существованія (1790—1800)». Въ статьѣ «Погребеніе инспектора владимирскаго духовнаго училища въ 1790 г.» сообщаются подробности о погребеніи инспектора владимирскаго духовнаго училища въ 1790 г.

мирской духовной семинаріи архимандрита Іосифа въ 1817 году» г. Н. Малицкій приводитъ открытый имъ въ суздальскомъ архивѣ «актъ» этого погребенія, которое носило торжественный и въ то же время задушевный характеръ, въ особенности со стороны семинаристовъ.

Въ замѣткѣ: «Къ біографіи графа М. М. Сперанскаго» составитель сборника приводитъ два его письма отъ 1789 г. къ владимирскому епископу Виктору, изъ которыхъ въ одномъ онъ проситъ епископа прислать ему 24 р. 80 коп. для покупки необходимыхъ ему и его товарищу по семинаріи Ивану Вышеславскому книгъ, а въ другомъ благодаритъ его за присылку 25 руб. Книги, понадобившіяся тогда студенту Александро-Невской семинаріи М. Сперанскому, были слѣдующія: 1) «Французской новой лексиконъ въ 2 томахъ — 11 р.», 2) «Алгебра Г. Эйлера въ 2 ч.—2 р. 50 к.», 3) «Геометрія Кравтова—70 к.», 4) «Тригонометрія Г. Румовскаго — 80 к.», 5) «Физическія письма Г. Эйлера—3 р.», 6) «*Vinceri institutiones Philosophicae, editio tertia*—5 р.», и 7) «*Schuberti Metaphisica*—1 р. 80 к.». Наконецъ не мало интересныхъ и новыхъ данныхъ находимъ въ статьяхъ: «Перевозка переславскихъ колоколовъ въ петербургскій Петропавловскій соборъ» (которая совершена въ 1790 г.) и «Соборная церковь Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ монастырѣ» (церковь эта была воздвигнута еще Андреемъ Боголюбскимъ, въ концѣ XVII в. подверглась разрушенію и вновь построена въ половинѣ XVIII в. по типу, совершенно не напоминающему древностью Боголюбскаго храма).

В. Рудаковъ.

А. М. Заіончковскій. Восточная война 1853—1856 гг., въ связи съ современной ей политической обстановкой. Т. I, съ приложеніями. Спб. 1908.

Въ 1906 г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени окончанія Восточной войны 1853—56 гг. Настоящій трудъ былъ изготовленъ къ этому времени, но, вслѣдствіе событій послѣднихъ лѣтъ, не могъ быть напечатанъ своевременно и только теперь, спустя два года, увидѣлъ свѣтъ.

Восточная война 1853—56 гг., называемая также Севастопольскою или Крымскою, съ теченіемъ времени получила весьма хорошее освѣщеніе, такъ какъ каждое изъ четырехъ государствъ (Франція, Англія, Турція и Сардинія), противъ насъ дѣйствовавшихъ, составило свое систематическое описаніе военныхъ дѣйствій и предшествовавшихъ имъ политическихъ переговоровъ, а изъ мемуаровъ и воспоминаній составила дѣлая литература. Появились также описанія кампаній и на русскомъ языкѣ, выразившіяся въ трудахъ Богдановича «Восточная война 1853—56 гг.», «Матеріалахъ» Дубровина и «Оборонѣ Севастополя» Тотлебена. Но всѣ эти сочиненія, написанныя въ эпоху слишкомъ близкую къ протекшимъ событіямъ, когда еще свѣжи были воспоминанія о неудачной войнѣ, когда многіе дѣятели были еще живы и когда историческая критика не могла спокойно вступить въ свои права, не отвѣчали требованіямъ полной и безпристрастной исторіи. Теперь это время настало. Теперь есть возможность спокойно обозрѣть и описать одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ русской исторіи.

конецъ царствованія Николая и начало царствованія Александра II, эпоху, когда Россія, несмотря на неудачный исходъ кампаній, быстро залечила тяжелья раны и съ небывалымъ подъемомъ духа выступила, во главѣ съ Царемъ, на путь плодотворныхъ реформъ.

Условія, при которыхъ теперь приходится работать историку, весьма благоприятны, какъ по обилію накопившагося за послѣднія 25 лѣтъ матеріала, такъ въ особенности потому, что въ его рукахъ въ настоящее время находятся драгоценныя рукописи и ему открыты архивы, полныя любопытѣйшихъ, доселѣ нигдѣ не напечатанныхъ документовъ. Судя по началу, сочиненіе г. Заіончковскаго будетъ грандіозно по объему и полно самаго живого интереса. Въ настоящее время вышелъ лишь первый томъ, представляющій собою объемистую книгу in 4° въ 760 страницъ, и такой же томъ приложений (600 стр.). Въ этомъ томѣ описаніе военныхъ дѣйствій еще не начинается; изложеніе заключаетъ въ себѣ исторію царствованія императора Николая I, дипломатическую обстановку восточнаго вопроса, предшествовавшую войнѣ, и обзоръ силъ и средствъ обѣихъ сторонъ: организація сухопутныхъ и морскихъ силъ, тактическое устройство ихъ и вооруженіе и снаряженіе.

Въ краткой замѣткѣ невозможно, конечно, передать все содержаніе этого капитальнаго труда, требующаго внимательнаго изученія и представляющаго, по живости изложенія, занимательное чтеніе. Центральное мѣсто въ этой части сочиненія занимаетъ трагическая фигура императора Николая, этого рыцаря-монарха, неустанно и самоотверженно работавшаго на благо родины, какъ онъ его понималъ, вѣрнаго союзника и блюстителя договоровъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и приведеннаго въ концѣ своей жизни къ полному разочарованію въ своихъ упованіяхъ и надеждахъ: война застала его одинокимъ, оставленнымъ коварными союзниками, а армія, его любимое дѣтище, оказалась совершенно неподготовленною къ войнѣ, плохо вооруженною, безъ начальниковъ, и только незыблемыя свойства русскаго народнаго духа сдѣлали борьбу упорною и заставили коалицію напрячь всѣ свои усилія. Умѣло воспользовавшись громаднымъ, находившимся въ его рукахъ матеріаломъ, какъ печатнымъ, такъ и рукописнымъ, г. Заіончковскій рельефно изображаетъ характеръ Николая, образовавшійся подъ роковымъ сочетаніемъ обстоятельствъ: попытка декабристовъ, возстаніе въ царствѣ Польскомъ и, главнымъ образомъ, революціонное движеніе 1848 года опредѣлили характеръ его дѣятельности. Не усмотрѣвъ эволюціонной неминуемости движенія и не желая съ нимъ мириться, онъ пытался его остановить и первое время былъ даже увѣренъ въ успѣхѣ, выразивъ эту увѣренность въ извѣстныхъ словахъ своего манифеста въ мартѣ 1848 г.: «Но да не будетъ такъ!» Но событія на Западѣ пошли своей чередой, а что касается Россіи, то хотя онъ и налегъ на нее всею тяжестью самодержавія, пытаясь охранить ее отъ революціонныхъ вѣяній, но въ результатѣ оказалось: снаружи—почти полное прекращеніе жизни, отсутствіе всякой самодѣятельности, а внутри—недоступная его вліянію идейная работа... Императоръ Александръ II, по восшествіи на престолъ, принимая высшихъ чиновъ и представителей дипломатическаго корпуса, сказалъ имъ часто повторяемая ему слова императора Николая: «Если мнѣ не удалось достигнуть успѣха, то

это не отъ недостатка желанія и воли, а отъ недостатка средствъ. Во всю свою жизнь я имѣлъ только одно желаніе—это покончить со всѣмъ жестокимъ и тягостнымъ, что я долженъ былъ сдѣлать для счастья моей страны, чтобы тебѣ оставить царствованіе легкое». Это желаніе, увы, осталось невыполненнымъ, и императоръ Александръ засталъ всю государственную машину въ полномъ разстройствѣ.

Въ концѣ настоящаго I-го тома авторъ подробно разсматриваетъ силы и средства обѣихъ сторонъ, причѣмъ первенствующее мѣсто занимаетъ обзоръ русскіхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Особенный интересъ представляетъ характеристика Черноморскаго флота, представлявшаго отрадное явленіе на мрачномъ фонѣ нашей военной картины. Въ то время какъ наша сухопутная армія со своими учебными шагами, заряджаніемъ на 12 темповъ и страстью къ церемональному маршу находилась въ плачевномъ положеніи, Черноморскій флотъ, по составу офицеровъ и нижнихъ чиновъ, по ихъ обученію, а также по достоинству судовъ находился въ блестящемъ состояніи. И все это, благодаря энергіи, любви къ дѣлу и способностямъ человѣка, имя котораго навсегда останется памятнымъ русскому флоту, — благодаря М. П. Лазареву. Трудно себѣ представить, что вдали отъ царскаго глаза, среди всеобщей косности, какъ сазисъ въ пустынѣ, выдавался Черноморскій флотъ, имѣвшій чисто боевую подготовку, отлично выбранныхъ, а главное преданныхъ своему дѣлу командировъ и офицеровъ, и все это благодаря одному нравственному воздѣйствію Лазарева и его помощниковъ и продолжателей--Корнилова и Нахимова. Вотъ какъ характеризуется Черноморскій флотъ (авторъ не морякъ, поэтому не пристрастный) въ одной запискѣ, поданной военному министру тотчасъ по окончаніи войны: «Адмиралъ Лазаревъ и послѣдователи его, Корниловъ и Нахимовъ, умѣли развить въ офицерахъ Черноморскаго флота то высокое чувство собственнаго достоинства, привязанности къ своему ремеслу и обязанности честнаго офицера, помощью которыхъ нашъ флотъ шелъ исполненными шагами къ усовершенствованію, которому мы обязаны громкимъ подвигомъ одиннадцатимѣсячной обороны Севастополя. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ флотѣ служили люди отборные по своему образованію и способностямъ — нѣтъ; морской корпусъ не посылалъ въ Черноморію своихъ лучшихъ воспитанниковъ. Но каждый офицеръ, тамъ служившій, былъ энергиченъ, любилъ свое дѣло, гордился своимъ званіемъ и уважалъ своихъ начальниковъ, подчасъ весьма строгихъ и взыскательныхъ... Мишуры въ ученія и работѣ не было, все постоянно клонилось къ дѣлу, всякій зналъ и понималъ цѣль своей службы и домогался усилъха. Магросъ, любимое дѣтище своего хотя строгаго командира, трудился день и ночь, жилъ въ достаткѣ и, сознавая свое превосходство, гордо взиралъ на всякаго, который не имѣлъ чести принадлежать къ Черноморскому флоту».

Что касается приложеній, то они представляютъ высокій интересъ. Довольно сказать, что авторъ пользовался архивами: государственнымъ, министерства иностранныхъ дѣлъ, канцеляріи военнаго министерства, главнаго штаба, массою рукописныхъ матеріаловъ и, наконецъ, рукописями собственной Его Величества библиотеки. Кромѣ дипломатической переписки по восточному вопросу и меморандумовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ приложеніяхъ

находятся много собственноручных писем императора Николая, его замѣчания относительно плана войны, а также политическая исповѣдь императора, относящаяся къ 1830 г. и написанная на французскомъ языкѣ, подъ заглавиемъ: «Ma confession».

Сочиненіе обильно иллюстрировано портретами современныхъ дѣятелей, коніями съ гравюръ, изображающихъ наиболѣе замѣчательныя событія той эпохи, рисунками формъ обмундирования и снаряженія нашей и иностранныхъ армій, чертежами боевыхъ порядковъ, а также многочисленными таблицами и планами.

Вообще авторъ умѣло воспользовался громаднымъ находившимся въ его рукахъ матеріаломъ и живо, съ соблюденіемъ исторической перспективы, очертилъ какъ рыцарскую личность Николая, такъ и фигуры его сотрудниковъ, личностей, за нѣкоторыми исключеніями, мелкихъ, нерѣдко противодѣйствовавшихъ его благимъ начинаніямъ и намѣреніямъ. Такой властный человекъ, какъ императоръ Николай, на самомъ себѣ испыталъ трудность борьбы съ окружавшей его обстановкой и въ особенности съ бюрократіей, и недаромъ ему приписываютъ выраженіе, что Россія «управляется столоначальниками»

Л. Н.

Нотовичъ, Н. А. Россія и Англія. Историко-политическій этюдъ. Спб. 1907.

Книга г. Нотовича первоначально появилась на французскомъ языкѣ подъ заглавиемъ: «La Russie et l'alliance anglaise». Она написана въ защиту необходимости дружественнаго соглашенія Россіи и Англіи.

Предлагая ее русскимъ читателямъ, авторъ, по его словамъ, «имѣлъ въ виду напомнить, что хотя наше отечество и переживаетъ критическій моментъ внутреннихъ смутъ и паденія нашего престожа во всемъ мірѣ, но мы не должны забывать, что отъ нашей роли въ міровой политикѣ зависитъ все наше историческое и экономическое существованіе»; «простая психологія событий требуетъ отъ насъ серьезнаго и немедленнаго пересмотра нашей политической системы». «Русская политика со смерти Петра Великаго до послѣдняго времени была вѣмецкою политикою, какъ внутренняя, къ сожалѣнію, такъ и внѣшняя. Мы, какъ послушные простаки, еще такъ недавно назначали нашихъ министровъ, полководцевъ, посланниковъ, государственныхъ дѣятелей и членовъ высшаго правительства по указаніямъ и совѣтамъ Германіи». Авторъ убѣждаетъ въ настоящее время вернуться къ политикѣ Петра Великаго, который «всегда искалъ дружбы съ Англіей и Франціей». Г. Нотовичъ горячо настаиваетъ на союзѣ съ Англіей. Въ доказательство естественности и необходимости этого союза съ точки зрѣнія не только политической, но и исторической, авторъ обзрѣваетъ прежнія дипломатическія сношенія Россіи съ Англіей со временъ московскихъ государей и до самаго послѣдняго времени (этому обзору посвящена большая часть книги), разбираетъ попутно причины колебаній и недовѣрчивости въ отношеніяхъ Россіи и Англіи, отмѣ-

чаютъ тѣ основы, на которыхъ должны построить взаимное соглашеніе эти двѣ державы, чтобы поддержать миръ и защитить культуру отъ желтой опасности.

Таково вкратцѣ содержаніе книжки г. Потовича. Въ предисловіи авторъ сообщаетъ, что въ своей работѣ онъ «руководился разными архивными документами и, главнымъ образомъ, извѣстнымъ трудомъ профессора Мартенса (Le recueil des traités)». Изъ книги, однако, совершенно не видно, какими именно «архивными» документами пользовался г. Потовичъ. Документы же печатные онъ хотя и ставитъ въ кавычки, но приводитъ въ своемъ вольномъ пересказѣ безъ указанія ихъ источника, не справляясь даже съ подлиннымъ текстомъ. Такъ онъ поступаетъ, напримѣръ, съ указомъ Алексѣя Михайловича 1649 г. объ англійскихъ купцахъ (стр. 50, ср. Соловьева, «Исторія Россіи», IV, 1520; Собр. гос. грам. III, № 138). Его «этюдъ» представляетъ изъ себя просто бойкій пересказъ свѣдѣній, взятыхъ изъ книги Ө. Ө. Мартенса, приправленный выходками, иногда очень рѣзкими, по адресу Германіи, а въ особенности Вильгельма II.

М. Б.

**Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли.
Т. I—II. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1908 г.**

Мы уже говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1907, кн. 11) о первомъ изданіи труда г. Иванова-Разумника. Въ нашемъ отзывѣ мы отмѣтили схему, принятую изслѣдователемъ, громаднй интересъ и цѣнность этого оригинальнаго и вдумчиваго труда. Поэтому мы не будемъ подробно распространяться объ изслѣдованіи г. Иванова-Разумника, дѣлать оцѣнку и характеристику его работы, а отсылаемъ читателей къ нашей рецензій. Отмѣтимъ лишь наиболѣе важныя дополненія и скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ было принято изслѣдованіе нашей критикой.

Первый томъ дополненъ новой обширной главой о декабристахъ, въ которой изслѣдователь дѣлаетъ анализъ различныхъ теченій въ декабризмъ и рассматриваетъ связь его съ предшествующимъ и послѣдующимъ развитіемъ русской интеллигенціи. Г. Ивановъ-Разумникъ считаетъ невозможнымъ говорить о декабризмѣ какъ о единомъ цѣльномъ теченіи, а находитъ необходимымъ расчленивъ его на тѣ теченія, изъ которыхъ, по его мнѣнію, слагался декабризмъ. Изслѣдователь устанавливаетъ три главныхъ теченій въ декабризмѣ, взявъ въ основаніе отношеніе къ соціальному и политическому элементу; представители этихъ теченій: Н. Муравьевъ, Н. Тургеневъ и Пестель. Первое теченіе удѣляло первенствующее мѣсто политической реформѣ, признавая первенство политическаго элемента надъ соціальнымъ, второе теченіе, наоборотъ, выдвигало на первый планъ соціальную реформу и признавало первенство соціальнаго надъ политическимъ. Синтезомъ этихъ двухъ теченій, на взглядъ г. Иванова-Разумника, являлось третье, во главѣ котораго стоялъ Пестель, выдвинувшій девизъ—къ соціальному черезъ политическое, прекрасно понимая, что одна политическая реформа, по проекту Н. Муравьева,

безъ коренной реформы соціальной, и одна соціальная реформа, по проекту Н. Тургенева, безъ политической—ничего не дастъ народу. Всѣ декабристы, по мнѣнію г. Иванова - Разумника, могутъ быть расположены по этой схемѣ трехъ теченій, несмотря на индивидуальныя особенности. Разграниченіе теченій въ декабризмѣ, что только намѣчали въ общихъ чертахъ другіе изслѣдователи, на нашъ взглядъ, придаетъ главную цѣнность новой главѣ.

Другое большое дополненіе къ первому тому—глава о Чаадаевѣ, о которомъ въ первомъ изданіи изслѣдователь сказалъ немного, считая его настолько рѣзко-индивидуальнымъ явленіемъ, что ему нѣтъ мѣста въ исторіи русской общественной мысли, хотя громадное значеніе его исторіи русскаго сознанія неоспоримо. Теперь г. Ивановъ-Разумникъ нашелъ выходъ изъ этой дилеммы въ такомъ пониманіи значенія Чаадаева: онъ является одновременно и рѣзко индивидуальнымъ явленіемъ и необходимымъ звеномъ въ развитіи русской общественной мысли.

Изъ большихъ дополненій второго тома необходимо отмѣтить новую главу о Гл. Успенскомъ. Это дополненіе сдѣлано весьма удачно, такъ какъ по его произведеніямъ хорошо видно разложеніе идеаловъ народничества 70-хъ годовъ. Отмѣтимъ еще дополненіе въ главѣ объ идеалистическомъ теченіи въ русской мысли конца XIX вѣка. Кромѣ этихъ главныхъ дополненій въ обоихъ томахъ сдѣлано изслѣдователемъ много и другихъ, менѣе значительныхъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ было принято первое изданіе книги г. Иванова-Разумника нашей критикой. Всѣ критики единогласно признали громадную цѣнность труда, эрудицію, вдумчивость и широкую образованность изслѣдователя. Болѣе всего возраженій сдѣлали, главнымъ образомъ, г. Франкъ («Рѣчь», 1906, № 224) и г. Волжскій («Русская Мысль», 1907, кн. VI), но и они въ общемъ признали громадную цѣнность изслѣдованія. Первый назвалъ книгу—«вдумчивой и серьезной», второй «серьезной и умной». Прошло больше года послѣ появленія перваго изданія «Исторіи русской общественной мысли», и теперь можно подвести итоги того впечатлѣнія, которое произвела книга въ русскомъ обществѣ: не подлежитъ сомнѣнію, что оно удѣлило г. Иванову-Разумнику почетное мѣсто среди изслѣдователей русской мысли и жизни.

А. Фомянъ.

**В. Н. Рогожинъ. Указатель къ «Опыту російской библиографіи»
В. С. Сопикова. Исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1908.**

Съ выходомъ обширнаго и образцово составленнаго указателя закончилось переизданіе «Опыта російской библиографіи» Василя Степановича Сопикова, издателя первыхъ серьезныхъ у насъ библиографическихъ разысканій. Во многихъ отношеніяхъ трудъ этотъ даже въ наши дни остается первоисточникомъ для знакомства съ недавнимъ прошлымъ въ исторіи русской образованности. Достаточно упомянуть слѣдующій малонзвѣстный фактъ: профессоръ варшавскаго университета А. Линде написалъ на основаніи одного «Опыта» Сопикова содержательный очеркъ по исторіи русской литературы

(В. Францевъ «Польское славяновѣдѣніе», стр. 378). Съ тѣхъ поръ прошло, конечно, слишкомъ много времени.

При всѣхъ пропускахъ, неточностяхъ, извѣстной ненаучности и даже ошибкахъ, «Опытъ російской библиографіи» В. С. Сопкива остается все-таки единственной книгой, гдѣ русскія изданія XVIII и начала XIX вѣка представлены въ болѣе яркой и болѣе полной картинѣ, чѣмъ случайныя и бессистемныя списки русскихъ изданій у позднѣйшихъ библиографовъ. Въ виду же того, что нельзя было ожидать ни въ ближайшемъ, ни въ болѣе отдаленномъ будущемъ появленія вполне научнаго и исчерпывающаго труда по русской библиографіи двухъ минувшихъ вѣковъ, — пятитомное изданіе этого пионера нашего научно-книжнаго дѣла надолго еще останется альфой и омегой для первоначальныхъ разысканій въ области исторіи русской литературы сравнительно недавняго прошлаго. Еще долго оно будетъ исходнымъ пунктомъ для частичныхъ библиографическихъ трудовъ, и, какъ самъ авторъ выразилъ надежду, будетъ «способствовать ученымъ нашимъ литераторамъ къ сочиненію полной и совершенной библиографіи». Вотъ почему переизданіе ставшаго уже рѣдкимъ стараго изданія стало необходимою, и этимъ однимъ объясняется появленіе настоящаго изданія, редакція котораго поручена была В. Н. Рогожину. Разрабатывая типъ новаго изданія, г. Рогожинъ остановился на томъ типѣ, въ которомъ законченное изданіе выдержано отъ начала до конца, и который представлялся единственно подходящимъ для двухъ цѣлей; во-первыхъ, не искажать первоначальнаго вида «Опыта», имѣющаго свою опредѣленную физиономію и связаннаго съ именемъ безсмертнаго въ исторіи русскаго просвѣщенія В. С. Сопкива; во-вторыхъ, не повторять тѣхъ его ошибокъ, которыя были исправлены другими библиографами.

По мѣрѣ выхода въ свѣтъ каждаго изъ пяти частей новаго изданія, въ разныхъ журналахъ появлялись рецензіи. Рецензенты привѣтствовали появленіе въ доступномъ изданіи рѣдкаго на книжномъ рынкѣ «Опыта», отмѣчали достоинства его сравнительно съ первымъ изданіемъ, но не всѣ сумѣли уловить задачи, которыя поставилъ себѣ В. Н. Рогожинъ. Дѣйствительно, до появленія обширнаго предисловія къ настоящему указателю, гдѣ эти задачи намѣчены точно и опредѣленно, вполне возможно было предположить, что обѣщанныя лишь въ общихъ чертахъ исправленія и дополненія къ одному «Опыту» Сопкива означаютъ въ сущности исправленія и дополненія къ русской библиографіи вообще; что работа Сопкива послужитъ В. Н. Рогожину какъ бы поводомъ для пересмотра абсолютно всего, о чемъ только ни упоминалъ Сопкивъ, и т. д. Конечно, это крупная ошибка, и подобныхъ задачъ новый редакторъ не могъ имѣть въ виду. Многое имъ сдѣлано по части исправленій и дополненій, главнымъ образомъ, на основаніи трудовъ, перечисленныхъ на VIII—IX страницахъ предисловія, но исчерпывающимъ подобный пересмотръ быть не можетъ. Это было бы равносильно тому, чтобы собрать абсолютно всѣ книги XVIII и начала минувшаго вѣковъ и описать ихъ согласно всѣмъ требованіямъ современной намъ библиографіи, какъ опредѣленной научной дисциплины. Словомъ, разбитыя на 12 группъ разнаго рода измѣненія перваго изданія (см. стр. X—XI предисловія) теперь оставляютъ въ сто-

ронѣ всякаго рода споры о редакторскихъ приѣмахъ и необыкновенно ясно формулируютъ все то новое, что читатель найдетъ во второмъ изданіи сравнительно съ первымъ.

Изъ неточностей, вкрапившихся въ указатель, укажемъ только невѣрное написаніе старой валашской столицы, гдѣ, какъ извѣстно, печатались славянскія книги,—Тыровице вмѣсто Тырговище (стр. VII), пропускъ при перечисленіи на стр. XIII изданій книги «Присутствіе Божіе» (1807, 1810 и 1817 г.) и перваго изданія, 1798 года (№ 9045). На той же XIII страницѣ напечатано: «матеріалахъ для пятаго собранія сочиненій Фонвизина» вмѣсто «полнаго». Пропущена ссылка на очеркъ С. Н. Шубинскаго въ его «Историческихъ очеркахъ и разсказахъ»—при слѣдующемъ исправленіи В. Н. Рогожина. Въ заглавіи стихотворенія «Александрова: садъ его императорскаго высочества Александра Павловича» (Спб. 1794 г.) А. С. Венгеровъ («Русскія книги») принялъ первое слово за фамилію и приписалъ авторство какой-то «г-жѣ А. Александровой». На самомъ дѣлѣ авторомъ былъ С. Джунковскій, что видно, кромѣ фамиліи на обложкѣ, еще изъ инициаловъ С. Д. подъ посвященіемъ; а спорное слово В. Рогожинъ правильно считаетъ названіемъ части сада въ смыслѣ «Александрово», «Александріада», «Александрія» и т. п. (№ 1921). Перечисляя сдѣланныя имъ цѣнныя исправленія, редакторъ второго изданія «Опыта» пропустилъ слѣдующее. Приписываемая Григорію Саввичу Сквородѣ Сониковымъ и Губерти «Библіотека духовная, содержащая въ себѣ дружескія бесѣды о познаніи самого себя» (Спб. 1798 г.) ни въ коемъ случаѣ не можетъ принадлежать этому «самородному философу», и скорѣе авторомъ, переводчикомъ или издателемъ былъ М. Антоновскій (№ 2216), на стр. VI евангеліе отъ Луки зачало 118 вмѣсто 114, на стр. XV о «Словѣ» вмѣсто о Славѣ; страницы перепечатки у Соикова «Душеньки» Богдановича вмѣсто 461 перваго изданія слѣдовало бы указать болѣе точно: 397—461. Кажется, очень перенутаны послѣднія строки того же абзаца; слѣдуетъ: «перепечатка оглавленія первой части изд. № 6211 (стр. 382—384 перваго изд.); перепечатка предисловія изд. № 6307 (стр. 393—394 перваго изд.)».

Въ остальныхъ отношеніяхъ работу В. Н. Рогожина можно назвать вполне образцовой и пожелать, чтобы «Опытъ» проникъ въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

А. И. Яцимирскій.

Гр. С. Ю. Витте. Самодержавіе и земство. Записка бывшаго министра финансовъ статей-секретаря графа С. Ю. Витте. Предисловіе Череванина. Спб. 1908.

Разсматриваемая книжка является третьимъ изданіемъ извѣстной записки гр. С. Ю. Витте о политическомъ значеніи земства. Первые два изданія были выпущены г. Струве, послѣднее вышло съ предисловіемъ г. Череванина. Всѣ три изданія появлялись въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, въ періодъ 1901—1908 г.

Въ свое время «записка» обратила на себя общее вниманіе и была по достоинству оцѣнена въ печати и общественныхъ и политическихъ кругахъ. Она, несомнѣнно, сыграла опредѣленную роль въ карьерѣ ея автора, какъ выдающагося представителя бюрократическаго міра, оказывавшаго могущественное вліяніе на ходъ и направленіе нашихъ государственныхъ дѣлъ, и не осталась безслѣдной въ исторіи политическаго движенія въ Россіи, ближайшаго къ перевороту 17 октября періода.

Какъ историческій «документъ», «записка» интересна въ смыслѣ характеристики бюрократическихъ порядковъ и нравовъ и какъ «оригинальнѣйшій продуктъ бюрократическаго творчества» того недавняго прошлаго, когда «творчество» этого рода являлось единственнымъ, отъ силы и характера котораго зависѣли судьбы цѣлой великой страны.

Для настоящаго времени интересъ «Записки» сосредоточивается главнымъ образомъ на вопросѣ о реформѣ земскаго самоуправленія, разрабатываемомъ какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ государственной думѣ. Чтобы возстановить въ памяти читателя главные черты разсматриваемаго произведенія, его значеніе въ прошломъ и связь съ настоящимъ, приводимъ въ короткихъ словахъ содержаніе «записки» съ указаніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми она была вызвана.

Съ формальной стороны «записка» представляетъ собою полемическое сочиненіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ находилъ полезнымъ и защищалъ введеніе земскихъ учрежденій въ Западномъ краѣ, а министръ финансовъ Витте не соглашался съ этимъ, «доказывалъ полную непримѣнимость ихъ (т. е. земскихъ учрежденій) къ Западному краю, а равно къ губерніямъ Астраханской, Архангельской, Оренбургской и Ставропольской».

На этой частной почвѣ возникъ между двумя министрами принципиальный споръ о значеніи вообще нашихъ земскихъ учрежденій при существованіи самодержавнаго строя. Министръ внутреннихъ дѣлъ не признавалъ никакого противорѣчія между принципами земства и самодержавія и вслѣдствіе этого предпологалъ возможнымъ «территоріальное расширеніе дѣятельности названныхъ (т. е. земскихъ) учрежденій!» Напротивъ, министръ финансовъ «сомнѣвался относительно соответствія земствъ нашему государственному строю», что и высказалъ «въ особой, совершенно конфиденціальной запискѣ, сообщенной» имъ «только» министру внутреннихъ дѣлъ «и весьма немногимъ лицамъ, занимающимъ высокое положеніе въ іерархіи администраціи».

Споръ былъ, такимъ образомъ, секретный, извѣстный лишь крайне ограниченному числу лицъ и тщательно скрываемый отъ публики, отъ общества и печати.

Эта секретная переписка не ограничилась вышеуказанными сношеніями. На «особую» записку Витте послѣдовалъ «отвѣтъ» Горемыкина, тоже въ видѣ «записки», въ которой авторъ, отрицая опасность «самоуправленія во всѣхъ его видахъ для самодержавнаго строя», находить, что «сомнѣніе въ соответствіи начала мѣстнаго самоуправленія основаніямъ государственнаго уклада Россіи... равносильно сомнѣнію въ правомѣрности всего почти административнаго строя имперіи...»

Такое заявленіе подѣйствовало на адресата, какъ незаслуженный упрекъ и вызвало съ его стороны новую «записку», въ которой онъ, въ изысканныхъ формахъ бюрократической рѣчи, выразилъ своему противнику и «искреннюю благодарность за вниманіе», и «величайшее свое сожалѣніе» о томъ, что доводы противника совершенно на него не подѣйствовали, а, напротивъ, только «еще болѣе укрѣнили» его «въ правильности» его «воззрѣнія». вмѣстѣ съ тѣмъ министръ финансовъ отмѣтилъ, что проводимые въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ взгляды на земство, какъ на учрежденіе, заслуживающее самаго благосклоннаго и благопріятнаго отношенія со стороны правительства, «не отвѣчаютъ той политикѣ министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земствамъ, какой оно держалось при васѣ (т. е. Горемыкинѣ) и при вашихъ ближайшихъ предшественникахъ». Въ заключеніе же г. Витте «представилъ на оцѣнку и благоусмотрѣніе» г. Горемыкина «цѣлый рядъ сомнѣній», выраженныхъ въ помянутой запискѣ.

О дальнѣйшихъ сношеніяхъ двухъ министровъ по данному спору изъ разсматриваемой книжки ничего неизвѣстно. Вся же вышеизложенная часть этихъ сношеній сдѣлалась извѣстною и доступною для широкой публики, для общества и печати благодаря нескромности г. Струве, издавашаго впервые въ 1901 г. «Записку» министра Витте.

По существу «Записка» эта содержитъ два основныхъ положенія. Во-первыхъ, по мнѣнію графа Витте, въ «самодержавномъ строѣ государства съ неизбѣжнымъ при немъ бюрократическимъ центромъ земство — непригодное средство управленія». «Правильное и послѣдовательное развитіе всесословнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а затѣмъ и къ властной участию народа въ законодательствѣ и въ управленіи верховномъ». Во-вторыхъ, «исповѣдая то убѣжденіе, что конституція вообще великая ложь нашего времени» и вѣря, «что въ частности къ Россіи, при ея разноразличности и разноплеменности, эта форма правленія непримѣнима безъ разложенія государственнаго режима», г. Витте рѣшительно становится на ту точку зрѣнія, что «дальнѣйшаго расширенія дѣятельности земству давать нельзя, надо провести для него ясную демаркаціонную линію; не позволять ни подъ какимъ видомъ переступать эту линію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо возможно скорѣе озаботиться правильной и соответствующей организаціей правительственной администраціи». А эта правильная организація должна состоять въ смѣшеніи общественнаго элемента въ земствѣ съ элементомъ правительственнымъ. «Необходимо правильно организованное участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Но это участіе должно быть построено не на томъ конституціонномъ принципѣ, который осуществленъ въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ».

Такова сущность «Записки» графа Витте. Первое изъ приведенныхъ существенныхъ ея положеній, послѣ введенія въ Россію представительной формы правленія, не можетъ уже болѣе привлекать къ себѣ вниманіе. Послѣднее положеніе, напротивъ, не утратило интереса и для настоящей минуты, когда, какъ выше сказано, законодательныя учрежденія страны, въ числѣ своихъ

работъ, посвящаютъ часть своихъ трудовъ и на разсмотрѣніе и обсужденіе вопроса о мѣстномъ самоуправленіи.

Изъ подробностей «Записки» гр. Витте вообще заслуживаютъ вниманія тѣ ея части, которыя касаются исторіи нашего земства, отношенія къ нему правительства и отношенія земства къ правительству и его (земства) конституціонной тенденціи.

В. Кузнецовъ.

Л. Слонимскій. О монархіи. Изданіе «Политической Энциклопедіи». Спб. 1907.

Вопросы государственнаго права въ настоящее время интересуютъ всѣхъ. Населеніе призвано къ законодательной работѣ. Оно избираетъ народныхъ представителей. Выработка новаго политическаго режима имперіи и партійное самоопредѣленіе общественныхъ группъ заставляютъ каждаго гражданина заботиться о ясной и точной формулировкѣ правовыхъ понятій своего міросозерцанія. Навстрѣчу этой ярко проявленной потребности идетъ небольшая популярная книжка извѣстнаго экономиста «Вѣстника Европы», г. Слонимскаго, посвященная выясненію понятія и исторіи монархіи. Но при всѣхъ литературныхъ достоинствахъ этого блестящаго очерка, которыя, вѣроятно, создадутъ ему успѣхъ въ широкихъ читательскихъ кругахъ, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ излишествъ и пробѣловъ, быть можетъ, объясняемыхъ спѣшностью составленія очерка. Почтенный авторъ начинаетъ съ «монархіи» у дикихъ племенъ, упоминаетъ о ніамъ-ніамъ центральной Африки, у которыхъ «король» «отъ времени до времени бросается на кого-либо изъ своихъ подданныхъ и рубитъ ему голову топоромъ» въ подтвержденіе своихъ верховныхъ правъ; о племени апантіевъ, у которыхъ, когда «король» чихнетъ, всѣ присутствующіе мгновенно принимаютъ молитвенную позу; о племени катунга, у которыхъ «придворные», когда «король» даетъ аудіенцію, «ложатся на землю и усердно барахтаются головами въ пыли»; еще о какихъ-то дикарихъ, которые «приближаются къ королю не иначе, какъ ползая на четверенькахъ». Спрашивается, какое отношеніе къ монархіи имѣютъ сіи дикіе «короли» (самъ г. Слонимскій заключаетъ ихъ въ кавычки!) и «придворные» обычаи Центральной Африки? Ну, конечно, никакого. Авторъ это хорошо знаетъ и объясняетъ: «Примѣнять къ быту дикихъ народовъ европейскія понятія и названія было бы крайне ошибочно, — говоритъ онъ: — слово «король» или «монархія» довольно преждевременно, когда рѣчь идетъ о первобытномъ политическомъ устройствѣ человѣческихъ обществъ. Въ этомъ отношеніи сильно грѣшатъ европейскіе путешественники и этнографы».

Въ такомъ случаѣ, въ силу какихъ же причинъ авторъ и самъ «нагрѣшилъ»? Между тѣмъ драгоцѣнное мѣсто, которымъ такъ дорожитъ всякій составитель популярной брошюры, истрачено даромъ на не относящееся къ темѣ. Конечно, это только и можно объяснить словами античнаго писателя, который извинялся, что недостатокъ времени не позволилъ ему изъясниться кратко. Переходя къ пробѣламъ очерка, прежде всего укажемъ, что авторъ

ни словомъ не упомянулъ о томъ измѣненіи въ нравственномъ обликѣ античныхъ цезарей, о томъ постепенномъ одухотвореніи императорской власти, которое произошло сперва подъ вліяніемъ доктрины стоицизма въ лицѣ Антониновъ, затѣмъ, со времени Константина, подъ вліяніемъ христіанства. Существеннѣйшимъ пробѣломъ книжки является и то обстоятельство, что, обращенная къ русскому читателю, она собственно русской монархіи и самодержавію посвящаетъ неполныхъ четыре страницы (43—46). При этомъ авторъ держится устарѣлой и явно несостоятельной теоріи, будто верховное право собственности на всю русскую землю, которое себѣ приписывали монгольскіе ханы, перенесено было на московскихъ государей. Иными словами, власть хана-завоевателя и московское самодержавіе природныхъ русскихъ государей юридически, политически и этически оказываются явленіями тождественными. Но для этого надо допустить еще болѣе чудовищное тождество—національнаго дѣла собиранія Руси и освобожденія отъ инородческаго ига съ самымъ этимъ игомъ. Буквально 16 строкъ удѣляетъ авторъ внизу стр. 45 и наверху стр. 46 характеристикъ своеобразнаго московскаго самодержавія XVII столѣтія, опиравшагося на боярскую думу и земскій соборъ, а переворотъ Петра Перваго отмѣчаетъ слѣдующими 16 строками. О характерѣ женской власти императрицъ XVII вѣка ни слова. О политическомъ переворотѣ Павла Перваго и смыслѣ его военныхъ, гражданскихъ, крестьянскихъ и церковныхъ реформъ — ни слова. О императорской власти XIX вѣка — ни слова. Между тѣмъ женская власть императрицъ, «гатчинско-фридриховскій» абсолютизмъ императоровъ Павла I, Александра I и Николая I, возрожденіе въ земскомъ и городскомъ представительствѣ при Александрѣ II нашей «старины», русскаго истиннаго самодержавія — вся эта сложная эволюція монархическаго начала, казалось бы, болѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ обычаи «королей» Центральной Африки. Мы не имѣемъ возможности подробно разбирать характеристику западнаго монархизма, данную г. Слонимскимъ. Но не можемъ пройти молчаніемъ афоризма на стр. 72-й: «Въ Англіи установилось народовластіе подъ фирмою монархіи». Неужели такъ-таки «народовластіе»? Очевидно, это «народовластіе» *suū generis*, если припомнить все, что о немъ сказано въ «Капиталѣ» Карла Маркса. Въ послѣдней главѣ авторъ рѣшаетъ вопросъ: Замѣчается ли упадокъ монархическаго начала въ современной Европѣ? Лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ, — говоритъ онъ, — можно было отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Ясно было, что историческая почва западно-европейскихъ монархій распатана въ конецъ. Число республиканцевъ возрастало повсюду; къ нимъ принадлежали лучшіе патріоты Италіи. Республика считалась тѣмъ идеаломъ, къ которому должны стремиться всѣ лучшіе передовые элементы европейскаго общества.

Въ совершенно другомъ видѣ, — говоритъ далѣе г. Слонимскій, — представляется положеніе дѣлъ въ настоящее время. Опасенія монархистовъ и надежды республиканцевъ одинаково не оправдались. Монархія утвердилась тамъ, гдѣ корни ея были наиболѣе подорваны.

«Какъ бы мы ни относились къ монархической традиціи и каковы бы ни были наши личные взгляды, симпатіи и антипатіи, мы не можемъ отрицать,

что монархизм крѣпнеть, приобретаетъ все большую устойчивость и популярность въ самыхъ культурныхъ и могущественныхъ западно-европейскихъ государствахъ... Французская буржуазная республика съ ея безцвѣтными и пассивными выборными президентами ни въ комъ не возбуждаетъ зависти и не находитъ поклонниковъ и подражателей въ другихъ странахъ. При существующемъ общественномъ строеъ республиканская форма правленія едва ли пригодна для большихъ разноплеменныхъ государствъ: монархія, преобразованная въ строго-конституціонномъ духѣ, при дѣйствительномъ и постоянномъ единеніи между властью и народомъ, несомнѣнно, облегчаетъ мирное внутреннее развитіе государствъ, упрощаетъ международныя отношенія и вообще обнаруживаетъ жизненность, какой не ожидали отъ нея прогрессивные теоретики прежняго времени».

Если всѣ прогрессивные теоретики либеральнаго лагеря признаютъ эту формулу виднаго постоянного сотрудника «Вѣстника Европы» г. Слонимскаго, то можно было бы сказать, что споръ «монархистовъ-конституціоналистовъ» съ «монархистами-самодержавниками» разрѣшенъ. До сихъ поръ конституціонная формула переносила въ Россію чуждое ея исторіи начало борьбы общественныхъ группъ и парламента съ верховной властью; если же строго конституціонный духъ состоитъ въ «единеніи» между властью и народомъ, въ старо-русскомъ смыслѣ («за одиначество») сотрудничествѣ власти и представительства, то этимъ провозглашается тотъ идеалъ законодѣрнаго самодержавія, который одинаково далекъ и отъ восточнаго деспотизма и отъ западнаго абсолютизма.

Ник. А. Энгельгардтъ.

Б. П. Никоновъ. Въ стѣнахъ гимназій. Спб. 1908.

Книга г. Никонова, какъ свидѣтельствуетъ само заглавіе, «Въ стѣнахъ гимназій», посвящена разоблаченію ужасной дѣйствительности, царящей въ средней школѣ.

Широкими, немного сгущенными штрихами г. Никоновъ рисуетъ одну за другой картины провинціальной гимназій въ эпоху высшаго процвѣтанія въ ней такъ называемаго «классицизма».

Какъ учащій, такъ и учащійся персоналъ очерченъ самыми мрачными красками.

Самое больное мѣсто гимназій, конечно, составляютъ бездарные педагоги, среди которыхъ если встрѣчаются люди знающіе и даровитые, то они непремѣнно въ концѣ концовъ спиваются и обращаются въ еще болѣе вредный элементъ для гимназій, чѣмъ ихъ тупые, но трезвые собратья. Они невольнo развращаютъ учениковъ однимъ своимъ нетрезвымъ видомъ, при чемъ, конечно, и поступки пьянаго и озлобленнаго человѣка не могутъ отличаться справедливостью. Такимъ является у г. Никонова преподаватель греческаго языка. Въ трезвомъ видѣ, какъ настоящій алкоголикъ, онъ былъ постоянно золъ и раздраженъ. Но большею частью онъ былъ пьянъ. Ученики, зная его

слабость къ анекдотамъ легкаго содержанія, готовили обыкновенно къ его уроку не переводъ, а подходящий анекдотецъ, чтобы имъ занять своего преподавателя и тѣмъ избавиться отъ ненавистнаго урока. Чехъ-латинистъ, не умѣющій двухъ словъ правильно связать по-русски, сводитъ все «классическое» образованіе къ зазубриванію учениками безграмотнаго подстрочника. Время учениковъ уходитъ на чисто механическое заучиваніе грамматическихъ формулъ. Переводъ оригинала заучивается безъ смысла. Несомнѣнно, при такой системѣ обученія, красота и содержаніе древней классической литературы остаются для учениковъ столь же далекими и непонятными, какъ если бы они и вовсе не знали ни одного латинскаго и греческаго слова.

При массѣ уроковъ по древнимъ языкамъ у гимназиста не остается времени для добросовѣстнаго изученія другихъ предметовъ: русскаго языка, математики и т. д. Если въ старшихъ классахъ ученикъ немного займется общимъ образованіемъ, то эти занятія тотчасъ же пагубно отразятся на зубрежкѣ языковъ, считающихся въ гимназій главными предметами. Итоги подобной системы образованія юношества сказываются обыкновенно во всей красѣ на экзаменахъ для полученія аттестата зрѣлости.

Поставленный лицомъ къ лицу съ заданной темой и задачей, ученикъ впервые чувствуетъ то, что онъ не знаетъ даже элементарныхъ положеній и пріемовъ для рѣшенія задачи. Педагоги сами сознаютъ, что не могутъ требовать отъ учениковъ самостоятельнаго исполненія ими экзаменаціонныхъ работъ. Они понимаютъ также и то, что знаніе учениковъ краснорѣчиво свидѣтельствуешь о качествахъ лицъ, обучавшихъ ихъ. Чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ ассистентомъ изъ округа, гимназическое начальство и педагоги всѣми силами вывозятъ учениковъ, подсказывая имъ и даже цѣликомъ исполняя для нихъ экзаменаціонныя работы, конечно, и негодую и ругая при этомъ экзаменующихся.

Нравственная атмосфера гимназій еще ужаснѣе умственной. Между учащимися совершенно не существуетъ дружескихъ отношеній.

Учителя и ученики—это два враждующіе и ненавидящіе одинъ другаго лагеря. Они презираютъ другъ друга такъ, какъ способенъ презирать конвойный каторжника, а каторжникъ конвойнаго. Съ ученикомъ не только не считаются, какъ съ человѣческой личностью, а смотрятъ на него именно, какъ на арестанта, за которымъ нужно слѣдить, какъ за самымъ вреднымъ и порочнымъ элементомъ общества; ожидать отъ него самыхъ ужасныхъ выходовъ и въ мысляхъ его непремѣнно предполагать коварство и злой замыселъ. На этомъ основаніи въ гимназій грандіозно организованъ сыскъ. Сыщиками являются всѣ: гимназическій сторожъ, классный надзиратель, преподаватель и самъ директоръ. У учениковъ безцеремонно обыскиваютъ ранцы. Являются съ обысками на квартиры и даже въ той или иной формѣ поручаютъ иногда сыскъ за товарищами самимъ же гимназистамъ. Напримѣръ, если на квартирѣ живутъ безъ родителей нѣсколько учениковъ вмѣстѣ, то одному изъ нихъ поручается каждый день вносить въ заведенную книгу всѣ поступки и времяпрепровожденіе остальныхъ товарищей вродѣ того, напр., что Ивановъ

въ 3 часа ушелъ гулять, вернулся въ пять; Петровъ подрался съ дворовымъ мальчишкой; Федоровъ мѣшалъ учить уроки и т. п.

Что же всёмъ этимъ достигалось?

Ученикъ, поступающій въ гимназію, съ почтеніемъ и даже благоговѣніемъ относящійся въ младшихъ классахъ къ занятіямъ и преподавателямъ, въ старшихъ классахъ уже чувствуетъ весь гнетъ, царящій въ гимназіи, и начинаетъ ненавидѣть ее всёмъ своимъ существомъ. Педагоги становятся его личными врагами. Они не даютъ ученику ни умственной, ни нравственной пищи, а только насилуютъ его волю и издѣваются надъ нимъ. Въ душѣ гимназиста растетъ протестъ противъ всего строя гимназической жизни, и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ стремится его выразить. Конечно, протестъ этотъ иногда бываетъ нелѣпымъ и нецѣлесообразнымъ, а протестанты, принимаемые за зачинщиковъ, страдаютъ и записываются въ кондуитъ. Это тотъ же волчій паспортъ, имѣющій вліяніе на всю жизнь юноши, окончившаго гимназію. Ни въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній не возьмутъ юношу, фамилія котораго съ неодобреніемъ занесена въ кондуитъ.

А гимназическое начальство не смущается вносить въ него фамиліи учениковъ за самые малѣйшіе промахи (напр., пѣніе въ классѣ пѣтухомъ, шель по улицѣ съ «Вѣстникомъ Европы», не поклонился директору и т. д.). При этомъ проступки выписывались такимъ туманнымъ языкомъ, что всегда можно было оттуда уловить, что данный ученикъ въ высшей степени вредный для общества субъектъ, «бунтарь», «подстрекатель» и т. п.

На ряду съ тяжелой, нелѣпой дисциплиной и наказаніями, въ гимназіи процвѣтаютъ также развратъ и распущенность.

Драки, зуботычины, угнетеніе старшимъ младшаго, издѣвательство надъ слабѣйшимъ — вотъ господствующіе нравы въ гимназіи. Малышъ-гимназистъ за версту обойдетъ встрѣчнаго старшаго ученика, чтобы избѣжать ничѣмъ не мотивированнаго подзатыльника. Ученики беззаастѣнчиво предаются пьянству, доходя въ наглости до того, что устраиваютъ попойки въ актовомъ залѣ, въ переѣзду. Предаются самому гнусному разврату и потомъ хвораютъ скверными болѣзнями.

Такимъ образомъ, весь строй гимназической жизни, само зданіе, порядки, система преподаванія, отношенія между учащими и учащимися представлены въ очеркахъ г. Никонова въ самыхъ безотрадныхъ краскахъ. Тѣмъ не менѣе всему сказанному въ книгѣ г. Никонова приходится вѣрить.

Деморализующій нашихъ дѣтей режимъ классическихъ гимназій воспроизведенъ въ такихъ же воспоминаніяхъ у многихъ другихъ писателей: у г. Яроша («До университета»), Петрицева, Вѣлзерскаго, А. Иблонскаго, Чиркова и т. д.

Ан. Печаява.

Проф. М. Н. Петровъ. Лекціи по всемірной исторіи. Томъ I. Исторія древняго міра. Изд. 2, въ новой обработкѣ и съ дополненіями А. Н. Деревицкаго. Спб. 1907.

Лекціи покойнаго харьзовскаго проф. Петрова впервые были напечатаны въ 1886 г. и встрѣтили со стороны критики очень сочувственные отзывы. Прошедшая съ тѣхъ поръ четверть вѣка принесла много новыхъ матеріаловъ по исторіи древняго міра, особенно Греціи, не мало трудовъ обобщительнаго характера, отвергнувшихъ прежнія и установившихъ инныя точки зрѣнія на историческія явленія. Поэтому второе изданіе «Лекцій» потребовало значительной переработки, которая довольно успѣшно выполнена А. Н. Деревицкимъ, приготовившимъ къ печати и ихъ первое изданіе. Къ сожалѣнію, эта переработка коснулась главнымъ образомъ фактической стороны «Лекцій» и совершенно не затронула ихъ историко-философскую сторону, успѣвшую, конечно, значительно устарѣть въ виду тѣхъ новыхъ взглядовъ, которые теперь устанавливаются на исторію-науку. Авторъ ихъ смотрѣлъ на нее, какъ на «научное и вмѣстѣ съ тѣмъ художественное изложеніе прошедшей жизни человѣческаго рода». Вслѣдствіе этого главное вниманіе обращаетъ онъ на установленіе связи между событіями. Остальное его интересуетъ гораздо меньше. Вслѣдствіе этого его «Исторія древняго міра» носитъ прагматическій и повѣствовательный характеръ и совершенно чужда социологическихъ обобщеній.

Тѣмъ не менѣе «Лекціи» обладаютъ однимъ крупнымъ достоинствомъ, дѣлающимъ ихъ необходимымъ пособіемъ для первоначальнаго знакомства съ древнимъ міромъ,—необыкновенно стройнымъ, цѣльнымъ планомъ и художественностью изложенія, что находится въ связи съ вышеназваннымъ взглядомъ проф. Петрова на исторію.

И. А.

Е. В. Тарле. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи (1789 — 1799 гг.). По неизданнымъ документамъ. Спб. 1908.

Эта небольшая (201 стр.), напечатанная довольно разгонистымъ шрифтомъ книга, почти вся состоитъ изъ пересказа отысканныхъ г. Тарле во французскихъ архивахъ документовъ, рисующихъ положеніе рабочихъ четырехъ національныхъ (до 10 августа 1792 г.) королевскихъ мануфактуръ: гобеленовъ, de la Sasonnerie, севрской фарфоровой и Бова. Рабочимъ каждой изъ названныхъ мануфактуръ посвященъ отдѣльный очеркъ. Необходимость такой работы авторъ оправдываетъ тѣмъ, что «въ области экономической исторіи революціей не только еще не сдѣлано, но пока и не можетъ быть сдѣлано то, что съ такимъ огромнымъ успѣхомъ, послѣ работы половины жизни, удалось сдѣлать Aulard'у въ области политической исторіи этой эпохи. Нужна еще работа многихъ и многихъ изслѣдователей» (стр. 2). Въ настоящей книгѣ г. Тарле и далъ намъ одно изъ такихъ частныхъ изслѣдованій. Онъ остано-

вилъ свое вниманіе на рабочихъ національныхъ мастерскихъ, руководясь тѣмъ, что «за время революціи нѣтъ ни единого индустріальнаго заведенія, исторія котораго была бы такъ хорошо документирована» (стр. 4).

Г. Тарле не является пионеромъ въ избранной имъ для изслѣдованія области. У него были предшественники, которые, какъ, напримѣръ, *Levasseur*, *Martin* и *Chabot*, дали общія изслѣдованія по исторіи рабочаго класса во Франціи въ эпоху революціи, такъ что путь для г. Тарле былъ уже нѣсколько расчищенъ. Въ своихъ выводахъ, поскольку они характеризуютъ общее положеніе рабочихъ въ началѣ революціи и касаются рабочей политики революціонныхъ правительствъ, г. Тарле подтверждаетъ добытыми имъ фактами то, что уже было сказано его предшественниками, включая сюда и Жореса. Онъ соглашается съ послѣднимъ, что въ первые годы революціи не было остраго торгово-промышленнаго кризиса (стр. 187); устанавливаетъ, далѣе, что первые два года революціи не отражались сколько-нибудь явственно на положеніи и настроеніи рабочихъ національныхъ мануфактуръ, и только послѣ 1790 г. всюду начинается борьба за свои профессиональные интересы, но борьба эта, впрочемъ, ведется въ мирныхъ формахъ; отмѣчаетъ также, что наиболѣе гуманное отношеніе къ рабочимъ проявляла власть въ періодъ господства монтаньяровъ, но ея попытки поднять ихъ самостоятельность и организовать не увѣнчались успѣхомъ (стр. 187—201).

Посвященная специальному вопросу и излагающая главнымъ образомъ архивный матеріалъ, книга г. Тарле написана просто и безиритязательно; нѣтъ и въ номинѣ тѣхъ смѣлыхъ и рискованныхъ операцій съ историческими и социологическими законами, которыми отмѣчены нѣкоторые изъ прежнихъ его работъ. Авторъ обѣщаетъ продолжить свои изысканія въ этой малозученной и интересной для историка области.

П—о.

Вейнбергъ, П. Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 1907 г.

У насъ такъ мало, сравнительно, трудовъ по исторіи западныхъ литературъ, въ особенности оригинальныхъ, что нельзя не привѣтствовать появленіе книги г. Вейнберга. Его «Страницы», содержащія семь довольно большихъ очерковъ, посвящены представителямъ французской, нѣмецкой, англійской и итальянской литературъ. Статьи эти слѣдующія: 1) «Политическій поэтъ Германія», посвященная Фердинанду Фрейлиграту, 2) «Къ исторіи Молодой Германія», содержащая литературную характеристику дѣятельности пяти поэтовъ (Гуцковъ, Лаубе, Винбаргъ, Кюне и Мундъ) во главѣ съ Гейне, 3) «Поэтъ періода бури и натиска», 4) и 5) «Памяти Ленау» и «Леонарди»; 6) «Перси-Бини Шелли», 7) «Робертъ Бернсъ», 8) «Викторъ Гюго» (очеркъ содержитъ, между прочимъ, обстоятельный разборъ его пьесы «Кромвель», въ свое время надѣлавшей шуму и русской публикѣ почти неизвѣстной), 9) «Паркъ Лили» (къ исторіи любовныхъ увлеченій Гёте) и 10) «Два дня въ Веймарѣ». Всѣ эти десять очерковъ написаны г. Вейнбергомъ

въ разное время и въ свое время печатались въ разныхъ журналахъ. Здѣсь они, какъ заявляетъ авторъ, перепечатаны безъ перемѣнъ, чѣмъ и объясняется, что нѣкоторые біографическіе факты, добытые потомъ, не вышли въ настоящее изданіе. Нельзя, разумѣется, не пожалѣть объ этомъ, какъ и о томъ, что очерки расположены не въ хронологическомъ порядкѣ. Хотя между отдѣльными статьями и нѣтъ тѣсной связи, тѣмъ не менѣе расположеніе ихъ по эпохамъ было бы гораздо удобнѣе для читателя. Я. Вирюковъ.

Записки отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ VII. Выпускъ второй. Подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ С. Ѳ. Платонова. Съ 13 таблицами. Спб. 1907.

Русское отдѣленіе ознаменовало наступленіе новаго академическаго года выпускомъ солиднаго (около 300 страницъ) тома, снабженнаго 13-ю тщательно выполненными таблицами и массою рисунковъ въ текстѣ. Особенно богато иллюстрированъ трудъ Н. И. Привалова, болѣе 10-ти лѣтъ работающаго надъ исторіею русскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Авторъ уже не впервые выступаетъ по излюбленному имъ предмету на страницахъ «Записокъ». Въ новомъ выпускѣ помѣщены двѣ его статьи. Важнѣйшая—«Музыкальные духовые инструменты русскаго народа, въ связи съ соответствующими инструментами другихъ странъ», историко-этнографическое изслѣдованіе, на 103 страницахъ, съ массою поясняющихъ текстъ иллюстрацій—представляетъ серьезный комплятивный трудъ, освѣщающій мало извѣстную еще область въ исторіи быта нашихъ предковъ. Авторъ, въ связи съ исторіею древнихъ русскихъ инструментовъ, въ первомъ отдѣлѣ своего труда заботливо собралъ данныя, касающіяся духовыхъ инструментовъ и другихъ странъ и народовъ: трубъ изъ раковинъ, какъ наиболѣе примитивной формы музыкальныхъ духовыхъ инструментовъ, роговъ и трубъ Индіи, Китая, Японіи, Америки, еврейскихъ, абиссинскихъ (древней Эѳіопіи), ассирійскихъ и вавилонскихъ, древне-греческихъ, финикійскихъ, исламитовъ (арабовъ и турокъ), негритянскихъ племенъ Африки, народовъ Италіи: этрусковъ и римлянъ, Византіи и древнихъ народовъ, населявшихъ Западную Европу. Второй отдѣлъ труда посвященъ исключительно русскимъ трубамъ, которыя первоначально приготовлялись изъ роговъ животныхъ. Въ старинной русской жизни главное значеніе трубъ было подавать опредѣленные сигналы во время военныхъ дѣйствій. Указавъ на значеніе трубъ, авторъ переходитъ къ описанію изображеній старинныхъ русскихъ трубъ по источникамъ древне-русской и иностранной литературы. Въ періодъ монгольскаго ига русскія трубы не утратили своего восточнаго типа — напротивъ, наша современная пастушья металлическая труба представляетъ яркій образчикъ восточнаго наслѣдія. Съ XV столѣтія проникаетъ къ намъ западное вліяніе, оказываемое иностранцами, какъ купцами изъ Германіи, Голландіи, Италіи и прочихъ европейскихъ государствъ, такъ и приглашаемыми на службу русскими государями.

Рейтарскіе нѣмецкіе и французскіе полки приносятъ съ собою весь свой военный обиходъ, въ томъ числѣ и трубы, какъ прямыя, такъ и различно изогнутыя: до XVI в. въ формѣ, извѣстной въ Европѣ съ XIV столѣтія, а начиная съ XVI в.,—по извѣстной и доннынѣ сохранившейся формѣ. Съ XVII в. трубы эти вошли во всеобщее употребленіе и въ русскихъ войскахъ, причемъ, будучи выписываемы прямо изъ Голландіи, украшались завѣсами, кистями и проч. Петръ Великій ввелъ въ русскій военный оркестръ трубы по установившимся въ Западной Европѣ образцамъ.

Вторая статья Н. И. Привалова: «Лира (ліра, рыле и реле), русскій народный музыкальный инструментъ», представляетъ историческое изслѣдованіе интереснаго и весьма распространеннаго смычковаго музыкальнаго инструмента, заимствованнаго изъ Западной Европы и вытѣсняющаго у насъ на югѣ болѣе древніе типы инструментовъ—бандуры и гусли. Первые упоминанія о лирѣ въ древней Руси относятся къ концу XVI и началу XVII в. Въ XVII столѣтіи лира является въ московской Руси: по свидѣтельству Маскевича, бывшаго въ Москвѣ въ 1605—1606 гг., «на русскихъ пирахъ шутамъ приказывали играть на лирѣ, слѣдуя польскому обычаю». Вообще лира, носившая названіе «кипарь», была любимымъ инструментомъ въ Великороссіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Въ XIX столѣтіи она совершенно исчезаетъ изъ употребленія у великоруссовъ, получивъ большое распространеніе на юго-западѣ Россіи, преимущественно въ Малороссіи. Здѣсь лира стала быстро вытѣснять излюбленный древній музыкальный инструментъ, бандуру или кобзу. Бандура или кобза, по своей конструкціи, напоминаетъ гитару, арфу или гусли—звуки ея тихіе, мелодичныя. Звуки же лиры болѣе рѣзкіе и визгливыя, вслѣдствіе чего лирникъ долженъ напрягать свой голосъ, для того, чтобы слушатели могли разобрать слова. Отъ этого пѣніе лирника грубѣе, чѣмъ кобзаря, и менѣе музыкально дѣйствуетъ на толпу. Лирничествомъ занимаются въ Малороссіи исключительно слѣпые; нѣкоторые изъ нихъ, имѣя достаточно, считаютъ долгомъ своимъ посвятить жизнь своему благочестивому занятію, въ искупленіе за слѣпоту, какъ бы ниспосланную имъ въ видѣ Божьяго наказанія. Репертуаръ у лирниковъ носитъ нравственно-поучительный или религіозный характеръ; въ ихъ пѣсняхъ или оплакивается горькая доля сироты, или смерть бѣдняка, какъ успокоеніе въ его злосчастной исполненной страданій жизни; берутся также сюжеты изъ священнаго писанія, изъ которыхъ особенною популярностью пользуется притча о благочестивомъ Лазарѣ. Въ соотвѣтствіи съ родомъ занятій находится и нравственный обликъ лирниковъ. По своимъ личнымъ качествамъ, они въ большинствѣ случаевъ являются людьми благочестивыми, смиренными и набожными, а иногда мизантропическ-мрачно настроенными. У каждаго пѣвца есть обыкновенно свой опредѣленный районъ, въ предѣлахъ котораго онъ и переходитъ съ мѣста на мѣсто, пріурочивая свои посѣщенія къ праздничнымъ и ярмарочнымъ днямъ, когда бываетъ значительное стеченіе народа. Но нѣкоторые заходятъ и за предѣлы Малороссіи. Крестьяне относятся къ лирникамъ сочувственно и окружаютъ ихъ всевозможными заботами и уваженіемъ. Обучаются лирники своему искусству обыкновенно другъ отъ друга, или у болѣе извѣстныхъ стари-

ковъ-профессіоналовъ, такъ называемыхъ «дидовъ». Кроме того, одинъ изъ южныхъ монастырей ввелъ обученіе на лирѣ въ число религіозныхъ функцій своей дѣятельности. Стѣнцы безвозмездно получаютъ тамъ лиры и обучаются игрѣ и пѣснопѣніямъ религіознаго характера, а затѣмъ выпускаются добывать себѣ хлѣбъ.

Въ статьѣ «Мѣстная грамота XIV вѣка» Н. П. Павловъ-Сильванскій сообщаетъ о любопытномъ документѣ изъ бумагъ, захваченныхъ при арестѣ кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, — списокъ съ мѣстной или мѣстнической грамоты 1368 г., данной великимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ, современникомъ и тестемъ Дмитрія Донскаго; относится ко времени царствованія Петра Великаго. Грамоты этого типа чрезвычайно рѣдки, до сихъ поръ онѣ извѣстны всего лишь въ двухъ и то позднихъ спискахъ. По нѣкоторымъ странностямъ изслѣдованнаго списка грамоты въ немъ можно предположить поддѣлку, но поддѣлку тонкую и искусную, основанную на неизвѣстныхъ намъ рѣдкихъ образчикахъ грамотъ удѣльнаго періода. Содержаніе грамоты слѣдующее: князь Дмитрій Константиновичъ, правившій въ Нижнемъ-Новгородѣ, указываетъ, въ какомъ порядкѣ должны были сидѣть князья на лавкѣ въ думѣ нижегородскаго великаго князя. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ тысяцкій, князь Дмитрій Александровичъ Волынскій. Затѣмъ сидѣли князья: городецкій, польскій, березопольскій и курмышскій. Противъ нихъ особо «въ скамьѣ» бояре: Лобановъ и Новосильцовы. Генеалогическія разысканія А. П. Волынскаго, сохранившія для русской исторіи рѣдчайшій списокъ грамоты, были для него роковыми. Особенно трагическую роль сыграло составленное для него сказаніе объ участіи въ Куликовской битвѣ Дмитрія Волынскаго, приписывавшее послѣднему всю честь побѣды. Сказаніе указывало, что Дмитрій Волынскій, которому всѣ «приписывали всецѣло славную викторію надъ татарскимъ ханомъ», породнился съ великимъ княземъ черезъ бракъ съ его дочерью Анною и пріобрѣлъ всеобщую любовь народа. Великій князь Дмитрій Іоанновичъ, по навѣтамъ придворныхъ, началъ опасаться, чтобы его зять не захватилъ престола; Волынскій разсѣялъ всѣ его опасенія, великодушно отказавшись отъ княжескаго титула. Въ найденномъ въ бумагахъ А. Волынскаго чертѣжѣ родословнаго древа изображенъ былъ внизу князь Д. Волынскій и великая княжна Анна. По показаніямъ свидѣтелей, «оную картину хотѣлъ онъ, Волынскій, въ чужихъ краяхъ напечатать и разослать въ Россіи и другія государства, дабы знали въ народѣ, что онъ близокъ свойствомъ къ императорской фамиліи, и что у него ума столько есть, чтобъ самому государствомъ править». Судьи придали этимъ генеалогическимъ розыскамъ важное политическое значеніе, и это послужило однимъ изъ серьезныхъ оснований къ произнесенному надъ нимъ смертному приговору.

Проф. И. А. Шляпкинъ помѣстилъ въ «Запискахъ» подробное изслѣдованіе о древнихъ русскихъ крестахъ, иллюстрированное 10-ю прекрасно исполненными таблицами. Предметомъ изслѣдованія послужили исключительно кресты намогильные и памятные или поклонные. Изслѣдованіе И. А. Шляпкина весьма важно въ томъ отношеніи, что вопросъ объ обычаяхъ христіанскаго погребенія весьма мало разработанъ русскими учеными, обращавшими

несравненно большее вниманіе на обычаи древнихъ языческихъ обрядовъ сожженія и погребенія.

Въ статьѣ «Кокшенъгская старина» М. Едемскій передаетъ свои наблюденія, сдѣланныя имъ въ 1905 г. надъ однимъ изъ заброшенныхъ и мало извѣстныхъ уголковъ: мѣстности въ области рѣки Кокшенъги, частью протекающей по Вологодской и частью по Архангельской губерніямъ. Наблюденія его относятся преимущественно къ Тотемскому уѣзду Вологодской губерніи. Жители Кокшенъги, «кокшары», имѣютъ свой особый укладъ жизни, свои нравы и обычаи, свои историческія воспоминанія и преданія. «Кокшенъга» представляетъ одинъ изъ колонизаціонныхъ пунктовъ смѣлыхъ и предприимчивыхъ новгородцевъ, двигавшихся на сѣверъ. Первыми поселеніями ихъ были деревня Новгородовская, жители которой почти все носятъ фамилію Силенскихъ, по имени перваго выходца Силы, и дер. Шкулевская (почти противъ Новгородовской на другомъ берегу Кокшенъги), гдѣ одновременно съ Силою поселился Бусыръ. По внѣшности, характеру и говору кокшары могутъ не даромъ считаться истыми потомками новгородцевъ. Авторъ излагаетъ нѣкоторыя мѣстные преданія и описываетъ находимые въ той мѣстности памятники старины.

Членомъ императорской археологической комиссіи А. А. Спицынымъ въ нѣсколькихъ статьяхъ отмѣчены результаты сдѣланныхъ въ послѣдніе годы изслѣдованій кургановъ и городищъ въ разныхъ мѣстностяхъ: близъ слободы Гусевки Царицынскаго уѣзда (раскопки гг. Грекова и Соколова), въ Новгородской губерніи (описаніе коллекціи Н. К. Рериха), въ Смоленской губерніи (раскопки 1906 г. В. Н. Глазова). Въ «мелкихъ замѣткахъ» помѣщены статьи: художника-археолога Н. К. Рериха: «Янтари каменнаго вѣка» и «Фигурныя поддѣлки изъ кремня», и сообщенія А. А. Спицына о новостяхъ въ области археологіи.

Статья Г. Трусмана «Древнѣйшая ливонская хроника и ея авторъ» представляетъ попытку критическаго обзора этого спорнаго памятника древней письменности, изданнаго по кодексу Замойскаго, конца XIV столѣтія.

Кромѣ перечисленныхъ статей, выпускъ II, тома VII «Записокъ» содержитъ протоколы засѣданій отдѣленія славянской и русской археологіи за 1905 и 1906 гг.

А. Мионовъ.

«Хроника моей жизни», преосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Т. VI. М. 1907.

Шестой томъ «Хроники» представляетъ собою выдающійся интересъ по общему содержанію. Онъ обнимаетъ собою 1879—1883 года и заключаетъ свѣдѣнія о смерти Александра II и о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ событіемъ. Затѣмъ проходитъ рядъ свѣдѣній о мѣрахъ борьбы съ крамолою, о ея выслѣживаніи и подсчетѣ. Преосвященный Савва передаетъ все это объективно. Попрежнему преобладаетъ система писемъ отъ разныхъ лицъ и изъ разныхъ

концовъ Россіи: Петербурга, Харькова, Москвы, Витебска, Иркутска. Изрѣдка прерывается это картинами быта и описаніями разныхъ особенностей тверской епархіи. Красной нитью тянется по всей книгѣ дѣло Мазуриной и Булахъ съ очеркомъ личности митрополита кievскаго Филоея. Нужны были особыя усилія высшей администраціи, чтобы побороть одну такую личность, какъ Булахъ.

Вызванный въ Москву на коронацію Александра III, преосвященный Савва имѣлъ возможность близко столкнуться съ представителями высшей іерархіи и оставилъ блестящія характеристики митрополитовъ Исидора, Іоанніа, харьковскаго Амвросія и многихъ другихъ.

Замѣчательно искренно и задушевно переданы отношенія къ нему царственныхъ особъ. Вотъ относящіяся сюда мѣста:

«25 мая (1883 года), въ 5 ч., согласно назначенному мнѣ наканунѣ чрезъ оберъ-прокурора св. синода сроку, я отправился въ Александровскій дворецъ къ государю наслѣднику Николаю Александровичу. По пріѣздѣ туда я сначала принять былъ воспитателемъ ихъ высочествъ, ген.-ад. Даниловичемъ, такъ какъ ихъ высочества гуляли въ это время съ государемъ императоромъ, ежедневно въ этомъ часу посѣщавшимъ ихъ, въ дворцовомъ саду... Чрезъ нѣсколько минутъ быстро вошелъ въ гостиную государь наслѣдникъ, а вслѣдъ за нимъ и великій князь. Я поднесъ ихъ высочествамъ «Указатель патріаршей ризницы». Они съ любопытствомъ начали разсматривать въ книгѣ рисунки древнихъ ризничныхъ вещей. Цесаревичъ пригласилъ меня сѣсть съ собою на диванъ. Между тѣмъ изъ боковой двери явился 5-лѣтній малютка великій князь Михаилъ и сѣлъ подлѣ меня въ креслѣ, поцѣловавшій предварительно со мною по обычаю руку въ руку... Отворяется та же дверь и входитъ къ намъ великая княжна Ксенія и изволила сѣсть на кресло прямо противъ меня. Ген. Даниловичъ обратился къ ея высочеству съ вопросомъ: У васъ теперь, кажется, былъ французскій урокъ?» «Да», застѣнчиво отвѣтила царевна. «И долго продолжался?»—«Полчаса». Затѣмъ я сказалъ великой княжнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ.

«Послѣ сего, обратившись къ государю наслѣднику, я сказалъ отъ полноты сердца: «Какъ я счастливъ, что вижу предъ собою все царское семейство». Но на это наслѣдникъ съ живостію сказалъ мнѣ: «тутъ еще не всѣ, у насъ есть еще Ольга»—какъ это мило было слышать изъ устъ царственнаго юноши!

«Я забылъ было рассказать при семъ еще объ одномъ интересномъ эпизодѣ. Ген. Даниловичъ отрекомендовалъ мнѣ цесаревича, какъ хорошаго знатока церковно-богослужебныхъ порядковъ. Это очень пріятно удивило меня. Но, чтобы доказать это на опытѣ, Даниловичъ попросилъ его высочество прочитать великую эктению. Цесаревичъ смѣло и громко началъ читать: Міромъ Господу помолимся. О свѣшнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ Господу помолимся и т. д. Когда онъ остановился, я сказалъ ему: «Ну, ваше высочество, если вы такъ хорошо знаете церковную службу, то вамъ слѣдуетъ отказать отъ званія наслѣдника престола и принять священныя санъ по при

мѣру нѣкоторыхъ сыновей древнихъ византійскихъ императоровъ¹⁾. Цесаревичъ и прочіе всѣ разсмѣялись, и тѣмъ окончилась наша семейная бесѣда».

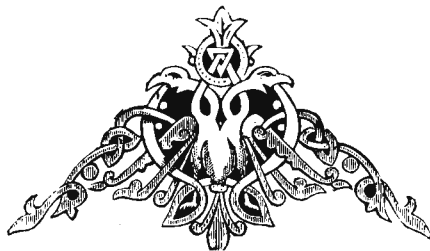
В. Л.

I. Свѣтскій. Извѣщеніе о 12-ти періодахъ судьбы человѣчества. 2-ое изданіе. Житомиръ. 1907.

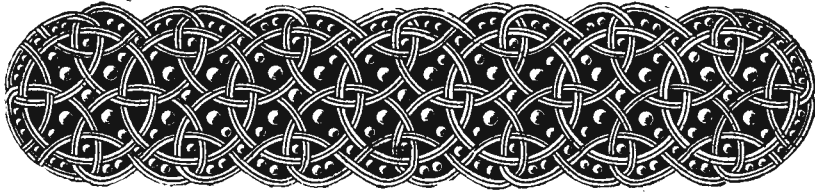
Хотя книга появляется во второмъ изданіи, но въ продажѣ она не существуетъ. Самъ авторъ разослалъ всѣ экземпляры обоихъ изданій, по своему усмотрѣнію, разнымъ выдающимся лицамъ Стараго и Новаго Свѣта, считая своимъ долгомъ, нравственною обязанностью оповѣстить весь міръ о судьбахъ человѣчества. Изъ предисловія этой небольшой книги можно усмотрѣть, что у I. Свѣтскаго (псевдонимъ) давно еще, когда онъ былъ студентомъ кіевскаго университета, подъ вліяніемъ древнихъ еврейскихъ книгъ и мистическаго настроенія, составила историческая картина жизни людей, но написать и напечатать ее разныя обстоятельства позволили ему только въ настоящее время.

Періоды, о которыхъ авторъ говоритъ въ своей брошюрѣ, не есть равныя промежутки времени. Это только болѣе подробное дѣленіе исторіи, не на три-четыре части, то-есть древнюю, среднюю и новую, а на 12 неравныхъ частей, отмѣченныхъ особеннымъ проявленіемъ «сатанизма» и борьбою съ нимъ. Въ своемъ краткомъ обзорѣніи міровой жизни народовъ главное вниманіе онъ сосредоточиваетъ на Россіи. Общій выводъ таковъ: въ мірѣ царитъ «сатанизмъ», и съ нимъ надо бороться духовнымъ оружіемъ, для чего «всѣмъ нужно нравственно и умственно переродиться». Все изложеніе проникнуто религіозными воззрѣніями автора.

И. П. М.

¹⁾ Такъ, патріархъ константинопольскій Игнатій († 878 г.) былъ сынъ императора Михаила Рангава; Ософилактъ (933—956 г.) — сынъ императора Романа. Примѣчаніе автора «Хроники».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

БЕГЕНДА о Бюриданѣ. Въ XIV вѣкѣ мирно существовалъ во Франціи ученый, философъ-схоластикъ, Бюриданъ, человекъ, серьезно преданный наукѣ и особенно прославившійся своимъ ученіемъ о волѣ. Жилъ онъ въ Парижѣ, былъ ректоромъ университета въ 1327 г., читалъ лекціи физики и морали Аристотеля въ 1340 г. и даже официально былъ посланъ къ папскому двору въ Авиньонъ, чтобы поздравить новаго папу Климента VI, и умеръ спокойно въ Парижѣ въ 1358 г., шестидесяти лѣтъ. И вотъ, вѣкъ спустя послѣ его смерти, поэту Виллону вздумалось написать «Ballade des dames du temps jadis», въ которой онъ рассказываетъ объ убійствѣ Бюридана, совершенномъ по приказу какой-то королевы (Жанны Наваррской, жены короля Филиппа Красиваго). Эта Мессалина, по его словамъ, устраивала въ Несльской башнѣ оргіи, послѣ которыхъ приказывала убивать, бросая съ башни въ Сену, молодыхъ людей, участвовавшихъ съ нею въ оргіяхъ. Будто бы въ башню заманивали студентовъ и другую молодежь, въ числѣ которой находился и Бюриданъ, который, узнавъ о своей участи, сказалъ: «Иногда позволительно убить королеву!»

Съ легкой руки Виллона эта легенда сдѣлалась такъ популярна, что прославила Бюридана болѣе, чѣмъ его ученныя изслѣдованія, и впоследствии послужила основой для драмы Дюма «Несльская башня». Какъ обыкновенно случается, одна легенда рождаетъ другую, и потому Бюридану приписали еще басню, никогда имъ не сочиненную, объ ослѣ, который въ одно и то же время былъ голоденъ и чувствовалъ мучительную жажду; онъ умиралъ между ведромъ съ водою и мѣрою овса, не рѣшался, за что ему сначала приняться. Эта басня сдѣлалась настолько популярной, что обратилась даже въ поговорку: «âne de Buridan».

По поводу этой легенды и басни въ «Nouvelle Revue»¹⁾ появилась статья Л. Тюана, въ которой онъ разбиваетъ какъ легенду, такъ и приписываемую Бюридану басню. Хотя Виллонъ и не назвалъ имени королевы, но оно и безъ того было у всѣхъ на языкѣ, и не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ нѣкій Жанъ де-Мюнера, пѣвчій Святой капеллы и прежній ученикъ наваррской коллегіи, написалъ въ защиту Жанны Наваррской маленькую книжку, появившуюся въ 1499 г. Въ ней онъ говорилъ, что Робертъ Гагенъ, первый историкъ, написавшій исторію Франціи (до него были только хроникеры), далъ слѣдующее объясненіе народному слуху. Скандальное поведеніе невѣстокъ Филиппа Красиваго обнаружилось, и онѣ были по приказу короля заключены въ тюрьму послѣ приговора къ пожизненному заточенію. Приговоръ былъ оглашень, и, конечно, ихъ вина стала всеѣмъ извѣстна. Современемъ въ народной памяти все перепуталось, и имя Маргариты Наваррской смѣшалось съ именемъ Жанны Наваррской, жены французскаго короля. Такимъ образомъ, легенда о любовныхъ злословіяхъ Бюридана съ королевой не выдерживаетъ критики. Жанна умерла въ 1304 г., а Бюриданъ родился въ 1295 г., слѣдовательно, ему было 9 лѣтъ, когда она умерла. Если даже допустить, что онъ родился въ 1290 г., то ему было во время этого приключенія только 14 лѣтъ. Кромѣ того, Филиппъ Красивый владѣлъ замкомъ Несль только съ 1308 г., а знаменитая башня, гдѣ происходили оргіи, о которыхъ говорятъ романисты, носила названіе не Несльской башни, а «башни Пелипа Гамлэна», и только домъ, къ которому она прилежала, сталъ называться съ 1313 г. «Hôtel de Nesle». Наконецъ, безспорно доказано, что жена Филиппа Красиваго никогда не жила въ этомъ жилищѣ, а обыкновенной резиденціей королевы былъ ея домъ въ улицѣ св. Андрея.

Тѣмъ не менѣе какой-то студентъ, по имени Юганнъ Іенчъ, по требованію одного изъ своихъ профессоровъ, написалъ въ 1471 г. разсказъ о любовныхъ похожденияхъ королевы въ башнѣ Несль, на основаніи словеснаго разсказа одного столѣтняго старца, будто бы знавшаго Бюридана старикомъ. Этотъ романическій разсказъ, однако, не обнаруживаетъ имени королевы Франціи, которая призвала къ себѣ Бюридана, провела съ нимъ три ночи и затѣмъ приказала бросить въ Сену. Но Бюриданъ спасся съ помощью сообщниковъ, находившихся на баркѣ съ сѣномъ у подножія башни, въ которое онъ и упалъ. Но, чтобы обмануть слухъ королевы, въ Сену бросили мѣшокъ, наполненный камнями, который произвелъ шумъ какъ бы отъ паденія тѣла. Очутившись на свободѣ, Бюриданъ рѣшилъ отменить королевѣ и, скупивъ всѣхъ птицъ въ Парижѣ, навязалъ имъ на шею надписи слѣдующаго содержанія: «Не бойтесь убить королеву Наваррскую; это доброе дѣло; если человекъ одного со мною мнѣнія, я ему не буду противорѣчить!» Затѣмъ онъ выпустилъ птицъ на свободу.

Хотя образованная публика забыла объ этой легендѣ, но въ народѣ она продолжала жить, и въ XVI вѣкѣ Брантомъ, намекая на скандалы, совершавшіеся въ Несльской башнѣ, писалъ: «Не могу сказать, что это вѣрно, но простонародье, по крайней мѣрѣ большинство парижанъ, утверждаютъ это, и

¹⁾ La légende de Buridan. Par L. Thuasne. «La Nouvelle Revue». 1 Février 1908.

нѣтъ такого человѣка, который, если его спросить, указавъ на башню, не разскажалъ бы вамъ того же самаго». Сюжетъ былъ настолько заманчивъ для романистовъ, что Гальярде и Дюма построили на немъ свою драму, а чтобы придать болѣе исторической правды, они взяли героиней Маргариту Наваррскую, прославившуюся своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ и при воцареніи новаго короля приговоренную къ смерти посредствомъ удушенія между двумя тюфяками.

Что же касается до басни объ ослѣ, то о ней уже много писали, и все-таки не пришли къ рѣшительному выводу. Тѣмъ не менѣе, зная смѣлыя теоріи Бюридана, особенно, когда онъ изучалъ психологическія основы воли и свободу воли, и въ которыхъ онъ не опасался высказывать личныя мнѣнія, не согласныя съ богословскими традиціями, за что его часто подозревали въ ереси, можно допустить, что онъ представлялъ голоднаго осла для нагляднаго сравненія съ голодной душою.

По поводу свиданія Бюридана съ папою Климентомъ VI, который, еще будучи просто Пьеромъ Рожье, учился съ нимъ, сохранился слѣдующій анекдотъ, отыскавшійся въ письмѣ нѣкоего д-ра Калькара къ шартрскому монаху Датцу. Калькара сообщаетъ, что во время своего пребыванія въ Парижѣ онъ зналъ одну молодую женщину, жену нѣмецкаго подданнаго, въ которую были влюблены Бюриданъ и одинъ монахъ ордена св. Бенуа, впоследствии сдѣлавшійся папою Климентомъ VI. Во время ссоры раздосадованный влюбленный ударилъ такъ сильно своего соперника по лицу, что показалась кровь и въ большомъ количествѣ. Онъ такъ хорошо «пустилъ ему изъ мозга кровь», что послѣ этого у монаха оказалась необыкновенная память. Впоследствии, когда университетъ послалъ Бюридана съ нѣсколькими студентами къ Клименту VI, чтобы поздравить съ посвященіемъ, то папа, едва его увидѣвъ, сказалъ, улыбаясь: «Зачѣмъ ты ударилъ папу?» На это Бюриданъ отвѣтилъ: «Святой отецъ, я ударилъ одного папу, а не папу». Этимъ онъ далъ понять, что ударилъ человѣка, который въ то время еще не былъ папою. Въ наказаніе папа обязалъ его всегда преподавать въ Парижѣ и гарантировалъ ему пожизненное пользованіе его доходомъ, все равно, будетъ ли онъ жить въ Парижѣ, или нѣтъ. Еще Петрарка указывалъ на необыкновенную память папы Климента VI, которою онъ былъ, по его словамъ, обязанъ полученному имъ сильному удару по головѣ.

— Христіанство въ Японіи. Вопросъ, какъ японцы смотрятъ на христіанство и можетъ ли оно у нихъ пустить глубокіе корни, достаточно выясняется въ статьѣ Ж. Дрю¹⁾, собственно извлеченіи изъ его труда «Восточный вопросъ», еще не вышедшаго въ свѣтъ. Первое вторженіе бѣлыхъ въ Китай совершилось подъ религіозной формой и не имѣло, однако, тамъ большого успѣха. Тѣмъ менѣе оно могло имѣть успѣха у японцевъ.

Какъ извѣстно, португальцы первые занесли въ Японію христіанство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и европейское оружіе. На ихъ корабляхъ явилось столько же миссіонеровъ, сколько кушцовъ, и рядомъ съ евангелиемъ было огнестрѣльное

¹⁾ Le «Christianisme au Japon». Par J. E. Driault. «La Revue Bleu». 28 Decembre 1907.

оружіе. Этимъ объясняется первый успѣхъ миссіонеровъ въ Японіи. Кромѣ того, они явились въ благоприятный моментъ для такого рода предпріятія, во время «чернаго года», когда въ Японіи царила анархія и среди вооруженныхъ партій были люди долга, содѣйствовавшіе миссіонерской пропагандѣ.

Хотя въ XVI вѣкѣ Японія все еще очень волновалась отъ мятежей и «кулачнаго права», но за это время власть послѣдовательно переходила къ тремъ замѣчательнымъ личностямъ, подготовившимъ для Японіи спокойствіе и благоденствіе болѣе чѣмъ на два вѣка. Это были Нобу-Нага, Хиде-ёси и Е-ясу, сначала работавшіе совмѣстно надъ труднымъ дѣломъ политическаго преобразованія. Нобу-Нага происходилъ изъ древней аристократической семьи, которая, будучи однимъ изъ отпрысковъ дома Тайра, вела свой родъ отъ японскихъ императоровъ. Хотя онъ и считался второстепеннымъ даймію, но былъ извѣстенъ уже, какъ искусный и мужественный полководецъ. Междоусобныя войны, свирѣпствовавшія въ Японіи почти непрерывно въ теченіе 50 лѣтъ, неблагоприятно отразились на японцахъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Крайняя бѣдность, въ которую впали императоръ и его дворъ, подорвала уже и такъ недостаточное уваженіе къ нему простонародья. Сѣ-гунагъ также утратилъ послѣднюю тѣнь фактической власти. Убіеніе сѣ-гуна Еси-теру, котораго замѣнилъ Еси-хиде изъ дома Аси-кага, выдвинуло впередъ личность Нобу-Нага, къ которому обратился Ёси-аки, братъ убитаго, прося его помощи для возстановленія власти сѣ-гуна, наслѣдованной имъ отъ брата. Нобу-Нага согласился и принялся за низверженіе династіи Аси-кага съ помощью Е-ясу и Хиде-ёси. Послѣдній былъ особенно выдающимся вождемъ, и юношей принадлежалъ къ шайкѣ «око-дате», цѣль которой была защищать угнетенныхъ и помогать бѣднымъ помощью воровства, грабежей и мошенничества. Съ такими помощниками и вооруженной ружьями дружиной Нобу-Нага скоро добился авторитета, но не захотѣлъ взять себѣ титула сѣ-гуна, престижъ котораго пошатнулся во время безпорядковъ.

Къ миссіонерамъ-іезуитамъ японцы, по словамъ автора, отнеслись равнодушно, тѣмъ болѣе, что въ то время банзы слишкомъ забрали въ руки власть и ими были недовольны. Нобу-Нага даже приказалъ уничтожить буддистскій монастырь близъ Кіото, на берегу священнаго озера Бива, причѣмъ сгорѣло около 500 храмовъ и произошло избіеніе банзъ. Это устранило препятствіе для дѣятельности миссіонеровъ, и они принялись за пропаганду.

Во время этой борьбы въ Японію явился св. Франсуа Ксавье съ нѣсколькими іезуитами. Онъ оставался тамъ только два года, 1549—1551 г., но въ эти два года едва не измѣнилась судьба этой страны. Ради пріобрѣтенія европейскаго оружія, японцы разрѣшали миссіонерамъ распространять христіанское ученіе и поселяли ихъ въ монастыряхъ, освобожденныхъ отъ банзъ, такъ что казалось, будто они служатъ ихъ замѣстителями. Однако, сущность христіанскаго ученія едва ли могла укорениться въ Японіи болѣе, чѣмъ въ Китаѣ, въ виду воинственнаго темперамента японцевъ. Впрочемъ, на христіанство послѣдніе смотрѣли, какъ на буддистскую секту: бѣдняки, страдавшіе отъ бѣдствій войны, жаждали вѣры и надежды, а потому набожно слушали слова

Франсуа Ксавье. Когда онъ уѣзжалъ изъ Японіи въ 1551 г., христіанъ было еще очень немного въ Японіи, но внослѣдствіи, подѣ покровительствомъ Нобу-Нага, пропаганда была плодотворнѣе: тридцать лѣтъ спустя въ Японіи было 150.000 христіанъ и 200 церквей, распределенныхъ между тремя викариатами—кіотскимъ, гиренскимъ и сикокскимъ.

Мало того, три даймію съ острова Кіу-Сіу даже посылали къ папѣ посольство съ просьбою поскорѣ причислить къ лику святыхъ Франсуа Ксавье. Ихъ встрѣтили въ Римѣ торжественно: весь городъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу, и одинъ современникъ описываетъ, что восторгъ и религиозное чувство настолько овладѣли умами всѣхъ, что царило глубокое молчаніе, нарушаемое лишь барабаннымъ боемъ, звуками литавръ и привѣтственными криками. Когда посланники были на мосту св. Ангела, изъ замка грянула пушка, въ отвѣтъ на которую раздался пушечный раскатъ изъ Ватикана, и затѣмъ послышались звуки всякаго рода музыкальныхъ инструментовъ. Когда узнали, что посольство приближается, папа съ кардиналами вошелъ въ королевскую залу. Едва папа сѣлъ на тронъ, какъ появились японцы, каждый съ письмомъ отъ своего даймію, и распростерлись на землю. Они сказали по-японски, что явились съ края земли, чтобы признать въ особѣ папы—викарія Христа. Побѣда, казалось, должна была быть слишкомъ велика, потому что кардиналы отъ радости рыдали во время аудіенціи. Самъ папа едва удерживалъ слезы. Онъ поднималъ японцевъ съ колѣнъ, поцѣловалъ ихъ въ лобъ, обнялъ нѣсколько разъ, оросилъ ихъ слезами и выказалъ имъ «нѣжное чувство». Обращеніе японцевъ въ христіанство сравнивалось затѣмъ въ произнесенной рѣчи съ самыми большими побѣдами апостоловъ первыхъ церквей. Черезъ пять дней папа умеръ, и новый папа Сикстъ V оказывалъ посланникамъ такое же вниманіе. Они оставались въ Римѣ еще три мѣсяца, но когда возвратились съ письмами отъ папы, то узнали, что Нобу-Нага умеръ, не перейдя въ христіанство. Тѣмъ не менѣе всѣ считали, что онъ ввелъ христіанство въ Японію и, судя по оказываемому христіанамъ покровительству, можно было ожидать, что вся Японія скоро сдѣлается христіанскою.

Послѣ смерти Нобу-Нага его другъ и помощникъ Хиде-ёси овладѣлъ властью; онъ далъ своему сыну титулъ сѣ-гуна, а самъ сдѣлался куамбаку, т. е. регентомъ; въ дѣйствительности же онъ былъ диктаторомъ. Поселившись въ Осака, близъ Кіото, онъ властвовалъ въ Японіи въ теченіе 15 лѣтъ и не приобрѣлъ популярности, а внушалъ къ себѣ страхъ. Въ японской исторіи онъ занимаетъ важное мѣсто, благодаря своей широкой внѣшней политикѣ, умиротворенію страны, измученной внутренними раздорами, и сознанию, какое важное значеніе имѣетъ для Японіи материкъ Азіи. Авторъ неправильно считаетъ сѣ-гуна сыномъ Хиде-ёси; это былъ внукъ Нобу-Нага, и регентство состояло изъ трехъ лицъ.

Умиротворивъ страну, Хиде-ёси задумалъ подчинить сосѣднихъ варваровъ, т. е. китайцевъ и корейцевъ, полагая, что это поможетъ ему объединить страну и поселить въ ней миръ и спокойствіе. Съ этою цѣлью онъ вторгнулся въ нее въ 1591 г., и это послужило началомъ семилѣтней войны 1591—98 г. Китайцы, жившіе всегда въ дружбѣ съ корейцами, явились къ нимъ на по-

мощь, но были побиты въ Пинхъ-Янгѣ на сѣверъ отъ Сеула. На слѣдующій годъ они явились въ такомъ количествѣ, что вытѣснили японцевъ на югъ, къ Фузану. Хиде-ёси долженъ былъ удовольствоваться трактатомъ, по которому корейскій императоръ призналъ его японскимъ императоромъ. Затѣмъ послѣдовалъ обмѣнъ визитовъ, и началась правильная торговля между этими странами.

Однако недолго длился миръ: корейскій императоръ прислалъ въ Осака съ поздравленіемъ къ Хиде-ёси офицера не высшаго чина, и это требовало отпущенія. Впрочемъ, рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій японцы не предпринимали, но ихъ флотъ являлся у береговъ Китая и причинялъ большіе убытки. Хиде-ёси дѣлалъ планы не только относительно завоеванія Китая, который смотрѣлъ на Японію, какъ на вассала, но даже мечталъ о Филиппинахъ.

Его отношенія къ христіанству, по словамъ автора, были чисто практическія; онъ привлекалъ въ Осака португальскихъ миссіонеровъ и купцовъ, наговорилъ іезуитамъ, что съ удовольствіемъ бы сдѣлался христіаниномъ, если бы не его страсть къ женщинамъ. Это было предлогомъ, чтобы оттянуть переходъ въ христіанство, заманить іезуитовъ, заставить ихъ желать этого перехода настолько, чтобы заплатить ему за перемѣну религіи. «Когда у меня будетъ двѣсти кораблей, я окончу войну съ Кореей и Китаемъ,—говорилъ онъ,—и буду въ завоеванныхъ странахъ самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ религіи Яссо (Иисуса)».

Португальцы, однако, воздержались удовлетворить честолюбіе Хиде-ёси изъ опасенія, какъ бы эта услуга не обернулась противъ нихъ, и желая сохранить за собою первенство на морѣ. Въ одинъ прекрасный день Хиде-ёси пожелалъ, чтобы въ гавани Осака появился большой португальскій корабль, только что приплывшій въ Хирадо. Капитанъ отвѣчалъ ему, что такой корабль не можетъ пройти чрезъ узкіе проходы, ведущіе въ Осака, не рискуя погибнуть. Это послужило сигналомъ къ разрыву. Португалія перестала вести прежнюю политику относительно Японіи, а въ 1580 г. она подпала подъ господство испанцевъ. Ихъ моряки и купцы, оставленные на собственное усмотрѣніе, стали вести себя разнузданно: позволяли себѣ различныя насилія, убійства, похищали женщинъ, продавали ихъ въ рабство, развратничали и т. д. Поэтому японцы обыкновенно говорили, что европейскіе патеры проповѣдуютъ одинъ законъ, а европейскіе купцы слѣдуютъ другому. Такимъ образомъ успѣхъ христіанской морали былъ скомпрометированъ въ то время, когда Хиде-ёси хотѣлъ извлечь изъ него пользу. Тѣмъ выгоднѣе это оказалось для банзъ и помогло имъ примириться съ правительствомъ, которому, къ тому же, они помогли умиротворить вспыхнувшій мятежъ въ странѣ Сатцумы. Съ этого времени Хиде-ёси рѣшился изгнать іезуитовъ. «Японія, сказала онъ, страна Бога, и христіанскіе патеры не должны въ ней проповѣдывать свою лживую вѣру. Мы не можемъ допустить ихъ оставаться долѣе въ нашей странѣ; они должны ее покинуть и возвратиться къ себѣ не позже, какъ въ двадцатидневный срокъ. Но до этихъ поръ запрещается кому-либо ихъ преслѣдовать, какимъ бы то ни было способомъ». Этотъ указъ пока былъ лишь предупреденіемъ, платонической угрозой. Однако Омура, одинъ изъ

даймію, отправившихъ къ папѣ посла, былъ лишень нанасакскаго лена. Его укрѣпленный удѣлъ былъ открытъ для иностранной торговли, которую Хиде-ѳси всегда считалъ выгодною, а въ 1597 г. началось жестокое преслѣдованіе христіанъ, изъ которыхъ 24 было распято; среди нихъ находилось 2 іезуита и множество францисканцевъ. Но въ общемъ христіанскіе миссіонеры не были изгнаны и продолжали вести пропаганду при равнодушномъ отношеніи къ нимъ правительства. Когда въ 1598 г. умеръ Хиде-ѳси, христіане своимъ количествомъ и пушками представляли могущественную силу, съ которой приходилось считаться. Это было началомъ страшнаго кризиса, который олицетворялъ Е-ясу, основатель династіи Токугава.

Центромъ своей власти онъ избралъ Іэдо, теперешній Токио, и создалъ самый замѣчательный изъ періодовъ въ исторіи Японіи—сѣ-гунатъ въ Іэдо, который длился до 1868 г. Сначала онъ строилъ широкіе планы относительно торговли, подобные замысламъ теперешняго микадо Мутсу-Хито, и хотѣлъ открыть широко двери въ Японію для иностранныхъ купцовъ и европейской цивилизаціи. Такимъ образомъ онъ опередилъ исторію болѣе чѣмъ на два вѣка. Однако его широкой политикѣ помѣшали новые религиозные раздоры и соперничество европейцевъ. Несмотря на эдиктъ предыдущаго царствованія, христіане снова принялись за пропаганду, которую распространяли уже съ этихъ поръ въ сѣверной Японіи. Подстрекаемый францисканцами, Дате-Мазамунѣ, даймію провинціи Ошу, одинъ изъ самыхъ преданныхъ сторонниковъ Е-ясу, отправилъ 30 января 1615 года посольство въ Испанію съ подарками къ Филиппу III и съ сообщеніемъ, что Дате-Мазамуне понялъ ошибки японскихъ сектъ и отрекается отъ нихъ, намѣреваясь перейти въ христіанство со всѣми своими вассалами. Онъ обращался къ королю, прося его поддержки въ такой великой задачѣ. Онъ извѣщалъ также, что и сѣ-гунъ намѣренъ перейти въ христіанство. Нѣсколько дней спустя его посланникъ Хазекура былъ окрещенъ и получилъ имя Филиппъ-Франсуа. Крещеніе произошло во францисканскомъ монастырѣ въ присутствіи короля Филиппа III. Затѣмъ посольство отправилось въ Римъ, и тамъ произошла такая же торжественная встрѣча, какая была оказана и предыдущему посольству.

Посланникъ передалъ папѣ письмо Дате-Мазамуне. Въ немъ, выражая желаніе перейти въ христіанство, онъ просилъ папу «располагать, управлять его страню и основывать въ ней все, что онъ найдетъ полезнымъ для пропаганды святого, Божьяго закона и для обращенія всѣхъ его жителей въ христіанское вѣроисповѣданіе». Это письмо произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ кардиналовъ: оно давало надежду, что скоро Японская имперія перейдетъ вся въ христіанство. 12 декабря римскій сенатъ принялъ Хазекуру въ ряды своихъ гражданъ и сенаторовъ. На возвратномъ пути жители всѣхъ итальянскихъ и испанскихъ городовъ торжественно встрѣчали японское посольство и дарили ему медали, кресты, дорогія вазы въ виду предстоящаго появленія многочисленныхъ католическихъ церквей. Тѣмъ временемъ Дате-Мазамуне построилъ громадный корабль, чтобы отправиться лично въ Новую Испанію за своимъ посольствомъ, и такимъ образомъ они возвратились въ Японію въ 1619 году. Повидимому, эти японцы вдохновлялись не только же-

ланіемъ сдѣлаться христіанами, но главное «замысливъ ввести у себя западныя методы и цивилизацію», другими словами сдѣлать то, что Японія сдѣлала два вѣка спустя.

Но въ то время, какъ посольство Хазекура находилось въ Европѣ, въ Японіи произошли большія перемѣны, и эра, которую она открыла, внезапно закрылась: Дате-Мазамуне не сдѣлался христіаниномъ: онъ обратился даже въ преслѣдователя христіанства. Хазекура былъ приговоренъ, какъ христіанинъ, къ хара-кири; по словамъ другихъ свидѣтелей, когда его хотѣли распять, какая-то сверхъестественная сила его унесла и никто его больше не видѣлъ.

Изъ этой статьи можно вывести заключеніе, что если практическій девизъ іезуитовъ: «цѣль оправдываетъ средство» не удержалъ японцевъ въ христіанской религіи, то едва ли истинно христіанская мораль можетъ у нихъ привиться.

— Истинная исторія Беатриче Ченчи. Современный американскій романистъ Маріонъ Крофордъ, всего болѣе замѣчательный романами изъ итальянской жизни, теперь занялся исторіей средневѣковаго Рима, поэтому профессоръ римскаго университета Томазетти снабжаетъ его многими ненапечатанными документами. Въ числѣ ихъ оказались интересныя рукописи, относящіяся до Беатриче Ченчи и ея отца Франческо; прославленныхъ знаменитымъ англійскимъ поэтомъ Шелли въ его драмѣ «Беатриче Ченчи». Крофордъ воспользовался этимъ неизвѣстнымъ доселѣ матеріаломъ, чтобы возстановить истинную исторію Беатриче Ченчи, и написалъ интересный очеркъ о дѣйствительныхъ подробностяхъ знаменитой драмы; эта статья ¹⁾ напечатана въ январскомъ номерѣ американскаго журнала «Century Magazine».

Страшная человѣческая трагедія смерти Франческо Ченчи и казни его убійцъ, въ томъ числѣ его родной дочери Беатриче, случившаяся въ 1598—99 г. главнымъ образомъ обязана своей популярностью поэту Шелли. Онъ основалъ свою пьесу на одномъ изъ многочисленныхъ рукописныхъ итальянскихъ «*gelazioni*» или описаніи знаменитаго суда и казни, при чемъ онъ позволилъ себѣ прибавить нѣсколько созданныхъ его гениемъ сценъ, какъ, напримѣръ, сцена банкета; даннаго Франческо Ченчи по случаю празднованія смерти его сыновей. Такимъ образомъ пьеса Шелли, напечатанная въ 1819 г., остается вѣчнымъ памятникомъ гевія и въ то же время исторической ошибкой. Исторія Ченчи замѣчательна еще другой ошибкой, имено тѣмъ, что до сихъ поръ неправильно принимали картину Гвидо Рени «Дама въ тюбанѣ» за портретъ Беатриче Ченчи, будто бы написанный во время ея тюремнаго заключенія. На основаніи новыхъ документовъ Крофордъ доказываетъ, что Гвидо Рени во время суда надъ Беатриче Ченчи находился въ Испаніи и только въ 1608 г. началъ писать картины въ Римѣ, спустя девять лѣтъ послѣ суда надъ нею. Прѣшло двѣсти двадцать лѣтъ прежде, чѣмъ было впервые упомянуто въ англійской книгѣ «Римъ въ XIX столѣтіи», напечатанной въ 1817 г., о томъ,

¹⁾ Beatrice Cenci. By Marion Crawford. «The Century Magazine». January 1908.

что въ римскомъ дворцѣ Барберини находится «Дама въ турбанѣ» Гвидо Рени—портретъ молодой, красивой и благородной женщины, убившей своего отца—Беатриче Ченчи.

Еще одинъ мифъ о Беатриче касается ея юности. Почти всѣ историки, писавшіе о ней, упоминаютъ, что она погибла на эшафотѣ шестнадцати лѣтъ, тогда какъ въ дѣйствительности ей было въ то время 22 года и 7 мѣсяцевъ, что доказывается ея метрическимъ свидѣтельствомъ, находящимся въ церкви Санъ-Лоренцо. Покончивъ съ легендами о трагической исторіи семейства Ченчи, Крофордъ переходитъ къ подлиннымъ историческимъ фактамъ и передаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Богатый римскій дворянинъ, графъ Франческо Ченчи, имѣвшій жестокій и порочный характеръ, былъ женатъ вторично и окруженъ многочисленнымъ семействомъ, столь же порочнымъ, какъ онъ самъ. Два его младшіе сына были убиты во время уличной ссоры, а старшій подозрѣвался въ желаніи убить отца, чтобы воспользоваться его наслѣдствомъ. У Франческо была еще дочь Беатриче, красивая, непреклонная дѣвушка, которую отецъ держалъ взаперти, надѣясь выдать замужъ за богатаго жениха. Въ 1598 г. Франческо повезъ свою жену и дочь на лѣтніе мѣсяцы въ замокъ Марціо Колонна, который на время предоставилъ ему свое помѣстье. Имъ управлялъ красивый молодой человѣкъ Олимпіо Кальветти, влюбившійся въ Беатриче и страшно ухаживавшій за нею, хотя былъ увѣренъ въ невозможности на ней жениться. Она не устояла предъ его страстью, а отецъ, узнавъ эту тайну, подвергнулъ ее тяжелому наказанію, а ея любовника изгналъ со службы въ семействѣ Колонна. Между тѣмъ у Беатриче родился ребенокъ, и ея мачеха удалила его съ глазъ мужа, увѣренная, что, узнавъ объ этомъ, онъ непременно убилъ бы мать и ребенка, или, во всякомъ случаѣ, заточилъ бы ее въ монастырь.

Олимпіо первый возымѣлъ мысль объ убійствѣ Франческо, надѣясь, что, въ случаѣ смерти отца, Беатриче выйдетъ за него замужъ. На это убійство согласилась не только Беатриче, но и ея мачеха Лукреція, не любившая мужа и надѣявшаяся, что послѣ его смерти она получитъ наслѣдство и будетъ въ состояніи дать хорошее приданое двумъ дочерямъ отъ перваго брака. Что же касается самой Беатриче, то она также надѣялась въ случаѣ смерти отца выйти замужъ за любимаго человѣка и сохранить своего ребенка.

Трагическая исторія о неестественной любви отца къ Беатриче и его близкихъ къ ней отношеніяхъ, которую сочинилъ ея защитникъ на судѣ, теперь оказывается вполнѣ ложной. Самое убійство графа Ченчи было совершено въ 1599 г. двумя убійцами—Олимпіо и Марціо Фіорани, которымъ помогали Лукреція и Беатриче. Послѣдняя открыла ставни въ окнѣ, чтобы ночью проникъ лунный свѣтъ и далъ возможность Марціо ударить графа молоткомъ по головѣ. Черезъ полчаса убійцы бросили трупъ графа съ вала, окружавшаго замокъ, предварительно расширивъ отверстіе въ парпетѣ съ цѣлью возбудить мысль, что графъ упалъ черезъ это отверстіе.

Сначала преступное дѣло обошлось очень хорошо, и мачеха съ падчерицей раздѣлили наслѣдство графа съ остальными наслѣдниками, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подозрѣніе пало на убійцъ и ихъ сообщницъ. Олимпіо Кальветти

быть убитъ во время его ареста и такимъ образомъ избѣгнувъ казни; но остальные обвиняемые подверглись роковой смерти, несмотря на ловко придуманную Фариначе, защитникомъ Беатриче, уловку, состоявшую въ томъ, что будто бы Фравческо покушался на честь своей дочери.

Такимъ образомъ Крофордъ въ своей статьѣ бросаетъ новый свѣтъ на романтическую трагедію и въ сущности не лишаетъ ее рокового характера, хотя и совершенно въ иномъ родѣ.

— Воспоминанія княгини Сайнъ-Витгенштейнъ.—Маститая восьмидесятитрехлѣтняя княгиня Витгенштейнъ на дняхъ подарила литературѣ свои записки, далеко не столь интересныя, какъ можно было ожидать отъ женщины, такъ много видѣвшей на свѣтѣ и перебывавшей во многихъ углахъ Европы. По рожденію русская, княжна Бяратинская, сестра покорителя Шамиля, она родилась въ Москвѣ въ 1816 г., и ея воспоминанія начинаются съ 1825 г., послѣ смерти ея отца, когда въ роскошномъ помѣстьѣ ея семейства, Ивановскомъ, въ Курской губерніи, ея мать посѣтилъ императоръ Александръ I. Онъ тогда ѣхалъ въ Таганрогъ, откуда ему не суждено было возвратиться живымъ. Мать княжны встрѣтила государя на лѣстницѣ, а своихъ семерыхъ дѣтей, отъ 11 до 2 лѣтъ, разставила по росту у входа въ гостиную. Государь, по словамъ княжны, обошелся съ дѣтьми очень привѣтливо и привелъ всѣхъ ихъ въ восторгъ своей красотой и добродушіемъ. Во время завтрака, который былъ поданъ въ оранжереѣ, онъ посылалъ дѣтямъ, собравшимся въ находившейся вонѣ комнатѣ, фрукты и сласти. Его сопровождали князь Волконскій и графъ Витгенштейнъ, отецъ будущаго мужа одной изъ дѣвочекъ, встрѣчавшихъ Александра. Послѣ этой встрѣчи въ «Воспоминаніяхъ» княжны Витгенштейнъ упоминается очень кратко о роковомъ событіи 14 декабря, которое при томъ не очень точно и вѣрно ею охарактеризовано. Она увѣряетъ, что Николаю Павловичу достаточно было появиться одному на площади и приказать толпѣ просить прощеніе у Бога, чтобы его воля была немедленно исполнена бросившейся на колѣни толпою,—и порядокъ водворился бы самъ собою. Вслѣдъ за этимъ событіемъ княгиня пропускаетъ много лѣтъ своего дѣтства и начинаетъ описаніе своей жизни со дня, когда ей минуло семнадцать лѣтъ, и ея мать, переѣхавъ изъ Ивановскаго въ Петербургъ, представила ее ко двору. Императрица Александра Теодоровна выказала къ ней особое расположеніе, и молодая дѣвушка почувствовала къ ней привязанность, которая не прерывалась во всю ея жизнь. При дворѣ въ это время слѣдовали одно за другимъ великолѣпныя празднества, а весною 1834 г. съ необыкновеннымъ торжествомъ произошло освященіе Александровской колонны. Но, по словамъ будущей княгини, ей всего пріятнѣе казались интимныя вечера у императрицы, на которыхъ бывало не болѣе пяти или шести постороннихъ лицъ, кромѣ императорскаго семейства. Особенно красивы и прелестны были три дочери Николая Павловича. Онѣ обыкновенно играли въ *petits jeux*, и государыня съ восторгомъ смотрѣла на нихъ, радуясь ихъ тѣсной дружбѣ. Эта семейная картина часто пополнялась еще присутствіемъ импера-

¹⁾ Souvenirs (1825—1907) princesse de Sayn-Wittgenstein. Paris. 1908.

тора, который, пользуясь свободными минутами отъ серьезныхъ занятій, приходилъ отдохнуть среди своего семейства. Обыкновенно онъ подходилъ къ императрицѣ и горячо ее обнималъ, а потомъ принималъ участіе въ общемъ разговорѣ. Составительница этихъ воспоминаній была однажды свидѣтельницей разговора императора съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ по поводу своего геройскаго поведенія 14 декабря. «Вы ошибаетесь,—сказалъ онъ: я не выказалъ столько мужества, какъ вы полагаете: мною обладало и руководило чувство долга», и быстро перемѣнилъ разговоръ.

Говорятъ, замѣчаетъ княгиня, что Николай Павловичъ былъ очень жестокъ и боюсь, что иногда дѣйствительно онъ выказывалъ жестокость, но я навѣрно знаю, что онъ умѣлъ быть великодушнымъ и сострадательнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всѣхъ очаровывалъ своей предупредительностью, учтивостью и веселостью, часто доходившей до гривуазности. Въ доказательство послѣдняго замѣчанія княгиня рассказываетъ одинъ происшедшій при ней эпизодъ. Однажды государь вмѣстѣ съ женою, дочерьми и нѣкоторыми приближенными лицами осматривалъ въ Царскомъ Селѣ какой-то павильонъ. Онъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа и разговорился со сторожемъ. «Ты женатъ?» «спросилъ онъ». «Женатъ, ваше величество», «отвѣчалъ сторожъ, отдавая ему честь». «У тебя есть дѣти?» «Никакъ нѣтъ, ваше величество». — «Слушай-ка внимательно: я буду крестнымъ отцомъ твоего будущаго ребенка: до свиданія, до крестинъ въ будущемъ году, непременно». Говоря это, императоръ расхохотался и отошелъ отъ оторопѣвшаго сторожа.

О добротѣ Николая I много говорилось, и въ воспоминаніяхъ княгини Витгенштейнъ упоминается объ одномъ любопытномъ случаѣ. Государь узналъ, что какая-то великосвѣтская полька была очень больна и, по случаю тяжелаго паралича, не могла явиться къ нему, хотя только онъ одинъ могъ ей оказать помощь въ дѣлахъ, которыя ее очень тревожили. Онъ успокоилъ ее обѣщаніемъ заняться ея дѣлами и предложилъ ей переѣхать въ Зимній дворецъ; а такъ какъ отведенная ей комната находилась слишкомъ высоко, то случалось, что онъ самъ носилъ ее по лѣстницѣ. И все это онъ дѣлалъ просто изъ чувства состраданія. Еще одинъ анекдотъ объ императорѣ Николаѣ и, быть можетъ, самый замѣчательный, приводитъ княгиня въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Какъ-то вечеромъ ей пришлось сидѣть одной съ императрицей, какъ вдругъ въ комнату вошелъ императоръ и сѣлъ у ихъ ногъ, что очень позабавило императрицу. Она обратила его вниманіе на нарядъ молодой дѣвушки, и онъ сталъ внимательно его разсматривать, при чемъ поцѣловалъ сначала ея пальцы, потомъ кисть руки, а затѣмъ локоть, и только что хотѣлъ идти выше, какъ императрица его остановила. «Оставь ее,—сказала она,—и не мучь болѣе». Онъ повиновался ей, но, склонившись къ молодой дѣвушкѣ, тихо спросилъ: «Скажите мнѣ правду, вы находите меня дурно воспитаннымъ?» Въ то же время онъ подставилъ ей свое ухо, и она тихо отвѣтила: «Немного». Императрица отъ души расхохоталась, а молодая дѣвушка была довольна эффектомъ, произведеннымъ ея отвѣтомъ.

О горячей любви императрицы къ своимъ дочерямъ княгиня Витгенштейнъ отзывается съ восторгомъ и приводитъ ея разговоръ относительно

великой княжны Маріи Николаевны. Однажды княгиня застала государыню въ странномъ настроеніи, отчасти въ печальномъ, отчасти въ радостномъ. Она рассказала ей подробности о костюмированномъ балѣ, бывшемъ наканунѣ у великой княгини Елены Павловны, на которомъ Марія Николаевна имѣла удивительный успѣхъ своей несравненной красотой. Рассказывая объ этомъ, государыня, казалось, испытывала борьбу между гордостью, что у нея такая красавица-дочь, и безпокойствомъ за ея судьбу. «Представьте себѣ,—продолжала она:—дочь съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала шествія, въ которомъ она должна была участвовать, что наконецъ не выдержала и побѣжала ему навстрѣчу. Въ чудномъ костюмѣ Сильфиды, задрапированная газомъ и держа въ рукѣ волшебный жезлъ, она скорѣе перелетѣла, тѣмъ перебѣжала залы, наполненныя публикою. Предоставляю вамъ вообразить, сколько жертвъ оказалось при ея проходѣ». И нѣжная мать, закрывъ глаза рукою, промолвила: «Она была страшно красива».

Однако княжнѣ Барятинской не долго пришлось пользоваться придворной жизнью: чрезъ годъ она вышла замужъ восемнадцати лѣтъ за Витгенштейна, медіатизированнаго нѣмецкаго владѣтельнаго князя, и уѣхала за границу. Княгиня еще нѣсколько разъ видала императрицу, но на иностранныхъ водахъ, куда государыня ѣздила для поправленія своего здоровья. Особенно запечатлѣлось въ памяти княгини свиданіе, назначенное ей Александрой Феодоровной въ 1841 году въ городѣ Ковно, когда она везла въ Россію невѣсту будущаго императора Александра II. Свидѣтельствую, что вообще государыню очень любили, княгиня Витгенштейнъ говоритъ однако, что многіе отзывались о ней критически за чрезмѣрное пристрастіе къ удовольствіямъ, нарядамъ, пустымъ мелочамъ жизни. «Но я никогда не была этого мнѣнія,—прибавляетъ княгиня:—напротивъ, я не разъ была свидѣтельницей, какъ она исполняла обязанности, противныя ея вкусамъ и которыя даже были ей не подъ силу; поэтому я видѣла въ ней трогательный типъ жены и матери. Послѣ смерти императора она умерла чрезъ пять лѣтъ, въ 1860 году, и Марія Николаевна трогательно описала въ письмѣ къ княгинѣ Витгенштейнъ послѣднія минуты жизни покойной государыни. Ея кончина была очень спокойная и, прощаясь съ дѣтьми, она сказала: «Объщайте мнѣ, что вы не будете слишкомъ обо мнѣ плакать, а, напротивъ, будете довольны, когда я васъ покину и уйду на небо» По словамъ великой княгини, государыня не была больна, но ея слабость увеличивалась съ каждымъ днемъ. Ей два раза предложили пріобщиться Св. Тайнъ, и оба раза она согласилась на это съ дѣтскимъ спокойствіемъ. Въ первый разъ она сказала: «Я не думаю, что серьезно больна, мнѣ только очень неприятно». Въ послѣдній день своей жизни государыня простилась со всѣмъ своимъ семействомъ, благословляя каждого изъ его членовъ и каждому говоря что-нибудь на память. «Мнѣ,—ишетъ великая княгиня,—она промолвила: «Добрая дочь...» Когда мы остались съ нею однѣ, то я спросила ее: «Мама, довольны ли вы?» Понявъ мой вопросъ, она отвѣчала съ улыбкой: «Очень довольна!» Она подчинялась смерти такъ же, какъ всему въ жизни: просто. Потомъ она собрала всѣхъ насъ, говоря: «Всѣ, всѣ сюда», и подняла руку, чтобы всѣхъ насъ благословить. Насъ было шестеро дѣтей, восемнад-

цать внучать, три невѣстки и одинъ зять. Она нѣжно благословила Григорія (графа Строганова, второго мужа Маріи Николаевны) и произнесла два раза: «Отъ всего моего сердца». Наконецъ она попросила посадить себѣ на плечо маленькую Анастасію (дочь Михаила Николаевича) и трогательно ее благословила. Этотъ невообразимо красивый ребенокъ лежалъ на плечѣ умирающей бабушки и эту сцену никогда не забудетъ тотъ, кто ее видѣлъ».

Этимъ кончается все, что упоминаетъ княгиня Витгенштейнъ о русскомъ дворѣ и вообще о Россіи, кромѣ нѣсколькихъ словъ, приведенныхъ въ заключеніе послѣдней главы ея воспоминаній и краткаго предисловія, гдѣ она въ трогательныхъ выраженіяхъ говоритъ: «Теперь Россія спитъ не сномъ, а кошмаромъ, но проснется ли она отъ этого сна и встанетъ ли, схвативъ руку, протянутую ей съ цѣлью возвратить ей счастье и престижъ?» Остальная часть воспоминаній княгини посвящена ея заграничной жизни. Сначала она поселилась съ мужемъ въ Берлинѣ, который тогда далеко не походилъ на нынѣшнюю великолѣпную столицу. Въ то время королемъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ III, женатый морганатически на княгинѣ Лигницъ. При немъ очень рѣдко давались придворные праздники, и княгиня Витгенштейнъ помнитъ только балъ, данный въ честь пріѣзда въ Берлинъ герцога Орлеанскаго и герцога Немурскаго—сыновей французскаго короля Людовика-Филиппа... Прусскій дворъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ французскому, и потому французскимъ приѣзцамъ, «приличнымъ и обворожительнымъ принцамъ», былъ оказанъ чрезвычайно холодный пріемъ. На этомъ праздникѣ заслуживалъ вниманія эпизодъ съ княгиней Меттернихъ, третьей женой знаменитаго дипломата, болѣе отличавшейся рѣзкимъ остроуміемъ, чѣмъ дипломатическимъ тактомъ. Герцогъ Орлеанскій подошелъ къ ней и сталъ восхвалять ея роскошную брильянтовую діадему. «О, сударыня, — воскликнулъ онъ: — какой великолѣпный вѣнецъ». На это она отвѣтила. «И къ тому же онъ не краденый».

Въ 1840 г. умеръ Фридрихъ-Вильгельмъ III, окруженный своимъ многочисленнымъ семействомъ, и ему наслѣдовалъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Это былъ, по словамъ княгини Витгенштейнъ, очень образованный человекъ, отличавшійся многими рѣзкими качествами, и его глубоко уважали всѣ пруссаки, особенно люди интеллектуальные: художники и писатели. Кромѣ того, онъ былъ пріятливъ, интересный собесѣдникъ и всегда поддерживалъ нравственныя тенденціи. Но его манеры были чрезвычайно просты и переходили границы приличій. Такъ однажды во время обѣда, на которомъ присутствовала княгиня Витгенштейнъ, король вдругъ прервалъ свой веселый разговоръ и началъ о чемъ-то грубо выговаривать лакею и кончилъ тѣмъ, что громко воскликнулъ: «Das ist aber eine Eseeil!...» Потомъ онъ отодвинулъ свое кресло, харкнулъ въ стоящую возлѣ плевальницу, взялъ со стола стаканъ шампанскаго, облилъ себѣ руки и сталъ сильно ихъ тереть другъ о друга, такъ что катышки грязи падали на салфетку. Затѣмъ онъ придвинулся къ столу и преспокойно продолжалъ обѣдать и разговаривать. Княгинѣ Витгенштейнъ показалось это столь противнымъ, что ее едва не стошнило, и послѣ обѣда королева Елизавета, не понимая истинной причины ея недомоганія, спросила ее: «Вамъ, кажется, дурно?» — и отвела ее въ свою комнату.

Пребываніе Витгенштейновъ въ Берлинѣ приближалось къ концу, и они перебрались въ Парижъ, гдѣ долго оставались зимою въ «Hôtel Meurice» на улицѣ Риволи, а лѣтомъ въ Елисейскихъ поляхъ. Съ этимъ временемъ совпадаетъ знаменательное событіе въ жизни княгини. Подъ вліяніемъ своей пріятельницы Свѣчиной и аббата Дюпанлу, она перешла въ католичество. На это согласился ея мужъ, который въ концѣ своей жизни, къ величайшему ея счастью, послѣдовалъ примѣру жены. Благополучно протекала ея жизнь среди избраннаго католическаго общества Дюпанлу, Свѣчиной и патера Гратри, когда неожиданно вспыхнула революція 1848 г. Княгиня видѣла съ балкона своей квартиры, какъ произошелъ рѣзкій переворотъ и солдаты, стоявшіе на часахъ у рѣшетки Тюльерійскаго сада, сняли мундиры, побросали ружья и разбѣжались по домамъ, а вскорѣ, послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, королевское семейство быстро перешло черезъ садъ до площади «Согласія» и, сѣвъ въ извозничьи экипажи, отправилось въ изгнаніе. На другое утро среди общей суматохи къ Витгенштейнамъ явился ихъ старый пріятель, графъ Николай Паленъ, который жилъ въ русскомъ посольствѣ, хотя и не принадлежалъ къ нему. Онъ предложилъ имъ свое гостепримство, и они охотно согласились его принять. Захвативъ съ собою своихъ четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ двое были на рукахъ нянекъ, они отправились въ путь, подъ покровительствомъ Палена. Хотя итти было недалеко, но ихъ постоянно встрѣчали революціонеры криками: «Шапки долой предъ державнымъ народомъ!» Наконецъ они достигли русскаго посольства и спокойно провели въ немъ цѣлый день, на ночь же вернулись въ свою гостиницу, а на слѣдующее утро уѣхали изъ Парижа въ Германію.

Въ Кельнѣ ихъ ожидала революція, и даже въ Берлинѣ ихъ встрѣтили безпорядки. Всю ночь они провели въ самомъ страшномъ положеніи: всюду слышалась пальба, и королю пришлось удалиться изъ города вмѣстѣ съ своей арміей. Конституція была насильно вырвана у короля, и Витгенштейнамъ пришлось перебираться черезъ баррикады и лужи крови, чтобы дойти до Потсдамской станціи и искать убѣжища у ихъ бабушки, графини Келлеръ. Когда прекратились смутныя времена и прусскій король возвратился въ свою столицу, то Витгенштейны уединились въ свое помѣстье Сайнъ, на живописномъ берегу Рейна. Оно было уже давно заброшено, и развалины трехъ замковъ принадлежали прусскому правительству, которое при королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ III пожаловало ихъ старому фельдмаршалу Витгенштейну, а отъ него онъ перешли къ его сыну. Жители Сайна были очень бѣдны и замѣчательно необразованы, но мало-по-малу, какъ увѣряетъ княгиня Витгенштейнъ, благодаря усиліямъ католическихъ монахинь, въ нихъ произошла большая перемѣна, и въ концѣ замка была построена готическая часовня. Въ это время въ Кобленцѣ пребывалъ наслѣдный принцъ прусскій, будущій императоръ Вильгельмъ, и его семейство. Это сосѣдство особенно было по сердцу княгинѣ Витгенштейнъ, которая горячо любила принцессу Августу, посвятившую все свое время только добрымъ дѣламъ и бывшую добрымъ гонимъ всей окрестной страны. Кромѣ частныхъ посѣщеній этой державной благотворительницы, княгиню посѣщали въ Сайнѣ ея французскіе друзья, особенно Монталамберъ

и Дюпанлу, который тогда былъ посвященъ въ санъ епископа Орлеанскаго. Княгиня лично присутствовала при этой церемоніи.

Большую часть зимняго времени Витгенштейны проводили въ Римѣ, и княгиня часто навѣщала папу Пія IX, котораго она глубоко уважала. Пользуясь своими близкими отношеніями къ нему, она постаралась однажды узнать, какъ онъ относится къ Дюпанлу, который, по мнѣнію клерикаловъ, неправильно толковалъ вышедшій въ то время папскій syllabus. На ея вопросъ Пій IX отвѣчалъ, не колеблясь: «Толкованіе syllabus'a епископомъ Дюпанлу исполнѣ правильно и хорошо, такъ что необходимо его держаться». Во время постоянныхъ разговоровъ съ княгиней папа часто говорилъ съ негодованіемъ противъ враговъ папской власти: «Они могутъ отнять у меня все, что хотятъ, но одного имъ не удастся меня лишить—свѣтской власти».

Въ 1861 г. умеръ Фридрихъ-Вильгельмъ IV и ему наслѣдовалъ принцъ Вильгельмъ. По словамъ княгини Витгенштейнъ, всѣ были въ восторгѣ отъ его воцаренія. Онъ былъ чрезвычайно популяренъ въ Пруссіи, армія его обожала и вообще онъ завоевывалъ всѣ сердца своимъ рыцарскимъ и радушнымъ обращеніемъ. Культъ, который онъ питалъ къ монархическимъ принципамъ, дѣлалъ его любимцемъ всѣхъ пруссаковъ. Въ первое время царствованія Вильгельма княгиня рѣдко видѣла короля и королеву, такъ какъ большую часть времени она проводила въ Сайнѣ, гдѣ вскорѣ умеръ ея мужъ. Въ время франко-прусской войны княгиня поселилась въ Дюссельдорфѣ и ухаживала за ранеными, какъ нѣмецкими, такъ и французскими. Ей горячо помогала въ этомъ императрица Августа, единственная мысль которой сосредоточивалась на окончаніи войны и заключеніи мира. Однажды она сказала княгинѣ съ большимъ волненіемъ: «Если бы теперь во Франціи нашелся человѣкъ высоко-достойный и всѣми уважаемый, то его роль была бы заранѣе указана. Какъ представитель французскаго правительства при императорѣ, онъ предложилъ бы миръ, починъ котораго мы не можемъ взять на себя, но на что мы охотно согласились бы». На эти слова княгиня Витгенштейнъ отвѣчала: «А что вы скажете, ваше величество, относительно орлеанскаго епископа Дюпанлу?»— «Прекрасная мысль,—отвѣчала императрица:—имѣете ли вы возможность переписаться съ нимъ и получить отвѣтъ?»—«Конечно», сказала княгиня.

Императоръ, которому Августа сообщила этотъ разговоръ, исполнѣ согласился съ нею и княгиней Витгенштейнъ, что Дюпанлу былъ лучшій человѣкъ для мирнаго посредничества между враждующими сторонами. Княгиня Витгенштейнъ ожидала только телеграммы императрицы, чтобы написать Дюпанлу о радостномъ порученіи, но телеграмма оказалась совершенно иного содержания: императрица увѣдомляла, что «невозможно осуществленіе нашей мысли по случаю его послѣдняго пастырскаго посланія». Дѣйствительно, епископъ Орлеанскій въ этомъ посланіи сравнивалъ пруссаковъ съ гуннами и увѣщевалъ свою паству молиться объ обращеніи въ бѣгство новаго Аттилы.

Послѣ продолжительной болѣзни скончался папа Пій IX, и на его мѣсто былъ избранъ Левъ XIII. Между ними обоими, по словамъ княгини, не было ничего общаго, начиная съ внѣшности. Отъ Пія IX всѣ выходили, пораженные его отеческимъ добродушіемъ и тонкой улыбкой, слегка даже иронической.

Напротивъ, Левъ XIII производилъ впечатлѣніе чловѣка сосредоточеннаго, безмолвнаго и углубленнаго въ созерцаніе неба. Два раза княгиня удостоивалась его аудіенціи и до сихъ поръ сохраняетъ неизгладимое воспоминаніе объ его словахъ, полныхъ умиленія.

Около этого времени княгиня Витгенштейнъ, часто проживавшая въ Швейцаріи, купила себѣ виллу въ Уши на озерѣ Леманѣ и назвала ее «Monabri». Вскорѣ въ этомъ прелестномъ убѣжищѣ начали собираться ея родственники и друзья. Первой явилась г-жа Кравенъ, рожденная Лафероннэ, которая потомъ часто навѣщала княгиню и писала въ «Monabri» многія изъ своихъ сочиненій. Императрица Августа также нерѣдко тамъ бывала. Въ продолженіе пяти лѣтъ она каждое лѣто пріѣзжала на нѣсколько дней въ «Monabri», и ея дружба съ княгиней Витгенштейнъ еще болѣе усиливалась пламенной преданностью католической вѣрѣ. Хотя, по государственнымъ причинамъ, она не могла перейти въ католическую вѣру, но она искренно исповѣдывала ея принципы и была крѣпко привязана къ двумъ католичкамъ — къ княгинѣ Витгенштейнъ и маркизѣ Кастелланъ, дочери герцогини Дино. Въ 1878 г. маркиза Кастелланъ была нездорова, а потому императрица Августа посѣтила ее въ Эвъянѣ, гдѣ она жила. По словамъ княгини Витгенштейнъ, она ее сопровождала въ этой поѣздкѣ, но въ только что вышедшихъ запискахъ сына маркизы Кастелланъ говорится, что онъ самъ ѣздилъ за императрицей въ Уши. Кто изъ нихъ правъ, не важно, а любопытно только, что двѣ католички были въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ протестантской императрицей. Княгиня Витгенштейнъ совершенно согласна съ императоромъ Вильгельмомъ, что императрица Августа была святая. «Съ ея смертью, говоритъ княгиня, одна страница моей жизни навѣки закрылась».

Въ «Monabri» княгиня Витгенштейнъ принимала еще замѣчательныхъ русскихъ католиковъ, іезуитовъ Гагарина, Балабина и Пирлинга. Княгиня увѣряетъ, что умершій вскорѣ послѣ ея посѣщенія патеръ Гагаринъ написалъ много сочиненій, въ которыхъ на каждой строчкѣ проглядывала его пламенная любовь къ родинѣ, чему немало не мѣшала исповѣдуемая имъ «религія». Балабинъ былъ также патеромъ іезуитскаго ордена и жилъ постоянно въ Каирѣ въ іезуитскомъ учрежденіи. Послѣ смерти этихъ обоихъ русскихъ католиковъ остался только одинъ имъ подобный, именно патеръ Пирлингъ, ученый историкъ и, по словамъ княгини, столь же преданный, какъ они, своему отечеству.

На этомъ оканчиваются воспоминанія княгини Витгенштейнъ, которая многое, очень любопытное въ своей жизни, пропускаетъ въ изданной книгѣ, какъ, напримѣръ, ея ухаживаніе за больнымъ старымъ Листомъ.

— Новый переводъ католической библіи. — Папство Пія X во всякомъ случаѣ останется памятнымъ въ исторіи уже по одному распоряженію о пересмотрѣ латинской Библіи, порученномъ бенедиктинскому ордену и главнымъ образомъ Франциску Гаскету, предсѣдателю англійской бенедиктинской конгрегаци. Въ мартовской книжкѣ «Pall Mall Magazine» ¹⁾ Сальваторъ Кортези

¹⁾ A New Reaging of the Bible. By Sarvatory Cortesi «Pall Mall Magazine», March 1908.

помѣстил интересный очеркъ теперешняго текста католической Библии и предстоящаго новаго перевода. Священное писаніе, употребляемое теперь въ католическомъ мірѣ, принадлежитъ труду св. Иеронима и называется «Vulgata», т. е. обыкновенный текстъ.

Сначала переводъ св. Писанія былъ греческій и проникъ въ Римъ изъ Африки; св. Иеронимъ, «мудрѣйшій человѣкъ въ латинской церкви», родившійся въ Аквилеѣ, главномъ городѣ Венеціанской области, взялся за гигантскій трудъ перевода библии на латинскій языкъ. Онъ долго прожилъ въ Сиріи и умѣлъ читать по-еврейски. Съ благословенія папы Дамаска I, онъ прежде всего приступилъ къ изданію Новаго Завѣта въ 383 г. Потомъ онъ перешелъ къ Книгѣ псалмовъ, которая въ настоящее время употребляется лишь въ соборѣ св. Петра въ Римѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ св. Иеронимъ среди своей работы подвергся преслѣдованію враговъ и уѣхалъ въ Палестину, гдѣ занялся переводомъ Книги псалмовъ. Затѣмъ онъ сталъ переводить Ветхій Завѣтъ съ еврейскаго подлинника, что и окончилъ черезъ тринадцать лѣтъ, въ 405 г. Однако, несмотря на основательный и ученый трудъ, кромѣ Vulgat'ы, существовало еще много другихъ списковъ латинской Библии, особенно послѣ смерти св. Иеронима въ 420 г. Такъ какъ Библия была въ рукописи, то она стоила очень дорого, и за экземпляръ Vulgat'ы платили до 1000 золотыхъ флориновъ.

Сто лѣтъ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія явилась необходимость въ официальномъ изданіи и оно было предпринято впервые на Трентскомъ Соборѣ въ 1546 г., когда былъ изданъ перечень каноническихъ книгъ св. Писанія. Въ 1590 г. Vulgata была издана Сикстомъ V подъ названіемъ Сикстинской библии, какъ единственнаго законнаго, авторитетнаго и безусловно вѣрнаго текста. Но Климентъ VIII, пріемникъ Сикста, приказалъ уничтожить всѣ экземпляры Сикстинской библии и напечатать новые томы Климентійской библии. Такъ просуществовала Вульгата до послѣдняго времени, несмотря на то, что уже давно ощущалась необходимость ея пересмотра. Наконецъ Левъ XIII составилъ комиссію, подъ названіемъ De Re Biblica, во главѣ которой стоялъ кардиналъ Рамполла. Но она занималась чисто академической работой, и только Пій X придалъ ей практическій характеръ. 30 апрѣля прошедшаго года кардиналъ Рампола написалъ письмо Гильдебранду Гемптину, аббату примасу бенедиктинцевъ, поручая бенедиктинскому ордену пересмотрѣть Vulgat'ы; при этомъ во главѣ комиссіи о пересмотрѣ находился аббатъ Гаскетъ, который вполне подходилъ для исполненія такой трудной задачи. Этотъ англійскій бенедиктинецъ, глубоко культурный человѣкъ съ основательными познаніями, назначилъ своими помощниками Лоренца Янсена, ректора аббатства св. Ансельма въ Римѣ, Амброджіо Амелли, пріора Монтекассина, и Донаціо Бриена, доктора богословія лувенскаго университета. Но такъ какъ это дѣло въ основѣ научное, а не богословское, то аббатъ Гаскетъ пригласилъ себѣ въ помощники всѣхъ знающихъ людей, даже не исключительно христіанскаго вѣроисповѣданія. Онъ посвятилъ этой громаднѣйшей работѣ всю свою жизнь и уже принялся за нее въ своей кельѣ бенедиктинскаго монастыря на Авентинскомъ холмѣ въ Римѣ.

«Двадцать лѣтъ тому назадъ Левъ XIII засадилъ меня за историческія изслѣдованія,—сказалъ онъ автору статьи,—и я принялся за нихъ съ большимъ рвеніемъ; но Пій X приказалъ мнѣ пересмотрѣть Vulgat'у, и я тотчасъ же охотно бросилъ все — занятія, труды, друзей и свою страну». О программѣ своихъ трудовъ Гаскетъ еще ничего не говоритъ и намѣренъ первые шесть мѣсяцевъ провести въ Италіи, преимущественно въ Римѣ. О трудности возложенной на него работы, можно судить по количеству первоначальныхъ рукописей Vulgat'ы, доходящихъ до 20.000 экземпляровъ. Быть можетъ ихъ окажется еще болѣе, особенно въ Испаніи, куда намѣренъ послать Гаскетъ знающихъ бенедиктинскихъ переписчиковъ. Прежде всего будутъ сдѣланы всевозможныя усилія для возстановленія первобытнаго текста св. Иеронима, а потомъ уже приступятъ къ разсмотрѣнію, правленъ ли этотъ самый текстъ. По всей вѣроятности, пересмотръ начнется съ псалмовъ, переведенныхъ съ еврейскаго языка. По его словамъ, латинскій текстъ взятъ былъ еще св. Августиномъ въ Англію и можно почти навѣрно сказать, что онъ остался въ употребленіи въ Кентербюри до норманскаго нашествія. Третій переводъ съ еврейскаго языка, пришедшій изъ Галликаны, сталъ такъ популяренъ, что новый переводъ, хотя бы и лучшій, не понадобился. Между этими двумя переводами такъ велико различіе, что въ этомъ можно убѣдиться, сравнивая псалмы теперешней Vulgat'ы съ англійскими псалмами въ установленномъ англійскомъ молитвенникѣ, которые составляютъ вѣрный списокъ съ еврейскаго языка. Первымъ результатомъ труда аббата Гаскета будетъ критическое изданіе псалмовъ съ тремя или четырьмя параллельными текстами.

Пій X такъ интересуется этимъ важнымъ историческомъ предпріятіемъ, что говорилъ Сальватору Кортези: «Всѣ мои желанія заключаются въ томъ, чтобы означенный трудъ велся на строго научныхъ основаніяхъ и чтобы цѣль его состояла въ правдѣ, одной правдѣ». Авторъ говоритъ, что достаточно вспомнить исторію бенедиктинскаго ордена, чтобы понять, почему папа выбралъ его для такого важнаго дѣла. Св. Бенедиктъ изъ Норчіи, древней Нурсіи, основалъ въ 1497 г. извѣстный бенедиктинскій орденъ, который, послѣ славнаго прошедшаго, сосредоточивается теперь въ живописномъ селеніи съ 3.500 жителями въ Сибильскихъ горахъ.

Памятникомъ прежнихъ славныхъ дней этого ордена служитъ аббатство Монтекассина, самое знаменитое, быть можетъ, въ свѣтѣ. Главная цѣль святаго Бенедикта заключалась въ томъ, что братья его ордена соединяли въ себѣ строгій аскетизмъ и тяжелый практическій трудъ. Поэтому они болѣе всего избѣгали лѣни и заслужили за все время своего существованія репутацію серьезныхъ ученыхъ монаховъ, предававшихся перепискѣ драгоценныхъ духовныхъ документовъ.

По правиламъ бенедиктинцевъ, въ ихъ орденъ принимались люди всевозможныхъ состояній и лѣтъ, такъ что въ этомъ орденѣ были и дѣти. Достойный Бидъ, отецъ англійской исторіи и самый ученый человекъ въ Англіи того времени, вступилъ въ орденъ семи лѣтъ. Впрочемъ, самый замѣчательный

фактъ въ отношеніяхъ бенедиктинцевъ къ Англіи заключался въ томъ, что папа Григорій Великій послалъ св. Августина, настоятеля этого ордена, въ Британію для обращенія въ христіанство варваровъ. Монтекассино, этотъ маякъ, свѣтившій во мракъ среднихъ вѣковъ, былъ уничтоженъ ломбардцами, сарацинами и землетрясеніемъ 1349 г.; отъ него сохранился только алтарь, задуманный Микель-Анжелло; церковь же вновь выстроена въ 1727 г. Кассинцы, какъ называли бенедиктинцевъ изъ этой обители, попадались вездѣ: на полѣ битвы, въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, на церковныхъ кафедрахъ и на папскомъ престолѣ. Они въ одно и то же время были и феодальными владѣльцами, и воинами, и учеными, и аскетами. Во всякомъ случаѣ величайшей славой бенедиктинцевъ была и остается до сихъ поръ поддержка, которую они оказывали и оказываютъ наукѣ, искусству и литературѣ. Въ доказательство этого въ каждомъ изъ ихъ монастырей, какъ, напримѣръ, въ Монтекассино, находится великолѣпная библіотека въ десятки тысячъ рѣдкихъ книгъ.

— Будущій великій государственный человѣкъ Китая. — Чарльзъ Дэнби, американскій генеральный консулъ въ Шанхаѣ, напечаталъ въ январскомъ номерѣ «Pacific Era» любопытную характеристику Юанъ-Шихъ-Кая, вице-короля или генераль-губернатора столичной провинціи Чихли, преобразователя китайской арміи и передового защитника китайскаго просвѣщенія по примѣру Запада ¹⁾). Знакомство Дэнби съ этой личностью началось въ 1902 г., когда Юанъ еще дождался въ Пекинѣ своего повышенія. По словамъ Дэнби, отправляясь въ Шантунгъ генераль-губернаторомъ, Юанъ взялъ съ собою своихъ солдатъ, обученныхъ по иностранному образцу. Онъ уже приобрѣлъ нѣкоторую опытность во время своего пребыванія въ Корей резидентомъ, а въ китайско-японскую войну научился, какъ слѣдуетъ вести дѣло съ иностранными войсками. По своей вѣтшности Юанъ-Шихъ-Кай не напоминаетъ китайца; онъ небольшого роста, статный, не толстый человѣкъ, съ пронизательными черными глазами. Говоритъ онъ опредѣленно, твердо, рѣшительно, любитъ военную дисциплину и скорѣе походитъ на военнаго человѣка, что не мѣшаетъ ему, однако, быть честнымъ, умнымъ, корректнымъ, консервативнымъ государственнымъ человѣкомъ. Юанъ выказалъ строгость относительно боксеровъ, возставшихъ въ 1900 г., послѣ его назначенія генераль-губернаторомъ Шантунга. Представители ихъ объявили ему, что съ ними нельзя справиться, такъ какъ они обладаютъ сверхъестественной силой, и пули имъ не повредятъ. Онъ почтительно выслушалъ ихъ, поздравилъ съ этими способностями и пригласилъ ихъ къ обѣду. Они съ удовольствіемъ согласились. По окончаніи обѣда Юанъ объявилъ имъ, что на него произвело большое впечатлѣніе ихъ завѣреніе, что пули на нихъ не дѣйствуютъ, и потому онъ предложилъ имъ выйти на дворъ и, выстроившись въ линію, разрѣшить ему попробовать, дѣйствительно ли пули на нихъ не дѣйствуютъ. Боксеры тщетно пробовали протестовать, но вице-король настоялъ на своемъ. Выведя ихъ на дворъ, онъ безжалостно перестрѣлялъ ихъ всѣхъ до одного. Съ такимъ человѣкомъ, очевидно, нельзя было шутить.

¹⁾ The Coming man in China. By C. Denby, «Pacific Era». January 1908.

Строгость Юана еще болѣе подтвердилась во время его дальнѣйшаго управленія Шантунгомъ. Онъ приказалъ, чтобы боксеровъ убивали тотчасъ по ихъ изловленіи, безъ всякой формальной процедуры суда, такъ какъ привелъ къ тому убѣжденію, что только истребленіемъ боксеровъ можно было усмирить Сѣверный Китай. Въ настоящее время Юанъ практически господствуетъ въ Китайской имперіи такъ какъ и его теорія — кровь и желѣзо, поэтому въ будущемъ нельзя не ждать для Китая самаго непреложнаго милитаризма. По своимъ воинственнымъ качествамъ онъ очень походитъ на Бисмарка.

— Передовая женщина Швеціи.—Такъ называютъ во всей Скандинавіи Елену Кей, замѣчательную шведскую писательницу и общественнаго дѣятеля, характеристика которой помѣщена въ «Putnam's Monthly» ¹⁾. Она родилась въ 1849 г. въ Зундагольмѣ, и ея предки были шотландско-кельтискаго происхожденія. Ея отецъ, ярый поклонникъ Руссо, воспитывалъ своихъ дѣтей по теоріи «Эмиля»; онъ состоялъ членомъ шведскаго парламента и въ зимнее время жилъ съ семействомъ въ Стокгольмѣ, гдѣ всѣми силами, но тщетно, старался утвердить крестьянскую партію. Мать Елены, урожденная графиня Поссе, содѣйствовала педагогическому плану мужа, и маленькая дѣвочка очень рано обнаружила такія же педагогическія стремленія относительно своихъ младшихъ братьевъ. Родители развивали въ ней особенно индивидуальность и двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ уже отвели особую комнату. Еще въ дѣтствѣ она читала пьесы Ибсена: «Брандъ» и «Пиръ Гинтъ», такъ что съ тѣхъ поръ, по ея собственнымъ словамъ, она «была влюблена въ любовь». Девятнадцати лѣтъ Елена сдѣлалась личнымъ секретаремъ своего отца по общественнымъ дѣламъ и вполне раздѣляла его патриотическія стремленія. Бьернсонъ ясно видѣлъ, что она обладаетъ замѣчательными способностями, и говорилъ ея матери, что Елена будетъ славой своихъ родителей. Онъ совѣтовалъ какъ можно раньше выдать ее замужъ, но до сихъ поръ это не осуществилось, и Елена Кей всецѣло отдалась народному воспитанію. Она сдѣлалась школьной инспектрисой одной изъ стокгольмскихъ школъ и основала вмѣстѣ съ докторомъ Антономъ Нистромомъ рабочій институтъ въ Стокгольмѣ. Тридцати лѣтъ она устроила женскій клубъ, въ которомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ читала лекціи объ искусствѣ, литературѣ, политикѣ и о женскомъ вопросѣ. Особенно ее вдохновило ученіе Дарвина, и ея научная теорія главнымъ образомъ состоитъ въ развитіи индивидуальности въ человѣкѣ. Она прямо проповѣдуетъ, что не можетъ называть себя христіанкой, потому что теперешнее христіанство не имѣетъ ничего общаго съ идеаломъ Христа. По ея словамъ, свѣтъ долженъ искать счастья, и она внушаетъ молодежи: быть счастливыми, но при этомъ стремиться къ высшему счастью. Она увѣряетъ, что человѣкъ въ корнѣ добръ и, если ему дозволить развить свою индивидуальность въ смыслѣ человѣчности, то онъ достигнетъ этого высшаго счастья. По ея мнѣнію, чтобы сдѣлаться истиннымъ альтруистомъ, надо быть идеалистомъ и стремиться къ совершенству, дарующему высшую радость.

¹⁾Sweden's foremost woman. By Helen Zimmern. «Putnam's Monthly», January 1908.

Елена Кей всегда утверждала, что въ жизни женщины главное мѣсто занимаетъ сердце, и для этого сердца она требуетъ свободы, свободы и свободы. Убѣжденная, что женское движеніе въ его теперешнемъ положеніи недостаточно свободно, она проповѣдуетъ, что идеаль эмансипація заключается въ расширеніи и обогащеніи души, основанныхъ на болѣе обширномъ и глубокомъ понятіи естественнаго назначенія женщины. «Женщины,—говоритъ она,—обладаютъ, такъ сказать, шестымъ чувствомъ, позволяющимъ имъ въ нѣкоторые моменты создавать новыя системы и программы, которыя могутъ дать сознательныя и полезныя силы. Всякій разъ, когда женщина осмѣливалась выступить, она совершала новое движеніе впередъ. Въ этомъ отношеніи прославились Елизавета Фрай, Жозефина Бутлеръ, Флоренція Найтингаль и Гарриетъ Бичеръ-Стоу. Слѣдующій шагъ въ законномъ равенствѣ женщинъ относительно мужчинъ, согласно Еленѣ Кей, долженъ заключаться въ правѣ женщинъ на свободу на основаніи ихъ природнаго неравенства. Она не противъ того, чтобы женщины работали, но считаетъ, что ихъ главная работа есть материнство, которое въ случаѣ надобности должно быть оплачиваемо.

Главныя сочиненія Елены Кей «Любовь и бракъ» и «Вѣкъ и ребенокъ». Они заключаютъ въ себѣ всю суть ея ученія и новый брачный кодексъ. Еще она написала: «О дѣтяхъ человѣческой породы», «Размышленія о реакціи», «Историческіе рассказы», «Развитіе нравственности», «Индивидуализмъ и социализмъ», «Дурное обращеніе съ женскими силами», «Психологія женщины и женская логика» и проч.

— Смерть Драхмана, Экгарта, Гаязена, Уйды, португальскаго короля и его наслѣдника. Въ концѣ января скончался знаменитый датскій поэтъ Хольгеръ Драхманъ, обыкновенно называемый на родинѣ «датскимъ Байрономъ» въ виду его личности и произведеній его музы. Онъ родился въ 1847 г. и сначала занимался живописью, а потомъ уже предался поэзій. Въ 1872 г. появился первый сборникъ его поэтическихъ произведеній, въ которыхъ видное мѣсто занимало нѣсколько поэмъ о парижской коммунѣ, во время которой онъ находился въ Парижѣ. Начавъ свою литературную дѣятельность подъ руководствомъ Георга Брандеса, онъ сдѣлался очень плодовитымъ писателемъ и напечаталъ до 50 томовъ лирическихъ и эпическихъ поэмъ, романтическихъ драмъ, романовъ и повѣстей, а также описаній путешествій, причемъ часто иллюстрировалъ свои сочиненія собственными рисунками. Главное содержаніе его беллетристическихъ сочиненій заключалось въ изображеніи быта рыбаковъ; его политическое направленіе было радикальное и національное. Онъ много путешествовалъ по Скандинавіи и два раза посѣщалъ Лондонъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ романовъ онъ злобно бичевалъ буржуазію и бюрократію. Но всего популярнѣе были его драмы и баллады. Онъ умеръ 61 г., въ маленькомъ рыбацкомъ селеніи.

Въ началѣ февраля умеръ Юлій Экгартъ, прусскій общественный дѣятель и нѣмецкій писатель. Онъ родился въ Литвѣ въ 1839 г. и учился въ Петербургѣ, Дерптѣ и Берлинѣ юридическимъ и историческимъ наукамъ. Удаленный изъ Россіи вмѣстѣ съ главарями нѣмецко-литовской партіи въ 1867 г. онъ посе-

лился въ Берлинѣ и вмѣстѣ съ романистомъ Фрейтагомъ сталъ издавать «Grenzboten», а съ 1870 г. четыре года былъ издателемъ «Hamburger Correspondent». Въ томъ же 1874 г. онъ сдѣлался секретаремъ гамбургскаго сената, а въ 1882 г. вступилъ на прусскую службу, причемъ Бисмаркъ его очень цѣнилъ. Въ послѣднее время онъ находился консуломъ въ Тунисѣ, Марселѣ, Стокгольмѣ и другихъ городахъ. Экартъ всего болѣе извѣстенъ своимъ сочиненіемъ о Россіи «Die baltischen Provinzen Russlands». Кромѣ того, былъ очень популяренъ его анонимный памфлетъ «Berlin-Wien-Rom».

На дняхъ сошелъ съ политической и журнальной сцены восьмидесятилѣтній Жюль Ганзенъ, натурализованный во Франціи датчанинъ, находившійся на службѣ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ учился въ датскихъ и нѣмецкихъ университетахъ и началъ свою карьеру на родинѣ, но дипломатической части. Въ 1864 г. онъ былъ посланъ въ Парижъ съ цѣлью хлопотать о датскихъ дѣлахъ, какъ у французскаго правительства, такъ и въ печати. Онъ оставилъ свое отечество, думая пробыть во Франціи нѣсколько мѣсяцевъ, но политическія обстоятельства такъ измѣнились, что онъ навсегда остался во Франціи, принялъ французское подданство и вступилъ на дипломатическую службу. Сначала онъ вошелъ въ сношенія съ Друэнъ де-Люи и графомъ Шаторди, а потомъ видѣлъ Бисмарка въ Біаррицѣ. Кромѣ Франціи, Ганзенъ временно бывалъ и въ Англіи по дѣлу о вмѣшательствѣ послѣдней страны въ войну Германіи и Франціи. Впослѣдствіи писалъ въ своей книгѣ «A travers la diplomatie»: «англійская королева лично противилась войнѣ съ Германіей, тогда какъ тогдашій наслѣдникъ, а теперешній король склонялся въ пользу международной борьбы съ Германіей».

Хотя Ганзену не удалось оказать большихъ услугъ своему отечеству, но онъ много содѣйствовалъ впослѣдствіи союзу Россіи и Франціи. Онъ былъ правой рукой барона Моренгейма во время его посольства въ Парижѣ, о которомъ онъ написалъ очень интересную книгу. Въ ней однако почти пропущенъ эпизодъ объ арестѣ извѣстнаго эмигранта Мендельсона, который замышлялъ планъ царевубійства. Ганзенъ чрезвычайно ловко дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ и ему удалось чрезъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Рибо и внутреннихъ дѣлъ Констана добиться ареста Мендельсона, затѣмъ онъ продолжалъ участвовать въ дѣлахъ, окончившихся двукратнымъ посѣщеніемъ Кронштадта французскимъ флотомъ и, наконецъ, заключеніемъ союза между обоими государствами. За его дипломатическія услуги онъ былъ награжденъ со стороны французскаго правительства орденомъ Почетнаго Легіона, а со стороны русскаго правительства—св. Станислава. Вообще Ганзенъ былъ очень умнымъ, ловкимъ и дѣловымъ человекомъ. Его внѣшность была чрезвычайно типичная, и онъ всегда говорилъ, встрѣчаясь со знакомыми въ Парижѣ: «Mon cher, allons déjeuner. Nous avons à causer!..»

25 января скончалась въ Віареджіо, близъ Флоренціи, извѣстная англійская романистка Уйда. Это былъ литературный псевдонимъ миссъ Луизы Ларамэ, которая родилась въ Бюри въ 1840 г. Ея мать была англичанка, а отецъ французскій купецъ, воспитавшій свою дочь на классическихъ произ-

веденіяхъ. Еще очень молодой дѣвушкой она издала свою первую книгу «Idalia». Въ 1868 г. она поселилась во Флоренціи и начала издавать длинный рядъ романовъ изъ итальянской жизни. Всего замѣчательнѣе изъ нихъ были «Зимній городъ», «Сигна», «Ванда», «Паскарель» и т. д. Кромѣ итальянскихъ произведеній, она написала «Фландрскую собаку», «Два деревянныхъ башмачка» и много другихъ. Всѣ ея романы отличаются пламеннымъ романтизмомъ, интересной интригой и художественными описаніями. Къ несчастію, она часто писала о томъ, чего не знала, и потому въ ея книгахъ встрѣчаются невѣрныя подробности объ университетской, свѣтской и военной жизни. Но по живости и интересу ея романовъ они въ свое время пользовались большимъ успѣхомъ. Въ послѣднее время однако Уйда перестала писать и получала отъ англійскаго правительства пенсію въ 150 ф. стерлинговъ. Но относительно платимой ей пенсіи итальянскимъ правительствомъ составила несправедливая легенда.

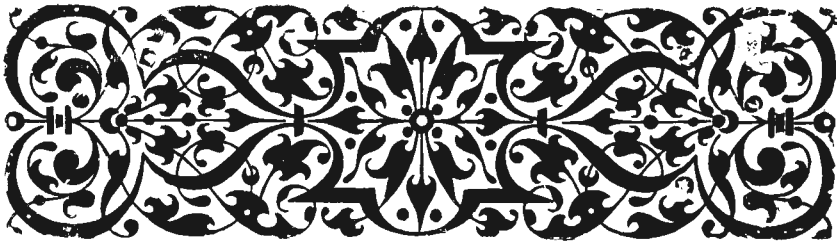
1-го февраля на Коммерческой площади въ Лиссабонѣ разыгралась невѣроятная кровавая драма: король донъ-Карлосъ I и его старшій сынъ, наследникъ престола, инфантъ Луи-Филиппъ герцогъ Браганцкій были оба убиты въ то время, какъ ѣхали въ коляскѣ съ королевой Амеліей и ея вторымъ сыномъ, теперешнимъ королемъ Эмануиломъ II. Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ короля изъ пистолета неизвѣстнымъ убійцею, который тотчасъ же былъ убитъ толпою. Второй убійца, Эмануилъ Бука, народный учитель, выстрѣлилъ изъ ружья въ наследнаго принца, причемъ такъ тяжело его ранилъ въ лѣвую щеку, что онъ умеръ черезъ пять минутъ. Смерть же самого короля была мгновенная. Второго убійцу зарубилъ саблей офицеръ Фигейра, другіе же соучастники спаслись бѣгствомъ. Королева осталась невредима, а новый король получилъ небольшую рану въ руку. На мѣсто катастрофы вскорѣ явились инфантъ донъ-Альфонсо, герцогъ Оporto, братъ короля Карлоса и королева-мать Марія-Пія. Черезъ короткое время королевская семья съ роковыми жертвами переехала во дворецъ изъ арсенала, въ которомъ она временно пребывала. Началось новое царствованіе Эмануила II, восемнадцатилѣтняго юноши, извѣстнаго своими артистическими склонностями къ живописи и музыкѣ.

Покойный Карлосъ I былъ только съ женской стороны португальцемъ: отецъ его, король Людовикъ IX, былъ сыномъ португальской королевы Маріи да-Глоріа и принца Фердинанда Саксенъ-Кобургскаго, двоюроднаго брата королевы Викторіи; мать же его была дочь короля итальянскаго Виктор-Эмануила. Карлосъ I родился въ 1863 г. и, женившись на дочери графа Парижскаго, вступилъ на престолъ въ 1889 г. Съ самаго начала своего царствованія онъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Англійей изъ-за португальскихъ владѣній въ Южной Африкѣ. Вслѣдствіе этого Англія потеряла свое историческое вліяніе на Португалію, и только въ послѣдніе годы Карлосъ помирился съ Англійей и какъ онъ, такъ и король Эдуардъ недавно посѣтили другъ друга. Относительно внутренней политики Карлосъ былъ въ продолженіе восемнадцати лѣтъ образцовымъ конституціоннымъ монархомъ, но съ недавнихъ поръ въ Португаліи начались политическіе и экономическіе беспорядки, которые окончились катастрофой. Что же касается личности дон-

Карлоса, то онъ былъ очень добрымъ и образованнымъ человѣкомъ, въ сущности скорѣе артистомъ, чѣмъ государственнымъ мужемъ. Онъ имѣлъ особое пристрастіе къ живописи и получалъ въ Парижѣ нѣсколько разъ преміи салоновъ за свои картины масляными красками и акварелью. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также былъ пламеннымъ спортсменомъ. Еще слѣдуетъ упомянуть, что Карлосъ I покровительствовалъ литературѣ и художествамъ.

Относительно убитаго инфанта Луи-Филиппа можно только сказать, что онъ родился 21 марта 1887 г. и получилъ вмѣстѣ съ братомъ, теперешнимъ королемъ, очень тщательное воспитаніе подъ руководствомъ своей матери. Пятнадцати лѣтъ герцогъ Браганцкій уже отлично говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ и въ свободное время любилъ ѣздить верхомъ, стрѣлять въ цѣль и плавать. Вскорѣ военные профессора замѣнили гражданскихъ, и герцогъ, не поступая въ политехническую школу, слѣдилъ за ея курсами. Онъ всегда носилъ мундиръ уланскаго полка и былъ очень популяренъ въ арміи. Оба принца ежегодно держали экзаменъ у свѣтилъ науки. Въ 1906 г., когда король Карлосъ I посѣщалъ Англію и Францію, герцогъ Браганцкій, достигшій совершеннѣйшаго, былъ признанъ регентомъ королевства и исполнялъ свои обязанности съ большимъ тактомъ и умѣніемъ. Въ прошломъ году вмѣстѣ съ морскимъ министромъ наслѣдній принцъ путешествовалъ по всемъ португальскимъ колоніямъ, гдѣ былъ принятъ съ живѣйшимъ восторгомъ.

С М Ъ С Ъ.

ВЕСТВОВАНИЕ памяти князя К. К. Острожскаго. 13-го февраля въ торжественномъ собраніи Галицко-Русскаго общества состоялось чествованіе памяти князя К. К. Острожскаго, по случаю 300-лѣтней годовщины со дня его смерти. На призывъ Галицко-Русскаго общества почтить память этого историческаго дѣятеля откликнулись многія ученые и просвѣтительныя учрежденія и общества. Получено 13 привѣтственныхъ телеграммъ и нѣсколько писемъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и изъ Галиціи, а изъ Берлина отъ протоіерея Мальцева. Собраніе открылъ предсѣдатель общества профессоръ П. С. Пальмовъ рѣчью о дѣятельности князя К. К. Острожскаго. Профессоръ с.-петербургской духовной академіи П. Н. Жуковичъ въ своей рѣчи охарактеризовалъ князя К. К. Острожскаго, какъ борца противъ уни, навязанной православной юго-западной церкви, и какъ защитника православія. Память князя К. К. почтили привѣтствіями: Витбергъ отъ общества ревнителей русскаго слова, проф. Кулаковскій отъ с.-петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества и А. В. Васильевъ отъ общества соборной Россіи. Собраніе закончилось рѣчью Д. Н. Вергуна о социальномъ значеніи западно-русской самодѣятельности въ борьбѣ за вѣру и народность. Зала общества религиозно-нравственнаго просвѣщенія, гдѣ происходило собраніе, едва могла вмѣстить собравшихся, среди которыхъ были: митрополитъ кievскій Флавіанъ, епископы—псковскій Арсеній, холмскій Евлогій, ректоръ академіи Сергій, много членовъ государственнаго совѣта и государственной думы. На эстрадѣ красовался портретъ князя К. К. Острожскаго, эффектно декорированный національными лентами и цвѣтами. Въ антрактахъ пѣлъ хоръ.

Годовое собраніе литературнаго фонда. 2 февраля состоялось годовое собраніе литературнаго фонда. По предложенію предсѣдателя П. И. Вейнберга была почтена вставаньемъ память скончавшихся членовъ литературнаго фонда проф. Н. А. Меншуткина, П. М. Ковалевскаго, А. И. Богдановича, В. М. Скалона, Г. Б. Юлоса, гр. Гейдена, О. М. Поцовой, А. Н. Турчанинова и А. Н. Марковича и не состоявшихъ членами фонда Д. И. Менделѣва и Н. Вагнера (Котъ-Мурлыка). П. И. Вейнбергъ произнесъ глубоко-прочувствованное слово по поводу четвертой годовщины со дня смерти Н. К. Михайловскаго. Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности литературнаго фонда за 1907 г. Капиталъ фонда къ 1 января 1907 г. составлялъ 673,425 процентными бумагами и 12,390 руб. 5 коп. наличными деньгами. Въ теченіе года поступило всего 91,320 руб. 79 коп., въ томъ числѣ отъ изданій общества—21,358 руб. 89 коп. и членскихъ взносов—1,870 руб. Израсходовано было въ 1908 г. 66,450 руб., 10 к. Выдано ценсій на сумму 6817 руб., продолжительныхъ пособій—9,785 р., единовременныхъ пособій—8,916 руб. 50 коп., пособій на воспитаніе и обученіе дѣтей—2,390 руб. 15 коп. Расходы по изданіямъ общества составляли 10,007 руб. 28 коп. Въ 1907 г. литературный фондъ имѣлъ 25 засѣданій, на которыхъ были разсмотрѣны 76 просьбъ о различныхъ пособіяхъ. О выдачѣ единовременныхъ пособій и безсрочныхъ ссудъ за истекшій годъ поступило 440 прошеній. Отчетъ по дому писателей имени В. Ф. Голубева представляется въ слѣдующемъ видѣ. Выручено отъ сдачи комнатъ 1,055 руб. 50 коп. По другимъ домамъ литературнаго фонда израсходовано было 2,026 руб. 82 коп., а выручено 3,128 руб. Въ докладѣ ревизіонной комиссіи, прочитанномъ А. В. Пѣшеховымъ, указывается на нежелательность прекращенія выдачи срочныхъ ссудъ, какъ это предлагаетъ сдѣлать комитетъ литературнаго фонда. Ревизіонная комиссія высказывается за сохраненіе такихъ ссудъ, переводя ихъ, по мѣрѣ необходимости, въ долгосрочныя и даже безсрочныя. На этомъ же собраніи были произведены выборы новыхъ членовъ комитета, взамятъ выбывающихъ по очереди Ѳ. Д. Батюшкова, П. И. Вейнберга, Л. Ф. Пантелѣва и Э. Л. Радлова. Избраны С. А. Венгеровъ, Н. А. Котляревскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и А. С. Пругавинъ.

Чествованіе А. И. Южина въ Москвѣ. 24 января состоялось въ Маломъ театрѣ торжественное чествованіе артиста А. И. Южина. Шла трагедія Шекспира, гдѣ юбиляръ создалъ себѣ извѣстность исполненіемъ роли знаменитаго мавра. Первое появленіе А. И. Южина (Отелло) встрѣчено шумными аплодисментами. Послѣ сцены въ сенатѣ происходило чествованіе окруженнаго артистами труппы и депутаціями юбиляра. Первымъ привѣтствовалъ Малый театръ. Впервые появившійся послѣ болѣзни А. П. Ленскій прочелъ слѣдующій адресъ отъ труппы: «На этомъ свѣтломъ праздникѣ передъ лицомъ Москвы, съ радостнымъ единеніемъ собравшейся сегодня въ старыхъ стѣнахъ нашего театра, чтобы благодарить художника, уже четверть вѣка щедро расточающаго передъ нею дары своего разносторонняго духовнаго богатства, мы, ближайшіе ваши товарищи, счастливы выразить вамъ, дорогой Александръ Ивановичъ, чувства нашего общаго уваженія и горячей любви. Подчиняясь отличающей васъ рѣдкой способности отдавать всего себя интере-

самъ того дѣла, въ которое вы разъ повѣрили, — вотъ уже 25 лѣтъ всѣ силы своего ума, своей благородной души и прекраснаго таланта вы посвящаете исключительно заботамъ о благѣ нашего дорогаго театра и стойкой борьбѣ за художественную независимость актера. Какъ же намъ не любить васъ, какъ намъ не гордиться вами, вѣрный рыцарь и неутомимый защитникъ нашей общей святыни?» При общихъ рукошлесканіяхъ, покрывшихъ чтеніе этого привѣтствія, былъ поданъ юбиляру традиціонный юбилейный жетонъ, украшенный брильянтами. Выступила М. Н. Ермолова, появляющаяся также въ первый разъ на сценѣ послѣ дѣлаго года отсутствія. Рукошлесканія публики перешли въ дѣлую овацію по адресу артистки. Растроганнымъ голосомъ она прочла письмо отъ находящейся въ отпуску Г. Н. Ѳедотовой. За ней привѣтствовалъ юбиляра Ѳ. П. Горевъ — отъ петербургской Александринской сцены, какъ бывший членъ ея труппы: Онъ подаль золотой вѣнокъ. Далѣе послѣдовали: адресъ отъ оперной труппы Большаго театра, привѣтствіе и лавровый вѣнокъ отъ балета, адресъ отъ императорскаго русскаго театральнаго общества и слѣдующій адресъ отъ Художественнаго театра, прочитанный Вл. И. Немировичемъ-Данченко: «Глубокоуважаемый князь Александръ Ивановичъ! Двадцать пять лѣтъ назадъ вы выступили на эти подмостки Чацкимъ. Спустя три года сыграли графа Дюнуа и Мортимера и этимъ помогли Маламу театру, имѣвшему уже свою большую славную исторію, найти обновленіе въ репертуарѣ сильныхъ, красивыхъ произведеній романтизма, отмигченыхъ громаднымъ вдохновеніемъ и свободной, возвышенной мыслью. Всѣмъ собравшимся сегодня привѣтствовать васъ хорошо памяты эти прекрасныя страницы Малаго театра, на которыхъ ваше имя стоитъ рядомъ съ именами М. Н. Ермоловой и А. П. Ленскаго. Вы составили блестящее артистическое «Трое», которое съ энтузіазмомъ благородной мысли и увлекательной убѣжденности, наперекоръ враждебнымъ условіямъ эпохи, призывало къ героизму и самоотверженности. Тѣмъ же отношеніемъ широкой искренности, безупречной добросовѣстности и независимымъ проявленіемъ индивидуальныхъ чертъ вашего дара былъ проникнутъ весь вашъ 25-лѣтній творческій путь. «Художественный» театръ плохо понималъ бы вершины своихъ стремленій, если бы не счелъ себя обязаннымъ привѣтствовать въ васъ, дорогой А. И., артиста, который всегда оставался непоколебимымъ и неизмѣнно вѣрнымъ благородной культурной миссіи театра». За этимъ адресомъ слѣдовали привѣтствіе отъ театра Корша, прочитанное его режиссеромъ Н. Н. Синельниковымъ, и небольшая, но горячо сказанная рѣчь «отъ маленькой Грузіи», посылающей «большому артисту Малаго театра свой большой привѣтъ». Говорилъ ораторъ, одѣтый въ эффектный національный костюмъ, съ сильнымъ акцентомъ, но выразительно и одушевленно. Онъ прощалъ юбиляру отъ имени соплеменниковъ то, что онъ посвятилъ свои силы не грузинскому театру: «Твоя «Измѣна» исключаетъ всякую измѣну», — закончилъ онъ, намекая на пьесу кн. Сумбатова. Это привѣтствіе вызвало опять шумные аплодисменты и сочувственные возгласы. Когда шумъ затихъ, началъ чтеніе адреса П. Д. Боборыкинъ отъ общества любителей россійской словесности. «Прочная связь, — говорилось въ немъ, — установилась между обществомъ любителей россійской

словесности и московскимъ Малымъ театромъ,— связь, вытекающая изъ самаго существа взаимоотношеній литературы и театра». Общество привѣтствуетъ юбиляра, въ которомъ «соединился писатель и актеръ», котораго силы и талантъ «раздѣлились между драмой и сценой и обогатили и ту, и другую прекрасными созданіями». Далѣе адресъ ставитъ въ особую заслугу юбиляру, что онъ свою сценическую гордость «всегда полагалъ въ томъ, чтобы играть классиковъ», и привѣтствуетъ въ немъ одновременно драматурга и актера. Послѣ слѣдовавшаго затѣмъ привѣтствія отъ московскаго отдѣленія литературно-театральнаго комитета читается адресъ отъ Литературно-Художественнаго кружка. Начинаясь фразой: «Лучшее въ жизни — воспоминація», онъ напоминаетъ радости былыхъ вечеровъ, когда въ этомъ же старомъ, но все намъ любезномъ Маломъ театрѣ устами юбиляра говорили «о великомъ и прекрасномъ Шиллерѣ и Гюго». Эта же зала, видѣвшая чествуемаго артиста въ рядѣ классическихъ ролей, «сегодня пришла не судить, не оцѣнивать, даже не наслаждаться, а благодарить. Указывая, что «имена всѣхъ членовъ кружка» — подъ подаваемымъ адресомъ, кружокъ выражаетъ «любовь и горячую признательность А. П.» Адресъ — въ художественной папкѣ, выдержанной въ старо-русскомъ стилѣ. Подъ адресомъ отъ кружка — первая подпись почетнаго члена его г. Л. Н. Толстого. Оглашеніе этого имени снова вызываетъ взрывъ продолжительныхъ рукоплесканій. Депутация подноситъ и подарокъ — специально исполненный Родѣномъ бюстъ Гюго. Отъ товарищей по дирекціи кружка юбиляру одновременно подають первый томъ ранѣ доставленнаго на домъ полнаго собранія сочиненій г. Л. Н. Толстого (со всѣми небольшими брошюрами, отпечатанными за границей); на немъ надпись, сдѣланная авторомъ. Книга заключена въ роскошный ларецъ. Дальнѣйшія депутации идутъ въ такомъ порядкѣ: отъ комитета общества признанія престарѣлыхъ артистовъ (адресъ читаетъ г. Гаринъ-Виндигъ); лавровый вѣнокъ и привѣтствіе — отъ московской консерваторіи; адресъ — отъ «Филармоническаго» общества; привѣтствіе отъ сотоварищей-преподавателей (И. Н. Грековъ); отъ учениковъ драматическихъ курсовъ «Филармоническаго» общества (адресъ); отъ общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ (лавровый вѣнокъ); отъ бывшихъ учениковъ юбиляра (подарокъ и лавровый вѣнокъ); отъ артиста петербургской казенной сцены г. Юрьева (вѣнокъ); адресъ — отъ «Русской Мысли», прочитанный А. А. Кизеветтеромъ, и письменное привѣтствіе, имъ же переданное, отъ находящагося «въ далекомъ отсутствіи» В. М. Лаврова; адресъ отъ совѣта и правленія «только что призваннаго къ жизни» общества дѣятелей печати и литературы, прочитанный П. Д. Боборыкинымъ; порученіе «земно кланяться» отъ театра г. Зимины, переданное г. Оленинымъ; адресъ отъ провинціальныхъ артистовъ, прочитанный г. Пальминымъ и имѣющій болѣе тысячи подписей (отмѣчаетъ, что юбиляръ проявлялъ свое дарованіе «и въ скромной рамкѣ провинціальной сцены»); вѣнокъ отъ петербургскаго театра Литературно-Художественнаго общества; адресъ отъ драматической секціи студенческаго общества искусства и литературы, лавровый вѣнокъ отъ В. Θ. Коммиссаржевской и ея труппы; адресъ отъ грузинской колоніи, поданный депутаціей изъ молодежи; стихо-

твореніе отъ грузинъ «Съ вершинъ Кавказа, отъ Грузин родной»; адресъ отъ грузинскаго землячества. Юбиляръ, нѣсколько взволнованный, благодарилъ за привѣтствія. Въ небольшой рѣчи выразилъ онъ привзательность по адресу привѣтствовавшихъ обществъ, учрежденій, отдѣльныхъ лицъ. Съ особенной любовью и благодарностью остановился онъ на томъ, чѣмъ обязанъ дорогимъ для него подмосткамъ Малаго театра, своимъ сотоварицамъ по сценѣ, друзьямъ, бывшимъ одновременно учителями и наставниками. Шумные аплодисменты всей зрительной залы не смолкали долго, превратившись въ единодушную овацію. Самый спектакль отступилъ на второй планъ. И артистамъ, и зрителямъ, воодушевленнымъ другими чувствами, трудно было сохранить все нужное вниманіе для пьесы, и почти каждый антрактъ являлся поводомъ для продолженія овацій. Послѣ спектакля юбиляру былъ данъ кружкомъ друзей, знакомыхъ и почитателей банкетъ въ одномъ изъ ресторановъ, гдѣ присутствовавшими по адресу артиста-драматурга было высказано немало душевныхъ поздравленій и пожеланій. Банкетъ прошелъ оживленно, весело и шумно.

Юбилей Ипполитова-Иванова. Юбилейное чествованіе г. Ипполитова-Иванова, происходившее въ симфоническомъ собраніи музыкальнаго общества 26 января, отличалось большою торжественностью и теплотой. При первомъ появленіи юбиляра на эстрадѣ его встрѣтили долго не смолкавшими аплодисментами въ публикѣ и тушемъ въ оркестрѣ. Дружные аплодисменты возобновлялись затѣмъ послѣ каждаго нумера программы. Официальное чествованіе происходило въ антрактѣ по окончаніи перваго отдѣленія концерта. На эстрадѣ передъ юбиляромъ продефилировалъ цѣлый рядъ депутацій отъ многочисленныхъ музыкальныхъ обществъ Москвы и Петербурга и другихъ городовъ. Тутъ были представители отъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества, на службѣ которому юбиляръ провелъ всѣ двадцать пять лѣтъ своей музыкальной дѣятельности, отъ московскаго и тифлискаго отдѣленій музыкальнаго общества, отъ русскаго хорового общества, отъ московской и петербургской консерваторій, отъ синодальнаго училища, отъ музыкально-драматическаго училища филармоническаго общества, отъ оперной труппы Большого театра, отъ симфоническаго оркестра, отъ общества взаимопомощи оркестровыхъ музыкантовъ, отъ учениковъ консерваторіи и др. Было прочтано много теплыхъ и прочувствованныхъ адресовъ, въ которыхъ оцѣнивались заслуги юбиляра не только какъ композитора, но и какъ виднаго музыкальнаго дѣятеля, много поработавшаго на пользу русскаго искусства и его представителей. Было подано много вѣнковъ и цѣнныхъ подарковъ. Юбиляръ, по окончаніи всѣхъ рѣчей, въ немногихъ словахъ благодарилъ депутаціи и публику за оказанный теплый приѣмъ.

Чествованіе В. Н. Давыдова въ Александринскомъ театрѣ. 29 января состоялось торжественное и чрезвычайно душевное чествованіе артиста казенной драматической труппы В. Н. Давыдова на сценѣ Александринскаго театра по случаю его 25-лѣтняго служенія на этой сценѣ. Опредѣляя его значеніе для русскаго театра, г. Вѣляевъ въ «Новомъ Времени» говоритъ въ день торжества: «На театральнѣй Руси праздникъ: Владимиръ Николаевичъ

Давыдовъ справляетъ свой юбилей. Онъ — давнишній любимецъ публики. Рѣдкій случай: онъ свой среди своихъ. Никто, кажется, такъ не популяренъ среди актеровъ, какъ Давыдовъ. Въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи у него друзья, ученики, поклонники; немудрено, если на его праздникъ съѣхались представители чуть ли не всѣхъ русскихъ театровъ. Давыдовъ нашъ «первый русскій актеръ», какимъ былъ для Гоголя Щепкинъ. Со Щепкинымъ у Давыдова много общаго, начиная съ таланта и кончая внѣшностью. Подобное сходство надо отмѣтить. Щепкинымъ держался московскій Малый театръ, Давыдовымъ держится Александринскій. Самое трагикомическое происшествіе: Давыдовъ сколько разъ собирался уходить изъ казеннаго театра. И столько же разъ друзья говорили ему: «невозможно». Ни театра нельзя отставить отъ Давыдова, ни Давыдова — отъ театра. Какъ бы тамъ ни было, а Александринскій театръ все-таки есть лучший русскій театръ, и Давыдовъ въ немъ — лучший русскій актеръ. Его амплуа? Театръ. Онъ переигралъ все: отъ драматическихъ до водевильныхъ ролей. Пѣлъ въ опереткѣ. Участвовалъ въ малорусскихъ спектакляхъ. Показывалъ фокусы — ей-Богу, самъ рассказывалъ. Приѣхалъ въ провинцію какой-то знаменитый фокусникъ. Молодой Давыдовъ, познавшій гдѣ-то всю сложную махинацію фокусъ-покуса, вздумалъ имитировать эти представленія и такъ обморочилъ публику, что она больше на фокусы не пошла. У Давыдова даръ имитациі удивительный. Еще въ дѣтствѣ онъ имитировалъ знаменитаго трагика Ольриджа, ни слова не зная по-англійски, но достигая поразительнаго результата фонетическаго сходства. Изъ этого врожденнаго дара подражанія природѣ развился его талантъ. Натурализмъ пришелъ къ нему изъ самой жизни. Каждое слово его, каждый жестъ, улыбка — продиктованы жизнью. Поэтому опредѣлить «направленіе» его таланта невозможно. Онъ веселъ, когда все вокругъ весело, и скученъ, какъ сентябрь, когда вокругъ скучно. Талантъ его отражаетъ окружающее. Настроеніе зависитъ отъ минуты. Никто не можетъ такъ «взять за сердце», какъ Давыдовъ, и такъ разсмѣшить, какъ онъ. Онъ мягокъ, какъ воскъ, и вытываетъ, какъ губка. Не боюсь его внѣшней тучности, я бы сказалъ, что на Александринской сценѣ нѣтъ и легче актера. Это — свойство его таланта. Онъ никогда не подчеркиваетъ, хотя любитъ шутку, никогда не перегружаетъ чувства, хотя бываетъ глубоко трогателенъ». Юбилейный спектакль начался комедіей Островскаго: «Вѣдность не порокъ». Роли были распределены между лучшими силами труппы: самъ юбиляръ игралъ Любима Торцова, Гордея — г. Кондр. Яковлевъ, жену его — г-жа Стрѣльская, Любочку — г-жа Потоцкая, Анну Ивановну — г-жа Савина, няньку — г-жа Шаровьева, Коршуну — г. Петровскій, Митю — г. Аполловскій, Разлюляева — г. Ст. Яковлевъ, Яшу — г. Ходотовъ. Юбиляръ игралъ со своимъ обычнымъ мастерствомъ, съ большою теплотой и задумчивостью. Великолѣпно вышли у него разговоръ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ первомъ актѣ и знаменитая сцена въ послѣднемъ, кончающаяся фразой: «Шире дорогу! Любимъ Торцовъ идетъ!» И всѣ остальные исполнители были хороши. Всѣ играли съ особеннымъ «юбилейнымъ» подъемомъ, какъ бы стараясь порадовать своего знаменитаго товарища въ этотъ день образцовымъ исполненіемъ. Прекрасно, живо и съ большимъ ва-

строениемъ поставленъ 2-й актъ, гдѣ, между прочимъ, г-жа Савина, изящно станцовавъ русскую, сорвала посреди дѣйствія бурю рукоплесканій. Оваціи по адресу юбиляра, оваціи восторженныя и сердечныя, начались съ перваго появленія его на сценѣ. Чествованіе юбиляра началось послѣ пьесы «Бѣдность не порокъ». Выведенный на сцену М. Г. Савиной, В. Н. былъ встрѣченъ громомъ аплодисментовъ. Первымъ говорилъ Н. Н. Ходотовъ, горячо привѣтствовавшій великаго артиста отъ лица Александринской труппы. Затѣмъ привѣтствовали юбиляра рѣчами: г. Серебряковъ (отъ императорской русской оперы), П. А. Гердтъ (отъ балета), г. Канде (отъ французской труппы), г. Надаринъ, при ассистенткѣ маститой О. О. Садовской (отъ моск. императ. Малаго театра), Я. А. Плющевскій-Плющикъ (отъ русскаго театральнаго общества), М. Г. Савина (отъ убѣжища престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей), Ю. Э. Озаровскій и В. Петровъ (отъ бывшихъ учениковъ В. Н.), В. А. Мичуринъ (отъ имени Дузе, сожалѣвшей, что не можетъ присутствовать на торжествѣ перваго русскаго актера), С. Яковлевъ (отъ конференціи императорскихъ драматическихъ курсовъ), г. Мысовскій (отъ театральнаго училища), Е. П. Карповъ (отъ общества драматическихъ писателей), Рышковъ (отъ союза драматурговъ), К. Я. Крыжицкій (отъ художниковъ), г. Баратовъ (отъ Малаго театра), Розень-Санинъ (отъ Народнаго дома), А. П. Петровскій (отъ театра Корша), г. Долиновъ (отъ одесскаго городского театра), А. А. Санинъ (отъ курсовъ Поллакъ), Н. А. Тонкая и Васильева (отъ театра «Фарсъ»), г. Каменскій (отъ «Буффа») и т. д. Всѣхъ депутацій было больше сорока, и, благодаря имъ, спектакль затянулся до двухъ часовъ ночи. Изъ многочисленныхъ подарковъ, поднесенныхъ В. Н. Давыдову, выдѣлялись своей цѣнностью: золотой вѣнокъ отъ труппы Императорскаго московскаго Малаго театра, золотой вѣнокъ отъ московскаго художественнаго кружка, серебряный вѣнокъ и кольцо съ брилліантомъ отъ группы почитателей, золотой жетонъ съ брилліантомъ отъ труппы Александринскаго театра, золотой жетонъ съ цифрой XXV отъ спб. балета, серебряный вѣнокъ отъ императорской петербургской оперы, съ именами всей труппы, серебряный вѣнокъ съ надписью «великому Давыдову» отъ рижской труппы Незлобина, серебряная лира отъ общества сценическихъ дѣятелей, четыре серебряныхъ жбана, серебряный старинный жбанъ, наполненный шампанскимъ, отъ драматическихъ курсовъ Поллакъ, серебряный вѣнокъ отъ театра «Буффъ», серебряный вѣнокъ отъ труппы московскаго театра Корша и т. д. Къ числу цѣнныхъ подарковъ надо также отнести стипендію имени юбиляра, учрежденную при императорскихъ драматическихъ курсахъ (подарокъ бывшихъ учениковъ В. Н.), портретъ Дузе съ собственноручной надписью (*A vous gloire!*), портретъ Томазо Сальвини, тоже съ собственноручной надписью по-итальянски (*amico carissimo, collegi in arte*), портретъ-гравюру юбиляра (отъ бывшихъ его учениковъ), фотографическую группу трехъ авторовъ: Чирикова, Юшкевича и Найденова, серебряную братину отъ М. Я. Пуаре и т. д. Были и оригинальные подарки, вродѣ шляпы Расплюева, съ надписью «была игра» (подарокъ нотаріуса Я. Сахара), палитры съ изображеніемъ юбиляра въ различныхъ роляхъ (подарокъ группы художниковъ), нотъ съ музыкой, посвященной В. Н. (подарокъ г. Вильбушевича). Среди

массы полученныхъ юбиляромъ вѣнковъ отмѣтимъ вѣнки: отъ нѣмецкой труппы Филиппа Бока, отъ петербургской французской труппы, отъ В. Ф. Коммиссаржевской, отъ труппы театра г-жи Коммиссаржевской, отъ Литературно-Художественнаго театра, отъ драматической школы А. С. Суворина, отъ общества русскихъ драматурговъ и оперныхъ композиторовъ, отъ одесскаго городского театра, отъ «измайловцевъ», отъ спб. консерваторіи, отъ хора императорской русской оперы, отъ театра «Фарсъ», отъ общества драматическихъ писателей, отъ музыкально-драматическаго кружка, отъ студентовъ-статистовъ и т. д.

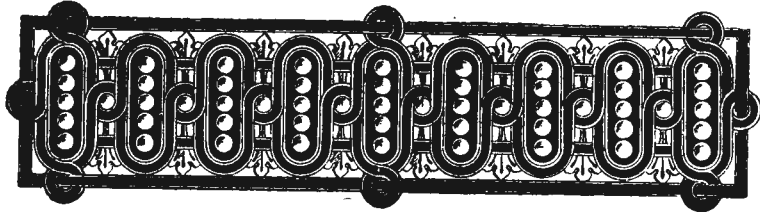
Юбилей М. И. Долиной. 11 февраля въ циркѣ было торжество, не имѣвшее никакого официальнаго характера. Чествовали большой русскій талантъ его почитатели, и этихъ почитателей оказалось такъ много, что обширное помѣщеніе цирка было переполнено сверху донизу; стулья стояли даже на эстрадѣ. Популярныя утра «Русской пѣсни», устроенныя г-жею Долиной по воскреснымъ днямъ въ циркѣ, привлекали всегда множество публики. Но это утро было исключительное, а соотвѣтственно съ этимъ и настроеніе публики, собравшейся привѣтствовать артистку. Привѣтствія Долиной начались послѣ перваго отдѣленія. Хотя комитетъ, распорядившійся торжествомъ, назначилъ извѣстный порядокъ для денуцаций, но порядокъ былъ мало соблюдаемъ. При настроеніи, царствовавшемъ въ залѣ, никто однако не замѣтилъ, въ какомъ порядкѣ проходили денуцация. Первымъ привѣтствовалъ артистку г. Вержбиловичъ отъ своего лица, а поучтно, конечно, и отъ лица всего артистическаго русскаго міра, съ которымъ Долина связана неразрывно. Вержбиловичъ, участникъ и свидѣтель многихъ артистическихъ триумфовъ Долиной, лучше многихъ знаетъ, какъ цѣнить ея талантъ по всей Россіи. Его привѣтствіе было кратко, что отнюдь не означало краткости предстоявшаго чествованія: оно было продолжительно и большая часть депутатовъ говорила много и долго. Отъ лица курсовъ Рапгофа, гдѣ Долина получила свое музыкальное образованіе, поздравилъ ее директоръ ихъ г. Рапгофъ, учредившій у себя въ школѣ стипендію имени артистки. Поздравила газета «Свѣтъ», представитель которой подчеркнул дѣятельность Долиной по распространенію русской музыки въ славянскихъ земляхъ. Литературно-Художественное общество выбрало талантливую артистку своимъ почетнымъ членомъ и поднесло ей драгоценный жетонъ. Цѣнныхъ подарковъ и цвѣтовъ Долина получила множество какъ отъ публики, частныхъ лицъ, артистовъ, такъ и отъ отдѣльныхъ учреждений, школъ, гимназій, благотворительныхъ обществъ, для которыхъ она поработала не мало. Говорились рѣчи, читались стихи и привѣтствія, между прочимъ отъ еврейской общины. Особенно мило сказала свой привѣтъ одна дѣвочка, ученица царскосельской гимназіи, въ которой Долина получила свое общее образованіе. Читались телеграммы и привѣты съ разныхъ концовъ Россіи, было ихъ немало и изъ-за границы (отъ г-жи Ж. Аданъ, отъ композитора Гумпердинка, отъ славянскаго клуба 20 чешскихъ и моравскихъ городовъ съ надписью: «Любимицѣ чешскаго народа» и др.). Значительная часть телеграммъ осталась непрочитанною—тутъ сказались нераспорядительность комитета, потому что телеграммы оглашались скорѣе случайно и были опущены

нѣкоторыя существенныя, напр., отъ сиб. консерваторіи, отъ отдѣленій Русскаго музыкальнаго общества, отъ Направника и т. д. Но эти упущенія въ концѣ-концовъ все-таки были не особенно важны. Важно то, что на чествованіе артистки, такъ много потрудившейся на пользу родного искусства, дружно откликнулось все русское общество со всѣхъ концовъ государства, даже съ враждебныхъ окраинъ, напримѣръ, изъ царства Польскаго. Важно то, что чествованіе носило болѣе сердечный и искренній характеръ; талантъ и его работа оцѣнивались тутъ по заслугамъ. Рукоплесканія долго не умолкали по окончаніи торжества, и г-жѣ Долиной нѣсколько разъ приходилось выходить на единодушныя вызовы публики. Артистка, находящаяся въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, въ этотъ день должна была пріобрѣсти новую увѣренность какъ въ плодотворности своей работы, такъ и въ симпатіи русскаго общества къ ней и къ этой работѣ.

Отъ комитета литературнаго фонда. Переживаемыя Россіей за послѣднее время тяжелыя событія отразились въ значительной степени и на дѣятельности литературнаго фонда, весьма неблагоприятно повліявъ на притокъ пожертвованій и другихъ случайныхъ поступленій въ фондъ и, съ другой стороны, настойчиво потребовавъ увеличенія денежныхъ выдачъ нуждающимся писателямъ. Такое стеченіе обстоятельствъ повлекло за собою крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, вслѣдствіе чего по расходному капиталу, изъ котораго, по уставу, только и могутъ быть производимы большая часть выдачъ фонда, образовался въ настоящее время дефицитъ около 4.000 рублей. Съ цѣлью покрытія этого дефицита комитетъ литературнаго фонда устраиваетъ лотерею, выигрыши которой будутъ состоять исключительно изъ книгъ, скульптурныхъ произведеній, картинъ и гравюръ, портретовъ писателей, ученыхъ и художниковъ, автографовъ и т. п. вещей, относящихся къ литературѣ и искусству. Сюда же предполагается присоединить «канцелярскія принадлежности» въ видѣ чернильницъ, бюваровъ, картонажей и т. п. Сообщая объ этомъ лицамъ, могущимъ и желающимъ содѣйствовать усиѣху лотереи пожертвованіями вышеозначенныхъ предметовъ, комитетъ будетъ глубоко признателенъ за всякое приношеніе. Жертвуемыя вещи слѣдуетъ адресовать: предсѣдателю литературнаго фонда, П. И. Вейнбергу, Николаевская 4; въ полученіи будетъ выдаваться расписка.

Въ засѣданіи комитета литературнаго фонда въ бюро комитета избраны: предсѣдателемъ Н. И. Карѣевъ (В. О., 10-я линія, 9)—пріемъ воскресенье 11—12 ч. и четвергъ 11—1 ч. д., товарищемъ предсѣдателя Н. А. Котляревскій (Кабинетская, 12), казначеемъ Н. Ѳ. Анненскій (Широкая, 16)—пріемъ четвергъ 11—1 ч. дня и секретаремъ А. С. Пругавинъ (Введенская ул., 17). Комитетъ проситъ гг. кліентовъ фонда всѣ прошенія и заявленія адресовать непременно на имя предсѣдателя.

НЕКРОЛОГИ.

БЕЗРОДНЫЙ, А. В. † 2 февраля скончался внезапно отъ паралича сердца Александръ Васильевичъ Безродный, инспекторъ сенатскаго архива, писатель. Покойный происходилъ изъ стариннаго малороссійскаго рода Негребецкихъ; но фамилію эту утратилъ еще его прапрадѣдъ Ѳедоръ Степановичъ, сотенный старшина въ малороссійскихъ полкахъ; оставшійся послѣ родителей малолѣтнимъ, онъ воспитывался въ чужомъ домѣ и получилъ прозвище «Безродный», которое и обратилось въ фамилію. Сынъ его Кириллъ Ѳеодоровичъ, хотя и былъ кременчугскій кунецъ, но еще въ 1794 г. былъ записанъ въ дворянскую родословную книгу Екатеринославской губерніи. Старшій сынъ Кирилла, Василій, былъ извѣстный дѣятель и сенаторъ въ царствованіе Александра I и первые годы царствованія Николая I, а второй, Петръ, былъ дѣдомъ покойнаго. А. В. родился 5 мая 1841 г., воспитывался въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи котораго опредѣлился въ сенатъ. Въ 1866—1869 г. состоялъ городскимъ мировымъ судьей Петербурга, затѣмъ товарищемъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда и съ 1883 г. членомъ того же суда. Въ 1885 г. онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ с.-петербургскимъ сенатскимъ архивомъ и состоялъ въ этой должности до конца своей жизни. Занимаясь разборомъ названнаго архива, покойный напечаталъ цѣлый рядъ заимствованныхъ изъ него историческихъ матеріаловъ въ «Русской Старинѣ», множество статей, освѣщаемыхъ новыми данными, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» («Къ біографіи М. В. Буташевича-Петрашевскаго»; «В. К. Кюхельбекеръ и А. С. Грибоѣдовъ»; «Къ исторіи крѣпостничества»; «Къ біографіи композитора А. А. Алябьева»; «П. С. Тургеневъ и

«Истор. вѣстн.» май, 1908 г., т. 31.

25

эмигранты», и многія другія); затѣмъ въ «Журналѣ министерства юстиціи», помимо ряда цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, напечаталъ: «О подготовленіи опытныхъ и образованныхъ дѣятелей для государственной службы» (1903, IX), «О посѣщеніи императоромъ Николаемъ I правительствующаго сената 10 августа 1827 г.», «Исторія постройки сенатскаго и синодскаго зданій (1827—1835)», «Объ исправленіи генераль-прокурорскаго и перестройкѣ зданія департамента министерства юстиціи въ 1845—1852 г.», и много другихъ.

Покойный А. В. много лѣтъ состоялъ директоромъ второго страхового общества. Два или три года тому назадъ скончался его братъ сенаторъ Л. Б., и съ его смертью, насколько намъ извѣстно, прекратился въ мужскомъ поколѣніи родъ Негребецкихъ-Везродныхъ, ведшихъ начало отъ сотеннаго старшины Федора Степановича Негребецкаго.

† **Венигъ, К. Б.** Скончался маститый профессоръ исторической живописи, художникъ Карлъ Богдановичъ Венигъ. Покойный былъ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ и талантливыхъ представителей такъ называемой «старой академіи», давшей въ свое время столько замѣчательныхъ художниковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ ему принадлежала добрая слава прекраснаго, опытнаго педагога, подъ руководствомъ котораго создалась цѣлая плеяда его даровитыхъ послѣдователей. К. Б. родился въ 1830 году въ гор. Ревелѣ. Способности къ рисованію проявились у него чрезвычайно рано, и, еще будучи 14-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ обнаружилъ уже такую художественную зрѣлость, что былъ принятъ въ академію художествъ. Здѣсь ему пришлось работать подъ руководствомъ знаменитаго Ѳ. А. Бруни. Техника рисунка давалась даровитому юношѣ очень легко. Уже 22-хъ лѣтъ онъ былъ настолько подготовленъ къ живописи, что могъ выступить конкурентомъ на малую золотую медаль и получилъ ее (за картину «Агарь съ Измаиломъ въ пустынь», 1852 года). Одновременно съ этой наградой онъ приобрѣлъ право выступить кандидатомъ на большую золотую медаль. К. Б. сталъ работать надъ программой «Эсѳиръ предъ Артаксерксомъ». Осенью 1853 года картина была уже закончена, и совѣтъ академіи постановилъ присудить за нее большую золотую медаль, дающую право на командировку за границу на казенный счетъ. Покойный тотчасъ же отправился туда, куда обыкновенно ѣздить русскіе начинающіе художники— въ Римъ. Тамъ онъ усердно принялся за изученіе итальянской живописи эпохи Возрожденія и написалъ картину «Положеніе во гробъ Христа Спасителя». Эта картина на выставкѣ 1860 года привлекла общее вниманіе своими крупными художественными достоинствами. Въ 1862 году за картину «Ангелы возвѣщаютъ гибель городу Содому» К. Б. былъ удостоенъ званія профессора исторической живописи, — званіе, которое онъ носилъ до самой кончины. Картина эта хранится теперь въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ. По возвращеніи изъ Италіи покойный вмѣстѣ съ Крамскимъ и Кошелевымъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ работахъ по расписыванію московскаго храма Христа Спасителя. Изъ этихъ работъ кисти К. Б. особенно привлекаютъ вниманіе: «Рождество Богородицы», «Успеніе», шестнадцать фигуръ святыхъ и двѣ большія картины, исполненныя по эскизамъ Ѳ. А. Бруни. Среди

другихъ произведеній покойнаго въ области исторической живописи пользуются наибольшою извѣстностью слѣдующія: «Юаннъ Грозный и его мамка», «Послѣднія минуты Григорія Отрепьева» (1879 года), «Русская дѣвушка», «Боярыня» (находится теперь въ петербургскомъ музѣ императора Александра III) и др. Послѣднею работою К. В. была изящная картина «Сократъ у Алкивиада», появившаяся на выставкѣ 1902 года и встрѣченная всеобщими восторженными похвалами. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 23).

† **Дашкевичъ, Н. М.** Скончался талантливый профессоръ университета св. Владимира Николай Ивановичъ Дашкевичъ. Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ ученыхъ, которые въ сутолокѣ послѣднихъ политическихъ событій продолжали заниматься наукой и тщательно оберегали свою научную дѣятельность отъ вторженія въ нее иныхъ, чуждыхъ ей теченій. Сынъ священника Волынской губерніи, Н. И. родился въ 1852 году и, пройдя курсъ житомирской гимназіи, продолжалъ свое образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ университета св. Владимира. Окончивъ курсъ въ 1873 году со степенью кандидата, покойный былъ оставленъ стипендіатомъ для подготовки къ профессорскому званію. По прошествіи четырехъ лѣтъ, онъ блестяще защитилъ магистерскую диссертацию («Постоянное развитіе науки исторіи литературы и ея современныя задачи», 1877 годъ) и съ этихъ поръ занялъ въ родномъ ему университетѣ кафедру всеобщей исторіи литературы. Въ 1890 году покойный, обратившій на себя вниманіе ученаго міра своими выдающимися изслѣдованіями, былъ удостоенъ степени доктора honoris causa. Къ тому же времени относится и назначеніе его членомъ-корреспондентомъ императорской академіи наукъ, въ маѣ прошлаго года присудившей ему почетное званіе ординарнаго академика по отдѣлу русской литературы и словесности. Перу Н. И. принадлежитъ свыше 60 ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ многіе признаны цѣнными вкладами не только въ русскую, но и въ обще-европейскую ученую литературу. Богатая эрудиція покойнаго въ области древней письменности дала ему возможность обогатить науку цѣлымъ рядомъ капитальныхъ изслѣдованій, какъ, напримѣръ: «Княженіе Данила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ» (1873 годъ), «Волховская земля и ея значеніе въ русской исторіи», «Изъ исторіи средневѣковаго романтизма, сказаніе о св. Гралѣ» (1876 годъ), «Литовско-русское государство, условія его возникновенія и причины упадка» (1882—1883 годовъ), «Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатей» (1883 годъ) и др. Изъ послѣднихъ работъ покойнаго слѣдуетъ отмѣтить его интересную книгу: «Литературное изображеніе императрицы Екатерины II и ея царствованія» (1898 годъ). Въ 1906 году многочисленныя почитатели и ученики Н. И. торжественно чествовали 30-лѣтіе его учено-педагогической дѣятельности и издали по этому поводу посвященный ему сборникъ статей «Eranos». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 года, № 20).

† **Зубаревъ, А. О.** 11 февраля на 85-мъ году жизни скончался тайный совѣтникъ Андрей Ѳеодоровичъ Зубаревъ, одинъ изъ первыхъ дѣятелей по вве-

денію судебныхъ уставовъ 1864 года; еще большую извѣстность А. Ѳ. прибрѣлъ какъ пчеловодъ, возбуждившій вмѣстѣ съ А. М. Бутлеровымъ интересъ къ упадавшему въ Россіи пчеловодному промыслу. Помѣщая многія статьи по этой отрасли сельскаго хозяйства въ «Трудахъ императорскаго вольно-экономическаго общества», Зубаревъ вмѣстѣ съ Бутлеровымъ основалъ первый въ Россіи пчеловодный журналъ «Русскій пчеловодный листокъ», редакторомъ котораго онъ былъ послѣ смерти Бутлерова. Авторъ прекраснаго учебника по пчеловодству, а также многихъ брошюръ по той же отрасли, А. Ѳ. ввелъ въ Россію такъ называемую американскую систему ульевъ, принятую вначалѣ очень неохотно, а въ настоящее время имѣющую повсемѣстное распространеніе. При императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ имъ основана «пчеловодная коммиссія», прекратившая свою дѣятельность съ учрежденіемъ «Русскаго общества пчеловодства». Достигнувъ преклоннаго возраста, А. Ѳ. однако не покидалъ изученія любимаго имъ предмета, и до послѣдняго времени появлялись его статьи въ пчеловодныхъ журналахъ. Русскіе пчеловоды искренно пожалѣютъ о смерти виднаго дѣятеля и добрымъ словомъ помянутъ его славное имя. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.467).

† **Неплюевъ, Н. Н.** 21 января скончался видный общественный дѣятель, педагогъ и реформаторъ по призванію, Николай Николаевичъ Неплюевъ. Онъ былъ учредителемъ Крестовоздвиженскаго трудового братства, созданнаго имъ съ цѣлью согласовать строй жизни съ духомъ христіанской вѣры и упорядочить самую жизнь за предѣлами братства. Онъ задался мыслью осуществить братское единеніе на трудовой почвѣ и провести въ жизнь идеи справедливости, взаимопомощи и христіанскаго смиренія. Братство существуетъ официально съ 1894 года, но еще раньше свои христіанскія идеи покойный дѣятельно распространялъ при посредствѣ основанныхъ имъ въ Черниговской губерніи крестьянскихъ и сельско-хозяйственныхъ школъ. Воспитаніе дѣтей Неплюевъ считалъ самымъ существеннымъ элементомъ въ послѣдующей людской жизни и дѣятельности и обратилъ на него свое особенное вниманіе. Колыбелью братства явились именно сельско-хозяйственныя школы, мужская и женская, куда принимались ученики и ученицы съ тринадцатилѣтняго возраста. Они образовывали трудовую колонію, объединялись въ братскіе кружки и своими трудами поддерживали какъ себя, такъ и самыя школы. Изъ школъ выходили члены братства и занимались преимущественно или учительствомъ, или сельскимъ хозяйствомъ на арендныхъ земляхъ имѣнія покойнаго. Завѣдываніе братствомъ было передано покойнымъ въ руки полноправныхъ членовъ, живущихъ въ предѣлахъ дѣятельности братства, самъ же Неплюевъ, сохранивъ за собою руководящее значеніе въ дѣятельности братства, былъ его первымъ блюстителемъ. Н. Н. родился въ 1851 г. По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ онъ началъ свою службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Мюнхенѣ, но, увлеченный философскими и политико-экономическими идеями, вскорѣ вернулся въ Россію и для подготовленія къ новой для него трудовой сельско-хозяйственной жизни поступилъ вольнослушателемъ въ Петровскую земледѣльческую академію подъ Москвою, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ старательно изучалъ

сельское хозяйство и земледѣліе. Затѣмъ онъ отправился въ свое родовое имѣніе въ Глуховскомъ уѣздѣ Черниговской губ. и здѣсь сталъ дѣятельно осуществлять свои идеи, занявшись обученіемъ и воспитаніемъ крестьянскихъ дѣтей. Сперва онъ открылъ начальную сельскую школу, потомъ учредилъ при ней дѣтское общежитіе, открылъ сельско-хозяйственныя школы, съ субсидіей отъ министерства земледѣлія, основалъ дѣтскій пріютъ и создалъ наконецъ трудовое братство. Дѣлу проповѣди трудовой христіанской жизни Н. Н. отдалъ себя всецѣло, практически проводилъ свои идеи въ жизнь и развивалъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, многія изъ которыхъ могли быть изданы имъ при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ только за границей. Главныя изъ его сочиненій: «Совѣсть», «Мысли и совѣты искренняго друга», «Хлѣбъ насущный», «Что есть истина», «Трудовая братства» и «Братскіе союзы», «Христіанское міровоззрѣніе» и др. Кроме того, онъ написалъ нѣсколько музыкальныхъ пьесъ на молитвенные сюжеты для пѣнія и фортепіано. Умеръ онъ 57 лѣтъ, оставивъ по себѣ свѣтлую память человѣка идеи, у котораго слово не расходилось съ дѣломъ, жившаго общественными интересами и посвятившаго свою жизнь на служеніе ближнимъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.446).

† **Саханскій, Н. А.** Скончался въ Петербургѣ инженеръ путей сообщенія Николай Алексѣевичъ Саханскій, извѣстный своими работами по портовому дѣлу въ Россіи и инициаторъ системы «плавающихъ портовъ», обратившей на себя вниманіе нѣсколько лѣтъ назадъ. Покойный былъ вмѣстѣ съ тѣмъ пионеромъ нѣкоторыхъ промышленныхъ отраслей. Совмѣстно съ В. И. Рагозинымъ онъ насаждалъ въ Россіи выдѣлку изъ нефти минеральныхъ маселъ, и первый нефтеобрабатывающій заводъ возникъ по мысли и плану Саханскаго въ Среднемъ Поволжьи. Находясь въ Петербургѣ, покойный принималъ постоянное участіе въ разработкѣ морскихъ, техническихъ и портовыхъ вопросовъ и въ трудахъ императорскаго общества судоходства, членомъ котораго онъ состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ журналѣ общества «Русское Судоходство» и въ изданіяхъ общества было напечатано нѣсколько капитальныхъ работъ Н. А. по портовымъ вопросамъ. Однимъ изъ важныхъ вопросовъ, которымъ посвящала свои труды покойный, былъ проектъ глубокаго воднаго пути и устройства канала между Балтійскимъ и Бѣлымъ морями. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.462).

† **Тамамшевъ, М. И.** 24 января въ Тифлисѣ скончался извѣстный общественный дѣятель Михайлъ Ивановичъ Тамамшевъ. Покойный съ дѣтства обнаруживалъ недюжинныя способности, кончилъ курсъ въ тифлисской гимназіи однимъ изъ первыхъ, 16-ти лѣтъ отъ роду, а затѣмъ въ московскомъ университетѣ, со степенью кандидата правъ. Пробывъ нѣкоторое время за границей, М. И. вернулся въ Тифлисъ и занялъ должность сначала директора, а затѣмъ управляющаго въ тифлисскомъ коммерческомъ банкѣ. Но дѣятельность покойнаго не ограничивалась этой сферой. Онъ одновременно былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ гласныхъ городской думы, работалъ во многихъ комиссіяхъ ея: финансовой, училищной и пр., былъ председателемъ думы, въ случаяхъ отсутствія городского головы, почетелемъ армянской духовной

семинарии, членомъ мѣстныхъ редакцій армянскихъ и русскихъ, и пр. Вездѣ онъ являлся проводникомъ прогрессивныхъ идей и національной и религиозной терпимости. Въ 1899 г. М. И. по болѣзни оставилъ Тифлисъ и переѣхалъ въ Парижъ. Вскорѣ послѣ этого онъ принялъ близкое участіе во вновь открытой тамъ высшей русской школѣ, гдѣ читалъ лекціи по исторіи Востока. Одновременно онъ помѣщалъ статьи въ петербургскихъ научныхъ журналахъ: «Научномъ Обзорѣніи» и «Вѣстникѣ Знанія», а также въ тифлисской газетѣ «Новое Обзорѣніе», гдѣ часто печаталъ фельетоны о заграничной жизни армянъ, а въ послѣднее время онъ печаталъ свои статьи въ газетѣ «Закавказье», гдѣ помѣстилъ очерки о религіи Востока и изъ исторіи Турціи. Въ концѣ 1906 г. М. И. вернулся въ Тифлисъ и, по обыкновенію, не могъ оставаться чуждымъ общественнымъ интересамъ. Онъ въ прошломъ году баллотировался въ гласные тифлисской думы, а затѣмъ принялъ близкое участіе въ основаніи въ Тифлисѣ высшихъ курсовъ по кавказознанію. Онъ здѣсь началъ было читать лекціи по исторіи религіи Востока, но чтеніе вынужденъ былъ скорѣе оборвать, въ виду все усиливавшейся болѣзни. Въ совѣщаніяхъ же лекторовъ онъ продолжалъ принимать участіе и до самаго дня смерти не оставлялъ этого дѣла. Умеръ покойный не старымъ человѣкомъ (55 лѣтъ отъ роду).

† **Тимановскій, А. Т.** 6 февраля въ Варшавѣ скончался отъ воспаленія легкихъ, на 59-мъ году жизни, редакторъ-издатель «Варшавскаго Дневника» Андрей Тихоновичъ Тимановскій. Окончивъ въ 1869 г. курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, А. Т. началъ службу по судебному вѣдомству. Благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ, онъ на пятомъ году службы былъ назначенъ на соотвѣтственный постъ оренбургскаго губернскаго прокурора, а затѣмъ, въ 1879 г., переведенъ товарищемъ председателя варшавскаго окружнаго суда, и съ тѣхъ поръ, почти 30 лѣтъ, не покидалъ Варшаву. Въ теченіе этого времени онъ издалъ «Судебные уставы», съ постатейнымъ указателемъ по вопросамъ, разработаннымъ въ нашей, тогда еще юной, юридической литературѣ, нѣсколько отчетовъ по выдающимся процессамъ и нѣкоторое время состоялъ корреспондентомъ «Новаго Времени». Въ 1895 году, по личному выбору варшавскаго генераль-губернатора графа П. А. Шувалова, А. Т. былъ назначенъ редакторомъ «Варшавскаго Дневника». Въ продолженіе слишкомъ 12 лѣтъ А. Т. проходилъ трудный тернистый путь редактора единственнаго до послѣдняго времени русскаго печатнаго органа на польской окраинѣ. Преодолявая всевозможныя препятствія, А. Т. съ большимъ достоинствомъ выходилъ изъ самыхъ непредвидѣнныхъ затрудненій, которыя представлялись ему очень часто, вслѣдствіе исключительно стѣснительныхъ условій офиціозной газеты, состоящей въ непосредственномъ вѣдѣніи главнаго начальника края. Смѣна генераль-губернатора зачастую обозначала и перемѣну политическаго направленія, а за время редакторства А. Т. перемѣнилось въ Варшавѣ пять генераль-губернаторовъ. То, о чемъ не разрѣшалось писать въ «Дневникѣ», проникало въ столичную печать. Тѣмъ не менѣе, благодаря неустанному труду и затратамъ, на которыя А. Т. не жалѣлъ средствъ, газета развивалась, и маленькій, безсодержательный «Варшавскій Дневникъ» сталъ

въ настоящее время однимъ изъ большихъ провинціальныхъ органовъ печати, съ обширнымъ информаціоннымъ матеріаломъ, касающимся мѣстныхъ и общихъ вопросовъ, и даже началъ проявлять «направленіе», что ему было строжайше воспрещено со временъ князя Пмеретинскаго. У А. Т. было не мало враговъ, но это были или завистники его положенія, или противники его политическихъ убѣжденій. Принимая самое живое участіе въ жизни варшавскаго русскаго общества, А. Т. состоялъ членомъ всѣхъ общественныхъ и благотворительныхъ русскихъ учреждений и всегда всѣми средствами имъ содѣйствовалъ и часто являлся на помощь нуждѣ негласно и притомъ въ широкихъ размѣрахъ. Въ лицѣ Тимановскаго русская Варшава лишилась энергичнаго, отзывчиваго на все доброе, честное и полезное человѣка, какихъ, къ сожалѣнію, у насъ мало; сотрудники — редактора и человѣка съ рѣдкими душевными качествами; семья — обезпеченнаго существованія, русская печать — публициста твердыхъ политическихъ убѣжденій и человѣка съ русскимъ умомъ и сердцемъ, которое теперь, увы, перестало уже биться. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.464).

† **Эртель, А. И.** Все уменьшается ряды писателей, выступившихъ на литературное поприще въ 70-хъ годахъ и примыкавшихъ къ тому теченію въ беллетристику, которое извѣстно подъ именемъ народничества. Умеръ одинъ изъ очень талантливыхъ и симпатичныхъ писателей этой эпохи А. И. Эртель. Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ былъ народникомъ не только въ томъ смыслѣ, что народъ занималъ очень важное мѣсто въ его художественномъ творствѣ, но и въ томъ, что міросозерцаніе его въ значительной степени отвѣчало направленію, извѣстному подъ именемъ народничества. Не то, чтобы Эртель, подобно нѣкоторымъ особенно увлекающимся писателямъ 70-хъ годовъ, находилъ въ народѣ высокіе идеалы общежитія, «мірскаго разумъ», свойственный каждому обитателю деревни и противоположный индивидуализму города, — но во внутреннемъ обликѣ человѣка изъ народа онъ видѣлъ много положительныхъ чертъ, недостающихъ интеллигенту. Въ этомъ отношеніи особенно характерныхъ является его рассказъ «Двѣ шары», гдѣ неясности, смутности, растерянной благожелательности интеллигента противопоставляется увѣренность, твердость нравственныхъ началъ, ясность міровоззрѣнія крестьянина. Подъ влияніемъ всей атмосферы 70-хъ годовъ А. И. избралъ въ «Запискахъ стенняка», появившихся въ началѣ 80-хъ годовъ и главнымъ образомъ обратившихъ на него вниманіе читателей, объектомъ своихъ изслѣдованій деревню. Далѣе онъ расширилъ сферу своихъ наблюденій и въ романѣ «Смѣна» изобразилъ новыя теченія въ интеллигенціи. Нѣсколько ранѣе «Смѣны» былъ напечатанъ имъ длинный романъ-хроника: «Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги», гдѣ исторія одной семьи позволила автору нарисовать широкую картину общественныхъ отношеній, появленія новыхъ теченій въ обществѣ, столкновенія немногочисленныхъ представителей прогресса со сторонниками реакціи или равнодушія. Таковы главныя произведенія А. И. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить «Минеральныя воды», «Карьера Струкова», «Миниатюры», «Въ сумеркахъ». А. И. обладалъ несомнѣннымъ недюжиннымъ художественнымъ дарованіемъ. Въ немъ жилъ талантъ рассказ-

чика, писателя, владѣющаго искусствомъ «выдумки», какъ говорилъ Тургеневъ. Фабула его произведеній почти всегда очень интересна. Онъ умѣлъ затрагивать темы, которыя волновали современниковъ, и въ этомъ заключалась слабая сторона его творчества: проходили минутныя волненія, мѣнялось теченіе, затронутое въ романѣ, и интересъ къ произведенію слабѣлъ,—романъ отступалъ въ прошедшее. И отъ этого терялъ не только авторъ, но и читатель, потому что въ талантѣ А. П. несомнѣнно заключались свойства, которыя при другихъ условіяхъ могли бы сдѣлать изъ него выдающагося писателя. Прочтите, напримѣръ, его маленькій рассказъ «Спеціалистъ», и вы увидите, какимъ запасомъ способности къ психологическому анализу, выразительной силы и юмора обладалъ А. П. и съ какимъ незауряднымъ талантомъ имѣли мы дѣло. Родился А. П. въ 1855 году въ Воронежской губерніи. Почти все дѣтство и значительную часть юныхъ лѣтъ онъ провелъ въ деревнѣ и изображалъ деревню на основаніи собственныхъ наблюденій. За свою общественную дѣятельность онъ подвергался гоненіямъ, въ 80-хъ годахъ былъ арестованъ, высланъ административнымъ порядкомъ и долгое время не могъ вѣзжать въ столицы. Долгое время былъ онъ главноуправляющимъ обширными имѣніями помѣщиковъ черноземныхъ губерній, и здѣсь культурно-просвѣтительная дѣятельность его въ деревнѣ оставила ясныя слѣды. Онъ устроилъ школы, улучшилъ медицинскую часть, содѣйствовалъ усовершенствованіямъ въ хозяйствѣ крестьянина. Въ послѣднее время онъ затѣвалъ огромное дѣло, требовавшее чуть ли не миллионнаго капитала, и для этого вошелъ въ сношенія съ крупными книжными издателями. Его мысль было снабженіе школъ дешевыми и хорошими пособіями. Организацию этого дѣла онъ не успѣлъ довести до конца. Уже давно сталъ страдать онъ болѣзнью сердца, а въ послѣдніе дни, живя въ Москвѣ, чувствовалъ себя совсѣмъ плохо. За 5—6 дней до смерти сердечные припадки обострились, и, наконецъ, 7 февраля, въ 12 часовъ, А. П. не стало. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1908 г., № 32).

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Письмо въ редакцію.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ отдѣлѣ «Новости и мелочи» по поводу писемъ королевы Гортензіи къ императору Александру I между прочимъ читаемъ: «Говорятъ, что принцу Евгенію и его сестрѣ поставлено въ вину, будто бы они способствовали возвращенію Наполеона. Было ли это обвиненіе заслужено и искренно—вопросъ другой. Во всякомъ случаѣ оно являлось удобнымъ предлогомъ для отстраненія отъ себя лицъ, политически сдѣлавшихся неудобными».

Эти слова оставляютъ какъ бы подъ сомнѣніемъ неучастіе принца Евгенія въ возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Между тѣмъ это неучастіе выполнѣ и исторически признано. Въ интересахъ исторической истины прошу редакцію напечатать слѣдующее поясненіе:

Въ 1814 году принцу Евгенію, оборонявшему Италію отъ австрійцевъ, англичанъ и измѣнчившаго Наполеону короля неаполитанскаго Мюрата, была тайно предложена, по мысли Меттерниха, корона Италіи, если бы и онъ отложился отъ Наполеона. Предложеніе это имъ было съ негодованіемъ отвергнуто, и оборона Италіи продолжалась впродъ до полученія приказанія отъ Наполеона очистить ее вслѣдствіе его отреченія въ Фонтенбло. Съ этого момента политическая жизнь принца Евгенія была кончена, и онъ переѣхалъ въ Баварію къ своему тестю, королю баварскому. Но Фонтенблоскимъ трактатомъ союзники гарантировали ему приличное вознагражденіе за потерянное вице-королевство. Вопросъ, гдѣ найти подходящее земельное владѣніе, долженъ былъ рѣшиться на конгрессѣ въ Вѣнѣ. Здѣсь съ принцемъ сильно подружился императоръ Александръ: они ежедневно видѣлись, дѣлали вдвоемъ продолжительныя прогулки пѣшкомъ и т. д. Александръ горячо взялся за устройство судьбы своего друга, и столь сильная протекція, разумѣется, не могла не подѣйствовать на членовъ конгресса; дѣла принца Евгенія стали подвигаться. Но однажды, среди бала, на которомъ присутствовало большинство коронованныхъ особъ, пришло неожиданное извѣстіе о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Взоры всѣхъ невольно стали искать принца Евгенія, но его случайно не было. Этого было достаточно для того, чтобы возбудить подозрѣнія и тотчасъ же окружить его квартиру полиціей, отъ которой онъ, возвращаясь въ этотъ вечеръ домой, впервые и узналъ о событіи. Возбужденныя на созванномъ тою же ночью конгрессѣ подозрѣнія относительно участія принца въ возвращеніи Наполеона не имѣли никакихъ реальныхъ основаній, и самъ императоръ Александръ много съ нимъ бесѣдовалъ относительно этого событія, стараясь доказать ему всю невозможность удачи для Наполеона. Такимъ образомъ для принца все шло хорошо, какъ вдругъ случай далъ вновь обильную пищу подозрѣніямъ и сплетнямъ: одинъ изъ конюховъ принца, возвращаясь изъ отпуску, на пути изъ Парижа заѣхалъ къ герцогинѣ Сень-Лэ (королевѣ Гортензіи) и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ и привезъ принцу отъ нихъ письма. Но юртембергская полиція арестовала его около Штутгарта и препроводила въ Вѣну. Тамъ на конгрессѣ письма, которыя онъ везъ, были вскрыты и прочтены: хотя въ нихъ, кромѣ частныхъ дѣлъ, были лишь описаны впечатлѣнія разныхъ лицъ о появленіи Наполеона въ Парижѣ, но сгоряча и при желаніи избавиться отъ обязательствъ относительно принца членамъ конгресса показалось это достаточнымъ доказательствомъ виновности принца. На слѣдующій день Александръ послалъ къ нему Чернышева съ распечатанными письмами и сообщеніемъ, что при такихъ обстоятельствахъ ему, конечно, неудобно продолжать съ нимъ прежнія отношенія. Отсюда, вѣрно, и пошла молва о пресловутомъ участіи принца Евгенія въ дѣлѣ возвращенія Наполеона съ острова Эльбы.

Между тѣмъ, прочтя письма, принцъ убѣдился, что въ нихъ даже при самой злой волѣ невозможно найти рѣшительно ничего, что бы могло слу-

жить хоть отдаленнымъ доказательствомъ не только его участія, но даже и освѣдомленности о планахъ Наполеона. Найдя такимъ образомъ средство доказать истинную несправедливость подозрѣній, принцъ Евгенийъ вернулъ письма Александру, прося его хладнокровно ихъ прочесть. Исполнивъ это, Александръ убѣдился самъ и убѣдилъ другихъ членовъ конгресса, что они все слогая совершенно произвольно истолковали эти письма, и невиновность принца Евгения была выяснена. Между Александромъ и имъ возстановились прежнія дружескія отношенія, которыя не прекращались до самой смерти принца въ 1834 г., какъ о томъ свидѣлствуютъ ихъ письма. И если вообще судьба принца въ концѣ концовъ была устроена, хоть и не такъ блестяще, какъ было сначала обѣщано конгрессомъ, то онъ этимъ обязанъ, конечно, главнымъ образомъ настойчивымъ требованіямъ Александра и его заступничеству передъ вѣнскимъ кабинетомъ, всячески это дѣло тормовившимъ.

Такимъ образомъ, если «возвращеніе Наполеона съ Эльбы положило предѣлъ отношеніямъ русскаго императора къ Наполеонидамъ...», то въ отношеніи принца Евгения это утвержденіе не вѣрно.

Что касается королевы Гортензій, то въ письмѣ Александра къ принцу Евгению изъ Парижа отъ 18 іюля 1815 г. читаемъ:

«C'est avec douleur que je dois vous parler de votre soeur. Il n'y a qu'une voix sur la part qu'elle a prise aux malheureux événements qui se sont passés. Cette unanimité d'opinion sur elle n'ont pas suffi a mes yeux pour l'envisager comme une preuve, si malheureusement je n'en possédais pas d'autres, que je vous ai communiquées dans le temps à Vienne. C'est là le sort des femmes les mieux intentionnées; quand elles s'avisent de vouloir se mêler d'affaires, elles se trompent pour la plupart, et se trouvent alors enveloppées dans leurs erreurs.

«Ne pouvant que désapprouver fortement toute sa marche, j'ai mieux aimé ne pas la voir, et respectant en elle le malheur, lui éviter le langage que la vérité m'eut imposé. Elle va partir, d'après son désir, pour la Suisse».

Наконецъ, узнавъ о кончинѣ принца Евгения, императоръ писалъ его вдовѣ между прочимъ слѣдующее: «Votre malheur en est un pour tous ceux qui ont connu le prince Eugène, et qui ont eu, comme moi, occasion de juger et d'apprécier sa belle âme. Il laisse à ses enfants le plus noble héritage: une mémoire sans tache, des regrets universels, un nom glorieux et une estime qui s'est en quelque sorte identifiée a ce nom...».

Все это не ново и было напечатано въ десятомъ томѣ труда дю-Касса: «Mémoires et correspondance politique et militaire du prince Eugène», составленнаго на основаніи подлинной переписки принца Евгения, предоставленной въ его распоряженіе вдовой принца. Писемъ императора Александра къ принцу тамъ напечатано съ 1814 по 1832 г. 22. Трудъ этотъ, очевидно, автору замѣтки остался неизвѣстнымъ, что и неудивительно, такъ какъ онъ на русскій языкъ переведенъ не былъ. Цѣлью настоящей замѣтки является ознакомленіе русскоі публики съ истиной, поскольку она касается принца Евгения и памяти о немъ.

Герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій.

II.

«По поводу Московскаго Некрополя».

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за январь (1908 г.) помѣщена библиографическая замѣтка г. Рудакова объ изданіи великаго князя Николая Михайловича «Московскій Некрополь», т. I-й. Приходится прежде всего, конечно, благодарить автора замѣчаній за указываемые имъ пропуски и остается только пожалѣть, что имъ сдѣлано такихъ указаній недостаточно много и не съ достаточной точностью. О сообщеніи всякихъ дополненій, исправленій и т. п. просила сама редакція изданія, допуская возможность и пропусковъ и ошибокъ, неизбежныхъ при такой работѣ, какъ списываніе надгробій на нашихъ запущенныхъ, безпорядочныхъ кладбищахъ (для помѣщенія всего этого въ дополненіе къ III тому). Но г. Рудаковъ гораздо больше времени и мѣста отводитъ разбору другихъ недостатковъ изданія «Московскій Некрополь». Въ предисловіи къ нему ясно сказано, какая цѣль изданія, и указаны точно его рамки: это «сухой» перечень, прежде всего, по возможности всѣхъ надгробныхъ надписей на московскихъ кладбищахъ, затѣмъ указатель и тѣхъ лицъ, надгробія которыхъ уже не сохранились, но въ литературѣ имѣются указанія на мѣста ихъ погребенія. Этимъ и исчерпывается задача изданія, предпринятаго великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ, и нельзя, конечно, произвольно расширять его рамки, а равно едва ли возможно причислять къ числу недостатковъ изданія то, что не входило въ его программу. Конечно, и великому князю и лицамъ, участвовавшимъ въ изданіи «Некрополя», хорошо извѣстны и «Родъ Волынскихъ», и печатные труды Г. А. Власьева, и другіе генеалогическіе сборники разнаго достоинства и различной степени точности, но вносить изъ нихъ различныя дополненія и поправки къ надгробнымъ надписямъ значило бы внести черезчуръ много субъективнаго въ изданіе, которое должно быть только точнымъ документомъ, такъ сказать, копіей надгробной литературы, и замѣнить собой надписи на памятникахъ при возможномъ ихъ исчезновеніи. Внесеніе сюда чего-либо лишняго явилось бы не достоинствомъ, а недостаткомъ изданія, безусловно его обезцѣнивающимъ. Если въ надписи находятся слова: «Волконскій, князь Иванъ Васильевичъ; безъ датъ», то г. Рудакову было легко, какъ и всякому другому, найти въ «Родѣ Волынскихъ», какой это именно князь и чѣмъ онъ замѣчателенъ; а какимъ образомъ найти, кто такая была «Воронцова, Екатерина Михайловна, † февраля 1871 г.»—это, вѣроятно, знаютъ только ея знакомые и родственники, и никакого примѣчанія къ этому имени не могли бы сдѣлать и составители «Некрополя». Согласны съ г. Рудаковымъ, что «небезынтересно было бы знать, что такая-то княгиня и бригадирша была женой такого-то, а этого силошь и рядомъ не сообщается». Напротивъ, никогда не сообщается, если только эти свѣдѣнія не помѣщены въ текстѣ надгробной надписи. Автору замѣтки, конечно хорошо извѣстно, гдѣ и какъ нужно искать такія подробности генеалогическаго характера. Занесеніе всѣхъ этихъ примѣчаній и дополненій въ изданіе превратило бы «Некрополь» въ цѣлое генеалогическое, а не рѣдко и историческое, изслѣдо-

ваніе, при томъ частью совершенно невозможное за недостаткомъ матеріала, а частью субъективное и весьма часто спорное. Возьмемъ, на примѣръ, хотя бы разногласіе въ датахъ на памятникѣ и въ генеалогической литературѣ; конечно, въ «Некрополь» должна быть занесена дата надгробной надписи, а тамъ уже самимъ интересующимся представляется прійти къ тѣмъ или другимъ выводамъ и, можетъ быть, доказать, что именно на памятникѣ вырѣзанъ ошибочно годъ рожденія или количество лѣтъ жизни. Такое изслѣдованіе объ одномъ-двухъ именахъ нерѣдко требуетъ усиленнаго труда и если г. Рудакову не приходилось самому наталкиваться на такіе вопросы, то въ трудѣ уважаемаго генеалoga Г. А. Власьева онъ легко можетъ найти цѣлыя разсужденія объ одной какой-нибудь датѣ. Итакъ, требованія г. Рудакова не только «чрезмѣрны», какъ онъ самъ сознаетъ, но и неисполнимы. Если бы такое желаніе было высказано не специалистомъ дѣла—это было бы понятно, но разъ такія требованія предъявляются лицомъ, «близко стоящимъ къ генеалогическимъ разслѣдованіямъ», то съ ними приходится считаться, ибо они могутъ вызвать недоумѣніе у людей, стоящихъ далеко. Внесеніе всего того, о чемъ мечтаетъ г. Рудаковъ, не только увеличило бы и удорожило изданіе, еще потребовало бы много времени и массы непроизводительной работы, совершенно измѣнило бы программу труда, и изданіе тогда, конечно, не могло бы «дѣйствительно служить для генеалоговъ и историковъ вполнѣ точнымъ и полнымъ источникомъ». Всякій генеалогъ предпочтетъ, однако, имѣть подъ руками такой сухой матеріалъ, которымъ каждый можетъ пользоваться по своему усмотрѣнію. Такой богатый матеріалъ и находимъ въ «Московскомъ Некрополѣ», уже законченномъ; не меньше, если не больше, будетъ его и въ «Петербургскомъ Некрополѣ»: изданіе громаднаго значенія въ генеалогическомъ отношеніи, трудъ исполненъ тяжелый, требующій особенной любви и преданности дѣлу и, какъ оказывается, неблагодарный. По отзыву нашихъ комитентныхъ генеалоговъ съ появленіемъ одного I тома появилась цѣлая масса новыхъ свѣдѣній, датъ и родственныхъ отношеній, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ существующихъ родословныхъ сборниковъ, даже специально посвященныхъ только отдѣльнымъ фамиліямъ,—отмѣтить это, хотя бы вскользь, указать на эти достоинства совершенно не счелъ нужнымъ г. Рудаковъ, нашедшій зато такъ много недостатковъ.

А. Голомбѣвскій.

III.

Къ біографіи М. Д. Скобелева.

Нѣсколько времени назадъ въ одной газетѣ было сказано, что М. Д. Скобелевъ поступилъ въ военную службу послѣ окончанія курса въ петербургскомъ университетѣ. Сообщеніе это невѣрно.

Въ 1861 г. я держалъ вступительный экзамень въ университетъ и въ числѣ моихъ товарищей было нѣсколько молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій, между прочимъ Скобелевъ, кн. Барятинскій, гр. Адлербергъ, Араповъ,

Эссенъ. Изъ нихъ я сошелся съ Скобелевымъ, и тогда же убѣдился, что это личность далеко незаурядная. Какъ ни странно, мы съ нимъ, какъ студенты впоследствии, постоянно вели разговоры о матеріалахъ важныхъ, но непременно имѣвшихъ отношеніе къ вопросамъ военнымъ. Это объясняется тѣмъ, что и онъ и я всегда желали посвятить себя военной службѣ, а въ университетъ попали по требованію нашихъ родителей, предоставлявшихъ намъ право, послѣ окончанія полнаго курса, избрать себѣ службу по нашему вкусу.

Время было тревожное: только что послѣдовало освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; нарождалось польское возстаніе; совершенно несвоевременно была предпринята университетская реформа. Все это вмѣстѣ взятое порождало смуту, чѣмъ ловко воспользовались либеральные элементы, особенно же польская университетская молодежь. Въ это же время послѣдовала смѣна попечителя учебнаго округа, каковымъ былъ назначенъ храбрый кавказскій генералъ Филипонъ, не имѣвшій никакого отношенія къ тому дѣлу, которому былъ призванъ служить.

Открытіе университета въ сентябрѣ 1861 г. совершилось далеко не гладко. Новый попечитель не появился въ актовомъ залѣ, и по примѣру своихъ предшественниковъ, не привѣтствовалъ студентовъ, что тѣмъ болѣе было умѣстно, такъ какъ онъ совершенно никому не былъ извѣстенъ, а также и потому, что онъ носилъ военный мундиръ, а либеральная фракція за это считала его челоѣкомъ отсталымъ, чуть не бурбономъ. Сказанныя имъ студентамъ депутатамъ, а таковыя въ то время еще существовали, въ профессорскомъ помѣщеніи слова, что, молъ, я челоѣкъ военный, рѣчей говорить не умѣю, тѣмъ болѣе, что онъ не болѣе какъ громкія фразы, а просить ихъ передать товарищамъ, что желаетъ имъ успѣха въ предстоящихъ занятіяхъ, толпу не успокоили, а напротивъ раздражили, что выразилось въ поломкѣ каѣдры и стульевъ въ актовомъ залѣ.

Несмотря на нашу молодость, — намъ было по 17 лѣтъ, — мы пришли къ заключенію, что пользы отъ занятій при подобной обстановкѣ не выйдетъ, и начали подумывать какъ поступать. Скобелевъ рѣшилъ этотъ вопросъ быстро: онъ оставилъ университетъ и поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; за нимъ послѣдовали его товарищи, т. е. кн. Барятинскій, Арановъ и гр. Адлербергъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что нашъ герой курса въ университетѣ не кончилъ и его пребываніе въ немъ было весьма непродолжительно, и если не считать лѣта, — мы поступили въ маѣ, — онъ пробылъ всего два мѣсяца. Говорю это вовсе не въ осужденіе ему, а для правильности его біографіи.

Нечего повторять, что Скобелевъ былъ дѣйствительно выдающимся челоѣкомъ, зналъ свою мощь, вѣрилъ въ нее. Могу привести слѣдующій примѣръ. Въ началѣ 1877 г., т. е. передъ Турецкой кампаніей, я былъ командированъ въ Оренбургъ для принятія въ командованіе подлежащаго мобилизаціи казачьяго полка. Туда изъ Ташкента ждали Скобелева, внапихаго въ немилость за какія-то свои черезчуръ рѣшительныя дѣйствія. Покойный государь поручилъ тогдашнему оренбургскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Н. А. Крыжановскому выразить Скобелеву свое неудовольствіе,

это я слышалъ отъ самого Николая Андреевича, который зналъ, что мы были товарищами по университету и сослуживцами по гвардіи. Послѣ свиданія Скобелева съ командующимъ войсками, мы обѣдали въ гостиницѣ, гдѣ оба помѣщались, въ компаніи съ покойнымъ полковникомъ Адеркасомъ и фл.-адъют. ротмистромъ барономъ Меллеръ-Закомельскимъ. Скобелевъ передалъ намъ свой разговоръ съ Крыжановскимъ; было видно, что онъ очень опечаленъ немилостью Его Величества, котораго боготворилъ, но затѣмъ вспоминалъ со мной объ университетѣ, а съ остальными двумя о ихъ совмѣстной боевой жизни въ Туркестанѣ. Онъ развеселился, фантазія его разыгралась, и передъ нами былъ начертанъ приблизительный планъ предстоящей кампаніи, въ которой, по его мнѣнію, онъ не могъ не участвовать. Въ концѣ разговора онъ, разгоряченный, сказалъ такую фразу: *«Или смерть, или успѣхъ, Скобелевъ не можетъ погибнуть безславно»*.

Онъ это доказалъ, и можно смѣло сказать, что если бы Богъ далъ ему жизни,—а къ началу Японской войны ему было бы всего 60 лѣтъ,—наша военная исторія украсилась бы сказаніями о легендарныхъ успѣхахъ нашего оружія, нашихъ войскъ, которыя и въ эту неудачную для насъ кампанію упрека не заслужили. Мы не были бы свидѣтелями печальныхъ картинъ, которыя разрисовываются въ настоящіе дни въ Верховномъ судѣ.

Про нашего Скобелева нельзя не сказать:

Да, были богатыри!

Н. М.

IV.

Къ статьѣ «Генераль-адъютанты императора Александра I».

Въ № 2 «Историческаго Вѣстника» сего года, въ статьѣ «Генераль-адъютанты императора Александра I», на стр. 400 напечатано: «воспоминанія гр. Бенигсена были частью напечатаны въ Германіи, частью у насъ подъ редакціею покойнаго (въ смыслѣ, конечно, умершаго, добавляю отъ себя) Майкова».

Считаю необходимымъ по этому поводу прежде всего замѣтить, что гр. Бенигсенъ никакихъ, такъ называемыхъ, воспоминаній (Mémoire, Erinnerung и т. д.) не оставилъ. Послѣ него сохранился обширный рядъ его писемъ о войнѣ 1806—7 годовъ, а также о войнѣ 1812 года и, кромѣ того, переписка съ лицами ему современными. Изъ всего этого письма о войнѣ 1806—7 годовъ были переведены исключительно мною, Петромъ Михайловичемъ Майковымъ, человѣкомъ покойнымъ, конечно, и нынѣ спокойно проживающимъ въ Петербургѣ. Переводъ былъ сдѣланъ безъ малѣйшаго участія покойнаго (въ смыслѣ умершаго) поэта А. Н. Майкова или его брата Л. Н. Майкова, вице-президента императорской академіи наукъ, также преждевременно умершаго уже. Означенный переводъ печатался долго въ «Русской Старинѣ» въ 1887—99 годахъ, а потомъ явился и отдѣльною книгою.

Позднѣ мною же однимъ были переведены и напечатаны въ «Военномъ Сборникѣ» 1905 г. письма Бенигсена и къ нему разныхъ лицъ, вышедшія отдѣльно подъ заглавіемъ «Къ біографіи графа Л. Л. Бенигсена». Наконецъ мною же сдѣланъ переводъ и писемъ его о войнѣ 1812 года, находящійся уже немалое время въ распоряженіи редакціи «Военнаго Сборника».

Независимо отъ этого, при моемъ ближайшемъ участіи, всѣ вышеозначенные труды Бенигсена, подъ общимъ, хотя и вполне произвольнымъ заглавіемъ «Mémoires du general de Bennigsen», издаются въ Парижѣ историческимъ отдѣломъ французскаго генеральнаго штаба. Два тома уже появились на свѣтъ, а третій и послѣдній, въ который войдутъ и письма Бенигсена о войнѣ 1812 года, появится въ самомъ непродолжительномъ времени.

П. Майковъ.

V.

По поводу статьи «Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ».

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1908 годъ помѣщены воспоминанія о Л. Н. Толстомъ, подписанныя А. В. Жиркевичемъ и записанныя, какъ онъ удостовѣряетъ, со словъ полковника Одаховскаго.

Изъ собственноручныхъ примѣчаній и заявленія г. Л. Н. Толстого видно, что замѣтки г. Одаховскаго не соотвѣтствуютъ фактамъ дѣйствительности, потому онъ, вѣроятно, и не хотѣлъ ихъ печатать при своей жизни.

Между прочимъ тамъ находится заявленіе г. Одаховскаго, что командиромъ 3-й батареи 11-й артиллерійской бригады былъ капитанъ Филимоновъ, занятый главнымъ образомъ набиваніемъ своихъ кармановъ на счетъ лошадинаго овса и сѣна.

Этотъ капитанъ Филимоновъ, давно умершій, былъ моимъ отцомъ, и я, какъ сынъ его, заявляю, что это клевета на покойнаго, за что я привлекаю къ законной отвѣтственности г. Жиркевича, не постѣснившись огласить въ печати неprovѣренное заявленіе, марающее честное имя умершаго уже человѣка.

Покойный отецъ мой извѣстенъ всѣмъ старымъ артиллеристамъ, всегда вель очень скромный образъ жизни и, дослужившись до высокихъ чиновъ, не оставилъ никакого имущества своимъ дѣтямъ.

Отставной генераль-лейтенантъ Семенъ Васильевичъ

Филимоновъ.

VI.

Отвѣтъ на замѣтку г. Ефремова.

На вызовъ, сдѣланный мнѣ г. Ефремовымъ въ № 1 «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ, считаю нужнымъ заявить:

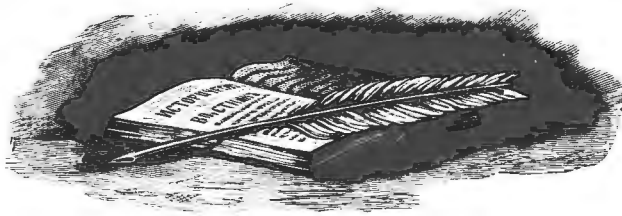
1. Очень можетъ быть, что поговорка «наварили — напекли, какъ на Маланину свадьбу», по сообщенію г. Мартемьянова, существуетъ и въ рус-

скихъ губерніяхъ и обязана своимъ происхожденіемъ тоже какой-нибудь «Маланьѣ», пышно и съ обильными яствами праздновавшей свою свадьбу; но имѣется ли тамъ исторія этой поговорки и кто такая была русская Маланья—я не знаю.

2. На Дону же эта поговорка имѣетъ историческое происхожденіе. На Черкасскомъ базарѣ, въ половинѣ XVIII вѣка, красивая продавщица, по имени Маланья Карповна, торговала разной мелочью; увидѣвъ ее, атаманъ Ефремовъ плѣнился ея красотою и женился на ней. Свадьба состоялась въ томъ же городѣ съ атаманскою пышностью и обиліемъ всякой снѣди для народа, разставленной на городской площади. Вѣроятно, печенаго и варенаго въ тотъ день было такъ много, что народъ и пустилъ этотъ случай въ поговорку. Долженъ прибавить, что портретъ этой красавицы сохранился до сихъ поръ и находится въ залѣ атаманскаго дворца въ Новочеркасскѣ. Маланья Карповна представлена на немъ въ костюмѣ тѣхъ временъ: колнакъ, кубилекъ, тонкій поясокъ и жемчужныя пуговицы отъ самага горла и до пояса.

3. Очень возможно также, что поговорка эта, существующая на Дону болѣе 150 лѣтъ, перешла отсюда въ сосѣднія губерніи, а изъ нихъ распространилась и по всей Россіи.

А. Карасевъ.

— При другихъ обстоятельствахъ,—отвѣчала она,—я къ вамъ буду питать полное довѣріе, увѣряю васъ... Но въ настоящую минуту, когда королевская власть находится въ опасности, всѣ тѣ, которые остаются ей вѣрны, должны отложить свои личныя симпатіи и слушаться только голоса долга.

Съ минуту онъ смотрѣлъ на эту очаровательную головку, окаймленную чернымъ капюшономъ и залитую луннымъ свѣтомъ. Блескъ ея большихъ зеленыхъ глазъ, въ которыхъ отражались его глаза, почти опьянялъ его.

— Да будетъ проклята политика!—воскликнулъ онъ.—Нельзя уже возвратиться къ прежнему мирному времени, когда я пріѣзжалъ пѣть и охотиться въ Фуръ-о-Муанъ!.. Все мое честолюбіе будетъ состоять въ томъ, чтобы быть около васъ и сдѣлаться вашимъ другомъ.

— Вотъ какъ?—сказала она, качая головой...—Какія мечты! Вы не могли бы жить въ безвѣстности, такъ же, какъ и я не могла бы заниматься хозяйствомъ и садоводствомъ, какъ моя тетушка Гертруда... Отъ судьбы не уйдешь. Вы будете сражаться за то, что вы называете правами народа, я же буду бороться до конца, защищая короля.

— Неисправимое упрямство!—прошепталъ онъ нѣжно:—ваши усилія не остановятъ революціи; они только озлобятъ народъ и это приведетъ къ гибели васъ и вашу семью, ввергнетъ вашихъ друзей въ отчаяніе... Не стоитъ защищать тѣхъ, кто по собственной слѣпотѣ идетъ къ пропасти!

— Спокойной ночи, г. Божаръ,—сказала она.—Пора и спать... Не говорите ничего моей тетушкѣ С.-Андре; она настолько же чужда всякихъ возвышенныхъ порывовъ, насколько я энтузіастка. Не стоитъ ее тревожить.

— Будьте покойны, я уѣзжаю завтра рано утромъ... и отправлюсь въ удрученномъ настроеніи... Прощайте!

— Не говорите этого противнаго «прощайте» и особенно не уѣзжайте, не примирившись со мною!.. Я увѣрена, что мы останемся добрыми друзьями и, надѣюсь, увидимся въ лучшія времена...

— Да услышитъ васъ Небо!—прошепталъ онъ, цѣлуя протянутую ему руку, и простился съ нею.

IV.

Къ печамъ!

Во вторникъ 21 іюня 1791 г., около полудня, всѣ дворяне-стеклозаводчики, присутствовавшіе на тайномъ собраніи у Высокой Березы, получили отъ канониссы записку, въ которой значилась короткая таинственная фраза: «Къ печамъ, господа!»

«истор. вѣстн.», мартъ, 1908 г., т. сxi.

5

— Ага! — сказалъ себѣ Іеремія Данлупъ послѣ того, какъ онъ съ трудомъ разобралъ три слова лозунга, — значить, это сегодня!.. Тѣмъ лучше, чортъ поberi! Стоитъ хорошая погода, и это добрый знакъ.

Солнце, дѣйствительно, сіяло на небѣ почти безоблачномъ, если не считать нѣсколькихъ легкихъ бѣлыхъ облачковъ, и восточный вѣтерокъ освѣжалъ воздухъ. Іеремія надѣлъ свои охотничьи сапоги, застегнулъ свои гетры изъ голубого полотна, сунулъ въ свой ягташъ заряженный пистолетъ, пороховницу и пули; потомъ поспѣшно позавтракалъ ломтемъ хлѣба и свиного сала и запилъ все это стаканомъ кислаго вина. Въ полдень онъ вышелъ изъ Флорана и двинулся въ лѣсъ по направленію къ Сенаду, гдѣ жилъ Жоэль Парфондрюпъ.

Лѣсъ стоялъ во всей красотѣ: въ высокой травѣ свистала иволга, между черешнями пестрѣли лѣтніе цвѣты, а съ опушки неся запахъ спѣлой земляники и жимолости. Іеремія, сильно возбужденный этой бодростью, которой вѣяло отъ деревьевъ, весело вторилъ иволгѣ.

Жоэля онъ засталъ уже готовымъ къ отъѣзду. Стеклозаводчикъ запаса два верховыми лошадьми, и къ двумъ часамъ, выпивъ прощальный кубокъ, оба они сѣли верхомъ на своихъ лошадокъ и повернули на дорогу, которая шла къ С.-Менехульдъ. Они оставили лошадей въ гостиницѣ предмѣстья и не спѣша достигли середины города съ видомъ двухъ гуляющихъ честныхъ деревенскихъ жителей, которые пріѣхали сюда за покупками.

Необычайное оживленіе царило среди населенія. Многіе стояли около дверей, собирались на шоссе толпами, съ оживленіемъ о чемъ-то споря. Тамъ и тутъ наши стеклозаводчики замѣтили драгунъ, которые ѣхали медленно, запасшись вязанками сѣна, или чистили у конюшенъ своихъ лошадей. Скоро они догадались, что волненіе жителей было вызвано присутствіемъ этихъ драгунъ. Одинъ отрядъ прибылъ въ девять часовъ утра. Ночью одинъ отрядъ лозенскихъ гусаръ уже прошелъ черезъ С.-Менехульдъ и отправился въ Нонъ-Соммевилль, и потому неожиданное появленіе новыхъ войскъ возбудило въ жителяхъ опасенія. Справившись на почтѣ и узнавъ, что никто еще не проѣзжалъ здѣсь, Іеремія и Жоэль направились въ кабачокъ по сосѣдству и спросили бутылку кислаго вина. Попивая вино, они прислушивались къ разговорамъ посѣтителей кабачка, которые сидѣли около нихъ.

— Все это не ясно, — говорилъ одинъ шорникъ кабатчику: — драгуны и гусары такъ и рыскаютъ между нами. Не кажется ли вамъ это подозрительнымъ, Перардель?

— Повидимому, они ждутъ казенныхъ денегъ, — отвѣчалъ тотъ, — и я явился сюда для того, чтобы сопровождать ихъ до границы.

— Зачѣмъ же имъ сопровождать деньги до границы?.. Можетъ быть, деньги-то наши, и королева посылаетъ ихъ своимъ друзьямъ-австрійцамъ?.. Этотъ офицеръ, который съ полудня толчется, какъ сумасшедшій, на дорогѣ въ Шалонъ, похожъ на человѣка, у котораго на умѣ что-то дурное... Смотрите, вотъ онъ идетъ противъ насъ!..

Дѣйствительно, черезъ оконныя стекла виднѣлся офицеръ, командовавшій этимъ отрядомъ драгунъ. Его звали д'Андуанъ. Онъ то и дѣло тихо говорилъ что-то лейтенанту, семеня ногамъ, поминутно останавливаясь и чувствуя, что за нимъ наблюдаютъ, бросалъ на любопытныхъ озабоченные и вмѣстѣ съ тѣмъ раздраженные взгляды.

— Пойдемъ, — прошепталъ Іеремія на ухо Парфондрипту: — экипажи не должны бы запаздывать.

Они поспѣшили опорожнить бутылки и заплатить, что сдѣдуетъ. Въ то время, какъ они рассчитывались съ кабатчикомъ, на улицѣ явственно раздался звукъ трубы, и всѣ бросились наружу. Капитанъ д'Андуанъ забѣгалъ взадъ и впередъ и крикнулъ рѣзкимъ голосомъ:

— Кто велѣлъ трубить, чтобы сѣдлали лошадей?

— Это я, капитанъ, — отвѣчалъ, выдвигаясь впередъ, одинъ гофъ-фурьеръ:—наши люди разбрелись по кабакамъ, это меня беспокоитъ, и я думаю, что будетъ лучше, если всѣ они соберутся.

— Экипажи запоздали, — возразилъ капитанъ. — Велите перестать трубить, Лагашъ, и ожидайте моихъ приказаній.

— Мнѣ кажется, — прошепталъ Іеремія Жоэлю:—гофъ-фурьеръ правъ и этотъ молокоосъ-офицеръ ничего не понимаетъ... Слѣдовало бы распорядиться такъ, чтобы всѣ люди были готовы при первой же тревогѣ.

Они вернулись назадъ и пошли въ кабачокъ, чтобы взглянуть, покормили ли ихъ лошадей. Приказавъ конюху держать ихъ осѣдланными и взнузданными, они вернулись въ городъ, гдѣ провели еще добрый часъ, ходя взадъ и впередъ. Наступалъ уже вечеръ. Сильная жара спала, и на главной, уже потемнѣвшей улицѣ обыватели собирались толпами у своихъ дверей. По временамъ съ полей возвращались работники съ кирками на плечахъ, ѣхалъ изъ своего сада какой-нибудь собственникъ, везя съ собою корзину земляники. Сквозь окна видно было, какъ заботливыя хозяйки хлопотали надъ приготовленіемъ ужина.

Вдругъ около семи съ половиною часовъ со стороны Шалонской дороги послышался топотъ по мостовой, и вскорѣ показался быстро мчавшійся курьеръ въ свѣтло-желтомъ вѣстонѣ. Онъ скакалъ къ почтовой станціи.

— Это навѣрно они, — прошепталъ Іеремія и повелъ Жоэля къ дому почтмейстера.

Отъ возраставшаго волненія сердца стеклозаводчиковъ сильно бились. Послышался глухой стукъ ѣдущаго экипажа и щелканье бича. Два экипажа, одинъ запряженный тремя, а другой 6-ю лошадьми, впереди которыхъ скакали два курьера, точно также въ свѣтло-желтыхъ вестонахъ, быстро подъѣхали къ почтѣ и остановились тамъ среди зрителей.

Въ первомъ экипажѣ находились двѣ горничныя, во второмъ, комфортабельномъ экипажѣ сидѣло шесть человѣкъ: три дамы, одинъ мужчина и два ребенка. Богатый видъ этихъ экипажей указывалъ на знатность проѣзжихъ. Одинъ изъ зрителей спросилъ у одного изъ курьеровъ, кто эти путешественники.

— Баронесса Корфъ со своими дѣтьми, горничными и комнатнымъ лакеемъ,—отвѣчалъ онъ.

— Ну,—послышался не особенно доброжелательный голосъ:— еще эмигранты, которые пробираются къ границѣ!

Оба стеклозаводчика, вытянувъ шею, старались заглянуть въ глубь экипажа, у котораго стекла были подняты. Двѣ дамы, сидѣвшія въ глубинѣ, были одѣты очень скромно; та, которая сидѣла ближе къ окну, носила черную шляпу и такого же цвѣта плащъ. На мужчинѣ, у котораго была видна только очень широкая спина, была круглая шляпа, парикъ, темный сюртукъ. Въ рукахъ онъ держалъ трость. Старшій изъ мальчиковъ былъ одѣтъ въ простенькое платье. Драгунскій капитанъ неожиданно отогналъ любопытныхъ и подошелъ къ дверцѣ экипажа. Въ ту же минуту стекло опустилось, и дама въ черномъ плащѣ слегка наклонилась, прислушиваясь къ словамъ офицера, который ей низко поклонился. Увидѣвъ ее въ профель, Жоэль Парфондрюптъ, которому приходилось видѣть Марию-Антуанетту, когда она выходила замужъ за Людовика XVI, узналъ ее и выразительно толкнулъ локтемъ своего спутника.

Послѣ короткаго разговора капитанъ отошелъ, а королева откинулась снова въ уголь экипажа. Тогда человѣкъ въ круглой шляпѣ, который, казалось, не могъ спокойно сидѣть на мѣстѣ, наклонился, въ свою очередь, желая поторопить ямщиковъ; когда онъ повернулся, стеклозаводчики, къ своему удивленію, теперь могли видѣть его лицо. Онъ говорилъ съ одушевленіемъ, и его голосъ плохо повиновался ему, переходя внезапно отъ среднихъ нотъ къ визгу. Его откормленное лицо имѣло усталое и меланхолическое выраженіе, а вся его фигура производила впечатлѣніе чего-то нѣсколько вульгарнаго.

Оба сельскіе дворянина, создавшіе для себя совершенно иной идеалъ короля, переглянулись между собою, какъ бы спрашивая себя, дѣйствительно ли это король Франціи, хотя въ экипажѣ, кромѣ его, никого изъ мужчинъ не было.

Пока они обмѣнивались этими нѣмыми вопросами, лошадей уже запрягли, и курьеры стали отгонять любопытныхъ. Жоэля и

Иеремію оттерли назадъ. Въ эту минуту изъ сосѣдней улицы показался молодой человѣкъ лѣтъ 28—29, высокій, сильный, хорошо сложенный, съ палкой въ рукѣ и съ курткой на плечѣ. То былъ почтмейстеръ Друэ, возвращавшійся домой съ поля. Онъ подошелъ къ тарантасу, осмотрѣлъ путешественника, который стоялъ у дверцы и бросилъ взглядъ въ глубь кареты. Пока одинъ изъ курьеровъ расплачивался за лошадей, почтмейстеръ упорно смотрѣлъ на даму въ черномъ плащѣ. Раньше онъ служилъ въ полку драгуновъ Конде и не разъ имѣлъ случай видѣть королеву въ Версалѣ. Узнавъ ее, онъ отъ изумленія рѣзко пожалъ плечами, потомъ попятился назадъ въ сторону, гдѣ стояли оба стеклозаводчика. Они увидѣли, какъ онъ вынулъ изъ кармана ассигнацію, получаемую имъ въ счетъ жалованья, и, казалось, внимательно сравнивалъ королевскій портретъ, гравированный на билетѣ, съ лицомъ человѣка, который облокотился на дверцу. Онъ обернулся къ стоявшему тутъ же мальчишкѣ и съ живостью сказалъ:

— Вильгельмъ, дама въ черной шляпѣ, которая сидитъ въ берлинѣ, похожа, чортъ возьми, на австріячку, и я даю мою голову на отсѣченіе, что человѣкъ въ темномъ сюртукѣ Людовикъ XVI, онъ самый... Бѣги скорѣе предупредить муниципальныя власти!

Эти слова поразили Иеремію, который отличался тонкимъ слухомъ. Онъ даже перемѣнился въ лицѣ и спрашивалъ себя, хорошо ли онъ поступитъ, не задушивъ этого проклятаго почтмейстера, чтобы помѣшать ему болтать. Вдругъ послышались крики:

— Берегись! Берегись!

Курьеры помчались въ галопъ, бичи зацелкали, и оба экипажа быстро направились по улицѣ въ сторону Клермона. Они исчезли уже въ облакахъ пыли, когда тихое любопытство смѣнилось шумомъ и волненіемъ. Друэ успѣлъ уже сообщить свои подозрѣнія стоявшимъ обывателямъ, и со всѣхъ сторонъ въ толпѣ стали раздаваться крики:

— Держите ихъ!.. Держите ихъ!..

Въ то же время въ городской думѣ забили тревогу; улица наполнилась вооруженной національной стражей, и ея шумъ смѣшивался съ трубными звуками. Капитанъ д'Андруа приказалъ наконецъ трубить сигналъ сѣдлатъ лошадей, но было уже слишкомъ поздно. Национальная гвардія окружила его и поволокла къ думѣ.

— Чортъ побери!—вскричалъ Иеремія,—этотъ проклятый почтмейстеръ узналъ короля... Онъ все испортитъ, и эти каналы способны остановить экипажи... Нельзя терять ни одной минуты, бѣжимъ въ нашу гостиницу!

Бѣгомъ они достигли предмѣстья вскочили, на своихъ лошадей, и Иеремія сказалъ Парфондюшту.

— Въ галопъ!

Они бросились на Клермонскую дорогу. Достигнувъ вершины холма Біэма, они увидѣли въ наступившихъ сумеркахъ экипажи, которые спускались внизъ.

— Жоэль, — сказала Данлупъ: — бѣгите въ Фуръ-о-Муанъ и извѣстите г-жу д'Эризель о томъ, что произошло... Я же постараюсь догнать экипажи, чтобы предупредить ихъ величества о предательствѣ этого мерзавца и пригласить ихъ въ Варенъ, не заѣзжая въ Клермонъ... До свиданія, желаю вамъ удачи.

Они разстались. Іеремія бросился въ лѣсъ, чтобы пересѣчь дорогу, а Парфондрюптъ поскакалъ къ долинѣ Біэма. При выходѣ изъ Излета Клермонская дорога дѣлаетъ поворотъ и Данлупъ, пересѣкая лѣсъ, достигъ большой дороги за деревней, какъ разъ въ ту минуту, когда оба экипажа, мчавшіеся крупной рысью, прибыли туда. Онъ подскакалъ прямо къ каретѣ и, проѣзжая передъ опущенными стеклами, пробовалъ обратить на себя вниманіе путешественниковъ.

— Ваше величество, — кричалъ онъ: — вамъ измѣнили!

Оттого ли, что за шумомъ колесъ его слова не долетали ясно до слуха королевскаго семейства, или же фізіономія этого гиганта съ включенной бородой не внушала никакого довѣрія людямъ, которые и безъ того были напуганы и недоувѣрчивы, но его предостереженіе осталось безъ результата. Три раза онъ крикнулъ это предостереженіе въ дверцу кареты. Видя, что его уже усталая лошаденка не можетъ тягаться въ скорости съ экипажами, онъ въ отчаяніи бросился обратно въ лѣсъ, рассчитывая добраться до Варена по проселочной дорогѣ, предупредить тамошнихъ своихъ друзей и въ случаѣ надобности вызвать ихъ на помощь.

Въ то самое время, когда Іеремія тщетно старался предупредить короля, а Парфондрюптъ скакалъ къ Шаладу, канонисса въ столовой Фуръ-о-Муана съ безпокойствомъ ждала извѣстій. Свою лихорадочную тревогу она не могла даже скрыть отъ тетокъ.

Г-жа де-Ронъ гостилà у своей сестры и племянницы уже шесть недѣль; получивъ отъ Божара письмо, въ которомъ онъ писалъ о своей неудачѣ, она явилась сама увѣщать канониссу, не щадя при этомъ ни просьбъ, ни угрозъ.

Гіацинта попрежнему осталась сдержанной съ С.-Андре, преданность которой къ королю начинала ослабляться приверженностью къ конституціи. Она, правда, любила Людовика XVI, но ненавидѣла Марію-Антуанетту и надѣялась, что дворянство открыто примирится съ новымъ режимомъ. Съ этими двумя женщинами, не щадившими для нея упрековъ, Гіацинта оставалась молчалива по-неволю. Но, принуждая себя казаться спокойной, она чувствовала, какъ въ ней поднимались отчаяніе и досада, въ то время какъ г-жа де-Ронъ безопасно бесѣдовала съ Гертрудой де-С.-Андре о раз-

ныхъ незначительныхъ происшествіяхъ, или подшучивала надъ кавалеромъ де-Вандіеромъ, потѣшаясь надъ его безобидной любовью къ табаку.

Канонисса знала отъ Жаржея, что королевское семейство должно было къ ночи проѣхать Варенъ. Она сказала себѣ, что въ этотъ самый часъ король Франціи, сторону котораго она такъ горячо держала, и Марія-Антуанетта, которую она боготворила, мчались бѣглецами по дорогѣ въ Аріонъ. При этой мысли ея воображеніе разыгрывалось. Ея сердце было полно негодованія при видѣ тетокъ, которыя спокойно болтали о разныхъ пустякахъ въ такой торжественный моментъ. Она страдала отъ невозможности подѣлиться своимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и страхами съ кавалеромъ, который одинъ зналъ тайну, и ждала съ нервной дрожью, пока обѣ старухи удалятся въ свои комнаты. Наконецъ ея муки кончились. Въ 10 часовъ г-жа де-Ронъ и Гертруда пошли спать.

Д' Эризель объявила, что ей не хочется идти въ комнаты въ такой чудный вечеръ, лучше погулять немного съ кавалеромъ де-Вандіеромъ, и она увлекла его за собой. Ночь была тихая, безлунная, но вся усѣянная звѣздами.

— Часъ насталъ,—прошептала Гіацинта:—я задыхаюсь и хотѣла бы закричать!.. Мнѣ кажется, мнѣ обнажили всѣ нервы.

— Вы слишкомъ волнуетесь!—возразилъ кавалеръ де-Вандіеръ,—и, можетъ быть, совершенно напрасно... Почему вы знаете, что въ минуту своего отъѣзда король не измѣнилъ своего намѣренія и его путешествіе не было отложено еще разъ?

— Нѣтъ, что-то говоритъ во мнѣ, что теперь насталъ торжественный часъ. Только подумайте! Въ эту минуту, тамъ, по ту сторону лѣса ѣдетъ королевское семейство, увозя въ своемъ экипажѣ судьбы Франціи... Развѣ это не настраиваетъ васъ торжественно?

— Гмъ!.. По правдѣ сказать, я предпочиталъ бы, чтобы королевское семейство было теперь въ кроватяхъ, и самъ возлегъ бы на свою въ Фуръ-о-Муанъ.

— Вы человекъ маловѣрный и не особенно храбрый!..

— Что же дѣлать? Я изъ породы зайцевъ... боязливый и осторожный. Я очень люблю исторіи... Когда мнѣ ихъ рассказываютъ около очага, иногда я себя спрашиваю, почему я попалъ въ эту, которая можетъ кончиться очень плохо...

— Не раскаивайтесь въ вашемъ добромъ побужденіи!.. Впрочемъ, вы клеветаете на себя; несмотря на вашъ спокойный темпераментъ, вы храбры и преданны. Вы также получите свою награду за ваши хлопоты, когда мы одержимъ побѣду... А мы ее одержимъ, кавалеръ, будьте въ этомъ увѣрены!.. Завтра король будетъ въ лагерѣ маркиза де-Буйлье, окруженный вѣрной арміей. Онъ разгонитъ собраніе, будетъ диктовать свои желанія, образу-

мить и смирить Францію и водворить въ ней порядокъ... Мы будемъ свидѣтелями этого, Даніель. Мы, теперь едва замѣтные, будемъ окружены славой, какъ наша землячка Жанна д'Аркъ... Тише!.. Слышите, кто-то скачетъ?

— Нѣтъ, я слышу только шумъ воды въ мельничныхъ шлюзахъ.

— Иеремія вѣдь не можетъ запоздать... Все готово, не правда ли, на случай, если намъ понадобится поѣхать съ нимъ?

— Лошади осѣдланы и взнузданы и стоятъ въ конюшнѣ, но я надѣюсь, что намъ не придется прибѣгать къ ихъ услугамъ.

— Напротивъ, мы воспользуемся ими! Неужели вы думаете, что я могу пропустить короля, не присоединившись къ его конюю?.. На этотъ разъ я не ошибаюсь... Кто-то скачетъ!

Они отошли на край дороги и насторожились. Въ самомъ дѣлѣ слышно было, какъ со стороны Клаона кто-то скакалъ и топотъ лошади все приближался. Они перестали разговаривать, устремивъ глаза въ темноту бѣлѣвшей дороги. Вскорѣ шумъ сталъ явственнѣе—и черезъ 20 минутъ всадникъ соскочилъ съ лошади на опушкѣ лѣса. Гіацинта и Даніель ринулись къ нему навстрѣчу.

— Кто идетъ?—спросилъ всадникъ.

— Друзья!—воскликнулъ канонисса.—Вы ли это, Иеремія?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ запыхавшійся голосъ:—это я, Парфондрюгъ.

— Какія извѣстія?—спросила Гіацинта съ біеніемъ сердца.

— Дурныя!.. Король былъ узнанъ въ С.-Менехульдѣ негодяемъ почтмейстеромъ, и проклятые національные гвардейцы поскакали за нимъ въ погоню.

Парфондрюгъ слѣзъ съ лошади и безъ передышки рассказалъ о томъ, что произошло на почтовой станціи, какимъ образомъ онъ и Иеремія поскакали у косогора Біэмъ.

Гіацинта наморщила брови. Даніель де-Вандіеръ качалъ головою, въ то время какъ Жоэль, нарвавши пригоршню травы и листьевъ, вытиралъ свою покрытую пѣной лошадку.

— Не все еще потеряно!—возразила неустрашимо канонисса:—экипажи умчались впередъ; въ Клермонѣ ихъ встрѣтитъ отрядъ драгуновъ, который эскортируетъ ихъ до Варена, гдѣ находится сынъ маркиза де-Буйлье съ сотней гусаръ... Это наилучшимъ образомъ подѣйствуетъ на вашихъ лавочниковъ изъ С.-Менехульда!

Не успѣла она сказать, какъ снова послышался лошадиный топотъ и они увидѣли мчавшагося по узкой дорожкѣ всадника, въ которомъ узнали скоро Эли де-Курувря. Онъ запыхался не менѣе своего товарища. Насколько въ ночной темнотѣ можно было разглядѣть его черты, видно было, что онъ очень разстроены.

— Добрый вечеръ, де-Куруврь, что случилось?—спросила, задыхаясь отъ волненія, Гіацинта:—почему вы пріѣхали сюда, вмѣсто того, чтобы сопровождать короля въ Варенъ?

— Почему?—отвѣтилъ онъ, слѣзая съ лошади:— потому, что эти клермонскіе каналы не пустили меня ѣхать...

— Дѣло плохо!

— Гдѣ же находится королевское семейство?

— Королевская семья ѣдетъ по дорогѣ въ Варенъ.

— А!—прошептала, облегченно вздыхая, молодая женщина:— вы меня напугали! Но говорите же, не мучьте меня!..

— Пойдите!—возразилъ стеклозаводчикъ:—дайте мнѣ вздохнуть, и я вамъ расскажу все по порядку.

Они пошли по направленію къ Фуръ-о-Муану. Гіацинта шла между двумя дворянами, которые вели за повода своихъ лошадей.

— Сначала,—продолжалъ Эли де-Курувръ,—какъ только я получилъ ваше письмо, я поѣхалъ съ Жоаномъ де-Гіо въ Клермонъ, куда мы пріѣхали послѣ полудня. Обитатели тамъ совсѣмъ потеряли разсудокъ отъ прибытія войскъ. Въ 5 часовъ графъ де-Дама отдалъ приказъ драгунамъ садиться на лошадей, а самъ съ офицерами понесся на большую дорогу. Это вызвало, конечно, лишніе толки, и головы пустились усиленно работать. Жители Клермона жужжали вокругъ лошадей, какъ лѣтнія мухи. Пробыло 9 час., но никто не пріѣзжалъ. Тогда де-Дама, который, видимо, былъ очень недоволенъ, приказываетъ отступленіе и оставляетъ съ собой только 30 всадниковъ. Едва приказъ былъ приведенъ въ исполненіе, какъ прилетаетъ курьеръ и вслѣдъ за нимъ 2 экипажа, которые останавливаются передъ почтою. Перебѣгаютъ лошадей. Кругомъ множество ротозѣевъ. Де-Дама обмѣнивается несколькими словами съ курьеромъ, послѣ чего экипажи мчатся въ Варенъ... но именно тутъ-то все и пропало... Въ то время, когда трубили сигналъ сѣдлать лошадей, эти свиньи клермонцы начинаютъ буйствовать и не выпускаютъ войска. Муниципальныя власти приказываютъ де-Дама отвести своихъ солдатъ и такимъ образомъ успокоить буржуа; командиръ велитъ имъ убираться прочь и съ саблей въ рукѣ кричитъ: «Ко мнѣ, драгуны!». Въ эту минуту бьютъ тревогу, собирается національная гвардія и окружаетъ отрядъ. Де-Дама командуетъ «Впередъ!» Национальная гвардія реветъ: «Драгуны, васъ обманываютъ, не повинуйтесь!».

— И какъ же поступили драгуны?... перебила горячо канонисса.

— Драгуны закричали: «Да здравствуетъ нація!» и сошли съ лошадей.

— Подлецы!

— Ихъ окружили и встрѣтили аплодисментами... Воспользовавшись смятеніемъ, де-Дама прокалываетъ двоихъ и бросается на дорогу... Жоанъ де-Гіо и я, не слѣзавшіе съ лошадей, хотимъ ѣхать за нимъ; но намъ загораживаютъ дорогу... Я вхожу въ ярость, бью направо и налево хлыстомъ и мнѣ удается пробиться...

Дорога въ Варенъ мнѣ отрѣзана, я прискакалъ въ Излетъ, откуда сюда по кратчайшему разстоянію... Вотъ почему, какъ я вамъ говорилъ вначалѣ, я думаю, что дѣло пропало.

— Однако!—отвѣтила канонисса,—король теперь находится въ Варенѣ, гдѣ его встрѣтятъ гусары де-Буйлье.

— А если жители Варена настроены такъ же подозрительно, какъ и клермонцы, и если гусары такъ же вложатъ сабли въ ножны и побратаются съ ними?

— Тогда,—вскричала Гіацинта внѣ себя,—наше дѣло совсѣмъ проиграно. Мы побѣдемъ верхомъ и чрезъ Фуръ де-Пари мы достигнемъ дороги въ Мець... Мы двинемся навстрѣчу полку маркиза де-Буйлье, который въ это время идетъ изъ Дэна, и мы заставимъ его поспѣшить примчаться на помощь къ королю... Идите за вашими лошадьми, Даніель, и отведите ихъ на дорогу Фуръ де-Пари.

— Это безуміе!...—возразилъ кавалеръ.—Въ лѣсу ни зги не видно. Мы не знаемъ дороги и не успѣемъ прибыть во время.

— Эти господа будутъ показывать намъ дорогу,—отвѣтила неустрашимо Гіацинта.—Идите и возвратитесь скорѣе... Мы не можемъ терять времени даромъ.

Оба стеклозаводчика, изумленные смѣлостью молодой женщины, толкнули другъ друга локтемъ и рѣшились скромно возразить:

— Наши лошаденки совсѣмъ выбились изъ силъ,—пробормоталъ де-Курувръ,—нечего и думать ѣхать на нихъ.

— Кавалеръ отведетъ ихъ въ сарай, а вы насъ проводите иѣшкомъ... Посмотримъ, господа, струсите ли вы передъ дѣломъ, на которое иду я, женщина? Пословица говоритъ, что стеклозаводчики ничего не боятся. Я надѣюсь, что вы не поступите вразрѣзъ съ нею!

— Куда пойдете вы, туда поидемъ и мы,—отвѣтилъ Парфондрюптъ,—и будь, что будетъ!

Даніель де-Вандіеръ, видя, что нельзя надѣяться на поддержку стеклозаводчиковъ, покорился своей участи и повелъ замученныхъ лошадей въ конюшню Фуръ-о-Муана. Чрезъ четверть часа онъ снова появился, ведя за собою двухъ осѣдланныхъ лошадей.

Эли де-Курувръ помогъ опечаленному кавалеру сѣсть на одну изъ нихъ; Гіацинта легко вспрыгнула на другую и, обратившись къ своимъ спутникамъ, воскликнула:

— Впередъ! за короля!.. Кто меня любитъ, пусть слѣдуетъ за мной!

Шагомъ при свѣтѣ горѣвшихъ звѣздъ двинулись они по дорогѣ къ Фуръ-де-Пари. Передъ этой деревушкой, раскинувшейся въ густомъ лѣсу, лѣсная дорога поворачивала направо, къ Варену, пересѣкая древнюю римскую дорогу, которая называлась Haute Chevauchée. По ней-то и долженъ былъ слѣдовать маленькій отрядъ,

для того, чтобы тотчасъ же выбраться на Дэнскую дорогу. Какъ и предсказывалъ кавалеръ, въ лѣсу ночью было очень темно. Оба стеклозаводчика шли впереди лошадей и то и дѣло спрашивали себя, куда итти, отчего Даніель трусилъ еще больше. Малѣйшій звукъ вродѣ треска отъ внезапнаго паденія сломанной вѣтки или шороха зайца, вспугнутаго мимоходомъ, заставлялъ его дрожать. Шли медленно и осторожно. Оттяжелѣвшія вѣлки кавалера совѣмъ закрывались: имъ овладѣло какое-то оцѣпенѣніе, которое сопровождалось тяжелыми кошмарами. Когда вышли на Haute Chevauchée, тутъ дорога оказалась шире, а лѣсъ рѣже, и снова стали видны сіявшія на небѣ звѣзды. Это до нѣкоторой степени вернуло кавалеру де-Вандіеръ ясность мысли, онъ протеръ себѣ глаза и втянулъ въ носъ солидную понюшку табаку, чтобы придать себѣ энергіи. Путники безмолвствовали, только проводники обмѣнивались иногда нѣсколькими отрывистыми фразами. Разговоръ не нарушалъ заснувшей тишины лѣса. Гіацинта въ тревогѣ нервно вертѣла хлысть и едва сдерживала свое нетерпѣніе. Время казалось ей страшно длиннымъ. Ей хотѣлось нестись галопомъ навстрѣчу полку, который уже вышелъ теперь изъ Дэна и который одинъ только и могъ спасти короля отъ бѣды.

Въ лихорадкѣ, которая ее била, ей приходили на умъ самыя грустныя воспоминанія, подходившія къ данному случаю. Она вспомнила слышанную ею отъ тетки Гертруды трагическую исторію Людовика де-Маролль, знаменитаго протестанта изъ С.-Менехульда. Послѣ отмѣны Нантскаго эдикта этотъ ненавистный для мадамъ Ментенонъ человекъ былъ сосланъ Людовикомъ XIV, бѣжалъ, но въ двухъ лѣе отъ Рейна былъ пойманъ и сосланъ на галеры. Она задавала себѣ вопросъ, не придется ли поплатиться за проступки своего предка королю Людовику XVI. Развѣ событія, которыя разыгрывались одно за другимъ въ С.-Менехульдѣ и Клермонѣ, не носили характера какой-то фатальной мести, которая влекла королевство къ гибели?.. Потомъ мысль ея снова направлялась на печальныя предсказанія Франсуа Божара, и она дрожала при мысли, что онъ, можетъ быть, явнѣ видитъ будущее, чѣмъ она. Ей снова чудился въ заводскомъ саду, при свѣтѣ луны, страшный и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткій взглядъ депутата, который, склонившись къ ней съ печальнымъ выраженіемъ лица, повторялъ: «не защищайте упорно тѣхъ, собственная слѣпота которыхъ ведетъ ихъ къ пропасти!..» Въ такія минуты Гіацинта встряхивала головой и прогоняла меланхолическія ночныя мысли: «Нѣтъ, нѣтъ,—говорила она себѣ,—прочъ эту чувствительность!»

Въ теченіе трехъ часовъ ѣхали они лѣсомъ. Когда они вышли уже въ поле недалеко отъ дороги въ Дэнъ, начинало разсвѣтать, звѣзды блѣднѣли, и по направленію Монфокона болѣе свѣтлая полоса указывала на восходъ зари. Всѣ четверо быстрымъ шагомъ проѣхали маленькій мостикъ черезъ рѣку Эръ близъ Монбленвиля.

Бѣлый паръ поднимался по всей рѣкѣ и расходился по обѣ стороны. Достигнувъ дороги, всѣ четверо вздрогнули и остановились въ изумленіи. Съ колокольни Монбленвиля неожиданно раздался набатъ.

— Что!—воскликнулъ Парфондрюптъ:—пожаръ, что ли, въ деревнѣ?.. Но тамъ черно, какъ въ печи...

Не успѣлъ онъ сказать, какъ сзади нихъ вдали другой церковный колоколъ началъ звонить ускоренными ударами.

— Въ Шеппи звонятъ также,—пробормоталъ Эли де-Куруврѣ.

Это былъ какъ бы сигналъ. Всюду въ туманѣ, въ Вери, въ Шарпантри, въ Варенѣ пробуждались маленькіе и большіе колокола и звонко били тревогу, которая смѣшивалась съ неяснымъ гуломъ и съ отдаленной барабанной дробью.

Гіацинта остановилась; сердце ея било тревогу не менѣе колоколовъ. Ей казалось, что она слышитъ погребальный салютъ королевскому сану.

— Пропало дѣло, — проворчалъ Парфондрюптъ. — Это сулитъ намъ порядочную суматоху.

— Что бы ни случилось, господа,—вскричала отважно канонисса,—нашъ долгъ итти навстрѣчу полку маркиза де-Буйлье... Вотъ наша дорога, не правда ли?

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ Парфондрюптъ.

— Итакъ, впередъ, впередъ!.. войска должны быть недалеко.

Пока звонъ колоколовъ то замедлялся, то ускорялся въ утреннемъ туманѣ, приводя въ волненіе путниковъ, всѣ четверо неустрашимо двинулись впередъ на Дэнскую дорогу. Черезъ четверть часа они остановились. Въ промежуткахъ временной тишины, когда стихалъ звонъ колоколовъ, въ туманѣ несея гулъ идущей толпы.

Жоэль опустился на колѣни и приложилъ ухо къ сырой землѣ.

— Это такъ же вѣрно, какъ то, что наступилъ день,—сказалъ онъ:—тамъ цѣлая толпа, которая идетъ на насъ.

— Отлично, господа,—воскликнула въ восторгѣ Гіацинта:—впередъ!.. Это полкъ маркиза де-Буйлье,—и она поскакала крупной рысью. Рядомъ съ нею ѣхалъ кавалеръ, который теперь уже забылъ свои страхи.

Мало-по-малу горизонтъ окрашивался розовымъ свѣтомъ, жаворонки пѣли въ блѣдно-голубомъ небѣ, начинался день, и свѣжій вѣтерокъ разсѣялъ туманъ. Вдругъ при одномъ изъ поворотовъ дороги Гіацинта увидѣла толпу вооруженныхъ людей въ синихъ курткахъ съ красными каймами... Въ эту же минуту раздался въ свѣжемъ воздухѣ одушевленный крикъ: «Да здравствуетъ нація!» смѣшиваясь съ усиливающимися звуками колоколовъ. Канонисса была поражена въ самое сердце. То былъ не нѣмецко-королевскій полкъ, а національная гвардія изъ Бальни и Шарпантри, направлявшаяся въ Варенъ.

V.

Отъѣздъ изъ Варена.

Первымъ движеніемъ Гіацинты и ея спутниковъ было броситься вдоль поля, но крестьяне не дали имъ времени привести въ исполненіе этотъ маневръ. Въ одно мгновеніе ока они были окружены. Не слушая ихъ объясненій, они приказали имъ вернуться назадъ. Толкаемые національными гвардейцами, вооруженными плохими ружьями, они были принуждены возвратиться назадъ въ Варенъ. У Гіацинты стѣснило горло, и она мутнымъ взглядомъ смотрѣла на этихъ импровизированныхъ солдатъ. Она видѣла рѣшительныя лица и дикое возбужденіе, которое приводило ее въ изумленіе. По мѣрѣ того, какъ она прислушивалась къ ихъ разговору, ея удивленіе все болѣе и болѣе возрастало. Они большею частью представляли себѣ неясно, почему звонили въ набать и для чего ихъ созвали въ Варенъ. Но всѣ они смутно предчувствовали какую-то страшную опасность и какого-то таинственнаго врага, который угрожалъ ихъ безопасности и имуществу.

— Кажется,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—открыли заговоръ.

— Дворяне составили заговоръ, чтобы провезти короля за границу.

— Да,—подтвердилъ другой,—королева отослала казну австрійцамъ... Ее задержали въ Варенѣ. Они хотятъ позвать иностранцевъ во Францію, чтобы возстановить барщину и налоги.

— Пусть только они придутъ, мы имъ дадимъ себя знать.

— Долой дворянъ! Да здравствуетъ нація!..

Время отъ времени по дорогѣ встрѣчались вооруженныя толпы, увеличивавшія собою національную гвардію. Они шли изъ Вери, Шеппи и Монбленвилъ. Съ каждымъ новымъ подрѣпленіемъ радостные крики усиливались, и шумная радость распространялась въ удлинявшихся рядахъ. Взошло солнце. На пыльной дорогѣ, окаймленной лугами, на которыхъ уже поднялась травка, видны было серебряные блики, розовыя искры которыхъ блестяли на зубцахъ вилъ, на концахъ штыковъ и на выгнутыхъ серпахъ.

Прошло 6 часовъ. Было уже совершенно свѣтло. Толпа совершила свое шествіе и ввалилась на площадь Варена. Жители привѣтствовали ее криками «ура».

Видя эту кишачую вооруженными людьми площадь, на которой спѣшенные гусары чокались на порогѣ домовъ, и взглянувъ на заваленный грудями всякаго скарба мостъ, Гіацинта догадалась о драмѣ, которая произошла здѣсь ночью. Вся ея кровь застыла при мысли о королевской семьѣ, которая сдѣлалась плѣнниками этихъ крестьянъ. Съ большимъ трудомъ ей удалось поставить своихъ

двухъ лошадей въ конюшню гостиницы «Великій Монархъ». Національные гвардейцы другъ за другомъ начали перелѣзать черезъ укрѣпленія моста и, благодаря безпорядку, который происходилъ въ толпѣ, канонисса, оба стеклозаводчика и кавалеръ де-Вандіеръ успѣли спрятаться на заднемъ дворѣ гостиницы. Когда послѣдняя толпа перешла на лѣвый берегъ Эра, Жоэль де-Парфондрюптъ сказалъ Гіацинтѣ:

— Въ двухъ шагахъ отсюда живетъ мой старыи товарищъ де-Бонель, домъ котораго примыкаетъ къ верхнему кварталу... Пойдемте къ нему, можетъ быть, намъ удастся проникнуть отъ него въ самый городъ.

Они съ этими словами отправились къ дому, обитатели котораго уже поднялись въ сильномъ испугѣ. Гостей приняли съ тревогой и сейчасъ же пустились рассказывать о злосчастныхъ приключеніяхъ этой ночи. Друэ сдѣлалъ доносъ относительно королевской семьи, которая была отправлена въ домъ нѣкоего Соса, прокурора общины; гусары измѣнили, напрасно сопротивлялся Гогела, котораго ранили и отнесли на постоялый дворъ...

Гіацинта была убита. Блѣдная, нервная, едва прикоснувшись къ приготовленному для нее кофе, она думала, что въ сосѣдней улицѣ король, королева, дофинъ подвергались оскорбленіямъ мятежной толпы. Издали неслись дикіе вопли. Ею овладѣло страстное желаніе засвидѣтельствовать свою горячую приверженность королевской власти, которая находилась уже въ агоніи... Подъ охраной Жоэля Парфондрюпта она незамѣтно вышла изъ дому, достигла задняго флигеля, который сообщался съ верхнимъ кварталомъ города сводчатымъ коридоромъ, и поднялась по ступенькамъ на чердакъ, служившій сѣноваломъ. Двигаясь на колѣняхъ подъ балками, она выглянула изъ-за сѣна, за нимъ былъ виденъ переулокъ, который выходилъ въ улицу Басъ-куръ, почти противъ дома Соса. Тамъ, гдѣ переулокъ пересѣкается съ улицей, виднѣлась стоявшая наружи національная гвардія. Время отъ времени къ волновавшейся толпѣ выходилъ гусаръ, который кричалъ: «Да здравствуетъ герцогъ Лозанскій!» Немного спустя при общемъ гулѣ снова слышались радостные крики; по настоянію муниципальных властей, Людовикъ XVI согласился показаться у окна съ королевой.

— Слышите,—прошептала Гіацинта:—они привѣтствуютъ короля... Не все еще погибло, я хочу спуститься, я хочу итти туда!

— Оставайтесь здѣсь,—возразилъ Парфондрюптъ.—Васъ задавятъ или ранятъ... Эти горланы кричатъ: «да здравствуетъ нація», гораздо сильнѣе, чѣмъ «да здравствуетъ король!» Не думаю, чтобы они могли перемѣниться. Будемъ лучше ждать здѣсь.

Не говоря ни слова и вытянувъ шею, они слушали здѣсь болѣе часа, испытывая жгучее нетерпѣніе и жуткое чувство опасности,

отъ котораго замирало сердце. Время отъ времени кучки національныхъ гвардейцевъ проходили по переулку.

— Изъ Вердена прѣдетъ уполномоченный клуба изъ Бора,— долетали до нихъ отрывистыя фразы:—приказано везти короля, который не хочетъ ѣхать въ Монмеди.

— Онъ пробуетъ привлечь насъ красивыми словами, но какъ только почувствуетъ себя на свободѣ, сейчасъ измѣнитъ.

— Мы заставимъ его ѣхать силой!

— Если муниципальныя власти струсятъ, мы поволочемъ его за ноги въ карету!..

Пробило семь часовъ. Въ глубинѣ залитой солнцемъ улицы съ новой силой раздались крики. Они становились болѣе и болѣе грубыми и грозными: «Въ Парижъ! въ Варенъ!» неслись голоса; иногда эти бѣшенныя требованія чередовались съ проклятіями: «Долой австріячку!» Наступила тишина. «Вяжи!» раздалась отрывистая команда. «На караулъ!» Снова молчаніе, продолжительный шумъ двигающейся толпы, гулъ торжествующихъ голосовъ, удары бича попеременно съ криками «ура», глухой стукъ кареты, и снова подъ горячимъ іюньскимъ солнцемъ общій крикъ, похожій на раскатъ грома: «Да здравствуетъ нація!»

— Нѣтъ, я не могу больше оставаться здѣсь!—объявила Гіацинта. Не дожидаясь Парфондрюпта, она спустилась по ступенькамъ, достигла одна переулка и бросилась къ улицѣ Басъ-куръ. Очутившись тамъ, она увидѣла, что шоссе словно по волшебству совершенно опустѣло. Въ концѣ поднимающейся въ гору улицы видны были послѣдніе ряды національной гвардіи, шедшей поспѣшными шагами къ Клермону. Внизу оставались лишь дѣти да женщины. Толпа кумушекъ собралась передъ домомъ съ узкимъ фасадомъ, построеннымъ изъ дерева и изъ глины, смѣшанной съ соломой, который освѣщался въ первомъ этажѣ двумя окнами и большой стеклянной рамой. Снаружи на гвоздяхъ висѣли губки и свѣчи; внутри банки съ бисквитами и сладостями указывали на то, что тутъ производилась торговля. Лавка принадлежала нѣкому Сосу, торговцу подсвѣчниками и прокурору общины. Прислонясь къ половинкѣ двери, сухая, худая, съ живыми глазами и увядшимъ лицомъ женщина въ лотаринскомъ чепчикѣ едва успѣвала отвѣчать на вопросы столпившихся кумушекъ. Гіацинта приблизилась къ этой группѣ какъ разъ въ то время, когда торговка кричала протяжнымъ голосомъ:

— Не говорите мнѣ объ этомъ, невозможно было заснуть ночью. Подумайте только... на нашей лѣстницѣ и въ нашихъ комнатахъ ходили взадъ и впередъ какъ на улицѣ. Цѣлый день уйдетъ только на то, чтобы отмыть полы.

— Вы, должно быть, очень устали, г-жа Сось?

— Еще бы!... Все тѣло у меня болитъ такъ, какъ будто меня исколотили... Нужно было еще готовитьъ кушать всѣмъ.

— Что же вы подали этимъ придворнымъ?

— Конечно, я имъ дала то, что имѣла: яйца, колбаса, сыръ и хорошее вино... Королева не прикоснулась почти ни къ чему; она оставалась у кровати, на которой спали ея дѣти. На головѣ у нея былъ надѣтъ чепчикъ, и она смотрѣла на насъ съ досадой и презрѣніемъ, не говоря ни слова. Король держалъ себя просто и ѣлъ, какъ волкъ. Онъ чокался съ хозяиномъ и болталъ съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ.—«Есть ли у васъ клубъ въ Варенѣ?» вотъ что онъ спросилъ у него.—«Нѣтъ».—«Тѣмъ лучше, клубы погубили Францію». Когда мой мужъ хотѣлъ выйти, онъ закричалъ ему: «Возвращайтесь скорѣе, вы мнѣ нужны, ваша бесѣда мнѣ доставляетъ удовольствіе». Онъ ему сказалъ еще: «А есть у васъ здѣсь мостъ?» Да, но онъ запертъ повозками.

— Въ такомъ случаѣ я проѣду въ бродъ.

Онъ все время собирался уѣзжать и не хотѣлъ показать, что онъ король... Въ концѣ концовъ пришлось послать за г. Дестаэзъ, судьей, который жилъ въ Парижѣ... Какъ только г. Дестаэзъ вошелъ въ комнату, онъ снялъ свою шляпу, вскричавъ: «А! сирь!» Тогда Сосъ, видя это, прибавилъ: «Вы король, вы узаны, признайтесь въ этомъ откровенно!» Вдругъ королева поднялась съ досадой. «Если вы считаете его вашимъ королемъ,—сказала она высокомерно,—то относитесь къ нему съ большимъ уваженіемъ!»—Послѣ этого, вы понимаете, нельзя было больше играть комедію. Людовикъ XVI обнялъ моего мужа: «Ну, хорошо! Да, я вашъ король, вотъ королева и королевское семейство... Я не могу больше оставаться въ Парижѣ, я пріѣхалъ къ вамъ съ моими дѣтьми». И увѣрю васъ, у меня разрывалось сердце, когда я слушала этого человѣка!... Я не могла удержаться отъ слезъ. Онъ началъ клясться, что онъ не хотѣлъ бѣжать изъ королевства и обѣщалъ не переѣзжать границу... если ему разрѣшатъ ѣхать дальше. Но всѣ сомнѣвались въ его добрыхъ намѣреніяхъ, и пильщикъ Раде отвѣтилъ ему прямо: «Сирь, я этому не довѣряю!» Внизу національная гвардія подняла адскій шумъ и угрожала вышибить двери. Тогда Марія-Антуанетта смягчилась и отбросила свою гордость... Она отвела меня въ уголъ и умоляла меня спасти короля и дофина.—Боже мой, отвѣчала я, ваше положеніе весьма серьезное. Я очень люблю короля, но я люблю также и своего мужа... Онъ несетъ за все отвѣтственность, и я не хочу, чтобы ему отрубили голову. Наконецъ въ 6 часовъ явился г. де-Рамефъ и вывелъ насъ изъ затруденія. Онъ прибылъ изъ Парижа съ приказаніемъ отъ національнаго собранія привезти короля... Послѣ раздирающихъ сценъ они рѣшились наконецъ сѣсть въ карету... и уѣхали. Добрый путь!... Мой бѣдный мужъ просто съ ума сходитъ отъ этого.

Гіацинта слушала съ негодованіемъ разсказъ объ этой трагической ночи, переданный въ такихъ вульгарныхъ и непочтительныхъ выраженіяхъ. Ея сердце сильно билось, она уже начинала поддаваться неосторожному раздраженію, какъ вдругъ изъ глубины улицы донесся страшный шумъ. Въ ту же минуту ее схватили за руки: она обернулась и узнала кавалера де-Вандіера и Парфондрюпта.

— Нужно спастись скорѣе, — прошепталъ Жоэль. — Умы все больше и больше возбуждаются; хотятъ арестовать начальника гусаръ, и если мы останемся здѣсь, намъ придется плохо... Бѣжимъ же скорѣе! Куруврѣ удалось провести лошадей въ верхній городъ окольной дорогой... Онъ ждетъ насъ на площади Вертъ, откуда мы можемъ выѣхать изъ города, пока эти безумцы возьматся съ отъѣздомъ короля.

Они потащили канониссу по улицѣ. Подъ липами на площади Вертъ ихъ дѣйствительно ждалъ де-Куруврѣ съ двумя лошадьми. На площади не было никого, и Гіацинта и де-Вандіеръ могли сѣсть на лошадей, не обращая на себя чьего-либо вниманія; но когда они проѣзжали подъ липами, навстрѣчу имъ попался отрядъ національныхъ гвардейцевъ. Рядомъ съ ними шелъ молодой человекъ въ шапкѣ съ трехцвѣтной кокардой, въ синемъ мундирѣ съ красной опушкой и двумя пистолетами за поясомъ изъ красной шерсти. Это была національная верденская гвардія, начальникомъ ея былъ членъ клуба «друзей конституціи», Юліусъ-Юніусъ Ренаръ.

Гіацинта и де-Вандіеръ сначала не замѣтили этого доморощеннаго начальника; но Ренаръ уже узналъ канониссу и ея спутника.

— Стой! — закричалъ онъ.

— Стой! — повторили за нимъ повелительные голоса.

Не слушая приказанія, всадники поскакали крупноі рысью; они исчезли въ боковой улицѣ, которая выходила въ поле. Очувтившись на свободѣ, они замедлили ходъ своихъ лошадей. Жоэль и де-Куруврѣ догнали, ихъ и всѣ четверо поѣхали по дорогѣ черезъ поля. Передъ ними волновалась серебристой струею уже колосившаяся рожь; направо виднѣлись зеленѣющія Аргонскія горы; налѣво Клермонская дорога пересѣкала хлѣбныя поля и дуга, засѣянные люцерной. На разстояніи четверти лье показалось свѣтлое облако пыли, которая клубилась надъ толпою, сопровождавшей экипажи короля. Дорога была такъ загромождена, что экипажи должны были ѣхать шагомъ; такимъ образомъ оба всадника очутились очень близко къ королевскому кортежу.

— Кавалеръ, — сказала задыхаясь Гіацинта: — я не могу пропустить короля, королеву и дофина Франціи и дать имъ уѣхать навсегда, не поклонившись имъ въ послѣдній разъ.

Не слушая даже возраженій Даниеля, канонисса прищпорила лошадь и поскакала къ дорогѣ. Въ отчаяніи отъ этой новой неосто-

рожности, но не желая оставлять молодую женщину, кавалеръ храбро поскакалъ рысью, и черезъ нѣсколько минутъ они были уже недалеко отъ многочисленной толпы.

Толпа увеличилась новыми пришельцами изъ сосѣднихъ деревень, и это еще болѣе замедлило движеніе экипажей. Въ эту минуту Гіацинта и Даніель замѣтили направо всадника, который выѣзжалъ съ опушки лѣса и галопомъ скакалъ черезъ хлѣбныя поля. Онъ мчался наперерѣзъ кортежу. Теперь его было видно отчетливо: худой, бородатый, въ охотничьей курткѣ и съ охотничьей сумкой черезъ плечо, онъ казался очень высокимъ.

— Ба!—воскликнула Гіацинта:— это Іеремія.

Дѣйствительно, это былъ стеклозаводчикъ изъ Флорана. Почти стоя на стременахъ, онъ направилъ лошадь къ каретѣ, снялъ свою коричневую войлочную шляпу и крикнулъ: «Да здравствуетъ король!» и поворотилъ назадъ. Но національная гвардія бросилась за нимъ въ погоню. Тогда онъ обернулся лицомъ къ непріятелю и, какъ вепрь, отважно ожидалъ своихъ противниковъ, потомъ выстрѣлилъ изъ пистолета и снова закричалъ: «Да здравствуетъ король!»

Ему отвѣтили залпомъ ружей. Испугавшаяся лошадь поскользнулась и упала. Человѣкъ 20 догнали стеклозаводчика, который старался подняться на землю. Кто-то выстрѣлилъ въ него въ упоръ, остальные добились его ударами штыковъ...

— Подлецы! подлецы!... пропентала Гіацинта съ поблѣднѣвшими губами и съ гнѣвнымъ выраженіемъ глазъ.

— Гіацинта,—энергично сказалъ Даніель де-Вандіеръ, приближаясь къ канониссъ:—ради Бога уѣдемъ отсюда!

Онъ схватилъ за поводъ лошадь молодой женщины, прищиприлъ свою и пустилъ ихъ галопомъ прямо къ лѣсу.

Остервенѣніе убійцъ было такъ велико, что на бѣглецовъ не обратили никакого вниманія, и они невредимо достигли лѣса.

VI.

Тревога.

Въ то же утро 22 іюня 1791 года Гертруда де-С.-Андре, которая по своей привычкѣ спала безъ просыпу, поднялась съ разсвѣтомъ; ей нужно было присмотрѣть за косцами въ лугахъ Біэма. Въ Фуръ-о-Муанѣ все было тихо. Одинъ только пѣтухъ нарушалъ тишину, возвѣщая курамъ наступленіе зари. Боясь разбудить гостей, она потихоньку спустилась съ лѣстницы, надѣла башмаки съ подковами, отрѣзала себѣ корку хлѣба и, поглощая на ходу свой скромный завтракъ, пошла по тропинкѣ по лугамъ.

Луга были въ полномъ цвѣту; скошенныя тамъ и сямъ зеленыя мѣста показывали, что сѣнокосъ уже начался. Гертруда нашла своихъ косцовъ. Они ложились спозаранку, какъ и хозяйка, въ эту ночь спали крѣпко и ничего не знали о ночномъ происшествіи. Старой дѣвѣ было не особенно весело присматривать за ними, и, вооружившись косою, она бодро принялась за работу и пошла рядомъ съ рабочими, ловко кося траву; такимъ путемъ она лучше всего могла придать имъ усердія.

Къ 9 часамъ, когда солнце начало уже жечь спину косцовъ, добрая часть луга была скошена. Они прекратили работу, чтобы отдохнуть и позавтракать, а Гертруда отправилась по дорогѣ къ заводу. Подъ ея толстыми башмаками скошенное сѣно распространяло душистый запахъ. Веселая отъ своей утренней работы и отъ мысли, что сѣнокосъ общаесть быть хорошимъ, Гертруда шла не торопясь, слушая пѣсню малиновки, которой аккомпанировалъ металлическій звонъ натачиваемой косы. По мѣрѣ приближенія къ Фуръ-о-Муану, она съ удовольствіемъ думала о томъ, какъ она застанетъ г-жу де-Ронъ, Гиацинту и кавалера за кофе и присядетъ къ нимъ на своемъ креслѣ съ подушками. Вдругъ шагахъ въ двадцати отъ завода она внезапно остановилась въ изумленіи. Въ ворота она увидѣла на дворѣ толпу національныхъ гвардейцевъ, которые держались въ тѣни, положивъ ружья на землю, а на ступенькахъ крыльца стояли два рослыхъ часовыхъ. Гертруда подумала сначала, что это проходили куда-нибудь войска.

— Шутъ ихъ возьми! — бранилась она: — неужели муниципальныя власти хотятъ помѣстить у меня всѣхъ этихъ людей?

Она ускорила шаги.

— Гдѣ ваши офицеры? — спросила она гвардейцевъ, которые смотрѣли на нее насмѣшливо и отвѣчали, что офицеры въ домѣ.

Гертруда какъ ящерица быстро поднялась на крыльцо, прошла сѣни и въ изумленіи остановилась на порогѣ столовой.

— Ого! — ворчала она, узнавъ Ренара, который въ своемъ мундирѣ ходилъ по залѣ въ сопровожденіи двухъ другихъ офицеровъ:— вотъ такъ приключеніе!.. Жозефъ Ренаръ, объясни мнѣ, пожалуйста, почему это ты вздумалъ превратить мой домъ въ казармы?

Когда вѣсть о появленіи короля въ С.-Менехульдѣ дошла, вслѣдствіе депеши почтмейстера Друэ, до Вердена, Ренаръ въ то время находился въ главномъ городѣ округа съ порученіемъ отъ клуба Баръ-сюръ-Орнеръ. Онъ былъ ловокъ, умѣлъ дѣйствовать и не хотѣлъ пропустить такого великолѣпнаго случая для того, чтобы выставить на показъ свои гражданскія добродѣтели. Такъ какъ верденская національная гвардія выступила въ Варенъ наспѣхъ, то онъ присоединился къ ея офицерамъ и тотчасъ по прибытіи сталъ добиваться, чтобы король былъ отданъ подъ его надзоръ и отве-

зень въ столицу. Какая была бы слава, если бы онъ могъ возвратиться въ Баръ, везя за собой, какъ триумфаторъ, плѣннаго короля! Къ несчастью, вмѣшательство де-Ромефъ, члена національнаго собранія, не позволило муниципальнымъ властямъ Варена сдѣлать то, чего требовалъ молодой карьеристъ. Обманувшись въ честолюбивыхъ надеждахъ, раздраженный тѣмъ, что добыча отъ него ускользнула, Юліусъ-Юніусъ рѣшилъ удовольствоваться хотя не столь крупной дичью. Принужденный отказаться отъ захвата короля, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ испытать удовольствіе мести и съ этою цѣлью явился со своими людьми въ Фуръ-о-Муанъ.

Увидѣвъ Гертруду де-С.-Андре, онъ пересталъ ходить и, поднявъ свою невзрачную голову, посмотрѣлъ на старую дѣву собственнымъ ему острымъ взглядомъ и отвѣтилъ краемъ губъ:

— Гражданка С.-Андре, зачѣмъ мѣняться ролями; не мнѣ давать вамъ объясненія... Наоборотъ, я именемъ закона приказываю вамъ отвѣчать на мои вопросы... Гдѣ находится ваша племянница Гіацинта, бывшая канонисса капитула Пуланже?

— Полагаю, въ своей комнатѣ, — отвѣтила съ негодованіемъ Гертруда.

— Весьма сожалѣю, что долженъ васъ разочаровать. Вашей племянницы здѣсь нѣтъ... Безполезно насъ обманывать!.. Капитанъ Майэферъ, поднимитесь наверхъ и приведите гражданку де-Ронъ; мы должны спросить и ее.

Капитанъ вышелъ, а Гертруда въ сильномъ гнѣвѣ остановилась предъ Ренаромъ:

— А! — воскликнула она, — такъ ты насмѣхаться надо мной?.. По какому праву какой-то соплякъ, котораго я знала, когда онъ еще былъ не больше моего башмака, позволяетъ себѣ приказывать здѣсь?

— Прежде всего, — отвѣтилъ со злой улыбкой молодой человекъ, — потрудитесь быть сдержаннѣе въ вашихъ выраженіяхъ... вы забываетесь, гражданка; я уже не ребенокъ, котораго вы находили удовольствіе исправлять и безцеремонно выгоняли за дверь... Передъ вами теперь Юліусъ-Юніусъ Ренаръ, секретарь клуба «друзей конституціи», депутатъ отъ верденскаго округа, и я требую, чтобы вы относились съ уваженіемъ къ власти, которую я собой представляю!..

При этихъ словахъ появился Майэферъ, ведя за собой г-жу де-Ронъ.

— Матерь Божія! — воскликнула она: — наконецъ-то ты здѣсь, Гертруда!.. Что такое творится здѣсь? Чего они хотятъ отъ насъ?

— Почему я знаю? — отвѣтила въ ярости Гертруда: — я совершенно не понимаю, что здѣсь происходитъ! Спроси объ этомъ у господина, который называется Юліусомъ-Юніусомъ и которому департаментъ далъ право насъ беспокоить?.. Гдѣ Гіацинта?

— Не знаю.

— Постель г-жи Эризель не смята, она, очевидно, провела ночь въѣ дома,—объявилъ капитанъ Майэферъ.

— Вы видите, гражданка, — сказалъ саркастически Юліусъ-Юніусъ:—вы очень плохо освѣдомлены о томъ, что происходитъ у васъ?.. Вы, конечно, тоже не знаете, откуда явились двѣ осѣдланныя лошади, которыхъ нашли въ вашей конюшнѣ и которыя совершенно разбиты отъ ночной скачки?

— Что такое?.. Въ моей конюшнѣ, кромѣ двухъ лошадей для полевыхъ работъ и двухъ муловъ, ничего никогда не было.

— Ваше признаніе усиливаетъ наши подозрѣнія и подтверждаетъ обвиненіе противъ вашей племянницы.

— Въ чемъ же обвиняешь ты Гіацинту, скажи пожалуйста!

— Я обвиняю ее,—отвѣтилъ Ренаръ, возвышая голосъ и напирая на каждое слово,—въ составленіи заговора съ цѣлью способствовать бѣгству Людовика XVI, котораго арестовали въ Варенѣ.

— Арестовали короля?

— Господи помилуй!—прошептала, въ свою очередь, г-жа де-Ронъ, поднявъ глаза къ небу:—они осмѣлились поднять руку на своего короля!

— Да, — возгласилъ Юліусъ-Юніусъ, — Людовикъ, измѣнивъ своимъ клятвамъ, хотѣлъ достигнуть границы и привести оттуда армію мятежниковъ и заговорщиковъ и возвратиться опять къ деспотизму... но добрые граждане постарались сокрушить гнусныхъ аристократовъ... Вѣроломный король былъ арестованъ патріотами и національное собраніе приговоритъ этого клятвопреступника къ наказанію, котораго онъ заслуживаетъ. Что касается насъ, то нашъ долгъ лишить его соучастниковъ возможности продолжать ихъ пагубныя интриги... вотъ почему мы явились прежде всего сюда, гдѣ живетъ главная обвиняемая.

— Моя племянница не вмѣшивается въ политику,—закричала Гертруда, пожимая плечами:—и твои обвиненія не имѣютъ здраваго смысла.

— Это мы еще увидимъ... Тѣмъ временемъ я требую отъ васъ, чтобы вы сказали мнѣ, гдѣ скрывается Гіацинта д'Эризель, бывшая канонисса?..

— Гіацинта д'Эризель не скрывается!—отвѣтилъ изъ глубины сѣней высокогортный женскій голосъ:—вотъ я... что вамъ угодно отъ меня?

Въ ту же минуту показалась канонисса, блѣдная еще вслѣдствіе ночной усталости и потрясающихъ сценъ, свидѣтельницай которыхъ она была; волосы ея были распущены, и юбка изорвана кустарниками; но она вошла съ высоко поднятой головой, сверкая глазами. Ноздри ея расширились. Позади нея тащился Даніель де-Вандіеръ. Лицо его осунулось, а всѣ члены были разбиты отъ верховой ѣзды. Измученный, онъ сѣлъ въ кресло, пе-

чально вздохнулъ и испуганно смотрѣлъ на офицеровъ національной гвардіи. Что касается Гіацинты, то она тотчасъ же узнала Ренара, несмотря на его мундиръ. Она окинула его гордымъ взглядомъ и сказала:

— Г-нъ Ренаръ, если я не ошибаюсь?

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ тотъ съ оттѣнкомъ сарказма.

Въ свою очередь, онъ посмотрѣлъ на д'Эризель и убѣдился, что ночныя волненія придали ей еще больше красоты. Въ глазахъ ея сверкалъ все тотъ же огонь. Взглядъ у нея былъ все такой же надменный, какъ и въ тотъ день, когда онъ осмѣлился поцѣловать ее въ бесѣдкѣ. Она вновь представлялась ему въ полумракѣ аллеи изъ грабинъ. Онъ вспомнилъ презрительный жестъ, съ которымъ она оттолкнула его отъ себя, вспомнилъ, какъ оскорбительно выпроваживалъ его кавалеръ, и неутолимая злоба вспыхнула въ немъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Наконецъ-то онъ могъ потѣшиться надъ этой аристократкой!.. Не чувствуя уже очаровательной красоты своего врага, онъ рѣшилъ мстить ей безпощадно.

— Я не ожидала,—сухо сказала она,—видѣть васъ въ этомъ домѣ послѣ того, какъ вы были изъ него выведены...

— Дѣйствительно,—отвѣтилъ онъ своимъ язвительнымъ тономъ:—мое присутствіе здѣсь должно застигнуть васъ врасплохъ и встревожить... Будьте увѣрены, гражданка, Юліусъ-Юніусъ Ренаръ не помнитъ оскорбленій, нанесенныхъ племяннику бывшего священника изъ Шалада!.. Я слушаюсь только голоса самаго чистаго патріотизма, и передъ вами безпристрастный депутатъ, власть, которая будетъ судить васъ только по вашимъ поступкамъ и словамъ... Я хочу васъ допросить и такъ какъ ваша искренность мнѣ извѣстна, то я увѣренъ, что вы будете отвѣчать мнѣ съ полной откровенностью. Гдѣ провели вы ночь и гдѣ вы находились въ это утро?

— Для чего вамъ это знать?

— Мнѣ лично не для чего,—отвѣчалъ онъ:—но тому, кого это касается, очень нужно... Мы знаемъ навѣрно, что вы не ложились спать; кромѣ того, мы не можемъ приписать ваше ночное отсутствіе ничему другому, какъ только тому, что вы исполняли какое-либо порученіе, касавшееся короля, или же отправлялись на любовное свиданіе...

На минуту онъ остановился, увидя, какъ сверкнули гнѣвомъ ея глаза, а щеки мгновенно покрылись краской.

— Я сиѣшу объявить,—продолжалъ онъ съ ироніей:—что больше всего я склоняюсь къ первой гипотезѣ, такъ какъ я встрѣтилъ васъ сегодня утромъ въ обществѣ людей особенно подозрительныхъ... Такимъ образомъ вы обвиняетесь въ томъ, что вмѣстѣ съ врагами націи подготавливали и способствовали побѣгу Людовика XVI... Что можете сказать вы для своего оправданія?

— Для моего оправданія?— вскричала стремительно канонисса,— передь вами?.. Полноте?.. и при томъ въ чемъ?.. Въ томъ, что я была вѣрна моему королю и ему служила?.. Я ничего не отвергаю и не оправдываюсь. Король сталъ плѣнникомъ взбунтовавшихся парижанъ; онъ хотѣлъ вырваться изъ-подъ оскорбительнаго надзора, чтобы вернуть себѣ свободу; онъ хотѣлъ созвать къ себѣ всѣхъ подданныхъ ему людей, которые его любятъ. Я оказала ему помощь настолько, насколько я могла, и я готова снова начать.

— Несчастливая, она губить себя, — думала Гертруда, нервно перебирая пальцами по столу, въ то время, какъ г-жа де-Ронъ, скрестивъ руки, слушала свою племянницу съ какимъ-то скорбнымъ восхищеніемъ.

— Этого признанія намъ совершенно достаточно, — проговорилъ Юліусъ-Юніусъ, бросая злобныя улыбки своимъ товарищамъ.

— Я не умѣю лгать, — продолжала гордо Гіацинта:— заявляю, что никто изъ присутствующихъ здѣсь не зналъ о моихъ намѣреніяхъ. Я дѣйствовала одна, и я принимаю на себя всю отвѣтственность за мои поступки. Надѣюсь, вы мнѣ повѣрите.

Кавалеръ де-Вандіеръ подпрыгнулъ въ своемъ креслѣ и, поднявъ свою опущенную голову, перебилъ д'Эризель:

— Эта дѣвочка преувеличиваетъ, господа; все это затѣялъ я.

— Не слушайте его! — протестовала канонисса: — не кто иной, какъ я потащила его за собой. Онъ слѣдовалъ за мной изъ чувства дружбы.

— Да, — отвѣтилъ ядовито Ренаръ:— мы знаемъ, что гражданинъ Вандіеръ всегда является лишь исполнителемъ вашихъ высокихъ замысловъ... Мы захватимъ его съ вами, а разобраться во всемъ этомъ дѣло магистрата.

— Жозефъ Ренаръ, — воскликнула Гертруда де-С.-Андре: — у тебя сердца нѣтъ, если ты рѣшаешься нанести мнѣ такой ударъ... Вспомни о томъ, какъ я опредѣляла тебя въ школу и ходила за тобой, какъ за своимъ роднымъ сыномъ...

— Гражданка, — объявилъ наставительно Юліусъ-Юніусъ:— я помню только одно: что я слуга націи... Законъ, спасеніе народа— вотъ чѣмъ я руководствуюсь! Я долженъ заглушить въ моемъ сердцѣ голосъ жалости и внимать только стомамъ народа, несущимся къ родинѣ, которую хотятъ погубить. Въ заключеніе я, къ сожалѣнію моему, долженъ объявить, что съ этой минуты гражданка д'Эризель и г-нъ де-Вандіеръ находятся подъ арестомъ... Капитанъ Майэферъ, позовите вашихъ людей!

Капитанъ вышелъ. До слуха присутствовавшихъ донеслась отрывистая команда, потомъ раздались тяжелые шаги въ сѣняхъ, и на порогѣ залы появились шесть вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ.

— Ты негодяй, Ренаръ! — воскликнула Гертруда.

— Прощайте, тетя, — сказала канонисса: — простите меня за огорченіе, которое я вамъ причиняю... Сейчасъ, господа, я буду готова.

Она обняла Гертруду де-С.-Андре, потомъ бросилась на шею г-жѣ де-Ронъ, которая была въ глубокомъ горѣ.

Пока канонисса нѣжно старалась ихъ утѣшить, со двора слышался лошадиный топотъ и вслѣдъ за тѣмъ раздались внезапныя восклицанія. Шестъ національныхъ гвардейцевъ раздвинулись и пропустили мимо себя человѣка, отъ неожиданнаго появленія котораго передернуло невзрачную фигуру Юліуса-Юніуса. То былъ депутатъ Франсуа Божаръ. На немъ былъ весь сѣрый отъ дорожной пыли трехцвѣтный шарфъ.

VII.

Порывъ сердца.

Божаръ кончилъ свое разслѣдованіе въ Арденѣ и собирался уже возвратиться въ Парижъ, когда до него дошла вѣсть объ арестѣ короля. При извѣстїи о событіяхъ, разыгравшихся въ Варенѣ, его первая мысль была о Гіацинтѣ д'Эризель. Онъ вспомнилъ о тайномъ собранїи у Высокой Березы и, зная пылкость канониссы, не сомнѣвался, что и она принимала участіе въ этомъ предпрїятїи, которое кончилось такъ неудачно. Онъ дрожалъ за нее. Обратный прїѣздъ Людовика XVI въ Парижъ вызоветъ взрывъ народной злобы, которая роковымъ образомъ падетъ на людей, способствовавшихъ его бѣгству. Ихъ искали между дворянми-стеклозаводчиками, которыхъ народная молва называла уже преступниками. Божаръ вспомнилъ о доносѣ Ренара и дрожалъ при мысли объ опасностяхъ, которыя угрожали Гіацинтѣ. Онъ велѣлъ осѣдлать какъ можно скорѣе свою лошадь и рѣшилъ прежде, чѣмъ ѣхать въ Варенъ, побывать въ Фуръ-о-Муанѣ. Увидѣвъ, что дворъ завода занятъ національной гвардіей, онъ понялъ, насколько его опасенія были справедливы. Спрыгнувъ съ лошади, онъ подошелъ къ отряду, стоявшему у крыльца, и назвалъ себя:

— Франсуа Божаръ, членъ національнаго собранія отъ Масскаго округа.

Многіе изъ національныхъ гвардейцевъ его знали и привѣтствовали его криками: «Да здравствуетъ нація!» Ему дали пройти, и появленіе его въ столовой Фуръ-о-Муана произвело необычайный эффектъ. Когда онъ внезапно появился среди мундировъ, въ глазахъ канониссы отразилось нѣжное изумленіе, которое не ускользнуло отъ рыскаго взгляда Ренара. Г-жа де-Ронъ вздохнула

свободнѣе, а Гертруда стремительно схватила руку бывшего лейтенанта.

— А! Божарь, вы пріѣхали какъ разъ во время для того, чтобы предупредить злое дѣло!

— Что обозначаетъ это появленіе солдатъ? — строго спросилъ депутатъ: — въ чемъ дѣло?

— Дѣло идетъ о принятіи мѣръ противъ общественной безопасности, — отвѣтилъ торжественно Юліусъ-Юніусъ: — вамъ, конечно, извѣстно, гражданинъ-депутатъ, что ночью въ Варенѣ арестовали Людовика XVI. Теперь остается карать соучастниковъ его заговора. Поэтому патріоты Вердена и я явились въ этотъ домъ, въ которомъ живутъ подозрительные люди.

— Что вы хотите, милостивый государь, сказать этимъ довольно туманнымъ заявленіемъ?

— Я подразумѣваю тѣхъ, которые поддерживаютъ тайную переписку съ союзниками или ихъ гнусными агентами. Мы имѣемъ основаніе обвинять здѣсь двухъ лицъ: бывшую канониссу д'Эризель и бывшего кавалера де-Вандіеръ, которые къ тому же сами сознались въ своемъ соучастіи. Когда вы вошли, мы приказали имъ сопровождать насъ въ округъ.

— Очень хорошо, но вы, конечно, знаете, господинъ Ренаръ, что французскіе граждане не могутъ быть отведены изъ ихъ жилищъ подъ арестъ безъ предписанія судебной власти. Получили ли вы приказъ произвести этотъ арестъ?

— Я состою членомъ клуба верденскаго отдѣла друзей конституціи..

— Позвольте замѣтить вамъ, что этого еще недостаточно... Клубъ, о которомъ вы говорите, не имѣетъ судебной власти.

— Не хотите ли вы помѣшать мнѣ исполнить патріотическій долгъ? — ѣдко спросилъ Ренаръ.

— Я требую, милостивый государь, чтобы въ департаментѣ, который я имѣю честь представлять, къ закону относились съ подобающимъ уваженіемъ... Мой долгъ не допускать превышеній власти...

— Стало быть, вы предпочитаете лишить судъ двухъ преступниковъ, которые сознаются въ своемъ преступленіи?

— Я не могу замѣнить собою судебную власть... Я отправляюсь сегодня же въ округъ и доложу дѣло магистрату. Если оба эти лица виновны, то они предстанутъ передъ судьями, и вы можете тогда давать свои показанія передъ судомъ... До тѣхъ же поръ вы должны держаться скромнѣе.

— Довольно разглагольствовать! — воскликнулъ Ренаръ, все болѣе и болѣе впадая въ раздраженіе: — общественная безопасность есть высшій законъ... Граждане, я требую ареста этого мужчины и этой женщины!

— А я приказываю вамъ не принимать никакого участія въ этомъ противозаконномъ поступкѣ!—строго сказалъ Божаръ, поворачиваясь къ національнымъ гвардейцамъ. — Вы, конечно, горячіе патріоты, но вы также и горячіе защитники конституціи, которая гарантируетъ неприкосновенность жилищъ. Народъ, который одобрилъ уничтоженіе тайныхъ приказовъ объ арестѣ, слишкомъ благодаренъ, чтобы думать о ихъ возстановленіи, хотя бы это послужило ему на пользу. Что касается меня, вашего депутата, я протестую всѣми силами противъ этого произвольнаго ареста. Вы будете отвѣчать за подобное злоупотребленіе властью.

Внушительный видъ и энергическій тонъ Божара, видимо, произвели свое дѣйствіе на національныхъ гвардейцевъ. Они смутились и внутренно сравнивали съ Ренаромъ этого депутата, бывшего члена суда, уважаемаго и всѣмъ извѣстнаго. Сравненіе было не въ пользу Ренара.

— Депутатъ правъ, — сказалъ капитанъ Майэферъ:—мы не должны вмѣшиваться въ судебныя дѣла... Съ того момента, какъ г. Божаръ принимаетъ все на себя, намъ остается только возвратиться въ Варенъ... Идемъ, товарищи! полуоборотъ направо, шагомъ маршъ!

— Пойдите одну минуту, Майэферъ,—рѣзко возразилъ Ренаръ:—въ силу моей дискреціонной власти я приказываю вашимъ людямъ оказать мнѣ помощь.

— Гражданинъ-депутатъ, мои люди должны повиноваться только мнѣ.. Слышите вы всѣ? Маршъ!

Гордясь своей независимостью и довольные штукой, которую они сыграли съ этимъ депутатомъ отъ Бара, верденцы повернулись и тронулись подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ. Юліусъ-Юліусъ закусилъ губы и, понимая, что дальнѣйшая борьба уже бесполезна, покорно выпустилъ свою добычу. Передъ отъѣздомъ онъ бросилъ полный ненависти взглядъ на гостей Фуръ-о-Муана и человѣка, который помѣшалъ ему осуществить планъ его мести.

— Гражданинъ-депутатъ, — сказалъ онъ съ желчнымъ смѣхомъ:—мы еще увидимся, — Въ апрѣлѣ прошлаго года въ клубѣ выигралъ, здѣсь выиграла вы. Когда же рѣшительная партія?

— Когда вамъ угодно, милостивый государь!—сухо отвѣчалъ ему Божаръ, поворачиваясь къ нему спиной.

Ренаръ удалился, и нѣсколько минутъ спустя слышно было, какъ отрядъ съ барабанщикомъ впереди вышелъ съ завода. Когда послѣдній гвардеецъ скрылся изъ виду, Гертруда С.-Андре кинулась на шею депутата и расцѣловала его въ обѣ щеки.

— А! мой добрый другъ, — говорила она:—вы нашъ спаситель... Глосинда, и ты, Пиацента, благодарите милѣйшаго Божара, безъ котораго мы бы попали въ бѣду.

Канонисса молча пожала руку депутата. Г-жа де-Ронъ, нервы которой вслѣдствіе пережитаго волненія были слишкомъ натянуты, молча стала плакать. Кавалеръ де-Вандіеръ поднялся, весь разбитый, понюхалъ табуку и церемонно подошелъ къ Франсуа Божару:

— Милостивый государь,—пролепеталъ онъ, протягивая ему руку:—позвольте пожать вашу руку... Я плохо зналъ васъ и прошу извиненія.

Божаръ поклонился.

— Милостивыя государыни,—сказалъ онъ, обращаясь къ женщинамъ,—не поддавайтесь обману... Опасность все еще существуетъ, и я готовъ поклясться, что въ эту минуту... Г-жа д'Эризель совершила цѣлый рядъ крупныхъ неосторожностей... Ренаръ ушелъ отсюда въ ярости отъ своей неудачи; онъ не преминетъ донести на васъ въ муниципалитетъ, и если онъ вернется съ законнымъ приказомъ, я буду безсиленъ васъ спасти... Намъ не слѣдуетъ терять времени даромъ... Г-жа д'Эризель должна въ этотъ же вечеръ перейти границу, которая, къ счастью, находится недалеко... Тамъ только она будетъ въ безопасности.

— Моя племянница не поѣдетъ одна,—объявила г-жа де-Ронъ:—мы послѣдуемъ за ней... Не правда ли, Даніель?

— Куда вы, туда пойду и я, мой дорогой другъ,—лаконически отвѣтилъ Даніель.

— А вы, тетя Гертруда?—спросила Гіадинта, пробуждаясь отъ своей задумчивости.

— Я, мой другъ, не поѣду изъ дому... Пусть лучше смерть застанетъ меня въ моемъ домѣ...

— Будьте осторожны,—прибавилъ Божаръ,—и поѣзжайте всѣ различными дорогами... Сегодня вечеромъ я буду въ Верденѣ и общаю вамъ задержать, если это будетъ возможно, донесеніе этого яраго приверженца своего клуба...

— Одну минуту,—перебила Гертруда де-С.-Андре:—я не позволю вамъ уѣхать отсюда, не ѣвши:—сначала пообѣдайте съ нами чѣмъ Богъ послалъ...

У Божара не хватило духа отказаться. Сердце его сжималось при мысли о близкой разлукѣ съ той, для которой онъ собственно и пріѣхалъ.

Черезъ полчаса сѣли за столъ. Обѣдъ прошелъ печально. Напрасно Гертруда всячески старались оживить разговоръ; чувствовалось, что она была сама озабочена и веселье ея было напускное. Г-жа де-Ронъ незамѣтно плакала, разставаясь съ своими милыми привычками, и приходила въ ужасъ при мысли, что ей придется жить за границей. Кавалеръ, который всегда отличался хорошимъ аппетитомъ, на этотъ разъ едва прикоснулся къ ѣдѣ. Канонисса не двигаясь широко глядѣла своими большими темными глазами

и не принимала никакого участія въ разговорѣ... Божаръ печально смотрѣлъ на нее. Въ зеленыхъ и задумчивыхъ глазахъ молодой женщины виднѣлось горькое разочарованіе и горькое чувство возмущенія противъ непреодолимыхъ обстоятельствъ, и въ то же время расцвѣтъ упорныхъ надеждъ, смѣлый полетъ новой мечты, связанной съ этимъ отъѣздомъ за границу.

«Она даже не хочетъ взглянуть на меня, несмотря на то, что ради нея я рискнулъ своей популярностью», подумалъ депутатъ, уязвленный въ самое сердце.

Послѣ обѣда, прошедшаго очень скоро, Гіацинта спустилась въ садъ и нервно съ разбѣяннымъ видомъ стала ходить по аллеѣ. Божаръ подъ какимъ-то предлогомъ присоединился къ ней.

— Позвольте проститься съ вами,—прошенталъ онъ.

Она подняла голову и протянула ему обѣ руки:

— Другъ мой,—сказала она.—Я могу васъ такъ назвать послѣ всего того, что вы сдѣлали для меня... Я не поблагодарила васъ сегодня утромъ, какъ бы слѣдовало, и вы можете считать меня неблагодарной... Простите меня, я въ отчаяніи... Событія этой ночи такъ потрясли меня, что я потеряла рассудокъ...

— Я предвидѣлъ эти событія. Было бы нехорошо съ моей стороны торжествовать оттого, что мои предсказанія оправдались. Жаль васъ и самого себя. Вслѣдствие этого несчастнаго происшествія намъ приходится разстаться.

— Вамъ нечего жалѣть себя!—отвѣтила она съ оттѣнкомъ горечи:—королевская власть посрамлена, ваши идеи одержали верхъ, и ваши друзья въ недалекомъ будущемъ могутъ... Политика заставитъ васъ забыть объ отсутствующихъ.

— Никогда!—возразилъ онъ:—политика не оказываетъ уже на меня такого магическаго вліянія съ тѣхъ поръ, какъ въ моей душѣ ея мѣсто заступила болѣе сильная страсть...

— Страсть?... перебила Гіацинта, бросивъ на него чарующій, въ одно и то же время лукавый и нѣжный взглядъ.

— Страсть?...—повторила она, отвернувшись:—какая же?

— Любовь.

— Вы... вы... влюблены?

— Да... я люблю васъ! Вѣрьте этому... я далъ себѣ слово молчать объ этомъ... Но теперь, когда мы съ вами расстаемся на долго, я могу сознаться вамъ въ моемъ безуміи.

Помолчавъ съ минуту, она взглянула на него сквозь опущенныя рѣсницы съ неопредѣленной улыбкой и сказала съ большой нѣжностью:

— Безуміе... Почему же безуміе?

— Не смотрите на меня такъ, Гіацинта, и не говорите мнѣ словъ, которыя даютъ мнѣ надежду и отъ которыхъ я теряю рассудокъ!..

Эта улыбка сфинкса и гипнотизирующіе зеленые глаза его собесѣдницы сводили Божара съ ума. Онъ смутно понималъ, что время летѣло и что если онъ упуститъ этотъ случай, то онъ не повторится больше... Въ страстномъ порывѣ онъ вдругъ схватилъ молодую женщину въ свои объятія и, прижимая ее къ своему сердцу, прошепталъ:

— Я васъ люблю... Но мы не можемъ любить другъ друга!

Очутившись неожиданно въ его объятіяхъ и чувствуя на своей груди бѣшеніе его мужественнаго сердца, Гіацинта сама была захвачена какимъ-то до сихъ поръ незнакомымъ ей чувствомъ смущенія: она вся трепетала, гордость ея исчезла. Одну минуту она думала, что упадетъ въ обморокъ; но мало-по-малу ея героическія стремленія взяли верхъ надъ ея слабостью: ей захотѣлось заставить эту любовь, которая выражалась съ такою непреодолимой силой, служить ея рыцарскимъ планамъ. Нѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ движеніемъ она освободилась изъ объятій Франсуа Божара, удержавъ въ своей рукѣ руку депутата.

— Ничего нѣтъ невозможнаго,—отвѣчала она своимъ чарующимъ голосомъ.—Я уѣзжаю, но я вернусь. Монархи Европы не позволяютъ, чтобы королевская власть подвергалась оскорбленіямъ во Франціи; они прибѣгнутъ къ силѣ, чтобы снова возвести короля на тронъ. Народъ прозрѣетъ—и мы вернемся побѣдителями... Если вы дѣйствительно меня любите, то почему вы не примкнете къ нашей партіи?...

Божаръ съ отчаяніемъ вырвалъ свою руку.

— Если я отрекусь отъ моихъ политическихъ взглядовъ, что вы будете думать обо мнѣ?—отвѣчалъ онъ печально.—Я потеряю ваше уваженіе, не достигнувъ вашей любви. Нѣтъ, наши дороги различны, и мы должны слѣдовать по нимъ до конца... Прощайте, Гіацинта, я покидаю васъ.

Она поняла, что ея чары не могутъ побѣдить стойкость этого честнаго человѣка, и съ нѣкоторой досадой сказала:

— Итакъ, прощайте! Гдѣ и когда мы съ вами встрѣтимся? — прибавила она, вздохнувъ.

— Богъ вѣсть когда? — отвѣтилъ онъ, качая головой: — судя по ходу событій, мы рискуемъ встрѣтиться съ вами при обстоятельствахъ еще болѣе тяжелыхъ, чѣмъ теперь... Я люблю васъ такъ сильно, что не смѣю желать этой встрѣчи... Что бы ни случилось, мыслью я буду съ вами повсюду, и всегда до самой моей смерти вы найдете во мнѣ самаго преданнаго друга.

Красивые зеленые глаза сдѣлались влажными. Гіацинта и Божаръ, чувствуя, что они поддаются слабости, поняли, что одно нѣжное слово заставитъ ихъ броситься въ объятія, и быстро простились. Въ тотъ же вечеръ кавалеръ де-Вандіеръ и г-жа де-Ронъ, скрытые подъ навѣсомъ повозки, покидали Фуръ-о-Муанъ. Въ

то же время Гиацинта д'Эризель въ костюмѣ крестьянки, сопровождаемая работникомъ своей тетки, пробиралась верхомъ въ Дэнъ и Марвилль, а на слѣдующій день всѣ трое встрѣтились въ добромъ здоровьѣ и полной безопасности по ту сторону границы, въ одной деревушкѣ бельгійскаго Люксембурга.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Ужинъ у Жилотъ.

20 августа 1792 года въ кухнѣ маленькаго дома, въ которомъ жили Жилотъ и Брикетъ и въ которомъ помѣщался книжный магазинъ, царила особенная суматоха. Нанина Жилотъ давала ужинъ Юліусу-Юніусу Ренару и его друзьямъ въ ознаменованіе паденія королевской власти. Лишившись престижа и власти, несчастный монархъ съ момента его возвращенія въ Парижъ медленно испытывалъ всѣ горечи, которыя ожидали власть, потерявшую нравственную силу. Онъ то униженно исполнялъ всѣ требованія національнаго собранія, то обнаруживалъ мрачное упорство; опасные друзья скомпрометировали его и пугали его бунтомъ. Принужденный объявить войну Австріи, Людовикъ XVI тѣмъ не менѣ велъ тайные переговоры съ эмигрантами; терзаемый страхомъ и волнуемый внезапнымъ угрызеніемъ совѣсти, онъ дошелъ до того, что 10 августа бѣжалъ изъ Тюльери съ цѣлью искать со своей семьей защиты у законодательнаго собранія. Сидя въ ложѣ логографа, онъ присутствовалъ при чтеніи декрета о своемъ низложеніи и при созваніи конвента. Онъ находился во власти своихъ подданныхъ, и старая монархія умирала въ агоніи въ четырехъ комнаткахъ клуба фелановъ, превращеннаго въ мѣсто заключенія королевской семьи. 10 августа дало себя знать во всѣхъ департаментахъ. Въ Баръ-Сюръ-Орнеи населеніе было сильно возбуждено. Къ безпокойству, вызванному неизвѣстностью внутренняго положенія, присоединились еще и опасенія скорого вторженія враговъ. Появился манифестъ герцога Брауншвейскаго, грозившій огнемъ и мечомъ городамъ, предместьямъ и деревнямъ, которые посмѣютъ оказать сопротивление войскамъ короля прусскаго и императора австрійскаго. Патриоты пришли въ негодованіе, торговцы струсили, администрація пограничныхъ департаментовъ была охвачена ужасомъ.

Среди внезапно разыгравшихся страстей и ложныхъ слуховъ только одинъ человѣкъ сохранялъ свое нравственное равновѣсіе и хладнокровіе—то былъ Франсуа Божаръ.

Вернувшись въ Баръ по окончаніи срока депутатскихъ полномочій, онъ былъ избранъ прокуроромъ-синдикомъ департамента. Всѣми уважаемый, онъ употреблялъ все свое вліяніе на товарищей по службѣ, успокаивалъ робкихъ, укрѣплялъ мужество слабыхъ и энергично готовился къ защитѣ родины. Несмотря на то, что прежде онъ былъ приверженцемъ конституціи, втайнѣ онъ всегда склонялся къ республиканскимъ идеямъ, и крушеніе монархіи не особенно печалило его.

Онъ старался склонить своихъ друзей отнестись къ новому порядку съ искреннимъ сочувствіемъ и такимъ образомъ, послѣ избранія конвента, успѣшнѣе бороться противъ партіи неистовствующихъ. Ихъ онъ особенно боялся въ случаѣ войны съ союзниками. Онъ боялся односторонности крайнихъ партій, ихъ узкаго фанатизма и темной дѣятельности демагоговъ, которые присоединились къ клубу парижскихъ якобинцевъ и главнымъ вожакомъ которыхъ былъ Юліусъ-Юніусъ Ренаръ. Со времени паденія монархіи главари выдающихся партій почувствовали почву подъ ногами. Ихъ экзальтація не знала себѣ удержа. Каждый вечеръ въ ихъ клубѣ, который замѣнилъ собою клубъ «друзей конституціи», гремѣли революціонныя воззванія, дѣлались доносы на аристократію и феліановъ, коварныя намеки на слишкомъ большую умѣренность правительства.

По случаю побѣды 10 августа и избранія Юліуса-Юніуса въ президенты клуба у Жилотъ жарко топились печи, и ея тетка Манонъ Брикетъ, прозванная поваромъ за свои таланты, стряпала въ задней половинѣ лавки. Въ самой лучшей комнатѣ перваго этажа Нанина Жилотъ дѣлала приготовленія къ ужину. Она постлала на круглый столъ лучшую скатерть и поставила на него пять приборовъ. Посрединѣ красовался въ каменной вазѣ букетъ розъ. На блюдахъ красовались съ одной стороны форель изъ Орнена, а съ другой—груда раковъ. Тарелки ренклодовъ и сливъ испускали на поставцѣ сладкій ароматъ спѣлыхъ фруктовъ. Бутылки съ винами Бара для охлажденія стояли въ сосудѣ съ водой.

По случаю торжества Нанина надѣла свой наиболѣе кокетливый нарядъ: полосатую юбку съ красными цвѣтами; низко вырѣзанный корсажъ, слегка прикрытый батистовой косынкой, сквозь которую просвѣчивала бѣлая шея; чепчикъ, украшенный трехцвѣтнымъ бантомъ, сдерживалъ темные густые волосы, рассыпавшіяся по спинѣ и перехваченные ярко-красной лентой. Къ довершенію этого туалета Нанина воткнула одну розу въ вырѣзъ корсажа. Вечеромъ она казалась еще очень аппетитной съ своимъ свѣжимъ цвѣтомъ лица, вздернутымъ носикомъ, съ сочными губами и вызывающими глазами.

Когда она заканчивала убранство стола, въ нижнемъ этажѣ раздался звонокъ, и въ лавкѣ послышался шумъ шаговъ, указывавшій на прибытіе гостей. Они являлись прямо изъ клуба и вели оживленный споръ, вытирая платками свою одежду, мокрую отъ начавшагося дождя. Ихъ было трое: прежде всего герой праздника, Ренаръ, за нимъ Генріо Лагекуръ, бывшій президентъ клуба «друзей конституціи», наконецъ, Мемми Юссено, книгопродавецъ-издатель, одинъ изъ самыхъ пылкихъ ораторовъ новаго популярнаго клуба.

— Да, — кричалъ своимъ рѣзкимъ голосомъ Юліусъ-Юніусъ: — я это говорилъ и теперь повторяю, наше общество будетъ якобинскимъ прежде всего потому, что оно будетъ слушаться только клуба якобинцевъ, а еще и потому, что оно будетъ мыслить, итти и энергично дѣйствовать заодно съ якобинцами.

— Bravo! — сказалъ грубо Мемми Юссено: — какъ «Общественный договоръ» долженъ быть для насъ Евангеліемъ, точно такъ же Робеспьеръ, въ которомъ воплощается духъ якобинцевъ, долженъ быть для насъ компасомъ.

Генріо-Лагекуръ лишь покачивалъ головой въ знакъ согласія. Увидѣвъ Нанину Жилотъ, на которую падалъ свѣтъ умирающаго дня, онъ галантно поклонился ей и сказалъ:

— Привѣтъ любезной хозяйкѣ дома. Какъ она прекрасна, мои друзья!. Глядя на нее, можно подумать, что это богиня Геба, спустившаяся съ Олимпа, чтобы пролить нектаръ патриотамъ.

При видѣ женщины, изъ его устъ полилась миеологическая фразеологія. Въмѣсто отвѣта Жилотъ, напрасно искавшая въ полутьмѣ четвертаго собесѣдника, вскричала съ удивленіемъ:

— А развѣ Клодъ Гарніе не пришелъ вмѣстѣ съ вами?

— Гарніе, — отвѣчалъ Ренаръ, — просилъ меня извиниться за него. Онъ на засѣданіи комитета, но пріѣдетъ сюда къ десерту.

— Въ такомъ случаѣ, садитесь, господа! — закричала позади нихъ Манонъ Брикетъ.

Затѣмъ она поднялась по лѣстницѣ, неся жареную баранину, которая благоухала чеснокомъ, и поставила блюдо на столъ, а Нанина зажгла двѣ лампы, такъ какъ въ такую дождливую погоду уже наступала темнота.

Манонъ разрѣзала баранину и стала подавать ее гостямъ, усѣвшимся за столъ.

— Развѣ вы не будете ужинать съ нами? — спросилъ Генріо, замѣтивъ, что Манонъ продолжала стоять.

— Нѣтъ, у меня еще есть дѣла внизу... Я такъ же, какъ и гражданинъ Гарніе, приду къ десерту.

Сначала четверо собесѣдниковъ въ молчаніи истребили хороший кусокъ баранины. Юссено протянулъ свой стаканъ Нанинѣ и сталъ маленькими глотками отпивать предложенное ею вино.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячныя списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1908 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

I. Богословіе.

Ансановъ, Н. П. Безпредѣльность невѣжества и апокалипсисъ. (Краткій отвѣтъ на книгу Н. А. Морозова). Спб. 1908. Ц. 30 к.
Венезе, Ф. Жизнь загробная по несомнѣннымъ ей проявленіямъ. Вып. I. Спб. 1908. Ц. 15 к.
Ельчуновъ, А. Архіепископъ Теофилактъ Русановъ, русскій проповѣдникъ-философъ эпохи конца XVIII в. и XIX в. Харьковъ. 1907. Ц. 60 к.

Ильинскій, В. Общественное служеніе женщины въ христіанской церкви. Сиб. 1908. Ц. 40 к.
Пеллино, С. Обязанности человека. М. 1908. Ц. 30 к.
Сорель, Ж. Эрнестъ Ренанъ. Критическій этюдъ. Сиб. 1908. Ц. 80 к.
Что такое «сектанты» и чего они хотятъ? Вып. 1-й. М. 1907. Ц. 25 к.

II. Философія, психологія, логика.

Записки С.-Петербургскаго религіозно-философскаго общества, вып. I. Спб. 1908. Ц. 60 к.
Мильчевскій, В. Необходимыя свѣдѣнія женщинамъ о нихъ самихъ. Вып. I. Сиб. 1908. Ц. 10 к.
Мюльпе, О. Введеніе въ философію. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
Лапласъ. Опытъ философіи теорій вѣроятности. М. 1908. Ц. 1 р.
Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Мережковскій, Д. С. Не миръ, но мечъ. Къ будущей критикѣ христіанства. Сиб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Платонова, А. Жертва рьялады. (Причина самъ убіиствъ по В. С. Соловьеву и Тютчеву). Сиб. 1908. Ц. 5 к.
Проданъ, И. С. Практическое руководство по психологіи, в. 2-й. Харьковъ 1908. Ц. 60 к.
Рах—овъ, Н. Къ философіи марксизма. Двѣ статьи о русскихъ эмпирио-критикахъ. Рига. 1908. Ц. 30 к.
Рейтеръ, Г. Проблема брака. Спб. 1908. Ц. 30 к.
Темущая жизнь. Спб. 1908. Ц. 70 к.
Толстой, Л. Н. Христіанское ученіе. М. 1908. Ц. 20 к.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1908 г., т. сxi.

26

Трайнъ, Р. В. Въ гармоніи съ безконеч-
нымъ. Спб. 1907. П. 1 р.
Хавский, Н. Н. Настѣдственность есть фин-
ція. М. 1908. Ц. 10 к.

Эльснеръ, В. С. Серия популярныхъ лек-
цій по антропологии. Лекція 1. Определе-
ніе антропологии, ея исторія, цѣли и ме-
тоды. Ростовъ-на-Дону. 1908. Ц. 8 к.

III. Словесность.

Альманахъ «Кристаллъ». 1908. Ц. 80 к.
Альтенбергъ, П. Сказки жизни. Спб. 1908.
Ц. 1 р.
Аннуцио, Г. Франческа да Римини. Траге-
дія въ 5 актахъ. Спб. 1908. Ц. 2 р.
Бьялевская, О. Изъ-подъ снѣга. Сборникъ
разказовъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.
Бернадъ, А. Записки массажистки. Ро-
манъ. Спб. 1908. Ц. 60 к.
Бетхеръ, М. Шквалъ. Соціальная драма
въ 4 д. М. 1908. П. 10 к.
Брешно-Брешновскій, Н. Н. Въ мірѣ атле-
товъ. I. Чемпионъ міра. II. Гладіаторы на-
шихъ дней. Спб. 1908. П. 75 к.
*Буренинъ, В. и Суворинъ, М. Бѣсы. Сцены
изъ романа Ф. М. Достоевскаго, въ 5 дѣйств.
Спб. 1908. Ц. 2 р.
Вассерманъ, Я. Свободная любовь. Романъ.
М. 1908. Ц. 1 р.
Вербицкая, А. Горе идущимъ! Горе ушед-
шимъ... Повѣсть. М. 1908. П. 1 р.
Вермишевъ, А. «За правдой!» Драматиче-
скій этюдъ въ шести картинахъ. Спб. 1908.
Ц. 50 к.
Вильгельмовъ, А. Русь великая или Руй-
Вель. Изысканіе обрусѣваго финскаго
шведа по пѣснямъ исландской едды и по
корнямъ русскаго и скандинавскихъ язы-
ковъ. Ч. I. Спб. 1908. П. 1 р. 20 к.
Виноградовъ, Н. Заговоры, обереги, спа-
сительныя молитвы и проч. Вып. I. Спб.
1908. Ц. 75 к.
Волховской, И. П. Разказы изъ современ-
ной жизни деревни и рабочихъ. Спб. 1908.
Ц. 50 к.
Воронцова, З. Записки пѣвицы изъ шан-
тана. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
Второй литературный сборникъ сибиря-
ковъ. Разказы и стихи. Спб. 1908. Ц. 50 к.
Гауптманъ, Г. Михаэль Крамеръ. Драма
въ 4 д. М. 1908. Ц. 10 к.
Гиршбеймъ, П. Одинокіе міры. Сборникъ
драматическихъ произведеній. Т. I. Спб.
1908. Ц. 1 р.
Голиковъ, В. Кровь и слезы. Торжество
смерти и зла. Маленькія поэмы. Спб. 1907.
Ц. 75 к.
Горбуновъ, И. Ф. Сочиненія. Т. 3. ч. 1—4.
Спб. 1907. Цѣна за 3 т. 30 р.
Ждановъ, И. Н. Сочиненія. Томъ II. Спб.
1907. Ц. 2 р.
Жилинскій, И. «Рюрикъ». Изъ воспоминаній
объ одесскомъ юнкерскомъ училищѣ. Спб.
1908. Ц. 20 к.
Зарубинъ, В. Скромное геройство. Спб.
1908. Ц. 15 к.
— Добродѣтельная фя. Аккерманская
легенда. Спб. 1908. Ц. 15 к.
— Въ мастерской художника? Руджіо. Спб.
1908. Ц. 15 к.
— Земля, сборникъ первый. Леонидъ Ан-
дреевъ, Шоломъ Ашъ, Александръ Блокъ,

Ив. Бунинъ, С. Городецкій, А. Купринъ,
Н. Морозовъ, А. Серафимовичъ, Е. Тарасовъ,
А. Федоровъ, Герг. Чулковъ, Марсель Швобъ.
М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
Кастермэзеръ, Г. «Зубъ за зубъ», комедія
въ 1 д. Спб. 1908. Ц. 75 к.
Конавъ, Дойль. На 21-мъ этажѣ. Приклю-
ченія сыщика-дѣвушки изъ общества. Спб.
1908. Ц. 60 к.
Коппе, Ф. Оливъ. Романъ Жанны, двѣ
поэмы изъ стихахъ. Спб. 1908. Ц. 57 к.
Кораблевъ, В. Н. Литературныя замѣтки.
Жуковский. Гоголь. Хомяковъ. Некрасовъ.
Гл. Успенскій. Левъ Толстой. Чеховъ. Вл.
Соловьевъ. Юрій Самаринъ. Максимъ Горь-
кій. Леонидъ Андреевъ. Валерій Брюсовъ.
Аполловъ Коринфскій. Айманъ. Клавдія
Лукашевичъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Косаткинъ-Ростовскій, Ф. «Шахзада».
Фантазія въ 1 д. Спб. 1908. Ц. 25 к.
Крайній, А. (З. Гиппиусъ). Литературный
дневникъ. 1899—1907. Спб. 1908. Ц. 1 р.
60 к.
Купринъ, А. И. и Свирскій А. И. На покоѣ.
Сцены въ 3 д. Спб. 1908. Ц. 60 к.
Ладыженскій, Вл. Стихи. Спб. Изд. 2-е.
1908. Ц. 1 р.
Леконтъ-де-Лиль. Эринни. Античная тра-
гедія въ 2 ч. М. 1908. Ц. 50 к.
Леопарди. Пѣсни и отрывки. Полное со-
браніе стихотвореній. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Лумьяненко, А. М. Основные мотивы дра-
матическаго творчества Шиллера. Киевъ.
1908. Ц. 50 к.
Лумьяновъ, А. Стихи. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Львовъ, Т. Углы... М. 1908. Ц. 30 к.
Мережковскій, Д. Вѣчные спутники: До-
стоевскій, Гончаровъ, Майковъ. Спб. 1908.
Ц. 50 к.
Мещерская, С. Первая рожденственская
елка. Спб. 1908. Ц. 15 к.
Мирбо, О. Деревенскіе разказы. Спб.
1908. Ц. 50 к.
И., Владиміръ. Кошмарные годы. Дневникъ
юнаго человѣка. Спб. 1908. Ц. 50 к.
Немировичъ-Данченко, Вас. Маревъ. Вос-
кресшія были. М. 1908. Ц. 1 р.
Неплюевъ, Н. Н. Полное собраніе сочине-
ній. Т. V. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Новиковъ, И. Золотыя кресты. Романъ. М.
1908. Ц. 1 р. 40.
Ольшанскій, Г. Независимыя сатиры. От-
кровенныя рѣчи въ 33-й Государственной
Думѣ. Спб. 1908. Ц. 20 к.
Острожскій, К. (псевдонимъ). Новое поко-
лѣніе. Пьеса въ 4 д. изъ репертуара Ма-
лаго театра. Спб. 1908. Ц. 2 р.
патриотизмъ въ родной поэзіи. М. 1908.
Ц. 60 коп.
Петрищевъ, А. Первый экзаменъ. Идил-
лія въ одномъ дѣйствіи. М. 1908. Ц. 10 к.

- Петровъ, Г. По совѣсти. Спб. 1908. Ц. 6 коп.
- Потемкинъ. Смѣшная любовь. Первая книга стиховъ. Спб. 1908. Ц. 75 коп.
- Пушкинъ. Сочиненія. Т. II. Переписка. Изданіе Академіи Наукъ. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Пишбишевскій, С. Узы. Драматическая поэма въ 3 д. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Радченко, А. В. Изъ прошлаго. Стихи. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Салонъ. Какъ и гдѣ веселится Петербургъ. Пикантный салонный сборникъ избранныхъ мелодичныхъ модныхъ арій изъ опереттъ, а также стихотвореній, шутокъ и остроу. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Селивановъ, А. Оклеветанный апостолъ. Критическій этюдъ повѣсти Л. Андреева; Иуда Искариотъ и др. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Соллогубъ, В. Книга разлукъ. Рассказы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Степнякъ-Кравчинскій, С. М. Собраніе сочиненій часть 5-я. Эскизы и силуэты. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Стридбергъ, А. Исповѣдь глухца. Собраніе сочиненій. Т. I. М. 1908. Ц. 1 р.
- Танский, В. *Femina sapiens*. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Тэвль, М. Наши протаски дома и за границей. М. 1907. Ц. 75 к.
- Тетмайеръ, Н. Собраніе сочиненій, т. 3. На горныхъ уступахъ, М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Толстой, Л. М. Вѣрьте себѣ. М. 1908. Ц. 4 к.
- Толстой, Л. М. «Надождю». «Легенда о нищихъ». Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Уайльдъ, О. Вверхъ леди Уиндермеръ. Пьеса въ 4 д. М. 1908. Ц. 10 к.
- Фонинъ, Н. Н. Охота и охотники. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Формонъ, М. Свободное материнство. Романъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Форшъ, А. Рыцарь изъ Нюрнберга. Кіевъ. 1908. Ц. 75 к.
- Франсъ, А. Собраніе сочиненій. Томъ 7. Красная Лилія. М. 1908. Ц. 1 р.
- Червкова, А. Рассказы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Шараповъ, С. Свидѣтель. № 6. 1907. Ц. 30 к.
- Его же. Истинно-русскій Шмидтъ. М. 1908. Ц. 5 к.
- Шахъ-Паронянцъ, Л. М. Впечатлѣнія жизни. Стихотворенія. Вып. 5. Спб. Ц. 50 к.
- Шницлеръ, А. Полное собраніе сочиненій. Томъ 6. М. 1908. Ц. 1 р.
- Шоу, Б. Апостолъ Сатаны. Мелодрама въ 5 актахъ. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Шульгинъ, В. Погромъ. Кіевъ. 1908. Ц. 15 коп.
- Эрдель, Н. К. Новый сборникъ рассказовъ. *Neue Erzählungen*. Спб. 1908. Ц. 60 коп.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Автобіографическія записки Императрицы Екатерины Второй. Переводъ съ подлинника, изданнаго Академіей Наукъ. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Арокуръ, Э. Какъ я сталъ анархистомъ. (Записки жандарма). Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Випперъ, Р. Общественныя ученія и историческія теории 18 и 19 вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на западѣ. Изд. 2-е. М. 1908. Ц. 1 р. 20 к.
- Военскій, К. Русскій дворъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Изъ записокъ кн. Адама Чарторыйскаго. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- * Герберштейнъ, С. Записки о Московскихъ дѣлахъ. Павелъ Ювій Новокомскій. Книга о Московитскомъ Посольствѣ Введеніе, переводъ и примѣчанія А. I. Маленна съ приложеніемъ 2 портретовъ въ краскахъ, 8 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ, 34 рисунковъ въ текстѣ и подробныхъ указателей. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1908. Ц. 15 р.
- Денисюкъ, Н. Николай Гавриловичъ Чернышевскій, его время, жизнь и сочиненія. М. 1908. Ц. 50 к.
- Засодимскій, П. Два эпизода изъ исторіи Франціи. Генеральные Штаты 1484 и 1614 г. Спб. 1908. Ц. 15 к.
- Засодимскій, П. Настѣдіе вѣковъ. Первобытныя инстинкты и ихъ вліяніе на ходъ цивилизаціи. М. 1908. Ц. 60 к.
- Кашъ, С. Страницы изъ жизни профессора Д. И. Менделѣева. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Ключевскій, В. Курсъ русской исторіи. Ч. 3-я. М. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Ничъ, К. В. Исторія Рамской республики. М. 1908. Ц. 2 р.
- Оларъ, А. Очерки и лекціи по исторіи французской революціи. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Павловскій, А. А. Атласъ по исторіи древняго искусства. Одесса. 1907. Ц. 3 р. 50 к.
- Павловскій, И. Ф. Витва подъ Полтавою 27 іюня 1709 года и ея памятники. Полтава. 1908. Ц. 2 р.
- Памяти Григорія Антоновича Захарыина. М. 1908. Ц. 15 к.
- Пенарскій, Э. Миддендорфъ и его якутскіе тексты. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Его же. Словарь якутскаго языка. В. 1-й. Спб. 1907. Ц. 1 р. 20 к.
- Ренанъ, Э. Исторія израильскаго народа. Т. I. в. I. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Россія и Италія. Сборникъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся сношеній Россіи съ Италіей. Т. I. Вып. I. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Сильванскій, Н. Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Скиндеръ, В. А. Прогоевропеецъ и протояріецъ. Геологическій періодъ ихъ исторіи. Спб. Ц. 1 р. 75 к.
- Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Ф. Изъ исторіи русской культуры. Полюдь. М. 1908. Ц. 10 к.
- Тихаго, Н. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р.

Трубицынъ, Н. Н. Александръ Николаевичъ Веселовскій. Спб. 1907. Ц. 30 к. | Харламповичъ, Н. Казанская духовная Академія. Спб. 1908. Ц. 50 к.

V. Сельское хозяйство.

- Богдановъ, С. М. Какъ улучшить песчаную почву. М. 1907. Ц. 10 к.
- Винеръ, В. В. Отчетъ Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции (Новосилско-уездъ, Тульская губ.) вып. II. Опытное поле и сел.-хоз. ботаническій садъ. Ч. I. Данные по культурамъ озимыхъ хлебовъ. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Добу, Н. Основы агоннаго и плодоговинаго. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Еремьева, Ю. С. О лучшемъ устройствѣ крестьянскаго хозяйства. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Коллежинскій, Г. Письма изъ деревни. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Мерецкій, А. Кочнатная культура плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Михайловъ, В. С. Откормъ свиньи. М. 1907. Ц. 10 к.
- Мудровъ, А. Доходное сельское хозяйство. Сборникъ бесѣдъ по сельскому хозяйству средней полосы Россіи для вѣтшкольнаго чтенія въ деревнѣ. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Сладковскій, И. Какъ хозяйствовать въ лѣсу. М. 1908. Ц. 10 к.
- Усовершенствованная кухня. Практическія указанія русскимъ хозяйкамъ. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Штейнбергъ, П. Н. Парники въ устройство и ранняя выгонка овощей. Мляники. Спб. 1908. Ц. 1 р.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- Адриановъ, Н. Свѣтокопированіе чертежей, плановъ, картъ и фотографическихъ негативовъ на соляхъ желѣза, желѣза съ серебромъ и хрома. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Анимовъ, Б. Н. Желѣзо-бетонъ въ практикѣ. Конструкціи вооруженія, матеріала, производство работъ, внѣшнія вліянія, стоимость, расчеты. Практическое руководство для инженеровъ, студентовъ, техниковъ и подрядчиковъ. Спб. 1908. Ц. 8 р. 50 к.
- Александровъ, П. Сухіе гальваническіе элементы. Руководство для изготовления сухихъ гальваническихъ элементовъ различныхъ системъ домашнимъ способомъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Инкрустация и мозаика. Практическое руководство по мозаичнымъ работамъ и по инкрустированію дерева деревомъ, перламутромъ, костью и т. п. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Борманъ, А. Н. Моторныя лодки на автомобильной выставкѣ въ Берлинѣ 1906 г. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Вашенно-Захарченко, М. Ю. Опытъ изложенія дифференціального и интегрального исчисленія безъ помощи бесконечно-малыхъ и предѣловъ. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Гейфтеръ, С. Двигатели переменнаго тока синхронные и асинхронные въ элементарномъ изложеніи. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Ивановъ, С. И. и Реутскій, А. Л. Весаывающіе и невесаывающіе инжекторы, ихъ теорія, устройство, порча и исправленіе. X. 1908. Ц. 1 р. 15 к.
- Максимовъ, А. Гончарный заводъ. (Приготовление гончарныхъ издѣлій). Практическое руководство. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Мерчингъ, Г. Н. Примѣненіе теоріи теплопроводности къ опредѣленію возраста земнаго шара. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Неклюдовъ, М. Автоматическій пистолетъ Браунинга 1-го образца 1900 г., калибра 7,65 мм. Спб. 1908. Ц. 35 к.
- Тоже. 2-го образца, 9 мм., калибра 1903 г. Ц. 35 к.
- Тоже. Образецъ 1906 г., калибръ 6,35 мм. Ц. 35 к.
- Тоже. Автомат. пистолетъ Борхардтъ-Люгера. Ц. 35 к.
- Паннинъ, А. Групповая электрическая передача въ мастерской. Результаты опытовъ для опредѣленія ея коэффициента полезнаго дѣйствія и факторы указанія къ ея устройству. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Персонъ, В. С. Типы каменныхъ устоевъ мостовъ съ наклонной стѣнкой Московско-Виндавской ж. д. Спб. Ц. 1 р. 20 к.
- Пушечниковъ, А. О недочетахъ въ дѣлѣ построенія желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ правительства. Орель. 1907. Ц. 30 к.
- Сангурскій, В. Г. Подпятники на шарахъ и примѣненіе ихъ въ поворотныхъ кругахъ. М. 1908. Ц. 1 р. 70 к.
- Тетчеръ, Ф. Паровые котлы. Руководство для студентовъ высшихъ техническихъ и машинно-строительныхъ школъ, а также пособие для инженеровъ и техниковъ, переводъ со второго переработаннаго нѣмецкаго изданія Н. Непенина и Н. Евремова подъ редакціей инженеръ-технолога М. А. Торубаева. Съ 134 фигурами въ текстъ и 38 таблицами. Спб. 1908. Цѣна въ переплетѣ 4 р. 75 к.
- Тимоховичъ, С. Я. Какой системѣ вентиляціи для школъ надо отдать предпочтеніе. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Песманъ, А. Введеніе въ электротехнику. М. 1908. Ц. 1 р. 60 к.
- Шелчевъ, П. В. Начальный курсъ механики. Часть I. Механика матеріальной точки. X. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

VII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

- Бринскій, Н.** Очерки аграрнаго быта крестьянъ. Земледѣльчскій центръ Россіи и его оскуднѣніе. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Выборгскій процессъ.** Стенографическій отчетъ. Иллюстрированное изданіе. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Габбе, В. Г.** Нѣсколько словъ о народномъ образованіи. Спб. 1908 Ц. 15 к.
- Гессенъ, В. М.** О неприкосновенности личности. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Грагамъ, В.** Соціализмъ новый и старій. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Григоровскій, С.** Сборникъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ о бракѣ и разводѣ, узаконеніе, усыновленіе и выборочныя дѣла. Изданіе 8-е. Спб. 1908. Ц. 8 р.
- Девель, Ф.** Сельскія и городскія общественныя дѣла и потребительныя товарищества. М. 1908. Ц. 20 к.
- Документы, касающіеся заключеннаго между Россіей и Японіей общеполитическаго соглашенія 17—30 іюля 1907 г.** Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Драгомановъ, М. П.** Политическія сочиненія. Томъ I. Центръ и окраины. М. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Дѣло о выборскомъ воззваніи.** Стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ особаго присутствія С.-Петербургской Судебной Палаты 12—18 декабря 1907 г. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Картамышевъ, В. Н.** Благотворительность—лучшій актъ милосердія. Харьковъ, 1907. Ц. 40 к.
- Кавтна, П.** Опытъ программы аграрной реформы въ связи съ общегосударственными реформами и мѣропріятіями и переселенческо-колонизаціонное дѣло. Семипалатинскъ. 1907. Ц. 75 к.
- К—овъ, Н.** Земельный бытъ и общественный строй. Событія ли Русь? Томскъ. 1907. Ц. 30 к.
- Конспектъ, по политической экономіи.** Составленъ по учебникамъ: Чупрова, Желъзнова, Исаева и Туганъ-Варановскаго. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Норкуновъ, Н. М.** Лекція по общей теоріи права. Изд. 8-е. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Кривскій, Н.** Второе правительство. (Поѣздка Миллюкова въ Америку и ея значеніе). Спб. 1908. Ц. 5 к.
- Куплетскій, М. А.** Народный представитель въ Россіи. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Единеніе свободныхъ гражданъ православною Россіи. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Курчинскій, М. А.** Муниципальный социализмъ и развитіе городской жизни. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Лазаревъ, Г. М.** Развитіе государственной власти въ древнемъ мірѣ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Лемке, М.** Очерки освободительнаго движенія «шестидесятыхъ годовъ» по неизданнымъ документамъ съ портрет. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Литвиновъ-Фалинскій, В. П.** Наше экономическое положеніе и задачи будущаго. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Лочовъ, Г. В.** Бюджетная и податная политика Россіи. М. 1908. Ц. 3 р.
- Неплюевъ, Н. Н.** Открытое письмо ко всѣмъ согражданамъ. Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Никольсонъ, И.** Общее дѣло. Разказы о коопераціи въ Англіи. Для молодыхъ кооператоровъ. М. 1908. Ц. 12 к.
- Новомбергскій, Н. Я.** Развитіе врачебно-санитарнаго управленія. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Его же. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г. Томскъ, 1907. Ц. 30 к.
- Новые циркуляры министра финансовъ и разъясненія Правительствующаго Сената о двоякомъ способѣ промышлевого налога.** М. 1907. Ц. 50 к.
- Нольде, Б. Э.** Очерки русскаго конституціоннаго права. Спб. 1907. Ц. 60 к.
- Отнодоха, Протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ** Восторговъ и его политическая дѣятельность. М. 1908. Ц. 15 к.
- Парусъ.** Колониальная политика и крушеніе капиталистическаго строя. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Петраничій, Л. I.** Университетъ и наука. Опытъ теоріи и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразованія. Т. II. Спб. 1907. Ц. 2 р. 25 к.
- Пименова, Э.** Джонъ Бернсъ, вождь рабочей партіи въ Англіи. Спб. 1908. Ц. 20 к.
- Письма к. Маркса, Фр. Энгельса и др. въ Ф. Зорге и др.** Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Поталовъ, С. М.** Научныя основы права. 1) Формула права, какъ явленія дѣятельности. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Пресса по дѣлу о выборскомъ воззваніи.** Спб. 1908. Ц. 25 к.
- Прудонъ.** Вѣднѣсть, какъ экономической принципъ. М. 1908. Ц. 8 к.
- Революціонный социализмъ въ германской арміи.** По мѣтвѣню прусскаго офицера. Кронштадтъ. 1908 Ц. 25 к.
- Севрункъ, П.** Теорія ренты Карла Маркса. Популярное изложеніе. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Сюминскій, А. В.** О преступныхъ сообщеніяхъ. Съ приложеніемъ образцовъ формулированія обвиненія по дѣламъ о преступныхъ сообщеніяхъ. Спб. 1907 г. Ц. 70 к.
- Средневъ, Н.** Еврейская революціонная самооборона въ Одессѣ. Одесса. 1907 г. Ц. 10 к.
- Его же. Одесскій конвентъ въ октябрскіе дни 1905 г. Одесса. Ц. 25 к.
- Тютрюмовъ, И. М.** Уставъ гражданскаго судопроизводства. (Св. зак. т. XVI ч. I изд. 1892 г. по прод. 1906 г.), съ законодательными мотивами, разъясненіями Правительствующаго Сената. Спб. 1908. Ц. 7 р. 50 к.
- Уголовное право и социализмъ.** М. 1908 г. Ц. 1 руб.
- Фридманъ, М. И.** Современные косвенные налоги на предметы потребленія. Томъ I. Обложеніе спирта, сахара, пива и табаку въ Германской Имперіи. Спб. 1908 г. Ц. 3.
- Шершеневичъ, Г. Ф.** Курсъ торговаго права. Томъ 1-й. Введеніе. Торговые дѣтели. Спб. 1908. Изд. 4-е. Ц. въ пер. 3 р.

- Шиповъ, Н. Н. Алкоголизмъ и революція. Спб. 1908. Ц. 15 к.
- Шубинскіи, Н. П. Главныя основанія реформы мѣстнаго суда. М. 1908 г. Ц. 10 к.
- Энсонъ, В. Англійскій парламентъ, его конституціонные законы и обычаи. Спб. 1908. 2 р. 25 к.
- Янгуль, И. Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

VIII. Медицина, гигиѣна и анатомія.

- Блуменау, Л. В. Мозгъ человѣка. Анатомо-физиологическое введеніе въ клинику нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Вып. II. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Брейтманъ, М. Я. Вибраціонный массажъ. (Сейсмотерапія). Приборы и ихъ примѣненіе. Спб. 1908. Ц. 1 р. 30 к.
- Волнова, М. М. Достиженіе красоты путемъ гигиены Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Вѣсды о томъ, какъ охранять здоровье женщины, начиная съ дѣтства и кончая періодомъ увиданія. Изд. 3-е. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Здоровье дѣвочки до половой зрѣлости. Спб. 1908. Ц. 30 к.
- Гурвичъ, Ал. Краткій учебникъ анатоміи человѣка въ связи съ элементами гистологіи и эмбриологіи. Кіевъ. 1908. Ц. 2 р.
- Заблочный, М. Ф. Лечение и предупрежденіе чахотки. М. 1908. Ц. 65 к.
- Клемпереръ, Г. Руководство по внутренней медицинѣ. Курсъ частной патологіи и терапіи. Ч. 1-я. Волѣныя пищеварительнаго тракта. Кіевъ. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Морютоумъ, К. С. Морская гигиѣна. Спб. 1907. Ц. 3 р.
- Нигуль, М. Устраненіе процессовъ гніенія въ кишечникѣ, путемъ замѣны находящейся въ немъ вредной флоры чистыми благотворными культурами. Спб. 1907. Ц. 15 к.
- Ромачовскій, Д. Л. Методика клиническихъ химико-микроскопическихъ изслѣдованій при болѣзняхъ желудочно-кишечнаго канала. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Рунге, М. Ракъ матки. Предостереженіе женщинамъ. Иркутскъ. 1907. Ц. 15 к.
- Савельевъ, Н. А. Дифференціальная діагностика и лечение внутреннихъ болѣзней. Т. I. Юрьевъ. 1907. Цѣна въ 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.
- Сборникъ клиническихъ работъ изъ терапевтическаго отдѣленія Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны. Вып. I. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Тарасевичъ, Л. А. Общая патологія. Введеніе въ изученіе физиологіи больного человѣка. Кіевъ. 1908. Ц. 2 р.
- Его же. О голодаваніи. Кіевъ. 1907. Ц. 20 к.
- Тригеръ, И. Л. Новое о сифилисѣ. Одесса. 1907. Ц. 15 к.
- Унтербергеръ, С. Ф. Домашнія санаторія въ борьбѣ съ чахоткой. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Шмидебергъ, О. Основы фармакологіи. Кіевъ. 1908. Ц. 2 р.
- Эпштейнъ, Д. Начальный курсъ частной патологіи и терапіи. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р.

IX. Искусство.

- Анамъ, М. Искусство говорить публично. Психо-физиологическая теорія краснорѣчія. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- «Въ помощь портнихѣ». Руководство кройки и шитья, выработанное Е. Г. Салтыковой для главной мастерской дѣтскаго приюта въ память Василія въ С.-Петербургѣ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Горслей-Гитлонъ, А. Какъ получать удачныя портреты въ обычной домашней обстановкѣ. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Дюваль, М. Анатомія для художниковъ. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Карнѣевъ, М. В. А. И. Южияъ (князь Сумбатовъ). По поводу 25-лѣтія его сценической дѣятельности. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Картинная галерея Радищевскаго музея въ Саратовѣ. Саратовъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Маннавъевъ, А. Ф. Теорія тѣней на проекціонныхъ чертежахъ. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Нетыкъ, М. А. Отдѣлка и украшеніе поверхности деревянныхъ работъ. Фанеровка. Мозаика. Выжиганіе. Забрызгиваніе. Травленіе. М. 1908. Ц. 1 р.
- Патанова, Е. Н. Курсъ практической стенографіи по слуховой методѣ М. А. Терне, разработанной и примѣненной ко всѣмъ языкамъ. Съ 17 табл. на русск., франц., нѣмецк., польск., итальянск. и англійск. яз. Изд. 3-е. Спб. 1908. Ц. 1 р. 60 к.
- Рѣдинъ, Е. К. Искусство и археологія. Библиографія. III. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Театръ и искусство. № 3. 1908 г. Ц. 20 к.
- То же. № 4. 1908. Ц. 20 к.
- Шмидтъ, Ф. Фотографъ-любитель. Спб. 1908. Ц. 75 к.

X. Военное и морское дѣло.

- Бронзартъ-фонъ-Шеллендорфъ. Служба генеральнаго штаба. Спб. 1908. Ц. 3 р. 50 к.
- Греновъ, А. Правовое положеніе арміи въ государствѣ. Опытъ изслѣдованія право-

Выхъ основаній жизни арміи въ главнѣйшихъ государствахъ современной Европы. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Квитна, А. Дневникъ забайкальскаго казачьяго офицера. Русско-Японская война 1904—1905 г. Спб. 1908. Ц. 5 р.

Кирхгофъ. Вліяніе морской силы въ Балтійскомъ морѣ на исторію прибалтійскихъ государствъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Спб. 1908. Ц. 3 р. 50 к.

Линда, Н. Творенчъ (операция на Ялу въ апрѣль 1904 г. Вильна. 1908. Ц. 1 р. Никуличева. Б. А. Сущность тактики по отношенію къ боевымъ дѣйствіямъ роты. Старрополь. 1908. Ц. 35 к.

Парский, Д. Что нужно нашей арміи? Спб. 1908. Ц. 2 р.

Рудзе, в. п. Ложный шагъ. Къ процессу ген. Стесселя Спб. 1907. Ц. 20 к.

XI. Воспитаніе, обученіе и учебники.

Акимовъ, В. Теоретическая и практическая элементарная геометрія съ примѣненіями къ черченію и ремесламъ. Ч. I. Планиметрия. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к. Ч. II. Стереометрія. Ц. 55 к.

Брусилосскій, Г. и Лютеръ, О. Учебный этимологическій словарь латинскаго языка съ грамматическими указаніями. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Ванчановъ, А. М. Замѣтки о начальной церковной школѣ. (Въ виду проекта закона о всеобщемъ обученіи). Спб. 1908. Ц. 75 к.

Вентцель, И. Н. Какъ создать свободную школу. Домъ свободного ребенка. М. 1908. Ц. 25 к.

Власовъ, И. Ф. Краткій учебникъ общаго земледѣлія. Спб. 1908. Ц. 85 к.

Геннелъ, Г. Что такое народный университетъ? Его исторія, задачи и организація. Спб. 1908. Ц. 15 к.

Глезеръ, П. Ключъ къ хрестоматіи. М. 1908. Ц. 40 к.

Грачева, Е. Руководство по занятію съ отсталыми дѣтьми и идиотами. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Гурвичъ, Л. Какъ я училъ моего мальчика геометріи. Первые уроки геометріи для дѣтей. М. 1907. Ц. 40 к.

Знойно, Н. Повторительный конспектъ по новой исторіи. Одесса. 1908. Ц. 40 к.

Изъ воспоминаній русскаго учителя православной грузинской духовной семинаріи. М. 1907. Ц. 50 к.

Коринъ, Г. Темникъ. Ч. 3-я. Пособіе къ устнымъ отвѣтамъ и письменнымъ работамъ по словесности. Планы и сочиненія по новѣйшей русской и всеобщей литературѣ. Одесса. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Любатовичъ, В. С. Основанія аналитической геометріи. Въ объемѣ курса реальныхъ училищъ и кадетскихъ корпусовъ. М. 1907. Ц. 60 к.

Маргвиновскій, В. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Тогъ 2-й. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Ольшунинъ, М. И. Первое на русскомъ языкѣ руководство къ опредѣленію рода именъ существительныхъ нѣмецкаго языка по значенію и окончанію. Севастополь. 1907. Ц. 25 к.

Острогорскій, А. Русское правописаніе, руководство къ его наглядному изученію. Вып. I. Статьи для списыванія. Спб. 1908. Ц. 15 к.

Проаль, Л. Воспитаніе и самоубійство дѣтей. Психологическій и соціологическій этюдъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Ромэнъ. Для солдатъ. Опытъ нравственнаго воспитанія. Спб. 1908. Ц. 60 к., въ пер. 80 коп.

Сатаровъ, В. Н. Рисованіе по клѣткамъ. Пособіе для первоначальныхъ занятій рисованіемъ въ школѣ и дома. В. I. М. 1908. Ц. 30 к.

Сахаровъ, И. П. Катехизисъ народнаго учителя. I. Что нужно требовать отъ учителя народной школы. II. Мысли древнихъ и новыхъ писателей и вылающихъ педагоговъ о воспитаніи. М. 1908. Ц. 50 к.

Чихачевъ, Д. Н. О низшемъ сельско-хозяйственномъ и ремесленномъ образованіи въ Подольской губерніи. Одесса. 1907. Ц. 40 к.

Шемякинъ, В. И. Церковная школа и духовная бюрократія. Спб. 1908. Ц. 20 коп.

Энгельманъ. Воспитаніе современнаго солдата и матроса. Спб. 1908. Ц. 1 р. 80 к.

XII. Книги для дѣтей и юношества.

Бэръ, Л. Въ царствѣ животныхъ. Первые уроки съ дѣтьми по зоологіи. М. 1908. Ц. 60 к.

Библиотечка для дѣтей. И. Горбунова-Посадова. Мыльные пузыри. Пыльятки. Веселая тройка. Малыши. М. 1908. Ц. по 45 к.

Въ странѣ лилипутовъ. Приключенія Гулливера. Спб. Ц. 50 к.

Золотое дѣтство. Журналъ для дѣтей № 6. 1908. Ц. 20 к.

«Золотое дѣтство». Журналъ для дѣтей № 7. 1908. Ц. 20 к.

Майнъ-Ридъ. Приключенія юнга Вильяма. Романъ. М. 1908. Ц. 60 к.

Томпсонъ Сетонъ, Э. Винипегскій волкъ. Разсказъ. М. 1908. Ц. 10 к.

Удивительныя приключенія птицы-невелички. Повесть въ стихахъ. Спб. 1908. Ц. 65 к.

XIII. Естествознаніе.

Вольфъ, Э. Наши древесныя породы зимой. Опредѣлитель по почкамъ лиственныхъ древесныхъ породъ съ опадающею листвою. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Дроздовъ, В. П. Краткыя курсы почвовѣдѣнія. М. 1908. Ц. 1 р.

Дружининъ, П. Борьба богатырей воды и огня. Приключенія и катастрофы на сушѣ и на морѣ. Разсказы изъ исторіи земли. М. 1908. Ц. 80 к.

Елачичъ, Е. Сборникъ программъ лекцій по биологіи, со вступительною статью о постановкѣ и задачахъ лекцій по естествознанію въ народныхъ аудиторіяхъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Зюграфъ, Н. Курсы зоологіи для студентовъ-естественниковъ, медиковъ и сельскихъ хозяевъ. Часть I. М. 1907. Ц. 3 р.

Нечаевъ, А. М. Очерки изъ жизни и исторіи земли. Работа вѣтра. М. 1908. Ц. 25 к.

Палладинъ, В. И. Анатомія растений. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1908. Ц. 1 р. 75.

Рахмановъ, Г. Основы метеорологіи. М. 1908. Ц. 1 р.

«Свободное Воспитаніе» № 4. 1908. М. Ц. 25 к.

Таліевъ, В. И. Лекціи по общей ботаникѣ. Опытъ изложенія основъ ботаники съ эволюціонной точки зрѣнія. Ч. 2-я Харьковъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Торсинъ, С. И. Природовѣдѣніе. Курсы 2 класса гимназій. Кіевъ. 1908. Ц. 50 к.

Федченко, Б. А. и Флеровъ, А. Ф. Растительность Россіи. Первая серія, в. 1 и 2. Спб. 1907. Ц. 4 р.

Ширяевъ, Н. И. Руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

XIV. Физика, химія, математика.

Астрономическія явленія на 1908 г. Спб. Ц. 32 к.

Годневъ, А. Изъ курса элементарной геометріи по новому плану. Новыя теоріи симметріи и подобія. Симбирскъ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Голлеманъ, А. Краткое руководство къ практическимъ занятіямъ по органической химіи. Кіевъ. 1908. Ц. 50 к.

Дементьевъ, К. Г. Начальный курсъ химіи. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р. 80 к.

Лануръ, П. и Апель, Я. Историческая физика. Т. 1-й. Одесса. 1908. Ц. по подпискѣ за 2 тома 5 р. 50 к.

Освальдъ, В. Школа химіи. Первое введеніе въ химію. Общая часть. Спб. 1908. Ц. 40 к.

Реформатскій, А. Неорганическая химія. М. 1908. Ц. 2 р.

Сминдьеръ, В. А. Новый основной законъ химіи. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Хворостанскій, Н. И. Курсы химіи для реальныхъ училищъ, средней школы и самообразованія. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Шиховскій, І. Неорганическая химія. Спб. 1908. Ц. 2 р.

XV. Коммерческія науки.

Библиографъ-Г. А. Гуляевъ. Торговое дѣло. Справочная книга. П. Н. Ф. фонъ-Дитмаръ. Основы счетоводства по новой формѣ. III. Е. Д. Кирюшинъ. Вычисленія на счетахъ. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Бонне, Г. Руководство для капиталистовъ или вычисленіе прибыли % на всѣ суммы и дни года. Книга, полезная для банкировъ, купцовъ, бухгалтеровъ и частныхъ лицъ. М. 1908. Ц. 3 р.

Гуляевъ, А. И. Счетоводство ссудо-сберегательныхъ кассъ. Пособіе при организаціи счетоводства. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Свидерскій, И. Таблицы для вычисленія процентовъ. Спб. 1908. Ц. въ пер. 2 р.

Сизовъ, И. Процентныя таблицы. Полное руководство при вычисленіи процентовъ для банковъ, банкирскихъ и другихъ коммерческихъ конторъ. М. 1907. Ц. 5 р.

Тимофѣевъ, П. Порто-франко на Дальнемъ Востоцѣ и російскій космополитизмъ. М. 1908 г. Ц. 5 к.

Торговое законодѣніе для слушателей счетоводныхъ курсовъ, коммерсантовъ и пр. Спб. Ц. 1 р. 25.

XVI. Географія, этнографія, путешествія.

Ермоловъ, А. С. Замѣтки по поѣздкѣ на Черноморское побережье Кавказа осенью 1907 г. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Луценко, Е. И. Въ страну гранита и озеръ. Эскурсія учениковъ практической академіи коммерческихъ наукъ въ С.-Петербургъ и Финляндію. М. 1908. Ц. 60 к.

Марновъ, Д. А. Эскурсія студентовъ Московской духовной академіи на Влжскій Востокъ. М. 1908. Ц. 35 к.

Новицкій, В. Ф. По странамъ полуденныхъ. Путевые очерки Египта, Цейлона и Индіи. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

